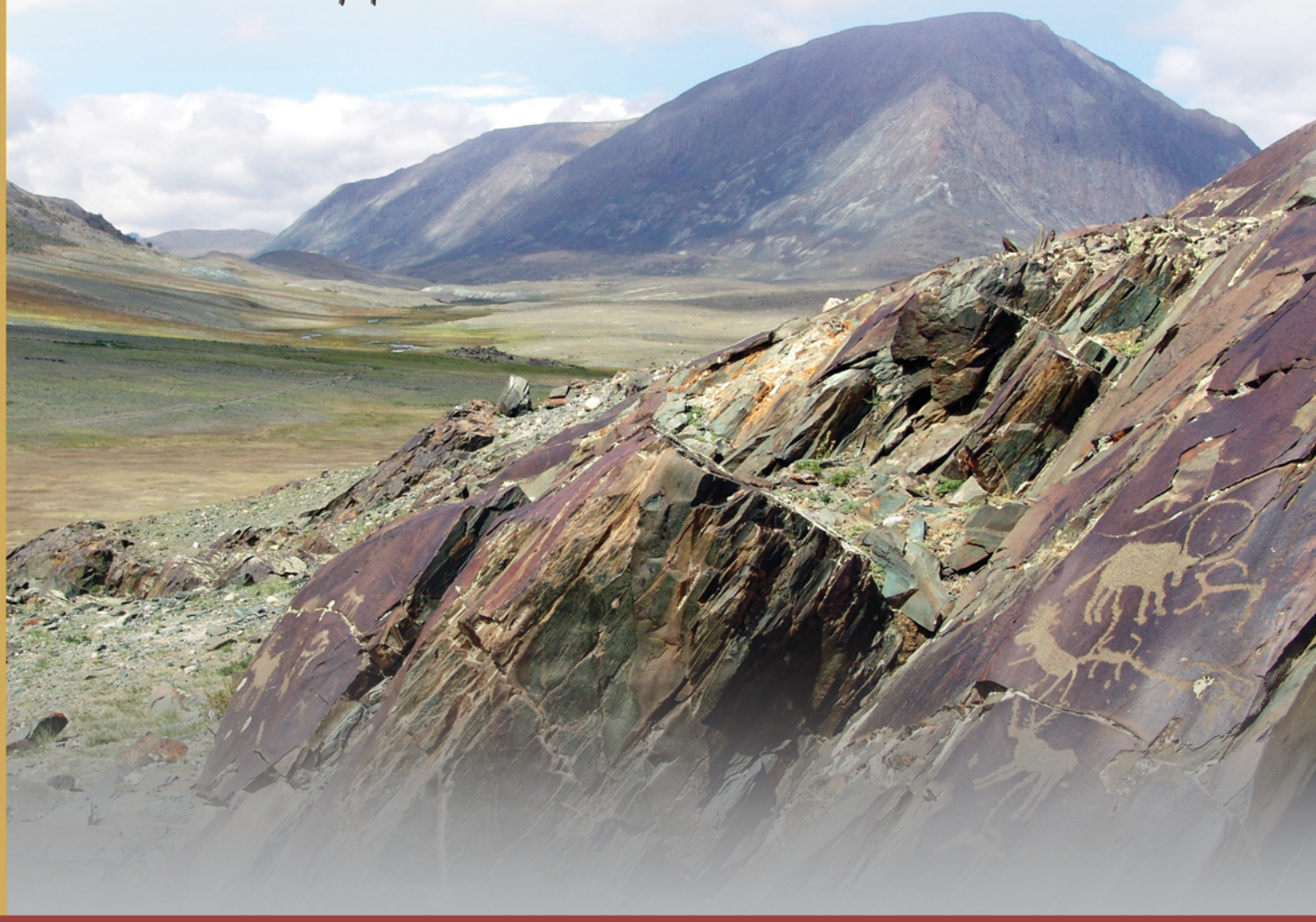
ISSN 2227-6548 (Print)
ISSN 2658-6193 (Online)

Том XXVII
2021

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СО РАН

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories

Volume XXVII
2021

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXVII
2021

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2021

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году
Выходит один раз в год

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *М.С. Нестерова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *Н.А. Берсенева*, д-р ист. наук *С.А. Васильев*, канд. ист. наук *А.Г. Марочкин*,
д-р ист. наук *П.Ю. Павлов*, канд. ист. наук *В.И. Ташак*, канд. ист. наук *С.Г. Скобелев*,
д-р ист. наук *Н.М. Чаиркина*, д-р ист. наук *М.П. Черная*

П781 **Проблемы** археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Ин-т археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – 1052 с.

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories / Min. of Science and Higher Education of the Russ. Federation, Inst. of Archaeology and Ethnography, Siber. Branch, Russ. Acad. of Sciences. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. – Vol. XXVII. – 1052 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2021
© Авторы статей, 2021

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0007-0011
УДК 569+551.8

А.К. Агаджанян[1]✉, М.В. Шуньков[2], М.Б. Козликин[2]✉

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: aagadj@paleo.ru; kmb777@yandex.ru

Таксономический состав мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры

В статье представлены результаты исследования костных остатков мелких позвоночных из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры. Таксономическая структура ископаемых сообществ установлена по 10842 костям из литологических слоев 16–11. По предварительным данным эта часть разреза сформировалась в интервале конец МИС 7 – первая половина МИС 3. Общая палеогеографическая оценка природных комплексов долины Ануя в период накопления слоев 16–11 свидетельствует о мозаичности ландшафтов. Таежные массивы чередовались с участками степных и луговых биотопов. Режим речного водотока принципиально не менялся. Покровные оледенения не затрагивали этот район. Динамика климата отражалась на изменении соотношения площадей, занятых лесными, степными, скальными и луговыми биотопами. Общая тенденция изменения климата и природных комплексов выражалась в постепенной редукции лесных и расширении степных и луговых биотопов. Изучение костных образцов показало, что в отложениях южной галереи сохранность палеонтологического материала относительно лучше, чем в тафоценозах центрального зала и восточной галереи пещеры. Хорошая сохранность костей по всему разрезу позволила уточнить диагностику и дополнить таксономический состав мелких млекопитающих. Анализ морфологии щечных зубов сусликов из отложений слоев 16, 15, 13 и 12 показал, что они принадлежат ископаемому краснощекому суслику Spermophillus erythrogenis palaeosibiricus. В палеонтологической летописи слоя 11 отмечена форма, предшествующая современной пашенной полевки Microtus agrestis, что косвенно может указывать на время возникновения этого таксона.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, мелкие позвоночные, тафоценоз, таксономический состав.*

A.K. Agadjanian[1]✉, M.V. Shunkov[2], M.B. Kozlikin[2]✉

[1]A.A. Borisiak Paleontological Institute RAS
Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: aagadj@paleo.ru; kmb777@yandex.ru

Taxonomic Composition of Small Vertebrates from the Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave

The article presents the results of the study of small vertebrate bone remains from the Pleistocene deposits in the South Chamber of Denisova Cave. The taxonomic structure of fossil communities was established by 10,842 bones from lithological layers 16–11. According to preliminary data, this part of the profile formed in the interval from the end of MIS 7 to the first half of MIS 3. The general paleogeographic assessment of the natural complexes of the Anui River valley indicates mosaic landscapes during the accumulation of layers 16–11. Taiga massifs alternated with areas of steppe and meadow biotopes. The river flow regime did not change fundamentally. Covering glaciers did not affect this region. Climatic fluctuations were reflected in the changing ratios of the dispersal areas of the forest, steppe, rocky and meadow biotopes. The general trend of climate and natural association changes was expressed in the gradual reduction of forest and expansion of steppe and meadow biotopes. The study of bone samples from the South Chamber showed that the preservation of paleontological material in

the sediments in this part of the cave is somewhat better than in the taphocenoses of the Main and East Chambers. Better preservation of bones throughout the section makes it possible to refine the identification and supplement the taxonomic composition of small mammals. Analysis of the ground squirrel cheek teeth morphology from the deposits of layers 16, 15, 13, and 12 showed that they belong to the fossil red-cheeked ground squirrel Spermophillus erythrogenis palaeosibiricus. In the fossil record of layer 11, a form that predates the present-day field vole Microtus agrestis has been preserved, which indirectly indicates the time of the emergence of this taxon.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, small vertebrates, taphocenosis, taxonomic composition.*

В 2019 г. в ходе исследования плейстоценовых отложений в центральной части южной галереи Денисовой пещеры была собрана представительная коллекция костных остатков мелких позвоночных. Всего проанализировано 24965 образцов, включая плохо диагностируемые резцы грызунов и фрагменты посткраниального скелета. Таксономическая структура ископаемых сообществ установлена по 10842 костям (см. *таблицу*). Из них экологические группы, позволяющие определить природные условия, выделены по 6193 образцам. Коллекция происходит из литологических слоев 16–11, которые, судя по предварительным результатам OSL-датирования и сопоставлению с опорными разрезами в центральном зале и восточной галерее пещеры, накапливались с конца стадии 7 до первой половины стадии 3 изотопно-кислородной шкалы.

Слой 16. Коллекция определимых костей включает 583 экз. Численность летучих мышей здесь относительно высокая – 6,35 % состава тафоценоза. Количество землероек составляет 1,54 %. На долю крота *Asioscalops* приходится 1,72 %, что значительно меньше, чем в других слоях. Древесные беличьи не зарегистрированы, а доля наземных беличьих – сусликов составляют 1,72 %. Количество рыжих полевок *Clethrionomys* равно 7,2 %, что является самым высоким показателем среди изученных тафоценозов. В этом слое присутствуют единичные кости лесных мышей *Apodemus* (*Alsomys*), хомяка *Cricetus crisetus* и хомячка *Crisetulus barabensis*. Достаточно высока численность скальных полевок *Alticola* – 13,04 %. Численность степных пеструшек низкая – 1,03 %. Примечательно, что один из моляров пеструшки имеет строение аналогичное M_1 среднеплейстоценовой *Lagurus transiens*. Найден один зуб лемминга рода *Lemmus*. Общее количество серых полевок *Microtus* равно 19,7 %. Среди них преобладают узкочерепная (3,09 %) и северосибирская (2,57 %) полевки. Отмечены моляры, близкие по своей морфологии *Microtus agrestis*. Найдена водяная полевка *Arvicola* (0,34 %), по морфологии моляров близкая *Arvicola sapidus*. В тафоценозе присутствует цокор *Myospalax myospalax* в количестве 2,74 %. На долю пищух приходится 1,03 %, зайцев – 0,17%. Доля птиц составляет 14,2 %, рептилий (ящериц) – 0,17 %, лягушек – 5,3 %, рыб – 7,2 %.

Слой 15. Определимый материал представлен 1414 костными остатками. Относительное количество летучих мышей в этом тафоценозе увеличивается до 7,57 %, что является максимальным показателем для изученной части разреза. Общее количество землероек составляет 1,34 %, крота – 4,95 %. Присутствуют белки – обыкновенная – 0,14 % и летяга – 0,7 %. Доля суслика составляет менее 1 %, сурка – 0,42 %, слепушонки – 0,14 %. Численность рыжих полевок *Clethrionomys* снижается до 6,65 %, скальных полевок *Alticola* – до 11,6 %. Доля степной пеструшки равна 1,13 %, *Lemmus* – 0,5 %. Количество серых полевок *Microtus* равно 22,6 %, что больше, чем в слое 16. Среди них самыми массовыми являются узкочерепная (4,95 %) и северосибирская (2,55 %) полевки. Численность водяной полевки *Arvicola* – 0,07 %. Количество цокора *Myospalax myospalax* возрастает до 4,38 %, пищухи – до 2 %. Участие ящериц (0,14 %) и лягушек (5,09 %) остается на том же уровне, что и в слое 16, а рыб уменьшается до 4,17 %.

Слой 14. В пределах слоя обнаружена 1661 определимая кость. В тафоценозе этого слоя количество летучих мышей немного снижается, до 5,3 %. Участие землероек остается на прежнем уровне – 1,32 %. Среди них отмечена белозубка *Crocidura*. Количества крота уменьшается более чем в два раза и составляет 2,17 %. Древесные беличьи представлены в небольшом количестве костями белки *Sciurus vulgaris* – 0,12 %. Значительно уменьшилось количество суслика (0,36 %) и сурка (0,06 %). Отмечена лесная мышь (0,06 %) и хомяк обыкновенный (0,06 %). Доля барабинского хомячка и хомяка Эверсманна возрастает до 0,66 %, а слепушонки *Ellobius* – до 0,42 %. Количество рыжих полевок немного снижается и составляет 5,9 %. Участие в тафоценозе скальных полевок *Alticola* снижается до 7,8 %. Примечательно полное отсутствие степных пеструшек. Судя по большому количеству определимых костей мелких позвоночных, отсутствие в этом слое остатков *Lagurus* можно считать отражением естественных природных процессов. В отложениях слоя найдено четыре моляра лемминга *Lemmus*, что составляет 0,24 % тафоценоза. На долю серых полевок приходится 26,8 %. Среди них преобладают узкочерепная (5,8 %) и северосибирская (4,6 %) полевки. Отме-

Таксономический состав костных остатков мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры

Таксоны	Слой 16		Слой 15		Слой 14		Слой 13		Слой 12		Слой 11	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Chiroptera	37	6,35	107	7,57	88	5,30	58	3,71	25	1,01	83	2,64
Crocidura sp,	–	–	–	–	1	0,06	2	0,13	2	0,08	–	–
Sorex minutus	–	–	–	–	1	0,06	–	–	–	–	2	0,06
Sorex araneus	–	–	3	0,21	4	0,24	–	–	–	–	4	0,13
Sorex sp	9	1,54	16	1,13	16	0,96	20	1,28	10	0,40	10	0,32
Asioskalops	10	1,72	70	4,95	36	2,17	44	2,81	78	3,15	70	2,23
Sciurus vulgaris		–	2	0,14	2	0,12	–	–	–	–	2	0,06
Pteromys		–	1	0,07	–	–	–	–	–	–	–	–
Spermophilus undulatus		–	4	0,28	–	–	13	0,83	–	–	13	0,41
Spermophilus sp	10	1,72	10	0,71	6	0,36	21	1,34	56	2,26	23	0,73
Marmota sp	–	–	6	0,42	1	0,06	–	–	3	0,12	3	0,10
Apodemus (Alsomys)	1	0,17	–	–	1	0,06	1	0,06	–	–	–	–
Cricetus crisetus	1	0,17	–	–	1	0,06	–	–	–	–	–	–
Crisetulus barabensis	1	0,17	2	0,14	7	0,42	13	0,83	13	0,53	8	0,25
Allocricetulus eversmanni	–	–	2	0,14	4	0,24	9	0,58	8	0,32	31	0,99
Ellobius sp	–	–	2	0,14	7	0,42	18	1,15	6	0,24	–	–
Clethrionomys rutilus	5	0,86	24	1,70	26	1,57	27	1,73	3	0,12	6	0,19
Clethrionomys rufocanus	12	2,06	31	2,19	63	3,79	37	2,37	17	0,69	6	0,19
Clethrionomys sp	25	4,29	39	2,76	9	0,54	26	1,66	23	0,93	19	0,60
Alticola strelzovi	25	4,29	60	4,24	46	2,77	66	4,22	147	5,94	168	5,34
Alticola sp,	51	8,75	104	7,36	83	5,00	97	6,20	235	9,50	351	11,16
Lagurus lagurus	1	0,17	3	0,21	–	–	2	0,13	16	0,65	118	3,75
Lagurus transiens	1	0,17	6	0,42	–	–	1	0,06	2	0,08	3	0,10
Lagurus sp	4	0,69	7	0,50	–	–	7	0,45	15	0,61	144	4,58
Lemmus sp	1	0,17	7	0,50	4	0,24	1	0,06	–	–	–	–
Stenocranius gregalis	18	3,09	70	4,95	96	5,78	98	6,27	79	3,19	111	3,53
Microtus oeconomus	4	0,69	27	1,91	27	1,63	30	1,92	8	0,32	16	0,51
Microtus hyperboreus	15	2,57	36	2,55	76	4,58	75	4,80	67	2,71	96	3,05
Microtus agrestis	10	1,72	13	0,92	12	0,72	4	0,26	–	–	–	–
Microtus arvalis	2	0,34	6	0,42	5	0,30	9	0,58	4	0,16	12	0,38
Microtus sp	66	11,32	168	11,88	230	13,85	194	12,40	204	8,25	508	16,15
Microtinae gen	83	14,24	115	8,13	314	18,90	214	13,68	169	6,83	281	8,93
Arvicola cf *sapidus*	2	0,34	1	0,07	1	0,06	1	0,06	3	0,12	5	0,16
Myospalax myospalax	16	2,74	62	4,38	107	6,44	81	5,18	110	4,45	98	3,12
Ochotona hyperborea	–	–	2	0,14	2	0,12	–	–	1	0,04	4	0,13
Ochotona pusilla	–	–	–	–	–	–	1	0,06	–	–	–	–
Ochotona sp	6	1,03	26	1,84	28	1,69	29	1,85	36	1,46	35	1,11
Lepus sp	1	0,17	4	0,28	–	–	2	0,13	13	0,53	5	0,16
Mustela sp	1	0,17	3	0,21	4	0,24	5	0,32	1	0,04	9	0,29
Martes sp	–	–	–	–	2	0,12	–	–	1	0,04	8	0,25
Carnivora	8	1,37	12	0,85	3	0,18	10	0,64	11	0,44	11	0,35
Aves	83	14,24	230	16,27	258	15,53	231	14,77	379	15,32	603	19,17
Reptilia	1	0,17	2	0,14	–	–	1	0,06	1	0,04	15	0,48
Amphibia	31	5,32	72	5,09	20	1,20	21	1,34	5	0,20	4	0,13
Pisces	42	7,20	59	4,17	70	4,21	95	6,07	723	29,22	261	8,30
Всего	583	100	1414	100	1661	100	1564	100	2474	100	3146	100

чены также полевка-экономка (1,63 %), пашенная (0,72 %) и водяная (0,06 %) полевки. Заметно увеличилась численность цокора – 6,44 %. Доля пищух находится на уровне – 1,81 %. Определены мелкие куньи – *Mustela* (0,24 %) и *Martes* (0,12 %). Останки птиц в этом тафоценозе составляют 15,5 %, лягушек – 1,2 %, рыб – 4,21 %, т.е. приблизительно на том же уровне, что и в слое 15.

Слой 13. Коллекция включает 1564 определимые кости. Количество летучих мышей сокращается и составляет 3,71 %. Доля землероек немного возрастает – до 1,41 %, среди них присутствует в небольшом количестве белозубка. Незначительно увеличивается численность крота – до 2,81 %. Несмотря на большое количество изученного материала, останки древесных беличьих не найдены, что, несомненно, отражает естественные природные процессы. Количество суслика, напротив, существенно увеличилось до 2,17 %. Численность лесной мыши осталась на прежнем уровне – 0,06 %. Почти в два раза увеличилась в тафоценозе доля барабинского хомячка (0,83 %), хомячка Эверсманна (0,58 %) и слепушонки (1,15 %). Количество рыжих лесных полевок *Clethrionomys* незначительно сократилось, до 5,75 %. Количество скальных полевок *Alticola* увеличилось до 10,42 %. В этом слое вновь появилась степная пеструшка *Lagurus* – 0,64 %. Найден моляр лемминга. Количество серых полевок *Microtus* остается на прежнем уровне – 26,21 %, при этом доля узкочерепной (6,27 %) и восточносибирской (4,8 %) полевок немного увеличивается, а пашенной – уменьшается до 0,26 %. Сохраняется низкая численность водяной полевки (0,06 %), а цокора снижается до 5,18 %. Немного нарастает количество пищух – до 1,92 %. Присутствует заяц – 0,13 %. Мелкие куньи рода *Mustela* составляют 0,32 %. Немного снижается доля костей птиц – до 14,77 %, отмечены ящерицы (0,06 %) и лягушки (1,34 %). Увеличивается численность рыб до 6,07 %.

Слой 12. Из отложений слоя определено 2474 костных остатка, что повышает достоверность выводов о количественном соотношении разных групп мелких позвоночных. Количество останков летучих мышей снизилось до минимального уровня – 1,01 %. Значительно сократилось количество землероек – 0,49 %, доля крота, напротив, немного возросла до 2,81 %. Древесные беличьи здесь не отмечены, а количество сусликов немного увеличилось – 2,26 %, отмечен сурок – 0,12%. Лесная мышь не зафиксирована, что также, видимо, не случайно. Доля барабинского хомячка составляет 0,53 %, хомяка Эверсманна – 0,32 %, а слепушонки *Ellobius* – 0,24 %. Численность рыжей лесной полевки *Clethrionomys* снизилась до 1,74 % состава тафоценоза. Количество скальной полевки *Alticola* возросло до 15,44 %, а степной пеструшки *Lagurus* до 1,33 %. Количество серых полевок существенно снизилось – до 14,63 %, при этом доля *Stenocranius gregalis* составляет 3,19 %, полевки-экономки – 0,32 %, северосибирской полевки – 2,71 %. Отмечена *Microtus arvalis* – 0,16 %. На долю цокора приходится 4,45 % от состава тафоценоза, а водяной полевки – только 0,12 %. Общее количество костей пищухи составляет 1,5 %, в т.ч. зуб P_3, принадлежащий пищухе *Ochotona hyperborea.* Найдены кости зайца (0,53 %) и мелких куньих *Mustela* и *Martes* (по 0,04 %). Доля птиц составляет 15,32 %, ящериц – 0,04 % и лягушек – 0,2 %. Количество костей рыб в составе тафоценоза достигает 29,22 %.

Слой 11. Определимый материал включает 3146 костных остатков, т.е. показатели различных групп позвоночных по этому слою являются наиболее репрезентативными. Количество летучих мышей в этой коллекции заметно больше, чем в слое 12, но меньше, чем во всех остальных слоях – 2,64 %. Землеройки составляют только 0,51 % состава тафоценоза. Уменьшилась численность крота до 2,23 %, сусликов – до 1,14 % и сурка – до 0,1 %. На долю барабинского хомячка приходится 0,25 %, хомяка Эверсманна – 0,99 %. Количество рыжих лесных полевок *Clethrionomys* сократилось до 0,99 %, вместе с тем доля скальных полевок *Alticola* возросла до 16,5 %. Существенно увеличилось количество степных пеструшек *Lagurus* – 8,42 % и серых полевок *Microtus* – 23,62 %. При этом рост численности серых полевок произошел преимущественно за счет узкочерепной (3,53 %) и восточносибирской (3,05 %) полевок. Доля водяной полевки *Arvicola*, как и в других слоях, находится на низком уровне – 0,16 %. Немного уменьшилось количество цокора – 3,12 %. Численность пищух составляет 1,24 %. Находка зуба P_3 и нескольких крупных моляров этих зайцеобразных позволило диагностировать вид *Ochotona hyperborea*. Доля костей и зубов некрупного зайца составляет 0,16 % тафоценоза. Найдены кости куниц родов *Mustela* – 0,29 % и *Martes*– 0,25 %. Количество костей птиц достигает в этом слое наибольшего значения – 19,17 %. На долю ящериц приходится 0,48 %, лягушек – 0,13 % и рыб – 8,3 %.

Полученные результаты определений таксономического состава мелких позвоночных позволяют сделать ряд общих выводов о динамике природных сообществ в период накопления слоев 16–11 в южной галерее Денисовой пещеры. Постепенное сокращение количества летучих мышей от нижних слоев к верхним свидетельствует об усилении рекреационной нагрузки палеолитического человека в полости пещеры. Минимальная численность летучих мышей отмечена в отложениях слоя 12, где, в свою очередь, обнаружено наибольшее количество костей рыб. Сокращение численности летучих мышей и увеличение количества костей рыб в пещерных осадках связано, видимо, с активностью палеолитического человека, использовавшего рыбу как дополнительный компонент биоресурсов.

Вверх по разрезу наблюдается снижение численности полевок рода *Clethrionomys* – характерных обитателей таежных биоценозов. Эти данные

указывают на сокращение площади лесных массивов в долине Ануя на протяжении верхнего плейстоцена. Минимальное количество лесных полевок отмечено на уровне слоя 11. Параллельно происходил относительный рост численности скальных полевок *Alticola* и степных пеструшек *Lagurus*. Максимум их численности наблюдается в слое 11, что отражает широкое распространение открытых ландшафтов в этот период.

Количество костей лягушек неуклонно уменьшается от слоя 16 к слою 11, свидетельствуя о постепенном сокращении влажных пойменных биотопов и увеличении площади открытых ксерофитных ассоциаций.

На всех уровнях палеонтологической летописи разреза отмечены костные остатки цокора *Myospalax myospalax*, указывающие на относительно теплые климатические условия без глубокого многолетнего промерзания почвенного покрова. Кроме того, остатки цокора свидетельствуют о постоянном существовании биотопов лугового разнотравья, типичным обитателем которых он является.

Общая палеогеографическая оценка природных комплексов в окрестностях пещеры во время формирования слоев 16–11 свидетельствует, что на протяжении этого периода сохранялась мозаичность ландшафтов. Таежные массивы чередовались с участками степных и луговых биотопов. Режим речного водотока принципиально не менялся. Покровные оледенения не затрагивали этот район. Климатические колебания отражались на изменении соотношения площадей, занятых лесными, степными, скальными и луговыми биотопами. Общая тенденция изменения климата и природных комплексов выражалась в постепенной редукции лесных и расширении степных и луговых биотопов. Наиболее теплые и влажные условия существовали в период накопления слоя 16. Эпоха формирования слоя 15 при сохранении влажности отличалась относительно прохладным климатом. Для времени накопления слоя 14 характерно некоторое потепление и увеличение сухости климата. Тафоценоз слоя 13 отражает рост показателей сухих условий при сохранении относительно теплого температурного режима. Состав териокомплекса из слоя 12 свидетельствует о редукции лесного биома, что, скорее всего, было связано с похолоданием климата и дальнейшим снижением влагообеспеченности. Продолжение этих тенденций прослежено в структуре микротериофауны из литологического слоя 11.

Изучение палеонтологических образцов показало, что в отложениях южной галереи пещеры сохранность остеологического материала относительно лучше, чем в тафоценозах из центрального зала и восточной галереи. Например, в слоях 13–11 отмечена высокая концентрация скорлупы птичьих яиц. В нижних горизонтах она встречается реже. Хорошая сохранность костей по всему разрезу позволила уточнить диагностику и дополнить таксономический состав мелких млекопитающих. Анализ морфологии щечных зубов сусликов из отложений слоев 16, 15, 13 и 12 показал, что они принадлежат ископаемому краснощекому суслику *Spermophillus erythrogenis palaeosibiricus* I. Gromov. Этот суслик был описан И.М. Громовым из отложений серо-зеленых глин в окрестностях Барнаула, датированных концом среднего (?) – верхним плейстоценом [Громов и др., 1965]. Аналогичные остатки обнаружены также в лессовидных суглинках Прииртышья и в районе Рудного Алтая. Современный краснощекий суслик *Spermophillus erythrogenis* Brandt обитает в степных, полупустынных и пустынных ландшафтах Казахстана и юга Западной Сибири.

В отложениях слоя 14 был найден первый нижний моляр M_1 слепушонки *Ellobius*. По строению параконидного комплекса этого M_1 он близок современной восточной слепушонке *Ellobius tancrei* Blasius. Современный ареал этого вида охватывает пустыни и полупустыни равнин, предгорий и высокогорных лугов Призайсанской котловины, Тянь-Шаня, Памиро-Алая, Тувы, Монголии и Северо-Западного Китая.

В верхней части слоя 11 найдены верхние моляры полевки, напоминающие таковые у современной *Microtus agrestis*. Однако характерные для зубов этого вида дополнительные призмы на изученных образцах выражены значительно слабее, чем у современной пашенной полевки. В палеонтологической летописи пещеры, видимо, зафиксирована форма, предшествующая современной *M. agrestis*, что косвенно может указывать на время возникновения этого таксона.

Список литературы

Громов И.М., Бибиков Д.И., Калабухов Н.И., Мейер М.Н. Фауна СССР. Млекопитающие. Т. III, Вып. 2. Наземные беличьи (Marmotinae). – М.–Л.: Наука, 1965. – 464 с.

References

Gromov I.M., Bibikov D.I., Kalabukhov N.I., Meier M.N. Fauna SSSR. Mlekopitayushchie. vol. III, iss. 2. Nazemnye belichi (Marmotinae). Moscow–Leningrad: Nauka, 1965, 464 p. (In Russ.).

Агаджанян А.К. https://orcid.org/0000-0003-4652-7580
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0012-0019
УДК 902/904

В.В. Алексейцева[1,2]✉, Н.А. Рудая[1]

*[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
E-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru*

Пещерные археологические памятники как объект палинологических реконструкций

Пещерные памятники зачастую становятся объектами палинологических реконструкций, однако, вопрос о репрезентативности пещерных отложений для палинологических исследований в связи с особенностями распространения и захоронения пыльцевых зерен в пещерах на настоящий момент является актуальным и недостаточно изученным. В настоящей статье представлены результаты палинологического изучения поверхностных образцов, отобранных на трех памятниках: пещеры Страшная, Чагырская и Бийка-1 (Алтай). Сопоставление результатов, полученных на основе исследования образцов внутри и снаружи пещер, показало их сходность, что подтверждает предположение о возможности использования подобных данных для построения климатических реконструкций. Однако выделяется ряд аспектов, которые необходимо учитывать при интерпретации палинологических данных, полученных из отложений пещерных памятников, что также подтверждается другими исследователями. К таким аспектам относятся: расположение места отбора образца: отмечается отрицательная корреляция между расстоянием от входа в пещеру и концентрацией пыльцы, а также содержанием анемофильной пыльцы в образце; деятельность животных внутри пещеры: построение животными логов или насекомыми гнезд внутри пещеры может являться причиной искажения палиноспектров; морфология пещеры, размеры и количество входов в пещеру: отмечается, что более показательными являются пещеры с одним достаточно широким входом, т.к. он может обеспечить достаточную циркуляцию воздуха в пещере; ориентация входов в пещеру: палиноспектры внутри пещеры могут отражать локальную растительность территории, на которую направлен вход в нее; особенности распространения пыльцевых зерен растений различных семейств: отмечено накопление пыльцы энтомофильных растений ближе к задней стенке пещеры; различная степень стойкости оболочек пыльцевых зерен различных семейств: пыльцевые зерна с более стойкой к постдепозиционным процессам оболочкой могут присутствовать в палиноспектрах в большей концентрации в силу разрушения зерен с менее стойкой оболочкой.

Ключевые слова: *пещерные археологические памятники, палинологический анализ, Алтай.*

V.V. Alekseitseva[1,2]✉, N.A. Rudaya[1]

*[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: v.alekseitseva@g.nsu.ru*

Cave Archaeological Sites as an Object of Palynological Reconstructions

Cave sites often become objects of palynological reconstructions; however, the question of the representativeness of cave deposits for palynological researches in connection with the specifics of the distribution and burial of pollen grains in the caves is currently relevant and insufficiently studied. This article provides the results of a palynological study of surface samples from three sites: Strashnaya, Chagyrskaya, and Biyka-1 caves (Altai Territory). The comparison of the results based on the study of samples inside and outside the caves showed their similarity, which confirms the assumption that such data can

be used for climatic reconstructions. However, there are aspects necessary to be taken into consideration when interpreting palynological data obtained from the deposits of cave sites, which is also confirmed by other researchers. Such aspects include the following: location of the sampling site: there is a negative correlation between the distance from the cave entrance and the concentration of pollen, as well as the content of anemophilic plants pollen in a sample; animal activity inside the cave: animal roosting and denning behavior or insect nesting inside the cave may cause distortion of palinospectra; cave morphology, size and number of cave entrances: it was noted that caves with one sufficiently wide entrance are more indicative, because it can provide sufficient air circulation in the cave; orientation of the cave entrances: palinospectra inside the cave may reflect the local vegetation of the territory to which the entrance is directed; specificity of the distribution of pollen grains of plants of various families: it was noted that the accumulation of pollen of entomophilic plants closer to the back of the cave is higher than anemophilic ones; different degree of resistance of the shells of pollen grains of different families: pollen grains with a shell more resistant to post-deposition processes may be present in palinospectra in greater concentration due to the destruction of grains with a less resistant shell.

Keywords: *cave archaeological sites, palynology, Altai.*

Введение

Пещерные археологические памятники являются уникальными объектами для изучения активности древнего человека и для реконструкции природных условий, в которых он жил [Day, 2013]. В областях с засушливым и полузасушливым климатом пещеры могут быть единственным источником палинологических данных. В то же время пещеры отличаются сложной стратиграфией и особенностями осадконакопления внутри них. Благодаря этому подход к палинологическому изучению пещер имеет свою специфику. Тафономические процессы внутри пещер, а также механизмы заноса пыльцы в пещеру и ее захоронения на настоящий момент еще недостаточно изучены. В связи с этим вопрос о степени достоверности палинологических записей, полученных на основе материалов пещерных памятников, остается актуальным и дискуссионным. С целью выявления достоверности палинологических исследований пещерных памятников нами были сопоставлены данные поверхностных сборов на трех памятниках, расположенных на Алтае: пещеры Страшная, Чагырская и Бийка-1.

Методические вопросы достоверности реконструкций растительности по пещерным палиноспектрам

Множеством исследователей, изучавших пещерные объекты, не учитывался ряд факторов, способных искажать конечный результат, что могло приводить к ошибочным выводам. Остается дискуссионным вывод Р. Солецки, в 1960 г. обнаружившего в пещере Шанидар захоронения девяти неандертальцев возрастом 60 тыс. л. н. [Solecki, 1963]. Для памятника был проведен палинологический анализ, который показал высокое содержание цветочной пыльцы для одного из захоронений (Шанидар-4), чего не наблюдалась в остальных погребениях и в других частях пещеры. Автор исследования высказывает предположение о захоронении этого неандертальца на подстилке из цветов и о возможном медицинском или экономическом значении подобного способа захоронения [Solecki, 1975].

В 2014 г. исследования пещеры Шанидар были возобновлены археологами М. Фиаккони и К. Хантом для проверки старых данных и оценки перспективности палинологических исследований для палеоэкологических реконструкций Ближнего Востока. Для этого исследователями были изучены поверхностные образцы из пещеры и с территории вокруг нее [Fiacconi, Hunt, 2015].

Авторами отмечены различные тенденции изменения процентного соотношения разных таксонов в зависимости от удаленности места отбора образца от входа в пещеру. Подобное явление они объясняют отличающимися способами переноса пыльцы: некоторые из растений являются зоофильными (опыляемыми животными), некоторые – анемофильными (опыляемыми ветром). Таким образом, пыльца растений, переносимая ветром, более представлена в передней части пещеры и менее у задней стенки, в то время как переносимая животными пыльца, напротив, более представлена сзади и практически отсутствует у входа в пещеру. При изучении пещерных памятников этот фактор следует рассматривать в совокупности с параметрами входа в пещеру и ее морфологией, от которых напрямую зависит, насколько далеко ветер может проникать вглубь конкретной пещеры.

В своем исследовании М. Фиаккони и К. Хант приходят к выводу, что в целом данные изнутри пещер репрезентативны, но отмечается, что пещера Шанидар имеет один вход достаточно большого размера, что обеспечивает занос пыльцы в пещеру из окружающей среды в большом объеме. Все се-

мейства, обнаруженные Р. Солецки в захоронении неандертальца Шанидар-4, присутствуют внутри пещеры и в настоящее время, что может говорить об ошибочности выводов исследователя о намеренном захоронении особи в цветах и наличии у неандертальцев подобных практик.

Вопросом о степени достоверности полученных в пещере данных задавались и другие исследователи [Coles et al., 1989; Edwards et al., 2015; Hunt, Fiacconi, 2017]. Д. и Л. Берни изучили три пещеры на территории штата Нью-Йорк [Burney D.A., Burney L.P., 1993]. Большинство семейств растений, опыляемых ветром, оказались представлены внутри и снаружи пещер как с большим размером входа, так и с малым, приблизительно в одинаковом процентном соотношении. Исключение для одной из пещер составил вяз (*Ulmus*) – его процентное содержание в одном из образцов изнутри пещеры было крайне высоко в отличие от других таксонов. Авторы предполагают, что вяз в большом количестве мог быть принесен животными, следы обитания которых были замечены в данной пещере.

Деятельность животных и человека может являться причиной чрезмерной представленности тех или иных таксонов в палинокомплексе. Нередки случаи построения гнезд пчелами внутри пещер. Было выявлено, что пчелиные гнезда являются накопителем энтомофильной пыльцы, в частности, семейства сложноцветных. В связи с этим особо важным представляется отмечать присутствие следов обитания животных и насекомых в изучаемой пещере. Отмечено, что даже наличие бывшего пчелиного гнезда на месте исследования может приводить к искажениям конечного результата [Fiacconi, Hunt, 2015, p. 91].

В 2002 г. Наварро и др. были изучены поверхностные образцы снаружи и внутри двух пещер, располагающихся на территории Испании [Navarro et al., 2002]. Авторы отмечают зависимость результата исследования от морфологии пещер. Куэва де ла Плата – узкая длинная пещера с небольшим входом, показала более низкую концентрацию пыльцы, в отличие от Куэва де Жозе, обладающей широким входом. В обеих пещерах преобладают зоофильные виды растений, но в более высокой концентрации они присутствуют в пещере Куэва де ла Плата, вероятнее всего по причине того, что занос пыльцы с помощью ветра в эту пещеру более проблематичен.

Образцы, отобранные из влажных отложений, показали более высокое содержание пыльцы подсемейства цикориевых, в то время как концентрация всей пыльцы и разнообразие представленных видов в этих образцах были заметно ниже. Это может объясняться тем, что пыльца из влажных отложений более подвержена постдепозиционным процессам и соответственно обладает худшей сохранностью [Burney D.A., Burney L.P., 1993, p. 523]; пыльцевые зерна цикориевых в свою очередь, вероятно, более стойкие к этим процессам и сохраняются в подобных отложениях лучше пыльцы других семейств. Было доказано, что сильное разрушающее воздействие на пыльцевые зерна оказывают часто сменяющиеся циклы влажных и сухих условий [Campbell, 1991].

Израильской исследовательницей М. Вайнштайн-Эврон было также отмечено, что пещерные спектры могут скорее отражать локальную растительность, чем региональную, и подчеркнута необходимость повышенного внимания при попытках реконструкции региональной растительности по пещерным данным [Weinstein-Evron, 1994].

Методы и материалы

Для выявления степени достоверности пещерных палинологических данных для палеоэкологических реконструкций нами проанализированы поверхностные образцы, отобранные изнутри и снаружи трех пещерных памятников, располагающихся на территории Алтая: Чагырская, Страшная и Бийка-1.

Для памятника Бийка-1 в 2020 г. С.В. Шнайдер на палинологический анализ было отобрано семь образцов из отложений внутри пещеры, 10 образцов – из разреза снаружи. 20 поверхностных образцов было отобрано с пяти зон, по четыре образца с каждой: образцы ID 1.1-1.4 – внутри пещеры Бийка-1, ID 2.1-2.4 – снаружи у входа в пещеру Бийка-1, ID 3.1-3.4 – у входа в грот Бийка-2, ID 4.1-4.4 – около дороги в окрестностях пещерного комплекса и ID 5.1-5.2 – около реки Бийка, протекающей неподалеку от пещерного комплекса. Анализ был проведен для шести образцов (два образца из пещеры и по одному из остальных зон).

Пробоподготовка выполнялась по методике, разработанной Фаегри-Иверсеном в 1989 г. [Рудая, 2011]. Химическая обработка, применяемая в лаборатории PaleoData ИАЭТ СО РАН, включает в себя следующие этапы: 1) обработка 10-процентным раствором соляной кислоты HCl; 2) нагревание на водяной бане до температуры 90° в течение 10 минут с 10-процентным раствором гидроксида калия KOH; 3) ситование образца на сите с ячейкой 200-250 мкм; 4) нагревание с 40-процентным раствором плавиковой кислоты HF на водяной бане до температуры 90° в течение 2 часов; 5) нагревание на водяной бане до температуры 90° в течение 10 минут с 10-процентным раствором соля-

ной кислоты HCl; 6) ситование на сите с ячейкой 7 мкм; 7) центрифугирование в течение 20 мин и декантирование; 8) добавление глицерина 85 %. После этапов 1, 2 и 5 образцы необходимо центрифугировать в течение 4 минут, декантировать, затем двукратно центрифугировать с дистиллированной водой. Для подсчета концентрации пыльцы и спор в образце на этапе пробоподготовки добавляется одна таблетка, содержащая ацетолизированные споры *Lycopodium*.

Микроскопирование осуществлялось с помощью светового микроскопа Zeiss AxioImager D2 с увеличением ×400. Таксономическая принадлежность пыльцевых зерен определялась путем сравнения с компаративной коллекцией ИАЭТ СО РАН, а также с помощью определителей и атласов. Результаты отражены в палинологических диаграммах, построенных в программе Tilia.

Поверхностные образцы на памятниках Страшная и Чагырская пещеры были отобраны в 2016 г. Отбор производился из разных точек внутри пещеры и в ее окрестностях для того, чтобы понять, адекватно ли пещерные палинокомплексы отражают современный им растительный покров. Пробоподготовка образцов была проведена в 2019 г. в палинологической лаборатории ИАЭТ СО РАН, однако, образцы тогда не были проанализированы. Для этих образцов в рамках настоящего исследования нами построены палинологические диаграммы с помощью программы Tilia и произведен анализ результатов.

Результаты и их интерпретация

Для пещеры Чагырская проанализированы данные по двенадцати поверхностным образцам: двум из пещеры, отобранным на расстоянии 4 (ID1) и 2 (ID2) метра от входа, и десяти (ID3-12) – с разных участков в ее окрестностях. В пещере выявлено преобладание березы и полыни. Высокое содержание показала сосна обыкновенная. Травянистые представлены астровыми и злаковыми (ок. 10 %), осоковыми, крапивными, маревыми, цикориевыми, яснотковыми (менее 5 %) (рис. 1).

В спектрах снаружи пещеры абсолютное преобладание показали хвойные, представленные соснами обыкновенной и сибирской, елью, пихтой, лиственницей. В составе травянистых, помимо таксонов, присутствующих в пещерных спектрах, выявлены розовые, бобовые, лютиковые (менее 5 %).

Можно заключить, что в целом палиноспектры внутри и снаружи пещеры Чагырская сходны между собой: выявлены одни и те же семейства, представленные в сходных соотношениях. Раз-

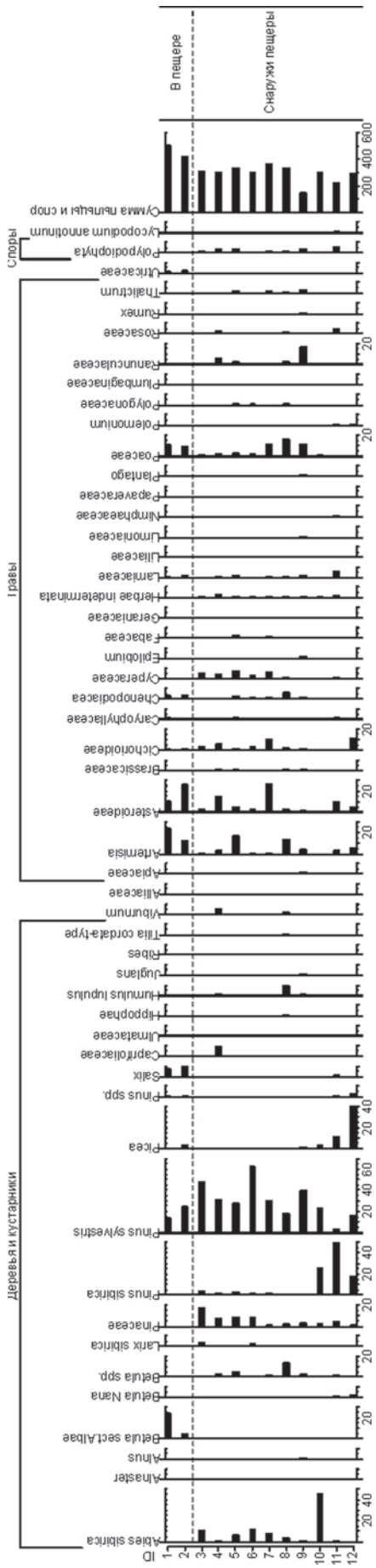

Рис. 1. Палинологическая диаграмма поверхностных сборов на памятнике Чагырская пещера.

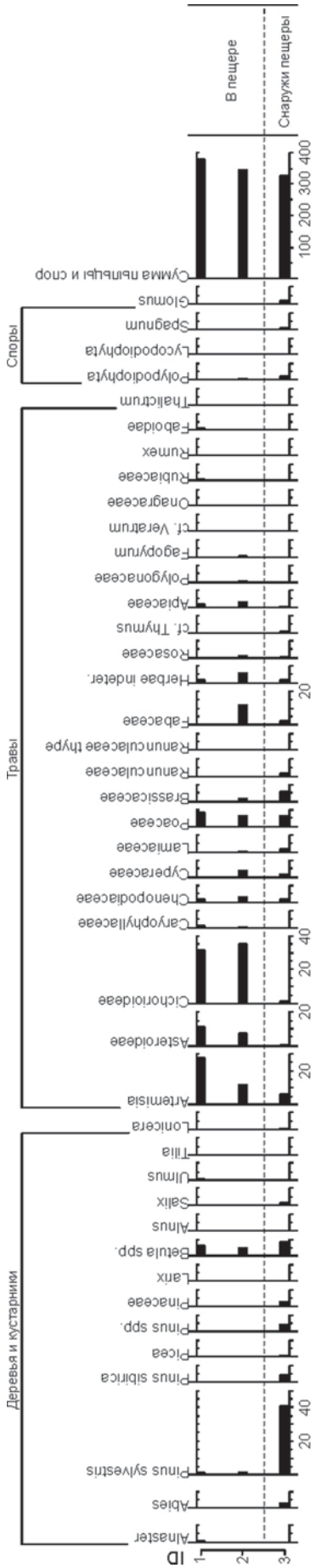

Рис. 2. Палинологическая диаграмма поверхностных сборов на памятнике Страшная пещера.

нятся, однако, показатели древесной растительности в составе: преобладающая внутри пещеры береза практически не представлена снаружи, обратную ситуацию можно наблюдать относительно хвойных. Полынь и астровые также более представлены внутри пещеры. Относительно полыни и березы можно отметить корреляцию между процентным соотношением пыльцы в составе и расстоянием от входа в пещеру: образец ID1, отобранный дальше от входа, показывает более высокое содержание этих таксонов, чем ID2. Сосна, напротив, больше представлена в образце, отобранном ближе к входу в пещеру. Именно те таксоны, которые практически не представлены снаружи, обнаруживают большую концентрацию в образце, отобранном ближе к задней стенке пещеры, чем у входа в нее.

Для пещеры Страшная палиноспектры показали более значительные отличия, чем для Чагырской. Проанализированы данные по трем поверхностным образцам: двум изнутри пещеры, отобранным у задней стенки в левом (ID1) и правом (ID2) углах, и одному снаружи, на расстоянии 3 метра от входа в пещеру (ID3) (рис. 2). Внутри пещеры выявлено абсолютное преобладание цикориевых – 32 %, и полыни – 28 %. В меньшей степени представлены злаки и астровые (ок. 8–10 %), а также бобовые для одного из двух образцов. Содержание остальных таксонов в составе не превышает 1–2 %. Спектры снаружи показали абсолютное преобладание сосны обыкновенной (40 %), в количестве 5–10 % присутствуют береза, полынь, злаки, капустные, другие таксоны представлены в количестве менее 5 %.

Состав таксонов в палиноспектрах внутри и снаружи пещеры приблизительно сходен. Разную картину можно наблюдать относительно процентного соотношения сосны обыкновенной и цикориевых: в то время как снаружи сосна преобладает, внутри она практически не представлена, обратная тенденция отмечена относительно цикориевых. Полынь внутри пещеры также представлена в большей концентрации, чем снаружи. Другие таксоны присутствуют в сходных соотношениях. Вероятно, подобная ситуация может быть связана с морфологическими особенностями пещеры: узкая вытянутая форма пещеры не способствует глубокому проникновению воздушных потоков, что может приводить к меньшей концентрации у задней стенки пыльцы ветроопыляемых растений, к каковым относится сосна, и, соответственно, большей концентрации насекомоопыляемых, в частности, семейства сложноцветных.

Для пещеры Бийка-1 получены данные по шести поверхностным образцам: двум внутри пеще-

ры (ID1.1-1.2), одному у входа в пещеру (ID2.1), одному у входа в грот Бийка-2 (ID3.1), одному у реки Бийка, протекающей в окрестностях Бийкинского пещерного комплекса (ID4.1) и одному у дороги неподалеку от пещерного комплекса (ID5.1) (рис. 3). Для образцов ID1.1-1.2 и ID2.1 были выявлены сходные палиноспектры. Преобладают цикориевые, лютиковые, розовые, в меньшей концентрации представлены полынь, ива, бобовые, норичниковые, астровые. Образцы из зон 3–5 заметно отличаются. Преобладают семейства осоковых и подорожниковых, снижается роль лютиковых и розоцветных. Возрастает роль древесных, представленных сосной, березой, появляются вяз, пихта, лиственница, отсутствовавшие в предыдущих спектрах. Цикориевые, абсолютно преобладавшие в образце внутри пещеры и у входа, в остальных образцах практически не представлены. Ива и норичниковые, присутствовавшие в зонах 1 и 2, в зонах 3–5 также практически отсутствуют. Остальные таксоны присутствуют в сходных соотношениях.

Таким образом, палиноспектры пещеры Бийка-1 недостаточно отражают древесную растительность и, напротив, показывают чрезмерную представленность подсемейства цикориевых. Подобно пещере Страшной, это может объясняться разницей в способах опыления растений различных семейств. Внутри пещеры и у входа в нее преобладает энтомофильная растительность, к каковой относятся цикориевые, лютиковые, розоцветные. В то же время снаружи более представлена анемофильные (осоковые, подорожниковые) и древесные таксоны.

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что в пещерных палиноспектрах в приблизительно сходном процентном соотношении присутствуют те же таксоны, что и снаружи, что может говорить о том, что материалы пещерных памятников можно использовать для построения реконструкций. Однако некоторые таксоны показали разные значения. Для пещеры Страшной изнутри выявлено абсолютное преобладание цикориевых, в то время как снаружи они практически не присутствовали, и, напротив, отсутствие сосны, преобладающей снаружи. Схожая ситуация отмечена относительно Бийки-1: внутри преобладают цикориевые, которых снаружи практически нет, но почти отсутствует пыльца древесных растений, обнаруженная снаружи. Судя по всему, для пещерных палиноспектров характерна большая представленность насекомоопыляемых таксонов, к каким относятся цикориевые, лютиковые, розоцветные, и меньшая представленность ветроопыляемых, таких как сосновые, осоковые, подорожниковые.

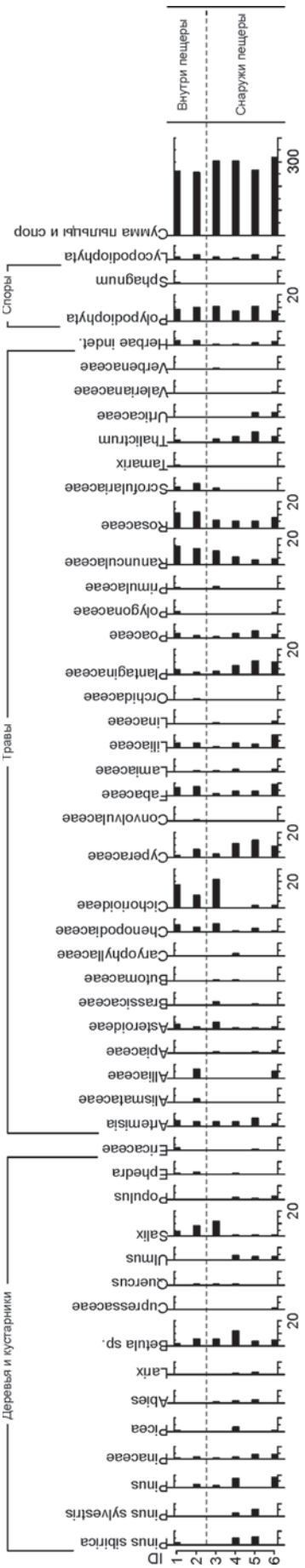

Рис.3. Палинологическая диаграмма поверхностных сборов на памятнике Бийка-1.

Для пещеры Чагырской были отмечены незначительные различия в процентных соотношениях в спектрах, однако в целом спектры были достаточно сходны друг с другом. Это может говорить о том, что, по-видимому, Чагырская пещера является достаточно широкой, чтобы обеспечивать лучшую циркуляцию воздуха, и может лучше отражать внешнюю растительность, чем Страшная и Бийка-1. Можно отметить, что места сбора поверхностных образцов из Чагырской пещеры находились достаточно близко от входа в пещеру, в то время как в Бийке-1 и Страшной образцы отбирались ближе к задней стенке, что также может способствовать более высокой репрезентативности результатов.

Выводы

В целом пещерные палиноспектры достаточно достоверно отражают внешнюю растительность, однако, существует ряд факторов, которые необходимо учитывать при интерпретации таких спектров. Выделяются следующие факторы.

1. Параметры и количество входов в пещеру и морфология пещеры;
2. Расстояние от места отбора образца до входа в пещеру;
3. Особенности распространения пыльцы различных семейств;
4. Постдепозиционные процессы, по-разному влияющие на пыльцу различных семейств;
5. Деятельность животных внутри пещеры, например, гнездование насекомых или обустройство животными логова, либо деятельность человека.

Палинологическое исследование трех объектов, располагающихся на территории Алтая (Бийка-1, Страшная, Чагырская) показало, что построение палеоэкологических реконструкций на основе пещерных данных представляется возможным, однако, полученные результаты требуют особо внимательной интерпретации.

Разница в спектрах для пещер Страшная и Бийка-1 относительно таких таксонов, как цикориевые, сосна и в меньшей степени лютиковые, осоковые, розоцветные, по-видимому, может быть объяснена морфологическими особенностями пещер и местом обора образцов на анализ, а также особенностями распространения пыльцы этих семейств, часть из которых является анемофильной, другая – энтомофильной. Отмечается, что пыльца энтомофильных растений имеет тенденцию к преобладанию ближе к задней стенке пещеры.

Сходные палиноспектры внутри и снаружи пещеры Чагырской, достаточной широкой по своей морфологии, образцы из которой отбирались ближе к входу, могут говорить о том, что этот объект является более репрезентативным для палеоэкологических реконструкций, чем пещеры Страшная и Бийка-1, а также о том, что лучше внешнюю растительность отражают образцы, отобранные ближе к входу в пещеру.

Список литературы

Рудая Н. А. Палинологический анализ // Методические подходы к использованию биологических индикаторов в палеоэкологии / научн. ред. Л.Б. Назарова. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 280 с.

Burney D. A., Burney L. P. Modern pollen deposition in cave sites: experimental results from New York State // New Phytologist. – 1993. – Vol. 124. – P. 523–535.

Campbell I. Experimental mechanical destruction of pollen grains // Palynology. – 1991., – no 15. – P. 29–33. https://doi.org/10.1080/01916122.1991.9989387.

Coles G.M., Gilbertson D., Hunt C., Jenkinson R.D.S. Taphonomy and the palynology of cave deposits // Cave Science – Transactions British Cave Research Association. – 1989, – no 16. – P. 83–89.

Day J. Botany meets archaeology: people and plants in the past // Journal of Experimental Botany. – 2013. – Vol. 64, no 18. – P. 5805–5816. https://doi.org/10.1093/jxb/ert068

Edwards K., Fyfe R., Hunt C., Schofield J. Moving forwards? Palynology and the human dimension // Journal of Archaeological Science. – 2015, – no 56. – P. 117–132. https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.02.010

Fiacconi M., Hunt C. O. Pollen taphonomy at Shanidar Cave (Kurdish Iraq): An Initial evaluation // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2015. –Vol. 223. – P. 87–93.

Hunt C.O., Fiacconi M. Pollen taphonomy of cave sediments: What does the pollen record in caves tell us about external environments and how do we assess its reliability? // Quaternary International. – 2017. – Vol. 485. – P. 68–75.

Navarro C., Carriyn J. S., Prieto A. R., Munuera M. Modern Cave pollen in an arid environment and its application to describe palaeorecords // Complutum. – 2002. – Vol. 13. – P. 7–18.

Solecki R. S. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq // Science. – 1963. – Vol. 139. – P. 179–193.

Solecki R. S. Shanidar IV, a Neanderthal Flower Burial in Northern Iraq // Science. – 1975. – Vol. 190. – P. 880–881.

Weinstein-Evron M. Biases in archaeological pollen assemblages: Case studies from Israel // Contributions to Microbiology. – 1994, – no 29. – P. 193–205.

References

Burney D. A., Burney L. P. Modern pollen deposition in cave sites: experimental results from New York State. *New Phytologist,* 1993. Vol. 124. P. 523–535.

Campbell I. Experimental mechanical destruction of pollen grains. *Palynology,* 1991, no. 15. P. 29–33. https://doi.org/10.1080/01916122.1991.9989387

Coles G.M., Gilbertson D., Hunt C., Jenkinson R.D.S. Taphonomy and the palynology of cave deposits. *Cave Science – Transactions British Cave Research Association,* 1989, no. 16. P. 83–89.

Day J. Botany meets archaeology: people and plants in the past. *Journal of Experimental Botany*, 2013. Vol. 64, no. 18. P. 5805–5816. https://doi.org/10.1093/jxb/ert068

Edwards K., Fyfe R., Hunt C., Schofield J. Moving forwards? Palynology and the human dimension. *Journal of Archaeological Science,* 2015, no. 56. P. 117–132. https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.02.010

Fiacconi M., Hunt C. O. Pollen taphonomy at Shanidar Cave (Kurdish Iraq): An Initial evaluation. *Review of Palaeobotany and Palynology.* 2015. Vol. 223. P. 87–93.

Hunt C.O., Fiacconi M. Pollen taphonomy of cave sediments: What does the pollen record in caves tell us about external environments and how do we assess its reliability? *Quaternary International*, 2017. Vol. 485. P. 68–75.

Navarro C., Carriyn J. S., Prieto A. R., Munuera M. Modern Cave pollen in an arid environment and its application to describe palaeorecords. *Complutum,* 2002. Vol. 13. P. 7–18.

Rudaya N.A. Palynologicheskiy analiz. In *Metodicheskie podkhody k ispolzovaniyu biologicheskikh indikatorov v paleoekologii.* Kazan: Kazan. un-t, 2011, 280 p. (In Russ.).

Solecki R. S. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq. *Science,* 1963. Vol. 139. P. 179–193.

Solecki R. S. Shanidar IV, a Neanderthal Flower Burial in Northern Iraq. *Science,* 1975. Vol. 190. P. 880–881.

Weinstein-Evron M. Biases in archaeological pollen assemblages: Case studies from Israel. *Contributions to Microbiology*, 1994, no. 29. P. 193–205.

Алексейцева В.В.: https://orcid.org/0000-0002-1209-2761
Рудая Н.А.: https://orcid.org/0000-0003-1536-6470

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0020-0028
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, А.А. Зейналов[2], С.А. Кулаков[1,3], А.К. Очередной[1,3], И.А. Идрисов[1,4], Р.Н. Курбанов[5,6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
[3]Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия
[4]Институт геологии ДНЦ РАН, Махачкала, Россия
[5]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[6]Институт географии РАН, Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2021 году

В 2021 г. совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедицией проводились работы на территории Азербайджанской Республики. Исследовалась береговая зона Мингячевирского водохранилища, в первую очередь пляжи юго-западного берега у подножия хребтов Боздаг и Гараджа. На местонахождении Гараджа была собрана представительная коллекция каменных артефактов (136 экз.) и остатков плейстоценовой фауны (35 экз.). Среди нуклевидных форм 80 % составляют простейшие нуклеусы параллельного принципа скалывания, есть радиальные и долечные ядрища. Среди орудий основными категориями являются чопперы и крупные двусторонние изделия. Присутствуют галечные скребла. Технокомплекс Гараджи выглядит единой индустрией, хорошо вписывающейся в общекавказский контекст раннепалеолитических комплексов с бифасами и соответствующей хронологическим рамкам, определяемым геологическими и палеонтологическими данными, – бакинское время. Кроме местонахождения Гараджа, был установлен еще один пункт концентрации артефактов, в 2 км к востоку от памятника. Здесь на участке пляжа протяженностью ~100 м было найдено 18 изделий из камня и фрагмент рога оленя. Состав изделий близок к таковому на Гарадже. В окрестностях г. Гянджа были проведены шурфовочные работы около навеса Гырмызы-Гая. В разрезе выделено четыре слоя, в двух верхних содержался археологический материал. Общая коллекция артефактов (раскопки и поверхностные сборы) составила более 300 предметов. Найденный в слое 2 фрагмент венчика сосуда свидетельствует, что все материалы, вероятно, относятся к финалу неолита или более позднему периоду. По типу хозяйственной активности памятник является транзитной кратковременной стоянкой. На территории Нахчыванской Автономной Республики исследования велись в пещере Газма – единственном известном памятнике палеолита в этой части Азербайджана. Здесь была проведена расконсервация раскопа, зачистка разреза и отбор серии образцов для проведения радиоуглеродного и ОСЛ-датирования.

Ключевые слова: *Азербайджан, палеолит, палеонтология, стратиграфия, абсолютное датирование.*

A.A. Anoikin[1]✉, A.A. Zeynalov[2], S.A. Kulakov[1,3], A.K. Otcherednoy [1,3], I.A. Idrisov[1,4], R.N. Kurbanov[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography ANAS, Baku, Azerbaijan
[3]Institute for the History of Material Culture RAS, Sankt-Petersburg, Russia

[3]*Institute of Geology DSC RAS,*
Makhachkala, Russia
[5]*Lomonosov Moscow State University,*
Moscow, Russia
[6]*Institute of Geography RAS,*
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Geoarchaeological Investigation in Azerbaijan in 2021

In 2021 a joint Russian-Azerbaijani geoarchaeological studies were carried out in Republic of Azerbaijan. The coastal area of the Mingechevir Reservoir was investigated, primarily the beaches of the south-western shore at the foots of the Bozdag and Garaja Ranges. A representative collection of stone artifacts (136 specimens) and Pleistocene faunal remains (35 specimens) were collected at the Garaja site. Among the cores, 80 % are simple nuclei of the parallel reduction strategy; few radial and citron cores were found. The main tool categories are choppers and large bifacially worked artifacts, pebble scrapers were also noted. The Garaja complex represents a homogenous lithic industry, well-correlated with the pan-Caucasus context of early Paleolithic complexes with bifacial tools and corresponds to the chronological period (the Bakunian period of the Caspian region) determined by geological and paleontological data. In addition to the Garaja site, another location of artifact concentration was discovered at 2 km eastwards of the main site. Here, 18 stone tools and a fragment of deer antler were found on a stretch of the beach about 100 m long; the artifact composition is similar to the Garaja collection. A test pit was established at Girmizi-Gaya in the outskirts of Ganja city. Four layers were distinguished in the trench; the two upper layers bore archaeological material. The total collection of artifacts (excavation and surface collection) amounted to more than 300 items. A fragment of a vessel rim found in layer 2 suggests attribution of the material to the late Neolithic or later period. Preliminary data make it possible to define this site as a short-term transit camp. In Nakhchivan Autonomous Republic, Gazma Cave, the only known Paleolithic site in this part of Azerbaijan, was studied. Here, the excavation trench was uncovered, the profile was cleaned up and a series of samples were taken for radiocarbon and OSL dating.

Keywords: *Azerbaijan, Paleolithic, paleontology, stratigraphy, absolute dating.*

В октябре 2021 г. участники совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы на территории Азербайджанской Республики в пределах Куринской межгорной впадины и юго-восточной части Закавказского нагорья (в границах Нахчыванской Автономной Республики) (рис. 1). В задачи экспедиции входили мониторинг состояния уже известных и поиск новых памятников палеолитического времени, а также отбор на обследованных объектах образцов для широкого спектра методов абсолютного датирования (радиоуглеродное, оптико-люминесцентное, космогенное).

Основным районом работ в 2021 г. была береговая зона Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища, в первую очередь пляжи юго-восточного берега у подножия хребтов Бозdаг и Гараджа. На этом участке побережья неоднократно фиксировались зоны концентрации остатков плейстоценовой фауны [Лебедева, 1978]. Также здесь проводились сборы каменных артефактов палеолитического облика, а в 2012 г. был открыт раннепалеолитический памятник Гараджа [Зейналов и др., 2013].

Обследование берега в районе хребта Бозdаг на 15-километровом участке правобережья р. Кура велось радиальными маршрутами из-за сильнорассеченного рельефа береговой линии и труднодоступности отдельных его участков. По левобережной зоне р. Кура от плотины Мингячевирского водохранилища до пос. Ханабад вдоль хребта Гараджа, был выполнен линейный маршрут (12 км) со сплошным осмотром пляжной и предгорной зон.

Наибольшая концентрация археологического материала и остатков плейстоценовой фауны зафиксирована в северо-западной части хребта Гараджа в пределах местонахождения Гараджа на участке, начинающемся в ~ 1 км к востоку от плотины и имеющем протяженность ~ 0,7 км, высота над уровнем моря ~ 80 м (рис. 2, *1*).

Местонахождение Гараджа открыто в ходе проведения разведочных работ сотрудником ИАЭА НАНА А.А. Зейналовым и изучалось с небольшими перерывами с 2012 г. по 2019 г. [Зейналов и др., 2013; Кулаков, Зейналов, 2014; Зейналов, Кулаков, 2017]. Четвертичные отложения на этом участке представляют собой выходы залегающих под очень большим углом (до 60°–70°) пород, простирающихся с запада на восток и размываемых водами водохранилища. Выделяется несколько основных пачек, имеющих сложное строение и представляющих собой переслаивающиеся толщи морского и континентального генезиса. Континентальные отложения, залегающие на двух уровнях, представлены в основном аллювиальными песками с включени-

Рис. 1. Карта-схема района работ.

1 – местонахождение Гараджа; *2* – навес Гырмызы-Гая; *3* – пещера Газма.

Рис. 2. Местонахождение Гараджа.

1 – участок «среднего уровня» залегания материала, вид с запада; *2* – условия залегания палеонтологического материала (фрагмент черепа древнего слона (*Archidiskodon sp.*), вид с юга; *3* – условия залегания археологического материала (бифас), вид с юга.

ем гальки и озерными глинами. В этих отложениях встречаются остатки деревьев и животных, а также присутствуют каменные артефакты. Морские отложения, также образующие как минимум две пачки, сложены глинами и алевритистыми песками, насыщенными на отдельных участках малакофауной бакинского возраста. Все пачки залегают согласованно. При этом внутри обеих континентальных толщ, а также в зонах их контакта с морскими отложениями, имеются многочисленные эрозионные размывы, иногда значительной мощности (до 10 м). Это обусловлено сложной динамикой уровня моря в бакинский этап, имеющей быструю скорость и амплитуду колебаний в десятки метров, что фиксируется и на более поздних этапах плейстоцена. Согласно комплексу естественно-научных данных, в первую очередь составу малокофауны и крупных млекопитающих, вся толща отложений на этом участке соответствует значительному интервалу в рамках бакинского этапа истории Каспия, возраст которого определяется в диапазоне ~ 0,8–0,5 млн л.н. [Свиточ, 2014].

Археологический материал связан с песчано-галечными прослоями в континентальных толщах и залегает на их размывах, как правило, с незначительным горизонтальным смещением. Согласно общей геологической ситуации на объекте, здесь выделяется три зоны концентрации каменных артефактов: «нижний уровень», связанный с наиболее древней континентальной толщей; «средний уровень», залегающий в более молодых континентальных отложениях (рис. 2, *1*), и «верхний», находки из которого происходят из кровли этой же молодой толщи и фиксируются только при максимально низких уровнях стояния воды. В ходе работ предыдущих лет на местонахождении незначительная часть артефактов была извлечена при разборе сцементированных участков песка на «среднем уровне», т.е. залегала *in situ*. Общая мощность нижней континентальной толщи, в горизонтальном простирании, составляет ~ 40 м, верхней – ~ 60 м.

В ходе работ 2021 г. на местонахождении Гараджа была собрана представительная коллекция каменных артефактов (136 экз.) и остатков плейстоценовой фауны (35 экз.). Среди фаунистических остатков представлены бивень, зубы, фрагменты черепа и посткраниального скелета ископаемого слона *(Archidiskodon sp.)* (рис. 2, *2*); фрагменты рогов благородного оленя (*Cervus sf. elaphus*), а также кости носорога Мерка *(Stephanorhinus cf. Hundsheimensis)*, древних лошадей *(Equus caballus)* и быков *(Bos sp.)*.

Археологическая коллекция 2021 г. представлена следующими категориями: колотые гальки без выраженной системы обработки – 22 экз., нуклевидные формы – 29 экз., отщепы – 38 экз., орудия – 47 экз.

Среди нуклевидных форм два изделия являются нуклевидными обломками, а 27 – типологически выраженным ядрищам, среди которых 80 % составляют одноплощадочные однофронтальные простейшие нуклеусы параллельного принципа скалывания с минимальной предварительной подготовкой или совсем без таковой. Остальные изделия относятся к радиальной (2 экз.) и долечной (3 экз.) системам расщепления. Среди отщепов 2/3 составляют крупные сколы, в т.ч. четыре «дольки», мелких нет. 40 % отщепов являются сколами разжелвачивания и покрыты галечной коркой более чем на 50 %. Остаточные ударные площадки, за редким исключением, естественные или гладкие.

В орудийном наборе основными категориями являются галечные рубящие формы (чопперы и чоппинги, 19 экз.) и различные формы крупных двусторонних изделий, включая частичные бифасы (22 экз.). Также в коллекции присутствуют галечные скребла (4 экз.), зубчатое орудие и нуклевидный скребок на обломке гальки.

Среди бифасиальных изделий наблюдается большое разнообразие в оформлении. Присутствуют миндалевидные, сердцевидные, овальные и ассиметричные формы, около 50 % имеет галечную «пятку», есть обушковые, в т.ч. напоминающие Keilmesser (рис. 3). Основная часть двусторонних орудий двояко-выпуклая. Три предмета относятся к заготовкам, два – к частичным плоско-выпуклым бифасам, у которых выпуклая плоскость имеет характерную для бифасов отделку, а плоская – гладкая.

Все предметы в коллекции изготовлены из местного галечного сырья, которое в изобилии встречается в песчано-галечных линзах и прослоях континентальных толщ. Как правило, это осадочные породы разной степени окремнения, реже эффузивы, в единичных случаях – кварциты. Практически все предметы имеют измененную поверхность, включая крайнюю степень с плохо читаемыми, сильно оглаженными гранями.

В целом технокомплекс Гараджи выглядит единой индустрией, хорошо вписывающейся в общекавказский контекст раннепалеолитических комплексов с бифасами и соответствующей хронологическим рамкам, определяемым геологическими и палеонтологическими данными, – бакинское время.

С целью установления точного времени функционирования стоянки древнего человека на этой территории, в 2021 г. на памятнике был проведен отбор образцов на оптико-люминесцентное и кос-

Рис. 3. Бифас с местонахождения Гараджа («верхний уровень»).

могенное датирование с разных участков залегания археологического материала.

Кроме основного участка концентрации артефактов в пределах местонахождения Гараджа, при работах 2021 г. на юго-восточном берегу Мингячевирского водохранилища было обнаружено еще одно их скопление, в 2 км к востоку от памятника. Здесь на участке пляжа протяженностью ~ 100 м было найдено 18 изделий из камня и фрагмент рога оленя. Состав изделий близок к таковому на Гараджа. Это четыре колотые гальки, три одноплощадочных однофронтальных нуклеуса параллельного принципа скалывания, пять крупных отщепов и шесть орудий: три чоппера, миндалевидный бифас и два бифасиальных изделия (заготовки?).

В центральной части юго-восточного берега, в районе северной оконечности хребта Бождаг, основную часть находок составили палеонтологические материалы, в т.ч. кости и зубы лошади Стенона *(Equus stenonis)* и южного слона *(Archidiskodon meridionalis)*. Археологический материал (4 экз.) представлен разрозненными находками простейших нуклеусов, крупного отщепа и колотой гальки.

На северо-восточном берегу водохранилища, на участке обнажений галечников апшеронского времени, была сделана единственная находка – частичный бифас миндалевидной формы с галечной «пяткой».

Еще одним участком работ 2021 г. на территории Куринской межгорной впадины являлся скальный навес Гырмыза-Гая, на котором в 2012 г. были проведены сборы подъемного материала (каменные артефакты), предположительно имеющего верхнепалеолитический возраст [Зейналов и др., 2013]. Памятник Гырмызы-Гая (высота над уровнем моря 620 м) расположен в 1 км к югу от объездной дороги г. Гянджа на левом берегу р. Гянджачай, в 1 км на северо-запад от окраины г. Гейгель (Ханлар).

На участке местонахождения долина реки прорезает (глубина вреза долины – до 60 м) мезозойские отложения, представленные серыми и темно-серыми плотными песчаниками внизу разреза и малиново-красными туфами вверху разреза. Мощность туфов около 50 м. С левого борта в долину выходит несколько оврагов, глубиной первые десятки метров и шириной 50–100 м, обнажая выходы слоев туфа, формирующих вертикальные уступы высотой 5–10 м, в которых часто образуются неглубокие ниши. На относительно ровной небольшой площадке (~ 100 м^2) перед одним из таких уступов и локализован памятник (высота над урезом воды в р. Гянджачай ~ 30 м) (рис. 4, *1*).

В 2021 г. на площадке было заложено два разведочных шурфа. Один (1,5 х 1 м) – перед скальной нишей, второй (2 х 2 м) – в 3 м к югу на краю относительно ровного участка, переходящего в склон оврага. Оба шурфа были пройдены до уровня скального основания (кора выветривания) на глубину до 1 м (рис. 4, *2*).

Наиболее полно стратиграфический разрез отложений на стоянке представлен в шурфе 2 (сверху-вниз)

Слой 1. Почвенный горизонт. Суглинок бурокоричневый, в нижней части желто-коричневый, легкий, мелкозернистый, множество корней растений. Мощность – 0,15–0,2 м. В слое зафиксирован археологический материал.

Слой 2. Суглинок серо-палевый, в нижней части желто-палевый, очень рыхлый, пылеватый, содержит мелкие новообразования карбонатов. Мощность – 0,3–0,4 м. В верхней части слоя зафиксирован археологический материал и мелкие угли.

Рис. 4. Навес Гырмызы-Гая.

1 – вид на навес с северо-запада; *2* – шурф 1, уровень окончания работ, вид с юга; *3* – сбор подъемного материала, вид с запада.

Слой 3. Супесь коричнево-серая, с мелким щебнем, содержит четко выраженные новообразования карбонатов. Мощность – 0,2–0,3 м.

Слой 4. Суглинок коричнево-серый с большим количеством плотно уложенного щебня. В подошвенной части суглинок является заполнителем щебнистой отмостки (кора выветривания?). Мощность – до 0.3 м.

Общая коллекция археологического материала, полученная из шурфов 1 и 2, составила 108 предметов, а также 19 экз. фаунистических остатков, представленных фрагментами трубчатых костей некрупных жвачных животных, а также частями скелета сухопутных черепах (без следов повреждений).

Археологический материал в слое 1 (по обоим шурфам) насчитывает 87 экз. Это неорнаментированный фрагмент керамического сосуда и 86 каменных артефактов, среди которых две небольшие гальки, мелкий одноплощадочный двуфронтальный нуклеус для удлиненных сколов, преформа, восемь пластин, 40 отщепов и 34 обломка/осколка. Орудийных форм нет.

В слое 2 зафиксировано 25 предметов. Это орнаментированный венчик сосуда, галька, три пластины (включая микропластину), шесть отщепов и 10 обломков/осколков. Орудийных форм нет, инструментарий представлен отбойником.

Кроме раскопок, археологический материал в количестве 225 изделий был получен в результате подъемных сборов на месте раскопок и на прилегающем участке склона (рис. 4, *3*). Здесь были собраны галька, нуклевидный обломок, 18 пластин,

94 отщепа, три технических скола (полуреберчатые) и 108 обломков/осколков. Орудийный набор представлен угловым скребком и однолезвийным долотовидным изделием. Инструментарий – отбойником на гальке.

Практически все каменные артефакты выполнены из светло-желтого кремня. Исключения составляют оба орудия, изготовленные из обсидиана.

Состав каменной индустрии не позволяет точно определить культурно-хронологическую принад-

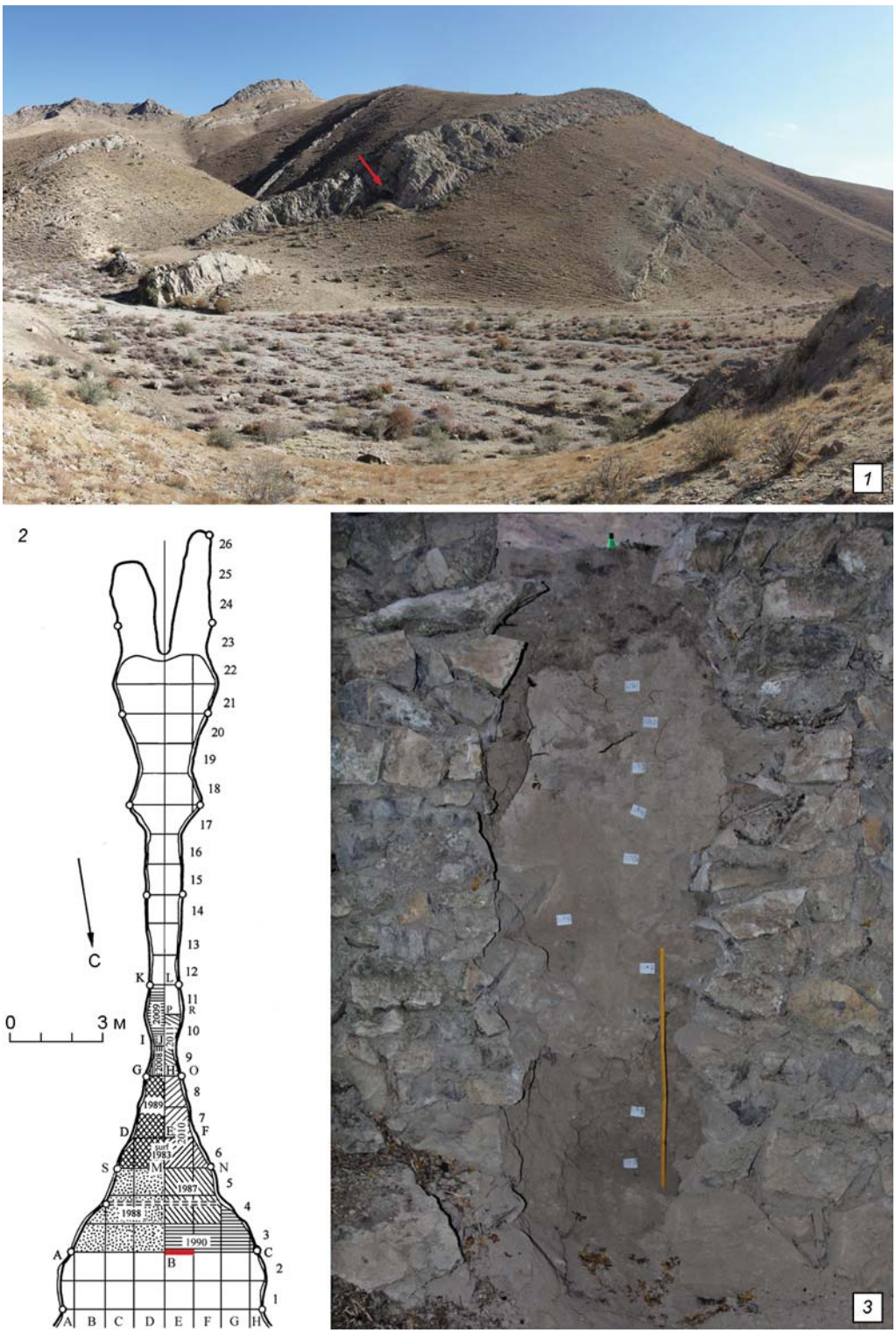

Рис. 5. Пещера Газма.

1 – вид на пещеру с севера; *2* – план пещеры (по: [Зейналов, 2014]) с обозначением участка отбора образцов; *3* – северо-западная стенка с обозначением мест отбора образцов для ОСЛ-датирования.

лежность материалов, которые могут интерпретироваться и как верхнепалеолитические, и как раннеголоценовые комплексы. Однако найденный в слое 2 фрагмент венчика сосуда свидетельствует о том, что они, вероятнее всего, относятся к финалу неолита или более позднему периоду. По типу хозяйственной активности памятник является транзитной кратковременной стоянкой очень небольшого коллектива, где, возможно, осуществлялась деятельность, связанная с разовым приготовлением пищи (разрозненные угли и фрагменты костей) и производством ситуационных орудий (значительное количество сколов, отсутствие чешуек и готовых орудийных форм, выполненных из кремня). Орудия из обсидиана явно составляли часть носимого инвентаря и были либо утеряны, либо оставлены из-за крайней степени утилизации (мелкие размеры).

На территории Нахчыванской Автономной Республики основным объектом исследований в 2021 г. была пещера Газма, являющаяся единственным известным памятником палеолита в этой части Азербайджана.

Памятник расположен в Шарурском р-не НАР, в 3 км юго-восточнее с. Тананам на левом склоне сухой долины в бассейне р. Арпачай, на высоте 1510 м над уровнем моря и 30 м над уровнем реки. Пещера коридорного типа, выработана в доломитизированных известняках. Вход обращен к ущелью Газма и имеет северо-западную экспозицию (рис. 5, *1*) [Зейналов, 2013].

Раскопки на памятнике проводились в 1987–1990 и 2008–2011 гг. Было вскрыто более 35 м^2 площади на максимальную глубину до 3 м. На разрезе выделено шесть литологических слоев, в четырех из которых содержался археологический материал. В слое 1 – позднеголоценовый комплекс, в слоях 4–6 – индустрии среднего палеолита. В нижних слоях, кроме археологического и палеонтологического материала, зафиксировано также четыре кострища [Зейналов, 2013; Зейналов, 2014].

В настоящее время для этих отложений есть единственная калиброванная радиоуглеродная дата, полученная по объединенной коллекции кости из всех трех слоев – 29300 ± 187 л.н. [Зейналов, 2014], однако, исходя из археологического контекста и особенностей датируемого материала, она представляется значительно омоложенной. Основу орудийного набора здесь составляют интенсивно ретушированные остроконечники и скребла, присутствуют лимасы, ножи, а верхнепалеолитические типы (скребки и проколки) крайне немногочисленны. Общая характеристика индустрии Газмы соответствует по всем основным показателям технокомплексу территориально близкой Тагларской пещеры [Джафаров, 1999] и с большой долей вероятности принадлежит к близкому культурно-хронологическому интервалу.

Установление точной хронологии нижнего комплекса пещеры Газма являлось главной целью работ 2021 г. на памятнике. Для решения этой задачи участниками экспедиции была проведена расконсервация раскопа, зачистка разреза и отбор серии образцов для проведения радиоуглеродного и ОСЛ-датирования (рис. 5, *2, 3*). После получения результатов Газма станет первой среднепалеолитической стоянкой в этой части Кавказа, имеющей точную хронологию.

Таким образом, основными результатами комплексных исследований 2021 г. совместной Российско-Азербайджанской геоархеологической экспедиции стали успешные работы по отбору образцов для широкого спектра методов абсолютного датирования (радиоуглеродное, оптико-люминесцентное, космогенное) с опорных палеолитических памятников региона; была значительно расширена коллекция раннепалеолитического местонахождения Гараджа; проведены комплексные исследования по условиям залегания и распространения артефактов на памятнике и за его пределами; уточнена культурно-хронологическая позиция материалов навеса Гырмызы-Гая.

Дальнейшие работы на палеолитических памятниках Азербайджана позволят существенно расширить наши представления о ранних этапах истории Кавказа и скорректировать общую культурно-хронологическую схему изменений палеолитических индустрий в его восточной части.

Благодарности

Работы на археологических объектах плейстоценового времени выполнены при финансовой поддержке РНФ, проект № 21-18-00552. Исследование памятников рубежа плейстоцена/голоцена и раннеголоценового времени – в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0003.

Список литературы

Джафаров А.Г. Средний палеолит Азербайджана. – Баку: Елм, 1999. – 228 с.

Зейналов А.А. Палеолитическая пещерная стоянка Газма в Азербайджане // Записки Института истории материальной культуры. – 2013. – № 8. – С. 26–33.

Зейналов А.А. Палеолит Нахчывана: дис. … д-ра философии по истории. – Баку, 2014. – 203 с.

Зейналов А.А., Кулаков С.А. Миграции ранних гоминид и ареал распространения куручайской культуры // Древний человек и камень: технология, форма, функция. – СПб: Петербургское востоковедение, 2017. – С. 143–152.

Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.Н., Мустафаев И.М., Сулейманов Т.Я. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // Az rbaycan Arxeologiyası va Etnoqrafiyası. – 2013. – № 1. – С. 4–22.

Кулаков С.А., Зейналов А.А. Первый топорик (hachereau sur éclat, flake cleaver) в ашеле Кавказа // Stratum plus. – 2014. – № 1. – С. 17–27.

Лебедева Н.А. Корреляция антропогеновых толщ Понто-Каспия. – М.: Наука, 1978. – 136с.

Свиточ А.А. Большой Каспий: строение и история развития. – М.: Изд-во МГУ, 2014. – 272 с.

References

Dzhafarov A.G. Middle Paleolithic of Azerbaijan. Baku: Elm, 1999, 228 p. (In Russ.).

Kulakov S.A., Zeinalov A.A. The First Flake Cleaver (hachereau sur éclat) in the Acheulean of the Caucasus. *Stratum plus,* 2014, No 1, pp. 17–27. (In Russ.)

Lebedeva N.A. Korreliatciia antropogenovykh tolshch Ponto-Kaspiia. Moscow: Nauka, 1978, 136 p. (In Russ.).

Svitoch A.A. Greater Caspian: Structure and evolution. Moscow: Moscow University Press, 2014, 272 p. (In Russ.).

Zeynalov A.A. Gazma paleolithic cave site in Azerbaijan. *Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*, 2013, No 8, pp. 26–33. (In Russ.).

Zeynalov A.A. Paleolithic of Nakhchivan: PhD diss. Baku, 1999, 203 p. (In Russ.).

Zeinalov A.A., Kulakov S.A. Migrations of early hominids and the distribution area of the Kuruchai culture. In *Prehistoric Man and Stone: Technology, Form and Function*. St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies, 2017, 248 p. (In Russ.).

Zeinalov A.A., Kulakov S.A., Idrisov I.N., Mustafaev I.M., Suleimanov T.Ia. Novye pamiatneyki kamennogo veka v Giandzha-Gazakhskom regione Azerbaidzhana. *Az rbaycan Arxeologiyası va Etnoqrafiyası*, 2013, No 1, pp. 4–22. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Зейналов А.А. https://orcid.org/0000-0002-2944-7127
Кулаков С.А. https://orcid.org/0000-0001-7156-1591
Очередной А.К. https://orcid.org/0000-0001-7616-5686
Идрисов И.А. https://orcid.org/0000-0002-7880-9016
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0029-0037
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1]✉, А.Г. Рыбалко[1], Т.У. Худжагелдиев[2], П.М. Сосин[3], Р.Н. Курбанов[4,5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2]Институт истории, археологии и этнографии НАН РТ, Душанбе, Таджикистан
[3]Институт водных проблем, гидроэнергетики и экологии НАН РТ, Душанбе, Таджикистан
[4]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[5]Институт географии РАН, Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан)

В статье приводятся результаты работ совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции в среднем течении р. Оби-Мазар (Республика Таджикистан). В ходе полевых работ 2021 г. были подготовлены и изучены два опорных разреза лессового палеолита Таджикистана: Кульдара (14 педокомплексов) и Оби-Мазар (7 педокомплексов). На обоих разрезах выполнен значительный объем геоархеологических работ, включая отбор образцов на большой ряд естественно-научных анализов. На Кульдаре было заложено пять раскопов и получена небольшая коллекция артефактов из педокомплексов 4 и 5 и единичные предметы из педокомплексов 9–11. На другом участке работ, между известными памятниками Оби-Мазар-6 и Лахути I, была открыта стоянка Лахути IV, связанная с отложениями педокомплекса 5. Площадь раскопа составила 6 м^2, при глубине вскрытия 2,2 м. Археологический материал (662 экз.) залегал на 8 уровнях, но может рассматриваться в рамках единой индустрии. В первичном расщеплении фиксируется использование нескольких плоскостных техник: радиальной однофронтальной, долечной, параллельного принципа снятия, в наиболее простых ее формах. Также есть ядрища на крупных массивных сколах, с использованием их вентральной поверхности как готовой плоскости скалывания. Среди отщепов «дольки» составляют ~ 8 %. Пластин нет. В орудийном наборе примерно в равных пропорциях представлены скребла на крупных сколах, зубчато-выемчатые формы и унифасы. Согласно имеющемуся комплексу естественно-научных данных, в долине Оби-Мазара педокомплекс 5 имеет возраст ~ 0,5 млн л.н. Материалы Лахути IV хорошо вписываются в общий контекст синхронных раннепалеолитических индустрий Таджикистана. Отличительной особенностью этой стоянки является очень высокая концентрация артефактов и их залегание хорошо выделяемыми культурными горизонтами, что фиксируется впервые на памятниках «лессового палеолита».

Ключевые слова: *Таджикистан, ранний палеолит, технокомплекс, стратиграфия, лессы, почвенный комплекс.*

A.A. Anoikin[1]✉, A.G. Rybalko[1], T.U. Khudjageldiev [2], P.M. Sosin[3], R.N. Kurbanov[4,5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2] Institute of History, Archaeology and Ethnography NAS RT, Dushanbe, Tajikistan
[3] Institute of Water Problems, Hydropower and Ecology NAS RT, Dushanbe, Tajikistan
[4]Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
[5]Institute of Geography RAS, Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Lakhuti IV – a New Early Paleolithic Site in the Obi-Mazar Valley (Southern Tajikistan)

The article presents the results of a joint Russian-Tajik geoarchaeological expedition in the middle reaches of the Obi-Mazar River (Republic of Tajikistan). During 2021 fieldwork two Tajikistan Loess Palaeolithic sites were studied: Kuldara (14 pedocomplexes) and Obi-Mazar (7 pedocomplexes). A significant amount of palaeogeographic work was carried out at both sites including sampling for a wide range of geological analyses. At Kuldara, five excavation trenches were established and a small amount of artifacts from pedocomplexes 4 and 5 as well as a few items from PC's 10 and 11 were collected. Lakhuti IV corresponding to PC 5 was found between the known sites of Obi-Mazar-6 and Lakhuti I. The excavation area was 6 m^2 and 2.2 m deep. Archaeological material (662 specimens) was deposited at 8 levels, but can be regarded a single industry. The primary reduction is based on several simple flaking techniques – radial flaking from a single surface, citron and parallel flaking. Some cores were prepared on large and thick spalls; the ventral surface was used as a prepared flaking surface. "Citron flakes" were also found (~ 8 % of the total number of flakes). Not a single blade was discovered. The complex contains roughly equal proportions of scrapers on large spalls, notched-denticulate tools and unifaces. According to the available set of geological data for the Obi-Mazar Valley, PC 5 is dated to ca. 0.5 Ma. The Lahuti IV materials have parallels in the synchronous Early Palaeolithic industries of Tajikistan. A distinctive feature of this site is a very high concentration of artifacts and their occurrence in well-defined cultural horizons, which is recorded for the first time at Loessic Palaeolithic sites.

Keywords: *Tajikistan, Early Paleolithic, technocomplex, stratigraphy, loess, soil complex.*

Летом 2021 г. участники совместной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции проводили исследовательские работы в среднем течении р. Оби-Мазар в окрестностях пос. Лахути (Ховалингский р-н, Хатлонская обл., Республика Таджикистан). С российской стороны в работах принимали участие сотрудники МГУ, ИГ РАН и ИФЗ РАН (г. Москва), ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск), с таджикской – представители ИИАЭ НАН РТ и ИВПГЭ НАН РТ (г. Душанбе) (рис. 1).

Основной задачей экспедиции было изучение отложений лессово-почвенных серий, составляющих разрезы мощностью несколько десятков метров и содержащих информацию об основных этапах развития климата и ландшафтов Средней Азии за последние два миллиона лет. Образование

Рис. 1. Карта-схема расположения района работ 2021 г. и основные лессовые разрезы с памятниками палеолита.
KH I – Хонако I; KH II – Хонако II, KH III – Хонако III, KUL – Кульдара; LKH – Лахути I, II; LKH IV – Лахути IV; OBM – Оби-Мазар; TJR – Тагиджар.

лессов Таджикистана происходило на протяжении четвертичного периода в результате поступления огромного объема пыли из пустынь Средней Азии – Каракумов и Кызылкумов, а уникальность региона заключается в наличии внутри лессовых отложений серии хорошо выраженных погребенных почв. Высокая чувствительность ландшафтов региона к климатическим изменениям, в первую очередь увлажнению, выразилась в формировании в большинстве межледниковых периодов прошлого нескольких серий палеопочв, которые объединяются в педокомплексы (почвенные комплексы). Их образование происходило во время теплых и относительно влажных периодов, тогда как лессы формировались в сухих и холодных условиях [Додонов, 2002]. Наиболее полные разрезы, известные на территории Таджикистана, содержат до 120 палеопочв, объединяемых в 40 педокомплексов, и являются основой для разработки детальной стратиграфической схемы плейстоцена всего Центрально-Азиатского региона.

С древними педокомплексами связаны и наиболее ранние свидетельства заселения этой территории человеком. Во второй половине XX в. в Таджикистане было открыто более десятка стоянок древнекаменного века, в т.ч. и раннепалеолитического времени, связанных с лессо-почвенными отложениями и рассматривавшихся их первооткрывателем В.А. Рановым в рамках единого явления, получившего название «лессовый палеолит» [Ранов, Шефер, 2000].

Наибольшая концентрация таких археологических объектов была зафиксирована в долине р. Оби-Мазар, где наряду с другими стоянками раннего–среднего палеолита (Хонако, Лахути, Оби-Мазар, Каратау и др.) был обнаружен наиболее древний из известных в Центральной Азии памятник – Кульдара, возраст которого оценивается ~ 900 тыс. лет [Лазаренко, Ранов, 1977; Ранов и др., 1987; Ранов, Каримова, 2005].

После смерти В.А. Ранова в 2006 г. работы на памятниках лессового палеолита Таджикистана на какое-то время были приостановлены, однако с 2019 г. начинается новый этап их исследования. Основными задачами этих работ являются получение надежных данных о возрасте древних почвенных комплексов, выделенных в лессовых отложениях, верификация имеющейся схемы развития палеолитических индустрий в этом районе Центральной Азии и проведение реконструкций эволюции климата и ландшафтов на данной территории на основе применения новейших палеогеографических методов исследований.

В ходе полевых работ 2021 г. сотрудниками комплексной Российско-Таджикской геоархеологической экспедиции были подготовлены и изучены два опорных разреза: Кульдара, вскрывающий 14 комплексов погребенных почв возрастом более одного миллиона лет, и Оби-Мазар, представляющий собой стенку крупного молодого оползня высотой более 150 м с мощной толщей лессов и почв, переходящих в отложения древних рек. Здесь вскрыто семь почвенных комплексов.

На обоих разрезах выполнен значительный объем геоархеологических работ, включающих подробный анализ и описание вскрытых отложений, а также отбор образцов на большой ряд естественно-научных анализов (гранулометрия, химсостав, палинология, палеомагнитный, оптико-люминесцентное и космогенное датирование).

Археологическая часть работ на разрезах была связана с изучением горизонтов, содержащих свидетельства присутствия древнего человека в регионе, и расширением имеющихся коллекций палеолитических артефактов. На педокомплексах (ПК) 4, 5, 9–11 было заложено пять раскопов, общей площадью более 30 м^2 (рис. 2, *2*). Несмотря на значительный объем работ на разрезе Кульдара, участникам экспедиции в 2021 г. удалось обнаружить лишь небольшую коллекцию артефактов в ПК 4 и 5, представленную продуктами первичного расщепления, а также единичные гальки без следов обработки человеком (манупорты?) в ПК 10 и 11.

Вторым участком археологических исследований стало протяженное обнажение на правом борту долины в среднем течении реки Оби-Мазар, где в 1970–1990-х гг. был обнаружен и изучен ряд пунктов концентрации каменных орудий в горизонтах лессов и почв (Оби-Мазар-4, Оби-Мазар-6, Лахути и др.) [Ранов, 2005; Ранов, Каримова, 2005]. После схождения в 2016 г. крупного оползня, рельеф этого участка существенно изменился. В 2021 г. здесь были проведены археологические разведки для уточнения положения известных ранее пунктов, а также поиска новых объектов. На северо-восточной оконечности обследованного участка, в районе впадения двух небольших водотоков в р. Оби-Мазар, расположены стоянки Лахути I и II [Ранов, Каримова, 2005]. Юго-западная часть обнажения представлена крупным оползневым полуцирком высотой 130 м, где в результате раскопок В.А. Рановым был обнаружен памятник Оби-Мазар [Там же]. Центральная часть обнажения представлена несколькими небольшими оползневыми цирками, нижняя перекрыта склоновыми отложениями. На этом участке четко выделяются палеопочвы нижнего уровня. Здесь при проведении исследовательских маршрутов с.н.с. ВПГЭ НАН РТ П.М. Сосин в ПК 5 и 6 обнаружил участок концентрации каменных артефактов, большая часть которых за-

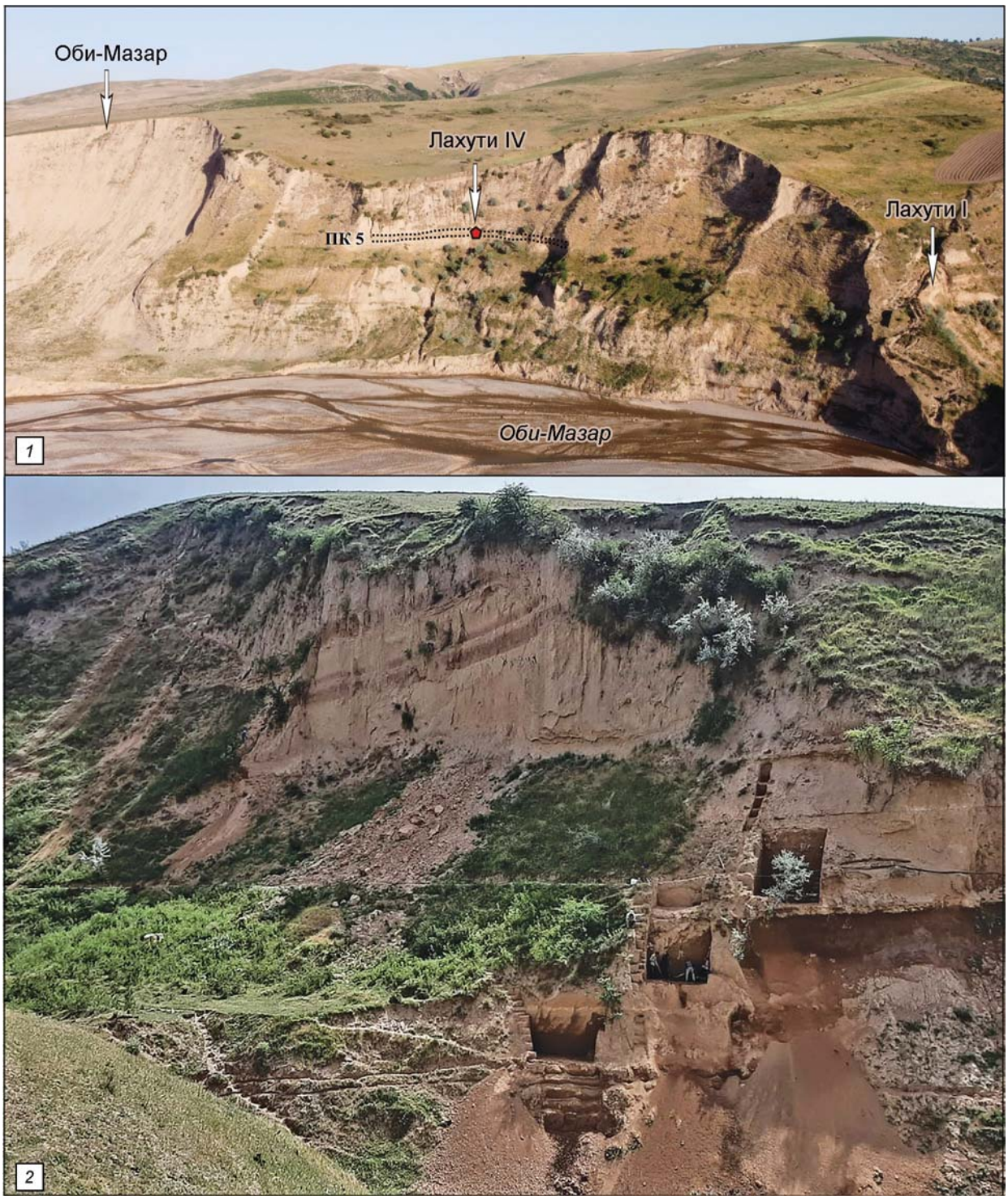

Рис. 2. Основные участки работ в долине р. Оби-Мазар в 2021 г.

1 – расположение стоянки Лахути IV на обнажении Оби-Мазар. *2* – расположение раскопов на ПК 9–11 на обнажении Кульдара.

легала *in situ* в стенке обнажения. В дальнейшем на уровне ПК 5 на участке максимальной концентрации археологического материала были проведены рекогносцировочные раскопочные работы, подтвердившие наличие здесь стоянки раннепалеолитического человека, получившей название Лахути IV (рис. 2, *1*).

Памятник Лахути IV (38°18′01,1″ с.ш. 069°53′12,9″ в.д., высота над ур. моря 1300 м) расположен на правом берегу реки Оби-Мазар на высоте ~ 50 м над современным урезом воды в центральной части протяженного обнажения, в пределах которого расположены несколько археологических памятников и опорных геологических разрезов.

Здесь рекой подмывается мощная толща четвертичных отложений, представленная древним аллювием (30–40 м) и лессово-почвенными сериями. В целом основание разреза представлено аллювиальными галечниками, мощность которых максимальна в юго-западной части, а поверхность слоя падает к северо-востоку. Субаэральный комплекс представлен мощными лессово-почвенными сериями (до 70 м), включающими до семи педокомплексов.

Весь археологический материал, выявленный на стоянке Лахути IV в ходе раскопочных работ 2021 г., связан с отложениями ПК 5, имеющими на этом участке общую мощность до 2,7 м. Педокомплекс перекрыт горизонтом суглинков светло-коричневых, пористых, плотных, глыбистых, карбонатизированных, с многочисленными пятнами ожелезнения и омарганцевания, видимой мощностью до 1,5 м. Собственно ПК 5 представлен двумя выраженными палеопочвами. Верхняя – тяжелый суглинок, светло-коричневый, комковато-глыбистый, с карбонатным мицелием по мелким порам, кротовинами до 5 см, в нижней части обогащена карбонатами (конкреции 1–2 см), общая мощность – 1,0–1,1 м. Нижняя – средне-тяжелый суглинок, светло-коричневый, комковато-глыбистый, с карбонатными конкрециями до 3 см, общая мощность – 0,9–1,0 м. В основании педокомплекса залегает карбонатная кора, представленная лессовидным суглинком, в значительной степени пропитанный карбонатами, что придает слою общий коричнево-белесый оттенок. Кора сформирована в палеопочве в начальной стадии почвообразования, общая мощность – 0,7 м. В целом облик описанного профиля соответствует характеристике ПК 5, описанного для лессово-почвенных серий Таджикистана [Додонов, 2002].

Рекогносцировочным шурфом-врезкой протяженностью 4 м и ориентированным вдоль склона по линии северо-запад – юго-восток были вскрыты отложения верхней и нижней палеопочв ПК 5 до уровня карбонатной корки. Общая глубина вскрытия составила 2,2 м (рис. 3, *2*). Из-за крутого угла стенки обнажения (~ 50º–60º) раскопанная площадь, составляющая 6 м^2 по дну шурфа (4 × 1,5 м), на верхних уровнях вскрытия была существенно меньше. Каменные артефакты зафиксированы в обоих палеопочвах и залегали субгоризонтально согласно общему простиранию вмещающих отложений на восьми уровнях (культурных горизонтах), отделенных друг от друга стерильными в археологическом плане зонами (рис. 4). Каких-либо различий в литологическом составе отложений с артефактами и на других участках слоя не наблюдается. Общая коллекция археологического материала составила 662 изделия.

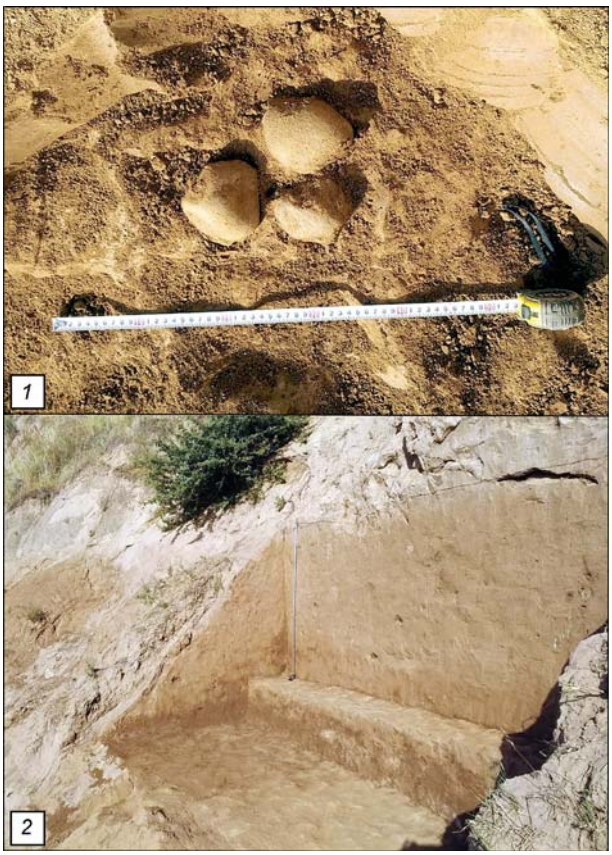

Рис. 3. Стоянка Лахути IV.

1 – скопление отбойников в к.г. 6, вид с юго-запада; *2* – общий вид шурфа-врезки 2021 г. после окончания работ, вид с востока.

По горизонтам присутствия (г.п.) находки распределены следующим образом.

Г.п. 1. Всего – 22 экз., в т.ч. отщепы – 6 экз., мелкие сколы – 2 экз., обломки и осколки – 10 экз., чешуйки – 4 экз. Нуклевидных и орудийных форм нет.

Г.п. 2. Всего – 67 экз., в т.ч. колотые гальки – 2 экз., нуклеусы – 1 экз., отщепы – 49 экз., «дольки» – 6 экз., мелкие сколы – 24 экз., обломки и осколки – 56 экз., чешуйки – 14 экз.

Нуклеус радиальный однофронтальный. Размеры 56 × 43 × 32 мм. Фронт слабовыпуклый, с негативами встречных снятий, контрфронт галечный, ударные площадки не подготавливались. Изделие продольно фрагментировано.

Орудийный набор представлен атипичным скребком.

Г.п. 3. Всего – 197 экз., в т.ч. гальки – 2 экз., колотые гальки – 3 экз., нуклевидные формы – 11 экз., отщепы – 70 экз., «дольки» – 7 экз., мелкие сколы – 26 экз., обломки и осколки – 67 экз., чешуйки – 11 экз.

Нуклевидные формы включают 10 ядрищ и один нуклевидный обломок. 50 % нуклеусов представлено радиальными однофронтальными формами с выпуклыми и слабовыпуклыми фронтами скалывания, галечными контрфронтами и неподготовлен-

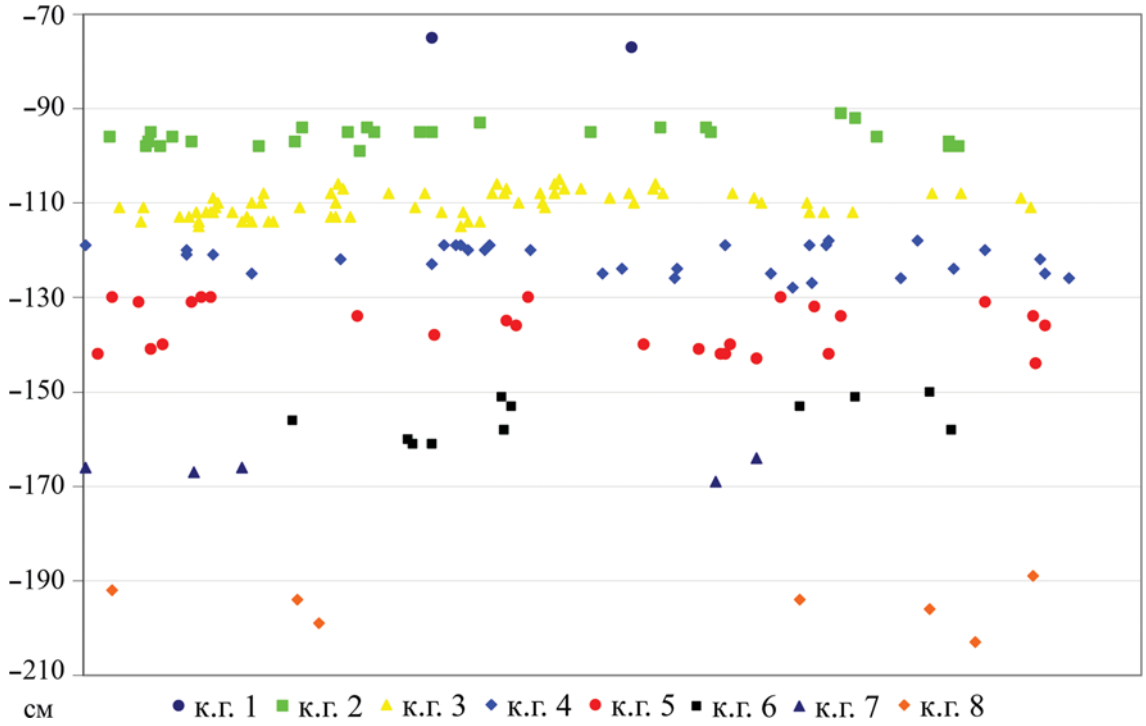

Рис. 4. Проекция залегания артефактов со стоянки Лахути IV по культурным горизонтам (к.г.) на северо-западную стенку шурфа (глубина проекции 1,5 м).

ными ударными площадками (рис. 5, *2, 4, 10*). Часть изделий истощена. Размеры колеблются от 88 × 56 × × 58 мм до 53 × 41 × 21 мм.

Остальные типы представлены в одном экземпляре. Это ядрище для производства «долечных» сколов (усеченная галька), размеры 51 × 30 × 39 мм (рис. 5, *7*); одноплощадочный однофронтальный нуклеус параллельного принципа, с минимальной предварительной подготовкой, размеры 77 × 56 × × 42 мм (рис. 5, *1*); двуплощадочное двуфронтальное ядрище параллельного принципа, с минимальной предварительной подготовкой, размеры 36 × 78 × × 59 мм; нуклеус на отщепе (рис. 5, *8*), с использованием вентральной плоскости для снятия сколов, размеры 89 × 52 × 35 мм, и небольшое сильно сработанное ядрище, размеры 46 × 37 × 18 мм.

Орудийный набор (11 экз.) включает фрагмент унифаса (рис. 5, *5*), поперечное скребло на крупном сколе (рис. 5, *11*), нож с обушком-гранью (рис. 5, *9*), зубчатое (рис. 5, *3*) и интенсивно ретушированное выемчатое (рис. 5, *6*) изделия, четыре обломка с ретушью и два отбойника.

Г.п. 4. Всего – 117 экз., в т.ч. гальки – 1 экз., колотые гальки – 2 экз., нуклевидные формы – 4 экз., отщепы – 36 экз., «дольки» – 6 экз., мелкие сколы – 18 экз., обломки и осколки – 41 экз., чешуйки – 9 экз.

Нуклевидные формы включают два ядрища и два нуклевидных обломка. Нуклеусы представлены радиальным однофронтальным изделием, размеры 60 × 55 × 43 мм и ядрищем для производства «долечных» сколов (усеченная галька), размеры 64 × × 62 × 58 мм.

Орудийный набор (4 экз.) включает два фрагмента унифасов, продольное скребло на крупном сколе и зубчатое изделие.

Г.п. 5. Всего – 95 экз., в т.ч., гальки – 3 экз., колотые гальки – 1 экз., нуклевидные формы – 4 экз., отщепы – 38 экз., «дольки» – 2 экз., мелкие сколы – 12 экз., обломки и осколки – 25 экз., чешуйки – 10 экз.

Нуклевидные формы включают два ядрища и два нуклевидных обломка. Нуклеусы представлены радиальными однофронтальными изделиями со слабовыпуклым фронтом, галечным контрфронтом и неподготовленными ударными площадками, размеры 70 × 68 × 45 мм и 73 × 71 × 54 мм.

Орудийный набор (4 экз.) включает продольное скребло на крупном обломке, выемчатое изделие с простым анкошем, обломок гальки с ретушью и отбойник.

Г.п. 6. Всего – 25 экз., в т.ч. гальки – 5 экз., нуклеусы – 1 экз., отщепы – 7 экз., «дольки» – 1 экз., мелкие сколы – 4 экз., обломки и осколки – 7 экз.

Нуклеус одноплощадочный однофронтальный, параллельного принципа, с минимальной предварительной подготовкой, размеры 53 × 55 × 35 мм.

Орудийный набор (6 экз.) включает продольное скребло на крупном сколе и четыре отбойника (см. рис. 3, *1*).

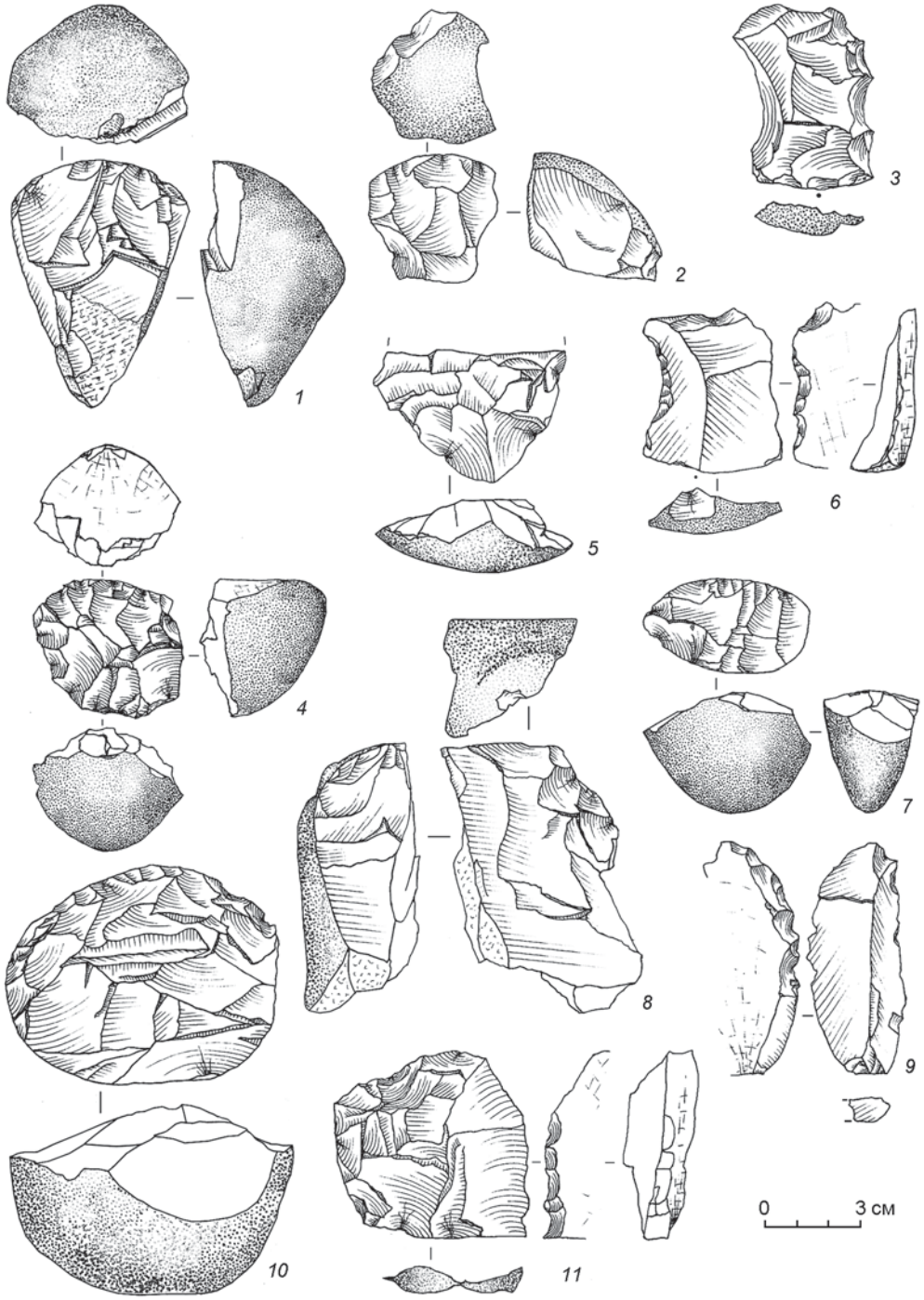

Рис. 5. Каменные артефакты из к.г. 3 стоянки Лахути IV (рисунки Т.У. Худжагелдиева).
1, 2, 4, 7, 8, 10 – нуклеусы; *3* – зубчатое; *5* – фрагмент унифаса; *6* – выемчатое; *9* – нож; *11* – скребло.

Г.п. 7. Всего – 18 экз., в т.ч. колотые гальки – 1 экз., нуклевидные формы – 2 экз., отщепы – 4 экз., обломки и осколки – 11 экз.

Нуклевидные формы включают сильно сработанный, аморфный нуклеус (35 × 31 × 29 мм) и нуклевидный обломок.

Орудийный набор (2 экз.) включает выемчатое изделие с простым анкошем и изделие с «рыльцем», на крупном массивном сколе.

Г.п. 8. Всего – 21 экз., в т.ч. нуклеусы – 1 экз., отщепы – 15 экз., мелкие сколы – 1 экз., обломки и осколки – 4 экз.

Нуклеус выполнен на отщепе, с использованием вентральной плоскости для снятия сколов, размеры 58 × 49 × 24 мм.

В орудийном наборе представлено единственное изделие – фрагмент унифаса.

Условия залегания и технико-типологическая характеристика каменного инвентаря позволяют рассматривать полученные материалы в рамках единой индустрии. Характеризуя данный комплекс в целом, можно выделить следующие его особенности. В первичном расщеплении довольно значительна доля нуклевидных форм (~ 8 % коллекции, без учета отходов производства), и в нем фиксируется использование нескольких плоскостных техник: радиальной однофронтальной, близкой ей долечной, а также параллельного принципа снятия в наиболее примитивном варианте, с использованием одной плоскости и одного направления скалывания. Какая-либо предварительная подготовка на всех видах ядрищ не фиксируется или присутствует минимально (один – два скола). В качестве ударных площадок использовались удобные естественные поверхности заготовок. Зона скалывания не подготавливалась, технических сколов оформления и подправки ударных площадок не зафиксировано. В рамках этой же стратегии находится небольшая группа ядрищ на крупных массивных сколах, с использованием их вентральной поверхности как готовой плоскости для снятия заготовок. При этом здесь также не фиксируется каких-либо действий, направленных на подготовку или переоформление.

Среди дебитажа большую часть составляют отходы производства (~ 70 %), где кроме обломков и осколков присутствуют мелкие сколы (<1,5 см) и чешуйки, могущие свидетельствовать о проведении на стоянке и вторичной обработки заготовок. Пластинчатых форм нет. Среди отщепов «дольки» разных размеров составляют ~ 8 %. Доля сколов разжелвачивания, отражающих начальную стадию расщепления ядрищ, около 15 %. По размерности средние и мелкие отщепы представлены примерно в равных пропорциях, крупных – меньше, но незначительно. Огранка дорсалов преимущественно субпараллельная и продольно-поперечная. Ударные площадки, как правило, гладкие, реже – естественные. Также в коллекции хорошо представлены отбойники (8 экз.) в виде удлиненных галек разного размера и веса, с хорошо выраженными следами забитостей на одном или двух торцах.

В орудийном наборе (~ 8 % коллекции, без учета отходов производства и исключая инструментарий), наряду со значительным числом обломков с ретушью, примерно в равных пропорциях представлены скребла на крупных сколах, зубчато-выемчатые формы и унифасы. Стоит отметить, что отдельные экземпляры одноплощадочных ядрищ также могут рассматриваться как чопперовидные изделия, с углом лезвия в пределах ~ 60º. Наиболее яркой категорией орудий в коллекции являются унифасы, представляющие собой небольшие плоско-выпуклые изделия округлой формы. Выпуклая поверхность полностью сохраняет галечную корку, плоская (или слабовыпуклая) покрыта негативами уплощающих разноразмерных центростремительных снятий, выглядящих как относительно тонкие сколы оформления, а не как целевые заготовки, получаемые в рамках радиального расщепления. Подобные изделия хорошо представлены в коллекции расположенного на незначительном удалении памятника Лахути I, также полученной из ПК 5.

Согласно имеющемуся комплексу естественнонаучных данных в долине Оби-Мазара ПК 5 имеет возраст ~ 0,5 млн л.н. [Ранов, Шеффер, 2000; Додонов, 2002]

В целом для индустрий, зафиксированных ранее при раскопках отложений ПК 6–4 на Оби-Мазаре, Лахути и др., чей возраст предположительно находится в интервале 0,6–0,4 млн л.н., характерно сочетание радиальной, простой параллельной и долечной техник. В орудийном наборе велика доля чопперов, также присутствуют унифасы, различные вида простых скребел, изделия зубчато-выемчатой группы и орудия на дольках [Ранов, 2005; Ранов, Каримова, 2005].

Таким образом, материалы новой стоянки, расположенной примерно в центре участка между памятниками Оби-Мазар-6 и Лахути I, протяженностью ~ 1 км, хорошо вписываются в общий контекст раннепалеолитических индустрий Таджикистана. Отличительной особенностью Лахути IV, выделяющей ее среди всего комплекса палеолитических памятников долины Оби-Мазар, является очень высокая концентрация артефактов. Еще одной уникальной особенностью стоянки является то, что здесь впервые для объектов «лессового палеолита», было зафиксировано залегание артефактов в культурных горизонтах. Это позволяет более детально реконструировать этапы заселения древним человеком изучаемого участка долины, выделять зоны производственной активности и типы хозяйственной деятельности, а также отслеживать возможные изменения в первичном расщеплении и орудийных наборах на относительно коротком хронологическом отрезке в пределах времени формирования одного ПК.

Дальнейшее изучение стоянки Лахути IV на большой площади позволит существенно расширить наши представления о ранних этапах истории Таджикистана и скорректировать общую культур-

но-хронологическую схему изменений индустрий «лессового палеолита» для всего центральноазиатского региона.

Благодарности

Исследования выполнены при поддержке международного проекта Nordforsk (105204) THOCA “The timing and ecology of the human occupation of Central Asia”. Работы по естественно-научной тематике велись в рамках Госзадания МГУ им. М.В. Ломоносова (121051100135-0), археологические работы – в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0003.

Список литературы

Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с.

Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау 1 – древнейший палеолитический памятник в лессах Средней Азии // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1977. – № 47. – С. 50–56.

Ранов В.А. Раскопки в 4–6 палеопочвах лессово-почвенного разреза Оби-Мазар в 1995 и 1997 годах // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2005. – Вып. 30. – С. 14–32.

Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1987. – № 56. – С. 65–75.

Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005.– 248 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20-32.

References

Dodonov A.E. Quaternary period of Central Asia: Stratigraphy, correlation, paleogeography. M.: GEOS, 2002, 250 p. (In Russ.).

Lazarenko A.A., Ranov V.A. Karatau 1 – drevneishii paleoliticheskii pamiatnik v lyossakh Srednei Azii. In *Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*, 1977, No 47, pp. 50–56. (In Russ.).

Ranov V.A. Raskopki v 4–6 paleopochvakh lyossovo-pochvennogo razreza Obi-Mazar v 1995 i 1997 godakh In *Archaeological research in Tajikistan,* Dushanbe, 2005, Vol. 30, pp. 14–32. (In Russ.).

Ranov V.A., Dodonov A.E., Lomov S.P., Pahomov M.M., Penkov A.V. Kuldara – novyi nizhnepaleoliticheskii pamiatnik Iuzhnogo Tadzhikistana. In *Bulletin of the Commission for Study of the Quaternary*, 1987, No 56, pp. 65–75. (In Russ.).

Ranov V.A., Karimova G.R. Stone Age of Afghan-Tajik Depression. Dushanbe: Devashtich, 2005, 248 p. (In Russ.).

Ranov V.A., Shefer I. Loess Paleolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 2, pp. 20–32.

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Худжагелдиев Т.У. https://orcid.org/0000-0002-1819-3715
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0038-0043
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1], В.М. Харевич[1]✉, А.М. Клементьев[1,2], Ж.К. Таймагамбетов[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[3]Национальный музей Республики Казахстан
Нур-Султан, Казахстан
E-mail: mihalich84@mail.ru

Исследовательские работы на верхнепалеолитической стоянке Актас (Северный Казахстан) в 2021 году

В мае 2021 г. совместным отрядом ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены разведочные работы на стоянке Актас в Северном Казахстане. Стоянка Актас расположена на плоской вершине сопки (420 м над уровнем моря) со скальным выходом кварцитовых пород. Памятник исследовался В.Н. Матвиенко в 1982–1983 гг. За это время на 25 м^2 вскрытой площади была получена представительная коллекция фаунистического материала, насчитывающая несколько тысяч единиц. В ее составе отмечены пещерная гиена, пещерный лев, шерстистый носорог, первобытный тур, короткорогий бизон, лось, благородный олень, кулан, архар и др. Наличие предметов с искусственной обработкой и изделий из камня, интерпретируемых как орудия, позволило исследователям связать материалы памятника с деятельностью человека эпохи верхнего палеолита. Основной задачей работ 2021 г. стало получение доказательств причастности древнего человека к формированию материалов памятника и определение возраста стоянки. В шурфе-врезке, заложенном в борту раскопа 1982–1983 гг., был вскрыт стратиграфический разрез, насчитывающий шесть литологических слоев. Основная масса фаунистического материала найдена в слоях 3 (тяжелая буровато-серая супесь) и 4 (обломочный горизонт с супесчаным заполнителем). Общее количество остеологических находок составило 82 экз. В их составе остатки шерстистого носорога, дикой лошади и козлообразных. Каменные артефакты обнаружены не были, однако найдены единичные кости с возможными следами антропогенного воздействия (раскалывание, заполировка). Расположение памятника Актас на возвышенности исключает формирование костеносного горизонта в результате естественных геологических процессов. Все это позволяет связать формирование материалов памятника с антропогенной деятельностью. Возраст материалов стоянки, по составу фаунистических находок, может быть определен в пределах финала MIS 3 – начала MIS 2.

Ключевые слова: *Северный Казахстан, верхний палеолит, палеонтология, фауна, костяные орудия.*

A.A. Anoikin[1], V.M. Kharevich[1]✉, A.M. Klementev[1,2], Zh.K. Taimagambetov[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of the Earth's crust SB RAS
Irkutsk Russia
[3] National Museum of the Republic of Kazakhstan
Nur Sultan, Republic of Kazakhstan
E-mail: mihalich84@mail.ru

Studies at the Aktas Upper Paleolithic site in North Kazakhstan in 2021

In May 2021, a joint expedition of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS and the National Museum of the Republic of Kazakhstan carried out archaeological survey at the Aktas site in northern Kazakhstan. The Aktas site is located on the flat top of a hill (420 m) with a quartzite rocky outcrop. The site was studied by V.N. Matvienko in 1982–1983. At that time, a representative collection of faunal remains (several thousand items) was recovered from the excavation area of 25 sq.m. It contains remains of Crocuta crocuta spelaea, Panthera leo spelaea, Coelodonta antiquitatis, Bos primigenius, Cervus elaphus. Occurrence of objects with traces of working and lithic products interpreted as tools allowed researchers to correlate the materials from this site with Upper Paleolithic human activities. The main task of the works in 2021 was to verify involvement of ancient humans in formation of the materials at the site and determination of its age. A new stratigraphic profile containing 6 lithological layers was established along the wall of the excavation trench of 1982–1983. Faunal remains were mostly collected from layers 3 (brownish-gray sandy loam) and 4 (detrital horizon). In total, 82 animal bones were recovered including remains of Coelodonta antiquitatis, Equus ferus and Caprinae gen. No lithic artifacts were found, however, solitary bones bearing traces of probable anthropogenic impact (splitting, polishing) were found. The Aktas location on a hill excludes the possibility of bone-bed formation due to natural geological processes. The derived information makes it possible to link the accumulated materials at the site to anthropogenic activity. Based on the composition of faunal remains, Aktas was aged to late MIS 3 – early MIS 2.

Keywords: *Northern Kazakhstan, Upper Paleolithic, paleontology, faunal remains, bone tools.*

В мае 2021 г. совместным экспедиционным отрядом ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и Национального музея РК (г. Нур-Султан) проводились рекогносцировочные работы на верхнепалеолитической стоянке Актас в Северном Казахстане. Целью работ было определение современного состояния объекта и оценка его перспективности для дальнейших стационарных исследований.

Памятник расположен в Зерендинском р-не Акмолинской обл. в 3 км к юго-западу от пос. Жамантуз (рис. 1). Район стоянки относится к северной, изолированной, части Казахского мелкосопочника, в пределах Кокчетавской возвышенности. Рельеф здесь определяется группой невысоких сопок, вершины которых сложены скальными выходами массивных кварцитов андреевской свиты позднего рифея, видимой мощностью до 35–40 м. Вершины сопок возвышаются над окружающей субгоризонтальной аккумулятивной равниной на 50–100 м, участки понижений на равнине занимают небольшие пресноводные или слабосоленые озера. Наиболее крупным из них является оз. Жамантуз, на южном берегу которого находится одноименный поселок. Аккумулятивную равнину в данной местности заполняют кайнозойские отложения, в т.ч. верхнеплейстоценового возраста. Последние представлены песчано-галечными и глинистыми отложениями, максимальной мощностью до 20–25 м. На вершинах и склонах возвышенностей мощность этих осадков составляет 2–3 м, и они ложатся непосредственно на продукты коры выветривания по породам допалеозойского фундамента [Матвиенко, Кожамкулова, 1986].

Стоянка Актас локализована на плоской вершине конусовидной безымянной сопки, имеющей высоту ~420 м над уровнем моря. Сопку венчает скальный выход кварцитовых пород, возвышающийся на 15–20 м (рис. 2).

Как археологический памятник объект известен с 1982 г., когда в ходе проведения геологических изысканий сотрудниками Института геологических наук АН КазССР, под руководством В.Н. Матвиенко, здесь был выявлен костеносный горизонт, содержащий остатки позднеплейстоценовой фауны, среди которых были предметы, предположительно имеющие следы антропогенного воздействия [Там же]. Работы на стоянке были продолжены В.Н. Матвиенко в следующем году совместно с сотрудниками Института зоологии АН КазССР [Кожамкулова, Пак, 1988]. Всего за два года работ (1982–1983 гг.), у северного края останца было заложено три смежных раскопа, общей площадью ~25 м^2. В этой ча-

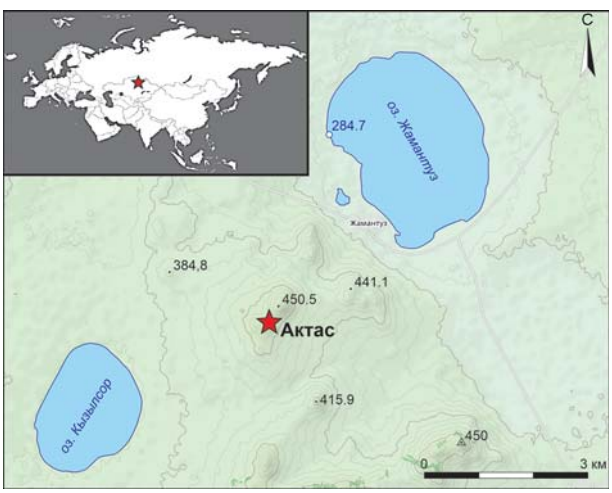

Рис. 1. Расположение стоянки Актас.

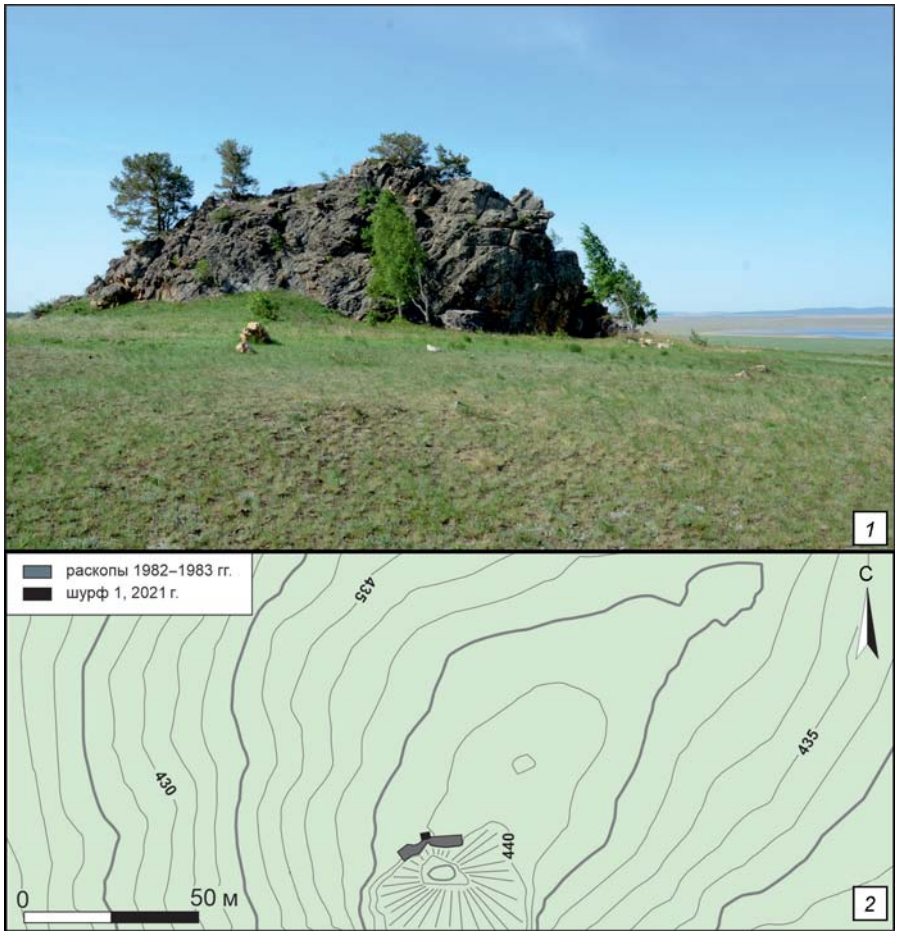

Рис. 2. Стоянка Актас.
1– общий вид с северо-востока; *2* – топоплан.

сти стоянки скальный выход представляет собой практически вертикальную стену высотой до 20 м. На некоторых участках угол ее наклона превышает 90°, за счет чего создается естественный навес незначительной площади. Рыхлые отложения на данном участке образуют пологий склон, с уклоном ~3–5° в направлении с востока на запад.

В ходе работ 1982–1983 гг. на памятнике был получен сводный стратиграфический разрез мощностью до 4 м, включающий 14 литологических тел, группирующихся в шесть основных пачек и представленных почвенным горизонтом, прослоями плотных супесей и суглинков, а также продуктами коры выветривания (рис. 3, *а*). Массовый фаунистический материал, насчитывающий несколько тысяч костей и их фрагментов, залегал в средней части разреза, в интервале высот 1–3 м от дневной поверхности [Матвиенко, Кожамкулова, 1986; Кожамкулова, Пак, 1988].

Общее количество определимых костных остатков составило около 500 единиц. Среди них Б.С. Кожамкуловой и Т.К. Пак были установлены представители 18 видов млекопитающих, в том числе, пещерная гиена, пещерный лев, шерстистый носорог, первобытный тур, короткорогий бизон, лось, благородный олень, кулан, архар и др. [Кожамкулова, Пак, 1988].

Палинологический анализ выявил в плейстоценовых отложениях памятника два основных типа спектров – нижний (глубины ~2,8–2,4 м), близкий к лесостепному типу, но с более широким развитием болот в условиях влажного и холодного климата. В верхнем спектре (глубины ~2,4–1,0 м) преобладал степной тип растительности, развивавшийся в аридных условиях от полынно-злаковых к полынно-маревым и затем к разнотравно-злаковым степям [Матвиенко, Кожамкулова, 1986].

Свидетельства присутствия древнего человека на объекте представлены, в первую очередь, изделиями из кости, интерпретируемыми исследователями стоянки как лощила и шилья/иглы. Однако в публикациях, где освещались работы 1980-х гг., отсутствует их какая-либо развернутая характеристика и графические изображения, а единственная фотография [Там же, с. 68] не позволяет сделать однозначный вывод об «артефактности» демонстри-

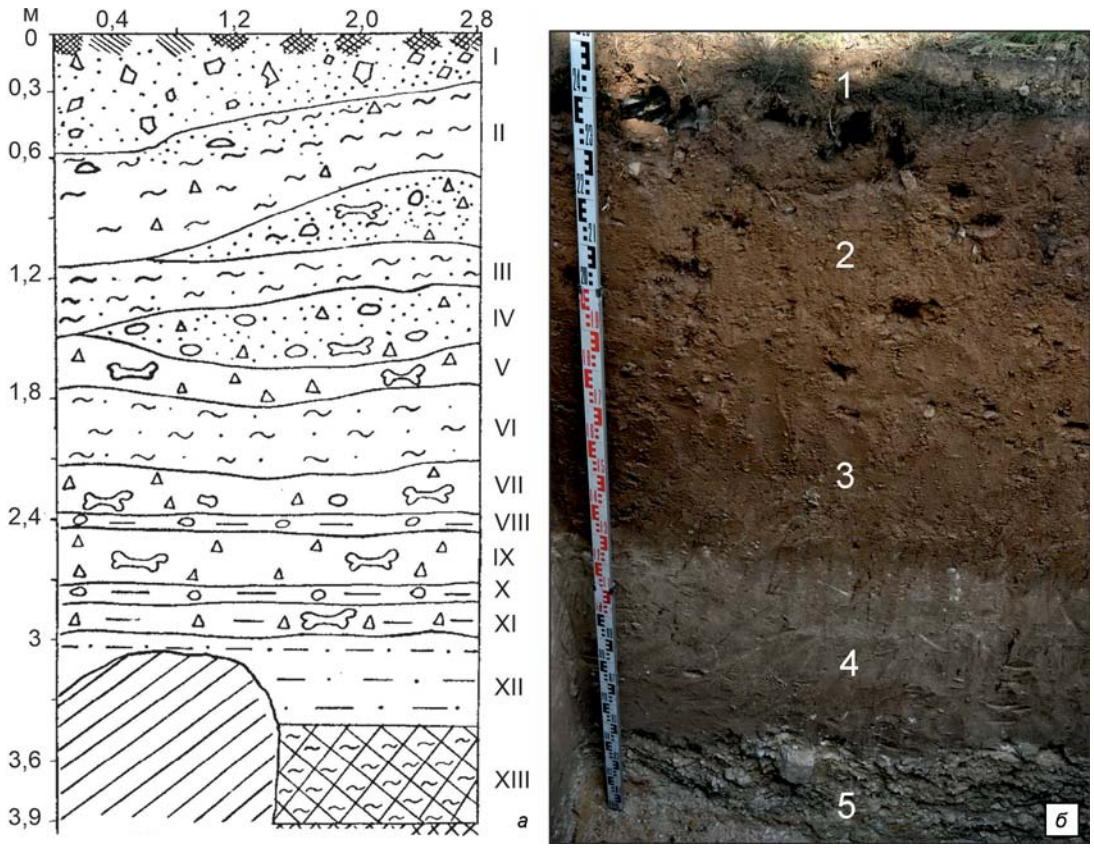

Рис. 3. Стоянка Актас.

а – стратиграфический разрез западной стенки раскопа 2 (1982–1983 гг.) (по: [Кожамкулова, Пак, 1988]); *б* – стратиграфический разрез северной стенки шурфа 2021 г.

руемых предметов. Вопрос о каменных артефактах еще более сложный, т.к. они упоминаются только в одной статье, в короткой фразе: «…в раскопах найдены малочисленные примитивные каменные орудия и их заготовки из кварцитов: тесала, лощила, заготовки топоров и т.п.» [Там же, с. 67]. Каких-либо описаний или изображений данных предметов не приводится, а место их нахождения в настоящее время неизвестно. С учетом того, что авторы исследования не являются специалистами-археологами, а скальный выступ на месте стоянки сложен кварцитами, которые при разрушении образуют изометрические «артефактоподобные» обломки разных размеров, к данным о выявленных каменных орудиях, на наш взгляд, следует относиться с определенной долей осторожности.

Возобновленные в 2021 г. работы на стоянке имели своей целью получить доказательства причастности человека к ее формированию, а также установить как можно более точные хронологические рамки ее функционирования, ранее определяемые просто поздним плейстоценом. Для этого к северной стенке наиболее хорошо сохранившегося раскопа 3 (1983 г.) был сделан шурф-врезка 2 × 1 м, пройденный на глубину 2,8 м.

Полученный разрез был сопоставлен с итоговым разрезом работ 1982–1983 гг. и состоял из следующих литологических тел (сверху-вниз) (рис. 3, *б*).

Слой 1. Современный почвенный горизонт, включающий незначительное количество разноразмерного невыветрелого и слабовыветрелого обломочного материала. Мощность слоя – 0,05–0,15 м (Слой I, по разрезу 1982–1983 гг.).

Слой 2. Суглинок легкий, красновато-буровато-серый, включающий разноразмерный невыветрелый и слабовыветрелый обломочный материал, образующий на отдельных участках маломощные линзы. Мощность слоя – 1,0–1,2 м. На контакте с нижележащими отложениями присутствует редкий фаунистический материал (Слой II, по разрезу 1982–1983 гг.).

Слой 3. Супесь тяжелая, буровато-серая, плотная. Включает мелкий невыветрелый и слабовыветрелый обломочный материал, а также известковые стяжения. Мощность слоя – 0,6–0,7 м. В слое присутствует фаунистический материал хорошей сохранности, не образующий выраженных горизонтов залегания (Слои III–VI, по разрезу 1982–1983 гг.).

Слой 4. Обломочный горизонт с супесчаным заполнителем серого цвета. В верхней части более плотный. Обломочный материал разноразмерный, невыветрелый и слабовыветрелый, встречаются крупные обломки кварцита и фрагменты травертин. Мощность слоя – 0,2–0,4 м. В слое присутствует фаунистический материал плохой сохранности, в основном мелкие обломки (Слои VII, по разрезу 1982–1983 гг.).

Слой 5. Суглинок тяжелый, серый и зеленовато-серый, плотный. Включает большое количество мелкого невыветрелого и слабовыветрелого обломочного материала, образующего на отдельных участках линзы мощностью до 0,15 м. Мощность слоя – до 0,3 м. Фаунистический материал не зафиксирован (Слои VIII–XI, по разрезу 1982–1983 гг.).

Слой 6. Продукты коры выветривания кварц-серицитовых и кварц-хлоритовых сланцев – супесь тяжелая, рыжевато-бурая, рыхлая. Видимая мощность – до 0,1 м (Слой XII, по разрезу 1982–1983 гг.)

Основной фаунистический материал был зафиксирован в слоях 3 и 4 примерно в равных пропорциях. Общее количество остеологических находок составило 82 экз. Определение позволило установить присутствие среди материалов в обоих слоях остатков двух видов непарнокопытных: шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis*) и дикой лошади (*Equus ferus*), Также среди остатков в слое 4 выявлен один фрагмент лопаточной кости представителя семейства козлообразных (*Caprinae gen.*). Костный материал сильно фрагментирован, общее количество идентифицированных остатков составляет только 14,6 %. Для слоя 3 процент определимых остатков выше в силу лучшей сохранности костей. В слое 4 большинство костей разрушено и «упаковано» в костеносную брекчию.

Как предмет биологической характеристики полученных остатков наиболее интересна полная пястная кость ископаемой лошади. При ее измерении учитывались характеристики длины, ширины и поперечников верхнего и нижнего эпифизов и диафиза в логарифмическом отношении к идентичным промерам онагра. Эта кость заметно больше по размерам, чем представленная в коллекции 1980-х гг. [Кожамкулова, Пак, 1988], и скорее соответствует среднеплейстоценовым лошадям Предалтайской впадины [Васильев, Середнёв, Милютин, 2019]. Несмотря на это, показатели массивности пястных костей и максимальные значения промеров не противоречят показателям популяционной изменчивости позднеплейстоценовой ископаемой *Equus ferus* [Пластеева, Клементьев, 2017].

Каких-либо каменных артефактов при работах 2021 г. во вскрытых отложениях и на поверхности обнаружено не было. Однако некоторые особенности памятника, а также состава и сохранности костного материала могут свидетельствовать об искусственном образовании этого тафоценоза. В первую очередь, это расположение исследуемого объекта на возвышенности, что исключает возможность формирования костеносного горизонта в результате естественных геологических процессов – коллювиального и делювиального сноса, либо аккумуляции аллювием. Обращает на себя внимание небольшое количество крупных костей, а среди них фрагментов черепов и нижних отделов конечностей, а также преобладание среди определимых фаунистических остатков именно промысловых видов копытных животных (с учетом материалов раскопок 1980-х гг.). Также в коллекции присутствуют единичные кости с возможными следами антропогенного воздействия (раскалывание, заполировка), которые, однако, требуют дополнительного изучения.

Помимо состава ископаемой фауны и отсутствия признаков их естественного скопления, о наличии в этом месте стоянки первобытных людей косвенно свидетельствует выгодное расположение памятника. Он находится рядом с естественным скальным убежищем, на возвышенности, откуда можно контролировать территорию в несколько сот км^2 с расположенными на ней водоемами озерного типа.

Отсутствие в шурфе каменных артефактов может быть связано с тем, что в непосредственной близости от объекта нет источников сырья, пригодного для регулярного расщепления, во всяком случае, на данный момент. Дефицит литического материала предполагает его экономное использование, выражающееся как в стремлении к минимизации отходов при первичном расщеплении, так и в том, что со стоянки уносился максимально возможный объем каменных изделий.

Следует также отметить, что кварциты, которыми сложен останец, обладают высокой твердостью (~ 5,5–6 по шкале Мооса) и, несмотря на сильную трещиноватость, могут образовывать довольно крупные тонкие отдельности правильной геометрической формы с острым режущим краем, которые возможно использовать в качестве «разовых» инструментов. Идентификация же таких изделий практически невозможна.

Предполагаемый возраст памятника на основании литологии и строения разреза, а также анализа фаунистических данных может относиться к финалу MIS 3 – началу MIS 2. Об этом косвенно свидетельствует находка на стоянке остатков пещерной гиены, время обитания которой на настоящее время определяется для территории Северной Евразии как не позднее 26180 л.н. [Калмыков, Кобылкин, 2017].

Таким образом, стоянка Актас является специфическим археологическим объектом, который можно охарактеризовать как «эфемерная стоянка». Расположение памятника, сохранность и видовой состав фаунистического комплекса указывают на искусственное происхождение костеносного горизонта. Наличие костей со следами антропогенного воздействия позволяет рассматривать Актас как kill-site, что делает ее единственным стратифицированным объектом палеолитического времени данного типа, известным в настоящее на территории Северного Казахстана. Вместе с тем, точная культурно-хронологическая атрибуция этого уникального для региона объекта требует дальнейшего тщательного изучения.

Благодарности

Исследования выполнены за счет проекта РНФ № 19-18-00198.

Список литературы

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха на реке Оби (Новосибирская область) и с реки Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 59–67. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.059-067

Калмыков Н.П., Кобылкин Д.В. Первая находка пещерной гиены (*Crocuta crocuta spelaea*) на Окинском плоскогорье (Восточный Саян) // Доклады Академии наук. – 2017. – Т. 477. – № 1. – С. 57–60.

Кожамкулова Б.С., Пак Т.К. Позднеплейстоценовая териофауна стоянки Актас (Кокчетавская область) и ее сопоставление с одновозрастной фауной Восточного Казахстана // Межрегиональное сопоставление мезозой-кайнозойских фаун и флор Казахстана (Материалы по истории фауны и флоры Казахстана. Т. 10.). – Алма–Ата: Наука, 1988. – С. 121–154.

Матвиенко В.Н., Кожамкулова Б.С. Актас – стоянка позднепалеолитического человека в Северном Казахстане // Вестник АН КазССР. – 1986. – № I. – С.66–71.

Пластеева Н.А., Клементьев А.М. Позднеплейстоценовая лошадь *Equus* (*Equus*) *ferus* (Perissodactyla, Equidae) Прибайкалья и Забайкалья // Труды ЗИН РАН. – 2017.– Т. 321. – № 2. – С. 180–198.

References

Vasilev S.K., Serednev M.A., Milyutin K.I. Large mammals of the Middle and Late Pleistocene from the alluvial sites of Bibikha at the Ob River (Novosibirsk region) and from the Chumysh River (Altai krai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. 2019, Vol. XXV, pp. 59–67. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.059-06. (In Russ.).

Kalmykov N.P., Kobylkin D.V. The first find of the cave hyena (C*rocuta crocuta spelea*) on the Oka plateau (Eastern Sayan). *Doklady earth sciences*, 2017, Vol. 477, No. 1, pp. 57–60. (In Russ.).

Kozhamkulova B.S., Pak T.K. Pozdnepleistotsenovaya teriofauna stoyanki Aktas (Kokchetavskaya oblast) i ee sopostavlenie s odnovozrastnoi faunoi Vostochnogo Kazakhstana. In *Mezhregionalnoe sopostavlenie mezozoi-kainozoiskikh faun i flor Kazakhstana (Materialy po istorii fauny i flory Kazakhstana)*. Alma–Ata: Nauka, 1988, pp. 121–154. (In Russ.).

Matvienko V.N., Kozhamkulova B.S. Aktas – stoyanka pozdnepaleoliticheskogo cheloveka v Severnom Kazakhstane. *Vestnik AN KazSSR,* 1986, No. I, pp. 66–71. (In Russ.).

Plasteeva N.A., Klementev A.M. Late Pleistocene horse *Equus (Equus) ferus* (Perissodactyla, Equidae) from the Cis-Baikal and Transbaikalia. *Trudy ZIN RAS*, 2017, Vol. 321, No. 2, pp. 180–198. (In Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Харевич М.В. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0044-0050
УДК 902/904

Ю.Е. Антонова[1], В.И. Ташак[2]✉, Д.В. Кобылкин[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
[3]Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН
Иркутск, Россия
E-mail: tvi1960@mail.ru

Динамика природной среды в позднем плейстоцене – голоцене на Западе Тугнуйско-Сухаринской долины (на примере археологического местонахождения Три Скалы в Западном Забайкалье)

В статье представлены результаты естественнонаучных исследований, проводившихся в 2021 г. на многослойном археологическом местонахождении Три Скалы в Тугнуйско-Сухаринской долине (Западное Забайкалье). Выявление палеоэкологических условий обитания человека на данной территории позволяет осуществлять реконструкции моделей взаимоотношения человека и природной среды на различных хронологических этапах позднего плейстоцена – голоцена. В основу предпринятых естественнонаучных исследований легли данные по определению pH почв, гранулометрического состава, содержания карбонатов, емкости катионного обмена (ЕКО). Полученные результаты, а также данные морфологии стратиграфических подразделений, позволили выявить заметные колебания характеристик отдельных стратиграфических уровней, которые отражают специфические условия формирования отложений. По совокупности данных археологии и естественных наук, определена динамика изменений природной обстановки в отдельные хронологические периоды. Верхняя часть разреза, содержащая материалы Средневековья и, ниже по разрезу, неолита, представляет собой голоценовое время, представленное почвами сухих межгорных понижений. Средняя часть разреза демонстрирует чередование кратковременных периодов потепления и похолодания, характерное для второй половины сартана. Нижняя часть отложений является наиболее насыщенной археологическими материалами. Здесь зафиксированы верхнепалеолитические материалы Толбагинской культуры с хорошо выраженным пластинчатым производством. Массовые палеолитические материалы включены в два литологических слоя (4а, 5), представляющих две части каргинских отложений. Верхняя часть (4а) переработана в эпоху сартана, в нижней части определено наличие погребенной почвы каргинского времени. С нижним каргинским слоем связаны структурные элементы культурного горизонта в виде кострищ и скоплений артефактов и костей. Условия обитания человека в каргинское время определены как умеренные, ландшафты – преимущественно степные.

Ключевые слова: *археология, верхний палеолит, плейстоцен, голоцен, динамика окружающей среды, Западное Забайкалье, Тугнуйско-Сухаринская долина.*

Yu.E. Antonova[1], V.I. Tashak[2]✉, D.V. Kobylkin[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
Ulan-Ude, Russia
[3]V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS,
Irkutsk, Russia
E-mail: tvi1960@mail.ru

Environmental Fluctuations in the West of the Tugnui-Suhara Valley (on the Example of the Tri Skaly Site in the Western Trans-Baikal) in the Late Pleistocene – Holocene

The article presents results of the multidisciplinary studies conducted at the multilayered archaeological site of Tri Skaly in the Tugnui-Suhara valley (Western Trans-Baikal) in 2021. Recognition of the paleoecological conditions of human habitation in this area makes it possible to reconstruct the interconnections between humans and nature at various chronological periods in the Pleistocene – Holocene. The conducted nature-science analyses were based on the derived data on soil pH, soil granulometric structure, calcareousness, and cation-exchange capacity (CEC). The derived results together with the data on the morphology of a particular stratigraphic unit allow revealing noticeable variations of the strata characteristics, which reflect the specific conditions of deposition. Based on cumulative data of archeology and natural sciences, environmental fluctuations have been defined for several chronological periods in Tugnui-Suhara Valley. The upper part of the profile bearing materials of the medieval period and the underlying strata with the Neolithic materials have been dated to the Holocene represented by the soils of dry intermountain depressions. The middle part of the profile demonstrates alternation of short cold / warm periods characteristic for the second part of the terminal Pleistocene. The lower part of the stratigraphic sequence revealed the most abundant archaeological material. The Upper Palaeolithic materials of the Tolbaga blade-based culture have been recovered from this part of deposits. Abundant Palaeolithic artifacts are associated with two lithological layers (4a and 5) representing the Karginian interglacial deposits. The upper part (4a) was considerably redeposied during the Sartanian, the lower part contained buried soil of the Karginian interglacial. Structural elements of the cultural horizon in the form of fire places and artifact and bone concentrations were associated with the lower Karginian layer. The environmental conditions of human habitation at Tri Skaly during the Karginian interglacial have been defined as temperate, landscapes – predominantly steppe.

Keywords: *archeology, Upper Palaeolithic, Pleistocene, Holocene, environmental fluctuations, Western Trans-Baikal, Tugnui-Suhara Valley.*

Введение

С 2015 г., после открытия в приустьевой части Тугнуйско-Сухаринской долины многослойного археологического местонахождения Три Скалы [Ташак, Антонова, 2016], обозначился новый район комплексных исследований палеолита Западного Забайкалья (рис. 1). В 2021 г. полевые изыскания, предпринятые на западном фланге Тугнуйско-Сухаринской долины, были направлены на обеспечение естественно-научных исследований с целью расширения базы данных, на основе которой будут производиться реконструкции различной направленности. Например, динамика изменений природной обстановки в определенные промежутки времени; характер климатических изменений в позднем

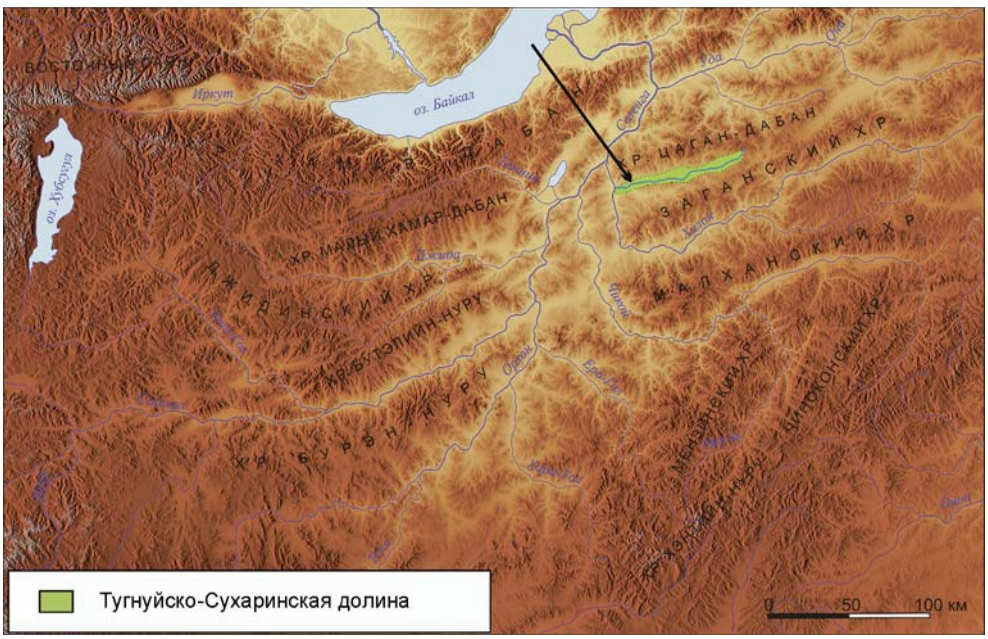

Рис. 1. Схема расположения археологического местонахождения Три скалы в Западном Забайкалье.

плейстоцене – голоцене и установление условий обитания человека на данной территории. С этой целью в 2021 г. производился отбор образцов грунта из стратиграфических слоев местонахождения Три Скалы, и изучалась обширная устьевая часть долины, а также прилегающий к ней правобережный участок долины р. Хилок. В результате получены новые материалы, на основе которых расширено исследование такого направления деятельности древних человеческих коллективов как логистика освоения литоресурсов, одной из основных составляющих развития каменных индустрий. Работа в этом направлении продолжается, и окончательные выводы будут получены позже. В статье рассмотрены исследования, направленные на выявление динамики палеоклимата, фрагменты которой «записаны» в рыхлых отложениях изучаемого объекта. В итоге полевых работ и лабораторных исследований, полученных аналитических образцов и материалов, создана предварительная схема природных изменений в финальном плейстоцене – голоцене на западе Тугнуйско-Сухаринской долины. Данные исследования являются перспективными, поскольку касаются палеолитического местонахождения с выраженными чертами в каменной индустрии, характерной для толбагинской археологической культуры, выделенной по материалам местонахождений Толбага и Варварина Гора [Константинов, 1994]. Местонахождение Толбага расположено в Забайкальском крае, в среднем течении р. Хилок, около 155 км прямо на восток от Трех Скал. Оба местонахождения связаны с долиной Хилка: Толбага находится непосредственно по правому борту долины, а Три Скалы в устьевой зоне долины правого притока Хилка. Выявленные на первом этапе исследований черты общности в каменной индустрии местонахождений могут предполагать общность обитания в сходных природных условиях и общность в способах взаимодействия с природными условиями. Также весомый интерес представляет установление четких хронологических рамок функционирования двух местонахождений.

Стратиграфия местонахождения Три Скалы

В ходе исследований на местонахождении зафиксировано 6 стратиграфических слоев с выделением двух уровней в одном из слоев (рис. 2).

Слой 1. Дерновый слой, супесь каштанового цвета с мелкозернистым песком, единичным содержанием гравия и умеренным содержанием дресвы. Слой рыхлый, пылеватый. Мощность слоя 10–12 см.

Слой 2. Супесь темно-каштанового цвета, с сероватым оттенком, в гранулометрическом составе прослеживается мелкозернистый песок и гравий, с умеренным содержанием дресвы. В слое наблюдается множество остатков корней травянистых растений. Нижняя граница слоя с размывом постепенно переходит в слой 3. На границе между слоями 2 и 3 тонким прослоем концентрируется дресва и мелкий щебень. Мощность слоя 17–25 см.

Слой 3. Супесь с очень высоким содержанием песка, преобладает пылеватый песок, содержание дресвы – умеренное, отдельными пятнами наблюдается повышенное содержание дресвы. Зафиксированы единичные скальные обломки и щебень. Цвет

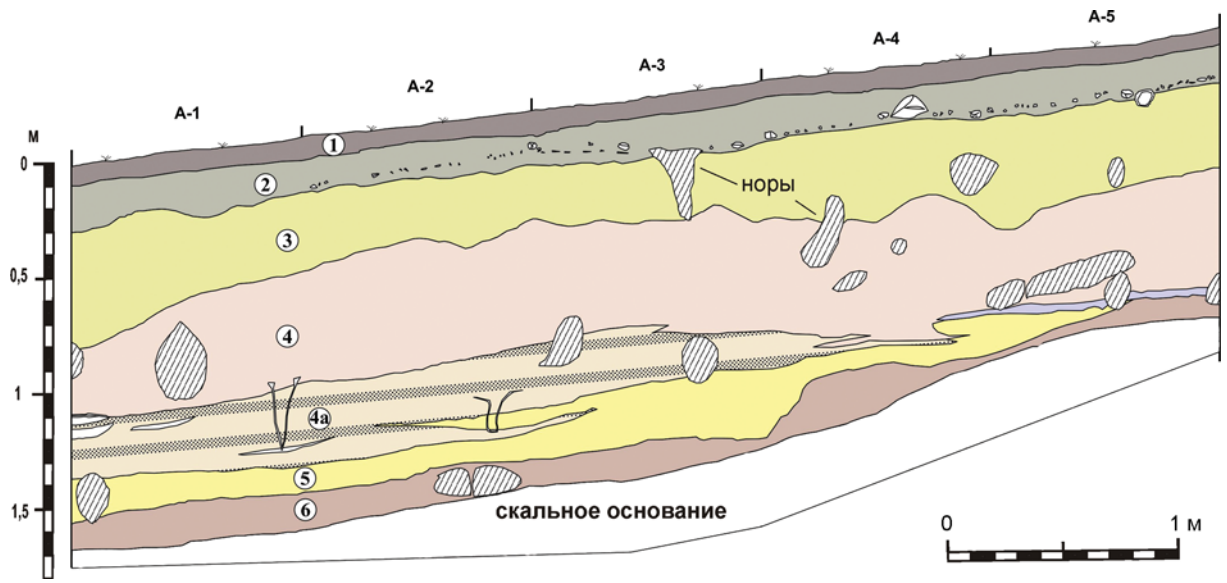

Рис. 2. Археологическое местонахождение Три Скалы. Стратиграфия северной стенки раскопа (описание слоев дано в тексте).

слоя бледно-коричневый, светло-палевый. Нижняя граница волнистая, местами размытая, с небольшими западинами. Мощность слоя 30–52 см.

Слой 4. Супесь пылеватая, но плотно слежавшаяся, с большим содержанием тонкозернистого песка. Цвет светло-коричневый, желтоватый. Высокая степень солевых отложений в слое придает ему белый цвет при высыхании. Окрашенность карбонатами неравномерная, из-за чего слой выглядит пятнистым. Содержание дресвы и крупнозернистого песка умеренное в верней части и значительно возрастает к подошве. Мелкие камни и щебень единичны. Мощность слоя 25–64 см. Граница между 4 и 5 слоями волнистая с разрывами, но эти два слоя четко разграничиваются на тех участках, где слой 5 хорошо сохранился.

Слой 4а. Супесчанистый слой с большим содержанием крупнозернистого песка и мелкой дресвы. От слоя 4 отличается выраженной слоистостью – четкие прослойки дресвы, наклоненные по направлению наклона слоя – на юг и на запад. Кроме этого, слоистость выражена в полосчатом проявлении карбонатов, содержание которых в слое большое. Наблюдаются крупные карбонатные линзы. Нижняя граница слоя в основном четкая, в некоторых местах наблюдаются линзовидные включения из нижнего слоя. Мощность слоя 10–30 см. В некоторых местах слоистость не наблюдается, в этих местах имеет место распространение слоя 4.

Слой 5. Супесчанистый слой светло-коричневого цвета с оливковым оттенком. В слое большое количество сыпучего мелкозернистого песка. Наблюдаются включения дресвы. Мощность 5–7 см.

Слой 6. Кора выветривания или зона дезинтеграции скального основания, представленная разрушенной до состояния мелких камней и щебня поверхностью скального основания. Почти повсеместно поверхность скалы перекрыта плотной карбонатной коркой мощностью 3–7 см.

Археологические материалы

Кровля второго слоя изобилует фрагментами керамических сосудов (1-й культурный горизонт), предварительно датируемый Средневековьем (ранее предполагалось, что это уровень железного века).

С поверхности слоя 3 начинается фиксация артефактов каменного века, в т.ч. палеолитических. На уровне слоя, до глубины около 60 см, все артефакты патинизированы, дефлированы и единичны. На глубине 50–60 см зафиксированы мелкие обломки тонкостенной керамики со следами технического декора на поверхности в виде оттисков шнура, а также немногочисленные каменные артефакты – пластинки, обломок призматического нуклеуса для пластинок. Эти находки типичны для эпохи неолита, но единичны и не дают возможности создать целостную картину об индустрии и горизонте обитания. Начиная со слоя 4 количество каменных артефактов повышается, при этом большинство из них патинизированы, а некоторые с солевой коркой. Основная масса каменных артефактов сосредоточена в слоях 4а и 5. Только в подошве слоя 4а выявляются четкие структуры культурного горизонта: скопления артефактов, интерпретируемые как места расщепления каменного сырья; скопления костей животных; остатки зольно-углистых пятен. На этом уровне в восточной части раскопа зафиксировано скопление артефактов рядом с крупными камнями. Скопление довольно компактное, округлое, в виде ямы до 20 см глубиной, где зафиксированы крупные отщепы (до 12 см длиной), пластины и их фрагменты, орудия на них, крупные сколы. В западной части раскопа выявлено несколько скоплений костей крупных млекопитающих. По технико-морфологическим признакам археологические артефакты этого слоя идентичны нижележащему уровню.

На контакте слоев 4а и 5 сохранилась древняя поверхность обитания, выраженная в крупных гумусных линзах, основание которых сформировано в слое 5. В слое 5 зафиксировано крупное углистое пятно, продолговатой овальной формы, вытянутое по линии юго-запад – северо-восток. В районе зольно-углистого пятна зафиксированы небольшие участки прокала почвы, в основном тонкие линии по краям углистого пятна и небольшие фрагменты по центру. В пятне представлены мелкие обломки костей животных. На краю пятна найден крупный призматический нуклеус для снятия крупных пластин. Зольно-углистые пятна расцениваются нами как фрагменты уровня горизонта обитания. Остатки прокала почвы расположены компактно и говорят о нарушенном склоновыми процессами кострище. Рядом с центральными фрагментами прокала почвы обнаружен небольшой плитчатый камень, который мог играть роль приочажного.

Каменный ассамбляж из слоя 5 и нижнего уровня слоя 4а рассматриваются нами в рамках толбагинской культуры. Процесс расщепления был направлен на получение пластин. Крупные варианты нуклеусов, предназначенных для получения пластин длиной 7 см и более, демонстрируют биполярное расщепление с противолежащих ударных площадок в параллельной и субпараллельной системе. Более мелкие пластинчатые сколы скалывались с одноплощадочных монофронтальных нуклеусов. В коллекции также представлены плоскостные нуклеусы с радиальным оформлением фронта скалывания, единичные леваллуазские и бессистемные нуклеусы, демонстрирующие получение отщепов.

Среди сколов выделяются отщепы, пластины, технические сколы (краевые, реберчатые и полуреберчатые), также в составе артефактов бесформенные обломки. Отмечается высокая доля пластин с фасетированными ударными площадками и различными способами удаленным карнизом, что свидетельствует о внимании к подготовке зоны расщепления перед снятием целевых заготовок. Непосредственно сами пластинчатые снятия и их фрагменты насчитывают четверть артефактов, а наиболее многочисленную группу артефактов образуют отщепы и их фрагменты (более 60 %).

Орудийный набор на данный момент составляет незначительный процент от общего количества артефактов. Две трети орудий выполнены на пластинах и их фрагментах, что явно указывает на тенденцию выбора пластин для изготовления орудий на данном местонахождении. Орудийный набор включает среднепалеолитические и верхнепалеолитические типы: скребла, в т.ч. дежетоидных форм, остроконечники, концевые скребки, резцы, долотовидные изделия, изделия с шипом, отщепы и пластины с ретушью. В качестве основного приема оформления орудий выступает краевое дорсальное ретуширование. Ретушь крутая, полукрутая. Вентральная ретушь единична. При изготовлении долотовидных изделий активно использовалась подтеска. Все это позволило первоначально датировать археологическое местонахождение по набору артефактов ранним этапом верхнего палеолита.

Помимо анализа археологических материалов, на основании которого устанавливался относительный возраст палеолитических материалов местонахождения, была получена радиоуглеродная дата: 25780 ± 580 л.н. (ЛУ-8743) [Антонова, Ташак, 2018] по костям животных из подошвы слоя 4а. Калиброванный возраст подошвы слоя 4а по этой дате, при вероятности в 68,3 %, рассчитанный в программе OxCal 4.4 [Bronk Ramsey 2009; Reimer et al., 2020] приходится на диапазон: 30740–29356 л.н.

Естественно-научные данные

Судя по дате, полученной для подошвы слоя 4а, древнее поселение функционировало здесь в самом конце каргинского интерстадиала. В процессе исследований 2021 г. на разрезе в Трех Скалах глубиной 1,8 м был произведен отбор образцов горизонтов почв для изучения условий педогенеза. В результате были определены pH, гранулометрический состав (по Качинскому), содержание карбонатов, емкость катионного обмена (ЕКО).

Изучаемые отложения, выполняющие подгорный шлейф, имеют, преимущественно, супесчаный состав (рис. 3). Иногда в них наблюдается слоистая

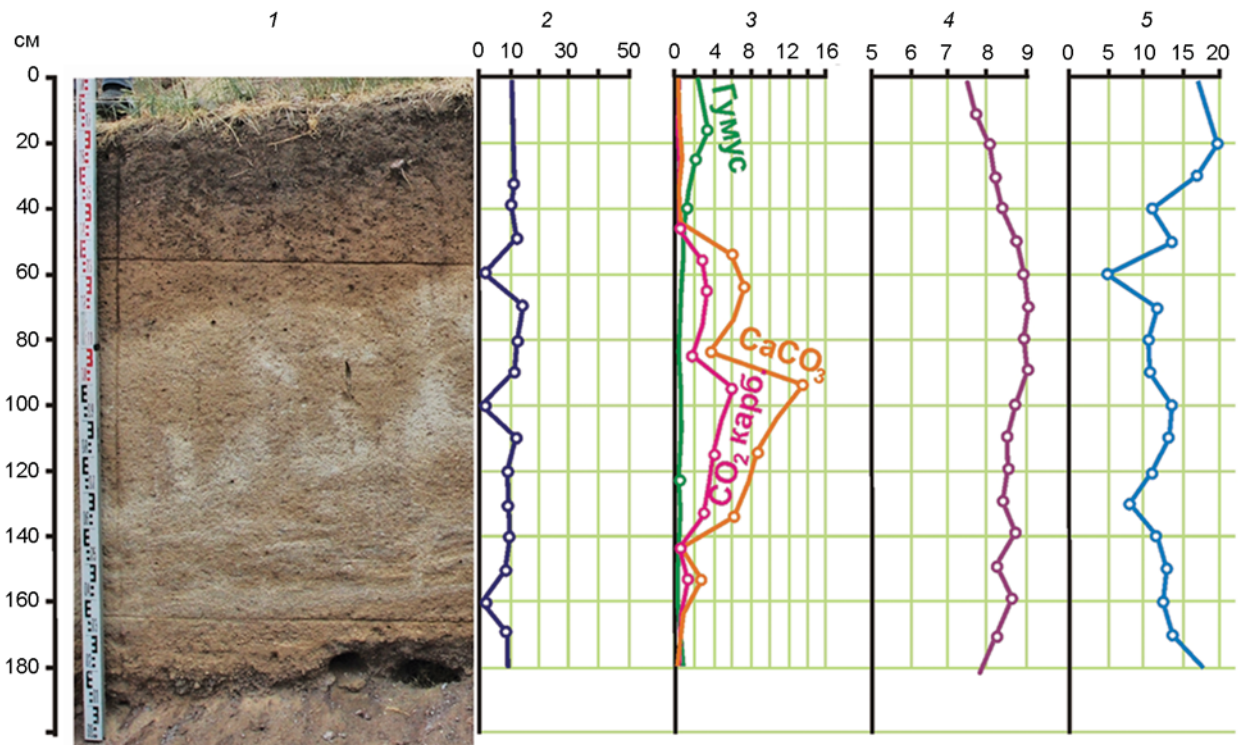

Рис. 3. Аналитическая характеристика отложений местонахождения Три Скалы.

1 – фрагмент северной стенки на участке отбора аналитических образцов; *2* – гранулометрический состав, фракции (%); *3* – гумус (%), CO_2 карбонатов (%), $CaCO_3$ (%); *4* – pH; *5* – ЕКО, ммоль (экв.) / 100 г почвы.

структура, сформированная в зависимости от периодов увлажнения, определяющихся по разностям гранулометрического состава.

Физико-химическая характеристика почвенного профиля (рис. 3) показала принадлежность его к мучнисто-карбонатным каштановым почвам, закономерно формирующимся в сухих межгорных понижениях Забайкалья [Национальный атлас…, 2011]. Содержание гумуса низкое и с глубиной резко уменьшается. Реакция по профилю изменяется от слабощелочной до сильнощелочной (7,45–9,13). Сильнощелочная реакция среды отмечается в слоях с повышенным содержанием карбонатов.

С величиной ЕКО связана способность почв удерживать в относительно мобильном состоянии элементы питания в катионной форме. Она неоднородна по профилю и имеет довольно низкие значения, свидетельствующие о бедности почв, и достигает максимальных значений в гумусированных горизонтах погребенной и современной почвы.

В объем аналитических работ входило определение почвенных карбонатов. Ранее при исследовании распределения карбонатов в почвенных горизонтах Селенгинского среднегорья [Голубцов, Черкашина, Хохлова, 2019] определялись аккумулятивные пики их содержания, связанные с меняющимися палеогеографическими условиями голоцена. Отмечается, что верхняя граница формирования карбонатных новообразований для изучаемой территории может находится в пределах 4,5 тыс. л.н. Для изучаемого разреза мы полагаем, что эта граница приходится на конец сартанского похолодания. Это связано с тем, что в нижней части слоя 3 зафиксированы материалы, характерные для эпохи раннего или среднего неолита, датируемые возрастом не менее 6–8 тыс. л.н. Глубина залегания карбонатизированных слоев колеблется в пределах 60–80 см.

Судя по археологическим материалам, морфологическому строению отложений и содержанию карбонатов седимент слоя, подошва которого лежит на глубине 0,6 м, формировался в условиях раннего – среднего голоцена (слой 3). Пик аккумулятивных карбонатов находится на глубине 1 м – на границе слоев 4 и 4а (вероятно, приходится на максимум сартанского похолодания). Ниже по профилю содержание карбонатов постепенно уменьшается и на глубине 160 см становится незначительным, что и подтверждается отсутствием солевых отложений на каменных артефактах слоя 5.

В подошве рыхлых отложений над корой выветривания (слой 5), происходит увеличение органической составляющей и значения ЕКО, что позволяет реконструировать здесь погребенную почву.

Заключение

На основе проведенных исследований установлено наличие погребенной почвы непосредственно над корой выветривания на местонахождении Три Скалы, время формирования которой приходится на вторую фазу каргинского интерстадиала. Сохранившийся уровень с почвенным горизонтом не отражает мощности слоя в древности. Об этом можно судить по слою 4а, залегающему выше. Слой 4а, содержащий однотипные слою 5 артефакты, определенно отражает ситуацию переработки каргинских отложений в сартанское время. Исходя из того, что в слое 4 мы не наблюдаем выраженной слоистости, полагаем, что начинается определенная стабилизация природных процессов, характеризующаяся чередованием кратковременных периодов потепления и похолодания с формированием маломощных почвенных горизонтов в периоды потепления, что и отражено в повышении уровня ЕКО. Вероятно, пик карбонатов на границе слоев 3 и 4, сопровождающийся отрицательным пиком ЕКО, отражает позднее дриаское похолодание в финале сартанского периода. В целом, подобная ситуация чередования периодов похолодания и потепления в финале сартана хорошо задокументирована по палинологии отложений оз. Котокель [Bezrukova et. al., 2011]. Ранний и средний голоцен приходится на нижнюю часть слоя 3, где и найдены неолитические артефакты.

Таким образом, заселение данного участка территории в эпоху палеолита проходило в мягких/умеренных условиях каргинского интерстадиала с достаточной увлажненностью. Судя по доминированию в остеологической коллекции палеолитических горизонтов Трех Скал костей лошади и дзерена, являющихся основными охотничьими видами, территория местонахождения находилась на остепненном участке ландшафта.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 19-18-00198).

Список литературы

Антонова Ю.Е., Ташак В.И. Геоархеологический объект Три Скалы: первые результаты хронологических исследований // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2018. – Вып. 7. – С. 180–186.

Голубцов В.А., Черкашина А.А., Хохлова О.С. Карбонатный профиль почв Байкальского региона: строение, возраст и условия формирования // Почвове-

дение. – 2019. – № 12. – С. 1471–1491. DOI: 10.1134/S0032180X19120050.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ–Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО РАН; ЧГПИ им. Н.Г. Чернышевского, 1994. – 265 с.

Национальный атлас почв Российской Федерации / Н.А. Аветов, А.Л. Александровский, И.О. Алябина [и др.]. – Москва: Астрель, 2011. – 632 с.

Ташак В.И., Антонова Ю.Е. Три Скалы – новое археологическое местонахождение в Западном Забайкалье (предварительное сообщение) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2016. – Вып. 5. – С. 145–152.

Bezrukova E.V., Tarasov P.E., Kulagina N.V., Abzaeva A.A., Letunova P.P., Kostrova S.S. Palynological study of Lake Kotokel' bottom sediments // Russian Geology and Geophysics. – 2011. – № 52. – P. 457–464.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51(1). – P. 337–360.

Reimer P., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk R. Ch., Butzin M., Cheng H., Lawrence E.R., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson Ch., Van der Plicht J., Reimer R., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney Ch.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. – 2020. – Vol. 62(4). – P. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41.

References

Antonova Yu. E., Tashak V.I. Geoarcheological object Tri Skaly: the first results of chronological studies. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures,* 2018, Is. 7, pp. 290–297 (In Russ.).

Bezrukova E.V., Tarasov P.E., Kulagina N.V., Abzaeva A.A., Letunova P.P., Kostrova S.S. Palynological study of Lake Kotokel' bottom sediments. *Russian Geology and Geophysics,* 2011, No 52, pp. 457–464.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon*, 2009, vol. 51(1), pp. 337–360.

Golubtsov V.A., Cherkashina A.A., Khokhlova O.S. Carbonate Profile of Soils in the Baikal Region: Structure, Age and Formation Conditions. *Pochvovedenie*, 2019, No 12, pp. 1471–1491 (In Russ.).

Konstantinov M.V. Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikalskoi Azii. Ulan-Ude, Chita: ION BNC SB RAS Publ., CSPU Publ., 1994, 265 p. (In Russ.).

Shoby S.A. (ed.). National atlas of soils of the Russian Federation. Moskow: ASTREL Publ., 2011, 632 p. (In Russ.).

Reimer P., Austin W.E.N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P.G., Bronk R.Ch.; Butzin M., Cheng H., Lawrence E.R., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Hajdas I., Heaton T.J., Hogg A.G., Hughen K.A., Kromer B., Manning S.W., Muscheler R., Palmer J.G., Pearson Ch., Van der Plicht J., Reimer R., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Turney Ch.S.M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Capano M., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Miyake F., Olsen J., Reinig F., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon,* 2020, Vol. 62(4), pp. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41.

Tashak V.I., Antonova Yu.E. Tri Skaly – new archaeological site in Western Transbaikalia (preliminary report). *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures,* 2016, Is. 5, pp. 145–152 (In Russ.).

Антонова Ю.Е. https://orcid.org/0000-0001-6941-0305
Ташак В.И. https://orcid.org/0000-0003-1891-9915
Кобылкин Д.В. https://orcid.org/0000-0001-5029-0761

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0051-0056
УДК 903.01

Н.Е. Белоусова✉, В.А. Михиенко, М.Б. Козликин, А.В. Вишневский, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Верхнепалеолитические бифасиальные наконечники из Денисовой пещеры

Традиция изготовления тонких бифасиальных наконечников листовидной формы и овальных бифасов на Алтае демонстрирует отчетливую взаимосвязь с культурой и стратегиями жизнеобеспечения его древнейших верхнепалеолитических обитателей. На сегодняшний день проблема культурно-хронологической атрибуции и специфичности изделий данной группы, как и в целом изучение их роли в хозяйственной и охотничьей деятельности обитателей региона, требуют возвращения к глубокой проработке первичной источниковой базы и обобщения полученных сведений с опорой на новые археологические и естественнонаучные данные. В предлагаемой статье предпринята попытка систематизировать коллекцию верхнепалеолитических бифасов из Денисовой пещеры, наиболее обширную и до настоящего времени не выступавшую предметом специального изучения. В материалах из центрального зала, южной галереи и с предвходовой площадки пещеры было выявлено и восстановлено из фрагментов 13 бифасиальных орудий разной степени фрагментации. Формально все изделия относятся к двусторонне обработанным остриям или скреблам листовидной/овальной морфологической группы, оформленным в двояковыпуклой манере. Обработка большинства бифасов, направленная на придание им симметричной удлиненной листовидной формы, предполагает возможность их использования в качестве наконечников. Крупные и мелкие листовидные формы из Денисовой пещеры находят аналогии в индустриях начального верхнего палеолита Северо-Западного и Центрального Алтая. Присутствие в коллекции пещеры бифасов овального типа не находит подтверждения в виде целых орудий, а все имеющиеся фрагменты округлых очертаний соответствуют по морфометрическим параметрам базальным частям листовидных изделий.

Ключевые слова: *Горный Алтай, верхний палеолит, технологии расщепления камня, листовидные бифасы, наконечники, охотничьи стратегии, scar pattern analysis.*

N.E. Belousova✉, V.A. Mikhienko, M.B. Kozlikin, A.V. Vishnevskiy, M.V. Shunkov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Upper Palaeolithic Bifacial Points from Denisova Cave

The Altai tradition of manufacturing thin foliate bifacial points and ovoid bifaces demonstrates a clear connection with the culture and subsistence strategies of the most ancient Upper Palaeolithic human population of this region. Today, the issues of cultural and chronological attribution and specificity of this tool category as well as the study of its role in the economic and hunting activities of the population in general require profound studies of the primary source base and generalization of the available information based on new archaeological and natural science data. The authors attempt to systematize the collection of the Upper Paleolithic bifaces from Denisova Cave, which is the most extensive and has not yet been the subject of the special study. We identified and refitted 13 bifacial tools of varying degrees of fragmentation from collections from the Main Chamber, the South Chamber, and the Entryway zone of the cave. All products have been defined as bifacially prepared points and side-scrapers of the biconvex leaf-shaped/ovoid morphological group. The working strategy of most bifaces aimed at producing a symmetrical elongated leaf-like shape suggests that the artifacts were possibily used as points. Parallels for the large and small leaf-like forms from Denisova Cave can be found in the Initial and Early Upper Palaeolithic assemblages of

the Northwestern and Central Altai. Occurence of intact ovoid bifaces in the Denisova collection was not confirmed; all the available fragments of rounded outlines correspond to the basal parts of the leaf-shaped bifaces in morphometric parameters.

Keywords: *Altai Mountain, Upper Palaeolithic, knapping techniques of stone raw material, bifaces, negative scar pattern analysis*.

В разное время, в зависимости от исследовательской парадигмы и археологического контекста, листовидные и овальные бифасы со стоянок на территории Алтая рассматривались как атрибуты культурных традиций верхнего и среднего палеолита [Деревянко, Шуньков, 2002; Kolobova et al., 2019]. Так присутствие бифасиального компонента в виде единичных и достаточно массивных листовидных или миндалевидных форм отмечено в среднепалеолитических комплексах стоянок Усть-Каракол-1 (раскоп 1, слой 6) и Денисова пещера (слой 12) – на фоне острийно-пластинчатой леваллуазской технологии [Проблемы палеоэкологии…, 1998; Деревянко и др., 2018]. Из-за недостаточной степени детализации в опубликованных данных в качестве среднепалеолитических иногда рассматривались овальные и листовидные бифасы со стоянки Кара-Бом и из Усть-Канской пещеры, происходящие из комплексов верхнего палеолита или имеющие спорный контекст [Kolobova et al., 2019, Fig. 6].

На верхнепалеолитических стоянках Алтая в настоящее время выявлено около 30 тонких листовидных и овальных форм бифасов. Культурно-хронологический контекст многих изделий не установлен [Проблемы палеоэкологии…, 1998; Деревянко, Шуньков, 2002; Белоусова и др., 2019], однако на основании данных по стоянкам Усть-Каракол-1 (раскоп 1, уровни обитания 5.4 и 5.5) и Кара-Бом (горизонт ВП 2) исследователи соглашаются с тем, что эти формы характерны для индустрий начального верхнего палеолита [Проблемы палеоэкологии…, 1998; Рыбин, 2014; Белоусова и др. 2019; Шалагина и др. 2019]. Высказанное ранее предположение об особом статусе листовидных и овальных форм как культурных маркеров традиций начального верхнего палеолита (НВП) [Рыбин, 2014] в настоящее время требует более детальной аргументации. С идеей специфичности этих орудий для культуры НВП не согласуется находка орудий этого облика в материалах усть-каракольской традиции раннего верхнего палеолита на эпонимной стоянке Усть-Каракол-1 (раскоп 2) [Деревянко, Шуньков, 2002, рис. 12, *7*] и в индустрии стоянки Тюмечин-4, рассматриваемой также как часть технокомплекса усть-каракольской традиции [Деревянко, Шуньков, 2004]. В сложившейся ситуации проблема культурной атрибуции и специфичности тонких бифасов верхнего палеолита Алтая, как и в целом изучение их роли в хозяйственной и охотничьей деятельности обитателей региона, предполагают ревизию источниковой базы и обобщение полученных сведений с учетом новых археологических и естественно-научных данных.

В настоящее время на Алтае наиболее представительной выборкой верхнепалеолитических бифасов является серия двусторонне обработанных орудий из Денисовой пещеры, которая раньше не являлась предметом специального изучения. В данном исследовании в качестве основных инструментов анализа выступили технико-типологический метод, *scar pattern analysis*, метод сырьевых групп и ремонтаж. Серия орудий из южной галереи пещеры стала предметом специального обсуждения как наиболее представительная по своему наполнению и сохранности. Было проведено исследование петрографических особенностей и химического состава каменного сырья артефактов с этого участка с помощью оптической микроскопии в отраженном свете и рентгенофлуоресцентного анализа (XRF) с использованием портативного оборудования Olympus Vanta M.

Коллекция верхнепалеолитических бифасов из Денисовой пещеры включает 13 изделий (рис. *1–13*). Одно орудие выявлено в материалах из слоя 6 на предвходовой площадке. Пять изделий – в стратиграфических подразделениях 11.1 и 11.4 литологического слоя 11 в центральном зале (одно из них восстановлено из трех фрагментов, зафиксированных в разные годы в пределах слоя 11.4). В слое 11 в южной галерее обнаружено шесть фрагментов бифасов. Здесь же на участке нерасчлененных отложений слоев 9 и 11, подвергшихся интенсивной фосфатизации, найдены еще два фрагмента. Следует отметить, что фрагменты бифасов из нерасчлененной толщи осадков апплицируются с фрагментами из слоя 11. Формально, по классификации В.Н. Гладилина [1976], все бифасы из пещеры относятся к классу двусторонне обработанных острий или скребел листовидной/овальной морфологической группы, оформленному в двояковыпуклой (n=12) или плосковыпуклой (n=1) манере. Изделия представляют собой законченные орудия, сломанные на последней стадии оформления или в процессе утилизации; в одном случае по макропризнакам зафиксирован факт реутилизации. Технологический контекст бифасов представлен в материалах пещеры не только законченными формами, но и сколами их оформления. Серия тех-

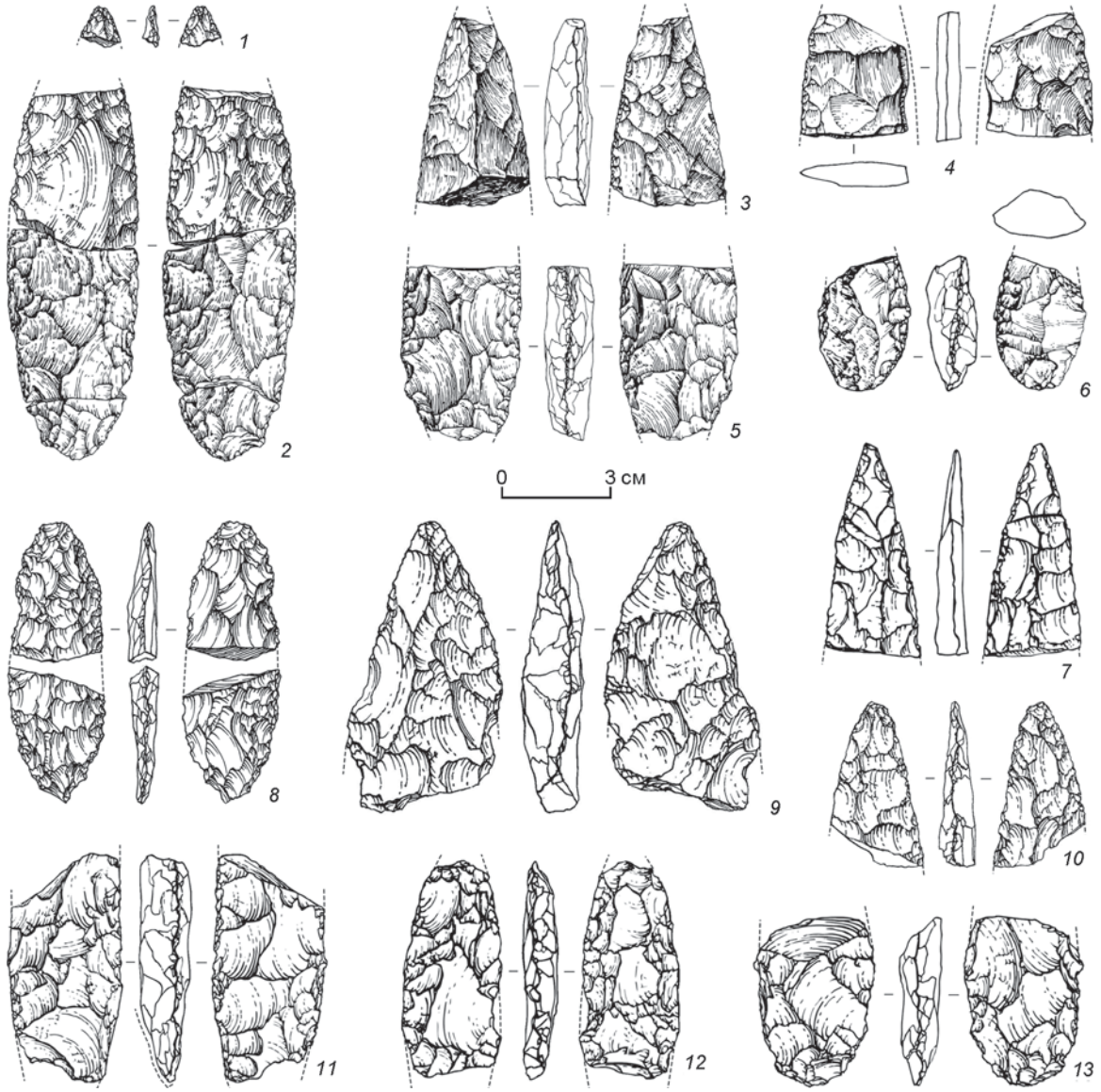

Рис. 1. Верхнепалеолитические тонкие бифасы из слоя 11 в центральном зале (*1–5*), слоя 6 на предвходовой площадке (*6*), слоев 9 (*11*), 11 (7, *8, 10, 12–13*) и нерасчлененной толщи отложений на уровне слоев 9 и 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – дистальный фрагмент двояковыпуклого листовидного бифаса; *2* – восстановленный двояковыпуклый листовидный бифас; *3* – дистальный фрагмент плоско-выпуклого листовидного бифаса; *4* – медиальный фрагмент двояковыпуклого тонкого бифаса; *5* – базально-медиальный фрагмент двояковыпуклого бифаса; *6* – базальный фрагмент двояковыпуклого бифаса; *7* – восстановленный дистальный фрагмент двояковыпуклого листовидного бифаса; *8* – базальная и острийная части двояковыпуклого листовидного бифаса; *9* – медиально-дистальный фрагмент двояковыпуклого листовидного бифаса; *10* – дистальный фрагмент двояковыпуклого листовидного бифаса; *11* – базально-медиальный фрагмент двояковыпуклого листовидного бифаса; *12* – медиально-дистальный фрагмент двояковыпуклого листовидного бифаса; *13* – базальный фрагмент двояковыпуклого бифаса.

нических снятий была выявлена в коллекциях из слоя 7 на предвходовой площадке и слоя 9 в центральном зале. Артефакты несут плоские негативы предыдущих встречных и центростремительных снятий, имеют относительно уплощенный ударный бугорок и слабый изгиб. Для них характерна скошенная остаточная ударная площадка: точечная или линейная. Долю сколов утончения и других отходов производства бифасов в коллекциях верхнего палеолита еще предстоит уточнить.

На предвходовой площадке обнаружен фрагмент относительно массивного двояковыпуклого бифасиального орудия (рис. 1, *6*), которое формально можно рассматривать как базальную часть листовидного бифаса, или, следуя первичной интерпретации, отнести к категории овальных [Природная среда…, 2003, с. 177, рис. 95, *17*].

Верхнепалеолитическая коллекция из центрального зала включает несколько удлиненных листовидных форм – два обломка острийных частей

(рис. 1, *1, 3*), медиальный фрагмент с одним отсутствующим продольным краем (рис. 1, *4*), базально-медиальный фрагмент (рис. 1, *5*), одно восстановленное из трех частей изделие с отсутствующим острием (рис. 1, *2*). Для этих орудий характерно линзовидное двояковыпуклое (4 экз.) или плосковыпуклое (1 экз.) поперечное сечение, удлиненные и симметричные пропорции.

Бифасы из южной галереи по морфологии и характеру фрагментации тяготеют также к группе удлиненных листовидных. В коллекцию вошли два фрагмента острий (рис. 1, *7, 10*), два медиально-дистальных фрагмента, один из которых имеет предположительно признаки метательного износа (рис. 1, *7, 12*), а другой, наиболее крупный, претерпел вторичное переоформление: в зоне поперечного слома создано скребковое лезвие (рис. 1, *9*). Кроме того, в коллекции присутствует одно листовидное изделие, сохранившееся в виде двух не аппликирующихся частей – базальной и острийной (рис. 1, *8*; 2, *1, 2*), а также базально-медиальный (рис. 1, *11*) и базальный (рис. 1, *13*) фрагменты. Последнее изделие по формальным признакам относится также к категории овальных [Деревянко и др. 2018]. Для всех орудий из южной галереи характерно двояковыпуклое линзовидное поперечное сечение, в большинстве случаев – удлиненные и симметричные пропорции. По выборке изделий из южной галереи (n=7) было проведено исследование каменного сырья, служившего материалом для изготовления верхнепалеолитических бифасиальных орудий. Установлено, что использовались наиболее высококачественные отдельности местных пород из руслового аллювия – кислые эффузивы (2 экз.), алевролиты и алевропесчаники (2 экз.), а также приносное сырье – яшмоиды (3 экз.).

Бифасы из Денисовой пещеры существенно различаются по размерности и демонстрируют относительно узкую морфологическую вариабельность. Судя по сохранившимся фрагментам, длина готовых орудий составляла от 80 до 140 мм (n=13), ширина в средней части – от 27 до 37 мм (n=4). Индекс массивности в острийной части имеет значения от 2,4 до 3,2 (n=7), в медиальной части – от 2,5 до 3 (n=3), в базальной – от 2,1 до 4,2 (n=5).

По размеру орудия делятся на две группы – мелкие и крупные, что отчетливо иллюстрируют два восстановленных изделия (рис. 1, *2*, *8*; 2, *1*, *2*). Рассматривая их как эталонные формы, был проведен анализ контуров широких фасов и продольных сечений орудий (рис. 2, *2*). Согласно полученным данным, обработка большинства бифасов укладывается в эти два варианта. В обоих случаях формообразование было направлено на придание изделию симметричной удлиненной листовидной формы, при этом базальная часть оставалась округлой, а края дистальной части сходились, формируя острие. Для изготовления крупных изделий в ка-

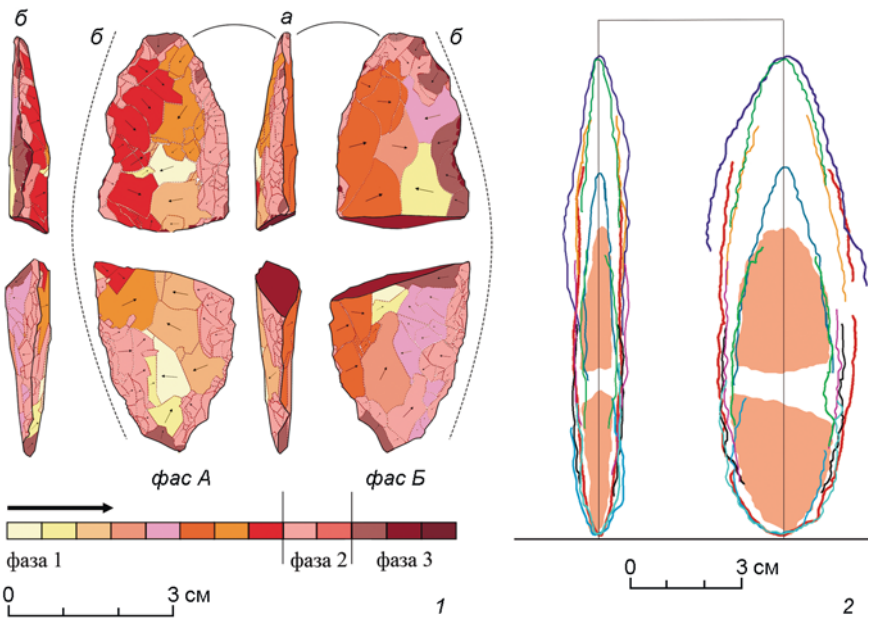

Рис. 2. Морфометрические параметры и последовательность оформления верхнепалеолитических бифасов из Денисовой пещеры.

1 – схематичная реконструкция последовательности утончения (фаза 1), ретуширования (фаза 2) и фрагментации (фаза 3) частично восстановленного листовидного бифаса из 11 слоя в южной галерее (А, Б – фасы орудия; *а, б* – продольные лезвия);

2 – схема наложения контуров широких фасов (*1, а*) и продольных сечений (*1, б*) бифасов (n=12) без учета зон утилизационной и тафономической фрагментации.

честве заготовок могли выступать тонкие плитчатые отдельности или массивные отщепы [Белоусова и др., 2019].

Исходные морфологические параметры наиболее мелких наконечников из пещеры в силу их фрагментации не могут быть восстановлены полностью. Результаты *scar pattern analysis* одного из таких изделий Денисовой пещеры (рис. 2, *2*) позволяют предположить, что заготовкой служил небольшой отщеп редкого высококачественного сырья – яшмоида. Последовательность обработки бифаса, судя по наложению и ориентации негативов, была направлена на максимальное утончение орудия с более выпуклой плоскости (дорсала?). Ретушь также несла формообразующую функцию – выравнивала лезвия и задавала симметричные пропорции. Обработка лезвий на одной из поверхностей дистального фрагмента (фас Б) имела минимальный характер, на противолежащей стороне были отмечены негативы, отличающиеся по степени сохранности – следы тафономической ретуши. Тонкие бифасы аналогичного размера с округлым основанием были зафиксированы в раннем верхнепалеолитическом комплексе стоянки Тюмечин-4, а также в материалах позднего верхнего палеолита из пещер Искра и Каминная [Маркин, 2019; Проблемы палеоэкологии…, 1998].

Результаты исследования показали, что типологическая вариабельность верхнепалеолитических бифасов из Денисовой пещеры была, судя по всему, несколько уже, чем предполагалось ранее. Следуя формальной типологии, все изделия можно отнести к классу двусторонне обработанных острий или скребел листовидной или овальной морфологической группы. Однако, присутствие в коллекции пещеры бифасов овального типа не нашло подтверждения в виде целых орудий, а все сохранившиеся фрагменты округлых очертаний по морфометрическим параметрам соответствуют базальным частям листовидных изделий. Отчетливо прослеживается дифференциация сырья для изготовления бифасиальных форм в соответствии с его качественными петрофизическими характеристиками. Только высококачественные однородные отдельности могли в достаточной мере обеспечить контроль скалывания – в рамках утончения орудия, выработки симметричных и удлиненных пропорций, необходимых для листовидного наконечника. Крупные и мелкие листовидные формы из Денисовой пещеры находят аналогии в индустриях начального верхнего палеолита Северо-Западного и Центрального Алтая. Схожая вариабельность размерности бифасов зафиксирована только на стоянке Тюмечин-4.

Благодарности

Технико-типологический анализ коллекции орудий из Денисовой пещеры выполнен при поддержке проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2021-0001. Технологическая интерпретация (scar pattern analysis), петрографическое и минералогического исследования каменного сырья реализованы при поддержке проекта РНФ № 20-78-10125. Авторы выражают признательность М.В. Селецкому, Р.М. Харитонову и Н.В. Вавилиной за помощь при подготовке иллюстраций.

Список литературы

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 36–43.

Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 231 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 16–42.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 82–86.

Маркин С.В. Палеолитические комплексы сартанского времени Северо-Западного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 150–156.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков; А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, М.В. Шуньков и др. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном

верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Известия Алтайского государственного Университета. – 2014. – Вып. 4 (84). – Т. 1. – С. 188–198.

Шалагина А.В., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и Севера Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2(26). – С. 47–60.

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chabai V.P., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Signification des technologies bifaciales au Paléolithique moyen des montagnes de l'Altaï // L'anthropologie. – 2019. – Vol. 123. – P. 276–288.

References

Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A. Initial Upper Paleolithic Leaf-Shaped Biface from the Kara-Bom Site: Technology, Function, and Context. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 36–43. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Industrii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaja. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002, No 1, pp. 16–42. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Stanovlenie verhnepaleoliticheskih traditsij na Altae. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No 3, pp. 12–40. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave . In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 82–86. (In Russ.).

Gladilin V.N. Problemy rannego paleolita Vostochnoy Evropy. Kiev: Nauk. dumka, 1976, 231 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chabai V.P., Markin S.V., Krivoshapkin A.I. Signification des technologies bifaciales au Pale´olithique moyen des montagnes de l'Altaï. *L'anthropologie*, 2019, vol. 123, pp. 276–288.

Markin S.V. Paleolithic Assemblages of the Sartan Glacial Period in the Northwestern Altai. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 150–156. (In Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaia / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadjanian, G.F. Baryshnikov, E.M. Malayeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).

Problemy paleojekologii, geologii i arheologii paleolita Altaja / A.P. Derevyanko, S.V. Glinsky, M.I. Dergacheva, M.V. Shunkov et al. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 312 p. (In Russ.).

Rybin E.P. Chronology and geographical distribution of culturally significant artifacts in the initial Upper Paleolithic of North Asia and the eastern part of Central Asia. *Izvestiya of the Altai State University Journal*, 2014, vol. 4 (84), iss. 1, pp. 188–198 (In Russ.).

Shalagina A.V., Zotkina L.V., Anoykin A.A., Kulik N.A. Leaf-shaped bifaces in the complexes of the initial Upper Paleolithic of South Siberia and the North of Central Asia. *Theory and practice of archaeological research*, 2019, No. 2 (26), pp. 47–60 (In Russ.).

Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Вишневский А. В. https://orcid.org/0000-0002-1576-3188
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0057-0065
УДК 902.01

Е.Н. Бочарова✉, П.В. Чистяков, Р.К. Жданов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Применение трехмерного сканирования для исследования составных пазовых орудий раннего голоцена Восточной Сибири (на примере орудий из комплексов стоянки Казачка-1)

В статье продемонстрированы возможности применения трехмерного сканирования составных вкладышевых обойм и перспективы использования их трехмерных моделей как базы для дальнейших научных исследований. Сканирование было выполнено на высокоточном оборудовании (сканер Solutionix D700), которое обеспечивает высокую точность сбора данных о геометрии и поверхности объекта. В качестве примеров археологических артефактов используются составные пазовые орудия с местонахождения Казачка-1: два костных орудия из 19 и 11 культурных горизонтов. В результате сканирования были получены масштабируемые модели в высоком разрешении, на основе которых при помощи специального программного обеспечения были сделаны серии поперечных сечений и метрических измерений. В результате анализа формы сечений и сравнения с данными экспериментального моделирования были сделаны выводы об основных технологических этапах изготовления пазов. Были выделены V-, U- и W-образные формы сечений: пазы орудия из 19 горизонта имеют V- и U-образные формы; пазы орудия из 11 горизонта U- и W-образные формы. Разнообразие форм сечений паза может указывать на применение различных приемов обработки кости при изготовлении пазов. U-образное сечение паза могло получиться при прорезывании паза с использованием каменного орудия, рабочий край которого выкрошился в процессе работы. W-образная форма может указывать на то, что направление движения орудия на этом участке менялось в процессе работы. V-образная форма получалась при использовании острого орудия во всем процессе изготовления паза. Данные выводы являются предварительными и требуют проверки серией экспериментов и трасологическими наблюдениями.

Ключевые слова: *составные вкладышевые орудия, Казачка, ранний голоцен, 3D сканирование, поперечные сечения, технология изготовления костяных орудий.*

E.N. Bocharova✉, P.V. Chistyakov, R.K. Zhdanov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Using 3D Scanning to Study Composite Slotted Tools from the Early Holocene of Eastern Siberia (the Case of Kazachka-1 Site)

The article demonstrates the potential applications of 3D scanning of composite slotted tools and the use of models as a basis for further scientific research. The scanning was carried out with high-precision equipment (Solutionix D700 scanner). The scanner provides high precision data acquisition of the geometry and surface of an artefact. As examples of archaeological artefacts we used composite slotted tools from the site of Kazachka-I. There were two bone tools from cultural layers 19 and 11. As a result of three-dimensional scanning application, a series of high-resolution scaled models was created. The series of cross-sections and metric measurements were made on the obtained models with the use of special software. Through analysis of cross-sectional shapes and comparison with experimental modelling data, conclusions on the basic process steps in slotted tools manufacture have been drawn. V-, U- and W-shaped cross-sections have been identified. Slots of bone tool from layer 19 has V- and U-shaped cross-sections. Slots of bone tool from layer 11 have U- and W-shaped cross-sections. The variety

of cross-sectional shapes may indicate different techniques in the manufacture of the slots. The U-shaped cross-section may have been created by cutting the slot with a stone tool, the edge of which has been broken in the process. The W-shape may indicate that the direction of motion of the tool in this section was changed during operation. The V-shape was obtained by using a sharp tool throughout the slotting process. These conclusions are preliminary and need to be verified by a series of experiments and use-wear analysis.

Keywords: *composite slotted tools, Kazachka, Early Holocene, 3D scanning, cross-sections, bone tool technology.*

Введение

Развитие цифровых технологий в последнее десятилетие предопределило их широкое внедрение в практику археологических исследований. Трехмерные модели являются источником метрических и морфологических данных, получение которых ранее было практически невозможным [Grosman, Smikt, Smilansky**,** 2008; Колобова и др., 2020]. Прежде всего трехмерному моделированию подвергались предметы древнего искусства, поскольку были немногочисленны, а следовательно не требовали значительных временных и трудозатрат для своего сканирования, и обладали несомненной художественной и в то же время исторической ценностью. Таким образом, трехмерное сканирование даже одного предмета древнего искусства давало достаточно научной информации для написания одной высокорейтинговой статьи [Grosman et al., 2017; Kolobova et al., 2019a]. Предметами искусства не ограничиваются возможности анализа единичных уникальных артефактов [Weiss, 2015; Eren et al., 2016].

Следующим этапом внедрения цифровых технологий стало сканирование выборок каменных и костяных артефактов и проведение анализа трехмерных моделей [McPherron, Gernat, Hublin, 2009; Grosman, Ovadia, Bogdanovsky, 2014]. Практически одновременно с созданием выборок трехмерных моделей артефактов начинается применение статистических методов для получения верифицируемых выводов (например, Kolobova et al., 2019б; Porter, Roussel, Soressi, 2019; Archer et al., 2018). Отдельным направлением является применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для комплексного сопоставления формы выборок артефактов [Шалагина и др. 2020; Herzlinger, Goren-Inbar, Grosman, 2017; Archer et al., 2018].

В настоящее время развиваются направления, сочетающие трехмерное моделирование с машинным обучением [Zotkina, Kovalev, 2019], применяющие трехмерное моделирование для предопределения формы артефактов на основе набора переменных [Bretzke, Conard, 2012; Archer et al., 2018] и использующие трехмерное моделирование для создания новых алгоритмов измерения вариативных переменных [Valletta et al., 2020].

В предлагаемой статье мы приводим пример исследования трехмерных моделей составных пазовых орудий на примере раннеголоценовых орудий из комплекса Казачка (Восточная Сибирь). До последнего времени детальные метрические и морфологические исследования артефактов данной категории были связаны со значительными трудностями в силу их немногочисленности, хрупкости и миниатюрным размерам пазов.

Материалы и методы

Местонахождение Казачка-1, располагающееся в нижнем течении правого притока Енисея – р. Кан, исследовалось в 1970–80-е гг. За годы стационарных раскопок (1973–75, 1977, 1983 и 1985 г.) вскрыта толща отложений, где в четких стратиграфических условиях выявлено 20 культуросодержащих горизонтов, датированных в диапазоне от 11,5 до 1,5 тыс. л.н. Стратиграфическая колонка включает 20 культуросодержащих слоев. Костяная индустрия раннеголоценовых горизонтов 20–8 к. г. стоянки Казачка-1 включает представительные серии орудий из кости: гарпуны, острия, составные пазовые орудия и др. Наиболее многочисленной группой орудий являются составные пазовые орудия – 17 экз. В данной статье анализируются две обоймы из археологических горизонтов 19 и 11. Выбор данных обойм обусловлен их хронологической позицией – в горизонте 19 зафиксированы хронологически ранние обоймы (10,5 тыс. л.н.), в 11 горизонте (8,5 тыс. л.н.) – поздние.

1. Двухпазовое вкладышевое орудие иволистной формы из комплекса горизонта 19. Обойма состоит из двух склеенных фрагментов. Размеры: 80,55 × 12,04 × 8.07 мм (рис. 1, *А, Б*). С обоих концов сильные свежие повреждения, в том числе по бортам паза. Присутствует также более древнее повреждение на одной из сторон: практически правильной овальной формы, с очень ровными сглаженными краями. Пазы узкие (макс. ширина 1,799 мм с одной стороны и 2,129 мм с другой, (рис.1, *Б*)), пропилены по всей длине орудия. Заостренные края обломаны (рис. 1, *А*).

2. Двухпазовая обойма из горизонта 11 представляет собой миниатюрное изделие размерами 29,19 × 11,10 × 4,74 мм (рис. 1, *В*, *Г*). На обоих кра-

ях круговыми насечками оформлены выступы, которые, возможно, использовались для фиксации орудия. На одной из сторон определено углубление по всей длине орудия. Пазы широкие (макс. ширина 1,950 мм с одной стороны и 1,668 мм с другой, см. рис. 1, *Г*), пропилены практически по всей длине, кроме выступов. Края пазов несут следы деформации.

Трехмерное сканирование осуществлялось при помощи автоматизированной системы 3D-сканирования детализированных объектов Solutionix D700. Модель отсканированной обоймы из 19 горизонта состоит из 3,092,872 полигонов, из 11 горизонта – 938,064 полигонов. Построение профилей осуществлялось в программе Geomagic Design X. Для определения основных морфологических и технологических особенностей мы измерили следующие параметры: размеры обоймы (в самом широком/длинном месте), размеры пазов (глубина и ширина), углы схождения пазов (дно паза) и угол между пазом и поверхностью обоймы (рис. 2). Создание сечений (продольных и поперечных, полученных при сегментировании модели), метрические измерения, в том числе измерения углов нами были сделаны в программе Geomagic Design X.

Результаты

В результате трехмерного моделирования была получена серия поперечных сечений композитных орудий.

Для анализа формы пазов орудия из горизонта 19 было сделано 5 сечений на равном расстоянии друг от друга (рис. 3, *А*). Один профиль паза U-образный практически на всей длине изделия. В медиальной части фиксируется небольшая «ступенька» (рис. 3, *Б, Г*). В этом месте ширина паза самая широкая (1,729 мм). Длина паза 78,41 мм, макс. глубина 2,08 мм. Профиль другого паза нерегулярный, имеет скорее V-образную форму, а также несколько заломов (рис. 3, *В, Д*). Длина паза 78,55 мм. Макс. глубина паза 2,44 мм. Угол схождения бортов паза – 42°. Борта паза расположены под углом 101° друг к другу (см. рис. 2, *А*).

Для анализа формы пазов обоймы из 11 горизонта было сделано 4 поперечных сечения (рис. 3, *А*). Один паз имеет «ступеньку» и в профиле скорее W-образный (рис. 3, *Б, Г*). Длина паза 23,26 мм, макс. глубина 3,49 мм. Второй паз имеет U-образную форму. Длина паза 23,24 мм, макс. глубина 2,30 мм. Угол схождения бортов паза – 43°. Борта паза расположены под углом 73° друг к другу (см. рис. 2, *Б*).

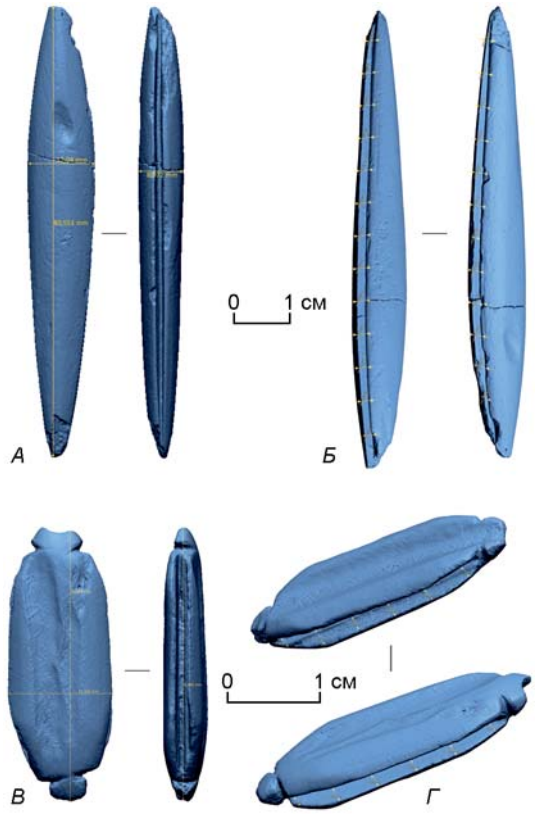

Рис. 1. Метрические параметры пазовых орудий со стоянки Казачка-1.

А – измерение наибольшей ширины и длины орудия из 19 горизонта; *Б* – измерения ширины паза орудия из 19 горизонта; *В* – измерение наибольшей ширины и длины орудия из 11 горизонта; *Г* – измерения ширины паза орудия из 19 горизонта.

Дискуссия

Сложность работы с пазовыми орудиями заключается в том, что пазы имеют небольшую ширину и получить точные мануальные измерения невозможно. Для решения этой проблемы мы применили трехмерное сканирование для дальнейшего неинвазивного манипулирования моделями, в т.ч. для создания точных поперченных сечений с целью классификации и реконструкции процессов изготовления. Многократно повторяющиеся измерения позволяют проводить исследования с выборками данных, например, с выборкой измерений ширины паза [Kolobova et al., 2019a], а также позволяют верифицировать результаты таких измерений [Чистяков и др., 2019; Колобова, 2020].

Пазовые составные орудия с памятников Западноевропейской равнины, Скандинавии, лесной зоны Восточной Европы, Русской равнины и Зауралья достаточно хорошо изучены [Питулько, 2001; Савченко, 2014; Жилин, 2019; Petillon et al., 2011; Manninen et al. 2021]. М.Г. Жилиным была разра-

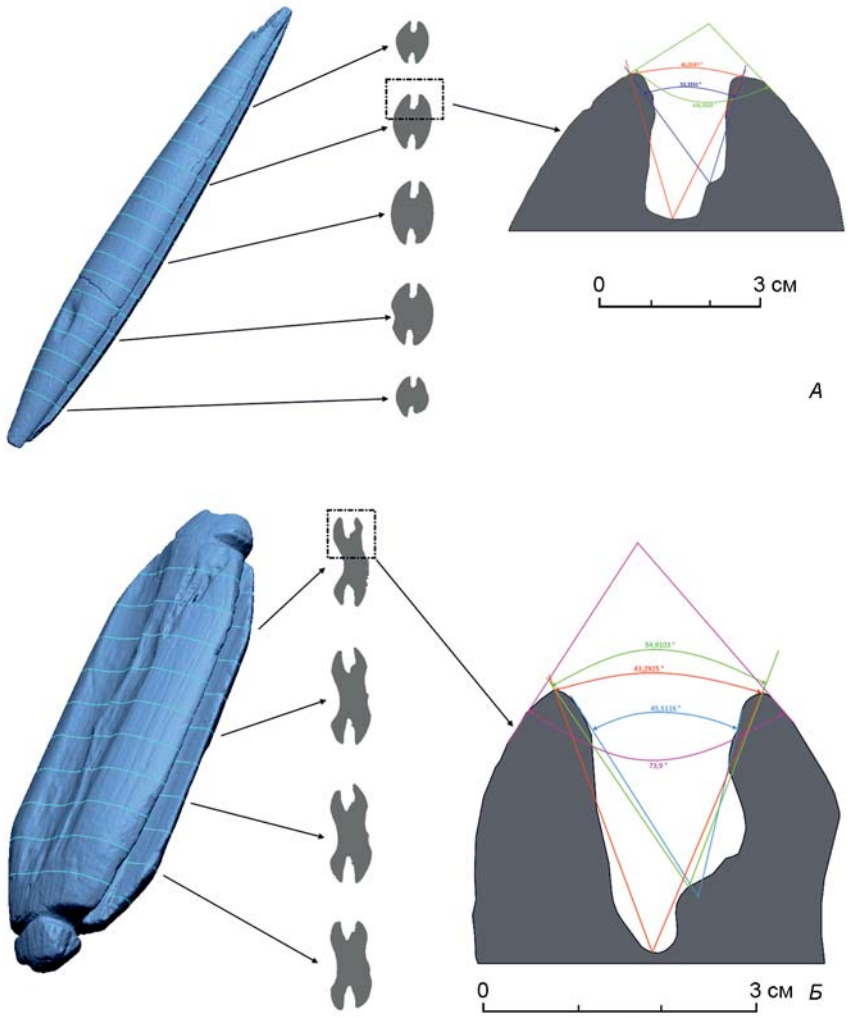

Рис. 2. Поперечные сечения пазовых орудий со стоянки Казачка-1.

А – пример измерения множества углов паза на орудии из 19 горизонта; *Б* – пример измерения множества углов паза на орудии из 11 горизонта.

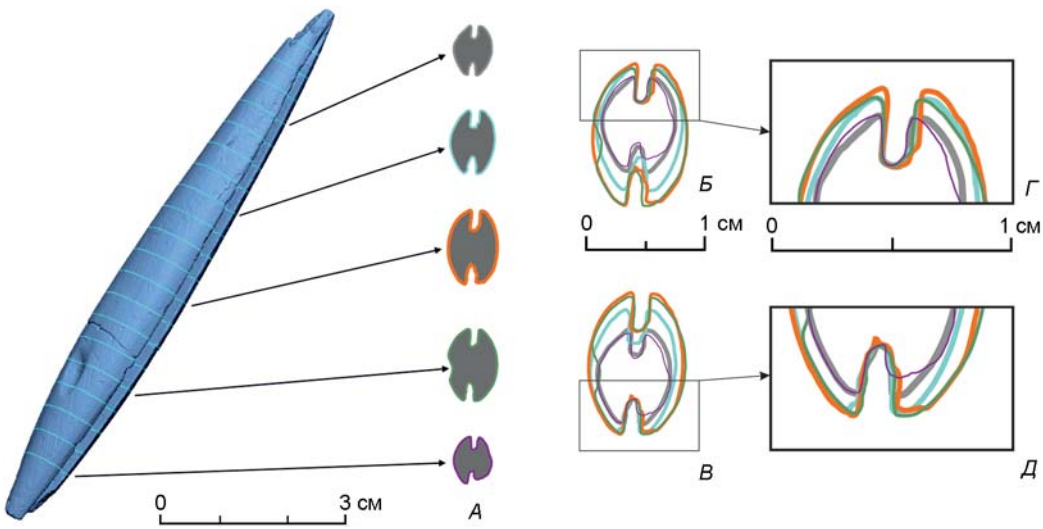

Рис. 3. Поперечные сечения на орудии из 19 горизонта.

А – поперечные сечения на орудии из 19 горизонта; *Б, Г* – наложение сечений левого паза друг на друга; *В, Д* – наложение сечений одного правого паза друг на друга.

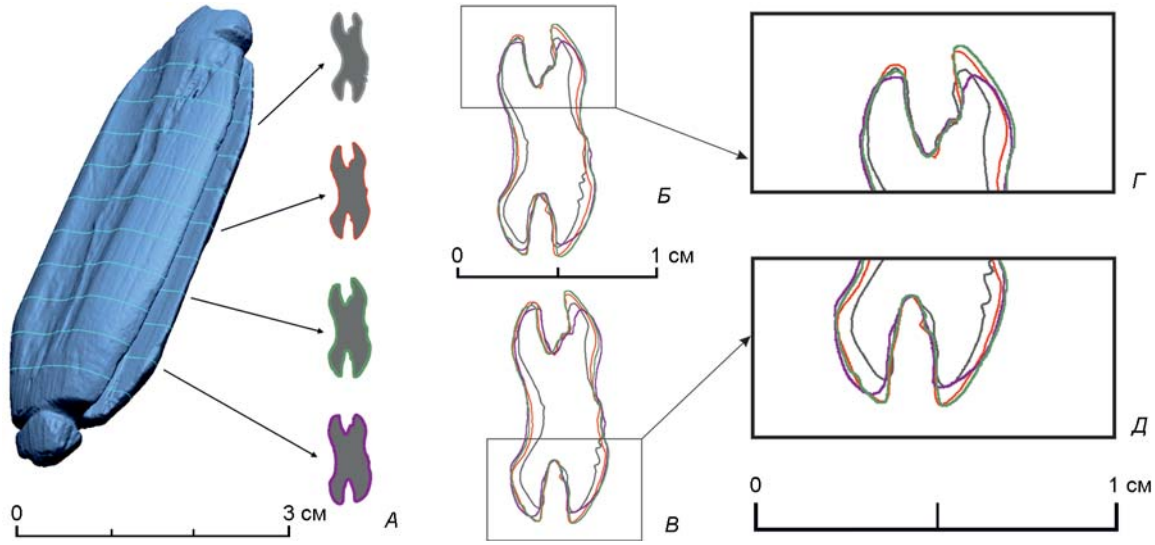

Рис. 4. Поперечные сечения на орудии из 11 горизонта.

А – поперечные сечения на орудии из 11 горизонта; *Б, Г* – наложение сечений левого паза друг на друга; *В, Д* – наложение сечений одного правого паза друг на друга.

ботана функциональная классификация кинжалов и охотничьих ножей [Жилин, 2019]. Им выделено две группы: кинжалы для нанесения глубоких колотых ран и охотничьи ножи для нанесения глубоких и широких колото-резаных ран и разрезания различных материалов [Там же]. В последние годы появилось много работ, посвященных исследованию клеящего вещества, скрепляющего вкладыш с обоймой [Helwig etc., 2014, Косинская и др., 2018; Osipowicz et al., 2020]. Несмотря на достаточно большой объем исследований, посвященных пазовым вкладышевым орудиям, в настоящее время не охваченным остается исследование профилей пазов, метрическое соотношение вкладышей/обойм/клеящего вещества.

Изучение профилей пазов позволяет реконструировать приемы обработки кости при изготовлении орудий. Ранее реконструкция обработки кости была основана на экспериментальном моделировании [Savchenko, 2010; Zhilin, 2017; Petillon et al., 2011; David, Sørensen, 2016].

На основе проведенных экспериментов исследователями было выделено несколько типов профилей пазов: V-образное, W-образное, U-образное сечение, трапециевидное. V-образный паз получался при движении резчика в одном направлении при условии, что лезвие в процессе работы не выкрашивалось, в противном случае пазы приобретали U-образный профиль [Савченко, 2014]. W-образный профиль паза получался в том случае, когда в процессе направление движения менялось на противоположное (Там же). Если кромка оформлялась резцовым сколом, тогда паз приобретал трапециевидное сечение [Чаиркин, Жилин, 2005].

Опираясь на данные экспериментального моделирования и анализа формы профилей пазов нами были сделаны следующие наблюдения.

1. Пазовое орудие из 19 горизонта имеет пазы разной в профиле формы: U-образную и V-образную формы, стенки пазов ровные. В медиальной части U-образного паза фиксируется небольшая «ступенька», что может свидетельствовать о том, что в этом месте орудие, используемое для прорезывания паза, еще не было значительно сработано, и направление движения орудия на этом участке менялось в процессе работы (рис. 3, *Б, Г*). Дно второго паза имеет неровную форму: углубление в медиальной части, что придает пазу в профиле V-образную форму (рис. 3, *В, Д*).

2. Разной формы профили зафиксированы и у орудия из горизонта 11: W-образный и U-образный, стенки ровные. W-образный профиль образован высокой «ступенькой» (рис. 4, *Б, Г*). По всей видимости, при прорезывании первоначально паз был более широкий и орудием работали в двух направлениях. Затем орудие было заменено на новое, более острое, и была прорезана более глубокая часть. Второй паз имеет U-образную форму, что может указывать на то, что орудие, которым делали паз, выкрошилось в процессе работы (рис. 4, *В, Д*).

Заключение

Изучение формы пазов костяных обойм является источником новых знаний о процессе производства и утилизации костяных изделий. Использование трехмерных моделей и возможность получения

наборов поперечных сечений позволяет без разрушения предмета исследовать морфологию пазов, производить различные метрические измерения. При работе с орудиями, у которых частично разрушен борт паза, его можно реконструировать при помощи зеркального отображения части трехмерной модели в том случае, если паз симметричен (т.е. обладает V и U- образными профилями). В тех случаях, когда фиксируются «ступеньки» или другие ассиметричные объекты, зеркальная реконструкция невозможна.

В результате проведенного исследования нам удалось получить множество измерений, которые не удалось бы получить при мануальных измерениях. Получены значения углов схождения пазов (дно паза), углов расположения паза к борту, угол между бортами, при наличии «ступеньки» в пазе – угол расположения «ступеньки» к дну паза. Получение нескольких сечений позволило проследить и сравнить профиль на разных участках паза. В результате была определена изменяющаяся на разных участках форма паза. На основе сопоставления с данными экспериментального моделирования пазовых орудий сделаны выводы о технологии изготовления пазов.

Стоит отметить, что использование компьютерной томографии является весьма перспективным для изучения составных пазовых орудий с сохранившимися вкладышами. Данный метод полностью неинвазивен и позволяет исследовать пазы в тех частях, где сохранились микролиты и сами закрепленные в обоймах микролиты, частично скрытые от исследователей. Исследование технологии изготовления вкладышей [Kolobova et al., 2019б] в совокупности с реконструкцией технологии изготовления пазовых орудий в состоянии предоставить новые данные о системах адаптации и мобильности древних популяций охотников-собирателей и рыболовов Восточной Сибири.

Благодарности

Авторы выражают благодарность кандидату исторических наук, доценту кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ Н.А. Савельеву за предоставленную возможность работы с археологическим материалом и помощь при подготовке статьи.

Список литературы

Жилин М.Г. Вкладышевые кинжалы и охотничьи ножи в мезолите Восточной Европы // Краткие сообщения Института археологии. – 2019. – № 255. – С. 50–70. http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70

Колобова К.А., Шалагина А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Кривошапкин А.И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 4. – С. 240–260. DOI: 10.17223/2312461X/30/12.

Косинская Л.Л., Усачева И.В., Остроушко А.А., Кулеш Н.А., Гржегоржевский К.В., Юдина Е.А. Реконструкция некоторых технологических приемов изготовления мезолитических костяных вкладышевых наконечников стрел (по данным физико-химических анализов находок из пещерного святилища камень Дыроватый) // Человек и север: антропология, археология, экология. – Тюмень: Изд-во ФГБУН ФИЦ ТНЦ СО РАН, 2018. – С. 118–122.

Питулько В.В. Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. – Сергиев Посад: Подкова, 2001. – С. 161–167.

Савченко С.Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // Stratum plus. – 2014. – № 1. – С. 181–208.

Чаиркин С.Е., Жилин М.Г. Мезолитические материалы из пещерных памятников лесного Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. – Москва: Academia, 2005. – С. 252–273.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 3 (27). – С. 102–112. DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-07.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Чистяков П.В., Кривошапкин А.И. Применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для изучения артефактов каменного века // Stratum plus. – 2020. – № 1. – С. 343–358.

Archer W., Pop C.M., Rezek Z., Schlager S., Lin S.C., Weiss M., Dogandžić T., Desta D., McPherron S.P. A geometric morphometric relationship predicts stone flake shape and size variability // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2018. – Vol. 10. https://doi.org/10.1007/s12520-017-0517-2

Bretzke K., Conard N.J. Evaluating morphological variability in lithic assemblages using 3D models of stone artifacts // J. of Archaeol. Sci. – 2012. – Vol. 39. – N 12. – P. 3741–3749. https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.06.039

David E., Sørensen M. First insights into the identification of bone and antler tools used in the indirect percussion and pressure techniques during the early postglacial // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 423. – P. 123–142. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.11.135

Eren M.I., Redmond B.G., Miller G. L., Buchanan B., Boulanger M.T., Hall A., Hall L. The Wauseon Clovis fluted point preform, Northwest Ohio, U.S.A.: observations

geometric morphometrics, microwear, and toolstone procurement distance // Journal of Archaeological Sci.: Reports. – 2016. – Vol. 10. – P. 147–154. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.09.009

Grosman L., Smikt O., Smilansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts // J. of Archaeol. Sci. – 2008. – Vol. 35. – N 12. – P. 3101–3110. DOI: 10.1016/j.jas.2008.06.011.

Grosman L., Ovadia A., Bogdanovsky A. Neolithic masks in a digital world // Face to Face. The Oldest Masks in the World. – Jerusalem, The Israel Museum, 2014. – P. 54–59.

Grosman L., Shaham D., Valletta F., Abadi I., Goldgeir H., Klein N., Dubreul L., Munro N.D. A human face carved on a pebble from the Late Natufian site of Nahal Ein Gev II // Antiquity. – 2017. – Vol. 91. – N 358. – E2. DOI: 10.15184/aqy.2017.122.

Helwig K., Monahan B., Poulin J., Andrews T.D. Ancient projectile weapons from ice patches in northwestern Canada: identification of resin and compound resin-ochrehafting adhesives // Journal of Archaeol. Sci. – 2014. – Vol. 41 – P. 655–665. https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.09.010

Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A new method for 3D geometric morphometric shape analysis: The case study of handaxe knapping skill // Journal of Archaeol. Sci: Reports. – 2017. – Vol. 14. – P. 163–173. DOI:10.1016/j.jasrep.2017.05.013.

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019a. – Vol. 4 (47). – P. 66–76. DOI 10.17746/ 1563-0102.2019.47.4.066-076.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2019б. – Vol. 14. – P. 1407–1419. – URL: https://doi.org/10.1007/s12520-018-0613.

Manninen M.A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History // J. of Archaeol. Method and Theory. – 2021. – Vol. 28. – P. 845–870. https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7

McPherron S.P., Gernat T., Hublin J.J. Structured light scanning for high-resolution documentation of in situ archaeological finds // J. of Archaeol. Sci. – 2009. – Vol. 36. – P. 19–24. DOI:10.1016/j.jas.2008.06.028.

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M.A., Targowski P., Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo – rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland // Praehistorische Zeitschrift. – 2020. – Vol. 95. – N 2. – P. 334–349. https://doi.org/10.1515/pz-2020-0023

Petillon J.-M., Bignon O., Bodu P., Cattelain P., Debout G., Langlais M., Laroulandie V., Plisson H., Valentin B. Hard core and cutting edge: experimental manufacture and use of Magdalenian composite projectile tips // J. of Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38 (6). – P. 1266–1283. https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.01.002

Porter S.T., Roussel M., Soressi M., 2019. A Comparison of Châtelperronian and Protoaurignacian Core Technology Using Data Derived from 3D Models // J. of Computer Applications in Archaeology. – 2019. – Vol. 2 (1). – P. 41–55. http://doi.org/10.5334/jcaa.17

Savchenko S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature. – Oxford: Archaeopress, 2010. – P. 141–147.

Valletta F., Smilansky U., Goring-Morris N.A., Grosma L. On measuring the mean edge angle of lithic tools based on 3-D model– a case study from the southern Levantine Epipaleolithic // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2020. – Vol. 12. https://doi.org/10.1007/s12520-019-00954-w

Weiss M. Stone tool analysis and context of a new late Middle Paleolithic site in western central Europe – Pouch-Terrassenpfeiler, Ldkr. Anhalt-Bitterfeld, Germany // Quartar. – 2015. – Vol. 62. – P. 23–62. doi: 10.7485/QU62_2

Zhilin M. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (central Russia): Technology of the manufacture and use-wear traces // Quaternary Intern. – 2017. – Vol. 427. – P. 230–244. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.095

Zotkina L.V., Kovalev V.S. Lithic or metal tools: techno-traceological and 3D analysis of rock art // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. – 2019. – Vol. 13. P. e00099. DOI: 10.1016/j.daach.2019.e00099.

References

Archer W., Pop C.M., Rezek Z., Schlager S., Lin S.C., Weiss M., Dogandžić T., Desta D., McPherron S.P. A geometric morphometric relationship predicts stone flake shape and size variability. *Archaeol. and Anthropol. Sci.*, 2018, vol. 10. https://doi.org/10.1007/s12520-017-0517-2

Bretzke K., Conard N.J. Evaluating morphological variability in lithic assemblages using 3D models of stone artifacts. *J. of Archaeol. Sci.*, 2012, vol. 39, No 12, pp. 3741–3749. https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.06.039

Chairkin S.E., Zhilin M.G. Mezoliticheskie materialy iz peshchernykh pamyatnikov lesnogo Zaural'ya**.** In *Kamennyi vek lesnoi zony Vostochnoi Evropy i Zaural'ya*. Moscow: Academia, 2005, pp. 252–273. (In Russ.).

Chistyakov P., Kovalev V., Kolobova K., Shalagina A., Krivoshapkin A. 3D modeling of archaeological artifacts by structured light scanner. *Theory and practice of archaeological research*, 2019, vol. 27, No 3, pp. 102–112. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2019)3(27).-07.

David E., Sørensen M. First insights into the identification of bone and antler tools used in the indirect percussion and pressure techniques during the early postglacial. *Quaternary Intern*, 2016, vol. 423, pp. 123–142. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.11.135

Eren M.I., Redmond B.G., Miller G. L., Buchanan B., Boulanger M.T., Hall A., Hall L. The Wauseon Clovis fluted point preform, Northwest Ohio, U.S.A.: observations geometric morphometrics, microwear, and toolstone procurement distance. *J. of Archaeol. Sci.: Reports*, 2016, vol. 10, pp. 147–154. https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.09.009

Grosman L., Smikt O., Smilansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts. *The J. of* Archaeol. Sci., 2008, vol. 35, No 12, pp. 3101–3110. doi: 10.1016/j.jas.2008.06.011.

Grosman L., Ovadia A., Bogdanovsky A. Neolithic masks in a digital world. In *Face to Face. The Oldest Masks in the World*. Jerusalem: The Israel Museum, 2014, pp. 54–59.

Grosman L., Shaham D., Valletta F., Abadi I., Goldgeir H., Klein N., Dubreul L., Munro N.D. A human face carved on a pebble from the Late Natufian site of Nahal Ein Gev II. *Antiquity*, 2017, vol. 91, No 358, E2. doi: 10.15184/aqy.2017.122.

Helwig K., Monahan B., Poulin J., Andrews T.D. Ancient projectile weapons from ice patches in northwestern Canada: identification of resin and compound resin-ochrehafting adhesives. *J. of Archaeol. Sci.*, 2014, vol. 41, pp. 655–665. https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.09.010

Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A new method for 3D geometric morphometric shape analysis: The case study of handaxe knapping skill. *J. of Archaeol. Sci.: Reports,* 2017, vol. 14, pp. 163–173. doi:10.1016/j.jasrep.2017.05.013.

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019a, vol. 4 (47), pp. 66–76. doi: 10.17746/ 1563-0102.2019.47.4.066-076.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia. *Archaeol. and Anthropol. Sci.*, 2019б, vol. 14, pp. 1407–1419. https://doi.org/10.1007/s12520-018-0613

Kolobova K.A., Shalagina AV., Chistyakov PV., Bocharova E.N., Krivoshapkin A.I. Three-dimensional modelling application for studying Stone Age assemblages. *Siberian Historical Research*, 2020, vol. 4, pp. 240–260. (In Russ.) doi: 10.17223/2312461X/30/12.

Kosinskaya L.L., Usacheva I.V., Ostroushko A.A., Kulesh N.A., Grzhegorzhevskii K.V., Yudina E.A. Rekonstruktsiya nekotorykh tekhnologicheskikh priemov izgotovleniya mezoliticheskikh kostyanykh vkladyshevykh nakonechnikov strel (po dannym fiziko-khimicheskikh analizov nakhodok iz peshchernogo svyatilishcha kamen' Dyrovatyi). In *Chelovek i sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya*. Tyumen: Tymen Federal Research Center Sinerian Branch of Russian Academy of Science Publ., 2018, pp. 118–122. (In Russ.).

Manninen M.A., Asheichyk V., Jonuks T., Kriiska A., Osipowicz G., Sorokin A. N., Vashanau A., Riede F., Persson P. Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History. *J. of Archaeol. Method and Theory*, 2021, vol. 28, pp. 845–870. https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7

McPherron S.P., Gernat T., Hublin J.J. Structured light scanning for high-resolution documentation of in situ archaeological finds. *Journal of Archaeol. Sci.*, 2009, vol. 36, pp. 19–24. doi:10.1016/j.jas.2008.06.028.

Osipowicz G., Orłowska J., Bosiak M., Manninen M.A., Targowski P., Sobieraj J. Slotted bone point from Tłokowo – rewritten story of a unique artefact from Mesolithic Poland. *Praehistorische Zeitschrift*, 2020, vol. 95, No 2, pp. 334–349. https://doi.org/10.1515/pz-2020-0023

Petillon J.-M., Bignon O., Bodu P., Cattelain P., Debout G., Langlais M., Laroulandie V., Plisson H., Valentin B. Hard core and cutting edge: experimental manufacture and use of Magdalenian composite projectile tips. *J. of Archaeol. Sci.,* 2011, vol. 38 (6), pp. 1266–1283. doi: https://doi.org/10.1016/j.jas.2011.01.002.

Pitul'ko V. V. Obshchie tendentsii v razvitii vkladyshevykh orudii. In *Kamennyi vek evropeiskikh ravnin: ob"ekty iz organicheskikh materialov i struktura poselenii kak otrazhenie chelovecheskoi kul'tury*. Sergiev Posad: Povkova Publ., 2001, pp. 161–167. (In Russ.).

Porter S.T., Roussel M., Soressi M., 2019. A Comparison of Châtelperronian and Protoaurignacian Core Technology Using Data Derived from 3D Models. *J. of Computer Applications in Archaeology*, 2019, vol. 2 (1), pp. 41–55. http://doi.org/10.5334/jcaa.17

Savchenko S. Experiments on Manufacturing Techniques of Mesolithic and Early Neolithic Slotted Bone Projectile Points from Eastern Urals. In *Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: cultural, technological and functional signature*. Oxford: Archaeopress, 2010, pp. 141–147.

Savchenko S.N. Continuity and Innovations in the Development of the Mesolithic Bone Industry in the Forest Zone of Eastern Urals. *Stratum plus,* 2014, No 1, pp. 181–208. (In Russ.).

Shalagina A.V., Kolobova K. A., Chistyakov P.V., Krivoshapkin A.I. Application of 3D geometric-morphometric analysis to the study of stone age lithic artifacts. *Stratum plus*, 2020, No. 1, pp. 343–358. (In Russ.).

Valletta F., Smilansky U., Goring-Morris N.A., Grosma L. On measuring the mean edge angle of lithic tools based on 3-D model – a case study from the southern Levantine Epipaleolithic. *Archaeol. and Anthropol. Sci.,* 2020, vol. 12. https://doi.org/10.1007/s12520-019-00954-w

Weiss M. Stone tool analysis and context of a new late Middle Paleolithic site in western central Europe – Pouch-Terrassenpfeiler, Ldkr. Anhalt-Bitterfeld, Germany. *Quartar*, 2015, vol. 62, pp. 23–62. doi: 10.7485/QU62_2.

Zhilin M. Mesolithic bone arrowheads from Ivanovskoye 7 (central Russia): Technology of the manufacture and use-wear traces. *Quaternary Intern.*, 2017, vol. 427, pp. 230–244. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.095

Zhilin M.G. Daggers-Inserts and Hunting Knives in the Mesolithic of Eastern Europe. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2019, No 255, pp. 50–70. (in Russ.) http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.255.50-70

Zotkina L.V., Kovalev V.S. Lithic or metal tools: techno-traceological and 3D analysis of rock art. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2019, vol. 13, pp. e00099. doi: 10.1016/j.daach.2019.e00099.

Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Жданов Р.К. https://orcid.org/0000-0002-0464-9435

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0066-0073
УДК 569

С.К. Васильев

Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013,
Национальный центр научных исследований –
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Крупные млекопитающие раннего, среднего и позднего плейстоцена Новосибирского Приобья

В статье проанализирована плейстоценовая мегафауна из двух крупных местонахождений Новосибирского Приобья – Красного Яра и Бибихи. В Красном Яру из слоев 4 и 6 собрано 5768 костных остатков от 28 видов крупных млекопитающих. Они относятся к раннему, среднему и позднему плейстоцену – казанцевскому (R-W) и каргинскому (W-2) времени. На Бибихе найдено 5708 костей от 19 видов. Биостратиграфическим методом большая часть находок из Бибихи датирована средним плейстоценом, меньшая часть костей относится к раннему плейстоцену. Все костные остатки на Бибихе собраны на пляже, в переотложенном состоянии. Проанализированы тафономические особенности обоих местонахождений. Изучение костей крупных млекопитающих показало, что размеры тела бизона, благородного и гигантского оленей, лося и пещерного льва не менялись со среднего до начала позднего плейстоцена. Средний рост в холке лошадей на протяжении раннего – второй половины позднего плейстоцена, напротив, существенно уменьшился – со 158 до 145 см. Среди костей раннеплейстоценой группы из Красного Яра и Бибихи обнаружены остатки Panthera leo fossilis, Mammuthus sp., Coelodonta antiquitatis, Equus ferus (ex. gr. mosbachensis), Megaloceros giganteus, Cervus elaphus, Cervalces latifrons, Bison priscus, Praeovibos sp., Soergelia cf. elisabethae. На протяжении среднего и позднего плейстоцена абсолютно доминировали два вида – бизон и лошадь. Их кости в сумме составляют от 68 до 79 % от числа всех остатков мегафауны. В периоды межледниковий и межстадиалов, на фоне господства лесостепных ландшафтов, преимущество получал бизон (48–52 %), остатки лошади составляли 20–26 %. В периоды оледенений, на фоне похолодания и развития аридных степных ландшафтов, на первый план выходила лошадь (до 63 %), а количество бизонов сокращалось в три и более раз.

Ключевые слова: *Красный Яр, Бибиха, плейстоцен, крупные млекопитающие.*

S.K. Vasiliev

ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAn,
CNRS – IAET SB RAS International Research Laboratory, IRL 2013
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Large Mammals of the Early, Middle and Late Pleistocene in the Novosibirsk Ob Region

The author analyzes the Pleistocene megafauna from two large localities um the Novosibirsk Ob region – Krasny Yar and Bibikha. 5768 bone remains from 28 large mammals were collected from Krasniy Yar layers 4 and 6. The fossils have been dated to the Early, Middle and Late Pleistocene – Kazantsevian (R-W) and Karginian (W-2) periods. 5708 bones from 19 species were found at Bibikha. Most of the finds from Bibikha are dated by the biostratigraphic method to the Middle Pleistocene, fewer bones belong to the Early Pleistocene. All the bone remains from Bibikha were collected in a redeposited position on the beach. The taphonomic features of both localities are analyzed. The study of the bones of large mammals showed that the body sizes of the bison, red and giant deer, elk and cave lion were the same during the period from the Middle to the initial Late Pleistocene. On the contrary, the average height at the withers of horses during the early – second half of

the Late Pleistocene decreased. The Early Pleistocene fossil group from Krasny Yar and Bibikha includes remains of Panthera leo fossilis, Mammuthus sp., Coelodonta antiquitatis, Equus ferus (ex. gr. mosbachensis), Megaloceros giganteus, Cervus elaphus, Cervalces latifrons, Bison priscus, Praeovibos sp., Soergelia cf. elisabethae. In the Middle and Late Pleistocene, two species absolutely dominated – the bison and the horse. Their bones add up to 68 – 79 % of all megafauna remains. During the periods of interglacials and interstadials, the bison population was greater in the predominating forest landscapes (48–52 %); the horse remains made up 20–26 %. During periods of glaciation, the horse dominated (up to 63 %) under the conditions of cooling and development of arid steppe landscapes, while the number of bison fossils decreased by three or more times.

Keywords: *Krasny Yar, Bibikha, Pleistocene, large mammals.*

На территории Новосибирского Приобья известно два крупных местонахождения остатков плейстоценовой мегафауны – Красный Яр и Бибиха. Оба они расположены на правом берегу р. Оби, соответственно в 17 и 40 км ниже Новосибирска. В разрезе Красный Яр вскрываются богатые костеносные слои казанцевского (R-W) и каргинского (W-2) времени. Кости здесь были собраны в положении *in situ*, либо с точной привязкой к слою. В районе с. Бибиха все остатки крупных млекопитающих средне- и раннеплейстоценового возраста были найдены на пляже в переотложенном состоянии. Аналогичные остатки сходного возраста содержатся также и в казанцевском русловом аллювии 6 слоя Красного Яра. Изучение материала из этих двух местонахождений позволяет получить достаточно полное представление об особенностях плейстоценовой мегафауны данного региона на протяжении последних нескольких сотен тысяч лет.

В береговом обрыве Красного Яра на протяжении 3,5 км вскрыто строение 3-й эрозионно-аккумулятивной террасы высотой до 28–34 м. В разрезе сверху вниз прослеживаются будущие слои (по: [Волков, Архипов, 1978, с. 19–21]).

1. Пески желтовато-серые кварцевые мелко-тонкозернистые, горизонтально-слоистые. Мощность 1,5–2,5 м.

2. Пески светло-серые мелко-тонкозернистые, горизонтально-слоистые, внизу с линзами более грубозернистого песка. Мощность 7–9 м.

3. Суглинки и супеси желтовато-палево-бурые, переслаивающиеся, образуют в обнажении вертикальные стенки. Мощность 8–12 м.

4. Суглинки синевато-серые гумусированные, с торфом и растительными остатками, с характерным болотным запахом. Расслаиваются на 3–4 прослоя и содержат 2–3 горизонта слаборазвитых ископаемых почв. Из-за размыва мощность по простиранию изменяется от 0,2 до 3,5 м.

5. Пески желтовато-серые кварцевые мелкозернистые горизонтально и волнисто-слоистые. По всему слою встречаются линзы намывного детрита и растительных остатков. Основание слоя погружается вверх по течению Оби от 5–6 м до 1,5 м над урезом Оби. Мощность от 7–8 до 12 м.

6. Пески серые кварцевые средне-крупнозернистые с крупной косой слоистостью типичных русловых фаций. В верхней части слоя более мелкозернистые и тонкослоистые. На урезе воды пески средне-крупнозернистые, с субпараллельной, косой и диагональной слоистостью. Здесь же наблюдаются прослои и линзы галечников, аллохтонных торфяников и растительного детрита. Встречаются редкие валуны и крупные обломки стволов деревьев, образующих местами завалы. Подошва песков уходит под урез воды и вскрыта буровыми скважинами на глубине 20 метров. Доступная для наблюдения мощность слоя изменяется от 1,5 м в верхней по течению части яра до 6 м в его нижней части.

Общее число костных остатков, собранных автором в Красном Яру с 1978 по 2020 гг., составляет 5769 экз. (табл.1). Основными костеносными горизонтами являются пойменные суглинки слоя 4 (14,7 % всех находок) и русловые пески 6 слоя (85,3 %). При этом почти 26 % костей, происходящих из 6 слоя, не синхронны казанцевскому аллювию, а имеют более древний – средне- и раннеплейстоценовый возраст, т.е. попали в данный слой в результате переотложения. Находки костей в слоях 3 и 5 единичны. В лессовидных суглинках 3 слоя, аккумуляция которого происходила в интервале времени приблизительно от 22 до 16 тыс. л.н. [Волков, Архипов, 1978] обнаружены остатки бизона, лошади, шерстистого носорога, сайгака и овцебыка. Для данных костей характерна типичная субаэральная сохранность: серый цвет, выветрелость и рыхлая структура костной ткани. Из 5 слоя собраны остатки бизона, лошади и северного оленя. Слои 1 и 2 являются палеонтологически немыми.

Анализ биостратиграфических данных: спорово-пыльцевых комплексов, семенной флоры, остракод и моллюсков, свидетельствует о теплых, межледниковых условиях времени формирования слоя 6 [Мартынов и др., 1977; Волков, Архипов, 1978]. Радиоуглеродное датирование образцов древесины и растительного детрита из отложений 6 слоя показало его запредельный, более 45–50 тыс. лет возраст [Панычев, 1979]. Климат времени отложения 6 слоя Красного Яра едва ли существенно отличался от современного климата Барабы, и, возможно, был

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из Красного Яра и Бибихи**

Таксоны	Бибиха Q 1-2		Красный Яр					
			Q 1-2		R-W		W-2	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %	кости	в %
Lepus sp.	–	–	–	–	2	0,06	1	0,12
Marmota sp.	–	–	–	–	1	0,03	–	–
Castor fiber	2	0,04	2	0,16	14	0,39	–	–
Allactaga sp.	–	–	–	–	1	0,03	–	–
Canis lupus	5	0,09	2	0,16	12	0,33	1	0,12
Cuon alpinus.	–	–	–	–	6	0,17	–	–
Ursus arctos	24	0,42	7	0,55	14	0,39	2	0,24
Ursus savini.	18	0,32	18	1,41	5	0,14	–	–
Gulo gulo	–	–	1	0,08	2	0,06	–	–
Meles anakuma	–	–	–	–	1	0,03	–	–
Crocuta crocuta spelaea	–	–	–	–	2	0,06	–	–
Panthera leo fossilis	1	0,02	1	0,08	–	–	–	–
Panthera leo spelaea	19	0,33	10	0,79	23	0,63	8	0,95
Mammuthus primigenius	300	5,26	12	0,95	205	5,64	13	1,54
*Equus ferus (*ex. gr. *gallicus)*	1492	26,14	483	38,00	723	19,80	522	61,70
Equus ovodovi.	–	–	–	–	16	0,44	–	–
Equus cf. *hemionus*	–	–	–	–	–	–	1	0,12
Dicerorhinus kirchbergensis	3	0,05	–	–	1	0,03	–	–
Coelodonta antiquitatis	333	5,83	60	4,74	255	6,98	85	10,07
Camelus knoblochi	1	0,02	–	–	–	–	–	–
Megaloceros giganteus	201	3,52	50	3,93	244	6,68	–	–
Cervus elaphus cf. *sibiricus*	207	3,63	74	5,82	176	4,84	28	3,31
Alces cf. *alces*	105	1,84	31	2,45	182	4,95	25	2,96
Cervalces latifrons	11	0,19	1	0,08	–	–	–	–
Rangifer tarandus	7	0,12	4	0,32	4	0,11	14	1,66
Cervidae gen. indet.	–	–	1	0,08	–	–	–	–
Bos sp.	–	–	–	–	2	0,06	–	–
Bison priscus	2950	52,68	504	39,65	1756	48,08	142	16,82
Saiga tatarica borealis	8	0,14	4	0,32	5	0,14	3	0,36
Praeovibos sp.	3	0,05	1	0,08	–	–	–	–
Soergelia cf. *elisabethae*	18	0,31	5	0,39	–	–	–	–
Всего костных остатков	5708	100	1271	100	3652	100	845	100

лишь несколько более сухим и прохладным. На территории Новосибирского Приобья в это время широкое развитие получили еловые леса с примесью лиственницы, кедра и высокоствольной березы. Леса, очевидно, не имели сплошного распространения и были приурочены к широким речным долинам, а на плакорах господствовала лесостепь. Об этом свидетельствует также состав фаунистического комплекса.

Суглинки 4 слоя, судя по данным радиоуглеродного анализа, отлагались на протяжении второй половины каргинского интерстадиала, приблизительно от 27,5 до 39 тыс. лет назад. Нижняя часть слоя представляет собой, очевидно, осадки мелких местных речек с заболоченными и залесенными берегами. Верхняя часть слоя, содержащая 2–3 горизонта слаборазвитых ископаемых почв, накапливалась в условиях холодного и очень сухого климата [Зыкина, Волков, Дергачева, 1981]. Практически все костные остатки, происходящие из 4 слоя, были собраны уже на бечевнике, в переотложенном состоянии. По своей сохранности они хорошо отличаются от костей из казанцевского руслового аллювия (слой 6). На поверхности, в углублениях и полостях костей из 4 слоя, почти всегда сохраняются остатки плотного и вязкого суглинка. Эти кости выделяются также желтоватым или светло-коричневым цветом, слабой минерализацией и пониженной прочностью. Все костные остатки из 4 слоя происходят из пойменной тафономической фации. Они приблизительно одновозрастны и однородны по степени сохранности, без признаков окатанности.

Кости из 6 слоя имеют типичную аллювиальную сохранность, окрашены в кофейные тона разной

степени интенсивности. Костная ткань минерализована относительно слабо, однако заметно сильнее, чем у костей из 4 слоя. Следы окатанности на большинстве из костей выражены незначительно, либо вовсе отсутствуют. Сравнительно много (до 12,5 %) целых крупных трубчатых костей. Обнаружены 7 полностью сохранившихся лопаток бизона и носорога, два целых тазовых пояса бизона (один из них – соединенный с крестцом), и один – лошади. На урезе воды в 6 слое были найдены целые черепа мамонтов, один из которых – с бивнями, а второй – с нижней челюстью, а также осевые черепа шерстистых носорогов, гигантских оленей, бизонов и лошади. Часть из них распалась по трещинам и черепным швам, едва была освобождена от включающей их породы. В двух случаях в анатомическом сочленении были обнаружены плечевая и лучевая-локтевая кости бизонов. Приведенные факты неоспоримо свидетельствуют об инситном характере местонахождения.

Весьма неоднородную по степени минерализации и окатанности группу составляют костные остатки ранне-среднеплейстоценового возраста, перезахоронившиеся в казанцевском русловом аллювии 6 слоя одновременно с костями основной (R-W) группы сохранности. Материал, относящийся к этой группе, носит еще более фрагментарный характер. Целые трубчатые кости встречаются здесь редко, и основную часть находок составляют сильно минерализованные и окатанные астрагалы, фаланги, кости запястья и заплюсны, изолированные зубы. Реже встречаются метаподии и суставные концы трубчатых костей. 1271 костных остатков принадлежат к 21 виду млекопитающих ранне-среднеплейстоценового возраста (табл. 1). Наибольший интерес представляет находка части черепа с роговым стержнем зоргелии и плюсневой кости преовибоса (рис. 1).

Второе крупное местонахождение переотложенных остатков плейстоценовой мегафауны находится в районе пос. Бибиха. В 2015–2020 гг. здесь было собрано 5708 остатков 19 видов плейстоценовой мегафауны [Васильев, Середнёв, Милютин, 2019]. В весенне-летний паводок на обширный песчано-галечный пляж (шириной до 200 м и длиной более 650 м) течением выносятся разновременные костные остатки – от раннего до позднего плейстоцена включительно. Преобладающими являются остатки среднеплейстоценового возраста.

Костеносный пляж-отмель постепенно обнажается по мере падения уровня воды в осеннюю межень. Кости крупных млекопитающих лежат здесь совершенно открыто, либо они частично или полностью замыты в приповерхностном слое песчано-галечной толщи. Неоднократные шурфовки

Рис. 1. Остатки зоргелии и преовибоса из Красного Яра и Бибихи.

1 – плюсневая кость *Praeovibos* sp., Красный Яр; *2* – фрагмент черепа с роговым стержнем *Soergelia* cf. *elisabethae*, Красный Яр; *3* – роговой стержень *Soergelia* cf. *elisabethae*, Бибиха.

(на глубину до 1 м) в разных местах самой толщи костеносного пляжа показали, что она состоит из крупнозернистого песка и не содержит даже фрагментов костей. Таким образом, костные остатки (равно как и крупная галька) проходят через пляж Бибихи транзитом, обновляясь или переоткладываясь в пределах приповерхностного слоя с каждым очередным сильным паводком. Основная часть костных остатков была собрана в верхней по течению половине костеносного пляжа. Ниже по течению песчано-галечный нанос постепенно мельчает, а вместе с этим исчезают и крупные кости. Однако именно в нижней части пляжа было найдено большинство небольших костей, принадлежащих бобру, волку, сайгаку и зоргелии. Значительная часть костей было извлечена также из-под воды на мелководной части пляжа, отлого погружающейся в сторону русла реки. Количество ежегодно выносимых (или вновь перемытых на пляже) костей напрямую зависит от силы и продолжительности паводка. Судя по тому, что число находок, особенно целых крупных костей, из года в год сокращается, местонахождение постепенно истощается, т.к. сбор костей значительно превышает их новое поступление.

Источник поступления костных остатков на пляж неизвестен. Очевидно, где-то под урезом воды, непосредственно в русле реки, происходит интенсивный размыв среднеплейстоценового руслового аллювия. Транспортировка костей от места подводного размыва до пляжа не может быть слишком продолжительной. На это указывает присутствие целиком сохранившихся трубчатых костей

и позвонков бизона, шерстистого носорога, лошади. Слишком тяжелые кости, такие как крупные трубчатые мамонта, фрагменты черепов и роговые стержни бизонов, на костеносный пляж не выносятся, оставаясь, очевидно, на дне реки, недалеко от того места, откуда они были вымыты; до пляжа доносятся лишь их обломки.

Наиболее значимые для биостратиграфического анализа целые зубы последней смены *Mammuthus* sp. также не доносятся до пляжа. Основной материал, использованный для целей биостратиграфии, – это многочисленные метаподии лошадей и роговые штанги лосей. Изучение коллекции показало, что подавляющая часть метаподий из Бибихи относится к *Equus ferus*, аналогичной среднеплейстоценовой *E.* ex. gr. *mosbachensis-germanicus* из Кузнецкой котловины [Форонова, 1990; Васильев, Середнёв, Милютин, 2019]. По длине роговой штанги среднеплейстоценовый лось из Бибихи незначительно превосходит казанцевского лося из 6 слоя Красного Яра (208 и 195 мм по средним значениям). Найдена также пяточная кость верблюда Кноблоха – одного из индикаторных видов среднеплейстоценового хазарского фаунистического комплекса.

Кости позднеплейстоценового типа сохранности на пляже Бибихи единичны. Основная часть костных остатков происходит из перемытого среднеплейстоценового руслового аллювия. Кости этой группы типичной аллювиальной сохранности, цвет варьирует от темно-кофейного до почти черного. Нередки следы погрызов хищниками или травления поверхности корнями растений. На некоторых из костей сохранились остатки сцементированной охристо-ржавой песчано-галечной корки, отслаивающейся при высыхании. Кости достаточно сильно минерализованы, заметно сильнее, чем кости из руслового аллювия 6 слоя Красного Яра. Большинство из костей (особенно мелкие – фаланги, астрагалы, запястные) окатаны в той или иной степени, но встречаются также и почти совсем не окатанные. Многочисленны целые трубчатые кости или их крупные фрагменты, позвонки, принадлежащие бизону, лошади, шерстистому носорогу. Количество мелких элементов скелета, таких как фаланги, кости запястья и заплюсны, напротив, относительно невелико. Это объясняется, вероятно, гидродинамическими особенностями речного потока на данном участке. В весенне-летний паводок, когда происходит размыв и транспортировка костных остатков, большинство мелких и легких костей уносятся вниз по течению за пределы пляжа.

Выделяется также небольшая группа (приблизительно 5–7 %) костей раннеплейстоценового типа сохранности. По сравнению с основной массой костей среднеплейстоценового возраста эти остатки еще более тяжелые, сильно минерализованные, черно-серого цвета и, как правило, сильно окатанные. Одновременно с этим часть костей раннеплейстоценовой группы сохранности не отличается сколько-нибудь заметно от среднеплейстоценовых остатков; между ними существует целый ряд переходов. Выдает эти кости лишь их принадлежность к индикаторным видам раннего плейстоцена, таким как *Panthera leo fossilis, Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis*), *Cervalces latifrons, Praeovibos* sp., *Soergelia* cf. *elisabethae.* К раннеплейстоценовой группе принадлежат также костные остатки *Mammuthus* sp.*, Coelodonta antiquitatis, Megaloceros giganteus, Cervus elaphus, Bison priscus.* Скорее всего, кости раннеплейстоценового возраста происходят все из той же толщи размываемого среднеплейстоценового аллювия, где они в свое время перезахоронились одновременно с основной массой костных остатков.

Таким образом, сохранность костей не позволяет с полной уверенностью разделить весь материал на средне- и раннеплейстоценовые остатки. По этой причине остатки мегафауны с Бибихи рассматриваются в совокупности, однако с учетом того, что основная их часть относится к среднему плейстоцену. Соотношение остатков бизон – лошадь (52,7 и 26,1 %) и относительно большая доля оленей (9,3 %) свидетельствует о господстве лесостепных ландшафтов в период накопления среднеплейстоценового аллювия.

Изучение ряда местонахождений юго-востока Западной Сибири, в т.ч. и Новосибирского Приобья, показывает, что на протяжении среднего и позднего плейстоцена здесь доминировали два вида – бизон и лошадь. Их удельный вес от числа всех остатков мегафауны в сумме составляет от 68 % (6 слой Красного Яра) до 79 % (Бибиха). При этом соотношение бизон – лошадь кардинально изменялось в зависимости от смены природно-климатических условий. В периоды межледниковий (или интерстадиалов), когда на данной территории получали развитие лесостепные ландшафты, доминантным видом являлся бизон (до 48–52 %), а лошадь отодвигалась на вторую позицию (20–26 %). Напротив, в периоды криохронов, с развитием холодных и сухих перегляциальных степных ландшафтов, преимущество получала лошадь, а численность остатков бизона сокращалась в 3 и более раза (62 и 17 % соответственно в 4 слое Красного Яра). Данные по териофауне раннего плейстоцена Новосибирского Приобья весьма отрывочны, но, по-видимому, данная тенденция распространялась также и на указанный временной интервал.

В межледниковых фаунах (6 слой Красного Яра) численность оленей – гигантского, благородного

и лося, могла составлять в сумме до 17 %, в периоды похолодания и остепнения территорий их численность сокращалась вдвое – до 8 % (4 слой Красного Яра). Относительная численность остатков шерстистого носорога (5–10 %) и, в особенности, мамонта (1–6 %), была невелика и сравнительно мало изменялась как в периоды оледенений, так и межледниковий.

Изучение собранных коллекций позволило проследить эволюционную динамику для отдельных, наиболее массово представленных видов средне- и позднеплейстоценовой мегафауны.

Размеры тела *Bison priscus* почти не менялись со среднего до конца позднего плейстоцена. Если принять сумму средних значений промеров костей посткраниального скелета бизона из 6 слоя Красного Яра за 100%, то аналогичный показатель (по сопоставимым промерам) среднеплейстоценового бизона из Бибихи – 100,01 %. Для каргинского, 4 слоя Красного Яра, отмечено незначительное уменьшение размеров костей бизона (до 98,24 %). Вычисленная по длине пястных костей высота в холке для самцов бизона казанцевского времени изменялась от 173 до 218 см, 190 см в среднем. Для самок – от 167 до 201 см, 185 см в среднем.

Напротив, для кабаллоидных лошадей наблюдается устойчивый тренд неуклонного измельчания с раннего плейстоцена. Вычисленный по длине метаподий средний рост в холке для раннеплейстоценовой *Equus ferus* (cf. *mosbachensis*) из Красного Яра в среднем составил 158 см, у среднеплейстоценовой *E. ferus* из Бибихи – 155,4 см, для лошадей казанцевского времени и второй половины каргинского времени он сократился до 150 и 145 см соответственно.

Размеры тела *Megaloceros giganteus* на протяжении среднего – позднего плейстоцена оставались стабильными. Вычисленные по аналогичной (с бизоном) схеме размеры костей посткраниального скелета гигантского оленя из 6 слоя Красного Яра и Бибихи составили 100 и 99,9 %.

По размерам тела благородные олени среднего и начала позднего плейстоцена не различаются: 100,14 % у среднеплейстоценового марала из Бибихи против 100 % для *Cervus elaphus sibiricus* из 6 слоя Красного Яра. Наиболее крупный марал (105,84 %) населял юг Западной Сибири в каргинское время (4 слой Красного Яра). Самый мелкий олень, сопоставимый по размерам тела с современным, сильно измельчавшим маралом, отмечен на юге Западной Сибири в раннем плейстоцене.

Также сходны по размерам тела были среднеплейстоценовый *A.* cf. *alces* из Бибихи и лось казанцевского времени из 6 слоя Красного Яра – 99,4 и 100 % соответственно. В каргинское время прослеживается максимальное за весь плейстоцен измельчание лося (95,9 % в 4 слое Красного Яра). В раннем плейстоцене на юге Западной Сибири обитал огромный *Cervalces latifrons*, размеры костей которого существенно (на 10,5–25,4 %, 16 % в среднем) превосходили средне-, позднеплейстоценовых лосей. Немногочисленные остатки широколобого лося присутствуют в материалах с Бибихи, Красного Яра и Тараданово (юг Новосибирской области). Размеры костей *C. latifrons*, а также лосей среднего плейстоцена и голоцена приведены в табл. 2.

Таблица 2. **Промеры (мм) костей конечностей *Cervalces latifrons* и *Alces alces***

Промеры	*Cervalces latifrons*, Q_1 Бибиха, Тараданово			*Alces* cf. *alces*, Q_2 Бибиха			*Alces alces*, голоцен Новосибирская обл.		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Radius									
Ширина верхнего конца	2	100,5–113,0	106,75	7	74,8–87,5	81,21	21	75,2–84,0	79,69
Ширина верх. суставной поверхности	2	96,2–104,5	100,35	7	73,0–85,0	78,67	22	70,5–80,0	75,25
Поперечник верхнего конца	2	61,8–66,3	64,05	8	43,7–53,5	47,54	23	43,2–49,8	47,27
Carpi radiale									
Длина кости в проекции	3	54,3–66,5	58,93	2	46,0–53,5	50,60	55	39,6–53,0	47,59
Ширина кости	3	29,7–38,2	32,63	0	27,6–29,0	28,30	50	22,5–33,0	28,28
Высота в переднем отделе, max	3	43,5–51,8	46,43	3	36,2–43,8	40,87	70	33,8–41,5	37,97
Высота посередине, min	3	34,5–39,2	36,07	3	29,6–34,0	32,00	66	26,6–32,8	29,75
Высота в заднем отделе (в отростке)	3	45,4–53,6	48,83	2	39,4–42,0	40,87	53	36,4–46,0	41,19
Carpi 2 + 3									
Ширина кости в проекции	2	47,5–53,0	50,25	–	–	–	37	36,0–45,5	40,84
Поперечник кости	2	50,2–57,0	53,60	–	–	–	38	38,2–44,5	41,16
Высота кости, max	2	31,3–34,0	32,65	–	–	–	36	31,6–37,0	34,39

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Metacarpale									
Ширина верхнего конца	2	75,5–77,0	76,25	2	62,2–66,5	64,35	15	57,0–69,0	62,22
Поперечник верхнего конца	2	53,1–53,7	53,40	2	40,5–44,0	42,25	18	38,0–47,0	41,96
Ширина диафиза	2	45,7–48,5	47,10	2	37,9–38,8	38,35	1	–	40,00
Поперечник диафиза	1	–	39,20	2	32,7–33,0	32,85	1	–	34,00
Phalanx II (передние)									
Наибольшая длина	6	64,3–69,0	67,03	1	–	58,00	96	52,3–64,2	58,22
Сагиттальная длина, min	7	57,0–59,3	58,33	1	–	49,70	113	45,0–56,1	49,81
Ширина верхнего конца	5	37,0–40,7	38,68	1	–	31,50	107	26,8–33,7	30,14
Поперечник верхнего конца	4	47,0–53,5	50,13	1	–	39,30	100	35,2–43,8	39,33
Ширина диафиза	7	27,0–32,3	29,59	1	–	23,80	104	18,5–24,2	21,46
Поперечник диафиза, min	7	38,3–41,5	39,41	1	–	31,70	117	27,8–33,3	30,32
Ширина нижнего конца	5	29,8–35,4	33,10	1	–	26,70	102	22,3–32,0	25,63
Поперечник нижнего конца	5	45,5–50,7	47,78	1	–	39,00	96	34,0–42,5	38,21
Astragalus									
Латеральная длина	9	93,7–110,6	98,26	15	75,3–87,2	81,02	72	73,2–86,6	79,56
Сагиттальная длина	9	73,8–84,4	76,59	15	58,7–68,0	63,58	83	56,5–68,0	62,27
Медиальная длина	9	86,5–100,2	90,58	14	70,3–81,0	74,48	78	67,1–81,5	73,50
Ширина нижнего конца	10	58,0–67,7	62,53	14	44,6–54,4	50,23	74	45,8–55,1	50,66
Медиальный поперечник	8	51,3–57,5	53,79	9	40,3–48,0	44,12	71	40,7–49,5	45,48
Латеральный поперечник	9	51,1–58,5	53,40	13	39,7–46,7	42,97	70	40,0–47,7	43,79
Centrotarsale									
Ширина кости	3	74,6–79,2	76,63	3	64,8–68,2	66,40	43	58,3–69,7	63,66
Ширина верх. суставной поверхности	3	59,5–65,3	63,03	3	50,3–55,5	52,83	47	48,0–57,0	51,29
Ширина нижн. суставной поверхности	3	56,5–63,5	60,67	3	54,3–56,0	55,27	46	47,0–56,0	52,08
Поперечник кости	3	66,0–69,5	67,37	3	60,0–65,0	61,83	41	50,0–66,0	57,20
Metatarsale									
Ширина нижнего конца	2	77,6–88,6	83,10	8	58,2–72,3	67,38	12	61,2–72,2	66,83
Поперечник нижнего конца	2	48,5–54,1	51,30	6	44,2–43,0	44,20	12	40,7–47,5	43,93
Phalanx II (задние)									
Наибольшая длина	5	67,8–75,3	71,18	–	–	–	86	60,0–72,0	65,63
Сагиттальная длина, min	5	56,5–65,7	60,46	–	–	–	110	50,2–62,5	56,18
Ширина верхнего конца	5	35,0–41,7	37,36	–	–	–	109	28,0–38,5	32,21
Поперечник верхнего конца	1	–	48,00	–	–	–	96	36,0–49,0	43,90
Ширина диафиза	5	27,2–31,5	28,96	–	–	–	92	18,5–25,4	22,25
Поперечник диафиза, min	5	35,2–41,5	38,46	–	–	–	120	27,1–34,7	31,00
Ширина нижнего конца	4	30,3–34,8	31,98	–	–	–	98	23,2–30,8	26,80
Поперечник нижнего конца	4	42,5–47,8	44,53	–	–	–	98	34,0–43,0	38,88

Пещерные львы из 4 и 6 слоев Красного Яра и Бибихи по размерам костей мало отличались от основной массы одновременных им *Panthera leo spelaea* Северной Евразии [Верещагин, 1971]. Остатки огромного раннеплейстоценового *P. leo fossilis* были найдены в Бибихе (нижний конец бедренной кости) и Красном Яру (фрагмент нижней челюсти).

По составу и соотношению фоновых видов среднеплейстоценовая териофауна из Бибихи весьма близка к фауне начала позднего плейстоцена из 6 слоя Красного Яра. Териокомплекс каргинского времени (4 слой Красного Яра) существенно обеднен – из него выпадают гигантский олень, лошадь Оводова, малый пещерный медведь, пещерная гиена. Среди остатков раннеплейстоценового возраста из Красного Яра и Бибихи отмечены такие индикаторные для этого времени виды, как мосбахский лев, широколобый лось, преовибос и зоргелия.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0009.

Список литературы

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха на реке Оби (Новосибирская область) и с реки Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 59–67.

Верещагин Н.К. Пещерный лев и его история в Голарктике и в пределах СССР // Труды Зоол. ин-та АН СССР. – 1971.– Т. 49. – С. 123–199.

Волков И.А., Архипов С.А. Четвертичные отложения района Новосибирска. – Новосибирск: Изд. ИГиГ СО АН СССР, 1978. – 90 с.

Зыкина В.С., Волков И.А., Дергачёва М.Н. Верхнечетвертичные отложения и ископаемые почвы Новосибирского Приобья. – М.: Наука, 1981. – 203 с.

Мартынов В.А., Мизеров Б.В., Никитин В.П., Шаевич Я.Е. Геоморфологическое строение долины р. Оби в районе Новосибирска. –Новосибирск: Изд. ИГиГ СО АН СССР, 1977. – 37 с.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 132 с.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. –Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО АН СССР, 1990. – 131 с.

Referenses

Foronova I.V. Iskopaemye loshadi Kuznetskoi kotloviny. Novosibirsk: Izd-vo IGiG SO AN SSSR, 1990, 131 p. (In Russ.).

Martynov V.A., Mizerov B.V., Nikitin V.P., Shaevich Ya.E. Geomorfologicheskoe stroenie doliny r. Obi v raione Novosibirska. Novosibirsk: Izd. IgiG SO AN SSSR, 1977, 37 p. (In Russ.).

Panychev V.A. Radiouglerodnaya khronologiya allyuvial'nykh otlozhenii Predaltaiskoi ravniny. Novosibirsk: Nauka, 1979, 132 p. (In Russ.).

Vasiliev S.K, Serednyov M.A., Milutin K.I. Krupnye mlekopitayushchie srednego i pozdnego pleistotsena iz allyuvial'nykh mestonakhozhdenii Bibikha na reke Obi (Novosibirskaya oblast') i s reki Chumysh (Altaiskii krai). In *Problems of Archeology, Etnography, Antropology of Siberia and Neighboring territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 59–67. https://DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.059-067 (In Russ.).

Vereshchagin N.K. Peshchernyi lev i ego istoriya v Golarktike i v predelakh SSSR. *Trudy Zool. in-ta AN SSSR*, 1971, vol. 49, pp. 123–199. (in Russ.).

Volkov I.A., Arkhipov S.A. Chetvertichnye otlozheniya raiona Novostbirska. Novosibirsk: Izd. IgiG SO AN SSSR, 1978, 90 p. (In Russ.).

Zykina V.S., Volkov I.A., Dergacheva M.N. Verkhnechetvertichnye otlozheniya i iskopaemye pochvy Novosibirskogo Priob'ya. Moscow: Nauka, 1981, 203 p. (In Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0074-0082
УДК 569

С.К. Васильев[✉1], М.А. Середнёв[2], К.И. Милютин[2]

[1]Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований – Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Новые находки остатков плейстоценовых крупных млекопитающих на вторичных аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья в 2021 году

В 2021 г. на р. Чумыш Алтайского края было собрано 1584 костных остатков от 18 видов крупных млекопитающих, на р. Чик – 492 от 14 видов. На пляже в районе с. Бибиха – 1259 костных остатков от 14 видов плейстоценовой мегафауны. Рассмотрены тафономические особенности исследованных местонахождений. В песчано-галечной толще пляжей находок костей нет. Все кости на пляжах лежат на поверхности, либо они частично замыты в приповерхностном слое. По данным радиоуглеродного анализа териофауна с Чумыша и Чика датируется второй половиной позднего плейстоцена – каргинским, в меньшей степени сартанским временем. В Бибихе большая часть находок относится к среднему плейстоцену, незначительная часть – к раннему плейстоцену. Описан ряд редких находок костей плейстоценовой мегафауны, в частности от бурого и малого пещерного медведей, пещерного льва, зоргелии. Сравнение промеров нижней челюсти средне- и позднеплейстоценовых пещерных львов Верхнего Приобья показало, что в течение этого времени произошло незначительное уменьшение размеров тела Panthera leo spelaea. На Бибихе был найден астрагал гигантской особи бурого медведя. По размерам он значительно превосходит астрагалы голоценового бурого медведя, а также большого пещерного медведя. Возможно, данный астрагал относится к особо крупной особи наиболее крупного среднеплейстоценового подвида Ursus arctos kamiensis. За все годы изучения местонахождений было собрано: на Чумыше – 17381 костных остатков от 27 видов, Чике – 4128 от 18 видов и в Бибихе – 6969 от 20 видов крупных млекопитающих.

Ключевые слова: *Чумыш, Чик, Бибиха, плейстоцен, костные остатки, крупные млекопитающие.*

S.K. Vasiliev[1✉], M.A. Serednyov[2], K.I. Milutin[2]

[1]ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAn, CNRS – IAET SB RAS International Research Laboratory, IRL 2013
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

New Finds of Pleistocene Large Mammal Remains from Secondary Alluvial Locations in the Upper Ob Region in 2021

The total of 1584 bone remains from 18 large mammal species were collected on the Chumysh River of the Altai Region, and 492 from 14 species on the Chik River in 2021. 1259 bone remains from 14 species of Pleistocene megafauna were collected on the beach near the village of Bibikha. The taphonomic features of the studied localities are considered. Bones have not been found in the sandy-pebble strata of the beaches. All bones on the beaches lie on the surface, or they are partially submerged in the sub-surface layer. According to the data of radiocarbon analysis, the theriofauna from the Chumysh and Chik

dates back to the second half of the Late Pleistocene – Karginian; Sartanian to a lesser extent. In Bibikha, most of the finds belong to the Middle Pleistocene, fewer bones – to the Early Pleistocene. Described are rare finds of bones of the Pleistocene megafauna, in particular bones of Ursus arctos and Ursus savini, cave lion, Soergelia. Comparison of measurements of the mandibular of the Middle and Late Pleistocene cave lions of the Upper Ob region showed a slight decrease in the size of the body of Panthera leo spelaea during that time. An astragalus of a giant brown bear was found at Bibikha. In size, it is much larger than the astragalus of the Holocene brown bear and Ursus spelaeus. Perhaps this astragalus belongs to an especially large individual of the largest Middle Pleistocene subspecies Ursus arctos kamiensis. Over the years of the study, the following collections were assembled: from the Chumysh – 17381 bone remains from 27 species, the Chik – 4128 bones from 18 species, and at Bibikha – 6969 items from 20 species of large mammals.

Keywords: *Chumysh, Chik, Bibikha, Pleistocene, bone remains, large mammals.*

В 2021 г. продолжился масштабный сбор палеотериологического материала на переотложенных аллювиальных местонахождениях на реках Чумыш и Чик, и костеносном пляже в районе с. Бибиха на р. Оби. Многолетний, систематический поиск и сбор остатков плейстоценовой мегафауны крайне важен для палеотериологов. Он позволяет получить массовый, серийный материал по отдельным видам крупных млекопитающих, что дает возможность изучать внутриполуляционную, индивидуальную и морфологическую изменчивость для каждого конкретного вида. Постепенное, по крупицам, накопление палеозоологических коллекций имеет особое значение для редко встречающихся видов, таких как пещерный лев, бурый и малый пещерный медведь, пещерная гиена, зоргелия и др.

Сплавы по Чумышу от с. Мартыново до с. Кытманово в 2021 г. осуществлялись дважды – в конце июня и первых числах октября, при более низком уровне воды. Было собрано, либо учтено и оставлено на месте 964 костных остатков в первую поездку и 620 – во вторую, принадлежащих к 18 видам крупных млекопитающих. Всего же за 11 лет регулярных сборов на Чумыше было зафиксировано почти 17,4 тыс. костных остатков от 27 видов крупных млекопитающих (табл. 1).

Остатки мегафауны на р. Чумыш вымываются из основания второй надпойменной террасы, достигающей высоты до 10–12 м. Они приурочены к песчано-галечным толщам, залегающим в основании яров, на-под урезом воды. Судя по тому, что за долгие годы в разрезах *in situ* удавалось находить лишь единичные кости млекопитающих, основной костеносный горизонт находится, по видимому, ниже меженного уреза реки. Уже вымытые из слоя кости извлекались из воды непосредственно под стенками яров. Однако подавляющая часть находок была собрана на песчано-галечных пляжах. В весенний паводок отмытый из разрезов костный материал подхватывается мощным течением и транспортируется по дну путем волочения или сальтации. Обычно кости перемещаются до ближайшего песчано-галечного пляжа, начинающегося сразу вслед за нижней по течению частью самого яра. На пике паводка пляж покрыт многометровым слоем воды, и сильное течение идет через него напрямую, затаскивая кости на высоту нескольких метров над меженным урезом воды. Если пляж находится на спрямленном участке русла, наиболее крупные костные остатки оседают в его верхней по течению, головной части, среднего размера кости – в средней по течению части пляжа. Нижняя часть таких пляжей обычно состоит из чисто песчаного наноса и не содержит костных остатков. При низком летне-осеннем уровне воды много костей удавалось находить не только на открывшихся обширных отмелях, но и непосредственно в русле реки, особенно на перекатах, где сильное течение препарирует верхнюю часть песчано-гравийной толщи, оставляя на месте все более крупные фракции, в т.ч. и кости животных.

На ряде крупных пляжей по Чумышу для местных нужд производится добыча песка с образованием кое-где обширных котлованов глубиной до 2–3 м, достигающих самого уреза воды. Осмотр подобных мини-карьеров неизменно показывает, что в самой песчано-галечной толще, слагающей пляжи, кости не встречаются. Обычно кости лежат на поверхности пляжей совершенно открыто, либо они частично или целиком замыты в приповерхностном слое. Таким образом, костные остатки крайне редко захороняются в толще пляжного наноса, но проходят через пляжи транзитом, а их состав обновляется с каждым новым сильным паводком. Преимущество пляжных местонахождений заключается в том, что кости не рассеяны спорадически в огромной толще отложений береговых разрезов (откуда их без специальных раскопочных работ невозможно извлечь), а находятся на поверхности пляжа уже в сконцентрированном виде и доступны для быстрого сбора.

В 70-е гг. прошлого века проводилось радиоуглеродное датирование древесных остатков из оснований 5 разрезов в долине Чумыша. Оно указывает на их позднекаргинский, в пределах 24–28 тыс. л.н., возраст [Панычев, 1979]. Прямое дати-

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из местонахождений на р. Чумыш, р. Чик и на р. Обь в районе пос. Бибиха (2011–2021 гг.)**

Виды	Чумыш 2011-2020		Чик 2011-2020		Бибиха 2015-2020	
	кости	в %	кости	в %	кости	в %
Lepus tanaiticus	7	0,04	2	0,05	–	–
Marmota baibacina	1	0,006	–	–	–	–
Castor fiber	16	0,09	7	0,17	2	0,03
Cuon alpinus	2	0,01	–	–	–	–
V. vulpes	2	0,01	–	–	–	–
Canis lupus	15	0,09	6	0,15	5	0,07
Ursus arctos	58	0,33	15	0,36	28	0,40
Ursus savini	74	0,43	11	0,27	23	0,33
G. gulo	2	0,01	–	–	–	–
C.crocuta spelaea	12	0,07	4	0,10	–	–
Panthera leo spelaea	91	0,52	16	0,39	23	0,33
Mammuthus primigenius	1489	8,57	458	11,09	372	5,34
Equus ex. gr. *gallicus*	4028	23,17	2113	51,19	1900	27,26
E. (Sussemionus) ovodovi	9	0,05	6	0,15	2	–
Stephanorhinus kirchbergensis	19	0,11	–	–	5	0,07
Coelodonta antiquitatis	1666	9,59	300	7,27	400	5,74
Camelus knoblochi	2	0,01	–	–	1	0,01
Megaloceros giganteus	539	3,10	59	1,43	253	3,63
Cervus elaphus sibiricus	843	4,85	68	1,65	252	3,62
Alces cf. *alces*	296	1,70	38	0,92	127	1,82
Cervalces latifrons	–	–	–	–	16	0,23
Capreolus pygargus	5	0,03	–	–	–	–
Rangifer tarandus	17	0,10	12	0,29	9	0,13
Bos primigenius	1	0,006	1	0,02	–	–
Bison priscus	8179	47,06	992	24,03	3518	50,48
Saiga borealis	5	0,03	20	0,48	8	0,12
Ovis ammon	1	0,006	–	–	–	–
Ovibos moschatus	2	0,01	–	–	–	–
Praeovibos sp.	–	–	–	–	3	0,04
Soergelia cf. *elisabethae*	–	–	–	–	22	0,32
Число костных остатков	17381	100	4128	100	6969	100

рование 76 костей 17 видов мегафауны, собранных на пляжах показало, что 81 % относится к каргинскому межстадиалу, 12 % – к сартанскому времени и 5 находок (7 %) датированы ранним голоценом [Васильев и др., 2018; 2020]. Радиоуглеродные даты, единообразная сохранность и морфологическая однородность остатков крупных млекопитающих, собранных на Чумыше, позволяет полагать, что в основной массе они могут быть отнесены ко второй половине позднего плейстоцена – к каргинскому времени. В сборах присутствуют также крайне редкие находки сильно минерализованных, окатанных и фрагментарных костей, относящихся к раннему и среднему плейстоцену.

На пляжных ориктоценозах Чумыша найдены костные остатки видов, относящихся к разным горизонтам позднего плейстоцена – каргинскому и сартанскому. Возможно также, что часть костей, имеющих возраст более 40 или 50 тыс. л.н., принадлежит ко времени ермаковского криохрона. Только таким образом можно объяснить совместное нахождение на пляжах остатков овцебыка, северного оленя, верблюда Кноблоха, косули или носорога Мерка. В целом преобладают остатки бизона (47,1 %), лошади (23,2 %), шерстистого носорога (9,6 %) и мамонта (8,6 %). Олени составляют в сумме 9,8 %. Доля хищников (1,5 %) типична для местонахождений в русловом аллювии. Подобное соотношение фоновых видов позволяет реконструировать лесостепные ландшафты с относительно увлажненными грунтами. На это же указывает единичность находок костей сайгака и лошади Оводова. Очевидно в каргинское время (на которое, судя по всему, и приходится большая часть костных остатков) природно-климатические условия существенно не отличались от современных.

Среди наиболее интересных находок 2021 г. можно упомянуть фрагмент черепа с неполными роговыми стержнями сайгака (рис. 1, *7*). Остатки этого некрупного парнокопытного крайне редко встречаются на Чумыше, составляя всего 0,03 % от числа остатков мегафауны. Из 9 радиоуглеродных дат, полученных для сайгака из местонахождений Верхнего Приобья, 8 приходятся на максимум сартанского оледенения, в пределах 15,4–19,7 тыс. л.н. [Васильев и др., 2020]. Другая уникальная находка – целая большая берцовая кость малого пещерного медведя. Сравнение ее с серийным материалом из Кизеловской пещеры на Урале [Vereschagin, Baryshnikov, 2000] показало, что она принадлежала некрупной самке. Вторая целая кость, из числа найденных ранее, принадлежала, возможно, мелкому самцу. Длина этих двух костей – 203,5 и 222 мм (198-M 218,05–236,1 мм, n = 21 у *Ursus savini* из Кизеловской пещеры). Ширина верхнего конца – 68 и 77,3 мм (65,7-M 73,84–80,1 мм, n = 19), диафиза посередине – 25,3 и 25 мм (21,8-M 25,01–28,5 мм, n = 21), нижнего конца – 47,5 и 56 мм (49-M 56,87–63,9 мм, n = 21). Заслуживает упоминания также малая берцовая кость *Ursus savini* со сросшимся переломом посредине диафиза. Ее длина – 172,5, меньше, чем в серии из 6 костей из Кизеловской пещеры (178-M 194,70–208 мм) [Vereschagin, Baryshnikov, 2000].

В 2021 г. сбор остатков мегафауны на Чике продолжился усилиями одного из соавторов. В дополнении к этому, под эгидой Русского географического общества в начале августа была организована поездка с привлечением курсантов Новосибирского высшего военного командного училища. С их помощью на ряде наиболее перспективных участков реки за два дня было собрано свыше 150 определимых экз. костей. Среди них оказались и кости редких видов, например, нижний отдел лопатки пещерного льва (рис. 1, *6*). Курсантами училища осуществлялись также погружения в водолазном снаряжении в районе омута (глубиной до 2,7 м), однако они не принесли находок костей. В итоге коллекция с Чика в 2021 г. пополнилась 492 находками, принадлежащими к 12 видам крупных млекопитающих, а ее общий объем превысил 4,1 тыс. экз. от 18 видов (см. табл. 1).

Из 42 датированных костей с Чика две трети (67 %) относятся к каргинскому времени, 19 % –

Рис. 1. Остатки крупных млекопитающих с Оби, в районе с. Бибиха (*1–4*); с р. Чумыш (*5, 7*) и р. Чик (*6*).

1 – лучевая кость; *2, 5* – большая берцовая кость; *3, 4* – нижняя челюсть; *6* –дистальный отдел лопатки; *7*– фрагмент черепа с неполными роговыми стержнями.

1, 2, 4, 6 – пещерный лев (*Panthera leo spelaea*); *3, 5* – малый пещерный медведь (*Ursus savini*); *7* – сайгак (*Saiga tatarica borealis*).

к сартанскому и 6 находок (14 %) – к голоцену. Из песков, в 20 см выше уреза воды, по скоплению раковин моллюсков была получена 14С дата 9260 ± 55 л.н. (СОАН-8442), пока единственная для заведомо автохтонного материала [Васильев и др., 2018; 2020]. Она показывает, что мощный размыв плейстоценовых пойменно-речных отложений в долине реки произошел в раннеголоценовое время. Подтверждением этого может служить также значительное число неопределимых фрагментов разломанных, но не окатанных костей. Из трубчатых костей лошадей и бизонов целиком сохранялись в основном наиболее прочные – метаподии, лучевые. Почти все без исключения зубы мамонтов найдены в изолированном состоянии. Большая часть костных остатков представлена неопределимыми обломками. В настоящее время р. Чик повторно перемывает свои голоценовые отложения, содержащие переотложенные остатки мамонтовой фауны. Не исключено, что на ряде участков это происходит не по первому разу. Таким образом, исходя из всех имеющихся данных, можно предположить послеермаковский (не древнее 50–60 тыс. лет) возраст большинства остатков мегафауны с р. Чик.

Все кости на Чике были найдены под водой в русле реки в переотложенном состоянии. Остатки мегафауны спорадически распределены в иловатой толще перемываемых донных отложений по всему руслу реки. Доступность их для обнаружения и сбора лимитируется лишь глубиной реки на том или ином участке. Более доступными для сбора являются относительно короткие (несколько десятков метров) и неглубокие участки перекатов. Однако и здесь лишь в редких случаях удавалось увидеть открыто лежащие под слоем воды или частично замытые в иловатый песок кости. Большая часть костей целиком погружена в толщу перемытых донных отложений. Их насыщенность костями местами весьма велика: при зондировании иловатой толщи штыком лопаты удавалось извлекать с 1 $м^2$ до десятка и более крупных костей и их фрагментов. Обычно скопление костей связано с их концентрацией перед какими-либо препятствиями, например, грядой камней.

Кости однородной сохранности, с поверхности прокрашены в темно-бурые или почти черные тона; реже – от светло- до темно-кофейного. В распиле кости имеют оттенки кофейного цвета разной интенсивности. Часть костей покрыта сцементированной коркой песчаника, отслаивающейся при высыхании. Отличительной особенностью для многих костей из Чика является более или менее сильное шелушение, растрескивание и отслаивание тонких участков поверхности кости после окончательного высыхания. Нередки следы погрызов и воздействия корневой системы растений, что характерно для остатков, первоначально захоронившихся в отложениях поймы.

Ориктоценоз с Чика в основном включает остатки млекопитающих каргинско-сартанского возраста. В целом состав териофауны свидетельствует об обитании ее в условиях открытых степных ландшафтов. На это вполне определенно указывает двукратное преобладание остатков лошади над бизоном (51,2 и 24 % соответственно), присутствие таких типично степных видов, как сайгак, лошадь Оводова и малый пещерный медведь. Весьма представительны остатки других видов открытых пространств – мамонта (11,1 %) и шерстистого носорога (7,3 %). Олени немногочисленны, составляют в сумме 4,3 %, доля хищников – 1,3 %. Находки костей бобра указывают на существование приречной лесной растительности.

Костеносный пляж в районе пос. Бибиха подробно описан в предыдущих публикациях [Васильев, Середнёв, Милютин, 2019; Васильев и др., 2020], а также в статье в настоящем сборнике. Источник поступления костных остатков на пляж до конца не ясен. Очевидно, в нескольких сотнях метрах выше по течению, где-то непосредственно в русле реки, происходит интенсивный размыв среднеплейстоценового руслового аллювия. В весенне-летний паводок отмытые из подводного слоя костные остатки мегафауны выносятся на песчано-галечный пляж. В осеннюю межень его ширина по фронту составляет около 200 м, а длина более 650 м. В 2015–2021 гг. здесь было собрано 6969 остатков, относящихся к 20 видам плейстоценовой мегафауны (табл. 1). На пляж выносятся разновременные костные остатки – от раннего до позднего плейстоцена включительно. Кости позднеплейстоценового типа сохранности единичны. Абсолютно преобладают остатки среднеплейстоценового возраста, что было установлено при изучении самих остатков мегафауны. Для целей биостратиграфического анализа оказались наиболее пригодны метаподии лошадей и роговые штанги лосей [Васильев, Середнёв, Милютин, 2019].

Сохранность костей не позволяет с полной уверенностью разделить весь материал на средне- и раннеплейстоценовые остатки. Поэтому остатки крупных млекопитающих с Бибихи рассматриваются в совокупности, однако с учетом того, что основная часть собранного материала принадлежит к среднему плейстоцену. На господство лесостепных ландшафтов в период накопления среднеплейстоценового аллювия указывает соотношение остатков бизон – лошадь (50,5 и 27,3 %) и относительно большая доля оленей (9,4 %). Количество остатков мамонта и шерстистого носорога

в пляжном ориктоценозе примерно одинаково (5,3 и 5,7 %). Доля хищников типична для аллювиальных местонахождений (1,1 %).

Засушливое лето 2021 г. привело к небывало раннему наступлению межени. В сочетании с прошедшим мощным и продолжительным весенне-летним паводком это создало благоприятные условия для сбора остатков мегафауны. Первый выезд на местонахождение состоялся уже 7 августа, последующие поездки осуществлялись по мере падения уровня воды и обнажения костеносного пляжа. За сезон было собрано 1259 костных остатка от 14 видов крупных млекопитающих. Впервые для среднего плейстоцена было установлено присутствие остатков лошади Оводова. От этого вида найдена дистальная половина плечевой кости и берцовая кость с обломанным проксимальным концом. Размеры их существенно меньше, чем у крупной каballоидной лошади *Equus ferus*, но сопоставимы с таковыми у *E. ovodovi* из пещер Алтая или аллювиальных местонахождений верхнего Приобья.

К зоргелии отнесено 4 находки: 3-й шейный позвонок, окатанный астрагал, фрагмент части диафиза – верхнего конца плюсневой кости и уже второй, из найденных здесь, дистальный отдел бедренной кости. Его ширина – 77 мм, Медиальный и латеральный поперечники – 92 и 79 мм, ширина facies patellaris – 41 мм.

Левая ветвь нижней челюсти пещерного льва с обломанной восходящей ветвью и утерянным хищническим зубом (M_1) принадлежала некрупной особи, очевидно, самке (рис. 1, *3*). Это уже третья подобная находка *Panthera leo spelaea* на Бибихе, что позволяет провести предварительное сравнение размеров нижних челюстей средне- и позднеплейстоценовых львов. Последние представлены

Таблица 2. **Промеры нижней челюсти *Panthera leo spelaea* и *P. leo atrox***

Промеры, мм	Panthera leo spelaea						Panthera leo atrox		
	Бибиха, Q_2			Чумыш, Чик, Тараданово, Q_3			Ранчо Лабреа, Q_3 (Merriam, Stock, 1932)		
	n	lim	M ± m	n	lim	M ± m	n	lim	M ± m
Длина челюсти мах	1	–	219,00	–	–	–	16	206,0–318,0	256,09 ± 8,58
Длина от передней стенки клыка	2	113,5–116,0	114,75	4	115,0–119,8	117,2 ± 1,07	14	116,4–156,7	137,16 ± 3,31
Длина от задней стенки клыка	3	90,5–102,6	95,03 ± 3,81	6	88,5–95,0	92,78 ± 0,97	–	–	–
Длина P/3 – M/1 альвеолярная	3	69,8–79,8	73,20 ± 3,30	6	67,0–74,0	70,80 ± 1,27	16	68,3–89,0	78,16 ± 1,42
Длина диастемы	3	21,5–24,8	22,67 ± 1,07	8	20,3–31,3	23,10 ± 1,22	–	–	–
Высота в задней части клыка мах	3	52,2–63,8	57,77 ± 3,36	7	53,5–59,8	57,11 ± 1,01	–	–	–
Высота в диастеме мин	3	40,3–53,5	46,93 ± 3,81	7	42,1–48,0	44,66 ± 0,96	–	–	–
Высота перед P/3	3	40,6–53,4	46,93 ± 3,70	7	42,8–48,3	45,10 ± 0,92	–	–	–
Высота перед P/4	3	39,0–54,2	45,57 ± 4,51	7	42,3–49,0	45,53 ± 0,90	16	38,9–60,7	50,26 ± 1,53
Высота за M/1	3	46,0–56,0	50,67 ± 2,91	6	44,8–51,0	48,17 ± 0,86	16	46,0–67,1	54,09 ± 1,60
Толщина под M/1	3	17,8–24,7	20,77 ± 2,05	7	17,3–22,4	21,17 ± 0,67	16	20,0–36,9	24,87 ± 1,04
Высота в венечном отростке	1	–	104,00	–	–	–	15	96,3–150,0	121,65 ± 3,74
Ширина суставного отростка	1	–	44,00	–	–	–	16	44,5–74,9	60,09 ± 2,05
Толщина суставного отростка	1	–	19,20	–	–	–	16	18,4–27,2	22,44 ± 0,74
C длина	2	21,0–22,6	21,80	4	20,3–24,0	21,98 ± 0,91	11	21,8–30,4	26,76 ± 0,86
C ширина	2	14,6–16,8	15,70	4	14,0–18,2	15,93 ± 0,86	11	15,1–22,0	18,60 ± 0,79
P/3 длина	3	16,3–20,5	17,77 ± 1,37	5	15,2–18,8	16,88 ± 0,57	15	17,0–21,6	19,52 ± 0,37
P/3 ширина	3	8,5–11,5	9,93 ± 0,87	5	7,1–9,7	8,68 ± 0,47	15	8,9–13,2	11,05 ± 0,30
P/4 длина	3	25,4–29,5	26,80 ± 1,35	7	23,5–27,0	24,83 ± 0,58	16	25,8–32,3	29,06 ± 0,53
P/4 ширина	3	11,9–13,8	12,73 ± 0,56	7	11,1–12,5	11,89 ± 0,22	16	12,0–16,9	14,29 ± 0,35
M/1 длина	2	25,8–31,1	28,45	5	25,5–28,0	26,86 ± 0,52	16	26,9–33,9	29,65 ± 0,54
M/1 ширина	2	13,9–15,3	14,60	5	12,3–13,4	12,88 ± 0,46	16	13,0–17,5	14,94 ± 0,36

Таблица 3. **Промеры лучевых и больших берцовых костей** *Panthera leo spelaea* **и** *P. leo atrox*

Промеры, мм	Panthera leo spelaea				Panthera leo atrox		
	Бибиха, Q_2	Чумыш, Кузбасс, Тараданово, Чик, Красный Яр, Q_3			Ранчо Лабреа, Q_3 (Merriam, Stock, 1932)		
		n	lim	M ± m	n	lim	M ± m
Radius							
1.Наибольшая длина	345,7	6	290,0–349,5	310,12 ± 9,16	10	317,0–411,0	344,50 ± 9,31
2.Ширина верхнего конца	49,2	8	37,5–51,2	41,83 ± 1,53	10	44,0–58,1	51,32 ± 1,39
3.Поперечник верхнего конца	36,0	7	27,0–35,0	30,10 ± 1,02	10	33,0–47,2	38,25 ± 1,24
4.Ширина диафиза	38,8	7	28,5–37,2	33,10 ± 1,12	10	33,4–45,6	38,39 ± 1,01
5.Поперечник диафиза, min	24,5	8	17,9–24,5	20,18 ± 0,88	10	20,7–27,5	23,41 ± 0,74
6.Ширина нижнего конца	72,5	7	59,0–73,4	64,80 ± 1,93	10	61,5–77,6	68,41 ± 1,81
7. Поперечник нижнего конца	42,8	7	33,4–41,7	37,51 ± 1,24	10	38,3–48,7	43,39 ± 1,24
Индексы							
2:1	14,24	6	13,0–14,7	13,91	10	13,9–15,6	14,90
4:1	11,22	6	8,8–11,7	10,49	10	08,8–12,5	11,19
6:1	20,97	6	19,3–21,4	20,67	10	17,7–21,2	19,88
Tibia							
1.Наибольшая длина	354,5	5	318,5–373,8	335,30 ± 9,98	10	338,0–400,0	361,70 ± 6,72
2.Ширина верхнего конца	91,3	4	77,0–99,0	86,00 ± 4,65	10	86,7–107,0	97,85 ± 1,97
3.Поперечник верхнего конца	93,0	5	82,0–105,5	88,70 ± 4,32	0	–	–
4.Ширина диафиза	34,4	11	26,4–37,5	31,60 ± 0,97	10	32,0–43,4	36,41 ± 1,12
5.Поперечник диафиза, min	39,0	7	33,5–39,3	35,83 ± 0,77	0	–	–
6.Ширина нижнего конца	62,0	8	54,5–69,5	61,71 ± 1,73	10	59,1–77,4	67,53 ± 1,77
7. Поперечник нижнего конца	43,2	8	37,5–46,0	42,20 ± 1,09	10	41,7–52,3	46,79 ± 1,17
Индексы							
2:1	25,75	4	24,2–26,5	25,57	10	25,7–28,1	27,05
4:1	9,70	5	8,3–10,0	9,24	10	09,5–11,4	10,06
6:1	17,49	5	17,1–19,2	18,16	10	17,5–20,3	18,66

коллекционными сборами с Чумыша, Чика и Красного Яра под Новосибирском. Были привлечены также промеры костей скелета американских пещерных львов (*P. leo atrox*) из асфальтовых ловушек Ранчо-Лабреа в Калифорнии [Merriam, Stock, 1932] (табл. 2). Сравнение показало незначительное уменьшение размеров тела пещерных львов в позднем плейстоцене. Если принять сумму средних значений сопоставимых промеров нижней челюсти позднеплейстоценовых *P. leo spelaea* за 100 %, то размеры среднеплейстоценовых львов из Бибихи составят 102,3 %. Для огромного позднеплейстоценового североамериканского *P. leo atrox* этот показатель намного выше (114,8 %). Удалось найти также редко сохраняющиеся целиком лучевую и большеберцовую кости льва (рис. 1, *2*). Кости из Бибихи (особенно лучевая) принадлежали крупным особям, близким к средним значениям промеров американского *P. leo atrox*, и заметно крупнее большинства аналогичных костей позднеплейстоценовых львов. Все лучевые кости пещерного льва позднеплейстоценового возраста были собраны на Чумыше. В серии же больших берцовых костей, помимо находок с Чумыша, Чика, Тараданово и Красного Яра, использовались также промеры 3 целых tibia пещерных львов из Кузнецкой котловины (табл. 3).

Рис. 2. Астрагалы бурого медведя (*Ursus arctos*).
а – среднестатистический по размерам астрагал голоценового бурого медведя; *б* – астрагал гигантской особи с Бибихи.

Заслуживает внимания огромных размеров астрагал, по всем морфологическим признакам принадлежащий к бурому медведю. Для сравнения в скобках приводятся соответствующие промеры астрагалов крупного голоценового *Ursus arctos* из Пещеры Памятная в Хакасии (n = 20-22)

[Васильев, Гребнев, 2009]. Длина (высота) астрагала 82,2 мм (42,6-М 47,98–52,5 мм) ширина в проекции на сагиттальную плоскость – 85 мм (49-М 55,13–61,6 мм), ширина верхнего суставного блока – 68 мм (37-М 42,77–47,7 мм) нижнего – 54,5 мм (32,5-М 35,33–40,8 мм). Средние размеры астрагала бурого медведя из Памятной пещеры, таким образом, составляют только 63 % от величины гигантской особи из Бибихи и 70 % – по их максимальным значениям. На рис. 2 показан астрагал из Бибихи в сравнении со среднестатистическим голоценовым бурым медведем. Существенно превышает данный астрагал и максимальные значения промеров (длина / ширина – 66/72 мм) большого пещерного медведя (*U. (Spelaearctos) spelaeus*) из пещер Северного и Среднего Урала [Кузьмина, 2002]. Возможно, астрагал принадлежал особо крупной особи наиболее крупного среднеплейстоценового подвида *U. arctos kamiensis*, остатки которого найдены в Поволжье и Западной Сибири [Барышников, 1992; 2007]

Благодарности

Авторы выражают признательность командованию и преподавателям НВВКУ – Г.М. Мамедову и И.С. Новикову за организацию поездки на р.Чик. А.С. Колясниковой – за деятельное участие в первом сплаве по р. Чумыш.

Список литературы

Барышников Г.Ф. Плейстоценовые хищные (Carnivora) волжской фауны из коллекции Казанского университета // Волжская фауна плейстоценовых млекопитающих в Геолого-минералогическом музее Казанского университета. – Казань, 1992. – С. 107–140.

Барышников Г.Ф. Медвежьи (Carnivora, Ursidae). – СПб.: Наука, 2007. – 541 с.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (*Ursus arctos* L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция. – Альманах. Вып. 4. – Красноярск: КККМ, 2009. – С. 68–76.

Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Кузьмин Я.В., Калинкин П.Н., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 42–46. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2018.24.042-046

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха, на р. Оби (Новосибирская область) и с р. Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 59–67. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.059-067

Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Растигеев С.А., Пархомчук В.В. Позднеплейстоценовая мегафауна юга Западной и Средней Сибири: новые данные по радиоуглеродному датированию и новые находки из аллювиальных местонахождений в 2020 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 43–50. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.043-050

Кузьмина И.Е. Пещерные медведи Урала // Фауна Урала в плейстоцене и голоцене. – Екатеринбург: Университет, 2002. – С. 3–23.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 132 с.

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. – Washington: Carnegie Inst., 1932. – 232 p. + 42 pl.

Vereschagin N., Baryscnikov G. Small cave bear *Ursus (Spelaearctos) rossicus uralensis* from the Kizel Cave in the Ural (Russia) // Geol. zbornik. – Liubljana, 2000. – № 15. – pp. 53–66.

References

Baryshnikov G.F. Pleistotsenovye khishchnye (Carnivora) volzhskoi fauny iz kollektsii Kazanskogo universiteta. In *Volzhskaya fauna pleistotsenovykh mlekopitayushchikh v Geologo-mineralogicheskom muzee Kazanskogo universiteta*. Kazan', 1992, pp. 107–140. (In Russ.).

Baryshnikov G.F. Medvezh'i (Carnivora, Ursidae). St. Petersburg, Nauka, 2007, 541 p. (In Russ.).

Kuzmina I.E. Peshchernye medvedi Urala. In *Fauna Urala v pleistotsene i golotsene*. Ekaterinburg, Universitet Press., 2002, pp. 3–23. (In Russ.).

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. Washington: Carnegie Inst., 1932, 232 p.

Panychev V.A. Radiouglerodnaya khronologiya allyuvial'nykh otlozhenii Predaltaiskoi ravniny. Novosibirsk, Nauka, 1979, 132 p. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Grebnev I.E. Morfologiya kostei skeleta golotsenovogo burogo medvedya (*Ursus arcto*s L., 1758) Kuznetskogo Alatau. In *Eniseiskaya provintsiya*. Al'manakh, iss. 4. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2009, pp. 68–76. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. Middle and Late Pleistocene Large Mammals from the Alluvial Sites Bibikha at the Ob River (Novosibirsk oblast) and at the Chumysh River (Altai region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and*

Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, Vol. XXV, pp. 59–67. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.059-067 (In Russ.).

Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Kuzmin Ya.V., Kalinkin P.N., Rastigeev S.A. Radiouglerodnoe datirovanie ostatkov redkikh vidov pleistotsenovoi megafauny Yuzhnoi Sibiri. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, Vol. XXIV, pp. 42–46. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2018.24.042-046 2018. (In Russ.).

Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Rastigeev S.A., Parkhomchuk V.V. Pozdnepleistotsenovaya megafauna yuga Zapadnoi i Srednei Sibiri: novye dannye po radiouglerodnomu datirovaniyu i novye nakhodki iz allyuvial'nykh mestonakhozhdenii v 2020 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, Vol. XXVI, pp. 43–50. https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.043-050 (In Russ.).

Vereschagin N., Baryscnikov G. Small cave bear *Ursus (Spelaearctos) rossicus uralensis* from the Kizel Cave in the Ural (Russia). *Geol. zbornik*. Liubljana, 2000, No 15, pp. 53–66.

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0083-0090
УДК 569+903.32

С.К. Васильев[1,2]✉, М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии»
ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований –
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Костные остатки из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры: новые данные

В статье представлены результаты изучения единого комплекса остеологических материалов из раскопок в южной галерее Денисовой пещеры в 2019 и 2020 г., которые позволяют проследить динамику палеогеографической обстановки в окрестностях пещеры во время формирования толщи слоев 11–19. Определимые образцы, доля которых от общего количества остатков составляет 6 %, относятся как минимум к 37 видам млекопитающих. В тафоценозе пещерных слоев хорошо прослеживаются следы пищевой активности крупных хищников, в первую очередь пещерных гиен. Особенно отчетливо они прослежены в материалах из верхней части разреза. В слоях 16–18 распространены кости со следами обжига, раскалывания и с порезами. Судя по фауне крупных млекопитающих, в период формирования слоев 11–16 природно-климатическая обстановка в окрестностях пещеры в целом оставалась достаточно стабильной. Преобладали виды открытых, степных пространств. В слоях 17–19 наблюдается увеличение доли видов лесных и лесостепных биотопов. Вместе с тем для этих слоев отмечена характерная для горных территорий мозаичность ландшафтов. Сохранялись, хотя и в гораздо меньшем количестве, виды открытых пространств, такие как лошади, шерстистый носорог, бизон, гигантский олень, дзерен, сайгак, пещерная гиена. В слое 19 найден астрагал очень крупной особи пещерного льва. Он принадлежит, скорее всего, группе степных львов Panthera leo fossilis, доживших в ряде мест Северной Евразии до начала – первой половины позднего плейстоцена. Впервые в Денисовой пещере обнаружены остатки кяхтинского винторога, включающие фрагмент рогового стержня, астрагал и вторую фалангу. Ранее на Алтае остатки этого вида были известны из Усть-Канской пещеры и стоянки Кара-Бом.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, крупные млекопитающие, биотопические группы, пещерный лев, кяхтинский винторог.*

S.K. Vasiliev[1,2]✉, M.V. Shunkov[1], M.B. Kozlikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]ArchaeoZOOlogy in Siberia and Central Asia – ZooSCAn,
CNRS – IAET SB RAS International Research Laboratory, IRL 2013,
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Bone Remains from the Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence

The article provides the results of a study of a single complex of osteological materials from excavations in the South Chamber of Denisova Cave in 2019 and 2020, which allows tracing the dynamics of the paleogeographic environment near the cave during the formation of layers 11–19. The identifiable samples, which account for 6 % of the total number of bone fragments, belong to at least 37 mammalian species. Traces of the food activity of large predators, primarily cave hyenas, are well traced in the taphocenosis of the cave layers. They are particularly clearly traced in the materials from the upper part of the profile. Bones with traces of burning, splitting, and cuts are common in layers 16–18. Based on the fauna of large mammals,

during the formation of layers 11–16, the natural and climatic situation near the cave, as a whole, remained quite stable. The types of open, steppe spaces prevailed. In layers 17–19, an increase in the proportion of species of forest and forest-steppe biotopes is observed. At the same time, for these layers, a mosaic landscape characteristic of mountainous territories was noted. The species of open spaces, such as horses, woolly rhinoceros, bison, giant deer, gazelle, saiga, and cave hyena, have been preserved, albeit in much smaller numbers. An astragalus of a very large cave lion was found in layer 19. It belongs, most likely, to the Panthera leo fossilis group of steppe lions, which survived in a number of places in Northern Eurasia to the beginning—the first half of the Late Pleistocene. For the first time in Denisova Cave, the remains of the Kyakhta screw-horned antelope were discovered, including a fragment of a horny core, astragalus and a second phalanx. Earlier in Altai Mountains, remains of this species were known from the Ust-Kanskaya Cave and the Kara-Bom site.

Keywords: *Denisova Cave, Pleistocene, large mammals, biotopic groups, cave lion, Kyakhta screw-horned antelope.*

В результате раскопок плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры в 2020 г. обнаружено свыше 39 тыс. костных остатков, из которых 1928 экз. – определимые, принадлежащие как минимум 37 видам млекопитающих, а также кости рыб, амфибий и птиц. Эти материалы существенно дополнили остеологическую коллекцию 2019 г. [Васильев, Козликин, Шуньков, 2020]. Для более детального анализа динамики палеогеографической обстановки в окрестностях пещеры во время накопления толщи слоев 11–19 коллекции 2019 и 2020 г. рассматриваются единым комплексом (табл. 1).

Количество определимых остатков меняется от 3,5 % в слое 17 до 10,3 % в слое 19, составляя в среднем по слоям 5,8 %. Преобладают фрагменты костей и зубов размером 1–2 и 2–5 см (в среднем по слоям 66 % и 32 % соответственно). Доля фрагментов длиной 5–10 и более 10 см составляет 2,0 и 0,2 % соответственно. Наблюдается незначительное увеличение количества мелких фрагментов вниз по разрезу, особенно в слоях 17 и 18 (табл. 2). В коллекциях из слоев 16 и 17 отмечены крупные фрагменты костей бизона – два дистальных конца большеберцовых костей, два неполных нижних суставных блока плечевых костей, дистальная половина плюсневой кости. В этих же слоях найдены целый астрагал и неполный верхний конец лучевой кости шерстистого носорога.

В пещерном тафоценозе, особенно верхней части разреза (слои 11 и 12), хорошо прослеживаются следы пищевой активности крупных хищников, в первую очередь пещерных гиен. Кости со следами обжига, раскалывания и с порезами характерны преимущественно для слоев 16–18.

Остатки крупных млекопитающих дают возможность с известной долей достоверности, зависящей от величины использованной выборки материалов, проследить динамику изменений природной среды во время накопления толщи слоев 11–19. Г.Ф. Барышников выделил четыре биотопические группы животных [Природная среда..., 2003, с. 85]. К обитателям степных пространств он отнес корсака, степного хоря, малого пещерного медведя, пещерную гиену, шерстистого носорога, лошадь Оводова, гигантского оленя, байкальского яка, бизона, кяхтинского винторога, дзерена, сайгака и архара. Лесостепная группировка включает красного волка, крупную кабаллоидную лошадь, лося, марала. Лесная – соболя, бурого медведя, рысь, косулю, бобра. В скальную биотопическую группу входят сибирский горный козел, снежный барс и солонгой. При анализе не использовались интразональные виды, такие как лисица, серый волк, росомаха, пещерный лев, мамонт. Следует отметить, что экологическая приуроченность некоторых видов, считающихся ныне исконно лесными обитателями, например, бурого медведя, марала и лося, достаточно условная. На самом деле эти виды экологически пластичны. Еще в историческое время они повсеместно обитали, придерживаясь приречных лесов, в пределах лесостепной и даже степной зон, хотя, конечно, и в меньшем количестве, чем в лесной. Только преследования со стороны человека привели к тому, что они сохранились в основном в пределах таежно-лесной зоны [Кириков, 1959]. Один из подвидов бурого медведя *Ursus arctos pruinosus*, например, прекрасно адаптировался к высокогорным холодным степям безлюдного до недавнего времени Северного Тибета, где он был весьма многочисленным зверем [Пржевальский, 1883].

В коллекциях из слоев 11–13 доминирует группировка обитателей степных пространств (52–63 %), при незначительном участии видов лесостепных и лесных биотопов (в пределах 2,4–10,3 %). В слое 14 наблюдается сокращение степной группировки до 48 % при одновременном увеличении доли видов лесостепных и степных биотопов до 9,6 %. В слоях 15 и 16 доля обитателей степных биотопов вновь заметно поднимается до 65–67 % на фоне лесостепного и лесного компонентов – 10–12 %. В слоях 17 и 18 доля степной группировки видов снижается с 50 до 34 % при сохранении лесостепной биотопической группы на уровне 18–20 % и увеличении лесной с 17 до 35 %. В коллекции из слоя 19 заметных изменений не за-

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2019–2020 гг.**

Таксоны	Слои									
	11	12	13	14	15	16	17	18	19	Всего
Asioscalops altaica	18	28	14	18	8	8	27	3	5	129
Chiropthera gen. indet.	–	1	1	–	–	–	1	–	–	3
Lepus tanaiticus	22	14	16	10	3	3	21	–	3	92
Lepus tolai	20	39	8	–	–	1	1	–	3	72
Ochotona sp.	9	17	9	6	–	2	7	2	17	69
Spermophilus sp.	29	115	41	16	1	3	36	4	9	254
Marmota baibacina	29	17	3	6	2	7	64	8	35	171
Castor fiber	–	1	1	–	–	–	1	–	–	3
M. myospalax	51	178	95	145	15	29	140	12	32	697
Rodentia gen. indet.	120	170	78	104	19	28	93	11	19	642
Canis lupus	14	35	24	14	7	33	81	7	8	223
Vulpes vulpes	31	32	34	10	6	15	47	2	14	191
Vulpes corsak	1	3	1	2	–	2	8	1	6	24
Cuon alpinus	2	6	6	5	3	10	80	4	15	131
Ursus arctos	15	7	7	7	3	14	29	7	33	122
Ursus savini	–	–	1	–	–	–	4	1	13	19
Martes zibellina	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
G. gulo	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
Mustela erminea	2	1	–	2	1	–	1	–	–	7
Mustela nivalis	–	1	–	–	–	–	–	–	1	2
Mustela sibirica	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2
Mustela altaica	–	3	–	–	–	–	3	–	–	6
Mustela eversmanni	–	3	1	2	–	–	6	–	1	13
Crocuta spelaea	38	103	48	34	23	87	67	4	–	404
Panthera spelaea	3	1	–	1	–	1	–	–	3	9
Uncia uncia	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1
Mammuthus primigenius	1	6	12	1	–	5	11	1	1	38
Equus (E.) ferus	2	9	3	3	2	8	9	1	2	39
Equus ovodovi	4	28	15	12	5	14	7	–	–	85
E. ovodovi / ferus	12	83	43	3	19	85	39	16	2	302
Coelodonta antiquitatis	4	16	41	10	4	47	41	8	1	172
Stephanorhinus kirchbergensis	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
Cervus elaphus sibiricus	–	10	11	12	5	18	18	9	2	85
Megaloceros giganteus	1	3	3	–	–	6	3	–	–	16
Alces alces	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
Capreolus pygargus	2	4	8	12	10	27	37	20	3	123
Rangifer tarandus	3	5	–	–	–	1	–	–	–	9
Poëphagus mutus baicalensis	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Bison priscus	21	87	67	21	23	42	50	3	3	317
Spirocerus kiakhtensis	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2
Procapra gutturosa	–	–	11	4	2	23	53	–	7	100
Saiga borealis	–	9	3	–	–	–	3	2	–	17
Procapra / Saiga	2	4	9	7	3	3	3	4	–	35
Capra sibirica	56	173	94	68	10	46	85	9	16	557
Ovis ammon	15	31	21	8	1	6	16	2	1	101
Capra / Ovis	28	81	41	23	7	48	41	8	–	277
Pisces	–	1	–	–	–	3	7	–	–	11
Amphibia	–	1	2	2	–	2	3	–	–	10
Aves	70	105	64	79	16	40	67	8	16	465
Неопределимые фрагменты	5798	14076	14573	7816	4720	11320	33395	3694	2120	97512
Всего костных остатков	6423	15508	15410	8464	4918	11990	34604	3852	2396	103565

Таблица 2. **Распределение по размеру фрагментов костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры, коллекция 2019–2020 гг.**

Слои	Размерный класс								Всего
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см		
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
11	3698	61,04	2146	35,42	200	3,30	14	0,23	6058
12	8728	58,97	5630	38,04	411	2,78	32	0,22	14801
13	10080	67,33	4537	30,31	309	2,06	45	0,30	14971
14	5241	64,70	2674	33,01	169	2,09	17	0,21	8101
15	3626	74,61	1102	22,67	120	2,47	12	0,25	4860
16	7440	62,66	4165	35,08	253	2,13	15	0,13	11873
17	23544	68,77	10237	29,90	440	1,29	14	0,04	34235
18	2705	71,33	1033	27,24	54	1,55	–	–	3792
19	1552	68,70	674	29,84	31	1,37	2	0,09	2216
Всего	66614	65,99	32198	31,89	1987	1,97	151	0,15	100950

фиксировано, за исключением незначительного (до 32 %) уменьшения доли обитателей открытых пространств.

Количество остатков сибирского горного козла, населяющего скальные биотопы, закономерно возрастало в периоды господства степных ландшафтов (до 27–35 % в слоях 11–14) и сокращалось вместе с увеличением площади лесов (до 11–17 % в слоях 15–19) (рис. 1). Единственный представитель условно тундровой биотопической группы – северный олень, единично отмечен только в слоях 11, 12 и 16.

Состав крупной териофауны в целом указывает на характерную для горной страны мозаичность ландшафтов, что прослеживается в течение всего периода накопления плейстоценовой толщи. При этом во время формирования слоев 11–13 доминировали виды открытых ландшафтов, а в эпоху накопления слоев 17–19 численность обитателей открытых лугово-степных биотопов заметно сокращалась.

В остеологической коллекции 2020 г. наибольший интерес представляют следующие находки.

Бобр *Castor fiber* представлен хвостовым позвонком из слоя 17. Присутствие костей бобра ука-

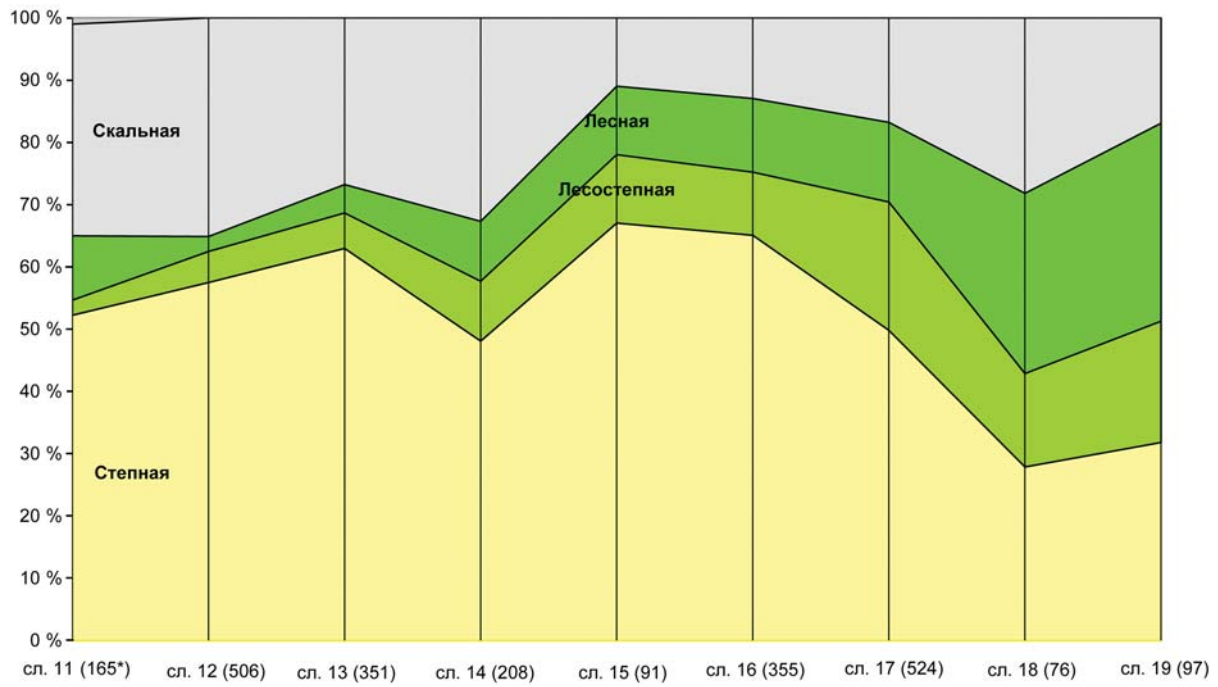

Рис. 1. Распределение костных остатков крупных млекопитающих различных биотопических групп в плейстоценовых слоях южной галереи Денисовой пещеры.

*количество костных остатков

зывает на существование лесной или, как минимум, приречной лесной растительности. Заросли пойменных деревьев и кустарников позволяют ему жить также в лесостепной и степной зонах.

Малый пещерный медведь *Ursus savini*. Его остатки наиболее многочисленны в слоях 17–19. Они представлены фрагментом астрагала, костями заплюсны, фрагментом метаподии, первыми и вторыми фалангами. Особенно примечательны находки 10 молочных зубов и клыков этого медведя (определения П.А. Косинцева). Большое количество молочных зубов бурого и малого пещерного медведя было зафиксировано также в слое 22 центрального зала пещеры [Природная среда…, 2003]. Обилие костей медведей в нижних слоях свидетельствует, скорее всего, о том, что в период их накопления пещера представляла собой удобное место для залегания медведей в берлогу, в т.ч. и самок с потомством.

Пещерный лев *Panthera leo spelaea*. В слое 19 найдены целый астрагал, нижний конец метаподии и дистальный конец первой фаланги. Астрагал принадлежал очень крупному льву (рис. 2, *1*). Наибольшая длина (высота) кости – 68,5 мм, ширина в проекции на сагиттальную плоскость – 64 мм. Эти размеры близки к средним значениям промеров (58,7-M 67,4–74,1 и 51,8-M 59,7–66,0 мм; n = 10) огромного верхнеплейстоценового *Panthera leo atrox* из битумов Ранчо-Лабреа [Merriam, Stock, 1932]. По данным Н.К. Верещагина [1971] длина астрагалов у львов Северной Евразии составляла 54–64 мм, в среднем – 60,7 мм (n = 7). У трех астрагалов из коллекции с р. Чумыш этот показатель – 57, 59,5 и 60 мм. Таким образом, размеры тела пещерного льва из Денисовой пещеры приближаются к таковым у американского льва или евразийского раннеплейстоценового мосбахского (степного) льва. Фаланги и фрагмент метаподии также принадлежали весьма крупным особям. Находки костей огромных львов, имеющих в строении нижней челюсти признаки степного льва *Panthera leo fossilis* и датированных началом – первой половиной верхнего плейстоцена, отмечены на стоянке Молодова V на Украине [Форонова, Сотникова, 2012], в пещере Иманай на Урале [Gimranov, Kosintsev, 2020], а также в ряде других мест на территории Сибири (Куртак, пещера Белый Город). На Алтае изолированные зубы от крупных особей львов были найдены в пещерах Чагырская и Логово Гиены [Васильев, 2013].

Мамонт *Mammuthus primigenius* представлен почти во всех слоях только мелкими обломками пластин зубов первых смен (pd 2–4). Самый крупный фрагмент имеет размер 28/44 мм, остальные – менее 1–2 см. В слое 18 обнаружен неполный молочный бивень мамонтенка длиной более 24,5 мм, с шириной / поперечником эмалевой оторочки кончика бивня 4,6 / 5,8 мм. В пещерах Алтая встречаются почти исключительно фрагменты зубов или зубных пластин мамонтят первых месяцев или лет жизни, часто со следами кислотной коррозии. Это указывает на то, что они могли заноситься в пещеру также и в желудках гиен и попадали в слой из отрыжек этих хищников.

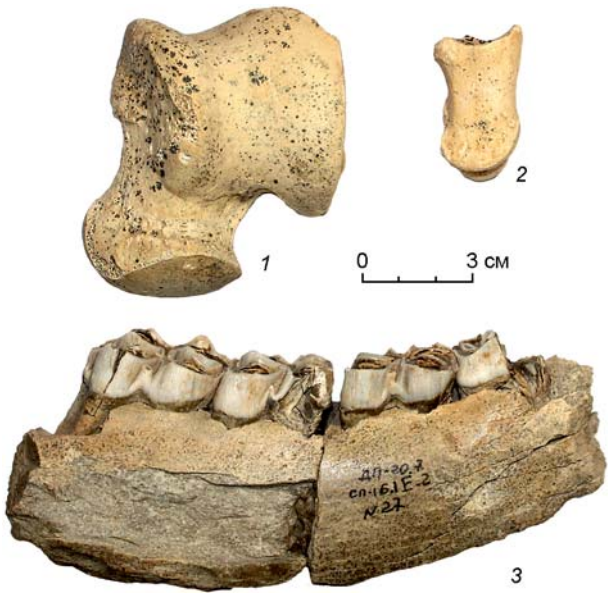

Рис. 2. Астрагал пещерного льва (*1*), вторая фаланга кяхтинского винторога (*2*) и фрагмент челюсти гигантского оленя (*3*) из слоев 19 (*1, 2*) и 16 (*3*) в южной галерее Денисовой пещеры.

Гигантский олень *Megaloceros giganteus*. В слоях 16 и 17 найдены два и три фрагмента зубов соответственно. В слое 16 обнаружены также два фрагмента правых ветвей нижней челюсти (рис. 2, *3*). В одном из них сохранился ряд зубов P_4 – M_3 (P_4 и M_3 – неполные), в другом – M_1–M_2. Из этого же слоя происходят обломок надглазничного отростка рога и дистальный конец лучевой кости. Его ширина – 84 мм, поперечник – 54 мм. Те же промеры гигантского оленя из коллекции с р. Чумыш составляют 78-M 88,7–99,0 мм и 53-M 61,3–67,5 мм (n = 16). Учитывая, что Алтай населяла наиболее крупная форма *Megaloceros giganteus*, можно заключить, что фрагмент лучевой кости принадлежал некрупной самке. На Алтае, помимо Денисовой пещеры, немногочисленные остатки гигантского оленя отмечены в пещерах Логово Гиены, Сибирячиха, Страшная и Каминная. Редкость этого вида в пределах горной страны объясняется, скорее всего, ограниченностью подходящих для него биотопов, в первую очередь пойменных лугов.

Северный олень *Rangifer tarandus*. В слое 16 найден фрагмент ствола рога длиной 140 мм. Судя по размерам, остатки принадлежали некрупной тундровой форме. Северный олень в виде редких единичных находок встречается как в плейстоценовых слоях алтайских пещер, так и в аллювиальных местонахождениях Предалтайской равнины.

Кяхтинский винторог *Spiroserus kiakhtensis*. К этому виду были условно отнесены целый астрагал (рис. 3, *1*) из слоя 18 и вторая фаланга (см. рис. 2, *2*) из слоя 19. Длина астрагала латеральная, сагиттальная и медиальная – 46,1, 36,6 и 43,2 мм соответственно, ширина нижнего конца – 31 мм, медиальный и латеральный поперечники – 27,5 и 25,3 мм. По размерам он чуть больше средних значений промеров астрагалов плейстоценовых и голоценовых *Ovis ammon* с Алтая (латеральная длина – 41,2-М 45,3–49,5 и ширина дистального отдела – 26,1-М 28,9–31,0 мм, n = 7), но отличается от последних целым рядом морфологических признаков. В частности, гребни верхнего суставного блока, в отличие от архара, сильно сближены и резче выражены. На нижнем блоке с латеральной стороны отчетливо выделяется уплощенный выступ, отделенный хорошо выраженной гранью от остальной суставной поверхности. Ладьевидная ямка расположена гораздо ниже, чем у архара, у которого она поднимается почти до середины высоты кости. Кубоидная ямка более глубокая и резче выраженная, чем у *Ovis ammon*. Медиальный гребень верхнего блока короткий, без нависающего, как у архара, выступа. Поперечник нижнего отдела кости с медиальной стороны заметно меньше, чем верхний, тогда как у архара эти поперечники примерно равны (см. рис. 3, *2*). В целом астрагал из Денисовой пещеры ближе к «антилопьему» типу строения, чем к представителям *Capra-Ovis*, и в общих чертах весьма похож, например, на астрагал дзерена.

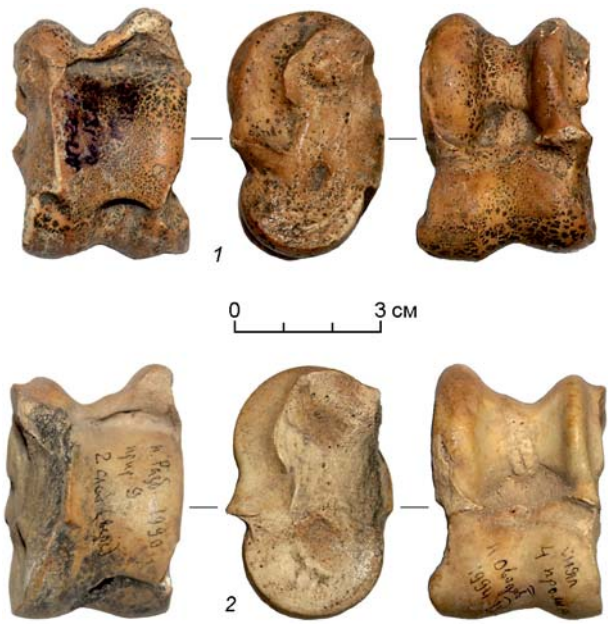

Рис. 3. Астрагалы кяхтинского винторога из слоя 18 в южной галерее Денисовой пещеры (*1*) и архара из плейстоценовых отложений пещеры Разбойничья (*2*).

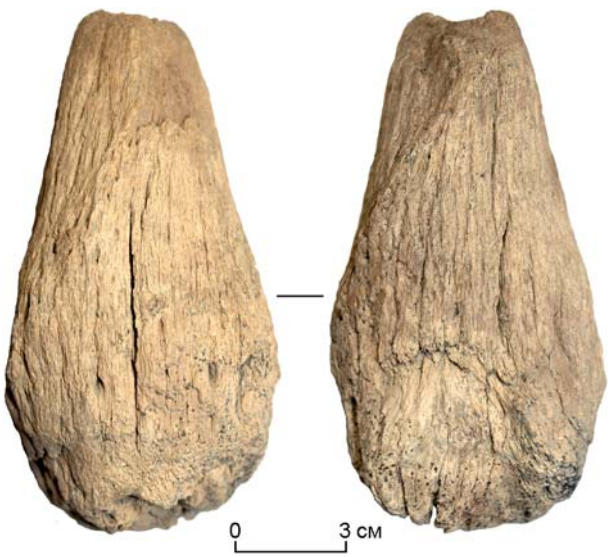

Рис. 4. Фрагмент рога кяхтинского винторога из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

Слева – вид с внешней стороны, *справа* – вид с внутренней стороны.

Размеры второй передней фаланги приблизительно такие же, как у архара. Кость относительно высокая, грацильная, отличается от *Ovis ammon* пропорциями, строением верхнего и нижнего отделов. Длина кости наибольшая – 38,0 мм, сагиттальная – 31,8 мм, ширина / поперечник верхнего конца – 18,2 / 22,2 мм, диафиза посередине – 11,2 / 17,0 мм, нижнего конца – 13,6 / 19,3 мм. Главное отличие от архара – узкая и хорошо развитая дистальная суставная поверхность, занимающая более трети длины кости, как у оленей. По общему плану строения дистальный отдел фаланги напоминает таковой у косули или пятнистого оленя, но значительно крупнее.

Посткраниальный скелет кяхтинского винторога неизвестен, поскольку почти все находки этого вида ограничены фрагментами черепа и, в особенности, обломками хорошо узнаваемых спирально завитых роговых стержней. Предположительно к кяхтинскому винторогу Н.Д. Оводов [2009] отнес сохранившуюся в анатомическом положении дистальную часть задней конечности (от нижней трети большеберцовой кости до третьих фаланг включительно) со стоянки Толбага в Забайкалье. Однако изучение промеров и фотоснимков этих костей указывает на то, что они относятся к парнокопытному

иного, гораздо более крупного, размерного класса. Эта конечность принадлежала, скорее всего, мелкой самке бизона. По размерам затылочно-мозгового отдела черепа *Spiroserus kiakhtensis* приблизительно соответствовал архару, поэтому можно предположить, что у этих видов должны быть близки и размеры костей зачерепного скелета.

На Алтае части роговых стержней кяхтинского винторога были найдены в Усть-Канской пещере и на стоянке Кара-Бом [Верещагин, 1956; Оводов, 2009]. В 2021 г. в слое 11 южной галереи Денисовой пещеры был обнаружен фрагмент базального отдела левого рогового стержня крупной особи этого вида (рис. 4). Длина сохранившейся части стержня – 109 мм, наибольший / наименьший диаметры основания стержня – 67,0 / 50,5 мм, обхват основания стержня – 183 мм. Таким образом, найденные в пещере астрагал и фаланга были достаточно обоснованно отнесены к *Spiroserus kiakhtensis*. Другие подходящие кандидаты сходной размерной категории из числа близких по морфологии представителей семейства Bovidae в плейстоценовой биоте Алтая пока не известны. В Забайкалье кяхтинский винторог обитал до конца плейстоцена [Васильев и др., 2018].

Список литературы

Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (северо-западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 28–44.

Васильев С.К., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Фаунистические остатки из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (материалы 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 37–42. doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.037-042.

Васильев С.К, Пархомчук Е.В., Середнёв М.А, Милютин К.И, Кузьмин Я.В., Калинкин П.Н, Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 42–46. doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.042-046.

Верещагин Н.К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания Европейско-Казахстанских и Центральноазиатских степей // Зоологический журнал. – 1956. – Т. 35. – Вып. 10. – С. 1541–1553.

Верещагин Н.К. Пещерный лев и его история в Голарктике и в пределах СССР // Труды Зоол. ин-та АН СССР. – 1971. – Т. 49. – С. 123–199.

Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР. (XIII–XIX в.). Степная зона и лесостепь. – М.: Наука, 1959. – 176 с.

Оводов Н.Д. Забайкальская винторогая антилопа. Научно-литературный парадокс // Енисейская провинция. – Красноярск: ККМ, 2009. – С. 136–145.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на истоки Желтой реки. – СПб., 1883. – 473 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Форонова И.В., Сотникова М.В. Особенности морфологии некоторых представителей фауны млекопитающих (*Proboscidea, Carnivora*) конца среднего – начала позднего плейстоцена на юге Восточной Европы, бассейн Днестра // Геоэкологические и биоэкологические проблемы Северного Причерноморья. – Тирасполь: Изд-во ПГУ, 2012. – С. 321–324.

Gimranov D., Kosintsev P.A. Quaternary large mammals from the Imanai Cave // Quaternary International. – 2020. – № 546. – pp. 125–134. https://doi.org/10.1016/j.quant.2020.01.014

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. – Washington: Carnegie Inst., 1932. – 232 p. + 42 pl.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadganyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva V.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).

Foronova I.V., Sotnikova M.V. Osobennosti morfologii nekotorykh predstavitelei fauny mlekopitayushchikh (Proboscidea, Carnivora) kontsa srednego – nachala pozdnego pleistotsena na yuge Vostochnoi Evropy, bassein Dnestra. In *Geoekologicheskie i bioekologicheskie problemy Severnogo Prichernomorya*. Tiraspol: PSU Publ., 2012, pp. 321–324. (In Russ.).

Gimranov D., Kosintsev P.A. Quaternary large mammals from the Imanai Cave. *Quaternary International,* 2020, No. 546, pp. 125–134. https://doi.org/10.1016/j.quant.2020.01.014

Kirikov S.V. Izmeneniya zhivotnogo mira v prirodnykh zonakh SSSR. (XIII – XIX vv.). Stepnaya zona i lesostep. Moscow: Nauka, 1959, 176 p. (In Russ.).

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. Washington: Carnegie Inst., 1932, 232 p. + 42 pl.

Ovodov N.D. Zabaikalskaya vintorogaya antilopa. Nauchno-literaturnyi paradox. In *Eniseiskaya provintsiya*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2009, pp. 136–145. (In Russ.).

Przhevalskii N.M. Iz Zaisana cherez Khami v Tibet i na istoki Zheltoi reki. St. Petersburg, 1883, 473 p. (In Russ.).

Vasiliev S.K, Parkhomchuk E.V., Serednev M.A, Milyutin K.I, Kuzmin Ya.V., Kalinkin P.N, Rastigeev S.A. Radiocarbon Dating of the Remains of Rare Pleistocene Megafauna Species in Southern Siberia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 42–46. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.042-046.

Vasiliev S.K. Large mammal fauna from the Pleistocene deposits of Chagyrskaya Cave, Northwestern Altai (based on 2007–2011 excavations). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 1, pp. 28–44.

Vasiliev S.K., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Faunal Remains from the Pleistocene Deposits in the Southern Chamber of Denisova Cave (Evidence of 2019). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXVI, pp. 37–42. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.037-042.

Vereshchagin N.K. O prezhnem rasprostranenii nekotorykh kopytnykh v raione smykaniya Evropeisko-Kazakhstanskikh i Tsentralnoaziatskikh stepei. *Zoologicheskii zhurnal*, 1956, vol. 35, iss. 10, pp. 1541–1553. (In Russ.).

Vereshchagin N.K. Peshchernyi lev i ego istoriya v Golarktike i v predelakh SSSR. *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR*, 1971, vol. 49, pp. 123–199. (In Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6883-7900
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0091-0098
УДК 903.12

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Технологические особенности ранней керамики Северо-Восточного Китая

В данном исследовании рассматриваются материалы раскопок неолитических памятников Северо-Восточного Китая, где в последние годы была обнаружена керамика, датируемая возрастом более 10 тыс. л.н. Рассмотрены два ранненеолитических объекта в бассейне р. Нэньцзян на территории современной провинции Цзилинь – Хоутаомуга (ранненеолитический горизонт) и Шуанта, а также более поздний – Чантоцзы-3. Сопоставление с традициями археологических культур сопредельных территорий российского Дальнего Востока позволит уточнить ареал древнего гончарства в регионе. В контексте сравнений с новыми материалами привлекались культуры, локализованные в долине Амура – осиповская, громатухинская, новопетровская, мариинская. Наиболее ранняя фаза 1 Хоутаомуга в целом укладывается в некоторую лакуну, существующую между этими культурами и более поздними северокитайскими. Сделаны следующие выводы. 1. Главным объединяющим признаком всех данных керамических традиций является добавление в тесто органических включений (измельченной травы и реже – дробленой раковины). 2. Наиболее типичны для раннего неолита региона плоскодонные горшки цилиндрической или усеченно-конической формы. 3. Посуда конструировалась на форме-основе и позднее – методом лоскутного налепа. 4. Сходны некоторые орнаментальные мотивы, выполненные гребенчатым штампом и различными комбинациями из прочесов. 5. Для более поздней традиции характерен декор налепными валиками, иногда рассеченными или украшенными цепочкой вдавлений. Ранняя керамика двух регионов довольно близка и очевидно сильно отличается от остродонной и круглодонной посуды Забайкалья, Японского архипелага и Южного Китая. Выделенные общие признаки говорят об определенной преемственности традиций керамического производства в регионе.

Ключевые слова: *Нижнее Приамурье, Северный Китай, древнейшая керамика, технологии, памятники Хоутаомуга, Шуанта, Чантоцзы-3, культурные связи.*

E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Technological Features of Early Ceramics of the Northeastern China

This article investigates the materials from recent excavations of the Neolithic sites in the Northeastern China, where the pottery dated back to more than 10,000 years BP was discovered. The author considered two early Neolithic sites in the Nenjiang River basin in the territory of modern Jilin province, Houtaomuga (its earliest layer), Shuangta, as well as the later one, Changtuozi-3. The comparison with the traditions of the archaeological cultures of the adjacent territories of the Russian Far East could make it possible to clarify the distribution of ancient pottery in the region. The most credible similarities come from the cultures of Amur River valley, the Osipovka and Gromatukha, Novopetrovka, Mariinskoye cultures. The earliest materials of the Houtaomuga Phase 1 generally fit into the gap between these cultures and the later North Chinese ones. The following conclusions were made as a result of the investigations: 1. The main unifying feature for all these ceramic traditions is the addition of organic materials (grounded grass and, less often, crushed shell); 2. The most typical forms of the early Neolithic in this region are flat-bottomed cylindrical or truncated-conical pots; 3. The ceramics was constructed by slab construction methods or a mold base; 4. Similar ornament motives were made with a comb stamp and various combinations of comb patterns; 5. Typical features for later ceramics are ornamentation with molded rolls, sometimes dissected or decorated with impressions. The early ceramics of the two regions is rather similar and obviously

differs greatly from the pointed or round-bottomed pottery examples from Transbaikal, the Japanese archipelago, and southern China. The highlighted common features indicate a certain continuity of the traditions of ceramic production in the region.

Keywords: *Lower Amur region, Northern China, ancient ceramics, technologies, Houtaomuga, Shuangta, Changtuozi-3 sites, cultural interactions.*

Данное исследование посвящено материалам раскопок последних лет в Северном Китае, датируемым рубежом позднего плейстоцена – раннего голоцена, времени больших перемен в климате, а соответственно, изменений растительного и животного мира. В первую очередь интерес представляет рыхлая толстостенная керамика, датируемая возрастом около или более 10 тыс. л.н., и ее сопоставление с находками сопредельных территорий российского Дальнего Востока, что позволит уточнить ареал древнего гончарства в регионе (рис. 1).

Северо-восток Китая представляет собой преимущественно аллювиальную равнину, образованную деятельностью крупных рек – Сунгари (и ее притоков Нэньцзян и Лалиньхэ), а также Амура, Муданьцзян, Ялуцзян, Ляохэ и др. На западе регион ограничен хребтом Большой Хинган, на северо-востоке – Малым Хинганом, на юго-востоке расположены горы Чанбайшань. Маньчжурская долина в среднем и нижнем течении р. Нэньцзян представляет собой плоскую низину и характеризуется многочисленными болотами и озерами. В административном отношении данная территория включает в себя современные провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, частично восток авт. р-он Внутренняя Монголия.

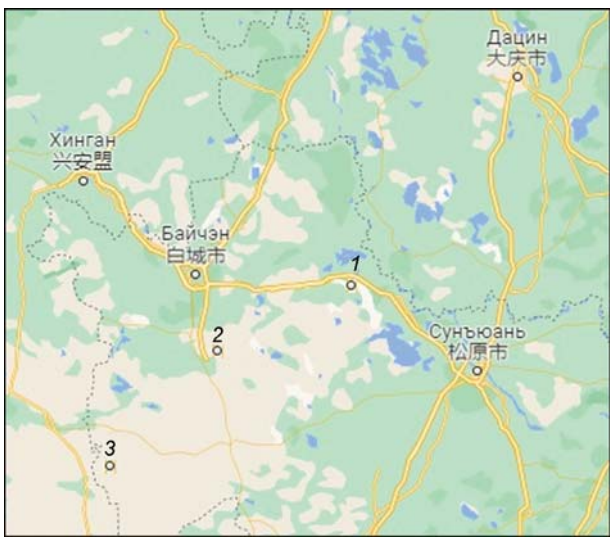

Рис. 1. Памятники раннего неолита северо-востока Китая, рассматриваемые в статье.
1 – Хоутаомуга; *2* – Шуанта; *3* – Чантоцзы-3.

Самая древняя керамика на юге российского Дальнего Востока относится к осиповской культуре, локализованной в бассейне нижнего течения р. Амур. В слоях начального неолита памятников Гася и Госян найдены обломки керамических сосудов [Цетлин, Медведев, 2015]. Памятники неолита, известные с территории Китая, долгое время оставались относительно «молодыми», нижние границы материалов культур Синлунва, Чжаобаогоу, ранних этапов Хуншань, Шанчжай, нижнего слоя Синьлэ и др. не выходили за пределы 8 тыс. л.н. В последние пятнадцать лет многочисленные исследования китайских специалистов позволили обогатить представления о неолите региона как уточненными датировками, так и новыми объектами, некоторые из которых могут заполнить существующую лакуну между северо-китайскими и российскими материалами и представить новые данные о контактах регионов [Ван Лисинь, 2018; Дуань Тяньцзин и др., 2013; Тан Чжовэй и др., 2017; Цзинь Сюйдун, Чу Цзиньган, Ван Лисинь, 2011]. Исследование опирается на публикации китайских авторов, посвященные технико-типологическому анализу керамического материала некоторых опорных памятников северо-восточного Китая.

Особый интерес в данном контексте представляет памятник Хоутаомуга, который расположен на длинной пологой песчаной дюне на юго-восточном берегу водохранилища Синьхуанпао в нижнем течении р. Нэньцзян (г. Даань на северо-востоке провинции Цзилинь) [Ван Лисинь, 2018]. Стратиграфическая колонка включает в себя слои от раннего неолита до периода династий Ляо-Цзинь. Работы на памятнике велись с 2011 по 2015 г. Первоначально была разработана относительная хронология объекта, основанная на типологии керамики и стратиграфических связях, а также на сравнении с материалами сопредельных территорий. К наиболее раннему слою (фаза 1: 12900–11000 л.н. (здесь и далее даты приводятся по китайским публикациям, где нет указания на то, калиброванные они или нет) относятся несколько зольников, содержащих около 2000 фрагментов керамики (рис. 2, *1–9*) [Tang Zhuo-wei et al., 2020, pp. 1–2]. Данный горизонт серо-желтого цвета, очень похожего на цвет нижележащего мелкопесчанистого геологического субстрата. Слой 2 (фаза 2: 8000–7000 л.н. (рис. 2, *10–13*) сложен черно-се-

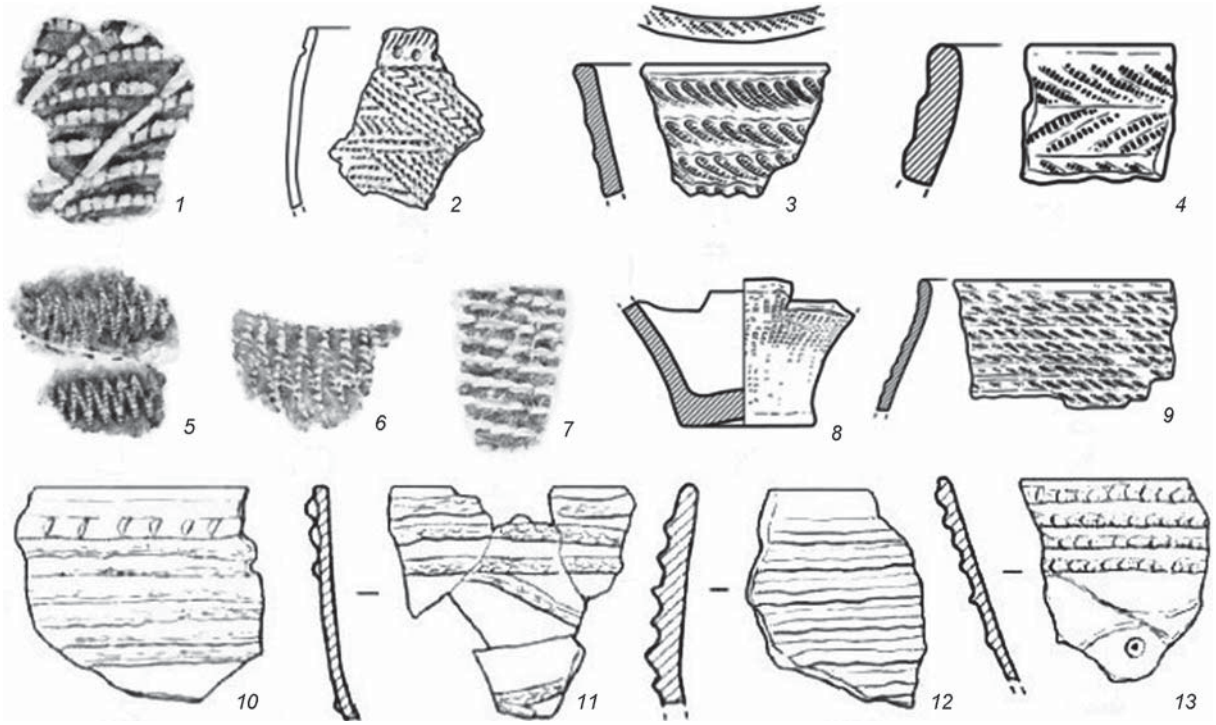

Рис. 2. Керамика неолитического горизонта памятника Хоутаомуга.
1–9 – фаза 1 (по: [Sebillaud, Wang Lixin, 2019]); *10–13* – фаза 2 (по: [Ван Лисинь, 2018, с. 149]).

рыми и песчаными феоземами, ранние стратиграфические единицы сформировались до фазы голоценового потепления. Более того, человеческие кости из единственного захоронения фазы I уже достигли определенной степени окаменения. Пять образцов керамики с нагаром, человеческие кости и кости животных были подвергнуты радиоуглеродному датированию и показали возраст 12900–11100 л.н. [Sebillaud, Wang Lixin, 2019, с. 77].

Керамика фазы 1 памятника Хоутаомуга является наиболее ранней из обнаруженных на северовостоке Китая и морфологически не связана с другими ранненеолитическими культурами Китая ни по составу теста, ни по форме, ни по орнаментации. При технико-типологическом анализе очевидны включения однородных по размеру растительных волокон, иногда в сочетании с дробленой раковиной, а в редких случаях также фиксируются вкрапления зерен кварцита [Ван Лисинь, 2018, с. 143]. Органические включения в ранней керамике могли иметь функцию абсорбента, высушивающего глину и позволяющего быстро сделать сосуд. Такие сосуды были намного легче и, возможно, в связи с этим более удобны в транспортировке для полуоседлого населения [Skibo, 2013, p. 6, 40–42]. Сочетание нескольких компонентов в тесте вело к большей устойчивости сосуда к техническим и механическим нагрузкам. Исходя из стратиграфии объекта, данный тип теста, сочетающий три компонента, относится к наиболее поздней керамике неолитического слоя памятника [Ван Лисинь, 2018].

Керамика Хоутаомуга представлена в основном фрагментарно, но в некоторых случаях даже очень небольшие находки распадаются на отдельные части, что говорит о способе формования сосуда способом лоскутного налепа. Как внутренняя, так и внешняя поверхности покрывались слоем тонкой глины. Химический анализ показал, что это глины высокой степени ожелезненности, обжигаемые при температуре, не превышающей 700°С. Текстура очень рыхлая и хрупкая, находки расслаиваются при извлечении из земли [Там же, 2018, с. 143]. Только один сосуд был признан археологически целым, но по наиболее распространенным чертам отдельных находок можно выделить некоторые характерные особенности: 1) доминируют горшки цилиндрической формы или усеченно-конические с широким, сужающимся ко дну туловом; 2) характерно широкое устье при небольшом плоском или слегка вогнутом днище; 3) стенки разнятся по толщине – от 0,8 до 1,5 см.

Неорнаментированные сосуды редки, рисунок, как правило, покрывает большую часть или всю поверхность сосуда. В основном это точечный рисунок, выполненный гребенчатым штампом с толстыми зубьями достаточно глубокими вдавлениями (2–3 мм). Соответственно, на внутренней стороне сосуда встречаются выступы, образованные от

вдавлений инструмента с внешней стороны. Орнаменты образуют различные композиции: горизонтальными или зигзагообразными линиями, параллельными короткими насечками или короткими полудугами. Иногда закономерность расположения и форм отметин говорит о том, что узор наносился орнаментиром в виде зубчатого колесика. Некоторые рисунки выполнены другим инструментом, более тонким и оставляющим неглубокие следы, например, параллельные косые линии, дуги или зигзаги. Убористое покрытие таким глубоким орнаментом всей поверхности сосуда до его высыхания позволяло сделать его более термоустойчивым и избежать образования трещин [Skibo, 2013, p. 48].

Внутри раскопанного пространства в раннем слое не зафиксировано никаких жилищных структур, найдено только одно погребение, свидетельствами хозяйственной деятельности человека являются ямы и траншеи. Тем не менее, количественные показатели керамики говорят о том, что обитатели памятника могли вести полуоседлый образ жизни в данной местности или приходить на одно место сезонно. Появление керамики среди населения, ведущего полуоседлый образ жизни, могло быть связано с увеличением потребления рыбы и моллюсков. Исследователи считают, что появление гончарства могло быть связано с активным развитием рыболовства и гончарные изделия появились в связи с необходимостью хранения запасов рыбы и вытапливания рыбьего жира [Медведев, 2005].

До открытия Хоутаомуга на северо-востоке Китая наиболее ранняя керамика относилась к памятнику Шуанта (найдена в наиболее древнем горизонте, датируемом временем около 10 тыс. л.н. (рис. 3). Данный объект, открытый в 2007 г., локализован в черте г. Байчэн на левом берегу р. Нэньцзян. К раннему слою относятся 6 зольников, 1 погребение, фиксируются 14 столбовых ямок [Тан Чжовэй и др., 2017].

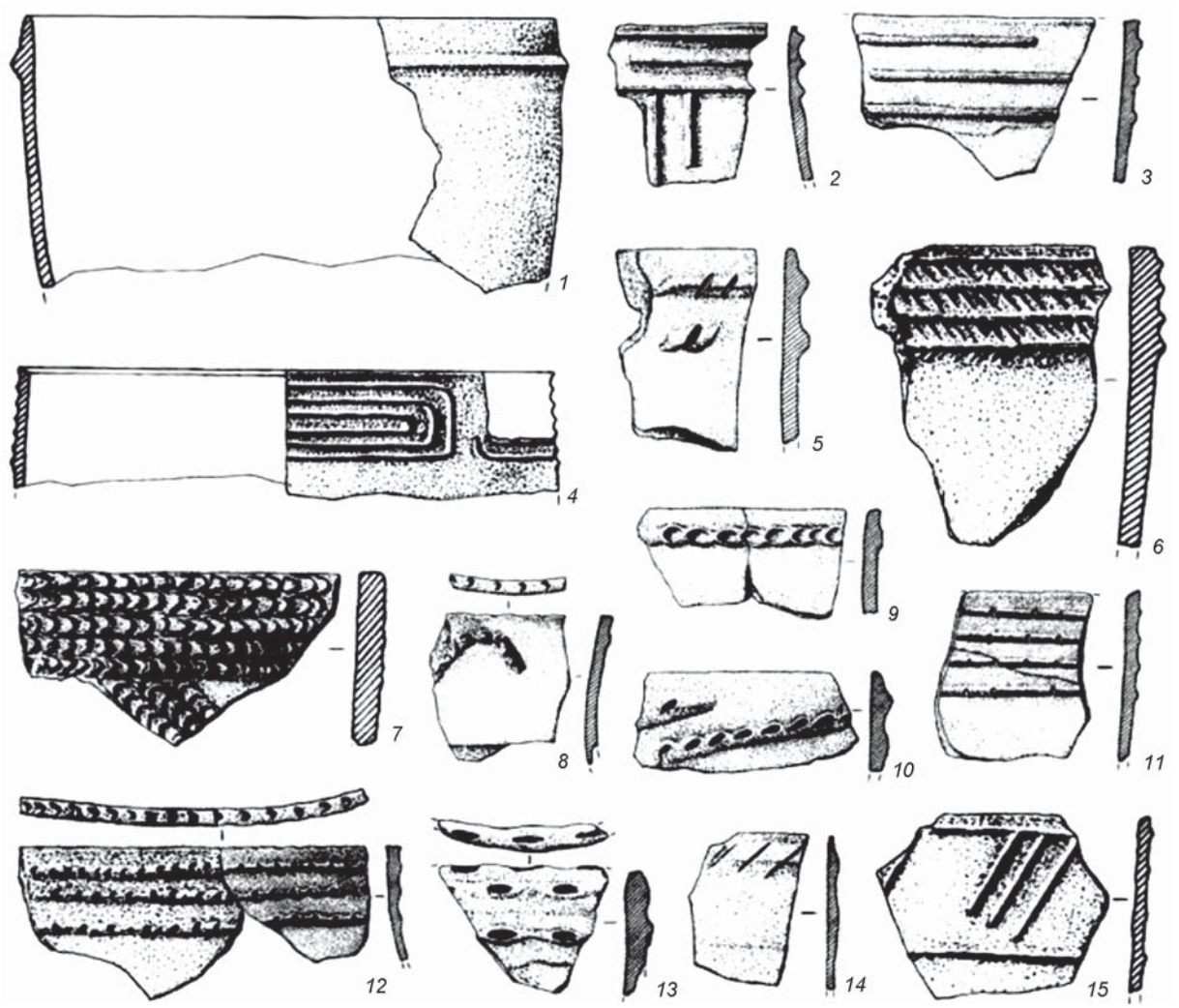

Рис. 3. Керамика памятника Шуанта первого периода (по: [Дуань Тяньцзин, Ван Лисинь, Тан Чжовэй, 2013, с. 60]).

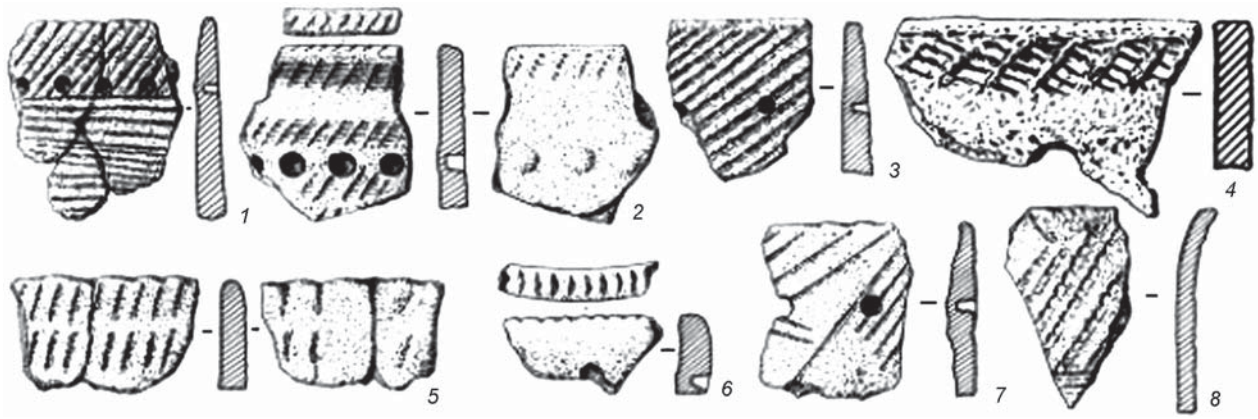

Рис. 4. Керамика неолитического горизонта памятника Чантоцзы-3 (по: [Цзинь Сюйдун, Чу Цзиньган, Ван Лисинь, 2011, с. 5]).

Керамика с примесью мелкозернистого песка, растительных включений и дробленой раковины превалирует. Сосуды фрагментированы, судя по отдельным свидетельствам, горшки большого размера формовались методом лоскутного налепа, небольшие формы создавались методом вылепливания из цельного куска глины [Ван Лисинь и др., 2013, с. 508]. Фиксируются сосуды баночных форм, горшки с широким туловом и прямым устьем, а также горшки со слегка отгибающимся утолщенным венчиком, как правило, сужающиеся к плоскому днищу. Посуда в основном неорнаментированная, встречаются: 1) ямочные вдавления на венчике, выполненные инструментом с острым или закругленным краем; 2) налепной валик, опоясывающий пространство под венчиком, несколько таких валиков могут образовывать ряды или сочетаться с вертикальными или косыми налепами, тем самым вся композиция может занимать большую часть сосуда; 3) налепные валики могут быть рассечены или украшены круглыми вдавлениями. Анализ антропологического материала и керамики методом радиоуглеродного датирования показал возраст, равный примерно 10 тыс. л.н. [Дуань Тяньцзин, Ван Лисинь, Тан Чжовэй, 2013, с. 59]. Исследования показывают, что климат в это время был относительно сухим и холодным, на ранней стадии первого периода растительный покров был выше, преобладали луговые ландшафты [Sebillaud, Wang Lixin, 2019]. В целом, обитатели памятника Шуанта первого периода использовали в пищу мелких млекопитающих, рыб и моллюсков. Многочисленные бифасиальные наконечники, «тесловидно-скребловидные орудия», а также грузила для сетей говорят о том, что была выбрана достаточно устойчивая стратегия выживания с адаптацией широкого спектра, в основном базирующаяся на рыболовстве и охоте [Тан Чжовэй и др., 2017].

Похожая на посуду из Хоутаомуга керамика встречается в материалах памятника Чантоцзы-3 (рис. 4), открытого близ г. Байчэн в провинции Цзилинь [Цзинь Сюйдун и др., 2011]. В Чантоцзы-3 стенки сосудов толщиной не более 0,5–0,9 см, что немного тоньше, чем в Хоутаомуга. В тесте керамики также есть растительные волокна, большая часть посуды содержит примеси дробленой раковины, а также разноразмерные фрагменты кварца. В Чантоцзы-3 температура обжига была очевидно выше, т.к. сосуды прочнее, состав теста более сложный, фрагменты органики более единообразны [Там же, с. 5]. Все это в совокупности свидетельствует о том, что в Чантоцзы-3 представлена более поздняя керамика, нежели в Хоутаомуга. Для посуды памятника характерна орнаментация короткими параллельными насечками, отпечатками зубчатого инструмента, что стилистически похоже на Хоутомуга; с Шуанта его сближает наличие декора в виде насечек по венчику или налепных валиков, но есть и новые, более сложные элементы, например, комбинации декора отпечатками ногтя, что, возможно, также говорит о более позднем времени существования памятника, однако очевидна преемственность традиций изготовления и орнаментации керамики [Цзинь Сюйдун и др., 2011].

Северо-восточная керамика значительно моложе южнокитайской, считающейся самой ранней в мире на данный момент (например, пам. Сяньжэньдун, датируемая 20–19 тыс. л.н.). Очевидно, что это были самостоятельные центры, генетически не связанные друг с другом. Большая часть южных памятников, где обнаружена керамика, это пещерные объекты, на севере ранненеолитических пещерных памятников с керамикой нет. Различается и состав керамического теста, для юга редки добавления растительных волокон, основные примеси – слюда, песок, полевой шпат, дробленый кварц,

кальцит. Единственным исключением может выступать памятник Шаншань в провинции Чжэцзян, где в керамике зафиксированы фрагменты рисовой шелухи и листьев [Sebillaud, Wang Lixin, 2019].

В контексте сравнений с представленными материалами привлекались культуры долины Амура – осиповская (16–14 тыс. л.н.), громатухинская (16-15–8 тыс. л.н.), новопетровская (15,8–8,5 тыс. л.н.) и мариинская (10–8 тыс. л.н.). Наиболее ранняя фаза 1 Хоутаомуга в целом укладывается в пробел между этими культурами и более поздними северокитайскими. Главным объединяющим признаком всех данных керамических традиций является добавление в тесто органических добавок (измельченной травы и реже – дробленой раковины), а также минеральных включений (что является достаточно дискуссионным вопросом). Это может быть указанием на раннее происхождение технологии составления сложносоставного рецепта теста. Очевидно, что данный технологический аспект был довольно широко распространен в Северо-Восточной Азии и доминировал в течение длительного времени. Анализ волокна в тесте керамики памятников Гася, Гончарка-1, Хумми, Устиновка-3 и др. свидетельствует об их возможной принадлежности к семейству осоковых *Ceperaceae* [Жущиховская, Мыльникова, 2020, с. 19]. Предварительные анализы растительных волокон в глине ранней керамики фазы I из Хоутаомуга указывают на то, что они могут принадлежать к растениям семейства злаковых *Gramineae* [Sebillaud, Wang Lixin, 2019]. Что касается орнаментальных мотивов, то некоторые аналогии можно найти в материалах памятника Гончарка-1, например, убористое покрытие гребенчатым орнаментом в виде горизонтального и вертикального (наклонного) зигзага всей поверхности сосуда. Декор фазы 2 памятника Хоутаомуга имеет отдаленные аналогии в новопетровской культуре среднего Амура, в целом синхронной ей. Похожи как зона размещения орнамента – горловина и плечики, так и превалирование горизонтальных и реже – наклонных налепных валиков, рассеченных насечками (рис. 2, *10–13*).

Что касается Шуанта, то в качестве аналогий можно привести материалы памятников громатухинской культуры Новопетровка II и Сергеевка, где проводилось радиоуглеродное датирование органических добавок измельченной травы. Керамика из Новопетровки II датируется временем до 15430 л.н., а сергеевский образец был более поздним (8980–8640 л.н.) и, видимо, соответствовал финальному этапу развития громатухинской культуры в Западном Приамурье [Деревянко и др., 2017, с. 10]. Керамика более поздних этапов памятника Сергеевка очень похожа на найденную в Шуанта: посуда с текстильными отпечатками, с утолщенным венчиком, вафельным декором, с узором из прямоугольных и округлых вдавлений. Встречается орнамент, сделанный зубчатым колесиком или в виде налепного рассеченного валика. Определенные аналогии встречаются и в новопетровской культуре – это также налепные валики, горизонтальные и наклонные, рассеченные поперечными насечками или круглыми вдавлениями (см. рис. 3, *1–3*, *11–15*).

Керамика Чантоцзы-3 находит свои аналогии в орнаментальных традициях мариинской культуры, где также были характерны техники штампования и протаскивания зубчатым инструментом, а также прямолинейные прочерченные желобки. Декоративные группы могли располагаться как прямолинейно, так и криволинейно. Насечки могли покрывать и верхний край венчика. Несмотря на то, что керамика Чантоцзы-3 фрагментарна, вероятно, так же, как и в мариинский культуре, орнамент преимущественно покрывал устье и плечики сосуда. Тулово и преддонная часть декорированы реже.

Исследователи памятника Хоутаомуга высказывают предположение, что найденные изделия имитировали более ранние формы емкостей – плетеные, также в качестве аргументации в пример приводится и более ранний материал, например, сосуд с памятника Гася осиповской культуры, плоскодонный с широким туловом, вся внешняя поверхность которого убористо покрыта желобками [Sebillaud, Wang Lixin, 2019]. В.Е. Медведев и И.В. Филатова указывали, что превалирующими способами декорирования в осиповской культуре являлись прочесывание и протаскивание, в т.ч. и, например, зубчатым колесиком с прямым или дугообразным краем [Медведев, Филатова, 2014, с. 30–31], а И.С. Жущиховская отмечала, что, возможно, нанесение насечек могло имитировать плетеную поверхность. Керамика со стоянки Хумми, по мнению исследовательницы, изготовлялась при помощи формы-основы, предположительно, плетеной [Zhushchikhovskaya, 1997]. Более сложная система формования из отдельных лоскутов внедряется с началом изготовления цилиндрических плоскодонных горшков. У сосуда с памятника Гася слегка вогнутое дно, как и у посуды Хоутаомуга, что говорит о том, что этот тип дна являлся превалирующим для наиболее ранней керамики региона. Декор также очень похож, это короткие параллельные линии и зигзаги, выполненные в технике отступающей гребенки, но убористые прочесы не встречаются нигде на ранних памятниках (кроме пам. Гончарка-1), а характерный зигзаг в материалах Хоутаомуга очень немногочислен. Таким образом,

пунктирные отпечатки гребенчатого штампа или колесика общи для всего рассматриваемого северо-восточного региона на начальном этапе развития керамики, равно как и использование налепов в более позднее время. Мы не можем исключать, что носители культур нижнего Амура могли иметь влияние на традиции гончаров Хоутаомуга. Морфологически сосуды осиповской культуры и памятника Хоутаомуга очень близки по форме, они очевидно сильно отличаются от остродонной и круглодонной посуды из Забайкалья, Японского архипелага и Южного Китая. Кроме того, в среднем–позднем неолите Нижний Амур и сопредельные территории характеризуются большой концентрацией плоскодонной посуды в регионе и находки этих двух памятников говорят, насколько плоскодонная традиция была ранней.

Список литературы

Ван Лисинь. Хоутаомуга синьшици шидай ицунь цзи сянгуань вэньти яньцзю (Памятник неолитической эпохи Хоутаомуга и связанные с ним вопросы) // Каогу сюэбао. – 2018. – №2. – С. 141–164 (на кит. яз.).

Ван Лисинь, Цзинь Сюйдун, Дуань Тяньцзин, Тан Чжовэй. Цзилинь Байчэн Шуанта ичжи синьшици шидай ицунь (Памятник эпохи неолита Шуанта в г. Байчэн провинции Цзилинь) // Каогу сюэбао. – 2013. – № 4. – С. 501–533, 537– 538 (на кит. яз.).

Деревянко А.П., Деревянко Е.И., Нестеров С.П., Табарев А.В., Кадзунори Учида, Даи Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзаки. Новые радиоуглеродные даты громатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45. – №4. – С. 3–12. DOI:10.17746/1563-0110.2017.45.4.003-012.

Дуань Тяньцзин, Ван Лисинь, Тан Чжовэй. Цзилинь Байчэнши Шуанта ичжи и, эрци ицунь дэ сянгуань вэньти (Археологические останки первого и второго периодов памятника Шуанта в г. Байчэн в провинции Цзилинь и сопутствующие вопросы) // Каогу. – 2013. – №12. – С. 58–70 (на кит. яз.).

Жущиховская И.С., Мыльникова Л.Н. Древнейшая керамика Восточной Азии: актуальные вопросы исследования (материалы для учебного курса «Керамика как исторический источник») // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2020. – Т.19. – №7. – С. 10–33. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-1-33.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и Средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. – Владивосток: Дальнаука, 2005. – С. 234–267.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья. Орнаментальный аспект. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 167 с.

Тан Чжовэй, Ван Лисинь, Дуань Тяньцзин, Цзинь Сюйдун, Чжан Цюаньчжао, Чжан Мэн. Цзилинь Байчэн Шуанта синьшици шидай ичжи дэ дунъу ицунь цзи ци хуаньцзин (Зоологические останки на памятнике неолита Шуанта в г. Бйчэн в провинции Цзилинь и окружающая природная среда) // Жэньлэйсюэ сюэбао (Вестник антропологии). – 2017. – Т. 36. – № 4. – С. 537–552 (на кит. яз.).

Цетлин Ю.Б., Медведев В.Е. Гончарство осиповской культуры Приамурья (11–13 тыс. л.н.) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 2015. – С. 298–312.

Цзинь Сюйдун, Чу Цзиньган, Ван Лисинь. Цзилинь Тунъюй сянь Чантоцзы сычу ичжи дэ дяоча (Исследование памятников Чантоцзы 1–4 в уезде Тунъюй в провинции Цзилинь) // Бэйфан вэньу (Культурное наследие Севера). – 2011. – № 3. – С. 3–7 (на кит. яз.).

Sebillaud P., Wang Lixin. The Emergence of Early Pottery in East Asia: New Discoveries and Perspectives // Journal of World Prehistory. – 2019. – № 32 (1). – Pp. 73–110. DOI: 10.1007/s10963-018-9126-y.hal-02440392.

Skibo J. M. Understanding Pottery Function (Manuals in Archaeological Method, theory and Technique). – N.-Y.: Springer, 2013. –189 p.

Tang Zhuo-wei, Lee Hyunsoo, Wang Lixin, Sebillaud P., Fang Qi, Lee Gyoung-Ah. Plant Remains Recovered from the Houtaomuga Site in Jilin Province, Northeast China: A Focus on Phase I (12,900 – 11,000 cal. BP) and Phase II (8,000-7,000 cal. BP) // Archaeological Research in Asia. – 2020. –Vol. 22. – P. 100192–100197. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100192.

Zhushchikhovskaya I. S. On early pottery-making in the Russian Far East // Asian Perspectives. – 1997. – № 36(2). – С. 159–174.

References

Wang Lixin. Houtaomuga xinshiqi shidai yicun ji xiangguan wenti yanjiu [The Neolithic Site Houtaomugaand the Related Questions]. *Kaogu xuebao,* 2018, No. 2, pp. 141–164 (In Chin.).

Wang Lixin, Jin Xudong, Duan Tianjing, Tang Zhuowei. Jilin Baicheng Shuangta yizhi xinshiqi shidai yicun [The Neolithic Site Shuangta in Baicheng City, Jilin Province]. *Kaogu xuebao,* 2013, No. 4, pp. 501–533, 537–538 (In Chin.).

Derevianko A.P., Derevianko E.I., Nesterov S.P., Tabarev A.V., Kazunori Uchida, Dai Kunikita, Kazuki Morisaki, Hiroyuki Matsuzaki. New Data on the Chronology of the Initial Neolithic Gromatukha Culture, Western Amur Region. *Archaeology, Ethnografy and Antropology of Euroasia*, 2017, vol. 45, No. 4, pp. 3–12. DOI:10.17746/1563-0110.2017.45.4.003-012.

Duan Tianjing, Wang Lixin, Tang Zhuowei. Jilin Baichengshi Shuangta yizhi yi, erqi yicun de xiangguan

wenti [The Remains of the First and the Second Periods of Shuangta Site in Baicheng City, Jilin Province]. *Kaogu*, 2013, No. 12, pp. 58–70. (In Chin.).

Zhushchikhovskaya I.S., Mylnikova L.N. The Oldest Ceramics of East Asia: Current Research Questions (Materials for the Educational Course "Ceramics as an Archaeological Sourse"). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* Series: History and Philology, 2020, vol. 19, No. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 10–33. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-1-33.

Medvedev V.Ye. Neoliticheskiye kul'tury Nizhnego Priamur'ya. In *Rossiyskiy Dal'niy Vostok v drevnosti i srednevekov'ye: otkrytiya, problemy, gipotezy.* Vladivostok: Dal'nauka, 2005, pp. 234–267. (In Russ.).

Medvedev V.Ye., Filatova I.V. Keramika epokhi neolita Nizhnego Priamur'ya. Ornamental'nyy aspekt. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 167 p. (In Russ.).

Tang Zhuowei, Wang Lixin, Duan Tianjing, Jin Xudong, Zhang Quanzhao, Zhang Meng. Jilin Baicheng Shuangta xinshiqi shidai yizhi de dongwu yicun ji qi huanjing [The Animal Remains and the Environment of Neolithic Shuangta Site in Baicheng of Jilin]. *Renleixue xuebao [Bulletin of Antropology]*, 2017, vol. 36, No. 4, pp. 537–552. (In Chin.).

Tsetlin Yu.B., Medvedev V.Ye. Goncharstvo osipovskoy kul'tury Priamur'ya (11–13tys. l.n.). In *Sovremennyye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii*. Moscow: IA RAS Publ., 2015, pp. 298–312. (In Russ.).

Jin Xudong, Chu Jingang, Wang Lixin. Jilin Tongyu xian Changtuozi sichu yizhi de diaocha [Investigating Four Sites of Changtuozi in Tongyu County in Jilin Province]. *Beifang wenwu [Cultural Relics of the North],* 2011, No. 3, pp. 3–7. (In Chin.).

Sebillaud P., Wang Lixin. The Emergence of Early Pottery in East Asia: New Discoveries and Perspectives. *Journal of World Prehistory,* 2019, No. 32 (1), pp. 73–110. DOI: 10.1007/s10963-018-9126-y.hal-02440392.

Skibo J.M. Understanding Pottery Function (Manuals in Archaeological Method, theory and Technique). N.-Y.: Springer, 2013, 189 p.

Tang Zhuo-wei, Lee Hyunsoo, Wang Lixin, Sebillaud P., Fang Qi, Lee Gyoung-Ah. Plant Remains Recovered from the Houtaomuga Site in Jilin Province, Northeast China: A Focus on Phase I (12,900 – 11,000 cal. BP) and Phase II (8,000-7,000 cal. BP). *Archaeological Research in Asia*, 2020, vol. 22, pp. 100192–1001927. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100192.

Zhushchikhovskaya I. S. On early pottery-making in the Russian Far East. *Asian Perspectives,* 1997, No. 36(2), pp. 159–174.

Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0099-0104
УДК 902.01

С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Поздний палеолит Приморского региона после последнего оледенения

Палеолитические стоянки в российском Приморье появляются не ранее 18 тыс. кал. л.н. На территориях к югу и юго-западу от Приморья существует большое количество памятников с микропластинчатыми индустриями, относящихся ко времени еще до начала LGM. Наибольшее количество датированных стоянок приходится на начало LGM (24–20 тыс. кал. л.н.). Исследователи предполагают, что после 20 и до 15 тыс. кал. л.н., в силу изменения природных условий, происходит отток населения с Корейского полуострова и из северо-восточного Китая. В Корее наиболее яркими представителями послеледниковых каменных индустрий являются комплексы стоянки Хопейонгдонг, Хавагайри, Сонгдури и Гигок, в северо-восточном Китае – Датонг и Юафанг. Индустриальные комплексы этих стоянок характеризуются клиновидными микронуклеусами, концевыми скребками, резцами, проколками, сверлами, листовидными бифасами, наконечниками стрел и ретушированными микропластинами. В российском Приморье ближайшие аналогии этим комплексам обнаруживаются в коллекциях стоянок устиновской группы. Материалы ранних памятников Приморья – Суворово 4, Устиновка 5, 7 (возраст – 18–16 тыс. кал. л.н.) демонстрируют прямые аналогии с индустриями памятников Хопейонгдонг и Хавагайри (возраст 25–19 тыс. кал. л.н.). Более поздние приморские палеолитические комплексы – Суворово 3, Устиновка 6, Илистая 1 и Горбатка 3 аналогичны индустриям корейских стоянок Сонгдури и Гигок и китайских памятников Датонг и Юафанг. В связи с похолоданием резко возрастает мобильность древнего человека, который стал активно осваивать освободившиеся от моря прибрежные ареалы. Вдоль прибрежной полосы происходит миграция на соседние территории российского Приморья. Процесс этот был неоднократен и осуществлялся в обе стороны.

Ключевые слова: *поздний палеолит, отжимное расщепление, клиновидные микронуклеусы, наконечники стрел, Корея, Китай, российское Приморье.*

S.A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Late Paleolithic of the Maritime Region after LGM

Paleolithic sites in the Russian Primorye appeared not earlier than 18,000 cal. BP. In the territories to the south and southwest, there are a large number of sites with microblade industries dating back to the time before the beginning of LGM. The largest number of dated sites falls at the beginning of LGM (24,000–20,000 cal. BP). Researchers suggest that after 20,000 and up to 15,000 cal. BP, due to the changes in climate, there was an outflow of population from the Korean Peninsula and from northeast China. In Korea, the most prominent representatives of the post-glacial lithic industries are the Hopyeong-dong, Hahwagye-ri, Songdu-ri, and Gigok sites, in northeast China—Datong and Yuafang. The industrial complexes of these sites are characterized by wedge-shaped microcores, end scrapers, burins, punctures, drills, leaf-shaped bifaces, arrowheads, and retouched microblades. In the Russian Primorye, the closest parallels to these complexes are found in the collections of the Ustinovka group of sites. The materials of the early sites, Suvorovo 4, Ustinovka 5, 7 (18,000–16,000 cal. BP) demonstrate direct parallels with the industries of the Hopeyong-dong and Hahwagye-ri sites (25,000–19,000 cal. BP). Later Paleolithic complexes, Suvorovo 3, Ustinovka 6, Ilistaya 1, and Gorbatka 3, are similar to the industries of the Korean Songduri and Gigok sites, and the Chinese Datong and Yuafang sites. Due to the cold period, mobility of ancient man increases rapidly, he actively began to develop coastal areas freed from the sea. Along the coastal strip, there were migrations to the neighboring territories of the Russian Primorye. This process was repeated and was active in both directions.

Keywords: *Late Paleolithic, pressure percussion, wedge-shaped microcores, arrow points, Korea, China, Russian Primorye.*

Введение

В настоящее время можно считать доказанным, что палеолитическое население в российском Приморье появляется не ранее 18 тыс. кал. л.н. Существует много случайных находок каменных изделий древнего облика, с дефлированной поверхностью, но надежно стратифицированных, или подтвержденных радиоуглеродными датировками комплексов нет. В то же время, на территориях к югу и юго-западу от Приморья обнаружено и изучено большое количество памятников с микропластинчатыми индустриями, относящихся ко времени еще до начала последнего максимального оледенения в плейстоцене. Нами уже высказывалась точка зрения о сомнительности заселения Приморья с Сахалина или Амурского региона и предлагался сценарий проникновения палеолитического населения в этот регион с юга или юго-запада, т.е. с территорий Кореи и Китая [Гладышев, 2019, 2020].

Предлагаемая статья продолжает начатую тематику. В ней дается краткий анализ существующих в российском Приморье позднепалеолитических комплексов, время существования которых приходится на период после последнего максимального оледенения в плейстоцене. Наряду с этим рассматриваются и материалы археологических памятников этого периода на соседних территориях Кореи и Китая. В отличие от проблематики становления верхнего палеолита в этих регионах, анализ археологических материалов послеледникового периода в научной литературе занимает крайне мало места.

Наиболее полно корейские материалы этого времени изложены в обобщающих работах Ч. Сеонга [Seong, 2011, 2015]. В литературе, посвященной позднему палеолиту северного и северо-западного Китая в послеледниковое время, более менее подробно освещены стоянки раннего дриаса (от 11,5 тыс. кал. л.н.).

Комплексы позднего палеолита Китая и Кореи после LGM

Характеризуя комплексы позднего палеолита Кореи и Китая, относящиеся к периоду после последнего плейстоценового ледникового максимума, следует упомянуть об одном интересном явлении. И в Китае, и в Корее количество памятников этого времени резко сокращается. К тому же они хуже датированы, чем стоянки раннего верхнего палеолита и ледникового периода [Seong, 2011, 2015]. Наибольшее количество датированных стоянок приходится на начало последнего оледенения, на период 24–20 тыс. кал. л.н. Ряд исследователей предполагают, что после 20 и до 15 тыс. кал. л.н., в силу изменения природных условий, происходит отток населения с Корейского полуострова [Seong, 2015] и из Северо-Восточного Китая.

В Корее наиболее яркими представителями послеледниковых каменных индустрий являются комплексы стоянки Хопейонгдонг (Hopyeong-dong), верхние слои секторов C, D и верхний горизонт стоянки Хавагайри (Hahwagye-ri). В верхнем слое сектора D обнаружено 864 обсидиановых артефакта, коллекция состоит из клиновидных микронуклеусов, проколок и микросверел и микропластинок. Это самый древний в Корее обсидиановый комплекс. Его возраст датируется самым пиком последнего оледенения (25–26 тыс. кал. л.н.). В верхнем слое сектора C найдены только кремневые микропластинки. Этот комплекс обеспечен большой серией дат в пределах 19 тыс. кал. л.н. [Seong, 2015, p. 99]. Корейские исследователи отмечают, что, если первые комплексы с микронуклеусами содержали также и острия с выделенным черешком, то после 17 тыс. кал. л.н. стоянки позднего палеолита содержат только микроиндустриальные ассамбляжи, без черешковых острий [Seong, 2015, p. 104]. На стоянке Гигок (Gigok) обнаружено более 5000 артефактов этого времени. Они сделаны из кремнистого сланца, обсидиана и кристаллического кварца. Комплекс включает в себя клиновидные микронуклеусы, пластинки и микропластинки, а также три бифасиально обработанных наконечника стрелы. Это свидетельствует о появлении лука и стрел в позднем палеолите Кореи. Микролитические комплексы Кореи постледникового времени, кроме микронуклеусов и микропластин, содержат также скребки и концевые скребки, резцы, проколки и ножи со спинкой. Встречаются также и орудия с подшлифовкой рабочего края. Имеющиеся на сегодняшний день радиоуглеродные датировки свидетельствуют, что древнее население Кореи значительно возросло в период перед последним оледенением и в его первой половине. После максимума последнего оледенения количество археологических памятников резко сокращается вплоть до начала неолитической эпохи. На послеледниковое время приходится очень небольшое количество достоверных радиоуглеродных дат, это стоянки: Хавагайри (13390 ± ± 60 л.н.), Сонгдури (Songdu-ri) (11850 ± 190 л.н.) и Гигок (Gigok) (10200 ± 60 л.н.).

Причины сокращения количества археологических объектов и, следовательно, древнего населения Кореи в послеледниковое время неясны. Предлагаются две гипотезы. Первая, что в связи с возросшей мобильностью в холодное время, древний человек стал активнее перемещаться и совершал постоянные миграции на соседние территории и обратно. Вторая, что древний человек предпочи-

тал прибрежные ареалы обитания, которые были затоплены после потепления океаном. Обе эти гипотезы в настоящее время требуют аргументированных доказательств.

В Северо-Восточном Китае, практически на границе с российским Приморьем, находится стратифицированная стоянка Датонг (Datong). Археологический комплекс стоянки содержит индустрию, основанную на расщеплении клиновидных нуклеусов и большой набор орудий из микропластин и пластинок [Kato, 2014, p. 107]. Археологическая коллекция стоянки Датонг очень близка по своему составу с материалами памятника Юафанг (Youfang), расположенному в Северном Китае [Там же]. Индустриальный комплекс стоянки Юафанг датируется OSL методом в очень широком диапазоне, причем даты распределяются в две группы. Первая группа имеет диапазон от 29 до 25 тыс. кал. л.н. Во вторую группу входят даты от 16,5 до 14, 5 тыс. кал. л.н. [Yi Mingjie et al., 2016, p. 135]. Наиболее интересны комплексы второй группы, которые характеризуются клиновидными микронуклеусами, микропластинками, резцами, проколками и концевыми скребками.

Комплексы позднего палеолита российского Приморья после LGM

Комплексы конца позднего палеолита Приморья можно охарактеризовать сочетанием развитых пластинчатой (расщепление подпризматических ядрищ) и миропластинчатой (микроклиновидные нуклеусы) технологий и широким спектром орудий, среди которых представлены инструменты для обработки всех видов продуктов охотничье-собирательской деятельности [Крупянко, Табарев, 2015, с. 100]. Надежно стратифицированные и датированные памятники финала позднего палеолита сконцентрированы в двух районах: в континентальной части Приморья и в бассейне р. Зеркальной.

Из группы памятников в бассейне р. Зеркальной наиболее выразительные материалы получены на стоянках Суворово 3, Суворово 4 и Суворово 6. Ведущей техникой расщепления здесь была призматическая система получения пластин и пластинок и микропластинчатая техника.

На стоянке Суворово 3 расщепление представлено пластинчатой и микропластинчатой техниками. Орудия составляют 2,3 % от общего числа находок, что является весьма высоким показателем для этого региона. Среди орудий выделяются ножи, резцы, проколки, скребки, скребла, наконечники и рубящие инструменты. Радиоуглеродных дат для палеолитического комплекса стоянки нет. Большинство специалистов считают, что возраст археологических материалов стоянки Суворово 3 соответствует самому концу плейстоцена – началу голоцена – 11–10 тыс. л.н. Несколько отличается от нее каменная индустрия памятника Суворово 4. Процент орудий здесь значительно ниже, чем на Суворово 3–1,3 %. Преобладающей техникой расщепления является подпризматическая техника получения пластин и пластинчатых заготовок (207 экз.), а микропластинчатая техника занимает подчиненное положение и выражена не столь ярко, как в комплексе Суворово 3. В орудийном наборе стоянки широко представлены ножи с бифасиальной обработкой, орудия для обработки дерева (топоры, тесла, сверла, резчики), скребки и скребла. Все это свидетельствует о широком круге хозяйственных занятий обитателей этой сезонной стоянки. Из культурного слоя получены четыре радиоуглеродные даты, определяющие возраст памятника в пределах 16–15 тыс. л.н. [Крупянко, Табарев, 2015, с. 102, табл.].

По многим технико-типологическим показателям инвентарь Суворово 4 близок комплексу стоянки Суворово 6, где найдены как крупные, так и миниатюрные деревообрабатывающие инструменты, скребки и скобели, сделанные как на пластинках, так и пластинчатых отщепах, подпризматические ядрища и бифасиальные орудия. Всеми признаками сезонной стоянки обладает каменный инвентарь Устиновки 6, еще одного памятника в бассейне р. Зеркальная [Кононенко, 2001], коллекция которой составляет более 26 тыс. предметов. Среди ядрищ (102 экз.) выделяются подпризматические, клиновидные, аморфные, есть и один нуклеус конических очертаний. В орудийном наборе широко представлены бифасы и их заготовки (67 экз.), односторонне обработанные изделия (10 экз.), наконечники стрел (4 экз.), резцы (9 экз.), скребки (19 экз.), скребла (5 экз.), фрагменты рубящих инструментов (4 экз.), терочники и абразивы. Для стоянки имеются две радиоуглеродные даты в диапазоне от 12 до 11,5 тыс. л.н. [Кононенко, 2001, с. 45].

Несколько особняком среди «устиновских» комплексов стоит коллекция стоянки Устиновка 5. Особенности ее археологического материала связаны со спецификой и исключительной однородностью используемого сырья – липарита, которое добывалось непосредственно на месте локализации стоянки. Возможность использования отдельных изделий из липарита и существования подобных «чистых» литологических комплексов высказывалась давно, но фактическое подтверждение получено лишь с обнаружением памятников Устиновка 5 и Садовая 4 в долинах р. Зеркальной и ее крупнейшего притока – ключа Садового. Интерпрета-

ция автором раскопок материала, полученного при раскопках (1999, 2003 гг.) и сборах с поверхности (1987–2002 гг.), как и мнение коллег, сегодня неоднозначны. Автор раскопок, А.А. Крупянко считает, что представленные в собранной коллекции артефакты: массивные нуклевидные и скребловидно-тесловидные изделия, крупные грубые сколы с эпизодической краевой унифасиальной ретушью (остроконечники и скребла), многочисленные куски тестированного сырья, типологическим своеобразием выбиваются из контекста «устиновской» археологической индустрии и представляют более древний этап заселении территории. На это же, по его мнению, указывает и особенность их стратиграфической дислокации [Крупянко, 2002]. Следует возразить, что на «чистых», типичных мастерских на выходах сырья, материал зачастую выглядит гораздо более архаичным, чем на синхронных ему по времени стоянках и временных охотничьих лагерях. В археологической практике этому существует множество примеров.

В континентальной части Приморья выразительные технологические комплексы позднего палеолита с преобладанием галечного обсидиана в качестве основного сырья описаны для стоянок Горбатка 3 и Илистая 1 [Кузнецов, 1992]. На памятнике Горбатка 3 по образцу угля из слоя черного суглинка получена дата 13500 ± 200 л.н., которая может определять нижнюю возрастную границу комплекса. Наиболее многочисленная коллекция каменных изделий (до 65 % на обсидиане) зафиксирована в подпочвенном суглинке. Заготовки и отщепы составляют 95 % от общего количества инвентаря, нуклеусы (микропластинчатые) и пластины – 4 %, изделия со вторичной обработкой в виде ретуши и резцового скалывания – 1 %. В орудийном наборе устойчивыми сериями представлены скребки, одно- и многофасеточные резцы, острия. Коллекция каменного инвентаря памятника Илистая 1 насчитывает около 25 тыс. экз., из которых 96 % – это изделия в начальной стадии изготовления и преформы. Пластин и нуклеусов – 3 %, артефактов с вторичной обработкой – не более 1 %. В ней ярко представлены различные модификации микронуклеусов, многофасеточные резцы, скребки, острия, ретушированные пластины и отщепы, листовидные бифасы и их фрагменты [Кузнецов, 1992].

В настоящее время существует несколько точек зрения на проблему происхождения приморского палеолита и время первоначального заселения этого региона.

В.И. Дьяков считает, что устиновская культура – это действительно на сегодняшний день вполне реальное явление, и она непосредственно предшествует эпохе неолита». Кроме того, устиновская индустрия ни на какие этапы не делится и является мезолитической. Она существует в хронологическом диапазоне от 10 до 8 тыс. л. н. и непосредственно предшествует руднинской неолитической культуре, или даже частично сосуществует с ней. Все известные радиоуглеродные даты с плейстоценовым возрастом, по мнению В.И. Дьякова, не являются валидными [Дьяков, 2000, с. 31, 32, 164].

Н.А. Кононенко **в**ыделяет несколько хронологических этапов в развитии устиновского комплекса. Первый этап занимает диапазон от 33 до 30 тыс. л.н. и характеризуется пластинчатыми комплексами. В подтверждении этого тезиса исследователь приводит только геоморфологические наблюдения. Хронологически этот этап совпадает с фазой относительного похолодания черноручьинского (каргинского) интерстадиала. Второй этап – ранние микропластинчатые комплексы (18600–12000 л. н.). Доказательная база основывается на палинологических спектрах, характерных для холодных ландшафтов, локализации стоянок на 40-метровой террасе, отсутствие резцов, микронуклеусы на бифасах, бедный типологический состав бифасиальных орудий. Начало этапа определяется датой 18600 л. н. (OSL) для Устиновки 7, окончание — распространением комплексов с развитой микропластинчатой индустрией типа Устиновка 6. К этому же этапу отнесены такие памятники, как Устиновка 7а и Устиновка 5. Третий этап представлен микропластинчатыми комплексами, к нему относится стоянка Устиновка 6. Для стоянки имеются две радиоуглеродные даты, которые позволяют определять время ее существования в пределах 12–11,5 тыс. л.н. [Кононенко, 2001, с. 45]. Каменная индустрия этого этапа характеризуется пластинчатой технологией и многовариантным расщеплением. Присутствуют микронуклеусы на бифасах, ладьевидных заготовках, разнообразные резцы, рубящие орудия, скребки. Появляются наконечники стрел и украшения из камня. Четвертый этап связан с поздними микропластинчатыми комплексами и занимает хронологический диапазон от 11,5 до 10,5 тыс. л.н., хотя радиоуглеродных дат для него нет. К этому периоду относятся стоянки Суворово 6 и Устиновки 4. В инвентаре появляются подшлифованные изделия, а также остатки жилых конструкций и производственные площадки. К пятому этапу относятся бифасиальные комплексы стоянки Устиновка 3 (10,5–9,5 тыс. л.н.). Исследователи отмечают такие инновации, как сооружение жилых конструкций, появление керамики и керамического производства, тепловая обработка камня. Все эти элементы впоследствии получают свое развитие

в комплексах руднинской неолитической культуры побережья [Кононенко, 2001, с. 50–51].

Еще одна точка зрения на происхождение и периодизацию приморского палеолита озвучена А.А. Крупянко. Наиболее древние материалы характеризуются ножами типа моро в липаритовых комплексах мастерских Устиновка 5 и Суворово-мастерская, а также наличием дифлированных артефактов [Крупянко, 2015, с. 105]. Для этого этапа пока нет абсолютных радиоуглеродных датировок, и А.А. Крупянко отмечает, что он может быть датирован возрастом древнее 16 тыс. л.н. Второй этап характеризуется материалами памятников Суворово 4, 6 и Устиновка 5, близкими по технике расщепления и обработке орудий. Для него есть пять радиоуглеродных дат (Суворово 4, Устиновка 5) старше 15 тыс. л.н., полученных по углю, собранному из культурного слоя. Третий этап занимает период от 12 до 10,5 тыс. л.н. Он представлен большинством памятников Приморья. В это время происходит эволюция и совершенствование приемов расщепления микронуклеусов, появляются диагностичные типы резцов, тонко ретушированные наконечники. Вероятно, с этим этапом связаны остатки производственно-жилищных конструкций. Появляется маркер миграционных процессов или интенсивного обмена – импортный обсидиан. Четвертый этап захватывает период от 10,5 до 9 тыс. л.н. Это очень динамичное время, связанное, в первую очередь, с «керамической миграцией». Выделение этого этапа логически предопределяется с одной стороны, традициями развития финальнопалеолитической индустрии, с другой стороны – изменениями в природно-климатической обстановке плейстоцен-голоценового рубежа. К этому этапу в настоящее время относятся материалы стоянки Устиновка 3 и рядом производственных и орудийных комплексов с сырьевой спецификой [Крупянко, 2015, с. 106].

Приведенные выше мнения свидетельствуют, что, опираясь на одни и те же материалы, разные исследователи приходят к разным выводам. Иногда эти выводы различаются только в деталях, а иногда становятся и кардинально противоположными. Например, В.И. Дьяков, что в Приморье вообще не было палеолита, а каменный век региона начинается в мезолотическое время. Подводя итог, можно сказать, что наиболее древние, надежно документируемые и подтвержденные радиоуглеродными датами палеолитические комплексы, обнаружены на юге Приморья, в бассейне р. Зеркальной (Суворово 4, Устиновка 5). В дальнейшем эта позднепалеолитическая культура, чаще всего называемая «устиновская» существует, эволюционируя, вплоть до рубежа плейстоцена-голоцена.

Заключение

В отечественной археологической литературе, несмотря на очевидный разнобой в интерпретации приморского палеолита, его периодизации, обосновании различных этапов развития, практически не затронуты проблемы его происхождения. Традиционно, корни приморского палеолита видят либо в палеолитических комплексах Японии, либо в континентальной части Северной Азии (Амурский регион). Критический анализ этих парадигм дан нами в предыдущих публикациях [Гладышев, 2019, 2020].

В то же время, на соседних территориях, в Корее и в Китае, существует большое количество археологических объектов с аналогичным приморскому материалом. В Корее наиболее яркими представителями послеледниковых каменных индустрий являются комплексы стоянки Хопейонгдонг (Hopyeong-dong), Хавагайри (Hahwagye-ri), Сонгдури (Songdu-ri) и Гигок (Gigok), в Северо-Восточном Китае – Датонг (Datong) и Юафанг (Youfang). Индустриальные комплексы этих стоянок характеризуются клиновидными микронуклеусами, концевыми скребками, резцами, проколками, сверлами, листовидными бифасами, наконечниками стрел и ретушированными микропластинами. В российском Приморье ближайшие аналогии этим комплексам обнаруживаются в коллекциях стоянок устиновской группы. Материалы ранних памятников Приморья – Суворово 4, Устиновка 5, 7 (возраст – 18–16 тыс. кал. л.н.) демонстрируют прямые аналогии с индустриями памятников Хопейонгдонг и Хавагайри (возраст 25–19 тыс. кал. л.н.). Более поздние приморские палеолитические комплексы – Суворово 3, Устиновка 6, Илистая 1 и Горбатка 3 аналогичны индустриям корейских стоянок Сонгдури и Гигок и китайских памятников Датонг и Юафанг.

Интересен тот факт, что после 20 и до 15 тыс. кал. л.н., в силу изменения природных условий, происходит отток населения с Корейского полуострова и из Северо-Восточного Китая. В связи с похолоданием резко возрастает мобильность в древнего человека, который стал активно осваивать освободившиеся от моря прибрежные ареалы. Вдоль прибрежной полосы происходит миграция на соседние территории российского Приморья. Процесс этот был неоднократен и осуществлялся в обе стороны.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0002.

Список литературы

Гладышев С.А. Поздний палеолит Приморья (к вопросу о происхождении) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 80–85. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.080-085

Гладышев С.А. Истоки позднего палеолита Приморья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 51–57. doi:10.17746/2658-6193.2020.26.051-057.

Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка-IV). – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 228 с.

Кононенко Н.А. Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена – начале голоцена (Устиновский комплекс, Российский Дальний Восток) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 40–59.

Крупянко, А.А. К вопросу о «доустиновском» заселении долины р. Зеркальной // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке: материалы международной научной конференции. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. – С. 55–58.

Крупянко А.А. Палеолит Приморья: проблемы периодизации // Вестник Бурятского гос. ун-та. Серия: История. – 2015. – № 7. – С. 101–109. doi:10.18097/1994-0866-2015-0-7-101-109.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Палеолит Приморья // Ученые записки Сахалинского гос. ун-та. – Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. ун-т (XI/XII), 2015. – С. 96–108.

Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1992. – 240 с.

Kato Shinji. Human Dispersal and Interaction During the Spread of Microblade Industries in East Asia // Quaternary International. – 2014. – no. 347. – P. 105–112. doi:10.1016/j.quaint.2014.07.013.

Seong Chuntaek. Evaluation Radiocarbon Dates and Late Paleolithic Chronology in Korea // Arctic Anthropology. – 2011. – Vol. 48, no. 1. – P. 93–112.

Seong Chuntaek. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea // Asian Perspectives. – 2015. – Vol. 54, no. 1. – P. 91–112. doi:10.1353/asi.2015.0004.

Yi Mingjie, Gao Xing, Li Feng, Chen Fuyou. Rethinking the Origin of Microblade Technology: A Chronological and Ecological Perspective // Quaternary International. – 2016. – no. 400. – P. 130–139. doi:10.1016/j.quaint.2015.07.009.

References

Gladyshev S.A. Late Paleolithic of the Maritime Region (towards the question of origin). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 80–85 (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.080-085.

Gladyshev S.A. Origins of the Late Paleolithic in the Maritime Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 51–57. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.051-057.

Dyakov V.I. Primorye in the Early Holocene (The Mesolithic Settlement of Ustinovka-IV). Vladivostok: Dalnauka Publ., 2000. 228 p. (In Russ.).

Kononenko N.A. Ecology and cultural dynamics of archaeological sites in the Zerkalnaya River Valley during the terminal Pleistocene early Holocene. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001. Vol. 1(5). P. 40–59. (In Russ.).

Krupianko A.A. K voprosu o «doustinovskom» zaselenii doliny r. Zerkal'noi. *Plastinchatye i mikroplastinchatye industrii v Azii i Amerike: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Vladivostok: Far East University Publ., 2002. P. 55–58. (In Russ.).

Krupianko A.A. Paleolithic Age in Primorye: The Problems of Division into Periods. *Vestnik of Buryat State University*, Series: History, 2015, no 7. P. 101–109. (In Russ.). doi:10.18097/1994–0866–2015–0–7–101–109.

Krupianko A.A., Tabarev A.V. Paleolit Primor'ya. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta.* Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Univ. Press, 2015, no. XI/XII. P. 96–108. (In Russ.).

Kuznetsov A.M. Pozdnii paleolit Primor'ya. Vladivostok: Far East University Publ., 1992, 240 p. (In Russ.).

Kato Shinji. Human Dispersal and Interaction During the Spread of Microblade Industries in East Asia. *Quaternary International*, 2014. Vol. 347. P. 105–112. doi:10.1016/j.quaint.2014.07.013.

Seong Chuntaek. Evaluation Radiocarbon Dates and Late Paleolithic Chronology in Korea. *Arctic Anthropology*, 2011. Vol. 48, no. 1. P. 93–112.

Seong Chuntaek. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea. *Asian Perspectives*, 2015. Vol. 54, no. 1. P. 91–112. doi:10.1353/asi.2015.0004.

Yi Mingjie, Gao Xing, Li Feng, Chen Fuyou. Rethinking the Origin of Microblade Technology: A Chronological and Ecological Perspective. *Quaternary International*, 2016. Vol. 400. P. 130–139. doi:10.1016/j.quaint.2015.07.009.

Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0105-0113
УДК 903.01

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, В.А. Михиенко, А.Ю. Федорченко, А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Исследование комплексов среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры в 2021 году

В статье представлены результаты исследования каменных индустрий из верхней части плейстоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры, полученных в результате раскопок в 2021 г. Коллекция артефактов из слоев 12, 11 и 9 включает свыше 4 тыс. изделий. Согласно данным абсолютного датирования плейстоценовой толщи в устьевой зоне южной галереи, слой 12 формировался во второй половине МИС 4, слой 11 накапливался в первой половине МИС 3. Осадки слоя 9 связаны, предположительно, с периодом МИС 2. Первичное расщепление в среднепалеолитическом комплексе из слоя 12 характеризуется использованием леваллуазского метода, направленного на получение отщепов, пластин и острий. Другие ядрища утилизировались в системе плоскостного параллельного и радиального раскалывания, что в полной мере согласуется с индустрией сколов. Основу орудийного набора составляют скребла разных типов. В индустрии раннего верхнего палеолита из слоя 11 была хорошо развита пластинчатая технология, в т.ч. мелко- и микропластинчатое производство. Большинство изделий в списке типологически значимых орудий составляют образцы с ярко выраженной верхнепалеолитической морфологией – концевые скребки, резцы, ретушированные пластины, пластинки и микропластины с притупленным краем, проколки и долотовидные орудия. Немногочисленная археологическая коллекция из слоя 9 так же, как и индустрия из слоя 11, характеризуется развитым пластинчатым расщеплением и верхнепалеолитическими типами в орудийном наборе. Данный комплекс отражает дальнейшее развитие верхнепалеолитических традиций на средней стадии этого периода.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, средний палеолит, верхний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор.*

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin✉, V.A. Mikhienko, A.Yu. Fedorchenko, A.M. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Studies of the Middle and Upper Paleolithic Technocomplexes of Denisova Cave in 2021

The authors present results of the studies of the lithic industries associated with the upper part of the Pleistocene deposits in the South Chamber of Denisova Cave; the lithics were recovered in the course of excavations in 2021. The collection of artifacts from layers 12, 11, and 9 includes over 4,000 items. According to the absolute dates of the Pleistocene layers in the entryway zone of the South Chamber, layer 12 formed in the second half of MIS 4, and layer 11 accumulated in the first half of MIS 3. The sediments of layer 9 are presumably associated with MIS 2. Primary reduction strategy of the Middle Paleolithic complex from layer 12 is characterized by the use of the Levallois technique of detaching flakes, blades and points. Other cores were fashioned through parallel and radial reduction, which is fully consistent with the flake industry. Side-scrapers of various types are most numerous in the toolkit. The Early Upper Paleolithic industry associated with layer 11is based on the well developed blade technique, incl. small and micro-blade production. Most of the items in the list of typologically significant tools are the tools of the apparent Upper Paleolithic morphology – end-scrapers,

burins, retouched blades, backed bladelets and micro-blades, perforators and chisel-like tools. The small archaeological collection from layer 9, as well as the industry from layer 11, is characterized by the well-developed lamellar reduction and the Upper Paleolithic types in the toolkit. This complex illustrates continuous development of the Upper Paleolithic traditions at the medial stage of this period.

Key words: *Denisova Cave, Pleistocene, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, lithic industry, primary technology, tool kit.*

В полевом сезоне 2021 г. исследования плейстоценовой толщи Денисовой пещеры были продолжены в дальней части южной галереи – в 10 м от ее устьевой зоны. К раскопу 2018 г. сделана прирезка на кв. К/3–6 (сектор VII) и А–Г/3–5 (сектор VIIA) общей площадью 12 м^2. После вскрытия на этом участке голоценовых отложений были раскопаны осадки верхнепалеолитических слоев 9 и 11, а также верхняя часть слоя 12, содержащего находки среднего палеолита. В осевой части галереи отложения на уровне слоев 11 и 12 подверглись интенсивной постседиментационной фосфатной минерализации [Шуньков и др., 2018], что привело к стиранию четких литологических границ между этими подразделениями. Археологические материалы из нерасчлененных осадков рассматриваются отдельным комплексом.

В пределах слоя 12 найдено 1266 каменных артефактов.

Инструменты для расщепления камня представлены целым и фрагментированным отбойниками – крупными угловатыми гальками с интенсивной забитостью ребер и вершин.

Леваллуазский метод раскалывания, направленный на получение отщепов, характеризует округлое ядрище из небольшого валуна. Фронт нуклеуса тщательно оформлен центростремительными сколами, для проведения которых на контрфронте подготовлена ударная площадка (рис. 1, *9*). Объем фронта был удален крупным сколом. Одноплощадочный монофронтальный параллельный нуклеус изготовлен из рассеченной пополам удлиненной гальки, поверхность фрагментации которой обработана крупными снятиями. С подготовленной таким образом площадки на торец и одну из широких плоскостей была снята серия удлиненных сколов. Вторичный нуклеус оформлен на медиальном фрагменте крупного отщепа. Одна из ударных площадок представляет собой усеченный ретушью дистальный край заготовки, другая – поверхность поперечного слома. С платформ на дорсальную сторону основы были произведены встречные удлиненные снятия. Радиальные ядрища моно- (2 экз.) и бифронтальные (1 экз.), округлой или подпрямоугольной формы, выполнены из крупных галек и массивного первичного скола. Расщепление осуществлялось по всему периметру изделий от неподготовленного ребра. Нуклевидные формы включают также три крупных обломка с негативами единичных и бессистемных снятий.

Индустрия сколов представлена в основном отщепами – 597 экз., в т.ч. два леваллуазских снятия с выпуклой фасетированной площадкой и бинаправленной или радиальной огранкой, четыре краевых скола с радиальных нуклеусов и два полуреберчатых. Целые заготовки крупнее 3 см в максимальном измерении (287 экз.) преимущественно укороченные или короткие – 49 и 37 % соответственно, реже – удлиненные. Для них характерна гладкая (59 %), естественная или неопределимая (по 14 %), реже – двугранная (7 %) площадка. Доля сколов с линейной, точечной или фасетированной площадкой составляет 1–3 %. Около 6 % отщепов несут следы подправки карниза площадки, преимущественно с помощью обратной редукции. Огранка дорсала у отщепов в основном продольная одно- (32 %) или бинаправленная (13 %), распространены экземпляры с неопределимой огранкой (21 %), с гладкой или естественной дорсальной стороной – по 10 %.

Немногочисленные пластины (23 экз.) в большинстве фрагментированы. Судя по изделиям с сохранившимся проксимальным краем, для пластин характерна гладкая или фасетированная (рис. 1, *1*) площадка. Огранка дорсала – продольная одно- или бинаправленная, в т.ч. параллельная.

Отходы производства представлены колотыми гальками – 18 экз., обломками и осколками – 590 экз., чешуйками – 27 экз.

Коллекция орудий включает 60 предметов.

Леваллуазские острия – 2 экз. Проксимальные фрагменты сколов с тщательно фасетированной срединновыпуклой остаточной ударной площадкой и с Y-образной однонаправленной огранкой.

Скребла – 19 экз. Продольные формы имеют прямое (2 экз.) или выпуклое (1 экз.) лезвие. Заготовками для них служили крупные короткие отщепы и удлиненный полуреберчатый скол со стесанным ударным бугорком (рис. 1, *7*). Конвергентные асимметричные скребла типа *déjeté* (4 экз.) оформлены на крупных коротких отщепах (рис. 1, *8*). На двух из них базальная часть утончена крупными широкими вентральными снятиями (рис. 1, *2*) или усечена крутой ретушью (рис. 1, *4*). Диагонально-

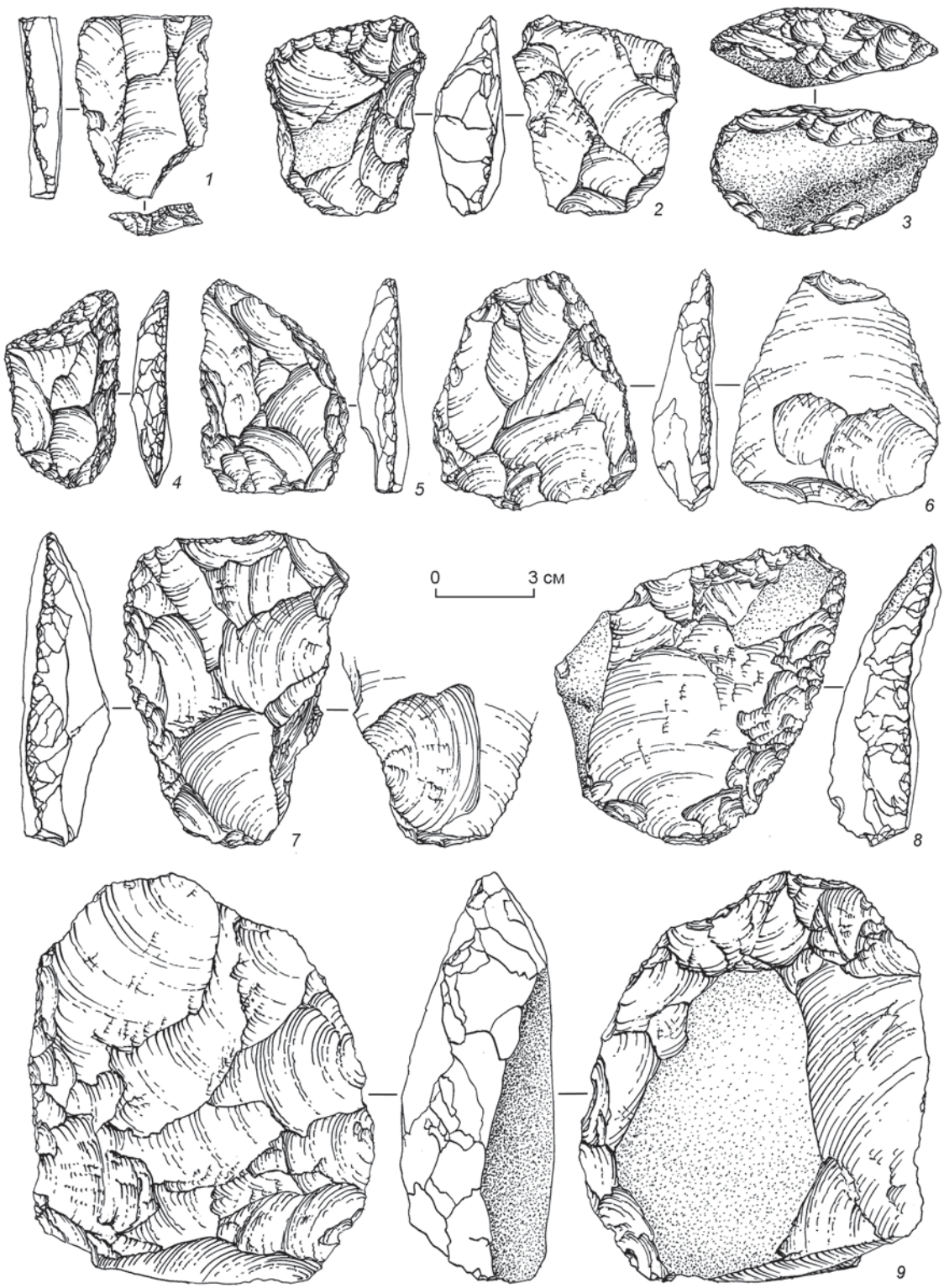

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоя 12 в южной галерее Денисовой пещеры.
1 – пластина; *2–8* – скребла; *9* – нуклеус.

ориентированные скребла имеют прямой (3 экз.) или выпуклый (5 экз., рис. 1, *5*) рабочий край. В качестве заготовок использовались крупные короткие или укороченные сколы, в т.ч. краевые, из которых изготовлены обушковые формы – 3 экз. На одном из скребел проксимальный край усечен двусторонней оббивкой, а ударный бугорок заготовки стесан крупным вентральным снятием (рис. 1, *6*). Поперечные скребла с прямым (3 экз.) или выпуклым (1 экз.) лезвием оформлены на крупных укорочен-

ных отщепах. Одно из орудий обработано многорядной ретушью типа кина (рис. 1, *3*). Для скребел в целом характерна дорсальная краевая крутая или полукрутая субпараллельная сильномодифицирующая ретушь.

Угловой однофасеточный резец оформлен на крупном удлиненном краевом отщепе. Резцовый скол был снят с усеченного проксимального края заготовки вдоль одной из латералей.

Шиповидное орудие оформлено на коротком среднем отщепе. Рабочий элемент выделен двумя ретушированными выемками в средней части дистального края заготовки.

Выемчатое орудие подготовлено с помощью вентральной отвесной многорядной ретуши на крупном укороченном отщепе.

Тронкированная пластина усечена до проксимального фрагмента отвесной вентральной ретушью.

Тронкированно-фасетированные изделия – 3 экз., представляют собой крупные короткие отщепы с усеченным дорсальной ретушью дистальным краем. С подготовленной таким образом площадки с вентральной стороны заготовки был снят крупный скол.

Базально-тронкированные сколы – 3 экз.: укороченный и короткие крупные отщепы с удаленной остаточной ударной площадкой и с одним или двумя крупными вентральными снятиями.

Отщепы с ретушью – 23 экз. Целые крупные сколы, укороченные (7 экз.) или короткие (9 экз.), в т.ч. один леваллуазский; а также фрагменты крупных отщепов (7 экз.) с участками слабомодифицирующей ретуши.

Неопределимые фрагменты орудий – 6 экз. Осколки интенсивно ретушированных орудийных лезвий.

Каменная индустрия из слоя 11 включает 1611 предметов.

Инструментарий представлен в основном отбойниками (5 экз.) – целыми или фрагментированными крупными гальками или небольшими валунами с участками интенсивной забитости. В качестве наковальни мог использоваться подпрямоугольный фрагмент уплощенного валуна, на одной из плоскостей которого имеется участок глубокой выбивки.

Типологически выраженные нуклеусы включают двуплощадочное монофронтальное ядрище со встречным скалыванием (рис. 2, *6*) и три радиальные формы. Основой для параллельного нуклеуса служил удлиненный валун. Ударные площадки, оформленные крупными снятиями, скошены к выровненному серией сколов контрфронту. Радиальные монофронтальные округлые или подпрямоугольные ядрища оформлены на крупных гальках или массивном сколе. В последнем случае фронт приурочен к вентральной стороне заготовки (рис. 2, *1*). Нуклевидные обломки насчитывают 6 экз.

В числе сколов преобладают отщепы – 644 экз. Заготовки среднего и крупного размера (270 экз.), преимущественно укороченные или короткие (по 38 %). По сравнению с материалами из слоя 12, почти вдвое больше удлиненных снятий – 24 %. Для отщепов характерна гладкая (58 %), естественная (16 %) или неопределимая (15 %) остаточная ударная площадка. Доля сколов с другими типами площадки варьирует в пределах 1–4 %. До 9 % отщепов имеют подправку карниза площадки, в основном посредством прямой редукции. Огранка дорсала в большинстве случаев продольная однонаправленная – 38 %. Экземпляры с ортогональной огранкой, с гладким или естественным дорсалом составляют по 10 %.

Для пластин (80 экз., рис. 3, *10, 12, 20, 22–24, 27, 28*) характерна гладкая или точечная остаточная ударная площадка и продольная однонаправленная параллельная огранка. Распространены экземпляры со значительной прямой редукцией дорсального карниза площадки и с наличием вентрального карниза, что является признаками использования отбойника из органического материала.

Устойчивыми сериями представлены пластинки шириной 6–10 мм (26 экз., рис. 3, *1, 6, 8, 15*) и микропластины шириной 3–5 мм (13 экз., рис. 3, *2*). Для получения этих снятий в ряде случаев, возможно, использовалась техника отжима.

Отходы производства включают 29 колотых галек, 623 обломка и осколка, 180 чешуек.

В состав орудий входит 85 изделий.

Леваллуазское острие представлено удлиненным сколом с выпуклой фасетированной остаточной ударной площадкой и Y-образной огранкой (см. рис. 2, *4*). Изделие несет следы реутилизации более древнего орудия, подобранного за пределами пещеры, о чем свидетельствуют свежие относительно патинированной и слегка окатанной поверхности фасетки ретуши на продольных краях острия.

Ретушированный остроконечник (рис. 3, *35*) оформлен на крупном удлиненном отщепе дорсальной краевой полукрутой параллельной сильномодифицирующей ретушью.

Фрагмент тщательно обработанного бифаса с линзовидным сечением принадлежал изделию, скорее всего, удлиненной листовидной формы (рис. 3, *25*).

Скребла – 8 экз. Для орудий с продольным лезвием (4 экз.) характерен в равной степени как прямой, так и выпуклый рабочий край. Заготовками служили крупные короткие или удлиненные отще-

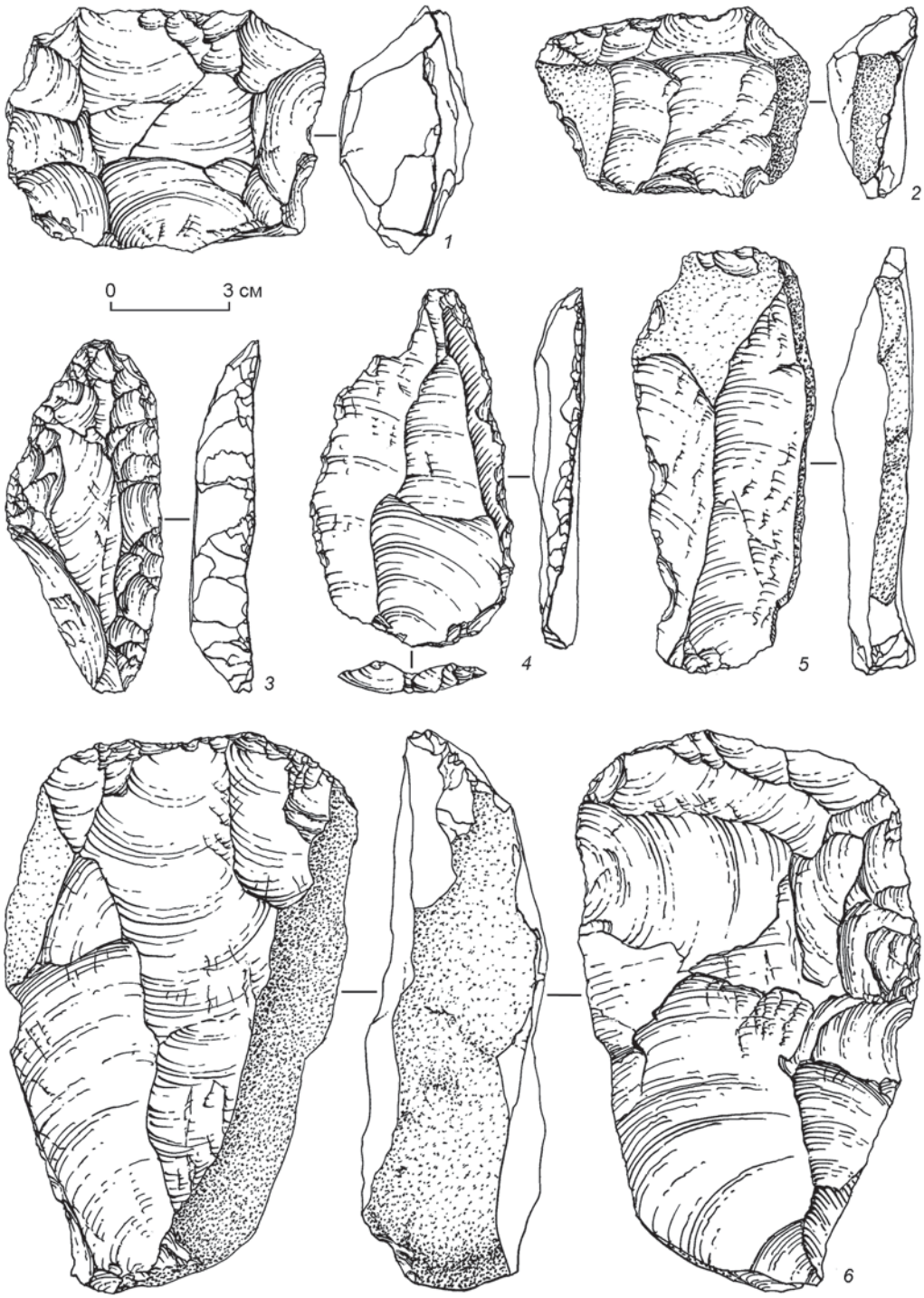

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.
1, 6 – нуклеусы; *2, 3* – скребла; *4* – леваллуазское острие; *5* – пластина с ретушью.

пы, в т.ч. краевой и полуреберчатый. Двойное продольное прямое скребло среднего размера обработано практически покрывающей ретушью (рис. 3, *31*), что не позволяет определить тип заготовки. Таким же образом оформлено двойное конвергентное скребло удлиненной ромбической формы. Один из продольных краев орудия частично сломлен (см. рис. 2, *3*). Основами еще для двух скребел – диагонального (рис. 3, *34*) и поперечного (см. рис. 2, *2*) с прямыми лезвиями – служили крупные укороченные отщепы. Для оформления скребел чаще всего использовалась дорсальная краевая или захватывающая крутая субпараллельная или параллельная сильномодифицирующая ретушь.

Скребки – 6 экз. Заготовкой для концевой формы служил мелкий короткий отщеп (рис. 3, *19*).

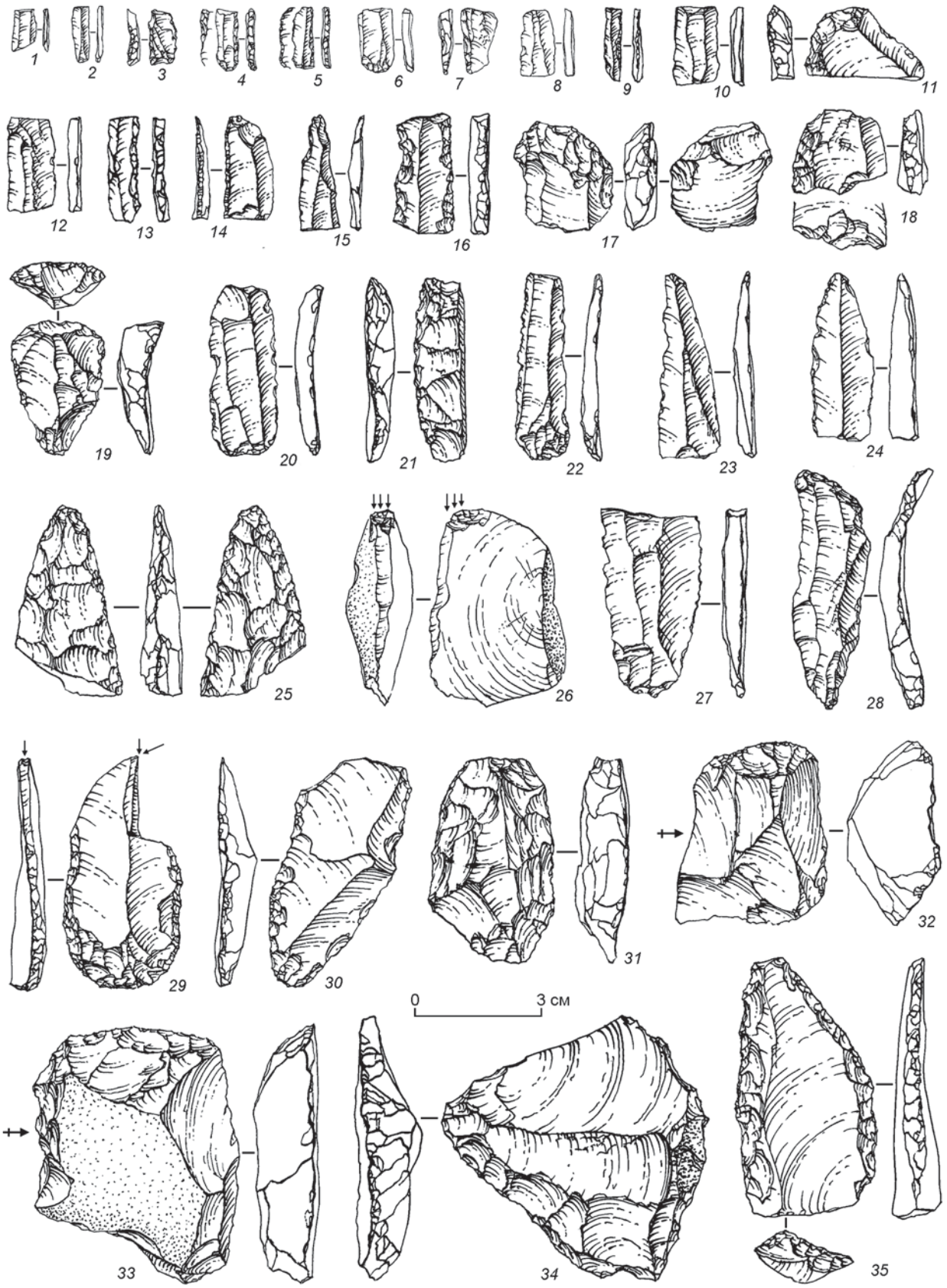

Рис. 3. Каменный инвентарь из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1, 6, 8, 15 – пластинки; *2* – микропластина; *3, 7, 13, 14* – пластинки с притупленным краем; *4, 5* – микропластины с притупленным краем; *9* – микропластина с ретушью; *10, 12, 20, 22–24, 27, 28* – пластины; *11, 17–19, 32, 33* – скребки; *16, 30* – пластины с ретушью; *21* – фрагмент орудия; *25* – бифас; *26, 29* – резцы; *31, 34* – скребла; *35* – ретушированный остроконечник.

Выпуклое лезвие оформлено дорсальной краевой крутой параллельной ретушью. Лезвие другого орудия подготовлено на проксимальном крае мелкого скола (рис. 3, *17*). Остальные скребки – боковые; на дистальных фрагментах (рис. 3, *11*) отщепов и на мелком коротком сколе. Одно из орудий высокой формы, его лезвие подготовлено распространенной параллельной сильномодифицирующей ретушью, оставившей негативы микропластинчатых снятий (рис. 3, *32*). На двух скребках отвесной ретушью усечен проксимальный край заготовки (рис. 3, *18, 33*).

Интенсивно ретушированная по краям пластина представлена медиальным фрагментом (рис. 3, *16*). Изделия с притупленным краем включают семь пластинок (рис. 3, *3, 7, 13, 14*) и две микропластины (рис. 3, *4, 5*).

Резцы – 3 экз. Поперечный однофасеточный резец оформлен на дистально-продольном фрагменте крупного отщепа. Резцовый скол снят с поверхности продольной фрагментации на поверхность поперечного слома. На поперечном многофасеточном резце рабочий край подготовлен серией снятий с отвесного продольного края вдоль дистального окончания заготовки – среднего укороченного отщепа (рис. 3, *26*). Основой для двугранного асимметричного резца служила пластина из качественной сургучной яшмы, предварительно обработанная по продольным краям дорсальной ретушью (рис. 3, *29*).

Долотовидное орудие представляет собой средний короткий отщеп, дистальный край которого несет фасетки чешуйчатой подтески, а проксимальный – следы интенсивной забитости.

Проколка оформлена на крупном коротком отщепе. Тонкий длинный шип выделен на дистальном крае заготовки дорсальной ретушью.

Зубчатые орудия – 2 экз. Изделия с продольным выпуклым рабочим краем выполнены на крупных сколах – коротком и удлиненном краевом с обушком-гранью. Для оформления лезвий использовалась дорсальная краевая крутая чешуйчатая и субпараллельная сильномодифицирующая ретушь.

Выемчатое орудие – поперечное на крупном укороченном отщепе. Два глубоких анкоша подготовлены крутой вентральной ретушью.

Базально-тронкированный скол – крупный удлиненный отщеп с усеченной ретушью остаточной ударной площадкой.

Вентрально-утонченные сколы – 2 экз. Крупный укороченный отщеп с вентральной оббивкой продольного края и массивный короткий скол с такой же обработкой дистального окончания.

Отщепы с ретушью – 23 экз. Крупные целые укороченные (2 экз.), короткие (9 экз.) и удлиненные (4 экз.) отщепы, а также фрагменты крупных сколов (7 экз.) и изделие среднего размера с эпизодической ретушью.

Удлиненные сколы с ретушью включают девять пластин (см. рис. 2, *5*; 3, *30*), три пластинки и микропластину (рис. 3, *9*).

Неопределимые фрагменты орудий – 11 экз. (рис. 3, *21*).

В осевой части южной галереи, в пределах нерасчлененной пачки отложений на уровне слоев 11 и 12 обнаружено 1078 каменных артефактов.

Отбойники представлены двумя крупными гальками с участками забитости на торцах и плоскостях.

Нуклеусы (4 экз.) и нуклевидные обломки (5 экз.). Одноплощадочные монофронтальные ядрища подпрямоугольной формы выполнены из крупных галек. Ударная площадка гладкая или подготовлена несколькими крупными сколами. Контрфронт, основание и латерали не обработаны. Радиальный монофронтальный нуклеус оформлен на крупном массивном сколе. Фронт занимает вентральную сторону заготовки, расщепление осуществлялось по всему периметру от неподготовленного ребра. Ядрище типа комбева представляет собой короткий массивный отщеп, с продольного края которого снят крупный скол, удаляющий практически весь объем вентральной поверхности.

Индустрия сколов состоит в основном из отщепов – 451 экз., в числе которых средние и крупные изделия (210 экз.) имеют преимущественно укороченные или короткие пропорции – 51 и 33 % соответственно. Для них характерна гладкая (65 %), неопределимая (13 %), естественная (11 %), реже – двугранная (6 %) площадка. На нескольких экземплярах отмечена подправка карниза площадки прямой или обратной редукцией. Огранка дорсала отщепов чаще всего продольная (23 %), распространены сколы с гладким (12 %) или естественным (9 %) дорсалом. Значительная доля (37 %) заготовок с неопределимой огранкой обусловлена плохой сохранностью артефактов в результате фосфатизации вмещающих отложений.

Пластины (43 экз., рис. 4, *2*) характеризуются преимущественно гладкой остаточной ударной площадкой и продольной одно- или бинаправленной огранкой.

В числе отходов производства – 10 колотых галек и 563 обломка и осколка.

Коллекция орудий включает 32 изделия.

Леваллуазские острия – 3 экз. Удлиненные сколы с выпуклой фасетированной площадкой и однонаправленной Y-образной огранкой (рис. 4, *10, 11*).

Скребла – 5 экз. Орудия с продольным прямым (2 экз.) или выпуклым (2 экз.) лезвием, оформ-

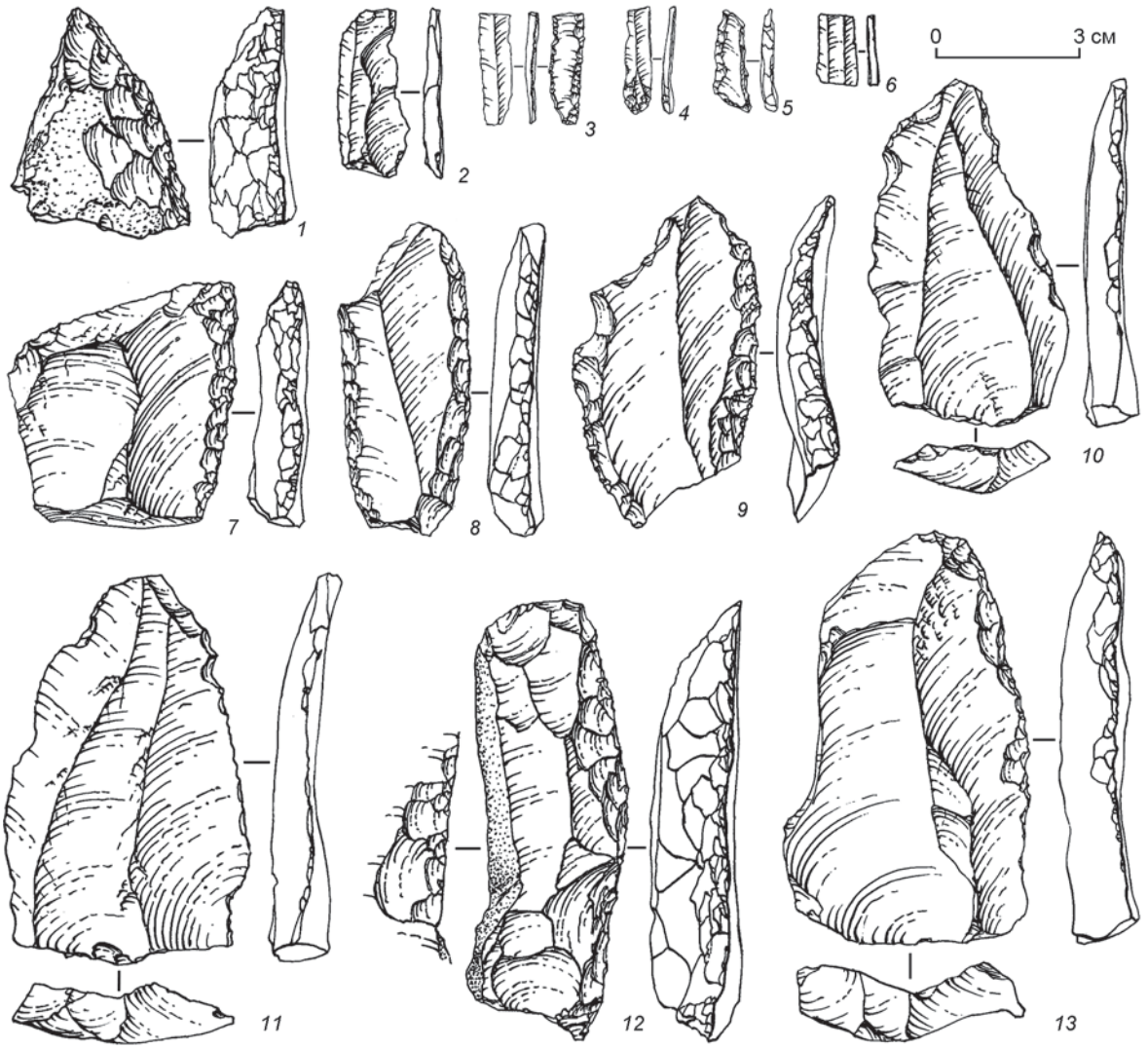

Рис. 4. Каменный инвентарь из слоя 9 (*3–6, 8*) и из нерасчлененных отложений (*1, 2, 7, 9–13*) на уровне слоев 12 и 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – фрагмент орудия; *2* – пластина; *3* – пластинка с ретушью; *4* – микропластина; *5* – микролит; *6* – пластинка; *7, 12* – скребла; *8, 9* – ретушированные пластины; *10, 11* – леваллуазские острия; *13* – отщеп с ретушью.

ленные на крупном коротком отщепе, фрагментах крупных сколов (рис. 4, *7*) и на краевой пластине. В последнем случае остаточная ударная площадка заготовки удалена крупным вентральным снятием, а обушок подтесан (рис. 4, *12*). Рабочий край этого скребла подготовлен дорсальной захватывающей многорядной сильномодифицирующей ретушью. На остальных орудиях ретушь также дорсальная, преимущественно краевая, крутая, субпараллельная, сильномодифицирующая. Продольно-поперечное скребло выполнено из крупного укороченного отщепа с помощью дорсальной краевой крутой разнофасеточной сильномодифицирующей ретуши.

Ретушированные пластины представлены проксимальным и медиальным (рис. 4, *9*) фрагментами.

Шиповидные орудия – 2 экз. Срединные формы на крупных укороченном и удлиненном отщепах. Рабочий элемент выделен на поперечном крае заготовки дорсальной сильномодифицирующей ретушью.

Выемчатое орудие на дистальном фрагменте крупного отщепа имеет анкош, оформленный вентральной краевой крутой ретушью.

Вентрально-утонченный скол представляет собой крупный короткий массивный отщеп с вентральной оббивкой продольного и дистального краев.

Остальная часть инвентаря включает пластины с ретушью – 2 экз., отщепы с ретушью – 8 экз. (рис. 4, *13*) и фрагменты орудий – 8 экз. (рис. 4, *1*).

Небольшая коллекция из слоя 9 содержит 277 каменных артефактов.

Единственный нуклеус – радиальный монофронтальный на галечной основе. Округлое ядрище раскалывалось по всему периметру от тщательно подготовленного мелкими сколами ребра.

Нуклевидные обломки представлены двумя крупными угловатыми отдельностями сырья с серией бессистемных снятий.

Отщепы насчитывают 98 экз. Заготовки крупнее 3 см в максимальном измерении (60 экз.) практически поровну распределены по пропорциям с небольшим преобладанием удлиненных снятий – 35 %. Для большинства отщепов характерна гладкая площадка без подправки карниза и продольная или неопределимая дорсальная огранка.

Пластинчатые заготовки включают параллельно ограненные пластины (11 экз.), пластинки (5 экз., рис. 4, *6*) и микропластины (2 экз., рис. 4, *4*).

В слое найдено также шесть колотых галек и 152 обломка и осколка.

В числе изделий со вторичной обработкой 11 предметов.

Ретушированная пластина представлена медиальным фрагментом с интенсивной обработкой продольных краев (рис. 4, *8*).

Геометрический микролит представляет собой пластинку, усеченную со всех краев отвесной ретушью до формы параллелограмма (рис. 4, *5*).

Угловой многофасеточный резец оформлен на крупном удлиненном краевом отщепе. Резцовые сколы были сняты с отвесного дистального окончания вдоль одного из продольных краев заготовки.

Дополняют орудийный набор два крупных отщепа и две пластинки (рис. 4, *3*) с ретушью, а также четыре неопределимых фрагмента орудий.

Результаты OSL и AMS датирования слоев 12 и 11 в устьевой зоне южной галереи показали, что эта часть разреза формировалась во второй половине МИС 4 – первой половине МИС 3. Осадки слоя 9 накапливались, скорее всего, в период МИС 2. Литолого-стратиграфическая ситуация в дальней части галереи в целом схожа с ее устьевой зоной, вместе с тем геохронология на этом участке пещеры нуждается в дальнейшем уточнении методами абсолютного датирования и биостратиграфии. Предварительная культурно-хронологическая оценка каменных индустрий из раскопа 2021 г. согласуется с их технико-типологическим обликом.

Первичное расщепление в среднепалеолитическом комплексе из слоя 12 характеризуется использованием прежде всего технологии параллельного скалывания. Другие ядрища утилизировались в системе леваллуазского и радиального раскалывания, что в полной мере согласуется с индустрией сколов. Основу орудийного набора составляют скребла разных типов, в т.ч. выразительная серия изделий *déjeté*. Скребла тщательно оформлялись сильномодифицирующей ретушью, использовалось базальное утончение заготовок.

Набор типологически выраженных ядрищ в индустрии раннего верхнего палеолита из слоя 11 невыразителен, однако, судя по продуктам расщепления, в этом комплексе была хорошо развита пластинчатая технология. Доля пластинчатых снятий среди общего количества сколов составляет 15,6 %. Для сравнения – в коллекции из слоя 12 этот же показатель – 3,7 %. В числе пластин устойчивыми сериями представлены пластинки и микропластины, свидетельствующие о развитой технологии мелко- и микропластинчатого расщепления. Более половины изделий в списке типологически значимых орудий составляют образцы с ярко выраженной верхнепалеолитической морфологией – концевые скребки, резцы, ретушированные пластины, пластинки и микропластины с притупленным краем, проколки и долотовидные орудия.

Вместе с каменной индустрией в слое 11 найдены костяные ретушеры и формальные орудия – лощила, булавки, фрагменты шильев, проколки и иглы. Предметы неутилитарного назначения представлены бусиной из кости, подвесками из зубов животных и раковины моллюска, фрагментами кольца и браслета из мрамора.

Для небольшой коллекции из слоя 9 так же, как и для индустрии из слоя 11, характерно развитое пластинчатое расщепление. В орудийном наборе представлены только верхнепалеолитические формы, в т.ч. геометрический микролит в виде параллелограмма.

Список литературы

Шуньков М.В., Кулик Н.А., Козликин М.Б., Сокол Э.В., Мирошниченко Л.В., Ульянов В.А. Фосфатная минерализация плейстоцен-голоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры // Доклады Академии наук. – 2018. – Т. 478. – № 3. – С. 318–322. DOI: 10.7868/S0869565218030155.

References

Shunkov M.V., Kulik N.A., Kozlikin M.B., Sokol E.V., Miroshnichenko L.V., Ulianov V.A. The Phosphates of Pleistocene–Holocene Sediments of the Eastern Gallery of Denisova Cave. *Doklady Earth Sciences,* 2018, vol. 478, pt. 1, pp. 46–50. doi: 10.1134/S1028334X18010270.

Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0114-0121
УДК 902.21

И.Д. Зольников[1], А.А. Анойкин[1]✉, Е.А. Филатов[1], А.В. Васильев[2], С.С. Перфильев[3], С.С. Макаров[4], М.В. Уткин[1], А.М. Чеха[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Томский государственный университет
Томск, Россия
[4]Музей природы и человека
Ханты-Мансийск, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2021 году

В статье приводятся результаты разведочных работ в нижнем течении Оби (Шурышкарский р-н ЯНАО) в 2021 г. В ходе исследований на правобережье Большой Оби была изучена береговая линия на трех основных участках: у поселков Хашгорт, Кушеват и протоки Сормас. Всего было выполнено 13 шурфов и 2 раскопа. В районе пос. Хашгорт на бечевнике был собран палеофаунистический материал и каменные изделия палеолитического облика. Основные работы были сосредоточены на палеолитическом памятнике Кушеват, выявленном в 2020 г. Заложенные раскопы, общей площадью 44 м^2, позволили зафиксировать археологический и палеофаунистический материал в аллювиальных отложениях безымянного притока Оби. В ходе работ было выделено три костеносных слоя, нижний из которых сопровождается каменными изделиями, углями и предметами неутилитарного назначения. Археологический материал (2 экз.) представлен небольшим сколом и мелким истощенным нуклеусом параллельного принципа скалывания. Палеофаунистический материал, насчитывающий 110 ед., в основном представлен остатками северного оленя. Таким образом, в полевой сезон 2021 г. был выявлен новый пункт дислокации подъемного палеолитического материала у пос. Хашгорт и подтверждено наличие на Кушевате культурного слоя. Можно утверждать, что с учетом стратиграфической ситуации на памятнике и предварительным результатам радиоуглеродного датирования, стоянка Кушеват на настоящее время является самым северным и наиболее древним из палеолитических объектов, известных в долине р. Обь. По всей видимости, мы можем говорить о документировании наиболее раннего, пионерного этапа заселения субарктических широт Homo sapiens во время морской изотопной стадии 3, в пределах 45–30 тыс. л.н.

Ключевые слова: *Нижняя Обь, поздний неоплейстоцен, верхний палеолит, палеонтология, палеогеография, стратиграфия.*

I.D. Zolnikov[1], A.A. Anoikin[1]✉, E.A. Phylatov[1], A.V. Vasiliev[2], S.S. Perfilev[3], S.S. Makarov[4], M.V. Utkin[1], A.M. Chekha[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[3]Tomsk State University
Tomsk, Russia
[4]Museum of Nature and Man
Khanty-Mansiysk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Exploration Works on the Right Bank of the Ob River in 2021

The article describes the results of exploration works in the lower reaches of the Ob (Shuryshkarsky district of the YNAO) in 2021. The coastline of the right bank of the Ob was studied in three main areas: near the villages of Khashgort, Kushevat and the Sormas channel. In total, 13 pits and 2 excavation trenches were made with a total area of 70 sq. m. The coastline near the village of Khashgort revealed paleofaunal materials and stone artifacts of the Paleolithic type. The main excavations were carried out at the Kushevat Paleolithic site discovered in 2020. Archaeological and paleofaunal materials were recorded in the alluvial deposits of two excavation trenches with a total area of 44 sq.m at an unnamed inflow of the Ob. The excavations revealed tree bone-bearing layers; stone artifacts, charcoal pieces, and non-utilitarian items were recovered from the lowermost layer. Archaeological materials (2 specimens) are represented by a small spall and an exhausted core of the parallel reduction pattern. The paleofaunal material numbering 110 units (bones, horns, teeth, and fragments) is mainly represented by the remains of a reindeer.Thus, in the field season of 2021, a new locus of the surface occurrence of the Paleolithic materials was identified supporting previous identification of a cultural layer at Kushevat. As a result, taking into account the stratigraphic situation at the site and the preliminary results of radiocarbon dating, the Kushevat site is currently the northernmost and most ancient of the known Paleolithic sites known in the Ob valley. Apparently, the derived data indicate the earliest, pioneering stage of Homo sapiens sapiens habitation of the subarctic zone during MIS3 in the range of 45–30 ka BP.

Keywords: *Lower Ob, Late Neopleistocene, Upper Paleolithic, paleontology, paleogeography, stratigraphy.*

В 2021 г. Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились разведочные работы на территории Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа, с целью обнаружения археологических объектов палеолитического времени в бассейне Нижней Оби. Основными районами исследований являлись участки коренного берега Большой Оби (восточный рукав р. Обь), нижнее течение р. Хашгорт, а также береговая зона проток Сормос и Кушеват (рис.1).

Разведочные работы отрядов ИАЭТ СО РАН в нижнем течении Оби ведутся с 2015 г. К настоящему времени на исследованной территории, помимо значительного количества зафиксированных пунктов с поверхностным залеганием подъемного палеонтологического материала и каменных арте-

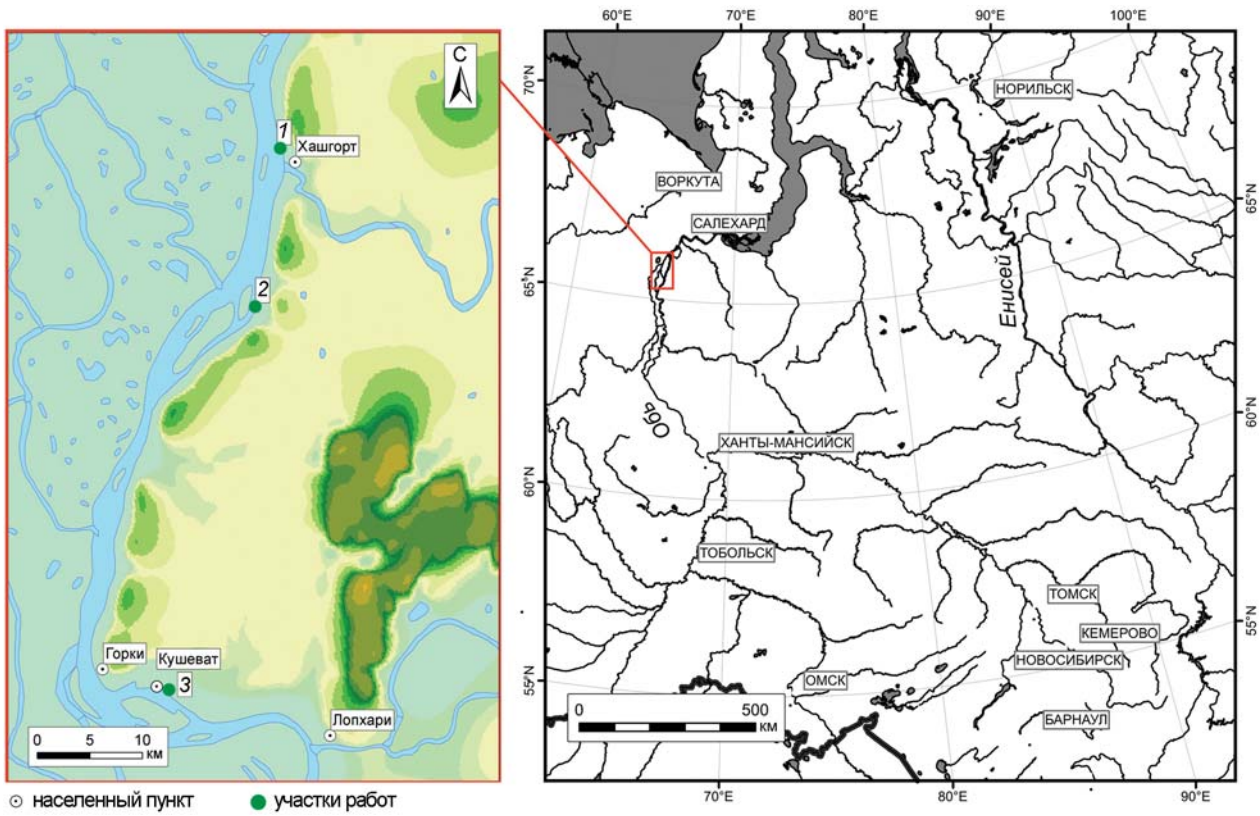

Рис. 1. Карта-схема района исследований.

1 – Хашгорт; *2* – протока Сормос; *3* – Кушеватская курья.

фактов, в долине р. Сыня (левый приток) и на правобережье Оби было выявлено несколько объектов, где единичный археологический материал залегал in situ: местонахождения Ям Горт-4, Унсоим и Кушеват [Зольников и др., 2020а; 2020б; 2020в; 2021].

В текущем полевом сезоне были продолжены рекогносцировочные и шурфовочные работы на правом берегу р. Большая Обь, в районе 65° с.ш., на отрезке от пос. Горки до пос. Питляр, а также проведены масштабные раскопочные работы на выявленном в 2020 г. местонахождении Кушеват [Зольников и др., 2021].

В районе пос. Хашгорт (правый берег Большой Оби) шурфовочные работы ранее велись в 2020 г. на мысу II надпойменной террасы [Зольников и др., 2020б]. В текущем году на этом участке проводился визуальный осмотр береговой линии, в ходе которого, в 2 км севернее Хашгорта на береговой отмели, был зафиксирован археологический и палеонтологический материал. Находки представлены одноплощадочным однофронтальным нуклеусом параллельного принципа скалывания, выполненным из окремненной осадочной породы, а также костными остатками (10 экз.) шерстистого мамонта *(Mammuthus primigenius*) и северного оленя (*Rangifer tarandus*). Кроме этого, в пределах участка распространения подъемного материала были выполнены зачистки отложений I и II надпойменных террас р. Обь (рис.1).

Зачисткой 2, демонстрирующей наиболее информативный стратиграфический разрез, были вскрыты следующие отложения (сверху – вниз).

0,0–0,1 м. Слой 1. Современная лесная почва с темно-серой дерниной и песчаным подзолистым горизонтом. Общая мощность – 0,1 м.

0,1–0,6 м. Слой 2. Светло-коричневый неслоистый алеврит. Мощность 0,5 м. Лесс.

0,6–5,35 м. Слой 3. Светло-серый мелкозернистый песок, с редкими, тонкими субгоризонтальными параллельными прослоями, рыжеватыми за счет ожелезнения. Мощность – 4,65 м. Перевеянные пески.

5,35–6,8 м. Слой 4. Субпараллельное, мелкое (с раздувами, выклиниваниями, линзами) переслаивание серого алеврита и светло-серого, иногда рыжеватого за счет ожелезнения, мелкозернистого песка. Текстуры типа мутьевых потоков и оплывания на подводном склоне. Мощность – 1,55 м. Озерно-ледниково-подпрудные отложения (лимногляциал) первого верхнечетвертичного оледенения.

6,8–6,9 м. Слой 5. Серый, параллельно субгоризонтально тонко слоистый мелкозернистый песок. Мощность 0,1 м. Прирусловой аллювий.

6,9–8,7 м. Слой 6. Серый, с табачным оттенком, плотный диамиктон-пескоалевропелит, с редкими валунами и гальками-ледогранниками, дресвой. Отмечаются наклонные, деформированные полосы светло-серого промытого мелко-, среднезернистого песка, толщиной 5–10 см. Отторженцы песка в диамиктоне образуют гнейсовидную текстуру. Видимая мощность 1,8 м. Основная монолитная хашгортская морена (последнего из среднеплейстоценовых оледенений).

Хотя в пределах зачисток не было зафиксировано какого-либо археологического или палеонтологического материала, следует отметить, что, по данным д.б.н. А.В. Бородина (устное сообщение), в обнажениях эрозионного уступа, на котором производились вскрышные работы, в предшествующие годы был найден бивень мамонта, залегавший *in situ*.

Другим участком, где проводились шурфовочные работы, являлся правый берег протоки Сормас, в районе о. Сормаспугор (~15 км выше по течению от пос. Хашгорт) (рис. 1). Здесь, вдоль бровки террасы, было заложено 13 шурфов, выполненных на глубину до 2–2,5 м, что позволило изучить покровные отложения, представленные погребенными голоценовыми почвами и подстилающими их солифлюкционными, эолово-солифлюкционными и делювиальными образованиями плейстоцена. Изучению нижележащих отложений препятствовала линзовая мерзлота. Археологический материал не выявлен. Палеофаунистический материал был зафиксирован на бровке бечевника и представлен трубчатой костью крупного копытного животного.

Основным участком проводившихся в 2021 г. исследований являлась территория нежилого пос. Кушеват, расположенного на одноименной протоке р. Большая Обь. Здесь, при разведочных работах 2020 г., в позднеплейстоценовых отложениях, имеющих предположительный возраст в пределах MIS 3, выявлен костеностный горизонт. [Зольников и др., 2020б; 2021]. При анализе фаунистических остатков, на фрагменте рога северного оленя из шурфа 12 были зафиксированы следы антропогенного происхождения, в виде серии параллельных насечек, что позволило рассматривать данное местонахождение как потенциальный памятник археологии палеолитического времени [Зольников и др., 2020б]. Для получения материалов, способных подтвердить данное предположение, на памятнике в текущем году были проведены масштабные раскопочные работы, сосредоточенные на участке распространения костеносного горизонта, предполагаемые границы которого были установлены при шурфовочных работах 2020 г. (рис. 2). [Там же].

В 2021 г. на памятнике Кушеват было заложено два раскопа и два шурфа общей площадью 48 м^2

(рис. 3). Раскопы располагались на правом берегу безымянного ручья, впадающего в Кушеватскую протоку (Кушеватская курья), в пределах территории, ограниченной шурфами 7, 10 и 12 (2020 г.), в которых ранее был зафиксирован фаунистический материал [Зольников и др., 2021].

В раскопе 1, где представлена наиболее информативная колонка отложений, в ходе раскопочных работ было выделено 11 литологических слоев, объединенных по особенностям состава, структуры и генезиса в четыре основных пачки (рис. 4). Описание дается сверху-вниз.

Пачка 1. Покровно-субаэральная. Начинается с современной лесной почвы, которая включает дернину, светло-серый подзолистый горизонт и буровато-рыжеватый (за счет ожелезнения) горизонт вмывания. Общий генезис пачки – субаэральный покров с участием термокарстово-лужевых, эоловых, делювиальных, солифлюкционных (преимущественно медленных, вязко-текучих) процессов. Залегание пачки плащеобразно-облекающее. Мощность – 0,2–0,7 м, в среднем 0,3–0,4 м.

Пачка 2. Сплывная (велофлюксий, т.е. быстрый солифлюксий). Залегает непосредственно под по-

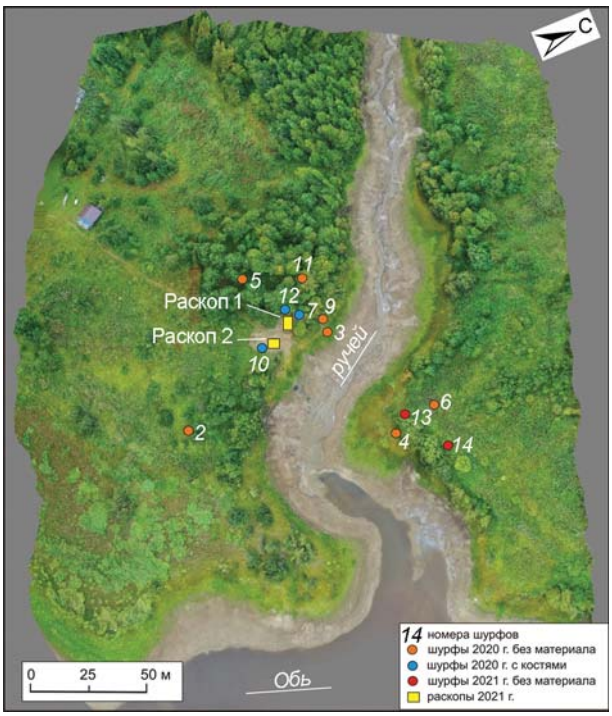

Рис. 2. Ортофотоплан местонахождения Кушеват с указанием участков работ.

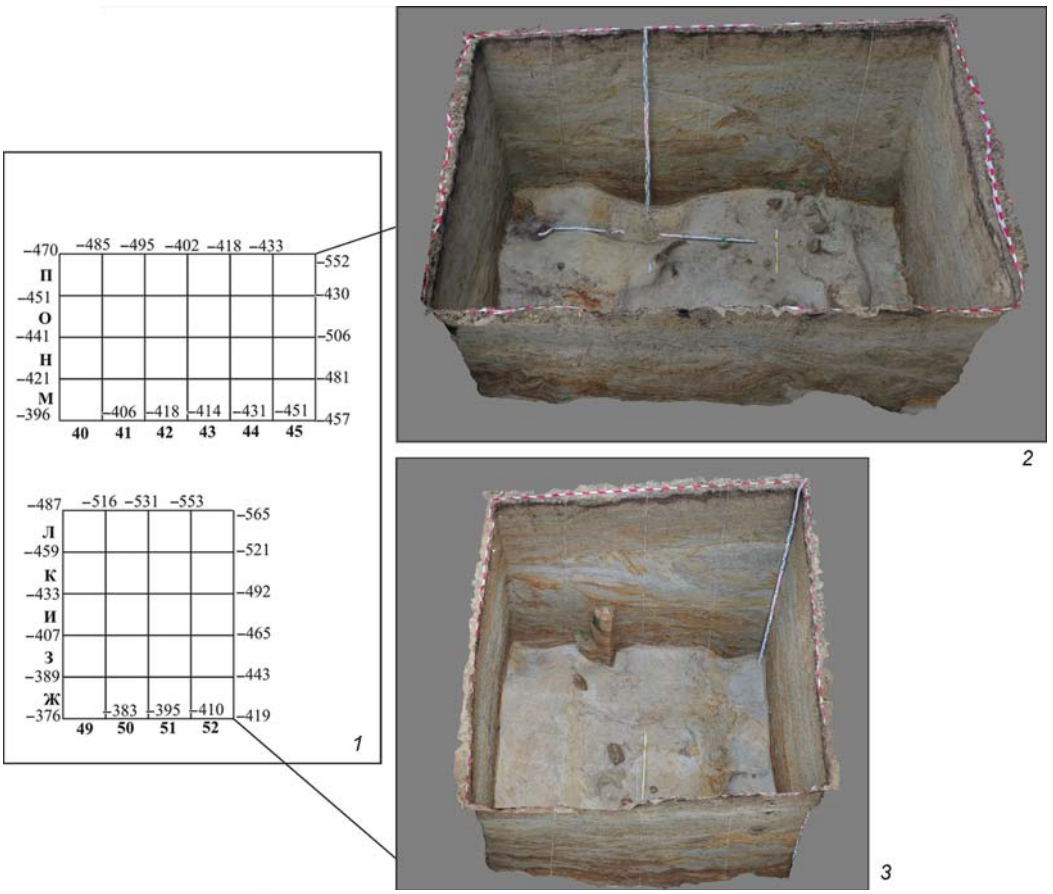

Рис. 3. Раскопы на местонахождении Кушеват.

1 – общий план раскопов с квадратной сеткой и нивелировочными отметками; *2* – 3D-модель раскопа 1 (24 м^2); *3* – 3D-модель раскопа 2 (20 м^2).

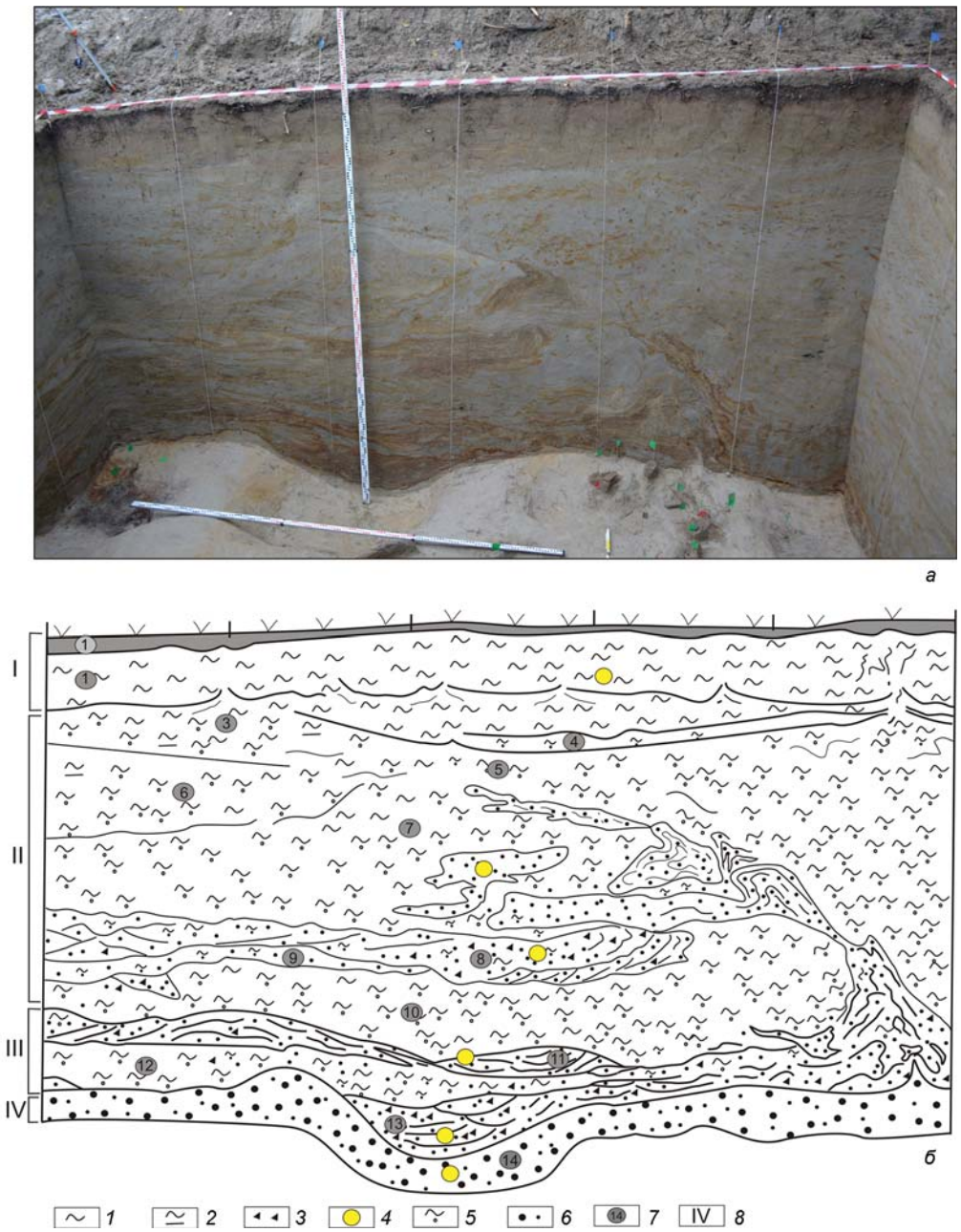

Рис. 4. Общий вид (*а*) и стратиграфический разрез (*б*) южной стенки раскопа 1 на местонахождении Кушеват.

1 – алеврит; *2* – алевропелит; *3* – щебень, гравий; *4* – места отбора проб на ОСЛ-датирование; *5* – алевропесок; *6* – песок; *7* – литологические слои; *8* – пачки слоев.

кровно-субаэральной пачкой. В изученных сечениях наблюдается до пяти-шести слоев, которые существенно меняются по мощности от 2 м и более до полного выклинивания. Отложения представлены серым с буроватым оттенком алевритом, участком, опесчаненным до алевропеска, иногда суглинистым до алевропелита; реже встречается пескоалевропелит. Грубообломочный материал, как правило, отсутствует; редко встречается в приподошвенных участках. Общий генезис пачки – серия солифлюкционных сплывов быстропротекающего характера. Аналогичные сплывные отложения характерны для субарктических территорий и представляют собой узкие длинные выбросы разжиженной грязи в сотни метров длиной. Пачка выполняет и запаковывает эрозионную палеоложбину. Отдельные нижние сплывы, в восточных сечениях раскопов, разделены песчаными аллювиальными слоями. Общая мощность пачки в изученных сечениях достигает 2,7 м. При этом ее мощность закономерно уменьшается с запада на восток (до 0,4 м), по направлению от водораздельной возвышенности к берегу безымянного ручья, на склоне долины которого заложены раскопы (см. рис. 2, 3).

Пачка 3. Ручьевой аллювий (аллювий притока Кушеватской курьи). Залегает под сплывной пачкой 2 и частично фациально ее замещает. Отсутствие отложений пачки 3 непосредственно над кровлей отложений пачки 2 объясняется тем, что после запаковывания солифлюкционными сплывами палеодолины безымянного западного притока Кушеватской курьи, эрозионная деятельность ручья сместилась восточнее, что привело к выработке нового русла и углублению уровня формирования ручьевого аллювия. Это позволяет считать отложения пачек 2 и 3, вскрытых в раскопах, одновозрастными фациальными аналогами. Однако, следует отметить, что изучаемая эрозионная форма, впоследствии заполненная грязью солифлюкционных сплывов, изначально была выработана ручьем западного притока Кушеватской курьи, эрозионная и аккумулятивная деятельность которого затем продолжилась в расположенной рядом более молодой эрозионной форме. Очевидно, что отложения ручьевого аллювия Кушеватской курьи начали формироваться до накопления сплывных отложений пачки 2 и продолжают формироваться в настоящее время, т.е. уже после образования отложений покровной пачки 1. Тем не менее, в сечениях, вскрытых раскопами, отложения пачки 3 занимают стратиграфическое положение под пачкой 1, а также под верхними слоями пачки 2, при этом фациально замещают нижнюю часть пачки 2, чередуясь с ее нижними слоями. С отложениями пачки 3 связан основной костеносный горизонт (культуросодержащий слой).

Пачка 4. Аллювиальная (аллювий Большой Оби). Залегает под отложениями пачек 1–3. Представлена хорошо промытыми, светло-серыми мелко-среднезернистыми песками, с параллельной, субгоризонтальной тонко-мелкой слоистостью, а также косой слоистостью, восходящей рябью течения. Генезис трактуется как типичный аллювий Оби; в основном фация прирусловой отмели. Обычно перекрывается с ровным эрозионным контактом или же ямчатыми за счет мульд отложениями ручьевого аллювия пачки 3. Подошва не вскрыта, но судя по пескам данной пачки, которые обнажаются на прирусловых отмелях Большой Оби в данном участке, ее мощность превышает 3–5 м. Нами отложения этой пачки рассматриваются как аллювиальный ярус II надпойменной террасы Большой Оби. Вскрытая мощность – до 1,0 м.

Культуросодержащий слой (к.с.) выявлен в обоих раскопах на глубине от 2,5 до 3,5 м, на контакте разногенетического аллювия (пачки 3 и 4). В среднем его мощность не превышает 0,2 м, а археологические и палеонтологические материалы выдерживают горизонт рассеивания в пределах 0,15 м. В к.с. раскопа 2 также были зафиксированы мелкие угли и углистые примазки. Следует отметить, что здесь выше к.с. были выделены еще два костеносных горизонта, связанные с аллювиальными отложениями безымянного притока Оби и включающие только палеонтологический материал.

Общая коллекция палеофаунистического материала насчитывает 110 единиц (кости, рога, зубы, а также их фрагменты) и в основном представлена остатками северного оленя. Кроме них присутствуют кости мамонта, шерстистого носорога (Coelodonta antiquitatis), овцебыка (Ovibos moschatus), зайца (Lepus oiostolus), возможно бизона (Bison bison) (все определения выполнены к.б.н. С.К. Васильевым). В целом, состав фауны характеризует выявленный комплекс как промысловый и направленный на добычу, в первую очередь, северного оленя, что отличает его от памятников поздних этапов верхнего палеолита Западно-Сибирской равнины, таких как Луговское, Комудваны, Волчья грива, Шестаково и др., где преобладают кости мамонта, составляя до 95 % коллекции [Деревянко и др., 2003; Зенин и др., 2006; Макаров, Резвый, Горелик, 2018].

Археологический материал (2 экз.) представлен небольшим сколом и мелким истощенным нуклеусом, сохранившим прямую ударную площадку, с которой в продольном направлении производились снятия удлиненных сколов прямоугольных очертаний. В качестве сырья использовались окремненные осадочные породы.

По результатам осмотра палеонтологических материалов, специалистами лаборатории палеотехнологий на базе НОЦ «Новая археология» ГИ НГУ (г. Новосибирск), было сделано предварительное заключение о наличии возможных следов антропогенного воздействия на нескольких предметах – роге северного оленя и двух фрагментах трубчатых костей. В настоящее время эти материалы находятся на стадии исследования.

По всей видимости, раскопами были вскрыты периферийные участки стоянки, где материал фиксируется в переотложенной позиции. Об этом свидетельствуют, в т.ч. углистые примазки и конкреции угля, которые были зафиксированы в естественных углублениях, сформированных, вероятно, в ходе аллювиального седиментогенеза. С этой точки зрения, основные участки стоянки могут быть расположены на более высоких гипсометрических уровнях, на удалении до 15–20 м от раскопов 2021 г.

На противоположном берегу безымянного ручья, напротив раскопов 2021 г., были заложены два разведочных шурфа (рис. 2). В шурфах, глубиною до 2,5 м, был изучен субаквальный и субаэральный комплексы, вероятно, I надпойменной террасы, которые отличаются как по возрасту, так

и по строению от стратиграфической ситуации, наблюдаемой в раскопах.

Сравнение полученных разрезов с данными по району Горки-Кушеват-Лопхари [Зольников и др., 2020в], а также предварительные результаты радиоуглеродного датирования костного материала из культуросодержащего слоя, позволяют утверждать, что вмещающие артефакты и палеофауну отложения формировались в течение довольно продолжительного интервала, в рамках второй половины MIS3.

Таким образом, основными результатами разведочных работ на правобережье Нижней Оби в 2021 г. являются открытие в районе пос. Хашгорт нового пункта дислокации подъемного археологического и фаунистического материала позднеплейстоценового времени, уточнение границ распространения и особенностей залегание культуросодержащего слоя на стоянке Кушеват, а также подтверждение наличия в нем каменных артефактов и фаунистических остатков со следами антропогенного воздействия.

С учетом стратиграфической ситуации на памятнике и предварительных результатов радиоуглеродного датирования стоянка Кушеват на настоящее время является самым северным и наиболее древним из палеолитических объектов, известных в долине р. Обь. По всей видимости, мы можем говорить о документировании наиболее раннего, пионерного этапа заселения субарктических широт Homo sapiens во время MIS 3, в пределах 45–30 тыс. л.н. Начальная колонизация долины Оби, в ее нижнем течении, проходила, по всей вероятности, с европейской части материка через территорию полярного и приполярного Урала, где фиксируется несколько сквозных долин, которые могли служить транзитными коридорами при миграционных передвижениях палеоколлективов [Зольников и др., 2020в]. Как минимум еще одна миграционная волна, в пределах позднепалеолитического времени, фиксируется на этой территории в интервале ~20–15 тыс. л.н. Она представлена материалами стоянок Луговское и Комудваны, функционирование которых приходится на теплые стадии беллинга и аллереда в течение MIS 2.

Благодарности

Экспедиционные исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-20002. Лабораторные исследования археологических материалов проведены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0002.

Список литературы

Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – (Палеолит Западно-Сибирской равнины). – 168 с.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.-Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 41–53.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Аржанников М.А. Разведочные работы в нижнем течении реки Сыня (Шурышкарский район Ямало-Ненецкого автономного округа) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020а. – Т. XXVI.– С. 75–81.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Аржанников М.А., Чеха А.М. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020б. – Т. XXVI.– С. 82–88.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Макаров С.С., Постнов А.В., Резвый А.С., Глушкова Н.В., Бычков Д.А., Тупахин Д.С., Выборнов А.В. О возможных путях миграций человека на территорию Нижнего Приобья в каменном веке // Stratum Plus. – 2020в. – № 1. – С. 137–146.

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Выборнов А.В., Васильев А.В., Постнов А.В., Зоткина Л.В. Новые данные о заселении долины нижней Оби в позднем неоплейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. –Т.49. – №1. – С.9–20.

Макаров С.С., Резвый А.С., Горелик В.И. Местонахождение Комудваны – новый палеонтолого-археологический памятник Западно-Сибирской равнины // Эволюция жизни на Земле: мат-лы V Междунар. симп. / отв. ред. В.М. Подобина. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. – С. 215–217.

References

Derevyanko A.P., Molodin V.I., Zenin V.N., Leshchinsky S.V., Mashchenko E.N. Pozdnepaleoliticheskoye mestonakhozhdeniye Shestakovo. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 168 p. (In Russ.).

Makarov S.S., Rezvyi A.S., Gorelik V.I. Komudvany – A New Paleontological and Archaeological site of the West Siberian Plain. In *Evolution of Life on the Earth: Proceedings of the V International Symposium, November 12–16, 2018,*

Tomsk. Tomsk: State Univ. Press, 2018, pp. 215–217. (In Russ.).

Zenin V.N., Leshchinskii S.V., Zolotarev K.V., Grutes P.M., Nado M.-Kh. Lugovskoe: Geoarchaeology and Culture of a Paleolithic Site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, No. 1 (25), pp. 41–53.

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., Vasiliev A.V., Arzhannikov M.A. Archaeological Survey on the Lower Synya River (Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020a, vol. XXVI, pp. 75–81 (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Filatov E.A., A.V., Vybornov A.V., Vasilev A.V., Postnov A.V., Zotkina L.V. New Evidence of the Late Neopleistocene Peopling of the Lower Ob Valley. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021, No. 1 (49), pp. 9–20.

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Makarov S.S., Postnov A.V., Rezvyi A.S., Glushkova N.V., Bychkov D.A., Tupakhin D.S., Vybornov A.V. About possible ways of human migrations into the territory of the Lower Ob in the Stone Age. *Stratum Plus*, 2020v, No. 1, pp. 137–146. (In Russ.).

Zolnikov I.D., Anoikin A.A. , Phylatov E.A., Vasiliev A.V., Arzhannikov M.A., Chekha Andrew M. Archaeological Survey on the Right Bank of the Bolshaya Ob River in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020b, vol. XXVI, pp. 82–88 (In Russ.).

Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Васильев А.В. https://orcid.org/0000-0002-7094-132X
Перфильев С.С. https://orcid.org/0000-0003-1687-3183
Макаров С.С. https://orcid.org/0000-0002-2754-7685
Уткин М.В. https://orcid.org/0000-0003-2603-7728
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0122-0127
УДК 902/904

А.В. Кандыба✉[1], И.С. Павлов[2], В.В. Бочкарев[3], М.Ю. Гладышева[4], А.В. Протопопов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Отдел изучения мамонтовой фауны Академии наук РС (Я)
Якутск, Россия
[3]Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов севера им. Ем. Ярославского
Якутск, Россия
[4]Государственный природный заповедник «Усть-Ленский»
Тикси, Россия
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2021 году

Изучение проблемы первоначального освоения и последующего расселения древними популяциями человека экстремальных природных зон является сложным для изучения, но, в случае обнаружения археологических и палеонтологических местонахождений, очень информативным источником. Первые открытия следов присутствия древнего человека в Булунском районе относятся к началу XIX в., они продолжались эпизодически в течение всего XX в. и особенно активизировались в начале XXI в. Обнаруженные местонахождения представлены как массовым материалом, так и единичными находками. В 2021 г. были проведены полевые исследования в заливе Неелова со стороны полуострова Быковский и в междуречье Кожевена-Воллосовича на севере острова Котельный архипелага Анжу Новосибирских островов. Данные районы представляют собой арктическую тундру с активными термоденудационными процессами, которые способствуют обнаружению палеонтологических остатков мамонтовой фауны и зачастую приводят к регулярному сезонному уничтожению палеонтологических и археологических объектов. Новый археологический и палеонтологический материал, обнаруженный на юго-восточном берегу залива Неелова, демонстрирует интенсивность освоения древнейшими популяциями людей арктической зоны Восточной Сибири. Результатом стало обнаружение новых плейстоценовых фаунистических комплексов, а также верификация уже ранее обнаруженного местонахождения Таба-Юрях. Полученный остеологический материал относится к позднеплейстоценовому мамонтовому комплексу. На части костей обнаружены следы человеческого воздействия, предположительно охоты или разделки, что говорит об активном освоении древним населением Арктической зоны Якутии в палеолите. Полученные данные позволят существенно скорректировать имеющиеся представления о хронологии и последовательности развития палеолитических индустрий и палеоэкологических обстановок данного региона на позднейшем этапе четвертичного периода.

Ключевые слова: *Булунский район, история исследований, плейстоцен, мамонтовая фауна, термоденудация, Таба-Юрях, Залив Неелова.*

A.V. Kandyba✉[1], I.S. Pavlov[2], V.V. Bochkarev[3], M.Yu. Gladysheva[4], A.V. Protopopov[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Department for the Study of Mammoth Fauna, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia
[3]Yakutsk State United Museum of History and Culture of the Peoples of the North Yakutsk, Russia
State natural reserve "Ust-Lensky" Tiksi, Russia
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Field Research in the Bulunsky District (the Republic of Sakha (Yakutia)) in 2021

The study of the problem of the initial development and subsequent settlement by ancient human populations of extreme natural zones is difficult to study, but, in the case of discovering archaeological and paleontological locations, it is a very informative source. The first discoveries of traces of the presence of an ancient man in the Bulunsky district date back to the beginning of the 19th century, and they continued sporadically throughout the entire 20th century, and especially intensified at the beginning of the 21st century. The discovered locations are represented by both mass material and single finds. In 2021, field studies were carried out in Neelov Bay on the side of the Bykovsky peninsula and the Kozhevin-Vollosovich interfluve in the north of the Kotelny Island of the Anju archipelago of the New Siberian Islands. These areas represent the arctic tundra with active thermal denudation processes, which contribute to the discovery of paleontological remains of mammoth fauna, and often lead to the regular seasonal destruction of paleontological and archaeological sites. New archaeological and paleontological material found on the southeastern coast of Neelov Bay demonstrates the intensity of the development of the most ancient populations of people in the Arctic zone of Eastern Siberia. The result was the discovery of new Pleistocene fauna complexes, as well as the verification of the previously discovered Taba-Yuryakh location. The obtained osteological material belongs to the Late Pleistocene mammoth complex. On some of the bones, traces of human influence were found, presumably hunting or cutting, which indicates the active development of the ancient population of the Arctic zone of Yakutia in the Paleolithic. The obtained data will make it possible to significantly correct the existing ideas of the chronology and sequence of development of the Paleolithic industries and paleoecological settings of this region at a later stage of the Quaternary age.

Keywords*: Bulunsky district, history of research, Pleistocene, mammoth fauna, thermal denudation, Taba-Yuryakh, Neelov Bay.*

Исследование характера первоначального расселения и последовательности развития человеческих палеопопуляций в меняющихся экстремальных палеоэкологических условиях арктического севера Якутии в позднем плейстоцене и установление значения мамонтовой мегафауны в качестве ресурсной базы палеолитических охотников всегда было актуальной проблемой таких наук как археология, палеонтология и антропология. Быстрое распространение и относительное единообразие культуры древнего человека в Северо-Восточной Азии, а также его существенная схожесть с синхронными комплексами Сибирской Арктики во многом делают феномен первого освоения данного региона почти глобальным примером адаптации человека к экстремальным арктическим условиям на территории Азии. Наиболее древние стоянки фиксируются на территории севера Якутии ок. 30 тыс. л.н., причем единичные свидетельства проникновения человека позволяют отодвинуть время проникновения на 10 тыс. лет раньше. Географическое распространение, хронологические интервалы существования древнего населения и морфологические особенности наземных млекопитающих тесно связаны с конкретными условиями среды, существовавшими в Арктической зоне России. Мамонтовая фауна плейстоцена является особым фаунистическим сообществом, существовавшим в условиях, которые до настоящего времени остаются во многом неисследованными, и их изучение требует особых методологических подходов. Поиски археологических комплексов плейстоценового времени на территории полярной зоны севера Якутии ведутся давно. Но полученные данные для данного региона очень фрагментарны в силу географической локализованности и специфических климатических особенностей арктической криолитозоны. Одним из наиболее изученных и перспективных районов является Булунский (Республика Саха (Якутия)).

В 1809–1811 гг. во время экспедиции М.М. Геденштрома впервые были обнаружены следы присутствия древних людей на Новосибирских о-вах [Ермолаев, 1932]. В 1929 г. геологом М.М. Ермолаевым при исследовании о-ва Большой Ляховский найдены кости мамонта и кусок бивня со следами обработки каменными орудиями [Там же]. В 1942–1943 гг. Ленская историко-археологическая экспедиция проводила археологическое изучение низовьев р. Лены. В ходе разведочных работ в нижнем течении Лены в пределах границ современного Булунского р-на было выявлено 55 различных археологических памятников и местонахождений, датируемых от неолита до этнографического времени [Окладников, 1946]. В 1973 г. Ю.А. Мочановым на о-ве Большом Ляховском в районе п-ва Кигилях было открыто скопление костей плейстоценовой фауны, предположительно связанное с деятельностью человека [Мочанов, 2010].

Наиболее значительные открытия были сделаны в 1989–1990, 2000–2005 гг., после открытия и исследования Жоховской стоянки – один из самых северных в мире археологических памятников, датированный возрастом 8250–7800 л.н. [Питулько, 1998; Питулько, Павлова, 2015]. На стоянке были найдены каменные, костяные и роговые орудия,

плетеные изделия, фаунистический и антропологический материал, ставшие ценным источником по реконструкции жизни людей в раннем голоцене в этой части восточно-сибирской Арктики, когда Новосибирские о-ва еще оставались частью материковой суши [Питулько, 2019]. В 2000-х гг. были выявлены также следы пребывания древнего человека на о-вах Анжу. Так, на о-ве Котельном была открыта стоянка Тугуттах возрастом 6,7 тыс. лет с микропризматической индустрией, а на о-ве Новая Сибирь – в двух пунктах фрагменты нуклеусов из бивней мамонтов возрастом около 36 тыс. лет [Питулько и др., 2015].

В 2015 г. экспедицией РГО «Северная Ойкумена» на о-ве Большом Ляховском в долине р. Зимовье было выявлено два местонахождения костных остатков плейстоценовых животных со следами антропогенного воздействия [Кандыба и др., 2015]. В 2019 г. на о. Котельный Новосибирского архипелага в ходе изыскательных работ палеонтологической экспедиции Академии наук Республики Саха (Якутия) в междуречье Кожевена–Воллосовича были обнаружены костные останки шерстистого мамонта, примерно 30–40 % от полного скелета. На местонахождении Таба-Юрях были обнаружены фрагменты черепа, бивней, лопатка, шейные, грудные и поясничные позвонки, фрагмент крестца, фрагменты ребер, таза и костей конечностей. На данный момент это наиболее полный скелет, обнаруженный на о. Котельный. Также были обнаружены следы от орудий древнего человека (порезы, царапины) на черепе, позвонках и ребрах. Также рядом со скелетом мамонта были найдены и идентифицированы орудия труда древнего человека, предположительно точило для ножа со следами интенсивного использования и что-то типа лопаточки. Результаты радиоуглеродного анализа составляют 26244 ± 224 л.н. (IAAA-190392), что соответствует финалу каргинской эпохи позднего плейстоцена [Павлов, Судзуки, 2020].

Местонахождение Муостах, открытое в 2020 г. на одноименном мысе п-ва Быковский, демонстрирует поверхностный характер залегания палеонтологического и археологического материала. В разрозненном состоянии обнаружены останки восьми видов плейстоценовой фауны (мамонт, бизон, северный олень, сайгак, лошадь, волк, заяц, овцебык), часть которых была фрагментирована древним человеком [Кандыба и др., 2020].

Полевые исследования 2021 г. являлись логическим продолжением предыдущих работ. Организованная совместная экспедиция за два месяца обследовала побережье залива Неелова со стороны Быковского п-ва и междуречье Кожевена–Воллосовича на о-ве Котельный. Основной научной целью экспедиции являлась реконструкция хронологии и природных обстановок, определение направления распространения и специфики археологических культур на этапе освоения человеком территории Булунского района. Для реализации этой цели было предпринято изучение известных и поиск новых объектов археологии и палеонтологии на исследуемой территории.

Одним из первых исследованных участков был юго-западный берег залива Неелова. Район исследований расположен на территории-останце Приморской низменности на прилегающих участках дна моря Лаптевых и водоразделе Приморского кряжа. В строении останцов предгорной аккумулятивной равнины принимает участие четвертичный ледовый комплекс, слагающий поверхность с абс. отм. 10–43 м, расчлененную аласами, лагунами, термоэрозионными оврагами и понижениями, т.е. имеющий полигональный рельеф с широким проявлением термокарстовых процессов [Зигерт, Куницкий, Ширмейстер, 2009]. В силу продолжающейся активной термоденудации с образованием термоцирков происходит систематическое разрушение береговой линии. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы, что приводит к образованию многочисленных термокарстовых западин (аласов) с озерами, буграми пучения – булгуняхами, полигональными грунтами; по берегам залива и озер расположены бугры-байджарахи. Все это, с одной стороны, способствует обнаружению палеонтологических остатков мамонтовой фауны, с другой, быстро идущие процессы оттайки ледовых комплексов приводят, зачастую, к регулярному сезонному уничтожению палеонтологических и археологических объектов. Сохранность обнаруженных костей в зависимости от среды залегания в мерзлоте или перезахоронения имеет цвет от желтого до темно коричневого. Кости большей частью фрагментированы и частично фоссилизованы.

Были обнаружены такие виды, как бизон (Bison priscus (Bojanus, 1827)) (две пястные, две берцовые и лучевая кости, а также обломок рога), лошадь (Equus lenensis (Linnaeus, 1758)) (плечевая кость, фрагмент верхней челюсти с резцами, фаланга и поясничный позвонок), северный олень (Rangifer tarandus (Linnaeus, 1758)) (пястная и таранная кости), а также сустав бедренной кости шерстистого носорога (Coelodonta antiquitatis (Blumenbach, 1799)).

Среди обнаруженных видов наиболее представительна коллекция костей шерстистого мамонта (Mammuthus primigenius (Blumenbach, 1799)). Раз-

рознено были найдены правая лопатка, бедренные кости (2 экз.), плечевая кость, два обломка бивня. Отдельного внимания заслуживает находка скопления костей мамонтенка, локализованная на очень небольшой площади (ок. 10 м^2) и включающая в себя нижнюю челюсть, поясничный позвонок, обе бедренных кости, плечевую кость, правое крыло тазовой кости, фалангу, трапециевидную кость, фрагменты позвонка и 12 ребер). Еще одно скопление, предположительно одной особи, состоит из целой локтевой кости, большой берцовой кости, двух медиальных и трех проксимальных фрагментов ребер и шести фаланг.

Последнее скопление костей мамонта отличается наличием следов человеческого воздействия. У локтевой кости удалена дистальная часть путем нанесения многочисленных ударов, что отмечается наличием следов пикетажа и негативов многочисленных заломов, также отсутствует локтевой отросток. Лучевая кость на внешней стороне медиального участка имеет пару глубоких поперечных следов от рубящих ударов. Аналогичные следы отмечены на противоположной стороне. Ближе к проксимальной части фиксируется серия параллельных поперечных глубоких порезов. Эпифиз проксимальной части частично удален, о чем свидетельствуют следы точечных ударов по периметру отверстия. Обе кости являются парными и происходят из одного предплечья. В скоплении присутствует восьмой грудной позвонок, у которого на поверхности вентральной части позвоночного диска отмечены глубокие следы от рубящих ударов. Также в наличии пяточная кость с частично удаленной боковой стороной, дистальная часть ребра с двумя широкими следами строгания и первый грудной позвонок без видимых следов воздействия. Отдельно был обнаружен обломок расщепленного бивня с параллельными негативами сколов.

Следующим объектом полевых исследований было междуречье рек Кожевена и Волоссовича, а также граничащий с ним участок восточной стороны гряды Шмидта на северной стороне о-ва Котельный вблизи от губы Драгоценной. Местность представляет собой тундру с высотами от 4 до 20 м с преобладанием злако-ивкомоховой и полигональной моховоразнотравной растительности на суглинках увалистой равнины в сочетание с термокарстовыми комплексами на невысоких водоразделах. В местах таяния ископаемого льда грунт оседает и тундровая дернина обваливается или сползает, и образуются бугры-байджарахи, в развалах которых, на глубину сезонной протайки (от 0,3 до 0,7 м), можно обнаружить фаунистические остатки и археологические свидетельства присутствия древнего человека. Байджарахами являются небольшие конусообразные возвышения, образующиеся на месте грунтовых столбов в результате деградации полигонально-жильных льдов. В силу продолжающейся активной термоденудации происходит разрушение рельефа острова, особенно в приморской его части. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы.

В ходе работ на обширной обследованной территории площадью почти 80 км^2 были обнаружены разрозненные остатки представителей плейстоценовой мегафауны, таких как шерстистый мамонт (нижняя челюсть, тазовая кость, грудной позвонок, ребра (6 экз.), межсуставный диск, локтевые кости (2 экз.), плечевая кость, зуб мамонта, щепа бивня, эпифиз бедренной кости, бедренные кости (2 экз.)), плейстоценовая лошадь (шейный позвонок, копыто, первая фаланга), бизон (берцовая кость, фрагмент черепа).

Отдельно заслуживает упоминания обнаружение практически полного скелета мамонта (около 70 % от полного скелета) на одном из байджерахов на левом берегу р. Правая Кожевена.

Также было детально обследовано местонахождение Таба-Юрях, где в 2019 г. были обнаружены останки мамонта, предположительно разделанного людьми. Был установлен стратиграфический горизонт залегания костных остатков, получен дополнительный археологический материал (щепки и стружка бивня, обломки черепа и других костей). На данный момент материал находится в обработке, но можно предварительно сообщить, что было обнаружено более 2 тыс. элементов бивня и костей, свидетельствующих об интенсивной утилизации костного материала.

Дополнительные следы человеческого воздействия были обнаружены на каменном останце (кигиляхе) на гряде Шмидта. Помимо многочисленных костей птиц и оленей, на высоте 65 м в каменной осыпи были обнаружены фрагментированная лопатка и фрагмент тазовой кости мамонта. На тазе с внешней стороны вертлюжной впадины зафиксировано искусственное глухое отверстие овальной формы длиной 7 см по длинной оси и глубиной до 5 см. Поверхность отверстия сильно фоссилизована, поэтому определить форму предмета, оставившего след, невозможно.

Определение основных источников сырья и их характеристика, определение трофических приоритетов древнейшего населения, а также анализ степени вторичных изменений внешних поверхностей артефактов в будущем позволит определить археологическую культурную атрибуцию уже известных

местонахождений Муостах и Таба-Юрях, а также Залив Неелова Сибирской Арктики с перспективой открытия новых. Новым аспектом исследований, связанным с установлением абсолютной хронологии археологических объектов, является определение возможности преемственности или взаимного влияния между палеолитическими индустриями в технике обработки остеологического материала, что ранее, в силу значительного территориального разброса объектов и отсутствия четких временных привязок, могло предполагаться лишь условно. На основе изучения большого комплекса имеющихся археологических и палеонтологических материалов и новых данных по позднему плейстоцену Сибирской Арктики в перспективе возможно существенно скорректировать имеющиеся представления о хронологии и последовательности развития палеолитических индустрий и палеоэкологических обстановок данного региона на позднейшем этапе четвертичного периода.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за исключительную помощь сенатору Федерального собрания РФ Борисову Егору Афанасьевичу, сотрудникам Министерства обороны РФ и лично министру обороны Шойгу Сергею Кожугетовичу, сотрудникам Государственного природного заповедника «Усть-Ленский» и лично директору Дьячковскому Александру Николаевичу, а также Стручкову Иннокентию Иннокентьевичу и другим жителям Булунского района в неоценимом содействии в организации полевых исследований.

Список литературы

Ермолаев М.М. Геологический и геоморфологический очерк острова Большого Ляховского // Труды СОПС АН СССР. – 1932. – Вып. 7. – С. 147–228.

Зигерт К., Куницкий В.В., Ширмейстер Л. Отложения ледового комплекса пород – архив данных для реконструкции климата и экологии на побережье моря Лаптевых в позднем плейстоцене // Система моря Лаптевых и прилегающих морей Арктики. Современное состояние и история развития. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 320–331.

Кандыба А.В., Григорьев С.Е., Тихонов А.Н., Никольский П.А., Обадэ Т.Ф., Чепрасов М.Ю., Макаров В.С., Новгородов Г.П. Полевые исследования на острове Большой Ляховский (Российская восточная Арктика) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 82–85.

Кандыба А.В., Дьяконов В.М., Павлов И.С., Зоткина Л.В., Протопопов А.В., Симокайтис Т.Б. Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 107-112.

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России): в 2 т. / ЦААПЧ АН РС (Я). – Т. 1. – Якутск: Медиа-холдинг «Якутия», 2010. – 548 с.

Окладников А.П. Ленские древности. – Якутск: Якут. гос. типогр., 1946. – Вып. 2. – 186 с.

Павлов И.С., Судзуки Н. Табаюряхский мамонт (Mammuthus primigenius Blum, 1799) с острова Котельный, Новосибирский архипелаг // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 56–66. DOI 10.31242/2618-9712-2020-25-2-4.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – 186 с.

Питулько В.В. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. – С. 103–136.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Опыт радиоуглеродного датирования культуросодержащих отложений Жоховской стоянки (Новосибирские о-ва, Сибирская Арктика) // Записки ИИМК РАН. – 2015. – № 12. – С. 27–55.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В., Басилян А.Е., Анисимов М.А., Ремизов С.О. Расселение человека в Сибирской Арктике в позднем неоплейстоцене и голоцене: новые материалы к археологической карте // IV Северный археологический конгресс: доклады. 19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, 2015. – С. 152–176.

References

Ermolaev M.M. Geologicheskii i geomorfologicheskii ocherk ostrova Bol'shogo Lyakhovskogo. In *Trudy SOPS AN SSSR*. 1932, iss. 7, pp. 147–228. (In Russ.).

Zigert K., Kunitskii V.V., Shirmeister L. Deposits of the ice complex of rocks – data archive for the reconstruction of climate and ecology on the coast of the Laptev Sea in the Late Pleistocene. In *Sistema morya Laptevykh i prilegayushchikh morei Arktiki. Sovremennoe sostoyanie i istoriya razvitiya*. Moskow: MSU Publ., 2009. pp. 320-331. (In Russ.).

Kandyba A.V., Grigor'ev S.E., Tikhonov A.N., Nikol'skii P.A., Obade T.F., Cheprasov M.Yu., Makarov V.S., Novgorodov G.P. Field research on the Bolshoy Lyakhovskiy islend (Eastern Russian Arctic region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, Vol. XXI, pp. 82–85. (In Russ.).

Kandyba A.V., D'yakonov V.M., Pavlov I.S., Zotkina L.V., Protopopov A.V., Simokaitis T.B. Field research on the territory of Bulunsky district (Republic of Sakha (Yakutia)) in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, Vol. XXVI. pp. 107–112. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. Fifty years in the stone age of Sibiria (Archeological Studies in the Asian Part of Russia). Yakutsk: Media-kholding «Yakutiya», 2010, Vol. 1, 548 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Lenskie drevnosti. Yakutsk: Yakut. gos. press, 1946. Vol. 2, 186 p. (In Russ.).

Pavlov I.S., Suzuki N. Tabayuryakhsky mammoth (Mammuthus primigenius Blum., 1799) from the island of Kotelny, Novosibirskiy Archipelago. *Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki*. 2020, Vol. 25, No 2, pp. 56–66. (In Russ.). DOI 10.31242/2618-9712-2020-25-2-4.

Pitul'ko V.V. Zhokhovskaya stoyanka. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1998, 186 p. (In Russ.).

Pitul'ko V.V. Gonka so vremenem: v poiskakh nachal'nogo etapa osvoeniya chelovekom Sibirskoi Arktiki. In *Proshloe chelovechestva v trudakh peterburgskikh arkheologov na rubezhe tysyacheletii (K 100-letiyu sozdaniya rossiiskoi akademicheskoi arkheologii)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019, pp. 103–136. (In Russ.).

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu. Radiocarbon dating of culture-bearing deposits of the Zhokhov site (New Siberia archipelago, Siberian Arctic). *Zapiski IIMK RAN*. 2015, No 12. pp. 27–55. (In Russ.).

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Nikol'skii P.A., Ivanova V.V., Basilyan A.E., Anisimov M.A., Remizov S.O. Rasselenie cheloveka v Sibirskoi Arktike v pozdnem neopleistotsene i golotsene: novye materialy k arkheologicheskoi karte. In *IV Severnyi arkheologicheskii kongress: doklady. 19–23 oktyabrya 2015, g. Khanty-Mansiisk*. Yekaterinburg, 2015, pp. 152–176. (In Russ.).

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Павлов И.С. https://orcid.org/0000-0002-4417-1800
Протопопов А.В. http://orcid.org/0000-0001-6543-4596

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0128-0133
УДК 902

А.В. Кандыба, А.Г. Рыбалко✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Каменные индустрии ранних этапов среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-4 (исследования 2021 года)

Территория Приморского Дагестана является одним из мест на Евразийском континенте, где отмечено постоянное и массовое присутствие неандертальских популяций в древности. Об этом, в частности, свидетельствует большое количество среднепалеолитических памятников на относительно небольшой территории Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан), обнаруженных в последнее десятилетие. Данная статья посвящена результатам новейших исследований среднепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4, материалы которых относятся к ранним этапам среднего палеолита и существенно дополняют фактический материал этого культурно-хронологического периода на территории Северо-Восточного Кавказа. В полевом сезоне 2021 г. на памятнике было обнаружено два комплекса артефактов, относящихся к разным периодам среднего палеолита. Возраст геологических горизонтов, в которых они были обнаружены, установлен ранее по результатам абсолютного датирования методом OSL. Каменная индустрия первого комплекса характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором, артефакты залегали в горизонте палеопочвы (слой 1 в). Хронологически время его существования определено периодом рисс-вюрмского (микулинского) межледниковья, в интервале 120–110 тыс. л.н. (MIS 5e). Артефакты другого комплекса, обнаруженные на памятнике впервые, залегали в средней части слоя 2 (легкий суглинок, лессы). Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли эолово-делювиальные процессы. Технико-типологические характеристики небольшой коллекции каменных изделий позволяют отнести ее к начальному периоду среднего палеолита. Возраст культуросодержащего горизонта установлен на основании серии OSL дат в интервале 200–180 тыс. л.н. (MIS 7).

Ключевые слова: *Приморский Дагестан, ранний этап среднего палеолита, леваллуазская система расщепления, абсолютное датирование.*

A.V. Kandyba, A.G. Rybalko✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Stone Industries of Early Stages of the Middle Paleolithic at the Darvagchay-Zaliv-4 Site (Research of 2021)

The territory of Primorsky Dagestan is one of the places on the Eurasian continent, where a constant and massive presence of Neanderthal populations in antiquity was noted. In particular, this is evidenced by a large number of Middle Paleolithic sites in a relatively small territory of the Darvagchay geoarchaeological region (Southeastern Dagestan), discovered and studied in the last decade. This article is devoted to the results of the latest studies of the Middle Paleolithic complexes of the Darvagchay-Zaliv-4 site, the materials of which belong to the early stages of the Middle Paleolithic and significantly supplement the evidence material of this cultural-chronological period in the territory of the North-Eastern Caucasus. In the field season of 2021, two sets of artifacts related to different stages of the Middle Paleolithic were discovered at the site. The age of the geological horizons, where they were discovered, was previously based on the results of absolute dating by OSL. The stone industry of the first complex is characterized by the Levallois technique and a typical Middle Paleolithic toolkit; artifacts were located in horizon 1c. Chronologically, the time of its existence is determined by the period of the Riess-Würm (Eem, Mikulino) interglacial, in the range of 120–110 ka BP (MIS 5e). Artifacts of another

complex, discovered at the site for the first time, were found in the middle part of Layer 2 (light loam, loess). Aeolian-deluvial processes played a leading role in sedimentation here. The technical and typological characteristics of a small collection of stone products make it possible to attribute it to the earliest stages of the Middle Paleolithic. The age of the culture-bearing horizon was based on a series of the OSL dates in the range of 200–180 ka BP (MIS 8).

Keywords: *Primorsky Dagestan, early Middle Paleolithic, Levallois reduction system, absolute dating.*

Проблема происхождения человека современного типа для археологической науки является одной их основных, поэтому вопросам изучения каменных индустрий, носителями которых являются предшествующие современным популяциям гоминиды, уделяется пристальное внимание. Одним из регионов, где отмечено постоянное присутствие неандертальских популяций в древности, является Северо-Восточный Кавказ, а точнее Дарвагчайский геоархеологический район (Юго-Восточный Дагестан). Об этом, прежде всего, свидетельствует большое количество среднепалеолитических памятников на относительно небольшой территории, обнаруженных и изученных в последнее десятилетие. Одним из таких объектов является многослойная стоянка Дарвагчай-Залив-4 [Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, Кандыба, 2019].

Памятник Дарвагчай-Залив-4 обнаружен в 2010 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в ходе обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Местонахождение расположено на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (около 20 м) крутого склона древнекаспийской террасы. Комплексные исследования стоянки, проводившиеся в течение последнего десятилетия, позволили получить подробные сведения о стратиграфии, хронологии объекта, а также многочисленные коллекции каменных изделий. В процессе полевых исследований 2021 г., были обнаружены два комплекса артефактов, материалы которых относятся к ранним этапам среднего палеолита. Общая раскопанная площадь составила 18 м^2. (рис. 1), всего выделено 7 геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз).

Слой 1а. Гумусированный суглинок (современная почва). Мощность 0,15 м.

Слой 1б. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1 м.

Слой 1в. Буро–коричневый, тяжелый суглинок (палеопочва). Часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты. Мощность до 0,4 м

Слой 2. Светло-коричневый местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок. Генезис субаэральный. В средней части слоя встречаются единичные среднепалеолитические артефакты. Мощность до 3,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений пролювиально-делювиальный. Слой содержит раннепалеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность до 0,45 м.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый песок с включением раковин морских моллюсков. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Общее количество среднепалеолитических артефактов, обнаруженных в процессе раскопок 2021 г. насчитывает 201 экз. Все каменные изделия, независимо от типа сырья, имеют одинаковую (очень хорошую) степень сохранности поверхности.

Артефакты первого комплекса залегали в слое 1в (ископаемая почва) в виде небольших скоплений. Верхняя часть культуросодержащего горизонта частично размыта и уничтожена в результате

Рис.1. Стоянка Дарвагчай-Залив-4, общий вид раскопа 2021 г.

склоновых процессов (рис. 1). Текстура горизонта пятнистая из-за кротовин и карбонатных стяжений. Индустрия относится к типу моносырьевых. Основное количество каменных артефактов изготовлено из окремненного известняка (88 %), реже использовался кремень (10 %) и известняк (2 %). Окремненный известняк, встречающийся в виде галек крупных и средних размеров, представляет собой пластичную и твердую породу (5–6 по шкале Мооса), хорошо поддающуюся расщеплению. Кремень – сырье в основном мелкоразмерное с большим количеством внутренних дефектов (определение канд. геол.-минерал. наук Кулик Н.А.). Эти и другие породы в виде галек и обломков хорошо представлены в естественных обнажениях в центральной части склона и у основания террасы.

Археологическая коллекция из слоя 1в состоит из 179 артефактов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклевидные формы (23), отщепы (104), пластины и пластинчатые сколы (16), обломки и осколки (25), гальки (1) и чешуйки (10).

Нуклевидные изделия включают типологически выраженные ядрища (18) и их обломки (7). Большая часть нуклеусов (8) представляет леваллуазскую систему расщепления (рис. 2, *3*, *5*). Основные различия этой группы определяются размерами и степенью утилизации. Изделия имеют округлые или подпрямоугольные очертания, оформленные центростремительными сколами рабочие плоскости и слабовыпуклые площадки. Три ядрища относятся к типу радиальных односторонних, все изделия сильно истощенные и вероятно также относятся к леваллуазской системе расщепления (рис. 2, *4*). Нуклеусы параллельного принципа расщепления представлены одноплощадочными (6) и двухплощадочными (1) монофронтальными разновидностями.

Индустрия сколов включает 120 предметов. Пластины и пластинчатые отщепы – 16 экз., имеют субпараллельные однонаправленные огранки дорсалов, гладкие (7) и фасетированные (9) остаточные ударные площадки (рис. 2, *8*). Отщепы – 104 экз., из них: крупные (7), средние (48) и мелкие (49). Опре-

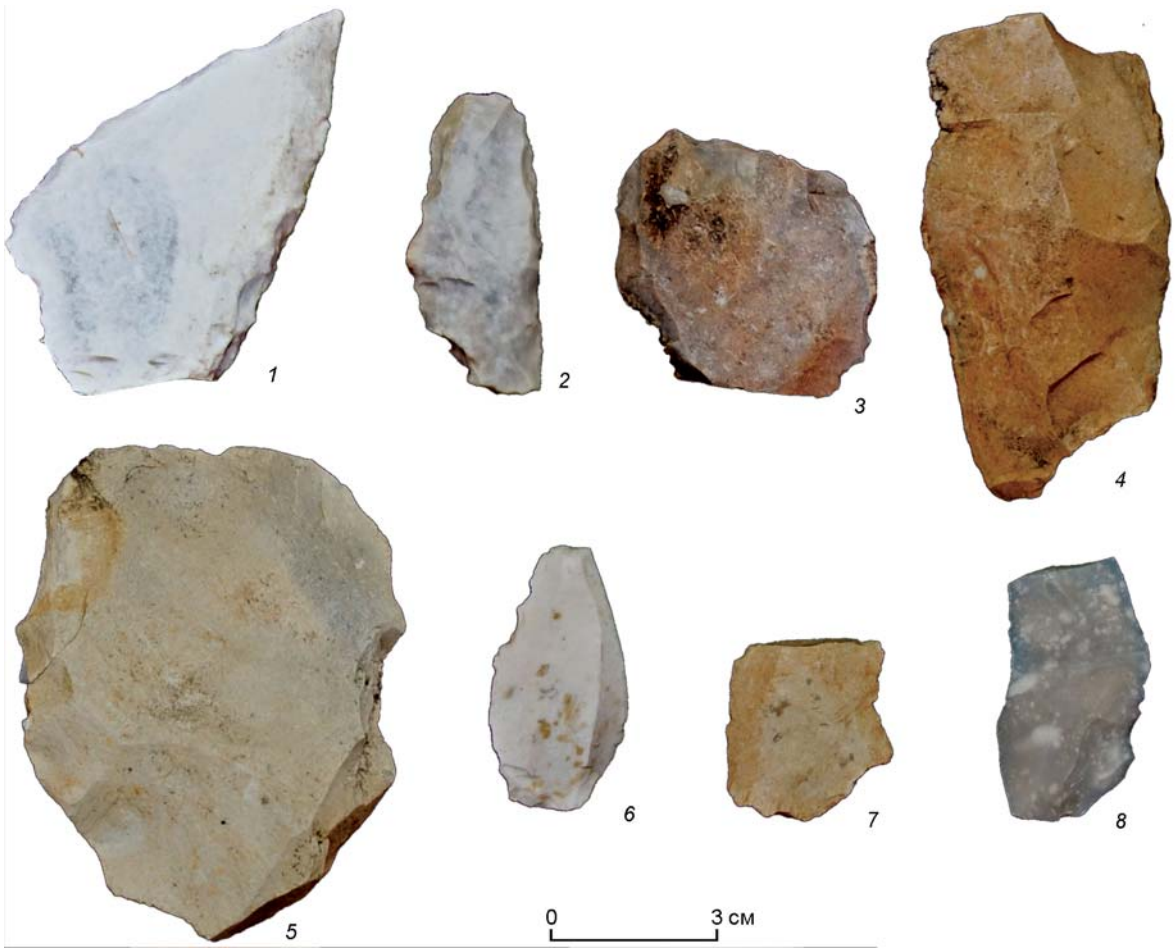

Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 1в).

1, *2*– скребла; *3*–*5* – нуклеусы; *7* – скол леваллуа; *8* – пластина.

делимые, остаточные ударные площадки на сколах, в основном гладкие (62 %) или сохраняют естественную поверхность (16 %), двухгранные (6 %), фасетированные (12 %) и точечные (4 %) встречаются намного реже. Среди огранок дорсалов доминируют субпараллельные однонаправленные (46 %), бинаправленные (10 %) и продольно-поперечные (15 %), остальные представлены естественными (12 %), радиальными (8 %) и бессистемными (9 %) разновидностями.

Изделий со следами вторичной обработки 3 экз., помимо этого в орудийный набор включены леваллуазские отщепы (2) (рис. 2, *7*), пластина и отбойник. У леваллуазских сколов площадки выпуклые фасетированные. Отбойник представлен плоской галькой округой формы со следами забитости на продольном крае. Наиболее выразительные орудия в коллекции – это скребла (2) и нож. Угловатое скребло (дежете) подтреугольной формы, площадка гладкая, края оформлены лицевой, крутой и полукрутой, ступенчатой разнофасеточной ретушью (рис. 2, *1*). Одинарное боковое скребло с прямым лезвием, в качестве заготовки использовалась крупная пластина, ретушь лицевая крутая ступенчатая (рис. 2, *2*). Нож выполнен на пластинчатом сколе, обушок представляет собой грань скола, на противолежащем крае видна ретушь утилизации (рис. 2, *6*).

Таким образом, первичное расщепление данной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской техники. Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками являлись отщепы крупных и средних размеров. Пластины и пластинчатые сколы немногочисленны. Большинство сколов не несет на дорсалах желвачной корки, что, по всей видимости, свидетельствует о предварительном оформлении ядрищ за пределами стоянки. Вероятнее всего начальная стадия оформления нуклеусов происходила непосредственно на месте концентрации сырья. Основными видами остаточных ударных площадок являются гладкие и фасетированные. Это, наряду с сильно истощенными ядрищами, может характеризовать стоянку как место реализации заключительных этапов утилизации каменного сырья, а именно, получение целевых заготовок (сколы леваллуа). Орудийный набор коллекции немногочисленный, в нем присутствуют единичные яркие предметы, такие как леваллуазские сколы и выразительные, хорошо оформленные скребла.

В целом представленная коллекция хорошо дополняет археологические материалы, полученные в ходе раскопок предыдущих лет, и дает возможность более обоснованно подтвердить выводы, сделанные ранее [Рыбалко, Кандыба 2019]. Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую стоянку-мастерскую. Комплексный анализ материалов дает возможность утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам они более всего соответствуют ранней поре среднего палеолита. Об этом свидетельствует типологический состав нуклевидных изделий (абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуа) и орудийного набора, в котором наблюдается сочетание леваллуазских и мустьерских форм и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы. Данному определению не противоречат и хронологические рамки индустрии (120–110 тыс. л.н. (MIS 5e)), установленные на основании абсолютного датирования методом OSL.

Каменные изделия другого комплекса, залегавшие в толще лессовидных суглинков (слой 2), обнаружены на памятнике впервые. Небольшая коллекция насчитывает 22 артефакта. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклеусы (4), отщепы (12), обломки (3) и чешуйки (3).

Большая часть нуклеусов (3) представляет плоскостную, параллельную систему расщепления. Ударные площадки гладкие, на фронтах видны негативы снятий крупных удлиненных заготовок (рис. 3, *1, 3*). Наиболее выразителен и тщательно оформлен последний нуклеус, демонстрирующий леваллузский принцип скалывания. Изделие подтреугольной формы, площадка выпуклая, оформлена сколами и ретушью (рис. 3. *2*).

Продукты первичного расщепления включают: сколы (12), преимущественно удлиненные, крупного и среднего размера, с гладкими площадками и ярко выраженными ударными бугорками; обломки (3 экз.) – объемные угловатые куски породы и чешуйки (3).

Орудийный набор состоит из чоппера и шиповидного изделия. В первом случае в качестве заготовки использовался плоский обломок подтреугольной формы, узкий продольный край которого оформлен сколами. Другое орудие изготовлено на отщепе, на остром естественном выступе ретушью оформлен крупный шип (рис. 3, *4*).

В целом представленный комплекс выглядит достаточно архаично и вероятнее всего представляет начальный этап среднего палеолита. Хронологические рамки коллекции (200–180 тыс. л.н. (MIS 6)) установлены на основании дат, полученных методом OSL.

Аналогичные среднепалеолитические индустрии в районе Геджухского водохранилища хорошо представлены главным образом в материалах

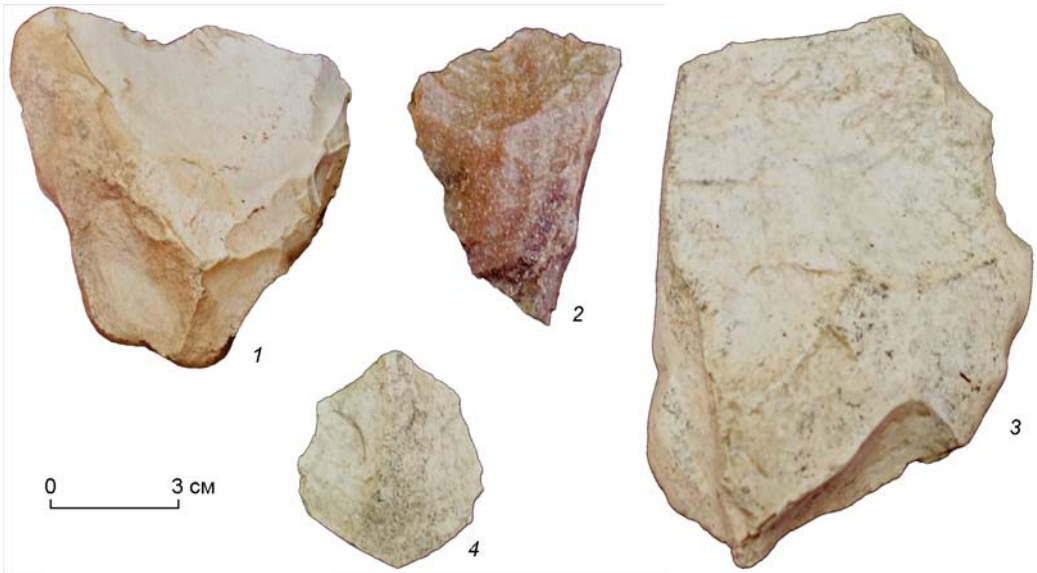

Рис. 3. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 2).
1–3 – нуклеусы; *4* – шиповидное орудие.

местонахождения Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2). Артефакты данного комплекса обнаружены на памятнике как в стратифицированном залегании, так и в подъемных сборах. Археологические материалы, залегавшие in situ, были получены при раскопках 2009–2011 гг. из разведочного шурфа и раскопа. Культуросодержащие отложения представляют собой коричневые плотные суглинки с большим содержание гальки, гравия и щебня.

Основную часть нуклевидных изделий коллекции представляют плоскостные, параллельного способа расщепления монофронтальные одно- и двухплощадочные ядрища, часто в начальной стадии эксплуатации, при этом некоторые интенсивно оформленные нуклеусы могут интерпретироваться как леваллуазские. Последние, предназначавшиеся для снятия крупных удлиненных заготовок, имеют прямоугольные очертания, оформленные слабовыпуклые рабочие плоскости и площадки.

В орудийном наборе преобладают скребла преимущественно однолезвийные на плоских гальках, плитках и крупных, массивных сколах. Атипичные скребки выполнены, в основном, на мелких сколах и имеют поперечное расположение лезвия, оформлены, как правило, мелкой крутой однорядной ретушью. Шиповидные изделия средних размеров, шипы короткие, выделены мелкими сколами на узких торцах или углах заготовок.

Общий анализ всей информации по комплексу 2 местонахождения Дарвагчай-Залив-1 позволяет отнести его к среднему палеолиту, наиболее вероятно, к начальным этапам. Об этом свидетельствует технико-типологический облик коллекции (неразвитость и слабая представленность леваллуазского расщепления; наличие радиальных и бессистемных ядрищ; присутствие в коллекции галечных орудий при отсутствии среднепалеолитических остроконечных форм и верхнепалеолитических типов), а также стратиграфическая позиция археологических материалов [Рыбалко, 2014, с. 73–76.].

В целом новый комплекс артефактов, обнаруженный на памятнике Дарвагчай-Залив-4 в слое 2, демонстрирует несомненное технологическое сходство с многочисленной коллекцией среднепалеолитических каменных изделий стоянки Дарвагчай-Залив-1[Рыбалко, Кандыба, 2019, с. 5–10]. Данное обстоятельство крайне важно, прежде всего, в плане установления точной хронологической позиции для среднепалеолитических материалов памятника Дарвагчай-Залив-1, которые ранее имели только приблизительные рамки, основывающиеся в основном на геологических данных [Рыбалко, Девятова, 2015, с. 148–152].

Таким образом, проведенные в 2021 г. полевые исследования позволили получить новый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину развития каменных индустрий на этой территории в среднепалеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0003.

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-4) // Известия Алтайского гос. уни-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А. Г., Девятова А. Ю. Корреляция стратиграфических разрезов памятника Дарвагчай-Залив-1 по геохимическим данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 148–152.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 5–10.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-Залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4). *Izvestiya Altaiskogo gos. uni-ta. Seriya. Istoriya, politologiya*. 2016, No 2 (90), pp. 210–214. URL: http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282016%294-41 (In Russ.).

Rybalko A.G., Devyatova A.Y. Correlation on geochemical evidence of the stratigraphic profiles at the Darvagchai-zaliv-1 site. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2015, Vol. XXI, pp. 148–152. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2015_min.pdf (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle Palaeolithic Investigations in the Western Precaspian Region. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 5–10. DOI: 10.15372/HSS20190201. (In Russ.).

Rybalko A.G. Geochronological Study of Darvagchai-Bay-1 Site in the Republic of Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2014, Vol. XX, pp. 73–76. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2014.pdf (In Russ.).

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0134-0141
УДК 562/569

А.М. Клементьев[1,2], И.Д. Долгушин[1], Е.П. Рыбин[1], Д. Базаргур[3], Я. Цэрэндагва[3], Ц. Болорбат[3], Б. Гунчинсурэн[3], Дж.У. Олсен[4], А.М. Хаценович[1]✉

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[3]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[4] Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Морфологический анализ скорлупы яиц страуса из плейстоценовых и голоценовых местонахождений Монголии

Изготовление бусин из скорлупы яиц страуса возникает достаточно рано в регионах, где он обитал. В Центральной Азии украшения этого типа появляются вместе с носителями культуры пластинчатого начального верхнего палеолита, около 45000 некал. л.н. или несколько ранее. На территории этого региона фиксируются бусины и подвески из этого сырья вплоть до среднего голоцена, при этом технология их изготовления менялась. И хотя находки бусин и фрагментов скорлупы встречаются часто на археологических местонахождениях, кости скелета этого представителя орнитофауны аридных зон единичны. Таксономические определения базируются на анализе скорлупы, причем в большинстве своем – на вариабельности ее толщины. В данном исследовании мы представляем результаты одного из методов, разработанных для определения таксономии – анализ рисунка пор на скорлупе. Метод был применен к материалам, происходящим с территории Монголии, от бассейна среднего течения Селенги до пустыни Гоби. Образцы бусин и скорлупы были обнаружены на археологических местонахождениях в культурных слоях от начального верхнего палеолита до раннего голоцена. Обнаруженная экспонированная скорлупа была использована для проведения экспериментов – изготовления бусин из ископаемой (страусиной) и свежей (эму) скорлупы для установления характера следов, возникающих на поверхности при сверлении и шлифовке. Для сравнения рисунка пор рассматривается бусина из скорлупы S. camelus australis, времени этнографической современности Намибии. Анализ скорлупы проводится с целью определения вида страуса, который сосуществовал с человеком в плейстоцене на территории восточной Центральной Азии. Исследование также направлено на выявление случаев использования ископаемой скорлупы древним человеком.

Ключевые слова: *Центральная Азия, палеоорнитология, палеолит, страус, Struthio anderssoni, анализ рисунка пор, бусины.*

A.M. Klementiev[1,2], I.D. Dolgushin[1], E.P. Rybin[1], D. Bazargur[3], Ya. Tserendagva[3], T. Bolorbat[3], B. Gunchinsuren[3], J.W. Olsen[4], A.M. Khatsenovich[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia
[3]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
[4]School of Anthropology of University of Arizona
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Ostrich Eggshell Morphology Based on Pleistocene and Holocene Samples from Mongolia

Ostrich eggshell bead-making appears relatively early in regions inhabited by ostriches. This type of personal ornamentation emerged in Central Asia together with human populations associated with the laminar Initial Upper Paleolithic culture about 45,000 uncal BP or slightly earlier. Eggshell beads and pendants occur in Central Asia until the Middle Holocene, while the technology of bead-making underwent changes throughout this period. Although beads and eggshell fragments are quite common in Paleolithic sites, ostrich bones are extremely rare. Ostrich taxonomy is based on eggshell analysis, principally on shell thickness variability. Here, we present the results of an additional investigative approach aimed at taxonomic determination – analysis of eggshell pore patterns. We applied this method to samples found over a wide area in Mongolia – from the Middle Selenga Basin in the north to the Gobi Desert in the south. Samples of beads and eggshells were recovered from archaeological sites in cultural layers ranging from the Initial Upper Paleolithic to the Early Holocene Mesolithic. Our experimental studies included the fabrication of fossilized (ostrich) and fresh (emu) eggshell beads to better understand the character of visible traces that appear on the shell surfaces after drilling and polishing. Namibian ethnographic beads made of S. camelus australis eggshell were also analyzed to compare interspecies pore patterns. This research targets taxonomic determination of the ostrich species that co-existed with humans in eastern Central Asia during the Pleistocene. Another focus of this analysis is the use of fossilized ostrich eggshell by Pleistocene hominins.

Keywords: *Central Asia, Mongolia, Gobi Desert, palaeo-ornithology, Paleolithic, ostrich, Struthio anderssoni, eggshell pore pattern analysis, beads.*

Введение

Страус играл значительную роль в жизни людей каменного века. Разнообразие видов страусов и широта ареала обуславливали их возможное взаимодействие с человеком. Один из его наиболее ярких аспектов – использование последним скорлупы страусиных яиц в хозяйственной и неутилитарной деятельности. Особенностью страусиной скорлупы является ее толщина, достигающая у некоторых видов 6 мм (у современного *Struthio camelus*). Толщина и крепость скорлупы позволяют использовать ее как контейнер для хранения и переноса жидкостей и сыпучих материалов. Такое использование зафиксировано по этнографическим данным из Африки и Австралии [Janz, Elston, Burr, 2009], а также и по археологическим находкам, таким как декорированные сосуды из грота Дипклуф (Южная Африка), датированным ок. 60 тыс. л.н. [Texier et al., 2010]. Не менее важна и легкость скорлупы в обработке – она мягче большинства поделочных камней. Благодаря этому скорлупа страусиных яиц может быть легко использована для создания предметов искусства, в первую очередь бусин.

Бусины из скорлупы страуса найдены во многих регионах мира [Werner, Miller, 2018; Miller, 2019]. В Южной Сибири и Центральной Азии они служат маркером верхнепалеолитической культуры, фиксируются в слоях, датируемых начальным верхним палеолитом, на территориях от Алтая до Северного Китая, в том числе в Забайкалье, Монголии [Хаценович и др., 2017; Зоткина, Павленок, Ташак, 2018; Shunkov et al., 2020; Wei et al., 2017; Yang et al., 2018; Ташак, 2002].

В Монголии бусины из скорлупы страусиных яиц известны как плейстоценового, так и раннеголоценового времени и найдены на целом ряде памятников, таких как Толбор-21, Толбор-4, Толбор-16, Дороль-1, Харганын-Гол-5 в северной Монголии, Мойлтын ам в центральной части страны, грот Чихэн-Агуй и большое количество памятников с экспонированным материалом, включая Шабарак-Усу, в пустыне Гоби [Хаценович и др., 2017; Janz, Feathers, Burr, 2015]. Также достаточно частыми являются находки фрагментов необработанной скорлупы страусиных яиц (Бухын-Манхан, Толбор-4, Толбор-15, Толбор-21, Мойлтын ам, пещера Цагаан-Агуй).

Хотя в голоцене страусы Азии вымерли и сохранились лишь в Африке (*Struthio camelus australis* в Южной Африке, *masaicus* в Восточной, *camelus* в Северной и отдельный вид *Struthio molybdophanes* в крайней восточной части континента), в древности там обитал целый ряд их видов. В миоцене их разнообразие было высочайшим [Михайлов, Курочкин, 1988].

Древнейшие находки страусиной скорлупы в Евразии к востоку от Средиземноморья относятся к позднему миоцену и были сделаны в Западной Монголии [Devyatkin, 1994] на местонахождении Ошин-Боро-Удзур-Ула (Өөшийн Бор Үзүүр уул). В Гоби присутствуют экспонированные находки фрагментов скорлупы, которые, с высокой долей вероятности, относятся к миоценовому времени, а также инситные фрагменты, подобные известным из миоцена Средиземноморья и Северной Африки, но не имеющие аналогов в позднейших комплексах Монголии [Mikhailov, Zelenkov, 2020]. Анализ пор позволил отнести эти фрагменты

к виду *Struthio oshinensis*. Ближайший фрагмент с аналогичным рисунком пор найден в пещере Джунаракская Свита в Кыргызстане, но его возраст не установлен [Там же].

Большое число миоценовых фрагментов скорлупы яиц страуса, найденных в Монголии, принадлежит виду *Struthio dzabkhanesis*. Американской экспедицией в Монголии в 1928–1930 гг. на памятниках Шабарак Усу и Кэмп-Маргетс были найдены фрагменты скорлупы *Struthio wimani,* обитавшего также в Восточном Китае [Lowe, 1931]. Очень схожие фрагменты описаны также во Внутренней Монголии (на позднемиоценовом местонахождении Боагедавула и, плохо сохранившиеся, на памятнике Гашуньиньадегэ [Wang, Hu, Wang, 2011]).

Для того, чтобы выяснить, действительно ли человек взаимодействовал лишь с одним видом страуса, мы изучаем скорлупу и изделия из нее с разных памятников Монголии. Анализ пор на скорлупе позволит установить видовую принадлежность страусов и, основываясь на палеонтологических данных, понять, были ли они современниками древнего человека в Монголии.

Методы и материалы

В связи с недавней обобщающей работой, включающей ревизию остатков скорлупы яиц страусов [Mikhailov, Zelenkov, 2020] и отсутствием скелетного материала по позднеплейстоценовым страусам Монголии систематическое положение этих страусов должно рассматриваться в составе оовида *Struthiolitus anderssoni*. Для того, чтобы идентифицировать систематическую принадлежность скорлупы, мы использовали параметр толщины скорлуп (бусин) и снимки поверхности на Микроскопе Zeiss/CL 9000 LED + Axiocam 208 color Zeiss (на базе лаборатории PaleoData, ЦКП «Геохронология кайнозоя», Новосибирск), при ×0.63, ×1.0, ×1.6 и ×2.0 кратном увеличении. При таком увеличении становятся видны поры и их группы, которые используются для описания и диагностики ископаемой скорлупы яиц палеогнатных раттид [Там же, рис. 1]. Принимая во внимание форму яиц плейстоценовых страусов, не отличающуюся от современных, мы можем с уверенностью говорить о том, что для изготовления бусин могли использоваться как приэкваториальные, так и околополюсные фрагменты скорлупы. В связи с первым опытом морфосистематического исследования бусин, нужно принимать во внимание: 1) частичное или полное уничтожение внешнего слоя скорлуп; 2) малую наблюдаемую площадь, несущую поры; 3) возможное использование ископаемого материала, в т.ч. доплейстоценового. Все бусины происходят из разновременных слоев палеолитических памятников долин рек Селенга и Орхон: Толбор-21, слои 3В и 4 (45–35 тыс. тыс. л.н.), Толбор-4, слой 3 (15 тыс. л.н.), Харганын-Гол-5, слой 3 (13 тыс. л.н.), Мойлтын ам, слой 5 (40–32 тыс. л.н.). Для верификации полученных данных была также использована бусина, изготовленная из скорлупы современного страуса из Намибии. Кроме бусин, была также изучена скорлупа яиц ископаемого страуса, найденная в мелких обломках в долинах рек Селенги и Орхона и экспериментальные образцы бусин из нее, а также фрагмент скорлупы из слоя 3 раскопа 2021/1 пещеры Цагаан-Агуй (рис. 1). В связи с очень ограниченной площадью наблюдения морфологических особенностей поверхности, нами указываются все наблюдаемые типы пор на поверхности скорлупок.

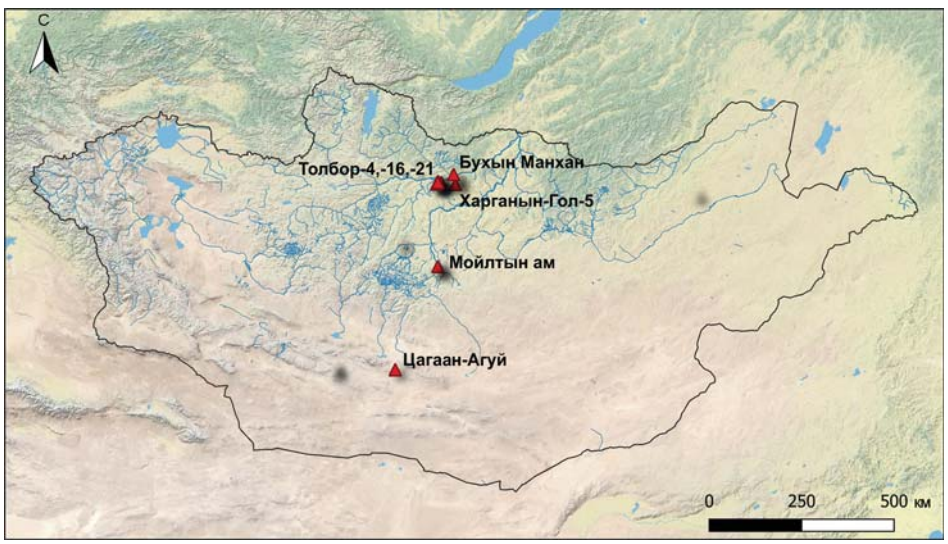

Рис. 1. Карта археологических местонахождений со скорлупой яиц страуса и бусин, изготовленных из нее.

Результаты

Фрагмент скорлупы из экспонированного памятника Бухын Манхан, долина р. Селенга. Под увеличением на образце заметно (рис. 2, *1, 4*), что поры распределены неравномерно, имеются как одиночные, так и скопления (признаки №№ 3, 5, 6, 10, 12). Поверхность этой бусины несет наиболее разнообразные признаки струтиоидной скорлупы. Такой рисунок пор является типичным для *Str. anderssoni*

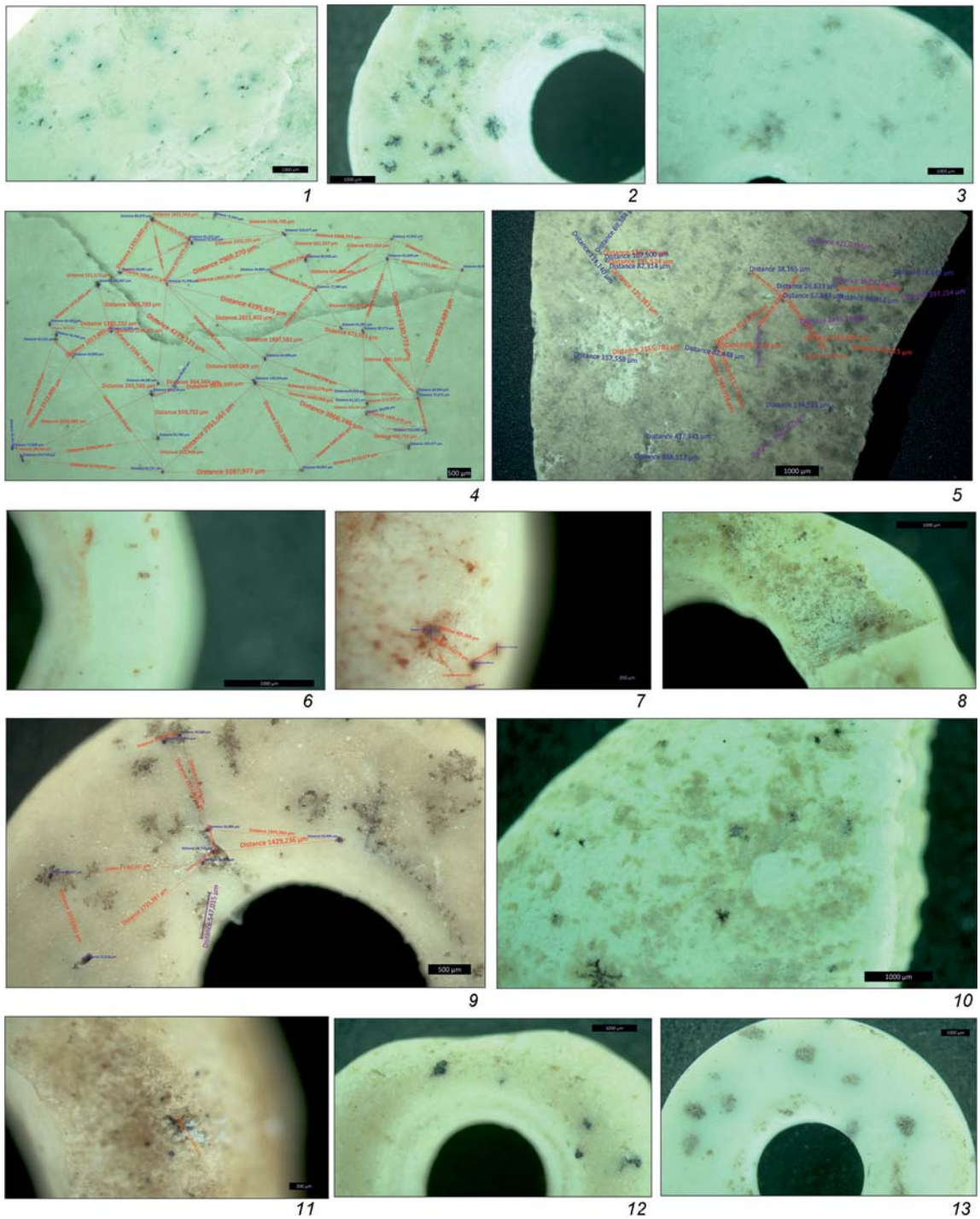

Рис. 2. Фрагменты скорлупы и бусин с рисунком пор, измерениями их диаметра и расстояния между ними.

1 – Бухын Манхан, фрагмент скорлупы; *2* – экспериментальная бусина из скорлупы с Бухын Манхан; *3* – экспериментальная бусина из экспонированной скорлупы с местонахождения Толбор-16; *4* – Бухын Манхан, фрагмент скорлупы с измерением диаметра пор и расстояния между ними; *5* – Цагаан-Агуй, раскоп 2021/1, слой 3, фрагмент скорлупы с измерением диаметра пор и расстояния между ними; *6, 7* – Толбор-4, слой 3, бусина (№ 494); *8* – Толбор-4, слой 3, бусина (№ 461); *9* – Мойлтын ам, слой 5, бусина; *10* – Толбор-21, раскоп 1, слой 3В, бусина; *11* – Толбор-21, слой 4, бусина; *12* – Харганын-Гол-5, слой 3, бусина; *13* – Намибия, этнографическая современность, бусина (из коллекции С.Л. Олсена).

из позднего плейстоцена Монголии. Один из образцов демонстрирует более мелкие диаметры пор, вероятно, это связано с отслоением внешнего слоя у этого образца. На экспериментальной бусине (рис. 2, *2*), выполненной из этой скорлупы, поверхность уничтожена процессом шлифовки; на изображениях видны «размытые» границы поровых каналов, образующих S-скопления разнообразных форм. На экспериментальной бусине из подъемной скорлупы с объекта Толбор-16 шлифованная поверхность скорлупы несет пятна неравномерно распределенных поровых каналов, похожих на поверхностные скопления S-бороздок и S-скоплений (рис. 2, *3*).

Фрагмент скорлупы из слоя 3 раскопа 2021/1 пещеры Цагаан-Агуй (рис. 2, *5*). Скорлупа сильно прокрашена грунтовыми растворами, поэтому наблюдается размытая картина. Хорошо видны лишь поры (диаметр 11,516–157,558 мкм) и их локальные скопления, S-структуры неясны.

Бусина № 494 из культурного слоя 3 объекта Толбор-4 (рис. 2, *6, 7*). На поверхности бусины наблюдаются одиночные поры, а скорее всего поровые каналы, поскольку скорлупа подвергалась шлифовке и наружный слой уничтожен. Поровые каналы неравномерно распределены и по классификации более всего походят на овальные поры и S-бороздки.

Бусина № 461 из культурного слоя 3 объекта Толбор-4 (рис. 2, *8*). Стенка бусины (внутренняя сторона скорлупы), подвергнувшаяся шлифовке, показала наличие редких одиночных пор и скопления пор и канавок.

Бусина из культурного слоя 5 памятника Мойлтын ам (рис. 2, *9*). Судя по рисунку проявляющихся поровых каналов, скорлупа сильно зашлифована при обработке. Но взаимное продольное расположение этих субпараллельных каналов (а на поверхности пор и цепочек) в целом напоминает древний тип строения скорлупы, характерный для доплейстоценовой формы *S. dzabkhanensis*.

Бусина из культурного слоя 3В раскопа 1 памятника Толбор-21 (рис. 2, *10*). На поверхности выражены пятна одиночных пор и типичное скопление пересекающихся S-образных канавок.

Бусина из культурного слоя 4 памятника Толбор-21 (рис. 2, *11*). На шлифованной поверхности разбросаны нерегулярные одиночные, в основном мелкие, поры.

Бусина из культурного слоя 3 памятника Харганын-Гол-5 (рис. 2, *12*). Наблюдаются темные пятна пор, довольно обширные, неправильной формы, образующие S-бороздки и, возможно, парные поры.

Бусины из Намибии. На всех изображениях (рис. 2, *13*) поверхности этой бусины видны типичные ямочные скопления пор (диаметром от 224 до 884 мкм), иногда продольно сгруппированные, специализированной скорлупы S-типа. Такой РРМ не противоречит происхождению скорлупы из Намибии, использованной для изготовления бусин, где обитает *S. camelus australis*. Этот пример подтверждает, что изучение поверхностных и приповерхностных участков скорлуп вполне возможно и на бусинах, изготовленных из скорлупы. Типичные признаки специализированной и неспециализированной скорлупы S-типа вполне наблюдаемы и на обработанной скорлупе.

Обсуждение

Таким образом, большинство бусин из монгольских объектов палеолита по параметрам толщины и распределения пор попадают в тип скорлупы *S. anderssoni* из плейстоцена – раннего голоцена Монголии. Для подтверждения принадлежности скорлуп, из которых были сделаны бусины, использовалось сравнение диаметров пор и расстояний между порами. За эталонные образцы были взяты данные по скорлупе из местонахождения Бухын Манхан (2 экз.), которые показали разнообразие этих признаков у *S. anderssoni*. На рис. 3 нанесены вариации изменчивости признаков – диаметр пор (рис. 3, *1*) и расстояния между порами (рис. 3, *2*) для эталонных экземпляров и единичные показатели, снятые на бусинах. Эти показатели попадают в размах изменчивости эталонных экземпляров с местонахождения Бухын Манхан. Исключение составляет образец бусины из слоя 5 памятника Мойлтын ам – взаимное продольное расположение этих субпараллельных каналов (а на поверхности пор и цепочек) в большей мере характерен для доплейстоценовой формы *S. dzabkhanensis*. Нельзя исключать, что древний человек использовал ископаемую скорлупу для изготовления украшения. Сравнение фрагментов скорлупы, археологических и экспериментальных образцов бусин показало, что анализ «паттернов» пор возможен, но затруднителен для готовых украшений, так как в процессе шлифовки снимается несколько слоев материала.

Одним из самых распространенных и дольше всего просуществовавшим в Центральной Азии видов страусов был *Struthio anderssoni,* впервые выделенный по находкам на плейстоценовых комплексах Восточного Китая [Lowe, 1931]. Яйца *Struthio anderssoni* по размерам в полтора раза больше яиц современного африканского страуса [Mikhailov, Zelenkov, 2020; Buffettaut, Angst, 2021]. Возможно, их большой размер – свидетельство адаптации к холодному климату [Janz, Elston, Burr, 2009; Хаценович и др., 2017]. Согласно современным палеонтологическим данным, *Struthio anderssoni* не является потомком более ранних центральноазиатских

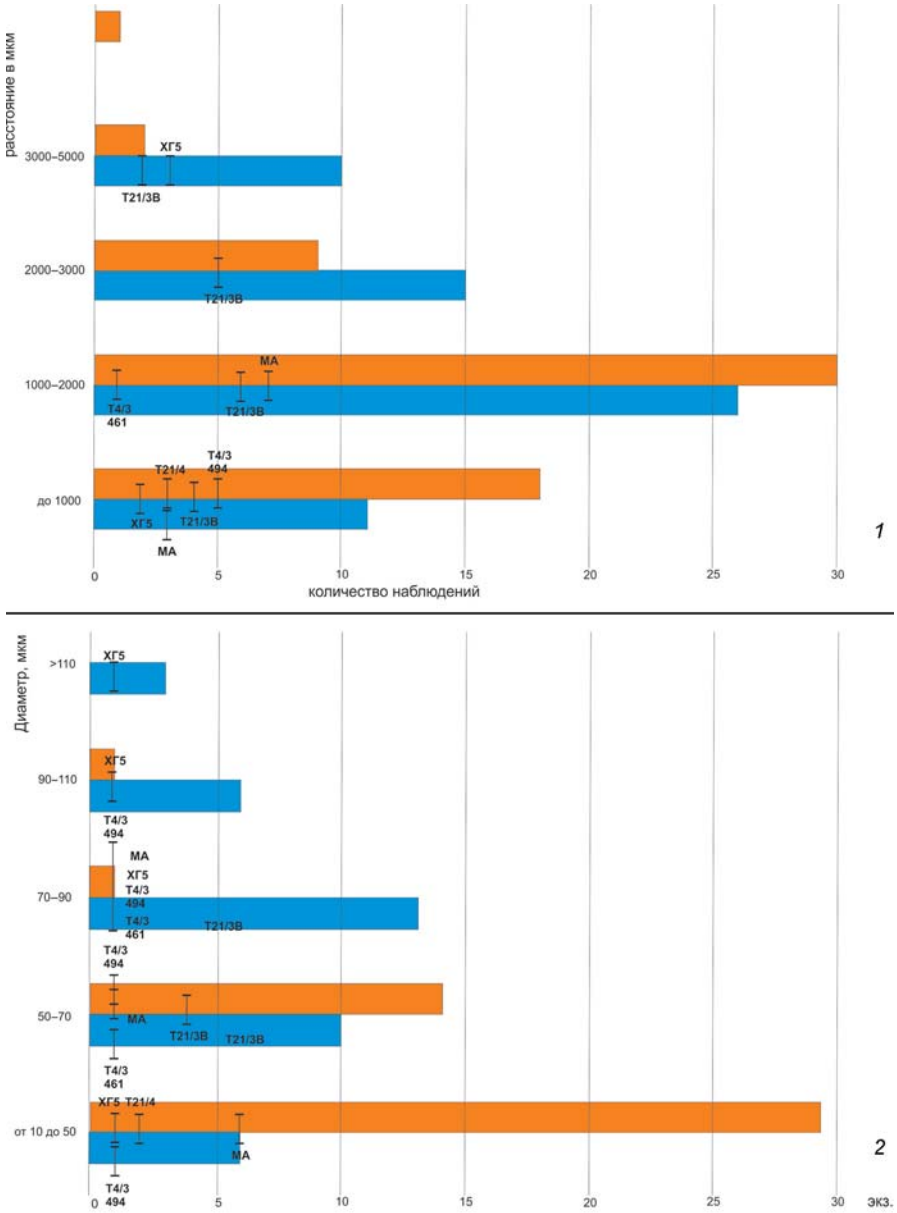

Рис. 3. Распределение рисунка пор на скорлупе (обозначения на графике – памятник / слой / номер находки).

1 – определение расстояний между порами на скорлупе / бусинах ископаемого страуса, в мкм; *2* – Распределение пор на скорлупе / бусинах ископаемого страуса по диаметру, в экземплярах.

видов, таких как *Struthio dzabkhanesis,* а происходит от популяций страусов, мигрировавших в одну или несколько волн из Западной Азии.

В позднем плейстоцене *Struthio anderssoni* становится типичным и, видимо, единственным видом страуса на территории Центральной Азии и Южной Сибири. Он дожил даже до начала голоцена, о чем свидетельствуют находки на памятнике Шебарак-Усу-2 и -7 [Хаценович и др., 2017]. Самая поздняя дата для скорлупы *Struthio anderssoni* составляет 7500 кал. л.н. [Janz, Feathers, Burr, 2015]; на памятнике Юцзягоу в Китае методом термолюминесцентного датирования получена дата в 6900 кал. л.н., однако она достаточно сомнительна, поскольку вмещающие седименты могли быть моложе фрагмента скорлупы [Janz, Elston, Burr, 2009]. Тем не менее, нельзя исключать теоретическую возможность существования *Struthio anderssoni* еще в среднем голоцене.

Struthio anderssoni должен был быть более приспособлен к холодному климату, чем современный африканский страус, которому для успешного выведения потомства требуется температура не ниже +36°C [Christensen, Davis, Lucore, 1996; Hassan et al., 2004]. Места откладывания яиц, судя по частоте находок скорлупы, были приурочены к руслам рек и побережьям озер [Хаценович и др., 2017].

Struthio anderssoni был основным видом страуса, с которым взаимодействовали палеолитические

жители Монголии. Человек, помимо скорлупы современных ему видов, мог использовать и древнюю скорлупу яиц уже вымерших к тому времени видов раннеплейстоценового и миоценового времени. Примеры такого использования есть даже в значительно более поздних эпохах; так описана находка (обнаруженная в 1976 г. в районе Далан-Задагата в Монголии, в пустыне Гоби) фрагмента страусиной скорлупы с изображением всадника, имеющим явные черты древнетюркского искусства и датируемым не позднее V–VI вв. н.э. [Асеев, 2008]. Согласно проведенному нами экспериментальному исследованию, скорлупа со временем становится значительно более твердой и ломкой, чем свежая, но остается вполне пригодной для обработки. В представленной в исследовании выборке зафиксирован один вероятный случай использования скорлупы вида, вымершего на момент появления человека в Монголии в верхнем палеолите, – бусина с памятника Мойлтын ам. Однако этот факт должен быть верифицирован дополнительными методами диагностики.

Полученные данные позволяют утверждать, что тем видом страуса, с которым взаимодействовал человек в позднем плейстоцене Монголии, был *S. anderssoni*. Ранее уже делались выводы о том, что он был единственным позднеплейстоценовым – раннеголоценовым страусом в Центральной Азии [Mikhailov, Zelenkov, 2020]. В настоящей работе исследована более широкая выборка образцов. Исследование показало, что изучение поверхностных и приповерхностных структур скорлупы для определения вида страуса возможно не только на необработанной скорлупе, но и на изделиях из нее.

Благодарности

Микроскопия археологических образцов проведена в рамках проекта РФФИ № 19-59-44010 Монг_т. Изготовление и изучение экспериментальных бусин проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0011. Определение морфологических характеристик скорлупы и аналитическая часть работы выполнены в рамках проекта РНФ № 19-78-10112. Мы выражаем благодарность лаборатории PaleoData, С.В. Жилич и Д. Одсурэну.

Список литературы

Асеев И.В. Изображение всадника на фрагменте скорлупы страусового яйца // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – С. 96–99.

Зоткина Л.В., Павленок Г.Д., Ташак В.И. Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // Stratum Plus. – 2018. – №1. – С. 181–197.

Михайлов К.Е., Курочкин Е.Н. Скорлупа яиц ископаемых Struthioniformes из Палеарктики и ее место в системе представлений об эволюции Ratitae // Ископаемые рептилии и птицы Монголии. Труды совместной Советско-монгольской палеонтологической экспедиции. – 1988. – Вып. 34. М.: Наука. – С. 43–6.

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура Востока Азии: Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / отв. ред. С.В. Алкин. – 2002. – Том II. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. – С. 159–164.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Гунчинсурэн Б., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Агарагдулгуун Г., Маргад-Эрдэнэ Г. *Человек и Struthio asiaticus:* страница палеолитического искусства в восточной части Центральной Азии // Известия Иркутского государственного университета. – 2017. – Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – Т. 21. – С. 80–106.

Buffetaut E., Angst D. A Giant Ostrich from the Lower Pleistocene Nihewan Formation of North China, with a Review of the Fossil Ostriches of China // Diversity. – 2021. – Vol. 13. – e47.

Christensen V., Davis G., Lucore L. Eggshell conductance and other functional qualities of ostrich eggs // Poultry Science. – 1996. – Vol 75. – Iss. 11. – P. 1404–1410.

Devyatkin E.V. Magnetostratigraphic scheme of the Cenozoic in Mongolia // Stratigraphy and Geological Correlations. – 1994. – Vol. 2. – P. 132-141.

Hassan S.M., Sian A.A., Mady M.E., Cartwright A.L. Incubation temperature for ostrich (*Struthio camelus*) eggs // Poultry Science. – 2004. – Vol. 83. – Iss. 3. – P. 495–499.

Janz L., Elston R.G., Burr G.S. Dating North Asian surface assemblages with ostrich eggshell: implications for palaeoecology and extirpation // Journal of Archaeological Science. – 2009. – Vol. 36. – P. 1982–1989.

Janz L., Feathers J.K., Burr G.S. Dating surface assemblages using pottery and eggshell: assessing radiocarbon and luminescence techniques in Northeast Asia // Journal of Archaeological Science. – 2015. – Vol. 57. – P. 119–129.

Lowe P.R. Struthious remains from northern China and Mongolia; with descriptions of *Struthio wimani, S. anderssoni* and *S. mongolicus* spp. nov. // Palaeontologica. Sinica. – Serie C. – 1931. – Vol. 6. – P. 1–47.

Miller J.M. Variability in Ostrich Eggshell Beads from the Middle and Later Stone Age of Africa: Ph.D. dissertation. – Edmonton, 2019. – 180 p.

Mikhailov K.E., Zelenkov N. The late Cenozoic history of the ostriches (Aves: Struthionidae), as revealed by fossil eggshell and bone remains // Earth Science Reviews. – 2020. – Vol. 208. – e103270.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.

Texier P.-J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J.-P., Poggenpoel C., Miller C., Tribolod C., Cartwright C., Coudennaeu C., Klein R., Steele T., Vernai C. A Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60000 years ago at Ditpkloof Rock Shelter, South Africa // Proceedings of the National Academy of Science of the United States of America. – 2010. – Vol. 107 (14). – P. 6180–6185.

Wang S., Hu Y., Wang I. New ratite eggshell material from the Miocene of Inner Mongolia, China // Chinese Birds. – 2011. – Vol. 2. – P. 18–26.

Wei Y., d`Errico F., Vanhaeren M., Peng F., Chen F., Gao X. A technological and morphological study of Late Paleolithic ostrich eggshell beads from Shuidonggou, North China // Journal of Archaeological Science. – 2017. – Vol. 85. – P. 83–104.

Werner J.J., Miller J.M. Distinguishing stone age drilling techniques on ostrich eggshell beads: An experimental approach // Journal of Archaeological Science: Reports. – 2018. – Vol. 22. – P. 108–114.

Yang Y., Wang C., Gao X., Gu Z., Wang N., Xiao T., Wang C. Micro-CT investigation of ostrich eggshell beads collected from Locality 12, the Shuidonggou site, China // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2018. – Vol. 10. – P. 305–313.

References

Aseev I.V. Horseman image on an ostrich eggshell fragment. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2008, No. 2 (34), pp. 96–99. (In Russ.).

Buffetaut E., Angst D. A Giant Ostrich from the Lower Pleistocene Nihewan Formation of North China, with a Review of the Fossil Ostriches of China. *Diversity,* 2021, vol. 13, e47.

Christensen V., Davis G., Lucore L. Eggshell conductance and other functional qualities of ostrich eggs. *Poltry Science,* 1996, vol 75, No. 11, pp. 1404–1410.

Devyatkin E.V. Magnetostratigraphic scheme of the Cenozoic in Mongolia. *Stratigraphy and Geoogical Correlation,* 1994, vol. 2, pp. 132–141.

Hassan, S.M., Sian A.A., Mady M.E., Cartwright A.L. Incubation temperature for ostrich (*Struthio camelus*) eggs. *Poultry Science,* 2004, vol. 83, iss. 3, pp. 495–499.

Janz L., Elston R.G., Burr G.S. Dating North Asian surface assemblages with ostrich eggshell: implications for palaeoecology and extirpation. *Journal of Archaeological Science,* 2009, vol. 36, pp. 1982–1989.

Janz L., Feathers J.K., Burr G.S. Dating surface assemblages using pottery and eggshell: assessing radiocarbon and luminescence techniques in Northeast Asia. *Journal of Archaeological Science,* 2015, vol. 57, pp. 119–129.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Bolorbat Ts., Odsuren D., Agaragdulguun G., Margad-Erdene G. Chelovek i Struthio asiaticus: stranitsa paleoliticheskogo iskusstva v vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii. In *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo universiteta,* 2017, Ser. «Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya» Vol. 21, pp. 80–106.

Lowe P.R. Struthious remains from northern China and Mongolia; with descriptions of *Struthio wimani, S. anderssoni* and *S. mongolicus* spp. nov. *Palaeontologica Sinica, Serie C,* 1931, Vol. 6, pp. 1–47.

Mikhailov K.E., Kurochkin E.N. Skorlupa yaits iskopaemykh Struthioniformes iz Palearktiki i ee mesto v sisteme predstavlenii ob evolyutsii Ratitae. In *Iskopaemye reptilii i ptitsy Mongolii. Trudy sovmestnoi Sovetsko-Mongol'skoi paleontologicheskoi ekspeditsii,* 1988, Issue 34, pp. 43–65.

Mikhailov K.E., Zelenkov N. The late Cenozoic history of the ostriches (Aves: Struthionidae), as revealed by fossil eggshell and bone remains. *Earth Science Reviews,* 2020, vol. 208, e103270.

Miller J.M. Variability in Ostrich Eggshell Beads from the Middle and Later Stone Age of Africa: Ph.D. dissertation. Edmonton, 2019, 180 p.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International,* 2020, vol. 559, pp. 47–67.

Tashak V.I. Obrabotka skorlupy yaits strausov v verkhnem paleolite Zabaikal'ya. In *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Novosibirsk, 9-11 dekabrya 2002 g.),* 2002, vol. II, pp. 159–164.

Werner J.J., Miller J.M. Distinguishing stone age drilling techniques on ostrich eggshell beads: An experimental approach. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2018, vol. 22, pp. 108–114.

Yang Y., Wang C., Gao X., Gu Z., Wang N., Xiao T., Wang C. Micro-CT investigation of ostrich eggshell beads collected from Locality 12, the Shuidonggou site, China. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018, vol. 10, pp. 305–313.

Zotkina L.V., Pavlenok G.D., Tashak V.I. Tekhnologiya proizvodstva busin iz skorlupy yaits strausa v final'nom paleolite Zapadnogo Zabaikal'ya. *Stratum Plus,* 2018, No.1, pp. 181–197. (In Russ.).

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Базаргур Д. https://orcid.org/0000-0003-2183-0591
Цэрэндагва Я. https://orcid.org/0000-0002-8937-6447
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Долгушин И.Д. https://orcid.org/0000-0003-4402-1914
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Олсен Дж. У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0142-0147
УДК 902.22

К.А. Колобова[1], А.В. Харевич[1]✉, А.С. Колясникова[1], Н.Я. Березина[1,2], В.М. Харевич[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2021 года

В статье представлены результаты полевых исследований Чагырской пещеры, ключевого памятника сибирячихинской фации среднего палеолита Алтая, в 2021 г. Основными направлениями работ было геологическое изучение стратиграфии стоянки, определение вклада хищников и человека в тафоценоз остеологических остатков и техника-типологический анализ археологических материалов из среднепалеолитических комплексов пещеры. Геологические исследования показали, что полученные стратиграфические профили содержат семь основных подразделений голоценового и плейстоценового возраста. В ходе раскопок был обнаружен небольшой участок слоя 6в/2, который по данным стратиграфического и микроморфологического анализов является инситным. По функциональной принадлежности комплекс остатков материальной культуры неандертальцев в слое 6в/2 представляет собой остатки базового лагеря неандертальцев по потреблению охотничьей добычи. С другой стороны, слой 6а был сформирован в результате коллювиальных процессов, когда артефакты и палеонтологические остатки из слоя 6в/2 были переотложены в вышележащее стратиграфическое подразделение. Функционально данный слой определяется как логово хищных животных (гиены), которые использовали пещеру для разведения потомства. В пользу данного вывода говорят доли костей со следами кислотной коррозии, определенные для комплексов слоев 6а и 6в/2 раскопок 2021 г. Археологический материал из данных комплексов представлен коллекцией каменных артефактов, характерных для сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая. Также в ходе полевых работ были получены новые ретушеры, которые пополнили коллекцию костяных артефактов Чагырской пещеры. Обнаружение антропологической находки свидетельствует о перспективности продолжения экспедиционных работ на памятнике.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский вариант, Чагырская пещера, археозоология, каменная индустрия*

K.A. Kolobova[1], A.V. Kharevich [1]✉, A.S. Kolyasnikova[1], N.Ya. Berezina[1,2], V.M. Kharevich[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Chagyrskaya Cave Middle Paleolithic Complexes Studies in the 2021 Field Season

The article presents the results of field studies of the Chagyrskaya Cave, a key site of the Sibiryachikha facies of the Altai Middle Paleolithic in 2021. In the 2021 field season, the main objectives of the work were to study the site stratigraphy, determine the contribution of predators and humans to the taphocenoses of osteological remains, and techno-typological analysis of archaeological materials from the Middle Paleolithic complexes of the cave. Geological studies have shown that the stratigraphic sequences contain seven major subdivisions of the Holocene and Pleistocene periods. In the course of the excavations, a specific section of layer 6c/2 was determined; its non-disturbed position was supported by the stratigraphic

and micromorphological data. The complex of the Neanderthal material culture in layer 6c/2 represents the remains of the Neanderthal base camp for hunting prey consumption. On the other hand, layer 6a was formed as a result of colluvial processes; the artifacts and paleontological remains from layer 6c/2 were redeposited in the overlying stratigraphic unit. Functionally, this layer is defined as a den of hyenas, which used the cave for cub breeding. This conclusion is supported by the shares of bones with traces of acid corrosion determined for the complexes of layers 6a and 6c/2 in 2021. In the course of fieldwork new retouchers were found supplementing the collection of bone artifacts of the Chagyrskaya cave. The discovery of an anthropological fossil indicates the prospect of continuing archaeological studies at the site.

Keywords: *Northwest Altai, Middle Paleolithic, Sibiryachikha trend, Chagyrskaya Cave, archeozoology, lithic assemblage.*

В последние годы наиболее актуальные исследования в палеолитоведении связаны с адаптационными стратегиями древних популяций, включая их палеодиеты, мобильность и взаимоотношения с хищниками. Работы по этим направлениями являются приоритетными при исследовании среднепалеолитических объектов Горного Алтая. Целью предлагаемой статьи является освещение результатов полевых исследований Чагырской пещеры в 2021 г. Пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и приурочена к левому борту долины р. Чарыш. Абсолютный уровень реки вблизи карстовой полости составляет 334,3 м. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем Чарыша.

В течение полевого сезона 2021 г. было продолжено исследование рыхлых отложений на квадратах К–Л/11. В результате работ было выполнено два стратиграфических профиля, содержащих отложения голоценового и плейстоценового возраста (рис. 1). Полученные стратиграфические профили

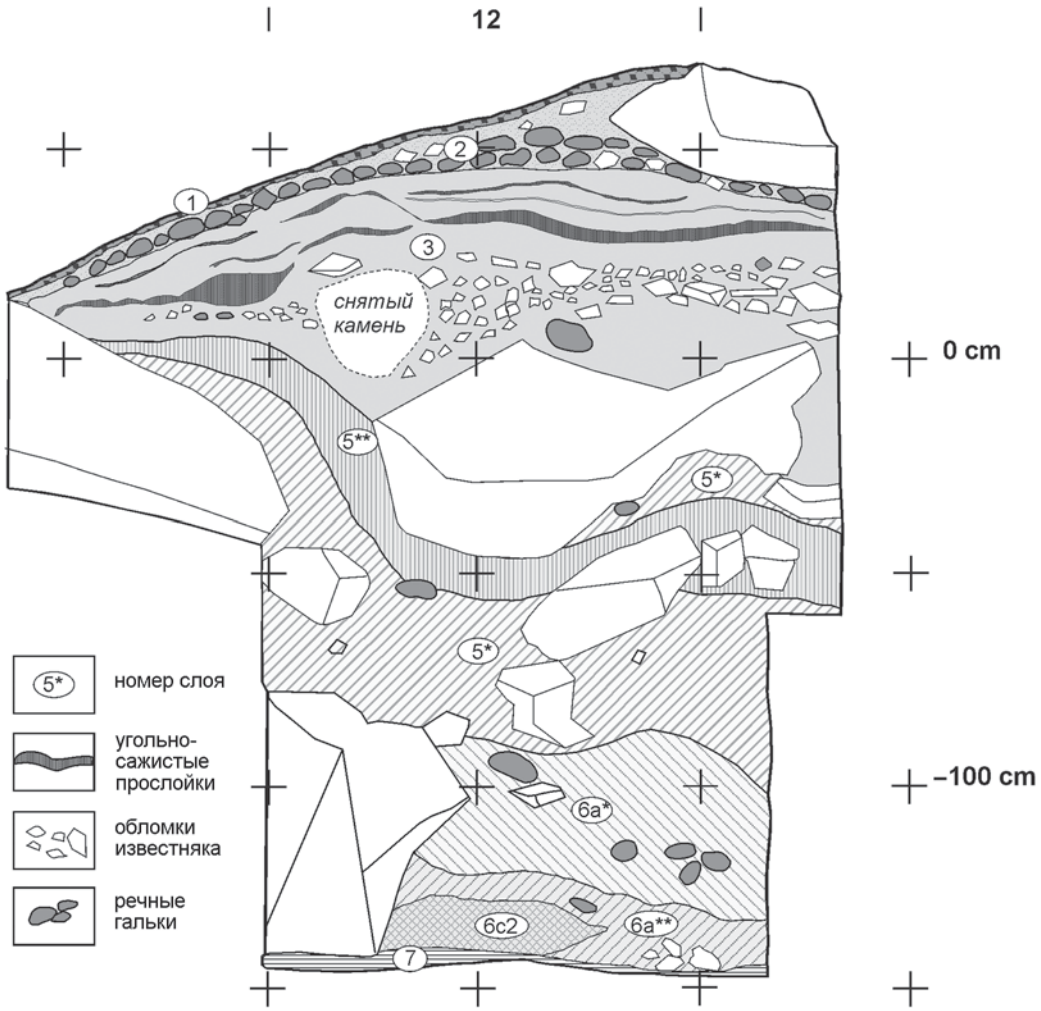

Рис 1. Стратиграфический разрез по линии «12».

в раскопе 2021 года подобны профилям, описанным в полевых сезонах 2019–2020 гг.

Слой 1. Темно-серая супесь со значительной долей органического материала.

Слой 2. Разноцветная, преимущественно коричневатая супесь с многочисленными окатанными гальками известняка и экзотических пород. В слое наблюдаются многочисленные тонкие прослои золы, древесного угля и обожженных суглинков черного, красного, желтого и белого цветов.

Слой 3. Суглинок легкий опесчаненный, серого и темно-серого цвета, рыхлый, карбонатный. Слой содержит многочисленные гальки известняка и экзотических пород.

Слой 5. Желтовато-коричневый алеврит с грубыми обломками известняка и многочисленными окатанными гальками известняка и других пород. Эти отложения состоят из нескольких подразделений с одинаковой литологией, но, возможно, с различной хронологией.

5*– типичный заполнитель слоя 5.

5** – подразделение слоя 5 в средней его части с многочисленными бурыми прослойками. Вероятнее всего, эти отложения представляют собой коллювиальные потоки по типу селей, последовавших вслед за интенсивными эрозионными явлениями.

Слой 6а. Светло-коричневый алеврит с многочисленными копролитами и фрагментами костей. Содержит угловатые обломки известняка, множество окатанных галек известняка и других пород. По сравнению со слоем 5 характеризуется большей глинистой составляющей. В слое выделяется два подразделения.

6а* – фация слоя 6а, более глинистая по сравнению с основным заполнителем.

6а** – фация слоя 6а сероватого цвета, со значительной алевритовой составляющей, с угловатыми обломками известняка.

Слой 6в/2 – серо-коричневый алевритовый суглинок с мелкими окатанными гальками, с множеством фрагментов костей, артефактами и редкими обломками известняка. Слой был обнаружен в северо-восточной части раскопа.

Слой 7 – красно-коричневый тяжелый суглинок, с мелкими химически-корродированными обломками известняка и окатанными гальками. Этот слой располагается на дне пещеры.

Важным результатом раскопок полевого сезона 2021 г. явилось обнаружение небольшого участка слоя 6в/2 в новом раскопе. Данное стратиграфическое подразделение, согласно результатам стратиграфического и микроморфологического анализов, является единственным инситным уровнем обитания неандертальцев в пещере. Археологический материал из слоев 5–6б был перемещен в эти слои в результате зафиксированных коллювиальных процессов в пещере. Таким образом, слой 6в/2 является наиболее перспективным для продолжения археологических работ на памятнике.

Собранный в ходе полевых работ археологический материал был обнаружен в голоценовых (слой 3) и плейстоценовых (слои 5–6) отложениях пещеры. Коллекция слоя 3 представлена мелкими (до 5 см) фрагментами керамики (131 экз.). Основной археологический материал, полученный в ходе раскопок, происходит из плейстоценовых отложений пещеры. Общая коллекция каменных артефактов из слоев 5, 6а и 6в/2 составляет 4124 экз. (см. *таблицу*).

Коллекция каменных артефактов исследовалась в рамках технико-типологического метода с приме-

Состав каменной индустрии Чагырской пещеры, раскопки 2021 года

тип	слой 5			слой 6а			слой 6в/2			всего		
	кол-во, шт.	%	% без отходов производства	кол-во, шт.	%	% без отходов производства	кол-во, шт.	%	% без отходов производства	кол-во, шт.	%	% без отходов производства
нуклеусы	–	–	–	1	0.03	0.65	2	0.79	15.38	3	0.07	1.76
двусторонние орудия	–	–	–	5	0.13	3.25	–	–	–	5	0.12	2.94
сколы:	3	12.50	100	148	3.83	96.10	11	4.37	84.62	162	3.93	95.29
пластины	–	–	–	3	0.08	1.95	–	–	–	3	0.07	1.76
отщепы	3	12.50	100	117	3.02	75.9	5	1.98	38.46	125	3.03	73.53
технические сколы	–	–	–	28	0.72	18.18	6	2.38	46.15	34	0.82	20.00
из них орудий:	–	–	–	32	0.83	20.78	2	0.79	15.38	34	0.82	20.00
обломки	–	–	–	9	0.23	–	–		–	9	0.22	–
чешуйки	21	87.50	–	3706	95.79	–	239	94.84	–	3945	95.66	–
Всего:	24	100	100	3869	100	100	252	100	100	4124	100	100

нением атрибутивного подхода. В комплексе всех слоев доминируют отходы производства, составляющие в слое 6а 95,9 %; в слое 6в/2 – 94,8 %. То обстоятельство, что все каменные артефакты принадлежат одному комплексу, позволяет нам рассматривать их в совокупности.

Нуклевидные изделия представлены 3 нуклеусами: два плоскостных двухплощадочных нуклеуса встречного и ортогонального скалывания и один радиальный нуклеус. Первичное расщепление было направлено на получение отщепов (73 % без учета отходов производства), все пластины (2 % без учета отходов производства) являются случайными/ситуационными продуктами расщепления. Отщепы обладают крупными, гладкими и прямофасетированными ударными площадками. Среди огранок дорсальной поверхности доминируют параллельные однонаправленные, радиальные и ортогональные. Технические сколы (34 экз.) относятся к радиальной и ортогональной редукционным последовательностям, среди них доминируют крутолатеральные краевые сколы и краевые сколы с радиальных нуклеусов.

Бифасиальное производство в данном комплексе представлено 4 законченными орудиями, одним фрагментом преформы, бифасиальными техническими сколами и чешуйками. Среди законченных орудий присутствуют: полулистовидное скребло с базальной подработкой (рис. 2, *1*), продольное выпуклое скребло с обушком, подтрапециевидное дистально утонченное скребло с обушком и подовальное скребло (рис. 2, *3*). Бифасиальные технические сколы составляют 18 % от всех технических сколов. Бифасиальные чешуйки составляют 37 % от всех определимых чешуек.

Орудийный набор индустрии составляет 23 % коллекции без учета отходов производства. В нем широко представлены различные варианты конвергентных (рис. 2, *5, 6*) и одинарных простых скребел, ретушированные остроконечники (рис. 2, *2, 4*), тронкированно-фасетированные изделия, двусторонние орудия [Shalagina, Krivoshapkin, Kolobova, 2015; Шалагина и др., 2020].

В ходе раскопок памятника было также обнаружено 14 костяных ретушеров: 8 экз. в слое 6а и 6 экз. в слое 6в/2. Данные костяные орудия дополняют самую многочисленную коллекцию среднепалеолитических костяных изделий на территории Северной и Центральной Азии [Baumann et al., 2020].

Тафоценозы слоев 5 и 6а были сформированы в результате пищевой активности крупных хищников. В материалах 2021 г. большинство фрагментов костей и зубов из слоя 6а отмечено следами кислотной коррозии в желудках хищников (рис. 3). Слой 6а определяется как логово пещерных гиен, в котором они выращивали свое потомство. С другой стороны, тафоценоз слоя 6в/2 значительно отличается (рис. 4). В нем прослеживается минимальное влияние хищников, при этом

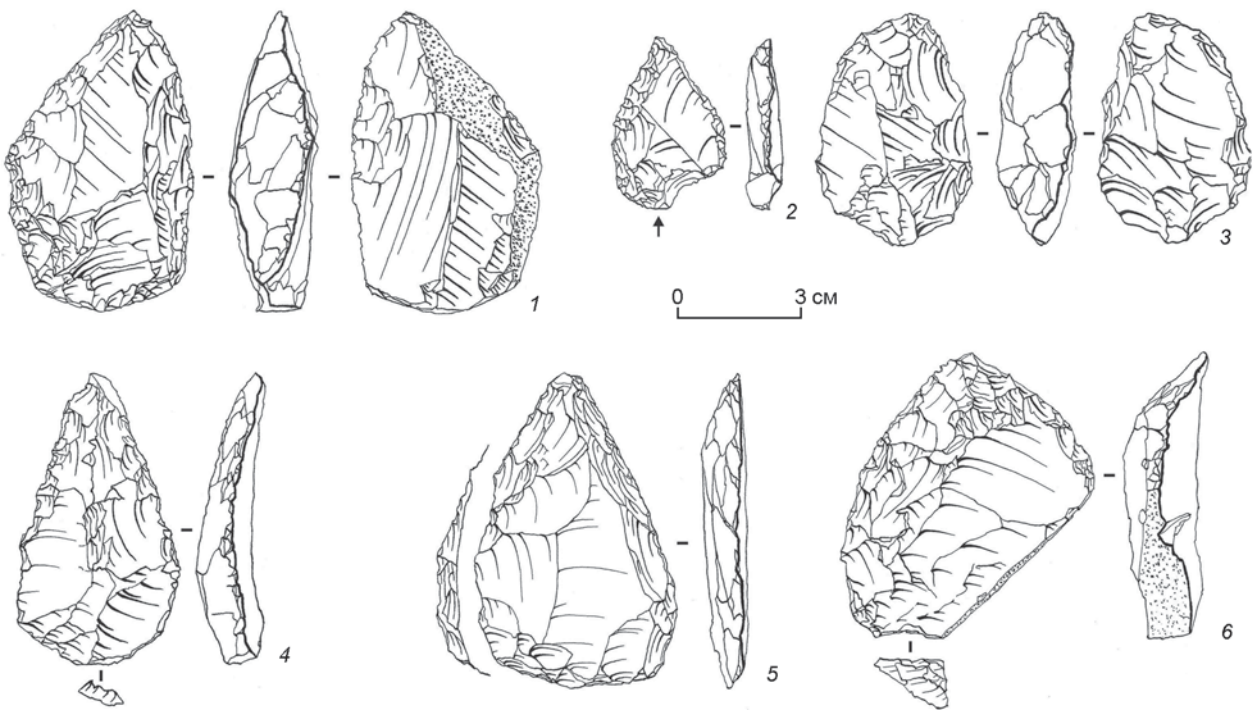

Рис. 2 Каменные артефакты из слоя 6а Чагырской пещеры, раскопки 2021 г.

1, *3* – бифасиальные орудия; *2*, *4* – ретушированные остроконечники; *5–6* – конвергентные скребла.

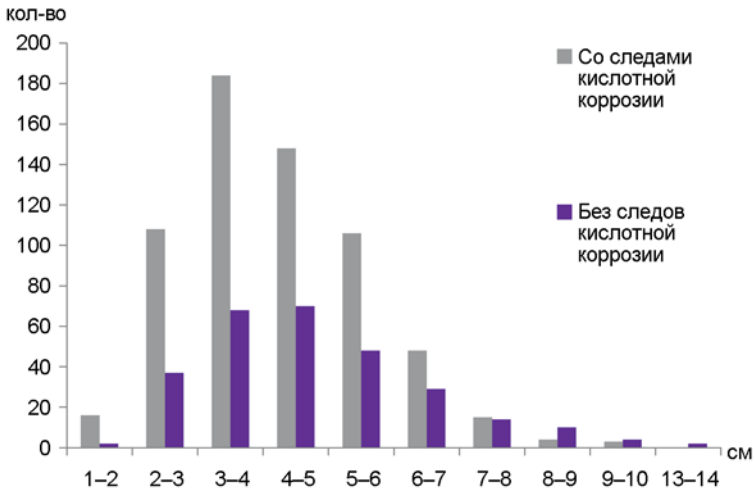

Рис. 3 Палеонтологические материалы со следами кислотной коррозии и без в комплексе слоя 6а.

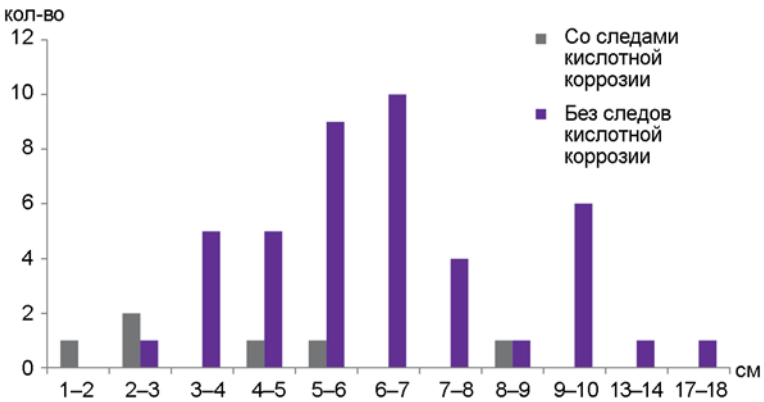

Рис. 4 Палеонтологические материалы со следами кислотной коррозии и без в комплексе слоя 6в/2.

доминирующей является деятельность человека. Это подтверждает наши предварительные выводы, согласно которым комплекс слоя 6в/2 является базовой стоянкой поздних неандертальцев, в процессе оккупации которой они практически вытеснили хищников из пещеры.

В ходе раскопок памятника были обнаружены новые антропологические остатки. В слое 6а был найден второй премоляр верхней челюсти слева (LP4). Сохранность зуба хорошая: коронка и корень целые, эмаль в хорошем состоянии. Коронка стерта по всей площади, бугорки не выражены. На буккальной и дистальной поверхностях коронки прослеживаются остаточные следы зубного камня. Корни сросшиеся, на верхушке корней заметны апикальные отверстия.

Результаты раскопок 2021 г. в Чагырской пещере открывают новые перспективы в дальнейшем изучении памятника. Обнаружение нового участка слоя 6в/2 позволяет надеяться на достаточно значительную площадь его распространения внутри рыхлых отложений. Учитывая то обстоятельство, что один из кластеров антропологических находок связан как раз с данным стратиграфическим подразделением, велика вероятность обнаружения новых остатков поздних неандертальцев.

По зооархеологическим данным исследуемый участок слоя 6а определяется как логово гиены. Палеонтологические комплексы такого типа широко представлены в пещере Страшная [Васильев и др., 2016]. В связи с этим перед нами встает вопрос о сезонности обитания человека в комплексах пещеры и о возможной сезонной очередности заселения памятника человеком и хищниками, как это уже было зафиксировано для среднепалеолитических комплексов Денисовой пещеры [Rendu et al., 2018]. Учитывая то обстоятельство, что в слое 6в/2 была зафиксирована минимальная активность хищников, а в слое 6а текущего года раскопок – максимальная, в совокупности с немногочисленной археологической коллекцией, можно констатировать снижение интенсивности заселения памятника по сравнению с основным культурным слоем Чагырской пещеры.

Благодарности

Полевые исследования выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0002.

Список литературы

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 15–22.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 130–151**.**

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai region, Russia // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 68–88.

Rendu W., Vasilyev S.K., Kozlikin M.B., Baumann M., Shunkov M.V. // Predation at Denisova cave during the Middle Paleolithic: a story of human and beasts // Abstracts of the 18th UISPP world congress. – Paris: Archaeopress publications, 2018. – P. 2669–2670.

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2015. – Vol. 4 (43). – P. 33–45.

References

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai region, Russia. *Quaternary International*, 2020, Vol. 559, pp. 68–88.

Rendu W., Vasilyev S.K., Kozlikin M.B., Baumann M., Shunkov M.V. Predation at Denisova cave during the Middle Paleolithic: a story of human and beasts. In *Abstracts of the 18th UISPP world congress*. Paris: Archaeopress publications, 2018, pp. 2669–2670.

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Maury S., Baumann M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Reconstruction of the bifacial technological sequence in Chagyrskaya cave assemblage. *Siberian Historical Research*, 2020, Vol. 3, pp. 130–151. (In Russ.).

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2015, Vol. 4(43), pp. 33–45.

Vasilyev S.K., Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. The preliminary results of megafauna remains study from Strashnaya cave (Northern-Western Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2016, Vol. 22, pp. 15–22 (In Russ.).

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Березина Н.Я. https://orcid.org/0000-0001-5704-9153
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0148-0153
УДК 902/904

К.А. Колобова, В.М. Харевич✉, С.К. Васильев, Е.Н. Бочарова, П.В. Чистяков, Е.В. Пархомчук, А.В. Харевич, А.И. Кривошапкин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
E-mail: mihalich84@mail.ru

Исследования пещеры Верхняя Сибирячиха в полевом сезоне 2021 года

Обнаруженная в ходе плановых разведочных работ ИАЭТ СО РАН 2020 г., пещера Верхняя Сибирячиха расположена в непосредственной близости от пещеры Окладникова; в полевом сезоне 2021 г. ее исследование было продолжено. Сама карстовая полость была задокументирована как палеонтологический объект Сибирячиха-6 в конце XX в. палеонтологом Н.В. Оводовым. В ходе исследований 2021 г. к имеющемуся разведочному шурфу было прирезано 2 м^2. Было исследовано пять стратиграфических подразделений, четыре из которых содержат многочисленный палеонтологический материал. В двух слоях были обнаружены каменные артефакты, дополнившие немногочисленную коллекцию прошлого года. Предварительные абсолютные AMS-даты свидетельствуют о том, что пещера периодически посещалась древними людьми в период развитого верхнего палеолита и в конце среднего палеолита. Видовой состав, межвидовое соотношение и набор сохранившихся костных остатков из нижних слоев памятника типичны для пещерных тафоценозов, сформированных в результате пищевой активности крупных хищников, в первую очередь пещерных гиен. В тафоценозе памятника доминируют виды открытых пространств, в меньшем количестве определены виды лесостепных, лесных и скальных биотопов. Исследование рыхлых отложений пещеры Верхняя Сибирячиха по предварительным абсолютным датировкам, синхронным культуросодержащим отложениям пещеры Окладникова, предоставляет возможность детальной реконструкции палеоэкологических условий обитания неандертальцев. Результаты последнего полевого сезона свидетельствуют о том, что пещера Верхняя Сибирячиха на протяжении поздних этапов плейстоцена являлась логовом хищников, изредка посещаемым разными группами древних людей.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, индустриальный вариант, археозоология, каменная индустрия.*

K.A. Kolobova, V.M. Kharevich✉, S.K. Vasilyev, E.N. Bocharova, P.V. Chistyakov, E.V. Parkhomchuk, A.V. Kharevich, A.I. Krivoshapkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
E-mail: mihalich84@mail.ru

Studies of Verkhnyaya Sibiryachikha Cave in the 2021 Field Season

The Verkhnyaya Sibiryachikha Cave was discovered in the vicinity of the Okladnikov Cave in the course of the IAET SB RAS survey excavation in 2020; the cave studies were continued in 2021. The karst cavity was documented as a paleontological site, Sibiryachikha-6, by the famous paleontologist N.V. Ovodov in the late 20th century. In 2021, the existing test-pit was enlarged by 2 sq. m. Five stratigraphic units were established, four of which contain numerous paleontological materials. Lithic artifacts adding to the small assemblage of the previous year were found in two strata. Preliminary absolute AMS dates indicate that the cave was recurrently visited by ancient people during the Upper Paleolithic and late Middle Paleolithic. The species composition, interspecies ratio, and set of preserved bone remains of the lower layers are typical for cave taphocenoses formed as a result of food activity of large predators, primarily cave hyenas. The taphocenosis of the site is dominated by species of open spaces; a smaller numbers of species of forest-steppe, forest, and rocky biotopes were identified.

The study of the Verkhnyaya Sibiryachikha Cave sediments, synchronous to culture-bearing deposits of Okladnikov Cave by preliminary absolute dating, provides an opportunity for detailed reconstruction of paleoenviroment during the Neanderthal habitation. The results of the latest field season suggest that the Upper Sibiryachikha Cave was a den of predators during the late Pleistocene, occasionally visited by various populations of ancient humans.

Keywords: *Northwestern Altai, Middle Paleolithic, industrial trend, archaeozoology, lithic assemblage.*

Исследования среднего палеолита Горного Алтая часто сопряжено с определенными трудностями, заключающимися в малом количестве памятников, снабженных абсолютными датировками и палеоэкологическими реконструкциями. Наиболее известным объектом является пещера Окладникова, исследованная в конце XX в. [Деревянко, Маркин, 1992]. Представляя собой ключевой памятник сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая, она была исследована полностью, что исключает возможность применения современных методов исследования к культуросодержащим отложениям.

В связи с этим, обнаружение нового археологического объекта в непосредственной близости от пещеры Окладникова потенциально может восполнить лакуну данных, касающихся палеоэкологических реконструкций.

Как археологический объект пещера Верхняя Сибирячиха была обнаружена в ходе плановых разведок отрядом ИАЭТ СО РАН в 2020 г. [Харевич и др., 2020]. Сама пещера была известна гораздо раньше. В 1985 г. эта карстовая полость исследовалась Н.Д. Оводовым, который назвал ее Сибирячиха-6 и определил как палеонтологический памятник, содержащий плейстоценовый материал [Оводов, Мартынович, 2004 Turner, Ovodov., Pavlova, 2013].

В предлагаемой работе обсуждаются результаты раскопок пещеры Верхняя Сибирячиха в 2021 г. Карстовая полость расположена в скальном обнажении левого берега р. Сибирячиха в месте впадения руч. Сибирячонок. Пещера расположена на 170 м выше по течению от пещеры Окладникова (рис. 1). К разведочному шурфу 2020 г. в центральной части пещеры было прирезано 2 м^2 в продольном и поперечном направлениях.

Стратиграфическая колонка раскопанной площади включает следующие стратиграфические подразделения (рис. 2, *1*).

Слой 1. Современные отложения, включающие значительное количество мусора и отходов жизнедеятельности мелкого домашнего скота. Мощность слоя 5–10 см.

Слой 2. Супесь коричневато-серая с высоким содержанием мелкого обломочного материала. В слое был обнаружен единичный каменный артефакт. Мощность слоя до 30 см.

Слой 3. Серо-коричневый тяжелый суглинок со значительной долей крупного и среднего обломочного материала. В слое содержится большое количество палеонтологического материала и единичный каменный артефакт. Мощность слоя от 50 до 75 см.

Слой 4.1 Рыже-палевый тяжелый суглинок, насыщенный щебнем и палеонтологическими материалами. Мощность слоя – 10–15 см.

Слой 4.2 Палевый тяжелый суглинок, насыщенный крупным обломочным материалом и палеонтологическими находками. Мощность слоя 20–30 см.

Полученные предварительные абсолютные датировки по методу AMS по кости свидетельствуют о возрасте для слоя 2 – 27890 ± 347 (GV 3074) и для слоя 3 – 40952 ± 2479 (GV 3076).

В ходе раскопок текущего полевого сезона в слое 2 был обнаружен единственный каменный артефакт – проксимальный фрагмент пластинки с прямым профилем. Линейная ударная площадка сопровождается однонаправленной параллельной огранкой дорсальной поверхности артефакта (рис. 2, *2*).

В слое 3 был обнаружен медиальный фрагмент мелкой пластины с прямым профилем и бипродольной огранкой (рис. 2, *3*).

Раскопки в пещере в общей сложности принесли 2154 костных остатка. Доля определимых костей составляет 14,2 %, принадлежащих как минимум к 27 видам млекопитающих (см. *таблицу*).

В слоях Верхней Сибирячихи преобладают небольшие обломки (размерного класса 1–2 и 2–5 см) костей и зубов. Наиболее крупные фрагменты костей – это обломок нижней челюсти лошади Оводова длиной 170 мм и фрагмент верхнего конца и части диафиза плюсневой кости бизона длиной 151 мм.

Наименьшее число костных остатков (10 экз.) происходит из 2 слоя. Среди них два фрагмента зубов лошади, обломок пяточной кости сибирского горного козла, фрагменты черепа и плечевой кости лисицы. Здесь же обнаружен астрагал человека современной сохранности.

В 3 и 4 слоях видовой состав, межвидовое соотношение и набор сохранившихся костных остатков типичен для пещерных тафоценозов, формирование которых происходило в результате пищевой активности крупных хищников, в первую очередь

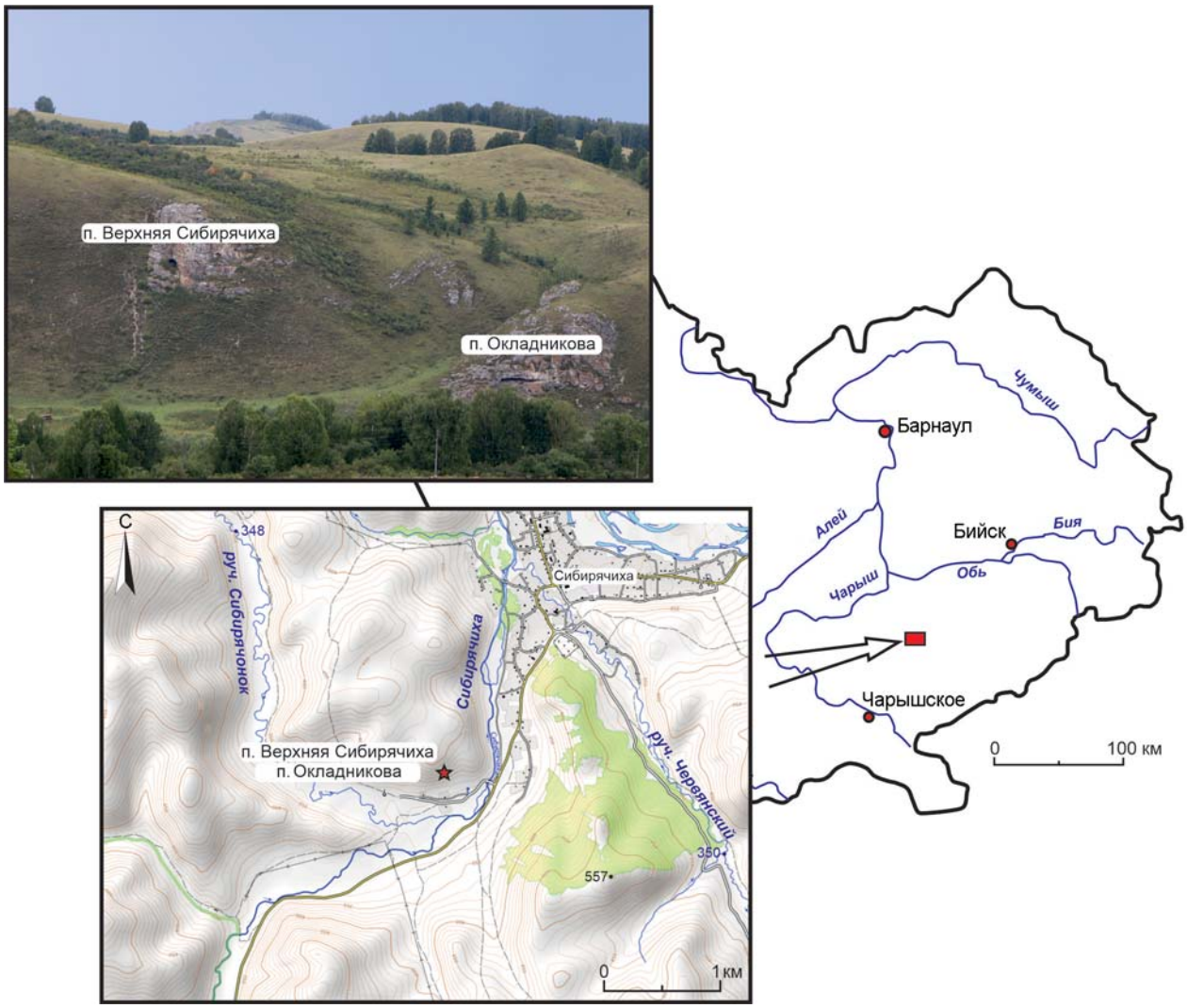

Рис 1. Карта с указанием расположения пещеры Верхняя Сибирячиха.

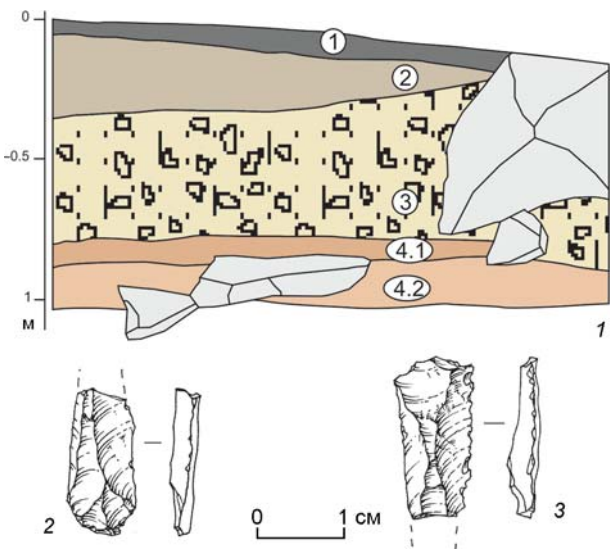

Рис. 2. Пещера Верхняя Сибирячиха.
1 – западная стенка раскопа 2021 г.; *2* – каменный артефакт из слоя 2; *3* – каменный артефакт из слоя 3.

пещерных гиен [Васильев и др., 2016]. Доля хищников в сумме составляет 33,2 % от числа всех остатков мегафауны. Наиболее многочисленна пещерная гиена, лисицы и волки. Среди копытных – остатки лошадей, сибирского горного козла и архара, бизона, шерстистого носорога.

Остатки мелких млекопитающих и птиц в основном попадали в пещерные отложения в результате пищевой активности крупных хищных птиц – филинов и сов. Устраиваясь на дневки в глубине пещеры, пернатые хищники сбрасывали здесь свои погадки, начиненные костями микротериофауны.

Среди определимых костных остатков из слоев 3 и 4 подавляющее большинство составляют многочисленные фрагменты зубов, реже – целые изолированные зубы. Для подобных пещерных тафоценозов характерно такое наблюдение: чем крупнее животное, тем большим процентом зубов (чаще их фрагментов) оно представлено. Для шерстистого носорога доля остатков зубов составляет 96,2 %,

для лошадей – 97,3 %, бизона – 92,3 %, горного козла и архара – 90,9 %, пещерной гиены – 97,5 %, волка – 36,4 % и лисиц – 7,8 %. Многие зубы или их обломки несут следы кислотной коррозии. Так, для *Capra-Ovis* из 38 зубов 19 прошли через пищеварительный тракт пещерных гиен и попали в слой из отрыжек гиен или из распавшихся копролитов. Значительная часть фрагментов костей скелета крупных копытных также корродирована или несет следы погрызов.

Наибольший палеонтологический интерес представляют следующие находки. Бобр представлен целой 4-й плюсневой костью от крупной взрослой особи. Найден целый клык нижней челюсти от очень крупной росомахи (длина 45,6, ширина / поперечник по основанию коронки – 11,3/13,5 мм). Пяточная кость с отгрызенным верхним концом принадлежала огромной особи бурого медведя. По размерам данная кость превосходит большинство из максимальных значений промеров крупного голоценового *Ursus arctos* из пещеры Памятная в Хакасии [Васильев, Гребнев, 2009]. Остатки пещерной гиены, кроме изолированных зубов и их фрагментов, включают также обгрызенный с обоих концов диафиз плечевой кости взрослой особи. Рысь представлена дистальной половиной второй фаланги. Из трех костных остатков мамонта два – это мелкие фрагменты пластин зубов первых смен (pd 3–4), а также молочный бивень мамонтенка длиной 34,5 мм. По числу остатков лошадь Оводова более чем в два раза превосходит крупную кабаллоидную лошадь *Equus ferus*. Из посткраниального скелета шерстистого носорога найдена только сесамовидная кость. Почти все остатки носорога состоят их фрагментов зубов; два почти полных зуба (верхней и нижней челюсти) удалось склеить из обломков. Марал представлен четырьмя неполными зубами. Изолированный зуб верхней челюсти (M2 правый) гигантского оленя по размерам (32/32 мм) близок к средним значениям промеров *Megaloceros giganteus* из местонахождений Верхнего Приобья. Предположительно к байкальскому яку относится сильно стертый зуб нижней челюсти (M3 левый, длина / ширина коронки – 38/14,5 мм). Примечательно, что по числу остатков архар в 4 раза превосходит сибирского горного козла. В других пещерах Алтая это соотношение прямо противоположное.

В тафоценозе слоев 3 и 4 абсолютно доминируют виды открытых пространств (87,8 %). Доля обитателей лесостепных биотопов составляет 7,4 %, лесных (бобр, бурый медведь, рысь) – 2 %, скальных (*Capra sibirica*) – 2,7 %. Присутствие остатков рыси и бобра заставляет предполагать наличие небольших лесных участков, хотя бы в виде приречных пойменных лесов.

Видовой состав и количество костных остатков из литологических слоев пещеры Верхняя Сибирячиха

Таксоны	Верхняя Сибирячиха		
	слой 2	слой 3	слой 4
Asioscalops altaica	–	1	–
Lepus tanaiticus	–	8	2
Lepus tolai	–	3	–
Spermophilus sp.	–	2	–
Marmota baibacina	–	2	–
Castor fiber	–	1	–
M.myospalax	–	4	3
Arvicola terrestris	2	3	–
Rodentea gen. indet.	–	6	–
Marmota baibacina	–	–	–
Castor fiber	–	–	–
Canis lupus	–	6	5
Vulpes vulpes	2	25	3
Vulpes corsak	–	–	1
Cuon alpinus	–	–	
Ursus arctos	–	–	1
Martes zibellina	–	–	–
Gulo gulo	–	1	–
Mustela erminea	–	–	–
Mustela nivalis	–	–	–
Mustela sibiricus	–	–	–
Mustela altaica	–	–	–
Mustela eversmanni	–	2	1
Meles meles	–	–	–
C. crocuta spelaea	–	9	31
Panthera leo spelaea	–	–	–
Lynx lynx	–	–	1
Mammuthus primigenius	–	–	3
Equus (E.) ferus	–	5	2
Equus ovodovi	–	3	12
E. ovodovi / ferus	2	20	23
Coelodonta antiquitatis	–	10	16
Cervus elaphus	–	2	2
Capreolus pygargus	–	–	-
Megaloceros giganteus	–	–	1
Alces alces	–	–	–
Rangifer tarandus	–	–	–
Poëphagus mutus baicalensis	–	1	–
Bison priscus	–	10	16
Capra sibirica	1	–	4
Ovis ammon	–	7	10
Capra / Ovis	–	3	20
Aves	–	8	–
Неопределимые обломки	2	760	1086
Всего костных остатков	10	901	1243

Единичные мелкие фрагменты обожженых костей из 3 и 4 слоев, наряду с находками артефактов указывают на эпизодическое и кратковременное посещение пещеры человеком.

Учитывая результаты разведок 2020 г. [Харевич и др., 2020] и результаты раскопок последнего полевого сезона можно сделать следующие выводы. Пещера Верхняя Сибирячиха по своим палеонтологическим характеристикам служила логовом хищников на протяжении плейстоцена. При этом фиксируются единичные посещения пещеры в период развитого верхнего палеолита и в период позднего среднего палеолита региона.

Перспективность исследований пещеры Верхняя Сибирячиха определяется близостью пещеры Окладникова, которая была заселена поздними алтайскими неандертальцами [Krause et al., 2007]. Благодаря обнаружению в ходе разведок ретушированного остроконечника со смещенной осью скалывания [Харевич и др., 2020] в настоящий момент можно заключить, что памятник является проявлением сибирячихинской среднепалеолитической индустрии [Деревянко, Маркин, 1992]. Более того, данный памятник является первым примером единоразового посещения неандертальцами пещеры, так называемым «эфемерным» [Rihter, 2016], и дополняет функциональную вариабельность алтайских среднепалеолитических объектов [Рыбин, Колобова, 2004; Krivoshapkin et al., 2018]. Исследование рыхлых отложений слоя 3, по предварительным абсолютным датировкам синхронным культуросодержащим отложениям пещеры Окладникова [Derevianko et al., 2015], потенциально дает возможность детальной реконструкции палеоэкологических условий обитания неандертальцев.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А. Абдульмановой и Н. Вавилиной за подготовку иллюстраций. Полевые исследования выполнены при поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00376. Аналитическая часть работы проведена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0011.

Список литературы

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (Ursus arctos L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: ККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 68–76.

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 22. – С. 15–22.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Пещера Окладникова на Алтае. Предварительная тафономическая оценка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10. – С. 175–184.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 20–34.

Харевич А.В., Харевич В.М., Колясникова А.С., Бочарова Е.Н., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые археологические памятники на северо-западе Алтая (Краснощековский и Солонешенский районы Алтайского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 263–270.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2015. – № 43 (3). – P. 3–16.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449 (7164). – P. 902–904.

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V., Baumann M., Kolobova K.A. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai mountains // Antiquity. – 2018. – Vol. 92. – № 365. – P. 1–7.

Richter J. Leave at the height of the party: a critical review of the Middle Paleolithic in Western Central Europe from its beginnings to its rapid decline // Quaternary International. – 2016. – Vol. 411. – P. 107–128.

Turner C.G., Ovodov N.D., Pavlova O.V. Animal teeth and human tools: A taphonomic odyssey in ice age Siberia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 490 pp.

References

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2015, No. 43 (3), pp. 3–16.

Derevyanko A.P., Markin S.V. Mustie Gornogo Altaya (po materialam peshchery im. Okladnikova). Novosibirsk: Nauka, 1992, 224 p. (In Russ.).

Kharevich A.V., Kharevich V.M., Kolyasnikova A.S., Bocharova E.N., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. New archaeological sites in the Northwestern Altai (Krasnoschekovsky and Soloneshensky districts of Altai Krai). In *Problems of Archaeology, Ethnography,*

Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2020, Vol. 26, pp. 263–270. (In Russ.).

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia. *Nature,* 2007, vol. 449 (7164), pp. 902–904.

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V., Baumann M., Kolobova K.A. Between denisovans and neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai mountains. *Antiquity,* 2018, vol. 92, No. 365, pp. 1–7.

Ovodov N.D., Martynovich N.V. Peshchera Okladnikova na Altae. Predvaritel'naya tafonomicheskaya otsenka. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2004, vol. 10, pp. 175–184. (In Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2004, vol. 4 (20), pp. 20–34. (In Russ.).

Richter J. Leave at the height of the party: a critical review of the Middle Paleolithic in Western Central Europe from its beginnings to its rapid decline. *Quaternary International*, 2016, vol. 411, pp. 107–128.

Turner C.G., Ovodov N.D., Pavlova O.V. Animal teeth and human tools: A taphonomic odyssey in ice age Siberia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 490 p.

Vasilyev S.K., Grebnev I.E. Morfologiya kostei skeleta golotsenovogo burogo medvedya (Ursus arctos L., 1758) Kuznetskogo Alatau. In *Eniseiskaya provintsiya. Al'manakh.* Krasnoyarsk: Krasnoyarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 2009, vol. 4, pp. 68–76. (In Russ.).

Vasilyev S.K., Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. The preliminary results of megafauna remains study from Strashnaya cave (Northern-Western Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2016, vol. 22, pp. 15–22 (In Russ.).

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6863-7900
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818.
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Пархомчук Е.В. https://orcid.org/0000-0003-2200-884X
Кривошапкин А.И. https://orcid.org/0000-0002-5327-3438

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0154-0160
УДК: 902/904

А.С. Колясникова✉, П.В. Чистяков, А.С. Колясникова

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: kns0471@gmail.com

Исследование следов на костяных ретушерах из Чагырской пещеры с использованием профилометра

Костяные ретушеры – это инструменты, которые использовались древним человеком для обработки каменных орудий. Ретушеры изготавливались преимущественно из костей животных, являвшихся предметом охоты древнего человека. Они наиболее характерны для неандертальских орудийных коллекций, однако встречаются и в других культурно-хронологических контекстах всех этапов каменного века на территории Евразии и за ее пределами. Исследования костяных ретушеров проводятся более ста лет с использованием множества разных методов. Следы использования на ретушерах, как правило, изучаются при помощи микроскопа с увеличением до ×50 и разделяются по морфологическим признакам. Измеряются в основном сами орудия и их активные зоны, отдельные следы на ретушерах измеряются редко. На сегодняшний день существует несколько разных классификаций следов использования на костяных ретушерах с выделением от двух до четырех типов следов. В данной работе приведены результаты морфометрического исследования наиболее распространенной и признанной большинством исследователей категории следов на ретушерах – коротких насечек с V-образным или трапециевидным профилем с применением методов высокоточного трехмерного моделирования. Для получения детальной информации о морфометрических характеристиках выбранной для исследования категории следов на ретушерах были использованы высокоточный трехмерный сканер структурированного подсвета и трехмерный профилометр поверхности, позволяющие на микроуровне анализировать следы на поверхности ретушеров. В настоящей работе измерены показатели длины, ширины, глубины и углов отдельных, не перекрывающих друг друга следов (канавок) на активных площадках ретушеров из Чагырской пещеры. В результате был определен средний размер таких следов для ретушеров с разной степенью утилизации и угол их наклона в сечении. Размеры изученных следов были сопоставлены с размерами следов на активных зонах ретушеров других среднепалеолитических стоянок, опубликованными ранее другими исследователями.

Ключевые слова: *палеолит, костяные ретушеры, Чагырская пещера, профилометр, трехмерное моделирование.*

A.S. Koliasnikova✉, P.V. Chistiakov, A.S. Kolyasnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kns0471@gmail.com

Morphometric Study of Traces on Bone Retouchers from the Chagyrskaya Cave Using a Profilometer

Bone retouchers were used by ancient humans in stone tool working. They were made mainly of the bones of prey animals. Retouchers are most characteristic of the Neanderalian bone tool collections, but they are also found in other cultural and chronological contexts at all stages of the Stone Age in Eurasia and beyond. Research on bone retouchers has been carried out for over a century using many different methods. Use-wear signs on bone retouchers are usually studied through a microscope with a magnification of up to ×50 and are classified according to morphological characteristics. Most often the size of retouchers and their working zones are measured, but not the size of a single sign. Today, there are several classifications of use-wear traces on bone retouchers identifying from two to four types of marks. This paper presents the results of a morphometric study of the most widespread and recognized by most researchers category of marks on retouchers – short linear impressions with a V-shaped or trapezoidal profile using high-precision three-dimensional modeling methods.

A high-precision three-dimensional structured light scanner and a three-dimensional surface profilometer were used to analyze traces on the surface of retouchers at the micro level. We measured the length, width, depth and angles of single, non-overlapping traces on the working areas of retouchers from the Chagyrskaya Cave. As a result, the average size of such traces with various exhaustion rates and their inclination angle in the cross-section view were determined. The dimensions of the marks on retouchers of Chagyrskaya Cave were compared with those on retouchers from other Middle Paleolithic sites previously published by other researchers.

Keywords: *Paleolithic, bone retouchers, Chagyrskaya cave, profilometer, 3D modeling.*

Введение

Ретушеры из органического сырья являются наиболее распространенными костяными орудиями среднего палеолита. Они многочисленны на неандертальских стоянках, однако их находили на памятниках всех этапов каменного века, начиная с раннего палеолита и до неолитического времени [Taute, 1965; Vincent, 1993; Mallye et al., 2012]. Самые ранние упоминания о костяных ретушерах в научных работах встречаются в XIX в. [Leguay, 1877]. В 1906 г. Анри Мартен описал коллекцию костяных орудий стоянки Ля Кина (Франция) и интерпретировал их как инструменты, связанные с обработкой дерева или каменных орудий [Henry-Martin, 1906].

Костяные ретушеры относятся к неформальным орудиям, не поддающимся четкой классификации по форме и зачастую без специальной подработки. Уже к концу XX в. костяные ретушеры были окончательно выделены как отдельный тип костяных орудий, использовавшийся для обработки камня [Vincent, 1993; Malerba, Giacobini, 2002; Armand, Delagnes, 1998]. На нескольких таких орудиях были обнаружены микрочастицы кремня, оставшиеся после ретуширования каменных инструментов [Mallye et al., 2012].

Существует множество работ, авторы которых фокусировались на изучении и классификации следов использования на костяных ретушерах [Бонч-Осмоловский, 1940; Rigaud, 1977; Vincent, 1993; Armand, Delagnes, 1998; Auguste, 2002; Mallye et al., 2012; Daujeard et al., 2014]. Одна из первых таких классификаций была приведена в экспериментальной работе А. Риго и включала в себя три категории: насечки (фр. hachures), длинные тонкие царапины (фр. éraflures) и выщербины или сколы, образованные в результате наложения первого типа следов друг на друга (фр. cupules) [Rigaud, 1977].

Другая классификация, признанная и использованная многими последующими авторами, приведена в исследовании А. Венсан. Автор выделила три типа следов на ретушерах: канавки (фр. hachures), выщербины (фр. entailles) и округлые следы (фр. cupules) [Vincent, 1993]. Д. Арман и А. Делань экспериментально обосновали морфологическое разделение следов А. Венсан. Первый тип – тонкие, удлиненные канавки (фр. hachures), согласно их наблюдениям, были оставлены ударами, нанесенными под острым углом и под наклоном. Второй тип следов, ямки (фр. cupules), были результатом сильных ударов о неровные части края каменного орудия или ретуши острых частей инструмента. К третьему типу относятся выщербины (фр. entailles), они были связаны с повторяющимися ударами под углом между 120 и 160°. Еще один тип следов, отмечаемый многими исследователями, это длинные тонкие царапины, идущие перпендикулярно другим следам использования. Такие следы относят к подготовке рабочей поверхности или к снятию надкостницы (Armand, Delagnes, 1998, цит. по [Mozota, 2018]).

Классификации следов на костяных ретушерах различаются у разных авторов, что может объясняться как различиями орудий разных стоянок, так и разными исследовательскими подходами к классификации. Например, тип следов, часто выделяемый исследователями как округлые лунки иногда имеет разные описания, одни авторы называют их следами округлой или овальной формы [Vincent, 1993], другие разделяют их на округлые и треугольные [Mallye et al., 2012], а в некоторых работах они вовсе не упоминаются [Rigaud, 1977]. Однако во всех известных отечественных и зарубежных классификациях следов использования на ретушерах выделена категория коротких линейных следов с незначительными терминологическими различиями [Бонч-Осмоловский, 1940; Chase, 1990; Vincent, 1993; Daujeard et al., 2014]. Определение характерных для ретушеров следов Ф.Г. Чейза, используемое многими исследователями, описывает именно этот тип следов: короткие, глубокие и субпараллельные отметки с V-образными секциями. Экспериментальное исследование Д. Арман и А. Делань показало, что такие насечки (фр. hachures) появились в результате ударов под углом около 40° и при слабой хватке костяного орудия.

Немногие авторы приводили в публикациях измерения непосредственно самих насечек на ретушерах. Г.А. Бонч-Осмоловский описал такие следы на ретушерах грота Кийк-Коба как «на-

сечки», имеющие форму узкого короткого надреза с рваными краями. Согласно его исследованию их длина составила 3–4 мм, ширина 0,5 мм, а глубина до 1 мм [Бонч-Осмоловский, 1940]. К. Шваб в сравнении следов на ретушерах верхнего и среднего палеолита указала на их различия по длине, и что средние значения длины следов на ретушерах среднепалеолитических стоянок равны 3,7 мм. Значения длины больше 2,5 мм она оценивала как длинные следы, а те, что меньше, короткие [Schwab, 2002]. Патрик Огюст при изучении и сравнении ретушеров двух археологических памятников среднего палеолита Бьяш-Сен-Ва (Франция) и Кульна (Чехия) показал вариабельность размеров следов на них. В результате измерений длины, ширины и глубины следов автор сделал вывод, что длина является наименее стандартизированным показателем и в среднем колеблется от 1,3 до 1,9 мм. Самый низкий показатель длины 0,6 мм, а самый высокий 11,6 мм. Глубина следов в среднем имеет значение от 0,31 до 0,36 мм, и по заключению П. Огюста имеет самый низкий коэффициент вариации. Сравнив размеры следов на ретушерах двух разных среднепалеолитических комплексов, автор заключил, что они демонстрируют хорошее сходство значений [Auguste, 2002]. Длина следов на ретушерах со среднепалеолитических стоянок Кина, Шарант (Франция) и Сан Бернардино, Фумане (Италия), согласно исследованию Дж. Малерба и Дж. Джакобини, составила от 2 до 6 мм. Но исследователи отметили, что изолированных следов на ретушерах немного и выборка недостаточна для получения общей картины их размеров [Malerba, Giacobini, 2002].

В большинстве исследований костяных ретушеров основным оборудованием для изучения следов являются разные виды микроскопов с увеличением до ×50 [Armand, Delagnes, 1998; Mallye et al., 2012]. Морфометрические описания ретушеров чаще всего основаны на измерениях максимальных значений длины, ширины и толщины орудий, иногда добавляются размеры активных зон. Измерение размера, а также углов самих следов использования крайне сложно провести вручную. При помощи профилометра сделать такие измерения возможно для следов практически любого размера с высокой точностью. Профилометр в археологии уже применялся для изучения порезов на костях и зубах и показал свою эффективность [Casanova, Roldán, Subirà, 2020; Kolobova et al., 2021].

Публикации, связанные с использованием профилометрической микроскопии для изучения костяных ретушеров единичны. В 2014 г. Камий Дожеар использовала профилометр для измерения углов и микрорельефа одной категории следов на экспериментальных и археологических ретушерах. Применение профилометра помогло определить, что длинные царапины, расположенные перпендикулярно остальным следам, являются результатом контакта поверхности ретушера с выступами на краю каменного инструмента и иногда перекрывают другие следы [Daujead et al., 2014].

Для изучения костяных ретушеров из Чагырской пещеры ранее был успешно применен метод трехмерной геометрической морфометрии, показавший, что все проанализированные орудия имеют более или менее сходную морфологию и что группа с наиболее изменчивой формой – это ретушеры с незначительными повреждениями [Kolobova et al., 2020]. Профилометр для исследования ретушеров Чагырской пещеры применяется впервые.

Материалы и методы

Чагырская пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая. Среднепалеолитические комплексы памятника содержат богатейшие материалы, включающие остатки каменной и костяной индустрий неандертальцев. Коллекция костяных орудий Чагырской пещеры содержит более тысячи целых или фрагментированных орудий, большинство из которых служили ретушерами [Baumann et al., 2020].

Для сканирования были отобраны 6 костяных ретушеров с целыми активными площадками из слоев 6в/2 и 6а Чагырской пещеры раскопок 2021 г. На отобранных ретушерах следы были разделены по классификации А. Вансен на три группы: канавки, выщербины и округлые следы [Vincent, 1993]. Для исследования был выбран один наиболее часто встречающийся тип следов на ретушерах – прямые короткие канавки. Измерения проводились только для целых четко различимых следов, не перекрывающих друг друга. Для других типов следов измерения не проводились.

Трехмерное сканирование осуществлялось при помощи автоматизированной системы 3D-сканирования детализированных объектов Solutionix D700, которая обеспечивает высокую точность сбора данных о геометрии объекта — до 29 микрон. Сканирование артефактов производилось по ранее опубликованному алгоритму [Kolobova et al., 2019]. Модель каждого отсканированного образца состоит из 1890536 полигонов. Построение поперечных профилей и высокоточные измерения производились с помощью промышленного трехмерного профилометра Gocator 3504. Данный профилометр имеет область сканирования

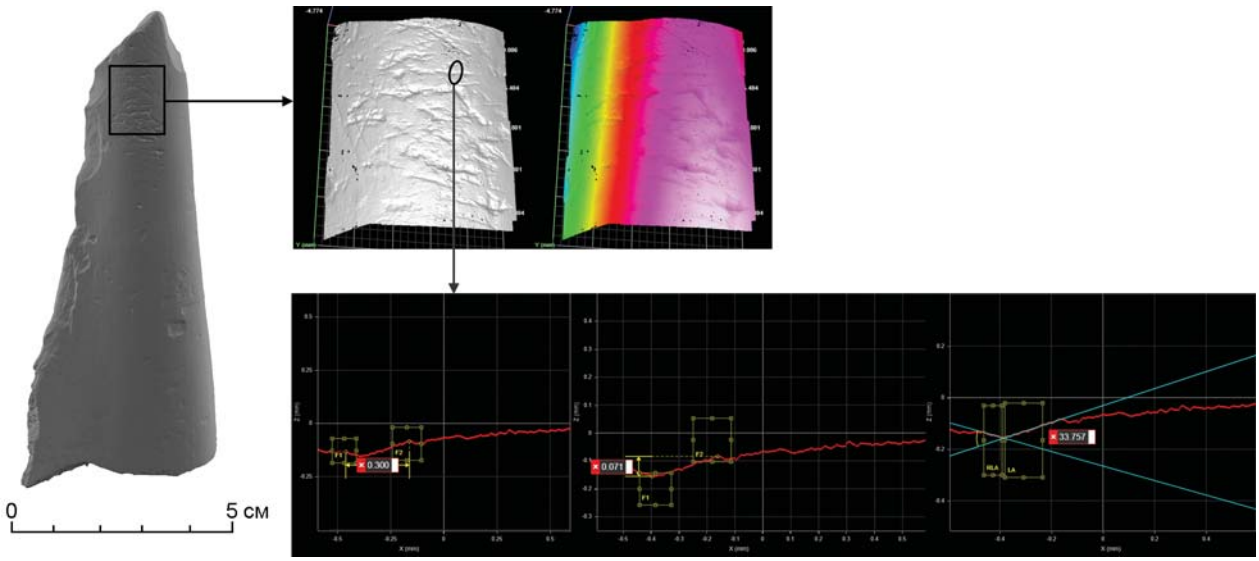

Рис. 1. Измерения ширины, глубины и угла канавки на активной площадке ретушера из Чагырской пещеры на трехмерной модели орудия.

равную 49 × 136 × 170 мм и обеспечивает разрешение 6,7 микрон по оси XY и до 0,2 микрон по оси Z. Для определения основных морфологических особенностей изучаемых следов мы измерили следующие параметры: длина, ширина, глубина насечек (точность – 0,001 мм) и угол схождения стенок насечек в поперечном сечении (точность – 0,001°). За ширину одного следа было взято среднее значение замеров ширины в 4 равноудаленных друг от друга местах по длине каждой канавки. Длина измерялась от края до края, а глубина и угол в центре канавки (рис. 1).

В программе Geomagic Wrap был измерен объем костного материала, потерянного ретушером в результате использования [Kolobova et al., in press]. Это измерение проводилось с целью разделения активных зон по степеням сработанности. Выбранные ретушеры не имели следов погрызов хищников или крупных сколов на активных зонах, что позволило с высокой точностью определить выкрошенный в процессе утилизации объем кости.

Результаты

Костяные ретушеры изготовлены из фрагментов диафизов длинных трубчатых костей крупных копытных животных. Всего были изучены 9 активных зон ретушеров, т.к. три ретушера имеют по 2 активные площадки. Объем выкрошенного материала на разных активных зонах ретушеров сильно различается, от 0,2 до 85,5 мм³. По степени сработанности зоны были разделены на три категории: слабая (1), средняя (2) и сильная (3). От нуля до 10 мм³ – слабая степень (13 зон), с 10 до 20 мм³ средняя (6 зон) и с 20 до 85,5 мм³ сильная (5 зон).

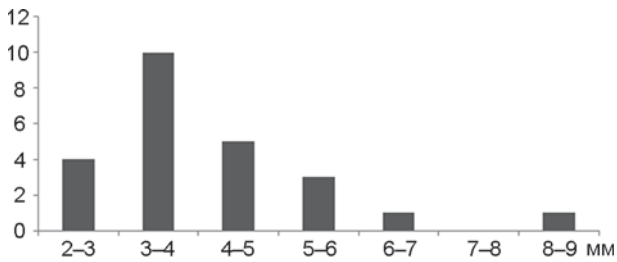

Рис. 2. Распределение следов (канавок) на ретушерах из Чагырской пещеры по длине.

Нами были проведены измерения длины, ширины, глубины и угла наклона 24 следов на ретушерах. Длина канавок варьируется от 2 до 8,9 мм, ее среднее значение 4,13 мм. Большинство измеренных следов имеет длину 3–4 мм (рис. 2). По классификации К. Шваб, большинство изученных следов длинные (21 канавка), так как больше 2,5 мм, что характерно для среднепалеолитических ретушеров [Schwab, 2002]. Следы имеют примерно одинаковую ширину в четырех равноудаленных точках, небольшие различия указывают на легкую неровность канавок. Ширина исследуемых следов попадает в диапазон от 0,3 до 1,8 мм со средним значением 0,74 мм. При соотнесении средних значений длины и ширины следов получается, что длина превышает ширину в 5,5 раз. Все изученные в данной работе следы имеют тупые углы от 104 до 172°. Глубина следов составила от 0,02 до 0,34 мм, ее среднее значение равно 0,14 мм.

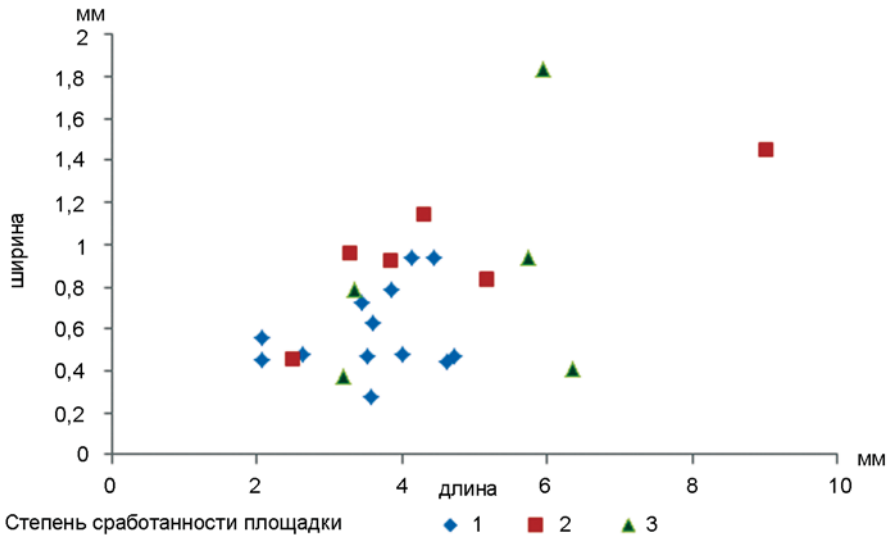

Рис. 3. Соотношение значений длины и ширины следов (канавок) на ретушерах из Чагырской пещеры.

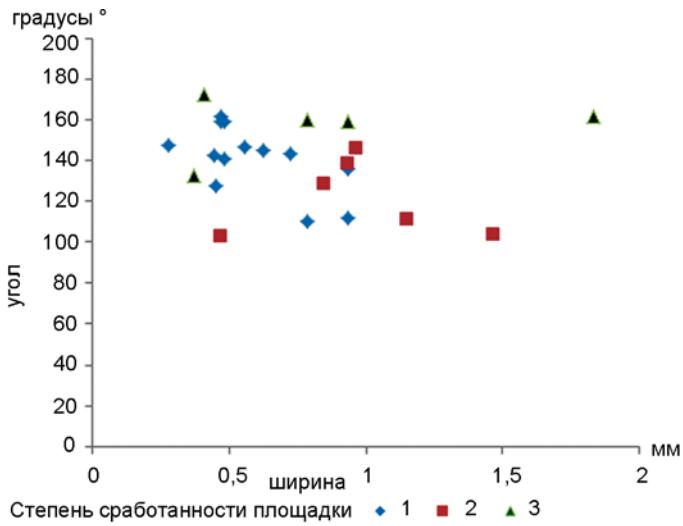

Рис. 4. Соотношение значений ширины и углов следов (канавок) на ретушерах из Чагырской пещеры.

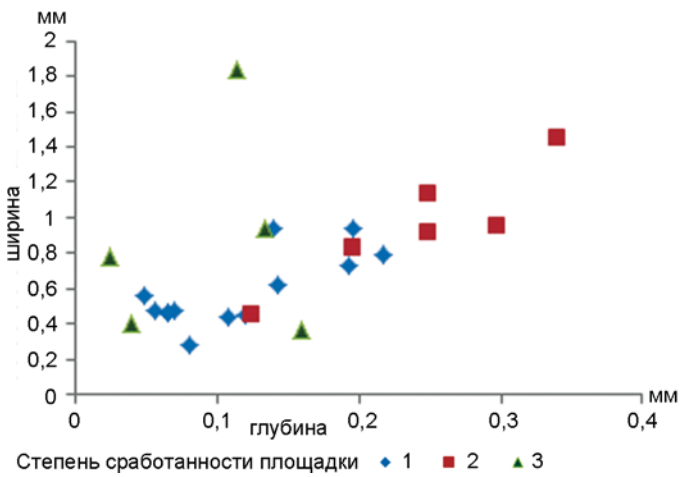

Рис. 5. Соотношение значений ширины и глубины следов (канавок) на ретушерах из Чагырской пещеры.

Заключение

Результаты измерений следов на ретушерах из Чагырской пещеры очень схожи с теми, что приведены в исследованиях для других стоянок [Бонч-Осмоловский, 1940; Schwab, 2002; Auguste, 2002]. Можно лишь отметить, что канавки на ретушерах из Чагырской пещеры в среднем длиннее тех, что имеются на ретушерах более древних среднепалеолитических стоянок Бьяш-Сен-Ва (Франция) и Кульна (Чехия), но при этом их глубина в среднем меньше [Auguste, 2002].

Зависимость была отмечена при соотношении ширины следов с длиной и глубиной (рис. 3, 4). Чем шире канавка, тем она глубже и длиннее. Наиболее длинными, широкими и глубокими в среднем оказались следы на зонах со средней степенью утилизации. Анализ метрических характеристик показал, что по всем обозначенным параметрам они вполне унифицированы, и что выделение канавок в одну группу обосновано не только их формой [Chase, 1990], но и размерами.

Применение трехмерного профилометра Gocator 3504 оказалось эффективным для построения поперечных профилей следов и проведения высокоточных измерений для изучения микроследов на ретушерах. В отличие от обычной фотографии на трехмерной модели более детально виден микрорельеф поверхности орудия. Несомненным преимуществом профилометра является возможность измерения глубины и углов микро-следов орудий, что практически невозможно сделать вручную.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0011.

Список литературы

Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Грот Кик-Коба. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т.1. – 203 с.

Armand D., Delagnes A. Les retouchoirs en os d'Artenac (couche 6c) : perspectives archéozoologiques, taphonomiques et expérimentales // Économie préhistorique : les comportements de subsistance au Paléolithique / J.-P. Brugal, L. Meignen et M. Patou-Mathis (dir.). Actes des 18e-s Rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes, Antibes, Sofia Antipolis, APDCA. – 1998. –P. 205–214.

Auguste P. Fiche éclats diaphysaires du Paléolithique moyen: Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Ca1ais) et Kulna (Moravie, République tchèque). // Industrie de l'os préhistorique: compresseurs, percuteurs, retouchoirs. Société préhistorique française. – 2002. – P. 39–57.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia // Quaternary International. – 2020. – N 559. – P. 68–88.

Casanova X., Roldán M., Subirà M.E. Analysis of cut marks on ancient human remains using confocal profilometer // J. of His. Arch. Anthropol. Sci. – 2020. – N 5. – P. 18–26. DOI: 10.15406/jhaas.2020.05.00213.

Chase P. G. Tool-making and Middle Paleolithic behavior // Current Anthropology. – 1990. – N 31. – P. 43–447.

Daujeard C., Moncel M.-H., Fiore I., Tagliacozzo A., Bindon P., Raynal J.-P. Middle Paleolithic bone retouchers in Southeastern France: variability and functionality // Quaternary International. – 2014. – N 326327. – P. 492–518.

Henri-Martin L. Maillets ou enclumes en os provenant de la couche moustérienne de la Quina (Charente) // Bulletin de la Société Préhistorique de France. – 1906. – N 3. – P. 155–162.

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The use of 3D-modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian items (the case of anthropomorphic figurines from Tourist-2) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2019. – N 47. – P. 66–76.

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Baumann M., Olsen J.W., Krivoshapkin A. How Neanderthals Gripped Retouchers: Experimental Reconstruction of the Manipulation of Bone Retouchers by Neanderthal Knappers // Archaeological Science (in press).

Kolobova K., Rendu W., Shalagina A., Chistyakov P., Baumann M., Koliasnikova A., Kovalev V., Krivoshapkin A. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to the Middle Paleolithic Retouchers from Altai // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 89–96.

Kolobova K., Zotkina L., Markin S.V., Vasilev S.K., Chistyakov P.V., Bocharova E., Kharevich A.V. Complex study of a personal ornament made on a marmot incisor from the early holocene complex of kaminnaya cave (Russian Altai) // Stratum Plus. – 2021. – P. 319–335.

Leguay L. Les procédés employés pour la gravure et la sculpture des os avec les silex // Bull. Soc. d'Anthropol. – Paris, 1877. – Vol. 12. – P. 280–296.

Malerba G., Giacobini G. Fiche éclats diaphysaires avec marques transversales d'utilisation // Industrie de l'os préhistorique: compresseurs, percuteurs, retouchoirs. Société préhistorique française / Patou-Mathis M. (ed.). – 2002. – P. 29–38.

Mallye J.-B., Thiébaut C., Mourre V., Costamagno S., Claud É., Weisbecker, P. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: Experimentation and Identification of Marks // Journal of Archaeological Science. – 2012. – N 39. – P. 1131–1142.

Mozota M. Experimental programmes with retouchers: where do we stand and where do we go now? // The Origins of Bone Tool Technologies / Hutson J.M., García-Moreno A., Noack E.S., Turner E., Villaluenga A., Gaudzinski-Windheuser S. (Eds.). – Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz. – 2018. – P. 15–33.

Rigaud A. Analyse typologique et technologique des grattoirs magdaléniens de La Garenne à Saint-Marcel (Indre) // Gallia Préhistoire. – 1977. – Vol. 20. – P. 1–43.

Schwab C. Fiche éclat diaphysaires du Paléolithique moyen et supérieur: la grotte d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques) // Retouchoirs, compresseurs, percuteurs. Os à impressions et éraillures, Société Préhistorique Française, Fiches de la Commission de nomenclature sur l'industrie de l'os préhistorique / Patou-Mathis, M. (Ed.). – 2002. – P. 59–73.

Taute W. Retoucheure aus knochen, zahnbein und stein vom Mittelpaläolithikum bis zum Neolithikum // Fundberichte aus Schwaben. – 1965. – N. 17. – P. 76–102.

Veselsky A.P. Rabazi-V: Bone and Stone Tools Used in Flint Knapping. Rabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois. Mousterian Camp Sites. Simferopol. Cologne. – 2008. – P. 427–452.

Vincent A. L'outillage osseux au Paleolithique moyen: une nouvelle approche. PhD thesis. University Paris X-Nanterre. – 1993.

References

Auguste P. Fiche éclats diaphysaires du Paléolithique moyen: Biache-Saint-Vaast (Pas-de-Ca1ais) et Kulna (Moravie, République tchèque). In *Industrie de l'os préhistorique: compresseurs, percuteurs, retouchoirs*. Société préhistorique française, 2002, pp. 39–57.

Armand D., Delagnes A. Les retouchoirs en os d'Artenac (couche 6c) : perspectives archéozoologiques, taphonomiques et expérimentales. In *Économie préhistorique : les comportements de subsistance au Paléolithique* . Actes des 18e-s Rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes, Antibes, Sofia Antipolis, APDCA, 1998, pp. 205–214.

Baumann M., Plisson H., Rendu W., Maury S., Kolobova K., Krivoshapkin A. The Neandertal bone industry at Chagyrskaya cave, Altai Region, Russia. *Quaternary International*, 2020, iss. 559, pp. 68–88.

Bonch-Osmolovskiy G.A. Paleolit Kryma. Grot Kiik-Koba. Moskow; Leningrad: AS USSR publ., 1940, vol. 1, pp. 203. (In Russ.).

Casanova X, Roldán M, Subirà M.E. Analysis of cut marks on ancient human remains using confocal profilometer. *J His Arch & Anthropol Sci*, 2020, iss. 5, pp. 18–26. DOI: 10.15406/jhaas.2020.05.00213.

Chase P. G. Tool-making and Middle Paleolithic behavior. *Current Anthropology,* 1990, iss. 31, pp. 43–447.

Daujeard C., Moncel M.-H., Fiore I., Tagliacozzo A., Bindon P., Raynal J.-P. Middle Paleolithic bone retouchers in Southeastern France: variability and functionality. *Quatern. Int*., 2014, iss. 326327, pp. 492–518.

Henri-Martin L. Maillets ou enclumes en os provenant de la couche moustérienne de la Quina (Charente). *Bulletin de la Société Préhistorique de France*, 1906, N 3, pp. 155–162.

Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Basova N. V., Postnov A. V., Kovalev V. S., Chistyakov P. V., Molodin V. I.. The use of 3D-modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian items (the case of anthropomorphic figurines from Tourist-2). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2019, iss. 47, pp. 66–76.

Kolobova K., Kharevich V., Chistyakov P., Kolyasnikova A., Kharevich A., Baumann M., Olsen J.W., Krivoshapkin A. How Neanderthals Gripped Retouchers: Experimental Reconstruction of the Manipulation of Bone Retouchers by Neanderthal Knappers. *Archaeological Science* (in press).

Kolobova K., Rendu W., Shalagina A., Chistyakov P., Baumann M., Koliasnikova A., Kovalev V., Krivoshapkin A. The Application of Geometric-Morphometric Shape Analysis to the Middle Paleolithic Retouchers from Altai. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 89–96.

Kolobova K., Zotkina L., Markin S.V., Vasilev S.K., Chistyakov P.V., Bocharova E., Kharevich A.V. Complex study of a personal ornament made on a marmot incisor from the early holocene complex of kaminnaya cave (Russian Altai). *Stratum Plus*, 2021, No. 1, pp. 319–335.

Leguay L. Les procédés employés pour la gravure et la sculpture des os avec les silex. *Bull. Soc. d'Anthropol.,* Paris, 1877, vol. 12, pp. 280–296.

Malerba G., Giacobini G. Fiche éclats diaphysaires avec marques transversales d'utilisation. In *Retouchoirs, Compresseurs, Percuteurs...Os à Impressions et à Éraillures.* Fiches Typologiques de l'Industrie Osseuse Préhistorique, Cahier X. Éditions Société Préhistorique Française, Paris, 2002, pp. 29–38.

Mallye J.-B., Thiébaut C., Mourre V., Costamagno S., Claud É., Weisbecker, P. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: Experimentation and Identification of Marks. *Journal of Archaeological Science,* 2012, iss. 39, pp. 1131–1142.

Mozota M. Experimental programmes with retouchers: where do we stand and where do we go now? In *The Origins of Bone Tool Technologies*. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, 2018, pp. 15–33.

Rigaud A. Analyse typologique et technologique des grattoirs magdaléniens de La Garenne à Saint-Marcel (Indre). *Gallia Prehist*., 1977, vol. 20, pp. 1–43.

Schwab C. Fiche éclat diaphysaires du Paléolithique moyen et supérieur: la grotte d'Isturitz (Pyrénées-Atlantiques). In *Retouchoirs, compresseurs, percuteurs. Os à impressions et éraillures*, Société Préhistorique Française, Fiches de la Commission de nomenclature sur l'industrie de l'os préhistorique, Cahier 2002, pp. 59–73.

Taute W. Retoucheure aus knochen, zahnbein und stein vom Mittelpaläolithikum bis zum Neolithikum. *Fundberichte aus Schwaben*, 1965, iss. 17, pp. 76–102.

Veselsky A.P. Rabazi-V: Bone and Stone Tools Used in Flint Knapping. Rabazi V: Interstratification of Micoquian & Levallois. Mousterian Camp Sites. Simferopol. Cologne, 2008, P. 427–452.

Vincent A. L'outillage osseux au Paleolithique moyen: une nouvelle approche. PhD thesis. University Paris X-Nanterre, 1993.

Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0003-2278-5948

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0161-0166
УДК 902/904

Р.Н. Курбанов[1], А.Г. Рыбалко[2]✉, Т.А. Янина[1]

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4)

В статье представлены результаты междисциплинарных исследований многослойной стоянки Дарвагчай-Залив-4. Стратиграфический разрез памятника состоит из лессово-почвенных осадков, ниже переходящих в пролювиальные (галечно-гравийные) отложения, которые в свою очередь подстилают морские галечники и пески с фауной моллюсков. В ходе многолетних раскопок были обнаружены археологические материалы, подтверждающие наличие на стоянке как минимум трех разновременных комплексов артефактов. Предварительные хронологические рамки представленных каменных индустрий были установлены по результатам анализа малакофауны и палеомагнитных исследований. Для определения точного возраста было проведено абсолютное датирование всех геологических горизонтов памятника методом OSL. В результате получено 13 дат, что позволило установить возраст всех стратиграфических подразделений разреза и культуросодержащих горизонтов стоянки. Коллекция артефактов первого комплекса характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором, артефакты залегали в горизонте палеопочвы (слой 1в). Хронологически время его существования определено периодом рисс-вюрмского (микулинского) межледниковья, в интервале 125–110 тыс. л.н. (MIS 5e). Артефакты другого комплекса, обнаруженные в слое 3 (галечно-гравийные отложения), относятся к финальному ашелю. Ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Возраст культуросодержащего горизонта установлен в интервале 250–220 тыс. л. н. (MIS 7). Коллекция каменных изделий, обнаруженная в слое 5 (морские галечники и пески), относится к позднему ашелю и является свидетельством наиболее раннего появления древнего человека на рассматриваемой территории – 370–330 тыс. л.н. (MIS 11–10).

Ключевые слова*: Кавказ, Дагестан, ранний и средний палеолит, хронология, малакофауна, абсолютное датирование*.

R.N. Kurbanov[1], A.G. Rybalko[2]✉, T.A. Yanina[1]

[1] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Evidence from the Darvagchai-Zaliv-4 Site)

The article presents the results of interdisciplinary research at the Darvagchai- Zaliv-4 site. Long-term excavations at the site have revealed archaeological evidence confirming the presence of three complexes of artifacts belonging to different periods. A preliminary chronological framework of stone industries has been proposed based on malacofaunal analysis and paleomagnetic studies. For establishing the exact age, absolute dating of all geological horizons of the site was carried out using the OSL method, yielding thirteen dates which make it possible to determine the age of cultural horizons at the site. The

collection of artifacts from the first complex is distinguished by Levallois splitting technique and typical Middle Paleolithic toolkit; the artifacts were located in the paleosoil horizon (layer 1b). Chronologically, this horizon belongs to the Riess-Wurm (Eem, Mikulin) interglacial in the interval of 125,000–110,000 BP (MIS 5e). Artifacts of another complex discovered in layer 3 (pebble-gravel deposits) belong to the Final Acheulean. Their age corresponds to the chronological range of 250,000–220,000 BP (MIS 7). The collection of stone objects from layer 5 (sea pebbles and sands) belongs to the Late Acheulean and testifies to the earliest appearance of ancient humans in that territory in 370,000–330,000 BP (MIS 11-10).

Keywords: *Caucasus, Dagestan, Early and Middle Paleolithic, chronology, malacofauna, absolute dating.*

Пространственное распределение палеолитических стоянок на Кавказе крайне неравномерно. Большинство известных здесь памятников сосредоточено в центральной части, в Закавказье или вдоль Черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени была изучена крайне слабо. Здесь было обнаружено лишь несколько пунктов с поверхностным залеганием каменных артефактов палеолитического облика. В последнее десятилетие заметно активизировались работы в области изучения палеолита Дагестана, территория которого занимает большую часть Северо-Восточного Кавказа. В результате проведенных комплексных исследований обнаружено и изучено более двадцати палеолитических памятников, их хронологический интервал охватывает период от нижнего до начала верхнего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейших каменных индустрий на территории Западного Прикаспия [Деревянко и др., 2012]. Наиболее информативной и хорошо изученной на данный момент является многослойная стоянка Дарвагчай-Залив-4 расположенная на территории Дарвагчайского геоархеологического района (Дербентский р-н, Республика Дагестан).

Местонахождение Дарвагчай-Залив-4 открыто в 2010 г. сотрудниками Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН в ходе рекогносцировочного обследования правого берега реки Дарвагчай. Стоянка расположена в районе небольшого залива Геджухского водохранилища, на склоне высокого (около 20 м) останца третьей древнекаспийской террасы, образованного серией морских осадков, перекрытых сверху рыхлыми отложениями. Место расположения памятника соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части (< 90 м) Западного Прикаспия. Граница предгорий хорошо выделяется в рельефе структурным уступом и подчеркивается многочисленными обнажениями ракушняка и песчаника (бакинского возраста). В районе местонахождения, на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки.

Разведочные исследования, проведенные в 2011 году, позволили получить предварительные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, наиболее характерной чертой которого является наличие выразительных ашельских макроорудий [Деревянко и др., 2012]. В ходе последующих многолетних стационарных исследованиях единым раскопом было вскрыто ≈ 90 м^2 площади культуросодержащих отложений на глубину до 8 м от дневной поверхности. В общей сложности было обнаружено три разновременных комплекса артефактов, полученная сводная коллекция каменных изделий насчитывает более 1500 экз. [Кандыба, Рыбалко, 2016, с. 210–214].

В процессе раскопок памятника была изучена серия разрезов правого берега р. Дарвагчай, которые вместе с обнажениями на прилегающих к раскопу участках явились основой для детальных стратиграфических исследований и установления условий залегания и возраста археологических материалов. Ниже приводится сокращенное описание стратиграфического разреза местонахождения сверху-вниз (рис. 1).

Слой 1а. Гумуссированный суглинок (современная почва). Мощность 0,15 м.

Слой 1б. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1 м.

Слой 1в. Буро-коричневый, тяжелый суглинок (палеопочва). Часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты. Мощность до 0,4 м.

Слой 2. Коричневый, местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок. Генезис субаэральный. В верхней трети слоя (контактная зона) встречаются единичные среднепалеолитические артефакты. Мощность до 3,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный, ведущую роль играли пролювиально-делювиальные

и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит раннепалеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность до 0,45 см.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый детритусовый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Слой 6. Тонко слойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность до 1,5 м.

Представленный разрез является опорным для территории Дарвагчайского геоархеологического района [Рыбалко, 2014, с. 73–76]. Это объясняется как полнотой и мощностью вскрытых осадков, так и высокой степенью изученности, что дает возможность проводить сравнительный анализ с основными палеолитическими памятниками Дагестана и Кавказа на более обоснованном и информативном уровне. Анализируя полученный разрез, можно выделить три разновозрастные пачки отложений со специфическими чертами седиментогенеза, отделенные друг от друга стратиграфическими перерывами со следами размыва и тектоническими нарушениями. Пачка I (слои 1–2) образована преимущественно в субаэральных условиях, представлена лессо-почвенными отложениями. Пачка II (слой 3) – галечно-гравийный горизонт, образованный в результате аллювиальных и пролювиальных процессов. Пачка III (слои 4–6) – отложения прибрежно-морского генезиса, соответствуют переходной зоне между шельфом и побережьем.

Вопросы хронологии, связанные с установлением возраста археологических памятников, являются одними из самых сложных. Определить хронологические рамки самого нижнего культуросодержащего горизонта памятника Дарвагчай-Залив-4 (слой 5) позволяют палеонтологические данные (анализ малакофауны) и палеомагнитные исследования. В ходе археологических раскопок из слоя были отобраны все целые (пригодные для определения) раковины моллюсков. В их составе преобладают каспийские кардииды – раковины моллюсков рода Didacna Eichw.. Род Didacna, обладающий высокой скоростью эволюционного развития на видовом и подвидовом уровне, имеет руководящее значение для стратификации неоплейстоцена Каспия и палеогеографических реконструкций его бассейнов.

В составе дидакн четко выделяются две группы. Первая из них представлена раковинами, несущими явные следы переотложения (окатанность, потертости, замытость ребер). В ней преобладают *Didacna rudis* Nal., встречаются *D*. cf. *parvula* Nal., *D. lindleyi* (Dash.) Fed., *D. golubyatnikovi* Yan. Это представители бакинской (позднебакинской) фауны Каспия, характерным видом которой является *D. rudis*.

Вторая группа содержит раковины хорошей сохранности, с четкими контурами, замочным аппаратом и ярко выраженными (неистертыми) ребрами. Этот показатель, а также наличие, наряду с раковинами взрослых особей, экземпляров молодых раковин разного возраста, имеющих хорошую сохранность, свидетельствует о залегании этого малакофаунистического сообщества *in situ*. В его составе преобладают *Didacna eulachia* (Bog.) Fed. и *D. kovalevskii* Bog., единичны *D. pravoslavlevi* Fed. Возраст малакофауны (и включающих ее отложений) – уруджикский, ее характерными видами являются *Didacna eulachia* и *D. Kovalevskii* [Рыбалко, Янина, 2017, с. 190–194].

Поскольку вопрос о стратиграфическом положении и относительном возрасте культуросодержащих отложений принципиально важен, следует остановиться на представлениях исследователей неоплейстоцена Каспия по вопросу об уруджикском этапе в развитии региона, ибо он не имеет однозначного решения.

Уруджикский этап в развитии Каспийского бассейна и его побережий впервые был установлен П.В. Федоровым [Федоров, 1957] и отнесен к началу хазарской, а затем – к завершающему этапу бакинской трансгрессивной эпохи. Т.А. Яниной было доказано существование самостоятельного уруджикского трансгрессивного этапа на основе критического анализа всех известных местонахождений малакофауны Каспийского региона [Янина, 2008, с. 60–73]. К настоящему времени большинством исследователей признан уруджикский этап развития бассейна и уруджикский горизонт в стратиграфической схеме каспийского неоплейстоцена. Морской бассейн был изолированный, тепловодный, с повышенной (по сравнению с современной) соленостью. Время этого события – начало среднего неоплейстоцена, лихвинское межледниковье.

Помимо этого, на памятнике были проведены палеомагнитные исследования. Была отобрана колонка образцов из слоя 2, прослоев глинистых алевритов слоя 3 и слоя 4. По заключению автора работ, д-ра геол.-минер. наук А.Ю. Казанского (устное свидетельство), в верхней части разреза зафиксирована положительная остаточная намагниченность, а в слое 4 (морские пески) отрицательная, минус разнонаправленный, и, ве-

роятнее всего, соответствует экскурсу Бива III – 390 тыс. л.н.

Таким образом, предварительная информация, полученная методами естественных наук, позволила установить, что раннепалеолитические археологические материалы, зафиксированные в слое 5, накапливались в субаквальных условиях морского побережья (пляжная и предфронтальная зоны). Хронологически время формирования культуросодержащего горизонта соотносится с урунджикской фазой активности Каспийского моря и согласно принятым стратиграфическим схемам, соответствует возрасту ≈ 0,4–0,35 млн л.н. (MIS 11–10)

В 2019 г. была предпринята попытка получения первой абсолютной хронологии для многослойной стоянки Дарвагчай-Залив-4. Как отмечалось ранее, в разрезе памятника представлена толща лессово-почвенных осадков, ниже переходящая в пролювиальные (галечно-гравийные) отложения, которые в свою очередь подстилают морские галечники и пески с фауной моллюсков (рис. 1). В ходе многолетних исследований были обнаружены археологические материалы, подтверждающие наличие на стоянке как минимум трех разновременных комплексов артефактов [Кандыба, Рыбалко, 2016, с. 210–214], для определения точных хронологических рамок которых необходимо было провести абсолютное датирование культуросодержащих горизонтов стоянки.

Традиционным и наиболее часто используемым методом датирования является радиоуглеродный. Однако возможности его применения

Рис. 1. Северо-восточная стенка раскопа стоянки Дарвагчай-Залив-4.

	D34-1	Darvagchai-4	275	215	0.35 ± 0.10	7.2 ± 0.6
	D34-4	Darvagchai-4	275	215		111.9 ± 14.8
	D34-5	Darvagchai-4	275	215		189.8 ± 10.4
	D34-7	Darvagchai-4	275	215		216.0 ± 10.5
	D34-9	Darvagchai-4	275	215		216.3 ± 16.4
	D34-10	Darvagchai-4	275	215		173.5 ± 15.7
	D34-11	Darvagchai-4	275	215		204.4 ± 18.4
	D34-12	Darvagchai-4	275	215		203.6 ± 12.6
Склоновые	D34-13	Darvagchai-4	275	215		221.0 ± 22.6
Склоновые	D34-14	Darvagchai-4	275	215		236.7 ± 28.8
Урунджикские	D34-15	Darvagchai-4	275	215		342.8 ± 37.3
Урунджикские	D34-16	Darvagchai-4	275	215		351.7 ± 35.1
Урунджикские	D34-17	Darvagchai-4	275	215		353.5 ± 26.0

Рис. 2. Датирование стоянки Дарвагчай-Залив-4 методом OSL.

ограничены малым хронологическим интервалом ≈ 50 тыс. лет и высокими требованиями к сохранности и качеству органического материала. В нашей ситуации, в условиях отсутствия фаунистического материала, практически единственной альтернативой являлся метод OSL (оптически стимулируемое люминесцентное датирование). Одним из главных его достоинств является широкое распространение пригодного для датирования материала. Этим материалом являются зерна кварца и полевых шпатов. Датирование по кварцу ограничено периодом до 100–150 тыс. лет, по полевым шпатам до 400–500 тыс. лет. Метод основан на оценке поглощенной дозы радиации за период захоронения осадка. Время захоронения и определяется OSL-возрастом. Метод применим для субаэральных (лессо-почвенных), русловых, пойменных и др. отложений. Единственной сложностью является необходимость отбора образцов в полной темноте, чтобы исключить повторное засвечивание материала.

В общей сложности с разреза стоянки Дарвагчай-Залив-4 была отобрана серия из 17 образцов. Пробоподготовка выполнена в «лаборатории новейших отложений и палеогеографии плейстоцена» МГУ, а сам анализ в лаборатории люминесцентного датирования университета г. Орхус (Дания). Построенная по 13 датам хронология позволила впервые определить точный возраст всех стратиграфических подразделений разреза и, что особенно важно, культуросодержащих горизонтов стоянки (рис. 2).

Таким образом, суммарная информация, полученная в результате естественнонаучных исследований и абсолютного датирования методом OSL, позволяет установить, что археологический материал, зафиксированный в слое 1в (палеопочва), накапливался в субаэральных условиях. Немногочисленная, но представительная коллекция артефактов характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Хронологически время формирования культуросодержащего горизонта соотносится с финальной стадией хазарской трансгрессии Каспийского моря, периодом рисс-вюрмского (микулинского) межледниковья и имеет возраст 125–110 тыс. л.н. (MIS 5e). Серия из 6-ти дат из нижележащей пачки лёссов не содержащая археологических материалов (слой 2) дали возраст 180–210 тыс. л.н. Артефакты другого комплекса, обнаруженные в слое 3 (галечно-гравийные отложения), относятся к финальному ашелю. Наиболее выразительной частью коллекции являются крупные галечные и бифасиально обработанные орудия. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Возраст культуросодержащего горизонта установлен в интервале 250–220 тыс. л.н. (MIS 7). Коллекция каменных изделий, обнаруженная в слое 5 (морские галечники и пески), относится к позднему ашелю и является свидетельством наиболее раннего появления древнего человека на рассматриваемой территории. В целом комплекс выглядит довольно архаично, группа специализированных ашельских макроорудий представлена преимущественно частичными рубилами, унифасами, чопперами и пиками. Морские горизонты из нижней части разреза стоянки (слои 4, 5) сформировались в условиях морского побережья в период урунджикской трансгрессии Каспийского моря. Хронологические рамки комплекса определены интервалом – 370–330 тыс. л.н. (MIS 11–10).

Благодарности

Работы выполнены при поддержке грантов РФФИ: № 19-09-00006 (археологические исследования) и № 19-05-01004 (геохронологические исследования).

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-Залив-4) // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия. История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А. Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-Залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX – С. 73–76.

Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 190–194.

Федоров П.В. Четвертичные отложения и история развития Каспийского моря. – М.: Наука, 1957. – 305 с.

Янина Т.А. Урунджикский этап в плейстоценовой истории Каспийского региона // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – М.: Наука, 2008. – № 4. – С. 60–73.

References

Derevianko A.P., Amirkhanov K.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: IAE SB RAS, 2012, 292 p. (In Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Ranniy paleolit yugo-vostochnogo Dagestana (po materialam pamyatnika Darvagchai-zaliv-4). In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: *Istoriya, politologiya,* 2016, No. 2. (90), pp. 210–214. URL: http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282016%294-41. (Accessed October 8, 2021). (In Russ.).

Rybalko A. G. Geokhronologicheskie issledovaniya stoyanki Darvagchai-zaliv-1 v respublike Dagestan. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Novosibirsk: IAE SB RAS, 2014, Vol. 20, pp. 73–76. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2014.pdf. (Accessed October 8, 2021). (In Russ.)

Rybalko A.G., Yanina T.A. Obosnovanie vozrasta rannepaleoliticheskoi stoyanki Darvagchay-Zaliv-4 (Yugo-Vostochnyi Dagestan). In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy*. Novosibirsk: IAE SB RAS, 2017. Vol. 23, pp. 190–194. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2017.pdf. (Accessed October 8, 2021). (In Russ.).

Fedorov P.V. Chetvertichnye otlozheniya i istoriya razvitiya Kaspiyskogo morya. Moscow: Nauka, 1957, 305 p. (In Russ.).

Yanina T.A. Urundzhikskiy etap v pleistotsenovoi istorii Kaspiyskogo regiona. In *Izvestiya Rossiyskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. Moscow: Nauka, 2008, No. 4, pp. 60–73. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Янина Т.А. https://orcid.org/0000-0002-0367-3900

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0167-0175
УДК 902/904

А.И. Лебединцев[1], А.А. Прут[2], А.Ю. Федорченко[3]✉, Р.М. Харитонов[3], А.В. Пташинский[4], И.В. Макаров[2], П.С. Гребенюк[1]

[1]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
[2]ООО «Геокорд»
Москва, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[4]Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга
Петропавловск-Камчатский, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 году

В статье представлены основные результаты полевых исследований, проводившихся в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 г. Объектом исследований выступили памятники финального верхнего палеолита, палеометалла и железного века, расположенные в Ольском р-не Магаданской обл. и Быстринском р-не Камчатского края. В Северном Приохотье работы осуществлялись на м. Астрономическом и м. Братьев в зал. Бабушкина. На всех участках работ произведен отбор образцов для радиоуглеродного AMS-датирования. В результате работ в Центральной Камчатке на памятниках в районе с. Анавгай получены находки финального верхнего палеолита, что придает им особую значимость для понимания процессов заселения Камчатки в эпоху позднего плейстоцена. Определены точные координаты и границы ранее выявленных памятников на м. Братьев в зал. Бабушкина. Проведенные в Северном Приохотье полевые работы позволили получить археологическую коллекцию, представленную разнообразными типами каменных, костяных и деревянных изделий, а также новый антропологический материал со стоянок древнекорякской культуры. Важную роль для культурной интерпретации выявленных погребальных комплексов представляют уникальные находки – фрагменты украшений из бронзы и стеклянная бусина. В полученных археологических коллекциях зафиксирован ряд новых типов изделий и орудий, в т.ч. артефакты из дерева и орнаментированные костяные изделия, дополняющих материальный комплекс памятников древнекорякской культуры, вероятно существовавших в районе зал. Бабушкина синхронно с поселением Атарган (X–XIII вв. н.э.). Актуальной проблемой остается уточнение возраста и характеристик основных периодов развития древнекорякской культуры.

Ключевые слова: *Северное Приохотье, Камчатка, палеолит, палеометалл, железный век, древнекорякская культура.*

A.I. Lebedintsev[1], A.A. Prut[2], A.Yu. Fedorchenko[3]✉, R.M. Kharitonov[3], A.V. Ptashinskiy[4], I.V. Makarov[2], P.S. Grebenyuk[1]

[1]North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
[2]LLC «Geokord»
Moscow, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[4]Kamchatka State University named after Vitus Bering
Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Results of Field Works at the Northern Okhotsk Sea Shore and in Kamchatka in 2021

The article presents the main results of field research in Northern Okhotsk Sea shore and Kamchatka in 2021. The research was focused on Palaeolithic, Neolithic, Paleometal, and Iron Age sites located in the Olsky District of the Magadan Region and the Bystrinsky District of the Kamchatka Region. Archaeological works were carried out at Astronomicheskiy and Bratiev Capes in Babushkin Bay in the northern Okhotsk Sea. Samples for AMS dating have been collected at all the sites under study. Materials attributable to the terminal Upper Palaeolithic were found in the vicinity to the Anavgai village in the central Kamchatka; these finds provide an insight into the processes of human habitation on the Kamchatka in the Late Pleistocene. The exact coordinates and boundaries of previously established archaeological sites at Bratiev Cape in Babushkin Bay have been determined. The archaeological collections from the Northern Okhotsk region include various types of stone, bone, and wood implements and anthropological fings attributable to the Ancient Koryak culture in Babushkin Bay. The unique finds including fragments of bronze ornaments and a glass bead are significant for the cultural interpretation of the identified burial complexes. New types of artefacts including wooden objects and ornamented bone items were found. These collections add information of the material complex of the Ancient Koryak culture , which probably existed in the Babushkin Bay area synchronously with the Atargan settlement (10th–13th centuries AD). Clarification of the age and characteristics of the main periods of development of the Ancient Koryak culture remains an urgent problem.

Keywords: *Northern Okhotsk Sea region, Kamchatka, Palaeolithic, Paleometal, Iron Age, Ancient Koryak culture.*

Введение

В 2021 г. были проведены полевые исследования археологических памятников эпохи финального палеолита, палеометалла и железного века, расположенные в Ольском р-не Магаданской обл. и Быстринском р-не Камчатского края. На территории Северного Приохотья работы осуществлялись на м. Братьев в зал. Бабушкина, в Центральной Камчатке – в долине руч. Раздельный. Цель проведенных экспедиционных работ заключалась в оценке сохранности известных объектов культурного наследия, обнаружении новых и продолжении исследований ранее выявленных памятников [Лебединцев и др., 2020]. Для уточнения возраста объектов осуществлялся отбор образцов угля и кости для проведения радиоуглеродного датирования.

Центральная Камчатка

В полевом сезоне 2021 г. в Быстринском р-не Камчатского края проводились новые исследования многослойных памятников Раздельный I и II, расположенных в 3 км к западу от с. Анавгай. Стоянки расположены на надпойменной террасе водно-ледникового генезиса высотой 11,5 м, на левом берегу одноименного ручья, впадающего в р. Быструю выше устья р. Анавгай. Группа археологических объектов в районе с. Анавгай является второй после Ушковских стоянок, где в 2008 г. обнаружены находки финального верхнего палеолита. Возраст археологических комплексов, выявленных на памятниках Раздельный I и II, устанавливается на основании AMS-дат, полученных по образцам угля из очажных линз – 10 970 ± 30 (IAAA-132069) и 8 810 ± 30 (IAAA-120929) [Пташинский, 2014].

Летом 2020 г. культурные слои стоянок Раздельный I и II были частично нарушены из-за прокладки линии оптоволокна. В сентябре 2021 г. на фронтальной бровке террасы на стоянке Раздельный II, на площади с удаленным почвенно-растительным горизонтом (около 40 м^2) был собран подъемный материал и разобраны участки с планиграфически целостными комплексами (12 м^2), сохранившимися ниже. В результате проведенных работ в южной части изученной площади был выявлен частично разрушенный очаг, обложенный валунами, в северной части – углистозольное пятно. С восточной стороны очажного валуна прослежены остатки истлевшего рога ~45 см длиной. В заполнении очага отмечены многочисленные мелкие фрагменты кальцинированных костей, часть которых была отобрана для проведения фаунистического анализа; уголь из очага взят для AMS-датирования.

В полученной археологической коллекции (около 200 экз.) выделены клиновидные и конические микронуклеусы, сколы подправки площадок и фронта микронуклеусов, микропластины, фрагменты резцов, ножи, основание листовидного наконечника, крупные бифасы, сколы, отщепы и чешуйки из обсидиана и кремнистых пород. На изученной площади три конических микронуклеуса, крупный боковой скребок, орудие режущего типа, резец и две целых микропластины с утилитарной ретушью залегали компактным скоплением, что позволяет интерпретировать их как остатки «сумки охотника». На восточном краю выявленного очага отмечено скопление микроотщепов, на юго-западном – крупных сколов и от-

щепов. Облик выявленных археологических материалов соответствует финальному верхнему палеолиту.

Северное Приохотье

В 2021 г. продолжены полевые исследования объектов культурного наследия в зал. Бабушкина – на м. Братьев и безымянном мысу к югу от эстуария р. Ненгеджекчен (Ненгедякчан). Указанная группа памятников расположена на побережье Охотского моря, в 150 км к востоку от г. Магадан.

В текущем полевом сезоне было предпринято дополнительное обследование памятников МБА-1 и МБА-3, начатое в прошлом году [Лебединцев и др., 2020]. *Поселение МБА-1* расположено на 3-метровой галечно-валунной косе к северу от м. Братьев. На северо-западной оконечности косы была осуществлена зачистка рыхлых отложений, в полученном стратиграфическом разрезе выявлены следующие литологические подразделения (сверху вниз).

Слой 1. Почвенно-растительный горизонт. Мощность – до 0,25 м.

Слой 2. Коричневая супесь, насыщенная фаунистическими остатками (кости морских млекопитающих и северного оленя, фрагменты раковин моллюсков). В южном углу разреза на глубине 0,55–0,75 м от дневной поверхности встречена линза из раковин мощностью 0,15–0,2 м и протяженностью 0,4 м. Общая мощность слоя – 0,3–0,7 м.

Слой 3. Галечно-валунная толща с заполнением из крупного песка. Вскрытая мощность – более 0,5 м.

В процессе зачистки археологический материал был зафиксирован в слое 2. В общей сложности было получено 63 находки (табл. 1). Для изготовления каменных артефактов на памятнике использовались осадочные и эффузивные породы различных оттенков серого цвета. Наиболее массовой категорией каменного инвентаря выступают отщепы (n=12). Орудийный набор (n=5) включает скребки на отщепах овальные (рис. 1, *1*), двулезвийные (рис. 1, *4*) и с ретушью по периметру (рис. 1, *2*), фрагмент конвергентного скребла (рис. 1, *3*) и отщеп с ретушью. Костяная индустрия (n=23) представлена наконечником ромбического сечения из рога оленя (рис. 1, *8*), двумя фрагментами наконечников из кости – со скошенным основанием и раздвоенным насадом, проколками (рис. 1, *5, 6*), лощилами (рис. 1, *11*), игольником из кости птицы (рис. 1, *9*), фрагментом тесла или мотыги из кости кита (рис. 1, *10*). Среди артефактов оригинальной формы можно отметить фигурное изделие (рис. 1, *7*) в виде узкой вытянутой пластинки с симметричными выступами по краям, следами интенсивной залощенности на поверхности, а также предмет неопределимого назначения из рога оленя изогнутой формы с отверстием для привязывания (рис. 1, *14*). Относительно массово в коллекции фиксируются заготовки костяных изделий, в т.ч. наконечника зубчатого гарпуна из кости кита (рис. 1, *13*), а также фрагменты тонкостенной керамики (n=22) с ложнотекстильным орнаментом (рис. 1, *17*) и неорнаментированной.

Таблица 1. **Состав археологической коллекции из зачистки на поселении МБА-1 (2021 г.)**

№	Категории / типы артефактов	Кол-во
	Артефакты из камня	
Скребки		
1	овальные	1
2	двулезвийные	1
3	с ретушью по периметру	1
Скребла		
4	конвергентные	1
5	Отщепы с ретушью	1
	Отщепы	
6	крупные (длина ≥30 мм)	11
7	средние (длина 29–10 мм)	1
	Артефакты из кости	
Наконечники		
8	ромбического сечения	1
9	со скошенным основанием	1
10	с раздвоенным насадом	1
11	Проколки	3
12	Лощила	1
13	Игольники	1
14	Тесла	1
15	Орудия с уплощенным кончиком	1
16	Рукояти	1
17	Фигурные изделия	1
18	Фрагменты изделий с отверстием	2
Заготовки		
19	заготовки гарпунов	1
20	струганные пластины	3
21	фрагменты со следами строгания и раскалывания	5
	Артефакты из дерева	
22	Фрагменты рукоятей	1
	Керамика	
23	Фрагменты тулова сосудов с ложнотекстильным орнаментом	5
24	Фрагменты венчика сосудов с ложнотекстильным орнаментом	2
25	Фрагменты тулова сосуда без орнамента	14
26	Фрагменты венчика сосудов без орнамента	1
	Итого	63

Рис. 1. Поселение МБА-1.

1–4 – каменные изделия; *5–16* – артефакты из кости; *17* – фрагмент керамического сосуда.

Одним экземпляром представлено изделие из дерева – возможно, фрагмент рукояти сосуда или плошки.

Поселение МБА-3 расположено на 10-метровой цокольной террасе по левому берегу небольшого ручья, впадающего в северо-западный угол безымянной бухты, в 1 км к северу от м. Братьев (рис. 2, *1*). На участке вдоль южного, обращенного к морю, края террасы, протяженностью 65 × 30 м, выявлены котлованы углубленных жилищ – наиболее крупное из них имеет округлую форму, достигая 10 м в диаметре и 1 м в глубину. К востоку он него расположены еще пять котлованов округлой формы диаметром 3–4 м и глубиной до 0,6 м. Для уточнения стратиграфической ситуации на памятнике было заложено два шурфа 1 × 1 м. Шурф 1 расположен в 3 м к северу от края 10-метрового котлована, шурф 2 – в 5 м от того же жилища к востоку. В результате проведенных работ была выявлена следующая стратиграфическая последовательность (сверху вниз).

Слой 1. Почвенно-растительный горизонт. Мощность – 0,2–0,35 м.

Слой 2. Темно-коричневая гумусированная супесь с фрагментами костей морских млекопитающих, раковин моллюсков и включением тонких (0,01–0,02 м) углистых прослоек. Мощность – 0,35 м.

Слой 3. Серо-коричневая супесь со следами солифлюкционных процессов. Мощность – более 0,3 м.

Рис. 2. Поселение МБА-3.

1 – вид на памятник; *2–6* – каменные изделия; *7* – орнаментированная пластина.

Коллекция артефактов, полученная из шурфа 1, составляет 41 экз., шурфа 2 – 58 экз. (табл. 2). Минерально-сырьевая база обитателей памятника МБА-3 включала галечный материал – андезито-базальты, а также окремнелые породы и роговики темно- и светло-серого цвета, в единичном случае – прозрачный горный хрусталь. В коллекции преобладают продукты первичного расщепления – отщепы (n=83) и обломки (n=5). Орудийный набор (n=5) включает два наконечника стрел (рис. 2, *2, 5*), овальный скребок (рис. 2, *6*), бифасиально обработанный нож (рис. 2, *3*), а также заготовку бифаса (рис. 2, *4*). Костяные изделия представлены колком с втулкой для крепления поворотного гарпуна размером 170 × 33 × 23,4 мм и защитной пластиной для большого пальца при стрельбе из лука (рис. 2, *7*) выгнутой формы с продолговатыми отверстиями для привязывания к руке и орнаментацией резными линиями, размером 79,3 × 26,4 × 3,8 мм. Изучаемая коллекция дополнена фрагментами тонкостенной неорнаментированной керамики (n=4).

В текущем полевом сезоне были продолжены работы на *могильнике Мыс Братьев-4*. Указанный памятник расположен на юго-восточной оконечности м. Братьев. В 2020 г. в непосредственной близости от высокого скалистого обрыва здесь было отмечено два частично разрушенных погребения [Лебединцев и др., 2020]. В текущем полевом сезоне из-за угрозы полной утраты рассматриваемых погребальных комплексов было осуществлено их целенаправленно исследование.

Могила 1 практически не сохранилась, вследствие осыпания вниз по склону и дальнейшего обрушения (рис. 3, *1*). В результате осмотра края обрыва был зафиксирован череп, деформированный под весом гранитного валуна (рис. 3, *2*). После удаления валуна, при разборе дресвяно-гравийного заполнителя было зафиксировано три изделия из бронзы. Первый артефакт в виде бляшки восьмерковидной формы с перехватом, плоско-выпуклым сечением, прямым профилем и размерами 16 × 7,5 × 1,7–3,3 мм зафиксирован непосредственно на черепе погребенного (рис. 3, *5*). Фрагменты двух других мелких изделий округлой формы были обнаружены под черепом и в 30 см к югу от него. Осмотр и зачистка осыпи под погребением позволили выявить зуб и фрагмент трубчатой кости человека, еще два бронзовых предмета (рис. 3, *3*)

Таблица 2. **Состав археологических коллекций из шурфов на поселении МБА-3 (2021 г.)**

№	Категории / типы артефактов	Шурф 1	Шурф 2
		Кол-во	Кол-во
	Артефакты из камня		
Наконечники			
1	черешковые	1	–
2	неопределимого типа	–	1
Скребки			
3	овальные	–	1
Ножи бифасиальные			
4	овальные	1	–
Заготовки			
5	бифасиального изделия	–	1
Отщепы			
6	крупные (длина ≥30 мм)	13	16
7	средние (длина – 29–10 мм)	22	29
8	мелкие (длина <10 мм)	3	–
9	Обломки	1	4
	Артефакты из кости		
10	Колки для насада наконечников гарпунов	–	1
11	Пластины орнаментированные	–	1
	Керамика		
12	Фрагменты тулова сосуда без орнамента	–	1
13	Фрагменты венчика сосуда без орнамента	–	3
	Итого	99	

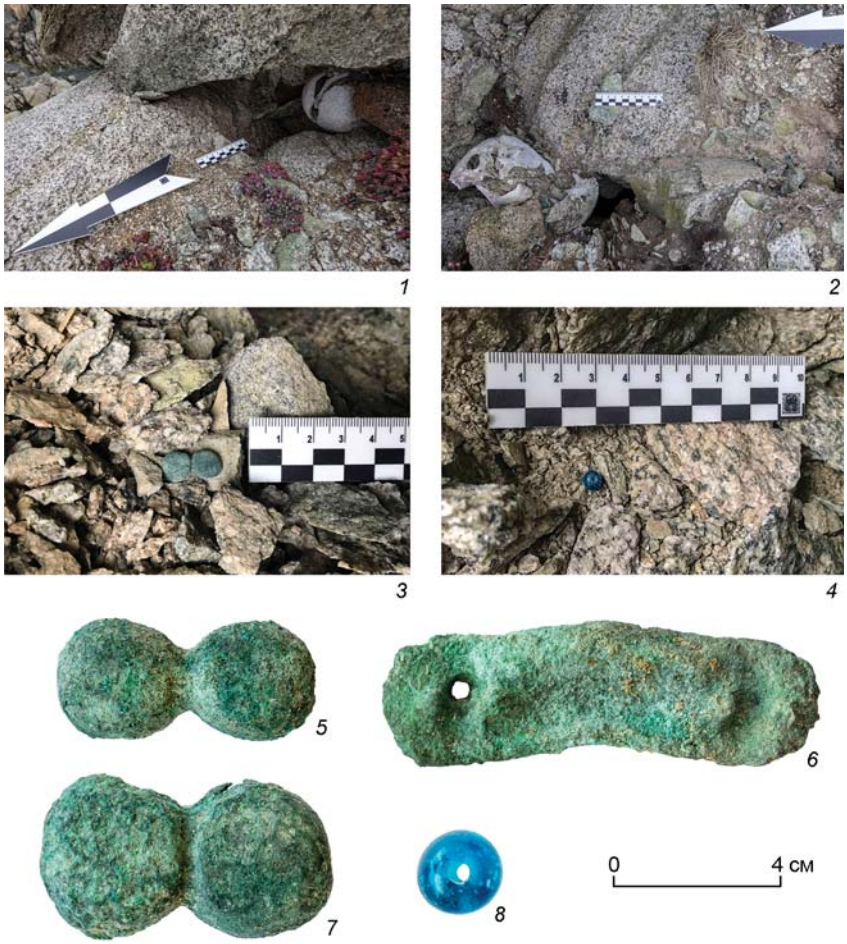

Рис. 3. Могильник Мыс Братьев-4, могила 1.

1–2 – вид на погребение; *3–4* – украшения из осыпи; *5–7* – изделия из бронзы; *8* – бусина из стекла.

и стеклянную бусину (рис. 3, *4*). Первый артефакт представляет собой восьмерковидную бляшку, аналогичную по морфологии изделию с черепа погребенного (рис. 3, *7*); его размеры – 18 × 10 × 2,1–3,2 мм. Второй – бляшка удлиненной коленчатой формы с плосковыпуклым сечением, прямым профилем и размерами 27 × 8 × 3,5 мм; на плоской стороне в ее концевых частях расположены остатки ушек для подвешивания и одно сквозное округлое отверстие (рис. 3, *6*). Третий артефакт – шаровидная бусина из темно-синего полупрозрачного стекла (рис. 3, *8*) со сквозным отверстием и размерами 5,2 × 5 × 4,6 мм. Ниже по склону в осыпи в 200 см от черепа обнаружен фрагмент деревянной жерди, в 450 см от черепа выше по склону в дерне – бедренная кость.

Могила 2 расположена в 11 м к СЗ от могилы 1 и отличается гораздо лучшей степенью сохранности. Погребение совершено в нише между двумя вертикально стоящими гранитными плитами, перекрытыми сверху крупной плитой и валунами (рис. 4, *1–2*). После удаления каменного перекрытия могилы в ее западной и центральной частях на своеобразном настиле из длинных жердей лиственницы (рис. 4, *4*) было зафиксировано три черепа (рис. 4, *3*). Вместе

Рис. 4. Могильник Мыс Братьев-4, могила 2.

1–3 – вид на погребение до начала раскопок; *4* – перекрытие из деревянных жердей; *5–6* – детали лука.

с жердями перекрытия в центральной части погребения была уложена вдоль деревянная основа лука размером 1050 × 150–28 × 15–7 мм (рис. 4, *5*). Узкая центральная часть изделия, представляющая рукоять, полукруглая в сечении, плавно расширяется и утончается в направлении окончаний, переходя в плечи, после чего незначительно сужается. В месте сужения деталь с обоих концов обломана. Сечение предмета говорит о том, что лук был сложной конструкции. На дне могилы в дресвяно-гравийном заполнителе зафиксирована большая берцовая кость, два позвонка, два коренных зуба и крестец. Само дно оказалось частично разрушенным – из-за смещения вертикальных гранитных плит образовалась крупная узкая щель, вследствие чего отдельные антропологические остатки и артефакты были обнаружены в осыпи ниже по склону: нижняя челюсть с одним зубом, ребро, позвонок и бедренная кость, а также деталь сложного лука (рис. 4, *6*). Последний артефакт представляет собой концевую боковую накладку из рога северного оленя размером 185 × 23–18 × 10–3 мм. Пластина вытянутая, имеет слабоизогнутую форму, скругленную с одного торца и с небольшой выемкой для крепления тетивы, с другого – имеющую небольшой изогнутый выступ, который, вероятно, повторяет форму деревянной основы. Обе детали из погребения могли использоваться в конструкции одного лука, однако прямой связи между ними не прослеживается. Характер залегания скелетных остатков в могиле позволяет интерпретировать это погребение как нарушенное.

В результате проведенных поисковых работ на южной оконечности м. Братьев, на краю скального обрыва высотой 25–30 м, в 400 м к ЮЗ от могильника Мыс Братьев-4 был выявлен новый памятник – *поселение Мыс Братьев-5*. На поверхности небольшого мысовидного выступа размером 70 × 50 м выявлена группа котлованов углубленных жилищ (рис. 5, *1*). Котлованы овальной формы, самый крупный насчитывает 8 м в поперечнике и до 1 м в глубину, в непосредственной близости от него зафиксированы три котлована до 3–4 м диаметром и до 0,6–0,8 м глубиной, возможно – камеры жилищ, которые соединялись проходами с основным крупным жилищем. Второй котлован овальной формы, до 7 м в поперечнике и до 1 м в глубину. Дневная поверхность на месте котлованов, обильно поросшая травой, выделяется на фоне окружающего тундрового ландшафта.

В межжилищном пространстве, между двумя котлованами крупных жилищ, заложен разведочный шурф 1 × 1 м глубиной 0,7 м – до слоя мерзлого грунта, верхняя часть которого была прокопана на 0,05 м по мере оттаивания. В результате была

Рис. 5. Новые археологические памятники в зал. Бабушкина.

1 – общий вид на поселение Мыс Братьев-5; *2–9* – изделия из дерева из поселения Мыс Братьев-5; *10* – каменное тесло со стоянки Астрономический-7.

установлена следующая стратиграфическая последовательность (сверху вниз).

Слой 1. Почвенно-растительный горизонт. Мощность – до 0,25 м.

Слой 2. Горизонт из раковин моллюсков. Мощность – 0,03–0,15 м.

Слой 3. Коричневая гумусированная супесь с единичными остатками костей морских млекопитающих и фрагментов раковин. Мощность – до 0,2 м.

Слой 4. Черно-коричневая гумусированная супесь с фрагментами древесины, древесной щепой, костями морских млекопитающих и раковинами моллюсков. Мощность – от 0,2 м.

Археологический материал из шурфа происходит из литологических слоев 2 и 3 и насчитывает

Таблица 3. **Состав археологической коллекции из шурфа 1 на поселении Мыс Братьев-4 (2021 г.)**

№	Категории / типы артефактов	Слой 2	Слой 3
		Кол-во	Кол-во
	Артефакты из камня		
Отщепы			
1	крупные (длина ≥30 мм)	2	–
	Артефакты из кости		
2	Рог со следами обработки	1	–
3	Заготовки костяного изделия	1	–
	Артефакты из дерева		
4	Остроконечники	–	1
5	Ложки	–	1
6	Сосуды	–	1
7	Фрагменты изделий неопределимого типа	–	8
	Керамика		
8	Фрагменты тулова сосуда без орнамента	1	–
	Итого	16	

16 артефактов (табл. 3). В коллекции представлены два отщепа из роговика темно-серого цвета, фрагмент обработанного рога и заготовка костяного изделия, фрагмент гладкостенной керамики, а также серия предметов из дерева (рис. 5, *2–9*). Среди последних наиболее примечательны ложка размером 113,6 × 28,1 × 3,9–6,8 мм с выделенной рукоятью, у которой срезами оформлено слегка приостренное основание и имеется треугольное отверстие (рис. 5, *7*), а также фрагмент плоского сосуда овальной формы размером 65,4 × 39,1 × 2,8–5,3 мм (рис. 5, *9*).

Продолжение поисковых работ к северу от м. Братьев позволило выявить два новых местонахождения с поверхностным залеганием артефактов – *Астрономическая-7 и -8*.

Стоянка Астрономическая-7 выявлена на правом (южном) берегу эстуария р. Ненгеджекчен, в 1,3 км на ЮЮЗ от оконечности безымянного мыса, выявлена впервые. На дресвяно-гравийной раздернованной поверхности у края 10-метровой террасы, прорезанной мелким пересыхающим водотоком, на его левом приустьевом участке, на площади 10 × 20 м собран подъемный материал, представленный исключительно каменными артефактами. Полученная коллекция представлена поперечно фрагментированным двусторонне обработанным теслом (рис. 5, *10*) из темно-серого роговика подтреугольной формы с прямым профилем, линзовидным сечением и размерами – 88,5 × 61,2 × 34,5 мм, а также 23 отщепами из осадочной породы серого цвета. Признаков наличия культурного слоя, как и других следов человеческой активности не отмечено.

Стоянка Астрономическая-8 расположена на правом (южном) берегу эстуария р. Ненгеджекчен, в 800 м на ВЮВ от оконечности безымянного мыса, также выявлена впервые. Здесь на раздернованной площадке 6-метровой террасы, в подъемном залегании зафиксировано два артефакта: отщеп и нож на пластинчатом отщепе с рабочим краем, обработанным крутой краевой дорсальной ретушью, из серого патинированного кремнистого сланца. Как и в предыдущем случае, следы культурного слоя или жилищных структур на этом местонахождении не зафиксированы. Характер полученного материала позволяет датировать отмеченные памятники эпохой палеометалла – раннего железного века.

Заключение

В результате работ в Быстринском р-не Камчатского края на памятниках в районе с. Анавгай были изучены комплексы финального верхнего палеолита, имеющие особую значимость для понимания процессов заселения Камчатки в эпоху позднего плейстоцена. Проведенные в Северном Приохотье археологические исследования позволили получить археологическую коллекцию, представленную разнообразными типами каменных и костяных изделий, а также новый антропологический материал со стоянок древнекорякской культуры в зал. Бабушкина. Особый интерес представляют стеклянная бусина, фрагменты украшений из металла, изделия из дерева, орнаментированные костяные изделия и фрагменты керамики. Полученные материалы дополняют имевшиеся ранее сведения о каменной и костяной индустрии, традициях керамического производства приморских культур Северного Приохотья, играют существенную роль в уточнении возраста и характеристик основных периодов развития древнекорякской культуры.

Благодарности

Полевые археологические исследования выполнены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00144 (А.И. Лебединцев, П.С. Гребенюк, А.В. Пташинский), анализ археологических коллекций – в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0002 (А.Ю. Федорченко).

Список литературы

Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Пташинский А.В., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Гребенюк П.С. Результаты полевых исследований в Се-

верном Приохотье и на Камчатке в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXVI. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 148–154.

Пташинский А.В. Проблема финального палеолита Камчатки и данные тефрохронологии // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2014. – № 3. – С. 120–128.

Reference

Lebedintsev A.I., Makarov I.V., Prut A.A., Ptashinskiy A.V., Fedorchenko A.Yu., Kharitonov R.M., Grebenyuk P.S. Results of Fieldwork in the Northern Priokhotye and Kamchatka in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. 26, pp. 148–154. (In Russ.).

Ptashinskiy A.V. Problema final'nogo paleolita Kamchatki i dannye tefrokhronologii. *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures,* 2014, No. 3, pp. 120–128. (In Russ.).

Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116
Прут А.А. https://orcid.org/0000-0002-6621-9078
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Харитонов Р.М. https://orcid.org/0000-0003-1699-046X
Макаров И.В. https://orcid.org/ 0000-0002-9673-0993
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0176-0181
УДК 902.21

С.С. Макаров[1], И.Д. Зольников[2], А.А. Анойкин[2]✉, А.С. Резвый[1], А.В. Васильев[4], А.В. Выборнов[2], С.С. Перфильев[3]

[1]БУ ХМАО-ЮГРЫ «Музей Природы и Человека»
Ханты-Мансийск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Томский государственный университет
Томск, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: sergei.s.makarov@gmail.com; anui1@yandex.ru

Результаты полевых археологических исследований на стоянке финального палеолита Комудваны в 2021 году

Статья посвящена результатам полевых археологических исследований, проведенных в 2021 г. на стоянке финального палеолита Комудваны, расположенной в приустьевой части долины р. Манья (Октябрьский р-н ХМАО). Исследования были направлены на изучение геоморфологической и геологической ситуации в районе расположения стоянки, на уточнение стратиграфического положения культуросодержащих слоев и на получение нового археологического материала. В ходе полевых работ осуществлен осмотр террасового и мысового участков памятника, а также прилегающих территории, выполнен поиск подъемного материала, заложено три расчистки, шурф и раскоп, общей площадью 10 м^2. Высокий уровень воды в р. Манья не позволил исследовать пойменный участок памятника. В результате проведенных работ удалось детально описать стратиграфию террасового и мысового участков; получить свидетельства в пользу одновременности археологического материала, обнаруженного на их территории; уточнить геоморфологические и геологические особенности приустьевой части долины р. Манья, в т.ч. и в границах стоянки, которые позволяют датировать эпизод присутствия человека на местонахождении в интервале 15–14 кал. тыс. л.н. В ходе археологических исследований в раскопе, заложенном на террасовидном участке, исследован верхний костеносный уровень (слой 4) и зафиксирован средний костеносный уровень (слой 5), ранее не выявлявшийся на стоянке. В верхнем костеносном уровне обнаружено 29 экз. костей, из которых все определимые принадлежат мамонту, а также 10 экз. каменного инвентаря, включающего скол с ретушью утилизации, отщепы, осколки и чешуйку. В настоящее время стоянка Комудваны является самым северным археологическим памятником эпохи финала позднего палеолита на Западно-Сибирской равнине.

Ключевые слова: *Западная-Сибирь, финальный палеолит, полевые работы, геология, геоморфология, палеонтология.*

S.S. Makarov[1], I.D. Zolnikov[2], A.A. Anoikin[2]✉, A.S. Rezvyi[1], A.V. Vasiliev[4], A.V. Vybornov[2], S.S. Perfilef[3]

[1]Museum of Nature and Man
Khanty-Mansiysk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]Tomsk State University,
Tomsk, Russia
[4]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

Results of Field Archaeological Studies at the Komudvany Terminal Paleolithic Site in 2021

The authors present the results of 2021 field archaeological research carried out in at the Komudwany Terminal Paleolithic site located in the estuarine part of the Manya river (Oktyabrsky District of the Khanty-Mansi Autonomous

Okrug). The research was directed to study the geomorphological and geological features in the vicinity of the site, to specify the stratigraphic position of the cultural layers and to get new archaeological materials. The terrace and cape sections of the site as well as the adjacent areas were examined, surface finds were searched, several excavation trenches and a test pit were established (total area 10 m^2). High water level in the river Manya did not allow explorations of the floodplain area of the site. The detailed stratigraphy description of the terrace and cape sections has been made, which testify to simultaneity of the uncovered archaeological materials; the geomorphological and geological features of the site area and the estuarine part of the Manya river has been clarified; the derived data testify the presence of humans 15–14 cal kyr BP. In the excavation trench on the terrace-like area, the upper bone-bearing level (layer 4) was excavated over the area of 8 sq. m, the medial bone-bearing level (layer 5) was discovered for the first time; 29 bones, of which all definable bones were those of mammoth, and 10 lithic artifacts were found in the upper bone-bearing level. Stone assemblage includes a spall with utilization retouch, flakes, shatters and a chip. Komudvany is the northernmost Terminal Paleolithic site on the West Siberian Plain.

Keywords: *West Siberian, Final Paleolithic, field work, geology, geomorphology, paleontology*.

В полевом сезоне 2021 г. палеолитическим отрядом БУ «Музей Природы и Человека» (г. Ханты-Мансийск) совместно с Нижнеобским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) были проведены археологические изыскания на стоянке Комудваны. Памятник находится в Октябрьском р-не ХМАО (N 63º18’18,1”, E 65º27’27,6”), на правом берегу приустьевой части р. Манья на расстоянии ок. 400 м от места ее впадения в р. Большая Обь (рис. 1). Памятник получил свое название по нежилой д. Комудвановские, располагавшейся в 5 км юго-западнее, на левом берегу р. Большая Обь.

Объект открыт в 2015 г. палеонтологическим отрядом Музея Природы и Человека во время разведывательных работ по правобережью Большой Оби. В ходе обследования приустьевого сора р. Манья было обнаружено скопление находок палеофауны (567 экз.), среди которых 97,7 % от всех определимых костей принадлежали мамонту *Mammuthus primigenius* Blum. (≥13 особей), 0,8 % шерстистому носорогу *Coelodonta antiquitatis* Blum. (≥2 особи), 0,9 % северному оленю *Rangifer tarandus* L. (≥1 особь), 0,3 % лошади *Equus sp.* (≥1 особь) и 0,3 % бизону *Bison* sp. (≥1 особь). В этом же году были заложены две расчистки, в одной из которых зафиксирован костеносный слой. В следующем году работы на местонахождении были направлены на определение границ распространения палеонтологического материала, в результате которых были выделены три участка: террасовый – участок с находками *in situ*, расположенный на правом берегу р. Манья на терасовидной поверхности, мысовой – участок с находками *in situ*, расположенный на правом берегу р. Манья на небольшом мысе в 50 м выше по течению реки от террасового участка, и пойменный – участок с поверхностным залеганием находок на правом берегу небольшого ручья, впадающего в р. Манья (рис. 2). На террасовом и мысовом участках совместно с палеонтологическими находками были обнаружены два скола из песчаника, пять осколков кварца/кварцита и фрагмент бивня со следами продольного раскалывания, что свидетельствовало о присутствии на территории местонахождения стоянки первобытного человека. В итоге комплексной экспедиции Музея Природы и Человека, ИАЭТ СО РАН и ТГУ в 2017 г. было подтверждено залегание каменных артефактов в верхнем костеносном уровне на террасовом участке, а также зафиксирован еще один – нижний уровень залегания костей [Макаров, Резвый, Горелик, 2018]. В результате полевых работ 2020 г. был получен новый археологический материал из верхнего костеносного уровня террасового участка, а на территории мысового участка, среди подъемного материала, зафиксирована пластинка бивня мамонта со следами подработки, что позволило включить и этот участок местонахождения в границы территории стоянки.

Учитывая результаты работ предшествующих лет, целью полевых работ 2021 г. было уточнение стратиграфического положения культуросодержа-

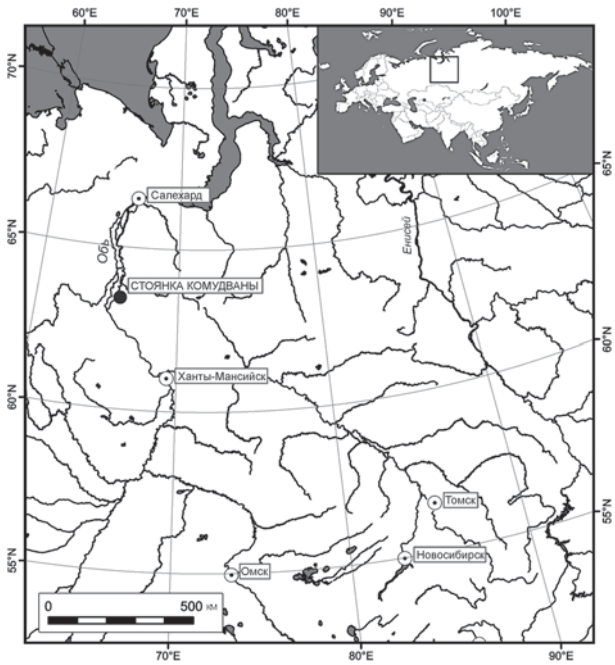

Рис. 1. Расположение стоянки Комудваны.

щих отложений, выяснение особенностей геоморфологического строения устьевой части долины р. Манья в районе расположения памятника и получение нового археологического материала.

Для достижения поставленных целей были осмотрены берега и террасовидные поверхности по обоим берегам приустьевой части долины р. Манья, выполнены три расчистки, на мысовом участке заложен шурф (2 м^2), а на террасовом – раскоп (8 м^2). Во время работ весь грунт из культуросодержащего слоя раскопа промывался на сите размером 2 × 2 мм. Осмотр пойменного участка памятника и поймы р. Манья оказался невозможным из-за высокого уровня воды в реке.

Район исследования приурочен к северо-западной окраине Белогорской возвышенности, сложенной в основном среднечетвертичными ледниковыми и водно-ледниковыми отложениями, перекрытыми верхнечетвертичным субаэральным покровом. Правый берег Оби обрывистый и возвышается на несколько десятков метров над урезом воды. Приустьевая часть долины р. Манья находится в пределах сниженного рельефа древней излучины палеоОби, соответствующего, вероятно, I надпойменной террасе, высота бровок которой здесь не превышает 4–5 м над меженным уровнем воды в р. Манья (ок. 20 м над уровнем моря). Эта терраса прислонена к возвышенным останцам со среднечетвертичным цоколем. Дневная поверхность террасового и мысового участков, возвышающихся над пойменной частью долины реки, не образует единой ровной площадки, выдержанной по высоте на одном гипсометрическом уровне – она полого расчленена ручьевой эрозией и делювиальным размывом, а возможно и дефляционными процессами.

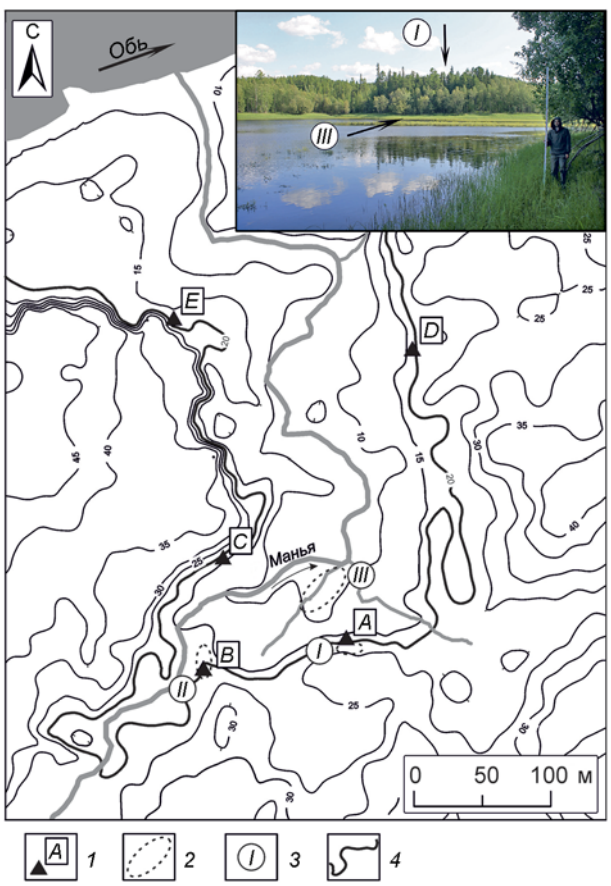

Рис. 2. Ситуационный план стоянки Комудваны и вид на памятник с запада.

1 – места расположения стратиграфических разрезов; *2* – участки памятника; *3* – номера участков памятника (*I* – террасовый, *II* – мысовой, *III* – пойменный); *4* – граница берегового террасовидного уступа.

A – раскоп; *B* – шурф; *C* – расчистка 3; *D* – расчистка 2; *E* – расчистка 1.

Наиболее информативный разрез представлен на правом берегу р. Манья в расчистке 2, заложенной в уступе террасы высотой 4 м над бровкой бечевника. Здесь сверху вниз под современной почвой мощностью 0,1 м (слой 1) залегает субаэральный покров мощностью 1,0 м, представленный делювием (чередование песка и алевропеска) (слой 2), в подошве которого есть мелкие морозобойные клинья. Под субаэральным покровом находятся аллювиальные пески с галькой параллельно слоистые (слой 3) и перекрестно слоистые (слой 4) общей мощностью 2,1 м. Под аллювием вскрыт диамиктон – неслоистый песко-алевропелит с редкими валунами, гальками-ледогранниками и дресвой (слой 5) – основная морена среднечетвертичного возраста. Морена подстилается песками, видимой мощности 0,55 м. На контакте морены и подстилающих песков имеется гнейсовидная текстура толщиной ок. 0,2 м (гляциомеланж), а в самой морене отмечены мелкие редкие плоские отторженцы нижележащего песка. Данное обнажение примечательно тем, что над среднеплейстоценовым основанием разреза вскрываются аллювиальные отложения, которые, вероятнее всего, являются субаквальной частью I надпойменной террасы Оби.

В раскопе 2021 г. (2 × 4 м), заложенном на правом берегу р. Манья в центральной части террасового участка высотой ок. 3 м над бечевником и в 3 м от террасовидного уступа (рис. 2, *A*) зафиксирована следующая стратиграфия: под современной почвой мощностью 0,2 м (слой 1) залегает субаэральный покров мощностью 3,8 м, который представлен неслоистым эоловым алевропеском (слой 2), делювием (чередование песка и алевропеска) слоистым параллельно склону (слой 3), неслоистым эоловым песком (слой 4), к прикровельным 0,15 м которого приурочены находки костей мамонта и артефактов (общая мощность слоя

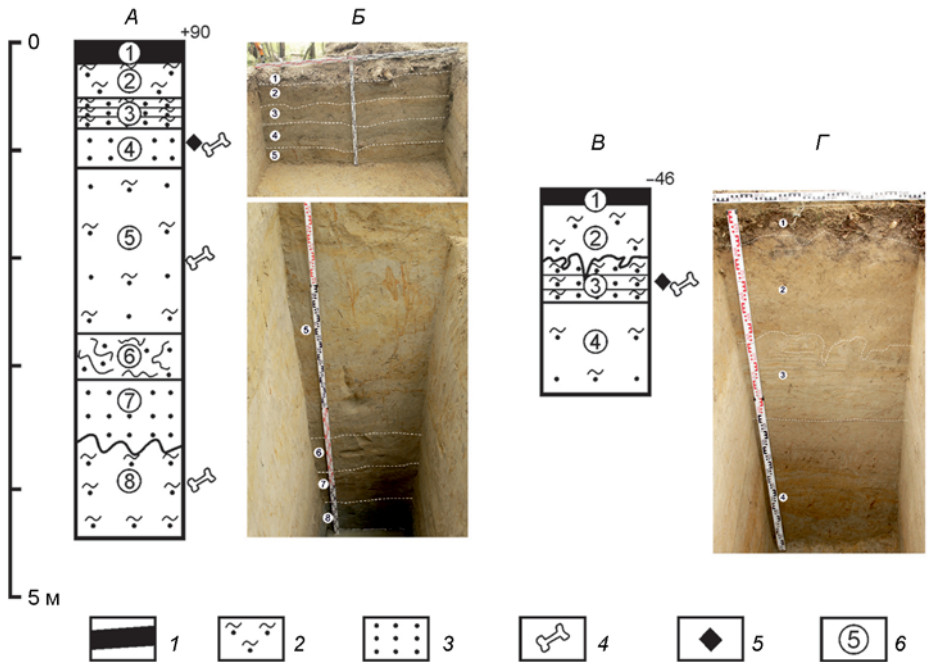

Рис. 3. Стратиграфические разрезы террасового и мысового участков стоянки Комудваны.

А – стратиграфическая колонка северо-западной стенки раскопа; *Б* – фотография северо-западной стенки раскопа; *В* – стратиграфическая колонка юго-западной стенки шурфа; *Г* – чертеж стратиграфии юго-западной стенки шурфа.

1 – современная почва; *2* – алевропесок; *3* – песок; *4* – остатки мегафауны; *5* – каменные артефакты; *6* – номера слоев.

4 ок. 0,2 м) (верхний уровень костей и культуросодержащий слой), неслоистым эоловым алевритовым песком, местами насыщенным пылеватой фракцией до алевропеска (слой 5), к средней части которого на глубине около 2 м и 2,2 м встречены остатки северного оленя (средний уровень костей), песчаным пятнисто-полосчатым солифлюксием (слой 6), неслоистым эоловым песком с кротовинами и мелкими редкими линзами гумуса (слой 7). Непосредственно под субаэральным комплексом отложений по неровному солифлюкционно деформированному контакту находятся озерно-болотный (возможно осадки пойменного озера) неслоистый блекло синий алевропесок с мелкими редкими пятнами черной органики и болотным запахом (слой 8) видимой мощностью до 0,7 м (рис. 3, *А, Б*).

В верхнем костеносном уровне (слой 4), исследованном на террасовом участке, *in situ* зафиксировано 26 костей и пять каменных артефактов. Все находки обнаружены на площади 5 м^2 в северо-западной части раскопа, приближенной к бровке террасовидной поверхности (рис. 4, *1*). Большинство находок, обнаруженных *in situ*, располагались горизонтально, хотя отдельные кости и несколько сколов зафиксированы в положении вертикально или на ребре, что указывает на их перемещение в слое. Разброс находок по высоте составил не более

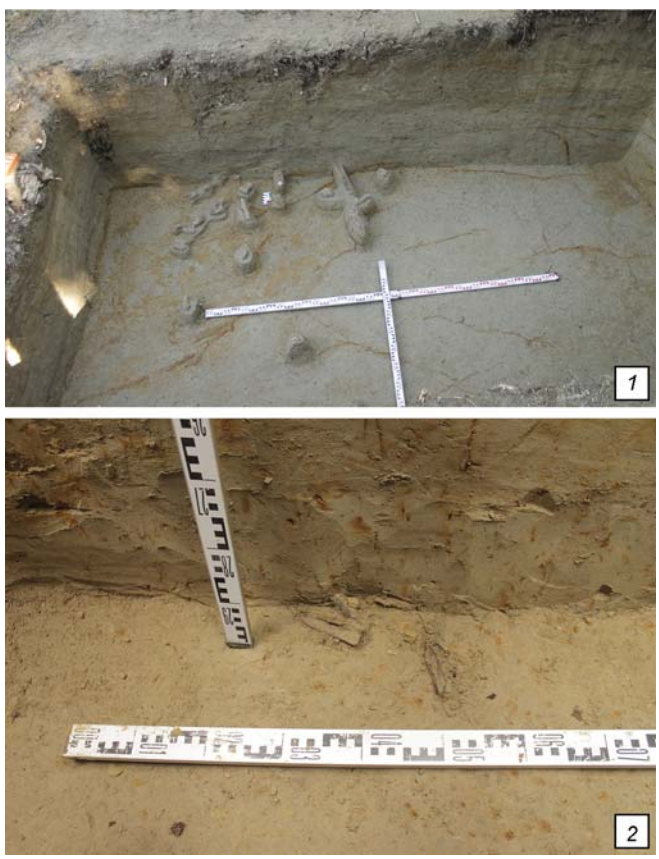

Рис. 4. Условия залегания находок в раскопе 2021 г. на стоянке Комудваны.

1 – находки верхнего костеносного уровня (слой 4), вид с юго-запада; *2* –находки среднего костеносного уровня (слой 5), вид с юго-запада.

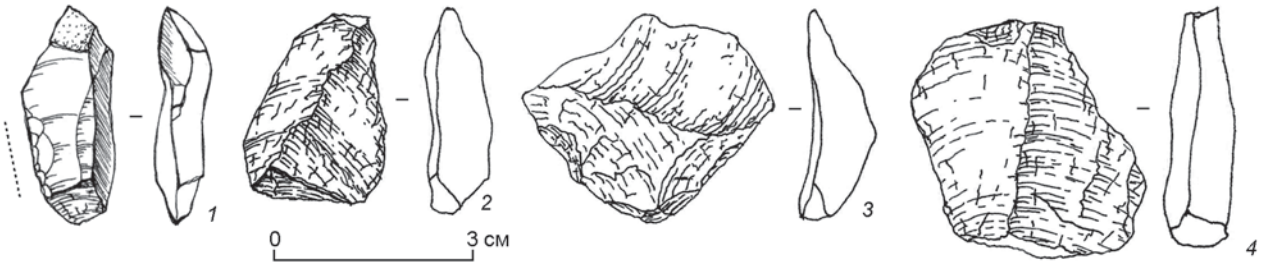

Рис. 5. Каменные артефакты с террасового участка стоянки Комудваны (слой 4).
1 – скол с ретушью утилизации; *2–4* – отщепы.

0,15 м. Часть находок (четыре осколка, чешуйка и фр. кости) обнаружена в результате промывки грунта из слоя 4.

Полученный в 2021 г. каменный инвентарь по морфологии, типологии, размерам и сырьевому составу идентичен ранее обнаруженным находкам, что позволяет отнести их к одному комплексу. Каменные артефакты (10 экз.) представлены отщепом с ретушью утилизации, отщепами (3 экз.), осколками (5 экз.) и чешуйкой (рис. 5). Дорсальная поверхность сколов имеет продольную (3 экз.) и ортогональную (3 экз.) огранку, что косвенно указывает на преобладание паралелльного приема скалывания. Сохранившиеся ударные площадки сколов гладкие, на чешуйке – точечная. Прием подработки карниза не представлен. Длина сколов не превышает 5 см, что возможно связано с использованием на стоянке слабо пригодного для регулярного расщепления сырья. Сырьевой состав каменных артефактов представлен кварц/кварцит – 70 % (7 экз.) и песчаник – 30 % (3 экз.). На отщепе с ретушью утилизации и чешуйке сохранились участки галечной поверхности.

Палеонтологические находки верхнего костеносного уровня (слой 4) в раскопе 2021 г. составляют 29 экз., среди которых определимые (17 экз.) принадлежат мамонту (≥ 3 особи). Находки палеофауны представлены фрагментами невральных дуг – 2 экз., пястными и плюсневыми костями – 3 экз., костями запястья и предплюсны – 6 экз., фрагментами ребер – 3 экз., фалангами – 3 экз., мелкими неопределимыми фрагментами – 12 экз. Две кости запястья зафиксированы в анатомической последовательности.

В 2021 г. на террасовом участке памятника зафиксирован средний костеносный уровень (слой 5), который представлен шестью фрагментами костей северного оленя (≥ 1 особи). Кости встречены на площади 0,2 × 0,2 м, при разбросе нивелировочных отметок ок. 0,2 м (рис. 4, *2*). Находки располагались субгоризонтально и под углом к горизонту, что указывало на их перемещение в слое.

На мысовом участке высотой ок. 2 м над бечевником и в 2 метрах выше по склону от шурфа 2016 г., в котором были обнаружены фаунистические и археологические находки, был заложен шурф (1 × 2 м). Здесь под современной почвой мощностью 0,15 м (слой 1) залегает субаэральный покров видимой мощностью 1,8 м, представленный неслоистым эоловым алевропеском (слой 2), делювием (чередование песка и алевропеска), слоистым параллельно склону (слой 3) с клиньями и солифлюкционными деформациями в кровле, и неслоистым эоловым песком алевритовым, местами до алевропеска (слой 4) (рис. 3, *В, Г*). В шурфе 2021 г. ни палеонтологические, ни археологические находки не обнаружены, однако сравнение материалов 2016 и 2021 гг. помогло соотнести уровень залегания палеофауны и каменных артефактов с верхней частью слоя 3.

Проведенные стратиграфические исследования свидетельствуют о начале формирования субаэральной толщи в приустьевой части долины р. Манья, вероятно, с 15 тыс. л.н., когда I аллювиальная терраса Оби вышла в надпойменное положение. Озерно-болотные синие алевриты (слой 8) в основании террасового участка могут быть прибрежными озерно-болотными отложениями на осушенной пойме, завершающими формирование аллювиального яруса I надпойменной террасы Оби. Принимая во внимание радиоуглеродную датировку верхнего костеносного уровня 12567 ± 150 л.н. [Макаров, Резвый, Горелик, 2018], стоянку Комудваны можно датировать в интервале 15–14 кал. тыс. л.н. Для уточнения возраста верхнего костеносного уровня и определения возраста среднего костеносного уровня в ходе полевых работ 2021 г. были взяты образцы для радиоуглеродного и оптико-люминесцентного датирования.

Сравнение стратиграфических колонок террасового и мысового участков позволило отметить бóльшую мощность делювиального слоя (слой 3) на мысовом участке в сравнении с делювиальным слоем на террасовом участке, отсутствие на мысовом участке четко выраженного слоя неслоистого эолового песка, присутствующего на террасовом участке (слой 4), и высказать предположе-

ние о влиянии на формирование слоя 3 мысового участка локального плоскостного размыва делювиальными процессами эолового слоя (слой 4). Если данное предположение верно, то находки на мысовом участке и находки верхнего костеносного слоя на террасовом участке можно признать одновозрастными.

На территории местонахождения Комудваны к настоящему времени земляными работами исследовано 50 м^2 (без учета шести береговых зачисток), из которых верхний костеносный уровень зафиксирован на 20 м^2, средний и нижний – на 1 м^2. Вертикальное расположение некоторых находок верхнего костеносного уровня, а также деллювиальный генезис отложений, в котором они обнаружены, свидетельствует об их возможном перемещении в слое. Распространение верхнего костеносного уровня вблизи бровки террасовидного уступа, а также большое количество палеонтологических находок, обнаруженных в пойменной части р. Манья, позволяют предполагать разрушение большей части местонахождения в результате береговой эрозии. Тем не менее, совокупность всех выполненных исследований позволяет предварительно связывать исследованную часть культуросодержащего слоя с временным лагерем, где мог происходить сбор бивневого и костяного сырья или разделка туш животных [Binford, 1981].

Средний костеносный уровень на террасовом участке, вероятнее всего, указывает на непрерывность процесса формирования местонахождения позднеплейстоценовой фауны в приустьевой части долины р. Манья, который согласно имеющимся радиоуглеродным датировкам происходил в период 21–12 кал. тыс. л.н. [Макаров и др., в печати] При этом комплекс относительных и абсолютных методов датирования позволяет говорить только об одном эпизоде обитания человека на местонахождении – ок. 15–14 кал. тыс. л.н. [Там же].

Материалы, полученные в ходе изучения стоянки пока не позволяют проводить какие-либо прямые параллели с синхронными археологическими комплексами Западной Сибири и сопредельных территорий, но по составу каменного инвентаря, приуроченности стоянки к невысокой террасовидной поверхности, а также по ее расположению на территории местонахождения мамонтовой фауны она схожа со стоянкой Луговское, расположенной в 350 км южнее [Зенин и др., 2006], что вероятно объясняется их близкой функциональной направленностью. В настоящее время стоянка Комудваны является самым северным археологическим памятником эпохи финала позднего палеолита известным на Западно-Сибирской равнине.

Благодарности

Работы выполнены при поддержке РНФ, проект № 19-78-20002.

Список литературы

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.–Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2006. – № 1 (Т. 25). – С. 41–53.

Макаров С.С., Зольников И.Д., Резвый А.С., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Васильев А.В. Стоянка финального палеолита Комудваны в долине нижней Оби: геоморфология, палеонтология, археология // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2022. – № 1. (в печати).

Макаров С.С, Резвый А.С., Горелик В.И. Местонахождение Комудваны – новый палеонтолого-археологический памятник Западно-Сибирской равнины. // Эволюция жизни на земле: материалы V Международного симпозиума, 12–15 ноября 2018 г., г. Томск. – Томск: Томск. гос. ун-та, 2018. – С. 215–217.

Binford L.R. Bones. Ancient men and modern myths. – New York: Academic Press, 1981. – 320 p.

References

Binford L.R. Bones. Ancient men and modern myths. New York: Academic Press, 1981, 320 p.

Makarov S.S., Rezvyi A.S., Gorelik V.I. Komudvany locality – a new paleontologic-archaeological monument of the West Siberian plain. In *Evolution of Life on the Earth: Proceedings of the V International Symposium, November 12–16, 2018, Tomsk*. Tomsk: Publishing House of TSU, 2018, pp. 215–217. (In Russ.).

Makarov S.S., Zolnikov I.D., Rezvyi A.S., Anoikin A.A., Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Vasiliev A.V. Komudwany – the Final Paleolithic site in in the Lower Ob valley: geomorphology, paleontology, archeology. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2022, No 1. (in press). (In Russ.).

Zenin V.N., Leshchinskiy S.V., Zolotarev K.V., Grutes P.M., Nado M.–Kh. Geoarcheology and features of the material culture of the Paleolithic locality Lugovskoye. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2006, No. 1 (Vol. 25), pp. 41–53. (In Russ.).

Макаров С.С. https://orcid.org/0000-0002-2754-7685
Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Васильев А.В. https://orcid.org/0000-0002-9815-7094
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Перфильев С.С. https://orcid.org/0000-0003-1687-3183

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0182-0187
УДК 902.01

С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Естественно-научные и археологические материалы из плейстоценовых образований Каминной пещеры

В статье освещаются результаты комплексных исследований плейстоценовых осадков из пещеры Каминная, расположенной в среднегорье Северо-Западного Алтая. Целью работы является представление разнообразных материалов по среде обитания и культуре ископаемого человека. Разрезы объекта образованы суглинистыми породами, зачастую обогащенные продуктами дезинтеграции коренных пород. Рассматриваются вопросы геоморфологии, стратиграфии, биостратиграфии, хронологии карстового памятника, основанные на палеомагнитных исследованиях, определениях абсолютного возраста и данных об относительном залегании литологических тел. Показано, что седиментация значительной части культуросодержащих осадков в пещере осуществлялась в поясе перегляциальных лесостепей, перегляциальных степей, степей и лесостепей, и перегляциальных горно-лесных ландшафтов. Установлено, что Каминная пещера в период сартанского времени представляла собой жилую стоянку с полным циклом обработки камня. Такое совмещение стоянки и мастерской было возможно при наличии в непосредственной близости от места обитания источников сырья. Основными объектами охотничьей деятельности ископаемого человека являлись массово представленные разнообразные животные, обитавшие в условиях горных ландшафтов. Индустрии памятника, относящиеся к разным климато-стратиграфическим подразделениям сартанского оледенения, содержат каменные и костяные серии артефактов заключительной стадии верхнего палеолита региона. Определены петрографические свойства каменного инвентаря и источники происхождения горных пород, представлены типологические и технологические характеристики технокомплексов. В орудийных наборах зафиксировано сочетание верхнепалеолитических и архаичных форм изделий, что свойственно концу верхнего палеолита Южной Сибири. Сделан вывод о сохранении на значительном отрезке верхнего палеолита Северо-Западного Алтая в интервале 28 000 – 10 000 л. н. устойчивой культурной традиции древнего социума.

Ключевые слова: *стратиграфия, биостратиграфия, заключительная стадия верхнего палеолита Северо-Западного Алтая, каменные, костяные индустрии, петрографический состав горных пород, типология артефактов.*

S.V. Markin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Natural Scientific and Archaeological Evidence from the Pleistocene Layers of Kaminnaya Cave

This article discusses the results of a comprehensive study of Pleistocene sediments from Kaminnaya Cave located in mid-elevation erosional middle mountains of the Northwestern Altai, where a variety of material evidence on ancient human environment and culture has been found. The stratigraphic sequences of the site are constituted by loamy deposits often enriched by products of bedrock disintegration. Geomorphology, stratigraphy, biostratigraphy, and chronology of that karst site are discussed on the basis of palaeomagnetic studies, measurements of absolute age, and data on relative position of lithological units. It has been discovered that sedimentation in a considerable part of the cultural-bearing sediments in the cave occurred in the zone of overglacial forest-steppe, overglacial steppe and forest-steppe, and overglacial mountain-forest landscapes. It has been established that during the Sartan period, Kaminnaya Cave was a large habitation camp with complete cycle of lithic reduction and processing. This combination of camp and workshop could only be possible if there were sources of raw materials in the immediate vicinity. The assemblages of the site, belonging to different climatic-stratigraphic subdivisions

of the Sartan glaciation, contained stone and bone artefacts from the Final Upper Paleolithic of the region. The petrographic properties of stone inventory and sources of raw materials have been identified, and typological and technological features of the techno-complexes have been analyzed. The toolkits contained a combination of the Upper Paleolithic and archaic types, typical of the Late Upper Paleolithic in Southern Siberia. The conclusion is that a stable cultural tradition of the ancient society was preserved for a considerable period of the Upper Paleolithic in the Northwestern Altai between 28,000 and 10,000 BP.

Keywords: *stratigraphy, biostratigraphy, Final Upper Paleolithic of the Northwestern Altai, stone and bone assemblages, petrographic composition of raw material, typology of artefacts.*

Выше обозначенный объект, районированный в среднегорье Алтая, занимает наиболее высокое гипсометрическое положение среди многочисленных палеолитических памятников бассейна р. Ануй: его высота составляет 1100 м над уровнем моря [Археология,…, 1998; Проблемы палеоэкологии…, 1998]. Морфологический тип рельефа в районе карстовой стоянки определяется как эрозионно-денудационный, сочетающий слаборасчлененные плоско-увалистые аккумулятивные формы поверхностей с резко врезанными склонами долин водотоков. Вблизи пещеры отмечается наличие пойменной и двух надпойменных (?) террас, склоновые образований которых нивелируют бровки и тыловые швы.

Первое зондирование полости произведено в 1982 г., этап стационарного изучения приходится на период 1984–1990 гг., в результате чего была установлена многослойность археологических материалов от палеолита до этнографической современности [Деревянко, Гричан, 1990]. В 1994 г. исследования стоянки возобновлены и затронули, преимущественно, плейстоценовые отложения.

Каминная пещера расположена в долине ручья Пещерского, левого притока р. Каракол, одного из притоков р. Ануй. Представляет галерейный образец карстовой полости, с расширением в виде грота, образующего центральную камеру, расположенную в стороне от основного ствола пещеры и экспонированной на юго-восток. Площадь поверхности внутри пещерных отложений – 120 м^2, предвходового участка, с учетом склоновой поверхности примерно 257 м^2. Высота свода над капельной линией 5,5 м., ширина входного отверстия – 17 м. Современная поверхность рыхлых осадков выше уровня протекающего рядом ручья на 4–4,5м.

Пещера перекрыта значительной толщей известняков, что резко ограничивает прямое воздействие на нее атмосферных осадков. Пещерная полость заложена по особому структурному элементу – плоскости напластования коренных пород. Основную роль в образовании карста сыграли трещины, развитые по слоистости известнякового массива. Эндогенная часть пещеры образована карстовыми потоками, расширившими трещины по напластованию пород, моделирование центральной камеры происходило в результате процессов эрозии в условиях водной среды и активного внешнего воздействия, связанных с изменением суточных и сезонных температур. Конфигурация пещерной полости, ее размеры различны. Резкое понижение свода наблюдается в доступном юго-западном окончании галереи, постепенно переходящей в погребенное состояние.

Мощность плейстоценовых осадков в пещере достигает почти 7 м. Они содержат рыхлые породы, отражающие несколько циклов седиментации. Начальная стадия заполнения карстовой полости связана с образованием аллювиальной части отложений. В основании толщи законсервированы тонкослоистые суглинки и глины, лишенные обломочного материала (сл. 20), представляющего пойменную фацию аллювия. Далее следуют гравийно-мелкогалечниковые осадки (сл. 19), иллюстрирующие русловую фацию местного ручья и тонкослоистые суглинки (сл. 18) пойменной фации. Далее фации аллювиальных образований, перекрывающие суглинки слоя 18 и в некоторых местах «приподнятые» коренные породы дна пещеры, представлены: гравийно-мелкогалечниковым материалом (сл. 17, 16к), линзами среднезернистых песков (сл. 16з, 16и), крупнозернистыми песками (слой 16ж); пластичными, тонкослоистыми глинами (слой 16е); гравийно-мелкогалечниковыми породами с песчаным заполнителем (слой 16д); переслаивающейся толщей пестроцветных тонкослоистых суглинков, плотных глин и супесей, включающими дресву и гравий (слой 16г); чередующимися прослоями суглинков и тонкозернистых супесей (слой 16в); гравийно-галечниковыми образованиями с песчаными и алевритистыми линзами (слой 16б); мелкогалечно-гравийными осадками с песчаным заполнителем (слой 16а).

Следующий цикл осадконакопления иллюстрируют вышележащие суглинки, формирующие субаэральную часть субтерральной толщи. Начало седиментации приходится на образования слабопористого осадка с включением дресвы и гравия, различающегося по оттенку заполнителя и объемами гравийных линз (сл. 15/1, 15/2, 15/3). Граница первых двух подразделений по ряду признаков определяется как поверхность перерыва в процессе

седиментации слоя. Далее по разрезу, с временным перерывом в осадконакоплении, следуют суглинистые образования (сл. 14а/1 и 14б/1), перенасыщенные дресвой и крупными обломками грубого материала, в котором выработана пещера. Выше этих осадков в пещере законсервированы отложения (сл. 14а, 14б, 12, 13, 11а, 11б, 11в, 11г) внешне суглинистого облика, включающие продукты дезинтеграции известняка (дресва, щебень, различные гранулометрические фракции грубого материала, в том числе глыбы, отвалившиеся от свода пещеры) и разнообразный по минералогическому составу материал (сланцы, песчаники и др.), поступавший в пещеру с внешней поверхности. Отложения залегают либо на коренных породах дна пещеры, либо консервируют монолиты рухнувшего свода (результат сейсмической активности региона, спровоцировавшей разрушение естественных полостей), либо перекрывают с временным перерывом среднюю часть субтеррaльной толщи (сл. 14а/1 и 14б/1). Во время завершения аккумуляции осадков слоев 11 в части пещеры наблюдается их размыв, представленный структурами с гумусированными отложениями (сл. 10в/1 – 10в/4, 10г). Перекрываются эти породы суглинистыми образованиями слоя 10а.

Последний цикл осадконакопления приходится на формирование тонкослоистых пород (различные подразделения слоев 9-1), представляющие чередование бежевых фосфатосодержащих и серых гумусированных супесей, образующих треть мощности рыхлой толщи пещеры.

По результатам палеомагнитных исследований аллювиальные отложения (слои 16ж-16а) обладают обратной полярностью, не идентифицированной с каким-либо обратно намагниченным фрагментом шкалы геомагнитной полярности плейстоцена [Археология, геология…, 1998]. Хронологические и палеогеографические параметры накопления средней части разреза, соответствующей слоям 15/1 – 15/3, 14а/1 и 14б/1, не определены. Данные отложения могут быть каргинскими и докаргинскими с открытой нижней границей. Не противоречит этому дата > 40000 л.н. (AA-38041), полученная по фрагменту зуба шерстистого носорога для слоя 14а/1 [Маркин, Джал и др., 2001]. Возраст прямо намагниченных вышележащих отложений согласно многочисленным радиоуглеродным датам, выполненным по костям и углю, определяется как сартанский [Маркин, Колобова, 2020]. В нижней половине сартанских осадков законсервированы монолиты рухнувшего свода гротовой части пещеры, связанные с двукратным (не ранее 15,5 тыс. л.н. и 14,5 тыс. л.н.) проявлением тектонической активности в регионе. Согласно климатостратиграфическим подразделениям сартанского оледенения в пределы интерстадиала помещен слой 14б (15350 ± 240 л.н. СОАН–3923). К ньяпанской стадии, прежде всего, относятся отложения слоя 14а (14550 ± 230 л.н. (СОАН – 3922)), 13 (14120 ± 95 л.н. (СОАН – 3921)), 12 (13870 ± 390 л.н. (СОАН – 3920)), 11 г (13550 ± 140 л.н. (СОАН – 3919)). С кокоревским интерстадиалом соотнесен слой 11в, дата которого 12160 ± 225 л.н. (СОАН – 3918). К норильской стадии относятся осадки слоя 11б (10860 ± 360 л. н. (СОАН – 3514)), 11а (дата средней части слоя 10870 ± 150 л.н. (СОАН – 3702), кровли 10310 ± ± 330 л.н. (СОАН – 3402)). Для слоя 10а существуют даты – 8850 ± 120 л.н. (СОАН – 3700) и 8685 ± ± 100 л.н., (СОАН – 3701) относящие осадок к раннему голоцену. Радиоуглеродная хронология слоев 9-1 основана на многочисленных датах, возрастной диапазон которых от 5860 ± 75 л.н. (СОАН – 2917) до 410 ± 65 л.н. (СОАН – 2310), что соответствует различным периодам голоцена.

Фауна крупных млекопитающих, представленная в аллювиальной части разреза (сл. 18, 16 ж), содержит, преимущественно, неопределимые обломки костей. Не так много палеонтологического материала в нижней части отложений субаэральной толщи. Из слоя 15/1 извлечены отдельные кости гиены, яка-бизона, сибирского горного козла, сайги, из слоя 15/2 – кости косули и крупной особи бурого медведя. Наиболее представительный материал обнаружен в сартанской части разреза. Среди крупных млекопитающих (лошадь, бизон, горный козел, баран-архар, благородный олень, шерстистый носорог, гиена, волк, реже лисица, медведь, пещерный лев и др.) преобладающими по числу видов являются животные открытого лесостепного и степного ландшафтов (в условиях горного рельефа – разреженных лесов, лугов и нагорных степей). В пещере найдено много костей сибирского горного козла – обитателя скальных биотопов. Остатков таежных обитателей (соболь) гораздо меньше. Немногочисленны кости представителей мегафауны – лося, марала, косули, которые предпочитали полуоткрытые лесостепные ландшафты. Заметное место в тафоценозе пещер занимали пещерная гиена и пещерный лев. Высокая степень раздробленности костей, наличие на их фрагментах погрызов, многочисленность костей и зубов со следами кислотной коррозии являются результатом пищевой активности пещерной гиены и других хищников. На ряде фрагментов трубчатых костей отмечены порезы, свидетельствующие об участии первобытного человека в пещерной аккумуляции остатков костей. Видимо, основными объектами его охоты были массово представленные в отложениях виды животных, характерных для горных ландшафтов, –

горные козлы, архары, сайгаки, лошади [Васильев, Деревянко, Маркин, 2006].

В составе фауны мелких животных большинство видов принадлежит представителям степной (степная пеструшка, узкочерепная полевка, цокор, сурок и др.) и горно-степной (плоскочерепная и большеухая полевки, пищухи) адаптации в условиях разнообразных открытых ландшафтов, где доминировали сухие остепненные участки [Археология,…, 1998; Проблемы палеоэкологии…, 1998].

По отложениям пещеры начиная с 12,1 тыс. лет реконструируется несколько фаз в развитии растительности и климата среднегорной части Северо-Западного Алтая, который находился в зоне распространения и последующей миграции степного, лесостепного и лесного поясов растительности [Болиховская, и др., 2011]. Так седиментация осадков слоя 11в осуществлялась в поясе перегляциальных лесостепей, нижней части слоя 11б – перегляциальных степей, средней части слоя 11б – степей и лесостепей, верхней части слоя 11б и слоя 11а – перегляциальных горно-лесных ландшафтов.

Археологические материалы происходят из всех стратиграфических подразделений пещеры, кроме аллювиальных пород. Крайне малочисленные артефакты из слоев 15/3 – 14а/1, судя по лицевой огранке сколов и единичным орудиям, возможно, демонстрируют леваллуазскую, радиальную и параллельную технологии расщепления пород с производством скребел, ножей, анкошей и зубчатых изделий. Они могут быть помещены в разделы периодизации, соответствующие среднему палеолиту или начальной стадии верхнего палеолита.

Гораздо представительнее археологические материалы, приуроченные к пачке сартанских осадков, и относящиеся ко второй половине верхнего палеолита. В этой части культуросодержащей толщи пещеры зафиксированы скопления (?) немногочисленных ядрищ и более выраженные скопления мельчайших сколов, предполагающие наличие специализированных участков по расщеплению сырья и дальнейшей отделке заготовок, свойственные жилым стоянкам с полным циклом обработки камня. По данным петрографических исследований, литоресурсами для изготовления каменных артефактов сартанского времени служили вулканические, осадочные породы, роговики, выходы которых обнаружены вблизи карстовой полости. Встречено небольшое количество изделий из сургучных яшмоидов, обычно, в виде мелких удлиненных сколов. При сравнении материалов пещеры с сартанскими комплексами региона отмечается их грубость, обусловленная большим использованием порфировых разностей вулканических пород [Кулик, Маркин, 2001]. Каминная пещера в сартанский период являлась базовым лагерем с полным циклом обработки камня. Такой функциональный тип памятника обусловлен наличием в непосредственной близости от места обитания источников сырья [Рыбин, Колобова, 2004].

Способы расщепления горных пород, прежде всего, представлены параллельными ядрищами. Среди них выделяются массивные, плоские, односторонние одноплощадочные артефакты, предназначенные для скалывания крупных узких и широких пластин. Двусторонние двуплощадочные нуклеусы характеризуются формами изделий с соприкасающимися площадками и продольно-поперечным расщеплением и ядрищами с противолежащими площадками и встречным скалыванием заготовок. Выделяются массивные торцовые нуклеусы. Помимо них, в коллекции имеются призматические образцы остаточных продуктов с гладкими площадками, покрытые негативами снятия пластинок и микропластинок и торцовые ядрища, содержащие заготовки клиновидных. Выразительная серия пластинок и микропластинок является продуктом использования призматических и микропризматических технологий. Несколько экземпляров нуклеусов демонстрируют использование радиальных способов раскалывания сырья, следствием проявления которых являются образцы угловатых сколов.

Набор орудий, выполненный на пластинах и отщепах, образован концевыми скребками, иногда с ретушированным краем заготовки или с расходящимися ретушированными продольными краями, включая изделия высокой формы. Выразительны скребки с ретушью по части периметра заготовки, боковые скребки на широких, треугольных и удлиненных сколах и округлых отщепах, включая изделия с диагонально расположенным лезвием. Группа резцов объединяет угловые разновидности, иногда с обработанным ретушью краем и атипичные изделия с резцовыми кромками. Представлены долотовидные орудия на треугольных сколах и других формах отщепов. Выделяется группа концевых и угловых проколок с вытянутыми жальцами и острия на пластинках, концы которых образованы сходящимися ретушированным и необработанным краями заготовки, а также косым основанием, притупленным мелкой вертикальной ретушью. Есть единичные шиповидные изделия на углу заготовки. Далее следуют обработанные сколы, прежде всего, пластины узкие естественно заостренные, с параллельными и расходящимися краями, покрытые лицевой, реже брюшковой и противолежащей ретушью краев, реже концов заготовки, включая единичные экземпляры с утонченной нижней поверхностью в районе бугорковой части изделия.

Группа микроинвентаря включает пластинки с притупленным краем, иногда с противолежащими ретушированными лезвиями, и атипичные микрорезцы. Скребла демонстрируют образцы поперечных, продольных, диагональных, конвергентных, угловатых изделий с прямыми, дугообразными кромками, иногда с оббитой нижней поверхностью заготовки и брюшковой ретушью. Встречены тронкированные изделия и пластинки с притупленным и выпуклым концом. Выемчатые изделия оформлены ретушью или глубоким одинарным лицевым сколом, орудия с зубчатыми кромками, иногда содержат утолщенный обушок. Представлены ножи с искусственными, естественными упорами, редкие остроконечники с ретушью краев, галечные односторонние орудия, редкие овальные, подтреугольные, листовидные бифасы. Костяные изделия демонстрируют обломками игл округлого сечения и образец левого нижнего резца взрослой особи сурка с многочисленными параллельными нарезками, нанесенными вдоль большой кривизны резца.

Артефакты из слоев 10в/1 – 10а, а часть из них претерпела вертикальные и линейные перемещения, включают параллельные, леваллуазские и микропризматические ядрища, разнообразные скребла, скребки, ножи с искусственным обушком, проколки, анкоши, костяные иглы округлого сечения. Кроме того, в коллекциях имеются перламутровые и костяные кольца с отверстием и микропластинки с мелкой брюшковой ретушью, широко представленные в вышележащих голоценовых осадках. Наконец, археологические материалы, запечатленные в отложениях 9 – 1, представляют этапы заселения пещеры от эпохи неолита и до времени сложения традиционной культуры современных этносов.

Выявленные материалы из плейстоценовых отложений пещеры по культуре человека сартанского времени свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии более ранних технокомплексов, существовавших в регионе в интервале 28–21 тыс. л. н. и представленные на многослойной стоянке Ануй II. В 12 – 6 горизонтах объекта обнаружены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, выразительные серии микроострий, пластинок с притупленным краем и усеченными с помощью ретуши концами [Природная среда и …, 2003; Колобова, 2006].

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М. И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 174 с.

Болиховская Н.С., Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В., Соболев В.М. Палеогеографические особенности развития плейстоценовой растительности и климата Алтая и Восточного Предкавказья в эпоху обитания древнего человека // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена. – М.: Географический факультет МГУ, 2011. – С. 373–418.

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих сартанского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминная) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 2–22.

Деревянко А.П., Гричан Ю.В. Исследования пещеры Каминная. Предварительные итоги раскопок в 1983–1988 гг. (плейстоценовая толща). – Новосибирск: Сибирское отделение, Институт истории, филологии и философии, 1990. Препринт. – 60 с.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 136–141.

Маркин С.В., Джалл Э. Дж.Т., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В. Интерпретация новых радиоуглеродных дат по пещере Каминная (Северо-Западный Алтай) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 262–266.

Маркин С.В., Колобова К.А. Сартанские комплексы верхнего палеолита Северо-Западного Алтая // Археология, Этнография, Антропология Евразии. – 2020. – Т. 48, № 1. – С. 29–40.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита **Ал**тая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденева, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 310 с.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 20–34.

References

Derevianko A.P., Agadzhanyan A.K., Baryshnikov G.F., Dergacheva M.I., Dupal T.A., Malaeva E.M., Markin S.V., Molodin V.I., Nikolaev S.V., Orlova L.A., Petrin V.T., Postnov A.V., Ul'yanov V.A., Fedeneva I.K., Foronova I.V., Shunkov M.V. Archeology, geology and paleogeography of the Pleistocene and Holocene of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 176 p. (In Russ.).

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V., Sobolev V.M. Paleogeograficheskie osobennosti razvitiya pleistotsenovoi rastitel'nosti i klimata Altaya i Vostochnogo Predkavkaz'ya v epokhu obitaniya drevnego cheloveka. In *Paleogeography and Pleistocene stratigraphy problems*. Moscow: Geographical department of Moscow State Univ. Press, 2011. P. 373–418 (In Russ.).

Vasil'ev S.K., Derevianko A.P., Markin S.V. Large Mammal Fauna of the Sartan Period from the Northwestern Altai (Based on Materials from Kaminnaya Cave). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, no 2 (26). P. 2–22.

Derevianko A.P., Grichan Yu.V. Issledovaniya peshchery Kaminnaya. Predvaritel'nye itogi raskopok v 1983–1988 gg. (pleistotsenovaya tolshcha). – Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie, Institut istorii, filologii i filosofii, Publ., 1990, 60 p, Preprint (In Russ.).

Kulik N.A., Markin S.V. K petrografi cheskoi kharakteristike kamennoi industrii peshchery Kaminnaya (Gornyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. VII P. 136–141 (In Russ.).

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 135 p. (in Russ.).

Markin S.V., Dzhall E. Dzh.T., Orlova L.A., Kuz'min Ya.V. Interpretatsiya novykh radiouglerodnykh dat po peshchere Kaminnaya (Severo-Zapadnyi Altai) In *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. P. 262–266 (In Russ.).

Markin S.V., Kolobova K.A. The Sartan Upper Paleolithic Assemblages of the Northwestern Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48, no 1. P. 29–40.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadzhanyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva E.M., Ul'yanov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Glinskii S.V., Dergacheva M.I., Dupal T.A., Efremov S.A., Zenin A.N., Krivoshapkin A.I., Kulikov O.A., Malaeva E.M., Markin S.V., Nikolaev S.V., Nokhrina T.I., Petrin V.T., Pozdnyakov A.A., Popova S.M., Rybin E.P., Simonov Yu.G., Fedeneva I.N., Chevalkov L.M., Shunkov M.V. Problemy paleoekologii, geologii i arkheologii paleolita Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 310 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2004, no. 4 (20). P. 20–34.

Маркин С.В. https://orcid.org/0000-0002-4528-8613

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0188-0194
УДК 903.23

В.Е. Медведев[1]✉, И.В. Филатова[1, 2], Е.А. Гирченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
Комсомольск-на-Амуре, Россия
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

О южной границе ареала осиповской культуры

Статья посвящена осиповской культуре начального неолита Нижнего Приамурья и вопросам уточнения южных границ ее ареала. Благодаря возобновлению раскопок на памятнике Сяонаньшань в левобережье Уссури провинции Хэйлунцзян КНР, в последние годы стало возможным сравнительное исследование технико-типологических характеристик керамического материала двух территорий, в котором выявлены следующие особенности. 1. Керамика в обоих случаях рыхлая, состав формовочной массы демонстрирует наличие искусственных примесей – дресвы, песка, растительных волокон, дробленой раковины; 2. Характерен длительный низкотемпературный обжиг; 3. Керамика представлена, как правило, плоскодонными сосудами с широким устьем усеченно-конической формы; 4. Поверхность сосуда сначала покрывалась ангобом из красноватой глины, затем наносился орнамент, фиксируются также следы заглаживания травой; 5. Сосуды оформлены узкими параллельными бороздками или желобками с плоской дорожкой между краями, выполненными твердым гребенчатым инструментом; 6. Венчик орнаментировался рассеченными узкими вдавлениями или сквозными отверстиями. В каменном инвентаре доминируют бифасиальные наконечники копий и стрел, а также грузила различных форм, что говорит о сочетании рыболовства и охоты в хозяйственной деятельности носителей осиповской культуры и обитателей памятника Сяонаньшань. Выявленные сходные черты, вероятно, свидетельствуют о том, что рассмотренные материалы представляют собой комплекс культур единого ареала. Артефакты, найденные на стоянке Сяонаньшань, демонстрируют характерные отличия от других памятников северного Китая и существенно отличаются от традиций Среднего Хуанхэ или долины Янцзы. Вероятно, юго-запад Нижнего Приамурья, автохтонный центр происхождения древнего гончарства, мог выступать в качестве зоны контактов региона как с более южными, так, с более восточными территориями и осиповское влияние выходило за пределы Амура, что имеет большое значение для понимания процессов неолитизации в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Нижнее Приамурье, Северный Китай, неолит, осиповская культура, Сяонаньшань, керамика, культурные связи.

V.E. Medvedev[1]✉, I.V. Filatova[1, 2], E.A. Girchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Amur State University of Humanities and Pedagogy
Komsomolsk-on-Amur, Russia
E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

Southern Boundaries of Osipovka Cultural Area

The article concentrates on the Early Neolithic Osipovka culture of the Lower Amur and its southern boundaries. Due to the resumption of excavations at the Xiaonanshan site in the left bank of Ussuri River, Heilongjiang province, China, recently, it has become possible to conduct a comparative study of technical and typological characteristics of the ceramic material of these two territories. The following features were revealed: 1. Ceramics in both cases is loose, the composition of clay molding masses demonstrate the presence of additives: grus, sand, plant fibers, and crushed shell. 2. Prolonged low-temperature firing is typical of both territories. 3. Most common ceramic types are flat-bottomed vessels with a wide mouth of a truncated-conical shape. 4. The surface of the vessel was first covered with a reddish clay engobe, then with an ornament, and the authors also recorded the traces of smoothing the surface with grass. 5. Vessels were ornamented by narrow parallel grooves or grooves with a flat path between the edges made with a hard comb instrument. 6. The rim was ornamented with

dissected narrow depressions or through holes. Among the investigated stone tools, bifacial spearheads and arrows as well as sinkers of various shapes prevail, which indicates that the economy of both Osipovka culture bearers and the inhabitants of the Xiaonanshan site were based on a combination of fishing and hunting. The revealed similarities probably indicate that these materials represent a complex of cultures of a single areal. Moreover, the artifacts found at the Xiaonanshan site show definite differences from other materials found in northern China and differ significantly from the traditions typical for the Middle Yellow River or the Yangtze Valley. Probably, the south-west of the Lower Priamurye, the wide-known autochthonous center of ancient pottery, could be a zone of contacts of this region and both more southern and more eastern territories. The Osipovka influence went beyond the Amur region, which is very important for understanding the processes of Neolithization in the North East Asia.

Keywords*: Lower Amur region, Northern China, Neolithic, Osipovka culture, Xiaonanshan, ceramics, cultural interactions.*

Бассейны рек Амура и Уссури известны своими самобытными неолитическими культурами. В контексте данного исследования большой интерес представляет наиболее ранняя из них – осиповская и связанные с ней вопросы ее ареала.

Впервые материалы этой культуры, выявленной близ г. Хабаровска, были частично исследованы М.М. Герасимовым и отнесены к мезолиту [Герасимов, 1928]. В 1960–1990 гг. широкие раскопки продолжились отрядами Дальневосточной (Северо-Азиатской) комплексной экспедиции под руководством А.П. Окладникова, впоследствии – А.П. Деревянко и В.Е. Медведева [Окладников, Деревянко, 1973; Окладников, Медведев, 1983; Медведев, 1995]. Обнаружение керамики на памятниках Гася, Госян, Сакачи-Алян (Нижний пункт) и других, а также радиоуглеродные даты, позволили отнести культуру к начальному неолиту [Медведев, 1995]. В настоящее время известно более 70 объектов, среди них есть однослойные [Шевкомуд, Яншина, 2010, с. 118].

Памятники сконцентрированы, главным образом, по берегам Амура и Уссури в пределах Среднеамурской равнины (ее часть в Северо-Восточном Китае – Саньцзянская равнина). Самая северная точка – многослойное поселение Кондон-Почта, где отмечены, в том числе, осиповские находки, а южная граница выходит за пределы российского Приамурья. В этом контексте интересны материалы памятника Сяонаньшань, давшего название культуре, локализованной в левобережье Уссури на территории современной провинции Хэйлунцзян Китая. Ее даты изначально укладывались в хронологический диапазон VIII – середина VII тыс. до н.э. [До Имэн, 2019, с. 265]. Однако в связи с новыми исследованиями, эти материалы пересматриваются и китайские ученые предполагают, что для наиболее раннего слоя памятника возможны даты вплоть до XII тыс. до н.э. [Дунбэй я…]. Тот факт, что в позднее время, примерно в VI тыс. до н.э., обитатели Саньцзянской равнины, очевидно, имели связи с соседними регионами, является доказанным. Примером может служить нефрит *цзюэ*, представляющий собой неполное кольцо, он встречается как в Японии, так и в Корее на стоянках, возраст которых около восьми тыс. лет (в более позднее время ареал бытования подобных нефритов стал еще шире и распространился южнее, и данная культурная традиция могла служить базисом для сложения нефритовой культуры более позднего времени – синлунва), но в более раннее время межрегиональные контакты являются дискуссионными. Осиповское влияние, очевидно, выходит за пределы долины Амура, например, встречается также на Сахалине [Василевский, 2008, с. 184–186], но ее более южные контакты на ранних этапах требуют уточнения. Кластер дат, полученных по данным радиоуглеродного датирования и по спорово-пыльцевому анализу, возможно, позволяют датировать культуру в интервале 14 200–8 000 лет до н.э. [Шевкомуд, Кузьмин, 2009]. Тем не менее, ввиду недостаточности подробных сравнительных исследований ряда памятников начального неолита Среднего и Нижнего Приамурья, уточнение ареала нуждается в дальнейшей проработке. Мы в своих аналогиях затронем наиболее свежие публикации, посвященные материалам раскопок последних лет, которые дают большее основание для выделения единого ареала культурных традиций региона и уточнения южных объектов.

Памятники осиповской культуры, как уже сказано, расположены, главным образом, по краям пологих террас берегов Амура и Уссури. На некоторых из них выявлены единичные жилища осиповцев неопределенной формы со слегка углубленным в грунт котлованом и уплощенным дном (например, памятники Хумми, Новотроицкое 10, 17).

Каменные орудия представлены бифасиальными наконечниками многих типов, тесловидно-скребловидными орудиями, рубящими орудиями, ножами и проколками из кремня и халцедона, различными формами орудий рыбной ловли. Для оформления орудий применялась краевая дорсальная ретушь. Есть шлифованные и пришлифованные изделия. Известна техника сверления при изготовлении бусин.

Наиболее многочисленный керамический материал осиповской культуры получен на поселениях Гася и Гончарка-1 [Деревянко, Медведев, 1993; Медведев, 1995; Шевкомуд, 2005]. Керамика с памятников Госян, Гася, Осиповка I и Казакевичево (14–11 тыс. л.н.) изучалась в рамках совместных исследований Института археологии и этнографии СО РАН и лаборатории «История керамики» Института археологии РАН с позиций историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [Бобринский, 1978].

Керамика осиповской культуры раннего периода рыхлая, состав формовочной массы характеризуется наличием искусственных примесей – дресвы, песка, шамота, растительных волокон, а также длительным низкотемпературным обжигом (от 350 до 550°C) [Медведев, 2017]. При петрографическом анализе не были выделены какие-либо закономерности составления формовочной массы – примеси могли использоваться как отдельно, так и в сочетании двух-трех компонентов одновременно. В рецептах формовочной массы доминировали равнинные, реже «горные» илы, редко – сочетание двух групп илов. Часто характерно добавление органического раствора (в 60 % случаев) [Медведев, Цетлин, 2017, с. 169]. Встречаются в тесте довольно крупные включения разнозернистого минерального отощителя, фиксируемые на поверхности даже без использования микроскопа, в некоторых случаях до 1 см. О применении в качестве отощителя травы свидетельствуют характерные пустоты. Цветность черепка: с внешней стороны – серовато-коричневая, иногда розовато-коричневая или коричневая, внутри – серая, в изломе – серого или черного цветов [Медведев, Цетлин, 2013, с. 95]. Толщина стенок в среднем 0,8–1 см, сосуды меньшего размера имеют более тонкие стенки, большие сосуды массивные и толстостенные. Формование полого тела, вероятно, происходило двумя способами: с использованием формы-шаблона или методом скульптурной лепки с использованием широких лент.

Рис. 1. Керамика осиповской культуры начального неолита Нижнего Приамурья с поселения Гася (по: [Медведев, 2017, с. 50]).

Осиповская керамика представлена плоскодонными усеченно-конической формы сосудами с расширенным туловом. Хорошо фиксируется место соединения придонной части и тулова, устье больших сосудов достигает 40 см в диаметре. Керамика сначала покрывалась ангобом из красноватой глины, затем наносился орнамент. Сосуды оформлены прочесами твердым гребенчатым инструментом. Об использовании такого инструмента свидетельствует характер отпечатков – это узкие параллельные бороздки (желобки) с плоской дорожкой между краями, очевидно свидетельствующей о ширине зубцов (рис. 1). Венчик емкости иногда подлепляли изнутри дополнительной лентой, украшали поперечными вдавлениями и сквозными отверстиями, выполненными по сырой глине. Другие, менее распространенные орнаменты, могли быть расположены под венчиком и на тулове, например, зубчатым колесиком, оттисками гребенчатого штампа, расположенными горизонтальными полосами, вертикальным и горизонтальным зигзагом, также представлен декор в виде расщепленных валиков и слабых оттисков плетеного изделия или обмотанного веревкой инструмента, наклонными линиями, полосками валиков [Медведев, Цетлин, 2013, с. 96]. Черепки, как правило, покрыты слоем нагара на внешней поверхности (редко – внутренней), что указывает на их использование для приготовления пищи на огне.

Памятник Сяонаньшань расположен в уезде Жаохэ в черте города Шуаняшань, что непосредственно граничит с территорией Российской Федерации, на южном склоне небольшого холма высотой около 60 м над речной поверхностью на левом берегу р. Уссури. Объект открыт в 1958 г. Эпизодические раскопки проводились в 1970-х, 1980-х и в 1990-х гг., но культурная принадлежность памятника оставалась неясной [Чжао Биньфу, 2006]. Изначально считалось, что этот памятник принадлежит более поздней неолитической культуре Синькайлю, однако радиоуглеродное датирование найденных останков млекопитающих из слоя с ранней керамикой показали даты, равные 11000 лет до н.э. [Ван Гуансяо, 2021, с. 175]. Масштабные раскопки объекта начались только в 2015 г. (рис. 2). Сейчас к памятнику относятся поселение и около 50 расположенных достаточно компактно погребений разных периодов неолита с каменной кладкой. Размеры поселенческого комплекса и могильника, обилие сопроводительного погребального инвентаря говорят о большой жизнеустойчивости этого древнего сообщества, хозяйственная деятельность которого была основана на сочетании рыболовства и охоты, так же, как и у носителей осиповской культуры в Приамурье.

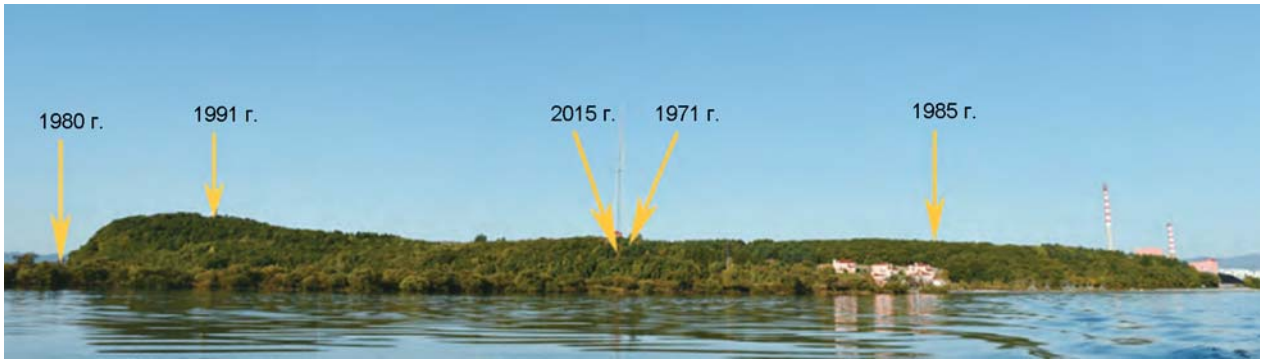

Рис. 2. Раскопки на памятнике Сяонаньшань в разные годы (по: [De Gruyter…]).

Среди находок данного памятника присутствует не только самая ранняя керамика на севере Китая, но и наиболее ранние и многочисленные изделия из нефрита – около 200 находок. [Дунбэй я…]. Аналогии этого многослойного разновременного комплекса как в керамике, так и в каменном инвентаре [Ли Юцянь, Ян Юнцай, 2019, с. 19].указывают на связи не только с осиповской культурой, но и с более поздними – мариинской, кондонской, вознесеновской, а также руднинской культурами

Ранняя керамика первого периода с Сяонаньшань красноватая рыхлая, при извлечении из земли сразу рассыпается. При технико-типологическом анализе установлены искусственные примеси песка и дресвы. Отдельные немногочисленные находки имеют в составе теста фрагменты дробленой раковины. Кварцевые включения довольно крупные. Посуда лепная, на поверхности фиксируются следы от пальцев, она подвергалась низкотемпературному обжигу. Представленные формы – плоскодонные горшки с широким устьем, тулово слегка сужается к донцу. Большая их часть не орнаментирована, оформлены прочесами твердым гребенчатым инструментом в идентичной осиповским материалам технике (рис. 3). Это так же узкие параллельные бороздки или желобки с плоской дорожкой между краями. Фиксируются покрытие ангобом из красноватой глины и следы заглаживания травой как с внешней, так и с внутренней сторон. Отдельные фрагменты тулова и венчиков украшены оттисками гребенчатого штампа, вертикальным и горизонтальным зигзагом, волнообразным рисунком.

В данном контексте интересно и другое сравнение – с материалами стоянки Ямихта, вероятно, позднелокального варианта осиповской культуры, расположенной в окрестностях поселения Кондон-Почта, где исследователями отмечена керамика с двумя морфологически разными традициями. Ямихтинская керамика демонстрирует необычную рецептуру формовочных масс, а именно – использование растительных волокон и дробленой раковины примерно в одинаковых пропорциях. Эти примеси фиксируются на поверхности в виде характерных пустот. Типична также орнаментация характерными желобками, но как будто заглаженными после их нанесения. Венчик орнаментировался тоже в типичной для осиповской культуры манере – рассеченными узкими вдавлениями, встречаются сквозные отверстия. Ямихтинская керамика была датирована по нагару и укладывается в диапазон от 9 240 по 7 210 гг. до н.э., что несколько позже бытовавшей осиповской традиции, но все же хронологически затрагивает ее [Яншина, 2014, с. 150]. Наиболее архаичные ямихтинские вещи были синхронны осиповским. Они, скорее всего, представляют собой их поздний локальный вариант. Характерная черта – сочетание дробленой раковины и растительных волокон – также свойственна для некоторых вещей из Сяонаньшань [Ли Юцянь…], что тоже может свидетельствовать о большой цир-

Рис. *3.* Ранняя керамика с памятника Сяонаньшань в Китае (по: [Дунбэй я…,]).

куляции технологий внутри единого Амуро-Уссурийского ареала. Кроме того, дробленая раковина в качестве отощителя известна и в других культурах бассейна Японского моря, например, на Хоккайдо (стоянка Токоро-14) [Collection of Archaeological Materials…] или на Сахалине (стоянка Адо-Тымово-2) [Яншина, 2014, с. 151], но ямихтинские датировки в данном случае являются более древними и, вероятно, служат еще одним свидетельством технологического импульса из Приамурья на сопредельные территории. Еще одним аргументом в пользу этой теории является появление керамики в Приморье на 2–3 тысячи лет позже, чем в Приамурье (памятники Устиновка-3, Черниговка-1) [Медведев, 2020, с. 183].

Северный Китай характеризуется доминированием пластинчатых и микропластинчатых индустрий. На связи с осиповским ареалом указывает наличие бифасиальных наконечников копий и стрел. Каменные орудия изготовлены преимущественно из яшмы, агата, кремня, сланца, песчаника, диабаза [Nelson, 2003]. Встречаются также проколки, топоры, скребки. Есть шлифованные и пришлифованные изделия. Изделия из нефрита – кольца, полукольца и бусины, относятся к более поздним этапам культуры, датируемым периодом от 7 200 до 6 500 гг. до н.э. [Ван Гуансяо, 2021, с. 177]. Несмотря на отсутствие на более северных территориях наиболее характерных форм колец и полуколец, такие нефриты являются еще одним, хотя и более поздним, доказательством контактов населения сопредельных территорий, так как техника обработки нефрита при использовании веревки и мелкодисперсного абразива, струнное пиление, зафиксирована как на данном памятнике, так и, например, на неолитической стоянке Чертовы Ворота руднинской культуры того же периода в Приморье и на памятнике Кувано дземона Японии.

Ранняя керамика, обнаруженная в Сяонаньшань, по мнению китайских археологов, может датироваться временем около 15 000 лет до н.э. [Дунбэй я…; Ван Гуансяо, 2021, с. 177], однако научного обоснования таких датировок пока предоставлено не было. Во многом эти осторожно высказываемые весьма ранние даты связаны с построением стратиграфической колонки на раскопах 2018–2019 гг., где самая древняя керамика была найдена в слое на глубине 0,5 м. Судя по идентичности керамики и каменного инвентаря, находки могут быть тесно связаны с открытиями в России и Японии. Исследованные в трех странах материалы, вероятно, составляют единый комплекс. Нужно также отметить, что археологические находки из Сяонаньшань демонстрируют характерные отличия от других памятников северного Китая и существенно отличается от гончарного производства на Средней Хуанхэ и в долине Янцзы, поэтому амурская керамика, очевидно, не ведет происхождение из района Цзянси, где была обнаружена самая древняя на данный момент керамика в мире, датируемая 18 тыс. лет назад (памятник Сяньжэньдун) [У Сяохун и др., 2012]. При сопоставительных исследованиях не наблюдается никаких аналогий ни в рецептуре составления формовочных масс, ни в формах, ни в орнаментах. Скорее всего, существовало несколько центров с автохтонным происхождением гончарства.

Вероятно, юго-запад Нижнего Приамурья мог выступать в качестве зоны контактов региона как с более южными, так с более восточными территориями. Учитывая выделенные аналогии в керамике, можно с большей уверенностью говорить, что контакты могли иметь место уже в осиповское время, то есть в финале плейстоцена. Основная часть осиповских памятников концентрированно располагается на небольшой территории в районе от устья Уссури по Амуру – до с. Сакачи-Алян, что говорит о том, что, продвижение технологий, шло, вероятно, не с юга, где такие памятники эпизодичны, а, наоборот, здесь находился центр, распространявший свое влияние на сопредельные территории. Китайская же керамика равнины Саньцзян в своей массе датируется более поздним временем, нежели на Амуре. Проблема происхождения и развития осиповский культуры, начала новокаменного века на Амуре представляется важнейшей в контексте понимания процессов развития древних обществ севера Дальнего Востока, а многие ее мотивы сохраняются и воспроизводятся во всех культурах среднего-позднего неолита региона, например, техник нанесения орнамента гребенчатым штампом, прямых и наклонных линий, горизонтального и вертикального зигзага [Медведев, Филатова, 2014, с. 89–96]. Преемственность наблюдается и в формах сосудов. Данные результаты имеют большое значение для понимания процессов ранней неолитизации в Северо-Восточной Азии.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Ван Гуансяо. Жаохэ Сяонаньшань ичжи юйци каогу фасянь цзуншу (Итоги исследования нефритовых изделий на памятнике Сяонаньшань в уезде Жаохэ) // Вэньу цзяньдин юй цзяньшан (Идентификация и признание материальных ценностей). – 2021. – № 1. – С. 175–177 (на кит. яз.).

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. – 412 с.

Герасимов М.М. Новые стоянки доисторического человека каменного периода в окрестностях г. Хабаровска // Известия ВСОРГО. – 1928. – Т. 53. – С. 135–140.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – 109 с.

До Имэн. Сяонаньшань вэньхуа цзуншу (Очерк культуры Сяонаньшань) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 264–266 (на кит. яз.).

Дунбэй я шицянь каогу синь гаоди: сяонаньшань ичжи жусюань «2019 няньду цюаньго ши да каогу синь фасянь» (Новый этап в первобытной археологии северо-востока Азии: памятник Сяонаньшань вошел в десятку новых больших открытий археологии за 2019 г.) [Электронный ресурс] // Хэйлунцзян шэн вэньхуа хэ люйю тин (Офис культуры и туризма провинции Хэйлунцзян). – URL: http://wlt.hlj.gov.cn/index.php/mobile/detail/id/301085/type/46.html (дата обращения: 01.06.2020) (на кит. яз.).

Ли Юцянь. Хэйлунцзян Жаохэ Сяонаньшань ичжи фасянь синьшици шидай цзаоци муди (Открытие могильника Сяонаньшань раннего неолита в Жаохэ провинции Хэйлунцзян) [Электронный ресурс] // Tencent net. – URL: https://new.qq.com/omn/20200108/20200108A0H3N900.html (дата обращения: 05.06.2021) (на кит. яз.).

Ли Юцянь, Ян Юнцай. Хэйлунцзян Жаохэсянь Сяонаньшань ичжи 2015 нянь III цюй фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках раскопа III в 2015 г. на памятнике Сяонаньшань в уезде Жаохэ провинции Хэйлунцзян) // Каогу (Археология). – 2019. – №8. – С. 3–20 (на кит. яз.).

Медведев В.Е. Глиняное совершенство амурского неолита // Природа. – 2017. – № 9. – С. 48–57.

Медведев В.Е. К проблеме начального и раннего неолита на нижнем Амуре // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 228–237.

Медведев В.Е. Некоторые ключевые вопросы дальневосточного неолита (Приамурье, Приморье) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: сборник научных статей. – Самара: Изд-во СГПУ, 2020. – Т. 1. – С. 182–183.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Технико-типологический анализ древнейшей керамики Приамурья (13–10 тыс. л.н.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 94–107.

Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Происхождение гончарства и этнокультурные процессы в неолите Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 167–171.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Известия Сибирского отделения АН СССР: Сер. Обществ. наук. – 1983. – № 1. – С. 93–97.

У Сяохун, Чжан Чи, Goldberg P., Cohen D., Пань Янь, Arpin T., Bar-Yosef O. Цзянси Сяньжэньдун ичжи лянвань нянь цянь таоци дэ няньдай яньцзю (Исследования возраста керамики, датируемой более 20 тыс. лет назад памятника Сяожэньдун в Цзянси) // Наньфан вэньу (Культурное наследие юга Китая). – 2012. – № 3. – С. 1–6 (на кит. яз.).

Чжао Биньфу. Дунбэй синьшици вэньхуа гэцзюй цзи ци юй чжоубянь вэньхуа дэ гуаньси (Культуры неолита северо-востока и их связи с культурами сопредельных территорий) // Чжунго бяньцзян шиди яньцзю (Исследования истории и географии приграничных территорий Китая). – 2006. – Т. 16. – № 2. – С. 88–97, 149 (на кит. яз.).

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей, 2009. – С. 7–46.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: осиповская культура // Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии. – Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2010. – С. 118–133.

Яншина О.В. Ранненеолитическая керамика стоянки Ямихта // An Archaeological Study on Prehistoric Cultural Interaction in the Northern Circum Japan Sea Area (1): Yamikhta Site Excavation Report. – Tokyo: Tokoro Research Laboratory, 2014. – С. 141–152.

Collection of Archaeological Materials from the Lower Tokoro River Basin [Электронный ресурс] // Graduate School of Humanities and Sinology and Faculty of Letters, the University of Tokyo. – URL: https://www.l.u-tokyo.ac.jp/t_collection/en/index.html (дата обращения: 05.06.2021).

de Gruyter W. The Excavation of Zone III of the Xiaonanshan site in Raohe County, Heilongjiang Province in 2015 // Chinese Archaeology. – 2020. – № 20 – Pp. 87–96. DOI: https://doi.org/10.1515/char-2020-0007.

Nelson S.M. The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. – L., N.-Y.: Routledge Publ., 2003. – 288 p.

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.).

Collection of Archaeological Materials from the Lower Tokoro River Basin. In *Graduate School of Humanities and Sinology and Faculty of Letters, the University of Tokyo*. –

URL: https://www.l.u-tokyo.ac.jp/t_collection/en/index.html (Accesssed: 05.06.2021).

Gerasimov M.M. Novyye stoyanki doistoricheskogo cheloveka kamennogo perioda v okrestnostyakh g. Khabarovska. *Izvestiya VSORGO,* 1928. Vol. 53 P. 135–140. (In Russ.).

De Gruyter W. The Excavation of Zone III of the Xiaonanshan site in Raohe County, Heilongjiang Province in 2015. *Chinese Archaeology,* 2020, no. 20/ P. 87–96. https://doi.org/10.1515/char-2020-0007

Derevyanko A.P., Medvedev V.E. Issledovanie poseleniya Gasya (predvaritel'nye rezul'taty, 1980 g.). – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1993. – 109 p . (In Russ.).

Duo Yimeng. Xiaonanshan wenhua zongshu [Xiaonanshan Culture Review]. In *Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh.* Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., 2019. P. 264–266. (In Chin.).

Dongbei ya shiqian kaogu xin gaodi: Xiaonanshan yizhi ruxuan "2019 niandu quanguo shi da kaogu xin faxian" [A new stage in the primitive archeology of Northeast Asia: Xiaonanshan site entered the top 10 new major discoveries of archeology in 2019]. In *Heilongjiang sheng wenhua he lüyou ting [Heilongjiang Province Culture and Tourism Office]*. URL: http://wlt.hlj.gov.cn/index.php/mobile/detail/id/301085/type/46.html (Accessed: 01.06.2020). (In Chin.).

Li Youqian. Heilongjiang Raohe Xiaonanshan yizhi faxian xinshiqi shidai zaoqi mudi [Discovery of Early Neolithic Cemetery at Xiaonanshan Site in Raohe, Heilongjiang]. In *Tencent net*. URL: https://new.qq.com/omn/20200108/20200108A0H3N900.html (Accessed: 05.06.2021). (In Chin.).

Li Youqian, Yang Yongcai. Heilongjiang Raohexian Xiaonanshan yizhi 2015 nian III qu fajue jianbao [Short Report on the excavations of area III on Xiaonanshan site in Raohe county Heilongjiang province]. *Kaogu [Archaeology],* 2019, no. 8. P. 3–20. (In Chin.).

Medvedev V.Ye. Glinyanoye sovershenstvo amurskogo neolita. *Priroda*, 2017, no. 9. P. 48–57. (In Russ.).

Medvedev V.Ye. K probleme nachal'nogo i rannego neolita na nizhnem Amure. In *Obozreniye rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovaniy arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 g*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995. P. 228–237. (In Russ.).

Medvedev V.Ye. Nekotoryye klyuchevyye voprosy dal'nevostochnogo neolita (Priamur'ye, Primor'ye). In *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Samare: sbornik nauchnykh statey*. Samara: SGPU Publ., 2020. Vol. 1. P. 182–183. (In Russ.).

Medvedev V.Ye., Filatova I.V. Keramika epohi neolita Nizhnego Priamur'ya (ornamental'nyj aspekt). – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 168 p. (In Russ.).

Medvedev V.Ye., Tsetlin Yu.B. Tekhniko-tipologicheskiy analiz drevneyshey keramiki Priamur'ya (13–10 tys. l.n.). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*, 2013, no. 2(54). P. 94–107. (In Russ.).

Medvedev V.Ye., Tsetlin Yu.B. Proiskhozhdeniye goncharstva i etnokul'turnyye protsessy v neolite Priamur'ya. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017. P. 167–171. (In Russ.).

Nelson S.M. The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall. L., N.-Y.: Routledge Publ., 2003, 288 p.

Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Dalekoye proshloye Primor'ya i Priamur'ya. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973, 440 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Medvedev V.E. Issledovaniye mnogosloynogo poseleniya Gasya na Nizhnem Amure. In *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR: Ser. obshchestvennykh nauk*, 1983, no. 1. P. 93–97. (In Russ.).

Shevkomud I.Ya., Kuz'min Ya.V. Khronologiya kamennogo veka Nizhnego Priamur'ya (Dal'niy Vostok Rossii). In *Kul'turnaya khronologiya i drugiye problemy v issledovaniyakh drevnostey vostoka Azii*. Khabarovsk: Khabarovskiy krayevoy muzey, 2009. P. 7–46. (In Russ.).

Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. Nachalo neolita v Priamur'ye: osipovskaya kul'tura. In *Pervonachal'noye osvoyeniye chelovekom kontinental'noy i ostrovnoy chasti Severo-Vostochnoy Azii*. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU Publ., 2010. P. 118–133. (In Russ.).

Vasilevskiy A.A. Kamennyy vek ostrova Sakhalin. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoye knizhnoye izd-vo, 2008, 412 p. (In Russ.).

Wang Guangxiao. Raohe Xiaonanshan yizhi yuqi kaogu faxian zongshu [Results of investigation of the jades on Xiaonanshan site in Raohe county]. *Wenwu jianding yu jianshang [Identification and Appreciation of Cultural Relicts],* 2021, no. 1. P. 175–177. (In Chin.).

Wu Xiaohong, Zhang Chi, Goldberg P., Cohen D., Пань Янь, Arpin T., Bar-Yosef O. Jiangxi Xiaorendong yizhi liangwan nian qian taoqi de niandai yanjiu [A study on the age of pottery at the Xianrendong site in Jiangxi which is dated 20,000 years ago]. *Nanfang wenwu*, 2012, no.3. P. 1–6. (In Chin.).

Yanshina O.V. Early Neolithic Ceramics of Yamikhta Site. In *An Archaeological Study on Prehistoric Cultural Interaction in the Northern Circum Japan Sea Area (1): Yamikhta Site Excavation Repor*t. Tokyo: Tokoro Research Laboratory, 2014. P. 141–152. (In Russ.).

Zhao Binfu. Dongbei xinshiqi wenhua geju ji qi yu zhoubian wenhua de guanxi [Neolithic cultures of the northeast China and their relations with the cultures of neioring territories]. *Zhongguo bianjiang shidi yanjiu [The investigations of history and geography of border areas],* 2006. Vol. 16, no. 2. P. 88–97, 149. (In Chin).

Медведев В.Е. https://orcid.org/0000-0002-4087-0364
Филатова И.В. https://orcid.org/0000-0001-6945-9096
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0195-0200
УДК 902; 903

В.И. Молодин[1,2], Ю.Н. Ненахова[1]✉, И.А. Дураков[1], Н.С. Ефремова[1], Д.А. Ненахов[1]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; nenaxoffsurgut@mail.ru

Яма-хранилище для квашения рыбы Барабинской неолитической культуры на памятнике Тартас-1

В статье рассматриваются результаты, полученные Западносибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции в ходе проведенных полевых работ 2021 г. на памятнике Тартас-1 в Новосибирской области. На краю второй надпойменной террасы, где расположен памятник, был выявлен очередной объект ранненеолитического времени. Комплексы аналогичных ям были исследованы нами ранее в 2015–2016 гг. Встречались и единичные ямы. Поселенческие конструкции и система хозяйственных ям располагались компактно вдоль восточного края террасы могильника и были полностью изучены. Плоскодонная керамика со своеобразным орнаментом, костяной и каменный инвентарь позволили поставить вопрос по выделению новой в регионе барабинской неолитической культуры Серия аналогичных ям на территории Барабинской лесостепи увеличивается. За время исследования удалось получить более 20 радиоуглеродных дат. Это позволило отнести памятники данной культуры к периоду раннего неолита, датировав ее в пределах VII тыс. до н.э. В текущем сезоне была исследована характерная для ранненеолитических объектов яма. Глубина ее более 2 м, диаметр – 2 м, соответствующее пестрое заполнение с подстилающими черными прослойками (остатки консервирования рыбы) и их просадом. В заполнении ямы обнаружена серия костяных и каменных изделий, соотносимых с найденными на памятнике раннее, отмечены прослойки рыбьей чешуи и мелкие неопределимые обломки костей животных. Перед нами явно устойчивое проявление хозяйственной практики у носителей ранненеолитической барабинской культуры, связанное с заготовкой и консервацией впрок рыбных запасов. Подобные объекты встречаются крайне редко и имеют большой научный интерес.

Ключевые слова: *барабинская ранненеолитическая культура, неолит, ямы-хранилища, памятник Тартас-1, Барабинская лесостепь*

V.I. Molodin[1,2], Yu.N. Nenakhova[1]✉, I.A. Durakov[1], N.S. Efremova[1], D.A. Nenakhov[1]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; nenaxoffsurgut@mail.ru

Storage Pit for Fish Fermentation at the Tartas-1 Site, the Baraba Neolithic Culture

The article presents the results obtained by the Western Siberian Team of the Northern Asian Integrated Expedition in 2021 during the field works at the Tartas-1 site in Novosibirsk Region. Another object of the Early Neolithic was discovered on the edge of the second terrace above the floodplain at the Tartas-1 site. Complexes of similar pits and individual pits were investigated earlier, in 2015–2016. Settlement structures and system of utility pits were located compactly along the eastern edge of the burial ground terrace and were fully studied. Flat-bottomed pottery with distinctive ornamentation, and bone and stone artifacts have made it possible to raise the question on identifying a new Baraba Neolithic culture in the region. A series of similar pits have been found in the Baraba forest-steppe before. During the study, over twenty radiocarbon dates were obtained, which has made it possible to attribute the sites of this culture to the Early Neolithic, dating it within the seventh

millennium BC. In the season of 2021, a pit with typical features of the Early Neolithic objects was explored. Its depth was over 2 m; diameter was 2 m; filling was variegated with underlying black layers (remnants of fish preservation) and their subsidence. The filling of the pit contained a number of bone and stone items which corresponded to the items found at the site before. Interlayers filled with fish scales and small unidentifiable fragments of animal bones have been found. This appears to have been a clearly stable economic practice among the carriers of the Baraba Early Neolithic culture, which was associated with procurement and preservation of fish supplies for future use. Such objects are extremely rare and of great scholarly interest.

Keywords: *Baraba Early Neolithic culture, Neolithic, storage pits, Tartas-1 site, Baraba forest-steppe.*

Активно продолжающиеся раскопки на памятнике Тартас-1, уже известные научному сообществу многочисленными открытиями погребальных, поселенческих и ритуальных комплексов, дали новые замечательные результаты, к числу которых относится яма-хранилище для заготовки и квашения рыбных запасов.

Неолитическое поселение, состоящее из двух жилищ и серии таких своеобразных ям, сопутствующих последним, было открыто и полностью исследовано нами на памятнике Тартас-1 в 2015–2016 гг. Материалы эти практически полностью введены в научный оборот в России [Молодин и др., 2016, с. 135–139; 2020, с. 69–93] и в Германии [Molodin et al., 2021. P. 27–87]. Серия таких ям была открыта и исследована на памятнике Усть-Тартас-1. Материалы частично введены в научный оборот [Молодин и др., 2017, с. 172–177].

Напомним, что оба памятника находятся в Венгеровском районе Новосибирской области на правом (Тартас-1) и левом (Усть-Тартас-1, 2) берегах урочища Таи [см.: Молодин, Новиков, 1998].

Своеобразная керамика, костяной и каменный инвентарь, полученный на этих памятниках, позволили поставить вопрос по выделению новой в регионе барабинской неолитической культуры. Значительные серии радиоуглеродных дат (более 20), полученных в высокорейтинговых лабораториях Германии и России [Молодин и др., 2019, с. 15–22], позволили отнести памятники данной культуры к периоду раннего неолита, датировав их в пределах VII тыс. до н.э. [Molodin et al., 2021. P. 27–87], с частичным попаданием в VIII и VI тыс. до н.э.

Выявленные и детально охарактеризованные сооружения вызвали пристальный интерес у научного сообщества. Очевидно, что каждый такой объект представляет существенный научный интерес. Такие сооружения пока единичны, и каждое из них дает в руки исследователей новые оригинальные источники.

При фронтальном исследовании памятника Тартас-1, когда сплошной площадью вскрывается обширное пространство вне зависимости даже от данных геофизического мониторинга, один из раскопов 2021 г. был заложен на краю второй надпойменной террасы правого берега урочища Таи, продолжая в северном и западном направлении многолетние раскопы памятника.

В 70 м к северо-западу от полностью исследованного поселенческого неолитического комплекса барабинской ранненеолитической культуры, о котором речь шла выше, фактически уже за пределами поселения, была обнаружена новая неолитическая яма аналогичного функционального назначения, о чем наглядно свидетельствует ее последующие изучение. Яма, получившая порядковый номер 1741, имела отчетливый внешний контур на уровне материка, читалась благодаря серой окраске заполнения. В двух местах яма была нарушена более поздними конструкциями эпохи бронзы, заполнение которых отличалось более темным, гумусированным цветом, прекрасно контрастирующим с заполнением ямы (рис. 1, *1*). После выборки их заполнения исследование неолитической ямы велось сначала путем разборки ее половины (рис. 1, *2, 3,* рис. 2, *Б*). Яма имела округлую форму, диаметр ее составлял 2 м (рис. 1, *4*, рис. 2, *А*). Выборка заполнения ямы велась горизонтами, каждая встреченная находка фиксировалась на плане объекта по глубине ее залегания. Заполнение ямы, которое характерно и узнаваемо в объектах подобного плана, представляло собой неравномерную по мощности слоистость, где темные прослойки залегали отчетливыми линзами, с просадом в центральной части (рис. 1, *3*, рис. 2, *Б)*. В прослойках отчетливо читались остатки рыбьей чешуи и костей, местами залегающих достаточно интенсивными по мощности пластами. В ряде же случаев эти прослойки содержали незначительный ихтиологический материал, что свидетельствует о тщательной выборке заготовленной рыбы из ямы (рис. 1, *5*). Изучение стратиграфического разреза показало, что глубина исследуемой ямы достигала 2,26 м от уровня материка. Реально же ее глубина была еще больше, с учетом уровня погребенной почвы и могла достигать примерно 2,40 м. По-видимому, нижняя часть ямы активно не использовалась обитателями стоянки, а углублялась ими специально для обеспечения качественного дренажа в яме дождевой воды и, возможно, выведении жидкости от рыбы. Достигнув на глубине порядка 2 м слоев песков и перерезав их, «древние барабинцы», прекрасно знавшие физические свойства местных почв, оберегали таким образом рыбные за-

Рис. 1. Яма № 1741 в процессе исследования. Фото.

1 – яма до выборки заполнения; *2* – изучение стратиграфического разреза, рабочий момент; *3* – разрез по линии E–F; *4* – яма после выборки заполнения; *5* – скопление рыбьей чешуи; *6* – костяное орудие (нож); *7* – костяное орудие (лопатка животного).

пасы от затопления, которое привело бы их к порче и уничтожению. В придонной части яма сужалась.

Кроме местами сохранившихся останков рыбьих костей и чешуи до нас дошли несколько предметов из кости и камня, явно потерянные обитателями стоянки. Так, на глубине 0,57 м от уровня материка*, в слое рыбных останков обнаружен выполненный из кости предмет, имеющий форму ножа (рис. 2, *A,* 3*, 3*). Рукоять не выражена, однако, одна из сторон его была приострена встречными продольными срезами. В длину изделие достигало 10,4 см, толщина тела изделия 1,3 см. Предмет по своей форме весьма напоминает костяной нож для чистки рыбы из неолитического поселения, обнаруженный здесь же на неолитической стоянке Тартас-1 [Molodin et al., 2021, p. 64, fig. 52, 53]. Скорее всего, рыбные ножи подобной формы из костей животных широко использовались обитателями стоянки. Следует сказать, что костей и жаберных крышек рыбы в яме отмечено незначительное количество по отношению к чешуе, возможно, это связано с обработкой изъятой рыбы на месте, о чем и свидетельствует орудие.

*Здесь и далее все глубины даны от уровня материка.

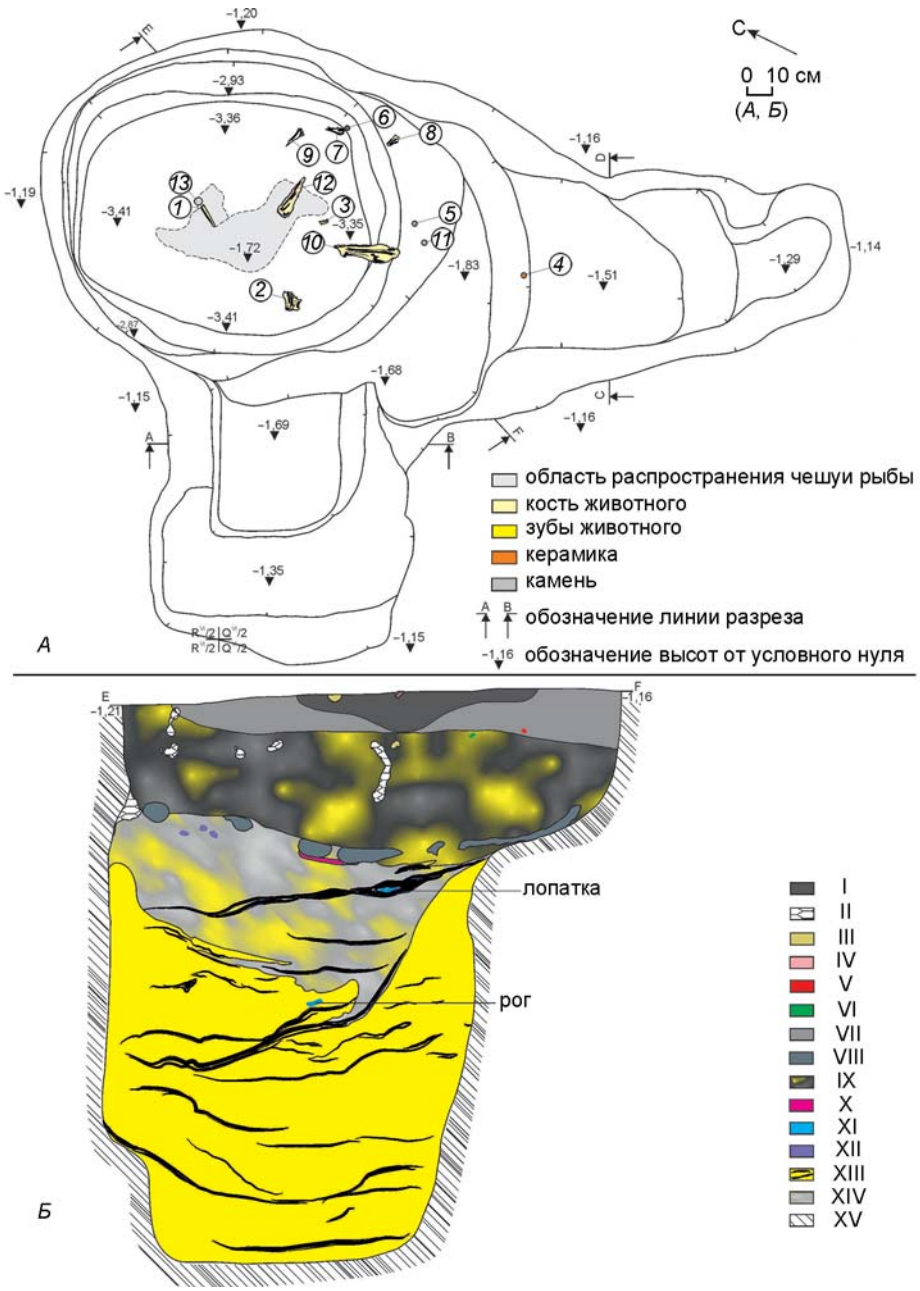

Рис. 2. План и разрезы ямы № 1741. Рисунок.

А – План: *1* – ребро-орудие (нож) (н.о. –1,72) (н.о. – нивелировочная отметка); *2* – обломок лопатки животного (н.о. –1,75); *3* – зуб животного (н.о. –1,16); *4* – глиняный шарик (керамика) (н.о. –1,36); *5* – ножевидная пластина с ретушью (н.о. –1,76); *6* – скол (камень) (н.о. –1,73); 7 – обл. длинной кости животного (н.о. –1,69); *8* – обл. черепа животного со следами воздействия огня (н.о. –1,67); *9* – обл. кости животного (н.о. –1,70); *10* – лопатка животного – орудие (н.о. –1,95); 11 – скребок (камень) (н.о. –2,73); *12* – обломок рога – орудие (н.о. –2,36); *13* – скол с нуклеуса (н.о. –1,78).

Б – Разрез по линии E–F: I – плотная темно-серая супесь; II – черная супесь (нора); III – рыхлая желто-серая супесь (нора); IV – зуб животного (?); V – спек; VI – фрагмент керамики; VII – плотная серая супесь; VIII – плотная темно-серая супесь; IX – плотная мешаная серая супесь с линзами желто-серой супеси; X – чешуя рыбы; XI – орудия из кости и рога; XII – вкрапления оранжевой глины; XIII – рыхлая желтая, желто-серая супесь с прослойками черной супеси; XIV – рыхлая, пестрая, сильно мешаная серая, желто-белесая супесь с белыми кальцинированными вкраплениями и прослойками черной супеси; XV – желтая супесь (материк).

Второе костяное орудие было обнаружено в заполнении ямы на глубине 1,21 м, также в одном из слоев, некогда связанных с консервацией рыбы. Перед нами обломок крупного орудия, выполненного из обломка рога тура (или бизона?) (рис. 2, *А,* 3, *2*). На одной из оконечностей фрагмента сохранился явный перпендикулярный срез, образующий вероятно скребковую часть, пригодную для чистки рыбы. Реальную форму орудия представить сложно, однако уместно напомнить, что рога бизона мы находили на аналогичном объекте верхнепалеолитического памятника Венгерово-5 [Окладников,

Молодин, 1978, с. 9–19], расположенном на той же террасе, что и анализируемый объект, вверх по течению реки Тартас. Сегодня понятно, что данная яма также использовалась для заготовки рыбы. Таким образом, очевидно, что данная хозяйственная традиция уходит своими корнями в эпоху верхнего палеолита.

Третий костяной предмет, который был найден при выборке второй половины ямы на глубине 0,80 см, представляет собой подработанное орудие, выполненное из лопатки лошади (рис. 2, *А,* 3*, 1*). Это оформленный продолговатый вытянутый предмет со слегка закругленным лезвием. Край лезвия по периметру заточен. Перед нами, несомненно, копательный инструмент, использовавшийся для сооружения ямы, в которой производилось квашение рыбы, а возможно и ее изъятия. Сходное по функциональному предназначению, но менее обработанное орудие, было обнаружено на Тартасской неолитической стоянке в яме № 1229 [Molodin et al., 2021, p. 71, fig. 61].

Помимо костяных орудий, явно случайно оставленных в яме во время хозяйственной деятельности, обнаружены каменные предметы, которые, вероятно, также были потеряны во время обработки рыбы. Наиболее ярким предметом является миниатюрный каменный скребок, выполненный из кремня желтоватого цвета. Рабочая часть изделия в виде равнобедренного треугольника оформлена однорядной ретушью. Набор миниатюрных скребков близких по пропорциям обнаруженному имелся и на неолитической стоянке Тартас-1 [Molodin et al., 2021, fig. 13–9–27]. Подобные орудия были широко представлены на неолитических и раннебронзовых поселениях региона. Охарактеризованный выше предмет был обнаружен в заполнении ямы на глубине 1,58 м.

Еще несколько предметов – скол с нуклеуса, миниатюрный отщеп со шлифованного орудия, ножевидная пластина с ретушью – обнаружены соответственно на глубине 0,63, 0,58 и 0,61 см. Поделочный камень в Барабе ценился высоко, являясь приносным на данную территорию. Эти миниатюрные предметы явно использовались, и в данном случае были, вероятно, утеряны.

Отмечены мелкие неопределимые обломки костей животных и несколько предметов, соотносимых с поздними объектами, севшими на яму (рис. 2, *А*).

Пожалуй, единственной существенной чертой, которая отличает анализируемый объект от аналогичных конструкций на Тартасе-1 и Усть-Тартасе-1, является отсутствие в нем скелета какого-либо животного (собака, заяц, лиса, росомаха и др.), помещаемого, как мы полагаем, в яму в качестве

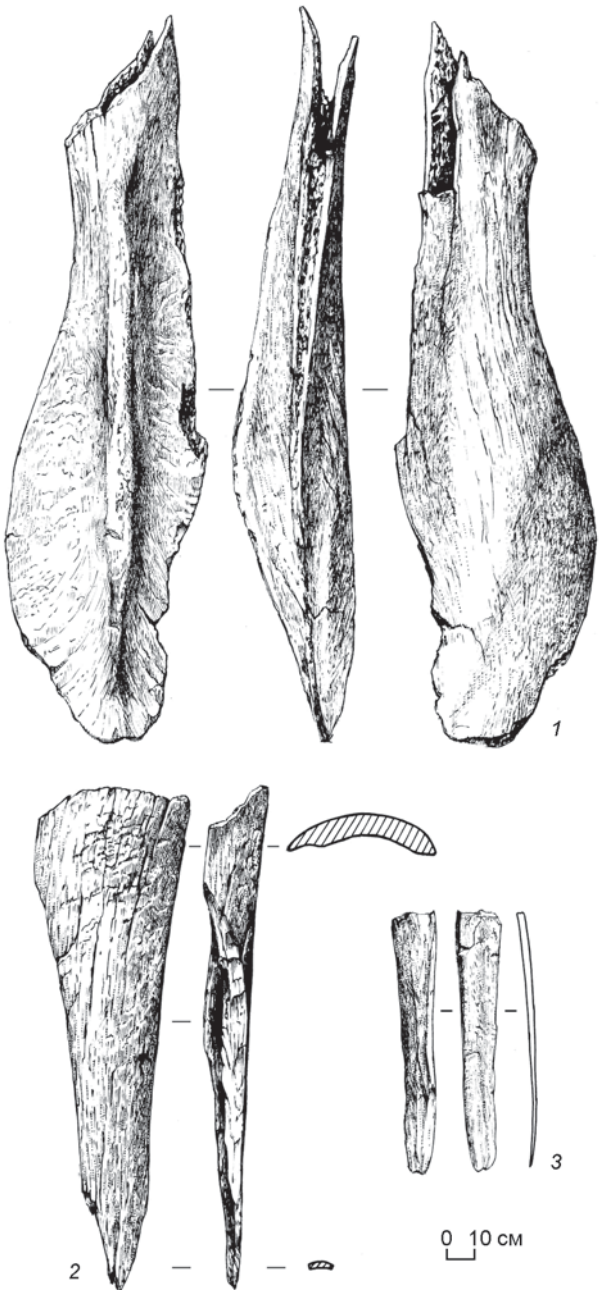

Рис. 3. Находки из ямы № 1741. Рисунок.
1, 3 – изделия из кости; *2* – изделие из рога.

жертвенного приклада [Molodin et al., 2021, fig. 46–56; Молодин и др., 2015, с. 326–331; 2020, с. 77]. Каким-то объяснением данного обстоятельства может быть некоторая удаленность изученного объекта от собственно поселения. Однако понятно, что это не более чем предположение.

Таким образом, перед нами устойчивое проявление экономической практики у носителей ранненеолитической барабинской культуры, связанное с заготовкой и консервацией впрок рыбных запасов, которыми было чрезвычайно богато урочище Таи.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Барабинская культура раннего неолита // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 69–93. Doi:10.25205/1818-7919-2020-19-7-69-93

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 139 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Вып. 3.).

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 326–331.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Археология, этнографии и антропология Евразии. – 2019. – № 1 (47). – С. 15–22. doi:10.17746/1563-0102.2019.47.1.015-022 https://archaeology.nsc.ru/wpcontent/uploads/2018/05/ses_2015_min.pdf

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Вып. XXII. – С. 135–139. https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2016_min.pdf

Окладников А.П., Молодин В.И. Стоянки каменного века // Памятники истории и культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 9–19.

Molodin V.I., Hansen S., Myl´nikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova Ju.N. Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland) // Eurasia Antiqua. 2017, Bonn. Rudoff Habelt Rerlag. – 2021. – Band 23. – P. 27–87.

References

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS. Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 172–177. (In Russ.).

Molodin V. I., Mylnikova L. N., Kobeleva L. S., Nesterova M. S., Nenakhov D. A. Baraba Culture of Early Neolithic Period. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2020. Vol. 19, n 7: Arkheologiya i etnografiya, pp. 69–93. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyu ist.-kul't. naslediya, 1998, 139 p. (Materialy «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii». Iss. 3.). (In Russ.)

Molodin V. I., Nenakhov D. A., Nesterova M. S., Durakov I. A., Vasil'ev S. K. The Unique Production Complex At The Tartas 1 Site (Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk, IAET SB RAS. Publ., 2015. Vol. 21. P. 326–331. (In Russ.).

Molodin V.I., Reinkold S., Mylnikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. The Early Neolithic Complex on the Tartas-1 Site: Results of the AMS Radiocarbon Dating. *In Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2019, n. 1, (47). P. 15–22. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinkold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasil'ev S.K. New Information about Neolithic Complexes on the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS. Publ., 2016. Vol. XXII. P. 135–139. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Molodin V.I. Stoyanki kamennogo veka. In *Pamyatniki istorii i kul'tury Sibiri.* Novosibirsk: Nauka, 1978. P. 9–19. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Nenachov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nenachova Ju.N. Der frühneolithische Siedlungskomplex am Unterlauf des Tartas (Südwestsibirisches Tiefland). In *Eurasia Antiqua*. 2017, Bonn. Rudoff Habelt Rerlag, 2021, Band 23. P. 27–87. (In Deutsch).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0201-0208
УДК 902.01

А.К. Очередной[1,2]✉, Т.А. Янина[1,3], Т.В. Романис[4], Р.Н. Курбанов[3], Н.В. Таратунина[1,3], М.В. Ельцов[5], Е.В. Казаков[1], Я.Д. Иванов[6], М.Д. Куприянова[6], П.Г. Клименко[7], С.О. Ремизов[8]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории материальной культуры РАН
Санкт-Петербург, Россия
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[4]ФГБНУ ФИЦ «Почвенный институт им. В.В. Докучаева»
Москва, Россия
[5]Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
Пущино, Россия
[6]Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
[7]ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры»
Волгоград, Россия
[8]Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»
Волгоград, Россия
E-mail: a.otcherednoy@gmail.com

Геоархеологические исследования на среднепалеолитическом памятнике Сухая Мечётка в 2021 году

В 2021 г. Нижневолжским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН, в рамках комплексной Нижневолжской экспедиции, организованной ИИМК РАН, было продолжено изучение среднепалеолитического памятника Сухая Мечётка, расположенного на северной окраине Волгограда. Исследования были направлены на изучение хроностратиграфической позиции культурного слоя стоянки и реконструкцию палеоклимата в период обитания на ней неандертальцев. В 2021 г. к западу от охранной зоны стоянки был заложен дополнительный сплошной разрез для изучения стратиграфии правого борта балки Сухая Мечётка. В 2021 г. на памятнике была полностью завершена верхняя часть разреза СМ 14–18 (CM East), общей глубиной 26 м. Кроме того, к западу от него был зачищен новый разрез – CM West и проведена их предварительная корреляция, в т.ч. по выделенным и описанным палеопочвам. Для точной корреляции почв раскопов отобраны образцы на палинологический, микроморфологический, физико-химические анализы и исследования фитолитов. Отобрана колонка образцов для OSL-датирования. Изучение погребенных почв Сухой Мечётки имеет большое значение для понимания динамики климатических изменений в период формирования культурного слоя стоянки. Педогенетические уровни, выделенные в 2021 г. по глубинам, выдержанности и характеру почвообразования сопоставимы с погребенными почвами, описанными для памятника ранее. Впервые описанная текстурно-дифференцированная погребенная почва в разрезе CM West расширяет представление о пространственной неоднородности почвенного покрова, а соответственно, и условий обитания человека. Результаты продолжающихся полевых исследований на Сухой Мечётке позволят впервые определить культурно-хронологическое положение стоянки в контексте среднепалеолитических комплексов Восточной и Центральной Европы.

Ключевые слова: *Волгоград, Сухая Мечётка, средний палеолит, стратиграфия, погребенные почвы, абсолютное датирование.*

A.K. Otcherednoy[1,2]✉, T.A. Yanina[1,3], T.V. Romanis[4], R.N. Kurbanov[3], N.M. Taratunina[1,3], M.V. Eltsov[5], E.V. Kazakov[1], Ya.D. Ivanov[6], M.D. Kupriyanova[6], P.G. Klimenko[7], S.O. Remizov[8]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute for the History of Material Culture RAS
Saint-Petersburg, Russia
[3] Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
[4]V.V. Dokuchaev Soil Science Institute
Moscow, Russia
[5]Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS
Pushchino, Russia
[6]Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
[7] State institution "Volgograd Regional Research and Production Center for the Protection of Historical and Cultural Sites"
Volgograd, Russian Federation
[8] Historical, Ethnographic and Architectural Museum-Preserve "Old Sarepta"
Volgograd, Russian Federation
E-mail: a.otcherednoy@gmail.com

Geoarchaeological Studies at the Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic Site in 2021

In 2021, the Lower Volga Paleolithic research team of the IAET SB RAS, participating in the Interdisciplinary Lower Volga Expedition organized by the IIMK RAS, the study of the Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site located in the northern outskirts of Volgograd City was continued. The research was aimed at studying the chronostratigraphic position of the cultural layer and reconstructing the paleoclimate during the Neanderthal habitation period. In 2021, an additional geological section was established to the west of the buffer zone of the excavation area to study the stratigraphy of the right-side slope of the Sukhaya Mechetka gully. In 2021 the upper part of SM 14–18 (SM East) stratigraphic sequence has been completely excavated (26 m thick). The new SM West stratigraphic sequence was established in 155 m westwards. Preliminary correlation of the layers and paleosol horizons in these two profiles was carried out. Samples for palynological, micromorphological, physicochemical and phytholithic analyses with the purpose to correlate the two sequences have been collected. Sediments were sampled for OSL dating. Studies of the buried paleosol are extremely important for understanding the dynamics of the climatic changes during the cultural layer accumulation at Sukhaya Mechetka. Pedogenetic levels that have been revealed in 2021 are comparable to the buried paleosol identified at the site earlier in depths, continuity and features of pedogenesis. Texturally graded buried paleosol described here for the first time for the SM West sequence expand our understanding of the soil spatial inhomogeneity, and, consequently, conditions of human habitation. Results of the ongoing field investigation will allow determining the cultural-chronological position of Sukhaya Mechetka in the context of the Eastern and Central European Middle Paleolithic complexes for the first time.

Keywords: *Volgograd, Sukhaya Mechetka, Middle Paleolithic, stratigraphy, buried soils, absolute dating.*

Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка (Волгоградская стоянка, Сталинградская стоянка) является одним из наиболее известных палеолитических комплексов в Восточной Европе. Единственный известный на сегодняшний день культурный слой памятника залегает на более чем двадцатиметровой глубине, под мощной толщей перекрывающих отложений. Культурный слой был частично изучен экспедицией под руководством С.Н. Замятнина в 1952 и 1954 гг. на площади в 650 м^2. Коллекция Сухой Мечётки, хранящаяся в МАЭ РАН, насчитывает около 8 000 единиц хранения и на сегодняшний день является одной из наиболее представительных и выразительных коллекций индустрий, относящихся к микокской общности среднего палеолита [Замятнин, 1961; Bosinski, 1967; Кузнецова, 2006; Праслов, Кузнецова, 2020; Колесник и др., 2020; Очередной и др., 2020].

Памятник расположен на правом берегу глубокой древней балки (по которой он и был назван), прорезающей правый берег долины Волги на северной окраине города Волгограда (рис. 1). Устье-

Рис. 1. Расположение памятника Сухая Мечётка на северной окраине Тракторозаводского р-на Волгограда.

вая часть балки через 2,5 км после стоянки выходит к Волге и к плотине Волжской ГЭС. Ближайшие окрестности стоянки подверглись значительным изменениям в результате активных строительных работ, развернувшихся в Тракторозаводском р-не Волгограда во второй половине прошлого века. Здесь были выстроены три крупных объекта, существование которых напрямую влияет на изучение стоянки. Сначала в непосредственной близости от памятника, примерно в 70 м к западу от него, в 1951–1954 г. был возведен двухколейный железнодорожный мост на бетонных опорах. Через тридцать лет, уже в 1980-е гг., почти вся правая (восточная) часть памятника оказалась застроена многоярусным гаражным кооперативом (рис. 2, 3). Наконец, вплотную с юга к памятнику подходит территория Пассажирского Автотранспортного Предприятия, во время строительства которого уровень дневной поверхности в районе локализации памятника был дополнительно выровнен. Заодно практически засыпанной оказалась и приустьевая часть овражка, который разделял стоянку на две части – Западную и Восточную [Замятнин, 1961]. Такое активное воздействие на памятник, с одной стороны, привело к значительному осложнению любых дальнейших работ по изучению культурного слоя, который по предположению С.Н. Замятнина распространяется к югу от уже изученной площади [Там же], а с другой стороны, частично переплани-ровало и дополнительно законсервировало отдельные участки первоначального рельефа памятника, что также осложняет дальнейшие исследования.

Основные этапы истории изучения памятника уже были неоднократно опубликованы [Кузнецова, 2006; Праслов, Кузнецова 2020; Очередной и др., 2020]. Стоит отметить, что, несмотря на неоднократные попытки выяснить и уточнить возраст отложений, вмещающих культурный слой стоянки, этот вопрос до сих пор является ключевым для Сухой Мечётки.

Полевые работы на памятнике были возобновлены несколько лет назад в рамках возвращения к комплексным исследованиям среднепалеолитических памятников Русской равнины группой, состоящей из специалистов Отдела палеолита ИИМК РАН, Отдела эволюционной географии ИГ РАН, МГУ, Донецкого национального университета, Почвенного института им. В.В. Докучаева и других исследовательских институтов. Для полноценного сравнительного анализа данных, полученных в течение последних лет на отдельных стратифицированных памятниках Восточной Европы, необходимо использование материалов синхронных памятников с близкими характеристиками условий залегания и степени сохранности, а также изученных при помощи единого набора методов. Начало этим работам было положено исследованиями группы стратифицированных памятников средне-

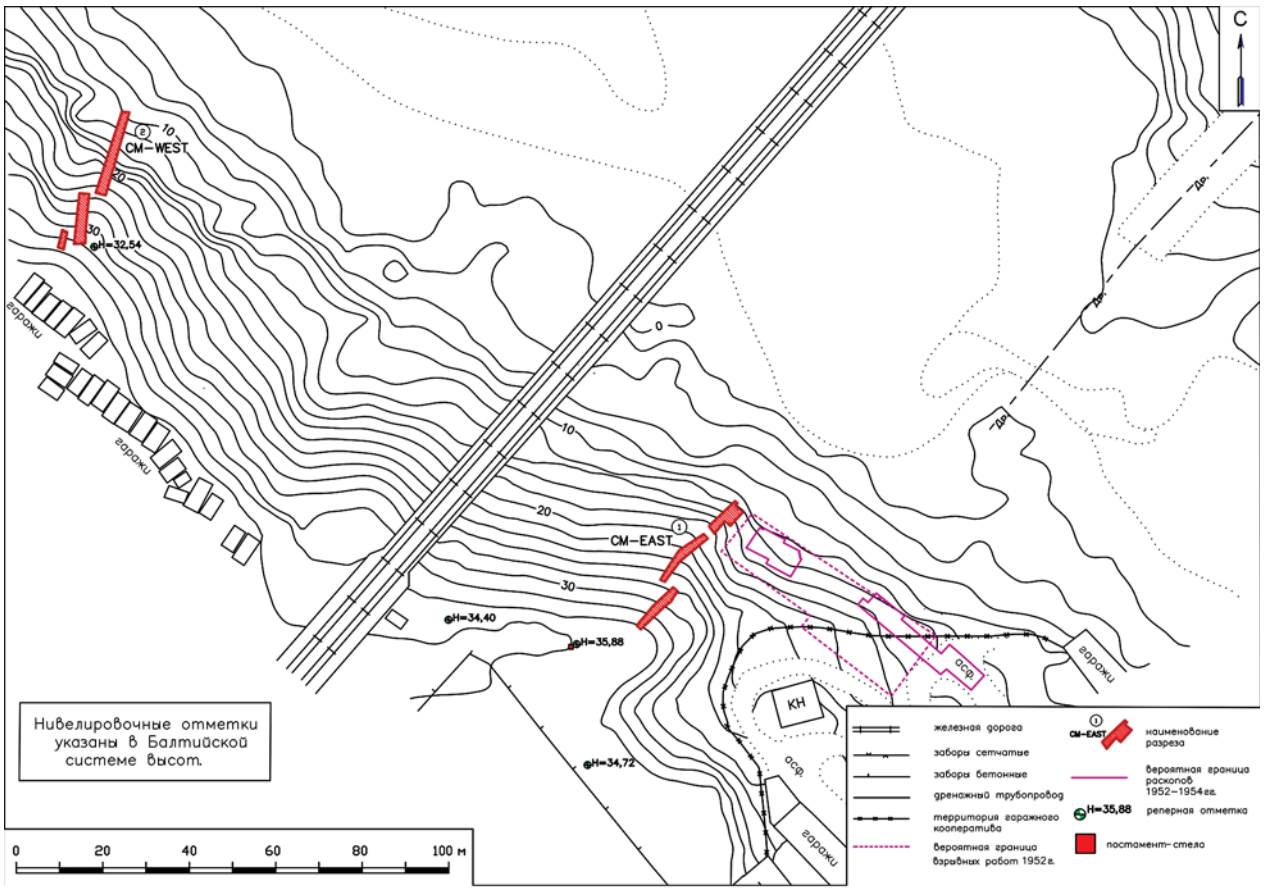

Рис. 2. Топографический план правого борта балки Сухая Мечётка с указанием расположения разрезов СМ East и СМ West относительно участка, исследованного С.Н. Замятниным в 1952 и 1954 г. (Съемка: Е.К. Блохин и Е.В. Казаков).

го палеолита на Верхней Десне (Хотылёво I и Бетовская группа памятников). Кроме Сухой Мечётки, к работе привлечены многослойные памятники Бирючья Балка 2 и Рожок I, расположенные соответственно в нижнем течении Северского Донца и в береговом обрыве северного побережья Азовского моря. Возобновление исследований Сухой Мечётки, таким образом, является одной из стадий реализации единого проекта по обновлению аналитических данных по стратифицированным среднепалеолитическим памятникам Русской равнины.

Для получения наиболее полной стратиграфической информации о четвертичных отложениях, подстилающих и перекрывающих культурный слой памятника, рядом с западной стенкой Раскопа I (Западного раскопа) С.Н. Замятнина [Замятнин, 1961, с. 9, рис. 2; Праслов, Кузнецова, 2020, с. 92, рис. 8], был заложен разрез, постепенно доведенный до современной бровки мыса. Суммарная мощность отложений, вскрытых разрезом, составляет 26 м при общей мощности отложений мыса в 36 м, и до сезона 2021 г. вся хроностратиграфическая информация о памятнике базировалась на изучении этого разреза (Разрез СМ 14-18) (рис. 2, 3). В 2021 г. Нижневолжским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН, в рамках комплексной Нижневолжской экспедиции, организованной ИИМК РАН, было продолжено изучение среднепалеолитического памятника Сухая Мечётка. Разрез СМ 14–18, продолженный в 2021 г., вскрыл три толщи, которые были хорошо известны на памятнике еще с раскопок С.Н. Замятнина, а несколько позже изучены серией геологических разрезов на Нижней Волге. Сверху вниз это отложения хвалынской трансгрессии Каспия, мощная пачка слоистых ательских суглинков и подстилающие ее пески хазарской трансгрессии Каспия. В нижней части ательской толщи залегает серия различных по выразительности, но сходных по мощности погребенных почв. К одной из этих почв, самой нижней по разрезу СМ 14–18, приурочен культурный слой Сухой Мечётки.

Проблемы с датировкой памятника до недавнего времени были обусловлены отсутствием возможности получения серийной хронометрической информации по его стратиграфической колонке. Однако прогресс развития неорганогенных методов датирования в последние десятилетия, с одной стороны, позволяет закрыть эту лакуну в изучении

Сухой Мечётки, а с другой стороны – позволяет использовать стратиграфическую колонку памятника для хроностратиграфических корреляций в пределах всего региона Нижней Волги.

В 2021 г. на памятнике была полностью завершена верхняя часть разреза СМ 14–18, а также обновлены его низы, что позволило начать подробное изучение серии погребенных почв, вмещенных в основание ательской толщи разреза. Завершение верхов разреза и обновление его нижней части позволило внести значительные коррективы в предыдущий вариант описания разреза и уточнить особенности контактных зон между различными толщами. После завершения изучения результатов аналитики эта информация должна обеспечить наиболее корректный вариант хроностратиграфической корреляции литологической колонки памятника с опорными разрезами Нижневолжского региона. Результаты первой партии OSL-дат, полученные для стратиграфической колонки разреза СМ 14–18 в Институте Макса Планка, не совпадают с ранее полученными результатами радиоуглеродного датирования [Otcherednoy et al., 2019; Вишняцкий, Нехорошев, Очередной, 2019], удревняя памятник до границы MIS 4 и MIS 3 [Lauer, Otcherednoy, 2021]. Однако, несмотря на эту корректировку, результаты первого опыта применения OSL свидетельствуют в пользу достаточно молодого возраста культурного слоя Сухой Мечётки среди среднепалеолитических памятников открытого типа Восточной Европы. Получение новых хронометрических данных является одной из задач программы продолжения исследований Сухой Мечётки.

Для более полного изучения изменчивости осадконакопления на участках правого борта балки в непосредственной близости от зоны локализации памятника в 2021 г. было решено заложить еще один полный разрез в 155 метрах к западу от разреза СМ 14–18. Такое расположение нового разреза объясняется, во-первых, необходимостью выйти за пределы западной части охранной зоны железнодорожного моста и, во-вторых, обнаружением узкого и довольно протяженного овражка, правый борт которого и был использован для получения стратиграфического разреза. Появление нового разреза позволило упростить номенклатуру, примененную нами к изучению стратиграфии стоянки – теперь разрезы обозначены как Западный (новый разрез 2021 г.) и Восточный (разрез СМ 14–18) или CM West и CM East (рис. 2, 3).

В разрезе CM West была вскрыта толща отложений, предварительно подразделенная на 16 литологических слоев. Верхняя и средняя части разреза представляют собой чередование супесей, лессовидных суглинков и суглинков, среди которых предварительно выделена погребенная почва (слой 5). В нижней части разреза, начиная с 11 слоя, характер отложений меняется. Здесь наблюдается чередование опесчаненных прослоев лессовидных суглинков светло-коричневого цвета с ярко выраженной блочной структурой, и прослоев плохо сортированного разнозернистого песка с редким мелким гравием. Мощность прослоев не выдержана и составляет от 2 до 5 см для суглинистых и от 1 до 2 см для песчаных, также в пределах этой толщи обнаружены участки концентраций крупнозернистого песка с гравием. Начиная с 12 слоя отмечается высокая карбонатность суглинков и, частично, песчаных прослоев. Эта часть разреза разбита вертикальными трещинами, которые, по всей видимости, являются постседиментационными. Слоистые отложения подстилает погребенная почва (слой 13), насыщенная мелкими древесными угольками. Она представлена очень плотным неслоистым лессовидным суглинком ореховатой структуры, с многочисленными мелкими пятнами равномерно распределенных карбонатов и пятнами омарганцевания до 0,5 см. Также отмечена высокая степень постседиментационной трещиноватости. На поверхности этой почвы были обнаружены несколько осколков трубчатых костей. В основании разреза зафиксиро-

Рис. 3. Правый борт балки Сухая Мечётка и расположение разрезов CM East и CM West, на переднем плане – опоры железнодорожного моста; вид с севера. (Фото А.К. Очередного).

вана толща горизонтально слоистого разнозернистого песка с большим количеством крупнопесчаной фракции и мелкого гравия (слой 16).

Таким образом, в нижней части разреза CM West была обнаружена последовательность отложений, которая сходна с низами разреза CM East – это разнозернистые горизонтально слоистые пески в основании разреза, выразительная погребенная почва, насыщенная древесными угольками и с находками неопределимых осколков костей, перекрытая толщей переслаивающихся плотных карбонатизированных суглинков и песков.

Прямая корреляция нового разреза CM West с разрезом CM East будет проведена после завершения изучения образцов, отобранных в обоих разрезах на литолого-геохимические виды анализов и микроморфологию.

Изучение погребенных почв Сухой Мечётки имеет важное значение для понимания динамики климатических изменений в период формирования культурного слоя стоянки. В рамках проведения экспедиционных работ в сентябре 2021 г. были выделены и описаны палеопочвы в двух разрезах. В первом разрезе CM East выделено четыре педогенетических уровня, включая погребенную в 1950-х гг. голоценовую каштановую солонцеватую почву. Для палеореконструкций наибольший интерес представляют три педогенетических уровня, выделенных на глубине: 20 метров – почва 2, 21 метр – почва 3, 22 метра – почва 4. Все почвы хорошо выдержаны по простиранию, но отличаются степенью сохранности.

Почва 2 представляет собой остатки легкосуглинистого срединного горизонта В мощностью 20–30 см, выше и ниже которого залегают слоистые аллювиальные отложения с характерными супесчаными прослоями (рис. 4, *а*). Эта почва отличается наличием хорошо сохранившихся педотубул (рис. 4, *б*), наблюдаемых на протяжении всей расчистки, что свидетельствует о периоде стабилизации поверхности и достаточно сухих условиях, комфортных для почвенной мезофауны.

Третья почва, несмотря на большую мощность от 80 до 100 см, слабо дифференцирована на горизонты. Выделение горизонтов проведено по смене интенсивности бурого цвета, смене характера кутан (матовые в гумусово-аккумулятивном горизонте сменяются глянцевыми бурыми в срединных), смене мезостурктуры (от комковатой в верхней части профиля до призматической в нижней части). По всему профилю распределены марганцевые и железистые пятна, но на границе с подстилающей породой появляются угли. По результатам полевых исследований можно предполагать, что это аналог современных степных почв. Уточнение типа почвы, причин появления углей, определения режима переувлажнения требует детального изучения особенностей микростроения и физико-химических показателей почвы.

Четвертая погребенная почва представляет собой недифференцированный уплотненный суглинистый горизонт мощностью 20–30 см, неоднородный по цвету, весь биотурбированный за счет ходов червей (рис. 5, *а*). К этой почве приурочено увеличение количества ожелезненных и марганцевых пятен, что позволяет говорить о периодических гидроморфных условиях при преобладании субаэральные условий почвообразования.

Рис. 4. Разрез CM East.

а – вторая погребенная почва; *б* – педотубула. (Фото Т.В. Романис).

Рис. 5. Погребенные почвы на глубине 22 м.

а – Разрез CM East: четвертая погребенная почва (на врезке крупнее биотурбированный горизонт AB); *б* – погребенная почва разреза CM West. (Фото Т.В. Романис).

Во втором разрезе CM West описана одна погребенная почва на глубине порядка 20 м, в верхней части содержащая мелкие обломки костей (слой 13). Эта почва мощностью 70 см отличается хорошей дифференциацией на горизонты A EL Bt Bt и может являться аналогом современных дерново-подзолистых почв (рис. 5, *б*).

Для корреляции почв двух раскопов отобраны образцы на физико-химические анализы (24 шт.), исследования фитолитов (21 шт.), микроморфологический анализ (28 шт.), а также серия из шести монолитов для палинологических исследований (отражающих изменения по профилям для каждой погребенной почвы).

В целом, выделенные в 2021 г. педогенетические уровни по глубинам, выдержанности и характеру почвообразования сопоставимы с погребенными почвами, описанными ранее Н.И. Глушанковой [Праслов, Кузнецова, 2020]. Впервые описанная текстурно-дифференцированная погребенная почва в разрезе CM West расширяет представление о пространственной неоднородности почвенного покрова, а соответственно и условий обитания человека.

Результаты продолжающихся полевых исследований на Сухой Мечётке, а также результаты изучения коллекций этого памятника, которое проводят сотрудники ИАЭТ СО РАН, Отдела палеолита ИИМК РАН и Исторического факультета ДонНУ [Колесник и др., 2020; Ларионова, 2021] позволят впервые определить культурно-хронологическое положение стоянки в контексте среднепалеолитических комплексов Восточной и Центральной Европы.

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ, проект № 21-18-00552. Авторы благодарят за помощь в проведении работ администрацию Тракторозаводского района г. Волгограда, а также сотрудников ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры» и Историко-этнографического и архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта».

Список литературы

Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Очередной А.К. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже

тысячелетий: (К 100-летию создания российской академической археологии). – СПб.: Петербургское Востоковедение. – 2019. – С. 69–82.

Замятнин С.Н. Сталинградская палеолитическая стоянка // Краткие сообщения Института археологии. – 1961. – Вып. 82. – С. 5–37.

Колесник А.В., Очередной А.К., Степанова К.Н., Данильченко А.Ю. Технология первичного расщепления камня на стоянке Сухая Мечётка // Camera praehistorica. – 2020. – № 2 (5). – С. 67–99.

Кузнецова Л.В. Сухая Мечётка // Археология Нижнего Поволжья. Т. 1. Каменный век. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. – С. 18–22.

Ларионова А.В. Предварительные данные о степени сохранности культурного слоя среднепалеолитической стоянки Сухая Мечётка: раскоп 1 // Camera praehistorica. – 2021. – № 1 (6). – С. 25–46.

Очередной А.К., Ремизов С.О., Степанова К.Н., Ельцов М.В., Воскресенская Е.В., Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е., Блохин Е.К., Титов В.В., Колесник А.В. Среднепалеолитический памятник Сухая Мечётка: возобновление комплексных исследований // Нижневолжский археологический вестник. – 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 230–253.

Праслов Н.Д., Кузнецова Л.В. Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина). – СПб.: Невская книжная типография, 2020. – 44 с.

Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa – Köln: Verlag Böhlau, 1967. – 205 p.

Lauer T., **Otcherednoy A.K.** Luminescence dating of Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site (preliminary results) [Электронный ресурс] // Evolution of fluvial systems at different time scales. Fluvial Archives Group – FLAG. Online Meeting 2021. – URL: http://eg.igras.ru/wp-content/uploads/2021/09/Otcherednoy.pdf (дата обращения: 06.11.2021).

Otcherednoy A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Kolesnik A.V., Zaretskaya N.E., Larionova A.V., Blochin E.K. Etudes géoarchéologiques pluridisciplinaires des sites du paléolithique moyen de la Plaine Russe. // L'Anthropologie. – 2019. – T. 123. – № 2. – C. 310–318.

References

Vishnyatskiy L.B., Nekhoroshev P.E., Ocherednoy A.K New Data on the Chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (Based on the Results of Fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018) In *The Past of Humankind as Seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology)*. Saint Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2019, pp. 69–82. (In Russ.).

Zamyatnin S.N. Stalingradskaya paleoliticheskaya stoyanka. In *Brief Communications from the Institute of Archeology*, 1961, iss. 82, pp. 5–37. (In Russ.).

Kolesnik A.V., Otcherednoy A.K., Stepanova K.N., Danilchenko A.Yu. Primary reduction technology in the Sukhaya Mechetka site assemblage. *Camera praehistorica*, 2020, No. 2 (5), pp. 67–99. (In Russ.).

Kuznetsova L.V. Sukhaya Mechëtka site. In *The Archaeology of Lower Don Basin. Vol. 1. The Stone Age*. Volgograd, Volgogr. nauch. Publ., 2006, pp. 18–22. (In Russ.).

Larionova A.V. Preliminary data on the degree of preservation of the cultural layer of the Middle Paleolithic site Sukhaya Mechetka: excavation 1. *Camera praehistorica*, 2021, No. 1 (6), pp. 25–46. (In Russ.).

Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Stepanova K.N., Eltsov M.V., Voskresenskaya E.V., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Blochin E.K., Titov V.V., Kolesnik A.V. Middle Paleolithic Site Sukhaya Mechëtka: the Renewal of Complex Investigations. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, 2020, iss. 19, No. 1, pp. 230–253. (In Russ.).

Praslov N.D., Kuznetsova L.V., Sukhaya Mechëtka, a Paleolithic Site (on the Data of S.N. Zamyatnin's Excavations). Saint Petersburg: Nevskaya knizhnaya tipografiya Publ, 2020, 144 p. (In Russ.).

Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen MitteleuropaKöln: Verlag Böhlau, 1967, 205 p.

Lauer T., **Otcherednoy A.K.** Luminescence dating of Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic site (preliminary results) In *Evolution of fluvial systems at different time scales. Fluvial Archives Group*. URL: http://eg.igras.ru/wp-content/uploads/2021/09/Otcherednoy.pdf (Accessed: 06.11.2021).

Otcherednoy A.K., Voskresenskaya E.V., Stepanova K.N., Vishnyatsky L.B., Nehoroshev P.E., Kolesnik A.V., Zaretskaya N.E., Larionova A.V., Blochin E.K. Etudes géoarchéologiques pluridisciplinaires des sites du paléolithique moyen de la Plaine Russe. *L'Anthropologie*, 2019, iss. 123, No. 2, pp. 310–318.

Очередной А.К. https://orcid.org/0000-0001-7616-5686
Янина Т.А. https://orcid.org/0000-0002-0367-3900
Романис Т.В. https://orcid.org/ 0000-0003-3846-5324
Курбанов Р.Н. https://orcid.org/0000-0001-6727-6202
Таратунина Н.В. https://orcid.org/0000-0002-1479-8805
Ельцов М.В. https://orcid.org/0000-0001-7886-8131
Казаков Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5874-5038
Иванов Я.Д. https://orcid.org/0000-0002-5582-693X
Куприянова М.Д. https://orcid.org/0000-0001-8160-7098
Клименко П.Г. https://orcid.org/0000-0003-2577-4144
Ремизов С.О. https://orcid.org/0000-0001-9892-8058

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0209-0215
УДК 902(575.1)"6323"

К.К. Павленок[1], Г.Д. Павленок[1], С.А. Когай[1]✉, М. Лелох[2], М. Якубчак[3], Г. Мухтаров[4], А. Холматов[4], М. Кот[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии Варшавского университета
Варшава, Польша
[3]Институт археологии и этнологии Академии наук Польши
Варшава, Польша
[4]Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Новые стратифицированные палеолитические местонахождения в долине р. Ахангаран (Узбекистан)

В статье приводятся данные о разведках, проведенных Среднеазиатским отрядом ИАЭТ СО РАН в Узбекистане летом 2021 г. На основе полученных в 2018–2019 гг. материалов были произведены локальные земляные работы, в результате которых каменные артефакты палеолитического облика были зафиксированы в разрезах двух стоянок – Эрташсая-12 и Куксарая-2, расположенных на правом борту долины р. Ахангаран в среднем ее течении. Немногочисленный стратифицированный археологический материал Эрташсая-12 залегает в трех литологических позициях (слои 2b, 3 и 4), представлен в основном фрагментами отщепов и отходами каменного производства. Вкупе с экспонированным комплексом данные материалы можно отнести к среднему – верхнему палеолиту. Материалы стоянки Куксарай-2 более представительны, залегают в четырех слоях (слои 2, 3, 5 и 6). Всего ископаемая коллекция насчитывает 43 артефакта. Технико-типологические характеристики стратифицированной части каменной коллекции Куксарая-2 согласуются с обликом экспонированных материалов и содержат черты леваллуазского расщепления с примесью переходных от среднего к верхнему палеолиту черт. Обнаруженные в погребенном состоянии материальные комплексы Эрташсая-12 и Куксарая-2, вероятно, соотносятся с периодическими и длительными посещениями данных территорий человеческими палеопопуляциями, а древнее население являлось носителем среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологических навыков. Наличие стратифицированных комплексов в ландшафтной ситуации низкогорий с технологическими признаками среднего и верхнего палеолита в перспективе может дать новый массив данных по проблемам соотнесения черт материальной культуры с конкретными видами древних гоминин, а также в контексте их взаимоотношений с окружающей средой.

Ключевые слова: *верхний палеолит, средний палеолит, каменная индустрия, разведки, низкогорный пояс, Западный Тянь-Шань.*

K.K. Pavlenok[1], G.D. Pavlenok[1], S.A. Kogai[1]✉, M. Leloch[2], M. Jakubczak[3], G. Mukhtarov[4], A. Kholmatov[4], M. Kot[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Faculty of Archaeology University of Warsaw
Warsaw, Poland
[3]Institute of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences
Warsaw, Poland
[4]National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: kogai@irkutsk.ru

New Stratified Paleolithic Sites in Akhangaran Valley (Uzbekistan)

The paper deals with survey data recorded in 2021 in Uzbekistan by joint team of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Warsaw University, and National Center of Archaeology Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Based on 2018–2019 data, we carried out local excavations, and the Paleolithic artifacts were recorded in the cross-sections of two sites—Ertashsai-12 and Kuksarai-2 located on the right side of the Akhangaran valley in its midstream. The stratified archaeological material of Ertashsai-12 occurs in three lithological positions (layers 2b, 3, and 4) and is represented mainly by fragments of flakes and wastes of lithic production. Together with the surface complex, these materials can be attributed to the Middle to Upper Paleolithic. Materials from the Kuksarai-2 site are more representative; they occur in four layers (layers 2, 3, 5, and 6). In total, the lithic collection includes 43 artifacts. The technical and typological characteristics of the stratified part of the Kuksarai-2 collection are consistent with the appearance of the exposed materials and contain features of the Levallois technology with an admixture of features transitional from the Middle to Upper Paleolithic. The material complexes of Ertashsai-12 and Kuksarai-2 discovered in the buried state are probably correlated with periodic and long-term visits to these territories by human paleopopulations, and the ancient population was a carrier of the Middle Paleolithic and Upper Paleolithic process skills. In future, the presence of stratified complexes in the landscape situation of low mountains with the process features of the Middle and Upper Paleolithic can provide a new array of data on the problems of correlating features of the material culture with specific species of ancient hominins, as well as in the context of their relationship with the environment.

Keywords: *Upper Paleolithic, Middle Paleolithic, lithic industry, surveys, low-mountain relief, Western Tien-Shan.*

Многолетние исследования Института археологии и этнографии СО РАН в Узбекистане на опорных стоянках грот Тешик-Таш, грот Оби-Рахмат, Кульбулак, Додекатым-2 представили детальную картину эволюции каменных индустрий от среднего палеолита до финальных отделов верхнего палеолита в западной части Центральной Азии [Кривошапкин, 2012; Колобова, 2014]. Проводимые параллельно стационарным раскопкам разведочные работы выявили серию новых палеолитических местонахождений в новых районах Восточного Узбекистана, что позволило расширить географию распространения культур каменного века в регионе [Колобова и др., 2010; Павленок и др., 2016]. Так, работы на стоянках Каттасай-1 и -2, расположенных в долине одноименного притока р. Ахангаран, показали принципиальную возможность обнаружения стратифицированных ископаемых остатков материальной культуры среднего палеолита в экологической нише низкогорных ландшафтов [Kot et al., 2020; Pavlenok et al., 2021]. В связи с этим в 2018 г. был начат новый цикл разведочных работ. Совместно с коллегами из Варшавского университета и Центра археологических исследований Академии наук Республики Узбекистан для долины р. Ахангаран в среднем ее течении была разработана предиктивная ГИС-модель, на основе которой строились разведочные маршруты для поиска палеолитических местонахождений [Leloch et al., in press]. В результате планомерного поиска в 2018–2019 гг. в долине р. Эрташсай, крупнейшего правого притока р. Ахангаран, было обнаружено 12 местонахождений с экспонированным залеганием археологического материала (Эрташсай-1 – -12) с технико-типологическими характеристиками, свойственными для индустрий среднего палеолита – заключительных этапов верхнего палеолита [Павленок и др., 2019; Павленок и др., 2020]. В 2021 г. основной целью полевых работ стал поиск на обследованной ранее территории ситуаций со стратифицированным залеганием археологического материала. В результате шурфовки археологический материал палеолитического облика в погребенном состоянии был обнаружен на стоянке Эрташсай-12 и на выявленном в этом же году местонахождении Куксарай-2.

Местонахождение Эрташсай-12 расположено на слабо задернованной площадке склона южной экспозиции на хребте, вытянутом вдоль долины р. Ахангаран по линии восток-запад (рис. 1). Собранная с дневной поверхности в 2019 г. коллекция насчитывает 45 каменных артефактов, среди которых: нуклеусы – 3 экз., сколы декортикации – 2 экз., сколы оформления нуклеуса – 6 экз., сколы переоформления ударной площадки и рабочей поверхности нуклеуса – 3 экз., реберчатая пластина – 1 экз., целевые сколы (в т.ч. леваллуазские) – 4 экз. Предварительный анализ материалов позволил определить хронологию стоянки в широких пределах среднего – верхнего палеолита [Павленок и др., 2020]. Для поиска археологического материала в погребенном состоянии и выяснения стратиграфической ситуации летом 2021 г. на стоянке было заложено четыре рекогносцировочных шурфа. Каменные артефакты были зафиксированы в трех уровнях залегания в шурфе № 3, имеющем следующую стратиграфическую последовательность отложений (рис. 2).

Слой 1. Современный дерново-почвенный покров. Мощность 0,2–0,3 м.

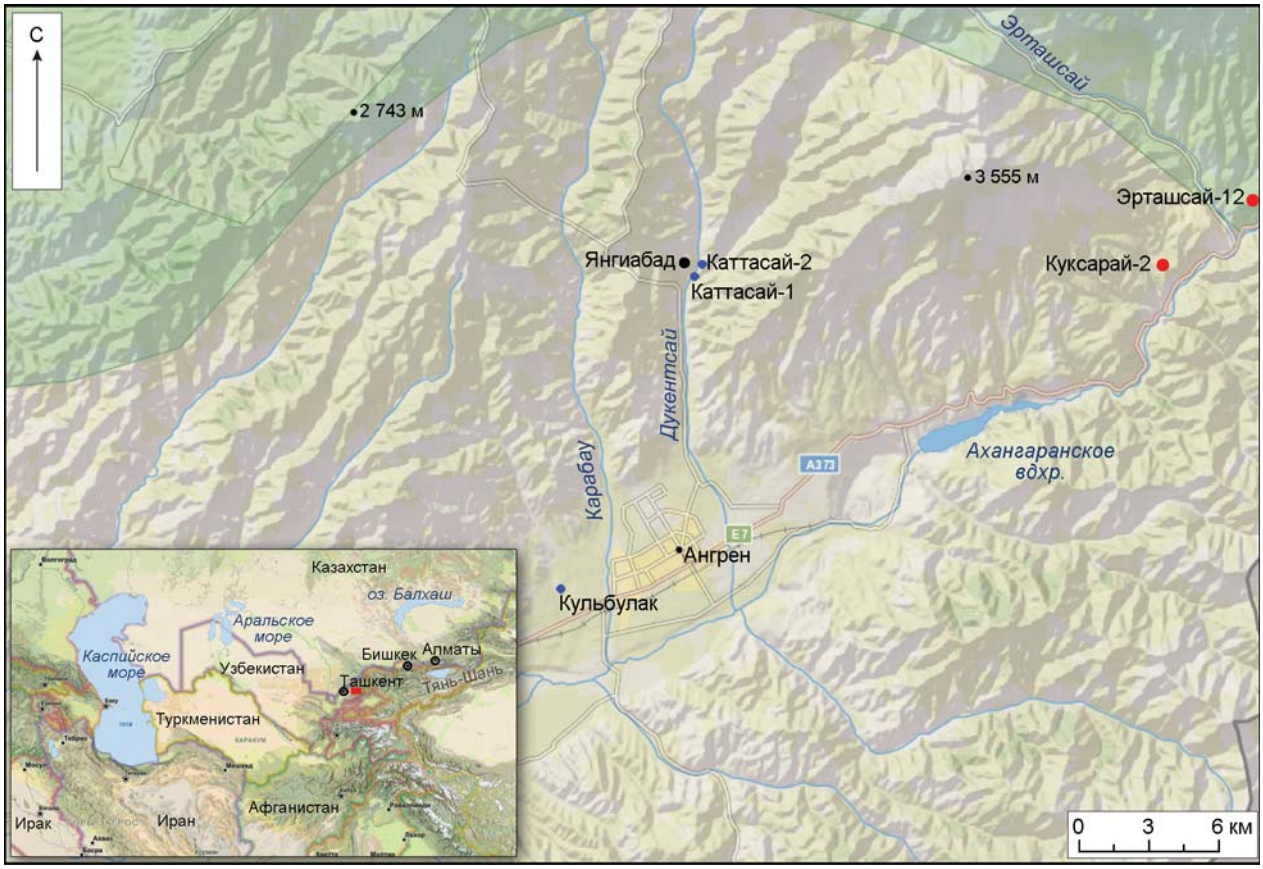

Рис. 1. Карта расположения рассматриваемых в статье стоянок.

Слой 2a. Светлый лессовидный суглинок с единичными агрегатами $CaCO_3$. Мощность 0,2–0,3 м.

Слой 2b. Светло-бежевый лессовидный суглинок с большим количеством агрегатов $CaCO_3$. Мощность 0,8–0,9 м.

Слой 3. Бурый лессовидный суглинок однородного строения. Мощность 0,5–0,7 м.

Слой 4. Неравномерно окрашенный бурый лессовидный суглинок с единичными агрегатами $CaCO_3$. Видимая мощность до 0,3 м.

Археологический материал зафиксирован в слоях 2b, 3 и 4. Каменная коллекция немногочисленна, насчитывает 12 экземпляров (слой 2b – отщепы и их фрагменты – 3 экз.; слой 3 – отщепы и их фрагменты – 5 экз., отходы производства – 2 экз.; слой 4 – отщеп и фрагмент отщепа). Среди артефактов, в основном представленных фрагментами отщепов, стоит отметить крупный отщеп из кремнистой породы с многогранной ударной площадкой из слоя 3 и отщеп трапециевидной формы из эффузива из слоя 4. В целом облик индустрии неярок, здесь нет типичных технологических проявлений, которые позволили бы однозначно определить культурно-хронологическую позицию комплекса. Строение слоев 3 и 4, а именно минимальное присутствие в них агрегатов, свидетельствующих об активном перемещении грунтов в древности, позволяют надеяться на инситность залегающих в них археологических материалов.

Местонахождение Куксарай-2, обнаруженное в результате археологической разведки 2021 г., расположено на хребте между падями Куксарай и Дзиблон, на правом борту долины р. Ахангаран, в непосредственной близости от выходов известняковых пород с кремнистыми конкрециями (см. рис. 1). Поверхность возвышенности и подстилающие отложения были частично повреждены в эпоху палеометалла при сооружении курганов и в современности при строительстве опор ЛЭП.

При первоначальном визуальном осмотре на поверхности и в техногенных обнажениях было обнаружено 455 каменных артефактов. Несмотря на экспонированный характер комплекса, он оставляет впечатление достаточно целостного с точки зрения технико-типологических характеристик явления. Около 1/5 части коллекции составляют разнообразные отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, неопределимые фрагменты сколов). Здесь обращают на себя внимание 8 миниатюрных чешуек, что косвенно указывает на слабое развитие склоновых гравитационных процессов, когда наименее габаритные изделия в первую очередь теря-

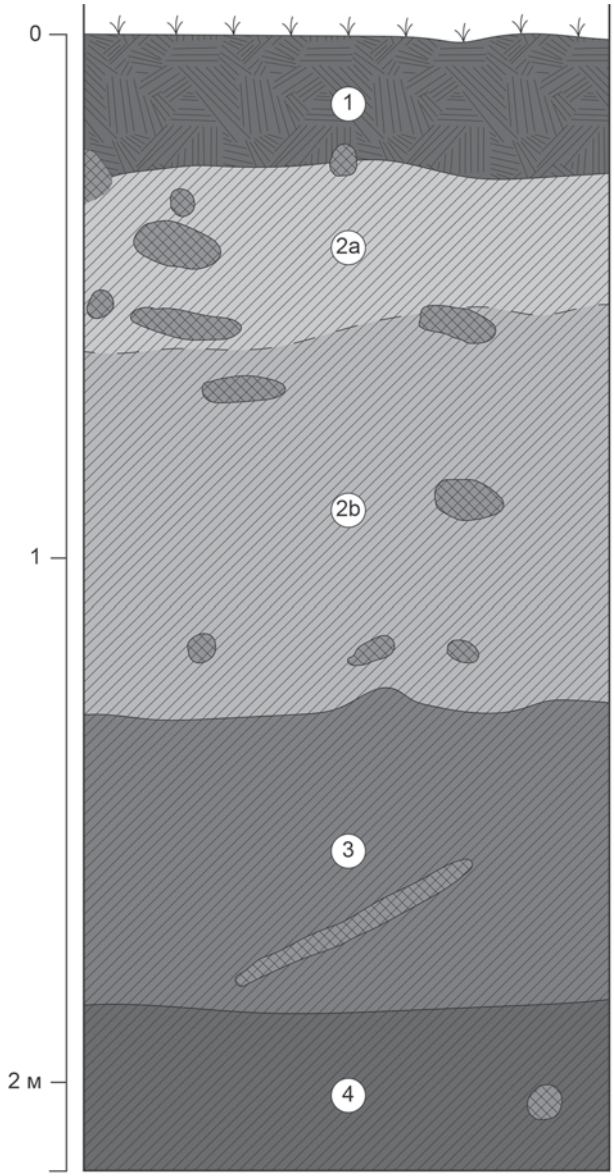

Рис. 2. Стратиграфический разрез стоянки Эрташсай-12.

ют изначальное положение в пространстве. Около 12 % от комплекса составляют разнообразные нуклеусы, отражающие в первую очередь развитие плоскостных стратегий расщепления, в т.ч. леваллуазских (рис. 3, *1*). Почти 60 % от количества артефактов приходится на отщепы различных пропорций, в числе которых также наличествуют сколы, полученные в рамках леваллуазских стратегий расщепления (рис. 4, *5, 6*). В коллекции представлено всего пять орудий на отщепах (менее 2 % от сколов этой категории). Здесь следует отметить наличие двух скребел (рис. 4, *3*). На долю пластин приходится около 12 %, из них всего четыре преобразованы в орудия. В первую очередь выделяется нуклеус-резец (рис. 4, *2*) – в региональном контексте этот тип изделий надежно ассоциируется с обирахматским технокомплексом, маркирующим этап перехода от среднего к верхнему палеолиту.

Состав индустрии (наличие разногабаритных отходов производства, большой удельный вес нуклеусов и немодифицированных заготовок, малое количество орудий) практически не оставляет сомнений в том, что Куксарай-2 представляет собой стоянку-мастерскую, приуроченную к выходам сырья. При этом, судя по достаточно единообразным технико-типологическим характеристикам изделий, основная масса артефактов принадлежит достаточно короткому по меркам палеолита хронологическому интервалу.

Для обнаружения археологического материала в состоянии *in situ* на территории местонахождения было заложено шесть разведочных шурфов. Наи-

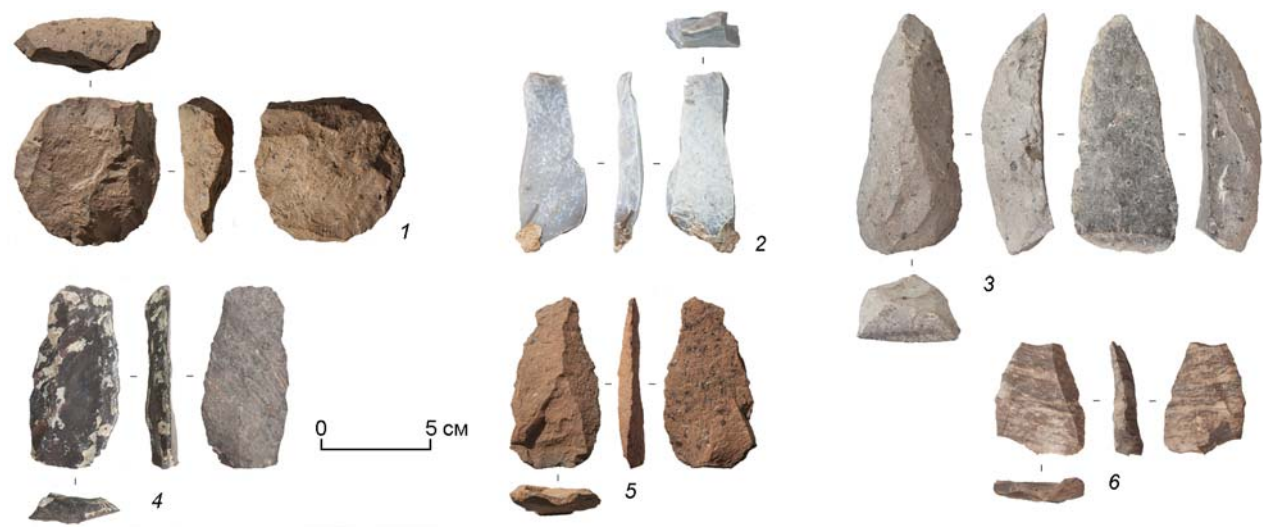

Рис. 3. Археологический материал стоянки Куксарай-2.

1–3, 5, 6 – экспонированные артефакты; *4* – артефакт из слоя 3; *1* – леваллуазский нуклеус; *2* – нуклеус-резец; *3* – конвергентное скребло; *4* – двойное продольное скребло; *5–6* – леваллуазские острия.

Рис. 4. Стратиграфический разрез стоянки Куксарай-2.

более показательна стратиграфическая последовательность, выявленная шурфом № 4, размещенным на склоне южной экспозиции (рис. 4).

Слой 1. Современный дерново-почвенный покров. Мощность 0,1–0,15 м.

Слой 2. По цвету подразделяется на субслои 2a, 2b1 и 2b2. Легкий лессовидный суглинок с изменением окраски сверху вниз от светло-палевого до светло-бурого. Также вниз по разрезу в слое увеличивается количество биотурбаций. Мощность 0,5–0,6 м.

Слой 3. Светло-бурый, темнее вышележащего слоя, легкий лессовидный суглинок. Мощность 0,3 м.

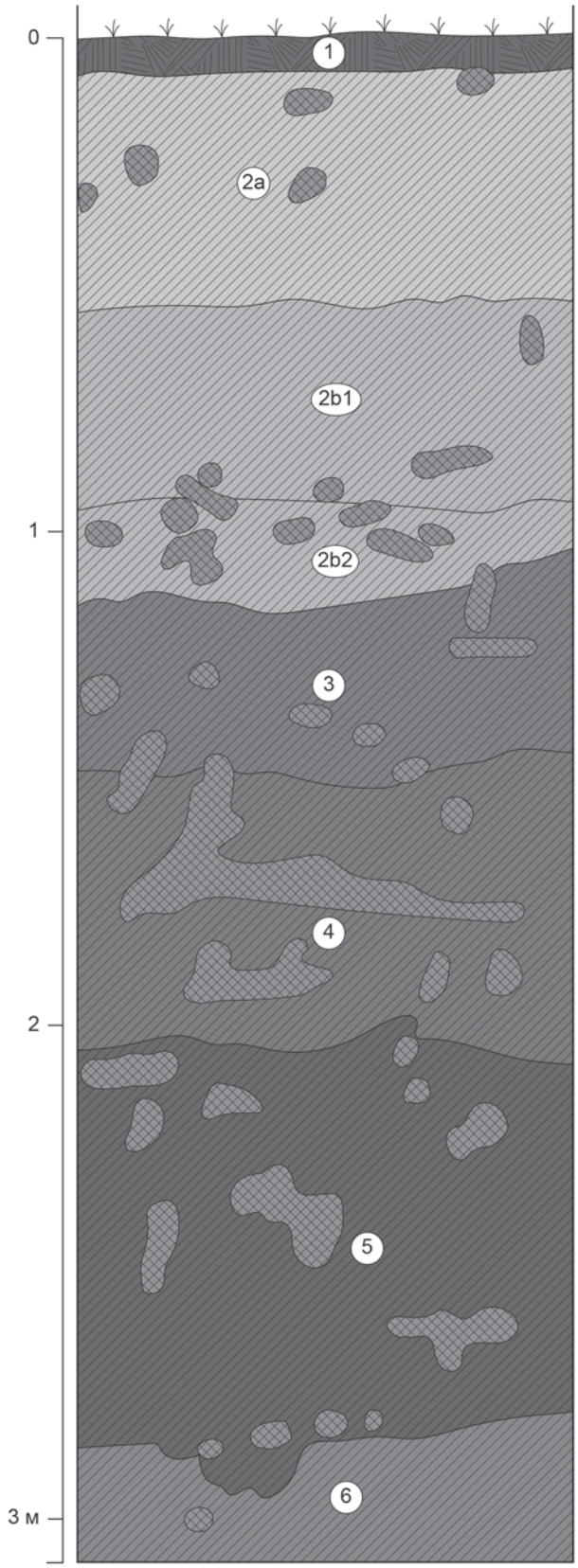
Слой 4. Сизовато-светло-бурый легкий лессовидный суглинок. Мощность 0,4–0,5 м.

Слой 5. Темно-бурый плотный лессовидный суглинок. На контакте с нижележащим слоем отмечены прослои дресвы и мелкой несортированной гальки. Мощность 0,7 м.

Слой 6. Бурый лессовидный суглинок. Видимая мощность до 0,4 м.

Археологический материал был зафиксирован в пяти шурфах. Всего в погребенном состоянии обнаружено 43 каменных артефакта в четырех литологических подразделениях (слои 2, 3, 5 и 6). В слое 2 зафиксировано 17 артефактов (нуклеус, отщепы и их фрагменты – 14 экз., пластина и обломок). Здесь выделяется нуклеус объемного принципа расщепления для пластин, оставленный из-за заломов на рабочей поверхности. Слой 3 насчитывает 18 каменных артефактов (двойное продольное скребло на пластине (рис. 4, *4*), леваллуазское острие, отщепы и их фрагменты – 14 экз., фрагмент пластины, обломок). Индустрия слоя 5 представлена шестью артефактами (отщепы и их фрагменты – 4 экз., отходы производства – 2 экз.). В слое 6 зафиксировано два отщепа. Основное содержание индустрий – отходы каменного производства и фрагменты отщепов; наряду с ними, однако, в коллекции присутствуют соотносимые с экспонированными артефактами среднепалеолитические формы – леваллуазские острия и отщепы.

Следует отметить лучшую по сравнению с Эрташсаем-12 сохранность седиментов – в слоях присутствие агрегатов и прочих признаков, указывающих на постдепозиционные процессы, минимально. Также обращает на себя внимание площадное распространение археологического материала на стоянке – экспонированный материал фиксируется здесь на площади около 20 гектаров. Вместе эти два фактора делают Куксарай-2 очень перспективным для долгосрочного полевого исследования.

В результате полевых работ 2021 г. в низкогорном поясе предгорий Западного Тянь-Шаня была еще раз апробирована предиктивная ГИС-модель для поиска палеолитических местонахождений,

что способствовало обнаружению стратифицированного археологического материала на стоянках Эрташсай-12 и Куксарай-2. Необходимо отметить, что из всех локализованных на правом борту долины Ахангарана палеолитических стоянок (Кульбулак, Каттасай-1-2, Эрташсай-1-11) Эрташсай-12 и Куксарай-2 приурочены непосредственно к основному руслу реки Ахангаран, а не привязаны к мелким притокам. Их пример позволяет ожидать открытия новых стратифицированных памятников в этой ландшафтно-экологической ситуации.

Обнаруженные в погребенном состоянии материальные комплексы, вероятно, соотносятся с периодическими и длительными посещениями данных территорий человеческими палеопопуляциями, которые являлись носителями средне- и верхнепалеолитических технологических традиций. Вопрос о видовом составе древних сообществ, оставивших эти ископаемые каменные индустрии, имеет перспективу разрешения, поскольку стратифицированные памятники потенциально могут нести в себе информацию как антропологического (костные останки), так и генетического (образцы седиментов для ДНК-анализа) свойства. В свете последних исследований связей технокомплексов с конкретными видами гоминин на территории Северной и Центральной Азии [Kolobova et al., 2020; Krivoshapkin et al., 2020; Zwyns et al., 2021], поиск подходов к проработке вопроса об «авторстве» описанных материальных комплексов является бесспорно актуальным научным вызовом.

Благодарности

Исследования выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0003.

Список литературы

Колобова К.А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестник НГУ. – 2010. – Т. 9. – №5. – С. 111–123.

Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 37 с.

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шимчак К., Хужиназаров М., Когай С.А. Поиски объектов палеолита в бассейне реки Ахангаран: история и современность // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 26, № 2. – С. 153-166. DOI: 10.14258/tpai(2019)2(26).-11.

Павленок Г.Д., Лелох М., Кот М., Павленок К.К., Когай С.А., Холматов А., Хужаназаров М., Шимчак К. Новые палеолитические местонахождения в долине Эрташсая (Западный Тянь-Шань) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 2020. – Т. XXVI. – С. 189–194. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.189-194.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Когай С.А. Новые данные по верхнему палеолиту долины р. Ахангаран (Узбекистан) // Евразия в кайнозое. – 2016. – Вып. 5. – С. 116–122.

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2020. – Vol. 117, N 2879. – P. 85.

Kot M., Pavlenok K., Krajcarz M.T., Pavlenok G., Sneider S., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K. Raw material procurement as a crucial factor determining knapping technology in the Katta Sai complex of Middle Palaeolithic sites in the western Tian Shan piedmonts of Uzbekistan // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 97–109. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.03.052

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quaternary International. – 2020. – Vol. 535. – P. 88–103. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051

Leloch M., Kot M., Pavlenok G., Szymczak K., Khudjanazarov M., Pavlenok K. Tracing the Palaeolithic settlement patterns in the Western Tian Shan piedmont: an example of predictive GIS modelling use // Journal of Quaternary Science (in press).

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G., Krajcarz M.T., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K. Middle Paleolithic technological diversity during MIS 3 in the Western Tian Shan piedmonts: Example of the Katta Sai 1 open-air loess site // Archaeological Research in Asia. – 2021. – Vol. 25. – P. 100262. https://doi.org/10.1016/j.ara.2021.100262

Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals // Journal of Paleolithic Archaeology. – 2021. – Vol. 4. – P. 19. https://doi.org/10.1007/s41982-021-00085-6

References

Kolobova K.A. Verkhnii paleolit zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014, 38 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Pavlenok K.K, Flas D, Krivoshapkin A.I. Kyzyl-Alma-2 site – a new Upper Paleolithic site in Western Tien Shan. *Vestnik NSU,* 2010, vol. 9, No 5, pp. 111-123. (In Russ.).

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B, Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2020, vol. 117, N 2879, P. 85.

Kot M., Pavlenok K., Krajcarz M.T., Pavlenok G., Sneider S., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K. Raw material procurement as a crucial factor determining knapping technology in the Katta Sai complex of Middle Palaeolithic sites in the western Tian Shan piedmonts of Uzbekistan. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, P. 97–109. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.03.052

Krivoshapkin A.I. Obirakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu v Tsentral'noi Azii: doc. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012, 37 p. (In Russ.).

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International,* 2020, vol. 535, P. 88–103. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051

Leloch M., Kot M., Pavlenok G., Szymczak K., Khudjanazarov M., Pavlenok K. Tracing the Palaeolithic settlement patterns in the Western Tian Shan piedmont: an example of predictive GIS modelling use. *Journal of Quaternary Science* (in press).

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shimchak K., Khuzhinazarov M., Kogai S.A. Searching of the Paleolithic sites in the Akhangaran river valley: history and our time. *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2019, No 2, pp. 153–166. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai (2019)2(26).-11.

Pavlenok G.D., Leloch M., Kot M., Pavlenok K.K., Kogai S.A., Kholmatov A., Khuzhanazarov M., Szymczak K. New Paleolithic sites in the Ertashsai Valley (Western Tien Shan). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXVI, pp. 189–194. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.189-194.

Pavlenok K.K, Pavlenok G.D, Shnaider S.V., Kogai S.A. Recent Data from Upper Paleolithic of Akhangaran Valley (Uzbekistan). *Evraziya v kainozoe,* 2016, iss. 5, pp. 116–122. (In Russ.).

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G., Krajcarz M.T., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K. Middle Paleolithic technological diversity during MIS 3 in the Western Tian Shan piedmonts: Example of the Katta Sai 1 open-air loess site. *Archaeological Research in Asia,* 2021, vol. 25, P. 100262. https://doi.org/10.1016/j.ara.2021.100262.

Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals. *Journal of Paleolithic Archaeology*, 2021, vol. 4, P. 19. https://doi.org/10.1007/s41982-021-00085-6

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Лелох М. https://orcid.org/0000-0003-4916-7840
Якубчак М. https://orcid.org/0000-0002-1655-7124
Кот М. https://orcid.org/0000-0001-5277-0283

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0216-0221
УДК 902.6(584.8)"632"

К.К. Павленок[1], Г.Д. Павленок[1], С.А. Когай[1]✉, Г. Мухтаров[2], М. Хужиназаров[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан
Ташкент, Узбекистан
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Сырьевые стратегии в среднепалеолитических индустриях стоянки Кульбулак

В статье рассматриваются результаты анализа сырьевых стратегий каменного производства, фиксируемые в среднепалеолитических комплексах стоянки Кульбулак. Для индустрий слоев 12.1, 12.3, 14, 16 и 17.1 характерно использование в каменном производстве расположенных в непосредственной близости (до 1,5 км) источников кремнистого (в виде обнажений известняков с кремнистыми фракциями) и эффузивного (в виде галек из руслового аллювия саев) сырья. Предпочтение отдавалось кремнистому субстрату, на котором реализовывались и леваллуазские технологии, и верхнепалеолитические схемы получения мелкопластинчатых заготовок. Доля таких изделий возрастает вверх по разрезу. Эффузивные породы использовались при необходимости получения крупных заготовок отщеповых и острийных очертаний в рамках радиального и леваллуазского расщепления. В соседних речных долинах, связанных с притоками р. Ахангаран (в пределах 30 км от Кульбулака) фиксируются иные варианты использования древним населением сырьевых ресурсов в среднем палеолите. На стоянках Каттасай-1, -2 и Эрташсай-9, индустрии которых характеризуются наличием леваллуазского расщепления в разных его проявлениях и отсутствием верхнепалеолитических черт, предпочтение отдавалось эффузивным либо метаморфическим породам, хотя кремнистое сырье было доступно. Такой выбор сырья может свидетельствовать как об отсутствии верхнепалеолитических навыков в камнеобработке, так и об отсутствии необходимости в оных. Таким образом, из отмеченных в среднепалеолитических ансамблях долин Ахангарана и его притоков кульбулакский вариант использования сырьевых ресурсов является наиболее вариативным, в зависимости от технологической необходимости, стоявшей перед древними мастерами.

Ключевые слова: *сырьевые стратегии, средний палеолит, Кульбулак, Западный Тянь-Шань, Узбекистан.*

K.K. Pavlenok[1], G.D. Pavlenok[1], S.A. Kogai[1]✉, G. Mukhtarov[2], M. Khuzhinazarov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]National Center of Archaeology Academy of Sciences Republic of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan
E-mail: kogai@irkutsk.ru

Raw Material Selection Strategies in the Kulbulak Middle Paleolithic Complexes

The paper addresses analyses of the raw material of the Middle Paleolithic lithic complexes of the Kulbulak site (layers 12.1, 12.3, 14, 16, and 17.1). The lithic industries described in the paper are characterized by the nearest provenance of raw materials (within 1.5 km) including flint outcrops and alluvial effusive pebbles. Flint predominated; it was used for both Levallois and bladelet production, the bladelet share increases up the profile. Effusive rocks were used for large flake and point production through the Levallois and radial techniques. Other Middle Paleolithic raw material selection strategies were noted in the neighbor valleys (within 30 km from the Kulbulak site). Kattasai-1 and -2 and Ertashsai-9 show the preference of effusive or metamorphic rocks despite availability of flint in relative proximity. These industries do not have any Upper

Paleolithic features in their technological repertoire and show practicing the Levallois technology in several versions. Such raw material choice could indicate the absence of the Upper Paleolithic skills in stone working or their uselessness. Thus, the Kulbulakian version of raw material procurement demonstrates the greatest variability in terms of technological necessity among mentioned Middle Paleolithic complexes.

Keywords: *raw material strategies, Middle Paleolithic, Kulbulak, Western Tien-Shan, Uzbekistan.*

Культурно-стратиграфическая колонка отложений стоянки Кульбулак, наряду с данными гротов Тешик-Таш и Оби-Рахмат, является ключевой для понимания адаптационных процессов жизнедеятельности человеческих палеопопуляций в среднем и верхнем палеолите в западной части Центральной Азии. Накопленный массив информации в результате многолетних работ на стоянке Кульбулак уже позволил решить или приблизиться к решению ряда проблем (возникновение и эволюция мелкопластинчатого расщепления, необоснованность выделения фации зубчатого мустье в комплексах слоев 3–4 и пр.) [Колобова, 2014; Павленок и др., 2014].

На сегодняшний день нерешенным остается вопрос, с каким видом гоминин ассоциированы среднепалеолитические материальные комплексы Кульбулака. Отсутствие антропологических данных по населению долины Ахангарана и прилегающего низко- и среднегорного пояса в плейстоцене заставляет искать косвенные свидетельства в поведенческих стратегиях древних коллективов. Анализ сырьевых стратегий, наряду с технологическим анализом продуктов каменного производства, является одним из возможных способов получить такую информацию.

В технологическом отношении археологические комплексы слоев 17.1, 16, 14, 12.3 и 12.1 из средней части культурной последовательности Кульбулака (рис. 1) представлены леваллуа-пластинчатыми каменными индустриями с примесью специализированного мелкопластинчатого производства [Павленок и др., 2018; Kolobova et al., 2016]. От слоя к слою прослеживаются колебания технико-типологических характеристик, вероятно, связанные с численностью коллекций и степенью сохранности культуровмещающих отложений. Характер индустрий при этом принципиально не меняется. Единственной четко диагностируе-

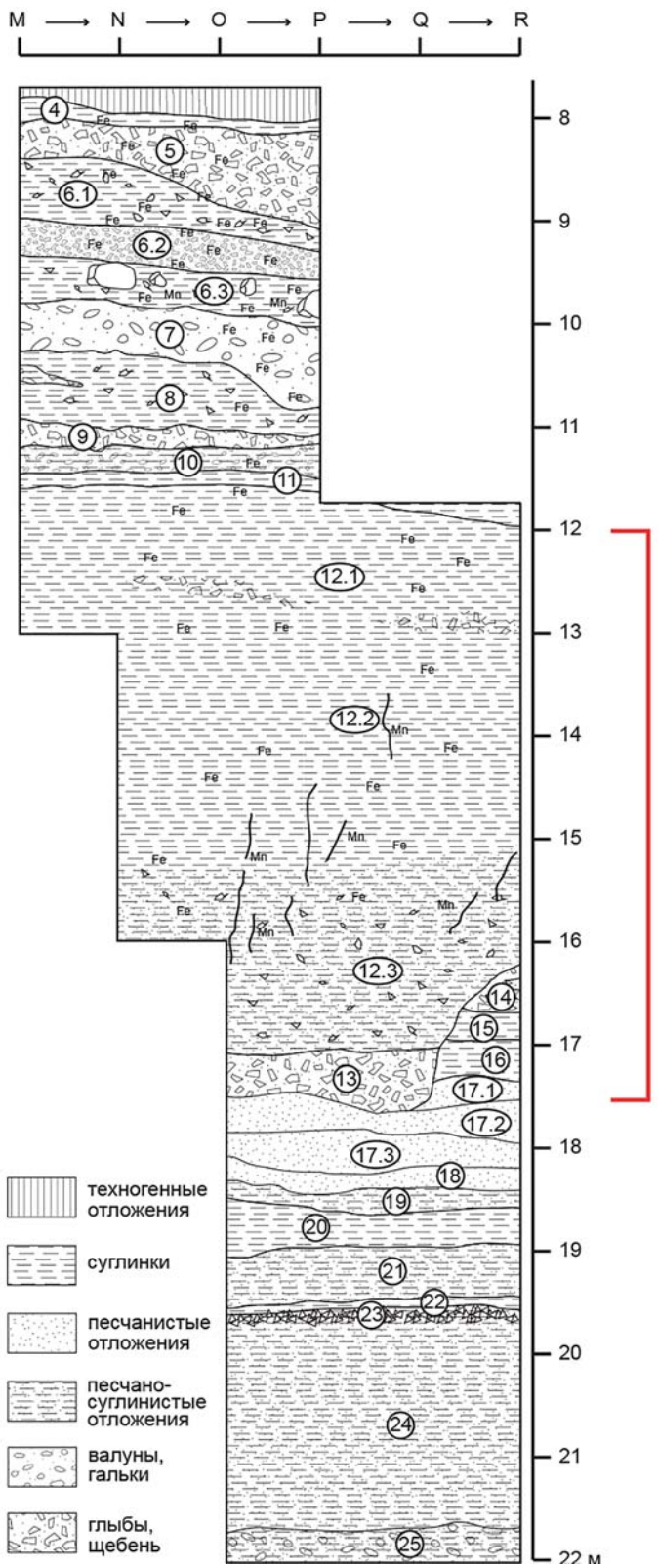

Рис. 1. Стратиграфический разрез стоянки Кульбулак.

мой чертой является постепенное снижение роли леваллуазского расщепления. В коллекции слоя 12.1 мы можем говорить только о слабых следах присутствия этой техники.

Определенная стабильность в технологических характеристиках индустрий созвучна с низкой степенью вариативности сырьевых стратегий.

Слой 12.1. При петрографическом анализе коллекции были определены две крупные сырьевые группы – кремнистые породы по известнякам, эффузивные породы с порфировой структурой и близкие им окварцованные эффузивные породы со скрытой структурой (яшмоиды) (рис. 2, *1*). С группой кремнистого сырья, на долю которого приходится более 2/3 каменных артефактов, связаны все верхнепалеолитические и «переходные» технологические проявления – мелкопластинчатое расщепление (в т.ч. кареноидное), концевые скребки и пластинки с ретушью; также на кремнистом сырье выполнены типичные для индустрий времени перехода от среднего к верхнему палеолиту тронкированно-фасетированные изделия. Необходимо отметить, что проявления леваллуазской технологии в индустрии слоя 12.1 тоже связаны с кремнистым сырьем. Эффузивные порфировые породы применялись для получения крупных отщепов в рамках плоскостного принципа первичного расщепления. Яшмоиды в коллекции редки, их доля в той или иной технологической цепочке неясна.

Слой 12.3. Каменная индустрия слоя насчитывает 581 технологически значимый предмет. В сырьевом отношении структура индустрии повторяет вышележащий слой 12.1 с увеличением доли эффузивов (рис. 2, *2*). Такое изменение находит отражение в технологическом наполнении коллекции – здесь отсутствуют объемные, кареноидные и торцовые нуклеусы для производства пластинок (немногочисленные в контексте комплекса пластинки вероятно являются случайными продуктами). Увеличивается доля отщепов как заготовок для орудий, большая часть крупных изделий выполнена на эффузивных породах.

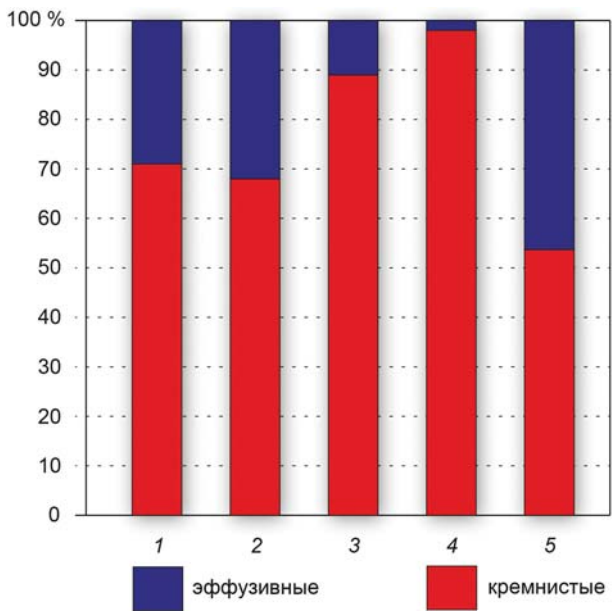

Рис. 2. Диаграмма распределения сырьевых групп в слоях стоянки Кульбулак.

1 – слой 12.1; *2* – слой 12.3; *3* – слой 14; *4* – слой 16; *5* – слой 17.1

Слой 14. Анализ сырьевого состава каменной индустрии слоя 14, несмотря на ее малочисленность (всего 119 артефактов, из них технологически значимых – 18), позволил выявить некоторые закономерности. Коллекция представлена двумя сырьевыми группами – кремнистыми породами по известнякам и эффузивными породами с порфировой структурой (рис. 2, *3*). Подавляющее большинство каменных артефактов изготовлено из кремнистых пород; из эффузива выполнены только два удлиненных остроконечника. В технологическом отношении индустрия характеризуется присутствием леваллуазского расщепления. Две имеющиеся в коллекции пластинки, вероятно, являются случайными продуктами расщепления. Линейные размеры двух леваллуазских нуклеусов в начальной стадии расщепления и технических сколов в сравнении с размерами остроконечников из эффузивов указывают на то, что изначальные сырьевые отдельности кремнистых и эффузивных пород различались примерно в два раза (в пользу эффузивов).

Слой 16. Сырьевой состав коллекции слоя 16 также представлен двумя разновидностями – кремнистыми и эффузивными породами со значительным преобладанием первых (рис. 2, *4*). Всего в коллекции насчитывается 51 технологически значимый артефакт. Из эффузивных пород изготовлен только один из нуклеусов, а именно ортогональный смежный для отщепов, и одинарное продольное скребло на первичном сколе. Несмотря на больший количественный состав в сравнении со слоем 14, в индустрии слоя 16 нет ярких диагностицирующих форм. При этом размерность изначальных сырьевых отдельностей, вероятно, характеризуется так же, как и в слое 14 – эффузивное сырье заметно крупнее кремнистого.

Слой 17.1. Коллекция слоя содержит 91 технологически значимый артефакт. В сырьевом отношении в индустрии присутствуют кремнистые и эффузивные порфировые породы с незначительным преобладанием первых (рис. 2, *5*). Кремнистое сырье связано с торцовым расщеплением и леваллуазской технологией. Эффузивные породы ис-

пользовались преимущественно в производстве крупных заготовок отщеповых и конвергентных очертаний в рамках плоскостного, в т.ч. леваллуазского расщепления.

Таким образом, в индустриях слоев 12.1, 12.3, 14, 16 и 17.1 качественно представлены две основные сырьевые группы – кремнистые породы по известнякам, а также эффузивные порфировые породы и близкие им окварцованные эффузивные породы со скрытой структурой (яшмоиды). Во всех индустриях артефакты из кремнистых пород встречаются заметно чаще изделий из эффузивных пород. При этом, вероятно, изначальные размеры сырьевых отдельностей (желваков, галек) эффузивных пород были заметно крупнее, поскольку нуклеусы, технические сколы и сколы-заготовки из этого сырья крупнее аналогичных изделий из кремнистых пород. В более ранних индустриях с заметной долей леваллуазского расщепления (слои 14 и 17.1) эффузивные порфиры использовались для изготовления крупных отщепов и острийных форм. В вышележащих слоях 12.1 и 12.3, где уже чаще фиксируются элементы верхнепалеолитического технологического облика, эффузивные породы служили основным сырьем для производства отщепов, а мелкопластинчатое расщепление и верхнепалеолитические формы орудий были изготовлены исключительно из кремневого сырья.

Среди пород, присутствующих в окрестностях стоянки Кульбулак, встречены те же породы, что отмечены в артефактах. Как кремневое, так и эффузивное сырье было легкодоступно: эффузивные породы в изобилии присутствуют в русловом аллювии близлежащих саев; кремень происходит из известковых скальных массивов в полутора километрах от стоянки и часто встречается в виде отдельных желваков на поверхностях склонов.

В среднепалеолитических индустриях стоянок, расположенных в среднегорном поясе в пределах тридцатикилометрового радиуса от Кульбулака (рис. 3), наблюдаются иные сырьевые стратегии.

Комплексы стоянок Каттасай-1 и -2 характеризуются использованием леваллуазской технологии, наиболее часто в качестве сырья здесь использовались эффузивные гальки с афанитовой структурой, происходящие из местных источников – руслового аллювия крупных притоков Ахангарана, саев Каттасай и Дукентсай [Павленок и др., 2017; Kot et al., 2020]. При этом в индустриях отмечено присутствие экзотичных пород

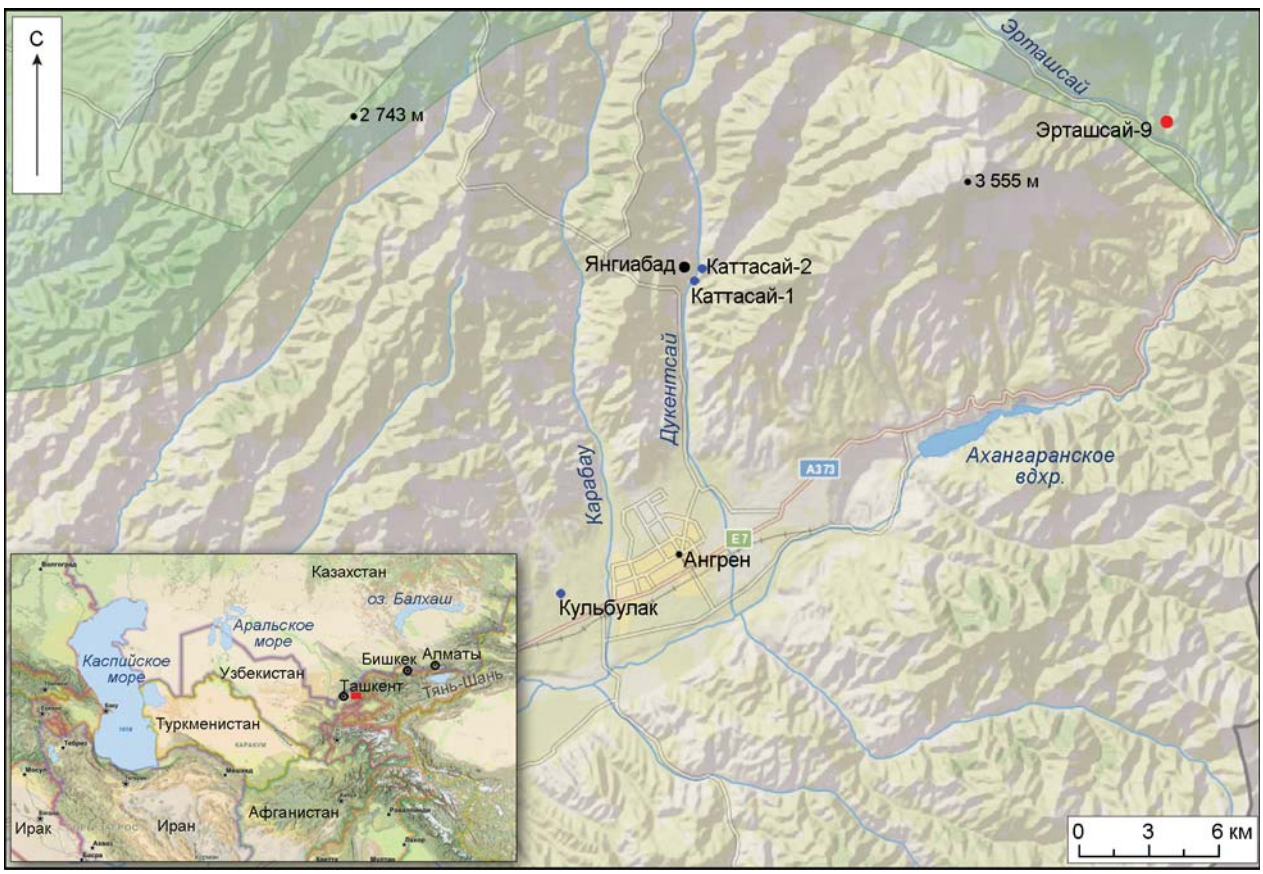

Рис. 3. Карта расположения упоминаемых в статье стоянок со среднепалеолитическими комплексами в бассейне р. Ахангаран.

(яшмы, кремня, аргиллита, песчаника, кварцита и окремненного известняка), ближайшие выходы которых фиксируются в 8 км от данных стоянок. Из этого следует, что древние обитатели были осведомлены об источниках каменного сырья на достаточно обширной территории; выбор в пользу близлежащих выходов субстрата говорит об экономии усилий для его добычи. Технологический репертуар также не требовал исключительно качественного изотропного сырья.

Материалы стоянки Эрташсай-9 также указывают на использование древними мастерами леваллуазской технологии в камнеобработке [Павленок и др., 2019]. В непосредственной близости от стоянки расположены выходы известняка со значительным содержанием пригодных для расщепления кремнистых конкреций. Однако основная часть археологического материала изготовлена на галечном эффузивном и метаморфическом сырье, источники которого расположены значительно дальше, в руслах Ахангарана и Эрташсая. Вероятно, это обстоятельство указывает на то, что обитатели Эрташсая-9 для реализации сложных технологических решений в рамках леваллуазской модели расщепления выбирали менее качественное и менее доступное сырье в виде метаморфических и эффузивных пород. Вкупе с технологическим обликом индустрии, такие сырьевые предпочтения могут свидетельствовать как об отсутствии верхнепалеолитических навыков в камнеобработке, так и об отсутствии необходимости в оных.

Таким образом, доступность в равной степени разнообразного по своим свойствам каменного сырья и использование для разных целей как кремнистых, так и эффузивных пород, сочетание в комплексах леваллуазской технологии с мелкопластинчатым производством делают кульбулакский вариант использования сырьевых ресурсов наиболее гибким среди выявленных на настоящий момент в бассейне Ахангарана среднепалеолитических сырьевых стратегий. Что лежит в основании такой гибкости – видовое различие палеопопуляций или культурное внутривидовое дивергентное развитие – сейчас рассуждать преждевременно. Поиск новых среднепалеолитических стоянок в схожих экологических нишах, анализ их сырьевых и технологических характеристик несомненно приблизят нас к решению этого вопроса.

Благодарности

Исследования выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0003.

Список литературы

Колобова К.А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2014. – 38 с.

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шимчак К., Хужиназаров М., Когай С.А. Поиски объектов палеолита в бассейне реки Ахангаран: история и современность // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2. – С. 153–166. doi: 10.14258/tpai(2019)2(26).-11.

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Шимчак К., Крайцаж М.Т., Крайцаж М., Лазарев С.Ю., Когай С.А., Хужиназаров М., Смирнов Б.М. Палеолитическая стоянка Каттасай-2 в западных отрогах Тянь-Шаня: первые результаты исследований // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СОРАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 186–189.

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Хужаназаров М. Региональные истоки обирахматской традиции камнеобработки: новые материалы стоянки Кульбулак // Известия Иркутск. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 24. – С. 3–22. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.3

Павленок К.К, Шнайдер С.В., Колобова К.А., Лазарев С.Ю., Раджабов А. «Зубчатое мустье» стоянки Кульбулак: новые данные и интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2014. – № 4–1. – С. 161–168. https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-27

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeol. and Anthropol. Sciences. – 2016. – N 4. – P. 1–18. doi:10.1007/s12520-016-0367-3.

Kot M., Pavlenok K., Krajcarz M.T., Pavlenok G., Sneider S., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K. Raw material procurement as a crucial factor determining knapping technology in the Katta Sai complex of Middle Palaeolithic sites in the western Tian Shan piedmonts of Uzbekistan // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 97–109. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.03.052

References

Kolobova K.A. Verkhnii paleolit zapadnogo Pamiro-Tyan'-Shanya: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014, 38 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeol. and Anthropol. Sciences,* 2016, No 4, pp. 1–18. doi:10.1007/s12520-016-0367-3.

Kot M., Pavlenok K., Krajcarz M.T., Pavlenok G., Shnaider S., Khudjanazarov M., Leloch M., Szymczak K. Raw material procurement as a crucial factor determining knapping technology in the Katta Sai complex of Middle Palaeolithic sites in the western Tian Shan piedmonts of Uzbekistan. *Quaternary International,* 2020, vol. 559, pp. 97–109. doi: https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.03.052

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shimchak K., Khuzhinazarov M., Kogai S.A. Searching of the Paleolithic sites in the Akhangaran river valley: history and our time. *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2019, No 2, pp. 153–166. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2019) 2(26).-11.

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Shimchak K., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Lazarev S. Yu., Kogai S.A., Khuzhinazarov M., Smirnov B.M. First research resultsat the Paleolithic site of Kattasay-2 in the Western Tien Shan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 186–189. (In Russ.).

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Khuzhanazarov M. Regional sources of the Obirakhmatian: new data from Kulbulak site. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series,* 2018, vol. 24, pp. 3–22. (In Russ.). https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.24.3

Pavlenok K.K., Shnaider S.V., Kolobova K.A., Lazarev S.Yu., Radzhabov A. «The Denticulate Mousterian» of Kulbulak Site: New Data and Interpretations. *Izvestiya of Altai State University. History and Political science series,* 2014, № 4–1, pp. 161–168. (In Russ.). https://doi.org/10.14258/izvasu(2014)4.1-27

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0222-0227
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Ранний этап среднего палеолита Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-1)

Статья посвящена результатам исследований среднепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-Залив-1, материалы которого являются очень важными для понимания развития данного культурно-хронологического этапа на территории Северо-Восточного Кавказа. Центральное место отведено описанию и анализу коллекции каменных артефактов, а также их сопоставлению с индустриями близких по возрасту памятников Дагестана и Кавказа. Обнаруженные археологические материалы залегали в горизонте палеопочвы (слой 3). Анализ планиграфии и стратиграфии показал, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Наличие нескольких кострищ без следов конструкций в совокупности с рассеянностью археологического материала на широкой площади свидетельствуют о многократном кратковременном посещении древним человеком территорий стоянки. Хронологически время его существования на данной территории определено, по результатам палеомагнитных исследований и абсолютного датирования методом OSL, периодом рисс-вюрмского (эемского, микулинского) межледниковья, в интервале 100–120 тыс. лет. Анализ всех имеющихся данных позволяет заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе, прямых аналогий с археологическими материалами исследуемой стоянки в настоящее время проследить не представляется возможным. Данное обстоятельство в определенной степени можно объяснить узкой спецификой типа памятника (кратковременная стоянка-мастерская), палеоклиматическими условиями и особенностями сырьевой базы, а также имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической индустрии.

Ключевые слова*: Кавказ, Дагестан, средний палеолит, рисс-вюрм, первичное расщепление, орудийный набор, леваллуа*.

A.G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Early Middle Paleolithic of the Northeastern Caucasus (Evidence from the Darvagchay-Zaliv-1 Site)

This study analyzes the lithic assemblages from the Middle Paleolithic site Darvagchay-Zaliv-1, which are highly relevant for understanding this stage in Northeastern Caucasus. Paleoclimatic conditions prevailing during sedimentation at this site are described. The lithic objects discovered have been compared with industries from the synchronous sites of Dagestan and Caucasus. The artifacts were found in minimally disturbed paleosol (layer 3); they represent the typical Middle Paleolithic toolkit, and Levallois technique of primary reduction. Judging by the presence of fire pits without additional structures and scattering of finds over a large area, these sites reveal multiple short-term stays. The dates of the sites, obtained using paleomagnetic and OSL methods correspond to the Riss-Würm (Eemian, Mikulino) interstadial (MIS 5e) of ca. 100–120 ka BP. Whereas no direct parallels with any Caucasian Middle Paleolithic industries can be found, the industries from Darvagchay-Zaliv-1 are consistent with the general evolutionary path of the Paleolithic in the Caucasus.

Keywords: *Caucasus, Dagestan, Middle Paleolithic, Riess-Wurm, primary reduction, toolkit, Levallois technique.*

Территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа. Проблема изучения археологических объектов здесь из-за специфических геологических условий (неотектоника, трансгрессии Каспийского моря и др.) является одной из сложнейших на настоящий момент. Для того, чтобы выявить технико-типологические особенности памятников, определить их культурно-хозяйственный тип, хронологические рамки и палеоклиматические условия существования, обеспечить полномасштабный сравнительный анализ каменных индустрий, необходимо опираться на стратифицированные памятники, где сохранились культуросодержащие отложения. Однако у большинства известных здесь палеолитических объектов культурные горизонты частично или полностью разрушены. Стратифицированные, а среди них многослойные комплексы, встречаются крайне редко.

В последнее десятилетие заметно активизировались работы в области изучения палеолита Дагестана, территория которого занимает большую часть Северо-Восточного Кавказа. В результате проведенных комплексных исследований обнаружено и изучено более двадцати палеолитических памятников, что позволяет представить общую картину развития древнейших каменных индустрий на территории Западного Прикаспия. Наиболее информативной и изученной из них является многослойная стоянка Дарвагчай-Залив-1, расположенная на территории Дарвагчайского геоархеологического района (Дербентский р-н, Республика Дагестан) [Рыбалко, 2014, с. 73–76; Рыбалко, Кандыба, 2019, с. 5–10]. Основной целью данной работы является обобщение и анализ всех накопленных в ходе многолетних исследований материалов (археологических и естественнонаучных) о раннем этапе среднего палеолита Северо-Восточного Кавказа.

Стоянка Дарвагчай-Залив-1 была открыта сотрудниками ИАЭТ СО РАН в 2007 г., во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива на правом берегу Геджухского водохранилища. Она располагается на крутом юго-западном склоне древнекаспийской террасы. Высота склона 40 м, абсолютная высота 155 м. Раскопки на памятнике с перерывами проводились с 2009 по 2020 г. Всего было открыто и исследовано четыре разновременных комплекса, материалы которых охватывают период от раннего до финала среднего палеолита. Один из них (комплекс 2), расположенный в верхней части склона террасы, представленный каменными изделиями среднего палеолита, изучался в 2012–2014 и 2019 г. [Рыбалко, 2014, с. 73–76; Рыбалко, Кандыба, 2019, с. 5–10]. В процессе исследований на площади 87 кв.м. были вскрыты отложения до 3,6 м от дневной поверхности. Описание разреза (сверху вниз).

Слой 1а. Серо-коричневый суглинок. Техногенная толща – 0,35–0,45 м.

Слой 1б. Светло-коричневый суглинок. Частично нарушен в процессе сельскохозяйственной деятельности – 0,35–0,45 м.

Слой 2. Лессовидный светло–коричневый суглинок. Генезис эолово-делювиальный – 0,6–0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневый, тяжелый суглинок – 0,65–1,2 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Генезис делювиально-эоловый – 0,45-0,6 м.

Представленный разрез (исключая верхнюю техногенную часть) является опорным для среднего палеолита Дарвагчайского геоархеологического района [Рыбалко, 2014, с. 73–76]. Это объясняется как полнотой и мощностью вскрытых лессо-почвенных осадков, так и высокой степенью изученности, что дает возможность проводить сравнительный анализ с основными среднепалеолитическими памятниками Дагестана и Кавказа на более обоснованном и информативном уровне. Археологические материалы залегали в слое 3. Текстура горизонта пятнистая из-за многочисленных кротовин и карбонатных стяжений. В нижней трети слоя отмечены небольшие скопления, а также многочисленные разрозненные угольки. К основанию слоя приурочено и большинство каменных изделий. Здесь же зафиксировано несколько скоплений артефактов с небольшим вертикальным разбросом (до 10 см), среди которых встречаются аппликирующиеся между собой фрагменты сколов. Судя по четкому планиграфическому контексту, эти участки не подверглись существенной деформации. Помимо этого, в нижней трети палеопочвы обнаружено два кострища, которые представлены в виде пятен прокала, без следов какого-либо оформления. В обоих кострищах обнаружены сильно обожженные каменные артефакты, что позволяет утверждать об антропогенном факторе их происхождения. Остатки млекопитающих полностью отсутствуют, что объясняется химическим составом отложений (высокая степень карбонатизации), в результате чего происходило быстрое разрушение органических материалов.

Археологическая коллекция, насчитывающая 443 артефакта, состоит из нуклевидных форм (39), пластин и пластинчатых отщепов (15), отщепов (288, из них 6 обожжены), технических сколов (8),

обломков и осколков (74, из них 2 обожжены), чешуек (14) и галек (5). Процентное соотношение основных типов изделий следующее: нуклевидные – 9 %; пластины и пластинчатые отщепы – 4 %; отщепы – 65 %; тех. сколы – 1,8 %.

Нуклевидные изделия включают типологически выраженные ядрища (25), а также их обломки (7) и фрагменты (7). Большая часть нуклеусов (20) представляет леваллуазскую систему расщепления (рис. 1, *7, 8;* 2, *1–4*). Основные различия этой группы определяются размерами и степенью утилизации. Изделия имеют округлые или подпрямоугольные очертания, оформленные центростремительными сколами рабочие плоскости и слабовыпуклые площадки. Нуклеусы параллельного принципа расщепления представлены одноплощадочными (3) и двухплощадочными (2) монофронтальными разновидностями. Определимые остаточные ударные площадки на сколах в основном гладкие (62 %) или сохраняют естественную поверхность (16 %); двухгранные (6 %), фасетированные (12 %) и точечные (4 %) встречаются намного реже. Среди огранок дорсалов доминируют субпараллельные однонаправленные (46 %), бинаправленные (10 %) и продольно-поперечные (15 %), остальные представлены естественными (12 %), радиальными (8 %) и бессистемными (9 %) разновидностями.

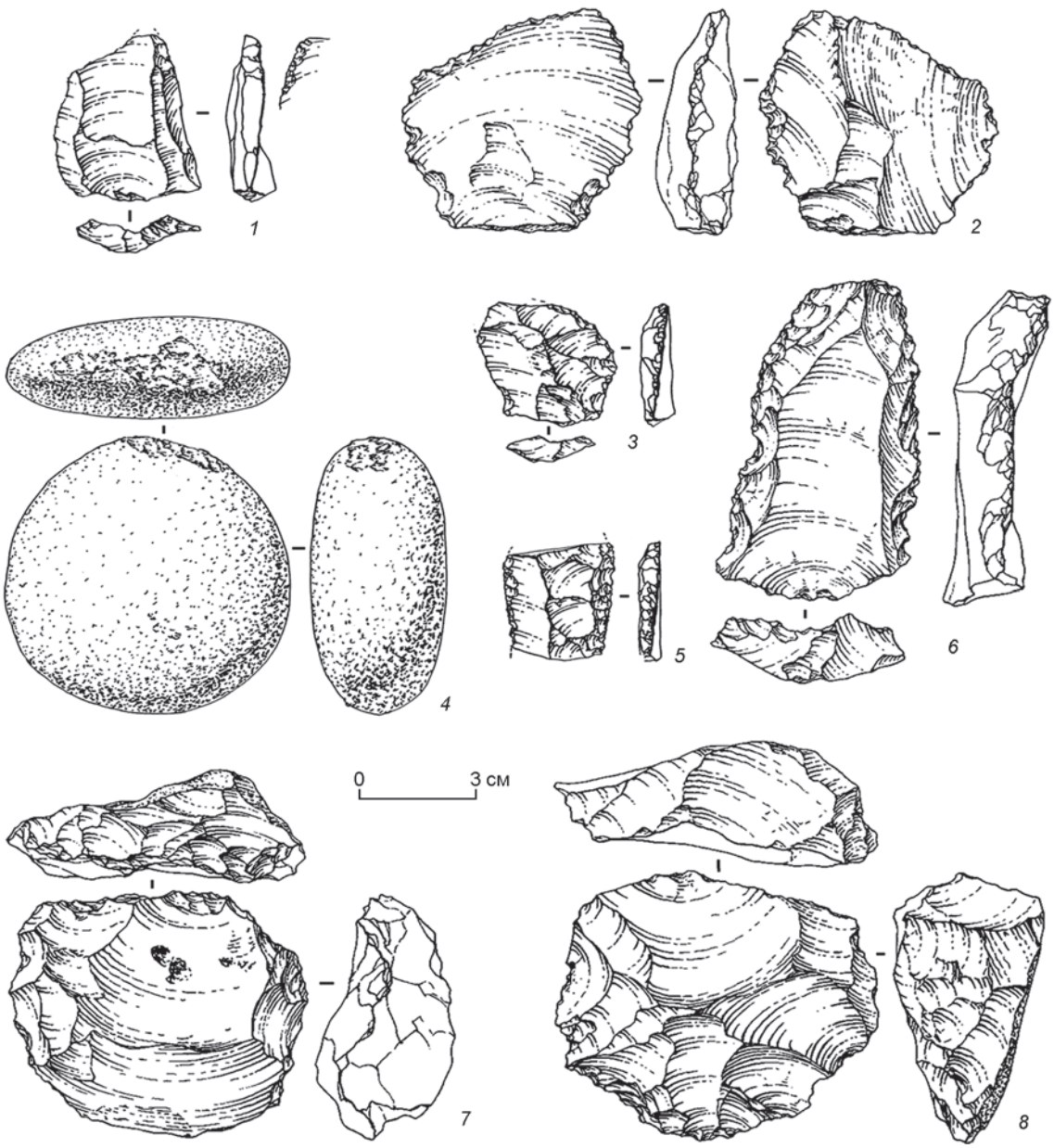

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2).

1 – леваллуазский отщеп; *2, 5, 6* – скребла; *3* – отщеп с ретушью; *4* – отбойник; *7, 8* – нуклеусы.

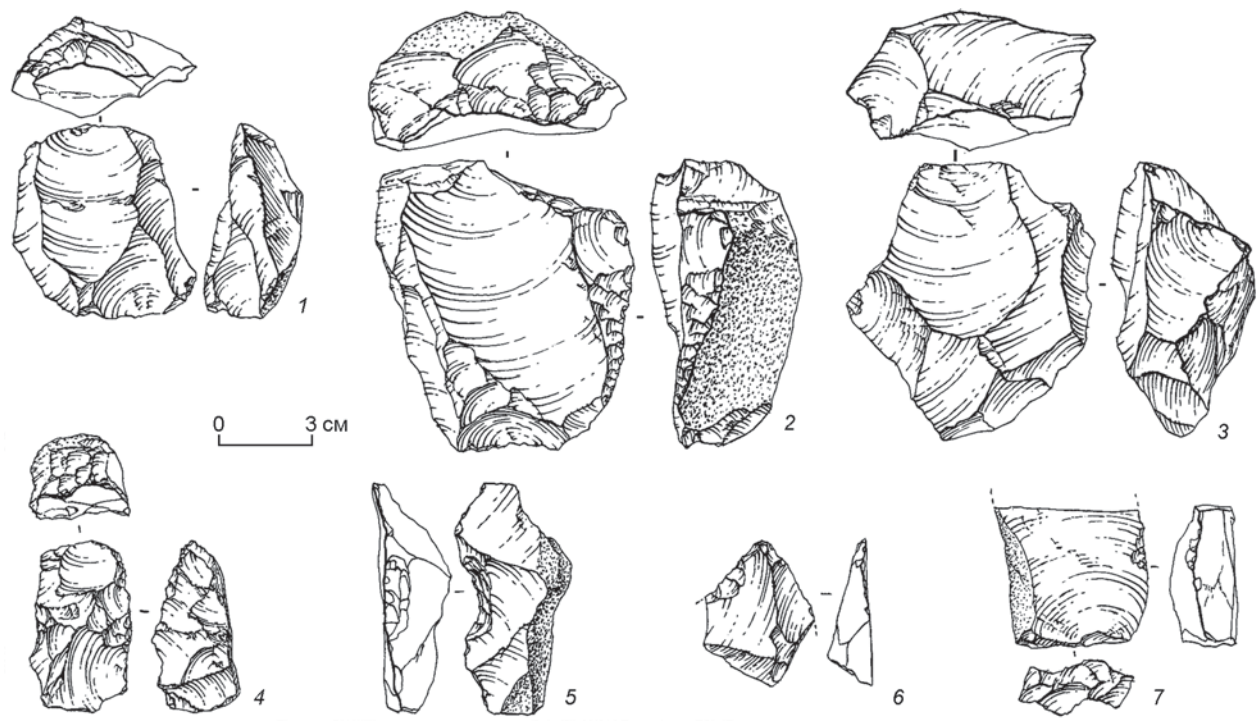

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2).
1–4 – нуклеусы; *5* – выемчатое орудие; *6* – острие; *7* – отщеп с ретушью.

Орудийный набор (30 экз., 7 %) состоит из 23 изделий со следами вторичной обработки, кроме этого сюда включены два леваллуазских отщепа, четыре отбойника (рис. 1, *4*) и ретушер. Наиболее выразительная группа объединяет леваллуазские сколы с ретушью (2) (рис. 1, *1*), скребла (4) (рис. 1, *2, 5, 6*), нож и атипичное острие (рис. 2, *6*). Наиболее многочисленными изделиями являются выемчатые формы (5) (рис. 2, *5*), сколы (8) и обломки с ретушью (2) (см. рис. 1, *3*; 2, *7*).

Установление хронологических рамок и палеоклиматических условий палеолитических объектов являются одними из самых сложных проблем. С этой целью в 2014–2015 гг. для образцов (76 шт.) с местонахождения Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 2) в Палеомагнитном центре ИНГГ СО РАН были выполнены петромагнитные и палеомагнитные исследования. В результате проведенных работ в слое палеопочвы была установлена отрицательная остаточная намагниченность (эпизод Блейк 100–120 тыс. л.н.). Для понимания палеоклиматической обстановки в первую очередь необходимо сопоставить данный хронологический период с фазами активности Каспийского моря. Анализ палеоботанических данных показывает прямую взаимосвязь между изменениями климата, сменой растительного покрова и колебаниями уровня Каспийского моря. При сопоставлении палинологических данных отмечается четкая закономерность: максимальный уровень моря в ту или иную трансгрессию характеризуется наиболее «лесистыми» типами спектров [Абрамова, 1982, с. 32–39]. Изучаемый интервал (100–120 тыс. л.н. – MIS 5) относится к заключительной стадии хазарского цикла (позднехазарской трансгрессии). На территории Западного Прикаспия в это время отмечается распространение древесной растительности, представленной участками смешанных и широколиственных лесов. Фиксируется присутствие пыльцы сосны, березы, орешника и ольхи. На прибрежной равнине и в предгорьях была значительно развита луговая травянистая растительность. В ходе исследований памятника Дарвагчай-Залив-1 в образцах из слоя 3 отмечены в большом количестве частицы угля, фрагменты обугленных растительных тканей, фитолиты, которые принадлежат древесным и луговым растениям. Ряд других косвенных признаков (большое количество кротовин, угольков и примазок древесного угля) позволяют утверждать, что эта территория не была засушливой, а, скорее всего, относилась к лесостепи.

Артефакты комплекса 2 памятника Дарвагчай-Залив-1 связаны исключительно со слоем палеопочвы. Перекрывающие и подстилающие геологические горизонты стерильны в археологическом плане, что полностью исключает возможность попадания в коллекцию артефактов из других культурно-хронологических групп. Анализ планиграфии и микростратиграфии показывает, что большая

часть артефактов залегают *in situ*. Об этом свидетельствует горизонтальная ориентация практически всех находок, образующих небольшие изолированные скопления, в пределах которых встречаются аппликирующиеся предметы. В то же время отмечается, что незначительная часть находок рассеяна по всей мощности культуросодержащих горизонтов, что, видимо, связано с деятельностью землеройных животных и делювиальными процессами. Все каменные изделия, независимо от сырья, имеют одинаковую (очень хорошую) степень сохранности поверхности. В представленных коллекциях отражены все значимые категории каменных изделий, характерные для среднепалеолитических комплексов.

Индустрия относится к типу моносырьевых. Основное количество каменных артефактов изготовлен из окремненного известняка (88 %), реже использовался кремень (10 %) и известняк (2 %). Окремненный известняк представляет собой пластичную и твердую породу (5–6 по Моосу), хорошо поддающуюся расщеплению. Кремень – сырье в основном мелкоразмерное с большим количеством внутренних дефектов (определение канд. геол.-минерал. наук Кулик Н.А.). Эти и другие породы в виде галек и обломков хорошо представлены в естественных обнажениях в центральной части склона и у основания террасы.

Первичное расщепление данной индустрии основано на леваллуазской технологии, которая представлена преимущественно черепаховидными нуклеусами для отщепов. Для большинства ядрищ характерна высокая степень утилизации, а целевыми заготовками были отщепы крупных и средних размеров. Пластины представлены единичными экземплярами. Неретушированные леваллуазские острия первого и второго снятия отсутствуют полностью. Среди определимых ударных площадок преобладают гладкие и естественные, фасетированных и особенно двугранных намного меньше. Большинство сколов не имеет на дорсалах желвачной корки, что, по всей видимости, свидетельствует о предварительной апробации исходного сырья и оформлении пренуклеусов за пределами территорий стоянок. Вероятно, эти операции изначально производились в местах скопления сырья. Орудийный набор немногочисленный, однако в нем представлены единичные хорошо оформленные изделия, такие как леваллуазские сколы, скребла, ножи. Скребла демонстрируют как простые одинарные, так и двойные продольные и конвергентные типы, ножи с естественными и на грани скола разновидностями обушков. Однако главными категориями изделий являются невыразительные выемчатые формы и отщепы с эпизодической ретушью. Все выше перечисленные факты позволяют отнести памятник к узкоспециальному типу – кратковременной стоянке-мастерской. Здесь производилось скалывание серий заготовок для последующего изготовления орудийных форм. При этом большая часть этих заготовок, а также большинство хорошо оформленных изделий со стоянок уносились. Этим, прежде всего, объясняется: наличие большого количества сильно сработанных нуклеусов, отбойников и ретушеров; малочисленность и типологическое однообразие орудийного набора, преобладание в нем сколов и обломков с ретушью. Не противоречат этим выводам и данные планиграфии: небольшое количество каменных изделий в пятнах концентрации находок и наличие кострищ без следов каких-либо конструкций. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, связанные с узконаправленной спецификой памятника, рассматриваемая коллекция позволяет установить общие технико-типологические характеристики представленной индустрии. Подробный анализ полученных археологических материалов и возраст вмещающих отложений позволяют утверждать, что они соответствуют раннему этапу среднего палеолита.

Результаты комплексных исследований дают возможность в определенной степени установить палеоклиматические условия и возрастные рамки обитания древнего человека в данном регионе. Культуросодержащий горизонт и обнаруженные в нем археологические материалы накапливались в условиях теплого и влажного климата. Данные условия были характерны для последнего рисс-вюрмского (микулинского для Восточно-Европейской равнины) потепления в хронологическом интервале 100–120 тыс. лет (MIS 5). Палеоклиматические условия Западного Прикаспия в изучаемый период были благоприятными для растительного и животного мира, а также для расселения здесь человеческих палеопопуляций.

На территории Дагестана до недавнего времени археологические материалы, относящиеся к раннему этапу среднего палеолита, были практически неизвестны. Общая характеристика немногочисленных коллекций, полученных в ходе исследований последних лет, и их сравнение с близкими по возрасту индустриями Кавказа сильно затруднены, т.к. значительная часть их имеет поверхностное или смешанное залегание. Стратифицированный среднепалеолитический комплекс исследуемой стоянки также имеет определенные ограничения, связанные с типом памятника (кратковременная стоянка-мастерская) и не отражает в полной мере всех параметров. В целом, на основе всех имеющихся данных, эту индустрию можно охарактеризовать как левал-

луазскую непластинчатую, с низким индексом фасетирования. Леваллуазское расщепление, хорошо представленное «черепаховидными» нуклеусами, направлено преимущественно на производство отщепов. Орудийный набор включает различные типы скребел, ножи и выемчатые орудия. Леваллуазские острия и орудия на пластинах присутствуют как единичные изделия, нет предметов с вентральным утончением и изделий с бифасиальной обработкой. Полностью отсутствуют верхнепалеолитические типы орудий.

Наиболее близки представленным материалам среднепалеолитические коллекции артефактов из пещер Ереванская (слои 7–5А) в Армении и Азых (слой III) в Азербайджане. Однако при определенном сходстве в первичном расщеплении (нуклеусы леваллуа для отщепов) отмечаются существенные расхождения в орудийных наборах. Еще более значительные отличия наблюдаются со среднепалеолитическими комплексами Центрального Кавказа, большинство которых относится к леваллуазским пластинчатым индустриям, где значительный процент орудий составляют конвергентные сильно удлиненные формы [Любин, 1977, с. 13–96]. Несомненно и то, что в данный период на территорию Дагестана не распространилось влияние восточного микока с Северо-Западного Кавказа, т.к. здесь полностью отсутствуют бифасиальные изделия.

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что в культурно-хронологической шкале среднего палеолита Кавказа в настоящее время нет прямых аналогий данному среднепалеолитическому комплексу. В то же время, представленные археологические материалы хорошо согласуются с общим направлением развития древнекаменного века Кавказа, демонстрируя черты, характерные для раннего этапа среднего палеолита регионального облика. Что в определенной степени можно объяснить узкой спецификой типа стоянок, палеоклиматическими условиями и особенностями сырьевой базы.

Благодарность

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00552.

Список литературы

Абрамова Т.А. Ритмика спорово-пыльцевых спектров четвертичных отложений западного побережья Каспийского моря // Вопросы географии. Морские берега. – М.: Мысль, 1982. – Сб. 119. – С. 32–39.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л.: Наука, 1977. – 224 с.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 5–10.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-Залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX . – С. 73–76.

References

Abramova T.A. Ritmika sporovo-pyltsevykh spektrov chetvertichnykh otlozheniy zapadnogo poberezhya Kaspiyskogo morya. In *Voprosy geografii. Morskie berega*. Iss. 119. Moscow: Mysl, 1982, pp. 32–39. (In Russ.).

Lyubin V.P. Mustierskie kultury Kavkaza. Leningrad: Nauka, 1977, 224 p. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Issledovaniya srednego paleolita Zapadnogo Prikaspiya. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 5–10. DOI: 10.15372/HSS20190201. (In Russ.).

Rybalko A. G. Geokhronologicheskie issledovaniya stoyanki Darvagchai-zaliv 1 v Respublike Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, pp. 73–76. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2014.pdf. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0228-0232
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко✉, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования раннепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2021 году

В статье представлены новейшие результаты, полученные в ходе исследований многослойной стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан). В процессе раскопок были обнаружены дополнительные археологические материалы, подтверждающие наличие на стоянке двух раннепалеолитических комплексов артефактов, точные хронологические рамки которых были установлены по результатам анализа малакофауны, палеомагнитных исследований и абсолютного датирования методом OSL. Каменная индустрия первого комплекса, обнаруженная в слое 3 (галечно-гравийные отложения), относятся к финальному ашелю. Ведущую роль в осадконакоплении здесь играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Возраст культуросодержащего горизонта установлен в интервале 250–220 тыс. л.н. (MIS 7). Коллекция каменных изделий, раскопанная в слое 5 (морские галечники и пески), относится к позднему ашелю и является свидетельством самого раннего появления древнего человека на рассматриваемой территории (380–330 тыс. л.н. (MIS 11–10)). Наиболее выразительной частью раннепалеолитических коллекций являются крупные галечные и бифасиально обработанные орудия, включающие чопперы, пики, рубила, нуклевидные скребки и кливеровидные изделия. Среди орудий на сколах выделяются небольшие серии скребловидных, шиповидных и выемчатых изделий, которые приобретают определенные признаки стандартизации. В первичном расщеплении финальноашельской индустрии отмечаются элементы, характерные для леваллуазской технологии, такие как оформление у нуклеусов выпуклого фронта скалывания и специально подготовленной ударной площадки. В целом представленные комплексы, определенно, имеют ряд общих черт, демонстрирующих большое сходство в приемах оформления и типах каменных изделий.

Ключевые слова: *Дагестан, археологические стоянки, ашель, каменные индустрии, ранний палеолит*.

A.G. Rybalko✉, A.V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Research of the Darvagchai-Zaliv-4 Multi-Layer Site in 2021

The article provides the latest results obtained during the research of the site Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan). During the excavations, additional archaeological materials were found confirming the presence of three different-time complexes of artifacts at the site, the chronological framework of which was based on the results of malacofauna analysis, paleomagnetic studies and absolute OSL dating. The lithic industry of the first complex found in Layer 3 (pebble-gravel deposits) was attributed to the final Acheulean period. Eluvial-deluvial and proluvial processes were main in the deposition of sediments. Chronologically, the time of its existence was determined to the range of 250–220 ka BP (MIS 7). Artefacts of another stone collection found in Layer 5 (sea gravel and sand) belong to the late Acheulean and are the evidence of the earliest appearance of ancient man in the territory under consideration (380–330 ka BP (MIS 11–10)). The most expressive part of the early Paleolithic collections are large pebble and bifacially processed tools including choppers, spikes, cleavers, core scrapers, and cleaver-type articles. Among the tools on the flakes, there are small series of scraper-shaped, spike-shaped, and notched tools. The primary reduction of the final Acheulean industry includes a number of common features typical of the Levallois technique such as forming a convex shearing plane in a nucleus and a prepared striking platform. Generally, the provided complexes demonstrate a clear similarity in the design techniques and types of products.

Keywords: *Dagestan, archeological sites, Acheulean, lithic industries, early Paleolithic.*

Стоянка Дарвагчай-Залив-4 обнаружена в 2010 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН в ходе обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Памятник расположен на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (около 20 м) крутого склона древнекаспийской террасы. Стационарные исследования стоянки, проводившиеся в течение последнего десятилетия, позволили установить точные хронологические позиции раннепалеолитических индустрий, получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, наиболее характерной чертой, которого является наличие ашельских макроорудий [Рыбалко, 2014; Кандыба, Рыбалко, 2016].

В 2021 г. были сделаны две прирезки к основному раскопу в северо-восточном (4 × 2 м) и юго-восточном (5 × 2 м) направлениях, общая раскопанная площадь составила 18 м^2 (рис.1). Наиболее полно вскрытые отложения представлены на юго-восточной стенке раскопа, всего выделено 8 геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз).

Слой 1а. Гумусированный суглинок (современная почва). Мощность 0,15 м.

Слой 1б. Серо-коричневый опесчаненный суглинок. Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность до 1 м.

Слой 1в. Буро-коричневый, тяжелый суглинок (палеопочва). Часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты. Мощность до 0,4 м

Слой 2. Коричневый местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок. Генезис субаэральный. В верхней трети слоя (контактная зона) встречаются единичные среднепалеолитические артефакты. Мощность до 3,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный, ведущую роль играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит раннепалеолитические артефакты. Мощность до 1,5 м.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые. Мощность до 0,45 м.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый детритусовый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Слой содержит палеолитические артефакты. Мощность до 0,45 м.

Слой 6. Тонко слойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской. Мощность до 1,5 м.

Обнаруженная в процессе раскопок сводная коллекция раннепалеолитических артефактов насчитывает 90 экз. каменных изделий.

Артефакты обнаруженные в пролювиальном, галечно-гравийном горизонте (слой 3) имеют разную степень сохранности поверхности. Большая часть

Рис.1. Стоянка Дарвагчай-Залив-4, общий вид раскопа 2021 г.

изделий средне (25 %) и слабо (35 %) окатанные. Сильно окатанных артефактов 8 %, на оставшейся части (32 %) изделий полностью отсутствуют какие-либо следы сглаживающего воздействия. Характерных следов соударений в водной среде на поверхностях артефактов не наблюдается, это означает, что окатывание археологического материала происходило не в направленном водном потоке, а в среде, исключавшей резкие и сильные соударения. Вероятнее всего данный процесс происходил в водно-песчаной взвеси в приливно-отливной пляжной зоне. Именно этим можно объяснить разную степень сохранности поверхности артефактов и резкое увеличение не окатанных и слабо окатанных каменных изделий по мере удаления от края террасы. Условия залегания и состояние изделий из камня свидетельствуют о незначительной, частичной переотложенности комплекса.

Представленная индустрия является моно сырьевой, для изготовления каменных орудий использовались гальки и разной степени окатанные обломки преимущественно из кремня (90 %) и в значительно меньшей мере окремненного известняка (10 %). Данные горные породы в изобилии встречаются в естественных и искусственных обнажениях в центральной части склона и у основания древнекаспийской террасы, а также являются непосредственной составляющей культуросодержащего горизонта.

Археологическая коллекция из слоя 3 состоит их 74 артефактов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: отбойник; нуклевидные формы – 4; отщепы – 38; обломки и осколки – 27; чешуйки – 4.

Нуклевидные формы представлены типологически выраженными ядрищами (3) и нуклевидным обломком. Два ядрища одноплощадочные монофронтальные, относятся к простой плоскостной системе расщепления. В качестве заготовок использовались гальки. Первый нуклеус подтреугольной формы, площадка естественная, на фронте негатив снятия отщепа среднего размера. Другой прямоугольной формы, площадка подготовлена сколами, на фронте негативы удлиненных снятий (рис. 2, *6*). Последний нуклеус двухплощадочный монофронтальный встречного принципа скалывания. Площадки естественные, на фронте негативы снятий отщепов, часть из которых упирается в заломы.

Продукты первичного расщепления включают: сколы (38), преимущественно укороченные, крупного и среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком; обломки (27), объемные угловатые куски породы разных размеров и форм, и чешуйки (4).

Группа изделий со следами вторичной обработки насчитывает 19 предметов, кроме них в орудийный набор включены два леваллуазских отщепа и отбойник. Орудийный набор состоит из: рубила (рис. 2, *5*), ножа, острия (рис. 2, *1*), атипичного скребка, скребел (4), шиповидных (5) и выемчатых (3) (рис. 2, *2*) изделий, отщепа и обломков (2) с ретушью. В качестве заготовок использовались сколы (5), обломки (11) и гальки (3).

Леваллуазские сколы подтреугольной формы, площадки выпуклые двугранные (рис. 2, *3, 4)*. Отбойник представляет собой крупную овальную гальку, на обоих поперечных краях которой видны многочисленные следы забитостей.

Наиболее выразительным орудием является рубило с естественным обушком. В качестве исходной формы использовалась плоская крупная галька, одна сторона орудия по всей поверхности оформ-

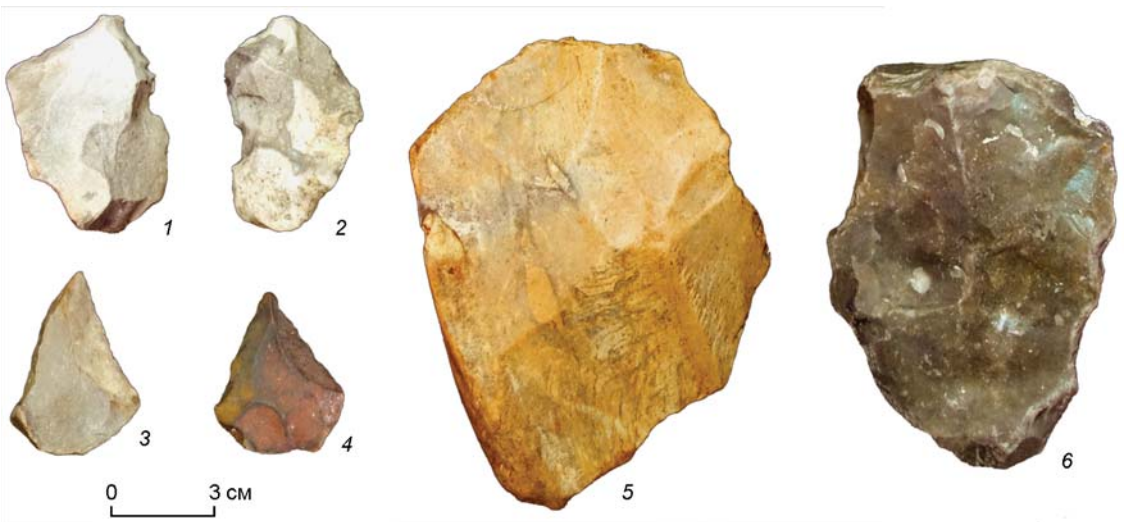

Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 3).
1 – острие; *2* – выемчатое орудие; *3, 4* – сколы леваллуа; *5* – рубило; *6* – нуклеус.

лена центростремительными сколами, вторая частично покрыта галечной коркой, продольный край, противолежащий обушку, имеет дополнительную обработку сколами (рис. 2, *5*).

Группа орудий на отщепах и обломках состоит из типологически выраженных скребел, шиповидных и выемчатых изделий, которые приобретают определенные признаки стандартизации, а также невыразительных отщепов и обломков с ретушью. Скребла представлены одинарными боковыми вариантами с прямыми и слабовыпуклыми лезвиями. В категории выемчатых орудий встречаются как клектонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление. Шиповидные изделия подготавливались одной или двумя сопряженными выемками и ретушью. Отщепы и обломки с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая прерывистая.

Имеющиеся на настоящий момент данные позволяют определить памятник как стоянку-мастерскую. Комплексный анализ материалов дает возможность утверждать, что по своим технико-типологическим характеристикам они более всего соответствуют финальному ашелю. Данному определению не противоречат и хронологические рамки индустрии (250–220 тыс. л.н. (MIS 7)), установленные ранее на основании серии дат, полученных методом OSL. В целом представленная коллекция хорошо дополняет археологические материалы, полученные в ходе раскопок предыдущих лет, и дает возможность более обоснованно подтвердить выводы, сделанные ранее [Рыбалко, Кандыба, 2019].

Коллекция из слоя 5 состоит из 17 артефактов. Материалы нижнего галечника демонстрируют близкое состояние сохранности поверхности. Большинство изделий имеет слабую степень окатанности (50 %) или сохраняет свежие грани (35 %). Если артефакты из слоя 3 в ряде случаев, помимо сглаженности граней, имеют следы забитостей, то на большинстве изделий данного комплекса подобных следов нет.

Нуклевидные изделия включают две гальки с единичными сколами (проба камня) и единственный нуклеус, выполненный на гальке из песчаника, который наглядно демонстрирует долечную технику скалывания (рис. 3, *4*).

Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (8), преимущественно укороченные, средних и крупных размеров, а также обломки (5), в основном плоские, средних размеров.

Орудийный набор состоит из чоппера (рис. 3 *5*), пика (рис. 3, *1*) шиповидных (2) изделий и обломка с ретушью (рис. 3, *3*). В качестве заготовок использовались сколы (2), гальки (2) и обломок.

Наиболее выразительными изделиями являются чоппер и пик. В качестве заготовки в первом

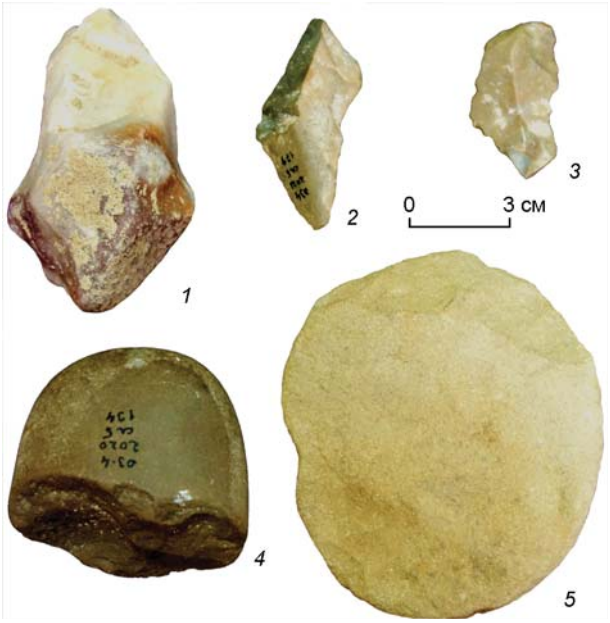

Рис. 3. Каменные артефакты стоянки Дарвагчай-Залив-4 (слой 5).

1 – пик; 2 – пластинчатый скол; 3 – обломок с ретушью; *4* – нуклеус; *5* – чоппер.

случае использовалась овальная плоская галька из песчаника, на поперечном крае которой оформлено выпуклое лезвие. Пик трехгранный, оформлен крупными и средними сколами, на острие видны забитости.

Основные приемы вторичной отделки, формы и типы орудий на сколах и обломках из слоя 5 не отличаются от тех, что были описаны выше для слоя 3.

Хронологические рамки культуросодержащего горизонта ранее основывались на палеонтологических данных (анализ малакофауны) и палеомагнитных исследованиях [Рыбалко, Янина, 2017]. В 2019 г. для слоя 4 и 5 стоянки Дарвагчай-Залив-4 методом OSL (оптически стимулируемое люминесцентное датирование) была получена серия из трех дат, на основании которых было установлено, что время формирования слоев 4 и 5 соответствует периоду 380–350 тыс. л.н. (MIS 11–10).

Общий анализ археологических материалов раннепалеолитических комплексов (слои 3 и 5) позволяет сделать следующие выводы о характере индустрий стоянки. Обнаруженные артефакты отличает разная степень сохранности поверхности, варьирующая от изделий с несглаженными «свежими» ребрами, до сильно «замытых» предметов. Анализ планиграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Данные каменные индустрии сформировались на местной сырьевой базе. В качестве исходного сырья использовался

кремень, окремненный известняк и песчаник в виде галек, обломков и желваков. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории.

Набор орудийных типов и характер вторичной обработки практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям, наиболее выразительными изделиями являются макроорудия, представленные чоппером, пиком и рубилом. Основная причина существующих различий представленных коллекций заключается в их разной хронологической позиции. Однако, не смотря на существенный хронологический разрыв, коллекции артефактов демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам, анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшейся на местной полисырьевой базе.

На памятнике представлены все циклы обработки камня. Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Есть свидетельства использования примитивных техник дробления и долечной. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребла, шиповидные и выемчатые изделия. Наиболее выразительной частью орудийного набора являются ашельские макроорудия [Рыбалко, 2016]. Все вышеперечисленные данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую, базовую стоянку-мастерскую, где осуществлялась деятельность, связанная с последовательным серийным изготовлением разнообразных орудий. Облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные комплексы к финальному и позднему ашелю.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-09-00006_а.

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4) // Известия Алтайского гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – № 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26. – № 2. – С. 5–10.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. – Казань, 2014. – С. 128–132.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.

Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII . – С. 190–194.

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4). In *Izvestiya Altaiskogo gos. uni-ta. Seriya: Istoriya, politologiya.* 2016, No 2 (90), pp. 210–214. URL: http://izvestiya.asu.ru/article/view/%282016%294-41 (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle Palaeolithic Investigations in the Western Precaspian Region. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 5–10. DOI: 10.15372/HSS20190201. (In Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda*, vol. I. Kazan, 2014, pp. 128–132. (In Russ.).

Rybalko A.G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 152–155. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2016_min.pdf. (In Russ.).

Rybalko A.G., Yanina T.A. Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-Zaliv-4 (Southeastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017., vol. XXIII, pp. 190–194. URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2017.pdf. (In Russ.).

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0233-0237
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко✉, Н.А. Кулик

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Сырьевая база каменных индустрий раннего палеолита на территории Юго-Восточного Дагестана

В статье представлены результаты петрографических исследований коллекций артефактов ашельских комплексов, расположенных на территории Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан). На протяжении всего каменного века каменное сырье было очень важным ресурсом для существования древнего человека. Отсутствие качественного кремневого сырья явилось основным фактором для заключения о том, что данная территория посещалась древним человеком крайне редко. Следовательно, возможность обнаружения здесь стоянок раннего палеолита крайне маловероятна. Археологические исследования, проведенные в последнее десятилетие, позволили утверждать обратное. В ходе работ было обнаружено и изучено более десяти палеолитических памятников. Анализ сырьевых источников показал, что в районе стоянок имеется несколько основных типов пород, которые в разной степени использовались для изготовления каменных орудий. Данные источники сырья в изобилии встречаются в естественных и искусственных обнажениях в непосредственной близости от местонахождений. Именно этим, прежде всего, можно объяснить высокую плотность палеолитических памятников на небольшой территории района. Петрографический состав коллекций свидетельствует, что подавляющее большинство артефактов выполнено из желвачного кремня, на долю известняка и песчаника приходятся единичные изделия. Кремневое сырье, используемое на памятниках, отличается большим количеством внутренних дефектов, в первую очередь, трещиноватостью. Фактор сырья здесь играл очень важную роль. Все крупные тщательно оформленные макроорудия изготовлены исключительно из песчаника и известняка. Из кремня выполнены в основном невыразительные плохо оформленные мелкоразмерные изделия. Таким образом, размеры, приемы и интенсивность обработки каменных орудий демонстрируют прямую зависимость от типа сырья, а следовательно, в данном случае можно говорить о хорошо выраженном избирательном подходе.

Ключевые слова*: Кавказ, Дагестан, ранний палеолит, каменное сырье, ашельские индустрии, макроорудия*.

A.G. Rybalko✉, N.A. Kulik

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Raw Material Base for Stone Industries of the Early Paleolithic in Southeastern Dagestan

This article presents the results of petrographic studies into collections of artifacts from the Acheulean complexes located in the Darvagchai Geoarchaeological District in Southeastern Dagestan. Throughout the entire Stone Age, raw stone was a crucial resource for subsistence of ancient humans. The lack of high-quality flint raw materials had been previously considered to be the main factor for concluding that this area was rarely visited by ancient humans. Archaeological research over the past decade has shown the opposite. During the exploration works, over ten Paleolithic sites were discovered and studied. Analysis of raw material sources has revealed that there are several main types of rocks in the area of the sites. The petrographic composition of the collections indicates that the overwhelming majority of artifacts were made of flint, while sporadic artifacts were made of limestone and sandstone. Flint raw materials which were used at the sites are distinguished by large number of internal defects, primarily, fracturing. The raw material factor played a very important role in the area. All large, carefully shaped macro-tools were made of sandstone and limestone, while mostly poorly shaped small artifacts were made of flint. Thus, sizes, methods, and intensity of processing stone tools demonstrate direct dependence on the type of raw material.

Keywords: *Caucasus, Dagestan, Early Paleolithic, stone raw materials, Acheulean industries, macro-tools*.

На протяжении всего каменного века каменное сырье было крайне необходимым и важным ресурсом для существования древнего человека. На территории Кавказа в большом количестве представлены различные горные породы, пригодные для расщепления и изготовления каменных орудий. Согласно происхождению их можно разделить на две основные группы: осадочные и магматические. Размещены эти породы крайне неравномерно. Магматические распространены в срединной полосе Кавказского перешейка, по большей части в районе Армянского вулканического нагорья, а осадочные в полосе Большого и на отдельных участках Малого Кавказских хребтов.

Наиболее хорошо на Кавказе представлены в первую очередь различные осадочные породы, из них для людей каменного века наибольшую ценность для производства орудий представляли кремнистые. Они встречаются на Большом и Малом Кавказе в первичном залегании, в толщах известняков юрского и мелового возраста в основном в виде пластов и желваков разнообразной формы и размеров. В том случае, когда этот вид сырья отсутствовал или был в недостаточном количестве, использовались также разнообразные сланцы, песчаники и другие породы, обладавшие такими полезными физическими свойствами как плотность, прочность и твердость, способность расщепляться в правильном направлении, давая при этом гладкие поверхности сколов и острые режущие края.

Наличие или отсутствие на определенной территории пригодного каменного сырья имело особую значимость в раннем палеолите. Как правило, люди в это время обитали в непосредственной близости от таких источников, о чем свидетельствуют многочисленные находки памятников раннего палеолита, приуроченные к этим областям (Центральный Кавказ и Закавказье), а также тот факт, что районы, бедные в этом плане (Предкавказье), оставались почти незаселенными [Любин, Беляева, 2006].

В современной археологической литературе принято разделять каменные индустрии на моносырьевые, в которых преимущественно использовался один вид сырья, и полисырьевые, где наблюдается широкое использование сразу нескольких пород камня. Что касается источников каменного сырья, то они делятся на первичные – места выхода коренных пород, и вторичные – где сырье аккумулировалось в процессе неоднократного переноса на значительное расстояние от его месторождений. Примерами таких источников являются речные и морские галечники, конгломераты, пролювиальные отложения и т.п.

На исследуемой территории Западного Прикаспия (Юго-Восточный Дагестан) в большом количестве качественное каменное сырье (прежде всего кремень) отсутствует как в первичном, так и во вторичном залегании. Отсутствие этого жизненно необходимого природного ресурса явилось основным фактором для заключения о том, что данная территория посещалась древним человеком крайне редко и на непродолжительное время. В связи с этим возможность обнаружения здесь стоянок раннего палеолита крайне маловероятна. Однако комплексные исследования, проведенные в последнее десятилетие на территории Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан), позволяют утверждать обратное. В ходе работ было обнаружено и изучено более десяти разновременных палеолитических памятников. Наиболее значимыми для изучения каменных индустрий раннего палеолита из них являются многослойные стратифицированные стоянки Дарвагчай-Залив-1 (комплекс 4) и Дарвагчай-Залив-4 (слои 3 и 5), а также местонахождения Дарвагчай-Залив-2 и Дарвагчай-Карьер-1 [Рыбалко, 2017, с. 32–40; Рыбалко, 2020, с. 199–205].

Петрографическое изучение коллекций артефактов памятников и сопровождающего их галечного материала проводилось канд. геол.-минерал. наук. Н.А. Кулик. Для исследования использовались материалы, полученные в процессе раскопок (каменные артефакты и залегающие вместе с ними гальки и обломки), русловой галечник р. Дарвагчай и ее левого притока р. Барзанчай, а также галечно-гравийные материалы из карьеров и естественных обнажений в районе Геджухского водохранилища. Кроме того, привлекались письменные источники по геологическому строению исследуемого района [Голубятников, 1940].

Анализ сырьевых источников показал, что в районе стоянок имеется несколько основных типов горных пород, которые в разной степени использовались для изготовления каменных орудий. Это две разновидности кремня (желвачный кремень и пластовый полосчатый кремень по известковистым песчаникам), кремнистый известняк наружной части кремневых желваков и слабоокремненный известняк, а также средне- и мелкозернистые песчаники.

Добыча каменного сырья не требовала от обитателей стоянок больших усилий. Данные горные породы в виде галек и разной степени окатанных обломков в изобилии встречаются в естественных и искусственных обнажениях в центральной части склона и у основания древнекаспийской террасы в непосредственной близости от местонахождений. Именно этим, прежде всего, можно объяснить высокую плотность палеолитических памятников на небольшой территории Дарвагчайского геоархеологического района.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что весь кремень и окремненный известняк имеет один источник. По геологическим данным, первичным источником данных видов сырья могли быть верхнемеловые песчанистые известняки с линзовидными прослоями кремней в коньякском ярусе. Эти коренные отложения встречаются на водоразделе в истоках рек Дарвагчай и Рубас. В виде галечного материала кремнистые известняки верхнего мела характерны для отложений речных террас бакинского времени, куда они попали при размыве кусарской свиты апшеронского возраста [Голубятников, 1940].

Тонко- и среднезернистые песчаники темно-серого, черного и темно-зеленого цвета не встречаются в меловых отложениях, в которых находятся истоки р. Дарвагчай и его составляющей р. Барзанчай. Однако они известны западнее этой полосы мела, в отложениях юры, в истоках р. Рубас и зафиксированы в конгломератах бакинского горизонта в среднем и нижнем течении. На территории Дарвагчайского геоархеологического района они могли появиться как результат размыва и переноса расположенных южнее более ранних отложений, содержавших терригенный материал прямого размыва осадочных пород юры (кусарская свита), вследствие приливно-отливной миграции галечного материала вдоль береговой линии – такая миграция хорошо известна для Каспийского моря. Вероятно, этим объясняется относительно редкая встречаемость этого вида сырья в коллекциях артефактов и галечно-гравийных отложениях естественных и искусственных обнажений в районе памятников.

Поскольку вследствие неотектонических движений разрушение юрско-меловых отложений в этом регионе происходило на протяжении всего неогена, массовый снос обломочного материала с водораздельной гряды также происходил неоднократно. Это означает, что представленные разновидности горных пород, составляющие основу сырьевой базы каменных индустрий, могли попасть на территорию Дарвагчайского геоархеологического района как непосредственно при продолжавшемся размыве меловых толщ в истоках р. Дарвагчай во время формирования геологических горизонтов памятников, так и вследствие размывания и переноса постмеловых отложений. Последнее следует из того, что восточнее слияния с р. Барзанчай р. Дарвагчай прорезает континентальные и морские отложения акчагыла, сложенные конгломератами, галечниками, песками, глинами, суглинками и пеплами. В этих же породах локализовано и Геджухское водохранилище.

Таким образом, источниками галечного сырья в отложениях, синхронных времени формирования горизонтов памятников, могли быть разрушения и последующий многократный размыв и перенос юрско-меловых толщ с образованием в итоге конгломератов и галечников в период бакинской и уруджикской трансгрессий, а также пролювиально-аллювиальных горизонтов в более позднее время.

Следы соударения в водной среде на галечной поверхности свидетельствуют о том, что образование гальки происходило в водном потоке. Отсутствие таких следов на окатанных поверхностях артефактов, а также явная «сошлифовка» сохранившихся на желваках остатков слабо окремненного известняка означает, что повторное окатывание материала, уже на территории Дарвагчайского района, происходило не в направленном водном потоке, а в среде, исключавшей резкие и сильные соударения. Присутствие в ракушняках, включающих артефакты, большого количества окатанных и угловатых песчинок кварца позволяет считать, что такая абразия происходила в водно-песчаной взвеси в приливно-отливной пляжной зоне.

Как уже отмечалось выше, для изготовления артефактов в основном использовались три вида горных пород. Остановимся на их характеристиках поподробнее.

Кремень представлен двумя разновидностями. Наиболее распространенным является кремень серого цвета, представленный кремневыми желваками (кремень I типа) из известняков мелового возраста. Твердость – 6,5–7 по шкале Мооса. Сырье слабо просвечивающееся, с большим количеством окремненных палеонтологических остатков. На поверхности желваков сохранились остатки слабо окремненного известняка, вмещающего кремни, напоминающего кору выветривания, что хорошо видно в коренном залегании. Исследование кремней I типа в коренном залегании и материала из осыпей у подножия выходов известняков с их включениями показал, что кремни, особенно более крупные желваки, оскольчато-трещиноваты еще в известняках. Уже на удалении 1,5 км от коренного залегания они превращаются в угловатые обломки, ребра и вершины которых усеяны большим количеством мелких сколов. Таким образом, обломки кремня поступали в перенос уже угловатыми и продолжая раскалываться, сохраняли угловатость, несмотря на транспортировку мощным (судя по степени забитости вершин и ребер желваков) водным потоком. При транспортировке происходило также обкалывание более мелких осколков, что видно по большому разбросу степени окатанности их ребер. Следов соударения в водном потоке на сколовых поверхностях артефактов не наблюдается. Отмечаемая в ряде случаев разная притупленность ребер свя-

зана не с процессом окатывания, а с разным качеством кремня (твердостью) на разных частях желвака – иногда одно и то же ребро немного сглажено, но переходя в более чистый и однородный кремень, становится острым.

Второй сорт кремня красновато-розового или красновато-коричневого цвета. Это окремненный известковистый среднезернистый песчаник или сильно песчанистый известняк, из окремненных пластовых тел (кремни II типа). Твердость – 6–7 по шкале Мооса. Хорошо прослеживается полосчатость – чередование более песчанистых и более известковистых прослоев исходной породы. Кремни второго типа раскалываются на плоские обломки (плитки) в соответствии с унаследованной первичной слоистостью, включают остатки слабо окремненной породы и пустоты выщелачивания. Такой кремень характерен для галечно-гравийных отложений на правом борту Геджухского водохранилища и вследствие многочисленных внутренних дефектов для изготовления артефактов использовался редко.

Также стоит отметить, что крайне редко встречается хороший халцедоновый кремень светло-серого цвета. Исходя из того, что такое сырье встречается в инвентаре стоянок почти всегда в виде единичных хорошо оформленных изделий, он высоко ценился изготовителями каменных орудий и вероятно имел импортное происхождение.

Общее впечатление от кремневого сырья следующее – сырье плохое, трещиноватое, при раскалывании не дает удлиненных заготовок, снятия укороченные, часто прерывистые с заломами из-за трещин. Эти трещины образовались в результате тектонических процессов, когда кремни находились еще в коренном залегании. В индустриях раннего палеолита использовался преимущественно серый желвачный кремень (I типа), который по сравнению с пластовым (II типа) более качественный, однородный и менее трещиноватый.

Известняк присутствует окремненный (твердость до 5 по шкале Мооса) и не окремненный (до 3,5 по шкале Мооса). Окремненный известняк, встречающийся в большом количестве в виде галек крупных и средних размеров, мог служить хорошим сырьем для орудий, не требующих очень высокой твердости. Он представляет собой пластичную (без внутренней трещиноватости) и достаточно твердую породу, что определяет его большую пригодность для системного расщепления и оформления сложных орудий. Не окремненный известняк для изготовления орудий практически не использовался.

Песчаник равномерно средне- и мелкозернистый темно-серого, черного и серо-зеленого цвета. Хорошо выраженная линейность в расположении зерен, слоистость не наблюдается, очень однородный по составу и размеру зерен, общая твердость 6 и выше по шкале Мооса. В составе преимущественно кварц. В районе памятников встречается довольно редко в виде хорошо окатанных галек крупных и средних размеров. Как и известняк, песчаник использовался, в основном, для изготовления ашельских макроорудий.

Анализ коллекций ашельских памятников Дарвагчайского геоархеологического района показал, что данные индустрии основаны на использовании преимущественно кремня (84 %), намного реже известняка (10 %) и песчаника (6 %). Вместе с тем, облик извлеченных артефактов и особенности их залегания определили необходимость развернутого петрографического изучения как археологической коллекции, так и сопровождающего галечного материала, связанного с оценкой возможностей использования каменного сырья, определения его качества и внутренних свойств.

Петрографический состав коллекций, как уже упоминалось, свидетельствует, что подавляющее большинство артефактов выполнено из желвачного кремня (кремень I типа), на долю же полосчатого кремня (кремень II типа), известняка и песчаника приходятся единичные изделия. Это позволяет утверждать, что весь использовавшийся кремень имеет единый источник. Дальнейшие исследования позволили установить, что каменное производство на памятниках основано на кремне, выходы которого связаны с меловыми известняками, слагающими водораздельные хребты у истоков реки Дарвагчай и ее левого притока р. Барзанчай. Наблюдения над кремнями в естественном залегании показали, что важнейшим фактором, влияющим на их качество, является многократное проявление крупных тектонических нарушений, приводивших к появлению в желваках кремня скрытой трещиноватости. При этом, если крупные обломки не успевали расколоться вследствие переноса, то, оставаясь трещиноватыми, являлись сырьем плохого качества с точки зрения пригодности для производства артефактов. Сохранение же в качестве сырья крупного размера не трещиноватых желваков кремня было возможно лишь поблизости от места их коренного залегания вне тектонических зон, т.е. там, где кремень не подвергался напряжениям и не испытал дробления при водном переносе.

Таким образом, можно констатировать, что кремневое сырье, используемое на памятниках, отличается большим количеством внутренних дефектов, в первую очередь, трещиноватостью, что при раскалывании не позволяет получить протяженных заготовок, сколы часто прерываются трещинами

и имеют неровные очертания. Длительный многократный перенос, с одной стороны, отсеивал часть некачественного сырья, разбивающегося при соударениях в водном потоке, с другой, предопределял преимущественно мелкие размеры кремневых галек. Следовательно, форма и размеры артефактов в большой мере зависели от формы, размеров и внутренних дефектов естественных заготовок, использовавшихся в качестве исходного сырья. Сырьевые ограничения, возможно, в значительной степени повлияли на широкое использование для изготовления орудий несколовых основ, и вместе с тем дополнительно осложнили их идентификацию. Это связано с тем, что используемый кремень изначально колется очень «артефактоподобно», а длительный перенос часто сопровождался образованием мелкой «псевдоретуши» на тонких краях предметов, а также возникающими при перемещении обломков «забитостями» и «выемками» на их ребрах и вершинах.

Низкосортность значительной части кремневого сырья, безусловно, огрубляла облик изготовляемых из него орудий. Как и в большинстве других, преимущественно моносырьевых индустриях, в ашельских материалах Дарвагчайского района имеются немногочисленные изделия из иного, нежели основная порода, сырья. Эти изделия представлены главным образом макроорудиями.

Технология производства макроорудий, являющихся главным маркером ашельских индустрий, в представленных комплексах была основана на обработке подходящих по размеру и форме галек таких пород, как песчаник, кремень и известняк [Рыбалко, 2020, с. 199–205]. Фактор сырья играл очень важную роль. При всей вариабельности его можно разделить на два основных типа, обладающих разными физическими свойствами (прочность, пластичность, трещиноватость, характер излома). Все крупные тщательно оформленные макроорудия изготовлены исключительно из песчаника и известняка (как правило, в разной степени окремненного). Из кремня выполнены в основном невыразительные плохо оформленные мелкоразмерные орудия (часть пиков и все рубильца). Таким образом, размеры, приемы и интенсивность обработки данных орудий демонстрируют прямую зависимость от типа сырья, следовательно, в данном случае можно говорить о хорошо выраженном избирательном подходе.

Список литературы

Голубятников В.Д. Геология и полезные ископаемые третичных отложений Дагестана. – М.: Госгеолиздат, 1940. – 220 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. – 108 с.

Рыбалко А.Г. Раннепалеолитические индустрии ашельского облика на территории Дагестана // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – Т. 16. – № 5. – С. 32–40.

Рыбалко А.Г. Основные типы макроорудий в ашельских комплексах Юго-Восточного Дагестана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020 – Т. XXVI . – С. 199–205.

References

Golubyatnikov V.D. Geologiya i poleznye iskopaemye tretichnykh otlozheniy Dagestana. Moscow : Gosgeolizdat, 1940, 220 p. (In Russ.).

Lyubin V.P., Belyaeva E.V. Rannyaya preistoriya Kavkaza. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006, 108 p. (In Russ.).

Rybalko A.G. Main Types of Macrotools in the Acheulean Complexes of Southeastern Dagestan In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXVI, pp. 199–205. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.199-205.

Rybalko A.G. Rannepaleoliticheskie industrii ashelskogo oblika na territorii Dagestana. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Series: *Istoriya, filologiya*, 2017, vol. 16, No. 5, pp. 32–40. (In Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Кулик Н.А. https://orcid.org/0000-0002-2641-5517

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0238-0245
УДК 903.01

Е.П. Рыбин[1]✉, Д.В. Марченко[1], Ц. Болорбат[2], А.М. Хаценович[1], Д. Базаргур[2], А.М. Клементьев[1,3], П.С. Кравцова[1], Г. Маргад-Эрдэнэ[4], И.Д. Долгушин[1], Б. Гунчинсурэн[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3] Институт земной коры СО РАН,
Иркутск, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

Изучение палеолитических стоянок в долине р. Их-Тулбурийн-гол (Толбор) в Северной Монголии в 2021 году

В статье представлены результаты археологических раскопок стоянок Толбор-21 и Толбор-4, расположенных в долине р. Их-Тулбурийн-гол (Толбор), правого притока р. Селенги, находящегося в Северной Монголии. Сообщается об основных результатах возобновленных в 2021 г. раскопок многослойной стоянки Толбор-21, в седиментах которой содержатся свидетельства человеческого заселения на протяжении основных стадий верхнего палеолита. Основное внимание в статье уделяется стратиграфии, пространственному распределению находок, информации о фаунистическом составе и представлению основной информации о каменных артефактах, которые были получены в результате продолжающегося изучения площади раскопа 2, расположенного в восточной части стоянки. Полученные предварительные результаты демонстрируют свидетельства поселенческой активности во время накопления седиментов археологического горизонта 4, относящегося к этапу начального верхнего палеолита, эксплуатации фаунистических ресурсов, представленных крупными и средними травоядными животными, а также структурированного использования жилого пространства стоянки. Также приводятся основные характеристики шести археологических горизонтов стоянки и представляется описание впервые для этого памятника выявленной хозяйственной ямы. Кроме того, в статье приводятся итоги нового цикла исследований стоянки Толбор-4, начатого в 2017 г. и продолженного в 2021 г. Эта стоянка является опорным археологическим объектом для понимания культурной последовательности каменных индустрий верхнего палеолита на территории Северной Монголии. Целью новой фазы исследований стоянки Толбор-4 являлось уточнение стратиграфии стоянки, получение OSL-дат и новой серии радиоуглеродных датировок.

Ключевые слова: *верхний палеолит, Центральная Азия, Монголия, стратиграфия, планиграфия, хронология.*

E.P. Rybin[1]✉, D.V. Marchenko[1], T. Bolorbat[2], A.M. Khatsenovich[1] , D. Bazargur[2], A.M. Klementiev[1,3], P.S. Kravtsova[1], G. Margad-Erdene[4], I.D. Dolgushin[1], B. Gunchinsuren[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia
[4]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybep@yandex.ru

Studies of Paleolithic Sites in Ikh-Tulberiin-gol River Valley (Northern Mongolia) in 2021

The authors present results of excavations of the Tolbor 21 and Tolbor 4 sites, situated in the Tolbor River valley, a tributary of the Selenga River, Northern Mongolia. In 2021, studies of the multilayered Tolbor-21 site that documents human habitation throughout the Upper Paleolithic were resumed. We focus on the stratigraphy, spatial distribution of the finds, zooarcheological data and description of lithic artifacts recovered from the continuing excavation of Pit 2 in the eastern part of site. Preliminary results presented here provide the evidence of residential activity during accumulation of the Initial Upper Paleolithic horizon 4, the exploitation of medium/large herbivores, and a potential structured use of space. We present the division of the site cultural sequence into 6 horizons and description of a newly discovered storage pit. We also provide the overall results of studies at the multilayer Tolbor-4 site carried out in 2017 and 2021. The site is the key object for understanding the Upper Paleolithic sequence of lithic industry development in northern Mongolia. The goal of the new phase of research in 2021 was to clarify the site stratigraphy and collect samples for new series of radiocarbon and OSL dates.

Keywords: *Upper Paleolithic, Central Asia, Mongolia, stratigraphy, spatial distribution, chronology.*

После трехлетнего перерыва были возобновлены исследования крупнейшего в восточной части Центральной Азии кластера стратифицированных палеолитических памятников, расположенных в Северной Монголии в долинах правых притоков р. Селенги реках Их-Тулбурийн-гол (Толбор) и Харганын-гол. На данный момент в этих двух долинах известно 64 памятника каменного века [Рыбин и др., 2018; Gillam et al., 2019]. Все стоянки расположены в пределах 10 км протяженности этих соседних долин. Стоянки находятся в идентичных условиях – они расположены на пологих подгорных склонах, имеющих южную или близкую к ней экспозицию, ограниченных распадками сезонных и постоянных водотоков, выходящих в основную долину и сложенных полигенетическими седиментами позднего плейстоцена – голоцена. В пределах нескольких сотен метров от расположения стоянок находятся выходы каменного сырья. В этих условиях представлена наиболее полная и надежно датированная хроностратиграфическая колонка комплексов палеолита Монголии, от среднего палеолита до финала позднего палеолита [Gladyshev et al., 2012, Khatsenovich et al., 2017, Zwyns et al., 2019, Rybin et al., 2020]. На материалах этих объектов возможна реконструкция целого ряда важнейших культурных событий позднего плейстоцена не только этого небольшого региона, но и Центральной Азии и Южной Сибири, в частности, реконструкция характера адаптаций верхнепалеолитического населения, а также хронологии и характера смены культурных традиций человеческих популяций ранних стадий верхнего палеолита и периода максимума последнего оледенения. В связи с этим особенный интерес представляют исследования двух стратифицированных объектов. Стоянка Толбор-21, изучавшаяся на протяжении 2014–2017 гг., представляет исключительный, для долины Толбора, где представлены в основном мастерские на выходах сырья, пример поселенческого комплекса начальной стадии верхнего палеолита (далее НВП) [Rybin et al., 2020]. Однако этот памятник был исследован на небольшой площади, что препятствует пониманию его планиграфической структуры. В отложениях стоянки Толбор-4, исследовавшейся в 2004–2006 гг., изучены представительные и выразительные комплексы каменных индустрий, отражающие все основные этапы развития верхнего палеолита [Деревянко и др., 2006]. Вместе с тем хронометрические определения показывают наличие инверсий и существенного хронологического разброса дат для одних и тех же культурных слоев, а также различия в культурных характеристиках слоев на разных участках памятника, что требует уточнения стратиграфии и хронологических позиций слоев с помощью нового цикла датирования.

Памятник Толбор-21 находится в средней части долины р. Их-Тулбурийн-гол между стоянками Толбор-15 и Толбор-16, на пологом склоне, сформированном полигенетическими седиментами. Высота над уровнем моря составляет 1089 м. В непосредственном соседстве от стоянки присутствуют выходы метаморфизованных осадочных пород – силицитов.

Жилое пространство НВП-слоя Толбор-21 (гор. 4, раскоп 2, 40 000 – 42 000 кал. л.н.) находилось в восточной части стоянки, вскрытой раскопом 2 на площади 12 м^2. Эта территория освещается солнцем на протяжении всего дня, с нее открывается широкий обзор на долину реки. В археологическом горизонте 4 были выявлены два уровня залегания артефактов, связанных с кострищами, расположенными горизонтально относительно угла падения склона. Перепад глубин между основаниями кострищ составляет 5 см. Кострища сложены тонким (ок. 1 см) красным прокаленным слоем и слоем темно-коричневых супесчаных отложений, насыщенных угольными примазками. Мощность

кострищ варьирует от 5 до 10 см, с ними связаны кости и артефакты, некоторые из которых испытали термическое воздействие, а также персональные украшения. Камни из коренной породы формируют у одного из кострищ фрагментарную линию обкладки. На этой территории осуществлялись повторяющиеся циклы заселения, связанные с использованием огня, употреблением в пищу крупных копытных животных. Все четыре вида крупных млекопитающих (шерстистый носорог, лошадь, кулан, як), которые были определены на данном участке, относятся к группе степных обитателей [Rybin et al., 2020]. Исходя из распределения и характера следов человеческого воздействия на кости, была идентифицирована разделка туш животных с целью получения мяса, костного мозга и жира, происходившая непосредственно на стоянке. Подавляющее большинство фаунистических остатков, и, в частности, все кости, модифицированные человеком, были найдены около кострищ, при этом обожженные кости отсутствуют. На этом же участке обнаружены каменные инструменты, которые могли служить для охоты (остроконечники, в т.ч. бифасиальные) и разделки добычи (скребла-ножи). Также сюда приносились подготовленные для регулярного расщепления нуклеусы, которые раскалывались на этом участке. Реконструируемая нами картина жизнедеятельности человека в специфических условиях одного из немногих сохранившихся фрагментов поселенческих систем и способов получения сырья показывает существование зонирования освоенной территории.

В 2021 г. с целью продолжения изучения планиграфической структуры жилого участка стоянки было заложено продолжение раскопа 2 на площади 9 м^2. Раскоп был прирезан непосредственно к изученной в 2016–2017 гг. площади с запада и распространялся в сторону центральной части склона.

В разрезе отложений раскопа 2 2021 г. было выделено три литологических слоя, вскрытых на глубину до 190 см. В них было зафиксировано 5 культурных горизонтов (описание дается по южной стенке раскопа, видимая мощность которой достигает 140 см) (рис. 1).

Слой 1 (мощность 10–20 см). Современная почва каштанового цвета. Включает в себя культурные остатки горизонта 1.

Слой 2 (мощность 50–60 см). Состоит из двух литологических горизонтов: верхний 2А, имеет белесый цвет и сцементированную структуру, мощность составляет 10–15 см. Выделяется два уровня залегания материала, первый связан с кровлей слоя, второй, с которым связана основная концентрация материала, находится в средней части слоя на глубинах от 20 до 25 см ниже границы со слоем 1. Эти отложения представляют собой светло-желтые лессовидные супеси с включениями слабоокатанного мелкого гравия.

Слой 3 (50–60 см, видимая мощность). Сложен ламинарными иловатыми и лессовидными седиментами, сформированными прослойками белесых иловатых отложений, представляющих собой переработанный карбонатизированный лесс, суглинков и песков, с различной долей содержания гравия

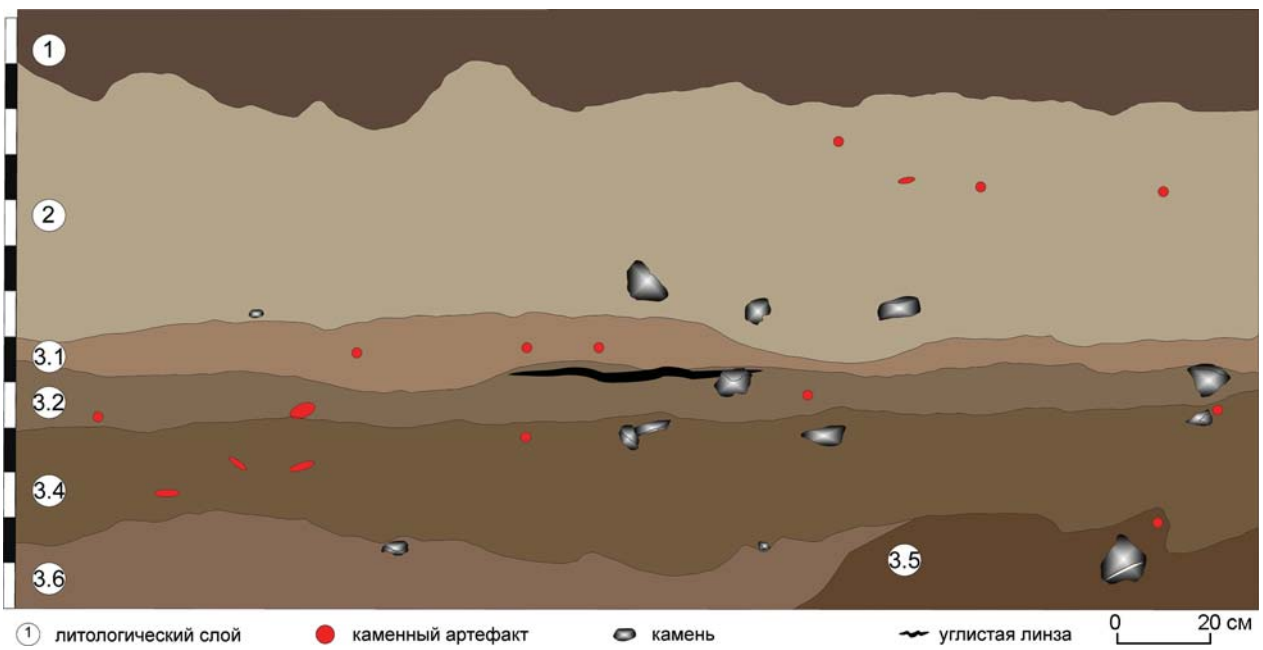

Рис. 1. Стоянка Толбор-21, работы 2021 г. Схематический стратиграфический разрез южной стенки раскопа 2.

и щебня. Границы слоев неровные, испытавшие на себе воздействие склоновых процессов – плоскостного смыва и низкоэнергетического движения седиментов. Выделяется несколько литологических горизонтов.

3.1 и 3.2 (общая мощность около 20 см). Представляют собой карбонатизированные коричневатые плотные ламинарные отложения (гор. 3.1.) и более светлые, рыхлые, с более выраженной слойчатостью седименты (гор. 3.2). С этими литологическими подразделениями связаны находки культурного горизонта 3, основной уровень залегания которого приходится на кровлю литологического гор. 3.2 и маркируется пятнами углистых прослоев.

3.3. Выделенный ранее в восточной части раскопа 2, этот горизонт отсутствует на данном участке.

3.4 (мощность 20–25 см). Представляет собой чередование светлых темно-коричневых солифлюцированных ламинарных иловатых отложений с включениями щебня и местного глыбовника, обозначающего верхнюю границу горизонта. Включает в себя культурные остатки археологического горизонта 4. В нем выделяется два уровня концентрации материала. Первый связан с камнями, залегавшими в кровле слоя, второй – с основанием горизонта на глубине 120 см от дневной поверхности.

3.5. Темно-коричневый опесчаненный суглинок, мощностью до 40 см, локализован в юго-восточном углу раскопа, врезается в седименты литологического горизонта 3.4 и 3.6. Содержит комплекс археологического горизонта 4/5.

3.6. (мощность 10–20 см). Ламинарный опесчаненный иловатый слой с выраженными прослоями палевых и коричневатых седиментов. Включает находки археологического горизонта 5.

Состав археологических ассамбляжей, их распределение по площади раскопа демонстрирует как различное по своим поселенческим характеристикам заселение площади стоянки, так и последовательные изменения облика материальной культуры человеческих популяций стоянки Толбор-21. Общее количество каменных артефактов, как индивидуально зафиксированных (размером больше 3 см), так и полученных в ходе просева отложений, составляет 7634 экз.

В это число входят артефакты из следующих подразделений: археологический горизонт 1 – количество находок составило 176 артефактов. Это маловыразительный комплекс, отражающий краткосрочное, эфемерное заселение и относящийся к раннему голоцену.

Археологический горизонт 2, до сих пор не датированный, представлен 1947 артефактами. Исходя из технико-типологических особенностей комплекса, он может быть отнесен к началу МИС 2 – финалу МИС 3. Ассамбляж, скорее всего, относящийся либо к средней стадии верхнего палеолита, либо к терминальной стадии раннего верхнего палеолита, составляет отщеповую индустрию с элементами мелкопластинчатого производства, представленного ядрищами для производства пластинок, в т.ч. подпризматическим кареноидным нуклеусом. Фаунистические остатки неизвестны в этом комплексе, однако обнаруженный в слое фрагмент скорлупы яйца страуса дает надежду на радиоуглеродное датирование этого комплекса.

Археологический горизонт 3 (1849 артефактов) имеет радиоуглеродную дату (37000–38000 кал. л.н.), позволяющую отнести его к началу раннего верхнего палеолита. В ассамбляже фиксируется преобладание пластин небольших размеров, в т.ч. пластинок, преимущественно плоскостная технология расщепления, основанная на эксплуатации галек относительно небольших размеров с многочисленными дефектами внутренней структуры. Орудийный набор представлен в основном ретушированными сколами, а также характерными для данного этапа концевыми скребками и шиповидными орудиями.

Наиболее насыщенный и многочисленный археологический горизонт 4 (3158 артефактов) относится к финалу НВП. В нем выделяется два уровня залегания находок, вероятно, отражающих два цикла заселения памятника. В верхнем горизонте отмечается наличие скоплений нуклеусов, что в целом типично для поведения популяций, населявших территорию памятника во время НВП. В расчете на дальнейшее использование сюда приносились ядрища, находившиеся в начальной стадии подготовки. Подобные скопления выделяются на всей площади стоянки. Также в этом субгоризонте, в квадрате К13 была обнаружена подвеска из мягкого камня красноватого цвета. Предмет имеет грушевидную форму, он уплощен с помощью намеренных операций, следы которых отчетливо прослеживаются на поверхности предмета. На узком конце подвески с помощью биконического сверления образовано отверстие. Следует отметить, что при предыдущих раскопках на этом же уровне, на этом же участке раскопа площадью около 3 м^2 были обнаружены 4 подвески, одна из которых была изготовлена из скорлупы яйца страуса, а три других – из мягкого камня – серпентенита, сепиолита и графита [Рыбин и др., 2017а]. Плотность артефактов значительно падает в нижнем субгоризонте. В этом комплексе фиксируются крупные пластины и подпризматические нуклеусы, типичные для НВП. Основная масса археозоологического материала извлечена из 4 слоя. Здесь найдены остатки челюстных костей от молодой особи *Equus ferus*, поскольк-

ку имеются фрагменты зубов молочной генерации. Нижние предкоренные зубы имеют довольно мелкие размеры (длина 31,5 и 28,7 мм), асимметричную двойную петлю и отсутствие контакта истма и шейки двойной петли.

К отдельному, не фиксировавшемуся ранее археологическому горизонту 4/5 отнесен комплекс, происходящий с участка, расположенного на площади 1,5 м^2 в квадратах I, J11 (рис. 2). При разборке литологического горизонта 3.4 было выявлено пятно темно-коричневых суглинков (горизонт 3.5), в котором была обнаружена повышенная относительно остальной площади археологического горизонта 4 концентрация каменных артефактов (219 артефактов) и фаунистических остатков (всего 43 экз., при этом в двух субгоризонтах гор. 4 на всей территории раскопа 2 2021 г. было обнаружено 119 экз. фаунистических остатков). Верхнюю границу объекта маркируют находки зубов лошади и каменные глыбы, зафиксированные на поверхности раскопа непосредственно перед появлением более темных седиментов заполнения ямы. Выборка ямы производилась уровнями по 2 см, ее борта зачищались до границы с более светлыми иловато-супесчаными отложениями слоя 5. Более темное пятно располагалось в верхней части заполнения ямы у южной стенки. После выборки заполнения ямы проявилась ее форма: вытянутая овальная в плане, ее южное окончание уходит в стенку раскопа; борта практически вертикальные, с небольшим уклоном к дну раскопа. Следует отметить также субгоризонтальное положение артефактов, резко отличающееся от взвешенного положения артефактов в археологическом горизонте 5. Форма и наполненность ямы артефактами и, что еще важнее, фаунистическими остатками, значительно более редкими на всей остальной площади раскопа, позволяют идентифицировать объект как прослеживаемую планиграфическую структуру антропогенного характера. Индустрия, содержащаяся в этом углублении, имеет выраженный крупнопластинчатый характер, включая тронкированное-фасетированное изделие, выполненное на самой крупной в индустрии Толбора-21 пластине длиной около 18 см. Необычен состав фаунистического набора. Наиболее интересна находка фрагмента рога благородного оленя в археологическом горизонте 4/5. До сих пор этот вид оленя не был известен для группы толборских пале-

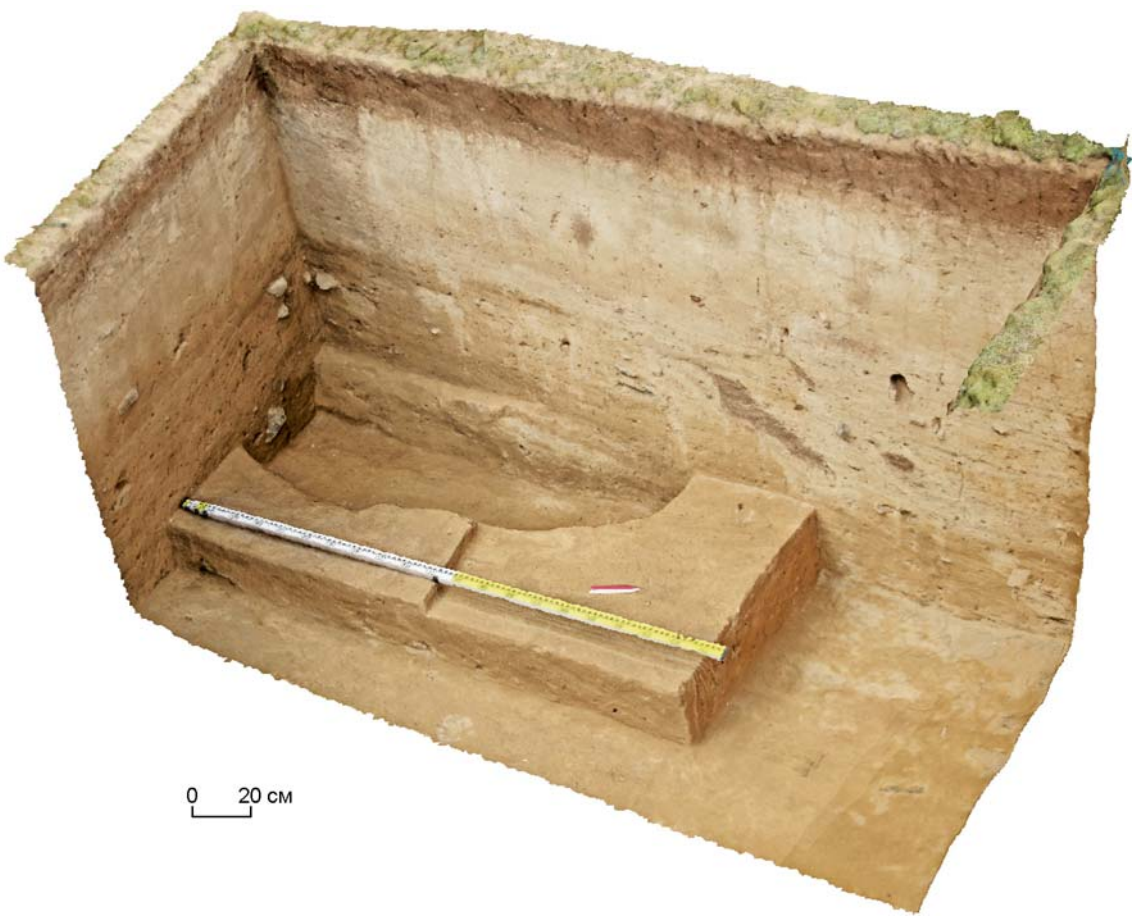

Рис. 2. Стоянка Толбор-21, работы 2021 г. Трехмерный вид раскопа 2, яма в археологическом горизонте 4/5.

олитических местонахождений. Благородного оленя можно обозначить как лесостепной компонент палеолитической фауны долины Их-Тулбурийн-гол при том, что все ранее известные виды относились к обитателям открытых степей-полупустынь. Таким образом, мы предварительно определяем комплекс горизонта 4/5 в планиграфическом отношении как хозяйственную яму. Отобранные образцы для проведения радиоуглеродного анализа позволят определить более точную хронологическую позицию этого объекта.

В отличие от раскопок прежних лет, когда общее количество находок не превысило 30 артефактов, комплекс археологического горизонта 5, фиксирующего наиболее ранний этап заселения долины Толбора в начале верхнего палеолита (ок. 45000 кал. л.н.), представлен относительно многочисленной коллекцией – 285 артефактов, включающих типологически выраженные нуклеусы и орудия.

В 2021 г. были завершены раскопки участка стоянки Толбор-4. Культурная последовательность этой стоянки стала рассматриваться как опорная для верхнего палеолита Северной Монголии [Gladyshev et al., 2012]. Как и другие объекты долины, стоянка располагалась на пологом склоне с юго-восточной экспозицией, невдалеке от выходов сырья. Изучению подвергся участок раскопа 2006 г., на площади 3 м^2. Исследования этого участка, начатые в 2017 г., не были доведены до конца [Рыбин и др., 2017б]. Работы 2021 г. позволили получить полный разрез культурных отложений на глубину до 150 см, включая отбор полного спектра естественнонаучных анализов.

Суммарный разрез 2017 и 2021 г. дал следующую стратиграфию отложений этого памятника (западная стенка) (рис. 3).

Слой 1. Комплекс голоценовых почв. Включает в себя артефакты археологического горизонта 1.

Слой 2. Лессы с включением гравия (10–20 см). Включает в себя артефакты археологического горизонта 2.

Слой 3. Рыхлые коричневатые иловатые супеси (5–20 см). Включает в себя артефакты археологического горизонта 3.

Слой 4. Линзы солифлюциированных лессовидных отложений, верхние границы обозначают-

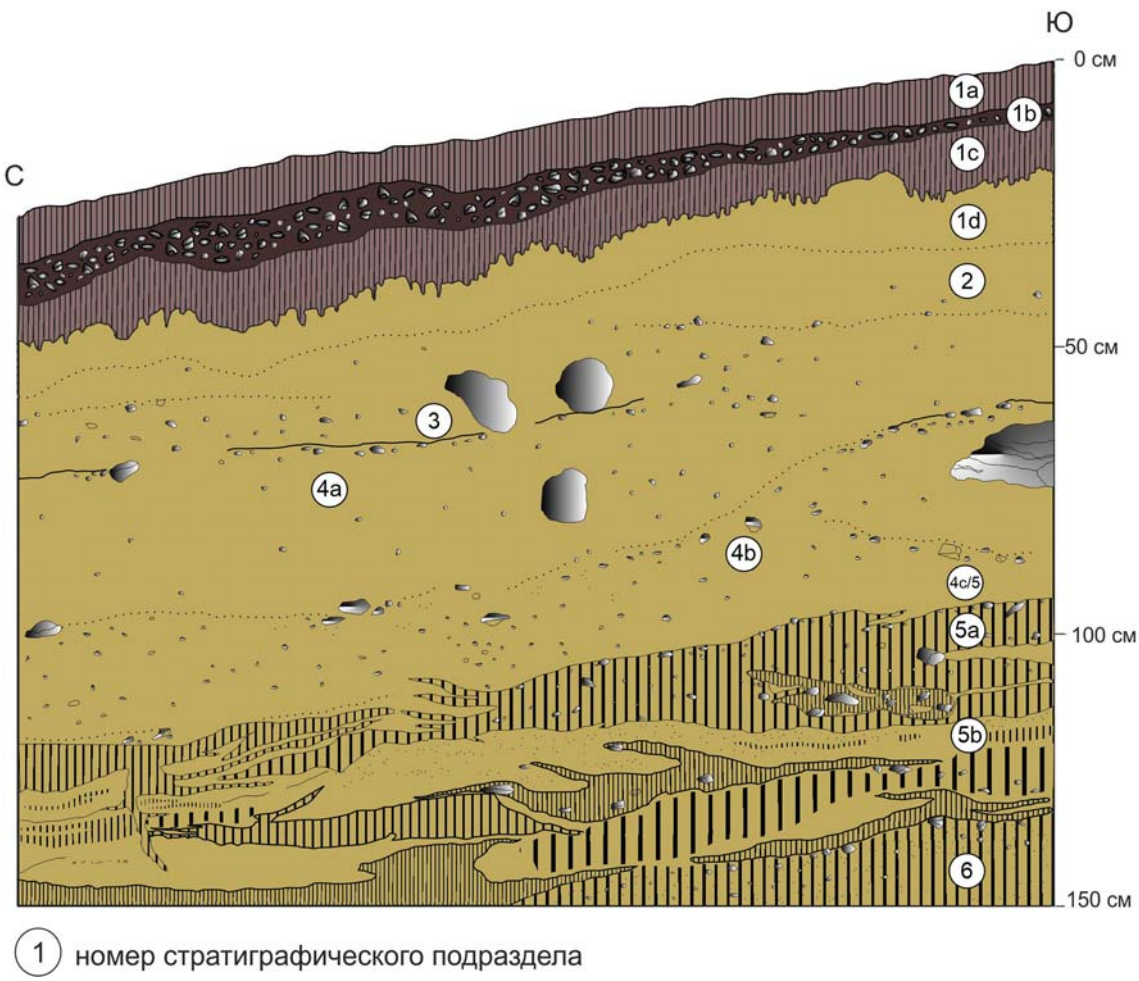

Рис. 3. Стоянка Толбор-4, работы 2017 и 2021 г. Схематический стратиграфический разрез западной стенки раскопа.

ся прослоями глыбовника и плиток местных пород (до 50 см). Включает в себя артефакты археологических горизонтов 4a и 4b. Основание этих отложений маркируется желтовато-коричневым прослоем плотной супеси с горизонтально залегающим гравием мощностью 5–7 см. Прослой содержит артефакты археологического горизонта 4c/5.

Слой 5. Плотные белые и коричневые слойки солифлюциированных иловатых отложений с редкими включениями гравия и желваков. Общая мощность до 40 см. Включает в себя два подразделения – горизонты 5a и 5b.

Слой 6. Рыхлые серые солифлюциированные иловатые супеси с включением гравия. Видимая мощность – 30 см.

Таким образом, нумерация и порядок литологических слоев раскопанного в 2017 г. участка близка описанным для раскопа 2006 г. [Коломиец и др., 2009], при этом количество, мощность и расположение культурных слоев имеют различия. Археологические горизонты 5a и 5b, а также 4c/5 оказываются включенными в один литологический слой. Также в пределах одного литологического слоя находится другой сдвоенный горизонт – 4b и 4a. Седименты представлены почвами, лессами, переработанными лессами и ламинарными отложениями. Для этого разреза была получена новая серия пока не опубликованных радиоуглеродных датировок, которая дает последовательное, без инверсий, распределение дат, относящее горизонты 5 и 6 к наиболее ранним этапам НВП Монголии, маркируя устойчивое появление здесь верхнего палеолита возрастом около 45 тыс. л.н.

Заключение

В результате продолжающихся исследований палеолитических памятников долины Их-Тулбурийн-гол в Северной Монголии были получены результаты, позволившие расширить представления о способах организации поселенческих систем и жизнедеятельности палеолитических популяций начала верхнего палеолита, а также хроностратиграфической последовательности развития комплексов верхнего палеолита этой территории. Находка нового украшения в археологическом горизонте 4 позволяет очертить локальный участок стоянки с высокой концентрацией предметов неутилитарного назначения. Помимо уже известных для археологического горизонта 4 кострищ и каменных конструкций, а также участков приноса подготовленных нуклеусов, удалось определить существование предполагаемых хозяйственных ям, что подтверждает наши взгляды о сложных пространственных структурах освоения жилой территории стоянки, связанных с утилизацией охотничьей добычи и кратковременного заселения, а также редукции принесенных в расчете на дальнейшее использование нуклеусов. Работы на стоянке Толбор-4 позволили получить полную колонку дат для всех этапов верхнего палеолита, включая до сих пор слабо обеспеченные датировками наиболее ранние этапы НВП и финальные стадии раннего верхнего палеолита.

Благодарности

Полевые и аналитические исследования стоянки Толбор-21 проводились при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198. Полевые и аналитические исследования стоянки Толбор-4 проводились в рамках проекта РФФИ № 19-59-44010.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А. Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии: сб. ст. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 17–42.

Коломиец В.Д., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А. Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1(37). – С. 2–14.

Рыбин Е.П., Когай С.А., Хаценович А.М., Гунчинсурен Б., Ангарагдулгуун Г., Вольвах А.О. Разведки палеолитических памятников в среднем течении реки Харганын-гол (Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 155–159.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Звинс Н., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангарагдулгуун Г. Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 198–201.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Одсурен Д., Звинс Н., Лхундэв Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Хроностратиграфические исследования стоянки Толбор-4 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXIII. – С. 202–205.

Gillam J.C., Zwyns N., Izuho M., Gunchinsuren B., Lkhundev G. Upper Paleolithic Cultural Landscapes of

the Selenge Tributaries, Northern Mongolia // Abstracts of the 84th Annual Meeting of the Society for American Archaeology. – Albuquerque, NM, 2019. – Abstract Id: 25974.

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives // Quaternary International. – 2012. – Vol. 281. – P. 36–46.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Zotkina L.V., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Odsuren D., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Popov A.Y. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site // Quaternary International. – 2017. – Vol. 442. – P. 78 – 94.

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): site formation, human behavior and implications for the regional sequence // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 133–149.

Zwyns N., Paine C.H., Bolorbat T., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Angaragdulguun G, Lkhundev G., Odsuren D, Flas D., Dogandzic T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.C., Noyer J.B., Bakhtiarya R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Hublin J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia // Scientific Reports. – 2019. – Vol. 9. – e11759.

References

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A. Razvitie kamennyh industrij verhnego paleolita Severnoj Mongolii (po dannym stojanki Tolbor).In *Chelovek i prostranstvo v kul'turah kamennogo veka Evrazii: sb. st,* Novosibirsk, 2006, pp. 17–42. (In Russ.).

Kolomiets V.D., Gladyshev S.A., Bezrukova E.V., Rybin E.P., Letunova P.P., Abzaeva A.A. Prirodnaja sreda i chelovek v pozdnem neoplejstocene Severnoj Mongolii. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 1, pp. 2–14. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatenovich A.M., Gunchinsuren B., Zwyns N., Paine K., Bolorbat Ts., Odsuren D., Galfi J., Anoikin A.A., Margad-Erdene G., Marchenko D.V., Angaragdulguun G. New results of study of Tolbor-21 (Northern Mongolia). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017a, T. XXIII, pp. 198–201. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Paine K., Bolorbat Ts., Odsuren D., Zwyns N., Lhundev G., Margad-Erdene G. Chronostratigraphic investigation of Tolbor-4 site (Northern Mongolia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017b, T. XXIII, pp. 202–205. (In Russ.).

Rybin E.P., Kogai S.A., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Angaragdulguun G., Volvakh A.O. Survey of Paleolithic sites in the middle reach of Kharganyn-gol river (Mongolia) In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, T. XXIV, pp. 155–159. (In Russ.).

Gillam J.C., Zwyns N., Izuho M., Gunchinsuren B., Lkhundev G. Upper Paleolithic Cultural Landscapes of the Selenge Tributaries, Northern Mongolia. In *Abstracts of the 84th Annual Meeting of the Society for American Archaeology*. Albuquerque, NM, 2019, Abstract Id: 25974.

Gladyshev S.A., Olsen J.W., Tabarev A.V., Jull A.J. The Upper Paleolithic of Mongolia: Recent finds and new perspectives. *Quaternary International,* 2017, Vol. 281, pp. 36–46.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Zotkina L.V., Gunchinsuren B., Bolorbat T., Odsuren D., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Popov A.Yu. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site. *Quaternary International*, 2017, Vol. 442, pp. 78–94.

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): site formation, human behavior and implications for the regional sequence. *Quaternary International*, 2020, Vol. 559, pp. 133–149.

Zwyns N., Paine C.H., Bolorbat T., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Angaragdulguun G., Lkhundev G., Odsuren D., Flas D., Dogandzic T., Doerschner N., Welker F., Gillam J.C., Noyer J.B., Bakhtiarya R.S., Allshouse A.F., Smith K.N., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Hublin J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia. *Scientific Reports*, 2019, Vol. 9, e11759.

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Болорбат Ц. https://orcid.org/0000-0003-0176-7644
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Базаргур Д. https://orcid.org/0000-0003-2183-0591
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Долгушин И.Д. https://orcid.org/0000-0003-4402-1914
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0246-0253
УДК 903.01

Е.П. Рыбин✉, А.М. Хаценович

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybep@yandex.ru

Древнейший комплекс стоянки Шуйдунгоу-1 (Северный Китай) и его позиция в схеме вариабельности начального верхнего палеолита Южной Сибири и восточной части Центральной Азии

Рассматривается комплекс каменной индустрии нижнего слоя стоянки Шуйдунгоу-1 в Северном Китае. Изначально рассматривавшийся как интрузивный в культурной последовательности палеолита Китая, этот комплекс находит свои ближайшие аналогии в индустриях начального верхнего палеолита Южной Сибири и восточной части Центральной Азии. На основании анализа опубликованных данных, а также наблюдений авторов в данной статье определяется позиция нижнего комплекса стоянки Шуйдунгоу-1 (возраст около 41 тыс. л.н.) в схеме вариабельности индустрий начального верхнего палеолита региона. Сравнение производилось с комплексами начального верхнего палеолита с территории Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) и Северной Монголии (стоянки Толбор-4 и Толбор-21). Обнаруживается, что за исключением сильно выраженного леваллуазского компонента, в комплексе Шуйдунгоу представлены все характерные для начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии методы расщепления. То же самое относится и к специализированным формам орудий (скребки, острия на пластинах и т.д.). Список специфических для начального верхнего палеолита типов орудий представлен в Шуйдунгоу в редуцированном виде. Делается вывод, что, несмотря на несколько более поздний, чем у комплексов раннего этапа начального верхнего палеолита возраст, индустрия Шуйдунгоу-1 прослеживает более близкое сходство именно с этими ассамбляжами. Данная индустрия, с учетом особенностей каменного сырья, представляет типичный пример южносибирско-центральноазиатского варианта начального верхнего палеолита; территориально удаленный кластер стоянок Шуйдунгоу мог являться примером «выплеска» ранних популяций начального верхнего палеолита, развивавшихся в изоляции.

Ключевые слова: *начальный верхний палеолит, Южная Сибирь и Центральная Азия, Китай, стоянка Шуйдунгоу, каменная технология, типология, корреляции.*

E.P. Rybin✉, A.M. Khatsenovich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybep@yandex.ru

Earliest Assemblage of the Shuidonggou 1 Site (North China) and Its Position in Variability of the Initial Upper Paleolithic of South Siberia and Eastern Central Asia

This article is intended to review the lithic assemblage from lowermost cultural level of the Shuidonggou 1 site (northern China). From the onset of investigation, this laminar assemblage was accepted as an example of intrusive event in the local cultural continuity. Technology and typology of the Shuidonggou 1 assemblage found its closest parallels in the lithic industries from the early Upper Paleolithic technocomplex of southern Siberia and eastern Central Asia. In the present article, we demonstrate, based on published data and the authors' personal observations, the position of the lowermost Shuidonggou 1 assemblage (ca. 41 ka BP) within the realm of the early Upper Paleolithic blade industries in surrounding regions, namely Kara-Bom site (Altai Mountains) and Tolbor 4 and Tolbor 21 sites (Northern Mongolia). In this study, we demonstrates that except for the distinct Levallois technological component, the Shuidonggou assemblage presented all core reduction techniques typical of the early Upper Paleolithic technological package present in southern Siberia and Central Asia. The same is true for

the special tool types (end scrapers, various points on blades, etc.). The tool markers specific for the early Upper Paleolithic evidenced in Shuidonggou 1 are provided in a short list (3 out of 7 tool types) and include points with the ventral bulb trimming, oblique/truncated points, and stemmed blades. It can be concluded that despite somewhat chronologically later position in the cultural-chronological sequence of southern Siberian and Central Asian early Upper Paleolithic technocomplex, the Shuidonggou 1 site demonstrates high degree of similarity with the early Upper Paleolithic assemblages: Kara-Bom UP2 and Tolbor 4 AH5. We suppose that this industry is a typical example of the early Upper Paleolithic industry with respect to potential influence of raw material peculiarities, and being in a remote location compared to geographical core of the early Upper Paleolithic, it may provide an example of the first wave of these populations developed in isolation.

Keywords: *early Upper Paleolithic, southern Siberia, China, Shuidonggou site, lithic technology, typology, correlations.*

Введение

Культурный комплекс начального верхнего палеолита (далее НВП) Южной Сибири и восточной части Центральной Азии (далее ЮС и ЦА) является частью трансконтинентального технокомплекса наиболее ранних верхнепалеолитических индустрий Евразии. К географическому ядру этого технокомплекса/культурной общности относятся памятники на территории полосы гор и предгорий горного пояса ЮС и ЦА: Восточного Казахстана и Джунгарии, Горного Алтая, Северной Монголии, Юго-Западного Забайкалья, в пределах широтных значений от 54 до 44 градусов северной широты и от 84 до 109 градусов восточной долготы. К периферийным областям распространения НВП ЮС и ЦА могут быть отнесены Южная Монголия, Северный Китай, Прибайкалье, и, возможно, Центральная Сибирь [Рыбин, 2020]. На всех территориях своего распространения он сменяет среднепалеолитические индустрии, связанные с леваллуазской отщеповой и острийной технологией, которым, в свою очередь, предшествовали индустрии отщепового нелеваллуазского среднего палеолита.

Начиная с раннего плейстоцена и до начала голоцена, на территории Северного Китая доминировали отщеповые индустрии (core-and-flake) с простой ситуационной технологией расщепления [Gao, 2013]. Вместе с тем, на севере Китая, в регионе, граничащем с провинцией Внутренняя Монголия, расположены наиболее известные объекты верхнего палеолита Китая, обнаруживающие параллели с индустриями НВП Монголии и Российского Алтая. Кластер стоянок Шуйдунгоу расположен в Нинся-Хуэйской автономной области Китая, в историческом регионе Ордос в долине притока большой излучины Хуанхэ р. Бианго. На данный момент к этому скоплению стоянок относятся 12 местонахождений [Li et al., 2019]. Комплексы пластинчатого начального верхнего палеолита связаны с двумя стоянками – Шуйдунгоу-1 и -2.

Материалы стоянки Шуйдунгоу-1, открытой в 1923 г. Э. Лисаном и Т. де Шарденом и отнесенной ими к ориньяку, с самого начала стали восприниматься как проявления культуры интрузивного на данной территории населения. Позднее каменная индустрия стоянки была ассоциирована с технокомплексом начального верхнего палеолита с аналогиями на территории Монголии (Чихэнагуй и Цагаан-агуй) и Горного Алтая (Кара-Бом) [Brantingham et al., 2001]. Вместе с тем, отнесение ассамбляжа Шуйдунгоу к культурной общности/технокомплексу НВП ЮС и ЦА было осуществлено на уровне самых общих категорий – преобладание пластинчатого расщепления и наличие общих форм артефактов: скребел, скребков и т.д.; стоянки, с которыми сравнивался комплекс Шуйдунгоу, за исключением Кара-Бома, имеют существенно более поздний возраст. Все вместе не позволяет сделать более или менее уверенное заключение о принадлежности НВП-комплекса Шуйдунгоу к культурному набору первой волны популяций, с распространением которых связано почти повсеместное появление на территории ЮС и ЦА в хронологических рамках 49–45 тыс. л.н. этих специфических индустрий.

Методы исследования

В данной работе мы рассматриваем технологический и типологический набор носителей НВП стоянки Шуйдунгоу-1 исходя из сопоставления показательных форм и морфологии каменных артефактов. Морфологические группы нуклеусов отражают использовавшиеся на стоянке методы расщепления. Выделялось две группы ядрищ. Первая из них, определяемая как «среднепалеолитическая», включала в себя четыре разновидности леваллуазских ядрищ: параллельные и центростремительные для производства отщепов, конвергентные однонаправленные и бипродольные для получения острий. Вторая группа нуклеусов, определяемая нами как «начально-верхнепалеолитическая», включала также 4 типа ядрищ для производства пластинчатых сколов: специализированные нуклеусы для производства пластинок (сюда включались мелкие подпризматические и плоскостные формы с устойчивой морфологией и негативами снятия пластинок), нуклеусы-резцы (торцовые нуклеусы

на сколах с негативами снятия пластинок); подпризматические и плоскостные нуклеусы с негативами бипродольных снятий пластин, а также асимметричные в поперечном сечении нуклеусы с дополнительным фронтом скалывания на торце. Кроме того, оценивалась роль наиболее распространенных в НВП методов бипродольного расщепления: если половина и более нуклеусов в отдельно взятом комплексе несло негативы встречных сколов, то предполагалось, что бипродольная технология расщепления доминирует в данном комплексе.

Для учета составляющих орудийного набора рассматривались два типологических набора орудий. Первый включал в себя характерные для НВП фоновые специализированные формы орудий, к которым были отнесены шесть типов: концевые скребки на пластинах, угловые/концевые скребки с носиком; скребла на крупных массивных пластинах; шиповидные орудия, симметричные острия на пластинах, долотовидные орудия. Как показывает анализ типологического набора НВП, этот состав орудий является характерным для данного сочетания хронологии, технологии и редких типов инструментария. Второй набор включал в себя семь типов орудий-маркеров НВП. Среди них: острия с утончением основания; скошенные/косотронкированные; острия/пластинки с притупленным краем; изделия с вентральной подтеской дистального окончания; листовидные и овальные бифасы; пластины с основанием-черешком.

Все эти признаки учитывались (табл. 1–3) по системе, подразумевавшей наличие или отсутствие данного признака в конкретном ассамбляже, в соответствующей колонке таблицы определялось соотношение представленных/непредставленных признаков в конкретном комплексе [Рыбин, 2020].

Хронология, стратиграфия и технико-типологические характеристики НВП ассамбляжей стоянок Шуйдунгоу-1

Основные работы на стоянке Шуйдунгоу-1 производились в 1960-е и 1980-е гг. Изначально было

Таблица 1. **Типологический набор нуклеусов из избранных комплексов НВП ЮС и ЦА**

Регион/Стоянка/ Комплекс	Типологический набор нуклеусов											Ссылки
	Леваллуазский компонент					Компонент НВП						
	Центростремительные для производства отщепов	Параллельные для производства отщепов	Конвергентные однонаправленные для производства острий	Конвергентные бипродольные для производства острий	Сумма признаков в комплексе: представлен/ непредставлен	Специализированные для производства пластинок	Нуклеусы-резцы	Подпризматические асимметричные с дополнительным фронтом расщепления на торце	Бипродольные для производства пластин	Преобладание бипродольных двуплощадочных нуклеусов	Сумма признаков в комплексе: представлен/ не представлен	
Горный Алтай												
Кара-Бом ВП2 1992–1993	0	0	0	×	1/2	×	×	×	×	×	5/0	Деревянко и др., 1998; Рыбин, 2020
Монголия												
Толбор-4, гор. 5 (2005 г.)	0	×	0	0	1/4	×	×	×	×	×	5/0	Деревянко и др., 2007
Толбор-21, гор.4, Р.2	0	0	0	×	1/3	0	0	×	×	×	3/2	Rybin et al. 2020
Северный Китай												
Шуйдунгоу-1, сл. 8	×	×	0	0	2/2	×	×	×	×	×	5/0	Li et al., 2020; данная работа

Таблица 2. **Характерные специализированные формы орудий из избранных комплексов НВП ЮС и ЦА**

Регион/Стоянка/Комплекс	Характерные специализированные формы							Ссылки
	концевые скребки на пластинах	угловые/концевые скребки с носиком	шиповидные орудия	симметричные острия на пластинах	скребла на крупных пластинах	долотовидные формы	Сумма признаков в комплексе: представлен/не представлен	
Горный Алтай								
Кара-Бом ВП2 1992–1993	×	×	×	×	0	×	5/1	Деревянко и др. 2000, Рыбин 2020
Северная Монголия								
Толбор-4, гор. 5 (2005 г.)	×	×	×	0	0	0	3/3	Деревянко и др., 2007
Толбор-21, гор.4, Р.2	×	×	×	×	0	×	5/1	Rybin et al. 2020
Северный Китай								
Шуйдунгоу-1, сл. 8	×	×	×	×	×	0	5/1	Li et al., 2020; данная работа

Таблица 3. **Распределение специфических типов орудий из избранных комплексов НВП ЮС и ЦА**

Регион/Стоянка/Комплекс	Орудия-маркеры НВП								Ссылки
	Симметричные острия с вентральным утончением поперечного края	Скошенные острия	Острия/пластинки с притупленным краем	Изделия с вентральной подтеской дистального окончания	Листовидные бифасы	Овальные бифасы	Пластины с основанием – черешком	Сумма признаков в комплексе: представлен/не представлен	
Горный Алтай									
Кара-Бом ВП2 1980–1993	×	×	0	×	×	×	×	6/1	Деревянко и др., 1998; Рыбин, 2020
Северная Монголия									
Толбор-4, гор. 5 (2005 г.)	×	0	×	×	0	×	×	5/2	Деревянко и др., 2007
Толбор-21, гор.4, Р.2	×	×	×	0	×	×	×	6/1	Rybin et al. 2020
Северный Китай									
Шуйдунгоу-1, сл. 8	×	×	0	0	0	0	×	3/4	Li et al., 2020; данная работа

выделено две культурных страты: верхняя, отнесенная к голоцену, и нижняя 5-метровая пачка, относившаяся к плейстоцену. Позднее нижняя страта была разделена на два культурных слоя, материалы которых хранятся в музее Нинся. Верхний слой А датировался возрастом 20–30 тыс. л.н., нижний культурный слой В на основе ураниевых и радиоуглеродных датировок относился к хронологическому промежутку 34–38 тыс. л.н., позднее скорректированному на основе радиоуглеродной даты по углю возрастом ок. 41 тыс. кал. л.н. Согласно другому варианту, материал нижнего культурного слоя из раскопок 1963 г., хранящийся в Институте палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской академии наук (далее IVVP), обозначается как относящийся к литологическому слою 8 [Li et al., 2020]. По разрезам зачищенных стенок раскопа 1980 г. был получено два набора OSL-дат. Для северного разреза были получены даты в 39–49 тыс. л.н., для западного разреза – 41–30 тыс. л.н. Таким образом, хотя эти наборы могут свидетельствовать о формировании отложений из разных частей стоянки в разное вре-

мя, более надежными выглядит радиоуглеродный возраст, определяющий начало формирования НВП индустрии ок. 41 тыс. л.н.

Коллекция нижнего слоя Шуйдунгоу-1 раскопок 1980-х гг. изучалась П. Дж. Брантингхэмом [Brantingham et al., 2001], а также двумя научными коллективами IVVP – результаты изучения коллекции 1980-х гг. представлены в: [Peng, Wang, Gao, 2014]; коллекции 1963 года в: [Li et al., 2020], их выводы в значительной мере дополняют друг друга.

Согласно данным анализа пластинчатой технологии расщепления нижнего слоя Шуйдунгоу-1 [Peng, Wang, Gao, 2014] эта индустрия базировалась на окремненных породах и кварцитах, отбиравшихся в местном галечнике. Основу набора нуклеусов составляли «широкофронтальные» (плоскостные) нуклеусы и куда реже встречавшиеся торцовые, призматические и подпризматические нуклеусы, а также один типичный нуклеус-резец на пластинчатом сколе.

Среди 1866 сколов насчитывалось 7 % пластин, 22,7 % пластинчатых отщепов и 0,3 % пластинок. На основании того, что у 14,6 % сколов более половины поверхности дорсала покрыто коркой, делается предположение, что первичная обработка нуклеусов производилась за пределами стоянки. Для ассамбляжа в целом характерны небольшие средние размеры остаточных нуклеусов. Среди «широкофронтальных» ядрищ отмечается заметный перевес двуплощадочных нуклеусов, которых насчитывается 44 экз., что составляет 80% плоскостных форм. При подготовке ударных площадок нуклеусов превалирует подготовка сколами, хотя фасетирование достаточно широко распространено – 10 % площадок сколов являются двугранными, фасетированных насчитывается 21,8 % и сколы с chapeau de gendarme составляют 1,34 %.

По мнению авторов исследования, при пластинчатом производстве в комплексе Шуйдунгоу-1 сочеталось две основных системы редукции. Первая система заключается в подготовке по отдельности сырья (при сколе инициализации использовалась естественная грань заготовки) и оформлении на ней двух противолежащих ударных площадок. Далее производилось расщепление в рамках леваллуазского рекуррентного метода; основным сколом-заготовкой при этой стратегии было производство удлиненных отщепов или пластин. Поддержание выпуклости, очевидно, производилось с помощью снятия краевых сколов, которые довольно представительны в ассамбляже. В ряде случаев у этих плоскостных нуклеусов отмечается распространение фронта расщепления на латерали ядрищ, что характеризовалось как сдвиг к подпризматической системе расщепления, при которой сколы заготовки производились на торцовом фронте нуклеуса. Вторая система расщепления нуклеусов включала в себя метод редукции собственно подпризматических и торцовых нуклеусов. В данной системе инициализация расщепления осуществлялась снятием реберчатой пластины. При этом обе системы были схожи друг с другом – подготовка ударной площадки и поддержание выпуклости фронта расщепления были идентичны.

В орудийном наборе представлены как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические типы ([Brantingham et al., 2001], подсчеты на основе коллекции из раскопок 1980 г., хранящейся в Музее Нинся): скребла – 30,6 %, поперечные скребла – 6,9 %, зубчато-выемчатые орудия – 27,7 %, скребки – 15,8 %, резцы – 2 %, комбинированные орудия – 14,6 %, другие – 2,5 %. Как видно, для данного комплекса характерен довольно высокий, выше, чем для других памятников НВП, удельный вес среднепалеолитических орудий; присутствовавшие в коллекции острия и шиповидные орудия (личные наблюдения Е.П. Рыбина, июнь 2013 г.) в данном тип-листе отсутствуют – вероятно, они попали в категорию комбинированных орудий.

Выводы, сделанные по коллекции 1963 г., хранящейся в IVVP, во многом совпадают с представленными выше. Помимо обозначенных выше плоскостных/леваллуазских и подпризматических нуклеусов, в коллекции отмечается наличие 2 экз. нуклеусов-резцов, а также 5 экз. специализированных нуклеусов для производства пластинок [Li et al., 2020]. У 19 % нуклеусов фиксируется перенос расщепления на торец нуклеуса. У 54 % ядрищ отмечается бипродольный характер расщепления. Доля пластин, включая фрагментированные изделия, составляет 21,9 %; отмечается существенная серия мелких пластин с шириной меньше 15 мм (87 экз. из 953 экз. пластинчатых сколов). Средняя длина ретушированных пластин достигает 57 мм, средняя ширина всех пластин – 22 мм. Состав орудийного набора близок к уже охарактеризованному выше, обращает на себя внимание листовидный наконечник с бифасиальной обработкой округлого насада, идентичный остриям «макаровского» типа из НВП Прибайкалья [Ibid., fig. 13, *11*].

Один из авторов данной работы (Е.П. Рыбин) имел возможность работать с выборкой из коллекции стоянки Шуйдунгоу-1 раскопок 1963 г., хранящейся в IVVP в г. Пекине, в марте 2016 г. В дополнение к уже охарактеризованным основным чертам этого комплекса, следует добавить несколько наблюдений, касающихся особенностей технологии расщепления и орудийного набора.

Начальная стадия расщепления сопряжена с гальками различной размерности (от 100 мм

и меньше), на которых фиксируются негативы нескольких однонаправленных снятий, использующих естественную форму галек. Негативы распределяются на широкой плоскости, на узком конце галек оформлялась ударная площадка. Другим вариантом начальной стадии расщепления являлась подготовка двух противолежащих площадок с целью образования ребра – направляющего для снятий. Следующая размерная градация простых параллельных нуклеусов представлена небольшими плоскими нуклеусами ок. 50–70 мм длиной с негативами сколов пластинчатых пропорций. Все они однонаправленные, свидетельств специальной подготовки латералей не сохранилось; расщепление происходило в одной плоскости. Наиболее распространенный способ редукции нуклеусов в начальной стадии расщепления заключался в производстве снятий в параллельном направлении с одной ударной площадки, с нижней площадки при этом с целью поднятия рельефа фронта производилось скалывание коротких отщепов, занимающих не более одной трети протяженности фронта. Зачастую контрфронты уплощались с помощью поперечных снятий для образования продольных обработанных ребер нуклеусов.

В комплексе палеолитического слоя этого памятника имеется серия леваллуазских нуклеусов для получения отщепов, идентичных выявленным нами в ассамбляжах среднего палеолита и НВП Монголии. Эти предметы овальной и подпрямоугольной формы длиной от 40 до 70 мм, плоско-выпуклые в сечении. На рабочих фронтах прослеживаются негативы бипродольных параллельных пластинчатых сколов, сопровождаемые поперечными снятиями латералей и подправкой краевыми сколами. Эти нуклеусы сопровождаются характерными леваллуазскими отщепами с фасетированными площадками. Хотя свидетельства использования конвергентных острийных методов в этих комплексах более ограниченны, в комплексе имеется однонаправленное леваллуазское острие, произведенное в рамках однонаправленного конвергентного расщепления, а также острие с бипродольной огранкой, которое могло быть произведено в рамках бипродольного конвергентного расщепления.

В коллекции представлены подпризматические нуклеусы. По морфологии они аналогичны плоскостным, за исключением большей степени выпуклости фронта. Нижняя площадка также являлась вспомогательной. Отдельные нуклеусы с выделенным ребром и фронтом, занимающим половину дуги скалывания, являются полным аналогом нуклеусов из НВП Северной Монголии. Следует отметить, что большинство нуклеусов дошло до нас в сильно редуцированном состоянии, и размерность негативов на фронтах расщепления заметно меньше, чем у имеющихся пластин.

В ассамбляже имеется небольшая серия реберчатых и полуреберчатых пластин, а также более представительный набор краевых сколов с подправленных латералей. В коллекции представлена размерность пластин от 35 мм шириной до пластинок 8–12 мм шириной. Наиболее распространенным вариантом пластинчатых сколов являются пластины шириной от 20 до 30 мм. Второй распространенной серией являются пластины от 15 до 20 мм шириной. Типичные бипродольные остроконечные пластины редки, хотя технология их получения была известна – в коллекции имеется экземпляр такого изделия со встречной огранкой, длиной 132 мм и шириной 43 мм. При подправке ударных площадок сколов распространен прием частичного фасетирования края площадки/обратной редукции, характерный для НВП.

Среди специализированных форм орудий присутствуют аналогичные широко представленным в северо-монгольских комплексах НВП шиповидные орудия, включая изделия с оформленным на дистале лезвием углового скребка и вытянутым шипом. Распространены концевые скребки на пластинах, включая крупные пластины, в т.ч. скребки высокой формы на сколах подправки ударной площадки и на реберчатых пластинах. Заметны ретушированные острия на пластинах с изогнутыми очертаниями и отщепах, а также симметричные, зачастую они были обработаны зубчатой ретушью. В единичном экземпляре представлено скребло на крупной пластине.

Специфические для НВП типы орудий представлены орудием с обработанным с одной латерали черешком-насадом [Li et al., 2020, Fig. 13, *1*].; имеется серия типичных скошенных/тронкированных острий [Ibid., fig. 13, *12*]; помимо острия «макаровского» типа, нами было выявлено острие с вентральной подтеской проксимального окончания, изготовленное на небольшой пластине.

Вариабельность нижнего комплекса Шуйдунгоу-1

Для определения позиции нижнего комплекса Шуйдунгоу-1 в системе вариабельности НВП ЮС и ЦА нами привлекаются три комплекса. Один из них находится в Горном Алтае, относящемуся к самому западному региону географического ядра НВП (стоянка Кара-Бом, индустрия ВП2, датирующаяся возрастом 49–45 тыс. кал. л.н.) [Палеолитические комплексы..., 1998]. Два других локализованы в Северной Монголии – стоянка Тол-

бор-4 (индустрия гор. 5, раскопки 2005 г.; на основе нового цикла датирования возраст определяется в пределах 45000–42000 кал. л.н. [Деревянко и др., 2007], а также гор. 4 стоянки Толбор-21 (42000–40000 кал. л.н.) [Rybin et al., 2020]. Комплексы Кара-Бома, а также Толбора-4 относятся к начальному этапу формирования НВП, индустрия Толбора-21 синхронна нижнему слою Шуйдунгоу, и представляет заключительный этап существования НВП на территории Северной Монголии. Типологические группы нуклеусов показывают значительно более выраженное участие леваллуазского компонента в его отщеповом варианте, известного в других регионах только в индустрии Толбора-4 (см. табл. 1), на что оказал свое влияние, в т.ч. и характер сырья – окатанных галек, что отличается по своим объемным характеристикам от преимущественно прямоугольных отдельностей сырья в индустриях НВП. С другой стороны, техно-морфологическая группа нуклеусов НВП в Шуйдунгоу-1 представлена в максимально полном виде и аналогична в этом отношении ранним индустриям НВП; в Толборе-21 эта группа находится уже в значительно редуцированном состоянии, когда в первую очередь исчезают специфические нуклеусы-резцы для производства пластинок. Типологический состав фоновых/специализированных форм, где представлены все типы орудий, за исключением долотовидных, также свидетельствует об очень близком соответствии Шуйдунгоу-1 характерному орудийному набору НВП, даже в сравнении с такими удаленными от Ордоса регионами, как Горный Алтай (см. табл. 2). Менее полно представлены аналогии в отношении специфических типов орудий, прежде всего это относится к бифасам, неизвестным в Шуйдунгоу, но достаточно широко распространенным на Алтае и в Монголии. Отсутствуют обычно немногочисленные пластинки с притупленным краем. В то же время, очень характерные для НВП острия с подтеской окончания и скошенные острия, а также пластины с основанием-черешком представлены в Шуйдунгоу типичными формами, в т.ч. и крайне редкими и территориально локализованными («макаровское» острие).

Несмотря на несколько более поздний, чем у комплексов раннего этапа НВП возраст, индустрия Шуйдунгоу-1 прослеживает более близкое сходство именно с этими ассамбляжами; данная индустрия, с учетом особенностей каменного сырья, представляет типичный пример южносибирско-центральноазиатского варианта НВП. Учитывая довольно существенное, около восьмисот километров по прямой, расстояние от ближайших стоянок, содержащих индустрии раннего НВП, мы предполагаем, что территориально удаленный кластер стоянок Шуйдунгоу мог являться примером «выплеска» ранних популяций НВП, развивавшихся в изоляции.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 16–38.

Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, Е.П. Рыбин, Л.М. Чевалков – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 279 с.

Рыбин Е.П. Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии: автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. – Новосибирск, 2020. – 31 с.

Brantingham P.J., Krivoshapkin A.I., Jinzeng L., Tserendagva Y. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia // Current Anthropology. – 2001. – Vol. 42. – P. 735–746.

Gao X. Paleolithic cultures in China: Uniqueness and divergence // Current Anthropology. – 2013. – Vol. 54. – P. 358–370.

Li F., Kuhn S.L., Bar-Yosef O., Chen F.-Y., Peng F., Gao X. History, Chronology and Techno-Typology of the Upper Paleolithic Sequence in the Shuidonggou Area, Northern China // Journal of World Prehistory. – 2019 – Vol. 32. – P. 111–141.

Li F., Kuhn S.L., Chen F.-Y., Gao X. Intra-assemblage variation in the macro-blade assemblage from the 1963 excavation at Shuidonggou locality 1, northern China, in the context of regional variation // PLoS ONE. – 2020 – Vol. 15(6). – e0234576.

Peng F., Wang H.-M., Gao X. Blade production of Shuidonggou Locality 1 (northwest China): A technological perspective // Quaternary International. – 2014. – Vol. 347. – P. 12–20.

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): site formation, human behavior and implications for the regional sequence // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 133–149.

References

Brantingham P.J., Krivoshapkin A.I., Jinzeng L., Tserendagva Y. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia. *Current Anthropology,* 2019, Vol. 42, pp. 735–746.

Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P., Chevalkov L.M. Paleolithic complexes of the stratified part of the Kara-Bom site (Mousterian/Upper Paleolithic). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 280 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen J., Tseveendorzh D., Gunchinsuren B. The Technology of Early Upper Paleolithic Lithic Reduction in Northern Mongolia: the Tolbor-4 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 1 (29), pp. 16–38.

Gao X. Paleolithic cultures in China: Uniqueness and divergence. *Current Anthropology*, 2019, Vol. 54, pp. 358–370.

Li F., Kuhn S.L., Bar-Yosef O., Chen F.-Y., Peng F., Gao X. History, Chronology and Techno-Typology of the Upper Paleolithic Sequence in the Shuidonggou Area, Northern China. *Journal of World Prehistory*, 2019, vol. 32, pp. 111–141.

Li F., Kuhn S.L., Chen F.-Y., Gao X. Intra-assemblage variation in the macro-blade assemblage from the 1963 excavation at Shuidonggou locality 1, northern China, in the context of regional variation. *PLoS ONE*, 2020, vol. 15, No. 6, pp. e0234576.

Peng F., Wang H.-M., Gao X. Blade production of Shuidonggou Locality 1 (northwest China): A technological perspective. *Quaternary International*, 2014, vol. 347, pp. 12–20.

Rybin E.P. Regional'naya variabel'nost' kamennykh industrii nachala verkhnego paleolita v Yuzhnoi Sibiri i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii: dr. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2020, 31 p. (In Russ.).

Rybin E.P., Paine C.H. Khatsenovich A.M., Tsedendorj B., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Odsuren D., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): site formation, human behavior and implications for the regional sequence. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 133–149.

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0254-0258
УДК 903.59

А.В. Табарев
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

Клады каменных изделий в палеолите – неолите Дальнего Востока: терминологические и функциональные аспекты дискуссии

В рамках данной работы автор обращается к кладам каменных изделий, зафиксированных на территории Дальнего Востока (российская часть, Японский архипелаг) для финала палеолита – неолита/дзёмона в диапазоне 35–2,5 кал. тыс. л.н., и к таким важным аспектам сопровождающей их дискуссии как терминология и функциональное назначение. Для отечественной территории кладов каменных изделий насчитывается всего не более десятка (новопетровская культура на Среднем Амуре, осиповская на Нижнем Амуре, устиновские комплексы в Приморье и ушковские на Камчатке), тогда как для финального палеолита – дзёмона на Японском архипелаге – более 400. Клады существенно различаются по количеству артефактов, их типу, характеру обработки, локализации и сырью. Тем не менее, для обозначения этой категории находок используется практически один термин – как в отечественной археологической литературе, так и в японской – что представляется слишком обобщенным и не отражающим разнообразия и функциональных особенностей материала. В качестве примера типологического подразделения кладов автор обращается к опыту специалистов, работающих с материалами докерамического неолита А (PPNA, 12–8,5 кал. тыс. л.н.) на Ближнем Востоке и в Передней Азии, а также с ритуальными комплексами бифасиальных изделий классического (III–X вв. н.э.) и постклассического (X–XVI вв. н.э.) периодов Месоамерики. Рассматриваются варианты разделения кладов на функциональные (депозиты, резервы), временно исключенные из технологической цепочки, и символические (вотивные, посвятительные, впускные), предназначенные исключительно для ритуальной сферы; намечаются перспективы дальнейших исследований в рамках данной тематики.

Ключевые слова: *Дальний Восток, палеолит, неолит, клады каменных изделий, терминология, назначение, археологический контекст.*

A.V. Tabarev
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

Lithic Caches in the Paleolithic – Neolithic in the Far East: Terminological and Functional Aspects of Discussion

This article addresses the caches of stone artifacts of the Final Paleolithic – Neolithic/Jomon (35,000–2500 cal. BP), which have been found in the Russian part of the Far East and the Japanese Archipelago, focusing on terminology and functional purpose of the artifacts. There are less than dozen of such complexes in the Russian part (Novopetrovka culture on the Middle Amur, Osipovka culture on the Lower Amur, Ustinovska complexes in Primorie, and Ushki sites in Kamchatka), whereas there are over four hundred sites of the Final Paleolithic – Jomon on the Japanese Archipelago. Although caches significantly differ in terms of number of artifacts and their types, production techniques, location, and raw materials, in almost all cases, a single term is used for this category of finds both in Russian and Japanese archaeological literature. This term seems to be too general and does not reflect the diversity and specific functional features of the evidence. As an example of the typological division of caches, the author mentions the experience of specialists working with the evidence of Pre-Pottery Neolithic A (PPNA, 12,000–8500 cal. BP) in the Near East and Western Asia, as well as ritual complexes of bifacial artifacts belonging to the Classical (3rd–10th centuries AD) and Post-Classical (10th–15th centuries AD) periods in Mesoamerica. The variants proposed for dividing caches into functional (deposits, reserves), those temporarily excluded from the technological chain, and symbolic (votive, dedicatory, joint), intended exclusively for the ritual realm, are discussed, and prospects for further research of this topic are suggested.

Keywords: *Far East, Paleolithic, Neolithic, lithic caches, terminology, meaning, archaeological context*.

По мнению большинства специалистов, для эпохи камня именно «клады» орудий и заготовок для различных изделий являются одной из наиболее интересных, информативных и, одновременно, непредсказуемых категорий находок. По сравнению с кладами последующих эпох палеометалла и средневековья, для которых постепенно нарабатываются критерии и закономерности расположения, локализация кладов палеолита – неолита и их функциональная нагрузка по-прежнему являются предметом дискуссий [Bradley, 2017].

В то время как наиболее яркие проявления практики создания кладов с исключительно сложной техникой изготовления артефактов (в первую очередь ретушированных наконечников) известны для эпохи солютре (22–17 кал. тыс. л.н.) в Западной Европе (клад Вольгю) и раннего палеоиндейского периода в Северной Америке (клады культуры кловис, 13–11 кал. тыс. л.н.) [Табарев, 2011; Clovis Caches…, 2014], в целом география распространения аналогичных находок существенно шире.

В данной работе мы обращаемся к кладам каменных изделий, известных на территории Дальнего Востока (российская часть, Японский архипелаг) для финала палеолита – неолита/дзёмона в диапазоне 35–2,5 кал. тыс. л.н. и к таким важным аспектам сопровождающей их дискуссии как терминология и функциональное назначение.

Это не первая публикация автора по тематике кладов в данном регионе – ранее нами рассматривались их специфические технологические характеристики [Kornfeld, Tabarev, 2009], возможность интерпретации кладов в качестве элемента погребального инвентаря [Табарев, Иванова, 2019], отдельные комплексы на Японском архипелаге [Kanomata, Tabarev, 2020], а также общее место кладов в технологии целых периодов, например, изначального дзёмона [Гладышев, Табарев, Цуцуми, 2021] и т. д. Истоки традиции дальневосточных кладов прослеживаются в позднем палеолите Северо-Восточной и Центральной Азии [Masojc et al., 2019; Tabarev et al., 2013].

Весьма показательна статистика по количеству кладов, зафиксированных на континентальной части российского Дальнего Востока и на Японских островах, которая, прежде всего, отражает степень изученности данного феномена. Для отечественной территории их насчитывается не более десятка (новопетровская культура на Среднем Амуре, осиповская на Нижнем Амуре, устиновские комплексы в Приморье и ушковские на Камчатке) [Деревянко, 1970; Диков, 1993; Dyakov, 1997; Tabarev et al., 2013], тогда как для финального палеолита – дзёмона на Японском архипелаге – более 400. Для 316 из них существуют детальная документация (отчеты о раскопках, фото, прорисовки) и хронологическая привязка, поэтому мы предпочитаем использовать именно эту цифру.

Итак, на островах Японского архипелага для финального палеолита (35–16 кал. тыс. л.н.) известно 13 кладов, для изначального дзёмона (16–10 кал. тыс. л.н.) – 23, для начального (10–7 кал. тыс. л.н.) – 24, для раннего (7–5,4 кал. тыс. л.н.) – 33, для среднего (5,4–4,3 кал. тыс. л.н.) – 137, для позднего (4,3–3,2 кал. тыс. л.н.) – 66, и для финального (3,2–2,4 кал. тыс. л.н.) – 20. Важно подчеркнуть, что клады встречаются по всей территории архипелага – от Хоккайдо до Кюсю [Kaner, Taniguchi, 2017; Kanomata, Tabarev, 2020].

Клады существенно различаются по количеству артефактов, их типу, локализации, сырью и т. д. Это видно даже по менее представительной подборке по комплексам на российской территории – клады нуклеусов в жилищах новопетровской культуры и на стоянке Ушки I, клад рубящих изделий на стоянке осиповской культуры Осиновая речка-10 в Приамурье и клад отщепов на стоянке Устиновка III в Приморье и т.д. Тем не менее, для обозначения этой категории находок используется практически один термин – как в отечественной археологической литературе (*клад* – зарытые, спрятанные ценности или нечто очень ценное для владельца и зарытое в землю), так и в японской (*Intoku ikou* или *Heitan ikou* – как эквивалент английскому термину *cache* – «тайник»). И русский, и японский термины представляются на данный момент слишком обобщенными и не отражающими разнообразия и функциональных особенностей материала.

В качестве примера типологического подразделения кладов можно обратиться, например, к опыту специалистов, работающих с материалами докерамического неолита А (PPNA, 12–8,5 кал. тыс. л.н.) на Ближнем Востоке и в Передней Азии. Перечень используемых терминов здесь гораздо шире, и все они являются элементами общей «технологической цепочки» (*chaîne opératoire*) – так, например, для кладов с однородным составом (заготовки нуклеусов, пластины, отщепы) применяется понятие «депозит» (франц. – *dépôt*, англ. – *deposit*), а для кладов, состоящих из различных видов заготовок, нуклеусов и готовых изделий – понятие «резерв» (франц. – *réserve*, англ. – *reserve*). При этом предполагается, что и «депозиты», и «резервы» имеют исключительно утилитарную нагрузку, лишь временно исключены из технологической цепочки и могут быть в зависимости от обстоятельств в нее в нужный момент возвращены. В противоположность этому, клады (*caches*) отражают исключительно символическую (ритуальную) сферу жизни и не являются возвратным элементом технологи-

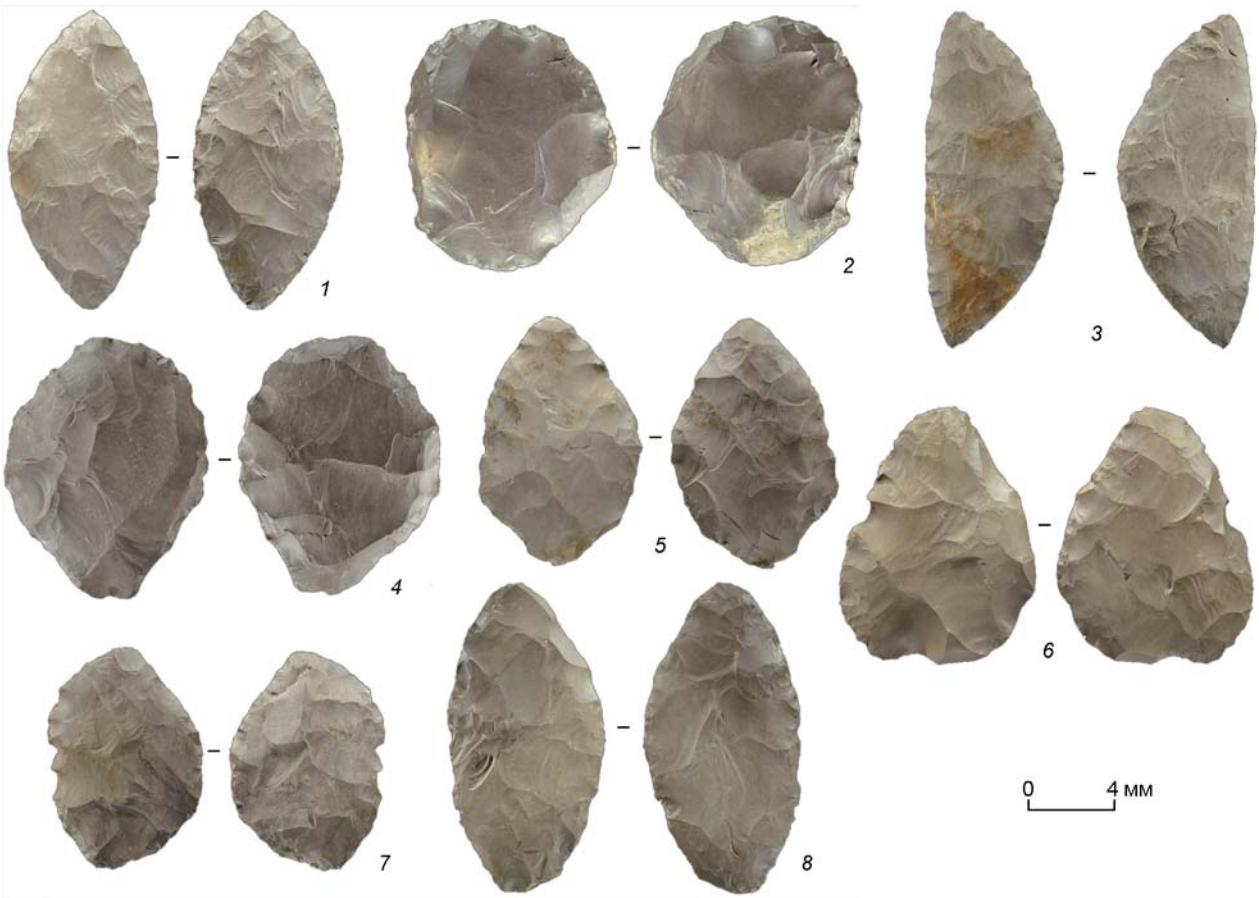
ческой цепочки. При их оценке первоочередное значение имеет не типологический состав предметов, а их размер, особое сырье и расположение (локализация) комплекса [Astruc, Ibáñez, Gonzalez-Urquijo, 2003].

Последний аспект детально разработан, например, в археологии классического (III–X вв. н.э.) и постклассического (X–XVI вв. н.э.) периодов Месоамерики применительно к кладам бифасиально обработанных изделий из обсидиана или высококачественного кремня, найденных при раскопках ритуальных сооружений. Эти клады подразделяют на «посвятительные» (англ. – *dedicatory, votive caches*), созданные до или в период строительства, и на «впускные» (англ. – *intrusive caches*), которые, выполняя иную ритуальную роль, периодически создавались в уже готовом сооружении [Kunen, Galindo, Chase, 2002].

Есть схемы, использующие все вышеназванные термины – в таких моделях все комплексы делятся на «клады» (*caches*) с символической нагрузкой (посвятительные, впускные, погребальные и т.д.) и на клады с функциональной нагрузкой (депозиты, резервы), для которых предлагается термин *stock* (русские эквиваленты – *запас, склад*) [Barzilai, Nigel Goring-Morris, 2007].

Нам представляется, что отдельные принципы этих схем могут быть использованы при типологическом подразделении кладов каменных изделий в дальневосточном регионе – во всяком случае, для кладов с зафиксированным положением в рамках памятника (в пределах жилища, в межжилищном пространстве, в погребении и т.д.). Гораздо сложнее с кладами, обнаруженными вне стоянок или мастерских – изменившийся ландшафт не позволяет определить изначальную привязку к маркеру (скале, ручью, гроту, отдельному дереву и т.д.) – их «биография» потребует анализа сырья, технологии, следов использования и других параметров всех составляющих клада, что, например, было продемонстрировано в публикации о недавно обнаруженном кладе бифасов начального дзёмона Касивабара на северо-востоке Японии [Kanomata, Tabarev, 2020] (см.*рисунок*).

Безусловно, для дальнейших исследований необходимо расширение данных о кладах финала палеолита – неолита в континентальной части Дальнего Востока, в первую очередь, за счет тер-

Клад бифасиально обработанных изделий Касивабара (*1–8*), изначальный дзёмон, префектура Ямагата, Япония [Kanomata, Taarev, 2020].

риторий Корейского полуострова и северо-востока Китая, по которым на сегодняшний день имеются лишь обрывочные сведения [Seong, 2015]. Не менее интересной представляется и перспектива детального сравнения кладов каменных изделий не только на сопредельных, но и географически удаленных территориях – недавний опыт такого исследования по североамериканским и западноевропейским комплексам подтверждает его продуктивность [Kilby, 2018].

Благодарности

Автор выражает благодарность своим японским коллегам проф. Й. Каномата (Университет Тохоку) и Т. Цуцуми (Музей Дзёмона Асама) за помощь с информацией и ценные комментарии по различным сюжетам подготовленной публикации.

Список литературы

Гладышев С.А., Табарев А.В., Цуцуми Т. Мир изначального дзёмона, Японский архипелаг: природа, технологии, общество, континентальные соседи // Stratum plus. – 2021. – №.1. – С. 337–358.

Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1970. – 204 с.

Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. – СПб.: Наука, 1993. – 304 с.

Табарев А.В. Атлантическая сага, или Последнее путешествие солютрейцев (некоторые аспекты дискуссии о маршрутах первоначального заселения Нового Света) // Российский археологический ежегодник. – 2011. – № 1. – С. 7–55.

Табарев А.В., Иванова Д.А. Наиболее ранние погребения на юге Дальнего Востока России и Японском архипелаге: вопросы идентификации и интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2019 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С .251–258.

Astruc L., Ibáñez J.J., Gonzalez-Urquijo J. "Dépôts", "réserves" et "caches" de matériel lithique taillé au Néolithique précéramique au Proche-Orient: Quelle gestion de l'outillage? // Paléorient. – 2003. – N. 1. – P. 59–78.

Barzilai O., Nigel Goring-Morris A. Bidirectional Blade and Tool Caches and Stocks in the PPNB of the Southern Levant // Systèmes techniques et communautés du Néolithique précéramique au Proche-Orient. – Actes du 5e colloque international, Fréjus, 2004. – Antibes: Éditions APDCA, 2007. – P. 277–294.

Bradley R. A Geography of Offerings: Deposits of valuables in the landscapes of ancient Europe. – Oxford: Oxbow Books, 2017. – 160 p.

Clovis Caches: Recent Discoveries and New Research. – University of New Mexico Press, Albuquerque, 2014. – 254 p.

Dyakov V. The Oldest Habitation Site on the West Coast of the Sea of Japan // Current Research in the Pleistocene. – 1997. – V. 14. – P. 20–21.

Kaner S., Taniguchi Y. The Development of Pottery and Associated Technological Developments in Japan, Korea, and the Russian Far East // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. – New York: Springer, 2017. – P. 321–345.

Kanomata Y., Tabarev A. A newly discovered cache of large biface lithics from northern Honshu, Japan // Antiquity. – 2020. – Vol. 94 (374): e8, 1–8.

Kilby J. D. A North American Perspective on the Volgu Biface Cache from Upper Paleolithic France and its relationship to the "Solutrean Hypothesis" for Clovis Origins // Quaternary International. – 2018. – V. 515. –P. 197–207.

Kornfeld M., Tabarev A. The French Connection? Or is It? // Current Research in the Pleistocene. – 2009. – V. 26. –P. 90–92.

Kunen J. L., Galindo M. J., Chase E. Pits and bones: Identifying Maya ritual behavior in the archaeological record // Ancient Mesoamerica. – 2002. – V. 13. – P. 197–211.

Masojc M., Szykulski J., Gunchinsuren B., Odsuren D., Winiarska-Kabacinska M., Szmit M. A Levalloisian jasper cache from the Arts Bogdyn Nuruu massif in the Gobi Altai Mountains, southern Mongolia // Comptes Rendus Palevol. – 2019. – V. 18. – P. 479–491.

Seong C. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea // Asian Perspectives. – 2015. – V. 54. – P. 91–112.

Tabarev A.V., Gillam J.C., Kanomata Y., Gunchisuren B. A Paleolithic Cache at Tolbor (Northern Mongolia) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2013. – N. 3. – P. 14–21.

References

Astruc L., Ibáñez J.J., Gonzalez-Urquijo J. "Dépôts," "reserves" et "caches" de matériel lithique taillé au Néolithique précéramique au Proche-Orient: Quelle gestion de l'outillage? *Paléorient,* 2003, No. 1, pp. 59–78.

Barzilai O., Nigel Goring-Morris A. Bidirectional Blade and Tool Caches and Stocks in the PPNB of the Southern Levant. In *Systèmes techniques et communautés du Néolithique précéramique au Proche-Orient. Actes du 5e colloque international, Fréjus, 2004*. Antibes: Éditions APDCA, 2007, pp. 277–294.

Bradley R. A Geography of Offerings: Deposits of Valuables in the Landscapes of Ancient Europe. Oxford: Oxbow Books, 2017, 160 p.

Clovis Caches: Recent Discoveries and New Research. University of New Mexico Press, Albuquerque, 2014, 254 p.

Derevianko A.P. Novopetrovskaya kultura Srednego Amura. Novosibirsk: Nauka, 1970, 204 p.

Dikov N.N. Aziya na styke s Amerikoi v drevnosti. St. Petersburg: Nauka, 1993, 304 p. (In Russ.).

Dyakov V. The Oldest Habitation Site on the West Coast of the Sea of Japan. *Current Research in the Pleistocene*, 1997, vol. 14, pp. 20–21.

Gladyshev S.A., Tabarev A.V., Tsutsumi T. Mir iznachalnogo dzemona, Yaponskiy arkhipelag: priroda, tekhnologii, obshchestvo, kontinentalnye sosedi. *Stratum plus*, 2021, No. 1, pp. 337–358. (In Russ.).

Kaner S., Taniguchi Y. The Development of Pottery and Associated Technological Developments in Japan, Korea, and the Russian Far East. In *Handbook of East and Southeast Asian Archaeology*, New York: Springer, 2017, pp. 321–345.

Kanomata Y., Tabarev A. A Newly Discovered Cache of Large Biface Lithics from Northern Honshu, Japan. *Antiquity*, 2020, vol. 94 (374), e8, pp. 1–8.

Kilby J. D. A North American Perspective on the Volgu Biface Cache from Upper Paleolithic France and its relationship to the "Solutrean Hypothesis" for Clovis Origins. *Quaternary International*, 2018, vol. 515, pp. 197–207.

Kornfeld M., Tabarev A. The French Connection? Or is It? *Current Research in the Pleistocene*, 2009, vol. 26, pp. 90–92.

Kunen J. L., Galindo M. J., Chase E. Pits and Bones: Identifying Maya Ritual Behavior in the Archaeological Record. *Ancient Mesoamerica*, 2002, vol. 13, pp. 197–211.

Masojc M., Szykulski J., Gunchinsuren B., Odsuren D., Winiarska-Kabacinska M., Szmit M. A Levalloisian Jasper Cache from the Arts Bogdyn Nuruu Massif in the Gobi Altai Mountains, Southern Mongolia. *Comptes Rendus Palevol*, 2019, vol. 18, pp. 479–491.

Seong C. Diversity of Lithic Assemblages and Evolution of Late Palaeolithic Culture in Korea. *Asian Perspectives,* 2015, vol. 54, pp. 91–112.

Tabarev A.V. Atlanticheskaya saga, ili Poslednee puteshestvie solyutreitsev (nekotorye aspekty diskussii o marshrutakh pervonachalnogo zaseleniya Novogo Sveta). *Rossiyskiy arheologicheskiy ezhegodnik*, 2011, No. 1, pp. 7–55. (In Russ.).

Tabarev A.V., Gillam J.C., Kanomata Y., Gunchisuren B. A Paleolithic Cache at Tolbor (Northern Mongolia). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 3, pp. 14–21.

Tabarev A.V., Ivanova D.A. The Earliest Burials in the Southern Part of the Russian Far East and in the Japanese Archipelago: Problems of Identification and Interpretation**.** In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAE SB RAS Publ., 2019, pp. 251–258. (In Russ.).

Табарев А.В. https://orcid.org/0000-0002-6249-8057

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0259-0265
УДК 902/903.01

В.И. Ташак[1, 2]✉, Е.В. Ковычев[3]

[1]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Забайкальский государственный университет
Чита, Россия
E-mail: tvi1960@mail.ru

Уненкер – палеолитическое местонахождение культуры хэнгэрэктэ-сухотино в Забайкалье

По результатам исследований последних лет установлено, что каменные индустрии местонахождения Барун-Алан-1 (нижний уровень слоя 6, уровень 6/7, слой 7) в Западном Забайкалье и местонахождения Сухотино-4 в Восточном Забайкалье, представляют одну археологическую культуру, получившую наименование хэнгэрэктэ-сухотино. Наиболее древние слои с материалами этой культуры, зафиксированные в Барун-Алане-1, относятся к финалу раннего этапа верхнего палеолита, а наиболее молодые слои датируются финалом верхнего палеолита. Ареал распространения археологической культуры был определен по крайним точкам: Барун-Алан-1 на западе и Сухотино-4 в 253 км на восток. В ходе работ в фондах Забайкальского государственного университета (г. Чита) выявлены общие черты в индустриях Сухотино-4 и местонахождения Уненкер, расположенного в нижней части долины р. Ингода (130 км на восток от Сухотино-4). Полевые исследования Уненкера проводились в 1984 г. На современном этапе работ сделан детальный анализ материалов палеолитического местонахождения Уненкер. В результате установлено, что каменные артефакты Уненкера идентичны артефактам Сухотино-4 как морфологически, так и в плане способов производства орудий. Установление факта принадлежности местонахождения Уненкер к культуре хэнгэрэктэ-сухотино позволило расширить границы ее ареала на 130 км на восток. Исходя из расположения Уненкера и Сухотино-4, следует рассматривать долину р. Ингоды как наиболее перспективную территорию для поиска новых местонахождений культуры хэнгэрэктэ-сухотино. Поскольку исследование этой культуры, как целостного явления, только начинается, то на повестку дня выходят такие вопросы как последовательность освоения территорий носителями данной культуры, ее происхождение, региональные особенности развития и ряд других.

Ключевые слова: *верхний палеолит, ранний верхний палеолит, археологическая культура хэнгэрэктэ-сухотино, каменная индустрия, бифасы, Барун-Алан-1, Сухотино-4, Западное Забайкалье, Восточное Забайкалье.*

V.I. Tashak[1, 2]✉, E.V. Kovychev[3]

[1]Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS
Ulan-Ude, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]Transbaikal state University,
Chita, Russia
E-mail: tvi1960@mail.ru

Unenker – a Paleolithic Site of the Khengerekte-Sukhotino Culture in the Transbaikal Region

Recent research has shown that the stone industries of the Barun-Alan-1 site (lower level of layer 6, level 6/7, and layer 7) in the Western Transbaikal region and Sukhotino-4 site in the Eastern Transbaikal region belong to the same Khengerekte–Sukhotino culture. The earliest layers containing the evidence of this culture at the Barun-Alan-1 site are associated with the Final Early Upper Palaeolithic, while the latest layer were dated to the Final Upper Palaeolithic. It was believed that the

area of this archaeological culture had the western boundary in Barun-Alan-1 and eastern boundary in Sukhotino-4 253 km to the east. Works in the archives of the Transbaikal State University in Chita have made it possible to identify similar features in the industries of Sukhotino-4 and Unenker located in the lower part of the Ingoda River valley (130 km to the east from Sukhotino-4). Field research at the Unenker site was conducted in 1984. Presently, the evidence of the Paleolithic Unenker site has been analyzed in detail. It has been discovered that stone artifacts from Unenker were identical to artifacts from Sukhotino-4 in terms of morphology and methods of tool production. The fact that the Unenker site belongs to the Khengerekte–Sukhotino culture makes it possible to expand the boundaries of the area where this culture was spread 130 km to the east. Judging by the geographical position of the Unenker and Sukhotino-4 sites, the Ingoda River valley should be considered as the most promising area in search for new sites of the Khengerekte–Sukhotino culture. Since the study of this culture is still at the early stage, the research problems to be addressed include the origin of this culture, directions of its expansion, specific regional features, etc.

Keywords: *Upper Palaeolithic, Early Upper Palaeolithic, Khengerekte–Sukhotino archaeological culture, stone industry, bifaces, Barun-Alan-1, Sukhotino-4, Western Transbaikal region, Eastern Transbaikal region.*

Введение

В ходе исследования многослойного местонахождения Барун-Алан-1 в Западном Забайкалье, начавшегося в 2004 г., получены археологические материалы, на основании которых установлено наличие своеобразной палеолитической каменной индустрии, имеющей четкие отличия от индустрий других палеолитических местонахождений Западного Забайкалья. Максимальная концентрация материалов новой каменной индустрии фиксировалась в подошве литологического слоя 6 и на контакте литологических слоев 6 и 7, который был обозначен как уровень 6/7. Археологические материалы этого уровня характеризуются преобладанием удлиненных отщепов, полученных при расщеплении плоскофронтальных одноплощадочных нуклеусов в параллельной системе расщепления. Подпризматические нуклеусы и крупные пластины редки в этой индустрии. Орудийный набор индустрии характеризуется преобладанием изделий на отщепах: скребла, скребки, ножи, реже встречаются долотовидные изделия и резцы. Большое количество изделий, преимущественно ножи, представлено бифасами, т.е. с двухсторонней обработкой поверхностей, близки им по форме унифасиально обработанные изделия [Ташак, 2011]. Своеобразный облик каменной индустрии, выделенной первоначально в нижнем уровне слоя 6 и на контакте слоев 6 и 7 – уровень 6/7 – позволил поставить вопрос о выделении новой археологической культуры в верхнем палеолите Западного Забайкалья [Ташак, 2010], названной – хэнгэрэктэ. Проблема в выделении новой культуры была связана с тем, что эта культура выделялась по материалам одного местонахождения.

Перспектива, в поиске общих черт каменной индустрии Барун-Алана-1 в индустриях местонахождений сопредельных территорий, обозначилась при рассмотрении материалов местонахождения Сухотино-4, расположенного на окраине г. Чита в Восточном Забайкалье. Несмотря на то, что полевые работы на Сухотино-4 проводились значительно раньше, чем было открыто местонахождение Барун-Алан-1, материалы Сухотино-4 публиковались в очень ограниченном объеме [Кириллов, 1973; 1980; 1986; 2003; Окладников, Кириллов, 1980], что не позволяло сделать выводы об основных направлениях развития его каменной индустрии. Изучение материалов местонахождения Сухотино-4, раскапывавшегося в 70-е и 80-е гг. XX в., показало, что эти материалы имеют значительное сходство с материалами культуры хэнгэрэктэ. Начатые исследования различных составляющих двух индустрий позволили прийти к выводу о полной идентичности некоторых из них. Например, бифасиально и унифасиально обработанные орудия Сухотино-4 и культуры хэнгэрэктэ имеют общность как в морфологии, так и в подходах к их изготовлению [Ташак, Ковычев, 2020]. На основании новых данных была предложена рабочая схема территориального распространения выделяемой культурной общности верхнего палеолита, первоначально обозначенной как палеолитическая культура хэнгэрэктэ [Ташак, 2020]. Согласно этой схеме, четко обозначилось распространение выделяемой культуры по линии запад – восток (с небольшим отклонением на юг): от Барун-Алана-1 на западе до Сухотино-4 на востоке, около 253 км по прямой линии.

Продолжившиеся исследования материалов палеолитических местонахождений, хранящихся в фондах Забайкальского государственного университета, показали, что распространение культуры с выраженной направленностью в индустрии на производство орудий-бифасов, типичных для рассматриваемых местонахождений, не ограничивается двумя крайними точками – Барун-Алан-1 на востоке Западного Забайкалья и Сухотино-4 в Восточном Забайкалье. В данной статье предложены к рассмотрению результаты анализа палеолитических артефактов археологического местонахождения Уненкер в Восточном Забайкалье,

открытого в 1984 г. в ходе исследований долины р. Ингода, осуществлявшихся под общим руководством И.И. Кириллова. Исследованные материалы находят аналогии в индустриях Сухотино-4 и Барун-Алана-1.

Местонахождение Уненкер, общие сведения

Местонахождение Уненкер расположено в Забайкальском крае (рис. 1), в 1,6 км на юго-восток от с. Уненкер и в 2 км прямо на юг от правого берега р. Ингода. Рельеф вдоль правого берега нижней части течения р. Ингоды сформирован невысокими отрогами среднегорного хребта Борщовочный. Максимальная высота отрогов над долиной Ингоды 200–250 м. Отроги вдоль правого берега Ингоды рассечены многочисленными распадками. Один из распадков, носящий название падь Бузунка, и расположенный юго-восточнее с. Уненкер, выходит устьем к правобережью Ингоды. Место находок археологических материалов приурочено к подножию небольшой возвышенности по левому борту в устье пади Бузунка. Подножие возвышенности, изрезанное эрозионными оврагами и промоинами, представляет собой террасовидный уступ (2-я терраса), возвышающийся над поймой Ингоды на 15–20 м. Наличие оврагов и промоин позволяют проследить стратиграфические уровни рыхлых отложений и уровни залегания в них артефактов.

Артефакты эпохи палеолита, концентрирующиеся в двух компактных скоплениях, залегали выше по склону от артефактов бронзового века. Судя по наблюдениям отложений в эрозионных промоинах, палеолитические каменные изделия и отходы их производства залегали на глубине до одного метра, в кровле песчанистых отложений аллювиального генезиса, сразу под слоем темно-серых иловатых суглинков мощностью до 5 см, что значительно ниже уровня залегания артефактов бронзового века. Вероятно, палеолитическая стоянка, оставившая культурный горизонт, функционировала в самом начале формирования слоя темно-серых суглинков.

Археологические материалы

Согласно дневниковой записи 1984 г., коллекция палеолитических каменных артефактов местонахождения Уненкер состояла из 280 находок. Они собраны в двух компактных группах – пункты «А» и «Б», без присутствия артефактов бронзового века. Морфологически и типологически артефакты из двух, расположенных рядом, пунктов ничем не отличаются друг от друга. В ходе работы над настоящей статьей учтено 206 артефактов. Сбор артефактов осуществлялся как сплошной без какой-либо выборки, что позволяет характеризовать каменную индустрию максимально полно, с учетом всех доступных для изучения материалов. Большая часть артефактов представлена различными отщепами: 164 экземпляра, из которых почти треть мелкие отщепы и обломки размерами менее 1 × 1 см (54 экз.), почти столько же отщепов размерами 1 × 2 см (55 экз.), отщепы размерами около 2 × 3 см

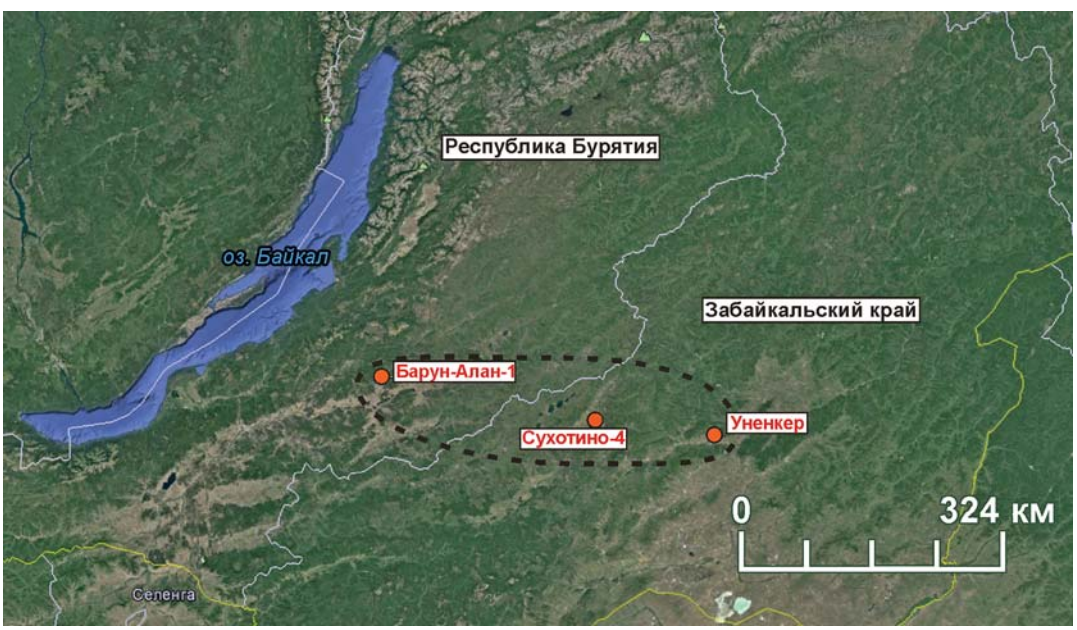

Рис. 1. Схема расположения палеолитических местонахождений культуры хэнгэрэктэ-сухотино в Забайкалье. Контуром выделен выявленный ареал распространения культуры.

(34 экз.). Крупные отщепы представлены 12 экземплярами. Первичные отщепы – 23 экземпляра, при исключении из подсчета микроотщепов. Основная масса отщепов представляет собой отходы расщепления. В составе коллекции три крупных нуклевидных обломка сырья и две оббитые гальки. Целые нуклеусы, характеризующие макроиндустрию, отсутствуют. Основой большинства орудий послужили отщепы – 18 экземпляров. Половина, из указанного числа орудий, представляет собой сломанные изделия с краевой ретушью. Среди целых изделий следует отметить два концевых скребка с широким лезвием и узким противоположным краем, что типично для индустрии Сухотино-4, один отщеп с краевой ретушированной выемкой. Группа концевых скребков дополняется одним обломком с лезвийной частью. Два первичных отщепа с отвесной краевой ретушью.

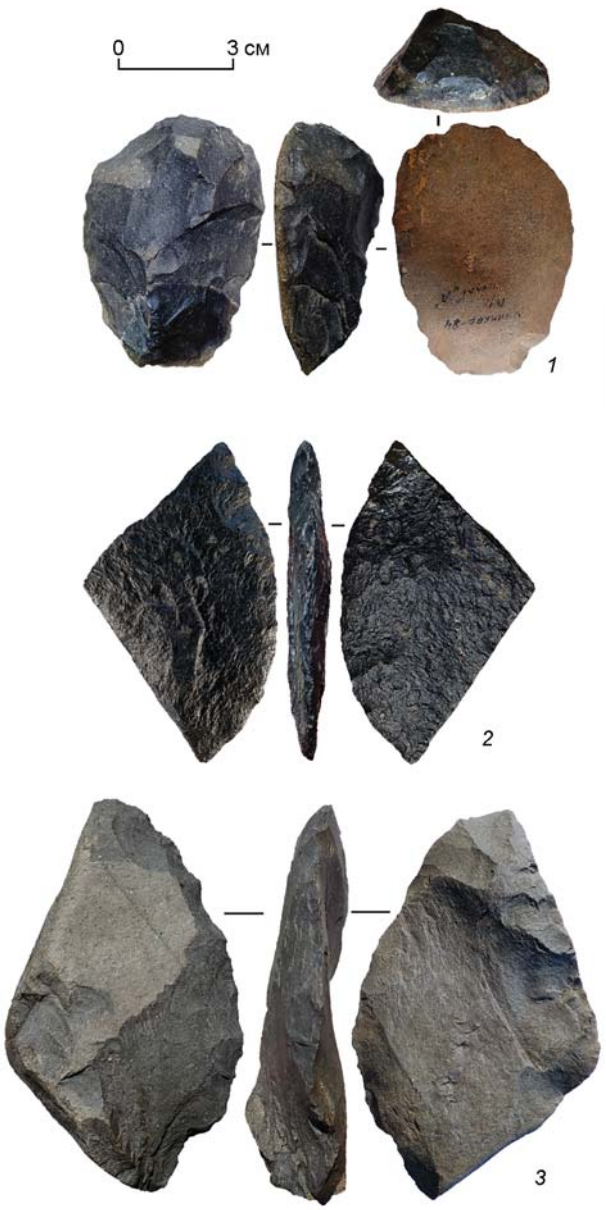

Рис. 2. Артефакты местонахождения Уненкер.
1 – скребло высокой формы; *2, 3* – бифасы сегментовидные.

Одно крупное и массивное в сечении скребло, по форме напоминающее концевой скребок, изготовлено как унифас из целой, уплощенной гальки овальной формы (рис. 2, *1*). При изготовлении скребла плоская поверхность полностью сохранилась с галечной коркой, противоположная поверхность полностью оббита, но на ней сохранился очень маленький участок с галечной коркой, что и позволяет реконструировать процесс изготовления орудия из целой гальки, а не из крупного первичного отщепа. Подобные массивные скребла высокой формы, напоминающие концевые скребки, типичны в индустриях Барун-Алана-1 и Сухотино-4, они изготавливались как из цельных кусков сырья, так и из крупных отщепов. Еще одно скребло оформлено на массивном краевом первичном отщепе, сколотом с крупной гальки: один продольный край отщепа подработан краевой дорсальной ретушью. Такие отщепы маркируют начало расщепления каменного сырья, которое начинается с углового выступа, естественного или специально оформленного. При таком начале в дальнейшем осуществлялось расщепление в параллельной последовательности. Следует заметить, что при изготовлении орудий предпочтение отдавалось пластинчатым отщепам (сколы, напоминающие пластины, длина которых не позволяет их отнести к категории пластин), которые и были основными сколами-заготовками.

Два скола, которыми сняты фронтальные поверхности нуклеусов, демонстрируют первичное расщепление, направленное на получение микропластин и пластинок. Один скол с узкого фронта торцового клиновидного нуклеуса, второй – с мелкого подпризматического, предназначенного для скалывания пластинок. Указанные нуклеусы типичны для всех горизонтов Сухотино-4. Кроме этого, в коллекции представлена заготовка клиновидного нуклеуса на пластинчатом отщепе: подготовлена ударная площадка и оформлен клин. Продукты пластинчатого расщепления представлены одной целой и пятью фрагментированными микропластинами, шестью фрагментами пластинок, тремя фрагментами пластин и тремя целыми пластинами. Все микропластинки без видимых следов использования в работе. По одному фрагменту пластинки и крупной пластины с краевой дорсальной ретушью (рис. 3, *6*). Еще одна фрагментированная пластина послужила основой для долотовидного орудия. Два трансверсальных резца изготовлены на пластинчатых отщепах (рис. 3, *4, 5*), точнее, на неудавшихся пластинках.

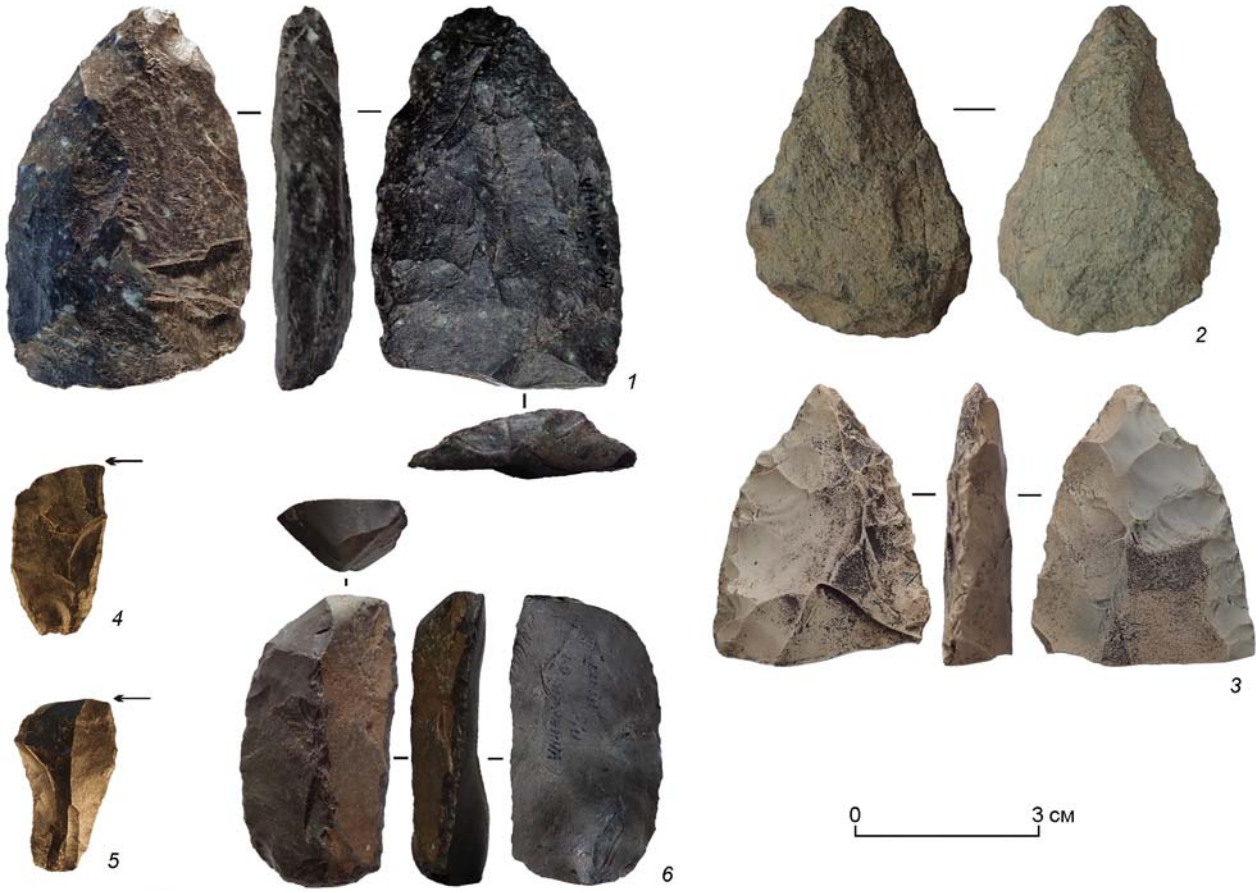

Рис. 3. Артефакты местонахождения Уненкер.

1–3 – бифасы остроконечные; *4, 5* – резцы; *6* – фрагмент пластины с краевой дорсальной ретушью.

Группа изделий представлена бифасами – 6 экземпляров. Два остроконечных бифаса однотипны: листовидные, короткие, напоминающие наконечники со слабо выраженной конвергентностью краев, которая увеличивается только в зоне острия, один из них фрагментирован (рис. 3, *3*). Второй целый с ровной, слегка скошенной к одному краю базальной частью (рис. 3, *1*). Третий бифас, по форме миндалевидный, отличается от двух других выраженной конвергентностью краев, начинающейся от базальной части, дугообразно выпуклой и уплощенной двусторонней подтеской (рис. 3, *2*). Два бифаса представляют собой ножи с выпуклыми лезвиями. Они аналогичны по форме, но изготовлены разными способами. Одно орудие получено в результате фрагментации крупного округлого или овального бифаса (рис. 2, *2*). При фрагментации у него образовались две плоскости слома, сходящиеся почти под прямым углом, край одной из плоскостей слома был частично подработан ретушью. Как сама фрагментация, так и ретуширование краев у плоскостей слома – элементы широко распространенные в индустриях Барун-Алана-1 и Сухотино-4 при изготовлении подобных изделий. Аналогично ему по форме второе орудие, но изготовлено оно из первичного отщепа (рис. 2, *3*), у которого сохранились естественные обушки, в отличие от плоскостей слома у первого орудия. Такие орудия относятся к группе сегментовидных бифасов, выделенных при анализе материалов Сухотино-4 [Ташак, Ковычев, 2020, с. 12, 13]. Шестой бифас представлен обломком.

Обсуждение и заключение

Рассмотренные палеолитические артефакты местонахождения Уненкер полностью вписываются в рамки каменной индустрии Сухотино-4, в которой широко представлены: орудия-бифасы; унифасиально обработанные скребла высокой формы; изделия на крупных продолговатых отщепах, полученных в параллельной системе расщепления одноплощадочных плоскофронтальных и, реже, подпризматических нуклеусов. Важную роль в индустрии Сухотино-4 играла микроиндустрия, основанная на скалывании микропластин с торцовых клиновидных микронуклеусов. Более крупные торцовые и подпризматические нуклеусы предназначались

для получения пластинок. Все указанные атрибуты индустрии прослеживаются в материалах Уненкера, что и позволяет рассматривать индустрии Уненкера и Сухотино-4 как идентичные. Кроме этого, местонахождения занимают аналогичные позиции в плане геоморфологии: расположение Сухотино-4 связывается с 2-й надпойменной террасой р. Ингода [Кириллов, 2003; Окладников, Кириллов, 1980]; согласно дневниковым записям, с этой же террасой связано местонахождение Уненкер, что подразумевает хронологическую близость или одновременность формирования культурных горизонтов двух древних поселений.

На основе проведенных ранее исследований установлено, что индустрия Сухотино-4 и индустрия хэнгэрэктэ, выделенная при изучении Барун-Алана-1 [Ташак, 2010] являются составными частями единой археологической культуры, которую предложено назвать хэгэрэктэ-сухотино [Ташак, 2020]. На основе хронологических исследований Сухотино-4 и Барун-Алана-1 установлен период существования этой культуры, который полностью совпадает с эпохой сартанского похолодания и, вполне вероятно, захватывает финальную стадию каргинского интерстадиала [Ташак, 2020, с. 125, 126]. Финальная стадия существования культуры приходится на заключительную фазу сартанского похолодания, что устанавливается по радиоуглеродной дате из Сухотино-4: 11900 ± 130 л.н. (СОАН-841) [Окладников, Кириллов, 1980, с. 51]. Наиболее древние радиоуглеродные даты происходят из уровня 7б слоя 7 Барун-Алана-1: 22920 ± 140 (ТКа-17114) [Ташак, 2020, с. 126], в калиброванных значениях (получены в калибровочной программе OxCal 4.4) [Bronk Ramsey, 2009] время накопления уровня 7б приходится на диапазон 27325–27155 л.н., с вероятностью 68,3 %, т.е. на заключительную фазу каргинского интерстадиала. Для уровня 7в слоя 7, в котором преобладают элементы индустрии хэнгэрэктэ, по образцу древесного угля, в рамках экспериментального датирования, получена дата 26911 ± 975 л.н. – NSKA-(s571) или в диапазоне калиброванных значений 32140–30035 л.н. Как видно из приведенных датировок, наиболее ранние проявления культуры хэнгэрэктэ-сухотино фиксируются на позднем этапе раннего верхнего палеолита и сопоставимы по возрасту с поздними уровнями проявления толбагинской палеолитической культуры. Поскольку для местонахождения Уненкер в настоящее время применимо только датирование по аналогиям, его можно датировать в этом широком диапазоне – от финала раннего этапа верхнего палеолита до финала поздней стадии верхнего палеолита. Вместе с тем, не подлежит сомнению тот факт, что индустрия этого местонахождения входит в число индустрий, объединяемых культурой хэнгэрэктэ-сухотино. Установление того, что археологическое местонахождение верхнего палеолита Забайкалья – Уненкер относится к культуре хэнгэрэктэ-сухотино, позволяет расширить ареал распространения этой культуры. Данный ареал очерчивается по крайним местонахождениям: Барун-Алан-1, с окружающими его однотипными стоянками Хэнгэр-Тын-3 «Святилище» и Слоистая Скала, на западе и Уненкер на востоке, около 387 км по прямой линии с запада на восток (см. рис. 1). На востоке третью часть этого расстояния составляет дистанция между Сухотино-4 и Уненкером – 130 км. Кроме этого, эти два местонахождения объединены долиной одной реки Ингода и аналогичным расположением над рекой. Барун-Алан-1, расположенный в 253 км западнее Сухотино-4, находится в долине небольшой речки Алан, входящей в речную систему бассейна Ледовитого океана, в отличие от Ингоды (бассейн Тихого океана). Также Барун-Алан-1 расположен на склонах горы, а не связан с террасовыми уровнями рек. Эти различия показывают, что носители культуры хэнгэрэктэ-сухотино приспосабливались к различным ландшафтным зонам и осваивали обширную территорию на протяжении от финальной стадии раннего этапа верхнего палеолита до финала поздней стадии верхнего палеолита. Наиболее полные данные по культуре хэнгэрэктэ-сухотино получены с местонахождений, расположенных строго по линии запад – восток. Установление факта принадлежности местонахождения Уненкер к этой культуре позволило «удлинить» линию на 130 км на восток. Исходя из расположения Уненкера и Сухотино-4, следует рассматривать долину Ингоды как наиболее перспективную территорию для поиска новых местонахождений культуры хэнгэрэктэ-сухотино. Поскольку исследование этой культуры как целостного явления только начинается, то на повестку дня выходят такие вопросы как последовательность освоения территорий носителями данной культуры, ее происхождение, региональные особенности развития и ряд других.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 19-18-00198).

Список литературы

Кириллов И.И. Палеолитические стоянки Сохатино (Титовская сопка) // Вопросы краеведения Забайкалья. – Чита: Управление издательств, типографии и книжной

торговли Читинского облисполкома, 1973. Вып. 1. – С. 168–183.

Кириллов И.И. Предметы изобразительного искусства палеолитического поселения Сохатино IV (Титовская сопка) // Звери в камне. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. 1980. – С. 239–246.

Кириллов И.И. Новые данные о поселении древнекаменного века Сухотино-4 из Восточного Забайкалья // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1986. – С. 146–147.

Кириллов И.И. Хозяйственно-бытовые комплексы и некоторые группы артефактов как свидетельства развития духовной культуры и зарождения научных знаний в позднем палеолите (на примере многослойного поселения Сухотино-4) // Культурно-исторические формы поведения человека. Чита: Поиск, 2003. С. 3–11.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Ташак В.И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского гос. ун-та. Вып. 8. Востоковедение, 2010. С. 234–241.

Ташак В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск : Изд-во Уссурийского гос. пед. ин-та, 2011. С. 130–140.

Ташак В.И. Археологическая культура с бифасами в верхнем палеолите Забайкалья // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 3 (31). С. 119–133. doi:10.14258/tpai(2020)3(31).-10

Ташак В.И., Ковычев Е.В. Бифасиальные орудия в каменной индустрии Сухотино-4 (Восточное Забайкалье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3. С. 9–31. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon,* 2009, Vol. 51(1), P. 337–360.

References

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates. *Radiocarbon,* 2009. Vol. 51(1). P. 337–360.

Kirillov I.I. Paleoliticheskaiye stoyanki Suhotino (Titivskaya sopka). In *Voprosy kraevedeniya Zabaikal'ya*. Chita, Upravlenie izdatel'stv, tipographii i knizhnoi torgovli Chitinskogo oblispolkoma Press, 1973. Is. 1, P. 168–183. (In Russ.).

Kirillov I.I. Predmety izobrazitel'nogo iskusstva paleoliticheskogo poseleniya Sohatino IV. In *Zveri v kamne*. Novosibirsk: SO RAN Press, 1980. P. 239–246. (In Russ.).

Kirillov I.I. Novye dannye o poselenii drevnekamennogo veka Suhotino-4 iz Vostochnoga Zabaikal'ya. In *Pamyatniki drevnih kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, Institut istorii, filologii I filosofii SO RAN SSSR Press, 1986, P. 146–147. (In Russ.).

Kirillov I.I. Hozyaistvenno-bytovye kompleksy I nekotorye gruppy artefactov kak svidetel'stva razvitiya duhovnoi kul'tury I zarozhdeniya nauchnih znanii v pozdnem paleolite (na primere mnogosloinogo poseleniya Suhotino-4). In *Kul'turno-istoricheskie formy povedeniya cheloveka*. Chita: Poisk Press, 2003. P. 3–11. (In Russ.).

Okladnikov A. P., Kirillov I. I. Yugo-Vostochnoe Zabaikalie v epokhu kamnya i rannei bronzy. Novosibirsk, Nauka Press, 1980, 278 p. (In Russ.).

Tashak V.I. K obosnovaniyu novoi arkheologicheskoi kultury v verkhnem paleolite Zabaikaliya. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie,* 2010. Vol. 8. P. 234–241. (In Russ.).

Tashak V.I. Bifasialnye izdeliya v paleolite Zabaikaliya. In *Aktualnye problemy arkheologii Sibiri i Dalnego Vostoka*. Ussuriysk, Ussuriyskiy gosularstvennyy universitet Press, 2011. P. 130–140. (In Russ.).

Tashak V.I. Archaeological culture with bifaces in the Upper Palaeolithic of Transbaikalia. *Theory and practice of archaeological research*, 2020, no. 3. P. 119–133. (In Russ.). doi: 10.14258/tpai(2020)3(31).-10

Tashak V.I., Kovychev E.V. Bifacial tools of stone industry Sukhotino-4 (Eastern Transbaikalia). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2020. Vol. 16, no. 3. P. 9–31. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-9-31

Ташак В.И. https://orcid.org/0000-0003-1891-9915
Ковычев Е.В. https://orcid.org/0000-0002-8737-5280

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0266-0273
УДК 902

И.В. Толпеко[1]✉, К.Н. Тихомиров[2]

[1]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: itolpeko@yandex.ru; ktikhomirov@gmail.com

Ранние комплексы поселения Айлинка VIII

В статье рассматриваются результаты рекогносцировочного исследования памятника Айлинка VIII, расположенного на правобережной террасе р. Шиш – правом притоке р. Иртыш, на территории д. Айлинка. В ходе работ выявлены материалы нескольких культурно-хронологических периодов. Самый ранний комплекс представлен фрагментами от толстостенной плоскодонной профилированной посуды, орнаментированной преимущественно неглубокими округлыми вдавлениями, образующими разнонаправленные прямые линии. Срез венчика скошен внутрь и слегка отогнут. Профиль придонной части вогнутый, с выступом по краю дна, орнаментированным вдавлениями. Такая керамика имеет аналогии в материалах памятников Барабинской лесостепи, которые были отнесены В.В. Бобровым к боборыкинской, а позднее В.И. Молодиным к барабинской ранненеолитической культуре (VII тыс. до н.э.). Еще один керамический комплекс памятника представлен фрагментами сосудов екатерининской культуры, орнаментированными по преимуществу горизонтальными рядами косопоставленного гребенчатого и гладкого штампов и ямками. Последний из ранних комплексов керамики содержит плоскодонную посуду эпохи ранней бронзы, орнаментированную гребенчатым штампом. В ходе раскопок была также получена коллекция изделий из камня, представленная преимущественно изделиями из кварцита (пластины, скребки) и микропластиной из яшмы. Установлен многослойный характер памятника и приоритетный выбор исследованного места для обитания населением в период неолита – ранней бронзы. Выявлены вероятные котлованы жилищ, связанные с ранними горизонтами обитания. Представленный в публикации ранненеолитический керамический комплекс не только закрывает лакуну между мезолитом и поздним неолитом на территории Среднего Прииртышья, но и расширяет ареал распространения памятников с плоскодонной неолитической керамикой на юге Западной Сибири. Соотнесение его с какой-либо археологической культурой на данный момент находится в рамках развернувшейся в последние годы дискуссии о культурной принадлежности комплексов с плоскодонной профилированной неолитической керамикой на этой территории.

Ключевые слова: *южнотаежная зона Среднего Прииртышья, поселение Айлинка VIII, плоскодонная керамика раннего неолита, боборыкинская культура, екатерининская культура, керамические комплексы, каменная индустрия.*

I.V. Tolpeko[1]✉, K.N. Tikhomirov[2]

[1]Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
[2]Institute Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: itolpeko@yandex.ru; ktikhomirov@gmail.com

Early Complexes of the Aylinka VIII Settlement

The article discusses the results of a reconnaissance study of the Aylinka VIII site, located on the right-bank terrace of the Shish River, the right tributary of the Irtysh River, in the territory of the village of Aylinka. During the work, materials from several cultural and chronological periods were revealed. The earliest complex is represented by fragments from thick-walled, flat-bottomed profiled dishes, ornamented mainly with shallow rounded indentations forming multidirectional straight lines. The section of the corolla is beveled inwards and slightly bent. The profile of the bottom part is concave, with a protrusion along the edge of the bottom, ornamented with indentations. Such ceramics have parallels in the materials of the sites from the Baraba forest-steppe, which were attributed by V.V. Bobrov to the Boborykino culture, and later by V.I. Molodin to the

Baraba Early Neolithic culture (the 7th millennium BC). Another ceramic complex from the site is represented by fragments of vessels of the Ekaterininskaya culture, ornamented mainly by horizontal rows of oblique combed and smooth stamps and pits. The last of the early ceramics complexes contains flat-bottomed dishes of the Early Bronze Age, ornamented with a comb stamp. During the excavations, a collection of stone products was also obtained, which was represented mainly by the products made of quartzite (plates, scrapers), and a microplate made of jasper. The multilayered nature of the site and the priority choice of the studied habitat by the population during the Neolithic–Early Bronze Age were established. Probable pits of dwellings associated with early horizons of habitation have been identified. The Early Neolithic ceramic complex presented in the publication not only closes the gap between the Mesolithic and the Late Neolithic in the Middle Irtysh region, but also expands the area of distribution of the sites with flat-bottomed Neolithic ceramics in the southwestern Siberia. Its correlation with any archaeological culture is currently within the framework of the discussion that has unfolded in the recent years about the cultural affiliation of the complexes with flat-bottomed profiled Neolithic ceramics in the territory.

Keywords: *south Taiga zone of the Middle Irtysh region, Aylinka VIII settlement, flat-bottomed ceramics of the early Neolithic, Boborykino culture, Ekaterininskaya culture, ceramic complexes, lithic industry.*

Археологические исследования в Знаменском р-не Омской обл. проводятся К.Н. Тихомировым с 2001 г. В ходе работ обнаружено 11 новых и обследовано два известных памятника эпохи неолита – ранней бронзы [Тихомиров, 2019]. Одним из выявленных стало поселение Айлинка VIII, открытое в 2017 г. в результате шурфовки бровки террасы правого берега р. Шиш (рис. 1, 2) в центре д. Айлинка. Памятник находится на останце первой надпойменной сильно сглаженной террасы. Его гребень, по которому проходит грунтовая дорога (бывшая ул. Мира д. Айлинка), смещен от центра к югу. В целом он поднимается с востока на запад к центру деревни. Северная сторона останца сильно сглаженная, южная более крутая. С северной, западной и южной сторон под ним находятся русла высыхающих ручьев. В пойме с юго-запада и с юга от него расположены две старицы р. Шиш. В них когда-то впадали эти ручьи. Одна из стариц полностью высохла. Вторая до сих пор соединяется с р. Шиш. Возможно, в древности и пересохшая старица тоже была меандром р. Шиш. В этом случае она практически омывала останец. С юго-запада и запада к нему подступает заболоченная пойма р. Шиш. По информации местных жителей (Н.М. Гайко и др.) в обильные половодья вода доходила до самого останца.

В настоящее время на останце выявлены 5 памятников, содержащих материалы эпохи неолита – ранней бронзы (поселения Айлинка I, III, V, VI, VIII). Все они находятся на крутой южной бровке останца.

Поверхность памятника Айлинка VIII неровная, в настоящее время она поросла травой и свободна от деревьев. По сведениям, полученным от потомков основателей д. Айлинка (существовавшей с конца XIX в.), ранее на этом месте рос сосновый бор. Границы памятника определены по распространению керамики, в т.ч. на грунтовой дороге (бывшая ул. Мира). К сожалению, поверхность этой части поселения была сильно нарушена деятельностью человека. В районе закладки шурфа располагался центр д. Айлинка – клуб, столовая, магазин. Это привело к значительному искажению дневной поверхности – на глубину 30–35 см слой был насыщен различными предметами XX в.

Площадь раскопа, ориентированного С–Ю, составила 12 м^2. Выборка осуществлялась условными горизонтами по 10 см. При исследовании первого и второго горизонтов зафиксированы лишь материалы деревни XX в.

На памятнике Айлинка VIII было выявлено четыре этапа заселения этой территории. Целью данной работы является анализ культурно-хронологических комплексов эпохи неолита – раннего металла. Самый ранний представлен керамикой, имеющей несомненное сходство с посудой боборыкинской культуры. Выделены 10 фрагментов, в т.ч. один венчик и одна придонная часть (рис. 3). Наиболее распространенный орнамент – неглубокие ямочные наколы. Они выполнены орнаментиром с округлым окончанием, который ставился перпендикулярно поверхности сосуда, иногда под небольшим углом. От его постановки зависела форма отпечатка, а от степени углубления – диаметр ямки. Ямочные наколы образуют рисунок из прямых горизонтальных, вертикальных и диагональных линий, расположенных параллельно друг другу или треугольниками. Композиции проследить невозможно ввиду малого размера фрагментов. Такая орнаментация является традиционной для керамики боборыкинского типа и хорошо представлена, например, на боборыкинских поселениях с южного берега Андреевского озера – ЮАО V [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 12, *10, 11*; 14, *6*; 15, *2, 4,6*; 16, *7*], ЮАО IX [Там же, рис. 30; 32, *3, 4*; 33, *1, 4, 5*], ЮАО XII [Там же, рис. 38, *1, 3, 5, 6*]. На одном из фрагментов зафиксирован горизонтальный ряд из прочерченных крестов (рис. 3, *5*), что также находит параллели в керамике указанных памятников [Там же, рис. 38, *6*]. Венчик боборыкинского типа в коллекции Айлинки VIII представлен единственным экземпляром от сосуда закрытой баночной формы (рис. 3, *1*). Орнаментирован он в той же манере, как

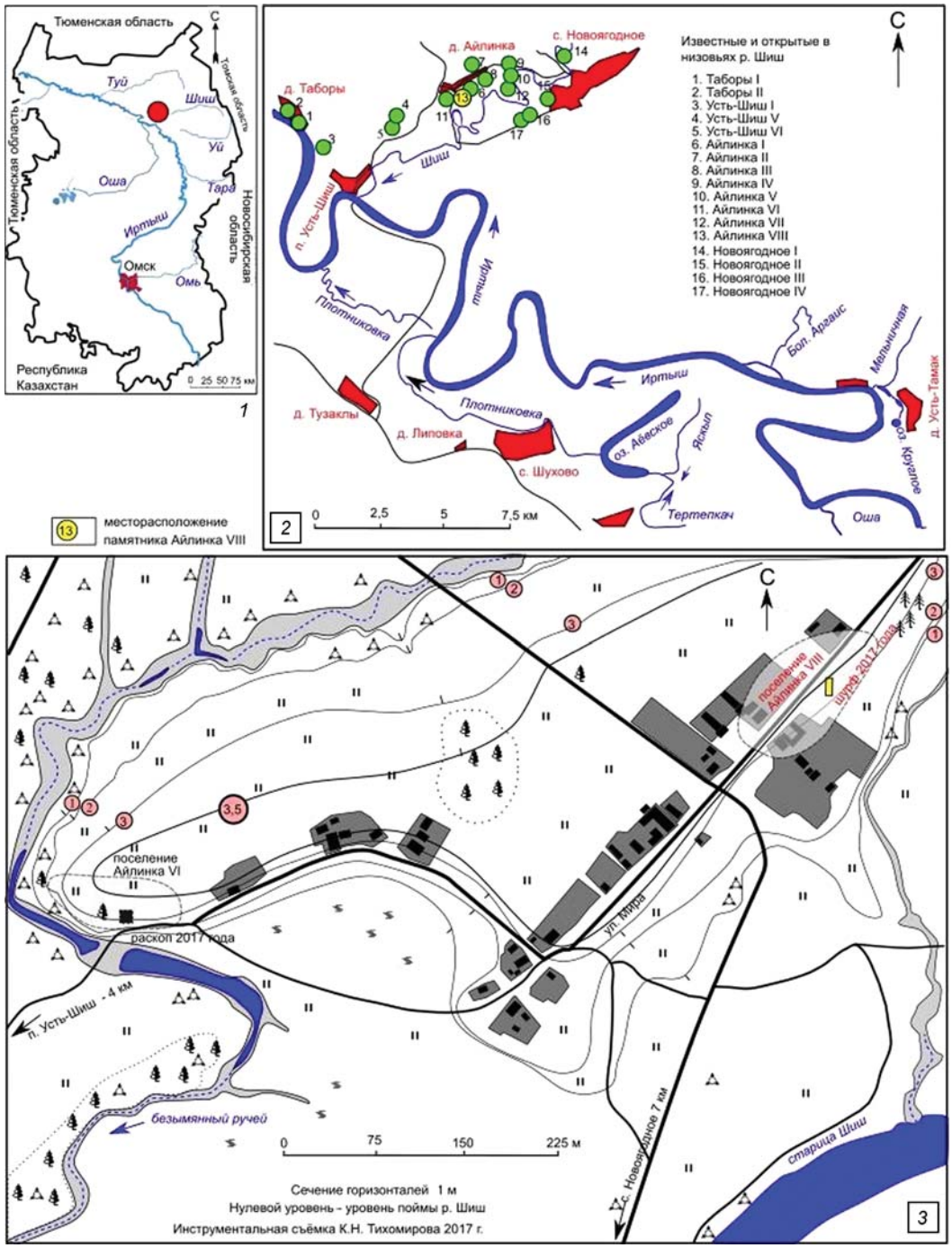

Рис. 1. Ситуационный план памятника Айлинка VIII.

1 – на схеме Омской обл.; *2* – на схеме расположения памятников в Знаменском р-не у д. Айлинка; *3* – расположение памятника на схеме южной части д. Айлинка.

и описанные выше фрагменты – горизонтальными и диагональными рядами неглубоких ямочных наколов. Край прямой, скошен внутрь, снаружи с наплывом, украшен по срезу крупными глубокими вдавлениями. Внутреннее ребро края венчика прямое, а внешнее волнистое. На фрагменте присутствует сквозное отверстие, выполненное при помощи одностороннего сверления с внешней стороны. Выход изнутри аккуратный, край подправлен пришлифовкой. Просверленные отверстия не редкость на керамике боборыкинского типа [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 45, *3*; 46, *2, 3*; 68, *2*; 78, *3*; 79, *3*; 89, *1*].

В коллекции представлен фрагмент стенки из зоны венчика горшковидного сосуда (рис. 3, *3*). Присутствует значительный изгиб на внешнюю сторону. Орнамент нанесен в зоне под венчиком в виде горизонтальной линии неглубоких круглых ямочных наколов и ямок, прослеживаемых на сломе.

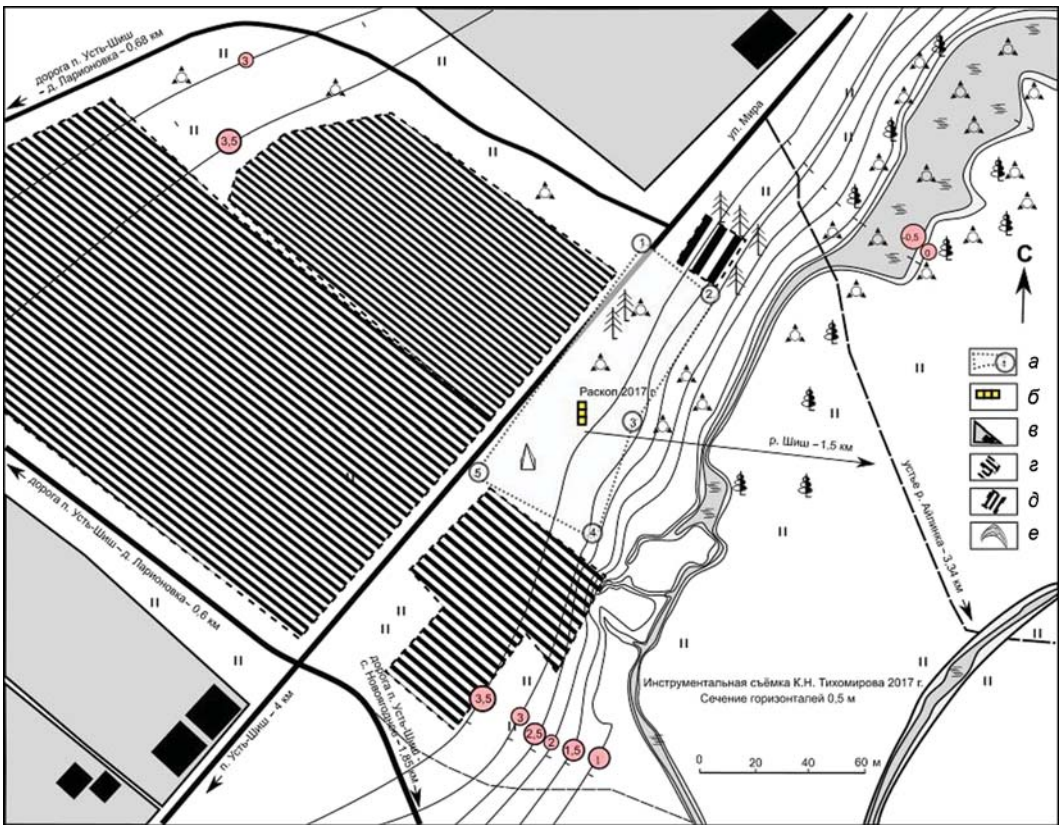

Рис. 2. План памятника Айлинка VIII.

а – территория памятника с поворотными точками; *б* – шурф 2017 г.; *в* – действующие и заброшенные усадьбы; *г* – сгоревшие усадьбы; *д* – месторасположение клуба; *е* – русло пересохшего безымянного ручья.

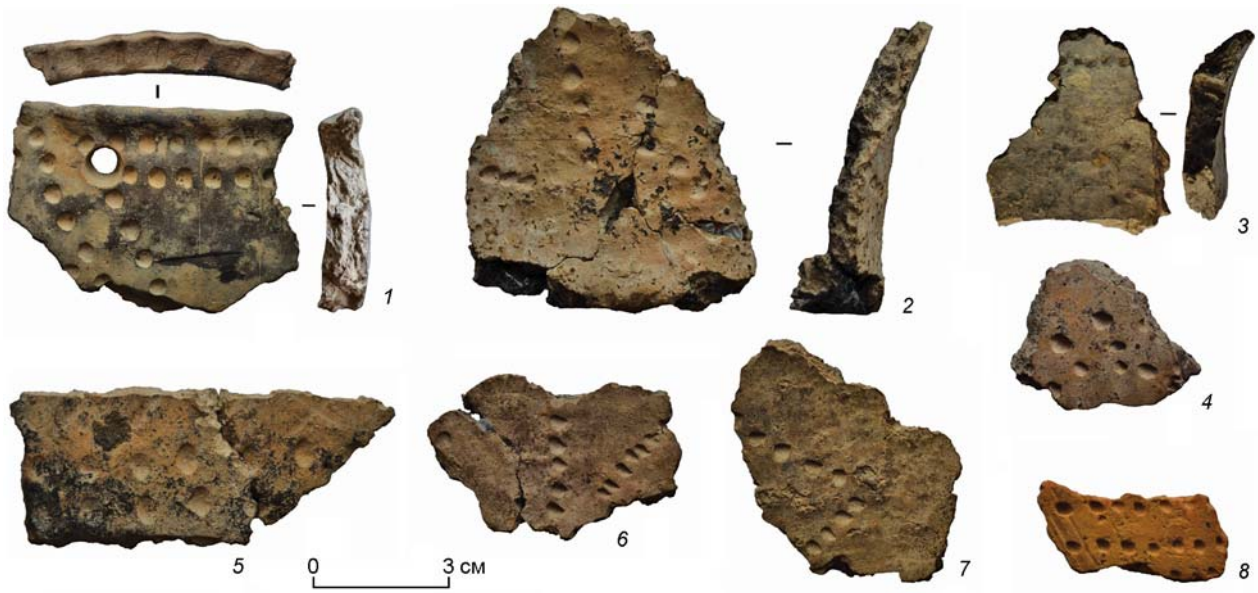

Рис. 3. Ранненеолитическая керамика поселения Айлинка VIII.

К боборыкинскому типу относится часть стенки с небольшим участком дна от плоскодонного сосуда (рис. 3, *2*). Изгиб подчеркивает характерный для этой керамики выступ при переходе стенки в дно. Толщина стенки сосуда 8 мм, у дна – 11,6 мм, донце – 10,3 мм. Стенка орнаментирована неглубокими ямочными наколами, образующими прямые линии, радиально расходящиеся ото дна. Подобные композиции встречаются на керамике боборыкинского типа [Ковалева, Зырянова, 2010, рис. 16, *7*; 90, *7*]. Выступ у дна украшен такими же наколами.

Сосуды боборыкинского типа характеризует разнообразие орнаментации. Интересно, что для рассматриваемого комплекса керамики памятника Айлинка VIII характерен только один вид – неглубокие округлые наколы. Лишь на одном фрагменте они дополнены прочерченными крестами (рис. 3, *5*) и еще в двух случаях фиксируются тонкие прочерченные линии. При этом, судя по целому ряду признаков, в коллекции представлены фрагменты от нескольких сосудов.

Тесто керамики этого комплекса рыхлое, слоистое. Состав формовочной массы определялся визуально. Фиксировались только примеси, видимые в изломе или на поверхности фрагментов. В качестве основы использовалась глина с железистыми включениями, в которую добавлялось большое количество шамота разной фракции (размером до 5,7 мм). Это приводило к растрескиванию в процессе сушки и обжига (рис. 3, *3, 7*). Фиксируется включение органики и костной дресвы.

Выделяется один фрагмент стенки сосуда с толщиной 5,3 мм (при этом размер включений шамота достигает 3,6 мм). От остальных его отличает и равномерный ярко оранжевый цвет черепка (рис. 3, *8*). Толщина другого фрагмента варьирует от 10,6 до 12,2 мм (рис. 3, *5*). У остальных восьми фрагментов она составляет от 7 до 9 мм. В целом можно говорить об относительной толстостенности посуды.

Территориально наиболее близкие аналогии этот комплекс находит в северо-западных районах Барабинской лесостепи, где на сегодняшний день в окрестностях с. Венгерово Новосибирской обл. выявлено и исследовано несколько памятников, содержащих керамику «плоскодонного» неолита: Тартас-1, Усть-Тартас-1, Автодром-1, 2, Старый Московский Тракт-5 [Бобров, 2020, с. 155].

Второй из ранних комплексов представлен фрагментами екатерининской керамики (рис. 4). Всего удалось выделить четыре сосуда. Первый представлен небольшим фрагментом венчика (рис. 4, *2)*. Он прямой, край в профиле округлый, толщина стенки 5 мм. Орнаментирован горизонтальными рядами косо поставленного мелкозубого гребенчатого штампа и рядами полулунных ямок, нанесенных поверх гребенки.

Второй сосуд представлен пятью фрагментами, венчик отсутствует (рис. 4, *8, 9*). Стенка орнаментирована горизонтальными рядами косо поставленного мелкозубого гребенчатого штампа. Его отличительной особенностью является чередование наклона штампа – справа – налево и слева – направо, а также широкая полоса между этими монотонными рядами, заполненная мотивом из короткой горизонтальной прямой линии и трех прямых линий, спускающихся от нее посередине прямо и по краям наискосок. В результате они образуют высокую трапецию, рассеченную пополам. Линии выполнены наколами, вероятно был использован уголок того же гребенчатого штампа, что на основном орнаменте. Толщина стенки сосуда 5,2 мм.

Третий сосуд представлен большим фрагментом венчика и части стенки, а также десятью от-

Рис. 4. Керамика екатерининской культуры поселения Айлинка VIII.

дельными фрагментами (рис. 4, *1)*. Венчик прямой, в профиле округлый, по верху местами угадывается слабая волна. Сосуд орнаментирован чередованием горизонтальных линий двойного зигзага и двух рядов косо поставленного гребенчатого штампа (тонкий, четырехзубый). Зигзаг выполнен тем же штампом. Оригинальность орнаментации придает постановка инструмента – всей поверхностью, без акцента на уголок. Сосуд интересен также пятью отверстиями, которые выполнены односторонним сверлением с внешней стороны. Четыре из них хаотично разбросаны в зоне под венчиком. Пятое находится на отдельном фрагменте, однако, судя по орнаментации, оно тоже располагалось под венчиком. В отличие от отверстия на венчике сосуда боборыкинского типа, описанного выше, в данном случае они выполнены неаккуратно: края неровные, геометрия нарушена, с внутренней стороны значительная по размеру и глубине выкрошенность. Судя по расположению отверстий, они были предназначены для ремонта сосуда. Толщина стенки составляет от 5,4 до 6,3 мм, под венчиком – 4,9 мм.

Четвертый сосуд представлен фрагментом стенки с венчиком и семью отдельными фрагментами стенки (рис. 4, *5)*. Венчик прямой, в профиле уплощенный. Орнаментирован горизонтальными и диагональными рядами косо поставленного гладкого штампа. Поверх этой орнаментации были нанесены ямки: в зоне под венчиком круглые в два ряда, посередине полосы с диагональным заполнением – один ряд, а ниже, где вновь появились горизонтальные ряды штампа, – еще один. Интересно, что под венчиком ямки круглые, а в двух нижних рядах – полулунные. В целом орнаментация этого сосуда выглядит не типичной для екатерининской керамики, однако состав теста, форма венчика, толщина стенки (5,8 мм, у венчика – 4,8 мм), зонирование и форма ямок позволяют отнести его именно к этому комплексу. В коллекции присутствуют еще 12 небольших фрагментов стенок сосудов, орнаментированных рядами косо поставленного гребенчатого штампа (рис. 4, *3, 4, 6, 7)*.

Тесто у керамики этого типа плотное, хотя и содержит довольно много шамота, отдельные фракции которого достигают 4 мм. В составе хорошо фиксируется песок. Сосуды тонкостенные, толщина фрагментов, за единичным исключением находится в диапазоне от 5 до 7 мм. Две трети укладываются в пределы 5–6 мм.

Изделия из камня в материалах памятника представлены в количестве 17 экз. 12 сделаны из кварцитового песчаника серого и серовато-белого цвета. Качество у последней разновидности сырья (9 экз.) очень плохое – зерна крупные, слабо сцементированы (рис. 5, *3–10*). Некоторые экземпляры крошатся. Такой материал сильно ограничивал возможность изготовления орудий морфологически выраженных форм. Острое лезвие в данном случае также получить было невозможно. Первичное расщепление представлено сильно истощенным одноплощадоч-

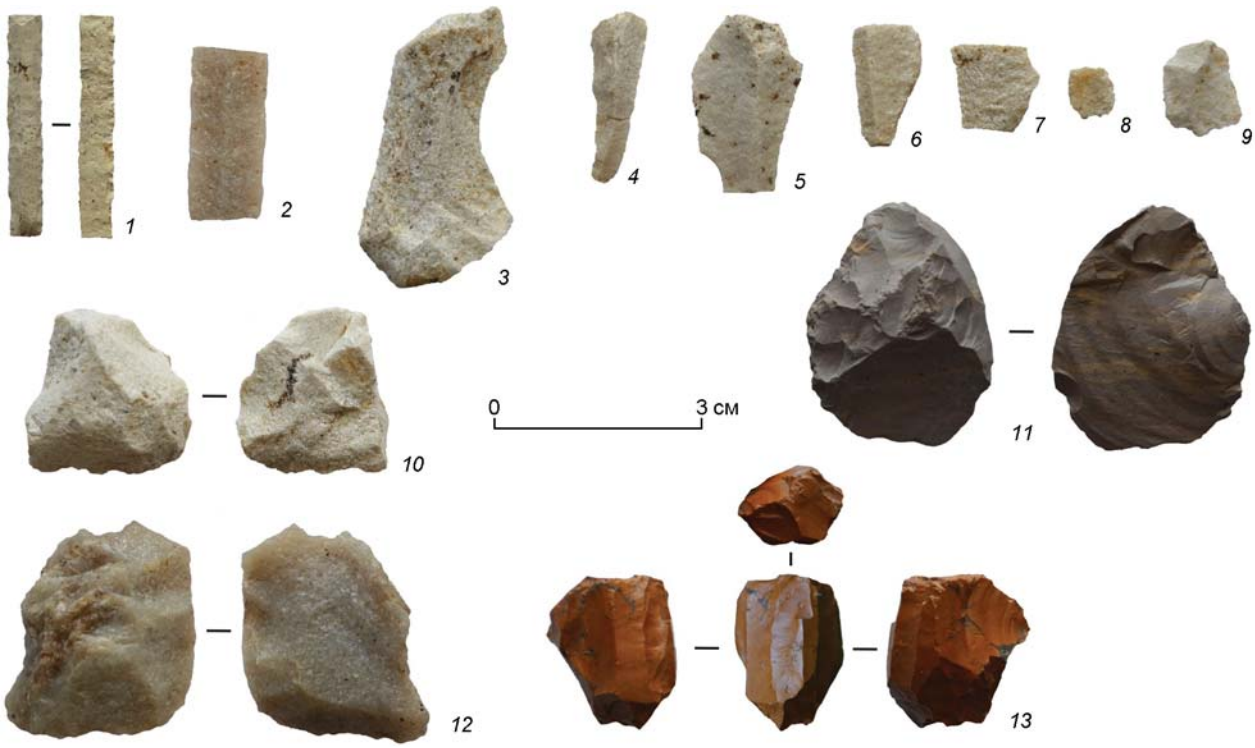

Рис. 5. Изделия из камня поселения Айлинка VIII.

ным нуклеусом из коричневой яшмы (21 × 16,5 × 13,4 мм) (рис. 5, *13*). Он был предназначен для снятия пластин, скалывание которых продолжалось до достижения изделием длины всего 21 мм. Фронт скалывания занимает около половины периметра.

Морфологически выраженные изделия представлены двумя медиальными частями правильных пластин. На пластине из серого кварцитового песчаника (11,6 × 23,5 мм) с вентральной стороны был оформлен скобелек (рис. 5, *2*). Высокая, трапециевидная в сечении микропластина (4,9 × 31,8 мм) из бежевой яшмы оформлена по обоим краям крутой ретушью с дорсальной стороны и неровной разнофасеточной по одному краю с вентральной стороны (рис. 5, *1*). Проксимальная часть широкой пластины из белого кварцитового песчаника покрыта черной патиной, подработка отсутствует. Еще 5 изделий можно отнести к условным пластинам (рис. 5, *4–8*). Две из них подработаны краевой ретушью (рис. 5, *3, 7*). Изделия на двух массивных в сечении отщепах представлены аморфным скребком (рис. 5, *10*) и с двух сторон подправленным сколами орудием с «носиком», которое могло использоваться в качестве сверла (рис. 5, *12*). В коллекции также присутствуют чешуйка, два маленьких отщепа и половинка округлой гальки из кварцитового песчаника. Интересен отщеп из серого с фиолетовым оттенком и желтыми прожилками камня с хорошо выраженным раковистым изломом (рис. 5, *11*). Вентральная сторона у него подправлена сколами и имеет следы забитости в центре и по одному из краев. Это изделие выполнено из шлифованного орудия: маленький участок остался по одной из сторон. Также был найден кусок железняка. Связать изделия из камня с выделенными типами керамики пока не представляется возможным. Можно лишь отметить, что изготовленные из кварцитового песчаника выглядят единым комплексом. Только микропластину из бежевой яшмы следует отнести к плоскодонной ранненеолитической керамике. Плохое сырье, маленькие размеры и невыразительность орудий, крайняя истощенность нуклеуса и вторичное использование скола со шлифованного орудия свидетельствуют о серьезных проблемах с поставками камня.

В условиях маленького раскопа и значительного антропогенного воздействия на памятник четкую стратиграфическую картину зафиксировать не удалось. Однако обращает на себя внимание тот факт, что керамика эпохи бронзы и раннего железного века залегала на уровне 4 условного горизонта. Екатерининские материалы встречались на всех уровнях – от 4 до 8 горизонта, боборыкинские же локализовались в пределах 6, 7 и 8.

После выборки 8 условного горизонта на материке были зафиксированы 2 объекта в стадии пятен. Исходя из их размеров, формы и распространения находок можно предположить, что это части котлованов двух стационарных углубленных жилищ, которые относятся к ранним этапам освоения рассматриваемой территории. Однако судить об их принадлежности к ранненеолитическому или екатерининскому комплексам на сегодняшний день не представляется возможным. Обнаруженные объекты были законсервированы, т.к. характер проводимых работ не предполагал их исследования.

Таким образом, на поселении Айлинка VIII хорошо представлены два ранних комплекса: эпохи неолита и раннего металла – екатерининской культуры и фрагментарно – эпохи ранней бронзы. Остановимся более подробно на самом раннем из них. Эпоха неолита Среднего Прииртышья изучена слабо. В рамках данной работы у нас нет возможности детально останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что по состоянию на сегодняшний день для данной территории в рамках артынской культуры выделены только памятники позднего неолита [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106–108]. Культурно-хронологические комплексы более раннего неолитического времени отсутствовали. Это выглядело более чем странно уже по двум аспектам: 1) население в эти места должен был привлекать хороший ресурсный потенциал; 2) на прилегающих территориях такие памятники есть в достаточном количестве. Последний фактор актуализирован в последнее время в связи получением новых материалов, связанных с плоскодонной неолитической керамикой. Они были выделены на территории Северо-Восточного Казахстана [Мерц, 2014, с. 297–301] и в Барабинской лесостепи.

Культурная принадлежность барабинских комплексов с плоскодонной неолитической керамикой на сегодняшний день является предметом дискуссии. В.В. Бобров со своими учениками изначально рассматривал их в рамках круга боборыкинских памятников [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, с. 4–13 и др.], а В.И. Молодин с коллегами выделил в самостоятельную барабинскую неолитическую культуру [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017, с. 175]. Остановимся на том, что объективно комплексы с плоскодонной ранненеолитической керамикой существуют, вне зависимости от привязки их к какой-либо культуре, и обладают своими специфическими признаками. Расположение между Тоболо-Ишимьем, основным ареалом распространения поселений боборыкинской культуры, и Барабой, где были открыты новые комплексы с плоскодонной неолитической керамикой, на наш взгляд, предполагает наличие таких памятников и на территории Среднего Прииртышья. Их отсутствие ощущается научным сообществом: «К сожалению,

в настоящее время недостаточно знаний о раннем неолите Среднего Прииртышья. Это создает, условно говоря, «разрыв» между зауральскими и барабинскими неолитическими плоскодонными комплексами протяженностью более 400 км» [Бобров, 2020, с. 158]. Нам представляется, что заполнение этого пробела следует начать с изучения и издания уже известных, но еще не представленных научному сообществу материалов. Представленная публикация комплекса плоскодонной ранненеолитической керамики поселения Айлинка VIII решает сразу две задачи: заполняет пробел на этапе раннего неолита в культурно-хронологической шкале Среднего Прииртышья и значительно сужает «разрыв» между зауральскими и барабинскими неолитическими плоскодонными комплексами – поселение Айлинка VIII находится в 280 км к северо-западу от барабинской группы памятников.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0006.

Выражаем благодарность за предоставленную возможность работы с коллекцией памятника Айлинка VIII Омскому государственному историко-культурному музею-заповеднику «Старина Сибирская».

Список литературы

Бобров В.В. К проблеме исследования «плоскодонного» неолита Западной Сибири (хроностратиграфический аспект) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 7: Археология и этнография. – С. 150–163.

Бобров В.В. Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 106–108.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. – 308 с.

Мерц В.К. Боборыкинский комплекс поселения Борлы (Северо-Восточный Казахстан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 297–301.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Тихомиров К.Н. Археологические исследования в Большереченском и Знаменском районах Омской области в 2018 г. // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г. – Вып. 14. – Барнаул: АлтГПУ, 2019. – С. 144–149.

References

Bobrov V.V. The Issue of Western Siberia's "Flat-Bottomed" Neolithic Research (Chrono-Stratigraphic Aspect). *Vestnik NSU. Series: History and Philology,* 2020, vol. 19, No 7: Archaeology and Ethnography, pp. 150–163. doi: 10.25205/1818-7919-2020-19-7-150-163. (In Russ.).

Bobrov V.V. Marochkin A.G., Jurakova A.Ju. Poselenie boborykinskoj kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye rajony Barabinskoj lesostepi). *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*. Tyumen, Institute of the problems of Norehern development SB RAS Publ., 2012, No. 3 (18), pp. 4–13. URL: http://ipdn.ru/_private/a18/4-13.pdf (Accessed: 29.09.2021). (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaja kul'tura. *Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"yezd*. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, 2011, vol. 1, pp. 106–108. URL: file:///tmp/mozilla_tikhomirov0/TOM1-web.pdf (Accessed: 28.09.2021) (In Russ.).

Kovaleva V.T., Zyrjanova S.Ju. Neolit Srednego Zaural'ja: Boborykinskaja kul'tura. Ekaterinburg: Centr «Uchebnaja kniga», 2010, 308 p. (In Russ.).

Mertz V.K. Boborykinskij kompleks poselenija Borly (Severo-Vostochnyj Kazahstan). *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"yezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. I. pt. I. pp. 297–301. URL: https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/arheologicheskie%20syezdi/iv/works1-1.pdf (Accessed: 29.09.2021). (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Myl'nikova L.N. Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII. pp. 172–177. URL: http://www.paeas.ru/x/ru/2017/2017_172-177.pdf (Accessed: 27.09.2021) (In Russ.).

Tikhomirov K.N. Arheologicheskie issledovanija v Bol'sherechenskom i Znamenskom rajonah Omskoj oblasti v 2018 g. *Polevye issledovanija v Verhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arheologija, jetnografija, ustnaja istorija i muzeevedenie). 2018 g.* Iss. 14, Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2019. pp. 144–149. (In Russ.).

Толпеко И.В. https://orcid.org/0000-0002-3085-2330
Тихомиров К.Н. https://orcid.org/0000-0003-1159-1603

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0274-0281
УДК 902/904

А.Ю. Федорченко, Н.Е. Белоусова✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: consacrer@yandex.ru

К вопросу о костяных трубочках верхнего палеолита

В статье на основе анализа русско-, англо- и франкоязычных научных исследований обсуждаются проблемы изучения и интерпретации полых изделий из трубчатой кости, широко представленных на стоянках верхнего палеолита Евразии. Для обозначения такого рода артефактов используется функционально нейтральный термин «трубка» или «трубочка» (англ. и фр. – «tube»). Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что категория «трубочек» может рассматриваться как обширная морфологическая группа изделий, включающая предметы самого разного назначения. Общие морфологические характеристики артефактов этой группы определяются специфическими параметрами используемой заготовки – в качестве нее всегда выступал диафиз трубчатой кости млекопитающего или птицы. Природная форма – удобная и самодостаточная, не требовала существенной модификации основы и специфической формообразующей обработки, поэтому набор применяемых технических приемов ограничивался пилением и резанием. Неопределенность функционального назначения «трубочек», отмечаемая многими исследователями, отчасти проистекает из «универсальности» их морфологии, во многом детерминированной формой исходной заготовки. Проблема функциональной классификации таких изделий решается исследователями на основе анализа контекстуальной информации, с учетом метрических параметров, по наличию специфических атрибутов (например, просверленных отверстий), по степени массивности и даже в соответствии с таксономической принадлежностью животных, кость которых обрабатывалась. Как продукт целенаправленной производственной деятельности костяные «трубочки» в палеолитическую эпоху не относились к орудиям труда или охоты, а играли роль вспомогательных приспособлений (контейнеры для хранения игл или красителей, рукояти, трубки для распыления охры) или предметов неутилитарного назначения (духовые музыкальные инструменты и украшения).

Ключевые слова: *верхний палеолит, технологии обработки кости, трубчатая кость, трубочки, игольники, пронизки, флейты, свистки, рукояти.*

A.Yu. Fedorchenko, N.E. Belousova✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: consacrer@yandex.ru

On the issue of the Upper Palaeolithic Bone Tubes

We discuss the issues of studying and interpreting hollow tubular bone items widely represented at the Upper Palaeolithic sites of Eurasia taking into account the available information from scientific literature in Russian, English and French. To designate such artefacts, English and French researchers use the functionally neutral term "tube". The research results allow us to conclude that the category of "tubes" represent a large morphological group of various purpose products. The general morphological characteristics of the artefacts are determined by the specific parameters of the blank used – it has always been the diaphysis of the mammalian or bird tubular bone. The natural form is convenient and self-sufficient and does not require significant modification and specific shaping. Therefore, the set of applied techniques was limited to sawing and cutting. Many researchers noted the uncertainty of the "tube" purpose; it partly stems from the "universality" of their morphology determined mainly by the shape of the original blank. The problem of the functional classification of such products is resolved through analyses of contextual information, considering metric parameters, availability of specific attributes (for example, drilled holes), thickness of the artifact, and even by the taxonomic affiliation of animals or birds whose bones were processed. As a product of the purposeful production activity, bone "tubes" in the Palaeolithic period should not be considered as tools of labor or hunting but were used as auxiliary devices (containers for storing needles or pigments, handles, pipes for spraying ocher) or non-utilitarian items (musical instruments and personal ornaments).

Keywords: *Upper Palaeolithic, bone processing technologies, tubes, needle cases, tubular beads, pipes, whistles, handles.*

Трубчатая кость млекопитающих и птиц – один из наиболее востребованных материалов органического происхождения, повсеместно использовавшийся человеком в производственной деятельности с древнейших времен. На протяжении палеолитической эпохи существовало несколько технологических последовательностей обработки данного вида сырья [Филиппов, 1983; Teyssandier, Liolios, 2003]. Наиболее простой набор операций, характерный в основном для среднепалеолитических комплексов, подразумевал расщепление трубчатой кости в ударной технике, частичную модификацию полученных сколов или целой кости посредством строгания, скобления или ретуширования. Более сложные технологии предполагали производство формальных типов изделий путем вырезания, скобления, строгания, сверления и шлифовки. Первичная обработка кости при этом часто сводилась к приему, отличавшемуся относительной простотой и практичностью, он состоял в отделении эпифизов пилением или резанием, редко – ударным способом. Конечный продукт такой обработки представлял собой полую трубочку с удлиненными пропорциями, одним или двумя усеченными концами; подобные изделия могли выступать в качестве заготовок или готового изделия в зависимости от целей и потребностей человека.

Выступая неким универсальным элементом различных операционных последовательностей по обработке кости, трубочки широко представлены в индустриях верхнего палеолита Евразии (рис. 1). Природная форма заготовок, как правило, не требовала их существенной модификации и специфической формообразующей обработки; именно этим определяется ряд сложностей, с которыми сталкиваются исследователи при функциональной интерпретации и классификации готовых изделий. В данной работе обсуждаются проблемы изучения и интерпретации полых изделий из трубчатой кости эпохи верхнего палеолита на основе анализа русско-, англо- и франкоязычных научных работ.

Проблема исследования верхнепалеолитических трубочек отражена в научной литературе существованием различных точек зрения на их типологию и функции. В зависимости от археологического контекста, размеров, характера обработки и фрагментации, наличия или отсутствия орнамента, а также следов утилизации подобные артефакты рассматриваются как заготовки орудий и украшений [Герасимов, 1941; Laroulandie, d'Errico, 2004; Питулько, Павлова, Иванова, 2014], пронизки [Деревянко, Шуньков, 2004; Wright et al., 2014; Синицын, 2016], музыкальные инструменты [d'Errico et al., 2003; Кожевникова, Лбова, Волков, 2011], рукояти [Семенов, 1950; Barge-Mahieu et al., 1993], игольники [Питулько, Павлова, 2019], контейнеры или футляры для хранения охры, трубки для распыления краски [Leroy-Prost, 1979; Averbouh, 1993].

В европейской англо- и франкоязычной литературе для обозначения разного рода полых изделий, выполненных из диафиза трубчатой кости млекопитающих и птиц, часто используют относительно широкий и функционально нейтральный термин «tube» – «трубка» или «трубочка» [Leroy-Prost, 1979; Averbouh, 1993; Laroulandie, d'Errico, 2004; Tartar, 2015]. Артефакты типа «tube» определяют как полые удлиненные изделия из трубчатой кости, с одним или двумя усеченными концами, округлым сечением и цилиндрической формы [Averbouh, 1993, p. 99]. Зачастую исследователи французских стоянок в своих классификациях проводят границу между «трубочками» и полыми изделиями со следами множественной перфорации (типа флейт); исключают из категории «трубочек» также массивные костяные трубки, которые могут рассматриваться в качестве рукоятей, а также полые изделия длиной менее 30 мм – потенциальные пронизки и бусины. Согласно классификации К. Леруа-Проста, «трубочки», наряду с рукоятями, футлярами и музыкальными инструментами, могут быть отнесены к обширной группе артефактов т.н. «пассивного характера», которые не являлись орудиями труда или охоты [Leroy-Prost, 1979]. Отечественные исследователи, заимствуя термин «трубочки» из европейской традиции, преимущественно используют его в наиболее широком, нейтральном значении [см. напр.: Деревянко, Маркин, Васильев, 1994; Васильев и др., 2007; Солдатова, 2015; Житенев, 2016; Лбова, Кожевникова, 2016], включая сюда все полые трубчатые кости удлиненных пропорций со следами обработки.

В рамках классификации и функциональной интерпретации «трубочек» часто используется понятие «игольник» (англ. – «needle case», фр. – «étuis à aiguilles»). К ним принято относить полые изделия удлиненной формы, применявшиеся для хранения игл и других мелких предметов [Гвоздовер, 1953]. Интерпретация части известных верхнепалеолитических «трубочек» как футляров для хранения тонких швейных инструментов основана на многочисленных примерах совместного обнаружения этих артефактов в контексте единого комплекса. Такие находки сравнительно редки для памятников верхнего палеолита Евразии [Поликарпович, 1968; Averbouh, 1993; Питулько, Павлова, 2019], отчетливо фиксируются в материалах мезолита [Степанов и др., 2003; Ошибкина, 2017], неолита [Георгиевская, 1989; Дьяконов, 2012] и более поздних эпох [Бородовский, 1997]. Верхнепалеолитические

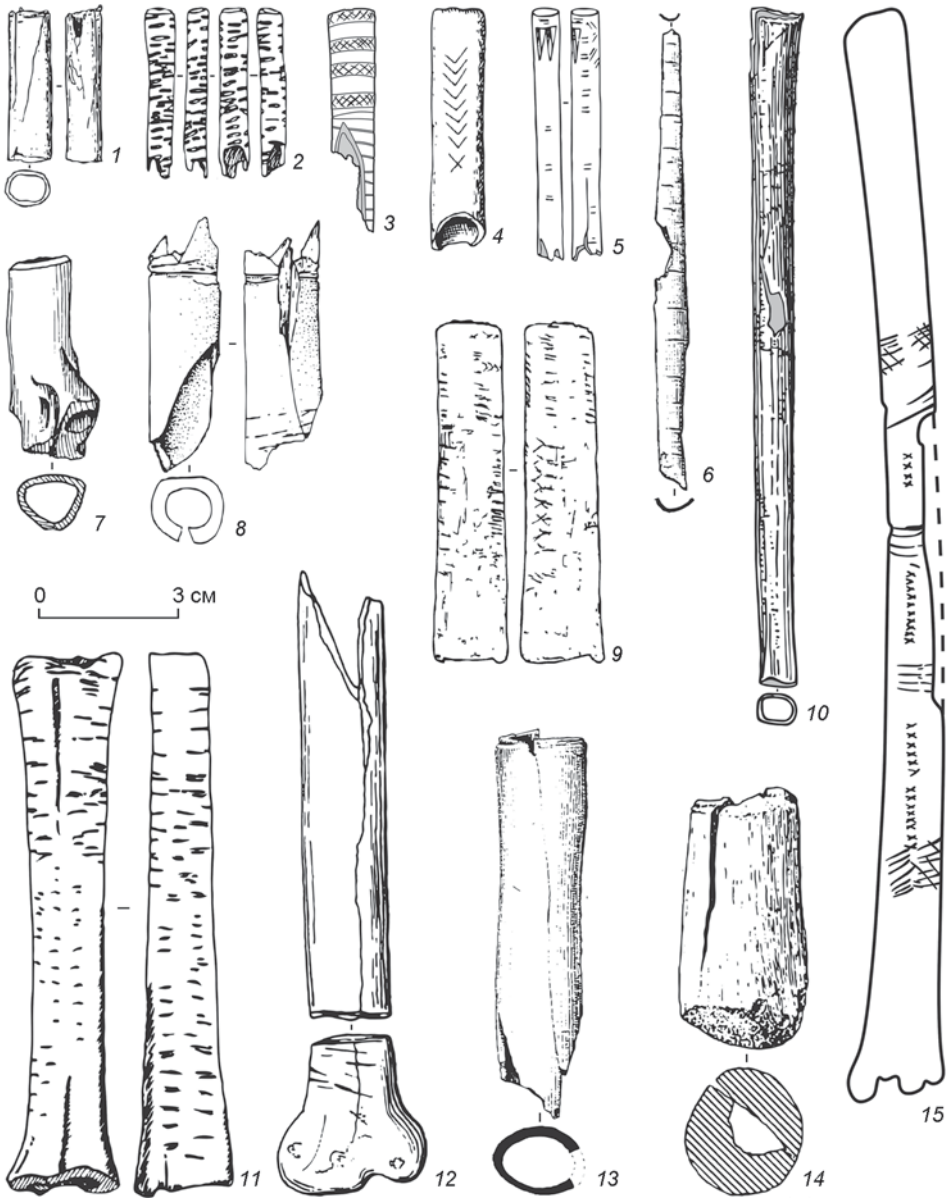

Рис. 1. Полые изделия из трубчатой кости верхнепалеолитических памятников Евразии.

1 – Пещера Фогельхерд; *2, 4, 7, 9* – Грот Спи; *3* – Пещера Мезмайская; *5, 10* – Гагарино; *6, 12, 13* – Грот-дю-Ренн; *8* – Пещера Фумане; *11* – Пещера Гайсенклёстерле; *14* – Тарте; *15* – Авдеево. (По: *1–2, 3–5, 7–9, 11–12, 14* – [Laroulandie, d'Errico, 2004, fig. 7–13]; *3* – [Голованова, 2017, рис. 2]; *5, 10* – [Тарасов, 1979, рис. 56–57]; *6, 13* – [d'Errico et al., 1998, fig. 1]; *15* – [Гвоздовер, 1953, рис. 14]).

игольники обычно выполнены из диафизов трубчатых костей млекопитающих или птиц посредством техники кольцевого резания и пиления; внешние поверхности некоторых артефактов украшались орнаментом. По своим размерным характеристикам целые игольники обычно крупнее игл, что объясняется логикой их использования для хранения и защиты мелких швейных инструментов от утери или поломки. Результаты трасологических исследований игольников указывают на то, что такие формы сохраняют следы заглаженности и залощенности от контакта с одеждой или кожей человека [Алексашенко, 2002] или же могут не иметь диагностируемых признаков износа [Кунгурова, Базалийский, Вебер, 2008; Ахметгалеева, 2015].

Укороченные варианты полых костяных «трубочек» в отечественной и зарубежной историографии именуют «пронизками» или «бусинами-пронизками» [Абрамова, 1962]. В качестве синонимичного понятия используется термин «цилиндрические бусины», или «tubular beads» и «perles tubulaires» в англо- и франкоязычных источниках [Vanhaeren, d'Errico, 2011; Rigaud et al., 2014]. Костяные пронизки получили широкое распространение в Евразии начиная с ранней поры верхнего палеолита – от Пиренеев на западе до Забайкалья и Яно-Инди-

гирской низменности на востоке [Абрамова и др., 1991; Деревянко, Шуньков, 2004; Питулько, Павлова, Иванова, 2014; Tartar, 2015; Синицын, 2016; Cârciumaru et al., 2019]. Пронизки верхнего палеолита принято отделять от игольников или других изделий из трубчатой кости, имевших утилитарное назначение, главным образом по размерным характеристикам. К ним, как правило, относят «трубочки», длина которых редко превышает 40 мм. Операционные последовательности производства бусин-пронизок были аналогичны таковым при изготовлении игольников: усечение диафизов путем глубокого кругового надреза и последующего слома; украшались изделия простым геометрическим орнаментом [Герасимов, 1941; Питулько, Павлова, Иванова, 2014; Shunkov et al., 2020]. Поверхность пронизок, включая внутренние стороны и места срезов, часто несут признаки заполировки, приобретенной от интенсивного взаимодействия с мягким органическим материалом. Такие следы позволяют интерпретировать артефакты типа «пронизок» как украшения [Shunkov et al., 2020] или пуговицы [Хлопачев, 2011].

Нередко верхнепалеолитические «трубочки» рассматриваются в качестве духовых музыкальных инструментов – «флейт», «манков», «свистков» [Гвоздовер, 1953; Тарасов, 1979; Münzel, Seeberger, Hein, 2002; d'Errico et al., 2003; Лбова, Кожевникова, 2016]. С точки зрения типологии и технологии производства наиболее выразительны флейты – к ним относят изделия удлиненных пропорций с двумя усеченными концами, обладающие сквозным каналом, сужающимся в проксимальной части, и одним или несколькими отверстиями, расположенными в ряд [Averbouh, 1993]. Заготовками для флейт служили трубчатые кости птиц и млекопитающих; освобождение эпифизов осуществлялось в технике глубокого резания или пиления, формирование сквозных отверстий – прорезанием или сверлением [d'Errico et al., 2009]. Как простейшие аэрофоны, например, свистки, иногда рассматриваются короткие и тонкие разновидности «трубочек», неотделимые по морфологии и технологии производства от пронизок [Кожевникова, Лбова, Волков, 2011]. Нередко в качестве критерия отнесения неперфорированных трубочек к аэрофонам также выступают их звукопроизводящие возможности [Cross, Zubrow, Cowan, 2002; Conard, Malina, Miinzel, 2009]. Сама возможность издавать звук через костяные трубочки еще не гарантирует того, что подобную деятельность осуществляли создатели этих изделий в эпоху палеолита. В настоящий момент попытки определить признаки использования коротких трубочек в качестве музыкальных инструментов, как и дифференцировать эти следы от общего утилизационного износа, не выглядят аргументированными [Кожевникова, Лбова, Волков, 2011, с. 159].

Более редкими и, вследствие этого, наименее изученными категориями верхнепалеолитического инструментария, выполненного из полой трубчатой кости, выступают рукояти, контейнеры для хранения охры и трубки для распыления красителя. Термин «рукоять» (англ. – «handle», фр. – «manche») используется в палеолитоведении для обозначения изделий из кости и рога различной морфологии и размерности, применяемых для крепления в них каменных или костяных орудий [Семенов, 1950; Leroy-Prost, 1979; Barge-Mahieu et al., 1993; Laroulandie, d'Errico, 2004]. В качестве рукоятей обычно рассматривают относительно крупные и массивные разновидности трубочек с одним или двумя усеченными концами [Averbouh, 1993].

Контейнеры для хранения красителей (фр. – «flacon pour colorants») или трубки для распыления порошка (фр. – «tube»), в частности охры, – обсуждаются, в основном, французскими исследователями [Leroy-Prost, 1979]. На стоянках Евразии «трубочки» с остатками красящих веществ встречаются редко, преимущественно в Западной Европе; закономерно, что исследователи сталкиваются с проблемой поиска критериев разграничения артефактов данных типов и других изделий из полой трубчатой кости, которые могут сохранять на поверхностях остатки охры – например, украшений [Averbouh, 1993].

В целом, результаты представленного обзора дают основания рассматривать костяные «трубочки» верхнего палеолита как большую морфологическую группу изделий, в которую входят предметы самого разного назначения. Общие морфологические характеристики таких артефактов определяются специфическими параметрами используемой заготовки – в качестве нее всегда выступал диафиз трубчатой кости млекопитающего или птицы. Природная форма – удобная и самодостаточная, не требовала существенной модификации основы и последующей формообразующей обработки, в связи с чем набор технических приемов в данном случае ограничивался пилением и резанием. На этапе археологических исследований костяных «трубочек» именно их слабая формообразующая обработка служит препятствием для идентификации их как «формальных» или «неформальных» типов изделий. Неопределенность функционального назначения «трубочек», отмечаемая многими исследователями, также отчасти проистекает из «универсальности» их морфологии, во многом детерминированной формой исходной заготовки.

При кажущемся внешнем сходстве, назначение артефактов, объединенных в рамках категории «трубочки», нередко кардинально различалось. Проблема функциональной классификации таких изделий решается исследователями на основе анализа контекстуальной информации, с учетом метрических параметров, по наличию специфических атрибутов (например, просверленных отверстий), по степени массивности и даже в соответствии с таксономической принадлежностью животных, кость которых обрабатывалась. Как продукт целенаправленной производственной деятельности костяные «трубочки» в палеолитическую эпоху не относились к орудиям труда или охоты, а играли роль вспомогательных приспособлений (контейнеры для хранения игл или красителей, рукояти, трубки для распыления охры) или предметов неутилитарного назначения (духовые музыкальные инструменты и украшения).

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0002.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 86 с.

Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. – Л.: Наука, 1991. – 158 с.

Алексашенко Н.А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. – 2002. – № 8. – С. 184–198.

Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. – Курск: Мечта, 2015. – 254 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (втор. пол. II тыс. до н.э. – перв. пол. II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 262 с.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяных изделий Авдеевской стоянки // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Вып. 39. – С. 192–236.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 2. – С. 65–85.

Голованова Л.В. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // Краткие сообщения Института археологии. – 2017. – Вып. 246. – С. 169–184.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Дьяконов В.М. Игольники и иглы в археологии Якутии: вопросы аналогий и феномен персистентности в культурном развитии // Седьмые Гродековские чтения. – Вып. III. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2012. – С. 23–36.

Житенев В.С. Костяная индустрия Каповой пещеры и пещерных памятников верхнего палеолита с настенными изображениями Франко-Кантабрии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №2 (33). – С. 5–15.

Кожевникова Д.В., Лбова Л.В., Волков П.В. Простейшие аэрофоны в комплексах раннего верхнего палеолита (материалы Забайкалья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. – С. 155–161.

Кунгурова Н.Ю., Базалийский В.И., Вебер А.В. Функции орудий из погребений могильника Шаманка II (предварительные результаты) // Известия лаборатории древних технологий. – 2008. – №1 (8). – С. 57–64.

Лбова Л.В., Кожевникова Д.В. Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2016. – 244 с.

Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры веретье). – М.: ИА РАН, 2017. – 140 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. – 2019. – №1. – С. 157–224.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В. Искусство Верхнего Палеолита арктической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 2 (43). – С. 6–17.

Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. – Минск: Наука и техника, 1968. – 204 с.

Семенов С.А. Верхнепалеолитические костяные рукоятки // Краткие сообщения ИИМК. – 1950. – Вып. 35. – С. 132–138.

Синицын А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – С. 320–337.

Солдатова Т.Е. Костяные индустрии ранней поры верхнего палеолита Европы. – Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2015. – 301 с.

Степанов А.Д., Кириллин А.С., Воробьев С.А., Соловьева Е.Н., Ефимов Н.Н. Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 98–113.

Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. – Л.: Наука, 1979. – 168 с.

Филиппов А.К. Проблемы технического формообразования орудий труда в Палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. – Л.: Наука, 1983. – С. 9–71.

Хлопачев Г.А. Украшения и предметы вооружения из бивня мамонта палеолитической стоянки Спи (Бельгия): культурно-хронологическая атрибуция // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты). – СПб.: Наука, 2011. – С. 3–26.

Averbouh A. Fiches tubes et étuis // Fiches typologiques de l`industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs. – Treignes, CEDARC, 1993. – P. 99–113.

Barge-Mahieu H., Beldiman C., Buisson D., Camps-Farber H., Choi S.-Y., Nandris J. G., Peltier A., Provenzano N., Ramseyer D. Fiche générale manches // Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs. – Treignes, CEDARC, 1993. – P. 23–97.

Cârciumaru M., Nițu E.-C., Obadă T., Cîrstina O., Covalenco S., Lupu F.I., Leu M., Nicolae A. Personal Ornaments in the Mid Upper Palaeolithic East of the Carpathians // Paleo. – 2019. – Vol. 30–1. – P. 80–97.

Conard N.J., Malina M., Miinzel S. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany // Nature. – 2009. – Vol. 460. – P. 737–740.

Cross I., Zubrow E., Cowan F. Musical Behaviours and the Archaeological Record: a Preliminary Study // Experimental Archaeology. – 2002. – Vol. 1035. – P. 25–34.

d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39. – №1. – P. 1–44.

d'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music – An Alternative Multidisciplinary Perspective // Journal of World Prehistory. – 2003. – Vol. 17 (1). – P. 1–70.

d'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C., Lawson G., Maureille B., Gambier D., Tillier A., Soressi M., Van Niekerk K. From the origin of language to the diversification of languages: What can archaeology and palaeoanthropology say? // Becoming Eloquent: Advances in the emergence of language, human cognition, and modern cultures. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 13–68.

Laroulandie V., d'Errico F. Worked Bones from Buran-Kaya III level C and their Taphonomic Context // The Paleolithic of Crimea, III. – Liège, 2004. – P. 83–94.

Leroy-Prost C. L'industrie Osseuse Aurignacienne. Essai régional de classification: Poitou, Charentes, Périgord (suite) // Gallia Préhistoire. – 1979. – Vol. 22 (1). – P. 205–370.

Münzel S., Seeberger F., Hein W. The Geißenklösterle Flute – Discovery, Experiments, Reconstruction // The Archaeology of Sound: Origin and Organisation. – Leidorf, Rahden/Westf, 2002. – P. 107–118.

Rigaud S., Roussel M., Rendu W., Primault J., Renou S., Hublin J.-J., Soressi M. Les pratiques ornementales à l'Aurignacien ancien dans le Centre-Ouest de la France // Bulletin de la Société préhistorique française. – 2014. – T. 111. – P. 19–38.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic Ornaments and Formal Bone Tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – P. 47–67.

Tartar E. Origin and Development of Aurignacian Osseous Technology in Western Europe: a Review of Current Knowledge // Aurignacian Genius: Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe. – New-York: New York University, 2015. – P. 33–55.

Teyssandier N., Liolios D. Defining the Earliest Aurignacian in the Swabian Alp: the Relevance of the Technological Study of the Geißenklösterle (Baden-Württemberg, Germany) Lithic and Organic Productions // The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. – Lisboa, Instituto Português de Arqueologia. – 2003. – Vol. 33. – P. 179–197.

Vanhaeren M., d'Errico F. L'émergence du corps paré. Objets corporels paléolithiques // Civilisations. – 2011. – Vol. 59–2. – P. 59–86.

Wright D., Nejman L., d'Errico F., Králík M., Wood R., Ivanov M., Hladilová S. An Early Upper Palaeolithic Decorated Bone Tubular Rod from Pod Hradem Cave, Czech Republic // Antiquity. – 2014. – Vol. 88. – P. 30–46.

Reference

Abramova Z.A. Paleoliticheskoe iskusstvo na territorii SSSR. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962, 86 p. (In Russ.).

Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasilyev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. Paleolit Eniseya. Leningrad: Nauka, 1991, 158 p. (In Russ.).

Akhmetgaleeva N.B. Kamennyy vek Poseym'ya: verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Byki-7. Kursk: Mechta, 2015, 254 p. (In Russ.).

Aleksashenko N.A. Kozhevennoye proizvodstvo na Yamale (arkheologiya i etnografiya). *Ural Historical Journal*, 2002, No. 8, pp. 184–198. (In Russ.).

Averbouh A. Fiches tubes et étuis. In *Fiches typologiques de l`industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs*. Treignes, CEDARC, 1993, pp. 99–113.

Barge-Mahieu H., Beldiman C., Buisson D., Camps-Farber H., Choi S.-Y., Nandris J. G., Peltier A., Provenzano N., Ramseyer D. Fiche générale manches. In *Fiches typologiques de l'industrie osseuse préhistorique. Cahier VI: Éléments récepteurs.* Treignes, CEDARC, 1993, pp. 23–97.

Borodovsky A.P. Drevneye kostoreznoye delo yuga Zapadnoy Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS, 1997, 224 p. (In Russ.).

Cârciumaru M., Nițu E.-C., Obadă T., Cîrstina O., Covalenco S., Lupu F.I., Leu M., Nicolae A. Personal Ornaments in the Mid Upper Palaeolithic East of the Carpathians. *Paleo*, 2019, vol. 30-1, pp. 80–97.

Conard N.J., Malina M., Miinzel S. New Flutes Document the Earliest Musical Tradition in Southwestern Germany. *Nature*, 2009, vol. 460, pp. 737–740.

Cross I., Zubrow E., Cowan F. Musical Behaviours and the Archaeological Record: a Preliminary Study. *Experimental Archaeology*, 2002, vol. 1035, pp. 25–34.

d'Errico F., Henshilwood C., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music – An Alternative Multidisciplinary Perspective. *Journal of World Prehistory*, 2003, vol. 17 (1), pp. 1–70.

d'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C., Lawson G., Maureille B., Gambier D., Tillier A., Soressi M., Van Niekerk K. From the origin of language to the diversification of languages: What can archaeology and palaeoanthropology say? In *Becoming Eloquent: Advances in the emergence of language, human cognition, and modern cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009, pp. 13–68.

d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. Neanderthal Acculturation in Western Europe? A Critical Review of the Evidence and Its Interpretation. *Current Anthropology*, 1998, vol. 39, No. 1, pp. 1–44.

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Formation of the Upper Palaeolithic Traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 3, pp. 12–40. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Markin S.V., Vasilyev S.A. Paleolitovedeniye: Vvedeniye i osnovy. Novosibirsk: Nauka, 1994, 288 p. (In Russ.).

Dyakonov V.M. Igol'niki i igly v arkheologii Yakutii: voprosy analogiy i fenomen persistentnosti v kul'turnom razvitii. In *Sedmye Grodekovskie chteniia. Dal'nii Vostok Rossii: mul'tikul'turnoe prostranstvo v XIX–XXI vekakh*. Khabarovsk: Khabarovskiy krayevoy muzey imeni N.I. Grodekova, 2012, vol. 3, pp. 23–36. (In Russ.).

Filippov A.K. Problemy tekhnicheskogo formoobrazovaniya orudiy truda v Paleolite. In *Tekhnologiya proizvodstva v epokhu Paleolita*. Leningrad: Nauka, 1983, pp. 9–71. (In Russ.).

Georgievskaya G.M. Kitoyskaya kul'tura Pribaykal'ya. Novosibirsk: Nauka, 1989, 152 p. (In Russ.).

Gerasimov M.M. Obrabotka kosti na paleoliticheskoy stoyanke Mal'ta. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1941, pp. 65–85. (In Russ.).

Golovanova L.V. Bone items from the Middle and Upper Paleolithic periods in the Caucasus. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 2017, No. 246, p. 169–184. (In Russ.).

Gvozdover M.D. Obrabotka kosti i kostyanykh izdeliy Avdeyevskoy stoyanki. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Vol. 39. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1953, pp. 193–226. (In Russ.).

Khlopachev G.A. Ukrasheniya i predmety vooruzheniya iz bivnya mamonta paleoliticheskoy stoyanki Spi (Bel'giya): kul'turno-khronologicheskaya atributsiya. In *Predmety vooruzheniya i iskusstva iz kosti v drevnikh kul'turakh Severnoy Yevrazii (tekhnologicheskiy i funktsional'nyy aspekty)*. St.Petersburg: Nauka, 2011, pp. 3–26. (In Russ.).

Kozhevnikova D.V., Lbova L.V., Volkov P.V. Primitiv aerofons in the complexes of Early Upper Paleolithic (Materials Transbaikalia). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2011, vol. 10, No. 5, pp. 155–161. (In Russ.).

Kungurova N.Yu., Bazaliyskiy V.I., Weber A.V. Funktsii orudiy iz pogrebeniy mogil'nika Shamanka II (predvaritel'nyye rezul'taty). *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2008, No. 1 (8), pp. 57–64. (In Russ.).

Laroulandie V., d'Errico F. Worked Bones from Buran-Kaya III level C and their Taphonomic Context. In *The Paleolithic of Crimea, III*. Liège, 2004, pp. 83–94.

Lbova L.V., Kozhevnikova D.V. Formy znakovogo povedeniya v paleolite: muzykal'naya deyatel'nost' i fonoinstrumenty. Novosibirsk: NSU, 2016, 244 p. (In Russ.).

Leroy-Prost C. L'industrie Osseuse Aurignacienne. Essai régional de classification: Poitou, Charentes, Périgord (suite). *Gallia Préhistoire*, 1979, vol. 22 (1), pp. 205–370.

Münzel S., Seeberger F., Hein W. The Geißenklösterle Flute – Discovery, Experiments, Reconstruction. In *The Archaeology of Sound: Origin and Organisation*. Leidorf, Rahden/Westf, 2002, pp. 107–118.

Oshibkina S.V. Iskusstvo epokhi mezolita (po materialam kul'tury veret'ye). Moscow: IA RAS, 2017, 140 p. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu. Upper Palaeolithic Sewing Kit from the Yana Site, Arctic Siberia. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*, 2019, No. 1, pp. 157–224. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Ivanova V.V. Upper Paleolithic Art of the Arctic Siberia: Personal Adornments from Excavations of the Yana Site. *Ural Historical Journal*, 2014, No. 2, pp. 6–17. (In Russ.).

Polikarpovich K.M. Paleolit Verkhnego Podneprovya. Minsk: Nauka i Tekhnika, 1968, 204 p. (In Russ.).

Rigaud S., Roussel M., Rendu W., Primault J., Renou S., Hublin J.-J., Soressi M. Les pratiques ornementales à l'Aurignacien ancien dans le Centre-Ouest de la France. *Bulletin de la Société préhistorique française*, 2014, vol. 111, pp. 19–38.

Semenov S.A. Verkhnepaleoliticheskiye kostyanyye rukoyatki. *Kratkiye soobshcheniya IIMK*, 1950, No. 35, pp. 132–138. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic Ornaments and Formal Bone Tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 47–67.

Sinitsyn A.A. Ranniy verkhniy paleolit Vostochnoy Yevropy: ukrasheniya i voprosy estetiki. In *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki*. Saint Petersburg: Extraprint, 2016, pp. 320–337. (In Russ.).

Soldatova T.E. Kostyanyye industrii ranney pory verkhnego paleolita Evropy: cand. sc. (history) dissertation. Moscow, 2015, 301 p. (In Russ.).

Stepanov A.D., Kirillin A.S., Vorobiev S.A., Solovieva E.N., Efimov N.N. Peshchera Khayyrgas na Sredney Lene (rezul'taty issledovaniy 1998–1999 gg.). In *Drevniye kul'tury Severo-Vostochnoy Azii. Astroarkheologiya. Paleoinformatika*. Novosibirsk: Nauka, 2002, pp. 98–113. (In Russ.).

Tarasov L.M. Gagarinskaya stoyanka i yeye mesto v paleolite Evropy. Leningrad: Nauka, 1979, 168 p. (In Russ.).

Tartar E. Origin and Development of Aurignacian Osseous Technology in Western Europe: a Review of Current Knowledge. In *Aurignacian Genius: Art, Technology and Society of the First Modern Humans in Europe*. New-York: New York University, 2015, pp. 33–55.

Teyssandier N., Liolios D. Defining the Earliest Aurignacian in the Swabian Alp: the Relevance of the Technological Study of the Geißenklösterle (Baden-Württemberg, Germany) Lithic and Organic Productions. In *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes*. Lisboa, Instituto Português de Arqueologia, 2003, vol. 33, pp. 179–197.

Vanhaeren M., d'Errico F. L'émergence du corps paré. Objets corporels paléolithiques. *Civilisations*, 2011, vol. 59–2, pp. 59–86.

Vasilev S.A., Bozinski G., Bradley B.A., Vishnyatsky L.B., Girya E.Yu., Gribchenko Yu.N., Zheltova M.N., Tikhonov A.N. Chetyrekhiazychnyi (russko-anglo-franko-nemetskii) slovar'-spravochnik po arkheologii paleolita. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedeniye, 2007, 264 p. (In Russ.).

Wright D., Nejman L., d'Errico F., Králík M., Wood R., Ivanov M., Hladilová S. An Early Upper Palaeolithic Decorated Bone Tubular Rod from Pod Hradem Cave, Czech Republic. *Antiquity*, 2014, vol. 88, pp. 30–46.

Zhitenev V.S. Bone industry from the Kapova cave and Franco-Cantabrian cave sites with Upper Paleolithic Wall Paintings. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2016, No. 2 (33), pp. 5–15. (In Russ.).

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0282-0288
УДК 902/904

А.Ю. Федорченко, Е.А. Филатов, М.В. Селецкий✉, М.О. Филатова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: archmax95@gmail.com

Пластина с гравировкой из комплекса начала верхнего палеолита мастерской им. А.П. Окладникова

В статье представлены основные результаты анализа каменной пластины с гравировкой из культурного горизонта 4 мастерской им. А.П. Окладникова (Восточное Забайкалье). Стратиграфическая позиция и технико-типологические характеристики каменной индустрии данного горизонта позволяют датировать находку в хронологических рамках ранних этапов верхнего палеолита. Изучение пластины базировалось на данных технологического и экспериментально-трасологического методов, дополнялось результатами трехмерного моделирования. В результате исследования на остаточной ударной площадке пластины были выявлены свидетельства использования подготовки зоны расщепления нуклеуса с помощью пикетажа – специфического технического приема, распространенного в комплексах начального верхнего палеолита Северной и Центральной Азии. Проведенный анализ показал, что на пластине представлен фрагмент гравировки в виде ритмичных удлиненных нарезок, нанесенных инструментом с V-образным лезвием на естественную поверхность отдельности до ее расщепления. Большинство насечек располагается в ряд и скошено относительно продольной оси артефакта; часть линий пересекают их под острым углом, образуя перекрестия. Проведенное исследование позволяет предполагать, что выполненная гравировка не была связана с символической деятельностью, а несла функцию маркировки преформы нуклеуса или отдельности сырья. Смысловое значение подобных отметок может трактоваться как знак собственности или особой ценности маркированного материала. Данное предположение согласуется с фиксируемыми высокими потребительскими характеристиками материала, из которого получена пластина, и с функциональностью самой стоянки. Мастерская им. А.П. Окладникова расположена на первичных выходах сырья, откуда происходила транспортировка материала для его дальнейшего использования на стоянках и поселениях долины р. Ингода.

Ключевые слова: *Восточное Забайкалье, начальный верхний палеолит, технологический анализ, гравировки, сырьевые стратегии.*

A.Yu. Fedorchenko, E.A. Phylatov, M.V. Seletsky✉, M.O. Phylatova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: archmax95@gmail.com

Blade with Engraving from the Initial Upper Palaeolithic Complex of A.P. Okladnikov Palaeolithic Workshop

The article presents the main results of analyzing a stone blade with an engraving originating from cultural horizon 4 of the A.P. Okladnikov Palaeolithic Workshop (Eastern Trans-Baikal). The stratigraphic position and the technical and typological characteristics of horizon 4 lithic assemblage make it possible to date this artifact to the early Upper Paleolithic. We studied the blade through analyses of technological features and experimental-traceological techniques supplemented by the results of three-dimensional modelling. Analysis of the blade residual platform has shown traces of the core platform preparation through pecking – a specific technique common in the Initial Upper Palaeolithic complexes of North and Central Asia. The blade retained a fragment of the engraving in the form of a set of long cuts made by an instrument with a V-shaped blade on the natural surface of the nodule before it was knapped. Most of the cuts are arranged in a row and slanted towards the longitudinal axis of the artefact; cut marks intersect one another at an acute angle. We assume that the engraving performed is not associated with symbolic activity but represents marking the core preform or the raw material nodule. We can interpret

the semantic meaning of such marks as a sign of ownership or a particular value of the marked raw material. This assumption is consistent with the recorded high quality of the raw material from which the blade was produced and the site functionality. A.P. Okladnikov Palaeolithic workshop is located at the primary deposits of raw materials, from where the lithic material was transported for further use at sites and settlements in the Ingoda River valley.

Keywords: *Eastern Trans-Baikal, Initial Upper Palaeolithic, technological analysis, engraving, resource strategies.*

Введение

Верхнепалеолитические изделия с гравировкой образуют выразительный корпус археологических источников, традиционно привлекающий особое внимание исследователей [Гвоздовер, 1985; Демещенко, 2018; Корнева, 2020]. На территории Сибири артефакты подобного рода фиксируются уже на самых ранних этапах верхнего палеолита. В большинстве случаев они выполнялись из кости и бивня, потребительские характеристики которых предоставляли древним косторезам большую свободу для воплощения художественного замысла. В контексте сибирского верхнего палеолита артефакты с гравировкой представлены, как правило, единичными уникальными изделиями – например, на стоянках Красный Яр, Ошурково, Афонтова Гора III, Кокорево II, Берелех, Каменка А, Студеное II (см. напр.: [Абрамова, 1962, табл. XLIII, LIX; Бадер, Флинт, 1977; Абрамова, 1979, табл. XXIV; Лбова, 2000, рис. 22; Мещерин, Разгильдеева, 2002]). Наиболее детально практика нанесения изображений или орнамента на поверхность орудий, украшений и скульптуры посредством прорезания или прочерчивания линий различной глубины представлена в археологических коллекциях Мальты [Липнина, 2002], Янской стоянки [Питулько и др., 2012, рис. 21–22], Денисовой пещеры [Деревянко, Шуньков, 2004, рис. 12; Деревянко и др., 2019], Черноозерья II [Шмидт, 2021].

В палеолитических комплексах Сибири большинство примеров нанесения простейших гравировок на поверхность каменных артефактов связано с оформлением предметов персональной орнаментации, чаще всего – подвесок (см. например, [Когай, Роговской, 2013; Лбова и др., 2014, Федорченко, 2015]). Артефакты из минерального сырья в виде плиток, галек или изделий со сложными изображениями, оформленные в техниках прорезания, пропиливания, прочерчивания или выбивки, на их фоне составляют относительно немногочисленную группу [Диков, 1979, с. 66; Кириллов, 1980; Астахов, 1999, табл. XIV; Ташак, 2009]. В исследовательской практике подобные артефакты обычно анализируются с позиции их принадлежности к проявлениям древнего символизма или выполнения утилитарных функций [Еськова, Гаврилов, 2018]. Предметом настоящего исследования послужила каменная пластина с гравировкой, обнаруженная в 2021 г. при разборе археологической коллекции мастерской им. Окладникова (Восточное Забайкалье). Данная находка является уникальной для палеолита Сибири и позволяет по-новому раскрыть некоторые поведенческие особенности палеолитических обитателей начала верхнего палеолита Забайкалья.

Материалы и методы исследования

Мастерская им. А.П. Окладникова – первый стратифицированный объект эпохи палеолита, открытый на территории Забайкалья. Памятник расположен в среднем течении р. Ингода, приурочен к северо-восточному склону палеовулкана Титовская Сопка, выступающего восточным отрогом хребта Черского. В настоящее время Сопка представляет собой полого-наклонный массив с господствующей абсолютной высотой 945 м. Выходы вулканического сырья и удобное географическое расположение массива привлекали популяции древнего человека в среднем и верхнем палеолите. Так на юго-западных склонах Титовской Сопки были выявлены 16 памятников Сухотинского комплекса, на северо-восточных – палеолитические мастерские Скальная и им. А.П. Окладникова [Филатов, 2016; 2021].

После открытия мастерской им. А.П. Окладникова в 1950 г. исследования памятника осуществлялись на протяжении нескольких этапов: в 1959 г. – А.П. Окладниковым, в 1961 г. – В.Е. Ларичевым и А.П. Окладниковым, 1962 г. – С.Н. Астаховым, 1967 г. – И.И. Кирилловым [Филатов, Филатова, 2020]. Результаты проведенных работ не получили должного освещения в научной литературе. В сжатой форме сведения об итогах исследований этого объекта отражены в справочнике по палеолитическим местонахождениям СССР [Береговая, 1960], статье С.Н. Астахова [2018, с. 14–19] и серии иных, главным образом, обобщающих публикаций [Кириллов, Рижский, 1973; Окладников, 1975; Кириллов, 2011].

Обсуждаемый артефакт с гравировкой происходит из культурного слоя 4 раскопа 2 (1961 г.) памятника. В покровных отложениях на этом участке было выделено пять культурных слоев, охватывающих по хронологии практически всю эпоху верхнего палеолита. Культурный слой 4 залегает в карбонизированных педоседиментах МИС 3 и планиграфически маркируется углистыми прослоями и очагами (в интерпретации автора раскопок) [Ларичев,

1961]. Анализ углистого заполнения очага №5 этого культурного слоя позволил выявить древесный уголь, принадлежащий рододендрону даурскому (*Rhododendron dauricum* L.) (см. статью М.О. Филатовой, Е.А. Филатова «Первое антракологическое исследование древесных углей в Восточной Сибири: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова» в этом сборнике). До получения результатов радиоуглеродного датирования стратиграфическая позиция археологического материала и его технико-типологические характеристики позволяют предварительно относить комплекс культурного слоя 4 к ранним этапам верхнего палеолита и датировать его в хронологическом интервале от 40 до 30 тыс. некал. л.н.

Первичное расщепление комплекса горизонта 4 характеризуется объемными и плоскостными

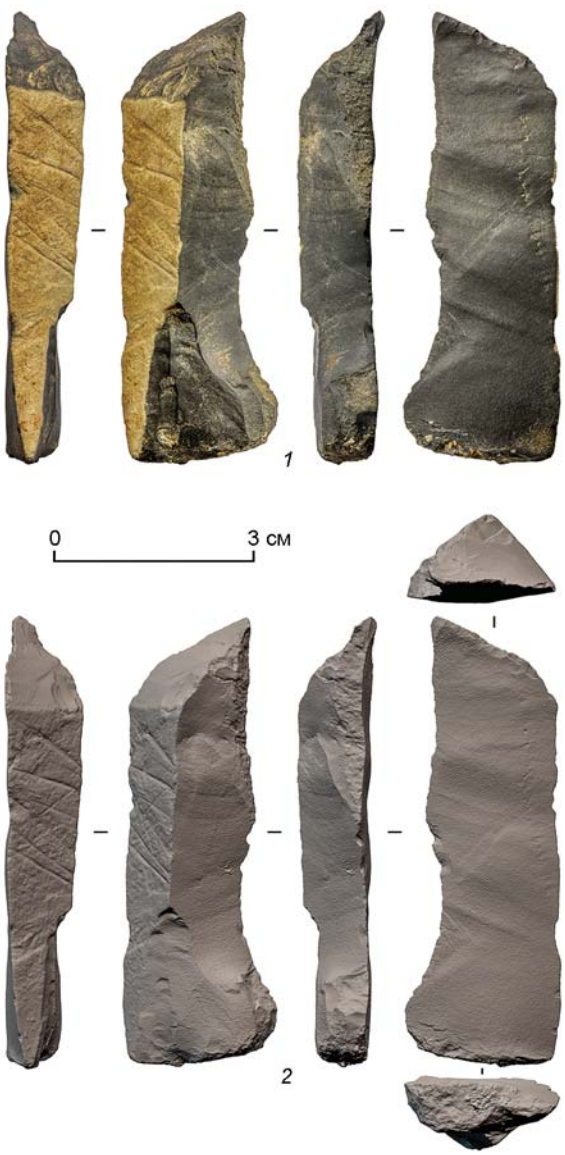

Рис. 1. Пластина с гравировкой комплекса начального верхнего палеолита из мастерской им. А.П. Окладникова.
1 – общий вид; *2* – 3D-модель.

формами нуклеусов, расщепление которых было направлено на получение пластинчатых форм. В коллекции зафиксировано 106 пластин, включая полупервичные и первичные. Расщепление предполагало минимальную подготовку преформ, поэтому сколы с естественной поверхностью могут относиться к группе целевых. Категория пластин представлена 53 целыми формами, среди них 18 имеют параллельную огранку (34 %), 26 – полупервичные (49 %), 9 – первичные (17 %).

Проведенное исследование базировалось на данных технологического и экспериментально-трасологического методов, дополненных результатами трехмерного моделирования. Идентификация и исследование способов подготовки зон расщепления, анализ макро- и микроследов обработки проводились посредством микроскопа Альтами CM0745-T с увеличением от ×7 до ×45. Процедуре микроскопического изучения артефакта предшествовала очистка в ультразвуковой ванне. Фотофиксация следов осуществлялась с использованием фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV, объектива EF 100mm f/2.8L Macro IS USM и штатива с ручной доводкой на резкость. Для 3D-моделирования артефакта применялся сканер структурированного подсвета RangeVision Spectrum, последующее редактирование получаемых изображений и создание модели реализовались в программном обеспечении ScanCentre NG и Geomagic WRAP (пробные версии). Фиксация метрических характеристик гравировок на поверхности пластины происходила в программе Geomagic Design X, подготовка коллажа, составленного путем расположения модели артефакта в шести проекциях, посредством KeyShot 9 (пробные версии).

Результаты исследования

Краевая пластина с гравировкой выполнена из темно-серого тонкозернистого туфа, имеет параллельную дорсальную огранку, сохраняющую участок с остаточной естественной поверхностью, параллельные края и подтреугольное поперечное сечение (рис. 1). Профиль артефакта преимущественно прямой, слабо изогнут в дистальной зоне, окончание скола – перьевидное. Ударная площадка пластины слабовыпуклая, линзовидная в плане. Дорсальный карниз подработан редуцированием, несет эпизодические следы забитости и заглаженности вследствие ударного воздействия отбойника или заглаживания вспомогательным каменным инструментом. Посредством трехмерного моделирования были уточнены метрические характеристики артефакта – его длина достигает 65,06 мм, ширина – 19,14 мм, толщина – 10,28 мм.

Проведенный анализ позволил выявить на площадке пластины свидетельства применения специфической техники подготовки зоны расщепления – пикетажа (рис. 2). При увеличении ×10–×45 на площадке отмечены признаки смятости, легкой забитости и выкрошенности, придающие поверхности шероховатый, ячеистый вид. Указанный прием находит прямые аналогии в индустриях начала верхнего палеолита Алтая, Северного Казахстана, Монголии и Забайкалья [Славинский и др., 2017; Zwyns, Lbova, 2019; Харевич и др., 2020]. Поперечный край на дистале, а также один из продольных краев в медиальной части пластины несут следы эпизодической ретуши утилизации.

Уникальность анализируемому артефакту придает наличие гравировки в виде ритмичных удлиненных нарезок (рис. 3). Следы гравировки фиксируются на остаточной естественной поверхности в медиальной части пластины. Серия из 14 неглубоких линий различной длины прорезана каменным инструментом с узким V-образным лезвием – вероятно, другой пластиной. Десять насечек, ориентированных под углом от 10 до 35º относительно продольной оси артефакта, располагаются в ряд. Пять самых крупных нарезок длиной от 12,46 до 14,68 мм пересекают пластину от одного продольного края до другого. Две линии размером 5,41 и 9,14 мм достигают, примерно, 1/2 ширины исследуемого участка. Еще пять коротких нарезок 2,30–3,06 мм длиной являются, по всей видимости,

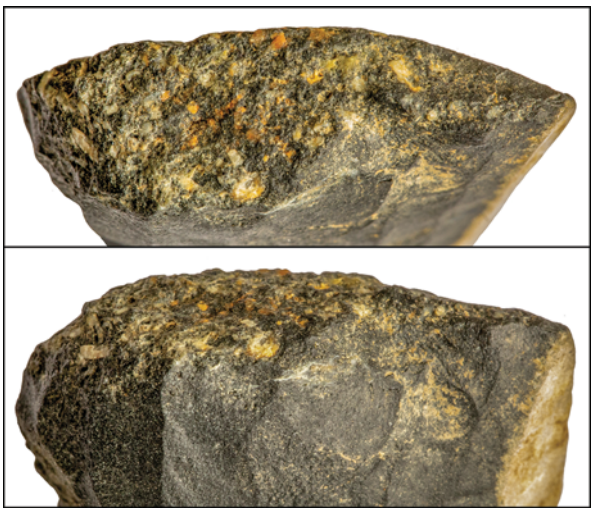

Рис. 2. Следы подготовки зоны расщепления на остаточной ударной площадке пластины.

пробными. Ширина насечек в основном ряду колеблется от 0,25 до 0,85 мм, расстояние между линиями – 2,5–9,5 мм. Противопоставлены этому ряду две насечки (8,74 и 9,4 мм в длину), которые пересекают четыре линии основной группы под острым углом (50–70º), образуя перекрестия. Анализ дорсальной поверхности пластины и морфологии резных линий позволяет предполагать, что гравировка могла быть нанесена до момента получения пластины, предположительно на этапе отбора отдельности или создания преформы нуклеуса.

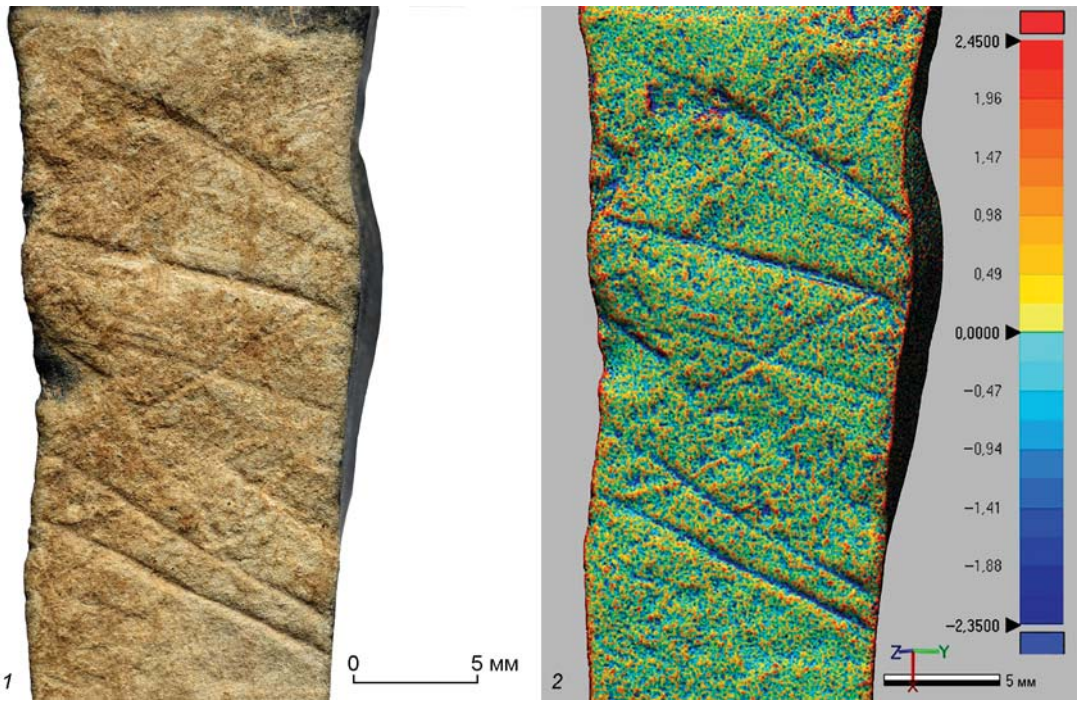

Рис. 3. Гравировка на пластине комплекса начального верхнего палеолита из мастерской им. А.П. Окладникова.
1 – макро-фото; *2* – карта кривизны сетки.

Обсуждение

В территориальном и хронологическом отношении ближайшие примеры гравированных каменных изделий зафиксированы в материалах культурного горизонта 3 стоянки Подзвонкая в Западном Забайкалье [Ташак, 2009]. В комплексе начального верхнего палеолита этого памятника отмечено шесть каменных артефактов с изображениями, нанесенными выбивкой и прочерчиванием. Изображение первого типа выполнено на площадке бипродольного подпризматического нуклеуса из туфа. Площадка нуклеуса естественная, на ее шероховатой патинированной поверхности в технике точечной выбивки выполнена серия удлиненных линий, часть из которых пересекаются под прямым углом относительно друг друга. Пятью предметами представлены тонкие сланцевые плитки с прочерченными линиями и штрихами, передающие, по мнению автора находок, контуры зооморфных или абстрактных фигур [Там же, с. 56].

На наш взгляд, наиболее точные аналогии гравированной пластине из комплекса начала верхнего палеолита мастерской им. А.П. Окладникова происходят из коллекции стоянки восточного граветта Хотылево-2 (пункт А) [Еськова, Гаврилов, 2018]. В материалах этого памятника выявлена представительная серия кремневых изделий с орнаментальными композициями, нанесенными на известковую корку. В общей сложности здесь отмечено 268 предметов с гравировкой, охватывающих основные категории каменной индустрии стоянки Хотылево-2: преформы ядрищ, нуклеусы, пластины, технические сколы, отщепы, орудия на пластинах. Половина выявленных примеров относится к орудийных формам. В результате технологического анализа было установлено, что в подавляющем большинстве случаев гравировка наносилась на начальных этапах цикла расщепления, что подтверждается данными ремонтажа. Предполагается, что подобная практика могла быть связана с маркировкой преформ из приносного сырья [Там же, с. 142].

Указанная интерпретация вполне согласуется с данными, полученными в результате исследования изделия с мастерской им. А.П. Окладникова. Выполненная гравировка на естественной поверхности артефакта в данном случае не была связана с символической деятельностью, а несла функцию маркировки преформы нуклеуса или отдельности сырья. Смысловое значение подобных отметок может трактоваться как знак собственности или особой ценности маркированного материала. Последнее, в целом, согласуется с фиксируемыми высокими потребительскими качествами материала, из которого получена пластина и функциональностью самого памятника – мастерская им. А.П. Окладникова расположена на первичных выходах сырья, откуда происходила транспортировка материала для его дальнейшего использования на стоянках и поселениях долины р. Ингоды.

Благодарности

Экспериментально-трасологические исследования выполнены в рамках проекта ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0011 (А.Ю. Федорченко), 3D-моделирование – по проекту РНФ № 20-78-10125 (М.В. Селецкий).

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 157 с.

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с.

Астахов С.Н. Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой горе в г. Красноярске. – СПб.: Европейский дом, 1999. – 207 с.

Астахов С.Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Записки ИИМК РАН. – 2018. – № 19. – С. 13–19.

Бадер О.Н., Флинт В.Е. Гравировка на бивне мамонта с. Берелеха // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. – Л.: Наука, 1977. – С. 68–72.

Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1960. – № 81. – С. 106–107.

Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костёнковской культуры // Советская Археология. – 1985. – № 1. – С. 9–22.

Демещенко С.А. Композиционные закономерности в искусстве палеолита // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – № 2. – С. 177–190.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая скульптура из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 25. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 103–108.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Еськова Д.К., Гаврилов К.Н. Кремень с гравировками и особенности использования каменного сырья на стоянке восточного граветта Хотылево 2А // Краткие сообщения Института археологии. – 2018. – Вып. 250. – С. 129–143.

Кириллов И.И. Предметы изобразительного искусства палеолитического поселения Сохатино IV (Ти-

товская сопка) // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 239–246.

Кириллов И.И. Титовская сопка // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 288–289.

Кириллов И.И., Рижский М.И. Очерки древней истории Забайкалья. – Чита: Статуправление Чит. обл., 1973. – 137 с.

Когай С.А., Роговской Е.О. Орнаментированные предметы из раскопок палеолитического местонахождения Мамоны II (Иркутск) // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 62–70.

Корнева Т.В. Орнаментика верхнепалеолитической стоянки Мальта // Археологические вести. – 2020. – Вып. 27. – С. 48–59.

Ларичев В.Е. Отчет о раскопках на Титовской сопке в 1961 г. // НОА ИА РАН. – 1961. – Р. 1. – № 2238. – 27 с.

Лбова Л.В. Палеолит Северной зоны Западной Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Лбова Л.В., Волков П.В., Долгорукова Н.А., Барков А.В., Ларичев В.Е. Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 91–100.

Липнина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования. – Дисс. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 235 с.

Мещерин М.Н., Разгильдеева И.И. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студеное-2 // История и культура востока Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 116–120.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Ч. 2. Забайкалье. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 6–20.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 33–102.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2017. – № 1. – С. 221–244.

Ташак В.И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. – 2009. – № 4. – С. 50–62.

Федорченко А.Ю. Каменные украшения VII культурного слоя Ушковских стоянок (Центральная Камчатка): технологический анализ // Вестник СВНЦ ДВО РАН. – 2015. – №1. – С. 100–114.

Филатов Е.А. Сухотинский геоархеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. – 44 с.

Филатов Е.А. Палеолит Восточного Забайкалья: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова – Выпускн. квалификац. работа магистранта. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2021. – 190 с.

Филатов Е.А., Филатова М.О. Топографические исследования мастерской имени А.П. Окладникова в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. 26. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 258–262.

Харевич В.М., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К. Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2020. – №1. – С. 239–256.

Шмидт И.В. Информационный потенциал орнаментированных фрагментов костяных изделий из Черноозерской коллекции // Уральский исторический вестник. – 2021. – №1 (70). – С. 129–136.

Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology // Archaeological Research in Asia. – 2019. – Iss. 17. – P. 24–49.

Reference

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Afontovskaya kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 157 p. (In Russ.).

Abramova Z.A. Paleoliticheskoe iskusstvo na territorii SSSR. Moscow; Leningrad: Nauka, 1962, 86 p. (In Russ.).

Astakhov S.N. Paleolit Eniseya. Paleoliticheskiye stoyanki na Afontovoy gore v g. Krasnoyarske. Saint Petersburg: Evropeyskiy dom, 1999, 207 p. (In Russ.).

Astakhov S.N. Shurfy-shakhty dlya dobychi kamennogo syr'ya v paleolite na Titovskoy spoke. *Zapiski IIMK RAN*, 2018, No. 19, pp. 13–19. (In Russ.).

Bader O.N., Flint V.E. Gravirovka na bivne mamonta s. Berelekha. In *Mamontovaya fauna Russkoy ravniny i Vostochnoy Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 68–72. (In Russ.).

Beregovaya N.A. Paleoliticheskiye mestonakhozhdeniya SSSR. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 1960, №81, pp. 106–107. (In Russ.).

Fedorchenko A.Yu. Stone ornaments of cultural layer VII at the Ushki sites (Central Kamchatka): Technological analysis. *Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch*, 2015, No. 1, pp. 100–114. (In Russ.).

Gvozdover M.D. Ornament na podelkakh kostonkovskoy kul'tury. *Sovetskaya Arkheologiya*, 1985, No. 1, pp. 9–22. (In Russ.).

Demeshchenko S.A. The Paleolithic Art: Composite Patterns. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2018, No. 2, pp. 77–190. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Formation of the Upper Palaeolithic Traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 3, pp. 12–40. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Paleolithic Sculpture from Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 103–108. (In Russ.).

Dikov N.N. Drevniye kultury Severo-Vostochnoy Azii. Moscow: Nauka, 1979, 352 p. (In Russ.).

Eskova D.K., Gavrilov K.N. The Engraved flint and Specific features of Raw Material Use at the Eastern Gravettian site Khotylevo 2A. *Brief Communications of the Institute of Archaeology,* 2018, No. 250, pp. 129–143. (In Russ.).

Kirillov I.I. Predmety izobrazitelnogo iskusstva paleoliticheskogo poseleniya Sokhatino IV (Titovskaya sopka). In *Zveri v kamne*. Novosibirsk: Nauka, 1980, pp. 239–246. (In Russ.).

Kirillov I.I. Titovskaya sopka. In *Malaya entsiklopediya Zabaykal'ya: Arkheologiya*. Novosibirsk: Nauka, 2011, pp. 288–289. (In Russ.).

Kirillov I.I., Rizhskiy M.I. Ocherki drevney istorii Zabaykal'ya. Chita: Statupravleniye Chitinskoy oblasti, 1973, 137 p. (In Russ.).

Kogay S.A., Rogovskoy E.O. Ornamented Items of the Mamony II Paleolithic Site (Irkutsk). *Bulletin of the Irkutsk state University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology serie*s, 2013, No. 1 (2), pp. 62–70. (In Russ.).

Korneva T.V. Ornamentation from the Upper Palaeolithic site of Malta. *Archaeological News*, 2020, No. 27, pp. 48–59. (In Russ.).

Larichev V.E. Otchet o raskopkakh na Titovskoy sopke v 1961 g. NOA IA RAN, R. 1, No. 2238, 27 p. (In Russ.).

Lbova L.V. Paleolit Severnoy zony Zapadnoy Zabaykal'ya. Ulan-Ude: BNTS SO RAN, 2000, p. 240. (In Russ.).

Lbova L.V., Volkov P.V., Dolgorukova N.A., Barkov A.V., Larichev V.E. Items of the non-utilitarian purpose in the collection of the Upper Paleolithic Malaya Syya site (technological aspect). *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2014, No. 5 (13), pp. 91–100. (In Russ.).

Lipnina E.A. Mal'tinskoye mestonakhozhdeniye paleoliticheskikh kul'tur: sovremennoye sostoyaniye izuchennosti i perspektivy issledovaniya: cand. sc. (history) dissertation. Novosibirsk, 2002, 235 p. (In Russ.).

Meshcherin M.N., Razgil'deyeva I.I. O nakhodkakh proizvedeniy iskusstva «malykh form» na paleoliticheskom poselenii Studenoye-2. In *Istoriya i kul'tura vostoka Azii*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2002, Vol. 2, pp. 116–120. (In Russ.).

Okladnikov A. P. Drevneye Zabaykal'ye (kul'turno-istoricheskiy ocherk). In *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri*. Part 2. Zabaykal'ye. Novosibirsk: Nauka, 1975, pp. 6–20. (In Russ.).

Phylatov E.A. Paleolit Vostochnogo Zabaykal'ya: po materialam masterskoy im. A.P. Okladnikova: graduate qualification work of a master student. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. un-t, 2021, 190 p. (In Russ.).

Phylatov E.A. Sukhotinskiy geoarkheologicheskiy kompleks: nauchnyy putevoditel' po paleoliticheskim pamyatnikam Sukhotinskogo geoarkheologicheskogo kompleksa. Chita: Zabaykal'skiy gos. un-t, 2016, 44 p. (In Russ.).

Phylatov E.A., Phylatova M.O. Topographic Studies of the A.P. Okladnikov Paleolithic Workshop in Eastern Transbaikalia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXVI, pp. 258–262. (In Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova Ye.YU., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. Yanskaya stoyanka: material'naya kul'tura i simvolicheskaya deyatel'nost' verkhnepaleoliticheskogo naseleniya Sibirskoy Arktiki. *Rossiyskiy arkheologicheskiy yezhegodnik*, 2012, No. 2, pp. 33–102. (In Russ.).

Slavinskiy V.S., Rybin E.P., Belousova N.E., Fedorchenko A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoykin A.A. Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2017, No. 1, pp. 221–244. (In Russ.).

Tashak V.I. Simvolizm v nachale verkhnego paleolita Zapadnogo Zabaykal'ya. *Zapiski IIMK RAN*, 2009, No. 4, pp. 50–62. (In Russ.).

Kharevich V.M., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K. Auxiliary Knapping Tools in the Initial Upper Palaeolithic Stone Assemblages (with particular reference to the materials of the Ushbulak site). *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2020, No. 1, pp. 239–256. (In Russ.).

Shmidt I.V. Information Potential of Bone Artifacts Ornamented Fragments from the Chernoozerye Collection. *Ural Historical Journal*, 2021, No. 1 (70), pp. 129–136. (In Russ.).

Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology. *Archaeological Research in Asia*, 2019, No. 17, pp. 24–49.

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Филатова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0289-0293
УДК 902.674

М.О. Филатова✉, Е.А. Филатов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
mayaphylatova@gmail.com

Первое антракологическое исследование древесных углей в Восточной Сибири: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова

Археологическая древесина является самостоятельным источником информации о взаимодействии человека и окружающей среды в прошлом. В палеолите дерево, как правило, сохраняется в виде фрагментов углей, поэтому для его исследования подходит антракологический анализ, т.е. определение породного (видового) состава обожженной древесины. Нами были изучены фрагменты углей, найденные в 1961 г. В.Е. Ларичевым и А.П. Окладниковым при раскопках археологического памятника мастерская им. А.П. Окладникова, который расположен в Восточном Забайкалье на Титовской Сопке (окрестности г. Читы). Уникальность рельефа, благоприятное природно-ландшафтное расположение у речной долины и наличие богатых месторождений изотропного сырья издавна привлекали сюда первобытных людей, поэтому для поиска ответов на вопросы о стратегиях использования того или иного вида древесины как для хозяйственно-бытовых, так и для ритуальных целей был привлечен антракологический анализ. В результате на основе изучения макроскопических признаков анатомического строения древесины было установлено, что образцы являются представителями вида рододендрона даурского (Rhododendron dauricum L.) семейства Вересковые (Ericaceae). Данный вид широко распространен на территории Восточного Забайкалья и произрастает в окрестностях археологического памятника. Для реконструкции растительного покрова и выводов об общей экологической обстановке во время функционирования памятника необходимо расширить источниковую базу. В силу того, что рододендрон даурский является небольшим кустарником, остается неясным вопрос об основном виде топлива в то время, а также как из всего предполагаемого многообразия древесных пород горной тайги после термического воздействия сохранился именно он. Возможно, он использовался для окуривания территории от насекомых или в ритуальных целях. В целом, антракологические исследования только начинают внедряться в археологию, поэтому апробация методики на сибирских материалах имеет первостепенное значение.

Ключевые слова: *палеолитические мастерские, мастерская им. А.П. Окладникова, Восточное Забайкалье, антракология.*

M.O. Phylatova✉, E.A. Phylatov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
mayaphylatova@gmail.com

First Anthracological Study of Charcoal in Eastern Siberia Using the Evidence of the "A.P. Okladnikov Workshop" Site

Archaeological wood is a rich source of information about people and paleoenvironment. Wood usually survives from the Paleolithic in the form of charcoal. That is why anthracological analysis or identification of timber species is the best way to study the remains of Paleolithic wood. Charcoal fragments found during the excavations in 1961 by V.E. Larichev and A.P. Okladnikov at the "A.P. Okladnikov Workshop" site located on Titovskaya Sopka (near the city of Chita) in the Eastern Transbaikal region, have been studied. Unique terrain, favorable location near a river valley, and presence of rich deposits of isotropic raw materials attracted humans to that area in the ancient times. Anthracological methods were employed for answering the questions about the strategies of using wood both for household needs and ritual purposes. The analysis of macroscopic features of anatomical wood structure has revealed that the samples belonged to the species of Rhododendron dauricum L. (Ericaceae). This species is widespread in the Eastern Transbaikal region and grows next to the archaeological

site. For reconstructing the vegetation cover, the sources need to be expanded. The problem of the main type of fuel at that time remains open, since the Daurian rhododendron is a small shrub. Another curious question is how it was preserved after thermal exposure out of the variety of wood species. It might have been used for fumigation or for ritual purposes. Anthracological research is just beginning to be introduced into archeology, and therefore, testing the methodology on Siberian evidence is of crucial importance.

Keywords: *Paleolithic workshop, A.P. Okladnikov Workshop, Eastern Transbaikal region, anthracology.*

Введение

Исследование археологической древесины является актуальным в вопросах взаимодействия человека и окружающей среды в прошлом. В палеолите дерево, как правило, сохраняется в виде фрагментов углей. Анатомический анализ такой древесины позволяет рассматривать ее как самостоятельный источник информации о видах древнего топлива, палеосреды и палеодиеты, а также о стратегиях использования того или иного вида древесины как для хозяйственно-бытовых, так и для ритуальных целей.

Какая бы из этих задач ни стояла перед исследователем, первым этапом будет проведение антракологического анализа, т.е. определение породного (видового) состава древесных углей.

Палеолитические мастерские являются уникальными объектами в мировой науке, т.к., в первую очередь, они позволяют получить данные о технологии камнеобработки с полными циклами производства каменных изделий и заготовок. Зачастую при их изучении используют геологические, химические или методы абсолютного датирования, хотя применение естественно-научных методов, направленных на реконструкцию растительного покрова окрестностей мастерской и экологической обстановки, позволило бы приблизиться к поиску ответов на глобальные вопросы о направлениях миграций древнего человека и способах адаптации к природным условиям в палеолите.

В Восточной Сибири на материалах археологического памятника мастерская им. А.П. Окладникова нами уже на протяжении нескольких лет реализуется применение комплексного подхода, направленного на всестороннее изучение памятника [Филатов, Филатова 2020; Филатов, 2021]. Данная статья является его продолжением, а ее основная цель – внедрение и апробация метода антракологии на восточносибирских материалах.

Материалы и методы

Нами было проанализировано 2 образца древесного угля из палеолитического памятника – мастерская им. А.П. Окладникова [Константинов, 2013, Астахов, 2018], расположенного в Восточном Забайкалье на восточном отроге хребта Черского, именуемом в исторической литературе Титовской сопкой [Константинов, Синица, 2009, с. 547]. Они были найдены в 1961 г. В.Е. Ларичевым и А.П. Окладниковым и происходят из слоя 4 раскопа № 2 мастерской им. А.П. Окладникова (рис. 1) [Ларичев, 1961].

Мастерская представлена 5 культурными слоями, связанными с покровными отложениями делювиального-эолового генезиса (рис. 2). Культурный слой 4 на основании стратиграфической позиции и характеристики археологического материала датируется начальным верхним палеолитом. Каменная индустрия базируется на эффузивных горных породах, представленных как в объемных конкрециях, так и в форме плиток. Первичное расщепление представлено, в основном, продуктами первичного расщепления с преобладанием производственного комплекса над хозяйственно-бытовым. Первичное расщепление характеризуется объемным параллельным скалыванием (подпризматические, призматические и торцовые нуклеусы) и плоскостным в виде леваллуазских нуклеусов для отщепов. Индустрия демонстрирует тенденцию к производству крупных и средних пластин. Орудия маркеры начального верхнего палеолита представлены пластинами с вентральным утончением дистального окончания, листовидными бифасами (находящимися на разных стадиях изготовления) и продуктами их оформления. Также следует отметить предметы знакового поведения, приуроченные к слою 4, в виде гравированной пластины и фрагментов обожженной глины [Филатов, 2021].

Образцы древесного угля были изучены из заполнения очага 5 раскопа № 2 1961 г. [Ларичев, 1961]. Приуроченность археологического материала и планиграфия слоя 4, изученного на площади 28 м², определена локализацией каменных артефактов, костей и предметов неутилитарного назначения к каменным кладкам, которые, в интерпретации В.Е. Ларичева, воспринимаются как очаги, но, учитывая морфологию конструкций и специфику изучаемого памятника, их можно интерпретировать как «хранилище» материала, об этом свидетельствует также наличие сколов на камнях обкладки (рис. 2, *2*) [Ларичев, 1961].

Очаг 5 (кладка) в плане имеет округлую форму, у которой в центральной части фиксируется чаше-

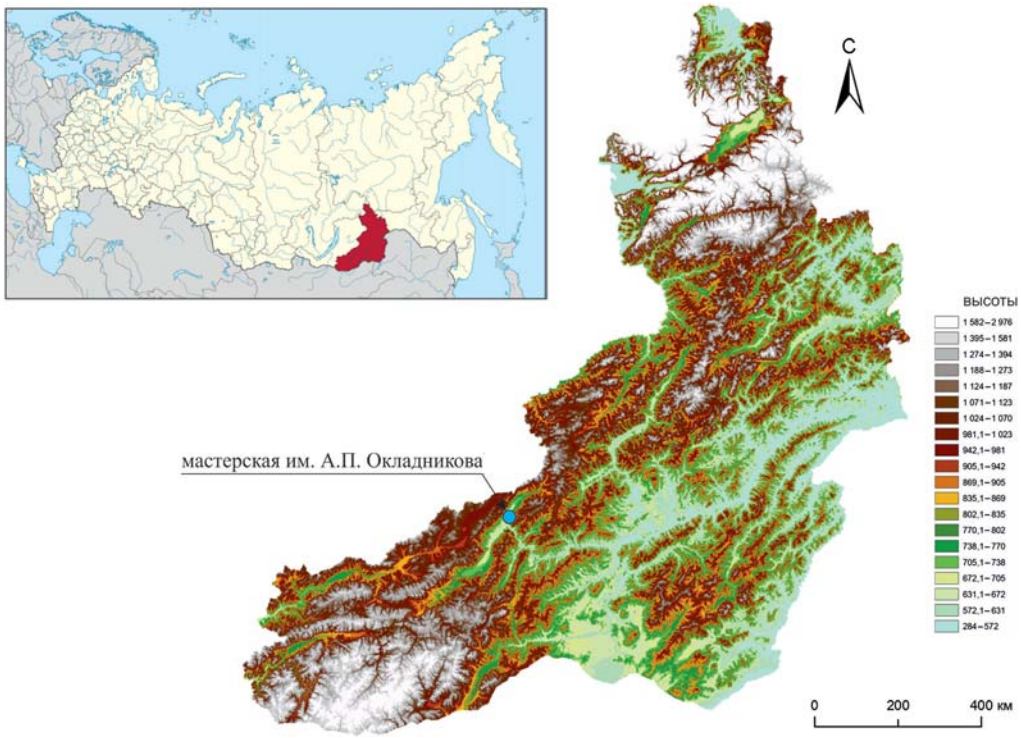

Рис.1. Расположение мастерской им. А.П. Окладникова.

видное углубление, заполненное углистыми примазками. В расчистке заполнения встречались углистые прослойки, густонасыщенные конкрециями древесного угля, однако только два оказались пригодны для антракологического анализа. В средней части очажной ямы фиксировался один большой камень и четыре мелких, которые тяготеют к большому камню. Диаметр очага 82–91 см, глубина углубления под конструкцией равна 10–11 см [Ларичев, 1961] (рис. 2, *2*).

Размеры образцов № 1 и № 2 6 × 4 мм и 6 × 5 мм, соответственно, сохранность – средняя, цвет – угольно черный. Такие образцы считаются пригодными для проведения антракологического анализа. С помощью скальпеля и бритвенных лезвий были очищены поперечный, тангенциальный и радиальный срезы углей. Затем были изучены их макроскопические признаки в отраженном свете с помощью микроскопа Axio Imager. M2m с камерой AxioCam HRc 5 (Carl Zeiss), и каждый образец был сфотографирован с увеличением ×10–40 в зависимости от индивидуальных характеристик и степени сохранности. Определение видового разнообразия осуществлялось путем сопоставления диагностических структур с ключами атласа «Анатомия древесины растений России» [Benkova, Schweingruber, 2004]. Данный ана-

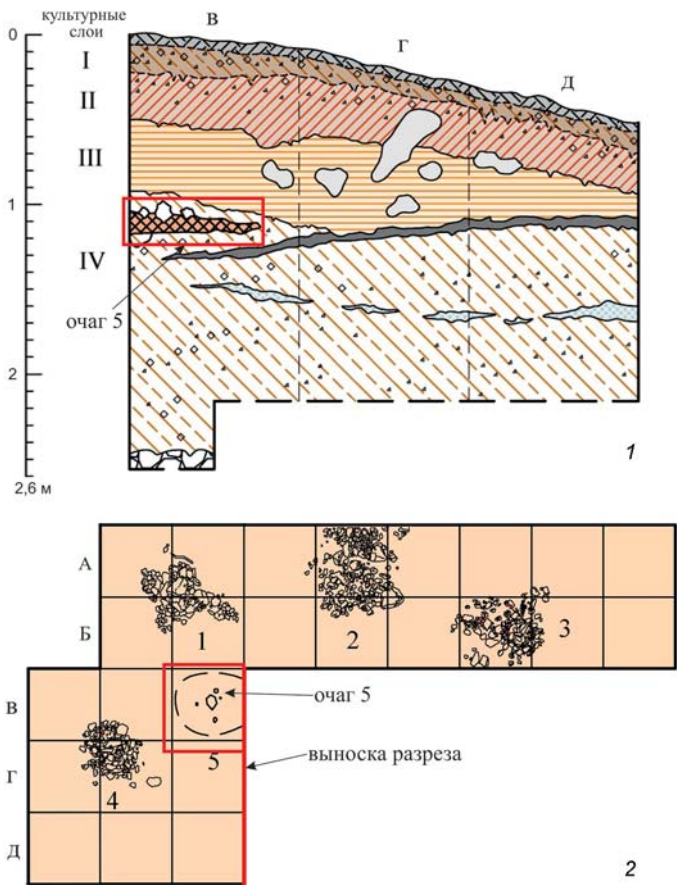

Рис.2. Расположение очага 5.

1 – стратиграфический профиль восточной стенки раскопа 1961 г.; *2* – план раскопа 1961 г. с расположением конструкций (очагов).

лиз был произведен при поддержке специалистов на базе Кембриджского университета.

Стоит отметить, что антракологические исследования только начинают внедряться в археологию и представлены, на данный момент, единичными работами, поэтому апробация методики на сибирских материалах имеет первостепенное значение [Семеняк и др., 2018].

Результаты

В ходе анализа установлено, что образцы № 1 и № 2 оказались представителями вида рододендрона даурского (*Rhododendron dauricum* L.) семейства Вересковые (*Ericaceae*) (рис. 3).

Об этом свидетельствуют следующие признаки:

Поперечный срез. Ядро невыраженное. Граница годичных колец гладкая. Древесина рассеяннососудистая (рис. 3). Просветы угловатые, очень мелкие, очень многочисленные, в основном изолированные.

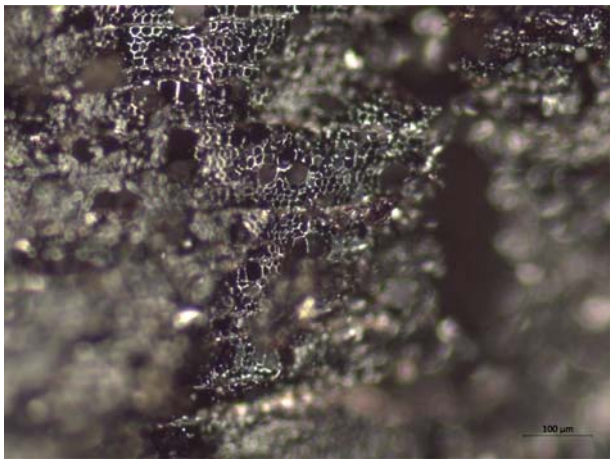

Рис.3. Поперечный срез. Древесина рассеяннососудистая. Образец № 2.

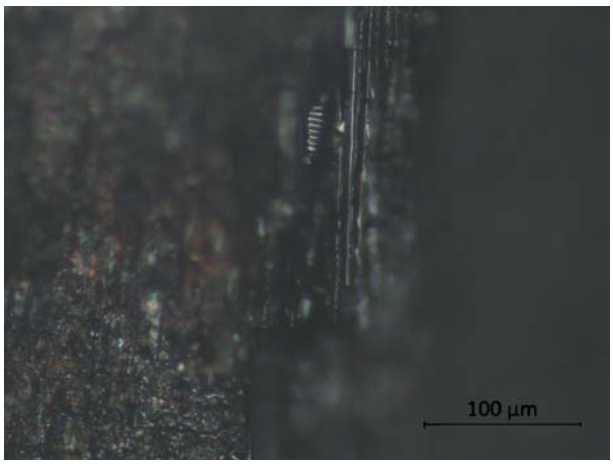

Рис .4 Радиальный срез. Лестничные перфорации. Образец № 1.

Паренхима скудная, апотрахеальная, диффузная. Лучи неясно выраженные.

Тангенциальный срез. Лучи в основном однорядные. Клетки однорядных лучей длинные и веретеновидные.

Радиальный срез. Перфорации лестничные (рис. 4). Межсосудистая поровость очередная; поры овальные, иногда слившиеся. Часто встречаются переходные формы между очередной поровостью и лестничными перфорациями. Поры между сосудами и клетками лучей мелкие, частые, окаймленные. Лучи в большинстве гомогенно-палисадные, состоят из стоячих и квадратных клеток. В лучах имеются овальные крупные межклетные полости. Волокнистые элементы представлены волокнистыми трахеидами. Слабая спиральная штриховатость стенок сосудов.

Дискуссия

Данный вид в настоящее время широко распространен на территории Восточного Забайкалья и произрастает в окрестностях археологического памятника. Однако для того, чтобы сделать выводы об экологической обстановке того времени, необходимо найти и проанализировать большее количество образцов. Хотя можно уже предположить, что во времена функционирования палеолитической мастерской им. А.П. Окладникова растительный покров относился к горной тайге типичной для Восточного Забайкалья [Решетова и др., 2013; Решетова, 2018].

Остается неясным вопрос: какая порода древесины была основным видом топлива в то время. Рододендрон даурский – это кустарник, высотой 0,5–1,8 м, состоящий из прутьевидных побегов [Флора…, 1997, с. 17]. Он мог применяться, например, для разведения огня, но не для его поддержания. Не менее интересным фактом является то, что из всего предполагаемого многообразия древесных пород горной тайги после термического воздействия сохранился именно рододендрон даурский. Возможно, он не использовался как вид палеотоплива, а был оставлен древними людьми уже на затухающем огне для окуривания территории от насекомых или в ритуальных целях. В пользу последнего предположения свидетельствуют находки гравированной пластины и фрагментов обожженной глины близ изученных нами образцов угля.

Заключение

Таким образом, впервые нами была апробирована методика антракологического анализа на восточносибирских материалах. Она позволила

установить принадлежность двух образцов угля с точностью до вида – рододендрона даурского (*Rhododendron dauricum* L.) и сделать предположения о том, для чего использовалась данная порода древесины. Для подтверждения наших гипотез необходимо расширить коллекцию образцов углей, а также провести дополнительные исследования с помощью смежных естественно-научных методов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за помощь в реализации проведенных исследований С. Ларбей, А. Кривелларо и Ф. Руффинато.

М.О. Филатова работала в рамках темы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0010.

Список литературы

Астахов С.Н. Шурфы-шахты для добычи каменного сырья в палеолите на Титовской сопке // Зап. ИИМК РАН. – 2018. – С. 13–19.

Константинов М.В. Археология Забайкалья: верхний палеолит // Гуманитарный вектор. Сер.: История, политология. – 2013. – № 3 (35). – С. 10–12.

Константинов М.В., Синица С.М. Титовская сопка // Малая энциклопедия Забайкалья: Природное наследие. – Новосибирск: Наука, 2009. – С. 546–548.

Ларичев В.Е. Отчет о раскопках на Титовской сопке в 1961 г. // НОА ИА РАН. 1961. – 27 с. – № 2238.

Решетова С.А. Реконструкция растительности Читино-Ингодинской впадины (Забайкалье) в позднем голоцене // Геосферные исследования. – 2018. – № 4. – С. 56–63.

Решетова С.А., Безрукова Е.В., Паниззо В., Хендерсон Э., Птицын А.Б., Дарьин А.В., Калугин И.А. Растительность Центрального Забайкалья в позднеледниковье и голоцене // География и природные ресурсы. – 2013. – № 2. – С. 110–117.

Семеняк Н.С., Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А. Определение пород дерева по углям для целей палеоэкологических реконструкций (по материалам археологических памятников второй пол. I тыс. н.э. на Средней Оке) // Проблемы региональной экологии. – 2018. – № 4. – С. 88–92.

Филатов Е.А. Палеолит Восточного Забайкалья: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова: выпуск. квалиф. работа магистранта. – Новосибирск, 2021. – 190 с.

Филатов Е.А., Филатова М.О. Топографические исследования мастерской имени А.П. Окладникова в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2020. – Т. 26. – С. 258–262.

Флора Сибири. Т. 11: Pyrolaceae – Lamiaceae / Сост. Доронькин В.М., Ковтонюк Н.К., Зуев В.В., Овчинникова С.В., Никифорова О.Д., Малышев Л.И., Фризен Н.В., Пешкова Г.А., Рыбинская Е.В., Крестовская Т.В., Байков К.С. – Новосибирск: Наука, 1997. – 296 с.

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomy of Russian woods. – Bern, Stuttgart, Wien, 2004. – 456 p.

Referenses

Astakhov S.N. Shurfy-shakhty dlya dobychi kamennogo syr'ya v paleolite na Titovskoi sopke. In *Zapiski IIMK RAS*, 2018, pp. 13–19. (In Russ.).

Benkova V.E., Schweingruber F.H. Anatomy of Russian woods. Bern, Stuttgart, Wien, 2004, 456 p.

Doron'kin V.M., Kovtonjuk N.K., Zuev V.V., Ovchinnikova S.V., Nikiforova O.D., Malyshev L.I., Frizen N.V., Peshkova G.A., Rybinskaja E.V., Krestovskaja T.V., Bajkov K.S. (eds.) Flora Sibiri. T. 11: Pyrolaceae – Lamiaceae. Novosibirsk: Nauka, 1997, 296 p. (In Russ.).

Konstantinov M.V. Arkheologiya Zabaikal'ya: verkhnii paleolit. *Gumanitarnyi vektor. Series: Istoriya, politologiya*, 2013, vol. 3 (35), pp. 10–12. (In Russ.).

Konstantinov M.V., Sinica S.M. Titovskaja sopka. *Malaja jenciklopedija Zabajkal'ja: Prirodnoe nasledie*, 2009, pp. 546–548 (In Russ.).

Larichev V.E. Otchet o raskopkah na Titovskoj sopke v 1961 g. *NOA IA RAN*,1961., 27 p., № 2238. (In Russ.).

Phylatov E.A. Paleolit Vostochnogo Zabajkal'ja: po materialam masterskoj im. A.P. Okladnikova: vipusknaja kvalifikacionnaja rabota magistranta. Novosibirsk, 2021, 190 p. (In Russ.).

Phylatov E.A., Phylatova M.O. Topographic Studies of the A.P. Okladnikov Paleolithic Workshop in Eastern Transbaikalia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXIV, pp. 258–262. (In Russ.).

Reshetova S.A. Rekonstrukcija rastitel'nosti Chitino-Ingodinskoj vpadiny (Zabajkal'e) v pozdnem golocene. *Geosfernye issledovanija,* 2018, Vol. 4, pp. 56–63. (In Russ.).

Reshetova S.A., Bezrukova E.V., Panizzo V., Henderson Je., Pticyn A.B., Dar'in A.V., Kalugin I.A. Rastitel'nost' Central'nogo Zabajkal'ja v pozdnelednikov'e i golocene. *Geografija i prirodnye resursy*, 2013, Vol. 2, pp. 110–117. (In Russ.).

Semenjak N.S., Gol'eva A.A., Syrovatko A.S., Troshina A.A. Opredelenie porod dereva po ugljam dlja celej paleojekologicheskih rekonstrukcij (po materialam arheologicheskih pamjatnikov vtoroj pol. I tys. n.je. na Srednej Oke). *Problemy regional'noj jekologii*, 2018, Vol. 4, pp. 88–92. (In Russ.).

Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Филатова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0294-0299
УДК 902/904

В.М. Харевич, Е.Н. Бочарова✉, К.А. Колобова
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Местонахождение Урочище Балчикова V – новый объект раннего верхнего палеолита Алтая

В 2021 г. отрядом ИАЭТ СОРАН был произведен осмотр местонахождения Урочище Балчикова V, расположенного в северо-западном Алтае. В статье представлены предварительные результаты работ на данном местонахождении. Местонахождение расположено в Чарышском р-не Алтайского края, вблизи п. Сентелек. В геоморфологическом отношении, данный участок представляет собой цирк, образованный расширением долины р. Сентелек, обрамленный горами. Подъемный материал приурочен к мысовидному участку по левому берегу р. Сентелек, представляющему собой делювиальный шлейф г. Воскударная Теплуха. Первые находки каменных орудий на данном участке были произведены П.И. Шульгой в 1991 г. Сборы 2021 г. насчитывают 8 экз. Наиболее яркую часть подъемного комплекса составляют предметы, связанные с первичным расщеплением: подпризматический двуплощадочный однофронтальный нуклеус встречного скалывания для пластин; преформа двухплощадочного нуклеуса и технические сколы. Орудийный набор представлен скребловидным изделием, выполненным на плитке силицита. Экспонированные находки, несмотря на малочисленность, имеют выразительный облик. Их морфология и характерные технологические особенности позволяют отнести материалы местонахождения к ранним этапам верхнего палеолита. Метод расщепления, направленный на получение крупных тонких пластин в рамках встречного подпризматического раскалывания, является характерной чертой индустрий начального и раннего верхнего палеолита Северной и Центральной Азии. Ближайшие аналогии данных материалов фиксируются в каменных индустриях раннего верхнего палеолита Алтая (Кара-Бом, комплексы ВП 1 и 2, Усть-Каракол-1, слои 8–11), Монголии (Толбор-4, гор. 5 и 6) и Восточного Казахстана (Ушбулак, слои 6 и 7).

Ключевые слова: *ранний верхний палеолит, Алтайский край, каменная индустрия, подъемный материал.*

V.M. Kharevich, E.N. Bocharova✉, K.A. Kolobova
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Urochiche Balchikova V – New Early Upper Paleolithic Site in Altai

A survey was carried out by a team from IAET SB RAS in the area of Urochiche Balchikova V(Balchikov locality V) situated in northwestern Altai in 2021. This article presents the preliminary results of studies at this site. The site is located is in the vicinity of the Sentelek village in the Charyshskiy District of Altai Krai. In geomorphological terms, this area is a cirque formed by an extension of the Sentelek River valley framed by mountains. The exposed artifacts are confined to a promontory on the left bank of the Sentelek River representing the diluvium train of Voskudarnaya Teplukha Mountain. P.I. Shulga found the first stone tools at this site in 1991. The 2021 collection counts 8 artifacts. The most representative part of the exposed complex consists of artifacts associated with primary reduction: a sub-prismatic double platform blade core of the bidirectional reduction pattern with one flaking surface; a preform of the double platform core and technical spalls. The tool kit is represented by a scraper-shaped tool made on a silicite tablet. The few artifacts collected from the surface are technologically-diagnostic. Their morphology and characteristic technological features suggest attribution of the assemblage to the early stages of the Upper Paleolithic. The flaking technique aimed at production of large thin blades under the bidirectional prismatic flaking strategy is characteristic of the industries of the Initial and Early Upper Paleolithic of North and Central Asia. The closest parallels to these materials are in lithic assemblages of the Early Upper Paleolithic of Altai (Kara-Bom, UP complexes 1 and 2, Ust-Karakol-1, layers 8-11), Mongolia (Tolbor-4, horizons 5 and 6) and Eastern Kazakhstan (Ushbulak, layers 6 and 7).

Keywords: *Initial Upper Paleolithic, Altai, lithic assemblage, exposed material.*

Значение территории Алтая в исследованиях наиболее ранних проявлений человека современного анатомического облика на территории Северной Евразии сложно переоценить. Здесь расположены наиболее изученные и представительные комплексы начальных этапов верхнего палеолита [Деревянко, 2005; Палеолитические комплексы…, 1998; Деревянко, Шуньков, 2005а; 2005б; Douka et al., 2019; Проблемы палеоэкологии…, 1998]. Большинство памятников раннего верхнего палеолита региона было открыто и исследовалось в 1980–2000 гг. В настоящее время продолжаются полевые исследования только комплексов Денисовой пещеры [Шуньков и др., 2019; Козликин, 2020; Деревянко и др., 2018]. В связи с этим открытие и изучение новых объектов раннего и начального верхнего палеолита становится особенно актуальным. Одним из объектов, предоставившим новые данные о распространении индустрий начального верхнего палеолита, стало местонахождение Урочище Балчикова V.

Местонахождение расположено в центральной части Чарышского р-на Алтайского края, в 3 км к юго-западу от п. Сентелек (рис. 1). Вся центральная часть Чарышского р-на представляет собой среднегорье и относится к Алтае-Салаирской складчатой системе. Долины и надпойменные террасы перекрыты плащеобразным слоем субаэральных покровных лессовидных пород верхнего плейстоцена-голоцена (sa QIII-IV) мощностью от 1–2 до 5–10 м. Они представлены серыми, палево- и желтовато-серыми неслоистыми пористыми сильно карбонатными супесями и суглинками с хорошо выраженной столбчатой отдельностью, по всей видимости, эолового происхождения. Мощность их различна и зависит от древности отложений, которые они перекрывают, но в целом колеблются от 0–5 м до 10–15 м [Гусев, Данилов, 2006].

На данный момент в долине р. Сентелек известно три местонахождения каменного века: Урочище Балчикова VI, V и Сентелек II [Шульга, 1991].

Местонахождение урочище Балчикова V расположено в среднем течении р. Сентелек, левого притока р. Чарыш. В этом месте долина р. Сентелек расширяется и представляет собой цирк, обрамленный вершинами гор Солоновка (1265,5 м), Казанцева Сопка (936,2 м), Воскударная Теплуха (1316,6 м), Балчикова (1537,7 м). Высотная отметка самого местонахождения составляет 654 м над уровнем моря. Археологический материал приурочен к мысовидному возвышению, расположенному на приустьевом участке руч. Балчиков в месте его впадения в р. Сентелек. В геоморфологическом отношении данный участок представляет собой делювиальный шлейф г. Воскударная Теплуха.

Первые находки каменных артефактов здесь были сделаны П.И. Шульгой в 1991 г. В обнажении террасы были найдены многочисленные отщепы и «грубообработанные орудия» [Там же, с. 234]. Находки были отнесены к каменному веку, более точная дефиниция материалов местонахождения не осуществлялась [Там же]. В 2021 г. местонахождение было осмотрено сотрудником Управления государственной охраны памятников культурного наследия Алтайского края Белоусовым Р.В. и обследовано сотрудниками ИАЭТ СО РАН.

В ходе обследования в 2021 г. археологический материал был обнаружен в экспонированном состоянии в колее дороги. Поскольку в непосредственной близости от стоянки расположены выхо-

Рис. 1. Расположение местонахождения Урочище Балчикова V.

ды сырья и отмечено движение тяжелой техники, отбирались только те предметы, происхождение которых можно было однозначно связать только с трудовой деятельностью древнего человека.

Коллекция подъемного материала немногочисленная, но содержит выразительные находки. Наиболее представительную часть коллекции составляют предметы, связанные с первичным расщеплением: нуклеус, преформа ядрища и краевые сколы (рис. 2).

Нуклеус представляет собой двухплощадочное однофронтальное подпризматическое ядрище встречного скалывания для получения пластин. Изделие имеет крупные размеры (12,3 × 5,7 × × 3,5 см), оформлено на блоке силицита (рис. 2, *4*). Две противолежащие скошенные ударные площадки, подготовлены одинарными сколами. Снятия, реализованные с первой ударной площадки, распространены на широкую часть фронта и на торец ядрища. Со второй площадки – только на широкую часть. На рабочей поверхности фиксируются негативы снятия пластин, реализованные во встречном направлении. На одной из латералей сохранились остатки частично удаленного латерального ребра. Контрфронт представляет собой естественную поверхность. Нуклеус оставлен из-за истощения и образования заломов по фронту.

Пренуклеус представляет собой крупную плитку силицита (14,2 × 11,3 × 4,5 см) с оформленными инициальными ребрами и подготовленными противолежащими ударными площадками (рис. 2, *5*). Одно ребро оформлено двусторонними, второе односторонними отщеповыми снятиями поперечными оси нуклеуса. Ударные площадки также оформлены отщеповыми снятиями. С одной из площадок реализовано пластинчатое снятие, закончившееся заломом. Причина выбраковки изделия неясна.

Технические сколы представлены проксимальным фрагментом краевой пластины и естественно-краевым сколом (рис. 2, *2*), одна грань которого частично сохраняет желвачную корку, а вторая несет негативы однонаправленных снятий. Также найдены сильноокатанная пластина с псевдоретушью по продольным краям (рис. 2, *1*) и два отщепа.

Орудийный набор включает только один предмет – скребловидное орудие (рис. 2, *3*). Изделие представляет собой плитку силицита (14 × 7,8 × 4 см), по продольному краю которой односторонними снятиями оформлено лезвие. По второму фасу реализован один скол. Возможно, изделие не закончено.

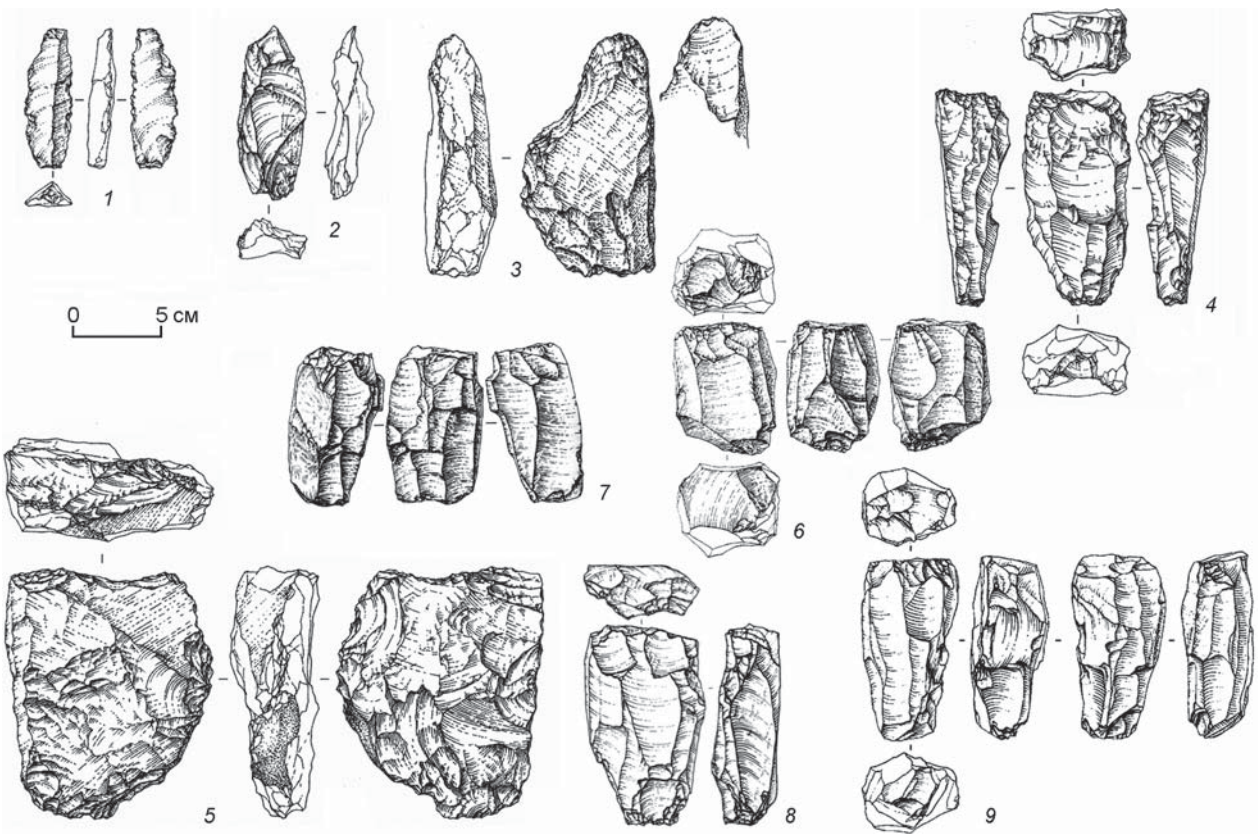

Рис. 2. Подъемный материал с местонахождения Урочище Балчикова V и сопоставительные материалы.

1 – пластина; *2* – краевой скол; *3* – скребловидное орудие; *4* – нуклеус; *5* – пренуклеус; *6* – нуклеус из слоя 7 стоянки Ушбулак (по: [Харевич и др., 2018]); *7* – нуклеус из слоя 11 стоянки Усть-Каракол (по: [Природная среда…, 2003]); *8* – нуклеус из слоя 4 стоянки Кара-Бом (по: [Белоусова и др., 2017]); *9* – нуклеус из слоя 11 стоянки Усть-Каракол (по: [Природная среда…, 2003]).

В 100 м к северо-западу от участка с подъемным материалом расположено искусственное обнажение, общая высота которого достигает 6 м. Под маломощным (0,4 м) чехлом голоценовых отложений залегает пачка плейстоценовых слоев, сложенная мощными (до 1 м) слоями рыжевато-серых сухих супесей с выраженной столбчатой отдельностью, разделенных прослоями обломочного материала мощностью до 1,5 м. В нижней части разреза залегает каменный цоколь, в составе которого присутствуют крупные блоки высококачественного сырья – силицитов. По всей видимости, отложения имеют коллювиально-дельвиальный генезис.

Наличие крупных блоков сырья в сочетании с присутствием в коллекции предметов, связанных с первичный расщеплением (преформа, нуклеус и технический скол), позволяет предположить, что Урочище Балчикова V представляет собой стоянку-мастерскую на выходах сырья.

Несмотря на малочисленность, найденный археологический материал крайне выразителен. В первую очередь это касается нуклеуса и преформы ядрища. Подобный метод расщепления, направленный на получение крупных тонких пластин в рамках встречного подпризматического раскалывания, является характерной чертой индустрий начального и раннего верхнего палеолита Северной и Центральной Азии [Rybin, 2014]. В первую очередь, к кругу таких индустрий относятся комплексы стоянки Кара-Бом (комплекс ВП 1 и 2) (рис. 2, *8*), Усть-Каракол-1 (слои 8–11) (рис. 2, *7, 9*), Толбор-4 (гор. 5 и 6) и Ушбулак (слои 6 и 7) (рис. 2, *6*) [Палеолитические комплексы…, 1998; Харевич и др., 2018; Природная среда…, 2003; Анойкин и др., 2018; Деревянко и др., 2013, Деревянко и др., 2007, Shunkov et al. 2017] (рис. 2, *5–8*). Основным видом сырья, используемого в культурных горизонтах Кара-Бома, Толбора-4 и Ушбулака, также выступают крупные блоки силицитов [Рыбин и др., 2018; Анойкин и др., 2019].

Характерный метод первичного расщепления позволяет отнести материалы местонахождения Урочище Балчикова V к начальным этапам верхнего палеолита. Для более точной культурно-хронологической атрибуции комплекса необходимо получение археологического материала in situ. В целом район среднего бассейна р. Сентелек представляется перспективным для поиска стратифицированных объектов верхнего палеолита.

Список литературы

Анойкин А.А., Павленок Г.Д., Харевич В.М., Таймагамбетов Ж.К., Шалагина А.В., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Дуванбеков Р.С., Шуньков М.В. Ушбулак – новая многослойная стоянка верхнего палеолита на северо-востоке Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47. – № 4. – С. 16–29. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.016-029

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Чеха А.М., Козликин М.Б., Искаков Г.Т., Васильев С.К., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 18–24. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.018-024

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Анойкин А.А. Новые археологические исследования палеолитической стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 34–38.

Гусев А.И. Данилов В.В. О перспективах Алтая на некоторые ювелирноподелочные и поделочные камни // Геммология: Сборник статей. – Томск: ФГУ «Томский ЦНТИ», 2006. – С. 41–45.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования Верхнего палеолита // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 5–19.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии – 2007. – № 1 (29). – С. 16–38.

Деревянко А.П., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Гунчинсурэн Б., Олсен Д. Развитие технологических традиций изготовления орудий в каменных индустриях раннего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (по материалам стоянок Толбор-4 и Толбор-15) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – Т. 56. – №4. – С. 21–37.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – С. 256–282.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005б. – С. 283–311.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Михиенко В.А. Новые данные по каменным индустриям среднего и верх-

него палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 82–86. DOI:10.17746/2658-6193.2018.24.082-086.

Козликин М. Б. Верхнепалеолитические комплексы Денисовой пещеры: новые данные / Геология палеолита Северной Азии: к столетию со дня рождения С.М. Цейтлина. – Красноярск, 2020. – С. 97–99.

Палеолитические комплексы стратифицированной части Стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит) / Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – 280 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / Деревянко А.П., Глинский С.В., Дергачева М.И., Шуньков М.В. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 1998. – 312 с.

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А., Павленок Г.Д. Эксплуатация осадочных пород в верхнепалеолитических технологиях расщепления камня Центральной Азии – Южной Сибири // Теория и практика археологических исследований. –2018. – № 2 (22). – С. 146–156. https://doi.org/10.14258/tpai(2018)2(22).-09

Харевич В.М., Анойкин А.А., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Таймагамбетов Ж.К. Первичное расщепление в индустрии начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2018. – Т. 23. – С. 3–23. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.23.3.

Шульга П.И. Памятники Археологии. Чарышский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. унт-та, 1991. – С. 228–234.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М., Чеха А.Н. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 299–305. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.299-305.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse Th., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 640–644. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0870-z

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quater. International. – 2014. – № 347. – P. 39–52.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiquity Project Gallery. – 2017. – No 91 (360). – P. 1–7. DOI:10.15184/aqy.2017.208.

References

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Shunkov M.V., Taimagambetov Z.K., Duvanbekov R.S. Ushbulak – new stratified upper Paleolithic site in Northeastern Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 4 (47), pp. 16–29. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.4.016-029.

Anoikin A. A., Taimagambetov Zh. K., Pavlenok G. D., Shalagina A. V., Bocharova E. N., Markovskiy G. I., Gladyshev S. A., Ulyanov V. A., Chekha A. M., Kozlikin M. B., Iskakov G. T., Vasilev S. K., Shunkov M. V. Studies of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan) in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. vol. 24, pp. 18–24. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.018-024.

Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Yu., Anoykin A.A. New Archaeological Research at the Kara-Bom Palaeolithic Site (The Altai Mountains). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. 23, pp. 34–38. (In Russ.).

Derevyanko A.P. Drevneishie migratsii cheloveka v Evrazii i problema formirovaniya Verkhnego paleolita. In *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, pp. 5–19. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Glinskii S.V., Dergacheva M.I., Shunkov M.V. Problemy paleoekologii, geologii i arkheologii paleolita Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 312 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P., Chevalkov L.M. Paleoliticheskie kompleksy stratifitsirovannoi chasti Stoyanki Kara-Bom (must'e – verkhnii paleolit). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. 1998, 280 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Gunchinsuren B., Olsen D. Early Upper Paleolithic Stone Tool Technologies of Northern Mongolia: The Case of Tolbor-4 and Tolbor-15. *Archaeology, Ethnology*

and Anthropology of Eurasia, 2013, vol. 4 (56), pp. 21–37. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Shunkov M.V. Industrii s listovidnymi bifasami v srednem paleolite Gornogo Altaya. In *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005a, pp. 256–282. (In Russ.).

Derevyanko A. P., Shunkov M. V. Stanovlenie verkhnepaleoliticheskikh traditsii na Altae. In *Perekhod ot srednego k pozdnemu paleolitu v Evrazii: gipotezy i fakty.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005b, pp. 283–311.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Agadganyan A.K., Baryshnikov G.F., Malaeva V.M., Ulianov V.A., Kulik N.A., Postnov A.V., Anoikin A.A. Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Mikhienko V.A. Recent Data on the Middle and Upper Palaeolithic Stone Tool Industries from the Southern Gallery at Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. 24, pp. 82–86. (In Russ.) DOI:10.17746/2658-6193.2018.24.082-086.

Derevyanko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen D., Tsevendorzh D., Gunchinsuren B. Tekhnologiya rasshchepleniya kamnya na rannem etape verkhnego paleolita Severnoi Mongolii (stoyanka Tolbor-4). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, vol. 1 (29), pp. 16–38. (In Russ.).

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey Ch.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse Th., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019, vol. 565, pp. 640–644. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0870-z.

Gusev A.I., Danilov V.V. O perspektivakh Altaya na nekotorye yuvelirnopodelochnye i podelochnye kamni. In *Gemmologiya*. Tomsk: Federal state institution "Tomsk center for scientific and technical information", 2006, pp. 41–45. (In Russ.).

Kharevich V.M., Anoikin A.A., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Taimagambetov Zh.K. Primary Reduction in the Stone Industry of the Initial Stages of Upper Paleolithic on the Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan). *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series*, 2018, vol. 23, pp. 3–23. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2018.23.3.

Kozlikin M. B. Verkhnepaleoliticheskie kompleksy Denisovoi peshchery: novye dannye. In *Geologiya paleolita Severnoi Azii: k stoletiyu so dnya rozhdeniya S.M. Tseitlina*. Krasnoyarsk, 2020, pp. 97–99. (In Russ).

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Popov A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoikin A.A., Pavlenok G.D. Sedimentary rocks exploitation in upper paleolithic knapping technology in the territory of Central Asia and South Siberia. *Theory and practice of archaeological research*, 2018, vol. 22, No 2, pp. 146–156. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-09.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia. *Quaternary Intern*, 2014, vol. 347, pp. 39–52. DOI:10.1016/j.quaint.2014.04.031.

Shulga P.I. Pamyatniki Arkheologii. Charyshkii raion. In *Pamyatniki istorii i kul'tury yugo-zapadnykh raionov Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State University Publ., 1991, pp. 228–234. (In Russ.).

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360, pp. 1–7. DOI:10.15184/aqy.2017.208.

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Mikhienko V.A., Chekha A.M., Chekha A.N. Lithic Industries of the Middle and Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave: Evidence of 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. vol. 25. pp. 299–305. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.299-305.

Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0300-0307
УДК 902/904

В.М. Харевич[1], Е.Н. Бочарова[1]✉, П.В. Чистяков[1], А.В. Гашенко[1], А.С. Колясникова[1], Е.В. Пархомчук [1], Н.В. Сердюк [2], В.В. Алексейцева[1], А.В. Харевич[1], К.А. Колобова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Исследования нового среднепалеолитического памятника на Алтае – пещеры Козья в 2021 году

В полевом сезоне 2021 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены исследования нового среднепалеолитического памятника Алтая – пещеры Козья, открытой в ходе археологических разведок 2020 г. Пещера расположена на территории северо-западного Алтая, в Чарышском районе Алтайского края. В результате раскопочных работ на площади 3 м^2 было выделено четыре стратиграфических подразделения, три из которых были отнесены к периоду плейстоцена. Археологический материал был обнаружен в слоях 2–3.2. В слое 2 было обнаружено тронкированно-фасетированное изделие. Коллекция слоя 3 насчитывает 8 изделий, половину из которых составляют орудия. Культуромаркирующей находкой является фрагмент леваллуазского остроконечника из слоя 3.1 с конвергентной огранкой дорсальной поверхности и выпуклой фасетированной ударной площадкой. Исследование палеофаунистического комплекса из слоев 3.1 и 3.2 в рамках зооархеологического подхода показало, что накопление фаунистических остатков в пещере происходило преимущественно в результате активности хищников, которые периодически использовали ее в качестве логова. Наряду с этим находки костей со следами преднамеренного расщепления указывают на то, что древние люди также посещали Козью пещеру и участвовали в аккумуляции костных остатков. Анализ фаунистической коллекции мелких млекопитающих показал, что формирование отложений происходило в условиях открытых пространств. Обитатели таежных и кустарничковых биотопов в ископаемой фауне малочисленны. Полученные в ходе полевых исследований данные позволили уточнить информацию о возрасте формирования отложений пещеры. Облик каменных артефактов, характер фаунистического материала, а также полученная для слоя 3.2 дата (>55000 л.н. (GV3067)) позволяют отнести археологический комплекс слоя 3 пещеры Козья к среднему палеолиту. Характер отдельных находок предварительно указывает на принадлежность данного комплекса к денисовскому варианту среднего палеолита Алтая.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, индустриальный вариант, археозоология, каменная индустрия.*

V.M. Kharevich[1], E.N. Bocharova[1]✉, P.V. Chistyakov[1], A.V. Gashenko[1], A.S. Koliasnikova[1], E.V. Parkhomchuk[1], N.V. Serduk[2], V.V. Alekseytseva[1], A.V. Kharevich[1], K.A. Kolobova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Borissiak Paleontological Institute RAS,
Moscow, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Studies of the Kozya New Altai Middle Palaeolithic Cave Site in Field Season 2021

Studies of a new Middle Paleolithic site in Altai, the Kozya Cave, had been conducted by the team of researchers from IAET SB RAS in 2021. The site was discovered in the course of archaeological survey in 2020. The cave is located in the

northwestern Altai, in the Charyshski District of Altai Region. The excavation trench of 3 m^2 revealed four stratigraphic units, three of which were attributed to the Pleistocene. Archaeological material was found in layers 2-3.2. Layer 2 contained a truncated-faceted tool. The assemblage of layer 3 consists of 8 artifacts, half of which have been defined as tools. The cultural marker is a fragment of the Levallois point from layer 3.1 with convergent scars on the dorsal surface and a convex faceted striking platform. The zooarchaeological analysis of the paleofaunal collection from layers 3.1 and 3.2 showed that the accumulation of faunal remains in the cave resulted mainly from activity of predators periodically using it as a den. At the same time, finds of bones with traces of premeditated splitting indicate that ancient people also visited the Kozya (Goat) Cave and participated in the accumulation of bone remains. Analysis of the faunal collection of small mammals showed that the deposition took place in open spaces. The inhabitants of taiga and shrub biotopes are few in the fossil fauna. The data of 2021 field season allowed us to clarify the age of the cave deposits formation. The morphology of lithic artifacts and the faunal material as well as the infinite date of layer 3.2 (>55000 (GV3067)) suggest attribution of the archaeological complex of Kozya layer 3 to the Middle Paleolithic. The culture marking artifacts tentatively indicates that this complex belongs to the Denisova trend of the Altai Middle Paleolithic.

Keywords: *Northwestern Altai, Middle Paleolithic, industy trend, archaeozoology, lithic assemblage.*

Горный Алтай является уникальной территорией, которая заселялась в среднем палеолите несколькими подвидами древнего человека. На этой территории известен ряд многослойных стратифицированных объектов, благодаря междисциплинарным исследованиям которых в последние десятилетия были накоплены важные данные, доказывающие взаимодействие различных подвидов древнего человека в этот период [Krause et al., 2007; Slon et al., 2017]. Обнаружение нового среднепалеолитического памятника в наши дни – достаточно редкое явление. Так, последним обнаруженным среднепалеолитическим объектом на данной территории является Чагырская пещера, ставшая ключевым памятником сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая [Междисциплинарные..., 2018].

В предлагаемой статье описываются результаты исследований нового среднепалеолитического памятника региона – пещеры Козьей, открытой в ходе плановых археологических разведок отряда ИАЭТ СО РАН в 2020 г.

Пещера расположена на территории Северо-Западного Алтая, в Чарышском р-не Алтайского края, в 23 км к западу от с. Чарышское; локализуется по восточному борту ручья – левого притока р. Чагырка (бассейн р. Чарыш) (рис. 1). Пещера представляет собой протяженную карстовую полость с расширением в северо-восточной части. Полость состоит из одного зала и двух галерей, уходящих в северном и юго-восточном направлениях. Протяженность основного зала составляет 16 м. В расширяющейся части ширина карстовой полости достигает 8 м. Вход в пещеру, шириной 4 м, обращен на юго-запад. Перед пещерой наблюдается небольшая предвходовая площадка, размеры которой 1,5 × 3 м [Харевич и др., 2020]. Согласно уточненным данным, полученным в ходе последнего полевого сезона, пещера возвышается над уровнем ручья на высоте 20 м. Абсолютная высота над уровнем моря составляет 560 м.

В 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН был произведен осмотр карстовой полости, зафиксировавший на поверхности рыхлых отложений разновременные фаунистические остатки и отдельные каменные и керамические артефакты. Археологический материал был также обнаружен в разведывательном шурфе, заложенном в центральной части полости в 9 м от входа. По характеру отложений и уровню сохранности фаунистических остатков слой с археологическим материалом был отнесен к периоду плейстоцена [Там же].

В полевом сезоне 2021 г. сотрудниками ИАЭТ СОРАН были продолжены исследования нового археологического объекта. С целью уточнения стратиграфической ситуации и получения данных о культурной принадлежности археологического материала разведывательный шурф 2020 г. был дополнен двумя раскопочными квадратами в северном и южном направлениях.

В исследуемом раскопе были выделены следующие стратиграфические подразделения (рис. 2).

Слой 1: рыхлые гумусированные отложения, перемешанные с современным мусором бурого – черного цвета. В слое фиксируются сажистые примазки и многочисленные угольки, являющиеся остатками растащенных костров. В юго-западной стенке раскопа располагается яма, проходящая сквозь нижележащие стратиграфические подразделения. Мощность слоя 10–15 см.

Слой 2. Темно-серый легкий суглинок с большим содержанием дресвы и углей разного размера. Слой содержит незначительное количество мелкого обломочного материала. В слое обнаружен один артефакт и значительное количество палеонтологического материала. В раскопе слой зафиксирован отдельными линзами, которые перемежались с отложениями слоев 3.1 и 3.2. Мощность слоя до 20 см.

Слой 3.1 (слой 3 в шурфе 2020 г.) сформирован тяжелыми суглинками темно-палевого цвета с высоким содержанием дресвы, щебня и крупного об-

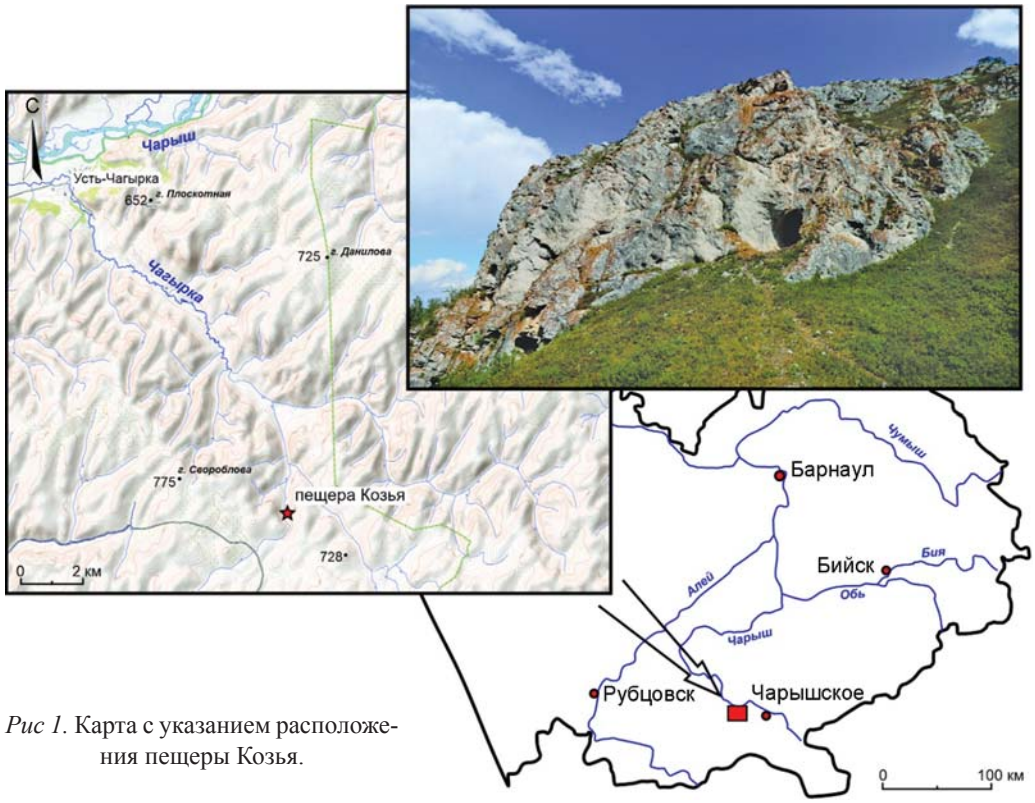

Рис 1. Карта с указанием расположения пещеры Козья.

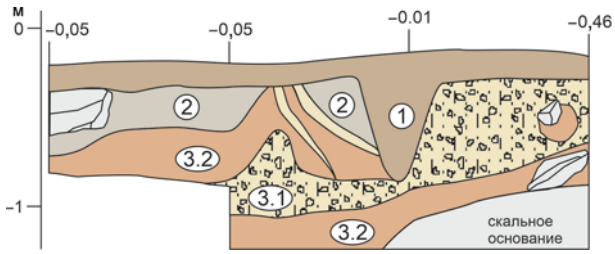

Рис. 2. Пещера Козья: западная стенка раскопа 2021 г.

ломочного материала. В ходе разбора отложений в слое было определено несколько кротовин, которые содержали наполнитель вышележащих отложений и раскапывались отдельно от материала слоя. В слое обнаружены каменные археологические материалы и множество фаунистических остатков. В раскопе отложения слоя перемежаются с отложениями слоя 3.2, также в отложениях данного стратиграфического подразделения зафиксированы линзы с наполнением аналогичным слою 3.2. Мощность слоя составляет до 40 см.

Слой 3.2 (слой 4 в шурфе 2020 г.) яркие желто-рыжие тяжелые суглинки с большим содержанием дресвы и многочисленными угольками. Достаточно часто встречается крупный обломочный материал. В слое обнаружены каменные археологические материалы и множество фаунистических остатков. В раскопе отложения слоя перемежаются с отложениями слоя 3.1. В слое обнаружены каменные археологические материалы и множество фаунистических остатков. Мощность слоя от 10 до 30 см. Слой залегает на скальном основании пещеры.

По костям были получены предварительные даты из слоя 3.2. Первая дата является явно омоложенной – 3734 ± 23 л.н. (GV3068), судя по всему, датируемый материал был переотложен вследствие активности грызунов. Вторая дата – запредельная для AMS – >55000 л.н. (GV3067), свидетельствует о среднепалеолитическом возрасте отложений слоя и содержащихся в нем артефактов.

Археологическая коллекция, полученная в ходе раскопочных работ 2021 г., немногочисленна и происходит из слоев 2, 3.1 и 3.2.

В слое 2 было обнаружено миниатюрное двухплощадочное тронкированно-фасетированное изделие на отщепе с дополнительной ретушью по одному из продольных краев (рис. 3, *1*). [Shalagina, Krivoshapkin, Kolobova, 2015].

В слоях 3.1 и 3.2 было обнаружено 8 каменных артефактов среднепалеолитического облика. Половину коллекции составляют фрагменты отщепов – 4 экз. Орудийный набор представлен четырьмя предметами. Из них три изделия были определены как отщепы с ретушью, в т.ч. утилизационной (рис. 3, *2, 3*). Наибольший интерес представляет проксимально-медиальный фрагмент леваллуазского остроконечника (отщепа?) из ком-

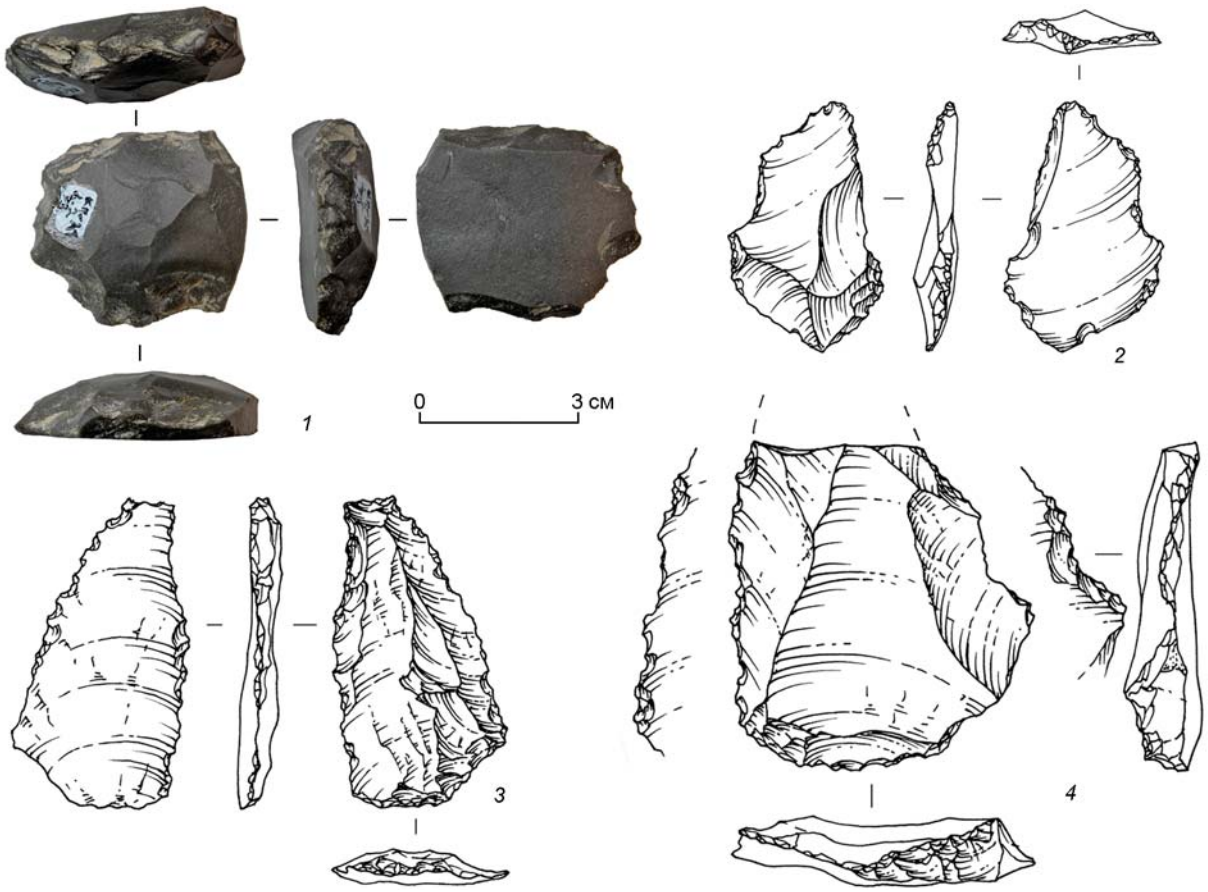

Рис. 3. Каменные артефакты из культуросодержащих слоев пещеры Козья.

1 – тронкированно-фасетированное изделие (слой 2); *2* – отщеп с ретушью утилизации (слой 3.1); *3* – отщеп с ретушью (слой 3.2); *4* – фрагмент леваллуазского остроконечника (слой 3.1).

плекса слоя 3.1 с конвергентной огранкой дорсальной поверхности и выпуклой фасетированной ударной площадкой (рис. 3, *4*).

Фаунистическая коллекция Козьей Пещеры, полученная в ходе раскопок 2021 г., была исследована в рамках зооархеологического подхода. Основу данного исследования составил палеофаунистический комплекс из слоев 3.1 и 3.2, состоящий из 7422 экз. костей, обнаруженных в процессе раскопок с учетом образцов из промывки рыхлых отложений, независимо от их размера. На первом этапе исследования для костных остатков определялись виды животных и части скелетов, если это было возможно. Для каждого таксона проводился подсчет определимых образцов костей и минимального количества особей [Grayson, 1984]. Таксономический состав комплекса крупных млекопитающих представлен в таблице 1. Длина измерялась для всех костей. Следующим этапом исследования стал тафономический анализ, в ходе которого были определены генезис скопления костей и характеристик модификаций на образцах. Для тафономического анализа были отобраны кости >2 см, так как

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из слоев 3.1 и 3.2 Козьей Пещеры**

Таксон	Слой 3.1	Слой3.2	Всего
Aves	1	–	1
Lepus tanaiticus	1	1	2
Marmota sp.	1	1	2
Spermophilus sp.	1	–	1
Mustela altaica	–	1	1
V. vulpes	2	2	4
Rangifer tarandus	1	–	1
Canis lupus	1	1	2
C. crocuta spelaea	5	1	6
Mammuthus primigenius	3	–	3
Coelodonta antiquitatis	3	–	3
Megaloceros giganteus	1	–	1
Equus ovodovi	1	–	1
Equus sp.	7	1	8
Carnivora	1	–	1
Bison priscus	1	2	3
Capra sibirica	5	2	7
Capra/Ovis	5	1	6
Неопределимые обломки	6163	1206	7369
Итого	6203	1219	7422

на образцах меньшего размера сложнее идентифицировать следы различного происхождения. Все отобранные образцы костей (948 экз.) были детально изучены на наличие различных следов природного и антропогенного характера. Для определения антропогенных и хищнических следов использовались уже известные методики, опубликованные другими авторами [Capaldo, Blumenschine, 1994; Оно, 2006]. Под антропогенными факторами подразумевается деятельность древнего человека, небольшие повреждения на костях, появившиеся в результате раскопок, не учитывались.

Зооархеологическое исследование показало, что в фаунистической коллекции слоев 3.1, 3.2 доминируют неопределимые фрагменты диафизов длинных трубчатых костей и зубов. Кости имеют плейстоценовый тип сохранности. Среди определимых экземпляров костей больше всего представлены кости и зубы травоядных (62,2 %; табл. 1). Сибирский горный козел (13,2 %) и лошадь (16,9 %) являются наиболее представленными в коллекции травоядными животными, следующий по количеству находок – степной бизон (5,6 %). Сибирскому горному козлу принадлежит крупный фрагмент верхней части диафиза метаподии (92 мм в длину) и целая запястная (II+III) кость, а также 5 изолированных зубов, 3 из которых имеют следы кислотной коррозии. От лошади сохранились 7 фрагментов зубов и 1 обломок диафиза большой берцовой кости (94 мм), лишь один обломок зуба корродирован. От бизона найдены три обломка зуба без кислотной коррозии. Мамонт представлен только в слое 3.1 в виде двух небольших пластинок зубов (32 и 41 мм в длину) и одного крупного обломка диафиза длинной трубчатой кости (156 мм в длину). От шерстистого носорога найдено три фрагмента зубов в слое 3.1, не имеющих следов кислотной коррозии. К группе козлы/бараны отнесены 11,3 % всех определимых костей. Очень интересной находкой является почти целиком сохранившийся резец гигантского оленя (53 мм), этот вид редко встречается в пещерных отложениях Алтая. На зубе присутствуют следы кислотной коррозии, появившиеся в результате пищеварительных процессов крупных хищников.

Кости хищников составляют 26,4 % от количества идентифицированных образцов в Козьей Пещере. Среди определимых костей хищников пещерная гиена составляет 42,8 % от их общего количества, она представлена 6 находками, из них 4 изолированных зуба (2 из которых молочные), фрагментом нижней челюсти с двумя зубами и обломком метаподии. Процент других хищных видов (волк и лисица) составляет 14,2 % и 28,5 %. От волка сохранились один фрагмент зуба и нижний конец 1-й фаланги, от лисицы 4 зуба.

Количество особей для каждого вида не превышает одного. Проанализированный палеофаунистический комплекс характеризуется сильной фрагментацией костей (более 99 %). Распределение костей по длине показывает, что 85,5 % фрагментов имеют размер меньше 2 см.

Цвет костей варьируется от песочного до темно-коричневого. Кислотное воздействие в результате попадания костей и зубов в желудки хищников является преобладающим тафономическим фактором изменения поверхностей находок в исследуемом комплексе. Для переваренных костей типичны тонкие края и наличие отверстий, образованных соляной кислотой, входящей в состав желудочного сока хищников. С учетом определимых и неопределимых костей (>2 см) доля переваренных фрагментов составляет 65,3 % в слое 3.1 и 72 % в слое 3.2. Максимальная длина таких фрагментов не превышала 63 мм. Присутствие на костях следов нахождения в пищеварительном тракте является характерным признаком активности крупных плейстоценовых хищников, таких как пещерная гиена или волк [Васильев, 2013]. Следы кислотной коррозии могут влиять на частоту фиксации следов других видов активности плотоядных животных или человека. Следы погрызов и прокусов (следы от клыков) хищников были зафиксированы на 3,3 % костей из двух слоев.

В результате тафономического анализа удалось обнаружить образцы костей со следами, появившимися в результате преднамеренного расщепления кости, предположительно с целью добычи костного мозга. Сколы на костях от ударов твердым отбойником имеют раковистый и спиральный излом [Оно, 2006]. Фасетки, образующиеся от ударов отбойника, имеют тупой угол с кортикальной или внутренней стороны кости (в зависимости от расположения фасетки) в отличие от хищнических прокусов, которые за счет давления образуют лунки с острым или прямым углом [Capaldo, Blumenschine, 1994]. Всего в исследуемой коллекции определено 8 костных фрагментов со следами антропогенной активности, это обломки длинных трубчатых костей, не имеющие следов кислотной коррозии, размером от 22 до 93 мм. Из них лишь одна кость определима – обломок верхнего конца метаподии сибирского горного козла длиной 93 мм со следами ударов отбойника. На одном неопределимом обломке диафиза частично сохранился единичный порез v-образной формы в сечении. В коллекции об-

наружена одна костяная чешуйка длиной 22 мм, образовавшаяся в результате удара твердым отбойником.

Также в рамках данных исследований был детально изучен палеофаунистический состав мелких млекопитающих из отложений Козьей Пещеры. Согласно предварительным результатам анализа мелких позвоночных из отложений слоев 2, 3.1 и 3.2 было получено 266 костных элемента, из которых более половины можно определить до вида или рода (табл. 2). Цвет фаунистического материала кремовый или желтовато-коричневый, характерный для ископаемых остатков.

Состав мелких млекопитающих Козьей Пещеры схож с фаунами других пещер Северо-Западного Алтая. Многочисленны остатки сусликов Spermophilus, узкочерепной полевки *Lasiopodomys gregalis*, плоскочерепной полевки *Alticola strelzowi* и цокора *Myospalax myospalax*. Количество лесных полевок *Clethrionomys*, мышовки *Sicista*, интразональных видов незначительно.

Наряду с этим в составе мелких млекопитающих (табл. 2) есть виды, которые в настоящее время встречаются исключительно за пределами Алтайского края (*Lagurus lagurus, Eolagurus luteus, Ellobius talpinus*). Изменение ареалов обитания мелких млекопитающих происходило на протяжении голоцена [Агаджанян, 2008] и было связано с преобразованиями климата, что свидетельствует том, что фауна мелких млекопитающих Козьей Пещеры является ископаемой.

В целом, анализ фаунистической коллекции мелких млекопитающих показывает, что в ископаемой фауне Козьей Пещеры преобладают виды, предпочитающие степи, лесостепи, полупустыни, щебнистые пустоши, луга. Обитатели таежных и кустарничковых биотопов малочисленны.

Новый этап раскопок пещеры Козьей подтвердил ее первоначальное определение как среднепалеолитического объекта. В пользу этого говорят имеющаяся радиоуглеродная дата, состав палеонтологического материала и облик каменной индустрии. Обнаружение леваллуазского скола в ассамбляже позволяет нам предварительно определить комплекс слоев 3.1 и 3.2 как принадлежащий денисовскому варианту среднего палеолита Горного Алтая. Наиболее близко расположенным памятником этого индустриального варианта является пещера Страшная в долине р. Иня [Krivoshapkin et al., 2018]. Предварительная оценка состава индустрии нижних культурных слоев, где 50 % составляют орудия, свидетельствует о том, что в ходе дальнейших исследований данный памятник может предоставить новые данные о вариабельности функциональной принадлежности памятников среднего палеолита региона [Рыбин, Колобова, 2004].

Таблица 2. **Общий видовой состав мелких млекопитающих Козьей Пещеры (слои 2–3.2)**

Таксон	Сл. 2	Сл. 3.1	Сл. 3.2
Chiroptera	5	1	–
Asioscalops altaica	2	6	–
Erinacea sp.	–	–	1
Spermophilus sp.	11	4	3
Cricetus cricetus	–	1	–
Cricetulus migratorius	1	–	–
Ellobius talpinus	1	–	–
Clethrionomys rufocanus	2	–	–
Clethrionomys rutilus-glareolus	–	3	1
Clethrionomys sp.	3	1	1
Alticola strelzowi	1	–	–
Alticola sp.	6	–	–
Lagurus lagurus	–	1	2
Eolagurus luteus	–	1	–
Lasiopodomys gregalis	14	9	3
Microtus oeconomus	8	4	1
Microtus arvalis-agrestis	–	1	–
Microtus sp.	10	10	4
Arvicola terrestris	–	–	1
Myospalax myospalax	17	23	3
Sicista sp.	–	1	–
Ochotona sp.	–	2	–
Lepus sp.	5	7	–
Итого	86	75	19

Результаты палеонтологического анализа показали, что аккумуляция фаунистических остатков слоев 3.1 и 3.2 Козьей Пещеры происходила в результате преимущественно активности хищников и в меньшей степени – деятельности древнего человека. Наличие кислотной коррозии на большинстве костей и следов погрызов позволяет утверждать, что пещера в некоторые периоды служила логовом для хищных животных (пещерных гиен, волков). Однако находки костей со следами антропогенного воздействия указывают на то, что древние люди также посещали Козью Пещеру.

В ландшафтной обстановке, относящейся ко времени накопления слоев Козьей пещеры, преобладали открытые пространства, закрытые лесные биотопы не играли значительной роли.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А. Абдульмановой и Н. Вавилиной за подготовку иллюстраций и С.К. Васильеву за выполнение определений фаунистической коллекции. Полевые исследования выполнены при

поддержке гранта РНФ, проект № 21-18-00376. Аналитическая часть работы проведена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0002.

Список литературы

Агаджанян А.К. Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений: учебно-методическое пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2008. – 61 с.

Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1 (53). – С. 28–44.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с. DOI: 10.17746/7803-0288-9.2018.

Оно А. Орудия на костяных отщепах и переход от среднего к верхнему палеолиту // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 4 (28). – С. 38–47.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4 (20). – С. 20–34.

Харевич А.В., Харевич В.М., Колясникова А.С., Бочарова Е.Н., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Новые археологические памятники на северо-западе Алтая (Краснощековский и Солонешенский районы Алтайского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 263–270. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.263-270.

Capaldo S.D., Blumenschine R.J. A quantitative diagnosis of notches made by hammerstone percussion and carnivore gnawing in bovid long bones // American Antiquity. – 1994. – Vol. 59. – P. 724–748.

Grayson D. K. Quantitative zooarchaeology. – New York: Academic Press, 1984. – 202 p.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia // Nature. – 2007. – Vol. 449 (7164). – P. 902–904. https://doi.org/10.1038/nature06193

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V., Baumann M., Shnaider S.V., Kolobova K.A. Between denisovans and neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai mountains // Antiquity. – 2018. – Vol. 92, N 365. – P. 1–7. DOI:10.15184/aqy.2018.221.

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2015. – № 4 (43). – P. 33–45.

Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., Mafessoni F., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., de Lumley H., Perrenoud C., Gušić I., Kućan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer M. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // Science. – 2017. – Vol. 356. – P. 605–608. DOI: 10.1126/science.aam9695.

References

Agadzhanyan A.K. Kompleksnye biostratigraficheskie issledovaniya noveishikh otlozhenii: uchebno-metodicheskoe posobie. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, IAET SB RAS Publ., 2008. 61 p. (In Russ.).

Capaldo S.D., Blumenschine R.J. A quantitative diagnosis of notches made by hammerstone percussion and carnivore gnawing in bovid long bones. *American Antiquity*, 1994, vol. 59, pp. 724–748.

Grayson D. K. Quantitative zooarchaeology. New York: Academic Press, 1984, 202 p.

Kharevich A.V., Kharevich V.M., Kolyasnikova A.S., Bocharova E.N., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. New archaeological sites in the Northwestern Altai (Krasnoschekovsky and Soloneshensky districts of Altai Krai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. XXVI, pp. 263–270. (In Russ.). DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.263-270.

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Pääbo S. Neanderthals in Central Asia and Siberia, *Nature*, 2007, vol. 449 (7164), pp. 902–904. https://doi.org/10.1038/nature06193

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V., Baumann M., Shnaider S.V., Kolobova K.A. Between denisovans and neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai mountains. *Antiquity*, 2018, vol. 92, No 365, pp. 1–7. DOI:10.15184/aqy.2018.221.

Derevyanko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasil'ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol'vakh A.O., Roberts R.G., Yakobs Z., Bo Li Multidisciplinary studies of Chagyrskaya cave – a middle paleolithic site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (In Russ.). DOI: 10.17746/7803-0288-9.2018.

Ono A. Flaked Bone Tools and the Middle to Upper Paleolithic Transition: A Brief Perspective. *Archaeology,*

Ethnography and Anthropology of Eurasia, 2006, vol. 28, No 4, pp. 38–47.

Rybin E.P., Kolobova K.A. The Structure of the Lithic industries and the Functions of Paleolithic Sites in the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia,* 2004, vol. 20, No 4, pp. 20–34.

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-Faceted Pieces in the Paleolithic of Northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No 4, pp. 33–45.

Slon V., Hopfe C., Weiß C.L., Mafessoni F., de la Rasilla M., Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., de Lumley H., Perrenoud C., Gušić I., Kućan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Prüfer K., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer M. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments. *Science,* 2017, vol. 356, pp. 605–608. DOI: 10.1126/science.aam9695.

Vasiliev S.K. Large mammal fauna from the pleistocene deposits of Chagyrskaya cave, Northwestern Altai (based on 2007-2011 excavations). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, vol. 41, No 1, pp. 28–44.

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Харевич А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Гашенко А.В. https://orcid.org/0000-0003-3564-5936
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818.
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Сердюк Н.В. https://orcid.org/0000-0002-8206-9030
Пархомчук Е.В. https://orcid.org/0000-0003-2200-884X

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0308-0313
УДК 903.01

А.М. Хаценович[1]✉, Д. Базаргур[2], Я. Цэрэндагва[2], Д.В. Марченко[1], Е.П. Рыбин[1], А.М. Клементьев[1,3], Г. Маргад-Эрдэнэ[4], П.С. Кравцова[1], И.Д. Долгушин[1], Б. Гунчинсурэн[2], Дж.У. Олсен[1,5], А.П. Деревянко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[5] Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Материалы пещеры Цагаан-Агуй из отложений голоценового возраста (по результатам раскопок 2021 года)

Пещера Цагаан-Агуй, расположенная в известняковом массиве Цагаан Цахир в Гобийском Алтае, является одним из немногочисленных стратифицированных памятников эпохи голоцена на территории пустыни Гоби. В ходе раскопок 1995–2000 гг. в пещере выявлен разновременной материал, по преимуществу относящийся к эпохе от позднего бронзового века до этнографической современности. В ходе раскопок 2021 г. были заложены раскопы 2021/1 у входа в небольшую галерею и 2021/2 в Большом гроте. Стратиграфический разрез раскопа 2021/1 включает слои 1, 2 и 3, из которых 1 и 2 отнесены к голоценовому времени, а 3, предположительно, является плейстоценовым. В слоях 1 и 2 обнаружены берестяные грамоты с надписями на старомонгольском языке, пастовые цилиндрические бусины, а также бусина, изготовленная, предположительно, из сердолика. В слоях 1–3 раскопа обнаружены каменные артефакты из желтой яшмы и девонского кремня, характерные для местной палеолитической каменной индустрии. Также здесь найдена микропластина из прозрачного халцедона. Полученный в ходе раскопок 2021 г. материал голоценового возраста нуждается в дополнительной интерпретации и представляет особый интерес в связи с такими темами, как торговые связи аридной зоны южной Монголии с отдаленными регионами и распространение письменности на территории пустыни Гоби. Изучение голоценовых слоев пещеры Цагаан-Агуй представляет важность и с точки зрения сохранения культурного наследия, поскольку из-за туристической активности верхняя пачка слоев памятника уничтожается.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Монголия, пустыня Гоби, экстремальный климат, пещерный памятник, смешанный комплекс, голоцен, бусины, береста.*

A.M. Khatsenovich[1]✉, D. Bazargur[2], Ya. Tserendagva[2], D.V. Marchenko[1], E.P. Rybin[1], G. Margad-Erdene[4], A.M. Klementiev[1,3], I.D. Dolgushin[1], P.S. Kravtsova[1], B. Gunchinsuren[2], J.W. Olsen[1,5], A.P. Derevianko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MA
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia

[4]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[5]School of Anthropology, University of Arizona
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Holocene Archaeological Material from Tsagaan Agui Cave Recovered During the 2021 Excavation Campaign

Tsagaan Agui Cave, situated in Tsagaan Tsakhir limestone massif in the Gobi Altai Mountains of southern Mongolia, is the one of the rare stratified Holocene archaeological sites known in the Gobi Desert. During 1995–2000 excavation campaigns, cultural material spanning the late Bronze Age through the ethnographic present was recovered. In 2021, an excavation pit (2021/1) was dug in the gallery that joints the cave's Main and Small Chambers, and an additional sondage (2021/2) was excavated in the Main Chamber itself. Excavation Unit 2021/1 is subdivided into Layers 1, 2, and 3, in which Layers 1 and 2 are attributed to the Holocene, and 3, the lowermost, is likely of Pleistocene age. Birch bark fragments bearing Old Mongolian inscriptions, cylindrical paste beads, and one additional, presumably carnelian, bead were found in Layers 1 and 2. Excavation Unit 2021/1, Layers 1-3, yielded lithic artifacts made of yellow jasper and Devonian flint, typical of the local Paleolithic industry. Only a single transparent chalcedony microblade can be tentatively dated to the Holocene. The suite of Holocene cultural material obtained during the 2021 excavations at Tsagaan Agui requires additional analysis and interpretation and is of particular interest with respect to the reconstruction of late prehistoric trade networks linking arid southern Mongolia with remote regions and the appearance of historical documents in the Gobi Desert. The study of the Holocene layers at Tsagaan Agui Cave is also of timely significance in terms of preserving Mongolian cultural heritage, since the upper layer of the site is being destroyed due to unregulated and unsupervised tourist activity in spite of its relatively remote location.

Keywords: *Central Asia, Mongolia, Gobi Desert, extreme environment, cave site, mixed complex, Holocene, beads, birch bark.*

Введение

Стратифицированные памятники эпохи голоцена на территории пустыни Гоби единичны ввиду специфики осадконакопления. Одним из наиболее насыщенных находками этого времени памятников является грот Чихэн-Агуй, расположенный на южном фасе гор Гобийского Алтая [Деревянко и др., 2008]. Здесь найдены фаунистические остатки, археологический материал, и выявлены различные планиграфические структуры, относящиеся ко времени раннего – среднего голоцена. Другим таким памятником является пещера Цагаан-Агуй, расположенная в известняковом массиве Цагаан Цахир в Гобийском Алтае. В ходе раскопок 1995–2000 гг. здесь выявлен разновременной материал, относящийся, преимущественно, ко времени позднего бронзового века – средневековья и этнографической современности [Деревянко и др., 1997].

В 2021 г. в восточной части пещеры, где Большой грот переходит в небольшую галерею, открывшуюся в последние годы из-за туристической активности, был заложен раскоп 2021/1 с целью установления мощности отложений и глубины галереи. Несмотря на то, что отложения галереи оказались маломощными и преимущественно голоценового времени, а материал – смешанным, были выявлены планиграфические структуры, интересная по своему составу фауна и ассамбляж артефактов от палеолита до этнографической современности. Кроме того, материал времени голоцена был найден в раскопе 2021/2 Большого грота, в слоях 1.2 и 1.3.

Стратиграфия и планиграфия раскопа 2021/1

Стратиграфический разрез раскопа 2021/1, площадь которого составила 2 м^2, включает три слоя, в которых выделяются линзы и прослои (рис. 1). Стратиграфия значительно переработана в результате человеческой деятельности, вероятно, на этапе Средневековья, а также ходами грызунов.

Слой 1 представляет собой пылеватые супесчаные отложения эолового генезиса, перемешанные с небольшими валунчиками, отделившимися от потолка галереи, и современными продуктами жизнедеятельности животных.

Слой 2 состоит из нескольких прослоев и линз. От слоя 1 его отделяет тонкая щебнистая прослойка с северной стороны разреза. Прослой 1, коричневато-серый супесчаный, пылеватый, сцементированный, с включениями мелкого щебня, прослеживается на обоих квадратах. Линзы 4 и 5 выявлены

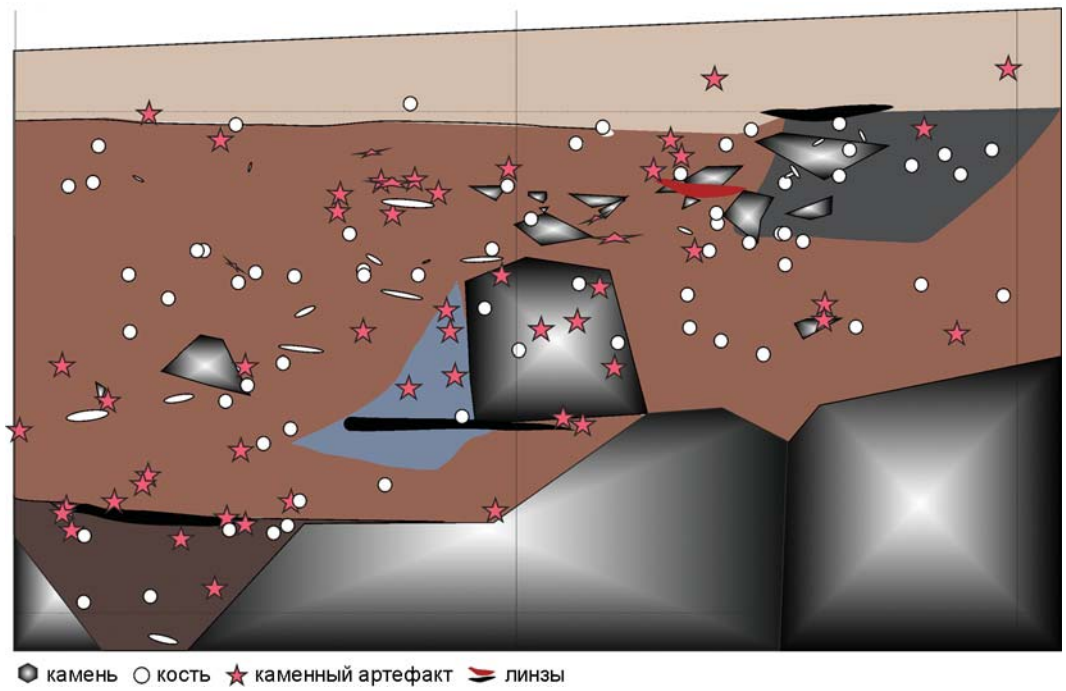

Рис. 1. Стратиграфический разрез раскопа 2021/1 галереи пещеры Цагаан-Агуй.

в кв. G29. Линза 4 – серая суглинковая, с известковыми натеками, линза 5 – темно-коричневая супесчано-суглинковая, переходит в пеплово-углистое заполнение ямы на на кв. D29 и резко падает вниз по разрезу. Прослой 6 генетически связан с линзой 4 – серовато-голубой суглинок с включениями щебня и мелких валунчиков, резко падает вниз по разрезу. Непосредственно под ним в правом углу раскопа находится нора, приуроченная к валуну. Прослой 8 представляет собой основное заполнение слоя 2 – коричнево-серый супесчаный, с включениями щебня, валунчиков и угля. Прослой 9 находится непосредственно под выявленной ямой на квадрате D29 – это смешанные отложения из линзы 5 и углисто-сажистого заполнения ямы. Линза 10 приурочена к скальному основанию и генетически связана с натеками с потолка пещеры и образованием сталактитов, представляет собой влажные глинистые отложения серо-голубого цвета с ржаво-оранжевыми пятнами.

Слой 3, вероятнее всего, является плейстоценовым. Он представлен пылеватой коричнево-серой супесью. Занимает дно раскопа, залегая непосредственно на скальном основании, его мощность минимальна.

В заполнении выявленной ямы в слое 2 на кв. D29 превалировали угли и сажистые отложения. Здесь было найдено значительное количество растительных стеблей. В кровле находились остатки соломы. Яма содержала разновременные артефакты, в т.ч. каменные изделия.

Каменные артефакты и кости образуют читаемые в профиле концентрации, вероятно маркирующие уровни залегания археологического материала. Одна из таких концентраций – в верхней части слоя 2 (кв. G29/2, G29/4) – образована 8-ю каменными артефактами и костью удлиненных пропорций, лежавшей в горизонтальном положении. Этот уровень маркируется также пятном красноватого цвета, зафиксированным в ходе раскопок в непосредственной близости от вышеупомянутых каменных артефактов (кв. D29/1, D29/3), и уровнем концентрации естественных обломков породы, обнаруженных в основном в кв. D29/1. В южной оконечности раскопа (кв. D29/1) этот уровень прерывается ямой с золистым заполнением, впущенной из вышележащего слоя 1.

В отличие от вышеописанного субгоризонтального уровня, ниже по слою 2 находки залегают менее концентрировано, и уровень их залегания приобретает сильный уклон к северу. Линия залегания читается в профиле по распределению удлиненных костей, а также каменных артефактов в кв. G29. Вероятно, такое распределение объясняется отложением культуросодержащего слоя поверх крупной глыбы, находившейся на границе кв. G29 и D29. Линза более темного субстрата под этой глыбой имела простирание близкое к горизонтальному.

Следующий уровень концентрации находок в профиле связан с границей между слоями 2 и 3: несколько артефактов и костей в плане и профиле соотносятся с линзой темного цвета. Этот уровень

удалось отследить лишь на небольшом участке, так как остальная площадь раскопа на этой глубине была занята проступающим скальным основанием. На прослеженном участке уровень залегает горизонтально.

Археологический материал раскопа 2021/1

В слоях 1 и 2 раскопа 2021/1 и слое 1 раскопа 2021/2 обнаружены фрагменты берестяных грамот с текстами на старомонгольском языке (рис. 2, *1–2*). В раскопе 2021/1 они приурочены, в т.ч. к выявленной яме с углисто-сажистым заполнением. Основная их масса содержит фрагментарные остатки текста. Присутствует как одностороннее, так и двустороннее нанесение текста, однако текст на оборотной стороне также может отсутствовать по причине небольших размеров сохранившихся фрагментов. На одной из грамот удалось прочитать надписи (рис. 2, 3). Перевод выполнен д.и.н., профессором Ж. Гэрэлбадрахом:

a.01. kilinčes ... (хилэнцэс ...)

a.02. öber-e arilgun (өөрөө арилган)

b.01. čigulgan ... -tur (чуулган ... -тур)

На старомонгольском «чуулган … тур», в переводе на современный монгольский язык «чуулгануудад», означает «созванное собрание, которое имеет право принимать решения». На обратной стороне бересты сохранились слова: «хилэнцэс», означающее «зло» во мн.ч., и «өөрөө арилган» – «сам устранил».

В слое 2 раскопа 2021/1 и слоях 1.2 и 1.3 раскопа 2021/2 обнаружены пастовые цилиндрические бусины. Все они имеют стандартизированную форму, однако внешний диаметр варьирует от 5 до 6 мм, степень сохранности различна, как и состав исходного материала по визуальным признакам. Присутствуют бусины с заплывшим каналом. Одна из бусин имеет широкий канал каплевидной формы, узкая часть которого соотносится с уплощенным внешним краем бусины, что, вероятно, указывает на характер ее использования (рис. 2, *4*). Другая бусина имеет ровную круглую форму, без уплощений по внешнему диаметру, и такой же канал (рис. 2, *5*).

Еще одна найденная в слое 2 бусина имеет уплощенную форму, кольцевидная, красного цвета, со сколами повреждения на плоских гранях и внешнем ободке. Изготовлена она, предположительно, из сердолика (рис. 2, *6*).

В слоях 1–3 обнаружены каменные артефакты из желтой яшмы и девонского кремня, по типологии относящиеся, в большинстве своем, к палеолиту, за одним исключением: в заполнении ямы найдена отжимная микропластина из светлого прозрачного халцедона (рис. 2, *7*).

Обсуждение

Слои 1–3 раскопа 2021/1 пещеры Цагаан-Агуй содержат разнообразный по составу и хронологии материал. Интересным является присутствие пастовых бусин. Не исключено, что подобные бусины проникли с территории Центральной Азии в Сибирь, в частности, в Минусинскую котловину и в Хакасию в целом [Новогородова, 1970; Минор, 2011]. В андроновское время они получают широкое распространение в Западной Сибири [Позднякова, 2002]. В свою очередь С.В. Киселев указывал, что пастовые пронизки и бусины были широко распространены к западу от Минусинской котловины, в степях Казахстана и Приуралья, и сохранялись вплоть до тагарского времени, о чем свидетельствуют их находки в тагарских курганах [Киселев,

Рис. 2. Артефакты из слоя 2 раскопа 2021/1 галереи пещеры Цагаан-Агуй.

1–3 – берестяные грамоты; *4, 5* – пастовые бусины; *6* – каменная бусина; *7* – микропластина.

1951; Минор, 2011]. По мнению Э.А. Новогородовой, если пастовые бусины использовались для изготовления ожерелий, то пронизки из аналогичного материала пришивались к одежде, а, возможно, и к обуви [Новогородова, 1970]. Распространены они были широко – у андроновцев и карасукцев Южной Сибири, глазковцев Прибайкалья, в Монголии и Китайском Ордосе [Окладников, 1971; Новогородова, 1970, с. 133]. Таким образом, пастовые цилиндрические бусины, происходящие из голоценовой пачки слоев пещеры Цагаан-Агуй, мы можем отнести ко времени не ранее позднего бронзового века.

Сложнее на данный момент проинтерпретировать возраст бусины из сердолика – он может быть от ранней бронзы до Средневековья, хотя использование сердолика для производства украшений известно на территории Китая уже в конце неолита.

В 1995–2000 гг. при раскопках слоя 1 Большого грота также были найдены предметы, относящиеся к эпохе бронзы – этнографической современности. Интерес представляют цац (*монг.*; ца-ца – *тибет.*) – керамические штампики конусовидной формы с рельефно выполненным на основании знаком тибетской письменности [Деревянко и др., 1997]. В современных Тибете и Монголии цац используются в качестве подношений в священных местах, большинство из которых ассоциированы с пещерами и скальными навесами. Они имеют форму ступы или плоские, с иконографическим изображением Будды. Внутрь больших цац вкладывается свиток с мантрой или отпечатывается на самом предмете. На Тибете в мастерских по изготовлению цац в них вкладывается прах кремированного человека по заказу его родственников. Для какой цели были изготовлены цац из пещеры Цагаан-Агуй – пока остается неизвестным.

Также на предыдущем этапе раскопок в голоценовом слое 1 присутствовали фрагменты бересты, однако читаемых надписей на них найдено не было. Обнаруженный в 2021 г. фрагмент интересен тем, что текст на нем имеет нерелигиозный характер, так как написанные на бересте сутры являются более частой находкой в этнографической современности. Впервые монгольские тексты на бересте были найдены в бассейне р. Ижил-мурен и датируются XIII веком. В 1970-х были сделаны многочисленные находки текстов на бересте в результате раскопок, проводившихся Х. Пэрлээ и Е.П. Шавкуновым на городище Хар-бух. Было найдено более тысячи страниц книг по древней юриспруденции на монгольском языке с конца XVI до начала XVIII в. [Очир, Иноүэ, Алтанзаяа, 2019]. В более позднее время тексты на бересте носят преимущественно религиозный характер. Не исключено, что в результате радиоуглеродного датирования фрагмент бересты из пещеры Цагаан-Агуй покажет средневековый возраст.

Заключение

Пещеры являются сакральными объектами в различных религиях азиатского региона, особенно в буддизме. Это сделало пещеру Цагаан-Агуй посещаемой не только в плейстоцене, когда она использовалась как укрытие, но и в голоцене, особенно начиная с эпохи бронзы. Находки, относящиеся к этому времени, требуют дополнительной интерпретации: в частности, обнаруженные бусины могут указывать на торговые связи с такими отдаленными регионами, как Тибет и Индия, а фрагменты бересты, при условии установления их возраста – на распространение письменности и законотворчества на территории пустыни Гоби. Учитывая, что через этот регион проходило одно из ответвлений Шелкового пути, по которому шла торговля солью, не исключено, что в эпоху бронзы – Средневековья эта территория не была периферийной.

Благодарности

Полевые и аналитические исследования проводились при поддержке проекта РНФ № 19-78-10112. Анализ каменной индустрии и бусин из голоценовых слоев пещеры проведен в рамках проекта РФФИ № 19-59-44010. Мы благодарим за консультацию к.и.н. Е.С. Богданова.

Список литературы

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2(34). – С. 2–12.

Деревянко А.П., Олсен Дж.У., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р., Гунчинсурэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 343 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 643 с.

Минор О.В. История изучения украшений эпохи поздней бронзы на территории бассейна Среднего Енисея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 44–53.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 192 с.

Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // Советская археология. – 1971. – №1. – С. 26–55.

Очир А., Иноүэ О., Алтанзаяа Л. Монголчуудын Үйсэн ном. – Улаанбаатар, 2019. – 450 с.

Позднякова О.А. Андроновские головные уборы из могильника Фирсово XIV и их аналогии // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2002. – С. 103–112.

References

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorzh D., Petrin V.T., Zenin A.N., Krivoshapkin A.I., Nikolaev S.V., Myl'nikov V.P., Reeves R., Gunchinsuren B., Tserendagva Ya. Arkheologicheskie issledovaniya Rossiisko-Mongol'sko-Amerikanskoi ekspeditsii v Mongolii v 1996 g. Novosibirsk: IAET SB RAS, 1997, 343 s. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tsevendorzh D., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I., Tabarev A.V. New Insights into the Archaeological Record at Chikhen Agui Rockshelter (Mongolia). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 2(34), pp. 2–12. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow: AN SSSR Press, 1951, 643 s. (In Russ.).

Minor O.V. Istoriya izucheniya ukrashenii epokhi pozdnei bronzy na territorii basseina Srednego Eniseya. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: history, philology*, 2011, vol. 10, iss. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 44–53. (In Russ.).

Novgorodova E.A. Tsentral'naya Aziya i karasukskaya problema. Moscow: Nauka Publ., 1970, 192 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Iz istorii etnicheskikh i kul'turnykh svyazei neoliticheskikh plemen Srednego Eniseya. *Sovetskaya arkheologiya*, 1971, No 1, pp. 26–55. (In Russ.).

Ochir A., Inoүe O., Altanzayaa L. Mongolchuudyn Yisen nom. Ulaanbaatar, 2019, 450 p. (In Mong.).

Pozdnyakova O.A. Andronovskie golovnye ubory iz mogil′nika Firsovo-XIV i ikh analogii. In *Izuchenie pamyatnikov arkheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ya*. Pavlodar, 2002, pp. 103–112. (In Russ.).

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Базаргур Д. https://orcid.org/0000-0003-2183-0591
Цэрэндагва Я. https://orcid.org/0000-0002-8937-6447
Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Долгушин И.Д. https://orcid.org/0000-0003-4402-1914
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Олсен Дж. У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451
Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0314-0320
УДК 902.02+903.2

А.М. Хаценович✉, Д.В. Марченко, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Леваллуазская технология в Китае

Распространение леваллуазской технологии на территории Азии связано с несколькими волнами заселения ее человеком. Появление ее на территории Китая предваряет или совпадает по времени с проникновением крупнопластинчатых индустрий начального верхнего палеолита в этот регион. Все известные палеолитические местонахождения, комплексы которых включают леваллуазский компонент, расположены в приграничных или близких к ним зонах современного Китая. В статье рассматривается вся общность этих комплексов и делается предположение о привнесенном характере леваллуазской технологии с территорий Российского Алтая, Монголии и Индии. Такие комплексы относятся ко времени финального среднего палеолита – начального верхнего палеолита. В целом этот период на территории Китая характеризуется отщеповой индустрией, зачастую выполненной на каменном сырье плохого качества. В рассматриваемом регионе выделяются три леваллуазских метода: преферентные центростремительный и параллельный для производства отщепов и конвергентный однонаправленный для производства острий. Конвергентный бинаправленный метод для острий отсутствует в комплексах, происходящих с территории Китая. В Монголии данный метод сопутствует бипродольному параллельному пластинчатому расщеплению в индустриях начального верхнего палеолита, тогда как в Китае и леваллуазское острийное, и пластинчатое производство были однонаправленными. В статье делается вывод, что для большинства памятников Китая леваллуазская технология является интрузивным элементом, появившимся вместе с крупнопластинчатой индустрией. Исключение составляет отщеповая среднепалеолитическая индустрия, происходящая из пещеры Джинситай, близкая по своим характеристикам материалам из Денисовой пещеры. Состав индустрий Синьцзяна указывает на то, что эта территория являлась своеобразным регионом, где распространялись культурные комплексы, носители которых перемещались вдоль Алтайских гор.

Ключевые слова: *Китай, средний палеолит, верхний палеолит, леваллуазская технология, леваллуазский метод.*

A.M. Khatsenovich✉, D.V. Marchenko, E.P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Levallois Technology in China

Levallois technology dispersal is associated with several events of human habitation of the Asian region. Emergence of the Levallois technology in China precedes or coincides in time with the penetration of Initial Upper Paleolithic laminar industries into this region. All known Paleolithic localities, the assemblages of which include the Levallois component, are located in the border or adjacent zones in the modern China. The authors examine all these complexes and make an assumption about the nature of the Levallois technology introduced from the territories of the Russian Altai, Mongolia and India. Such complexes are dated to the terminal Middle Paleolithic and the initial Upper Paleolithic. In general, this period in China is characterized by a flake industry, often made on poor quality stone raw materials. In this region, three Levallois techniques are distinguished: preferential centripetal and parallel for the production of flakes and convergent unidirectional for the production of points. The convergent bidirectional reduction aimed at point production is not recorded in assemblages originating from the territory of China. In Mongolia, this technique is recorded along with the bidirectional parallel laminar technology in the Initial Upper Paleolithic industries, while in China both Levallois point and blade production techniques were unidirectional. The authors conclude that for most of the Paleolithic sites in China, the Levallois technology is an intrusive element that emerged along with the large blade industry. The exception is the Middle Paleolithic flake industry originating from the Jinsitai Cave, which is similar in its characteristics to the materials from the Denisova Cave. The composition of Xinjiang industries indicates that this territory was a kind of region where cultural complexes spread together with the bearers of these traditions along the Altai Mountains.

Keywords: *China, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, Levallois technology, Levallois method.*

Введение

Длительное время предполагалось, что средний палеолит на территории Китая как таковой отсутствовал: архаичные крупные галечные орудия и индустрии мелких орудий (small tool industries) сменяются верхним палеолитом [Gao, 1999; Gao et al., 2019]. В качестве одного из объяснений предлагается версия, что в среднем палеолите человек использовал бамбук как основное сырье для изготовления орудий и крупные галечные изделия использовал в качестве инструментов для грубой обработки. Поскольку бамбук не сохранился, средний палеолит Китая как таковой мало чем отличается от нижнего, но это не означает, что его не было. В последнее время с территории Китая поступает все больше свидетельств применения леваллуазской технологии в комплексах, которые близки по своему облику к «классическому» среднем палеолите.

Изучение леваллуазской технологии на протяжении более чем полувека значительно повлияло на видение среднего палеолита в Евразии и Африке [Bordes, 1953; Boëda, 1995; Gao et al., 2019; Khatsenovich et al., 2019; Rybin, Khatsenovich, 2020]. И, несмотря на то, что существование среднего палеолита в Китае все еще является предметом дискуссии [e.g., Gao, 1999; Norton, Gao, Feng, 2009; Kei, 2012; Li, 2014; Li et al., 2014; Li, 2018], леваллуазская технология была обнаружена на ряде местонахождений раннего и среднего стадий верхнего плейстоцена как компонент более широкого комплекса, интерпретируемого как мустьерский. К таким местонахождениям относятся памятник Шуйдунгоу в Нинся-Хуэйском автономном округе [Boëda et al., 2013] и пещера Джинситай во Внутренней Монголии [Li et al., 2018]. В пещере Тунтяньдун («Небесная пещера»), расположенной на северо-западе Синьцзян-Уйгурского автономного округа, был найден небольшой леваллуазский ассамбляж, относящийся к пачке отложений времени раннего верхнего плейстоцена [Юй и др., 2018]. Тунтяньдун представляет значительный интерес и в связи с ее географическим положением: она находится вблизи регионов, где также были найдены леваллуазские комплексы – Восточного Казахстана и Алтая [Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Деревянко, 2009; Rybin, Khatsenovich, 2020]. В конечном счете, понимание хронологии распространения леваллуазской технологии и влияния, которое она оказала на дальнейшее развитие литического производства на территории Китая, нуждается в обсуждении и определении ее места в технологическом контексте палеолита Китая, поскольку каменная технология – это основа для понимания происхождения современного поведения человека [Kuhn, 2004].

Леваллуазская технология и методы

Нуклеусы с системой подготовленного снятия, как и с параллельной системой скалывания, были известны в нижнем палеолите, однако именно в среднем палеолите применение этого метода приобретает значительные масштабы [Shea, 2013]. Начиная с Г. Кларка предполагалось, что леваллуазская технология (Mode 3) берет свои корни из ашеля, а именно из производства двусторонне обработанных рубил [Clark, 1969]. Действительно, подготовка черепаховидных центростремительных нуклеусов, особенно тщательная в наиболее древних комплексах, близка ашельским бифасам. Дж. Шэй связывает возникновение леваллуазского метода как такового с переходом от производства крупных отщепов в параллельной системе для оформления крупных режущих орудий (LCT – large cutting tools) к получению более тонких отщепов меньшего размера в той же системе. Этот переход совпадает с уменьшением числа крупных режущих орудий в среднепалеолитических ассамбляжах Африки и Ближнего Востока [Shea, 2014]. Выделяются леваллуазские технология, техника и метод. Э. Бойда отмечает, что «леваллуазская технология» – это не просто одиночное явление, а широкий спектр стратегий редукции нуклеусов [Boëda, 1995], которые представляют собой различные методы. В то же время леваллуазская технология применяет ряд техник, общей чертой которых является расположение в определенной иерархии постоянной ударной площадки и плоскостей, с которых снимаются сколы [Chazan, 1997; Shea, 2013, p.85].

Во внутриконтинентальной Азии представлен весь спектр леваллуазских методов [Рыбин, Славинский, 2015, Рыбин и др., 2015; Rybin, Khatsenovich, 2020; Nishiaki, Aripdjanov, 2020]. Единственный тип, который до сих пор не был уверенно выявлен во внутриконтинентальной Азии – это нубийская леваллуазская технология [Usik et al., 2013]. Леваллуазский бинаправленный конвергентный метод для производства острий, очень близкий к нубийскому, но не названный так в силу отсутствия серийности подобных нуклеусов, выделен на территории Монголии и связан с пластинчатым начальным верхним палеолитом [Rybin, Khatsenovich, 2020]. При полном спектре леваллуазских методов во внутриконтинентальной Азии, обширнейшая территория долгое время представляла в этом плане белое пятно, а именно – Китай. Тем не менее, учитывая, что эта страна граничит с палеолитическими регионами, в которых присутствует развитое леваллуа, в т.ч. в его классическом понимании, оно не могло не проникнуть на территорию Китая.

Леваллуазская технология в Китае

Предполагалось, что среднепалеолитическую отщеповую технологию в Северном Китае около 40 тыс. л.н. сменяет крупнопластинчатый технокомплекс начального верхнего палеолита, близкий к карабомовскому варианту, но включающий леваллуазское расщепление [Boëda et al., 2013; Gao et al., 2019]. Э. Бойда описал два метода производства пластин для данного технокомплекса на памятнике Шуйдунгоу, которые принимаются далеко не всеми исследователями. Помимо объемного бипродольного пластинчатого производства им выделяется концепция объемного леваллуазского расщепления, направленная на поддержание объема нуклеуса, который может быть использован при последующем скалывании; предполагается, что подобный леваллуазский метод является следствием адаптации, ответом на внешние факторы [Boëda et al., 2013].

Продукты леваллуазского расщепления были обнаружены в пещере Джинситай во Внутренней Монголии, в слоях 7 и 8, на фоне отщеповой, с полным отсутствием пластин индустрии, при доминирующем расщеплении дисковидных и полиэдрических нуклеусов. В слое 8 найден единственный атипичный леваллуазский центростремительный нуклеус вместе с отщепами и остриями, произведенными в однонаправленной системе. В слое 7 леваллуазское расщепление представлено конечными продуктами – отщепами и остриями. Кроме того, в ассамбляже присутствуют отщепы с фасетированными площадками и типа «шапка жандарма», а также отщепы дебордан [Li et al., 2018]. В орудийном наборе преимущественно представлены скребла различных модификаций, в т.ч. трансверсальные и дэжэтэ. Индустрия слоев 7 и 8 пещеры Джинситай, датирующаяся временем 47–42 тыс. л.н., наиболее близка нижним горизонтам памятника Орхон-7 и среднепалеолитическому ассамбляжу пещеры Цагаан-Агуй в Монголии, и слоям 12–13 Восточной галереи Денисовой пещеры [Деревянко и др., 2000; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Rybin, Khatsenovich, 2020].

На территории Синьцзяна (Джунгарии) находится большое местонахождение Луотоши с экспонированным материалом. Здесь представлена пластинчатая индустрия начального верхнего палеолита со значительным леваллуазским компонентом [Derevianko et al., 2012]. Являются ли они элементами одного комплекса или разновременных – сказать трудно. Леваллуазская технология представлена центростремительным и параллельным однонаправленным методами для отщепов и однонаправленным конвергентным методом для острий [Rybin, Khatsenovich, 2020].

В том же регионе расположена пещера Тунтяньдун, материалы которой представляют значительный интерес для понимания перехода от среднего палеолита к верхнему во внутриконтинентальной Азии. Для пачки слоев, содержащей индустрию этого периода, получены даты в пределах 42–44 тыс. л.н. [Юй и др., 2018]. Палеолитический ассамбляж пещеры включает леваллуазские центростремительные ядрища и типичные острия. Помимо этого, в коллекции присутствуют бипродольные пластины, в т.ч. ретушированные, и острия на них [Там же].

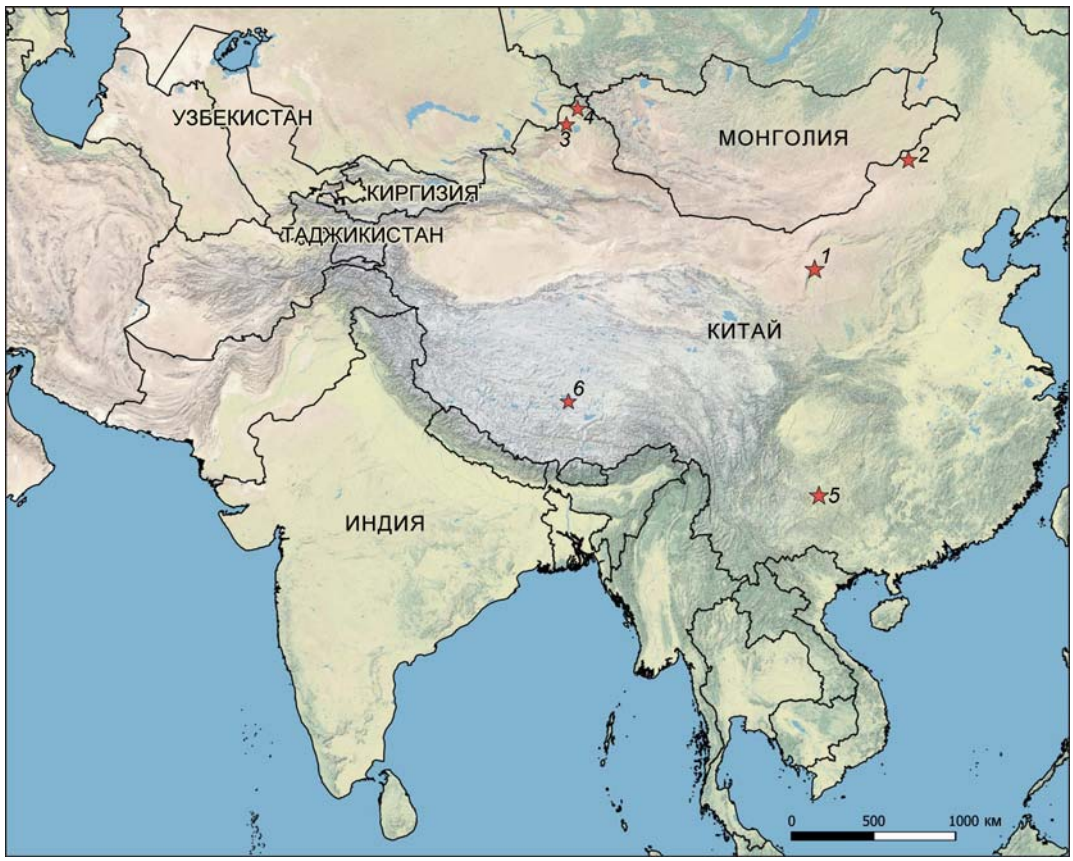
Присутствие леваллуазской технологии в пещере Гуаниньдон в юго-восточной части Китая стало одним из самых обсуждаемых. Рассматриваемый комплекс датируется концом среднего плейстоцена – около 170 тыс. л.н., что делает его самым ранним проявлением леваллуазской технологии в данном регионе и в Восточной Азии в целом [Hu et al., 2019; Li et al., 2019]. В ассамбляже присутствуют рекуррентные и преферентные нуклеусы, отщепы с фасетированными площадками. Авторы исследования, определяя каменные артефакты как продукты леваллуазского расщепления, используют холистический подход, хотя указывают, что их точка зрения базируется на шести критериях, выделенных Э. Бойдой для леваллуазских нуклеусов памятника Шуйдунгоу (см. выше). Приведенные в статье леваллуазские нуклеусы и сколы зачастую не демонстрируют перпендикулярность дуги скалывания и оси скалывания получаемой заготовки, так же как вообще соответствие проекций ударных площадок относительно сколов на представленных рисунках [Li et al., 2019]. Представленная в пещере Гуаниньдон технология расщепления основывается на оппортунистическом отборе каменных отдельностей и организации фронта скалывания на одной из поверхностей, а не на характерных для леваллуа стратегиях подготовки ударной площадки и фронта скалывания [Там же]. Авторы статьи ознакомились с коллекцией из пещеры Гуаниньдон в Институте палеонтологии позвоночных и палеоантропологии Китайской академии наук (г. Пекин) и склонны согласиться с не-леваллуазским характером данного комплекса. Таким образом, на данный момент средний палеолит Южного Китая представляется основанным на отщеповых индустриях без леваллуазского компонента.

Еще одним регионом возможного распространения леваллуазской технологии в Китае может являться Тибетское нагорье. Здесь в регионе Чаньтан на высоте 4600 м над у.м. был обнаружен памятник Ньява Деву, возраст самых древних отложений которого составляет 40 тыс. л.н. Памятник расположен у озер Силинг-цо и Ко Нгоин и геоморфологически

стратифицированная его часть приурочена к террасе последнего. Индустрия слоев 1–3 характеризуется присутствием крупнопластинчатого производства с преимущественно однонаправленным параллельным и субпараллельным скалыванием и относится к раннему верхнему палеолиту [Zhang et al., 2018]. В 2018 г. под руководством профессора Дж.У. Олсена состоялись разведки в нескольких районах Тибета, включая данное местонахождение, в которых приняла участие одна из авторов (А.М. Хаценович). Комплекс экспонированного материала Ньява Деву содержит классические бипродольные нуклеусы для производства пластин, а также незначительный леваллуазский компонент. Он представлен продуктами расщепления в рамках леваллуазского конвергентного однонаправленного метода для острий.

Обсуждение

Леваллуазская технология появляется в Китае достаточно поздно, около 50–45 тыс. л.н. [Foley, Lahr, 1997; Li et al., 2018], т.е. накануне или вместе с распространением пластинчатых индустрий начального верхнего палеолита. Она представлена тремя методами – центростремительным для производства отщепов; однонаправленным параллельным для производства отщепов и пластин; конвергентным однонаправленным для острий. Здесь отсутствует конвергентный бинаправленный метод для острий, который характерен для начального верхнего палеолита Монголии. В то же время производство пластин в индустрии этого облика на памятнике Шуйдунгоу также носило несколько иной характер: остроконечные пластины здесь укороченные, по пропорциям ближе к пластинчатым отщепам. Это обстоятельство может быть связано с отсутствием больших блоков сырья для расщепления, к выходам которого, как правило, приурочены стоянки пластинчатого начального верхнего палеолита [Рыбин и др., 2018; Рыбин, Марченко, Хаценович, 2020]. Стоянка Ньява Деву на Тибете приурочена к первичным выходам высококачественного кремнистого сырья, здесь присутствуют экспонированные на поверхности нуклеусы для производства крупных пластин. Они также сопровождаются леваллуазским компонентом. Такая же ситуация прослеживается для местонахождения Луотоши в Синьцзяне. Сложно сказать, являются ли крупнопластинчатая индустрия и леваллуазский компонент синхронными на памятниках с поверхностным залеганием. Очевидно, что в комплексе, происходящем из пещеры Тунтяньдун в том же Синьцзяне, использовались обе

Карта памятников Китая с комплексами, включающими леваллуазскую технологию.
1 – Шуйдунгоу; *2* – пещера Джинситай; *3* – Луотоши; *4* – Тунтяньдун; *5* – Гуаниньдон; *6* – Ньява Деву.

технологии. Этот комплекс можно отнести к терминальному среднему палеолиту, когда происходит переход от леваллуазской острийной технологии к реализации большего объема нуклеуса для производства пластин. Этот комплекс чрезвычайно близок комплексу слоев 7 и 6 памятника Харганын-Гол-5 в Северной Монголии, который также демонстрирует черты зарождающегося крупнопластинчатого производства на фоне применения леваллуазской технологии. Вероятнее всего, для большинства памятников Китая леваллуа является интрузивным элементом, появившимся вместе с крупнопластинчатой индустрией. Исключение составляет отщеповая среднепалеолитическая индустрия, происходящая из пещеры Джинситай.

Заключение

Все памятники, содержащие в своих комплексах леваллуазский компонент, расположены в приграничных зонах современного Китая или близко к ним (см. *рисунок*). Это свидетельствует о привнесенном характере леваллуазской технологии на данную территорию из Монголии, Российского Алтая, и, возможно, Казахстана. Малое число таких памятников в Китае говорит о спорадических эпизодах проникновения на терминальной стадии среднего палеолита и более направленном – на начальной стадии верхнего палеолита. Исключение составляет памятник Ньява Деву на Тибетском нагорье, который находится в глубине региона, но также связан с расселением носителей начального верхнего палеолита по северному пути распространения человеческих популяций.

Благодарности

Авторский коллектив благодарит регент-профессора Аризонского университета Джона У. Олсена за консультацию и помощь с доступом к археологическим коллекциям в фондах научных учреждений Китая.

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo Sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 33–52.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1 (1). – С. 23–36.

Рыбин Е.П., Кандыба А.В., Хаценович А.М., Славинский В.С. Вариабельность и хроностратиграфия леваллуазской технологии в среднем и раннем верхнем палеолите Монголии // Вестник НГУ. Серия: история, филология, 2015. – Т.14. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 37–48.

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Хаценович А.М. Доставка каменного сырья и особенности каменной технологии в начальном верхнем палеолите Монголии: «горизонт кострищ» стоянки Толбор-21 // Поволжская археология. – 2020. – №3(33). – С. 27–41.

Рыбин Е.П., Славинский В.С. Леваллуазская конвергентная однонаправленная типичная технология в Южной Сибири и северной части Центральной Азии: вариабельность, распространение и хронология // Stratum Plus «Культурная антропология и археология». – 2015. – №1. – С. 285–308.

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А., Павленок Г.Д. Эксплуатация осадочных пород в верхнепалеолитических технологиях расщепления камня Центральной Азии – Южной Сибири // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 2 (22). – С. 146–156.

Юй Ц., Ван Ю., Хэ Ц., Фэн Ю., Ли Ю., Ли В. Памятник Тунтяньдун в уезде Цзимунай Синьцзян-Уйгурского автономного района // Каогу. – 2018. – №7. – С. 723–734 (на кит. яз.).

Boëda E. Levallois: A volumetric construction, methods, a technique // The definition and Interpretation of Levallois technology / H. Dibble, O. Bar-Yosef (Eds.). – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 49–68.

Boëda E., Hou Y.M., Forestier H., Sarel J., Wang H.M. Levallois and non-Levallois blade production at Shuidonggou in Ningxia, North China // Quaternary International. – 2013. – Vol. 295. – P. 191–203.

Bordes F. Essai de classification des industries “mousteriennes” // Bulletin de la Société préhistorique de France, Juillet-Août. – 1953. – T. 50. – No. 7/8. – P. 457-466.

Chazan M. Redefining Levallois // Journal of Human Evolution. – 1997. – Vol. 33. – P. 718–735.

Clark G.J. World Prehistory. A new Outline. Cambridge University Press, 1969. – 319 p.

Derevianko A.P., Gao X., Olsen J.W., Rybin E.P. The Paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotuoshi site // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2012. – Vol. 40 (4). – P. 2–18.

Foley R., Lahr M.M. Mode 3 technologies and the evolution of modern humans // Cambridge Archaeological Journal. – 1997. – Vol. 7. – P. 3–36.

Gao X. A discussion on "Chinese Middle Paleolithic" // Acta Anthropologica Sinica. – 1999. – Vol. 18. – Iss. 1. – P. 1–18.

Gao X., Li F., Guan Y., Zhang X., Olsen J.W. An archaeological perspectives on the origins and evolution of modern humans in China // Acta Anthropologica Sinica. – 2019. – Vol. 38. – Iss. 3. – P. 317–334.

Hu Y., Marwick B., Zhang J.-F., Rui X., Hou Y.-M., Yue J.-P., Chen W.-R., Huang W.-W., Li B. Late Middle Pleistocene Levallois stone-tool technology in southwest China // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 82–101.

Kei Y.M. The Middle Paleolithic in China: a review on current interpretations // Antiquity. – 2012. – Vol. 86. – Iss. 333. – P. 619–626.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Shevchenko T.A., Klementiev A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Middle Paleolithic human dispersal in Central Asia: new archaeological investigations in the Orkhon Valley, Mongolia // Antiquity. – 2019. – Vol. 93. – Iss. 370. – e20. – P. 1–8.

Kuhn S.L. From Initial Upper Paleolithic to Ahmarian at Ucagizly cave, Turkey // Anthropologie. – 2004. – Vol. 42. – P. 249–262.

Li F. Fact or fiction: the Middle Paleolithic in China // Antiquity. – 2014. – Vol. 88. – P. 1303–1309.

Li F., Kuhn S., Chen F., Wang Y., Southon J., Peng F., Shan M., Wang C., Ge J., Wang X., Yun T., Gao X. The easternmost Middle Paleolithic (Mousterian) from Jinsitai Cave, North China // Journal of Human Evolution. – 2018. – Vol. 114. – P. 76–84.

Li F., Kuhn S., Olsen J.W., Chen F., Gao X. Disparate Stone Age technological evolution in North China: lithic technological variability and relations between populations during MIS 3 // Journal of Archaeological Research. – 2014. – Vol. 70. – Iss. 1. – P. 35–67.

Li F., Li Y., Gao X., Kuhn S.L., Boëda E., Olsen J.W. A refutation of reported Levallois technology from Guanyingdong Cave in south China // National Scientific Reviews. – 2019. – Vol. 6 (6). – P. 1094–1096.

Li H. New progresses on the diversity of Chinese lithic technologies in the Early and Middle Paleolithic // Acta Anthropologica Sinica. – 2018. – Vol. 37. – Iss. 4. – P. 602–612.

Nishiaki Y., Aripjanov O. A new look at the Middle Paleolithic lithic industry of the Teshik-Tash Cave, Uzbekistan, West Central Asia // Quaternary International. – 2020. – Vol. 596 – P. 22–37.

Norton C.J., Gao X., Feng X.F. The East Asian Middle Paleolithic reexamined // Sourcebook of Paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations / M. Camps, P. Chauhan (eds.). – New York, Springer, 2009. – P. 245–254.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolitich Levallois technology in eastern Central Asia // Quaternary International. – 2020. – Vol. 535. – P. 117–138.

Shea J.J. Lithic Modes A–I: A New Framework for Describing Global-Scale Variation in Stone Tool Technology Illustrated with Evidence from the East Mediterranean Levant // Journal of Archaeological Method and Theory. – 2013. – Vol. 20. – Iss. 1. – P. 151–186.

Shea J.J. Sink the Mousterian? Named stone tool industries (NASTIES) as obstacles to investigating hominin evolutionary relationships in the Later Middle Paleolithic Levant // Quaternary International. – 2014. – Vol. 350. – P. 169-179.

Usik V.I., Rose J.I., Hilbert Y.H., Van Peer P., Marks A.E. Nubian Complex reduction strategies in Dhofar, southern Oman // Quaternary International. – 2013. – Vol. 300. – P. 244 – 266.

Zhang X., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago // Science. – 2018. – Vol. 362. – P. 1049–1051.

References

Boëda E. Levallois: A volumetric construction, methods, a technique. In *The definition and Interpretation of Levallois technology.* Madison: Prehistory Press, 1995, pp. 49–68.

Boëda E., Hou Y.M., Forestier H., Sarel J., Wang H.M. Levallois and non-Levallois blade production at Shuidonggou in Ningxia, North China. *Quaternary International*, 2013, vol. 295, pp. 191–203.

Bordes F. Essai de classification des industries "mousteriennes". *Bulletin de la Société préhistorique de France, Juillet-Août*, 1953, vol. 50, No. 7/8, pp. 457–466.

Chazan M. Redefining Levallois. *Journal of Human Evolution*, 1997, Vol. 33, pp. 718–735.

Clark G.J. World Prehistory. A new Outline. Cambridge University Press, 1969, 319 p.

Derevianko A.P. Perekhod ot srednego k verhnemu paleolitu i problema formirovaniya Homo Sapiens sapiens v Vostochnoj, Central'noj i Severnoj Azii. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2009, 328 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Gao X., Olsen J.W., Rybin E.P. The Paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotuoshi site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012, vol. 40, pp. 2–18.

Derevyanko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolit Orhona**.** Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2010, 384 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J., Tseveendorzh D., Petrin V.T., Krivoshapkin A.I., Brantingham P.D. Mnogoslojnaya peshchernaya stoyanka Tsagan Aguj v Gobijskom Altae (Mongoliya). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 1, pp. 23–36. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P. Harakter perekhoda ot must'e k pozdnemu paleolitu na Altae (po

materialam stoyanki Kara-Bom). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 2, pp. 33–52. (In Russ.).

Foley R., Lahr M.M. Mode 3 technologies and the evolution of modern humans. *Cambridge Archaeological Journal*, 1997, vol. 7, pp. 3–36.

Gao X. A discussion on "Chinese Middle Paleolithic". *Acta Anthropologica Sinica*, 1999, vol. 18, Iss. 1, P. 1–18.

Gao X., Li F., Guan Y., Zhang X., Olsen J.W. An archaeological perspectives on the origins and evolution of modern humans in China. *Acta Anthropologica Sinica*, 2019, vol. 38, Iss. 3, pp. 317–334.

Hu Y., Marwick B., Zhang J.-F., Rui X., Hou Y.-M., Yue J.-P., Chen W.-R., Huang W.-W., Li B. Late Middle Pleistocene Levallois stone-tool technology in southwest China. *Nature*, 2019, vol. 565, pp. 82–101.

Kei Y.M. The Middle Paleolithic in China: a review on current interpretations. *Antiquity*, 2012, Vol. 86, Iss. 333, pp. 619–626.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Shevchenko T.A., Klementiev A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Middle Paleolithic human dispersal in Central Asia: new archaeological investigations in the Orkhon Valley, Mongolia. *Antiquity*, 2019, vol. 93, Iss. 370, e20, pp. 1–8.

Kuhn S.L. From Initial Upper Paleolithic to Ahmarian at Ucagizly cave, Turkey. *Anthropologie*, 2004, vol. 42, pp. 249–262.

Li F. Fact or fiction: the Middle Paleolithic in China. *Antiquity*, 2014, Vol. 88, pp. 1303–1309.

Li F., Kuhn S., Chen F., Wang Y., Southon J., Peng F., Shan M., Wang C., Ge J., Wang X., Yun T., Gao X. The easternmost Middle Paleolithic (Mousterian) from Jinsitai Cave, North China. *Journal of Human Evolution*, 2018, vol. 114, pp. 76–84.

Li F., Kuhn S., Olsen J.W., Chen F., Gao X. Disparate Stone Age technological evolution in North China: lithic technological variability and relations between populations during MIS 3. *Journal of Archaeological Research*, 2014, vol. 70, Iss. 1, pp. 35–67.

Li F., Li Y., Gao X., Kuhn S.L., Boëda E., Olsen J.W. A refutation of reported Levallois technology from Guanyingdong Cave in south China. *National Scientific Reviews*, 2019, vol. 6, Iss. 6, pp. 1094–1096.

Li H. New progresses on the diversity of Chinese lithic technologies in the Early and Middle Paleolithic. *Acta Anthropologica Sinica*, 2018, vol. 37, Iss. 4, pp. 602–612.

Nishiaki Y., Aripjanov O. A new look at the Middle Paleolithic lithic industry of the Teshik-Tash Cave, Uzbekistan, West Central Asia. *Quaternary International*, 2020, vol. 596, pp. 22–37.

Norton C.J., Gao X., Feng X.F. The East Asian Middle Paleolithic reexamined. In *Sourcebook of Paleolithic transitions: methods, theories, and interpretations*. New York: Springer, 2009, pp. 245–254.

Rybin E.P., Kandyba A.V., Khatsenovich A.M., Slavinskij V.S. Variability and chronostratigraphy of Levallois technology in Middle and Initial Upper Paleolithic of Mongolia**.** *Novosibirsk State University Bulletin. Series: history, philology*, 2015, vol. 14, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 37–48. (In Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolitich Levallois technology in eastern Central Asia. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 117–138.

Rybin E.P., Marchenko D.V., Khatsenovich A.M. Acquisition of stone raw material and peculiarities of the lithic technology in the Initial Upper Paleolithic of Mongolia: "the horizon of hearth" at the Tolbor 21 site. *Povolzhskaya arheologiya***,** 2020, No. 3, pp. 27–41. (In Russ.).

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Popov A.Yu., Khatsenovich A.M., Anojkin A.A., Pavlenok G.D. Sedimentary rocks exploitation in Upper Paleolithic knapping technology in the territory of Central Asia and South Siberia. *Theory and practice of archaeological research*, 2018, iss. 2, – pp. 146–156. (In Russ.).

Rybin E.P., Slavinsky V.S. Levallois convergent unidirectional typical technology in Southern Siberia and the Northern part of Central Asia: variability, distribution, chronology**.** *Stratum Plus Cultural archaeology and anthropology,* 2015, No. 1, pp. 285–308. (In Russ.).

Shea J.J. Lithic Modes A–I: A New Framework for Describing Global-Scale Variation in Stone Tool Technology Illustrated with Evidence from the East Mediterranean Levant. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2013, vol. 20, Iss. 1, pp. 151–186.

Shea J.J. Sink the Mousterian? Named stone tool industries (NASTIES) as obstacles to investigating hominin evolutionary relationships in the Later Middle Paleolithic Levant. *Quaternary International*, 2014, vol.350, pp. 169-179.

Usik V.I., Rose J.I., Hilbert Y.H., Van Peer P., Marks A.E. Nubian Complex reduction strategies in Dhofar, southern Oman. *Quaternary International*, 2013, vol. 300, pp. 244 – 266.

Van Peer P. The Levallois Reduction Strategy. Monographs in World Archaeology. Madison: Prehistory Press, 1992, 137 p.

Yuj C., Van Yu., He Ts., Fen Yu., Li Yu., Li V. Pamyatnik Tuntyan'dun v uezde Czimunaj Sin'czyan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona. *Kaogu,* 2018, No. 7, pp. 723–734 (на кит. яз.).

Zhang X., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago. *Science*, 2018, vol. 362, pp. 1049–1051.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0321-0329
УДК 903.01

А.М. Хаценович[1]✉, Я. Цэрэндагва[2], Д. Базаргур[2], Д.В. Марченко[1], Е.П. Рыбин[1], А.М. Клементьев[1,3], Г. Маргад-Эрдэнэ[4], П.С. Кравцова[1], И.Д. Долгушин[1], Б. Гунчинсурэн[2], Дж.У. Олсен[1,5], А.П. Деревянко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[5] Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Результаты нового цикла раскопок пещеры Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае в 2021 году

Расселение человека в среднем и начале верхнего палеолита в Центральной Азии приурочено, как правило, к среднегорьям с умеренным степным – лесостепным климатом и наличием стадных копытных. Тем не менее, начиная, как минимум, со среднего палеолита, человеческие популяции обитали и в регионах, относящихся сейчас к зонам с экстремальным климатом. Изучение археологических памятников здесь имеет свою специфику, связанную, прежде всего, с определением условий окружающей среды в плейстоцене – являлись ли они более благоприятными или уже тогда ставили человека перед необходимостью адаптации, и каковы были ее механизмы. Одним из таких регионов является пустыня Гоби на территории Монголии и прилегающие отроги Гобийского Алтая. Здесь расположен кластер стратифицированных и экспонированных памятников, включая пещеру Цагаан-Агуй. Средне- и верхнепалеолитические археологические комплексы пещеры ассоциированы с разнообразной фауной и находятся в инситных отложениях, что позволяет реконструировать условия обитания человека. В 2021 г. с целью отбора образцов был вскрыт продольный разрез пещеры и заложен раскоп в Большом гроте. В результате раскопок было выявлено наличие костяной индустрии в слоях 2.1–4, предметы палеолитического искусства и немногочисленная коллекция каменных артефактов. В слое 2.2 выявлен эпизод обитания пещерных гиен. Раскопки 2021 г. показали перспективу дальнейшего исследования пещеры, в частности, направленного на вскрытие северной части пещеры, которая ранее не изучалась, и проведение комплекса естественно-научных анализов.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Монголия, пустыня Гоби, экстремальный климат, пещерный памятник, плейстоцен, палеолит, стратиграфия.*

A.M. Khatsenovich[1]✉, Ya. Tserendagva[2], D. Bazargur[2], D.V. Marchenko[1], E.P. Rybin[1], A.M. Klementiev[1,3], G. Margad-Erdene[4], P.S. Kravtsova[1], I.D. Dolgushin[1], B. Gunchinsuren[2], J. W. Olsen[1,5], A.P. Derevianko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MA
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]Institute of the Earth's Crust SB RAS
Irkutsk, Russia

[4]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[5]School of Anthropology, University of Arizona
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Preliminary Results of the 2021 Excavation Campaign at Tsagaan Agui Cave in the Gobi Altai Region, Mongolia

Middle and Upper Paleolithic human migrations and dispersals throughout Central Asia are usually associated with middle altitudes and mild steppe and forest-steppe environments with herds of large game mammals. However, since at least the Middle Paleolithic, human populations penetrated areas of Central Asia characterized by extreme arid climatic and environmental conditions in modern times. Investigation of archaeological sites in such regions demands understanding whether Pleistocene environmental conditions were more favorable to human habitation, what types of adaptation pressures human populations faced, and what kinds of adaptive mechanisms were developed. The Gobi Desert and Gobi Altai Mountains of southern Mongolia comprise one such region. Exposed and stratified Paleolithic sites there include Tsagaan Agui Cave and a variety of surface occurrences. Middle and Upper Paleolithic archaeological complexes at Tsagaan Agui are associated with various faunal species recovered in situ from sediments, allowing the reconstruction of the paleoenvironmental conditions of human habitation there. Following trilateral excavations conducted at Tsagaan Agui in 1995-2000, the longitudinal profile of the cave was uncovered in 2021 to collect sediments and other samples and a small test pit was excavated in the cave's main chamber. Layers 2.1–4 of Test Pit 2021/2 yielded a bone industry, Paleolithic art mobilier, and a small collection of lithic artifacts, all in stratigraphic context. Evidence of episodic hyaena occupation was also revealed in Layer 2.2. The 2021 Tsagaan Agui Cave excavation campaign provides clear rationale for further investigation of this site, especially excavations in the northern part of the cave that has not been previously studied, as well as garnering additional data for refined paleoclimatic and paleoenvironmental reconstructions.

Keywords: *Central Asia, Mongolia, Gobi Desert, extreme environment, cave site, Pleistocene, Paleolithic, stratigraphy.*

Введение

Пещера Цагаан-Агуй расположена в Баянхонгорском аймаке в 42 км на северо-восток от сомонного центра Баянлиг (44°42’53.3’’ с.ш., 101°10’13.4’’ в.д.), в известняковом массиве Цагаан Цахир, входящем в горную систему Гобийского Алтая, к юго-западу от хребта Бага Богд Уул (рис. 1). Всего 40 км по прямой отделяют пещеру от озера Орок-Нур, где в 1980-х гг. были обнаружены стоянки с экспонированным материалом, представляющие собой наиболее яркое проявление леваллуазской технологии на территории Монголии.

Пещера Цагаан-Агуй как археологический памятник известна с 1972 г., когда ее окрестности были обследованы Д. Доржем, и был собран первый материал. В 1987–1989 гг. под руководством академиков А.П. Деревянко и Д. Доржа здесь были

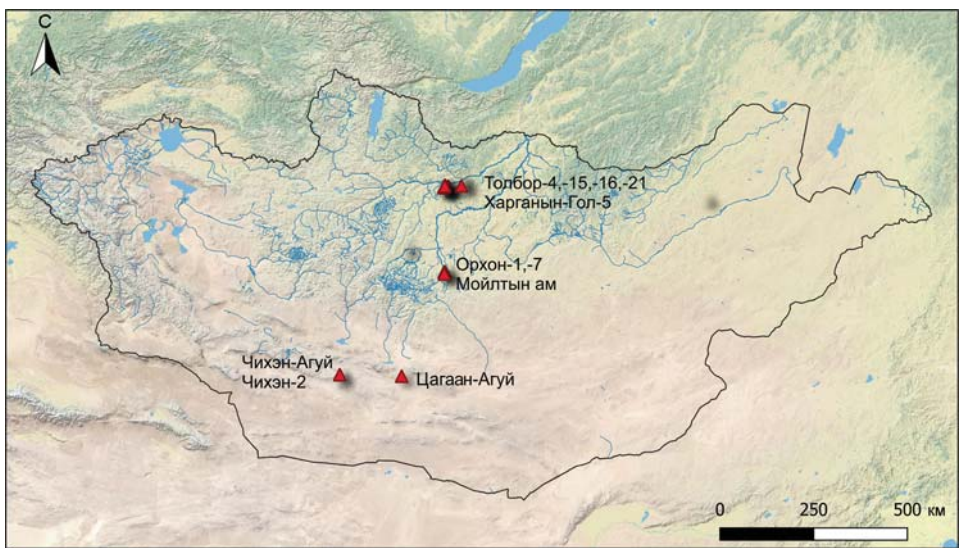

Рис. 1. Карта расположения палеолитических стратифицированных памятников Монголии.

проведены первые раскопки предвходовой площадки и Входного грота, а в 1995–2000 гг., в рамках Монголо-российско-американской совместной экспедиции, здесь был проведен цикл раскопок Нижнего, Большого и Малого гротов [Деревянко, Петрин, 1995; Деревянко и др., 2000а]. В геологическом отношении пещера находится в карстовом массиве, который сложен девонскими отложениями, а с востока и севера к нему примыкают отложения каменноугольного и пермского периодов. Пермские формации содержат свиты, включающие осадочные породы, которые, как правило, обладают высоким качеством для их расщепления, однако в данном регионе они сильно метаморфизированы, и отдельности, пригодные для раскалывания, единичны. На склонах карстового массива, где находится пещера, широко представлены блоки девонского кремня, которые человек и использовал для расщепления. В межгорной котловине, в которой расположен массив, обнаружено значительное количество каменных артефактов, залегающих на поверхности, что свидетельствует об интенсивном заселении этого района на протяжении палеолита.

Современный климат Гобийского Алтая аридный, и массив Цагаан Цахир расположен в зоне полупустынь – пустынь. В районе пещеры Цагаан-Агуй нет открытых водоемов, современным местным населением используются колодцы. В то же время, во влажные годы, в период значительного выпадения осадков, образуются мощные временные водотоки со значительной скоростью течения воды. Флора и фауна характеризуется пустынными и полупустынными видами. На фоне скудной растительности со средней высотой около 15–20 см для однолетних и несколько выше – для многолетних, здесь наблюдается разнообразие рептилий и грызунов; зайцеобразные представлены пищухой и зайцем-толаем; здесь обитают горные козлы и бараны, антилопа-дзерен, из хищников – лисица, лисица-корсак, красный и серый волки. Современное скотоводство ориентировано на разведение овец, коз, верблюдов и в меньшей степени коров и лошадей, а на значительных высотах в районе горы Богд Уул – яков.

Человек обитал в этом регионе уже в палеолите, но остается неясным, столкнулся ли он с экстремальными климатическими условиями, господствующими здесь сейчас, и вынужден был адаптироваться к ним, или же на протяжении верхнего плейстоцена были благоприятные, более влажные периоды. Каменное сырье плохого качества, скудная растительность, отсутствие стадных копытных, значительные годовые и суточные перепады температур, высокая аридность – все это могло быть значительным вызовом для человеческих популяций. Новый цикл работ в пещере Цагаан-Агуй направлен, прежде всего, на реконструкцию палеосреды, хронологию заселения человеком южного фаса гор Гобийского Алтая и понимание адаптационных процессов у древних человеческих и животных популяций в аридных регионах и на значительных высотах на территории восточной части Центральной Азии и Китая.

Стратиграфия пещеры Цагаан-Агуй

Раскоп 2021/2 площадью 1 м^2 был заложен в Большом гроте, в северной части относительно продольного разреза, по линиям А’ и 19, и вписан в систему координат 1995–2000 гг. В ходе раскопок были вскрыты отложения до слоя 6 (рис. 2, *1–2*). Полученный стратиграфический разрез соответствует тому, который был описан для этой части пещеры в ходе раскопок 1997–1998 гг. [Деревянко и др., 1998], с некоторыми отличиями, которые объясняются падением слоев к пристенку в северной части пещеры.

Слой 1, согласно описаниям 1998 г., включал три горизонта, из которых, в силу активного использования пещеры как туристического объекта, на участке раскопа 2021/2 сохранились только два.

Слой 1, горизонт 2 – маломощные, до 5 см, пеплово-сажистые отложения, включающие сожженный помет скота и остатки растительности.

Слой 1, горизонт 3 – черный сажистый гумусированный горизонт мощностью до 10–15 см; вероятнее всего представляет собой поверхность обитания в позднем Средневековье – Новом времени.

Слой 2 на всем протяжении продольного разреза исследователями разделялся на прослои – 2А, 2Б и 2В [Деревянко, Петрин, 1995], 2.1 и 2.2 [Деревянко и др., 2000а; 2000б]. В раскопе 2021 г. прослои 2.1 и 2.2 также выделяются, однако в целом строение этой пачки видится более дробным.

Слой 2.1 по итогам изучения пещеры в 1990-х гг. был отнесен к четвертому этапу осадконакопления, характеризующемуся более сухим климатом, со значительной ролью эоловых, десквамационных и делювиальных процессов [Деревянко и др., 2000а]. В раскопе 2021/2 его мощность составляет около 65 см. Он состоит из песчаных переслаивающихся прослоев и из линз, плотных сцементированных песчаных, коричнево-оранжевого цвета, образовавшихся в результате натеков с потолка пещеры. Прослои косослоистые и падают к северо-западному углу раскопа.

Слой 2.2 представлен среднезернистым песком с валунчиками до 5–7 см длиной, которые связаны с неотектоническими процессами и разрушением свода пещеры; встречаются кристаллы гипса. К контакту слоев 2.1 и 2.2 приурочен марганцевый

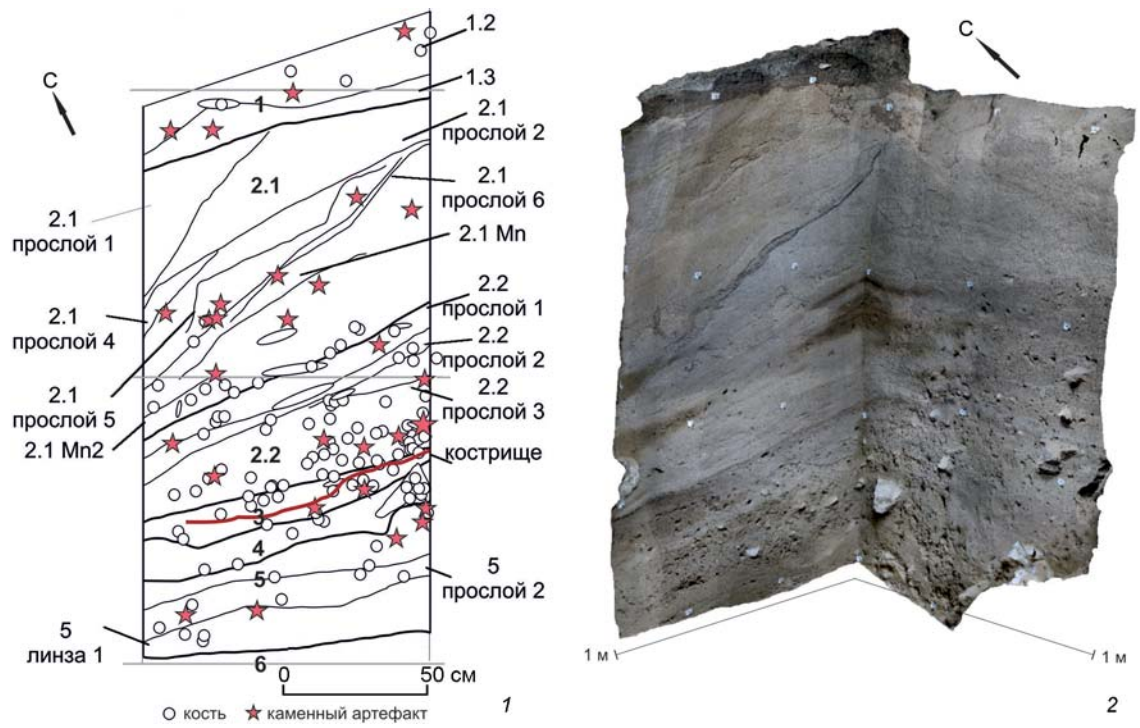

Рис. 2. Стратиграфия раскопа 2021/2 в Большом гроте пещеры Цагаан-Агуй.

1 – северный профиль (на основе трехмерной системы координат с использованием программы NewPlot); *2* – 3D-модель северной и восточной стенок (с использованием программы Agisoft Photoscan).

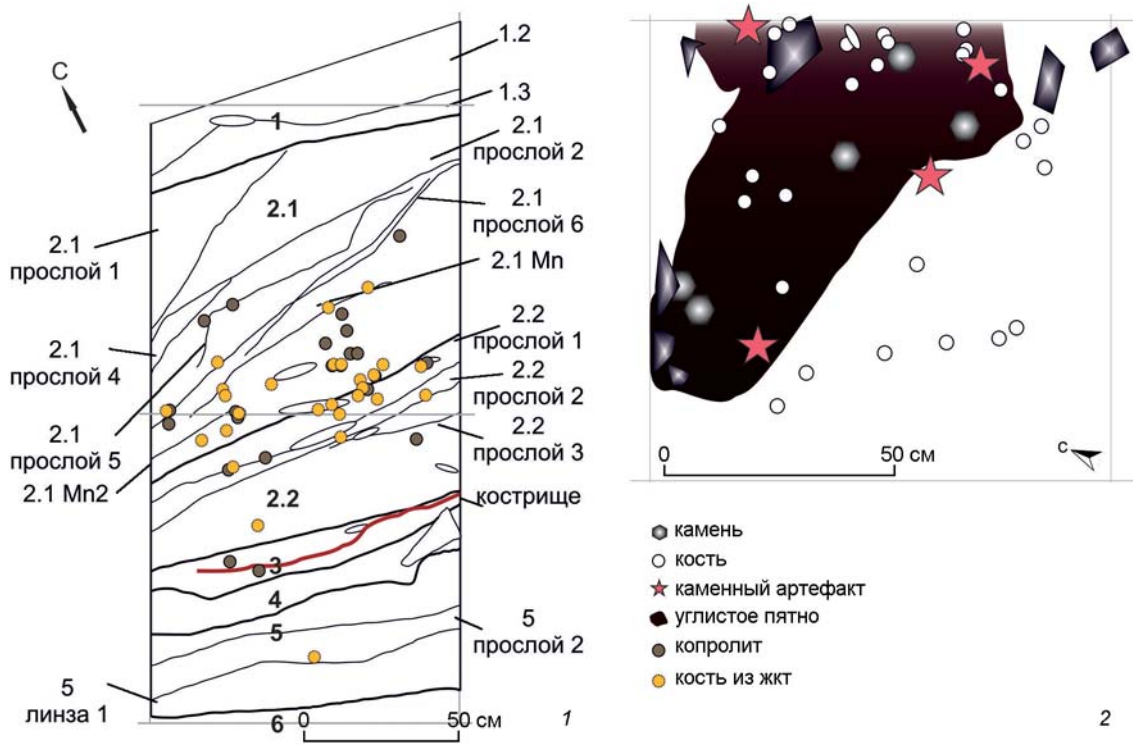

Рис. 3. Планиграфические структуры в раскопе 2021/2 в Большом гроте пещеры Цагаан-Агуй.

1 – вертикальное распределение копролитов гиены и кости из ЖКТ хищника (каждая точка – координаты снятого ведра с седиментами, которое содержит от 1 до 12 экз.); *2* – планиграфия кострища в слое 3.

прослой мощностью 3–5 см, который далее продолжается мощной линзой черно-серого сыпучего не пылеватого песка, пропитанного марганцем. Ранее в северной части пещеры предполагалось возможное нарушение стратиграфии, а именно – размытие слоев из отверстия диаметром около 1,5 м в потолке пещеры, и по этой причине раскопки ранее здесь не проводились. В ходе работ 2021 г. было установлено, что, вероятнее всего, отверстие открылось примерно во время осадконакопления слоя 2 и его генезис может быть связан именно с ним, при этом нижележащие слои остались непотревоженными.

На контакте слоев 2.2 и 3 зафиксированы нарушения стратиграфии в виде углублений с более темными отложениями, содержащими мелкие кости. Палеонтологический и планиграфический анализы остатков, найденных при просеве седиментов из слоя 2.2 и нижней части 2.1, показали, что в это время пещера была населена гиенами (62 копролита и 89 костей из ЖКТ гиены на 1 м^2) (рис. 3, *1*).

Мощность слоя 3 в раскопах 1997–2000 гг. составляла 1-3 см, он прослеживается по продольному разрезу пещеры как тонкая серая суглинковая углистая прослойка. В раскопе 2021/2 его мощность доходит до 15 см, он резко падает к северо-западному углу. Несмотря на то, что контакт слоев 2.2 и 3 сильно изрыт гиенами, кровля слоя 3 четко маркируется за счет мощного кострища, обнаруженного здесь. К кострищу приурочены небольшие валунчики, один из них полностью находился в слое угля, однако нельзя сказать, что они являются частью обкладки. Также на поверхности кострища и в его заполнении обнаружены кости и каменные артефакты (рис. 3, *2*).

Слой 4 – песчанистый суглинок – также имеет мощность около 15 см и падает наклонно к северо-западному углу. В нем встречаются кристаллы кальцита мелкого и среднего размеров. Крупнозернистые пески залегают в нем отдельными линзами.

Слой 5 – представлен различными суглинковыми линзами серо-голубого и желто-серого цветов. Генезис некоторых линз связан с крупными камнями и кристаллами кальцита в слое – вокруг них концентрировались натеки с потолка, и влажный суглинок по мере аккумуляции осадков уплотнялся.

Раскоп 2021 г. завершен поверхностью слоя 6, который представляет собой кварцевый песок с грубообломочным материалом.

Каменная и костяная индустрии слоев 2.1–6 пещеры

Археологический и фаунистический материал найден во всех слоях раскопа, относящихся ко времени плейстоцена.

В слое 2.1 обнаружено восемь каменных изделий. Среди них – шесть отщепов, из которых три характеризуются однонаправленной естественной огранкой дорсальной поверхности, и по одному – бипродольной конвергентной и подперекрестной. Остаточные ударные площадки представлены двугранным, линейным, гладким и естественным типами; за исключением единственного случая снятия карниза, подправка площадок не осуществлялась. В слое присутствует одна бипродольная пластина с гладкой площадкой и пластинка из халцедона с фасетированной площадкой, однонаправленной параллельной огранкой и закрученным профилем (рис. 4, *1*). Орудийный набор представлен единственным ассиметричным острием с черешком, оформленным на отщепе (рис. 4, *2*). В этом же слое найден предмет палеолитического искусства – обработанный стержень из светло-зеленого серпентинита с приостренными с помощью продольных укороченных сколов концами.

В слое 2.2 найдено три каменных артефакта, представляющих собой отщепы с подперекрестной, однонаправленной и бипродольной огранкой дорсальных поверхностей и гладкими площадками. Два из них имеют вторичную обработку. Тронкированно-фасетированное орудие оформлено на укороченном подпрямоугольном отщепе. В дистальной части заготовки производилось тронкирование бифасиальными сколами, противолежащий край был поперечно фрагментирован (рис. 4, *3*). Концевой скребок на отщепе имеет рабочий край, оформленный вентральной крупнофасеточной чешуйчатой ретушью. Противолежащий край подработан дорсальной мелкофасеточной краевой ретушью.

В слое 3 обнаружено два отщепа с ортогональной огранкой дорсальной поверхности, оба были переоформлены в орудия. Тронкированно-фасетированное орудие оформлено на отщепе. Проксимальная часть фасетирована дорсальными и вентральными сколами, противолежащий дистальный край тронкирован ударом, нанесенным с дорсальной поверхности (рис. 4, *4*). Другое орудие представлено дэжэтоидным отщепом с ретушью, оформленном на полупервичном сколе. Вентральная плоская крупнофасеточная чешуйчатая ретушь нанесена по правому продольному краю (рис. 4, *5*). Также в слое обнаружен кубовидный монофронтальный одноплощадочный нуклеус (рис. 4, *6*). Контрфронт оформлен одним крупным подпрямоугольным сколом, снятым с терминальной части нуклеуса. Ребра нуклеуса уплощенные, образуют плоскости, оформленные крупными подпрямоугольными сколами с ударной площадки нуклеуса, и подправлены с терминальной части, которая оформлена поперечными снятиями с фронта и контрфронта. На фронте читаются

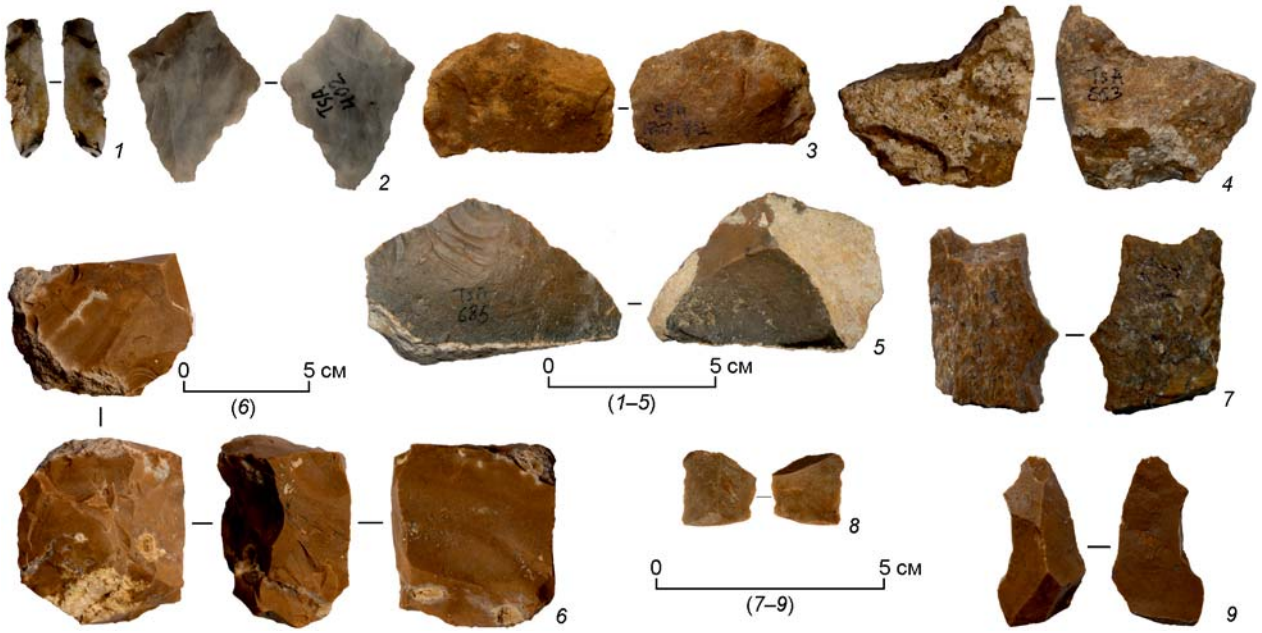

Рис. 4. Каменные артефакты из плейстоценовой пачки слоев раскопа 2021/2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй.

1 – бипродольная пластина (слой 2.1); *2* – острие ассиметричное с черешком (слой 2.1); *3* – тронкированно-фасетированное орудие (слой 2.2); *4* – тронкированно-фасетированное орудие (слой 3); *5* – отщеп дэжэтоидный с ретушью (слой 3); *6* – нуклеус (слой 3); *7* – комбинированное зубчато-выемчатое – шиповидное орудие (слой 4); *8* – пластина (слой 4); *9* – продольно-краевой технический скол (слой 5).

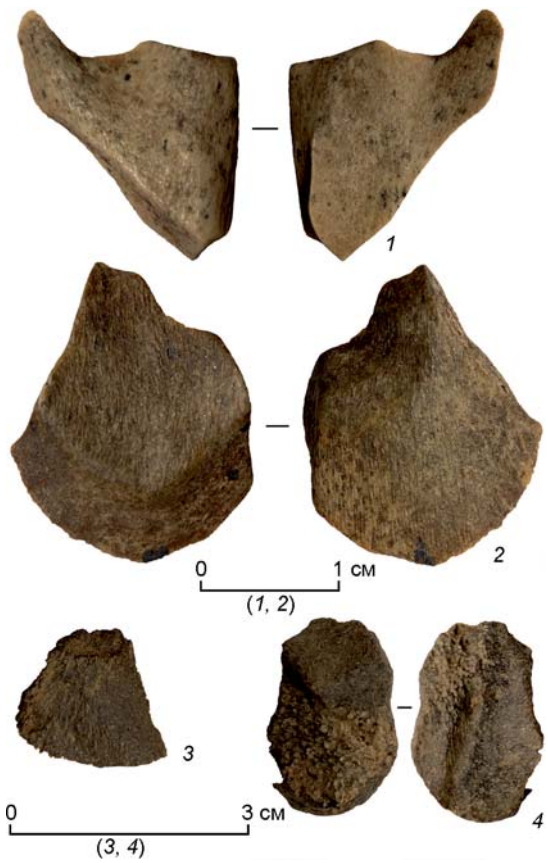

Рис. 5. Костяная индустрия из плейстоценовой пачки слоев раскопа 2021/2 Большого грота пещеры Цагаан-Агуй.

1 – отщеп (слой 2.2); *2* – шиповидное орудие с плечиком на отщепе (слой 3); *3–4* – отщепы (слой 4).

негативы снятия подпрямоугольных соразмерных отщепов. Сколы завершались петлевидными и ступенчатыми окончаниями, образуя сильные заломы. Сильно забитая дуга скалывания несет на себе следы подправки – снятие карниза мелкими сколами с площадки по фронту. Нуклеус оставлен из-за многочисленных заломов, а также естественных включений в породе, которые мешали снятию отщепов.

В слое 4 присутствуют две пластины – с бипродольной огранкой, из приносного сырья, и с однонаправленной параллельной огранкой дорсальной поверхности (рис. 4, *8*), а также продольный краевой технический скол на отщепе. На массивной пластине с однонаправленным дорсалом изготовлено комбинированное зубчато-выемчатое – шиповидное орудие (рис. 4, *7*). Крупные выемки нанесены по левому продольному краю крупной чешуйчатой ретушью, образуя зубчато-выемчатый край. На дистальном окончании снят дорсальный скол, который, вместе с чешуйчатой ретушью по правому краю, образует шип. Орудие было фрагментировано, вероятно намеренно: выемка неполная, а на месте фрагментации нанесена ретушь.

Технические сколы являются единственными каменными изделиями в слоях 5 и 6. Продольно-краевой скол из слоя 5 характеризуется реберчатой огранкой дорсальной поверхности, ударная площадка разрушена при скалывании (рис. 4, *9*), а поперечно-краевой скол из слоя 6 – ортогональной огранкой и многогранной площадкой.

В слоях 2.1–4 обнаружена костяная индустрия, представленная отщепами. Все они небольшого размера, имеют выраженную морфологию – ударные площадки и бугорки. Из восьми экземпляров четыре найдены в слое 4. Все отщепы отличаются гладкими или разрушенными при скалывании площадками, у одного отщепа из слоя 4 площадка фасетированная выпуклая (рис. 5, *1, 3–4*). На двух костяных отщепах, происходящих из слоя 3, оформлены орудия. Одно из них – шиповидное с плечиком – оформлено вентральными сколами в проксимальной части и диагональным сколом, снятым с ударной площадки по левому продольному краю (рис. 5, *2*). Другое орудие, подтреугольной вытянутой формы, также несет на правом продольном крае сильно заглаженный негатив приостряющего скола и по левому краю в дистальной части – два просверленных отверстия, одно из которых было фрагментировано.

Обсуждение

В 2021 г. раскопки пещеры Цагаан-Агуй проводились с целью отбора образцов для ряда анализов, направленных на реконструкцию природных обстановок в плейстоцене, определение таксономии обитателей пещеры и хронологии этапов палеолита. Был вскрыт весь продольный разрез пещеры для последовательного отбора образцов во Входном и Большом гротах. Заложенный раскоп площадью 1 м^2, призванный обеспечить свежий продольный разрез для уточнения положения слоев, позволил выявить совершенно новые аспекты в материалах пещеры.

Граница между слоями 2.1 и 2.2 представляет собой копролиты в кровле отложений слоя 2.2, вмещающих эпизод обитания пещерных гиен *Crocuta spelaea*. Вероятнее всего, это был сухой период времени последнего максимума оледенения или немного ранее, исходя из ESR-дат, полученных в начале 2000-х гг. – 23000 ± 2000 и 25000 ± 2000 л.н. [Деревянко и др., 2000б], и наличию марганцевых прослоев. На контакте слоев 2.2 и 3 зафиксированы следы рытья гиенами отложений пещеры, залегающие на одном уровне. Неясно, насколько скоро гиены появились после оставления пещеры человеком, чье наиболее интенсивное обитание пришлось на время формирования слоя 3, который датируется около 33000 некал. л.н. [Там же]. Сразу под вырытыми гиенами углублениями располагалось мощное кострище, распространяющееся почти на всю глубину слоя 3. На поверхности кострища располагались в большом количестве мелкие кости, без следов обработки в ЖКТ хищников, и четыре каменных артефакта. Практически по всему продольному разрезу пещеры мощность этого слоя составляет 1–3 см, и везде отмечались включения угля [Деревянко и др., 1997; 1998; 2000б]. В обнаруженном кострище фрагменты угля достигают нескольких сантиметров, это говорит о том, что сжигаемое топливо имело крупные размеры и не является остатками естественных пожаров, привнесенных в пещеру вследствие денудационных процессов и проявляющихся, как правило, в виде микроугольков в заполнении слоев. При этом следов прокала обнаружено не было.

Каменная индустрия слоя 2.1, если брать во внимание находки предыдущих лет, с большей долей вероятности относится к позднему верхнему палеолиту, при этом, как указывалось и ранее, изготовлена она преимущественно на приносном сырье [Деревянко, Петрин, Кривошапкин и др., 1998] – появление такой стратегии на территории восточной части Центральной Азии характерно для МИС-2. Культурное определение индустрии слоя 2.2 остается неясным: здесь присутствуют концевой скребок и тронкированно-фасетированное орудие. Слой не содержит следы нарушений и переотложения, а присутствие пещерных гиен и марганцевых прослоев, свидетельствующих о сухом климате, и полученные ранее даты позволяют определить время осадконакопления не позднее последнего максимума оледенения. Индустрия слоя 3 определяется как начальный верхний палеолит [Brantingham et al., 2001], здесь присутствуют продукты острийного леваллуазского расщепления и бипродольные пластины [Деревянко, Петрин, Кривошапкин, 1998], тронкированно-фасетированное орудие и дэжэтоидный отщеп с ретушью. Все это указывает на переходный характер комплекса, свойственный для ряда индустрий терминального среднего – начального верхнего палеолита: комплекс, найденный в пещере Тунтяньдун, Синьцзян, датирующийся 42000–44000 некал. л.н. [Юй и др., 2018] (см. статью Хаценович А.М., Марченко Д.В., Рыбин Е.П. «Леваллуазская технология в Китае» в этом сборнике); комплексы слоев 7–6 (терминальный средний палеолит) и 5 (начальный верхний палеолит) памятника Харганын-Гол-5 в северной Монголии [Khatsenovich et al., 2017; Хаценович, 2018]; слои 6–4 памятника Мойлтын ам в центральной Монголии [Хаценович и др., 2019; Khatsenovich et al., 2019] и т.д. Они сочетают леваллуазское расщепление и производство бипродольных пластин. При этом пластинчатое производство было взаимосвязано с леваллуазским конвергентным методом для острий, прежде чем выделилось в самостоятельную технологию. Орудийный набор указывает на возможные связи с индустриями запада Центральной Азии и Китая. В частности,

тронкированно-фасетированные орудия, вероятно, являются хронологически транзитным типом, так как встречены в трех слоях пещеры Цагаан-Агуй. Они характерны для среднего – начального верхнего палеолита Узбекистана, Загроса, Кавказа, Ливана [Nishiaki, 1985; Кривошапкин, Шалагина, 2013]. По результатам раскопок 2021 г. слой 4 содержит бипродольные пластины и наибольшее число костяных отщепов. Нельзя исключить, что он относится ко времени терминального среднего палеолита. Среднепалеолитические индустрии слоев 5 и 6 в новой коллекции представлены исключительно краевыми техническими сколами. Ранее в слое 5 были обнаружены преимущественно обломки, а слой 6 характеризовался отщеповым ситуационным расщеплением и присутствием шиповидного и выемчатого орудий [Деревянко и др., 2000а].

Заключение

Новый цикл раскопок уже на первом этапе исследований позволил выявить присутствие костяной индустрии в среднем и верхнем палеолите пещеры Цагаан-Агуй. Верхнепалеолитические слои здесь характеризуются присутствием предмета искусства и изготовлением костяных орудий, в т.ч. с применением сверления. Наиболее вероятными представляются связи обитателей пещеры с западной частью Центральной Азии и Китаем. Новые хронологические определения и спектр анализов, направленных на реконструкцию палеоклиматических обстановок, позволят выяснить временные границы эпизодов заселения пещеры и условия окружающей среды, способствующие или, напротив, сдерживающие расселение человека в условиях экстремального климата Гобийского Алтая на высотах около 2000 м.

Благодарности

Аналитическая часть работы выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10112. Полевые исследования проведены при поддержке фонда Leakey Foundation, проект «A Levallois refugium in Central Asia: chronology and causes of conservatism».

Список литературы

Деревянко А.П., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Ривс Р., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Гладышев С.А., Рыбин Е.П. Исследования пещеры Цагаан-Агуй совместной Российско-американо-монгольской экспедицией в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – С. 71–75.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000б. – №1. – С. 23–36.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Мыльников В.П., Кривошапкин А.И., Ривс Р., Брантингхэм П.Д., Гунчинсурэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000а. – 383 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И., Гунчинсурэн Б. Исследования пещеры Цагаан-Агуй совместной Российско-американо-монгольской экспедицией в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 65–66.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цагаан-Агуй на Южном фасе Гобийского Алтая в Монголии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 80 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапкин А.И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо (Южная Монголия) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симпоз. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 256–264.

Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. К истории изучения категории тронкированно-фасетированных изделий в палеолитоведении // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 12–18.

Хаценович А.М. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2018. – 31 с.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Базаргур Д., Марченко Д.В., Ге Дж., Долгушин И.Д., Шеченко Т.А., Когай С.А., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У. Новая хронология и культурная атрибуция археологических комплексов памятника Мойлтын ам (Центральная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. XXV. – С. 269–275.

Юй Ц., Ван Ю., Хэ Ц., Фэн Ю., Ли Ю., Ли В. Памятник Тунтяньдун в уезде Цзимунай Синьцзян-Уйгурского автономного района // Каогу. – 2018. – №7. – С. 723–734 (на кит. яз.).

Brantingham P.J., Krivoshapkin A.I., Jinzeng Li, Tserendagva Ya. The Initial Upper Paleolithic in Northeast

Asia // Current Anthropology. – 2001. – Vol. 42, № 5. – P. 735–747.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Shevchenko T.A., Klementiev A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Middle Paleolithic human dispersal in Central Asia: new archaeological investigations in the Orkhon Valley, Mongolia // Antiquity. – 2019. – Vol. 93. – Iss. 370. – e20. – P. 1–8.

Khatsenovich, A.M., Rybin, E.P., Zotkina, L.V., Gunchinsuren, B., Bolorbat, T., Odsuren, D., Olsen, J.W., Shelepaev, R.A., Popov, A.Y. New evidence for Paleolithic human behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site // Quaternary International. – 2017. – Vol. 442. – P. 78–94.

Nishiaki Y. Truncated-Facetted Flakes from Levantin Mousterian Assemblage // Bulletin of Department of Archaeology (University of Tokyo). – Tokyo, 1985. – P. 215–226.

References

Brantingham P.J., Krivoshapkin A.I., Jinzeng Li, Tserendagva Ya. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia. *Current Anthropology*, 2001, vol. 42, No. 5, pp. 735–747.

Derevianko A.P., Olsen J.W., Petrin V.T., Tsevendorzh D., Reeves R.W., Zenin A.N., Krivoshapkin A.I., Gladyshev S.A., Rybin E.P. Issledovaniya peshchery Tsagaan-Agui sovmestnoi rossiisko-amerikano-mongol'skoi ekspeditsiei v 1997 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, vol. III, pp. 71–75. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tsevendorzh D., Krivoshapkin A.I., Petrin V.T., Brantingham P.D. Mnogosloinaya peshchernaya stoyanka Tsagaan-Agui v Gobiiskom Altae (Mongolia). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000b, No. 1, pp. 23–36. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorzh D., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Myl'nikov V.P., Krivoshapkin A.I., Reeves R., Brantingham P.D., Gunchinsuren B., Tserendagva Ya. Arkheologicheskie issledovaniya Rossiisko-mongol'sko-amerikanskoi ekspeditsii v Mongolii v 1997–1998 godakh. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000a, 383 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tsevendorzh D., Petrin V.T., Krivoshapkin A.I., Gunchinsuren B. Issledovaniya peshchery Tsagaan Agui sovmestnoi Rossiisko-Amerikano-Mongol'skoi ekspeditsiei v 1998 g. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998a, T. IV, pp. 65–66. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T. Issledovaniya peshchernogo kompleksa Tsagaan-Agui na Yuzhnom fase Gobiiskogo Altaya v Mongolii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, 80 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Krivoshapkin A.I. Variant levalluazskogo rekurrentnogo metoda dlya polucheniya treugol'nykh skolov v paleoliticheskikh kompleksakh severo-vostochnogo fasa Arts-Bogdo (Yuzhnaya Mongoliya). In *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopredel'nykh territorii: Materialy mezhdunar. simpoz.* Novosibirsk, 1998b, T. 2, pp. 256–264. (In Russ.).

Khatsenovich A.M. Rannie etapy verkhnego paleolita Severnoi Mongolii: cand. Sc (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2018, 31 p. (In Russ.).

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Shevchenko T.A., Klementiev A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Middle Paleolithic human dispersal in Central Asia: new archaeological investigations in the Orkhon Valley, Mongolia. *Antiquity*, 2019, vol. 93, iss. 370, e20, pp. 1–8.

Khatsenovich, A.M., Rybin, E.P., Zotkina, L.V., Gunchinsuren, B., Bolorbat, T., Odsuren, D., Olsen, J.W., Shelepaev, R.A., Popov, A.Y. New evidence for Paleolithic human behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site. *Quaternary International*, 2017, vol. 442, pp. 78–94.

Krivoshapkin A.I., Shalagina A.V. The history of studying of truncated-faceted pieces in Paleolithic research. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: history, philology*, 2013, vol. 12, iss. 5: Archaeology and Ethnography, pp. 12–18. (In Russ.).

Nishiaki Y. Truncated-Facetted Flakes from Levantin Mousterian Assemblage. *Bulletin of Department of Archaeology* (University of Tokyo). Tokyo Press, 1985, pp. 215–226.

Yui Ts., Van Yu., Khe Ts., Fen Yu., Li Yu., Li V. Pamyatnik Tuntyan'dun v uezde Tszimunai Sin'tszyan-Uigurskogo avtonomnogo raiona. *Kaogu*, 2018, No. 7, pp. 723–734 (In Chin.).

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Цэрэндагва Я. https://orcid.org/0000-0002-8937-6447
Базаргур Д. https://orcid.org/0000-0003-2183-0591
Марченко Д. В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Долгушин И.Д. https://orcid.org/0000-0003-4402-1914
Гунчинсурэн Б. https://orcid.org/0000-0001-5052-5081
Олсен Дж. У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451
Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0330-0334
УДК 902/904

А.М. Чеха✉, Н.А. Кулик

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия;
E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Петрография и геология палеолитических местонахождений Северного Приаралья и Мугоджар (Казахстан)

Применение кварцитовидных пород саксаульской свиты и ее континентальных аналогов в качестве сырья каменных индустрий под названием «кремнистых», «сливных», «кварцитовидных» песчаников и алевролитов и «кварцитов», на территории Западного Казахстана известно со среднего палеолита вплоть до раннего железного века. Наиболее раннее их использование, в ашеле, имело место именно в Северном Приаралье и Мугоджарах. Палеолитические стоянки Северного Приаралья и Мугоджар привязаны к выходам кварцитовидного песчаника палеогенового возраста в силу того обстоятельства, что данная порода, по своим физическим характеристикам и неглубокому залеганию, а порой и выходам его на дневную поверхность, является единственным возможным источником сырья для изготовления каменных орудий в регионе. Несмотря на то, что каменный материал палеолитических местонахождений Северного Приаралья и Мугоджар внутри пунктов довольно однообразен, макроскопически он все же отличается, и петрофизические различия особенно проявляются при выветривании. Учитывая, что область Приаралья и Мугоджар по палеоклиматическим условиям с мела находилась под воздействием эоловой денудации с постоянным преобладанием западных ветров (что обусловлено направлением вращения Земли), проявление этого фактора на артефактах, в общем, должно быть прямо пропорционально времени его воздействия. Установлено, что дефляции на артефактах подвергались как исходные, выветрелые кавернозные поверхности, на которых она проявляется матированием и полировкой обломочных зерен кварца, так и собственные сколовые поверхности, образующие артефакт. Однако было установлено, что очень часто на одном и том же артефакте проявлена разная степень дефляции, причем не только поверхностей с разных сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой поверхности. Это означает, что степень выветривания, в том числе степень дефляции, артефактов из кварцевого песчаника, не может быть использована для их возрастной стратификации.

Ключевые слова: *Западный Казахстан, Северное Приаралье, Мугоджары, аридная зона, каменное сырье, кварцитовидные песчаники, поверхностное залегание артефактов, петрографический анализ, дефляция.*

A.M. Chekha✉, N.A. Kulik

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Chekhandrej@yandex.ru

Petrography and Geology of Paleolithic Locations in the Northern Aral Sea Region and Mugodjary (Kazakhstan)

Use of quartzite rocks of the saksaul formation and its continental analogues as raw materials for the lithic industries called "siliceous", "drain", "quartzite" sandstones and siltstones, and "quartzites" in Western Kazakhstan has been known since the Middle Paleolithic up to the Early Iron Age. Their earliest use, in Acheulean, took place exactly in the Northern Aral Sea region and Mugodjary. The Paleolithic sites of the Northern Aral Sea region and Mugodjary are associated with the outcrops of quartzite sandstone of the Paleogene age due to the fact that this rock, in terms of its physical characteristics and shallow occurrence, and sometimes its outcrops to the surface, is the only possible source of raw materials for producing stone tools in the region. Despite the fact that the stone material of the Paleolithic location of the Northern Aral Sea and Mugodjary is rather monotonous within the items, it is still macroscopically different, and petrophysical differences become especially evident during weathering. Considering that the paleoclimatic conditions of the Aral Sea region and Mugodjary since the Cretaceous period were under the influence of Aeolian denudation with a constant predominance of westerly winds (due to

the rotation of the Earth), the manifestation of this factor on artifacts, generally should be directly proportional to the time of its impact. It was found that deflations on artifacts were subjected both to the original, weathered cavernous surfaces, on which it is manifested by matting and polishing of detrital quartz grains, and its own chipped surfaces forming the artifact. However, it was established that very often, different degrees of deflation are manifested on the same artifact, and not only on the surfaces from different sides of the artifact, but sometimes within the same chipped surface. It means that the weathering degree, including the deflation degree, of quartz sandstone artifacts cannot be used for their chronological interpretation.

Keywords*: Western Kazakhstan, Northern Aral Sea, Mugodjary, arid zone, stone raw materials, quartzite sandstones, superficial location of artifacts, petrographic analysis, deflation.*

Физико-географические особенности Западного Казахстана обусловливаются резкой континентальностью климата с большим дефицитом влаги, высокими летними и низкими зимними температурами. Имеющиеся здесь реки маловодны, и их влияние не распространяется за пределы речных долин [Геология СССР, 1970, с. 23].

Преобладание в течение всего плейстоцена аридных условий на территории Западного Казахстана обусловило крайне скудное осадконакопление, в результате чего у подавляющей части палеолитических памятников этого региона нет стратифицированного культурного слоя, и их разновозрастные артефакты имеют одинаковое поверхностное залегание. По причине аридности региона палеолитические местонахождения здесь дислоцируются, как правило, либо у водных источников различного типа, часть которых не функционирует в настоящее время, либо вблизи выходов каменного сырья для изготовления артефактов. Сочетание первого и второго факторов способствовало тому, что представители древнейших популяций в течение длительного времени многократно населяли одно и то же место, и ценность таких местонахождений исключительно велика. [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 1998].

Как правило, для обоснования хронологического деления каменных материалов в смешанных комплексах поверхностного залегания артефактов, при отсутствии рыхлых отложений, используется степень сохранности поверхности артефактов, зависящая от длительности воздействия на них факторов выветривания. Проведенный для характеристики каменного сырья петрографический анализ изделий с палеолитических местонахождений Северного Приаралья (Арал A–D и Арал-1, -2, -4–6, -8) и Мугоджар (Мугоджары-10, Мугоджары-10/1, -10/2) позволил установить, насколько правомерно здесь использование этого критерия.

Геологически Мугоджары и Северное Приаралье принадлежат к южному окончанию структуры Уральских гор [Яншин, 1953; Геологическая карта СССР, 1959; Водорезов, 1959]. Геоморфологически денудационная равнина Северного Приаралья относится к южному низкогорью (средняя высота 450–500 м) Мугоджар и сложена пологозалегающими платформенными отложениями мезозоя и кайнозоя. Среди последних наибольший интерес представляют палеогеновые породы, использованные в качестве каменного сырья для индустрий палеолитических памятников Северного Приаралья и Мугоджар. Это кварцитовидные кварцевые песчаники и алевролиты, которые образуют маломощные прослои и пластообразные линзы и рассматриваются как морские верхнеэоценовые образования саксаульской свиты [Яншин,1953, с. 69], имеющие распространение также в Тургайском прогибе и на отдельных участках восточного Зауралья.

Приаральский регион представляет собой внутриконтинентальную равнинную область, разрез которой представлен толщей рыхлых или слабосцементированных осадочных пород кайнозоя горизонтального и субгоризонтального залегания. Кварцитовидные песчаники приурочены к верхнеэоценовым пескам саксаульской свиты, которые залегают преимущественно на глинах тасаранской свиты предшествующей эпохи эоцена. Саксаульская свита неоднородна по составу, представлена она кварцевыми песками, песчанистыми глинами, в толще которых в виде прослоев и горизонтов развиты сливные кварцитовидные песчаники. Горизонты кварцитовидных песчаников представляют собой продукт преобразования кварцевых песков в результате литогенеза в континентальных условиях. Чаще всего они приурочены к основанию свиты, редко – ближе к кровле [Бексеитов, Имангалиева, Курманиязов, 2020, с. 177].

Континентальным аналогом этой свиты являются кварцитовидные кварцевые песчаники платформенной толщи западнее Мугоджар, где они содержат «отпечатки стволиков и веточек некогда засыпанной песком мелкой кустарниковой иглолистой растительности, а также отпечатки листьев, принадлежащих ксерофильным древесным формам» [Яншин, 1953, с. 345]. Г. И. Водорезов называет эти породы, более чем на 99 % состоящие из обломочных зерен кварца, «сливными песчаниками»,

«дырчатыми кварцитами» [Водорезов, 1959, с. 42]. Восточнее Мугоджар – в юго-восточном Зауралье, Северном Казахстане и по южному и восточному обрамлению Западно-Сибирской низменности [Кирюшин, Малолетко, 1983] – эти породы рассматриваются как образования мел-палеогеновой коры выветривания. Их своеобразие связано с цементацией обломочного кварца кремнеземом (халцедоном, опалом или кварцем), мобилизованным за счет растворения зерен обломочного кварца при образовании коры выветривания [Григорьев, Нагорская, 1960].

Применение кварцитовидных пород саксаульской свиты и ее континентальных аналогов в качестве сырья каменных индустрий под названием «кремнистых», «сливных», «кварцитовидных» песчаников и алевролитов и «кварцитов» на территории их распространения известно вплоть до раннего железного века [Кирюшин, Малолетко, 1979; Зенин, Лещинский, 1998; Зах, Скочина, 2010; Кулик, Мыльникова, Нохрин, 2010; Бобров, Марочкин, Юркова, 2012]. По-видимому, наиболее раннее их использование – в ашеле – имело место именно в Северном Приаралье и Мугоджарах [Деревянко и др., 2001].

Сливные песчаники (кварциты) образуют прослои и пластообразные тела среди песков и песчаных глин и настолько характерны и однообразны, что являются легко узнаваемыми. Особенно часто встречаются «дверчатые» кварциты, распространенные как в Центральном Казахстане, так и в других местах. Они состоят почти исключительно из зерен (песчинок) кварца, сцементированных в сливных песчаниках опалом или халцедоном. В исследуемом районе они слагают водораздельные вершины и вершины столовых гор, их выходы приурочены к меридиональной зоне, параллельной Мугоджарскому хребту. Чаще всего их можно встретить на водоразделе рек Жаланаш и Эмбы [Деревянко и др., 2001, с. 9].

Палеолитические стоянки Северного Приаралья и Мугоджар привязаны к выходам кварцитовидного песчаника палеогенового возраста в силу того, что данная порода по своим физическим характеристикам и неглубокому залеганию, а порой и выходам его на дневную поверхность, является единственным возможным источником сырья для изготовления каменных орудий в регионе [Бексеитов, Имангалиева, Курманиязов, 2020, с. 177]. Горизонты кварцитов, бронирующие возвышенные участки, почти всегда покрыты плащом элювиальной россыпи, представляющим собой скопления угловатых обломков породы. По сути, это готовый полуфабрикат для дальнейшей обработки при создании каменных орудий. Другой вариант выходов на дневную поверхность прослоев кварцита представлен естественными обнажениями на склонах логов, долин и других эрозионных форм [Там же, с. 179].

Несмотря на то, что каменный материал палеолитических местонахождений Северного Приаралья и Мугоджар внутри пунктов довольно однообразен, макроскопически он все же отличается, и петрофизические различия особенно проявляются при выветривании.

Так, на большом числе артефактов аральских местонахождений имеются сильно выветрелые, еще до изготовления артефакта, побелевшие кавернозные, неровные из-за округлых пологих углублений поверхности – «корка выветривания» – очень шероховатая, зерна кварца почти осыпаются, лишь частично скрепленные цементом. Такая выветрелая кавернозная поверхность снижала качество каменного сырья, и на многих артефактах видны попытки ее удаления или хотя бы уменьшения; по-видимому, значительная часть артефактов с остатками «корки выветривания» – это первичные «сколы декортикации» [Чеха, Кулик, 2014].

На сколовых поверхностях артефактов, подвергавшихся инсоляции, кремнистый цемент породы становится белым и непрозрачным вследствие его дегидратации: удаления гигроскопической воды тонкоагрегатного и тонкозернистого кварцевого цемента, воды из микропор между волокнами субиндивидов халцедона или кристаллизационной воды опала. Побеление цемента позволяет установить расположение артефакта на дневной поверхности.

Еще одним проявлением процессов выветривания кварцитовидных кварцевых песчаников является изменение (коррозия) поверхностей артефактов под воздействием ветра, насыщенного песком в результате дефляции – разрушения ветром горных пород и развеивания их твердых частиц [Геологический словарь, 1973, с. 217]. Учитывая, что область Приаралья и Мугоджар по палеоклиматическим условиям с мела находилась под воздействием эоловой денудации с постоянным преобладанием западных ветров (что обусловлено направлением вращения Земли), проявление этого фактора на артефактах, в общем, должно быть прямо пропорционально времени его воздействия. Это побудило к пристальному исследованию разновозрастного каменного материала, залегающего на одном уровне. Как и следовало ожидать, дефляция гораздо отчетливее проявилась на каменных артефактах просторов Приаралья, не экранированных от западных ветров меридиональными хребтами Мугоджар. Здесь установлено, что дефляции на артефактах подвергались как исходные, выветрелые кавернозные поверхности, на которых она проявляется матированием и полировкой обломочных

зерен кварца, так и собственные сколовые поверхности, образующие артефакт.

Однако при тщательном просмотре под бинокулярной лупой всех артефактов из этой разновидности сырья на памятниках Северного Приаралья и Мугоджар, установлено, что очень часто на одном и том же артефакте проявлена разная степень дефляции, причем не только поверхностей с разных сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой поверхности.

Это означает, что степень выветривания, в т.ч. степень дефляции, артефактов из кварцевого песчаника не может быть использована для их возрастной стратификации.

В целом, петрофизические различия между сырьем Приаралья и Мугоджар незначительны. При этом имеющиеся разновидности кварцитовидных песчаников представляют собой каменное сырье высокого качества. Предпочтение зависело от преимущественной распространенности конкретной разновидности на месте палеолитического памятника.

Список литературы

Бексеитов Г.Т., Имангалиева М., Курманиязов И.С. Находки каменных орудий в Северо-Восточном Приаралье и геолого-геоморфологические особенности их локализации // Вестник Казахского национального университета им. Аль Фараби. – 2020. – № 1. – С. 176–185.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юркова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3. – С. 4–12.

Водорезов Г.И. Объяснительная записка к геологической карте СССР М. 1:200 000, серия Мугоджарская, лист М-40-XXI. – М. – 1959. – 68 с.

Геологическая карта СССР. М. 1:200 000, серия Мугоджарская, лист М-40-XXI. – М. – 1959.

Геологический словарь. – М.: Недра, 1973. – Т. I. – 486 с.

Геология СССР. Том XXI. Западный Казахстан. Часть I. Геологическое описание. Книга I. – М.: Недра, 1970. – 880 с.

Григорьев Н.В., Нагорская Е.П. О происхождении кремнистых песчаников с северной окраины Колывань – Томской зоны // Вестник Западно-Сибирского и Новосибирского геологического управления. – 1960. – Вып. 2. – С. 40–45.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. – Туркестан: Мирас., 1998. – С. 165–196.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 135 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо – Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2010. – № 2. – С. 4–11.

Зенин В.Н., Лещинский С.В. Новые данные о палеолитическом местонахождении Воронино-Яя в Томской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 96–102.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1979. – 181 с.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 3–19.

Кулик Н.А., Мыльникова Л.Н., Нохрина Т.И. Сырьевая база каменной индустрии в переходное время от бронзового к раннему железному веку (на примере поселения Линево-1) // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2. – С. 52–61.

Чеха А.М., Кулик Н.А. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т.13. – Вып. 5:Археология и этнография. – С. 63–73.

Яншин А.Л. Геология Северного Приаралья. Стратиграфия и история геологического развития. // Материалы к познанию геологического строения СССР. – М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1953. – Вып. 15. – 726 с.

References

Bekseitov G.T., Imangalieva M., Kurmaniyazov I.S. Finds of stone tools in the North-Eastern Aral Sea region and geological and geomorphological features of their localization. *Al-Farabi Kazakh National University Journal of History*, 2020, No 1, pp. 176–185. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurkova A.Yu. Poselenie boborykinskoj kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye rajony Barabinskoj lesostepi). *Bulletin of the Archaeology, Antropology and Ethnography,* 2012, No. 3, pp. 4–12 (In Russ.).

Vodorezov G.I. Ob"yasnitel'naya zapiska k geologicheskoj karte SSSR M. 1:200 000, seriya Mugodzharskaya, fol., M-40-XXI. Moscow, 1959, 68 p. (In Russ.).

Geologicheskaya karta SSSR. M. 1:200 000, seriya Mugodzharskaya, fol., M-40-XXI. Moscow, 1959, (In Russ.).

Geologicheskij slovar'. Vol. I. Moscow, Nedra Publ., 1973, 486 p. (In Russ.).

Geologiya SSSR. Tom XXI. Zapadnyj Kazahstan. Chast' I. Geologicheskoe opisanie. Kniga I. M.: «Nedra» Publ., 1970, 880 p. (In Russ.).

Grigor'ev N.V., Nagorskaya E.P. O proiskhozhdenii kremnistykh peschanikov s severnoj okrainy Kolyvan'-Tomskoj zony. *Bulletin West-Siberian Geological Department of the Novosibirsk*, 1960, iss. 2, pp. 40–45. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Tajmagambetov Zh.K. Metodika izucheniya i informativnost' paleoliticheskikh pamyatnikov poverkhnostnogo zaleganiya v aridnoj zone Tsentral'noj Azii. In *Stone Age Kazakhstan and adjacent territories*. Turkestan, 1998, pp. 165–196 (In Russ.).

Derevyanko A.P., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Tajmagambetov Zh.K. Acheulian complexes from the Mugodjari Mounteins (North-Western Asia). Novosibirsk, 2001, 135 p. (In Russ.).

Zakh V.A., Skochina S.N. Kamennoe syr'yo kompleksov Tobolo-Ishim'ya. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. Tyumen', 2010, No. 2, pp. 4–11 (In Russ.).

Zenin V.N., Leshchinskij S.V. Novye dannye o paleoliticheskom mestonakhozhdenii Voronino-Yaya v Tomskoj oblasti. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, vol. IV., pp. 96–102 (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Bronzovyj vek Vasyugan'ya. Tomsk, 1979, 181 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Maloletko A.M. Geograficheskoe rasprostranenie slivnykh kvartsitovidnykh peschanikov – syr'ya dlya izgotovleniya orudij v epokhi neolita i bronzy. In *Ancient miners and metallurgists Siberia*. Barnaul, 1983, pp. 3–19 (In Russ.).

Kulik N.A., Myl'nikova L.N., Nokhrina T.I. Syr'evaya baza kamennoj industrii v perekhodnoe vremya ot bronzovogo k rannemu zheleznomu veku (na primere poseleniya Linevo-1). *Ural historical Bulleten*. 2010, No. 2, pp. 52–61 (In Russ.).

Chekha A.M., Kulik N.A. Geology and petrography of Paleolithic localities in the Northern Aral Sea region (Kazakhstan). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*. 2014. Vol.13. Iss. 5:Arheologiya i etnografiya, pp. 63–73. (In Russ.).

Yanshin A.L. Geologiya Severnogo Priaral'ya. Stratigrafiya i istoriya geologicheskogo razvitiya. *Materials to the knowledge of the geological structure of the USSR*. Moscow, 1953, vol. 15, 726 p. (In Russ.).

Чеха А.М. http://orcid.org/0000-0002-2427-7480
Кулик Н.А. https://orcid.org/0000-0002-2641-5517

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0335-0340
УДК 902.01

А.Н. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

К вопросу о критериях выделения неолитических индустрий на памятниках Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье

С широкомасштабными спасательными работами, связанными со строительством Богучанской ГЭС, начался новый этап археологического исследования территории Северного Приангарья. Ведется активный анализ полученного материала и его ввод в научный оборот. В результате проведенных исследований представительные коллекции археологического материала были получены, в т.ч.на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный). В силу особенностей формирования отложений и проблематики изучения региона особенно важны детальное изучение археологического материала, планиграфический контекст, сравнительный анализ с одновременными памятниками Приангарья. В результате исследования археологических материалов памятника Устье Реки Кутарей удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и смешанные (с примесью керамики эпохи бронзы – Средневековья). Для более четкого понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку в целом была произведена выборка и выполнен сравнительный анализ материалов с соседних памятников (Гора Кутарей и Сенькин (Синий) камень). Проведенные исследования позволили выявить на памятнике Устье Реки Кутарей концентрацию производства мелких пластинчатых сколов, а на памятнике Гора Кутарей производства тесел, топоров и веерных скребков. В данной работе обобщаются данные предыдущих исследований, а также приведены новые данные по целевым пластинчатым заготовкам. В результате удалось условно выделить относительно ранний (средний) этап неолита (гор. 2 сл. 3 памятника Устье Реки Кутарей) и более поздний (сл. 3. гор. 1, сл. 2 стоянки Устье Реки Кутарей, Гора Кутарей).

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы.*

A.N. Chekha
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Revisiting Criteria of Neolithic Industries on Ust-Kutarey Sites in the North Angara Region

As a result of rescue archaeological investigations in the North Angara region due to the Boguchanskaya hydro-electric power plant, many archaeological sites were found, including Ust-Kutarey, Senkin Kamen, Ruchey Povarny, Gora Kutarey. Now active analyses and introduction to scientific use are in process. Due to the specifics of forming cultural sediments and problematic of research of the materials of the region, detailed research, planigraphic analyses and comparison with adjacent and the same age sites in the region become the most important. As a result of a detailed study of the archaeological materials of the Ust-Kutarey site, conditionally "pure" and mixed (with an admixture of Bronze–Medieval Age ceramics) Neolithic complexes were identified. To provide a clearer understanding of the situation in the Ust-Kutarey microregion as a whole, a collection of samples was assembled for a comparative analysis of the materials from the adjacent sites (Gora Kutarey and Senkin (Siniy) Kamen). The research allowed to determine that the territory in the mouth of the Kutarey River was a location with the concentrated production of small laminar splits, and the Gora Kutarey site was a location for the production of adzes, axes, and fan-type scrapers. This article is to summarize previous research data as well as to provide new data on target laminar blanks. As a result, although somewhat conditionally, we could define an earlier (middle) Neolithic (Horizon 2, Layer 2 at the Ust-Kutarey site) and later Neolithic (Layer 3, Horizon 1, Layer 2 at the Ust-Kutarey site, Gora Kutarey).

Keywords: *North Angara region, Neolithic, Metal Age, lithic industry, ceramic complexes, "compression"-type layers, rescue archaeological excavations.*

После окончания спасательных археологических работ в зоне затопления Богучанской ГЭС ведется активная работа по вводу в научный оборот полученных материалов, в т.ч. с памятников Усть-Кутарейского участка. Проведен детальный технико-типологический анализ каменных индустрий и декоративно-морфологический анализ керамического материала сл. 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей. В результате планиграфического сопоставления выявленных культурно-хронологических групп керамики и каменных индустрий, на памятнике удалось выявить условно «чистые» неолитические комплексы и «смешанный» комплекс (с примесью более поздней керамики). Для более целостного понимания ситуации по Усть-Кутарейскому участку была сделана выборка орудий и пластинчатых сколов, а также нуклеусов со стоянок Гора Кутарей и Сенькин (Синий) Камень для сравнения с полученными данными.

Памятники в устье реки Кутарей относятся к Северному Приангарью (Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей; археологический памятник Гора Кутарей расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма; археологический памятник Сенькин (Синий) Камень расположен в Кежемском р-не Красноярского края, на левом берегу р. Ангара, в 621 км от ее устья, в 1,9 км выше устья р. Кутарей, в 12 км ниже по течению от с. Кежма).

Исследователями отмечается географическая, климатическая и орографическая обособленность региона, что создавало благоприятные условия для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне. [Медведев и др., 2009; Бердников, 2016].

Однако изучение археологических памятников региона сопряжено с другими, не столь благоприятными факторами: как правило, памятники Северного Приангарья носят преимущественно стояночный характер с отсутствием закрытых комплексов, отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, слабо стратифицированы (компрессионный характер отложений (макрослоистость)) [Гришин, Гаркуша, Марченко, 2011; Деревянко и др., 2015; Гришин и др., 2016].

Характер включения культурных остатков в отложения (археологизация) находится в прямой зависимости от типа, генезиса отложений и геоморфологических особенностей конкретного участка.

Г.И. Медведевым и Г.А. Воробьевой была предложена систематизация геоархеологических местонахождений Байкало-Енисейской Сибири, в соответствии с которой выделены категории стратифицированных и экспонированных объектов по характеру связи археологического материала с отложениями. В составе первой категории выделены три группы: макрослоистые, мультислойчатые и пещерные объекты [Медведев, Воробьева, 1998].

Макрослоистость формируется в профиле полноразвитой современной почвы. В данном случае разновременные археологические материалы смешаны и находятся в «компрессионном» состоянии, а неолитические материалы приурочены преимущественно к почвенному горизонту красновато-коричневого или бурого цвета, датировка которого приблизительно соответствует атлантическому периоду голоцена (8–4,6 тыс. л.н.). Используя методы сравнительного анализа на основе аналогий и археологической типологии, а также прямое радиоуглеродное датирование керамических сосудов, появилась возможность дать определенную культурно-хронологическую интерпретацию археологических материалов, связанных с данной геоморфологической ситуацией. На некоторых макрослоистых местонахождениях при определенных условиях – в частности, при проведении раскопок на больших площадях в сочетании с локальной концентрацией находок в отложениях – возможно выделение отдельных хронологических групп археологического материала другими способами. Такая ситуация позволяет в полной мере использовать потенциал планиграфического анализа, благодаря которому выявляются отдельные скопления находок, что в свою очередь предоставляет возможности для корректного их датирования, в т.ч. с использованием радиоуглеродного анализа [Бердников, 2016, с. 14–16; Бердников, Бердникова, Воробьева, 2017, с. 9–12].

Было выявлено, что для слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей, на уровне обоих его горизонтов, преобладает керамика, относящаяся к неолиту (усть-бельская, сетчатая, посольского типа),

В комплексе 1 ведущую роль играют нуклеусы объемного принципа расщепления: карандашевидные (5 экз.), торцово-клиновидные (10 экз.), призматические (11 экз.) и конические (10 экз.) для получения пластинок и микропластинок. К смешанному комплексу можно отнести 9 экз. нуклеусов: 3 призматических, 3 плоскостных для пластинок и отщепов, 1 клиновидный, 1 конический, 1 объемный для получения отщепов.

Орудийный набор комплекса 1 (условно «чистого), связанного с керамикой эпохи неолита (188 экз., 65 %), характеризуется преобладанием форм на пластинчатых заготовках, таких как ретушированные микропластинки (7 экз.), пластинки (6 экз., из которых 2 экз. – с притупленным краем), пластины

(7 экз.), вкладыши (3 экз.), два ножа, остроконечники с вентральной и дорсальной параллельной отжимной ретушью, проколки; концевых скребков (22 экз.), наконечников стрел (овальный с черешковым (1 экз.) и прямым (1 экз.) насадом, треугольный с вогнутым насадом (3 экз.), ромбовидной формы с прямым насадом (1 экз., отличается небольшим размером – 17,5 мм.), продольных скребел (6 экз.). Выделяется также многофасеточный резец-дриль. Как правило, в ситуации преобладания микропластинчатой технологии, орудия такого типа связывают с мезолитической традицией. Как, например, в материалах культурного горизонта 2 многослойной стоянки Усть-Кова-I, где представлена серия типологически близких орудий [Томилова и др., 2014]. Также подобные изделия известны на памятниках Якутии, континентального Приохотья (стоянки Хуреджа IV–VII, Нил-Устье) [Слободин, 2001]. Индустрию комплекса также отличает и наличие листовидных/овальных бифасов, в большинстве своем представленных заготовками и фрагментами (4 целых экз. (один 10 см длиной), 15 фрагментов, 6 заготовок), а также шлифованных форм (12 экз. тесел, переоформлены и/или оббиты по одному из продольных краев, изготовлены из туфоалевролитов).

Среди орудий, соотносящихся со смешанным керамическим комплексом, следует отметить остроконечник с вентральной ретушью, бифасиально обработанную проколку на пластинке, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников, микроскребок на отщепе размером 16,3 мм, оформленный крутой чешуйчатой ретушью, цапфенный топор из плитки сланцевой породы, выполненный в технике фасонажа по всему периметру отдельности с выделением цапф с пришлифовкой лезвия. Морфологически наиболее близкие изделия (для обоих экз. топоров) найдены на местонахождении Усть-Едарма II (в материалах III и IV уровней отложения культуры) [Липнина, Лохов, Медведев, 2013]. В целом комплекс отличается отсутствием орудий на пластинах, тесел (1 экз.), ретушированных отщепов (11 экз. с утилизацией), отсутствием двойных концевых скребков (представлены лишь 4 экз. концевых скребков: 3 – на отщепах, 1 – на пластине).

Первичное расщепление индустрии комплекса 2 (на этапе раскопок гор. 2, соотнесен с неолитической керамикой) характеризуют объемные нуклеусы, представленные конусовидными (3 экз.), карандашевидными (2 экз.), торцово-клиновидными (2 экз.), призматическими продольными (4 экз.) типами.

Орудийный набор отличает, прежде всего, отсутствие массивных рубящих форм, таких как топоры и тесла (1 экз.), небольшое количество листовидных/овальных бифасов (4 экз.), скребел (2 экз.) и большая доля ретушированных микропластин (10 экз.).

Весомые категории составляют скребки (10 экз.), а также наконечники стрел (7 экз.): овальные с прямым насадом (3 экз.), треугольные с вогнутым насадом (2 экз.), один – треугольный с черешком, один наконечник цэпаньского типа, с зубчатыми краями (залегание артефактов, соотносящихся с более поздними комплексами, на уровне гор. 2 связывается с техногенными нарушениями слоя); пластинчатые сколы с обработкой (5 экз.), ретушированные пластины (3 экз.), одна пластинка-вкладыш, один остроконечник на пластине, проколки (2 экз., одна на пластинке с притупленным краем).

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннежелезному веку и Средневековью (тонкожгутиковая, посуда шилкинского типа 2400–2100 л.н.), керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л.н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. В целом, большую часть материалов слоя можно датировать II–I тыс. до н.э., однако наличие неолитической керамики и пластинчатых, трех-, четырехгранных каменных наконечников, близких уолбинской культурной традиции (8–6 тыс. л.н.), не исключают наличие более раннего компонента.

На стоянке не зафиксировано характерной для региона керамики с «жемчужником», распространенной также на территории Канско-Рыбинской котловины, время существования которой оценивается в 4–2,8 тыс. л.н.

Индустрии (сл. 2 и 3) стоянки Гора Кутарей характеризуются малым количеством пластинчатых и единичных микропластинчатых заготовок, а также отсутствием карандашевидных и конусовидных нуклеусов для пластинок и микропластин (по сравнению с материалами стоянки Устье Реки Кутарей). В слое 3 выявлено восемь экз. пластинчатых заготовок шириной до 12 мм и 10 экз. пластин.

Нуклеусы немногочисленны – 5 экз.: цилиндрический двуплощадочный для пластинок и микропластин, призматический для микропластин, двуплощадочный монофоронтальный для пластинок и пластин. Среди орудий весомую группу составляют наконечники (6 экз.): листовидный с прямым насадом (42,1 мм), треугольный с прямым насадом (25,3 мм), треугольный черешковый (22,5 мм, черешок длиной 5,4 мм.), еще два экз. – треугольные с вогнутым насадом (16 мм и 56 мм), один из них удлиненный, с глубокой выемкой (13 мм). Подобный экз. был обнаружен на Усть-Кове I пункт 2 (2 культурный горизонт), а также на памятнике Сосновый Мыс в культурном горизонте 3 [Кузнецов и др., 2020]. Материалы, обнаруженные в отложениях I

надпойменной террасы р. Ковы, предположительно отнесены к раннему голоцену [Харевич и др., 2014]. Среди пластинчатых сколов присутствуют четыре ретушированные экземпляра. В коллекции слоя 3 представлены четыре концевых скребка: два изделия на отщепах и два – на пластинах, с округлым или широким слабовыпуклым рабочим краем (1экз. на пластине с узким); два продольных скребла. Выявлены также два топора трапециевидной формы и прямоугольных в сечении. Изделия по всему периметру оформлены крупными снятиями (фасонаж), на одном предмете выявлены следы термообработки.

Индустрия сл. 2 отличается от сл. 3 большим количеством пластинчатых сколов от 7 до 12 мм (24 экз.), от 12 до 18,8 мм (5 экз.). Примечательно, что все пластинчатые сколы выполнены из кремня (в отличие от материалов стоянки Устье Реки Кутарей, где при массовом микропластинчатом и пластинчатом производстве большая часть сколов выполнена из алевропесчаника).

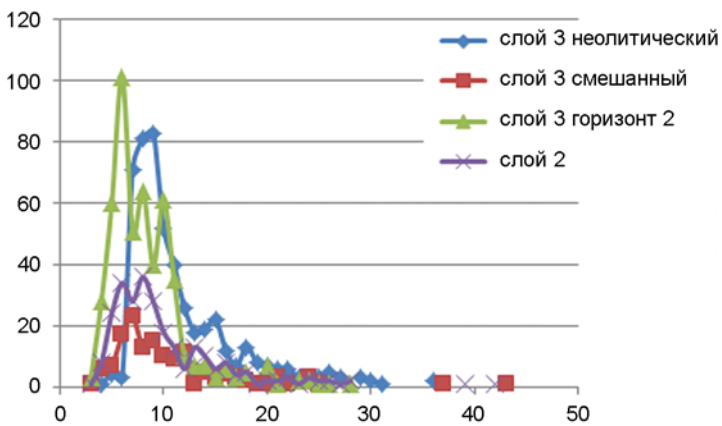

Рис.1. Распределение пластинчатых сколов по ширине. Стоянка Устье Реки Кутарей.

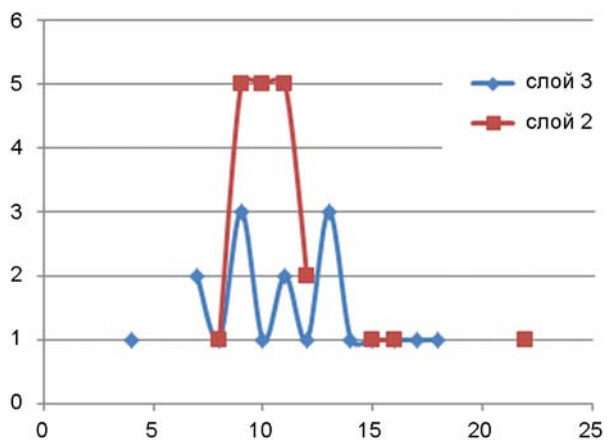

Рис.2. Распределение пластинчатых сколов по ширине. Стоянка Гора Кутарей.

Нуклеусы представлены объемными ядрищами, среди которых цилиндрический для микропластин, клиновидный для пластинок и микропластин (2 экз.), торцовый для пластинок и призматический для пластинок и пластин, призматический нуклеус для отщепов и пластин и один плоскостной монофронтальный одноплощадочный нуклеус для пластин.

Орудийный набор отличается как от индустрии слоя 3 стоянки Гора Кутарей, так и от индустрий слоев 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей прежде всего наличием веерообразных одинарных скребков (7 экз.) (в категории также выявлено 8 экз. одинарных скребков на отщепах (1 экз. боковой) и один экземпляр на пластине), тесел (10 экз.) большинство прямоугольной вытянутой, клиновидной формы с прямоугольным или слабовыпуклым сечением, шлифовкой и подработкой (уплощением) по одному краю или всему периметру; топоров (один экземпляр с «ушками» имеет следы использования (затертости), еще 3 экз. выполнены на крупных отщепах).

Особо следует отметить шлифованный по всей поверхности нож с обушком, выполненный из нефрита длиной 65 мм. По петрографическим данным, ближайшие выходы нефрита могут быть в Бурятии и на юге Иркутской области (по р. Китой).

Единичными экземплярами представлены: проколка, микроострие на пластинке (дистальное окончание оформлено крутой чешуйчатой ретушью) и точильный камень-абразив.

Декоративно-морфологический анализ керамического материала позволил выявить следующие группы: посольская, усть-бельская керамика (относятся к эпохе неолита), сосуды с жемчужным орнаментом (относятся к эпохе бронзы), керамика цэпаньского типа, карабульского типа (относятся к широкому диапазону от раннего железного века до Средневековья) [Выборнов, Нестерова, 2015].

Таким образом, проведенный технико-типологический и сравнительный анализ показал, что одним из важных показателей неолитической индустрии на территории Усть-Кутарейского участка (при наличии неолитической керамики) является производство пластинчатых заготовок шириной до 12 мм с карандашевидных, конусовидных и призматических нуклеусов путем отжима (компактный ударный бугорок или его отсутствие, прямой/слабо выгнутый профиль, точечные ударные площадки). Нами был проведен статистический ана-

лиз, который позволил выявить целевые заготовки (рис. 1). Были проанализированы целые, крупные медиальные, проксимально-медиальные и медиально-дистальные фрагменты заготовок. Так, для неолитического горизонта 2 (сл. 3) стоянки Устье Реки Кутарей медиальное значение фиксируется на ширине 5–6 и 7–8 мм, для условно неолитических участков слоя 3 – 7–9 мм, для смешанных участков сл. 3 – 6–7 мм, в более позднем слое 2 при значительном снижении количества пластинчатых заготовок их максимальное количество фиксируется на ширине 7–9 и 5–6 мм. Для памятника Гора Кутарей количество пластинчатых заготовок не показательно. Однако в слое 2 ширина большинства сколов фиксируется в диапазоне 7–10 мм (рис. 2).

Учитывая, что горизонт 2 слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей содержит только неолитическую керамику (по последним данным, комплексы с керамикой посольского типа ряд авторов относит к среднему неолиту и датирует 5,5–5 тыс. л.н. [Долганов и др., 2013], по материалам Саган-Заба II керамику с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6,9–4,1 тыс. л.н.), с большой долей условности можно сделать предположение, что эти материалы относятся к более раннему этапу неолита (среднему), а горизонт 1 содержит материалы более поздней развитой стадии неолита.

Таким образом, на памятнике Устье Реки Кутарей выявлена концентрация микропластинчатого производства. Учитывая данные планиграфического анализа, сопоставления с керамикой и статистического анализа пластинчатых заготовок, можно сделать предположение, что горизонт 2 относится к более ранней (средней) стадии неолита, характеризующейся большим количеством мелких пластинчатых (целевых) микропластинчатых сколов шириной 5–6 мм. Для более поздней стадии характерно снижение количества мелких пластинчатых заготовок, появляется большее количество листовидных бифасов, тесла, топоры. На памятнике Гора Кутарей уже фиксируется концентрация производства тесел, топоров и скребков веерного типа. Количество пластинчатых сколов незначительно, не зафиксировано конусовидных и карандашевидных ядрищ.

В целом памятники Кутарейского участка демонстрируют продолжение мезолитических традиций Усть-Ковы I [Томилова и др., 2014]. Ближайшие аналогии каменные индустрии находят в материалах Като-Ёдарминского расширения (наконечники) [Кузнецов и др., 2020], Кежемского района (Усть-Кова I, Утес Медвежий, Толокнянка 2) [Труды..., 2015], а также с материалами Якутии и континентального Приохотья.

Список литературы

Бердников И. М. Актуальные проблемы неолитоведения юга Средней Сибири: источниковая база и геоархеологический аспект // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2016. – Т. 18. – С. 133–156.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Известия ИГУ. Сер.: Геоархеология, Этнология, Антропология. – 2017. – Т.21. – С . 5–32.

Выборнов А.В. Нестерова М.С. Керамика на стоянке Гора Кутарей в Северном Приангарье // Материалы IV Северного археологического конгресса. – Екатеринбург – Ханты-Мансийск: Институт истории и археологии УРО РАН, 2015. – С. 118–120.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. К проблеме выделения культур в Северном Приангарье // Труды Всероссийского археологического съезда. – СПб; М.; Великий Новгород, 2011. – Т.1 – С. 127–129.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулев Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кребс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов). Тр. Богучанской археологической экспедиции. Т. 2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба II // Вестник НГУ, Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 125–132.

Кузнецов А.М., Дударек С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О, Савельев Н.А., Тимощенко А.А. Баллистические характеристики каменных наконечников Среднего голоцена Северного Приангарья // Известия лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 35–61.

Липнина Е.А., Лохов Д. А., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1(2). – С. 71–101.

Медведев Г.И., Воробьева Г.А. К проблеме группировки геоархеологичеких объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во: ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 148–160.

Медведев Г.И., Роговской Е.О., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Таракановкий С.П.. Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918-1937 гг.: Мат-лы всероссийского семинара, посвя-

щенного 125-летию Б.Э. Петри. – Иркутск: Изд-во «Амтера», 2009. – С. 298–309.

Слободин С. Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 8. – С. 82–99.

Труды Богучанской археологической экспедиции / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А, Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т.1. –564 с.

Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Махлаева Ю.Н., Горельченкова О.А., Томилова Е.А. Итоги изучения стоянки Усть-Кова I (пункт 2) в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета – 2014. –Т.9. – С. 126–140.

References

Berdnikov I.M. Aktual'nye problemy neolitovedeniya yuga Srednej Sibiri: istochnikovaya baza I geoarkheologicheskij aspekt In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya.* 2016. Vol. 18. P. 133–156. (In Russ.).

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorob'yeva G.A. Multisloichatyye mestonachozhdeniya kak osnova dlya paleogeografisheskikh i kulturnykh rekonstruktsii v srednemgolotsene Baikalo-Yeniseiskoi Sibiri. In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya.* 2017. Vol. 21. P. 5–32. (In Russ.).

Grishin A.E., Garkusha Y.N., Marchenko J.V. K probleme vydeleniya kultur v Severnom Priangar'ye. In *Trudy vserossiiskogo arkheologicheskogos'ezda.* Sankt-Peterburg, Moskow, Velikij Novgorod, 2011. Vol. 1. P. 127–129. (In Russ.).

Grishin A.E., Marchenko J.V., Garkusha J.N., Gurulyov D.A., Shnaider S.V., Kulik N.A., Vasil'ev S.K., Krebs E.A. Stoyanka Pashina v Severnom Priangar'ye (Issledovaniya 2008-2009 godov).In *Trudy Bogushanskoi arkheologisheskoi ekspedicii.* Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2016, Vol. 2, 168 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zolnikov I.D., Deev E.V. Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. Boguchan archaeological expedition: an essay field – based research (2007–2012). *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeisii,* Vol. 1. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015, 564 p. (In Russ.).

Dolganov V.A., Goruynova O.I., Novikov A.G., Veber A.V. Kompleksy s keramikoj posol'skogo tipa v neolite Pribaikal'ya: po materialam V verkhnego sloya geoarkheologicheskogo ob'ekta Sagan – Zaba II. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya.* 2013. Vol. 12, no 7. P. 125 – 132. (In Russ.).

Harevich V.M., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Tomilova E.A. Results of researching Ust'-Kova site (location 2) in North Angara region. In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya.* 2014. Vol. 9. P. 126–140. (In Russ.).

Kuznetsov A.M., Dudarek S.P., Lokhov D.N., Rogovskoy E.O., Savel'ev N.A., Timoshenko A.A. Ballisticheskiye kharakteristiki kamennykh nakonechnikov Srednego Golotcena Severnogo Priangar'ya. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii,* 2020, Vol. 16, no 1. P. 35–61. (In Russ.).

Lipnina E.A., Lohov D.A., Medvedev G.I. O kamennyh toporah s ushkami – capfennykh toporakh Severnoj Azii. In *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*. 2013, no 1 (2). P. 71–101. (In Russ.).

Medvedev G.I., Vorob'yeva G.A. K probleme gruppirovki geoarkheologisheskikh ob'ektov Baikalo-Yeniseiskoi Sibiri. In *Paleoekologiya pleistotcena I kultury kamennogo veka Severnoi Azii I sopredel'nykh territorii*. Novosibirsk, 1998. Vol. 2, P. 148–160. (In Russ.).

Medvedev G.I., Rogovskoi E.O., Lipnina E.A., Lokhov D.N., Tarakanovskii S.P. Severnoye Priangari'ye. Vvedeniye v pleistotcenovuiy arkheologiyu. In *Vyzovskaya arkheologiya. Irkutskaya shkola 1918–1937: Materialy vserossiiskogo seminara, posvyaschennogo 125 letiyu B. E. Petri. [Hight school archaeology. Irkutsk school 1918–1937: Materials of All-Russia seminar, devoted to 125 year of B. E. Petri]*. Irkutsk: Amtera, 2009. P. 298–309. (In Russ.).

Slobodin S.B. Verkhnyaya Kolyma i Kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2001. 202 p. (In Russ.).

Tomilova E.A., Stasyuk I.V., Akimova E.V., Kuksa E.I., Mahlaeva Y.M., Gorel'chenkova O.A., Harevich V.M., Oreshnikov I.A. Ust' - Kova multilayer site: the results of researching in 2008-2011. *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Ehtnologiya, Antropologiya*. 2014. Vol. 8. P. 82–99. (In Russ.).

Vybornov A.V., Nesterova M.S. Keramika na stoyanke Gora Kutarei v Severnom Priangar'ye . In *Materialy IV Severnogo arkheologicheskogo kongressa*. Ekaterinburg – Khanty-Mansijsk: Institute of history and archaeology URO RAS, 2015. P. 118–120. (In Russ.).

Чеха А.Н. https://orcid.org/0000-0002-6872-9493

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0341-0348
УДК 902.01

С.В. Шнайдер✉, А.Ю. Федорченко, С. Алишер кызы

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Геометрические микролиты стоянки Туткаул (горизонт 3; Таджикистан): последовательность изготовления и функции

Геометрические микролиты являются одним из ярких элементов материальной культуры эпипалеолитических комплексов Центральной Азии. В данной публикации приведены результаты изучения прямоугольников и сегментов гор. 3 стоянки Туткаул (Таджикистан). Изделия были подвергнуты изучению посредством трасологического анализа и анализа последовательности сколов (scar pattern).Результаты проведенного анализа последовательности сколов показали, что при изготовлении прямоугольников использовались две технологические цепочки. Первая последовательность направлена на изготовление прямоугольников на пластинках посредством усечения двух поперечных краев, а после этого наносилась ретушь притупления на один продольный край заготовки (как правило, правый). Вторая последовательность предполагает изначально нанесение ретуши притупления, а после – бистороннее усечение. Важно отметить, что большая часть изделий выполнена в рамках первой технологической цепочки, использование второй демонстрируют единичные прямоугольники. Сегменты изготавливались посредством нанесения ретуши притупления на правый край пластинки. Трасологический анализ изделий показал, что сегменты использовались в качестве наконечников метательного вооружения, а прямоугольники в качестве композитных изделий для работы по мягкому материалу. На что указывают: следы заполировки от контакта с мягким органическим материалом на рабочем лезвии, следы крепления в основе на продольном ретушированном крае, кроме этого, несколько изделий несут следы вентральной подтески оснований, которая наносилась для более плотного крепления изделий в основе. Таким образом, прямоугольники могли использоваться как ножи или как боковые вкладыши метательных орудий, где наконечником являлся сегмент.

Ключевые слова: *Центральная Азия, эпипалеолит, анализ последовательности сколов, экспериментально-трасологический анализ, геометрические микролиты.*

S.V. Shnaider✉, A.Yu. Fedorchenko, S. Alisher kyzy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail:sveta.shnayder@gmail.com

Geometric Microliths from Tutkaul Site (Layer 3; Tajikistan): Production Sequence and Function

Geometric microliths are one of the key-element of Central Asian Epipaleolithic complexes. This article presents a detail study on rectangles and lunates from layer 3 of Tutkaul site (Tajikistan) that were studied through the use-wear and negative scar pattern analysis. The results of the scar pattern analysis show two chains of operations in production of rectangles. In frame of the first sequence, the bladelets were truncated, then, the right lateral was retouched with backing retouch. In frame of the second sequence, at first one lateral of the blank was prepared with backing retouch and after that the two short sides of the blank were truncated. The lunates were made by backing retouch on the bladelet right side. Use-wear analysis shows that lunates were used as heads of the projectile weapons, and the rectangles as composite items for working on soft material. This is indicated by the following: traces of polishing resulted from contact with soft organic material on the working edge; traces of fastening on the longitudinal retouched side of the basal part; in addition, several items bear traces of ventral retouch securing a tighter fastening of microliths in the haft. Thus, the rectangles could be used as knives or as lateral inserts of the projectile weapons where lunates were the arrowhead.

Keywords: *Central Asia, Epipaleothic, scar pattern analysis, use-wear analysis, geometric microlith.*

Введение

Переход к производству геометрических микролитов является одним из поворотных моментов в истории развития каменных орудий. Первые геометрические микролиты фиксируются в период перехода от МИС 5 к МИС 4 на территории Африки [Brown et al., 2012], ко времени ледникового максимума они широко представлены на территории Африки [Leplongeon, 2014], Леванта [Belfer-Cohen, Gorring-Morris, 2013], Загроса [Olszewski, 2012] и Центральной Азии [Kolobova, Krivoshapkin, Shnaider, 2019].

Наиболее ранние геометрические микролиты на территории Центральной Азии представлены в комплексах кульбулакской верхнепалеолитической культуры (ок. 31–21 тыс. л.н.) в форме неравносторонних треугольников. Для данных изделий проведен технологический анализ, который показал, что в качестве заготовок треугольников выступали пластинки с притупленным краем, которые в последствии транкировались [Kolobova, Krivoshapkin, Shnaider, 2019].

Дальнейшее развитие геометрических микролитов прослеживается в комплексах раннего этапа туткаульской линии развития, который представлен материалами памятников Туткаул (гор. 3), Чиль-Чор-Чашма, Задиан-2, -3, -6. Здесь геометрические микролиты представлены в виде прямоугольников, также отмечаются единичные сегменты и неравносторонние треугольники. На настоящий момент к изучению доступна только коллекция стоянки Туткаул. В рамках настоящего исследования из этой коллекции проанализированы геометрические микролиты (прямоугольники и сегменты) посредством трасологического анализа и анализа последовательности нанесения ретуши. Проведенный ранее технико-типологический анализ показал, что в коллекции также выделяются пластинки с притупленным краем. Они оформлялись на схожих типах заготовок посредством нанесения ретуши притупления на один из продольных краев, пластинки с притупленным краем имеют схожие метрические параметры, что и прямоугольники. Наличие данных сходств позволило тогда выдвинуть предположение, что пластинки с притупленным краем являются заготовками для прямоугольников [Шнайдер, 2015].

Материалы и методы исследования

Предметом настоящего исследования послужила коллекция геометрических микролитов, полученная в результате исследований стоянки Туткаул 1960-х гг. [Ранов, Юсупов, 1970]. Многослойный памятник Туткаул расположен в южном Таджикистане в 70 км на юго-восток от г. Душанбе (рис. 1). В процессе раскопок, проведенных под руководством В.А. Ранова, было выделено четыре культурных горизонтов, атрибутированных различными этапами каменного века: слои 1 и 2 – эпохой неолита, 3 и 4 – раннего и позднего мезолита [Ранов, Коробкова, 1971]. Анализируемые геометри-

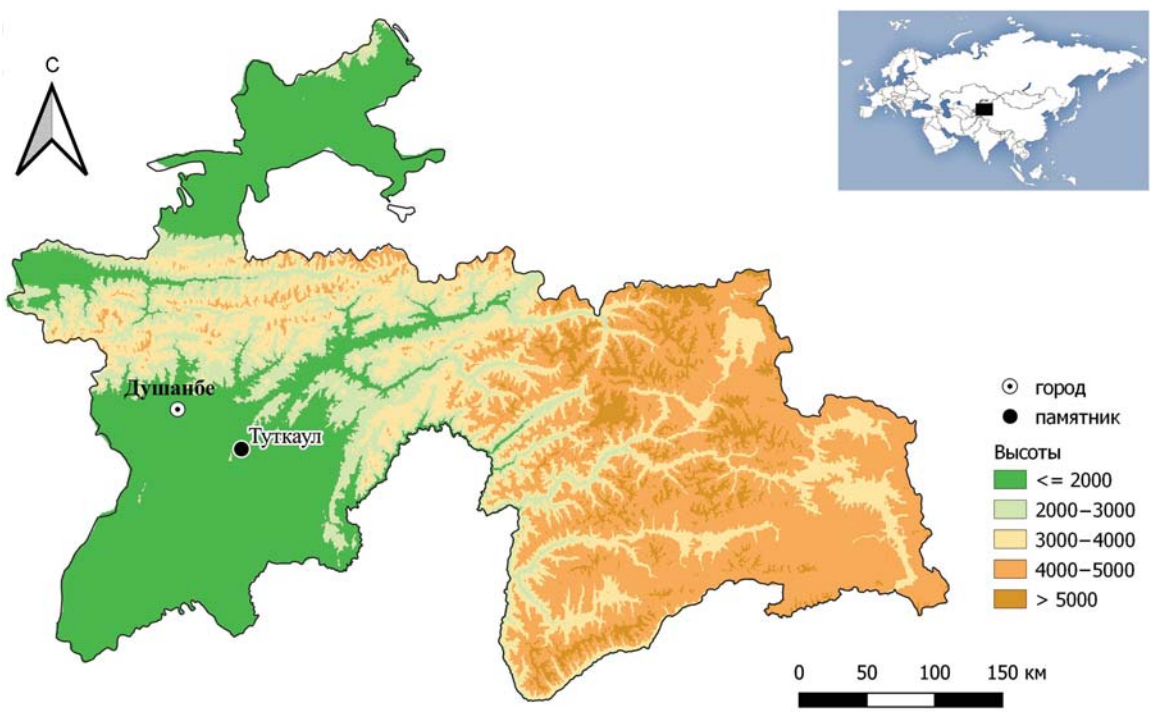

Рис. 1. Карта расположение памятника Туткаул.

ческие микролиты были обнаружены в культурном горизонте 3, выявленном на памятнике в слое серого полимиктового аллювиального песка мощностью около 0,6 м с включением небольших линз мелкого щебня, дресвы и красноватой глины. Наряду с артефактами из камня, в этом слое отмечены локальные скопления угольков и костей [Ранов, 1968]. По данным В.А. Ранова, в основе каменной индустрии горизонта 3 лежало призматическое расщепление, направленное на получение пластинок; в орудийном наборе выделялись геометрические микролиты в виде прямоугольников и концевые скребки. На основе аналогий с натуфийским комплексом Леванта данная индустрия была отнесена к раннему мезолиту, время ее существования определялось в пределах 10–11 тыс. лет до н.э. [Ранов, Коробкова, 1971].

Позднее индустрия третьего горизонта стоянки Туткаул была проанализирована в рамках диссертационной работы С.В. Шнайдер [2015]. Согласно проведенному анализу данный комплекс характеризуется преобладанием стратегий, направленных на производство мелкопластинчатых сколов. Получение пластинок с изогнутым и закрученным профилем реализовывалось в рамках кареноидного расщепления, прямопрофильных – в рамках призматического. В орудийном наборе доминируют геометрические микролиты, обладающие значительной степенью стандартизации метрических параметров – преимущественно прямоугольники, а также единичные сегменты и треугольники, распространены пластинки с притупленным краем, пластины с альтернативной ретушью и микроскребки высокой

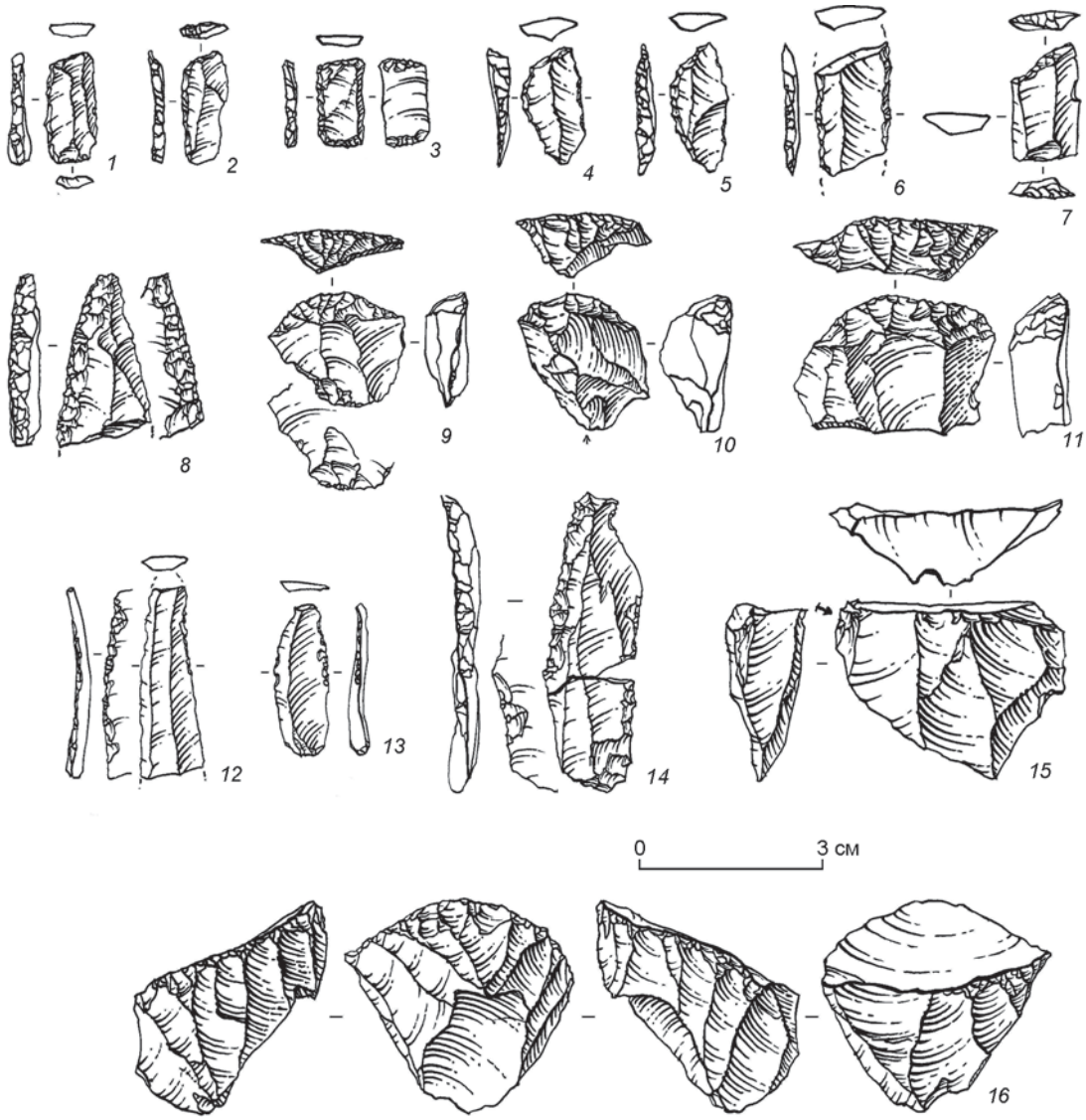

Рис. 2. Каменная индустрия слоя 3 памятника Туткаул.

1–2, 6 – пластинки с притупленным краем; *3, 7* – прямоугольники; *4–5* – сегменты; *8* – скол с альтернативной ретушью; *9–11* – концевые скребки; *12–14* – пластины с ретушью; *15–16* – нуклеусы.

формы (рис. 2). Наличие аналогий в первичном расщеплении и орудийных формах позволило заключить, что одним из источников для комплекса горизонта 3 стоянки Туткаул являлись материалы терминальной стадии кульбулакской культуры [Колобова, Шнайдер, Кривошапкин, 2016]. На основе отмеченного сходства с материалами раннего эпипалеолита Леванта и Загроса [Колобова, Шнайдер, Кривошапкин, 2015а; 2015б] было предложено рассматривать хронологические рамки изучаемого комплекса в пределах 17,5–15 тыс. л.н. [Shnaider et al., 2020].

В рамках проведенного исследования была изучена коллекция геометрических микролитов культурного горизонта 3 памятника Туткаул, насчитывающая 37 изделий. Прямоугольники представлены 32 экз., из них семь артефактов являлись фрагментированными и не были привлечены для анализа. Сегменты в коллекции представлены пятью целыми изделиями.

Для реконструкции последовательности изготовления микролитов использовался метод изучения последовательности сколов (scar pattern analysis), направленный на реконструкцию алгоритма оформления каменных орудий. Данный метод получил широкое распространение и активно используется при изучении различных категорий каменных артефактов: нуклеусов [Zwyns, Lbova, 2019; Павленок, Козликин, Шуньков, 2021], тронкированно-фасетированных [Шалагина, Кривошапкин, Колобова, 2015], бифасиальных изделий [Шалагина и др., 2020] и геометрических микролитов [Kolobova, Krivoshapkin, Shnaider, 2019]. Параллельно с этим для выборки микролитов был проведен экспериментально-трасологический анализ, направленный на выявление макро- и микроследов утилизации для установления функций изделий. Выборку для исследования составили 12 прямоугольников и два сегмента культурного гор. 3 памятника Туткаул. Поиск и анализ следов обработки и утилизации осуществлялись посредством микроскопов Альтами СМ0745-Т (×7–×45) и Olympus BHM (×40–×500). В процессе фиксации следов применялась фотокамера Canon EOS 5D Mark IV, макрообъектив EF 100 mm f/2.8 Macro USM и штатив с ручной наводкой на резкость.

Результаты исследования

С помощью анализа последовательности сколов было проанализировано 25 прямоугольников. В результате для каждого изделия была составлена блок-схема, которая представляет собой реконструкцию последовательной цепочки отдельных этапов оформления орудия. Под каждым блоком в схеме понимается группа негативов со схожими морфологическими характеристиками, направленных на решение одной технологической задачи [Шалагина и др., 2020], в данном случае это ретуширование одного края. Проведенный анализ показал, что все полученные блок-схемы можно разделить на две группы, которые соответствуют двум основным технологическим цепочкам оформления прямоугольников.

Блок-схема 1. Среди проанализированной коллекции выделяется 18 прямоугольников, оформленных в рамках блок-схемы 1 (рис. 3, *а*). В качестве заготовок для микролитов использовались медиальные фрагменты пластинок, которые имеют прямой латеральный профиль, трапециевидное или треугольное поперечное сечение. На блок-схеме дорсальная часть заготовки обозначена A, вентральная – B. Первым этапом оформления микролитов являлось нанесение ретуши притупления со стороны A на сторону B на поперечные края заготовок (этап C), после чего аналогичная ретушь наносилась на продольный край заготовки (этап D), у 13 изделий подработана правая сторона. После этого на вентральную часть заготовок наносилась ретушь у поперечных краев (этап E), следы такой подработки несут 10 изделий. Под этапом F на схемах обозначены следы утилизационного износа, у части изделий, где отсутствует подработка под этапом E на схемах обозначены следы утилизационного износа. Большинство прямоугольников имеет длину от 11 до 18 мм, ширину от 5 до 8 мм, толщину от 1,5 до 3 мм.

Блок-схема 2. В коллекции выделяется 5 изделий, оформленных в рамках последовательности блок-схемы 2 (рис. 3, *б*). В качестве заготовок выступали медиальные фрагменты пластинок с прямым латеральным профилем и треугольным поперечным сечением. На блок-схеме дорсальная часть заготовки обозначена A, вентральная – B. Первым этапом оформления микролитов было нанесение ретуши на продольный край заготовки (этап C), 3 изделия несут подработку правого края, два – левого. После чего ретушь наносилась на поперечные края изделий (этап D), одно изделие несет следы вентральной ретуши (этап E). Следы утилизации на представленных схемах обозначены как этап E и F. Прямоугольники, изготовленные в рамках блок-схемы 2, имеют те же самые метрические параметры, что и изделия блок-схемы 1.

У двух изделий не удалось определить очередности нанесения ретуши на продольный и поперечные края заготовки.

Схема изготовления сегментов. Сегменты (5 экз.) оформлялись на медиальных фрагментах пластинок, обладающих закрученным (3 экз.)

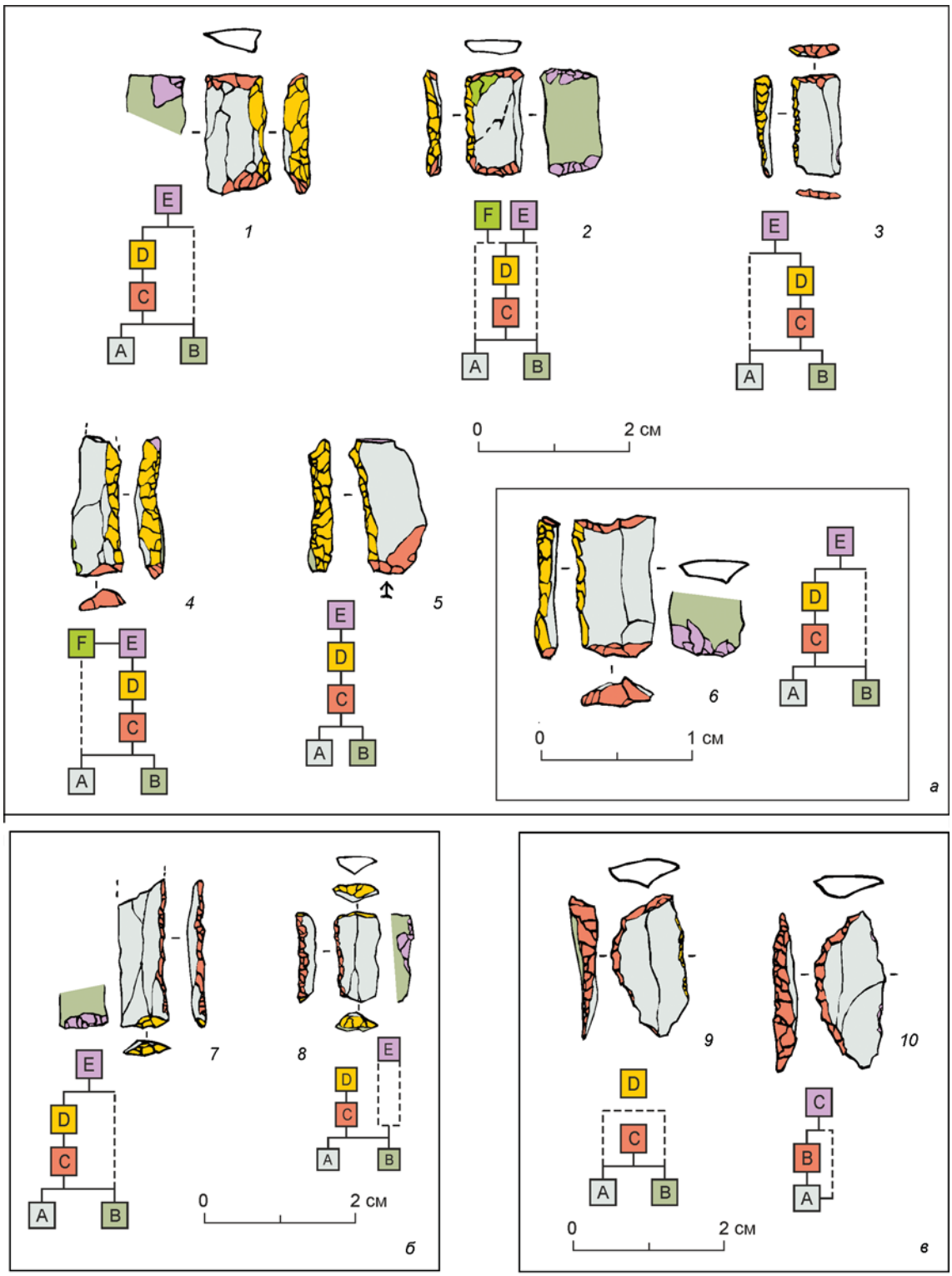

Рис. 3. Результаты анализа последовательности оформления геометрических микролитов.

а – блок-схема 1; *б* – блок-схема 2; *в* – схема изготовления сегментов;
1–8 – прямоугольники; *9–10* – сегменты.

и прямым (2 экз.) профилем, треугольным или трапециевидным поперечным сечением. На блок-схеме дорсальная часть заготовки обозначена A, вентральная – B (рис. 3, *в*). На правый продольный край заготовок наносилась ретушь притупления (этап C). Ретушь утилизации на схемах обозначена как этап D. Длина наиболее крупного сегмента составляет 31 мм, самого мелкого изделия – 16 мм, при этом сегментам задавались стандартные ширина – от 7 до 10 мм и толщина – 3 мм.

В результате проведенного трасологического анализа было установлено, что в качестве наконечников метательного вооружения (n=6) обитателями стоянки использовались сегменты (рис. 4, *1*) и часть прямоугольников. Исследование позволило выявить диагностичные следы метательного излома в виде слома корпуса острия со ступенчатым или петлеобразным окончанием, выломов (рис. 4, *2*) и крупных фасеток на неретушированном крае. Другая часть изученных микролитов со стоянки Туткаул применялась в качестве элементов композитных орудий для разделки продуктов охоты. Следы износа на подобных изделиях в виде сильного скругления кромки и тусклой заполировки с «жирным» блеском, проникающей вглубь фасеток сколов и других неровностей микрорельефа, приурочены к тонкому продольному неретушированному краю (рис. 4, *3, 4*). За исключением мельчайшей эпизодической, хаотично расположенной ретуши утилизации (рис. 4, *2*), других признаков макроповреждений поверхности на рабочих краях орудий не выявлено. В процессе анализа было установлено, что большая часть подобных изделий находится в средней стадии сработанности – заполировка от контакта с мягким органическим материалом уже четко выражена, присутствуют лишь единичные фасетки микровыкрошенности. Изделия на сильной и слабой стадиях утилизации в изученной коллекции единичны. На всех проанализированных артефактах следы крепления были отмечены на более массивных ретушированных краях. Общая заглаженность наиболее выступающих участков микрорельефа может указывать на присутствие предварительной аккомодации перед креплением изделий в оправу. Межфасеточные ребра на дорсале артефактов в большинстве случаев также обладают следами стертости и яркой заполировки, что указывает на крепление в оправах, изготовленных из твердых органических материалов.

Заключение

Проведенный анализ последовательности оформления микролитов показал, что большая часть изделий оформлена посредством нанесения ретуши притупления на поперечные края пласти-

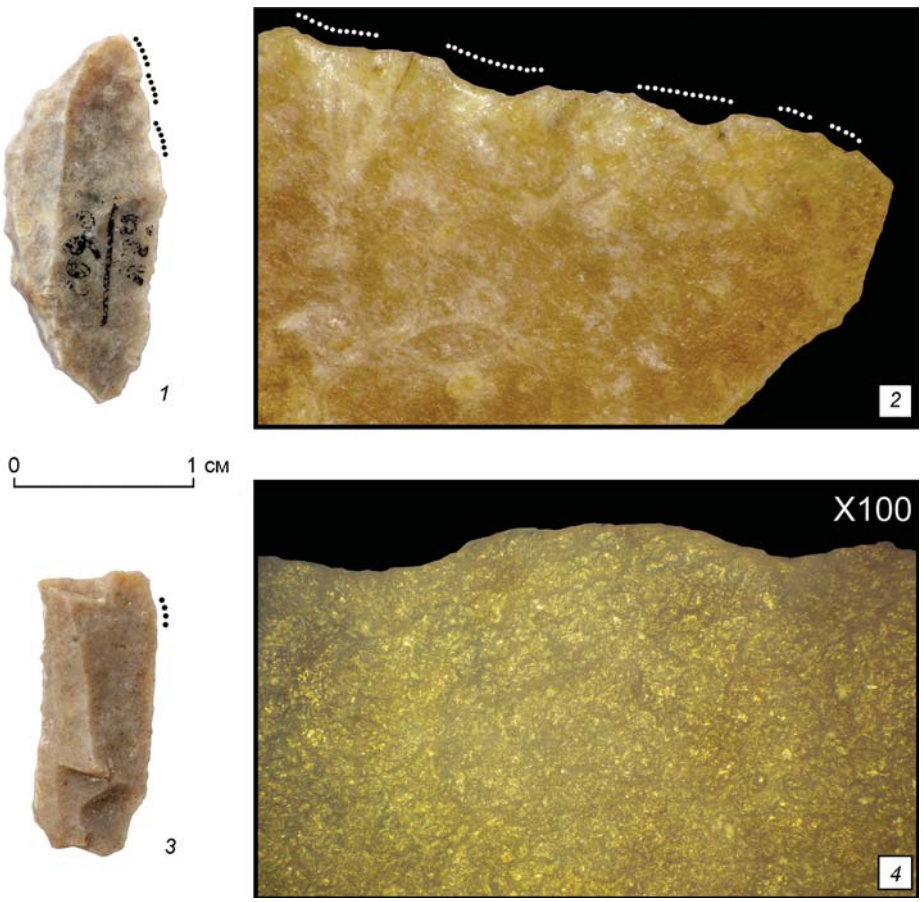

Рис. 4. Результаты трасологического анализа геометрических микролитов стоянки Туткаул.

1 – сегмент со следами использования в качестве элемента метательного вооружения; *2* – следы макроповреждений от использования на сегменте; *3–4* – прямоугольник со следами износа от контакта с мягким органическом материалом.

нок, после чего наносилась ретушь на один продольный край, как правило, правый. Несколько изделий несут следы вентральной подтески оснований, которая согласно результатам трасологического анализа наносилась для более плотного крепления изделий в основе. Таким образом, проведенный анализ показал, что при изготовлении прямоугольников особое внимание уделялось длине изделия и им изначально старались придавать необходимую длину (как правило, от 11 до 16 мм). Также в коллекции ранее выделялось несколько пластинок с усеченным одним и двумя краями и пластинки с притупленным краем, благодаря чему можно предположить, что усеченные пластинки могут являться заготовками для прямоугольников, а пластинки с притупленным краем – самостоятельными типами орудий. Геометрические микролиты в виде сегментов изготавливались также на пластинках посредством нанесения ретуши притупления на правый продольный край. Проведенный трасологический анализ позволяет предположить, что сегменты использовались как наконечники метательного вооружения. Наличие следов заполировки от контакта с мягким органическим материалом и следов крепления на прямоугольниках позволяет говорить о том, что они использовались в качестве композитных изделий для работы по мягкому материалу. На настоящий момент без проведения дополнительных экспериментальных работ не представляется возможным предположить, использовались ли прямоугольники в качестве ножей или же в качестве боковых вкладышей метательных орудий, где в роли наконечника выступал сегмент. Проведение дальнейших работ с использованием экспериментального моделирования, включающего анализ повреждений на микролитах различного типа, позволит более точно установить конкретные функции последних в составе метательных орудий, а также типы дистанционного оружия, элементами которого они являлись.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР № 0264-2021-0003. Авторы выражают благодарность сотруднику Института истории, археологии и этнографии им. Ах. Дониша (Душанбе, Таджикистан) к.и.н. Т.Г. Филимоновой за консультации во время работы с археологической коллекцией.

Список литературы

Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Преемственность развития верхнепалеолитических и мезолитических индустрий в западной части Центральной Азии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2016. – № 1. – С. 51–63.

Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Эпипалеолит Ближнего Востока: обзор исследовательских концепций // Известия Алтайского государственного университета. – 2015а. – № 3–2 (87). – С. 106–109.

Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И. Эпипалеолит загроса: современная интерпретация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – 2015б. – Т. 14. – № 7. – С. 50–57.

Павленок Г.Д., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Мелкопластинчатое расщепление в индустриях раннего верхнего палеолита Денисовой пещеры: данные анализа последовательности сколов // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 1 (70). – С. 123–128.

Ранов В.А. Отчет о работе Нурекского археологического отряда за 1967 г. / Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. – 1968. – 35 с.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 133–147.

Ранов В.А., Юсупов А.Х. Раскопки в зоне строительства Нурекской ГЭС. // Археологические открытия 1969 года. – М.: Наука, 1970. – С. 428.

Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолите Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43. – № 4. – С. 33–45.

Шалагина А.В., Харевич В.М., Мори С., Боманн М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Реконструкция технологических цепочек производства бифасиальных орудий в индустрии Чагырской пещеры // Сибирские исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 130–151.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии: автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 26 с.

Belfer-Cohen A., Gorring-Morris N. The Upper Paleolithic and Earlier Epi-Paleolithic of Western Asia // The Cambridge World Prehistory. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – Vol. 3. – P. 1381–1407.

Brown K.S., Marean C.W., Jacobs Z., Schoville B.J., Oestmo S., Fisher E.C., Bernatchez J., Karkanas P., Matthews T. An early and enduring advanced technology originating 71,000 years ago in South Africa // Nature. – 2012. – Iss. 491. – P. 590–593.

Kolobova K., Krivoshapkin A., Shnaider S. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2019. – T. 11. – № 4. – P. 1407-1419.

Leplongeon A. Microliths in the Middle and Later Stone Age of eastern Africa: New data from Porc-Epic

and Goda Buticha cave sites, Ethiopia. // Quaternary International. – 2014. – № 343. – P. 100–116. doi:10.1016/j.quaint.2013.12.002

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Filimonova T.G., Taylor W. New insights into the epipaleolithic of Western Central Asia: the Tutkaulian complex // Quaternary International. – 2020. – T. 535. – C. 139-154.

Olszewski D. The Zarzian in the Context of the Epipaleolithic Middle East // International Journal of Humanities. – 2012. – Vol.19 (3). – P. 1–20.

Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology // Archaeological Research in Asia. – 2019. – Vol. 17. – P. 24–49.

References

Belfer-Cohen A., Gorring-Morris N. The Upper Paleolithic and Earlier Epi-Paleolithic of Western Asia. In: *The Cambridge World Prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, vol. 3, pp. 1381–1407.

Brown K.S., Marean C.W., Jacobs Z., Schoville B.J., Oestmo S., Fisher E.C., Bernatchez J., Karkanas P., Matthews T. An early and enduring advanced technology originating 71,000 years ago in South Africa. *Nature*, 2012, iss. 491, pp. 590–593.

Kolobova K., Krivoshapkin A., Shnaider S. Early geometric microlith technology in Central Asia. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2019, vol. 11, No. 4. pp. 1407–1419.

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. The Near East Epipaleolithic: review of research concepts. *Izvestiya of Altai State University*, 2015a, No. 3–2 (87), pp. 106–109. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. Zagros Epipalaeolithic: recent interpretation. *Vestnik Novosibirsk State University*. Series*: History and Philology*, 2015b, vol. 14, No. 7, pp. 50–57. (In Russ.).

Kolobova K.A., Shnaider S.V., Krivoshapkin A.I. Developmental continuity between the upper palaeolithic and mesolithic industries of Western Central Asia. *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2016, No. 1, pp. 51–63. (In Russ.).

Leplongeon A. Microliths in the Middle and Later Stone Age of eastern Africa: New data from Porc-Epic and Goda Buticha cave sites, Ethiopia. *Quaternary International,* 2014, No. 343, pp. 100–116. doi:10.1016/j.quaint.2013.12.002.

Olszewski D. The Zarzian in the Context of the Epipaleolithic Middle East. *International Journal of Humanities*, 2012, vol.19 (3). pp. 1–20.

Pavlenok G.D., Kozlikin M.B., Shun'kov M.V. Small blade technology in the early upper paleolithic industries from Denisova cave: data from analysis of a lithic reduction sequence. *Ural Historical Journal*, 2021, No. 1 (70), pp. 123–128. (In Russ.).

Ranov V.A. Otchet o rabote Nurekskogo arkheologicheskogo otryada za 1967 g. *In: The Archive of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*, 1968, 35p. (In Russ.).

Ranov V.A., Korobkova G.F. Tutkaul – mnogosloinoe poselenie gissarskoi kul'tury v Yuzhnom Tadzhikistane. *Soviet Archaeology*, 1971, No. 2, pp. 133–147. (In Russ.).

Ranov V.A., Yusupov A.Kh. Raskopki v zone stroitel'stva Nurekskoi GES. *Arkheologicheskie otkrytiya 1969 goda*, Moscow: Nauka, 1970, 428 p. (In Russ.).

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-faceted pieces in the paleolithic of Northern Asia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2015, vol. 43, No. 4, pp. 33-45.

Shalagina A.V., Kharevich V.M., Mori S., Bomann M., **Krivoshapkin A.I**., **Kolobova K.A.** Reconstruction of the bifacial technological sequence in Chagyrskaya cave assemblage. *Siberian Historical Research*, 2020, No. 3, pp. 130–151. (In Russ.).

Shnaider S.V. Tutkaul'skaya Liniya Razvitiya v mezolite zapadnoi chasti Tsentral'noi Asii: avtoref. diss. … kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2015, 26 p. (In Russ.).

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Filimonova T.G., Taylor W. New insights into the epipaleolithic of Western Central Asia: the Tutkaulian complex. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 139–154.

Zwyns N., Lbova L. V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology. *Archaeological Research in Asia*, 2019, vol. 17, pp. 24–49.

Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0349-0354
УДК 902.01

М.В. Шуньков[1], А.А. Анойкин[1], М.Б. Козликин[1]✉, Л. Булатович[2], А.П. Деревянко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2]Музей и галереи Подгорицы, Подгорица, Черногория
E-mail: kmb777@yandex.ru

Многослойная палеолитическая стоянка Малишина Стена в Черногории: результаты исследований 2021 года

Представлены новые материалы раскопок скального навеса Малишина Стена на севере Республики Черногория. Раскоп 2021 г. площадью 2 × 3 м был заложен у капельной линии в восточной части навеса. Вскрыты отложения мощностью до 2 м. В полученном разрезе выделены литологические слои A1–A4, B1, B2, C и D. Археологические материалы зафиксированы в большинстве подразделений, за исключением слоев A3 и D. Первичное расщепление в индустриях из слоев C и B направлено на получение отщепов, реже – пластин, в рамках радиального, леваллуазского и параллельного раскалывания. В орудийном наборе сочетаются выразительные среднепалеолитические формы – мустьерские остроконечники, леваллуазские острия и скребла различных типов, с изделиями, характерными для верхнего палеолита – скребками, проколками, долотовидными и тронкированно-фасетированными орудиями. Фаунистические остатки свидетельствуют о промысле крупных травоядных животных – бизона, благородного оленя, горного козла. Отмечены также кости зайца и крупных птиц. Для производства орудий использовалось местное сырье из галечника р. Чехотина. Наиболее близкие культурно-хронологические аналогии этим индустриям прослеживаются в комплексах финального среднего палеолита со стоянок Биоче и Црвена Стена в центральной Черногории. Каменная индустрия из слоя A характеризуется развитым мелко- и микропластинчатым расщеплением. В орудийном наборе представлены формы, типичные для заключительного этапа верхнего палеолита – микропластины с притупленным краем, микролиты, граветтоидные острия, мелкие скребки. Имеются свидетельства систематической рыбной ловли, а также охоты на птиц и мелких млекопитающих.

Ключевые слова: *Черногория, Малишина Стена, скальный навес, плейстоцен, палеолит, каменная индустрия.*

M.V. Shunkov[1], A.A. Anoikin[1], M.B. Kozlikin[1]✉, L. Bulatovich[2], A. P. Derevianko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Museum and galleries of Podgorica, Podgorica, Montenegro
E-mail: kmb777@yandex.ru

The Mališina Stijena Multilayer Paleolithic Site in Montenegro: Research Results of 2021

The article presents new evidence from the excavations in Mališina Stijena rock shelter located in the north of the Republic of Montenegro. Excavation in 2021 over the area of 2 × 3 m was made at the drip line in the eastern part of the rock shelter. Deposits up to 2 m thick were exposed. Lithological layers A1-A4, B1, B2, C, and D were identified in the section. Archaeological evidence occurred in most units with the exception of layers A3 and D. Primary reduction in layers C and B was aimed at producing flakes, less frequently, blades following the radial, Levallois, and parallel primary reduction techniques. The toolkit combined typical Middle Paleolithic varieties, such as Mousterian points, Levallois points, and side-scrapers of various types, with the objects typical of the Upper Paleolithic, such as end-scrapers, piercing tools, as well as chisel-like and truncated-faceted tools. Faunal remains testify to hunting large herbivores, such as bison, red deer, and mountain goat.

Bones of a hare and large birds were also discovered. Local raw materials from the gravel of the Ćehotina River were used for tool production. The closest cultural and chronological parallels to these industries can be found in the complexes of the Final Middle Paleolithic from the sites of Bioće and Crvena Stijena in Central Montenegro. Lithic industry from layer A was distinguished by well-developed small and micro-laminar technique. The toolkit contained the varieties typical of the Final Upper Paleolithic, including backed microblades, microliths, gravettoid points, and small end-scrapers. There is evidence of systematic fishing and hunting birds and small mammals.

Keywords: *Montenegro, Mališina Stijena, rock shelter, Pleistocene, Paleolithic, lithic industry.*

В 2021 г. совместной российско-черногорской экспедицией были продолжены раскопки многослойной палеолитической стоянки под скальным навесом Малишина Стена на севере Черногории, в 20 км к юго-востоку от г. Плевля, в верхнем течении р. Чехотина. В 2017–2019 гг. работы велись в центральной части навеса [Деревянко и др., 2017; 2019]. В 2020 г. изучался участок в восточной части стоянки [Шуньков и др., 2020]. Раскоп 2021 г. площадью 2 × 3 м был заложен также в восточном секторе навеса в 1 м от капельной линии (рис. 1, *А*). В пределах квадратов I–J/10–12 вскрыты отложения мощностью до 2 м. В полученном разрезе выделены литологические слои A1–A4, B1, B2, C и D (рис. 1, *Б*), в целом соответствующие осадкам, зафиксированным в раскопе 2020 г. [Там же]. Отложения представляют собой щебнисто-дресвянистую толщу с заполнителем порового типа. Границы между слоями проведены по изменению цвета заполнителя и концентрации обломочного материала. Археологический материал обнаружен в слоях A1, A2, A4, B1, B2 и C. Нижележащий слой D (отмытые мелко- и среднезернистые супеси) является пойменной фацией аллювия Чехотины и не содержит находок.

В слое A1 найдено 37 каменных артефактов. Сколы представлены мелкими отщепами (14 экз.) с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной однонаправленной дорсальной огранкой. Две пластины имеют такие же характеристики. Технические сколы – два краевых продольных и первичный отщеп. Мелкие осколки и чешуйки насчитывают соответственно 12 и 6 экз. Нуклевидных форм и орудий нет. Неопределимые фрагменты костей – 3 экз.

Коллекция каменных артефактов из слоя A2 включает 385 изделий. Типологически выраженные ядрища – 4 экз.: одноплощадочный и двуплощадочный монофронтальный (рис. 2, *15*), двуплощадочный бифронтальный и подпризматический (рис. 2, *5*). Все нуклеусы небольшого размера – от 23 × 18 × 12 до 42 × 35 × 23 мм, заготовками для них служили гальки. Ударные площадки гладкие или подготовлены несколькими крупными сколами с более мелкой обработкой по краю. Последние негативы фронта свидетельствуют о том, что расщепление было направлено на производство пластинок и микропластин. Нуклевидные обломки (4 экз.) представляют собой отдельности галечного сырья с единичными сколами апробации или с серией негативов бессистемных снятий.

Основу индустрии сколов составляют отщепы – 103 экз. Заготовки преимущественно удлиненные, мелкие, не крупнее 4 см. Для них характерна гладкая или точечная остаточная ударная площадка и продольная однонаправленная огранка дорсала. Остатки галечной поверхности зафиксированы на 11 экз. Пластины и микропластины насчитывают соответственно 28 и 7 экз. Более половины изделий фрагментированные. Ударная площадка пластин точечная, огранка – продольная параллельная. Технические сколы включают первичные отщепы (8 экз.), реберчатые (4 экз.) снятия и скол подправки ударной площадки (рис. 2, *10*). В числе отходов производства мелкие обломки и осколки – 83 экз., а также чешуйки – 143 экз.

В орудийном наборе выделены две микропластины с притупленным краем (рис. 2, *1, 2*), поперечное выпуклое дорсальное скребло с обушком, оформленным крупными сколами (рис. 2, *16*), дистальный фрагмент продольного прямого дорсального скребла (рис. 2, *6*) и два скола с ретушью. Костные остатки включают 75 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих, два зуба грызунов и шесть костей рыб.

В пределах слоя A4 найдено 28 каменных артефактов: 11 мелких отщепов, две пластины, микропластина, шесть осколков и восемь чешуек. По основным технико-типологическим характеристикам сколы из этой коллекции аналогичны материалам из слоев A1 и A2. Нуклевидных форм и орудий нет. Неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих насчитывают 17 экз., кости грызунов – 3 экз., рыб – 4 экз.

Небольшая коллекция из слоя B1 включает четыре отщепа, пластину, пять осколков, 13 чешуек и два неопределимых фрагмента костей. В слое B2 обнаружено 65 каменных артефактов. Единственный нуклеус – торцовый одноплощадочный с негативами мелких пластинчатых снятий. Сколы представлены преимущественно мелкими отщепами (19 экз.) с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной однонаправленной или ортогональ-

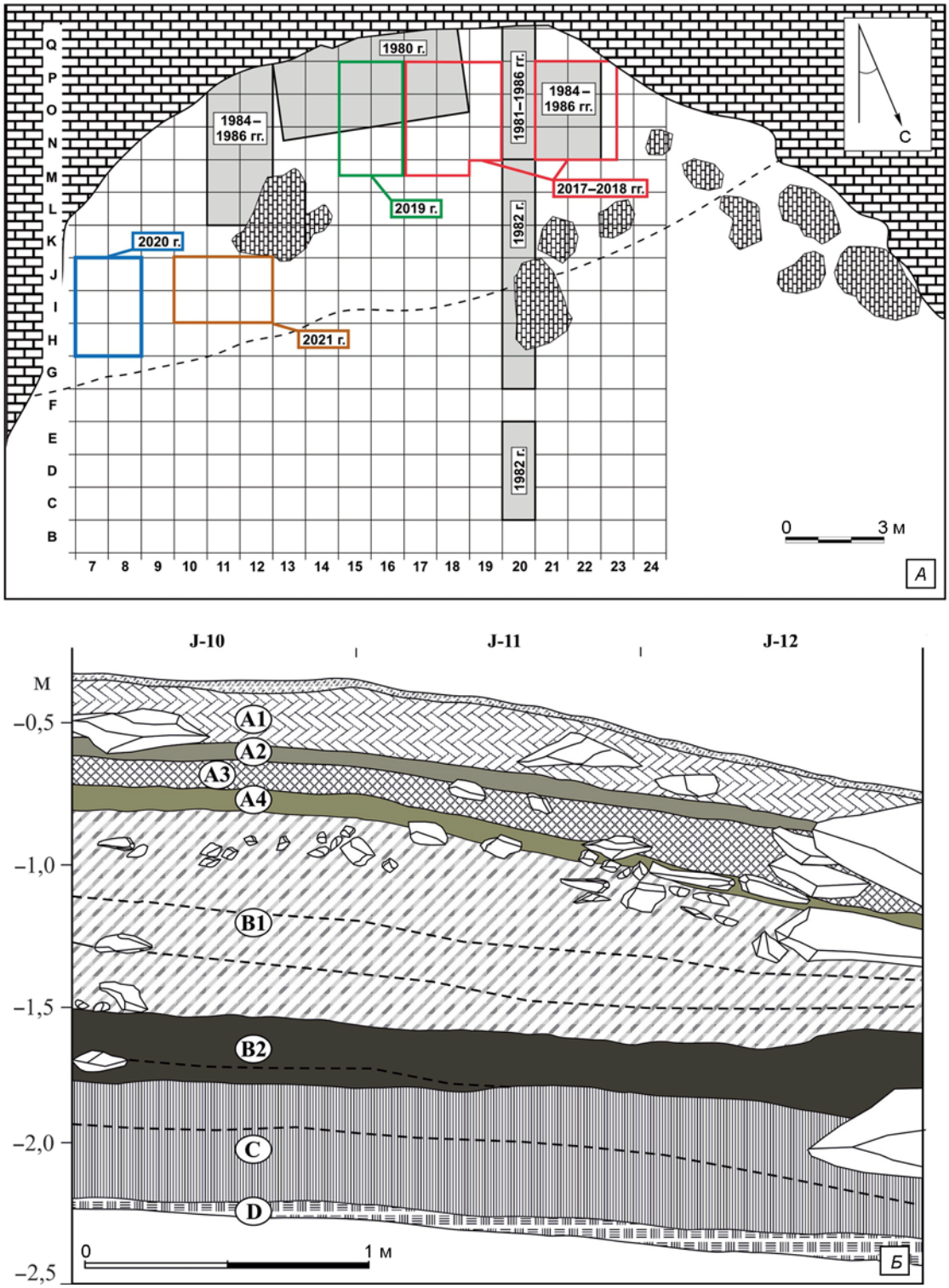

Рис. 1. План стоянки Малишина Стена с указанием участков археологических работ (*А*) и стратиграфический разрез южной стенки раскопа 2021 г. (*Б*).

ной огранкой дорсала. Один из сколов, треугольной формы с выпуклой фасетированной ударной площадкой и конвергентной огранкой был получен, скорее всего, в рамках леваллуазского метода расколывания. Единичными экземплярами представлены пластина и микропластина. В числе отходов производства – мелкие осколки (8 экз.) и чешуйки (35 экз.). Орудий в слое не обнаружено. Неопределимых фрагментов костей крупной териофауны – 15 экз., костей грызунов – 2 экз.

Каменная индустрия из слоя С включает 292 предмета. Нуклеус представлен торцовым ядри-

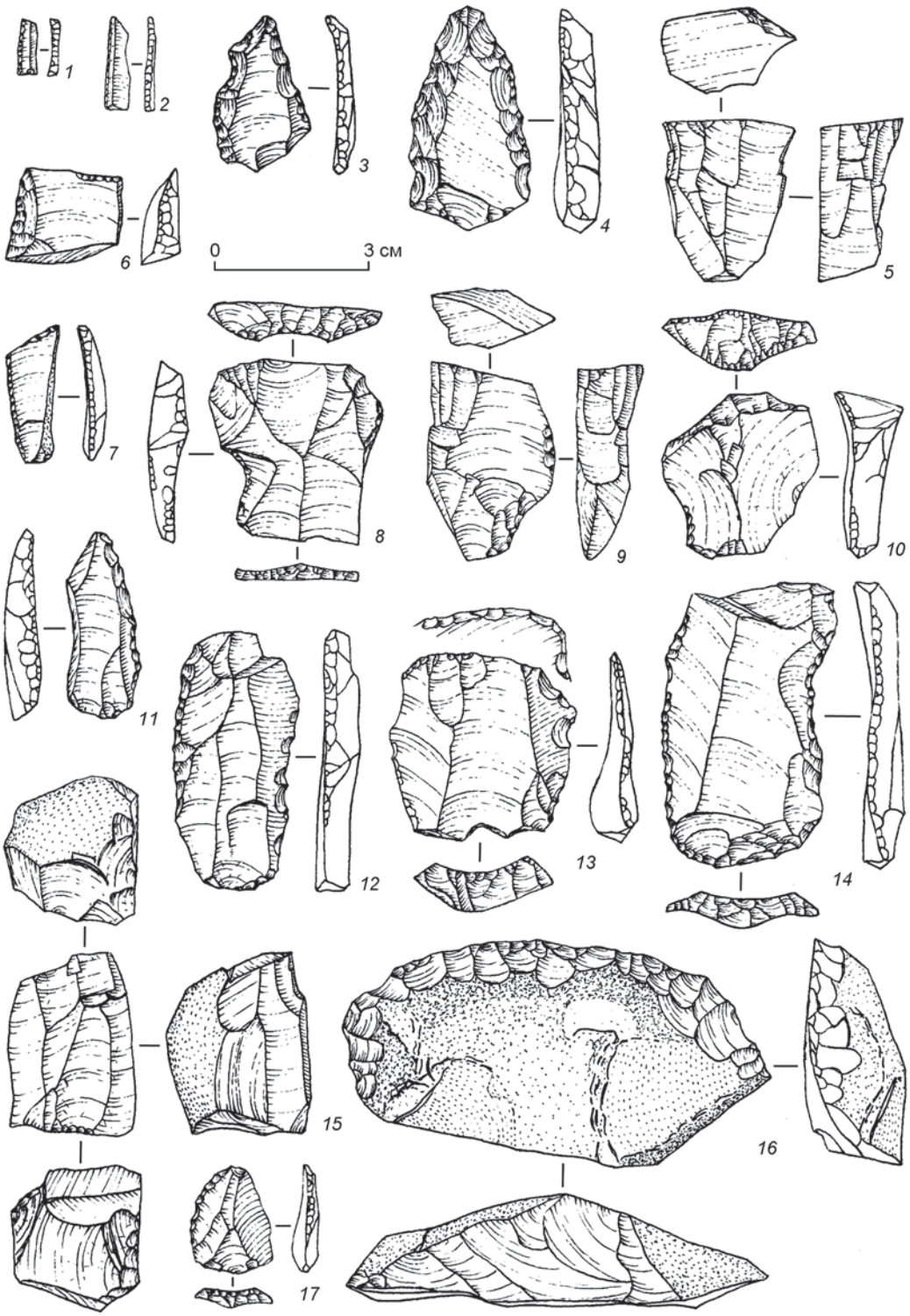

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев А2 (*1, 2, 5, 6, 10, 15, 16*) и С (*3, 4, 7–9, 11–14, 17*) стоянки Малишина Стена.

1, 2 – микропластины с притупленным краем; *3, 17* – острия с ретушью; *4* – мустьерский остроконечник; *5, 9, 15* – нуклеусы; *6, 11, 12, 16* – скребла; *7*, *14* – пластины с ретушью; *8* – тронкированно-фасетированное орудие; *10* – технический скол; *13* – отщеп с ретушью.

щем, оформленным на сколе среднего размера. Негативы нескольких удлиненных снятий приурочены к одному из продольных краев заготовки (рис. 2, *9*). Ударной площадкой для их скалывания служила плоскость поперечной фрагментации.

Сколы (95 экз.) представлены в основном мелкими отщепами. Подпрямоугольный скол (рис. 2, *13*) и треугольное снятие (рис. 2, *17*) со срединно-выпуклой тщательно фасетированной остаточной ударной площадкой были получены, скорее всего,

в результате расщепления леваллуазских ядрищ. Для остальных заготовок характерны гладкая площадка и продольная однонаправленная или ортогональная огранка. Пластины насчитывают 20 экз. и представлены в основном фрагментами. Ударная площадка пластин гладкая, в одном случае – фасетированная (рис. 2, *14*), огранка – продольная однонаправленная. Технические сколы включают три первичных снятия. Обломки и осколки насчитывают 58 экз., чешуйки – 115 экз.

В числе изделий со вторичной обработкой (13 экз.) – мустьерский остроконечник (рис. 2, *4*), два острия с ретушью (рис. 2, *3, 17*), два продольных дорсальных скребла на пластинах (рис. 2, *11, 12*), концевой скребок, шиповидное, долотовидное и тронкированно-фасетированное (рис. 2, *8*) орудия, два отщепа (рис. 2*, 13*) и две пластины (рис. 2, *7, 14*) с ретушью.

Кроме того, в пределах слоя обнаружено 48 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих.

Плотность залегания археологических материалов в слое С в раскопе 2021 г. значительно более высокая, чем на рядом расположенном участке работ 2020 г. и сопоставима с центральной частью навеса [Деревянко и др., 2017; 2019]. Коллекция из слоя В, напротив, наименее представительна на восточном участке стоянки. Видимо, на разных хронологических этапах площадь под навесом использовалась неравномерно. Разделенные стерильными отложениями литологические слои С и В содержат в целом сходные по технико-типологическому облику каменные индустрии. Первичное расщепление в этих комплексах было направлено на получение отщепов и, в меньшей степени, пластин в рамках радиального, леваллуазского и параллельного раскалывания. Орудийный набор включает выразительные среднепалеолитические формы, такие как мустьерские остроконечники, леваллуазские острия и разнообразные скребла. Вместе с тем отмечены формы, характерные для верхнего палеолита – скребки, проколки, изделия с черешком, долотовидные орудия. При этом они не имеют признаков ориньякской морфологии.

Фаунистические остатки свидетельствуют о промысле крупных травоядных животных, в т.ч. бизона, благородного оленя, горного козла. Отмечены также кости зайца и крупных птиц. Для производства орудий использовалось местное сырье из галечника р. Чехотина.

Наиболее близкие культурно-хронологические аналогии индустриям из слоев С и В прослеживаются в комплексах финального среднего палеолита со стоянок Биоче (слои 2 и 1) и Црвена Стена (слои XVI–XII) в центральной части Черногории [Derevianko et al., 2017; Crvena Stijena…, 2017], которые ассоциируются с поздними неандертальцами Восточной Адриатики.

Археологические и фаунистические материалы из подразделений слоя А свидетельствуют об изменениях в стратегиях жизнеобеспечения и в производственной практике обитателей стоянки. Каменная индустрия из этой части разреза характеризуется развитым мелко- и микропластинчатым расщеплением. В орудийном наборе представлены формы, типичные для заключительного этапа верхнего палеолита – микропластины с притупленным краем, микролиты, граветтоидные острия, мелкие скребки. Имеются свидетельства систематической рыбной ловли, а также охоты на птиц и мелких млекопитающих. Материалы этого комплекса были соотнесены И. Радованович с кругом южноевропейских индустрий с круто ретушированными орудиями – финальный граветт и tardigravettian [Radovanović, 1986]. Находки последних лет подтверждают эту интерпретацию.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-40062.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Ульянов В.И., Меденица И. Новые данные по каменной индустрии скального навеса Малишина Стена в Черногории (по результатам работ в 2017 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 98–102.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Меденица И. Новые результаты исследования скального навеса Малишина Стена в Черногории // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 95–102.

Шуньков М.В., Анойкин А.А., Козликин М.Б., Булатович Л., Деревянко А.П. Раскопки палеолитической стоянки Малишина Стена в Черногории в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 316–321.

Crvena Stijena in cultural and ecological context: multidisciplinary archaeological research in Montenegro (Ed. by R. Whallon). – Podgorica: National Museum of Montenegro of MASA Publ., 2017. – 463 p.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovic L., Pavlenok K.K., Ulyanov V.A., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. New Findings on the Middle Paleolithic of the Eastern Adriatic: The Earliest Settlement at Bioce, Montenegro // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2017. – Vol. 45, No. 1. – pp. 3–14.

Radovanović I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori // Glasnik Srpskog arheoloskog drustva. – 1986. – No. 3. – pp. 63–77.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovic L., Pavlenok K.K., Ulyanov V.A., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. New Findings on the Middle Paleolithic of the Eastern Adriatic: The Earliest Settlement at Bioće, Montenegro. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2017. Vol. 45, no. 1. P. 3–14. doi:10.17746/1563-0102.2017.45.1.003-014.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.I., Medenica I. Recent data on the lithic industry from the rock shelter of Mališina Stijena in Montenegro (based on the results from the 2017 study). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 98–102. (In Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoikin A.A., Ulianov V.I., Kozlikin M.B., Medenica I. New Results of Research at the Mališina Stijena Rock Shelter in Montenegro. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 95–102. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.095-102.

Radovanović I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori. *Glasnik Srpskog arheoloskog drustva*, 1986, no. 3. P. 63–77. (In Serb.).

Shunkov M.V., Anoikin A.A., Kozlikin M.B., Bulatovich L., Derevianko A.P. 2020 Excavations at the Paleolithic Site Mališina Stijena in Montenegro. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 316–321. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.

Whallon R. (ed.). Crvena Stijena in cultural and ecological context: multidisciplinary archaeological research in Montenegro. Podgorica: National Museum of Montenegro of MASA Publ., 2017, 463 p.

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0355-0361
УДК 903.01

М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, А.Ю. Федорченко✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru; winteralex2008@gmail.com

Орудия из кости в комплексах среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры: материалы 2021 года

В статье представлены результаты исследования слабомодифицированных и формальных костяных орудий из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры. Костяные ретушеры конца среднего и ранней стадии верхнего палеолита были обнаружены в слоях 12 и 11 соответственно. Установлено, что по сравнению со среднепалеолитическими ретушерами, орудия этого типа из слоя 11 отличаются формообразующей обработкой костяных заготовок. Фрагменты диафизов несут следы намеренного тронкирования поперечных краев, оббивки продольных краев, удаления острых краев сломов с помощью ретуши. Помимо ударной техники эти ретушеры использовались также для нанесения ретуши отжимом, что согласуется с образцами орудий из сопутствующей каменной индустрии. Формальные костяные изделия из слоя 11 включают два целых и фрагментированное лощила, две булавки, фрагмент шила, проколку, иглу с ушком и заготовку неопределимого орудия. Эти орудия использовались в основном на разных стадиях кожевенного производства: лощила применялись для первичной обработки шкур с целью размягчения и удаления мездры, шило и проколка – для перфорации относительно толстой или более тонкой шкуры, игла – при сшивании тщательно выделанного материала, нанизывании или креплении к одежде украшений. Детальный анализ позволил выделить на каждом из изделий характерный набор признаков износа, свидетельствующий об их долговременном использовании. Дополняют инструментарий уникальные костяные булавки, которые, судя по характеру обработки и присутствующим следам утилизации, могли применяться для крепления различных частей костюма верхнепалеолитических обитателей Денисовой пещеры.

Ключевые слова: *Денисова пещера, средний палеолит, верхний палеолит, костяные орудия, ретушеры, технологический анализ, экспериментально-трасологический анализ.*

M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin✉, A.Yu. Fedorchenko✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru; winteralex2008@gmail.com

Bone Tools in the Middle and Upper Paleolithic Complexes of Denisova Cave: 2021 Materials

The article presents the results of unshaped and formal bone tools investigation from the Pleistocene deposits found in the south gallery of Denisova Cave. Bone retouchers of the Late Middle and Early Upper Paleolithic were found in layers 12 and 11, respectively. It has been established that, compared to the Middle Paleolithic retouchers, tools of this type from layer 11 are distinguished by the shaping processing of bone blanks. Fragments of diaphysis have traces of deliberate truncation of transverse edges, trimming of longitudinal edges, removal of sharp edges of fractures by retouching. In addition to the percussion technique, these retouchers were also used for pressure technique retouching, which is consistent with tool samples from the accompanying lithic industry. Formal bone tools from layer 11 include two intact and fragmented polishers, two pins, an awl fragment, a perforator, an eyed needle, and an indeterminate tool blank. These tools were used mainly at various stages of the tanning production: polishers were used for primary processing of hides in order to soften them and remove the hide cuttings, an awl and perforator—for perforating a relatively thick or thinner hide, a needle—when stitching a carefully finished material, stringing or attaching ornaments to clothes. The detailed analysis made it possible to identify a characteristic set of wear signs on each of the tools indicating their long-term use. The toolkit is supplemented by unique bone pins, which, based on the nature of processing and traces of disposal, could have been used to fasten various parts of the costume of the Upper Paleolithic inhabitants of Denisova Cave.

Keywords: *Denisova Cave, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, bone tools, retouchers, technological analysis, experimental use-wear analysis.*

В 2021 г. в результате исследований плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры вместе с многочисленными каменными артефактами были обнаружены слабомодифицированные и формальные костяные орудия. Представительная серия костяных ретушеров конца среднего и ранней стадии верхнего палеолита связана с отложениями литологических слоев 12 и 11 соответственно. Формальные костяные изделия, т.е. стандартизированные по морфологии и назначению орудия, изготовленные с помощью вырезания, строгания, скобления, резания, сверления и шлифовки, включают девять предметов из слоя 11 – два целых и фрагментированное лощила, две булавки, игла с ушком, проколка, фрагмент шила, а также заготовка неопределимого орудия.

Реконструкция операционных последовательностей и установление функций костяных изделий основаны на данных технологического и экспериментально-трасологического методов. Функциональный анализ включал изучение поверхностей костяных артефактов с целью выявления и фиксации следов износа и обработки. Первичное изучение проведено с помощью бинокулярного микроскопа Altami CM0745-T с косым освещением (×7–×45), более детальный анализ – с использованием металлографического микроскопа Olympus BHM (×40–×500). Следы зафиксированы зеркальной камерой Canon EOS 5D Mark IV, с объективом EF 100 mm f/2.8 Macro USM и штативом с ручной наводкой на резкость. Фаунистические определения костяных изделий выполнены к.б.н. С.К. Васильевым.

В слое 12 найдено пять целых и семь фрагментированных ретушеров. Размер целых орудий варьирует от 74 × 46 × 9 до 145 × 34 × 8 мм, вес – 22–64 г (см. *таблицу*). Заготовками для них служили фрагменты диафизов плюсневой и берцовой костей бизона и неопределимые осколки трубчатых костей животных размера лошади или бизона. Края сломов преимущественно острые, с характерной раковистой поверхностью. Изделия удлиненной подпрямоугольной, подтреугольной или ромбической формы, без следов дополнительной обработки. На двух орудиях зафиксировано по две рабочие зоны, приуроченные к поперечным краям заготовки. В обоих случаях один из рабочих участков сработан сильнее, чем другой: он несет следы частых глубоких зарубок, образующих понижение рельефа (рис. 1, *3*). На противоположном рабочем крае следы разрежены, но четко выражены, в виде коротких глубоких насечек. Во всех случаях следы ориентированы перпендикулярно длинной оси изделия.

Остальные ретушеры имеют по одному рабочему участку также у поперечного края орудия, со слабой (2 экз., рис. 1, *9*) или сильной степенью утилизации. Зарубки ориентированы перпендикулярно длинной оси заготовки (рис. 1, *12*). На четырех ретушерах зафиксированы продольные линейные следы от скобления (рис. 1, *2*), заходящие под рабочую зону. На одном изделии отмечены короткие линейные следы под наклоном 45°; зафиксированы также следы в виде поперечных протяженных неглубоких царапин (рис. 1, *8*), не связанные с основной рабочей зоной.

Фрагментированные ретушеры представляют собой осколки размером от 36 × 11 × 4 до 77 × 42 × 9 мм, весом 2–36 г. Продольная или продольно-поперечная фрагментация орудий связана, скорее всего, с постседиментационными процессами, трещинами усыхания, возможно, с вытаптыванием. Два изделия с острыми раковистыми изломами могли сломаться в процессе работы. Заготовками изделий служили фрагменты диафизов трубчатых костей животных размерного класса бизона, реже – лошади. На всех изделиях сломы проходят через рабочую зону, что затрудняет определение ее размера и расположения на заготовке. Степень утилизации орудий в основном сильная или средняя, в двух случаях – слабая. Следы от ретуширования представляют собой глубокие зарубки, ориентированные преимущественно перпендикулярно длинной оси кости или под небольшим наклоном. На двух ретушерах имеются продольные линейные следы от скобления.

Следует отметить, что следы, связанные с подготовкой рабочего участка ретушера, т.е. с удалением надкостницы, характерны для заготовок с изогнутой или V-образной морфологией разломов и их раковистой поверхностью, указывающие на фрагментацию свежей кости [Villa, Mahieu, 1991]. Костяные заготовки с прямыми гладкими или ступенчатыми сломами не имеют следов скобления. Несмотря на малочисленность коллекции, очевидно, что размер и масса ретушеров не связаны с интенсивностью их использования.

В пределах слоя 11 обнаружено 13 костяных ретушеров. Следы от использования на четырех из них существенно отличаются от тех, которые остаются при нанесении ретуши ударной техникой. Они представляют собой короткие неглубокие штрихи-вмятины под углом 45–60° к длинной оси орудия, плотно наложенные друг на друга и образующие сплошные зоны сработанности вплоть до понижения рельефа (рис. 1, *1, 7*). Эти орудия использовались, скорее всего, для нанесения ретуши отжимом. Заготовками для двух изделий размером 91 × 18 × 9 и 100 × 27 × 8 мм служили удлиненные подпрямоугольные осколки диафиза плюсневой кости лошади. Продольные края одного из фраг-

Костяные ретушеры среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры

№ п/п	Слой	Длина, мм	Ширина, мм	Толщина, мм	Вес, г	Фрагментация	Кол-во рабочих зон	Размер рабочей зоны, мм	Степень утили-зации	Примечание
1	12	109.3	36.5	10.8	64.8	Нет	1	12 × 10	Слабая	Следы удаления надкостницы
2	12	92.4	26.2	9.1	22.6	Нет	2	30 × 20 32 ×17	Средняя	Следы удаления надкостницы
3	12	145.6	34.4	8.5	82.7	Нет	1	30 × 20	Сильная	Погрызы
4	12	95.7	49.7	10.8	63.7	Нет	1	22 × 25	Слабая	Порезы
5	12	74.1	46.3	9.5	47.4	Нет	2	22 × 30 12 × 12	Сильная	Следы удаления надкостницы
6	12	76.0	26.4	15.0	23.6	Продольная	1	15 × 16	Слабая	Порезы
7	12	60.8	42.1	6.9	22.5	То же	1	31 × 15	Средняя	Погрызы
8	12	77.1	42.4	9.6	36.4	»	1	50 × 22	Сильная	Следы удаления надкостницы
9	12	53.5	21.9	7.0	8.6	Продольно-поперечная	1	30 × 21	Сильная	
10	12	64.7	15.7	3.2	4.1	То же	1	25 × 14	Средняя	
11	12	52.6	14.3	8.2	6.1	»	1	11 × 9	Слабая	
12	12	36.3	11.7	4.9	2.4	»	1	22 × 8	Сильная	Следы удаления надкостницы
13	11	59.3	50.7	8.6	46.5	Нет	2	27 × 20 15 × 13	Сильная	Формообразующая обработка, следы удаления надкостницы
14	11	91.9	18.3	9.7	17.9	Нет	1	55 × 11	Средняя	Отжимная техника использования
15	11	138.5	32.3	10.0	71.7	Нет	1	32 × 20	Средняя	Формообразующая обработка, порезы
16	11	125.9	34.1	9.2	49.2	Нет	1	20 × 20	Слабая	
17	11	51.5	27.9	8.3	13.0	Поперечная	1	36 × 15	Средняя	Отжимная техника использования
18	11	48.4	22.6	4.1	6.5	То же	1	26 × 13	Средняя	Формообразующая обработка, следы удаления надкостницы, отжимная техника использования
19	11	49.7	42.7	11.5	26.4	»	1	56 × 21	Средняя	Формообразующая обработка, следы удаления надкостницы
20	11	81.6	22.0	8.7	15.9	Продольная	1	26 × 11	Слабая	Порезы
21	11	100.6	27.3	8.7	29.4	То же	1	100 × 25	Сильная	Формообразующая обработка, отжимная техника использования
22	11	31.3	17.0	6.5	3.6	Продольно-поперечная	1	16 × 12	Слабая	
23	11	30.5	9.8	3.8	1.2	То же	1	30 × 9	Средняя	
24	11	40.4	21.8	8.3	7.1	»	1	12 × 10	Слабая	
25	11	64.7	33.8	10.1	20.2	Расслаивание	1	21 × 21	Сильная	

ментов оббиты крупными встречными вентральными снятиями, удалившими острые края сломов. Узкая рабочая зона занимает протяженный участок практически по всей длине заготовки. Острые вершины и ребра на сломах заготовки, а также участки широких поверхностей заглажены, скорее всего, в процессе длительного использования, на что указывают следы интенсивной утилизации орудий. Такие же следы зафиксированы на двух поперечно сломанных изделиях, заготовками для которых служили диафизы трубчатых костей животных размера сибирского горного козла или би-

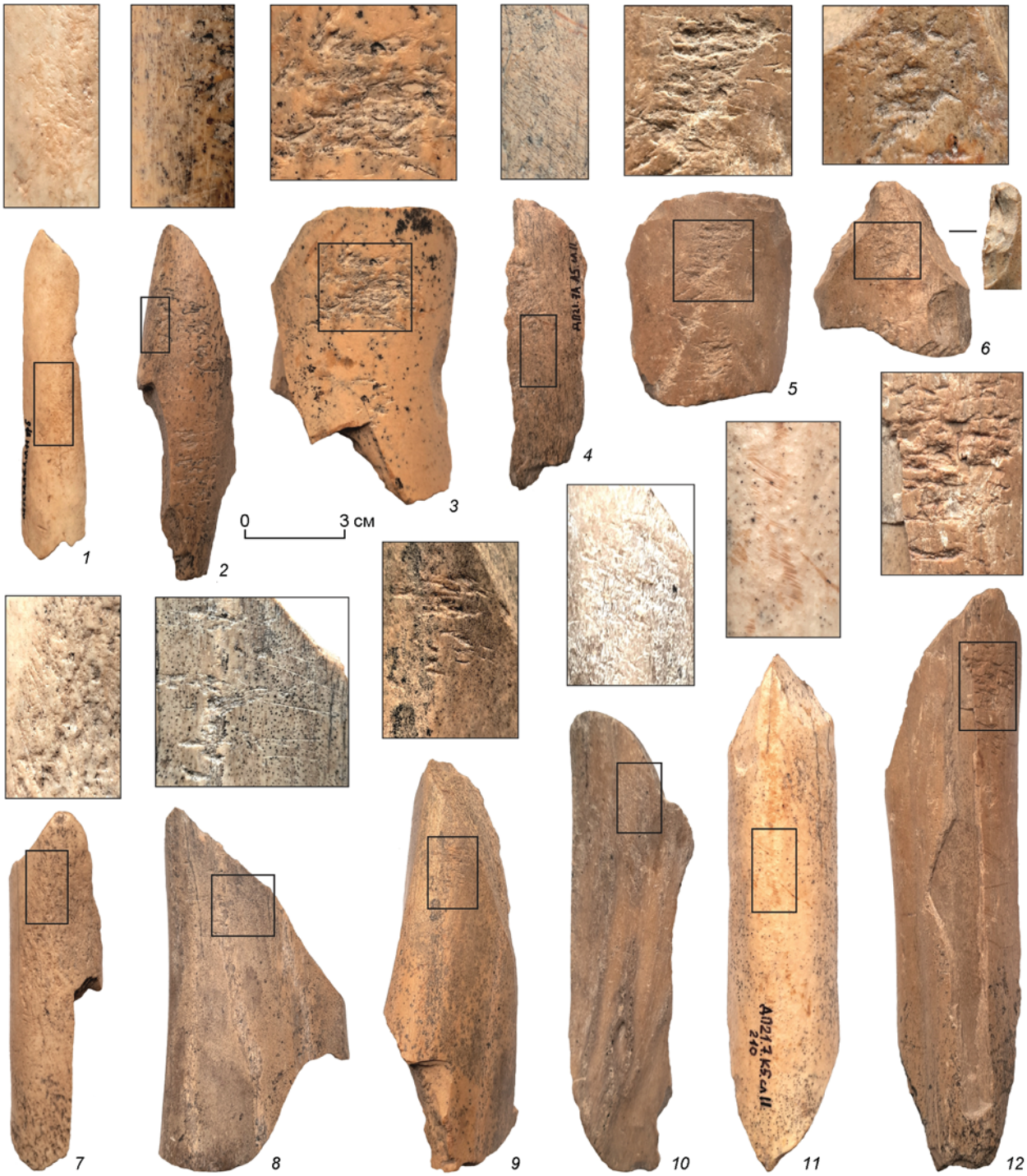

Рис. 1. Костяные ретушеры из слоев 12 (*2, 3, 8, 9, 12*) и 11 (*1, 4–7, 10, 11*) в южной галерее Денисовой пещеры.

зона. На одном из фрагментов острый край слома подправлен мелкой дорсальной ретушью, поверхность под рабочей зоной и вокруг нее несет следы соскабливания надкостницы.

На других ретушерах следы от использования представляют собой глубокие зарубки с V-образным профилем и четкими резкими границами, характерные для ударной техники нанесения ретуши. Три целых орудия подпрямоугольной и удлиненной формы имеют размеры 59 × 50 × 8, 125 × 34 × 9 и 138 × 32 × 10 мм. Заготовками для них служили фрагменты диафиза берцовых костей лошади и осколок трубчатой кости животного размера бизона. Кости были разбиты в свежем состоянии, о чем свидетельствуют характерные раковистые изломы с острыми краями. На двух ретушерах имеются следы формообразующей обработки – удаление дорсальной ретушью

язычков на поперечных сломах, а также диагональное тронкирование (рис. 1, *11*) одного из поперечных и вентральная оббивка продольного краев. На одном орудии выделено две рабочие зоны (рис. 1, *5*), на остальных – по одной. Во всех случаях участки со следами утилизации приурочены к поперечным краям заготовок. Степень сработанности ретушеров – от слабой (рис. 1, *10*) до сильной с удалением части компактной ткани. Зарубки от ретуширования ориентированы в одном случае перпендикулярно длинной оси орудия, в остальных – под углом 45–60°. Отмечены продольные линейные следы скобления и более короткие поперечные порезы (см. рис. 1, *11*), связанные, скорее всего, с удалением мягких тканей.

Изделия, фрагментированные по трещинам усыхания (6 экз.), представляют собой продольные или продольно-поперечные осколки диафизов трубчатых костей животных размера бизона. Поперечный край одной из заготовок диагонально усечен регулярной дорсальной краевой отвесной ретушью (рис. 1, *6*). Сохранившиеся участки рабочей зоны несут следы как слабой, так и сильной сработанности. Зарубки от контакта с краем каменной заготовки ориентированы преимущественно под углом 30–45° относительно длинной оси орудия. На четырех фрагментах зафиксированы продольные линейные следы удаления надкостницы. На одном ретушере поверхность за пределами рабочей зоны покрыта частыми линейными неглубокими следами-царапинами под углом 45° (рис. 1, *4*).

По сравнению со среднепалеолитическими ретушерами, орудия этого типа из слоя 11 отличаются формообразующей обработкой костяных заготовок. Фрагменты диафизов имеют следы намеренного тронкирования поперечных краев, оббивки продольных краев, удаления острых краев сломов с помощью ретуши. Для верхнепалеолитических ретушеров характерен наклон следов от использования под углом от 30 до 60° к длинной оси изделия, в то же время на орудиях из слоя 12 следы-зарубки ориентированы строго перпендикулярно, что, скорее всего, свидетельствует о разных способах захвата инструмента и обрабатываемых сколов. Помимо ударной техники ретушеры из слоя 11 использовались для нанесения ретуши отжимом, что согласуется с орудиями из сопутствующей каменной индустрии.

Впервые в материалах верхнепалеолитических комплексов Денисовой пещеры зафиксировано два костяных орудия, интерпретируемые как булавки (рис. 2, *1*, *2*). Характерной особенностью этих изделий является наличие заостренного конца и противопоставленного ему расширения-головки [Васильев и др., 2007, с. 203]. Булавки изготовлены из малых берцовых костей сурка *Marmota baibavina*, имеют узкую удлиненную форму и слегка искривленный профиль. Форма поперечного сечения изделий варьирует: в более массивной проксимальной части она плоско-выпуклая, в медиальной – подпрямоугольная, а в дистальной – овальная. Острый конец орудий скошен относительно длинной оси. Одно изделие (рис. 2, *1*) полностью восстановлено из трех фрагментов, его длина составляет 75 мм, ширина варьирует от 6,4 мм в проксимальной части до 1,6 мм на конце, толщина – от 5,6 до 1,8 мм. Второе целое орудие (рис. 2, *2*) достигает в длину 70,5 мм, в ширину – 4,2–1,8 мм и в толщину – 3–1 мм. Оба изделия тщательно обработаны строганием и несут следы залощенности от контакта с мягким органическим материалом.

В коллекции из слоя 11 представлено три лощила. Одно из них изготовлено из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего размера бизона *Bison priscus* (рис. 2, *3*). Изделие неправильной подпрямоугольной формы имеет уплощенное сечение, прямой профиль и размеры 66,4 × 34,9 × 4,8–3,5 мм. Рабочий край орудия, расположенный на одной продольной и поперечной гранях изделия, сильно скруглен и заполирован от длительного контакта с кожей. Обе поверхности в широкой дистальной части инструмента также имеют следы залощенности. Второе орудие оформлено на ребре млекопитающего размера сибирского горного козла *Capra Sibirica* (рис. 2, *4*). Изделие узкой подпрямоугольной формы имеет линзовидное поперечное сечение, слегка искривленный профиль и размеры 70,3 × 12 × 7,2–5,6 мм. Широкие стороны и грани орудия тщательно обработаны строганием, концы обломаны; рабочий край, приуроченный к одной из боковых поверхностей ребра, дополнительно подработан строганием, равномерно скруглен и залощен от работы. Третье орудие представляет собой фрагмент от лощила, обнаруженного в 2018 г. [Бомann и др., 2018]. Размеры фрагмента – 31,5 × 9,1 × 8,9–3,3 мм. С учетом двух уже известных частей этого орудия, его общая длина составляет 35,7 мм, ширина – 19,7 мм, толщина 8,9–4,6 мм. В собранном виде лощило имеет подтреугольную форму, плоско-выпуклое поперечное сечение и прямой профиль. Его внешняя сторона тщательно обработана строганием, следы которого в значительной степени интенсивно заполированы. На внутренней поверхности изделия сохранились остатки губчатого вещества. Рабочий край орудия сильно скруглен и заглажен в результате длительного использования при выделке шкур.

Комплекс орудий кожевенного производства включает также иглу с просверленным ушком,

Рис. 2. Формальные костяные орудия из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.
1, *2* – булавки; *3, 4* – лощила; *5* – фрагмент шила; *6* – фрагмент проколки; *7* – фрагмент иглы с ушком.

шило и проколку, выполненные из стенок трубчатой кости крупных животных. Проксимально-медиальный фрагмент иглы (рис. 2, *7*) имеет округлое поперечное сечение, прямой профиль и размеры 30,6 × 3,1–2,7 × 2,4–1,9 мм. В проксимальной части орудия находится сломанное ушко (d = 1,3 мм), оформленное биконическим сверлением. Технология производства костяной иглы включала вырезание исходной заготовки, подготовку преформы строганием и шлифовкой, двустороннее сверление и полировку [Деревянко и др., 2016]. В дистальной части орудия отмечены следы поперечного слома с петлеобразным окончанием, поверхности изделия залощены от использования. Дистальный фрагмент шила (рис. 2, *5*) имеет вытянутую форму, линзовидное сечение, прямой профиль и размеры 29,6 × 8,9 × 4,0 мм. Одна из широких сторон изделия тщательно обработана строганием, дистальный конец заострен и заполирован от использования. К категории проколок отнесен медиальный фрагмент стержневидного остроконечного орудия (рис. 2, *6*). Фрагмент имеет узкую подпрямоугольную форму, слегка искривленный профиль, округлое поперечное сечение и размеры 31,7 × 4,4–3,6 × 4,3–2,8 мм. Поверхность орудия тщательно зашлифована и покрыта следами интенсивной заполировки, доходящей до зеркального блеска.

Дополняет коллекцию фрагмент заготовки костяного изделия из ребра млекопитающего размера марала *Cervus elaphus*. Предмет продольно фрагментирован, подпрямоугольной формы, с плоско-выпуклым сечением, прямым профилем и размерами 55,4 × 13 × 3,3 мм. На выпуклой стороне заготовки отмечены следы строгания.

Достаточно представительный набор костяных орудий предназначался для разных стадий кожевенного производства – лощила применялись для первичной обработки шкур, их размягчения и удаления мездры, шило и проколка – для перфорации, а игла – при сшивании тщательно выделанного материала, нанизывании или креплении к одежде украшений. На каждом из этих изделий выделены характерные признаки износа, свидетельствующие об их относительно долгом использовании. Дополняют инструментарий уникальные костяные булав-

ки, которые, судя по характеру обработки и следам утилизации, применялись, видимо, для крепления разных частей костюма верхнепалеолитических обитателей пещеры.

Список литературы

Боманн М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 32–36.

Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 262 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Павленок Г.Д., Белоусова Н.Е. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок 2016 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 72–75.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones. – Journal of Human Evolution. – 1991. – No. 21. – pp. 27–48.

References

Baumann M., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. The Middle and Upper Paleolithic Bone Tools from South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXIV, pp. 32–36. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.032-036

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Pavlenok G.D., Belousova N.E. Early Upper Paleolithic bone needle from the Main Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXII, pp. 72–75. (In Russ.).

Vasiliev S.A., Bozinski G., Bredli B.A., Vishnyatskii L.B., Girya E.Yu., Gribchenko Yu.N., Zheltova M.N., Tikhonov A.N. Glossary of the Paleolithic Archaeology. Russian / English / French / German. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007, 262 p.

Villa P., Mahieu E. Breakage patterns of human long bones. *Journal of Human Evolution,* 1991, No. 21, pp. 27–48.

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0362-0368
УДК 903.01

М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко✉, М.Б. Козликин
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Верхнепалеолитические украшения из южной галереи Денисовой пещеры: коллекция 2021 года

В статье рассматривается новая коллекция персональных украшений ранней стадии верхнего палеолита из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры. В коллекции представлены изделия нескольких типов: плоская округлая бусина из кости, подвески из зубов хищников и копытных млекопитающих с нарезкой и перфорацией, подвеска из раковины пресноводного моллюска с отверстием, фрагмент браслета, кольцо и подвеска с нарезкой, выполненные из мрамора, а также мелкий отщеп серпентина. В результате проведенного исследования были реконструированы технологии изготовления украшений, определены основные способы их использования, а также зафиксированы примеры переоформления изделий для употребления в новой функции. Технология производства подвесок из зубов включала короткую последовательность операций: получение заготовок, обработку строганием или скоблением, нанесение кольцевых нарезок или перфорацию сверлением. Производство плоских бусин реализовывалось путем вырезания удлиненных пластин из стенок трубчатой кости крупных млекопитающих, подготовки заготовок строганием, вырезания преформ, биконического сверления и шлифовки. Полученные подвески и бусины серийно использовались для орнаментации одежды и в качестве личных украшений. Технология производства предметов из мрамора предполагала реализацию короткой или более продолжительной последовательности действий. Для создания наиболее сложных мраморных изделий – колец и браслетов, применялась схожая технологическая последовательность, включавшая выбор и транспортировку сырья, перфорацию с последующим растачиванием полученного отверстия, шлифовку и полировку. Кольца и браслеты использовались в качестве украшений, вероятно, имевших особый статус.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, персональные украшения, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, ранний верхний палеолит, технология обработки кости.*

M.V. Shunkov, A.Yu. Fedorchenko✉, M.B. Kozlikin
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Upper Paleolithic Ornaments from the South Chamber of Denisova Cave: 2021 Collection

This article presents a new collection of the Early Upper Paleolithic personal ornaments from layer 11 in the South Chamber of Denisova Cave. The collection contains items of several types: a flat round bone bead, pendants made of teeth of predators and ungulates with cutting and perforation, a pendant from a freshwater mollusk shell with a hole, a fragment of a bracelet, a ring and a pendant with cutting made of marble, a small flake from serpentine. As a result of the study, the technologies for ornament production were reconstructed, the main methods of their use were determined, and examples of ornaments reshaping for using according to a new function were recorded. The technology for the teeth pendants production included a short sequence of operations: obtaining blanks, processing by planing or scraping, applying circular cuts or perforating by drilling. The production of flat beads was carried out by cutting out elongated plates from the walls of the tubular bone of large mammals, preparing blanks by planing, cutting out preforms, biconical drilling and grinding. The finished pendants and beads were massively used to decorate clothes and as personal apparel. The technology for the production of ornaments from marble involved a short or longer sequence of actions. To create the most complex marble products, i.e. rings and bracelets, a similar technological sequence was used, including the selection and transportation of raw materials, perforation followed by boring of the resulting hole, grinding, and polishing. Rings and bracelets were used as apparel, and probably had a special status.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, personal apparel, experimental use-wear analysis, technological analysis, Early Upper Paleolithic, bone processing technique.*

Персональные украшения из кости, бивня, поделочного камня, скорлупы яиц страуса и раковин моллюсков являются наиболее массовыми и выразительными проявлениями символического поведения в контексте памятников начала верхнего палеолита Евразии [Деревянко, Шуньков, 2004]. Разнообразие и специфика предметов личной орнаментации отражает существование в культуре первых верхнепалеолитических сообществ сложившихся предпочтений в выборе формы, тех или иных типов поделочного сырья, а также глубоких знаний в сфере его обработки. Предполагается, что широкое распространение украшений являлось следствием не только существенного прогресса в развитии древних технологий, но и возрастающей потребности палеолитического человека во внутригрупповой и межгрупповой коммуникации, маркировании социального статуса, племенной, возрастной или гендерной принадлежности [Barton, Clark, Cohen, 1994; Kuhn, Stiner, 2007; D'Errico et al., 2009].

В настоящее время наиболее ранние для территории Евразии свидетельства производства и использования изделий персональной орнаментации из разнообразных органических материалов и минерального сырья обнаружены в верхнепалеолитических комплексах Денисовой пещеры на Алтае [Деревянко, Шуньков, Козликин, 2020; Shunkov et al., 2020]. В результате исследований последних лет коллекция украшений из отложений пещеры заметно выросла как в количественном, так и в качественном отношениях и насчитывает в общей сложности свыше 200 изделий.

В 2021 г. в ходе раскопок в южной галерее пещеры из отложений слоя 11, датируемого ранней стадией верхнего палеолита, получена коллекция из 12 украшений разных типов: плоская бусина из кости, подвески из зубов млекопитающих с нарезкой (2 экз.) и перфорацией (4 экз.), подвеска из раковины моллюска с отверстием, фрагмент браслета, кольцо и подвеска с нарезкой из мрамора, а также отщеп из серпентина. Изучение украшений базировалось на данных технологического и экспериментально-трасологического методов. Поиск, выявление и анализ следов производства и износа осуществлялись с помощью бинокулярного микроскопа Альтами CM0745-T и металлографического микроскопа Olympus BHM. Фотофиксация следов велась с использованием зеркальной фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV, макрообъектива EF 100 mm f/2.8 Macro USM и штатива с ручной наводкой на резкость. Определение минерального сырья выполнила к.г.-м.н. Н.А. Кулик, фаунистические определения – к.б.н. С.К. Васильев.

Наиболее представительную группу украшений составляют подвески из клыков лисицы *Vulpes Vulpes*, резцов плейстоценовой лошади *Equus Ferus*, сибирского горного козла *Capra Sibirica* и сайги *Procapra Saiga* (n = 6). Все изделия различны по способу подвешивания. Две фрагментированные подвески имеют следы крепления в виде нарезок, нанесенных в корневой части зуба каменным орудием с тонким рабочим краем V-образной формы. Первое изделие, выполненное из резца *Equus Ferus* (рис. 1, *5*), достигает 32,2 мм в длину, 11,1 мм в ширину и 8,8 мм в толщину. Для производства второго украшения использовался резец *Capra Sibirica* (рис. 1, *6*), его длина составляет 28,7 мм, ширина – 6,2 мм, толщина – 5,8 мм. Из-за продольной фрагментации обеих подвесок судить об изначальном числе прорезанных насечек трудно. На первой из них сохранились две короткие нарезки (рис. 2, *2*), длина которых варьирует от 4,7 до 6,3 мм, ширина – 0,4–1,0 мм. На второй подвеске – одна насечка, размером 3,9 мм в длину, 0,6 мм в ширину и 0,2 мм в толщину. Выше этих нарезок на подвесках отмечено еще по одной укороченной, вероятно, пробной насечке схожей морфологии. Поверхность зуба, перед оформлением нарезок для крепления, подготавливалась скоблением и строганием. Следы этих операций в виде удлиненных извилистых или более регулярных борозд, параллельных или субпараллельных длинной оси артефактов, распространяются с двух сторон более чем на 1/2 длины зуба. В корневой части изделий зафиксирована тусклая заполировка от использования.

Четыре подвески имеют следы биконической перфорации. Среди украшений этого типа три изготовлены из клыков лисицы (см. рис. 1, *2, 3*). Две из них сохранились полностью, их длина варьирует от 25,5 до 25,9 мм, ширина составляет 5,9–6,6 мм, толщина – 3,9–4,0 мм. Третья подвеска сломана по отверстию и частично фрагментирована продольно (рис. 1, *4*), ее длина – 22,9 мм, ширина – 6,7 мм, толщина – 4,1 мм. В корневой части этих украшений расположены округлые отверстия диаметром от 0,9 до 1,1 мм. Еще одна перфорированная подвеска изготовлена из резца сайги (рис. 1, *1*). Изделие сломано по отверстию, его размеры составляют 15,5 × 4,9 × 4,7 мм. Поперечно фрагментированное биконическое отверстие округлой формы диаметром 1 мм расположено в корневой части зуба. Аналогично другим подвескам этого типа из Денисовой пещеры данные украшения несут следы предварительного утончения заготовки и уплощения места перфорации путем выскабливания каменным инструментом (см. рис. 2, *1*). На использование этих изделий в качестве укра-

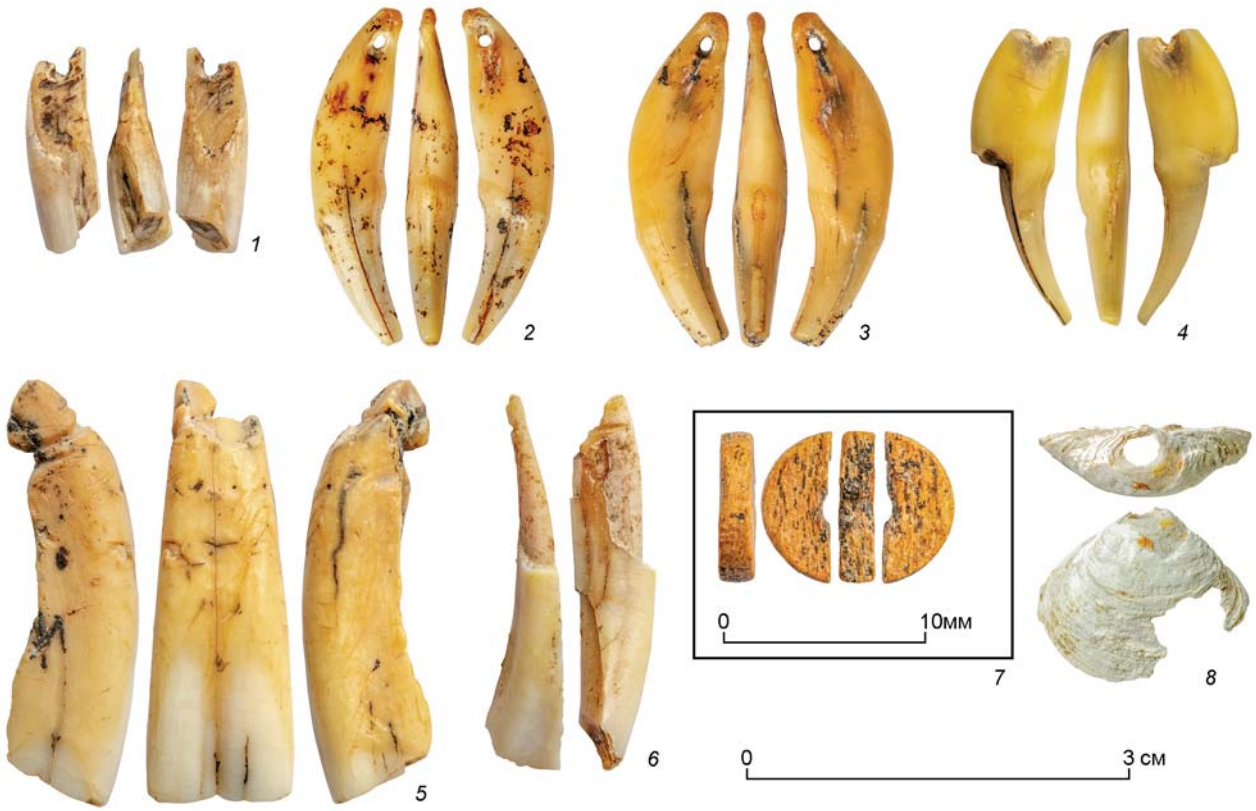
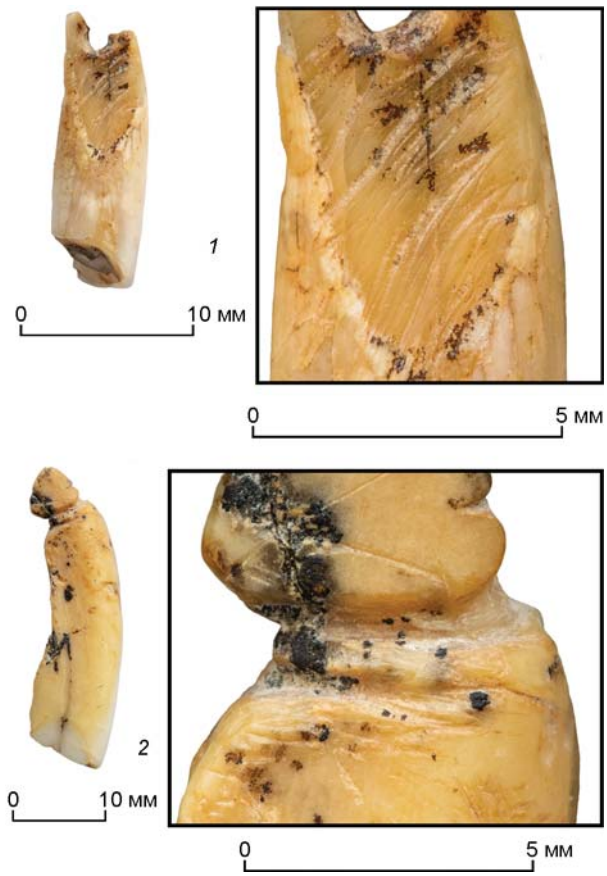

Рис. 1. Персональные украшения из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.
1–6 – подвески из зубов млекопитающих; *7* – плоская бусина из кости; *8* – подвеска из раковины моллюска.

шений указывают следы интенсивной залощенности в корневой части и вокруг отверстий.

Плоская бусина округлой формы изготовлена из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего (см. рис. 1, *7*). Изделие достигает 7,3 мм в длину, 3,4 мм в ширину и 1,6 мм в толщину. Украшение фрагментировано по отверстию, имеет подпрямоугольное поперечное сечение и прямой профиль. Широкие стороны и грани изделия тщательно заглажены на мелкозернистом абразиве. Признаки шлифовки в виде коротких линейных следов, расположенных поперечно длинной оси украшения, в наибольшей степени сохранились на его гранях. Округлое биконическое отверстие диаметром 1,3 мм расположено в центральной части артефакта. Обе поверхности бусины заполированы от использования.

Коллекцию украшений из органического сырья дополняет подвеска с отверстием из раковины моллюска *Corbicula Tibetesis* (рис. 1, *8*). Поверхность изделия сильно преобразована в результате фосфатной минерализации, его дистальная часть повреж-

Рис. 2. Подвески из зубов животных из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

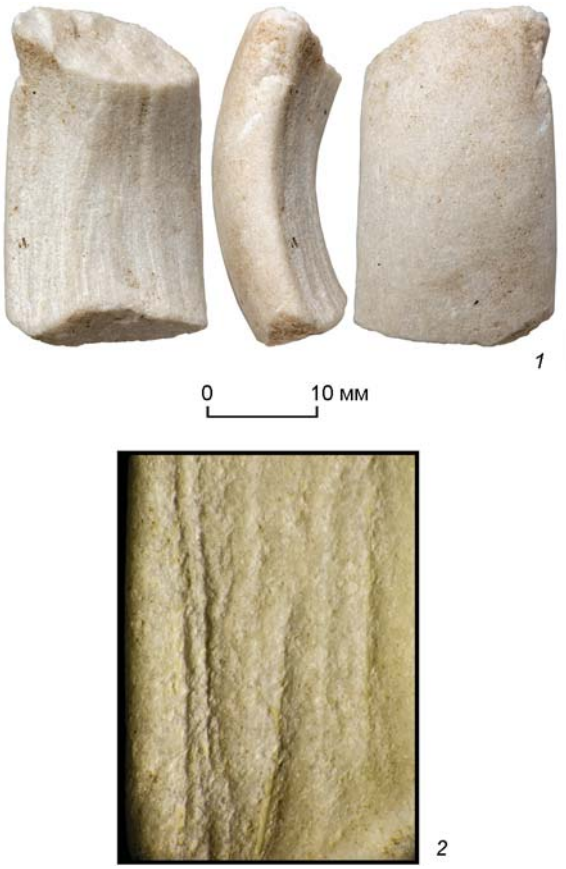

Рис. 3. Мраморный браслет из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – общий вид изделия; *2* – следы растачивания на внутренней стороне браслета.

дена из-за выкрашивания. Длина изделия составляет 16,1 мм, ширина – 13,4 мм, толщина – 5,1 мм. Отверстие многоугольной формы диаметром 2,4 мм расположено на верхней грани раковины, выровненной, вероятно, в результате предварительной обработки. Сохранность украшения не позволяет уверенно диагностировать способ перфорации изделия. Судя по другим подвескам из раковин *Corbicula Tibetesis* в составе коллекции из Денисовой пещеры, отверстие могло быть получено в результате сверления или пробивания [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017].

Наиболее представительную группу в коллекции образуют три изделия из крупнозернистого молочно-белого мрамора – фрагмент браслета, кольцо и подвеска с пропиленными насечками, переоформленная из обломка другого кольца. Фрагмент браслета из мрамора (рис. 3, *1*) впервые обнаружен в Денисовой пещере. Заготовкой изделия служила небольшая галька. Украшение представлено медиальным фрагментом подпрямоугольной формы с изогнутым профилем и линзовидным сечением; его боковые грани субпараллельны друг другу. Максимальная длина фрагмента по дуге составляет 32 мм, ширина в наиболее широкой части – 17,7 мм, в наиболее узкой – 15,7 мм и в медиальной – 17,3 мм. Толщина изделия также варьирует от 9,2 мм в медиальной части до 8,7 и 9,7 мм по краям. На внутренней поверхности браслета зафиксированы удлиненные параллельные и субпараллельные линейные борозды от растачивания абразивом (рис. 3, *2*). С внешней стороны изделие тщательно выровнено и заглажено шлифовкой. Признаки использования мелкозернистого абразива на данном участке имеют вид относительно тонких линейных следов, ориентированных преимущественно вдоль длинной оси изделия. Следы абразивной обработки на внешней стороне и гранях браслета отчасти перекрыты последующими следами отделочной полировки и заглаженности от использования.

Кольцо округлой формы изготовлено из уплощенной гальки белого мрамора (рис. 4, *1*). Изделие восстановлено из четырех аппликирующихся фрагментов, составляющих более половины его формы.

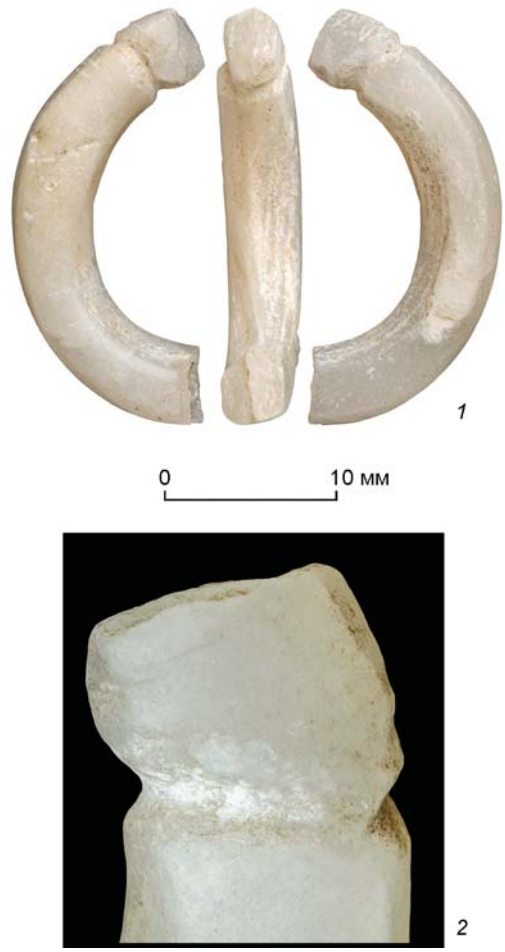

Рис. 4. Мраморное кольцо из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – общий вид изделия; *2* – следы обработки и износа на внутренней стороне кольца.

Кольцо имеет шестигранное поперечное сечение и прямой профиль. Максимальная длина изделия по внешней окружности – 83,4 мм, ширина стенок варьирует от 8,0 мм до 10,5 мм, толщина – 7,3–8,1 мм, диаметр внешней окружности – 48,7 мм, внутренней – 28,9 мм. Обе стороны кольца тщательно выровнены и уплощены абразивной обработкой. Следы шлифовки на внутренней и внешней сторонах изделия ориентированы диагонально и перпендикулярно его длиной оси в виде рядов из удлиненных линейных полос. На внутренней стороне кольца сохранились признаки растачивания, в целом, аналогичные таковым на браслете – ряды из относительно тонких протяженных концентрических параллельных и субпараллельных борозд (рис. 4, *2*). При увеличении ×40–×100 на внешней поверхности и гранях кольца отмечены признаки микроповреждений, связанных с его использованием – короткие глубокие выбоинки подпрямоугольных очертаний, перпендикулярные длинной оси предмета, а также следы стертости – на внутренней стороне и гранях изделия.

Подвеска с кольцевой нарезкой выполнена из фрагмента мраморного кольца (рис. 5, *1*). Изделие имеет полулунную форму, прямой боковой профиль и шестигранное поперечное сечение. Длина фрагмента составляет 23,3 мм, ширина варьирует

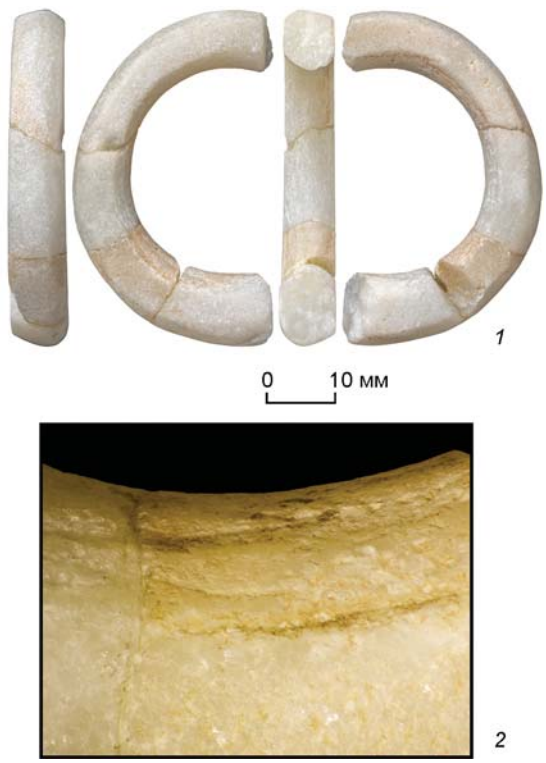

Рис. 5. Мраморная подвеска с кольцевой нарезкой из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.

1 – общий вид изделия; *2* – следы кольцевой нарезки.

от 4,3 до 4,7 мм, толщина – от 3,6 до 4,2 мм. Характер обработки изделия в целом аналогичен таковой на описанном выше кольце. Внутренняя его сторона несет следы двустороннего растачивания, широкие стороны и грани тщательно обработаны мелкозернистым абразивом. На одном из концов предмета в непосредственной близости к месту поперечного слома каменным орудием пропилена серия сообщающихся нарезок (рис. 5, *2*). Ширина насечек составляет 0,8–1,1 мм, глубина – 0,3–0,5 мм. Оси прорезанных линий совпадают, благодаря чему сформирована относительно ровная окружность. На выпуклой поверхности изделия выше и ниже зоны с кольцевой нарезкой прослежена серия неглубоких коротких пробных надпилов. При увеличении ×40–×100 выявлены следы повреждений, связанные с использованием украшения – мелкие неглубокие щербины округлой формы и более крупные удлиненные линейные углубления с ориентацией диагонально длинной оси предмета. Подобные следы износа отмечены на широких сторонах и гранях подвески. На внутренней стороне изделия наблюдается заглаженность поверхности, отчетливо перекрывающая следы растачивания.

К предметам из поделочного камня отнесен также мелкий скол светло-зеленого серпентина-антигорита. Скол имеет удлиненную подпрямоугольную форму, уплощенно-линзовидное поперечное сечение, прямой профиль и размеры 4,7 × 1,3 × 0,3 мм. Серия мелких фрагментов серпентина, аналогичных по морфологии, цвету и текстуре, была зафиксирована в южной галерее на смежном участке раскопа 2019 г. [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2019], одна подвеска и заготовка изделия из этого сырья – в раскопе 2017 г. [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017]. Такое сочетание изделий из редкого сырья, локализованное на относительно небольшой площади, указывает, скорее всего, на производство украшений из серпентина в этой части пещеры.

Новые находки дополняют полученные сведения о традициях производства персональных украшений, существовавших на ранних этапах верхнего палеолита на Алтае. Технология производства подвесок из зубов животных включала короткую последовательность операций: получение заготовок, обработку места будущего отверстия строганием или скоблением, формирование кольцевых нарезок или перфорацию заготовок сверлением или пробиванием. Для производства плоских бусин применялась более трудоемкая технология, включавшая вырезание относительно тонких удлиненных пластин-заготовок из стенок трубчатой кости крупных млекопитающих, подготовку поверхностей строганием, вырезание преформ, биконическое сверле-

ние и шлифовку. Полученные подвески и бусины серийно использовались верхнепалеолитическими обитателями Денисовой пещеры в составе композиций для орнаментации одежды и в качестве личных украшений.

Существенно дополняет облик коллекции предметов персональной орнаментации серия изделий, выполненных из молочно-белого мрамора. В результате исследований предыдущих лет в материалах Денисовой пещеры выявлено восемь предметов из мрамора. Наиболее многочисленное собрание таких украшений обнаружено в слое 11 на других участках южной галереи: подвеска из галечки с биконическим отверстием, две мелкие бусины округлой формы, а также галька со следами растирания и остатками охры на поверхности [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2018]. Целое кольцо из белого мрамора было найдено в слое 11.1 в восточной галерее [Shunkov et al., 2020]. По морфологии и способу оформления оно является полным аналогом кольца из южной галереи. Еще три украшения получены из литологического слоя 6 на предвходовой площадке пещеры – подвеска из овальной гальки с перфорацией, фрагмент кольца и плоская бусина.

Технология производства украшений из мрамора в Денисовой пещере включала реализацию как короткой, так и более длинной последовательности действий. Предполагается, что материалом для изготовления этих украшений служил мрамор из русла р. Ануй в виде удобных для обработки плоских галек [Кулик, Шуньков, 2010]. В качестве примера относительно простых последовательностей с ограниченным набором операций можно рассматривать производство объемных подвесок из мелких галечек, включавших поиск отдельностей подходящей формы, транспортировку сырья, биконическое сверление. При изготовлении округлых бусин из мелких сколов мрамора помимо двусторонней перфорации активно использовались приемы шлифовки и полировки. Более сложная последовательность применялась обитателями пещеры для производства колец и браслета. В целом она схожа с реконструированной ранее технологической цепочкой изготовления браслета из хлоритолита, обнаруженного в слое 11.1 в восточной галерее пещеры [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008; Shunkov et al., 2020]. На начальном этапе изготовления после подбора заготовки необходимой формы с использованием биконического сверления было сформировано технологическое отверстие. Далее с помощью абразива оформлялась преформа с округлым контуром. Следующие стадии включали расточку отверстия и окончательное формообразование изделия посредством шлифовки и полировки.

В настоящее время коллекция персональных украшений из южной галереи Денисовой пещеры демонстрирует максимальный набор типов, представленный в археологических комплексах начального и раннего верхнего палеолита Алтая. В результате их изучения реконструированы технологии производства украшений, определены основные способы использования, в т.ч. отмечены случаи переоформления изделий после поломки для употребления в новой функции.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2. – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Кто такие денисовцы? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Том. 48. – № 3. – С. 3–32.

Кулик Н.А., Шуньков М.В. Петрографическая характеристика палеолитического кольца из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 117–120.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 259–262.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–202. doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.198-202.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 306–314. doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.306-312.

Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.E. Art as Information: Explaining Upper Palaeolithic Art in Western Europe // World Archaeology. – 1994. – Vol. 26. – pp. 185–207.

D'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C., Lawson G., Maureille B., Gambier D., Tillier A.,

Soressi M., Van Niekerk K. From the origin of language to the diversification of languages: What can archaeology and palaeoanthropology say? // Becoming Eloquent: Advances in the emergence of language, human cognition, and modern cultures. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. – pp. 13–68.

Kuhn S.L., Stiner M.C. Body ornamentation as information technology: Towards an Understanding of the Significance of Early Beads // Rethinking the Human revolution. – Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2007. – pp. 45–54.

Shunkov M.V., Fedorchenko A. U., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. – 2020. – Vol. 559. – pp. 47–67. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.07.027

References

Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.E. Art as Information: Explaining Upper Palaeolithic Art in Western Europe. *World Archaeology*, 1994, vol. 26, pp. 185–207.

D'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C., Lawson G., Maureille B., Gambier D., Tillier A., Soressi M., Van Niekerk K. From the origin of language to the diversification of languages: What can archaeology and palaeoanthropology say? In *Becoming Eloquent: Advances in the emergence of language, human cognition, and modern cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009, pp. 13–68.

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Formation of the Upper Paleolithic Traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 3, pp. 12–40.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Volkov P.V. A Paleolithic Bracelet from Denisova Cave. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 2, pp. 13–25.

Kuhn S.L., Stiner M.C. Body ornamentation as information technology: Towards an Understanding of the Significance of Early Beads. In *Rethinking the Human revolution*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2007, pp. 45–54.

Kulik N.A., Shunkov M.V. Petrograficheskaya kharakteristika paleoliticheskogo kol'tsa iz Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 117–120. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A. U., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai. *Quaternary International*, 2020, vol. 559, pp. 47–67. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2020.07.027

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Bone Tools and Personal Adornments of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2019). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 306–314. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.306-312.

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic Objects of Bone from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2017). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 259–262. (In Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. The Early Upper Palaeolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 198–202. (In Russ.). doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.198-202.

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0371-0376
УДК 902/904

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога

Статья посвящена интерпретации следов горения на остатках различных деревянных сооружений Умревинского острога первой половины XVIII столетия. Целью исследований было выявление, систематизация и анализ происхождения термических воздействий на сохранившиеся детали деревянных оборонительных и жилых конструкций острога. Отсутствие следов огня на основаниях тыновин стен Умревинского острога, сохранившихся в тыновых канавках, свидетельствует об отсутствии их специальной термической обработки перед их помещением в грунт. Именно вследствие этого, судя по письменным источникам первой трети XVIII века, тыновые стены Умревинского острога достаточно быстро разрушались. На другом оборонительном сооружении – угловой юго-западной башне следы огня связаны с ее разрушением во второй половине XVIII века. Следует отметить, что сваи фундамента башни, так же как тыновины, не имели специального обожжения в гидроизолирующих целях. Эту функцию для основания пола сруба башни выполняла глинистая подсыпка. В центральной части острога были зафиксированы сгоревшие руины жилой конструкции. Обилие нумизматического материала на этом пожарище позволяет датировать это событие не позднее конца XVIII века. Следы воздействия огня на жилые сооружения XVIII века обнаружены и на посаде Умревинского острога в районе выявления клада монетного серебра, состоящего из «капельных» копеек петровского времени, чеканившихся до 1718 г. Отдельные факты обожжения фиксируются и в некоторых погребениях более позднего некрополя, сформировавшегося на внутренней площади острога не ранее рубежа XVIII–XIX вв. В целом, для топографии следов горения на Умревинском остроге характерна локальность, что исключает воздействие на оборонительные сооружения и жилые конструкции масштабных лесных пожаров. Такие стихийные бедствия фиксировались в письменных источниках для севера Верхнего Приобья еще в конце XVII века и являлись для сибирских острогов одним из факторов их разрушения и необходимости восстановления.

Ключевые слова: *раннее Новое время, сибирские остроги, деревянные сооружения, фортификация, воздействие огня.*

A.P. Borodovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Impact of Fire on Wooden Structures of the Umrevinskiy Ostrog

The article discusses the interpretation of the burning traces on the remains of various wooden structures of the Umrevinskiy ostrog from the first half of the 18th century. The tasks of the research were to identify, systematize, and analyze the origin of thermal exposure on preserved parts of the wooden defensive and residential structures of the ostrog. The absence of fire traces on the bases of the logs preserved in the grooves from the log fence indicates that they were not subjected to any special heat treatment before being placed into the ground. Based on written sources of the first third of the 18th century, it is because of this that the back walls of the Umrevinskiy ostrog collapsed rather quickly. In another site, the southwestern corner tower, the fire traces are associated with its destruction in the second half of the 18th century. Note that the piles of the tower foundation, similarly to the log fence, did not have any special burning to provide waterproofing. For the base of the tower frame, this function was performed by clay bedding. In the central part of the ostrog, burned-out ruins of a residential structure were recorded. The abundance of numismatic material in the ruins allows dating this event no later than the late 18th century. Traces of fire exposure on residential buildings of the 18th century were also found in the posad (settlement) of the Umrevinskiy ostrog, in the area of the discovery of the treasure of silver coins, consisting of the "drip" kopeks of the Peter's

time (minted until 1718). Separate facts of burning are recorded in some burials from a later necropolis that was formed in the inner area of the ostrog no earlier than at the turn of the 18–19th centuries. Generally, the topography of fire traces in the Umrevinskiy ostrog is characterized by local nature, which excludes the impact of large-scale forest fires on fortifications and residential structures. Such natural disasters were recorded in the written sources for the north of the Upper Ob Region in the end of the 17th century and were one a factor of their destruction and the need for restoration of the Siberian ostrogs.

Keywords: *early Modern Age, Siberian ostrogs, wooden structures, fortification, fire exposure.*

Для деревянных сооружений огонь всегда был самой разрушительной стихией. В Сибири, в самом начале XVIII столетия власти уделяли особое внимание противопожарным мерам для различных военных, административных, хозяйственных и жилых построек из дерева. Причиной воздействия огня было несколько факторов – антропогенный (военный, бытовой) и стихийный. Следы таких воздействий археологически прослежены на целом ряде сибирских острогов (Братском, Тобольском, Албазинском, Казымском, Ляпинском, Бикатунском). В частности, под нижними венцами башен Братского острога была зафиксирована угольная прослойка и остатки частокола. Это позволило сделать вывод о гибели предшественника Братского острога в пожаре в первой трети XVII в. [Никитин, 1961, с. 222]. В 1677 г. сгорели тыновые стены Тобольского острога [Матвеев, Аношко, Клименко, 2012]. Еще одним примером, является Албазинский острог. Во время первой маньчжурской осады он подвергся значительным разрушениям и сгорел в 1685 г. Спустя еще год (1686 г.) острог был восстановлен и выдержал новую маньчжурскую осаду, но затем, по условиям Нерчинского договора (1689 г.) был окончательно разрушен [Албазинский…, 2019, с. 137, рис. 2.2.20, с. 138, 192]. В 1710 г., судя по письменным источникам, был сожжен Бикатунский острог [Бородаев, Контев, 2015, с. 96, 97]. Рукотворные пожары начала XVIII и XX вв. известны по письменным источникам на территории Ляпинского острога [Визгалов, Балуева, 2009, с. 277; Крадин, 1988, с. 89]. В 1786 г. произошел пожар в доме управляющего Чаусского острога*.

Не менее значимыми для стратиграфии и дендрохронологии острогов при формировании на их территории следов интенсивного горения являются лесные пожары. Например, при дендрохронологической датировке строительного материала (осень 1744 – зима 1745 г.) башен Казымского острога особое значение имели письменные данные о пожаре – 1742 г. Скорее всего, последствия этого природного явления и обусловили обновление острога, который затем в 1751 г. был упразднен [Мыглан, Слюсаренко, Майничева, 2010, с. 76]. В этой связи не менее важен факт масштабного лесного пожара 1989 г. на территории бывшего расположения Казымского острога [Молодин и др., 2018, с. 149, 150]. Для Верхней Оби упоминание о таких стихийных бедствиях появляется в письменных источниках еще в конце XVII в. В отписке томского воеводы И.М. Кольцова-Моссальского от 1682 года упоминается о «молнии велики и громы сильные, и теми молниями … леса и черни выгорели без остатку» [Уманский, 1980, с. 144, 145]. Данные о масштабных лесных пожарах в верхнеобском регионе имеются и в более поздних письменных источниках конца XIX – начала XX веков [Лесные..., 1932, с. 126; Бородовский, 2005]. При дендрохронологических исследованиях в окрестностях Умревинского острога (рис. 1) (с. Ташара Мошковского района Новосибирской области) среди строительного материала жилых построек были выявлены следы таких пожаров [Бородовский, 2011]. По результатам многолетних археологических исследований на Умревинском остроге, удалось проследить несколько разновидностей воздействия огня (рис. 2). Среди них следы пожара на угловой юго-западной башне и жилом сооружении в центральной части острога, а также обожжения на некоторых погребальных конструкциях некрополя, сформировавшего впоследствии на месте существования острога.

Стратиграфическая последовательность расположения следов интенсивного горения являлась важным фактором, определившим сохранность первоначального профиля и размеров юго-западного угла рва Умревинского острога, поскольку значительная масса следов горения фактически законсервировала этот участок земляного оборонительного сооружения начала XVIII века (рис. 2, *1*). Один из наиболее обширных и мощных прокалов располагался не только в заполнении юго-западного угла рва острога около свайно-столбчатого фундамента набережной башни. Он был представлен пятном значительных размеров (3 × 5 м), локализованным напротив места расположения ленточно-столбчатого фундамента угловой юго-западной башни.

Прокаленные огнем участки почвы были выявлены вдоль обского побережья от юго-западного края площадки Умревинского острога. В этом же направлении, у края одного из котлованов жилой конструкции также были выявлены следы интенсивного горения. Именно в этом слое с ин-

*ГАТО. Ф. 521, Оп. 1, Д. 1, Л. 260–261.

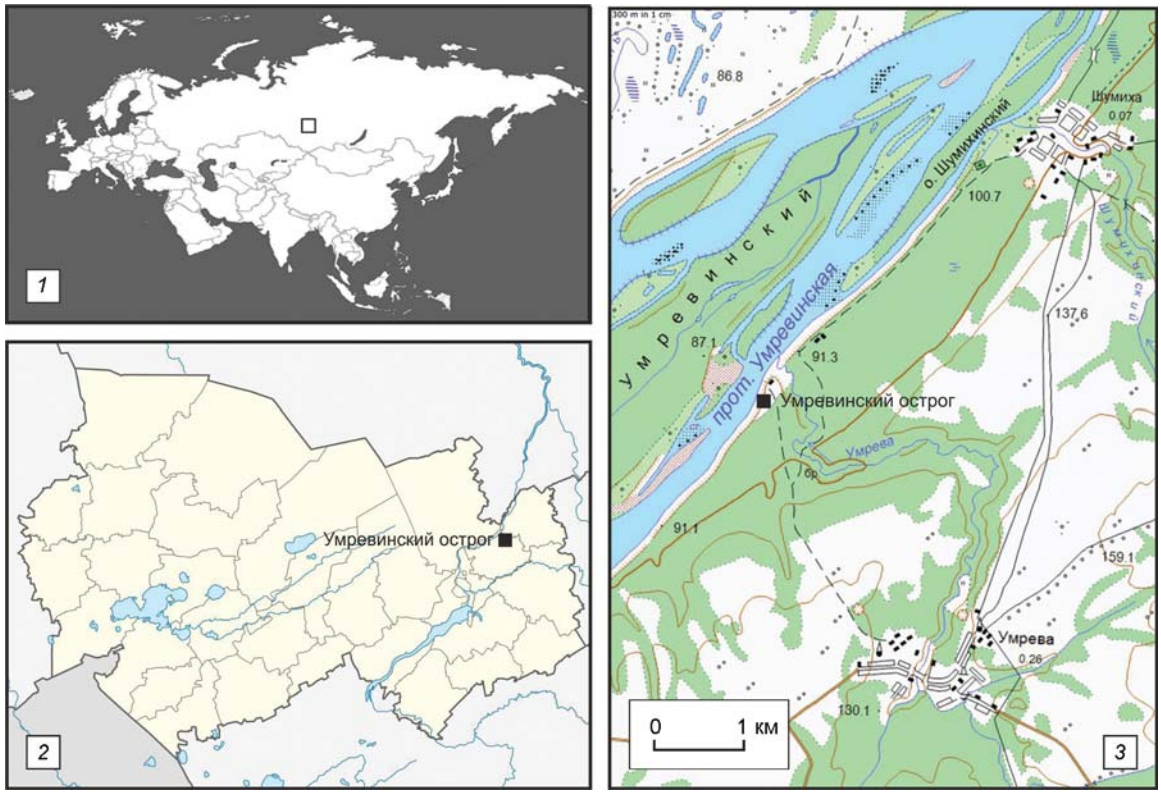

Рис. 1. Расположение Умревинского острога.

1 – Новосибирская область; *2* – место расположения Умревинского острога в Мошковском р-не Новосибирской обл.; *3* – Умревинский острог и его окрестности.

тенсивным обожжением и был обнаружен Умревинский клад монетного серебра первой четверти XVIII в. [Бородовский, Горохов, 2016].

Археологические исследования различных участков Умревинского острога и прилегающих к нему территорий позволили установить общий характер распространения следов интенсивного горения. Еще последствия значительного пожара жилого деревянного сооружения, произошедшего в конце XVIII столетия, были зафиксированы в центральной части Умревинского острога. В дальнейшем периферия обширного прокала от этого события была перерезана целым рядом могил Умревинского некрополя, возникшего на месте площадки упраздненного острога.

Для установления относительной хронологии событий, связанных с пожарами на Умревинском остроге, определенное значение имеют нумизматические материалы. Например, в слое горения у края котлована жилой конструкции за пределами Умревинского острога на участке обнаружения монетного клада серебра реперными монетами являются серебряные «капельные» копейки 1717 г., царствования Петра I. Медная закладная монета (денга) 1730 г. на ленточно-столбчатом фундаменте юго-западной башни Умревинского острога около заполнения рва со следами горения относится уже к правлению Анны Иоанновны. Она маркирует относительную хронологию возведения этой башни. Однако точная датировка ее пожара достаточно проблематична. Соотношение данных письменных и археологических источников по наличию в первой трети XVIII в. количества башен на Умревинском остроге позволило С.В. Горохову, выдвинуть предположение, что она сгорела уже к 1741 г. [Горохов, в печати]. Однако этот пожар мог произойти и позже, когда башня накренилась и рухнула в сторону реки, где потом ее обломки и были сожжены. Косвенным подтверждением такой версии является отклонение к реке, возведенной на этом же месте башни-новодела в 2003 г., а также факт ликвидации остатков башни на Ляпинском остроге в начале XX в. В 1927 г. ее сжег местный крестьянин, «поскольку развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали» [Крадин, 1988, с. 89]. Для Умревинского острога, учитывая место расположения юго-западной башни, фактор расчистки сенокосных угодий был, конечно, вряд ли актуален, поскольку это оборонительное сооружение находилось фактически в одной из центральных зон жилой застройки Умревинской слободы. Не менее важен и другой факт: если принять 1741 г. за дату пожара угловой юго-западной башни Умревинского острога, то это дает определенные основания син-

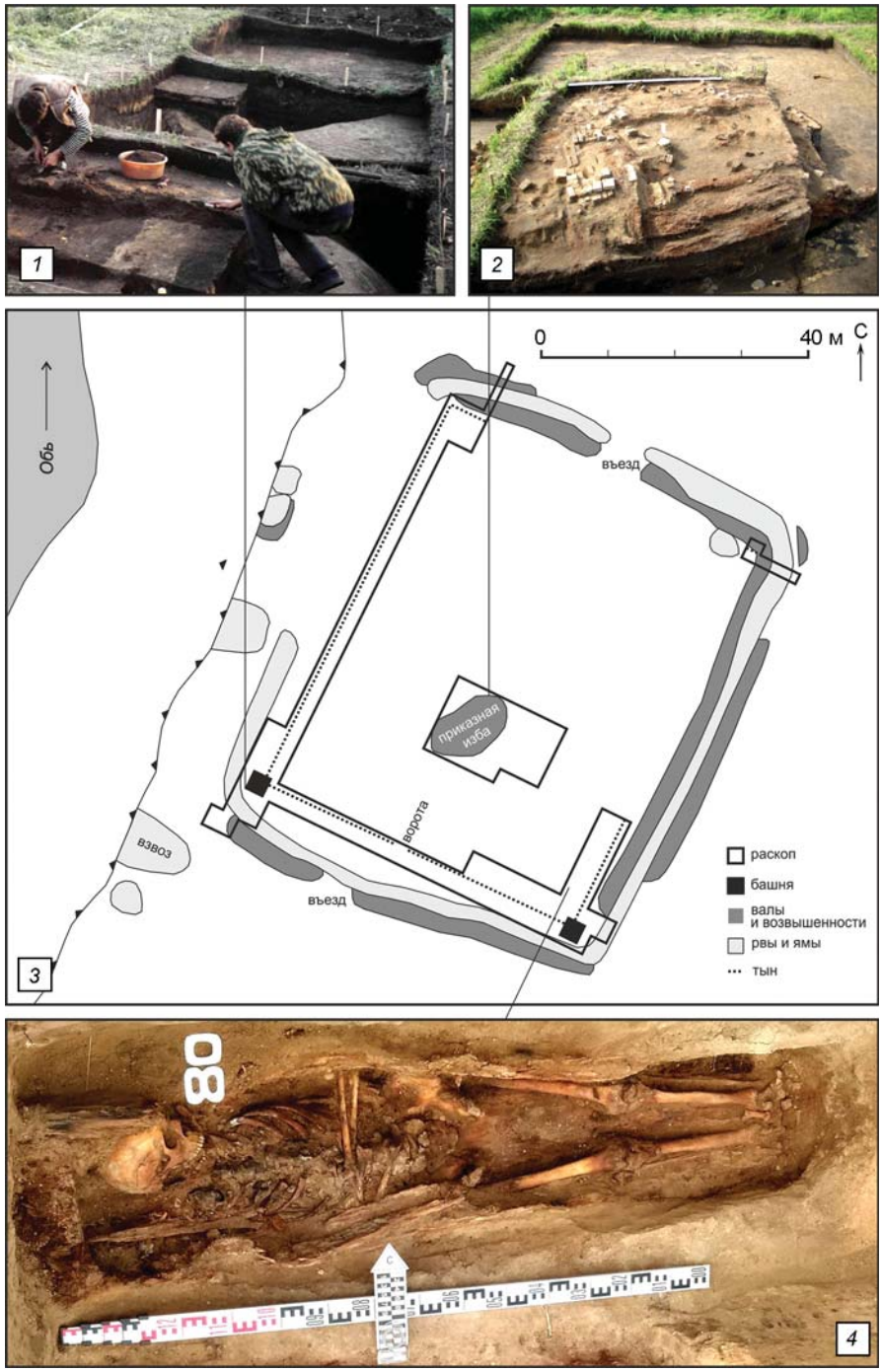

Рис. 2. Следы воздействия огня на различных деревянных сооружениях Умревинского острога.

1 – следы пожара во рву у фундамента угловой юго-западной башни; *2* – руины сгоревшей жилой конструкции в центре острога, перекрытые более поздним некрополем; *3* – план Умревинского острога; *4* – погр. 80 со следами обожжения.

хронизации ее деревянной конструкции с сохранившимися башнями Казымского острога. Они были датированы по данным дендрохронологии [Мыглан, Слюсаренко, Майничева, 2010, с. 76].

Другой не менее показательный факт – обнаружение нумизматического материала в слое горения в центральной части Умревинского острога под деревянной погребальной конструкцией элитного детского погребения. Оно было впущено в слой со следами горения жилой конструкции (рис. 2, *2*), где была обнаружена медная сибирская монета 1767 г. При этом самая поздняя монета на пожарище в центре сруба жилища относилась к 1797 г. Не обсуждая точных хронологических границ узкого датирования всех этих событий, связанных с пожарами на Умревинском остроге, подчеркнем, что они, в целом, так или иначе соотносятся с нумизматикой XVIII столетия.

Как уже ранее отмечалось, воздействие огня, кроме оборонительных и жилых сооружений, на территории Умревинского острога обнаружено еще и в погребениях. В частности, крышка деревянной колоды и кости груди погребенного захоронения № 80 (рис. 2, *4*) имели следы интенсивного обожжения. В состав сопроводительного инвентаря этой могилы входила крупная «гирьковидная» серебряная пуговица с позолотой, которую можно атрибутировать как часть одеяния священнослужителя. Следы огня на костях захороненного и его деревянной погребальной конструкцией, скорее всего, были обусловлено каким-то ритуалом. Например, с огнем в погребальной обрядности русского населения Верхнего Приобья и Барабы был связан обычай помещать в гроб или колоду керамический сосуд с углями из печи дома усопшего [Воробьев, 2001, с. 508]. Воздействие высокой температуры зафиксировано на железных набойках обуви погр. 167 еще одного священнослужителя на Умревинском некрополе. Эти следы представлены на металле в виде расплавленных каких-то минералов, сплавившихся с текстилем. При этом воздействие огня на погребальную конструкцию и скелет погребенного не зафиксировано. Следует отметить, что в этнографической практике известен обычай разведения костров на могилах во время «родительских дней» при посещении кладбищ. Однако, при исследовании южной части некрополя на площадке Умревинского острога таких следов воздействия костров на месте расположения множества захоронений не выявлено. Таким образом, пока ритуальное воздействие огня в «некросфере» площадки Умревинского острога можно связывать только с элитными захоронениями священнослужителей.

В целом, для топографии следов горения на Умревинском остроге характерна локальность, что исключает воздействие на оборонительные сооружения, жилые конструкции и погребения масштабных лесных пожаров. Кроме того, выявление следов воздействия огня в культурном слое XVIII в. на этом памятнике имеет определенное значение для установления относительной хронологии различных строительных периодов. В частности, перекрытие прокалом юго-западного угла рва от сгоревшей башни маркирует последовательность сооружения земляных и деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога в первой половине XVIII столетия. Наряду с этим, пожар на жилой деревянной конструкции в центре Умревинского острога и последующее освоение этой площадки под некрополь относятся уже к концу XVIII в.

В заключении еще необходимо отметить, что воздействие огня на детали деревянных конструкций оказывает не только деструктивное, но и консервирующее воздействие. Дело в том, что обожжение оснований тыновин и свай значительно увеличивало срок их службы, замедляя гниение поверхностного слоя древесины. Однако ни на одной из сохранившихся тыновин Умревинского острога следы обожжения их оснований не были выявлены. Именно этим, очевидно, и объясняется достаточно быстрое разрушение тыновых стен Умревинского острога, отраженное в письменных источниках первой четверти XVIII в. [Миллер, 1734; Миллер, 1750, с. 274; Gmelin, 1751, s. 76, 77; Messerschmidt, 1962, s. 79].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-09-42058\20.

Список литературы

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 348 с.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620-1720 гг. – Барнаул: АлтГПУ, 2015. – 416 с.

Бородовский А.П. Источники по описанию территории нижней части Новосибирского водохранилища до его затопления // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Вып. XIV. – Барнаул: [б. и.], 2005. – С. 27–29.

Бородовский А.П. Дендрохронологические исследования русских острогов в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: [б. и.], 2011. – С. 27–35.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский клад монетного серебра // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2016. – № 2. – С. 102–108.

Визгалов Г.П., Балуева Ю.В. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Вып. 7. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – С. 276–285.

Воробьев А.А. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археологического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 506–508.

ГАТО. Ф.521, Оп. 1, Д. 1, Л. 260-261.

Горохов С.В. Интеграция письменных и археологических источников по истории Умревинского острога (Новосибирская область) // Вестник Томского государственного университета. История. (в печати)

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 192 с.

Лесные пожары // Сибирская Советская Энциклопедия. – Т. III: Л-Н. – М.: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. – С. 124–127.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных Тобольских укреплений на мысу Чукман // AB ORIGINE: археолого-этнографический сборник Тюменского государственного университета. – Вып. 4. – Тюмень: Изд. ТюмГУ, 2012. – С. 76–91.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – К. 1. – СПб.: Императорская Академия наук, 1750. – 510 с.

Миллер Г.Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713 (дата обращения: 15.03.2021).

Молодин В.И., Новиков А.В., Кениг А.В., Добжанский В.Н., Выборнов А.В., Ведмидь Г.П., Мыглан В.С., Зайцева Е.А., Майничева А.Ю., Шиль А.А. Казымский археолого-этнографический комплекс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 264 с.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 72–77.

Никитин А.В. Братский острог // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 213–226.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. – Bd. I. – Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1751. – 516 s.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720-1727. – Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 380 s.

References

Albazhinskij ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamurya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 348 p. (In Russ.).

Borodaev V.B., Kontev A.V. Formirovanie rossijskoj granitsy v Irtyshsko-Enisejskom mezhdureche v 1620–1720 gg. Barnaul: AltGPU, 2015, 416 p. (In Russ.).

Borodovskij A.P. Dendrokhronologicheskie issledovaniya russkikh ostrogov v Sibiri. In *Kultura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii*, Omsk: [s. n.], 2011. P. 27–35. (In Russ.).

Borodovskij A.P. Istochniki po opisaniyu territorii nizhnej chasti Novosibirskogo vodokhranilischa do ego zhatopleniya. In *Sokhranenie i izhuchenie kulturnogo naslediya Altaya*, iss. XIV. Barnaul: [s. n.], 2005. P. 27–29. (In Russ.).

Borodovsky A.P., Gorokhov S.V. The Umrevinsky Hoard of Silver Wire Kopecks from the Reign of Peter I. *Archaeol. Ethnol. Anthropol. Eurasia,* 2016. Vol. 44. no. 2. P. 102–108. (In Russ.).

Gorokhov S.V. Integration of written and archaeological sources on the history of the Umrevinsky ostrog (Novosibirsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.*(in print, in Russ.).

Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743. Bd. I. Göttingen: Verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1751, 516 p.

Kradin N.P. Russkoe derevyannoe oboronitelnoe zhodchestvo. Moscow: Iskusstvo, 1988, 192 p. (In Russ.).

Lesnye pozhary. In *Sibirskaya Sovetskaya Entsiklopediya*, Vol. III: L-N. Moskva: Zhapadno-Sibirskoe otdelenie OGIZh, 1932. P. 124–127. (In Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M., Klimenko A.I. Ostatki starinnykh Tobolskikh ukreplenij na mysu Chukman. In *AB ORIGINE: arkheologo-etnograficheskij sbornik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, iss. 4. Tyumen: Tyumenskij gosudarstvennyj universitet, 2012. P. 76–91. (In Russ.).

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. Berlin: Akademie-Verlag, 1962, 380 p.

Miller G.F. Opisanie Sibirskogo tsarstva. Vol. 1. Saint-Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk, 1750, 510 p. (In Russ.).

Miller G.F. Opisanie Tomskogo uezhda Tobolskoj provintsii v Sibiri v nyneshnem ego polozhenii, v oktyabre 1734 g. [electronic resource]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713 (access date: 15.03.2021) (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Kenig A.V., Dobzhanskij V.N., Vybornov A.V., Vedmid G.P., Myglan V.S., Zhajtseva E.A., Majnicheva A.Yu., Shil A.A. Kazhymskij arkheologo-etnograficheskij kompleks. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 264 p. (In Russ.).

Myglan V.S., Slyusarenko I.Yu., Majnicheva A.Yu. Dendrochronological Survey of the Towers from the Kazym Ostrog. *Archaeol. Ethnol. Anthropol. Eurasia*, 2016, no. 2. P. 72–77. (In Russ.).

Nikitin A.V. Bratskij ostrog. *Sovetskaya arkheologiya*, 1961, no. 2. P. 213–226. (In Russ.).

State Archive of the Tomsk Region. F. 521, Inv. 1, D. 1, fol. 260–261.

Umanskij A.P. Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh. Novosibirsk: Nauka, 1980, 296 p. (In Russ.).

Vizhgalov G.P., Balueva Yu.V. Poisk Lyapinskogo ostroga (po rezhultatam arkheologicheskikh issledovanij 2007-2008 gg.). In *Khanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zherkale proshlogo*, iss. 7. Tomsk; Khanty-Mansijsk: Tomskij universitet, 2009. P. 276–285. (In Russ.).

Vorobev A.A. Sosudy s uglyami izh russkikh pogrebenij Verkhnego Priobya i Baraby kak obekt arkheologicheskogo izhucheniya. In *Istoriko-kulturnoe nasledie Severnoj Azhii: itogi i perspektivy na rubezhe tysyacheletij*, Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 2001. P. 506–508. (In Russ.).

Бородовский А.П. https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0377-0384
УДК 904

Д.П. Волков[1, 2]✉, Е.И. Крючко[2], В.А. Мохарь[2], С.П. Нестеров[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
Благовещенск, Россия
E-mail: volk-d@yandex.ru; nesterov@archaeology.nsc.ru

Первые результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье

В 2021 г. сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области и Института археологии и этнографии СО РАН начаты археологические раскопки городища даурского типа в окрестностях с. Сергеевки Благовещенского р-на Амурской обл., имеющего по археологическому паспорту наименование «Сергеевка, городище-4». Памятник состоит из двух отдельно стоящих разноразмерных, схожих по форме конструкций, соединенных между собой валом. Стационарные раскопки памятника обусловлены отсутствием сведений о практическом предназначении памятников археологии данного типа, распространенных на сегодняшний день лишь в пределах Западного Приамурья, на левом берегу Амура. Исследованию была подвержена небольшая часть меньшего по площади объекта в составе памятника, включая угловую башню и обрамляющие ее вал и рвы. Общая площадь раскопа составила 222 м^2. В результате работ получена стратиграфия памятника, позволяющая установить способ строительства городища, заключавшийся в отрывке котлованов рвов по прямоугольному контуру с угловыми выступами, что приводило к своеобразной обваловке центральной части городища. Последующие рвы и валы формировались по контуру образовавшейся конструкции. Археологическая коллекция, полученная в ходе раскопок, незначительна и представлена восемью каменными грузилами, изготовленных на плоских гальках путем оббивки края с двух противолежащих сторон, одного фрагмента костяного наконечника стрелы, обожженного халцедонового изделия в виде округлой бляшки и обломков костей животных, в том числе нижней челюсти свиньи. Они не позволяют провести аналогии с ранее выявленным археологическим материалом, отнеся исследуемый памятник к той или иной археологической культуре. В результате раскопок определена необходимость продолжения дальнейшего стационарного изучения.

Ключевые слова: *Амурская область, городище даурского типа, ров, вал, угловая башня.*

D.P. Volkov[1, 2]✉, E.I. Kryuchko[2], V.A. Mokhar[2], S.P. Nesterov[1]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
Blagoveshchensk, Russia
E-mail: volk-d@yandex.ru;nesterov@archaeology.nsc.ru

First Results of Excavations at a Fortified Settlement of the Daurian Type in the Western Amur Region

In 2021, the team from the Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region and Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences began archaeological excavations in a fortified settlement of the Daurian type in the vicinity of the village of Sergeevka in Blagoveshchensky District of Amur Region. According to archaeological passport, the site has the name "Sergeevka, fortified settlement-4." It consists of two separate structures of similar shapes but different sizes connected by a rampart. Excavations at this site were determined by the lack of information about the practical purpose of archeological sites of this type, which today occur only in the Western Amur region on the left bank of the Amur River. The study covered a small part of the smaller structure at the site, including the corner tower, as well as rampart and ditches, which framed the tower. The total excavation area was 222 m^2. As a result of

the works, stratigraphy of the site was obtained, which makes it possible to establish the method of building the fortifications. It consisted of digging ditches and building ramparts along rectangular contour with angular protrusions. Simultaneously, the edge of the contour in the central part of the fortress became raised. Subsequent ditches and ramparts were formed along the contour of the resulting structure. The archaeological collection obtained during the excavations is insignificant and includes eight stone sinkers made of flat pebbles by knapping the edges on both opposite sides, fragment of bone arrowhead, burnt chalcedony object in the form of a round plaque, and fragments of animal bones including a lower jaw of a pig. The evidence does not make it possible to find any parallels with the previously identified archaeological evidence and attribute this site to a specific archaeological culture, which fosters the need for further studying this fortress.

Keywords: *Amur Region, fortified settlement of the Daurian type, ditch, rampart, corner tower.*

Введение

Городища даурского типа – вид археологических памятников, характерный для Западного Приамурья, известный пока только в пределах современной Амурской области. На сегодняшний день однозначная интерпретация предназначения данных памятников археологии отсутствует. Возросший интерес к этим объектам продиктовал необходимость проведения стационарных исследований.

Городища даурского типа представляют собой небольшие земляные конструкции почти правильной прямоугольной формы с длиной стороны от 20 до 60 м, защищенной двумя-четырьмя валами и имеющие перемычки во рвах для перехода с вала на вал. Памятники имеют хорошо выраженные к внешней стороне угловые выступы, вершины которых возвышаются над гребнями земляных валов. Валы и рвы плавно и равномерно обтекают внутреннюю часть площадки с выступами по контуру, несколько изгибаясь в середине. В отдельных случаях на внутренней поверхности площадки и в угловых выступах фиксируются небольшие углубления – западины.

Располагаются памятники вблизи водоемов (рек, речных проток, старичных озер) на небольшом расстоянии от берега на сухом, но не на самом высоком месте, иногда прикрытом с одной стороны естественным препятствием (болото, сырая низина). В некоторых случаях «городища» расположены парами на незначительном удалении друг от друга, а в одном случае соединены между собой небольшим валом.

Одним из первых подобные объекты зафиксировал и дал их научное описание Г.С. Новиков-Даурский [1953, с. 9, 11–16; 1955, с. 43; 1961а, с. 105–106]. География памятников ученым-краеведом изначально определена «вдоль левого берега Амура в его верховьях» [Новиков-Даурский, 1953, с. 11], а позже отмечено их нахождение по правому и левому берегам Зеи [Новиков-Даурский, 1961б, с. 15–66]. Всего им было учтено 25 городищ даурского типа.

На сегодняшний день определяются места расположения 15 городищ из списка Г.С. Новикова-Даурского (оставшиеся 10 на местности не фиксируются и, видимо, уже разрушены или уничтожены под воздействием различных факторов). В то же время современные исследования с применением космических снимков местности позволили выявить новые, не учтенные ранее городища даурского типа. На сегодняшний день на территории Амурской области насчитывается 37 подобных памятников, расположенных вдоль Амура и Зеи, в том числе и ниже ее впадения в Амур, чего ранее не отмечалось. Наличие этого типа памятников на правом китайском берегу Амура на настоящий момент не зафиксировано, так же как и распространение их за пределы Западного Приамурья [Волков, 2020, с. 329].

Анализ архивных источников, географии распространения данного типа памятников позволил Д.П. Волкову представить основные варианты интерпретации описываемых объектов и прийти к выводу о назревшей необходимости стационарного изучения с целью подтверждения или опровержения высказанных предположений [2020].

Характеристика внешних конструкций памятника «Сергеевка, городище-4»

Исследуемый объект расположен на ровной поверхности излучины надпойменной террасы северного берега левобережной протоки Амура, на удалении до 3 км от основного русла. Представляет собой памятник, состоящий из двух отдельных разных по размеру городищ, соединенных между собой небольшим валом и рвом (рис. 1, *1*; 2).

Городище 1 представляет собой возвышенную над прилегающей местностью площадку ромбовидной формы с четырьмя башенными выступами по углам. Городище ориентировано углами по сторонам света с западным отклонением на 20°. По всему периметру окружено двумя рядами параллельных рвов и валов. По уровню нивелировочных отметок

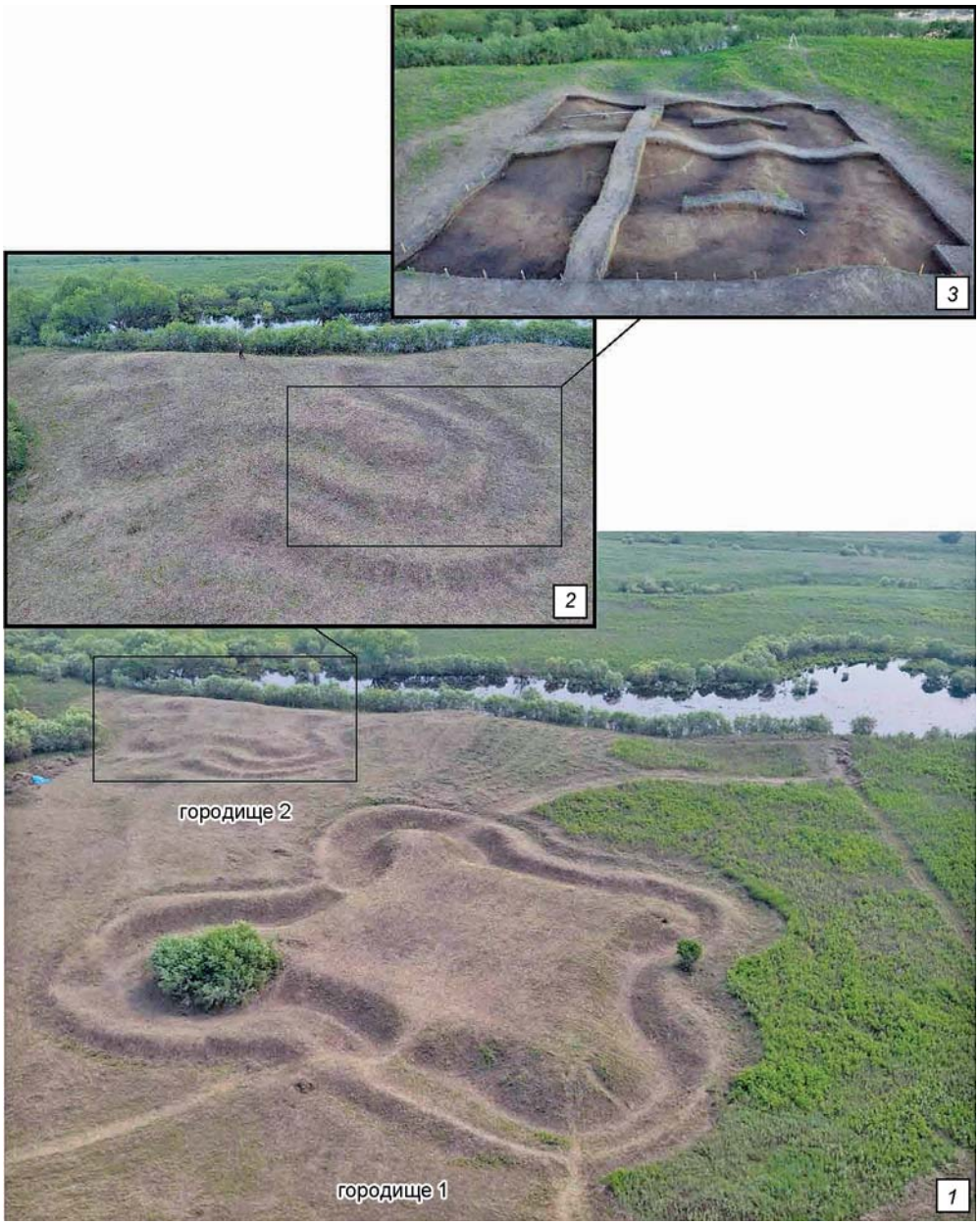

Рис. 1. Памятник «Сергеевка, городище-4».
1 – общий вид с севера; *2* – городище 2; *3* – раскоп 2021 г. на городище 2.

внутренняя площадка городища выше уровня валов и прилегающей местности. Внутренняя площадка ромбовидной формы, размерами 29 (север – юг) × × 28 м (запад – восток) без учета башенных выступов. Стороны площадки не прямолинейны, а выгнуты во внешнюю сторону на 1 м. Поверхность внутренней площадки чашевидная, имеет понижение в среднем на 0,5 м от кромки площадки к центру. По краю площадки прослеживаются две перемычки во рвах, в виде прогиба. Один находится на северной стороне и примыкает к восточной башне, второй – на стыке южной стороны и западной башни.

Башенные выступы имеют различную конфигурацию и высоту. Верхняя площадка северо-западной башни полуовальной формы 7 × 7 м. Внутренней частью она стыкуется с дугообразным выступом шириной 6 м. По уровню дневной поверхности это самая высокая точка на городище: превышение над внутренней частью более 1 м. Юго-восточная башня имеет полуовальную форму и является самой большой по размерам. Ее длина 7,5, ширина в центральной части 7 м, но в месте стыка с внутренней поверхностью городища сужается до 6,5 м. Западная и восточная башенные площадки имеют полукруглые формы, поэтому наибольшая их ширина в основании 7 м и равна длине выступа. В центре обеих башенных площадок прослеживаются круглые западины диаметром 0,5 и глубиной 0,2 м.

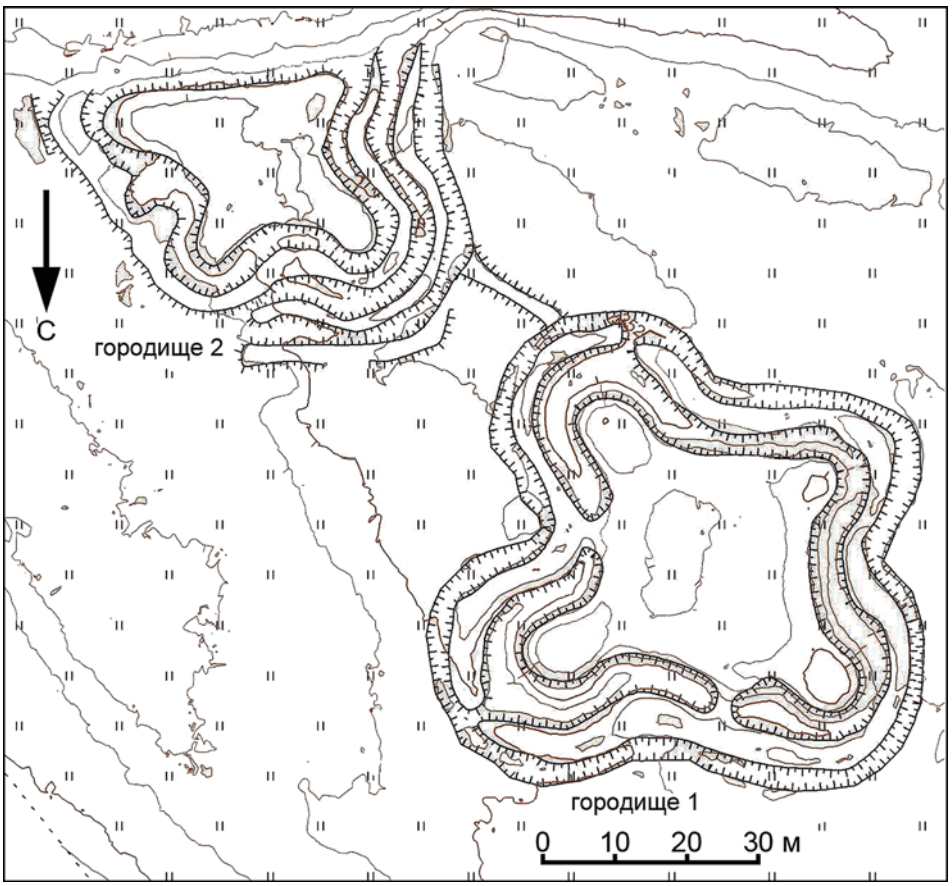

Рис. 2. Топографический план памятника «Сергеевка, городище-4».

Валы, в большей степени первый, повторяют конфигурацию внутренней части городища, по дуге огибают башенные выступы и почти прямой линией соединяются с фронтальных сторон. Профиль валов трапециевидной формы. Верх уплощенный, шириной от 1 до 2,5 м. Наиболее широкий верх валов прослеживается напротив восточной башни – до 3 м. По уровню нивелировочных отметок перепада высот по верху валов не отмечено. Высота валов со всех сторон, кроме восточной, по уровню от нулевого репера ниже внутренней площадки городища. Валы незамкнутые, имеют разрыв с южной стороны. Разрыв на первом валу шириной 2 м, на втором – 20 м. От окончания второго вала, находящегося напротив южного башенного выступа, в юго-восточную сторону ответвляется фрагмент невысокого вала длиной 10 м. С северной и восточной сторон городища на гребне валов прослеживаются два прогиба шириной около 1 м, а на дне первого рва присутствуют перемычки, являющиеся проходом между валами и входом в городище.

Первый ров, окружающий внутреннюю площадку, шириной до 8 м со сторон угловых башен и до 5 м на фронтальных участках. Дно рва узкое. В нем прослеживаются насыпи-проходы с северной и с восточной сторон. Второй ров имеет различную ширину, сужаясь до 1,5 м с северной и с южной сторон и расширяясь напротив западной и восточной башен до 3 и 7,5 м соответственно. В расширенных местах дно рва уплощенное.

Городище 2 меньше первого, расположено в 14 метрах к юго-востоку на берегу протоки. Внутренняя площадка ромбовидной формы имеет размеры 19 (северо-запад – юго-восток) × 17 м (юго-запад – северо-восток) без учета башенных выступов. Южная часть скошена, частично размыта водами протоки. По периметру неравномерно окружено тремя рвами и двумя валами. Внутренняя площадка чашевидная, с поднятием по кромке и на угловых башнях. Проходы в городище обозначены перемычками в виде прогибов во рвах в северной и восточной сторонах (рис. 1, *2*).

Угловые выступы башни различные по размерам: северо-западная – 10 × 6, северо-восточная – 4,5 × 6, юго-восточная – 10 × 8, юго-западная – 6 × 6 м.

Первый внутренний ров повторяет форму городища и обрамляет его с трех сторон, обрываясь у южной стороны, выходя в протоку. Он размерами от 3 до 4 м, слегка расширяется в местах прогибов между угловыми башнями. Глубина относительно башенных выступов до 1 м, в профиле сужается

к дну. Второй и третий рвы фиксируются с западной и частично с северо-западной стороны городища. Они начинаются от протоки у юго-западной башни и постепенно сливаются с окружающей поверхностью в северной и северо-восточной стороне (рис. 2).

Валы городища, идентично рвам, представлены первым валом по всему периметру и отдельными частями в западной и северо-западной части объекта. Имеют дугообразную форму, сужаясь вверху до ширины 2–2,5 м.

Оба городища соединены между собой прямым валом протяженностью 14, шириной до 2 м, возвышающимся над окружающей поверхностью на высоту до 30 см.

Материалы исследования городища 2

Раскоп в 2021 г. был заложен в северо-западной части второго городища, что было обусловлено его меньшими размерами, а также фактором возможного разрушения протокой в южной части. Площадью раскопа 222 м^2 была исследована северо-западная угловая башня, обрамляющий ее первый ров и вал, а также часть второго рва и вала с западной стороны. Для контроля стратиграфической ситуации на раскопе оставлены две бровки, разрезающие раскапываемый участок в направлении северо-восток – юго-запад, северо-запад – юго-восток (рис. 1, *3*). Полученные стратиграфические профили раскопа позволили установить технологию строительства городища. Разрез по линии 9 длиной 14 м характеризует стратиграфическую ситуацию на исследованной площади памятника с северо-востока на юго-запад, от пикета А до пикета Р. В разрез попадают часть рва № 2, вал № 1 с северо-восточной, ров № 1 с северо-восточной и юго-западной сторон от северной башни. В данном разрезе выявлены следующие литологические слои (рис. 3).

Дерновый слой без особенностей. Его толщина 4–10 см. В кв. А-9 и О-9 есть воронковидные внедрения корневой системы кустарников в нижележащие слои глубиной, соответственно, 19 и 26 см от дневной поверхности.

Фрагмент рва № 2 располагается в кв. А-9. Его видимая ширина 1 м, глубина 52 см от современной поверхности. Его нижнее заполнение представлено коричнево-серым мешаным суглинисто-супесчаным слоем толщиной до 31 см. Выше располагается слой черного гумусированного суглинка.

Разрез вала № 1 с северо-восточной стороны от башни был насыпан на желто-серый песок. В этом месте над песком отсутствует почвенный покров. Высота насыпи вала по разрезу 29 см, до современной поверхности 48 см.

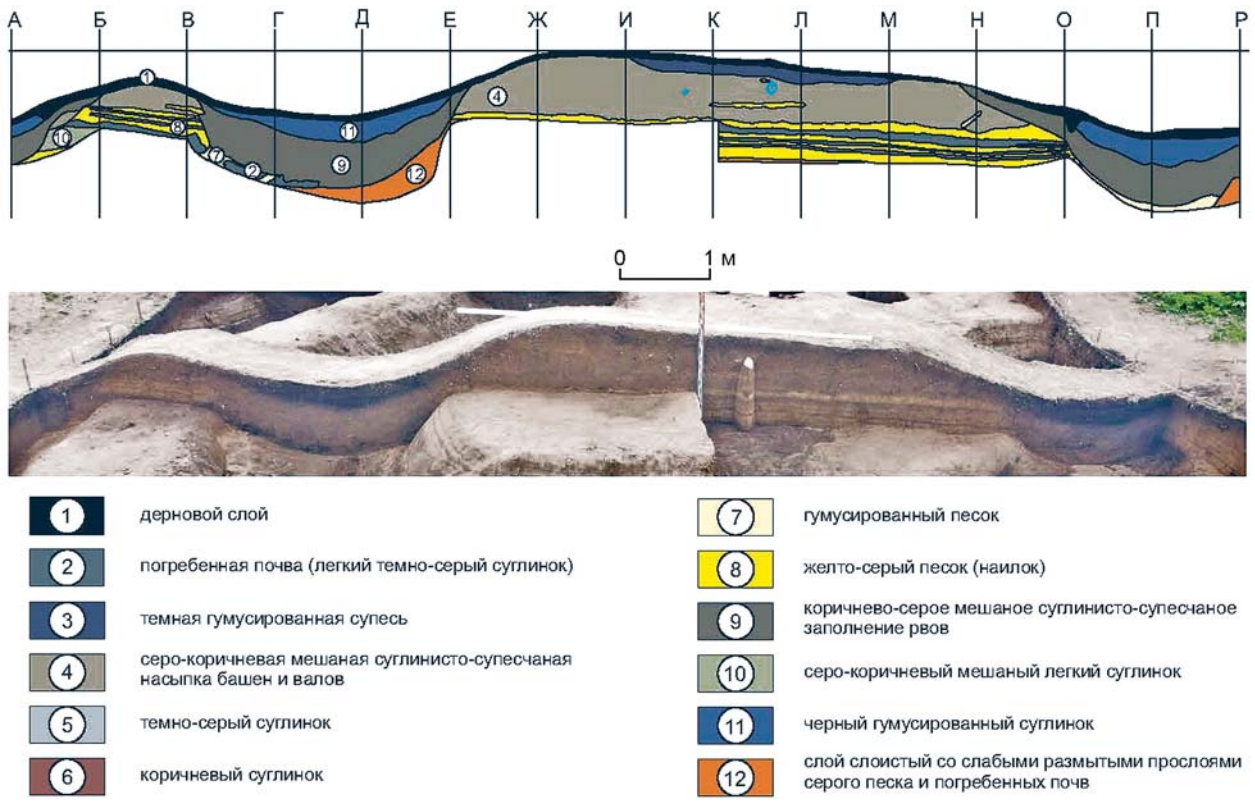

Рис. 3. «Сергеевка, городище-4». Стратиграфия бровки раскопа по линии 9 на городище 2.

Ров № 1 располагается между пикетами В и Е. Его ширина в данном месте составляет 3,1 м. Максимальная глубина рва № 1 по разрезу 83 см до современной поверхности. Борт рва у башни пологий, с противоположной стороны ступенчатый и относительно крутой. В кв. В-Г-9 на чашевидном дне рва имеются фрагменты желто-серого песка и суглинка темно-серого цвета. Они появились здесь в результате сползания слоев, слагающих террасу с северо-западной его стенки. Нижнее заполнение рва – это коричнево-серый мешаный суглинисто-супесчаный слой мощностью до 55 см. Выше лежит линза черного гумусированного суглинка длиной 2,8 м, толщиной до 25 см.

Разрез северной башни объекта располагается между пикетами Е и Н. С северо-восточной стороны склон башни относительно крутой и по составу насыпи и заполнения рва граница между ними определяется условно. С юго-западной стороны склон башни сильно оплыл в ров № 1. Ширина (диаметр) башни по разрезу составляет 6,6 м, максимальная высота 80 см до современной поверхности. На данном участке под насыпкой башни отсутствует погребенная почва. Ее подстилает слой желто-серого песка. В насыпи присутствуют два камня (большой камень – галька) и линза желто-серого песка, которые появились здесь в процессе формирования данной искусственной конструкции. Примерно от пикета И до пикета М в верхней части башни образовался линзовидный прогиб длиной 3,1 м, заполненный темной гумусированной супесью толщиной 10–15 см.

Фрагмент разреза рва № 1 к юго-западу от башни имеет чашевидное дно. Максимальная глубина рва от современной поверхности около 90 см. Его стороны относительно пологие, со стороны башни стенка рва клином перекрывает насыпку вала. Здесь, видимо, произошел оползень стенки рва и, соответственно, частичное сползание верхней части насыпи башни длиной 1,2 м.

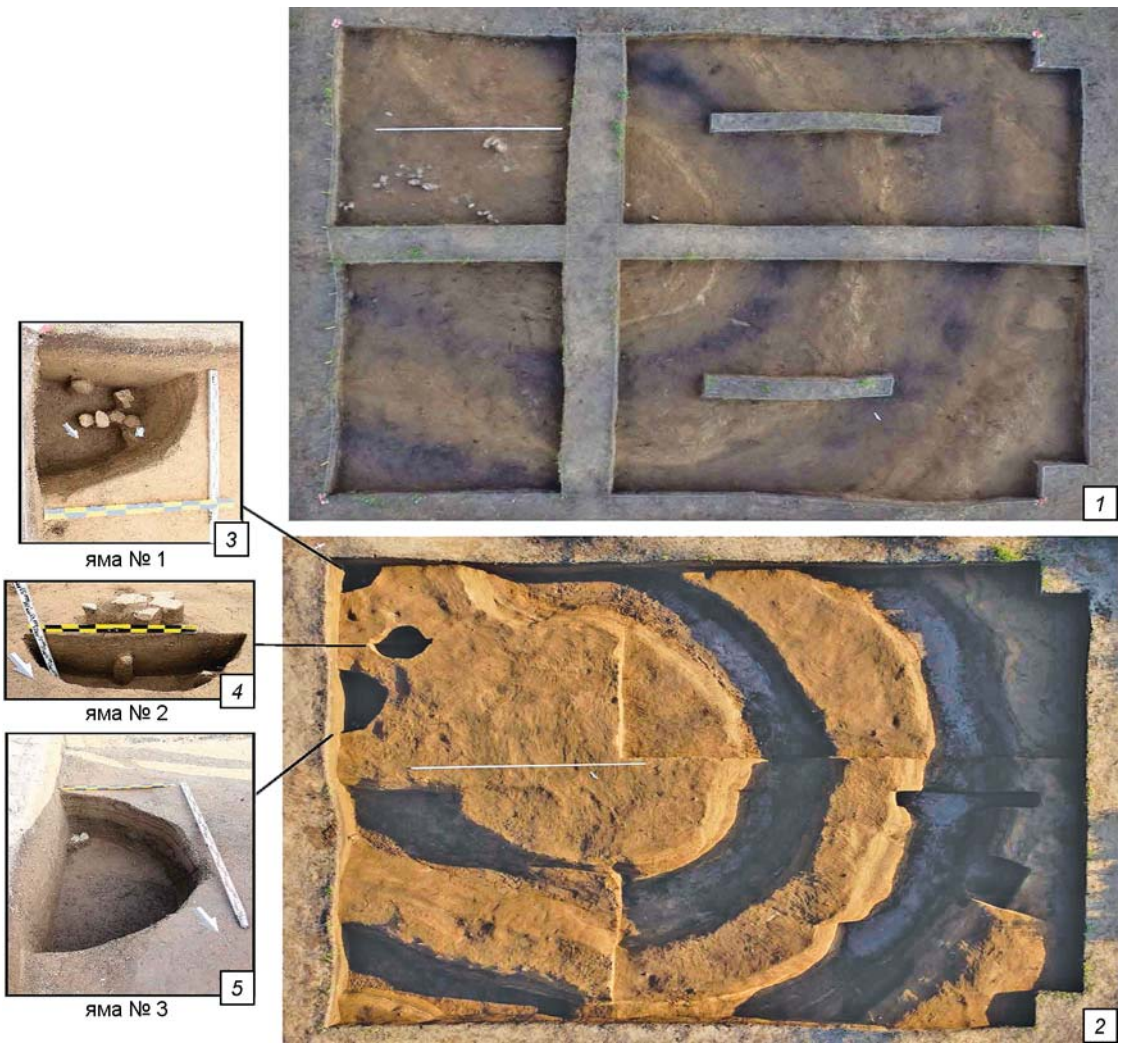

Рис. 4. «Сергеевка, городище-4». Фото раскопа на городище 2 с северо-востока.
1 – третий условный горизонт; *2* – дно раскопа; *3* – яма № 1; *4* – яма № 2; *5* – яма № 3.

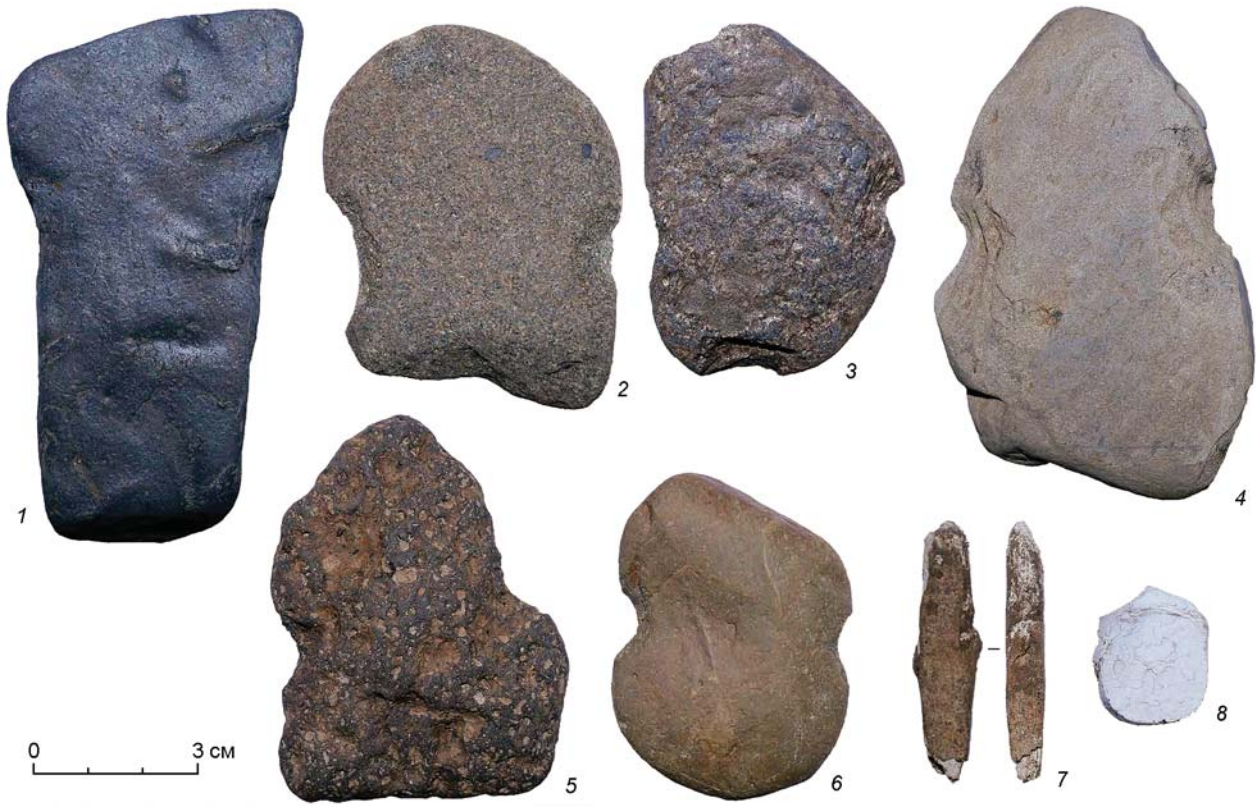

Рис. 5. «Сергеевка, городище-4», артефакты с городища 2.
1–6 – каменные грузила; *7* – фрагмент костяного наконечника стрелы; *8* – обожженное халцедоновое изделие.

Камни скальной породы среднего размера были выявлены в третьем условном горизонте (выборка раскопа производилась условными горизонтами толщиной до 10 см). Они располагались в виде выкладки условной прямой линией от угловой башни к центральной части городища, с поворотом практически под прямым углом на границе башенного выступа (рис. 4, *1*). Под камнями зафиксированы контуры трех округлых ям, две из которых уходили в стенку раскопа (рис. 4, *2*). Заполнение ям мешанное с включением частиц прокаленного грунта и редких мелких углей. В яме № 1 на дне лежали крупные гальки и камни (рис. 4, *3*).

Предметный комплекс артефактов, полученный в ходе археологических раскопок незначителен. Он представлен шестью каменными грузилами, изготовленными на плоских гальках путем оббивки края с двух противолежащих сторон (рис. 5, *1–6)*, одного фрагмента костяного наконечника стрелы (рис. 5, *7*), обожженного халцедонового изделия в виде округлой бляшки (рис. 5, *8*) и обломков костей животных, в том числе нижней челюсти свиньи. Артефакты располагались неравномерно, преимущественно во рву № 2 (грузила, каменная бляшка, кости), в пределах угловой башни и внутренней части городища (грузила, наконечник стрелы).

Заключение

Таким образом, раскопанный участок памятника позволяет реконструировать способ возведения городища на поверхности. Выбрав подходящую площадку для постройки описываемой конструкции, строители выполнили предварительный абрис будущей постройки и по нему произвели копку рва № 1. Выброс грунта осуществлялся по сторонам, формируя обваловку центральной части, выступающие угловые башни и обрамляющий вал № 1. Ввиду производства земляных работ только по контуру, кромка внутренней части и угловые башни имеют возвышение по отношению к внутренней части городища. Грунт из рва № 2 шел на увеличение высоты валов № 1 и 2.

Дата возведения данного городища даурского типа, как, видимо, и всех остальных таких конструкций, пока определяется относительно на основании стратиграфических наблюдений как на самом объекте (рис. 3), так и на террасе, где он расположен. К моменту, когда началось строительство городища, прекратились частые мощные наводнения, после которых едва успевал сформироваться тонкий почвенный слой, и закончилось интенсивное формирование террасы. Такой период наступил примерно в XIV в. и продолжался до XIX в., что

было связано с периодом похолодания (т.н. Малый ледниковый период). В разрезах валов и башни нет явных следов новых сильных наводнений, которые бы затапливали городище полностью, как это произошло в июне – июле 2021 г., когда оба городища исследуемого памятника полностью ушли под воду.

Тем не менее, и во время возведения городищ даурского типа, уровень грунтовых вод в поймах и на надпойменных террасах Амура и Зеи, видимо, был достаточно высок, особенно при повышенном уровне воды в водоемах и водотоках. Так, для 1680-х гг. имеются археологические данные об уровне грунтовых вод и водоносных слоев, исходя из глубины колодца на Албазинском городище, составлявшей 1,8 м [Сухих, 1980, с. 7]. При зачистке рвов до их изначального состояния на втором городище памятника «Сергеевка, городище-4» грунтовые воды заполнили их на 30–40 см. Не исключено, что для строителей наполнение свежевырытых рвов грунтовыми водами являлось важным обстоятельством, поэтому все городища даурского типа, как было отмечено выше, строились недалеко от водоемов.

Таким образом, скудность коллекции артефактов на городищах даурского типа, которая и ранее была отмечена исследователями, по-прежнему остается необъяснимой [Болотин и др., 1998]. Каково функциональное назначение подобных памятников на данном этапе исследования выяснить не удалось, что требует продолжения его раскопок.

Список литературы

Волков Д.П. Проблема интерпретации городищ даурского типа в Западном Приамурье // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара: СГСПУ, 2020. – Т. II. – С. 329–330.

Болотин Д.П., Нестеров С.П., Сапунов Б.С., Зайцев Н.Н., Сапунов И.Б. Результаты исследований городища и могильника у с. Прядчино Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV.– С. 201–206.

Новиков-Даурский Г.С. Приамурье в древности // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1953. – Т. 2. – С. 3–25.

Новиков-Даурский Г.С. Материалы к археологической карте Амурской области // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1955. – Т. 3. – С. 10–45.

Новиков-Даурский Г.С. Новое о городищах «Даурского типа» // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961а. – Т. 5. – С. 102–107.

Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки, статьи, воспоминания. – Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961б. – 190 с.

Сухих В.В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке (по материалам раскопок Абазинской крепости): автореф. дис. … канд. истор. наук. – Новосибирск, 1980. – 15 с.

References

Volkov D.P. Problema interpretatsii gorodishch daurskogo tipa v Zapadnom Priamur'e. In: *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare*. Samara: State Social Pedagogical Univ., 2020. Vol. II. P. 330–331 (In Russ.).

Bolotin D.P., Nesterov S.P., Sapunov B.S., Zaitsev N.N., Sapunov I.B. Rezul'taty issledovanii gorodishcha i mogil'nika u s. Pryadchino Amurskoi oblasti. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. Vol. IV. P. 201–206 (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Priamur'e v drevnosti. In: *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya*. Blagoveshchensk: Amur Publ, 1953. Vol. 2. P. 3–25 (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Materialy k arkheologicheskoi karte Amurskoi oblasti. In: *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya*. Blagoveshchensk: Amur Publ., 1955. Vol. 3. P. 10–45 (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Novoe o gorodishchakh «Daurskogo tipa». In: *Zapiski Amurskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya i obshchestva kraevedeniya*. Blagoveshchensk: Amur Publ.,, 1961a. Vol. 5. P. 102–107 (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. Istoriko-arkheologicheskie ocherki, stat'i, vospominaniya. Blagoveshchensk: Amurskoe kn. izd-vo, 1961b, 190 p. (In Russ.).

Sukhikh V.V. Khozyaistvennoe osvoenie Priamur'ya russkimi v XVII veke (po materialam raskopok Abazinskoi kreposti): avtoref. dis. … kand. istor. nauk. Novosibirsk, 1980, 15 p. (In Russ.).

Волков Д.П. https://orcid.org/0000-0001-6064-4981
Крючко Е.И. https://orcid.org/0000-0001-8385-2724
Мохарь В.А. https://orcid.org/0000-0002-3964-1310
Нестеров С.П. https://orcid.org/0000-0003-3629-2730

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0385-0392
УДК 902/903

Ю.Н. Гаркуша

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Каркасно-столбовые постройки Усть-Войкарского городища в контексте дендроархеологии

В статье рассматриваются каркасно-столбовые жилища Усть-Войкарского городища. Это многослойное поселение коренного населения Севера Западной Сибири, существовавшее в эпоху Средневековья – Нового времени. Памятник входит в круг редких в регионе поселенческих комплексов с мерзлым культурным слоем. По данным дендрохронологических исследований, установлены периоды существования каркасно-столбовых жилищ «городища»: конец XIII – начало XIV в.; вторая половина XV – середина XVIII в. Значительный интервал между периодами вызван неравномерной изученностью разных участков поселения. Воссоздание архитектуры, в большей степени, возможно по материалам больших жилищ. По конструкции они близки архитектуре поселений региона, чей значительный информационный потенциал обеспечен наличием мерзлого культурного слоя. Основные черты таких построек – закрытое центральное помещение; открытый очаг в центре; проход по периметру центрального помещения. Имеющиеся материалы показывают, что уже в середине XV в. жителям поселения были известны технические приемы, применяемые при строительстве срубов. В каркасно-столбовых постройках их применяли локально: для изготовления дверных проемов и очагов в прямоугольных рамах. С середины XVII в. наблюдается вытеснение малых жилищ такого типа близкими по площади срубами. С начала XVIII в. этот процесс происходит в отношении больших жилищ. К середине XVIII в., по имеющимся материалам, происходит полная смена каркасно-столбовых жилищ срубами. Большие постройки занимали определенные участки поселения. За долгое время на местах их расположения образовывались ярусы из таких построек. Таким образом, они являлись фактором, определявшим неизменность основных принципов пространственной организации поселения.

Ключевые слова: *Усть-Войкарское городище, Север Западной Сибири, северные ханты, дендрохронология, каркасно-столбовые постройки.*

Yu.N. Garkusha

Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Frame-and-Post Buildings of Ust-Voikar Fortified Settlement in the Context of Dendroarcheology

This article analyzes frame-and-post dwellings of the Ust-Voikar fortified settlement – a multilayered site inhabited by the indigenous population of the North of Western Siberia, which existed in the Middle Ages and Modern Age. The Ust-Voikar archaeological site is one of rare settlement complexes in this region with the frozen cultural layer. Dendrochronological analysis has revealed that the frame-and-post dwellings of the settlement existed in the late 13th — early 14th centuries and in the second half of the 15th — mid 18th centuries. A significant gap between these periods was caused by uneven study in different parts of the settlement. Reconstruction of settlement architecture is mostly possible using the evidence of large dwellings. In their structure they are close to other dwellings found in the region in frozen cultural layers. Main features of such buildings include closed central room, open hearth in the center, and passage along the perimeter of the central room. The available evidence shows that already in the mid 15th century, the inhabitants of the settlement knew the techniques used for constructing log structures which were used in frame-and-post buildings in Ust-Voikar settlement locally, for example while making doorways and hearths in rectangular frames. Since the mid 17th century, small log houses began to replace frame-and-post dwellings of the same size. Since the early 18th century, this process began for

large dwellings. By the mid 18th century, log houses completely replaced frame-and-post dwellings. For a long time, large buildings occupied specific places, forming layers in the ground and thereby becoming a factor in invariability of basic principles of spatial organization at the settlement.

Keywords: *Ust-Voikar settlement, North of the Western Siberia, northern Khanty, dendrochronology, frame-and-post buildings.*

В данной работе, с привлечением результатов дендрохронологического исследования, рассмотрены каркасно-столбовые постройки коренного населения Севера Западной Сибири на примере Усть-Войкарского городища. В разное время памятник изучался под руководством А.Г. Брусницыной, Н.В. Федоровой, А.В. Новикова [Гаркуша, Новиков, 2017; Фёдорова, 2006]. Выявлено 9 объектов такого типа; 7 из них открыты в период 2012–2016 гг.

Объекты приурочены к разным уровням холма, сформированного из накопленных отходов деревообработки. По наличию очага они отнесены к категории жилых построек. Форма жилищ близка к квадратной. По площади разделяются на малые (около 5–13 м²) и большие (ок. 42–49 м²). Постройки, открытые с 2012 г., нумеровали заново; во избежание путаницы, исследованные ранее объекты здесь обозначены символом *.

Относительно полно восстанавливается облик больших построек (объекты 7/1, 7/2 и 11). Первые два расположены ярусами без разделительных участков слоя; их архитектура во многом идентична. Постройка 7/1 (верхняя) полностью перекрывала 7/2, отличаясь несколько меньшей площадью. Место их расположения оказалось под воздействием склоновых деформаций. Это привело к нарушению планиграфической и стратиграфической связи между различными частями конструкций. Сложившаяся ситуация определила некоторую условность в распознавании количества жилищ. Постройка 11 сохранила архитектурную целостность; ее конструкция во многом близка первым двум объектам (рис. 1).

Большие жилища являлись двухчастными. Их конструкция подобна архитектуре «самоедских» кварталов Надымского и оборонительно-жилого комплекса Полуйского городков [Кардаш, 2009, с. 56–58; 2013, с. 107–115]. Основные черты таких построек: закрытое (как правило) центральное помещение; «галерея», образованная внешними стенами и ограждением центрального помещения; открытый очаг в центре.

Жилище сооружали в предварительно подготовленном котловане. Для *внешних стен* (за исключением передней) выявлено два способа их формирования (рис. 2). Первый – доски устанавливались вертикально по дну котлована. Его глубина достоверно не устанавливается. Однако она должна быть достаточной, чтобы обеспечить устойчивость вертикальных деталей в процессе строительства стен. К его стенкам доски прижимались 1–2 рядами горизонтальных жердей, начиная с уровня пола. Жерди фиксировались 1–2 столбиками. Возможно, в промежутке между стеной и столбиками изначально размещали больше жердей.

Второй – размещение досок по краю котлована. В этом случае, стены жилища имели наклон. Стенки котлована были обложены 1–2 рядами горизонтальных досок, фиксируемые столбиками. Для этой цели стремились использовать длинные и широкие доски. При ярусном размещении глубина котлована зависела от степени демонтажа предшествующего строения; в среднем – около 0,3 м.

Достоверно способы фиксации верхних концов досок не установлены. По углам котлована и вдоль стен не выявлено столбов: возможно, это особенность демонтажа.

Только для постройки 11 реконструирован вероятный способ формирования передней стены (в других жилищах эта часть была вскрыта частично). В середине между двумя секциями горизонтального стенового набора из толстых досок (полубруса?) оставлен проем шириной около 0,7 м. Со стороны проема торцы досок были затесаны на клин, что характерно для их фиксации в технике «в заплот». Детали стен укладывались между столбами. Вероятно, такие стены дополнительно крепились посредством симметрично установленных жердей-сжимов, которые соединялись между собой брусками с отверстиями. Этот прием реконструирован по материалам Надымского городка, по аналогии с постройками северных хантов. Предположено, что таким способом могли скрепляться и вертикальные детали стен [Кардаш, 2009, с. 54–55; Митина, 2010, с. 41–42].

Обязательным элементом являлся *коридор,* ведущий на улицу. Его ширина определялась шириной проема. Изготовлен в траншее, с обкладкой ее стен досками.

Центральные помещения имели близкие размеры: от 4,2 × 4,6 м до 4,4 × 5 м. Установлено, что они были огорожены стенами. Вход во внутреннее помещение двери не имел. Предполагается два типа конструкции стен. Первый (ранний по хронологии) – бревна располагали между столбами из бревен диаметром 8–10 см.

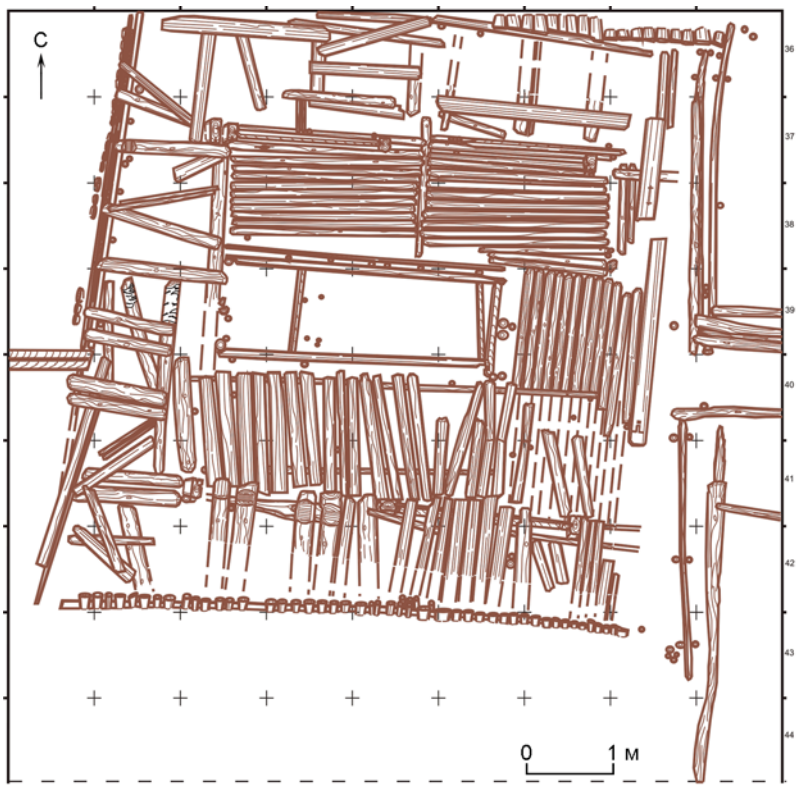

Рис. 1. Усть-Войкарское городище. Схема постройки 11 (рисунок автора; раскопки А.В. Новикова).

Второй – «в заплот»; помимо угловых столбов могли размещать промежуточные. Для каркаса применяли лафет (полубрус). Столбы вкапывались в слой на глубину 40–45 см. Установлено, что низ столбов могли помещать в пазы массивных бревен, выполнявших тем самым роль фундамента (рис. 3).

Позднее в некоторых жилищах центральное помещение утратило ограждение по всему периметру: были оставлены лишь боковые стены, разделяющие центральную часть помещения и участки бывших «галерей».

Очажная конструкция размещалась в центре помещения, напротив входа. Имела вид прямоугольной рамы. Боковые стороны собирались из цельных деталей (бревна либо лафеты длиной 2,7–3,4 м); ширина конструкции 0,8–1,2 м. Рамы различались способом углового сопряжения. Первый – соединение встык, стенки фиксировались колами. Второй – посредством срубных приемов «с остатком». Костровое место было заполнено грунтом и отделено перегородкой. Его длина – 1,4–1,9 м. Конструкция рамы была дополнена каркасом для размещения жердей-вешал и перегородкой со стороны входа [Гаркуша, Новиков, 2017].

Неординарной является конструкция очага в постройке 7/2: сруб из 9 венцов, рубленный «с остатком» [Там же, с. 296, 298]. Типичные образцы открытых центральных очагов в средневековых жилищах региона – однорядная или одновенцовая рама [Кардаш,

Рис. 2. Усть-Войкарское городище.

1 – постройка 7/2, положение деталей стены, установленных по дну котлована (фото А.В. Новикова); *2* – постройка 7/1; положение деталей стены, установленных по краю котлована (фото А.В. Новикова)

Рис. 3. Усть-Войкарское городище.

1, 2 – постройка 7/1; укрепление нижней части столбов каркаса центрального помещения (ПМА).

2009, с. 56; 2013, с. 108; Морозов, 1994, с. 416]. Предположительно, уровню дна очага должен соответствовать исходный, не достигнутый уровень этой жилищной застройки. Вероятно, в процессе эксплуатации жилища, по мере появления новых ярусов деревянного пола, происходило наращивание венцов очажной конструкции.

Деревянные полы покрывали всю площадь постройки на сопоставимом уровне. Чаще – это доски, размещенные на лагах. Полы состояли из отдельных секций, жестко не связанных ни между собой, ни с другими элементами постройки. Подбор стройматериала и способы укладки полов отличались в различных местах жилища, даже в пределах одной функциональной зоны. Более тщательно подходили к укладке пола в центральном помещении: доски покрытия могли изготавливать длиной, соответствующей расстоянию между передней и задней стенами (рис. 4).

Рис. 4. Усть-Войкарское городище.

1, 2 – постройка 7/2; дощатые полы на лагах в центральном помещении (ПМА).

В «галерее» способы укладки отличались разнообразием; чаще применялась вторичная древесина. Участки дощатого покрытия на лагах могли соседствовать с плотно уложенными на грунт массивными частями бревен или плах. Ширина «галереи» была небольшой – около 1,1–1,3 м.

Реконструировать архитектуру малых жилищ возможно лишь в самом общем виде: они представлены, фактически, *остатками передних стен,* сохранившихся на высоту в два бревна (за исключением построек 10* и 11*). Именно их длина бралась за основу при расчете реконструируемой площади (рис. 5).

Стены собирались из бревен, уложенных горизонтально между столбами. Не исключено дополнительное употребление сжимов из жердей и брусков-обойм. Длина деталей: от 2 до 2,7–2,8 м. Бревна тщательно не обрабатывали, часто ограничиваясь стесыванием сучков. Лишь в одной постройке применена подтеска смежных плоскостей и конопачение мхом.

Стены могли быть комбинированными. Однадве нижние детали – бревна; последующие – из аналогично размещенных досок. В этом случае применение сжимов и обойм должно являться неизбежным. В пользу этого говорит наличие небольших прямоугольных вырубов в кромках досок. Они выполнены с одной либо двух сторон и могут быть пазами для размещения обойм.

Остатки боковых и задних стен сохранились отдельными участками. По их остаткам возможно установить, что стены набирались из деталей, установленных под наклоном или вертикально. Вертикальное положение обусловлено размещением деталей по дну котлована. На уровне дна к стенкам котлована они прижимались горизонтально уложенными 1–2 жердями, фиксируемыми столбиками. Концы жердей были углублены в стенки котлована.

Были зафиксированы случаи сооружения внешней конструкции по типу «завалинки». Ограждение собрано из бросовых частей тонкоствольной древесины, уложенных, вероятно, между столбами из жердей.

Во всех передних фасадах сохранились нижние участки *дверных проемов.* Они располагались в середине 2-го снизу бревна и были выполнены по одной схеме, рассчитанной на установку пяточных дверей. Остатки таких дверей были обнаружены в заполнении построек [Гаркуша, Новиков, 2019]. Предполагаем, что аналогичные проемы использовались и в жилищах большой площади.

К дверному проему примыкал небольшой *коридор*. Он был выполнен способом, аналогичным тому, что применяли в больших жилищ.

Способы устройства полов достоверно не установлены. В одном случае были отмечены настилы из нашивных бортов лодки, уложенные непосредственно на слой. Примеры близкой по габаритам застройки Надымского и Полуйского городков показывают, что покрытие из досок, помещенное на свободно лежащих лагах, не было редкостью. Как

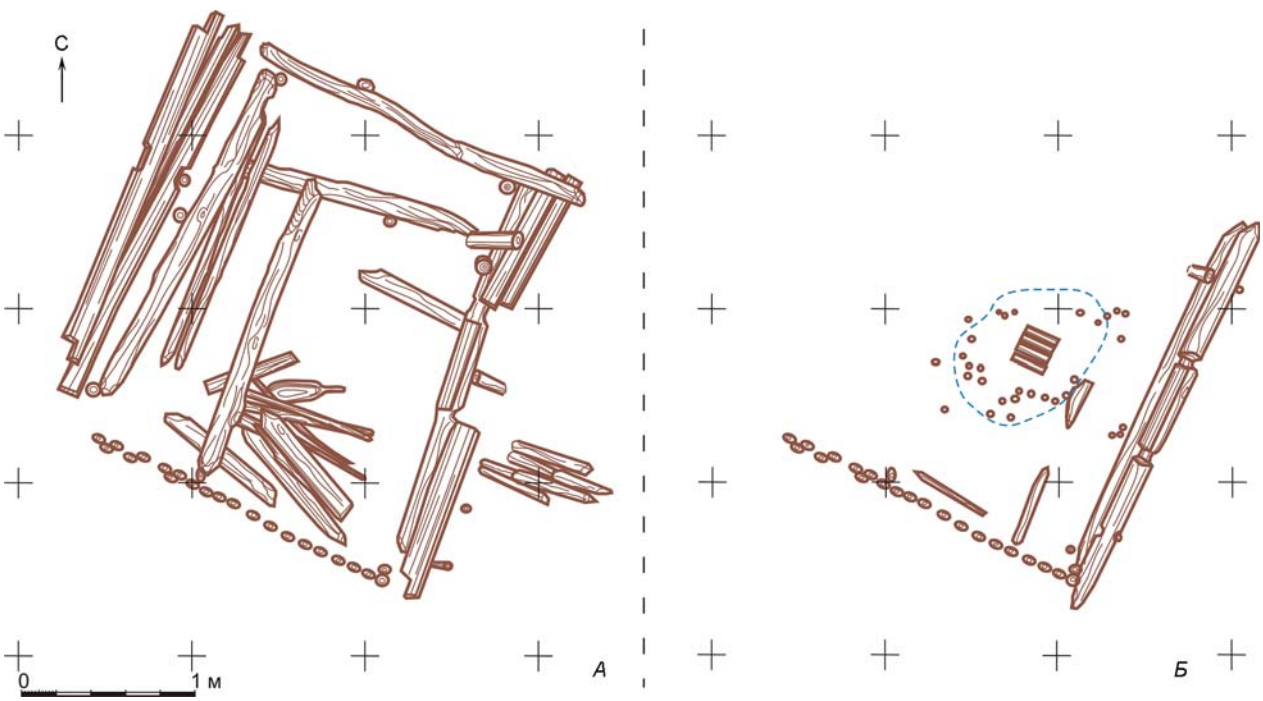

Рис. 5. Усть-Войкарское городище. Схемы построек малой площади (рисунок автора; раскопки А.В. Новикова).

и создание особого настила, маркирующего расположение спального места [Кардаш, 2009, с. 54; 2013, с. 117].

Для ранних построек характерен *открытый очаг простейшего типа* в центральной части жилища. Это округлое в плане углубление, диаметром около 0,7 м, заполненное грунтом и окруженное рамой из поленьев [Гаркуша, Новиков, 2017].

По крайней мере с последней трети XVI в., в малых постройках происходит замещение простейших очагов *чувалами.* Начало периода основано на дате постройки 2А. Здесь, в одном из передних углов, обнаружено небольшое по мощности скопление обожженной глины диаметром около 50 см. Такой размер основания значительно меньше, чем у традиционных чувалов. Но наличие по его периметру частей вертикально установленных прутьев сопоставимо с размещением каркаса чувала. Чувалы традиционного облика появляются, вероятно, не позже первой трети XVII в. Они располагались в одном из передних углов.

Особенности видового и возрастного состава деревьев, использованных в строительстве, возможно реконструировать лишь в общих чертах. Ограничивающие факторы – значительная степень демонтажа построек и выборочность отбора деталей для дендроанализа. Строительство велось из хвойных пород деревьев. С учетом данных для построек 10* и 11* [Гурская, 2008, с. 221] основной строительный материал – ель. Лиственницу стремились использовать для изготовления деталей, призванных выдерживать значительные нагрузки. В первую очередь, это элементы несущих каркасов и детали покрытия настилов в центральном помещении.

Для столбов центрального помещения выбирали деревья с поперечным размерам около 20 см. Как правило, им соответствовали деревья III–IV возрастных групп. Древесину этой же группы предпочитали использовать при изготовлении досок для внешних стен.

Употребление деревьев старших возрастных групп для создания различных элементов конструкций наблюдается для всего периода существования каркасно-столбовых построек.

В целом соблюдать определенную стратегию отбора стройматериала проще при строительстве малогабаритных строений по причине требуемого меньшего его объема.

Каркасно-столбовые жилища поселения распределены по неравномерно исследованным строительным горизонтам. На данный момент существует значительный хронологический и стратиграфический разрыв между исследованными частями поселения. Тем самым ограничены возможности реконструкции его архитектурно-планировочной организации в диахронном аспекте.

При раскопках холма достигнут уровень, на котором постройки такого типа, по данным дендроанализа, встречаются с начала 2-й половины XV в. В большей степени представительны материалы поздних слоев, приуроченных к вершине холма. В общем виде они характеризуют застройку середины XVII – середины XVIII в. Самые ранние строения, вероятно, маркирующие время появления стационарного поселения, были обнаружены у подножия холма. Это постройки малой площади 10* и 11* [Федорова, 2006, с. 11–12]. Возведение последующих ярусов застройки их не задело. Во многом это обусловило исключительную физическую и архитектурную целостность объектов, что позволило установить их отличия от последующих строений.

Наиболее массовые группы дат из постройки 11* приходятся на 1283–84 и 1301–02 гг. Для постройки 10* поздняя группа деталей датируется 1314 г. (детализация дат постройки 10*, опубликованных М.А. Гурской, дана в более общем виде) [Гурская, 2008, с. 221]. Не исключено, что поздние группы дат в каждой постройке отражают не время их появления, а этап их обновления. В любом случае, эти даты демонстрируют отрыв не менее чем ок. 160 лет от самой ранней постройки, выявленной при разборе отложений, ведущихся с вершины холма.

За этот промежуток произошли определенные изменения в строительных навыках местного населения. Так, в ранних постройках, стены сооружались по периметру из вертикальных деталей – бревен и плах (полубревен). По крайней мере с начала XVI в., фиксируется вытеснение вертикальных деталей из бревен досками. Прежде всего, это относится к крупным постройкам. В первой трети XVI в. использование досок получает широкое распространение, несмотря на то, что их получение является более трудозатратным.

В начале последней трети XV в. уже используется иной способ сборки передних стен. Они формируются посредством горизонтального набора из обработанных бревен, уложенных между столбами.

Включение досок в горизонтальные наборы встречается, по крайней мере, с начала XVI в. Распространение дощатых стеновых наборов, не имеющих жесткого углового сопряжения, вероятно, привело к появлению специфических способов их надежной фиксации – применению стоек-сжимов и закрепляющих их обойм.

Достоверно применение в строительстве техники «в заплот» фиксируется лишь со 2-й половины XVII в. Возможно, она была известна и раньше:

установить это мешает значительная фрагментарность остатков столбов.

Распространением новых типов стройматериалов не ограничивается круг инноваций в домостроительной практике. По крайней мере с последней трети XV в., наблюдается локальное применение приемов срубного строительства. Они используются для обустройства отдельных, но важных элементов интерьера в архаичных постройках: изготовление дверных проемов, предназначенных для установки пяточных дверей (судя по постройкам 10* и 11*, на рубеже XIII–XIV вв. такой тип проемов не применялся); опосредовано – изготовление дверных полотен с шипами; изготовление прямоугольных очажных конструкций. Таким образом, возможно говорить об освоении к этому времени местным населением определенного набора технических приемов и решений, характерных именно для развитых форм срубного строительства. Они становятся частью местной домостроительной традиции до того, как полный технологический цикл срубного строительства был воспринят жителями поселения.

Предварительно, с середины XVII в. наблюдается вытеснение малых жилищ, близкими по площади срубами; их сосуществование отмечается с последней трети XV в. Крупные жилища продолжали сооружать до начала 2-й трети XVIII в. К середине столетия они были заменены соответствующими по габаритам срубными строениями.

Уточнение периода, в течение которого происходит смена строительной практики, масштабности процесса, требует привлечение более широкого по хронологии и охвату построек материала.

Длительность существования жилищ большой площади на определенных участках, выразившаяся в ярусном принципе застройки, позволяет считать их значимым фактором, определявшим неизменность основных принципов пространственной организации поселения. Распространение малых жилищ, несмотря на практикуемое и здесь ярусное расположение, имело более свободный характер.

Наблюдается преемственность в соблюдении некоторых принципов внутренней планировки между ярусами построек. В значительной степени это относится именно к большим жилищам. Например, сохранялось устройство и местоположение очажной конструкции, местоположение дверного проема. Следовательно, сохранялись и ряд других, связанных с ними элементов интерьера.

Сложным вопросом является определение периода существования построек. Установление времени строительства должно опираться на совокупность дат деталей несущей конструкции и на их соответствие с сериями дат прочих структурных элементов постройки. По деталям с наиболее поздними датами получаем возможность оценить вероятное время ее бытования. Предварительно, для построек большой площади среднее время их существования определяется в 50 лет.

Не менее сложным является вопрос о регулярности проведения ремонтных работ, а также их масштабности. Наблюдаемая по датам периодичность обновлений не является полной: замена деталей могла носить локальный характер и произвольную периодичность, безотносительно к обновлению конструкции в целом. Замена значительной части деталей приводит к тому, что строительный уровень было бы сложно проследить планиграфически, а оставшиеся детали с ранними датами трактовались бы как вторично использованная древесина. Какие-то структурные элементы жилища могли быть демонтированы полностью и планиграфически не прослеживаться. Как показывают наблюдения этнографов, различные ремонты каркасно-столбовых построек могли происходить ежегодно [Адаев, Зимина, 2016, с. 69].

Информационный потенциал археологических поселений жителей Севера во многом обеспечен фактором мерзлоты, что делает круг таких объектов пока значительно ограниченным. Имеющийся материал показывает значительное сходство в архитектуре стационарных жилищ, в т.ч. в интерьерах. Схожие по конструкции крупные двухчастные постройки были известны в разных частях Севера Западной Сибири, характеризующихся разными экологическими условиями. Последние влияют на доступность и качество строительного материала. Достоверно такой тип планировки известен с конца 1-й трети XIII в. (городище Бухта Находка [Sidorova et al., 2017]). Пример археологических «городков» показывает, что со 2-й половины XVIII в. подобные двухчастные жилища начинают изживать себя и, вероятно, исчезают окончательно. Этнографические материалы, по нашему мнению, уже не фиксируют таких жилищ, несмотря на многообразие каркасно-столбовых строений, попавших в поле зрения исследователей.

Список литературы

Адаев В.Н., Зимина О.Ю. Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: археолого-этнографические параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 3. – С. 63–71. doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.063-071

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Очажные устройства в жилых постройках городища Усть-Войкарское (по материалам работ 2012-2016 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 294–299.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Дверные проемы и дверные полотна из построек Усть-Войкарского городища (по материалам 2012–2016 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 360–367. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.360-367

Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 212–231.

Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург-Салехард: Магеллан, 2013. – 379 с.

Митина Н.Н. Хозяйственные и жилые постройки обских угров // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 1. – С. 40–45.

Морозов В.М. Поселения и постройки Нижнего и Сургутского Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: ТГУ, 1994. – Т. 1: Поселения и жилища. – Кн. 1. – С. 415–418.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник ЯНАО. – 2006. – Вып. 4. – С. 11–17.

Sidorova M.O., Büntgen U., Omurova G.T., Kardash O.V., Myglan V.S. First dendroarchaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // Dendrochronologia. – 2017. – Vol. 44. – P. 146–152. https://doi.org/10.1016/j.dendro.2017.05.004

References

Adayev V.N., Zimina O.Y. Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, no. 4. P. 140–153. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.063-071

Fedorova N.V. Voikarskii gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 godov. In *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*, 2006, no. 4. P. 11–17. (In Russ.).

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Hearth Structures in the Dwellings of the Ust-Voikarskoe Fortifi ed Settlement (Based on Archeological Research in 2012–2016). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 294–299. (In Russ.).

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Door openings and door panels from the houses of Ust-Voikarskoe site (based on the materials of 2012–2016 years). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 360–367. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.360-367

Gurskaya M.A. Dendrochronological dating of archeological wood of Ust-Voykar settlement (North-Western Siberia). In *Fauna i flora Severnoi Evrazii v pozdnem kainozoe*. Ekaterinburg, Chelyabinsk: Rifei, 2008. P. 212–231. (In Russ.).

Kardash O.V. Nadymskii gorodok v kontse XVI – pervoi treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura. Yekaterinburg, Nefteyugansk: Magellan Publ., 2009, 360 p. (In Russ.).

Kardash O.V. Poluiskii mysovoi gorodok knyazei Taishinykh. Yekaterinburg, Salekhard: Magellan Publ., 2013, 379 p. (In Russ.).

Mitina N.N. Inhabited and household constructions of Ob Ugorians. *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN*, 2010, no. 1, pp. 40–45. (in Russ.).

Morozov V.M. Poseleniya i postroiki Nizhnego i Surgutskogo Priob'ya. In *Ocherki kulturogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk. State Univ. Press., 1994, Vol. 1: Poseleniya i zhilishcha. Bk. 1, chap. 7. P. 415–418. (In Russ.).

Sidorova M.O., Büntgen U., Omurova G.T., Kardash O.V., Myglan V.S. First dendroarchaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia. *Dendrochronologia,* 2017. Vol. 44. P. 146–152. https://doi.org/10.1016/j.dendro.2017.05.004

Гаркуша Ю.Н. https://orcid.org/0000-0002-0935-0213

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0393-0399
УДК 903.53

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Погребальный комплекс Имасиродзука как усыпальница императора Кэйтай

Статья посвящена анализу результатов исследования погребального комплекса Имасиродзука, расположенному в г. Такацуки преф. Осака, Японский архипелаг. Археологические раскопки памятника проводились траншейным методом. Частично исследованы насыпи кургана, участки рва и вала. Полностью изучен участок, где находилась скульптурная группа ханива, которая на сегодняшний день является самой многочисленной из известных на территории Японских островов. Результаты раскопок позволяют выявить основные характеристики элементов погребального комплекса и получить новые данные о способах сооружения погребений вождей на поздних этапах периода кофун. В работе представлена реконструкция технологии строительства больших курганов. Проанализированы итоги изучения обнаруженных артефактов и методы реконструкции погребального инвентаря. Курган был разграблен в древности, поэтому на памятнике найдены только фрагменты погребального инвентаря, расположенные, главным образом, в районе круглой насыпи. Комплексные исследования артефактов с привлечением данных аналогичных памятников позволили японским археологам определить возможный состав погребального инвентаря, включающий снаряжение лошади, оружие, доспехи и украшения. В работе рассматриваются основные положения теории о комплексе Имасиродзука как о погребении императора Кэйтай, освещаются некоторые спорные вопросы. В качестве аргументов в пользу отнесения данного комплекса к императорским погребениям служат форма и строение насыпей, двойной ров, устройство погребальной камеры, погребальный инвентарь, свидетельство применения для создания комплекса материалов, доставляемых с удаленных территорий архипелага. В настоящее время официально признанным погребением императора Кэйтай остается курган О:датаюсуяма, расположенный также в группе Мисима, и окончательное решение этого вопроса возможно только в ходе дальнейшего изучения обоих памятников и сравнительного анализа полученных материалов.

Ключевые слова: *Японский архипелаг, период кофун, курган, император Кэйтай, погребение.*

I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Imashirozuka Burial Complex as the Tomb of Emperor Keitai

This article presents an analysis of the results of archaeological study of the Imashirozuka burial mound located in Takatsuki City, Osaka Prefecture, the Japanese Archipelago. Archaeological excavations at the site have been performed by the trench method. During the excavations, mounds of the tomb, sections of the ditch and the earth bank were partially investigated. The section where the haniwa sculptural group is located has been studied in full. Presently, the largest group of haniwa known in the territory of the Japanese islands was found there. The results of the excavations make it possible to reveal the main characteristics of the elements of the burial complex, and to obtain new data on the methods of construction of the burials for the leaders at the later stages of the Kofun period. The article considers reconstruction of the technology for the construction of large burial mounds. The results of the study of the artifacts and methods of reconstruction of the grave goods are provided. The burial mound was partly destroyed due to tomb raiding in antiquity, so only fragments of grave goods were found in the area of the round mound. The Japanese archaeologists, using complex research methods and materials from the similar sites, were able to determine the composition of the

funerary equipment, which included horse equipment, weapons, armor, and jewelry. The theory of the Imashirozuka mound as a burial place of the Emperor Keitai is offered for consideration and some controversial points of the theory are highlighted. The Japanese archaeologists present important arguments for the recognition of Imashirozuka as an Imperial burial.

Keywords*: Japanese archipelago, Kofun period, burial mound, Emperor Keitai, burial.*

Погребальный комплекс Имасиродзука расположен в г. Такацуки, преф. Осака (см. *рисунок*). Комплекс включает в себя курган из двух соединенных насыпей, по форме основания одна из которых трапециевидной формы, вторая – круглой (такие курганы также именуют «квадратно-круглые»). В месте соединения насыпей созданы небольшие пристройки высотой примерно до уровня первой ступени. Курган окружен двойным рвом с разделяющим валом. Общая длина погребального комплекса – 360 м, длина непосредственно кургана – 190 м, ширина основания трапециевидной насыпи – 148 м, высота – 12 м, диаметр круглой насыпи – около 100 м. Центральная ось погребального комплекса расположена по линии северо-запад – юго-восток. На площадке, расположенной на валу в северо-восточной части комплекса, находится групповая композиция из керамических скульптур ханива [Вакаса, 2009, с. 33]. Описанию и характеристике композиционной группы и некоторых отдельных ханива посвящены ранее вышедшие статьи [Гнездилова, 2019; Гнездилова, 2020], в данной работе целью является проанализировать итоги археологических работ на памятнике, которые в данный момент завершены, определить ключевые результаты, позволяющие высказывать предположении о принадлежности погребального комплекса императору Кэйтай и рассмотреть дискуссионные вопросы принадлежности кургана.

Погребальный комплекс Имасиродзука входит в состав группы курганов Мисима. Свое название группа получила от исторического наименования уезда Мисима в древней провинции Сэцу. Уезд занимал часть территории, вытянутой вдоль реки Йодо равнины, которая с севера ограничена холмами и горными массивами. Равнина пересекается множеством притоков реки Йодо. Курганы здесь строились, как правило, ближе к горным массивам и на холмистых территориях.

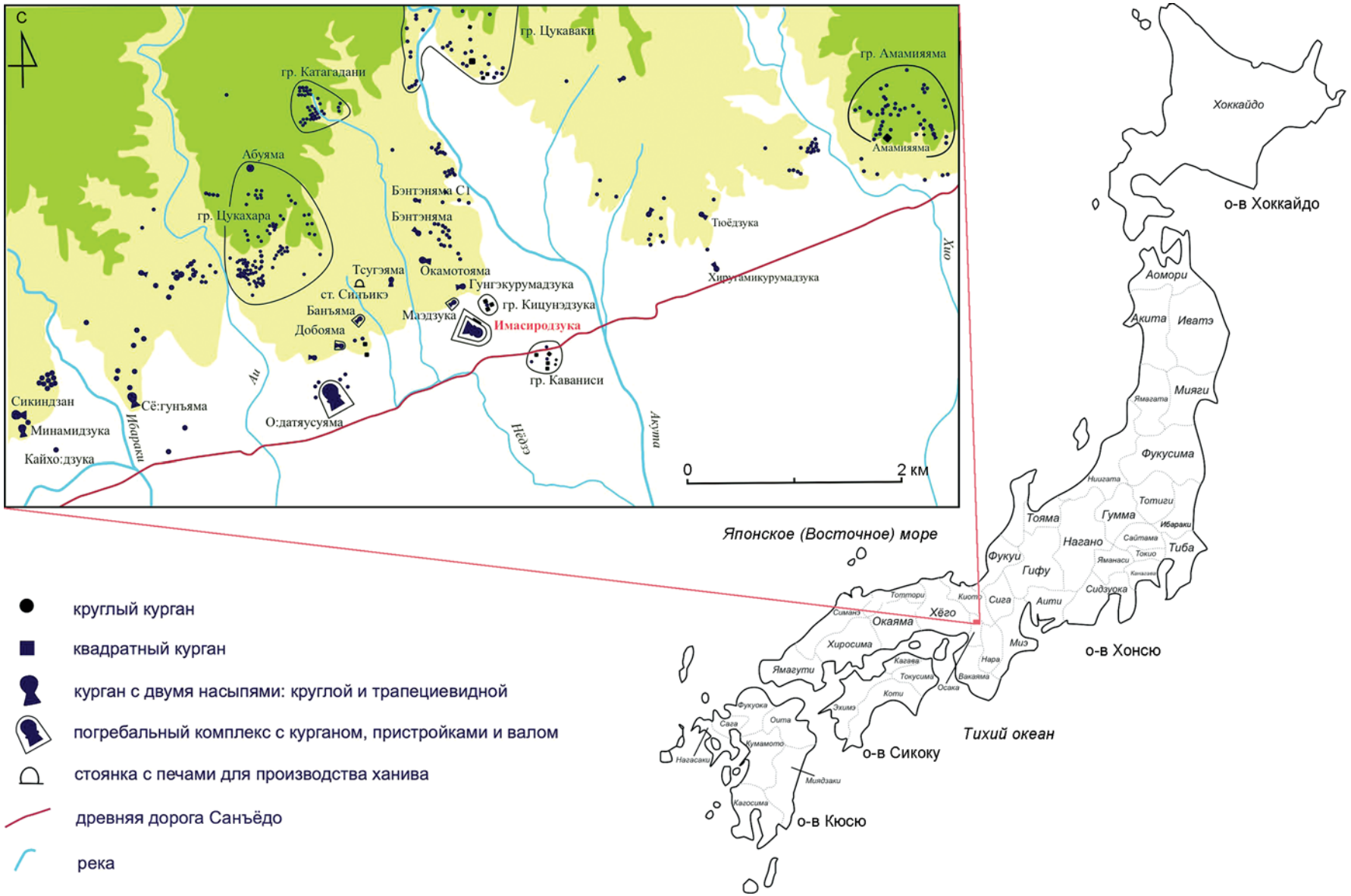
К группе Мисима относится свыше 500 курганов разных размеров. Сооружались они на протяжении всего периода кофун. Самым древним считается курган Амамиярама, который на основании находок бронзовых зеркал датируется серединой III века. Из крупных курганов второй половины III в. – конца IV в. являются Окамотояма, Бэнтенъяма, Цугэяма, Сикиндзан. V в. датируется строительство курганов Маэдзука, О:датяусуяма (предварительно), Добояма, Банъяма, VI в. – Минамидзука, Имасиродзука, Хирагамикурумадзука, Кайбо:дзука. К VII в. относится курган Абуяма [Морита, 2017, с. 21].

В силу выгодного географического расположения древняя провинция Сэцу активно заселялась на протяжении всего периода кофун и служила транспортным узлом. Река Йодо имела выход к Внутреннему Японскому морю и к морскому пути, следующему вдоль побережья о. Хонсю до о. Кюсю и далее к Корейскому побережью. Также через равнинную часть древнего уезда Мисима, как предполагается, проходила древняя дорога Санъёдо, ведущая к внутренним районам центральной части о. Хонсю.

Известно о существовании данного ответвления Санъёдо в районе западной части современного города Такацуки. Согласно данным раскопок, несколько участков дороги в черте города Такацуки были вымощены речными камнями, и ширина их составляла от 10 до 12 м. Датируется строительство дороги второй половиной VII – началом VIII в., но использовался этот путь и ранее [Такахаси, 2000, с. 42].

Погребальный комплекс Имасиродзука исследовался этапами в течение 10 лет, с 1997 по 2006 г. Раскопаны только отдельные участки памятника: центральная часть круглой насыпи, места соединения двух насыпей; отдельными траншеями исследовались участки рвов и вала. По результатам изучения удалось определить устройство кургана и количество ступеней насыпей, форму и размеры пристроек, месторасположение и форму погребальной камеры, а также обнаружить фрагменты каменного саркофага и погребального инвентаря. Полностью было исследовано и реконструировано место установки, а также состав скульптурной группы ханива.

В ходе раскопок удалось установить, что курган сооружался на подготовленной, выровненной площадке равнинной местности, имеющей небольшой уклоном с северо-запада на юго-восток. На тех участках, которые были исследованы до уровня древней дневной поверхности, был обнаружен слой с углем, что указывает на проведение подготовительных работ со сжиганием верхнего слоя почвы после выравнивания площадки для кургана [Морита, 2017, с. 22]. Насыпи кургана полностью

Расположение кургана Имасиродзука и группы Мисима, (ил. по: [Морита, 2017, с. 20–21] в редакции автора статьи).

насыпные. Для формирования насыпи использовались небольшие блоки из грунта диаметром около 40 см, которые плотно подгонялись друг к другу. В нижних слоях насыпи обнаружены блоки более темного, практически черного цвета, в верхних – желтого. Химический анализ блоков темного цвета показал, что это искусственно созданные блоки [Сисэки, 2000, с. 3]. Ступени насыпи укреплялись каменной кладкой, для которой использовались речные камни. Они укладывались у основания ступени для предотвращения ее осыпания.

Курган окружен рвом, ширина которого составляет от 17 до 25 м на разных участках [Сисэки, 2002, с. 3]. Высота вала, разделяющего внутренний и внешний ров, составляет около 20 м от уровня древней дневной поверхности. Для сооружения вала также использовались грунтовые блоки, но большего размера, чем блоки для насыпи. По всей линии внутреннего периметра вала были установлены цилиндрические ханива. Внешний ров от внутреннего отделен валом, внешний ров не заполнялся водой. Ширина внешнего рва – примерно 19 м. В валу на северной стороне от центральной оси кургана была обнаружена канава шириной 6 м и глубиной около 3 м [Сисэки, 2001, с. 5].

В северо-восточной части внутреннего рва находилась площадка, сложенная из речных камней, подпрямоугольной формы длиной примерно 9 м с востока на запад и шириной около 5 м. По высоте она находилась выше уровня слоя с углем и позднее была закрыта валом [Морита, 2017, с. 23].

В круглой насыпи кургана располагалась погребальная камера. Она была разрушена в результате грабительских раскопок, хозяйственной деятельности, а также оползня, вызванного землетрясением 1596 г., произошедшего на юге Киото. Погребальная камера была построена в форме склепа с коридором и выходом наружу. Длина погребальной камеры вместе с коридором составляла 16 м, погребальная камера смещена восточнее от центральной оси круглой насыпи, а ее основание находится примерно на уровне основания второй ступени круглой насыпи.

Таким образом, сооружение погребального комплекса занимало длительное время и требовало привлечения большого числа рабочих. Считается, что место будущего погребения определялось еще при жизни императора [Хиросэ, 2015, с. 43]. После выбора места погребения площадка выравнивалась и, как стало ясно из итогов раскопок кургана Имасиродзука, строители также могли удалять растительность путем сжигания. Затем проводились внешние подготовительные работы с планированием на местности расположения насыпей, рвов и вала погребального комплекса. Следующим этапом было создание каменной площадки в северо-восточной части комплекса. Она могла служить местом, где обсуждались этапы и ход строительства. Здесь могли проводиться и ритуальные действия, например, перед началом сооружения погребального комплекса, на отдельных этапах. Строительство насыпей кургана осуществлялось подготовленными грунтовыми блоками, которые затем утрамбовывались. Насыпи формировались ступенями и укреплялись каменной кладкой. Круглая насыпь кургана Имасиродзука сформирована из трех ступеней, трапециевидная насыпь – из двух ступеней. Примерно на уровне первой ступени начали сооружать погребальную камеру – склеп с выходом. Для ее создания применялись каменные блоки, которые изготавливались из камней, доставляемых с расположенной неподалеку реки. На ступенях насыпей цилиндрические ханива обнаружены только по линии основания трапециевидной насыпи. Строительство вала производилось, вероятно, практически одновременно со строительством кургана, особенно той части, где устанавливалась группа из ханива, поскольку ее создание требовало значительных временных и трудовых затрат. Окончательное «закрытие» вала и заполнение его водой осуществлялось, вероятно, уже после совершения обряда погребения.

В ходе исследования круглой насыпи были обнаружены сотни фрагментов туфа, который, как предполагают японские исследователи, использовался для изготовления саркофага. На основе анализа фрагментов были определены три типа туфа. Первый – это туф, который добывается на горе Асо, расположенной на территории современной префектуры Кумамото, остров Кюсю. Это так называемый «розовый камень», имеющий характерный розовый оттенок, из которого изготавливался практически готовый саркофаг и доставлялся морским путем в центральную часть о. Хонсю, а на месте уже дорабатывался. Кроме того, был обнаружен каменный материал, добытый на горе Рю: (Тацу), расположенной на территории современной префектуры Хёго. И третий тип туфа, «белый камень», добывался на горе Нидзё, хребет Конго – естественная граница префектур Нара и Осака. На некоторых фрагментах «розового» и «белого» туфа обнаружены следы киновари [Морита, 2017, с. 39]. Киноварь в период кофун применялась именно для окрашивания саркофагов изнутри. В погребальной камере Имасиродзука могло находиться два саркофага, однако однозначно определить это уже не представляется возможным.

Фрагменты погребального инвентаря были обнаружены, главным образом, в ходе изучения кру-

глой насыпи, они были разбросаны по всей территории насыпи, но основная концентрация находок приходилась на центральную часть – в месте расположения склепа. Артефакты представляют собой небольшие фрагменты от 2 до 5 см, большую часть из которых удалось обнаружить только благодаря просеиванию грунта в ходе раскопок. На сегодняшний день насчитывается около 1200 фрагментов. Большая часть находок была сделана во время проведения восьмых (2004 г., юго-восточная часть круглой насыпи) и десятых исследований (2006 г., центральная часть круглой насыпи) [Ёмигаэру, 2012, с. 7]. После окончания цикла раскопок были выполнены исследования находок методами рентгеновской съемки, а также рентгенофлуоресцентного анализа, изучение фрагментов при помощи микроскопа и реконструкция предметов на основе данных других аналогичных памятников периода кофун.

Изучение обнаруженных артефактов позволило определить фрагменты конской упряжи – седла, стремени, удил, декоративных подвесок нагрудного ремня, распределителя нащечного ремня, а также бляхи-держателя подхвостного ремня. Обнаружены фрагменты оружия – длинного меча, короткого ножа, различного типа наконечников стрел, защитного вооружения – шлема, доспехов, колчана. Также были найдены стеклянные бусины: бусины «в виде запятой» – *магатама* и цилиндрические бусины – *кудатама*. В настоящее время находки и реконструкции предметов находятся в Историческом музее Древний Имасиродзука г. Такацуки (преф. Осака).

Реконструкция предметов погребального инвентаря стала возможна не только благодаря применению всестороннего анализа фрагментов, но и привлечению данных о находках погребального инвентаря в погребальных комплексах, датируемых тем же временем.

Среди артефактов в ходе их изучения было идентифицировано несколько фрагментов из медного сплава, которые на лицевой стороне имели гравировку. На «внутренней» стороне фрагментов были обнаружены остатки органического вещества. В процессе дальнейшего изучения и привлечения аналогий эти детали были определены как фрагменты колчана типа «*короку*». Данный тип колчана попал на территорию Японских островов в V в. с территории Корейского полуострова. Отличием данного типа колчана от ранее используемого на территории архипелага является расположение стрел наконечниками вниз, оперением – вверх. Колчан типа *короку* носили на поясе, а не через плечо. Колчан имел тканевую основу, место хранения стрел представляло собой полуовальный короб. Для крепления короба, самого основания и ограничивающей планки для стрел использовалась металлическая фурнитура. Среди фрагментов, как считают японские исследователи, как раз и были обнаружены части этих деталей. В качестве аналогичных примеров конструкции как колчана, так и других предметов, использовались данные находок в двух курганах, расположенных на территории префектуры Нара – Итиохакаяма (датируется началом VI в. н.э.) и 3-м кургане Тэрагутисэндзука (начало VI в. н.э.), а также 1-го кургана группы Батияноямa, расположенного в преф. Киото (середина VI в н.э.) [Фукуяма, Омура, Цукамото, 2012, с. 72]. Таким же образом были исследованы и реконструированы доспехи и детали конского снаряжения.

Конструкция кургана и фрагменты погребального инвентаря позволяют его датировать первой половиной VI в. н.э. Данная датировка также служит основанием отнесения данного памятника к императорским погребениям, а точнее считать его погребением императора Кэйтай.

Император Кэйтай правил с 507 по 531 г. [Концевич, 2010, с. 720]. Кэйтай являлся представителем боковой линии правящего рода и вступил на престол по причине отсутствия прямых наследников у предшествующего императора Бурэцу. Во время правления императора Кэйтая позиции Ямато на Корейском полуострове были ослаблены, кроме того произошло восстание Иваи – правителя, контролировавшего северную часть о. Кюсю [Мещеряков, Грачёв, 2010, с. 142]. Согласно данным Нихон сёки, император был похоронен в Авино [Нихон сёки, 1997, с. 24]. Так в древности именовался один из районов уезда Мисима. Поскольку на территории древнего уезда Мисима находятся две большие гробницы – Имасиродзука и О:датяусуяма, в процессе подготовки описаний императорских гробниц в разные исторические периоды ученые расходились во мнении, какая из них может принадлежать императору Кэйтай. В период Мэйдзи правительство окончательно признало курган О:датяусуяма как императорское погребение и присвоило особый статус, как и всем императорским усыпальницам [Морита, 2017, с. 61], этот статус исключает возможность свободного посещения и изучения территории погребального комплекса.

Дискуссия о принадлежности кургана Имасиродзука получила новый импульс после исследования комплекса и продолжается в настоящее время. Подтверждением принадлежности кургана императору Кэйтай, прежде всего, является самая многочисленная из известных на сегодняшний день на территории Японского архипелага скульптурная

композиция из ханива, расположенная на валу в северо-восточной части комплекса.

Среди ханива были также обнаружены предметы, выполненные в технике Овари. При производстве в данной технике цилиндрические ханива, после того как были изготовлены примерно на одну треть, переворачивались и затем завершалась верхняя часть изделия. Свое развитие такой способ получил в районе древней провинции Овари (современная префектура Аити) в начале VI в. н.э. Таким образом, для изготовления ханива кургана Имасиродзука была задействована не только производственная площадка Синъикэ, расположенная неподалеку от Имасиродзука, но ханива привозились и с других стоянок производства этих керамических изделий. Использование ханива других регионов архипелага является дополнительным косвенным доказательством высокого статуса данного погребения.

Основанием для того, чтобы определять погребальный комплекс Имасиродзука как погребение императора Кэйтай, является ряд аргументов. Прежде всего, это наиболее многочисленная группа ханива, представляющая, по некоторым версиям, демонстрацию ритуала, связанного с ритуалом погребения императора, по другим версиям, отображение прижизненного мира вождя или структуру императорского дворца. Доказательствами являются конструкция комплекса с двумя рвами, а также фрагменты погребального инвентаря и саркофага, получившие распространение в начале VI в. н.э. Полученные на сегодняшний день результаты позволяют делать выводы о том, что для создания усыпальницы использовались предметы и материалы с удаленных территорий архипелага.

Одним из главных аргументов в пользу отнесения кургана О:датяусуяма к императорским погребениям является наличие сопроводительных насыпей – *байтё:*, которые сооружались в непосредственной близости от императорских курганов, и которые не обнаружены рядом с курганом Имасиродзука.

В этом вопросе новые возможности видятся в дальнейшем изучении погребального комплекса Имасиродзука и, конечно, в изучении кургана О:датяусуяма. Это позволит уточнить принадлежность погребения. В настоящее время курган О:датяусуяма остается в списке императорских погребений на сайте Агентства Императорского двора [Кэйтай тэнно] как погребение императора Кэйтай. Окончательное решение этой проблемы вряд ли возможно в ближайшее время, поэтому следует рассматривать комплекс Имасиродзука как одно из вероятных мест погребения императора Кэйтай.

Список литературы

Вакаса Тоору. Ханива-но сэкай. Кодай сякай кара мэссэ:дзи (Мир ханива. Послание из древнего мира). – Токио: Кабусйкигайся Токё:бидзюцу, 2009. – 80 с. (на яп. яз.).

Гнездилова И.С. Снаряжение воина периода кофун (III–VII вв. н.э.) по материалам находок ханива на кургане Имасиродзука (г. Такацуки, преф. Осака) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 4(50). – С. 73-79.

Гнездилова И.С. Антропоморфные ханива. Теории интерпретации. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2020. – Т. XXVI. – С. 381-388.

Ёмигаэру кодай но кирамэки. Фукусохин ни миру Имасиродзука но дзидай (Возрожденное сияние древности. Эпоха Имасиродзука по материалам погребального инвентаря). – Такацуки: Кинки инсацу, 2012. – 85 с. (на яп. яз.).

Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. – М: Вост. лит-ра РАН, 2010. – 808 с.

Кэйтай тэнно. Мисиманоаино мисасаги. (Император Кэйтай. Усыпальница Мисимааино). [Электронный ресурс] // Тэнно:рё: (Погребения императоров Японии). – URL: https://www.kunaicho.go.jp/ryobo/guide/026/index.html (дата обращения: 15.04.2021г.) (на яп. яз.).

Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии: учебное пособие для вузов. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.

Морита Кацуюки. Ёмигаэру дайо:бо. Имасиродзука кофун (Погребения великих вождей. Курган Имасиродзука). – Токио: Синсэнся, 2017. – 96 с. (на яп. яз.).

Нихон сёки – Анналы Японии. В 2-х т. Пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т.2. Свитки XVII-XXX. – СПб: Гиперон, 1997. – 429 с.

Сисэки. Имасиродзука кофун. Хэйсэй 11 нэндо. Дай 3 дзи кибо какунин тё:са. (Исторический памятник. Курган Имасиродзука. Третий этап исследований, 1999 г.). – Такацуки: Нитто, 2000. – 7 с. (на яп. яз.).

Сисэки. Имасиродзука кофун. –Хэйсэй 12 нэндо. Дай 4 дзи кибо какунин тё:са– (Исторический памятник. Курган Имасиродзука – Четвертый этап исследований, 2000 г.–). – Такацуки: Нитто, 2001. – 7 с. (на яп. яз.).

Сисэки. Имасиродзука кофун. – Хэйсэй 13 нэндо. Дай 5 дзи кибо какунин тё:са– (Исторический памятник. Курган Имасиродзука – Пятый этап исследований, 2001 г.). – Такацуки: Нитто, 2002. – 7 с. (на яп. яз.).

Такахаси Ёсикуни. Кодай до:ро кэнкю: но гэндзё: то кадай (Современное состояние и проблемы исследования древних дорог). // Рэкиси тиригаку (Историческая география). – 2000. – № 42-3 (199). – С. 37–49. (на яп. яз.).

Фукуяма Хирофуми, Омура Мари, Цукамото Тосио. Имасиродзука кофун сюцудо короку но тё:са то фукугэн сэйсаку (Исследование и реконструкция колчана, обнаруженного в кургане Имасиродзука). // Емигаэру кодай но кирамэки. Фукусохин ни миру Имасиродзука но дзидай. – Такацуки: Кинки инсацу, 2012. – С. 72–73. (на яп. яз.).

Хиросэ Кадзуо. Тисики дзэро кара но кофун ню:мон (Справочник по кофунам). – То:кё:: Гэнто:ся, 2015. – 175 с. (на яп. яз.).

References

Emigaeru kodai no kirameki. Fukusokhin ni miru Imasirodzuka no dzidai (The revived glow of antiquity The era of the Imashirozuka burial mound as seen in burial goods). Takatsuki: Kinki insatsu, 2012. 85 p. (In Jap.).

Fukuyama Hirofumi, Omura Mari, Tsukamoto Toshio. Imasirozuka kofun syutsudo koroku no chyo:sa to fukugen seisaku (Investigation and restoration of the *koroku* excavated from the Imashirozuka Tomb). In *Emigaeru kodai no kirameki. Fukusokhin ni miru Imasirodzuka no dzidai*. Takatsuki: Kinki insatsu, 2012. P. 72–73. (In Jap.).

Gnezdilova I.S. Snaryazhenie voina perioda kofun (III–VII vv. n.e.) po materialam nakhodok khaniva na kurgane Imasirodzuka (g. Takatsuki, pref. Osaka) (Equipment of a warrior of the Kofun period (III–VII centuries AD) based on haniwa on the Imashirozuka barrow (Takatsuki city, Osaka prefecture)). (In *Humanities Research in the Russian Far East*, 2019, no. 4(50). P.73–79. (In Russ.).

Gnezdilova I.S. Antropomorfnye khaniva. Teorii interpretatsii (Anthropomorphic Haniwa. Theories of Interpretation). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 381–388. (In Russ.).

Hirose Kazuo. Tisiki dzero kara no kofun nyu:mon (An introduction to ancient tombs from zero knowledge). Tokyo: Gento:sya, 2015, 175 p. (In Jap.).

Kontsevich L.R. Khronologiya stran Vostochnoi i Tsentral'noi Azii. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2010, 808 p. (In Russ.).

Keitai tenno. Mishima no Aino no Misasagi. (Emperor Keitai. Imperial mausoleum Mishima Aino). URL:https://www.kunaicho.go.jp/ryobo/guide/026/index.html (Accessed: 15.04.2021) (In Jap.).

Meshcheryakov A.N., Grachev M.V., 2010. Istoriya drevnei Yaponii: uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: «Natalis», 2010, 544 p. (In Russ.).

Morita Katsuyuki. Yomigaeru daio:bo. Imasirozuka kofun (The revived of Great Tombs. Imashirozuka kofun). Tokyo: Sinsensya, 2017, 96 p. (In Jap.).

Nikhon syoki – Annaly Yaponii. Per. i komment. L.M. Ermakovoi i A.N. Meshcheryakova. T.2. Svitki XVII–XXX. St. Petersburg: Giperon, 1997, 429 p. (In Russ.).

Siseki. Imasirozuka kofun. Heisei 11 nendo. Dai 3 dzi kibo kakunin chyo:sa. (Historic Site. Imashirozuka Tomb. 1999. 3rd scale Verification Research). Takatsuki: Nitto, 2000, 7 p. (In Jap.).

Siseki. Imasirozuka kofun. Heisei 12 nendo. Dai 4 dzi kibo kakunin chyo:sa. (Historic Site. Imashirozuka Tomb. 2000. 4rd scale Verification Research). Takatsuki: Nitto, 2001, 7 p. (In Jap.).

Siseki. Imasirozuka kofun. Heisei 13 nendo. Dai 5 dzi kibo kakunin chyo:sa. (Historic Site. Imashirozuka Tomb. 2001. 5rd scale Verification Research). Takatsuki: Nitto, 2002, 7 p. (In Jap.).

Takahashi Yosikuni. Kodai do:ro kenkyu: no gendze: to kadai (Current status and issues of ancient road research). *Rekisi tirigaku (Istoricheskaya geografiya)*, 2000, no. 42–3 (199). P. 37–49. (In Jap.).

Vakasa Tooru. Haniva-no sekai. Kodai syakai kara messe:dzi [The world of Haniwa. Message from the ancient world]. Tokyo: Kabusikigaisya Toke:bidzyutsu, 2009, 80 p. (In Jap.).

Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0400-0407
УДК 902/904; 665.9.049

А.Е. Гришин[1]✉, В.А. Сумин[2], Ж.В. Марченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]ГАУ НСО «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
Новосибирск, Россия
E-mail: artem-grishin@mail.ru

Остатки производственных сооружений на севере Верхнего Приобья (Ташара-3): к проблеме древнего смолокурения

В научный оборот вводятся средневековые промысловые земляные сооружения памятника Ташара-3, расположенного на границе Томского и Новосибирского Приобья на правом берегу р. Обь. Объекты раскапывались Е.М. Евтеевой и В.А. Суминым в 1994 г. (270 м²). Приводится морфологическая, стратиграфическая и планиграфическая характеристика комплексов. Археологизированные сооружения представляли собой ямы воронкообразной формы, частично перекрытые переотложенным материковым грунтом. В верхней части заполнения ям фиксировались прокаленные участки и остатки обугленных деревянных элементов конструкции. Основное заполнение представляло собой золистый слой. Размеры сооружений 3,14–3,4 × 2,94 × 1,1–1,8 м. Рядом с котлованами обнаружены дополнительные небольшие углубления, являющиеся остатками укрывной конструкции. Находки в котлованах редки, тем не менее, обнаруженная керамика позволяет атрибутировать сооружения №1 и №2. Часть комплексов принадлежит к среднему – позднему этапам верхнеобской культуры (VI–IX вв. н.э.), на что указывает фрагментированный керамический материал. Дается общая характеристика процесса сухого пиролиза древесины, описывается наиболее древний ямный способ смолокуренного производства, известный по исторической и технологической литературе, проводится сопоставление с археологическими наблюдениями по исследованным сооружениям № 1 и № 2 памятника Ташара-3. Предлагается гипотеза об использовании данных сооружений как ям для возгонки смолы из хвойных пород деревьев. Полученный продукт мог быть востребован средневековым населением верхнеобской культуры в ветеринарии, медицине, для обмена, а также для обеспечения сухопутных и речных транспортных коммуникаций, которые проходили, судя по различным источникам, по северу Верхнего Приобья.

Ключевые слова: *древнее смолокуренное производство, Ташара-3, верхнеобская культура, Средневековье, север Верхнего Приобья.*

A.E. Grishin[1]✉, V.A. Sumin[2], Zh.V. Marchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Research and Production Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Novosibirsk Region
Novosibirsk, Russia
E-mail: artem-grishin@mail.ru

Remains of Production Structures in the North of the Upper Ob River Region (Tashara-3): Towards the Problem of Ancient Tar Production

This article analyzes Medieval production ground structures at the Tashara 3 site located on the right bank of the Ob River (on the border of Tomsk and Novosibirsk Regions). These archaeological objects were excavated by E.M. Evteeva and V.A. Sumin in 1994 (270 sq. m). In terms of morphological, stratigraphic, and planigraphic features, the archaeological

structures represent funnel-shape pits partly covered by redeposited soil. Calcined spots and remains of charred wooden structural elements were found in the upper part of pits' filling. The main component of filling was ashy layer. The sizes of the structures were 3.14–3.4 × 2.94 × 1.1–1.8 m. Additional small pits remaining from a canopy-like structure were found near the larger pits. Finds in the pits are rare. However, pottery fragments have made it possible to attribute structures 1 and 2 to the Middle–Late Upper Ob culture (6th – 9th centuries AD). General description of dry wood pyrolysis and earliest methods of tar production in pits, which are known from historical and technological literature, as well as comparative archaeological evidence on structures 1 and 2 at the Tashara-3 site are provided. The hypothesis on the use of these structures as pits for producing tar of coniferous wood species is suggested. The resulting products could have been in demand among the local Medieval population of the Upper Ob culture for veterinary and medicinal purposes, exchange, and for ensuring land and river communications which, according to various sources, ran in the northern part of the Upper Ob River basin.

Keywords: *ancient tar production, Tashara-3, Upper Ob culture, Middle Ages, north of the Upper Ob River Basin.*

Промысловые и производственные комплексы различных культур и эпох являются важным археологическим источником информации о хозяйстве древнего населения. В Сибири и на Урале проводится целенаправленный поиск и изучение производственных объектов, связанных с металлургией (рудные выработки, печи), с гончарством и т.п. В поле зрения сибирских исследователей попадали ловчие ямы таежных охотников, [Кокшаров, 1993], ямы для заготовки рыбы [Молодин и др., 2018, с. 311] и др. В то же время, значительным остается массив грунтовых комплексов неизвестного назначения, в т.ч. и тех, которые обладают достаточно специфичной морфологией и стратиграфией, а не являются «обыкновенными» искусственными ямами без находок, функцию которых определить действительно очень сложно. Определение назначения этих производственных и промысловых объектов на многих уже исследованных археологических памятниках является пока сложной и зачастую не выполняемой полевыми исследователями задачей. А между тем, для охраны и изучения памятника очень важно установить его тип.

В историографии, в первую очередь зарубежной, широко представлено экспериментальное направление, задачей которого является реконструкция назначения древних сооружений, их характеристик и специфики самого производства или промысла, в т.ч. смолокуренного (напр., [Groom, Schenck, Pedersen, 2013; Osipowicz, 2005]). Наработки этих исследователей можно использовать и в других регионах при интерпретации т.н. «сооружений неизвестного назначения». Кроме того существует массив исторической, этнографической и технологической литературы, которая позволяет представить промысел в качественном развитии и территориальном разнообразии (см., напр.: [Очерки …, 1969; Ногин, 1932; Ari et al., 2014] и др.).

Часть авторов при анализе грунтовых сооружений эпохи ранней бронзы «неизвестного назначения» памятника Тартас-1 (Барабинская лесостепь) выдвинула гипотезу об использовании некоторых из них как дегтекурен [Гришин, Марченко, Райнхольд, 2021; Marchenko et al., 2022]. В настоящей статье представлена гипотеза об использовании для добычи смолы или дегтя углублений, изученных Е.М. Евтеевой и В.А. Суминым на памятнике Ташара-3, находящемся на границе Новосибирского и Томского Приобья (рис. 1).

Памятник Ташара-3 расположен на правом залесенном берегу р. Обь, в 4,5 км от устья р. Ташара, на коренной террасе, в 3,5 км от эпонимного населенного пункта. Памятник был открыт В.И. Молодиным в 1972 г. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 86]. Он представлял собой группу из нескольких десятков небольших возвышений («холмиков с ровиками»), расположенных в непосредственной близости от берегового обрыва. В 1994 г. Е.М. Евтеевой (руководитель, держатель Открытого листа) и В.А Суминым были проведены исследования на 270 м^2 памятника в рамках единого раскопа [1994].

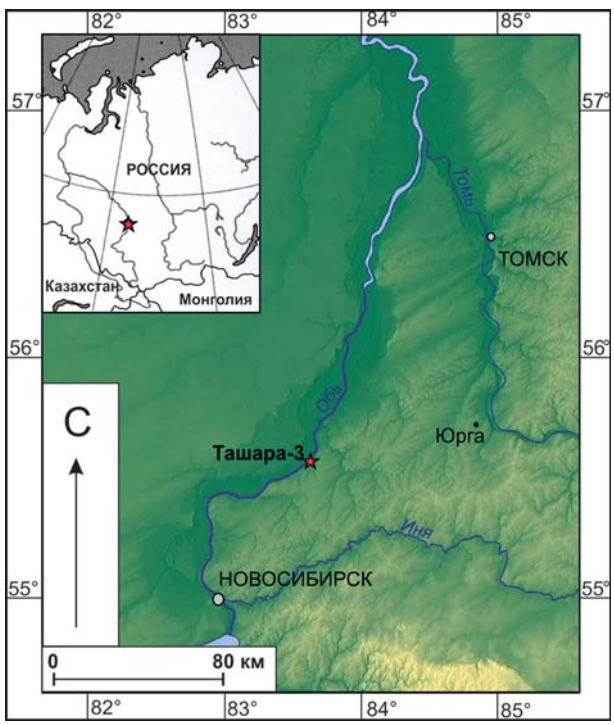

Рис. 1. Северная часть Верхнего Приобья. Поселение Ташара-3.

В результате были изучены пять производственных конструкций, конкретная функция которых авторами была не определена. До настоящего времени информация о них была отражена лишь в отчетной документации.

Все пять сооружений обладали схожими признаками, но два из них, № 1 и 2, были наиболее близки друг другу по морфологии, характеру заполнения и планиграфическому положению (см. *таблицу*) (рис. 2). Они представляли собой слабовыраженные возвышения высотой до 0,3 м, диаметром до 3 м, расположенные парой по линии восток – запад, в 1 м друг от друга.

Центральная часть возвышений была образована переотложенным материковым грунтом (серо-желтая супесь), частично или полностью перекрытым серой супесью. Данные возвышения только на 2/3 перекрывали обнаруженные ниже котлованы.

Под переотложенным материковым грунтом, в верхней части заполнения котлованов были зафиксированы прокаленные участки размерами до 0,8 м и мощностью 0,1–0,16 м. Рядом с участками,

Характеристики производственных сооружений памятника Ташара-3

№ констр.	Размеры насыпи, м	Высота насыпи, м	Размеры обугленных деревянных элементов, см	Размеры прокала, м	Размеры верх. контура котлована, м	Глубина котлована, м	Ступень	Доп. ямы внутри	Доп. ямы снаружи	Находки
1	3 × 3	0,3	240 × 50 × 8	0,8 × 0,54 × 0,16	3,4 × 2,9	1,08	есть	1	1	
2	1,8 × 1,8	0,15	210 × 14 × 4	0,49 × 0,36 × 0,1	3,14 × 2,94	1,1	есть	1	1	фр. керамики
3	нет	нет	нет	1 × 0,78 × 0,1	? × 2,14–2,72	1,06	нет	нет	нет	
4	2 × 2	0,2	нет	нет	2,8 × 2,56	0,62	нет	3	1	
5	6 × 1,6	0,3	нет	1,05 × 0,6 × ?	1,44 × 0,86	1,15	?	1	нет	

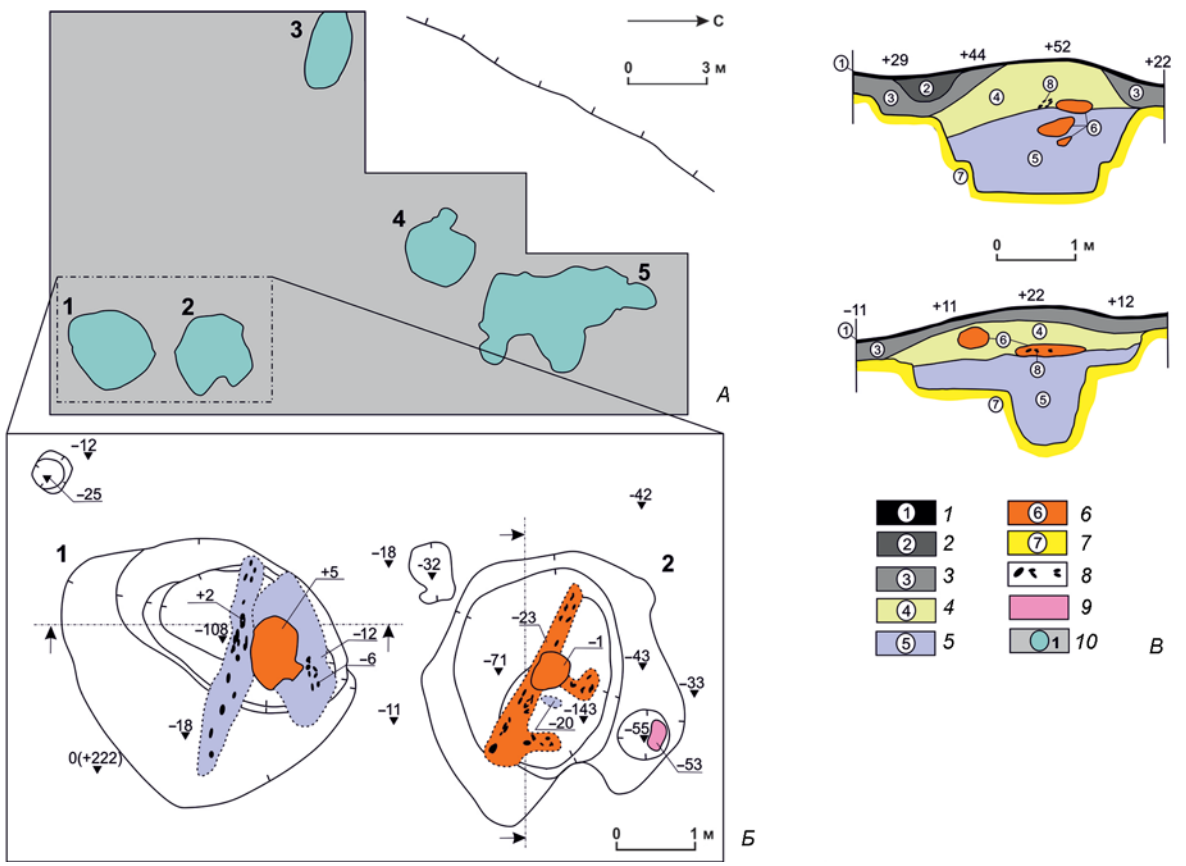

Рис. 2. Поселение Ташара-3.

А – план схема раскопа 1994 г.; *Б* – план констр. 1 и 2 на уровне материка; *В* – стратиграфические разрезы констр. 1 и 2;
1 – дерново-почвенный горизонт; *2* – черная супесь; *3* – серая супесь;
4 – мешанный переотложенный материковый слой; *5* – золистая супесь; *6* – прокалы; *7* – материк; *8* – обугленное дерево; *9* – скопление фрагментов керамики; *10* – контуры и номера конструкций.

испытавшими значительное термическое воздействие, и непосредственно в них были обнаружены обугленные остатки расположенных горизонтально деревянных конструкционных элементов (плах?) длиной до 210–240 см, шириной до 14–50 см и толщиной до 8 см. Основное направление, в котором были ориентированы деревянные предметы, у обоих сооружений совпадало (северо-восток – юго-запад). Они частично перекрывали наиболее глубокую часть котлованов.

Котлованы имели верхний контур размерами 3,14–3,4 × 2,94 м, на стенках был оставлены 1–2 выраженные «ступени», которые были иногда весьма широкими (до 1,2 м) и располагались либо по всей длине стенки, либо на значительной ее части. «Ступени» фиксировались на глубине 0,1–0,6 м от уровня материкового слоя. В одном случае на «ступени» была сооружена яма, в которой было обнаружено скопление фрагментов как минимум от четырех керамических емкостей, которые обозначили культурно-хронологическую атрибуцию памятнику. За счет «ступеней» и наклона стенок котлованы значительно сужались до размеров 1,6–2 × 1 м и наиболее углубленные части располагались не в центре, а находились вплотную к одной из стен. Общая глубина котлованов составила 1,08–1,1 м от уровня материка.

Заполнение котлованов было сходным – золистая супесь с редким углистыми включениями. Следы огня на стенках не отмечены. Находок в котлованах обнаружено не было, кроме упомянутой керамики.

В непосредственной близости от котлованов (0,1–0,8 м) к северо-востоку от них были обнаружены небольшие углубления, которые были квалифицированы как столбовые, конструкционные.

Остальные три конструкции (№ 3–5), расположенные на расстоянии 6–8 м к северо-востоку и востоку от пары сооружений № 1 и 2, хоть и имели некоторые отличия от них (см. *таблицу*), но также обладали и сходными признаками. У них было золистое заполнение в нижней части котлована и переотложенный материковый слой в верхней части. Они сужались ко дну. Находки в данных углублениях также отсутствуют. Поэтому, с известной долей условности, их можно ставить в смысловой ряд с констр. 1, 2, учитывая, что отличия могут быть связаны со спецификой конкретного производственного процесса, с навыками исполнителей и с характером археологизации комплексов.

Авторы раскопок предположили в целом производственный характер всех пяти исследованных сооружений без точного определения назначения и реконструировали некоторые первоначальные функционально-конструкционные особенности комплексов. Так, наиболее интенсивное горение происходило в верхней, центральной части конструкций, что отразилось в локализации остатков деревянных элементов и прокаленных участков, а также в отсутствии следов огня на стенках. «Ступени», располагавшиеся на глубине до 0,3 м, могли служить опорными для деревоземляной конструкции.

Керамический материал, обнаруженный в дополнительной ямке констр. 2, был отнесен авторами к сросткинским древностям, хотя сейчас можно с уверенностью говорить о ее принадлежности к верхнеобской культуре, к среднему или позднему ее этапам – VI–IX вв. н.э. (рис. 3). В этот период активно используются сочетания горизонтальных рядов «жемчужин» под венчиком, горизонтального зигзага, нанесенного гребенчатым штампом, на горловине, наколы палочкой и гребенчатые оттиски на срезе венчика [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 35–38]. По первоначальному предположению

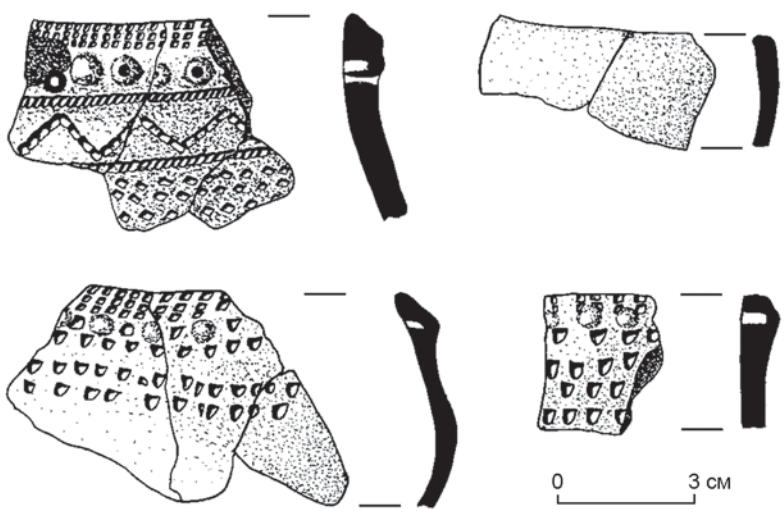

Рис. 3. Фрагменты венчиков керамических сосудов из заполнения дополнительной ямы констр. 2 (по: [Евтеева, 1994, табл. 10]).

авторов работ, Ташару-3 можно рассматривать как производственную зону синхронного городища Ташара-4, расположенного в непосредственной близости, и рассматривать их как один культурный комплекс [Евтеева, 1994, с. 11]. Но Ташара-4, отнесенная С.Г. Росляковым сначала к сросткинской культуре [Росляков, Гаврилов, 1989], затем была отнесена к басандайской культуре, после ее выделения (устное сообщение С.Г. Рослякова). В связи с этим, пока следует отказаться от жесткой констатации предположения о культурном единстве конкретных сооружений производственной площадки Ташара-3 и городища Ташара-4.

По нашему мнению, описанные грунтовые комплексы можно определить как остатки смолокуренных ям. Принцип перегонки смолы из древесного сырья и коры основан на процессе сухого пиролиза [Ногин, 1932, с. 7]. Для получения смолоподобных веществ с различными свойствами необходимо помещение сырья в той или иной степени герметичный объем, обеспечение длительного (до нескольких дней), но не интенсивного воздействия температуры в пределах 400 градусов Цельсия, обеспечение сбора выделяющегося смолоподобного продукта в нижней части сооружения. Конкретных вариантов сооружений, в которых эти условия достигались, достаточно много, и для некоторых средневековых традиций сооружения описаны или реконструированы (см., напр.: [Очерки …, 1969, с. 63; Biermann, Semjank, Blum, 2011] и др.), а для изучения некоторых, более ранних способов добычи дегтя были проведены натурные эксперименты (см., напр.: [Groom, Schenck, Pedersen, 2013; Osipowicz, 2005] и др.).

Одним из наиболее древних, этнографически и исторически фиксируемых способов получения смолы считается ямный [Ногин, 1932, с. 34–36, Очерки …, 1969, с. 63]. Сооружалась яма, близкая по форме к усеченному конусу, обращенному вершиной вниз (воронкообразная форма) (рис. 4). Размеры ямы могли варьироваться в зависимости от количества сырья или предполагаемого выхода продукта. Стенкам ямы придавалась дополнительная плотность путем обмазывания и утрамбовки. В нижнюю, цилиндрическую, часть могли помещать емкость для сбора произведенного продукта и обеспечивать как можно более свободный сток в нее образовавшейся смолы или дегтя (рис. 4, *1А*). Коническая часть котлована плотно загружалась сырьем (подготовленной древесиной и/или корой) и затем закрывалась сверху различными материалами (мох, хвоя, грунт) с оставлением небольших отверстий для обеспечения контролируемого притока воздуха и отвода газообразных продуктов пиролиза. Верхние слои сырья поджигались и поддерживалась невысокая температура горения за счет регулировки притока воздуха. В процессе смолокурения часть топлива сгорала, что создавало необходимую температуру для выделения продукта из оставшегося сырья. Чем дольше удается поддерживать нужный температурный режим, тем выше продуктивность. Процесс мог занимать несколько дней, в течение которых обеспечивался постоянный контроль за притоком воздуха в яму. Над ямой могли возводиться навесы для минимизации влияния внешней среды на термический процесс.

Если рассмотреть сооружения Ташары-3 с точки зрения возможности их использования в смолокуренном промысле, то археологическая фактура вполне может быть интерпретирована подобным образом. Остатки всхолмления, сформированного из переотложенного материкового слоя, полученного при выкапывании ямы, могут быть остатками перекрытия, обеспечивающего герметичность камеры сверху. То, что насыпь перекрывает камеру только частично, может указывать на следы разбора сооружения для извлечения продукта после окончания возгонки. Прокаленные участки локализуются в верхней части заполнения, т.к. наиболее высокая температура возникала в зоне непосредственного горения именно в верхней части камеры. Прокаленный грунт и деревянные элементы смещены от центра камеры и не перекрывают полностью нижнюю ее часть. Это может говорить о том, что остальная часть первоначального перекрытия не сохранилась в результате извлечения продукта. То, что температурный режим внутри камеры был невысоким, подтверждается отсутствием прокаленных участков на стенках. Остальной объем нагревался за счет длительности горения и тления в верхних слоях сырья. Сужение ямы за счет наклона стен обеспечивало сток продукта. Дополнительное понижение в нижней части котлована могло быть предназначено для установки сборника продукта. По всей видимости, это была достаточно герметичная емкость, обеспечивающая изоляцию продукта от вмещающего песчаного грунта (керамическая, деревянная, берестяная и т.п.). Дополнительные ямы вне комплексов, вероятно, остались от укрывной конструкции (навес). Золистое заполнение с редкими включениями угля является остатками полностью переработанного сырья (ср. рис. 4).

Характерно, что смолокуренные комплексы подобной конструкции и морфологии были широко распространены в Европе также в период I тыс. н.э. у викингов и славян [Фетисов, Мурашева, 2008, Biermann, Schenck, Pedersen, 2011, Hennius, 2018].

Таким образом, сооружения, исследованные на Ташаре-3, могут быть следами ямного способа смолокуренного производства у верхнеобского населения. Сходство констр. 1 и 2 может указывать на то, что они являются свидетельствами одного, до-

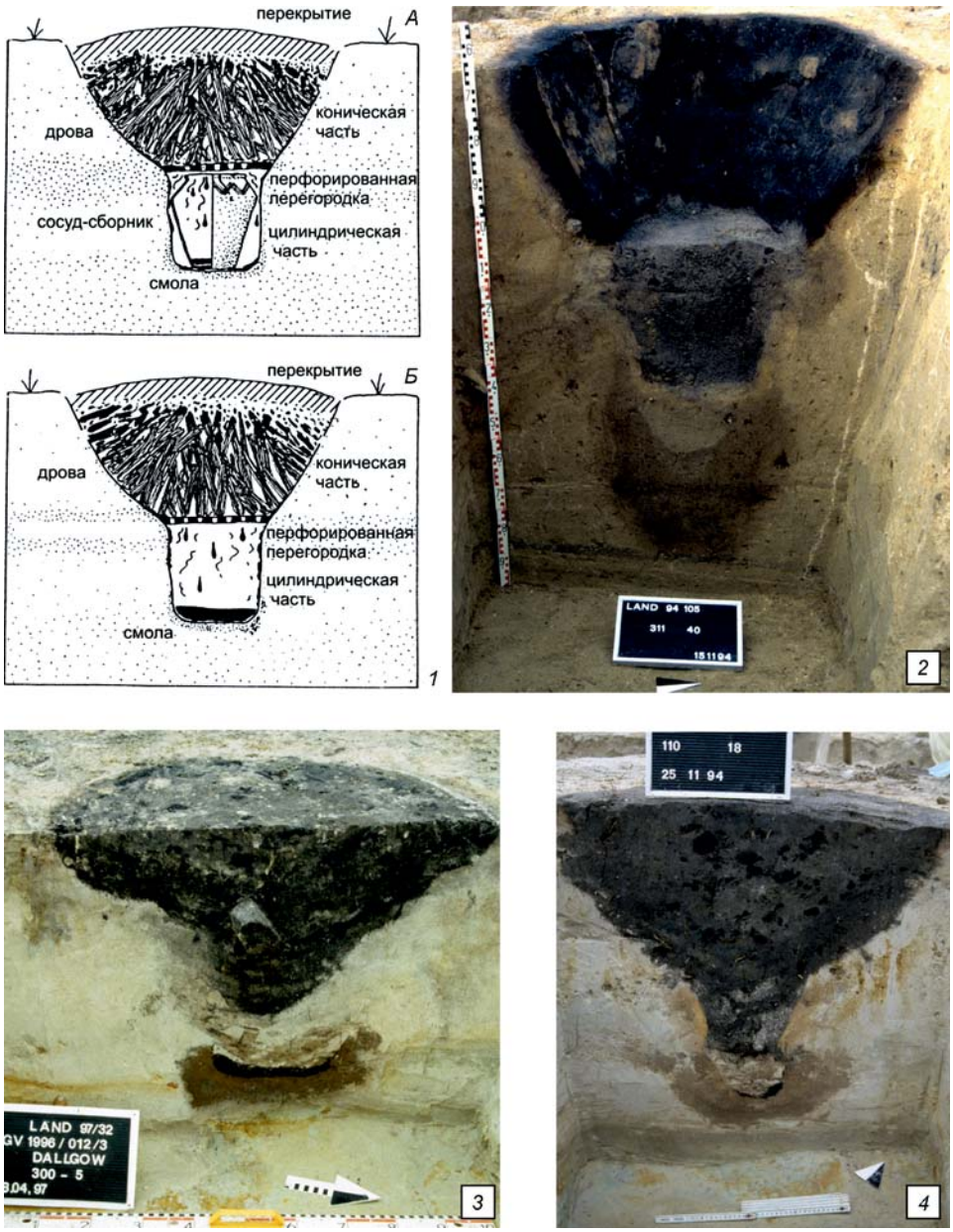

Рис. 4. Графическая реконструкция (*1*) и стратиграфические разрезы (*2–4*) смолокуренных средневековых комплексов Восточной Европы (по: [Biermann, Semjank, Blum, 2011, abb. 1, 3, 4, 8]).

статочно короткого хронологического эпизода освоения территории памятника одном коллективом.

Природно-климатическая обстановка последние 1,5 тыс. лет на юго-востоке Западной Сибири оценивается как близкая к современной [Жилич, Рудая, Кривоногов, 2016, с. 71]. Следовательно, в момент функционирования производственной площадки территория у места впадения р. Ташара в р. Обь, скорее всего, была также покрыта сосновым лесом, что обеспечивало устойчивую сырьевую базу для смолокуренного промысла. Комплексное хозяйство представителей верхнеобской культуры, совмещавших скотоводство с охотой, рыболовством, вероятно, имевших навыки земледелия, занимавшихся обработкой кож, создавало спрос на продукты смолокуренного промысла [Троицкая, Новиков, 1998, с. 71]. Смола, деготь и некоторые производные из них вещества могли использоваться для придания различным материалам влагостойкости (плавсредства, строительные и др. материалы), могли применяться в процессе обработки кож (дубление), в медицинских и ветеринарных целях, а также для снижения трения деталей в механизмах (колесо – ось и т.п.) [Ari at al, 2014; Таланин, 1981, с. 4].

Если предположить, что памятник Ташара-3 представляет собой массив смолокуренных комплексов, относящихся к одному культурно-хронологическому периоду, то можно говорить о зна-

чительных трудозатратах верхнеобских родовых коллективов на производство смолы и об определенном уровне их специализации. Кроме того, памятник расположен вблизи мест традиционных обских переправ, которые по различным источникам прослеживаются, как минимум, с позднего Средневековья в устьях притоков рр. Уень, Чаус, Порос, Ояш и др. (см., напр.: [Барсуков, 2012]). Эти переправы были частью северных ответвлений широтных транскультурных коммуникаций (по вектору восток – запад) и обозначали перекресток с речным путем по Оби (вектор север – юг). Таким образом, продукты из смолы могли быть востребованы для обслуживания речных и наземных транспортных средств или как предмет торговли, которая также концентрировалась в подобных ключевых местах.

Необходимо отметить, что на территории Новосибирского Приобья рельефные признаки, присущие рассматриваемым здесь объектам, достаточно часто наблюдаются как в совокупности с жилищными западинами в рамках поселений, так и формируют отдельные памятники, которые также поставлены на охрану как поселения, хотя фактически являются производственными площадками. Таким образом, можно предполагать, что в будущем произойдет уточнение типа этих объектов в ходе их полевого изучения, а также архивных изысканий.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность руководителю раскопок на памятнике Ташара-3 – научному сотруднику ГАУ НСО НПЦ Е.М. Евтеевой за возможность использовать неопубликованные полевые материалы.

Список литературы

Барсуков Е.В. «Перевоз» через реку Обь XVII века: географический и историко-культурный аспекты // Вестник Томск. гос. ун-та. Серия: История. – 2012. – № 3 (19). – С. 148–155.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Райнхольд С. Смолокуренные комплексы эпохи бронзы на памятнике Тартас-1 (лесостепное Обь-Иртышье) // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2021. – С. 138–146.

Евтеева Е.М. Отчет о работах на поселении Ташара-3 в 1994 г. – Новосибирск, 1994. / Архив ГАУ НСО НПЦ. Д. №203.

Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Климатостратиграфия позднего голоцена на юго-востоке Западной Сибири по материалам микропалеонотологического изучения озерных отложений // Проблемы геологии и освоения недр. – Том I. – Томск: Изд-во Томск. политех. Ун-та, 2016. – С. 70–72.

Кокшаров С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 162–169.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи (полевой сезон 2018 г.) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 310–314.

Ногин К.И. Смолокурение и дегтекурение. – Л.: ЛО Изд-ва Госхимиздат, 1932. – 214 с.

Очерки русской культуры XIII–XV веков. Часть первая. Материальная культура. (под ред. А.В. Арциховского). Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 480 с.

Росляков С.Г., Гончаров А. Раскопки на городище Ташара 4 // Археологические исследования в Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 86–88.

Таланин Ф.А. Производство березового дегтя. – М.: Изд-во Лесная промышленность, 1981. – 71 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 150 с.

Фетисов А.А., Мурашева В.В. Смолокуренное производство в Гнездове // Стародавній іскоростень і слов'янскі гради (Збірка наукових праць). – Коростень: [б. и.], 2008. – Т. 2. – С. 213–219.

Arı S., Kargıoğlu M., Temel M., Konuk M. Traditional Tar Production from the Anatolian Black Pine Pinus nigra Arn. subsp. pallasiana (Lamb.) Holmboe var. pallasiana and its usages in Afyonkarahisar, Central Western Turkey // Journal of ethnobiology and ethnomedicine. – 2014. – Vol. 10, N 29. – URL:https://ethnobiomed.biomedcentral.com/articles/10.1186/1746-4269-10-29. (дата обращения – 28.08.2021).

Biermann F., Semjank S., Blum O. Ein slawischer Teerschwelplatz bei Dallgow im Havelland // Der Wandel um 1000. – Langenweissbach: Beier u. Beran, 2011. – S. 111–121. (на нем. яз.).

Groom P., Schenck T., Pedersen G.M. Experimental explorations into the aceramic dry distillation of Betula pubescens (downy birch) bark tar // Archaeological and Anthropological Sciences. – 2013. – №6. – URL:https://link.springer.com/article/10.1007/s12520-021-01352-x. (дата обращения – 28.08.2021).

Hennius A. Viking Age tar production and outland exploitation // Antiquity. 2018. – Iss. 365. – Vol. 92. –

P. 1349–1361. – URL:https://doi.org/10.15184/aqy.2018.22. (Accessed: 28.08.2021).

Kozowyk P.R.B., Soressi M., Pomstra D., Langejans G.H.J. Experimental methods for the Palaeolithic dry distillation of birch bark: implications for the origin and development of Neandertal adhesive technology // Scientific reports. – 2017. – Vol. 7, N 8033, URL:https://www.nature.com/articles/s41598-017-08106-7. (Accessed: 28.08.2021).

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Reinhold S., Piezonka H. Bronze Age tar production in the Baraba forest-steppe in South Western Siberia. New evidence from Tartas-1 // Praehistorische Zeitschrift, 2022. – Iss. 101. – Vol. 1. (In print).

Osipowicz G. A method of wood tar production, without the use of ceramics // Czasopismo: Reconstruction and Experiment in Archaeology EuroREA. – 2005. – Vol. 2. – P. 11–17.

References

Arı S., Kargıoğlu M., Temel M., Konuk M. Traditional Tar Production from the Anatolian Black Pine Pinus nigra Arn. subsp. pallasiana (Lamb.) Holmboe var. pallasiana and its usages in Afyonkarahisar, Central Western Turkey. *Journal of ethnobiology and ethnomedicine,* 2014, Vol. 10, no. 29, doi:10.1007/s12520-013-0144-5

Artsikhovskii A.V. (ed.). Ocherki russkoi kul'tury XIII–XV vekov. Pt. 1. Material'naya kul'tura. Moscow: Moscow State Univ. Press., 1969, 480 p. (In Russ.).

Barsukov E.V. Ferry over the Ob River in the XVII century: Geographical, Historical and Cultural Aspects. *Tomsk State University Journal of History*. 2012. no. 3 (19). P. 148–155. (In Russ.).

Biermann F., Semjank S., Blum O. Ein slawischer Teerschwelplatz bei Dallgow im Havelland. In *Der Wandel um 1000*. Langenweissbach: Beier u. Beran, 2011. S. 111–121. (In Germ.).

Evteeva E.M. Otchet o rabotakh na poselenii Tashara-3 v 1994 g. Novosibirsk, 1994, Arkhiv GAU NSO NPTs. d. 203. (In Russ.).

Fetisov A.A., Murasheva V.V. Smolokurennoe proizvodstvo v Gnezdove. In *Starodavnii iskorosten' i slov'yanski gradi (Zbirka naukovikh prats')*. Korosten', 2008. Vol. 2. V. 213–219.

Grishin A.E., Marchenko Z.V., Reinhold S. Smolokurennye kompleksy epokhi bronzy na pamyatnike Tartas-1 (lesostepnoe Ob'-Irtysh'e). In *Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii: novye otkrytiya i rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovanii*. Barnaul: Altai State Univ. Press., 2021. P. 138–146. (In Russ.). doi:10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.23

Groom P., Schenck T., Pedersen G.M. Experimental explorations into the aceramic dry distillation of Betula pubescens (downy birch) bark tar. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2013, no. 6. URL:https://link.springer.com/article/10.1007/s12520-021-01352-x. (Accessed: 28.08.2021).

Hennius A. Viking Age tar production and outland exploitation. *Antiquity,* 2018, iss. 365. Vol. 92. P. 1349–1361. URL:https://doi.org/10.15184/aqy.2018.22. (Accessed: 28.08.2021).

Koksharov S.F. Okhotnich'i yamy-lovushki na severo-zapade Sibiri. In *Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e*. Ekaterinburg: Nauka, 1993. P. 162–169. (In Russ.).

Kozowyk P.R.B., Soressi M., Pomstra D., Langejans G.H.J. Experimental methods for the Palaeolithic dry distillation of birch bark: implications for the origin and development of Neandertal adhesive technology. *Scientific reports,* 2017. Vol. 7, N 8033. URL:https://www.nature.com/articles/s41598-017-08106-7. (Accessed: 28.08.2021).

Marchenko Z.V., Grishin A.E., Reinhold S., Piezonka H. Bronze Age tar production in the Baraba forest-steppe in South Western Siberia. New evidence from Tartas-1. *Praehistorische Zeitschrift*, 2022, iss. 10. Vol. 1. (In print).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Demahina M.S. Main Results of the West-Siberian Team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Field Research in Baraba Forest-Steppe in 2018. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 310–314. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2018.24.310-314

Nogin K.I. Smolokurenie i degtekurenie. Leningrad: Goskhimizdat LO, 1932. 214 p. (In Russ.).

Osipowicz G. A method of wood tar production, without the use of ceramics. *Czasopismo: Reconstruction and Experiment in Archaeology EuroREA*, 2005. Vol. 2. P. 11–17.

Roslyakov S.G., Goncharov A. Raskopki na gorodishche Tashara 4. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri.* Barnaul: Altai State Univ. Press., 1989. P. 86–88. (In Russ.).

Talanin F.A. Proizvodstvo berezovogo degtya. Moscow: Lesnaya promyshlennost', 1981, 71 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 184 p. (In Russ).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 150 p. (In Russ.).

Zhilich S.V., Rudaya N.A., Krivonogov S.K. Klimatostratigrafiya pozdnego golotsena na yugo-vostoke Zapadnoi Sibiri po materialam mikropaleonotologicheskogo izucheniya ozernykh otlozhenii. In *Problemy geologii i osvoeniya nedr,* tom I, Tomsk: Tomsk Politech. Univ. Press., 2016. P. 70–72.

Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-2272
Марченко Ж.В. https://orcid.org/0000–0002–4729–8575

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0408-0413
УДК 902.01

И.А. Дураков✉, В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: idurakov@yandex.ru; molodin@archaeology.nsc.ru.

Литейная форма для производства проушного бронзового топора позднекротовской (черноозерской) культуры

Статья посвящена публикации находки керамической литейной формы для отливки проушного топора, найденной в погребении литейщика позднекротовской (черноозерской) культуры могильника Сопка-2/5, расположенного в Барабинской лесостепи. Форма представлена обломками двух створок, совмещающихся по линии разъема. Сохранилась часть рабочей камеры с углублениями для крепления сердечника. Форма изготовлена из смеси, состоящей из глины, мелкого калиброванного песка и органики. Отливаемый топор имел Г-образную форму, ромбовидное сечение бойка и круглую втулку с прямым верхним краем. Рабочая камера формы имеет следы термического воздействия от многократного применения и, вероятно, разрушилась в процессе использования, а в могилу была помещена в качестве замены целого изделия, как необходимый инструментарий литейщика. Для позднекротовской (черноозерской) культуры такой тип топора считается импортным, демонстрирующем андроновское (фёдоровское) влияние. Таким образом, к выделенному ранее набору бронзовых предметов, внедренных мигрантами андроновцами (федоровцами) первой переселенческой волны с запада, в среду автохтонного кротовского населения (кинжалы срубно-андроновского типа, браслеты со спиралевидными окончаниями) следует добавить и проушные топоры, существенно изменившие потенциал синкретичной культуры. Вместе с тем, находка в позднекротовском захоронении литейной формы для их изготовления является бесспорным доказательством производства таких топоров местными литейщиками. Следует отметить значительное количество сопровождающего умершего литейщика металлического инвентаря, присутствие оружия (кинжала и кельта), указывающее на его привилегированное положение. Видимо, поздекротовское (черноозерское) общество в значительной степени было дифференцировано по имущественному признаку. Возможно также, особый статус был у кузнецов-литейщиков.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, позднекротовская (черноозерская) культура, литейная форма, бронзовый проушный топор.*

I.A. Durakov✉, V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: idurakov@yandex.ru; molodin@archaeology.nsc.ru.

Casting Mold for Producing Socketed Bronze Axe of the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture

This article presents a ceramic casting mold for producing socketed bronze axe, found in the burial of the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) caster at the Sopka-2/5 burial ground located in the Baraba forest-steppe. The mold included the fragments of two halves, aligned along the dividing line. A part of working chamber with cavities for fastening the core has survived. The mold was made of a mixture of clay, fine calibrated sand, and organic matter. The axe had an L-shape, rhomboid cross-section of the working part, and round socket with straight upper edge. The working chamber shows traces of thermal impact from repeated use. It could have become destroyed during its use and was placed in the grave as a replacement for a whole object, as a necessary tool of a caster. This type of axe is considered to be imported for the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) culture, manifesting the Andronovo (Fedorovo) influence. Thus, socketed axes which significantly changed the capacity of the syncretic culture, should be added to previously identified set of bronze objects introduced into autochthonous Krotovo environment by the carriers of the Andronovo (Fedorovo) culture, who migrated from the west. This set also includes daggers

of the Srubno-Andronovo type and bracelets with spiral ends. In the meantime, a casting mold for producing axes from the Late Krotovo burial is indisputable proof that such axes were manufactured by the local casters. There was a large amount of metal implements accompanying the deceased caster, and the presence of weapons (dagger and celt axe) indicated his privileged position. Apparently, the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) society had a large property differentiation, and casters might have had a special status.

Keywords: *Western Siberia, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) culture, casting mold, bronze socketed axe.*

Находки бронзовых проушных топоров, а тем более литейных форм для их изготовления в закрытых комплексах на территории лесостепной зоны Западной Сибири, явление редкое. В Барабинской лесостепи миниатюрный вотивный топор найден в погребении андроновского могильника Старый Тартас-4 [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002]. Еще один топор происходит из случайных сборов [Молодин, Ермакова, 2009, рис. 1]. К западносибирским, видимо, следует отнести и два экземпляра из собрания Омского краеведческого музея [Аванесова, 1991, рис. 14, *64, 65*]. Формы встречаются еще реже. Один экземпляр опубликован А.М. Тальгреном, как найденный в районе г. Омска [Tallgren, 1916, p. 18, fig. 14]. Две створки из зеленоватого сланца, без точной привязки к месту обнаружения, хранятся в Омском краеведческом музее [Аванесова, 1991, с. 17, рис. 14, 70]. В этот список, видимо, следует включить явно более позднюю медную форму для отливки вислообушного топора с «гребнем» из собрания музея Томского государственного университета [Гришин, 1971, табл. 12; Аванесова, 1991, с. 17, рис. 14, 69].

Исходя из вышеизложенного, значительный интерес представляет форма из могилы № 55 позднекротовского литейщика могильника Сопка-2/5. Данное погребение и отдельные предметы из него неоднократно публиковались и получили определенную известность [Молодин, 1985; Молодин, Гришин, 2019, с. 11–13, рис. 5, *8–12*], однако найденная здесь форма не была реставрирована, вследствие чего не получила должного освещения, что и вынуждает нас еще раз вернуться к этому замечательному погребальному комплексу. Напомним его краткое описание [Молодин, Гришин, 2019, с. 11–13].

Погребение № 55 (кург. 6, мог. 3) распложено под юго-восточной полой насыпи кургана № 6 могильника Сопка-2/5 (рис. 1). Представляло собой ориентированную по линии СВ–ЮЗ прямоугольную яму размерами 2 × 0,75 м и глубиной 0,1 м. Стенки отвесные, дно ровное. Погребенный мужчина 35–40 лет был уложен на спину вдоль восточной стенки в вытянутом положении, головой на СВ. В правой височной кости черепа зафиксировано прижизненное повреждение в виде отверстия подтреугольной формы.

В могилу был помещен богатый сопроводительный инвентарь. На левое плечо умершего был положен кельт-тесло со сквозной втулкой. Его высота 10,3 см, ширина лезвия 5,3 см. Втулка овальная, ее размеры 2,5 × 4,2 см. Здесь же обнаружена согнутая несколько раз пластина с отверстиями, изготовленная из раскованного листа бронзы.

В районе левого локтя найдена бронзовая нашивная бляха с двумя отверстиями для крепления и зигзагообразным орнаментом по краю, выполненным паусонными вдавлениями. На шейных позвонках обнаружена бронзовая пронизка-обоймочка. Между левой рукой и стенкой ямы лежали два костяных наконечника стрел.

На поясе погребенного найдены бронзовые нож и кинжал, лежащие параллельно друг другу. Первоначально они, видимо, были вложены в берестяные ножны, от которых остались лишь небольшие фрагменты.

Кинжал имеет выраженное обоюдоострое лезвие с ребром жесткости и коротким подпрямоугольным черенком. Острие скругленное. Общая длина кинжала 9,8 см, длина черенка 4,1 см, ширина – 1,6 см, длина лезвия 5,7 см, максимальная ширина – 2,1 см. Он относится к группе «сейминских» кинжалов. Аналогичный кинжал найден в Сейминском могильнике; известны они также на других памятниках Приуралья, Зауралья и Северного Казахстана [Молодин, Гришин, 2019, с. 102–103].

Нож однолезвийный выгнутообушковый. Его длина 14,3 см, максимальная ширина лезвия 2 см, толщина – 0,3 см. Это изделие больше всего напоминает выгнутообушковые ножи и кинжалы сейминско-турбинского облика и, видимо, является результатом их упрощения.

В районе пояса погребенного компактным скоплением располагались десять литых плоских бронзовых колец. Их размеры: диаметр – 5 см, толщина – 0,2 см. Диаметр отверстий – 1,3–1,5 см. Все они изготовлены в двухчастных односторонних литейных формах. В нескольких случаях сохранились следы удаления литника. Наиболее близкие по форме изделия были найдены в погребении № 90 одинокультурного могильника Черноозерье-1 [Генинг, Стефанова, 1994, с. 20, рис. 15, *2–10*]. Здесь они располагались в районе головы: 4 кольца слева от черепа и 5 справа.

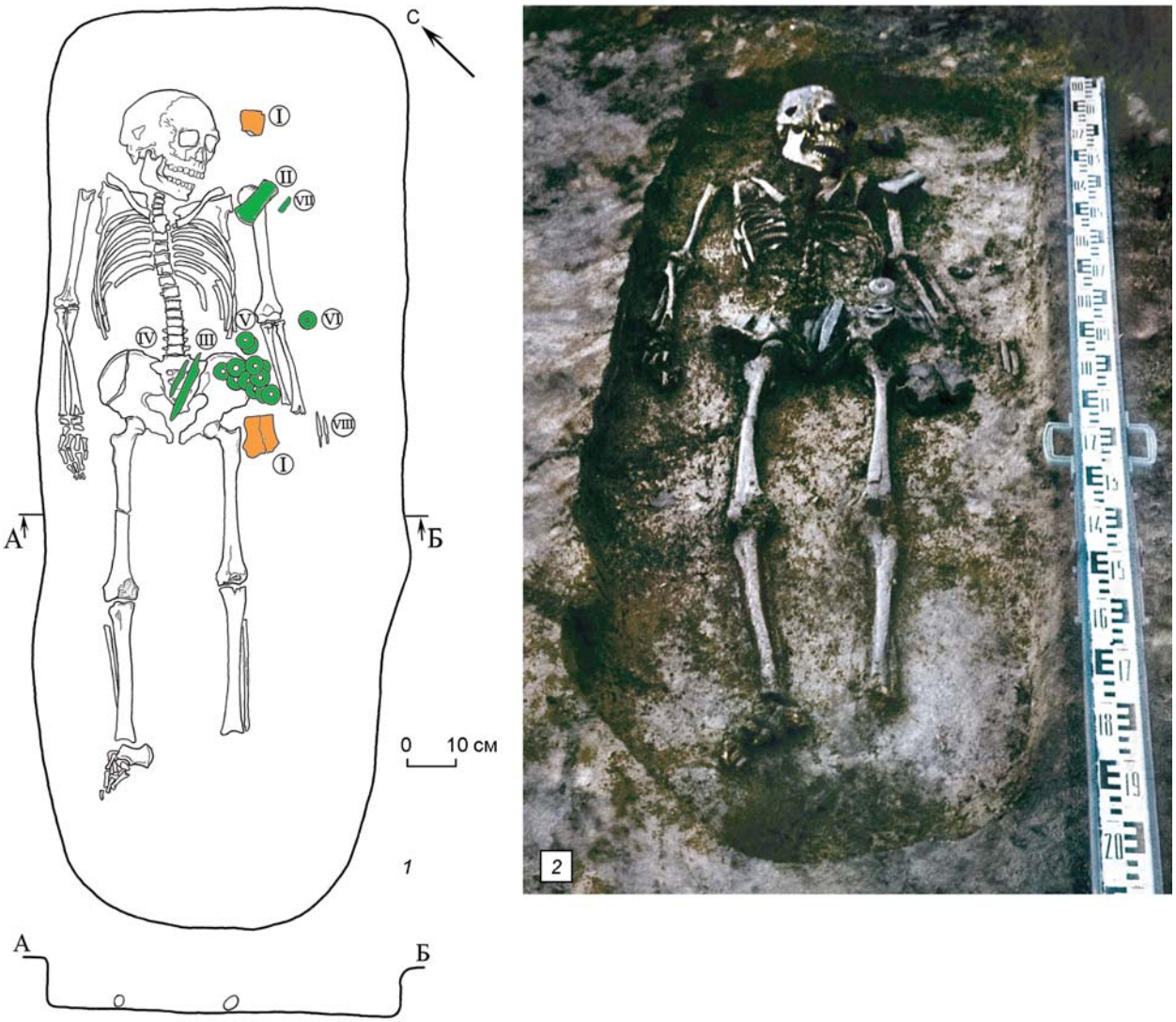

Рис. 1. Погребение № 55 памятника Сопка-2/5.

1 – план и разрез могилы: *I* – фрагменты литейной формы; *II* – бронзовый кельт; *III* – бронзовый нож; *IV* – кинжал; *V* – плоские бронзовые кольца; *VI* – металлическая бляха; *VII* – пластина; *VIII* – костяные наконечники стрел; *2* – фото погребения.

Следует отметить значительное количество сопровождающего умершего литейщика металлического инвентаря, присутствие оружия (кинжала и кельта), указывающее на его привилегированное положение. Видимо поздекротовское (черноозерское) общество в значительной степени было дифференцировано по имущественному признаку. Возможно также особый статус был у кузнецов-литейщиков. Обособление этой группы заметно и по материалам погребений с литейным инвентарем синхронного позднекротовского (черноозерского) могильника Тартас-1 [Молодин, Дураков, 2018, с. 34]

Между бедром и левой рукой умершего найдены крупный фрагмент створки литейной формы, предназначенной для изготовления проушного топора (рис. 2, *1*). О нем, собственно говоря, и пойдет речь в настоящей работе. Сохранилась часть рабочей камеры с разъемом и углублениями для крепления стержня. Обломок достаточно крупный, его размеры – 11 × 12 см. Толщина колеблется в пределах 2,5–3 см.

Слева от черепа располагался фрагмент второй створки этой же литейной формы (рис. 2, *2*). Его размеры – 8 × 5,5 см, толщина 2,5 см. Обе створки совмещаются по линии разъема, которая проходит по плоскости продольного сечения отливаемого топора. На внешней боковой стороне формы нанесена косая черта, пересекающая линию совмещения обеих створок (рис. 2, *3*). Такие насечки служили для более точного совмещения частей формы и встречаются как на кротовских [Молодин и др., 2018, рис. 2], так и на позднекротовских (черноозерских) образцах [Молодин, 1985, рис. 28, *1, 5*]. Встречается этот прием разметки и в других синхронных культурах сибирского региона [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 46–47, рис. 2, 1, г; 3, 1, в, е].

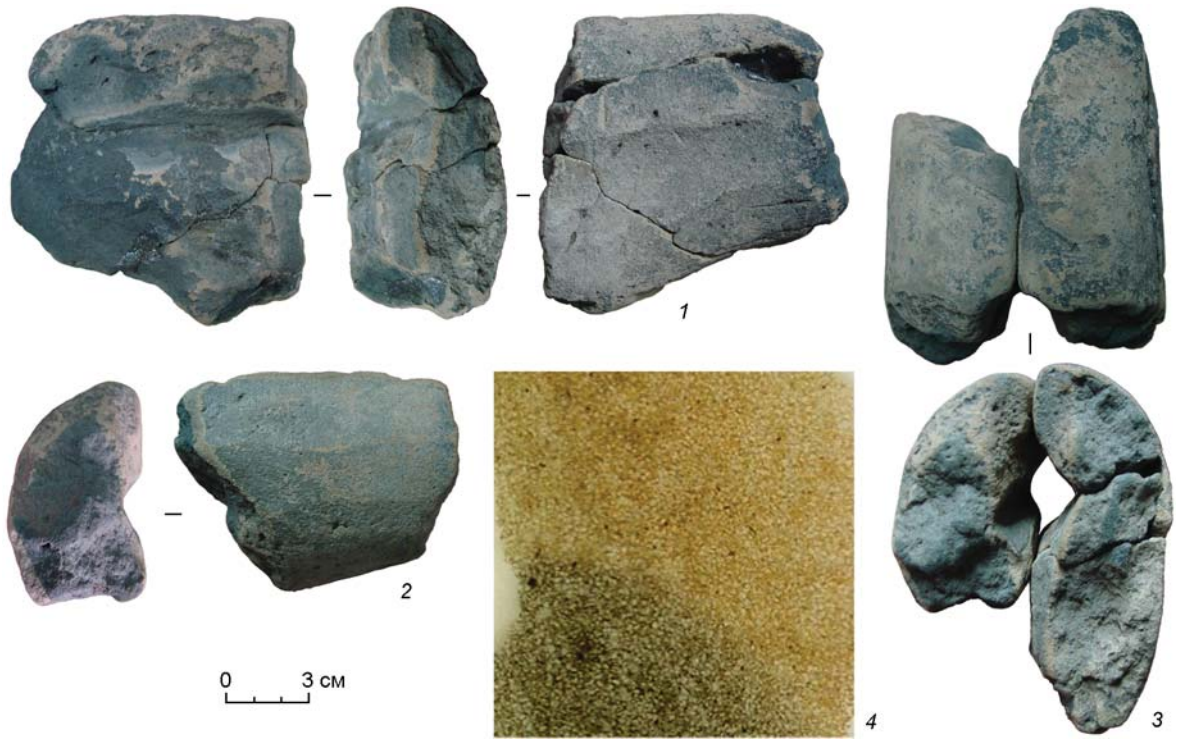

Рис. 2. Литейная форма.

1 – створка литейной формы № 1; *2* – створка № 2; *3* – литейная форма в собранном состоянии; *4* – участок шлифа формовочной массы.

Форма изготовлена из смеси, состоящей из глины, мелкого калиброванного песка и органики, фиксирующейся в виде крупных и мелких пор в сломах изделия (рис. 2, *4*). Формовка производилась по специализированной модели, снабженной знаками – выступами для получения углублений для крепления стержня. Керамическая масса накладывалась на модель сверху крупными лоскутами, плоскость разъема створок формировалась модельной плитой. Лишний формовочный материал с внешней стороны створок срезан металлическим инструментом и довольно небрежно разглажен руками. В результате на их поверхности остались хорошо заметные следы подрезки и отпечатки пальцев.

Рабочая камера формы имеет следы термического воздействия от многократного применения и, вероятно, разрушилась в процессе использования, а в могилу была помещена в качестве замены целого изделия, как необходимый инструментарий литейщика.

Судя по сохранившейся части рабочей камеры, отливаемый топор имел Г-образную форму (рис. 3). Верхний край втулки прямой. Ее высота – 5–6 см, диаметр 4 см, толщина стенок не менее 0,2–0,3 см. Отверстие для насада круглое. Его диаметр не превышал 3,5 см. Лопасть бойка у основания имела ромбовидное сечение и размер 2,5 × 3 см.

Наиболее близкой аналогией данному изделию является изданная А. М. Тальгреном форма из

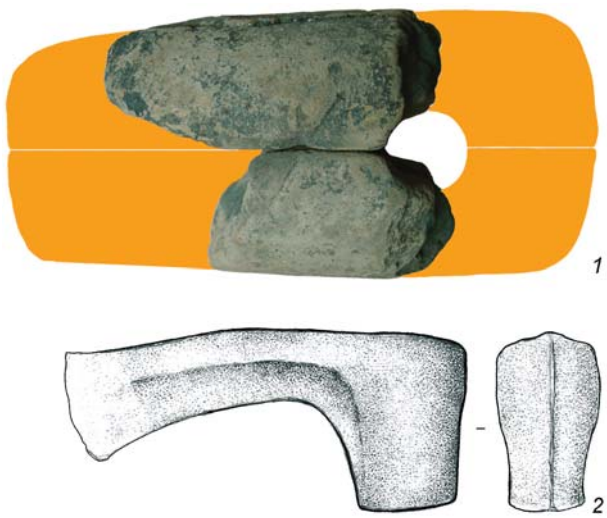

Рис. 3. Реконструкция топора, изготавливаемого в форме, из могилы №55.

1 – реконструкция формы; *2* – реконструкция топора.

окрестностей Омска [Tallgren, 1916, p. 18, fig. 14; Аванесова, 1991, с. 17, рис. 14, 70].

Как правило, топоры такой формы связывают с культурами срубно-андроновского круга [Кореневский, 1973, с. 47–51]. Н.А. Аванесова их относит к типу Б, варианту Б1 [Аванесова, 1991, с. 13–14, рис. 9, *1*]. Подобные изделия встречаются и на памятниках сейминско-турбинского круга. По клас-

сификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, они относятся к разряду Т-4. Однако воспринимаются в этом комплексе как инокультурные, связанные больше с металлообработкой очагов срубной общности [Черных, Кузьминых, 1989, с, 127–128, рис. 70, *6, 7*].

Для позднекротовской (черноозерской) культуры Г – образный проушный топор также является импортным, демонстрирующим андроновское (федоровское) влияние. Вместе с тем, находка в позднекротовском захоронении литейной формы для его изготовления является бесспорным доказательством производства таких топоров местными литейщиками и является явным признаком значительной интеграции культур. Это подчеркивает и остальной комплекс сопроводительного инвентаря.

Таким образом, к выделенному ранее набору бронзовых предметов, внедренных мигрантами андроновцами (федоровцами) первой переселенческой волны с запада в среду автохтонного кротовского населения (кинжалы срубно-андроновского типа, браслеты со спиралевидными окончаниями) [Молодин, 2014а; 2014б], следует добавить и проушные топоры, существенно изменившие потенциал синкретичной культуры.

Список литературы

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья (препринт науч. докл.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. – 67 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. – М.: Наука, 1971. – 108 с. (САИ. Вып. В3-12).

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 43–52.

Кореневский С.Н. Металлические втульчатые топоры Уральской горно-металлургической области // Советская археология. – 1973. – № 1. – С. 39–51.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014а. – № 1. – С. 49–54.

Молодин В.И. Позднекротовская культура: адаптация к миграционным процессам (по данным могильника Тартас) // Научные экспедиции РГНФ. – М., 2014б. – С. 151–155.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 5. – 223 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Захоронения с литейными формами на могильнике позднекротовской (черноозёрской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 2. – С. 25–34.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 3. – С. 49–58.

Молодин В.И., Ермакова Н.В. Бронзовый вислообушный топор из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 334–336.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – № 3(11). – С. 48–62

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov. Au musee historique de Finlade a Helsingfors. – Helsingfors, 1916. – 48 p.

References

Avanesova N.A. Kul’tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy Aziatskoi chasti USSR. Tashkent, Fan, 1991, 200 p. (In Russ.).

Gening V.F., Stefanova N.K. Chernoozer’e I – mogil’nik epokhi bronzy Srednego Priirtysh’ya (preprint nauch. dokl.). Ekaterinburg, Ural. State Univ. Press, 1994, 67 p. (In Russ.).

Grishin Yu.S. Metallicheskie izdeliya Sibiri epokhi eneolita i bronzy. Svod arkheologicheskikh istochnikov. Moscow, 1971, iss. B3-13, 108 p. (In Russ.).

Koksharov S.F., Chemyakin Yu.P. Pamyatnik bronzovogo veka v okrestnostyakh d. Saigatino. Drevnie pogrebeniya Ob’-Irtysh’ya. Omsk: Omsk State Univ. Press, 1991. P. 43–52. (In Russ.).

Korenevskii S.N. Metallicheskie vtul’chatye topory Ural’skoi gorno-metallurgicheskoi oblasti. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, no. 1. P. 39–51 (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. The late krotovo (cherno-ozerye) culture in the Irtysh forest-steppe, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014a, no. 1 P. 49–

54 (In Russ.). URL:https://journal.archaeology.nsc.ru/jour/article/view/64/65 (Accessed: 21.10.2021).

Molodin V.I. Pozdnekrotovskaya kul'tura: adaptatsiya k migratsionnym protsessam (po dannym mogil'nika Tartas). In *Nauchnye ekspeditsii RGNF*, Moscow, 2014b. P. 151–155 (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov pozdnekrotovskoi (chernoozerskoi), andronovskoi (fedorovskoi), irmenskoi i pakhomovskoi kul'tur. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 5, 223 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0299-5.2019

Molodin V.I., Durakov I.A. Late krotovo (chernoozerye) burials with casting molds from Tartas-1, Baraba forest-steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, Vol. 46, no. 2. P. 25–34 (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2018.46.2.025-034

Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The adaptation of the seima-turbino tradition to the bronze age cultures in the South of the West Siberian plain. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018. Vol. 46, no. 3. P. 49–58 (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2018.46.3.049-058

Molodin V.I., Ermakova N.V. Bronzovyi visloobushnyi topor iz Tsentral'noi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. XV. P. 334–336 (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17684527 (Accessed: 21.10.2021).

Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryi Tartas-4 (novye materialy po andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, no. 3 (11). P. 48–62 (In Russ.). URL:http://old.archaeology.nsc.ru/ru//publish/journal/doc/2002/3/2002_113_048-062.pdf (Accessed: 21.10.2021).

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen). Moscow: Nauka, 1989, 320 p. (In Russ.).

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov. Au musee historique de Finlade a Helsingfors. Helsingfors, 1916, 48 p.

Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0414-0418
УДК 902.21:903.33 (571.56)

В.М. Дьяконов[1]✉, А.С. Ягловский[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия;
[2]Арктический научно-исследовательский центр РС (Я)
Якутск, Россия
E-mail: arkh_muz@mail.ru

Результаты рекогносцировочных работ на территории архипелага Медвежьи острова в Восточно-Сибирской Арктике в 2021 году

В статье приводятся данные об оценке археологической перспективности Медвежьих островов – труднодоступного арктического архипелага, расположенного к северу от устья Колымы в Восточно-Сибирском море. Следы пребывания здесь древних людей стали известны еще с XVIII в. трудами полярных исследователей и экспедиций. Некоторые материалы, добытые работниками советской полярной станции на о. Четырехстолбовой, были опубликованы Н.А. Береговой и В.М. Раушенбах. В 1995 г. здесь же поработали археологи Приленской археологической экспедиции под руководством Ю.А. Мочанова. В сезон 2021 г. авторами, принимавшими участие в комплексной экспедиции на территорию заповедника «Медвежьи острова», был обследован остров Четырехстолбовой – самый восточный в составе архипелага. Проводилась фиксация древнеэскимосских жилищ, и получена небольшая коллекция подъемного материала. Всего было выявлено 9 жилищ, 6 из которых объединены в 2 группы, включавших по 3 жилища. Жилища № 1–6 и 8 оказались затронуты частичными раскопками, проводившимися в разное время. Была получена коллекция подъемного материала, включающего 72 фрагмента керамики, 18 каменных орудий или их фрагментов, 2 отщепа, 52 деревянных, 2 костяных, 1 кожаное изделие, 30 лоскутов кожи, 43 кости, 3 челюсти и 1 коготь животных, а также человеческий волос. Фаунистические остатки свидетельствуют о добыче морских млекопитающих, белых медведей, песцов, северных оленей и использовании собак в хозяйственной деятельности. Территория Медвежьих островов перспективна в плане исследования древнеэскимосских культур морских арктических зверобоев, а также более ранних культур каменного века.

Ключевые слова: *Арктика, Восточно-Сибирское море, Медвежьи острова, арктические морские зверобои, эскимосы, жилища, землянки.*

V.M. Dyakonov[1]✉, A.S. Yaglovsky[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russia
E-mail: arkh_muz@mail.ru

Results of Survey on the Medvezhyi Islands Archipelago in the Eastern Siberian Arctic in 2021

This article presents the data on archaeological prospects of Medvezhyi Islands – a remote Arctic archipelago located in the East Siberian Sea north of the mouth of the Kolyma River. Traces of presence of ancient people have been observed there since the 18th century by polar explorers and expeditions. Some evidence was obtained by the staff of the Soviet polar station on Chetyrekhstolbovoi Island and was published by N.A. Beregovaya and V.M. Raushenbach. In 1995, the archaeologists of the Prilenskaya Archaeological Expedition led by Y.A. Mochanov worked there. In the field season of 2021, the authors of this article surveyed the easternmost Chetyrekhstolbovoi island of the archipelago as a part of works by the integrated expedition to the Medvezhyi Islands Reserve. Remains of ancient Eskimo dwellings were documented and small collection of surface materials was obtained. In total, nine dwellings were identified, six of which were in two groups three dwellings each.

Dwellings No. 1–6 and 8 were partially excavated at different times. A collection of surface materials included 72 pottery fragments, 18 stone tools or their fragments, two flakes, 52 items of wood, two items of bone, one leather object, 30 leather fragments, 43 bones, three animal jaws and one claw, as well as a human hair. Faunal remains indicate hunting marine mammals, polar bears, arctic foxes, reindeer, and use of dogs in economic activities. The territory of Medvezhyi Islands is promising for studying early Eskimo cultures of marine hunters, as well as earlier Stone Age cultures.

Keywords: *Arctic, East Siberian Sea, Medvezhyi Islands, Arctic marine hunters, Eskimos, dwellings, dugouts.*

Архипелаг Медвежьи острова, включающий в себя 6 островов (Крестовский, Пушкарева, Андреева, Леонтьевский, Лысова, Четырехстолбовой) и расположенный в Восточно-Сибирском море к северу от устья Колымы на удалении более 100 км, до сих пор является одним из труднодоступных мест Арктики. Ввиду суровости природно-климатических условий здесь и поныне отсутствуют постоянные поселения человека. Тем не менее, известно, что люди осваивали эти отдаленные территории на протяжении тысячелетий. Территория Медвежьих островов попала в сферу исследований полярных арктических экспедиций уже в начале XVIII в. Следы пребывания человека на островах архипелага в виде старинных землянок и утвари были выявлены экспедициями промысловика Ивана Вилегина (1720 г.), сына боярского Федота Амосова (1724 г.), геодезистов Степана Андреева (1763–1764 гг.), Ивана Леонтьева, Ивана Лысова и Алексея Пушкарева (1769–1771 гг.), лейтенанта Ф.П. Врангеля (1820–1824 гг.), Отто Свердрупа (1925 г.). С 1933 г. на о. Четырехстолбовой работала постоянно действующая советская полярная станция, сотрудники которой в 1948–1949 гг. (А.М. Сырчин) и 1953 г. (Н.В. Андреев) провели раскопки некоторых жилищ, обнаруженных на острове, откуда вывезли и передали специалистам коллекции разнообразного археологического материала (костяные, роговые, деревянные, металлические изделия), отнесенного к эскимосским культурам бирнирк, пунук, туле арктических морских зверобоев конца I – середины II тыс. н.э., распространенных от Гренландии и арктических территорий Северной Америки до Чукотки и устья р. Колымы в Северо-Восточной Азии [Береговая, 1954; Раушенбах, 1969; Окладников, Береговая, 1971]. До настоящего времени эти находки являются самыми западными в мире следами древне- и неоэскимосских культур.

В 1995 г. на о. Четырехстолбовой провела разведочные работы Приленская археологическая экспедиция ЦААПЧ АН РС (Я) под руководством Ю.А. Мочанова, которой удалось обнаружить там материал, относящийся к каменному веку (каменные наконечники метательных орудий), а также провести небольшие раскопки некоторых древнеэскимосских жилищ. Эти материалы хранятся сейчас в Музее арктической археологии им. С.А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра РС (Я) и до сих пор не опубликованы, хотя данные локации (Четырехстолбовой I–VI) попали на карту археологических памятников Северо-Восточной Азии, обследованных ПАЭ [Мочанов, 2010, рис. 10].

В 2021 г. силами сотрудников Института биологических проблем криолитозоны СО РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Арктического научно-исследовательского центра РС (Я), Национального парка «Ленские столбы», государственного природного заповедника «Медвежьи острова» на территории последнего была проведена 1-я комплексная биолого-археологическая экспедиция с целью мониторинга и оценки современного состояния природной среды, поиска и инвентаризации объектов археологического наследия на архипелаге Медвежьих островов. Заповедник был создан 30 июня 2020 г. как структурное подразделение национального парка «Ленские столбы». Площадь заповедника составляет 815 тыс. га, из которой 43 % приходится на сушу и 57 % на море.

Цель данной работы – дать оценку археологической перспективности Медвежьих островов, а также изложить предварительные результаты рекогносцировочных археологических работ на о. Четырехстолбовой. В сезон 2021 г. все работы были в основном сосредоточены в материковой части заповедника. Ввиду неблагоприятных погодных условий выезд на моторных лодках на территорию архипелага состоялся всего лишь на несколько дней, в ходе которых были осмотрены острова Крестовский, Леонтьевский и Четырехстолбовой. При этом археологические работы были сосредоточены на Четырехстолбовом. Пешими маршрутами был пройден практически весь периметр острова, при этом фиксировались визуально определимые остатки жилищ, снимались GPS-координаты, велась съемка с квадрокоптеров, был получен некоторый подъемный материал. В целом на разных берегах острова было зафиксировано 9 жилищ, 6 из которых объединены в группы по 3 жилища, расположенных на небольшом удалении друг от друга (от 30 до 300 м). Большинство жилищ оказались в разной степени нарушенными частичными раскопками, проводившимися в разное время. При этом раскопщиками на поверхности были оставле-

ны уникальные археологические материалы, включавшие фрагменты керамики, изделия из камня, дерева, рога и кости.

Жилища о. Четырехстолбовой представляют собой землянки древних эскимосов, внутренние перекрытия которых выполнены из плавникового дерева, поверх землянки и на придомовой территории обильно разбросаны кухонные останки, обломки глиняной посуды и различных орудий. Земляная насыпь жилищ разошлась трещинами, из которых также проступает бытовой мусор хозяев, земля в трещинах местами обильно пропитана жиром.

Жил. № 1, 2, 3, объединенные в группу, находятся в восточной части острова у северного берега, вход всех жилищ смотрит на запад, в сторону ближайшего берега. В непосредственной близости от землянок расположен балок с одноколейкой, тянущейся к заброшенной метеостанции, что не лучшим образом сказалось на сохранности памятника. Жил. № 1 расположено севернее остальных, в 72 м от жил. № 2, размер 7 × 6 м, не включая входной лаз, высота 1,3 м. В центре его были ранее разбиты два шурфа – 60 × 60 и 100 × 60 см, глубиной 30 см. Жил. № 2 расположено в центре поселения, в 33 м от жил. № 3, размер 9 × 7 м, не включая входной лаз, высота 0,5–0,7 м. Верхняя половина жилища обнажена земляными работами, на поверхность проступили деревянные конструкции жилища – это стены, опорные столбы, перекрытия потолка. Жил. № 3 расположено южнее остальных, размер 7 × 7 м, не включая входной лаз, высота 1,1 м. С основания северо-западной стороны жилища проложена траншея 0,5 × 1,3 м.

У жил. № 2 было собрано 12 фрагментов керамики. Из них два фрагмента имеют четко прослеживаемый технический шнуровой орнамент. Тесто рыхлое, с добавлением гравия, дробленого кварцита и шерсти, среднезернистый песок прослеживается только в двух фрагментах керамики. Максимальная толщина стенок 1,8 см, минимальная 0,3 см. Цвет теста на внешних стенках варьируется от светло-коричневого до светло-серого, на внутренней стороне и в изломе так же. Большинство фрагментов имеет жировой нагар различной плотности. К каменным изделиям относятся пять находок. Это мелкозернистый абразивный камень с четырьмя рабочими поверхностями, прямоугольной формы с сужением к середине, мелкозернистый абразивный камень неправильной формы с одной рабочей поверхностью, обломок каменного орудия из сланца с тремя полукруглыми выемками с одной из сторон, два обломка от мужского эскимосского ножа из кремнистого сланца. Деревянные изделия представлены тремя обломками полукруглой вытянутой формы длиной менее 10 см и толщиной менее 0,6 см. К костяным изделиям относится рукоять от металлического резца из оленьего рога с остатками ржавчины в пазе. Длина рукояти 13,7 см, ширина в центре 1,6 см. Кроме того, обнаружены 6 отрезанных лоскутов кожи нерпы, медведя, 20 костей животных, нижние челюсти северного оленя и собаки.

Жил. № 4 расположено в центральной части острова, у северного пологого берега, вход смотрит на север в сторону берега. Рядом с землянкой протекает ручеек талых вод, с берега она прикрыта песчаным валом. Размер 13,5 × 12,5 м, не включая входной лаз, высота 1,7 м. Верхняя половина жилища обнажена земляными работами, на поверхность выступили деревянные конструкции жилища, хорошо просматриваются две жилищные камеры с приблизительными размерами 2 × 1,5 м. Деревянные стены жилища наклонены внутрь, внутренние стенки составлены из двух слоев бревен, положенных друг на друга.

На территории жил. № 4 и придомовой площадке обнаружено два фрагмента керамики с вафельным и шнуровым техническими орнаментами и один без орнамента. Тесто рыхлое, с добавлением гравия и фракциями мелкого бликующего минерала. Максимальная толщина стенок 1,9 см, минимальная 0,5 см. Цвет теста на внешних стенках серый или темно-коричневый, на внутренней стороне и в изломе серый или темно-серый. Каменное изделие представлено небольшим обломком с оббитой рабочей стороной. Деревянные изделия приставлены 46 предметами. Среди изделий определены обломок детского лука, игрушечный каяк, два орудия для чистки вещей от снега, древки стрел и наконечники копий. Большинство изделий фрагментировано и имеет продолговатую закругленную форму небольшого размера от 7 до 18 см в длину. Изделие из кости представлено лопаткой из лопаточной кости. Кроме того, обнаружены 4 отрезанных лоскута нерпичьей кожи, 5 костей животных и человеческий волос.

Жил. № 5 обнаружено в западной части острова, на узком перешейке, соединяющем мыс Грибок с основной частью острова, между северным и южным берегом острова, вход смотрит на юг. Размер жилища 13,5 × 12,5 м, не включая входного лаза, высота 1,9 м. Поверх землянки ранее были разбиты два шурфа размерами 1 × 1 и 1 × 2 м, глубиной 0,3 м.

На территории жил. №5 было обнаружено 5 фрагментов керамики. Из них 3 фрагмента имеют четко прослеживаемый технический шнуровой орнамент. Тесто рыхлое, с добавлением гравия, фракциями бликующего минерала и шерсти, наличие песка не прослеживается. Максимальная толщина стенок 1,1 см, минимальная 0,2 см. Цвет внешней

и внутренней стенок варьируется от темно-коричневого до темно-серого, в изломе он темно-серый. Большинство фрагментов имеет жировой нагар различной плотности. К каменным изделиям относятся 4 находки. Это двухлезвийный нож – наконечник копья из тонкой сланцевой пластины, шлифованный, с обломанным наконечником и отслоившимся черенком. Нож имеет копьевидную форму, длина 5,9 см, ширина у черенка 1,8 см, по центру 2,7 см, у обломанного острия 1 см, толщина 0,6 см. Китовый нож из сланца, трапециевидной формы, с оббитым лезвием, обух зашлифован. Длина 17,9 см, ширина 12,7 см, толщина 1,1 см. Тесло из сланца с оббитыми краями, лезвие отшлифовано, обух сглажен. Последнее изделие сильно фрагментировано и не опознано, выполнено из сланца. Кроме того, обнаружены 8 костей, половина нижней челюсти собаки, кожаное кольцо, соединенное грубой нитью, и три лоскута кожи с шерстью.

Жил. № 6 находится в западной части острова, у восточного подножья мыса Грибок, на южном берегу, вход смотрит на море. Размер жилища 10 × 8 м, не включая входной лаз, высота 1,4–1,5 м. Деревянные конструкции жилища проступили с северной стороны у основания. Поверх жилища во впадине разбросан бытовой мусор, стоит песцовая ловушка.

Жил. № 7, 8, 9 расположены группой, находятся в восточной части острова, у южного берега, вход всех жилищ смотрит на юг, в сторону моря. В 1 км к северу от жилищ расположен курумник с тремя кекурами – гранитными останцами в виде столбов, из-за наличия которых остров был назван Четырехстолбовым (на восточной оконечности острова имеется четвертый одинокий кекур). Жил. № 7 расположено западнее остальных, в 190 м от жил. № 8, размер 15,5 × 16 м, не включая входной лаз, высота 1,5 м. Жилище не тронуто, каких-либо внешних воздействий не выявлено. Придомовая территория хорошо прослеживается подъемным материалом и тянется к каменистому берегу. Жил. № 8 расположено в центре, в 100 м от жил. № 9, размер 12 × 8 м, не включая входной лаз, высота 1,7 м. Поверх жилища проведена траншея с запада на восток, длиной 5 м и переменной шириной от 0,3 до 0,6 м, глубиной до 0,3 м. Жил. № 9 расположено восточнее остальных, размер 17,3 × 15 м, не включая входной лаз, высота 2,5 м. Жилище не тронуто и полностью «стерильно».

На территории жил. №7 обнаружено 48 фрагментов керамики. Из них 11 фрагментов имеют технический шнуровой орнамент. Тесто рыхлое, с добавлением гравия, фракциями бликующего минерала и невыгоревшей шерсти. Максимальная толщина стенок 1,9 см, минимальная 0,2 см. Цвет теста на внешних стенках темно-коричневый, серый или темно-серый, в изломе серый или темно-серый, с внутренней стороны темно серый, темно-коричневый или выгоревший до черноты. Каменные изделия представлены крупным галечным отщепом, тремя обломками шлифованных ножей из кремнистого сланца и двумя фрагментами каменных орудий.

Среди находок жил. № 8 два фрагмента керамики и венчик сосуда. Орнамент на черепках не прослеживается, венчик без валика, с нагаром. Тесто рыхлое, расслаивающееся, с добавлением гравия. Максимальная толщина стенок 1,1 см, минимальная 0,4 см. Цвет внешних стенок темно-серый или темно-коричневый, в изломе темно-коричневый, с внутренней стороны фрагменты обуглены до черноты, венчик темно-коричневого цвета. Каменные изделия представлены обломком ножа «улу» из кремнистого сланца и скобелем. У землянки найдены 3 деревянных изделия. Это обломки продолговатых орудий и цельно вырезанный ковш с остатками обмотки на ручке. Длина ковша с ручкой 20,8 см, без ручки 13,5 см, ширина 14,7 см, высота 9 см. Сохранность ковша плохая, дерево рассохлось, и разошлось в двух местах, оплетка ручки выполнена из растительного материала.

У жил. № 9 обнаружен один фрагмент керамики темно-коричневого цвета внешней стенки, обугленный до черноты в изломе и изнутри. Тесто рыхлое, с добавлением гравия. Максимальная толщина стенок 0,8 см, минимальная 0,3 см. У основания жилища обнаружен мелкий отщеп из халцедона и обломок шлифованного сланцевого орудия, 10 костей, коготь нерпы и половинка челюсти песца.

Жилища, выявленные на о. Четырехстолбовой, по своим конструктивным особенностям, в целом, имеют ближайшие аналогии в древнеэскимосских культурах бирнирк, пунук и туле конца I – середины II тыс. до н.э. [Береговая, 1954; Окладников, Береговая, 1971; Днепровский, Дэвлет, 2017], хотя их полная реконструкция возможна будет лишь после проведения полномасштабных археологических раскопок, для осуществления которых требуются большие материальные и временные затраты. Такая задача стоит перед нами в будущем.

Результаты предварительных рекогносцировочных археологических работ, проведенных на территории Медвежьих островов в 2021 г., а также изучение научной информации по данной теме показали, что все острова архипелага могут содержать следы поселений древнеэскимосских культур, а также следы более ранних людей каменного века. На о. Четырехстолбовой было зафиксировано 9 жилищ древнеэскимосских культур полуземляночного типа с разнообразным археологическим материалом, а также фаунистическими остатками

(кости, зубы, шкуры морских млекопитающих, собак, песцов, белых медведей и др.). Некоторые жилища совершенно не тронуты раскопками и представляют собой своеобразный архив – уникальный кладезь информации по освоению человеком высокоширотной Арктики, запечатанный в «вечной» мерзлоте. Таким образом, территория Медвежьих островов является одной из известных в науке, но практически не изученных археологических локаций в Восточно-Сибирской Арктике. Комплексные исследования археологических памятников этих отдаленных земель помогут проследить взаимосвязь антропогенной деятельности и экосистем островов в условиях меняющихся природных обстановок неоплейстоцена и голоцена.

Благодарности

Авторы выражают благодарность всем участникам комплексной экспедиции: сотрудникам Института биологических проблем криолитозоны СО РАН – и.о. зав. отделом зоологических исследований, д.б.н. Ар.П. Исаеву, научным сотрудникам к.б.н. М.М. Сидорову, к.б.н. А.П. Бурнашевой, администрации и сотрудникам национального парка «Ленские столбы», в частности, ее руководителю А.А. Семенову, заместителю директора В.П. Ноговицыну, зав. научным отделом, аспиранту ЯНЦ СО РАН В.Ю. Габышеву, сотруднику научного отдела У.В. Максимовой, заместителю директора, руководителю структурного подразделения государственного природного заповедника «Медвежьи острова» И.П. Суздалову, инспекторам заповедника М.Б. Магзоеву, Е.М. Бережнову, В.В. Алексеенко, О.А. Кузьмину и работникам общины «Чобул» С. Семёнову, И. Дизову, Ю. Карманову за неоценимое содействие в организации полевых исследований.

Список литературы

Днепровский К.А., Дэвлет Е.Г. К вопросу о конструктивных особенностях жилищ древних эскимосов по материалам археологии, этнографии и изобразительным источникам // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 3. – С. 210–251.

Береговая Н.А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом // Советская археология. – 1954. – Вып. XX. – С. 288–312.

Мочанов Ю.А. 50 лет в каменном веке Сибири (археологические исследования в азиатской части России): в 2 томах / ЦААПЧ АН РС (Я). – Т. 1. – Якутск: Медиахолдинг «Якутия», 2010. – 548 с.

Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. – Новосибирск: Наука. Сиб. отдние, 1971. – 215 с.

Раушенбах В.М. Новые находки на Четырехстолбовом острове. – М.: Советская Россия, 1969. – 48 с. – (Тр. Государственного исторического музея «Памятники культуры». Вып. XXXV).

References

Beregovaya N.A. Arkheologicheskie nakhodki na ostrove Chetyrekhstolbovom. In *Sovetskaya arkheologiya*, 1954, iss. XX, pp. 288–312. (In Russ.).

Dneprovskii K.A., Devlet E.G. On the subject of structural features of dwellings of the ancient Escimo in consideration with archaeological materials, ethnography and artistic sources. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2017, iss. 3, pp. 210–251. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. 50 let v kamennom veke Sibiri (arkheologicheskie issledovaniya v aziatskoi chasti Rossii). Vol. 1. Yakutsk: Media-kholding «Yakutiya», 2010, 548 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Beregovaya N.A. Drevnie poseleniya Baranova mysa. Novosibirsk: Nauka, 1971, 215 p. (In Russ.).

Raushenbakh V.M. Novye nakhodki na Chetyrekhstolbovom ostrove. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1969, 48 p. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: Pamyatniki kul'tury; iss. XXXV). (In Russ.).

Дьяконов В.М. http://orcid.org/0000-0002-4899-6148
Ягловский А.С. http://orcid.org/0000-0002-2309-6020

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0419-0426
УДК 902/904; 550.8.056

А.В. Епимахов[1, 2]✉, Н.С. Батанина[3], В.В. Носкевич[4], Н.В. Федорова[4], Ф.Н. Петров[3, 5], Ю.С. Макуров[5], Н.Ф. Петров[2, 3], А.Д. Таиров[2]

[1]Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия
[2]Южно-Уральский государственный университет Челябинск, Россия
[3]Челябинский государственный университет Челябинск, Россия
[4]Институт геофизики УрО РАН, Екатеринбург, Россия
[5]Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим» Челябинск, Россия
E-mail: epimakhovav@susu.ru

Укрепленное поселение Андреевское. История функционирования по результатам мультидисциплинарных исследований

Поселение Андреевское (Брединский р-н Челябинской обл., левый берег р. Синташта Тобольского бассейна) относится к редкому типу памятников зауральского бронзового века с плотной застройкой, огражденной системой стен и рвов. Дешифрирование архивной аэрофотосъемки, применение малоглубинной геофизики (микромагнитная съемка и георадар), анализ микрорельефа и точечная шурфовка позволили диагностировать основные архитектурные элементы, уточнить их параметры, а также предложить сценарий изменения структуры объекта во времени. Основной планировкой на протяжении всей своей истории была линейная. Пространство в границах стен было занято блоками построек и разделяющими их проездами («улицами»). Количество рядов менялось в зависимости от расширения и сокращения (на позднем этапе) площади огражденного пространства. Характерной чертой раннего этапа является большое количество продуктов горения и следов воздействия огня. Они формируют положительные магнитные аномалии, в основном приуроченные к поверхностям внешней стены раннего этапа застройки. Следы хозяйственной деятельности населения бронзового века за пределами стен обнаружены только на площадке между рвом и берегом реки. Состав находок типичен для культур бронзового века – фрагменты керамики, кости животных, шлак, черешковый наконечник стрелы из камня и др. Ранний период достоверно относится к синташтинской культуре, среди подъемных сборов часть находок принадлежит эпохе камня, культурам позднего бронзового века. Пример поселения Андреевское является одной из многочисленных иллюстраций динамичных процессов освоения и адаптации синташтинского населения к местным условиям. Все исследованные широкими площадями синхронные поселения имеют следы перестроек, включая трансформацию планировочной структуры. Причины этих изменений могут быть диагностированы только по результатам реализации мультидисциплинарных проектов.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, укрепленное поселение, синташтинская культура, петровская культура, геофизические методы.*

A.V. Epimakhov[1, 2]✉, N.S. Batanina[3],V.V. Noskevich[4], N.V. Fedorova[4], F.N. Petrov[5], Yu.S. Makurov[5], N.F. Petrov[2, 3], A.D. Tairov[2]

[1]Institute of History and Archaeology UB RAS, Yekaterinburg, Russia
[2]South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

[3]Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
[4]Institute of Geophysics UB RAS,
Yekaterinburg, Russia
[5]Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve "Arkaim"
Chelyabinsk, Russia
E-mail: epimakhovav@susu.ru

Fortified Settlement Andreevskoye. History of Functioning Based on the Results of Multidisciplinary Research

The Andreevskoye settlement (Bredinsky district of the Chelyabinsk Region, the left bank of the Sintashta River of the Tobolsk basin) belongs to a rare type of sites of the Trans-Ural Bronze Age with dense housing development, enclosed by a system of walls and ditches. Deciphering archival aerial photography, the use of low-depth geophysics (micromagnetic survey and ground penetrating radar), analysis of the microrelief, and test pits allowed us to determine main architectural elements, clarify their parameters, and propose a scenario for changing the object's structure over time. The basic layout throughout its history has been linear. The space within the walls was occupied by the blocks of buildings and passageways ("streets") dividing them. The number of rows was dependent on the expansion and reduction (at a later stage) of the area of the enclosed space. A typical feature of the early stage is numerous combustion products and fire traces. They form positive magnetic anomalies, mainly confined to the surfaces of the outer wall of the early stage of development. Traces of economic activities of the Bronze Age population outside the walls have only been found at the site between the moat and the riverbank. The composition of finds is typical for the Bronze Age cultures: fragments of ceramics, animal bones, slag, petiolate arrowhead made of stone, etc. The early period reliably belongs to the Sintashta culture; among the lifting collections, some finds belong to the Stone Age and the cultures of the Late Bronze Age. The example of the Andreevskoye settlement is one of many illustrations of dynamic processes of the development and adaptation of the Sintashta population to local conditions. All synchronous settlements explored over wide areas have traces of restructuring, including the transformation of layout. The reasons for these changes can be diagnosed only on the basis of the results of new multidisciplinary projects.

Keywords: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, fortified settlement, Sintashta culture, Petrovka culture, geophysical methods.*

Введение

Открытие серии укрепленных поселений бронзового века в Зауралье состоялось более тридцати лет назад, однако целый ряд вопросов остается дискуссионным. Отчасти это связано с неполным представлением всей совокупности исходных данных, хотя на этом пути сделано многое. Большинство исследованных большими площадями памятников с разной степенью полноты введено в научный оборот [Генинг, Зданович, Генинг, 1992; Древнее Устье, 2013; Multidisciplinary investigations, 2013; Зданович, Малютина, Зданович, 2020]. Однако за истекшие десятилетия серьезно изменились методики исследования, требования к полноте представления в публикации и пр. Стало очевидным, что решение целого ряда проблем невозможно без привлечения широкого спектра естественно-научных методов, начиная со стадии первичного обследования и документирования.

Интерес к данным материалам в значительной степени сохраняется благодаря их включению в широкий евразийский контекст в качестве важного звена в реконструкции палеогенетических и лингвистических процессов. С этой точки зрения, синташтинские и петровские древности можно рассматривать как локальное отражение глобальных процессов в пределах аридной части Евразии. В целом, поиски механизмов возникновения и поддержания крупных территориальных систем (культурно-исторические общности, металлургические провинции и пр.) ведутся в широком дискуссионном поле (миграции, разномасштабная мобильность, многоступенчатый обмен, трансфер технологий или идеология) [Knappett, Kiriatzi, 2016; Frachetti, Bullion, 2018; Interrogating Networks, 2021 и др.], но в конечном итоге заключения опираются на конкретный материал во всей его сложности. При этом требования к качеству исходных данных повышаются, более того, открываются новые горизонты интерпретации.

Так, в отношении синташтинских материалов постепенно обретает аргументацию тезис о сложном (не одноактном) создании поселений с замкнутой планировкой, а для некоторых случаев надежно зафиксировано сокращение площади застройки [Берсенева и др., 2015] при сохранении логики планировки. На примере поселения Каменный Амбар впервые удалось провести моделирование

длительности функционирования памятника [Епимахов и др., 2020], подтвердившее довольно краткий период его существования. Все это сильно размывает уверенность в «успешности» в долгосрочной перспективе синташтинской социально-экономической модели, предполагающей концентрацию населения. В последние годы был хорошо обоснован ранее умозрительный тезис о жизнедеятельности однокультурных групп за пределами стационарной застройки [Чечушков и др., 2018]. Перечень case-study, который может быть легко продлен, убеждает, что ситуация конкретных объектов может серьезно отличаться от генерализованных схем, в связи с чем было принято решение проанализировать накопленную сумму фактов о поселении Андреевское, замыкающего с юго-востока зону распространения традиции поселений с плотной застройкой (рис. 1).

Результаты исследований

Памятник расположен в 7,3 км восточнее п. Андреевский (Брединский район Челябинской области), на левом берегу р. Синташта (Тобольский бассейн). Он был обнаружен И.М. Батаниной в 1990 г. при дешифрировании материалов архивной аэрофотосъемки. В этот же период выполнена графическая реконструкция структуры поселения по фотоснимку (рис. 2), опубликованная позднее [Зданович, Батанина, 2007, с. 60]. Полевое обследование А.Д. Таирова (1994 г.) подтвердило взаиморасположение основных элементов и наличие культурного слоя со следами пожара в северной и южной частях. Впервые были получены культурно диагностируемые материалы. В 2013 г. коллективом во главе с В.В. Носкевичем проведены геофизические исследования (микромагнитная съемка и георадар) (рис. 3). На этом этапе произошла некоторая корректировка параметров в части размеров, числа построек, наличия промежуточных стен, обнаружены места колодцев и пр. Планировка поселения стала более сложной и детальной [Noskevich, Fedorova, 2020]. В 2017 г. в ходе работ был снят инструментальный план поселения (рис. 4), собрана коллекция подъемных сборов, заложено пять шурфов за пределами визуально фиксируемых объектов, два из которых дали археологические материалы. Таким образом, в результате применения совокупности методов была четко диагностирована структура памятника, установлена мощность и характер культурного слоя, направление его распространения за пределами руинированных объектов, собрана коллекция находок из шурфов и подъемных сборов.

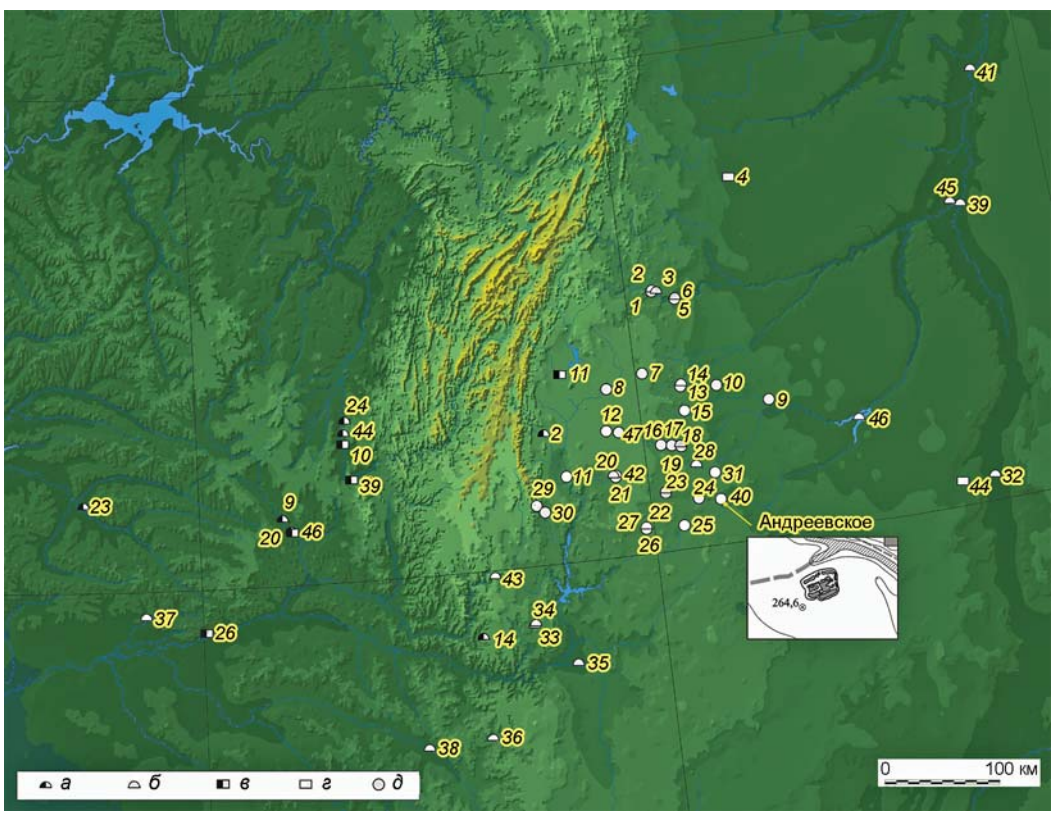

Рис. 1. Схема расположения укрепленного поселения Андреевское на Южном Урале.

а – абашевско-синташтинский могильник; *б* – синташтинский могильник; *в* – абашевско-синташтинское неукрепленное поселение; *г* – синташтинское неукрепленное поселение; *д* – синташтинское укрепленное поселение (нумерация карты см.: [Епимахов, Чуев, 2011, с. 53–54]).

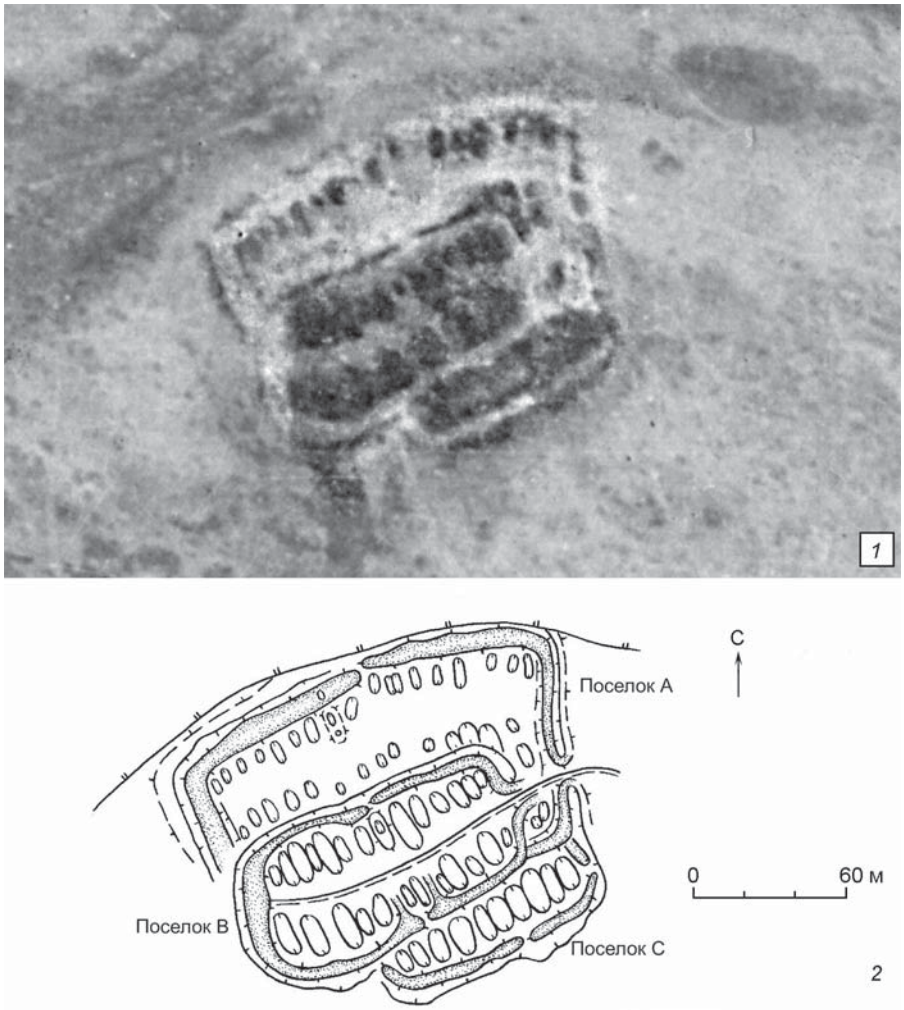

Рис. 2. Укрепленное поселение Андреевское.
1 – фрагмент аэрофотоснимка от 8.06.1957; *2* – схема дешифрирования, выполненная И.М. Батаниной.

Рис. 3. Укрепленное поселение Андреевское. Карта магнитных аномалий и линии георадарных профилей.

Площадка памятника занимает СЗ часть террасового острова, образованного руслом реки и старичным руслом, которое, вероятно, в период жизни поселения, было основным. В этом случае поселение было построено на правом берегу реки. В современной топографической ситуации минимальное расстояние от поселения до русла реки составляет 380 м, до старицы – менее 50 м.

Рельеф памятника сильно сглажен: внешние рвы читаются в основном по разнице в цвете растительности, максимальная высота развала стен составляет – 0,4 м, а глубина впадин до 0,35 м. Площадь укрепленного поселения – 21 600 м^2. С первых шагов интерпре-

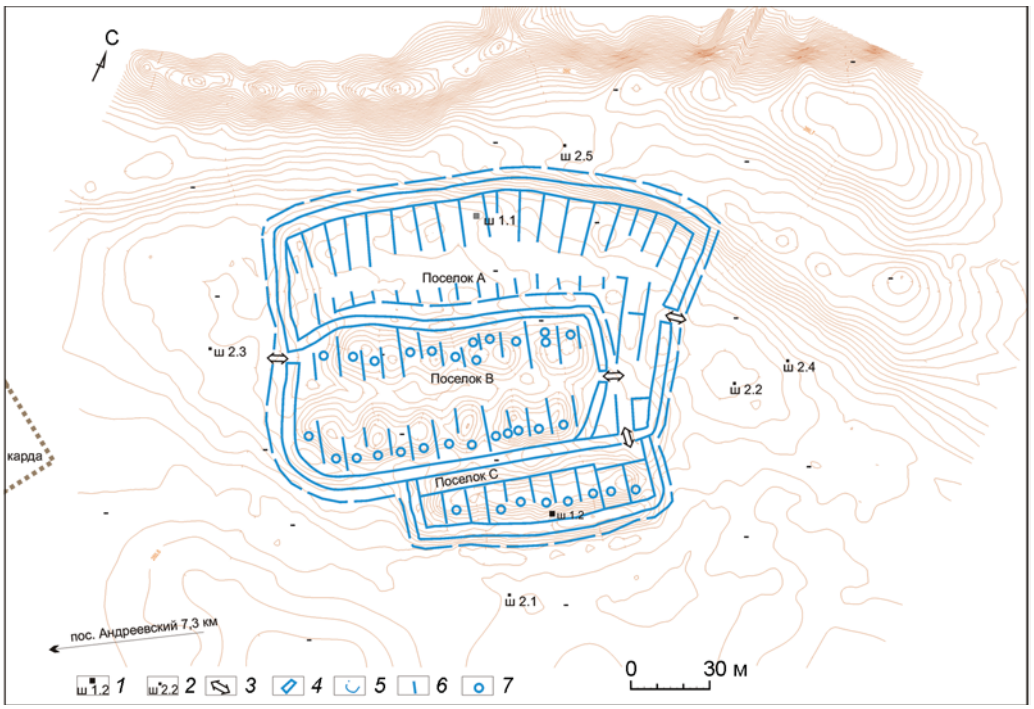

Рис. 4. Укрепленное поселение Андреевское. Топографический план и схема интерпретации карты магнитных аномалий.

1 – шурф 1994 г.; *2* – шурф 2017 г.; *3* – входы в поселки; *4* – контуры оборонительных стен; *5* – границы рвов; *6* – внутренние стены; *7* – колодцы.

тации поселение рассматривалось как памятник со сложной структурой и историей формирования. Результаты применения разных методик согласованно подтверждают это заключение и сходятся в вопросе об улично-линейном принципе организации внутреннего пространства. По аэрофотоснимку 1957 г. и магнитометрии хорошо фиксируется минимум три этапа застройки (А, В и С). Наиболее ранний поселок А, хуже других представленный в микрорельефе, имел неправильную прямоугольную форму с максимальными размерами 160 × 110 м, ориентированную по линии ВСВ–ЗЮЗ. Внешний контур задан массивной грунтовой стеной и рвом. Стена с основанием 4 × 6 м хорошо выделялась благодаря параллельным линиям положительных магнитных аномалий. Их формирование связано с многочисленными следами воздействия огня, обнаруженными также в выбросах сурчиных нор и шурфах. Т.е. продукты горения были приурочены к внешней и внутренней поверхностям стены, частично попав в заполнение рва. Перепад глубин рва установлен с применением георадара для восточной периферии, где он составил 0,5 м. Эту цифру не следует экстраполировать на другие участки, т.к. колебания глубины рвов на всех аналогичных поселениях очень значительны. Несмотря на поздние перестройки, георадар позволил диагностировать наличие рва и вдоль восточной стены поселка А. Хорошо документированы два входа внутрь поселения в восточной и западной частях. По аэрофотоснимку предполагалось наличие еще одного в северной части, но геофизические методы этого не подтвердили.

Аномалии меньшей интенсивности позволили диагностировать способ организации внутреннего пространства. Отчетливо прослежена линия из 20 сомкнутых строений вдоль северной стены. Судя по магнитной съемке, частично подтвержденной в современном рельефе, и реконструкции по снимку, постройки имели ширину 6–10 м и максимальную длину – 20 м. Ширина близка известным примерам построек в первой части, но может быть скорректирована во второй по результатам раскопок. Стационарные исследования всегда демонстрируют более сложную картину за счет палимпсеста разных этапов, а также объектов, не имеющих магнитного контраста в сравнении с фоном. Количество рядов построек и, соответственно, продольных «улиц» (одна или две), не может быть установлено без раскопок.

Вторым, видимо, стал южный блок построек (поселок С), размерами 110 х 40 м, пристроенный к южной стене поселка А. Единственный ряд из 10 строений был оконтурен системой стены и рва с трех сторон. Вероятно, при возведении были снивелированы участок рва и стены поселка А, образуя единое пространство, что может говорить о расширении поселка А. Разные методы рисуют различ-

ную картину расположения входов в поселок С. По материалам дешифрирования их было три: в двух коротких торцевых юго-западной и северо-восточной стенах, а также в длинной юго-восточной стене. Микрорельеф подтверждает наличие только северо-восточного, а магнитометрия показала только проход в северо-западном углу, на территорию поселка А. Часть конструкций поселка С была уничтожена при сооружении наиболее позднего поселка В. Тем не менее, прослежены не только яркие положительные аномалии внешней стены, но также промежуточные стены между постройками и места расположения колодцев. Георадарные исследования зафиксировали глубину рва – 1,0–1,2 м.

Поселок В (третий этап плотной застройки) локализован с наложением на ранние конструкции явно с учетом существовавшего рельефа. По сути, он вписан в ЮЮЗ угол поселка А, но существенно меньше по площади, максимальные размеры составили ок. 130 × 70 м. Характер аномалий внешней линии стены не изменился, хотя интенсивность несколько ниже. Микрорельеф более выражен, как и сохранность деталей в расположении промежуточных стен и колодцев. В данном случае два ряда по 13 (согласно геофизике) построек располагались вдоль единственной улицы, заканчивавшейся проходом в восточной части. Авторы дешифрирования и магнитосъемки разошлись в вопросе о наличии второго, западного входа. Размер и планировка близки поселению Коноплянка [Шарапова и др., 2014, с. 103–104], где выявлены два входа.

Примененные методы согласованно указывают на расположение большинства входов в поселки с восточного торца, по поводу других возможных входов точки зрения разнятся. Шурфами 2017 г. выявлены материалы за пределами восточной стены, на площадке, приподнятой на 10 см. Магнитосъемка показала здесь разрозненные положительные аномалии. Все это может указывать на деятельность вне стен поселения, приуроченную к входам в поселок. На поселении Каменный Амбар зафиксирован культурный слой в основном вдоль северной и северо-западной стен, при этом вход на огороженную территорию находится в северо-западной стене [Чечушков и др., 2018, с. 149–166].

Находки

Материалы происходят из двух шурфов 2 × 2 м в границах построек северного сектора поселка А и южного сектора поселка В, двух из пяти шурфов за пределами застройки на восточной периферии и подъемных сборов. Коллекция по составу типична для поселений бронзового века: каменные артефакты, фрагменты керамики и металлургического шлака, кости домашних животных. Ассоциация каменных артефактов с бронзовым веком безусловна только для двух изделий: фрагментов крупного абразива из мелкозернистой породы с двумя рабочими поверхностями и сломанного наконечника стрелы (рис. 5, *7*). Последний представляет собой часть черешкового наконечника линзовидного сечения, тщательно обработанного с двух сторон струйчатой ретушью. Данный тип широко представлен в синташтинских, значительно реже петровских памятниках.

Керамическая коллекция, особенно из шурфов укрепленной части поселения, содержит типично синташтинские сосуды, изготовленные из хорошо отмученной глины с примесью тальковой дресвы. В единичных случаях реконструируются элементы морфологии, подтверждающие культурную атрибуцию (крупный баночный сосуд с налепными горизонтальными валиками (рис. 5, *8*); горшечный сосуд с внутренним ребром по венчику (рис. 5, *3*) и т.п.) Использование в орнаментации рельефных элементов и криволинейных орнаментов («вол-

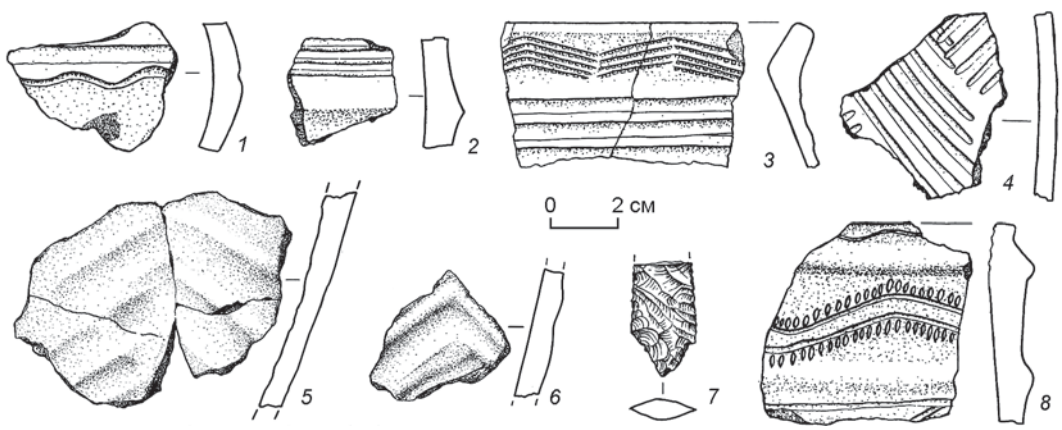

Рис. 5. Материалы, полученные в ходе разведок на укрепленном поселении Андреевское.

1–4, 8 – керамика из материалов разведки 1994 г.; *5–6* – керамика из материалов разведки 2017 г.; *7* – наконечник стрелы из материалов разведки 2017 г.

ны») – типичная черта синташтинской посуды. Наряду с этим был выявлены фрагменты с отпечатком ткани на внутренней поверхности и с отпечатком орнамента сосуда-основы. Данная технология использовалась в Зауралье только носителями синташтиной и петровской традиций. За пределами линии укреплений в шурфах 2 и 4 выявлены два предположительно синташтинских фрагмента стенок сосудов (рис. 5, *5–6*). Таким образом, культурный слой в этой части, видимо, синхронен периоду плотной застройки. Часть керамического комплекса не имеет диагностирующих культурных черт, хотя и определенно датируется бронзовым веком.

Выводы

Синтез примененных методов позволил идентифицировать структуру памятника и выделить этапы его функционирования. Важно, что шурфовка поселков А и С дала сходную картину культурного слоя и диагностирующую синташтинскую керамику. На каждом последующем этапе застройка велась с учетом имеющихся сооружений или их руинированных остатков. Следы воздействия огня на конструктивные элементы, ярко представленные для раннего этапа Андреевского, зафиксированы на всех сколько-нибудь масштабно изученных поселениях этого круга, но объяснение данного факта остается на уровне гипотез (бытовые пожары, ритуальное очищение или технология строительства). Кажется, лишь военная катастрофа сегодня рассматривается как наименее вероятная версия [Епимахов, Семьян, 2016].

Очевидно, что реальная картина функционирования памятника была значительно сложнее, но ее восстановление требует стационарных исследований. Пока же следует зафиксировать тот факт, что почти все стационарно исследованные памятники (Устье, Каменный Амбар, Аландское, Куйсак, возможно, Синташта и Аркаим), демонстрируют динамичную картину роста и/или сокращения площади, изменения деталей планировки (вплоть до замены концентрических схем на линейные, например, Степное) и пр. Для поселения Каменный Амбар мы можем оценить темп этих изменений, частью которых стало появление на позднем этапе петровской керамики [Пантелеева, 2020]. Сумма фактов указывает на относительно быструю адаптацию привнесенной мигрантами схемы и технологий строительства к реалиям зауральской степи.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021.

Список литературы

Берсенева Н.А., Епимахов А.В., Носкевич В.В., Федорова Н.В. Возможности синтеза геофизической и археологической информации при интерпретации результатов раскопок (на примере поселения бронзового века Каменный Амбар) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 1 (28). – С. 4–14.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. – Т. 1. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Под ред. Н.Б. Виноградова. – Челябинск: Абрис, 2013. – 482 с.

Епимахов А.В., Пантелеева С.Е., Корякова Л.Н. Колодцы как элемент культуры: хронологический аспект (по материалам поселения Каменный Амбар) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48 (4). – С. 101–111.

Епимахов А.В., Семьян И.А. Наконечники стрел поселения Каменный Амбар и некоторые замечания о войне в синташтинском обществе // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 77–84.

Епимахов А.В., Чуев Н.И. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 2 (15). – С. 47–56.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы. – Челябинск: Крокус, 2007. – 260 с.

Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений: в 2 кн. – Кн. 1: Жилища и жилое пространство. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. – 450 с.

Пантелеева С.Е. Пространственное распределение керамики в слое укрепленного поселения Каменный Амбар: к реконструкции основных строительных фаз // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 38–48.

Чечушков И.В., Якимов А.С., Бачура О.П., Ян Ч. Ын, Гончарова Е.Н. Общественное устройство синташтинско-петровских коллективов позднего бронзового века и причины генезиса социальной элиты (на примере поселения Каменный Амбар в степном Зауралье) // Stratum plus. – 2018. – № 2. – С. 149–166.

Шарапова С.В., Краузе Р., Молчанов И.В., Штоббе А., Солдаткин Н.В. Междисциплинарные исследования поселения Коноплянка в Южном Зауралье: предварительные результаты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. – Т. 13. – № 3. – С. 101–109.

Frachetti M.D., Bullion E. Bronze Age Participation in a “Global” Ecumene: Mortuary Practice and Ideology across Inner Asia Globalization in Prehistory // Contact, Exchange, and the ‘People Without History’ / Ed. by N. Boivin,

M.D. Frachetti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 102–130.

Knappett C., Kiriatzi E. Technological Mobilities: Perspectives from the Eastern Mediterranean – An Introduction // Human Mobility and Technological Transfer in the Prehistoric Mediterranean / Ed. by E. Kiriatzi, C. Knappett. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – p. 1–17.

Interrogating Networks: Investigating Networks of Knowledge in Antiquity / Ed. by L. Foxhall. – Oxford: Oxbow Books, 2021. – 144 p.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia) Ed. by R. Krause, L. Koryakova. – Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013. – 352 p.

Noskevich V., Fedorova N. Geophysical Investigations of the Bronze Age Andreevskoye Settlement in the Southern Trans-Urals (Russia) // Interdisciplinaria Archaeologica. – 2020. – vol. XI. – Iss. 2. – p. 139–147.

References

Berseneva N.A., Epimakhov A.V., Noskevich V.V., Fedorova N.V. Vozmozhnosti sinteza geofizicheskoi i arkheologicheskoi informatsii pri interpretatsii rezul'tatov raskopok (na primere poseleniya bronzovogo veka Kamennyi Ambar). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2015, no. 1 (28). P. 4–14. (In Russ.).

Chechushkov I.V., Yakimov A.S., Bachura O.P., Ng Yan Chuen, Goncharova E.N. Social Organization of the Sintashta-Petrovka Groups of the Late Bronze Age and a Cause for Origin of Social Elites (Based on Materials of the Settlement of Kamenny Ambar). *Stratum plus*. 2018. no. 2. P. 149–166. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Chuev N.I. Abashevskie i sintashtinskie pamyatniki: predvaritel'nye rezul'taty prostranstvennogo analiza. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2011, no. 2 (15). P. 47–56. (In Russ.).

Epimakhov A.V., Panteleeva S.E., Koryakova L.N. Wells as a Source of Cultural and Chronological Information: The Case of Kamennyi Ambar, Southern Trans-Urals. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol.48, no 4. P. 101–111. (In Russ.). https//:doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.4.000-000

Epimakhov A.V., Sem'yan I.A. Arrowheads in the Kamenny Ambar settlement and some remarks on military conflicts in the Sintashta society. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2016, no. 4 (53). P. 77–84. (In Russ.).

Foxhall L. (ed.) *Interrogating Networks: Investigating Networks of Knowledge in Antiquity*. Oxford: Oxbow Books, 2021, 144 p. https//:doi.org/10.2307/j.ctv1npx3t1

Frachetti M.D., Bullion E. Bronze Age Participation in a "Global" Ecumene: Mortuary Practice and Ideology across Inner Asia Globalization in Prehistory. In *Contact, Exchange, and the 'People Without History'*. Ed. by N. Boivin, M.D. Frachetti. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 102–130. https//:doi.org/10.1017/9781108573276.006

Gening V.F., Zdanovich G.B., Gening V.V. Sintashta. Arkheologicheskii pamyatnik ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Vol. 1. Chelyabinsk: South Ural Publ., 1992, 408 p. (In Russ.).

Knappett C., Kiriatzi E. Technological Mobilities: Perspectives from the Eastern Mediterranean – An Introduction. In *Human Mobility and Technological Transfer in the Prehistoric Mediterranean*. Ed. by E. Kiriatzi, C. Knappett. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 1–17. https://doi.org/10.1017/9781316536063.002

Krause R., Koryakova L. (eds.) *Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Trans-Urals (Russia)*. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2013, 352 p.

Noskevich V., Fedorova N. Geophysical Investigations of the Bronze Age Andreevskoye Settlement in the Southern Trans-Urals (Russia). *Interdisciplinaria Archaeologica*. 2020. Vol. XI (2). P. 139–147. (In Russ.). https//:doi.org/10.24916/iansa.2020.2.1

Panteleeva S.E. Spatial distribution of ceramics in the layer of the fortified settlement of Kamennyi Ambar: to the reconstruction of the main building phases. *Vestnik South Ural State Univ. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki.* 2020. Vol. 20. no. 3. P. 38–48. (In Russ.). https//:doi.org/10.14529/ssh200306

Sharapova S.V., Krause R., Molchanov I.V., Stobbe A., Soldatkin N.V. Multidisciplinary investigations of Konoplyanka settlement in the Southern Trans-Urals: preliminary results. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* 2014. Vol. 13. no. 3. P. 101–109. (In Russ.).

Vinogradov N.B. (ed.) Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e. Chelyabinsk: Abris, 2013, 482 p. (In Russ.).

Zdanovich G.B., Batanina I.M. Arkaim – Strana gorodov: Prostranstvo i obrazy (Arkaim: gorizonty issledovanii). Chelyabinsk: Krokus, 2007, 260 p. (In Russ.).

Zdanovich G.B., Malyutina T.S., Zdanovich D.G. Arkaim. Arkheologiya ukreplennykh poselenii: v 2 kn. Vol. 1: Zhilishcha i zhiloe prostranstvo. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State Univ. Publ., 2020, 450 p. (In Russ.).

Батанина Н.С. https://orcid.org/0000-0002-2555-6094
Епимахов А.В. https://orcid.org/0000-0002-0141-1026
Макуров Ю.С. https://orcid.org/0000-0002-0257-3940
Носкевич В.В. https://orcid.org /0000-0002-0765-0183
Петров Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-1312-4363
Петров Ф.Н. https://orcid.org/0000-0001-8212-7424
Таиров А.Д. https://orcid.org/0000-0001-8575-0430
Федорова Н.В. https://orcid.org/0000-0002-0648-0768

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0427-0432
УДК 902/904

Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

Культовые комплексы Урала и Западной Сибири – историографический аспект

Статья посвящена истории исследования неординарных археологических объектов – культовых мест, жертвенников, святилищ, расположенных на территории Урала и Западной Сибири. Отмечаются первые упоминания о памятниках культового характера на рассматриваемой территории и возникновение у исследователей интереса к сакральным объектам прошлого. С хронологической точки зрения последовательно рассматриваются этапы формирования источниковой базы, интерпретации функциональной направленности и выявления этнической принадлежности сакральных объектов. Анализируются исследования археологических памятников, где наряду с остатками материальной культуры обнаруживают уникальные следы культуры духовной, в т.ч. и на памятниках сакральной направленности. Дается детальная характеристика современному этапу изучения ритуальных комплексов: дифференциации последних по виду обрядовой деятельности, комплексному подходу к анализу, обработке и интерпретации материалов культовых памятников, проблеме дефиниций и критериев отнесения археологического объекта к категории святилищ. Анализируются работы, посвященные специфическим культовым местам: общеродовым, семейным, а также связанным с производственной и промысловой деятельностью и погребально-поминальными обрядами. Рассматривается вариант существования на данной территории синкретичных ритуальных комплексов, где обрядовая деятельность могла иметь полифункциональный характер. Подчеркивается важная роль ретроспективного метода, применение которого дает возможность экстраполировать отдельные аспекты мировоззрения аборигенных этнических групп рассматриваемых регионов на идеологические представления носителей древних культур. Данные этнографических наблюдений позволяют доказательно обосновать интерпретацию зафиксированных для древних эпох сакральных процессов, выявленных в археологических материалах с культовых объектов и, в конечном итоге, сделать реконструкцию обрядовой практики носителей древних культур более достоверной.

Ключевые слова: *святилище, культовый комплекс, историография, Западная Сибирь, Урал, Приуралье, жертвоприношение, погребально-поминальный обряд, производственный культ, ритуал.*

N.S. Efremova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

Cultic Complexes of the Urals and Western Siberia: Historiographic Aspect

This article discusses the history of research into unusual type of archaeological objects – cultic places, altars, and sanctuaries, located in the Urals and Western Siberia, including the time when the sites of warship in these regions were mentioned for the first time and when scholars' interest in sacred objects of the past emerged. The stages in expanding the corpus of sources, interpreting the functional purpose of sacred objects, and identifying their ethnic affiliation are presented chronologically. Studies of archaeological sites which reveal unique traces of spiritual culture together with remains of material culture are analyzed. The state of current research into ritual complexes is described, including differentiation of complexes according to the type of ritual activities, applying an integrated approach to the analysis, processing and interpreting the evidence from the cultic sites, solving the problems of definitions, and selecting criteria for considering archaeological object a sanctuary. The article analyzes the studies on specific cultic places for the whole clan or family, places associated with production and trading activities, as well as funeral and commemorative rituals. A variant of syncretic ritual

complexes with multifunctional ritual practices is described. The article emphasizes the role of the retrospective method which makes it possible to extrapolate some aspects of worldview among the indigenous ethnic groups inhabiting these regions to ideological beliefs found in the carriers of ancient cultures. The data of ethnographic observations makes it possible to confirm interpretations of cultic practices in ancient times, which can be observed in archaeological evidence from the cultic sites, and offer a more reliable reconstruction of ritual practices among the carriers of ancient cultures.

Keywords: *sanctuary, cultic complex, historiography, Western Siberia, Urals, sacrifice, funeral and commemorative rite, production cult, ritual.*

Идентификация и интерпретация культовых памятников любой культуры всегда сопряжены с определенными трудностями в силу специфичности подобных объектов. Тем не менее, комплексы, связанные с ритуальной деятельностью древних этносов, давно уже образуют особый вид археологических памятников и обнаруживаются практически повсеместно. Часто следы обрядовой практики явно свидетельствуют о том, что исследуемый объект функционально был предназначен именно для отправления ритуальных актов. На территории Урала и Западной Сибири фиксация памятников сакральной направленности и отнесение их к разряду культовых имеют место на самых ранних этапах существования археологической науки. На настоящий момент в научной литературе накоплен значительный объем публикаций, отражающих культовую деятельность населения Урала и Западной Сибири в широком хронологическом диапазоне – с эпохи палеолита до этнографической современности.

Культовые комплексы Приуралья и Урала, а также связанные с ними вопросы по интерпретации, хронологии и этнической принадлежности данных памятников, достаточно полно отражены в ряде обобщающих работ (см., напр.: [Культовые памятники…, 2004; Изосимов, 2007]). В то же время для территории Западной Сибири отмечается отсутствие обобщающей работы по святилищам региона и реконструкции бытовавших на них культов. Публикации, характеризующие ритуальные археологические объекты в целом, единичны и чаще всего посвящены отдельным аспектам анализа данного типа памятников (см., напр.: [Мартынова, Мартынов, 1987; Чиндина, 1987; Ширин, 1993; Потемкина, 2005; 2007 и др.]). Тем не менее, существует большое количество публикаций, посвященных ритуальным памятникам – как отдельным комплексам, так и расположенным на площади других археологических объектов, о которых речь пойдет далее.

Ранний этап изучения культовых объектов древнего населения Урала и Западной Сибири охватывает хронологический диапазон с XVIII до первых десятилетий XX в. Упоминания о святилищах встречаются в трудах ряда исследователей и путешественников, посещавших рассматриваемые регионы [Паллас, 1788, с. 81; Теплоухов А.Е., 1880; Теплоухов Ф.А., 1895; Финш, Брэм, 1882, с. 436-437; Григоровский, 1884, с. 61 и др.]. Так, в Приуралье в этот период археологически исследуются всего два культовых памятника, результаты работы отражены в трудах Ф.А. Теплоухова, А.А. Спицына, Д.Н. Анучина [Изосимов, 2007, с. 8]. С конца XIX в. известны археологические памятники на Барсовой Горе (Тюменская обл.), где позднее будет исследован кулайский культовый комплекс [Барсова Гора…, 2008, с. 5, 207–218].

В 30-х гг. XX в. начинается новый этап исследований уральских и западносибирских памятников культовой направленности. В этот период исследуются и вводятся в научный оборот новые объекты, связанные с ритуальной деятельностью в древности, осуществляется поиск новых методов. Так, с 1935 г. исследуется святилище раннего железного века Усть-Полуй на севере Западной Сибири [Гусев, Федорова, 2012], позволившее В.Н. Чернецову и В.И. Мошинской рассмотреть проблемы этногенеза западносибирских народов, искусствоведения и религиоведения [Чернецов, Мошинская, Талицкая, 1953]. В это же время А.В. Шмидт на уральских материалах анализирует условия возникновения и функционирования жертвенных мест [1932].

Со второй половины XX в. продолжается интенсивное накопление источниковой базы, исследования культовых объектов становятся более углубленными, детальными. Подобный подход использовался не только при изучении памятников рассматриваемого региона. Так, например, он характерен и для святилищ Восточной Сибири [Тиваненко, 1989, с. 15; 1994], Приамурья [Мазин, 1994] , Якутии [Кочмар, 1994], где известные на тот момент культовые места различных эпох были практически полностью исследованы, а полученные материалы изданы. На Урале в этот период начинается изучение новых типов памятников – пещер, камней и писаниц-жертвенников, анализ артефактов которых, в частности наконечников стрел, позволил исследователям провести параллели между отдельными аспектами мировоззрения древнего населения региона и современных проживающих здесь этносов, сохранивших сходный охотничий уклад (см.: [Бадер, 1954; Берс, 1951; Сериков, 2003 и др.]). К типу святилищ отнесен и искус-

ственно возведенный Кокшаровский холм в Среднем Зауралье, сооружение которого могло свидетельствовать о наличии в неолитическом обществе сложных идеологических представлений [Шорин, 2002]. В Западной Сибири исследуются Кулайское, Саровское, Кривошеинское, Степановское, Парабельское культовые места; анализ материалов последнего позволил исследователям говорить о возможном существовании человеческих жертвоприношений [Барсуков, 2003; Яковлев, 2001]. Коллекции культовой пластики со святилищ раннего железного века и раннего Средневековья позволили вывести интерпретационную составляющую процесса реконструкции мировоззрения древних этносов на качественно новый уровень (см., напр.: [Панкратова, 2011]).

Наряду с четко выделяющимися по своей функциональной направленности культовыми объектами [Ефремова, 2016; Корочкова, Стефанов, Спиридонов, 2020] обнаруживаются также святилища, локализованные на территории других видов археологических памятников, например, на поселениях и некрополях. Подобная локализация позволяет исследователям предположить полифункциональный характер имевшей здесь место обрядовой деятельности и связать ее с одновременным отправлением нескольких культов, связанных как с поминальной обрядностью, так и с производственными процессами, в т.ч. бронзолитейными. Примером этого могут являться исследуемые до настоящего времени ритуальные комплексы памятника Тартас-1 в Новосибирской обл. [Чиндина, 1991, с. 37; 2003, с. 111; Ефремова, Молодин, 2018].

На современном этапе изучение ритуальных объектов приобрело многоуровневый, комплексный характер. В научный оборот вводятся материалы многочисленных памятников, специфичность коллекций которых позволяет связывать их именно с обрядовой, иррациональной деятельностью (см., напр.: [Алтай сакральный…, 2010; Молодин, Ефремова, 2010; Древние и современные…, 2011; Методика исследования…, 2012; Сериков, 2017]). К сожалению, объем данной статьи не позволяет включить в историографический обзор все исследованные к настоящему моменту уральские и западносибирские культовые объекты, однако в числе современных методов исследования, задействованных в процессе изучения, можно упомянуть комплексный, мультидисциплинарный подход.

С материалами культовых памятников работают специалисты и других сфер фундаментальной науки, как естественных, так и точных. Результаты подобных исследований позволяют ответить на многие достаточно узкие вопросы, что, в свою очередь, дополняет реконструкцию мировоззрения носителей культур прошлого. Так, ихтиологические [Молодин и др., 2012] и остеологические [Косинцев, 1985; Лобанова, Кардаш, 2018] материалы свидетельствуют о важной роли определенных видов рыб и животных в отправляемых обрядах жертвоприношения; точные же определения таких видов позволяют выявить приоритеты в промысловой и производящей деятельности, связанной с деятельностью ритуальной, причем относящейся к различным видам обрядности: погребальной, обрядам благодарения или испрашивания благополучия.

Два последних десятилетия в археологических исследованиях активно используется геофизический мониторинг, открывший новые возможности для изучения памятников до раскопок. Так, с помощью методов геофизического изучения площади могильника Преображенка-6 в Новосибирской обл. был обнаружен не имевший внешних рельефных признаков культовый комплекс эпохи бронзы [Чемякина, 2010]. Кроме того, зафиксированные на магнитограмме странные, неординарные аномалии с большой долей вероятности могут представлять собой объекты именно сакрального характера и иметь приоритет при выборе объекта исследования.

Неоценимый вклад в процесс реконструкции обрядовой деятельности по материалам ритуальных комплексов вносят исследования современных аборигенных народов, хранящих свой хозяйственный уклад в рамках традиций прошлого [Гемуев, Сагалаев, 1986; Бауло, 2016]. Данные этнографических наблюдений позволяют доказательно обосновать интерпретацию зафиксированных для древних эпох сакральных процессов, нашедших отражение в археологических материалах с культовых объектов [Адаев, 2013]. Применяемый при этом ретроспективный метод дает возможность экстраполировать отдельные идеологические аспекты аборигенного населения региона на следы ритуальной деятельности прошлого и, в конечном итоге, позволяет сделать реконструкцию обрядовой практики носителей древних культур более достоверной.

Список литературы

Адаев В.Н. Сакрализация пространства как текущий процесс в культуре юганских хантов-переселенцев // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2013. – Том 12, вып. 7: Археология и этнография. – С. 296–301.

Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ / Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 1. – Барнаул: Изд-во Жерносенко С.С., 2010. – 144 с.

Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. – Вып. XXI. – 1954. – С. 241–258.

Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург-Сургут: Уральское изд-во, 2008. – 300 с.

Барсуков Е.В. К истории трактовки Парабельского памятника из наследия Р.А. Ураева // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003. – С. 113–116.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных хантов в начале XXI века: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск: б/и, 2016. – 300 с.

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. – № 21. – М., 1951. – С.182–243.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: культовые места, XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Григоровский Н. Описание васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. – Кн. 6. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1884. – С. 1–68.

Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследования планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. – Салехард: ГУ ЯНАО «Северное издательство», 2012. – 59 с.

Древние и современные культовые места Алтая / Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 2. – Барнаул: Печатная компания АРТИКА, 2011. – 124 с.

Ефремова Н.С. Культовые комплексы Северной Азии: производственные, поселенческие, погребальные // Уральский исторический вестник. – № 4 (53). – 2016. – С. 25–32.

Ефремова Н.С., Молодин В.И. Разновидности ритуальных памятников на юге Западносибирской равнины (неолит – позднее средневековье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018.– Т. XXIV. – С. 246–250.

Изосимов Д.А. Культовые памятники населения горно-лесной полосы среднего Предуралья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 26 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Спиридонов И.А. Святилище первых металлургов Среднего Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 214 с.

Косинцев П.А. Костные остатки из средневековых святилищ Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-т, 1985. – С. 76–78.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – 264 с.

Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2004. – 429 с.

Лобанова Т.В., Кардаш О.В. Костные остатки животных в ритуально-обрядовых комплексах Городка Монкысь урий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – № 2. – С. 140–148.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 102 с., 229 рис.

Мартынова Г.С., Мартынов А.И. К вопросу о культурных центрах и святилищах в археологии Сибири // Религиозные представления в первобытном обществе. – М.: ИНИОН, 1987. – С. 190 – 191.

Методика исследования культовых комплексов / Алтай на перекрестке времен и смыслов. Вып. 3. – Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012. – 144 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 2. – С. 25–36.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – Ч. 3. – Половина.1. – СПб: при Императ. Акад. наук, 1788. – 624 с.

Панкратова Л.В. Запечатленные в бронзе образы Саровского культового комплекса: реконструкция семантики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 82–91.

Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург–Сургут: Магеллан, 2007. – С. 197–223.

Потемкина Т.М. Святилища эпохи энеолита и бронзового века Тоболо-Иртышья (сравнительный анализ) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 50–52.

Сериков Ю.Б. Древние святилища Тагильского края. – Нижний Тагил: Нижнетагильский гос. соц.-пед. инст-т (филиал), Российский гос. проф.-пед. ун-т, 2017. – 464 с.

Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: Аква Пресс, 2003. – С. 73–82.

Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. УОЛЕ. – Екатеринбург, 1880. – Т. 6. – Вып. 1. – Ч. 1–31.

Теплоухов Ф.А. Древности, найденные в Чаньвенской пещере Соликамского уезда // Пермский край. – Т. III. – Пермь: Пермский ГСК, 1895. – С. 51–64.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 202 с.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего Средневековья. — Новосибирск: Наука, 1994. — 150 с.

Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1882. – 578 с.

Чемякина М.А. Диагностика культовых комплексов Барабинской лесостепи геофизическими методами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Том 9, вып. 3: Археология и этнография. – С. 74–84.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья / МИА. – № 35. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 360 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991. – 184 с.

Чиндина Л.А. Новые данные о сакральной первооснове и функциональной специфике Кулайского святилища // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003. – С. 106–112.

Чиндина Л.А. О древних западносибирских святилищах // Религиозные представления в первобытном обществе. М.: Наука, 1987. – С. 209–212.

Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1993. – С. 152–162.

Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1932. – 43 с.

Шорин А.Ф. Кокшаровский холм: основания и возможности археолого-исторической реконструкции // Северный археологический конгресс. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. – С. 266–275.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам. Саровское культовое место. – Томск: Изд-во Томс. гос. ун-та, 2001. – 274 с.

References

Adaev V.N. Sacralization of Space as the Current Process in the Culture of the Khanty Migrated from the Yugan-River. In *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2013, vol. 12, iss. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 296–301. (In Russ.). URL: https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/2528407e02493f6a8bcfa28ca0595d37.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Altai sakral'nyi: kul'tovye i arkheoastronomicheskie smysly svyatilishch (Altai na perekrestke vremen i smyslov. Iss. 1). Barnaul: Zhernosenko S.S. Publ., 2010, 144 p. (In Russ.).

Bader O.N. Zhertvennoe mesto pod Pisanym kamnem na r. Vishere. In *Sovetskaya arkheologiya*. 1954, iss. XXI, pp. 241–258. (In Russ.). URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_sov_archaeology/1954_sbornik21.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya. Yekaterinburg–Surgut: Ural'skoe izdatel'stvo, 2008, 300 p. (In Russ.).

Barsukov E.V. K istorii traktovki Parabel'skogo pamyatnika iz naslediya R.A. Uraeva. In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotaezhnoi zone Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2003, pp. 113–116. (In Russ.).

Baulo A.V. Svyashchennye mesta i atributy severnykh khantov v nachale XXI veka: Etnograficheskii al'bom. Khanty-Mansiisk: [s.n.], 2016, 300 p. (In Russ.).

Bers E.M. Arkheologicheskaya karta g. Sverdlovska i ego okrestnostei. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. Moscow, 1951, No. 21, pp.182–243. (In Russ.). URL: https://www.archaeolog.ru/media/series/mia/%D0%9C%D0%98%D0%90-21.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Finsh O., Brem A. Puteshestvie v Zapadnuyu Sibir'. Moscow: Tipographia M.N. Lavrova i K°, 1882. 578 p. (In Russ.).

Chemyakina M.A. Diagnostics of cult sites through geophysical methods in the baraba forest-steppe region. In *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2010, vol. 9, Iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–84. (In Russ.). URL: https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/bbae9d33b94f777fe6669ce25e576bb5.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Chernetsov V.N., Moshinskaya V.I., Talitskaya I.A. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. Moscow: AS USSR Publ., 1953, No 35, 360 p. (In Russ.). URL: http://okrlib.ru/ebook/2012-0046.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Chindina L.A. Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (relkinskaya kul'tura). Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1991, 184 p. (In Russ.).

Chindina L.A. Novye dannye o sakral'noi pervoosnove i funktsional'noi spetsifike Kulaiskogo svyatilishcha. In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v yuzhnotaezhnoi zone Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2003, pp. 106–112. (In Russ.).

Chindina L.A. O drevnikh zapadnosibirskikh svyatilishchakh. In *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve*. Moscow: Nauka Publ., 1987, pp. 209–212. (In Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaev A.M. Religiya naroda mansi: kul'tovye mesta, XIX – nachalo XX v. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986, 192 p. (In Russ.).

Grigorovskii N. Opisanie vasyuganskoi tundry. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geographicheskogo obshchestva*. Book 6. Omsk: Tipographia Okruzhnogo Shtaba, 1884, pp. 1–68. (In Russ.).

Gusev A.V., Fedorova N.V. Drevnee svyatilishche Ust'-Polui: konstruktsii, deistviya, artefakty. Itogi issledovaniya planigrafii i stratigrafii pamyatnika: 1935-2012 gg. Salekhard: «Severnoe izdatel'stvo», 2012, 59 p. (In Russ.).

Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya (Altai na perekrestke vremen i smyslov. Iss. 2). Barnaul: Pechatnaya kompaniya ARTIKA, 2011, 124 p.

Efremova N.S. Ritual complexes of northern Eurasia: production, settlement and burial. *Ural historical Journal*, 2016, No. 4 (53), pp. 25–32. (In Russ.). URL: http://uralhist.uran.ru/en/pdf/UIV_4(53)_2016_Efremova.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Efremova N.S., **Molodin V.I.** Ritual Site Varieties in the Southern Part of the Western Siberian Plain (Neolithic – Late Medieval Period). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 246–250. (In Russ.). URL: http://paeas.ru/x/ru/2018/2018_246-250.pdf (Accessed: 26.10.2021)

Izosimov D.A. Kul'tovye pamyatniki naseleniya gornolesnoi polosy srednego Predural'ya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Yekaterinburg, 2007, 26 p. (In Russ.).

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Spiridonov I.A. Svyatilishche pervykh metallurgov Srednego Urala. Yekaterinburg: Ural. Univ Press, 2020, 214 p. (In Russ.). URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85409/1/978-5-7996-2975-5_2020.pdf (Accessed: 26.10.2021).

Kosintsev P.A. Kostnye ostatki iz srednevekovykh svyatilishch Zapadnoi Sibiri. In *Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1985, pp. 76–78. (In Russ.).

Kochmar N.N. Pisanitsy Yakutii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1994, 264 p. (In Russ.).

Kul'tovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004, – 429 p. (In Russ.).

Lobanova T.V., Kardash O.V. Animal Bones in Ritual Accumulations at Monkys Uriy. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2018, No. 2, pp. 140–148. (In Russ.).

Mazin A.I. Drevnie svyatilishcha Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 102 p. (In Russ.).

Martynova G.S., Martynov A.I. K voprosu o kul'turnykh tsentrakh i svyatilishchakh v arkheologii Sibiri. In *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshchestve*. Moscow: INION Publ., 1987, pp. 190–191. (In Russ.).

Metodika issledovaniya kul'tovykh kompleksov (Altai na perekrestke vremen i smyslov. Iss. 3). Barnaul: OOO «Pyat' plyus», 2012, 144 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S. Grot Kuilyu – kul'tovyi kompleks na reke Kucherle (Gornyi Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 264 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Koneva L.A., Chemyakina M.A., Stepanenko D.V., Pozdnyakova O.A. Fish Bones in Odino Ritual Complexes at Preobrazhenka-6, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2012, No. 2, pp. 25–36. (In Russ.).

Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva. – Pt. 3. Polovina.1. St.Petersburg: pri Imperat. Akad. nauk, 1788, 624 p. (In Russ.).

Pankratova L.V. Images in Bronze from the Sarovka Ritual Complex: Reconstructing Semantics. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, No 1, pp. 82–91. (In Russ.).

Potemkina T.M. Drevnie svyatilishcha kak istochnik issledovaniya mirovozzrencheskikh traditsii (po materialam Ob'-Irtysh'ya). In *Mif, obryad i ritual'nyi predmet v drevnosti*. Yekaterinburg–Surgut: «Magellan» Publ., 2007, pp. 197–223. (In Russ.).

Potemkina T.M. Svyatilishcha epokhi eneolita i bronzovogo veka Tobolo-Irtysh'ya (sravnitel'nyi analiz). In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: idei, metody, otkrytiya*. Krasnoyarsk: RIO KGPU im. V.P. Astaf'eva Publ., 2005, pp. 50–52. (In Russ.).

Serikov Yu.B. Drevnie svyatilishcha Tagil'skogo kraya. Nizhnii Tagil: Nizhnetagil'skii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii institut (filial) FGAOU VO «Rossiiskii gosudarstvennyj prof.-ped. universitet», 2017, 464 p. (In Russ.).

Serikov Yu.B. Ornamentirovannye nakonechniki strel epokhi mezolita s peshchernogo svyatilishcha na Kamne Dyrovatom (r. Chusovaya). In *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh*. Yekaterinburg: Akva Press Publ., 2003, pp. 73–82. (In Russ..).

Shirin Yu.V. K istorii «kul'tovykh mest» Zapadnoi Sibiri. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1993, pp. 152–162. (In Russ.).

Shmidt A.V. Zhertvennye mesta Kamsko-Ural'skogo kraya. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonom. Izdatel'stvo, 1932, 43 p. (In Russ.).

Shorin A.F. The Koksharovo Mound:Justification and Possibilities for the archaeological historical Reconstruction. In *Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. Yekaterinburg–Khanty-Mansiisk: Akademkniga Publ., 2002, pp. 266–275. (In Russ.).

Teploukhov A.E. O doistoricheskikh zhertvennykh mestakh na Ural'skikh gorakh. In *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. Yekaterinburg, 1880, Vol. 6, Iss. 1, pp. 1–31. (In Russ.).

Teploukhov F.A. Drevnosti, naidennye v Chan'venskoi peshchere Solikamskogo uezda. In *Permskii krai.* Vol. III. Perm': Permskii gubernskii statisticheskii komitet Publ., 1895, pp. 51–64. (In Russ.).

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu kamnya i bronzy. Novosibirsk: Nauka Publ., 1989, 202 p. (In Russ.).

Tivanenko A.V. Drevnie svyatilishcha Vostochnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 150 p. (In Russ.).

Yakovlev Ya.A. Illyustratsii k nenapisannym knigam. Sarovskoe kul'tovoe mesto. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2001, 274 p. (In Russ.).

Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0433-0440
УДК 551.89

С.В. Жилич✉, Н.А. Рудая

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E–mail: snezhy@yandex.ru

Реконструкция палеопожаров Кулундинской степи для последних 3500 лет по данным из донных отложений озера Малое Яровое

В течение нескольких тысячелетий Кулунду населяли народы с различными типами хозяйствования, но палеоэкологический аспект обитания этих народов слабо изучен. Наиболее перспективный источник палеоэкологической информации – это природные архивы озерных отложений. В данной статье представлены первые результаты исследования макроуглей в колонке отложений оз. Малое Яровое. По данным анализа макроуглей реконструирована пожарная обстановка для последних 3,5 тыс. л. и тип топлива для огня (дерево или травы) для каждого периода. Данные о типе и распределении углей по глубине колонки оз. Малого Ярового сопоставлены с палинологическими данными, реконструированным уровнем среднегодовых осадков, реконструкцией растительности, полученными при исследовании этого же керна другими методами. Результаты также сопоставлены с единственной для юга Западной Сибири изученной колонкой макроуглей из оз. Кучук и археологическими данными о типе хозяйствования различных культур, населявших данный район в разные периоды времени. Установлено, что закономерности распределение углей не коррелируют с изменением растительности, слабо положительно коррелируют с уровнем среднегодовых осадков, то есть активность пожаров увеличивается с увеличением уровня осадков. Также выявлена временная связь смены пожарных режимов и типов топлива со сменой типов хозяйствования. С 3,5 до 2,7 тыс. л.н. в период преобладания животноводческого типа хозяйствования активность пожаров была максимальна и горела в основном степь. К концу эпохи бронзы, когда начинает формироваться переход к кочевническому типу хозяйства, интенсивность пожаров снижается и горит в основном лес. После 1,5 тысяч лет назад, когда преобладал кочевнический тип хозяйствования, пожарная активность в районе Малого Ярового резко снижается. Повышение пожарной активности с преобладанием древесных углей в последние 200 лет совпадает по времени с освоением региона русскими переселенцами.

Ключевые слова: *пожары, поздний голоцен, Западная Сибирь*, *климат, растительность.*

S.V. Zhilich✉, N.A. Rudaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E–mail: snezhy@yandex.ru

Reconstruction of Fire Activity in Kulunda Steppe for the Last 3500 Years Based on the Data from the Bottom Sediments of Lake Maloe Yarovoe

For several millennia, Kulunda has been inhabited by the peoples with different types of economy, but the paleoecological aspect of their habitation has remained understudied. The most promising source of paleoecological information is natural archives of lake sediments. This article presents the first results of studying macro-charcoals in the sediment core from Lake Maloe Yarovoe. Fire conditions for the last 3500 years and type of fuel (wood or grasses) are reconstructed for each period, based on macro-charcoal analysis. Data on the type of fuel and distribution of charcoals by depth in the core were compared with palynological data, reconstructed level of mean annual precipitation, and reconstruction of vegetation from the same core obtained by other methods. The results were also compared with another macro-charcoal column from Lake Kuchuk, which was the only researched column for the south of Western Siberia. The results were compared with archaeological data on the type of economy among the different cultures which inhabited the area in various periods. It has been established that

the patterns of coal distribution do not correlate with changes in vegetation and show a weak negative correlation with the level of average annual precipitation, which means that fire activity increased with increased level of precipitation. A temporal connection of change in fire regimes and types of fuel, with change in the types of economy has been observed. From 3500 to 2700 BP, during the prevalence of cattle-breeding type of economy, fire activity was maximal, occurring mainly in the steppe. By the end of the Bronze Age, with the beginning of transition to the nomadic type of economy, intensity of fires decreased, and forest began to be burned. After 1500 BP, when the nomadic type of economy prevailed, fire activity in the area of Lake Maloe Yarovoe sharply decreased. The increase in fire activity with predominance of wood charcoals in the last 200 years coincided with exploration of the region by the Russian settlers.

Keywords: *fires, Late Holocene, Western Siberia, climate, vegetation.*

Введение

Кулундинская степь является переходной зоной между тайгой на юге Западной Сибири и засушливыми степями и пустынями Центральной Азии (рис. 1). На протяжении нескольких тысячелетий здесь жили разные народы с разным хозяйственным укладом [Кирюшин, Тишкин, 1997; Кирюшин и др., 2010; Редников, 2010]. На этих равнинных территориях расположено множество озер, часть из которых имеют достаточно долгую историю существования и являются природными архивами изменений климата, растительности и экологической обстановки в районе каждого отдельного озера. Исследования озерных палеозаписей позволяют реконструировать изменение природных обстановок голоцена, тем самым давая дополнительную информацию для понимания контекста бытования культур в разные периоды времени.

В Кулундинской степи комплексно исследованы озера Большое Яровое [Rudaya et al., 2012], Кучук и Малое Яровое [Rudaya et al., 2020]. Основной метод исследования этих озер – палинологический; по данным анализа пыльцы реконструированы растительность и климат. Также использовались другие биоиндикаторные методы – диатомовый и хирономидный анализы, позволяющие реконструировать температуру и соленость воды, а также спектр геологических методов.

Кроме пыльцы и спор растений в озерных отложениях хорошо сохраняются угольные частицы, образовавшиеся в результате горения деревьев, ку-

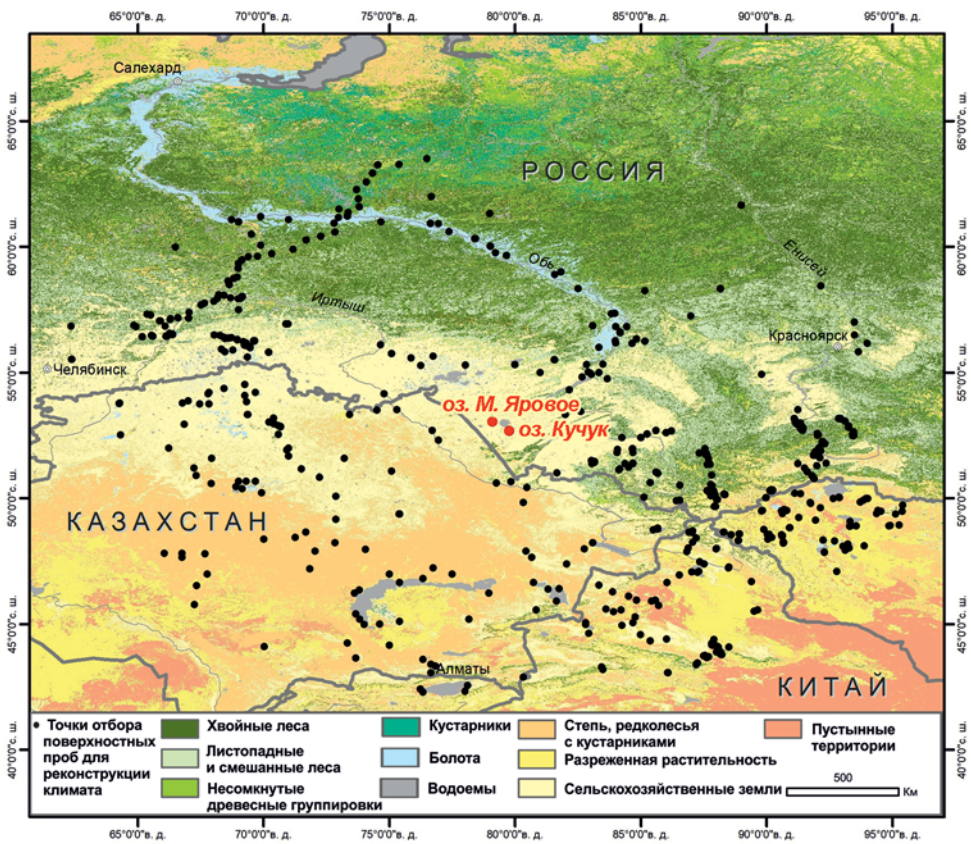

Рис. 1. Карта расположения озер Малое Яровое и Кучук.

старников и трав. Частицы подсчитывают в разных размерных классах, говорящих о дальности пожара от озера, его интенсивности, определяют морфотип угля (древесный, травянистый). Эти данные обрабатывают статистически для реконструкции интенсивности, дальности и вида топлива для пожаров в разные периоды времени. Сопоставляя полученные данные с реконструкцией изменения растительности и климата, можно судить о зависимости интенсивности и частоты пожаров от этих показателей, делать выводы о возможных антропогенных причинах возгорания.

Метод исследования палеопожаров широко применяется по всему миру [Hawthorne, Mitchell, 2016; Unkelbach, Dulamsuren, Behling, 2021 и др.], в том числе и для доказательства связи исчезновения лесов с деятельностью человека [Asouti, 2003]. На юге Западной Сибири метод впервые был применен к озерным отложениям оз. Кучук [Rudaya et al., 2020].

Настоящее исследование посвящено изучению макроуглей в отложениях оз. Малое Яровое, которое расположено в Кулундинской низменности Алтайского края. Климат низменности континентальный; среднегодовая температура около 0 °С; среднегодовое количество осадков не превышает 360 мм; большая часть осадков выпадает летом [Rudaya et al., 2012]. Современная растительность в районе озера характеризуется высоким разнообразием [Королюк, Смоленцев, Лащинский, 2008, с. 81–84]. Здесь представлены такие типы растительности, как степи, луга, леса и кустарники, галофитная и водно-болотная растительность. Из-за близкого залегания грунтовых вод на территории Кулундинской равнины развиты засоленные сообщества – солонцеватые степи и ценозы на солонцах. Реликтовые ленточные боры протягиваются с юго-запада на северо-восток на северной границе Кулунды по песчаным массивам Обь-Иртышского междуречья. Благодаря сочетанию многих факторов (экологические, экономические и климатические), эти боры и сейчас и в прошлом имели большое значение для человека. История их появления и развития дискуссионна. В настоящее время боры страдают от вырубок и пожаров. Изучение угольков из отложений оз. Малое Яровое позволит реконструировать пожарную обстановку в районе озера в течение его существования и установить вид топлива для пожаров.

Малое Яровое озеро (53,03 с.ш., 79,11 в.д., 96 м н.у.м.) – бессточное, содовое; имеет площадь 35 км^2 и максимальная глубину 5 м; соленость воды от 180 до 280 г/л. Керн *MYr*, полученный из озера, датирован радиоуглеродным методом и, в соответствии с построенной возрастной моделью, охватывает последние 13 тысяч лет [Rudaya et al., 2020].

Методы

Проведен анализ макроугольков 50 образцов из керна *MYr*, отобранных с шагом 2 см до глубины 100 см. Образцы на анализ отбирались навесками по 1 г. В пробирках объемом 50 мл обрабатывались гипохлоридом нартия (NaClO) в течение 48 часов, затем были последовательно проситованы на ситах с размером ячейки 500, 300 и 150 мкм. Содержимое образца, оставшееся на ситах, было отдельно перенесено в чашки Петри и исследовалось под стереомикроскопом Zeiss Stemi 508 с увеличением 10–50 раз. Содержимое разных размерных классов (более 500 мкм, 300–500 мкм и 150–300 мкм) изучалось отдельно, так как угли меньшего размера могут переноситься на большие расстояния (вода, ветер и т.д.), а крупные, в основном, образуются на месте. Каждый обнаруженный уголь определялся до морфотипа, который связан с типом исходного топлива (дерево, трава, листья, корни и т.д.) в соответствии с широко используемыми методиками [Enache, Cumming, 2007; Jensen et al., 2007; Courtney-Mustaphi, Pisaric, 2014; Feurdean et al., 2017]. Результаты представлены на диаграмме в единицах измерения шт/год (рис. 2, *А–Б*).

Результаты и интерпретация

Согласно построенной возрастной модели [Rudaya et al., 2020], глубина нижнего образца 100 см соответствует возрасту 3,5 тыс. л.н. На рис. 2 представлено распределение угольных частиц (рис. 2, *А*) по размерным классам, отражающими дальность пожара от озера: частицы наименьшего размера (300–150 мкм) отражают дальние пожары, а крупные частицы (более 500 мкм) – пожары в непосредственной близости от озера. На рис. 2 (*Б*) отражено распределение углей по типу исходного сырья – деревья и травы.

Период 3,5–1,5 тыс. л. характеризуется большей пожарной активностью в районе, чем в последующие периоды. Максимальная интенсивность пожаров – с 3,5 до 2 тыс. л.н. В это время пожары происходят и в непосредственной близости от озера, и на расстоянии от него. С 2 до 1,5 тыс. л.н. пожары происходят, в основном, в отдалении от озера; после 1,5 тыс. л.н. интенсивность пожаров резко снижается, но начиная с 1 тыс. л. постепенно возрастает и достигает локального максимума в последние 200 лет.

По распределению углей по типу топлива (рис. 2, *Б*) видно, что в период с 3,5 до 2,2 тыс. л.н. интенсивно горели и леса и степи, но степных пожаров было больше. После 2,2 и до 1,5 тыс. л.н. интенсивность снижается и основным топливом

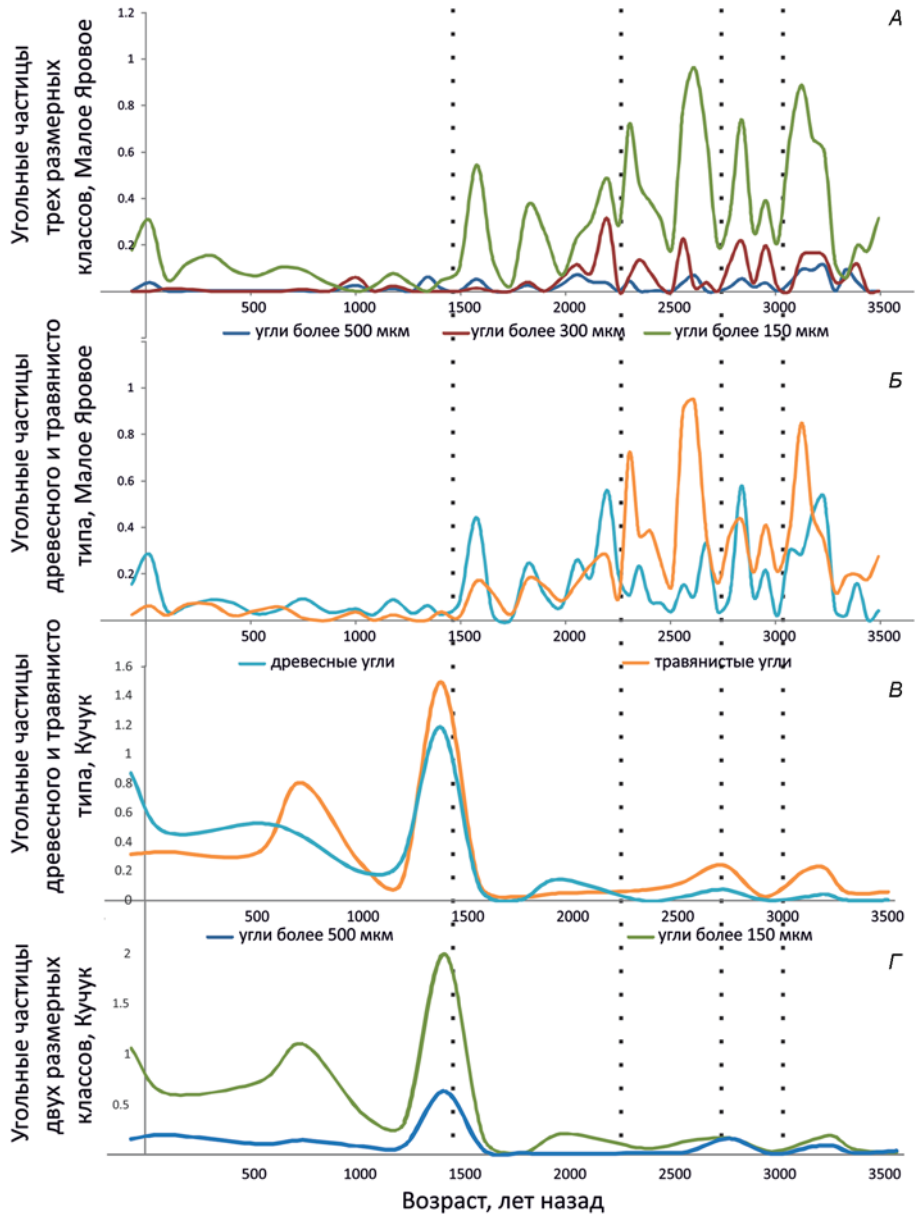

Рис. 2. Диаграмма распределения угольных частиц разного размера и разных морфотипов по глубине колонок озер Малое Яровое (*А, Б*) и Кучук (*В, Г*) в соответствии с возрастными моделями.

становятся леса. После 1,5 тыс. л. на фоне низкой интенсивности пожаров горят в основном леса. Пик, наблюдающийся в последние 200 лет, также сформирован древесными углями.

Сопоставление ранее опубликованных по оз. Малое Яровое данных палинологического анализа и, основанных на них реконструкциях среднегодового уровня осадков и доминирующих типов растительности [Rudaya et al., 2020] с нашими данными анализа макроуглей приведено на рис. 3.

Наибольшие скорости накопления угольных частиц, отражающие наибольшую пожарную активность, приходятся на периоды с высоким уровнем осадков (рис. 3, *В*), и, напротив, в периоды снижения осадков пожарная активность также снижается. Природные пожары связаны, в основном, с длительными засухами в летние периоды [Беспалов, 2013], таким образом, естественная пожарная активность должна в среднем снижаться при увеличении уровня осадков. Однако причинами увеличения частоты пожаров при повышении количества осадков может быть увеличение общей массы растительного топлива в ответ на повышение общей увлажненности или усиление стока в озера при повышении осадков, который приносил большее количество материала с водосбора, в том числе и углей.

По данным реконструкции биомов (рис. 3, *Г*), в течение всего периода максимальной пожарной

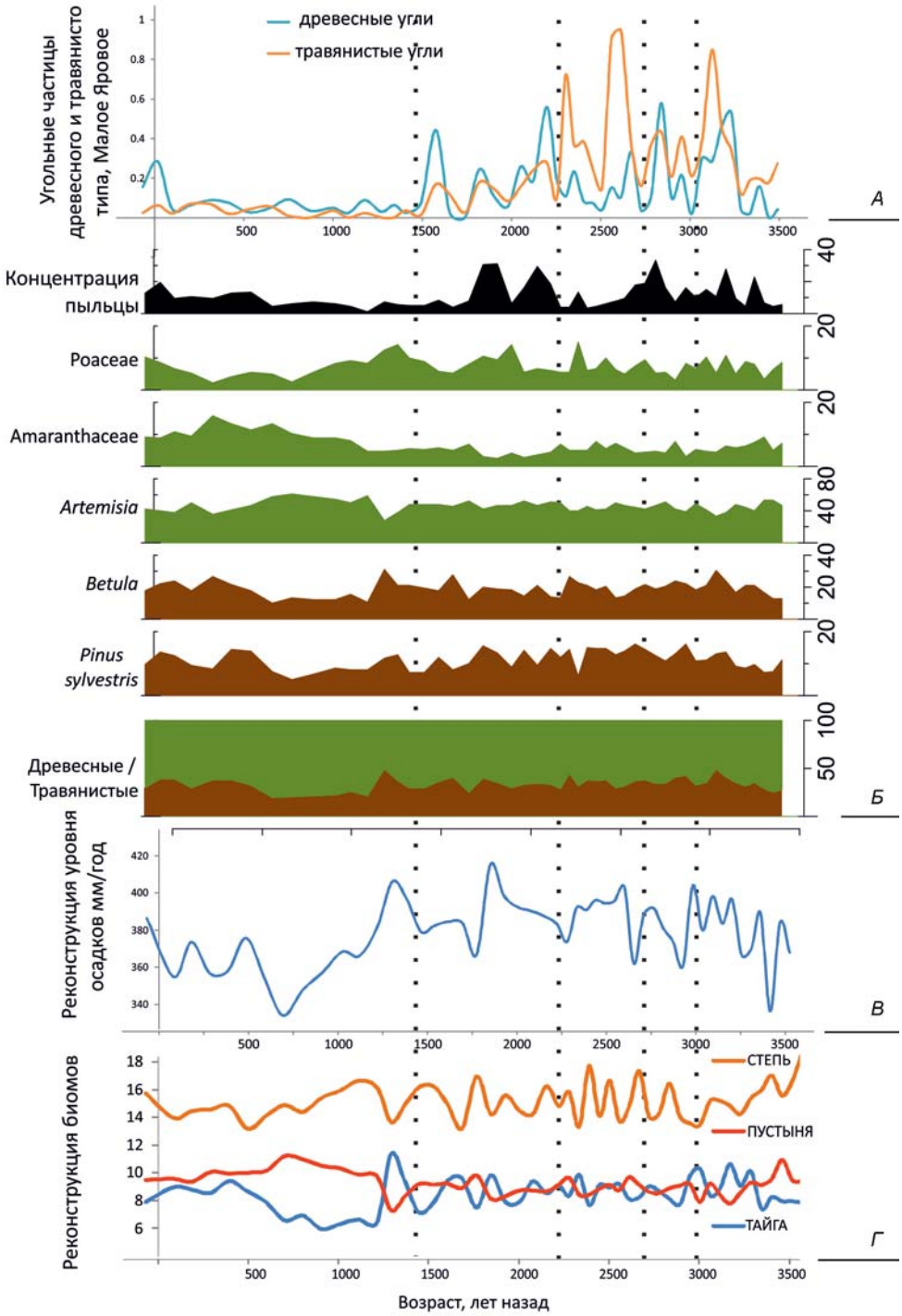

Рис. 3. Сопоставление данных анализа макроуглей (*А*), палинологических данных (*Б*) и реконструкций среднегодового уровня осадков (*В*) и доминирующих типов растительности (*Г*) из отложений озера Малое Яровое.

активности вплоть до 1500 лет назад доминирующим биомом была степь, а биом тайги оставался примерно равным по баллам биому пустыни, однако интенсивность пожаров с топливом в виде трав или деревьев значительно менялась. В период 3,5–2,2 тыс. л.н. горели в большей степени травы (степные пожары), а после этого времени основным видом топлива для пожаров были древесные растения. После 1,5 тыс. л.н., когда интенсивность пожаров значительно снизилась, основным видом топлива стали древесные растения, несмотря на то, что баллы биома тайги были невысокими, что должно отражать большую удаленность массивов леса и меньшую доступность древесины для локальных пожаров. Частично эти данные совпадают с распределением макроуглей по размерным клас-

сам. Так после 1,5 тыс. л.н. основная часть углей была представлена наименьшим размерным классом и могла переноситься ветром на значительные расстояния, что говорит о том, что леса горели на расстоянии от озера.

Приведенные палинологические данные (рис 3, *Б*) также не показывают явной корреляции с распределением макроуглей древесного и травянистого типа, только после 1,5 тыс. л.н., когда доля пыльцы древесных растений снижается, снижается и интенсивность древесных пожаров. Визуально кривая концентрации пыльцы коррелирует с пиками пожарной активности; концентрация пыльцы выше в периоды наибольшей активности. Интересно, что такая же корреляция реконструируемой пожарной активности и концентрации пыльцы наблюдается в осадках оз. Кучук.

Имеющиеся данные анализа макроугольков из отложений оз. Кучук [Rudaya et al., 2020] отличаются по амплитуде показателей скорости накопления угольных частиц, что связано, вероятно, с более низкой частотой отбора образцов и большим объемом проб. В целом совпадают тенденции в реконструкции основных видов топлива в разные периоды, но противоположны периоды максимальной пожарной активности, что может быть связано с тем, что до 1,5 тыс. л.н. пожары были ближе к оз. Малое Яровое, а после 1,5 тыс. л.н. ближе к оз. Кучук. Обобщая данные, авторы реконструкции приходят к выводу о ведущей деятельности человека в усилении пожарной активности в районе исследования [Rudaya et al., 2020].

По данным исследования многочисленных археологических памятников в лесостепной зоне Западной Сибири, палеоботанические и археологические свидетельства земледелия обнаруживаются, начиная с 3–4 тыс. л.н. [Рябогина, Иванов 2011]. Развитие земледелия и животноводства могло влиять на частоту и интенсивность пожаров, если население использовало огонь для расчистки полей от леса или выжигания пастбищ для повышения их плодородия. По находкам на памятниках, находящимся в Кулунде, реконструирована хозяйственная деятельность человека в данном районе и при сопоставлении ее с распределением макроуглей из оз. Малое Яровое, выявляются некоторые закономерности, заключающиеся в изменении интенсивности пожаров и вида топлива при смене типа хозяйствования. Так с 3,7–2,7 тыс. л.н. по территории Обь-Иртышского междуречья с территории центрального Казахстана расселились представители андроновской культуры, чье хозяйство было связано с животноводством при выраженном преобладании крупного рогатого скота. В этот период пожарная активность максимальна, и горит, в основном, степь. К концу эпохи бронзы начинает формироваться переход к кочевническому типу хозяйства, меняется состава стада в сторону увеличения доли малого рогатого скота и лошадей [Кирюшин и др., 2010]. В это время интенсивность пожаров снижается, и горит, в основном, лес. К 1,5 тыс. л.н. происходит полный переход на кочевнический тип хозяйствования [Там же] и с этого времени пожарная активность в районе Малого Ярового резко снижается.

Со второй половины I тыс. н.э. на исследуемой территории распространяется влияние тюркской культуры, а с первой половины 13 в. территория находится под монгольским влиянием. Активность пожаров в это время невысокая, в качестве топлива преобладает дерево. Кочевнический уклад практически в неизменном виде существовал вплоть до начала активного экономического освоения региона русскими переселенцами в XVIII–XIX вв. [Тишкин, 2007]. С рубежа XIX и XX в. значительные массы крестьян начинали селиться в степной Кулунде [Булыгин, 1991], выжигая леса для освобождения полей под пашни [Харитоненков, 2017]. В целом развитие производства и сельского хозяйства могло вызвать современное обезлесение и деградацию земель Кулунды, наблюдающееся по данным всех палинологических исследований Барабы и Кулунды. В распределении макроуглей из оз. Малое Яровое эти явление отражены в виде пика древесных углей в самой верхней части записи, говорящей об усилении пожарной активности в данный период.

Заключение

Получена высокоразрешающая реконструкция пожарной активности за последние 3,5 тыс л. в районе оз. Малое Яровое. Сопоставление полученных данных с результатами других методов исследования, показало, что распределение углей по глубине колонки донных отложений и по типам топлива (древесные/травянистые) и по размерным классам слабо или не коррелируют с реконструируемыми природными факторами. Частично распределение связано положительной корреляцией с уровнем осадков, что может быть связано с увеличением поверхностного стока в озеро вследствие повышения количества осадков, приносящего больше осадочного материала, в т.ч. и углей. Распределение углей, в целом, коррелирует со сменой типов хозяйствования культур населяющих данную территорию в течение последних 3,5 тыс. л. Вероятно, некоторые культуры больше использовали огонь в хозяйстве, чем другие, являясь причиной повышенной частоты пожаров. Дальнейшие исследования позволят глубже изучить этот вопрос.

Список литературы

Беспалов С.В. Оценка влияния осадков на площадную горимость территорий при природных пожарах // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2013. – Т. 2. – С. 14–17.

Булыгин Ю.С. Первые русские поселения на Алтае // Алтайский сборник. – Барнаул, 1991. – Вып. 14. – С. 10 – 23.

Кирюшин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Федорук А.С. Вопросы хозяйственной деятельности населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 122 – 128.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время (отв. ред. Молодин В.И.). – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – 232 с.

Королюк А.Ю., Смоленцев Б.А., Лащинский Н.Н. Почвенно-растительный покров при озерной равнины Кулундинского озера // Растительный мир Азиатской России. – 2008. – №. 2. – С. 80–88.

Редников А.А. Ранний бронзовый век на территории Кулундинской равнины Алтайского края // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сб. науч. тр. – Барнаул: Слово, 2010. – С. 38 – 49.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов //Археология, антропология и этнография Евразии. – 2011. – №. 4. – С. 96–106.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – 356 с.

Харитоненков М.А. История лесов Среднего Приртышья в железном веке (2500 ЛН-современность) // Russian Journal of Ecosystem Ecology. – 2017. – V. 2(4).

Asouti E. Woodland vegetation and fuel exploitation at the prehistoric campsite of Pınarbaşı, south-central Anatolia, Turkey: the evidence from the wood charcoal macroremains // Journal of Archaeological Science. – 2003. – V. 30(9). – P. 1185–1201.

Courtney-Mustaphi C.J., Pisaric M.F. A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments // Prog. Phys. Geogr. – 2014. – V. 38. – P. 734–754.

Enache M.D., Cumming B.F. Charcoal morphotypes in lake sediments from British Columbia (Canada): an assessment of their utility for the reconstruction of past fire and precipitation // Journal of Paleolimnology. – 2007. – V. 38. – P. 347 – 363.

Feurdean A., Veski S., Florescu G., Vannière B., Pfeiffer M., O'Hara R. B., Stivrins N., Amon L., Heinsalu A., Vassiljev J., Hickler T. Broadleaf deciduous forest counterbalanced the direct effect of climate on Holocene fire regime in hemiboreal/boreal region (NE Europe) // Quaternary Science Reviews. – 2017. – V. 169. – P. 378–390.

Hawthorne D., Mitchell F.J.G. Identifying past fire regimes throughout the Holocene in Ireland using new and established methods of charcoal analysis // Quaternary Science Reviews. – 2016. – V. 137. – P. 45 – 53.

Jensen K., Lynch E. A., Calcote R., Hotchkiss S.C. Interpretation of charcoal morphotypes in sediments from Ferry Lake, Wisconsin, USA: do different plant fuel sources produce distinctive charcoal morphotypes? // Holocene. – 2007. – V. 17. – P. 907– 915.

Rudaya N., Krivonogov S. , Słowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity // Quaternary Science Reviews. – 2020. – V. 249. – P. 106–616.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid-late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: vegetation, climate and humans // Quaternary Science Reviews. – 2012. – V. 48. – P. 32–42.

Unkelbach J., Dulamsuren C., Behling H. Late Holocene climate and land-use history in the Mongolian Altai Mountains: Combined evidence from palynological, macro-charcoal and tree-ring analyses // Trees, Forests and People. – 2021. – V. 4. – P. 100073.

References

Asouti E. Woodland vegetation and fuel exploitation at the prehistoric campsite of Pınarbaşı, south-central Anatolia, Turkey: the evidence from the wood charcoal macroremains. *Journal of Archaeological Science,* 2003. V. 30(9). P. 1185–1201.

Bespalov S.V. Otsenka vliyaniya osadkov na ploshchadnuyu gorimost' territorii pri prirodnykh pozharakh. *Sovremennye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoi oborony i likvidatsii posledstvii chrezvychainykh situatsii*, 2013, V. 2. P. 14–17. (In Russ.).

Bulygin Yu.S. Pervye russkie poseleniya na Altae. *Altaiskii sbornik*, Barnaul, 1991, iss. 14. P. 10–23. (In Russ.).

Courtney-Mustaphi C.J., Pisaric M.F. A classification for macroscopic charcoal morphologies found in Holocene lacustrine sediments. *Prog. Phys. Geogr.*, 2014. V. 38. P. 734–754.

Enache M.D., Cumming B.F. Charcoal morphotypes in lake sediments from British Columbia (Canada): an assessment of their utility for the reconstruction of past fire and precipitation. *Journal of Paleolimnology*, 2007, V. 38. P. 347–363.

Feurdean A., Veski S., Florescu G., Vannière B., Pfeiffer M., O'Hara R. B., Stivrins N., Amon L., Heinsalu A., Vassiljev J., Hickler T. Broadleaf deciduous

forest counterbalanced the direct effect of climate on Holocene fire regime in hemiboreal/boreal region (NE Europe). *Quaternary Science Reviews*, 2017. V. 169. P. 378–390.

Hawthorne D., Mitchell F.J.G. Identifying past fire regimes throughout the Holocene in Ireland using new and established methods of charcoal analysis. *Quaternary Science Reviews*, 2016. V. 137. P. 45–53.

Jensen K., Lynch E. A., Calcote R., Hotchkiss S.C. Interpretation of charcoal morphotypes in sediments from Ferry Lake, Wisconsin, USA: do different plant fuel sources produce distinctive charcoal morphotypes?. *Holocene*, 2007, V. 17. P. 907– 915.

Kharitonenkov M.A. Istoriya lesov Srednego Priirtysh'ya v zheleznom veke (2500 LN-sovremennost'). *Russian Journal of Ecosystem Ecology*, 2017. V. 2(4). P. 1-53 (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Kosintsev P.A., Papin D.V., Fedoruk A.S. Voprosy khozyaistvennoi deyatel'nosti naseleniya stepnogo Ob'-Irtysh'ya v epokhu pozdnei bronzy. *Khozyaistvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy*: sbornik nauchnih trudov, Barnaul: Slovo, 2010. P. 122–128. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Tishkin A.A. Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Pt. 1: Kul'tura naseleniya v ranneskifskoe vremya (otv. red. Molodin V.I.). Barnaul: Izd-tvo AGU, 1997, 232 p. (In Russ.).

Koroljuk A.Ju., Smolencev B.A., Lashhinskij N.N. Pochvenno-rastitel'nyj pokrov priozernoj ravniny Kulundinskogo ozera. *Rastitel'nyj mir Aziatskoj Rossii*, 2008, V. 2. P. 80–88. (In Russ.).

Rednikov A.A. Rannii bronzovyi vek na territorii Kulundinskoi ravniny Altaiskogo kraya. *Khozyaistvenno-kul'turnye traditsii Altaya v epokhu bronzy*: sbornik nauchnih trudov, Barnaul:Slovo, 2010. P. 38–49. (In Russ.).

Rudaya N., Krivonogov S. , Słowinski M., Cao X., Zhilich S. Postglacial history of the Steppe Altai: Climate, fire and plant diversity. *Quaternary Science Reviews*, 2020, V. 249. P. 106–616.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid-late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: vegetation, climate and humans. *Quaternary Science Reviews*, 2012, V. 48. P. 32–42.

Ryabogina N.E., Ivanov S.N. Ancient Agriculture in Western Siberia: Problems of Argumentation, Paleoethnobotanic Methods, and Analysis of Data. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia,* 2011. V. 4, P. 96–106.

Tishkin A.A. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya. Barnaul: Aitai State Univ. Press, 2007, 356 p.

Unkelbach J., Dulamsuren C., Behling H. Late Holocene climate and land-use history in the Mongolian Altai Mountains: Combined evidence from palynological, macro-charcoal and tree-ring analyses. *Trees, Forests and People*, 2021. V. 4. P. 100073.

Жилич С.В. https://orcid.org/0000–0002–0365–0602
Рудая Н.А. https://orcid.org/0000–0003–1536–6470

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0441-0447
УДК 902/904

В.Н. Зенин, С.П. Нестеров✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, РФ
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Артефакты эпохи палеометалла с памятника Усть-Ульма III в Амурской области

В 1980-е гг. в Мазановском р-не Амурской обл., в устье р. Ульмы, впадающей в р. Селемджу с левой стороны, исследованы три памятника Усть-Ульма I–III. В своей основе их материалы представляют позднепалеолитическую селемджинскую культуру. Однако верхний культурный слой этих стоянок содержит как материалы неолитического времени (Усть-Ульма I), так и артефакты эпохи палеометалла. Большая их часть происходит, в основном, с памятника Усть-Ульма III. Здесь во время раскопок обнаружены фрагменты керамики различного времени, изделие из бронзы и каменные орудия. Их изучение показало, что они принадлежат к двум эпохам палеометалла. Однозначно определяются фрагменты венчиков урильской, талаканской культур раннего железного века, а также михайловской культуры раннего Средневековья. Находок урильской керамики немного, но на рядом расположенном памятнике Усть-Ульма I, был найден бронзовый нож оригинальной формы этой же культуры. Наибольшее количество фрагментов керамики, а также бронзовое украшение и каменное лощило оригинальной формы определенно увязываются с талаканской культурой. По количеству различающихся фрагментов керамики михайловской культуры удалось установить, что они принадлежат примерно десяти сосудам, однако самих фрагментов этой культуры на раскопанном участке немного. Введение в научный оборот данной небольшой коллекции керамики позволяет нанести на археологическую карту Амурской обл. еще одну точку местонахождения урильской, талаканской и михайловской культур. Кроме того, на расположенном рядом памятнике Усть-Ульма I присутствуют материалы поздненеолитической осиноозёрской культуры.

Ключевые слова: *палеометалл, керамика, Усть-Ульма, Амурская обл., урильская, талаканская михайловская культуры.*

V.N. Zenin, S.P. Nesterov✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Artifacts of the Paleometal Age from the Ust-Ulma III Site in Amur Region

Three sites of Ust-Ulma I–III were explored in the 1980s in the Mazanovsky District of Amur Region, at the mouth of the Ulma River which flows into the Selemdzha River, on its left side. Essentially, the evidence from these sites represents the Late Paleolithic Selemdzha culture. However, the upper cultural layer at these sites contained the evidence both from the Neolithic (Ust-Ulma I) and the Paleometal Age. Most of the artifacts, including pottery fragments of different periods, bronze objects, and stone tools come from the Ust-Ulma III site. Their study has shown that they belonged to two periods of the Paleometal Age. Fragments of vessel rims of the Uril and Talakan cultures of the Early Iron Age, as well as Mikhailovka culture of the Early Middle Ages have been unambiguously identified. There were a few finds of the Uril pottery, but a bronze knife of distinctive shape belonging to this culture was discovered at the nearby Ust-Ulma I site. The largest number of pottery fragments, one bronze adornment, and one stone polished tool of distinctive shape are definitely associated with the Talakan culture. Different pottery fragments of the Mikhailovka culture have revealed that they belonged to about ten vessels; however, there were not many fragments belonging to this culture at the excavated site. Introduction of this small pottery collection into scholarly use has made it possible to place one more location of the Uril, Talakan and Mikhailovka cultures on the archaeological map of Amur Region. In addition, the evidence of the Late Neolithic Osinoozersk culture was present at the nearby Ust-Ulma I site.

Keywords: *Paleometal Age, Ust-Ulma pottery, Amur Region, the Uril, Talakan, and Mikhailovka cultures.*

Введение

В 1986 г. на левой стрелке при впадении р. Ульмы в р. Селемджу (рис. 1, *1, 2*), на второй надпойменной террасе аллювиального генезиса в разведочном шурфе на глубине до 20 см от современной поверхности были обнаружены два фрагмента тонкостенной, хорошо обожженной керамики светло-коричневого цвета. Один из них с вафельным орнаментом, другой – гладкостенный с просверленным коническим отверстием.

Ниже в шурфе на глубине 100–250 см найдены каменные скребки, отщепы и пластины с ретушью. Изделия по облику и технике исполнения относятся к раннеголоценовому времени. В целом археологические материалы из шурфа и условия их залегания засвидетельствовали об их культурно-хронологическом различии и многослойности памятника Усть-Ульма III.

В 1988 г. вокруг шурфа была исследована площадка в 88 м^2 (рис. 1, *5*), раскопки на которой позволили уточнить стратиграфическую ситуацию

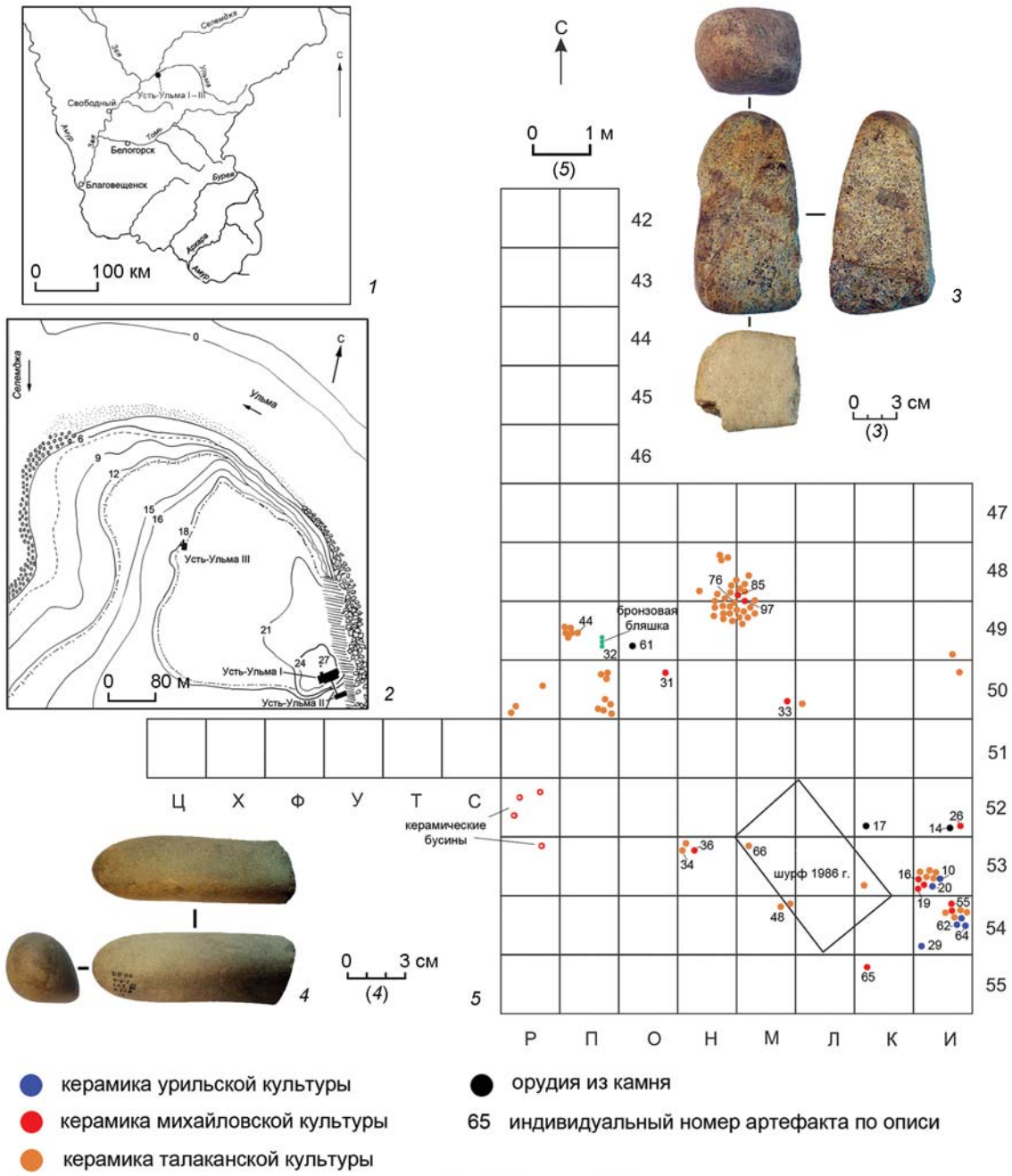

Рис. 1. Карта южной части Амурской области (*1*), топографический план левого берега устья р. Ульмы и местонахождения археологических памятников Усть-Ульма I–III (*2*); 3 – пест; *4* – лощило; *5* – план раскопа на стоянке Усть-Ульма III (*5*). Рисунок (*1*), фото (*3, 4*) – С.П. Нестерова; рисунки (*2, 3*) – В.Н. Зенина.

залегания семи литологических слоев на данном участке террасы, выяснить условия залегания находок и определить характер культурных слоев [Деревянко А.П., Зенин, 1995, с. 54–56]. Находки культурного слоя 1 располагались в кровле подзолистой супеси. Они представлены 90 фрагментами керамики, четырьмя керамическими бусинами, бронзовой бляшкой и тремя каменными орудиями на гальках. Предварительно данная коллекция была отнесена к раннему железному веку без определения культурной принадлежности [Там же, с. 56].

Основной задачей данной статьи является культурно-хронологическая атрибуция этих артефактов.

Культурно-хронологическая характеристика предметов

Из всей совокупности коллекции фрагментов керамики были отобраны венчики сосудов и части стенок с орнаментом и без него, а также обломки с отверстиями (всего 20 ед.). Их изучение показало, что они относятся к двум культурно-хронологическим периодам: к раннему железному веку (урильская, талаканская культуры) и к раннему Средневековью (михайловская культура).

К *урильской культуре* (конец XI – II в. до н.э.) отнесены три фрагмента венчиков (один с частью горловины) (рис. 2, *1–3*) и два обломка тулова (рис. 2, *4, 11*). Характерными признаками этой керамики являются некоторые морфологические особенности и орнамент. К первым относится срез венчика во внешнюю сторону, отсутствие под краем венчика валика и наличие валика на переходе от тулова к венчику (рис. 2, *1*). Присутствующий на внешней поверхности и фрагментах венчиков и тулова вафельный орнамент был известен населению урильской культуры, начиная с ее раннего этапа. По мнению исследователей, он наносился роликовым штампом [Деревянко Е.И., Гребенщиков, 2001, с. 53]. Так, на памятнике Букинский Ключ-1 на р. Бурее, в раннем слое 5.1 урильской культуры обнаружен археологически целый сосуд, поверхность которого полностью покрыта вафельными отпечатками [Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 35, рис. 15]. Присутствуют фрагменты урильской керамики с вафельным орнаментом и на многослойном памятнике Сухие Протоки-2, где урильский слой датируется XI – началом VIII в. до н.э. [Древности Буреи, 2000, с. 97; с. 251, рис. 22, *6*; с. 252, рис. 23, *1*; с. 256, рис. 27 и др.]. Еще одной особенностью посуды урильской культуры было нанесение гончарами различных вдавлений по срезу венчика [Деревянко Е.И., Гребенщиков, 2001, с. 81, табл. II, *1, 3. 4, 13* с. 84, табл., V, *15* и др.]. В усть-ульминской коллекции на срезе венчика обломка урильского сосуда присутствуют нерегулярные отпечатки зубчатого штампа (рис. 2, *3*).

В раскопе фрагменты урильской керамики, судя по венчикам, минимум от трех сосудов, найдены в кв. И53 и И54 (см. рис. 1, *5*). Возможно, еще некоторая часть гладкостенных фрагментов керамики может быть отнесена к этой культуре, однако однозначно они не определяются.

Артефакты *талаканской культуры* (II в. до н.э. – III в н.э.). Фрагментов керамики этой культуры в раскопе обнаружено больше всего, в том числе и в шурфе 1986 г. (рис. 1, *5*) В кв. П49 лежали шесть фрагментов от одного сосуда: три венчика, два горловины и одно тулово (толщина 3,5 мм). Под краем венчиков располагается лента-валик, по которому нанесены косые насечки направленные. На внешнем краю венчика имеется наплыв, который впервые в Западном Приамурье появляется на сосудах талаканской культуры (рис. 2, *5*) [Мыльникова, 2002].

Десять фрагментов тулова без орнамента встречено в соседних квадратах Р50 и П50. В четырех смежных квадратах М48, М49, Н48, Н49 найдено скопление из 25 обломков неорнаментированных стенок сосудов толщиной 3–4 мм. На двух из них, просверлены отверстия (рис. 2, *6*). Еще два фрагмента стенок с отверстиями происходят из кв. Н53 (№ 34) и М53 (№ 66) (рис. 2, *7, 10*). На фрагменте тулова из кв. М54 (№ 48) видны следы затертых вафельных отпечатков (рис. 2, *9*). Для горшков талаканской культуры выбивка лопаточкой с вафельными нарезками – это редкий случай. Подобный способ формовки сосуда зафиксирован на памятнике Усть-Талакан на р. Бурее [Древности Буреи, 2000, с. 121; с. 293, рис. 67, 68].

Еще две группы фрагментов от сосудов талаканской культуры найдены в кв. И53 и И54 вместе с керамикой урильской культуры и раннего Средневековья.

Бронзовое украшение, обнаруженное в кв. П49 (№ 32), представляет собой дольчатую бляшку в виде трех полусфер, соединенных между собой небольшими перемычками. На обратной стороне имеется ребро жесткости, по краям которого идет его увеличение по высоте, т.к. здесь расположены две петельки для крепления бляшки к основе. Отверстия петель ок. 1 мм, одно – немного обломано (рис. 2, *8*). Общая длина украшения 16 мм, диаметр составляющих ее полусфер ок. 5 мм.

Аналогичные украшения из бронзы и серебра найдены на памятниках Алексеевский Бугор на Амуре и Прядчино III на Зее. Свидетельством местного производства таких бляшек может служить находка на Алексеевском Бугре каменной плитки с формами для отливки цепочек из круглых бля-

Рис. 2. Фрагменты керамики (*1–7, 9, 11*), бронзовая бляшка (*8*) и лощило (*12*) из слоя I памятника Усть-Ульма III. *1–3* – венчики, *4, 11* – стенки сосудов урильской культуры; *5* – венчик, *6, 7, 9, 10* – стенки сосудов талаканской культуры. Фото С.П. Нестерова, рисунки В.М. Калитенкова.

шек-полусфер [История Сибири, 2019, т. 2, с. 140, рис. 53, *25–27*].

Каменная галька L-образной формы из кв. О49 отнесена к талаканской культуре по условию ее залегания между скоплением талаканской керамики в кв. П49-50 и М-Н-48-49, в том числе недалеко от бронзовой бляшки. Галька имеет естественную окатанную форму, необычность формы которой была использована человеком для приспособления ее двух сторон, предположительно, для лощения (рис. 2, *12*). На этих сторонах видны тонкие разнонаправленные линии. К тому же, галька удобно лежит в руке как при работе торцовой частью, так и при использовании ее боковой поверхности.

Керамические изделия раннесредневековой *михайловской культуры* (III–X вв. н.э.) на памятнике Усть-Ульма III представлены обломками горшков и керамическими бусинами. Большая часть венчиков сосудов является мелкими обломками (рис. 3, *1–4, 7*), и только один более крупный имеет небольшую плавно изогнутую горловину и часть тулова (рис. 3, *6*). У всех фрагментов венчиков под краем подлеплены рассеченные валики, а на внешнем крае имеется наплыв. Нужно заметить, что на внешней поверхности всех венчиков имеются следы вафельных отпечатков, в большей части затертых. Что касается большого фрагмента, то у него вафельный орнамент затерт и на тулове. Как правило, на михайловских сосудах с памятников на р. Бурее, с городища на р. Завитой, с поселения Озеро Долгое и др. эти отпечатки сохранялись, являясь их особенностью [Там же, 2019, т. 2, с. 433, рис. 140, *9–12, 14–17, 19*]. Уничтожение или полное отсутствие вафельных отпечатков имело место ред-

Рис. 3. Фрагменты венчиков (*1–4, 6, 7*), стенки сосудов (*5, 8–10*) и керамические бусины (*11–14*) михайловской культуры. Фото С.П. Нестерова, рисунки В.М. Калитенкова.

ко, чаще на сосудах малых или миниатюрных форм [Там же, рис. 140, *13, 18, 20–23*].

Все фрагменты стенок тулова имеют вафельный орнамент (рис. 3, *5, 8–10*). Он оставался от прокатки роликового штампа с ячеистой нарезкой на рабочей поверхности по сосуду в вертикальном положении, оставляя за собой узкую, 1–15 см, полосу оттисков. Накатка происходила до полного заполнения поверхности сосуда, при этом часто получалось наложение орнаментальных полос друг на друга [Древности Буреи, 2000, с. 139].

Усть-ульминские фрагменты керамики михайловской культуры примерно от 10 сосудов единично рассредоточены по исследованной площади, практически не создавая скоплений (см. рис. 1, *5*).

Обнаруженные четыре керамические бусины предварительно отнесены к михайловской культуре. Три крупные бусины найдены в кв. Р52, а половина небольшой бусины в кв. Р53. Все они располагались относительно репера на глубине от –129 до –134 см. Не исключено, что крупные бусины происходят из одной низки. Их особенностью является присутствие орнамента в виде рядов наколов овально-подтреугольной формы, оставленных палочкой со срезанным под углом концом. Цвет бусин после обжига темно-серый.

Одна бусина (рис. 3, *11*) длиной 2,05 см, ее диаметр 2,1 см. Один торец слегка вогнут, другой немного выпуклый. Диаметр отверстия для нити 4,1–4,7 мм. На поверхности бусины нанесены три

ряда наколов: первый и третий имеет по 10 вдавлений, второй – 11. Однако часть бусины в районе второго и третьего ряда обломана.

Другая бусина (рис. 3, *12*) имеет ок. 1,93 см длины и диаметр 2,25–2,3 см. Ее один торец сильно вогнут, второй – имеет меньший прогиб. Диаметр отверстия для нити 4–4,5 мм. На поверхности бусины имеются три ряда наколов по 11 оттисков в одном ряду. Если первый ряд отступает от края бусины примерно на 4,5 мм, то третий расположен по самой кромке. При этом отпечатки-наколы третьего ряда имеют разную глубину и размеры. Изготовитель бусины из-за дефицита поверхности для орнаментирования вынужден был это сделать, чтобы сохранить общую композицию.

Третья бусина (рис. 3, *13*) длиной 1,8 см, диаметром 2–2,1 см. Ее торцы слегка вогнуты. Диаметр отверстия для нити 4,3–4,8 мм. На поверхности эта бусина имеет два ряда наколов по 8 оттисков в одном ряду.

Небольшая конусовидность отверстий для низки у всех бусин связана с тем, что заготовка прокалывалась подходящим по диаметру прутиком, который в дальнейшем при обжиге выгорал.

Тисненый орнамент, представленный на них, на керамической посуде михайловской культуры пока не известен, но он присутствует на посуде урильской культуры [Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 153, рис. 28, *2, 4*]. Однако, среди материалов этой культуры керамических бусин пока известно немного, они происходят с памятников Восточного Приамурья (Рыбное Озеро, Максим Горький) и имеют небольшие размеры [Деревянко А.П., 1973, с. 317, табл. XLIV, *12*, 331, табл. LVIII, *11*, 332, табл. LIX, *7*, 333, табл. LX. *17*]. На памятниках урильской культуры Западного Приамурья керамические бусины пока не найдены. Тем не менее, полностью исключать усть-ульминские бусины с таким орнаментом из типлиста этой культуры тоже нельзя, нужны дополнительные материалы. А пока эти бусины логичнее связать с михайловской культурой.

Четвертая бусина (рис. 3, *14*) была сломана в древности. Ее длина 1,3, диаметр ок. 1,4 см. Торцы ровные. Диаметр отверстия для нитки равен 3 мм с одной стороны, с другой оно практически не сохранилось из-за поломки.

Керамические бусины известны и на других памятниках михайловской культуры (Букинский Ключ-1, -2, Большие Симичи на р. Бурее, Черниговка-5) [Древности Буреи, 2000, с. 134, рис. 56, *1, 2*, с. 336, рис. 110, *10*; Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 37, рис. 18, *9*; Волков и др., 2018, с. 468, рис. 2, *4*].

Две речные гальки удлиненной формы могут быть определены как песты. Тяжелая, массивная галька из кв. К52 (№ 17) размерами 12 × 5–6 см (рис. 1, *3*). Ее широкий конец (5 × 6 см) имеет следы работы в виде мелких выбоин, придающих ей шероховатость, и боковые сколы. У другой гальки длиной 9,3 см из кв. И52 (№ 14) один конец обломан, другой имеет остроугольное окончание, на котором заметны следы деятельности в виде залощенности поверхности. Небольшая лощеная полоса длиной 3 см, шириной 7–9 мм присутствует на одной из граней гальки. На двух сторонах обломанного конца (подтреугольного в сечении) имеются мелкие сколы (см. рис. 1, *4*). Отнесение этих орудий к какой-либо культуре затруднено, т.к. во всех трех упомянутых выше культурах удлиненные гальки использовались для разных целей (дробления, растирки, лощения и др.) [Древности Буреи, 2000, с. 79–83, 117, 160–164; Деревянко Е.И., Гребенщиков, 2001, с. 20, 25, 26, 32, 34; Шеломихин, Нестеров, Алкин, 2017, с. 140, рис. 15, 1–7, 141, рис. 16, 8–10, 171, рис. 46].

Заключение

Исследование артефактов из первого культурного слоя памятника Усть-Ульма I позволило отнести немногочисленные фрагменты керамики к трем культурам палеометалла: урильской и талаканской раннего железного века и михайловской раннего Средневековья. Нужно заметить, что в конце 1980-х гг. ни талаканская, ни михайловская культуры еще не были выделены как самостоятельные культурные единицы, поэтому обращение к ним более чем через 30 лет оправдано современным состоянием изученности этнокультурной истории в Амурской обл. в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Необходимо отметить, что описанные артефакты эпохи палеометалла с Усть-Ульмы III, на данной террасе встречены еще в слое 1 памятника Усть-Ульма I (см. рис. 1, *1*). Согласно публикации, это отдельные фрагменты и малочисленные скопления керамики. Фактически вся керамика не орнаментирована, кроме трех черепков [Деревянко А.П., Зенин, 1995, с. 5]. Судя по рисунку, два орнаментированных фрагмента керамики принадлежат поздненеолитической осиноозёрской культуре [Там же, с. 97, рис. 5, *6, 9, 10*]. Один с двумя рядами насечек лопаточкой может быть отнесен к урильской культуре [Там же, с. 97, рис. 5, *10*]. Еще одним фактом присутствия на данной террасе представителей урильской культуры является находка бронзового ножа [Там же, с. 5–6, 97, рис. 5, *1*]. Нож имеет луновидную или условно коленчатую форму и толстую нервюру с одной стороны лезвия, которая не соответствует малым размерам изделия (длина 8,2 см). Он, возможно, изготовлен из обломка боль-

шого ножа, кинжала или клевца шанского или западно-чжоуского времени [Варенов, 1989, с. 9–30]. Нож отлит из бронзы оловянно-свинцового сплава, в котором преобладает свинец и серебро [Нестеров, Колмогоров, 2021, с. 89], не исключено, в односторонней форме по отпечатку одной стороны какого-то из перечисленных предметов, поэтому другая сторона лезвия гладкая, без нервюры.

Культурное определение остальных фрагментов керамики с. Усть-Ульмы I затруднительно. Можно только сказать, что в этой коллекции отсутствуют обломки сосудов с вафельным орнаментом михайловской культуры.

Список литературы

Варенов А.В. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы: Учеб. пособие / Новосиб. ун-т. – Новосибирск, 1989. – 92 с.

Волков Д.П., Коваленко С.В., Крючко Е.И., Мамуль Я.М., Марченко Е.А., Миронов М.А., Алкин С.В., Нестеров С.П., Шеломихин О.А., Болотин Д.П. Спасательные археологические раскопки памятника Черниговка, селище-5 в Амурской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 465–469.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I – III). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.

Деревянко Е.И., Гребенщиков А.В. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

История Сибири: в 4 т. Т. 2: Железный век и Средневековье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 643 с.

Мыльникова Л.Н. Еще раз о технико-технологических аспектах изготовления керамики талаканской и михайловской культур // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 93–98.

Нестеров С.П., Колмогоров Ю.П. Исследование предметов из цветного металла культур раннего железного века и Средневековья в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – Т. 49 – № 2. – С. 84–93. doi:10.17746/1563-0102.2021.49.2.084-093

Шеломихин О.А., Нестеров С.П., Алкин С.В. Долина Буреи в эпоху палеометалла: материалы и исследования памятников Букинский Ключ-1 и Безумка. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. – 194 с.

References

Derevianko A.P. Rannii zheleznyi vek Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1973, 356 p. (In Russ.).

Derevianko A.P., Zenin V.N. Paleolit Selemdzhi (po materialam stoyanok Ust-Ulma I – III). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, 160 p. (In Russ.).

Derevianko E.I., Grebenshchikov A.V. Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya (nachalo epokhi rannego zheleza). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 120 p. (In Russ.).

Molodin V.I. (ed); History of Siberia: in 4 vol., 2019. Vol. 2: Iron Age and Medieval Period, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Institute of Archaeology and Ethnography [et al.]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 643 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N. Eshche raz o tekhniko-tekhnologicheskikh aspektakh izgotovleniya keramiki talakanskoi i mikhailovskoi kul'tur. In *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Blagoveshchensk: AmGU Press, 2002, iss. 3. P. 93–98 (In Russ.).

Nesterov S.P., Grebenshchikov A.V., Alkin S.V., Bolotin D.P., Volkov P.V., Kononenko N.A., Kuzmin Ya.V., Mylnikova L.N., Tabarev A.V., Chernyuk A.V.; Derevianko E.I. (ed.). Drevnosti Burei / Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 352 p. (In Russ.).

Nesterov S.P., Kolmogorov Y.P. The Study of Non-Ferrous Metal Artifacts of the Early Iron Age and Medieval Cultures in the Western Amur. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol. 49, no 2. P. 84–93. (In Russ.). https://doi.org/10.17746/1563-0102.2021.49.2.084-093

Shelomikhin O.A., Nesterov S.P., Alkin S.V. Dolina Burei v epokhu paleometalla: materialy i issledovaniya pamyatnikov Bukinskii Klyuch-1 i Bezumka. Blagoveshchensk: BSPU Press, 2017, 194 p. (In Russ.).

Varenov A.V. Drevnekitaiskii kompleks vooruzheniya epokhi razvitoi bronzy: Ucheb. Posobie. Novosibirsk Univ Press. Novosibirsk, 1989, 92 p. (In Russ.).

Volkov D.P., Kovalenko S.V., Kryuchko E.I., Mamul' Ya.M., Marchenko E.A., Mironov M.A., Alkin S.V., Nesterov S.P., Shelomikhin O.A., Bolotin D.P. Results of Monitoring the Early Iron Age Settlement on the Urilsky Island on the Amur River in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 465–469 (In Russ.).

Зенин В.Н. https://orcid.org/0000-0002-2907-6266
Нестеров С.П. https://orcid.org/0000-0003-3629-2730

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0448-0452
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина✉[1], А.Л. Заика[2], А.П. Забияко[3], В.Е. Матвеев[4], Е.М. Левачева[5], Д.П. Волков[6]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия
[3] Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия
[4] ООО НПО «АПИ»
Красноярск, Россия
[5]ООО «Красноярская Геоархеология»
Красноярск, Россия
[6] Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области,
Благовещенск, Россия
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

Новые данные о наскальных рисунках Нюкжинской писаницы (Амурская область)

Наскальное искусство Нюкжинской писаницы, расположенной на севере Амурской области в устье р. Онёни, изучалось в середине 70-х гг. XX в. А.П. Окладниковым и А.И. Мазиным. Как и на других памятниках наскального искусства этого региона, здесь представлены рисунки, выполненные красным минеральным пигментом. Достаточно продолжительное время это местонахождение было недоступным после строительства Байкало-Амурской магистрали, однако, в начале 2000-х гг. работы на памятнике Нюкжинская писаница были возобновлены. Проектирование дополнительной ветки железной дороги потребовало дополнительного исследования Нюкжинской писаницы. В ходе полевых работ 2021 г. была предложена новая индексация, выполнено детальное редокументирование объекта с использованием современных средств фиксации и обработки полученных фотоматериалов. В результате удалось провести сопоставление с опубликованными ранее данными о состоянии сохранности памятника и установить некоторые повреждения и утраты фрагментов плоскостей. Кроме того, были уточнены ранее опубликованные прорисовки, а также обнаружены и зафиксированы до сих пор неизвестные изображения. Благодаря применению современных подходов к документированию (фотография, трехмерная визуализация, цветовая фильтрация цифровых изображений) авторам настоящей работы удалось по-новому взглянуть на уже хорошо изученный памятник. Многие рисунки, которые при непосредственном осмотре скальной поверхности выглядят как аморфные пятна красного пигмента, после цветовой фильтрации при помощи плагина DStrech приобретают очертания узнаваемых образов. Опыт исследований местонахождения Нюкжинская писаница (писаница в устье р. Онёни) еще раз показывает необходимость редокументирования памятников наскального искусства.

Ключевые слова: *наскальное искусство, крашенные рисунки, редокументирование, DStrech, Нюкжинская писаница, Северное Приамурье.*

L.V. Zotkina[1]✉, A.L. Zaika[2], A.P. Zabiyako[3], V.Y. Matveev[4], E.M. Levacheva[5], D.P. Volkov[6]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Krasnoyarsk State Pedagogical University
Krasnoyarsk, Russia
[3] Amur State University
Blagoveschensk, Russia

[4] LLC Scientific Production Association "Archaeological Projecting and Prospecting"
Krasnoyarsk, Russia
[5] Limited liability company "Krasnoyarsk Geoarchaeology"
Krasnoyarsk, Russia
[6] Centre for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region
Blagoveschensk, Russia
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

New Data on Paintings of the Nukzha Rock Art Site (Amur Region)

The rock art site of Nukzha is located in northern Amur Region at the mouth of the Onyoni River. It was studied in the mid 1970s by A.P. Okladnikov and A.I. Mazin. As in the other rock art sites of the region, the Nukzha paintings were made by red mineral pigment. For a long time this location was inaccessible after construction of the Baikal-Amur railway. However, in the early 2000s, the studies of the Nukzha rock art site resumed. The project of additional branch of the railway required further research at the Nukzha site. During the field works of 2021, a new indexing was proposed, and detailed re-documenting of the site was carried out using up-to-date techniques of photo-documenting and processing of photographic materials. As a result, it was possible to make a comparison with the previously published evidence concerning the preservation state of the site, and identify some damage and loss of panel fragments. In addition, the previously published tracings were corrected and unknown images were found and recorded. Due to advanced approaches to documentation, including photography, 3D visualization, and color filtering of digital images, the authors of this article have managed to take a new look at this well-studied rock art site. Many paintings which looked like amorphous stains of red pigment appeared as recognizable images when viewed directly by the DStrech plug-in after color filtering. The experience of the Nukzha rock art site study once again shows the necessity of re-documentation of rock art sites.

Keywords: *rock art, rock paintings, redocumenting, DStrech, Nukzha rock art site, North of Amur Region.*

Памятник Нюкжинская писаница, известный также как писаница в устье р. Онёни, расположен на севере Амурской обл. в Тындинском р-не, недалеко от ж/д станции Эльгакан, в устье р. Онёни в 500 м ниже ее впадения в р. Нюкжа на скалах правого берега. На рассматриваемом участке р. Нюкжа делает крутой поворот и вплотную прижимается к скальному обнажению с рисунками (рис. 1). В 13,8 км к северо-западу от памятника расположена ж/д станция Лопча, в 23,8 км к юго-востоку – ж/д станция Ларба.

Как и большинство местонахождений наскального искусства Забайкалья, Приамурья и Якутии, Нюкжинская писаница представлена крашеными изображениями, выполненными красным минеральным пигментом.

В 1970-е гг. памятник был исследован А.И. Мазиным [Окладников, Мазин, 1976; Мазин, 1994; 1986]. В дальнейшем после строительства линии БАМ в результате техногенного вмешательства рельеф на этом участке был изменен: вырублена часть скального массива под плоскость действующей железной дороги, многочисленные скальные фрагменты перемещены в направлении реки, лес вырублен, устье реки Онёни переместилось выше по течению р. Нюкжа. Из-за ландшафтных изменений, смещения исходных ориентиров и труднодоступности памятник долгое время оставался вне поля зрения исследователей.

Проведенные Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области в 2005 г. археологические изыскания на территории района позволили уточнить сведения о месте расположения Нюкжинской писаницы. Было выполнено описание, произведена фотофиксация, съемка географических координат, анализ состояния сохранности памятника; он был зарегистрирован в едином государственном реестре объектов культурного наследия. В июле 2009 г. экспедиция в составе А.П. Забияко, Д.П. Волкова, Р.А. Кобызова обследовала памятник, провела замеры, фото- и видеофиксацию всех плоскостей. Позднее в том же году отрядом ГАУ «ЦСН Амурской области» под руководством Е.В. Щербинского во время археологического обследования Тындинского района было изучено техническое состояние памятника [Щербинский, 2009]. В 2020 г. сотрудники Лаборатории археологии и антропологии АмГУ в ходе мониторинга наскальных изображений Приамурья осуществили цифровую фотофиксацию изображений, а также съемку памятника и прилегающей местности при помощи квадрокоптера.

В связи со строительством новой ветки БАМ в 2021 г. были проведены археологические исследования на памятнике Нюкжинская писаница. В настоящей статье представлены предварительные результаты изучения этого местонахождения наскального искусства.

В ходе полевого этапа работ на памятнике наскального искусства Нюкжинская писаница были реализованы следующие задачи. Проведен тща-

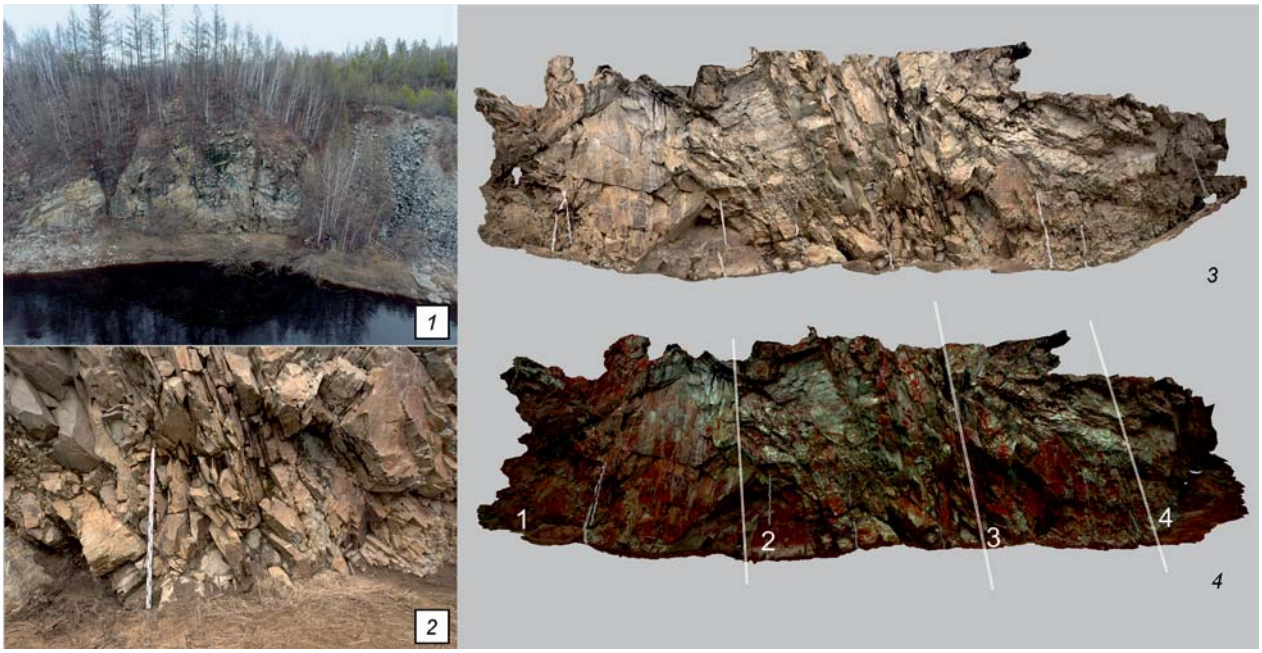

Рис. 1. Общий вид памятник Нюкжинская писница, Амурская обл.

1 – фотография с квадрокоптера; *2* – общий вид на плоскости 2 и 3 участков (по новой нумерации); *3* – ортофото Нюкжинской писаницы на основе трехмерной модели; *4* – ортофото Нюкжинской писаницы, с текстурой, обработанной при помощи плагина DStrech с отмеченными участками (по новой нумерации).

тельный осмотр скального обнажения Нюкжинской писаницы и вокруг нее. Была осуществлена фотофиксация общего вида памятника с применением различных подходов и аппаратуры.

При помощи квадрокоптера были получены общие виды на скальное обнажение (рис. 1, *1*). Благодаря осмотру выходов породы с берега и фотофиксации при помощи квадрокоптера было установлено, что останец, на котором сосредоточены рисунки, отделен от других частей скального массива небольшими распадками. С одной стороны от останца фиксируется осыпь с крупными валунами, а с другой – участок обнажения с горизонтальной слоистостью, подвергшийся интенсивному разрушению. В результате детального осмотра с целью поиска плоскостей с наскальными рисунками за пределами останца, обозначенного А.П. Окладниковым и А.И. Мазиным [1976, с. 29–34, рис. 129–133] как Нюкжинская писница, был сделан вывод, что большинство потенциально подходящих для нанесения рисунков плоскостей образовались в результате относительно современных процессов. Ранее неизвестных изображений за пределами обозначенного останца с наскальными рисунками обнаружено не было.

С береговой линии под скальным обнажением при помощи камеры Nikon D 750 и широкоугольного объектива Nikon AF-S NIKKOR 14-24 mm f/2.8G ED со штативом была выполнена серия фотографий общих видов всего останца (рис. 1, *2*). Обработка полученных фотографий в полевых условиях посредством плагина DStrech позволила выделить все участки с рисунками, их фрагментами или пятнами пигмента. Поскольку в работах А.И. Мазина и А.П. Окладникова приведена система индексации, основанная на предложенной исследователями хронологической атрибуции наскальных рисунков, оказалось довольно проблематичным вписать в существующую индексацию новые изображения. Была подготовлена новая нумерация плоскостей с наскальными рисунками.

Полученные в результате полевых работ 2021 г. фотографии, обработанные при помощи метода цветовой фильтрации (рис. 1, *4*), стали основой для дальнейшего сопоставления выявленных изображений с опубликованными ранее данными. Таким образом, были получены следующие результаты.

Одна из плоскостей с рисунками, указанная в работе А.П. Окладникова и А.И. Мазина как левая часть плоскости № 1 первой группы рисунков, расположенная на высоте от подножия около 7–8 м [1976, с. 29, табл. 7, I, рис. 1–5], не была обнаружена (рис.1, *1*). Исследователи указывали, что состояние сохранности этого участка не очень хорошее, и в средней ее части проходит большая трещина [Там же]. Было сделано предположение, что при строительстве БАМ эта плоскость была утрачена, т.к. в ходе обследований памятника А.П. Забияко в 2009 и 2020 г. плоскость № 1 уже не была найде-

на. Однако вторая половина этой грани, которая фигурирует в работе А.П. Окладникова и А.И. Мазина как правая часть плоскости № 1 первой группы [1976, с. 29, табл. 7, I, рис. 6–9], была обнаружена в ходе полевых работ 2021 г. (рис. 2, *2, 3*). Цветовая фильтрация фотографий наскальных рисунков позволила выявить ряд неточностей в прорисовке 1976 г.: выше зооморфного изображения с крестами (рис. 2, *1а, 3а*) расположена еще одна силуэтная фигура животного и серия точек, было выявлено больше антропоморфных персонажей (рис. 2, *1б, 3б*), а вместо двух образов животных фиксируются только аморфные пятна пигмента. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что это именно плоскость № 1 (по А.П. Окладникову и А.И. Мазину), т.к. несмотря на некоторые несоответствия, все же отмечается ряд совпадений. Эти наблюдения и общая морфология скального обнажения на рассматриваемом участке (относительно свежие утраты) позволяют сделать предположение о том, что левая часть плоскости с изображениями животных за прошедшее время была утрачена.

В ходе работ 2021 г. были обнаружены ранее не опубликованные плоскости, а также отдельные изображения, которые не фиксировались в ходе ранее проведенных исследований. Рисунки участка 1 (по новой индексации), в работе 1976 г. не фигурируют. В 2009 г. А.П. Забияко выполнил фотофиксацию рисунка с плоскости 1.1 и в 2020 г. – фрагмента плоскости 1.2, где можно было заметить пятно слабо выраженного пигмента. При помощи обработки DStrech на плоскости 1.1 были выявлены контуры схематичных изображений (рис. 2, *4–6*).

На том же участке были обнаружены два новых, ранее не опубликованных наскальных рисунка (рис. 2, *7–9*), выраженных в виде красноватых пятен на скальной поверхности. Цветовая фильтрация фотографий при помощи плагина

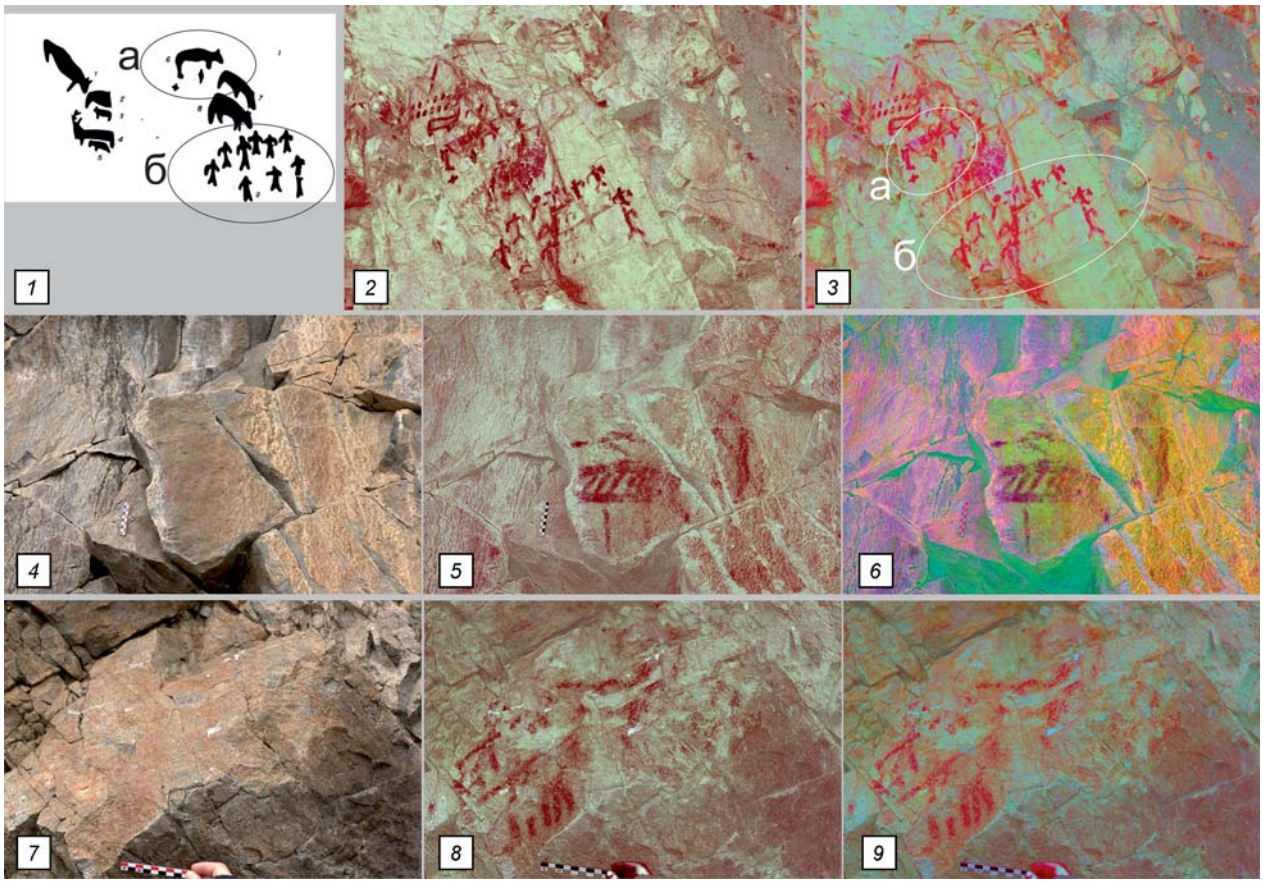

Рис. 2. Уточненные и новые изображения Нюкжинской писаницы.

1 – прорисовка плоскости № 1 первой группы (по: [Окладников, Мазин, 1976, с. 29, табл. 7, I, рис. 6–9]; *2* – фотография правой части плоскости № 1 первой группы (по нумерации А.П. Окладникова и А.И. Мазина), цветовая фильтрация при помощи DStrech (yre); *3* – фотография правой части плоскости № 1 первой группы (по нумерации А.П. Окладникова и А.И. Мазина), цветовая фильтрация при помощи DStrech (lre); *4* – фотография плоскости № 1 участка 1 (по новой нумерации); *5* – фотография плоскости № 1 участка 1 (по новой нумерации) с цветовой фильтрацией при помощи DStrech (yre); *6* – фотография плоскости № 1 участка 1 (по новой нумерации) с цветовой фильтрацией при помощи DStrech (crgb); *7* – фотография плоскости № 3 участка 1 (по новой нумерации); *8* – фотография плоскости № 3 участка 1 (по новой нумерации) с цветовой фильтрацией при помощи DStrech (yre); *9* – фотография плоскости № 3 участка 1 (по новой нумерации) с цветовой фильтрацией при помощи DStrech (lre).

DStrech позволила выделить более четкие контуры изображений и показала, что они сохранились фрагментарно. Это изображение животного, выполненное в «скелетной» манере, и рядом с ним антропоморфная фигура с рогами и длинными руками. Поиск этой композиции или похожих изображений среди ранее опубликованных материалов, не только по Нюкжинской писанице, но и по другим памятникам Верхнего Приамурья [Окладников, Мазин, 1976; Мазин, 1986; 1994], показал, что эти рисунки не фигурируют в ранее опубликованных работах.

Подводя предварительные итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что на памятнике Нюкжинская писаница отмечаются утраты, не фиксировавшиеся исследователями в ходе полевых работ середины 70-х гг. XX в. Подходы к документированию наскальных рисунков, выполненных минеральными красками, за последние годы усовершенствовались. Современные методы обработки по методу цифровой фильтрации фотографий высокого разрешения значительно повышают качество не только поиска наскальных изображений, но и распознавания образов уже известных рисунков, а значит, позволяют уточнить часть опубликованных ранее прорисовок, и, возможно, иначе интерпретировать некоторые хорошо известные образы. Это еще раз подтверждает важность редокументирования уже, казалось бы, хорошо изученных памятников наскального искусства.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 259 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976. – 187 с.

Щербинский Е.В. Отчет о проведении археологической разведки на территории Тындинского района Амурской области в 2009 году / Архив Управления культуры Администрации Амурской области «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области», 2009.

References

Mazin A.I. Taezhnye pisanicy Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1986, 259 p. (In Russ.).

Mazin A.I. Drevnie svyatilishcha Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 241 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch, 1976, 187 p. (In Russ.).

Shcherbinskiy E.V. Otchet o provedenii arheologicheskoj razvedki na territorii Tyndinskogo rajona Amurskoj oblasti v 2009 godu. Archive of Department of Culture of Amur region Administration "Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of Amur Region", 2009. (In Russ.).

Волков Д.П https://orcid.org/0000-0001-6064-4981
Забияко А.П https://orcid.org/0000-0002-6128-4401
Заика А.Л https://orcid.org/0000-0002-9993-238X
Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882
Матвеев В. Е https://orcid.org/0000-0001-7774-1796

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0453-0458
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина✉[1], С.В. Сутугин[2], Н.В. Постников[2], И.Д. Русакова[3], Р.В. Давыдов[1]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия
[3] Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»
Кемерово, Россия
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

Наскальное искусство раннего пласта на территории Минусинской котловины: опыт систематизации данных и экспериментально-трасологического исследования

Одной из актуальных проблем изучения наскального искусства в Минусинской котловине остается культурно-хронологическая атрибуция петроглифов раннего пласта. В последние годы это направление исследований активно развивается, продолжается дискуссия о возрасте минусинского и ангарского стилей, а также предлагаются различные способы решения проблемы классификации корпуса наскальных изображений раннего пласта, который за последние годы значительно расширился. Полевые исследования в 2021 г. были направлены на систематизацию имеющихся данных о ранних наскальных изображениях Минусинской котловины, а также включали детальное экспериментально-трасологическое изучение петроглифов этого пласта. Систематизация данных о наиболее архаичных изображениях рассматриваемого региона включала документирование (описание и фиксацию) петроглифов по единому стандарту, с учетом всех необходимых параметров плоскостей и отдельных изображений для дальнейшей статистической обработки информации об особенностях как петроглифов, так и контекста, в котором они расположены. Изучение палимпсестов, в которых участвуют ранние изображения, проводилось параллельно с серией экспериментов, направленных на установление механизмов деформации следов пикетажа на участках пересечений петроглифов. Это позволило выявить ряд ограничений метода анализа перекрываний, которые обусловлены неполной сохранностью следов. Однако с другой стороны, проведенные сопоставления экспериментальных данных с результатами трасологического анализа большой серии пересечений, позволили выявить новые признаки, значимые для определения последовательности нанесения наскальных изображений в палимпсестах. Экспериментально-трасологический анализ петроглифов раннего пласта показал, что одной из наиболее важных характеристик для их культурно-хронологической атрибуции являются особенности построения и последовательность выполнения линий пикетажа внутри изображений.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы, ранний пласт, Минусинская котловина, эксперимент и трасология, палимпсест.*

L.V. Zotkina[1]✉, S.V. Sutugin[2], N.V. Postnikov[2], I.D. Rusakova[3], R.V. Davydov[1]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Altai State University,
Barnaul, Russia
[3] The Kuzbass Museum-Reserve of "Tomskaya Pisanitsa",
Kemerovo, Russia
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

Earliest Rock Art in the Minusinsk Depression: Some Cases of Data Systematization, and Experimental and Trace Studies

Cultural and chronological attribution of petroglyphs from the earliest figurative stratum remains one of the current problems in the study of rock art in the Minusinsk Depression. In recent years, this area of research has been actively developing; discussions on the age of the Minusinsk and Angara styles continue, and various solutions to the problem of classification of imagery in early rock art which has grown considerably in recent years, are proposed. Field research in 2021 was aimed at systematizing the available data on early rock art of the Minusinsk Depression, and included detailed experimental and trace studies of the petroglyphs. Systematization of data on the most archaic images of the region included documentation (description and recording) of petroglyphs according to a single standard, taking into account all necessary parameters of panels and individual images for further statistical processing of information about parameters of both petroglyphs and context in which they are located. The study of superimpositions involving early images was carried out along with series of experiments aimed at establishing mechanisms for deforming peck marks at petroglyph intersections. This has led to identifying a number of limitations in our approach to superimposition analysis due to incomplete traces. On the other hand, comparison of experimental data with trace analysis of a large number of petroglyph intersections have revealed new features relevant for establishing the sequence of image production in superimpositions. Experimental and trace studies of the earliest petroglyphs have shown that one of the most important parameters in their cultural and chronological attribution is structural features and sequences of percussion lines within the images.

Keywords: *rock art, petroglyphs, earliest imagery, Minusinsk Depression, experiment and trace studies, superimposition.*

Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в ходе полевого сезона 2021 г. было сосредоточено на изучении петроглифов и рисунков, относящихся к раннему пласту. Под ранним пластом авторы статьи подразумевают изображения минусинского и ангарского стилей, а также различные переходные варианты, которые на данный момент надежно не датированы. Все современные представления о возрасте этой обширной группы изображений остаются гипотетическими [Шер, 1980, 2006; Подольский, 1973; Пяткин, Мартынов, 1985; Советова, Миклашевич, 1999; Миклашевич, 2015; Русакова, 2005; Есин, 2010]. В современных исследованиях этой проблематики прослеживается тенденция к расширению территориальных границ распространения наскальных изображений раннего пласта [Ковтун, 2001, с. 90; Молодин и др., 2019; Миклашевич, 2020, с. 84]. Считалось, что минусинский стиль встречается исключительно на памятниках Среднего Енисея, но современные представления о его географии изменились. При этом исследователи согласны в том, что манера исполнения этих петроглифов архаична, что они были созданы до появления искусства культур каракольско-окуневского круга. Однако нельзя сказать, что расширение как территориальной, так и источниковой базы приблизило решение проблем, связанных с культурной и хронологической атрибуцией раннего пласта. Скорее, напротив, на данный момент не предложено новой классификации изображений рассматриваемого обширного корпуса петроглифов, позволяющей на современном уровне подходить к этой проблеме.

Направления исследований и конкретные научные задачи, которые будут способствовать уточнению культурно-хронологической принадлежности изображений раннего пласта, не раз были озвучены (см., напр.: [Миклашевич, 2015; Миклашевич, 2020, с. 89]). В рамках работы экспедиции Минусинского петроглифического отряда в полевом сезоне 2021 г. были проведены исследования, ориентированные лишь в некоторых из этих направлений.

Одной из главных задач при документировании наскальных изображений любого периода является правильная систематизация данных, облегчающая дальнейшую обработку материалов (как иллюстративных, так и описательных). Для оптимального решения этой задачи были проведены следующие мероприятия. При изучении крупных местонахождений, таких, например, как Шалаболинская писаница, была подготовлена специальная внутренняя рабочая индексация, включающая только изображения, относящиеся к раннему пласту. Кроме того, для обеспечения полноты данных и во избежание ошибок при работе с каждой плоскостью или с конкретными изображениями, сразу осуществлялась привязка к двум основным существующим системам индексации, разработанным для всего местонахождения Б.Н. Пяткиным и А.Л. Заикой [Пяткин, Мартынов, 1985; Учетная карта…, 2010]. Для других памятников, где плоскости с ранними изображениями составляют, скорее, исключение, например, Бояры I, использовалась существующая индексация плоскостей, а дополнительно нумеровались только изображения в пределах выбранных скальных поверхностей.

В соответствии с разработанным стандартом документирования были выполнены описания плоскостей и каждого изображения, отнесенных к раннему пласту. В ходе этих описаний фиксировались как морфологические и метрические параметры (размеры, углы наклона поверхности, падения слоев породы и пр.), так и особенности состояния сохранности объектов, а также факторы, влияющие на специфику разрушения или их естественной консервации.

Ранее было замечено, что некоторые признаки, например, выбор специфической выпуклой или вогнутой формы скальных поверхностей для нанесения изображений, типичных для раннего пласта, встречается довольно часто. Это позволило сделать вывод о том, что некоторые аспекты, связанные с контекстом расположения данной категории наскальных изображений, могут быть не очевидны на первый взгляд, но при этом отражать специфику конкретной группы петроглифов внутри раннего пласта. Чтобы зафиксировать эти особенности, необходимо применение одного из главных инструментов систематизации – создание базы данных, позволяющей в дальнейшем вести статистическую обработку полученных материалов с применением широкого спектра фильтров. Для реализации этой задачи была разработана достаточно гибкая модель, позволяющая уточнять и совершенствовать формат обработки и систематизации данных о наскальных изображениях и контексте, в котором они расположены. Эта работа является продолжением начатого в 2020 г. дополнительного этапа документирования изображений раннего пласта [Зоткина и др., 2020]. Таким образом, в базу данных войдут иллюстративные материалы и описания петроглифов с памятников Шалаболинская, Пойловская писаницы, г. Березовая, г. Георгиевская, Бояры I, Суханиха (береговая линия), Оглахты («Сорок зубьев» и Оглахты VI), Потрошиловская и Майдашинская писаницы.

Другое направление работ Минусинского петроглифического отряда было связано с изучением палимпсестов. Перекрывания, в которых участвуют изображения раннего пласта, являются одним из косвенных хронологических маркеров, указывающих на ранний возраст этих петроглифов [Миклашевич, 2020, с. 84]. Один из ярчайших примеров памятников с изображениями раннего пласта – плоскость 7 местонахождения Бояры I (Боградский р-н, Республика Хакасия). Она насчитывает более 60 изображений и более 40 участков их пересечений. Помимо описаний и фиксации изображений и плоскости в целом по единому стандарту, был проведен трасологический анализ каждого пересечения петроглифов, в большинстве случаев непосредственно на памятнике, а для слабо доступных верхних участков – по детализированным трехмерным моделям, выполненным в технике фотограмметрии.

Таким образом, изучение палимпсеста предполагало предварительное выполнение прорисовки по фотографиям. Учитывая высокую сложность объекта, обусловленную плотным «пустынным загаром», значительной степенью выветренности изображений, интенсивным антропогенным воздействием, многочисленными утратами скальной корки и разрыхлением ее поверхностного слоя (рис. 1), работа непосредственно на памятнике

Рис. 1. Общий вид на плоскость 7 памятника Бояры I, Республика Хакасия.

требовала постоянного обращения к прорисовке как к основному исходному документу. Благодаря такому подходу, была выполнена индексация всех изображений, непосредственно на объекте были уточнены некоторые детали уже известных петроглифов и выявлены новые, ранее не переданные на прорисовке по фотографиям.

Затем был проведен предварительный анализ всех участков пересечения изображений плоскости 7 местонахождения Бояры I. Во многих случаях характер скальной поверхности настолько деформирован различными естественными процессами выветривания, что их изучение сегодня уже не представляется возможным (рис. 2). Однако в большинстве случаев особенности микрорельефа поверхности петроглифов не только давали достаточно информации для того, чтобы провести анализ, но и демонстрировали довольно яркие признаки, маркирующие последовательность перекрывания. Например, высокой информативностью обладают пересекающиеся изображения с различными метрическими и морфологическими характеристиками следов, также важную информацию несет ориентация выбоин в пределах линий. В некоторых случаях определенное направление лунок пикетажа на участке пересечения позволяет сделать вывод о последовательности перекрываний (рис. 3). Детальный анализ всех участков пересечения изображений позволяет судить не только о последовательности заполнения плоскости петроглифами, но и об относительной хронологии изображений различной стилистики.

Проведена также серия экспериментов, направленных на моделирование различных ситуаций перекрывания выбитых линий. Как и в полевой сезон 2020 г., была использована площадка, расположенная недалеко от д. Пойлово, тщательное обследование которой показало отсутствие наскальных изображений [Зоткина и др., 2020]. Проведенные

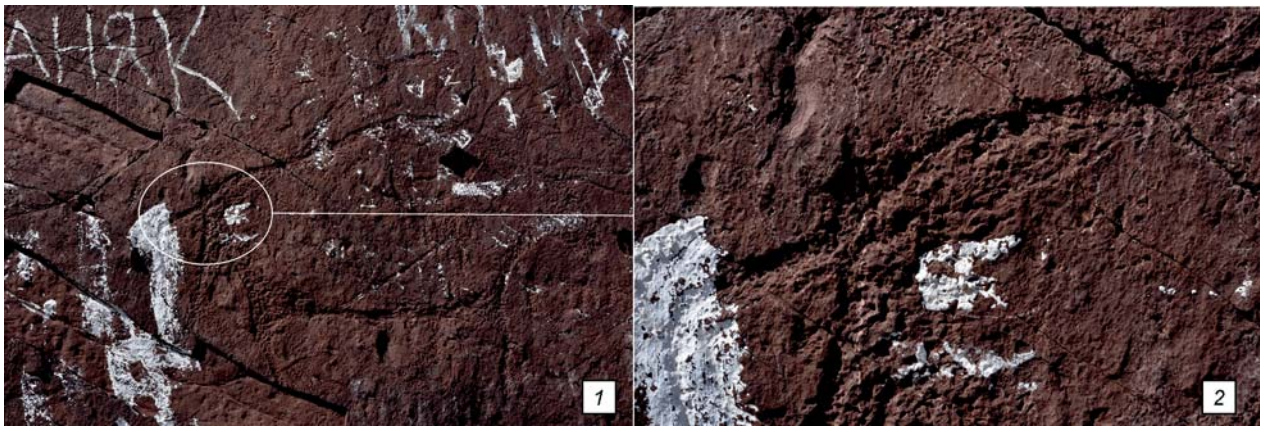

Рис. 2. Пример участка пересечения линий пикетажа, где сохранность поверхности не позволяет провести трасологическое исследование.

1 – общий вид на изображение быка с отмеченным на нем участком макро-фото (без масштаба); *2* – участок пересечения линий спины и крупа двух быков (макро-фото).

Рис. 3. Пример участка пересечения изображений, где следы обладают высокой информативностью.

1 – фрагмент прорисовки плоскости 7 Бояры I с участием трех пересекающихся изображений быков; *2* – общий вид на композицию с отмеченным на ней участком перекрывания (фото без масштаба); *3* – участок пересечения, где продолговатые выбоины ориентированы продольно линии пикетажа Б (показаны стрелками), образующей спину быка, что указывает на последовательность перекрывания, где линия Б нанесена позже линии А, и где линии, образующие туловище «тощего» окуневского быка В перекрывают линию Б (трехмерная модель без текстуры, плотное облако точек); *4* – участок перекрывания (полигональная трехмерная модель).

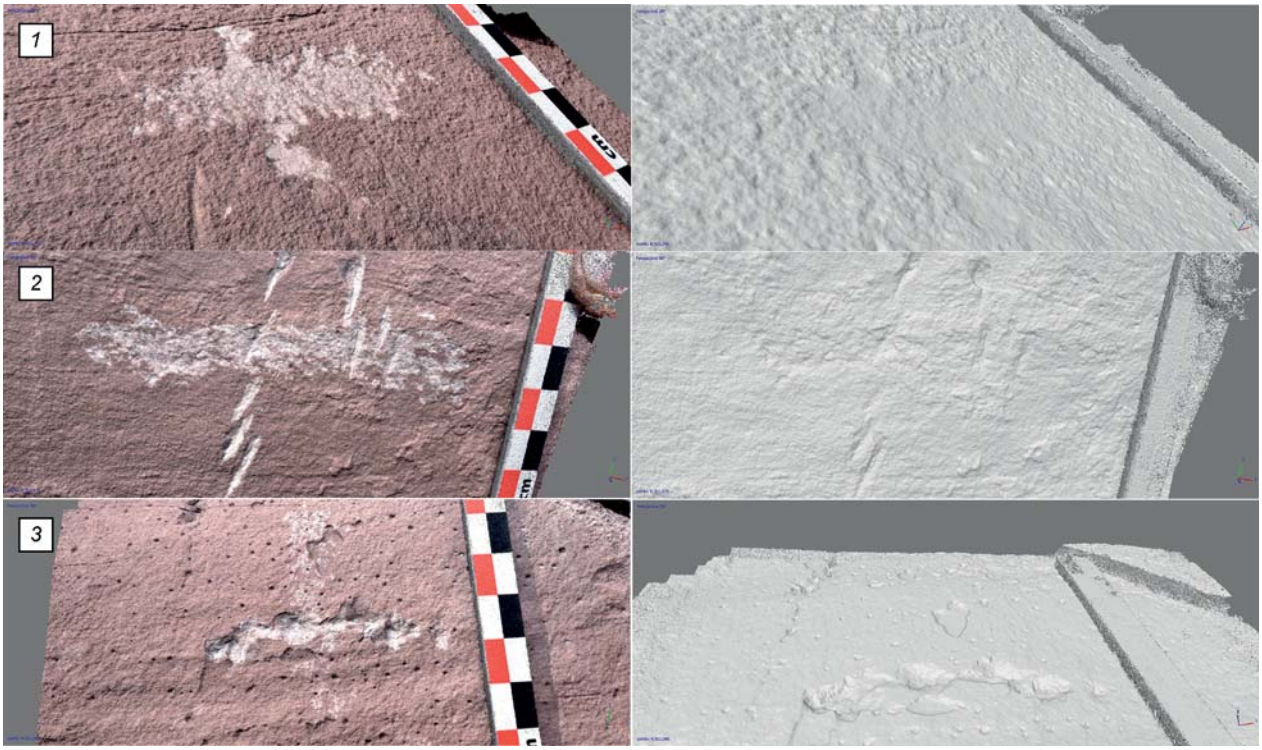

Рис. 4. Примеры экспериментальных эталонов, обладающих различной степенью информативности (трехмерные модели с текстурой и без).

1 – перекрывание, в котором участок пересечения не обладает достаточной информативностью из-за уплощенности краев выбоин; *2* – перекрывание, в котором характер следов указывает на обратную последовательность, чем есть на самом деле; *3* – перекрывание, в котором последовательность следов хорошо читается и позволяет верно ее идентифицировать. Во всех случаях горизонтальная линия пикетажа выполнена поверх вертикальной.

эксперименты позволили сделать вывод о том, что далеко не во всех случаях участки перекрывания дают достаточно информации о последовательности выполнения выбоин (рис. 4). Это связано с тем, что иногда, даже при ярко выраженной разнице между следами пикетажа в линиях, собственно участок их пересечения был уплощен, т.е. края выбоин деформированы и больше не несут необходимой для анализа информации (рис. 4, *1*). Либо когда следы перекрывающего пикетажа менее глубокие, чем уже существующая выбивка, образующиеся лунки практически не повреждают поверхность на участке пересечения, из-за чего создается ошибочное впечатление, что верхний пикетаж более ранний (рис. 4, *2*). Существуют, однако, и примеры, когда последовательность следов может быть легко и верно интерпретирована (рис. 4, *3*). Таким образом, проведенные эксперименты позволят в дальнейшем учитывать различные характеристики, такие, как, например, разница глубины линий пикетажа, участвующих в перекрывании, и подходить к анализу палимпсестов, лучше понимая механизмы изменения следов выбивки в зонах пересечений петроглифов.

Благодарности

Работа реализована при поддержке гранта президента РФ № МК-2273.2020.6.

Список литературы

Есин Ю.Н. Проблемы выделения афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.

Зоткина Л.В., Солодейников А.К.. Давыдов Р.В., Курбанов Р.Н., Постников Н.В., Сутугин С.В., Шевченко Т.А., Конохов В.А., Федоренко П.Ю. Результаты полевых исследований памятников наскального искусства древнейшего пласта на территории Минусинской котловины в 2020 году. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 445–452.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов Северо-Западного Саяно-Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Миклашевич Е.А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Учен. зап. музея-заповедника «Томская писаница». – 2015. – №2. – С. 66–78.

Миклашевич Е.А. О сходстве древнейших наскальных изображений Южной Сибири и Центральной Азии и проблеме их атрибуции // Краткие сообщения Института археологии – 2020. – Вып. 261. – С. 82–98.

Молодин В.И., Женест Ж.-М., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В., Кретэн К. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – № 3 (47). – С. 12–26.

Подольский М.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // Советская археология. – 1973. – №3. – С. 265–275.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: КрГУ, 1985. – 192 с.

Русакова И.Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины) // Сборник докладов Международной конференции «Мир наскального искусства». – М.: ИА РАН, 2005. – С. 214–217.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.

Учетная карта объекта культурного наследия федерального значения, представляющего собой историко-культурную ценность, «Шалаболинская писаница» (сост.: Заика А.Л.). 2010 г. // Архив Музея археологии и этнографии Средней Сибири Красноярского гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. Оп. 0057. Д. 002. 261 л.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я.А. Первобытное искусство. Учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 351 с.

References

Esin Yu.N. Problems of detaching images of the Afanasjevo culture in rock art of the Minusinsk Basin. In *Afanasjevo Book of papers.* Barnaul: Azbuka, 2010. P. 53–73. (In Russ.).

Kovtun I.V. Izobrazitel'nye tradicii epohi bronzy Central'noj i Severo-Zapadnoj Azii: problemy genezisa i hronologii ikonograficheskih kompleksov Severo-Zapadnogo Sayano-Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 184 p. (In Russ.).

Miklashevich E.A. The earliest rock art imagery of the Minusinsk basin: research problems and perspectives. In *Uchenye zapiski muzeya-zapovednik «Tomskaya pisanitsa»*, 2015, iss.2. P. 66–78. (In Russ.).

Miklashevich E.A. O skhodstve drevneishikh naskal'nykh izobrazhenii Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii i probleme ikh atributsii // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii 2020. Vol. 261. P. 82–98. (In Russ.).

Molodin V.I., Geneste J.-M., Zotkina L.V. Cheremisin D.V., Cretin C. The "Kalgutinsky" Style in the Rock Art of Central Asia In *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2019, no. 3 (47). P. 12–26.

Podolsky M.L. O principah datirovki naskal'nyh izobrazhenij. Po povodu knigi A.A. Formozova «Ocherki po pervobytnomu iskusstvu. Naskal'nye izobrazheniya i kamennye izvayaniya epokhi kamnya i bronzy na territorii USSR». *Soviet Archaeology*, 1973, no.3. P. 265–275. (In Russ.).

Pyatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinskie petroglify. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Univ., 1985, 192 p. (In Russ.).

Rusakova I.D. Concerning the problem of dating the earliest petroglyphs of the Minusinsk basin. In *World of Rock Art.* International conference materials. Moscow: IA RAS Publ. 2005. P. 214–217. (In Russ.).

Sher Ya. A. Pervobytnoe iskusstvo. Tutorial. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2006, 351 p. (In Russ).

Sher Ya. A. Petroglyphs of Middle and Central Asia. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (In Russ).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Chronological and stylistical peculiarities of the Middle Yenisei petroglyphs. In *Archaeology, Ethnology and Museum Study*. Kemerovo: Kemerovo State Univ., 1999. P. 47–74. (In Russ.).

Uchetnaya karta ob"ekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya, predstavlyayushchego soboj istoriko-kul'turnuyu cennost', «Shalabolinskaya pisanica» (ed. A.L. Zaika). The Museum of Archive of Archaeology and Ethnography of Central Siberia in Krasnoyarsk state pedagogical university named after V.P. Astafiev. Op. 0057. D. 002. 261 p. (In Russ.).

Zotkina L.V., Solodeynikov A.K.. Davydov R.V., Kurbanov R.N., Postnikov N.V., Sutugin S.V., Shevchenko T.A., Konokhov V.A., Fedorenko P.Yu. Results of Field Research of the Earliest Rock Art Sites in the Minusnisk Depression in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. P. 445–452. (In Russ.).

Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882
Сутугин С.В. https://orcid.org/0000-0001-8488-9860
Постников Н.В. https://orcid.org/0000-0001-9344-955X
Русакова И.Д. https://orcid.org/0000-0003-3855-4626

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0459-0467
УДК: 572, 902

М.С. Кишкурно

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Одонтоскопическая характеристика серии тагарской культуры из курганного могильника Станция Казановская-1

В статье обсуждаются результаты одонтологического исследования серии из курганного могильника Станция Казановская-1. Памятник датирован подгорновским этапом тагарской культуры (VIII–VI вв. до н.э.) [Богданов и др., 2020]. В серию вошли постоянные зубы, принадлежащие 23 индивидам (7 мужчин, 11 женщин, 4 ребенка и 1 индивид, чью половую принадлежность установить не удалось). Обследование проводилось по стандартной одонтоскопической программе [Зубов, 1968; 2006] с учетом маркеров архаики [Зубова, 2013]. В результате установлено, что антропологический состав изучаемой группы в большей мере тяготеет к характеристикам восточного одонтологического ствола. Повышение некоторых восточных черт и снижение процента грацилизации моляров (редукция гипоконуса верхних вторых моляров, четырехбугорковые нижние первые и вторые моляры) значительно отличают тагарскую серию из Станции Казановской-1 от других тагарских групп, исследованных раннее [Постникова, 1974; Рыкушина, 1977; Гулевская, неопубликованные данные]. Также проведено межгрупповое сопоставление методом анализа главных компонент. В сравнительный анализ привлечены одонтологические серии раннего железного века с территории Южной и Западной Сибири, Западного и Центрального Казахстана, Приаралья, Южного Приуралья. В результате группа из курганного могильника Станция Казановская-1 продемонстрировала наибольшее сближение с большереченским населением Новосибирского Приобья, а также некоторое сближение зафиксировано с носителями саргатской и каменской культур, и, более отдаленно, с приуральской группой ранних сарматов из могильника Покровка X и приуральскими савроматами из могильника Казы-Баба. В результате сделан вывод о возможном формировании антропологического состава изучаемой тагарской группы на местной основе и о приоритетном направлении взаимодействия с синхронными западносибирскими лесостепными популяциями.

Ключевые слова: *Южная и Западная Сибирь, Минусинская котловина, подгорновский этап тагарской культуры, одонтоскопия, маркеры архаики.*

M.S. Kishkurno

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kishkurno_maria@mail.ru

Odontoscopy of the Tagar Population Series Based on Materials from Stantsiya Kazanovskaya-1 Burial Mound

The article considers odontologic research of the series materials from the burial mound Stantsiya Kazanovskaya-1. This burial mound is dated back to 8–6th centuries BC (Podgornovo stage of the Tagar culture) (Bogdanov et al., 2020). The series includes permanent teeth of 23 individuals (7 male, 11 females, 4 infants, and 1 individual whose sexual identity could not be determined). The examination was carried out according to the standard odontoscopy program (Zubov, 1968; 2006) with archaic markers recording (Zubova, 2013). As a result, it was concluded that the anthropological composition of the studied group is close to the characteristics of the eastern dental type (mongoloid). An increase in some mongoloid features and a decrease in molar gracilization frequencies (reduction of the hypocone of the upper second molars, four-cusp lower first and second molars) significantly distinguish the Tagar series from Stantsiya Kazanovskaya-1 from other Tagar groups that had been studied earlier (Postnikova, 1974; Rykushina, 1977; Gulevskaya, unpublished data). Moreover, an intergroup comparison was carried out using the method of principal component analysis. The comparative analysis included odontologic series of the Early Iron Age from the Southern and Western Siberia, Western and Central Kazakhstan, the Aral Sea region, and the

Southern Urals. As a result, the group from the Stantsiya Kazanovskaya-1 burial mound demonstrated the closest similarity to the Bolsherechye population of the Novosibirsk Ob region, as well as some similarity was recorded to the populations of Sargat and Kamensk cultures, and, more distantly, with the Ural group of early Sarmatians from the Pokrovka X burial ground and the Ural savromats from the Kazy-Baba burial ground. Therefore, the conclusion was made on possible formation of the anthropological composition of the studied Tagar group on a local basis and on the priority direction of interaction with the synchronous West Siberian forest-steppe populations.

Keywords: *Southern and Western Siberia, Minusinsk basin, Podgornovo stage of the Tagar culture, odontoscopy, archaic markers.*

В ходе спасательных полевых работ в республике Хакасия в 2020 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН под руководством А.В. Выборнова был частично исследован курганный могильник Станция Казановская-1. Памятник расположен на правом берегу р. Аскиз в 1 км от железнодорожной станции Казановская в Аскизском районе республики Хакасия [Богданов и др., 2020, с. 863]. В течение полевого сезона было исследовано 6 курганов, датированных подгорновским этапом тагарской культуры, VIII–VI вв. до н.э. [Там же, с. 862]. При раскопках была получена представительная антропологическая серия, позволяющая ввести в научный оборот новые одонтологические данные.

Краниологическое изучение серий тагарской культуры, проведенное раннее А.Г. Козинцевым, продемонстрировало внутреннюю неоднородность тагарского населения и близость его антропологического состава к афанасьевским популяциям Минусинской котловины и Алтая, андроновским с территории Казахстана, алайским сакам и населению Тувы эпохи раннего железа [Козинцев, 1977, с. 67–68]. Также по данным краниологии отмечается и отсутствие преемственности антропологического состава тагарского населения от предшествовавшего карасукского.

Раннее одонтологические материалы носителей тагарской культуры изучались Н.М. Постниковой, в результате чего исследователь сделала заключение о преобладающей европеоидности тагарского населения Минусинской котловины [Постникова, 1974]. Также тагарские одонтологические серии рассматривались довольно эпизодически Г.В. Рыкушиной в рамках изучения хронологической динамики населения Красноярского края эпох бронзы и раннего железа, по результатам которого исследователь пришла к выводу об отсутствии преемственности антропологического состава носителей сменяющихся хронологически культур (от окуневцев до тагарцев) в рамках указанной территории [Рыкушина, 1977; 2007]. Позднее В.А. Гулевской было проведено, но не опубликовано, обстоятельное исследование одонтологических особенностей тагарских групп Минусинской котловины (Гулевская, неопубликованные данные), по результатам которого был сделан вывод о тяготении одонтологического типа тагарского населения к кругу грацильных форм западного ствола, а также о влиянии населения юго-западных территорий Центральной Азии и северно-восточных территорий Средней Азии (носителей джетыасарской и савроматской культур) на формирование антропологического состава носителей тагарской культуры в целом.

Изучение новых антропологических материалов, полученных при раскопках курганного могильника Станция Казановская-1, позволило более точно охарактеризовать антропологический состав носителей подгорновского этапа и основные направления их взаимодействия с соседними популяциями.

Материалы и методы

В ходе исследования могильника вскрыто 38 погребений, из которых получены костные останки 66 индивидов. Половозрастная структура всех погребенных представлена в таблице 1.

Пол определялся исходя из особенностей строения черепа и тазовых костей [Алексеев, 1966]; возраст устанавливался по степени облитерации швов эндокрана и стертости зубной эмали у взрослых, а также по стадии смены молочной генерации зубов постоянной у детей [Meindl, Lovejoy, 1985; Scott, 1979]. Основные возрастные категории рассматривались в соответствии со стандартными подразделениями [Алексеев, Дебец, 1964, с. 39].

Для одонтологического исследования были взяты постоянные зубы, принадлежащие 23 индивидам, имеющим наиболее удовлетворительную сохранность зубочелюстной системы: 7 мужчинам, 11 женщинам, 4 детям и 1 индивиду, чью половую принадлежность определить не удалось.

Обследование проводилось с учетом признаков стандартной программы [Зубов, 1968, 2006] и архаичных фенов [Зубова, 2013]. При подсчете частот одонтологических признаков использовался индивидуальный подход, то есть не учитывалась сторона их локализации в челюсти. Межгрупповое сопоставление выполнялось в программе STATISTICA for Windows, v. 10 методом анализа главных компонент на основании тригонометрически преобразованных частот восьми признаков: лопатообразности I^1, бугорка Карабелли M^1, редукции гипоконуса

M^2, шести- и четырехбугорковых M_1, четырехбугорковых M_2, дистального гребня тригонида M_1 и коленчатой складки метаконида M_1. В сравнительный межгрупповой анализ были привлечены одонтологические серии раннего железного века с территории Южной и Западной Сибири, Западного и Центрального Казахстана, Приаралья, Южного Приуралья (табл. 2).

Морфологическая характеристика серии

В серии (табл. 3) отсутствуют случаи наличия лопатообразности медиальных резцов; встречен один случай (из трех наблюдений) лопатообразной формы латеральных, а также один случай наличия пальцевидных гребней на медиальном резце. Повышены частоты лингвальной ямки на вторых резцах и дополнительного дистального гребня на клыках. Первые моляры не редуцированы; на вторых отмечены невысокие частоты редукции гипоконуса. Встречаемость бугорка Карабелли характеризуется умеренными частотами, как и наличие дополнительного дистального бугорка (c5).

Таблица 1. **Половозрастной состав всех погребенных из курганного могильника Станция Казановская-1**

Возраст/Пол	Мужчины	Женщины	Не удалось определить пол
Infantilis I	–	–	26
Infantilis II	–	–	4
Juvenis	1	1	1
Adultus	4	8	–
Maturus	5	5	–
Senilis	5	5	–
Не удалось определить возраст	–	–	1

Итого: 66

На нижнечелюстных клыках (табл. 3) отмечены повышенные частоты дополнительного дистального гребня. Форма первых премоляров преимущественно канинизированная с непрерывным вести-

Таблица 2. **Список серий, привлеченных в сравнительный межгрупповой анализ**

Культура	Датировка	Источник
Тагарская культура Южной Сибири	VIII–III вв. до н.э.	В.А. Гулевская, неопубликованные данные
Тагарская культура Южной Сибири	VIII–III вв. до н.э.	Рыкушина, 1977; Постникова, 1974
Саргатская культура Западной Сибири	VI в. до н.э. – II в. н.э.	Слепцова, 2020
Гороховская культура Западной Сибири	V–II вв. до н.э.	»
Кулайская культура Новосибирского Приобья	III–II вв. до н.э.	Кишкурно, Слепцова, 2020
Кулайская культура Томско-Нарымского Приобья	V–II вв. до н.э.	Аксянова и др., 2004
Староалейская культура лесостепного Алтая	VI–V вв. до н.э.	Лейбова, Тур, 2020
Каменская культура лесостепного Алтая	VI–II вв. до н.э.	»
Большереченская культура Новосибирского Приобья	Вторая половина I тыс. до н.э.	Кишкурно, 2018a; 2018b; неопубликованные данные
Булан-кобинская культура Горного Алтая	II в. до н.э. – первая половина V в. н.э.	Лейбова, 2019
Пазырыкская культура Горного Алтая	V–III вв. до н.э.	Чикишева, 2012
Каракобинская культура Горного Алтая	V–III вв. до н.э.	»
Алды-бельская культура Тувы	VII–VI вв. до н.э.	»
Уюкско-саглынская культура Тувы	VI–IV вв. до н.э.	»
Памятник Догээ-Баары II Тувы	II в. до н.э. – I в. н.э.	»
Ранние кочевники Западного Казахстана	VI–I вв. до н.э.	Китов, Мамедов, 2014
Тасмолинская культура Центрального Казахстана	VIII–V вв. до н.э.	Бейсенов и др., 2015
Памятники коргантасского типа Центрального Казахстана	IV–II вв. до н.э.	»
Джетыасарская культура Приаралья	V в. до н.э. – не позднее IV в. н.э.	Рыкушина, 1993а; 1993б
Сарматы Южного Приуралья (Покровка X)	IV–II вв. до н.э. – II– IV вв. н.э.	Суворова, 2008
Савроматы Южного Приуралья (Новый Кумак)	IV–III вв. до н.э.	Сегеда, 2006
Ранние сарматы Южного Приуралья (Лебедевка)	VI–III вв. до н.э.	»
Савроматы Юго-Западного Приуралья (Казы-Баба)	V–I вв. до н.э.	Багдасарова, 2000

Таблица 3. **Частоты одонтоскопических признаков серии из могильника Станция Казановская-1**

Признаки	правая сторона	%	левая сторона	%	сум-марно	%	инди-виды	%
Лопатообразность I^1 (2+3)	0 (3)	0	0 (3)	0	0 (6)	0	0 (3)	0
Лопатообразность I^2 (2+3)	1 (3)	33,33	1 (3)	33,33	2 (6)	33,33	1 (3)	33,33
Лопатообразность $C^в$ (2+3)	0 (4)	0	0 (4)	0	0 (8)	0	0 (5)	0
Вестибулярная лопатообразность I^1	0 (5)	0	0 (4)	0	0 (9)	0	0 (5)	0
Вестибулярная выпуклость I^1	0 (3)	0	0 (3)	0	0 (6)	0	0 (3)	0
Пальцевидные гребни I^1	1 (2)	50	1 (2)	50	2 (4)	50	1 (2)	50
Дополнительный дистальный гребень $C^в$	3 (4)	75	2 (2)	100	5 (6)	83,33	3 (4)	75
Лингвальная ямка I^2	3 (4)	75	2 (3)	66,66	5 (7)	71,42	3 (4)	75
Редукция гипоконуса M^1 (4-)	0 (16)	0	0 (16)	0	0 (32)	0	0 (17)	0
Редукция гипоконуса M^2 (3, 3+)	3 (11)	27,27	2 (11)	18,18	5 (22)	22,72	3 (12)	25
Редукция метаконуса M^1 (3-5)	0 (16)	0	0 (16)	0	0 (32)	0	0 (17)	0
Бугорок Карабелли M^1 (2-5)	2 (12)	16,66	3 (13)	23,07	5 (25)	20	4 (14)	28,57
Дополнительный дистальный бугорок M^1	2 (6)	33,33	2 (6)	33,33	4 (12)	33,33	2 (6)	33,33
Передняя ямка M^1	0 (5)	0	0 (5)	0	0 (10)	0	0 (5)	0
Задняя ямка M^1	0 (7)	0	0 (7)	0	0 (14)	0	0 (7)	0
Цингулюм M^1	0 (14)	0	0 (14)	0	0 (28)	0	0 (15)	0
Лопатообразность I_1 (2+3)	0 (6)	0	0 (7)	0	0 (13)	0	0 (7)	0
Лопатообразность I_2 (2+3)	0 (8)	0	0 (7)	0	0 (15)	0	0 (9)	0
Лопатообразность $C_н$ (2+3)	0 (7)	0	0 (8)	0	0 (15)	0	0 (8)	0
Дополнительный дистальный гребень $C_н$	2 (3)	66,66	1 (3)	33,33	3 (6)	50	2 (3)	66,66
Форма P_1 (1-2)	5 (6)	83,33	7 (8)	87,5	12 (14)	85,71	8 (9)	88,88
Форма P_1 (4-6)	0 (6)	0	0 (8)	0	0 (14)	0	0 (9)	0
Форма P_2 (1-2)	0 (4)	0	0 (7)	0	0 (11)	0	0 (7)	0
Форма P_2 (4-6)	4 (4)	100	7 (7)	100	11 (11)	100	7 (7)	100
Дистостилиды P_1	0 (1)	0	1 (4)	25	1 (5)	20	1 (4)	25
Дистостилиды P_2	0 (2)	0	0 (3)	0	0 (5)	0	0 (3)	0
Мезиостилиды P_1	0 (4)	0	0 (6)	0	0 (10)	0	0 (6)	0
Мезиостилиды P_2	0 (3)	0	0 (4)	0	0 (7)	0	0 (4)	0
Шестибугорковый M_1	1 (8)	12,5	3 (8)	37,5	4 (16)	25	3 (9)	33,33
Четырехбугорковый M_1	1 (8)	12,5	0 (8)	0	1 (16)	6,25	1 (9)	11,11
Форма «+» M_1 (4-6)	1 (10)	10	0 (9)	0	1 (19)	5,26	1 (11)	9,09
Форма «X» M_1 (4-6)	4 (10)	40	4 (9)	44,44	8 (19)	42,1	5 (11)	45,45
Четырехбугорковый M_2	5 (8)	62,5	4 (7)	57,14	9 (15)	60	6 (10)	60
Протостилид M_1 (2-5)	1 (17)	5,88	1 (18)	5,55	2 (35)	5,71	1 (19)	5,26
Ямка протостилида M_1	0 (17)	0	0 (18)	0	0 (35)	0	0 (19)	0
Tami M_1	1 (16)	6,25	1 (15)	6,66	2 (31)	6,45	1 (17)	5,88
Дистальный гребень тригонида M_1	0 (8)	0	1 (8)	12,5	1 (16)	6,25	1 (9)	11,11
Эпикристид M_1	0 (10)	0	0 (10)	0	0 (20)	0	0 (11)	0
Коленчатая складка метаконида M_1	3 (5)	60	2 (6)	33,33	5 (11)	45,45	4 (6)	66,66
Цингулюм M_1	0 (17)	0	0 (18)	0	0 (35)	0	0 (19)	0
Передняя ямка M_1	2 (7)	28,57	1 (7)	14,28	3 (14)	21,42	2 (7)	28,57
Задняя ямка M_1	0 (6)	0	0 (6)	0	0 (12)	0	0 (7)	0

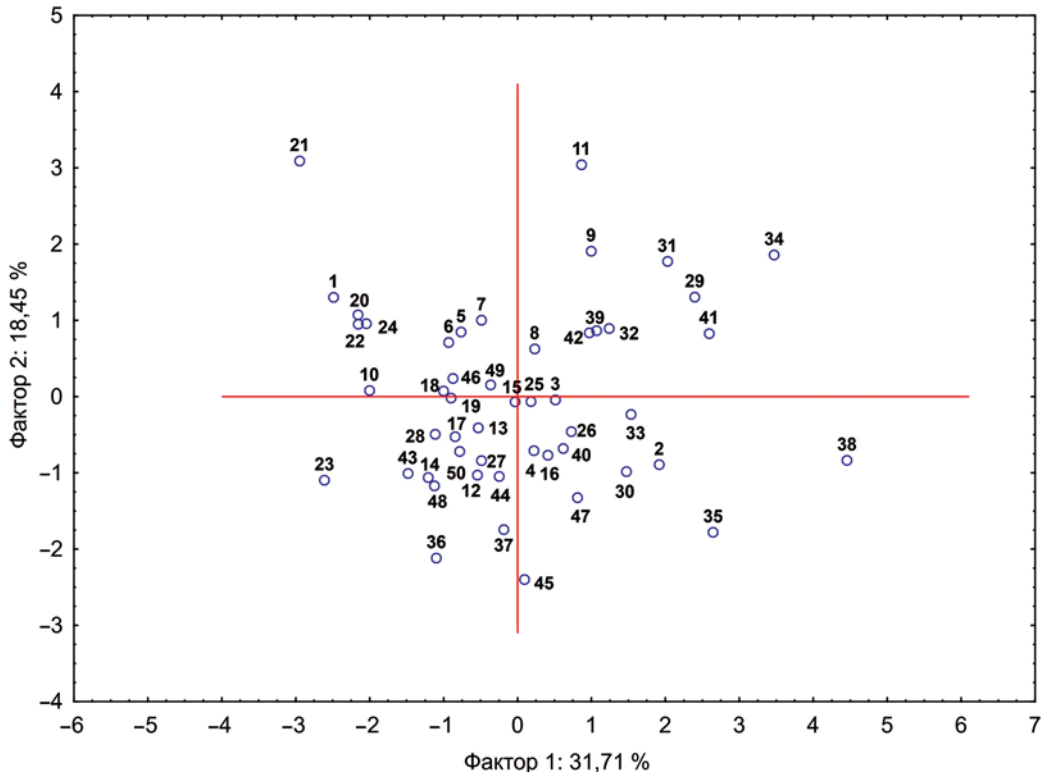
було-лингвальным гребнем; на вторых премолярах повышена частота дифференцированных форм. Также встречен один случай наличия дистостилида на первом премоляре. На первых молярах повышены частоты шестибугорковой формы коронки и понижены частоты четырехбугорковой. Четырехбугорковая структура вторых моляров имеет высокий процент. Форма коронки первых моляров преимущественно имеет «X» или «Y» формы, встречен один случай «+» узора. Также зафиксировано по одному случаю наличия протостилида, tami и дистального гребня тригонида на первых молярах. Коленчатая складка метаконида характеризуется повышенными частотами. Помимо этого, отмечено два случая наличия передней ямки первых моляров.

Таким образом, исследуемая серия больше тяготеет к популяциям восточного одонтологического ствола. Полное отсутствие лопатообразных

форм медиальных резцов может быть связано скорее с очень малым числом наблюдений в целом в серии. При сравнении частот основных признаков изучаемой группы с сериями тагарской культуры, исследованными раннее [Рыкушина, 1977; Постникова, 1974; Гулевская, неопубликованные данные], заметно резкое повышение в составе серии из Станции Казановской-1 шестибугорковых первых моляров и коленчатой складки метаконида, а также уменьшение частот признаков редукции моляров (редукция гипоконуса верхних вторых моляров, четырехбугорковые нижние первые и вторые моляры).

Для уточнения связей тагарской группы из могильника Станция Казановская-1 было проведено межгрупповое сопоставление с синхронными группами методом анализа главных компонент (см. *рисунок*).

Два первых фактора описывают примерно 50 % общей изменчивости (см. *рисунок*). Первый из них дифференцирует серии по степени грацилизации моляров (табл. 4). В положительное поле падают серии с повышенными частотами редукции гипоконуса верхних вторых моляров и четырехбугорковых форм нижних первых и вторых моляров. Здесь располагаются почти все серии тагарской культуры (кроме изучаемой), большинство серий Горно-

Распределение сибирских, приаральских и волго-уральских серий эпохи раннего железа и гунно-сарматского времени в пространстве первых двух факторов.

1 – тагарская культура Южной Сибири (Станция Казановская-1); *2* – тагарская культура Южной Сибири (из неопубликованных данных В.А. Гулевской); *3* – тагарская культура Южной Сибири (могильник Черногорка); *4* – тагарская культура Южной Сибири (данные Г.В. Рыкушиной); *5* – саргатская культура Притоболья; *6* – саргатская культура Прииртышья; *7* – саргатская культура Приишимья; *8* – саргатская культура Барабы; *9* – гороховская культура; *10* – кулайская культура Новосибирского Приобья; *11* – кулайская культура Томско-Нарымского Приобья; *12* – староалейская культура (Фирсово-14); *13* – староалейская культура (Обские плесы-2, МТБ); *14* – каменская культура (Рогозиха-1); *15* – каменская культура (Объездное-1); *16* – каменская культура (Камень-2); *17* – каменская культура (Кирилловка-3); *18* – каменская культура (Новотроицкое-1, 2); *19* – каменская культура (Масляха-1); *20* – большереченская культура (Верх-Сузун-5); *21* – большереченская культура (Быстровка-1); *22* – большереченская культура (Быстровка-2); *23* – большереченская культура (Быстровка-3); *24* – большереченская культура (сборная серия); *25* – булан-кобинская культура (Бош-туу I); *26* – булан-кобинская культура (Булан-Кобы IV); *27* – булан-кобинская культура (Степушка-1, 2); *28* – булан-кобинская культура (Айрыдаш I); *29* – пазырыкская культура (долина р. Уландрык); *30* – пазырыкская культура (долина р. Юстыд); *31* – пазырыкская культура (долины рек Барбургазы и Бугузун); *32* – пазырыкская культура (плато Укок); *33* – пазырыкская культура (долины рек Чуя, Урсул и среднего течения р. Катунь); *34* – каракобинская культура; *35* – алды-бельская культура (Аржан-2); *36* – алды-бельская культура (Копто); *37* – уюкско-саглынская культура (Догээ-Баары II); *38* – Догээ-Баары II (II в. до н.э. – I в. н.э.); *39* – ранние кочевники Западного Казахстана (VI – IV вв. до н.э.); *40* – ранние кочевники Западного Казахстана (IV – III вв. до н.э.); *41* – ранние кочевники Западного Казахстана (III – I вв. до н.э.); *42* – тасмолинская культура; *43* – памятники коргантасского типа; *44* – джетыасарская культура (Косасар-2); *45* – джетыасарская культура (Косасар-3, Томпакасар, Бедаикасар); *46* – ранние сарматы Южного Приуралья (Покровка X); *47* – поздние сарматы Южного Приуралья (Покровка X); *48* – савроматы Южного Приуралья (Новый Кумак); *49* – савроматы юго-западного Приуралья (Казы-Баба); *50* – ранние сарматы Южного Приуралья (Лебедевка).

Таблица 4. **Нагрузки на основные признаки в составе первых двух факторов**

Признаки	Фактор 1	Фактор 2
Лопатообразность I^1 (2+3)	–0,21	–0,68
Бугорок Карабелли M^1 (2-5)	–0,62	–0,35
Редукция гипоконуса M^2 (3, 3+)	0,65	0,18
Шестибугорковый M_1	–0,75	0,22
Четырехбугорковый M_1	0,65	–0,25
Четырехбугорковый M_2	0,52	–0,28
Дистальный гребень тригонида M_1	–0,02	–0,82
Коленчатая складка метаконида M_1	–0,66	0,04

го Алтая (пазырыкские и булан-кобинские), часть серий с территории Тувы, Западного Казахстана и поздние сарматы Южного Приуралья (см. *рисунок*). В отрицательном поле располагаются серии с повышенными частотами бугорка Карабелли верхних первых моляров и шестибугорковых нижних первых моляров. Здесь оказались почти все серии лесостепной части Западной Сибири, а также часть групп из Тувы, Западного Казахстана и савромато-сарматские серии Приуралья (см. *рисунок*). Второй фактор разделяет серии по двум важнейшим для таксономической дифференциации признакам – лопатообразности и дистальному гребню тригонида (табл. 4). В отрицательном поле графика оказываются серии с повышенными частотами указанных признаков – тагарские группы (кроме изучаемой), саргатская Барабы, староалейские, часть каменских и одна большереченская (Быстровка-3), некоторые серии из Горного Алтая и Приуралья, все Тывинские выборки.

Серия из могильника Станция Казановская-1 располагается в поле отрицательных координат по первому фактору и положительных координат по второму (см. *рисунок*), объединяясь с носителями большереченской культуры из могильников Верх-Сузун-5, Быстровка-2 и сборной серией из могильников Милованово-2, -3, -88, «26 июня», Крохалевка-5, Новый Шарап-1, -2, Ордынское. Эти серии схожи умеренными или повышенными частотами бугорка Карабелли верхних первых моляров, высокими частотами шестибугорковых нижних первых моляров, а также высокими или очень высокими частотами встречаемости коленчатой складки метаконида (все, кроме сборной серии, (табл. 5).

Исходя из того, что носители большереченской культуры Новосибирского Приобья сформировались на основе местного южносибирского компонента, восходящего к окуневским популяциям Минусинской котловины эпохи бронзы [Кишкурно, 2018a; 2018b; неопубликованные данные автора], можно предполагать присутствие данного компонента и в составе исследуемой тагарской группы и, таким образом, преемственность антропологического типа в Минусинской котловине как минимум на протяжении эпох бронзы и раннего железа.

Также на графике (см. *рисунок*) в одну область с тагарской группой из Станции Казановской-1 попали почти все серии саргатской культуры (кроме барабинской группы), серии каменской культуры из могильников Объездное-1 и Новотроицкое-1, -2, а также ранние сарматы Южного Приуралья из могильника Покровка X и савроматы юго-западного Приуралья из могильника Казы-Баба. Некоторое не тесное сближение тагарской группы с каменскими популяциями лесостепного Алтая выглядит довольно логичным в виду того, что при изучении одонтологических особенностей носителей каменских традиций, исследователями уже отмечалось юго-восточное (Тува, Минусинская котловина) направление связей популяции, а также отчетливо зафиксированы контакты с носителями саргатской культуры Притоболья [Лейбова, Тур, 2020, с. 178]. В свою очередь на саргатское население Тобол-Ишимья и Прииртышья и на каменское население лесостепного Алтая оказали значимое влияние савроматские и сарматские популяции Южного

Таблица 5. **Проценты встречаемости некоторых одонтоскопических признаков большереченского населения Новосибирского Приобья и тагарской группы из могильника Станция Казановская-1**

	Лопатообразность I^1 (2+3)	Бугорок Карабелли M^1 (2-5)	Редукция гипоконуса M^2 (3, 3+)	Шестибугорковый M_1	Четырехбугорковый M_1	Четырехбугорковый M_2	Дистальный гребень тригонида M_1	Коленчатая складка метаконида M_1
Станция Казановская-1	0	28,57	25	33,33	11,11	60	11,11	66,66
Верх-Сузун-5	28,57	47,05	35	18,18	0	75	0	23,07
Быстровка-1	0	7,14	15,38	33,33	0	50	0	50
Быстровка-2	21,87	20,77	24,05	20,93	2,32	67,56	2,5	42,85
Сборная серия	33,33	34,78	13,04	10	0	52,94	0	0

Приуралья [Слепцова, 2020; Лейбова, Тур, 2020]. Поэтому можно пока только предполагать их опосредованное участие в формировании антропологического состава тагарского населения, оставившего могильник Станция Казановская-1.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что антропологический состав носителей подгорновского этапа тагарских культурных традиций, оставивших курганный могильник Станция Казановская-1, характеризуется преобладанием черт восточного одонтологического ствола. Именно повышение некоторых монголоидных характеристик и снижение процента грацилизации моляров довольно заметно отличают изучаемую группу от других тагарских серий Хакасско-Минусинской котловины. Данные краниологии в некоторой степени отражают такую картину, то есть отмечается смешанность антропологического состава и фиксируются отдельные могильники с черепами с монголоидными характеристиками при общегрупповой европеоидной краниологической конфигурации [Козинцев, 1977]. Возможно, повышение монголоидных черт в составе одонтологической серии из Станции Казановской-1 является локальной и хронологической особенностью. В дальнейшем с расширением количества материалов подгорновского этапа и привлечением антропологических данных, полученных по другим системам признаков, этот вопрос будет рассмотрен подробнее.

Сближение серии из Станции Казановской-1 с носителями большереченской культуры Новосибирского Приобья можно интерпретировать по-разному. Во-первых, учитывая, что в основу антропологического состава большереченского населения лег южносибирский компонент, характеризующий и окуневские популяции Минусинской котловины, обе группы могли объединиться на основе общего происхождения. Во-вторых, не следует исключать и возможность взаимодействия двух соседствующих популяций в период раннего железного века, учитывая возможные связи тагарской группы с более южными алтайскими каменскими популяциями и более северо-западными саргатскими. В процессе расширения одонтологической базы по тагарской культуре планируется проведение ретроспективного анализа антропологического состава популяции с привлечением групп эпохи неолита и бронзы с территорий Западной и Южной Сибири в целях выяснения вопроса происхождения носителей подгорновского этапа тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины.

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность А.В. Зубовой (МАЭ РАН, г. Санкт-Петербург) и А.В. Выборнову (ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск) за ценные замечания в процессе подготовки статьи, В.А. Гулевской (Выборновой) за возможность использовать неопубликованные данные, а также Н.А. Лейбовой (ИЭА РАН, г. Москва) за оперативную помощь в поисках необходимого научного издания.

Список литературы

Аксянова Г.А., Боброва А.И., Яковлев Я.А. Могильник Алдыган — некрополь раннего железного века кулайской культуры // Вестник антропологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. – Вып. 11. – С. 54–75.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Багдасарова Н.А. Савроматы Юго-Западного Приаралья по материалам могильника Казы-баба // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. – М.: Старый сад, 2000. – С. 78–112.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. – Алматы: Изд-во ин-та истории им. А.Х. Маргулана, 2015. – 188 с.

Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 861–868.

Зубов А.А. Одонтология: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 200 с.

Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. – М.: Этно-Онлайн, 2006. – 72 с.

Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии эпохи неолита // Вестник антропологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2013. – № 4 (26). – С. 107–127.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. – Астана: Издат. группа ФИА им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – 352 с.

Кишкурно М.С. Одонтологическая характеристика антропологической серии из могильника Верх-Сузун-5 раннего железного века с территории Новосибирского Приобья // Вестник НГУ. Сер.: История. Филоло-

гия. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2018а. – Т. 17. – № 5. – С. 137–149.

Кишкурно М.С. Происхождение носителей каменской культуры Новосибирского Приобья по одонтологическим данным из могильника Быстровка-3 (III–I вв. до н.э.) // Camera praehistorica. – СПб., 2018б. – № 1. – С. 134–147.

Кишкурно М.С., Слепцова А.В. Новые данные по одонтологии населения кулайской культуры Новосибирского Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2019. – № 4 (47). – С. 140–151.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – СПб.: Наука, 1977. – 144 с.

Лейбова Н.А. Одонтологическая характеристика населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2019. – Т. 30. – С. 34–49.

Лейбова Н.А., Тур С.С. Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2020. – № 4 (51). – С. 171–186.

Постникова Н.М. Одонтологическая характеристика краниологических серий Минусинской котловины // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 243–250.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1977. – Вып. 57. – С. 143–154.

Рыкушина Г.В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар-2, Косасар33, Томпакасар и Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III: Джетыасарская культура. Ч. 2: Могильники Томпакасар и Косасар. – М.: ИЭА РАН, 1993а. – С. 194–205.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика черепов из склепов джетыасарской культуры (Алтынасар-4, Томпакасар, Косасар-3) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II: Джетыасарская культура. Ч. 1: Склепы. – М.: ИЭА РАН, 1993б. – С. 243–252.

Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. – М.: Старый Сад, 2007. – 198 с.

Сегеда С.П. Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2006. – С. 155–159.

Слепцова А.В. Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // Camera praehistorica. – СПб., 2020. – №1. – С. 139–155.

Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С. 87–95.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age based on the lateral-anterior sutures // Am. J. of Phys. Anthrop. – 1985. vol. 68, iss. 1. – pp. 57–66.

Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique // Am. J. of Phys. Anthrop. – 1979. – vol. 51. – pp. 214–217.

References

Aksyanova G.A., Bobrova A.I., Yakovlev Ya.A. Mogil'nik Aldygan — nekropol' rannego zheleznogo veka kulaiskoi kul'tury. *Vestnik antropologii*. Moscow: State Univ. Press, 2004, iss. 11. P. 54–75. (In Russ.).

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1966, 251 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1964, 128 p. (In Russ.).

Bagdasarova N.A. Savromaty Yugo-Zapadnogo Priaral'ya po materialam mogil'nika Kazybaba. In *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Srednei Azii*. Moscow: Staryi sad, 2000. P. 78–112. (In Russ.).

Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O. Population of Central Kazakhstan in the I millennium BC. Almaty, 2015, 188 p. (In Russ.).

Bogdanov E.S., Solod Yu.A., Zakharova I.P., Vybornov A.V. Research at the Barrow Burial Ground Stantsiya Kazanovskaya-1 in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2020. Vol. XXVI. P. 861–868. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.862-868

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 468 p. (In Russ.).

Kitov E.P., Mamedov A.M. Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke. Astana, 2014, 352 p. (In Russ.).

Kishkurno M.S. Odonthological Characteristics of the Anthropological Series from the Early Iron Age Burial Ground Verkh-Suzun-5 from the Novosibirsk Ob Region. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya. Filologiya*. Novosibirsk, 2018a,. Vol. 17, no. 5. P. 137–149. (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2018-17-5-137-149

Kishkurno M.S. The origin of Kamenskaya culture population from the Novosibirsk Ob region according to the dental data from the burial ground Bystrovka-3 (III – I centuries BC). *Camera praehistorica*. St. Petersburg, 2018b, no. 1. P. 134–147. (In Russ.). doi:10.33291/26583828.2018-(1)-9

Kishkurno M.S., Sleptsova A.V. New data on the dental characteristics exhibited by the population of the Kulayka culture in the Novosibirsk Ob area. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. Tyumen': IPOS SB RAS Publ., 2019, no. 4 (47). P. 140–151. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2019-47-4-11

Kozintsev A.G. Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniya tagarskoi kul'tury. – St. Petersburg: Nauka, 1977, 144 p. (In Russ.).

Leibova N.A. Nonmetric Dental Traits of the Mountain Altai Population of Xiongnu-Sarmatian Era. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. Irkutsk, 2019. Vol. 30. P. 34–49. (In Russ.). doi:10.26516/2227-2380.2019.30.34

Leibova N.A., Tur S.S. Dental characteristics of the Scythian time population of the Forest-Steppe Altai. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. Tyumen': IPOS SB RAS Publ., 2020, no. 4 (51). P. 171–186. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2020-51-4-15

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectoocranial suture closure: A revised method for the determination of skeletal age based on the lateral-anterior sutures. *Am. J. of Phys. Anthrop*, 1985. Vol. 68, iss. 1. P. 57–66.

Postnikova N.M. Odontologicheskaya kharakteristika kraniologicheskikh serii Minusinskoi kotloviny. *Rasogeneticheskie protsessy v etnicheskoi istorii*. Moscow: Nauka, 1974. P. 243–250. (In Russ.).

Rykushina G.V. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya karasukskoi kul'tury. In *Voprosy antropologii*. Moscow: State Univ. Press, 1977, iss. 57. P. 143–154. (In Russ.).

Rykushina G.V. Materialy po odontologii dzhetyasarskoi kul'tury. Gruntovye pogrebeniya mogil'nikov Kosasar-2, Kosasar-3, Tompakasar i Bedaikasar. In *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Iss. III: Dzhetyasarskaya kul'tura. Pt. 2: Mogil'niki Tompakasar i Kosasar*. Moscow: IEA RAS Publ., 1993a. P. 194–205. (In Russ.).

Rykushina G.V. Odontologicheskaya kharakteristika cherepov iz sklepov dzhetyasarskoi kul'tury (Altynasar 4, Tompakasar, Kosasar 3). In *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosti. Iss. II: Dzhetyasarskaya kul'tura. Pt. 1: Sklepy*. Moscow: IEA RAS Publ., 1993b. P. 243–252. (In Russ.).

Rykushina G.V. Paleoantropologiya karasukskoi kul'tury. Moscow: Staryi Sad, 2007, 198 p. (In Russ).

Scott E.C. Dental Wear Scoring Technique. *Am. J. of Phys. Anthrop,* 1979. Vol. 51. P. 214–217.

Segeda S.P. Rannie sarmaty Yuzhnogo Priural'ya po dannym odontologii (na materialakh mogil'nika Lebedevka). In *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n. e.)*. Moscow, 2006. P. 155–159. (In Russ.).

Sleptsova A.V. Origin and chronological dynamic of the populations of the Sargat Early Iron Age West Siberian culture: dental evidence. *Camera praehistorica*. St. Petersburg, 2020, no. 1. P. 139–155. (In Russ). doi:10.31250/2658-3828-2020-1-139-155

Suvorova N.A. Odontologicheskaya kharakteristika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (predvaritel'noe soobshchenie). In *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya. Po materialam mogil'nika Pokrovka 10*. Moscow: Vostochnaya literatura RAS Publ., 2008. P. 87–95. (In Russ).

Zubov A.A. Odontologiya: metodika antropologicheskikh issledovanii. Moscow: Nauka, 1968, 200 p. (In Russ).

Zubov A.A. Metodicheskoe posobie po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov. Moscow: Etno-Onlain, 2006, 72 p. (In Russ).

Zubova A.V. Archaic features in dental complexes of Neolithic population of Eurasia. Preliminary results. *Vestnik antropologii*. Moscow: State Univ. Press, 2013, no. 4 (26). P. 107–127. (In Russ.).

Кишкурно М.С. https://orcid.org/ 0000-0002-0309-7413

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474
УДК 903.26(5)

С.А. Комиссаров[1,2]✉, Е.А. Гирченко[1], А.И. Соловьев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

Новейшие данные по культуре Саньсиндуй

В статье представлены данные по раскопкам памятника Саньсиндуй в сезон 2021 г. К двум жертвенным ямам, исследованным в 1986 г., добавилось еще шесть ям размерами от 3,5 до 19 м^2. Обнаруженный внутри инвентарь отличается исключительным богатством и содержит бронзовые и золотые маски, ритуальные сосуды, другие культовые предметы (алтарь, солярное «колесо», фрагменты бронзовых деревьев). Сверху изделия из металлов, как правило, закрывались слоем из слоновых бивней. Из новых открытий особо выделяются находки фрагментов шелковой ткани и деревянного сундучка, выкрашенного с двух сторон киноварью. Раскопки, проведенные на высочайшем технологическом уровне, должны наглядно свидетельствовать о больших успехах китайской науки в постковидную эпоху, что имеет важное идеологическое значение. В то же время публикация новых археологических материалов стимулировало возобновление научных дискуссий о назначении раскопанных ям и о происхождении культуры Саньсиндуй в целом. По авторитетному мнению акад. Ван Вэя, рядом с ямами должен был находиться храм или иная сакральная конструкция, пока не найденные археологами. Что же касается культурогенеза Саньсиндуй, то большинство китайских археологов относит его к государству (варианты: культуре, народу, цивилизации) Древнее Шу, располагавшемуся на территории Сычуани. Но дело в том, что именно Саньсиндуй представляет собой наивысшую вершину в развитии этой культуры (цивилизации, народа); ничего подобного ни до, ни после Саньсиндуя не возникало. Поэтому культуру Шу, также как Шан, Лянчжу и др., можно считать лишь одним из возможных компонентов комплекса Саньсиндуй, но отнюдь не самым важным. Для определения истоков этого уникального явления в древней истории Китая потребуются новые материалы и новые методики их изучения.

Ключевые слова: *Саньсиндуй, Шан, эпоха бронзы, жертвенные ямы, ритуальное захоронение вещей.*

S.A. Komissarov[1,2,]✉, E.A. Girchenko[1], A.I. Solovyev[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

The Latest Data on the Sanxingdui Culture

This article presents the data on the excavation at the Sanxingdui site in the the field season of 2021. Six more sacrificial pits ranging in size from 3.5 to 19 sq. m were added to two pits investigated in 1986. The inventory discovered inside is of exceptional wealth and includes bronze and gold masks, ritual vessels, and other cultic objects (altar, solar "wheel," fragments of bronze trees). As a rule, metal objects were covered with the layer of elephant tusks. New discoveries include fragments of silk fabric and small wooden chest painted on both sides with cinnabar. Excavations were conducted at highest technological level and clearly manifest big success of Chinese science in the post-pandemic period, which is of great ideological importance. Publication of new archaeological evidence fostered the resumption of scholarly discussions about the functions of the excavated pits and origin of the Sanxingdui culture in general. According to authoritative opinion of Dr. Wang Wei, there should be a temple or other sacred structure, not yet found by archaeologists, next to the pits. As for the cultural genesis of the Sanxingdui culture, the majority of Chinese archaeologists attribute it to the state (culture, ethnos, or civilization) of Ancient Shu located in Sichuan. Precisely Sanxingdui represents the summit in the development of this culture (civilization, ethnos); nothing of the kind has appeared either before or after Sanxingdui. Therefore, the Shu culture, as well

as Shang, Liangzhu, and others, can be considered as only one of possible components of the Sanxingdui complex, but hardly the most important. Establishing the origins of this unique phenomenon in the ancient history of China will require new evidence and new methods of its study.

Keywords: *Sanxingdui, Shang, Bronze Age, sacrificial pits, ritual burial of things.*

Открытие в 1986 г. памятника эпохи бронзы Саньсиндуй (близ г. Гуанхань, в 40 км от г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань) стало одним из крупнейших достижений китайской археологии прошлого века (подробнее см.: [Варенов, Гирченко, 2008; Комиссаров, Гирченко, 2012; Live: Witness the new archaeological discoveries.., 2021]. Предположительная площадь городища, где были обнаружены ямы, обнесенного глинобитными стенами, составляла 3,6 км^2, а площадь всего комплекса и того больше – ок. 12 км^2. Однако на тот момент была исследована только небольшая часть огромного культурного объекта, тогда как основная часть осталась как бы законсервированной. Тем самым Саньсиндуй был включен в целый кластер археологических памятников, масштабные раскопки которых почти наверняка дадут сенсационные открытия, но пока не проводятся. К ним относятся, например, Иньское городище в Аньяне, Мавзолей императора Цинь Шихуанди, ханьские императорские гробницы в районе Сианя и Лояна и некоторые др. Там проводится изучение уже сделанных находок, обследуются окрестности, разрабатываются новые методики извлечения и сохранения артефактов. И ждут наступления благоприятного момента, когда поступит команда возобновить раскопки. И на Саньсиндуе такой момент, похоже, наступил. Ведь Китай – эта страна, первая в списке жертв пандемии COVID-19, но также и первая в списке победивших болезнь (подробнее см.: [Liu Depei, Komissarov, 2021]). Политико-административный аппарат вынес серьезную социальную нагрузку, экономика вновь на подъеме [Маслов, 2020]. И, соответственно, самое время на наглядных, доступных всем примерах продемонстрировать большие возможности китайской науки*. Такие возможности дает археология, но в данном случае важно не только показать, что найдено, но и как это получено; эти сведения приобретают политическое звучание [Flad, 2021]. Соответственно, о результатах исследований на Саньсиндуй постоянно сообщает ИА Синьхуа (на всех важнейших языках мира, в т.ч. на русском [Новые находки.., 2021]), партийная и государственная печать («Жэньминь жибао», «China Daily», «Global Times»), снимает документальные фильмы Центральное телевидение Китая. В своей заметке мы полагаем предоставить краткий обзор наиболее значительных находок этого (второго) сезона и предварительно обсудить связанные с ними проблемы.

Подготовительные работы на памятнике велись в течение 2020 г., однако собственно раскопки начаты в январе 2021 г. отрядом Института археологии и музеологии Сычуаньского университета под руководством Ли Инфу. Первый блок материалов опубликован в марте, а второй – в сентябре 2021 г. Издание полного каталога материалов запланировано на 2025 г. Всего раскопано шесть ям и траншей с номерами от третьей до восьмой. Наиболее масштабной является яма № 8 общей площадью 19 м^2, самая маленькая яма № 5 – 3,5 м^2. Планиграфия новых ям позволила уточнить расположение ритуального района на территории городища. Над ним на время раскопок устроен крытый комплекс, с контролем уровня температуры и влажности [Wu Xiaoling, Wu Meiling, Li Ting, 2021].

Для ведения работ по извлечению, сохранению и исследованию находок привлечены специалисты из 34-х научных организаций практически со всего Китая; помимо местных археологов, в раскопках участвуют ученые из Института археологии АОН КНР, Пекинского университета, Шанхайского университета и др. Применяются самые современные методики, особое внимание уделяется сохранности полученных объектов. Поэтому акад. Ван Вэй с полным правом заявил, что нынешние работы ведутся «с китайской спецификой, в китайском стиле, с китайским размахом» (см.: [Цзоу Ятин, 2021]).

Для проведения раскопок созданы уникальные условия, позволяющие свести к минимуму любое возможное повреждение находок при контакте с внешней средой. Так, например, впервые для целей археологии используются специальные защитные силиконовые чехлы, выполненные на 3D-принтере по форме находок. В первую очередь, это касается слоновьих бивней, достаточно хрупких и рассыпающихся при попытке их переноса [Саньсиндуй фацзюэ.., 2021]. Более 100 образцов биологических остатков отправлены в лабораторию Пекинского университета для радиоуглеродного датирования. Для ямы № 4 уже получен список дат, которые укладываются в диапазон

*Весьма вероятно, что для закрепления научных и пропагандистских успехов в ближайшее время будет начат новый сезон раскопок на Мавзолее Цинь Шихуанди.

1199–1017 гг. до н.э., что соответствует позднему периоду династии Шан [Zhao Weijie, 2021].

Среди находок в яме № 3 была обнаружена целая золотая маска с размерами 37,2 см в ширину, 16,5 см в высоту, весом 100 г [Дон (Дун) Вэньли, Чэнь Мэйлин, Хуан Чжилин, 2021] (рис. 1, *4*). Как считает Жань Хунлинь, докторант Пекинского университета и глава Саньсиндуйского института археологии, маска была не изолированным объектом, а представляла лицо одной из бронзовых голов. При этом золото не отливалось, а отковалось в пластины нужной толщины, из которых потом формовались нужные изделия [Hui Xiaoyong et al., 2021]. Археологи в течение месяца готовились извлечь эту находку, чтобы не нанести ей каких-либо повреждений.

Рис. 1. Находки, сделанные при раскопках жертвенных ям № 3, 4, 5.

1 – бронзовая голова с прической в форме «шапки Чжугэ Ляна» из ямы № 4; *2* – бронзовая фигурка (подставка) в позе молящегося из ямы № 4; *3* – бронзовая фигурка в остроугольном шлеме («короне») из ямы № 4; *4* – золотая маска (целая) из ямы № 3; *5* – половина большой золотой маски из ямы № 5; *6* – бронзовая «птица», изготовленная из золотой фольги, яма № 5. Все рисунки даны не в масштабе. Таблица составлена А.И. Соловьевым по фотографиям, опубликованным в свободном доступе ИА Синьхуа.

В той же яме была найдена бронзовая маска размерами 135 × 74 см – самая большая из всех, найденных в Саньсиндуй (см.: [Из глубины.., 2021])*, а также 127 слоновьих бивней. Под такой «слоновой защитой» обнаружен еще один крупный артефакт, вернее, его многочисленные фрагменты: бронзовое дерево, расколотое на более чем 70 фрагментов. Там же обнаружены бронзовые сосуды *цзунь*, составляющие 45 см в высоту, с фигурками буйволов и птиц по плечикам, типичные для среднего Хуанхэ. Исследование состава сплавов, из которых были созданы ритуальные предметы, проведенное профессором Пекинского научно-технического университета Чэнь Куньлуном, показало, что рецептура металла бронзового дерева аналогична бронзолитейными традициями среднего Хуанхэ [Wang Kaihao, 2021], что, по всей видимости, говорит о существовавших контактах между двумя цивилизациями. Об этом свидетельствуют и некоторые другие признаки, например, сходные формы жертвенной утвари. В Шан подобные сосуды использовались для вина, но в Саньсиндуй, очевидно, имели другое назначение, внутри они были заполнены морскими раковинами. К настоящему времени раскопки третьей ямы практически завершены, всего в ней найдено 729 артефактов.

Еще 1073 предмета обнаружены в яме № 4, среди них бронзовые фигуры: фигурка в остроугольном шлеме («короне») (рис. 1, *3*), голова с прической в форме «шапки Чжугэ Ляна» (рис. 1, *1*), фигура (вероятно, подставка) в позе молящегося (рис. 1, *2*). Среди обугленных находок удалось выявить частицы шелка-сырца – впервые в Саньсиндуе.

В яме № 5 вместе с золотыми украшениями и нефритовыми бусами найдено немало пластинок слоновой кости, на поверхность которых нанесен резной орнамент, в основном растительный [Вань Цзяо, 2021]. Одна из важнейших находок – «украшение в виде птицы», вырезанное из золотой фольги толщиной всего 0,12 мм (рис. 1, *6*). Также из тонких пластин была смоделирована золотая маска, половинка которой обнаружена в яме № 5, однако благодаря большим размерам (сохранившаяся ширина 23 см, высота – 28 см) ее вес составляет солидные 280 г., т.е. целиком она весила более полукилограмма чистого золота (рис. 1, *5*). Как считает проф. Ли Инфу, вторая половина маски могла расплавиться, поскольку на найденных предметах в яме зафиксированы следу огня (см. также: [Across China.., 2021]).

В яме № 6 примечательна находка деревянного сундучка размерами 1,7 × 0,4 м, внутри и снаружи выкрашенного киноварью. Вероятно, в нем хранились ткани или продукты питания.

В яме № 7 обнаружено несколько резных изделий из слоновой кости, резьба на них повторяет узоры на бронзовых сосудах.

В яме № 8, раскопки которой запланировано завершить в октябре, под толстым слоем слоновых бивней (рис. 2, *3*) найден бронзовый алтарь с четырьмя стоящими на нем фигурами [Chen Xi, 2021c]. Вся конструкция занимает 95 см в высоту и 45 см в ширину (рис. 2, *1*). Еще одна крупная находка – бронзовая фигура человека с сосудом *цзунь* (или с бронзовым барабаном?) на голове – достигает в высоту 1,15 м. Рядом с ним расчищены бронзовая фигура единорога (рис. 2, *2*), а также бронзовое солярное «колесо», аналогичное находкам первого сезона раскопок [Саньсидуй фацзюэ.., 2021]. В качестве нового важного фактора, открытого в яме № 8, директор Сычуаньского института археологии и памятников материальной культуры Тан Фэй отметил использование для жертвоприношений шелковых тканей [Chen Xi, 2021a]. Кроме того, там выявлено 60 золотых листочков, которые, очевидно, крепились к еще одному бронзовому дереву, также разбитому на небольшие фрагменты [Chen Xi, 2021b]. В числе важных находок следует отметить девять клевцов, восемь каменных и один бронзовый [Live: What does the discovery of Sanxingdui.., 2021].

Даже предварительная публикация перечисленных находок вновь вызвала горячие споры об их характере и происхождении. В свое время среди китайских археологов прошла дискуссия о том, какими функциями обладали первые две раскопанные ямы. Высказывались версии, что они представляют собой остатки храмового комплекса, сожженного из-за угрозы нападения врагов. Однако новые находки показали, что артефакты закладывались в ямы в том же строго определенном порядке, что и в яму № 2, соответственно, маловероятно, что это было некое единичное экстраординарное событие. Причем большинство предметов перед захоронением были разломлены и обожжены. Подобные примеры известны из этнографии. Но вызывает удивление большое количество и высокая ценность принесенных в жертву изделий. Поэтом глава экспертного совета по раскопкам в Саньсиндуй, акад. Ван Вэй вполне обоснованно ставит вопрос о том, что жертвенные ямы должны были примыкать к храму или иной сакральной конструкции, пока не обнаруженным археологами (см.: [Zhao Weijie, 2021]).

Еще более запутанным представляется вопрос о генезисе Саньсиндуй. В составе как старых, так и новых находок выделены бронзовые ритуальные сосуды, имеющие несомненное шанское происхождение, и нефритовые навершия *цун*, при-

*С внутренней полой стороны маски, в отверстии носа было найдено 242 раковины каури, происходящие из северной части Индийского океана.

Рис. 2. Находки, сделанные при раскопках жертвенной ямы № 8.

1 – бронзовый алтарь; *2* – бронзовый единорог (*цилинь*?); *3* – верхний слой из слоновьих бивней. Все рисунки даны не в масштабе. Таблица составлена А.И. Соловьевым по фотографиям, опубликованным в свободном доступе ИА Синьхуа.

надлежащие культуре Лянчжу. Однако комплекс Саньсиндуй не сводится к сумме заимствований, большинство его изделий самобытно и, более того, уникально. Китайские коллеги привычно говорят о его принадлежности к «цивилизации Шу». Действительно, Саньсиндуй территориально и отчасти хронологически совпадает то ли с этносом, то ли уже с государством Шу, упоминаемом в летописях. Но дело в том, что находки в Саньсиндуй намного богаче и разнообразнее культуры как раннего, так и позднего Шу. Они возникают внезапно и также внезапно исчезают. А полное отсутствие антропологического материала не дает возможности прибегнуть к помощи палеогенетического анализа*. Поэтому дискуссии по этому блоку проблем не прекращаются. Надежда – на продолжение раскопок и получение новых материалов.

А на необъятных просторах Интернета решение уже найдено: Саньсиндуй был создан пришельцами [‘Completely unfounded’.., 2021]. Блажен, кто верует…

*В условиях отсутствия антропологических останков предполагается провести секвенирование ДНК из образцов слоновой кости, что поможет понять, откуда этот ценный материал проник в Сычуань.

Список литературы

Вань Цзяо. Цун сянъя дяо кань гу шу вэньмин (На примере резьбы по слоновой кости рассмотрим цивилизацию древнего Шу) // Жэньминь жибао хайвай бань. – 30.03.2021. – С. 9 // На портале газеты «Жэньминь жибао». – URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2021-03/30/node_873.htm (дата обращения: 30.09.2021) (на кит. яз.).

Варенов А.В., **Гирченко Е.А.** Новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 151–156.

Дон [Дун] Вэньли, **Чэнь Мэйлин**, **Хуан Чжилин**. Историю узнаем по находке // Рос. газета. – 26.09.2021. – Спецвыпуск, № 220. – URL: http://russian.news.cn/2021-09/09/c_1310177497.htm (дата обращения: 30.09.2021).

Из глубины тысячелетий. Что скрывают древние китайские гробницы // Сайт РИА Новости. – 07.09.2021. – URL: https://ria.ru/20210907/arkheologiya-1748992978.html (дата обращения: 30.09.2021).

Комиссаров С.А., **Гирченко Е.А.** Земля бронзовых исполинов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 82–90.

Маслов А.А. Китай 2020: пандемия, общество и глобальные альтернативы. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 368 с.

Новые находки в руинах Саньсиндуй демонстрируют творческую силу древнего Китая // Сайт Синьхуа: Новости. – 09.09.2021. – URL: http://russian.news.cn/2021-09/09/c_1310177497.htm (дата обращения: 30.09.3032).

Саньсиндуй фацзюэ чу муцянь тисин цзуйда «шэньшоу» хэ цзуйгао дин цзунь «цзацзи жэнь»! (В Саньсиндуй обнаружены самая большая на данном этапе фигура «священного существа» и самая высокая фигура «акробата» с сосудом цзунь на голове) // Программа «Чжунхуа гобао» (Сокровища Китая) новостного канала Центрального телевидения Китая (CCTV-13). – 09.09.2021. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=tQHOv70NfPg (дата обращения: 30.09.2021) (на кит. яз.).

Цзоу Ятин. Цзюйцзяо саньсиндуй синь фасянь (Сфокусируем внимание на новых находках в Саньсиндуе) // Жэньминь жибао хайвай бань. – 30.03.2021. – С. 9 // На портале газеты «Жэньминь жибао». – URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2021-03/30/node_873.htm (дата обращения: 30.09.2021) (на кит. яз.).

Across China: Uncovering the gold mask unearthed at the Sanxingdui Ruins // Xinhuanet (Сайт Информ. агентства Синьхуа). – 07.04.2021. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-04/07/c_139864673.htm (дата обращения: 30.09.2021).

Chen Xi. 3,000-year-old Sanxingdui Ruins unveils mysterious bronze figure, will apply for world cultural heritage site // Global Times. – May 28, 2021a. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202105/1224777.shtml (дата обращения: 30.09.2021).

Chen Xi. New archaeological findings unveiled at Sanxingdui Ruins site in Sichuan // Global Times. – May 31, 2021b. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202105/1224977.shtml?id=11 (дата обращения: 30.09.2021).

Chen Xi. Mysterious Sanxingdui Ruins reveal more stunning relics // Global Times. – September, 2021c. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202109/1233836.shtml (дата обращения: 30.09.2021).

'Completely unfounded': Chinese archaeologists refute 'alien theory' about Sanxingdui Ruins // Global Times. – Apr 20, 2021 – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202104/1221546.shtml (дата обращения: 30.09.2021).

Flad R.K. It's a golden age for Chinese archaeology – and the West is ignoring it // The Washington Post. – May 11, 2021. – URL:https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/05/11/chinese-archaeology-egyptian-bias-sanxingdui (дата обращения: 30.09.2021).

Hui Xiaoyong, **Xiao Lin**, **Tong Fang**, **Zhang Chaoqun**, **Li Qianwei**, **Zhou Erjie.** Xinhua Headlines: New finds at Sanxingdui Ruins show creative power of ancient China // Xinhuanet (сайт ИА Синьхуа). – 09.09.2021. – URL: http://www.news.cn/english/2021-09/09/c_1310178139.htm (дата обращения: 30.09.2021).

Liu Depei, **Komissarov S.A.** Fight Against and Live Along: Chinese Experience to Exist with COVID-19 // Sars-Cov-2 and Coronacrisis: Epidemiological Challenges, Social Policies and Administrative Strategies. – Singapore: Springer, 2021. – P. 145–156. – doi: 10.1007/978-981-16-2605-0_9.

Live: What does the discovery of Sanxingdui mean for Chinese civilization? // Сайт CGTN (China Global Television Network). – 22.03.2021. – URL: https:// www.cgtn.com/special/China-unveils-new-discoveries-from-Sanxingdui-.html (дата обращения: 30.09.2021).

Live: Witness the new archaeological discoveries in Sanxingdui // Новостная программа CGTN (China Global Television Network). – 20.03.2021. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=ux9ewx-_8iE (дата обращения: 30.09.2021).

Wang Kaihao. Sanxingdui discoveries shed light on Ancient China // China Daily (online edition). – 22.03.2021. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202103/22/WS6057d3aaa31024ad0bab0874.html (дата обращения: 30.09.2021).

Wu Xiaoling, **Wu Menling**, **Li Ting**. More ancient Sanxingdui discoveries amaze the world // China Today (online edition). – 27.05.2021. – URL: http:// www.chinatoday.com.cn/ctenglish/2018/cs/202105/t20210527_800247854.html (дата обращения: 30.09.2021).

Zhao Weijie. New archaeological marvels of ancient Shu civilization // National Science Review (online edition). – 2021. – Vol. 8, iss. 7. – nwab071. – doi: 10.1093/nsr/nwab071

References

Across China: Uncovering the gold mask unearthed at the Sanxingdui Ruins. *Xinhuanet (Site of Xinhua Information Agency,* 07.04.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-04/07/c_139864673.htm (Accessed: 30.09.2021).

Chen Xi. 3,000-year-old Sanxingdui Ruins unveils mysterious bronze figure, will apply for world cultural heritage site. *Global Times*, May 28, 2021a. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202105/1224777.shtml (Accessed: 30.09.2021).

Chen Xi. New archaeological findings unveiled at Sanxingdui Ruins site in Sichuan. *Global Times*, May 31, 2021b. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202105/1224977.shtml?id=11 (Accessed: 30.09.2021).

Chen Xi. Mysterious Sanxingdui Ruins reveal more stunning relics. *Global Times*, Sept., 2021c. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202109/1233836.shtml (Accessed: 30.09.2021).

'Completely unfounded': Chinese archaeologists refute 'alien theory' about Sanxingdui Ruins. *Global Times*, Apr. 20, 2021. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202104/1221546.shtml (Accessed: 30.09.2021).

Don (Dun) Ven'li, **Chen' Meilin**, **Khuan Chzhilin**. Istoriyu uznaem po nakhodke. *Ros. gazeta*, 26.09.2021, Spetsvypusk, № 220. URL: http://russian.news.cn/2021-09/09/c_1310177497.htm (Accessed: 30.09.2021). (In Russ.)

Flad R.K. It's a golden age for Chinese archaeology – and the West is ignoring it. *The Washington Post*, May 11, 2021. URL:https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/05/11/chinese-archaeology-egyptian-bias-sanxingdui (Accessed: 30.09.2021).

Hui Xiaoyong, **Xiao Lin**, **Tong Fang**, **Zhang Chaoqun**, **Li Qianwei**, **Zhou Erjie.** Xinhua Headlines: New finds at Sanxingdui Ruins show creative power of ancient China. *Xinhuanet (Site of Xinhua Information Agency)*, 09.09.2021. URL:http://www.news.cn/english/2021-09/09/c_1310178139.htm (Accessed: 30.09.2021).

Iz glubiny tysjacheletij. Chto skryvajut drevnie kitajskie grobnicy. *Site RIA Novosti*, 07.09.2021. URL: https://ria.ru/20210907/arkheologiya-1748992978.html (Accessed: 30.09.2021).

Komissarov S.A., **Girchenko E.A.** Sanxingdui - the land of bronze giant. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2012. Vol. 11, iss. 7: Archaeology and Ethnography. P. 82–90. (In Russ.).

Liu Depei, **Komissarov S.A.** Fight Against and Live Along: Chinese Experience to Exist with COVID-19. In *Sars-Cov-2 and Coronacrisis: Epidemiological Challenges, Social Policies and Administrative Strategies*. Singapore: Springer, 2021. P. 145–156. doi:10.1007/978-981-16-2605-0_9

Live: What does the discovery of Sanxingdui mean for Chinese civilization? *Site of CGTN (China Global Television Network)*, 22.03.2021. URL: https:// www.cgtn.com/special/China-unveils-new-discoveries-from-Sanxingdui-.html (Accessed: 30.09.2021).

Live: Witness the new archaeological discoveries in Sanxingdui. *News Program of CGTN (China Global Television Network)*, 20.03.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ux9ewx-_8iE (Accessed: 30.09.2021).

Maslov A.A. Kitai 2020: pandemiya, obshchestvo i global'nye al'ternativy. Moscow: RIPOL klassik, 2020, 368 p. (In Russ,).

Novye nakhodki v ruinakh San'sindui demonstriruyut tvorcheskuyu silu drevnego Kitaya. *Site Xinhua: News*, 09.09.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-09/09/c_1310177497.htm (Accessed: 30.09.3032). (In Russ.).

Sanxingdui fajue chu muqian tixing zuida "shenshou" he zuigao ding zun "zaji ren" [During Sanxingdui excavations the largest (for the present day) figure of "sacred beast" and the highest figure of "acrobatic man" were discovered!]. In *Zhonghua guobao [Treasures of China],* program on the news channel of the Chinese Central Television (CCTV-13), 09.09.2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=tQHOv70NfPg (Accessed: 30.09.2021) (In Chin.).

Varenov A.V., **Girchenko E.A.** Novaya kul'tura epokhi bronzy iz Yuzhnogo Kitaya. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAN Publ., 2008. Vol. XIV. P. 151–156. (In Russ.).

Wan Jiao. Cong xiangya diao kan gu shu wenming [Using the example of ivory engravings let's look over civilization of the Ancient China]. *Renmin ribao haiwai ban*, 30.03.2021. P. 9. On the portal of «Renmin ribao», URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2021-03/30/node_873.htm (Accessed: 30.09.2021). (In Chin.).

Wang Kaihao. Sanxingdui discoveries shed light on Ancient China. *China Daily (online edition)*, 22.03.2021. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202103/22/WS6057d3aaa31024ad0bab0874.html (Accessed: 30.09.2021).

Wu Xiaoling, **Wu Menling**, **Li Ting**. More ancient Sanxingdui discoveries amaze the world. *China Today (online edition)*, 27.05.2021. URL: http://www.chinatoday.com.cn/ctenglish/2018/cs/202105/t20210527_800247854.html (Accessed: 30.09.2021).

Zhao Weijie. New archaeological marvels of ancient Shu civilization. *National Science Review*, 2021, no. 8, iss. 7, nwab. 071, doi:10.1093/nsr/nwab071.

Zou Yating. Jujiao sanxingdui xin faxian [Focusing on new findings at Sanxingdui]. *Renmin ribao haiwai ban*, 30.03.2021. P. 9. On the portal of «Renmin ribao», URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2021-03/30/node_873.htm (Accessed: 30.09.2021) (In Chin.).

Комиссаров С.А. https://orcid.org/0000-0002-7657-054x
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595
Соловьев А.И. https://orcid.org/0000-0003-3891-8944

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0475-0480
УДК 94(510).01+903.22[667.6+686.4]

С.А. Комиссаров[1, 2]✉, А.И. Соловьев[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

Новые данные по вооружению терракотовой армии (технологический аспект)

В статье представлены итоги работы по изучению способов предохранения от коррозии бронзового оружия, найденного на территории Мавзолея Цинь Шихуанди. Еще в ходе первого сезона раскопок были обнаружены хорошо сохранившиеся предметы вооружения со следами хрома на поверхности. На основании этих находок было выдвинуто предположение о том, что циньские ремесленники уже знали процесс хромирования, когда защитная пленка наносилась путем погружения бронзового изделия в емкость с раствором солей хромовой кислоты. Однако подобная технология очень сложна, полностью ее освоить смогли лишь в начале XX в. Причем в качестве свидетельств существования такой технологии уже в период Цинь (конец II в. до н.э.) приводилось менее десятка единиц вооружения, что недостаточно для столь масштабных выводов. Поэтому уже в наши дни к поиску решения данной проблемы обратилась международная команда ученых под руководством Маркоса Мартинон-Торреса, профессора отделения археологии Кембриджского университета. В итоге проведенного мультидисциплинарного исследования было установлено, что следы хрома на поверхности оружия не связаны прямо с его сохранностью. Частицы этого металла содержались в лаковой гарнитуре (ножнах, накладках на рукоять и т.п.), откуда они проникали в состав бронзы. А в составе лака ионы хрома появились за счет обработки хромовыми квасцами, хорошо известными циньским мастерам-кожевникам, которые также могли применить их для ускорения полимеризации сока лакового дерева. Что же касается действительно хорошей сохранности найденного в раскопах бронзового оружия, то оно объясняется, в первую очередь, характеристиками почвы в районе Мавзолея (низкий уровень кислотности, мелкодисперсность, малое количество органики).

Ключевые слова: *Мавзолей Цинь Шихуанди, терракотовая армия, бронзовое оружие, древние технологии.*

S.A. Komissarov[1,2]✉, A.I. Solovyev[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

New Data on the Weaponry of the Terracotta Army (Technological Aspect)

This article presents the results of studying protection methods against corrosion in bronze weapons which were found in the Mausoleum of Qin Shihuangdi. Even during the first season of excavations, well-preserved weapons with traces of chromium on the surface were discovered. Based on these findings, it was suggested that the Qin artisans knew the chromium plating process, when protective film was applied by immersing a bronze item in a container with solution of chromic acid salts. However, this technology is very complicated; it was fully mastered only in the early 20th century. Moreover, less than a dozen weapons were presented as examples of such a technology already in the Qin period (late 2nd century BC), which is not enough for such large-scale conclusions. Therefore, nowadays, an international team of scholars led by M. Martinón-Torres attempted to find a solution to this problem. As a result of their multidisciplinary studies, it has been established that traces of chromium on the surface of weapons are not directly associated with its good preservation. Particles of this metal

were contained in lacquered fittings (scabbard, overlays on the handle, etc.), from where they penetrated into the composition of bronze. In the composition of lacquer, chromium ions appeared from treatment with chrome alum, well known to the Qin leatherworkers who could also use it for accelerating polymerization of lacquer tree sap. As far as really good preservation of bronze weapons found in the excavations is concerned, it was explained primarily by specific features of soil in the Mausoleum area (low acidity, fine dispersion, small amount of organic matter, etc.).

Keywords: *Mausoleum of Qin Shihuangdi, terracotta army, bronze weapons, ancient technologies.*

Мавзолей императора Цинь Шихуанди представляет собой уникальный по богатству археологический памятник, с неисчерпаемым источниковедческим потенциалом [Чжунго каогусюэ.., 2010, с. 76–109]. Совместное нахождение самых различных объектов дает возможность для их комплексного мультидисциплинарного изучения, причем все чаще они исследуются в аспекте реконструкции древних технологий.

Важнейшее место среди многочисленных сооружений на территории мавзолея занимают три раскопа, заполненные терракотовыми статуями солдат и лошадей (некоторые подробности см.: [Комиссаров, Соловьев, 2020, с. 65–70]). Эта загробная армия была вооружена реальным бронзовым оружием (см. *рисунок)*. В ходе первых двух периодов раскопок обнаружено четыре клевца, наконечник копья (возможно, верхнее острие составного трезубца/*цзи*), 31 моргенштерн/*шу*, 16 ассагаев/*пи*, 24 меча, 158 спусковых механизмов для арбалетов и более 38 тыс. наконечников стрел (280 контейнеров по 100 стрел в каждом, плюс свыше 10 тыс. отдельных находок) [Юань Чжунъи, 2003, с. 66–77].

Такая диспропорция в составе оружейного набора объясняется, вероятно, тем, что, как указывал еще Сыма Цянь в «Исторических записках», мавзолей был ограблен повстанческой армией Сун Юя. Очевидно, повстанцы вытаскивали древковое и поясное оружие из-под верхних и средних слоев рухнувших перекрытий, но редко добирались до нижних, где осталась большая часть дистанционного оружия (арбалеты в положении «к ноге», с запасными контейнерами, которые лежали рядом, и отдельными стрелами, возможно, воткнутыми наконечником в землю перед стрелком, что способствовало скорострельности; во всяком случае, именно так показаны стрелы перед лучниками в батальных сценах, изображенных на знаменитом бронзовом сосуде из Шаньбяочжэнь). Возможно, по той же причине обнаружено сравнительно много (более 80) бронзовых втоков, надевавшихся на нижний конец древка клевцов и моргенштернов. В то же время, немалое количество оружия не крепилось к терракотовым статуям, а, вероятно, просто сбрасывалось вниз – ввиду чрезвычайной спешки, когда строители стремились выполнить хотя бы количественное насыщение траншей терракотой и бронзой, нимало не заботясь о качестве (подробнее см.: [Соловьев, Комиссаров, 2020, с. 33–34]).

Некоторые из предметов (мечи, наконечники стрел) выделялись своей прекрасной сохранностью, без малейших намеков на коррозию. Известно, что проблемы саморазрушения материала от взаимодействия с окружающей средой и борьбы с этими процессами возникли практически одновременно с переходом человечества в эпоху палеометалла. Поскольку первым металлом, получившим широкое распространение, была бронза (в разных вариантах), то именно на ее примере древние цивилизации изучали различные виды «болезней» этого сплава, способов их устранения и профилактики. Очень рано стали применяться разнообразные покрытия (масло, жир, лак, краска) [Walker, 1980]. Надежной защитой была так называемая «благородная патина» – многослойная поверхностная пленка, состоящая в основном из оксидов и карбонатов меди, а также олова и реже – других металлов, содержавшихся в сплаве [Дронова, Портнов, 2017, с. 14–15].

Все эти средства были хорошо известны и ремесленникам Древнего Китая. Но в данном случае некоторые китайские археологи предположили использование нового способа защиты – хромирования [Ван Сюэли, 1980; 2008; Цун цинь юн.., 2014]. На мече и наконечнике стрелы из траншеи № 1 выявили слой оксидов хрома толщиной ок. 10 мкм. Такой же слой был обнаружен на бронзовых наконечниках из ханьской могилы в Маньчэн. Как считал Ван Сюэли, хромовую руду (хромит железа) могли отжигать вместе с калиевой селитрой при температуре 800–1000 °С; таким образом экстрагировали хроматы и дихроматы, которые наносили на поверхность изделия.

Вывод ученых о том, что в борьбе с коррозией китайские ремесленники очередной раз более чем на 2 000 лет опередили западные технологии, вызвал немалый энтузиазм в научных и, особенно, околонаучных кругах. Один журналист написал даже, что хромирование в Цинь осуществлялось с применением электрического тока [Су И, 2009]; но он не вспомнил, что для этого надо найти где-то рядом хотя бы небольшую электростанцию.

Другой автор опубликовал рассказ о таинственном методе химического хромирования бронзы,

Вооружение, найденное в раскопе № 1 в составе Мавзолея Цинь Шихуанди.

1 – воин терракотовой армии; *2* – бронзовый клевец с деревянной рукоятью; *3* – бронзовый меч; *4* – бронзовый ассагай-*пи*; *5* – бронзовый спусковой механизм для арбалета; *6* – бронзовый клевец; *7* – наконечник копья из бронзы; *8* – бронзовые стрелы (болты) для арбалетов; *9* – терракотовая фигура офицера императорской армии с бронзовым мечом в процессе расчистки.

Приводится по: *1* – раскоп № 1 Музея мавзолея Цинь Шихуанди, г. Сиань, фото А.И. Соловьева; *2*, *4*, *7* – [Цинь шихуан лин.., 2013, с. 97, 100, 102]; *3*, *6* – [Ци цзи.., 2002, с. 110, 108]; *5*, *8* – экспозиция Исторического музея пров. Шэньси, г. Сиань, фото А.И. Соловьева; 9 – депозитарий еженедельника «Чжунго вэньу бао». Таблицу подготовил к печати А.И. Соловьев.

открытого циньскими оружейниками, но впоследствии утраченном, поскольку бронзовое оружие было вытеснено железным [Шицзешан.., 2018].

Но, по сути, тот же процесс пытались реконструировать и в научных публикациях. Было выдвинуто предположение, что пленка наносилась путем погружения бронзового изделия (меча или наконечника стрелы) в емкость с раствором солей хромовой кислоты. Однако данный процесс, известный под названием хроматное конверсионное покрытие, обладает довольно сложной технологией. Современная промышленность освоила его в начале XX в., когда потребовалась особая защита для медно-аллюминиевого сплава, востребованного в авиастроении, поскольку медь заметно снижала сопротивляемость этого сплава к природной коррозии. Хроматы и дихроматы активно применялись для создания защитной пленки во время Второй мировой войны, поскольку применение авиации на просторах океана и в тропическом климате создавало дополнительные сложности в борьбе с разрушением металла. Толщина получаемой пленки первоначально составляла порядка 6 мкм, впоследствии была доведена до 1 мкм. В настоящее время в промышленности повсеместно отказываются от применения хроматов и дихроматов из-за их высокой токсичности [Buchheit, 2002, p. 430–431; Pokorny, Tej, Szelag, 2016].

И хотя многие китайские археологи искренне считали, что их далекие предки уже знали столь сложную технологию, но в научном сообществе в целом формировалось убеждение о необходимости проверки этой гипотезы. Такая работа была выполнена большим коллективом британских, китайских и кипрских ученых под руководством Маркоса Мартинон-Торреса, профессора отделения археологии Кембриджского университета [Martinón-Torres et al., 2019].

Прежде всего, эта команда существенно увеличила количество изученных образцов. Ранее, помимо меча, было исследовано 10 экз. оружия из Мавзолея, покрытых пленкой, причем только у одного наконечника стрелы выявлено высокое содержание хрома (см.: [Комиссаров, Хачатурян, 2010, с. 28–29]). Сейчас же ученые изучили 464 экз. оружия и его частей (в основном это были наконечники стрел и арбалетные болты, но также мечи, втоки и спусковые механизмы арбалетов) и только на 37 предметах выявили следы хрома. Причем, во-первых, наличие хрома на поверхности не коррелировало с хорошим состоянием находки; во-вторых, концентрация следов хрома приходилась на те части оружия, которые соприкасались с деревянными деталями, покрытыми лаком (накладки на рукоять, ножны, ложа арбалетов). Вероятно, хром попал на поверхность металла из лакового покрытия. Известно, что для получения покрытия с оптимальными свойствами необходимо насыщение сока лакового дерева ионами металлов – таких, как медь, железо, марганец. «Его достигали, выдерживая сок в металлических сосудах либо перемешивая его металлической палочкой» [Новикова, Степанова, Хаврин, 2013, с. 118]. Однако ионы хрома, скорее всего, попали в состав лака другим путем – за счет обработки хромовыми квасцами $KCr(SO_4)_2$. Их широко применяли при обработке кожи в качестве дубильного реагента, и циньские ремесленники вполне могли воспользоваться ими для ускорения полимеризации сока лакового дерева. И хотя, по выражению Роберта Муровчика, директора Центра азиатских исследований Бостонского университета, сама по себе идея о намеренном добавлении хрома в бронзовые изделия для предотвращения коррозии не является столь уж дикой (см.: [Pinkowski, 2019]), но с учетом новых данных от нее приходится отказаться.

Что же касается хорошей сохранности некоторых бронзовых изделий, то по мнению профессора Мартинон-Торреса и его коллег, причиной того стали особые характеристики почвы, в которой они находились. Почва в районе Мавзолея отличается очень низкой кислотностью (значение pH между 8,1 и 8,5), мелкодисперсностью, малым количеством органических веществ. Именно эти качества уменьшают уровень коррозии. Свою гипотезу авторский коллектив подтвердил экспериментально, помещая образцы бронзы с идентичным составом в почвы с разными характеристиками и сопоставляя результаты. Земля в районе траншеи № 1, как и ожидалось, способствовала отличной сохранности образцов.

Таким образом, ученым удалось предложить хорошо обоснованное решение одной из загадок Мавзолея Первого циньского императора. Добавим только: одной из многих загадок. Их решение – задача для будущих исследований. И в том числе – для проектов, требующих самостоятельного изучения: удивительной сохранности знаменитых минусинских бронз и изделий сейминско-турбинского круга, продуктивный анализ которых в наши дни приобретает особую актуальность не только в связи с использованием возможностей новых естественнонаучных методов, но и с учетом сопоставительного использования опыта зарубежных коллег.

Список литературы

Ван Сюэли. Цинь юн кэн цинтун цзянь хэ цинтун цзу (Бронзовые мечи из раскопа с циньскими терракотовыми

воинами и бронзовые наконечники стрел) // Сибэй дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). – 1980. – № 1. – С. 107 (на кит. яз.).

Ван Сюэли. Цинь хань каогу вэньсюань (Избр. статьи по археологии династий Цинь и Хань). – Сиань: Сань цинь чубаньшэ, 2008. – 431 с. (на кит. яз.).

Дронова Н.Д., **Портнов А.М.** Признаки древности китайских бронзовых сплавов // Природа. – 2017. – № 11. – С. 11–17.

Комиссаров С.А., **Соловьев А.И.** Пополнение для терракотовой армии Первого императора // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока. – Новосибирск: ИПЦ Новосиб. гос. ун-та, 2020. – С. 65–73.

Комиссаров С.А., **Хачатурян О.А.** Мавзолей императора Цинь Шихуанди: Учеб. пособие. – Новосибирск: ИПЦ Новосиб. гос. ун-та, 2010. – 216 с.

Новикова О.Г., **Степанова Е.В.**, **Хаврин С.В.** Изделия с китайским лаком из пазырыкской коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – Т. 7, № 1. – С. 112–124. –doi:10.14258/tpai(2013)1(7).-07

Соловьев А.И., **Комиссаров С.А.** Была ли готова к небесным сражениям терракотовая армия Первого циньского императора? // Шелковый путь: историческое наследие и современное развитие. – Новосибирск: ИПЦ Новосиб. гос. ун-та, 2020. – С. 30–39.

Су И. Бинмаюн цинтун цзянь цзинъюн дяньцзы дугэ (Для бронзовых мечей терракотовой армии, оказывается, применяли хромирование электротоком) // Кэ хай гуши болань. – 2009. – № 17. – С. 13 (на кит. яз).

Цинь шихуанди лин чжэньбао (Сокровища Мавзолея Цинь Шихуанди). – Сиань: Шэньси люйю чубаньшэ, 2013. – 152 с. (на кит. яз.).

Ци цзи: цинь шихуан лин*бинмаюн (Чудо Мавзолея Цинь Шихуана: терракотовые фигуры воинов и лошадей). – Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2002. – 160 с. (на кит. яз.).

Цун цинь юн чуту цзяньцзу кань циньдай цинтун чжуцзао цзишу (Техника бронзового литья при династии Цинь рассмотренная [на материалах] наконечников стрел, раскопанных с циньскими терракотовыми фигурами) // Baidu wenku (свободный депозитарий текстов). – 27.05.2014. – С. 1–7. – URL:https://wenku.baidu.com/view/29917e1ead02de80d5d8402c.html (дата обращения: 01.09.2021) (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ: Цинь хань цзюань (Археология Китая: Периоды Цинь и Хань / Отв. ред. Лю Цинчжу, Бай Юньсян). – Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 2010. – 1027 с. (на кит. яз.).

Шицзешан цзуйцзаодэ дугэ цзишу: цинь юн цинтун бинци дугэ цзишу (Самая ранняя техника хромирования в мире: техника хромирования бронзового оружия циньских терракотовых воинов) // Центр новостей Всекит. информ. портала SINA. – 14.08.2018. – URL:http://k.sina.com.cn/article_6515377819_18458c69b00100a916.html (дата обращения: 01.09.2021) (на кит. яз.).

Юань Чжунъи. Цинь бинмаюн кэн (Циньские ямы с терракотовыми воинами и лошадьми). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2003. – 213 с. (на кит. яз.)

Buchheit R.G. Conversion coating science and technology – is it evolving or is it stuck? // Corrosion Science: A Retrospective and Current Status in Honor of Robert P. Frankenthal: Proceedings of the International symposium. – Pennington, NJ: The Electrochemical Society Inc., 2002. – P. 430–440. – (Electrochemical Society Proceedings. Vol. 13).

Martinón-Torres M., **Li Xiuzhen**, **Xia Yin**, **Benzonelli A.**, **Bevan A.**, **Ma Shengtao**, **Huang Jianhua**, **Wang Liang**, **Lan Desheng**, **Liu Jiangwei**, **Liu Siran**, **Zhao Zhen**, **Zhao Kun**, **Rehren T.** Surface chromium on Terracotta Army bronze weapons is neither an ancient anti-rust treatment nor the reason for their good preservation // Scientific Reports. – 2019. – Vol. 9, article number 5289. – P. 1–11. – doi:10.1038/s41598-019-40613-7

Pinkowski J. Ancient advanced weapon technology theory debunked by new research // National Geographic (online). – 04.04.2019. – URL:https://www.nationalgeographic.com/culture/article/ancient-terracotta-warrior-chrome-weapon-theory-debunked (дата обращения: 01.09.2021).

Pokorny P., **Tej P.**, **Szelag P.** Chromate conversion coatings and their current application // Metalurgija. – 2016. – Vol. 55, no. 2. – P. 253–256.

Walker R. Corrosion and preservation of bronze artifacts // Journal of Chemical Education. – 1980. – Vol. 57, no. 4. – P. 277–280.

References

Buchheit R.G. Conversion coating science and technology – is it evolving or is it stuck? In *Corrosion Science: A Retrospective and Current Status in Honor of Robert P. Frankenthal: Proceedings of the International symposium*. Pennington, NJ: The Electrochemical Society Inc., 2002. P. 430–440. (Electrochemical Society Proceedings. Vol. 13).

Cong Qin yong chutu jianzu kan Qindai qingtong zhuzao jishu (Qin dynasty's technique of bronze casting as it seen on the arrowheads, excavated together with Qin terracotta figures). *Baidu wenku*, 27.05.2014. P. 1–7. URL:https://wenku.baidu.com/view/29917e1ead02de80d5d8402c.html (Accessed: 01.09.201). (In Chin.).

Dronova N.D., **Portnov A.M.** Priznaki drevnosti kitaiskikh bronzovykh splavov. *Priroda*, 2017, no. 11. P. 11–17. (In Russ.).

Komissarov S.A., **Solovyev A.I.** Popolnenie dlya terrakotovoi armii Pervogo imperatora. In *Aktual'nye voprosy izucheniya istorii, mezhdunarodnykh otnoshenii i kul'tur stran Vostoka*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2020. P. 65–73. (In Russ.).

Komissarov S.A., **Khachaturyan O.A.** Mavzolei imperatora Qin Shihuangdi: Ucheb. posobie. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2010, 216 p. (In Russ.).

Liu Qingzhu, **BaiYunxiang (eds.)**. *Zhogguo kaoguxue: Qin Han quan* (*Chinese Archaeology: Qin and Han*). Beijing: China Social Sciences Press, 2010, 1027 p. (In Chin.).

Martinón-Torres M., **Li Xiuzhen**, **Xia Yin**, **Benzonelli A.**, **Bevan A.**, **Ma Shengtao**, **Huang Jianhua**, **Wang Liang**, **Lan Desheng**, **Liu Jiangwei**, **Liu Siran**, **Zhao Zhen**, **Zhao Kun**, **Rehren T.** Surface chromium on Terracotta Army bronze weapons is neither an ancient anti-rust treatment nor the reason for their good preservation. *Scientific Reports*, 2019. Vol. 9, article number 5289. P. 1–11. doi:10.1038/s41598-019-40613-7

Novikova O.G., **Stepanova E.V.**, **Khavrin S.V.** Izdeliya s kitaiskim lakom iz pazyrykskoi kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2013. Vol. 7, no. 1. P. 112–124. (In Russ.) doi:10.14258/tpai(2013)1(7).-07

Pinkowski J. Ancient advanced weapon technology theory debunked by new research. *National Geographic (online)*, 04.04.2019. URL:https://www.nationalgeographic.com/culture/article/ancient-terracotta-warrior-chrome-weapon-theory-debunked (Accessed: 01.09.2021).

Pokorny P., **Tej P.**, **Szelag P.** Chromate conversion coatings and their current application. *Metalurgija*, 2016. Vol. 55, no. 2. P. 253–256.

Qin Shihuangdi ling zhenbao (Treasures of the Mausoleum of the First Qin emperor). Xian: Shaanxi lüyouchubanshe, 2013, 152 p. (In Chin.).

Qi ji: Qin Shihuang ling*bingmayong (A great wonder: Emperor Qin Shihuang's mausoleum & its terra-cotta warriors and horses). Xian: Shaanxi renmin chubanshe, 2002, 160 p. (In Chin.).

Shijieshang zuizaode duge jishu: Qin yong qingtong bingqi duge jishu (The most ancient technique of chrome plating of the Qin terracotta warriors' bronze weapons) // *News Centre of All-China inform-portal SI*NA, 14.08.2018. URL:http://k.sina.com.cn/article_6515377819_18458c69b00100a916.html (Accessed: 01.09.2021). (In Chin.).

Solovyev A.I., **Komissarov S.A.** Byla li gotova k nebesnym srazheniyam terrakotovaya armiya Pervogo tsin'skogo imperatora? In *Shelkovyi put': istoricheskoe nasledie i sovremennoe razvitie*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2020. P. 30–39. (In Russ,).

Su Yi. Bingmayong qingtong jian jinyong dianziduge (Electro chrome plating appeared to be used for bronze swords of terracotta army). *Ke hai gushi bolan*, 2009, no. 17. P. 13 (In Chin.).

Walker R. Corrosion and preservation of bronze artifacts. *Journal of Chemical Education*, 1980. Vol. 57, no. 4. P. 277–280.

Wang Xueli. Qin yong keng qingtong jian he qingtong zu [Bronze swords from the pit with Qin terracotta warriors and bronze arrowheads]. *Xibei daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)*, 1980, no. 1. P. 107. (In Chin.).

Wang Xueli. Qin han kaogu wenxuan [Selected papers on archaeology of Qin and Han Dynasties]. Xian: San Qin chubanshe, 2008, 431 p. (In Chin.).

Yuan Zhongyi. Qin bingmayong keng (Qin Dynasty's pits with terracotta warriors and horses). Beijing: Wenwu chubanshe, 2003, 213 p. (In Chin.).

Комиссаров С.А. https://orcid.org/0000-0002-7657-054x
Соловьев А.И. https://orcid.org/0000-0003-3891-8944

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0481-0487
УДК 904.5

М.А. Корусенко, Ю.В. Герасимов✉

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Омск, Россия
E-mail: ngajapti@yandex.ru

Могильник Могильно-Старожильское V в Омском Прииртышье как источник по этнокультурной истории региона

В статье представлены результаты изучения курганного могильника у д. Могильно-Старожильское в Большереченском р-не Омской обл., из состава которого изучены пять насыпей. Четыре кургана содержали захоронения, совершенные по обряду трупоположения, а пятая – ритуальный комплекс, который авторы связывают с поминальной обрядностью населения, оставившего памятник. В статье дано описание исследованных комплексов и собранных коллекций, а также выявленных элементов погребального обряда. Исследованы четыре взрослых захоронения и одно детское. Погребения совершены в подпрямоугльных ямах, умерших укладывали вытянуто на спину, головой на юго-запад. В одном случае зафиксировано надмогильное сооружение в виде сруба из пяти венцов в форме усеченной пирамиды. Сопроводительный инвентарь включает элементы конской упряжи, нож, бусины, бляшки, осколок круглого зеркала из белой бронзы. Под насыпью большого ритуального комплекса исследовано несколько объектов, содержащих следы ритуальных (?) трапез, крупный сосуд с остатками пищи и захоронение отчлененной головы и шеи собаки, которое авторы рассматривают как следы жертвоприношения животного. Все погребения взрослых разрушены, скорее всего, в ритуальных целях. На основании анализа собранной коллекции и элементов погребального обряда, памятник может быть датирован периодом XIV–XV вв. и соотнесен с кочевым тюркоязычным населением прииртышской лесостепи, близкого тюркам Барабинской лесостепи. Курганный могильник Могильно-Старожильск V можно рассматривать как источник информации по изучению сложных этнокультурных процессов, происходивших в лесостепи на закате эпохи Средневековья. Полученные данные будут использованы при дальнейшей разработке темы этнографо-археологических комплексов, направленной на исследование этнической истории и культуры аборигенного населения Западной Сибири.

Ключевые слова: *археологические памятники, могильники, Омское Прииртышье, позднее Средневековье, этногенез, этнографо-археологические комплексы Западной Сибири.*

M.A. Korusenko, Yu.V. Gerasimov✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Omsk laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Omsk, Russia
E-mail: ngajapti@yandex.ru

Burial Ground of Mogilno-Starozhilskoe V in the Omsk Irtysh Region as a Source on Ethnic and Cultural History of the Region

This article presents the results of research at the burial ground near the village of Mogilno-Starozhilskoe in Bolsherechensky District of Omsk Region. Five mounds have been studied. Four mounds contained burials according to inhumation rite, and fifth mound was a ritual complex which the authors connected with funeral traditions of the population which created the site. The article describes the complexes and collections, as well as elements of the funeral rites. Four adult and one child burial have been studied. The deceased were buried in subrectangular pits in extended position on their backs with heads directed to the southwest. In one case, a structure above the grave – a logwork of five layers in the form of truncated pyramid – has been discovered. The accompanying inventory included elements of horse harness, knife, beads, plaques, and fragment of a round mirror made of white bronze. Several objects with traces of ritual (?) feasts, large vessel containing food remains, and the buried severed head and neck of a dog, which the authors interpret as signs of animal sacrifice, have been

discovered under the mound of large ritual complex. All adult burials had been destroyed, most likely for ritual purposes. The analysis of the collection and elements of the funeral rite made it possible to date this site to the 14th–15th centuries and connect it with the nomadic Turkic-speaking population of the Irtysh forest steppe, closely related to the Turks of the Baraba forest steppe. The Mogilno-Starozhilskoe V burial ground represents a rich source of information for studying sophisticated ethnic and cultural processes in the forest steppe in the Late Middle Ages. The research data will be used for further study of ethnographic archaeological complexes expanding our knowledge of ethnic history and culture of the indigenous population which lived in Western Siberia.

Keywords: *Archaeological sites, burial mounds, Omsk Irtysh region, Late Middle Ages, ethnogenesis, ethnographic-archaeological complexes of Western Siberia.*

Курганный могильник Могильно-Старожильское V расположен в зоне северной лесостепи Западной Сибири, в пойме левого берега р. Иртыш на пойменном останце, известном как «урочище Могильная/Могильская роща», возвышающемся над уровнем поймы до 2 м. Южная часть занята березовой рощей, в северной расположены посадки сосны, вдоль юго-восточного склона протекает пойменная р. Карасук. Памятник насчитывает 79 насыпей, массив которых вытянут по линии СВ–ЮЗ, в соответствии с контурами останца, в его планиграфической структуре выделяются пять извилистых рядов различной протяженности и наполненности. Наибольшая плотность насыпей фиксируется в центральной части памятника, размер курганов здесь от 4,5 до 10 м. На восточном склоне гривы преобладают насыпи крупных размеров – от 7 до 11 м, расположены они более разреженно.

В 2018–2019 гг. авторы исследовали пять насыпей из состава комплекса в рамках изучения погребального обряда коренного населения Среднего Прииртышья как источника по этнокультурной истории региона. Для раскопок были выбраны насыпи, расположенные у СВ и ЮЗ окраин памятника. В 2018 г. раскопом площадью 260 м^2 исследованы кург. № 1 (диаметром 6,5 и высотой 0,55 м) и 2 (высотой 0,6 и диаметром 7,7 м). В 2019 г. индивидуальными раскопами исследованы насыпи № 41 (диаметром 9,5 и высотой 0,7 м), 28 (диаметром 7,5 и высотой 0,5 м) и 29 (диаметром 6 и высотой 0,5 м). Стратиграфические наблюдения показали однообразную картину на всех пяти насыпях, отражающую возведение грунтовой насыпи кургана на древней дневной поверхности.

При разборке насыпи № 1 собрано небольшое скопление керамики, включающее фрагменты сосуда, орнаментированного каплевидными насечками, в насыпи кург. № 2 находки отсутствовали. При снятии насыпей кург. № 28, 29, 41 собраны фрагменты керамики переходного времени от поздней бронзы к раннему железному веку, происхождение которых следует связывать с расположенным у СВ оконечности памятника городищем Могильно-Старожильск XVIII (МС XVIII) этого же времени. Под кург. № 1, 28, 29 обнаружено по одной могиле, в кург. № 2 – две, под насыпью № 41 погребений не было, но исследован комплекс, связанный с поминальной обрядностью населения.

Могила, расположенная в центре насыпи № 1, представляет собой яму овальных очертаний, размерами 2 × 2,5 м, углубленную в материк на 0,48 м, ориентированную ЮЮЗ – ССВ. Погребение сильно потревожено, кости свалены в кучу в ЮЗ части ямы. При выборке ямы была обнаружена оловянная бляшка диаметром 1,6 и толщиной 0,2 см, и прямоугольная костяная обоймочка. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Над погребением была сооружена насыпь, позже разрушенная и вновь восстановленная в ходе ритуала обезвреживания покойника. Отметим, что между совершением погребения и ритуала прошло время, достаточное для того, чтобы разложились связки костяка.

В 1,1 м к северу от могилы обнаружена ямка овальных очертаний, с отвесными стенками и чашевидным дном, размером 0,8 × 0,54 × 0,2 м, вытянутая с ЗЮЗ на ВСВ. В восточной части ее обнаружены чешуя, фрагменты костей и трех черепов рыб, лежащие плотной группой в пятне серой пылеватой супеси, которая по своей структуре отличается от основного заполнения; интрузии аналогичного состава читаются в материковой супеси под скоплением костей. Объект имеет отношение к поминально-погребальному циклу, но его конкретная роль пока остается неясной.

Под насыпью № 2 расчищено надмогильное сооружение в виде прямоугольного пирамидального сруба из 5 венцов, размером 3 × 4 м, ориентированного длинной осью по линии ЮЗ – СВ, сложенного из расколотых продольно бревен. В северной части на сооружении зафиксированы следы воздействия огня, ЮЗ угол конструкции разрушен в результате позднего вторжения в насыпь холма для размещения погребения № 1А.

Могила № 1А (подхоронение ребенка) ориентирована по линии З – В, расположена к ЮЗ от сруба, ее размеры 1,4 × 1,35 м, глубина – 23 см от уровня материка. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на запад. Вдоль южной стенки за-

фиксированы остатки двух плашек перекрытия общим размером 73 × 17 см.

Могила № 1Б (основная) ориентирована по линии ЮЗ – СВ, ее размеры составляют 2,36 × 1,4 м, глубина – 76 см от уровня материка. При расчистке заполнения ямы обнаружена грушевидная свинцово-оловянистая подвеска. Остатки костяка обнаружены кучей в ЮЗ части ямы, свидетельствуя о ритуальном разрушении погребения. В россыпи костей обнаружены обломок железного ножа и бусина.

Процесс формирования комплекса реконструируется следующим образом. Хронологически первым было совершено центральное захоронение № 1Б. Вначале была вскрыта могильная яма, в которую помещен умерший, в верхней плечевой одежде, на что могут указывать оловянисто-свинцовая подвеска, бусина и нож. Затем могила была засыпана, установлено надмогильное сооружение, имитирующее сруб из пяти венцов, которое было подожжено в северной оконечности, и в этот же момент начато сооружение насыпи кургана. Некоторое время спустя часть насыпи была вскрыта, южный угол сруба был разломан для сооружения детского погребения. После этого насыпь восстановили, и следующее ее разрушение произошло уже в связи с ритуалом обезвреживания покойного. Интересно отметить, что захоронение в могиле № 1А осталось нетронутым.

В кургане № 28 захоронение взрослого располагалось в подовальной яме размером 0,68 × 1,35 м, глубиной 0,78 м от уровня материка, ориентированной СЗЗ – ЮВВ. Захоронение в древности подверглось ритуальному разрушению, в результате которого костяк почти полностью уничтожен, после чего яма была засыпана, часть костей сброшена в могилу: в западной части ямы лежат обломки черепа и один фрагмент трубчатой кости, второй обнаружен в восточной части ямы. Остатки сопроводительного инвентаря, зафиксированные при раскопках кургана, включают железные кольчатые удила и осколок круглого зеркала из белой бронзы.

В кургане № 29 изучено погребение взрослого человека, расположенное на древней дневной поверхности. Погребение в древности подверглось ритуальному разрушению, верхняя часть костяка до пояса отсутствует, ниже кости лежат в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой к юго-западу. Череп лежит нижней частью вверх в ЮЗ части могилы.

Интересный комплекс, включающий 9 ям различной конфигурации, открыт под насыпью № 41. Объект № 1, расположенный в юго-западном секторе кургана, представляет собой яму размером 1,0 × 0,85 × 0,2 м, с отвесными стенками и чашевидным дном, в которой обнаружены обломок кости животного и пять фрагментов керамики. Объект № 2 обнаружен к северо-востоку от описанного в виде аморфной ямы с отвесными стенками и уплощенным дном, размером 1,78 × 0,93 × × 0,4 м, ориентированной по линии З – В. В яме обнаружен развал большого керамического сосуда, поставленного устьем вверх, с остатками жертвенной пищи. Объект № 3 расположен в центре насыпи со смещением к востоку и представляет собой аморфную яму с пологими стенками, размером 2,78 × 1,77 × 0,2 м и двумя углублениями в юго-восточной и северо-западной частях объекта, глубиной 0,36 и 0,68 м соответственно. В яме обнаружено более полутора сотен осколков костей, в числе которых зубы, трубчатые, челюсти, лопатки, принадлежащие разным особям травоядных животных. Объект № 4 – яма аморфных очертаний с отвесными стенками и ровным дном, размером 1,95 × 2 × × 0,3 м, южным контуром смыкающаяся с объектом № 2; находки представлены осколками костей животных и фрагментами керамики. Объект № 5, в виде аморфной ямы размером 2,7 × 1,35 × 0,53 м, прослежен в СВ секторе кургана. Здесь обнаружено 12 осколков костей животных, 8 фрагментов керамики, бронзовое долото и неопределимое железное изделие. Объект № 6 лежит в 0,6 м к юго-востоку от № 5, в восточной части насыпи. Он представляет собой комплекс из четырех ям, ориентированный по линии ССЗ – ЮЮВ, с отвесными стенками и ровным дном, размером 3,2 × 1,4 × 0,34 м. При разборе объекта в северной яме, самой крупной в комплексе, расчищены череп и шесть позвонков шейного отдела некрупной взрослой собаки (определение А.А. Бондарева, г. Омск), ориентированные по линии С – Ю. Объект № 7 – это подовальная яма с пологими стенками и чашевидным дном размерами 0,94 × 0,53 × 0,15 м, в верхних слоях заполнения которой собрано 18 мелких фрагментов керамики. Объект № 8 – овальная яма чашевидного профиля размерами 0,8 × 0,4 × 0,09 м, без находок. Объект № 9 морфологически аналогичен предыдущему, его размеры 0,85 × 0,44 × 0,12 м, в заполнении зафиксированы 3 фрагмента керамики. Ямы № 7–9 лежат в ЮВ секторе насыпи, у ее кромки и не содержат находок.

Описанные объекты представляют собой единый поминально-ритуальный комплекс. Все находки в раскопе кургана № 41 обнаружены только в пределах контура насыпи, на прилегающих участках слой стерилен, что свидетельствует о сооружении насыпи из грунта, принесенного либо непосредственно с площадки городища МС XVIII, либо с примыкающей к нему территории. Последовательность сооружения объектов нам видится

следующей. Вначале были удалены почва и верхняя часть подстилающего слоя в северо-западном и западном секторах будущей насыпи. На открытой площадке были сооружены объекты № 1, 2, 4, соединенные неглубокой канавкой. Затем в объект № 2 был помещен сосуд с жертвенной пищей, после чего ямы были засыпаны. Засыпка объекта № 4 ненамного превышала уровень поверхности, а над объектом № 2 была возведена небольшая насыпь. Затем было выбрано углубление объекта № 5, грунт из которого перекрыл объекты № 2, 4; он так же был засыпан принесенным грунтом. Вероятно, примерно в это же время был сооружен объект № 6, содержащий «захоронение» части костяка собаки. Объекты № 1–2, 4–6 образовали дугу, обращенную к северу. После этого в центре дуги была вскрыта яма объекта № 3, грунт из которой был отброшен к северу, перекрыв седловину между объектами № 2, 4 и № 5, 6. Объект сооружался в несколько этапов. На первом было выбрано углубление в северной части, которое заполняли обломками костей, оставшимися от ритуальных трапез. Слои костей не менее трех раз пересыпали грунтом, содержащим остатки культурного слоя городища МС XVIII. По достижении нижней границы почвенного слоя к югу и юго-востоку от ямы было вскрыто еще одно углубление до уровня материка, грунт из которого был сброшен на засыпку первой ямы объекта № 3. В углубление попали несколько крупных костей животных, которые можно связывать с ритуальными действиями населения, оставившего могильник, затем оно было засыпано грунтом с остатками культурного слоя городища МС XVIII. Вероятно, в финале были вскрыты ямы объектов № 7–9, назначение которых и связь с остальными объектами неясны. После этого бугристая поверхность была выровнена принесенным грунтом до куполовидного профиля.

Рис. 1. Курганный могильник Могильно-Старожильск V, находки. Керамический сосуд из об. 2 кург. 41.

Большая часть керамики, обнаруженной в насыпях, датируется переходным временем от поздней бронзы к раннему железному веку и связана с городищем МС XVIII. Сосуд из объекта № 2 кург. 41 (рис. 1) горшковидный, с максимальным расширением в верхней трети, дно приостренное, шейка слегка отогнута наружу. Высота сосуда составляет 42 см, диаметр горлышка – 32 см, тулова – 38 см при ширине стенок 0,5–0,7 см. Срез венчика округлый, без орнамента. Переход от шейки к плечикам опоясан рядом ямок, плечики украшены тремя рядами оттисков гладкого штампа, образующих горизонтальную елочку. Ниже идет ряд строенных семечковидных вдавлений, еще один ряд таких же оттисков опоясывает сосуд по нижней трети, отделяя придонную часть. На сосуде отмечены следы ремонта в виде двух парных сквозных отверстий. Цвет черепка коричневый, на изломе – темно-серый, структура теста однородная, с добавками шамота и песка. По ряду признаков (профилировка, округлый венчик, орнаментальные мотивы) сосуд ассоциируется с керамическими традициями усть-ишимской культуры, но выделяется отсутствием орнаментации по срезу венчика, бедностью композиции и разреженностью орнаментального поля. Учитывая перечисленные особенности, авторы полагают возможным датировать сосуд в пределах XIII–XV вв.

С погребальным комплексом кург. № 1 следует связывать развал стенки плоскодонного сосуда, обнаруженный в насыпи (рис. 2, *7*). Черепки плотные, серо-коричневых оттенков, с примесью шамота. Основными элементами орнамента являются оттиски треугольной, квадратной или округлой палочки, горизонтальные или диагональные оттиски гребенчатого штампа, ямки, жемчужины и насечки. Ближайшие аналоги описанной керамики известны в могильниках Крючное 6 и Черталы III, расположенных в среднем течении р. Тара, в предтаежной зоне, и датируемых XV–XVI вв. н.э. [Позднесредневековье…, 2012, рис. 40; Герасимов, Корусенко, 2014, с. 149]. Близкие по орнаментике сосуды зафиксированы Кыштовском могильнике, датировка которого укладывается в пределы XVII–XVIII вв. [Молодин, 1977, рис. 22, *1, 4*].

Подвеска из кург. 1, выполненная из оловянисто-свинцового сплава в форме шестилепесткового цветка, имеет диаметр 1,5–1,6 и толщину 0,2 см

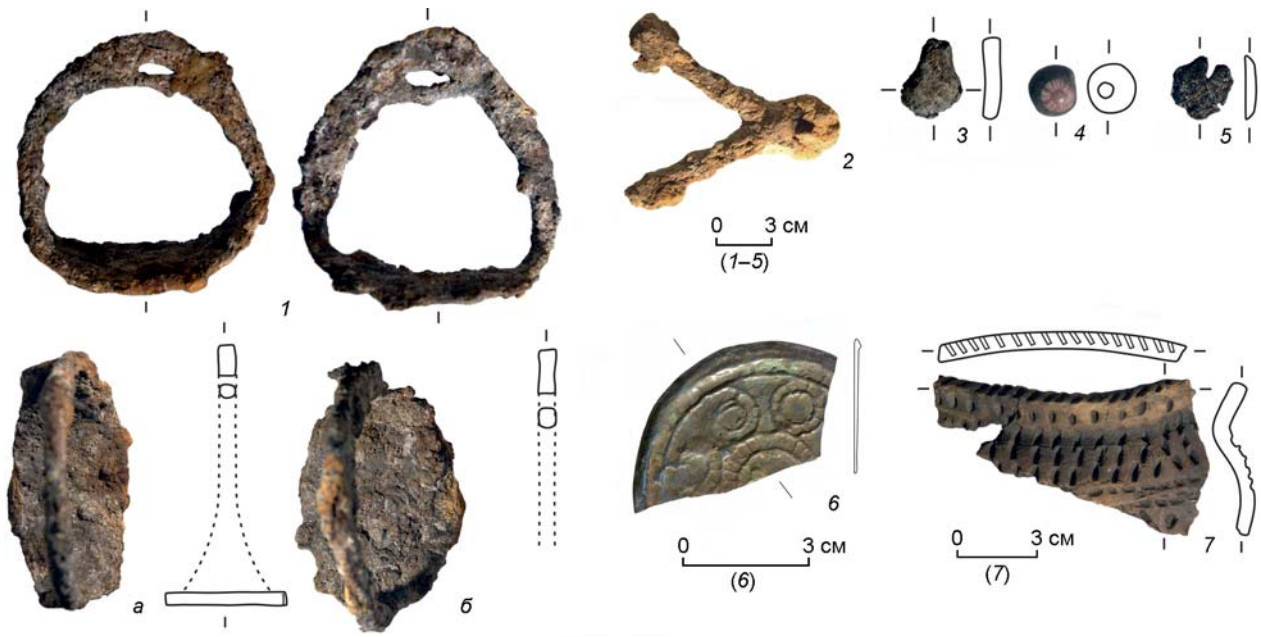

Рис. 2. Курганный могильник Могильно-Старожильск V, находки.

1 – стремена из мог.1 кург.1; *2* – удила из кург. 28; *3* – подвеска из мог. 1Б кург. 2; *4* – бусина из мог. 1Б кург. 2; *5* – бляшка из кург. 1; *6* – осколок зеркала из кург. 28; *7* – фрагмент венчика сосуда из насыпи кург. 1.

(рис. 2, *5*). Подобные изделия, выполненные из бронзы, известны в составе коллекции могильника Чепляpово 27 из Тарского Прииртышья, датируемого XVI–XVIII вв. [Корусенко, Баранова, 2012, рис. 10]. Плоская грушевидная подвеска из кург. 2 (рис. 2, *3*) также изготовлена из оловянисто-свинцового сплава, точных аналогов найти пока не удалось, но бляшки из подобного материала известны в коллекции могильника Черталы III, датируемого XIII–XIV вв [Баранова, Герасимов, Корусенко, 2014, с. 165].

Стремена из кург. 1 железные, кованные, одно арочной формы, с широкой подножкой, второе округлое, его подножка более узкая (рис. 2, *1а, б*). Размеры изделий 14–15 х 15 см, в верхней части расположены прямоугольные петли, пробитые в уплощенном центре дужек. Подобные изделия имеют широкий ареал распространения – от Забайкалья до степей Восточной Европы. Территориально ближайшие аналоги обнаружены в могильниках Абрамово-10 (Центральная Бараба XV–XVII вв. [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 60, *1*]), Окунево VII (Тарское Прииртышье, XVI–XVII вв. [Матющенко, 2003, рис. 65]).

Бусина из кург. 2 сферическая, изготовлена из стеклянной пасты черного цвета, диаметр 1,2–1,3 см, с трех сторон бусина декорирована: в центре белого поля красный глазок, от которого во все стороны расходятся красные лучи (рис. 2, *4*). Точных аналогий предмету подобрать пока не удалось, но в коллекции могильника Паново I, датированного XI–XIV вв., известна близкая по декору бусина [Коников, 2020, с. 124].

Нож из кург. 2 черешковый, его общая длина 15 см, из которых 10 см приходятся на прямоугольный в сечении черешок толщиной 4 и шириной 8,7 мм. Клинок с прямой спинкой, треугольный в сечении, острие отломано, от рукояти отделен уступами, смещен вверх относительно черешка. На клинке сохранились фрагменты дерева от ножен. Ножи такого типа хорошо известны в средневековых древностях Западной Сибири и сопредельных территорий. Исследователи соотносят их с традиционными предметами коренного населения, на смену которым с XVII столетия приходят изделия русских кузнецов [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 45].

Железные удила из кург. 28 имеют квадратные в сечении грызла, сплющенные края которых изогнуты в петлю, удерживающую кольчатые псалии (рис. 2, *2*). Изделия такого типа получают широкое распространение начиная с XIII–XIV вв. и практически не меняются вплоть до современности [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 82].

Фрагмент зеркала из белой бронзы размером 61 × 32 × 1–2 мм, диаметр изделия достигал 68 мм (рис. 2, *6*). Лицевая сторона гладкая, изнаночная орнаментирована концентрическими кругами, соединенными «спицами». По внешнему полю располагаются 8 небольших окружностей, одним краем примыкающие к внешней части центральной композиции, другим к бортику. Аналоги известны

в материалах Болгара, Г.Ф. Полякова выделяет их в группу В-I-23б, которая датируется XIII–XIV вв. [Город Болгар, 1996, с. 218–228]. К.А. Руденко относит такие зеркала к типу Д-III и находит аналоги в китайско-киданьских прототипах конца XI – начала XIII в. [Руденко, 2004, с. 115].

Захоронение животного, аналогичное найденному в объекте № 6, зафиксировано Б.А. Кониковым на курганном могильнике Иванов Мыс I в Тевризском р-не Омской обл., датированном XIII–XIV вв. н.э. [Коников, 2019, с. 40].

Интересная особенность погребального обряда, зафиксированная в к. 2 – сооружение сруба, который был подожжен и потушен в процессе возведения насыпи. Аналогичный ритуал отмечен на могильнике Осинцево IV в Барабе, датированном XI–XII вв. [Бараба…, 1988, с. 104], но, в отличие от него, на наших курганах не отмечено признаков ровиков, характерных для памятников развитого Средневековья [Там же, с. 106]. В более позднее время, в XVI–XVIII вв. указанный ритуал получает широкое распространение на памятниках исторических предков тарских татар [Корусенко, 2003].

Таким образом, на основании анализа сопроводительного инвентаря и элементов погребальной обрядности исследованные комплексы могут быть датированы периодом XIV–XV вв.

В целом изученные погребения следует связывать с кочевым населением прииртышской лесостепи, возможно, тюркоязычным, по культурным особенностям сближающегося с тюрками Барабинской лесостепи, имевшими контакты с аборигенным населением южной тайги. В таком случае, могильник МС V можно рассматривать как свидетельство сложных этнокультурных процессов, происходивших в лесостепи Западной Сибири на закате эпохи Средневековья, которые требуют дальнейшего изучения. Например, зафиксированные в различных частях могильника следы ритуала обездвиживания покойных, косвенно могут свидетельствовать о смене групп населения на этой территории.

Список литературы

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Баранова Н.С., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Средневековые погребения из состава могильника Черталы 4: некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 164–169.

Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Погребальный комплекс Черталы: раскопки 2014 года и некоторые итоги изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX – С. 146–149.

Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Л.Л. Савченкова, Ю.А. Семыкин, Г.Ф. Полякова, Т.А. Хлебникова, Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов. – Казань, б/и, 1996. – 300 с.

Коников Б.А. Иванов Мыс I, курганный могильник. Тевризский район, Омская область. – Омск: Амфора, 2019. – 126 с.

Коников Б.А. Паново I, курганный могильник. Усть-Ишимский район, Омская область. – Омск: Амфора, 2020. – 148 с.

Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XVIII вв. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2003. – Т.7. – 192 с.

Корусенко М.А., Баранова Н.С. Опыт реконструкции предметов одежды и украшений позднесредневекового населения бассейна реки Тары (по материалам могильника Чеплярово 27 // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т.12. Омск: Наука, 2012. – С. 208–226.

Матющенко В.И. Могильник на Татарской увале у д. Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 64 с.+93 илл. (Новое в археологии Прииртышья. Вып. 3).

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977. – 184 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 262с;

Познесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) / Молодин В.И., Новиков А.В. Поздняков Д.В., Соловьев А.И. – Новосибирск: б. и. 2012 г. – 162 с.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. – Казань, 2004. – № 1–2 (12–13). – С. 111–156.

References

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S., Sobolev V.I., Polosmak N.V., Sidorov E.A., Solovev A.I., Borodovskij A.P., Novikov A.V., Kim A.R., Chikishshheva T.A., Belanov P.I. Baraba v tjurkskoe vremja. Novosibirsk: Nauka, 1988, 176 p. (In Russ.).

Baranova N.S., Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. Srednevekovye pogrebeniya iz sostava mogil'nika Chertaly 4: nekotorye rezul'taty izucheniya. In *Problems archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring*

Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. XVIII. P. 164–169. (In Russ.).

Gerasimov Y.V., Korusenko M.A. Chertaly Burial Ground: Excavation of the 2014 and Research Results. In *Problems archaeology, Eethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. XX. P. 146–149. (In Russ.).

Savchenkova L.L., Semykin Yu.A., Poljakova G.F., Hlebnikova T.A., Muhametshin D.G., Hakimzjanov F.S. Gorod Bolgar: Remeslo metallurgov, kuznecov, litejshhikov. Kazan', s. n., 1996, 300 p. (In Russ.).

Konikov B.A. Ivanov Mys I, kurgannyi mogil'nik. Tevrizskii raion, Omskaya oblast'. Omsk: Amfora, 2019, 126 p. (In Russ.).

Konikov B.A. Panovo I, kurgannyj mogil'nik. Ust'-Ishimskij rajon, Omskaja oblast'. Omsk: Amfora, 2020, 148 p. (In Russ.).

Korusenko M.A. Pogrebal'nyj obrjad tjurkskogo naselenija nizov'ev r. Tara v XVII–XVIII vv. In *Jetnografo-arheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sociuma*. Vol.7. Novosibirsk: Nauka, 2003, 192 p. (In Russ.).

Korusenko M.A., Baranova N.S. Opyt rekonstrukcii predmetov odezhdy i ukrashenij pozdnesrednevekovogo naselenija bassejna reki Tary (po materialam mogil'nika Chepljarovo 27. In *Jetnografo-arheologicheskie kompleksy. Problemy kul'tury i sociuma.* T.12. Omsk: Nauka, 2012. P. 208–226. (In Russ.).

Matjushhenko V.I. Mogil'nik na Tatarskoj uvale u d. Okunevo (Om VII). Raskopki 1998, 1999 godov. Omsk: Omsk State Univ. Press., 2003, 64 p. (Novoe v arheologii Priitysh'ja. Iss. 3). (In Russ.).

Molodin V.I. Kyshtovskij mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1977, 184 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v jepohu pozdnego srednevekov'ja. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1990, 262 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Pozdnjakov D.V., Solov'ev A.I. Poznesrednevekovye kompleksy na ozere Krjuchnoe (Srednjaja Tara) Novosibirsk: s. n. 2012, 162 p. (In Russ.).

Rudenko K.A. Metallicheskie zerkala zolotoordynskogo vremeni iz sobranija Nacional'nogo muzeja Respubliki Tatarstan. *Tatarskaja arheologija*. Kazan', 2004, no 1–2 (12–13). P. 111-156. (In Russ.).

Корусенко М.А. https://orcid.org/0000-0001-7004-1287
Герасимов Ю.В. http://orcid.org/0000-0002-5066-576X

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0488-0496
УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Светлой памяти Владимира Дмитриевича Кубарева,
отца, учителя, коллеги, страстного исследователя Алтая,
в год его 75-летия посвящается

Исследование петроглифов нижнего течения р. Чуи на Алтае

Статья посвящена результатам работ автора по поиску, копированию и интерпретации новых петроглифов и надписей в нижнем течении р. Чуи (Онгудайский р-н Республики Алтай), а также документированию гравированных изображений на широко известном местонахождении петроглифов Калбак-Таш I. Несмотря на более чем столетнюю историю изучения петроглифов Калбак-Таша и монографические публикации его материалов В.Д. Кубаревым, плоскости с гравированными рисунками остались необработанными, либо качество их копирования является недостаточно высоким. Автор кратко рассматривает историю исследования петроглифов Калбак-Таша I, в том числе работы разных исследователей по документированию гравировок на этом памятнике в последние несколько лет. В статье обсуждаются технические трудности в копировании тонких резных изображений на скалах, особенно в составе больших разновременных композиций. Дается ретроспектива развития методики по копированию гравировок и использованию для этой цели как транспарентных материалов, так и цифровой фотографии. Автор приходит к выводу, что для больших по размеру композиций лучшей методикой является их совместное использование. Приводятся предварительные результаты обработки больших гравированных композиций на плоскостях скалы I Калбак-Таша. Вероятней всего можно выделить два хронологических пласта налегающих друг на друга гравировок: хуннского времени и раннесредневекового периода. На одной из плоскостей памятника автором была обнаружена и скопирована новая руноподобная надпись. Результатом проведенных разведочных работ на правом берегу р. Чуи на участке от бома Калбак-Таш до с. Иодро стало обнаружение новых компактных местонахождений петроглифов и двух надписей (руноподобной строки и надписи, выполненной уйгурским письмом черной краской). Основной массив петроглифов местонахождения Иодро, включая центральную многорядную ярусную композицию, относится к эпохе бронзы – раннему железному веку. Однако здесь зафиксированы и раннесредневековые изображения оленей.

Ключевые слова: *Алтай, петроглифы, гравировки, Калбак-Таш, Иодро, многорядная ярусная композиция, эпоха бронзы, скифский и древнетюркский периоды*.

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Study of Petroglyphs in the Lower Reaches of the Chuya River in the Altai

This article describes the results of author's work on searching, copying, and interpreting new petroglyphs and inscriptions in the lower reaches of the Chuya River (Ongudaysky District of the Altai Republic) as well as documenting engraved images at the well-known petroglyphic site of Kalbak-Tash I. Despite over a century of studying the petroglyphs at Kalbak-Tash and its monographic publications by V.D. Kubarev, the surfaces with engraved drawings have remained unprocessed or quality of their copying was not high enough. The author briefly examines the history of research into the Kalbak-Tash I petroglyphs, including the works of various scholars on copying the engravings at that site in the recent years. The article discusses technical difficulties in copying fine engravings on rocks, especially if they are a part of large compositions of different periods. History of elaborating techniques for copying engravings and use of both transparent materials and digital photography

for this purpose is provided. The author concludes that the best technique for large compositions is to use them as a whole. Preliminary results of coping large engraved compositions on the surfaces of rock I at Kalbak-Tash are presented. Most likely, two chronological layers of overlapping engravings can be distinguished: the Hunnic period and Early Middle Ages. On one of the surfaces, the author discovered and copied a new rune-like inscription. The survey which was conducted on the right bank of the Chuya River in the area from the cliffy bank of Kalbak-Tash to the village of Iodro resulted in discovering new compact petroglyphic sites and two inscriptions (a rune-like line and inscription made in the Uighur script in black paint). The main cluster of petroglyphs from the Iodro site, including the central multi-row tiered composition, belongs to the Bronze Age – Early Iron Age. However, Early Medieval images of deer were also found there.

Keywords: *Altai, petroglyphs, engraving, Kalbak-Tash, Iodro, multi-row tiered composition, Bronze Age, Scythian and Ancient Turkic periods.*

Введение

В начале 1990-х гг. В.Д. Кубарев и Е.П. Маточкин обобщили данные о 172 памятниках наскального искусства на территории Республики Алтай [Кубарев, Маточкин, 1992]. С тех пор исследование петроглифов Алтая продолжалось самым активным образом, прежде всего, силами петроглифоведов-археологов, а также любителей (искусствоведов, художников, архитекторов и пр.). За это время опубликовано несколько монографий и десятки статей, как по новым, так и по уже известным местонахождениям петроглифов Алтая. Без преувеличения можно сказать, что практически каждый год ведет к открытию новых пунктов петроглифов, пусть зачастую довольно компактных, но от этого не менее интересных и значимых. Не ослабевает интерес и к, казалось бы, досконально изученным и хорошо известным памятникам наскального искусства.

В полевом сезоне 2021 г. автором были продолжены археологические разведочные работы по поиску новых наскальных изображений и эпиграфики на территории нижнего течения р. Чуи (Онгудайский р-н Республики Алтай), а также работы по фиксации сцен граффити на местонахождении Калбак-Таш I. Их результатом стало обнаружение новых компактных местонахождений петроглифов, обработка нескольких крупных сцен граффити на памятнике Калбак-Таш I и обнаружение трех надписей (двух руноподобных и одной надписи, выполненной уйгурским письмом черной краской).

История изучения Калбак-Таша I

История изучения петроглифов Калбак-Таша, по-видимому, насчитывает более ста лет [Кубарев В.Д., 2011, с. 8]. Первооткрывателем этого выдающегося петроглифического памятника, вероятно, нужно считать художника Д.И. Кузнецова из г. Бийска, который в 1912 г. сделал на нем первые зарисовки наскальных рисунков [Хороших, 1949, рис. 50, 51].

В 1979 г. петроглифы Калбак-Таша были заново открыты археологами ИИФФ СО АН СССР (в настоящее время – ИАЭТ СО РАН). В 1980 и 1981 г. петроглифы Калбак-Таша были полностью скопированы (во всяком случае, как это представлялось исследователям) и по итогам работ было опубликовано несколько небольших статей [Окладникова, 1981, 1987]. По оценке Е.А. Окладниковой, на Калбак-Таше ими было зафиксировано более 200 композиций, из которых 5 – в технике гравировки, а также одна руноподобная надпись [Окладникова, 1987, с. 98,99]. Менее четверти из них были представлены в публикациях, в очень мелком размере, с отсутствием масштаба и какой-либо нумерации [Там же, рис. 1–6].

В 1984–1988 и 1991 г. В.Д. Кубарев проводил исследования на Калбак-Таше I. Итогом стала целая серия научных публикаций, две из которых являлись монографиями [Kubarev, Jacobson, 1996; Кубарев, 2011]. В общей сложности им было обработано и скопировано 3720 рисунков, входивших в состав 662 композиций или в качестве отдельных изображений [Кубарев, 2011, с. 14, 125–333]. Многие из них были очищены от лишайника, земли и камней. 19 композиций и отдельных фигур из общего числа были выполнены в технике гравировки. В.Д. Кубарев заложил на Калбак-Таше I два раскопа у основания скал с петроглифами, в которых обнаружил заготовки каменных орудий, «чашечку» со следами растирания темно-красной охры и пр. [Там же, с. 15, рис. IV]. В юго-восточной части святилища Калбак-Таш им было раскопано погребение в каменном ящике эпохи бронзы, а в трехстах метрах к югу – три пазырыкских кургана [Там же, с. 16,17, прил. V, фото 83].

Открытая в 1980 г. Е.А. Окладниковой руноподобная надпись вошла в число двенадцати надписей, обнаруженных и обработанных В.М. Наделяевым в том же году [Кубарев, 2011, с.8]. При сплошных съемках петроглифов в 1987 г. В.Д. Кубарев обнаружил еще 8 руноподобных надписей [Там же, с.9].

Казалось бы, петроглифы Калбак-Таша I исчерпывающе исследованы, однако В.Д. Кубарев отмечал, что: «... на памятнике осталось несколько

необработанных плоскостей с тонкими, слабо различимыми граффити. Они будут исследованы, когда появятся новые технические возможности для более точного копирования рисунков» [Кубарев, 2011, с. 14]. Несмотря на монографические издания петроглифов Калбак-Таша, изучение раннесредневековой эпиграфики и гравированных рисунков в разные годы было продолжено. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. усилиями тюркологов И.Л. Кызласова, Д.Д. Васильева, М. Эрдала, И.А. Невской, Л.Н. Тыбыковой и др. были открыты новые руноподобные надписи, предложено то или иное их прочтение [Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012, с. 69–94]. В общей сложности на скальных плоскостях Калбак-Таша удалось зафиксировать 31 руноподобную надпись, что выдвинуло этот памятник на первое место на территории всей Южной Сибири по количеству образцов раннесредневековой эпиграфики.

В 2007 г. Е.А. Миклашевич и А.Н. Мухарева с помощью очистки горизонтальных скальных поверхностей от лишайников обнаружили и скопировали на памятнике Калбак-Таш I незаурядные петроглифические композиции (изображения хищников скифского времени, «свернувшейся пантеры» и др.), выполненные как в технике гравировки, так и выбивки [Миклашевич, Мухарева, 2011, рис. 1–3; Миклашевич, 2012, рис. 3, 4]. В разные годы автор данной статьи также документировал разновременные и зачастую уникальные граффити этого памятника – сцены терзания, парциально изображенных хищников и «олене-грифонов» [Кубарев, 2013, рис. 1,2; 2019, рис. 1, *1*; 2; 3, *1*]. Собрание раннесредневековых тамг Калбак-Таша было мной заново скопировано и уточнено. Идентификация калбак-ташских тамг с конкретными токуз-огузскими и другими южносибирскими племенами позволила выдвинуть гипотезу о собрании знаков, как свидетельстве создания антиуйгурской коалиции племен во главе с алтайскими карлуками в период внутренних войн в Уйгурском каганате в правление Элетмиш Бильге-кагана (747–759 гг.) [Кубарев, 2018].

Таким образом, исследование уникального петроглифического святилища Калбак-Таш I идет по пути все большего охвата всего массива наскальных рисунков и эпиграфики, более качественной их фиксации и дальнейшего осмысления, датировки и интерпретации. Если первые исследователи на глаз зарисовывали отдельные рисунки или фигуры, то последующие за ними археологи сплошной съемкой пытались скопировать все наскальные изображения. Несмотря на десятки статей и монографические публикации Калбак-Таша I, процесс документирования наскальных рисунков памятника нельзя считать исчерпывающим и он продолжается по сегодняшний день. Особое внимание в подобном документировании должно быть уделено гравировкам.

Методика прорисовок граффити

На трудности копирования гравированных рисунков обращали внимание многие петроглифоведы-археологи [Окладникова, 1988, с. 141; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 30; Кубарев, 2011, с.14; Черемисин, 2011; Миклашевич, 2012 и др.]. Так, Е.А. Окладникова разработала свою технику копирования резных изображений: хорошо видимые при косом освещении рисунки прочерчивались мягким острозаточенным грифелем, затем рисунок покрывался смоченной в воде микалентной бумагой, сквозь которую прочерченные лини и проступали. Они повторно обводились по мокрой бумаге прямо на скале [Окладникова, 1988, с. 141]. В 1980-х – начале 1990-х гг. археологи копировали граффити на полимерные прозрачные материалы шариковыми ручками, а позднее и перманентными маркерами. Трудности копирования граффити на полимерные материалы перманентными маркерами (изменение освещенности под прозрачной пленкой, блики, более толстая линия маркера, нежели прорезанная на скале линия), о которых пишет Д.В. Черемисин [2011], вполне очевидны и с ними сталкивались все исследователи, пытавшиеся когда-либо копировать тонкие резные рисунки. Также вполне очевидны и преимущества цифровой фотографии для прорисовки граффити (возможность многократно увеличить изображения, «склеить» их в одну композицию, прорисовать рисунок в графическом редакторе и т.п.) [Черемисин, 2011, с. 176; Миклашевич, 2012, с. 167].

Методика прорисовки сцен граффити в графическом редакторе по предварительно «склеенной» из отдельных фрагментов композиции, предложенная Е.А. Миклашевич [2012, с. 167], заслуживает самого большого внимания и высокой оценки. Существенным минусом этой методики является объективная сложность фотосъемки отдельными кадрами большой скальной поверхности строго под прямым углом и на одинаковом расстоянии от нее. Далеко не все скальные поверхности являются горизонтальными и идеально ровными (часто они имеют закругления и перепады), и чем больше петроглифическая композиция (например, 3 × 2 м), тем сложнее без искажений ее сфотографировать. Именно поэтому я предпочитаю копировать подобные большие композиции на полимерные материалы перманентными маркерами и тщательно фотографировать отдельные фигуры или группы

фигур цифровым фотоаппаратом. Впоследствии, имея своеобразную основу в виде прорисовки на полиэтилене, на которой соблюдены пропорции и размеры основных фигур, расстояния между ними, происходит уточнение отдельных фигур или групп фигур по цифровым фотографиям. В любом случае, процесс документирования «многослойных», т.е. имеющих палимпсесты, сцен граффити большого размера и их прорисовка, занятие очень трудоемкое как в полевых, так и в камеральных условиях.

Необходимо отметить, что фотограмметрия и 3D сканирование не заменяют и не облегчают процесс графической прорисовки, а являются лишь альтернативным способом фиксации петроглифов. Несомненно также, что процесс прорисовки неизбежно включает в себя индивидуальную авторскую интерпретацию образов и целых композиций и может быть весьма субъективным. Это касается как «видения» и интерпретации собственно фигур животных, человека и др. (например, путем «увеличения» на 0,5–1 см ушей оленухи в интерпретации какого-либо исследователя, они чудесным образом могут превратиться в рога быка), так и последовательности налегания петроглифов друг на друга, а значит их датировки и культурно-исторической атрибуции.

Документирование граффити на скале I памятника Калбак-Таш I

На скальном выступе западной оконечности горы Калбак-Таш (скала I по В.Д. Кубареву) находится несколько плоскостей, покрытых наскальными рисунками в различной технике исполнения, а также раннесредневековыми руноподобными надписями. Вертикальная плоскость I на этом скальном выступе обращена на запад, в сторону р. Чуи. Ее размеры составляют ок. 110 × × 112 см. В левой части плоскости нанесены три рунические надписи [Кубарев, 2011, рис. 1; Тыбыкова, Невская, Эрдал, 2012, с. 70–72]. В монографии по Калбак-Ташу на прорисовке этой плоскости воспроизведено 16 фигур животных (оленей, лосей и др.) [Кубарев, 2011, с. 125], в действительности же фигур животных и людей в композиции примерно в два раза больше. В нижней части композиции прочерчены две тамги. Большую часть гравированных изображений можно рассмотреть только при боковом освещении. Используя уже описанную выше методику копирования вся композиция, включая рунические надписи, была снята на полимерный материал и детально сфотографирована на цифровой фотоаппарат.

Предварительно на скальной поверхности можно выделить два хронологических пласта граффити, один из которых раннесредневековый, налегающий на гравировки, вероятно, хуннского времени. Последний из них представлен целой группой стремительно бегущих оленей, козлов и других животных, загоняемых собакой на пешего лучника (рис. 1). В правой нижней части композиции поверх лучника и животных в древнетюркскую эпоху вырезаны крупные фигуры оленя и лося (рис. 1). Раннесредневековый олень практически полностью перекрывает фигуру более раннего, хуннского (?) оленя. На фигурах различимы линии, слегка выходящие за их контур – места, в которых рука художника с резцом сорвалась. В целом все изображения весьма реалистичны. В левой части композиции поверх более ранних изображений прочерчена крупная фигура еще одного оленя и одна из руноподобных надписей. В противоположной нижней левой части сцены вырезана фигура, напоминающая птицу (рис. 1).

Сцена загонной охоты на оленей весьма динамичная: олени, загоняемые собакой, двигаются на бегущего им навстречу лучника. Он держит М-образный лук со стрелой, а за его пояс заткнуто несколько стрел. Близкой по манере изображения к этому лучнику является фигура человека, поверх которой вырезаны раннесредневековые тамги VIII века (рис. 2). Этот сюжет, также как налегание руноподобных надписей на фигуры оленей, крайне важен для установления относительной датировки разновременных гравировок.

Благодаря проведенным работам на плоскости II была обнаружена и скопирована новая руноподобная надпись (либо продолжение уже известной), насчитывающей ок. 15 знаков.

Петроглифы Иодро

Автор также провел разведочные работы по поиску петроглифов и эпиграфики на скальных выходах правого берега р. Чуи на участке от бома Калбак-Таш до с. Иодро. В 4 км к юго-западу от с. Иодро было обнаружено компактное местонахождение петроглифов, получившее одноименное название. Оно расположено на скальном выходе протяженностью 60–70 м, высотой 8–10 м, ориентированном на юг (рис. 3). Вероятно, в разные периоды истории пространство перед скалой служило местом для стоянки человека и загона скота. Насчитывается, по меньшей мере, 20 композиций, включающих фигуры животных (быков, козлов, лошадей и др.) и человека (рис. 4). Все они нанесены на плоскостях нижнего яруса скалы.

Выделяются изображения оленя, выполненного в стиле оленных камней (рис. 4, *1*), а также центральная многофигурная композиция (размерами

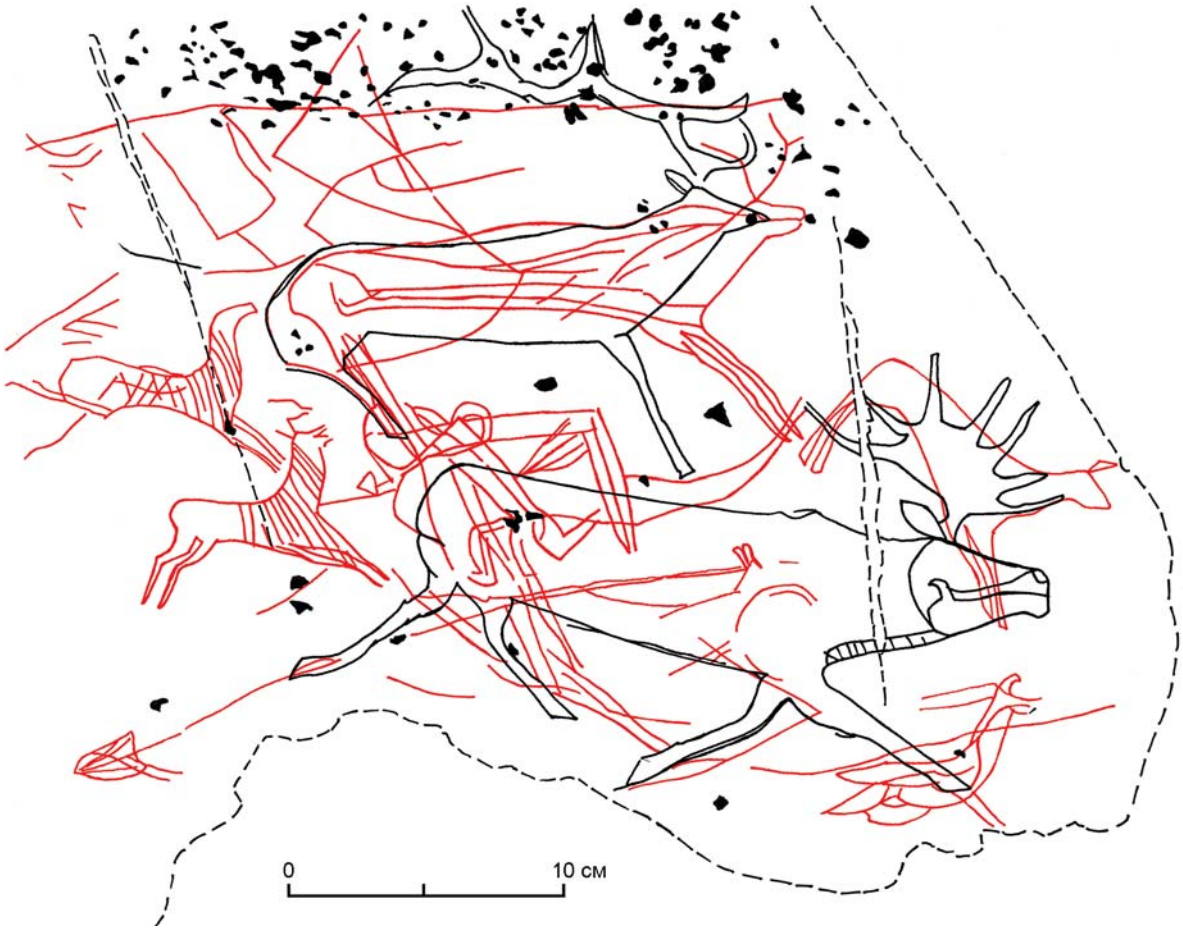

Рис. 1. Фрагмент композиции на плоскости I скалы I. Калбак-Таш I.

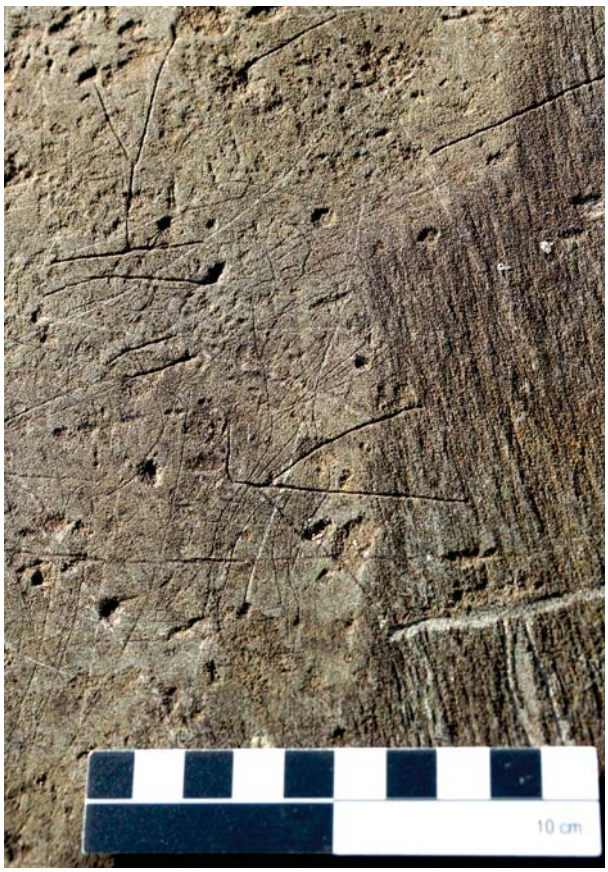

Рис. 2. Изображение человека, перекрытое тамгами, на плоскости I скалы I. Калбак-Таш I.

150 × 110 см), на которой глубокой выбивкой воспроизведены преимущественно лошади, а также собаки, вероятно, фигура оленухи и человека (рис. 4, *2*; 5). Сцена насчитывает 58 фигур, почти все из которых ориентированы вправо и вписаны в плоскость, ограниченную расщелинами. В композиции различимы также изображения собак с загнутым вверх хвостом, человека (?), держащего одной рукой собаку, а другой – лошадь за хвост (рис. 5). В верхней части две собаки (волки ?) нападают на оленуху. Любопытно, что многие фигуры лошадей расположены рядами и ярусами друг над другом. Это напоминает многорядные ярусные композиции на плите из с. Озерного, Копёнского чаатаса, петроглифов Монголии и Казахстана [Советова, 2011, рис. II]. Основной массив петроглифов Иодро, включая центральную многофигурную композицию, должен быть отнесен к эпохе бронзы – раннему железному веку. Однако на место-

Рис. 3. Общий вид на петроглифический памятник Иодро. Вид с юга.

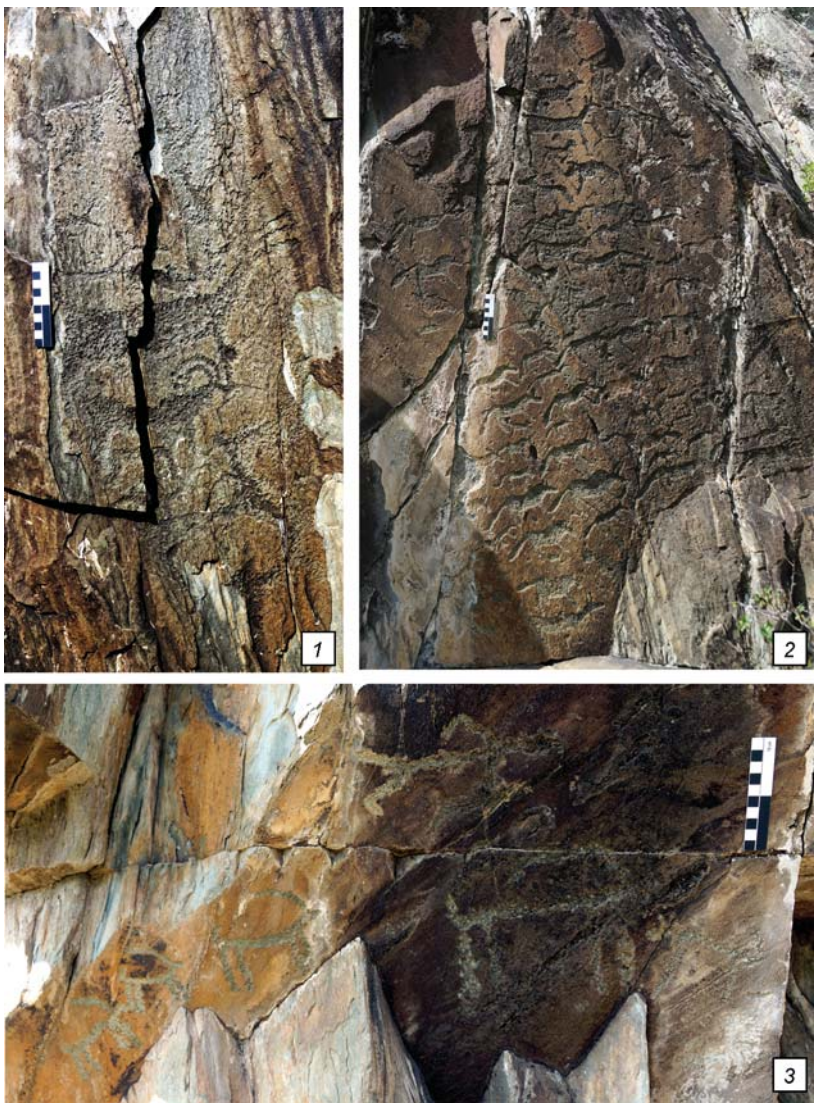

Рис. 4. Петроглифы Иодро.

Рис. 5. Прорисовка многорядной ярусной композиции в петроглифах Иодро.

нахождении имеются и изящные раннесредневековые изображения оленей.

На исследованном участке нижнего течения р. Чуи, на ее правом берегу, я обнаружил две надписи, одна из которых является руноподобной, насчитывающей 11 знаков, вторая – выполнена уйгурским письмом, черной краской. Обнаружение обеих надписей является большим научным открытием. Достаточно сказать, что на Алтае на сегодняшний день известно ок. 110–120 руноподобных надписей и всего две надписи уйгурским письмом черной краской из местности Уркош [Тугушева, Кляшторный, Кубарев, 2014, рис. 3; Кубарев, 2020, рис. 5]. Обе надписи после обработки и предполагаемого прочтения планируется ввести в научный оборот в отдельных публикациях.

Заключение

Несмотря на, казалось бы, легкодоступность правобережья р. Чуи, по которому проходит Чуйский тракт, длительную историю археологического изучения этого района, исследователей, безусловно, ждет здесь еще большое количество замечательных открытий. Как, впрочем, и на памятниках труднодоступного левобережья р. Чуи. Несомненно, что документирование петроглифов Калбак-Таша I необходимо продолжить, т.к. этот уникальный петроглифический комплекс еще не раз удивит замечательными образцами древнего искусства. Лучшей памятью о Владимире Дмитриевиче Кубареве – увлеченном исследователе Алтая и Калбак-Таша – была бы подготовка и из-

дание книги по гравированным рисункам этого неординарного памятника.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.

Кубарев Г.В. Археологические работы Чуйского отряда на Алтае в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 225–229.

Кубарев Г.В. Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня основания Бюджет. учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина». – Горно-Алтайск: НМРА; ГАГУ, 2018. – С. 33–39.

Кубарев Г.В. Гравировки скифского времени из Калбак-Таша I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 425–431. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.425-431

Кубарев Г.В. Новые петроглифические и эпиграфические местонахождения на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 476–483. doi:10.17746/2658-6193.2020.26.476-483

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.

Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Труды САИПИ, вып. VII. – С. 233–246.

Окладникова Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // Изв. СО АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11, Вып. 3. – С. 61–64.

Окладникова Е.А. Хронология наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. – 1987. – С. 98–110.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Сб. МАЭ. – 1988. – Вып. XLII. – С. 140–158.

Советова О.С. Приемы композиционного построения в наскальном искусстве Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Труды САИПИ, вып. VII. – С. 161–185.

Тугушева Л.Ю., Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Уйгурская и рунические надписи из местности Уркош (Центральный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4. – С. 88–93.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2012. – 152 с.

Хороших П.П. Изображения на скале Ялбак-Таш // КСИИМК. – М.; Л.: 1949. – Вып. XXV. – С. 132–133.

Черемисин Д.В. О копировании граффити Горного Алтая // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: матлы Междунар. науч. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Т. 2. – С. 175–178. – (Труды САИПИ; Вып. VIII).

Kubarev V.D., Jacobson E. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 1996. – T.V.3. – 45 p., 662 pl.

References

Cheremisin D.V. O kopirovanii graffiti Gornogo Altaya In *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Trudy SAIPI*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 8. Vol. 2. P. 175–178. (In Russ.).

Khoroshikh P.P. Izobrazheniya na skale Yalbak-Tash In *KSIIMK*. M., L., 1949, iss. 25, P. 132–133. (In Russ.).

Kubarev G.V. Arkheologicheskie raboty Chuiskogo otryada na Altae v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. Vol. 19. P. 225–229. (In Russ.).

Kubarev G.V. Early middle aged tamgas of Kalbak-Tash I and their historical context In *Znachenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya v sovremennom obshchestve. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya osnovaniya Byudzhetnogo uchrezhdeniya Respubliki Altai «Natsional'nyi muzei Respubliki Altai im. A.V. Anokhina»*. Gorno-Altaisk: NMRA & GASU Press., 2018. P. 33–39. (In Russ.).

Kubarev G.V. Engravings of the Scythian Period from Kalbak-Tash I In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25.P. 425–431. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.425-431

Kubarev G.V. New Petroglyphic and Epigraphic Sites in the Altai In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 476–483. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.476-483

Kubarev V.D. The petroglyphs Kalbak-Tash I (Russian Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 444 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Jacobson E. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 1996. Vol.3, 45 p., 662 pl.

Kubarev V.D., Matochkin E.P. Petroglify Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1992. 123 p. (In Russ.).

Miklashevich E.A. The technique of engraving in rock art of the Scythian period. In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Moskow, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. P. 157–202. (In Russ.).

Miklashevich E.A., Mukhareva A.N. Novye petroglify Kalbak-Tasha. K voprosu o raschistke naskal'nykh risunkov ot lishainikov. *In Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova. Trudy SAIPI.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 7. P. 233–246. (In Russ.).

Okladnikova E.A. Petroglify Kalbak-Tasha In *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk,* 1981, no. 11, iss. 3. P. 61–64. (In Russ.).

Okladnikova E.A. Khronologiya naskal'nogo iskusstva gory Kalbak-Tash (Gornyi Altai) In *Novye pamyatniki epokhi metalla na Srednem Amure*, Novosibirsk: IIFF SB AS USSR Publ., 1987. P. 98–110. (In Russ.).

Okladnikova E.A. Graffiti Kara-Oyuka, Vostochnyi Altai (kharakteristika izobrazitel'nykh osobennostei i khronologiya) In *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii.,* 1988, iss. 42. P. 140–158. (In Russ.).

Sovetova O.S. Priemy kompozitsionnogo postroeniya v naskal'nom iskusstve Evrazii *In Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova. Trudy SAIPI.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 7. P. 161–185. (In Russ.).

Tugusheva L.Y., Klyashtorny S.G., Kubarev G.V. Inscriptions in Uyghur writing and runic characters from the Urkosh area (Central Altai). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, no. 42 (4). P. 88–93. (In Russ.).

Tybykova L.N., Nevskaya I.A., Erdal M. Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya. Gorno-Altaisk: GASU Press., 2012, 152 p. (In Russ.).

Кубарев Г.В. https://orcid.org/0000-0001-6376-4153

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0497-0502
УДК 904.59(518)

М.А. Кудинова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

Собака в погребальном обряде мужунов-сяньби

В статье анализируются материалы, свидетельствующие о значимой роли собаки в погребальном обряде мужунов – одного из сяньбийских племен, населявших Южную Маньчжурию в III–V вв. н.э. Выявлено, что, несмотря на сообщения китайских письменных источников о том, что животные, приносимые в жертву в ходе похоронного ритуала, сжигались, уже у ранних сяньби, наряду с сожжением существовала также практика сопроводительного захоронения собак (целых тел или голов). Как показывают материалы погребений конца III – начала V в., собака продолжала играть важную роль в погребальном ритуале мужунов. Наиболее представительным комплексом является могила супруги Фэн Суфу (415 г.) в уезде Бэйпяо городского округа Чаоян пров. Ляонин, в которой имелись сопроводительные захоронения двух собак, а также изображения собак на настенных росписях. Захоронение головы и лап собаки обнаружено также в погребении 74AGM154, датируемом концом III – серединой IV в., близ дер. Сяоминьтунь в Аньяне, пров. Хэнань. Изображение собаки, стилистически чрезвычайно близкое к росписями в могиле жены Фэн Суфу, обнаружено в элитном погребении 1 у дер. Бэймяоцунь к западу от г. Чаоян, пров. Ляонин. Показано, что захоронения, совершенные по традиционному обряду мужунов-сяньби, были характерны и для представителей других этносов, в частности, северояньский аристократ Фэн Суфу происходил из знатного китайского (ханьского) рода, находившегося под сильным культурным влиянием мужунов-сяньби. В то же время, погребальный обряд мужунов также претерпевал трансформации, связанные с влиянием китайской (ханьской) культуры, что нашло выражение в распространении погребальных настенных росписей.

Ключевые слова: *мужуны-сяньби, дунху, Северная Янь, погребальный обряд, сопроводительное захоронение, погребальные настенные росписи, собаки.*

M.A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: maria-kudinova@yandex.ru

Dogs in Funerary Practices of the Murong Xianbei

The article analyzes the evidence on the role of dogs in the funeral rite of the Murongs – one of the Xianbei tribes which inhabited Southern Manchuria in the 3rd — 5th centuries AD. It has been established that despite the reports of Chinese written sources on burning the sacrificial animals during the funeral ritual, the early Xianbi also had a practice of accompanying burials of dogs (whole bodies or heads). According to the evidence from the burials of the late 3rd — early 5th centuries, dogs continued to play an important role in the Murong funerary rituals. The most representative complex is the tomb of Feng Sufu's wife (415) in Beipiao County in Chaoyang Municipality of Liaoning Province, which contained the accompanying burial of two dogs as well as images of dogs in wall paintings. The burial of dog's head and paws was also discovered in tomb 74AGM154, dated to the late 3rd — mid 4th centuries AD, near Xiaomingtun village in Anyang Municipality of Henan Province. The image of a dog made in extremely similar style to the murals from the tomb of Feng Sufu's wife, was found in the elite tomb No. 1 near Beimiao village, west of Chaoyang City in Liaoning Province. It has been shown that burials according to the traditional rite of the Murong Xianbei were also typical for the representatives of other ethnic groups, including the Northern Yan aristocrat Feng Sufu. He came from a noble Chinese (Han) clan which was under strong cultural influence of the Murong Xianbei. The funeral rite of the Murongs also underwent transformations associated with influence of the Chinese (Han) culture, which found its expression in the spread of tomb murals.

Keywords: *Murong Xianbei, donghu, Northern Yan, funerary practices, accompanying burial, tomb murals, dogs.*

Введение

О погребальном обряде народов группы дунху, к которым относятся сяньби (сяньбэй) и ухуань, известно благодаря китайским письменным источникам. Так, в разделе «Повествование об ухуань, сяньбэй и восточных и» «Истории Вэй» («Вэйшу») в составе «Записей о Трех царствах» («Саньго чжи») Чэнь Шоу (233–297) достаточно подробно описана подготовка к похоронам, их проведение и значение отдельных элементов ритуала: «Когда кто умирает, то обряжают труп, имеют гробы. И потом, как умрет, то плачут; когда похоронят, то поют и пляшут, совместно провожают [покойника]. Жирно откармливают собаку, цветной веревкой опутывают и тащат. Вместе с тем берут лошадь, на которой покойный ездил, одежду, вещи, украшения, которые он носил при жизни, все [вещи] сжигают для сопровождения его [за гробом]. Связанную собаку посылают нарочно за покойником охранять дух покойного при возвращении его на Красную гору (Чишань)» (цит. по: [Кюнер, 1961, с. 135]). Обычаи и язык сяньбийцев, согласно той же династийной истории, схожи с ухуаньскими [Там же, с. 142]. Этот рассказ практически дословно повторяется в разделе «Повествование об ухуань» «Истории Поздней Хань» («Хоу Ханьшу») Фань Е (398–445) [Материалы…, 1984, с. 64].

Однако вопреки сообщениям письменных источников, сяньбийцы не только сжигали жертвенных животных, но и помещали их тела (целиком или парциально) в могилы в качестве сопроводительных захоронений. Подобные захоронения встречены в ранних сяньбийских погребениях (I–III вв. н.э.) на территории Внутренней Монголии: Бэйманиту, Ваньгун, Иминь чэчжань, Мэнгэньчулу, Наньянцзяинцзы (см.: [Варенов, 2019; Цзинь Чэншу (Ким Сонсук), 2005]).

Мужуны (муюны) – одно из сяньбийских племен, в III–V вв. населявших территорию Южной Маньчжурии. Ими были основаны династии Ранняя Янь (337–370), Поздняя Янь (384–409), Западная Янь (386–394) и Южная Янь (398–410). Мужуны также играли важную политическую и культурную роль в царстве Северная Янь (409–436). Погребальные комплексы, созданные в соответствии с традициями мужунов, предоставляют дополнительные данные о роли собаки в мировоззрении и ритуальных практиках народов группы дунху.

Материалы и обсуждение

Одним из наиболее представительных в контексте исследуемого вопроса памятников является могила жены Фэн Суфу (?–415) – видного аристократа, военного министра царства Северная Янь, брата основателя правящей династии Фэн Ба и наследовавшего ему Фэн Хуна. Погребения Фэн Суфу и его супруги расположены к востоку от дер. Сигуаньинцзы уезда Бэйпяо городского округа Чаоян пров. Ляонин. Захоронение Фэн Суфу было найдено и разграблено крестьянами местной сельскохозяйственной коммуны, собиравшими неподалеку урожай проса, 12 сентября 1965 г. Уже на следующий день о преступлении стало известно администрации коммуны, благодаря чему большую часть сопроводительного инвентаря удалось вернуть, однако некоторые предметы были повреждены действовавшими в спешке неопытными грабителями. Могильная конструкция также оказалась нарушена, значительно пострадали цветные росписи, нанесенные на стены погребальной камеры. Научные раскопки памятника проводились сотрудниками Музея провинции Ляонин с 19 сентября по 14 ноября 1965 г. В ходе раскопок на расстоянии 20 см от могилы Фэн Суфу было обнаружено второе погребение, принадлежавшее его супруге. Оно было ограблено еще в древности, однако часть сопроводительного инвентаря и фрагменты настенных росписей все же сохранились. Краткий отчет об исследовании комплекса был опубликован в 1973 г., после завершения Культурной революции. Полный отчет о раскопках увидел свет лишь в 2015 г., чему предшествовало повторное обследование памятника в 1998 г. [Бэй Янь…, 2015, с. 3–7].

Супруга Фэн Суфу (ее имя нам неизвестно) была захоронена в могиле, ориентированной по линии восток – запад. Могильная яма трапециевидной формы, со скругленными углами, длина составляет 6,7 м, ширина – 3,18 м, западная стенка чуть шире, чем восточная, глубина составляет 3,5–4 м. В центральной части из кусков красноватого песчаника (как обтесанных, так и необработанных, естественной формы) сложена погребальная камера, повторяющая форму могильной ямы. Западная стенка камеры практически вплотную примыкает к стене могилы. Длина камеры составляет 4 м; ширина и высота западной стенки равны 1,7 м; ширина восточной стенки – 1,3 м, ее высота – 1,24 м. Погребальная камера перекрыта массивными каменными блоками, однако, поскольку могила была граблена, несколько блоков в западной части пробиты грабительским лазом. Дно было выложено каменными плитами и застелено тростниковой циновкой, следы которой сохранились на найденных в погребении бронзовых сосудах. Стены и «потолок» внутри камеры были обмазаны раствором из глины с соломой, оштукатурены известью и расписаны цветными красками. Верхняя часть камеры с внешней стороны была дополнительно укреплена каменной обкладкой. В восточной части камеры был установлен деревянный гроб трапециевидной формы,

длиной 2,1 м, ширина западной стенки — 0,8 м, высота — 0,9 м, ширина и высота восточной стенки — по 0,5 м. Сам гроб не сохранился, зафиксированы лишь следы древесного тлена и железные гвозди, скреплявшие доски. Внутри гроба человеческие останки отсутствовали, но с западной стороны от него найден скелет, кости которого располагались не в анатомическом порядке. Скелет принадлежал женщине, судя по состоянию зубов (незначительной изношенности и отсутствию верхних зубов мудрости), умершей в достаточно молодом возрасте. Вероятно, тело было извлечено из гроба при ограблении могилы и брошено на пол головой на запад, лицом вниз. Кости правой руки отсутствуют, другие конечности неестественно перекручены. Тело было придавлено несколькими крупными камнями, а сверху на них брошен труп небольшой собаки (щенка?). Под скелетом женщины были найдены разбитый керамический сосуд, фрагменты золотых украшений и лаковых изделий. Данная ситуация свидетельствует о том, что погребение было ограблено вскоре после похорон, когда мягкие ткани еще не успели полностью разложиться. Скелет еще одной собаки, сравнительно больших размеров, найден непотревоженным у северной стенки погребальной камеры. Животное лежало на боку, головой на запад (рис. 1) [Там же, с. 82–84, 96].

Помимо сопроводительных захоронений, собаки представлены изображенными на настенных росписях погребения, сохранившихся лишь фрагментарно. Так, на западной стене нарисовано некое строение, на фоне которого стоят две пары прислужниц. Между ними, от одной пары к другой, бегут четыре черные собаки, над которыми, на перекладине, соединяющей колонны, сидят четыре черные птицы (вороны?) (рис. 2, *1*). Южная стена камеры отведена под изображение типичного для погребального искусства сюжета — процессии, в которой в данном случае принимают участие не только почетный караул, слуги и повозки, но и несколько (не менее трех) черных собак (рис. 2, *2, 3*) [Там же, с. 85–90]. Росписи в погребении Фэн Суфу сохранились значительно хуже, но и там частично сохранилось изображение черной собаки [Там же, с. 111].

По всей видимости, реальные животные, захороненные в погребении, призваны были помочь душе покойной в безопасности достичь священной горы Чишань. Процессия, нарисованная на южной стене, показывала это путешествие в загробный мир. Семантика же росписи на западной стене

Рис. 1. Погребение супруги Фэн Суфу. Западная часть. По: [Бэй Янь…, 2015, вкл., илл. 13].

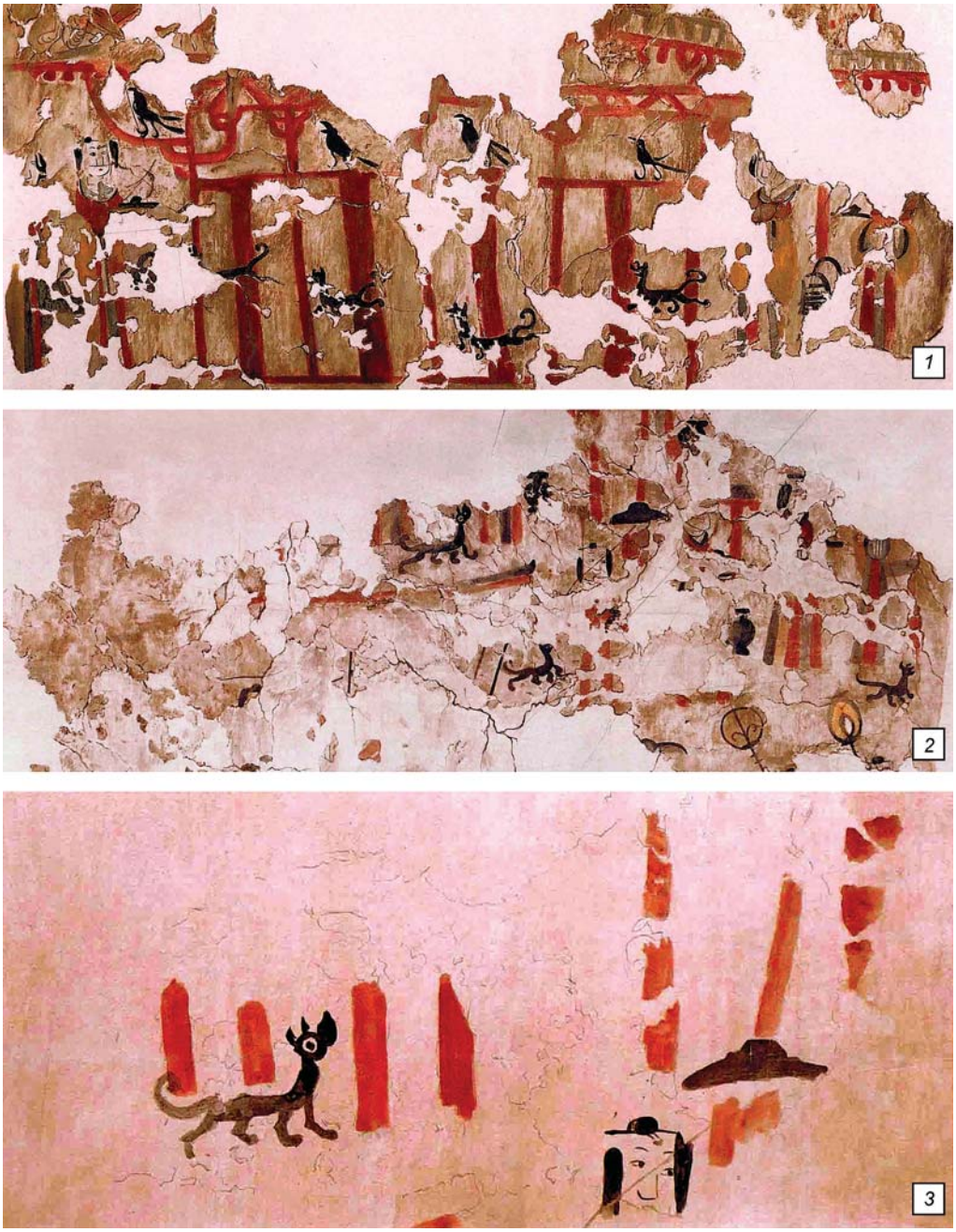

Рис. 2. Изображения собак на настенных росписях в погребении супруги Фэн Суфу.

1 – фрагмент росписи на западной стене; *2* – фрагмент росписи на южной стене; *3* – изображение собаки на южной стене. По: [Бэй Янь…, 2015, цв. вкл., илл. 58–60].

не поддается однозначной интерпретации, однако можно достаточно уверенно предположить, что она также отражает некий мифологический сюжет.

Примечательно, что представители рода Фэн, к которому принадлежал Фэн Суфу, были этническими китайцами (ханьцами), однако захоронения были совершены по классическому сяньбийскому обряду, что свидетельствует о сохранении высокого статуса сяньбийской (мужунской) культуры в Северной Янь, созданной на фундаменте государств Западная Янь и Поздняя Янь. Согласно «Вэйшу», отец Фэн Ба, Фэн Хуна и Фэн Суфу – Фэн Ань, служивший генералом у последнего правителя Западной Янь Мужун Юна, после завоевания этого царства Поздней Янь переселился с семьей в столицу Поздней Янь – Лунчэн (совр. Чаоян) и во всем следовал обычаям мужунов. Основатель Северной Янь Фэн Ба в детстве носил сяньбийское имя Цичжифа. Второй правитель царства Фэн Хун, вступив на престол, взял в жены женщину из рода Мужун [Там же, с. 101–102, 111]. Возможно, супруга Фэн Суфу также происходила не из китайской, а из сяньбийской среды. Вместе с тем,

традиция создания погребальных настенных росписей была исконно китайской, таким образом погребения Фэн Суфу и его супруги являли пример сплава обычаев и практик разных этносов, что в целом было характерно для северных районов Китая эпохи раннего Средневековья.

Захоронение собаки также обнаружено в погр. 74AGM154 к югу от дер. Сяоминьцунь в Аньяне, пров. Хэнань во время раскопок 1973–1974 гг. Могильная яма прямоугольной формы с ровными, практически вертикальными, чуть скошенными внутрь, стенками, ориентирована по линии север – юг, длина – 2,6 м, ширина – 0,8–0,9 м, глубина – 3,4 м. В южной стенке на глубине 1,25 м сооружена небольшая прямоугольная ниша размерами 71 × 33 × 32 см, внутри которой найдены фарфоровый и керамический сосуды и кости коровы. В могиле имелся деревянный гроб трапециевидной формы длиной ок. 2 м, шириной 0,5–0,56 м. Гроб полностью истлел, от него остались лишь следы досок и железные гвозди. Покойный лежал головой на юг, на спине с вытянутыми ногами. В северо-западном углу могилы найден череп лошади, а также череп и кости лап собаки (рис. 3). Большая часть сопроводительного инвентаря, представленного, в основном, деталями конской упряжи (включая накладки на луки седла и стремя), размещалась внутри гроба. Погребение датируется концом III – серединой IV в. и, скорее всего, принадлежало представителю мужунов [Сунь Бингэнь, 1983, с. 501, 510].

Кроме того, изображение черной собаки, чрезвычайно схожее с росписями в могиле жены Фэн Суфу, обнаружено в погр. 1 у дер. Бэймяоцунь к западу от г. Чаоян (рис. 4). Могила была найдена в 1975 г., представляет собой парное, вероятно, супружеское захоронение. По конструкции погребе-

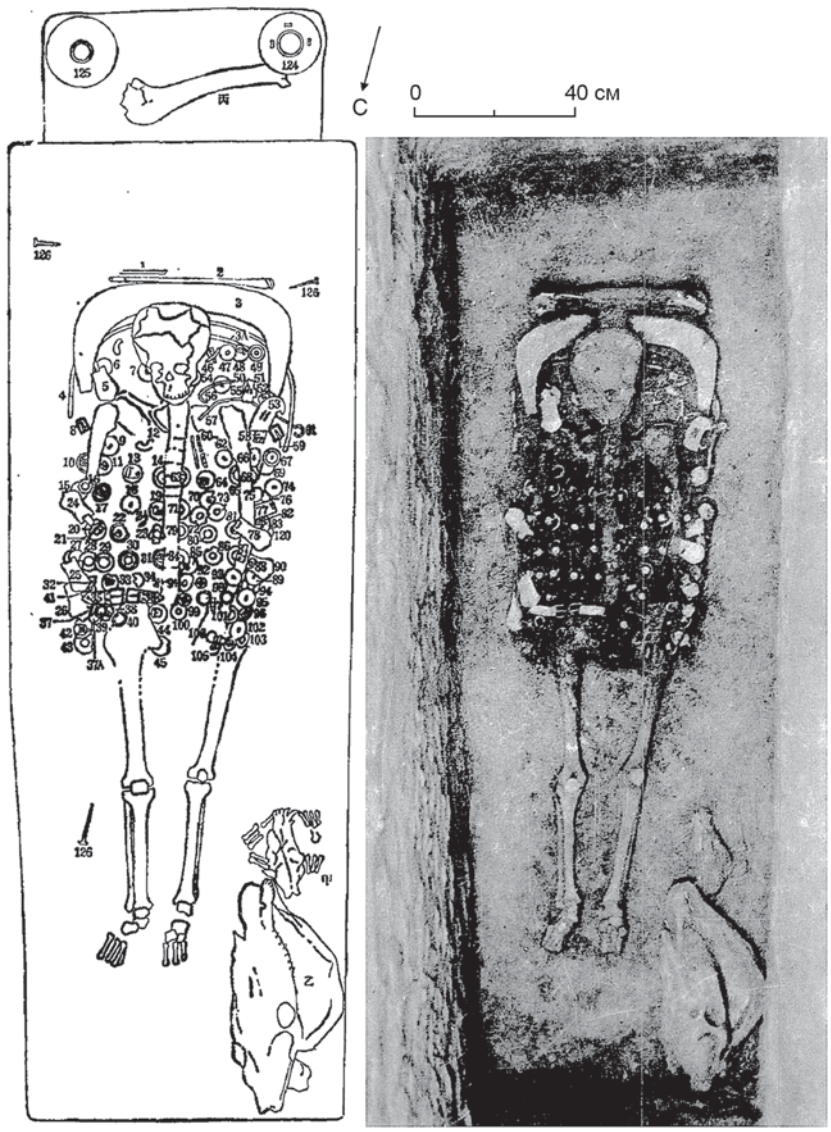

Рис. 3. Погр. 74AGM154 у дер. Сяоминьцунь, г. Аньян. План и фото. По: [Сунь Бингэнь, 1983, с. 502; вкл., илл. 1].

Рис. 4. Изображение собаки на настенной росписи в погр. 1 у дер. Бэймяоцунь, г. Чаоян. По: [Сюй Цзи, Сунь Гопин, 1985, с. 923].

ние сходно с могилами Фэн Суфу и его жены, и, по-видимому, принадлежало аристократам-мужунам из царства Северная Янь. Фигура собаки размещалась на восточной стене под парным портретом мужчины и женщины – предположительно, супругов, похороненных в могиле. Росписи сохранились фрагментарно, однако авторы раскопок предполагают, что всего на восточной стене могли быть нарисованы три или четыре (как в погребении супруги Фэн Суфу) собаки [Сюй Цзи, Сунь Гопин, 1985, с. 921–923, 925–926]. Вероятно, и масть, и число изображенных животных совпадают не случайно, а представляют собой значимые элементы мифологического сюжета.

Заключение

Таким образом, материалы погребальных памятников, принадлежащих культуре мужунов-сяньби, дополняют сообщения китайских исторических сочинений о традициях и обычаях народов группы дунху. Собаки, приносимые в жертву, во время похорон не только сжигались вместе с вещами покойного, но и могли быть захоронены вместе с ним в могиле, о чем свидетельствуют находки целых скелетов этих животных или их частей. Погребальный обряд мужунов-сяньби впитал некоторые элементы китайской (ханьской) традиции, в частности, обычай нанесения изображений на стены гробницы. При этом содержание настенных росписей было дополнено сюжетами, пришедшими из сяньбийской мифологии (изображение четырех черных собак и воронов). В тех государствах, которые были основаны мужунами, и в тех, где сяньбийская аристократия сохраняла высокий социальный статус (Северная Янь), погребальный обряд мужунов распространялся и в иноэтнической среде, примером чему служит погребение Фэн Суфу. Особенности погребальных комплексов мужунов-сяньби III–V вв. отражают процессы интенсивного мультикультурного синтеза, характерные для периода Шестнадцати варварских государств на территории северного Китая.

Список литературы

Бэй Янь Фэн Суфу му (Могилы Фэн Суфу <и его супруги> из Северной Янь). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. – 356 с., 71 цв. илл., 21 илл. (на кит. яз.).

Варенов А.В. Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 4: Востоковедение. – С. 30–50.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Восточная литература, 1961. – 391 с.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введение, перевод и коммент. В.С. Таскина. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. – 486 с.

Сунь Бингэнь. Аньян Сяоминьтунь Цзинь му фацзюэ баогао (Отчет о раскопках погребений эпохи Цзинь в Сяоминьтунь, Аньян) // Каогу. – 1983. – № 6. – С. 501–511 (на кит. яз.).

Сюй Цзи, Сунь Гопин. Ляонин Чаоян фасянь Бэй Янь, Бэй Вэй му (Погребения Северной Янь и Северной Вэй, обнаруженные в Чаояне, Ляонин) // Каогу. – 1985. – № 10. – С. 915–929 (на кит. яз.).

Цзинь Чэншу (Ким Сонсук). Мужун сяньбэй суйцзан сису као (Изучение обычая сопроводительных захоронений мужунов-сяньби) // Жэньвэнь цзачжи. – 2005. – № 5. – С. 126–132 (на кит. яз.).

References

Feng Sufu Couple's Tombs of the Northern Yan. Beijing: Cultural Relics Press, 2015, 356 p, 92 pl. (In Chin.).

Jin Chengshu (Kim Seong Suk). On Murong Xianbei's accompanying burial customs. *Renwen zazhi (The Journal of Humanities)*, 2005, no. 5. P. 126–132 (In Chin.).

Kyuner N.V. Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka. Moscow: Vostochnaya literatura, 1961. 391 p. (In Russ.).

Sun Binggen. Anyang Xiaomintun Jin mu fajue baogao (An Excavation Report of Jin tombs in Xiaomintun, Anyang). *Kaogu (Archaeology),* 1983, no. 6. P. 501–511 (In Chin.).

Taskin V.S. (ed.). Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1984, 486 p. (In Russ.).

Varenov A. V. A Review of Burial Sites of the Xianbei Period in Inner Mongolia. Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019. Vol. 18, no. 4: Oriental Studies. P. 30–50 (In Russ.). doi:10.25205/1818-7919-2019-18-4-30-50

Xu Ji, Sun Guoping. Liaoning Chaoyang faxian Bei Yan, Bei Wei mu (Tombs of the Northern Yan and the Northern Wei found in Chaoyang, Liaoning). *Kaogu (Archaeology)*, 1985, no. 10. P. 915–929 (In Chin.).

Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0503-0510
УДК 902/904

С.Н. Леонтьев✉, П.В. Герман
Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: lemosk1@mail.ru

Каменные фигурки двуглавых рыб с острова Сергушкин (Северное Приангарье)

Изготовленные из камня древние фигурки «янусовидных» рыб известны в литературе начиная с конца XIX в. Они встречены на территории Ангары, Прибайкалья, Верхней Лены и Среднего Енисея. Большинство этих предметов было найдено случайно, либо встречено в нестратифицированных культурных слоях разновременных стоянок и поселений. Это обстоятельство препятствует однозначной культурно-хронологической идентификации данной категории древних изделий. В настоящее время большинство исследователей относят эти предметы прикладного искусства к серовской культуре финального неолита. При проведении археологических исследований на о-ве Сергушкин (Северное Приангарье) на двух памятниках – Сергушкин 1 и Взвоз – в разные годы было найдено шесть подобных изделий. На сегодня это крупнейшая коллекция двуглавых ихтиоморфных фигурок, найденных на одной территории. Фигурки демонстрируют различную степень завершенности, что позволяет проследить этапность работ по их изготовлению. Контекст же залегания данных находок в культурных слоях обоих памятников подтвердил принадлежность данных предметов к серовской культуре. Вопрос о функциональном назначении каменных фигурок двуглавых рыб до настоящего времени остается дискуссионным. Одни исследователи считают их культовыми предметами, другие полагают, что данные скульптурки имели чисто утилитарное применение: они изображали рыб конкретной (сиговой) породы и использовались как своеобразные приманки при рыболовном промысле. По нашему мнению, контекст обнаружения этих древних изделий и заведомая фантастичность облика запечатленного в них персонажа указывают на то, что фигурки «янусовидных» рыб имели культовый характер, либо сочетали в себе обрядовую и утилитарно-бытовую функции.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, остров Сергушкин, стоянка, первобытное искусство, каменная скульптура, «янусовидные» рыбы.*

S.N. Leontiev✉, P.V. German
Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
E-mail: lemosk1@mail.ru

Stone Figurines of Two-Headed Fish from Sergushkin Island (Northern Angara Region)

Ancient stone figurines of "Janus-like" fish have been mentioned in the literature since the 19th century. They occur along the Angara, Upper Lena, and Middle Yenisei Rivers, and in the Cis-Baikal region. Most of these objects were found occasionally or in nonstratified archaeological layers at the sites and settlements of different periods. This does not make it possible to suggest a definitive cultural and chronological identification of this category of ancient artifacts. Nowadays, most scholars attribute these objects of applied arts to the Serovo culture of the Final Neolithic. Six similar objects have been found in different years during archaeological research at two sites – Sergushkin 1 and Vzvoz – on Sergushkin Island (Northern Angara region). So far this is the largest collection of two-headed ichthyomorphic figurines discovered in the same area. The figurines have different stages of completion, which makes it possible to identify the phases of their manufacturing. According to their archaeological context in the cultural layers, these artifacts belonged to the Serovo culture. Functional purpose of double-headed stone fish is still uncertain. Some scholars suggested that they were cultic objects; others argued that the figurines had only a utilitarian function, since they represented the fish of specific type (freshwater whitefish) and were used as a lure in fishing. In our opinion, the context of these ancient objects and their obvious fantastic nature prove that the figurines of the Janus-like fish had a cultic function or combined cultic and utilitarian functions.

Keywords: *Northern Angara region, Sergushkin Isand, site, prehistoric art, stone sculpture, Janus-like fish.*

Введение

Остров Сергушкин расположен в среднем течении р. Ангара, на границе Кежемского р-на Красноярского края и Усть-Илимского р-на Иркутской обл. (рис. 1, *1*). Дислоцированные на нем археологические памятники – разновременные стоянки и могильники Сергушкин 1–3 и Взвоз – были открыты и частично исследованы в конце XX в. В.И. Привалихиным. В период с 2008 по 2012 г. на о-ве проводились масштабные исследования отрядами БАЭ ИАЭТ СО РАН под руководством В.И. Привалихина, П.В. Германа и Е.П. Рыбина [Богучанская…, 2015, с. 333–339]. В ходе этих работ в разные годы на памятниках Сергушкин 1 и Взвоз было найдено шесть каменных фигурок двуглавых рыб [Привалихин, 2011, с. 151–152, рис. 3, *1*; Славинский и др., 2012, с. 489, рис. 2, *50*; Герман, Леонтьев, 2012, с. 81, рис. 1, *27–28*]. На сегодняшний день это наиболее представительная коллекция подобных изделий, встреченных на одной территории. Приведенное ниже описание этих предметов дано более полно и сопровождается уточненным иллюстративным материалом.

Описание материалов

Сергушкин 1, пункт «А». Памятник расположен в пойме верхней оконечности острова [Привалихин, 2011]. В разные годы здесь было найдено три каменных двуглавых ихтиоморфных фигурки.

1. Фрагмент головы скульптурки рыбы (рис. 1, *2*), изготовленной из плитки олигомиктового песчаника темного красновато-розового цвета. Размер сохранившейся части 92 × 74 мм. Морда с округлой площадкой вертикально усеченного рыла. Нижняя губа чуть больше верхней, моделирована в виде рельефного полукруглого выступа. Рот конечный, выполнен глубокой прошлифованной канавкой с развилкой на конце. Фрагмент найден В.И. Привалихиным в культурном слое памятника вне археологического контекста [Привалихин, 1995, с. 146–147].

2. Скульптурное изображение двуглавой рыбы (рис. 2, *1*), изготовленное из глинистого алевролита желтовато-серого цвета. Форма удлиненно-овальная, слегка ассиметричная. Морда с тупым округлым рылом. Рот косой полунижний, намечен узкими прорезными канавками. Длинна изделия 280 мм, максимальная ширина 72 мм, толщина 25 мм. Фигурка входила в состав «клада» – депозита каменных артефактов серовского типа, обнаруженного В.И. Привалихиным в 1991 г. [Привалихин, 2011].

3. Заготовка высечена из слаболитифицированной осадочной породы (см. рис. 1, *3*). Форма ассиметричная удлиненно-овальная. Поверхность обработана плохо, резные детали образа (рот, глаза, жабры) отсутствуют. Длинна изделия 264 мм, наибольшая ширина 79 мм, толщина 29 мм. Обнаружена в 2012 г. Е.П. Рыбиным в культурном слое памятника вне археологического контекста [Славинский и др., 2012, с. 489, рис. 2, *50*].

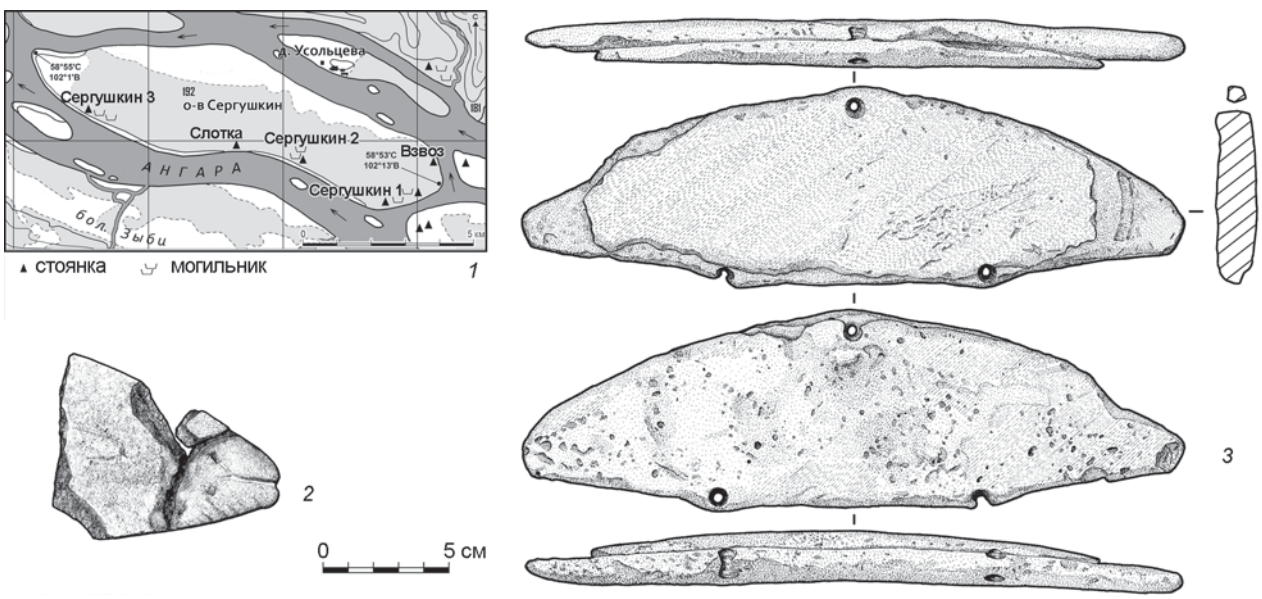

Рис. 1. Каменные фигурки двуглавых рыб с острова Сергушкин.

1 – план-схема расположения археологических памятников острова Сергушкин; *2* – фрагмент двуглавой ихтиоморфной фигурки, Сергушкин 1, пункт «А» (раск. В.И. Привалихина, 1993 г.); *3* – заготовка двуглавой ихтиоморфной фигурки, Сергушкин 1, пункт «А» (раск. Е.П. Рыбин, 2012 [Славинский и др., 2012]).

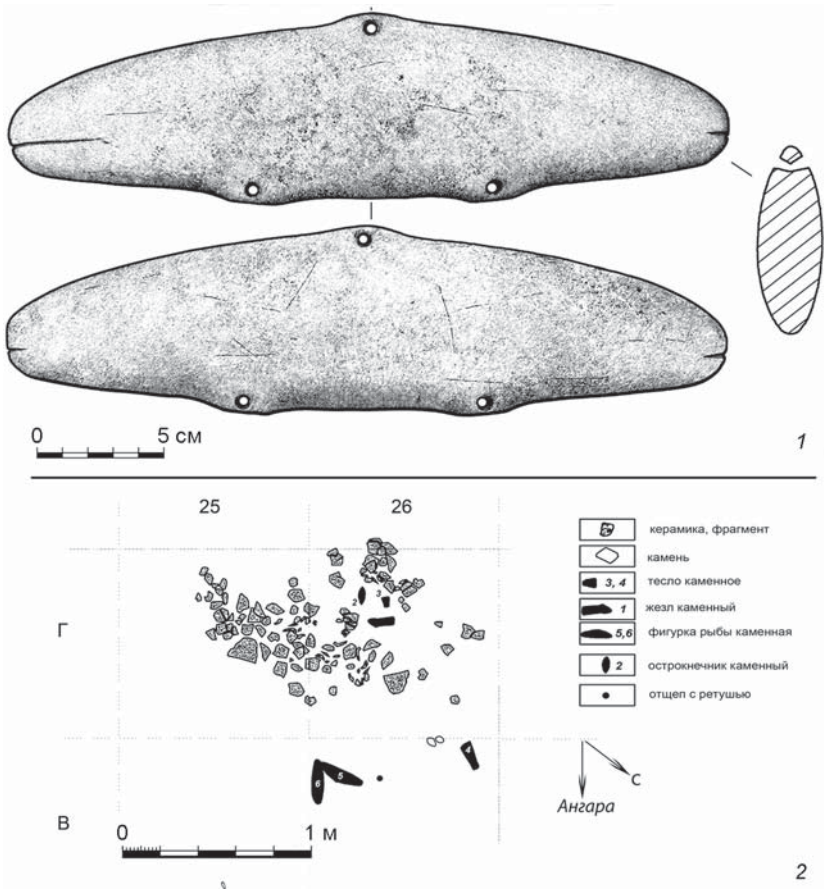

Рис. 2. 1 – каменная фигурка двуглавой рыбы с острова Сергушкин: Сергушкин 1, пункт «А» (раск. В.И. Привалихин, 1993 г.); *2* – план-схема нахождения скульптурок рыб в культурном слое стоянки Взвоз, пункт 2 (раск. П.В. Герман, 2010 г.).

Взвоз, пункт 2. Памятник дислоцирован в пойме северо-восточного берега острова, в 1 км ниже его верхней оконечности [Привалихин, 1994, с. 84–87]. Здесь в северо-восточной части памятника (пункт 2) в культурном слое позднеолитического (серовского) времени [Герман, Леонтьев, 2012] нами было найдено три двуглавых ихтиоморфных фигурки.

1. Скульптурное изображение двуглавой рыбы (рис. 3), изготовленное из слаболитифицированного алевролита цвета слоновой кости. Форма сегментовидная, рыла тупые с плоской вертикальной площадкой. Рот косой полунижний, передан прямой резной линией, раздваивающейся на концах. Жаберные щели показаны двумя параллельными дугообразными резными линиями. На поверхности изделия с обеих сторон фасов и на брюшке фиксируются множественные царапины и округлые сколы неясного происхождения. Длина фигурки 286 мм, ширина по центру 74 мм, толщина 38 мм. Скульптурка найдена в нижней части культурного слоя, на границе с материком. Она лежала, соприкасаясь с одним концом нижеследующей, под углом в 45° к ней (см. рис. 2, *2*).

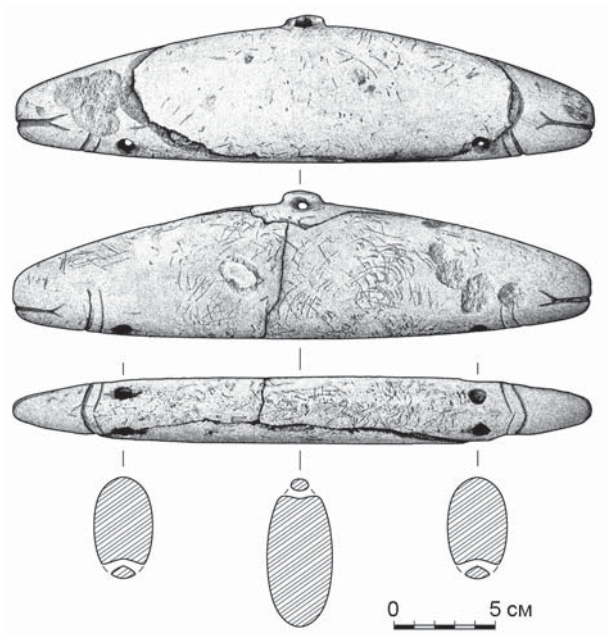

Рис. 3. Каменная фигурка двуглавой рыбы с острова Сергушкин из алевролита: Взвоз, пункт 2 (раск. П.В. Герман, 2010 г.).

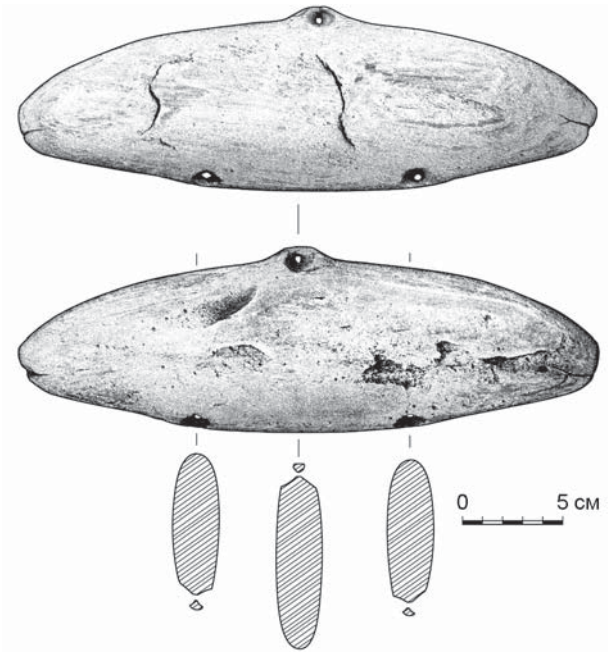

Рис. 4. Каменная фигурка двуглавой рыбы с острова Сергушкин из граниат-биотит-серицитового сланца: Взвоз, пункт 2 (раск. П.В. Герман, 2010 г.).

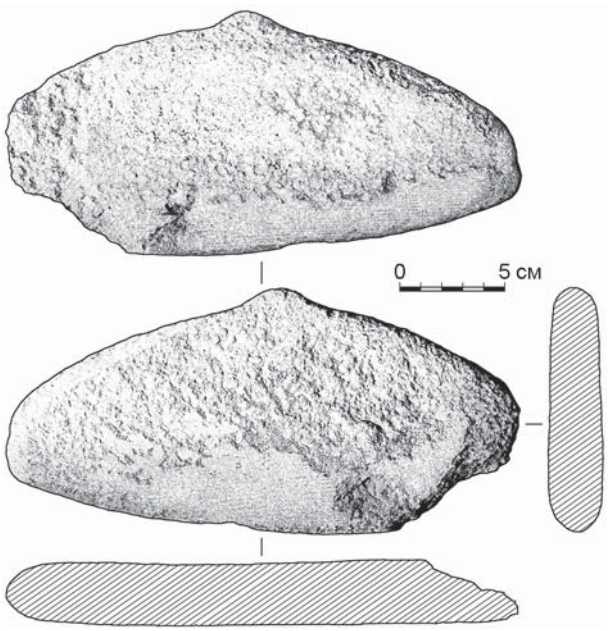

Рис. 5. Каменная фигурка двуглавой рыбы с острова Сергушкин из гиперстен-плагиоклазового сланца: Взвоз, пункт 2 (раск. П.В. Герман, 2011 г.).

2. Скульптурное изображение двуглавой рыбы (рис. 4), изготовленное из гранат-биотит-серицитового сланца синевато-серого цвета с серебристым отливом и белыми и желтыми продольными прожилками. Форма симметричная овалоидная, рыла тупые с плоской скошенной площадкой. Рот полунижний поперечный, передан прямой резной линией, с правой стороны фигурки раздваивающейся на концах. Длина изделия 277 мм, ширина по центру – 93 мм, толщина 27 мм. Скульптурка найдена в нижней части культурного слоя, на границе с материком. Она лежала, соприкасаясь с одним концом предыдущей, под углом в 45° к ней, по направлению к реке (см. рис. 2, *2*).

3. Заготовка каменной фигуры двуглавой рыбы (рис. 5) из гиперстен-плагиоклазового сланца светлого желтовато-серого цвета с интенсивным включением мелких черных кристаллов граната. Общая форма изделия симметричная удлиненно-овалоидная. В центре верхней части оформлен полукруглый выступ 1,5 × 2,5 см под сквозное отверстие. Один конец изделия поперечно обломан, очевидно, по скрытой внутренней трещине, противоположный заканчивается плоской кососрезанной площадкой. Длина изделия 247 мм, ширина по центру 118 мм, толщина 30 мм. Фигурка была обнаружена в 14 метрах к ССЗ от двух предыдущих.

Обсуждение

Рассматриваемые скульптурки демонстрируют разную степень завершенности, что позволяет реконструировать этапность работ по их изготовлению. Исходным материалом служили подобранные на берегу подходящие по размеру галечные плитки осадочных пород твердостью от 3 (алевролит) до 6 (кристаллический сланец) по шкале Мооса. Выбор сырья был обусловлен простотой его обработки, иные свойства камней и их цвет (красновато-розовый, желтовато-серый, темно-бежевый и пр.) значения не имели. Плитки по контуру обтесывались и обрабатывались пикетажем до получения искомой формы. При необходимости выравнивались боковые плоские фасы, после чего лучковым сверлом с оборотом вращения рабочего участка более 180 градусов в намеченных местах выполнялись сквозные биконические отверстия диаметром от 8 до 13 мм. Финальной стадией была общая шлифовка изделия на мелкозернистом абразиве, полировка и нанесение резных деталей изображения.

Рассматриваемые скульптуры демонстрируют полное тождество аналогичным древним фигуркам, найденным в бассейне Ангары и на сопредельных территориях [Эверстов, 1988, с. 42]. Несмотря на высокую степень индивидуальных различий, все

они датируются серовской культурой [Окладников, 1950, с. 224; Хороших, 1966, с. 91; Окладников, 1976, с. 107; Окладников, 1978, с. 14–16; Базалийский, 2005, с. 42; Студзицкая, 2011, с. 47], что дополнительно подтверждается археологическим контекстом находок с о-ва Сергушкин и радиоуглеродной датой – 4 688 ± 100 л.н. (SPb_579) [Герман, Леонтьев, 2012].

По предположению ряда исследователей [Студзицкая, 1998, с. 208–210; Эверстов, 1988, с. 42; Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010, с. 510], данные фигурки изображают «рыб из рода *Salmo* – сиговых» [Студзицкая, 1998, с. 208]. Данное мнение представляется дискуссионным по ряду причин. Во-первых, родовое название *Salmo* объединяет не сигов, а благородных лососей [Аннотированный каталог…, 1998, с. 35]. Во-вторых, отличительные морфологические признаки рыб рода сиги (*Coregonus Lacepede*) – однотонная серебристо-белая окраска тела без пятен и поперечных полос, крупная чешуя, количество которой значительно меньше, чем у других лососевых, беззубые челюсти, неполное орбитальное кольцо, глубокая выемка хвостового плавника [Боровикова, Махров, 2013] – никак не отражены на рассматриваемых скульптурках. Такие же признаки, как «очертания морды, трактовка жабр» [Студзицкая, 1998, с. 210] или «характерная форма брюшка» [Эверстов, 1988, с. 42] неприменимы для достоверной интерпретации видовой и/или родовой принадлежности рыб, запечатленных в двуглавых каменных фигурках. В-третьих, рассматриваемые скульптуры демонстрируют значительную вариативность метрических и стилистических признаков, что не позволяет видеть в них изображения рыб одного вида или рода. Как отмечал А.П. Окладников, данные фигурки представляют собой скорее некий «символ, чем изображение рыбы, тем более определенной породы» [Окладников, 1936, с. 219]. Их внешний облик обусловлен уровнем мастерства и индивидуальными предпочтениями древнего художника, а также начальной формой использованного материала и функциональным назначением готового предмета.

Вопрос о назначении рассматриваемых древних изделий до настоящего времени остается дискуссионным. А.П. Окладников выделил их в категорию культовых предметов [Окладников, 1950, с. 333]. Тождественных взглядов сегодня придерживается ряд исследователей [Шерстобитова, Селезнев, 2004, с. 270, 277; Заика, 2014, с. 97; Вртанесян, 2013]. По мнению других исследователей, данные скульптурные изображения относятся к категории рыболовного инвентаря – «приманки» [Кызласов, 1986, с. 9, 69; Абдулов и др., 1988, с. 211; Зубков, 2006, с. 52; Гревцов и др., 2010, с. 510; Лысенко, Матвеев, Веженко, 2011, с. 425; Богучанская…, 2015, с. 239, 312].

По нашему мнению, нельзя полностью исключать вероятность использования рассматриваемых скульптур как своеобразных приманок. В этом качестве они успешно могли бы применяться только при том способе ловли, который был описан П.С. Палласом, Д.Е. Каплиным и В.Н. Васильевым [Окладников, 1941, с. 195–196, 198]. Чтобы сделать их привлекательными для хищников, к нижним отверстиям фигурок могли бы привязывать рыбьи потроха, цветные лоскуты и пр. Однако этой версии противоречит тот факт, что изделия данного типа бытовали в рамках только одного культурно-хронологического горизонта, в то время как остальные орудия лова, претерпев различную степень модернизации, существуют и в наши дни. К тому же представление об утилитарном назначении рассматриваемых каменных ихтиоморфных скульптурок не объясняет заведомую фантастичность облика запечатленного в них персонажа. Он лишь отдаленно напоминает реальную рыбу, а его двуглавость делает очевидным тот факт, что данные предметы несли определенную культовую нагрузку.

Заключение

Каменные скульптурные изображения двуглавых рыб являют собой один из наиболее интересных образцов искусства племен финального неолита Байкало-Енисейского региона. Находки с о-ва Сергушкин позволяют не только дополнительно подтвердить культурно-хронологическую принадлежность данной категории предметов, но и уточнить этапность работ по их изготовлению. Очевидно то, что в рамках одного коллектива и даже возможно одним и тем же мастером для их создания использовались разные породы камней, подходящих по форме и твердости, а сами фигурки могли отличаться по форме и степени детализации. Последнее обстоятельство указывает на то, что древние скульпторы вовсе не стремились воспроизвести в них облик рыбы какой-либо определенной породы, а создавали некий обобщенный и понятный символ.

Вопрос о функциональном назначении двуглавых ихтиоморфных фигурок остается дискуссионным. Использование их в качестве простых приманок или иных орудий рыбного лова вызывает ряд сомнений. Более вероятным представляется, что эти предметы либо имели культовый характер, либо, подобно каменным жезлам со скульптурным навершием [Гурулев, 2012, с. 77], сочетали в себе обрядовую и утилитарно-бытовую функции. Реконструировать сакральное значение образа двугла-

вой рыбы в мировоззрении серовских племен пока не представляется возможным. Данные статуэтки в равной степени могли быть связаны с прикладными ритуалами промысловой магии или символизировать персонифицированные сверхъестественные силы высокого ранга.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири»

Список литературы

Абдулов Т.А., Базалийский В.И., Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Горюнова О.И., Дзюбас С.А., Задонин О.В., Инешин Е.М., Титов А.В., Федоренко А.Б., Харинский А.В. Исследования Иркутского университета // АО 1986 года. – М.: 1988. – С. 207–212.

Аннотированный каталог круглоротых и рыб континентальных вод России / Под ред. Ю.С.Решетникова. – М.: Наука, 1998. – 218 с.

Базалийский В.И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – Ч. 1. – С. 35–42.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. // Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1. – Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с.

Боровикова Е.А., Махров А.А. Систематическое положение и происхождение сигов (coregonus) Европы: морфоэкологический подход // Труды Карельского научного центра РАН. – 2013. – № 6. – С. 105–115.

Вртанесян Г.С. Календарная символика глазковской культуры Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 112–115.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск, 2012. – С. 78–85.

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 509–514.

Гурулев Д.А. Каменные фигурные жезлы Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. – Вып. V. – Красноярск: СФУ, 2012. – С. 75–81.

Заика А.Л. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – № 2 (2). – С. 95–103.

Зубков В.С. К проблеме выделения и интерпретации археологических культур в неолите и раннем бронзовом веке Прибайкалья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2006. – Том 5. – Вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). – С. 48–54.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. – 302 с.

Лысенко Д.Н., Матвеев В.Е., Веженко А.В. Предварительные результаты полевых исследований стоянки Толстый Мыс (Северное Приангарье) в 2011 году. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 424–426.

Окладников А.П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // СА – 1936. – № 1. – С. 215–245.

Окладников А.П. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. №2. Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 193–202.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 413 с. – (МИА № 18).

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.

Привалихин В.И. Искусство таежных племен Северного Приангарья в неолите // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск, 1995. – С. 146–149.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» (По материалам исследований археолого-этнографической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея в зоне затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. – С. 150–160.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цепаньская культура). Дисс. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1994. – 290 с.

Славинский В.С., Герман П.В., Леонтьев С.Н., Рыбин Е.П. Материалы неолитического времени стоянки Сергушкин-1 пункт «А» (раскопки 2012 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2012. – Т. 18. – С. 486–491.

Студзицкая С.В. Мелкая пластика неолита Прибайкалья (изобразительные традиции) // Вестник антропологии. Альманах. – Вып. 5. – Изд-во ИЭА РАН. – Москва, 1998. – С. 207–220.

Студзицкая С.В. Древнее искусство Прибайкалья (по материалам мелкой пластики эпохи неолита) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. VII.– С. 37–50.

Хороших П.П. Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске //Древняя Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1966. – Вып.2: Сибирский археологический сборник. – С. 84–93.

Шерстобитова О.С., Селезнев А.Г. Первопредок на шаманском костюме (к проблеме интерпретации образа мамонта) // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 262–279.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 140 с.

References

Abdulov T.A., Bazaliiskii V.I., Berdnikova N.E., Vetrov V.M., Goryunova O.I., Dzyubas S.A., Zadonin O.V., Ineshin E.M., Titov A.V., Fedorenko A.B., Kharinskii A.V. Issledovaniya Irkutskogo universiteta. In *Arheologicheskie otkrytija 1986 goda.* Moscow, 1988. P. 207–212. (In Russ.).

Bazaliiskii V.I. K probleme kul'turno-khronologicheskikh osobennostei pogrebal'nykh kompleksov epokhi pozdnego mezolita neolita Baikal'skoi Sibiri. In *Sotsiogenez v Severnoi Azii,* Irkutsk, 2005, pt. 1. P. 35–42. (In Russ.).

Borovikova E.A., Makhrov A.A. Sistematicheskoe polozhenie i proiskhozhdenie sigov (coregonus) Evropy: morfoekologicheskii podkhod. In *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN,* 2013, no. 6. P. 105–115. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskii V.S., Vybornov A.V., Zol'nikov I.D., Deev E.V., Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovanii (2007–2012 gody) (Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Vol. 1). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 564 p. (In Russ.).

Everstov S.I. Rybolovstvo v Sibiri. Kamennyi vek. Novosibirsk: Nauka, 1988, 140 p. (In Russ.).

German P.V., Leontiev S.N. Neoliticheskoe svyatilishche na ostrove Sergushkin v Severnom Priangar'e (rezul'taty issledovanii 2010 g.). In *Fenomen geoarkheologicheskoi mnogosloinosti Baikal'skoi Sibiri. 100 let Baikal'skoi nauchnoi arkheologii.* Irkutsk, 2012. P. 78–85. (In Russ.).

Grevtsov Yu.A., Lysenko D.N., Galukhin L.L. Spasatel'nye raboty Beryambinskogo otryada Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii IAET SO RAN v 2010 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* 2010. Vol. 16. P. 509–514. (In Russ.).

Gurulev D.A. Kamennye figurnye zhezly Priangar'ya. In *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri.* Krasnoyarsk: SFU, 2012, iss. V. P. 75–81. (In Russ.).

Khoroshikh P.P. Neoliticheskii mogil'nik na stadione "Lokomotiv" v g. Irkutske. In *Drevnyaya Sibir' (Sibirskii arkheologicheskii sbornik. iss. 2).* Novosibirsk: Nauka, 1966. P. 84–93. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Drevneishaya Khakasiya. Moscow: MSU Publ., 1986, 302 p. (In Russ.).

Lysenko D.N., Matveev V.E., Vezhenko A.V. Predvaritel'nye rezul'taty polevykh issledovanii stoyanki Tolstyi Mys (Severnoe Priangar'e) v 2011 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2011. Vol. XVII. P. 424–426. (In Russ.).

Okladnikov A.P. K voprosu o naznachenii neoliticheskikh kamennykh ryb iz Sibiri. In *Paleolit i neolit USSR* (*Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR*. No 2). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences USSR, 1941. P. 193–202. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Kamennye ryby (K izucheniyu pamyatnikov neoliticheskogo iskusstva Vostochnoi Sibiri). *Sovetskaja arheologija,* 1936, no. 1. P. 215–245. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Materials and research on the archaeology of the USSR, No 18). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences USSR, 1950, pt. 1, 2, 413 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamyatniki Nizhnei Angary (ot Serovo do Bratska). Novosibirsk: Nauka, 1976, 328 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Verkholenskii mogil'nik – pamyatnik drevnei kul'tury narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1978, 288 p. (In Russ.).

Privalikhin V.I. Iskusstvo taezhnykh plemen Severnogo Priangar'ya v neolite. In *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu*. Novosibirsk, 1995. P. 146–149. (In Russ.).

Privalikhin V.I. Klad kamennykh artefaktov epokhi neolita stoyanki i mogil'nika Sergushkin-1, punkta «A» (Po materialam issledovanii arkheologo-etnograficheskogo kraevedcheskogo muzeya v zone zatopleniya Boguchanskoi GES na Nizhnei Angare). In *Vtoroi vek podvizhnichestva*. Krasnoyarsk, 2011. P. 150–160. (In Russ.).

Privalikhin V.I. Ranii zheleznyi vek Severnogo Priangar'ya (tseran'skay Kultyra). Diss. … kand. Ist. Nauk, Kemerovo, 290 p. (In Russ.).

Reshetnikov Yu.S. (ed.) *Annotirovannyi katalog kruglorotykh i ryb kontinental'nykh vod Rossii.* Moscow: Nauka, 1998, 218 p. (In Russ.).

Sherstobitova O.S., Seleznev A.G. Pervopredok na shamanskom kostyume (k probleme interpretatsii obraza mamonta). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik,* 2004, iss. 5. P. 262–279. (In Russ.).

Slavinskii V.S., German P.V., Leontiev S.N., Rybin E.P. Materialy neoliticheskogo vremeni stoyanki Sergushkin-1 punkt «A» (raskopki 2012 goda). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* 2012. Vol. 18. P. 486–491. (In Russ.).

Studzitskaya S.V. Drevnee iskusstvo Pribaikal'ya (po materialam melkoi plastiki epokhi neolita). In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii. K 70-letiyu D.G. Savinova (Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva. iss. VII)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. P. 37–50. (In Russ.).

Studzitskaya S.V. Melkaya plastika neolita Pribaikal'ya (izobrazitel'nye traditsii). In *Vestnik antropologii. Al'monakh.* iss. 5. IAET RAS Publ.; Moscow, 1998, pp. 207–220. (In Russ.).

Vrtanesyan G.S. Kalendarnaya simvolika glazkovskoi kul'tury Sibiri. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 2013, no. 3 (23). P. 112–115. (In Russ.).

Zaika A.L. Obraz mamonta v iskusstve drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoi Azii. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»,* 2014, no. 2 (2). P. 95–103. (In Russ.).

Zubkov V.S. K probleme vydeleniya i interpretatsii arkheologicheskikh kul'tur v neolite i rannem bronzovom veke Pribaikal'ya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriya: Istoriya, filologiya, 2006. Vol. 5, iss. 3. P. 48–54. (In Russ.).

Леонтьев С.Н. https://orcid.org/0000-0002-6231-4043
Герман П.В. https://orcid.org/0000-0002-8123-6992

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0511-0519
УДК 902.652

А.Г. Марочкин[1]✉, А.С. Сизев[1], А.Ю. Юракова[1], Д.А. Гаврилов[2], К.Д. Хайрулина[1]

[1]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
[2]Институт агрохимии и почвоведения СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: comcon@yandex.ru

Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской Писаницы

Статья посвящена проблемам относительной хронологии археологических комплексов на стыке Нижнего и Среднего Притомья в аспекте стратиграфических наблюдений на разновременных поселенческих памятниках. В задачи исследования входили: анализ естественной стратиграфии поселения Писаная-4 на разных его участках; археологическая атрибуция полученной серии артефактов, хроностратиграфическая характеристика культурных комплексов; оценка полученных данных в аспекте периодизации археологических древностей Притомья и севера Кузнецкой котловины. Всего рассмотрены материалы из семи раскопов, расположенных в высокой пойме и на краю первой надпойменной террасы. Глубина стратиграфических раскрытий достигает 2 м. В пойменной зоне общая стратификация толщи определяется активностью и частотой половодий реки в голоцене, а также проявлением педогенной переработки аллювиального материала. Здесь зафиксирована показательная ситуация разноуровневого залегания артефактов неолита – энеолита, ранней и развитой бронзы, раннего железного века, Средневековья, с разделением культурно-хронологических горизонтов галечными прослойками. На террасе следы периодических затоплений в голоценовых почвах выражены более слабо, а аллювиальные отложения представлены светло-коричневым суглинком. На этих участках зафиксирована дислокация артефактов периода неолита – энеолита в гумусовых отложениях, и залегание каменных артефактов эпохи верхнего палеолита в аллювиальных подстилающих суглинках. Полученные данные удостоверяют стратифицированный характер поселения Писаная-4, что является принципиально новой ситуацией для данного района, и относительно редкой для всей лесостепной зоны Западной Сибири. Полученные данные по хроностратиграфии культурно-хронологических комплексов верхнего палеолита, раннего неолита, позднего неолита – энеолита, энеолита, ранней и развитой бронзы, раннего железного века и раннего Средневековья на поселении Писаная-4 являются важным и отчасти итоговым результатом создания периодизации археологических древностей в ландшафтном контексте петроглифических памятников Притомья.

Ключевые слова: *стратиграфия, палеолит, неолит – энеолит, палеометалл, Средневековье, поселение Писаная 4, Томская писаница, стык Среднего и Нижнего Притомья, Кузнецкая котловина.*

A.G. Marochkin[1]✉, A.S. Sizyov[1], A.Yu. Yurakova[1], D.A. Gavrilov[2], K.D. Khairulina[1]

[1]Institute of Human Ecology of the Federal Research Center of the Institute of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
[2]Institute of Soil Science and Agrochemistry SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: comcon@yandex.ru

Stratigraphy of the Pisanaya-4 Settlement near the Tomskaya Pisanitsa Petroglyphic Site

This article discusses some problems in relative chronology of archaeological assemblages discovered at multilayered sites at the border of the Lower Tom and Middle Tom River regions, in their stratigraphic context. The research was aimed

at establishing natural stratigraphy of the Pisanaya-4 site at its different sections, conducting archaeological attribution of the series of artifacts, identifying chronological and stratigraphical features of archaeological assemblages, and evaluating the data obtained for periodization of archaeological finds from the Tom River region and Kuznetsk Depression. In total, evidence from seven sites located on the high floodplain and at the edge of the first terrace above the floodplain has been analyzed. The depth of the stratigraphic pits was 2 m. General stratification of soil mass in the floodplain zone depended on intensity and frequency of seasonal floods in the Holocene and pedogenic processes in alluvial material. A distinctive situation of multiple layers with artifacts of the Neolithic-Chalcolithic, Early and Advanced Bronze Age, Early Iron Age, and Middle Ages with pebble layers between archaeological and chronological horizons has been observed. The terrace has shown poor traces of periodic floods in the Holocene soils; alluvial deposits consisted of light brown clay loam. These sections contained some Neolithic-Chalcolithic artifacts dislocated to humus deposits and Late Paleolithic stone artifacts in the underlying clay loam alluvium. The data obtained reveals the stratigraphic nature of the Pisanaya-4 site which is new for this region and relatively rare for the entire forest-steppe belt of Western Siberia. The chronostratigraphic data on cultural and chronological assemblages of the Late Paleolithic, Early Neolithic, Late Neolithic-Chalcolithic, Early Bronze Age, Advanced Bronze Age, and Early Middle Ages at the Pisanaya-4 site is an important component for periodization of archaeological finds in the landscape context of the sites in the Tom River region.

Keywords: *stratigraphy, Paleolithic, Neolithic-Chalcolithic, Metal Age, Middle Ages, Pisanaya-4, Tomskaya Pisanitsa, border of the Lower Tom and Middle Tom River regions, Kuznetsk Depression.*

Введение

Поселение Писаная-4 располагается на мысовидном выступе левого берега р. Писаной (правого притока р. Томь), на расстоянии ок. 70 м от скальных плоскостей Томской писаницы (рис. 1). Учитывая имеющиеся сведения об изначальном наличии наскальных изображений на левом берегу р. Писаной (ныне утрачены), памятник расположен в центре крупнейшего петроглифического комплекса Притомья.

В геоморфологическом отношении территория памятника занимает участок высокой поймы на оконечности мыса, а также прилегающую зону первой надпойменной террасы. Высота пойменной части над летним урезом воды не превышает семи метров. Высота террасы немногим выше, до десяти метров. Однако следует учитывать вероятные изменения уровня террасы в результате антропогенного воздействия – здесь расположены хозяйственные и жилые корпуса базы отдыха, имеются признаки выравнивания земной поверхности при сооружении спортивных площадок. Перепад высот нерезкий, с плавным повышением.

Поселение обнаружено в 2019 г., когда при шурфовке высокой поймы на приустьевом участке левого берега р. Писаная был зафиксирован культурный слой мощностью до 1,2 м, включающий культурные остатки периодов неолита, палеометалла, Средневековья. Для уточнения стратиграфии, выявленной в рекогоносцировочных шурфах, в 2020–2021 гг. памятник исследован раскопками. На разных участках памятника были заложены семь раскопов общей площадью 82 м^2. Коллекция полученных находок превышает 4 000 экз.

Стратиграфические характеристики участков высокой поймы и первой террасы

Стратиграфическая ситуация в зоне высокой поймы зафиксирована по профилям пяти раскопов, расположенных по контуру мыса.

Основной раскоп (50 м^2) расположен в самой низкой точке, в непосредственной близости от обрывистого края современного правого берега р. Томь. Наблюдения проводились по четырем стенкам и одной бровке общей протяженностью 35 м. Глубина раскрытия до 1,7 м.

Судя по материалам основного раскопа, почвенно-аллювиальная составляющая высокой поймы р. Томь представлена стратифицированной гумусированной толщей мощностью ок. 1,6 м. Общая стратификация толщи определяется активностью и частотой половодий реки в голоцене, а также проявлением педогенной переработки аллювиального материала (рис. 2, *1*).

Горизонтально залегающие на разной глубине (30, 50, 90 и 110 см от дневной поверхности) линии крупных окатанных галечников определяют уровни, соответствующие наиболее сильным паводкам, которые приносили окатанный материал и откладывали его по бортам долины реки. Аллювиальный легко- и среднесуглинистый песчано-пылеватый материал, послуживший почвообразующей породой, образован при менее сильных разливах реки, что способствовало аккумуляции мелкозема и последующей его педогенной переработке.

Согласно макроморфологическим наблюдениям, толща активно переработана процессами почвообразования, хотя сохраняется еще литогенная плитчатая структура на всю мощность.

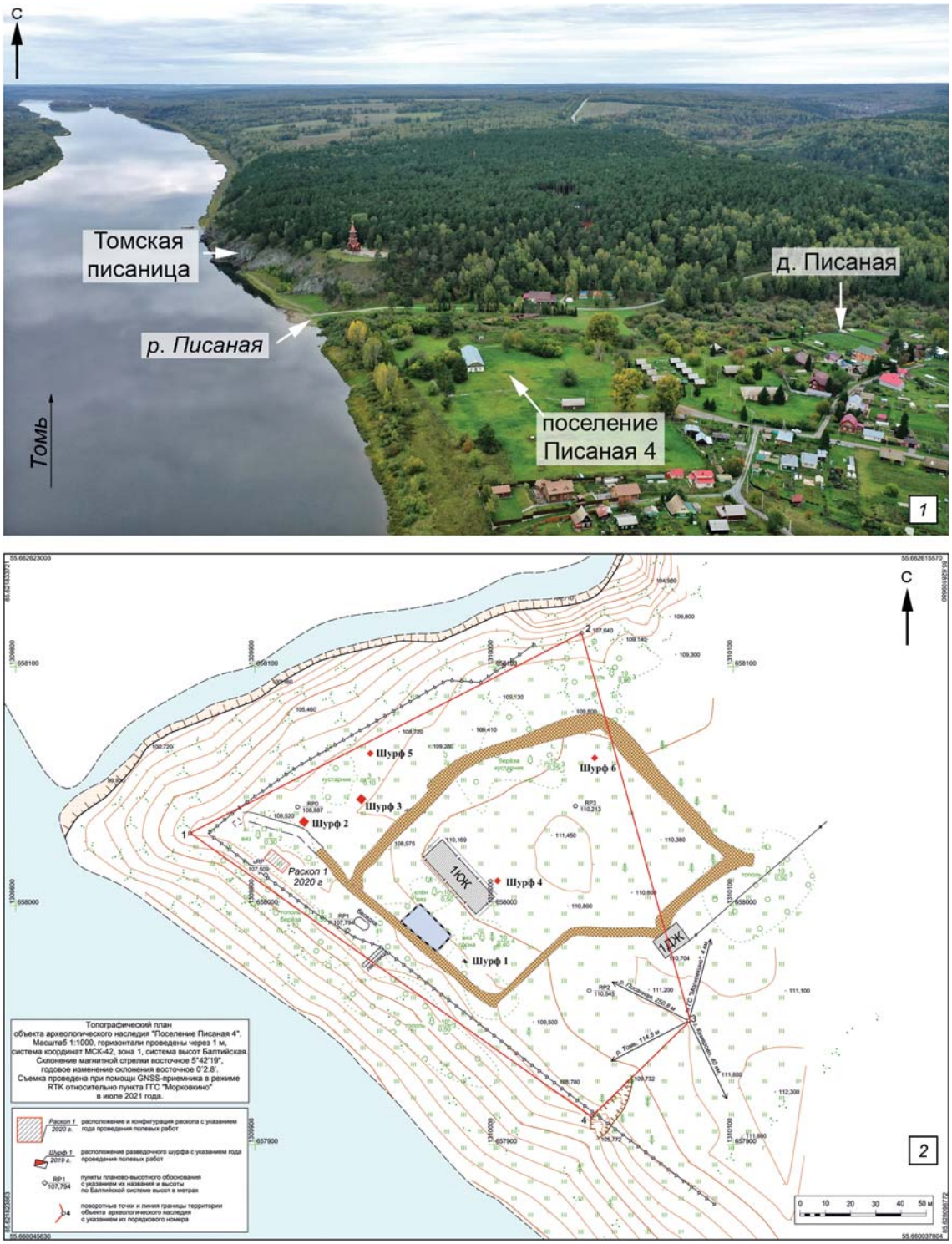

Рис. 1. Поселение Писаная-4.

1 – расположение памятника в устье р. Писаная; *2* – топографический план памятника с указанием участков, изученных в 2019–2021 гг.

Педогенная стратификация толщи проведена по данным монохроматических характеристик гумусовых горизонтов и признакам иллювиирования гумусово-глинистого материала.

Гумусовая толща имеет светло-серый цвет (5Y 3/1-4/1), который к низу (с глубины 90 см) резко сменяется на более темный оттенок серого (5Y 3/1). В верхней 90 см части профиля выявлены с разной интенсивностью признаки иллювильного переноса гумусово-глинистого материала (кутаны). Образование кутан в данном случае определяется суспензионным переносом ила вниз по профилю в кислых почвенных растворах в условиях лесного почвообразования. В нижней части

Рис. 2. Поселение Писаная-4. Раскоп № 1 2020 года.

1 – стратиграфический профиль (фрагмент); *2–15* – керамика и каменный инвентарь. Уровень залегания (I–IV) и керамика разновременных комплексов: *I, 2, 4* – раннего Средневековья и раннего железного века, *II, 5, 6* – развитой/поздней бронзы, *III, 8–10* – ранней – начала развитой бронзы, *IV, 11* – энеолита, *IV, 12, 14* – неолита.

толщи (ниже 90 см) численность кутан уменьшается, но их наличие, в первую очередь, связано с более поздним проявлением элювиально-иллювиальных процессов в верхней части изученной толщи.

При полевом обследовании был определен легко- и среднесуглинистый гранулометрический состав толщи с преобладанием песчаной фракции, содержание которой варьируется. Последующие лабораторные работы позволят определить абсолютное содержание фракций элементарных почвенных частиц.

На одной из бровок раскопа в виде крупного буро-серого пятна (80–120 см) сохранились следы древнего ветровала, в нижней темно-гумусовой толщи – ходы землеройных животных (120–140 см).

Археологические материалы из основного раскопа представлены многочисленными предметам каменной индустрии, фрагментам керамической посуды (в т.ч. развалами сосудов), единичными

фрагментами изделий из цветного и черного металла, фрагментированными костями животных (рис. 2). Следы каких-либо сооружений и конструкций отсутствуют, за исключением нескольких простейших галечных выкладок подпрямоугольной формы, характерных для стоянок Среднего и Нижнего Притомья.

Анализ полученных материалов, и в первую очередь, керамической посуды, позволяет выделить комплексы позднего неолита – энеолита (игрековский тип), энеолита (большемысская культура), ранней – начала развитой бронзы (крохалевская культура), развитой бронзы (гребенчато-ямочный комплекс, самусьская культура, андроновский (постандроновский?) комплекс). Зафиксированы фрагменты от баночного сосуда, предварительно датированного периодом раннего железа (без культурного определения). Наконец, получена керамика с т.н. защипными остроребериными валиками, характерная для лачиновской культуры раннего Средневековья.

Наличие в слое развалов керамических сосудов маркирует хронологические горизонты. На глубине ок. 0,35–0,40 м от поверхности залегали артефакты раннего железного времени и Средневековья, снизу подстилаемые слабовыраженной прослойкой галечника. На глубине 0,6–0,8 м от поверхности залегали находки бронзового века и остатки галечных выкладок. Нижняя граница этого горизонта маркируется мощной, хорошо выраженной галечной прослойкой, и лежащим непосредственно на ней развалом самусьского (?) сосуда. Под данной прослойкой идет горизонт, насыщенный включениями галечника и содержащий артефакты неолита – энеолита. На глубине ок. 1,35 м залегали фрагменты керамического сосуда большемысской культуры, и тоже непосредственно на галечной прослойке.

В зоне перехода высокой поймы к уступу первой террасы, по контуру мыса заложены четыре рекогносцировочных раскопа: № 1 (2 м^2, глубиной до 1 м), № 2 (9 м^2, глубиной до 1,2 м), № 3 (9 м^2, глубиной до 1,8 м), № 5 (4 м^2, глубиной до 1,9 м). Для них зафиксированы стратиграфические характеристики, сходные ситуации на основном раскопе. Однако мощность гумусированного суглинка на данных участках лишь 0,4–0,8 м. Галечные включения в гумусе представлены разрозненными скоплениями. Четкая прослойка из галечника, в т.ч. крупных валунов, зафиксирована только на границе гумуса и подстилающего светло-коричневого суглинка. Ближе всех по стратиграфии к основному раскопу рекогносцировочный раскоп № 2, что логично объясняется близостью расположения.

В рекогносцировочном раскопе № 1 в толще гумуса, наряду с предметами каменной индустрии (преимущественно отщеповой в своей основе), найдены фрагменты керамической посуды позднего неолита – энеолита (кипринско-ирбинско-новокусковский культурный массив). Прокопка кровли подстилающего суглинка результатов не дала.

В рекогносцировочном раскопе № 2 (рис. 3) в гумусе на глубине 0,05–0,35 м в большом количестве зафиксированы предметы каменной индустрии (преимущественно пластинчатого характера), а также немногочисленная керамика раннего неолита (изылинский этап верхнеобской неолитической культуры – далее ВНК). В подстилающем суглинке на глубине 0,85 м обнаружены мелкие фрагменты костей животного, обломки и нуклевидные сколы из мелкого галечника, нуклеусы с негативами крупных отщеповых снятий, а также орудия, предварительно атрибутированные как рубила.

В рекогносцировочных раскопах № 3 и № 5 найдены редкие каменные изделия поздненеолитического облика (галечные заготовки топоров, крупные отщепы, листовидный нож-бифас, топор), залегавшие исключительно в гумусе. Прокопка подстилающего суглинка оказалась безрезультатной.

Стратиграфия первой террасы зафиксирована на профилях двух рекогносцировочных раскопов: № 4 (4 м^2, глубина до 1,95 м) и № 6 (4 м^2, глубиной до 2 м).

Выявленная здесь стратиграфическая ситуация отлична от стратиграфии в основном раскопе, но в целом похожа на ту, что зафиксирована на прилегающих участках высокой поймы. На полученных профилях зафиксировано наличие гумусированного суглинка серого цвета мощностью до 0,55 м. Его подстилает светло-коричневый суглинок мощностью до 0,8 м. Для данного слоя характерно постепенное, градиентное потемнение по мере углубления. Ниже слоя светло-коричневого суглинка залегает более легкий суглинистый субстрат желто-коричневого цвета, изученный на глубину до 0,6 м. Важной чертой стратиграфических профилей на террасе является практически полное отсутствие выраженных галечных включений в каждом из слоев (рис. 4). Распределение археологического материала в профиле имеет четкую закономерность. В слое гумуса залегали каменные изделия неолитического облика. В толще подстилающего светло-коричневого суглинка на глубине 1,2–1,4 м найдены мелкие фрагменты костей животного (в т.ч. фоссилизированные), а также предметы каменной индустрии, предварительно датированные верхним палеолитом – обломки, отщепы, нуклевидные сколы, орудия. Среди прочего выделяется нуклеус леваллуазского типа и массивное скребло на галечном сколе с признаками патины.

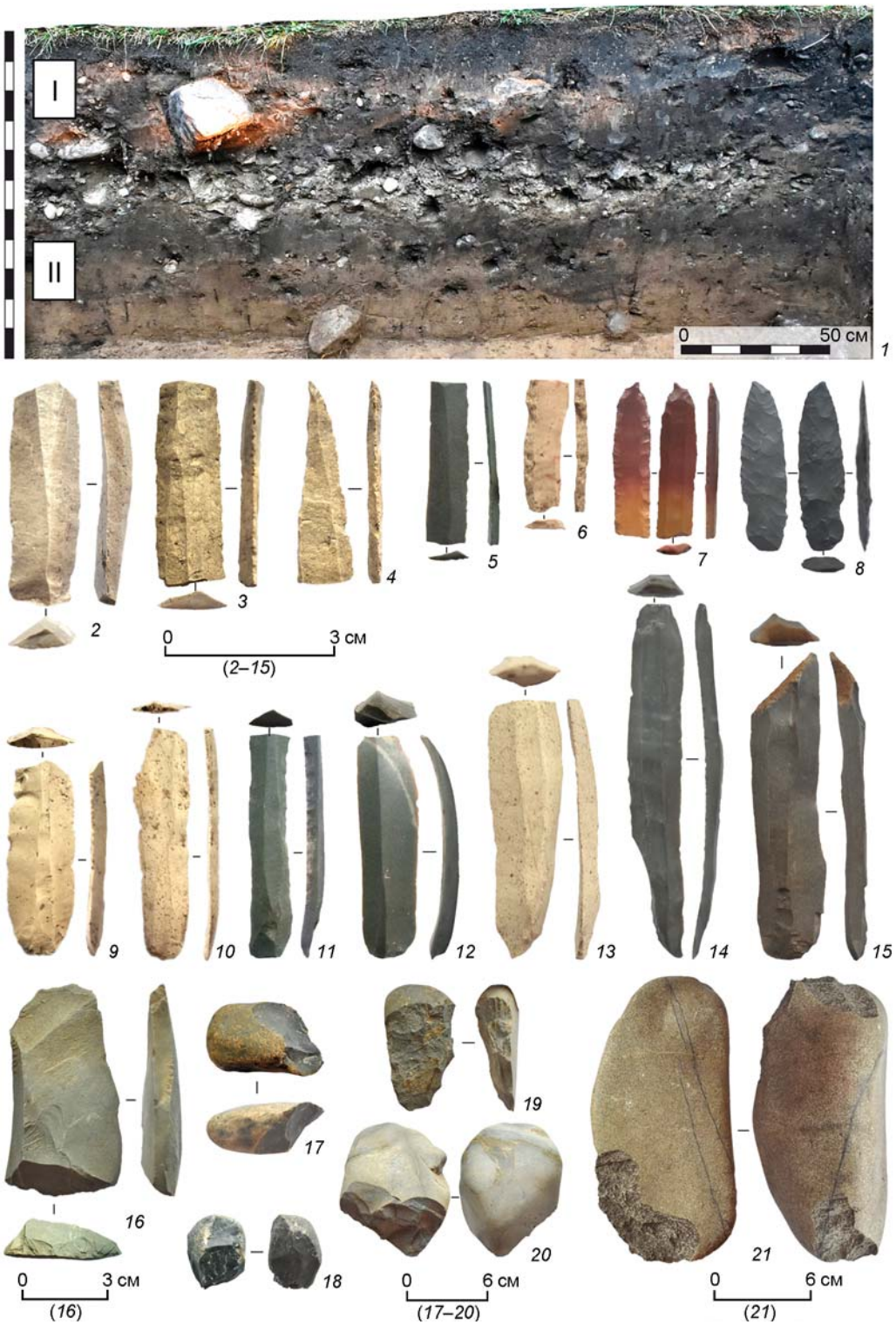

Рис. 3. Поселение Писаная-4. Рекогносцировочный шурф № 2. Стратиграфический профиль (*1*). Уровень залегания (I, II) и каменный инвентарь разновременных комплексов: I, *2–15* – неолита, II, *16–21* – верхнего палеолита (?).

Таким образом, пойменная часть памятника Писаная-4 маркирована чередованием горизонтально расположенных галечных наносов, образующих прослойки в гумусовой толще, и отделяющих подстилающие суглинистые субстраты от гумуса на границе с уступом первой террасы. Планиграфия культурно-хронологических комплексов показывает дислокацию материалов энеолита, бронзового века, раннего железного времени и Средневековья только в пойменной части памятника. Материалы неолита зафиксированы на всей площади. Артефакты, предварительно датированные верхнепалеоли-

Рис. 4. Поселение Писаная-4. Материалы рекогносцировочных шурфов № 6 (*1, 2–7*) и № 3 (*8–9*). Уровень залегания комплексов: I – неолита, II – верхнего палеолита. *1* – стратиграфический профиль (фрагмент); *2* – фоссилизированная кость; *3–9* – верхнепалеолитический каменный инвентарь.

тическим временем, тяготеют к участкам первой надпойменной террасы, хотя находки в рекогносцировочном раскопе № 2 могут свидетельствовать об их сохранности в частично переработанных отложениях на границе поймы и террасы.

В стратиграфическом отношении прослеживается четкая закономерность, согласно которой артефакты голоценового времени залегают в толще гумусированного суглинка, а материалы позднего плейстоцена располагаются в подстилающих суглинистых субстратах разных оттенков коричневого цвета. Для стратиграфии голоценовых комплексов характерно последовательное залегание, с маркировкой хронологических горизонтов прослойками галечника в пойменной части.

Обсуждение результатов

В современной археологической науке с позиции хроностратиграфии наиболее информативными признаются археологические объекты, отложения которых приурочены к участкам высоких пойм, а их генезис характеризуется чередованием процессов седиментации и почвообразования [Бердников, Бердникова, Воробьева, 2017]. В таком случае культуросодержащие горизонты оказываются разделены «стерильными» слоями, маркирующими природные события, например паводки. Многослойные объекты дают наиболее успешные примеры междисциплинарных исследований [Мазуркевич и др., 2021]. Для Азиатской части России

методические и практические аспекты изучения стратифицированных поселений наиболее полно разработаны и успешно применяются в Восточной Сибири.

В Западной Сибири примеры подобных памятников существуют. Многослойность, включающая почвенные горизонты, разделенные стерильными аллювиальными наносами, послужила основой для выводов об относительной хронологии комплексов в пойменной части поселений в Салаирском Приобье – Иня-3, Иня-11 [Зах, 2003], и в Барабинской лесостепи – Венгерово-3 [Молодин, 1977]. В последние годы на поселенческих памятниках северо-западной Барабы обозначена хроностратиграфия комплексов раннего неолита, позднего неолита и раннего металла [Бобров, Марочкин, 2011], но механизмы и причины цветовой стратификации эоловой толщи на изученных участках пока не ясны.

Однако в западносибирской лесостепи преобладают памятники, где культурные остатки залегают в нерасчлененной литологической толще, значительно преобразованной процессами почвообразования и доступной для культурно-хронологических выводов только по высотным и планиграфическим закономерностям залегания археологического материала. Проблема дефицита многослойных стратифицированных объектов характерна и для соседних территорий Среднего Енисея [Макаров, 2005].

На стыке Среднего и Нижнего Притомья в материалах прибрежных стоянок нами фиксировались отдельные признаки стратифицированных памятников. На стоянке Долгая-1 у Новороmановской писаницы (край первой террасы) трехмерным компьютерным моделированием зафиксирован хроностратиграфический порядок залегания артефактов периодов неолита, палеометалла и Средневековья, но собственно стерильные прослойки не выявлены. На поселении Пача-4 (высокая пойма) в профиле рекогносцировочного шурфа, в визуально монолитном слое серого гумусированного суглинка на разной глубине зафиксированы две тонких галечных прослойки, к которым приурочено залегание фрагментов керамической посуды эпохи Средневековья (лачиновская культура) и ранней развитой бронзы (гребенчато-ямочная керамика). На стоянке Синеречка-1 (высокая пойма) изучена локальная ситуация разделения галечной прослойкой в слое гумуса артефактов поздней бронзы (ирменская культура) и ранней – начала развитой бронзы (крохалевская культура). Однако все приведенные наблюдения не дают сколько-нибудь полной картины.

В этом отношении поселение Писаная-4 является первым достоверно стратифицированным памятником для рассматриваемого района, и первым археологическим комплексом на стыке Среднего и Нижнего Притомья, исследованным методами почвоведения. Учитывая высокую насыщенность культурного слоя разновременными артефактами, выраженная стратификация открывает принципиально новые возможности для решения задач археологической периодизации как для данного конкретного района, так и для прилегающих районов Кузнецко-Салаирской горной области и Томского Приобья. Особенно интересны комплексные исследования, с корреляцией стратиграфических наблюдений, результатов абсолютного датирования и палеогеографических данных по позднему плейстоцену и голоцену Кузнецкой котловины. Выявление и изучение других стратифицированных комплексов в сходных ландшафтах Притомья приобретают характер самостоятельной источниковедческой и методической задачи.

Исследования на памятнике Писаная-4 являются частью продолжающегося проекта по изучению археологического контекста петроглифов Притомья. Раскопки 2008–2012 гг. на стоянке Долгая-1 сформировали основу для первой культурно-хронологической колонки, значимой не только для интерпретации близлежащих изображений Новороmановской писаницы, но и для всего микрорайона. Раскопки 2019–2021 гг. на поселении Писаная-4 дали представительную колонку для окрестностей Томской писаницы. Эти материалы, а также результаты исследования ряда других памятников, удостоверяют создание для данного участка на стыке Среднего и Нижнего Притомья достаточно подробной, с минимумом значимых лакун периодизации: верхний палеолит (бедаревская культура?), ранний неолит (изылинский этап ВНК), поздний неолит (кипринско-ирбинско-новокусковский этап ВНК и игрековская культура), энеолит (большемысская культура), ранняя – начало развитой бронзы (крохалевская и самусьская культуры), развитая бронза (гребенчато-ямочный комплекс, андроновские или постандроновские комплексы), поздняя бронза и переходное время к раннему железному век (ирменская культура, тургайская культура), ранний период раннего железного века (материалы кижировского облика), поздний период раннего железного века (позднекулайские и посткулайские материалы), раннее Средневековье (лачиновская культура), развитое и позднее Средневековье (верхнеобская и басандайская культуры) [Марочкин, 2016; История…, 2021, с. 178–180]. Большая часть археологических объектов связана с производственно-поселенческой функцией, за исключением культовых комплексов раннего железного времени и памятников наскального искусства.

Данная территория, включенная в историко-культурный контекст Кузнецкой котловины, Ново-

сибирского и Томского Приобья, Томь-Чулымского междуречья, обживалась человеком почти непрерывно в течение нескольких десятков тысяч лет. Очевидно, что вопрос о столь же длительном и непрерывном бытовании практики наскальных изображений на данном участке р. Томь не имеет положительного решения.

Это определяет критику сложившейся практики соотнесения определенных групп наскальных изображений с тем или иным археологическим комплексом только по факту присутствия последнего в рассматриваемом микрорайоне. Создание петроглифических святилищ на данном участке сопряжения Среднего и Нижнего Притомья являлось важным, но не единственным аспектом его освоения в древности и Средневековье.

Благодарности

Работа выполнена в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Известия ИГУ. – Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 21. – С. 5–32.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2011. – Т. 17. – С. 14–19.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

История города Кемерово и окрестностей с древнейших времен до начала XX века: монография / И.Ю. Усков, А.Г. Марочкин, С.А. Васютин и др. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2021. – 208 с.

Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Цыбрий В.В., Цыбрий А.В., Шманда Я., Александровский А.Л., Киттель П. Результаты исследований ранненеолитических слоев п. Ракушечный Яр (Ростовская обл.) // Краткие сообщения Института археологии. – 2021. – № 262. – С. 27–43.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. – 2005. – Вып. 3. – С. 149–171.

Марочкин А.Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2016. – С. 83–89.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

References

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorob'eva G.A. Mul'tisloichatye mestonakhozhdeniya kak osnova dlya paleogeograficheskikh i kul'turnykh rekonstruktsii v srednem golotsene Baikalo-Eniseiskoi Sibiri. In *Bulletin of the Irkutsk state university. Geoarchaeology, Ethnology and Anthropology series.* Irkutsk, 2017. Vol. 21. P. 5–32. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Khronostratigrafiya neoliticheskikh kompleksov poseleniya Avtodrom-2. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia; Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2011. Vol. 17. P. 14–19. (In Russ.).

Mazurkevich A.N., Dolbunova E.V., Tsybrii V.V., Tsybrii A.V., Shmanda Ya., Aleksandrovskii A.L., Kittel' P. Rezul'taty issledovanii ranneneoliticheskikh sloev p. Rakushechnyi Yar (Rostovskaya obl.). In *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. Moscow, 2021, no 262. P. 27–43. (In Russ.).

Makarov N.P. Khronologiya i periodizatsiya epokhi neolita i bronzy Krasnoyarskoi lesostepi. In *Reports of the Laboratory of ancient technologies*. Irkutsk, 2005, iss. 3. P. 149–171. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 173 p. (In Russ.).

Marochkin A.G. Periodizatsiya arkheologicheskikh drevnostei yuga Nizhnego Pritom'ya. *In Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 40-letiyu kafedry arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.* Kemerovo, 2016. P. 83–89. (In Russ.).

Uskov I.Yu., Marochkin A.G., Vasyutin S.A., Yurakova A. Yu., Sheremetov R. T., Bobrova L. Yu., Plats I. A., Belousova N. A., Sizev A. S., German P. V., Makarov S. S., Gorlyshkin N. E. Istoriya goroda Kemerovo i okrestnostei s drevneishikh vremen do nachala XX veka: monografiya. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2021, 208 p. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prisalair'ya i Priob'ya. Tyumen', IPDN SB RAS Publ., 2003, 168 p. (In Russ.).

Марочкин А.Г. https://orcid.org/0000-0002-6757-0775
Сизев А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-6031
Юракова А.Ю. https://orcid.org/0000-0003-2548-2459
Гаврилов Д.А. https://orcid.org/0000-0001-6644-4622
Хайрулина К.Д. https://orcid.org/0000-0002-6364-065X

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0520-0527
УДК 903.53 + 550.838

Ж.В. Марченко[1], А.Е. Гришин[1], О.А. Позднякова[1]✉, П.Г. Дядьков[2], Н.Д. Евменов[2], И.С. Гнездилова[1], Л.О. Понедельченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Результаты археолого-геофизических исследований на памятнике Новая Курья-1 в 2021 году (Северная Кулунда)

*В статье представлены результаты комплексных археолого-геофизических работ на курганном могильнике Новая Курья-1, расположенном в Северной Кулунде. Стратегия археологических исследований в 2021 г. определялась на основе геомагнитной карты памятника, полученной в 2019 г. Целью археологических работ было продолжение поиска комплексов эпохи бронзы, а также уточнение хронологии могильника. Основные раскопы были заложены в южной части памятника: над группой из трех аномалий, выстроенных в ряд (раскоп 1) и над полностью распаханным курганом, в миниатюре повторяющим структуру крупных сооружений могильника – центральное захоронение и круглый ров (раскоп 3). В результате, в раскопе 3 было изучено полностью разграбленное захоронение ребенка, относящееся к раннему железному веку, а в раскопе 1 выявлено семь захоронений, которые предварительно могут быть отнесены к финалу эпохи раннего железного века – началу Средневековья. В погребениях раскопа 1 обнаружен керамический сосуд, каменные абразивы, остатки деревянных и берестяных элементов интерьера могильных камер. Характер и немногочисленность инвентаря не позволяют сузить датировку комплексов без использования радиоуглеродного датирования. Археологические наблюдения и результаты аэрофотосъемки позволяют предполагать в обоих комплексах наличие насыпей, которые были полностью, либо частично, уничтожены распашкой. Сопоставление археолого-геофизических данных демонстрирует четкие взаимосвязи между общим объемом гумусированного грунта в заполнении ям и величиной амплитуды связанных с ними магнитных аномалий. Магнитная восприимчивость почв и подстилающих пород, измеренная в раскопах, составила 65–85*10^{-5} ед. СИ и 25–35*10^{-5} ед. СИ соответственно. Такой контраст значений оказался достаточным для генерации отчетливых аномалий над археологическими объектами, амплитуда которых на памятнике Новая Курья-1 достигает 10–12 нТл. Результаты инверсии данных профильной магнитной съемки, выполненной на четырех уровнях высоты (раскоп 1), показали, что смоделированная глубина залегания археологических объектов близка реальной.*

Ключевые слова: *Северная Кулунда, курганный могильник, ранний железный век, средневековье, аномальное магнитное поле, магнитная восприимчивость, разновысотная магнитная съемка*

Zh.V. Marchenko[1], A.E. Grishin[1], O.A. Pozdnyakova[1]✉, P.G. Dyadkov[2], N.D. Evmenov[2], I.S. Gnezdilova[1], L.O. Ponedelchenko[1]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2] Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: olka.pozdnyakova@gmail.com

Results of Archaeological and Geophysical Works at the Novaya Kurya-1 Site in 2021 (Northern Kulunda Steppe)

This article describes the results of integrated archaeological-geophysical works at the Novaya Kurya-1 burial ground in the Northern Kulunda Steppe. The strategy for archaeological research in 2021 was based on the geomagnetic map of

*the site compiled in 2019. Archaeological study continued the search for the Bronze Age objects and attempted to clarify the chronology of the burial ground. Main excavation pits were made in the southern part of the site above the group of three lined up geomagnetic anomalies (trench 1) and above the completely evened up burial mound which repeated the structure of large objects of the burial mound – the central grave and round ditch – in small scale (trench 3). A completely destroyed child burial of the Early Iron Age was studied in trench 3, and seven graves which were preliminary attributed to the late Early Iron Age – Early Middle Ages were studied in trench 1. A ceramic pot, stone abrasives, and wood and birch bark remains of the interior elements of burial chambers were discovered in the graves in trench 1. Composition and scarcity of burial objects do not make it possible to clarify the dates of complexes without using radiocarbon dating. Archaeological observations and aerial photography indicate that mounds were present over both complexes, which were completely or partly destroyed by plowing. Comparison of the archaeological-geophysical data reveal clear correlation between the total volume of humified soil in the filling of the grave pits and amplitude of magnetic anomalies. Magnetic susceptibility of soils and underlying rocks measured in the trenches was 65–85*10^{-5} SI units and 25–35*10^{-5} SI units, respectively. The contrast between these values was sufficient for generating distinct anomalies above archaeological objects. Their amplitude values reached 10-12 nT at the Novaya Kurya-1 site. Results of inversed data of profile magnetic survey which were made at four altitude levels (trench 1) show that the simulated depth where the archaeological objects were supposed to occur, was close to actual depth.*

Keywords: *Northern Kulunda Steppe, burial mounds, Early Iron Age, Middle Ages, anomalies in magnetic field, magnetic susceptibility, magnetic survey at different heights.*

Введение

В 2021 г. были продолжены археолого-геофизические исследования распаханного курганного могильника Новая Курья-1 (Карасукский р-н Новосибирской обл.) (рис. 1). Ранее, в 2019 г. здесь была выполнена наземная магнитная съемка, общей площадью 23 550 м^2. В результате удалось детализировать устройство восьми рельефно выраженных сооружений, выявить в пространстве между ними полностью распаханные курганы, а также обнаружить точечные аномалии, сопоставимые с археологическими объектами. Специфический набор признаков позволил предварительно соотнести большинство курганов с тасмолинской культурой раннего железного века. Один из курганов, отличающийся от остальных организацией внутреннего устройства, был раскопан и датирован эпохой Средневековья [Марченко и др., 2019]. В том же году, с целью получения дополнительных сведений об археологических объектах, на памятнике были проведены электроразведочные работы (частотное зондирование, электротомография), а также аэромагнитная съемка и аэрофотосъемка [Позднякова и др., 2021].

Основной задачей полевого сезона 2021 г. было уточнение хронологии и культурной принадлежности могильника. Для этого, с использованием данных наземного магнитного картирования на южной периферии памятника, было выбрано два участка для раскопок (рис. 2, *1*). Раскоп 1 был заложен над тремя магнитными аномалиями, которые с большой вероятностью можно было интерпретировать как захоронения. По итогам анализа карты относительных высот, построенной на основании результатов аэрофотосъемки, над ними выявлены остатки сильно распаханной насыпи (рис. 2, *2*). Данный комплекс располагался несколько обособленно от основной курганной группы и отличался организацией погребальной площадки (расположение могил в ряд по линии север – юг, отсутствие рва). Это позволяло предположить иную хронологическую позицию этих объектов, в том числе их принадлежность к эпохе бронзы. Раскоп 3 был заложен над одним из небольших, полностью распаханных курганов, который по особенностям своего устройства был отнесен к группе сооружений раннего железного века. Это давало возможность не только получить достоверную информацию о времени сооружения большинства объектов могильника, но и на основе сопоставления археолого-геофизических данных на качественно ином уровне интерпретировать результаты геомагнитной съемки.

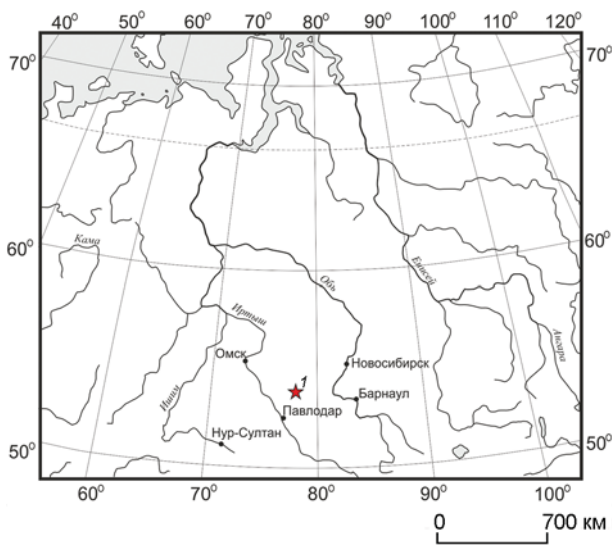

Рис. 1. Карта расположения курганного могильника Новая Курья-1 (*1*).

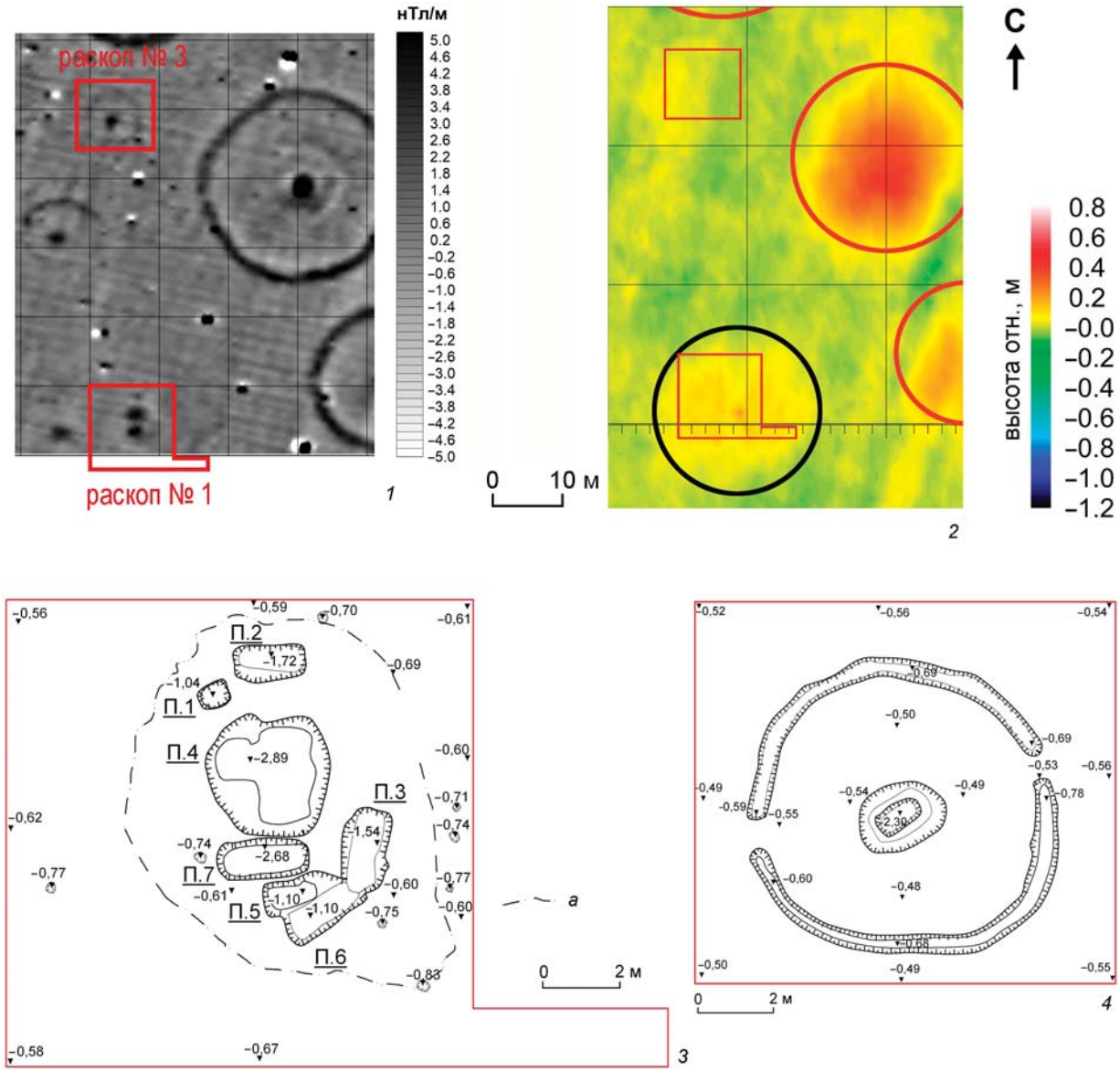

Рис. 2. Результаты археолого-геофизических исследований памятника Новая Курья-1.

1 – фрагмент магнитограммы с обозначением раскопов 2021 г.; *2* – фрагмент карты относительных высот с обозначением раскопов 2021 г. (красным цветом обозначены рельефно выраженные курганы, черным цветом – возвышенности, выделенные на основании данных аэрофотосъемки); *3* – план раскопа 1 (*а* – область распространения белесых включений в темно-желтом суглинке (материке)); *4* – план раскопа 3.

Археологические исследования

В *раскопе 1* (144 м^2) был изучен некрополь из 7 захоронений, содержащих останки, как минимум, 12 погребенных. Также на этой площади было исследовано 8 малых грунтовых ям, часть из которых могли быть столбовыми, связанными с ритуальными действиями (рис. 2, *3*). Судя по планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, первоначальными (наиболее ранними) являлись центральные захоронения 2, 4, и 7, ориентированные длинной осью по линии восток – запад. Они образовывали ряд по линии север – юг. Остальные, периферийные, захоронения (погр. 1, 3, 5, 6) пристраивались с северо-западной и с юго-восточной сторон. Стратиграфические наблюдения указывают на последовательность сооружения периферийных могил с юго-западной стороны: погр. 6 и 5 формировались почти одномоментно, с небольшим хронологическим приоритетом погр. 6. Погребение 3 – наиболее позднее в этой группе.

Общими чертами погребальной практики являлось доминирующее положение скелетов в вытянутой на спине позе, а также крайне скудный сопроводительный инвентарь. Были обнаружены: миниатюрный неорнаментированный баночный плоскодонный сосуд (погр. 2, рис. 3), астрагал и два абразива (погр. 7), два костяных лощила (погр. 6),

Рис. 3. Керамический сосуд из погребения 2 (раскоп 1) курганного могильника Новая Курья-1.

а также кости домашних животных как остатки частей туш сопроводительной пищи (погр. 2 и 7). Остальные признаки были вариативны – индивидуальные (погр. 1, 4–7) и ярусные (погр. 2 и 3) захоронения. В погр. 2 было 4 яруса, а в погр. 3 – два. В двух случаях ноги у погребенных были согнуты в коленях и развернуты влево (погр. 2 и 6). Один случай – захоронение без черепа (погр. 2). Только два захоронения имели берестяные перекрытия (погр. 3 и 7). Форма ям преимущественно овальная, редко подтрапециевидная (погр. 1 и 6). Верхний контур погр. 4 полностью нарушен из-за ограбления, в результате чего имел круглый абрис. Однако нижний контур указывает на первоначальные овальные очертания ямы (рис. 2, *3*). Глубина ям от уровня материка варьирует от 0,3 (погр. 1) до 2,2 м (погр. 4 и 7). В одном случае в ногах зафиксирован подбой (погр. 2). Его ширина составляла 0,66, высота – 0,37, глубина – 0,37 м. Использование внутримогильных деревянных конструкций в виде двух поперечных бревен и перекрытий из досок и березовых жердей достоверно установлено только для погр. 7. Для погр. 3–5 можно только констатировать использование древесины для устройства внутримогильных сооружений.

Вокруг погребений на уровне материка прослеживались белесые неорганические включения в грунт. Область их распространения имела слегка вытянутую овальную форму по линии север – юг размером 9 × 8 м (рис. 2, *3*). На магнитограмме эта зона соответствует области с пониженными магнитными значениями (рис. 2, *1*). Полевые археологические наблюдения подтвердили наличие над изученным комплексом захоронений надмогильного сооружения (кургана).

Результаты археологического изучения показали, что погребения практически не содержат инвентаря, в т.ч. культурно диагностирующего. Наряду с абразивами и костяными лощилами, в одном из захоронений был выявлен неорнаментированный миниатюрный плоскодонный сосуд баночного типа. Подобный тип посуды широко распространен в культурах степных кочевников Евразии эпохи раннего железного века и Средневековья [Степная…, 1992, Боталов, 2009].

Пример организации кургана как обособленного многомогильного некрополя с захороненными индивидами по кругу распространяется в среде большереченской культуры лесостепного Приобья с IV–III вв. до н.э. до I в. до н.э. [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 27]. Также в этот период появляются захоронения на спине с согнутыми в коленях ногами, практикуются разные варианты устройства деревянных внутримогильных конструкций, сооружаются подбои [Там же, с. 27–28].

Ряд черт погребальной практики (вытянутая на спине поза, меридиональная ориентировка погребенных, грунтовые ямы, отсутствие лошадей в обряде, остатки сопроводительной мясной пищи), а также бедный погребальный инвентарь (в т.ч. кувшинообразные неорнаментированные сосуды) позволяют проводить параллели с поздней группой погребений кулажургинской культуры Верхнего Прииртышья и Восточного Казахстана (II в. до н.э. – I в. н.э.) [Черников, 1975, с. 135–137].

Общими эпохальными чертами для погребального обряда населения лесостепного и степного населения Западной Сибири к концу I тыс. до н.э. стало увеличение числа могил под курганом, отсутствие в ряде случаев ограждающих рвов, а также «обеднение» захоронений – снижение численности инвентаря. Вместе с тем, специфика керамического сосуда (неорнаментированный плоскодонный горшочек) находит гораздо больше аналогий среди посуды большереченской культуры лесостепного Приобья, чем, например, среди посуды саргатской

культуры Западной Сибири. Несмотря на то, что основной ареал большереченской культуры находится в лесостепном Приобье, свидетельства проникновения этого населения западнее основного ареала встречаются и в материалах сопредельной Южной Барабы (Здвинск-1, 2, Каргат-4, Аткуль) [Полосьмак, 1987, с. 46–58, Троицкая, Бородовский, 1994, с. 18].

Таким образом, совокупность ряда факторов, включающих схожие черты погребальной практики, а также общие для всех взрослых индивидов антропологические признаки, такие как высокая степень развития рельефа костной ткани на лопатках, в верхнем отделе грудной клетки и на бедренных костях, наряду с сильным износом поясничных позвонков, предварительно позволяет соотносить данный комплекс с обществами конных лучников финала эпохи раннего железного века.

В *раскопе 3* (110 м^2), в центре распаханного кургана, было исследовано нарушенное детское захоронение (рис. 2, *4*). Могильная яма, размерами 1,23 × 0,69 м (в менее потревоженной, нижней части), ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Ритуальная площадка маркирована незначительно сужающимся ко дну рвом с внешним диаметром 7,7–8, шириной 0,41–0,75 и глубиной от уровня материка 0,11–0,28 м. Ров имеет два разрыва в противоположных частях, которые ориентированы на восток-северо-восток – запад-юго-запад. В могиле обнаружены только разрозненные кости ребенка.

Таким образом, раскопки подтвердили, что данный курган по основным особенностям своего устройства соответствует более крупным, рельефно выраженным сооружениям могильника (диаметры рвов составляют 22–40 м). Их строение достаточно четко определяется по магнитной карте. Очевидно, что размер исследованного кургана отражает возрастной статус погребенного и не связан с социально-классовой стратификацией общества ранних кочевников. Отсутствие культурно диагностирующих находок не позволяет уточнить культурную принадлежность данного некрополя, однако его соотнесение с тасмолинскими комплексами раннескифского времени Восточного и Центрального Казахстана остается наиболее вероятным [Позднякова и др., 2021].

Корреляция археологических результатов с геофизическими данными

Предварительная оценочная информация о характере археологических структур крайне важна как при выборе объекта исследования, так и при определении стратегии его изучения. На этапе современного развития археогеофизики, с учетом совокупного мирового опыта, можно достаточно корректно интерпретировать результаты магнитных съемок даже без раскопок. Однако только непосредственное археологическое изучение позволяет надежно верифицировать геофизические данные. Даже небольшой объем проверочных работ дает возможность на качественно более высоком уровне анализировать магнитные карты. Кроме того, наличие подтвержденной археологической информации позволяет проводить разного рода методические работы с перспективой расширить возможности магнитометрии по дистанционной оценке параметров археологических объектов. Поэтому опыт комплексных работ очень важен для развития археогеофизики.

Результаты сопоставления новых археолого-геофизических данных, в целом, подтверждают выводы, сделанные в 2019 г. по итогам раскопок кург. 5 [Марченко и др., 2019]. Фиксируются четкие взаимосвязи между общим объемом более магнитного гумусированного грунта в заполнении ям и величиной амплитуды связанных с ними магнитных аномалий. Так, в раскопе 1 аномалии, связанные с погр. 4, 7, отчетливо выделяются в магнитном поле и имеют амплитуды до 9 нТл (рис. 2, *1*). Очевидно, что причиной этого являются значительные объемы гумусированной супеси, особенно ее присутствие в однородном виде в верхних слоях заполнения ям. Кроме того, эти захоронения характеризуются и значительной глубиной (2,2 и 2,05 м соответственно). В то же время, аномалия, связанная с погр. 2, имеет амплитуду всего 2 нТл, что ненамного превышает фоновые значения магнитного поля. Этот объект не только меньше по глубине (1,1 м), но и содержит обширные включения переотложенного вмещающего грунта (материка).

Аналогичные закономерности прослеживаются и по раскопу 3. Ров и погребение в центре проявились в виде положительных аномалий с амплитудой 2 и 11 нТл соответственно. Глубина рва, заполненного темно-серой супесью, составляла 0,1–0,3 м. Самые глубокие участки отмечены в восточной половине рва, поэтому он более четко фиксируется на магнитограмме. Погребение, глубиной 1,35 м, в верхней половине было заполнено однородной серой супесью, что и обусловило значительную величину связанной с ним аномалии.

Остальные объекты, вскрытые в раскопе 1, плохо или совсем не идентифицируются по магнитной карте. Столбовые ямы, а также погр. 1 не проявились, поскольку они незначительны по размерам и содержат слишком мало магнитного материала.

Погр. 3, 5, 6 фиксируются в виде общей магнитной аномалии, однако ее значения очень близки к фоновым. Ямы имеют глубину 0,5–0,8 м, но гумусированный грунт в их заполнении не преобладает.

Таким образом, для рассматриваемого памятника попадание более магнитного почвенного вещества в заполнение археологических объектов является основным источником формирования магнитных аномалий. Величина амплитуды и, как следствие, четкость проявления аномалий в магнитном поле непосредственно зависят от объемов этого грунта. Магнитная восприимчивость почв и подстилающих пород, измеренная в раскопах, составила (65–85)*10^{-5} ед. СИ и (25–35)*10^{-5} ед. СИ соответственно. Контрастность этих значений оказалась достаточной для генерации отчетливых аномалий над археологическими объектами, амплитуда которых на памятнике Новая Курья-1 достигает 10–12 нТл.

Понимание вышеозначенных закономерностей и взаимосвязей позволяет, хотя и косвенно, но с большей достоверностью оценивать характер заполнения и глубину залегания остальных, не раскопанных археологических объектов. Переход от планиграфического анализа к количественным оценкам их параметров является актуальной задачей развития археомагнитного метода и связан с применением алгоритмов решения обратных задач магниторазведки и разработкой их модифицированных вариантов для решения археологических задач. Дополнительные возможности для получения более достоверной информации дает интерпретация аномального поля, измеренного на разных высотах. Поскольку магнитная съемка могильника Новая Курья-1 выполнялась методом измерений вертикального градиента, для всей исследованной площади были получены данные об аномальном поле для двух уровней высоты (0,4 и 1,15 м). Для некоторых объектов, в том числе выявленных на южной периферии памятника (раскоп 1), были выполнены профильные наблюдения еще на двух высотах (1,75 и 2,5 м). Установка в районе работ базовой вариационной станции позволила учесть внешние магнитные вариации, что дало возможность рассчитать аномальные магнитные поля для каждого уровня высоты.

Графики значений аномального поля на разных высотах (рис. 4) позволяют достаточно точно пространственно привязать аномалии, связанные с археологическими структурами, а также содержат

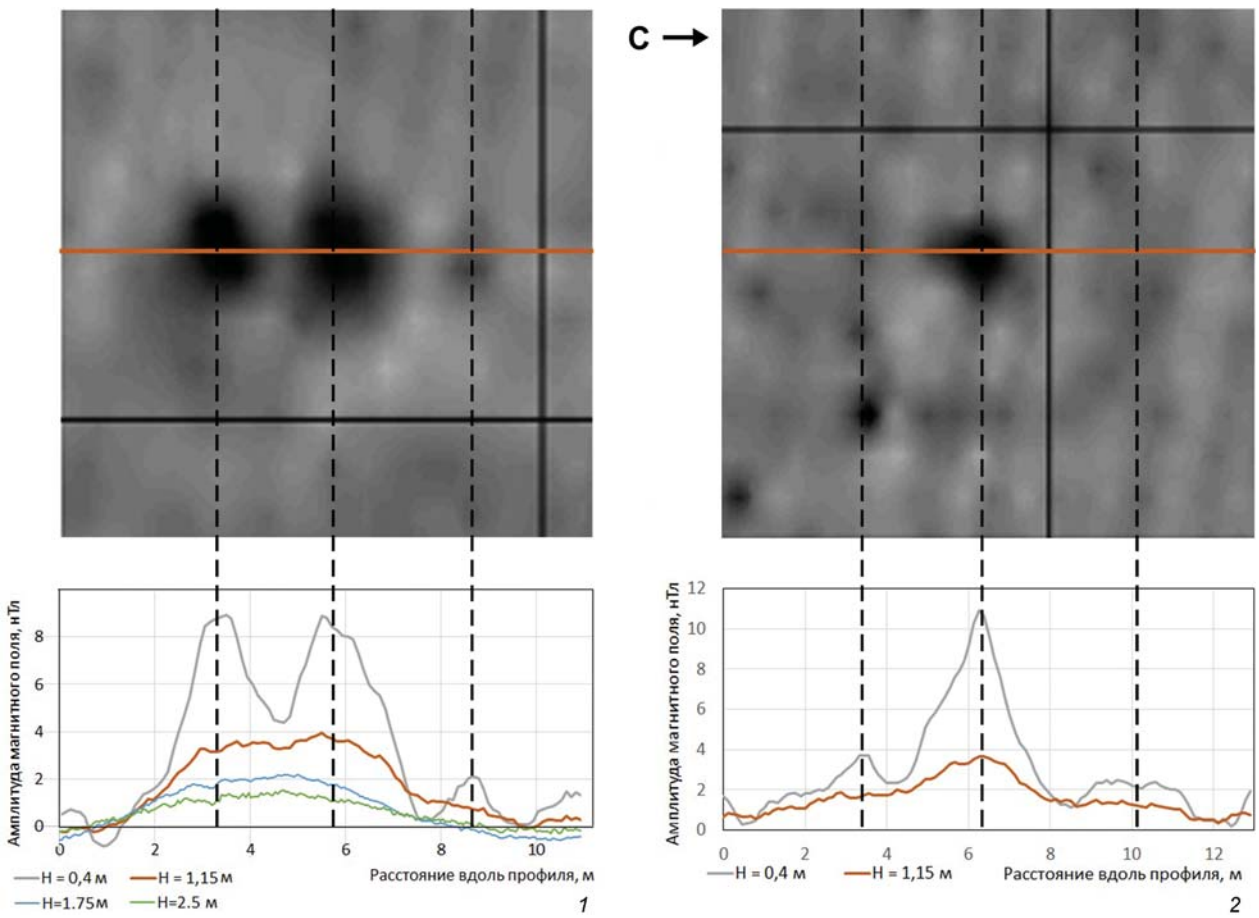

Рис. 4. Аномальное магнитное поле Fa по профилям, проходящим над погребениями в раскопе 1 (*1*) и в раскопе 3 (*2*).

информацию о них на разных уровнях глубины. Чем ближе профиль магнитных измерений находится к поверхности земли, тем больше сведений он содержит об объектах, расположенных на малых глубинах. С увеличением высоты замеров мы получаем больше информации о более глубоко расположенных и больших по размерам объектах. При этом, ввиду быстрого затухания аномального поля от малых приповерхностых структур, они практически не проявляются в магнитном поле на больших высотах (рвы кургана в раскопе 3, погр. 2 в раскопе 1). Кроме того, близко расположенные объекты (например, погр. 4, 7, раскоп 1), только на уровне высоты 0,4 м отображаются отдельными аномалиями, а на более высоких уровнях представлены единой аномалией.

Существует несколько вариантов использования результатов разновысотных магнитных съемок для получения количественных оценок параметров археологических объектов. В рамках данной работы интерпретация магнитных аномалий, связанных с погр. 4, 7 проводилась для каждой из высот в двумерном варианте. Некоторым основанием для этого являлось расположение длинных осей погребений по направлению запад – восток, в то время как профиль наблюдений пересекал их в направлении север – юг. Интерпретация выполнялась с использованием программы ZOND-2D для магнитных данных, полученных на каждой из четырех высот. В результате решения серии обратных задач получены оценки глубины залегания наиболее трудно определяемого параметра – нижней кромки археологических объектов. Значения составили: 2,5 м – для погр. 4 и 2,15 м – для погр. 7. Эти прогнозные значения достаточно хорошо отразили реальную ситуацию, поскольку реальная глубина вскрытых в раскопе захоронений составила 2,2 и 2,05 м соответственно.

Заключение

Результаты археолого-геофизических работ на курганном могильнике Новая Курья-1 со всей очевидностью продемонстрировали преимущества комплексного подхода к исследованию. Благодаря наличию магнитной карты, удалось без лишних затрат изучить наиболее интересующие участки памятника. Получена новая археологическая информация, а также значительная антропологическая серия, которая в дальнейшем позволит расширить представление об антропологическом типе населения Кулундинской степи в периоды раннего железа – Средневековья, а также, вероятно, скорректировать возраст комплексов благодаря радиоуглеродному датированию. Данные о взаимосвязях между характером аномалий и археологических объектов, а также положительный опыт определения глубины археологических ям на основе интерпретации результатов разновысотной съемки, будут способствовать развитию археогеофизической методики, которая может быть использована для дистанционной оценки и других объектов могильника Новая Курья-1.

Благодарности

Авторы искренне благодарят В.В. Филиппова и О.Б. Булаха, а также директора С.В. Будаеву и сотрудников Карасукского краеведческого музея Новосибирской области за участие в полевых работах.

Список литературы

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: ООО «ЦКИР «Рифей», 2009. – 672 с.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Кокорев Ф.В., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 448–456.

Позднякова О.А., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Евменов Н.Д. Комплексные геофизические исследования курганного могильника Новая Курья-1 (Кулундинская степь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – №4. (*в печати*).

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. – М.: Наука, 1992. – 494 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132–137.

References

Botalov S.G. Huns and Turks (Historical-archaeological reconstruction). Chelyabinsk: OOO TsKIR Rifei Publ., 2009, 672 p. (In Russ.).

Chernikov S.S. K voprosu o khronologicheskikh periodakh v epokhu rannikh kochevnikov (po arkheologicheskim materialam Vostochnogo Kazakhstana). In *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri*. Leningrad.: Nauka, 1975. P. 132–137. (In Russ.).

Marchenko Z.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G., Evmenov N.D., Kokorev F.V., Gnezdilova I.S., Ponedelchenko L.O. New Burial Ground of the Barrow Type Novaya Kurya-1 in the Northern Kulunda Steppes. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 448–456. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.448-456

Moshkova M.G. (ed.). Stepnaya polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya USSR. Moskow.: Nauka, 1992, 494 p. (In Russ.).

Pozdnyakova O.A., Balkov E.V., Dyadkov P.G., Marchenko Z.V., Grishin A.E., Evmenov N.D. Integrated geophysical studies of the burial mound Novaya Kurya-1. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021, no. 4 (In print).

Polosmak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 144 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (In Russ.).

Марченко Ж.В. https://orcid.org/0000-0002-4729-8575
Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-227
Позднякова О.А. https://orcid.org/0000-0001-8376-0344
Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848
Понедельченко Л.О. https://orcid.org/0000-0003-0567-1754
Дядьков П.Г. https://orcid.org/0000-0001-5345-9331
Евменов Н.Д. https://orcid.org/0000-0003-0164-8610

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0528-0534
УДК 903.5; 394

В.И. Молодин, И.А. Дураков, Н.С. Ефремова, Л.С. Кобелева, Д.В. Селин, Ю.Н. Ненахова, Л.Н. Мыльникова✉, К.А. Борзых

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Исследования многослойного поселения Старый Тартас-1 (Венгеровский район Новосибирской области)

Публикуются материалы, полученные в результате традиционных сборов подъемного материала на памятнике Старый Тартас-1. Поселение расположено на пойменной террасе левого берега р. Омь, напротив одноименного села, в Венгеровском районе Новосибирской области. Исследования текущего года позволяют дополнить представления не только о памятнике, но и об отдельных нюансах материальной культуры выявляемых здесь образований. В керамическом комплексе, относимом к гребенчато-ямочной историко-культурной общности, зафиксирована принципиально новая форма – чаши. Имеется редкий экземпляр уплощенного донышка, украшенного в классической для культуры манере, и фрагменты стенок, помимо следов характерного заглаживания и ложнотекстильных отпечатков, имеющие отчетливые оттиски штампа в виде шагающей гребенки. Найдены остатки разрушенной мастерской по изготовлению артефактов из камня с 47 предметами, которые можно интерпретировать как отходы производства. Кроме того, собраны нуклеусы, часто переоформленные в орудия (27 ед.), ножевидные пластины (14 ед.), скребки (9 ед.). Все предметы – типичны для каменной индустрии эпохи раннего металла. В сборах выявлены единичные материалы одиновской, кротовской и андроновской (фёдоровской) культур. Встречены относящиеся к этнографическому времени комплексы, связанные с бытованием восточной части Усть-Тартасского острога. Это фрагменты сосудов, выполненные с применением гончарного круга, емкости для хранения продуктов и приготовления пищи, в том числе – сковорода, глазированная посуда, два абразива из песчаника и сланца, два массивных грузила для сетей, изготовленных на фрагментах примитивных кирпичей, крепившихся к сети благодаря двойным, выполненным крест-накрест, перехватам. Эти находки доказывают несостоятельность появившейся в печати попытки оспорить место нахождения Усть-Тартасского острога на основании данных письменных источников.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, многослойные памятники, керамика, изделия из камня.*

V.I. Molodin, I.A. Durakov, N.S. Efremova, L.S. Kobeleva, D.V. Selin, Yu.N. Nenakhova, L.N. Mylnikova✉, K.A. Borzykh

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Studies of the Staryi Tartas-1 Multilayer Settlement (Vengerovsky District of Novosibirsk Region)

This article presents the evidence obtained from traditional collecting surface materials at the Staryi Tartas-1 site located on the floodplain terrace on the left bank of the Om River opposite the village of the same name in Vengerovsky District of Novosibirsk Region. The works of 2021 enrich our knowledge about the site and elucidate the individual features of material culture among its inhabitants. A fundamentally new pottery form – a bowl – has been observed in the pottery complex which belongs to the Pit-Comb Ware culture. A rare flattened bottom decorated in a typical manner of that culture as well as wall fragments with traces of distinctive smoothing and false textile imprints, and clear imprints of the walking comb stamp have become available. The remains of a ruined workshop for producing stone artifacts with 47 items which may be described as production waste, have been found. In addition, cores, often converted into tools (27 items), knife-like blades (14 items), and scrapers (9 items) have been collected. All items were typical of the stone industry of the Early Metal Age. The collection included individual artifacts of the Odinov, Krotovo, and Andronovo (Fedorovo) cultures. Complexes related

to the ethnographic period and associated with the eastern part of Fort Ust-Tartas included fragments of vessels made on the potter's wheel, containers for storing and preparing food, such as pan, glazed dishes, two sandstone and shale abrasives, two massive sinkers for nets, made on fragments of primitive bricks with double crisscross notches for fastening to the net. These findings prove incorrectness of the attempts to dispute the location of Fort Ust-Tartas on the basis of written sources, which have appeared in the media.

Keywords: *Baraba forest-steppe, multilayer site, ceramics, stone tools.*

Многослойное поселение Старый Тартас-1 расположено на левом берегу р. Омь, на пойменной террасе, напротив восточной околицы одноименного села в Венгеровском р-не Новосибирской обл. [Молодин, Новиков, 1998]. Ежегодно река Омь подмывает культурный слой памятника, что дает возможность исследователям получать новые, порой совершенно незаурядные источники. Периодически сотрудники Западносибирского археологического отряда ИАЭТ СО РАН проводят здесь сборы подъемного материала и публикуют наиболее значимые результаты [Молодин, Мыльникова, Гришин, 2005; Молодин и др., 2012]. Исследования текущего года предоставили в наше распоряжение новые материалы, позволившие дополнить представления не только о памятнике, но и об отдельных нюансах материальной культуры выявленных здесь образований.

Наиболее представительным оказался комплекс керамики, обнаруженный на поселении, первоначально выделенный на памятниках Прииртышья и именованный как байрыкский [Молодин, 1975], а затем, после накопления источников в Западной Сибири, эти комплексы стали именоваться как памятники гребенчато-ямочной историко-культурной общности [Молодин, 2010]. Такая посуда встречена уже на значительном количестве объектов в Барабинской лесостепи. Их число увеличивается с каждым годом по сравнению с тем, что было отмечено В.И. Молодиным в момент выделения этой группы [1975; 1977]. При этом, полученные в 2021 г. материалы на памятнике Старый Тартас-1 содержат новые оригинальные черты, на характеристике которых уместно особо остановиться (рис. 1).

Первое, что обращает на себя внимание, это тот факт, что практически все фрагменты (особенно венчики) несут на себе следы мощного нагара как с внешней, так и с внутренней стороны черепка (рис. 1, *7–9*). Это, несомненно, свидетельствует об интенсивном использовании емкостей для приготовления пищи. Нагар с обеих сторон сосуда, как показывают исследования, остается при приготовлении густой пищи, например, каши или густого супа со злаковыми [Глушков, 1996, с. 77; Гребенщиков, 1990, с. 149–150]. Последнее может считаться загадкой, так как свидетельств о наличии земледелия у носителей традиции изготовления керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией нет.

Напомним, что данная посуда была не раз обстоятельно охарактеризована. Это были крупные слабопрофилированные остродонные (или круглодонные) емкости, орнаментированные по всей поверхности рядами насечек или оттисками гребенчатого штампа, чередуемые с рядами «семечковидных» ямочных вдавлений (реже круглых). Край венчика часто особо выделялся, благодаря оттискам крупного гребенчатого штампа [Молодин, 1985]. В орнаментации отмечались архаичные неолитоидные мотивы, свидетельствующие, по-видимому, о преемственности с поздненеолитической артынской культурой в регионе (см.: [Бобров, Марочкин, 2011; Бобров, Марочкин, Юракова, 2010; 2017; Юракова, 2017]). Все отмеченные черты имеются на посуде поселения Старый Тартас-1. Вместе с тем, выявлены и некоторые особые элементы, которые, хотя и отмечались ранее, однако скорее в качестве исключения. Например, отметим присутствие принципиально новой формы сосуда – чаши невысокой, но одутловатой. Внешняя поверхность сосуда покрыта рядами ямочных наколов. Верхняя часть еще одного сосуда декорирована композицией из взаимопроникающих фигур. Говоря о форме, следует отметить находку фрагмента традиционной формы с приостренным дном, а также редкий экземпляр уплощенного донышка, украшенного в классической для культуры манере – чередования рядов оттисков гребенчатого штампа и «семечковидных» ямочных вдавлений.

Обратим внимание еще на три фрагмента, на внутренней стороне которых читаются, помимо следов характерного заглаживания и ложнотекстильных отпечатков, еще и отчетливые отпечатки штампа в виде шагающей гребенки (рис. 1, *5, 6*).

Таким образом, наряду с традиционными формами и орнаментацией посуды эпохи раннего металла, имеются яркие новации, которые дополняют наши представления о керамике данного культурного образования.

К эпохе ранней поры бронзового века относится значительная серия каменных предметов. Они сконцентрированы на небольшом участке размытой части культурного слоя и насчитывают довольно много отщепов и чешуек, свидетельствующих,

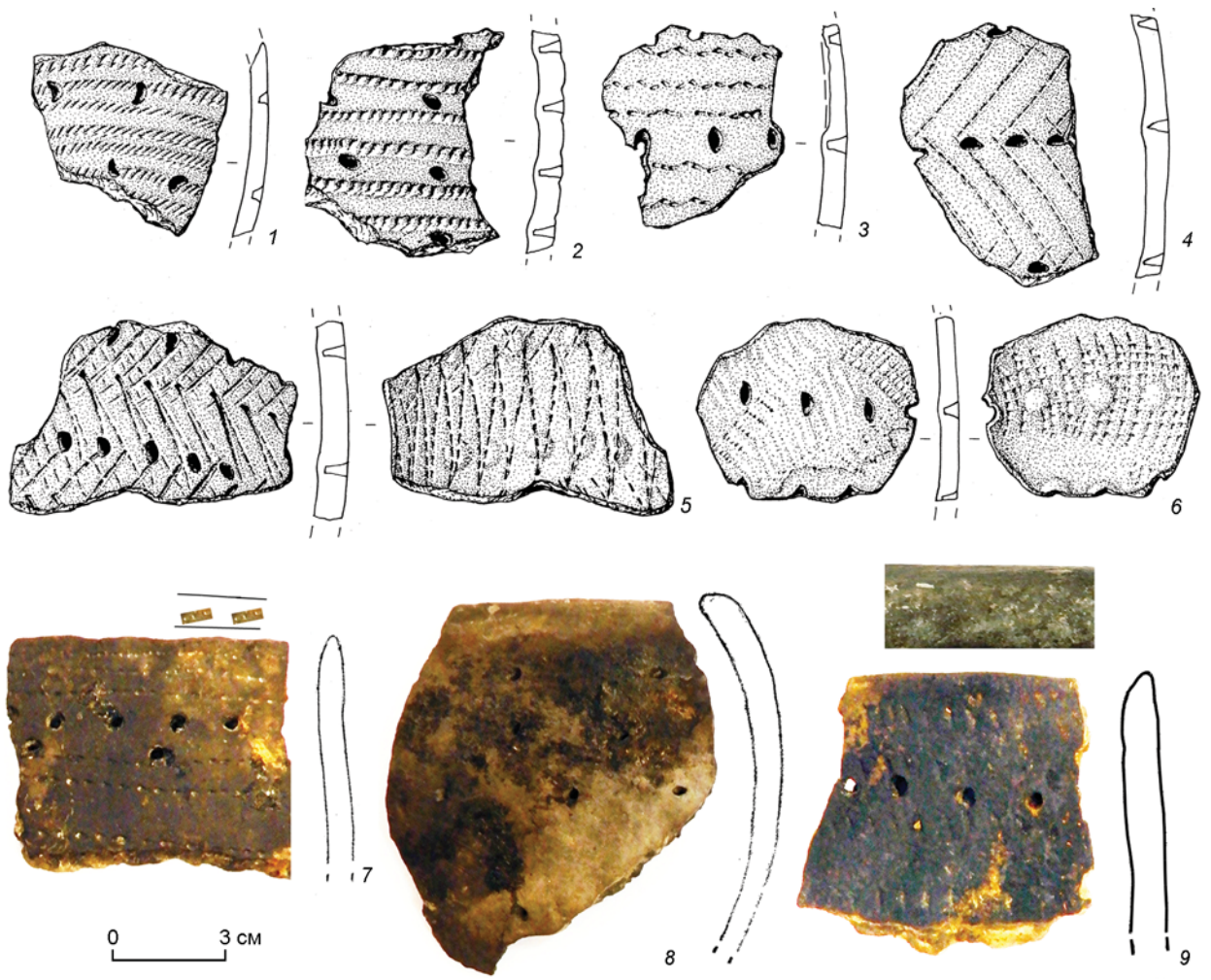

Рис. 1. Керамика. Сборы с памятника Старый Тартас-1. Ямочно-гребенчатая культурно-историческая общность.

видимо, о том, что в этом месте разрушена мастерская по изготовлению артефактов. Обнаружено 47 предметов, которые можно именовать как отходы производства. Все они миниатюрны и демонстрируют предельную сработанность ядрищ. Каменное сырье разнообразно. Это кремень и его разновидности, яшма и яшмовидные породы, кремнистые сланцы и другие минералы, пригодные для изготовления каменных орудий.

Следует отметить, что поделочный материал очень ценился обитателями стоянки. Уже подчеркивалось, что исходное сырье в Барабе было импортным, и почти каждый скол с нуклеуса использовался в работе. Точно такую картину мы наблюдаем на исследованном раскопками стационарном поселении Венгерово-3 [Молодин, 1977].

К орудийному набору, а также фрагментам сработанных нуклеусов относится 27 предметов. Нуклеусы после сильной сработанности переоформлялись в орудия. Так, некогда подпризматический нуклеус из темно-коричневого кварцита после предельной сработанности был переоформлен в скребок с крутой притупляющей ретушью. Из двух обломков нуклеусов уже ничего нельзя было изготовить, однако, судя по сохранившимся негативам снятия, они тоже были подпризматические.

Пластинчатая техника снятия подтверждается находками 14 ножевидных пластин и их обломков. К их числу относятся миниатюрные изделия и фрагменты, минимальная длина которых составляет 4 мм, а максимальная – 26 мм. При этом только одна краевая пластина с нуклеуса имела дополнительную обработку по спинке краевой притупляющей ретушью с обоих краев изделия.

Орудийный набор представлен 10 предметами. Особо выделим орудие, выполненное на отщепе подтреугольной формы. Оно с брюшка обработано по всей поверхности уплощенной крупнофасеточной ретушью. Со спинки край орудия местами подправлен притупляющей ретушью. По-видимому, это универсальное орудие, используемое в качестве ножа и скребка.

Крупную серию орудийного набора составили 9 скребков. Два изделия – концевые, где ретушью

оформлена торцевая часть усеченной пластины. Рабочая часть дугообразная, слегка ассиметричная. Ретушь крутая, однорядная.

Одно изделие выполнено на небольшом отщепе фигурной формы. Со спинки обработано однорядной притупляющей ретушью. Очевидно, что орудие использовалось как скребок и как скобель.

Еще один скребок изготовлен на пластинчатом отщепе. Обработан по всему периметру спинки однорядной, мелкой, притупляющей ретушью.

Пять скребков выполнены на высоких отщепах подокруглой формы. Миниатюрное изделие достигает в диаметре 10 мм, остальные – несколько больше, их диаметр варьирует от 11 до 15 мм. Ретушь крутая, притупляющая, однорядная.

Все анализируемые предметы являются типичными для каменной индустрии эпохи раннего металла Барабы. Их аналоги подробно охарактеризованы в обобщающей монографии, посвященной, в том числе материалам поселения Венгерово-3 [Молодин, 1977], и единокультурны.

Единичным фрагментом среди собранных материалов является венчик сосуда одиновской культуры, отличающийся наличием ложнотекстильных отпечатков и характерной жемчужины по шейке. В небольшом количестве керамика одиновской культуры и ранее отмечалась на памятнике. Ближайшие аналогии этому комплексу имеются на поселении Старый Тартас-5, расположенном в трех километрах к юго-западу от Старого Тартаса-1 [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014].

Небольшой комплекс представлен фрагментами крупных сосудов баночной формы, украшенных под венчиком валиком, рассеченным крупным гребенчатым штампом, а также оттисками косо поставленного гребенчатого штампа с крупными подтреугольными зубцами, декорирующего край венчика и тулово сосуда. К нему относятся и фрагменты боковых стенок, украшенных рядами отступающего гребенчатого штампа (рис. 2). Эти указанные элементы орнамента и технология обработки поверхности изделий характерны для посуды кротовской культуры (см.: [Молодин, 1977]). На всех близлежащих поселениях (и отчасти – могильниках) Прииртышья имеются аналогичные черты в форме и орнаментации сосудов [Генинг, Стефанова, 1982: Стефанова, 1986].

Также как и ранее, по существу – в виде исключения, на памятнике выявлены фрагменты венчиков андроновской (фёдоровской) посуды. Один из них – обломок крупного сосуда баночной слабопрофилированной формы с орнаментом в виде треугольников. Другой – от изделия горшковидной формы, с рядами каннелюров по шейке и вдавлений лопатки. Подобные изделия более характерны для андроновских (федоровских) поселений [Молодин, 1977].

С открытием и раскопками поселения Тартас-5 (см. статью в настоящем сборнике), очевидно, что, по-видимому, в основной своей массе андроновские (федоровские) поселения, по крайней мере в западной части Барабы, были приурочены к пойменным террасам, и не раз перекрывались водными отложениями при паводках. Именно в этом следует искать причину наличия небольшого количества открытых андроновских (фёдоровских) поселений при значительном количестве могильников.

Традиционно встречаются на памятнике комплексы, относящиеся к этнографическому времени, связанные с бытованием Усть-Тартасского острога, точнее сказать, с его восточной периферией. Комплекс представлен фрагментами сосудов, характерных для этого времени форм, выполненных с применением гончарного круга (рис. 3). Венчики осложнены рельефным воротничком. Это массивные емкости для хранения продуктов и приготовления пищи. Интересна находка глиняной сковороды с отогнутой наружу стенкой (рис. 3, *1*). Такая посуда типична для Усть-Тартасского острога и была неоднократно опубликована [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Новиков, 1988].

Кроме этого комплекса, обнаружена глазированная посуда явно печного обжига с поливой оранжевого (рис. 3, *7*) и зеленого цвета. На одном, похоже, импортном сосуде, сохранился разноцветный узор. Не исключено, что один фрагмент является

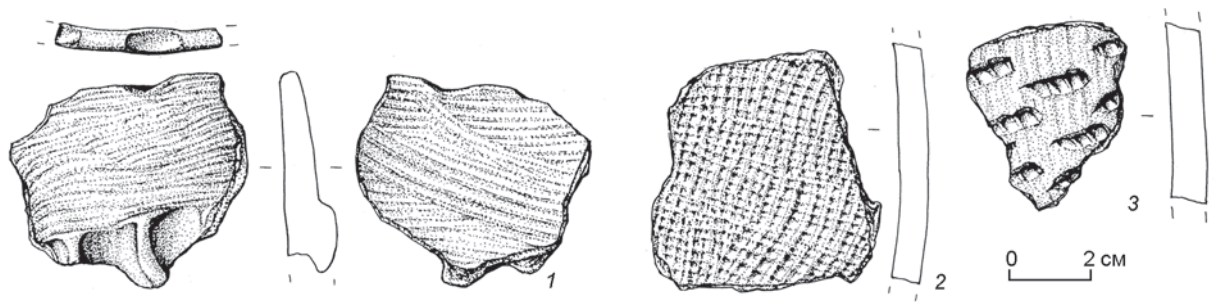

Рис. 2. Керамика. Сборы с памятника Старый Тартас-1, кротовская культура.

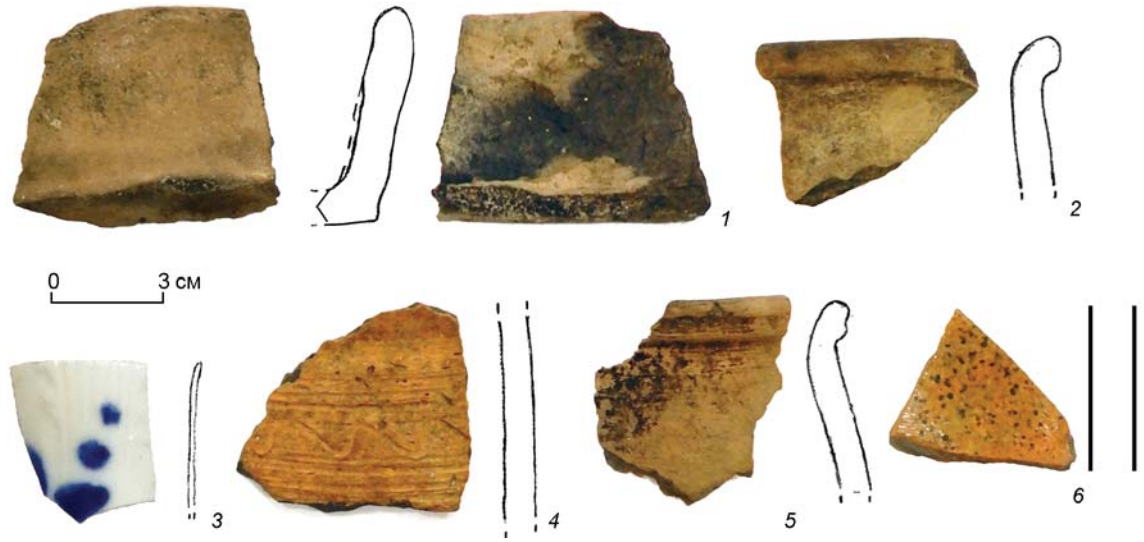

Рис. 3. Керамика из Усть-Тартасского острога.

Рис. 4. Грузила из Усть-Тартасского острога.

частью тонкостенного изделия из китайского фарфора (рис. 3, *3*). Скорее всего, к русскому пласту относятся два абразива из песчаника и сланца и два массивных грузила для сетей, изготовленных на фрагментах примитивных кирпичей, которые крепились к сети благодаря двойным, выполненным крест-накрест, перехватам (рис. 4).

Хотя Усть-Тартасский острог находился несколько западнее, и на его культурном слое расположена сегодня часть села Старый Тартас, полученные материалы свидетельствуют об активном использовании русским населением прилегающей поймы. Уместно отметить, что появившаяся в печати попытка оспорить место пребывания

Усть-Тартасского острога на основании данных письменных источников [Горохов, 2017; 2019], выглядит абсолютно не состоятельной. Достаточно познакомиться с имеющими место археологическими источниками и регулярно получаемыми подъемными материалами, в том числе и с его восточной периферии, представленной в настоящей работе.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 168.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром 2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: «Аграф-Пресс», 2010. – С. 113–116.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение артынской культуры Автодром-2 – памятник позднего неолита в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 49–61.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования Севера Евразии. – Свердловск: УрГУ, 1982. – С. 53–64.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Гребенщиков А.В. Опыт изучения функциональных свойств бытовой посуды раннего железа на Среднем Амуре // Проблемы технологии древнейших производств. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 139–158.

Горохов С.В. Путевой дневник С.Л. Владиславича-Рагузинского как источник по локализации на местности Усть-Тартасского форпоста // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. годов. сессии ИАЭТ СО РАН 2017 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 303–307.

Горохов С.В. Локализация и планиграфия Усть-Тартасского паса (форпоста) в Барабинской степи // Баландинские чтения. – Новосибирск, 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 228–232.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1975. – 25 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск; Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск; Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи: к постановке проблемы // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее: (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И., Дураков И.А., Софейков О.В., Ненахов Д.А. Бронзовый кельт турбинского типа из Центральной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 226–230.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е. Новые данные по многослойному поселению Старый Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, часть 1. – С. 406–411.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестник НГУ. Сер.: История, филология, 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 110–124.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 139 с. (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России», вып. 3).

Новиков А.В. Русское традиционное гончарство лесостепной полосы Западной Сибири XIX – начала XX вв. // Проблемы этнографии и социологии культуры. Тезисы докладов Омской областной научной конференции “История, краеведение и музееведение Западной Сибири”, посвященной 110-летию Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Омск: ОмГУ, 1988. – С. 66–68.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: УрГУ, 1986. – С. 38–47.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980 – 183 с.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2017. – 30 с.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaya kul’tura. In *Works III (XIX) All-Russian Archaeological Congress*. St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, 2011. Vol. 1, 168 p. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Keramika artynskoi pozdneneoliticheskoi kul’tury (po materialam poseleniya Avtodrom 2. In *Culture as a system in a historical context: the experience of West Siberian*

Archaeological and Ethnographic meetings. Tomsk: Agraf-Press, 2010. P. 113–116. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie artynskoi kul'tury Avtodrom-2 – pamyatnik pozdnego neolita v Barabinskoi lesostepi. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2017. Vol. 45. no 1. P. 49–61. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2017.45.1.049-061

Gening V.F., Stefanova N.K. Chernoozer'e IV — poselenie krotovskoi kul'tury. In *Archaeological research of the North of Eurasia*. Sverdlovsk: UrGU, 1982. P. 53–64. (In Russ.).

Glushkov I.G. Keramika kak istoricheskii istochnik. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996, 328 p. (In Russ.).

Grebenshchikov A.V. Opyt izucheniya funktsional'nykh svoistv bytovoi posudy rannego zheleza na Srednem Amure. In *Problems of technology of the most ancient productions.* Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 139–158. (In Russ.).

Gorokhov S.V. Traveling Diary of S.L. Vladislavich-Raguzinsky as a Source for Identifying the Location of the Ust-Tartas Outpost. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Mater. years. sessions of IAET SB RAS 2017.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 303–306. (In Russ.).

Gorokhov S.V. Lokalizatsiya i planigrafiya Ust'-Tartasskogo pasa (forposta) v Barabinskoi stepi. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2019. Vol. 14. no 1. P. 228–232. (In Russ.). doi: 10.24411/9999-001A-2019-10083

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnoi polosy Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya: avtoref. diss. kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1975, 25 p.

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 171 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk; Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Sovremennye predstavleniya ob epokhe bronzy Ob'-Irtyshskoi lesostepi: k postanovke problem. In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee: (k yubileyu professora T.N. Troitskoi)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagog. Univ. Press., 2010. P. 61–76. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Sofeikov O.V., Nenakhov D.A. Bronzovyi kel't turbinskogo tipa iz Tsentral'noi Baraby. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Mater. years. sessions of IAET SB RAS 2012.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2012, Vol. XVIII. P 226–230. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Grishin A.E. Novye dannye po mnogosloinomu poseleniyu Staryi Tartas-1 (Barabinskaya lesostep'). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005. Vol. XI, Pt. 1. P. 406–411. (In Russ.).

Molodin V.I., Nesterova M.S., Mylnikova L.N. Odino culture settlements in Baraba forest-steppe. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology,* 2014. Vol. 13, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya. P. 110–124. (In Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauch.-proizvodstv. tsentr po sokhraneniyu ist.-kul't. naslediya, 1998, 140 p. (In Russ.).

Novikov A.V. Russkoe traditsionnoe goncharstvo lesostepnoi polosy Zapadnoi Sibiri XIX – nachala XX vv. In *Problemy etnografii i sotsiologii kul'tury. Tezisy dokladov Omskoi oblastnoi nauchnoi konferentsii "Istoriya, kraevedenie i muzeevedenie Zapadnoi Sibiri", posvyashchennoi 110-letiyu Omskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoricheskogo i literaturnogo muzeya.* Omsk: Omsk State Univ. Press, 1988. P. 66–68. (In Russ.).

Stefanova N.K. Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e. In *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii*. Sverdlovsk: Ural. State Univ. Press, 1986. P. 38–47. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 183 p. (In Russ.).

Yurakova A.Yu. Neolit Barabinskoi lesostepi i yuzhno-taezhnogo Priirtysh'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 2017, 30 p. (In Russ.).

Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0535-0541
УДК 902.2

В.И. Молодин[1, 2], Л.С. Кобелева[1, 2]✉, С. Райнхольд[3], М.С. Нестерова[1, 2], Д.В. Селин[1, 2], С. Хансен[3], Я. Эгер[3], Д.Н. Бобин[1, 2]

[1] Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3] Германский археологический институт
Берлин, Германия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; svend.hansen@dainst.de

Поселенческий комплекс андроновской (фёдоровской) культуры в урочище Таи (Барабинская лесостепь)

Представлены первые результаты исследований поселения Тартас-5 в Венгеровском районе Новосибирской области. Памятник располагается на разрушающейся части пойменной террасы левого берега р. Тартас, в урочище Таи, которое и в древности, и в настоящее время полностью затопляемо (в отдельные годы максимального обводнения – вообще круглогодично). Данное обстоятельство делает выявление поселенческих культурных слоев делом крайне сложным. Таких слоев на памятнике зафиксировано два. Верхний слой содержал находки, предварительно относимые к эпохе раннего железного века. Нижний культурный слой и прилегающие к нему прослои содержали культурные остатки эпохи развитой бронзы. Между выраженными культурными слоями выявлена мощная пачка отложений, не содержащих культурных остатков и являющихся, с точки зрения археологии, стерильными. Предварительный анализ показывает крайне незначительное содержание находок в верхнем слое. Это мелко фрагментированные обломки керамики, не украшенные орнаментом, и несколько слабопрофилированных венчиков, декорированных рядом жемчужин или неорнаментированных. При изучении нижнего культурного слоя эпохи бронзы выявлены остатки нескольких столбовых ям, врезанных в материк. Кроме того обнаружены следы двух кострищ небольших размеров, содержащих фрагменты керамики и раздавленные сосуды. В культурном слое и, особенно, в зольнике обнаружено большое количество керамики и костей животных со следами рубки. Согласно предварительно проведенным определениям, кости принадлежат домашним животным – корове, овце и, в меньшей степени, лошади. Форма и орнаментация керамики характерна для классической андроновской (федоровской) посуды. При этом рассматриваемый комплекс ничем не отличается от погребальной посуды Барабы, хорошо известной по раскопкам здесь многочисленных андроновских (федоровских) могильников.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха бронзы, андроновская (фёдоровская) культура, поселение, керамика.*

V.I. Molodin[1, 2], L.S. Kobeleva[1, 2]✉, S. Reinhold[3], M.S. Nesterova[1, 2], D.V. Selin[1, 2], S. Hansen[3], J. Eger[3], D.N. Bobin[1, 2]

[1]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[3]German Archaeological Institute
Berlin, Germany
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; svend.hansen@dainst.de

Settlement Complex of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Tai Locality in Baraba Forest-Steppe

This article describes first results of studies at the Tartas-5 settlement (Vengerovsky District, Novosibirsk Region), located on the collapsing part of the floodplain terrace of the left bank of the Tartas River, in the Tai locality, which, both in ancient times and nowadays, is completely flooded. This circumstance makes it extremely difficult to identify cultural layers. The upper out of two cultural layers at the site contained the finds tentatively attributed to the Early Iron Age. The lower cultural layer and adjacent layers contained cultural remains of the Advanced Bronze Age. Thick, archaeologically sterile deposits were between the two cultural layers. Preliminary analysis has revealed extremely insignificant finds in the upper layer, represented by finely fragmented pottery fragments undecorated with ornamental patterns. Several weakly protruding rims were decorated with the row of pearls or were left undecorated. When studying the lower cultural layer of the Bronze Age, the remains of several post pits cut into the sterile soil have been found. In addition, there were traces of two small fireplaces containing pottery fragments and crushed vessels. A large amount of pottery and animal bones with traces of cutting were in the cultural layer and especially in the ash pit. According to preliminary identification, the bones belonged to domestic animals, including cow, sheep and, to a lesser extent, horse. The shapes and ornamentation of vessels was typical of classic Andronovo (Fedorovo) pottery. This complex did not differ in any way from the funeral pottery of Baraba, well known from excavations at numerous Andronovo (Fedorovo) burial grounds.

Keywords: *Western Siberia, Bronze Age, Andronovo (Fedorovo) culture, settlement, pottery.*

Поселение Тартас-5 было открыто в 2020 г. при осмотре разрушающейся части пойменной террасы левого берега р. Тартас, в урочище Таи. Культурный слой перекрыт мощной толщей речных отложений, что полностью снивелировало рельефные признаки памятника (если они, конечно, изначально существовали). И в древности, и в настоящее время урочище Таи полностью затопляемо (в отдельные годы максимального обводнения – вообще круглогодично). Данное обстоятельство делает выявление поселенческих культурных слоев делом крайне сложным. Очевидно, что именно по этой причине такие напластования, обитатели которых населяли Барабинскую лесостепь в периоды крайне сухого климата, чаще всего расположены на достаточно низких пойменных террасах. Впоследствии, с изменением климата в сторону увлажнения, эти слои оказывались погребенными русловыми осадками разливающихся рек. Именно так было в регионе с культурными слоями ранней и, периодически, развитой бронзы, что было неоднократно зафиксировано уже в начале планомерного изучения археологии Барабинской лесостепи [Молодин, Зах, 1979]. Поэтому не случайно слои андроновских (фёдоровских) поселений до настоящего времени были практически не найдены, исключая незначительные сборы и раскопки, проведенные опять-таки на памятниках, расположенных в пойме (Старый Тартас-1) [Молодин, Ненахов, Селин, 2016] или высокой пойме (Каргат-6) [Молодин, Новиков, Софейков, 2000].

Указанное обстоятельство делает поиски андроновских поселений делом весьма сложным, требующим глубоких знаний и интуиции исследователя, а также масштабных шурфовок.

Открытию памятника Тартас-5 помог случай, когда преподаватель Венгеровской школы С.А. Голов, неоднократно работавший в археологических экспедициях, обратил внимание на фрагменты керамики, торчащие в обнажении культурного слоя. Понимая всю значимость открытия андроновского поселения, перспективного для раскопок, уже поздней осенью этого года здесь были проведены специальные исследования (масштабная шурфовка и зачистка берега река), которые показали наличие культурного слоя андроновской (фёдоровской) культуры [Селин и др., 2020], демонстрирующие перспективы проведения здесь стационарных раскопок.

Памятник Тартас-5 расположен в Венгеровском районе Новосибирской области в 2,4 км к югу от с. Венгерово, на краю левого берега пойменной террасы, в излучине реки, где р. Тартас постоянно меандрирует, изменяя направления своего русла. Прекрасным ориентиром является дорога, расположенная примерно в 300 м от противоположного берега реки, упирающаяся в мост через р. Тартас.

Для проведения стационарных раскопок выбран участок памятника, ориентированный вдоль береговой линии, где было зафиксировано максимальное количество подъемного материала, площадью 52 × 2 м. Таким образом, общая площадь раскопа составила 108 м^2. Раскоп был разбит на 13 секторов, таким образом для наблюдений оставлялись 12 контрольных бровок, а также фронтальная стенка. Разборка грунта шла горизонтами по всей площади раскопа, с ориентацией на стратиграфические слои. Особое внимание уделялось культуросодержащим слоям. Таких слоев на памятнике выявлено два. Верхний слой (слой 4), содержал невнятные, с культурной точки зрения, находки, ориентировочно относимые нами к эпохе железа (?).

Нижний культурный слой 9 и прилегающие к нему слои содержали культурные остатки эпохи

развитой бронзы. Между выраженными культурными слоями выявлена мощная пачка отложений, не содержащих культурных остатков, и являющихся, с точки зрения археологии, стерильными.

Нижний культурный слой весьма насыщен материалом.

Остановимся на краткой характеристике стратиграфии (рис. 1, 2). В данном случае мы концентрируем ваше внимание на продольной и одной поперечной стенке раскопов, которая была обнажена до уровня руслового песка. Именно эти разрезы наиболее полно демонстрируют стратиграфическую ситуацию на данном участке памятника. Описание слоев приводится сверху вниз.

Слой 1 – дерново-гумусный слой (современная почва), мощностью от 0,03–0,07 м от дневной поверхности.

Слой 2 – желто-белесый, слоистый суглинок, мощностью 0,04–0,14 м. Выявлен практически по всей площади раскопа под дерном. Частично нарушен ходами грызунов и морозобойными трещинами. Образование слоя связано с осадками водных отложений.

Слой 3 – серо-желто-черный слоистый, мешаный суглинок. Мощность слоя до 0,2 м. Прослежен по всей площади раскопа. Имеет слоистую структуру, образованную, по-видимому, из-за сезонных, сменяющих друг друга, сравнительно кратковременных периодов затопления и осушения поймы реки.

Слой 4 – темно-серый (черный) гумусированный суглинок (культурный слой). Прослежен по всей площади раскопа. Мощность его изменялась от 0,3 до 0,55 м. Содержал малочисленные фрагменты керамики и дробленых костей животных. Объем материала уменьшался по направлению к северной части раскопа.

Слой 5 – плотный, мешаный серо-желтый суглинок. Мощность – 0,01–0,2 м. Залегал по всей площади раскопа. Линзы и прослойки слоя выявлены в слоях 4 и 6. Также слой выявлен под слоем 9. Каких-либо находок не содержал. Его генезис связан исключительно с затоплением поймы.

Слой 6 – плотный белесо-желтый с включениями черного и коричневого суглинок. Залегал по всей площади раскопа. Мощность его от 0,04 до 0,95 м. Стерильный, не содержащий каких-либо следов жизнедеятельности. Происхождение слоя, по-видимому, связано с длительным периодом затопления поймы. Разная его мощность обусловлена изменением рельефа, на котором шло формирование слоя. Слой содержал от 1 до 5 прослоев серого (черного) гумусированного суглинка мощностью 0,01–0,10 м, формирование которых связано с периодами сухости и спада воды в речное русло.

Слой 7 – мешаная серо-желто-черная суглинистая почва, содержащаяся в морозобойных трещинах по всей площади. Связана с заполнением трещин последующими осадконакоплениями.

Слой 8 – ярко-оранжевая прокаленная (в результате самовозгорания) суглинистая супесь. Зафиксирован в виде линз и слойков в северной части раскопа, где отмечен зольник. В целом связан с культурным слоем 9. Мощность слоя до 0,04 м.

Слой 9 – мешаный темно-серый суглинок с желто-белесыми включениями, мощностью 0,20–

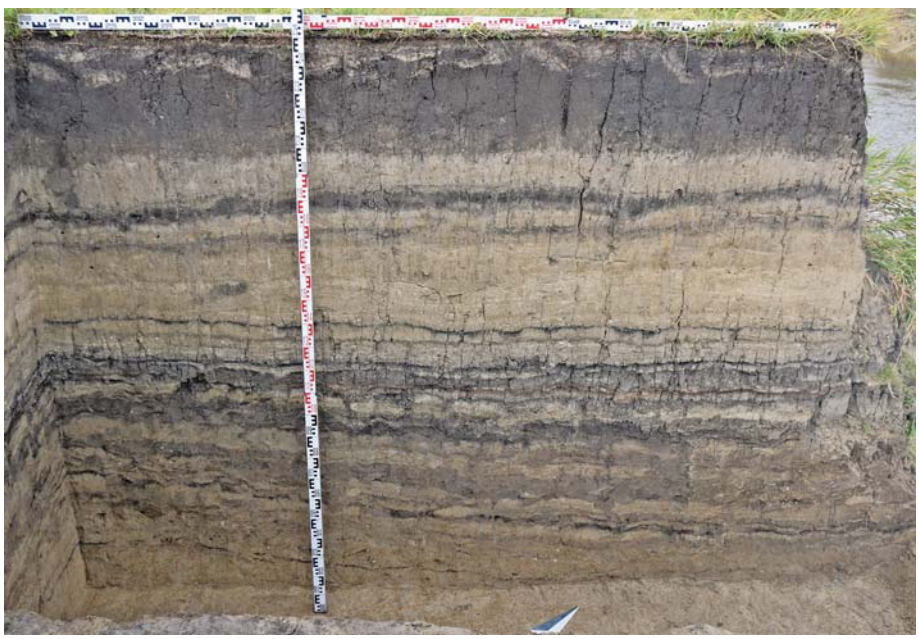

Рис. 1. Стратиграфический разрез (северная стенка раскопа) поселения Тартас-5. Фото.

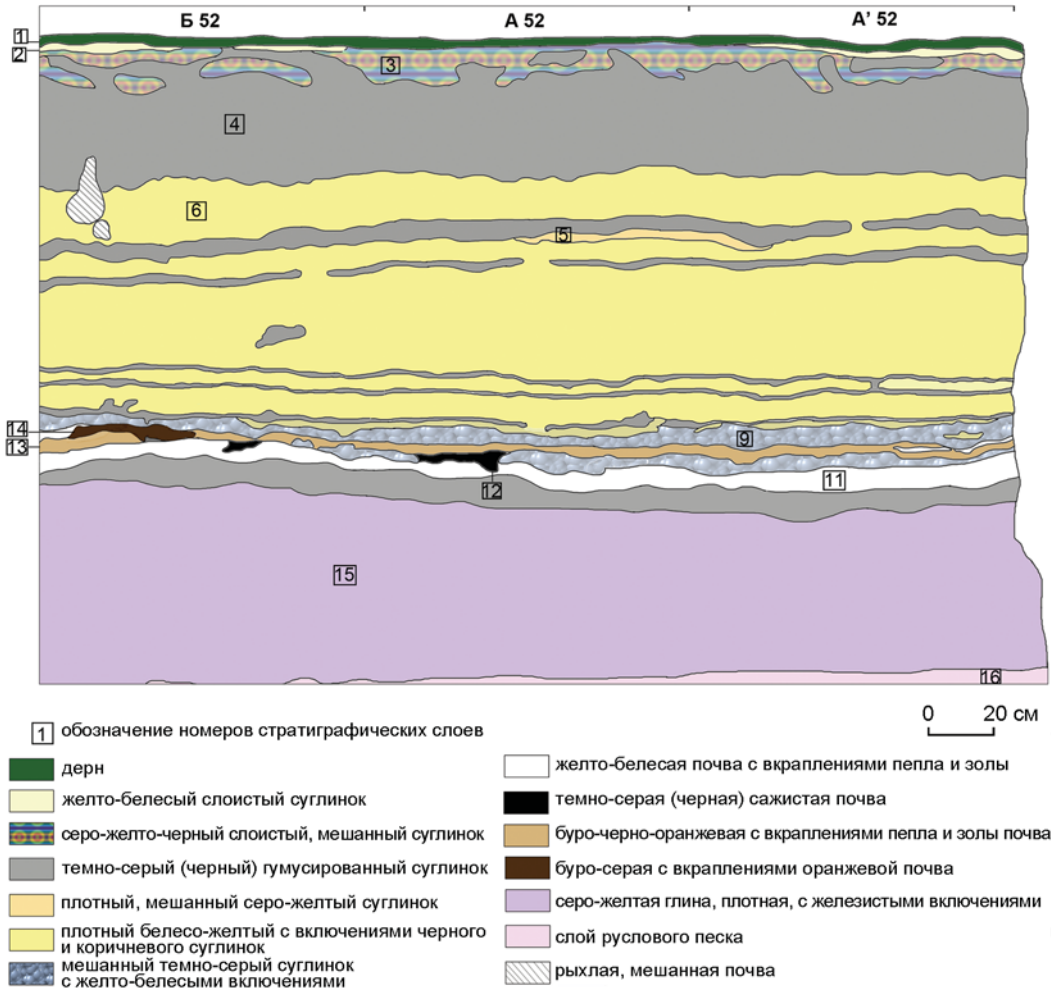

Рис. 2. Стратиграфический профиль (северная стенка раскопа) поселения Тартас-5. Рисунок.

0,45 м. Залегал по всей площади раскопа под слоем 6. Культурный слой. Содержал многочисленные керамические материалы эпохи развитой бронзы и дробленые кости животных. В северной части раскопанного участка в слое 9 выявлена пачка прослоев, связанных с зольником (слои 8, 10, 11–14). Мощность зольника варьировалась от 0,06 до 0,16 м и связана с процессом накопления и самовозгорания копролитов животных и всевозможных отходов человеческой деятельности.

Слой 10 – серо-светло-оранжевая прокаленная супесь. Зафиксирован в виде линз мощностью до 0,04 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 11 – желто-белесая почва с вкраплениями пепла и золы. Остатки самовозгорания копролитов (?). Представлен в виде линз мощностью до 0,04 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 12 – темно-серая (черная) сажистая почва. Остатки самовозгорания копролитов (?). Зафиксирован в виде линз на зольнике мощностью до 0,04 м.

Слой 13 – буро-черно-оранжевая с вкраплениями пепла и золы почва. Выявлен по всей площади в северной части раскопа. Мощность – 0,05–0,16 м. Генезис слоя связан с зольником.

Слой 14 – буро-серая с вкраплениями оранжевой почва. Выявлен по всей площади в северной части раскопа, преимущественно над и под слоем 13. Мощность – 0,05–0,15 м. Формирование слоя связано с зольником.

Отметим, что все слои, связанные с формированием зольника, являются культуросодержащими и содержат остатки человеческой деятельности в виде фрагментов керамики и дробленых костей животных.

Слой 15 выявлен по всей площади раскопа. Серо-желтая глина, плотная, с железистыми включениями. Условный материк, на котором формировались культурные слои.

В северной части раскопа стерильный слой 15 был нами прорезан до уровня залегания руслового песка. В обнажении разреза этот слой прослеживается повсеместно (индексирован как слой 16).

Таким образом, памятник содержит два культуросодержащих слоя. Предварительный анализ показывает крайне незначительное содержание

находок в верхнем слое (слой 4). Это мелко фрагментированные обломки керамики, не украшенные орнаментом. Несколько слабопрофилированных венчиков, декорированных рядом жемчужин или неорнаментированных (рис. 3, *1–4*). Более всего такая посуда напоминает особый комплекс керамики на памятнике Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988]. Подобная керамика отмечена авторами при раскопках поселения Сергино-2 [Кобелева и др., 2015]. Культурно идентифицировать все эти комплексы пока сложно. Методом исключения их, по-видимому, следует датировать эпохой железа. Может быть, более точные параметры удастся установить, проведя радиоуглеродный анализ по содержащимся в слое костям.

Следует также отметить довольно глубокую яму, относящуюся к четвертому слою, врезанную в материковый слой № 15 и содержащую большое количество мелкодробленой технической керамики и небольшие фрагменты (в том числе венчика) охарактеризованной выше посуды. Яма несомненно связана с какой-то производственной деятельностью.

Наиболее впечатляющие материалы получены из культурного слоя 9 и сопутствующих линз и прослоев зольника (8–14). Отметим, что генезис выявленного зольника удивительно напоминает голоценовые осадки, обнаруженные в свое время при изучении центрального грота Денисовой пещеры, которые сформировались в результате самовозгорания мощных слоев овечьих копролитов. Напомним, что они были надежно датированы афанасьевской культурой ранней поры бронзового века Горного Алтая и неоднократно фиксировались в других пещерах и гротах, где содержались овцы [Деревянко,

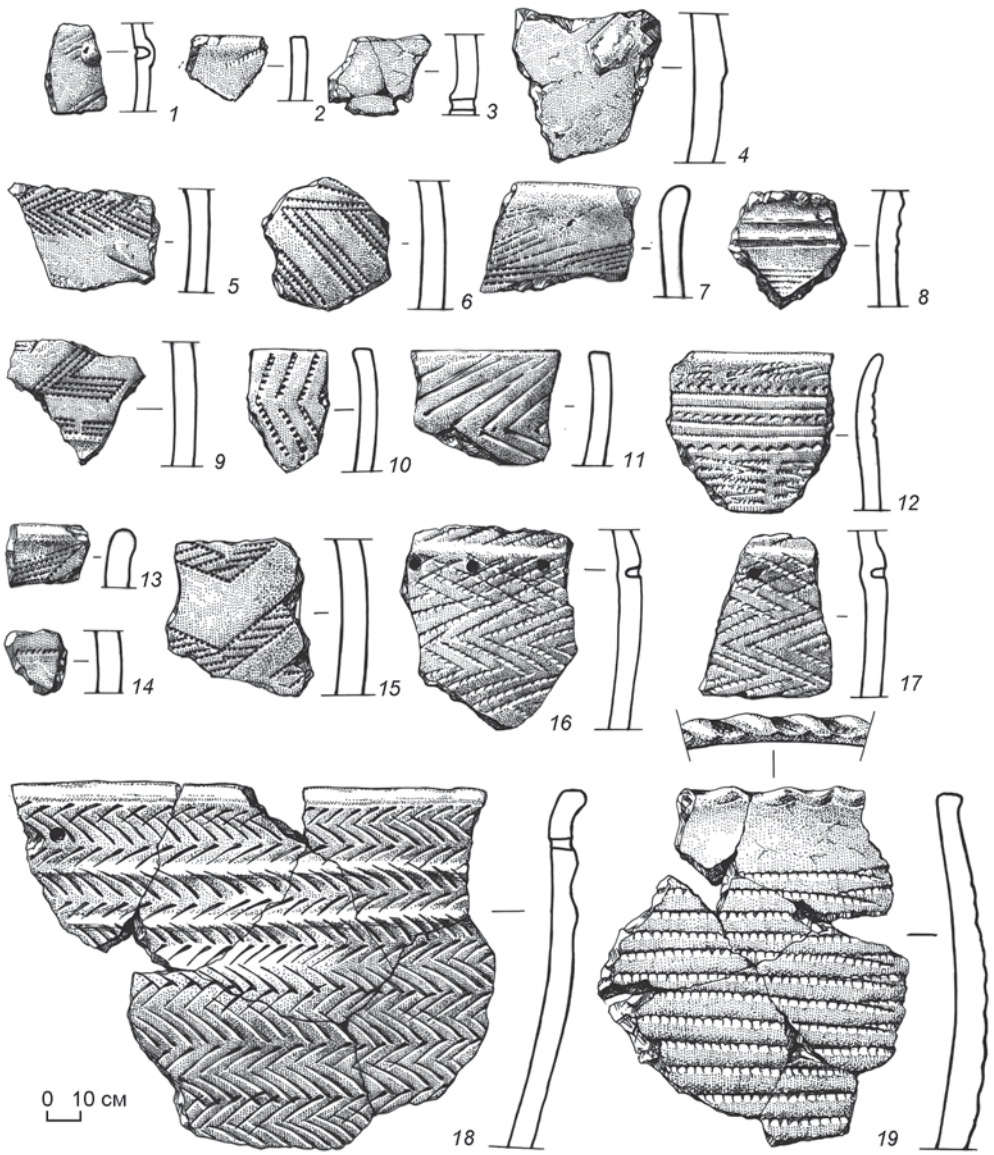

Рис. 3. Фрагменты керамики из культурного слоя поселения Тартас-5.

1–4 – находки из слоя 4; *5–19* – находки из слоя 9.

Молодин, 1994]. Вероятно, сходный процесс фиксируется на зольнике памятника Тартас-5.

При изучении культурного слоя эпохи бронзы, выявлены остатки нескольких столбовых ям, врезанных в материк. Говорить о каких-то строительных сооружениях, впрочем, не приходится. Кроме того выявлены следы двух кострищ небольших размеров, содержащих фрагменты керамики и раздавленные сосуды.

Наиболее представительным в культурном слое является керамический комплекс, содержащий не менее 2000 фрагментов. При этом 5 сосудов подлежат реконструкции. Форма и орнаментация керамики, во-первых, характерна для классической андроновской (фёдоровской) посуды (рис. 3, *5–18*). Это горшковидные и баночные сосуды. Для первой группы сосудов характерна изящная профилированная форма и зональное расположение орнамента, разделяемое каннелюрами (рис. 3, *5–9*, *12–18*). Венчик украшался цепочкой косо поставленных треугольников, верхняя часть тулова – меандровидными фигурами, а нижняя – треугольными фестонами. Довольно часто орнаментировались придонная часть и дно сосуда.

Баночная посуда (рис. 3, *10, 11*) или, как ее называют, кухонная посуда орнаментирована по всему тулову «елочным», вертикальным «зигзагом», нанесенным гребенчатым или гладким штампом [Кузьмина, 2008].

Во-вторых, рассматриваемый комплекс ничем не отличается от погребальной посуды Барабы, хорошо известной по раскопкам здесь многочисленных андроновских (фёдоровских) могильников [Молодин, 1985]. Впрочем, имеют место некоторые особенности орнаментики. Отметим один реконструируемый сосуд, выполненный по всем канонам классического андроновского (фёдоровского) горшка, у которого нижняя часть тулова украшена хаотично нанесенными наколами, что совершенно нетипично для подобной керамики.

Важно, что аналогичное сочетание нарядной (горшковидной) и баночной керамики мы наблюдаем на андроновском поселенческом слое памятника Каргат-6 [Молодин, Новиков, Софейков, 2000].

Таким образом, перед нами ярко выраженный поселенческий комплекс, который относится к андроновской (фёдоровской) культуре. Важно отметить, что наряду с андроновской посудой, в культурном слое найдено незначительное количество фрагментов керамики кротовской культуры (рис. 3, *19*). В нижней части культурного слоя, на материке, обнаружено небольшое кострище, сопровождаемое кротовскими фрагментами. О вероятном взаимодействии кротовского населения и пришлого в Барабу андроновского (фёдоровского) уже приходилось писать ранее [Молодин, 1979]. Полученные материалы на поселении Тартас-5 пока однозначно не подтверждают сосуществование носителей кротовской и андроновской (фёдоровской) керамики в рамках одного поселка. Возможно, что мигранты с запада обосновались на территории уже оставленного аборигенами места обитания. Поскольку кротовская керамика отличается от андроновской и по технологии (характерные расчесы с внутренней стороны), и по орнаментации (параллельные ряды отступающего гребенчатого штампа) – означенная проблема (по крайней мере в рамках данного памятника) еще требует своего решения.

В культурном слое и, особенно, в зольнике обнаружено большое количество костей животных со следами рубки. Согласно предварительно проведенным определениям, кости принадлежат домашним животным – корове, овце и, в меньшей степени, лошади. Обнаружен фрагмент челюсти человека с зубами человека (возможные следы каннибализма?). Крайне любопытно, что на поселении, включая зольник, не было найдено ни одного сломанного костяного орудия.

К орудийному набору относятся лишь два сломанных глиняных грузика и фрагмент мраморного изделия со следами полировки, переиспользованного в качестве абразива.

Не исключено, что население открытого андроновского (фёдоровского) поселения Тартас-5 хоронило своих умерших сородичей на огромном некрополе Тартас-1, расположенном совсем неподалеку, вниз по течению одноименной реки. Как бы то ни было, представляется перспективным проведение углубленных сравнительных исследований различных источников, представленных на обоих памятниках, с использованием широкого спектра мультидисциплинарных методов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 20-18-00111).

Список литературы

Деревянко А. П., Молодин В. И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1.- 262 с.

Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Демахина М.С. Комплексные исследования городища Сергино-2 на реке Оми // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2015 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 267–271.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принт А, 2008. – 358 с.

Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 135 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. К вопросу о соотношении кротовской и андроновской культур // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 75 – 79.

Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – С. 51–53.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Селин Д.В. Мониторинг археологических объектов в Венгеровском районе Новосибирской области (близ села Старый Тартас) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 348–353.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софейков О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культур. наследия, 2000. – 224 с. – (Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России»; вып. 4).

Селин Д.В., Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Кудинова М.А., Бобин Д.Н., Сеитов Р.М. Разведочные работы в Венгеровском районе Новосибирской области в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2020 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 594–603. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.594-602.

References

Derevyanko A. P., Molodin V. I. Denisova peshchera. Novosibirsk: Nauka, 1994, pt. 1, 262 p. (In Russ.).

Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Demakhina M.S. The complex study of the Sergino-2 hillfort on the Om river. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories: Materials of the final session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS 2015*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. XXI. P. 267–271. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25067242_53311898.pdf (Accessed: 21.10.21).

Kuzmina E.E. Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshchnosti. Aktobe: Print A, 2008, 358 p. (In Russ.).

Matyushchenko V. I., Sinitsyna G. V. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska. Tomsk: Izd-vo Tomsk State Univ. Press, 1988, 135 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (In Russ.).

Molodin V.I. K voprosu o sootnoshenii krotovskoi i andronovskoi kul'tur. In *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1979, pp. 75–79. (In Russ.). URL: https://arheologija.ru/molodin-k-voprosu-o-sootnoshenii-krotovskoy-i-andronovskoy-kultur/ (Accessed: 21.10.21).

Molodin V.I., Zakh V.A. Geomorfologicheskoe raspolozhenie pamyatnikov epokhi neolita i bronzy v basseinakh rek Obi, Ini, Omi i ikh pritokakh. In *Osobennosti estestvenno-geograficheskoi sredy i istoricheskie protsessy v Zapadnoi Sibiri*. .Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1979. P. 51–53. (In Russ.). URL: https://arheologija.ru/molodin-zah-geomorfologicheskoe-raspolozhenie-pamyatnikov-epohi-neolita-i-bronzyi-v-basseynah-rek-obi-ini-omi-i-ih-pritokov/ (Accessed: 21.10.21).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Selin D.V. Archaeological monitoring in Vengerovo district of Novosibirsk region (near the village stary Tartas). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. Vol. XXII. P. 348–353. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27703991_88079507.pdf (Accessed: 21.10.21).

Molodin V.I., Novikov A.V., Sofeikov O.V. Arkheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauch.-proizv. tsentr po sokhraneniyu ist.-kul'tur. naslediya, 2000, 224 p. (Materialy «Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii»; iss. 4). (In Russ.).

Selin D.V., Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Kudinova M.A., Bobin D.N., Seitov R.M. Exploration work in the Vengerovsky district of the Novosibirsk region in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories: Materials of the final session of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS 2020*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI.P. 594–603. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.594-602.

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Райнхольд С. https://orcid.org/0000-0002-8107-6300
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Хансен С. https://orcid.org/0000-0002-6714-4629
Эгер Я. https://orcid.org/0000-0002-9856-6429
Бобин Д.Н. https://orcid.org/0000-0002-8180-7425

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0542-0550
УДК 903.5

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1]✉, Д.В. Селин[1], М.А. Кудинова[1], Р.М. Харитонов[1], А.А. Некраш[2], Г.И. Галямина[3], Л.В. Назарова[3], К.А. Борзых[1], М.С. Нестерова[1]

[1] *Институт археологии и этнографии СО РАН*
Новосибирск, Россия
[2]*Новосибирский государственный университет*
Новосибирск, Россия
[3]*Дом детского творчества «Центральный»*
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Завершение исследований могильника Усть-Тартас-2 (Барабинская лесостепь)

В полевой сезон 2021 г. завершены исследования на памятнике Усть-Тартас-2. В основу его изучения был положен геофизический мониторинг, раскопки велись по методике сплошного вскрытия площади объекта. За 5 лет вскрыта площадь 2 250 м^2, исследовано святилище барабинской культуры периода раннего неолита с системой ям, ровиком и прикладами, в т.ч. с предметами искусства, ямы этого же времени, предназначенные для заготовки и квашения рыбы. Изучено 79 погребений (семь – артынской культуры эпохи финального неолита, два – усть-тартасской культуры эпохи раннего металла, 57 – одиновской культуры ранней – развитой бронзы, восемь – кротовской культуры эпохи развитой бронзы, одно – эпохи железа, четыре – не идентифицированы по времени). В 2021 г. в культурном слое раскопа зафиксированы фрагменты керамики, разнообразный материал из камня, глины, кости, два изделия из металла. Выявлено несколько хозяйственных ям с костями животных и рыбы, а также фрагментами глиняных сосудов, в большинстве своем относящихся к периоду раннего металла – гребенчато-ямочной историко-культурной общности, а также эпохи бронзы, позднего и раннего неолита. Исследованы два погребения (№ 78 и 79), по месту их расположения датированные одиновской культурой. В северо-западной части раскопа выявлен объект (№ 21), состоящий из трех ям вытянутой овальной формы, разнонаправленных (на юг, запад и север), соединенных в основаниях одной ямой. В южной и западной ямах находились костные остатки рыбы. Предложено два варианта интерпретации функционального назначения объекта: 1) дугообразный ровик, ограничивающий одиновскую часть могильника с перерезающей его коптильней рыбы; 2) трехкамерная коптильня рыбы. Особо значимой находкой года является костяная скульптурка головы лося, не привязанная четко к какому-то конкретному комплексу. По преобладанию в культурном горизонте ямочно-гребенчатой керамики эпохи ранней бронзы, возможно, связанная с данным временем.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, многослойные памятники, мелкая пластика.*

V.I. Molodin[1], L.N. Mylnikova[1]✉, D.V. Selin[1], M.A. Kudinova[1], R.M. Kharitonov[1], A.A. Nekrash[2], G.I. Galyamina[3], L.V. Nazarova[3], K.A. Borzykh[1], M.S. Nesterova[1]

[1] *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*
Novosibirsk, Russia
[2]*Novosibirsk State University,*
Novosibirsk, Russia
[3] *Children's Cultural Centre "Central"*
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Completion of Studies at the Ust-Tartas-2 Burial Ground in the Baraba Forest-Steppe

In the field season of 2021, the studies at the Ust-Tartas-2 site were completed. They were based on geophysical monitoring; excavations were carried out using the method of continuous opening of the object area. In five years, 2250 sq. m have been unearthed. A sanctuary of the Early Neolithic Baraba culture had a system of pits, ditch, joint pits which among other things contained art objects, and pits intended for keeping and fermenting fish. Seventy nine burials have been studied (seven of the Artyn culture of the Final Neolithic, two of the Ust-Tartas culture of the Early Metal Age, fifty seven of the Odino culture of the Early and Advanced Bronze Age, eight of the Krotovo culture of the Advanced Bronze Age, one of the Iron Age, and four of unidentified time). During the excavations of 2021, the cultural layer revealed pottery fragments, various artifacts made of stone, clay, and bone, and two metal tools. Several utility pits with animal and fish bones also contained fragments of pottery mostly belonging to the Pit-Comb historical and cultural community of the Early Metal Age, as well as pottery of the Bronze Age, and Late and Early Neolithic. Two burials (No. 78 and 79) have been investigated; their location indicated the Odinov culture as the time of their creation. In the northwestern part of excavations, an object (No. 21) consisting of three oppositely directed (to the south, west and north) elongated oval pits, connected at the bases by one pit, has been discovered. Fish bones were in the southern and western pits. There are two interpretations of functional purpose of the object: 1) arched ditch bounding the Odinov part of the burial ground with a fish smokery cutting into it; 2) three-chamber fish smokery. A particularly significant find of the field season was a bone sculpture of elk's head, which did not clearly belong to any specific complex. According to the predominance of the pit-comb pottery of the Early Bronze Age in the cultural horizon, the sculpture may be related to this period.

Keywords: *Baraba forest-steppe, multilayer archaeological sites, figurines.*

Введение

Памятник Усть-Тартас-2 открыт в 2016 г. благодаря геофизическим исследованиям в рамках российско-германского проекта по изучению межкурганных пространств на элитных могильниках скифо-сарматского времени в Северной и Центральной Азии [Парцингер и др., 2016]. Подвергался систематическим исследованиям на протяжении пяти полевых сезонов [Молодин и др., 2018а; 2018б; 2018в; 2019а; 2019б; 2020а; 2020б; 2020в и др.]. Положенный в основу геофизический мониторинг периодически возобновлялся уже группой российских геофизиков Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН под руководством к.г.-м.н. П.Г. Дядькова [Дядьков и др., 2017]. Выявленные аномалии свидетельствовали о сложности и многослойности объекта, представленного, как оказалось, разными типами археологических памятников с различной хронологией, что впоследствии заставило ввести дифференцированную градацию изучаемых объектов. При раскопках памятника применялась ранее апробированная методика на комплексах подобного рода, начиная с масштабных многолетних исследований таких гигантских по площади объектов, как Сопка-2, Тартас-1. Речь идет о методике полного вскрытия всей площади объекта сплошным раскопом, невзирая на его рельефные признаки и даже геофизические показатели.

Такая методика была обоснована еще в конце прошлого столетия [Молодин, 1992] и полностью себя оправдала.

Материалы и результаты исследования

За пять лет на памятнике сплошным раскопом вскрыта площадь 2 250 м^2, на которой исследовано святилище периода раннего неолита (Усть-Тартас-1) [Молодин и др., 2020в] с замечательными предметами пластического искусства, системой ритуальных ям и специального ровика с прикладами.

Здесь же были обнаружены и ранненеолитические ямы, предназначенные для заготовки и квашения рыбы, также снабженные ритуальными прикладами в виде специально захороненных на их дне тушек животных [Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017].

На всей площади раскопа выявлена серия разновременных захоронений, индексированных уже как памятник Усть-Тартас-2 [Молодин и др., 2017; 2018а; 2018б; 2018в; 2019а; 2019б; 2020а; 2020б; 2020в]. Эти комплексы располагались на памятнике рядами, ориентированными вдоль края террасы левого берега урочища Таи. Иногда ряды, где были представлены погребения различных культур, накладывались один на другой [Молодин и др., 2020а].

В общей сложности на памятнике, включая раскопки текущего года, было выявлено 79 захоронений. Из них семь относились к эпохе финального неолита – артынской культуре, два погребальных комплекса принадлежали усть-тартасской культуре эпохи раннего металла. Наибольшее количество захоронений (57) идентифицировано одиновской культурой эпохи ранней – развитой бронзы,

восемь – датированы кротовской культурой эпохи развитой бронзы. Одно захоронение принадлежит, вероятно, эпохе железа. Еще четыре – не идентифицированы по времени*.

Поскольку памятник исследовался сплошной площадью, в сферу изучения попали многочисленные ямы, кроме отмеченных ритуальных, еще и всевозможного хозяйственного назначения, относящиеся также к различным эпохам и культурам (см., напр.: [Молодин и др., 2019в]).

Исследования текущего года (раскоп общей площадью 256 м^2) показали, что могильник, по-видимому, полностью исчерпал себя. Было вскрыто два захоронения (№ 78 и 79), вписавшиеся в ряды одиновского некрополя и завершающие его в северо-западной части. К сожалению, оба комплекса практически полностью разграблены еще в древности. Оставшиеся в могилах единичные кости скелетов могут свидетельствовать лишь о том, что здесь были похоронены взрослые особи. Погребение № 78 не содержало находок. Находки из погребения № 79 – не датирующие (см. *таблицу*).

Кроме отмеченных захоронений, в исследованной части памятника зафиксировано 206 фрагментов керамики (рис. 1, 2), найден разнообразный материал как при разборке культурного слоя, так и в заполнении объектов (см. *таблицу*). Выявлено несколько хозяйственных ям с костями животных и рыбы, а также фрагментами глиняных сосудов, в большинстве своем относящихся к периоду раннего металла – гребенчато-ямочной историко-культурной общности, а также эпохи бронзы, позднего и раннего неолита. Среди находок отметим два изделия из металла.

1. Бронзовый слиток, имеющий в разрезе форму полуовала (кв. Г/65’, h –109), очевидно отлит в форме, выполненной на фрагменте керамики. Длина изделия – 4,8 см, диаметр (ширина) – 0,55–0,63 см. Обломан с обоих концов.

2. Бронзовая узкая (3 мм) пластина (кв. Е/65’, h –118) длиной 4,5 см, очень тонкая. Один конец имеет овальную форму, другой обломан. На этом конце посередине читается отверстие.

В северо-западной части раскопа исследован объект (№ 21), состоящий из трех ям вытянутой овальной формы, разнонаправленных (на юг, запад и север), соединенных в основаниях одной ямой, наложившейся на более ранний объект (21д). В западной яме (объект 21б: размеры 3,2 × 1,18 × 0,13 м) находилось большое количество чешуи, костей и позвонков рыбы, изделий из глины в виде овалоидов и полушариков, комочков обожженной глины, каменный наконечник стрелы (рис. 3; см. *таблицу*). В южной (21а: 2,2 × 0,92–1,08 × 0,17 м) – также зафиксированы остатки рыбы, но в значительно меньшем количестве. В объекте, расположенном в северной части (21г: 2,08 × 1,45 × 0,2 м), находок не выявлено. Яма, объединяющая все три объекта (21в: 2,1 × 0,8–0,84 × 0,31 м), была глубже всех трех примерно на 11–18 см, имела в заполнении прослой черной углистой почвы, а также прокаленные стенки. Языки прокаленной почвы распространялись и во все три камеры. К сожалению, стратиграфический разрез не дает оснований говорить об одновременном или разновременном функционировании составляющих объекта. В таком случае возможны две версии его назначения.

1. Части объекта (21а, 21в, 21г) являются неглубоким дугообразным ровиком, а объект 21б – перерезающей его коптильней рыбы. Назначение ровика не ясно. Хотя он может быть тем объектом, который как бы ограничивал одиновскую часть могильника.

2. Все части являются составляющими трехкамерной коптильни рыбы. Довольно больших размеров топочная камера (объект 21в) могла обеспечивать одновременное функционирование рабочих камер, а также работать на любую из камер в зависимости от их наполненности рыбой. Данная версия может подтверждаться тем фактом, что рядом с коптильней, с северо-западной стороны, находились несколько хозяйственных ям, где также найдены остатки рыбы. Да и топочная камера имеет довольно большие размеры, что не рационально для использования одной камеры.

Напомним, что история коптилен для Венгеровского археологического микрорайона имеется. Находка однокамерной коптильни известна из памятника, находящегося в 7 км на юго-запад от изучаемого объекта, – Тартас-1 ранненеолитического времени [Молодин и др., 2015].

Наиболее замечательным предметом, обнаруженным в исследуемой части памятника, является костяная скульптурка головы лося (рис. 4), четко не привязанная к какому-то конкретному комплексу, однако по наличию в данном культурном горизонте ямочно-гребенчатой керамики эпохи ранней бронзы относящаяся, со значительной долей вероятности, именно к этому времени.

Скульптурное изображение головки лося изготовлено из фрагмента трубчатой кости животного. Изображение плоскостное, выполнено достаточно схематично, и вместе с тем образ зверя определяется абсолютно однозначно. Размеры скульптурки: длина 6,7 см, максимальная ширина 2 см, толщина

*Следует иметь в виду, что последующая работа над корпусом источников может внести некоторые коррективы в уточнение хронологии и культурной принадлежности определенных погребальных комплексов.

Индивидуальные находки из культурного слоя и объектов

Наименование изделия	Место находки, квадрат	Глубина залегания	Наименование изделия	Место находки, кв. или объект	Глубина залегания
1	2	3	4	5	6
скребок	Д/67’	–108	зубы лося	К/77’	–114
скребок	М/81’	–111	зуб лося	И/76’	–117
скребок	К/79’	–114	зуб хищного животного	я/73’	–224
скребок	Б/61’	–116	фигурка лося-кость	З/79’	–110
скребок	З/76’	–120	изделие из кости	К/77’	–115
скребок	Д/74’	–124	изделие из кости	И/76’	–117
скребок	А/72’	–179	нуклеус	Л/79’	–107
фр-т технической керамики	Ж/61’	–100	фр-т камен. орудия	Л/81’	–110
фр-т технической керамики	Д/62’	–104	отщеп	Яма 182	–127
фр-т технической керамики	Н/79’	–110	отщеп	Яма 186	–195
фр-т технической керамики	Е/64’	–123	фр-т технической керамики	Яма 183	–134
фр-т технической керамики	Д/64’	–124	абразив	Объект 9	–130
фр-т технической керамики	Д/63’	–127	скребок	о. 13, К/69’ яма 199	–111
фр-т технической керамики	В/70’	–142	отщеп	о. 13, К/68’ яма 199	–113
техническая керамика	Л/76’	–104	скребок	о. 13, яма 199	–112
техническая керамика	И/77’	–115	ножевидная пластина	о. 13, яма 199	–127
техническая керамика	И/81’	–118	ножевидная пластина	о. 13, яма 199	–123
техническая керамика	Ж/80’	–119	ножевидная пластина	о. 13, яма 199	–134
ножевидная пластина	К/65’	–100	техническая керамика	о. 13, яма 199	–141
ножевидная пластина	М/70’	–101	техническая керамика	о. 13, яма 199	–138
ножевидная пластина, фр-т	М/75’	–101	техническая керамика	о. 13, яма 199	–145
ножевидная пластина	М/76’	–101	техническая керамика	о. 21А	–140
ножевидная пластина, фр-т	М/75’	–102	техническая керамика (лепешка)	о. 21А	–139
ножевидная пластина	М/78’	–103	техническая керамика	о. 21Б	–136
ножевидная пластина	З/76’	–108	чешуйка	о. 21Б	–135
ножевидная пластина	Н/79’	–110	обожженная глина	о. 21Б	–138
ножевидная пластина	Г/76’	–130	обожженная глина	о. 21Б	–134
ножевидная пластина	В/67’	–131	обожженная глина	о. 21Б	–141
ножевидная пластина	Н/64’	–131	обожженная глина	о. 21Б	–133
микропластина	Н/69’	–105	отщеп	о. 21Б	–127
бронзовый слиток	Г/65’	–109	камен. наконечник стрелы	о. 21Б	–135
бронзовая пластина	Е/65’	–118	кости животных	о. 21Б	–129
галька	И/62’	–91	скопление костей рыбы	о. 21Б	
отщеп	И/64’	–90	отщеп	о. 21В	–140
отщеп	И/62’	–91	обожженная глина	о. 21В	–138
отщеп	Л/70’	–96	скребок	о. 21Д	–139
отщеп	М/76’	–98	уголь	о. 21Д	–159
отщеп	Н/75’	–99	кость животного	о. 21Д	–161
отщеп п с ретушью	И/70’	–102	кость животного	о. 21Д	–159
отщеп	Ж/68’	–103	обожж. глина	о. 21Д	–172
отщеп	Л/68’	–103	фрагмент литейной формы	о. 21Д	–150
отщеп	Л/79’	–103	скребок	о. 25, яма 194	–160
отщеп	Л/75’	–104	ножевидная пластина	о. 24, яма 196	–166
отщеп	К/73’	–106	отщеп	о. 24, яма 196	–214
отщеп	З/71’	–107	чешуйка	о. 24, яма 196	–217
отщеп	З/73’	–108	техническая керамика (лепешка)	о. 24, яма 196	–201
отщеп	З/74’	–108	изд-е из глины	погр. 79	–140

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
отщеп	Л/77’	–108	изд-е из глины	погр. 79	–132
отщеп	Л/79’	–108	изд-е из глины	погр. 79	–150
отщеп	Л/75’	–109	ножевидная пластина	погр. 79	–137
отщеп	Ж/79’	–110	кости птицы	погр. 79	–137
отщеп	Д/75’	–113	кости птицы	погр. 79	–139
отщеп	И/76’	–114	кость	погр. 79	–137
отщеп	Н/73’	–117	кость	погр. 79	–113
отщеп	Д/71’	–118	кость	погр. 79	–138
отщеп	Н/76’	–120	кость	погр. 79	–118
отщеп	Д/72’	–121	кость	погр. 79	–132
отщеп	В/81’	–136	отщеп	погр. 79	–116
скол с орудия	З/71’	–105	обмазка из глины	о. 26, яма 200	–145
конкреция	Л/81’	–112	игольник(?)	о. 26, яма 200	–147
конкреция	Б/64’	–145	кости рыбы	о. 26, яма 200	
камень	К/73’	–106	изд-е из глины	о. 26-27, яма 200, 201	–149
камень	Г/69’	–132	кости рыбы	о. 26-27, яма 200, 201	–153
камень	я’/80’	–184			

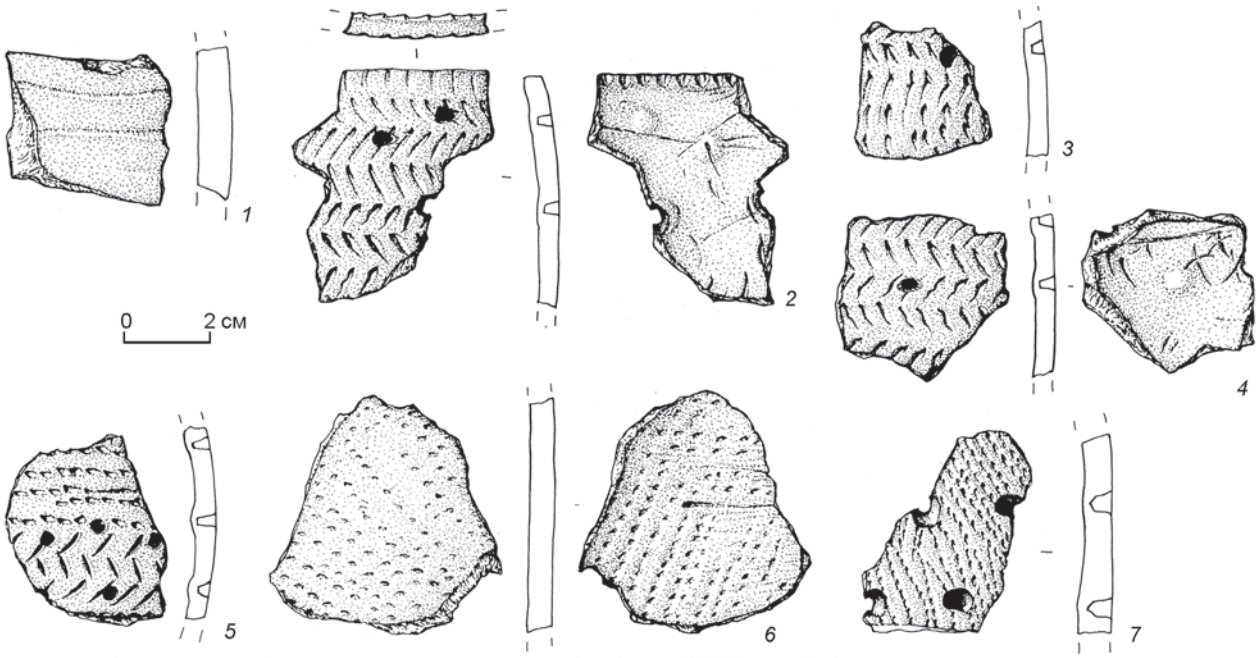

Рис. 1. Фрагменты керамики.

1 – поздний неолит; *2–7* – гребенчато-ямочная культурно-историческая общность.

кости 0,4 см. Направленными срезами оформлена голова животного. Характерно передана горбоносая морда со слегка отвислой губой. Ухо выполнено подтреугольным выступом. По всему периметру край скульптурки сглажен специальной подрезкой, делающей контур слегка закругленным. Верхний торец морды лося украшен ритмичными, бессистемно поставленными перпендикулярными насечками. Не исключено, что скульптурка могла служить навершием жезла.

Аналогичные предметы, близкие по форме, а также, вероятно, семантически, известны в погребальных и ритуальных комплексах Зауралья, Западной и Восточной Сибири [Чаиркина, 2005; Базалийский, 2007; Морозов, 2007; Бобров, 2015; Морозов, Умеренкова, 2015].

Из ближайших аналогий можно указать на находку головки лося из позднеолитических могильников в Верхнем Приобье – Ордынское-1 [Молодин, 1977, табл. XIX, *2*] и в Кузбассе – Васьковский мо-

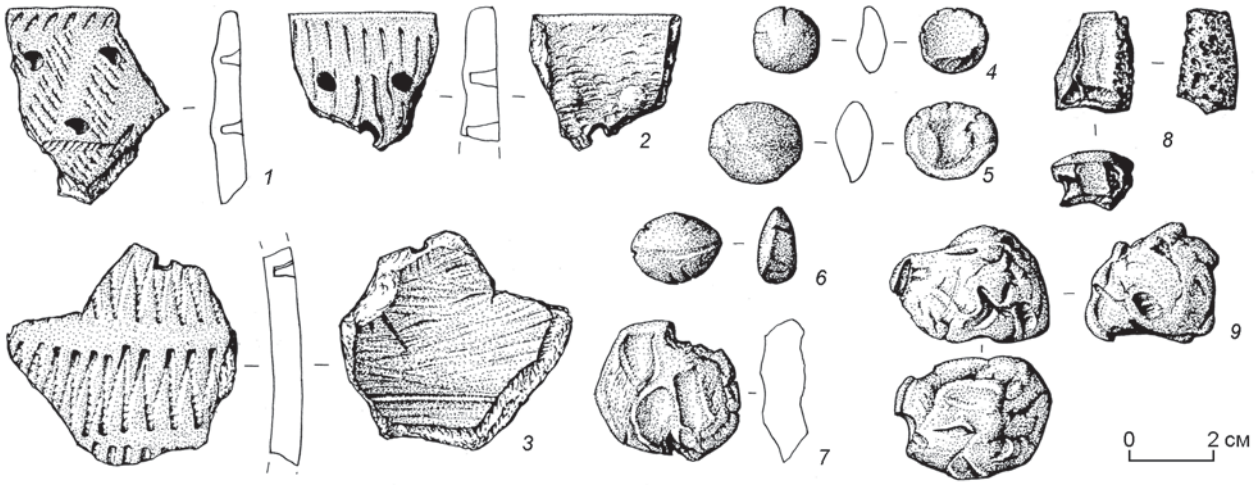

Рис. 2. Изделия из глины.

1, 2 – одиновская культура; *3* – кротовская культура; *4–7* – техническая керамика.

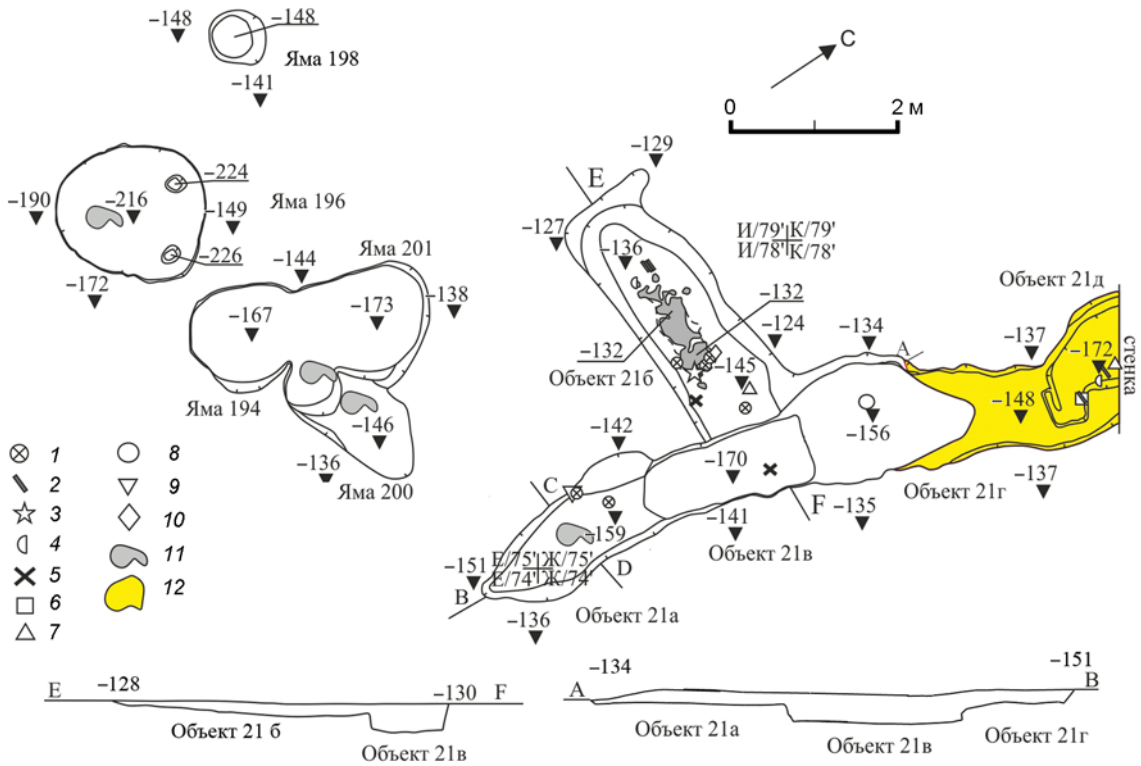

Рис. 3. Объект 21 и окружающие его ямы.

1 – техническая керамика; *2* – кости животных; *3* – каменный наконечник стрелы; *4* – скребок; *5* – фрагмент керамики; *6* – фрагмент литейной формы; *7* – фрагмент обожженной глины; *8* – отщеп; *9* – изделие из глины («фишка»); *10* – каменная чешуйка; *11* – скопление останков рыбы; *12* – участок объекта более раннего времени.

Рис. 4. Скульптурка головы лося из культурного слоя памятника.

1 – рисунок; *2* – фото с юго-востока.

гильник [Бородкин, 1976], а также на северо-востоке Алтайского края [Грушин, Фрибус, 2021].

Заключение

В ходе археологических раскопок 2017–2021 гг. на памятнике Усть-Тартас-1 был получен, с одной стороны, типичный материал, характерный для памятников раннего неолита – раннего железного века региона. С другой – выявлены совершенно новые объекты, ранее не известные для Барабинской лесостепи, а иногда и Сибири (ранненеолитическое святилище), новые нюансы погребального обряда населения культур обозначенного времени, а также предметы, не имеющие аналогий (например, антропоморфная глиняная скульптура).

Полевой сезон 2021 г. пополнил коллекцию мелкой пластики Сибири скульптуркой головы лося. Напомним, что традиция изображения лосиных голов–наверший жезлов имеет глубокие корни, а в Барабинской лесостепи такая находка известна на ранненеолитическом святилище памятника Усть-Тартас-1 [Молодин и др., 2020в].

Как бы то ни было, это замечательное произведение пластического искусства. Находка каждого из подобных предметов, несомненно, является событием в сибирской археологии.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40051.

Список литературы

Базалийский В. Древнее искусство Байкальской Сибири // Земля Иркутская. – 2007. – № 1 (32). – С. 3–11.

Бобров В.В. Мобильное искусство Сибири в переходное время от эпохи камня к палеометаллу // Искусство бронзового века: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. – С. 8–18.

Бородкин Ю.М. Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьковского могильника // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово, 1976. – Вып. 7. – С. 99–109.

Грушин С.П., Фрибус А.В. Изображение головы лося на костяном предмете из неолитического погребения на могильнике Чумыш-Перекат // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: К 300-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной конференции. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. – С. 318–323.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Сумин В.А., Позднякова О.А., Евменов Н.Д., Цибизов Л.В. Результаты геофизических и геодезических работ на территории памятника «Усть-Тартасские курганы» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 307–310.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Молодин В.И. Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: тезисы докладов научной конференции. – Липецк: Изд-во Липецкого гос. педагог. ин-та, 1992. – С. 16–17.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Борзых К.А., Швецова Е.С. Могильник Усть-Тартас-2 – новый погребальный комплекс эпохи неолита и развитой бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 363–367.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., И.А. Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Стратиграфия погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 293–298.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С. Памятники Усть-Тартас-1,-2 в Барабинской лесостепи: культурно-хронологическая интерпретация и перспективы исследования // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г.: Вып. 14: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 мая 2019 г. – Барнаул: АлтГПУ, 2019а. – С. 88–96.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Хансен С., Селин Д.В., Кудинова М.А., Дураков И.А., Швецова Е.С., Ненахова Ю.Н., Райнхольд С., Бобин Д.Н. Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020а. – Т. XXVI. – С. 501–509.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Хансен С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Кудинова М.А., Райнхольд С., Швецова Е.С., Бобин Д.Н. Поздненеолитический погребальный комплекс на памятнике Усть-Тартас-2 (Венгеровский район, Ново-

сибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2020б. – Т. XXVI. – С. 172–180.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С. Новый могильник кротовской культуры в Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018б. – Т. XXIV. – С. 304–309.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Хансен С. Ритуальные комплексы эпохи раннего неолита в Обь-Иртышской лесостепи. Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. – Самара: СГСПУ, 2020в. – Т. 1. – С. 187–189.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Оригинальный комплекс эпохи раннего железного века на могильнике Усть-Тартас-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018в. – XXIV. – С. 299–303.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А., Степанова В.С. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019б. – T.XXV. – С. 471–477.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – T.XXI. – С. 326–331.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Идимешев А.А., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Хозяйственно-производственные участки кротовской культуры на памятнике Усть-Тартас-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019в. – T.XXV. – С. 478–488.

Морозов А.В. Образ медведя и лося в мелкой пластике неолита-энеолита на территории Западной Сибири // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. II. – С. 14–18.

Морозов А.В., Умеренкова О. Мелкая пластика эпохи неолита-энеолита Сибири (к проблеме функционально-смыслового назначения)// Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 3. – С. 71–77.

Парцингер Г., Молодин В.И., Фассбиндер Й., Кобелева Л.С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д.А. Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 401-404.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.

References

Bazaliiskii V. Drevnee iskusstvo Baikal'skoi Sibiri. *Zemlya Irkutskaya,* 2007, No. 1 (32), pp. 3–11. (In Russ.).

Bobrov V.V. Mobil'noe iskusstvo Sibiri v perekhodnoe vremya ot epokhi kamnya k paleometallu. In *Iskusstvo bronzovogo veka: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2015, pp. 8–18. (In Russ.).

Borodkin Yu.M. Proizvedeniya izobrazitel'nogo iskusstva iz neoliticheskikh pogrebenii Vas'kovskogo mogil'nika. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovanii*, 1976, iss. 7, pp. 99–109. (In Russ.).

Chairkina N.M. Eneolit Srednego Zaural'ya. Ekaterinburg: Ural Branch of the RAS Publ., 2005, 312 p. (In Russ.).

Dyadkov P.G., Molodin V.I., Sumin V.A., Pozdnyakova O.A., Evmenov N.D., Tsibizov L.V. Results of Geophysical and Geodesic Works at the Site of Ust-Tartasskie Kurgany. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 307–310. (In Russ.).

Grushin S.P., Fribus A.V. Izobrazhenie golovy losya na kostyanom predmete iz neoliticheskogo pogrebeniya na mogil'nike Chumysh-Perekat. In *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: K 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021, pp. 318–323. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 171 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Metodika issledovaniya kurgannykh mogil'nikov sploshnymi ploshchadyami. In *Teoriya i metodika issledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov lesostepnoi zony: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii*. Lipetsk: Izd-vo Lipetskogo gos. pedagog. ins-ta, 1992, pp. 16–17. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Idimeshev A.A., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Economic and Production Areas of the Krotovo Culture at the Ust-Tartas-2 Site. In *Problems of*

Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019c, vol. XXV, pp. 478–488, doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.478-488. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Borzykh K.A., Shvetsova E.S. Ust-Tartas-2 Burial Ground – New Neolithic, Early and Middle Bronze Age Burial Complex in the Baraba Forest-Steppe Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 363–367. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Efremova N.S., I.A. Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Stratigraphy of the Early – Middle Bronze Funeral Complexes at Ust-Tartas-2. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018a, vol. XXIV, pp. 293–298, doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.293-298. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S. Pamyatniki Ust'-Tartas-1,-2 v Barabinskoi lesostepi: kul'turno-khronologicheskaya interpretatsiya i perspektivy issledovaniya. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie). 2018 g.: Vyp. 14: materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Barnaul, 22–23 maya 2019 g*. Barnaul: Altai State Pedagogical University Press, 2019a, pp. 88–96. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Hansen S., Selin D.V., Kudinova M.A., Durakov I.A., Shvetsova E.S., Nenakhova Yu.N., Reinhold S., Bobin D.N. The Continuation of Archaeological Excavation of the Bronze Age Burial Grounds in the Baraba Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020a, vol. XXVI, pp. 501–509, doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.501-509. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Hansen S., Selin D.V., Nesterova M.S., Kudinova M.A., Reinhold S., Shvetsova E.S., Bobin D.N. Late Neolithic Burial Complex at the Ust-Tartas-2 Site (Vengerovsky District, Novosibirsk Region). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020b, vol. XXVI, pp. 172–180, doi: 10.17746/2658-6193.2020.26.172-180. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Reinhold S. New Burial Ground of the Krotovo Culture in Baraba Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018b, vol. XXIV, pp. 304–309. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Reinhold S., Hansen S. Ritual'nye kompleksy epokhi rannego neolita v Ob'-Irtyshskoi lesostepi. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare. V 3-kh t. / Otv. red. A.P. Derevianko, N.A. Makarov, O.D. Mochalov*. Samara: SGSPU, 2020c, Vol. 1, pp. 187–189. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Original Complex of the Early Iron Age at Ust-Tartas-2 (Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018c, vol. XXIV, pp. 299–303, doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.299-303. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Nenakhov D.A., Stepanova V.S. Archaeological Research of 2019 at the Ust-Tartas-2 Burial Ground of the Bronze Age. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019b, vol. XXV, pp. 471–477, doi: 10.17746/2658-6193.2019.25.471-477. (In Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasil'ev S.K. The Unique Production Complex at the Tartas-1 Site (Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 326–331. (In Russ.).

Morozov A.V. Obraz medvedya i losya v melkoi plastike neolita-eneolita na territorii Zapadnoi Sibiri. In *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. Irkutsk: Ottisk, 2007, vol. II, pp. 14–18. (In Russ.).

Morozov A.V., Umerenkova O. Neolithic-Eneolothic Mobilliary Art in Siberia (on the issue of function and meaning). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, No. 1 (61), vol. 3, pp. 71–77. (In Russ.).

Parzinger H., Molodin V.I., Fassbinder J., Kobeleva L.S., Gass A., Hofmann I., Nenakhov D.A. Preliminary Results of the Research of the Periphery of the Big Mounds of Sargat Culture in Central Baraba. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 401-404. (In Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Кудинова М.А. https://orcid.org/0000-0001-8369-2089
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0551-0556
УДК 902/904; 903.27

В.И. Молодин, Д.В. Черемисин, Ю.Н. Ненахова, Д.А. Ненахов✉
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; nenaxoffsurgut@mail.ru

Необычный сюжет в петроглифах Хара Джамат Гола – охота на медведя (Монгольский Алтай)

Петроглифы, оставленные обитателями пояса гор и степей Евразии, весьма многочисленны. Среди основных тем – охота, война, оружие, колесный транспорт и многое другое. Но самым распространенным мотивом на протяжении тысячелетий было изображение диких животных. В статье анализируется редкий сюжет петроглифов Монгольского Алтая, обнаруженный в ходе экспедиционных исследований. При обследовании долины Хара Джамат Гол, на северо-западе Монголии у границы с Россией, на левом берегу реки в местности Саби-Салаа зафиксировано скопление петроглифов. На вертикальной сланцевой плите выбита многофигурная сцена охоты на медведей с собаками, преследующими и атакующими хищников. Охотники вооружены луками, а также палицами. По манере воспроизведения людей и животных данную композицию следует датировать бронзовым веком. В зоне гор и степей Евразии медведь в петроглифах представлен во много раз реже, чем другие животные (горные козлы, благородные олени, быки, лоси, кабаны, кошачьи хищники и волки), а взаимодействие медведя с человеком воспроизведено лишь на двух местонахождениях Монгольского Алтая. Этот редкий сюжет находит параллели в наскальном искусстве Фенноскандии. Также сцена охоты с собаками на медведя известна в Пегтымеле, самом северном пункте петроглифов Азии. Необычные сюжеты на скалах Саби-Салаа в Монгольском Алтае и в долине Цагаан-Гола отражаеют охотничью практику скотоводов Саяно-Алтайского региона в эпоху бронзы. Очевидно, что бурые медведи время от времени появлялись в высокогорных долинах Монгольского Алтая и становились объектом охоты местного населения.

Ключевые слова: *Монгольский Алтай, наскальное искусство, экспедиционные исследования, эпоха бронзы, сюжеты петроглифов, охота на медведя.*

V.I. Molodin, D.V. Cheremisin, Yu.N. Nenakhova, D.A. Nenakhov✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru; nenaxoffsurgut@mail.ru

Unusual Plot of Bear Hunt in the Petroglyphs of Khara Jamat Gol (Mongolian Altai)

The petroglyphs left by the inhabitants of the mountains and steppes of Eurasia are very numerous. The main subjects include hunting, warfare, weaponry, wheeled vehicles, and many more. For thousands of years, the most common subject was wild animals. The article presents a rare subject of petroglyphs from the Mongolian Altai. During the survey of the Khara Jamat Gol valley, accumulation of petroglyphs was found on the left bank of the river in the Sabi-Salaa area in the northwestern Mongolia near the Mongolian-Russian border. A multifigured composition of bear hunt with dogs chasing and attacking bears was pecked on a vertical slate slab. Hunters are armed with bows and clubs. The manner of rendering people and animals points to the Bronze Age as the time when this composition was created. In the mountains and steppes of Eurasia, bears were represented on the petroglyphs much less often than other animals, such as mountain goats, red deer, bulls, elks, wild boars, feline predators, and wolves). The interaction of bears and humans was reproduced only in two places in the Mongolian Altai. This rare subject finds parallels in the rock art of Fennoscandia. The composition of hunting bear with dogs is known from Pegtymel – the northernmost place of the Asian petroglyphs. Unusual subjects on the rocks of the Sabi Salaa in the Mongolian Altai and in the Tsagaan-Gol valley reflect the hunting practices of cattle breeders from the Sayan-Altai region in the Bronze Age. Obviously, brown bears would appear from time to time in high-mountain valleys of the Mongolian Altai and were hunted by the local population.

Keywords: *Mongolian Altai, rock art, expedition research, the Bronze Age, petroglyph plots, bear hunting.*

Общепризнанным подходом к изучению памятников наскального искусства является понимание его сюжетов и образов как источника информации об экологии, природном окружении и хозяйственном укладе создателей этих произведений. Петроглифы, оставленные обитателями пояса гор и степей Евразии на скалах Саяно-Алтая, Тянь-Шаня, Памира, Куньлуня и других горных массивов, весьма многочисленны, при том, что сюжеты наскального искусства ограничены. Среди основных тем, связанных с человеком – охота, преследование диких и культивирование домашних животных, война, оружие, колесный транспорт и т.д. Однако самым распространенным мотивом, без сомнения, для всей горно-степной зоны на протяжении тысячелетий было изображение диких животных. Для Саяно-Алтая наиболее часто изображаемыми персонажами являются горный козел, благородный олень-марал, бык, лось, гораздо реже архар, кабан и верблюд-дромадер. Изображения птиц и рыб еще менее распространены, а многие животные, безусловно, окружавшие обитателей горных долин Южной Сибири и Центральной Азии, не воспроизведены вовсе. Из хищников чаще других животных представлены волки. В сценах охоты нередко демонстрируются собаки – животное, доместицированное человеком одним из первых.

Еще одним персонажем наскального искусства, который по сравнению с другими животными изображался не часто, является медведь. В корпусе петроглифов Южной Сибири и Центральной Азии медведь представлен реже остальных хищников. Количество его изображений увеличивается в локусах, наиболее близких к тайге (Томская Писаница на Томи, Шалаболино, Тепсей, Усть-Туба, Оглахты на Енисее) и уменьшается в горно-степной зоне (см.: [Окладников, Мартынов, 1972; Пяткин, Мартынов, 1985; Шер, 1980; Repertoire…, 1994; 1995; Черемисин, 2000 и др.]).

В ходе совместных полевых исследований петроглифов Северо-Западной Монголии, осуществленных в 2019 г. коллективом археологов ИАЭТ СО РАН и Института археологии АН МНР [Молодин и др., 2021], наряду с повторяющимися практически на всех памятниках и скоплениях петроглифов персонажами, был встречен необычный сюжет, демонстрирующий охоту на медведей. Несколько композиций, в которых представлены сцены охоты, были обнаружены ранее в местности Саби-Салаа.

Нами было зафиксировано скопление петроглифов на скальном прижиме в месте впадения в р. Хара-Джамат Гол левого притока, небольшого руч. Хара Жамат Голын джун Салаа. Это одно из самых многочисленных скоплений рисунков в долине реки. Петроглифы – фигуры животных и людей – нанесены как на скальные выходы загорелого сланца, так и на валуны, лежащие у их подножия. Сегодня здесь расположен большой зимник, можно предположить, учитывая, что наиболее удобные места для зимних стоянок были выбраны скотоводами с древнейших времен, что с такой стоянкой эпохи бронзы и связана большая концентрация наскальных изображений.

Одна из композиций, фиксируемая на памятнике, вызывает особый интерес (рис. 1, *а, б*). Это вполне завершенная композиция и, хотя не все ее фигуры безукоризненно проработаны, и некоторые персонажи нельзя трактовать однозначно, тем не менее, перед нами сцена, передающая загонную охоту на медведей. Группа охотников из четырех человек окружила животных. Медведей гонят в одну сторону при помощи своры собак. Животные (и медведи, и собаки) почти все показаны в динамике. Медведи изображены один над другим. Наиболее хорошо проработано верхнее изображение зверя. Показаны четыре лапы, массивное туловище, короткий хвост, оскаленная пасть и ухо. Зверь убегает от трех собак, показанных также динамично с загнутыми, заброшенными на спину длинными хвостами. Медведя в холку поражает из лука охотник. Он слегка наклонился по направлению к зверю, что придает сцене известный динамизм. На поясе лучника – плохо идентифицируемый предмет, возможно, булава или характерный для антропоморфов эпохи бронзы атрибут – хвост [Кубарев, 1987].

Второй медведь – наибольший в композиции – показан несколько ниже и более условно. Его поза также динамична, но если голова с коротким ухом и две передние, выброшенные вперед лапы, трактованы реалистично, то задняя часть массивного туловища показана условно. Медведя преследует крупная собака с четырьмя переданными лапами, демонстрирующими движение. За собакой изображен второй охотник. Его корпус слегка развернут в анфас. Голова увенчана высоким плюмажем. Между ног показан половой признак. На поясе – висящая булава (или характерный предмет типа хвоста). За плечами охотника изображен какой-то предмет, однозначно не читаемый. За спиной человека находится еще одна собака с характерным, заброшенным за спину хвостом, в статичном положении.

Фигура третьего небольшого медведя изображена под наибольшим зверем. Животное также показано в динамике – две выброшенные вперед передние лапы явно демонстрируют движение. Под медвежонком – фигура еще одной крупной собаки, которая как бы завершает верхнюю часть композиции. Изображение профильное, динамичное. Длинный изогнутый хвост поднят высоко вверх.

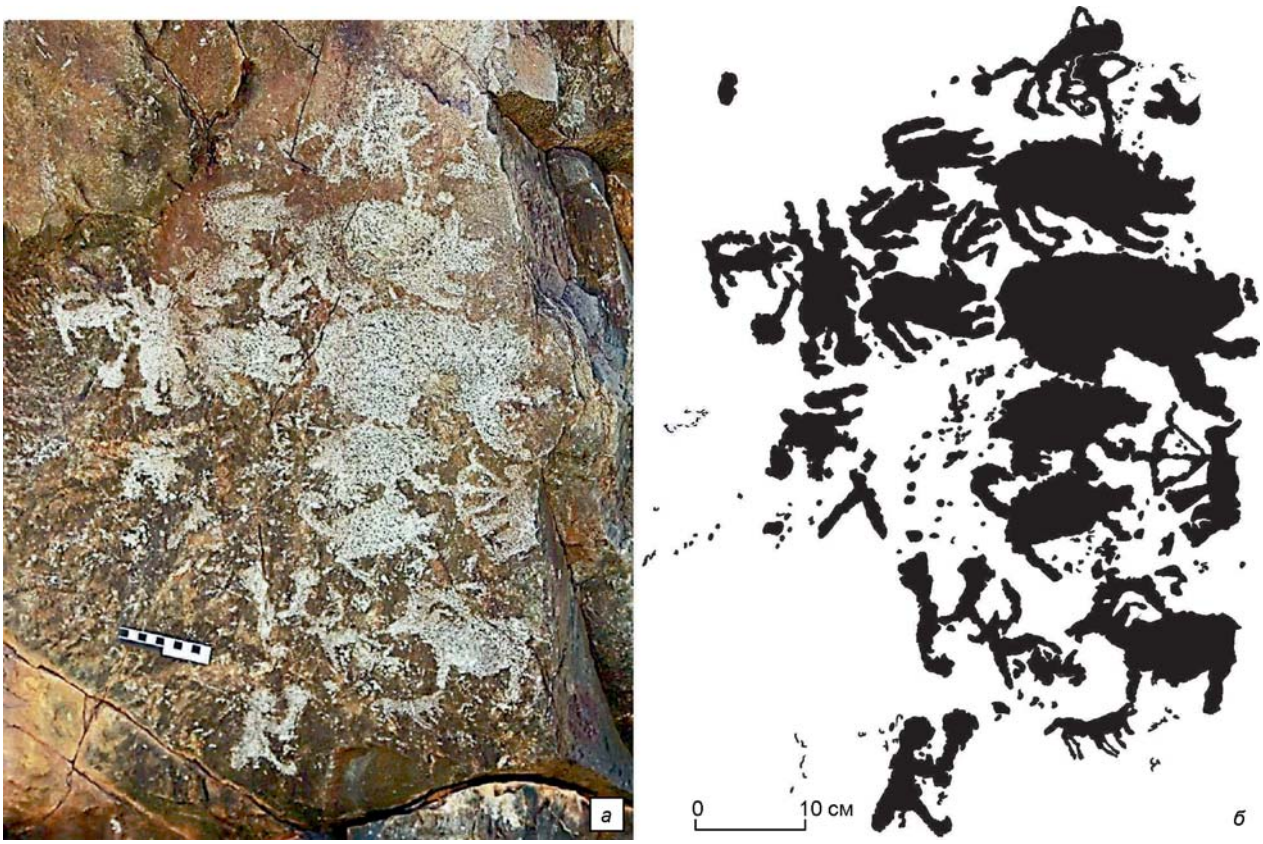

Рис. 1. Многофигурная композиция, пункт Саби-Салаа (северо-западная Монголия). Охота на медведя: *а* – фото авторов, *б* – прорисовка авторов.

Небольшого медведя лицом к лицу встречает еще один лучник. Ноги его выглядят не вполне доработанными (либо охотник стреляет с колен). На голове лучника отчетливо показан плюмаж. К туловищу примыкает подтреугольный предмет (возможно колчан). Наиболее реалистично передан натянутый лук со стрелой, направленный в зверя.

Завершают композицию в нижней части две фигуры горных козлов, развернутых в противоположную сторону от медведей. Животные переданы статично. Первое животное небольшое, с трудом поддается идентификации. Зато второе передано реалистично. Массивное туловище увенчано рогатой головой с проработанными деталями (ухо, характерная борода). В нижней части композиции – еще одно изображение собаки с четырьмя лапами и длинным прямым хвостом, выбитое под фигурой козла. Данная фигура как будто позволяет рассматривать сцену охоты на медведей и козлов как единую композицию. К тому же, в самом низу, вслед за собакой показана фигура человека, переданная в динамичной позе, с поднятой вверх булавой, явно нацеленной на движущихся навстречу козлов.

К сказанному необходимо добавить, что в противоположной от основной сцены части композиции изображено несколько незаконченных (либо плохо проработанных) фигур или знаков, которые трудно как-либо интерпретировать.*

Также можно добавить, что в пространстве между животными и людьми прослеживаются следы многочисленных разреженных точечных ударов. Очевидно, в композиции переданы характерные моменты охоты на зверей с собаками, атакующими животных сзади и отвлекающими от охотников. В тоже время, наличие фигур козлов свидетельствует о том, что перед нами сцена масштабной загонной охоты, когда в загон попадали не только главные объекты гона, но и другие животные.

*Очевидно, эта же композиция была скопирована нашими предшественниками, участниками Российско-Монголо-Американской экспедиции. Она дважды опубликована, но по непонятной причине отнесена к другому памятнику, расположенному в долине р. Бага-Ойгур [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 363, № 874; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 373, № 949], что является очевидной ошибкой. Коллеги датировали эту сцену поздним бронзовым веком, определив сюжет как противостояние охотников нескольким медведям или волкам, наличие палиц в руках охотников соавторы оставляют под вопросом [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001, p. 122].

Наиболее близкой географически, а также с точки зрения содержания композиции, является сцена охоты на медведя и медведицу с двумя медвежатами в петроглифах горы Шивээт-Хайрхан у слияния рек Цагаан-Салаа и Хар-Салаа [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2006, p. 160, № 216–217; Кубарев, 2009, с. 105, № 216–217). Очевидно, в виде двух фрагментов скопирована единая композиция, так как фигуры медведей столь похожи, что, по всей видимости, выполнены одной рукой (рис. 2, *а, б*). В одной части мы видим охотника, стреляющего из лука в медведицу, которую, как и ее двух маленьких медвежат преследует, выгоняя на охотника, собака. Рядом еще две фигуры – горного козла и оленя. В другой части показан медведь-самец, охотник с луком, целившийся в него, горный козел и еще одно животное, определение которого затруднительно.

Обе фигуры медведей реалистично отражают экстерьер животного – массивное туловище, короткая морда, торчащие уши, аналогичным образом у обоих животных показаны лапы. Охотники-лучники – один на полусогнутых ногах, другой на прямых – характерный образ в наскальном искусстве Монгольского и Российского Алтая эпохи бронзы. Воспроизведение палиц в композиции из Саби-Салаа в руках и на поясе охотников также известно в петроглифах Саяно-Алтайского региона эпохи

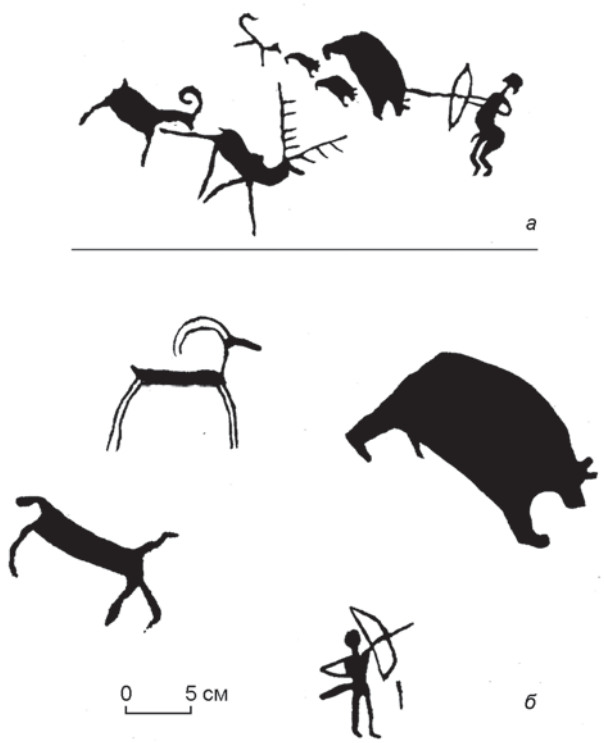

Рис. 2. Прорисовка композиций с охотой на медведя, пункт Хар-Салаа II (северо-западная Монголия) (по: [Кубарев, 2009, с. 105, рис. 216, 217]).

бронзы. Изображения других животных – горных козлов, оленя с раскинутыми в движении ногами, собак с закрученными хвостами – также характерны для петроглифов Алтае-Саянского региона бронзового века.

Что касается более отдаленных аналогий сюжету охоты на медведя в петроглифах Евразии, необходимо отметить наибольшее его распространение на севере Европы, в Фенноскандии (памятники Альта в Северной Норвегии, Немфорсен в Швеции, Залавруга в Карелии, Канозеро на Кольском полуострове, Бесов нос на Онеге и др.). При этом и здесь бурый медведь изображался не часто. Так, в петроглифах Финляндии, для которых есть полная статистика, медведь представлен только дважды, при том что фигур антропоморфов – 201, а лосей – 138 изображений [Myandash, 2000, p. 117]. Однако здесь известны чрезвычайно выразительные многофигурные сцены охоты на медведя.

В петроглифах Беломорья чаще всего представлена охота на медведя с копьем, которым охотник поражает зверя в горло, например, охотничья сцена на памятнике Бесов Нос [Myandash, 2000, p. 277, fig. 325]. Именно такая сцена изображена и на памятнике Канозеро – реалистично показаны две цепочки следов медведя и преследующего его охотника на лыжах. Оба персонажа совершили большой пробег, осуществили резкий поворот; показано, что охотник следует за зверем на лыжах. Затем, как совершенно очевидно следует из наскального повествования, охотник сбросил лыжи и поразил медведя копьем в горло [Жульников, 2006, с. 154, рис. 186].

В Альто несколько медведей, пять или шесть, окружены группой охотников с луками, но главный охотник вооружен огромным копьем. Медведи показаны вышедшими из берлоги, которая изображена в виде двух окружностей, причем из внешнего кольца есть выход, и именно оттуда начинаются цепочки медвежьих следов [Жульников, 2006, с. 155, рис. 187]. Эти сцены в деталях воспроизводят хорошо известные по этнографическим материалам способы традиционной охоты на медведя.

Как правило, охотники Севера Евразии добывали медведя зимой, поднимая его из берлоги с помощью копья (рогатины) или длинного двустороннего ножа, закрепленного на древке. Ханты охотились на медведя коллективно, охотники с копьями окружали берлогу, выгоняли зверя, первый удар стремились нанести в горло, полагая, что это самая быстрая смерть для животного, а в случае поражения в сердце медведь может прожить еще несколько минут, опасных для охотников. Тупой стороной копья ударяли медведя по подбородку, он поднимал голову и охотник вонзал острие в горло [Кулемзин, Лукина, 1977, с. 23–24].

Индивидуальная охота на медведя считалась героическим деянием, легенды о котором передавались из поколения в поколение – именно такие сцены чаще представлены в петроглифах Северной Евразии, видимо, воплощая известный мифо-эпический сюжет о непревзойденном героеохотнике.

В петроглифах Пегтымеля на Чукотке, самого северного памятника наскального искусства Азии, также известен сюжет охоты на медведя с собаками [Диков, 1971, с. 124; Дэвлет, 2006, с. 24, рис. 8], однако трудно с уверенностью утверждать, воспроизведен белый или бурый медведь.

Таким образом, необычный, редкий сюжет на скалах Саби-Салаа в Монгольском Алтае, находящий ближайшую аналогию в соседней долине Цагаан-Гола и серию географически и культурно отдаленных сюжетных параллелей в наскальном искусстве Фенноскандии, отражает охотничью практику скотоводов Саяно-Алтайского региона в эпоху бронзы, а также фиксирует экологическую ситуацию. Очевидно, что бурые медведи наряду с другими хищниками время от времени появлялись в высокогорных долинах Монгольского Алтая и становились, наряду с другими дикими животными, объектом охоты местного населения.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 131 с.

Дэвлет Е.Г. Пегтымельская тетрадь. – М.: ИА РАН, 2006. – 64 с.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа Алтайских гор // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150–169.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск-Улан-Батор: Изд-во ИАЭТ СО РАН, Юджин, 2005. – 638 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. – Томск: ТГУ, 1977. – 226 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Батболд Н., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А. Новые петроглифы Монгольского Алтая: долина реки Хара-Джамат Гол // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, 18-20 августа 2021 г., Кемерово. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2021. – С. 207–213.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 296 с.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 192 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Черемисин Д.В. Изображение медведей в петроглифах Узунгура (Горный Алтай) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 19–22.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan Salaa / Baga Oigor. Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 6. – Paris, 2001. – 481p.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Haut Tsagaan Gol. Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 7. – Paris, 2006. – 444p.

Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. – Ed.: A. Kare. –Arctic Centre Foundation, Rovaniemi, 2000. – 289 p.

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 1: Siberie du Sude 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). – Paris, Diffusion de Boccard, 1994. – 59 p.

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale sous la direction de Henri-Paul Francfort et Jacov A. Sher. Fasc. 2: Siberie du Sude 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie). – Paris, Diffusion de Boccard, 1995. – 246 p.

References

Cheremisin D.V. Izobrazhenie medvedei v petroglifakh Uzungura (Gornyi Altai). In *Medved' v drevnikh i sovremennykh kul'turakh Sibiri*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SB RAS Publ., 2000. P. 19–22. (In Russ.).

Devlet E.G. Pegtymel'skaya tetrad'. Moscow: IA RAN, 2006, 64 p. (In Russ.).

Dikov N.N. Naskal'nye zagadki drevnei Chukotki. Petroglify Pegtymelya. Moscow: Nauka, 1971, 131 p. (In Russ.).

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Haut Tsagaan Gol. In *Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 7.* Paris, 2006, 444 p.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagaan Salaa. In *Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 6.* Paris, 2001, 481 p.

Kubarev V.D. Kubarev V.D. Antropomorfnye khvostatye sushchestva Altaiskikh gor. In *Antropomorfnye izobrazheniya. Pervobytnoe iskusstvo*. Novosibirsk: Nauka, 1987. P. 150–169. (In Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveet-Khairkhana (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 420 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tsehvehehndorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk-Ulan-Bator: IAET SB RAS Publ., Yudzhin, 2005. 638 p. (In Russ.).

Kulemzin V.M., Lukina N.V. Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX vv. Etnograficheskie ocherki. Tomsk: TSU Press., 1977, 226 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Batbold N., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A. Novye petroglify Mongol'skogo Altaya: dolina reki Khara-Dzhamat Gol. In *Drevnee iskusstvo v kontekste kul'turno-istoricheskikh protsessov Evrazii: k 300-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 18-20 avgusta 2021 g., Kemerovo.* Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2021. P. 207–213. (In Russ.).

Myandash. Rock Art in the Ancient Arctic. Arctic Centre Foundation, Rovaniemi, 2000, 289 p.

Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha Tomskikh pisanits. Naskal'nye risunki epokhi neolita i bronzy. Moscow: Iskusstvo, 1972, 296 p. (In Russ.).

Pyatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinskie petroglify. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Press., 1985, 192 p. (In Russ.).

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale sous la direction de Henri-Paul Francfort et Jacov A. Sher. Fasc. 2: Siberie du Sude 2: Tepsej I-III, Ust'-Tuba I-VI (Russie, Khakassie). Paris, Diffusion de Boccard, 1995, 246 p.

Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. Fasc. 1: Siberie du Sude 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). Paris, Diffusion de Boccard, 1994, 59 p.

Sher Ya.A. Petroglify Srednei i Tsentral'noi Azii. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (In Russ.).

Zhul'nikov A.M. Petroglify Karelii. Obraz mira i miry obrazov. Petrozavodsk: Skandinaviya, 2006, p. (In Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Черемисин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-1184-4044
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0557-0562
УДК 903.074

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Email: mylnikov@archaeology.nsc.ru

«Шестиноги» носителей Пазырыкской культуры

В статье рассматриваются проблемы введения в научный оборот малоизученных артефактов из дерева из исследованных археологических памятников. В частности обсуждаются результаты изучения хранящихся в запасниках Государственного Эрмитажа так называемых «шестиног». Они найдены в сороковых годах двадцатого столетия при раскопках элитных курганов широко известных памятников скифского времени Пазырык, Туэкта, Башадар. «Шестиноги» представляют собой целые и во фрагментах комплекты из шести средней длины древков, круглых в поперечном сечении длиной до 1,2 м, диаметром до 0,3 м с коническими утолщениями на концах. Они выстроганы остро отточенным ножом из тонких стволов деревьев хвойных пород (кедр). На верхних окончаниях древков, на небольшом расстоянии от плоского торца просверлены сверлом-перкой и прорезаны стамеской круглые и квадратные сквозные отверстия. Вместе с древками найдены войлочные накидки-покрывала и бронзовые сосудики-курительницы для благовоний. Проведен комплексный технико-технологический анализ этих деревянных предметов, позволивший выделить несколько вариантов функционального назначения комплектов «шестиног»: ритуально-поминальное – шатер для шаманских радений; «скифская баня» для очищения и омовений; медицинский шатер для лечения простудных и иных легочных заболеваний. Приведены физические параметры древков шестиног (материал, размеры, форма). По анатомическому строению клеточной структуры определены порода древесины, обуславливающая ее физические свойства и выбор для производства изделия. Установлены виды инструментария, с помощью которого эти предметы были сработаны. Реконструированы приемы и способы их изготовления. Восстановлен процесс отбора материала.

Ключевые слова: *Алтай, скифское время, погребальные предметы из дерева, «шестиноги», реконструкции.*

V.P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
Email: mylnikov@archaeology.nsc.ru

“Hexapods” of the Pazyryk Culture

The article deals with problems of publishing little known artifacts made of wood from the explored archaeological sites. The results of studying the so-called “hexapods” kept in the collection of the State Hermitage Museum are discussed. These objects were found in the 1940s during the excavations of elite burial mounds at well-known sites of Pazyryk, Tuekta, and Bashadar of the Scythian period. “Hexapods” constitute whole and fragmented sets of six medium-length shafts, round in cross-section, with the length reaching 1.2 m, diameter up to 0.3 m, and conical thickenings at the ends. They were made with well-sharpened knife from thin trunks of coniferous trees (cedar pine). Round and square through holes were drilled with a chucking drill and cut with a chisel at the upper ends of the shafts at a small distance from the flat ends. Felt cape-covers and bronze vessels for burning incense were found together with the shafts. A comprehensive technical and technological analysis of these wooden items has made it possible to identify several variants of functional purpose which the sets of “hexapods” might have had: ritual and commemorative as a tent for shamanic rituals; “Scythian bath” for cleansing and ablutions, or medical tent for treating colds and lung diseases. Physical parameters of “hexapod” shafts (material, size, and shape) are provided. The type of wood with specific physical properties which preconditioned its choice for making the object was established from anatomical features of its cell structure. Tools, techniques, and methods of producing these objects have been identified.

Keywords: *Altai, Scythian period, funerary objects made of wood, “hexapods,” reconstruction.*

Введение

Письменные источники свидетельствуют о том, что «шестиноги» – особенные каркасные устройства, состоящие из шести фигурных, тонких, длинных, круглых в сечении древков и их фрагментов – найдены в Горном Алтае во всех пяти курганах на могильнике скифского времени Пазырык [Руденко, 1953, с. 363, 366, 370, 372, 373]; во 2-м Башадарском кургане, в Первом Туэктинском кургане Центрального Алтая [Руденко, 1960, с. 63, 118]. На поверхностях этих удовлетворительной сохранности предметов сохранились практически все операции первичной и вторичной обработки материала при их изготовлении. На некоторых артефактах сохранились следы дополнительной обработки – Пазырык 2, Туэкта 1: «поверхности древок были оклеены по спирали узкими полосками тонкой бересты, снятой с молодых березок» [Руденко, 1953, табл. XXIV, *3*; 1960, с. 63, 109, 118].

В курганах 2 и 4 Пазырыка найдены по два экземпляра «шестиног» [Руденко, 1953, с. 366, 372]. В кургане 2 они стояли в северо-восточном и юго-восточном углах сруба в собранном состоянии [Там же, с. 100, рис. 52], (рис. 1, *1*–2). Поблизости обнаружены остатки войлочных покрытий для них [Там

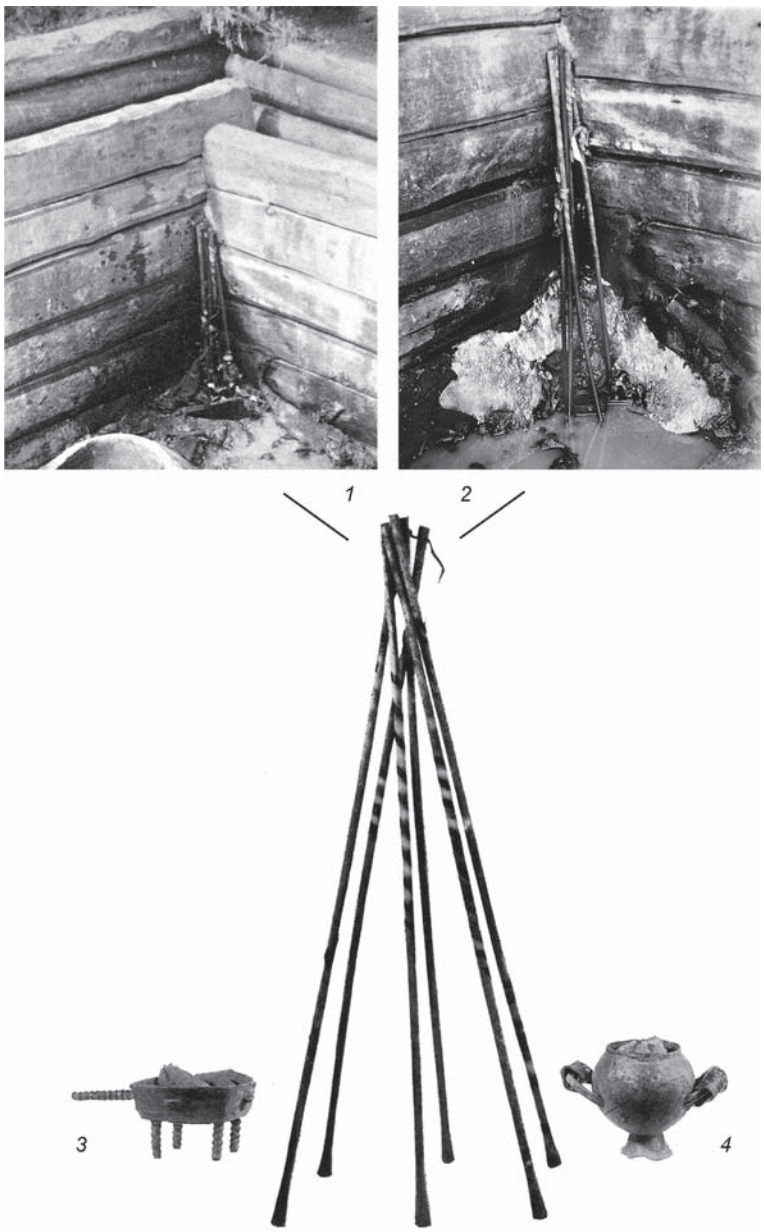

Рис. 1. Шестиноги в погребальной камере кургана 2 могильника Пазырык скифского времени на Алтае (по: [Руденко, 1953]).

1–2 – шестиноги в углах внутреннего сруба, оклеенные по спирали узкими полосками тонкой бересты; *3–4* – бронзовые сосудики для воскурений трав и зерен.

же, с. 99, рис. 51]. Рядом с «шестиногами» обнаружены два небольших размеров медных сосуда: один сфероидной формы «на подставке раструбом» в форме «скифского котла» высотой 14,8 см, другой «прямоугольной формы (11,5 × 12,3 см вверху, 9 × 10 см внизу) неглубокий (3,5 см), на четырех кольчатых ножках» с ручкой [Там же, с. 97–98; табл. XXIV, *1,2;* рис. 1, *3,4*].

В подготовленном к ритуалу (рабочем) состоянии с раздвинутыми в стороны по кругу шестами каркасы «шестиног» своей внешней формой напоминают сильно уменьшенные копии каркасов островерхих чумов кочевых народов.

Результаты исследования

Комплексному анализу подвергнуты два комплекта артефактов из кургана 4 могильника Пазырык (рис. 2–4). Сохранность ножек шестиног различная. Археологически целых два экземпляра. «Шестиноги» представляют собой комплекты круглых в поперечном сечении древков с плоскими торцами и коническими утолщениями на концах. На противоположном от конического утолщения конце каждого тонкого древка, на расстоянии 3–5 см от его плоского торца просверлены (провернуты) сверлом-перкой круглые, или прорезаны узкой стамеской квадратные сквозные отверстия. Расстояние круглых отверстий от торца 2,5–5 см, диаметр 0,5 см (рис. 3, *1–6)*. Расстояние квадратных отверстий от торца 4–4,3 см, размер 0,6–0,7 см (рис. 3, *7–12*). Над некоторыми отверстиями зафиксированы опоясывающие их по кругу порезы ножом (рис. 3, *1, 7–9*). Все конические окончания ножек шестиног имеют практически одинаково оформленные плоские торцы (рис. 4). Максимальная длина единственного целого экземпляра древка в исследованной выборке составила 122,3 см. Диаметр древка 2,1 см, Нижний диаметр ножки с коническим утолщением (основание) 4,8 см. Длина конической ножки 8,5 см. Размеры квадратного сквозного отверстия 5 × 4,6 мм.

Технико-технологические исследования показали, что древки комплектов шестиног изготовлены из ровных круглых стволов молодых деревьев (жердей) хвойных пород возрастом до 30 лет, диаметром до 6–8 см. Вначале изготавливали ровную округлую в сечении заготовку, сняв со ствола дерева кору теслом или ножом. Затем оформляли один более толстый торец основания, остругивая его острым, плоским и ровным лезвием ножа, придавая ему коническую форму на определенную длину. От окончания конического основания, плавными движениями лезвия ножа, с небольшим захватом древесины, постепенно и равномерно острагивая основное древко со всех сторон на всю длину, доводили его диаметр до нужных значений. Одновременно равномерно и постепенно доводили коническое основание до нужных размеров. Круглые отверстия на тонких торцах древков проворачивали сверлом-перкой, квадратные прорезали небольшой узкой стамеской с плоским лезвием.

Сохранившиеся на поверхностях предметов следы лезвий инструментов позволяют восстановить технико-технологический цикл заготовки и обработки материала. Основные деревообрабатывающие операции при заготовке стволов деревьев

Рис. 2. Комплекты шестиног из погребальной камеры кургана 4 могильника Пазырык скифского времени на Алтае в запасниках Государственного Эрмитажа г. Санкт-Петербург.

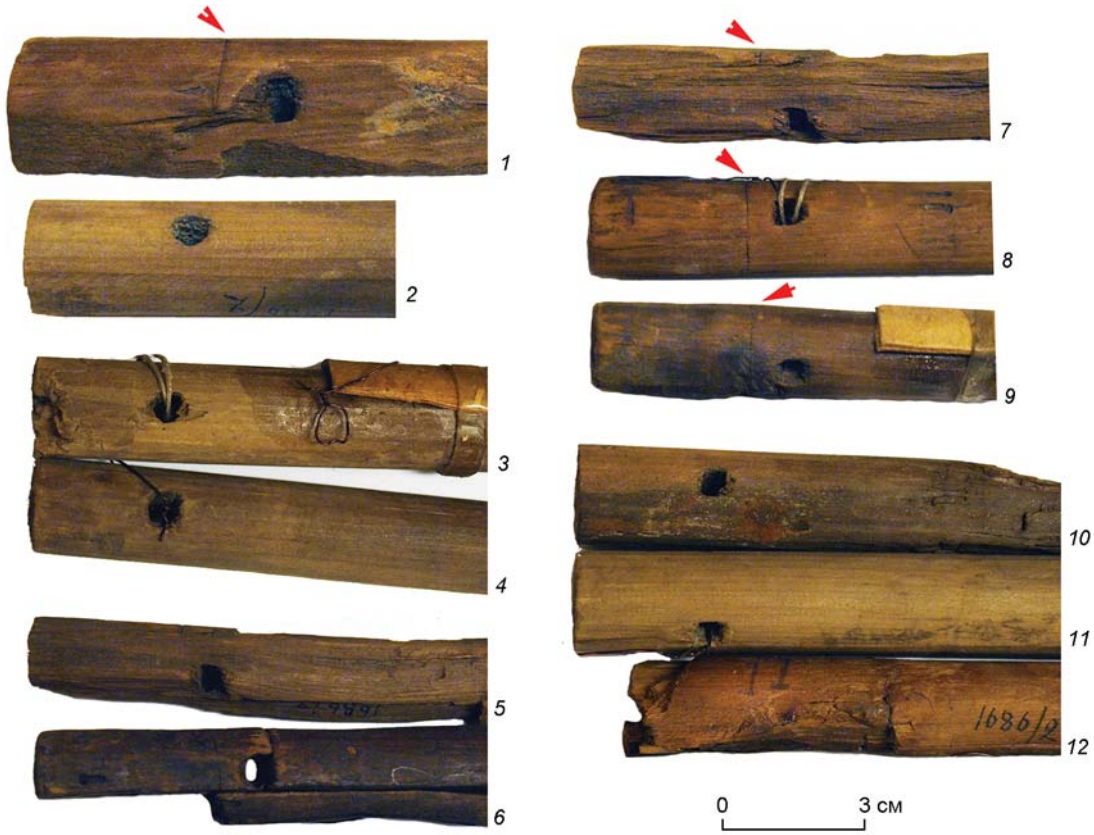

Рис 3. Верхние торцы древков шестиног.

1–6 – круглые сквозные отверстия; *7–12* – квадратные сквозные отверстия.

Рис. 4. Нижние окончания древков шестиног с коническими утолщениями.

1–3 – вид сверху; *4–7* – вид сбоку с торца.

и изготовлении заготовок для производства предметов – рубка, валка, отеска. Вторичные – стружение, сверление, долбление. Дополнительные – шкурение (заглаживание, полировка). Инструменты: топор (тесло), стамеска с узким прямым лезвием, сверло-перка, нож.

Шестиноги в погребальном обряде

Геродот в четвертой книге своих историй подробно описывает процедуры погребального и постпогребального ритуалов причерноморских скифов и высказывает свои соображения по поводу функ-

ционального назначения каркасов из трех вертикально установленных и связанных воедино вверху жердей для ритуальных процедур, покрытых сверху войлочными покрывалами. В связи с тем, что в этих описаниях содержатся сведения о конструкциях, подобных пазырыкским «шестиногам», есть необходимость привести полное описание всех особенностей, связанных с традициями и церемониями погребальных обрядов скифов Причерноморья, чтобы выявить аналогии или различия со сходными ритуалами носителей пазырыкской культуры скифского времени Алтая.

«73. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают, и затем промывают голову, а тело [очищают парной баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни.

74. В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лён, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лён. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготавливают из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит – льняные ли они или из конопли. А кто никогда не видел конопляной ткани, тот примет ее за льняную.

75. Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются» [Геродот, 1972, с. 73–75, 205, 521].

Современные исследователи разделяют точку зрения «отца древней истории», подтверждая, что после похорон скифской знати «под видом скифской бани» совершалось «шаманское радение с воплями и песнопениями и с воскурением конопли» [Курочкин, 1993, с. 30]. Несколькими годами позднее сведения и предположения о конструкции и функциональном назначении пазырыкских «шестиног» были подтверждены в ходе изучения традиций древней деревообработки: «... каркасы ритуальных походных домиков для «шаманских радений» [Мыльников, 1999, с. 20].

Геродот, при описании деревянных конструкций для очищения во время погребальных процессий или после них, приводит сведения о том, что у Причерноморских скифов эти устройства состояли из трех вертикально поставленных жердей, связанных верхними концами между собой. У «алтайских скифов», носителей пазырыкской культуры, их было в два раза больше, потому первооткрыватели окрестили их «шестиногами».

Всесторонний анализ этих артефактов из курганов Горного и Центрального Алтая скифского времени позволяет высказать несколько соображений по способам и приемам их изготовления и функциональному назначению. Поскольку наибольшая длина древков пазырыкских «шестиног» достигала 123 см, эта конструкция из шести древков могла быть только индивидуальной. Экспериментальные исследования показали, что в подготовленном для ритуалов каркасном устройстве из шести связанных между собой и раздвинутыми в стороны по кругу древков на диаметр 0,8–0,9 м для сидящего со скрещенными ногами человека среднего роста, высота составляла порядка 0,8–0,9 м. Одному человеку установить над собой такое устройство с шестью древками, подлезть под него даже в скорченном состоянии, накрыть каркас войлочным покрывалом, и поставить рядом с собой сосуд с раскаленными камнями, практически очень трудно, почти невозможно.

Вероятнее всего, скифский жрец («шаман»), совершая свой магический обряд, прибегал к помощи соотечественника. Помощник накрывал его сверху войлочной накидкой и подавал сосуд с раскаленными камнями. Служитель культа, сидя в позе лотоса, склонялся над сосудом, бросал на пышущие жаром камни зерна конопли или кориандра и вдыхал опьяняющие испарения этого злака. Со все ускоряющейся частотой он произносил слова молитвы или заклинания и, постепенно входя в экстаз, а затем в транс, «вопил от удовольствия», а скорее всего, от наркотического одурения.

Основываясь на новых данных современных исследований можно выдвинуть еще одно ценное не только функционально-ритуальное, но и бытовое назначение «шестиног» – *каркасы походных шатров для проведения медицинских процедур* по излечению простудных и иных заболеваний способом ингаляции легких и носоглотки парами целебных трав или зерен злаков. С большой долей вероятности можно предположить, что обнаруженные рядом с «шестиногами» сосуды округлой формы с маленькими ручками и прямоугольной с рукоятью, служили не только для «шаманских радений», но и для сжигания (воскурения) целебных трав или зерен кориандра, которые были найдены во 2-м Пазырыкском кургане, в кургане № 1 могильника Ак-Алаха 3 и имели широкое географическое и временное распространение [Руденко, 1953, с.96; Полосьмак, 2001, с. 69, рис. 48, с. 75–76]. Как известно плоды кориандра возбуждают аппетит, улучшают пищеварение, отток желчи при заболеваниях печени и желчного пузыря, применяются как отхаркивающее средство при просту-

де и болезнях легких и т. п. В народной медицине плоды кориандра применяли при заболеваниях желудочно-кишечного тракта и как противоглистное, их настой использовали для улучшения аппетита, как *болеутоляющее, противопростудное средство* [Крылов, 1972, с. 374–375].

Заключение

«Шестиноги» из курганов скифского времени в Центральном и Горном Алтае имеют технологическое и функциональное сходство с трехжердевыми каркасами «скифских бань» скифов Причерноморья. Исследователи разделяют точку зрения Геродота, имевшего возможность воочию ознакомиться с устройством этих конструкций и их функциональным назначением.

Алтайские, пазырыкские более сложны в изготовлении и совершенны по качеству. В их конструкциях в два раза больше деталей. Качество первичной и вторичной обработки материала свидетельствует о том, что фигурные древки шестиног изготавливали мастера-резчики по дереву, применяя не менее четырех видов инструментов: тесло, нож, шило-провертку, стамеску с плоским лезвием. Они изготовлены из заготовок молодых кедров. Материал выбран не случайно. Из кедра вырезаны все украшения коня и человека, найденные во всех курганах скифского времени на территории Горного и Центрального Алтая.

Кроме общепринятого функционального назначения «шестиног» в качестве «скифской бани» и шатра для «шаманских радений», мы предлагаем еще одно не менее актуальное в жизни кочевых племен – «медицинский шатер» для лечения простудных и иных заболеваний способом ингаляции.

Список литературы

Геродот. История в девяти книгах. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.

Крылов Г.В. Травы жизни и их искатели. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1972. – 447 с.

Курочкин Г.Н. Путешествие в преисподнюю: шаманские мистерии в глубинах скифского кургана // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Петербургский археологический сборник. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 27–31.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 220 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

References

Gerodot. Istoriya v devyati knigakh. Leningrad: Nauka, 1972, 600 p. (In Russ.).

Krylov G.V. Travy zhizni i ikh iskateli. Novosibirsk: Novosibirskoe knijnoe izdatelstvo, 1972, 447 p. (In Russ.).

Kurochkin G.N. Puteshestvie v preispodnyuyu: shamanskie misterii v glubinakh skifskogo kurgana. *Skify. Sarmaty. Slavyane. Rus'. Peterburgskii arkheologicheskii sbornik.* Sankt-Petersburg: Farn, 1993. P. 27–31. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, 220 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001, 336 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moskow; Leningrad.: Izdatelstvo AS USSR, 1953, 402 p. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moskow; Leningrad.: Izdatelstvo AS USSR, 1960, 359 p. (In Russ.).

Мыльников В.П. https://orcid.org/0000-0002-7532-9607

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0563-0574
УДК 903.3

В.П. Мыльников[1]✉, К.П. Родченко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
Email: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Варианты условной (виртуальной) реконструкции деревянных жилищ эпохи поздней бронзы на территории Западной Сибири

Статья посвящена анализу вариантов одного из видов реконструкций деревянных жилищ из исследованных поселений эпохи поздней бронзы на территории Западной Сибири. В публикациях, описывающих данную проблему, существует множество разновидностей реконструкций жилых и хозяйственных строений, выполненных из дерева, часто несмотря на полное отсутствие материала. Многие из этих вариантов имеют в основе своих построений схожие элементы основ домостроительных традиций, позволяющих объединить их в одну конкретную классификационную категорию – условную (виртуальную). В настоящее время в научной и справочной литературе все большее значение приобретают реконструкции, построенные с привлечением 3D методик и их разнообразных вариаций. Такие реконструкции дискуссионны и малоинформативны для проведения специальных технико-технологических исследований. В статье дана краткая характеристика поселений и жилищ носителей разных культур эпохи поздней бронзы лесостепной зоны Западной Сибири: ирменской, бархатовской, сузгунской. Проведен сравнительный анализ раскопочных планов котлованов и столбовых ямок жилищ. Реконструированы домостроительные традиции населения этого времени. Осуществлен краткий технико-технологический разбор существующих вариантов виртуальных реконструкций деревянных построек на основе анализа археологических материалов и привлечения аналогов этнографических данных. Выявлены виды планировок поселений, формы жилищ, количество камер в конкретной постройке. Представлены наиболее адекватные варианты условной реконструкции строений из дерева, обусловленные требованиями реальных плотницких домостроительных традиций и существующими в науке их классификациями. Установлен предполагаемый объем трудозатрат на строительство жилищ; воссоздан первоначальный облик наиболее репрезентативных построек.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, эпоха поздней бронзы, ирменская, бархатовская, сузгунская культуры, поселения, жилища из дерева, реконструкция.*

V.P. Mylnikov[1]✉, K.P. Rodchenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
Email: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Variants of Conventional (Virtual) Reconstruction of Wooden Dwellings of the Late Bronze Age in Western Siberia

This article analyzes the variants of a single type of reconstructing wooden dwellings from the explored sites of the Late Bronze Age in Western Siberia. The publications on this problem contain many types of reconstructions for residential and utility buildings made of wood, often despite a complete absence of evidence. Many of these variants are based on similar elements of basic house-building traditions, which makes it possible to combine them into specific classification category of conventional (virtual) reconstruction. Currently, in scholarly and referential literature, reconstructions made using 3D methods and their variations have become increasingly important, although such reconstructions are debatable and uninformative for

conducting specialized technical and technological research. The article provides brief description of settlements and dwellings left by the carriers of different cultures of the Late Bronze Age in the forest-steppe of Western Siberia, including the Irmen, Barkhatov, and Suzgun cultures. Comparative analysis of ground plans of ditches and post pits remaining from dwellings, as well as house-building traditions of the population living in this time is provided. Brief technical and technological analysis of the available options for virtual reconstruction of wooden buildings is carried out using analysis of archaeological evidence and parallels in ethnographic data. Types of settlement layouts, forms of dwellings, and number of chambers in a particular building have been identified. The most adequate variants of conventional reconstruction of wooden buildings derived from the requirements of actual carpentry in house-building traditions and their available scholarly classifications are presented. The estimated volume of labor costs for constructing dwellings is established; original appearance of the most representative buildings is recreated.

Keywords: *Western Siberia, Late Bronze Age, Irmen, Barkhatov, Suzgun cultures, settlements, wooden dwellings, reconstruction.*

Введение

Жилище – один из главных элементов традиционной материальной культуры и яркий показатель уровня развития общества. Реконструкции сооружений древних цивилизаций интересны не только сами по себе, но и важны для выделения типов построек в рамках археологических культур и выявления эволюции форм жилой среды на протяжении длительного периода.

Древние поселения лесостепной зоны Западной Сибири вплоть до конца 1940-х – начала 1950-х гг. в силу объективных причин изучались недостаточно подробно. Вероятно, эти же причины влияли и на детальное, с привлечением междисциплинарных подходов, изучение конкретного жилища как составной части поселения. Сказывалось и то, что в археологии погребальные комплексы всегда привлекали наибольшее внимание в силу своих специфических черт.

Положение с изучением жилищ бронзового века принципиально изменилось после того, как в 1950–1980-е гг. начались систематические археологические работы в западносибирской лесостепи [Очерки культурогенеза…, 1994]. Нередко у исследователей при изучении остатков сооружений возникала проблема их дальнейшей реконструкции. Она была обусловлена рядом причин как объективного (информативная скудность источника, слабый уровень методической базы и т.д.), так и субъективного характера (большая вариативность реконструктивных моделей по причине субъективных подходов) и, как следствие, невозможность построения убедительной и аргументированной системы доказательств [Медведев, Несмеянов, 1988].

Для воссоздания внешнего вида построек исследователи использовали различные методики. Довольно часто они применяли *метод условных реконструкций*, когда воссоздание внешнего вида деревянного жилища дается при полном отсутствии дерева и его остатков [Мыльников, 2006, с. 63–69; 2008, с. 22–26; 2014, с. 57–59]. Следует признать, что к нему и к его целям у исследователей существует неоднозначный подход. Одни авторы просто представляют в публикациях приблизительную и умозрительную реконструкцию внешнего вида жилища (поселения, укрепления), причем не обязательно в графической форме, иногда ограничиваются описательной. В такой реконструкции отсутствует доказательность и доминирует «кажимость», не детализированы конструктивные узлы, отсутствует их соотнесение с возможными орудиями труда, нет расчета трудоемкости и т.д. Другие исследователи делают подробное описание этапов реконструкции; доскональное описание вероятной конструкции, в том числе важных конструктивных узлов; вариант внутреннего интерьера и т.д. [Васильев, 2000, с. 73]. В отличие от описательных реконструкций, которые даны во многих публикациях [Матющенко, 1974; Троицкая, 1974; Молодин, Чемякина, 1984; Молодин, 1985; Матвеев, 1993 и др.], графических реконструкций жилищ эпохи поздней бронзы на территории лесостепной зоны Западной Сибири известно немного [Матвеев, Сидоров, 1985; Очерки культурогенеза…, 1994; Троицкая, 2004; Матвеев, 2009].

В 1985 г. в сборнике «Западная Сибирь в древности и средневековье» опубликована статья об ирменских поселениях в Новосибирском Приобье, написанная А.В. Матвеевым и Е.А. Сидоровым, в которой исследователи представили графическую реконструкцию ирменского жилища поселения Быстровка 4 [Матвеев, Сидоров, 1985]. Выполненная ими реконструкция позднее использовалась в «Очерках культурогенеза народов Западной Сибири» [Очерки культурогенеза…, 1994] и в учебном пособии «Археология Западно-Сибирской равнины» [Троицкая, 2004]. В 2009 г. вышла монография, посвященная бархатовской культуре, в которой А.В. Матвеев и О.М. Аношко представили графическую реконструкцию жилища 8 селища Щетково-2 [Матвеев, 2009].

Очень редко исследователи применяют метод физического моделирования. Неотъемлемой частью его является технологический эксперимент, суть которого заключается в воссоздании моделей древних объектов или процессов с возможностью применения современных методов и средств. Его главная задача – воплотить предположения в реальный объект или отдельный узел с целью апробации последних для последующего уровня реконструкции [Васильев, 2000, с. 74]. На материалах источников Западной Сибири примером технологического эксперимента являются исследования И.Г. Глушкова по реконструкции и моделированию неолитического жилища по материалам поселения Чилимка V [Глушков, 1992]. Технологический эксперимент, как метод воссоздания древних объектов, в свою очередь, является ступенью на пути к «тотальному» полевому эксперименту, когда соблюдаются все параметры и условия реконструкции всего процесса древнего производства (технология, орудия труда, материал и т.д.).

В отечественной археологии имеется очень незначительное количество попыток масштабных реконструкций. Примеры создания древних построек в натуральную величину известны у В.И. Молодина и И.Г. Глушкова [Молодин, Глушков, 1989] и В.Г. Васильева [Васильев, 2000].

Иногда исследователи воссоздают облик построек с помощью данных, имеющихся в этнографии, или используют такой прием как реконструкция по аналогии [Грязнов, 1953; 1956; 1965, с. 99]. Минус таких реконструкций заключается в том, что они не предполагают археологического, источниковедческого доказательства. Такую же информацию несет и метод масштабного макетирования на макете в масштабе 1:25 [Грязнов, 1965, с. 99–102].

В настоящее время у исследователей при реконструкции внешнего вида сооружений получает все большее распространение применение компьютерных (по сути тех же виртуальных) технологий. Освоение этих технологий (*3D моделирование*) может быть оправдано тем, что они в какой-то степени дают возможность компенсировать недостаток средств для создания реальных экспериментальных реконструкций, предоставляют возможность показать реконструированный объект в разных проекциях и ракурсах, снаружи и изнутри, а также акцентировать внимание на определенных деталях [Жеребятьев, 2008; Бородкин, Жеребятьев, 2012а, с. 59; Бородкин, Жеребятьев, 2012б, с. 23–24; Румянцев и др., 2011, с. 62–77]. В результате исследования поселений на территории Западной Сибири, уральскими специалистами была выполнена *виртуальная реконструкция жилищ* поселения Быстрый Кульеган 66 [Поселение Быстрый Кульеган…, 2006]. *Компьютерные трехмерные реконструкции жилищ* представлены также в монографии, посвященной исследованию городища переходного этапа от бронзы к железу Чича 1 [Чича…, 2009]. Однако, созданные в окончательном варианте при помощи специальных компьютерных программ после обработки десятков серий фотографий предмета с разных ракурсов, или тем более графических реконструкций, такие модели не содержат объективной масштабной информации об истинной форме и размерах изучаемого артефакта, особенностей и традиций обработки дерева при монтаже деревянного каркаса жилища.

Таким образом, современные исследователи обладают довольно широким набором методов воссоздания древних сооружений, однако *объективные верифицируемые методы* привлекаются не в полной мере. Если метод условных, виртуальных графических реконструкций применяется достаточно часто, то метод физического моделирования с технологическим экспериментом – очень редко.

И самое главное – для специалистов по деревообработке подавляющее большинство привлекаемых методов виртуальной реконструкции не дают реального представления об истинных верифицируемых домостроительных традициях, так как все они построены на исследовании не реальных артефактов со следами обработки, а на предполагаемых источниках.

Результаты исследования

В данной работе предложены варианты комплексной графической реконструкции доступных для изучения жилищ трех разных культур эпохи поздней бронзы Западной Сибири (ирменской, бархатовской, сузгунской). Они построены на результатах анализа источниковой базы из 28 исследованных поселений, включающих опубликованные материалы 34 жилищ ирменской, 33 жилищ бархатовской, 7 жилищ сузгунской культур, относящихся к обозначенным территориальным и хронологическим рамкам [Родченко, 2014а; 2014б].

Реконструкции выполнены в основном на анализе параметров столбовых ям, их архитектурного характера расположения в котлованах жилищ, а так же данных по домостроительным традициям, воссозданным на основе технико-технологического изучения вторичных признаков деревообработки при полном отсутствии материала на исследуемом поселении [Мыльников, 2008, с. 16, 22–26].

Ирменская культура. Для большинства построек характерна локализация столбовых ям

вдоль стенок по внешнему и внутреннему периметру котлованов, в центральной части и у входа. Анализ их расположения позволяет предположить наличие как каркасно-столбовой, так и срубной конструкции.

Сооружение 5 поселения Быстровка 4 – это остатки рухнувшей засыпки перекрытия постройки [Матвеев, 1993, с. 43–44]. Оно имело подквадратную форму, размерами 15 × 13,5 м площадью немногим более 200 м^2. Котлован неглубокий – 0,2–0,3 м. Лишь три стенки жилого сооружения были углублены в землю. Четвертая (северо-восточная) стенка котлована оставалась открытой. Предполагалось, что здесь находился вход в помещение. Местами в жилище сохранились следы глиняной обмазки пола [Там же, с. 61]. В полу жилища 5 обнаружено около 60 углублений различных форм и размеров. Примерно 40 из них предположительно являлись ямками от столбов бревенчатого каркаса постройки. Их диаметр в среднем составлял 20–30 см. Лишь одна яма, содержавшая остатки нижней части сгоревшего столба, достигала в диаметре 45 см. Глубина столбовых ямок колебалась от 15 до 50 см, однако преобладали ямки глубиной от 20 до 30 см. Несколько ям обнаружено и за пределами жилища.

Предполагалось, что основу каркасно-столбовой постройки 5 составляли четыре столба, вкопанные по углам центральной площадки. Соединяющие их сверху балки образовывали прямоугольную раму. Боковая часть каркаса формировалась путем соединения углов рамы с опорами, стоявшими около стенок котлована [Матвеев, Сидоров, 1985, с. 32]. Подобная система возведения постройки, но только менее четко, прослеживается и в других жилищах данного типа [Там же, 1985, с. 37–40]. Для строительства стен каркасно-столбовых построек население ирменской культуры применяло такую технику как «заплот». При раскопках данных жилищ между столбовыми ямками, идущими по краю котлована, удалось зафиксировать остатки сгоревших лежавших горизонтально бревен. Кровля больших каркасно-столбовых построек, по мнению А.В. Матвеева и Е.А. Сидорова, была довольно сложной [Матвеев, Сидоров, 1985, с. 41]. На малых постройках данного типа могли возводить и двускатные крыши.

Восстановить первоначальную конструкцию остова каркасно-столбового сооружения 5 возможно по расположению столбовых ямок на полу исследуемого жилища (рис. 1, *1*). Их расположение по площади раскопанного жилища подчинено определенной системе. Один ряд ямок проходит по периметру котлована вдоль трех его стенок. Вдоль четвертой, северо-восточной, остававшейся открытой, этот ряд не прослеживался. Не тронутую эксплуатацией площадку в центре жилища оконтуривают два ряда столбовых ямок. Анализ их расположения, формы и конфигурации позволяет предположительно реконструировать подквадратный каркас в центре жилища, основу которого составляли четыре столба, вкопанные по углам площадки. Сверху на столбы укладывались балки, которые образовывали прямоугольную раму размерами около 6 × 3,5 м. Боковые части центрального каркаса образовывались путем соединения концов балок с опорами. От углов центрального каркаса, который был, вероятно, выше стен, к углам стен жилища и от центров балок к центрам стен были проложены основные наклонные матицы для поддержания настила перекрытия крыши.

Стены данной постройки могли сооружаться в виде «заплота» (заклада). Диаметр опорных столбов позволял проделывать в них пазы, в которые бы вставлялись концы горизонтально укладываемых бревен. Учитывая большую площадь постройки, можно предположить, что участки кровли над центральной и боковыми частями сооружались раздельно и были независимы друг от друга. При такой конструкции каркаса, перекрытие центральной части чаще всего было плоским, то есть на балки, которые образовывали прямоугольную раму в центре, горизонтально укладывались бревна и перекрывающий настил на них. В отличие от перекрытия центральной части, кровля над оставшейся частью жилища, скорее всего, была наклонной четырехскатной, что обеспечивалось за счет разной высоты между столбами, расположенными в центре, и столбами, расположенными по периметру котлована жилища. Таким образом, крыша сооружения 5 могла иметь усеченно-пирамидальную форму. Предполагать наличие плоской крыши над всей площадью такого большого сооружения в условиях Новосибирского Приобья, где за год выпадает довольно большое количество осадков, по-видимому, нет оснований.

Для примерного и относительно грубого расчета трудозатрат, необходимых для возведения подобного жилища, нами были использованы современные нормативные данные, ориентированные на применение ручных железных орудий [Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1991]. Произведенные расчеты показывают, что коллективу из пяти человек на возведение такой постройки потребовалось бы более 500 человеко-часов, т.е. около шести недель, если протяженность рабочего дня составляла 12 часов. Если предположить, что в строительстве участвовали десять мужчин и более, то результаты окажутся иными (табл. 1). Трудозатраты на устройство кровли включают такие операции,

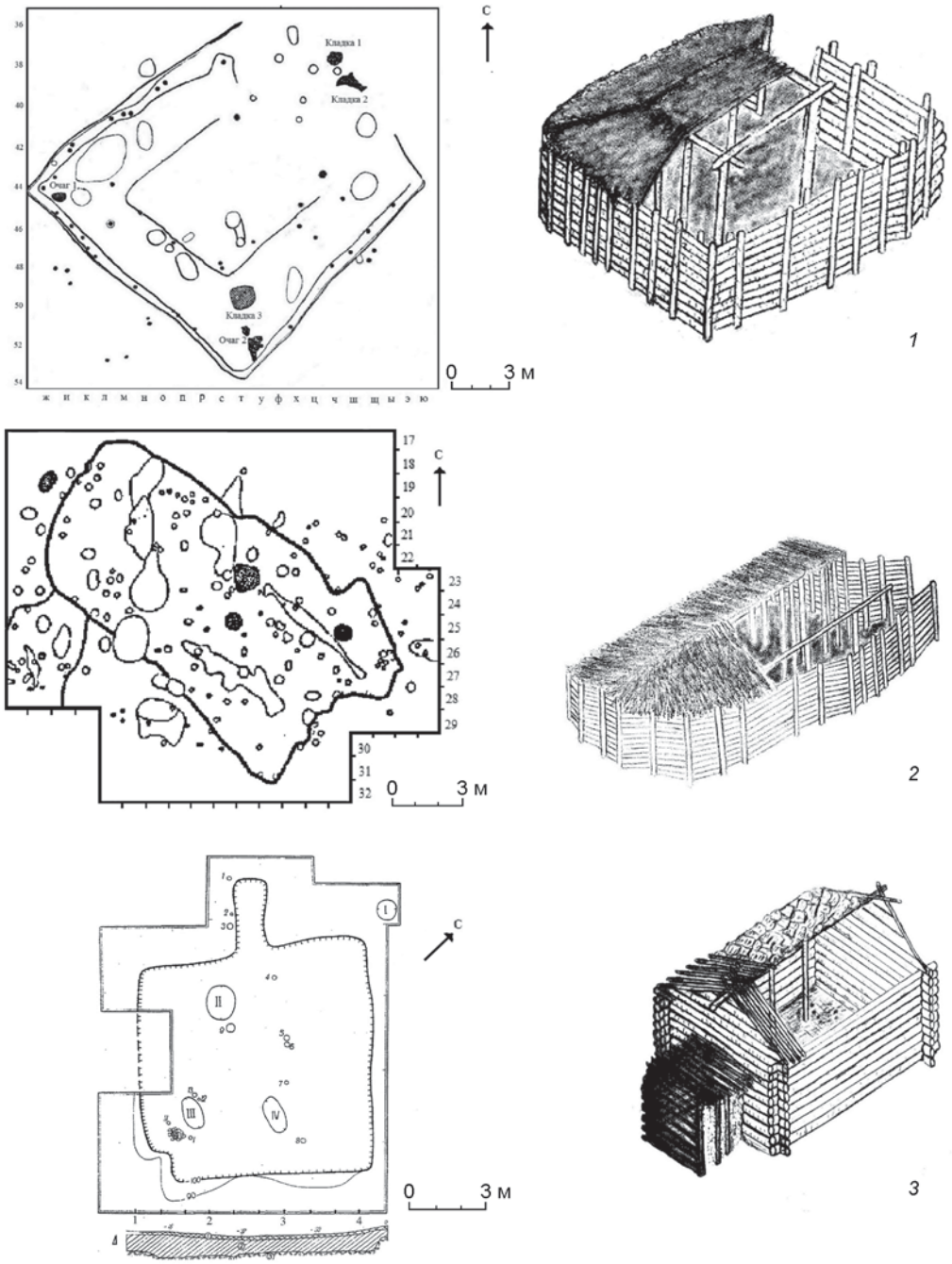

Рис. 1. Раскопочные планы и графическая реконструкция жилищ.

1 – Ирменская культура. Поселение Быстровка 4, сооружение 5; *2* – Бархатовская культура. Поселение Щетково 2, сооружение 3; *3* – Сузгунская культура. Поселение Прорва, сооружение 1.

как подъем и укладка балок на стены, изготовление врубок в опорных стойках стен и на концах балок, шипов на концах бревен, укладка наката по брускам балок и засыпка перекрытия землей [Берлина, Чикунова, 2003, с. 47; Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1991].

Срубные постройки ирменской культуры исследованы на поселении Ирмень 1, Милованово 3, Быстровка 4, Красный Яр 1 и Умна 1. По мнению ряда исследователей, крыша у таких сооружений была суживающимся кверху бревенчатым срубом, сложенным наподобие пирамиды. Сверху такой пирамидальный сруб мог быть завален землей [Грязнов, 1956, с. 39; Матвеев, Сидоров, 1985, с. 48; Троицкая, 2004, с. 49].

Бархатовская культура. В 1998–2001 гг. под руководством А.В. Матвеева было исследовано селище бронзового века Щетково 2 – часть единого поселенческого комплекса [Матвеев, 2009, с. 86; Матвеев, Аношко, Измер, 2001; Матвеев,

Таблица 1. **Расчет трудозатрат на строительство сооружения 5 поселения Быстровка 4***

Вид работ	Параметры	Норма времени*	Объем трудозатрат (в часах)		
			5 чел.	10 чел.	15 чел.
Выкапывание котлована	S пола – 202,5 м^2 V грунта – 60,75 м^3	1 чел.:1 м^3 × 1,3 ч	15,8	7,9	5,26
Рубка стен	S стен – 114 м^2	5 чел.:1 м^2 × 2,8 ч	403,2	201,6	134,4
Возведение кровли:	S кровли – 202,5 м^2				
укладка балок		2 чел.: 1 м^2 × 0,115 ч	9,3	4,65	3,1
укладка наката		3 чел.: 1 м^2 × 0,5 ч	60,9	30,4	20,25
засыпка грунтом (толщиной 20 см)		4 чел.: 1 м^2 × 0,125 ч	20,25	10,1	6,75
Всего			90,45	45,15	30,1
Итого			509,45	254,65	169,76

*Подготовлено по: [Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1992].

Аношко, Измер, 2002]. В ходе работ на площади раскопа 3 были обнаружены остатки не менее чем семи построек бархатовской культуры и огромное количество ям на межжилищном пространстве. На уровне пола зафиксированы столбовые ямы и ямы хозяйственного назначения [Матвеев, 2009, с. 107–108].

Как показывает анализ расположения, глубины и наклона столбовых ям, для всех *бархатовских сооружений* характерна каркасно-столбовая конструкция стен. Наличие центральной опорной конструкции в некоторых из них, состоявшей из вертикальных столбов и горизонтальной рамы, свидетельствует о сооружении над такими жилищами усеченно-пирамидальной кровли из жердей или тонких бревен. Исследователи предполагают, что бархатовским населением сооружались и двускатные крыши [Матвеева, Аношко, 2002]. При возведении стен в сооружении 8 поселения Щетково 2, скорее всего, использовался горизонтальный заклад, когда пространство между столбами заполнялось рядами бревен, закрепленных в выдолбленных пазах. Такой способ не предъявлял жестких требований к прямоугольной форме построек, чем, видимо, и следует объяснять неправильные очертания некоторых котлованов на селищах Заводоуковское 10 и Щетково 2 [Матвеев, 2009, с. 208].

К числу строений бархатовской культуры относилось и исследованное в 1999 г. сооружение 3, несомненно, имевшее жилой характер. Данное сооружение имело подпрямоугольный котлован размерами 15 × 7,5 м, площадью около 120 м², углубленный в материк на 0,08–0,16 м и ориентированный с юго-востока на северо-запад [Там же, с. 107–108]. Восстановить конструкцию остова данного каркасно-столбового сооружения и, прежде всего, устройство стен и форму крыши в плане возможно по анализу расположения столбовых ям на полу исследуемого жилища. Система столбовых ям прослеживается по периметру котлована. По внешнему и внутреннему периметру котлована проходит не менее 30 ям на определенном расстоянии друг от друга. Они являются остатками столбов, составлявших основу стен и поддерживавших на себе каркас крыши. Для дополнительного поддержания крыши использовались и столбы, сосредоточенные во внутренней части сооружения, от которых остались лишь ямы. Поэтому данную постройку можно интерпретировать как каркасно-столбовую (рис. 1, *2*). При каркасно-столбовой конструкции оптимальным и распространенным способом возведения стен является горизонтальный заклад, когда пространство между столбами заполняется рядами бревен с отесанными торцами, закрепленными в выдолбленных пазах [Матвеев, 2009, с. 208]. Не исключено, что стены жилища возводились и с помощью такой техники как плетень. При таком способе стены создавались с помощью вертикального или горизонтального плетения тонких жердей вокруг основы – вертикальных столбов-стояков либо трех–четырех толстых жердей, горизонтально присоединенных к столбам-опорам. Такие плетневые стены обычно обмазывали глиной с двух сторон для придания прочности и теплоемкости конструкции [Ганцкая, 1967, с. 174–175].

Вдоль всей площади сооружения, посередине котлована были расположены четырнадцать столбовых ям. Расположение на одной линии практически посередине постройки данных столбовых ям, в которых находились опорные столбы, косвенно свидетельствует о том, что перекрытие было двускатным. На концы таких вертикальных опор укладывалась балка, которая способствовала поддержанию крыши. Поскольку расстояние между коньковой балкой и верхними венцами стен при двускатной крыше больше, под балку, поддерживавшую настил крыши, устанавливались дополнительные ряды столбов для поддержки всей кров-

ли. Один из таких рядов был расположен ближе к концу котлована, и от него осталось шесть столбовых ям. От второго ряда – семь. Возможно, что столбы, от которых остались столбовые ямы, расположенные в бессистемном по всей территории постройки виде, также использовалась для поддержания крыши, вероятно, какая-то часть из них была поставлена позже, уже при дальнейшем ремонте жилища. Характер и толщина утепления зависели от того, какую нагрузку могла выдержать конструкция крыши (рис. 2). При этом максимальную нагрузку испытывала балка каркаса кровли, имевшая наибольшую длину [Берлина, Филисюк, 2004, с. 69–70].

Произведенные расчеты показывают, что коллективу из пяти человек на возведение такой постройки потребовалось бы более 300 человеко-часов, т.е. более трех недель, если протяженность рабочего дня составляла 12 часов [Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1991] (табл. 2).

Сузгунская культура, сооружение 1 поселения Прорва. Памятник находится в устье р. Тары (правый приток Иртыша) в 1,5 км к северо-западу от д. Усть-Тара Тарского района Омской области. Поселение расположено на участке левобережного мыса р. Прорвы, впадающей справа в р. Тару [Евдокимов, Стефанов, 1980, с. 41]. В раскопе II (124 м^2) были исследованы остатки жилой постройки подквадратной формы [Там же, с. 41]. Наиболее четкими очертания ее были на глубине 1 м. На этом уровне котлован жилища имел длину 9,6 и ширину 9,3 м. был углублен в материк на 0,35–0,5 м. Северо-западная стенка в средней части прорезана коридорообразным выступом длиной 3 м, шириной 1,5 м, обращенным в сторону реки на северо-запад. Здесь находился вход в жилище. С конструкцией входа связаны три столбовые ямки глубиной около 0,1 м, располагавшиеся вдоль левой стенки коридорообразного выступа с внешней стороны. На полу жилища зафиксиро-

Рис. 2. Этнографическое каркасно-столбовое жилище на Алтае.
1 – стена жилища и крыша; *2–3* – варианты наклонной крыши.

Таблица 2. **Расчет трудозатрат на строительство сооружения 3 поселения Щетково 2***

Вид работ	Параметры	Норма времени*	Объем трудозатрат (в часах)		
			5 чел.	10 чел.	15 чел.
Выкапывание котлована	S пола – 112,5 м^2 V грунта – 18 м^3	1 чел.:1 м^3 × 1,3 ч	4,68	2,34	1,56
Рубка стен	S стен – 90 м^2	5 чел.:1 м^2 × 2,8 ч	252	126	84
Возведение кровли:	S кровли – 112,5 м^2				
укладка балок		2 чел.: 1 м^2 × 0,115 ч	5,17	2,58	1,72
укладка наката		3 чел.: 1 м^2 × 0,5 ч	33,88	16,89	11,25
засыпка грунтом (толщиной 8 см)		4 чел.: 1 м^2 × 0,125 ч	11,24	5,62	3,74
Всего			50,29	25,09	16,71
Итого			306,97	153,43	102,27

*Подготовлено по: [Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1992].

ваны еще 10 ямок от столбов, пять из которых (4–8) тянулись цепочкой почти посередине котлована, две (10, 11) группировались возле очага. Все столбовые ямки имели небольшие размеры – диаметр 0,8–0,11 м, глубина – до 0,16 м [Евдокимов, Стефанов, 1980, с. 41–43]. Четкий, ровный контур котлована, немногочисленность и характерное расположение ямок свидетельствуют в пользу того, что это была срубная постройка (рис. 1, *3*).

Для монтажа (рубки) срубных сооружений характерным является использование замковых угловых сопряжений, т.е. использование неподвижной (жесткой) вязки бревенчатой конструкции, под которой в плотницком деле понимается соединение под прямым углом концов бревен в венцах срубов. Такая жесткая вязка производится при помощи «врубок», или замков, представляющих собой углубления и пазы различной формы и глубины [Мыльников, 2008, с. 15]. Замковые угловые сопряжения подразделяются на «замок с двусторонним остатком» (концы бревен сруба со всех сторон выходят за его пределы); «замок с односторонним остатком» (концы бревен с одной из сторон сруба – продольной или поперечной – выходят за его пределы); «замок без остатка» (концы бревен не выходят за пределы сруба) [Там же, с. 16]. Поскольку не осталось никаких фрагментов деревянной конструкции, сложно сказать, какой конкретный вид замкового углового сопряжения использовался древними строителями. Исследователями установлено, что в основе канонов изготовления погребальных сооружений лежат традиции домостроительства. Однако точное представление об угловых сопряжениях жилых построек не могут дать и немногочисленные могильные (или внутримогильные) конструкции плохой сохранности в сузгунских погребениях. Тем не менее, маловероятным кажется использование строителями трудоемкой и непрактичной вязки бревен без остатка «в лапу» («ласточкин хвост»). При такой вязке получались трудно устранимые замковые и межвенцовые щели. Чаще строителями применялась угловая вязка бревен с двусторонним остатком – рубка замков без просвета на глубину в полбревна: («в обло», «в угол», «в чашу», «в охлуп»). Такой способ придавал прочность стенам и позволял лучше сохранять тепло в доме. Логично предположить, что сузгунскими строителями был также использован один из видов замков с двусторонним остатком.

Крыша срубной постройки могла быть нескольких типов: плоской бревенчатой, двускатной, если существовало перекрытие потолка. В любом случае крыша своими концами опиралась на верхние бревна сруба. В пяти столбовых ямах (4–8), тянувшихся цепочкой вдоль осевой линии котлована, по всей вероятности располагались вертикальные опоры, которые поддерживали длинную горизонтальную балку (конек), на которую опирались наклонные бревна крыши. Затруднительно сказать, какой способ утепления кровли использовался сузгунскими строителями. Возможно, пространство между наклонными бревнами застилалось жердями, ветками, а береста и трава, как утеплители, могли настилаться поверх жердей. Характер и толщина утепления зависели от того, какую нагрузку могла выдержать конструкция крыши.

Произведенные расчеты показывают, что коллективу из пяти человек на возведение такой постройки потребовалось бы около 290 человекочасов, т.е. более трех недель, если протяженность рабочего дня составляла 12 часов. В данном случае площадь двускатной крыши приблизительно соответствует 94 м^2. В результате на сооружение перекрытия пяти рабочим нужно почти 3 дня протяженностью 12 ч., а десяти строителям необходимо 16,27 человеко-часов или меньше 2 рабочих дней. Таким образом, учитывая все вышеизложенные допущения, предположим, что коллектив, состоящий из десяти взрослых мужчин, мог построить рассматриваемое жилище всего за две недели протяженностью каждого дня 12 часов [Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1991] (табл. 3).

Таблица 3. **Расчет трудозатрат на строительство сооружения 1 поселения Прорва***

Вид работ	Параметры	Норма времени*	Объем трудозатрат (в часах)		
			5 чел.	10 чел.	15 чел.
Выкапывание котлована	S пола – 94 м^2 V грунта – 47 м^3	1 чел.:1 м^3 × 1,3 ч	12,22	6,11	4,07
Рубка стен	S стен – 88 м^2	5 чел.:1 м^2 × 2,8 ч	246,4	123,2	82,13
Возведение кровли:	S кровли – 94 м^2				
укладка балок		2 чел.: 1 м^2 × 0,115 ч	4,32	2,16	1,44
укладка наката		3 чел.: 1 м^2 × 0,5 ч	28,31	14,11	9,4
Всего			32, 63	16,27	10,84
Итого			291,25	145,58	97,04

*Подготовлено по: [Строительно-монтажные работы…, 1983; СНиП, 1992].

Население сузгунской культуры наряду с каркасно-столбовыми возводили и срубные конструкции [Молодин, Чемякина, 1984, с. 40–44; Молодин, 1985, с. 155–153].

Заключение

Поселения и жилища всегда были для древнего человека тем местом, в котором он был защищен от негативного воздействия окружающей природной и социальной среды. На облик поселений и жилищ оказывали влияние такие факторы, как природно-географические условия мест проживания (расположение построек относительно природной возвышенности и водоемов, господствующих ветров; уровень грунтовых вод, ориентировка жилищ и др.). На размеры и планировку жилищ влияли социальный и демографический факторы, а также характер трудовой деятельности и тип хозяйства.

Планировку бархатовских, сузгунских и ирменских поселков можно охарактеризовать в самом общем виде. Восстановлению планировки поселений препятствует ряд объективных причин: многослойность памятников, современная хозяйственная деятельность человека, отсутствие полностью раскопанных памятников и сильная разрушенность многих из них. На бархатовских поселениях встречается как *бессистемная* (селище Щетково-2), так и *упорядоченная* структура поселений (селище Заводоуковское-10, имевшее круговую планировку). Довольно часто *без видимой системы* располагались постройки ирменской культуры, обычно очень плотно друг к другу. Сузгунские постройки могли размещаться в один ряд, как правило, вытянутый вдоль края террасы, т.е. имели *линейную* планировку (Усть-Китерьма 4, Новочекино-3).

Сравнительный анализ жилищ эпохи поздней бронзы позволяет сделать вывод о том, что для всех трех культур (ирменской, бархатовской и сузгунской) характерна однокамерность построек (около 88 % – в бархатовской культуре, около 94 % – в ирменской культуре, все постройки сузгунской культуры). Подпрямоугольную форму котлована и коридорообразное устройство входа имели около 60 % построек в бархатовской культуре, около 60 % – в ирменской культуре, около 70 % – в сузгунской культуре. В бархатовской культуре зафиксированы также двух- (9 %) и трехкамерные (3 %) постройки, а в ирменской культуре – двух- (3 %) и четырехкамерные (3 %). Во всех трех культурах доминирует слабая углубленность котлована (в бархатовской культуре – около 55 %, в ирменской – около 40 %, в сузгунской – около 85 %). Однако в отличие от бархатовской культуры, в ирменской довольно много и сильно углубленных сооружений (30 %). Что касается площади, то в бархатовской культуре доминировали средние (от 25 до 100 м^2) постройки (около 60 %), в ирменской культуре – большие (от 120 м^2) постройки (около 58 %), в сузгунской – средние (до 90 м^2) сооружения (50 %). Во всех трех культурах доминирует однокамерность построек, *подпрямоугольная форма и слабая углубленность котлована*, коридорообразное устройство входа.

Технико-технологический анализ показал, что постройки ирменской и сузгунской культуры могли иметь как каркасно-столбовую, так и срубную конструкцию, сооружения бархатовской культуры имели каркасно-столбовую конструкцию.

Изучение планов жилищ эпохи поздней бронзы лесостепной и предтаежной зоны Западной Сибири позволило графически реконструировать несколько сооружений. По результатам исследования источников нами был воссоздан облик сооружения 5 поселения Быстровка 4 ирменской культуры, сооружения 3 селища Щетково 2 бархатовской культуры, сооружение 1 поселения Прорва сузгунской культуры.

Использованные нами подходы и методы изучения источников для воссоздания первоначального облика жилищ периода поздней бронзы лесостепной зоны Западной Сибири, показали свою значимость и позволили выполнить поставленные цели и задачи. Получена дополнительная информация для решения проблем домостроительства в эпоху бронзы лесостепной зоны Западной Сибири.

Список литературы

Берлина С.В., Филисюк В.Г. К проблеме реконструкции кровли древних полуземляночных жилищ (по материалам жилищ саргатской культуры) // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2004. – Вып. 5. – С. 67–73.

Берлина С.В., Чикунова И.Ю. Особенности домостроительства саргатских племен (по материалам Рафайловского комплекса) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 45–48.

Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И. Технологии 3D моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2012а. –№ 2. – С. 58–67.

Бородкин Л.И., Жеребятьев Д.И. Современные тенденции в разработке виртуальных реконструкций объектов историко-культурного наследия: международный опыт // Виртуальная реконструкция историко-культурно-

го наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса: сб. науч. ст. – Красноярск: СФУ, 2012б. – С. 10–30.

Васильев В.Г. Экспериментальное моделирование археологических жилищ (по материалам памятников неолита – бронзы таежной зоны Среднего Приобья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сургут, 2000. – 199 с.

Ганцкая О.А. Строительная техника русских крестьян // Русские. Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1967. – С.166–190.

Глушков И.Г. Реконструкция и моделирование неолитического жилища (по материалам поселения Чилимка V) // Экспериментальная археология. – 1992. – Вып. 2.– С. 18–34.

Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону // КСИИМК. – 1953. – Вып. 50. – С. 137–148.

Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. – 1956. – Вып.64. – С. 27-42.

Грязнов М.П. О кельтеминарском доме // Новое в археологии. МИА. – 1965. – № 130. – С. 99–102.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1980. – С. 41–52.

Жеребятьев Д.И. Применение технологий интерактивного трехмерного моделирования для восстановления утраченных памятников истории и архитектуры (на примере Тамбовской крепости) // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике. Труды X конференции Ассоциации «История и компьютер». – М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. – С. 321–342.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1993. – 180 с.

Матвеев А.В. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура / А.В. Матвеев, О.М. Аношко – Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. – 416 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково 2 в Ингальской долине // ВААЭ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. – Вып. 3. – С. 213–217.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Хроностратиграфические комплексы позднебронзового поселения Щетково 2 в Ингальской долине // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных регионов: Материалы научного семинара. – Тюмень, 2002. – С. 78–83.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения лесостепного Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень, 1985. – С. 29–89.

Матвеева Н.П., Аношко О.М. Бархатовский комплекс Коловского городища // Вестник Тюменского гос. ун-та – Тюмень, 2002. – Вып. 2. – С. 11–22.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 12. – 196 с.

Медведев Г.И., Несмеянов С.А. Типизация культурных отложений и местонахождений каменного века // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 113–142.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 126 с.

Молодин В.И. Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье / В.И. Молодин, И.Г. Глушков. – Новосибирск, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Алт. ун-т, 1984. – С. 40–63.

Мыльников В.П. Полевое и камеральное изучение археологических деревянных предметов (по материалам погребальных памятников**).** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 200 с.

Мыльников В.П. Древняя деревообработка (методика изучения погребальных конструкций): Учеб.-метод. пособие / НГУ ИАЭТ. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. – 106 с.

Мыльников В.П. Изучение археологических деревянных предметов (погребальные памятники Алтая и сопредельных территорий). Сер. Методика полевых археологических исследований. Вып. 8. М.: ИА РАН, 2014. – 160 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. – Томск, 1994. – Том 1. – Кн. 1. – 485 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Л.Л. Косинская, В.В. Занина, Е.Н. Дубровцева, Ю.М. Баранов, Е.А. Юдина, Т.Ю. Величко, Н.Е. Рябогина. – Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. из-во, 2006. – 192 с.

Родченко К.П. Домостроительные традиции населения в эпоху поздней бронзы лесостепной зоны Западной Сибири // Материалы 52 международной студенческой конференции. – Минск, 2014а: Археология / НГУ Новосибирск, 2014а. – С. 71–72.

Родченко К.П. Жилища населения лесостепной зоны Западной Сибири в эпоху поздней бронзы: источники и реконструкция. – Новосибирск: НГУ, 2014б. – 97 с.

Румянцев М.В., Смолин А.А., Барышев Р.А., Рудов И.Н., Пиков Н.О. Виртуальная реконструкция объектов историко-культурного наследия // Прикладная информатика. – 2011. – № 6 (36). – С. 62–77.

СНиП 4.02-91. Сб. 1. Земляные работы. – М., 1991. – 493 с.

Строительно-монтажные работы. Нормы, расценки, правила. – М.: Госстрой СССР, 1983. – 33 с.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4. – С. 32–46.

Троицкая Т.Н. Археология Западно-Сибирской равнины: учеб. пособие / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск, 2004. – 136 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т.3. – 248 с.

References

Berlina S.V., Filisyuk V.G. K probleme rekonstruktsii krovli drevnikh poluzemlyanochnykh zhilishch (po materialam zhilishch sargatskoi kul'tury). In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. Tyumen: IPND SB RAS Publ., 2004, iss. 5. P 67-73.(In Russ).

Berlina S.V., Chikunova I.Yu. Osobennosti domostroitel'stva sargatskikh plemen (po materialam Rafailovskogo kompleksa). In *Problemy vzaimodeistviya cheloveka i prirodnoi sredy*. Tyumen: IPND SB RAS Publ., 2003, iss. 4. P.. 45–48. .(In Russ).

Borodkin L.I., Zherebyat'ev D.I. Tekhnologii 3D modelirovaniya v istoricheskikh issledovaniyakh: ot vizualizatsii k analitike. *Istoricheskaya informatika: Informatsionnye tekhnologii i matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh i obrazovanii.* 2012a, no. 2. P. 58–67. (In Russ.).

Borodkin L.I., Zherebyat'ev D.I. Sovremennye tendentsii v razrabotke virtual'nykh rekonstruktsii ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya: mezhdunarodnyi opyt. In *Virtual'naya rekonstruktsiya istoriko-kul'turnogo naslediya v formatakh nauchnogo issledovaniya i obrazovatel'nogo protsessa: sb. nauch. st.* Krasnoyarsk: SFU, 2012b, P. 10–30. (In Russ.).

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009. Vol. 3, 248 p. (In Russ.).

Gantskaya O.A. Stroitel'naya tekhnika russkikh krest'yan. In *Russkie. Istoriko-etnograficheskii atlas*. Moscow: Nauka, 1967. P.166–190. (In Russ.).

Glushkov I.G. Rekonstruktsiya i modelirovanie neoliticheskogo zhilishcha (po materialam poseleniya Chilimka V). In *Eksperimental'naya arkheologiya*. 1992, iss. 2. P. 18–34. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Zemlyanki bronzovogo veka bliz khut. Lyapicheva na Donu. *Kratkie soobscheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah instituta istorii materialnoy kultury*. 1953, iss. 50. P. 137–148. (In Russ.).

Gryaznov M.P. K voprosu o kul'turakh pozdnei bronzy v Sibiri. *Kratkie soobscheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah instituta istorii materialnoy kultury*. 1956, iss 64. P. 27–42. (In Russ.).

Gryaznov M.P. O kel'teminarskom dome. Novoe v arkheologii. *Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR*. 1965, no. 130. P. 99–102. (In Russ.).

Evdokimov V.V., Stefanov V.I. Poselenie Prorva. *Arkheologiya Priirtysh'ya*. Tomsk: Tomsk State Univ. l., Press., 1980. P. 41–52. (In Russ.).

Matveev A.V. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press., 1993, 180 p. (In Russ.).

Matveev A.V. Zaural'e posle andronovtsev: Barkhatovskaya kul'tura. Tyumen: Tyumenskii dom pechati, 2009, 416 p. (In Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M., Izmer T.S. Predvaritel'nye itogi rabot 1999 i 2000 gg. na poselenii Shchetkovo 2 v Ingalskoi doline. In *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. Tyumen: IPND SB RAS Publ, 2001, iss. 3. P. 213–217. (In Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M., Izmer T.S. Khronostratigraficheskie kompleksy pozdnebronzovogo poseleniya Shchetkovo 2 v Ingalskoi doline. In *Khronologiya i stratigrafiya arkheologicheskikh pamyatnikov golotsena Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov: Materialy nauchnogo seminara*. Tyumen, 2002. P. 78–83. (In Russ.).

Matveev A.V., Sidorov E.A. Irmenskie poseleniya lesostepnogo Priob'ya. In *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e.* Tyumen, 1985, P. 29–89. (In Russ.).

Matveeva N.P., Anoshko O.M. Barkhatovskii kompleks Kolovskogo gorodishcha. *Bulletin of Tyumen State University*. Tyumen, 2002, iss. 2. P. 11–22. (In Russ.).

Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyi vek). Elovsko-irmenskaya kul'tura. In *Iz istorii Sibiri*. Tomsk, 1974, iss. 12, 196 p. (In Russ.).

Medvedev G.I., Nesmeyanov S.A. Tipizatsiya kul'turnykh otlozhenii i mestonakhozhdenii kamennogo veka. In *Metodicheskie problemy arkheologii Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1988. P. 113–142. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 126 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Glushkov I.G. Samus'skaya kul'tura v Verkhnem Priob'e. Novosibirsk, 1989, 168 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A. Poselenie Novochekino-3 pamyatnik epokhi pozdnei bronzy na severe Barabinskoi lesostepi. *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoi Sibiri*. Barnaul: Altay Univ. Press, 1984.P. 40–63. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Polevoe i kameral'noe izuchenie arkheologicheskikh derevyannykh predmetov (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 200 p. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Drevnyaya derevoobrabotka (metodika izucheniya pogrebal'nykh konstruktsii): Training manual. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press., 2008, 106 p. (In Russ.).

Mylnikov V.P. Izuchenie arkheologicheskikh derevyannykh predmetov (pogrebal'nye pamyatniki Altaya i sopredel'nykh territorii). M.: IA RAS, 2014, 160 p. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovanii, iss. 8.) (In Russ.).

Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri. Poseleniya i zhilishcha. Tomsk, 1994, Vol. 1, 485 p. (In Russ.).

Poselenie Bystryi Kul'egan 66: pamyatnik epokhi neolita Surgutskogo Priob'ya. Ekaterinburg; Surgut: Ural Publ, 2006, 192 p. (In Russ.).

Rodchenko K.P. Domostroitel'nye traditsii naseleniya v epokhu pozdnei bronzy lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri. *Materialy 52 mezhdunarodnoi studencheskoi konferentsii* (Minsk, 2014). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press., 2014a. P. 71–72. (In Russ.).

Rodchenko K.P. Zhilishcha naseleniya lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri v epokhu pozdnei bronzy: istochniki i rekonstruktsiya. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press., 2014b, 97 p. (In Russ.).

Rumyantsev M.V., Smolin A.A., Baryshev R.A., Rudov I.N., Pikov N.O. Virtual'naya rekonstruktsiya ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya. *Prikladnaya informatika*. 2011, no. 6 (36). P. 62–77. (In Russ.).

SNiP 4.02-91. Sb. 1. Zemlyanye raboty. Moskow, 1991, 493 p. (In Russ.).

Stroitel'no-montazhnye raboty. Normy, rastsenki, pravila. Moskow.: Gosstroi USSR, 1983, 33 p. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Karasukskaya epokha v Novosibirskom Priob'e. In *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri. Drevnyaya Sibir'*. Novosibirsk, 1974, iss. 4. P. 32–46. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoi ravniny: Training manual. Novosibirsk, 2004, 136 p. (In Russ.).

Vasil'ev V.G. Eksperimental'noe modelirovanie arkheologicheskikh zhilishch (po materialam pamyatnikov neolita – bronzy taezhnoi zony Srednego Priob'ya): cand. sc. (history) dissertation abstract. Surgut, 2000, 199 p. (In Russ.).

Zherebyat'ev D.I. Primenenie tekhnologii interaktivnogo trekhmernogo modelirovaniya dlya vosstanovleniya utrachennykh pamyatnikov istorii i arkhitektury (na primere Tambovskoi kreposti). *Krug idei: Mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskoi informatike. Trudy X konferentsii Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuter»*. Moskow.: Moskow State Univ. Press., 2008. P. 321–342. (In Russ.).

Мыльников В.П. https://orcid.org/0002-7532-9607

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0575-0580
УДК 902/904; 903.27

Ю.Н. Ненахова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Неолитический пласт наскальных изображений Северной и Центральной Азии в трудах академика А.П. Окладникова

Становление и формирование основных направлений исследований в отечественном петроглифоведении связано с именем академика А.П. Окладникова. Исследователь открыл и обследовал десятки местонахождений петроглифов на территории Северной и Центральной Азии. Ученым разработана концепция культурно-хронологической интерпретации наскальных изображений. Для каждого хронологического пласта, от палеолита до позднего Средневековья, определен общий и частный набор критериев и признаков, на основании которых на ряде памятников им впервые был выделен неолитический пласт петроглифов. Критериями общего порядка для наскальных изображений является размер, местоположение на плоскости, характер и техника исполнения изображений, стиль, визуальное восприятие фигуры, аналогии. Предметное рассмотрение серии неолитических изображений, выделяемой А.П. Окладниковым, позволяет представить распределение их в количественном отношении по регионам. Более того, с эпохой неолита исследователем соотнесены конкретные образы и композиции: лось (господствует), олень, птицы, рыбы, змеи, медведь, образы животных без четкой видовой атрибуции; а также сцены охоты (без участия человека) и шествия зверей и пр. После опубликования первых обобщающих работ ученого в научных кругах развернулась полемика, касающаяся отдельных аспектов выделения неолитических изображений. Не отрицая наличия петроглифов эпохи неолита, обсуждалась возможность и вероятность их выделения, количественный параметр, а также правомерность сравнения с предметами мелкой пластики. Следует отметить, что современные исследования позволили науке по иному датировать Турочакское местонахождение петроглифов (Алтай), ведется полемика по отношению Томской и Шишкинской писаниц (Западная Сибирь и Прибайкалье соответственно). В то же время можно отметить, что петроглифы Северной и Центральной Азии многие исследователи стали уверенно датировать неолитическим временем, что определяет востребованность и актуальность научного наследия А.П. Окладникова.

Ключевые слова: *академик А.П. Окладников, методический аспект, петроглифы, эпоха неолита, Северная и Центральная Азия.*

Yu.N. Nenakhova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Neolithic Layer of Rock Art of North and Central Asia in the Writings of Academician A.P. Okladnikov

The formation of the main researches directions in domestic petroglyphology is associated with Academician A.P. Okladnikov. The researcher discovered and examined dozens of petroglyph locations in North and Central Asia. A.P. Okladnikov has developed a concept of cultural and chronological interpretation of rock art. For each chronological stratum, from the Paleolithic to the late Middle Ages, a general and particular set of criteria and features was determined, on the basis of which he first identified the Neolithic stratum of petroglyphs on a number of sites. General criteria for rock art are size, location on the plane, nature and technique, style, visual perception of the figure, and parallels. Subject consideration of the Neolithic images series identified by A.P. Okladnikov, also allow you to present their distribution in quantitative terms by region. Moreover, the researcher correlated specific images and compositions with the Neolithic era, i.e. elk (dominates), deer, birds, fish, snakes, bear, and animals without a clear species attribution; as well as hunting scenes (without human participation),

processions of animals, etc. After the publication of the A.P. Okladnikov's first generalizing works, in the scientific circles, the discussion focused on certain aspects of the Neolithic images selection. Without denying the likelihood of the Neolithic petroglyphs presence, the possibility of their identification, the quantitative parameter, as well as the validity of comparison with figurines was discussed. Note that within the framework of the current scientific situation, the Turochak petroglyphs locality (Altai) is dated differently, and there is a polemic towards the Tomsk and Shishkino rock art site (Western Siberia and the Baikal region, respectively). At the same time, note that many researchers began to confidently date the petroglyphs of North and Central Asia to the Neolithic period. Scientific heritage of A.P. Okladnikov is in demand and relevant nowadays.

Keywords: *academician A.P. Okladnikov, methodological aspect, petroglyphs, Neolithic era, North and Central Asia.*

В XX в. происходит становление отечественного петроглифоведения, и этот процесс заслужено связывается с именем академика А.П. Окладникова. Им разработаны первые культурно-хронологические схемы для памятников наскального искусства Северной и Центральной Азии. Ученым (в ряде случаев с соавторами) были выделены древнейший и древний пласты изображений, соотносимые с различными этапами эпохи камня, на территории Западной и Восточной Сибири, Алтая (см. *таблицу*), что вызвало научный резонанс [Ненахова, 2019].

В рамках работы мы акцентируем внимание на общих методических позициях А.П. Окладникова при выделении неолитического пласта наскальных изображений, их количественном показателе. На алгоритм датирования наскальных изображений эпохи камня А.П. Окладниковым нами уже обращалось внимание [Ненахова, 2020]. Рассмотрим его подходы по отношению к неолитическому пласту петроглифов. Историографический анализ и обобщение его трудов позволяет представить предметно, вокруг чего велись обсуждения в научном сообществе по данной проблематике.

Следует сказать, что подход исследователя к культурно-хронологическим построениям в целом единообразен от выхода в свет первых обобщающих работ по Ленским писаницам до введения в научный оборот материалов по петроглифам Алтая. Он взаимосвязан напрямую с поставленными им целями и задачами [Ковыршина, 2013]. Отсюда и манера подачи А.П. Окладниковым критериев обоснования датирования петроглифов эпохой неолита и объяснение признакового поля каждого из них. В трудах ученого по наскальному искусству Лены, Ангары конца 1950 – 1960-х гг. это широкие и подробные выкладки; в работах 1970–1980-х гг. формулировки критериев датирования унифицированы для каждого хронологического пласта и подразумевают под собой конкретный набор параметров. Методические разделы в монографиях исследователя не вынесены в отдельную рубрику, а вписаны в каждый хронологический раздел, в сам процесс культурно-хронологической атрибуции. На наш взгляд, это позволило исследователю маневрировать критериями датирования и их параметрами в зависимости от региональных особенностей наскального искусства и хронологического аспекта. Изменчив как их набор, так и их значение, которое подразумевается, как правило, очередностью его приведения.

Обобщая сказанное, приведем перечень определенных А. П. Окладниковым критериев для выделения неолитических изображений.

К критериям общего порядка относятся: во-первых, размер изображения относительно остальных, как правило, крупные фигуры, что отмечено практически для всех выделенных памятников с петроглифами эпохи неолита (см. *таблицу*). Во-вторых, местоположение на скальной плоскости, предполагающее рассмотрение неолитического рисунка в комплексе с соседними. Для ангарских, ленских, дальневосточных петроглифов отмечается, что наносились они на наиболее выгодные и труднодоступные места. Для томских писаниц это дополняется комментарием о вынужденном наслаивании изображений друг на друга; а для алтайских, что мелкие фигуры вынужденно вписывались в крупные, которые наносились еще на пустую плоскость. О древности изображений Нижнего Амура свидетельствует, по мнению ученого, неудобный ракурс с точки зрения художника (глыбы по берегам подвижны). В-третьих, это характер изображения – сюда отнесены такие параметры как контурность, профильность и объемность. Контурный рисунок и контур, заполненный краской, наследуется от предшествующего палеолитического времени и не характерен для позднего неолита по мнению исследователя. Объемность особо подчеркивается для петроглифов Нижнего Амура (использование торцов глыб) и р. Томь (за счет углубления и расширения линий и отдельных частей фигур).

Основная и самая сложная категория в трудах по наскальным изображениям – это стиль. В соподчинении со стилистическим аспектом алгоритма культурно-хронологических построений, выработанным А.П. Окладниковым для эпохи камня, находится значительная часть обозначенных исследователем критериев для выделения неолитического изображения: манера, приемы, техника исполнения изображения (краска, выбивка каменным орудием, шлифовка; особый интерес к следам доработки, многообразии техники) и пр. Именно единство стиля является основанием для объединения изображений в хроноло-

Пункты с наскальными изображениями эпохи камня Северной и Центральной Азии (по трудам академика А.П. Окладникова)*

регион	хронологические рамки	местонахождение	регион	хронологические рамки	местонахождение
Монголия	палеолит	Хойт-Цэнкер агуй	Нижний Амур	мезолит неолит	Сакачи-Алян Шереметьевское
	палеолит – неолит	Аларин-гол, р. Чулут			
	палеолит	Аршан-хада			
	эпоха камня	Г. Тэбш			
Алтай	«древние» (без четкой даты)	р. Елангаш	р. Алдан	архаичные	р. Мая
	приемы характерные для неолита	Сары-Сатак (р. Елангаш)		реалистические новокаменный век	устье р. Бес-Юрех устье р. Сылгылыыр устье р. Сиибиктэ устье р. Тыымпы устье р. Укаан напротив о-ва Сыгдарья
	каменный век, неолит	Кызыл-кель			
	неолит	Турочакская писаница			
Байкал	неолит	г. Сахюртэ	р. Ангара	конец палеолита	Второй Каменный Остров о-в Ушканий
Забайкалье	неолит?	скала Хотогой-Хабсагай		мезолит	г. Свирск Баля Озерная о-в Ушканий
	неолит	Лесная группа: 1. Ангаринские писаницы 2.Судунтуйская писаница		неолит	Второй Каменный остров Сухая Баля Большекадинский порог о-в Ушканьи порог Долгий
	«ранние»	3. г. Баин-Хара 4. п/д пещерой Баин-Хара	р. Лена	палеолит – мезолит – неолит	Верхняя Лена: Шишкинская писаница р. Тальма
	неолит	Кяхтинская группа: Субуктуй			
р. Олекмы и Верхнего Приамурья	палеолит	Токкинская писаница		наиболее древние/неолит	Средняя Лена: ок. дер. Чуру скала Суруктах-Хая по р. Мархa выше с. Петровского
	неолит, IV тыс. до н.э. – III тыс. до н.э.	прав. бер. р. Нюкжи р. Жуя прав. бер. р. Токка р. Геткан устье р. Крестях устье р. Чары	р. Томь	древнейшие/конец палеолита/переход от палеолита к неолиту	Тутальская писаница
				древние/неолит: ранний (VI–V тыс. до н.э.)	Томская писаница Тутальская писаница
				расцвет (IV–III тыс. до н.э.) конец неолита переход от неолита к бронзе	Томская писаница Новороmановская писаница

*с сохранением формулировок хронологических определений А.П. Окладникова (в ряде случаев с соавторами)

гическую группу. Таким образом, ведущим критерием признается ученым такое понятие как манера передачи образа (синонимично понятию стиль, стилистическая манера), которая характеризует степень реализма передаваемых образов. Выделяются при этом для палеолитических петроглифов или переходного времени к неолиту понятия «архаический реализм», «наивно-реалистический» стиль, «примитивный реализм»; для неолитических – «динамичный реализм», «монументальный» или «зрелый реализм». Следует отметить, что в контексте стиля, понятие «архаический» может употребляться

А.П. Окладниковым для петроглифов обоих периодов эпохи камня. Более детальному анализу здесь подвергается изображение как таковое и непосредственно образ. Вопрос о характеристике передачи образа особый, т.к. весьма субъективный. По мнению исследователя, в эпоху неолита в изображении присутствует простота и лаконизм – это является основным признаком архаики: если в общем восприятии изображений палеолитического времени отмечается некоторая примитивность рисунка, то для неолита обязательно наличие мелких, характерных для образа деталей в максимально приближенном к реальности формате. При этом самодостаточным может быть и парциальное изображение, что характерно для неолита.

Необходимо сказать, что параметр визуального восприятия «состояния» передаваемых фигур в совокупности со стилистическими аспектами становится в какой-то мере датирующим: изображениям палеолита свойственна статичность; изображениям неолита характерен динамизм или «динамичный реализм», а также тяжеловесность фигур и их профильность. Однако статичность позы животного отмечена А.П. Окладниковым для нескольких изображений Байкала и Ангары, в последнем случае исследователь датирует их концом палеолита, а скорее мезолитом.

Немаловажны для хронологической атрибуции сами передаваемые образы или композиции, их содержание, идейная основа (как непосредственно изображений, так и фольклора искомого региона для выявления преемственности или новаций): в неолите сохраняется анималистический характер искусства, господствуют мировоззренческие устои таежных охотников. Изображения на плоскости могут иметь и парциальный характер.

Таким образом, в неолитический пласт А.П. Окладниковым включены следующие образы и композиции: лось (господствует), олень, бык/як, птицы, рыбы, солярные знаки, змеи, личины, медведь, образы животных без четкой видовой атрибуции, а также сцены охоты (без участия человека) и шествия зверей. В позднем неолите появляются, по его мнению, антропоморфные фигуры.

Относительно частных деталей подразумевается как универсальный подход, так и конкретный, направленный на характеристики определенного образа. Для каждого образа эпохи камня А.П. Окладниковым отмечены общие параметры описания анималистической фигуры (голова, рога, морда, туловище, хвост, ноги, копыта и пр.), включающие ряд деталей, по передаче/отсутствии которых можно проследить эпохально развитие искусства. Так, при характеристике голов животных как характерная черта отмечается параболоидность, для эпохи верхнего палеолита и переходного к неолиту времени в совокупности одной-двумя деталями – наличие ушей, специфическая форма челюсти. Эти черты определяют узнаваемость видовой принадлежности. Для неолита этот датирующий признак сопряжен с большим количеством прорисованных характерных черт: линии верхней и нижней челюсти, нос, глаза, уши и пр. Для конца неолита в передаче головы читается некая упрощенность и обтекаемость, отсутствуют мелкие детали. Таким образом, конкретная деталь может выступать хронологическим и региональным маркером.

Четкое определение критериев изображения в целом и признаков каждого конкретного образа в частности позволяют сформировать обобщающие сводки по основным образам эпохи неолита.

Так, по мнению А.П. Окладникова, образ животного без четкой видовой атрибуции соотносится только с Дальним Востоком (на рр. Нюкжа, Мая, Жуя, Токко, у с. Сикачи-Алян) и насчитывает 26 фигур (IV тыс. до н.э.), а также 4 изображения переходного времени (III тыс. до н.э.). Немногочисленны изображения птиц – 11, из которых 6 фигур происходят с Томской и Новороmановской писаниц (р. Томь, Западная Сибирь), 4 фигуры с пунктов Сикачи-Алян и Шереметьевское (р. Амур, Дальний Восток) хронологически отнесены к мезолиту-неолиту, и 1 изображение с местонахождения Хотогой-Хабсагай (Байкал), вероятно, неолитическое [Окладников, 1971 и др.; Окладников, Мазин, 1976; 1979; Окладников, Мартынов, 1972]. Образ рыбы отмечен только на местонахождениях р. Ангара (на трех Каменных островах) – 5 фигур определенно отнесены к неолиту и еще 1 по высокой степени стилизации к переходному времени или ранней бронзе [Окладников, 1966]. Редко в анималистических сюжетах наскального искусства встречается медведь. Отмечено 4 изображения (одно неполное – только голова) на писаницах Западной Сибири: на Томской – 2 фигуры и на Тутальской – 2, но одно соотнесено с переходным к эпохе бронзы периодом [Окладников, Мартынов, 1972].

Самая представительная серия изображений представляет образ животного, который составлял основу хозяйственно-экономической жизни неолитического охотника тайги – лося. В Байкальском регионе (включая Прибайкалье и Забайкалье) отмечены на пунктах Сахюртэ, Судунтуй, Шара-Тала, Баин-Хара – 6 фигур. На Дальнем Востоке это изображения: на рр. Мая, Сыгдарья – 3 изображения переходного к неолиту времени; на рр. Средняя Нюкжа, Токко, Сиибиктэ, Бэс-Юрэх, Сыгдарья, Тыымпы, Сылгылыыру с. Сикачи-Алян собственно неолитические – 19 фигур животных. На р. Мая также отмечено 1 изображение переходного к брон-

зе времени. На р. Лена на пунктах Шишкино, Воробьево, Чуру, Тальма, Дабан, Петровское, «Шаман-камень» – 47 фигур, из которых чуть более десятка – это парциальные и незаконченные изображения. Самое большое количество персонажей происходит с р. Ангара с местонахождений Свирск, Первого, Второго и Третьего Каменного острова, о. Ушканий, Медвежий Ручей, Долгий порог, Баля Сухая и Озерная. К переходному времени (мезолиту и началу неолита) отнесено 16 фигур. Собственно к неолиту отнесено 129 фигур, к переходному времени от неолита к эпохе бронзы – 13 фигур. На р. Томь на Томской, Новомарковской и Тутальской писаницах выделяется 88 фигур различной степени сохранности и хронологического определения эпохой неолита [Окладников, 1959; 1966; 1971; 1974; 1977 и др.; Окладников, Запорожская, 1959; 1970; 1972; Окладников, Мазин, 1976; 1979; Окладников, Мартынов, 1972].

Антропоморфы отмечены в Байкальском регионе на пунктах Шара-Тала, Судунтуй – 3 фигуры; на р. Лена на Шишкино и р. Тальма – 2 отдельные фигуры и 2 композиции, включающие по 9 и 6 фигур соответственно. На р. Ангара на пунктах Второй Каменный остров, Свирск они определены эпохой камня – это 2 фигуры и 1 композиция из двух фигур. Всего к позднему неолиту А.П. Окладниковым отнесена 21 фигура. Выделена и группа изображений переходного времени к эпохе бронзы: на Томской писанице – 1 фигура; серия петроглифов на пунктах Дальнего Востока: р. Мая – 1 фигура, р. Нюкжа – 1 фигура и 2 композиции с антропоморфами (соответственно 12 и 1 четко читаемая в комплексе с неопределимыми объектами); на Сикачи-Аляне – 2 изображения. [Окладников, 1966; 1971; 1977; Окладников, Мазин, 1976; 1979; Окладников, Мартынов, 1972]. Насчитывается всего 18 фигур.

Малочисленная группа изображений представлена образом змеи: г. Тэбш (Монголия) – 4 композиции, две по 3 фигуры и две по 2 фигуры; на Втором Каменном острове (р. Ангара) – две композиции по 10 фигур и одна из 2-х; на Новомарковской писанице – одна композиция из 6 фигур [Окладников, 1966, 1980; Окладников, Мартынов, 1972].

Особое внимание А. П. Окладников уделял анализу палимпсестов, имеющихся на скальных плоскостях рр. Алдан, Ангара, Лена, Томь. Неолитическим изображениям соответствует черта, унаследованная от предшествующего времени, – образ животного существует сам по себе, – но встречаются уже и многофигурные композиции, где во взаимосвязи находятся как минимум два животных или животное и объект (например, изгородь + лось).

Вспомогательным критерием для относительного определения древности может служить состояние скальной плоскости – скальный «загар», цветовая градация рисунка и плоскости, изображений между собой, наличие известняковой корки, деформация, а также степень сохранности рисунков в целом и относительно других изображений на плоскости.

Для наскальных изображений, которые соотнесены с эпохой неолита, вспомогательным в обосновании датирования является археологический аспект, рассматривается наличие аналогий с устоявшейся датировкой среди наскальных изображений других регионов, орнаментов, археологических объектов (учитывается как предметный комплекс, так и остеологический материал).

Особая роль отводится исследователем сопоставлению изображений Западной и Восточной Сибири с предметами мелкой пластики, сравнению их как по стилистическим характеристикам, так и в ключе их археологического контекста. Относительно скульптурной пластики можно отметить несколько моментов. Если в петроглифах образ рыбы малочислен, то в скульптуре Северной Азии их насчитывается более трех десятков. Эти предметы самодостаточны и, как правило, представляют полную фигуру. Орнитоморфный образ в пластике неолитического времени насчитывает в Евразии более пяти десятков; на плоскостях их выявлено значительно меньше. Самая представительная серия скульптуры эпохи неолита-ранней бронзы –это фигурки, передающие образ лося, которых насчитывается более шестидесяти. Большая часть относится к парциальной скульптуре – передана голова животного, с большим или меньшим набором мелких, характерных для этого образа, особенностей. Образы человека, медведя, змеи значительно уступают в представительности для этого периода.

Следует отметить, что к соотнесению наскальных изображений с предметами мелкой пластики отношение среди исследователей неоднозначное.

Дебаты о возможности выделения ранних пластов изображений и критериях обоснования ранних датировок начались с выхода в свет первых публикаций А.П. Окладникова, освещающих культурно-хронологическую интерпретацию наскального искусства Сибири [Окладников, 1959; Окладников, Запорожская, 1959 и др.]. В работах исследователя этот вопрос решался не однозначно, внутри пласта изображений определялись ранненеолитические, неолитические, поздненеолитические. Порой отмечалась лишь вероятность наличия подобных изображений в регионе. В целом, вопрос о правомерности выделения А.П. Окладниковым групп изображений эпохи неолита на территории

Северной и Центральной Азии в научной литературе не ставился. В ходе возникшей полемики подвергались сомнению лишь отдельные критерии – сопоставления с мелкой пластикой, корректность определенных аналогии и пр.

Наследие А.П. Окладникова продолжает быть востребованным научным сообществом и требует дальнейшей разработки и совершенствования.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Ковыршина Ю.Н. Целевые установки академика А.П. Окладникова в публикациях по наскальным изображениям Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2013. – Т. 12. – № 7. – С. 46–56.

Ненахова Ю.Н. Наскальное искусство эпохи камня в трудах академика А.П. Окладникова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – 26 с.

Ненахова Ю.Н. Наскальное искусство эпохи камня в трудах академика А. П. Окладникова: методические аспекты культурно-хронологической интерпретации // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. – Самара: Самарский гос. соц.-педаг. ун-т, 2020. – Т. III. – С. 145–146.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы: памятник древней культуры Прибайкалья. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1959. – 210 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 335 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.

Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. – Л.: Наука, 1977. – 323 с.

Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. Хобд–сомон (гора Тэбш). – Л.: Наука, 1980. – 271 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 145 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 2. – 263 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. – Новосибирск: Наука, 1972. – 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. – Новосибирск: Наука, 1979. – 152 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц (наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы). – М.: Искусство, 1972. – 255 с.

References

Kovyrshina Ju.N. Target Setting Academician A.P. Okladnikov In Publications On Rock Images Of Siberia. In *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013. Vol. 12, no 7: Arheologija i jetnografija. P. 46–56. (In Russ.).

Nenakhova Yu.N. Naskal'noe iskusstvo epokhi kamnya v trudakh akademika A.P. Okladnikova: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 26 p. (In Russ.).

Nenakhova Yu.N. Naskal'noe iskusstvo epokhi kamnya v trudakh akademika A. P. Okladnikova: metodicheskie aspekty kul'turno-khronologicheskoi interpretatsii. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare. V 3-kh t.* Samara: Samara State social-pedagog. Univ. Press, 2020. Vol. III. P. 145–146. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Shishkinskie pisanitsy: pamyatnik drevnei kul'tury Pribaikal'ya. Irkutsk: Irkutsk book Publ., 1959, 210 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. Petroglify Angary. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966, 322 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. Leningrad: Nauka, 1971, 335 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Baikala – pamyatniki drevnei kul'tury narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1974, 167 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Verkhnei Leny. Leningrad: Nauka, 1977, 323 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Tsentral'noi Azii. Khobd–somon (gora Tebsh). Leningrad: Nauka, 1980, 271 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Lenskie pisanitsy. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1959, 145 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Zabaikal'ya. Leningrad: Nauka, 1970. Vol. 2, 263 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Srednei Leny. Novosibirsk: Nauka, 1972, 271 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1976, 189 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanitsy basseina reki Aldan. Novosibirsk: Nauka, 1979, 152 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha Tomskikh pisanits (naskal'nye risunki epokhi neolita i bronzy). Moscow: Iskusstvo, 1972, 255 p. (In Russ.).

Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0581-0587
УДК 903.5

А.Л. Нестеркина✉, Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Погребальный обряд захоронений в каменных ящиках периода раннего металла Кореи и Японии

В период раннего металла (X в. до н.э. – III в. н.э.) на территории Кореи и Японии получают распространение погребения в каменных конструкциях – дольменах и каменных ящиках. Захоронения в каменных ящиках представляют собой уникальный и малоизученный пласт погребальной культуры древнего населения этих регионов. Цель работы – всесторонний анализ погребального обряда захоронений в каменных ящиках южной Кореи и Японии. Базовым памятником для изучения захоронений в каменных ящиках на территории Кореи является Тэпхённи в окрестностях города Чинджу. Аналогичные захоронения в каменных ящиках отмечены на памятниках Дзёно, Ёсиногари и Доигахама и в Западной Японии. В результате изучения погребального обряда захоронений в каменных ящиках этих памятников установлена идентичность конструкции и некоторых черт погребального обряда этих сооружений. Каменные ящики представляют собой подпрямоугольные в плане сооружения, сложенные из поставленных на ребро каменных плит, также с плитами камня на полу и в качестве перекрытий. Размеры ящиков в целом соответствуют росту погребенных. Захоронения в них совершались в большинстве случаев по обряду трупоположения на спине. Погребенные лежат головой на юг или восток, их руки и ноги согнуты. Четкой дифференциации в погребальном инвентаре между мужскими и женскими захоронениями не прослеживается. Предполагается, что единичный случай парциального захоронения в Корее связан с контактами с соседней Японией. Некоторые черты погребальной обрядности могут свидетельствовать об особом социальном статусе погребенных: применение киновари, рисуночные изображения на перекрытиях могил. Наличие детских захоронений в каменных ящиках как в Корее, так и в Японии, опровергает устойчивое мнение, что детей хоронили исключительно в керамических горшках-урнах и свидетельствует о том, что социальный статус некоторых детей приравнивался к взрослым членам общества того времени.

Ключевые слова: *Корея, Япония, период раннего металла, погребение, каменный ящик, погребальный обряд, антропологические останки.*

A.L. Nesterkina✉, E.A. Solovyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Burial Rite of Stone Cists of the Early Metal Period in Korea and Japan

During the early metal period (10th century BC–3rd century AD), burials in stone structures such as dolmens and stone cists became widespread in Korea and Japan. Burials in stone cists represent a unique and poorly studied theme of the burial culture of the ancient population of these regions. The purpose of this work is a comprehensive analysis of the funeral rite of burials in stone cists in South Korea and Japan. The basic site for the study of burials in stone cists in the territory of Korea is Daepyeongri near Jinju city. Similar burials in stone cists are also noted at the sites of Jouno, Yoshinogari, and Doigahama in Western Japan. The study of the funeral rite of burials in stone cists at these sites revealed the identity of the construction and some features of the funeral rite of these structures. Stone cists are sub-rectangular in the plan built of stone slabs placed on the edge, also with stone slabs on the floor and as overlaps. The dimensions of the cists generally correspond to the height of the buried persons. Burials contained therein were performed, in most cases, according to the rite of the corpse placement on the back. The buried persons lie with their head to the south or east, their arms and legs bent. There is no clear differentiation in the grave goods between male and female burials. It is assumed that a single case of partial burial in Korea is associated

with contacts with neighboring Japan. Some features of burial rites may indicate special social status of the buried person: the use of cinnabar, picturesque images on grave ceilings. The presence of the children's burials in the stone cists in both Korea and Japan refutes the persistent opinion that children were buried only in ceramic urn pots and indicates that social status of some children was equal to the adult members of society at that time.

Keywords: *Korea, Japan, early metal period, burial, stone cist, burial rite, human remains.*

В период X в. до н.э. – III в. н.э., соответствующий эпохе раннего металла на территории Кореи и Японии, получает широкое распространение традиция захоронений в каменных сооружениях – дольменах и каменных ящиках. Культура дольменов Восточной Азии получила всестороннее освещение в отечественной научной литературе. При этом погребальный обряд захоронений в каменных ящиках этой территории изучен недостаточно, несмотря на то, что по всеобщему убеждению, данный тип захоронений представляет собой уникальный пласт древней погребальной обрядности, связывающий Японию с Южной Маньчжурией, и даже с Южной Сибирью [Тихонов, Кан Мангиль, 2011, с. 56].

Информация о погребальном обряде сооружений данного типа в Корее получена по материалам комплекса археологических памятников Тэпхённи в окрестностях города Чинджу (рис. 1, *1*). Тэпхённи представляет собой уникальный археологический объект, расположенный на юго-востоке Корейского полуострова, в одноименной области к северо-западу от г. Чинджу пров. Кёнсан-намдо. Он приурочен к бассейну реки Намган – ключевому региону для изучения бронзового века южной части Корейского полуострова (X–IV вв. до н.э.).

Рис. 1. Карта с обозначением памятников с погребениями в каменных ящиках Кореи и Японии эпохи раннего металла.

1 – Тэпхённи; *2* – Дзёно; *3* – Ёсиногари; *4* – Доигахама.

Памятник открыт в 1967 г. в ходе активного освоения сельскохозяйственных земель и начала строительства плотины Намган. В результате археологических разведок, осуществленных отрядами университетов Кёнхи и Сунсиль, выявлены дольмены и собран подъемный материал. В последующие 1975–1980 гг. на памятнике проводились археологические раскопки отрядом Национального института культурного наследия Республики Корея. В ходе работ изучены разнообразные объекты – дольмены, каменные ящики, жилища, открытые очаги. В 1989 г. стартовал проект по ремонту и реконструкции плотины Намган, в результате реализации которого территории, расположенные в долине реки Намган, оказались под угрозой затопления. В 1992–1995 гг. проведены археологические разведки, показавшие, что на большей части затопляемых земель присутствуют памятники археологии. Результаты рекогносцировочных исследований легли в основу крупномасштабных археологических раскопок, проведенных в 1995–1999 гг. в окрестностях деревень Оын, Огбан, Санчхон, Нэчхон, Чунчхон области Тэпхён, затронувшие также ряд населенных пунктов прилегающей территории уезда Санчхон и пригород г. Сачхон.

Археологическими раскопками исследована территория общей площадью 71 953 м^2, открыты и изучены памятники, датируемые широким хронологическим диапазоном от эпохи палеолита до периода раннего Средневековья. Наиболее выразительные материалы получены для бронзового века (X–IV вв. до н.э.). Обнаружено и исследовано окруженное рвами крупное поселение, остатки древних земледельческих полей, жилища, могильники, открытые очаги, хозяйственные ямы, площадки для производства керамической посуды, каменные выкладки и т. д. [Чхондонги сидэый Тэпхён.., 2002, с. 10].

Особый интерес представляют обнаруженные на памятнике Тэпхённи погребальные комплексы. Дело в том, что здесь изучены не только погребальные конструкции и инвентарь, но также выявлены и достаточно редкие для Корейского полуострова антропологические материалы, позволяющие расширить представление о погребальных традициях населения бронзового века Кореи.

На памятнике Тэпхённи Окбан участок 5 изучено 7 погребений в каменных ящиках, 6 из них к моменту проведения раскопок оказались значительно разрушенными. Погребение № А-1 представляет собой каменный ящик подпрямоугольной в плане формы, сложенный из поставленных на ребро каменных плиток, длиной 1,3 м, шириной 0,45 м. Тело погребенного уложено головой на юго-восток, лицом к левому плечу. Обе руки согнуты в локтях, кисти рук уложены на животе. Ноги захороненного согнуты в коленях. Длина бедренной кости умершего составляет 0,39 м. Принимая во внимание размеры погребального пространства, исследователи высказали предположение, что захоронение в каменном ящике принадлежит женщине. Судя по состоянию костей, ее возраст на момент смерти составлял более 60 лет. Также по длине бедренных костей удалось установить, что рост погребенной составлял 1,49 м. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что умершая была погребена по обряду скорченного захоронения [Чхондонги сидэ-ый Тэпхён.., 2002, с. 133–134; Намган юёк мунхва.., 1999, с. 103–104; Ли Хёнгу, 1999, с. 59, 64, 68].

На памятнике Тэпхённи Окбан участок 4 исследован могильник, включающий 29 погребальных комплексов: 11 дольменов, 17 погребений в каменных ящиках и одно захоронение в керамическом сосуде-урне. Среди каменных ящиков выделяется группа небольших безынвентарных сооружений, длиной менее 1 м, которые исследователи предварительно отнесли к детским захоронениям [Намган юёк мунхва.., 1999, с. 91]. Информацию о погребальном обряде захоронений в каменных ящиках дают материалы погребения № 26 (рис. 2). Перекрытие ящика выявлено на глубине 0,05 м от уровня современной дневной поверхности. Оно двуслойное. Верхний слой сложен 4-мя каменными плитами размерами 0,9–1,05 × 0,55 м, толщиной 0,04 м. Нижний слой образован одной массивной каменной плитой длиной 2,1 м, шириной 0,7 м, толщиной 0,04 м. Ниже перекрытия выявлен сложенный из поставленных на ребро каменных плит ящик подпрямоугольной в плане формы, ориентированный продольной осью по линии запад – восток. Его размеры 1,63 × 0,4 × 0,41 м. Пол ящика выложен 4-мя плитами камня. В захоронении обнаружен антропологический материал. Погребение совершено по обряду трупоположения на спине, головой на восток. Руки умершего согнуты в локтях, правая уложена на груди, левая – на животе. Голова погребенного, предположительно мужчины, повернута лицом к правому плечу. Длина бедренной кости умершего составляет 0,44 м, а его предполагаемый рост – 1,64 м. Ком-

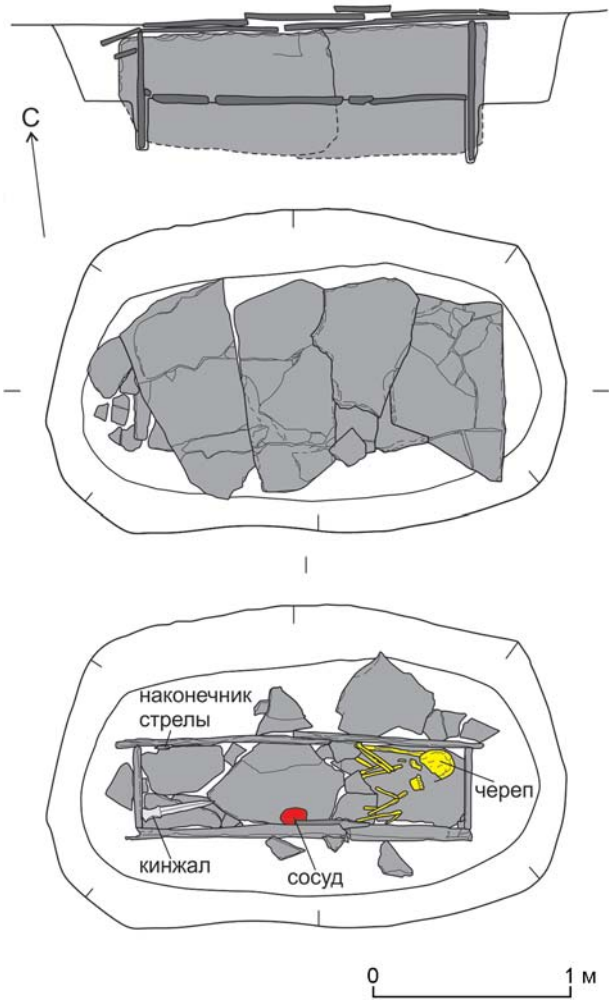

Рис. 2. Погребение в каменном ящике № 26 на памятнике Тэпхённи Окбан участок 4, Республика Корея (ил. по: [Им Хёджэ, Ким Донван, 2008]).

плекс погребального инвентаря захоронения составляет керамический сосуд с красной лощеной поверхностью, каменный шлифованный кинжал и 4 каменных шлифованных наконечника стрел. Сосуд залегал слева от тела умершего, каменные предметы вооружения – в ногах погребенного [Им Хёджэ, Ким Донван, 2008, с. 158–162; Чхондонги сидэ-ый Тэпхён.., 2002, с. 134; Намган юёк мунхва.., 1999, с. 100].

На памятнике Тэпхённи Окбан участок 7 обнаружено 5 каменных ящиков. Интересным представляется материал, обнаруженный в каменном ящике № 17. Объект представляет собой сложенное из поставленных на ребро каменных плит сооружение подпрямоугольной в плане формы, ориентированное продольной осью по линии запад – восток. Пол ящика также выложен плитами камня. Размеры конструкции составляют 1,68 × 0,7 × 0,43 м. Погребальный инвентарь захоронения представлен красной лощеной керамикой. Внутри конструкции

обнаружен скелет погребенного. Захоронение совершено в вытянутом положении на спине. Заслуживает особого внимание то обстоятельство, что при наличии практически полного скелета погребенного в данном захоронении полностью отсутствовал череп и зубы. Исследователи памятника высказали предположение о том, что поскольку расстояние между позвоночником и стенкой погребальной камеры не позволяет разместить здесь голову умершего, велика вероятность того, что в момент совершения захоронения голова была отделена от тела. Установлено, что захоронение принадлежит женщине, рост которой составляет 1,49 м [Чон Ыйдо, 1999, с. 84–85; Намган юёк мунхва.., 1999, с. 124, 128; Чхондонги сидэ-ый Тэпхён.., 2002, с. 136].

На памятнике Тэпхённи Оын участок 1 обнаружено 17 погребальных комплексов. Большинство относится к типу захоронений в сложенных из поставленных на ребро каменных плит подпрямоугольных ящиках. Ориентированное продольной осью по линии север – юг сооружение № 4 – относительно небольшой каменный ящик, его размеры составляют 1 × 0,2 м. Погребенный уложен на спину головой на юг, его руки и ноги согнуты. Сохранность костяка неудовлетворительная, но по зубам удалось установить, что он принадлежит ребенку возрастом около 5 лет [Ли Сангиль, 1999, с. 105; Намган юёк мунхва.., 1999, с. 166, 175; Чхондонги сидэ-ый Тэпхён.., 2002, с. 137].

Погребения в каменных ящиках на территории Японии в эпоху палеометалла встречаются преимущественно в ее западной части. Под каменными ящиками обычно понимают конструкции, оконтуривающие непосредственное место помещения погребенного и состоящие из камней различного размера. Встречается также название *сэккан* («каменный гроб») или «каменная комната». Как правило, каменные ящики представляют собой сооружения прямоугольной формы из крупных плит и более мелких плоских камней. Практика погребения в каменных ящиках известна еще в период *дзёмон*, хотя подобные находки немногочисленны. В этот период, скорее, следует говорить о погребениях, в которых контур могильной ямы на поверхности обозначен линией из камней, в то время как в эпоху палеометалла каменные конструкции размещаются внутри могильной ямы, а затем, в период *кофун*, каменные ящики и каменные комнаты встречаются в могильных ямах под курганной насыпью. В течение периода *яёй* (III в. до н.э. – III в. н.э.) каменные ящики встречаются на всех его этапах; конструктивные различия связаны как с наличием камня, так и с уровнем развития его обработки на разных территориях. Кроме того, все памятники периода *яёй* с погребениями в каменных ящиках расположены в прибрежной зоне. Погребения в каменных ящиках обычно сосуществуют с погребениями других типов в пределах отдельных памятников [Ситида Т., 2017, с. 5–13].

Среди наиболее представительных памятников необходимо назвать памятник Дзёно, преф. Фукуока, на севере о. Кюсю (рис. 1, *2*). Памятник, относящийся к периодам *яёй – кофун*, был обнаружен в ходе проведения строительных работ на месте бывшей тюремной больницы в 2009–2010 гг. Самым известным объектом памятника стало захоронение, окруженное рвом квадратной формы. В большой могильной яме обнаружено два погребения в каменных ящиках с большим количеством киновари в каждом. Ящики состояли из нескольких крупных балок и крупных камней, накрытых перекрытиями из плоских плит. В южном погребении обнаружены череп и кости плохой сохранности, принадлежащие ребенку 4–5 лет, агатовые и нефритовые бусины, железный меч в районе правой ноги, фрагменты керамического сосуда континентального происхождения. Общее количество киновари оценивается примерно в 31 кг. На плите с западной стороны обнаружено антропоморфное изображение фигуры, держащей, вероятно, щит и меч, выполненное красным пигментом. Изображение связывается с персонажем, аналогичным китайскому Фансянши или японскому более позднему Хососи, которые являются частью обрядов по изгнанию злых духов [Соловьева, 2020, с. 23–24]. В северном захоронении обнаружены кости плохой сохранности, позволяющие только судить о детском возрасте погребенного. Количество киновари в данном погребении оценивается в 39 кг. Интерес представляет сам каменный ящик. Перекрытие ящика состоит из двух камней, больший из которых был расколот и трещина заклеена белой глиной. В трещине найден воткнутый железный наконечник копья и рядом – долото. Химический анализ киновари показал ее происхождение из месторождений китайских провинций Гуйчжоу и Шэньси [Ситара Х., Исикава Т., 2017, с. 126–127].

Памятником, содержащим погребения в каменных ящиках, является один из крупнейших комплексов периода *яёй* Ёсиногари, преф. Сага, о. Кюсю (рис.1, *3*). Из 3500 погребений различных видов в 18 обнаружены каменные ящики. Структура каменных ящиков аналогична, стенки образованы плоскими плитами, перекрытия состоят из нескольких крупных камней. Внутри погребений обнаруживается белая глина, инвентаря нет, в 4-х погребениях найдены следы красного пигмента бенгала, в 7 погребениях – кости скелета плохой

сохранности. Захоронения в каменных ящиках сосредоточены в центральной части памятника и датируются серединой периода *яёй* [Ёсиногари исэки, 2019, с. 346–353]. Типичным для данного памятника погребением в каменном ящике с фрагментами скелета является захоронение № SCO276 (рис. 3).

Представляет интерес также могильник Доигахама, преф. Ямагути, расположенный в самой западной части о. Хонсю на прибрежных песчаных дюнах (рис. 1, *4*). На могильнике обнаружено около 300 погребений периода *яёй*. Среди находок встречается типичная для периода *яёй* керамика, украшения (браслеты из раковин, бусины из раковин и нефрита), каменные орудия, железные наконечники. Находки датируются временем от раннего этапа периода *яёй* до периода *кофун*, что может позволить проследить эволюцию культуры и ее особенности. Находки браслетов из раковин в большом количестве являются редкими и особенными. Памятник был открыт в 1930 г., раскопки продолжались несколько десятилетий, в основном после Второй мировой войны. Погребенные обычно лежат на спине, головой ориентированы на восток, руки согнуты в локтях и уложены на груди, ноги слегка согнуты в коленях, лодыжки связаны. Во многих случаях наблюдается удаление зубов. Большинство захоронений совершены просто положением умершего в песок, есть погребения, ограниченные 4-мя камнями по углам, 6 погребений представляют собой погребения в каменных ящиках. Наиболее известными являются погребения «героя» и погребение женщины с бакланом. Погребение № 124 названо погребением «героя» из-за того, что в верхней части скелета обнаружено 15 каменных наконечников стрел. Предполагается, что в него стреляли с близкого расстояния, и он был воином, защищавшим местное население. Это скелет взрослого мужчины крепкого телосложения, на правой руке погребенного надет браслет из раковины Sinustrombus latissimus, характерной для южных морей, что может свидетельствовать о его связях или происхождении. В погребении № 1 обнаружен скелет женщины и кости баклана. Известно, что люди периода *яёй* считали птиц посредниками между миром сверхъестественным и миром людей. Исходя из этого, предполагается, что это пример захоронения женщины-шамана с особыми духовными способностями.

Антропологические исследования показали, что форма черепа, средний рост жителей Доигахама отличается от людей периода *дзёмон*. Поэтому существует вероятность их происхождения с территории континента [Mizoguchi K., 2013, с. 48].

Материалы комплекса памятников Тэпхённи в Корее и памятников сопредельной территории

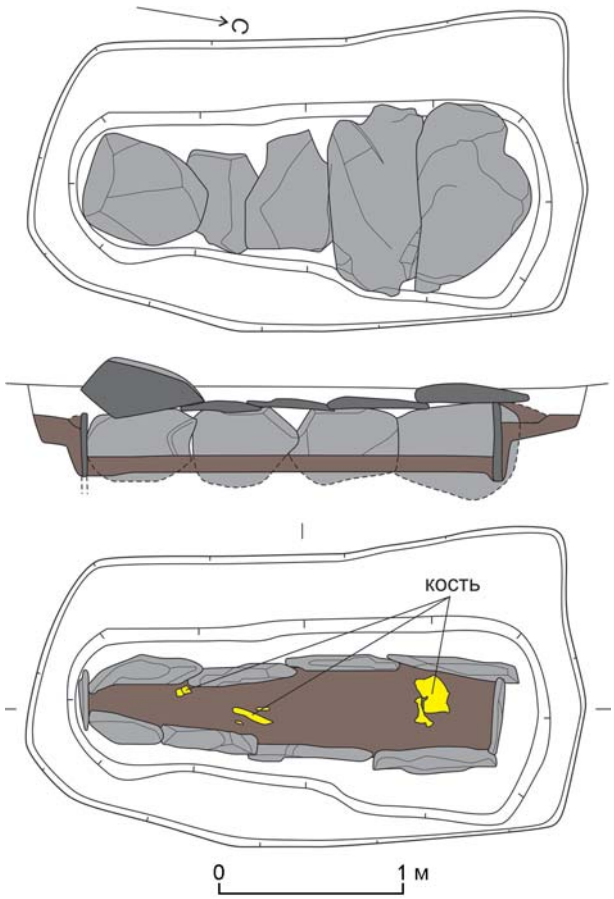

Рис. 3. Погребение в каменном ящике № SCO276 Ёсиногари, Япония (ил. по: [Ёсиногари исэки, 2019]).

Западной Японии позволяют сделать вывод о том, что в период бронзового века (X–IV вв. до н.э.) на территории южной части Корейского полуострова сформировалась традиция совершения захоронений в каменных ящиках, которая была заимствована населением Японии в период *яёй* (III в. до н.э. – III в. н.э.). Каменные ящики представляют собой подпрямоугольные в плане сооружения, сложенные из поставленных на ребро каменных плит, также с плитами камня на полу и в качестве перекрытий. Размеры ящиков в целом соответствуют росту погребенных. Захоронения в них совершались в большинстве случаев по обряду трупоположения на спине. Погребенные лежат головой на юг или восток, их руки и ноги согнуты. В Корее зафиксирован единичный случай скорченного захоронения в каменном ящике, что позволяет предполагать преемственность местной неолитической традиции. Выявлен также случай захоронения тела без головы. Традиция парциального захоронения довольно часто фиксируется на погребальных памятниках Японии периода *дзёмон*. Также в каменных ящиках Ёсиногари в Японии отмечена традиция удаления зубов, которая, по-видимому, также

может считаться вариацией данного обряда. Эти обстоятельства позволяют предположить заимствование обряда парциального захоронения населением Кореи с Японского архипелага. Детские захоронения также могли совершаться в каменных ящиках. Материалы памятника Тэпхённи в Корее и Дзёно в Японии опровергают сложившееся ранее мнение, что детей хоронили исключительно в керамических горшках-урнах. Возможно, что погребенные в каменных ящиках дети с памятника Тэпхённи и Дзёно по своему социальному статусу приравнивались к взрослым членам общества того времени. Особый социальный статус детей из каменных ящиков подчеркивают также уникальные следы обрядовых действий, например, применение большого количества киновари, нанесение изображений на перекрытиях ящиков и т.д. В каменных ящиках хоронили как мужчин, так и женщин. Четкой дифференциации в погребальном инвентаре между мужскими и женскими захоронениями не прослеживается. К примеру, каменные шлифованные кинжалы обнаружены как в мужских, так и в женских захоронениях. Возможно, эти предметы использовались не в качестве оружия, а выступали в роли маркеров особого социального статуса их владельцев. С другой стороны, некоторые предметы погребального инвентаря (многочисленные по сравнению с другими погребениями каменные наконечники стрел, кости баклана) могли служить индикаторами высокого социального статуса захороненных в каменных ящиках представителей военной элиты и шаманов.

Список литературы

Ёсиногари исэки. 13–23 нэндо-но хаккуцутё:са. Яёйдзидай ботисо:кацу. Хонхэн (Памятник Ёсиногари. Исследования 13–23 годов Хэйсэй. Погребения периода яёй. Дополнительный том). – Сагакэн кёикуиинкай, 2019. – 541 с. (на яп. яз.).

Им Хёджэ, Ким Донван. Чинджу Тэпхённи Огбан 4-чигу сонса юдок I (Древний памятник Тэпхённи Окбан участок 4 в окрестностях города Чинджу I). – Пусан: Тона тэхаккё панмульгван (Муз. ун-та Тона), 2008. – 386 с. (на кор. яз).

Ли Сангиль. Чинджу Тэпхённи Оын 1-чину пальгуль чоса кэё (Краткий обзор археологических раскопок памятника Тэпхённи Оын участок 1 в окрестностях города Чинджу) // Намган сонса мунхва саемина ёджи (Мат-лы семинара «Древняя культура бассейна реки Намган»). – Кимхэ: Куннип Кимхэ панмульгван (Нац. муз. Кимхэ), 1999. – С. 103–109 (на кор. яз.).

Ли Хёнгу. Чинджу Тэпхённи Огбан 5-чигу сонса юджок пальгуль чоса-ва сонгва (Результаты археологических раскопок памятника Тэпхённи Окбан участок 5 в окрестностях города Чинджу) // Намган сонса мунхва саемина ёджи (Мат-лы семинара «Древняя культура бассейна реки Намган»). – Кимхэ: Куннип Кимхэ панмульгван (Нац. муз. Кимхэ), 1999. – С. 59–79 (на кор. яз.).

Намган юёк мунхва юджок пальгуль торок (Каталог археологических памятников, раскопанных в бассейне реки Намган). – Пусан: Тона тэхаккё панмульгван (Муз. ун-та Тона), 1999. – 265 с. (на кор. яз.).

Ситара Х., Исикава Т. Яёйдзидай дзимбуцудзо:кэйхин-но кэнкю: (Изучение антропоморфных изделий периода яёй). – Токио: Досэйся, 2017. – 294 с. (на яп. яз.).

Ситида Т. Яматайкокудзидай-но куни-но то:. Ёсиногари исэки (Столица страны в период государства Яматай. Памятник Ёсиногари). Сиридзу Исэки-о манабу, №115 (Серия «Изучая памятники», № 115). – Токио, Синсэнся, 2017. – 96 с. (на яп. яз.).

Соловьева Е.А. Ритуальные глиняные фигурки периода *яёй* в Японии: проблема происхождения // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие: Материалы научно-практической конференции (г. Новосибирск, 31 октября – 1 ноября 2020 г.). – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. – С. 23–25.

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. / ред., сост. хрон. хабл., указателя Т.М. Симбирцева. М.: Наутилус, 2011. – 533 с.– (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41).

Чон Ыйдо. Чинджу Тэпхённи Огбан 7-чигу сонса юдок (Древний памятник Тэпхённи Окбан участок 7 в окрестностях города Чинджу) // Намган сонса мунхва саемина ёджи (Мат-лы семинара «Древняя культура бассейна реки Намган). – Кимхэ: Куннип Кимхэ панмульгван (Нац. муз. Кимхэ), 1999. – С. 81–93 (на кор. яз.).

Чхондонги сидэ-ый Тэпхён, Тэпхён ин: кы 3-чхонё нён чон-ый сам (Тэпхён и его население в бронзовом веке: жизнь около 3 тыс. лет назад). – Чинджу: Куннип Чинджу панмульгван (Нац. муз. Чинджу), 2002. – 160 с. (на кор. яз.).

Mizoguchi K. Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. – 393 p.

References

Cheongdonggi sidae-ui Daepyeong, Daepyeong in: geu 3-cheonyeo nyeon jeon-ui salm [Daepyeong, organized community of the bronze age]. Jinju: Gukrip Jinju bakmulgwan [Jinju national museum], 2002, 160 p. (In Kor.).

Jeong Uido. Jinju Daepyeongri Okbang 7-jigu seonsa yujeok [Ancient site Daepyeongri Okbang 7th area near Jinju city]. In *Namgang seonsa munhwa semina yoji [Materials of the seminar "Ancient culture of the Namgan river basin"]*. Gimhae: Gukrip Gimhae bakmulgwan [Gimhae national museum], 1999. P. 81–93 (In Kor.).

Lee Hyeonggu. Jinju Daepyeongri Okbang 5-jigu seonsa yujeok balgul josa-wa seonggwa [The results of archaeological excavations of ancient site Daepyeongri Okbang 5th area near Jinju city]. In *Namgang seonsa munhwa semina yoji [Materials of the seminar "Ancient culture of the Namgan river basin"]*. Gimhae: Gukrip Gimhae bakmulgwan [Gimhae national museum], 1999. P. 59–79 (In Kor.).

Lee Sanggil. Jinju Daepyeongri Eoeun 1-jigu balguljosa gaeyo [Brief review on archaeological excavation in Daepyeongri site Eoeun 1st area near Jinju city]. In *Namgang seonsa munhwa semina yoji [Materials of the seminar "Ancient culture of the Namgan river basin"]*. Gimhae: Gukrip Gimhae bakmulgwan [Gimhae national museum], 1999. P. 103–109 (In Kor.).

Lim Hyojae, Kim Dongwan. Jinju Daepyeongri Okbang 4-jigu seonsa yujeok I [Ancient site Daepyeongri Okbang 4th area near Jinju city]. Busan: Donga daehakgyo bakmulgwan [Donga university museum], 2008, 386 p. (In Kor.).

Mizoguchi K. Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013, 393 p.

Namgang yuyeok munhwa yujeok balgul dorok [Catalog of archaeological sites excavated in the Namgan river basin]. Busan: Donga daehakgyo bakmulgwan [Donga university museum], 1999, 265 p. (In Kor.).

Shichida T. Yamataikokujidai-no kuni-no tou [The capital of the state of Yamatai period]. In *Shirizu Iseki-o manabu*, 2017, no. 115. Tokyo: Shinsensha, 2017, 96 p. (In Jap.).

Shitara H., Ishikawa T. Yayoijidai jinbutsujoukeihin-no kenkyuu [Studying of antrophomorphous representations]. Tokyo: Doseisha, 2017, 294 p. (In Jap.).

Solov'eva E.A. Ritual'nye glinjanye figurki perioda jajoj v Japonii: problema proishozhdenija. In *Shelkovyj put': Istoricheskoe nasledie i sovremennoe razvitie: Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (Novosibirsk, october 31 – November 1, 2020)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2020. P. 23–25 (In Russ.).

Tihonov V.M., Kan Mangil'. Istorija Korei: In 2 vol. Vol. 1: S drevnejshih vremen do 1904 year. / Ed., sost. hron. habl., ukazatelja T.M. Simbirceva (Orientalia et Classica: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti: iss. 41). Moscow: Nautilus, 2011, 533 p. (In Russ).

Yoshinogari iseki. 13-23 nendo-no hakkutsuchousa. Yayoijidai bochisoukatsu. Honhen [Yoshinogari site. 13-23 Heisei years excavations report. Funerals of Yayoi period. Additional volume]. Sagaken kyoikuiinkai, 2019, 541 p. (In Jap.).

Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527
Соловьева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-3481-7292

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0588-0593
УДК 904

Д.В. Папин[1,2]✉, И.А. Савко[1,2,3], А.А. Анойкин[1], М.А. Демин[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: papindv@mail.ru

Исследование кургана раннескифского времени на могильнике Усть-Иша-5 в предгорьях Алтая

Статья посвящена исследованию курганного могильника раннескифского времени Усть-Иша 5, расположенного в Красногорском р-не Алтайского края, близ с. Старая Суртайка. Памятник в тридцатые годы XX в. был открыт С.М. Сергеевым, обследовался Б.Х. Кадиковым в 1961 г., а в 1997 г. в ходе раскопок экспедиции Бийского педагогического института было изучено 10 земляных курганов. В полевой сезон 2021 г. был исследован один самый большой курган некрополя, диаметром до 18 м. По периметру курганной насыпи и за ее пределами было обнаружено шесть детских погребений, представляющие собой небольшие ямы прямоугольной формы, ориентированные по линии запад – восток. Центральное погребение было потревожено в древности, в заполнение могилы были обнаружены фрагмент сосуда и несколько обломков бронзовых пронизок. Захоронение содержало останки одного субъекта, in situ сохранилась нижняя часть погребенного, позволившая реконструировать обряд трупоположения, как скорченно на правом боку головой в западный сектор. Предметы инвентаря и особенности ритуальной практики позволяют отнести раскопанный курган к раннескифскому времени (IX–VII вв. до н.э.). Установлено, что учитывая данные раскопок прошлых лет, памятник Усть-Иша 5 является наиболее изученным могильником начальной стадии раннего железного века предгорного Алтая. Его материалы демонстрируют появление новой традиции сооружения нескольких могил под одной курганной насыпью и использования камня в погребальном обряде, при этом сохраняются элементы, связывающие его с предыдущей эпохой финальной бронзы.

Ключевые слова: *предгорья Алтая, курганный могильник, раннескифское время.*

D.V. Papin[1,2]✉, I.A. Savko[1,2,3], A.A. Anoikin[1], M.A. Demin[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Altai State University
Barnaul, Russia
[3] Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia
E-mail: papindv@mail.ru

Exploration of an Early Scythian Burial Mound at the Ust-Isha-5 Necropolis in the Foothills of the Altai

This article describes the early Scythian burial mound of Ust-Isha 5 located near the village of Staraya Surtaika in Krasnogorsky District of Altai Krai. The site was discovered in the 1930s by S.M. Sergeev and was examined by B.K. Kadikov in 1961. Ten burial mounds were studied there during the excavations by the expedition from the Biysk Pedagogical Institute in 1997. In the field season of 2021, one of the largest burial mounds of the necropolis, reaching 18 m in diameter, was explored. Six children's burials in the form of small rectangular pits oriented along west–east were discovered along and beyond the perimeter of the mound. The central burial was disturbed in antiquity; pottery fragment and several fragments of bronze beads were found in the filling of the grave. The burial contained the remains of one person; the lower part of the

deceased survived in situ, indicating placement of the corpse in the crouched position on the right side with his head towards the western sector. Burial inventory and features of ritual practice make it possible to attribute the excavated burial mound to the Early Scythian period (9th–7th centuries BC). Considering the data from the excavations of the past years, the Ust-Isha 5 site is the best-studied burial ground of the Initial Early Iron Age in the foothills of the Altai. Its evidence demonstrates the emergence of a new tradition of constructing several graves under a single burial mound and using stone in the funeral rite, while retaining some elements from the preceding Final Bronze Age.

Keywords: *foothills of the Altai, burial mound, Early Scythian period.*

Введение

Летом 2021 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета, Барнаульской лабораторией археологии ИАЭТ СО РАН и Алтайского государственного педагогического университета был исследован курган на памятнике Усть-Иша 5, расположенном в Красногорском р-не Алтайского края. Могильник состоит из 55 курганов и находится на высокой террасе правого берега р. Иша, в 1,48 км на юг-юго-восток от моста через р. Иша и в 1,68 км к юго-западу от устья р. Иша, в месте впадения в р. Катунь.

Некрополь был открыт в 1961 г. сотрудником Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиковым [Скопинцева, 1998а, с. 120]. Возможно, что он зафиксировал памятник, раскапывавшийся в начале тридцатых годов XX в. С.М. Сергеевым. В 1997 г. археологом Бийского пединститута Г.В. Скопинцевой, в разных частях могильного поля было исследовано 10 курганов, из которых девять было ограблено в древности, и один оказался непотревоженным [Там же].

Территория памятника расположена на высокой террасе правого берега р. Иша (высота от уреза воды р. Иша 70–90 м). Длина террасы около 300 м, а ширина около 100 м. С востока и юга территория памятника ограничена крутым склоном, спускающимся к р. Иша. Восточная часть опахивается и используется для посевов кукурузы. С северо-запада и запада объект археологического наследия ограничен оврагом, поросшим деревьями и кустарником.

Исследованный нами курган выделялся самой крупной насыпью на могильном поле и был обозначен на плане Г.В. Скопинцевой под номером семь [Скопинцева, 1998б, л. 19, рис. 11].

Описание погребального сооружения и сопроводительного инвентаря

Курган представлял собой земляную насыпь овальной формы, размерами 18 × 16 м, высотой до 0,9 м, ориентирован длиной осью по линии запад-северо-запад – восток-северо-восток, поверхность покрыта травой и кустарником. Общая площадь раскопа составила 288 м^2, объект исследовался с учетом полного изучения земляной насыпи и прилегающего к ней пространства. Для детальной фиксации и изучения внутренних стратиграфических разрезов раскапываемого участка через предполагаемый центр насыпи было размечено две перпендикулярные бровки шириной 0,3 м и длинной 16 м и 18 м, ориентированных по сторонам света запад-северо-запад – восток-северо-восток (бровка I–I') и север-северо-восток – юг-юго-запад (бровка II–II') соответственно. Бровки разделяли насыпь кургана на четыре прямоугольника, которые были обозначены нами как сектора (7 × 8 м – сектор 1; 8 × 9 м – сектор 2; 7 × 10 м – сектор 3; 9 × 10 м – сектор 4) (рис. 1).

После снятия первого условного горизонта размеры насыпи уменьшились до 12,5 м в диаметре. В северном углу сектора № 4 на глубине 0,41 м (от уровня дневной поверхности) были найдены фрагменты лепной глазурованной керамики датируемой XVIII – первой половиной XX в (рис. 2, *1*).

После разбора насыпи и зачистки по материку, в северной и южной частях раскопа, за предполагаемой границей кургана были зафиксированы ямы аморфной формы (объект № 1, 9, 10), размеры которых варьировались от 2,5 до 4,1 м в длину, от 1,5 до 2,4 м в ширину и от 0,4 до 0,98 м глубиной (от уровня материковой поверхности) (см. рис. 1). Заполнение ям было не однородно, наблюдалась слоистость из темно-серого и серо-желтого суглинка. Находок в ямах не обнаружено. Можно предположить, что ямы могли сооружаться с целью забора грунта для сооружения насыпи кургана.

Во время разбора насыпи в разных частях могильного пространства на глубине 0,21–0,69 м от дневной поверхности, встречались скопления рваных камней, самое большое из которых встречено в секторе № 3, состоявшее из пяти рваных камней общими размерами 0,72 × 0,48 × 0,10 м. Четыре камня располагались горизонтально, а один вертикально и углублен в материк. Вертикальный камень обозначен как стела и имел размеры – 0,33 × 0,57 × × 0,08 м, верхнее основание которого было отклонено на 10° к северо-западу (рис. 1). Несколько камней располагались ближе к центру и, возможно, связаны с грабительским выбросом.

На уровне зачистки площади раскопа по материку, после разбора земляной насыпи в восточной

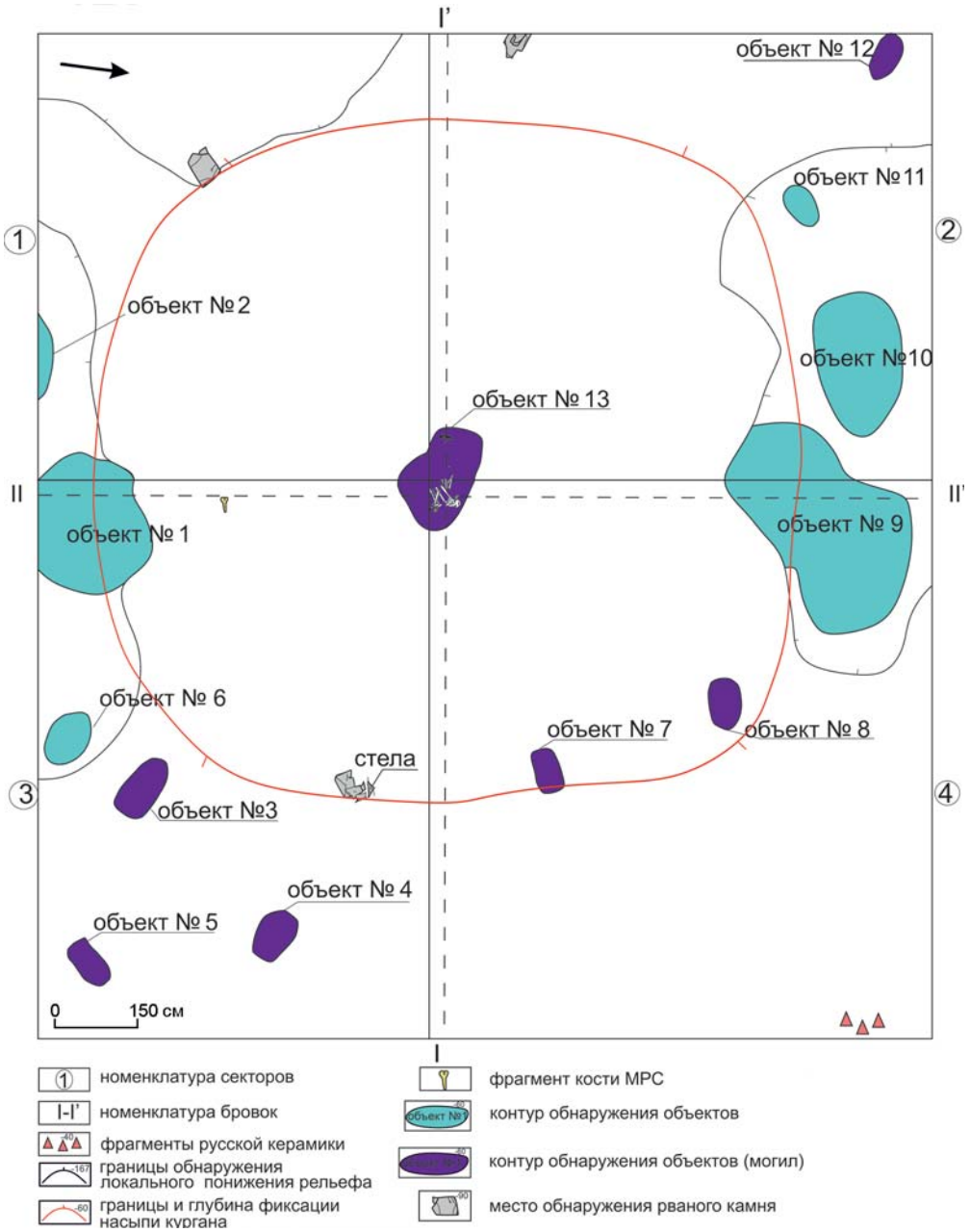

Рис. 1. Общий план кургана № 7 могильника Усть-Иша 5.

и северо-западной частях могильного пространства, на условных краях кургана и за его пределами были зафиксированы шесть объектов (№ 3–5, 7–8, 12), схожих по форме и ориентации (рис. 1). Объекты представляли собой ямы овальной формы с подпрямоугольными краями, размерами от 0,45 × 0,77 м до 0,57 × 1,10 м, глубиной от 0,08 до 0,45 м от уровня материковой поверхности. Объекты были ориентированы длинной стороной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток (объекты № 3–4, 12) и запад-юго-запад – восток-северо-восток (объекты № 5, 7–8). В 4 из 6 объектов, в западных секторах ям, были зафиксированы фрагменты моляров зубов новорожденных детей (объекты № 4–5, 7–8). В одном из погребений (объект № 5) рядом с фрагментами зуба найдены две округлые бусины красного цвета (рис. 1, *2, 3*). Бусина № 1 –кольцевидной, приплюснутой формы, размерами 8,6 × 8,9 мм, толщиной 4 мм. Бусина № 2 – шаровидной, приплюснутой формы, размерами 6,7 × 6,9 мм, толщиной 5 мм.

Другие объекты (№ 3, 12), из-за отсутствия материальных остатков, могут быть отнесены к погребениям лишь условно, по-видимому, останки детей не сохранились из-за плохой сохранности костей и особенностей почвы.

После фиксации и разбора бровок изучалось центральное погребение, обозначенное нами как объект № 13 (рис. 1)**.** Могила была потревожена

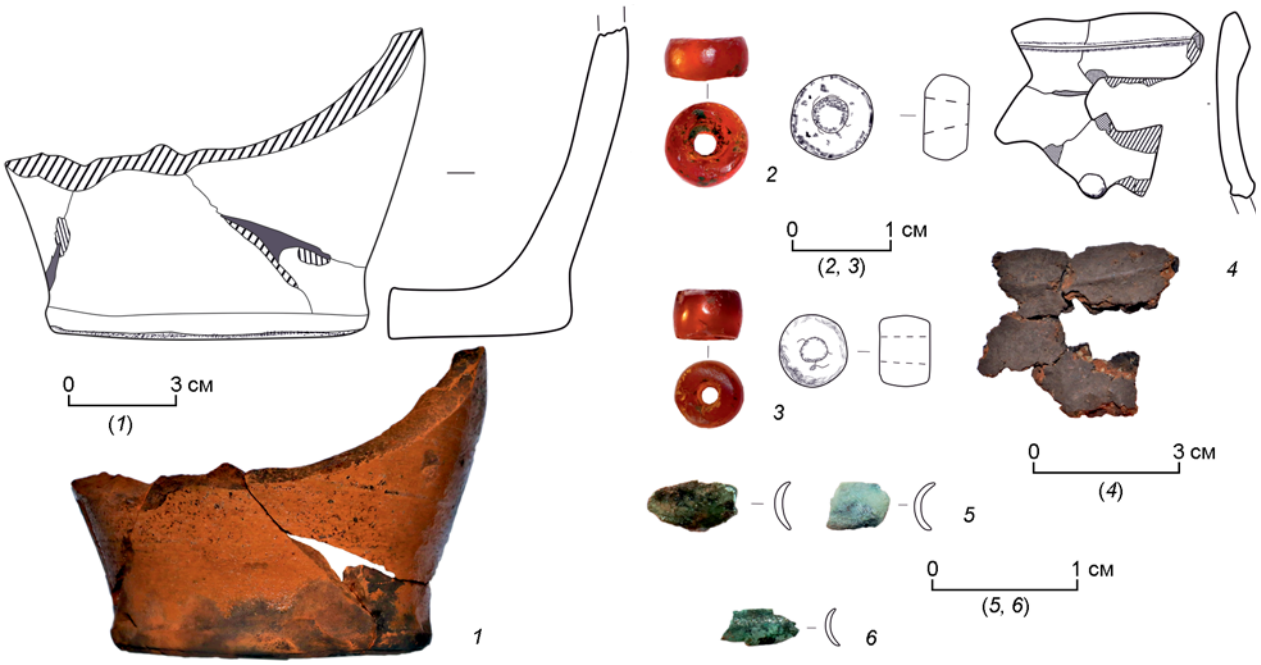

Рис. 2. Находки из кургана № 7 могильника Усть-Иша 5.

1 – керамический сосуд из насыпи кургана (сектор 4); *2, 3* – сердоликовые бусы (объекта № 5); *4* – фрагмент венчика сосуда (объекта № 13); *5, 6* – бронзовые пронизки.

в древности, при этом существенно повреждена. Пятно зафиксировано на уровне материкового слоя на глубине 0,90–0,97 м от дневной поверхности в центре кургана. Могильная яма изначально имела подпрямоугольную форму с округлым западным краем, и была размерами 0,96 × 1,88 м. Ориентирована длинной стороной по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. С юго-восточной части могилы фиксировался грабительский лаз овальной формы размерами 0,30 × 0,94 м. Заполнение могилы – серо-желтый суглинок. После зачистки дна нижний контур могильной ямы был меньше, чем верхний, и имел размеры 0,71 × 1,67 м. Дно могильной ямы достигало глубины 0,80–0,91 м от уровня зачистки по материку. В центре могильной ямы на глубине 0,20 м обнаружен фрагмент отогнутого и скошенного наружу венчика сосуда плохой сохранности, украшенного орнаментом в виде жемчужника (рис. 2, *4*). В западном крае объекта на глубине 0,60 м встречен фрагмент бронзовой подвески размерами 0,4 × 0,8 мм очень плохой сохранности (рис. 2, *5*), а также на глубине 0,61 м скопление костей ребер человека. У северной стенки на глубине 0,70 м встречены фрагменты бронзовой подвески, размерами 0,5 × 0,9 мм и 0,5 × 0,6 мм (рис. 2, *6*). Захоронение содержало останки одного субъекта, анатомический порядок костей нарушен, кости торсальной части и черепа отсутствовали. Судя по сохранившимся в сочленении костям ног и таза, лучевой и локтевым костям, погребенный изначально был уложен на правый бок с согнутыми ногами, руки располагались в районе головы, ориентированной на запад. Кости стоп были вытянуты неестественным образом, что можно объяснить преднамеренной их перевязкой после захоронения или смещением конечностей в процессе трупных явлений уже после засыпки могилы. У длинных трубчатых костей были повреждены или совсем отсутствовали эпифизы, возможно они были затронуты грабителями.

Обсуждение результатов и выводы

В результате раскопок кургана № 7 могильника Усть-Иша-5 в 2021 г. было изучено одно центральное взрослое захоронение и четыре детских, еще два объекта были отнесены нами к детским могилам условно.

Методика раскопок сплошной площадью позволила зафиксировать за пределами насыпи, на уровне древнего почвенного горизонта ямы до 1 м глубиной, в профиле которых видны следы оползания и затеков воды, связанные с эрозией верхних слоев почвы. Это может свидетельствовать о том, что ямы специально не зарывали, они могли сооружаться с целью взятия грунта для сооружения насыпи кургана и одновременно являлись частью его архитектурной композиции.

Судя по анатомическому расположению костей в могильных ямах, все погребенные в кургане были

ориентированы головой в западный сектор. Детские могилы были зафиксированы на краю или за пределами насыпи, что указывает на то, что погребения совершались после сооружения кургана. В то же время детские могилы, находящееся на краях курганной насыпи, не выходили за пределы ям, сооружавшихся для забора грунта, то есть погребения и ямы находились в разных сторонах сооружения, таким образом, ямы ограничивали сакральное пространство конкретного погребального объекта.

Обнаружение бус в детском погребении (объект № 5) является нечастым явлением. Нахождение подобных украшений в районе черепа (в объекте 5 они найдены недалеко от остатков зубов) предполагают наличие головного убора или наплечной одежды у погребенного [Головченко, 2019, с. 200]. Бусы из сердолика найдены и в раннескифских памятниках Горного Алтая [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 87].

Центральное погребение было ограблено еще в древности, грабители сориентировали грабительский лаз на ту часть могилы, где располагалась торсальная часть и череп скелета. Непотревоженными остались лишь кости ног и таза, по которым можно сказать, что умерший лежал на правом боку в сильно скорченном положении. Традиция скорченного положения погребенного головой в западный сектор на Алтае была распространена в переходное время от поздней бронзы к раннему железному веку [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 52–53; Абдулганеев, Папин, 1999, с. 7; Фролов, 2008, с. 146]. По обряду захоронения и инвентарю погребальный комплекс соотносится с захоронениями могильников Берёзовка-1, Суртайка-1,2 раннескифского времени [Абдулганеев, Папин, 1999, с. 6–7]. Фрагмент керамики со скошенным и отогнутым наружу венчиком, орнаментированный жемчужником, находит точные аналогии на памятниках переходного времени (от бронзового века к раннему железному веку): Ближние Елбаны-1 [Грязнов, 1956, с. 68–75], Солонцы-3 и Усть-Иша-2, Усть-Иша-3а [Абдулганеев, Папин 1999, с. 6, Абдулганеев, 2007, с. 106]. Трубчатые (гладкие) бронзовые подвески датируются широким хронологическим периодом от эпохи бронзы до раннего железного века [Грязнов, 1956, табл.V.]. В большинстве случаев эти украшения в раннем железном веке были частью головного убора и обнаружены зачастую в женских погребениях [Головченко, 2019, с. 96–97].

Наличие центрального подкурганного захоронения и связанных с ним детских могил может свидетельствовать о появления новой традиции многомогильных захоронений под одной курганной насыпью. В раннем железном веке это явление имело широкое распространение с IV в. до н.э. по I–II вв. н.э., и, по мнению ряда исследователей, связано с демографическим взрывом, вызванным как внутренним ростом населения, так и миграцией на Алтай соседнего населения кулайской и саргатской культуры [Фролов, 2008, с. 69]. В то же время, для быстрянской культуры предгорного Алтая многомогильные захоронения под курганом редки, хотя данная традиция довольно устойчива и сохранялась на протяжении всего периода существования этой культуры [Радовский, Серегин, 2020, с. 27]. Вместе с тем, данный вопрос можно рассматривать и с методической точки зрения, так как до настоящего времени курганы предгорного Алтая раскапывались исключительно только по насыпи. И, соответственно, все раскопанные курганы интерпретировались как одиночные подкурганные захоронения. На рассматриваемом нами могильнике Г.В. Скопинцевой только в одном случае было зафиксировано боковое захоронение, то же самое и относится к курганам могильника Суртайка 2, изученного С.М. Сергеевым.

Раскопанное в 2021 г. нами погребальное сооружение соответствует изученным в 1997 г. курганам, в насыпях которых также встречались отдельные камни, положение костяков в погребениях скорченно на боку, головой в западный сектор, внутримогильные конструкции преимущественно отсутствовали, лишь в трех прослежены деревянные обкладки стен [Скопинцева, 1998а, с. 120–123]. Но в отличие от работ предыдущих археологов, нами сплошным раскопом была вскрыта большая площадь, показавшая наличие детских могил за пределами курганной насыпи (безусловно связанных общей планировкой с центральным погребением), а также каменной стелы, поставленной с востока.

Обобщая все вышесказанное, необходимо отметить, что в настоящее время могильник Усть-Иша 5 является наиболее исследованным памятником раннескифского времени предгорно-равнинного Алтая, где в разное время было изучено не менее 20 курганов, имеющих одинаковые черты погребального обряда. Впервые в заполнение погребения была найдена керамика, имеющая аналогии на поселениях переходного времени от бронзы к железу. На возможность этого ранее указывал М.Т. Абдулганеев, говоря о том, что городища Усть-Иша 2 и Усть-Иша 3а, находятся в прямой видимости от могильника Усть-Иша 5 [Абдулганеев, Папин, 1999, с. 6–7]. Другим важным моментом было установление того, что межкурганное пространство заполнено грунтовыми погребениями, планиграфически связными с центральным захоронением кургана. Данный факт позволяет по новому оценить процесс генезиса традиций погребальной практики в раннескифское время на территории предгорного Алтая.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00179.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катуни // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 5–13.

Абдулганеев М.Т. Городище Усть-Иша-2 в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. XVI. – С. 101–109.

Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2019. – 364 с.

Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 163 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.

Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрянской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные Архивы и Экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 20–37.

Скопинцева Г.В. Новый могильник раннескифского времени в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. – Вып. IX. – С. 120–124.

Скопинцева Г.В. Отчет об археологической разведке и раскопках экспедиции БГПИ в июне-июле 1997 г. в Красногорском районе Алтайского края // Архив ИА РАН. – 1998б. - Ф.1/Р. 1. – № 21386. – 55 л.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.

References

Abdulganeev M.T., Papin D.V. Pamjatniki ranneskifskogo vremeni v mezhdurech'e Bii i Katuni. In *Itogi izuchenija skifskoj jepohi Altaja i sopredel'nyh territorij*. Barnaul: Altai Univ. Press., 1999. P. 5–13. (In Russ.).

Abdulganeev M.T. Gorodishhe Ust'-Isha-2 v severnyh predgor'jah Altaja. In *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja*. Barnaul: Altai Univ. Press., 2007. P. 101–109. (In Russ.).

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemjon Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka. Moscow-Leningrad: AN SSSR Publ., 1956, 163 p. (In Russ.).

Kirjushin Ju.F., Tishkin A.A. Skifskaja jepoha Gornogo Altaja. Chast' I. Kul'tura naselenija v ranneskifskoe vremja. Barnaul: Altai Univ. Press., 1997, 232 p. (In Russ.).

Kirjushin Ju.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaja jepoha Gornogo Altaja. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye kompleksy pazyrykskoj kul'tury. Barnaul: Altai Univ. Press 2003, 234 p. (In Russ.).

Radovskij S.S., Seregin N.N. Pogrebal'nye sooruzhenija naselenija bystrjanskoj kul'tury skifo-sakskogo vremeni (severnye predgor'ja Altaja). *Severnye Arhivy i Jekspedicii*, 2020. Vol. 4, no. 1. P. 20–37. (In Russ.).

Skopinceva G.V. Novyj mogil'nik ranneskifskogo vremeni v predgor'jah Altaja. In *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja*. Barnaul: Altai Univ. Press 1998. P. 120–124. (In Russ.).

Skopintseva G.V. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke i raskopkakh ekspeditsii BGPI v iyune-iyule 1997 g. v Krasnogorskom raione Altaiskogo kraya // Arkhiv IA RAS. – 1998b. - F.1/R. 1. – no 21386. – 55 s. (In Russ.).

Frolov Ja.V. Pogrebal'nyj obrjad naselenija Barnaul'skogo Priob'ja v VI v. do n.je. – II v. n.je. (po dannym gruntovyh mogil'nikov). Barnaul: Azbuka Publ., 2008, 479 p**.** (In Russ.).

Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092
Савко И.А. https://orcid.org/0000-0002-7463-7333
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0594-0599
УДК 572

Д.В. Поздняков, Т.А. Чикишева✉

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: dimolka@gmail.com; chikishevata@mail.ru

Население булан-кобинской культуры по антропологическим данным

В статье рассматриваются результаты исследования краниологических особенностей населения Горного Алтая гунно-сарматского времени. Изученные новые краниологические материалы представляют все хронологические этапы существования булан-кобинской культуры. Так, захоронения могильника Усть-Эдиган и ранняя группа погребений могильника Яломан II относятся к усть-эдиганскому этапу (II в. до н.э. – I в. н.э.), погребения могильника Курайка датируются бело-бомским этапом (II – первая половина IV в. н.э.). Материалы из поздней группы из могильников Яломан II и Дялян отражают верх-уймонский этап развития культуры (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.). Анализ морфологических особенностей черепов из новых материалов позволяет говорить об антропологической неоднородности булан-кобинского населения. Прежде всего, обращает на себя внимание появление на территории Горного Алтая нового европеоидного краниологического комплекса. Ближайшие аналогии ему обнаруживаются на территории Синьцзяна, в материалах могильника Шампула, датируемого рубежом эр. Данный комплекс не встречается в более ранних материалах эпохи раннего железного века, относящихся к пазырыкской и кара-кобинской культурам. Другой краниологический комплекс, представленный в материалах могильника Курайка, близок по своим характеристикам к синхронной группе с территории Тывы из могильника Кокэль. В то же время в антропологическом составе булан-кобинского населения сохраняется и автохтонный для Алтае-Саянской горной страны морфологический комплекс. Он достаточно хорошо представлен в среде булан-кобинского населения, но особенно отчетливо в женской его части. Кроме того, в сериях более поздних этапов культуры появляются индивиды центральноазиатского расового типа.

Ключевые слова: *Горный Алтай, булан-кобинская культура, краниология, антропологические типы.*

D.V. Pozdnyakov, T.A. Chikisheva✉

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: dimolka@gmail.com; chikishevata@mail.ru

Population of the Bulan-Koba Culture According to Anthropological Data

The article discusses the results of the study of craniological characteristics of the Altai population of the Hunno-Sarmatian period. The studied new craniological materials represent all stages of existence of the Bulan-Koba culture. The Ust-Edigan burial mound and the early burials of the Yaloman II burial mound belong to the Ust-Edigan stage (2nd century BC–1st century AD), the burials of the Kuraika burial mound date back to the Bely-Bom stage (2nd–first half of the 4th centuries AD). Materials from the late group from Yaloman II and Dyalian belong to the Verkh-Uimon stage of cultural development (2nd half of the 4th–first half of the 5th centuries AD). Analysis of new materials allows us to speak about the anthropological heterogeneity of the Bulan-Koba population. Analysis of the morphological features of skulls from new materials allows us to speak about the anthropological heterogeneity of the Bulan-Koba population. First, the appearance of a new European craniological complex in the territory of Altai. The closest parallels to this complex are found in the territory of Xinjiang, in the materials of the Shampula burial ground (the turn of the 1st millennium BC–1st millennium AD). This complex was not found in the earlier materials of the Pazyryk and Kara-Koba cultures in Altai. Another craniological complex presented in the materials of the Kuraika burial mound is similar, in its characteristics, to the synchronous group from the territory of Tyva, the Kokel burial ground. At the same time, in the anthropological composition of the Bulan-Koba population, the morphological

complex, which is autochthonous for the Altai-Sayan mountainous country, is also preserved. He is well represented among the Bulan-Kobin population, but in particular, in its female part. In addition, individuals of the Central Asian morphological type appear in a series of later stages of the culture.

Keywords: *Altai, Bulan-Koba culture, craniology, anthropological types*.

Наше исследование направлено на изучение краниологических особенностей населения Горного Алтая гунно-сарматского времени, представленного в погребениях из нескольких крупных могильников. Оно предпринято с целью выявления антропологических компонентов, участвующих в процессе формирования и существования булан-кобинской этнокультурной общности.

В качестве источников к исследованию привлечены краниологические материалы из погребального комплекса Усть-Эдиган (исследовался в 1988–1995 гг. Ю.С. Худяковым, М.В. Мороз, С.Г. Скобелевым), Курайка (исследовался в 1994 г. В.И. Соёновым, в 2001–2007 гг. И.Ю. Слюсаренко и Е.С. Богдановым, в 2014 г. А.В. Эбелем, в 2015 Н.А. Константиновым и в 2017–2019 гг. Е. С. Богдановым), Дялян (исследован в 1989–1990 гг. Ю.В. Тетериным), Яломан II (исследован с 2002 по 2008 г. А.А. Тишкиным).

Согласно одной из последних версий культурно-хронологического анализа погребений гунно-сарматского времени Горного Алтая, предполагается развитие одной булан-кобинской археологической культуры (этнокультурной общности). На основе типологического анализа инвентаря выделены три хронологические группы булан-кобинских памятников, соотносящиеся с последовательными этапами развития культуры – усть-эдиганским (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомским (II – первая половина IV в. н.э.), верх-уймонским (2-я половина IV – первая половина V в. н.э.) [Тишкин, 2007, с. 174]. Согласно этой хронологической схеме, могильник Усть-Эдиган является наиболее ранним. К этому же усть-эдиганскому этапу относятся ранние погребения могильника Яломан II [Тишкин, 2007, с. 181]. Погребения могильника Курайка датируются бело-бомским этапом. Материалы поздней группы из могильников Яломан II [Тишкин, 2007, с. 181] и Дялян [Митько, Тетерин, 2019] отражают финальный, верх-уймонский этап развития культуры.

Серия из могильника Усть-Эдиган представлена 15 мужскими и 20 женскими черепами. Мужские характеризуются средним продольным и малым поперечным диаметрами, мезокранией (практически на границе с долихокранными показателями) и высоким сводом. Их лобная кость умеренно наклонная, средней ширины, достаточно выпуклая в горизонтальном сечении. Лицевой отдел ортогнатный, средней высоты и ширины. Углы горизонтальной профилировки лица свидетельствуют об очень незначительной уплощенности, прежде всего на орбитальном уровне. Верхняя челюсть короткая, средней ширины с узким нёбом, умеренно выступающая вперед, по отношению к общему профилю лица. Орбиты широкие, малой высоты, однако по указателю они имеют средние пропорции. Грушевидное отверстие средней высоты, узкое как по широтным величинам, так и по указателю. Преобладает приостренный нижний край, переходящий в короткую передненосовую ость. Угол носовых костей средний, однако, носовые косточки высокие, как на уровне наименьшей ширины, так и на уровне дакрионов. Нижняя челюсть некрупная, с большим наклоном ветвей и умеренным выступанием подбородка.

Женские черепа отличаются большей шириной черепной коробки, что придает им мезо-брахикранные пропорции. Лобная кость уже и более плоская в поперечном сечении. Лицевой отдел более ортогнатный и более уплощенный, чем у мужчин. Из погребений ранней группы могильника Яломан II в нашем распоряжении имелось четыре мужских и три женских черепа. Сохранность костного материала в данной коллекции можно охарактеризовать как неудовлетворительную. Количественно выборка такова, что приходится давать характеристику единичным черепам, возводя индивидуальные особенности в ранг групповых.

Мужские черепа характеризуются средними величинами основных диаметров свода и брахикранными пропорциями. Единичный показатель высоты свода от базиона попадает в категорию больших величин. Лобная кость средней ширины, со средним наклоном, незначительно уплощенная.

Средняя высота ортогнатного уплощенного лица сочетается со средней величиной скулового диаметра. Орбиты неширокие, низкие, мезоконхные по указателю. Носовое отверстие средней высоты, узкое, с антропинным нижним краем. По своим пропорциям попадает на пограничные варианты между лепто- и мезоринией. Носовые косточки средней ширины, высокие, умеренно выступающие над общим профилем лица. Альвеолярный отдел средних размеров, не выступающий, с узким нёбом. Нижняя челюсть средних размеров со слабо наклонными высокими ветвями и не выступающим подбородком.

Мозговая капсула женских черепов, в целом, повторяет те же характеристики, что и у мужчин,

отличаясь лишь несколько более прямым и уплощенным в поперечном сечении лбом. Особенности лицевого отдела также мало отличаются от мужских, за исключением более низких орбит, пониженной высоты носовых косточек при большем угле его выступания. Нижняя челюсть пропорционально меньше и грацильней.

Поздняя группа погребений могильника Яломан II представлена двумя мужскими черепами. Еще два черепа из этого могильника, также относящихся к поздней группе, были опубликованы И.Р. Газимзяновым [2018] в виде средних данных, и включить их в общую серию не удалось.

Серия характеризуется мезо-долихокранной (на границе с долихокранией) черепной коробкой, с большой высотой свода. Лоб наклонный, узкий, не уплощенный в горизонтальном сечении.

Лицо ортогнатное, средней высоты, с большим скуловым диаметром. Умеренно профилированный верхний уровень сочетается с небольшой уплощенностью на уровне скул. Орбиты низкие, хамэконхные по указателю. Нос низкий и узкий, мезоринный по указателю. В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладают предносовые ямки в сочетании с умеренно выраженной передненосовой остью. Носовые косточки средней ширины и высоты, но большим углом выступания над общим лицевым уровнем. Нижняя челюсть, по большинству параметров средних размеров, но широкая на уровне углов, со слабо выступающим подбородком.

Краниологическая серия из могильника Курайка представлена 18 мужскими и 17 женскими черепами и нижними челюстями разной степени сохранности. Пять мужских и четыре женских черепа были опубликованы ранее И.Р. Газимзяновым [2018]. Нами они были заново отреставрированы, измерены и включены в общую серию.

Мозговой отдел крупный, мезо-брахикранный с большими параметрами продольного, поперечного и высотного (от порионов) диаметров. Высота свода от базиона имеет среднюю величину. Лобная кость наклонная, с хорошо выраженным надглазничным рельефом. Она средней ширины на уровне височных линий, резко расширяющаяся к коронарному шву, средне выпуклая в продольном и среднеуплощенная в поперечном сечении.

Лицо широкое на всех уровнях, с большим скуловым диаметром. Его высота находится на границе средних и больших величин. Вертикальный профиль ортогнатный как по общему углу, так и по указателю выступания лица. Альвеолярный отдел несколько выступающий, со средними параметрами верхней челюсти, с узким нёбом. Размеры углов горизонтальной профилировки свидетельствуют об умеренной уплощенности лицевого отдела на обоих уровнях. Орбиты широкие, средней высоты, хамэконхные по указателю. Грушевидное отверстие мезоринное, средней высоты и ширины. В строении его нижнего края преобладают предносовые ямки в сочетании со слабо выраженной передненосовой остью. Носовые косточки средней ширины и высоты, слабо выступающие над общим профилем лица. Нижняя челюсть крупная, широкая, со средне наклонными, высокими ветвями и средне выступающим подбородком.

Основные параметры черепной коробки у женщин близки к показателям мужской группы, отличаясь несколько более узким сводом и, как следствие, мезокранными пропорциями. Лобная чешуя широкая и более выпуклая. Лицо также ортогнатное, умеренно уплощенное, широкое, но при этом высокое (в некоторых случаях очень высокое). Орбиты крупные, мезохонхные. Отличия в строении носового отдела сводятся к несколько большим величинам симотической и дакриальной высот, а также к несколько большему углу выступания носовых костей.

Серия из могильника Дялян представлена тремя мужскими и семью женским черепами. Часть ее была опубликована И.Р. Газимзяновым [2018]. Как и в случае с ранней серией из могильника Яломан II, многие параметры представлены единичными измерениями. Единственная, частично разрушенная мозговая капсула мужского черепа имеет долихокранные пропорции со средним продольным и малым поперечным диаметром. Лобная чешуя узкая, наклонная и умеренно изогнутая в вертикальном и горизонтальном профилях.

Лицевой отдел мезогнатный, средней высоты и ширины с большим скуловым диаметром, умеренно уплощенный на обоих уровнях. Орбиты средней ширины, низкие, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие лепторинное, средней высоты и ширины. В серии преобладает инфантильный нижний край носовой вырезки с короткой передненосовой остью. Носовые косточки средней ширины, высокие. Угол носовых косточек, измеренный только на одном черепе, попадает в категорию больших величин. Нижняя челюсть крупная, широкая, со средне наклонной высокой ветвью и слабо выступающим подбородком.

Женские черепа имеют брахикранную форму, с малым продольным, большим поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб средней ширины, выпуклый и умеренно наклонный. Их лицевой отдел средней высоты и ширины, мезогнатный, со слегка уплощенным верхним уровнем. Верхняя челюсть слегка выступающая, широкая, но с узким нёбом. Орбиты мезоконхные, широкие и низкие. Нос мезоринный, средней высоты и узкий с инфантильным нижним краем и коротким передне-

Средние данные измерений черепов из памятников булан-кобинской культуры Горного Алтая

Признак*	Усть-эдиган		Яломан II (ранний)		Курайка		Яломан II (поздний)	Дялян	
	♂	♀	♂	♀	♂	♀	♂	♂	♀
1	183,7 (14)	170,2 (18)	183 (2)	168 (2)	185,6 (14)	179,9 (14)	179 (1)	184 (1)	169,3 (3)
8	138,1 (12)	135,3 (16)	140,5 (2)	135 (2)	146,8 (12)	139,4 (15)	137 (2)	138 (1)	142 (3)
8:1	75,4 (12)	79,2 (16)	80,3 (1)	80,4 (2)	79,4 (12)	77,9 (13)	76 (1)	75 (1)	83,9 (3)
17	138,5 (11)	130,2 (18)	138 (1)	129 (1)	133,5 (10)	129,6 (12)	137 (2)	–	128,7 (3)
20	117,2 (12)	112,5 (18)	115,5 (2)	110 (1)	118,9 (10)	114,5 (13)	120 (2)	111 (1)	114,5 (4)
5	104,7 (12)	96,9 (18)	100 (1)	97 (2)	102,1 (10)	99,6 (10)	102,5 (2)	–	95,5 (4)
9	94,2 (12)	90,8 (15)	95,2 (3)	91,8 (2)	96,1 (13)	95,9 (16)	89,4 (2)	90,5 (2)	91,9 (6)
10	119,9 (11)	115,2 (16)	121 (2)	118 (1)	123,8 (13)	120,3 (15)	114 (2)	117 (1)	115,5 (4)
< h	135,8 (12)	137,5 (15)	135 (3)	140,4 (2)	136,6 (13)	135,7 (15)	134,9 (2)	142,9 (2)	135,3 (6)
Sub.NB	24,9 (12)	26,2 (19)	25,5 (3)	25 (1)	24,3 (14)	27 (14)	20,8 (2)	25,7 (2)	24,7 (6)
45	133,5 (11)	125,8 (18)	134 (1)	124,5 (2)	143,4 (10)	131,9 (13)	139,5 (2)	141,5 (2)	125,2 (6)
40.	96,4 (9)	91,8 (14)	89 (1)	92 (2)	102,8 (6)	96,2 (8)	96,5 (2)	–	94 (4)
40:5	93,2 (9)	95,1 (14)	89 (1)	94,9 (9)	97,7 (6)	97,3 (8)	94,2 (2)	–	98,6 (4)
48	72,8 (13)	67,3 (16)	70,3 (3)	64,5 (2)	73,7 (10)	71,4 (15)	71 (2)	73 (2)	66,3 (7)
47	121,1 (10)	109,9 (14)	115 (3)	109,3 (2)	123,8 (8)	118,5 (11)	123,5 (2)	120 (2)	108,1 (7)
43	105,2 (12)	101 (16)	107,1 (4)	104,5 (2)	109,3 (13)	108,5 (16)	106 (2)	103 (2)	100,9 (7)
46	94,9 (12)	93,1 (15)	96 (3)	90,2 (2)	101,3 (12)	95,7 (15)	97 (1)	94 (2)	94 (7)
60	51,8 (9)	48,5 (14)	52 (1)	50 (2)	54,9 (7)	52,1 (15)	52,5 (2)	52,5 (2)	50,2 (5)
61	61,6 (11)	59,4 (15)	61 (1)	58,5 (2)	64,7 (10)	61,4 (15)	64,3 (2)	63,5 (2)	63,5 (5)
61:60	120,5 (8)	122,6 (14)	117,3 (1)	117,1 (2)	116,7 (6)	118,3 (15)	122,4 (2)	121 (2)	127,1 (5)
62	46,6 (9)	42 (12)	44 (1)	42,4 (3)	47,4 (8)	45,9 (12)	49,5 (1)	45,4 (2)	44,4 (6)
63	36,4 (12)	34,1 (16)	24 (1)	34 (3)	36,5 (13)	35,1 (16)	31 (2)	34,6 (2)	33,9 (5)
63:62.	77,3 (9)	81,4 (12)	54,5 (1)	80,4 (3)	78,9 (8)	76,6 (12)	60,6 (1)	76,4 (2)	76,3 (5)
55	53,3 (13)	49,4 (18)	51,2 (3)	46,9 (2)	52,3 (14)	51,4 (15)	48,2 (2)	52 (2)	48,6 (7)
54	23,6 (13)	22,8 (19)	24 (3)	23 (2)	24,6 (13)	24,9 (17)	23,9 (2)	24,7 (3)	23,1 (7)
54:55	44,2 (12)	46,4 (18)	46,9 (3)	49 (2)	47,2 (13)	48,9 (15)	49,6 (2)	46,5 (2)	47,6 (7)
51	43,3 (11)	41 (15)	43 (4)	41,9 (2)	45 (13)	43,6 (15)	41,7 (2)	41,7 (3)	41,4 (7)
52	33,2 (10)	31,8 (16)	33,1 (4)	30,7 (2)	33,4 (14)	33,4 (15)	31 (2)	33,2 (2)	32,3 (7)
52:51	76,1 (10)	77,9 (15)	77,4 (4)	73,4 (2)	74,6 (13)	76,8 (15)	74,6 (2)	77,2 (2)	78,2 (7)
77	140, (13)	143,2 (16)	148,5 (4)	145,5 (2)	142,7 (12)	141,1 (16)	139,7 (2)	140,3 (3)	141,6 (7)
Zm	128,6 (12)	132,7 (14)	135,6 (3)	134,8 (2)	132,5 (11)	133,8 (14)	133,9 (1)	131,2 (2)	128,5 (7)
SC	8,7 (12)	7,9 (19)	8,8 (4)	7,8 (2)	9,3 (14)	8,4 (16)	7,6 (2)	7,6 (3)	8,2 (7)
SS	4,8 (12)	3,3 (18)	4,9 (4)	2,9 (2)	4 (14)	3,6 (15)	3,9 (2)	4,8 (2)	3,6 (7)
SS:SC	54,8 (12)	43,2 (18)	55,4 (4)	37,5 (2)	44,6 (14)	42,9 (15)	53,9 (2)	57,9 (2)	43,8 (7)
DC	20,9 (12)	21,3 (18)	20,6 (3)	21,3 (2)	23,8 (13)	23 (14)	20,3 (2)	21 (1)	20,1 (5)
DS	10,7 (11)	10,6 (17)	11,4 (3)	9,7 (2)	11,6 (13)	11,1 (14)	11,1 (2)	11 (1)	10,1 (5)
DS:DC	52,2 (11)	50,5 (17)	55,5 (3)	37,5 (2)	49,4 (13)	49 (14)	56 (2)	52,4 (1)	50 (5)
32	81,6 (10)	84,8 (17)	82 (2)	87 (2)	81,3 (10)	84,1 (13)	79 (2)	76 (1)	84,8 (4)
72	86,1 (10)	85,4 (14)	86,5 (2)	86,5 (2)	87,5 (6)	86 (13)	84,5 (2)	84 (1)	83,3 (4)
74	69,8 (10)	73,9 (14)	79 (2)	77,5 (2)	76,8 (5)	74,6 (12)	78,2 (2)	71 (1)	72 (4)
75(1)	26,5 (11)	22,5 (13)	26,5 (2)	26 (2)	21,9 (7)	20,2 (14)	28,5 (2)	34 (1)	22,2 (5)
68(1)	110,7 (11)	100,8 (17)	103,5 (2)	97 (2)	109,8 (15)	106,7 (15)	110 (2)	110 (3)	100,9 (6)
79	124,6 (11)	125 (17)	116,3 (2)	121,5 (2)	120,6 (15)	124,3 (16)	121,8 (2)	124,3 (3)	123,2 (6)
68	80,1 (11)	72 (17)	78,5 (2)	73 (2)	81,1 (15)	77,6 (16)	78,5 (2)	81 (3)	73,5 (6)
70	63 (11)	57,7 (17)	65,8 (2)	57,5 (2)	65,4 (15)	59,7 (15)	66,5 (2)	64,3 (3)	57,8 (6)
71a	32,8 (12)	31,5 (16)	33,7 (3)	31 (1)	35 (15)	33,6 (14)	37 (1)	34 (3)	32,2 (5)
65	115,5 (6)	113 (11)	115 (1)	106,9 (2)	124,1 (12)	119,5 (14)	–	132,8 (2)	112,2 (3)
66	99,9 (9)	93 (15)	103 (2)	90,3 (2)	105 (14)	97,6 (13)	117 (1)	103,7 (3)	92,8 (5)
67	46,6 (10)	44,1 (16)	43,5 (3)	43,8 (2)	47,7 (15)	46,6 (16)	46 (2)	46,7 (3)	45,5 (6)
69	35,3 (7)	31,4 (16)	29,3 (4)	31 (2)	35,9 (13)	32,4 (11)	36,3 (2)	36 (3)	31,5 (7)
69(1)	33,7 (10)	29,3 (16)	29,8 (4)	29,3 (2)	33,7 (14)	31,8 (11)	35,5 (2)	33,5 (3)	28,8 (6)
69(3)	11,6 (10)	10,8 (17)	11,4 (4)	12 (2)	12,5 (16)	12,3 (16)	15 (1)	11,8 (3)	12,7 (6)
C	67,7 (6)	67,4 (16)	61 (2)	69 (2)	67,4 (12)	67,6 (11)	59,5 (2)	66,3 (3)	70 (5)

*Краниометрические признаки по: [Алексеев В.П, Дебец Г.Ф., 1964; Гохман И.И., 1961].

носовым шипом. Носовые косточки средней ширины, высокие, со средним углом наклона. Нижняя челюсть средних размеров с достаточно высокой ветвью и умеренно выступающим подбородком.

Средние данные измерений приведены в таблице.

Анализ морфологических особенностей булан-кобинского населения из новых материалов позволяет говорить о его антропологической неоднородности. Прежде всего, обращает на себя внимание появление на территории Горного Алтая нового краниологического комплекса. Ярче всего он представлен в мужской серии могильника Усть-Эдиган. Пожалуй, это самая гомогенная выборка в нашем исследовании. Ее основой является долихокранный, высокоголовый европеоидный тип с невысоким, узким, хорошо профилированным лицом. Ближайшие аналогии ему обнаруживаются на территории Синьцзяна, в материалах могильника Шампула, датируемого рубежом эр [Sampula…, 2001]. На уровне индивидуальных данных черты данного комплекса можно выделить в материалах могильников Яломан II (ранняя и поздняя группы) и Дялян. Данный комплекс не встречается в более ранних материалах пазырыкской и кара-кобинской культур. Его появление на территории Алтая связано с появлением булан-кобинского населения. В данный момент невозможно с безусловной точностью определить изначальный регион происхождения этого населения, однако имеющиеся данные позволяют предполагать его длительное существование на территории Синцзяна с эпохи бронзы (могильник Гумугоу) [Чуев, Китов, 2014], и вплоть до гунно-сарматского времени (могильники Чаоху) [Комиссаров, Поздняков, 2004] и Шампула [Sampula…, 2001]. Появление в материалах усть-эдиганского этапа предметов среднеазиатского круга [Тишкин, 2007, с. 176] может также служить подтверждением южного направления связей.

Другой краниологический комплекс представлен в материалах могильника Курайка. Это крупные мезо-брахикранные черепа с высоким, широким и умеренно уплощенным лицом и средне моделированным носовым отделом. Аналогии такой морфологии обнаруживают определенное сходство с синхронными материалами, полученными на территории Тывы (могильник Кокэль) [Алексеев, Гохман, 1970]. О влиянии «кокэльцев» на население Горного Алтая указывал Ю.С. Худяков [Худяков, 1993, с. 74].

Необходимо так же отметить, что каждая из локальных и хронологических групп не является абсолютно однородной по своему составу. Помимо выделенных комплексов, в составе каждой выборки имеются и другие варианты, более сложные для интерпретации. По антропологическому составу женские группы разнообразнее мужских. Уверенно можно говорить, скорее, о большей или меньшей гомогенности серий, что часто обусловлено еще и малым количеством наблюдений. Такая ситуация часто отмечается в женских выборках различных культурных и хронологических срезов. Но к эпохе раннего железного века становится почти правилом. Вероятнее всего, объяснением такой разнородности может служить своеобразие брачных связей, особенно у мигрантных групп. В случае с наиболее ранней серией из Усть-Эдигана такой контраст между морфологией мужчин и женщин выглядит наиболее отчетливым. Можно предположить, что основным у женщин этой популяции является автохтонный для Алтая компонент. Выявлен также европеоидный вариант, являющийся базовым в мужской группе, и монголоидный центральноазиатский антропологический тип. Подобное типологическое разнообразие можно отметить и для женской выборки из могильника Курайка, где центральноазиатский компонент представлен даже отчетливее.

Таким образом, новые материалы позволяют сделать несколько важных выводов, уточняющих ранее высказанные нами предположения о формировании антропологического состава гунно-сарматского населения на территории Горного Алтая [Чикишева, Поздняков, 2000]. Во-первых, появление на территории Алтая булан-кобинской культуры сопровождалось появлением и нового для этой территории антропологического типа. Его связь с Синьцзяном в настоящий момент выглядит наиболее предпочтительной. Автохтонный для Алтае-Саянской горной страны морфологический комплекс достаточно отчетливо представлен в среде булан-кобинского населения, особенно в женской его части. Кроме того, в сериях более поздних этапов культуры появляются индивиды центральноазиатского расового типа. Усиление в гунно-сарматское время в этом регионе монголоидных характеристик отмечалось и ранее, особенно для южных [Чикишева, Поздняков, 2000] и восточных областей [Ким, 1990].

Список литературы

Алексеев В.П., Гохман И.И. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокэль // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – Л.: Наука, 1970. – С. 237–297.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Газимзянов И.Р. Новые данные по краниологии населения Горного Алтая гунно-сарматского времени. // Поволжская археология. – 2018. – № 4 (26). – С. 137–162.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.

Ким А.Р. К палеоантропологии восточной части Горного Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Охрана и использование археологических памятников Алтая (тезисы докладов и материалов к конференции). – Баранаул: [б.и.], 1990 – С. 134–136.

Комиссаров С.А., Поздняков Д.В. Археологические и культурные характеристики могильника Чауху-3, Восточный Туркестан (Синьцзян) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 289–294.

Митько О.А., Тетерин Ю.В. Дяляновская погребальная традиция населения Горного Алтая в материалах некрополей кочевников Восточной Европы // Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты: материалы V Международного симпозиума «Мобильность и миграция: концепции, методы, результаты» (Денисова пещера (Алтай, Россия), 19–24 августа 2019 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 104–115.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 356 с.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири в II в. до н.э. – V в. н.э. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1993. – 89 с.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 116–131.

Чуев Н.И., Китов Е.П. Древнее население Синьцзяна эпохи бронзы по материалам могильников в районе озера Лобнор // Восхождение к вершинам археологии: сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. – Алматы: «Хикари», 2014. – С. 145–156.

Sampula in Xinjiang of China. Revelation and study of Ancient Khotan Civilization. – Xinjiang People's Publishing House, 2001. – 240 p.

References

Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovanii, Moscow: Nauka, 1964, 128 p. (In Russ.).

Alekseev V.P., Gokhman I.I. Paleoantropologicheskie materialy gunno-sarmatskogo vremeni iz mogil'nika Kokel'. In *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii,* Leningrad: Nauka, 1970. P. 237–297. (In Russ.).

Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Physical Anthropology of the Gorny Altai Population in the Hunno-Sarmatian Period. In *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2003. Vol. 3. no. 3. P. 116–131. (In Russ.).

Chuev N.I., Kitov E.P. Drevnee naselenie Sin'tszyana epokhi bronzy po materialam mogil'nikov v raione ozera Lobnor. In *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Drevnie i srednevekovye gosudarstva na territorii Kazakhstana», posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya K.A. Akisheva,* Almaty: «Khikari», 2014. P. 145–156. (In Russ.).

Gazimzyanov I.R. Novye dannye po kraniologii naseleniya Gornogo Altaya gunno-sarmatskogo vremeni. In *Povolzhskaya arkheologiya,* 2018, no. 4 (26). P. 137–162. (In Russ.).

Gokhman I.I. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlya rasovoi diagnostiki In *Voprosy antropologii,* 1961, iss. 8. P. 88–98. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri v II v. do n.e. – V v. n.e. – Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 1993. 89 p. (In Russ.).

Kim A.R. K paleoantropologii vostochnoi chasti Gornogo Altaya v pervoi polovine I tys. n.e. In *Okhrana i ispol'zovanie arkheologicheskikh pamyatnikov Altaya (tezisy dokladov i materialov k konferentsii),* Baranaul: [s.n.], 1990. P. 134–136. (In Russ.).

Komissarov S.A., Pozdnyakov D.V. Arkheologicheskie i kul'turnye kharakteristiki mogil'nika Chaukhu-3, Vostochnyi Turkestan (Sin'tszyan). In *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii*, Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004. P. 289–294. (In Russ.).

Mitko O.A., Teterin Y.V. Dyalyan Funeral Tradition of Altai Mountains' Population in Materials of Nomads' Necropolis (Eastern Europe). In *Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results: Materials of the V International Symposium "Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results" (Denisova Cave (Altai, Russia), 19-24 August 2019).* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. P. 104-115. (In Russ).

Sampula in Xinjiang of China. Revelation and study of Ancient Khotan Civilization. Xinjiang People's Publishing House, 2001, 240 p. (In Chin.).

Tishkin A.A. Sozdanie periodizatsionnykh i kul'turno-khronologicheskikh skhem: istoricheskii opyt i sovremennaya kontseptsiya izucheniya drevnikh i srednevekovykh narodov Altaya, Barnaul: Altai State Univ. Press, 2007, 356 p. (In Russ.).

Поздняков Д.В.: https://orcid.org/0000-0002-7984-0912
Чикишева Т.А.: https://orcid.org/0000-0003-1985-1369

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0600-0607
УДК 902. 22, 902. 26, 902. 21

Н.В. Полосьмак[1]✉, П.Г. Дядьков[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; DyadkovPG@ipgg.sbras.ru

Археологические исследования Катандинской долины

Статья посвящена краткому изложению результатов исследования Катандинской долины (Республика Алтай) в 2021 г. Антропогенное воздействие разрушило и продолжает разрушать археологические памятники на указанной территории. Фиксация того, что сохранилось к настоящему времени, является первоочередной задачей ее археологического изучения. В статье приводится карта археологических памятников долины, составленная путем координирования археологических объектов с помощью навигатора GARMIN 62 stc в системе координат WGS-84. Дается краткая характеристика обнаруженных объектов: выделены два вида погребальных комплексов афанасьевской культуры, отмечены пазырыкские курганы на могильном поле Катанда 1, тюркские оградки и курганы раннего Средневековья. Приводятся результаты геофизического исследования одного из курганов на могильном поле Катанда 2. По результатам магнитной съемки делается заключение о том, что объект с большой долей вероятности относится к афанасьевской культуре. Таким образом, установлено, что с помощью геофизических исследований можно определить культурную принадлежность погребальных памятников в тех случаях, когда она не очевидна. Речь идет о многочисленных полностью задернованных курганах Катандинской долины. В статье приводятся рисунки предметов, обнаруженных на распаханной территории памятников. Среди подъемного материала есть бронзовые пряжки раннескифского времени, а также предметы, которые можно отнести к тюркской эпохе. Особо можно отметить бронзовую бляху в виде свернувшейся пантеры, подвеску, представляющую собой схематическое изображение фигуры человека и чугунный отвал от плуга китайского производства. Случайный набор обнаруженных предметов отражает историю освоения долины.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Катандинская долина, координирование археологических объектов с помощью навигатора GARMIN 62 stc в системе координат WGS-84, геофизические исследования.*

N.V. Polosmak[1]✉, P.G. Dyadkov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; DyadkovPG@ipgg.sbras.ru

Archaeological Research of the Katandinsky Valley

The article is devoted to a summary of the results of the study of the Katandinsky valley in 2021 (the Republic of Altai). Anthropogenic impact has destroyed and continues to destroy archaeological sites in the specified territory. Fixing what has been preserved to date is the primary task of its archaeological study. The article presents a map of the archaeological sites of the valley, compiled by coordinating archaeological sites using the GARMIN 62 stc navigator in the WGS-84 coordinate system. A brief description of the discovered objects is given: two types of burial complexes of the Afanasievo culture are distinguished, Pazyryk mounds in the Katanda 1 burial field, Turkic fences and mounds of the early Middle Ages are marked. The results of a geophysical study of one of the mounds in the Katanda 2 burial field are presented. According to the results of the magnetic survey, it is concluded that the object most likely belongs to the Afanasievo culture. Thus, it is established that using geophysical studies, it is possible to determine the cultural affiliation of funerary monuments, in cases where it is not obvious. We are talking about the numerous completely blackened mounds of the Katandinsky valley. The article presents drawings of objects found on the plowed territory of monuments. Among them there are bronze buckles of the Scythian period,

as well as objects that can be attributed to the Turkic era. Of particular note is a bronze plaque in the form of a curled panther, a pendant representing a schematic representation of a human figure and a cast-iron blade from a plow, made in China. A random set of discovered objects reflects the history of the development of the valley.

Keywords: *Altai Mountains, Katandinsky valley, coordination of archaeological sites using the GARMIN 62 stc navigator in the WGS-84 coordinate system, geophysical research.*

Введение

В 2021 г. Южноалтайским отрядом ИАЭТ СО РАН было продолжено изучение археологических памятников Катандинской долины (Усть-Коксинский р-н Республика Алтай). Катандинская долина с давних пор подвергается антропогенному воздействию, значительно усилившемуся в последние десятилетия, когда ее большая часть перешла в частные владения. На землях ведутся сельхозработы – почти вся она распахивается под посевы кормовых культур. Та картина, которую застали в 1865 г. В.В. Радлов, в 1925 г. С.И. Руденко и даже в 1954 г. А.А. Гаврилова имеет мало общего с тем, что мы видим в настоящее время. Подавляющее число археологических памятников, которые были заметны еще в восьмидесятые годы прошлого века, исчезли бесследно. В этом отношении показательна судьба первого исследованного кургана пазырыкской культуры с «замерзшей» могилой – Большого Катандинского, известного такими уникальными находками, как т.н. катандинский фрак и кафтан [Радлов, 1989, с. 475–476; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 59, с. 61]. Вскоре после повторных раскопок А.А. Гавриловой, обнаружившей в этом кургане захоронение 22 коней [1957], курган буквально сравняли с землей и сейчас это ничем не примечательное место, курган исчез бесследно. Роковую роль в его судьбе сыграло то, что он был расположен близко от деревни Катанда, в центре долины, на пахотных землях и попал под действие сельскохозяйственных реформ пятидесятых годов. Все камни с кургана были вывезены для строительных нужд, ямы засыпаны, на месте кургана расположилась МТС, рядом силосная яма. В настоящее время это просто пустой всхолмленный участок. Вся земля в округе распахана. В результате за прошедшие годы исчез не только большой курган, но и целый ряд более мелких погребальных сооружений, присутствующих на плане, составленном А.А. Гавриловой. В восьмидесятые годы в Катандинской долине, на могильном поле Катанда 3 работали археологи Барнаульского государственного университета. Они проводили, главным образом, охранные раскопки, связанные с тем, что в это время в долине строились мощные мелиоративные сооружения, которые до сих пор неплохо сохранились. В южной группе зафиксированных Ю.Т. Мамадаковым курганных насыпей наряду с тремя потревоженными строительными работами курганами пазырыкской культуры [Мамадаков, 1993, с. 125–131] было раскопано четыре пустые каменные насыпи и один тюркский курган. В выделенной им центральной группе из 25 курганов им же были исследованы 10 тюркских курганов, образовывавших, как он пишет, компактное скопление возле самого большого кургана скифского времени, обозначенного как потревоженный грабежом [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 115–129]. Ямы от раскопанных тюркских курганов сохранились и поросли березами, а раскопанные этой экспедицией небольшие пазырыкские курганы запаханы и в настоящее время не фиксируются.

Хотя Катандинская долина археологически исследуется уже 155 лет, она остается настолько же малоизученной насколько интересной. Для возобновления работ в этом районе, прежде всего, было необходимо установить наличие имеющихся на сегодняшний день археологических памятников на всех трех участках, выделенных по географическому принципу еще В.В. Радловым – Катанда 1, 2 и 3**.** Для этого нами было проведено координирование археологических объектов с помощью навигатора GARMIN 62 stc в системе координат WGS-84.

Результаты координирования археологических объектов Катандинской долины

К археологическим объектам долины относятся сложенные из камня и целиком задернованные курганы и каменные выкладки разных эпох и конструкций. Результатом проделанной работы стали карты, на которых обозначены все обнаруженные объекты, которых оказалось 325, но, конечно, остается большая вероятность того, что при продолжительном исследовании будут обнаружены и другие комплексы. Пока можно говорить о создании базовой карты археологических памятников Катандинской долины (рис. 1). Памятники располагаются на всех трех участках – Катанда 1, 2 и 3**.** На могильном поле Катанда 1, на котором проводили исследования и В.В. Радлов, и С.И. Руденко, в настоящее время находится маральник, его

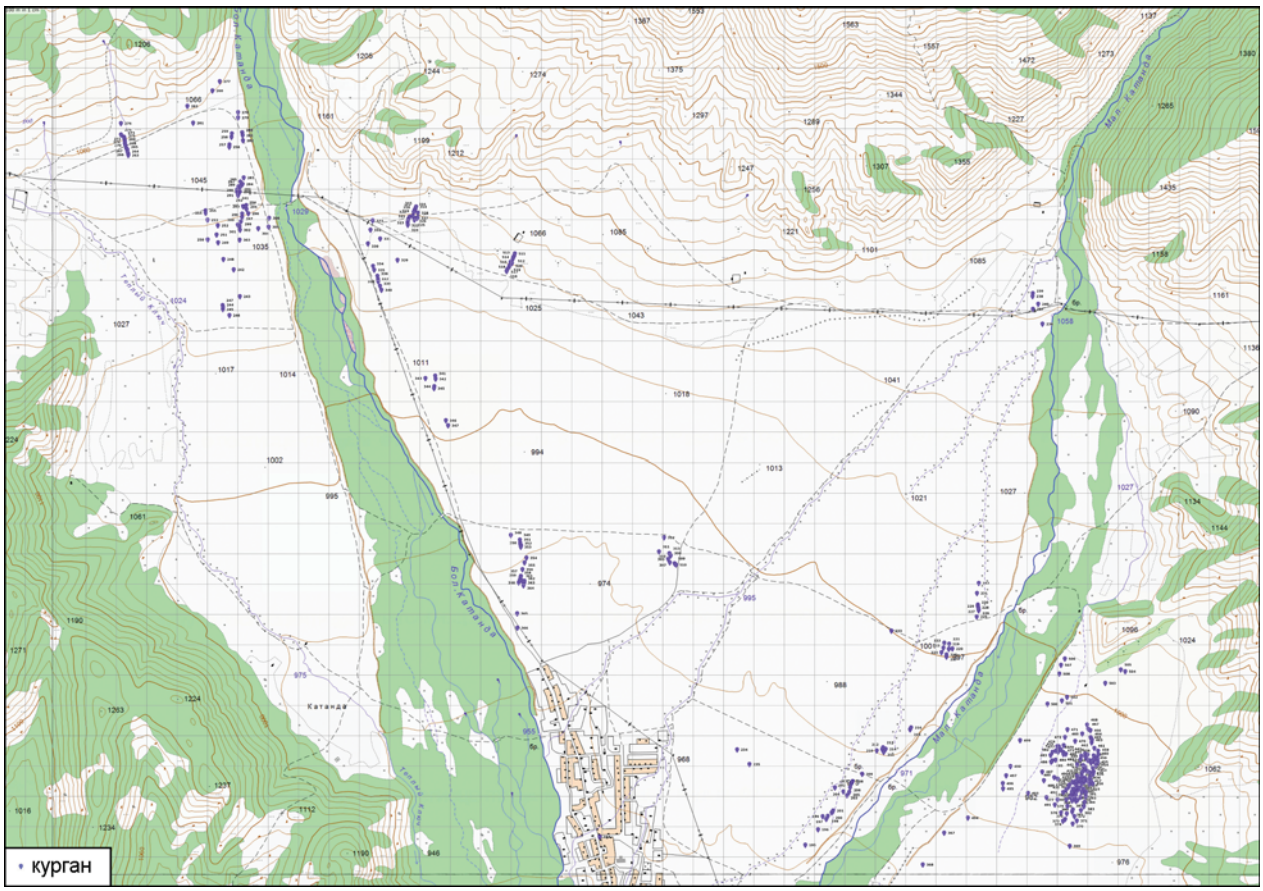

Рис. 1. Карта распространения археологических объектов в Катандинской долине.

территория огорожена и некоторые участки недоступны. То, что удалось зафиксировать, составляет основную часть погребальных памятников в этой части долины, среди которых можно выделить цепочки погребальных сооружений и их отдельные скопления. Надо отметить, что среди зафиксированных курганов большая часть носит следы либо древнего проникновения, либо старых раскопок. Особо следует сказать о цепочке пазырыкских курганов средних размеров, каменные насыпи которых давно разобраны местными жителям. Все эти курганы имеют большие воронки в центре, что свидетельствует о проникновениях, возможно не единичных. Помимо примерно десятка пазырыкских курганов, на этом могильном поле находятся небольшие каменные насыпи – до 5–6 м в диаметре, которые, вероятно, относятся к эпохе Средневековья. Таких памятников большинство, они располагаются на первый взгляд довольно беспорядочно, пристраиваясь с двух сторон вдоль цепочки пазырыкских курганов. Так же зафиксировано несколько тюркских оградок, составленных в ряд.

Интерес представляют большие непотревоженные на вид курганы, полностью задернованные, с проглядывающими камнями, которые присутствуют на всех трех участках Катандинской долины. Их культурная принадлежность не может быть определена только по внешнему виду. В прошлом году нами был раскопан один такой курган на могильном поле Катанда 3. Он оказался неграбленым курганом афанасьевской культуры. Среди десятков курганов, раскопанных в разное время в Катандинской долине, памятников этой культуры обнаружено не было, исследованный нами – первый. При тотальном исследовании долины были найдены погребальные комплексы афанасьевской культуры, надмогильные сооружения которых выглядят более традиционно – в виде слегка задернованных каменных колец, с западиной в центре.

Таким образом, уже в результате первых исследований удалось установить, что в Катандинской долине, помимо пазырыкских, тюркских и позднесредневековых памятников, имеются некрополи афанасьевской культуры, причем двух видов. Наряду с сооружениями в виде каменных колец, которые располагались цепочками, в этом районе есть значительное количество афанасьевских курганов, в которых традиционное для погребального обряда этой культуры каменное кольцо окружает земля-

ную насыпь, а задернованность всего сооружения, придающая ему вид округлого земляного кургана, не позволяет верно судить о его культурной принадлежности. Для проверки предположения о том, что курганы, выглядящие как непотревоженные земляные насыпи, размеры которых достигают более 20 м в диаметре, а высота более 1 м над уровнем современной дневной поверхности, относятся к афанасьевской культуре, было проведено геофизическое исследование одного из таких сооружений – большого (23 м в диаметре), задернованного, непотревоженного курган на территории могильного поля Катанда 2 (рис. 2).

Геофизическое исследование кургана на могильном поле Катанда 2

Основная цель геофизических работ состояла в получении информации об особенностях структуры кургана, детализации его устройства, возможности нахождения в непосредственной близи от него грунтовых объектов (ям, захоронений), что необходимо для определения культурной принадлежности, а также планирования работ на этом памятнике.

Существенные особенности в морфологию аномального магнитного поля вносит тип исследуемого кургана, при возведении которого кроме грунтового использовался также каменный материал с существенно различающейся намагниченностью. Хотя некоторый опыт магнитометрического изучения подобных курганов мы имели, гораздо чаще нами исследовались грунтовые курганы в пределах Барабинской лесостепи [Дядьков и др., 2005; Дядьков, Позднякова, 2015; Эпов и др., 2016].

Магнитная съемка на кургане выполнялась на участке 40 × 40 м с помощью квантового магнитометра – градиентометра Geometrics-858G в модификации измерений вертикального градиента модуля вектора магнитной индукции (1 или 2) с расстоянием между профилями 1 м и дискретностью между замерами вдоль профиля 0,1 сек, что соответствовало расстоянию между отдельными пунктами замеров около 10 см. Контрольная пространственная привязка измерений вдоль профиля производилась через каждые 2 м. Результатом съемки явилось построение карты вертикального градиента аномального магнитного поля (рис. 3). Дополнительные возможности для детального анализа результатов и их интерпретации возникают при построении карт аномального магнитного поля на двух уровнях высоты (на уровнях расположения датчиков градиентометра –

Рис. 2. Задернованный курган, предположительно афанасьевской культуры. Катанда 2.

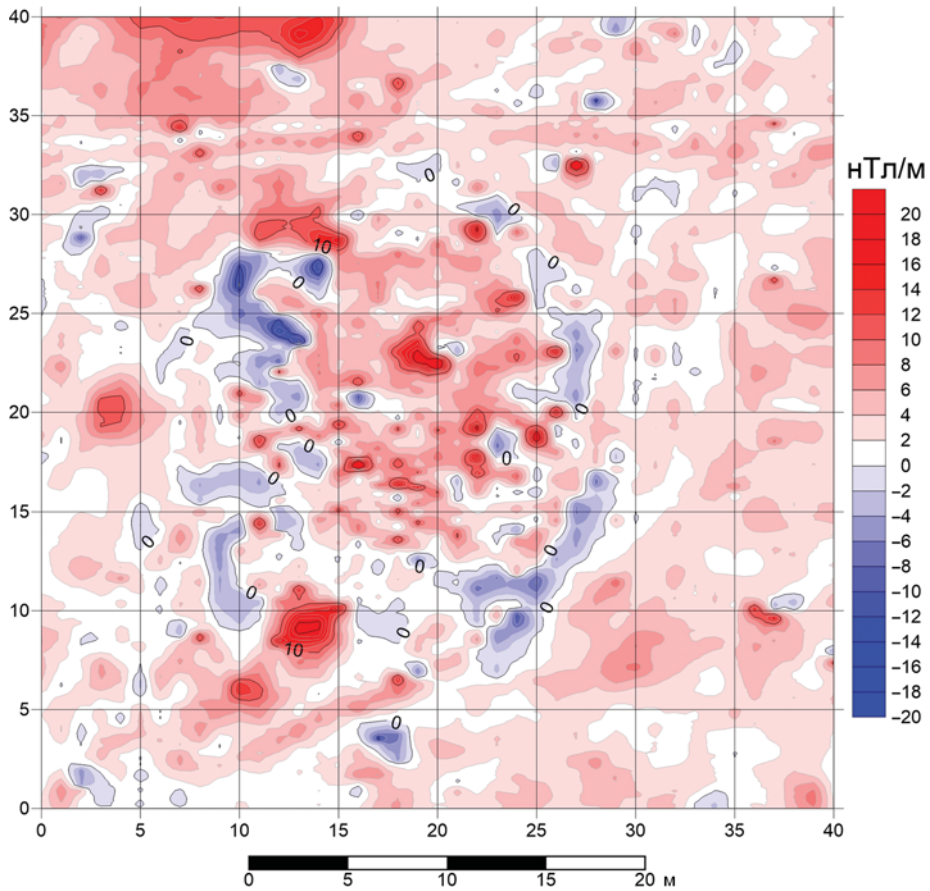

Рис. 3. Карта вертикального градиента аномального магнитного поля курган на могильном поле Катанда 2.

0,35 м и 1,1 м), что требует учета магнитных вариаций, вызываемых внешними источниками. С этой целью в районе работ устанавливалась базовая вариационная квантовая станция.

Кроме магнитной съемки выполнялись измерения магнитной восприимчивости грунта и каменного материала с помощью каппаметра КТ-5, что в результате позволило сделать вывод о достаточности контрастности магнитной восприимчивости почвы по отношению к подстилающему грунту (материку), которая составила ~ (0,3–0,5) × 10^{-3} ед. СИ. Магнитная восприимчивость большинства (~ 95 или более %) образцов каменного материала составила (0,2–0,5) × 10^{-3} ед. СИ, но ряд образцов имел высокие значения восприимчивости от ~ 5 до 20 × 10^{-3} ед. СИ.

Анализ полученной карты градиента аномального магнитного поля (рис. 3), сведений о магнитной восприимчивости и результаты проверки двух аномалий позволяют на данном этапе исследований выявить следующие основные структурные особенности этого кургана.

Во-первых, следует отметить достаточно сильную «загрязненность» кургана современными железными предметами, в основном частями от сельхозтехники, что потребовало фильтрации данных для исключения таких наиболее интенсивных аномалий. Во-вторых, повышенной интенсивностью аномального магнитного поля характеризуется центральная часть кургана с диаметром около 15 м, что может быть связано как с большим количеством насыпного почвенного материала при сооружении кургана, так и с присутствием высокомагнитных камней при сооружении каменной кладки.

По-видимому, отдельные локальные аномалии размером ~ 1 м, наблюдаемые в основном в этой центральной части кургана, могут быть обусловлены присутствием отдельных камней с высокими значениями намагниченности. Более того, как оказалось после проверки отдельной аномалии, расположенной в 15 м западнее центра кургана, крупные магнитные камни, расположенные на некоторой глубине ~ 0,5–1 м, могут создавать аномалии по интенсивности и пространственным размерам весьма схожие с аномалиями, которые были обусловлены почвенным материалом в ямах и захоронениях и регистрировались нами на памятниках Барабинской лесостепи [Дядьков и др., 2005; Дядьков, Позднякова, 2015; Эпов и др., 2016]. В центре кур-

гана имеет место локальная аномалия с размерами ~ 3 × 1,5 м, которая, вероятнее всего, связана с местом захоронения.

Таким образом, по результатам геофизического исследования было установлено, что центральная часть данного сооружения диаметром около 15 м, вероятнее всего, представляет собой земляную насыпь, подобно тому, как это было в исследованном нами на могильном поле Катанда 3 афанасьевском кургане, окруженном каменным кольцом. Это исследование подтверждает наше предположение о том, что все курганы подобного вида в Катандинской долине относятся к афанасьевской культуре.

Заключение

О разнообразии археологических памятников Катандинской долины свидетельствуют не только погребальные сооружения, но и находки на распаханных полях. Только в этом сезоне среди подъемного материала оказались интересные предметы, свидетельствующие о том, какие разновременные памятники сосредоточены в этой местности. Так, например, был найден чугунный китайский отвал от плуга танского времени. Это вторая такая находка на территории Республики Алтай, первая была сделана В.Д. Кубаревым на могильнике Юстыд, в насыпи пазырыкского кургана [Кубарев, 1997]. Бронзовая подвеска в виде человечка тюркской эпохи (рис. 4) находит прямые аналоги среди предметов, обнаруженных В.В. Радловым на Алтае и известных по сохранившимся фото-

Рис. 4. Бронзовая подвеска в виде фигурки человека, Катандинская долина, случайная находка.

графиям [Кисель, 2008, с. 324, рис. 3–6]. Есть необычная бронзовая пряжка скифского времени – образ кошачьего хищника свернутого в круг в оригинальной трактовке (рис. 5, *4*). Это изде-

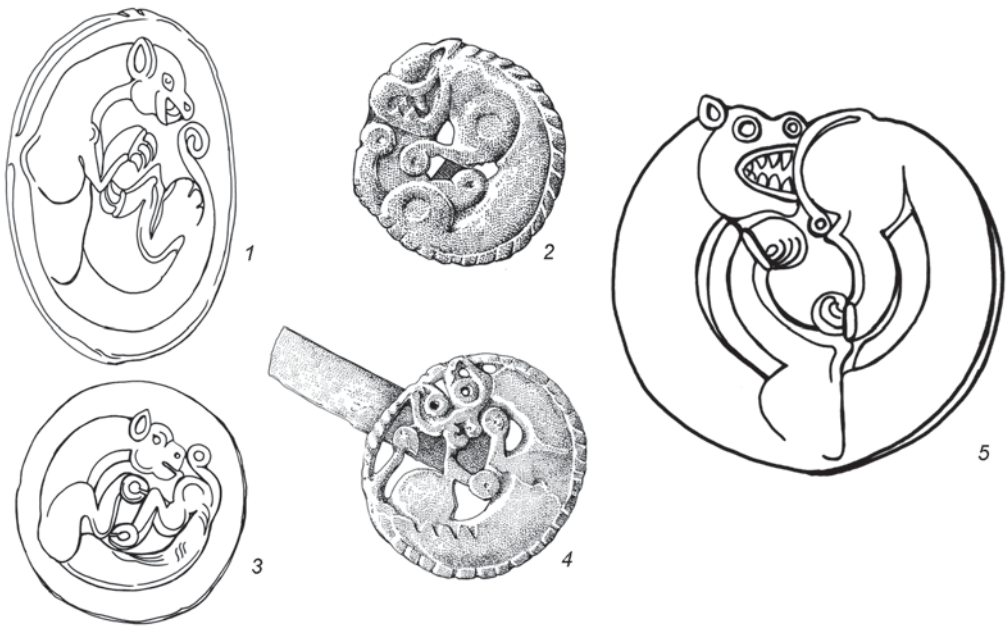

Рис. 5. Бляхи с изображением свернувшихся пантер.

1, 3 – Майэмирская степь (по: [Руденко, 1960, с. 11, рис. 3]); *2* – из коллекции Токийского национального музея; *4* – Катанда, случайная находка; *5* – Аржан I.

лие является репликой известных раннескифских блях, изображающих свернутых в кольцо пантер (от маэмирских до аржанской), только морда животного оказалась развернутой анфас, а все детали ее тела выполнены еще более условно, чем у оригинальных изделий. Назначение этого предмета неизвестно, поскольку это только одна его часть (рис. 5, *4*). Если бы он сохранился целиком, то мог бы выглядеть так же, как изделие из Олон-Суме (Внутренняя Монголия, коллекция ГЭ) [Минасян, 2014, с. 175, рис. 58, *2*], которое представляет собой две одинаковых бляшки, соединенных скобой. Неким аналогом изображению свернувшейся пантеры являются бронзовые бляхи также с территории Северного Китая, которые находятся в коллекции китайских северных бронз Токийского государственного музея [Chugokuchiho keiseidoki…, 2005, p. 29]. Эти бляхи объединяют с найденной в Катандинской долине заметные рубчики вдоль хребта животных (рис. 5, *2*).

Проведенные исследования выявили значительное количество оригинальных разновременных памятников в Катандинской долине, исследование которой никогда не проводилось планомерно и системно. Изучение отдельных могильников на ее территории позволит проследить историю заселения этих мест в древности и Средневековье.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-09-40048.

Координирование археологических объектов с помощью навигатора GARMIN 62 stc в системе координат WGS-84 проводилось под руководством руководителя группы геодезии и картографии отдела археологии ГАУ НСО НПЦ Кравченко Е.В.

Список литературы

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. – 1957. – Т. XXVII. – С. 250–268.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2005 г. – 2005. – Т. XI. Часть I. – С. 304–309.

Дядьков П.Г., Позднякова О.А. Итоги и перспективы применения метода магнитометрии для изучения археологических памятников Западной Сибири // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Материалы международного симпозиума. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – С. 59–61.

Кисель Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. –Москва;Кемерово, 2008. – 329 с.

Кубарев В.Д. О земледелии на Алтае в древнетюркскую эпоху // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. – С. 154–157.

Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда 3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. 2. – С. 115–129.

Мамадаков Ю.Т. Аварийные раскопки могильника Катанда 3 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Тезисы научно-практической конференции. – Барнаул, 1993. – С. 128–131.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб.: Изд-воГЭ, 2014. – 472 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2005. – 232 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы из дневника. – М.: Наука, 1989. – 740 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М; Л., 1960. – 351 с.

Эпов М.М., Молодин В.М., Манштейн Л.К., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Матасова Г.Г., Казанский Л.Ю., Бортникова С.Б., Позднякова О.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А. Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // Геология и геофизика. – 2016. – Т. 57. – № 3. – С. 603–614.

Chugokuchiho keiseidoki (Bronze objects of Chugoku region). Tokyokokuritsu hakubutsukan shozo (Tokyo National Museum collections). Tokyo: Tokyokokuritsu hakubutsukan. - 2005. – 352 P. (на япон. яз.)

References

Gavrilova A.A. Raskopki vtorogo Katandinskogo mogil'nika. *Sovetskaya arkheologiya,* 1957, vol. 27, pp. 250–268. (In Russ.).

Dyad'kov P.G., Molodin V.I., Chemyakina M.A., Miheev O.A. Magnitometricheskie issledovaniya arheologicheskih pamyatnikov Tartas-1 i Preobrazhenka-6 v Barabinskoj lesostepi. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, vol. 11, pt. 1, pp. 304–309. (In Russ.).

Dyad'kov P.G., Pozdnyakova O.A. Itogi i perspektivy primeneniya metoda magnitometrii dlya izucheniya arheologicheskih pamyatnikov Zapadnoj Sibiri. In *Mul'tidisciplinarnye metody v arheologii: novejshie itogi i perspektivy. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, pp. 59–61. (In Russ.).

Kisel' G.G. Iskusstvo srelnevekovyh kochevnikov Evrazii. Ocherki. Moscow, Kemerovo, 2008, 329 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. O zemledelii na Altae v drevnetyurkskuyu epohu. *Izvestiya laboratorii arheolog*ii, Gorno-Altaysk, 1997, vol. 2, pp. 154–157 (In Russ.).

Mamadakov Yu.T., Gorbunov V.V. Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Katanda 3. *Izvestiya laboratorii arheologii*, Gorno-Altaysk, 1997, vol. 2, pp. 115–129 (In Russ.).

Mamadakov Yu.T. Avarijnye raskopki mogil'nika Katanda 3. *Problemy ohrany izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya. Tezisy nauchno-prakticheskoj konferencii,* Barnaul, 1993, pp. 128–131(In Russ.).

Minasyan R.S. Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e. St. Petersburg: GE Publ., 2014, 472 p. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyrykcev Altaya. Novosibirsk: Infolio-press, 2005, 232 p. (In Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranitsy iz dnevnika. Moscow: Nauka, 1989, pp. 445–448. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow, Leningrad, 1960, 351 p. (In Russ.).

Epov M.M., Molodin V.M., Manshtejn L.K., Balkov E.V., Dyad'kov P.G., Matasova G.G., Kazanskij L. Yu., Bortnikova S.B., Pozdnyakova O.A., Karin Yu.G., Kuleshov D.A. Integrated archeological and geophysical studies in West Siberia. *Russian Geology and Geophysics,* 2016, vol. 57, No 3, pp. 603–614. (In Russ.).

Chugokuchiho keiseidoki (Bronze objects of Chugoku region). Tokyokokuritsu hakubutsukan shozo (Tokyo National Museum collections). Tokyo: Tokyokokuritsu hakubutsukan. – 2005. – 352 P.) (In Japan.).

Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3760-265X
Дядьков П.Г. https://orcid.org/0000-0001-5345-9331

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0608-0614
УДК 902/904; 903.27

А.Е. Рогожинский[1], Д.В. Черемисин[2]✉

[1] Институт археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК
Алматы, Казахстан
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexeyro@hotmail.com, topsya@bk.ru

Средневековые тамги-петроглифы из урочища Уле в низовьях р. Чаган-Узун

Статья является первой публикацией нового местонахождения наскальных изображений знаков (тамга), недавно открытого в долине р. Чаган-Узун (приток р. Чуя), в урочище Уле, в высокогорной части Российского Алтая. Тамгообразные знаки образуют небольшое скопление, или собрание знаков, и занимают четыре ровные поверхности скалы, которые располагаются в ряд одна возле другой примерно на уровне человеческого роста. Всего выделяются девять знаков семи разных типов: в форме греческой буквы «омега», горного козла, змеи, «рога барана» и др. Тамги создавались в разное время и позднее подновлялись. Наиболее ранние изображения относятся к древнетюркской эпохе. Возможно, отдельные знаки были созданы в XVII–XVIII вв. Относительная датировка и этнокультурная атрибуция знаков идентичности в Уле устанавливаются на основе регионального картирования памятников, где известны аналогии тамгообразным изображениям. Так, омегообразная тамга имеет ближайшие аналогии на Алтае, в т.ч. в долине р. Чаган, и на Монгольском Алтае; основной ареал такой тамги и ее производных форм – юго-западная часть Семиречья и Прииссыккулье. Эти данные интерпретируются авторами как свидетельство первоначального расселения на Алтае какой-то группы обладателей омегообразной тамги в качестве общего знака коллективной идентичности, а затем массового заселения несколькими родственными подразделениями новых территорий на Северном Тянь-Шане. Тамга в форме змеи рассматривается не как тамга отдельного рода или племени, но в качестве общего надплеменного символа, как эмблема крупного этнополитического объединения кочевников, подобного телэ или токуз-огуз. Тамга своеобразной формы в виде двух соединенных дуг также находит аналогии в Семиречье, где она зафиксирована на памятнике древнетюркской рунической письменности Алмалы II вместе с тамгой племени байундур, входившего в объединение огузов.

Ключевые слова: *Российский Алтай, Семиречье, тамга, тюркский период, петроглифы, огузы.*

A.E. Rogozhinskiy[1], D.V. Cheremisin[2]✉

[1] A.Kh. Margulan Institute of Archaeology of the Ministry of Education and Science
Almaty, Kazakhstan
[2] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexeyro@hotmai.com;cheremis@archaeology.nsc.ru

Medieval Tamga-Petroglyphs from the Ule Site in the Lower Chagan-Uzun River

This article is the first publication of a new location of rock carved tamga signs, which was recently discovered in the valley of the Chagan River (the tributary of the Chuya River) in the Ule site in the Russian Altai Mountains. The accumulation of the tamga-like signs occupies four flat rock surfaces; the signs are placed in a row one next to the other at about the level of human height. In total, nine signs of seven different types can be identified: in the form of the Greek letter "omega," mountain goat, snake, "ram's horns," etc. The tamgas were created at different times and were renewed at later periods. The earliest images belong to the Old Turkic period. Individual tamgas might have been created in the 17th–18th centuries. Relative dating as well as ethnic and cultural attribution of identity signs at the Ule site are established using regional mapping of monuments where the parallels to the Ule tamga-like images appear. Thus, the omega-shaped tamga has the closest parallels in the Russian

Altai, including in the valley of the Chagan River, and in the Mongolian Altai; the main area of such tamga and its derivative forms is the southwestern part of the Semirechye and the Issyk-Kul region. The authors suggest that this was the evidence of the initial settlement of a certain group which owned the omega-shaped tamga as a common sign of collective identity in the Altai, and the subsequent large-scale resettlement of several related ethnic subdivisions in new territories in the Northern Tien Shan. The tamga in the form of a snake is believed to have designated not some individual clan or tribe, but served as a common tribal symbol and emblem of a large ethnopolitical association of nomads, like the Tele or Toquz-Oghuz. The tamga of a distinctive shape of two connected arcs also finds parallels in the Semirechie, where it has been found at the Almaly II Old Turkic runic site together with tamga of the Bayundur tribe which was a part of the Oghuz union.

Keywords: *Russian Altai, Semirechie, tamga, Turkic period, petroglyphs, Oghuz.*

Горная долина р. Чаган, наряду с другими притоками, образующими бассейн верхнего течения р. Чуя, входит в район особенно высокой концентрации памятников тюркского периода на юго-востоке Российского Алтая. К сожалению, многочисленные курганные могильники, поминальные оградки со стелами и вереницами балбалов, сосредоточенные в урочищах Соок-Тыт, Абиджай и других в среднем течении Чагана, за редким исключением, не исследовались археологами. Также пока не изученными остаются известные здесь стоянки, отмеченные разного вида тамгами, гравированными и выбитыми на скалах петроглифами, многие из которых можно отнести к шедеврам древнетюркского наскального искусства [Черемисин, 2004].

Лишь небольшая часть петроглифов-знаков из Чагана и его левого притока Талдуры недавно введена нами в научный оборот в связи с рассмотрением ареалов сходных знаков на Алтае и в Семиречье и идентификацией тамги правящего клана карлуков [Рогожинский, Черемисин, 2019, с. 54–56, рис. 5, *7*; 6, *4, 5*]. В целом на текущий момент в долине р. Чаган нами зафиксировано около 50-ти местонахождений тамгообразных знаков, нанесенных на поверхности каменных стел или на скалы в виде петроглифов, тщательное документирование и детальный анализ которых в археологических контекстах еще предстоит выполнить. В данной статье мы подробно рассмотрим одно местонахождение, особенно примечательное тем, что здесь представлено не единичное изображение, а собрание разных знаков – едва ли не единственное среди известных на Чагане и одно из немногих на Российском Алтае в целом.

Скопление тамгообразных знаков находится в урочище Уле, на левобережье р. Чаган-Узун, в 9 км выше ее устья. На этом участке антецедентная долина имеет вид каньона, борта которого по обоим берегам образуют протяженные обнажения песчаника и сланцев, поверхность которых густо покрыта патиной различных оттенков – от темно-серого до иссиня-черного. Скала с тамгами располагается в расширенной части долины, в 250 м выше каньона. Петроглифы обнаружены Александром Фроловым, гидом туристического кемпинга Тыд-Туярык, который ранее уже не раз сообщал о своих находках новосибирским археологам и которому мы выражаем глубокую признательность. В августе 2020 г. местонахождение обследовано Д.В. Черемисиным.

Тамгообразные знаки и другие рисунки занимают четыре ровные поверхности скалы, располагающиеся в ряд одна возле другой примерно на одном уровне от подножия скалы – на уровне человеческого роста. Тамги и зооморфные изображения сходны по технике исполнения (глубокая выбивка металлическим (?) инструментом), однако позже петроглифы подновлялись, и при этой акции, по-видимому, на скале дополнительно созданы некоторые новые рисунки. Можно предполагать, что с момента обновления древних изображений прошло немало времени, поскольку нанесенные рядом современные граффити выглядят ярче подновленных рисунков. Более определенно судить о возрасте и принадлежности тамгообразных изображений позволяет сопоставительный анализ знаков, аналогии которым можно отыскать на Алтае и на соседних территориях.

Плоскость 1 (рис. 1). Слева направо изображены четыре символические фигуры: омегообразная тамга, развернутая на 10 часов; изображение горного козла с короткой линией, наклонно соединенной с линией спины животного; знак «рога барана», прямой линией пересеченный поперек в средней части; еще одно схематичное изображение козла. Оба изображения животных сходны по очертаниям и размерам, но вторая фигурка показана без короткого хвоста и линии на спине. Линия, пересекающая «рога барана», сверху и снизу перекрыта грубыми сколами, сделанными при подновлении рисунка. Несмотря на сходство всех подновленных рисунков, можно заметить, что линии омегообразного знака отличаются большей глубиной и шириной, чем контуры остальных фигур; кроме того, на рисунке местами сохранились следы патины, что также говорит о его относительной древности. Наконец, три других знака размещены на плоскости в одну линию с небольшим смещением к верхне-

Рис. 1. Алтай, урочище Уле. Плоскость 1. Петроглифы-тамги.

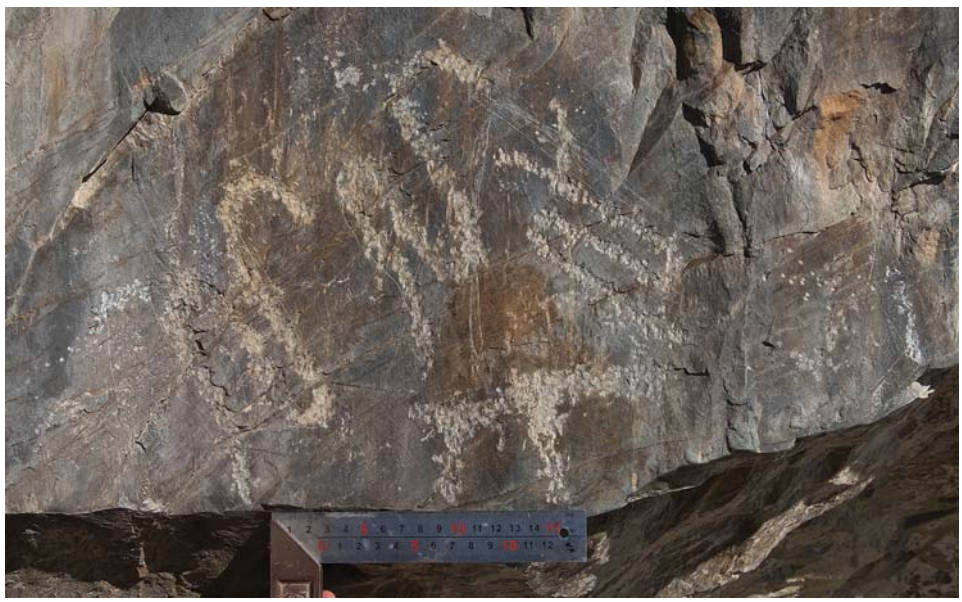

Рис. 2. Алтай, урочище Уле. Плоскость 2. Петроглифы-тамги.

му краю скалы, условно образуя верхний фриз, доминируя над изображением омегообразной тамги. Сделанные наблюдения позволяют прийти к мнению, что знаки наносились на поверхность скалы не одновременно и, по-видимому, разными людьми. Омегообразная тамга занимает наилучший участок поверхности и могла появиться на скале раньше других изображений.

Плоскость 2 (рис. 2). Грань скалы подтреугольной формы занимают три змеевидные фигуры и одно незаконченное зооморфное (?) изображение, расположенное ниже знаков у края плоскости. Сообразно форме скальной грани змеевидные изображения размещены на ней так, что центральная фигура возвышается над двумя другими. Между тем, иконография изображений различается: левая и центральная фигуры сходны по форме и размерам, правая – меньше по высоте, ширина линий у́же; при сходстве линий, передающих изгибы тела пресмыкающихся, две первые фигуры отличаются от другой способом передачи хвоста и головы. Правое изображение точно соответствует одному из самых распространенных иконографических вариантов изображения тамги-змеи, хорошо известной по многим памятникам тюркского периода Монголии, Алтая и Семиречья.

Рис. 3. Семиречье, Тамгалы. Две тамги в форме змеи.

Рис. 4. Алтай, урочище Уле. Плоскость 3. Петроглиф-тамга.

Вполне очевидно, что изображения выполнены рукой не одного мастера, однако из-за сплошного подновления рисунков крайне сложно установить последовательность создания композиции.

Плоскость 3 (рис. 4). Небольшую по площади ровную грань скалы занимает одиночное изображение знака: окружность с двумя отходящими радиально вверх короткими лучами, при этом конец правой линии изогнут в полуокружность. Петроглиф также выглядит подновленным и, похоже, однажды послужил мишенью для выстрела мелкой дробью в упор, о чем свидетельствует множество сколов внутри и вокруг знака.

Плоскость 4 (рис. 5). В центре небольшой ровной грани скалы выбита сложная фигура: две дугообразные линии соединяются справа концами; в средней и верхней части одной дуги – отходящие от нее перпендикулярно две короткие параллельные линии. Следует особо подчеркнуть, что основой изображения являются именно две развернутые друг другу выпуклой стороной соединяющиеся дуги, а не прямые лучи, как у ряда разновидно-

Рис. 5. Алтай, урочище Уле. Плоскость 4. Петроглиф-тамга.

стей V-образной тамги, ранее идентифицированных А.Е. Рогожинским как знаки карлукского племенного объединения VIII–IX вв. [Тамги…, 2019, с. 283– 286, рис. 8].

Переходя к вопросам атрибуции и датировки тамгообразных изображений, нужно отметить, что почти все они находят точные или близкие аналогии среди знаков идентичности тюркского периода на территории Алтая, Монголии, Восточного и Юго-Восточного Казахстана (Семиречья). В последние годы фонд археологических материалов по тамгам значительно пополнился, и метод регионального картирования памятников успешно применяется исследователями для установления ареалов, относительной датировки и этнокультурной атрибуции знаков идентичности [Рогожинский, Черемисин, 2019; Кубарев Г.В., 2021]. Рассмотрим тамги собрания знаков из урочища Уле в системе территориально-хронологических связей с известными памятниками.

Омегообразная тамга имеет ближайшие аналогии на Алтае, в том числе в долине р. Чаган, где в урочище Соок-Тыт три однотипные тамги выбиты на одной грани глыбы, лежащей на гребне самой высокой вершины урочища. Такие же знаки-петроглифы зафиксированы на Монгольском Алтае в Цагаан-Салаа и Койбастау [Кубарев и др., 2005, прил. I, рис. 379; Guneri, 2010, fig. 2, *1*]. Тамга присутствует в составе двух собраний знаков: на донце сосуда из кург. 3 мог. Туяхта и на мемориальной стеле из Бомбогор [Киселёв, 1951, с. 540–541, табл. LII, *7*; Базылхан, 2011, рис. 3]. Возможно, к тюркскому периоду относится и тамга на стеле у пазырыкского кургана на могильнике Уландрык IV [Кубарев, 1987, рис. 3, табл. LXVII], которая представляет собой производную форму омегообразной тамги, широко распространенную в Семиречье и Прииссыккулье. В целом следует отметить, что в северо-восточной части ареала (Российский и Монгольский Алтай) находки такой тамги единичны, производные формы знака здесь встречаются редко, в то время как на основной территории распространения (Чу-Илийское междуречье и Прииссыккулье) омегообразная тамга зафиксирована многократно и насчитывает не менее пяти разновидностей, образованных с помощью добавления линий к неизменяемой форме знака [Рогожинский, Черемисин, 2019, рис. 4].

Данная картина регионального распространения знаков может интерпретироваться как свидетельство первоначального пребывания на Алтае какой-то группы обладателей омегообразной тамги в качестве общего знака коллективной идентичности, а затем массового заселения несколькими родственными подразделениями новых территорий на Северном Тянь-Шане и левобережной части Илийской долины вплоть до р. Чу. При этом бросается в глаза отсутствие находок тамги на промежуточной территории в Тарбагатае и Жетысуйском (Джунгарском) Алатау, отделяющей две области ареала. Возможно, путь обладателей омегообразной тамги от Алтая в западную часть Семиречья и Иссык-Кульскую котловину проходил с востока – через Илийскую долину или юго-востока – из

Внутреннего Тянь-Шаня, поскольку в Центральном Казахстане такой знак тоже не обнаружен.

В собрании знаков из Уле рядом с омегообразной тамгой присутствуют две схематичные фигуры горных козлов, одна из которых по ряду иконографических признаков может сопоставляться с династийной тамгой восточных Ашина типа I [Рогожинский, Тишин, 2021, с. 586, рис. 2]. К сожалению, грубое подновление петроглифа с добавлением новых деталей фигуры животного (хвост) не дает оснований утверждать, что первоначальное изображение являлось тамгой. По этой же причине вызывает затруднение идентификация изображения плоскости 1 знака «рога барана», аналогии которому среди средневековых тамга-петроглифов нам не известны, но и с типологически сходными тамгами алтайских племен XIX–XX вв. этот знак тождества не имеет [Ямаева, 2004, табл. I, 55, 92, 94, 103, 132].

Вопросы датировки и принадлежности тамги в форме змеи, как показано справа на плоскости 2, уже рассматривались в литературе [Тамги…, 2019, с. 281–287]. Ареал тамги-змеи составляют две области концентрации находок – высокогорная часть Алтая и Чу-Илийское междуречье на западе Семиречья, а также зона дисперсного распространения знака в Тарбагатае и в Монголии, где он встречается в петроглифах и на мемориалах правящей элиты восточных тюрков (Чойрен, Мухар), на стеле из Бомбогор. Единообразие формы тамги и особое место, которое она занимает среди других знаков тюркского периода, позволяют рассматривать ее как эмблему *надплеменной* идентичности. На наш взгляд, тамгу в форме змеи следует рассматривать не как тамгу отдельного рода или племени, но в качестве общего надплеменного символа, как эмблему крупного этнополитического объединения кочевников, подобного *телэ* или *токуз-огуз* [Рогожинский, Тишин, 2021, с. 592].

Интерес представляет парное изображение знаков в форме змеи на плоскости 2, отличающихся особой иконографией. Полная аналогия зафиксирована А.Е. Рогожинским в Тамгалы (Семиречье), где такая же пара знаков соседствует с вертикальной надписью, выполненной ойратским письмом, что дает основание для датировки текста и рисунков в пределах второй половины XVII – середины XVIII в. (см. рис. 3). Возможно, с этим же периодом следует связывать акцию подновления средневековых знаков идентичности и на скале в урочище Уле.

Тамга в форме окружности с двумя короткими лучами, один из которых закруглен на конце, относится к числу редких знаков. Единственная точная аналогия нам известна опять же в Семиречье, в Алмалы – горном урочище, расположенном к югу от Тамгалы в Чу-Илийских горах. Памятник был открыт сравнительно недавно, и на текущий момент комплекс Алмалы является самым большим местонахождением тюркской рунической эпиграфики в Казахстане и особо значимым по составу наскальных изображений знаков идентичности тюркского периода, среди которых немалая доля соотносится с правящей элитой западных тюрков, тюргешей и карлуков VII–VIII/IX вв. [Рогожинский, Тишин, 2018]. В составе одного из собраний удостоверительных знаков здесь зафиксирована и тамга, полностью тождественная по форме знаку из урочища Уле.

Наконец, тамга своеобразной формы на плоскости 4 находит самые близкие аналогии также в Чу-Илийском междуречье на западе Семиречья. Здесь известно уже около десяти тамга-петроглифов в форме двух соединенных с одного конца дуг; в отдельных случаях от одной из дуг сверху отходит короткая линия. Особую ценность представляет памятник Алмалы II, где знак того же типа сопровождает древнетюркский рунический текст и соседствует с еще одной тамгой, уверенно атрибутируемой как тамга племени *байундур*, входившего в объединение огузов [Там же, рис. 2, *5*].

Таким образом, публикуемая новая серия наскальных изображений знаков из урочища Уле вновь демонстрирует тесные связи кочевого населения высокогорного Алтая и Северного Притяньшанья в период раннего Средневековья.

Благодарности

Работа А.Е. Рогожинским выполнена в рамках проекта ИРН OR11465466 по теме «Великая Степь в контексте этнокультурных исследований» КН МОН Республики Казахстан, Д.В. Черемисиным – в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Базылхан Н. Древнетюркские каганско-княжеские поминальные комплексы Центральной Азии // Форум «Идель – Алтай». – Казань: ООО Фолиант; Инст-т истории АН РТ. – 2011. – Вып. 13. – С. 187–194.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 644 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Сала и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев Г.В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей,

посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н.Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 305–323.

Рогожинский А.Е., Тишин В.В. Комплекс руниче-ских надписей и тамга-петроглифов долины Алмалы в Семиречье // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2018. – Вып. 8. – С. 77–91.

Рогожинский А.Е., Тишин В.В. Тамги династии Ашина в Центральной Азии // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / отв. ред. Н.Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. – СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 582–599.

Рогожинский А.Е., Черемисин Д.В. Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – № 2 (47). – С. 48–59.

Тамги доисламской Центральной Азии. – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 452 с.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1 (17). – С. 39–50.

Ямаева Е.Я. Родовые тамги алтайский тюрок XIX–XX вв. – Горно-Алтайск: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 2004. – 56 с.

Guneri A.S. The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (OTAK)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010 // Древние культуры Евразии. К 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. – СПб.: Инфо-ол. – 2010. – С. 264–270.

References

Bazylhan N. Drevnetjurkskie kagansko-knjazheskie pominal'nye kompleksy Central'noj Azii. In *Forum «Idel' – Altaj»*. Kazan': OOO «Foliant»; Inst-t istorii AS RT, 2011, iss. 13. P. 187–194. (In Russ.).

Cheremisin D.V. Results of the latest studies of petroglyphs of the ancient Turkic Era in the southeast of the Russian Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, no. 1 (17). P. 39–49. (In Russ.).

Guneri A.S. The «Archaeological Sources of the Turkic Culture in Central Eurasia (OTAK)» Project: Works of Mongolian Altai, 2009–2010. In *Drevnie kul'tury Evrazii. K 100-letiju so dnja rozhdenija A. N. Bernshtama*. St. Petersburg.: Info-ol, 2010. P. 264–270.

Kiseljov S.V. Drevnjaja istorija Juzhnoj Sibiri. Moscow: AS USSR Publ., 1951, 644 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka, 1987, 302 p. (In Russ.).

Kubarev V.D., Cjevjejendorzh D., Jakobson Je. Petroglify Cagaan-Sala i Baga-Ojgura (Mongol'skij Altaj). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 640 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Karluki Altaja po pis'mennym i arheologicheskim dannym. In *Tvorec kul'tury. Material'naja kul'tura i duhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii i jetnografii: Sbornik nauchnyh statej, posvjashhennyj 80-letiju professora Dmitrija Glebovicha Savinova / otv. red. N.Ju. Smirnov; In-t istorii material'noj kul'tury RAN*. Sankt-Peterburg: IHMC RAS Publ., 2021. P. 305–323. (In Russ.).

Rogozhinskij A.E., Tishin V.V. Kompleks runicheskih nadpisej i tamga-petroglifov doliny Almaly v Semirech'e. In *Uchjonye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja pisanica»*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2018, iss. 8. P. 77–91. (In Russ.).

Rogozhinskij A.E., Tishin V.V. Tamgi dinastii Ashina v Central'noj Azii/ In *Tvorec kul'tury. Material'naja kul'tura i duhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arheologii, istorii i jetnografii: Sbornik nauchnyh statej, posvjashhennyj 80-letiju professora Dmitrija Glebovicha Savinova / otv. red. N.Ju. Smirnov; In-t istorii material'noj kul'tury RAN*. Sankt-Peterburg: IHMC RAS Publ., 2021. P. 582–599. (In Russ.).

Rogozhinsky A.E., Cheremisin D.V. The Tamga Signs of the Turkic Nomads in the Altai and Semirechye: Comparisons and Identifications. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, no. 2 (47). P. 48–59.

Tamgi doislamskoj Central'noj Azii. Samarkand: MICAI, 2019, 452 p. (In Engl. and Russ.).

Jamaeva E.Ja. Rodovye tamgi altajskij tjurok XIX–XX vv. Gorno-Altajsk: GUP «Gorno-Altajskaja respublikanskaja tipografija», 2004, 56 p. (In Russ.).

Черемисин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-1184-4044
Рогожинский А.Е. https://orcid.org/0000-0001-6756-7691

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0615-0623
УДК 551.8

Н.А. Рудая[1]✉, В.И. Соенов[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Горно-Алтайский государственный университет
Горно-Алтайск, Россия
E–mail: nrudaya@gmail.com

Копрофильные грибы как индикатор пастбищной нагрузки и плотности населения Убсунурской котловины (Монголия) за последние три тысячелетия

Споры копрофильных грибов хорошо сохраняются в различных палеоархивах, в том числе и в донных отложениях озер. Часть своего жизненного цикла копрофильные грибы проводят на навозе травоядных животных, где и спороносят. Благодаря этой особенности, копрофильные грибы используют как качественный индикатор наличия и плотности населения, использующего сельскохозяйственных животных. Целью настоящей работы является проверка гипотезы о независимости изменения содержания спор копрофильных грибов от климата, т.е. возможности использовать этот индикатор как независимый для качественной реконструкции плотности населения в восточной части Убсунурской котловины. Для этого нами предпринята попытка установления связи между глобальными историческими процессами, происходящими в Центральной Азии за последние три тысячелетия, и флуктуациями содержания спор копрофильных грибов в донных отложениях озера Баян-Нур, располагающегося в Убсунурской котловине. Споры копрофильных грибов подсчитывались на палинологических слайдах вместе с остальными палиноморфами. Для копрофильных грибов рассчитывались концентрации и скорости аккумуляции (количество спор на 1 грамм в год). Только два рода копрофильных грибов Sporormilella и Sordaria были найдены в высоком обилии в палеозаписи озера. Сравнение исторических свидетельств заселения Северо-Западной Монголии за последние три тысячелетия и флуктуаций содержания спор копрофильных грибов в донных отложениях озера выявили заметные совпадения, что позволяет использовать копрофильные грибы как качественный индикатор плотности населения, занимающегося скотоводством. При этом не было выявлено зависимости содержания спор копрофильных грибов от изменений климата, что характеризует этот индикатор как независимый от климатических изменений.

Ключевые слова: *копрофильные грибы, поздний голоцен, пастбищная нагрузка, население Монголии.*

N.A. Rudaya[1]✉, V.I. Soenov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Gorno-Altaisk State University
Gorno-Altaisk, Russia
E–mail: nrudaya@gmail.com

Coprophilous Fungi as an Indicator of Grazing Pressure and Population Density in the Uvs Nuur Basin (Mongolia) over the Past Three Millennia

Spores of coprophilous fungi are well preserved in various paleoarchives, including bottom sediments in lakes. The coprophilous fungi spend part of their life cycle on the dung of herbivorous animals, where they produce spores. Due to this feature, the coprophilous fungi are used as a qualitative indicator of the presence and density of the population using domestic livestock. This paper is aimed at testing the hypothesis that fluctuations in the spore contents of coprophilous fungi are independent from climate, i.e., the possibility of using this indicator as an independent one for the qualitative reconstruction of population density in the eastern part of the Uvs Nuur basin. To do this, we have attempted to link global

historical processes in Central Asia over the past three millennia with fluctuations in the contents of the coprophilous fungi spores in the bottom sediments in Lake Bayan Nuur located in the Uvs Nuur basin. Spores of the coprophilous fungi were counted on palynological slides along with other palynomorphs. Concentrations and accumulation rates (number of spores per 1 gram per year) were calculated for the coprophilous fungi. Only two genera of coprophilous fungi, Sporormilella and Sordaria, were abundantly found in the paleorecord of the lake. Comparison of historical evidence of the population of North-Western Mongolia during the last three millennia and fluctuations in the contents of the coprophilous fungi spores in the bottom sediments of the lake revealed remarkable coincidence, which allows using coprophilous fungi as a qualitative indicator of the density of the population engaged in cattle breeding. However, no relationships between the coprophilous fungi spore contents and the climate change were revealed, which characterizes this indicator as being independent of the climate change.

Keywords: *coprophilous fungi, Late Holocene, grazing pressure, Mongolian population.*

Введение

Копрофильные грибы относятся преимущественно к отделу аскомицеты и хорошо сохраняются в различных палеоархивах [Pirozynski 1976; van Geel, Aptroot, 2006], в том числе и в озерных отложениях, куда их споры попадают из окружающей среды. Часть своего жизненного цикла они проводят на навозе травоядных животных, где и спороносят, поэтому по концентрации аскоспор в ископаемых озерных отложениях можно косвенно судить о количестве травоядных животных и пастбищной нагрузке [van Geel et al., 2003; Dietre, Gauthier, Gillet, 2012; Brugger et al., 2018; Rudaya et al., 2021; Wei et al., 2021]. Благодаря этой особенности, копрофильные аскомицеты используют как качественный индикатор наличия и плотности населения, использующего сельскохозяйственных животных.

Территория Северо-Западной Монголии, включая Убсунурскую котловину, в археологическом отношении изучена недостаточно и очень неравномерно. На сегодня относительно неплохо изучены памятники Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков и западной части Увс аймака [Кимеев и др., 2012]. Там обнаружено большое количество памятников эпохи камня, бронзы, раннего железного века и Средневековья [Евтюхова, 1952; Волков, 1967; 2002; Окладников, 1981; История Монгольской Народной Республики, 1983; Новгородова, 1984; 1989; Деревянко и др., 1990; Худяков, Плотников, 1990; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999; Борисенко, Бямбадорж, Худяков, 2000; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005; Тишкин, 2007; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007; Цэвээндорж и др., 2008; Эрдэнэбаатар, 2009; Кимеев и др., 2012; Мунхбаяр, 2013; Горбунов и др., 2014]. Восточная часть Увс аймака все еще относится к археологически слабоизученным участкам.

Участок Зуунговь сомона, где расположено озеро Баян-Нур, только в недавнее время (2015–2017 гг.) был детально обследован монгольскими и американскими археологами Ж. Баярсайханом, Т. Түвшинжаргалом, Л. Бартоном и К. Морганом в рамках монгольско-американского проекта. Участники проекта выявили целый ряд погребальных, ритуальных и поселенческих памятников на берегах озера Баян-Нур от конца палеолита до гуннского времени и проследили уровень озера в разные периоды голоцена (Л. Бартон, личное сообщение).

Целью настоящей работы является проверка гипотезы о независимости изменения содержания спор копрофильных грибов от климата, т.е. возможности использовать этот индикатор как независимый для качественной реконструкции плотности населения в восточной части Убсунурской котловины. Для этого нами предпринята попытка установления связи между глобальными историческими процессами, происходящими в Центральной Азии за последние три тысячелетия, и флуктуациями содержания спор копрофильных грибов в донных отложениях озера Баян-Нур, располагающегося в Убсунурской котловине. В настоящей работе для исследования содержания спор копрофильных грибов использована палеозапись BN2016, охватывающая последние три тысячи лет. Количественная реконструкция климата для данного региона выполнена для этой же палеозаписи и опубликована [Rudaya et al., 2021]; там же дается и обзор всех современных климатических реконструкций для северной и северо-западной Монголии и сопредельных регионов.

Объект исследования и природные условия изучаемой территории

Пресное о. Баян-Нур (49.98 с.ш., 93.95 в.д., 932 м над ур. м.), располагающееся на востоке Убсунурской котловины, является одним из самых северных озер монгольской Котловины Больших Озер (рис. 1).

Климат Убсунурской котловины континентальный, со средним количеством осадков 100 мм в год в котловине и 400 мм в год в высокогорных

поясах, окружающих котловину хребтов. Среднегодовые температуры составляют 3,7 ^{0}C (средние температуры января -32,5 ^{0}C и средние температуры июля 19,5 ^{0}C) [Национальный атлас…, 1990]. Окружающие озеро песчаные дюны покрыты пустынно-степной растительностью [Намзалов, Монгуш, 2010].

Методы исследования

Споры копрофильных грибов подсчитывались на палинологических слайдах вместе с остальными палиноморфами [Rudaya et al., 2021]. Для копрофильных грибов рассчитывались концентрации и скорости аккумуляции (количество спор на 1 грамм в год) [Wood, Wilmshurst, 2013].

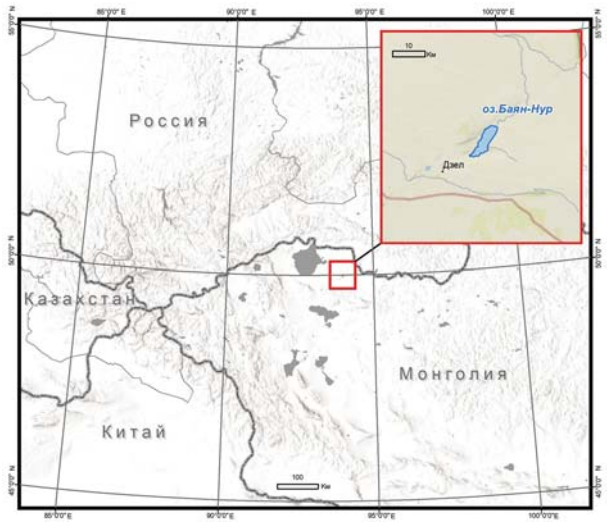

Рис. 1. Карта исследуемого региона.

Результаты

Только два рода копрофильных грибов *Sporormilella* и *Sordaria* были найдены в высоком обилии в BN2016; *Podospora* и *Gelasinospora* отмечены единично. Концентрации копрофильных грибов имеют наивысшие значения в интервалах 350–250 гг. до н.э. и 230–700 гг. и около 1130 г. Максимальные концентрации отмечены после 1330 г., а низкие и очень низкие концентрации – в интервалах между 120 г. до н.э. – 160 г. и 750–1000 гг. (рис. 2). Рассчитанные скорости аккумуляции спор показывают несколько иную картину. Самая высокая скорость аккумуляции отмечена около 660 г. и между 500–700 гг. Также высокие скорости аккумуляции рассчитаны для 335 г. до н.э., 240 г. до н.э. и для интервалов между 1020–1130 гг. и 1330–1550 гг.

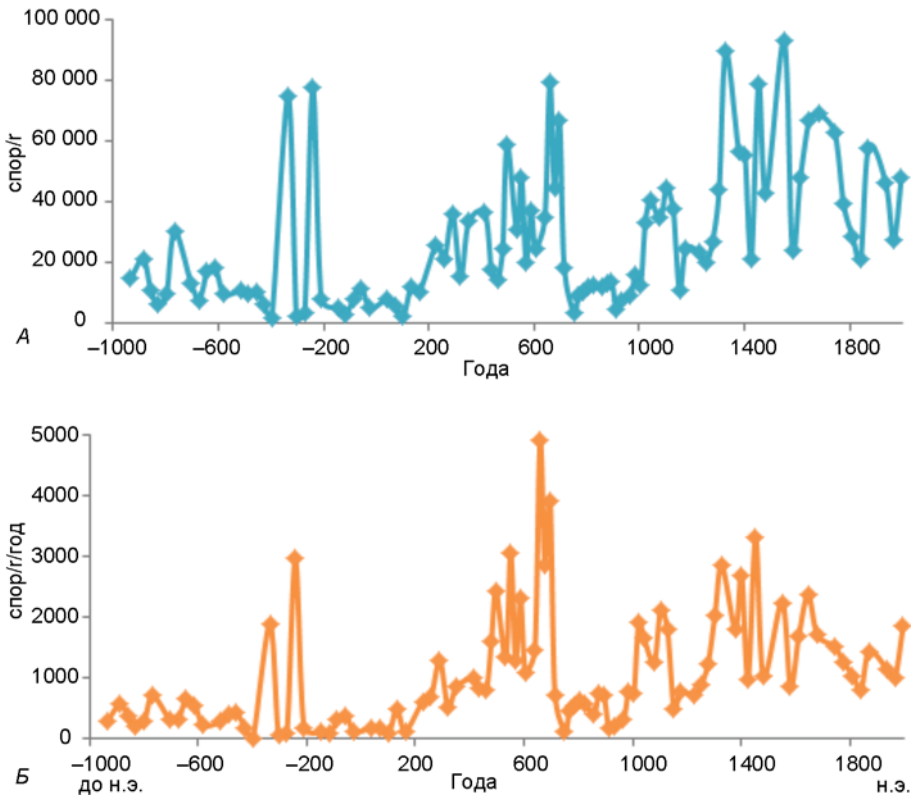

Рис. 2. А – Концентрации спор копрофильных грибов в палеозаписи BN2016; *Б* – Скорости аккумуляции спор копрофильных грибов в палеозаписи BN2016.

Интерпретация результатов

Геоморфологическое изучение Убсунурской котловины показало, что распространенные здесь параболические дюны и активные барханы могли сформироваться в последние 3000–2000 лет на местах перевыпаса и высокой пастбищной нагрузки [Grunert, Lehmkuhl, Walther, 2000]. Это означает, что формирование современных дюн в окрестностях озера было обусловлено человеческой деятельностью, а не климатом. Однако информации о населении этой части Убсунурской котловины в последние два тысячелетия очень мало.

В настоящей работе палеозапись копрофильных грибов используется как косвенный индикатор динамики и плотности населения, проживавшего около озера Баян-Нур. В Rudaya et al. [2021] статистически установлено отсутствие корреляции между содержанием спор копрофильных грибов и изменениями климата в данном регионе. Погодные экстремальные климатические явления, влияющие на поголовье скота, такие как засухи или джуты, из-за разрешения палеозаписи (40–90 лет) в данной работе реконструированы быть не могут.

Ниже мы предлагаем попытку качественной корреляции содержания спор копрофильных грибов с уже изученными социокультурными и политическими событиями в Монголии. Дальнейшие археологические исследования в Убсунурской котловине позволят точнее установить, насколько такой биологический индикатор, как копрофильные грибы может быть использован для реконструкции плотности населения.

Конец периода поздней бронзы – ранний железный век (IX–V вв. до н.э.). Исследователи далеко не единодушны в оценке этнокультурной ситуации в Северо-Западной Монголии в I тысячелетия до н.э. В конце бронзового и начале раннего железного века окрестности о. Баян-Нур входили в ареал распространения скотоводческого, преимущественно европеоидного, населения, оставившего памятники в виде поздних типов курганов-керексуров. В Северо-Западной Монголии также встречаются и плиточные могилы [Цыбиктаров, 1998]. Хронологические рамки существования этих культур оцениваются с середины II тыс. до н.э. до III–II вв. до н.э. [Цыбиктаров, 2003]. Носители культур курганов-керексуров и плиточных могил имели преимущественно скотоводческое хозяйство, однако количество копрофильных грибов относительно невысоко, нет значительных пиков, вероятно, из-за относительно небольшой плотности населения, и, соответственно, скота.

Чандаманьская (улангомская) культура эпохи раннего железа (IV–III вв. до н.э.). Часть исследователей считают, что в Северо-Западной Монголии для VI–V – III вв. до н.э. нужно выделить чандаманьскую (улангомскую) культуру эпохи раннего железа [Новгородова, 1989; Цэвэндорж и др., 2008]. Представителей улангомской культуры можно отнести к «саяно-тувинской культуре скифского времени» [Волков, Новгородова, 1974]. Археологические памятники этого времени, располагающиеся в Убсунурской котловине, относятся именно к чандаманьской (улангомской) культуре, представители которой являются потомками культуры керексуров и пришедших с севера представителей уюкско-саглынской культуры. Именно с максимумом экспансии северян, вероятно, связан пик спор грибов в интервале 350–240 гг. до н.э. Характерно, что примерно в это же время происходит освоение населением пазырыкской культуры южного и юго-западного Российского Алтая и выход пазырыкцев в Монгольский Алтай и Восточный Туркестан.

Эпоха сюнну (II в. до н.э. – первая половина IV в. н.э.). На рубеже III–II вв. до н.э. территория Северо-Западной Монголии подчинена центральноазиатским сюнну [Гумилев, 2010]. Этносоциальное доминирование сюнну в Северо-Западной Монголии стало максимальным в период 120 г. до н.э. – 93 г. от переноса столицы империи сюнну в Северную Монголию и до момента окончательного поражения сюнну от коалиции, возглавляемой сяньби. К востоку от Увс аймака располагались города и царские могильники сюнну [Руденко, 1962; Данилов, 2004].

Во II–III вв. территория Северо-Западной Монголии входила в состав сяньбийской империи, затем, видимо, в состав одного из государств с сяньбийской династией, в IV–VI вв. – в состав государства жужаней, победивших сяньбийцев [Кычанов, 1997]. Государства сяньбийцев и жужаней, так или иначе, продолжали развитие культуры сюннского типа.

На рубеже III–II вв. до н.э. (240 г. до н.э.) отмечен очередной высокий пик концентрации спор копрофильных грибов. Это могло быть связано с притоком населения из-за экспансии центральноазиатских сюнну. На настоящий момент из-за отсутствия археологических данных, нельзя сказать, кто заселил окрестности озера, сюнну или население, бежавшее от них. В начале II в. до н.э. концентрации и скорость аккумуляции копрофильных грибов начинают резко снижаться до первой половины III в., когда империя сяньби распалась на ряд государств. Содержание спор грибов держится почти на минимуме с незначительными колебаниями в интервале 210 г. до н.э. – 160 г.

Это весьма неожиданно, поскольку в этот период в соседней Северной и Центральной Монго-

лии концентрировались большие массы населения сюннского государства, строились города и царские могильники. Согласно климатической реконструкции, представленной в Rudaya et al. [2021], первые века нашей эры характеризуются сухим климатом с невысоким количеством осадков. Как минимум один экстремально аридный и жаркий эпизод отмечается около 160 г. Земли вокруг оз. Баян-Нур могли быть непригодными для проживания в это время. Другим объяснением низкой скорости аккумуляции спор грибов в это время может быть то, что население из этих мест было мобилизовано для участия в многочисленных военных кампаниях против сяньбийцев, и Северо-Западная Монголия в значительной степени обезлюдела.

Только в первой половине III в., после распада империи сяньби (в 234 г.) и в период существования государств во главе с сяньбийскими династиями [Крадин, 2007] начинается тенденция к постепенному росту концентрации спор копрофильных грибов (с 230 г.), продолжавшемся почти всю первую половину IV в. и свидетельствующем о демографических изменениях после длительного малолюдного периода в окрестностях озера Баян-Нур.

Жужанское время (первая половина IV – середина VI в.). В первой половине IV в. (в 330 г.) в Центральной Азии возник каганат жужаней, победивших сяньбийские государства [Монгол улсын…, 2004]. С этим событием, вероятно, связано кратковременное уменьшение существенного количества населения, отразившееся в уменьшении количества копрофильных грибов в отложениях, которое начинает расти в V в. (около 480 г.). Жужане проводили активную переселенческую политику среди населения каганата, что, возможно, отразилось на демографической ситуации около оз. Баян-Нур. В первой половине VI в. происходит рост количества грибов, который прекращается в середине столетия.

Тюркское время (середина VI – середина VIII в.). Прекращение роста концентрации и скоростей аккумуляции спор копрофильных грибов в середине VI в. коррелируется с поражением жужан от тюрков и созданием Первого Тюркского каганата (552 г.). Во второй половине VI – второй половине VII в. наблюдаются скачкообразные изменения количества копрофильных грибов, при сохранении устойчивой тенденции к возрастанию. Во второй половине VII в. с созданием Второго Тюркского каганата в 682 г. концентрации и скорости аккумуляции копрофильных грибов достигают максимума и снижаются только с поражением тюрков в 744 г., когда они были окончательно разбиты китайскими войсками и их союзниками карлуками и уйгурами. Далее начинается тенденция к падению содержания копрофильных грибов.

Уйгурское время (середина VIII – середина IX в.). В 744 г. на землях Восточного каганата возник Уйгурский каганат, куда входила и Северо-Западная Монголия. В уйгурское время песчаные земли вокруг оз. Баян-Нур могли оказаться невостребованными, поскольку были непригодны для земледелия, которое активно развивалось в каганате [Кляшторный, Султанов, 2009]. Поэтому весь этот период происходит сокращение количества копрофильных грибов (750–960 гг.), дошедшее до минимального количества в начале IX в. и остававшегося на низком уровне с некоторыми перепадами до середины XI в. (рис. 2). Ситуацию не поменяло падение Уйгурского каганата в 840 г. и переход территории к енисейским кыргызам.

Кыргызское время (середина IX – начало XIII в.). В середине IX – середине XI в. количество копрофильных грибов кардинально не меняется, демонстрируя некоторые перепады близко к минимальным значениям, что по-прежнему свидетельствует о небольшой степени освоения окрестностей оз. Баян-Нур. Только во второй половине XI в. наблюдается заметный рост содержания грибов (1020–1130 гг.), который связан, возможно, с определенной дестабилизацией политической обстановки в регионе из-за завоеваний монголоязычных киданей, после их выхода в центральноазиатские степи из лесного региона [Кызласов, 1984]. Кидани выдавили тюркоязычное население на запад, часть из которого, возможно, осела в кыргызских владениях в Убсунурской котловине. В середины XII в. кыргызы потерпели поражение от найманов, что могло отразиться в виде очередной убыли копрофильных грибов, которая завершилась в начале XIII в., с завоеванием Северо-Западной Монголии Чингисханом.

Имперское монгольское время (XIII–XIV вв.). В начале XIII в. происходит некоторый рост содержания спор копрофильных грибов, которое затем стабилизируется, что связано, вероятно, с прекращением прироста населения. С начала XIV в. намечается тренд на увеличение содержания спор копрофильных грибов и оно достигает пика во второй половине столетия (1330–1450 гг.), что коррелируется с крушением империи Юань в 1368 г. н.э. и возвращением монгольских императоров из Китая на их историческую родину [Монгольская империя…, 2004].

«Темное время» (XV–XVII вв.). С чем связано некоторое сокращение количества грибов с конца XIV в. и значительную часть XV в. сказать сложно, т.к. этот период Монголии, в т.ч. Убсунурской котловины, слабо освещен в исторической литературе из-за скудности источников. Возможно, из-за постоянных войн западных ойратов с восточны-

ми монголами и китайцами, в которых были задействованы большие военные силы. Сокращение количества грибов прекращается только во второй половине XV в., видимо, после победы восточных монголов над ойратами в 1468 г.

Данный скачок в росте количества грибов происходит до рубежа XV–XVI вв., после чего снова идет сокращение. Это может коррелироваться со следующими историческими событиями: в 1495 г. монголы начали очередные военные действия против Китая, а в 1500 г. Даян-хан перенес свою ставку в завоеванный Ордос. Вероятно, какая-то часть населения мигрировала к востоку. В 1552 г. ойраты потерпели поражение от войск хотогойтов и были вытеснены на запад. Период увеличения могущества хотогойтов во второй половине XVI в. связан с пиком роста копрофильных грибов ок. 1550 г. На рубеже XVI–XVII вв. между озерами Хубсугул и Убсу-Нур возникло хотогойтское государство Алтан-ханов [Шастина, 1949]. Значительное скотоводческое население этого времени отражено в повышенном содержании копрофильных грибов.

Цинское время (конец XVII – начало XX в.). В первой половине XVIII в. начинается длительный период сокращения количества копрофильных грибов в окрестностях оз. Баян-Нур (минимум отмечен в 1840 г.), который продлился до конца XIX в., т.е. до периода ослабления цинского господства в Монголии, когда наметилась противоположная тенденция. Можно предположить, хотя и с большой долей сомнения, что период снижения концентрации копрофильных грибов совпадает с малым ледниковым периодом и связанной с этим депопуляцией местности [Rudaya et al., 2021].

В первые десятилетия XX в. происходит рост содержания спор грибов, что связано, на наш взгляд, с обретением независимости Монголией и объявлением народной республики. Затем демографическая ситуация в окрестностях оз. Баян-Нур меняется и наблюдается очередной период постепенного сокращения количества копрофильных грибов. Скорее всего, это связано с взятием курса на «строительство социализма» в Монголии и перипетиями XX в., поскольку в постсоветской «новой» Монголии наблюдается тенденция к новому росту количества копрофильных грибов и значительному увеличению поголовья скота. Однако временное разрешение палеозаписи BN2016 последних 100 лет не позволяет сделать подробные реконструкции.

Заключение

Сравнение исторических свидетельств заселения Северо-Западной Монголии за последние три тысячелетия и флуктуаций содержания спор копрофильных грибов выявили заметные совпадения, что позволяет использовать копрофильные грибы как качественный индикатор плотности населения, занимающегося скотоводством. При этом не было выявлено зависимости содержания спор копрофильных грибов от изменений климата, что характеризует этот индикатор как независимый от климатических изменений.

Список литературы

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Тухийн Хурээлэн, 1999. – 166 с. (на монг. яз.).

Борисенко А.Ю., Бямбадорж Ц., Худяков Ю.С. Исследования в Убсу.нурском аймаке Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 245–250.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд.во АН МНР, 1967. – 148 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Археологические работы В Монголии. – АО 1973 г. – М., 1974. – С. 535–536.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Идэрхангай Т..О., Мунхбаяр Ч., Серегин Н.Н., Лихачева О.С., Паршикова Т.С. Раскопки тюркских оградок в Западной и Центральной Монголии // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – Вып. 1. – С. 19–21.

Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 700 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. – 202 с.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: 1952. – Т. 1. – С. 72–120.

История Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1983. – 662 с.

Кимеев В.М., Терентьев В.И., Акулова А.С., Ширин Ю.В., Лхагвасурэн Б. Очерки Западной Монголии. – Кемерово: Примула, 2012. – Т.1. – 206 с.

Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. – 432 с

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результа-

там работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции СПбГУ, Института Истории АН Монголии и Улан.Баторского ГУ) // Алтае.Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул, 2007. – С. 80–85.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007 – 416 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага.Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – 167 с.

Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Изд. фирма Восточная литература РАН, 1997. – 321 с.

Монгол улсын түүх тэргүүн боть (Нэн эртнээс XII зууны дунд үе). - Хоёр дахь хэвлэл. Улаанбаатар, 2004. – С. 438 (на монг. яз.)

Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 546 с.

Мунхбаяр Ч. Погребально-поминальные комплексы Монгольского Алтая периода ранней бронзы. – Барнаул, 2013. – 425 с.

Намзалов Б.Б., Монгуш А.М. О структуре горной экспозиционной лесостепи пояса «убуров» хр. Танну. Ола (Южная Тыва) // Экологические последствия биосферных процессов в экотонной зоне Южной Сибири и Центральной Азии. – Улан.Батор: Изд.во Бэмби сан, 2010. – Труды Международной конференции. – Т. 1. – С. 253–256.

Национальный атлас Монгольской Народной Республики. – Улан-Батар, М.: ГУГК МНР, ГУГК СССР, 1990. – 144 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.:Наука, 1984. – 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. (Некоторые проблемы хронологии в этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 399 с.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 223 с.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М..Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.

Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 382–387.

Худяков Ю.С. Плотников Ю.А. Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111–125.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ, 1998. – 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2003. – №1(13). – С. 80–97.

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. – Улаанбаатар: Ин-т археологии АН Монголии, 2008. – 239 с.

Шастина Н.П. Алтын-Ханы Западной Монголии в XVII в. – Советское Востоковедение, 1949. – Вып. VI. – С. 383–395.

Эрдэнэбаатар Д. Краткий очерк археологических исследований в Монголии // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 113–148.

Brugger S.O., Gobet E., Sigl M., Osmont D., Papina T., Rudaya N., Schwikowski M., Tinner W. Ice records provide new insights into climatic vulnerability of Central Asian forest and steppe communities // Global and Planetary Change, 2018, – V. 169. – P. 188–201.

Dietre B., Gauthier É., Gillet F. Modern pollen rain and fungal spore assemblages from pasture woodlands around Lake Saint.Point (France) // Review of Palaeobotany and Palynology, 2012, – V. 186. – P. 69–89.

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (Western Mongolia) // Quaternary International, 2000. – V. 65/66. – P. 171–192.

Pirozynski K.A. Fossil fungi // Ann. Rev. Phytopathol., 1976, – V. 14. – P. 237–246.

Rudaya N., Nazarova L., Frolova L., Palagushkina O., Soenov V., Cao X., Syrykh L. Grekov I., Otgonbayar D., Bayarkhuu B. The link between climate change and biodiversity of lacustrine unhabitans and terrestrial plant communities of the Uvs Nuur Basin (Mongolia) during the last three millennia // The Holocene, 2021. – V. 31(9). – P. 1443–1458.

van Geel B, Aptroot A. Fossil ascomycetes in Quaternary deposits // Nova. Hedwig., 2006, – V. 82. – P. 313–329.

van Geel B., Buurman J.J., Brinkkemper O., Schelvis J.J., Aptroot A., van Reenen G., Hakbijl T. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands), with special reference to coprophilous fungi // Journal of Archaeological Science, 2003. – V. 30. – P. 873–883.

Wei H., Duan R., Xu Q., Yang S., Fan Q., Hou G., Du Y., Qin Z., Gao G. Fungal spore indicators of vegetation and highland pastoralism in modern topsoil and dung, eastern Tibetan Plateau // CATENA, 2021. – V. 202. – P. 1–12

Wood J., Wilmshurst J. Accumulation rates or percentages? How to quantify Sporormiella and other coprophilous fungal spores to detect late Quaternary megafaunal extinction events // Quaternary Science Reviews, 2013. – V. 77. – P. 1–3.

References

Bajar D., Jerdjenjebaatar D. Mongol Altajn hyn chuluun hoshoo (Kamennye izvajanija Mongol'skogo Altaja). Ulaanbaatar: Mongol uls Shinzhljeh Uhaany Akademi Tuhijn Hurjejeljen, 1999, 166 p. (In Mong.).

Bazarov B.V, Kradin N.N., Skrynnikova T.D. Mongol'skaja imperija i kochevoj mir. Ulan-Udje: BSC SB RAS Publ, 2004, 546 p. (In Russ.).

Borisenko A.Ju., Bjambadorzh C., Hudjakov Ju.S. Issledovanija v Ubsu-nurskom ajmake Mongolii. In *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Novosibirsk, 2000, iss. VI. P. 245–250. (In Russ.).

Brugger S.O., Gobet E., Sigl M., Osmont D., Papina T., Rudaya N., Schwikowski M., Tinner W. Ice records provide new insights into climatic vulnerability of Central Asian forest and steppe communities. *Global and Planetary Change*, 2018, no. 169. P. 188–201.

Cjevjejendorzh D., Bajar D., Cjerjendagva Ja., Ochirhujag C. Arheologija Mongolii. Ulaanbaatar: Institut arheologii AS Mongolii, 2008, 239 p. (In Russ.).

Cybiktarov A.D. Central'naja Azija v jepohu bronzy i rannego zheleza (problemy jetnokul'turnoj istorii Mongolii i Juzhnogo Zabajkal'ja serediny II – pervoj poloviny I tys. do n.je.). *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. . Novosibirsk*, 2003, no. 1(13), P. 80–97. (In Russ.).

Cybiktarov A.D. Kul'tura plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ja. Ulan-Udje, 1998, 88 p. (In Russ.).

Danilov S.V. Goroda v kochevyh obshhestvah Central'noj Azii. Ulan-Udje: BNC SB RAS, 2004, 202 p. (In Russ.).

Derevjanko A.P., Dorzh D., Vasil'evskij R.S., Larichev V.E., Petrin V.T., Devjatkin E.V., Malaeva E.M. Kamennyj vek Mongolii: Paleolit i neolit Mongol'skogo Altaja. Novosibirsk: Nauka, 1990, 646 p. (In Russ.).

Dietre B., Gauthier É., Gillet F. Modern pollen rain and fungal spore assemblages from pasture woodlands around Lake Saint.Point (France). *Review of Palaeobotany and Palynology*, 2012, no. 186. P. 69–89.

Evtjuhova L.A. Kamennye izvajanija Juzhnoj Sibiri i Mongolii. In *MIA № 24. Materialy i issledovanija po arheologii Sibiri*. Moscow: 1952, iss. 1. P. 72–120. (In Russ.).

Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Idjerhangaj T.O., Munhbajar Ch., Seregin N.N., Lihacheva O.S., Parshikova T.S. Raskopki tjurkskih ogradok v Zapadnoj i Central'noj Mongolii. In *Mezhdisciplinarnoe izuchenie arheologii Zapadnoj Sibiri i Altaja*. Barnaul: Altai Univ. Press, 2014, iss. 1. P. 19–21. (In Russ.).

Grunert J., Lehmkuhl F., Walther M. Paleoclimatic evolution of the Uvs Nuur basin and adjacent areas (Western Mongolia). *Quaternary International*, 2000, no. 65/66. P. 171–192.

Gumilev L.N. Istorija naroda hunnu. Moscow: AST: Astrel, 2010, 700 p. (In Russ.).

Hudjakov Ju.S. Plotnikov Ju.A. Drevnetjurkskie kamennye izvajanija v juzhnoj chasti Ubsunurskoj kotloviny. In *Arheologicheskie, jetnograficheskie i antropologicheskie issledovanija v Mongolii*. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 111–125. (In Russ.).

Jerdjenjebaatar D. Kratkij ocherk arheologicheskih issledovanij v Mongolii . *Izvestija laboratorii drevnih tehnologij*. Irkutsk: Irkutsk State Technical Univ. Press., 2009, iss. 7. P. 113–148. (In Russ.).

Kimeev V.M., Terent'ev V.I., Akulova A.S., Shirin Ju.V., Lhagvasurjen B. Ocherki Zapadnoj Mongolii. Kemerovo: Primula, 2012, iss. 1, 206 p. (In Russ.).

Kljashtornyj S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody Evrazijskih stepej: ot drevnosti k Novomu vremeni. St-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2009, 432 p. (In Russ.).

Kovalev A.A., Jerdjenjebaatar D. Mongol'skij Altaj v bronzovom i rannem zheleznom vekah (po rezul'tatam rabot Mezhdunarodnoj Central'noaziatskoj arheologicheskoj jekspedicii SPbGU, Instituta Istorii AN Mongolii i Ulan. Batorskogo GU). In *Altae-Sajanskaja gornaja strana i istorija osvoenija ee kochevnikami*. Barnaul, 2007. P. 80–85. (In Russ.).

Kradin N.N. Kochevniki Evrazii. Almaty: Dajk.Press, 2007, 416 p. (In Russ.)

Kubarev V.D., Cjevjejendorzh D., Jakobson Je. Petroglify Cagaan.Salaa i Baga-Ojgura (Mongol'skij Altaj). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2005, 640 p. (In Russ.).

Kychanov E.I. Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov. Moscow: Izdatel'skaja firma Vostochnaja literatura RAS, 1997, 321 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Istorija Juzhnoj Sibiri v srednie veka. Moscow, 1984, 167 p. (In Russ.).

Mongol ulsyn tүүh tjergүүn bot' (Njen jertnjejes XII zuuny dund үe). . Hojor dah' hjevljel. Ulaanbaatar, 2004, 438 p. (In Mong.).

Munhbajar Ch. Pogrebal'no.pominal'nye kompleksy Mongol'skogo Altaja perioda rannej bronzy. Barnaul, 2013, 425 p. (In Russ.).

Nacional'nyj atlas Mongol'skoj Narodnoj Respubliki. Ulan–Batar, Moscow: GUGK MNR, GUGK USSR, 1990, 144 p. (In Russ.).

Namzalov B.B., Mongush A.M. O strukture gornoj jekspozicionnoj lesostepi pojasa «uburov» hr. Tannu.Ola (Juzhnaja Tyva). In *Jekologicheskie posledstvija biosfernyh processov v jekotonnoj zone Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii*. Ulan-Bator: Bjembi san Publ, 2010, no. 1. P. 253–256. (In Russ.).

Novgorodova Je.A. Mir petroglifov Mongolii. Moscow: Nauka, 1984, 168 p. (In Russ.).

Novgorodova Je.A. Drevnjaja Mongolija. (Nekotorye problemy hronologii v jetnokul'turnoj istorii). Moscow: Nauka, 1989, 399 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Mongolii. Leningrad: Nauka, 1981, 223 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Bira S. Istorija Mongol'skoj Narodnoj Respubliki. Moscow: Nauka, 1983, 662 p. (In Russ.).

Pirozynski K.A. Fossil fungi. *Ann. Rev. Phytopathol.*, 1976, no. 14. P. 237–246.

Rudaya N., Nazarova L., Frolova L., Palagushkina O., Soenov V., Cao X., Syrykh L. Grekov I., Otgonbayar D., Bayarkhuu B. The link between climate change and biodiversity of lacustrine unhabitans and terrestrial plant communities of the Uvs Nuur Basin (Mongolia) during the last three millennia. *The Holocene*, 2021, no. 31(9). P. 1443–1458.

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i Noinulinskie kurgany. Moscow-Leningrad: Izd-vo AS USSR, 1962, 206 p. (In Russ.).

Shastina N.P. Altyn-Hany Zapadnoj Mongolii v XVII v. In *Sovetskoe Vostokovedenie*, 1949, iss. VI. P. 383–395. (In Russ.).

Tishkin A.A. Obzor issledovanij v Zapadnoj Mongolii i na Altae . In *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, no. XIII. P. 382–387. (In Russ.).

van Geel B, Aptroot A. Fossil ascomycetes in Quaternary deposits. Nova. Hedwig., 2006, iss. 82. P. 313–329.

van Geel B., Buurman J.J., Brinkkemper O., Schelvis J.J., Aptroot A., van Reenen G., Hakbijl T. Environmental reconstruction of a Roman Period settlement site in Uitgeest (The Netherlands), with special reference to coprophilous fungi. *Journal of Archaeological Science*, 2003, no. 30. P. 873–883.

Volkov V.V. Bronzovyj i rannij zheleznyj vek Severnoj Mongolii. Ulan-Bator: AS MNR Publ, 1967, 148 p. (In Russ.).

Volkov V.V. Olennye kamni Mongolii. Moscow: Nauchnyj mir, 2002, 248 p. (In Russ.).

Volkov V.V., Novgorodova Je.A. Arheologicheskie raboty V Mongolii. . AO 1973 goda. Moscow, 1974. P. 535–536. (In Russ.).

Wei H., Duan R., Xu Q., Yang S., Fan Q., Hou G., Du Y., Qin Z., Gao G. Fungal spore indicators of vegetation and highland pastoralism in modern topsoil and dung, eastern Tibetan Plateau. *CATENA*, 2021, no. 202. P. 1–12.

Wood J., Wilmshurst J. Accumulation rates or percentages? How to quantify Sporormiella and other coprophilous fungal spores to detect late Quaternary megafaunal extinction events. *Quaternary Science Reviews*, 2013, no. 77. P. 1–3.

Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470
Соенов В.И. https://orcid.org/0000-0003-4224-0427

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0624-0632
УДК 902.2

И.А. Савко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Особенности отпечатков зубчатых орнаментиров на керамике могильника андроновской (фёдоровской) культуры Предгорий Алтая Чекановский Лог-2

Статья посвящена анализу отпечатков зубчатых орнаментиров на сосудах могильника андроновской (фёдоровской) культуры Чекановский Лог-2. Цель исследования – проанализировать отпечатки зубчатых орнаментиров и выявить изделия, орнаментированные одинаковыми (или похожими) инструментами, которые могли быть сделаны одним мастером или группой родственных мастеров. Из 49 проанализированных изделий, 26 орнаментировались зубчатыми инструментами. Все отпечатки были разделены на две группы: крупнозубчатые (длина зубца от 2,5 мм) и мелкозубчатые (длина зубца от 1 мм), и шесть подгрупп. Подгруппы объединяли сосуды, относящиеся к фрагментам одного изделия, а также посуду, характеризующие технологические традиции изготовления инструментов разных мастеров, по-видимому, принадлежащих одному близкому в культурном (или хронологическом) отношении населению. Выявлена корреляция размера зубцов с их количеством. Чем больше размер зубцов, тем больше длина рабочей поверхности и меньше количество зубцов. Нетипичные отпечатки зубчатых орнаментиров дополнялись нестандартной орнаментальной композицией изделий. Сосуды, орнаментированные крупнозубчатым штампом, в большинстве своем, были баночной формы, имели однозональную орнаментацию и простые элементы орнамента Мелкозубчатыми штампами орнаментировались сосуды горшечной формы, которые были украшены больше геометрическими мотивами с двух- или трехзональной разбивкой композиции. На пространстве могильника данные группы сосудов фиксируются на обоих частях некрополя, однако, для южного (прибрежного) участка характерны сосуды, украшенные преимущественно крупнозубчатым, а для северного – мелкозубчатым штампом. Данное обстоятельство можно объяснить различием по времени сооружения этих двух участков некрополя.

Ключевые слова: керамика, андроновская (фёдоровская) культура, отпечатки зубчатых орнаментиров.

I.A. Savko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: savko.ilia2016@yandex.ru

Features of Impressions of Serrated Ornaments on Ceramics of the Andronovo (Fedorovo) Culture Burial Ground in the Altai Foothills Chekanovsky Log-2

The article is devoted to the analysis of the impressions of serrated ornaments on the vessels of the Andronovo (Fedorovo) culture Chekanovsky Log-2. The aim of the study is to analyze the impressions of serrated ornaments and to identify products ornamented by the same (or similar) tools, which could be made by the same master or a group of related masters. Out of 49 analyzed items, 26 were ornamented with serrated tools. All impressions were divided into two groups: coarse-toothed (2.5 mm and more) and fine-toothed (1 mm and more), and six subgroups. The subgroups united vessels

belonging to fragments of the same product, and also dishes characterizing technological traditions of manufacture of tools of different masters, apparently belonging to one close in cultural (or chronological) relation to the population. The correlation between the size of the teeth and their number has been revealed. The larger the size of the teeth, the greater the length of the working surface and the smaller the number of teeth. The atypical impressions of the serrated ornaments were supplemented by the non-standard ornamental composition of the items. Vessels ornamented with coarse toothed stamp were mostly jar-shaped, had single-zone ornamentation and simple ornamental elements. Punctuated by fine-toothed stamps, the ornamented vessels were potted, which were decorated more with geometric motives with two or three zonal breakdown of the composition. In the burial area, these groups of vessels are fixed in both parts of the necropolis, however, for the southern (coastal) area, the vessels decorated mainly with a coarse-toothed stamp, and for the northern one, with a fine-toothed stamp are typical. This can be explained by the difference in the time of construction of these two parts of the necropolis.

Keywords: *ceramics, Andronovo (Fedorovo) culture, impressions of serrated ornaments.*

Введение

Керамика, наиболее массовый археологический источник, помогает ответить на ключевые вопросы, связанные с процессами взаимодействия и генезиса культур. Одно из направлений, по которым проводится анализ керамики, – исследование орнамента. В изучении орнамента существуют различные подходы и методы. Е.В. Волковой предложена методика выявления посуды, изготовленной одним мастером, на основании которой одним из определяющих критериев, позволяющим определить подобные изделия, является использование одного и того же инструмента для нанесения орнамента и сходные традиции работы им [Волкова, 1998а, с. 136–137; Волкова, 2020]. Использование этой методики совместно с анализом стратиграфии, технологических и орнаментальных особенностей сосудов из могил, позволило Е.В. Волковой определить относительную хронологию погребений одного из крупнейших некрополей фатьяновской культуры [Волкова, 1998б, с. 53]. В результате применения этой методики Н.Ф. Степановой выявлено несколько групп сосудов, каждая из которых изготовлена отдельной группой мастеров, что позволило синхронизировать целый ряд погребений с разных могильников [Степанова, 2012, с. 45; 2015а; 2015б].

Применение методики определения сосудов одного мастера особенно актуально для андроновской (фёдоровской) культуры, материальный комплекс которой, за редким исключением, характеризуется малочисленным и однотипным инвентарем, а также невыразительными погребальными сооружениями, что создает трудности для построения относительной хронологии как самого могильника, так и всей культуры в целом [Савко, 2021, с. 195]. В этом отношении керамика, как наиболее массовый источник в фёдоровских памятниках, позволяет ответить на многие вопросы андроновской проблематики.

Для андроновской (фёдоровской) керамики исследователи зачастую учитывают только особенности стилистики [Зотова, 1965; Рудковский, 2013; Ковтун, 2016; Демин, Ситников, Савко, 2018], разделяя декор на структурные «единицы»: элемент, мотив (или бордюр), композиция. Реже исследуются отпечатки орнаментиров на сосудах. Подобные исследования по выявлению сосудов, изготовленных одним мастером, проведены Л.Н. Мыльниковой и Д.В. Селиным для андроновской керамики могильника Тартас-1 [Мыльникова, Селин, 2017]. Первоначально авторами по методике анализа форм В.Ф. Генинга выделены группы сосудов близкие между собой по количественным показателям пропорциональности, которые определены как изделия, сделанные узким кругом мастеров (родственников) со сходными навыками конструирования формы посуды [Мыльникова, Селин, 2017, с. 318]. Исследуемые сосуды (295 экз.) были объединены в 32 группы, из которых в самых больших по количеству группах, насчитывающих 14 и 9 сосудов, проведен анализ отпечатков орнаментиров. Всего выявлено два изделия из погребений № 302 и № 208, орнамент которых нанесен одним инструментом [Мыльникова, Селин, 2017, с. 319]. Схожий состав естественных и искусственных примесей в керамике подтвердил предположение авторов о том, что эти изделия были изготовлены одним мастером. Посуда одного мастера находилась в разных планиграфических группах на могильнике, исходя из чего, исследователи приходят к выводу об относительной синхронности сооружения этих погребений [Мыльникова, Селин, 2017, с. 319].

Цель данного исследования – проанализировать отпечатки зубчатых орнаментиров на сосудах могильника андроновской (фёдоровской) культуры Чекановский Лог-2 и выявить изделия, орнаментированные одинаковыми (или похожими) инструментами, которые могли быть сделаны одним мастером или группой родственных мастеров.

Характеристика источниковой базы и методика изучения отпечатков зубчатых инструментов

Могильник Чекановский Лог-2 расположен в Третьяковском р-не Алтайского края, в 3–3,2 км юго-восточнее с. Корболиха и приурочен к первой надпойменной террасе правого берега р. Алей, ныне относящейся к северо-восточному берегу Гилёвского водохр. Некрополь исследовался в 1997–2011, 2013 гг. экспедицией БГПУ под руководством М.А. Демина и С.М. Ситникова [Демин, Ситников, 2007]. Всего изучено 46 погребений. Раскопки проводились на двух участках. Один раскоп находился на берегу, размываемом водохранилищем, там изучено 27 погребений андроновской культуры, которые на данный момент полностью опубликованы авторами работ [Там же, 2007]. Другой раскоп находился в 190 м к северо-западу от прибрежного раскопа и был расположен на поле сельскохозяйственного назначения, в районе советского скотомогильника. На этом участке исследовано 19 погребений андроновской культуры. Из 46 погребений сосуды обнаружены в 27 могилах, в которых найден 31 сосуд. В 24 могилах керамика находилась по одному сосуду, в двух могилах было по 2 сосуда, а в одной могиле – 3 сосуда. Более 50 фрагментов керамики найдено в надмогильном пространстве или в ходе сборов на берегу водохранилища.

Для исследования было отобрано 49 сосудов, из них 30 найдены в погребениях и 19 вне могил (в надмогильном пространстве или в ходе сборов на берегу водохранилища). Форма реконструируется у 24 изделий, из которых 12 горшковидных (сосуды с узким дном, имеется оформленная шейка и отогнутый наружу венчик, максимальное расширение тулова приходится на середину или верхнюю треть изделия), 8 баночных (сосуд с плоским дном и слегка выпуклыми боками, с закрытым устьем, без выраженного венчика) и 4 горшечно-баночных сосуда (слабопрофилированный горшок, по пропорциям приближающийся к банкам с невыразительной шейкой и более плавным переходом к тулову). Из 49 изделий шесть были без орнамента, на 17 экз. орнамент был нанесен только зубчатым орнаментиром, на 17 экз. – незубчатым и на 9 экз. декор наносился как зубчатым, так и незубчатым инструментом. Из других орнаментиров выявлен гладкий штамп и инструмент с округлым рабочим краем (палочка или лопатка), которым осуществляли вдавления и протаскивания. Среди элементов орнамента наиболее часто встречались каннелюры (21 экз.), треугольники различной конфигурации, вертикальный зигзаг (13 экз.) и вдавления или насечки (13 экз.). Внешняя поверхность сосудов зачастую заглаживалась инструментом с твердым рабочим краем (24 экз.) или лощилась (15 экз.). Цвет излома большинства сосудов (30 экз.) состоял из осветленных слоев мощностью 0,8–2,5 мм, примыкающих к внутренним и/или внешним стенкам сосудов, присутствовала коричневая с темно-серыми или серыми пятнами окрашенность внешних поверхностей изделий. Можно предположить, что обжиг сосудов проводился в условиях смешанной окислительно-восстановительной среды [Васильева, Салугина, 2013, с. 58–59; Цетлин, 2017, с. 280]. Большая часть посуды была изготовлена из среднепластичных глин, в которые искусственно добавляли минеральную примесь в виде шамота, и/или дресвы, а также органику [Савко, Федорук, 2020, с. 91–92].

В данном исследовании основное внимание уделено изучению отпечатков зубчатых инструментов, которые имеют больше параметров для сравнения, поэтому наиболее информативны и подходящие для анализа керамики. В исследовании используются основные критерии, ранее предложенные Н.Ф. Степановой для характеристики рабочего края зубчатых орнаментиров эпохи энеолита – ранней бронзы Алтая, к которым относятся: форма рабочего края, длина штампа, размеры, количество и форма зубцов [Степанова, 2015б, с. 402].

Основные параметры отпечатков орнаментиров для сравнения (рис. 1) были следующие: 1) способы нанесения орнамента (штампование и прокатывание) [Калинина, Устинова, 1990, с. 9; Глушков, 1996, с. 65]; 2) рабочий край орнаментира (округлый и прямой); 3) форма зубцов (поперечное сечение) – прямоугольная (типа А – длинная сторона зубца расположена вдоль рабочего края), прямоугольная (тип Б – длинная сторона зубца расположена поперек рабочего края), квадратная (тип В); 4) форма зубцов (продольное сечение) – прямоугольная, округлая, треугольная; 5) размеры зубцов* (ширина, длина, высота) – длинные зубцы и короткие зубцы; 6) длина штампа (см); 7) количество зубцов; 8) длина перегородки между зубцами; 9) форма перегородки между зубцами – треугольная, прямая, округлая; 10) угол наклона орнаментира по отношению к поверхности – прямой и острый.

*Длина и ширина, как количественный признак, измерялись в мм. Глубина отпечатка – качественный признак – был разделен на два вида: 1) короткие зубцы, когда на отпечатке промежутки между зубчиками вдавлены, по отношению к поверхности сосуда; 2) длинные зубцы, где промежутки между зубчиками находятся на одном уровне с поверхностью сосуда.

Выявление одинаковых зубчатых инструментов осложнено деформацией отпечатков орнамента, осуществляемой при обработке поверхности посуды (поверхность всех изделий, орнаментированных гребенчатым штампом, лощилась или заглаживалась после нанесения орнамента) и ее обжиге. Также такие признаки как длина рабочего края, количество и длина зубцов, значительно отличались даже в рамках одного изделия, что может быть объяснено формой сосудов в разных его частях. Площадь соприкосновения штампа с поверхностью в разных зонах сосуда (шейка, тулово, придонная часть) отличается. В силу данных особенностей наиболее устойчивыми признаками для сравнения были те, которые меньше всего могли зависеть от формы изделия: форма зубцов (поперечное сечение), ширина зубцов орнаментира (эквивалентна ширине рабочей поверхности инструмента), форма перегородки между зубцами. Наблюдения показывают, что длина перегородки между зубцами – более устойчивый показатель для измерений, чем длина самих зубцов.

Результаты исследования

Все зубчатые орнаментиры были разделены по размеру зубцов на две группы: крупнозубчатый (крупногребенчатый) (длина зубца от 2,5 мм, площадь зубца от 6,7 мм²) и мелкозубчатый (мелкогребенчатый) штамп (длина зубца от 1 мм, площадь зубца от 1 мм²) (рис. 2).

В рамках групп были выделены подгруппы, которые объединяли наиболее схожие штампы. Определяющим признаком для выделения подгрупп была форма зубцов (поперечное сечение), а также ширина зубцов орнаментира и форма перегородки между зубцами.

Группа 1 (рис. 2, *1–6*) крупнозубчатый штамп (6 экз. – 23,1 %). Штампованием были орнаментированы 4 сосуда (15,4 %), штампованием/прокатыванием 2 экз. (7,7 %)*. По поперечному сечению зубцы разделены по форме на прямоугольные – тип А (5 экз. – 19,2 %) и тип Б (1 экз. – 3,8 %), а также на квадратные – тип В (1 экз. – 3,8 %). Форма зубцов в продольном сечении была только округлой. Максимальные размеры зубцов находились в пределах 2,5–5 × 1,2–4 мм. Чаще встречались короткие зубцы (4 экз. – 15,4 %), чем длинные (2 экз. – 7,7 %).

Рис. 1. Основные технологические параметры для анализа отпечатков зубчатого орнаментира.

Длина отпечатка штампа находилась в диапазоне от 3 до 4,6 см. Количество зубцов на инструменте варьировало от 9 до 14 шт. Размеры перегородки между зубцами от 0,4 мм до 2,7 мм. Форма перегородки между зубцами была треугольной (2 экз. – 7,7 %), прямой (2 экз. – 7,7 %) и округлой (2 экз. – 7,7 %). В большинстве случаев штамп располагался под прямым углом к поверхности сосуда (4 экз. – 15,4 %), в двух случаях штамп располагался под углом от 60 до 89° (2 экз. – 7,7 %).

В рамках группы 1, выделяются сосуды из могил № 6 и 28 (рис. 2, *1, 2*), украшенные похожими инструментами. Орнамент наносился штампованием. Зубцы одного штампа были зачастую разной формы: прямоугольные (тип А), а центральные – иногда квадратные. Длина зубцов 2,5–2,7 мм, ширина

*На рассматриваемой керамике техника штампования выявлена только в 34,6 % – 9 экз. В остальных случаях техника орнаментации определена как штампование/прокатывание, так как перегородки между зубцами были практически не углублены, а длина и изгиб отпечатка был одинаков.

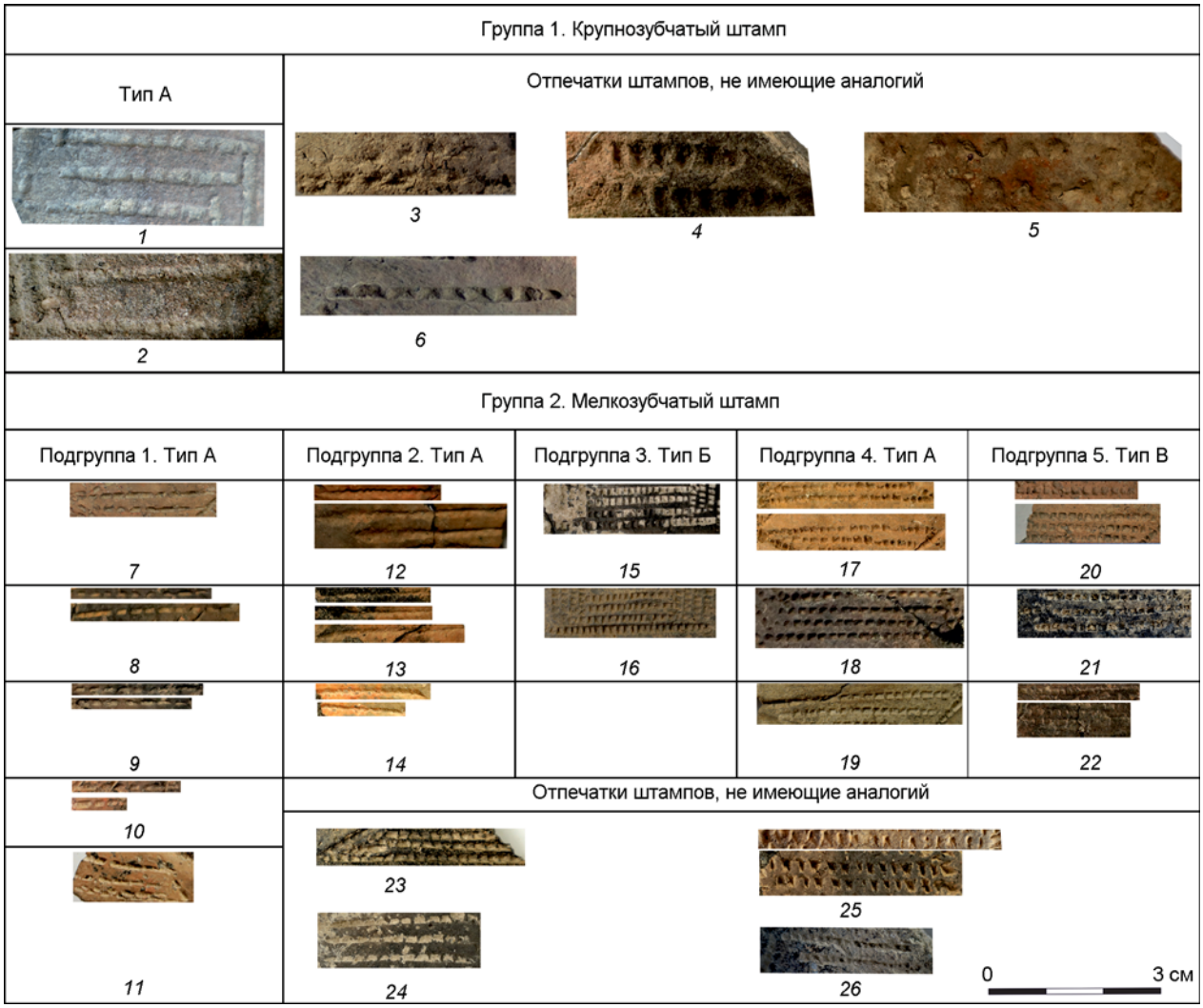

Рис. 2. Фото отпечатков зубчатого орнаментира на сосудах могильника Чекановский Лог-2.

1 – мог. 6; *2* – мог. 28; *3* – мог. 50, 2009; *4* – мог. 39 с. 2; *5* – кв. к-6, 1997; *6* – мог. 39, с.1; *7* – кв. к-7, 1997; *8* – кв. и-6, 1997; *9* – кв. н-12, 1997; *10* – кв. м-11, 1997; *11* – сб. 2 1998; *12* – кв. л-7, 1997; *13* – кв. т-12, 1997; *14* – сб. 1 1998; *15* – кв. б-15, 2005; *16* – мог. 43, с. 2; *17* – мог. 42; *18* – мог. 43, с. 1; *19* – мог. 51, 2010; *20* – кв. г-14, 2006; *21* – мог. 50, 2010; *22* – кв. б-13, 2007; *23* – мог. 43, с. 3; *24* – мог. 47, с. 2, 2008; *25* – кв. б-15, 2006; *26* – мог. 44.

2,5 мм (рис. 2). Рабочий край штампа на сосуде из мог. № 28 был длиннее, а зубцы располагались компактнее, чем на сосуде из мог. № 6. Средняя длина отпечатка – 4 и 3,7 мм, количество зубцов 12 и 14 шт. соответственно. Длина перегородки между зубцами 8 и 6 мм.

Группа 2 (рис. 2, *7–26*) – мелкозубчатый штамп (20 экз. – 76,9 %). Техника штампования выявлена на 5 сосудах (19,2 %), в остальных случаях техника нанесения орнамента определена как штампование/прокатывание. В поперечном сечении зубцы имели форму: прямоугольную (тип А) – 10 экз. (38,5 %), прямоугольную (тип Б) – 7 экз. (26,9 %), а также квадратную (тип В) – 3 экз. (11,5 %). Форма зубцов в продольном сечении была округлой – 12 экз. (46,2 %), подпрямоугольной – 7 экз. (26,9 %) и треугольной – 1 экз. (3,8 %). Размеры зубцов были 0,8–2,2 × 0,5–2,1 мм. Чаще встречались длинные зубцы – 12 экз. (46,2 %), чем короткие – 8 экз. (30,8 %). Длина отпечатков штампа находилась в диапазоне от 2,1 до 4,2 см. Количество зубцов варьировало от 12 до 26 шт. Перегородки между зубцами были размерами от 0,1 мм до 1,9 мм. Перегородки между зубцами округлой – 4 экз. (15,4 %) и прямой – 16 экз. (61,5 %) формы. В большинстве случаев штамп располагался под прямым углом к поверхности сосуда – 15 экз.(57,7 %), в остальных случаях – под острым углом – 5 экз. (19,2 %).

В рамках группы 2, декорированной мелкозубчатым штампом, выделены пять подгрупп, которые объединяли наиболее схожие отпечатки орнаментиров.

Подгруппа 1 (рис. 2, *7–11*) Штамп имел прямоугольные (тип А), длинные зубцы, размерами 1,5–2

× 1 мм. Длина рабочего края достигала 2,7 см, количество зубцов 10–12 шт. Размер перегородки между зубцами в среднем 0,6 мм. Форма перегородки между зубцами была прямой.

Подгруппа 2 (рис. 2, *12–14*) имела практически схожий мелкозубчатый штамп. Зубцы были прямоугольной формы (в поперечном сечении – тип А), длиной 1–2 мм, шириной 1 мм, по высоте короткие, длина отпечатка 2,5–2,7 см, количество зубцов 12–14 шт. Перегородки между зубцами размерами 0,1–0,3 мм имели округлую форму.

Подгруппа 3 (рис. 2, *15, 16*). Зубцы были прямоугольной (в поперечном сечении – тип Б) формы, длиной 1–1,3 мм, шириной 1,3–2 мм, по высоте длинные. Протяженность рабочего края орнаментира 2,6–3,3 см, количество зубцов 21–26 шт. В продольном сечении зубчики имели прямоугольную форму. Перегородки между зубцами прямые, длиной 0,2–0,5 мм.

Подгруппа 4 (рис. 2, *17–19*). В поперечном сечении зубцы имели прямоугольную (тип А) форму, средней длиной 1–1,75 мм и шириной 1 мм. Зубцы были длинными. В продольном сечении зубчики прямоугольные. Длина отпечатков около 3 см, количество зубцов 16–18 шт. Перегородки между зубцами от 0,2 до 0,8 мм, прямой формы.

Подгруппа 5 (рис. 2, *20–21*). В продольном сечении зубцы квадратной (тип В) формы, средней длиной 1–1,6 мм и шириной 1 мм. Зубцы были длинные. В продольном сечении зубчики имели подпрямоугольную форму. Длина отпечатков 2,1–2,5 см, количество зубцов 15–17 шт. Перегородки между зубцами 0,1–0,2 мм (кроме одного сосуда (рис. 2, *22*), где длина достигала 0,6 мм), прямой формы.

Подгруппы керамики, выделенные по сходству отпечатков орнаментиров, имеют и другие общие черты: в стилистике декора, форме и по некоторым признакам технологии изготовления сосудов.

Группа 2, подгруппа 1, 2 и 3 имеют наиболее схожие размеры и форму отпечатков, цвет излома и стилистику орнамента.

Группа 1, подгруппа 1, группа 2, подгруппы 4 и 5 имеют больше отличий в размерах и форме отпечатков, но наблюдается сходство в составе исходного сырья и формовочных масс, а также в стилистике орнамента. Каждая из этих подгрупп включает сосуды из погребений и керамику, найденную в надмогильном пространстве. По всей видимости, эти подгруппы отражают технологические традиции разных мастеров, принадлежащих одному близкому в культурном в отношении населению.

В целом представленные подгруппы сосудов не подходят под все критерии изделий, сделанных одним мастером.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, в результате анализа отпечатков зубчатых орнаментиров керамики могильника Чекановский Лог-2 установлено следующее.

1. Типичные признаки зубчатых орнаментиров – прямоугольная форма зубцов (тип А) в поперечном и округлая в продольном сечении, количество зубцов от 10 до 20 шт., прямая форма перегородки, нанесение штампа под прямым углом к поверхности сосуда.

2. Нетипичные признаки гребенчатого штампа – квадратная форма зубцов в поперечном (тип В) и треугольная в продольном сечении, количество зубцов больше 20 шт., округлая и треугольная форма перегородки, нанесение штампа под углом.

3. Крупнозубчатые отпечатки орнаментиров наносились техникой штампования. Они имели округлые в поперечном сечении зубцы, длину рабочего края от 3 до 4,6 см, короткие зубчики в количестве от 9 до 14 шт., размеры перегородки до 2,7 мм.

4. Мелкозубчатые отпечатки штампов наносились преимущественно техникой штампования/прокатывания. Они имели большее разнообразие формы зубцов в поперечной сечении (прямоугольная – тип Б и квадратная – тип В), чаще встречались длинные зубцы в количестве 12–26 шт., прямая форма перегородки средних размеров до 1,2 мм.

5. Выделенные в рамках крупно- и мелкозубчатых орнаментиров подгруппы позволили выявить сосуды, относящиеся к фрагментам одного изделия (группа 2, подгруппа 1, 2 и 3), а также посуду (группа 1, подгруппа 1, группа 2 подгруппа 4 и 5) характеризующие разные традиции изготовления инструментов, по-видимому, относящиеся к технологическим традициям разных (или родственных) мастеров, принадлежащих одному близкому в культурном (или хронологическом) отношении населению.

6. Отмечается корреляция размера зубцов с их количеством. Чем больше размер зубцов, тем больше длина рабочей поверхности и меньше количество зубцов. Сосуд из мог. № 39 (рис. 2, *6*) имел самые большие зубцы длиной 5 мм, длина штампа была около 4,3 см, а количество зубцов было наименьшим среди всей керамической серии (9 шт.).

7. Нетипичные отпечатки зубчатых орнаментиров дополнялись нестандартной орнаментальной композицией изделий. Например, сосуд из мог. № 47 (рис. 2, *25*) имеет необычное продольное сечение зубцов приостренной формы, наибольшую среди мелкозубчатого штампа длину перегородки между зубчиками (1–2 мм) и острый угол наклона.

В орнаменте на зоне шейки присутствует редкий для андроновской (фёдоровской) культуры мотив – цепочка вертикальных треугольников, расположенных вершинами друг к другу, между которыми находится горизонтальный зигзаг [Савко, Федорук, 2020, с. 86, рис. 2–4].

В целом размер зубцов коррелирует со сложностью композиционного построения стилистики орнамента и формой изделий. Так, сосуды, орнаментированные крупнозубчатым штампом, в большинстве своем были баночной формы, имели однозональную орнаментацию, простые элементы орнамента – зигзаги, насечки и однозональные моносюжетные композиции. Мелкозубчатыми штампами орнаментировались в большинстве случаев сосуды горшечной формы, которые были украшены помимо зигзага геометрическими орнаментами (линейный и ковровый меандр, разные виды треугольников) с двух- или трехзональной разбивкой композиции. Исключением из данного правила был сосуд баночной формы из детского погребения (рис. 2, *26*), который украшен самым маленьким по размеру зубчатым штампом с декором в виде вертикального зигзага.

Если соотносить размеры зубчатых штампов и сложность стилистики орнамента сосудов с разными участками некрополя, то можно сделать следующие выводы. Так, сосуды, орнаментированные мелким и крупным зубчатым штампом, простыми и сложными орнаментальными элементами, фиксируются на обоих участках некрополя. Однако для южного некрополя характерен преимущественно крупнозубчатый штамп с простым орнаментом в виде зигзагов, а для северного – мелкозубчатый штамп и более сложные орнаменты (различные виды треугольников и меандры). Если принимать во внимание, что андроновский орнамент развивался во времени от сложных орнаментальных построений к простым [Ситников, 1998, с. 72] или наоборот от простых к сложным [Илюшин, Борисов, 2013, с. 182–184; Леонтьева, 2016, с. 139–140], то можно предполагать, что на протяжении какого-то времени функционирования могильника его северная и южная части использовались фёдоровским населением одновременно. Но в какой-то промежуток времени больше использовалась южная часть могильника с традицией использования крупнозубчатых орнаментиров на баночных сосудах, а в какое-то время больше функционировал северный участок некрополя, сосуды которого были преимущественно горшковидной формы с мелкозубчатой традицией орнаментации.

Безусловно, представленный анализ зубчатых орнаментиров не позволяет однозначно ответить на вопрос о синхронности погребений. Решению данной проблемы будет способствовать применение естественно-научных методов, в особенности представительной выборки радиоуглеродных дат, которые совместно с палеогенетическими исследованиями помогут выйти на уровень хронологии и этапов трансформации андроновского могильника Чекановсий Лог-2.

Благодарности

Автор выражает благодарность к.и.н., с.н.с. Барнаульской лаборатории ИАЭТ СО РАН Н.Ф. Степановой за консультации, ценные советы и в целом за оказанную помощь в написании работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект №20-18-00179.

Список литературы

Васильева И.Н., Салугина Н.П. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: материалы Международной полевой научной конференции «Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век». – Ульяновск: Печатный двор, 2013. – С. 57–89.

Волкова Е. В. К методике выделения посуды одного мастера // Краткие сообщения Института археологии. – 2020. – № 261. – С. 328–342.

Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 1998а. – Вып. 3. – С. 135–146.

Волкова Е.В. Керамика Воловово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М.: Старый сад, 1998б. – 260 с.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 328 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. – Барнаул: БГПУ, 2007 – Ч. 1. – 274 с.

Демин М.А., Ситников С.М., Савко И.А. Орнамент керамического комплекса могильника Чекановский Лог-10 (по результатам исследований 2003 г.) // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год. Вып. 13. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. – С. 8–12.

Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 177–180.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Курганы развитой бронзы в долине реки Ур. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. – 304 с.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник государственного Эрмитажа. – Л.: [Б. м.], 1990. – Вып. 30. – С. 7–19.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). – Казань: Казанская недвижимость, 2016. – 547 с.

Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселений) : дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2016. – 287 с.

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Сосуды одной морфологической традиции (по материалам андроновской (федоровской) культуры памятника Тартас-1) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. I. – С. 317–321.

Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. – Алматы: Хикари, 2013. – 189 с.

Савко И.А. Технология изготовления керамики андроновской (фёдоровской) культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам исследований историко-культурного направления) // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33. – № 2. – С. 193– 212. doi:10.14258/tpai(2021)33(2).-11

Савко И.А., Федорук О.А. Керамика могильника андроновской (фёдоровской) культуры Чекановский Лог-2 (комплексный анализ) // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 4 (32). – С. 83–94. doi:10.14258/tpai(2020)4(32).-06

Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1998. – С. 71–84.

Степанова Н.Ф. Особенности нанесения орнамента на афанасьевской керамике из Горного Алтая // Древний Торгай и Великая Степь: часть и целое. – Костанай; Алматы: Ин-т археологии им. А.Х Маргулана, 2015а. – С. 353–358.

Степанова Н.Ф. Особенности оформления рабочего края зубчатых орнаментиров в эпоху энеолита — ранней бронзы в Горном и Предгорном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015б. – Т. XXI. – С. 401–404.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // И.Г. Глушков: сб. научн. статей. – Ханты-Мансийск: ООО Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2012. – С. 43–50.

Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

References

Glushkov I.G. Keramika kak arkheologicheskii istochnik. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1996, 328 p. (In Russ.).

Demin M.A., Sitnikov S.M. Materialy Gilevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Barnaul: Barnaul State Pedogogical Univ. Press, 2007, pt. 1, 274 p. (In Russ.).

Demin M.A., Sitnikov S.M., Savko I.A. Ornament keramicheskogo kompleksa mogil'nika Chekanovskii Log-10 (po rezul'tatam issledovanii 2003 g.). In *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2017 god. Vyp. 13*. Gorno-Altaisk: Biblio Center Publ., 2018. P. 8–12. (In Russ.).

Ilyushin A.M., Borisov V.A. Kurgany razvitoi bronzy v doline reki Ur. Kemerovo: Kuzbass State Technical Univ. Press, 2013, 304 p. (In Russ.).

Kalinina I.V., Ustinova E.A. Tekhnologicheskaya klassifikatsiya ornamentov neoliticheskoi keramiki Ural'skogo regiona. In *Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad.: [S. l.], 1990, iss. 30. P. 7–19. (In Russ.).

Kovtun I.V. Andronovskii ornament (morfologiya i mifologiya). Kazan': Kazanskaya nedvizhimost', 2016, 547 p. (In Russ.).

Leonteva D.S. Keramika andronovskoi kul'tury stepnogo i lesostepnogo Altaya (po materialam poselenii) : dis. … kand. ist. nauk. Barnaul, 2016, 287 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Selin D.V. Sosudy odnoi morfologicheskoi traditsii (po materialam andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury pamyatnika Tartas-1). In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, iss. I. P. 317–321. (In Russ.).

Rudkovskii I.V. Andronovskaya ornamentika v kontekste sistemoobrazuyushchikh invariantov. Almata: Khikari, 2013, 189 p. (In Russ.).

Savko I.A., Fedoruk O.A. Ceramics of the burial ground of the andronovskaya (fedorovskaya) culture Chekanovsky Log-2 (comprehensive analysis). *The Theory and practice of archaeological research*, 2020, no. 4 (32). P. 83–94. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2020)4(32).-06

Savko I.A. Technology of Production of Ceramics of the Andronovo (Fedorovo) Culture of the Steppe and Forest-Steppe Altai (on the Materials of Research of the Historical and Cultural Approach). *The Theory and Practice of Archaeological Research*, 2021. Vol. 33, no. 2. P. 193–212. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2021)33(2).-11

Sitnikov S.M. Nekotorye rezul'taty issledovaniya poseleniya Sovetskii Put'-1. In *Ancient settlements of the Altai*, Barnaul: Altai State Univ. Press, 1998. P. 71–84. (In Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti naneseniya ornamenta na afanas'evskoi keramike iz Gornogo Altaya. In *Drevnii*

Torgai i Velikaya Step': chast' i tseloe, Kostanai; Almata: Institut arkheologii im. A.Kh Margulana, 2015a. P. 353–358. (In Russ.).

Stepanova N.F. Special aspects of working edge treatment of the denticulate tools for ornamenting in Altai mountains and its foothills during eneolithic – early bronze age. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015b. Vol. XXI. P. 401–404. (In Russ.).

Stepanova N.F. Pervye rezul'taty izucheniya instrumentov dlya naneseniya ornamenta po ikh otpechatkam na afanas'evskoi keramike (po materialam pogrebal'nykh kompleksov iz Gornogo Altaya*). In Igor' Gennad'evich Glushkov: sb. nauchn. Statei,* Khanty-Mansiisk: OOO Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk, 2012. P. 43–50. (In Russ.).

Tsetlin Y.B. Ceramics. Concepts and Definitions of the Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAS, 2017, 346 p. (In Russ.).

Vasileva I.N., Salugina N.P. Iz opyta provedeniya eksperimental'nogo obzhiga glinyanoi posudy. In *Eksperimental'naya arkheologiya. Vzglyad v XXI vek: materialy Mezhdunarodnoi polevoi nauchnoi konferentsii «Eksperimental'naya arkheologiya. Vzglyad v XXI vek»*. Ulyanovsk: Pechatnyi dvor, 2013. P. 57–89. (In Russ.).

Volkova E.V. The methodology for singling out vessels made by one craftsman. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 2020, no. 261. P. 328–342. (In Russ.).

Volkova E.V. Drevnyaya glinyanaya posuda, izgotovlennaya odnim masterom (metodika vydeleniya i analiz). In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*. Tver: TGOM Press., 1998a, Iss. 3. P. 135–146. (In Russ.).

Volkova E.V. Keramika Volovovo-Danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoi kul'tury kak istoricheskii istochnik. Moskow.: Staryi sad, 1998b, 260 p. (In Russ.).

Zotova S.V. Kovrovye ornamenty andronovskoi keramiki. In *Novoe v sovetskoi arkheologii*. Moskow.: Nauka, 1965. P. 177–180. (In Russ.).

Савко И.А. https://orcid.org/0000-0002-7463-7333

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0633-0641
УДК 903.2

Д.В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru

Морфологические характеристики керамики восточного варианта пахомовской культуры (по материалам памятников Обь-Иртышского междуречья)

Представлены результаты морфологического анализа посуды восточного варианта пахомовской культуры с применением разных методов. При использовании метода определения общей пропорциональности установлено, что часть изделий следует квалифицировать как «сосуды-подражания». Это свидетельствует о том, что навыки формообразования гончаров, изготавливавших эти сосуды, еще не подстроились под существовавшие представления о традиционной форме. При анализе графиков корреляций основных пропорций сосудов, наблюдается ситуация, что одни пропорции меняются линейно, а другие – непропорционально. Прорисовка профилей сосудов, выполненных в одном масштабе, демонстрирует, что в погребальной практике применялись сосуды различного размера и ассортимента. Сопоставление профилей и «скелетов» изделий, приведенных в единый масштаб 10 см указывает на отсутствие эталонной формы, изменения пропорций происходили во все направлениях. Полученные данные позволяют сделать вывод об отсутствии жесткой традиции формообразования. Сравнение результатов с полученными ранее данными с других памятников – могильников Старый Сад и Гришкина Заимка – демонстрирует как общее сходство моделей формообразования, так и различия. Для коллекции посуды из Старого Сада характерно наличие «идеальной» модели формы, к которой стремились гончары, изготавливавшие свою продукцию, что может свидетельствовать об относительно небольшом промежутке существования этого могильника, когда традиции придания формы сосудам не успели разделиться, а сохранялись в синкретичном состоянии в среде гончаров. Это указывает на наличие хронологической разницы между анализируемыми памятниками и/или на особенности развития гончарной технологии у разных групп носителей восточного варианта пахомовской культуры, которые, приходя на разные новые территории, взаимодействовали с населением местных культур, что отражалось на разнообразии морфологии посуды.

Ключевые слова: *археология, эпоха поздней бронзы, Обь-Иртышское междуречье, керамика, морфология, статистические методы.*

D.V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru

Morphological Characteristics of Ceramics of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture (Based on Materials from the Ob-Irtysh Interfluves)

The results of the morphological analysis of the pottery of the eastern variant of the Pakhomovo culture using different methods are provided. When using the method for determining the general proportionality, it was found that some of the products belong to "emulation ceramics". The skills of shaping ceramics of these potters have not yet matched the ideas of the traditional form of ceramics that existed in the ancient culture. When analyzing charts of correlations of the main proportions of the vessels, it was revealed that some proportions change linearly, while others are disproportionate. It was determined that vessels of various sizes and assortments were used in funeral practice. Comparison of the profiles and "skeletons" of the vessels, brought to a single scale of 10 cm, indicates the absence of a reference form. The direction of changes in the

proportions of the shape of the ceramics occurred in all directions. The data obtained allow us to conclude that there is no strict tradition of creating ceramics of a certain shape. Comparison of the results with previously obtained data from other sites (Stary Sad, Grishkina Zaimka) demonstrates both the general similarity of the formation models and the differences. The collection of tableware from Stary Sad is characterized by the presence of an "ideal" model of the form of ceramics. This may suggest a relatively short period of the existence of this archaeological site, when the traditions of shaping ceramics did not have time to divide, but remained in a syncretic state. This indicates the presence of a chronological difference between the analyzed sites and/or the peculiarities of the development of pottery technology in different groups of the eastern variant of the Pakhomovo culture. These groups of the population, coming to different new territories, interacted with the population of local cultures, which was reflected in the diversity of the morphology of the dishes.

Keywords: *archaeology, the Late Bronze Age, Ob-Irtysh interfluves, ceramics, morphology, statistical methods.*

Введение

В эпоху поздней бронзы (переходное к раннему железному веку время) на территории Обь-Иртышского междуречья сформировалась этнокультурная мозаика, когда на одной территории проживали и взаимодействовали носители различных археологических культур, как автохтонных, так и пришлых с различных соседних регионов [Молодин, 2014]. Одним из пришлых культурных образований является восточный вариант пахомовской культуры (рис. 1).

Впервые на отличие отдельных погребальных комплексов среди ирменских и сузгунских материалов на территории Обь-Иртышья обратил внимание В.И Молодин [1981]. В дальнейшем этот тезис развернут исследователем в книге «Бараба в эпоху бронзы» [1985], где автором отмечено наличие подобных захоронений на могильниках Преображенка-3, Абрамово-4, Гандичевский совхоз. Своеобразие материалов заключалось в наличии в них нехарактерных для ирменской культуры керамических изделий, ближайшие аналогии которой были обнаружены в материалах бегазы-дандыбаевской культуры [Молодин, 1985, с. 142]. После проведения масштабных раскопок на могильнике Старый Сад, проблема своеобразия этих комплексов была поднята вновь [Молодин, Нескоров, 1992, с. 94]. Продолжение масштабных полевых работ и открытие новых погребальных и культовых ансамблей в Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2015; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2011; Молодин и др., 2012; Молодин и др., 2013], позволили соотнести полученные материалы с пахомовской культурой, чей ареал укладывался в пределы Тоболо-Иртышского междуречья, и выдвинуть предположение о миграции пахомовского населения на территорию Обь-Иртышского междуречья, где и сложился особый вариант этой культуры. Впервые это культурное образование выделено В.И. Молодиным как отдельный таксон «восточный вариант пахомовской культуры» в 2010 г. [Молодин, 2010, с. 70]. К настоящему моменту установлено, что он сложился в Обь-Иртышском междуречье в результате миграций групп пахомовского населения из Тоболо-Иртышья и их взаимодействия на этой территории с бегазы-дандыбаевскими, ирменскими, позднеирменскими и сузгунскими популяциями [Молодин и др., 2017].

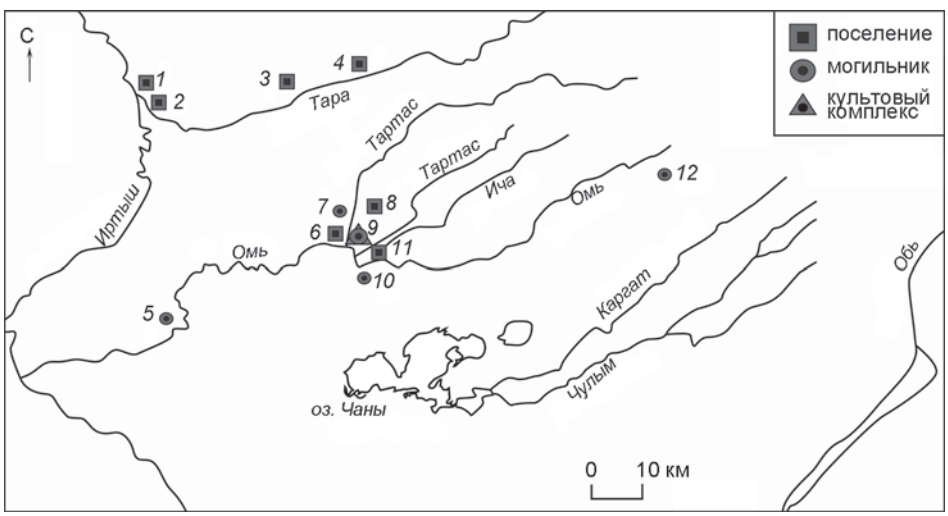

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников восточного варианта пахомовской культуры.

1 – Прорва; *2*– Алексеевка XXI; *3* – Нижняя Тунуска-3; *4* – Новочекино-3; *5* – Гришкина Заимка; *6* – Ходуненково-2; *7* – Старый Сад; *8* – Ложка-6; *9* – Тартас-1; *10* – Преображенка-3; *11* – Туруновка-4; *12* – Гандичевский совхоз.

Материалы и их обсуждение

Одной из главных особенностей керамики восточного варианта пахомовской культуры является синкретизм, проявляющийся в технологии, морфологии и орнаментации посуды [Там же]. В технологии изготовления это проявляется в наличии смешанных рецептов формовочных масс, использования как искусственной добавки дробленого камня (гранитоидов, кварцитов). В орнаментации это проявляется в сочетании эпохальных мотивов, типично пахомовских узоров (желобки с насечками, «бахрома», диагональные «лесенки», «решетки») и мотивов характерных для других синхронных культур (бегазы-дандыбаевская, сузгунская) [Селин, 2019, с. 588]. Изучение деталей формы изделий позволяет выделить отдельные группы внутри коллекции, определить используемый ассортимент емкостей, особенности отбора помещаемых в погребения сосудов, выявить привозные изделия, установить случаи смешения морфологических традиций.

Проанализирована коллекция сосудов восточного варианта пахомовской культуры, насчитывающая 16 единиц полных форм (Тартас-1 – 6 ед.; Преображенка-3 – 4 ед.; Абрамово-4 – 3 ед.; Гандичевский совхоз – 2 ед.; Сопка-2 – 1 ед.) (рис. 2).

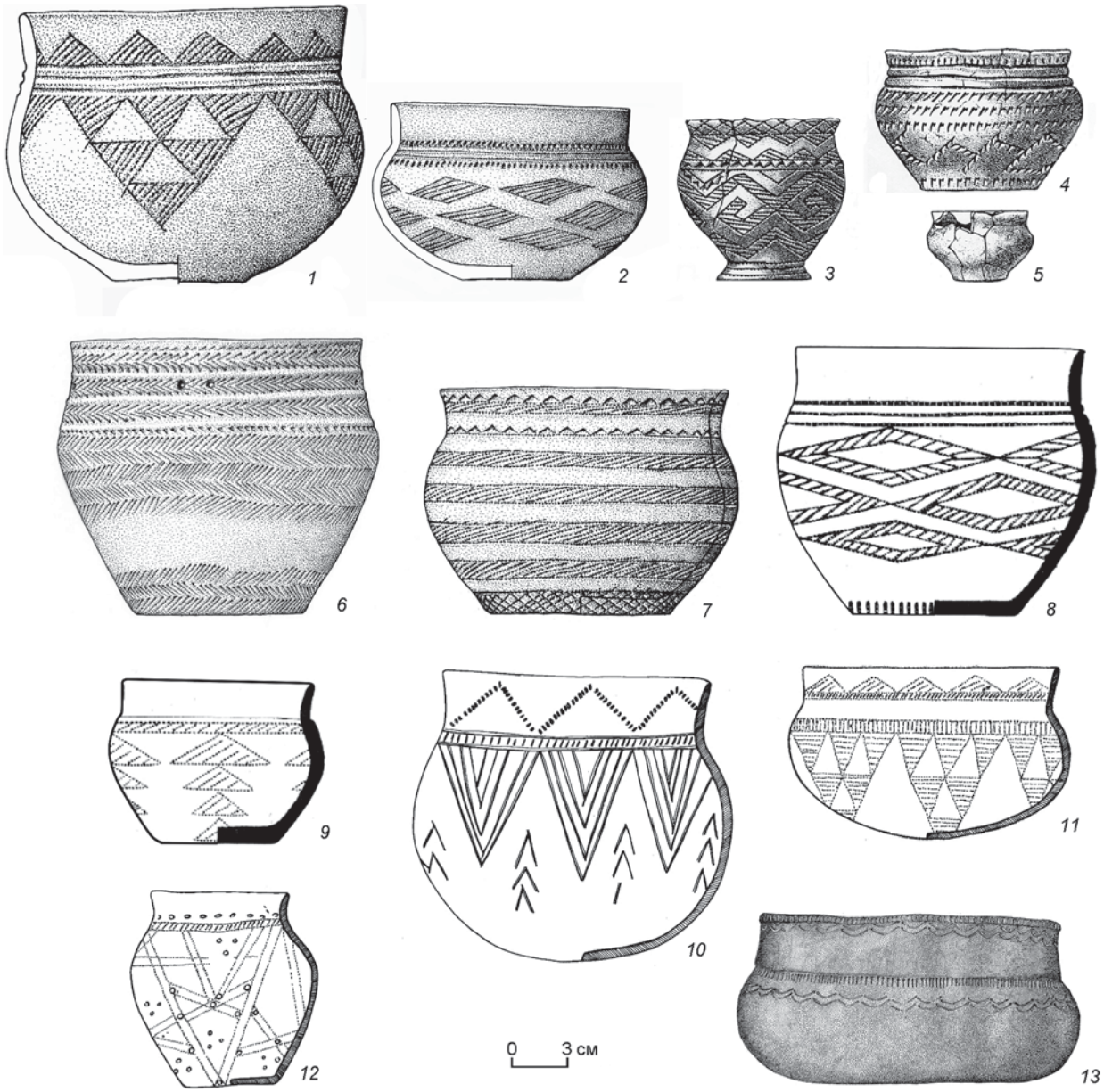

Рис. 2. Керамические сосуды восточного варианта пахомовской культуры.

1, 2 – Гандичевский совхоз (по: [Молодин и др., 2016а]); *3–7* – Тартас-1 (по: [Молодин и др., 2013; 2014; 2016б]); *8, 9* – Преображенка-3 (по: [Молодин, 1985]); *10–12* – Абрамово-4 (по: [Молодин, 1985]); *13* – Сопка-2 (по: [Молодин, Гришин, 2019]).

Ранее подобное исследование особенностей форм было проведено для посуды из могильника Старый Сад. Было установлено, что коллекция демонстрирует неустоявшуюся гончарную традицию формообразования, что проявляется в непропорциональности изменений соотношений пропорций емкостей, в размытости «эталона», в наличии «сосудов-подражаний», составляющих 76 % коллекции [Молодин, Мыльникова, Селин, 2014, с. 229].

Анализ выполнен с применением специального комплекса методов, таких как: «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» В.Ф. Генинга [1973, с. 114–135], изучение соотношения пропорций сосудов [Shepard, 1965], работа с экстремальными точками и графической корреляцией полупрофилей сосудов [Nordström, 1972], определение общей пропорциональности [Бобринский, 1999; Цетлин, 2012, с. 160–164]. Предложенные методы направлены на выявление общих черт традиций изготовления керамики определенных форм и особенностей коллекций отдельных памятников [Мыльникова, 2014, с. 42].

В ходе исследования по методу В.Ф. Генинга сосуды восточного варианта пахомовской культуры распределились по указателям следующим образом (см. *таблицу*).

Тартас-1. Сосуды представляют собой низкой и средней высоты горшки с очень низкой, широкой, очень сильно, очень слабо и среднепрофилированной горловиной, приплюснутым и средним туловом, высоким и средним, слабовыпуклым плечиком, широким и средним дном (здесь и далее – по терминологии В.Ф. Генинга [1973]). В погребении № 588 обнаружен сосуд на поддоне (рис. 2, *3*). Он украшен меандром по тулову, двумя рядами взаимопроникающих треугольников по плечику и сеткой по горловине. Второй сосуд из этого захоронения декорирован рядами наклонных, вертикальных оттисков гладкого штампа по тулову и горловине. По придонной части нанесен зигзаг из таких же оттисков штампа. Горловина дополнительно орнаментирована тремя прочерченными линиями (рис. 2, 4). Третий миниатюрный сосуд не орнаментирован (рис. 2, 5). Два сосуда из погребения № 684 орнаментированы рядами поясов, заполненных косыми оттисками гребенчатого штампа, которые у второго изделия сопровождаются оттисками уголка штампа (рис. 2, *7*). Горловина дополнительно украшена рядами оттисков уголка штампа (рис. 2, *7*) или равнобедренными треугольниками, нанесенными гребенчатым штампом.

Сопка-2. Сосуд низкой высоты с очень низкой широкой слабопрофилированной горловиной, очень приплюснутым туловом, средневысоким средневыпуклым плечом, средней ширины дном. Верхний край горловины и плеча изделия орнаментированы горизонтальным рядом вертикальных оттисков штампа и двумя рядами «скобок» (рис. 2, *13*).

Преображенка-3. Сосуды представляют собой низкой и средней высоты горшки с очень низкой, широкой, очень слабо и очень сильно профили-

Указатели и категории форм сосудов восточного варианта пахомовской культуры по методу В.Ф. Генинга

№	Памятник	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	ФИ
1	Тартас-1, погр. № 588, с. 1	0,96	0,1	0,88	3,13	0,87	0,45	0,28	0,38
2	Тартас-1, погр. № 588, с. 2	0,67	0,14	0,87	2,14	0,55	0,37	0,53	0,55
3	Тартас-1, погр. № 588, с. 3	0,66	0,13	0,88	1,43	0,54	0,45	0,4	0,68
4	Тартас-1, погр. № 684, с. 1	0,72	0,14	0,89	1,9	0,58	0,48	0,35	0,54
5	Тартас-1, погр. № 684, с. 2	0,82	0,22	0,73	–6,6	0,68	0,54	0,37	0,44
6	Тартас-1, рит. комплекс	0,86	0,12	0,9	0,91	0,75	0,4	0,26	0,45
7	Сопка-2, погр. № 539	0,49	0,22	0,87	0,14	0,3	0,57	0,6	0,92
8	Преображенка-3, к. № 95, погр. 1, с. 1	0,85	0,2	0,9	–0,37	0,67	0,38	0,25	0,51
9	Преображенка-3, к. № 95, погр. 1, с. 2	0,76	0,18	0,88	0	0,6	0,37	0,38	0,52
10	Преображенка-3, к. № 84, погр. 1, с. 1	0,85	0,14	0,89	1,11	0,72	0,48	0,26	0,43
11	Преображенка-3, к. № 84, погр. 1, с. 2	0,92	0,15	0,89	–0,42	0,79	0,41	0,24	0,37
12	Абрамово-4, к. № 14, с. 1	0,89	0,21	0,82	0,52	0,72	0,54	0,37	1,07
13	Абрамово-4, к. № 14, с. 2	0,59	0,15	0,91	0,96	0,45	0,46	0,35	1,63
14	Абрамово-4, к. № 16	1,04	0,16	0,72	0,83	0,92	0,53	0,45	0,42
15	Гандичевский совхоз, к. № 7, погр. 1	0,7	0,17	0,88	0,23	0,54	0,54	0,31	0,93
16	Гандичевский совхоз, к. № 9	0,74	0,17	0,88	0,74	0,59	0,67	0,27	0,9

Примечание. ФА – указатель высотности; ФБ – высотно-горловинный; ФВ – широтногорловинный; ФГ – профилировка шейки; ФД – высотный указатель тулова; ФЕ – высотный указатель плечика; ФЖ – указатель выпуклости плечика; ФИ – указатель ширины дна (по: [Генинг, 1973]).

рованной горловиной, приплюснутым туловом, высоким и очень слабо- и слабовыпуклым плечиком, широким дном. Сосуды из кургана № 95 орнаментированы рядами треугольников и ромбов, выполненных гребенчатым штампом, расположенных по тулову (рис. 2, *8, 9*). В месте перехода горловины к плечику у сосуда № 2 расположен пояс, заполненный наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, *9*), горловины неорнаментированны. Сосуд из кургана № 84 украшен по тулову зигзагом, заполненным наклонными оттисками гребенчатого штампа, вертикальными оттисками украшено тулово и придонная часть, на горловине расположен пояс, заполненный горизонтальными оттисками округлого штампа. Другое изделие из этого кургана орнаментировано рядами вертикальной «елочки», нанесенной гребенчатым штампом и расположенной на горловине и тулове горшка, горловина дополнительно украшена горизонтальным рядом ямок.

Абрамово-4. Изделия представлены низкой и средней высоты горшками с очень низкой, широкой, средне- и сильнопрофилированной горловиной, очень приплюснутым, приплюснутым и средним туловом, средним, высоким и слабовыпуклым плечиком. Два сосуда имеют округлое дно (рис. 2, *10, 11*). Первый сосуд орнаментирован рядом свисающих треугольников и вертикальной елочки по плечику, елочка повторяется и на придонной части (рис. 2, *10*). На горловине расположен пояс, заполненный наклонными оттисками штампа, и ряды треугольников. Орнамент выполнен гладким и гребенчатым штампом. Второй сосуд также орнаментирован рядами треугольников по плечику и придонной части, над треугольниками и по горловине расположены пояса, заполненные вертикальными оттисками штампа. Помимо этого, на горловине нанесены ряды треугольников. Узоры выполнены гребенчатым штампом (рис. 2, *11*). Третий сосуд орнаментирован по тулову декором, близким к меандровидному, однако значительно отличающемуся от подобных композиций, известных на изделиях с других памятников пахомовской культуры. Кроме этого, по тулову нанесены оттиски округлого орнаментира, вписанные в меандровидный узор или скомпонованные вместе по три. На горловину изделия нанесен пояс, заполненный вертикальными оттисками гребенчатого штампа, и ряд оттисков округлого штампа. Орнамент нанесен гребенчатым и гладким штампом (рис. 2, *12*).

Гандичевский совхоз. Морфологически сосуды представляют собой низкой высоты горшки с очень низкой, широкой, слабо- и сильнопрофилированной горловиной, приплюснутым туловом, высоким и средневыпуклым плечиком, средним дном. Орнаментированы сосуды рядами треугольников и ромбов, выполненных гребенчатым штампом, расположенных по тулову и горловине. В месте перехода горловины к плечику нанесены желобки (рис. 2, *1, 2*).

При выявлении общей пропорциональности (рис. 3) было установлено, что семь изделий относятся к категории средне-низких пропорций и их следует квалифицировать как «сосуды-подражания», восемь – к категории средних, т.е. «привычных» форм. Один сосуд с памятника Сопка-2

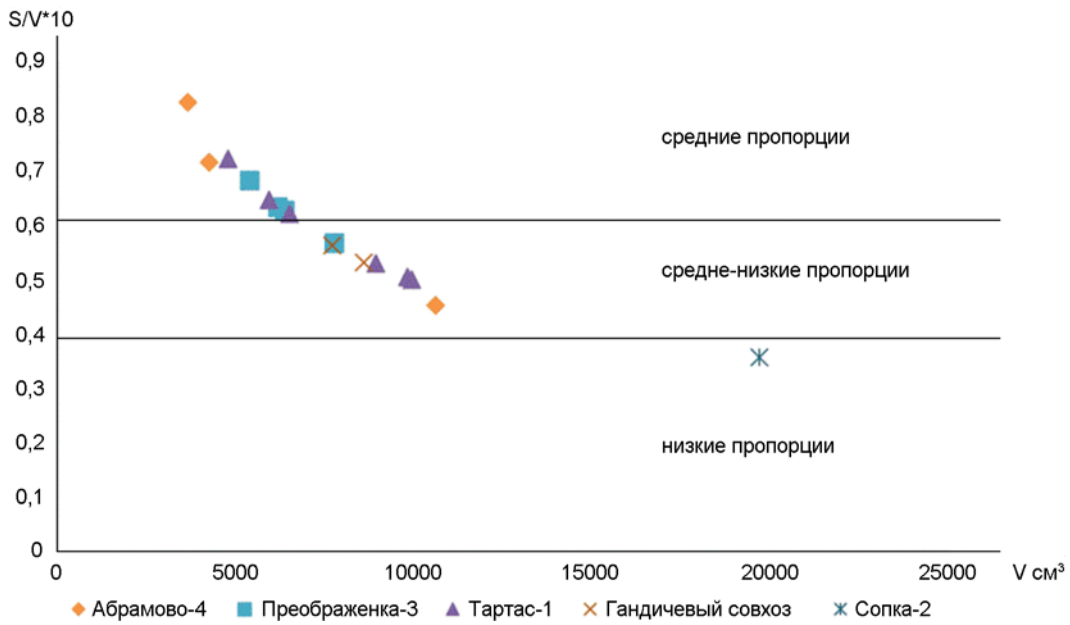

Рис. 3. График общей пропорциональности сосудов восточного варианта пахомовской культуры.

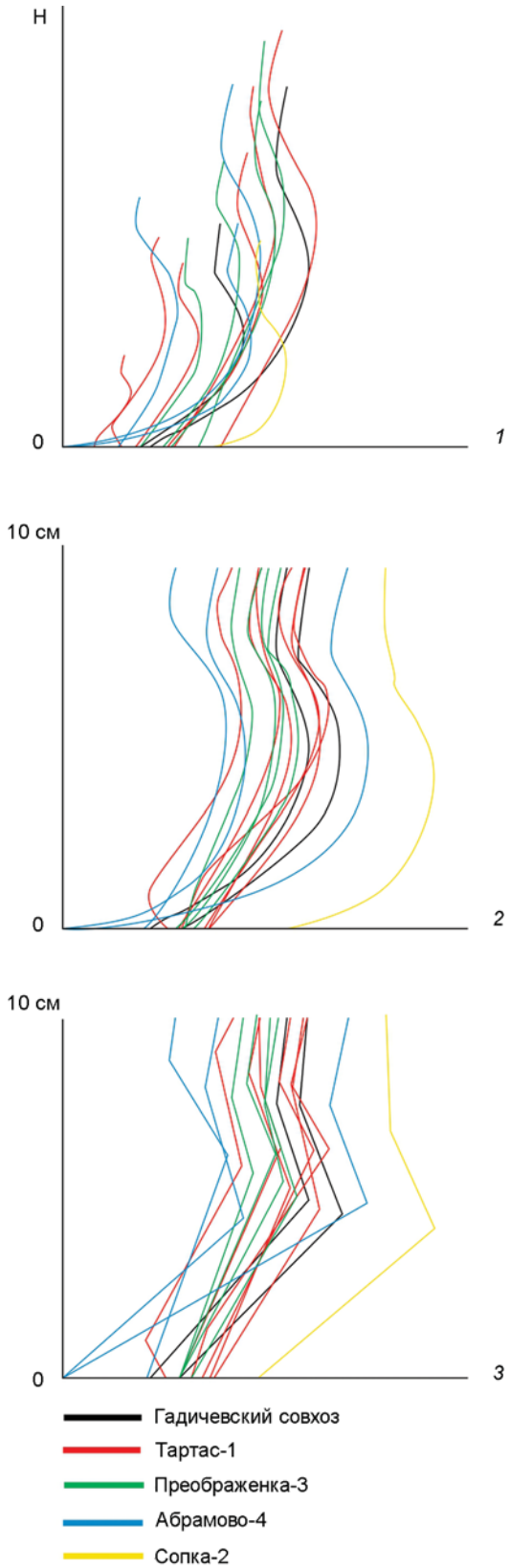

Рис. 4. Корреляция полупрофилей сосудов восточного варианта пахомовской культуры.

1 – корреляция профилей сосудов, прорисованных в одном масштабе; *2* – корреляция профилей сосудов, приведенных к масштабу 10 см; *3* – корреляция «скелетов» сосудов, приведенных к масштабу 10 см.

попадает в категорию низких пропорций и является «привычной» формой. В одну категорию (средне-низкие) попали изделия из могильника Гандичевский совхоз, в то время как посуда из других памятников распределилась между средними и средне-низкими пропорциями. Это свидетельствует о том, что навыки формообразования гончаров, изготавливавших эту посуду, еще не подстроились под существующие представления о традиционной форме керамики. Следует отметить, что для культур с устоявшейся гончарной традицией формообразования характерна высокая концентрация сосудов на границе перехода между категориями пропорциональности, что не свойственно для изделий с проанализированных памятников.

Сравнение основных пропорций сосудов продемонстрировало, что соотношение высоты придонной части к общей высоте для 11 экземпляров составило 1:2, а для 4 – 3:5, что указывает на приземистость форм. Для изделия из могильника Сопка-2 эта пропорция составляет 2:5 (рис. 2, *13*). Корреляция диаметра горловины и диаметра венчика практически для всей коллекции (15 изд.) составила 1:1, что позволяет определить их широкогорлость. Выделяется сосуд из погр. № 684 памятника Тартас-1, для которого пропорция составила 4:5. Сравнение величины диаметра горловины с диаметром тулова в 12 случаях составило соотношение практически 1:1, для 3 изделий характерна пропорция 4:5 и для одного – 5:7. При сравнении диаметра дна и диаметра венчика доминирующей является пропорция 2:3, характерная для 11 сосудов, что маркирует широкодонность изделий. Для сосуда из погр. № 684 памятника Тартас-1 эта пропорция составила 1:1. Изделия с памятника Гандичевский совхоз характеризуются пропорцией 2:5, что указывает на их узкодонность (рис. 2, *1, 2*). Соотношение диаметра венчика и диаметра тулова в 14 случаях составило практически 1:1. У 2 сосудов она равнялась 2:3. Это позволяет отнести все изделия к категории закрытых форм. По соотношению высоты придонной части к высоте плеча коллекция разделилась на несколько частей: 12 экз. – 2:1; 3 экз. – 3:1; 1 экз. – 1:1. При анализе графиков корреляций основных пропорций сосудов наблюдается ситуация, когда одни пропорции меняются линейно (диаметр венчика/диаметр горловины; диаметр горловины/диаметр тулова), а другие – непропорционально (высота сосуда/высота горловины; высота сосуда/высота плеча; высота сосуда/высота придонной части; высота плеча/высота придонной части; диаметр венчика/диаметр дна).

Прорисовка профилей сосудов, выполненных в одном масштабе (рис. 4, *1*), демонстрирует, что в захоронения носителей восточного варианта па-

хомовской культуры помещались сосуды различного размера и ассортимента. Это может указывать на отсутствие строгой традиции использования сосудов определенных пропорций и объемов в погребальной практике. Подобная картина характерна как внутри отдельных памятников, так и для всей анализируемой коллекции в целом (рис. 4, *1*). Корреляция профилей и «скелетов» изделий, приведенных в единый масштаб 10 см, указывает на отсутствие «эталонной» формы посуды, направление изменений пропорций происходило во все направления (рис. 4, *2, 3*). Это проявляется в разнообразии формы и угла отгиба горловины, неустойчивости участка перехода от плеча к придонной части, непостоянства традиции формирования дна. Подобная ситуация частично характерна для коллекции керамики могильника Старый Сад, где также зафиксированы сосуды разных объемов, но при этом прослеживается наличие стереотипной модели формы, по которой изготавливалось, с различными изменениями, 85 % изделий [Молодин, Мыльникова, Селин, 2014, с. 229, рис. 2].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ морфологических особенностей керамики восточного варианта пахомовской культуры с памятников Обь-Иртышского междуречья позволяет сделать вывод об отсутствии жесткой традиции формообразования. Проявляется это в непропорциональности изменений соотношений пропорций сосудов, отсутствии «эталонной» формы, наличии изделий с разной формой дна. В коллекции, совместно с посудой «привычной» формы, присутствуют «сосуды-подражания», которые указывают на случаи смешения различных морфологических традиций. Подобная ситуация характерна и для других памятников восточного варианта пахомовской культуры – могильников Старый Сад и Гришкина Заимка. Однако, не смотря на общие черты, прослеживаются и различия. Так, для коллекции посуды из Старого Сада определено наличие «идеальной» модели формы, к которой стремились гончары, изготавливавшие свою продукцию [Молодин, Мыльникова, Селин, 2014, с. 228]. Это может свидетельствовать об относительно небольшом промежутке существования этого могильника, когда традиции придания формы сосудам не успели разделиться, а сохранялись в среде гончаров в синкретичном состоянии. Разнообразие морфологии форм сосудов с проанализированных памятников Обь-Иртышья может свидетельствовать как о хронологической разнице между ними, так и об особенностях развития гончарной технологии у групп носителей восточного варианта пахомовской культуры, которые, приходя на новые территории, взаимодействовали с населением местных культур, что отражалось на разнообразии морфологии посуды.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ АН СССР, 1981. – С. 15–17.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т. Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–77.

Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи поздней бронзы к железному веку. XIV-VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 54–64.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. – 223 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Ковыршина Ю.Н. Погребение пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 219–222.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Погребальный комплекс эпохи поздней бронзы на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 100–105.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1 – С. 47–60. doi:10.17746/1563-0102.2015.43.1.047–060

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Сосуды восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад: морфологический анализ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2014 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 227–230.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 180 с.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И. А., Кобелева Л.С., Ефремова Н. С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомовской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–235.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990: мат-лы конф. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–96.

Молодин В.И., Сидоров Е.А., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Гандичевский совхоз (Барабинская лесостепь) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2016а. – Т. 15, № 5: Археология и этнография. – С. 124-135.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2016 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016б. – Т. XXII. – С. 357–361.

Мыльникова Л.Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 31–43.

Селин Д.В. Особенности орнаментации керамики восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2019 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 585–590. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.585-590

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. – Stockholm, 1972. – 200 p.

Shepard A.O. Ceramics for archaeologist. – Washington: Carnegie Inst. of Washington, 1965. – 380 p.

References

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istorikokul’turnogo izucheniya. In *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: Samara State Pedagogical Univ. Press., 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Gening V.F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok. *Soviet Archaeology,* 1973, no. 1. P. 114–135. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk, Nauka, 1985, 202 p. (In Russ.).

Molodin V.I. O svyazyakh irmenskoi kul’tury s begazydandybaevskoi kul’turoi Kazakhstana. In *Sibir’ v proshlom, nastoyashchem i budushchem.* Novosibirsk: IIFiF AS USSR Publ., 1981. P. 15–17. (In Russ.)

Molodin V.I. Sovremennye predstavleniya ob epokhe bronzy Ob’Irtyshskoi lesostepi (k postanovke problemy). In *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoyashchee, budushchee (k yubileyu professora vol. N. Troitskoi).* Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Univ. Press, 2010. P. 61–77. (In Russ.).

Molodin V.I. Ethnic and Cultural Mosaic in Western Baraba During the Late Bronze to Iron Age Transition (14th–8th centuries BC). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2014. no. 4 (60). P. 54–64. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kovyrshina Yu.N. The grave of pakhomovo culture at Tartas-1 burial ground. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. XX. P. 219–222. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Funerary complex of the late bronze age at the burial ground Tartas-1 (Baraba forest-steppe). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya,* 2011. Vol. 10, no. 3. P. 100–105. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Mylnikova L.N., Hansen S. Kul’tovye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul’tury na mnogosloinom pamyatnike Tartas-1. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*.

Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013. Vol. XIX. P. 265–269. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Garkusha Yu.N., Selin D.V. Late bronze age burial complexes of the pakhomovskaya culture, eastern variant (site of Grishkina Zaimka, Baraba). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, no. 1. P. 47–60. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2015.43.1.047–060

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V. The vessels of pakhomovo culture at Old Garden site, eastern variant: morphological analysis. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014. Vol. XX. P. 227–230. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I. A., Kobeleva L.S., Efremova N. S., Novikova O.I., Mylnikova L.N., Vasil'ev S.K., Vasileva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Salnikova I.V. Ritual'nye kompleksy vostochnogo areala pakhomovskoi kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'Irtyshskaya lesostep'). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012. Vol. XVIII. P. 231–235. (In Russ.).

Molodin V.I., Neskorov A.V. O svyazyakh naseleniya zapadnosibirskoi lesostepi i Kazakhstana v epokhu pozdnei bronzy. In *Margulanovskie chteniya.* Moskow.: s.n. 1992, pt. 1. P. 93–96. (In Russ.).

Molodin V.I., Sidorov E.A., Mylnikova L.N., Selin D.V. Burial complexes of the east variant pakhomovo culture from the site Gandichevsky Sovhoz (Baraba forest-steppe). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2016a. Vol. 15, no. 5. P. 124–135. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 223 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Reinkhold S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Recent archaeological discoveries in the site Tartas-1. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016b. Vol. XXII. P. 357–361. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Vostochnyi variant pakhomovskoi kul'tury v Tsentral'noi Barabe. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, 180 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N. Studying the Forms of Ancient Ware: Theoretical and Practical Aspects. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2014, no. 2. P. 31–43. (In Russ.).

Nordström H.A. Cultural Ecology auf ceramic technology. Stockholm: s.n., 1972, 200 p.

Selin D.V. Ornamental decoration on the pottery of the eastern variant of the pakhomovo culture in the Baraba forest-steppe. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 585–590. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.585-590

Shepard A.O. Ceramics for archaeologist. Washington: Carnegie Inst. of Washington, 1965, 380 p.

Tsetlin Yu.B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istorikokul'turnogo podkhoda. Moskow.: IA RAN Publ., 2012, 379 p. (In Russ.).

Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0642-0649
УДК 902.2

Н.Н. Серегин[1]✉, Н.Ф. Степанова[1,2]

[1]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Раннесредневековое одиночное погребение с конским снаряжением из Северного Алтая

Статья посвящена введению в научный оборот и разноплановой интерпретации материалов раскопок могилы 24 некрополя Горный-10. Данный памятник, расположенный в Красногорском р-не Алтайского края, был исследован в 2000–2003 гг., и в настоящее время может рассматриваться как базовый комплекс для изучения различных аспектов истории населения юга Западной Сибири начала раннего Средневековья. Публикуемый объект представляет собой одиночное захоронение взрослого мужчины с довольно представительным инвентарем, включавшим вооружение, украшения и элементы костюма, а также снаряжение лошади. Анализ находок и их сопоставление с известными материалами из памятников Северной и Центральной Азии позволили определить датировку погребения в рамках VII в. н.э. Выявленный набор предметов свидетельствует о довольно высоком прижизненном статусе умершего человека. Установлено, что подобная ситуация в целом характерна для одиночных погребений с элементами амуниции лошади, исследованных в Лесостепном Алтае и относящихся к эпохе Великого переселения народов и начала раннего Средневековья. Судя по материалам раскопок некрополя Горный-10, часть подобных объектов отражает особенности материальной культуры элиты социума. Имеются основания для утверждения о том, что конское снаряжение, причем не только редкие предметы торевтики (украшения узды), но и стандартные функциональные изделия, выступало социальным маркером различного уровня в обрядовой практике. Дальнейший системный анализ материалов раскопок известных памятников, а также расширение имеющихся данных за счет проведения раскопок, позволят более подробно рассматривать различные аспекты социальной истории населения юга Западной Сибири обозначенного периода.

Ключевые слова: *Лесостепной Алтай, раннее Средневековье, конское снаряжение, хронология, социальная история, погребальный обряд.*

N.N. Seregin[1]✉, N.F. Stepanova[1,2]

[1] Altai State University
Barnaul, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru; nstepanova10@mail.ru

Early Medieval Single Burial with Horse Equipment from Northern Altai

The article presents the publication and diverse interpretation of materials from the excavations of grave 24 of the Gorny-10 necropolis. This site located in the Krasnogorsk District of the Altai Territory was investigated in 2000–2003. Currently, it may be considered as a basic complex for the study of various aspects of the history of population of southwestern Siberia of the early Medieval Ages. The published complex is a single burial of an adult male with a fairly representative set of items, including weapons, jewelry and costume elements, as well as horse equipment. The analysis of the finds and their comparison with known materials from the sites of Northern and Central Asia made it possible to date the burial to the 7th century AD. The revealed set of items testifies to the rather high lifetime status of the deceased person. It was found that a similar situation is generally characteristic of single burials in the region of the Great Migration period and the beginning of

the early Middle Ages, some of which reflected the peculiarities of the material culture of the social elite. There are grounds for asserting that elements of horse equipment, and not only rare toreutics (bridle decorations), but also standard functional items, were social markers of various levels in the ritual practice of the population of the forest-steppe Altai of the period under consideration. Further systematic analysis of materials from already known sites as well as expanding the available data through excavations will allow for a more detailed consideration of various aspects of the social history of population of the southwestern Siberia.

Keywords: *forest-steppe Altai, early Middle Ages, horse equipment, chronology, social history, burial rite.*

Введение

Материалы раскопок археологических памятников Лесостепного Алтая эпохи Великого переселения народов и начала раннего Средневековья свидетельствуют о том, что лошадь имела большое значение в разных сферах жизни местного населения. В частности, об этом свидетельствуют результаты раскопок погребальных комплексов. Традиция захоронения умерших людей в сопровождении коня не получила на обозначенной территории столь широкого распространения в I тыс. н.э., как в горной части региона. Вместе с тем, в серии могил обнаружены элементы снаряжения лошади даже при отсутствии самого животного. Одним из памятников, в материалах которого данная практика зафиксирована наиболее последовательно, является некрополь Горный-10. В настоящей статье представлены результаты раскопок одного из объектов обозначенного комплекса, а также обозначены возможности интерпретации одиночных погребений с конским снаряжением.

Характеристика результатов раскопок

Могильник Горный-10 расположен на мысу правого берега р. Иша, в 1,3 км к западу–северо-западу от устья р. Карагуж, в 0,6 км к северо-западу от пос. Горный Красногорского р-на Алтайского края. В 2000–2003 гг. на площади некрополя экспедициями Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева и Н.Ф. Степановой раскопаны 75 захоронений. Материалы этого памятника, на сегодняшний день являющегося одним из базовых комплексов юга Западной Сибири начала раннего Средневековья, опубликованы лишь частично [Абдулганеев, 2001; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019; Серегин, Степанова, 2020; и др.]. Ряд объектов некрополя Горный-10 весьма показательны, демонстрируют общие и особенные характеристики культуры населения обозначенного региона и требуют отдельного рассмотрения.

Могила 24 (рис. 1, *1*) выявлена в юго-западной части раскопа №1, маркирующего северо-западную периферию памятника. Захоронение прослежено с глубины 0,54 м. Могила размером 0,75 × 2,08 м имела подпрямоугольную форму. На глубине 0,68 см от современной поверхности находилось погребение взрослого человека, уложенного на спине в вытянутом положении и ориентированного головой на северо-запад. По определению С.С. Тур, останки принадлежат мужчине 25–30 лет. Руки умершего были вытянуты вдоль тела и слегка согнуты в локте так, что кисти лежали на тазе; ноги также слегка согнуты в коленях. Череп, на котором фиксируются следы трепанации, отчленен и повернут направо; нижняя челюсть лежала отдельно, над правым плечом.

На костяке погребенного и рядом с ним обнаружены довольно многочисленные предметы сопроводительного инвентаря. Судя по всему, на левую часть тела умершего человека был положен сложносоставной лук, о чем свидетельствует расположение костяных накладок (рис. 2, *1*). Парные концевые накладки находились над левым плечом и на левом бедре, срединные боковые и тыльная – в нижней левой части грудной клетки. Основное скопление железных и костяных наконечников стрел (рис. 2, *3–15*) зафиксировано слева в районе пояса покойного, где, вероятно, располагался колчан. Еще три железных наконечника выявлены в разных местах на правой части костяка. Справа на поясе погребенного находился боевой нож, на котором сохранились остатки деревянных ножен с бронзовыми накладной пластиной и пронизкой (рис. 2, *2*). Также в районе пояса обнаружены бронзовая пряжка с железным язычком (рис. 3, *1*) и железное кольцо (рис. 3, *2*). Большая часть комплекса украшений выявлена в районе головы покойного: две бронзовые серьги с бронзовыми и пастовыми подвесками (рис. 3, *6–7*) зафиксированы под верхней челюстью и ниже нее, восемь пастовых бусин (рис. 3, *3–5*) – в районе шейных позвонков. Кроме того, среди фаланг пальцев правой руки умершего человека найден бронзовый перстень (рис. 3, *8*). В районе ног погребенного обнаружены железное стремя, роговой псалий, звено железных удил, а также бронзовые пронизки и наконечник ремня (см. рис. 1, *3–5*; 4).

Таким образом, могила 24 относится к одиночным погребениям (без захоронения лошади), но при этом с конским снаряжением и другим представи-

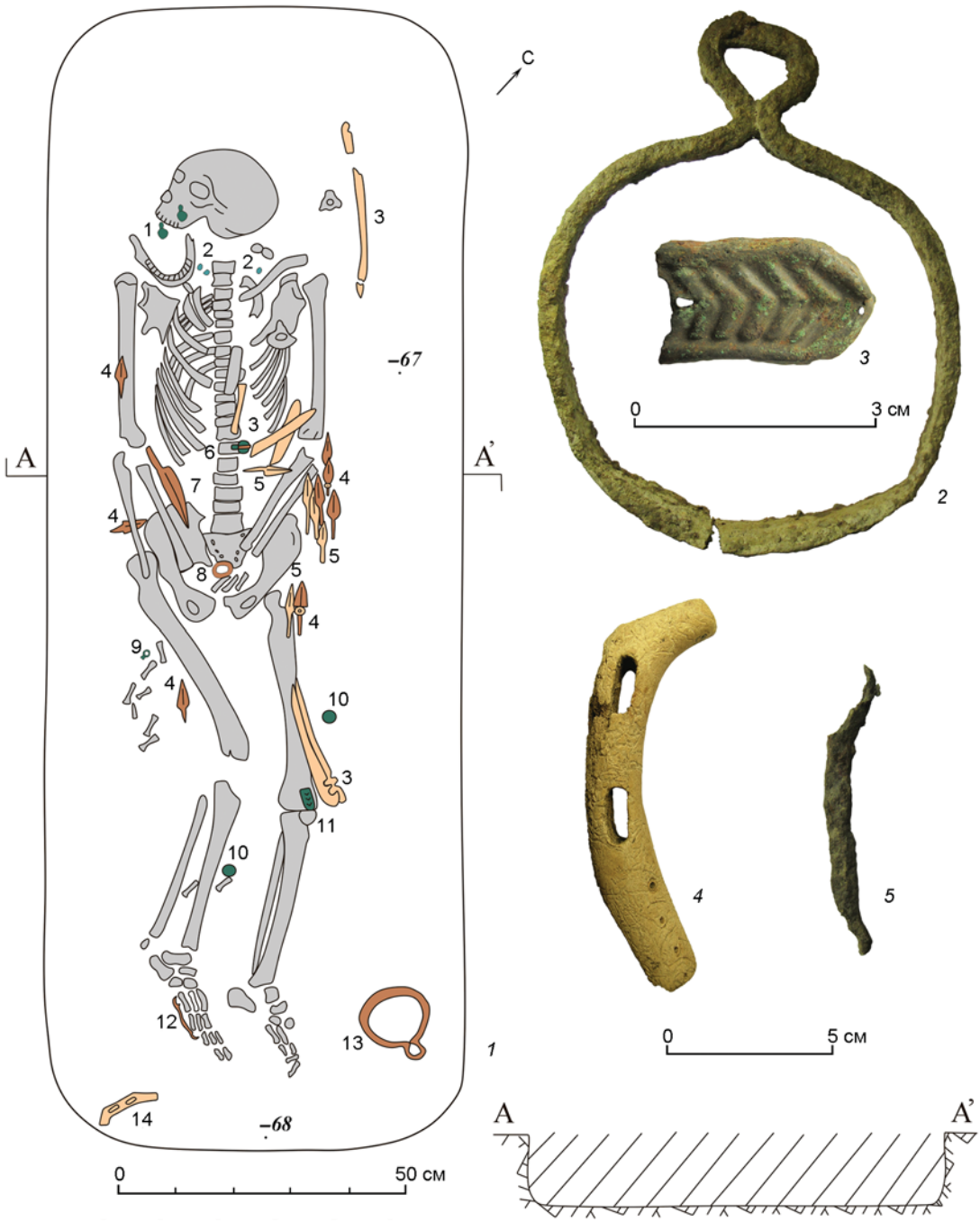

Рис. 1. Горный-10. *1* – План могилы 24.

1 – бронзовая серьга; 2 – пастовая бусина; 3 – костяная накладка на лук; 4 – железный наконечник стрелы; 5 – костяной наконечник стрелы; 6 – бронзовая пряжка; 7 – железный нож; 8 – железное кольцо; 9 – бронзовый перстень; 10 – бронзовая пронизка; 11 – бронзовый наконечник ремня; 12 – железные удила; 13 – железное стремя; 14 – роговой псалий); *2* – железное стремя; *3* – бронзовый наконечник ремня; *4* – роговой псалий; *5* – звено железных удил.

тельным инвентарем, включавшим вооружение, украшения и элементы костюма. Анализ зафиксированных предметов и сопоставление полученных материалов с известными комплексами Северной и Центральной Азии начала раннего Средневековья позволяют сделать ряд заключений, связанных с уточнением датировки объекта, а также определением прижизненного статуса умершего человека.

Анализ и интерпретация материалов

С точки зрения установления хронологии могилы 24 наиболее важен комплекс предметов, связанных с конским снаряжением. Рассмотрим эти изделия, более кратко остановившись на других находках, которые в целом характерны для синхрон-

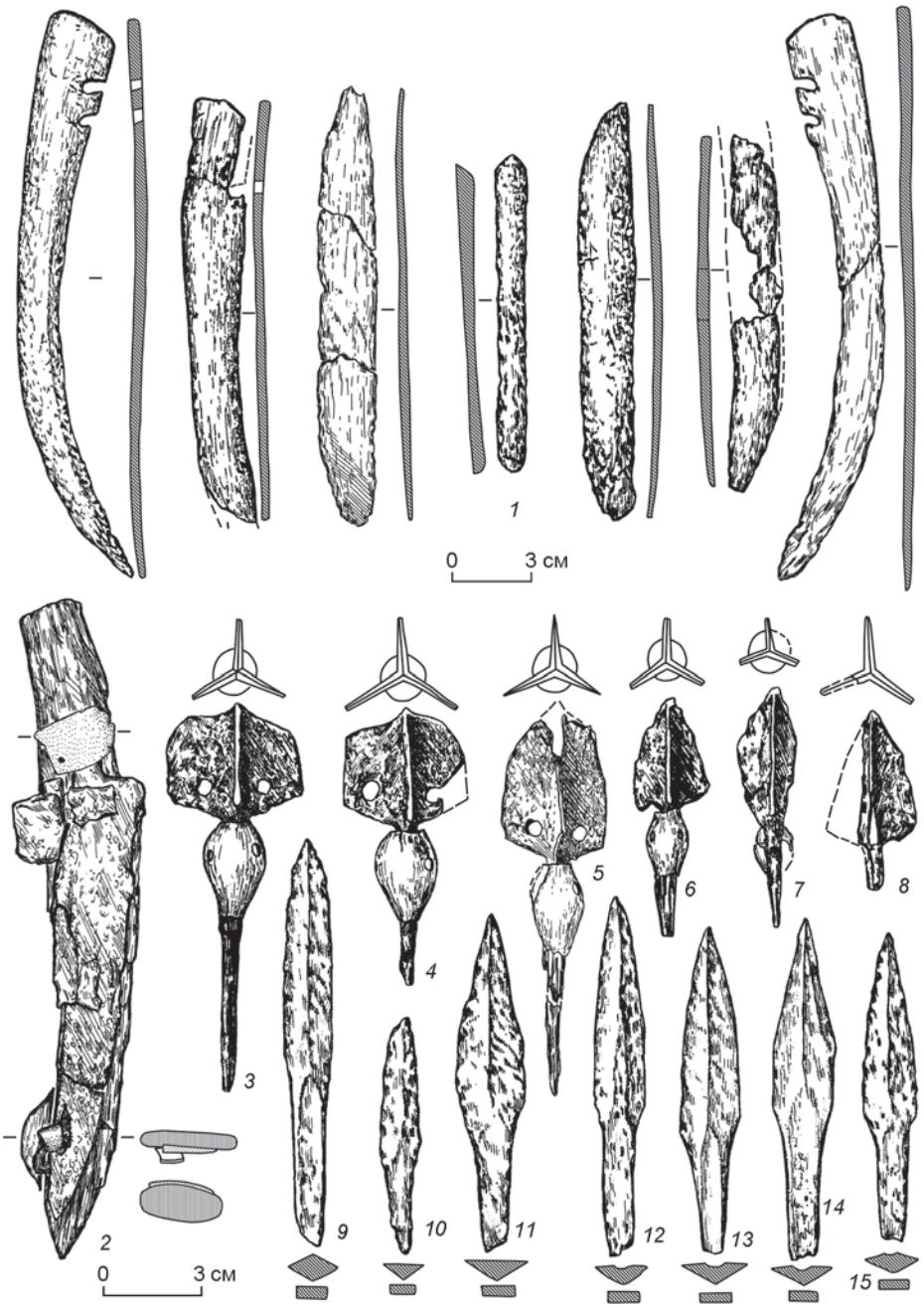

Рис. 2. Горный-10, могила 24. Предметы вооружения и охоты.
1, 9–15 – кость, рог; *2* – железо, бронза; *3–7* – железо, кость; *8* – железо.

ных памятников юга Западной Сибири и сопредельных территорий.

Роговой псалий (длина – 11,7 см, толщина – до 1,9 см) имеет изогнутую форму и вертикальную систему крепления (рис. 1, *4*; 4, *4*). Для соединения с ремнями суголовья в предмете проделаны два отверстия овально-вытянутой формы длиной до 1,7 см и шириной до 0,5 см.

Роговые (костяные) двудырчатые псалии появились и бытовали на Алтае и сопредельных территориях в скифо-сакское время. Несколько таких находок происходят из памятников региона второй четверти I тыс. н.э. [Соенов, 1998, рис. 1, *9*; Матренин, 2018, рис. 1, *18–24*; и др.]. Подобные изделия традиционно рассматриваются как наиболее архаичные формы предметов данной группы из раннесредневековых комплексов Северной и Центральной Азии [Гаврилова, 1965, рис. 16, *2*; Овчинникова, 1990, с. 97]. Небольшая серия роговых двудырчатых псалиев происходит из объектов начального этапа культуры тюрок горной части Алтая второй половины V – VI вв. н.э. В эпоху Первого каганата такие изделия продолжали использоваться в рассматриваемом регионе, а также получили распро-

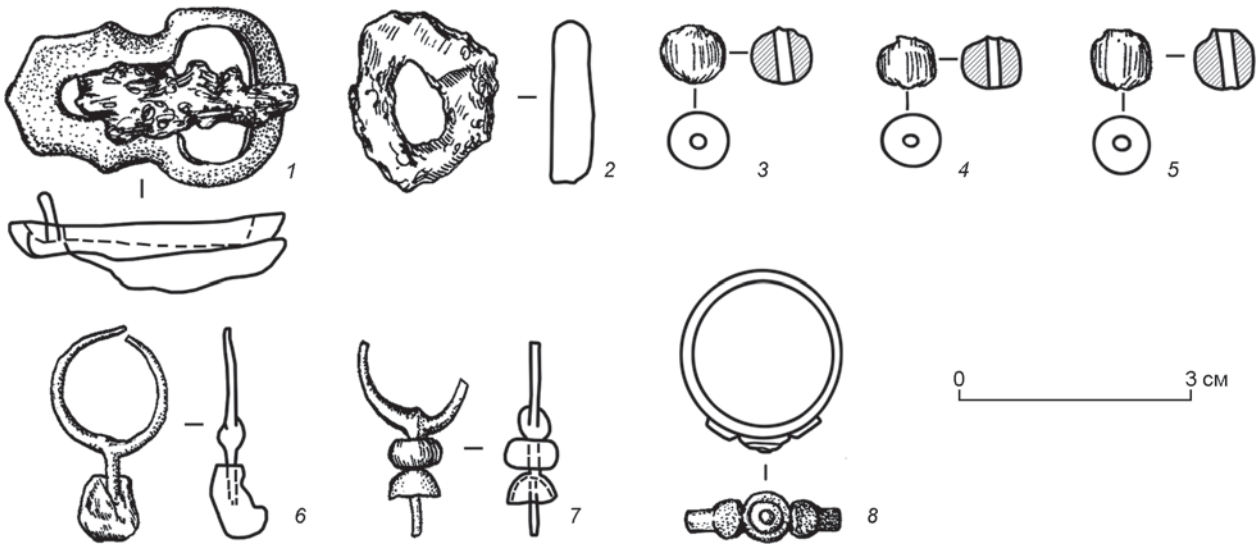

Рис. 3. Горный-10, могила 24. Украшения и элементы костюма.
1 – бронза, железо; *2* – железо; *3–5* – паста; *6–7* – бронза, паста.

странение на сопредельных территориях [Серегин, Васютин, 2021, с. 152, рис. 176]. В целом верхнюю хронологическую границу распространения рассматриваемой группы изделий из памятников Лесостепного Алтая представляется возможным ограничить первой половиной VIII в. н.э. При этом «активный» период их использования приходится на конец VI – VII вв. н.э.

Отличительной особенностью публикуемого псалия из некрополя Горный-10 является орнамент в виде небольших окружностей с точкой в центре. Подобная система декорирования, насколько нам известно, не зафиксирована на псалиях, однако довольно часто встречена на других предметах из кости, обнаруженных в комплексах раннего Средневековья [Голдина, 1985, табл. XXII, *32*; Левина, 1996, рис. 104, *23*; Абдулганеев, Степанова, 2001, рис. 1, *2*; Худяков, 2004, рис. 51; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 13, *1, 6*; Трифонов, 2013, рис. 6; и др.].

Железное стремя (рис. 1, *2*; 4, *1*) относится к группе изделий с петельчатым ушком. Общие размеры предмета: высота – 15,1 см, наибольшая ширина – 11,9 см. Ушко стремени слегка приплюснутое. Дужки изделия образуют проем округлой формы. Подножка стремени слегка вогнутая, без нервюры. Ее ширина составляет 2,7 см, толщина – 0,3 см. Морфологические характеристики стремени позволяют определить хронологию находки в довольно широких рамках второй половины VI – начала VIII в. н.э. Многочисленные схожие предметы, имеющие различные нюансы в оформлении отдельных элементов, обнаружены в ходе раскопок синхронных комплексов Северной и Центральной Азии [Могильников, 1990, рис. 5, *2*; Кирюшин и др., 1998, рис. 5, *7*; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 16, *22*; и др.].

Отметим, что наличие в могиле только одного псалия и одного звена удил может свидетельствовать о символическом значении этих предметов, которые заменяли в погребении полноценный комплекс конского снаряжения. Судя по расположению в районе ног умершего человека, частью предполагаемой узды выступали также бронзовые пронизки и наконечник ремня (рис. 1, *3*; 4, *2–3*).

Остальные предметы сопроводительного инвентаря из могилы 24 имеют довольно широкий круг аналогий в материалах раскопок некрополей одинцовской культуры Лесостепного Алтая, отдельных памятников тюрок в горной части данного региона, а также комплексов, расположенных на более отдаленных территориях – главным образом, в Томском и Новосибирском Приобье и Прикамье [Гаврилова, 1965; Чиндина, 1977; Голдина, 1985; Троицкая, Новиков, 1998; и др.]. Датировка обозначенных объектов определяется широкими рамками второй половины VI – первой половины VIII вв. н.э. Учитывая все зафиксированные характеристики, время сооружения могилы 24 представляется возможным определить в границах VII в. н.э.

Предметный комплекс, выявленный в ходе раскопок, отражает довольно высокий прижизненный статус человека, который, очевидно, не относился к элите социума, но демонстрировал материальную культуру зажиточных слоев населения Лесостепного Алтая эпохи Тюркских каганатов. Некоторые дополнительные наблюдения в этом направлении позволяют сделать анализ случаев фиксации элементов амуниции лошади в одиночных захоронениях, исследованных в обозначенном регионе.

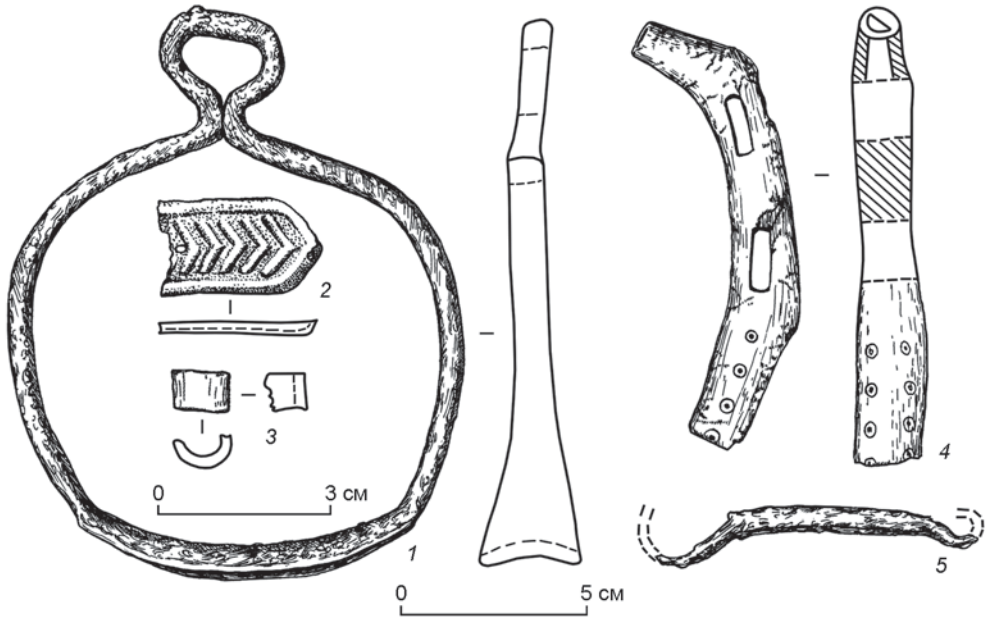

Рис. 4. Горный-10, могила 24. Предметы конского снаряжения.
1, 5 – железо; *2–3* – бронза; *4* – рог.

К настоящему времени количество подобных объектов, выявленных в ходе раскопок некрополей юга Западной Сибири эпохи Великого переселения народов и начала раннего Средневековья, весьма невелико [Уманский, 1974, рис. 4; Горбунов, Демин, Ситников, 2004, рис. 3, *11*; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, табл. V]. При этом известные погребения без лошади, но с предметами конского снаряжения, выделяются, по меньшей мере, в контексте материалов конкретных некрополей, а зачастую и на общем фоне синхронных комплексов. Как правило, такие захоронения отличаются представительным набором инвентаря, свидетельствующим об определенном прижизненном статусе умершего человека.

Наибольшая серия одиночных захоронений с элементами амуниции лошади зафиксирована на некрополе Горный-10. В составе данного памятника изучены 11 таких погребений, что составляет около 15 % от общего количества раскопанных объектов. Рассматриваемые комплексы, несомненно, были сооружены для людей с довольно высоким статусом, а в ряде случаев – для представителей элиты раннесредневекового социума. Примечательно, что могила 24 выявлена в одном ряду с погребениями 6, 8 и 10, в которых изучены сопроводительные захоронения одного или двух коней [Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019]. Не исключено, что согласно традициям населения, оставившего некрополь Горный-10, лошадь могла помещаться только в захоронения людей, выполнявших конкретные функции, что не определялось исключительно принадлежностью к верхушке общества.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют констатировать определенную социальную значимость предметов конского снаряжения в обрядовой практике населения Лесостепного Алтая эпохи Великого переселения народов и начала раннего Средневековья. При этом представляется возможным заключить, что своего рода показателем прижизненного статуса умершего человека выступали не только элементы украшения узды, изготовленные из цветных и драгоценных металлов, но даже довольно стандартные для кочевников стремена, удила и псалии.

Заключение

Материалы некрополя Горный-10 наиболее показательны для рассмотрения вопроса о культурно-хронологической и социальной интерпретации одиночных погребений без лошади, но с конским снаряжением, весьма редко выявленных в составе других синхронных памятников Лесостепного Алтая. Анализ результатов раскопок одного из таких комплексов (могила 24) позволил установить датировку данного объекта в рамках VII в. н.э. В погребении выявлен представительный сопроводительный инвентарь, свидетельствующий о довольно высоком прижизненном статусе умершего человека. Установлено, что подобная ситуация в целом характерна для одиночных погребений с элементами амуниции лошади, исследованных в Лесостепном Алтае и относящихся к эпохе Великого переселения народов и начала раннего Средневековья.

Часть таких объектов отражает особенности материальной культуры элиты социума. Имеются основания для утверждения о том, что конское снаряжение, причем не только редкие предметы торевтики (украшения узды), но и стандартные функциональные изделия, выступало социальным маркером различного уровня в обрядовой практике. Дальнейший системный анализ материалов раскопок известных памятников, а также расширение имеющихся данных за счет проведения раскопок позволят более подробно рассматривать различные аспекты социальной истории населения юга Западной Сибири обозначенного периода.

Благодарности

Культурно-хронологическая и социальная интерпретация публикуемого комплекса осуществлена в рамках реализации проекта РНФ № 20-78-10037. Обработка материалов раскопок некрополя Горный-10 проведена в рамках выполнения проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 128–131.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 216–219.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 280 с.

Горбунов В.В., Демин М.А., Ситников С.М. Погребение воинов эпохи великого переселения народов на Верхнем Алее // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. – С. 18–36.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1998. – №3. – С. 165–175.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М.: Восточная литература, 1996. – 396 с.

Матренин С.С. Псалии кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. – 2018. – №2 (100). – С. 167–173.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. – С. 137–185.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 223 с.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: НГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 88–116.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2. – С. 15–34.

Серегин Н.Н., Васютин С.А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. – 296 с.

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный-10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 603–610.

Соенов В.И. Удила и псалии гунно-сарматского времени Горного Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 93–98.

Трифонов Ю.И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 13–114.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. – Вып. 4. Новосибирск, 1974. – С. 136–149.

Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 152 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: ТГУ, 1977. – 192 с.

References

Abdulganeev M.T. Mogil'nik Gornyi 10 – pamyatnik drevnetyurkskoi epokhi v severnykh predgor'yakh Altaya. In *Prostranstvo kul'tury v arkheologo-etnograficheskom*

izmerenii. Zapadnaya Sibir' i sopredel'nye territorii. Tomsk: Tomsk State Univ. Press., 2001. P. 128–131. (In Russ.).

Abdulganeev M.T., Stepanova N.F. Issledovaniya na mogil'nike Gornyi 10 (Severnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001. Vol. 7. P. 216–219. (In Russ.).

Chindina L.A. Mogil'nik Relka na Srednei Obi. Tomsk: Tomsk State Univ. Press., 1977, 192 p. (In Russ.).

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965, 146 p. (In Russ.).

Goldina R.D. Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e. Irkutsk: Irkutsk Univ. Press., 1985, 280 p. (In Russ.).

Gorbunov V.V., Demin M.A., Sitnikov S.M. Pogrebenie voinov epokhi velikogo pereseleniya narodov na Verkhnem Alee. In *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novisibirsk State Univ. Press, 2004. P. 18–36. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Drevnie tyurki na Enisee. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 152 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Drevnetyurkskie kurgany mogil'nika Tytkesken'-VI. In *Drevnosti Altaya*. Gorno-Altaisk: Altai State Univ. Press., 1998, iss. 3. P. 165–175. (In Russ.).

Levina L.M. Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tys. do n.e. – I tys. n.e. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996, 396 p. (In Russ.).

Matrenin S.S. Psalium of the Altai Nomads of Xiongnu-Xianbei-Zhuzhan Time: Classification and Typology. *Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archeology*, 2018., no. 2. P. 167–173. (In Russ.). https://doi.org/10.14258/izvasu(2018)2-28

Mogil'nikov V.A. Drevnetyurkskie kurgany Kara-Koba-I. In *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaya*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altai Research Institute of History, Language and Literature Publ., 1990. P. 137–185. (In Russ.).

Ovchinnikova B.B. Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vv. Sverdlovsk: Ural Univ. Press., 1990, 223 p. (In Russ.).

Poselyanin A.I., Kirginekov E.N., Tarakanov V.V. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Belyi Yar-II. In *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii*. Novosibirsk: Novisibirsk State Univ. Press, 1999, iss. 2. P. 88–116. (In Russ.).

Savinov D.G., Novikov A.V., Roslyakov S.G. Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandaiskaya kul'tura). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 424 p. (In Russ.).

Seregin N.N., Abdulganeev M.T., Stepanova N.F. Burial with two horses dated by the period of the Turkic kaganats from the Gornyi-10 necropolis (Northern Altai). *Theory and practice of archaeological research*, 2019, no. 2. P. 15–34. (In Russ.). https://doi.org/10.14258/tpai(2019)2(26).-02

Seregin N.N., Stepanova N.F. Horny Stirrup from the Gorny-10 Necropolis of the Turkic Khaganates` Era (Northern Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 603–610. (In Russ.). https://doi.org/10.17746/2658-6193.2020.26.603-610

Seregin N.N., Vasyutin S.A. Rannetyurkskie arkheologicheskie kompleksy Tsentral'nogo i Vostochnogo Altaya (po materialam issledovanii A.S. Vasyutina). Barnaul: Altai State Univ. Press., 2021, 296 p. (In Russ.).

Soenov V.I. Udila i psalii gunno-sarmatskogo vremeni Gornogo Altaya. In *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e*. Barnaul: Altai State Univ. Press., 1998. P. 93–98. (In Russ.).

Trifonov Yu.I. Pamyatniki drevnetyurkskogo vremeni v Tsentral'noi Tuve. In *Drevnie tyurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoi ekspeditsii)*. Saint Petersburg: ElekSis, 2013. P. 13–114. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 152 p. (In Russ.).

Umanskii A.P. Mogil'niki verkhneobskoi kul'tury na Verkhnem Chumyshe. In *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1974, iss. 4. P. 136–149. (In Russ.).

Серегин Н.Н. https://orcid.org/0000-0002-8051-7127
Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0650-0655
УДК 903.7

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail easolovievy@mail.ru

О южном импульсе формирования сожженных подкурганных объектов кыштовской культуры

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием феномена недавно выделенного типа археологических памятников, которые представляют собой обугленные деревянные конструкции с установленными в углах перевернутыми вверх дном керамическими сосудами. Объекты располагаются на территории некрополей второй четверти II тыс. н.э. Обнаруженная керамика позволяет отнести данные объекты к памятникам кыштовской культуры. Серия обрядов, для проведения которых возводились и сжигались данные сооружения, в предыдущих исследованиях связывается с высвобождением души усопшего, временно пребывавшей в деревянных изваяниях – иттерма. Хотя самые близкие параллели такой обрядовой практики обнаруживаются в таежной угорской среде, основное внимание в статье уделяется южным импульсам, которые, по мнению автора, оказали заметное влияние на декорации завершающего акта цикла погребальных действий, связанных с сожжением моделей жилых построек, в которые помещались деревянные скульптуры. Обращается внимание на погребальные сооружения синкретичной венгеровской культуры, в наследии которой также сочетаются южные и северные черты. Отмечается заметное сходство между погребальными сооружениями венгеровской культуры, представленными усеченными четырехугольными пирамидами и обугленными срубами или рамами внутри и сожженными культовыми постройками кыштовцев. Делается вывод, что импульсы с юга могли инициировать расширение цикла погребальных действий кыштовцев за счет заимствований, которые отразились в появления новой традиции сожжения внутри деревянных строений кукол, в которых пребывала одна из душ ранее усопшего человека. Т.е. своего рода двойных похорон, в которых объединились собственные нормы, связанные с реальным погребением тела, и заимствованные, относящиеся к обряду высвобождению души из куклы. Дальнейшая эволюция культовых сооружений видится в отделении их от территории некрополей и превращении в самостоятельный феномен, связанный сакрализацией социальных лидеров, которые становятся покровителями родовых и территориальных образований.

Ключевые слова: *кыштовская культура, венгеровская культура, курган, культовый комплекс, погребение, ритуал.*

A.I. Solovyev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

On the Southern Impact on the Burnt Structures under the Burial Mounds of the Kyshtovka Culture

This article discusses the emergence of a recently identified type of archaeological objects – burnt wooden structures with pottery vessels turned upside down in the corners. These objects are located at necropolises of the second quarter of the second millennium AD. The pottery discovered makes it possible to attribute these objects to the Kyshtovka culture. It has been suggested in the previous studies that a series of rituals for which these structures were made and burned, were intended for releasing the soul of the deceased, which temporarily dwelt in wooden itterma figurines. Although the closest parallels to this ritual practice appear in the taiga Ugric environment, the article focuses on the southern impact. In author's opinion, the final act in the cycle of funerary actions, associated with burning the models of dwellings where the wooden sculptures were placed, can be linked with the southern impact. Southern and northern features are also combined in the burial structures of the syncretic Vengerovo culture. There is a noticeable similarity between the burial structures of the Vengerovo culture,

represented by truncated quadrangular pyramids and charred logworks or frames inside, and burnt cultic structures of the Kyshtovka population. It has been concluded that impacts from the south could trigger expanding the cycle of funeral activities among the Kyshtovka population due to borrowings reflected in the emergence of a new tradition of burning figurines in which one of the souls of a deceased person resided, inside wooden buildings. This is a kind of double burial, combining the practices of the Kyshtovka population, associated with real burial of the body, and borrowed practices associated with ritual of freeing the soul from the figurine. Further evolution of cultic buildings can be observed in their separation from the territory of necropolises and transformation into an independent phenomenon associated with sacralization of social leaders who became the patrons of clans and territorial entities.

Keywords: *Kyshtovka culture, Vengerovo culture, burial mound, sacred place, burial, ritual.*

Открытый недавно феномен археологических памятников, представляющих собой деревянные конструкции с перевернутыми сосудами в углах, преданные огню и погребенные под насыпями курганного типа, выявленные на некрополях Сопка-2 и Усть-Изес-1, обозначенные как культовые комплексы, в настоящее время уже получил отражение в ряде работ. Проведены реконструкции сооружений, обозначены этнографические параллели, указывающие на вероятность их связи с обрядами «захоронения» иттерма – временного хранилища души усопшего. В настоящее время по материалам некрополя Сопка-2 подготовлена тематическая монография [Молодин, Ефремова, Соловьев, 2021]. Нашли свое отражение аналогичные находки из памятника Усть-Изеса-1 и на страницах данного периодического издания [Соловьев, 2020].

Градация таких сооружений насчитывает несколько типов, различающихся по сложности архитектуры внутренних построек и масштабу проведенных обрядов, которая варьирует от полноценных моделей срубных жилищ, до самых простых конструкций подобных коническому чуму или сезонным балаганчикам таежных промысловиков. Кругло- и остродонные сосуды обоих памятников обладают удивительным сходством и образуют культурно однородную серию, определяемую общностью орнаментальных композиций, характерной чертой которых являются ямки, соединенные в два горизонтальных пояска под венчиком и на тулове изделия. Эта устойчивая керамическая традиция носит культурно-диагностирующий характер и, прослеживаясь на материалах разновременных памятников II тыс. н.э., может быть связана с кыштовской культурой [Молодин, Соловьев, 2019].

На связь культовых комплексов с погребальной обрядностью, помимо намеренной порчи вещей и расположения построек на территории некрополя, может указывать и количественное соответствие данных сооружений числу курганов с захоронениями. Взаимное сравнение этих объектов позволяет говорить об определенной корреляции между ними, определяемой соотношением трудовых и материальных затрат на строительство и проведение надлежащих ритуалов. Отметим, что размеры насыпи над одним из сожженных строений даже превосходят диаметр кургана самого богатого погребения могильника. На другом полюсе оказывается подростковое захоронение и соответствующий обрядовый комплекс, включающий лишь слабо читаемые следы прокаленной почвы, ямки и обожженные кости животных.

Генезис рассматриваемых объектов видится многоплановым, включающим в себя северные таежные и степные импульсы. В данном случае, нас интересуют в большей степени именно южные, тем более, что северные рассмотрены в упомянутой тематической монографии.

Обратим внимание на то, что сам сценарий обрядового использования сожженных построек, связываемый с обрядом проводов души, пребывавшей в специальных куклах-иттерма, по своему мифологическому содержанию сопоставим с обрядом погребения. Этот факт определяет направление поисков, которые приводят нас к любопытным сооружениям XI–XII вв., относимым к недавно выделенной венгеровской культуре [Савинов, 1988]. Они представляют собой окруженные ровиком довольно крутые земляные насыпи диаметром – от 1 до 20-ти и более м. Внешний вид их столь характерен, что культурная принадлежность уверенно определяется до раскопок. Курганный комплекс Венгерово-VII в одноименном районе НСО, исследование которого явило свету этот археологический феномен, с географической позиции является одной из северных точек ареала этой культуры на правобережье р. Оми. Основной же массив «венгеровских» могильников тянется вдоль левого берега этой реки и уходит на юг к степным просторам Казахстанского Прииртышья.

Под земляными насыпями таких сооружений обнаруживаются обожженные деревянные четырехугольные срубы или рамы. Срубы могли иметь от 2–3 до 7–8 венцов и достигать в момент постройки метровой высоты. Внутри отданных огню построек, на уровне древней поверхности располагались преимущественно одиночные погребения, ориентированные по линии запад – восток с небольшими отклонениями к северо- и юго-западу. Погребальная практика венгеровского населения включала

трупоположение и трупосожжение. Д.Г. Савинов, рассматривая данный тип памятников, находит определенные параллели многим элементам его погребальной обрядности среди древностей томского Приобья, верхней Оби и павлодарского верхнего Приобья и видит в его материалах сложное переплетение местной и пришлой культурных традиций. Носителями первой, по его мнению, могли быть угорские (или угро-самодийские) племена, жившие лесостепной части Западной Сибири, вторую же, привнесенную, вероятнее всего, следует связывать с импульсами из соседних районов Восточного и Северного Казахстана, вызванных распадом кимако-кыпчакского государства [Савинов, 1988, с. 104, 107, 112].

Перед нами яркий культурный феномен, имеющий в своем активе курганный обряд погребения с использованием деревянных (явно имитирующих жилые) конструкций; огня, уничтожающего эти постройки, и в ряде случаев тела погребаемых; возведение насыпи по мере сгорания срубов; ровики вокруг последних. Д.Г Савинов, предлагая реконструкцию внешнего вида подобных сооружений, видел ее в форме четырехугольной усеченной пирамиды сложенной из кусков дерна [Там же, с. 104, рис. 52]. Аналогичное устройство дал и исследованный нами курган в одной из подобных групп таких памятников (Кошкуль-1). Отметим, что реконструкция внутрикурганной постройки, сожженной в ходе обряда на памятнике Усть-Изес-1, воспроизводившей модель жилой постройки, имела такую же форму усеченной четырехугольной пирамиды, обложенной дерном. В процессе горения стены рушились, а упавшая вместе с ними дерновая оболочка образовывала основу будущей насыпи [Соловьев, 2020]. Не исключено, что такая же картина могла наблюдаться на завершающем этапе погребального ритуала населения венгеровской культуры. Если абстрагироваться от собственно погребения, с позиции формы купола и внутреннего устройства, можно говорить об определенном сходстве сооружений венгеровской и кыштовской культур. Отметим, что в основании сожженного комплекса (№ 4) могильника Усть-Изес-1 читались следы неглубокой канавки-ровика.

Вполне вероятным представляется тесное знакомство на раннем садовкинском этапе кыштовского (в основе своей угорского) населения с погребальной практикой своих южных соседей (в чем-то родственных носителей венгеровской культуры, включающей сжигание деревянных срубов, близкую и понятную западную ориентацию) с последующим заимствованием основных обрядовых черт и адаптацией их к собственным воззрениям. В эпоху Средневековья, во время так называемой тюркизации, вызванной бурными событиями в глубинах Центральной Азии и юга Сибири и растянувшейся на несколько столетий, происходила не только прямая военная экспансия тюркоязычного населения на север со стремительными, но непродолжительными походами в чуждую степнякам природную среду, но и медленное поэтапное освоение ими по акваториям рек лесостепных и южно-таежных территорий, с неизбежными длительными процессами межкультурного взаимодействия, следствием которых была аккультурация – как собственная, так и аборигенных популяций, «усвоение ряда мифологических и эпических мотивов жителями тайги. ... Здесь могли иметь место корректировка, восприятие типологически сходных или «ожидаемых» культурой-реципиентом мифологических сюжетов или обрядов» [Сагалаев, 1991, с. 9]. В мировоззренческой сфере целый ряд причин, включая естественное отсутствие посмертного опыта, делали культуры-реципиенты очень чувствительными к обрядовой практике более развитых в социальном и мифоритуальном плане соседей, что, однако, не означало полного забвения собственных традиций.

Итогом взаимодействия могли быть изменения в погребальной практике кыштовского населения, когда, скорее всего, на рубеже XII–XIII вв. был воспринят целый блок погребальной обрядности, который будучи транслированным в новую среду, стал служить важным дополнением и, если так можно выразиться, «завершающим штрихом» в проводах соплеменников в последний путь. Ведь сооружения носителей обеих культур имели сходный набор типологически значимых признаков. Основное же их отличие видится в том, что в одном случае внутри сжигаемых срубов помещались человеческие тела, а в другом символические их заместители. В результате «коррекции» получались как бы «двойные» похороны, когда вслед за телом некоторое время спустя, провожая в верхние сферы реинкарнирующуюся душу, стали погребать (в нашем случае – сжигать, что семантически равнозначно погребению) изваяния вместе с построенным для него домиком.

Что касается самой возможности заимствования, то для этого случая мы можем констатировать совпадение трех важнейших обстоятельств, переводящих его в ранг вероятности. Это факторы места, времени, моральной и материальной готовности реципиента. Возведение могильников венгеровской культуры, совпадающее с продвижением ее носителей на север, по шкале времени смыкается с нижней хронологической и территориальной рамками кыштовской культуры (садовкинский этап). Их границы в районах лесостепных участ-

ков правобережья р. Оми, фактически совмещаются. Реальное расстояние между могильниками носителей этих культур не превышает нескольких километров. На раннем, садовкинском, этапе становления кыштовского культурного феномена, занимавшего «буферное» положение на стыке тюркского и угорского миров, испытывавшего уже тогда мощное влияние с юга [Молодин, 1990, с. 138], на площади погребальных памятников (Садовка-2) сожженных культовых сооружений не обнаружено. Зато в погребальной практике использовались жерди, составлявшие четырехугольную внутримогильную конструкцию вокруг помещенного здесь тела и поставленного вверх дном сосуда

По справедливому замечанию В.М. Массона, «инновации стереотипизируются, а затем интегрируются в культурную систему только в том случае, если сами они воспринимаются социальной средой и не происходит процесса отторжения» [1981]. Иными словами, инновация воспринимается и становится традицией только тогда, когда общество понимает ее, а так же имеет моральные предпосылки и материальные возможности к воспроизведению последней. Как представляется, материалы садовкинского этапа содержат определенные указания на определенное созвучие идей, реализовавшихся в обрядах погребального цикла, которое могло способствовать трансляции в культурную систему близких и понятных «нововведений».

Носители кыштовской культуры уже имели в активе своего культурного потенциала элементы погребальной практики (внутримогильные четырехугольные деревянные сооружения, перевернутые в углу вверх дном сосуды), которые в дальнейшем сместились в актив феномена сожженных культовых мест. Однако, все эти изменения должны было сопровождаться определенной трансформацией воззрений, объяснявшей необходимость и смысл проводимого сакрального акта. Для таежных культур, с учетом свойственной им консервативности и вялотекущего развития, такой решительный шаг без долгих промежуточных колебаний представляется сродни революционному. И, на наш взгляд, в обстановке тех лет, отличавшихся разнообразием и известной парадоксальностью межкультурных взаимодействий, без толчка извне самостоятельно сделанным он быть не мог.

Можно, конечно, возразить, что следы формирования рассматриваемого явления следует искать не на кладбищах, а где-то в стороне – в глубинах тайги, в тайных заповедных местах, что это самостоятельный феномен, связанный не с погребальной практикой, а с культом предков, и размещение сожженных и засыпанных землей балаганчиков с идолами на территории древних могильников носит случайный, узко локальный характер. Но, во-первых, наличие серии таких сооружений на территории двух синхронных могильников позволяет говорить скорее о закономерности, чем о случайности и свидетельствует об устойчивой системе в размещении особых «культовых» площадок на территории кладбищ предтаежного Обь-Иртышья. Во-вторых, «культовые» места возводились одновременно с захоронениями, точнее, по мере их совершения. С точки зрения доступной нам хронологии – синхронно.

Правда, с течением лет картина меняется. Уже через 100–150 лет, судя по археологическим материалам, места совершения рассматриваемого ритуала, в основном, смещаются за пределы могильников и располагаются где-нибудь поблизости. Во всяком случае, на территории более поздних памятников кыштовской культуры (конца XIV – XV в.) таких мест обнаруживается по одному (Туруновка-2, Кыштовка-1), а на памятниках XVII–XVIII вв. (Кыштовка-2, Льнозавод-4) их уже нет вовсе. Впрочем, неподалеку от могильника Льнозавод-4 расположено скопление небольших эллипсовидных, похожих на курганы этого памятника насыпей, под которыми скрывались прокалы и вкрапления небольших углей. На периферии двух из них стояли вверх дном сосуды – в одном случае пара керамических горшков с пробитым дном, в другом смятый позднесредневековый бронзовый котел, напоминающий таз. Данное обстоятельство дает нам основание рассматривать эти и окружающие их сооружения (с углями и прокалами) как культовые места, относящиеся скорее всего к могильнику.

Аналогичные небольшие всхолмления, не содержащие могил и археологического материала, но со следами прокала, углей, а иногда и пустых ям, нередко в виде отдельных сооружений встречаются на северных, предтаежных окраинах лесостепной Барабы (Кама-9, Сибирцево-5, Кошкуль-4, Льнозавод-4). По причине почти полного отсутствия находок и смысловой неясности, они обычно воспринимаются как одиночные курганы-кенотафы или даже как объекты естественного происхождения. И не рассматриваются в контексте близлежащих памятников. Как представляется, такие «псевдокурганы» справедливо будет трактовать как остатки культовых мест, связанных с обрядами проводов души, проведение которых в этнографическое время стало тяготеть к участкам в стороне от кладбищ – ближе к окраинам сел. И действительно, если мы проанализируем вышеприведенные описания таких обрядов с точки зрения материальных следов, которые могли оставаться после их совершения, то, пожалуй, придем к выводу, что иных находок кро-

ме следов прокала, углей, полусгоревших чурочек и, возможно, фрагментов костей под небольшим холмиком не обнаружим.

С нынешних позиций говорить о связях ритуальных построек на территории некрополей Усть-Изес-1, Сопка-2 и таежных святилищ следует, скорее всего, исходя из принципа обратного старшинства. Т.е. считать погребальные «культовые» места предтечей «храмовых», культовых мест на лесных полянах. Не вдаваясь в проблемы генезиса последних, обратим внимание лишь на некоторые аспекты, которые, будучи связанными с археологическими материалами, могут быть интересны для данной темы.

Всплески строительства культовых сооружений, которое, кстати, никогда не прекращалось, в целом совпадают с пиками социальной активности – сложения военно-потестарных организаций, возвышения военных предводителей и ростом их влияния. Все эти события, как правило, приходятся на периоды военной экспансии на север и социальной напряженности. Ход истории указывает на такие процессы в рассматриваемое время как в глубинах тайги, так, особенно, и в предтаежье, где нарастающая угроза с юга ощущалась в первую очередь. Возвышение предводителей – территориального ли ранга или уровня родового вождя – сопровождалось усилением связей с духами-предками, приобретающими статус особо почитаемых божеств – покровителей селения, лидирующего рода или даже территориальных объединений, для которых устраиваются особые культовые места храмового типа. Культ духа-предка и покровителя оказывается в фокусе мифологического мышления. Эта линия развития верований была одной из наиболее значимых и в эпоху Средневековья.

Обратившись к структурно-составляющим элементам сокровенных «храмовых» мест, нетрудно заметить четырехугольные деревянные сооружения – амбарчики, приношения-приклады, посуду, оставленную на земле, специальные места для разведения огня и, наконец, укутанные в различные ткани, порой снабженные металлическим подвесками, деревянные изваяния духов-предков. Если отбросить не сохраняющуюся органику, то основная доля этих предметов в том же сочетании уже знакома нам по находкам на культовых местах, расположенных на некрополях. Может даже создаться впечатление, что это именно последние перенесены в глубины тайги. Фактически, так, наверное, могло и быть в те времена, когда возникла потребность в новых формах идеологической общности, актуализировавших роль духов богатырей-предков. А их посмертные изображения, в которые по логике мифологического мышления, вселялись души некогда важных членов социума, обладавших особыми возможностями и прерогативами в мире живых и сохранивших свои связи в иных измерениях, приобретали социально-важное сакральное значение.

В самом общем виде можно считать, что в этом случае мы имеем дело со своего рода метаморфозой иттерма, получившей статус общественно-важных фетишей, существование которых в этом мире продлевалось жизнью рода. По наблюдениям Г.И. Пелих, «изображение (парге) покойного родича», размещенное на таких лесных культовых местах «считалось «живым» до тех пор, пока был жив кто-то из его потомков» [1981, с. 96]. Аналогичные сведения приводит и З.П. Соколова [1971, с. 237]. Отсюда до превращения таких фигурок в изображение автономно живущего духа-предка, покровителя рода один шаг. Размытыми следами, отмечающими пути возникновения такого феномена, могут служить неоднократно упомянутый обычай уносить подобные фетиши в таежную глухомань и, наконец, смысловая инверсия – стремление, отмеченное, в частности К.Ф. Карьялайненом у угров, устраивать культовые места на старых кладбищах – ближе к историческим очагам своего возникновения. Все сказанное говорит о сложности процесса, переплетении явлений общественного и духовного плана и допускает возможность трансформации одного типа памятника в другой в пределах сакральных границ кладбища. Но не свидетельствует однозначно о том, что «храмовые» культовые места с амбарчиками возникли именно в эпоху развитого Средневековья и именно на могильниках. Вероятно, следует говорить о расщеплении традиций, во многом стимулированном внешними импульсами. Возможно, истоки феномена уходят в глубь времен и сливаются в бездне едва обозримого прошлого и само возникновение священных амбарчиков имеет боле раннюю хронологию.

Список литературы

Массон В.М. Традиции и инновации в процессе культурогенеза (в свете данных археологии. // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Л.: Наука, 1981. – С. 39.

Молодин В.И. Культовые памятники угорского населения лесотепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 128–140.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Ритуальные комплексы эпохи средневековья. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Том 6. (В печати)

Молодин В.И. Соловьев А.И. Кыштовская культура // История Сибири. Железный век и Средневе-

ковье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 2. – С. 382–384.

Пелих Г.И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. – Новосибирск: Наука, 1981. – 175 с.

Савинов Д.Г. Новый тип памятников начала II тыс. н.э. в Барабинской лесостепи. // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 91–115.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. –Новосибирск: Наука, 1991. – 156 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука,1971. – С. 211–238 (СМАЭ XXVII).

Соловьев А.И. Культовые места Усть-Изеса. Вопросы реконструкции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 611–619.

References

Masson V.M. Traditsii i innovatsii v protsesse kul'turogeneza (v svete dannykh arkheologii). In *Preemstvennost' i innovatsii v razvitii drevnikh kul'tur.* Leningrad: Nauka, 1981, p. 39. (In Russ.).

Molodin V.I. Kul'tovye pamyatniki ugorskogo naseleniya lesotepnogo Ob'-Irtysh'ya (po dannym arkheologii). In *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov.* Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 128–140. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Solovyev A.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Ritual'nye kompleksy epokhi srednevekov'ya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. Vol. 6 (in print). (In Russ.).

Molodin V.I., Solovyev A.I. Kyshtovskaya kul'tura. In *Istoriya Sibiri. Zheleznyi vek i srednevekov'e*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 2. P. 382–384. (In Russ.).

Pelikh G.I. Sel'kupy XVII v. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii. Novosibirsk: Nauka, 1981, 175 p. (In Russ.).

Sagalaev A.M. Uralo-altaiskaya mifologiya. Simvol i arkhetip. Novosibirsk: Nauka, 1991, 156 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Novyi tip pamyatnikov nachala II tys. n.e. v Barabinskoi lesostepi. In *Baraba v tyurkskoe vremya*. Novosibirsk: Nauka, 1988. P. 91–115. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Perezhitki religioznykh verovanii u obskikh ugrov. In *Religioznye predstavleniya I obryady narodov Sibiri v XIX – nachale XX veka*. Leningrad: Nauka, 1971. P. 211–238 (SAME. Vol. XXVII). (In Russ.).

Solovyev A.I. Ritual Places of Ust-Izes: Reconstruction Issues. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 611–619. (In Russ.).

Соловьев А.И. https://orcid.org/ 0000-0003-3891-8944

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0656-0661
УДК 904

Н.Ф. Степанова, Д.В. Папин✉, А.С. Федорук

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru; papindv@mail.ru

Оригинальные находки с поселения Бурла-3 эпохи поздней бронзы

В статье рассматриваются результаты изучения оригинальных находок с поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3, расположенного в северной части Кулундинской степи Алтайского края. Это днища двух сосудов. Необычна их толщина, которая превосходит в 3–3,5 раза толщину дна обычных сосудов. Вероятно, и сосуды были необычных размеров, очень крупные. Проведен технико-технологический анализ керамики по методике А.А. Бобринского с целью сравнить исходное сырье и состав формовочных масс с керамикой разных культурно-хронологических групп с этого памятника. В результате установлено, что они изготовлены по необычному рецепту: глина + шамот + органика растительного происхождения + волос животных. Для шамота использовано несколько сосудов, один из которых по исходному сырью полностью соответствует одной из подставок с поселения. Технико-технологический анализ остальных образцов подтвердил ранее зафиксированные культурные традиции и навыки в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс и выявил необычные – это добавление дресвы в один из сосудов, изготовленный на гончарном круге, а также несколько случаев с использованием растительной органики в большой концентрации и волоса животных. Для этого памятника не характерно как использование шамота, так и добавление волоса животных. Редко встречается и органика растительного происхождения в такой концентрации. Полученные результаты подтверждают, что на памятнике происходили процессы взаимодействия разных групп населения. Обосновывается вывод о существовании в эпоху поздней бронзы на Алтае гончарного центра, специализирующегося на производстве круговой керамики.

Ключевые слова: *керамика, сосуд, исходное сырье, глина, формовочные массы*, *гончарный круг, Алтай, эпоха поздней бронзы.*

N.F. Stepanova, D.V. Papin✉, A.S. Fedoruk

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru; papindv@mail.ru

Original Findings from the Burla-3 Settlement of the Late Bronze Age

The article discusses the results of the study of the original findings from the Late Bronze Age settlement Burla-3, located in the northern part of the Kulunda steppe of the Altai Territory. These are the bottoms of two vessels. Their thickness is unusual exceeding the thickness of bottoms of standard vessels by 3–3.5 times. The vessels were probably of unusual size, i.e. very large. A technical and technological analysis of the ceramics was carried out according to the method of A.A. Bobrinsky in order to compare the initial raw materials and the composition of molding masses with ceramics of different cultural and chronological groups from this site. As a result, it was established that they were made following an unusual recipe: clay + chamotte + organic matter of plant origin + animal hair. Several vessels were used for chamotte, one of which, in terms of raw materials, fully corresponds to one of the stands from the settlement. The technical and technological analysis of the remaining samples confirmed the previously recorded cultural traditions and skills in the selection of raw materials and the preparation of molding masses and revealed unusual—the addition of grit to one of the vessels made on a potter's wheel, as well as several cases of the use of plant organic matter in high concentrations and animal hair. For this site, both the use of chamotte and the addition of animal hair are not typical. Organics of plant origin in this concentration are also rare. The obtained results confirm that the processes of interaction between different groups of the population took place at the site. The conclusion about the existence of a pottery center specializing in the production of circular ceramics in Altai in the Late Bronze Age is substantiated.

Keywords: *ceramics, vessel, raw materials, clay, pottery pastes, potter's wheel, Altai, the Late Bronze era.*

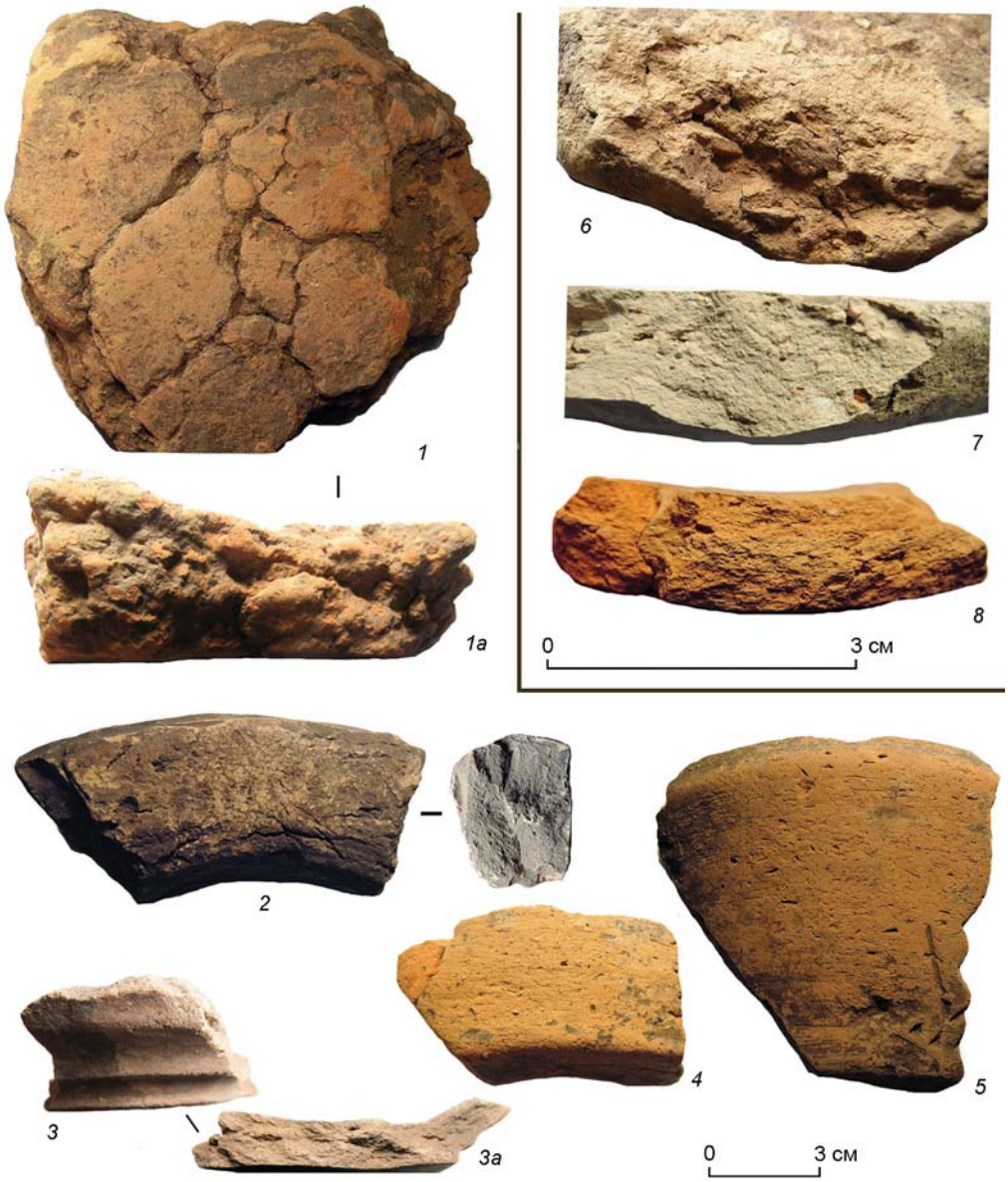
Введение

К настоящему времени в степном и лесостепном Алтае известно около 20 поселений эпохи поздней бронзы, на которых зафиксирована посуда, сделанная на гончарном круге. В незначительном количестве она обнаружена практически на всех изученных большими площадями поселениях этого времени в степном Алтае и примыкающих к нему территорий (Рублево-6, Новоильинка, Советский Путь 1, Чекановский лог 1, Жарково-1, -3, Калиновка-2, -4, Суслово-1, Курейка-3, Песьянов мыс, Гусиная Ляга, Гилево-2, Кайгородка 3 и др.) [Ломан, Папин, Федорук, 2017]. На этом фоне особое место занимает поселение Бурла-3, где найдено большое количество сосудов, изготовленных на гончарном круге. Памятник расположен на севере Кулундинской степи, в среднем течении р. Бурла, на территории Хабарского р-на Алтайского края. Открыто поселение В.С. Удодовым в 1983 г. и исследовалось им в 1983–1988 гг. Обнаружение на памятнике группы керамики, изготовленной на гончарном круге в сочетании с бегазы-дандыбаевской посудой, позволило В.С. Удодову сформулировать тезис об особом «бурлинском типе» памятников, связанном с южным воздействием среднеазиатского происхождения [Удодов, 1994]. В 2013–2015 и 2018 г. авторами были возобновлены раскопки поселения Бурла-3. В результате исследовано более 1000 м^2 площади, изучены остатки семи построек, производственный участок с теплотехническим сооружением, сформирована значительная коллекция материалов, что позволяет более четко охарактеризовать феномен «бурлинского» типа. В керамической коллекции, насчитывающей более 6 300 единиц, преобладает круговая посуда, аналогичная керамике культуры Намазга VI. Обилие шлака в слое памятника, обнаружение многочисленных бронзовых всплесков, фрагментов аурита, каменных орудий типа «лощильца» свидетельствует о местном бронзолитейном производстве. Аналогии вещевому инвентарю (бронзовые тесла, зубильце, крючки, наконечник стрелы и пр.), указывая на раннюю в пределах эпохи поздней бронзы хронологическую позицию памятника, также тяготеют к региону Средней Азии. Обнаружение многочисленных фрагментов глиняных «конусовидных подставок», напрямую указывает на среднеазиатские традиции. Наличие обломков оплавленных сосудов и печи для обжига керамики привело к выводу о том, что глиняную посуду на гончарном круге изготавливали на этом поселении [Папин, Федорук, Ломан, 2020]. Уникальность памятника состоит еще и в том, что в результате технико-технологического анализа керамики установлено наличие контактов населения, изготавливающего керамику на гончарном круге и лепную (дандыбаевская группа) [Папин и др., 2021]. Исследования материалов памятника продолжаются и получены новые интересные результаты.

Материалы, методы и результаты

В 2018 г. при исследовании производственного участка было обнаружено два плоских предмета красного цвета с сохранившимися размерами: 1) 15 × 16 см, толщина 3–3,5 см и 2) 23 × 20 см, толщина ок. 3 см. Предметы были тяжелые, плотные и не рассыпались, несмотря на то, что на первый взгляд они состояли, в основном, из песка. Был проведен эксперимент: отломлены кусочки и помещены в воду на несколько дней. В результате обломки не разрушились, что свидетельствовало о том, что предметы побывали в огне при высокой температуре. Дальнейшие исследования выявили, что под песком находится глина. После удаления песка, покрывавшего оба предмета, стало очевидно, что это не просто куски глины, которым придали плоскую форму, а обломки днищ от очень крупных сосудов (см. *рисунок*, *1*). Об этом свидетельствовали элементы конструирования днищ. На одном обломке сохранился небольшой фрагмент перехода днища в придонную часть. На внешней стороне обоих изделий прослежены следы от подсыпки, свидетельствующие об особенностях технологии их изготовления. Подобные находки необычны, т.к. днища сосудов с этого памятника имеют толщину обычно ок. 1 см, а в этом случае в 3–3,5 раза больше (см. *рисунок*, *1а, 3а*). Подобных изделий не известно и на других поселениях эпохи поздней бронзы в степном и лесостепном Алтае.

Для того, чтобы сравнить исходное сырье, из которого были изготовлены днища, с сырьем, используемым для изготовления керамики на памятнике, проведен технико-технологический анализ в рамках историко-культурного похода по методике А.А. Бобринского [1978; 1999; Цетлин, 2012; 2017]. Исследовано 19 фрагментов от сосудов разной формы и подставок, изготовленных на гончарном круге, 24 фрагмента от лепных сосудов и фрагменты от двух днищ. Основная задача в исследовании сводилась к выявлению специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс, в выделении культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс. Исследования изломов и поверхностей образцов проводились с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер

Находки с поселения Бурла-3.

1 – днище и вид сбоку одного из крупных сосудов; *2* – фрагмент подставки и вид сбоку; *3* – придонная часть и дно обычной толщины; *4, 5* – фрагменты подставок с органикой в формовочных массах; *6* – шамот в одном из днищ; *7* – смешение двух глин (ожелезненной и неожелезненной); *8* – отпечатки растений и волоса животных в формовочной массе.

содержащихся в них грубых примесей, использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850°С. Результаты исследований образцов от лепных сосудов опубликованы [Папин и др., 2021].

Оба днища изготовлены по одному рецепту: глина ожелезненная + шамот (1:4) + органика растительного происхождения + волос животных. Это необычный рецепт для керамики с этого памятника, т.к. в формовочные массы добавлен шамот и волос животных. Концентрация шамота составляет 1:4, частицы разного размера, в т.ч. и более 4 мм. Шамот от разных сосудов, различающихся, в частности, по исходному сырью и ожелезненности.

По образцам круговой керамики получены следующие результаты: из среднеожелезненных глин изготовлено 42 % сосудов, сильноожелезненных – 10,5 %, неожелезненных – 5 %, смеси двух глин – среднеожелезненная + неожелезненная – 26,5 %. Выделяется группа изделий, которые предварительно определены как изготовленные из смеси двух глин ожелезненной и неожелезненной, обе в сухом состоянии (26,5 %). Необходимо отметить такую особенность исходного сырья, как сильную запесоченность. Песок по размерам подразделяется на 2 группы: пылевидный, визуально определяемый

как 0,1–0,2 мм и, возможно, меньше в концентрации 1:1 и более крупные частицы кварцевого песка – размерами 0,5–1,0 мм. Концентрация такого песка значительно меньше – 1:4–5 и меньше. В лепной керамике такого количества пылевидного песка не встречалось. Из других естественных примесей в 21 % образцов отмечен мелкий бурый железняк. Практически во всех изделиях фиксируются в небольшом количестве следы органического раствора (выжимки навоза).

Для трех подставок зафиксирован необычный для всей коллекции рецепт составления формовочных масс: глина + органика растительного происхождения + волос животных (см. *рисунок*, *4, 5, 8*). Выделяются эти подставки большим количеством следов растительности и волоса. Единичные отпечатки волоса животных прослежены также в двух образцах от сосудов, изготовленных на круге (не исключено, что один из них также фрагмент подставки) (см. *рисунок*, *3*). Необходимо отметить, что ранее добавление навоза в формовочные массы подставок отмечено В.Г. Ломаном [Папин, Федорук, Ломан, 2020, с. 318].

К совсем необычным для круговой керамики относится рецепт: глина ожелезненная + глина неожелезненная + дресва мелкая (1:3) + органика. Так изготовлено дно одного из сосудов (см. *рисунок*, *3*). Подобных рецептов для круговой керамики ранее не зафиксировано ни на Бурле-3, ни в крупных исследованных коллекциях единовременных поселений региона Рублево-6 и Жарково-3 [Папин и др., 2015; Папин и др., 2021]. Кроме того, известно, что при изготовлении керамики на гончарном круге гончары старались не добавлять дробленый камень в формовочные массы, т.к. остроугольные частицы ранят руки гончаров при работе на круге.

Сравнивая полученные результаты круговой керамики и днищ сосудов отметим, что 1) в днищах также зафиксирована шерсть животных; 2) часть шамота получена из формовочной массы полностью аналогичной формовочной массе одного из образцов, рассматриваемого в группе подставок (см. *рисунок*, *2*). Это дает основание предполагать, что днища были изготовлены позднее, чем подставка. Наличие волоса животных и в подставках, и в днищах позволяет предположить, что изготовлены они одной группой гончаров.

Выводы и обсуждение результатов

В общей сложности с поселения Бурла-3 изучено уже 136 образцов от разных сосудов, различающихся культурно и хронологически, выявлены основные навыки и рецепты изготовления керамики [Ломан, Папин, Федорук, 2017; Папин и др., 2021]. Основные традиции для круговой керамики, отмеченные В.Г. Ломаном, подтверждены и нашими исследованиями: разнообразие используемых глин, преобладание среди них среднеожелезненных, распространение традиции применения смеси двух глин (см. *рисунок*, , *7*). К новым необычным чертам, не отмеченным ранее, относится фиксация в формовочных массах волоса животных и дресвы. Последний факт объясняется контактами населения. В частности, ранее уже отмечалось использование аналогичных глин при изготовлении дандыбаевской и круговой керамики, ангобирование дандыбаевской керамики [Папин и др., 2021]. Вполне вероятно, что и факт добавления мелкой дресвы (размером до 1 мм) в формовочную массу также связан с этой группой населения.

Сложно объяснить факт наличия волоса животных в формовочной массе подставок. В этих же образцах отмечено и значительное количество растительных остатков (см. *рисунок*, *4, 5, 8*), они, вероятнее всего, также связаны с взаимодействием с местным (?) населением. Однако случаев использования шерсти при подготовке формовочных масс в эпоху поздней бронзы степного и лесостепного Алтая пока не известно.

Не характерно для круговой керамики с Бурлы-3, Рублево-6 и Жарково-3 и использование шамота [Ломан, Папин, Федорук, 2017]. Да и в целом для керамики с поселения Бурла-3 применение шамота относится к очень редким явлениям [Папин и др., 2016, табл.].

Заключение

Керамика, изготовленная на гончарном круге, не характерна для районов Сибири. Ближайшие аналогии известны в Средней Азии. Предварительный технико-технологический анализ керамики в рамках историко-культурного подхода проведен для теменоса Гонур-Депе из Туркмении [Гутков, 2021]. В целом отмечены те же традиции, что и для керамики из Бурлы-3: использование глин из разных источников, смешение глин разных по ожелезненности и своим свойствам. К одним из интересных наблюдений относится наличие шамота в нескольких изделиях (изучен 901 сосуд). А.И. Гутков считает шамот в формовочных массах этих сосудов случайностью [Гутков, 2021, с. 153]. Однако наличие шамота в днищах с Бурлы-3 не может быть случайным. Вероятнее всего, это также следствие контактов населения. Наличие единичных случаев применения шамота и дресвы в круговой керамике может свидетельствовать о взаимодействии населения, культурные традиции которого сложились в разных ландшафтных зонах [Ломан, 1993; Степанова, 2015; 2017].

Размеры и толщина днищ не стандартны. Остается предположить, что это были очень крупные сосуды, возможно, развалившиеся при обжиге или сушке, т.к. фрагментов стенок этих сосудов не обнаружено. Сразу же после находки этих днищ, которые воспринимались как плитки, возник вопрос об их назначении. Одной из версий было их применение при обжиге сосудов в качестве подставок. После того, как стало ясно, что это днища сосудов, это предположение по-прежнему остается основным. Вероятнее всего, после разрушения сосудов, сохранившиеся днища были использованы в качестве подставок при обжиге и сушке новой глиняной посуды. Этому не противоречит и то, что они побывали в огне при очень высоких температурах.

Обобщая все выше сказанное, необходимо отметить зафиксированные на Бурле-3 находки иллюстрируют наличие здесь гончарного центра, который покрывал потребности не только самого поселка, но и окружающих территорий. Достаточно высокий технологический уровень производства круговой керамики на Бурле-3 выбивается из традиций позднебронзового населения Алтая, вместе с тем многочисленные признаки свидетельствуют о процессах взаимодействия, показывающих, как пришлая группа адаптировалась к местным условиям.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (колл. монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.

Гутков А.И. Особенности изготовления гончарной керамики Южного Гонура Теменоса) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019 гг. – М., 2021. – С. 143–179.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тыс. до н.э.: автореф. дисс. канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С. Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 49. – С. 32–36.

Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – №2 (12). С. – 115–143.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. Керамические изделия поселения Бурла 3 как индикатор миграций населения Алтая в эпоху поздней бронзы // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. – Самара: СГСПУ, 2020. Т. 1. С. – 316–318.

Папин Д. В., Федорук А. С., Ломан В. Г., Степанова Н. Ф. Лепная керамика периода поздней бронзы поселения Бурла-3 // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – №2 (33). – С. 175 – 192. – doi:10.14258/tpai(2021)33(2).-10

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – №3 (15). С. – 102–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита - раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. – С. 401–404.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Цетлин Ю. Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода.– Москва: ИА РАН, 2017. – 346 с.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob”ekt istoriko-kul’turnogo izucheniya. In *Aktual’nye problemy izucheniya drevnego goncharst*va: (koll. monografiya). Samara: Samara State Pedagogical Univ. Press., 1999. P. 5–109. (In Russ.).

Gutkov A.I. Osobennosti izgotovleniya goncharnoi keramiki Yuzhnogo Gonura Temenosa). In *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii.Tom 8. Issledovaniya Gonur-depe v 2015–2019*. Moscow, 2021. P. 143–179. (In Russ.).

Loman V.G. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral’nogo Kazakh-stana vtoroi poloviny II-go tys. do n.e.: avtoref. diss. kand. ist. nauk. Moscow, 1993, 31 p. (In Russ.).

Loman V.G., Papin D.V., Fedoruk A.S. Contacts of the population of the south of western Siberia and central

Asia during the late bronze age (based on materials ceramic complex). *Tomsk State University Journal of History,* 2017, no. 49. P. 32–36. (In Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G. Keramicheskie izdeliya pose-leniya Burla 3 kak indikator migratsii naseleniya Altaya v epokhu pozdnei bronzy. In *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare*. Samara: Samara State Pedagogical Univ. Press., 2020. Vol. 1. P. 316–318. (In Russ.).

Papin D. V., Loman V. G., Stepanova N. F., Fedoruk A. S. Results of technical and technological analysis of the ceramic complex of the late bronze settlement Rublevo – VI. *Theory and practice of archaeological research,* 2015. Vol. 12, no. 2. P. 115–143. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2015)2(12).-09

Papin D. V., Fedoruk A. S., Loman V. G., Stepanova N. F. Stuffed ceramics of the late bronze epoch of the Burla 3 settlement. *Theory and practice of archaeological research,* 2021. Vol. 33, no. 2. P. 175–192. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2021)33(2).-10

Papin D. V., Fedoruk A. S., Loman V. G., Stepanova N. F. Ceramics complex of the late bronze age settlement Zharkovo 3. *Theory and practice of archaeological research,* 2016, Vol. 15, no. 3. P. 102–125 (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2016)3(15).-08

Stepanova N.F. Cultural traditions in selection of feedstock and mineral admixturesin ceramics production (on the ground of materials from the mountainous, foothill, steppe and forest-steppe areas of Altai). *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015, no. 4 (13). P. 90–95. (In Russ.).

Stepanova N.F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2017. Vol. XXIII. P. 401–404. (In Russ.).

Tsetlin Y.B. Ancient Ceramics. Theore and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAN, 2012, 384 p. (In Russ).

Tsetlin Y. B. Ceramics. Concepts and definitions of the historical-and-cultural approach. Moscow, 2017. (In Russ.).

Udodov V.S. Epokha razvitoi i pozdnei bronzy Kulundy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 1994, 21 p. (In Russ.).

Степанова Н.Ф https://orcid.org/0000-0003-4017-5641
Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092
Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0662-0668
УДК 903.02

Н.Ф. Степанова[1]✉, Д.Ю. Рыбаков[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2] ООО «Сибирская археология»,
Северск, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Предварительные результаты изучения керамики Карбинского городища I раннего железного века Прикетья

В статье рассматриваются результаты изучения керамики раннего железного века с Карбинского городища I из Прикетья, расположенного в Восточной части Нарымского Приобья. В рамках историко-культурного подхода изучены образцы от 47 сосудов с этого памятника. Установлено, что керамику изготавливали из качественно разных глин: ожелезненных и неожелезненных, преимущественно низкопластичных. Выявлено 6 рецептов составления формовочных масс. Основная традиция в использовании минеральных примесей – добавление шамота, а рецепт глина +шамот + органика составляет (73 %). Второе место занимает рецепт глина +органика (19 %). К необычным навыкам относится добавление шлака в формовочные массы. Использование большого количества источников глин, наличие нескольких рецептов свидетельствуют о разных навыках в изготовлении керамики и о нескольких группах гончаров. Проведен сравнительный анализ полученных данных с результатами технико-технологического анализа керамики с других памятников из Нарымского и Томского Приобья. Выявлено сходство и различие в навыках отбора исходного сырья и составления формовочных масс. К общим чертам относится применение нео- и слабоожелезненных глин, что отличает эти коллекции от памятников раннего железного века сопредельных территорий. Различают керамику из Нарымского и Томского Приобья, разные традиции в использовании минеральных примесей: в Нарымском Приобье добавляли в формовочные массы шамот, в Томском – дробленный камень. В обоих регионах выявлен рецепт глина + органика, возможно связанный с особой группой населения, немногочисленной на всех изученных памятниках.

Ключевые слова: *керамика, исходное сырье, формовочные массы, глина, ранний железный век, Томское и Нарымское Приобье.*

N.F. Stepanova[1]✉, D.Yu. Rybakov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] OOO Siberian Archaeology
Seversk, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Preliminary Results of Studying Ceramics from the Karbinskoye I Settlement of Early Iron Age in Priketye

The article discusses the results of studying ceramics of the early Iron Age from the Karbinskoye I settlement in Priketye, located in the eastern part of the Narym Ob region. Within the framework of the historical and cultural approach, samples of 47 vessels from this site were studied. It was found that the ceramics were made from qualitatively different clays: ferruginous and non-ferruginous, mostly low-plastic. Six recipes for the preparation of molding materials were revealed. The main tradition in the use of mineral admixtures is the addition of chamotte, and the recipe for clay + chamotte + organic (73 %). The second place is taken by the clay + organic recipe (19 %). An unusual skill is the addition of slag to molding materials. The use of a large number of clay sources, the presence of several recipes indicate different skills in making ceramics and several groups of potters. A comparative analysis of the data obtained with the results of a technical and technological analysis of ceramics

from other sites from the Narym and Tomsk Ob regions is carried out. The similarities and differences in the skills of selection of raw materials and the preparation of molding masses were revealed. Common features include the use of non-ferruginous and low-ferruginous clays, which distinguishes these collections from the sites of the Early Iron Age in the adjacent territories. Ceramics from the Narym and Tomsk Ob regions are distinguished by traditions in the use of mineral impurities: in the Narym Ob region chamotte was added to the molding mass, in the Tomsk Ob region—crushed stone. In both regions, a clay + organics recipe was identified, possibly associated with a special group of population, which is not numerous at all the studied sites.

Keywords*: ceramics, raw materials, pottery paste, clay, early Iron Age, Tomsk and Narym Ob regions.*

Введение

В настоящее время изучение керамики из Томского и Нарымского Приобья проводится не только традиционными методами, но начаты исследования в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского [Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012; Рыбаков, Степанова, 2013; 2017; Степанова, Боброва, 2018; Степанова, Рыбаков, 2019; и др.]. По материалам из Томского Приобья выявлены особенности исходного сырья, культурные традиции в выборе минеральных примесей при изготовления керамики раннего железного века, получены и другие данные, имеющие важное значение. В итоге возникла необходимость в сравнительном анализе с результатами изучения керамики из соседних регионов, включая Нарымское Приобье. Из Нарымского Приобья изучено небольшое количество керамики: всего 89 образцов с 10 памятников, различающихся хронологически: ранний железный век (V–III вв. до н.э.), развитое и позднее Средневековье (X–XVII вв.). Полученные результаты показывают, что для изучения эпохи раннего железного века этих двух регионов особое значение имеют данные по исходному сырью для изготовления керамики и навыкам в выборе минеральных примесей. Ранее уже отмечалась зависимость традиций использования дресвы или шамота от доступности выходов камня [Степанова, 2015]. Такая же зависимость прослежена и для Томского и Нарымского Приобья, которые различаются по физико-географическим условиям [Степанова, Рыбаков, 2019]. Томское Приобье расположено в лесостепной зоне на стыке двух крупных природно-географических поясов. В отличие от большей части территории Нарымского Приобья, практически везде в основании террас имеется обломочный материал, состоящий из гальки, гравия, реже валунов с разнозернистым песком, представляющим собой отложения руслового типа [Парначев В.П., Парначев С.В., 2010, с. 53]. На малых реках в правобережье Томи также имеются редкие скальные выходы. Нарымское Приобье находится в зоне тайги и занимает часть бассейна реки Обь. Район отличается значительной географической изолированностью из-за залесенности и заболоченности.

В данной работе представлены предварительные результаты изучения керамики с Карбинского городища I из Прикетья, которое расположено в восточной части обширного Нарымского Приобья. Прикетье в археологическом плане до сих пор особенно слабо изучено. Впервые памятники раннего железного века на данной территории попали во внимание исследователей во время строительства Обь-Енисейского канала в 1883–1891 гг. В 1908 г. С.М. Чугуновым на городище Новый Стан I были проведены раскопки. Дальнейшее их изучение происходит лишь в 1970–80-х гг. К настоящему моменту раскопки проведены лишь на четырех памятниках: поселении Рыбинск I (Д.Ю. Рыбаков), Катайгинском городище III (А.И. Боброва) и городище Чонджа (Д.Ю. Рыбаков; А.В. Логинов), Карбинском городище I (Я.А. Яковлев). Степень изученности последнего, на сегодняшний день, позволяет рассматривать его как базовый памятник раннего железного века Прикетья, отражающий процессы культурного взаимодействия между локальными вариантами кулайской культурно-исторической общности (далее по тексту – КИО).

Материалы, методы и результаты

Карбинское городище I находится в среднем течении кетской протоки Карбинской Анги, на узком длинном мысе коренного берега, получившей наименование Карбинской горы. Памятник обнаружен в 1982 г. Кетским отрядом Среднеобской археологической экспедиции Томского госуниверситета под руководством Г.И. Гребневой. В 1986, 1987, 1991–1993 гг. Я.А. Яковлевым на памятнике проведены раскопки. Всего исследовано 1116 м^2. Коллекция находок хранится в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского госуниверситета и Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шатилова.

Впервые своеобразие материалов раннего железного века Прикетья, по результатам раскопок Карбинского городища I, отметил Я.А. Яковлев. Исследование керамики памятника показало его специфику. Так, у большинства сосудов (66 %) в орнаментальной композиции присутствует горизонтальный ряд сквозных отверстий, причем

в 42 % он является единственным элементом орнамента. На всей керамике отсутствует штамп «уточка». Данные особенности керамики не наблюдаются в других районах, охваченных кулайской КИО. По мнению Я.А. Яковлева, небольшая часть карбинской керамики находит прямые аналогии в посуде васюганского этапа (группа 3, 4 по классификации Л.А. Чиндиной), датируемых VI–III вв. до н.э. Часть керамики по форме схожа с посудой тагарской культуры. Однако наиболее близкими аналогиями являются материалы шеломокской культуры из Томского Приобья. Кроме того, из обнаруженных в ходе раскопок семи бронзовых предметов лишь два входят в круг кулайских древностей, пять из них явно выпадают из него и имеют скифские параллели. Наличие керамики и бронзовых изделий южного облика на столь северной территории Я.А. Яковлев объясняет миграцией скифского населения в Прикетье и участием его в формировании кулайской КИО. Датировка Карбинского городища I укладывается в рамки V–III вв. до н. э. [Яковлев, 1991, 136–140; 2001, с. 67–69]. Позднее по материалам однокультурного городища Чонджа высказано предположение о возможном взаимодействии в Прикетье, в рамках кулайской КИО, местного автохтонного населения с керамикой карбинского типа и кулайского населения, предположительно из Причулымья [Рыбаков, Степанова, 2017, с. 51].

С целью получения информации об особенностях исходного сырья и традиций в применении минеральных примесей был проведен технико-технологический анализ керамики с Карбинского городища I. Всего изучено 47 образцов от разных сосудов (рис. 1, 2). Сосуды различаются по многим признакам, в т.ч. по орнаменту, цвету, который связан с обжигом, обработке поверхности. В частности, часть изделий заглажена твердым предме-

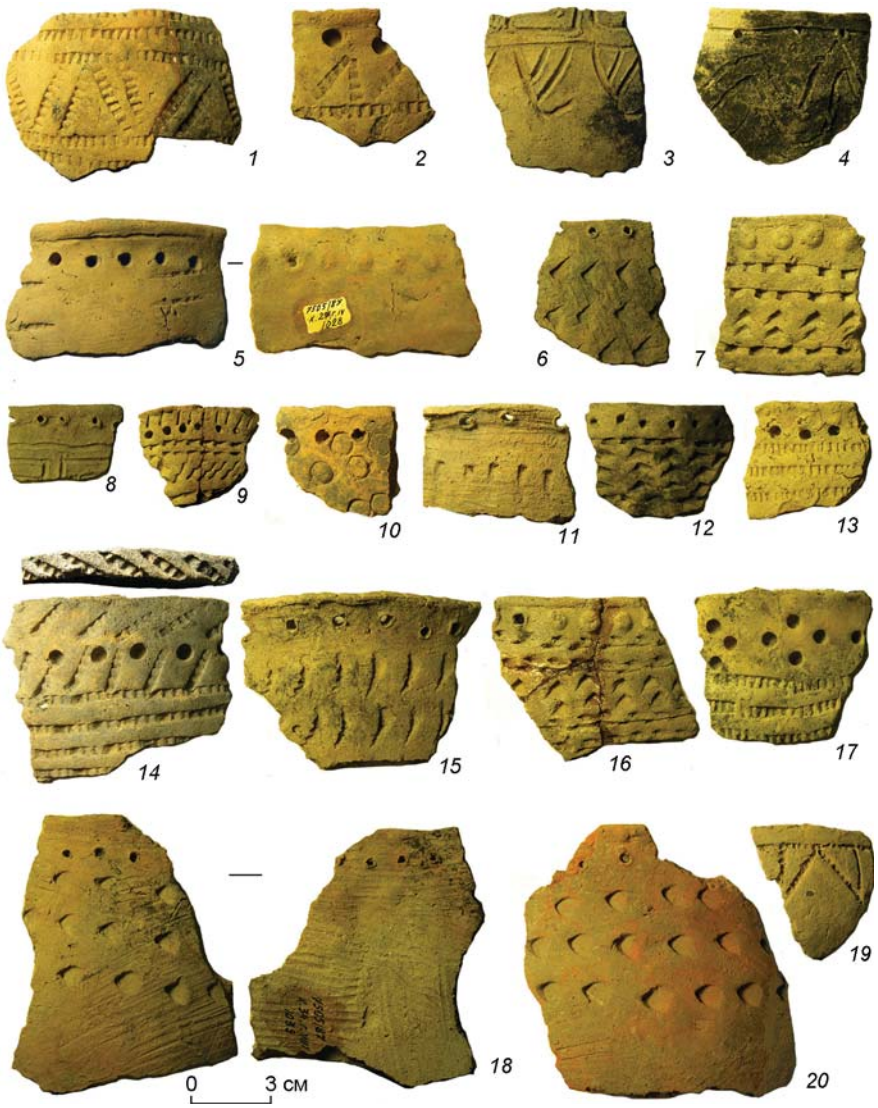

Рис. 1. Керамика с Карбинского городища I.

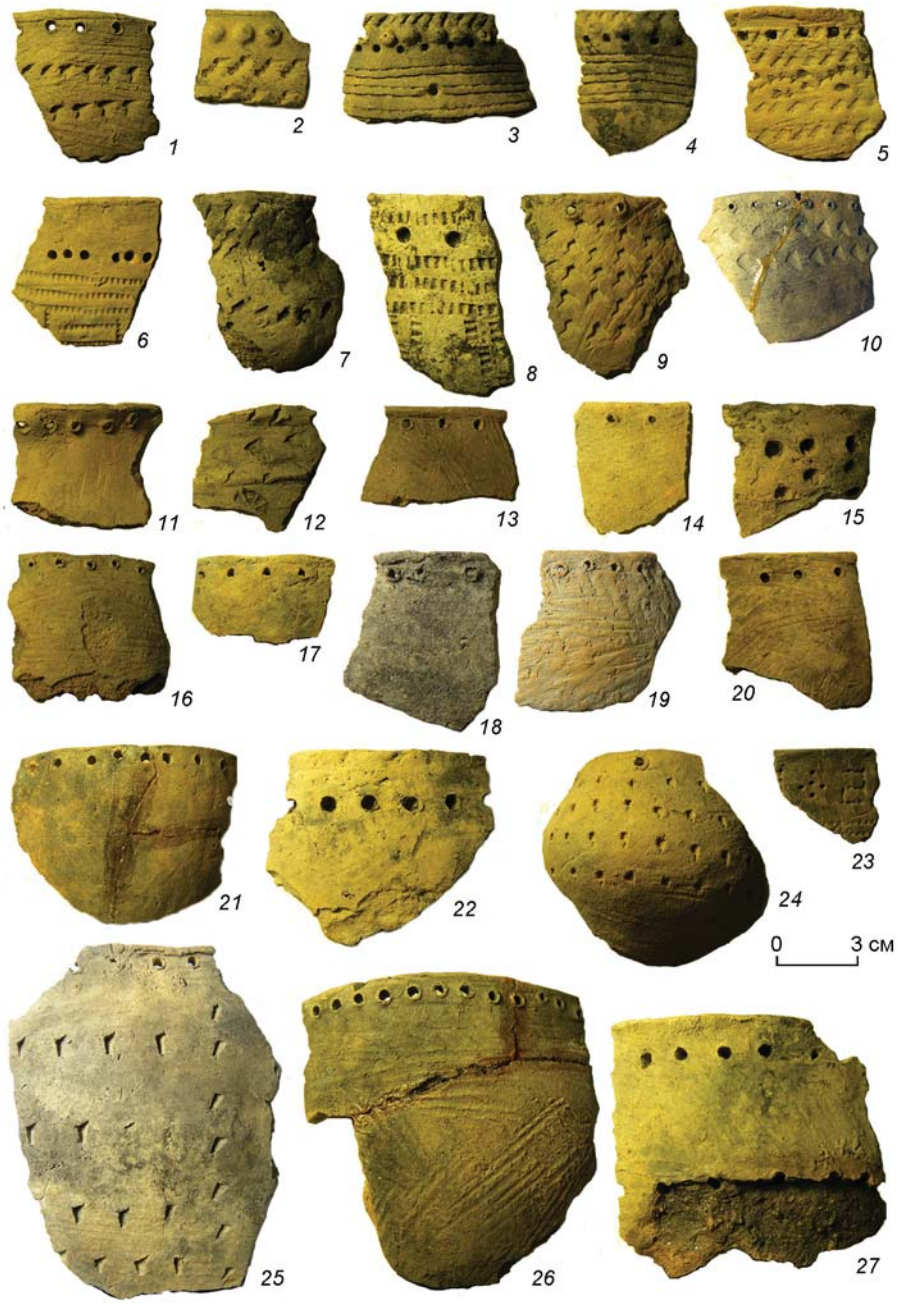

Рис. 2. Керамика с Карбинского городища I.

том, оставляющим параллельные бороздки, другие тщательно заглажены мягким материалом (рис. 1, *5, 18*). В изломе фрагменты также различаются по цвету: темные или черные, двух-трех цветные, реже коричневые и красные. В целом это свидетельствует о разных традициях в изготовлении керамики и о том, что, вероятнее всего, этим занимались разные гончары.

Основная задача в исследовании сводилась к выявлению специфики культурных традиций в отборе исходного сырья и подготовке формовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс; выявлении местных и неместных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; определение признаков смешения традиций. Исследования изломов и поверхностей образцов проводились с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использования одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850°C.

Исходное сырье. В результате исследований установлено, что сосуды изготовлены из качественно разных глин: ожелезненных (85 %) и неожелезненных (15 %). Преобладают сосуды из среднеожелезненного исходного сырья – 55 %, значительное место занимают и из слабоожелезненного – 30 %. Необходимо отметить, что как средне, так и слабоожелезненные глины в свою очередь также подразделяются на группы по степени ожелезненности, что свидетельствует о нескольких источниках сырья в каждой группе.

Использовалось, как правило, низкопластичное сырье – 76,5 %, среднепластичное отмечено в 15 % образцов. Сосуды из пластичного сырья составляют 8,5 %. Бурый железняк зафиксирован в 23,4 % образцов. В отдельных образцах выявлены мелкие обломки косточек рыб и остатки чешуи рыб, изредка отпечатки травы. В нескольких случаях отмечены комочки сухой глины. Сырье различается не только количеством песка, но и размерностью частиц. В большинстве случаев зафиксирован песок разных размеров, в частности, пылевидный песок, размеры частиц которого визуально можно определить как 0,1–0,2 мм, и частицы размером ок. 0,5 мм, 1 мм и изредка 2–3 мм. Необходимо отметить, что концентрация пылевидного песка достигает 1:2. Концентрация более крупного песка колеблется от 1:2 до 1:4–5. Нельзя не отметить, что один сосуд (рис. 1, *3*) изготовлен из неожелезненной глины, в которой зафиксирован и остроугольный песок. Особенность большинства исходного сырья, используемого для изготовления керамики в данной коллекции, состоит в большой концентрации пылевидного песка.

Проведен анализ состава минеральных примесей исходного сырья, разделенного по степени ожелезненности. В результате установлено, что глины как в целом, так и в каждой группе в отдельности, с одной стороны, очень похожи, например, наличием пылевидного песка в большой концентрации и более крупного кварцевого песка в значительно меньшем количестве. С другой стороны, с уверенностью выделить хотя бы 2 сосуда, изготовленных из сырья из одного источника, не удалось. Глины различаются концентрацией песка, размером частиц, степенью ожелезненности, наличием бурого железняка и т.д. Тем не менее, необходимо выделить две группы сосудов по исходному сырью, включающие небольшое количество сосудов: 1) из неожелезненного сырья (рис. 1, *3, 8, 13*; 2, *1*) и 2) пластичного (рис. 1, *4*; 2, *7, 13, 19*). В целом можно сказать, что гончары использовали похожие источники сырья, в котором фиксируется пылевидный песок в большом количестве (очень сильно запесоченные глины), но, вероятнее всего, сосуды изготавливались разными людьми или в разное время, т.к. изделий из одного замеса не выявлено.

Формовочные массы. Выделены следующие рецепты: 1) глина + шамот + органика (73 %); 2) глина + шамот + шлак + органика (2 %); 3) глина + шамот + дресва + органика (2 %); 4) глина ожелезненная + глина неожелезненная + шамот + органика (2 %); 5) глина слабоожелезненная + глина ожелезненная + органика (2 %); 6) глина + органика (19 %). Органика представлена растворами. Шлак – это оплавленные частицы с характерными пузырьками и стекловидной массой, иногда содержащие отдельные мелкие песчинки.

Основной рецепт глина + шамот + органика подразделяется на 2 подгруппы: 1) с концентрацией шамота от 1:4 до 1:5 (43 %) и 2) с концентрацией шамота 1:5–6 и меньше (30 %). Шамот различается размерностью частиц от 0,5–2 до 3–4 мм, преимущественно 1–2 мм, по ожелезненности – средне-, слабо- и неожелезненный. Известны случаи, когда в исходное сырье из неожелезненной глины добавляли шамот из средне- и слабоожелезненной глины. В шамоте фиксируется мелкий песок.

Преобладает первый рецепт (73 %), второе место занимает рецепт без искусственно введенных минеральных примесей с органикой в виде раствора. Один рецепт (глина + шамот + дресва + органика) отражает смешение навыков в использовании минеральных примесей и смешение населения (местных и принесенных). Остальные рецепты представлены единичными случаями. Вероятнее всего, все они не связаны с местными культурными традициями и населением. Рецепты с шамотом в небольшой концентрации свидетельствуют об отмирании традиции. Возможно, эта группа сосудов более поздняя на памятнике.

Оригинален рецепт глина + шамот + шлак + органика. Случаи добавления шлака в формовочные массы при изготовлении керамики известны [Салугина, 2015; Степанова, Мерц, 2016; и др.]. Остатками какого производства является шлак из формовочной массы сосуда с Карбинское городище I пока сложно сказать, так же как и откуда эта традиция могла появиться на данном памятнике.

Из Нарымского Приобья по методике А.А. Бобринского исследована небольшая коллекция керамики с городища Чонджа (раскопки Д.Ю. Рыбакова), близкая по своим культурно-хронологическим характеристикам к исследуемой керамике. Несмотря на то, что по количественным показателям изученные материалы с этих памятников имеют заметные различия, отметим, что для обоих памятников характерно низкопластичное сырье. Керамики из неожелезненной глины в процентном отношении на Чонджа немного больше, чем на Карбинском

городище I. Основной рецепт также глина + шамот + органика. Рецепты глина + дресва + органика, глина + органика единичны и, по-видимому, являются неместными для памятника [Рыбаков, Степанова, 2017]. На более поздних памятниках из Нарымского Приобья также встречается керамика из ожелезненных и неожелезненных глин, отмечены две традиции в использовании минеральных примесей (шамот и дресва) и смешение этих традиций [Степанова, Боброва, 2018]. Отличие керамического комплекса из Карбинского городища I по результатам технико-технологического анализа состоит, прежде всего, в том, что в большинстве глин прослежено большое количество пылевидного песка, в разнообразии рецептов, наличии рецепта со шлаком и почти полном отсутствии рецептов, отражающих смешение культурных традиций в выборе минеральных примесей.

Заключение

Сравнительный анализ с керамикой раннего железного века из Томского Приобья показывает общие и различные черты. Сходство проявляется в том, что для обоих регионов выявлена традиция использования нео- и слабоожелезненных глин. На Карбинском городище I такие глины использовались реже (45 %), чем в Томском Приобье (67–100 %), но этот показатель во много раз выше, чем в соседних регионах, где подобное сырье почти не использовалось [Степанова, Рыбаков, 2019; Степанова, 2017]. Различия состоят и в том, что в Томском Приобье предпочитали пластичное сырье. Кроме того, к существенным различиям относится наличие разных культурных традиций в выборе минеральных примесей для добавления в формовочные массы. В Томском Приобье из минеральных примесей предпочтение отдавали дресве [Степанова, Рыбаков, 2019]. Как уже отмечалось выше, на городище Карбинское I дресва практически не известна, а применяли шамот, хотя в 30 % сосудов концентрация его невелика. Как в Томском, так и Нарымском Приобье рецепт глина + органика встречается редко. Возможно, он связан с группой населения, которая могла отличаться и другими чертами, однако на исследуемых памятниках была немногочисленной.

Подводя итог, необходимо отметить, что заслуживает особого внимания традиция использования нео- и слабоожелезненных глин. Несмотря на то, что в Нарымском Приобье такие глины использовались реже, чем в Томском, они применялись часто по сравнению с другими регионами. Для Томского и Нарымского Приобья это местная традиция. Пока сложно сказать, с чем она связана: с особой доступностью такого сырья или же с другими причинами. Проведенные исследования также подтвердили раньше отмеченную зависимость выбора минеральных примесей для добавления в формовочные массы в зависимости от ландшафтных характеристик: дробленный камень там, где есть выходы камня, и шамот, где таких доступных выходов нет. Наличие нескольких рецептов, большого разнообразия источников сырья для изготовления посуды на Карбинском городище I свидетельствует о разновременности ее изготовления, о разных группах гончаров и об их разных навыках при изготовлении керамики. В целом это не противоречит предположению о взаимодействии разных групп населения. Дальнейшие исследования керамики перспективны для решения многих вопросов.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (колл. монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.

Парначев В.П., Парначев С.В. Геология и полезные ископаемые окрестностей города Томска. Материалы к полевой геологической экскурсии. – Томск: Изд-во ТГУ, 2010. – 141 с.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 86–90.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – Вып. 49. – С. 56–63. DOI: 10.17223/19988613/49/9

Салугина Н.П. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 133–141.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский научный вестник. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита - раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 401–404.

Степанова Н.Ф., Боброва А.И. Первые результаты технико-технологического анализа керамики из Нарымского Приобья (по материалам из фондов Томского областного краеведческого музея) // Человек и север: антропология, археология, экология. Материалы всероссийской научной конференции г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. – Вып. 4. Тюмень: ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, 2018. – С. 224–228.

Степанова Н.Ф, Мерц В.К. Керамика поселения Шар-Говь-4 (Северо-Западная Монголия) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. – №3 (15). – С.83-89.

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 607–613. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.607-613.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991. – С. 115–142.

Яковлев Я.А. Карбинское-1 городище // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. – С. 67–69.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (In Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharst*va: (koll. monografiya). Samara: Izd-vo SaMGPU, 1999, pp. 5–109. (In Russ.).

Parnachev V.P., Parnachev S.V. Geologiya i poleznye iskopaemye ok-restnostei goroda Tomska. Materialy k polevoi geologicheskoi ehkskursiI. Tomsk: State Univ. Press, 2010, 141 p. (In Russ.).

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza kulaiskoi keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Dukhovoe). In Tomsk state university journal of history, 2013, No 2 (22), pp. 86–90. (In Russ.). https://elibrary.ru/item.asp?id=18984818.

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. The results of technical and technological analysis of ceramics of the kulai cultural-historical community's sites from the Tomsk and Narym Ob region. In Tomsk state university journal of history. 2017, iss. 49, pp. 56–63. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988613/49/9.

Salugina N.P. Sotsial'no-kul'turnaya interpretatsiya tekhnologii iz-gotovleniya keramiki pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'ya (po materialam srubnoi kul'tury). In *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki v arkheologii*. M.: IA RAN, 2015, pp. 133–141. . (In Russ.).

Stepanova N.F. Cultural traditions in selection of feedstock and mineral admixturesin ceramics production (on the ground of materials from the mountainous, foothill, steppe and forest-steppe areas of Altai). In *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2015, No 4 (13), pp. 90–95. (In Russ.).

Stepanova N.F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2017, vol. XXIII, pp. 401–404. (In Russ.).

Stepanova N.F., Bobrova A.I. Pervye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki iz Narymskogo Priob'ya (po materialam iz fondov Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya). In *Chelovek i sever: an-tropologiya, arkheologiya, ehkologiya*. Materialy vserossiiskoi nauchnoi kon-ferentsii G.Tyumen', 2–6 aprelya 2018 G. iss. 4. Tyumen': FITs Tyumenskii nauchnyi tsentr SO RAN, 2018, pp. 224–228. (In Russ.).

Stepanova N.F, Merts V.K. Ceramics of the Shar-Gov-4 settlement (North-West Mongolia). *Theory and practice of archaeological research*. Barnaul: State Univ. Press, 2016, No 3 (15), pp. 83–89. (In Russ.). DOI 10.14258/tpai(2016)3(15).-06

Stepanova N.F., Rybakov D.YU. Features of raw materials and pottery paste of ancient ceramics from the Tomsk and Narym Ob region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2019, vol. XXV, pp. 607–613. DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.607-613. . (In Russ.).

Tsetlin Y.B. Ancient Ceramics. Theore and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: IA RAN, 2012, 384 p. (In Russ.).

Yakovlev Ya.A. Karbinskoe gorodishche I – pamyatnik rannego zheleznogo veka Srednego Priob'ya. In *Zhilishcha narodov Zapadnoi Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1991, pp. 115–142. (In Russ.).

Yakovlev Ya.A. Karbinskoe-1 gorodishche. In *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya*: Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti. Tomsk: State Univ. Press, 2001, pp. 67–69. (In Russ.).

Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0669-0673
УДК 904

С.Ф. Татауров[1]✉, Ф.С. Татауров[2]

[1]Лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Рооссия
[2]Отдел культурного наследия БУК
«Музей-заповедник «Старина Сибирская»
Омск, Рооссия
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Жилой комплекс XVII века в городе Таре в исследованиях 2021 года

Археологические исследования исторического центра Тары в 2021 г. проводились на нескольких площадках, и на одной из них получилось полностью исследовать жилой комплекс (избу), предположительно служилого человека, относящийся к первой половине XVII в. Данное заключение сделано в результате анализа конструкции объекта и найденного внутри его вещественного комплекса. На настоящий момент это второе жилище этого времени, полностью исследованное в ходе раскопок города; примечательно, что оба объекта располагались на краю береговой линии. Найденные внутри изученного в этом году жилища предметы представляют собой закрытый комплекс, это связано с тем, что площадка избы не застраивалась в последующие периоды – это позволяет проводить дальнейшее изучение культурных слоев города XVII в., опираясь уже на полученную коллекцию. Следует отметить вещи, относящиеся к огнестрельному оружию, уходу за ним и припасы – детали кремниевого замка, напильник, рубленый свинец и неоткатанные пули. К оружию относится фрагмент клинка сабли и набор наконечников стрел. Ряд вещей свидетельствует том, что хозяин дома был грамотным человеком и выполнял специальные поручения от руководства города – перочинный нож, костяной футляр для перевозки грамот и щипцы для снятия нагара со свечей. Обнаружены многочисленные предметы импорта: бусы, фрагменты стеклянной посуды, украшения. Исследования данного комплекса позволили значительно расширить наши знания о жизни служилого населения в Таре, о его бытовых условиях и службе в первой половине XVII в.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, археология русских, г. Тара, XVII в. служилые люди, статусные вещи.*

S.Ph. Tataurov[1]✉, Ph.S. Tataurov [2]

[1] Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
[2] Department of Cultural Heritage BKI
"Museum-Reserve "Antiquity Siberian"
Omsk, Russia
E-mail: fil_opossum@mail.ru

Residential Complex of the 17th Century in Tara in the 2021 Research

Archaeological research of the historical centre of Tara in 2021 was carried out at several sites. At one of them, we could fully explore the residential complex (hut). We suppose that it was a servant's hut dated to the first half of the 17th century. This conclusion was based on the analysis of the construction of the object and the material complex found inside. Currently, this is the second dwelling of that time that has been fully explored during the excavations of the town. Both items were located on the edge of the coastline. The items found inside the dwelling studied this year are a closed complex. This is due to the fact that the hut site was not built up in subsequent periods. This allows for further study of the town's cultural layers of the 17th century based on the already received collection. We have noted the items related to firearms, their care and supplies—parts of a silicon lock, a file, chopped lead and unrolled bullets. The weapon includes a fragment of a saber blade and a set of

arrowheads. A number of finds indicate that the owner of the house was a literate person and carried out special assignments from the town's administration, such as a penknife, a bone case for transporting letters and tongs for removing carbon from candles. Numerous imported items were found: beads, fragments of glassware, jewelry. The research of this complex allowed us to significantly expand our knowledge about the life of the serving population in Tara, about their living conditions and service in the first half of the 17th century.

Keywords: *Western Siberia, archaeology of the Russians, Tara town, 17th century, service people, status items.*

Введение

В 2021 г. совместной экспедицией Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН и Национального исследовательского Томского государственного университета продолжены археологические изыскания на территории Тарской крепости, ставшие продолжением работ предыдущих лет. Раскопки велись одновременно на нескольких площадках. Одна из них располагалась в северной части острога, исследование которой проводилось в течение последних 6 лет. Ее особенностью является наличие культурных слоев и находящихся в нем объектов, относящихся ко времени основания города и уничтоженных пожаром 1629 г. Общая площадь раскопа составила 82 м^2. Заполнение верхнего горизонта представлено строительным и бытовым мусором XX в. Следующий слой XIX в. слабо выражен и представлен, в основном, керамической посудой. Ниже его фиксируется строительный горизонт XVIII в., датирующийся по фрагментам китайской фарфоровой посуды, монетам и бытовой утварью. Под этими наслоениями зафиксирован объект (изба), который мы относим к первой половине XVII в. – результаты его изучения представлены в данной работе.

Результаты исследований

В центральной части раскопа на глубине около 1 м от дневной поверхности были зафиксированы два нижних венца жилой избы, размерами приблизительно 4 × 4 м и ориентированной по сторонам света. Южный угол постройки был уничтожен современным котлованом, в остальной части культурный слой не потревожен. Вход в жилище находился с северной стороны у северо-западного угла сруба. Рядом с ним зафиксирован развал глинобитной печи с опечьем, здесь же была найдена и большая часть артефактов. По ним можно датировать объект первой половиной XVII в., прежде всего по монетам-«чешуйкам» Михаила Романова (см. *рисунок*, *1*). Обнаруженный при изучении данной постройки вещевой комплекс можно разделить на несколько основных групп: элементы костюма; предметы вооружения; посуда; хозяйственный и бытовой инвентарь; игрушки; артефакты, связанные со служебной деятельностью владельца. Представим подробное описание каждой из них.

Элементы костюмного комплекса можно разделить на несколько групп: украшения (перстни, бусы и бисер, подвеска); обувные подковки; нательные крестики; пуговицы; пряжки.

Перстни, входящие в первую группу, женские, судя по размеру, представлены четырьмя экземплярами (1 из бронзы, 1 из меди, 2 из железа). На щитке бронзового читается геометрический орнамент, медный же украшен изображением птицы (вероятно, Сирин) (см. *рисунок*, *2*). Предмет с подобным рисунком был обнаружен в ходе раскопок острожной части Тары в 2019 г. Два железных перстня плохой сохранности, изображения на щитках не читаются. Данный вид украшений тела является одним из самых распространенных в Западной Сибири. Находки перстней известны в культурных слоях других городов этого региона, в частности Тобольска [Алиева, 2014, с. 188–193], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 79], Берёзова [Пархимович, 2008, с. 227].

Бусы, найденные в ходе раскопок, делятся на стеклянные (5 экз.) и костяные (2 экз), было обнаружено 2 стеклянные бисеринки. Их могли использовать как составные части ожерелий и браслетов, так и в качестве нашивок на одежду. Четыре стеклянные бусы выполнены из синей или голубой пасты, что позволяет соотнести их с ввозимым из Китая через Среднюю Азию [Чёрная, 2015, с. 212] «синим одекуем». Одна бусина стеклянная, украшена белыми полосами, она полностью аналогична обнаруженной при раскопках Томского кремля [Чёрная, 2015, с. 208], и соответственно имеет голландское происхождение (см. *рисунок*, *3*).

Отдельного упоминания заслуживает подвеска, представляющая собой фарфоровую глазчатую бусину на бронзовом стержне с ушком (см. *рисунок*, *4*). Вероятнее всего, она попала в Тару из Китая – в то время центра мирового производства фарфора [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2019, с. 1418–1420]. Не менее редкой является брошь – стальная игла, украшенная железной розой (см. *рисунок*, *5*).

Обувные подковки представлены пятью экземплярами. По форме они напоминают полумесяц, это отличает их от подковок, обнаруженных на этом раскопе в слое XVIII в., форма последних напоминает латинскую букву U.

Находки, сделанные на территории постройки XVII в. в острожной части города Тара.

1 – монета-«чешуйка»; *2* – перстень; *3* – стеклянная бусина; *4* – подвеска; *5* – брошь; *6* – пряжка; *7* – фрагмент сабли; *8* – крышка от масленки; *9* – фрагмент западноевропейской стеклянной посуды; *10* – щипцы для снятия нагара; *11* – шахматные фигурки; *12* – футляр для писем; *13* – перочинный нож.

При выборке подпечья было найдено два бронзовых нательных креста. По типологии, предложенной В.И. Молодиным [Молодин, 2007, с. 38–50], они относятся к 1 типу – самому распространенному в описываемый период в Западной Сибири.

К костюмному комплексу причисляются две железные квадратные пуговицы и одна полая бронзовая гирьковидная пуговица. Подобные предметы были характерны для представителей средних слоев русского западносибирского общества, крестьянская одежда застегивалась на деревянные пуговицы или была без них вовсе [Татаурова, Татауров Ф.С., 2015, с. 80–82]. Здесь же найдена овальная ременная пряжка (см. *рисунок*, *6*).

В целом вышеописанные элементы костюмного комплекса характерны для представителей среднего слоя русского общества г. Тары XVII в. К нему относились служилые люди, составлявшие основу не только военно-административного блока, но также выполняющие функции ремесленников и землепашцев [Археологическая летопись, 2019, с. 354–355].

Такое предположение подтверждается многочисленными находками предметов вооружения и военного снаряжения. Самой представительной группой в этой категории выступают наконечники стрел, всего было найдено 11 костяных и 6 железных. Изделия из кости предназначались, вероятно, для охоты, среди них можно выделить два томара. Железные изделия в этой группе представлены тремя срезнями разных размеров, одним листовидным наконечником и двумя фрагментами черешков. Использование лука и стрел в XVII в. для военных целей – сибирская черта, в Европейской части России от подобной практики к описываемому периоду уже отказались [Розенфельдт, 1997, с. 115]. Самой значимой находкой из предметов оружейного комплекса стал фрагмент сабли (см. *рисунок*, *7*). Эти изделия были достаточно сложными в изготовлении в сравнении с топорами, бердышами и копьями, соответственно, стоили недешево и кроме прямого назначения играли значимую роль внутри социальной группы служилых людей Сибири XVII в. [Багрин, 2008, с. 295; Багрин, Бобров, 2014, с. 196].

Огнестрельное оружие представлено следующими находками: полка от ударно-кремниевого замка, свинцовые пули (5 экз.), ружейные кремни, фрагмент свинцового прутка, используемого в качестве сырья для отливки пуль. Все описанные вещи характерны для XVII в., такие изделия известны как по материалам Москвы и Смоленска, так и Тобольска и Мангазеи [Татаурова, Татауров С.Ф., 2019, с. 360–363]. Уникальной стала находка костяной крышки, предположительно, от масленки, используемой для смазки деталей огнестрельного оружия (см. *рисунок*, , *8*). К воинскому снаряжению можно отнести находку напильника, который мог применяться, прежде всего, для ремонта вооружения.

Хозяйственный и бытовой инвентарь в изученной постройке можно разделить на несколько групп. К первой, самой многочисленной, относятся детали сундуков и шкатулок. Это железные ручки, небольшие гвоздики для соединения деталей, замки (шаровидный и сердечковидный), крючки и костяные накладки, с орнаментом и без. Во вторую группу входят предметы, связанные с изготовлением одежды. Это две пары ножниц, 4 железные иглы, половинка глиняного пряслица, шило. Третья группа – осветительные приборы, представленные двухрожковым светцом и калачевидным кресалом. В четвертую вошли два фрагмента от кос-горбуш и фрагмент серпа.

Посудный комплекс представлен многочисленными фрагментами керамических мисок и горшков, в целом не отличающихся от тех, которые были обнаружены в культурном слое XVIII в. острожной части г. Тары в предыдущие годы. Кроме них было найдено 4 фрагмента стекла, выполненного в «венецианской» технике (см. *рисунок*, *9*) и, соответственно, имеющих западноевропейское происхождение [Чёрная, 2015, с. 206], а также 1 фрагмент китайской фарфоровой посуды, судя по декорированию, относящийся к последнему периоду существования династии Мин (1620-е – 1644 гг.) [Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., 2019, с. 1418–1420].

Найденные в изученном объекте игрушки делятся на три категории: взрослые, и детские и взрослые, детские. К первой относятся находки элементов составных костяных шахмат (рис. 1, *11*), выполненные с высоким мастерством. В XVII в. эта игра была азартной и имела широкое распространение среди служилых людей [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 102–103]. Ранее в Таре находили шахматные фигурки из дерева и фрагмент шахматной доски [Археологическая летопись, 2019, с. 360]. Игрой, в которую играли и дети и взрослые, были бабки; она же была и самой популярной в Сибири – об этом говорят многочисленные находки не только в Таре, но и на всех изученных русских памятниках Западной Сибири [Археологическая летопись, 2019, с. 363]. Всего было обнаружено 9 фишек для игры и 4 битка. К детским игрушкам относится миниатюрная посудка (2 экз.), глиняный шарик.

Предметы, связанные со служебной деятельностью владельца, представляют одну из наиболее интересных категорий находок на территории изучаемого объекта. Они позволили установить, что проживающий здесь служилый человек владел грамотой. В частности, был обнаружен перочинный нож (см. *рисунок*, *13*), бронзовые щипцы для снятия нагара со свечи (см. *рисунок*, *10*). Низшие слои населения города в описываемый период пользовались для освещения изб исключительно лучинами, свечи – принадлежность представителей средних слоев, причем грамотных, ведь равномерный свет свечи позволял, вероятно, читать и писать в темное время суток. Проживающий в изучаемой постройке служилый человек, кроме того, вероятно, выполнял поручения по доставке различных письменных донесений – об этом говорит находка костяного футляра для них (см. *рисунок*, *12*).

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в изученной в 2021 г. постройке проживал не рядовой служилый человек, а воинский командир младшего звена, возможно, десятник. Обнаружение в фактически закрытом комплексе поднимает ценность всех обнаруженных находок.

Выводы

Исследования жилого комплекса первой половины XVII в. подтверждают письменные источники

о Таре как городе, где практически все его жители относились к служилым сословиям или работали над обслуживанием крепости и гарнизона. Находки чернильниц, перочинных ножей, футляров для грамот и писем свидетельствуют о высоком уровне грамотности населения. На настоящий момент Тара является одним из немногих русских городов в Сибири, где возможно планомерное изучение культурных слоев XVII в.

Список литературы

Алиева Т.А. Перстни из культурного слоя г. Тобольска (по материалам базарного раскопа) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 188–193.

Археологическая летопись земли Тарской / С.Ф. Татауров, Ф.С. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. – 412 с.

Багрин Е. А. Нож в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 294–308.

Багрин Е. А., Бобров Л.А. К вопросу о реконструкции костюма служилой элиты Сибири конца XVI–XVII века по материалам письменных источников // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 194–199.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 215–227.

Розенфельдт Р. Л. Игры детей // Древняя Русь. Быт и культура. – Москва, 1997. – 368 с.

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Фарфор и фаянс в культурном слое города Тары // Былые годы. – 2019. – Том 54. – Вып. 4. – С. 1418–1428.

Татаурова Л.В., Татауров С. Ф. Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XVII—XVIII вв.: история и археология // Stratum Plus. – 2019. – Вып. 6. – С. 353–365.

Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Костюм русских сибиряков XVII–XVIII вв. и его социальное значение по данным археологии // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. – С. 75–83.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. – Томск: Д'Принт, 2015. – 276 с.

References

Alieva T.A. Perstni iz kul'turnogo sloja g. Tobol'ska (po materialam bazarnogo raskopa). In *The Culture of Russians in Archaeological Research,* Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Magellan, 2014. Vol. 1. P. 188–193. (In Russ.).

Bagrin E. A. Nozh v komplekse holodnogo oruzhija russkogo sluzhilogo cheloveka na territorii Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII v. E. A. Bagrin . In *The Culture of Russians in Archaeological Research.* Omsk: Apel'sin, 2008. P. 294–308. (In Russ.).

Bagrin E. A., Bobrov L.A. K voprosu o rekonstrukcii kostjuma sluzhiloj jelity Sibiri konca XVI–XVII veka po materialam pis'mennyh istochnikov. In *The Culture of Russians in Archaeological Research,* Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Magellan, 2014. Vol. 1. P. 194–199. (In Russ.).

Chernaja M. P. Voevodskaja usad'ba v Tomske. Tomsk: D'Print, 2015, 276 p. (In Russ.)

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: Infolio, 2007, 248 p. (In Russ.).

Parhimovich S. G. Kollekcija artefaktov iz raskopok Berezovskogo gorodishha. In *The Culture of Russians in Archaeological Research.* Omsk: Apel'sin, 2008. P. 215–227. (In Russ.).

Rozenfel'dt R. L. Igry detej. In *Ancient Russia. Life and culture*. Moskva: Nauka, 1997, 368 p. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tataurov F.S. Farfor i fajans v kul'turnom sloe goroda Tary. *Bylye gody,* 2019. Vol. 54, iss. 4. P. 1418–1428. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42416824 (Accessed: 19.09.2021).

Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tataurova L.V., Tihonov S.S. Arheologicheskaya letopis' zemli Tarskoj. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2019. 412 p. (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S. F. Vooruzhenie i boevoj zapas russkih Tarskogo Priirtysh'ja v XVII—XVIII vv.: istorija i arheologija. *Stratum Plus*, 2019, Iss. 6. P. 353–365. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41721005 (Accessed: 21.09.2021).

Tataurova L.V., Tataurov F.S. Kostjum russkih sibirjakov XVII–XVIII vv. i ego social'noe znachenie po dannym arheologii. In *Women's Traditional Culture and Costume in the Middle Ages and Modern Times*. Tver': Tver. gos. un-t, 2015. P. 75–83. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24500877 (Accessed: 11.09.2021).

Vizgalov G.P., Parhimovich S.G. Mangazeja: novye arheologicheskie issledovanija (materialy 2001–2004 gg.). Ekaterinburg; Neftejugansk: Magellan, 2008, 296 p. (In Russ.).

Татауров С.Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294
Татауров Ф.С. https://orcid.org/0000-0002-9447-1035

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0674-0677
УДК 902.2

С.Ф. Татауров✉ [1], С.С. Тихонов[1], М.П. Чёрная[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
E-mail: mariakreml@mail.ru

Исследования в историческом центре города Тары в 2021 году

Археологические исследования в историческом центре Тары в 2021 г. были сосредоточены в юго-восточной части острога, рядом с одной из первых церквей города – Параскевы Пятницы (Пятницкой). Это был четырнадцатый сезон раскопок совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального исследовательского Томского гос. ун-та в одном из первых русских городов в Западной Сибири. В связи с капитальным ремонтом районного дома культуры «Север» строителям было необходимо установить на глубине пяти метров пожарные емкости на площади 100 м^2, поэтому в этом месте был вскрыт слой асфальта и подстилающей его щебенки и заложен раскоп. При строительстве Дома Культуры были вывезены слои XIX–XX вв., поэтому изучение культурных горизонтов началось сразу с середины XVIII в., хорошо датированного находками китайского фарфора. Исследуемая территория отнесена нами к острогу на основании расположения зафиксированных в ходе исследований мостовых, которые были проложены от Пятницкой церкви к проездным Тобольской и Спасской башням, обходя с юга крепость. В процессе работ был открыт строительный горизонт сер. XVII в., представляющий собой перекресток мостовой от въездных острожных ворот, расположенных в разных концах города, и мостовой от Пятницкой церкви к комплексу зданий Спасского мужского монастыря. Непосредственно к этим дорогам примыкал жилищно-хозяйственный комплекс, состоящий из избы, хозяйственных построек и погреба-ледника с надпогребницей. При его изучении была получена коллекция керамической посуды, кожаной обуви, деревянных и керамических игрушек. Проведенные в текущем году археологические исследования г. Тары позволили существенно дополнить планиграфию города для середины XVII в., получить материалы, дополняющие наши представления о материальной и духовной культуре тарчан конца XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: *город, Тара, археология, история, планиграфия, культурный слой.*

S.Ph. Tataurov✉ [1], S.S. Tikhonov[1], M.P. Chernaya[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]The National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia
E-mail: mariakreml@mail.ru

Research in the Historical Center of Tara in 2021

Archaeological research in the historic center of Tara in 2021 was concentrated in the southeastern part of the fortress, near one of the first churches of the city—Paraskeva Pyatnitskaya (Pyatnitskaya). It was the fourteenth season of excavations of the joint expedition of IAET SB RAS and National Research Tomsk State University in one of the first Russian cities in Western Siberia. Due to the overhaul of the district cultural center "Sever", builders had to install fire tanks in an area of 100 m2 at a depth of five meters, so here, a layer of asphalt and gravel underlying it was opened and an excavation was laid. During the construction of the Cultural Centre, layers of the 19th–20th centuries were removed, so the study of cultural horizons began immediately in the middle of the 18th century from well-dated finds of the Chinese porcelain. We attributed the territory under study to the fortress based on the location of pavements recorded during the research, which were laid from Pyatnitskaya Church to the gate Tobolskaya and Spasskaya Towers, bypassing the fortress from the south. In the course of work, a construction horizon was discovered dated to the mid-17th century, being an intersection of the pavement from the entrance ostrog gates located in different parts of the town and the pavement from Pyatnitskaya Church to a complex of buildings of the Spassky Monastery. A housing complex consisting of a hut, household buildings and a glacier cellar with an

overstructure, was directly adjacent to these roads. Its study yielded a collection of pottery, leather shoes, wooden and ceramic toys. Archaeological research of Tara conducted this year allowed us to significantly supplement the town's planigraphy for the mid-17th century, to obtain the materials that supplement our ideas about the material and spiritual culture of the Tara residents in the late 16th–18th centuries.

Keywords: *town, Tara, Archaeology, history, planigraphy, cultural layer.*

В 2021 г. совместной экспедицией Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН и Национального исследовательского Томского гос. ун-та проведены археологические изыскания на территории Тарской крепости, ставшие продолжением работ предыдущих лет. Целью экспедиции было изучение культурных слоев тарского острога в его юго-восточной части в районе расположения церкви Параскевы Пятницы. Данные работы были связаны с капитальным ремонтом районного дома культуры «Север» (установки подземных емкостей системы пожаротушения).

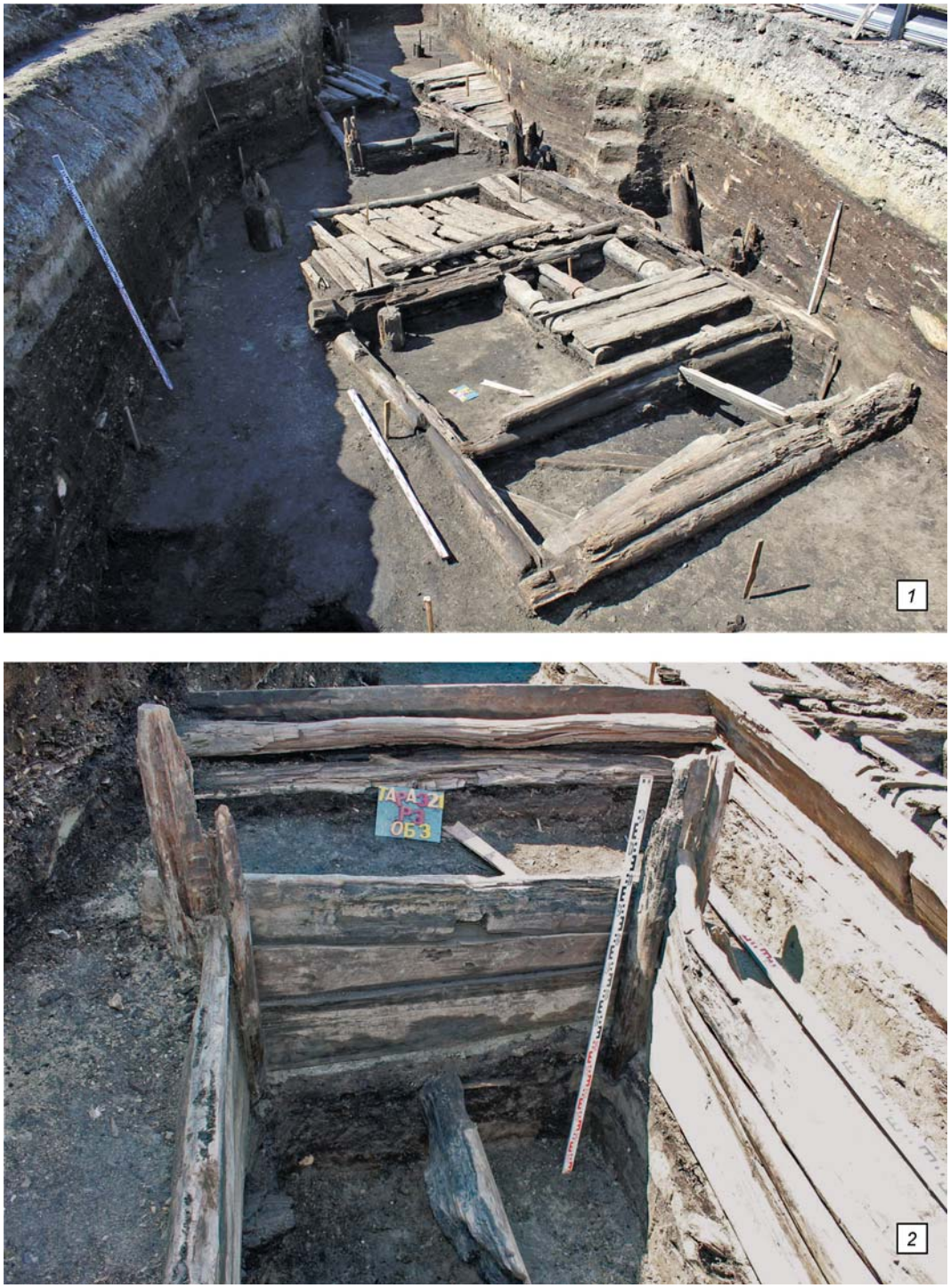
Восточная часть тарского острога на рисунке С.У. Ремезова 1698–1701 гг. показана весьма схематично. Репером соотнесения ремезовского рисунка и археологических объектов служит церковь Параскевы Пятницы. Церковь была построена в первой половине XVII в. и неоднократно перестраивалась после уничтожавших ее пожаров. [Строгова, Татауров, 2012; Храмы…, 2014, с. 47].

От этой церкви к Тобольским острожным воротам, то есть через весь город, была проложена мостовая, зафиксированная в процессе выборки культурного слоя (см. *рисунок*, *1*). Перпендикулярно ей была проложена мостовая от юго-восточных (Спасских) ворот крепости к комплексу зданий мужского Спасского монастыря. По положению (уровню) в культурных слоях города мостовая соотносится с мостовой в крепости, исследованной нами в 2011–2014 гг. и тем самым является частью мостовых сер. XVII в., так как по дендрохронологическим определениям этот строительный горизонт перестал существовать в результате пожара 1669 г., когда город был практически полностью уничтожен [Сидорова и др., 2019]. Следы этого пожара хорошо фиксируются и на конструкциях этого горизонта. По сравнению с крепостной мостовой, исследованная в этом году конструкция имеет как ряд отличий, так и общие моменты. Материалом для нее послужила осина, в то время как в крепости были использованы сосна и кедр. Строительство из хвойных деревьев более трудоемко, так как применялись стволы деревьев небольшого диаметра – до 0,2 м (для уменьшения тряски), но материал значительно меньше изнашивается и более долговечен. Мостовая в острожной части города выполнена из осинового горбыля шириной не менее 0,5 м. Центральная часть дерева у осины большого диаметра имеет значительно меньшую плотность и поэтому очень быстро изнашивается или подвержена гниению, поэтому ее не использовали. Горбыль легче и его проще укладывать на направляющие мостовой. Ширина мостовой в крепости составляла 6 м, в острожной части значительно меньше – 4 м на направляющей крепость – монастырь и 2,5 м – Пятницкая церковь – Тобольские ворота. К общим конструктивным моментам можно отнести наличие колесоотбойных бревен и способов их крепления при помощи системы кольев, которые фиксировали последние в районах стыков бревен с внутренней и внешних сторон настила.

Еще одним отличительным моментом является содержание и ремонт. Для ремонта мостовой в крепости применяли драть, которой закладывали щели и выбоины. В острожной части поверх изношенного полотна на небольшой выравнивающей отсыпке был уложен второй слой горбыля. Следует отметить, что осмотр нижнего слоя показал, что осина отлично сохранилась в очень влажной среде и замена потребовалась именно из-за технического износа. Для отвода воды от мостовых в крепости применяли деревянные желоба [Татауров, Тихонов, 2017, с. 48]. В остроге рядом с настилом для сбора воды была вырыта яма диаметром около 5 м и глубиной 1,5 м.

Мостовые в раскопе этого года позволили существенно дополнить картину планиграфии города для сер. XVII в. и расшифровать некоторые моменты на рисунке города С.У. Ремезова. Получается, что длинные заштрихованные полосы на нем представляют собой не жилищные постройки, а мостовые города. Тем самым, практически вся территория города в данный период была связана мостовыми, что существенно повышало мобильность населения и гарнизона, особенно учитывая сложное военное положение города в середине века.

В этом строительном горизонте с севера к мостовой примыкал жилищно-хозяйственный комплекс, состоящий из избы размерами 4,3 × 4,3 м (2 × 2 сажени) и погреба-ледника с надпогребницей таких же размеров. Изба сохранилась в виде двух венцов сруба и частично пола из сосновых плах, уложенного на бревна-лаги. Вход в избу был со стороны мостовой в юго-восточном углу, слева от него стояла глинобитная печь. За печью в северо-западном углу был отгорожен ларь для хранения про-

Объекты в раскопе Тары в 2021г.
1 – изба и мостовые; *2* – погреб-ледник с надпогребницей.

дуктов, а от него до северо-восточного угла была «обеденная зона», где стоял стол и были встроенные лавки. В этом же месте была найдена оконница размерами 0,3 × 0,4 м.

Восточнее избы, примыкая к стене избы, был расположен сруб-надпогребница такими же размерами и устроенным внутри погребом-ледником (см. *рисунок*, *2*). Надпогребница представляла собой сруб из некрупных – диаметром 0,25–0,3 м – бревен со входом с южной стороны. Сохранилось два венца сруба. Ледник был сделан в виде колодца размерами 1 × 1 м и глубиной от уровня дневной поверхности более двух метров. Сруб в погребе был сделан в заплотной технике – из четырех угловых столбов-брусов 0,25 × 0,25 м с пазами, куда были вставлены тесаные доски. Как и в других исследо-

ванных погребах-ледниках в Таре, этот имел двойной пол, пространство между полами заполнялось льдом [Чёрная, Татауров, Борило, 2018].

В 2 м от избы к северу зафиксирован сруб еще одной избы, уходящей под стенку раскопа, что свидетельствует о плотной застройке острога, как и в раскопанной в 2015–2019 гг. северо-западной части города.

В ходе изучения культурного слоя была собрана представительная коллекция предметов, показывающая хозяйственные занятия тарчан, их внешний облик, быт и досуг. Как и в предыдущие годы, культурный слой Тары отличает хорошая сохранность органических материалов – кожи, древесины и др. В первую очередь в коллекции следует отметить изделия из дерева и среди них – столовую посуду. Впервые за все годы раскопок мы получили набор тарелок и мисок, ковшей и разных форм солонок, около десятка ложек и их фрагментов. Как правило, такая посуда сгорала в пожарах, поэтому данные находки позволяют полностью воссоздать ассортимент столовой посуды жителей города. Из других находок следует выделить деревянную лопату для земледелия, корыто для стирки с набором рубелей, фрагменты бочек, ведер и шаек – клепки и обруча. Отдельно остановимся на детских игрушках – собрано более 20 предметов миниатюрных ножей, мечей и сабель, наконечников стрел. Впервые в раскопках города была найдена фигурка лошадки – отверстие в верхней части игрушки позволяло подвешивать ее над колыбелью, а вытянутая форма давала возможность длительных колебаний.

Коллекция изделий из кожи насчитывает более 20 целых и около 100 фрагментов обуви. В целом она повторяет уже известные нам по предыдущим раскопкам образцы – от сапог и туфель служилых людей до поршней простых обывателей. Помимо обуви были найдены несколько интересных изделий – ольстра, хорошей сохранности (уже третья в Таре) кошель-складень с тиснениями, сумка для припасов.

Изделия из металла немногочисленны – несколько железных ножей, обломки кос-горбуш, серпов и т.д. Кость представлена натруской для кремниевого ружья из большого бычьего рога, гребешками, бабками для игры.

Археологические исследования в Таре 2021 г. стали, в определенной мере, переломным моментом в изучении одного из первых русских городов в Сибири, позволили связать результаты предыдущих лет и сформировать цельную планиграфическую картину этого города-крепости и в то же время создать задел для последующих археологических сезонов в этом городе.

Список литературы

Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Мыглан В.С. Дендрохронологическое датирование археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. – 2019. – № 2. – С. 134–144.

Строгова Е.А., Татауров С.Ф. История одного пожара // Социально-экономическое развитие и историко-культурное наследие Тарского Прииртышья. – Омск: Амфора, 2012. – С. 72–77.

Татауров С.Ф., Тихонов С.С. Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – №3(38). – С. 41–50.

Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары / С.А. Алферов, О.Ю. Алферова, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. – Омск: Наука, 2014. – 230 с.

Чёрная М.П., Татауров С.Ф., Борило Б.С. Продовольственное обеспечение и хранилища для припасов в историко-археологическом контексте Тары // Вестн. Томского гос. ун-та. История. – 2018. – № 56. – С. 177–185.

References

Alferov S.A., Alferova O.Ju., Kudrjashova E.I., Tataurov S.F. Khramy v krepostnykh stenakh: konfessional'naya istoriya goroda Tary. Omsk: Nauka, 2014, 230 p. (In Russ.).

Chernaya M.P., Tataurov S.F., Borilo B.S. Food supply and storage for provisions in the historical and archaeological context of Tara. *Tomsk State University Journal of History,* 2018, no. 56. P. 177–185. (In Russ.) doi:10.17223/19988613/56/23

Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Tataurov S.F., Tataurova L.V., Myglan V.S. Dendrochronological dating of archaeological objects of Tara areal in the Irtysh region (Omsk region). *Russian archaeology*, 2019, no. 2. P. 134–144. (In Russ.) doi:10.31857/S086960630004810-0

Strogova E.A., Tataurov S.F. Istorija odnogo pozhara. In *Socio-economic development and historical and cultural heritage of Tara areal in the Irtysh region*. Omsk: Amfora, 2012. P. 72–77. (In Russ.).

Tataurov S.F., Tikhonov S.S. Specifics of planigraphy and improvement of a siberian town in XVI–XVIII centuries. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2017, no. 3(38). P. 41–50. (In Russ.) doi:10.20874/2071-0437-2017-38-3-041-050

Татауров С.Ф. https://orcid.org/0000-0001-6824-7294
Тихонов С.С. https://orcid.org/0000-0001-6909-0727
Черная М.П. https://orcid.org/0000-0003-2885-0229

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0678-0684
УДК 903.2

Л.В. Татаурова✉, К.О. Сопова
Институт археологии и этнографии СО РАН,
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Омск, Россия
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

Русская деревня Ананьино: археологические хронологии

Вопросы хронологии памятников Нового времени, несмотря на имеющиеся письменные источники, так же важны и актуальны, как и для ранней археологии. Архивные материалы дают неоднозначную информацию о времени появления и периодах развития русских сел и деревень Западной Сибири, поэтому археологическое изучение сельских памятников вносит существенные коррективы в реконструкцию их истории. Материалы, полученные в ходе раскопок 2021 г. на русском поселении XVII–XIX вв. Ананьино-I в Тарском р-не Омской обл., позволили, в совокупности с результатами предыдущих лет изучения памятника, построить хронологическую шкалу истории деревни. Условно выделены три периода. XVII в. – появление деревни, формирование населения, его системы жизнеобеспечения и исторической экологии – представлен такими хронологическими маркерами как чешуйка конца столетия, относящаяся к совместному правлению Петра Алексеевича и его брата Ивана. Датирующими находками являются китайский фарфор, стремя, срезень, счетный жетон Corneliusa Lauffera, керамическая поливная погремушка «с Руси», фрагменты кольчужного и ламеллярного доспехов и другие предметы и данные дендрохронологии, позволяющие датировать отдельные жилища в раскопанной части памятника. XVIII в. – расцвет деревни, когда в ней проживало наибольшее количество населения – надежно датирован нумизматическими находками, начиная с чешуек Петра I 1709 г. и заканчивая монетами 1793 г., китайским фарфором, статусными предметами этого времени. К сожалению, материалы XIX века, времени разъезда деревни, пока не попали в раскопанную часть поселения. В дальнейшем перспективным хронологическим маркером может стать керамический комплекс.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, археология русской деревни, хронология, XVII–XIX вв.*

L.V. Tataurova✉, K.O. Sopova
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Omsk, Russia
E-mail: Li-sa-65@mail.ru

The Russian Village of Ananyino: Archaeological Chronology

Chronology of archaeological monuments of Modern times, despite the available written sources, are as important and relevant as for early archaeology. Archival materials provide ambiguous information about the time of appearance and periods of the development of the Russian villages in Western Siberia. Therefore, the archaeological study of rural monuments makes significant adjustments to the reconstruction of their history. Materials obtained during the excavations of 2021 in the Russian settlement of the 17th–19th centuries Ananyino-I in the Tarsky District of the Omsk Region together with the results of previous years of study of the monument allowed us to build a chronological scale for the history of this village. Three periods were conditionally allocated. The 17th century is the time of the emergence of the village, the formation of the population, its life support system and historical ecology. This period is represented by chronological markers such as a coin of the end of the century which refers to the joint rule of Peter Alekseevich and his brother Ivan. Another dating finds are Chinese porcelain, a stirrup, an arrowhead, counting token of Cornelius Lauffer, a pottery glazed rattle "from Rus", fragments of chain mail and lamellar armor and other items and data of dendrochronology that allow dating individual dwellings in the excavated part of the monument. The 18th century is the heyday of the village, when it had the largest population, which is reliably dated by numismatic finds, starting with the coins of Peter I in 1709 and ending with coins of 1793, Chinese porcelain and status items of that time. The 19th century is the period when the population of the village left this place. Unfortunately, the materials of this period have not yet been found in the excavated part of the settlement. In future, a ceramic complex may become a promising chronological marker.

Keywords: *Western Siberia, archaeology of the Russian village, chronology, 17th–19th centuries.*

Введение

Исследования русской деревни Ананьино (археологический комплекс Ананьино-I Тарский р-н Омской обл.) начаты Л.В. Татауровой в 2005 г. Изученная площадь поселения, включая раскоп 2021 г., составила почти 2500 м^2. На ней зафиксированы 8 жилищ и представительный предметный комплекс, характеризующий различные элементы системы жизнеобеспечения русского населения XVII–XVIII вв.

Хронологии бытования сельских поселений чаще всего обозначены в письменных источниках, однако в отличие от истории сибирских городов Нового времени, даты начала строительства и исчезновения деревень не всегда однозначны.

Деревня Ананьина в исторических источниках упоминается в Дозорной книге Тарского уезда 1623/24 г., в это время в ней уже было три двора, две заимки и одна наезжая пашня [Татаурова, Крих, 2015, с. 480]. П.Н. Буцинский отмечал, что в 1624 г. д. Ананьина состояла из двух дворов [1999, с. 153]. Деревня разъехалась в конце XIX в. По исследованиям А.А. Крих в 1868–1869 гг. в ней в трех дворах проживало 27 человек, но к моменту проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. д. Ананьино уже не существовало [Татаурова, Крих, 2015, с. 483].

Цель публикации – по результатам полевых работ 2021 г. и материалам предшествующих исследований русской д. Ананьино представить хронологические периоды истории деревни в предметных комплексах.

В составе экспедиционного отряда в 2021 г. работали: сотрудники Омской лаборатории ИАЭТ СО РАН, школьники старших классов Предуниверсария Московского авиационного института (в рамках Договора о сотрудничестве МАИ и ИАЭТ СО РАН) и школ Большереченского и Тарского р-нов Омской обл.; студенты старших курсов и выпускники ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

Финансирование работ осуществлялось за счет средств ИАЭТ СО РАН и МАИ.

Материалы и методы

Полевой сезон 2021 г. стал знаковым в исследовании памятника и его датировках. Причиной этому послужило использование, в дополнение к традиционной методике раскопок, металлодетектора для проверки отвалов на наличие металлических предметов и прогнозирования их присутствия в культурном слое после зачистки каждого горизонта с установкой маркировочных вешек в предполагаемых местах находок. В ходе дальнейшего изучения слоя на эти места обращалось особое внимание, хотя не всегда там находили металл (были случаи обнаружения фрагментов керамики, вероятно, сделанной из сильно ожелезненных каолиновых глин). В результате собрана коллекция металлических, в том числе мелких предметов: пуль, пуговиц, серебряных монет – чешуек (8 шт.) – три из них петровского времени XVII и XVIII в. и три монеты середины – конца XVIII в. (рис. 1).

Кроме монет получены традиционные типы находок: костяные изделия (бабки, проколка, предмет неясного назначения – рис. 2, *6*), часть каменной втулки от жернова, кресальные кремни, из глины креймешки, грузила и горшочек-игрушка, дно с оплеткой от берестяного туеса. Из производственного инвентаря (рис. 2), нечасто представленного в раскопе, – железные топор (рис. 2, *1*), серп и обломок еще одного серпа (рис. 2, *3, 4*), шило (?) с жалом на конце (рис. 2, *5*). Кроме них – нож, два калачевидных кресала, плоская пулелейка с размерами отверстий – одно 0,6, и два 0,8 × 1,0 см, комплект пуль (14 шт.) диметром 0,6–0,9 мм и дробина (рис. 2, *2*), ассортимент гвоздей разных видов, набор рыболовных крючков, швейные иглы и другие находки.

К костюмному комплексу относятся фрагменты обуви из кожи, обувные подковки, в том числе две от башмаков [Татаурова, Богомолов, 2018, с. 118]. Пуговицы из металла: четыре гирьковидных, две заклепочных, одна мундирная с ушком для пришивания (см. рис. 1, *12–14*). Набор украшений: две фигурных подвески, фрагмент щитка сережки (рис. 1, *15–17*), две белые бусины, перстень (рис. 1, *18*). Предметы личного благочестия представлены коллекцией из 14 крестов-тельников различных типов, которые, вероятно, попали в слой из разрушенного участка кладбища (в остеологической коллекции из раскопа встречены человеческие кости), часть которого раскопана в 2020 г. [Татаурова, 2020, с. 658–660]. В ЮЗ части раскопа в границах остатков деревянного сооружения найдено большое количество осколков оконного стекла. Представительны коллекции керамики и археозоологического материала, в последний попал и скелет собаки, обнаруженный в слое на границе раскопов 2020 и 2021 г.

Археологические хронологии деревни Ананьино

Историю Ананьино условно можно разделить на три периода: ранний – включающий XVII в., в течение которого формировалось население, планиграфия деревни, историческая экология и система жизнеобеспечения. На наш взгляд деревня основа-

Рис. 1. Поселение Ананьино-I. Нумизматическая коллекция и детали костюмного комплекса из раскопа 2021 г.

1 – чешуйка, выпущенная в период правления Петра Алексеевича и его брата Ивана 1682–1696 гг.; *2, 3* – чешуйки начала XVIII в. – 1709 г.; *4–8* – неопределимые по дате монеты-чешуйки (*4* – слева – чешуйка завернутая в ткань); *9–11* – монеты второй половины XVIII века (*9* – деньга 1750 г.; *10* – полушка 177? г.; *11* – монета 17?? г.); *12–18* – детали костюма (*12* – гирьковидная пуговица; *13* – заклепочная пуговица; *14* – мундирная пуговица с ушком для пришивания; *15* – фрагмент щитка сережки; *16, 17* – фигурные подвески; *18* – перстень). *1–8* – серебро, *9–11* – медь, *12–18* – металл. Фото Л. В. Татауровой, 2021 г.

на почти сразу после строительства Тары, поэтому уже к 1623 г. в ней было три двора, две заимки и отъезжая пашня.

Второй период – XVIII век – расцвет деревни, когда в ней проживало максимальное количество населения [Татаурова, Крих, 2015, с. 485].

Третий период – XIX век – постепенный разъезд населения и, соответственно, упадок деревенского быта.

Ранний период существования деревни маркируется результатами дедрохронологии, дающей даты второй четверти XVII в. для раскопанных построек в ЮЗ части поселения (раскопки 2005, 2010–2016 гг.), что совпадает с письменными источниками по времени основания деревни [Сидорова и др., 2019, с. 111].

Второй половиной XVII в. (1661 г.) датируется жилище, раскопанное в 2017–2018 гг. Дату дали столбы, встроенные в планиграфию избы, которую перестраивали несколько раз [Татаурова, 2017; 2018; 2020, с. 661].

К предметному комплексу второй половины XVII в. и этой постройки, в частности, можно отнести счетный жетон, обнаруженный близ нее в 2017 г. [Татаурова, 2017, с. 423]. Он выпущен в мастерской Corneliusa Lauffera, хождение его датируется периодом 1658–1711 гг. [Пушкарев, 2019, с. 218]. К XVII в. относится стремя, найденное

Рис. 2. Поселение Ананьино-I. Предметы хозяйственного назначения.
1 – топор; *2* – пулелейка и пули разного калибра; *3, 4* – серпы; *5* – шило (?); *6* – предмет неясного назначения.
1–5 – железо, *6* – кость. Фото Л. В. Татауровой, 2021 г.

в развале печи этой избы (раскоп 2018 г. [Татаурова, 2018, с. 344]) VIIа типа по А.Н. Кирпичникову [1973, с. 50, 51]. О.В. Двуреченский на основании анализа материалов Тушинского лагеря считает, что VII тип стремян продолжает бытовать позднее XIII в., и находит аналогии в культурных слоях XVI–XVII вв. Москвы, Орешка, Крычева, Витебска [2018, с. 24]. К этому же времени принадлежит поливная погремушка, привезенная «с Руси» [Глиняные игрушки.., 2002, с. 42; Татаурова, 2017, с. 423]. Дополняют предметный комплекс XVII в. элементы защитного вооружения – кольчужные кольца и пластины доспеха из раскопа 2020 г. [Татаурова, 2020, с. 659, 661], а также наконечники стрел разных типов [Татаурова, Мыльников, 2021, с. 86, 90, 91].

К хронологическому периоду XVII в. можно отнести формирование традиции табакокурения [Татаурова, Татауров Ф. С. , 2018, с. 315], что маркируется находками архаичных головок курительных трубок, изготовленных из подручных материалов (кости, глины, фрагментов кирпича). Последний такой предмет обнаружен в 2020 г. [Татаурова, 2020, с. 659] в закрытом комплексе – подпечной яме, вместе с железным срезнем в виде лопаточки с упором, не имеющим аналогов в сельских комплексах Тарского Прииртышья. Пожалуй, это пока самый ранний предмет в коллекции памятника, так как, по мнению А.И. Соловьева, такие наконечники применялись до XVII в. [1987, с. 42].

К этому же времени принадлежат фрагменты китайского фарфора, произведенные в переходный период между правлениями династий Мин и Цин (1620–1680 гг.) и во время императора Канси (1662–1722 гг.) [Татауров, 2017а, с. 837, 838], и стеклянная посуда – бутылки и штофы [Татауров, 2017б, с. 97].

В большей степени XVII в. можно датировать детали огнестрельного оружия, принадлежности для его обслуживания и боевой запас. В их числе отвертка-кресало, обнаруженная в развале печи вместе со стременем, аналогии есть в Мангазее, Тушинском лагере [Двуреченский, 2007, с. 277, рис. 12; Татаурова, Татауров С. Ф., 2019, с. 356, 357], пулелейки и многочисленные пули, найденные как ранее, так и в раскопе 2021 г.

Из нумизматических находок 2021 г. к XVII в. относится одна чешуйка, выпущенная в период совместного правления Петра Алексеевича и его брата Ивана 1682–1696 гг. (рис. 1, *1*) [Русская монета].

Второй период в развитии деревни надежно датирован монетным комплексом. Раскоп 2021 г. дал нумизматическую коллекцию, включающую, как минимум две монеты-чешуйки начала XVIII столетия (1709 г.), отчеканенные на кадашевском монетном дворе (рис. 1, *2, 3*) [Русская монета]. К сожалению, на оставшихся монетах следов чеканки не сохранилось, поэтому невозможно выяснить даты их производства. Одна из монет была завернута в тонкую ткань (рис. 1, *4*).

На всей раскопанной части поселения, в том числе и в раскопе 2021 г., встречены и другие монеты XVIII в. с 1739 по 1793 гг.

Китайский фарфор этого периода относится к «зеленому семейству» династии Цин и «розовому семейству» периодов правления императоров Юнчжэн и Цяньлун (1723–1796) [Татауров, 2017а, с. 839, 840]. Представительна коллекция охотничьего инвентаря этого времени [Татаурова, Мыльников, 2021]. Маркером периода может быть статусный предмет – железная двузубая вилка [Татауров, 2017б, с. 98; Татаурова, 2017, с. 423].

Третий период существования деревни в археологическом отражении не представлен. Лишь в раскопе 2015 г., целью которого было выявление СВ границы поселения, найдены фрагменты кирпичей с клеймом в виде букв «ПК», которые могли быть привезены из близлежащего с. Екатерининское (в 8 км от Ананьино), где с 1789 г. было налажено кирпичное производство [Татаурова, 2015].

Выводы

Подводя итоги археологическому датированию материалов из культурного слоя русской деревни Ананьино можно заметить, что первый период, XVII в., маркирует предметный комплекс, данные дендрохронологии, и одна монета последней четверти XVII в.

XVIII в. надежно датирован монетным рядом, который дополняют вещевые находки.

Третий период, XIX в., в археологическом отражении пока не зафиксирован.

Остальные категории находок бытовали в широких хронологических рамках, что позволило им быть узнаваемыми и в этнографической современности.

Перспективным направлением для построения хронологий памятников XVII–XIX вв. может стать привлечение керамических комплексов на основе выяснения периодов бытования типов и форм глиняной посуды. Для получения репрезентативных выводов о принадлежности керамики к тому или иному временному периоду необходимо учитывать все доступные факты: контекст залегания каждой хронологической группы в культурном слое, морфологические особенности венчиков и сосудов в целом, технологию производства посуды. Кроме того, важно привлекать результаты сравнительного анализа изучаемых коллекций с аналогичными материалами из надежно датированных городских слоев [Сопова, 2021, с. 43]. Комплексное рассмотрение керамического материала позволит в дальнейшем построить достоверную хронологическую колонку для посуды XVII–XIX вв. деревни Ананьино и других сельских памятников Нового времени.

Список литературы

Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 328 с.

Глиняные игрушки XVII–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Автор-составитель Нестерова Н. В. – Владимир: [Б. и.], 2002. – 42 с.

Двуреченский О.В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосковья. – М.: ИА РАН, 2007. – Вып. 3. – С. 277–332.

Двуреченский О.В. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В.А. Политковского из собрания ГИМ). – М.: ИА РАН, 2018. – 196 с.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX–XIII вв. – Л., 1973. – 213 с. – (САИ; вып. Е1-36).

Пушкарев А.В. Нюрнбергские жетоны в Западной Сибири как исторический источник. Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. – Томск, 2019. – 294 с.

Русская монета. Каталог. [Электронный ресурс] – URL: http://www.a-saida.jp/spravki/silver-copeck/215.htm (дата обращения 24.10.2021).

Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Мыглан В.С. Календарная датировка археологических объектов Тарского Прииртышья (Омская область) // Российская археология. – 2019. – № 2. – С. 103–113.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.

Сопова К.О. Проблемы изучения и хронологии славяно-русской керамики X–XVIII веков: опыт исследования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 7: Археология и этнография. – С. 37–47.

Татауров Ф.С. Китайский фарфор с русских памятников Среднего Прииртышья XVII – первой половины XVIII вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – Казань; Кишинев: Stratum Plus, 2017а. – Т. 2. – С. 835–841.

Татауров Ф.С. Столовая посуда и утварь как элемент социально-культурного облика жителей города Тары XVII – первой половины XVIII века // Вестник Омского ун-та. Серия: Исторические науки. – 2017б. – №3 (15). – С. 96–99.

Татаурова Л.В. Исследования русского комплекса XVII–XIX вв. Ананьино–I в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института

археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Том XXI. – С. 413–416.

Татаурова Л.В. Новые материалы для реконструкции системы жизнеобеспечения русского сельского населения XVII–XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Том XXIII. – С. 421–424.

Татаурова Л.В. Эволюция жилищного комплекса (по материалам раскопок русской деревни XVII–XVIII веков Ананьино–I) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Том XXIV. – С. 342–346.

Татаурова Л.В. Археологические исследования русского поселения XVII–XVIII веков Ананьино-I (Тарский район Омской области) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – С. 658–663.

Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. 2018. – Т. 17, № 7: Археология и этнография. – С. 107–120.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37. – Вып. 3. – С. 479–490.

Татаурова Л.В., Мыльников В.П. Охотничье-промысловый инвентарь русского населения Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Археология, этнография и антропология Евразии. – Том 49, № 3. – 2021 – С. 83–92.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф. Вооружение и боевой запас русских Тарского Прииртышья в XVII–XVIII вв.: история и археология // Stratum plus. – 2019. – № 6. – С. 353–365.

Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Социальные маркеры русского служилого населения Западной Сибири XVII–XVIII вв. по археологическим материалам. Табак и трубки // Stratum plus. – 2018. – № 6. – С. 309–317.

References

Butsinskii P.N. Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov. Tyumen: Yu. Mandriki Publ., 1999, collected Works. Vol. 1, 328 p. (In Russ.).

Dvurechenskii O.V. Nakonechniki strel Moskovskoi Rusi i Russkogo gosudarstva XV-XVII vekov. In *Arkheologiya Podmoskov'ya.* Moscow: IA RAS Publ., 2007, iss. 3. P. 277–332. (In Russ.).

Dvurechenskii O.V. Tushinskii lager' (Publikatsiya kollektsii V.A. Politkovskogo iz sobraniya Gosudarstvennyi istoricheskii muzei). Moscow: IA RAS Publ., 2018, 196 p. (In Russ.).

Kirpichnikov A.N. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi v IX–XIII vv. In *Svod arkheologicheskikh istochnikov.* Leningrad, 1973, iss. ET-36, 213 p. (In Russ.).

Nesterova N.V. (ed.) Glinyanye igrushki XVII–XVIII vv. iz arkheologicheskoi kollektsii Vladimiro-Suzdal'skii muzei-zapovednik. Katalog. Vladimir: [s. n.], 2002, 42 p. (In Russ.).

Pushkarev A.V. Nyurnbergskie zhetony v Zapadnoi Sibiri kak istoricheskii istochnik: cand. sc. (history) dissertation. Tomsk, 2019, 294 p. (In Russ.).

Russkaya moneta. Katalog. URL: http://www.a-saida.jp/spravki/silver-copeck/215.htm (Accessed: 24.10.2021). (In Russ.).

Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Tataurova L.V., Tataurov S.F., Myglan V.S. Dendrochronological dating of archaeological objects of Tara areal in the Irtysh region (Omsk region). *Russian archaeology,* 2019, no. 2. P. 103–113. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 192 p. (In Russ.).

Sopova K.O. Problems of Chronology of Slavic-Russian Pottery of the 10th – 18th Centuries: Research Experience. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2021. Vol. 20, no. 7: Archaeology and Ethnography. P. 37–47. (in Russ.).

Tataurov F.S. Chinese Porcelain from Russian Sites of the Middle Irtysh in 17th — First Half of the 18th Centuries. *Glazed Pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th Centuries*. Kazan, Chisinau: Stratum Plus, 2017a. Vol. 2. P. 835–841. (In Russ.).

Tataurov F.S. Ware and cutlery as an element of socio-cultural appearance of residents of the Tara city of 17th – first half of the 18th century. *Herald of Omsk University. Series "Historical studies",* 2017b, no. 3 (15). P. 96–99. (In Russ.).

Tataurova L.V. Investigation of Ananino 1 the Russian complex of 17th–19th centuries in 2015. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015. Vol. XXI. P. 413–416. (In Russ.).

Tataurova L.V. New Materials for Reconstructions of the Life Support System of the Russian Rural Population in the 17th–18th centuries. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk : IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 421–424. (In Russ.).

Tataurova L.V. Evolution of the Housing Complex (on Materials of the Excavations of Anan'ino-1, a Russian Village of the 17th–18th Centuries). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 342–346. (In Russ.).

Tataurova L.V. Archaeological Research of the Russian Settlement of the 17th–18th Centuries in Ananyino I (Tarsky District of Omsk Region) in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. P. 658–663. (In Russ.).

Tataurova L.V., Bogomolov V.B. Low and Medium Heeled Women's Leather Shoes (Based on Materials from Russian Archaeological Complexes of Omsk Irtysh Region). *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2018. Vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography. P. 107–120. (In Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. The Life Support System of the Siberian Village Anan'ino in XVII–XVIII Centuries (Archaeological and Written Sources). *Bylye gody*, 2015. Vol. 37, iss. 3. P. 479–490. (In Russ.).

Tataurova L.V., Myl'nikov V.P. Hunting Equipment of Russians Living near Tara on the Irtysh in the 17th and 18th Centuries. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2021. Vol 49, no. 3. P. 83–92. (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov F.S. Social Markers of the Russian Servicemen in Western Siberia in 17th–18th Centuries by Archaeological Materials. Tobacco and Pipes. *Stratum plus*, 2019, no 6. P. 309–317. (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S.F. Arms and Ammunition of the Russians in the Irtysh Area near Tara City in the 17th—18th Centuries: History and Archeology. *Stratum plus,* 2019, no. 6. P. 353–365. (In Russ.).

Татаурова Л.В. https://orcid.org/0000-0003-4829-7619
Сопова К.О. https://orcid.org/0000-0001-8563-1319

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0685-0689
УДК 902

К.Н. Тихомиров✉, М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com, marinat24@mail.ru

Освоения территорий Среднего Прииртышья татарами в XVIII – начале XX века (по материалам археологических исследований)

Рассматриваются ранее не исследованные сезонные поселения и заимки западносибирских татар в XVIII – начале XX в. и их роль в освоении территорий в Среднем Прииртышье. До сих пор существование подобных было лишь гипотезой. С целью изучения вариантов колонизации природных пространств локальными группами западносибирских татар проводилось исследование указанных типов населенных пунктов на основе археологических работ в северо-лесостепной и южнотаежной зонах Среднего Прииртышья, дополненных устными историческими материалами и архивными данными. Анализируются модели освоения территорий указанных районов татарами в XVIII – начале XX в. Авторы впервые проводят археологические работы на данных поселениях. Устанавливаются их точные местоположения, которые до настоящего времени не были известны. В результате анализа полученных данных выделяются две модели освоения пространства южнотаежная и северо-лесостепная. Для первой было типично создание сети сезонных поселений. Летние находились в пойме крупной реки, что позволяло эффективно пасти скот и ловить рыбу. Зимние располагались на краю террасы, где удобнее было заготавливать дрова, охотиться, собирать ягоду и кедровые орехи. Первая была широко распространена на территориях традиционного проживания сибирских татар и существовала, судя по археологическим данным, на протяжении длительного времени. Вторая модель, в основном, существовала в северо-лесостепных районах левобережья р. Иртыш. Для нее было типично наличие основного поселения, расположенного на гриве или берегу озера, и нескольких заимок, находящихся в менее удобных местах. Первые были более удобны для проживания, вторые – для ведения хозяйства (как правило, скотоводства). Данная модель появляется довольно поздно, судя по письменным источникам, во второй половине XVIII в. и была распространена на территориях компактного проживания бухарцев.

Ключевые слова: *археология, поселения, татары, обнаружение мест заброшенных населенных пунктов, модели освоения территории, XVIII – первая половина XX в., Западная Сибирь, северная лесостепь и южнотаежная зона Среднего Прииртышья, этнография, устная история.*

K.N. Tikhomirov✉, M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com, marinat24@mail.ru

The Colonisation of the Territories of the Middle Irtysh Region by the Tatars in the 18th – early 20th Centuries (Based on Archaeological Research)

Previously not studied seasonal settlements and small settlements of the West Siberian Tatars in the 18th–early 20th century, as well as their role in the colonization of territories in the Middle Irtysh region are considered. Until now, the existence of such settlements was only a hypothesis. In order to study options for the development of natural spaces by local groups of the West Siberian Tatars, a study of these types of settlements was carried out on the basis of archaeological work in the north-forest-steppe and south-taiga zones of the left bank of the Middle Irtysh, supplemented by oral historical materials and archival data. The authors analyze models of colonization of the territories of the specified areas by the Tatars in the 18th–early 20th century. For the first time, the authors carry out archaeological research on these settlements. Their accurate

locations are being established, which have not yet been known to date. As a result of the analysis of the obtained data, the authors distinguish two models of the development of south-taiga and north-forest-steppe space. Creation of a network of seasonal settlements was typical of the first model. Summer settlements were in the floodplain of a large river, which made it possible to effectively graze cattle and fish. Winter settlements were located on the edge of the terrace, where it was more convenient to gather firewood, hunt, collect berries and cedar nuts. The first model was widespread in the territories of the traditional residence of the Siberian Tatars and existed, based on archaeological data, for a long time. The second model mostly existed in the north-forest-steppe areas of the left bank of the Irtysh River. For this model, the existence of the main settlement located on the low ridge or the edge of the lake terrace and several small settlements located in less convenient places was typical. The former were more convenient for living, the latter were used for farming (usually, cattle breeding). Based on written sources, this model appeared quite late, in the second half of the 18th century, and was located in the territories of the compact residence of the Bokharans.

Keywords: *Archaeology, settlements, Tatars, locating settlements, territory development models, the 18th to first half of the 20th centuries, Western Siberia, northern forest-steppe and south-taiga zones of Middle Irtysh, oral history.*

В процессе своего проживания в определенном природном окружении люди приспосабливаются к нему, вырабатывая набор различных приемов жизнеобеспечения, позволяющих максимально эффективно существовать в этих условиях. В зависимости от доминирующих форм хозяйства, культуры и исторических событий постепенно складываются модели освоения окружающей среды, которые во многом определяют этногенез.

Целью работ стал анализ вариантов освоения природных пространств татарами Среднего Прииртышья на материалах поселенческих комплексов. Для этого использовались, в основном, три источника: результаты археологических исследований, архивные данные (карты, планы и др.), этнографические материалы, часть из которых получена путем интервьюирования местных жителей – потомков выходцев из заброшенных деревень. Для поиска заброшенных деревень, в качестве проводников, привлекались местные жители.

Летом 2021 г. были проведены работы по выявлению и археологическому обследованию ряда поселений и могильников, принадлежащих татарам в Большереченском, Муромцевском и Тевризском р-нах Омской обл. Это позволило предварительно выделить две модели освоения окружающего пространства татар в этом регионе.

Первая модель была распространена в южнотаежной зоне Среднего Прииртышья и связана с долинами крупных рек – Иртыш и Тара. Местность характеризуется наличием различных природных ресурсов: кедровников, клюквенных болот, крупными и мелкими реками, озерами, пастбищами, богатыми охотничьими угодьями. Следует отметить, что места добычи ресурсов концентрировались в разных местах. Выпасом скота и рыболовством летом эффективнее было заниматься в пойме. Поэтому в этот период рационально было устраивать поселения на берегу крупной реки, желательно у крупного озера. Охоту, сбор ягод и кедровых орехов, заготовку дров удобнее производить поблизости от мест концентрации этих ресурсов, которые находились на террасе. Поэтому зимние поселения возникали на их высоких краях. Таким образом, у татар, проживающих в этих местах, были сезонные поселения. Мысль об их возможном существовании у татар Среднего Прииртышья, не имея доказательств, высказывал Н.А. Томилов, ссылаясь на аналогии в других регионах Западной Сибири со схожими природными условиями [1996, с. 190].

Проведенные в 2021 г. работы позволили найти подтверждения этому не только на основе письменных источников, но и в результате археологических исследований.

Одной из обследованных агломераций сезонных поселений явилась д. Малые Кулары Тевризского р-на (местные жители также называют его Нагорное или Зимние) и остатки ее летников: заброшенный Агис/Агиз аул и разъехавшаяся д. Большие Кулары (Луговые или Автуз/Аутыс, что переводится «тяни сеть») (Тихомирова М.Н. ПМА. Т-115, л. 33 об). Время их основания неизвестно, однако, согласно Летописи Сибирской краткой Кунгурской Ермак с соратниками в конце XVI в. безрезультатно пытался в течение 5 дней взять крепость Кулары, которая находилась между устьем р. Ишим и Ташатканской крепостью. Это соответствует современному расположению д. Малые Кулары. Она, по летописи, была крайней, самой мощной крепостью и защищала Кучума от калмыков [Летописи сибирские, 1991, с. 264]. В последующем поселение с таким названием встречается на л. 44 в Чертежной книге Сибири [Чертежная...] и Хорографической чертежной книге Сибири [2011, л. 89]. Г.Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» уточняет, что «Куллара...на западном берегу реки Иртыша при озере Аусаклу (современное название Усаклы – **Авт.**), где ныне находятся татарские зимние юрты Куллар-аул» [Миллер, 1937, с. 260].

В результате обследования этого места К.Н. Тихомировым, материалов XVI в., а также остатков укрепления (рвов, валов и пр.) не обнаружено. Ве-

роятно, следы указанной крепости были уничтожены жителями д. Малые Кулары в процессе хозяйственной деятельности. В этом районе, в радиусе 2 км было обследовано 3 городища (2 выявлено впервые и 1 известное). Одно из них, Комаровка I, относится к богочановской культуре эпохи раннего железного века, Малые Кулары II (местные жители называют его «Девичий стан») и Малые Кулары III относятся к эпохе позднего Средневековья.

В своих записках о путешествии Г.Ф. Миллер упоминал Agis-aul, «в 2 верстах от бывшего Куларского острога», жители этого аула «зимой живут в этом бывшем остроге» [Сибирь..., 1996, с. 86]. При его обследовании на берегу оз. Агиз, выяснилось, что практически по всей площади бывшего аула культурный слой сдвинут, а на обнажившейся поверхности повсюду зафиксированы многочисленные следы разграбления памятника при помощи металлодетектора. В результате проведенных здесь сборов, была получена коллекция грубой неорнаментрированной лепной керамики, фаянс, фарфор и кости животных. В соответствии с этим его нижней датой предварительно можно считать конец XVI в. Данные о верхней дате пока отсутствуют.

В указанное время было обследовано местоположение брошенной д. Большие Кулары / Луговая. Она расположена в левобережной пойме р. Иртыш на небольшом останце в приустьевой части р. Кимерсы. Г.Ф. Миллер, бывший здесь в 1734 г., писал про нее «Kular-aul на западном берегу на устье предыдущей речки... (Kimersi – **Авт.**). Заселена ясашными, которые живут здесь лишь летом, а зимой … в другой деревне, которая прежде была острогом … также называемая Kular-aul» [Сибирь..., 1996, с. 85]. То есть она также была летним поселением д. Малые Кулары. По мнению местных жителей, потомков выходцев из д. Большие Кулары, деревня разъехалась в 1941 г., после сильного половодья на р. Иртыш. Однако А.Ф. Палашенков, который посетил место ее расположения в 1966 г., видел там остатки домов и моста через р. Кимерсы. По его мнению, указанная деревня начала разъезжаться в 1953 г., и вскоре там разобрали мечеть [ГИАОО, л. 8].

Ее месторасположение тоже было обследовано в этом году. Здесь также местами бульдозерами срыт культурный слой и видны многочисленные ямы – следы разграбления. По словам местного жителя д. Комаровка Тевризского р-на Омской обл. Х.А. Рассулина 1967 г.р., в деревню приходили люди с предложением срезать бульдозером грунт на месте д. Большие Кулары, чтобы им было удобнее вести поиски. Здесь также были собраны фрагменты лепной, неорнаментированной керамики серого цвета, обломки фаянсовой и фарфоровой посуды, часть железного ковша. Местные жители показывали нам коллекцию монет, собранных на этом месте. Самой ранней из них явились денга 1737 г., отчеканенная при Анне Иоанновне, самая поздняя – 15 коп. 1954 г. Таким образом, согласно найденным монетам, памятник можно датировать первой половиной XVIII в. – первой половиной XX в.

Еще один комплекс из поселения и кладбища был обследован и в Муромцевском р-не. Н.А. Томилов в статье, посвященной поселениям тарских татар XVII–XIX вв., приводит легендарные сведения о поэтапном переселении группы тарских татар в этом районе. В ней рассказывалось, что их первое поселение находилось на р. Бергамак и имело аналогичное название. Второе находилось на правом берегу р. Тара, сохраняя название Юрт-Бергамак, третье было основано на левом берегу, по словам местных жителей в 1890 г. [Томилов, 1996, с. 192]. На Топографическом плане 1798 г. из Атласа Тобольской губернии точно указано расположение Юрт-Бергамакцких на правом берегу р. Бергамак в районе ныне заброшенной д. Кордон-Бергамак [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 97]. В 2019–2021 гг. К.Н. Тихомировым в ходе археологического обследования местности в указанном районе, было обнаружено два комплекса: поселение Бергамак XXVIII и грунтовый могильник Бергамак XXIX. С целью выяснения датировки и перспектив дальнейшего исследования, на них были проведены рекогносцировочные раскопки.

Раскоп на поселении Бергамак XXVIII площадью 12 м^2 был заложен на юго-западной окраине памятника. В результате была получена неорнаментированная толстостенная лепная керамика, шлак, обломки костей животных и др. Памятник можно датировать с XVII до XX в.

На сглаженной террасе, недалеко от северной окраины могильника Бергамак XXIX, на участке, где визуально могильные впадины не фиксировались, с целью выяснения границ, был размечен разведочный раскоп площадью 16 м^2. Результатом стало исследование могилы, которая на уровне материка фиксировалась как овальное пятно, заполненное желтой супесью, окаймленное сажевой зоной. Оно уходило вглубь, но не доходило до дна, так, что скелет лежал ниже его. Яма была перекрыта на уровне материка впоследствии просевшими жердями параллельно длинной стенке котлована. В могиле находился скелет, уложенный вытянуто на спине, в анатомическом порядке головой на северо-запад плохой сохранности. Он был сдвинут к юго-восточной стенке ямы. Правая сторона лежала выше. Кости рук лежали вдоль остатков тела. Кости кистей лежали рядом с тазовыми. Остатки левой руки были сдвинуты к позвоночнику. Череп

был раздавлен (кости черепа еще не полностью срослись), нижняя челюсть упала на левую сторону. Инвентаря в погребении не обнаружено.

Кроме того, на территории памятника был обнаружен небольшой железный нож.

Наибольшие аналогии это погребение находит на могильнике предков татар XVI–XVIII вв. Сеитово IV [Тихомиров, 2019], а также, в меньшей степени, на ближайшем могильнике Бергамак II и расположенных неподалеку Усть-Тара LXX, Окунево VII и др. Это позволяют предварительно отнести погребение к предкам татар и датировать его от XVI до XVIII в.

Таким образом, можно предварительно предположить, что комплекс Бергамак XXVIII и грунтовый могильник Бергамак XXIX являются остатками зимнего поселения Юрт-Бергамак [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 97] и его кладбища. Летние же Юрт-Бергамак, судя, по карте 1798 г., располагались западнее в пойме р. Тара [Тихомиров, Тихомирова, 2021, с. 97]. Вероятно, это памятник Бергамак XXIII (Старые юрты), обследованный С.С. Тихоновым в 1993 году [Археологическая..., 2000, с. 46].

Вторая модель освоения пространства была свойственна северной лесостепи на иртышском левобережье на водоразделе р. Иртыш и р. Оша. Здесь она сформировалась для нужд скотоводства, что было обусловлено природной средой. Эти районы характеризуются отсутствием водотоков, при большом количестве озер и болот. В основном, на территории района произрастают мелколиственные листопадные леса, среди которых доминируют коренные березняки. Поселения здесь располагались на краях озерных террас и гривах.

Одним из них явилась д. Казатово, в настоящее время почти разъехавшаяся (постоянно живут 2 чел.). Здесь был выкопан шурф 1 × 1 м, в котором были найдены осколки оконного стекла, фрагменты неорнаментированной толстостенной круговой и лепной керамики серого цвета, фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды, берестяные детали обуви с проколами шилом для их сшивания и др. Отметим, что бывший житель д. Казатово вспомнил, что у его бабушки, жившей здесь, была обувь, при изготовлении которой использовалась береста. В окрестностях этой деревни были д. Кошкуль на одноименном озере в 5 км и брошенная д. Старокарасук на оз. Карасук (местоположение которой также было обследовано). Они располагались в менее удобных для проживания местах – на более низких сглаженных, но более пригодных для скотоводства озерных террасах. В настоящее время здесь обитаема лишь д. Кошкуль.

В 5,3 км к северо-востоку от этого куста были обследованы остатки поселений заимка Каюркульская (впоследствии Большие Каюркульские), его бывшее кладбище и выселок Каюркульский (Малые Каюркульские – *Түмән аул*, что переводится как «Нижняя деревня» (Тихомирова М.Н. ПМА. Т-112, л. 333 об.)). Первая вместе с кладбищем была расположена у южного берега оз. Каюркуль на высокой гриве «Каюркульская». Вторая была на северном низком берегу указанного озера. Жители соседнего с. Почекуево называют окрестности этого места «Каюркульские луга». В результате шурфовки здесь была собрана небольшая коллекция обломков кирпича, фаянсовой и фарфоровой посуды.

Таким образом, материалы работ в зоне северной лесостепи показывают, что здесь не было ярко выраженных сезонных поселений, тем не менее, освоение окружающей среды производилось созданием заимок, удобных для занятий скотоводством. Основой расселения служили поселения, располагавшиеся в наиболее удобных местах – на гривах и хорошо выраженных краях озерных террас, с удобным подходом к воде и богатых рыбой (к примеру, до сих пор рыбу в этом районе ловят на оз. Казатово). Затем осваивались заимки в менее удобных и более заболоченных местах (вероятно, так были основаны выселки Кошкульский, Карасукский и Каюркульский).

В итоге проведенных работ в южнотаежной зоне Среднего Прииртышья и в северной лесостепи на водоразделе р. Иртыш и р. Оша были обнаружены и обследованы заброшенные населенные пункты, материалы исследования которых позволили выявить две модели освоения пространства. Первая характеризовалась созданием сети сезонных поселений, дополненной традиционными промысловыми угодьями (для сбора ягод и кедровых орехов, рыболовства и охоты), которые могли находиться довольно далеко от жилищ. Зимние поселения здесь находились на коренных террасах, как правило, на бровках, летние – на крупных озерах или на берегу реки. Судя по данным Г.Ф. Миллера, на участке от устья р. Ишим до устья р. Шиш в первой половине XVIII в. каждое зимнее поселение сопровождалось несколькими летними. При этом первые располагались на бровке левобережной террасы, а вторые – на правом берегу [Сибирь…, 1996, с. 85–86]. Вторая модель характеризовалась тем, что изначально обживались края озерных чаш и небольшие гривы. Для нужд ведения хозяйства также основывались более мелкие поселения – заимки, которые располагались в менее удобных местах на низких берегах озер, но позволяли более эффективно заниматься скотоводством. Рыбная ловля, сбор ягод, охота были минимальны.

Таким образом, проведенные работы позволили получить ценные материалы о вариантах ос-

воения окружающей среды татарами Среднего Прииртышья на материалах археологических исследований ныне заброшенных поселений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00487 А.

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в сборе материала жителям Омской области: Большереченского района д. Кошкуль – Г.А. Хусаинову, 1951 г.р., Б.Д. Мухамедееву, 1962 г.р.; Тевризского района: д. Кипо-Кулары – Л.З. Рамазанову, 1959 г.р., д. Комаровка – Х.А. Рассулину, 1967 г.р.

Список литературы

Археологическая карта Муромцевского района Омской области / М.Ю. Здор, С.Ф. Татауров, К.Н. Тихомиров. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – 135 с.

ГИАОО. Ф. Р-2200. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 8.

Летописи сибирские / сост. Е.И. Дергачева-Скоп. – Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1991. – 272 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подг. А.Х. Элерт. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники; вып. VI).

Тихомиров К.Н. Сеитово IV – новый могильник предков тарских татар XVII–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 59–68.

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Расположение поселений татар в Среднем и Нижнем Притарье по картографическим материалам XVIII века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2021. – № 3 (49). – С. 93–100. doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.093-100.

Томилов Н.А. Поселения тарских татар бассейна Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 188–197.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. – Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 690 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – URL:https://archive.org/details/RemezovCHertezhnayaKnigaSibiri (дата обращения: 15.02.2021).

References

Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 g. (In Russ.). URL:https://archive.org/details/RemezovCHertezhnayaKnigaSibiri (Accessed: 15.02.2021).

Dergacheva-Skop E.I. Letopisi sibirskie. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 272 p. (In Russ.).

Elert A.Kh. Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera. – Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, 310 p. (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki; iss. VI). (In Russ.).

Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri S.U. Remezova. Tobol'sk: Obshchestv. blagotvorit. fond «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2011, 690 p. (In Russ.).

Miller G.F. Istoriya Sibiri. Moscow; Lenigrad: AS USSR Publ., 1937. Vol. 1. 607 p. (In Russ.).

State Historical Archives of the Omsk Reion. F. R-2200. Inv. 1. D. 50, fol. 8. (In Russ.).

Tikhomirov K.N. Seitovo IV: a new burial ground of the Tara Tatars' ancestors of the 17th – 18th centuries in the Middle Irtysh area. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2019, no 2 (45). P. 59–68. (In Russ.) doi:10.20874/2071-0437-2019-45-2-059-068

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Location of Tatar settlements in the Middle and Lower Tara Region According to the 18th Century Maps. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2021, no 3 (49). P. 93–100. (In Russ.) doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.093-100

Tomilov N.A. Poseleniya tarskikh tatar basseina Tary In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, 1996. Vol. 1: Kul'tura tarskikh tatar P. 188–197. (In Russ.).

Zdor M.Yu., Tataurov S.F., Tikhomirov K.N. Arkheologicheskaya karta Muromtsevskogo raiona Omskoi oblasti. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2000, 135 p. (In Russ.).

Тихомиров К.Н. https://orcid.org/0000-0003-1159-1603
Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0690-0695
УДК 903.5

Р.О. Трапезов[1], С.В. Черданцев[1], М.А. Томилин[1], М.С. Пристяжнюк[1], И.В. Пилипенко[1], М.С. Нестерова[2], Д.В. Поздняков[2], В.И. Молодин[2], А.С. Пилипенко[1]✉

[1]Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Новый этап палеогенетического исследования носителей одиновской культуры (Барабинская лесостепь): первые результаты

Новый этап исследования генетического состава носителей одиновской культуры включает анализ серий палеоантропологических образцов из четырех одиновских могильников – Сопка-2/4а, Усть-Тартас-2, Тартас-1 и Преображенка-6. Общая численность расширенной одиновской выборки составляет более 200 палеоантропологических образцов (индивидов). План исследования включает существенное увеличение выборки образцов мтДНК (до ~ 150 образцов) и получение данных о мужском генофонде одиновского населения (~ 50 образцов Y-хромосомы). Данная работа посвящена результатам анализа расширенной серии образцов мтДНК из могильника Сопка-2/4а. В исследование были включены палеоантропологические образцы от 88 индивидов. Для 60 индивидов (~ 68 %) была достоверно установлена структура вариантов мтДНК и их филогенетическое положение. В составе исследованной выборки выявлено 20 структурных вариантов мтДНК. Для одиновской популяции характерен смешанный состав генофонда мтДНК, представленный восточно-евразийскими (A8, A10, C, D, Z) и западно-евразийскими (U2e, U4. K, HV6, I) гаплогруппами. Новые данные подтвердили полученные ранее предварительные выводы о доминировании восточно-евразийских компонентов в генофонде и высокую роль автохтонных компонентов, маркирующих генетическую преемственность с предшествующими группами населения региона (гаплогруппы A10, D, Z, U2e), в процессе формирования одиновской популяции. При этом в расширенной серии мтДНК выявлены новые компоненты, появление которых связано с притоком в Барабинскую лесостепь генетически контрастного населения (гаплогруппы K, HV6). Наиболее вероятным механизмом формирования генетических особенностей одиновского населения было смешение автохтонных и пришлых генетических компонентов. Новые генетические данные рассмотрены в контексте имеющихся представлений о направлении внешних культурных связей одиновского населения Барабинской лесостепи.

Ключевые слова: *одиновская культура, эпоха ранней бронзы, палеогенетика, митохондриальная ДНК, Y-хромосома, генетическая история популяций.*

R.O. Trapezov[1], S.V. Cherdantsev[1], M.A. Tomilin[1], M.S. Pristyazhnyuk[1], I.V. Pilipenko[1], M.S. Nesterova[2], D.V. Pozdnyakov[2], V.I. Molodin[2], A.S. Pilipenko[1]✉

[1]Institute of Cytology and Genetics SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

A New Stage in Paleogenetic Study of the Odino Culture Population (Baraba Forest-Steppe): First Results

A new stage in the paleogenetic study of the Odino culture populations includes the analysis of a series of paleoanthropological samples from four Odino burial grounds: Sopka-2/4a, Ust-Tartas-2, Tartas-1, and Preobrazhenka-6. The

total number of the expanded Odino series includes more than 200 paleoanthropological samples (individuals). The research plan includes a significant increase in the number of mtDNA samples (up to ~150 samples) and obtaining data on the male genetic variability of the Odino population (~50 samples of the Y chromosome). In this paper, we present the results of the analysis of an extended mtDNA sample series from the Sopka-2/4a burial ground. The study covers paleoanthropological samples from 88 individuals. The structure of mtDNA lineages and their phylogenetic position were defined for 60 individuals (~68 % of the initial sample). Twenty mtDNA haplotypes were identified among the studied samples. The Odino population is characterized by a mixed composition of the mtDNA gene pool, represented by the East Eurasian (A8, A10, C, D, Z) and West Eurasian (U2e, U4. K, HV6, I) haplogroups. New data confirmed the previously obtained preliminary inferences about the dominance of the East Eurasian components in the gene pool and the high role of autochthonous components marking genetic continuity with the previous population groups in the region (A10, D, Z, U2e haplogroups) in the process of formation of the Odino population. At the same time, new components associated with the influx of a genetically contrasting population (K, HV6 haplogroups) into the Baraba forest-steppe were identified in the extended mtDNA series. Obviously, the interaction of autochthonous and migration-related genetic components, most likely, was the mechanism for the formation of genetic features of the Odino population. New genetic data are discussed here in the context of current data on directions of external cultural relations of the Odino population from the Baraba forest-steppe.

Keywords: *Odino culture, Early Bronze Age, paleogenetic, mitochondrial DNA, Y chromosome, genetic history of populations*.

Население Барабинской лесостепи различных периодов эпохи бронзы было объектом первого в России и одного из первых в Евразии палеогенетических исследований, использовавших анализ диахронной выборки образцов ДНК. На уровне структуры митохондриальной ДНК (мтДНК) были исследованы представители нескольких этнокультурных групп населения региона, проживавших здесь на протяжении более трех тысячелетий с IV тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. [Пилипенко, 2010; Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012]. Общая численность исследованной выборки мтДНК составляла порядка 100 образцов (одна из наиболее численно репрезентативных локальных диахронных выборок мтДНК в Евразии на тот момент). При этом численность серий для каждой этнокультурной группы варьировала от менее 10 до 20 образцов. Дальнейшее развитие методов получения и анализа структуры образцов древней ДНК позволило значительно увеличивать как численность исследуемых серий, так и глубину их анализа (за счет включения в исследование новых молекулярно-генетических маркеров). И хотя палеогенетическое исследование некоторых из этнокультурных групп Барабинской лесостепи эпохи бронзы продолжалось [Трапезов, 2014; Журавлев и др., 2017], многие группы выпали из фокуса исследований. В их числе и население одиновской культуры, выделенной В.И. Молодиным [Молодин, 1981, 2008]. На раннем этапе было исследовано всего 12 образцов мтДНК от носителей этой археологической культуры из двух могильников – Сопка-2/4а (9 образцов) и Преображенка-6 (3 образца) [Пилипенко, 2010; Molodin et al., 2012].

Начиная с 2021 г. коллектив межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН совместно с коллегами из ИАЭТ СО РАН приступил к реализации нового этапа исследования генетического состава ряда популяций Барабинской лесостепи, включая носителей усть-тартасской, одиновской и классического этапа кротовской культур. В частности, новый этап исследования генофонда одиновской культуры подразумевает привлечение к анализу серий палеоантропологических образцов из четырех одиновских могильников – Сопка-2/4а, Усть-Тартас-2, Тартас-1 и Преображенка-6. Общая численность расширенной одиновской серии составляет более 200 палеоантропологических образцов (индивидов). План исследования подразумевает существенное, более чем на порядок, увеличение выборки образцов мтДНК (до ~ 150 образцов) и получение данных о мужском генофонде одиновского населения (исследование структуры и филогенетического положения вариантов Y-хромосомы ~ 50 индивидов мужского пола). Реализация этой программы позволит более детально охарактеризовать генетический состав одиновской популяции в целом, точнее реконструировать ее роль в генетической истории населения региона в эпоху бронзы. Включение в исследование репрезентативных серий из четырех могильников направлено на анализ внутрипопуляционной генетической структурированности одиновского населения Барабинской лесостепи.

Лабораторные исследования суммарной серии образцов мтДНК и Y-хромосомы из четырех одиновских могильников находятся на завершающей стадии. Данная работа посвящена результатам анализа многократно увеличенной серии образцов мтДНК одиновцев из могильника Сопка-2/4а. В исследование была включена серия образцов от 88 носителей одиновской культуры из погребений этого могильника [Молодин, 2012]. Материалы преимущественно были представлены длинными костями конечностей высокой степени макроскопической

сохранности. Индивиды, останки которых характеризовались низким уровнем макроскопической сохранности, не включались в состав выборки.

Палеогенетическое исследование было выполнено на базе специализированной инфраструктуры межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН. Методы предварительной подготовки палеоантропологического материала, получения образцов ДНК, оценки их качества, а также анализа структуры образцов мтДНК подробно описаны в наших предшествующих работах [Pilipenko et al., 2018].

В результате проведенного исследования была достоверно установлена структура 60 из 88 образцов мтДНК, определено их филогенетическое положение. Ранее нами было показано, что сохранность мтДНК в материалах эпохи бронзы из могильников Барабинской лесостепи (включая разновременной могильник Сопка-2) в целом высокая, но существенно варьирует в зависимости от индивидуальных факторов, таких как глубина погребения, его нарушенность в древности, наличие признаков вторичного погребения и других [Молодин, 2012]. В нашей работе доля образцов с достаточным для проведения исследования уровнем сохранности мтДНК составила ~ 68 %.

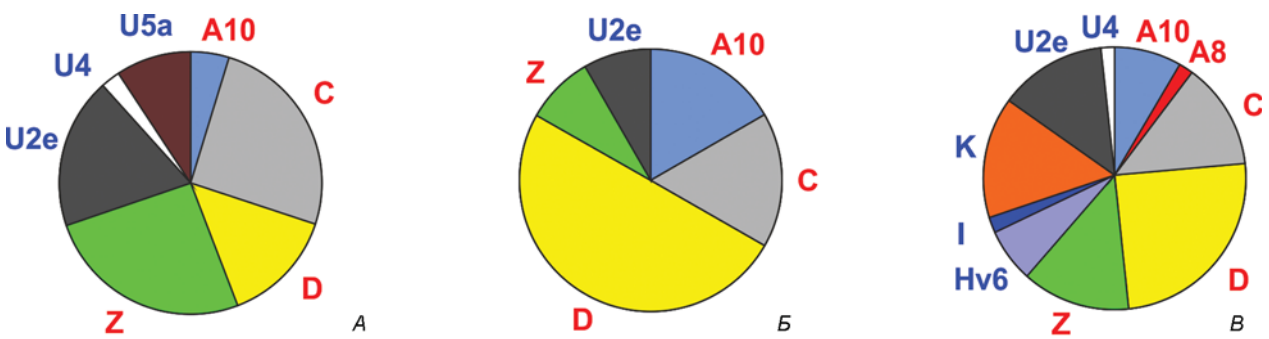
Среди успешно исследованных образцов (N=60) было выявлено 20 структурных вариантов (гаплотипов ГВСI мтДНК), относящихся к десяти гаплогруппам (см. *рисунок*). Как и для всех исследованных к настоящему моменту популяций эпохи бронзы Барабинской лесостепи, для носителей одиновской культуры характерен смешанный состав генофонда мтДНК, представленный восточно-евразийскими (A8, A10, C, D, Z) и западно-евразийскими (U2e, U4. K, HV6, I) гаплогруппами.

При численности исследованной серии в 60 образцов мы можем быть уверены, что в ее составе с высокой вероятностью представлены все основные компоненты генофонда мтДНК одиновской популяции, сформировавшей могильник (остается лишь низкая вероятность присутствия дополнительных минорных компонентов, что не изменит общей картины генетического состава населения). Сравнение расширенной серии (N=60) с ранее опубликованной нами небольшой одиновской серией (N=10) [Molodin et al., 2012] наглядно демонстрирует необходимость анализа численно репрезентативных материалов в случае исследования мтДНК.

Анализ репрезентативной серии образцов позволил подтвердить некоторые наши предварительные наблюдения: 1) доминирование в генофонде одиновской популяции восточно-евразийских компонентов (более 60 % образцов, 13 из 20 структурных вариантов); 2) высокая частота восточно-евразийских гаплогрупп D, C, Z и A10 (в порядке убывания частот); 3) высокая частота западно-евразийской гаплогруппы U2e.

При этом расширенная одиновская выборка позволила получить более полное представление о разнообразии структурных вариантов, относящихся к этим доминирующим гаплогруппам: выявлены 4 варианта гаплогруппы C (ранее 1 вариант), 3 варианта гаплогруппы Z (ранее 1 вариант), 4 варианта гаплогруппы A10 (ранее 2 варианта). Интересно «разнообразие» гаплогруппы D, которая по-прежнему представлена одним (корневым) структурным вариантом, выявленным в 15 образцах расширенной серии (25 % выборки, самый распространенный вариант мтДНК в популяции).

Высокая частота перечисленных выше гаплогрупп мтДНК сближает одиновское население с предшествующими популяциями Барабинской лесостепи (неолитические популяции и носители усть-тартасской культуры эпохи раннего металла). Гаплогруппы A10, Z, D (с отсутствием разнообра-

Состав и соотношение гаплогрупп в трех сериях образцов мтДНК.

А – носители усть-тартасской культуры (N=43) [Трапезов, 2014]; *Б* – первая исследованная серия носителей одиновской культуры из могильников Сопка-2/4а и Преображенка-6 (N=12) [Пилипенко, 2010; Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012]; *В* – расширенная серия носителей одиновской культуры из могильника Сопка-2/4а, исследованная в данной работе (N=60). Названия восточно-евразийских гаплогрупп мтДНК указаны красным цветом, западно-евразийских – синим цветом.

зия вариантов), U2e, несомненно, являются автохтонными компонентами генофонда для данного региона. Эти компоненты в целом подтверждают наши предварительные выводы о сохранении части основных черт структуры генофонда населения Барабы в эпоху ранней бронзы по сравнению с предшествующими периодами.

Однако, полученные нами расширенные данные свидетельствуют и о появлении новых генетических компонентов в одиновском генофонде мтДНК, т.е. генетическая преемственность с предшествующим населением региона не была единственным механизмом, задействованным при формировании одиновской популяции.

Наиболее убедительным свидетельством изменившегося генетического состава одиновцев является целый ряд гаплогрупп, выявленных в расширенной серии, полностью отсутствовавших в генофонде более ранних популяций Барабы. Это касается, в первую очередь, западно-евразийского компонента генофонда мтДНК, в составе которого впервые появляются такие гаплогруппы, как K и HV6. В выборке они представлены единичными вариантами, но с высокой частотой (9 и 4 носителя, соответственно). Новая для региона гаплогруппа I выявлена в одном образце. Восточно-евразийский кластер пополнился гаплогруппой A8 (1 образец). Отметим, что этот кластер характерен для более поздних групп населения Алтае-Саянской горной страны [Pilipenko et al., 2018]. Наиболее ранним свидетельством его появления в регионе (до проведения данного исследования) считалось обнаружение вариантов A8 в окуневских популяциях Минусинской котловины (собственные неопубликованные данные), [Hollard et al., 2018]. Отличия с предшествующими популяциями, свидетельствующие о неполной генетической преемственности с ними исследуемой одиновской группы, проявляются не только в появлении новых компонентов, но и в отсутствии некоторых гаплогрупп, игравших ключевую роль в генофонде предшествующего населения Барабы. Примером может служить полное отсутствие в одиновской серии из Сопки-2/4а вариантов гаплогруппы U5a, игравшей заметную роль в генофонде носителей усть-тартасской культуры.

Таким образом, наряду с сохранением ряда базовых черт структуры генофонда, при формировании одиновского населения происходит и появление новых генетических компонентов. Эти новации наиболее вероятно связаны с притоком в регион генетически контрастного (по отношению к предшествующим популяциям Барабы) населения. Предварительный филогеографический анализ ряда новых для региона структурных вариантов указывает на вероятное расположение источника этих миграций в более южных или юго-западных по отношению к западносибирской лесостепи районах Евразии. В этой связи уместно вернуться к дискуссии относительно корреляции внешних связей одиновского населения на уровне материальной культуры и генетической структуры популяции. Одной из ярких черт одиновских комплексов могильника Сока-2/4а является присутствие в целом ряде погребений артефактов (в первую очередь, бус), имеющих явно импортное происхождение. Их анализ показал, что наиболее вероятным регионом происхождения этих предметов является Средняя Азия [Молодин, 2012, с. 158-164]. Небольшая серия образцов мтДНК, исследованная нами ранее, не позволяла зафиксировать каких-либо следов притока генетически контрастного населения в регион в период формирования одиновской популяции [Пилипенко, 2010; Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012]. Поэтому появление артефактов импортного происхождения в погребениях одиновской культуры Барабы объяснялось исключительно культурными контактами, не сопровождавшимися какими-либо существенными миграционными притоками в регион. Новые данные по генофонду мтДНК, полученные в этой работе, позволили зафиксировать приток генетически контрастного населения в Барабинскую лесостепь в период существования (или формирования) здесь одиновской популяции. Механизм формирования одиновского населения представляет собой, по-видимому, взаимодействие автохтонных генетических компонентов с пришлыми. Подтверждают эту гипотезу и новые археологические свидетельства, обнаруженные в захоронениях одиновской культуры могильника Усть-Тартас-2. Это скульптуры из кости, демонстрирующие мужчину явно европеоидного облика в позе колесничего и лошади несибирской породы [Молодин, 2021, рис. 12, 13].

Имеющиеся на данный момент результаты не позволяют точно локализовать источник мигрантов. Для этого потребуется углубленный филогеографический анализ данных по мтДНК, с включением в него результатов по другим одиновским могильникам. Важнейшим шагом для дальнейшего уточнения картины формирования одиновского населения и выяснения происхождения мигрантов станет анализ структуры мужского генофонда одиновской популяции (разнообразие Y-хромосомы), осуществляемый авторами данной статьи в настоящее время. Проведенное нами исследование еще раз подчеркивает необходимость получения максимально репрезентативных данных о структуре генофонда исследуемых популяций для выполнения более детальных и объективных реконструкций генетической истории древнего населения.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 20-29-01024. Работа частично профинансирована из средств государственного задания ИЦиГ СО РАН, № 0259-2019-0010.

Список литературы

Журавлев А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (федоровского) и постандроновского населения Южной Сибири // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2017. – Т. III. – С. 37–39.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: Изд-во Института истории и археологии УрО РАН, 2008. – С. 9–13.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И. Пластическое искусство одиновской культуры // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936-2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930-1986). – СпБ.: ИИМК РАН, 2021. – С. 62–66.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V – I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.

Пилипенко А.С. Реконструкция процессов формирования населения Барабы эпохи бронзы методами анализа вариабельности мтДНК. Автореф. дисс. … канд. биол. наук. – Новосибирск, 2010. – 16 с.

Трапезов Р.О. Генетическая структура популяций человека юга Сибири в эпоху неолита и ранней бронзы (VI – начало III тыс. до н.э.). Автореф. дисс. … канд. биол. наук. – Новосибирск, 2014. – 16 с.

Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations // American Journal of Physical Anthropology. – 2018. – V. 167(1) – P. 97–107.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data // Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – P. 95–113.

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13. – Iss. 9. – P. 1–24.

References

Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Y., Tishkin A., Lazaretov I., Crubezy E., Ludes B., Keyser C. New genetic evidence of affinities and discontinuities between bronze age Siberian populations. *American Journal of Physical Anthropology*, 2018. Vol. 167(1). P. 97–107. doi:10.1002/ajpa.23607

Molodin V.I. Pamyatniki odinovskogo tipa v Barabinskoi lesostepi. In *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha kamnya i bronzy.* Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 63–75. (In Russ.).

Molodin, V.I. Odinovskaya kul'tura v Vostochnom Zaural'e i Zapadnoy Sibiri. Problema vydeleniya . In: *Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya*. Ekaterinburg: UrB RAS Publ., 2008. P. 9–13. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Plasticheskoe iskusstvo odinovskoi kul'tury. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya gosudarstvennykh obrazovanii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu doktora istoricheskikh nauk El'gi Borisovny Vadetskoi (1936-2018) i 90-letiyu doktora istoricheskikh nauk Gleba Alekseevicha Maksimenkova (1930-1986)*. St. Petersburg: IHMC RAS Publ., 2021. P. 62–66. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. The Interdisciplinary Research of Baraba Forest-Steppe Populations (IV–I millennium BC): Archaeological, Paleogenetic and Anthropological Perspectives. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2013, 220 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data. In *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. P. 95–113.

Pilipenko A.S. Rekonstruktsiya protsessov formirovaniya naseleniya Baraby epokhi bronzy metodami analiza variabel'nosti mtDNK: cand. sc. (biology) dissertation abstract. Novosibirsk, 2010, 16 p. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13, iss. 9. P. 1–24. doi:10.1371/journal.pone.0204062

Trapezov R.O. Geneticheskaya struktura populyatsii cheloveka yuga Sibiri v epokhu neolita i rannei bronzy (VI – nachalo III tys. do n.e.): cand. sc. (biology) dissertation abstract. Novosibirsk, 2014, 16 p. (In Russ.).

Zhuravlev A.A., Pilipenko A.S., Molodin V.I., Papin D.V., Pozdnyakov D.V., Trapezov R.O. Genofond mtDNK i Y-khromosomy andronovskogo (fedorovskogo) i postandronovskogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai Univ. Press, 2017. Vol. III. P. 37–39. (In Russ.).

Трапезов Р.О. https://orcid.org/0000-0002-0483-530X
Черданцев С.В. https://orcid.org/0000-0002-4384-3468
Томилин М.А. https://orcid.org/0000-0002-2616-8712
Пилипенко И.В. https://orcid.org/0000-0002-8325-6719
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Поздняков Д.В. https://orcid.org/0000-0002-7984-0912
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Пилипенко А.С. https://orcid.org/0000-0003-1009-2554

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0696-0701
УДК 902.674

М.В. Уткин, М.О. Филатова✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Mayaphylatova@gmail.com

Неинвазивные методы в дендрохронологии: проблемы и перспективы

С развитием новых технологий, в современной дендрохронологии появилось несколько концептуально новых методологических разработок, одной из которых является исследование образцов при помощи так называемых «неинвазивных методов». В данной статье подробно описана история применения макрофотосъемки высокого разрешения, а также компьютерной томографии для исследования деревянных образцов, которые из-за своей высокой историко-культурной и материальной ценности не могут быть изучены традиционными способами. Кроме того, основываясь на результатах зарубежных и отечественных экспериментов по применению данных технологий в дендрохронологии, нами была осуществлена попытка выделить основные проблемы и ограничения в применении методов, а также проанализировать их перспективность как для археологии, так и для других дисциплин. Сделан вывод, что начиная с 2007 г. – с первых попыток использования установок рентгеновской микротомографии (X-ray CT) для измерения ширины годичных колец древесины, успехи в применении данной технологии стали очевидны. Несмотря на несколько неудачных экспериментов, подавляющее большинство исследователей отмечают высокую эффективность метода, а также его перспективность для дальнейших исследований. Что касается применения метода макрофотосъемки, то с появлением в начале 2010-х гг. специализированного программного обеспечения, позволяющего проводить исследования образцов не только на месте, но и дистанционно, данный метод также доказал свою высокую эффективность. Основным его достоинством является относительно низкая стоимость, а также возможность при необходимости в любой момент провести повторное исследование образца. Появление и активное внедрение неинвазивных методов в дендрохронологию может существенно увеличить источниковую базу, доступную для исследователей, добавив к ней большое число археологических артефактов, произведений искусства, а также предметов антиквариата и многого другого.

Ключевые слова: *археология, дендрохронология, неинвазивные методы, рентгеновская микротомография, макрофотосъемка высокого разрешения.*

M.V. Utkin, M.O. Phylatova✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Mayaphylatova@gmail.com

Non-Invasive Methods in Dendrochronology: Problems and Perspectives

With the development of new technologies, several conceptually new methodological developments have appeared in the modern dendrochronology, including the study of samples using the so-called "non-invasive methods." This article details the history of the use of high-resolution macrophotography and computed tomography for studying wooden samples, which, due to their high historical, cultural, and material value, cannot be studied using traditional methods. Moreover, based on the results of foreign and Russian experiments on the use of these technologies in dendrochronology, we have made an attempt to highlight main problems and limitations of the methods, as well as to analyze their prospects both for archeology and other disciplines. A conclusion was made that, since 2007, when the first attempts to use X-ray CTs to measure the width of tree growth rings were made, the success in the use of this technology has become evident. Despite several unsuccessful experiments, the large majority of the researchers note high efficiency of the method, as well as its high potential for further research. As for macrophotography, with the emergence of special software in the early 2010s, which could make it possible to study samples not only in the field, but also remotely, this method also proved to be highly effective. Its main advantage is in its relatively low cost, as well as the ability, when necessary, to re-examine the sample at any point. The emergence and active implementation of non-invasive methods in dendrochronology can significantly increase the source base available to the researchers, adding to it a large number of archaeological artifacts, works of art, as well as antiquities and much more.

Keywords: *archeology, dendrochronology, non-invasive methods, X-ray CT, high-resolution macrophotography.*

Введение

За последние несколько десятилетий дендрохронология превратилась в один из самых продуктивных и точных методов для археологического и историко-художественного датирования, а также для определения источника происхождения и видового разнообразия древесины. При проведении любого дендрохронологического исследования первым шагом всегда является получение доступа к годичным кольцам на образцах древесины. Поскольку для измерения ширины годичных колец требуется строго поперечный срез древесины, дендрохронологи чаще всего прибегают к деструктивным, инвазивным методам, вроде высверливания кернов из археологических построек и артефактов с помощью специального бура для сухой древесины, применения бензопилы для взятия спилов или же просто разрезания образца [Kuniholm, 2002, p. 63–68]. Во многих случаях такое повреждение археологических объектов можно считать оправданным, учитывая научную ценность точного дендрохронологического датирования, определения древесных пород и происхождения археологической древесины.

Однако в некоторых случаях, использование подобных инвазивных методов является проблематичным, а чаще всего и вовсе невозможным. В особенности, когда объектом исследования являются произведения искусства, музыкальные инструменты, предметы антиквариата или же археологические артефакты. В случае, когда нельзя извлечь образец для анализа, необходимо проводить работы непосредственно на самом объекте. Например, при работе с деревянными панно, исследуются поперечные края досок, из которых это панно состоит. Эти края часто скошены и очень тонкие, а иногда покрыты краской, лаком, воском или другими слоями, которые затрудняют визуализацию годичных колец. В таких случаях поверхность необходимо очистить, для чего обычно используются скальпели (рис. 1). Данный метод также является крайне деструктивным, а разрешение на проведение подобных работ зачастую невозможно получить.

Помимо данного способа зарубежными дендрохронологами предпринимались попытки минимизировать ущерб образцам, используя для очистки их стенок абразивоструйную, а также лазерные установки [Heginbotham and Pousset, 2006, p. 89]. Однако при их использовании поверхность древесины также подвергается инвазивному вмешательству, хоть и значительно меньшему, чем при ручной зачистке образцов.

Целью данной работы является анализ современных возможностей исследования представляющих историческую и культурную ценность деревянных предметов так называемыми «неинвазивными методами» в дендрохронологии, главными из которых являются цифровая макрофотосъемка высокого разрешения с дальнейшей обработкой данных при помощи специального программного обеспечения и компьютерная томография.

Цифровая макрофотосъемка в дендрохронологии

К началу XXI в. методы регистрации годичных колец заметно улучшились. В самом начале изучения произведений искусства методом дендрохронологии, для измерения ширины колец использовалась увеличительная линза со шкалой, которая достигала в лучшем случае разрешения 0,1 мм, а ширину колец просто записывали на листе бумаги [Fletcher, 1977, p. 335–352]. Другим, менее точным, но также эффективным методом было присвоение относительных значений каждому кольцу [Jansma, Hanraets, Vernimmet, 2004, p. 139–141]. В обоих случаях измерения могли использоваться для перекрестной датировки с другими рядами древесных колец, но отсутствие точности сильно затрудняло этот процесс. Чтобы преодолеть эту проблему, альтернативой являлось измерение годичных колец историко-художественных объектов непосредственно на самом объекте, но с использованием из-

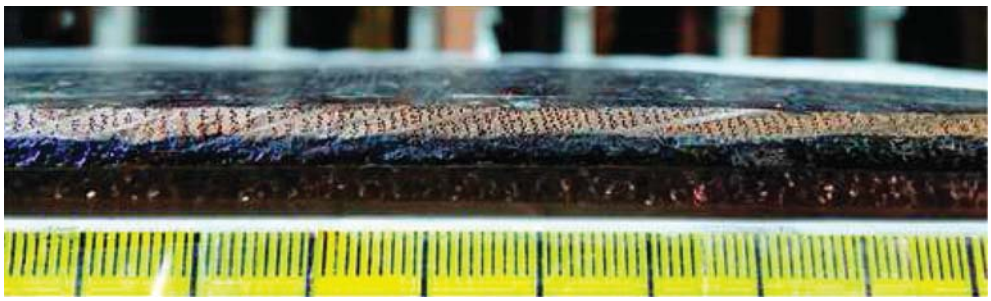

Рис. 1. Дендрохронологическое исследование художественных исторических объектов: поперечный край панно, очищенный ножами-скальпелями (по: [Domínguez-Delmás, 2020]).

мерительного устройства и микроскопа, которые обеспечивают разрешение не менее 0,01 мм. Однако общим ограничением для всех этих трех методов измерения является тот факт, что единственными остаточными сведениями о произведенных измерениях являются лишь записи на бумаге или на более современном этапе – записи в цифровом формате, полученные с помощью измерительных устройств. Следовательно, повторное изучение самих древесных колец объекта становится препятствием, поскольку повторный доступ к предметам, например в музее, получить трудно, поэтому архивирование данных исследуемых образцов стало одной из первостепенных задач всей современной дендрохронологии [Creasman, 2011, p. 103–115].

На современном этапе, благодаря достижениям в области цифровой фотографии, стало возможным измерять годичные кольца на объектах при помощи фотографий, сделанных на месте и одновременно выполнить анализ древесных колец с помощью специальных измерительных устройств. Чаще всего используются приборы типа Video Time Table (рис. 2), которые по своей сути объединяют в себе цифровую видеокамеру высокого разрешения и портативное измерительное устройство, позволяющее манипулировать этой камерой по всем трем осям координат [Bernabei et al., 2010, p. 192–200]. Кроме того, древесные кольца теперь также можно запечатлеть на цифровых макроснимках в перекрывающейся последовательности для последующего измерения с высокой точностью при помощи специализированного программного обеспечения для анализа изображений, например, PAST4, CooRecorder и т.д. [Rodríguez-Trobajo, Domínguez-Delmás, 2015, p. 148–161].

Благодаря этому, сейчас возможно практически в любой момент получить изображения исследуемых поверхностей, а затем при необходимости использовать их повторно, проверить возможные ошибки, а также начать исследовать другие аспекты.

Данный метод также начинает активно внедряться и в отечественной дендрохронологии. В 2016 г., сотрудниками ИГ и ИА РАН, было проведено исследование трех икон XV–XVII вв., в котором активно применялась макрофотосъемка зачищенных поперечных сечений панелей икон [Matskovskiy, Dokgikh, Voronin, 2016, p. 60–68]. Затем, фотографии были объединены и занесены в программу CooRecorder © [CooRecorder basics…], где ширина всех колец была измерена, а на выходе получилось несколько готовых рядов, готовых к перекрестной датировке.

Рис. 2. Дендрохронологический измерительный прибор Video Time Table, использующийся в исследованиях. (по: [Bernabei, Bontadi, Rossi Rognoni, 2010]).

Применение компьютерной томографии в дендрохронологии

В конце 1980-х гг., вдохновившись новейшими разработками в области медицинской компьютерной томографии, в дендрохронологии начался новый этап поисков универсального способа исследования археологических объектов без разрушения и причинения вреда последним. Компьютерная томография (CT), которая впервые была использована в медицине в 1971 г. позволяла реконструировать участки человеческого тела, не причиняя никакого вреда пациенту, что и с археологической точки зрения действительно являлось многообещающей перспективой. Однако, самые первые эксперименты с археологическими образцами, к сожалению, не увенчались успехом. В частности, эксперименты немецких [Reimers et al., 1989, p. 121–125] и датских [Preuss, Christensen, Peters, 1991, p. 123–130] исследователей показали, что хотя данная методика позволяла различать более твердые и более мягкие части годичных колец в хвойной древесине, разрешение реконструированного разреза (ок. 1 мм) было слишком мало для дендрохронологического датирования.

Полученные результаты, по-видимому, на некоторое время остановили поиски недеструктивных

методов исследования древесины, ведь следующая попытка была осуществлена лишь в начале 2000-х гг., причем уже на другой платформе – промышленном рентгеновском микрофокусном компьютерном томографе (X-ray CT). Подобные аппараты, которые могут обеспечить разрешение вплоть до нескольких микрометров, создавались еще с 80-х гг., но для очень маленьких объектов. Лишь к началу нового тысячелетия они стали достаточно большими, чтобы в них можно было поместить образец достаточного размера для проведения дендрохронологического анализа.

Первой успешной датировкой деревянного объекта на основе компьютерной томографии было произведенное в 2006 г. исследование рукояти инструмента, сделанной из дуба [Grabner, Salaberger, Okochi, 2009, p. 349–352]. После публикации данной работы дендрохронологи по всему миру, один за одним, начали предпринимать успешные попытки использования X-ray томографов в своих исследованиях [Okochi, Fujii, Mitsutani, 2007, p. 155–164; Dreossi et al, 2009, p. 34–39].

Кроме работ отдельных исследователей, начиная с 2007 г., по всему миру стартовало несколько крупномасштабных международных проектов, целью которых было изучение потенциала рентгеновской томографии при работе с разными породами деревьев (проект DendroCT), а также с древесиной разной степени сохранности (проект ABD). По их результатам была доказана высокая эффективность и ценность X-ray томографа для дендрохронологических исследований [Bill et al., 2012, p. 223–230; Streeton, 2013, p. 1350–1550].

Однако, несмотря на очевидные успехи в применении метода, были и сообщения о неудачных попытках сканирования некоторых пород археологической древесины: в основном они были связаны с тем, что образцы были влажными и контраст между водой и самой древесиной был слишком низок для удачного сканирования [Bill et al., 2012, p. 225].

Но даже при учете подобных неточностей метода, использование технологии сканирования образца вместо традиционного взятия образцов для дендрохронологии имеет несколько очевидных преимуществ. Количество образцов, проанализированных в любом исследовании, обычно ограничивается степенью повреждения археологического материала.

В российской дендрохронологии также предпринималась попытка применения компьютерной томографии при исследовании древесины неинвазивным путем: в 2010 г. совместными усилиями сотрудников ИАЭТ и ИЯФ СО РАН было проведено исследование деревянного изделия методом рентгеновской томографии [Гольдберг, Купер, Слюсаренко, 2010, с. 176–180]. Экспериментальным образцом данного исследования послужила деревянная бляха в форме усеченного конуса со сквозным отверстием в центре, которая являлась деталью колчана (рис. 3) и происходила из кург. 1 могильника Ак-Алаха 1 [Полосьмак, 1994, с. 30]. Образец был небольшого размера (диаметром 37 и высотой 14 мм), изготовлен из тонкослойной древесины и содержал большое количе-

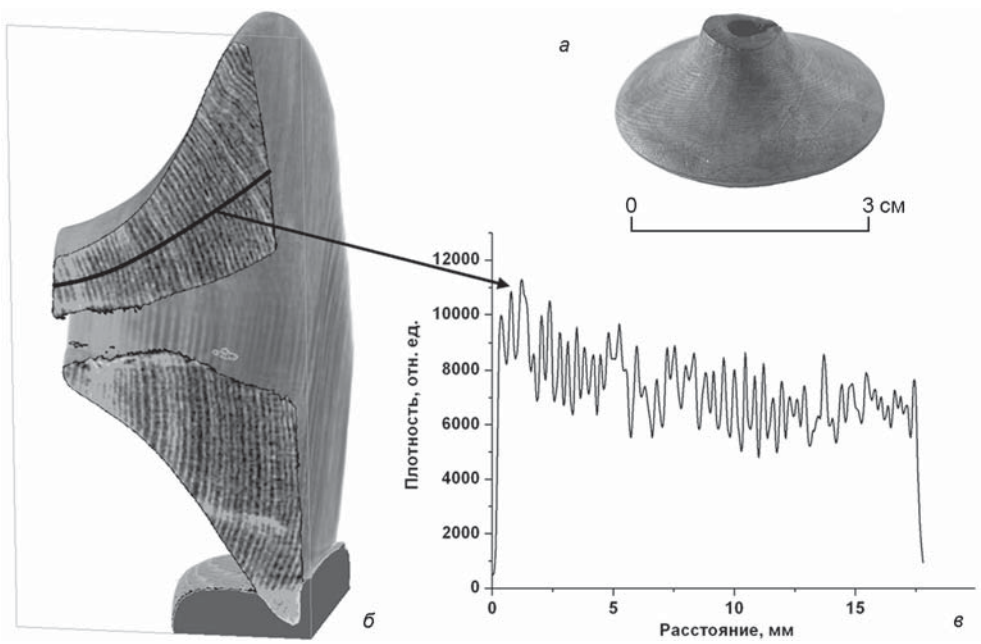

Рис. 3. Исследование деревянного изделия методом вычислительной рентгеновской томографии.

а – общий вид колчанной бляхи из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1; *б* – поперечный разрез предмета с обозначенным радиусом измерения; *в* – кривая плотности, отражающая изменчивость ширины годичных колец. (по: [Гольдберг, Купер, Слюсаренко, 2010]).

ство годичных колец, из-за чего он и был выбран для этого исследования. В качестве томографической установки использовалась станция «Томографии и микроскопии» ИЯФ СО РАН. В результате эксперимента было получено полное трехмерное изображение образца с разрешением вплоть до 0,1 мм, что обеспечивало довольно отчетливое различение границ годичных колец, в том числе и достаточно узких. Единственной на тот момент нерешенной проблемой являлась рабочая область детектора установки. Размер пучка синхротронного излучения, а также используемая длина волны рентгеновского излучения, наложили ограничения на размер исследуемых объектов, который на тот момент не мог превышать 50–60 мм в поперечном сечении [Гольдберг, Купер, Слюсаренко, 2010, с. 176–180].

Заключение

Используя техники, основанные на сканировании или фотографировании объектов, мы обнаруживаем, что существует огромный объем информации, который может быть получен без ущерба для материала, поэтому единственным ограничением использования данных методов является лишь финансирование. Поскольку сканирование в промышленном томографе стоит дорого – одно сканирование с последующей реконструкцией часто занимает 2 часа, а нить накала, производящая рентгеновские лучи, изнашивается – использование метода компьютерной томографии требует дополнительных финансовых средств. Однако, задумываясь об этих затратах, следует помнить о том ущербе, который наносится предметам при традиционном отборе образцов: насколько велики затраты на разрезание объекта не только с точки зрения его дальнейшего ремонта или реставрации, но и с позиции потери прочности конструкции, а также в аспекте дальнейшей научной и культурной ценности артефакта. Кроме того, дополнительным преимуществом при работе со сканированием является то, что изображения можно сохранить и повторно изучить в будущем, в то время как при традиционном методе повторное разрешение исследователю могут и не дать.

Появление и активное внедрение неинвазивных методов в дендрохронологию может существенно увеличить источниковую базу, доступную для исследователей, добавив к ней большое число археологических артефактов, произведений искусства, а также предметов антиквариата и многого другого.

Благодарности

Филатова М.О. работала в рамках темы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0010.

Список литературы

Гольдберг Е.Л., Купер К.Э., Слюсаренко И.Ю. Предварительные результаты использовния метода вычислительной рентгеновской томографии для анализа археологических деревянных изделий // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI.– С. 176–180.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы». – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. – 125 с.

Bernabei M., Bontadi J., Rossi Rognoni G. A dendrochronological investigation of stringed instruments from the collection of the Cherubini Conservatoryin Florence, Italy // Journal of Archaeological Science. – 2010. – Vol. 37. – P. 192–200. – doi:10.1016/j.jas.2009.09.031.

Bill J., Daly A., Johnsen O., Dalen K. DendroCT – Dendrochronology without damage // Dendrochronologia. – 2012. – Vol. 30, iss. 3. – P. 223–230. – doi:10.1016/j.dendro.2011.11.002.

Creasman P.P. Basic principles and methods of dendrochronological specimen curation // Tree-Ring Research. – 2011. – Vol. 67, iss. 2. – P. 103–115. – doi:10.3959/2011-2.1

CooRecorder basics [Электронный ресурс] // Cybis Elektronik & Data AB. – URL:https://www.cybis.se/forfun/dendro/helpcoorecorder7/ (дата обращения 05.09.2021).

Dreossi D., Favretto S., Fioravanti M., Mancini L., Rigon L., Sodini N., Tromba G., Zanini F. Synchrotron radiation micro-tomography: a non-invasive tool for the characterization of archaeological wood // Wood Science for Conservation of Cultural Heritage, Firenze University Press. – 2009. – P. 34–39.

Fletcher J.M. Tree-ring chronologies for the 6th to 16th centuries for oaks of southern and eastern England // Journal of Archaeological Science – 1977. – Vol. 4, iss. 4. – P. 335–352. – doi:10.1016/0305-4403(77)90028-0.

Grabner M., Salaberger D., Okochi T. The need of high resolution μ-X-ray CT in dendrochronology and in wood identification // Proceedings of 6th International Symposium on Image and Signal Processing and Analysis. – 2009. – P. 349–352. – doi:10.1109/ISPA.2009.5297695.

Heginbotham A., Pousset D. The Practical Application of Dendrochronology to Furniture: The Case of the J. Paul Getty Museum's Renaissance Burgundian Cabinet // Journal of the American Institute for Conservation. – 2006. – Vol. 45, iss. 2. – P. 89. – doi:10.1179/019713606806112522.

Jansma E., Hanraets E., Vernimmet T. Tree-ring research on Dutch and Flemish art and furniture // Tree Rings in Archaeology, Climatology and Ecology. – 2004. – Vol. 2. – P. 139–146.

Kuniholm P.I. Archaeological dendrochronology // Dendrochronologia. – 2002. – Vol. 20, iss. 1–2. – P. 63–68. – doi:10.1078/1125-7865-00008

Matskovsky V., Dolgikh A., Voronin K. Combined dendrochronological and radiocarbon dating of three Russian

icons from the 15th–17th century // Dendrochronologia. – 2016. – Vol. 39. – P. 60–68. – doi:10.1016/j.dendro.2015.10.002.

Okochi T., Fujii H., Mitsutani T. Nondestructive tree-ring measurements for Japanese oak and Japanese beech using micro-focus X-ray computed tomography // Dendrochronologia. – 2007. – Vol. 24, iss. 2–3. – P. 155–164. – doi:10.1016/j.dendro.2006.10.010.

Preuss P., Christensen K., Peters K. The use of computer-tomographical X-ray scanning in dendrochronology // Norwegian Archaeological Review. – 1991. – Vol. 24. – P. 123–130.

Reimers P., Riederer J., Goebbels J., Kettschau A. Dendrochronology by means of X-ray computed tomography (CT) // Archaeometry: Proceedings of the 25th International Symposium, Elsevier Science. – 1989. – P. 121–125.

Rodríguez-Trobajo E., Domínguez-Delmás M. Swedish oak, planks and panels: dendroarchaeological investigations on the 16th century Evangelistas altarpiece at Seville Cathedral (Spain) // Journal of Archaeological Science. – 2015. – Vol. 54, iss. 1–2. – P. 148–161. – doi:10.1016/j.jas. 2014.11.039

Streeton N.L.W. Project description: After the Black Death: Painting and Polychrome Sculpture in Norway // Norwegian Research Council, Oslo. – 2013. –P. 1350–1550.

References

Bernabei M., Bontadi J., Rossi Rognoni G. A dendrochronological investigation of stringed instruments from the collection of the Cherubini Conservatoryin Florence, Italy. *Journal of Archaeological Science*, 2010. Vol. 37. P. 192–200. doi: 10.1016/j.jas.2009.09.031.

Bill J., Daly A., Johnsen O., Dalen K. DendroCT – Dendrochronology without damage. *Dendrochronologia*, 2012, vol. 30, iss. 3, pp. 223–230. doi:10.1016/j.dendro.2011.11.002.

Creasman P.P. Basic principles and methods of dendrochronological specimen curation. *Tree-Ring Research*, 2011. Vol. 67, iss. 2. P. 103–115. doi:10.3959/2011-2.1.

CooRecorder basics. In *Cybis Elektronik & Data AB*. URL: https://www.cybis.se/forfun/dendro/helpcoorecorder7/ (Accessed: 05.09.2021)

Dreossi D., Favretto S., Fioravanti M., Mancini L., Rigon L., Sodini N., Tromba G., Zanini F. Synchrotron radiation micro-tomography: a non-invasive tool for the characterization of archaeological wood. *Wood Science for Conservation of Cultural Heritage*, Firenze Univ. Press, 2009. P. 34–39.

Fletcher J.M. Tree-ring chronologies for the 6th to 16th centuries for oaks of southern and eastern England. *Journal of Archaeological Science*, 1977. Vol. 4, iss. 4. P. 335–352. doi:10.1016/0305-4403(77)90028-0.

Goldberg Ye.L., Kuper K.E., Slyusarenko I.Yu. Predvaritelnyye rezultaty ispolzovniya metoda vychislitelnoy rentgenovskoy tomografii dlya analiza arkheologicheskikh derevyannykh izdeliy. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* vol. XXVI. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2010. P. 176–180 (In Russ.).

Grabner M., Salaberger D., Okochi T. The need of high resolution μ-X-ray CT in dendrochronology and in wood identification. *Proceedings of 6th International Symposium on Image and Signal Processing and Analysis*, Salzburg, 2009. P. 349–352. doi:10.1109/ISPA.2009.5297695.

Heginbotham A., Pousset D. The Practical Application of Dendrochronology to Furniture: The Case of the J. Paul Getty Museum's Renaissance Burgundian Cabinet. *Journal of the American Institute for Conservation*, 2006. Vol. 45, iss. 2. P. 89. doi: 0.1179/019713606806112522

Jansma E., Hanraets E., Vernimmet T. Tree-ring research on Dutch and Flemish art and furniture. *Tree Rings in Archaeology, Climatology and Ecology*,2004. Vol. 2. P. 139–146.

Kuniholm P.I. Archaeological dendrochronology. *Dendrochronologia*, 2002. Vol. 20, iss. 1–2. P. 63–68. doi:10.1078/1125-7865-00008.

Matskovsky V., Dolgikh A., Voronin K. Combined dendrochronological and radiocarbon dating of three Russian icons from the 15th–17th century. *Dendrochronologia*, 2016. Vol. 39. P. 60–68. doi:10.1016/j.dendro.2015.10.002

Okochi T., Fujii H., Mitsutani T. Nondestructive tree-ring measurements for Japanese oak and Japanese beech using micro-focus X-ray computed tomography. *Dendrochronologia*, 2007. Vol. 24, iss. 2–3. P. 155–164. doi:10.1016/j.dendro.2006.10.010.

Polosmak N.V. «Steregushchiye zoloto grify». Novosibirsk: Siberian Branch Nauka, 1994, 125 p (In Russ.).

Preuss P., Christensen K., Peters K. The use of computer-tomographical X-ray scanning in dendrochronology. *Norwegian Archaeological Review*, 1991. Vol. 24. P. 123–130.

Reimers P., Riederer J., Goebbels J., Kettschau A. Dendrochronology by means of X-ray computed tomography (CT). *Archaeometry: Proceedings of the 25th International Symposium*, Elsevier Science, 1989. P. 121–125.

Rodríguez-Trobajo E., Domínguez-Delmás M. Swedish oak, planks and panels: dendroarchaeological investigations on the 16th century Evangelistas altarpiece at Seville Cathedral (Spain). *Journal of Archaeological Science*, 2015. Vol. 54, iss. 1–2. P. 148–161. doi:10.1016/j.jas. 2014.11.039

Streeton N.L.W. Project description: After the Black Death: Painting and Polychrome Sculpture in Norway. *Norwegian Research Council*, Oslo, 2013. P. 1350–1550.

Уткин М.В. https://orcid.org/0000-0003-2603-7728
Филатова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0702-0709
УДК 903.01 / 903.08

А.Ю. Федорченко[1], М.В. Селецкий[1]✉, А.И. Лебединцев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский
институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: archmax95@gmail.com

Исследование орнаментированных изделий из кости стоянки Ольская с применением трехмерного моделирования

В данной работе обсуждаются вопросы практического применения технологий трехмерного моделирования при изучении костяных артефактов с гравированными изображениями эпохи палеометалла. Для реализации цели исследования был проведен комплексный анализ гребня из рога, полученного в результате раскопок Ольской стоянки – одного из опорных археологических объектов токаревской культуры Северного Приохотья. Обсуждаемый артефакт обладает сложным геометрическим орнаментом, что позволило использовать его для апробации различных инструментов технологии 3D-моделирования. В результате проведенного исследования была реконструирована операционная последовательность производства изделия, предполагавшая расщепление рога северного оленя для получения заготовки, обработку строганием, двустороннее прорезание зубцов, подготовку поверхности шлифовкой, нанесение орнамента и перфорацию. Линейный орнамент на гребне составляет композицию из горизонтальных мотивов в виде полос мелких прямоугольников и зигзагов, выполненных двойными линиями. Применение технологий 3D-сканирования позволило получить точные данные относительно морфометрических параметров элементов декора, последовательности их нанесения и используемых инструментов. В результате проведенных замеров было установлено, что метрические характеристики целых прямоугольников в орнаментальной композиции существенно отличаются. При этом результаты исследования позволили судить о минимальном различии в глубине прорезанных линий как при оформлении прямоугольников всех рядов, так и диагональных полос. Выявленные особенности позволили предполагать, что процесс нанесения орнамента выполнялся одним мастером, посредством использования одного и того же инструмента. Судя по характеру фиксируемых следов обработки, оформление зубцов и декора осуществлялось разными орудиями. Полученные данные наглядно свидетельствуют о наличии специализации в инструментарии костерезного производства и общем высоком уровне технологий обработки кости у носителей токаревской культуры.

Ключевые слова: *Северное Приохотье, палеометалл, токаревская культура, орнаментированные изделия, технологический анализ, 3D-моделирование.*

A.Yu. Fedorchenko[1], M.V. Seletskiy[1]✉, A.I. Lebedintsev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS
Magadan, Russia
E-mail: archmax95@gmail.com

Investigation of Ornamented Bone Items from the Olskaya Site Using Three-Dimensional Modelling

This paper discusses the practical application of three-dimensional modelling technologies in studying bone artefacts with engraved images of the paleometal era. To achieve the study goal, we carried out a comprehensive analysis of the antler crest obtained from excavations at the Olskaya site, one of the key archaeological sites of the Tokarev culture in the Northern Priokhotye. The artefact under discussion has a complex geometric pattern, which made it possible to use it to test various tools of 3D modelling technology. As a result of our research, we reconstructed the operational sequence of the

item production, which involved splitting a reindeer antler to obtain a blank, planing, double-sided cutting of teeth, surface preparation by grinding, ornamentation, and perforation. The linear ornamentation on the crest makes up a composition of horizontal motifs as stripes of small rectangles and zigzags made in double lines. 3D scanning technologies made it possible to obtain accurate data on the morphometric parameters of decorative elements, the sequence of their application and the tools used. As a result of our measurements, we found out that the metric characteristics of whole rectangles in the ornamented composition differ significantly. The study results showed a minimum difference in the cut lines' depth, both in rectangles of all rows and diagonal stripes. The revealed features made it possible to assume that one master who used the same tool cut the ornament. The nature of the processing traces shows that the design of the teeth and decoration were made with different tools. The obtained data indicate the presence of specialization in the toolkit of bone carving production and a generally high level of bone processing technologies among the Tokarev culture people.

Keywords: *Northern Priokhotye, paleometal age, Tokarev culture, ornamented items, technological analysis, 3D modelling.*

Введение

Традиция украшения костяных изделий узорами из линий, точек и геометрических фигур имеет глубокие корни в истории человеческих сообществ. На территории крайнего Северо-Востока Азии одна из наиболее представительных коллекций орнаментированных артефактов эпохи палеометалла происходит из памятников токаревской культуры [Лебединцев, 1985; 1990; 1996; 2014]. Среди предметов искусства этой традиции выделяются многочисленные подвески, зоо- и антропоморфные изображения из камня и кости, украшенные насечками и линиями; сложный резной орнамент фиксируется на поверхностях костяных орудий: наконечников гарпунов, игольников, проколок, гребней, рукоятей и ложек. Орнаментальные мотивы на изделиях токаревской культуры находят сходство в материалах древнеберингоморской традиции Чукотки [Лебединцев, 2019]. Черты сходства токаревского орнамента обнаруживаются в декоративном творчестве эскимосов и алеутов по этнографическим данным.

Исследования декорированных артефактов подразумевают анализ техники и технологии создания изображений, изучение их семантики и стилистики, установление связей с формой и назначением самого изделия [Фролов, 1974; Цетлин, 2004; Хлопачев, 2020]. Многоплановость смыслового содержания орнаментов, сложность и разнообразие их материального воплощения порождают множество проблем методологического плана. Максимальное раскрытие информационного потенциала гравированных изображений невозможно без проведения тщательной источниковедческой работы: корректной фиксации всех элементов декора и общей композиции, точного измерения морфометрических параметров гравировок и их визуализации. В качестве одного из перспективных методов для анализа разнообразных орнаментов в практике современных археологических исследований рассматривается трехмерное моделирование [Свойский и др., 2020; Колобова и др., 2021].

Цель настоящей работы заключалась в рассмотрении вопросов практического применения 3D-сканирования при анализе костяных артефактов с гравированными изображениями эпохи палеометалла. Для реализации этой задачи было проведено комплексное изучение гребня из рога (рис. 1), полученного в результате раскопок стоянки Ольской – одного из опорных памятников токаревской культуры Северного Приохотья. Рассматриваемый артефакт обладает сложным геометрическим орнаментом, что позволило использовать его для апробации разнообразных инструментов технологии трехмерного моделирования.

Материалы и методы исследования

Ольская стоянка расположена на м. Восточный, в 10 км от г. Магадан (Магаданская область, Россия), предположительная площадь памятника – 9000 м^2. Стоянка исследуется археологической экспедицией СВКНИИ ДВО РАН под руководством А.И. Лебе-

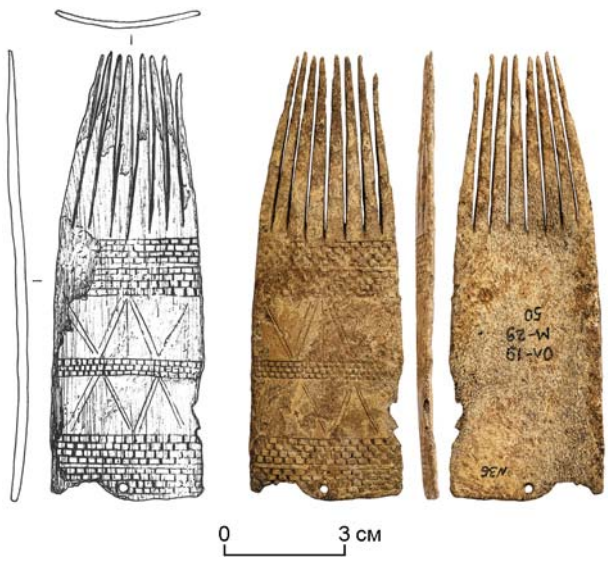

Рис. 1. Орнаментированный гребень со стоянки Ольская (Северное Приохотье).

динцева с 1982 г. В результате проведенных работ на археологическом объекте было зафиксировано 26 котлованов округлой формы, в 1984 г. на участке площадью 120 м^2 было полностью изучено одно углубленное жилище глубиной 0,6 и диаметром 6 м [Лебединцев, 1990]. Анализируемый орнаментированный гребень был получен в 2019 г. с участка размером 10 × 1 м, непосредственно примыкающего к основному раскопу [Лебединцев и др., 2019]. С функциональной точки зрения памятник рассматривается как долговременное поселение морских зверобоев, охотников и рыболовов. На основании серии радиоуглеродных дат, полученных по образцам кости и угля, хронология Ольской стоянки определяется в диапазоне от 2480 ± 20 до 1800 ± 60 некал л.н. [Лебединцев и др., 2019].

Проведенное исследование базировалось на данных экспериментально-трасологического и технологического методов, дополненных результатами трехмерного моделирования. Выявление и анализ признаков обработки и износа, изучение гравировок происходило при среднем (×45) и малом (×7) увеличении посредством стереомикроскопа Альтами СМ0745-Т с косым освещением. Для наиболее точной фиксации морфологии орнамента была проведена макрофотосъемка с использованием зеркальной фотокамеры Canon EOS 5D Mark IV, подключенной к компьютеру через приложение EOS Utility. Фотокамера оснащалась макрообъективом Canon EF 100mm f/2.8 Macro USM и устанавливалась на штативе с ручной наводкой на резкость. Благодаря использованию режима «Remote live view shooting», процесс макросъемки осуществлялся в режиме реального времени с выбором места фокусировки на ЖК-дисплее.

Рис. 2. Трехмерная модель орнаментированного гребня со стоянки Ольская (Северное Приохотье).

3D-моделирование артефакта осуществлялось с использованием сканера структурированного подсвета RangeVision Spectrum. Исследуемый объект устанавливался на платформе поворотного стола и автоматически сканировался с различных ракурсов в программе ScanCenter NG. Посредством этого программного обеспечения осуществлялся контроль над основными операциями в процессе моделирования: обработка групп изображений, их совмещение и создание трехмерной модели. Дальнейшая обработка происходила в бесплатных версиях программ Geomagic WRAP и Geomagic Design X, в первой осуществлялся контроль качества модели и коррекция ее недостатков, во второй – визуализация рельефа поверхности предмета и измерения морфометрических характеристик различных участков поверхности артефакта [Колобова и др., 2019]. Погрешность в измерениях сканера RangeVision Spectrum составила 0,04–0,06 мм. При создании итогового коллажа (рис. 2), изображения артефакта размещались в шести проекциях, согласно основным внешним видимым поверхностям сканируемого объекта, с применением однонаправленного света и оптимального цвета заливки. Для наиболее корректной визуализации особенностей орнамента было подготовлено изображение в увеличенном масштабе посредством карты кривизны сетки (рис. 3), выступающей вспомогательным инструментом исследования поверхностей микрорельефа артефактов, дополняющим макрофото [Селецкий, Чистяков, Федорченко, 2020].

Результаты исследования

Проведенный трасологический анализ позволил оценить сохранность поверхности гребня как удовлетворительную. Следы обработки и износа на артефакте оказались частично деформированными, вследствие высыхания и поверхностной эрозии. Тем не менее, некоторое снижение информативности этого изделия не помешало реализовать базовые исследовательские процедуры, необходимые для установления его назначения и способа производства. Гребень выполнен из тонкой пластины рога оленя, обладает удлиненной подпрямоугольной формой, прямым профилем и вогнуто-выпуклым поперечным сечением. Благодаря применению трехмерного моделирования были уточнены

метрические характеристики артефакта: его длина составляет 109,8 мм, ширина – 37,3 мм, толщина варьирует от 2,7 до 2,9 мм. В дистальной части орудия фиксируется восемь зубцов (рис. 4, *2*) вытянутой подтреугольной формы с овальным сечением, достигающих 39,3–44,7 мм в длину, от 2,8 до 3,3 мм в ширину и 1,8–2,9 мм – толщину. Изделие имеет прямой обушок и округле отверстие для подвешивания в проксимальной части.

Технология изготовления орнаментированного гребня Ольской стоянки состояла из последовательной реализации нескольких операций. Начальная стадия предполагала первичную обработку рога северного оленя посредством рубящих орудий для получения заготовки – одинарной роговой пластины. Одна широкая сторона заготовки сохраняла компактную роговую ткань, противоположная – губчатое вещество. На следующем этапе происходило формирование общего контура заготовки строганием и оформление зубцов путем двустороннего прорезания металлическим инструментом с лезвием V-образной формы. Дальнейшие стадии подразумевали окончательное оформление поверхности шлифовкой, нанесение на выпуклую сторону артефакта орнамента и его перфорацию. Использование 3D-сканирования позволило уточнить диаметр отверстия –

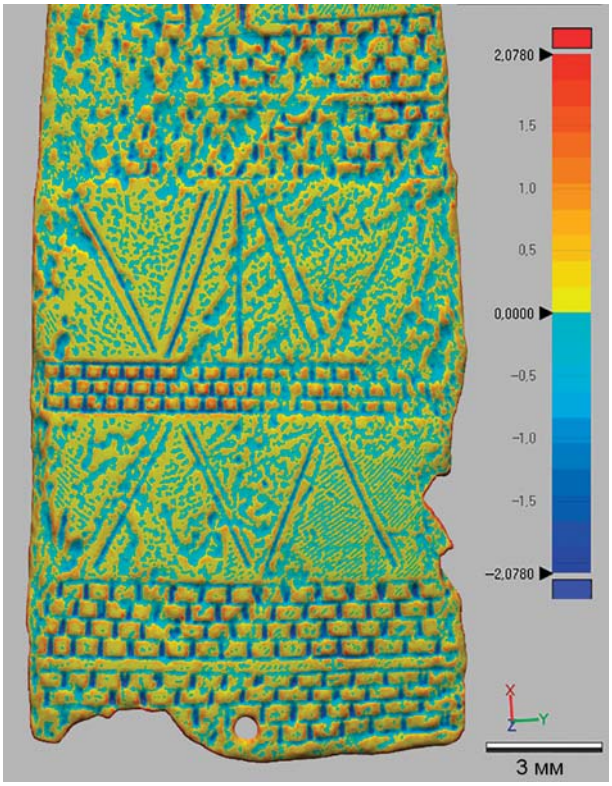

Рис. 3. Карта кривизны сетки, визуализирующая орнамент на гребне со стоянки Ольская (Северное Приохотье).

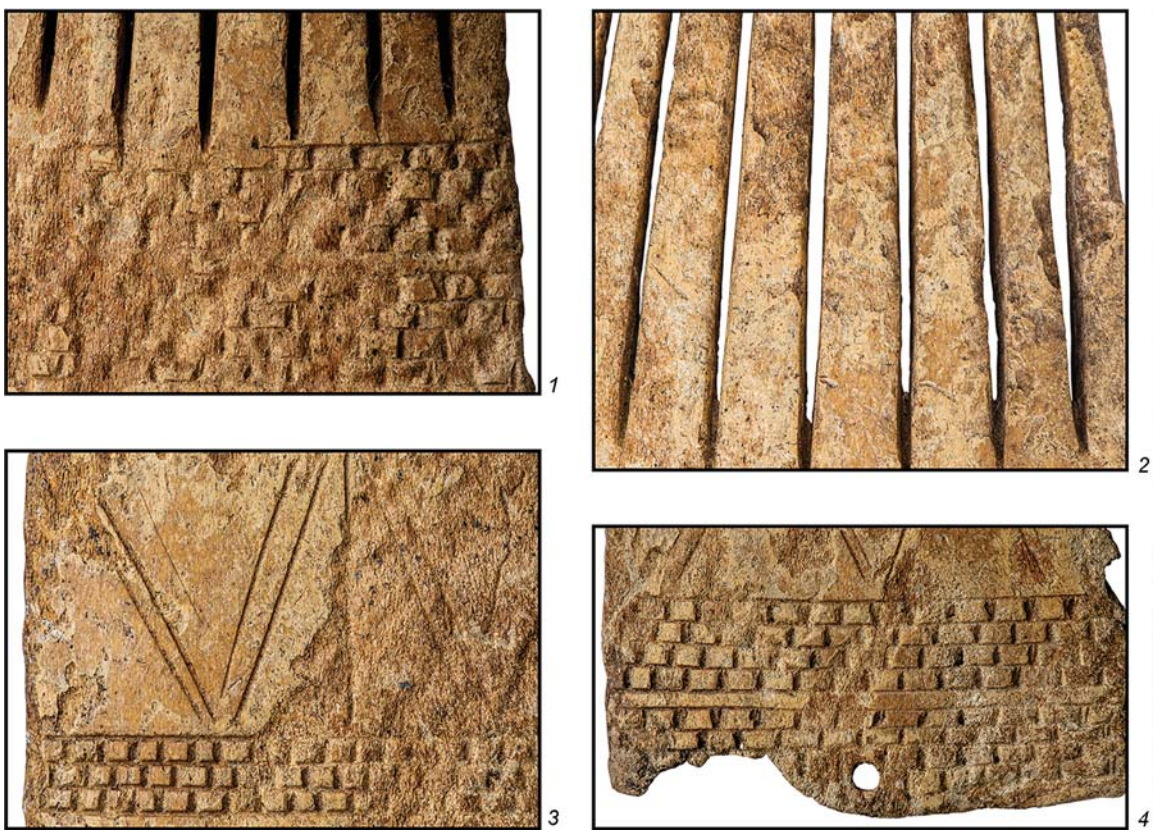

Рис. 4. Следы обработки и орнаментации на поверхности гребня со стоянки Ольская (Северное Приохотье).

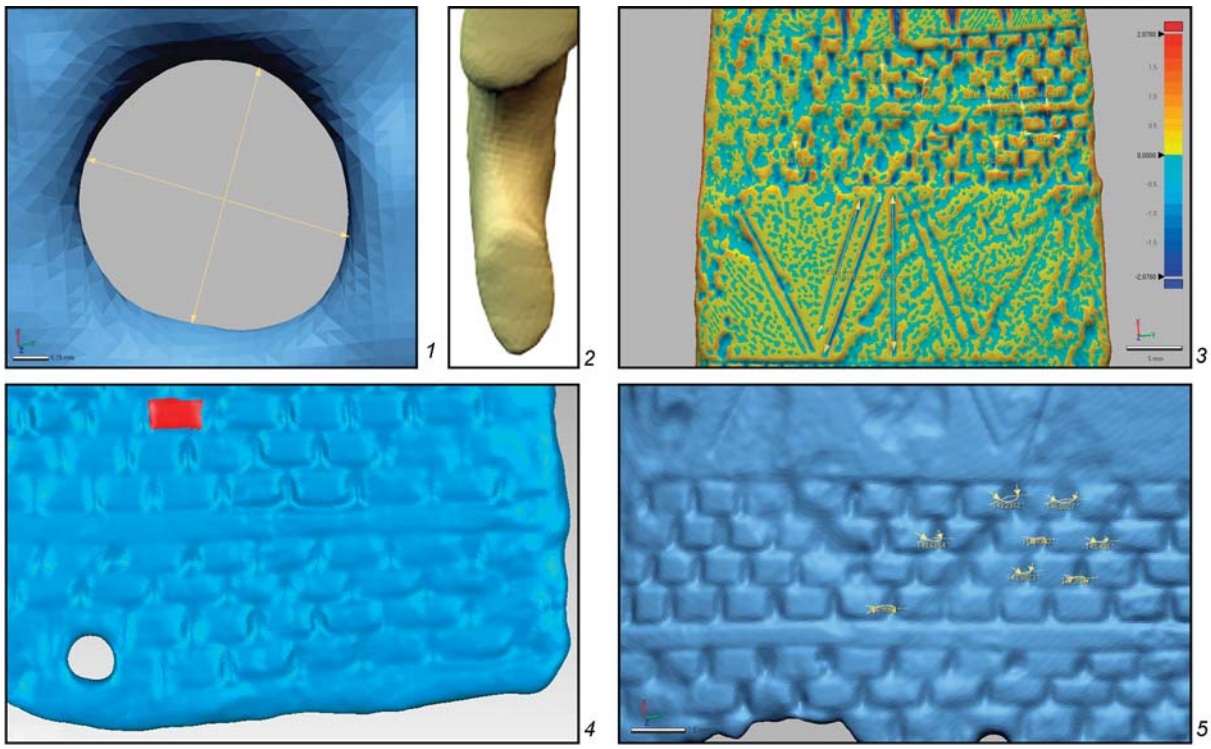

Рис. 5. Манипуляции с трехмерной моделью гребня со стоянки Ольская, реализуемые в программе Geomagic Design X.
1 – измерение диаметра сверленого отверстия; *2* – продольный профиль отверстия; *3* – измерение длины диагональных линий; *4* – измерение площади прямоугольных элементов декора; *5* – измерение углов.

1,8376–1,9114 мм (рис. 5, *1*). В процессе работы с моделью было выполнено продольное сечение гребня и получена возможность демонстрации профиля его отверстия (рис. 5, *2*). Фиксируемая морфология следов перфорации указывает на использование двустороннего сверления, направленного на формирование сквозного конусообразного отверстия с вогнутой стороны изделия и последующее рассверливание с противоположной плоскости. Процесс перфорации артефакта осуществлялся сверлом исключительно малого диаметра.

Из-за специфической сохранности поверхности гребня и наличия повреждений орнамент оказался частично утраченным. В качестве основного элемента декора на артефакте выступают прямые линии, оформленные прорезанием металлическим резчиком. Линейный орнамент составляет композицию из горизонтальных мотивов – 19 полос, состоящих из мелких прямоугольников, ориентированных поперечно длинной оси артефакта. В общей сложности в каждом из подобных рядов сохранилось от 13 до 21 прямоугольника. Линии с указанными геометрическими фигурами группируются в пять блоков: по два из четырех полос в дистальной (см. рис. 4, *1*) и проксимальной частях (рис. 4, *4*), один блок из трех рядов – в медиальной (рис. 4, *3*). Группу из трех линий с прямоугольниками в центре артефакта отделяет от блоков в дистальной и проксимальной частях снизу и сверху орнаментальный мотив, выполненный парными, диагонально ориентированными линиями; в центре композиции отмечены две продольные линии (рис. 4, *3*), аналогично – сверху и снизу от медиального блока из прямоугольников.

В рамках исследования посредством манипулирования моделью в программном обеспечении Geomagic Design X были уточнены метрические параметры геометрических элементов орнамента. Линейные измерения в указанной программе, вплоть до мельчайших деталей, проводились в ручном режиме путем использования функции «измерить расстояние» (см. рис. 5, *3*). Для осуществления этой операции на противоположные края измеряемого объекта устанавливались две точки, создавая отрезок, который и измеряла программа. В результате проведенных замеров было установлено, что метрические характеристики целых прямоугольников в орнаментальной композиции существенно отличаются. Длина прямоугольников в дистальной и проксимальной частях гребня составила от 1,1 до 2,4 мм, ширина – от 0,7 до 1,4 мм. Размеры целых фигур этого типа в медиальной части орудия отличаются: при незначительно уступающей ширине (на 20–30 %) их длина на 40–60 % меньше прямоугольников в предыдущих рядах. Длина целых диагональных ли-

ний в верхнем ряду колеблется от 15 до 15,8 мм, в нижнем она на 15–17 % меньше и составляет 12,5–13,4 мм.

Для верификации данных по размерным характеристикам прямоугольников был осуществлен подсчет их площади. Указанная операция производилась в программе Geomagic Design X – контуры геометрических фигур выделялись курсором, после чего происходили замеры площади (рис. 5, *4*). Зафиксированные значения для прямоугольников в двух блоках дистальной части гребня составили 3,721 и 2,883 мм^2, для группы из трех рядов в центре – 1,74 мм^2, блоков в проксимальной части – 2,852 и 3,154 мм^2. Полученные данные наглядно демонстрируют увеличение размерности составных элементов орнамента от центра артефакта к его проксимальной и дистальной частям.

С помощью вышеописанного алгоритма была измерена глубина прорезанных линий, фиксируемых между прямоугольными элементами орнамента. Глубина прорези между прямоугольниками двух блоков в проксимальной части артефакта составляет в среднем 0,48 и 0,5 мм, в средней части – 0,45 мм, двух нижних рядов – 0,66 и 0,62 мм. Аналогичная операция была проведена и для измерения диагональных линий, глубина которых колеблется от 0,2 до 0,3 мм. Результаты исследования позволяют судить о минимальном различии в глубине прорезанных линий как при оформлении прямоугольников всех рядов, так и диагональных полос; фиксируемое различие составило от 0,02 до 0,17 мм.

Дальнейший анализ гравировок в программе Geomagic Design X позволил провести измерения углов, под которыми прорезались линии в прямоугольниках относительно поверхности изделия. Для этого применялась функция «измерить угол», замеры проводились по трем точкам – первая и третья располагаются на смежных поверхностях, вторая – в месте их пересечения. В результате было установлено, что оси прорезанных линий в первом и втором блоках из линий с прямоугольниками в среднем располагалась под углом 121,275° и 119,542°. Для группы в медиальной части гребня это значение являлось максимальным и составило 145,622°, для прямоугольников четвертого и пятого рядов – 137,925° и 131,226°. Таким образом, использование возможностей 3D-моделирования позволило установить, что прорезание геометрических линий для формирования прямоугольников на поверхности гребня со стоянки Ольская во всех случаях осуществлялось под тупым углом. Фиксируемая конфигурация каналов является характерной для орудий с притупленной кромкой типа микрорезца или резчика, осуществляющих не разрезание или рассечение поверхности, а равномерную выемку обрабатываемого материала [Волков, 1999].

Использование стереомикроскопа позволило зафиксировать на сохранившихся участках поверхности зубцов гребня следы залощенности и яркого блеска, связанные с использованием этого изделия. Из-за неудовлетворительного состояния сохранности поверхности артефакта более детальная функциональная интерпретация орудия затруднительна. В современной историографии [Лебединцев, 1990] изделия данного типа интерпретируются как инструменты для обработки грубого растительного материала – разделения волокон растений с целью их последующего использования для плетения, а также – расщепления сухожильных волокон или китового уса при изготовлении нитей. Наличие следов стертости внутри отверстия указывает на привязывание к данному изделию относительно тонкой нити, перемещение которой по отверстию происходило относительно свободно.

Заключение

Включение в практику технологических и экспериментально-трасологических исследований инструментов трехмерного моделирования показывает перспективность подобного подхода. Применение 3D-сканирования для анализа орнаментированных изделий из кости позволяет дополнить реализуемые реконструкции точными данными относительно морфометрических параметров элементов декора, последовательности их нанесения и используемых инструментов. Одним из преимуществ 3D-моделирования является возможность визуализации изменений на поверхности артефакта, которые сложно фиксируются при фотосъемке, без дополнительных технических приспособлений или использования специализированных графических редакторов. Основной недостаток предложенного подхода – слабая детализация мельчайших элементов декора, – проистекает из технических ограничений используемого нами сканера структурированного подсвета. Применение более дорогостоящего специализированного оборудования предоставляет возможность углубленного изучения микрорельефа поверхности артефактов, фиксации и анализа следов обработки и износа.

В результате проведенного комплексного исследования была реконструирована операционная последовательность производства орнаментированного гребня со стоянки Ольская, предполагавшая расщепление рога северного оленя для получения заготовки, обработку строганием, двустороннее прорезание зубцов, подготовку поверхности шли-

фовкой, нанесение орнамента и перфорацию. В токаревской культуре большинство гребней украшены орнаментальными мотивами в виде прямых линий с насечками, зигзагов, треугольников, косых крестов, ромбовидных фигур, точек и параллельные линий [Лебединцев, 1996, рис. 6; 7]. Орнамент на изученном нами гребне состоит из мотивов в виде горизонтальных полос из мелких прямоугольников и зигзагов. Минимальные различия в глубине гравировок, идентичная морфология элемента орнамента и их, в целом, близкие размерные характеристики позволяют предполагать, что процесс нанесения орнамента выполнялся одним мастером, посредством использования одного и того же инструмента. При этом, судя по морфометрических параметрам фиксируемых следов обработки, оформление зубцов и декора осуществлялось разными орудиями. Полученные данные свидетельствуют о наличии в инструментарии носителей токаревской культуры специализированных орудий, применяемых на различных этапах косторезного производства, а также общем, достаточно высоком уровне развития технологий обработки кости.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0010.

Список литературы

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 192 с.

Колобова К.А., Зоткина Л.В., Маркин С.В., Васильев С.К., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Харевич А.В. Комплексное изучение персонального украшения из резца сурка в раннеголоценовом комплексе пещеры Каминная (Российский Алтай) // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. – 2021. – № 1. – С. 319–335.

Колобова К.А., Федорченко А.Ю., Басова Н.В., Постнов А.В., Ковалев В.С., Чистяков П.В., Молодин В.И. Применение 3D-моделирования для реконструкции облика и функции предметов неутилитарного назначения (на примере антропоморфной скульптуры из материалов могильника Турист-2) // Археология, этнография и антропология Евразии – 2019. – № 4. – С. 66–76.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.

Лебединцев А.И. Подвески и украшения из камня со стоянки Спафарьева // VII Диковские чтения. – Магадан: ООО «Типография», 2014. – С. 107–110.

Лебединцев А.И. Приморские культуры Охотоморья: эскимосско-алеутское влияние // V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург: Универсальная тип-фия «Альфа-Принт», 2019. – С. 175–177.

Лебединцев А.И. Художественные изделия из камня в неолите Северного Приохотья // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 103–108.

Лебединцев А.И. Художественные сюжеты и орнаментальные мотивы в искусстве токаревской культуры // Археологические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 140–159.

Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю. Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье) в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. 25. – С. 440–447.

Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Хлопачев Г.А., Полковникова М.Э. Трехмерное моделирование при исследовании геометрических изображений в искусстве малых форм верхнего палеолита и мезолита Восточной Европы // Camera praehistorica. – 2020. – №2 (5). – С. 8–24.

Селецкий М.В., Чистяков П.В., Федорченко А.Ю. Возможности трехмерного моделирования при исследовании каменных ударно-абразивных орудий эпохи палеолита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 231–237.

Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. – Новосибирск: Наука, 1974. – 239 с.

Хлопачев Г.А. Геометрические изображения верхнего палеолита Восточной Европы: хронологические и региональные особенности // Краткие сообщения Института археологии. – 2020. – Вып. 261. – С. 7–17.

Цетлин Ю.Б. Предметная изобразительная деятельность древнего человека: ее природа и содержание // Российская археология. – 2004. – №2. – С. 87–95.

References

Volkov P.V. Stone tools Use-Wear investigation in the Archaeology of Northern Asia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, 192 p. (In Russ.).

Kolobova K.A., Zotkina L.V., Markin S.V., Vasiliev S.K., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Kharevich A.V. Complex Study of a Personal Ornament Made on a Marmot Incisor from the Early Holocene Complex of Kaminnaya Cave (Russian Altai). *Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology*, 2021, No. 1, pp. 319–335. (In Russ.).

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2). *Archaeology,*

Ethnology & Anthropology of Eurasia, 2019, vol. 4, pp. 66–76. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Drevnie primorskie kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ya. Leningrad: Nauka, 1990, 260 p. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Podveski i ukrasheniya iz kamnya so stoyanki Spafar'yeva. In *VII Dikovskiye chteniya*. Magadan: OOO «Tipografiya», 2014, pp. 107–110. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Maritime cultures of Sea of Okhotsk Coast: the Eskimo-Aleutian influence. In *V Northern Archaeological Congress. Abstracts*. Khanty-Mansiysk, Ekaterinburg: OOO Universal'naya tipografiya «Al'fa-Print», 2019, pp. 175–177. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Khudozhestvennyye izdeliya iz kamnya v neolite Severnogo Priokhot'ya. In *Novoye v arkheologii Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FESC AS USSR Publ., 1985, pp. 103–108. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Khudozhestvennyye syuzhety i ornamental'nyye motivy v iskusstve tokarevskoy kul'tury. In *Arkheologicheskiye issledovaniya na Severe Dal'nego Vostoka*. Magadan: NEISRI FEB RAS Publ., 1996, pp. 140–159. (In Russ.).

Lebedintsev A.I., Makarov I.V., Prut A.A., Ptashinskiy A.V., Fedorchenko A.Yu., Kharitonov R.M., Grebenyuk P.S. Results of Fieldwork in the Northern Priokhotye and Kamchatka in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. 26, pp. 148–154. (In Russ.).

Svoyski Y.M., Romanenko E.V., Khlopachev G.A., Polkovnikova M.E. 3D Modeling in the Studies of the Portable Art Geometrical Images of the Upper Paleolithic and Mesolithic of Eastern Europe. *Camera praehistorica*, 2020, No. 2 (5), pp. 8–24. (In Russ.).

Seletskiy M.V., Chistyakov P.V., Fedorchenko A.Yu. 3D Modelling of Paleolithic Percussive-Abrasive Stone Tools: Research Opportunities. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020, vol. 26, pp. 231–237. (In Russ.).

Frolov B.A. Chisla v grafike paleolita. Novosibirsk: Nauka, 1974, 239 p. (In Russ.).

Khlopachev G.A. Geometric images in the Art of the Upper Paleolithic of Eastern Europe: chronological and regional features. *Brief Communications of the Institute of Archaeology,* 2020, No. 261, pp. 7–17. (In Russ.).

Tsetlin Yu.B. Object figurative activity of Early man: Nature and matter. *Russian Archaeology*, 2004, No. 2, pp. 87–95. (In Russ.).

Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0710-0715
УДК 902.674

М.О. Филатова[1]✉, В.С. Мыглан[2], З.Ю. Жарников[2], А.В. Тайник[2], В.В. Баринов[2], Е.А. Филатов[1], М.В. Уткин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
E-mail: mayaphylatova@gmail.com

Дендрохронологическое датирование памятников деревянного зодчества Новосибирской области

Построение длительной древесно-кольцевой календарно-привязанной хронологии, которая является основой для датировки древесины из археологических памятников Новосибирской области, неразрывно связано с массовой датировкой памятников деревянного зодчества, т.к. в области нет достаточного количества старовозрастных деревьев. В 2021 г. впервые были проведены успешные календарные датировки двух деревянных домов, которые находятся в д. Сарачевка, Мошковского р-на Новосибирской обл. Для изучения архитектурного облика каждого из зданий, при помощи беспилотного летающего аппарата с камерой высокого разрешения, была построена 3D-модель. Для определения же календарного времени сооружения зданий был привлечен дендрохронологический метод. Камеральная обработка образцов производилась по стандартной методике. Датировка домов проводилась в два этапа: для обоих была создана «плавающая» обобщенная хронология, после чего каждая из них была стандартизирована и датирована относительно 377-летней региональной древесно-кольцевой хронологии. В результате проделанной работы, с постройки №1 было датировано 14 образцов. Установлено, что древесина для строительства была заготовлена не ранее 1904 г., а сам дом был сооружен в самом начале XX в. С постройки №2 было датировано 10 образцов, это позволило утверждать, что древесина для постройки была заготовлена не ранее 1907 г., а сам дом был сооружен в первой четверти XX в. Полученные результаты уточнили даты, которые были сделаны по архитектурным признакам обоих домов более чем на пол века и доказали, что архаичные черты традиционного домостроения, которые были принесены русским населением в Новосибирскую обл. сохранялись до начала XX в.

Ключевые слова: *археология, дендрохронология, деревянное зодчество, 3D-моделирование, Новосибирская область.*

M.O. Phylatova[1]✉, V.S. Myglan[2], Z.Yu. Zharnikov[2], A.V. Taynik[2], V.V. Barinov[2], E.A.Phylatov[1], M.V. Utkin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: mayaphylatova@gmail.com

Dendrochronological Dating of Wooden Buildings in the Novosibirsk Region

Creation of a long-term tree-ring calendar chronology based on archaeological wood in the Novosibirsk region is directly linked with mass dating of wooden buildings. In 2021, for the first time, successful calendar dating of two wooden houses located in Sarachevka, the Novosibirsk Region, was carried out. To study the architectural appearance of each building, a 3D model was built using a high-resolution camera installed aboard an unmanned flying machine. The dendrochronological method was used to date buildings. Cameral processing of the samples was carried out according to the standard procedure. Dating of the houses was carried out in two stages: for both of them, a "floating" chronology it was created, after which each of them were standardized and dated relative to the 377-year regional tree-ring chronology. As a result of this, 14 samples

from building No. 1 were dated. It was found out that the wood for construction of the building was harvested not earlier than 1904, although the building itself was erected at the beginning of the 20th century. From building No. 2, 10 samples were dated, which made it possible to assert that the wood for the construction was harvested not earlier than 1907, although the building itself was erected in the first quarter of the 20th century. The obtained results updated the dates based the architectural features of both buildings by more than half a century and proved that the archaic features of traditional house building, which were brought by the Russian population to the Novosibirsk Region, preserved until the beginning of the 20th century.

Keywords: *Archaeology, dendrochronology, wooden architecture, 3D modeling, Novosibirsk Region.*

Введение

Территория Новосибирской области является благоприятной для проведения дендрохронологических исследований [Слюсаренко, Бородовский, 1996]. За годы археологических изысканий было накоплено большое количество разновременного материала (в т.ч. археологическая древесина) и создана последовательная историко-культурная колонка от эпохи неолита до нового времени [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Молодин, Епимахов, Марченко, 2014].

Однако при построении длительной календарно-привязанной хронологии, которая могла бы стать основой для датировки археологических памятников, возникает проблема, связанная с тем, что в области не произрастает достаточное количество старовозрастных деревьев (возрастом более 200 лет). Для этой цели необходимо использовать древесину памятников деревянного зодчества, в первую очередь следует сосредоточиться на изучении и массовой датировке деревянных домов, которые сохранили оригинальные черты традиционного домостроения XIX в.

В 2021 г. впервые были проведены успешные календарные датировки двух деревянных домов, которые находятся в д. Сарачевка, Мошковского района.

Материалы и методы

Мошковский район расположен на северо-востоке Новосибирской обл. и граничит с Болотнинским, Тогучинским, Новосибирским и Колыванским р-нами. Район был образован в 1925 г. как Алексеевский в составе Новосибирского округа Сибирского края, с 1930 г. входит в состав Западно-Сибирского края. Несмотря на столь позднее образование, в районе есть деревни и села, которые возникли еще в XVIII в. [Баландин, 1984]. Создание Умревинского острога в 1703 г. и близость Московско-Сибирского тракта привели к появлению первых деревень в данной местности [Бородовский, Горохов, 2009].

В середине XIX в. в Сибири завершается первичное аграрно-промысловое освоение и образование общности сибиряков-старожилов [Майничева, 2002]. После реформы 1861 г. уровень миграционной волны крестьян из европейской части России возрастает, а в начале XX в. после реформы П.А. Столыпина переселение приобретает массовый характер, что привело к укрупнению сел и деревень на территории современной Новосибирской обл.

В рамках данного исследования мы изучили 29 построек из сел Новосибирской области, но на сегодняшний момент завершены работы по датировке двух построек, расположенных по адресу: деревня Сарачевка, улица Лесная, д. 7 и улица Заречная, д. 6.

Для изучения архитектурного облика каждого из зданий нами были построены 3D-модели. Для их создания был использован беспилотный летающий аппарат DJI Mavic 2 PRO, который имеет камеру с высоким разрешением (до 20 мп), установленную на трехосевой стабилизатор. Координация на местности осуществлялась системой двухдиапазонного позиционирования спутников (GPS и GLONASS) и группой из 24 мощных специализированных вычислительных ядер. Данные характеристики позволяют довольно точно позиционировать беспилотный летающий аппарат на местности не только в линейных, но и в угловых координатах. Фото производилось с высоты 10–40 м. Такого расстояния вполне достаточно для детальной фотофиксации объекта.

Для создания серии снимков была применена программа Pix4D capture. Заранее была задана площадь объектов, необходимая для дальнейшего анализа, качество снимков 1,64 см/пиксель, частота снимков с шагом перекрытия более 60 %. В метаданных фотоснимка были автоматически записаны координаты аппарата на момент съемки, а также положение камеры, что в дальнейшем позволило наложить отснятый план на географическую систему координат.

Следующим шагом была обработка массива точек в программе Agisoft Photoscan по стандартной методике, где серия отснятых фотографий была объединена в одну проекцию.

Стоит отметить, что наличие растущих рядом с домами растений сильно затрудняло фотофиксацию, поэтому 3D-модель удалось сделать только

для дома по ул. Лесная, 5 (рис. 1). Наличие высоких тополей с мощными ветками вокруг дома по ул. Заречная, 6 (рис. 2) привело к тому, что на стадии обработки фотоснимков в облаке точек появлялись довольно большие зазоры, которые не позволяли сшить качественно сделанные в полевых условиях изображения.

Для определения календарного времени сооружения зданий (в год/сезон) был привлечен дендрохронологический метод, который позволяет определить время формирования последнего периферийного (подкорового) годичного кольца с бревен постройки, т.е. время заготовки древесины для строительства.

Камеральная обработка образцов производилась по стандартной методике [Шиятов и др., 2000]. Измерения ширины годичных колец выполнялись на измерительной установке LINTAB-6 (с точностью 0,01 мм). В дальнейшем измеренные серии прироста датировались посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919] и кросс-корреляционного анализа в специализированном программном пакете для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1984] и TSAP

Рис. 1. 3D-модель здания по ул. Лесная, 5 (2021 г). Вид с юго-запада и с юго-востока.

Рис 2. Фото здания по адресу ул. Заречная, 6 (2021 г.). Вид с востока.

system V3.5 [Rinn, 1996]. Возрастной тренд из древесно-кольцевых серий удалялся на основе использования сплайна в две трети от длины индивидуальной хронологии в программе ARSTAN [Cook, Krusic, 2008].

Датировка домов проводилась в два этапа. На первом, путем перекрестной датировки измеренных серий прироста, по каждому зданию строилась «плавающая» обобщенная хронология. Памятники, по которым не удалось построить хронологии были удалены из последующего анализа. В результате, «плавающие» хронологии были построены только для двух домов.

На втором этапе, каждая «плавающая» хронология была стандартизирована и датирована относительно 377-летней региональной древесно-кольцевой хронологии «NSK». Это позволило определить годы формирования последних колец у образцов, а значит и примерное время строительства зданий

На третьем этапе было проанализировано распределение периферийных колец, в ходе которого выявлялись образцы, содержащие подкоровое кольцо (указывающее на год рубки дерева) и определялось время сооружения постройки.

Результаты

Постройка № 1. Адрес: Лесная, д. 7. Одноэтажный бревенчатый жилой дом-четырехстенок, выполненный в технике рубки «в чашу» с остатком. (см. рис. 1). Сруб сложен из 11 венцов-половинок бревен, именуемых «однорядками» [Майничева, 2002, с. 71]. Размеры дома 4,7 × 4,9 м. Крыша двускатная покрыта шифером. С дворовой части дома имеется односкатная пристройка со входом в дом. Узкий торцевой фасад имеет треугольный фронтон с карнизом. На торцевом фасаде на уровне жилой части дома размещено два окна с простыми наличниками с профилированной полочкой и накладным элементом без ставень, на боковом фасаде – еще два точно таких же окна, крашенных голубой краской. Перекрытия деревянные, полы дощатые, отопление печное. На основании архитектурных признаков, дом можно датировать началом XIX в.

С венцов дома было отобрано 14 образцов в виде кернов с помощью бура для сухой древесины. Основным строительным материалом послужила древесина сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.). Из них датировалось 14 (табл. 1). Среднее значение межсериального коэффициента корреляции между образцами составило 0.51. Наиболее поздние даты периферийных колец у образцов sl4 и sl7 пришлись на 1904 г., однако большая часть образцов датируется в 1880–1890 гг. Подкоровое кольцо не сохранилось ни у одного образца, поэтому 10–15 колец на образцах могло не сохраниться. Можно предположить, что древесина для строительства была заготовлена не ранее 1904 г., а сам дом был сооружен в самом начале XX в.

Постройка № 2. Адрес: Заречная, д. 6. Одноэтажный бревенчатый жилой дом-пятистенок с выводом средней бревенчатой перегородки на фасад (рис. 2), выполненный в технике рубки «в чашу» с остатком. Сруб сложен в 8 венцов-полубревен. Размеры дома 4,7 × 4,5 м (правая клеть) и 4,7 × 4,0 м (левая клеть), дом пересобран, есть насечки на бревнах. Между бревнами для утепления проложен мох, щели замазаны глиной. С дворовой части дома

Таблица 1. **Общая характеристика образцов с дома Лесная, 5, д. Сарачевка**

№	Лабораторный №	П.к.	Пр.к.	R	Место отбора образца
1	sl6	1723	1790	0,55	6 венец, восток
2	sl12	1675	1816	0,60	9 венец, восток
3	sl1	1690	1860	0,61	5 венец восток
4	sl5	1774	1870	0,52	4 венец, восток
5	sl13	1740	1877	0,33	7 венец, восток
6	sl8	1706	1880	0,57	8 венец юг
7	sl9	1679	1881	0,51	7 венец, юг
8	sl10	1725	1890	0,49	6 венец, юг
9	sl2	1766	1890	0,51	7 венец, север
10	sl11	1748	1892	0,50	6 венец, север
11	sl3	1754	1896	0,42	5 венец, север
12	sl14	1709	1897	0,48	7 венец запад
13	sl4	1779	**1904**	0,61	8 венец, запад
14	sl7	1745	**1904**	0,41	9 венец, запад

Примечание. П.к. – год формирования первого кольца на образце; Пр.к. – год формирования периферийного кольца; R – межсериальный коэффициент корреляции. Жирным шрифтом выделены наиболее поздние даты.

Таблица 2. **Общая характеристика образцов с дома Заречная, 6, д. Сарачевка**

№	Лабораторный №	П.к.	Пр.к.	R	Место отбора образца
1	sz1	1672	1791	0,57	5 венец, юг
2	sz5	1685	1873	0,54	6 венец, восток, пр. пятистенок
3	sz10	1716	1886	0,33	3 венец, лев. пятистенок
4	sz3	1761	1887	0,36	3 венец, восток, пр. пятистенок
5	sz11	1710	1888	0,56	2 венец, восток, пр. пятистенок
6	sz7	1690	1892	0,49	1 венец, север
7	sz6	1705	1899	0,40	2 венец, запад
8	sz2	1717	**1902**	0,37	5 венец, юг
9	sz9	1726	**1903**	0,45	6 венец, запад
10	sz4	1681	**1907**	0,43	3 венец, север

Примечание. П.к. – год формирования первого кольца на образце; Пр.к. – год формирования периферийного кольца; R – межсериальный коэффициент корреляции. Жирным шрифтом выделены наиболее поздние даты.

имеется односкатная пристройка со входом в дом. Крыша покрыта железом, имеется карниз профилированного выноса, украшенный зубчатой резьбой в два ряда с жемчужинами. На уличном фасаде расположено четыре окна с простыми наличниками без ставень, с профилированным фронтоном, накладными элементами по периметру окна и «серьгами». На восточном фасаде – еще одно точно такое же окно. Все они выкрашены голубой краской. Перекрытия деревянные, полы дощатые, отопление печное. В настоящее время дом заброшен. На основании архитектурных признаков, дом можно датировать нач. XIX в.

С венцов дома было отобрано 10 образцов с помощью ручной пилы. Основным строительным материалом послужила древесина сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.). Из них датировалось 10 (табл. 2). Среднее значение межсериального коэффициента корреляции между образцами составило 0.45. Подкоровое кольцо не сохранилось ни у одного образца. Наиболее поздние даты периферийных колец у образцов sz2 – 1902 г., sz9 – 1903 г., sz4 – 1907 г. На остальных образцах была зафиксирована потеря 10 и более периферийных колец, поэтому их даты не учитывались при календарной датировке постройки. В этом случае можно предположить, что древесина для строительства была заготовлена не ранее 1907 г., а сам дом был сооружен в самом начале XX в.

Можно сделать вывод, что дендрохронологические датировки существенно уточнили архитектурные даты и доказали, что архаичные черты традиционного домостроения, которые были принесены русским населением, сохранялись до начала XX в. в Новосибирской области. Не менее важным результатом является создание 3D-моделей архитектурных построек, которые в дальнейшем могут быть использованы службой охраны памятников для сохранения культурного наследия и дальнейшего поиска, изучения и составления базы данных памятников деревянного зодчества Новосибирской области.

Заключение

Представленная работа наглядно показывает, что только систематическое комплексное изучение объектов деревянного зодчества с применением методов естественных наук и цифровизации позволит заполнить пробелы в историческом прошлом и расширить наши знания об уникальной сибирской деревянной архитектуре. Работа по созданию длительной древесно-кольцевой хронологии уже сейчас позволила решить практические вопросы, связанные с датировкой памятников деревянного зодчества, и закладывает прочный фундамент для последующих дендроархеологических исследований.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 19-49-543004 (историческая часть) и РНФ, проект № 19-14-00028 (экологическая часть).

Список литературы

Баландин С.Н. История архитектуры русских земледельческих поселений в Сибири (XVII – нач. XX вв.): Учеб. пособие. – Новосибирск: НИСИ, 1984. – 83 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. – 241 с.

Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов (середина XIX – на-

чало XX в.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – 144 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2014. – Т. 13. – № 3. – С. 136–167.

Слюсаренко И.Ю., Бородовский А.П. Перспективы и проблемы дендрохронологических исследований в Новосибирском Приобье // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы IV Всероссийского семинара. – Новосибирск; Омск, 1996. – Ч. 2. – С. 56–61.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. – Красноярск: КрасГУ, 2000. – Ч. I. – 80 с.

Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. – Washington: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – 127 p.

Holmes R.L. Dendrochronological Program Library / Laboratory of Tree-ring Research. – Tucson: The University of Arizona, 1984. – 51 p.

Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

Cook E.R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html (дата обращения: 22.10.2021).

References

Balandin S.N. Istoriya arkhitektury russkikh zemledelcheskikh poseleniy v Sibiri (XVII – nach. XX vv.): Ucheb. posobiye. Novosibirsk: NISI, 1984, 83 p. (In Russ.).

Borodovskiy A.P., Gorokhov S.V. Umrevinskiy ostrog. Arkheologicheskiye issledovaniya 2002–2009 gg. Novosibirsk: IAET SB RAS, NSPU, 2009, 241 p. (In Russ.).

Maynicheva A.Yu. Arkhitekturno-stroitelnyye traditsii krestianstva severnoy chasti Verkhnego Priobia: problemy evolyutsii i kontaktov (seredina XIX – nachalo XX v.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 144 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. Radiocarbon chronology of south Urals and the south of the Western Siberia cultures (2000-2013 years inversigations): principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, No. 3 (13), pp. 136–167. (In Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Borodovskiy A.P. Perspektivy i problemy dendrokhronologicheskikh issledovaniy v Novosibirskom Priobye. In *Integration of archaeological and ethnographic research: Materials of the IV All-Russian seminar.* Novosibirsk, Omsk: 1996, vol. 2, pp. 56–61. (in Russ.)

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 183 p. (In Russ.).

Shiyatov S.G., Vaganov E.A., Kirdyanov A.V., Kruglov V.B., Mazepa V.S., Naurzbayev M.M., Khantemirov R.M. Metody dendrokhronologii. Osnovy dendrokhronologii. Sbor i polucheniye drevesno-koltsevoy informatsii. Krasnoyarsk: SFU Publ, 2000, Vol. I, 80 p. (In Russ.).

Douglass A.E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. Washington: Carnegie Inst., 1919, vol. 1, 127 p.

Holmes R.L. Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-ring Research. Tucson: The University of Arizona, 1984, 51 p.

Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996, 269 p.

Cook E.R., Krusic P.J. A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN). URL: http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html. (Accessed 22.10.2021).

Филатова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809
Мыглан В.С. https://orcid.org/0000-0002-5268-653X
Жарников З.Ю. https://orcid.org/0000-0001-6505-0824
Тайник А.В. https://orcid.org/0000-0001-7441-6947
Баринов В.В. https://orcid.org/0000-0002-3582-3440
Филатов Е.А. https://orcid.org/0000-0002-2675-7736
Уткин М.В. https://orcid.org/0000-0003-2603-7728

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0716-0718
УДК 903.2

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск , Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru

Находка каменной стелы с редким оформлением на могильнике Ршаан-Удзюр-Хад в Монголии

В статье рассматривается и анализируется редкая находка небольшой каменной стелы, обнаруженной на поверхности археологического памятника Ршаан-Удзюр-Хад в Монголии в начале 1980-х годов. В ходе проведения археологических исследований в составе Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, автору настоящего сообщения удалось осмотреть этот археологический памятник, на поверхности которого была обнаружена невысокая каменная стела с необычным оформлением. На этой каменной стеле была выбита узкая, перпендикулярно расположенная полоса, которая разделила данную каменную основу на две неравные части. На торцевой поверхности меньшей части каменной стелы выбита небольшая окружность. Вполне вероятно, что эта каменная стела может символизировать древнего антропоморфного персонажа. На площади данного памятника были выявлены и другие различные древние объекты, относящиеся к разным археологическим культурам, в числе которых древний курган – херексур, менгиры и плиточная могила позднего бронзового и раннего железного века, расположенные на территории Центральной Азии. Имеются определенные основания для предположения, что исследуемая каменная стела, разделенная перпендикулярной полосой и с выбитой окружностью на торцевой части, должна обозначать схематично изображенного древнего воина, в память о котором она могла быть установлена. В отличие от «оленных камней», на поверхности которых были изображены различные виды оружия и воинского снаряжения, в том числе луки и стрелы, гориты, мечи и кинжалы, на данной стеле подобные изображения отсутствуют. Вполне вероятно, что находка этой довольно редкой каменной стелы с выбитыми на ее поверхности узкой перпендикулярной полосой и небольшой окружностью на ее торцевой части должна относиться к псевдоантропоморфным каменным плитам, предшествующим древней и средневековой традиции установки антропоморфных каменных изваяний.

Ключевые слова: *археологический памятник Ршаан-Удзюр-Хад, курган – херексур, каменная стела с редким оформлением, плиточная могила, плоские каменные выкладки, менгиры.*

Yu.S. Hudiakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: khudjakov@mail.ru

Finding of a Stone Stele with Rare Decoration at the Rschaan-Udsuer-Had Burial Ground in Mongolia

The article is intended to analyze and study a rare finding of a small stone stele found on a surface of archaeological site Rschaan-Udsuer-Had in Mongolia in the beginning of the 1980s. During the archaeological research consisting of the Soviet-Mongolian Historical and Cultural Expedition, the author had a chance to inspect this archaeological site, on the surface of which a low stele with an unconventional decoration was found. A narrow perpendicular stripe dividing the stone base into two unequal parts is embossed on the stone stele. A small circle is embossed on the front-end surface of a smaller part of the stone stele. Possibly, the stone stele may symbolize an ancient anthropomorphic character. Other various ancient objects were found in the site, related to different archaeological cultures. They include an ancient mound khirigsuur, menhirs, and

plate entombment of the Late Bronze Age and Early Iron Age located in the Central Asia. We have some reasons to suggest that the stone stele under study, divided by a perpendicular stripe and having an embossed circle on the front-end part, was used to schematically represent an ancient warrior, in whose memory it could be installed. In contrast to the "deer stones", whereon different kinds of weaponry and military equipment including bows, arrows, gorytoses, swords, and daggers, are represented, this stele does not contain such images. It is possible that this rare finding of the stone stele should be related to pseudo anthropomorphic stone plates preceding ancient and medieval tradition of installing anthropomorphic stone statues.

Keywords: *Rschaan-Udsuer-Had archaeological site, khirigsuur mound, stone stele with rare decoration, plate entombment, flat stone facing, menhirs.*

Во время проведения российскими археологами совместных с монгольскими учеными полевых археологических исследований на территории Монголии в начале 1980-х годов в составе Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, автору настоящего сообщения, наряду с работой, проводившейся на раскопках, довелось принять участие в совместных поисках не зафиксированных ранее исследователями памятников древних и средневековых культур. В числе различных археологических комплексов, обследованных в местности Ршаан-Удзюр-Хад, расположенной в 60 км от Батширет-сомона на территории Монголии, был выявлен крупный каменный курган – херексур, в центральной части которого находилась сильно задернованная каменная насыпь сферической формы, окаймленная по периметру кольцом из более крупных камней. С южной стороны от данного кургана-херексура были расположены три небольшие плоские каменные выкладки и одна плиточная могила с четырьмя вертикально установленными, каменными столбовыми плитами по углам данного надмогильного сооружения. В составе этого, вполне вероятно, разновременного древнего могильника находилось еще восемь плоских каменных выкладок округлой формы с вертикально размещенными каменными плитами в центральной части сооружений, образующими некоторое подобие каменных ящиков, выступающих на поверхность, и две вертикально установленные одиночные каменные стелы – менгиры [Асеев, 1985, с. 34]. В ходе осмотра различных древних надмогильных объектов, расположенных на площади данного памятника, в непосредственной близости от одной из вертикально стоящих каменных стел была обнаружена лежащая на поверхности данного, очевидно, разновременного древнего археологического памятника, сравнительно небольшая по своим размерам каменная стела, длиной несколько более полуметра, шириной около двадцати сантиметров. На расстоянии не менее 20 см от верхнего окончания этой каменной стелы, поперек нее по всему периметру данного обработанного камня был нанесен сравнительно не глубокий, перпендикулярно расположенный по отношению к длине этого каменного монолита, выбитый узкий желобок, разделяющий его на две, неравные по своей высоте, части. На торцевой стороне верхней части этой стелы, там, где обычно на оленных камнях бывают нанесены три диагональные линии, символизирующие косые полосы, на месте нахождения у некоторых из подобных стел антропоморфной личины, была выбита небольшая кольцевая фигура, диаметром около 4 см. По своему внешнему оформлению данный памятник до некоторой степени напоминает сравнительно небольшую каменную стелу, в некоторой, хотя и весьма отдаленной степени, похожую на достаточно уменьшенный оленный камень сравнительно небольших размеров. Однако, в отличие от большей части обычных оленных камней, вместо трех наклонных или косых выбитых линий, данная каменная стела в месте, предназначенном для нанесения символического обозначения антропоморфной личины, замененной подобными косыми линиями, была дополнена кольцевой фигурой округлой формы и сравнительно небольшой по своим размерам (см. *рисунок*). Вероятнее всего, первоначально данная каменная стела должна была быть установлена в вертикальном положении с лаконично оформленной, отмеченной выше выбивкой на своей верхней части, включая выбитую на торцевой части стелы небольшую кольцевую фигуру, дополненную обрамлением в виде горизонтального желобка, как уже было отмечено выше, символически разделяющего эту каменную стелу на две неравные части. Вполне возможно, что в непосредственной близости от какого-то из других каменных сооружений, находящихся на площади исследуемого древнего археологического памятника Ршаан-Удзюр-Хад, должна была быть установлена данная, весьма скромная, сравнительно не высокая, вертикальная каменная стела, с небольшой выбитой кольцевой фигурой на своей торцевой части. Однако определить, в состав какого именно древнего надмогильного или поминального сооружения, расположенного на площади рассматриваемого памятника, она могла входить, участникам экспедиции в то время не удалось. По аналогии с некоторыми другими древними археологическими памятниками, принадлежащими культурной

Каменная стела с изображением поперечной полосы и кольцевой фигуры на торцевой части.

общности херексуров и оленных камней позднего бронзового и начальной поры раннего железного веков, можно высказать гипотетическое предположение, что данная каменная стела могла быть установлена в составе не сохранившегося до настоящего времени, вполне вероятно, сравнительно небольшого ряда, состоявшего из нескольких, также вертикально установленных каменных стел, символизирующих собой, как и оленные камни, фигуры древних кочевых воинов [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 15, 16]. Судя по некоторым другим находкам нескольких ритуальных сооружений, находящихся в пределах данного разновременного памятника в непосредственной близости от этой каменной стелы, можно высказать гипотетическое предположение, согласно которому данная каменная стела с выбитой на ней горизонтально расположенной линией, а также с кольцевой фигурой на торцевой части, вероятнее всего, может относиться к той же самой древней культурной общности херексуров и оленных камней, памятники которой были довольно широко представлены на обширной территории многих горных и степных районов Центрально-Азиатского историко-культурного региона, включая также западные и центральные районы современной Монголии, а также некоторые сопредельные территории соседних азиатских стран. Вполне вероятно, что, наряду с широко известными вертикально установленными каменными стелами – оленными камнями, у большей части которых вместо изображения личины было выбито три косых линии, на место расположения некоторых из них могли наноситься кольцевые фигуры, которые также должны были символизировать весьма стилизованное изображение антропоморфных личин. До проведения целенаправленных археологических раскопок на площади данного памятника довольно сложно определить и предположить, в каком именно месте на поверхности данного древнего археологического памятника могла быть первоначально установлена и в дальнейшем, видимо в течение одного из последующих исторических периодов, целенаправленно смещена со своего первоначального местонахождения данная вертикальная каменная стела. Вполне возможно, что эта каменная стела с символикой, отдаленно претендующей на антропоморфный облик, в свое время была установлена в один ряд с менгирами, которые сохранили до настоящего времени свое первоначальное расположение на площади данного древнего разновременного памятника, включающего объекты разных древних археологических культур. Вполне вероятно, что эта, сравнительно редкая, неординарная археологическая находка каменной стелы с не в полной мере обычным, сравнительно редким оформлением, должна представлять самостоятельный научный интерес в деле изучения древних монументальных антропоморфных каменных стел на территории Центрально-Азиатского историко-культурного региона.

Список литературы

Асеев И.В. К вопросу о датировке могил типа четырехугольных оградок // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 34–40.

Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н. э.). – СПб.: Филфак СПбГУ; Нестор-История, 2011. – 172 с.

References

Aseev I.V. K voprosu o datirowke mogil tipa chetirekhugolnikh ogradok. In *Drevnie kulturi Mongolii*. Novosibirsk, Nauka publ., 1985. P. 34–40. (In Russ.).

Khudjakov Yu.S., Erdene-Ochir N. Voiennoie delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tisjacheletie – III vek do n.e.). St. Petersburg: St. Petersburg State University. Faculty of Philology, Nestor-Historia, 2001, 172 p. (In Russ.).

Худяков Ю.С. https://orcid.org/0000-0002-4741-9971

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0719-0722
УДК 903.2

Ю.С. Худяков[1, 2]✉, А.Ю. Борисенко[2]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
e-mail: khudjakov@mail.ru
aborisenko2@mail.ru

Изображения лучников на петроглифах Чолпон-Ата в Кыргызстане

В статье рассматриваются и исследуются некоторые рисунки с изображением лучников, выбитые на поверхности каменных валунов, находящихся в окрестностях современного поселения Чолпон-Ата, которое расположено на северном побережье оз. Иссык-Куль на территории Республики Кыргызстан. Эти антропоморфные персонажи изображены на поверхности крупных валунов в составе нескольких охотничьих сцен или одиночно. Лучники показаны готовыми к стрельбе на непропорционально крупные фигуры диких копытных животных, архара и горного козла. Они выполнены в традиционном для петроглифов Тянь-Шаня сакского времени зверином стиле и дополнены элементами орнамента, нанесенными на крупе или на большей части туловища этих диких копытных животных. Охотники изображены с луками в руках. На рисунках показаны сложные луки и стрелы с наконечниками разных форм. Одиночная фигура всадника показана верхом на лошади с луком со снятой тетивой, помещенным в чехол налучья, пристегнутый к его поясу. Изображения оружия, луков и стрел у древних лучников показаны в состоянии, приготовленном для ведения стрельбы по различным целям или в походном положении. Луки показаны с выгнутыми по направлению к стрельбе кибитями и надетыми на них тетивами. У отдельных луков продемонстрированы концы кибитей, направленные в сторону стрельбы. У некоторых стрел выделены наконечники. Один из этих наконечников оформлен в виде полукруглого окончания. Судя по рассматриваемым и анализируемым изображениям луков и стрел, древние кочевники скифо-сакского времени на Тянь-Шане считали луки и стрелы основными видами оружия на охоте и, вполне вероятно, широко их использовали для поражения целей на дистанции полета стрелы.

Ключевые слова: *Кыргызстан, изображения лучников, рисунок всадника, предметы вооружения, луки и стрелы, лук в чехле.*

Yu.S. Hudiakov[1, 2]✉, A.Yu. Borisenko[2]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
e-mail: khudjakov@mail.ru
aborisenko2@mail.ru

Images Depicting Archers on Cholpon-Ata Petroglyphs in Kyrgyzstan

The article is intended to study several images depicting archers embossed on stone boulders, located near the present settlement Cholpon-Ata, which is situated at the northern coast of Issyk-Kul Lake in the Kyrgyz Republic. These anthropomorphous characters are made on the surface of large boulders as a part of hunting scenes, or in a single fashion. The archers are displayed ready for shooting at disproportionally large figures of wild ungulate animals, mountain goats, and argali. They are performed in the animal style traditional for the Saki period Tian Shan petroglyphs supplemented with ornament elements, put on croup or on the largest part of the torso of these wild ungulate animals. Figures of hunters are depicted bearing bows in their hands. The images show compound bows and arrows with tips of different shapes. A single figure of a horseman is displayed riding a horse and holding bow with taken off bowstring, placed in the bow quiver. Weapons,

bows, arrows of the ancient archers are shown in a position ready for shooting at various targets or in a stowed position. Bows are shown with concave shoulders in the firing direction and placed bowstrings. Separate bows are shown with shoulders tops oriented towards the firing direction. The tops of several arrows are highlighted. One of such tops is issued in a semicircular ending. Based on these images of bows and arrows, ancient nomads of the Scythian and Saki times in Tian Shan regarded bows and arrows as the main type of hunting weapon, and possibly used them for hunting widely.

Keywords: *Kyrgyzstan, archer images, horseman image, weapons, bows and arrows, bow in bow quiver.*

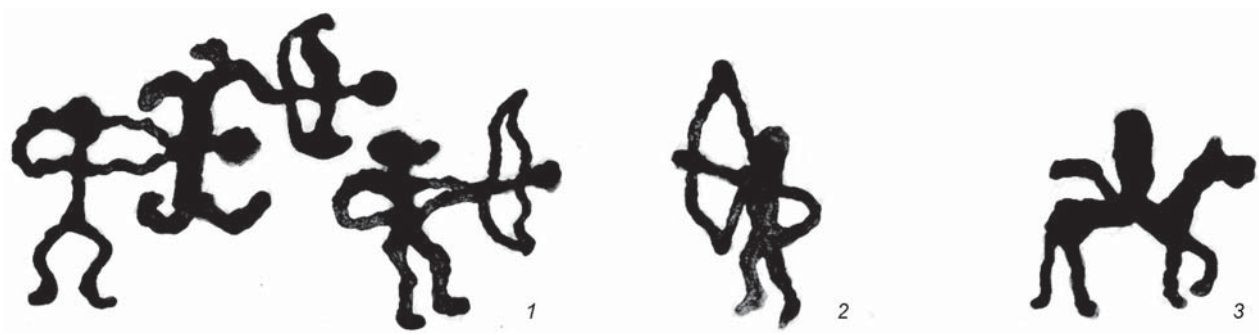
Во время работы в составе международной экспедиции ЮНЕСКО на территории Средней Азии в начале 1990-х гг., ее участники смогли посетить и осмотреть известное местонахождение петроглифов, находящееся в окрестностях пос. Чолпон-Ата на северном берегу оз. Иссык-Куль на территории Кыргызстана. Как было ранее отмечено некоторыми предшествующими кыргызстанскими и российскими исследователями памятников древнего наскального искусства в пределах Кыргызской республики, на северном берегу оз. Иссык-Куль, между современными поселениями Тамчи и Чолпон-Ата, в течение предшествующего периода изучения было выявлено и тщательно обследовано не менее десяти местонахождений петроглифов, на которых представлены многочисленные разнообразные изображения диких копытных животных, в том числе горных козлов, архаров и оленей, выполненных в традиционном для некоторых памятников древних наскальных рисунков Тянь-Шаня скифском или «сакском зверином стиле» [Винник, Помаскина, 1975, с. 96; Шер, 1980, с. 103]. На этих же петроглифических местонахождениях, помимо изображений диких копытных животных, выполненных в отмеченном выше, характерном для Тянь-Шаньского района, особенном варианте «звериного стиля», имеются некоторые антропоморфные рисунки, передающие внешний облик нескольких пеших охотников и профильное изображение одного конного лучника, показанных с луками и стрелами в руках или с луком, помещенным со снятой тетивой в специальный чехол-налучье. Данные антропоморфные изображения, в случае необходимости поиска аналогий в составе предметного комплекса, могут быть дополнены разнообразными находками древних и средневековых предметов вооружения, в том числе металлических наконечников стрел, которые ранее были обнаружены на территории северного побережья оз. Иссык-Куль, и в настоящее время они хранятся в местном краеведческом музее в поселке Чолпон-Ата [Худяков и др., 2013, с. 31–34].

На одном из довольно массивных, вероятно, окатанных с течением времени, крупных камней имеется выбитое изображение, выполненное в зверином стиле, крупной фигуры дикого барана-архара, оформленного с некоторыми использованными элементами циркульного орнамента, нанесенного на туловище этого дикого животного. На поверхности этого камня показаны в положении анфас схематичные фигуры трех охотников с луками и стрелами в руках. У одного из этой группы лучников, помещенного почти вплотную к большой профильной фигуре горного барана, изображена овальная человеческая голова необычной формы, вероятно, показанная в своеобразном головном уборе, отчасти похожем на широкий, надетый на голову берет. Ниже воспроизведено узкой вертикальной чертой туловище этого пешего охотника. Левая рука данного лучника изображена короткой, вероятно, удерживающей за тетиву лук с настороженной стрелой. Впрочем, вполне возможно, что она показана протянутой до самой кибити и удерживающей, что более правдоподобно, середину деревянной основы лука. Правая рука у этого охотника изображена согнутой в локтевом суставе, протянутой вплоть до тетивы лука. Ноги показаны слегка согнутыми в коленях в одну сторону, с выделенными ступнями. Лук изображен с натянутой тетивой и настороженной стрелой. Концы кибити лука приострены и загнуты в сторону стрельбы. У кибити отмечены слегка выгнутые в сторону стрельбы плечи и немного вогнутая серединная часть. Вполне вероятно, что изображена кибить сложносоставного лука. В центральной части этого лука изображена стрела со слегка затупленным наконечником. Возможно, что древко этой стрелы доходит от кибити до натянутой тетивы лука. Изображение другого лучника и еще одного стрелка из состава данной группы соединены между собой. Лучник, изображенный с левой стороны данной части композиции, показан с округлой головой, узким прямым туловищем и слегка согнутыми в коленях ногами, приподнятыми на обеих ступнях. Левая рука стрелка изображена вытянутой вперед. Вероятно, этот стрелок удерживает за среднюю часть кибить своего лука. В этом месте изображение деревянной основы кибити лука совпадает с выбитым изображением еще одной фигуры пешего лучника, стоящего между двумя другими стрелками из луков. Этот лучник прикасается обеими руками к расширенной вертикальной полосе, снабженной полукруглыми изгибами, направленными в разные стороны в верхней и нижней части кибити лука. С противоположной стороны от этой полосы, напротив места, к которо-

му прикасаются руки стрелка, имеется расширенный выступ с полукруглым окончанием. Возможно, что таким образом изображен наконечник стрелы, которая находится в руке стрелка, расположенного с левой стороны от этой центральной части композиции, которая включает трех лучников с луками и стрелами в руках. Данная стрела перекрыта изображением несколько более широкой человеческой фигуры, напоминающей две, соединенные между собой, массивные скобы, одна из которых может служить изображением кибити лука с загнутыми окончаниями, направленными в сторону фигуры лучника, расположенного с левой стороны. Одновременно с этим, изображение этого лука с загнутыми в разные стороны концами соединено по вертикали с еще одной фигурой, похожей на кибить лука, развернутую в противоположную сторону, верхний конец которой удерживает за среднюю часть тетивы еще один сложносоставной лук с загнутыми по направлению к стрельбе концами кибити, выгнутыми плечами и вогнутой серединой. На средней части лука и тетивы показана настороженная стрела с выступающим за пределы кибити наконечником удлиненной овальной формы (см. *рисунок*, *1*). Судя по изображению в составе данной композиции дикого копытного животного, выполненного в «скифо-сакаском» зверином стиле, она должна относиться на территории Иссык-Кульской котловины к историческому периоду раннего железного века [Шер, 1980, с. 103].

На другом крупном, массивном камне с применением техники выбивки нанесена композиция, которая включает профильное изображение большого горного козла с тремя фигурами циркульного орнамента у него на туловище, в том числе одно из этих орнаментальных изображений показано у этого животного на крупе, другое – на животе и третье на грудной части фигуры животного. Перед самой крупной фигурой стоящего горного козла изображена, значительно меньшая по своим размерам по сравнению с изображением этого дикого животного, фигура пешего лучника, вероятнее всего, охотящегося с простым луком в руках и натягивающего тетиву своего охотничьего оружия. Лучник показан стоящим и обращенным в сторону горного козла, на которого он охотится. У него изображена овальной формы голова, правая рука лучника вытянута перед собой и держит середину лука, а левая рука согнута в локтевом суставе и прислонена к его левому бедру. Ноги стрелка расставлены несколько шире плеч. Вероятно, лучник изображен в момент сразу после выстрела из своего лука. Лук, который он держит в своей правой руке, включает дугообразную основу с приостренными окончаниями с обеих сторон кибити. Тетива лука натянута вплоть до груди стрелка, хотя сам лучник, как это ни странно, ее не натягивает, а держит руку на своем левом бедре. Посередине кибити за ее линию слегка выступает небольшое приостренное окончание. Вполне вероятно, что таким образом показано острие наконечника стрелы, с помощью древка которой натянута тетива лука. Линия стрелы совпадает с линией правой руки, которой лучник держит среднюю часть кибити лука, из которого он готов выпустить эту стрелу (см. *рисунок*, *2*). Судя по рисунку дикого копытного животного с циркульным орнаментом на туловище, данная сцена охоты может относиться к «скифо-сакскому» хронологическому периоду древней исторической эпохи [Там же].

Еще на одном массивном каменном валуне выбито профильное изображение всадника, сидящего верхом на лошади, с луком со снятой тетивой, помещенном в налучье, которое прикреплено к его поясу. У данного всадника показана массивная округлая голова, а также расширенная верхняя часть туловища. Возможно, что тот человек, кто наносил данный рисунок на поверхность камня, хотел изобразить всадника широкоплечим. За спиной у это-

Фигуры лучников, изображенных на камнях на петроглифическом памятнике Чолпон-Ата.

1 – изображение трех фигур охотников с луками на каменном валуне в окрестностях поселка Чолпон-Ата; *2* – изображение лучника с луком в руке на камне из окрестностей поселка Чолпон-Ата; *3* – изображение всадника с луком, помещенным в налучье, из окрестностей поселка Чолпон-Ата.

го человека, едущего верхом на коне, показан лук со снятой тетивой, который помещен в специальный чехол налучья, которое, судя по всему, должно быть прикреплено с помощью специального ремня к поясу этого всадника. Подобная манера перевозить средневековыми воинами свои сложносоставные луки в специальных чехлах-налучьях в положении со снятой тетивой была достаточно широко распространена в культурах кочевых этносов Центрально-Азиатского историко-культурного региона в течение эпохи раннего Средневековья. Этот всадник изображен сидящим верхом на своем коне, передвигающемся довольно неспешно по направлению слева направо. Конь на этом камне изображен в профиль. У него выделена голова со стоящим ухом, укороченная, но довольно массивная, шея, поджарое туловище, медленно передвигающиеся две передние ноги. Одна из передних ног лошади, вероятнее всего, левая передняя, показана согнутой в коленном суставе в момент движения. Вторая, видимо, правая передняя нога воспроизведена стоящей на поверхности земли. В задней части лошади у нее изображен массивный круп и правая задняя нога, слегка согнутая в коленном суставе. За крупом у лошади, скорее всего, изображена не вторая задняя нога, а довольно длинный, слегка загнутый хвост, спускающийся почти до самой земли. Несмотря на то, что рисунок всадника, едущего на лошади изображен достаточно схематично, он нанесен на поверхности камня с необходимым соблюдением основных пропорций всадника и лошади, на которой он едет верхом. Можно высказать предположение в пользу того, что в отличие от фигур пеших охотников с луками в руках, изображенных в составе двух предшествующих композиций со сценами охоты на диких копытных животных, которые, вероятнее всего, должны относиться к образцам петроглифического искусства раннего железного века – скифо-сакского времени, изображение едущего верхом на коне всадника с луком в налучье, прикрепленным к поясу, вероятнее всего, могло быть нанесено на поверхность каменного валуна, расположенного в окрестностях пос. Чолпон-Ата, в эпоху раннего Средневековья (см. *рисунок*, *3*).

Несмотря на свою определенную лаконичность и даже на некоторую схематичность, рассмотренные в настоящей статье изображения охотников с луками и стрелами в руках и одиночного конного воина с луком в налучье, подвешенным к поясу, эти фигуры, выбитые на поверхности крупных, окатанных камней, и нанесенные на них рисунки наглядно свидетельствуют о том, что древние и средневековые кочевники, обитавшие в течение отмеченных выше исторических периодов, включая эпоху «скифо-сакского» времени и эпохи раннего Средневековья в горах Тянь-Шаня, в том числе в пределах Иссык-Кульской котловины, хорошо ориентировались в изображении своих ручных орудий для ведения охотничьего промысла и предметов вооружения дистанционного боя как в изображении ситуации, непосредственно готовой для ведения прицельной стрельбы, так и в условиях размещения лука в походном положении, помещенном в налучье и откинутом за спину.

Список литературы

Винник Д.Ф., Помаскина Г.А. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккулья // Археологические памятники Прииссыккулья. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 87–101.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., Акматов К.Т. Коллекция железных наконечников стрел из музея Чолпон-Аты // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – С. 31–34.

References

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Tabaldiev K.Ch., Akmatov K.T. Kollekcia geleznikh nakonechnikov strel iz muzeia Cholpon-Ati. *Voiennoie delo srednevekovich narodov Yujnoi Sibiri I Centralnoi Azii*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2013. P. 31–34. (In Russ.).

Sher Ya.A. Petroglifi Srednei I Centralnoi Azii. Moskow., Nauka, 1980, 328 p. (In Russ.).

Winnik D.F. Pomaskina G.A. K voprosu o datirovke naskalinikh izobrajenii Priissikkulia. *Arjheologicheskie pamiatniki Priissikkulia*. Frunze: Ilim, 1975. P. 87–101. (In Russ.).

Худяков Ю.С. https://orcid.org/0000-0002-4741-9971
Борисенко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-9558-5678

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0723-0729
УДК 903.5

С.В. Черданцев, Р.О. Трапезов, М.С. Пристяжнюк, М.А. Томилин, А.А. Журавлев, А.С. Пилипенко✉

Институт цитологии и генетики СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Генетический состав носителей тагарской культуры: современное состояние и перспективы исследований

Несмотря на высокую степень исследованности тагарской культуры и ее носителей методами археологии и физической антропологии, многие направления изучения этой группы населения Южной Сибири раннего железного века остаются актуальными. Данная работа посвящена рассмотрению результатов исследования генетического состава носителей тагарской культуры методами палеогенетики, полученных к настоящему моменту. Проведенное авторами исследование репрезентативной серии образцов мтДНК от представителей разновременных групп тагарского населения (N=79) впервые позволило сформировать объективные представления о составе митохондриального генофонда этой популяции. Полученные результаты хорошо иллюстрируют необходимость исследования численно репрезентативных серий образцов при выполнении палеогенетических реконструкций. Для тагарской популяции в целом характерно присутствие в генофонде как западно-евразийских (H, HV6, HV, I, K, T, U2e, U4, U5a и U*), так и восточно-евразийских (A*, A8, C*, C5, D, G2a, F1b) гаплогрупп мтДНК. В отличие от других популяций Южной Сибири скифского времени, в тагарском генофонде доминируют западно-евразийские варианты. Среди предшествующих популяций тагарская популяция демонстрирует близость с популяциями Минусинской котловины эпохи развитой бронзы. При сравнении с группами ранних кочевников Евразии тагарское население проявляет близость в отношении структуры генофонда мтДНК с носителями других культур скифского круга, занимая промежуточное положение между географически удаленными скифами Северного Причерноморья и населением южносибирских культур – пазырыкской и алды-бельской. При переходе от подгорновского к сарагашенскому этапам происходит сближение тагарской популяции с другими группами ранних кочевников Южной Сибири. В тагарском генофонде Y-хромосомы выявлено доминирование вариантов гаплогруппы R1a1a, которая была впервые привнесена в Минусинскую котловину носителями андроновской (фёдоровской) культуры. Однако для уточнения происхождения тагарских вариантов Y-хромосомы требуется их углубленный анализ. В работе приведены наиболее перспективные направления дальнейшего исследования тагарской популяциями методами палеогенетики.*

Ключевые слова: *тагарская культура, ранний железный век, палеогенетика, митохондриальная ДНК, Y-хромосома, генетическая история популяций.*

S.V. Cherdantsev, R.O. Trapezov, M.S. Pristyazhnyuk, M.A. Tomilin, A.A. Zhuravlev, A.S. Pilipenko✉

Institute of Cytology and Genetics SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alexpil@bionet.nsc.ru

Genetic Composition of the Tagar Culture Population: Current State and Research Prospects

Despite the high degree of archaeological and anthropological research of the Tagar culture and its carriers, many directions of study of this Sothern Siberian Iron Age population remain relevant. This work is devoted to the consideration of the data on the genetic composition of the Tagar culture population, obtained to date by paleogenetic methods. The study of representative mtDNA sample series from chronologically different groups of the Tagar population (N = 79), carried out by the authors of this work, allow us to obtain the first objective view on the composition of its mitochondrial gene pool. The obtained results illustrate well the significance of analysis of representative sample series when performing paleogenetic

reconstructions. The general Tagar population is characterized by the presence in the gene pool of both Western Eurasian (H, HV6, HV, I, K, T, U2e, U4, U5a, and U*) and Eastern Eurasian (A*, A8, C*, C5, D, G2a, F1b) mtDNA haplogroups. Unlike other populations of southern Siberia of the Scythian time, Western Eurasian variants dominate in the Tagar gene pool. Among the previous populations, the Tagar population demonstrates affinity with the populations of the Minusinsk Basin of the Middle Bronze Age. When compared with the groups of early nomads of Eurasia, the Tagar population shows a similarity in terms of the mtDNA variability with the carriers of other cultures of the Scythian circle, occupying an intermediate position between the geographically distant Scythians of the Northern Black Sea region and the population of the south Siberian cultures, Pazyryk and Aldy-Bel. During the transition from the Podgorny to the Saragashen stages, the Tagar population converges with other groups of early nomads of southern Siberia. In the Tagar gene pool of the Y chromosome, the dominance of variants of the R1a1a haplogroup was revealed. This genetic cluster was first introduced into the Minusinsk Basin by the carriers of the Andronovo (Fedorovo) culture. However, additional in-depth analysis of the Tagar Y chromosome lineages is required to clarify their origin. The paper presents the most promising directions for further research of the Tagar populations using paleogenetic methods.*

Keywords: *Tagar culture, early Iron Age, paleogenetics, mitochondrial DNA, Y chromosome, genetic history of populations.*

Тагарская культура Минусинской котловины относится к числу наиболее хорошо исследованных археологических культур раннего железного века на территории Южной Сибири. Археологами проведены раскопки тысяч погребальных комплексов, накоплен обширный объем данных об особенностях различных компонентов материальной культуры тагарского населения, предложены варианты периодизации этапов развития культуры [Грязнов и др., 1979; Вадецкая, 1986]. Параллельно с этим сформированы репрезентативные палеоантропологические коллекции, анализ которых позволил охарактеризовать тагарскую популяцию (по крайней мере, некоторые из локальных групп населения) методами палеоантропологии [Козинцев, 1977; Учанева и др., 2017]. Все эти направления исследований (включая раскопки новых памятников, анализ инвентаря, уточнение хронологии и периодизации тагарской культуры, характеристика популяций методами антропологии) сохраняют свою актуальность и на данный момент. На фоне традиционных направлений уровень анализа генофонда носителей тагарской культуры методами палеогенетики оставался недостаточным. Хотя население Алтае-Саянской горной системы раннего железного века стало одним из первых объектов применения методов палеогенетики на территории России, все ранние работы были сфокусированы на генетическом анализе носителей пазырыкской культуры Горного Алтая (см., напр.: [Молодин и др., 2003]). Небольшая серия носителей тагарской культуры была включена в состав низкорепрезентативной диахронной выборки населения Минусинской котловины эпохи развитой бронзы и раннего железного века, что стало первым этапом исследования генофонда тагарской популяции [Keyser et al., 2009]. Позже были опубликованы результаты анализа мтДНК еще нескольких тагарских образцов, происходивших из памятника Барсучий лог [Unterländer et al., 2017], но и эта работа не была сфокусирована на собственно тагарской популяции: тагарские образцы были включены в состав обширной по географическому охвату и разнообразной в отношении культурной атрибуции выборки населения степной полосы Евразии скифского времени. Подробный анализ тагарских материалов в этой работе отсутствует, а среди южносибирских материалов фокус оставался на анализе носителей пазырыкской культуры [Там же].

Целенаправленные исследования структуры генофонда носителей тагарской культуры впервые были выполнены авторами данной работы. Их первым этапом стал анализ репрезентативной серии образцов мтДНК представителей разновременных групп тагарского населения [Pilipenko et al., 2018]. Для работы были использованы палеоантропологические материалы, полученные Красноярской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1955–1970 гг. под руководством М.П. Грязнова и находящиеся в настоящее время в составе палеоантропологической коллекции ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Всего в работе были использованы палеоантропологические образцы от 95 носителей тагарской культуры из более чем десяти могильников, расположенных относительно компактно в среднем течении Енисея вблизи современной границы Красноярского края и Хакасии (Барсучиха-1, -6, -7, Кичик-Кюзюр, Новая черная-1, Перевозинский Чаатас, Подгорное озеро, Советская Хакасия, Тепсей-8, -9, Улуг-Кюзюр).

Работы были выполнены на базе палеогенетической инфраструктуры ИЦиГ СО РАН (г. Новосибирск). Методы предварительной обработки материала, получения образцов ДНК, анализа структуры мтДНК и статистической обработки полученных данных подробно описаны в нашей статье [Там же].

Для 79 из 95 образцов первоначальной серии были получены достоверные данные по структуре мтДНК. В составе этой суммарной выборки присутствовали представители всех основных этапов тагарской культуры (здесь и далее мы использовали периодизацию этапов, предложенную М.П. Грязновым), включая «раннетагарскую» серию численностью 42 образца (почти вся серия – подгорновские материалы), сарагашенский этап (24 образца) и наименее численно репрезентативный тесинский этап (9 образцов). Для всех 79 образцов было определено филогенетическое положение, что позволило объединить их в дерево, отражающее разнообразие и филогенетические отношения образцов из состава исследованной серии (рис. 1).

Дальнейший анализ полученных результатов выполнен как при рассмотрении серии в целом, так и подгрупп образцов, представляющих различные этапы существования тагарской культуры. Среди 79 успешно исследованных образцов мы выявили 39 структурных вариантов мтДНК. Для тагарского населения в целом, как и для всех исследованных к настоящему моменту популяций раннего железного века Южной Сибири, было характерно присутствие в генофонде как западно-евразийских (H, HV6, HV*, I, K, T, U2e, U4, U5a и U*), так и восточно-евразийских (A*, A8, C*, C5, D, G2a, F1b) гаплогрупп мтДНК. При этом тагарское население отличается от других групп ранних кочевников Южной Сибири (носители пазырыкской и алды-бельской культур) доминированием в генофонде западно-евразийских вариантов мтДНК (64.6 %), в то время как для других скифо-сибирских групп характерно присутствие в генофонде мтДНК не менее 50 % восточно-евразийских вариантов.

Сравнительное распределение вариантов мтДНК по гаплогруппам в ранее исследованной суммарной серии (16 образцов суммарно из работ [Keyser et al., 2009; Unterländer et al., 2017] и в серии, исследованной в нашей работе (79 образцов) показано на рис. 2. Более 74 % выявленных нами вариантов мтДНК отсутствовали в серии ранее

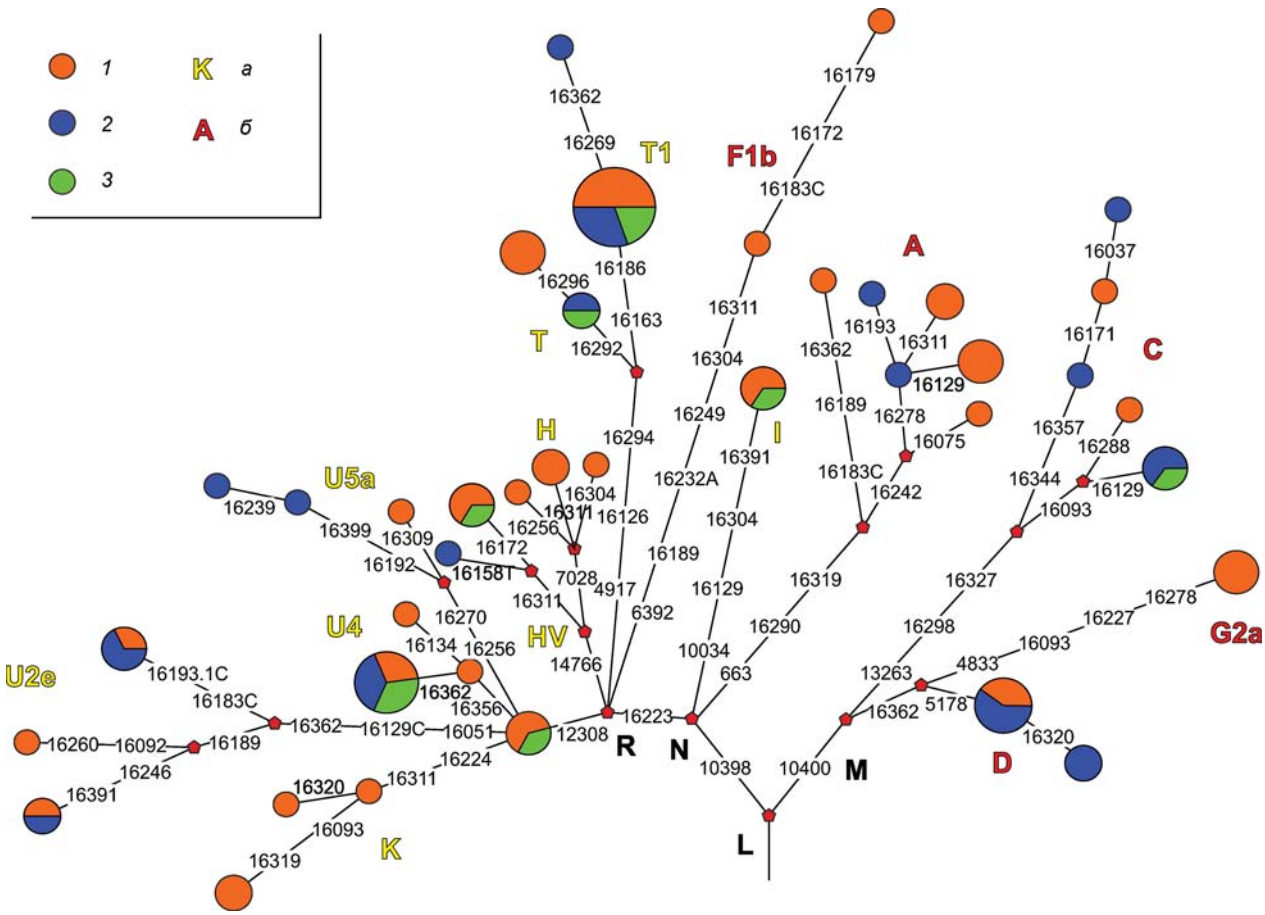

Рис. 1. Филогенетическое дерево вариантов мтДНК, выявленных в исследованной нами тагарской серии [Pilipenko et al., 2018].

Принадлежность образцов к этапам тагарской культуры: *1* – раннетагарские (преимущественно подгорновский этап); *2* – сарагашенский этап; *3* – тесинский этап.

Гаплогруппы мтДНК: *а* – западно-евразийские; *б* – восточно-евразийские.

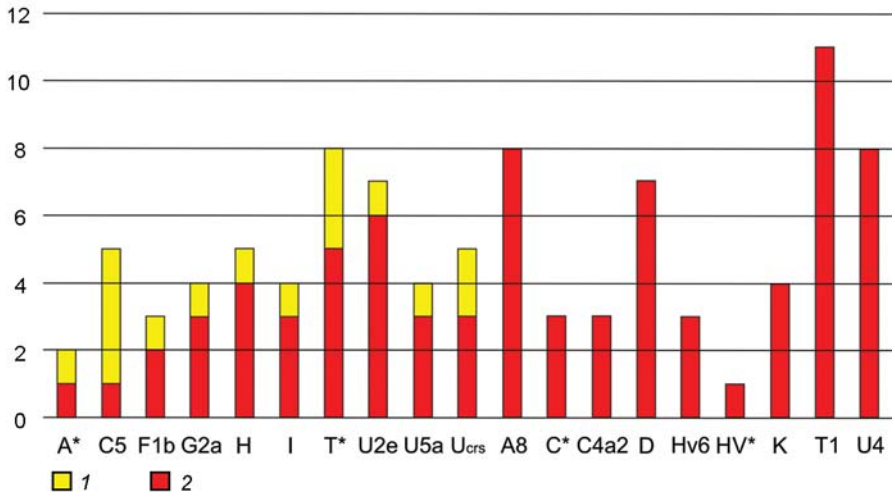

Рис. 2. Состав и соотношение гаплогрупп мтДНК в сериях тагарских образцов, опубликованных к настоящему моменту.

1 – образцы (N=16) из [Keyser et al., 2009; Unterländer et al., 2017]; *2* – образцы, исследованные авторами (N=79) [Pilipenko et al., 2018].

исследованных образцов. Более того, в ранее опубликованных данных полностью отсутствовали гаплогруппы мтДНК, охватывающие почти 60 % исследованной нами репрезентативной выборки. Это еще одна иллюстрация необходимости анализа репрезентативных по численности серий образцов при исследовании структуры генофонда древних популяций, особенно на уровне маркеров с однородительским типом наследования (мтДНК и Y-хромосома). В то же время, численность исследованной нами серии достаточна для обнаружения всех компонентов генофонда (гаплогрупп), присутствующих в генофонде общей тагарской популяции с частотой более 3.7 % (подробную статистику см. в [Pilipenko et al., 2018]), то есть нам с высокой вероятностью известны все основные компоненты генофонда мтДНК этой популяции.

Сравнительный анализ исследованной нами тагарской серии с опубликованными сериями мтДНК из других популяций Евразии как предшествующих эпох (неолит и различные периоды эпохи бронзы), так и с группами ранних кочевников скифского и гунно-сарматского времени показал, что наибольшую близость (т.е. наименьшее генетическое расстояние) тагарское население демонстрирует с носителями различных культур, относящихся к так называемому скифскому кругу. Интересно, что среди этих популяций ранних кочевников суммарная тагарская серия занимает промежуточное положение между географически соседствующими с ней пазырыкцами и носителями алды-бельской культуры Тывы, с одной стороны, и классическими скифами Северного Причерноморья, с другой [Pilipenko et al., 2018]. Причем генетическое расстояние со скифами Северного Причерноморья даже меньше, чем с южно-сибирскими ранними кочевниками. Среди популяций предшествующих эпох суммарная тагарская серия демонстрирует наименьшее расстояние с популяциями эпохи развитой бронзы непосредственно из Минусинской котловины, хотя генетическое расстояние с любой из популяций эпохи бронзы больше, чем с ранними кочевниками скифского времени. При этом тагарская серия занимает промежуточное положение между окуневской и андроновской сериями из Минусинской котловины [Там же]. Следует подчеркнуть, что на данный момент далеко не для всех этнокультурных групп эпохи бронзы и раннего железного века, известных археологам и антропологам, получены репрезентативные палеогенетические данные, которые позволили бы проводить статистически достоверное сравнение с тагарской серией. По мере появления новых данных межпопуляционный сравнительный анализ может быть существенно расширен.

Интересен результат сравнительного анализа серий, соответствующих отдельным этапам развития тагарской культуры, между собой и с другими популяциями ранних кочевников Евразии [Там же]. Серия, соответствующая ранним этапам тагарской культуры (преимущественно, подгорновский этап) оказалась наиболее близка классическим скифам Северного Причерноморья. Серия сарагашенского этапа существенно сближается уже с популяциями пазырыкской и алды-бельской культур Южной Сибири, по-видимому, за счет вовлечения в состав генофонда автохтонных для региона компонентов, преимущественно восточно-евразийского происхождения (именно их доля в сарагашенской серии

существенно возрастает). Несколько неожиданным выглядит положение тесинской серии, полностью состоящей из компонентов западно-евразийского происхождения (локализуется среди популяций западной части степного пояса). Однако следует подчеркнуть, что тесинская серия, численностью всего 9 образцов, пока не может быть признана репрезентативной по отношению к популяции носителей тесинского этапа, и наблюдаемая нами картина может объясняться случайными причинами (эффектом малой выборки). Хотя сам факт, что ни один из девяти исследованных тесинских образцов не принадлежит к восточно-евразийскому кластеру гаплогрупп мтДНК, вызывает интерес уже на данном этапе исследования.

Полученные результаты позволяют нам предварительно констатировать, что структура генофонда мтДНК тагарского населения могла сформироваться на основе западно-евразийских компонентов, многие из которых были привнесены на территорию Минусинской котловины еще в эпоху бронзы (в частности, с волной миграции носителей андроновской (фёдоровской) культуры), при участии автохтонных для региона компонентов восточно-евразийского происхождения. При этом доля автохтонных южносибирских (и/или центральноазиатских) компонентов в генофонде продолжала увеличиваться при переходе от ранних (подгорновского) к более поздним (сарагашенскому) этапам развития культуры.

Следующим важным этапом палеогенетического исследования тагарского населения, который продолжается по настоящее время, является анализ структуры мужского генофонда носителей тагарской культуры. К настоящему времени нами исследована серия Y-хромосом тагарского населения численностью более 40 образцов. Более двух третей исследованной серии происходят из комплексов подгорновского этапа, оставшиеся – из сарагашенских комплексов. Разнообразие Y-хромосомы тагарского населения резко контрастирует с мтДНК. Если генофонд мтДНК является смешанным, с большим числом филогенетически и филогеографически контрастных компонентов, то мужской генофонд тагарского населения однообразен. В его составе доминирует один филогенетический кластер Y-хромосомы – гаплогруппа R1a1a. Варианты этого кластера впервые проникают в Минусинскую котловину (и на сопредельные территории юга Сибири) в первой половине II тыс. до н.э. с волной мигрантов-носителей андроновской (фёдоровской) культуры. Варианты гаплогруппы R1a1a составляют основу андроновского мужского генофонда как в Минусинской котловине, так и на территории Верхнего Приобья. Таким образом, структура мужского генофонда тагарского населения (по крайней мере, подгорновского и сарагашенского этапов) сближает его с пришлым андроновским населением эпохи развитой бронзы. Одновременно, эта черта мужского генофонда отличает тагарскую популяцию от других южносибирских ранних кочевников, в частности, от носителей пазырыкской культуры, для которых, судя по предварительным данным, было характерно высокое разнообразие вариантов в генофонде Y-хромосомы. Следует подчеркнуть, что имеющиеся к настоящему моменту данные не позволяют однозначно констатировать андроновское (фёдоровское) происхождение доминирующего компонента мужского генофонда носителей тагарской культуры. Дело в том, что в составе гаплогруппы R1a1a выделяется несколько субкластеров, далеко не все из которых можно связывать с андроновской (фёдоровской) популяцией. Для прояснения этого аспекта требуется более подробный анализ структуры образцов Y-хромосомы, относящихся к гаплогруппе R1a1a, как из андроновских, так и их тагарских мужских серий. Это углубленное исследование уже осуществляется нашей лабораторией.

Таким образом, на данном этапе тагарское население Минусинской котловины в относительно высокой степени уже охарактеризовано с точки зрения генофонда мтДНК и Y-хромосомы. Однако, решение многих вопросов, связанных с генетической историей этой популяции, зависит от продолжения палеогенетических работ. Основными актуальными и перспективными направлениями исследований генофонда носителей тагарской культуры, на наш взгляд, следует считать следующие.

1. Исследование репрезентативных серий образцов ДНК, относящихся к отдельным этапам тагарской культуры. Прежде всего, это относится к исследованию населения тесинского этапа, для которого отсутствуют репрезентативные данные по мтДНК и Y-хромосоме. При исследовании тесинских материалов крайне важным является представленность в составе серий образцов, происходящих из комплексов с различными типами погребальной обрядности, и сравнительный анализ между собой этих археологически контрастных серий тесинского этапа. В целом исследования генофонда носителей различных этапов (включая переходные) тагарской культуры следует координировать с процессами уточнения периодизации и хронологии тагарской культуры [Савинов, 2011].

2. Существенное увеличение серий Y-хромосомы для всех групп тагарского населения, а также углубленный анализ образцов Y-хромосомы, принадлежащих к кластеру R1a1a.

3. Проведение исследований серий образцов ДНК из локальных групп тагарского населения, все еще не охваченных палеогенетическими исследованиями с целью прояснения вопросов локально-территориальной дифференцированности тагарского населения в пределах общего ареала культуры. Особые перспективы для развития данного направления открываются, в частности, в связи с проводимыми в последние годы масштабными спасательными археологически раскопками на территории Хакасии, в результате которых исследованы многочисленные разновременные тагарские памятники, в частности, на территории Аскизского р-на.

4. Разработка вопросов, связанных со степенью родства носителей тагарской культуры из состава коллективных погребений и склепов.

5. С методологической точки зрения представляется актуальным привлечение к анализу тагарских материалов методов полногеномного анализа аутосомных маркеров. Все более широкая доступность высокопроизводительного секвенирования позволяет рассчитывать на проведение в ближайшие годы полноценных полногеномных исследований репрезентативных серий образцов от носителей тагарской культуры.

6. Еще одним перспективным направлением исследований, не связанным напрямую с анализом непосредственно тагарских материалов, является накопление репрезентативных палеогенетических данных о предшествующих популяциях региона (включая носителей карасукской культуры), а также о группах, сменивших тагарское население на территории Минусинской котловины (включая носителей таштыкской культуры). Это позволит в перспективе полноценно использовать один из наиболее информативных подходов к реконструкции генетической истории населения любого региона – анализ репрезентативной диахронной выборки популяций.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 17-78-20193. Работа частично профинансирована из средств государственного задания ИЦиГ СО РАН, № 0259-2019-0010.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. –144 с.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губина М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с.

Савинов Д.Г. Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // «Terra Scythica»: материалы международного симпозиума «Terra Scythica». – Новосибарск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 208–217.

Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – №1. – С. 78–87.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people // Human Genetics. – 2009. – Vol. 126. – P. 395–410.

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC) // PLoS ONE. – 2018. – Vol. 13. – Iss. 9. – P. 1–24.

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanová Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K.,Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V., Burger J. Ancestry, demography, and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. – 2017. – Article number: 14615. – P. 1–10.

References

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyaev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei na Enisee. Novosibirsk: Nauka, 1979, 167 p. (In Russ.).

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*, 2009. Vol. 126. P. 395–410. doi:10.1007/s00439-009-0683-0

Kozintsev A.G. Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniya tagarskoi kul'tury. Leningrad: Nauka, 1977, 144 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Voevoda M.I., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Polosmak N.V., Shulgina E.O., Nefedova M.V., Kulikov I.V., Damba L.D., Gubina M.A., Kobzev V.F. Naselenie Gornogo Altaya v epokhu rannego zheleznogo veka kak etnokul'turnyi fenomen: proiskhozhdenie, genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arkheologii, antropologii, genetiki). Novosibirsk: SB RAS Publ., 2003, 286 p. (In Russ.).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018. Vol. 13, iss. 9. P. 1–24. doi:10.1371/journal.pone.0204062

Savinov D.G. Problema khronologii i periodizatsii tagarskoi kul'tury v istoricheskom kontekste. In *«Terra Scythica»: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Terra Scythica»*. Novosibarsk: IAET SB RAS Publ., 2011. P. 208–217. (In Russ.).

Uchaneva E.N., Kazarnitskiy A.A., Gromov A.V., Lazaretova N.I. The Early Iron Age Populations of the Minusinsk Hollow: Revisiting Inter- and Intragroup Variations. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2017, no. 1. P. 78–87. (In Russ.). doi:10.20874/2071-0437-2017-36-1-078-087

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanová Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K.,Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V., Burger J. Ancestry, demography, and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*, 2017: 14615. doi:10.1038/ncomms14615

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 180 p. (In Russ.).

Черданцев С.В. https://orcid.org/0000-0002-4384-3468
Трапезов Р.О. https://orcid.org/0000-0002-0483-530X
Томилин М.А. https://orcid.org/0000-0002-2616-8712
Журавлев А.А. https://orcid.org/0000-0001-6169-0912
Пилипенко А.С. https://orcid.org/0000-0003-1009-2554

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0730-0736
УДК 392.81

Д.П. Шульга[1]✉, Е.А. Гирченко[2]

[1]Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

О просоводческой обрядности аборигенов острова Тайвань

Просо – одна из первых земледельческих культур, еще в неолите принесенных на Тайвань с материка. Тем не менее, его доля в рационе и традициях древнего населения острова по сравнению с другой культурой, рисом, остается недостаточно ясной. У современных же аборигенов существуют легенды, подчеркивающие особое отношение к просу, как к первому появившемуся на их земле злаку. В настоящей работе представлены результаты научной командировки ее авторов на юг острова Тайвань, уезд Тайдун, летом 2019 г., рассмотрены обряды, связанные с просом, у субэтноса цзилоу (吉露), являющегося частью народа рукай (魯凯), который, в свою очередь, относится к тайваньским горцам (高山). Многие аспекты сакральной жизни данной народности тесно связаны с культурой просо и просоводческий цикл лежит в основе традиционного календаря. Во время сева и сбора урожая действует целый ряд ритуальных правил и ограничений, соответственно все, что связано с этим злаком, попадает в сферу религиозного. Наиболее крупный фестиваль, Праздник урожая, сопровождается подношением лепешек и вина из проса божествам и духам предков. Архаичность традиционной культуры аборигенов Тайваня делает исследование их сельскохозяйственных практик весьма важным не только в масштабах острова, но и для всей Юго-Восточной Азии. Исследование, проводимое на стыке археологии и этнографии, представляется крайне важным для изучения реликтовых признаков традиционных пищевых представлений коренных народов, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Ключевые слова: *остров Тайвань, субэтнос цзилоу, народность рукай, земледельческий ритуал, просо, традиционная культура Азии.*

D.P. Shulga[1]✉, E.A. Girchenko[2]

[1]Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Millet-Growing Rituals of Indigenous Peoples of Taiwan Island

Millet is one of the first agricultural crops appeared on the Taiwan island in the Neolithic. However, its share in the diet of the ancient population of the island compared to another culture, i.e. rice, remains rather unclear. Today's indigenous peoples have legends that emphasize a special attitude to millet as the first crop that appeared in their land. This paper considers the results of scientific investigations held in the south of the Taiwan island, Taitung County, in summer 2019. The investigation is focused on the ritualism of the Jilou sub-ethnos (吉 露), which is a part of the Rukai (魯凯), the Taiwanese highlanders (高山). Many aspects of sacred life of the island peoples are related to the millet culture, and traditional calendar is based on its production cycle. During sowing and harvesting, a number of ritual rules and restrictions are strictly applied. Thus, everything related to the millet production falls into the sphere of religion. Millet cakes and wine to thank the deities and ancestral spirits always accompany the most important event of the year, the Harvest Festival. Archaism of the Taiwan aboriginal traditional culture makes the investigation of their agricultural practices very important not only for the island, but also for the entire Southeast Asia in general. This investigation, which covers both ethnography and archaeology, seems to be extremely important for studying the relic signs of traditional food preferences of indigenous peoples, rooted in the Neolithic.

Keywords: *Taiwan island, Jilou sub-ethnos, Rukai, agricultural ritual, millet, traditional culture of Asia.*

Японский исследователь Кано Тадао, изучавший распространение культурных злаков в Юго-Восточной Азии, указывал на обширность области распространения проса: от Тайваня и Филиппин на северо-востоке до Хальмахеры и Новой Гвинеи, о. Серам, архипелагов Кай и Ару [Кано Тадао, 1945]. Тайбэйский исследователь Чэнь Цзилу добавил к обозначенному выше ареалу острова Биак к северу от Новой Гвинеи, а также Палау в Микронезии [Чэнь Цзилу, 1971]. Тем не менее, несмотря на столь широкий ареал, истоки появления проса на Тайване, а также причины его превалирования в рационе древнего населения острова по сравнению с другой культурой, рисом, остаются недостаточно ясными. В статье представлены некоторые результаты научной командировки ее авторов на юг острова Тайвань, уезд Тайдун, летом 2019 г. Сбор информации велся как в главном археолого-этнографическом центре уезда – Национальном музее доисторической культуры, так и на Фестивале урожая малых народов в г. Тайдун (30 июня – 29 августа 2019 г.). Цель данного исследования – анализ пищевых привычек и культурных традиций, связанных с просом, у населения прибрежной зоны южного Тайваня, наиболее обособленного малого народа острова – народности рукай. Проживание в горных районах в течение многих столетий позволило сохранить архаичные ритуалы вплоть до этнографической современности. Полученные материалы важны для понимания процессов адаптации древних мигрантов с материка к новой окружающей среде и развития их пищевой культуры.

В V тыс. до н.э. появляются первые неолитические стоянки культуры Дабэнькэн, носители которой заселили большую часть западного побережья и архипелаг Пэнху. Первые свидетельства возделывания проса на острове Тайвань относятся к этому же времени. На памятниках Наньгуаньли и Наньгуанли дун обнаружены тысячи зерен как риса *Oryza sativa*, так и щетинистого (итальянского) проса *Setaria italica*. В Дабэнькэн находят также мотыги, но данные артефакты единичны, они обнаружены вместе с многочисленными и разнообразными орудиями охоты и рыболовства. Вероятнее всего, мигранты с материка принесли с собой на остров культуру возделывания земли и имело место несколько инфильтраций населения, каждая из которых давала новый толчок к развитию земледелия [Bellwood, 2017]. Интересно, что у современных аборигенов нет легенд, подчеркивающих особое отношение к рису, как к первому появившемуся на их земле злаку, но такое отношение есть к просу [Li Kuangti, 2012, с. 12].

Исторические свидетельства просоводческой обрядности немногочисленны. Хасинто Эскивель, доминиканский монах, построивший первый католический храм на Тайване, в 1632 г. писал, что в северном Тайване произрастали рис и *borona*, что по-испански означает «просо». Этим словом также обозначают щетинистое (итальянское) просо в капампанганском языке на Филиппинах. *Borona* в данном источнике могло обозначать как щетинистое просо, так и просо обыкновенное. В «Справочнике префектуры Тайваня (*Taiwan Prefecture Gazetteer* 台湾 府 志 (1685 г.))» уже раздельно упоминались *цзи* (稷) – щетинистое (итальянское) просо, *шу* (黍) – просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*) и *шушу* (蜀黍) – сорго (*Sorghum bicolor*), а в «Редакции справочника префектуры Тайваня (*Revision of Taiwan Prefecture Gazetteer*重修 台湾 府 志 (1747 г.))» добавлено *ятишу* (鴨 蹄 黍) – пальчатое просо (*Eleusine coracana*) [Takei, 2013]. Таким образом, в XVII–XVIII вв. выделялось пять видов проса, известных на Тайване.

В XIX в. европейские ученые посещали Тайвань с целью сбора образцов растений и их каталогизирования. Английский ботаник Томас Олдем описал пальчиковое просо, произраставшее в р-не Даньшуй близ Тайбэя в 1864 г., а его соотечественник Августин Генри в 1888 г. опубликовал каталог китайских растений, где были выделены 25 новых родов и 500 новых видов растений, среди них был выделен один новый вид, эндемичный для Тайваня, *Spodiopogon formosanus* Rendle (или *Eccoilopus formosanus*), тайваньское масличное просо.

В период японской оккупации (1895–1945 гг.) было опубликовано множество этнологических исследований культур коренных народов острова. Щетинистое (итальянское) просо (Foxtail millet) часто фигурировало в отчетах о сельском хозяйстве и питании населения, другие виды проса встречались значительно реже. Таким образом, именно щетинистое просо (или по-другому – лисохвост) являлось наиболее распространенным видом проса на острове. Тайваньское масличное просо встречалось у народов бунун, рукай и пайвань. Часто его выращивали вместе с щетинистым просом, данные культуры высевались в один период времени – в конце зимы или ранней весной, но урожай масличного проса собирали поздней осенью, а щетинистого проса – в середине лета. Тайваньское масличное просо называли в народе также «зудящим просом», потому что тонкие волоски семян могли вызывать дискомфорт при соприкосновении с открытыми участками тела. Коренные жители острова хранили просо связками в зернохранилищах, потом колосья обмолачивали, отбивая палками или топча ногами. Зерна растирали в муку при помощи ступки и песта. Очищение от шелухи, дробление и растирание зерен было повседневной женской работой. У ма-

лых народов во время Праздника урожая жители деревень вплоть до сих пор устраивают соревнования по измельчению проса. Блюда из щетинистого проса у жителей Тайваня включали в себя простую кашу, приправленную солью (реже – сахаром), кашу, смешанную со свининой и дикими овощами, пирог, обернутый листьями. Тайваньское масличное просо обычно использовали для приготовления каш, а пальчиковое просо растирали в муку и добавляли в рисовую кашу [Кано Тадао, 1945]. В настоящее время несмотря на то, что просо у аборигенов Тайваня больше не является обязательным ежедневным продуктом питания, большинство людей продолжают отмечать Новый год, свадьбы и другие особые даты застольями, перечень блюд для которых обязательно включает в себя вино и лепешки из липких сортов проса. Наиболее распространены мягкие лепешки цинафу (кит. 奇那富), а также пельмени-*цзунцзы* (кит. 粽子) из просяного теста. Именно щетинистое просо используется как в символических церемониях, так и в пищу.

На январь 2020 г. численность горного народа рукай составляет 13 465 чел. Они населяют волость Маолинь уезда Гаосюн, волость Утай уезда Пиндун, деревню Дунсин в уезде Тайдун [Rukai, 2020]. Среди праздников видное место занимают торжества в честь сбора урожая (кит. *шоухо цзи*收获祭, *фэннянь цзи*丰年祭). Праздник урожая (на языке *рукай – калалисиан*) приходится на август, и, в первую очередь, связан со сбором проса – основой сельского хозяйства этого народа (рис. 1). Просоводческий календарный цикл занимает около шести месяцев, в течение которых совершается целый ряд священнодействий – выбор дня сева, ритуалы, связанные с самим процессом высевания проса, моления о дожде, ритуалы по отпугиванию насекомых-вредителей и птиц, а также обряды, связанные с прополкой, потом – со сбором урожая. На июль и август приходятся жатва, сушка и заготовка проса. Весь период сбора проса сопровождается весьма сложной обрядностью, включающей как семантику смены циклов, так и элементы культа предков. Данный период является кульминацией сельскохозяйственной деятельности и пиком культурной жизни [Се Чжэндао, 2018, с. 2].

Вплоть до середины XX в. общая продолжительность обрядовых действий могла достигать сорока пяти дней, но активное развитие экономики Тайваня естественным образом влияет на жизнь коренного населения. Все меньше аборигенов острова ведут традиционное хозяйство и по действующим законам представителям малых народов дается лишь один выходной день для проведения этнических праздников [Юй Гуйжун, 2008]. Вследствие этого продолжительность основных мероприятий *калалисиан* сокращается до двух – трех дней (ежегодно в июле – августе), что неизбежно ведет к частичной утрате магической семантики, харак-

Рис. 1. Женщины народа *рукай* на Празднике урожая (по: [McEneaney, 2017]).

терной для изначального варианта праздников обрядового цикла.

Основным действующим лицом первого этапа празднования, называемого *пуапуи* (кит. *иньлин баосинь* 引灵报信), является вождь или старейшина – *баракалай*. Основная цель обрядов – отблагодарить духов, *кумаусу,* за урожай через жертвоприношение. Традиционно в это же время рядовые общинники делают подношения старейшинам и вождям продуктами земледелия, рыбой и дичью. Часть полученного вождь и старейшины распределяют между нуждающимися соплеменниками. Таким образом, помимо религиозного, *пуапуи* имеет и большое социальное значение, являясь средством инициации и сплачивания коллектива. После проведения общих торжеств празднование перемещается в семьи, где роль *баракалая* берет на себя глава семьи, ему помогают другие члены семьи мужского пола. На время церемонии действует ряд табу. Во-первых, запрещено чихать, выпускать газы и разговаривать на посторонние темы. Во-вторых, нельзя отвлекаться и, например, приветствовать людей, не участвующих в ритуале. В-третьих, если участники церемонии слышат пение птиц и жужжание насекомых, то обряд прерывается. В-четвертых, существует строго определенный набор атрибутов жертвоприношения, который нельзя менять: это просо, свиное мясо, тыква-горлянка, ряд местных трав [Лу Илу, 2010, с. 13–15].

Важным этапом в структуре праздника урожая являются обряды молений и гадательных практик с использованием просяных лепешек (кит. *као сяомибин чжаньбу цзи* 烤小米饼占卜祭, на языке рукай – *вацапи*). Необходимым условием проведения гаданий является окончание ритуальных действий до рассвета. Основная цель – с помощью жареных просяных лепешек выяснить судьбу племени на следующий год. В церемонии участвуют только мужчины. Они приходят в назначенное место (обычно за пределами деревни) с тестом из просяной муки. После нагревания каменной плиты на нее укладывают большие и маленькие кусочки теста, а затем – банановые листья. Поверх помещают еще одну каменную плиту. Полученные лепешки называются *цапи* (кит. *чаби* 查比). Большие лепешки участники церемонии несут домой, а малые именуются «священными» (кит. *шэнбин* 圣饼) и именно они играют важную роль в гаданиях об урожае на будущий год и жертвоприношениях. После того, как «распорядитель церемонии» (кит. *чжуцзичжэ*主祭者) вытаскивает «священную лепешку», он внимательно и осторожно ее рассматривает, делая выводы о грядущих удачах и несчастьях. Если лепешки горячие, то будущий год будет благополучным, а урожай – обильным. Если лепешки не пропеклись, то племени угрожает наводнение или сильный ветер. Если лепешки слишком сухие – земледельцам следует опасаться засухи. Наличие в изделии насекомых может предвещать мор и иные бедствия.

Не менее важной церемонией является ритуал *моления о благословении духов* (кит. *баою линхунь цзи* 保佑灵魂祭, на языке рукай – *киапакадалу*). Примечательно, что женщины и мужчины молятся духам о благополучии раздельно, через день. Руководит церемонией, всегда происходящей в помещении, жрец (кит. *цзисы* 祭司), к которому участники подходят по одному. С собой они несут жертвенные продукты (горшок с вареным просом, тыква-горлянка со священной водой, бамбуковые тарелки с просяной кашей).

Специфическим ритуалом охотников является киатударити (*кит*. наньжэнь цифу цзи 男人祈福祭). Основная цель обращения к духам в рамках данного ритуала – просьба даровать мужчинам племени силу и доблесть, чтобы они могли добывать зверя и защищать других членов племени. Исторически в среде рукай охота была важной частью жизни, традицией, постулаты которой передавались из поколения в поколение (рис. 2). Все мужчины, от самых юных до самых старших, собираются к костру на холме в окрестностях деревни. Самый авторитетный охотник поклоняется богам от имени всех мужчин, призывая соплеменников в будущем году быть смелыми и желая им всем удачи. После этого костер разжигается сильнее, поскольку считается, что сильное пламя дарует успех. В прошлом данный обряд сопровождался рядом заклинаний и сакрализованных действий, но в современности, в связи с секуляризацией общества и падением роли охоты, соблюдаются лишь внешние формы. Примечательно, что в ходе данного мероприятия мужчинам запрещено встречать птиц и животных, потому в каждом дворе следить за домашним скотом остаются женщины. Все орудия труда и оружие освещаются духами-покровителями. Женщинам запрещается прикасаться к предметам охотничьего снаряжения и есть ритуальную еду вместе с мужчинами.

Завершает ритуальный цикл обряд окропления святой водой (кит. *цзю шэншуй цзи* 酒圣水祭, на языке *рукай – муацилику*). Все члены племени собираются в одном месте, чтобы поучаствовать в последнем мероприятии Праздника урожая. Главным действующим лицом выступает пожилая женщина. В ходе церемонии рукай благодарят своих богов за здоровье и благополучие в жизни, потому в церемонии участвуют все категории населения. Те, на кого попадает священная вода, по представлениям рукай, становятся удачливее и счастливее [Се Чжэндао, 2018, с. 4–5].

Рис. 2. Мужчина народа *рукай* на Празднике урожая (по: [McEneaney, 2017]).

Рис. 3. Женщина из зажиточной семьи в головном уборе из колосьев проса на фоне увешанной ими же стены дома (по: [Adam, 2018]).

Во время проведения Праздника урожая традиционные блюда народности рукай обязательно включают в себя «липкие лепешки», похожие на клецки (абай или авай), «Липкие лепешки» характерны не только для народности рукай, но и для многих других народов разных частей острова, например, атаял, пайвань, ами, пуюма, цзоу, бунун, сидик. Как правило, для их приготовления использовалось щетинистое или обыкновенное просо, сорго или рис, смешанные с бананом или таро. У рукай такие лепешки подаются либо завернутыми в листья банана, имбиря, бамбука, таро или макаранги, либо в виде клецок со свининой, подаваемых с бульоном. Для их приготовления цельные зерна предварительно замачивают в воде и перемалывают во влажном состоянии. К ним добавляется мука из клубней таро. Внутрь кладется маленький кусочек свинины. Клейкие лепешки, обернутые листьями, обвязываются для прочности шнурочками из длинных и жестких листьев альпинии. Для приготовления варианта в виде клецок пшенную муку (иногда смешанную с рисовой мукой) разбавляют водой, формуют маленькие шарики, добавляют свинину и варят. Часто эти блюда подаются вместе с запеченным сладким картофелем, свининой и слабоалкогольным напитком из проса. Несмотря на то, что сейчас для коммерческого производства используются специальные закваски, сохранились свидетельства, что изначально зерна для приготовления напитков принято было пережевывать. Слюна, содержащая фермент птиалин, катализировала превращение крахмала в сахар.

Просо также является основным символическим подарком при сватовстве, на новоселье, на рождение ребенка, на юбилеи. Традиционный «калым», помимо проса, обычно включает в себя вино из проса, сахарный тростник, таро, бетельный орех, перец бетель, бананы и др. Кроме того, просо традиционно использовалось и в качестве оплаты, например, аренды сельскохозяйственных земель [Ba Qing-Xiong et al., 2018]. Гостей принято встречать пиалой вина из проса. Гость должен окунуть палец в вино и стряхнуть капли в трех направления: к небу – как подношение богам, за плечо – предкам и вниз – земле. Просо является показателем достатка, поэтому зажиточные крестьяне часто убористо увешивают колосьями стены дома от крыши до пола. Это делается не только для удобства хранения, но и для того, чтобы показать статус семьи. С этими же целями колосья просо могут выступать в качестве элементов головного убора (рис. 3) [Adam].

Таким образом, типологически описанный обрядовый цикл вписывается в ряд аналогичных феноменов, бытующих в культуре народов Восточной и Юго-Восточной Азии, в силу наличия в нем ряда характерных черт, таких как строгая связь определенных ритуалов с этапами возделывания зерновой культуры, посвящения сверхъестественным силам с целью получения хорошего урожая, ритуальное сопровождение утилитарных действий, наличие ключевой фигуры, совершающей магические действия и т.п. При этом, однако, основным продуктом питания для большинства народов Юго-Восточной Азии является рис, вторым по объемам потребления – пшеница, в то время как у коренных народов Тайваня сохраняется обрядовый цикл, связанный только с возделыванием проса, что является нетипичным и уникальным явлением для Азии [Хуан Шуминь, 2008]. Просо продолжает играть ведущую роль в ритуалах, связанных практически с каждым важным событием жизни человека. Щетинистое просо могло быть завезено на остров с другими видами проса и рисом, но только оно приобрело особый статус в культовой деятельности древнего человека, который сохранился вплоть до этнографической современности. Исследование, проводимое на стыке археологии и этнографии, представляется крайне важным для изучения реликтовых признаков традиционных пищевых представлений коренных народов, уходящих своими корнями в глубокую древность.

Список литературы

Кано Тадао. Амидзоку дзукай миндзоку си (Иллюстрированная этнография народности ями). – Б.м., 1945. – 456 с. (на яп. яз.).

Лу Илу. Цун сяоми шэньхуа шуаньшо таньтао Тайвань юань чжуминь вэньхуа (Исследование культуры аборигенов Тайваня через мифы и легенды о просо) // *Датун дасюэ туншии цзяоюй няньбао* (*Ежегодный педагогический журнал Датунского университета*). – 2010. – № 6. – С. 7–26 (на кит. яз.).

Се Чжэндао. Цзилу було фэннянь цзи чутань (Предварительное исследование праздника урожая у народности цзилоу) // Э-Тай лянъань фэйи вэньхуа цзи чуан чаньпинь яньтао чжаньши хуэй (Материалы семинара-выставки объектов нематериального культурного наследия двух берегов Тайваньского пролива). – Ухань: Ухань чубаньшэ, 2018. – С. 1–6 (на кит. яз.).

Хуан Шуминь. Дунъя сяоми вэньхуа юаньлю (Происхождение и распространение проса в Восточной Азии) // Feast on Knowledge. – 2008. – №4. – С. 1–19 (на кит. яз.).

Чэнь Цзилу. Дуннанья цюй дэ чжуши цюй хэ чжуши цэн цзянь лунь Тайвань тучжу цзу нунцзоъу дэ лайюань (Основные пищевые зоны и уровни Юго-Восточной Азии, а также обсуждение источников происхождения сельскохозяйственных культур у аборигенного населе-

ния Тайваня) // Кань юй Бао Цзуньпэн сяньшэн цзинянь луньвэнь цзи (Сборник статей в память господина Бао Цзуньпэна). – Тайбэй: Голи лиши боугуань, 1971. – С. 329–338 (на кит. яз.).

Юй Гуйжун. Сяоми вэньхуа юй юань сян фунюй дэ шэнминли (Культура проса и женская сила у народов Тайваня) // *Вэньхуа яньцзю* (*Исследования культуры*). – 2008. – № 7. – С. 151–177 (на кит. яз.).

Adam B.A. Regret, respect and reconciliation: The struggle of Taiwan's Indigenous peoples [Электронный ресурс] // Saskatoon StarPhoenix. – URL: https://thestarphoenix.com/news/local-news/regret-respect-and-reconciliation-the-struggle-of-taiwans-indigenous-peoples (дата обращения 02.08.2020).

Ba Qing-Xiong, Lu Dau-Jue, Kuo Warren Hwa-Jen, Lai Po-Hsin. Traditional Farming and Sustainable Development of an Indigenous Community in the Mountain Area – A Case Study of Wutai Village in Taiwan [Электронный ресурс] // Sustainability. – 2018. – № 10. – URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/10/10/3370/htm (дата обращения 02.08.2020).

Bellwood P. First Islanders: Prehistory and Human Migration in Island Southeast Asia. – N.-Y.: John Wiley and Sons, 2017. – 384 *p*.

Li Kuang-ti. Rethinking Tapenkeng Culture in the Earliest Neolithic Taiwan and the Issue Relating to Austronesian Homeland // New Lights on East Asian Archaeology. – Taipei: Institute of History and Philology Publ, 2012. – 30 p.

McEneaney C. The Intricate Art of Attire: The Ceremonial Dress of the Rukai Indigenous [Электронный ресурс] // The Culture Trip. – 2017. – URL: https://theculturetrip.com/asia/taiwan/articles/the-intricate-art-of-attire-the-ceremonial-dress-of-the-rukai-indigenous/ (дата обращения 15.08.2020).

Rukai [Электронный ресурс] // Council of Indigenous Peoples. – 2020. – URL: https://www.cip.gov.tw/portal/docList.html?CID=0FA431F535DA870F (дата обращения 15.08.2020).

Takei Emiko. Millet Culture and Indigenous Cuisine in Taiwan // The Proceedings of the 2013 International Conference on Chinese Food Culture. – Kunmin: Yunnan University, 2013. – P. 1–18.

References

Adam B.A. Regret, respect and reconciliation: The struggle of Taiwan's Indigenous peoples. In *Saskatoon StarPhoenix*. URL: https://thestarphoenix.com/news/local-news/regret-respect-and-reconciliation-the-struggle-of-taiwans-indigenous-peoples (Accessed: 02.08.2020).

Ba Qing-Xiong, Lu Dau-Jue, Kuo Warren Hwa-Jen, Lai Po-Hsin. Traditional Farming and Sustainable Development of an Indigenous Community in the Mountain Area – A Case Study of Wutai Village in Taiwan. In *Sustainability*, no. 10. URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/10/10/3370/htm (Accessed: 02.08.2020).

Bellwood P. First Islanders: Prehistory and Human Migration in Island Southeast Asia. N.-Y.: John Wiley and Sons, 2017, 384 p.

Chen Jilu. Dongnanya qu de zhushi qu he zhushi ceng jian lun Taiwan tuzhu zu nongzuowu de laiyuan [Major Food Zones and Levels of Southeast Asia, and Discussion of Crop Sources in Taiwan's Aboriginal Population]. In *Kan yu Bao Zunpeng xiansheng jinian lunwen ji [Collection of articles in memory of Mr. Bao Zunpeng]*. Taipei: Guoli lishi bowuguan, 1971. P. 329–338 (In Chin.).

Huang Shumin. Dongya xiaomi wenhua yuanliu [Origins and distribution of millet in East Asia]. *Feast on Knowledge,* 2008, no. 4. P. 1–19. (In Chin.).

Kano Tadao. Ami zoku zukai minzoku shi [Illustrated ethnography of Yami People]. no Publ. House, 1945, 456 p. (In Jap.).

Li Kuang-ti. Rethinking Tapenkeng Culture in the Earliest Neolithic Taiwan and the Issue Relating to Austronesian Homeland. In *New Lights on East Asian Archaeology.* Taipei: Institute of History and Philology Publ, 2012, 30 p.

Lu Yilu. Cong xiaomi shenhua shuanshuo tantao Taiwan yuan zhumin wenhua [A study of Taiwan Aborigines Culture from Millet-related Myths and Legends]. *Datong daxue tongshi jiaoyu nianbao [Annual Pedagogical Journal of Datong University],* 2010, no. 6. P. 7–26. (In Chin.).

McEneaney C. The Intricate Art of Attire: The Ceremonial Dress of the Rukai Indigenous. In *The Culture Trip.* URL: https://theculturetrip.com/asia/taiwan/articles/the-intricate-art-of-attire-the-ceremonial-dress-of-the-rukai-indigenous/ (Accessed: 15.08.2020).

Rukai. In *Council of Indigenous Peoples*. URL: https://www.cip.gov.tw/portal/docList.html?CID=0FA431F535DA870F (Accessed: 15.08.2020).

Takei Emiko. Millet Culture and Indigenous Cuisine in Taiwan. In *The Proceedings of the 2013 International Conference on Chinese Food Culture*. Kunmin: Yunnan Univ. Press., 2013. P. 1–18.

Xie Zhengdao. Jilu buluo fengnian ji chutan [Preliminary Investigations of Jilou Harvest Festival]. In E-*Tai liang'an feiyi wenhua ji wenchuang chanpin yantao zhanshi hui* [Materials of the Seminar-Exhibition of Intangible Cultural Heritage Objects of Both Sides of the Taiwan Strait]. Wuhan: Wuhan chubanshe, 2018. P. 1–6. (In Chin.).

Yu Guirong. Xiaomi wenhua yu yuanxiang fu nü de sheng ming li [Taiwanese peoples millet culture and female strength]. *Wenhua yanjiu [Culture Investigations],* 2008, no. 7. P. 151–177. (In Chin.).

Шульга Д.П. https://orcid.org/0000-0001-8022-2954
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0737-0741
УДК 671.412.1

Д.П. Шульга[1]✉, М.О. Филатова[2]

[1] Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
Новосибирск, Россия
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Суйские погребения с фарфором и золотыми ромейскими монетами (могильник Цзюлуншань в округе Гуюань)

В 2004 г. в черте округа Гуюань (Нинся-Хуэйский автономный р-н КНР) Институт культурного наследия и археологии Нинся выявил и исследовал (в ходе охранных раскопок) могильник Цзюлуншань, два погребения (2004YKJM33 и 2004YKJM4) которого относились, судя по инвентарю (эпиграфические источники в захоронениях отсутствуют), к эпохе Суй (581–618 гг). Данные могилы примечательны с нескольких точек зрения. Во-первых, в каждой из них была обнаружена золотая монета Восточной Римской империи (возможно, высококачественная имитация солидов Юстина I и Юстиниана Великого), судя по всему, прежде всего применявшиеся как украшения (хотя среди большинства китайских исследователей принята версия о параллельном применении золотых монет как средств обмена или накопления богатства). Во-вторых, судя по антропологическим исследованиям авторов раскопок, усопшие принадлежали к европеоидной расе или, по крайней мере, имели многие черты таковой. В русскоязычной науке данные материалы практически не известны, потому авторы в рамках настоящей работы вводят их в научный оборот. Подобные находки в очередной раз доказывают тот факт, что артефакты из Восточной Римской (Византийской) империи играли заметную роль в жизни населения Китая (не только в Западном крае, но и в бассейне Хуанхэ) в раннем Средневековье (как в период политической раздробленности, так и в период единых средневековых империй Поднебесной – Суй и Тан). Стоит добавить, что на территории КНР есть монеты (и имитации) императоров от Феодосия II до Константина V.

Ключевые слова: *Восточная Римская империя, Северный Китай, Великий Шелковый путь, солиды, династия Суй.*

D.P. Shulga[1]✉, M.O. Phylatova[2]

[1] Siberian Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia
[2] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Sui Burials with Porcelain Vessels and Golden Roman Coins (Jiulongshan Burial Ground in Guyuan District)

In 2004, the Guyuan District (Ningxia Hui Autonomous Region of the People's Republic of China), the Ningxia Institute of Cultural Heritage and Archaeology identified and investigated (during development-led excavations) the Jiulongshan burial ground and two burials (2004YKJM33 and 2004YKJM4), which probably belonged to the Sui era (581–618), based on the inventory (there were not epigraphic sources in the burial). These graves are remarkable from several aspects. First, each of them contained a golden coin of the Eastern Roman Empire (possibly a high-quality imitation of Justin I and Justinian the Great solids), perhaps used as jewellery (although among the majority of Chinese researchers, the version about the parallel use of golden coins as a means of exchange or accumulation of wealth is accepted). Second, the anthropological studies of the authors of excavations illustrated that the graves belonged to the Caucasian race or at least had many features. In Russian-speaking science, these materials are almost unknown, that is why we introduce them into the scientific circulation. Again,

such finds prove the fact that the artifacts from the Byzantine Empire played a significant role in the life of population in China (not only in the Western Region but also in the Yellow River basin) in the early Middle Ages (both in the period of political fragmentation, and in the period of united medieval empires of the Celestial Empire, Sui and Tang). Note that there the coins (and their imitations) of Emperors from Theodosius II to Constantine V are found in the PRC.

Keywords: *Eastern Roman Empire, Northern China, Great Silk Road, solid, Sui dynasty.*

Весной 2004 г. в рамках охранных археологических работ, связанных со строительством скоростной автомагистрали Иньчуань – Ухань Институт культурного наследия и археологии Нинся провел разведку и раскопки в окрестностях горы Цзюлуншань. Здесь (волость Кайчэн, р-н Юаньчжоу г. Гуюань) были выявлены погребения эпохи поздней древности и раннего Средневековья (от Хань до Тан). Высота над уровнем моря у некрополя составляет 1 770 м.

Особый интерес представляют два погребения эпохи Суй (581–618 гг.), в которых были обнаружены золотые монеты, подобные восточно-римским. Автор намеренно осторожен в оценках подлинности «солидов», так как, с одной стороны, они внешне выполнены достаточно аккуратно, с соблюдением основных необходимых элементов (в отличие от многочисленных имитаций [Го Юньянь, 2006, с. 5–19] низкого качества [Линь Ин, 2004]), но с другой – имеют подозрительно небольшую массу. Для полноценного введения данных находок в научный оборот опишем в каждом случае устройство могилы и погребальный инвентарь.

Погребение 2004YKJM4 (M4) расположено в западной части могильника (рис. 1). Из-за проводившейся здесь хозяйственной деятельности стратиграфия захоронения нарушена. Вход в могилу прослеживается примерно на глубине 80 см. Гробница представляет собой погребальную камеру с дромосом, общей длиной 8,4 м. Костяк умершего лежит в анатомическом порядке, головой на запад, вытянуто на спине, лицом на юг. Очевидно, это женщина около 40 лет.

Обращает на себя внимание набор фарфоровых чашечек, покрытых белой глазурью (рис. 2). Все они примерно одинаковой формы, незначительно отличаются размерами. Первая из них (индекс M4:4) имеет высоту 7 см, диаметр по венчику 9,2 см, диаметр донца 3,5 см. Вторая (индекс M4:3) имеет высоту 7,1 см, диаметр по венчику 9,4 см, диаметр донца 3,4 см. Третья (индекс M4:2) имеет высоту 7,3 см, диаметр по венчику 9,4 см, диаметр донца 3,5 см. Четвертая (индекс M4:7) чашечка самая крупная, высотой 8,7 см, диаметр по венчику равен 12 см, диаметр донца – 4,3 см. Кроме чашечек, фарфоровые изделия представлены блюдом (диаметр по венчику 27 см, диаметр дна 24 см, высота 3,3 см) с тремя квадратными ножками (4,5 × 4,5 см, высота 5 мм).

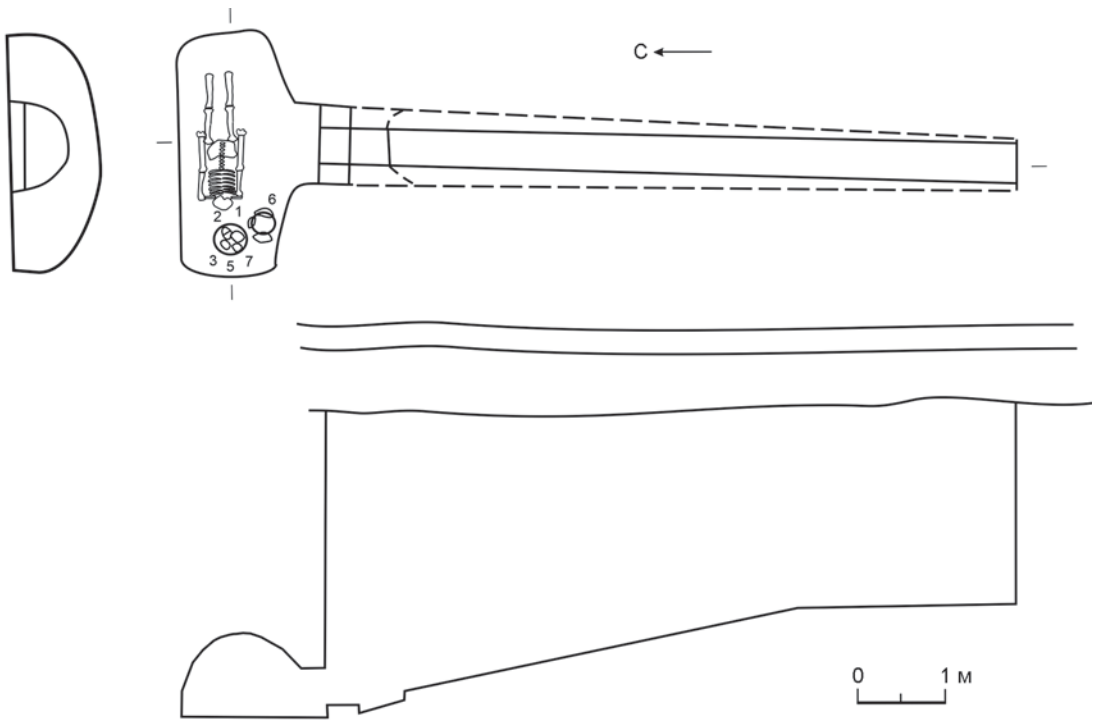

Рис 1. План погребения 2004YKJM4 (дается по: [Чэнь Вэй, 2012, с. 59–60]).

Наиболее высокохудожественным фарфоровым изделием в погребении является крупный (диаметр в верхней части 13 см, максимальный диаметр тулова 26 см, диаметр дна 12 см, общая высота 34 см) сосуд с крышкой (диаметр крышки 12,5 см). Имеет характерный для селадона бледно-зеленый цвет [Чэнь Вэй, 2012].

В районе черепа была сделана интересная нумизматическая находка, которой был присвоен индекс М4: 1. Форма монеты округлая, с обрезанными краями. Слева и справа имеются округлые отверстия (очевидно, для нашивания или подвешивания). На аверсе изображен бюст императора Восточной Римской империи в шлеме и доспехах, с копьем. Из-за обрезки надпись сильно повреждена. На реверсе крылатая фигура Ники (или ангела), в правой руке длинный крест, в левой – шар с крестом (держава), под которым находится восьмиугольная звезда. Слева от крылатой фигуры прослеживается надпись «AA … GGGΘ». Монета имеет диаметр 1,6 см, толщину 1 мм и массу 2 г. Эта золотая монета подобна создаваемым во времена правления в Византии Юстина I (518–527 гг.), а знак «Θ» может служить, по мнению Чэнь Вэя, символом 9-го монетного двора [Гэ Чэнъюн, 2015, с. 121]. Данной находке можно легко привести аналогию из погребения Тянь Хуна эпохи Северная Чжоу, 557–581 гг., расположенного также в районе г. Гуюань (рис. 3) [Ло Фэн, 2004, с. 135–137].

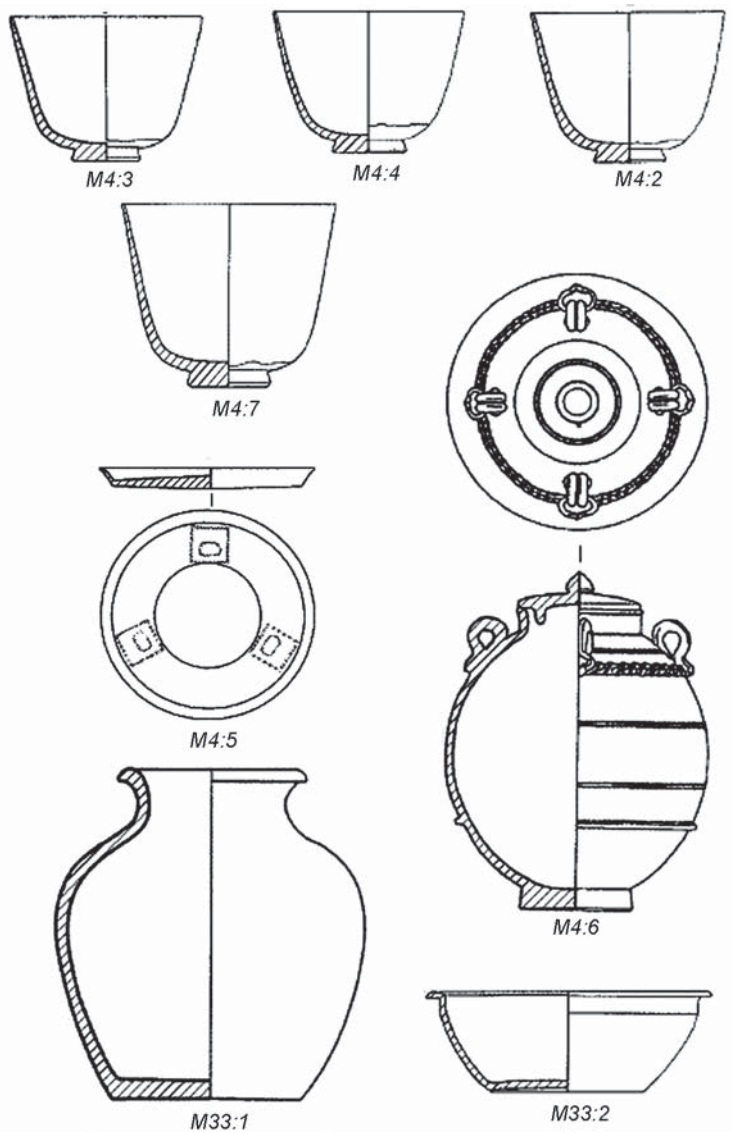

Рис. 2. Керамические и фарфоровые изделия из погребений М4 и М33 могильника Цзюлуншань.

M4:2, M4:3, M4:4, M4:7 – фарфоровые чашечки; *M4:5* – фарфоровое блюдо (тарелка); *M4:6* – фарфоровый сосуд с крышкой; *M33:1* – керамический горшок; *M33:2* – керамическая тарелка (дается по: [Чэнь Вэй, 2012, с. 60]).

Погребение 2004YKJM33 (также М33) расположено на южной стороне могильника. Из-за проводившейся здесь хозяйственной деятельности стратиграфия захоронения нарушена. Вход в могилу прослеживается примерно на глубине 60 см. Гробница представляет собой погребальную камеру с дромосом, общей длиной 8,2 м. Усопших двое (предположительно, мужчина 35–40 лет и женщина 25–35 лет), они лежат рядом вытянуто на спине, головами на юго-восток, боком ко входу в погребальную камеру.

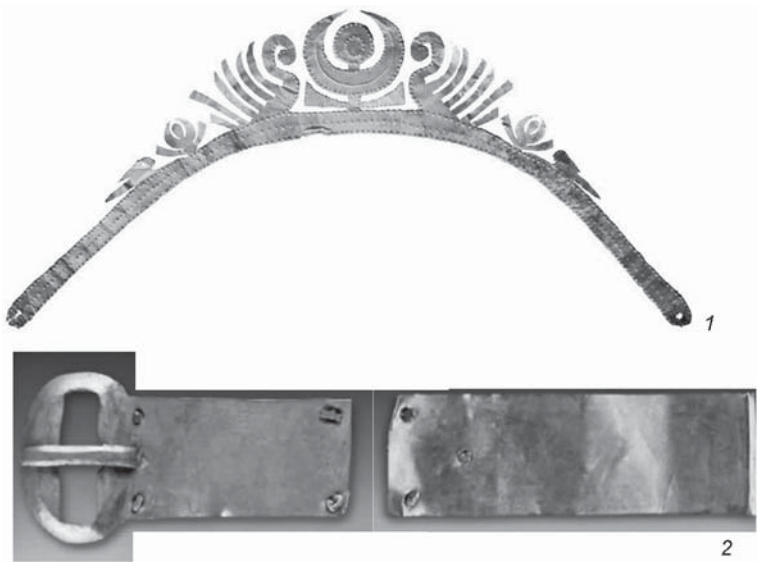
Погребальный инвентарь (керамика и золотые изделия) сосредоточен в головах усопших. Посуда представлена тарелкой (диаметр по венчику 29 см, диаметр дна 15 см, высота 10 см) и горшком (диаметр по венчику равен диаметру дна – 18 см, высота 32 см, максимальный диаметр тулова 29 см) [Чэнь Вэй, 2012].

В захоронении была найдена золотая монета (индекс М33: 4). Форма монеты округлая, с обрезанными краями. В верхней части имеется округлое отверстие (очевидно, для нашивания или подвешивания). На аверсе мы видим погрудный портрет восточно-римского императора со шлемом на голове, в доспехах. В приподнятой к плечу руке басилевса «держава» – шар с крестом. Надпись на монете слегка повреждена при проделывании отверстия. Справа от портрета государя – «DNIVSTIN», слева – «ANVSPPAVI». На реверсе крылатая фигура Ники (или ангела), в правой руке длинный крест, в левой – шар с крестом (держава), под которым находится восьмиугольная звезда. Надписи на реверсе: «VICTORI» справа и «AAVGGGΘ» слева, за-

Рис. 3. Ромейские золотые монеты из могильника Цзюлуншань и аналогии им из других памятников Гуюаня.

А – золотая монета Юстина I (вероятно, качественная имитация) из погребения Тянь Хуна (эпоха Северная Чжоу, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), подобная той, что была обнаружена в погребении 2004YKJM4 могильника Цзюлуншань (эпоха Суй, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), аверс и реверс (дается по: [Ло Фэн, 2004, с. 136]); *Б* – золотая монета Юстина I (вероятно, качественная имитация) из погребения 2004YKJM4 могильника Цзюлуншань (эпоха Суй, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), аверс и реверс (дается по: [Гэ Чэнъюн, 2015, рис. 21]); *В* – золотая монета Юстиниана I (возможно, качественная имитация) из погребения 2004YKJM33 могильника Цзюлуншань (эпоха Суй, округ Гуюань, Нинся-Хуйэский АР, КНР), аверс и реверс (дается по: [Чэнь Вэй, 2012, с. 64]).

тем литера «S», а внизу надпись «… NOB». Диаметр 1,8 см, толщина 1 мм, масса 3 г. Эта золотая монета подобна солидам императора Восточной Римской империи Юстиниана I Великого (527–565 гг.) (рис. 3) [Гэ Чэнъюн, 2015, с. 121].

Среди золотых изделий обращает на себя внимание поясная пряжка с накладкой. Рамка пряжки овальная, язычок подвижный. На накладке пробиты четыре отверстия (в районе углов). Длина 5, ширина от 2 до 2,8 см, вес 6 г. Есть также золотая прямоугольная бляха с тремя отверстиями и остатками кожаной основы (длина 6,2 см, ширина 2,2 см, масса 4 г) [Чэнь Вэй, 2012].

Небезынтересной стала находка золотого украшения дугообразного головного убора (масса 17,5 г). Верхняя часть артефакта декорирована в центре стилизованными изображениями солнца и луны, фигуры по краям можно интерпретировать как орнитоморфные или растительные. По мнению Гэ Чэнъюна, это изделие представляет собой пример греко-романского влияния на персидскую культуру и изготовлено в Сасанидской державе (рис. 4) [Гэ Чэнъюн, 2015, с. 121].

Указанные находки еще раз демонстрируют нам тот факт, что монеты ромейской державы (а также их имитации) были весьма распространены в западных регионах средневекового Китая [Ма Цзяньцзюнь, 2016] (по отношению к нынешней КНР это скорее центральные районы). При этом их роль, очевидно, не сводилась исключительно к торговле или накоплению. Тому свидетельство – многочисленные имитации [Ло Фэн, 1993], подчас настолько низкого качество, что принять их за оригинал было невозможно. Наличие отверстий на многих подобных нумизматических артефак-

Рис. 4. Золотые артефакты из погребения М33 могильника Цзюлуншань.

1 – деталь головного убора (дается по: [Гэ Чэнъюн, 2015, рис. 21:1]); *2* – детали поясной фурнитуры (дается по: [Чэнь Вэй, 2012, с. 67]).

тах, а также частое помещение их в гробницы [Ло Фэн, 2005] показывает, что перед нами «статусные» вещи. Естественно, подобная категория инвентаря требует в дальнейшем детального изучения частных вопросов (например, насколько осознавали носители «ромейских монет» христианскую символику, на них отображенную).

Также примечательно, что в погребении М4 найден целый набор фарфоровой посуды. Это делает данное захоронение, если можно так выразиться, квинтэссенцией феномена Шелкового пути. Одновременно усопшего сопровождает наиболее статусный артефакт ромейского Средиземноморья (солид) и китайской Центральной равнины (фарфор, в том числе селадоновый).

Список литературы

Гэ Чэнъюн. Цун чуту хань чжи тан вэнь у кань оу я вэньхуа цзяолю и хэнь (Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан) // Гугун боуюанькань (Бюллетень музея Гугун). – 2015. – №3. – С. 111–125. (на кит. яз.)

Го Юньянь. Чжунго фасяньдэ байчаньтин цзиньби цзи ци фанчжи пинь яньцзю (Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций). – Тяньцзинь: Отдел аспирантуры ун-та Нанькай. – 2006. – 286 с. (на кит. яз.)

Линь Ин. Цзюсинху юй Чжунъюнань дицюй чуту дэ фанчжи байчжаньтин цзиньби (Варвары и имитации византийских золотых монет, обнаруженных на Центральной равнине) // Оуя сюэкань (Евразийский академический журнал). – 2004. – Вып.4. – С. 119–129. (на кит. яз.)

Ло Фэн. Бэйчжоу Ши Цзюнь мучуту дэ байчжаньтин цзиньби фанчжи пиньси (Анализ имитаций византийских золотых монет, обнаруженных в гробнице Шицзюня эпохи Северная Чжоу) // Вэньу (Культурное наследие). – 2005. – №3. – С. 57–65. (на кит. яз.)

Ло Фэн. Гуаньюй си ань со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь (Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане) // Чжунго цяньби (Китайская нумизматика). – 1993. – №4. – С. 17–19. (на кит. яз.)

Ло Фэн. Хухань чжицзянь: «Сычоу чжилу» юй сибэй лиши каогу (Между иноземцами и ханьцами: «Шелковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада). – Пекин: Вэньу чубаньшэ. – 2004. – 515 с. (на кит. яз.)

Ма Цзяньцзюнь. Нинся цзиннэй каогу фасянь дэ сычоу чжилу гуго цзинь инь би цзянькао (Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся) // Чжунго цяньби (Китайская нумизматика). – 2016. – № 6. – С. 31–35. (на кит. яз.)

Чэнь Вэй. Нинся Гуюань Цзюлуншань суй му фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуюань, Нинся) // Вэньу (Культурное наследие). – 2012. – №10. – С. 58–65. (на кит. яз.)

References

Ge Chengyong. Cong chutu han zhi tang wenwu kan ouya wenhua jiaoliu yi hen [Cultural ties between Europe and Asia according to heritage sites from Han to Tang]. *Gugun boujuan'kan' [Journal of Gugong Palace Museum]*, 2015, no. 3. P. 111–125. (In Chin.).

Guo Yunyan. Zhongguo faxiande baizhanting jinbi ji qi fangzhi pin yanjiu [Research of Byzantine coins and their imitations discovered in China]. Tianjin: Nankai daxue yanjiusheng yuan (Graduate School of Nankai Univ.), 2006, 286 p. (In Chin.).

Lin Ying. Jiuxinghu yu Zhongyuan diqu chutude fangzhi fanchzhi baizhanting jinbi [Barbarians and imitations of Byzantine gold coins found in the Central Plains]. *Ouyaxue kan [Eurasian Journal],* 2004, no. 4. P. 119–129. (In Chin.).

Luo Feng. Beizhou Shi jun muchutu baizhanting jinbi fangzhi pinxi [Analysis of imitations of Byzantine gold coins found in the Shijun tomb of the Northern Zhou era]. *Wenwu [Cultural relics],* 2005, no. 3. P. 57–65. (In Chin.).

Luo Feng. Guanyu Xi an suo chu Dongloma jinbi fang zhi pin de taolun [Discussion of imitations of East Roman gold coins produced in Xi'an]. *Zhongguo qianbi [China Numismatics],* 1993, no. 4. P. 17–19. (In Chin.).

Luo Feng. Huhan zhijia': «Sichou zhilu» yu xibei lishi kaogu [Between Foreigners and Hans: The Silk Road and Historical and Archaeological Research of the Northwest]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2004, 515 p. (In Chin.).

Ma Janjun. Ningxia jingnei kaogu fasxian de sichou zhilu guguo jin yin bi jiankao [A Brief Study of Ancient Silk Road Gold and Silver Coins Found in Ningxia]. *Zhongguo qianbi [China Numismatics]*, 2016, no. 6. P. 31–35. (In Chin.).

Chen Wei. Ningxia Guyuan julongshan sui mu faju jianbao [A Brief Report on the Excavation of the Sui Tomb in Jiulongshan]. *Wenwu [Cultural relics],* 2012, no. №10. P. 58–65. (In Chin.).

Шульга Д.П. https://orcid.org/0000-0001-8022-2954
Филатова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0742-0746
УДК 392.81

П.И. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Могильники Дунхэйгоу и Хэйгоулян на северо-востоке Синьцзяна (Китай)

В статье анализируются материалы могильников Дунхэйгоу и Хэйгоулян VII–III (II) вв. до н.э., находящихся в районе населенных пунктов Хами и Баликунь (северо-восточная часть Синьцзяна, Китай). Особое внимание уделено могильнику Хэйгоулян V–III (II) вв. до н.э., исследованному в 1993–94 гг., но, фактически, неизвестного археологам за пределами Китая. В настоящее время это единственный крупный однокультурный могильник европеоидного населения на востоке Синьцзяна, в котором инвентарь и звериный стиль почти полностью соответствуют культурам скифо-сибирского круга Казахстана, Саяно-Алтая и Синьцзяна. К таковым относятся зеркала медалевидные и с боковыми петлями, широко распространенные от Алтая до Забайкалья. Примерно такой же круг аналогий имеют детали поясной фурнитуры, ворворки, заколки и колокольчиковидные подвески, а также орнамент в виде «асимметричного листка» на крючках, в наибольшей степени характерный для пазырыкской культуры. Наиболее широкий круг аналогий имеют стилизованные клювовидные фигуры и серьги, встречающиеся в памятниках V–III вв. до н.э. от Урала до Северного Китая. Вместе с тем, керамические сосуды и погребальный обряд могильника Хэйгоулян имеют местные формы, существовавшие в районе Хами уже в VII в. до н.э., а возможно, и раньше. Памятники из Хами очерчивают южную часть ареала распространения скифоидных культур европеоидного населения, включающего могильники в западной части Монголии – пазырыкской культуры у границ с Республикой Алтай (Россия) и чандманьской культуры у границ с республикой Тыва (Россия).

Ключевые слова: *Синьцзян, Монголия, Саяно-Алтай, скифоидные культуры, могильники, погребальный обряд, инвентарь.*

P.I. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru

Dongheigou and Heigouliang Burial Grounds in Northeastern Xinjiang (China)

The article analyzes materials from Dongheigou and Heigouliang burial grounds of the 7th–3rd (2nd) centuries BC, located in Hami and Balikun settlements area (northeastern part of Xinjiang, China). Particular attention is paid to the Heigouliang burial ground of the 5th–3rd (2nd) centuries BC explored in 1993–1994 but, in fact, unknown to archaeologists outside of China. At present, this is the only large east Xinjiang Caucasian single-culture burial ground where inventory and animal style almost completely correspond to the Scythian-Siberian circle cultures in Kazakhstan, Sayan-Altai, and Xinjiang. These include medal-shaped and side-looped mirrors widespread from Altai to Transbaikal. Belt fittings details, "vorvorka", hairpins, and bell-shaped pendants as well as an ornament in the form of an "asymmetric leaf" on the hooks, which is the most typical of the Pazyryk culture have approximately the same range of analogies. Stylized beak-shaped figures and earrings found in the 5th–3rd centuries BC sites from the Urals to Northern China have the widest range of parallels. However, Heigouliang burial ceramic vessels and burial rite have local forms that existed in the Hami region already in the 7th century BC or possibly earlier. The sites from Hami outline the southern part of the Caucasian Scythian cultures distribution area including the western part of Mongolia burial grounds—the Pazyryk culture near the boundaries with the Altai Republic (Russia) and the Chandman culture near the borders with Tyva Republic (Russia).

Keywords: *Xinjiang, Mongolia, Sayan-Altai, Scythian-like cultures, burial grounds, burial rite, inventory.*

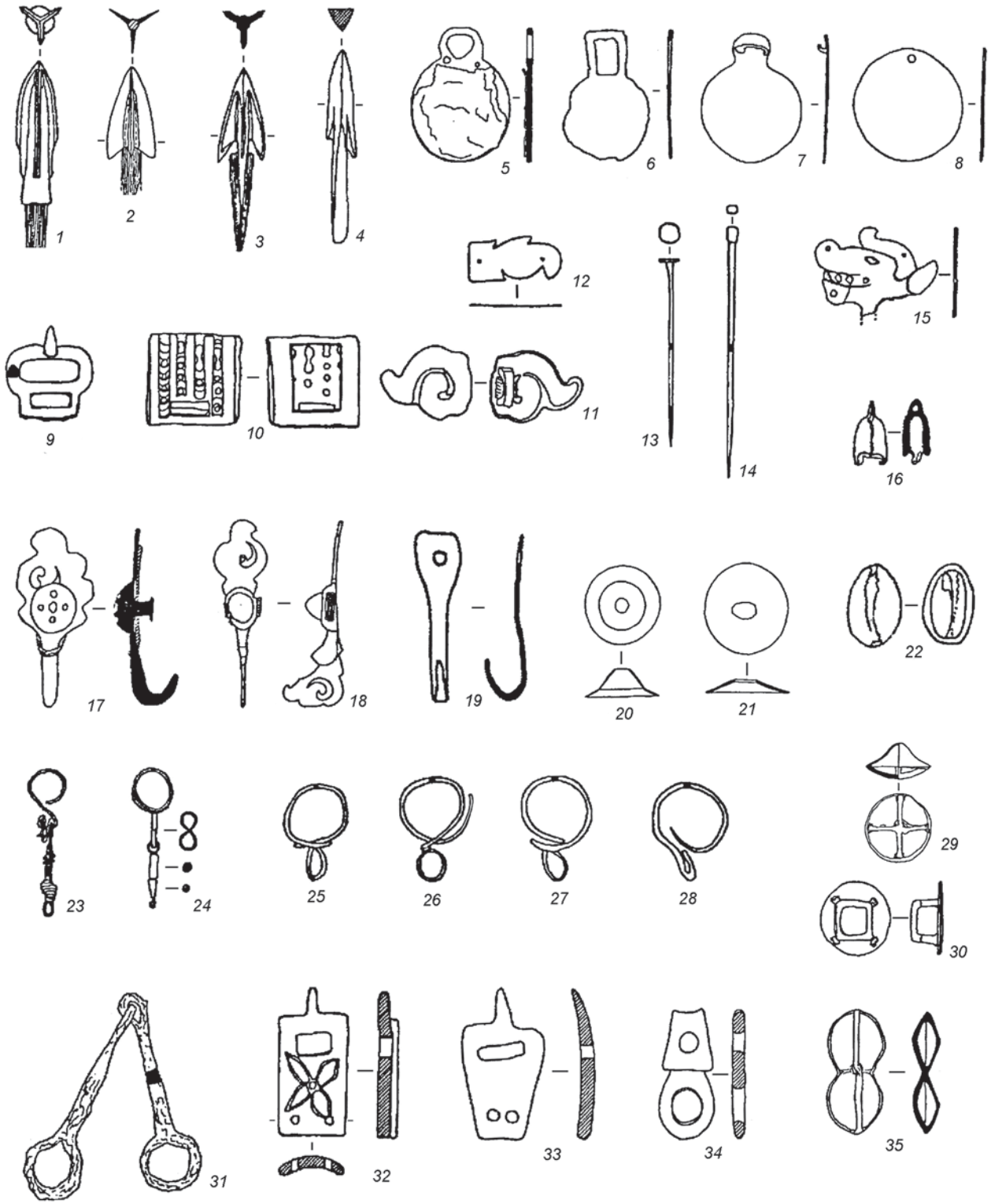
Могильники Дунхэйгоу и Хэйгоулян находятся в уезде Баликунь к северо-западу от г. Хами, примерно в 200 км от границы с Монголией. Указанная область на северо-востоке Синьцзяна уже со II тыс. до н.э. была местом контактов населения Синьцзяна, Монголии и Ганьсу. В начале I тыс. до н.э. ситуация существенно меняется. Связи района Хами с культурами Ганьсу и Северного Китая не фиксируются, но появляются захоронения VII–VI вв. до н.э., по инвентарю очень близкие культурам Алтая и Тывы [Шульга, 2010, с. 57–61]. В значительно большем количестве в районе Хами-Баликунь представлены могильники V–III вв. до н.э. в Дунхэйгоу (12 могил) и в Хэйгоулян (52 могилы) [Синьцзянский институт…, 2007; Мо Чжаньсюн, 2008].

Наиболее однородным и представительным является могильник Хэйгоулян. Надмогильные сооружения представляли там располагавшиеся цепочками небольшие курганы диаметром около 5 м из камня и грунта. По центру находилась одна округлая в плане могила глубиной около 2 м с отвесными стенками или с подбоем в южной стенке. Характерной особенностью погребального обряда являются наличие основного погребения на дне могилы и расположенных в заполнении могил подхоронений частей костяков человека (иногда со скромным инвентарем). В могилах также находились кости лошади, овцы и крупного рогатого скота. В основное захоронение помещался один (иногда 2–3) умерший на спине, вытянуто, головой в западный сектор. Погребальная камера иногда представляла собой бревенчатый сруб. С умершими найдено значительное количество разнообразных керамических сосудов (277 экз.), оружие (бронзовые и железные трехлопастные наконечники стрел, бронзовые вотивные кинжалы и чеканы), поясная и сбруйная фурнитура, оселки, ножи (20 бронзовых и 18 железных), шилья, медалевидные зеркала и украшения. Керамические сосуды кринковидных, баночных и чашевидных форм имеют аналогии в культурах яньбулакэ и субэйси. Преобладают сосуды с ручками, ушками для подвешивания и ручками-упорами. Орнамент, как правило, отсутствует. В целом, керамика и погребальный обряд имеют местные корни, и существенно отличаются от известных синхронных комплексов западной Монголии и Южной Сибири. Опубликованные бронзовые ножи, кинжалы (всего 20 экз.) и чеканы (3 экз.) являются довольно аморфными моделями длиной всего 6–8 см. Остальные изделия, по-видимому, полноразмерные*, в том числе бронзовые трехлопастные наконечники со скрытой (3 экз.) и выступающей (8 экз.) втулками и черешком (3 экз.) (см. *рисунок, 1–4*). Зеркал найдено 14 экземпляров: два китайских; семь зеркал с овальными или подпрямоугольными боковыми петлями (см. *рисунок, 5, 6*), одно с перпендикулярной петлей на ручке (см. *рисунок*, *7*) и четыре простых медалевидных зеркала с отверстием для подвешивания (см. *рисунок*, *8*). Все эти формы медалевидных зеркал в V–II вв. до н.э. были широко распространены от Алтая до Забайкалья [Кубарев, 1991, с. 98–101]. Из них наиболее хорошо датируемые происходят из пазырыкских погребений Чуйской степи конца IV – начала III в. до н.э. [Кубарев, 1987, рис. 34; 1991, рис. 99; 1992, рис. 27; и др.]. Примерно такой же круг аналогий имеют поясные пряжка, прорезная обойма и бляшка с перпендикулярной петлей (рис. 1, *9–11*), ворворки, заколки и колокольчиковидные подвески (см. *рисунок*, *13, 14, 16, 20, 21*). Орнаменты в виде «асимметричного листка» на крючках (см. *рисунок*, *17, 18*) в наибольшей степени характерны для пазырыкской культуры, но встречается в Южной Сибири до Минусинской котловины. Пожалуй, наиболее широкий круг аналогий имеют стилизованные клювовидные фигуры (см. *рисунок*, *11, 12*) и серьги, встречающиеся в памятниках V–III вв. до н.э. от Урала до Северного Китая. Серьги относятся к трем основным типам: 1) простейшие восьмерковидные, изготовленные из одного куска серебряной (бронзовой) проволоки (см. *рисунок*, *28*); 2) восьмерковидные из двух частей – большого кольца с несомкнутыми концами и припаянного к нему колечка (см. *рисунок*, *25–27*); 3) восьмерковидные из золотой проволоки с подвесками (см. *рисунок*, *23, 24*).

Деталей конского снаряжения найдено сравнительно немного: двое железных удил, две роговых подпружных пряжки (см. *рисунок*, *29–31*), два чумбурных блока (см. *рисунок*, *32*), четыре бронзовых распределителя двух типов (см. *рисунок*, *29, 30*) и один двоитель (см. *рисунок*, *35*). В Южной Сибири такие детали довольно часто встречаются в погребениях V–III вв. до н.э. Однако к востоку от Синьцзяна и Тывы их редко находят, что также указывает на близость комплексам Южной Сибири.

Почти все изделия из Хэйгоуляна, за исключением керамики, имеют аналогии в Тыве, Горном Алтае, на Верхней Оби и в Казахстане. Наличие бронзовых сбруйных распределителей и двоителей (см. *рисунок*, *29, 30, 35*), относительно ранних форм «колчанных» крючков (см. *рисунок*, *17–19*), роговых наконечников с одним сильно выступающим жальцем (см. *рисунок*, *4*), некоторые особенности зеркал и большое количество бронзовых ножей указывают на присутствие на могильнике

*В тексте публикации на китайском языке указаны только размеры ножей и кинжалов. На рисунках линейный масштаб отсутствует.

Инвентарь из могильника Хэйгоулян.

1–4 – наконечники стрел; *5–8* – зеркала; *9–11* – детали поясной фурнитуры; *12, 15* – нашивные бляшки; *13, 14* – заколки волос; *16* – колокольчиковидная подвеска; *17–19* – крючки; *20, 21* – ворворки; *22* – раковина каури; *23–28* – серьги; *29–35* – детали конского снаряжения. *1–3, 5–11, 13–21, 29, 30, 35* – бронза; *4, 32-34* – кость (рог); *12, 23–26* – золото; *27, 28* – серебро; *31* – железо (по: [Мо Чжаньсюн, 2008]).

Хэйгоулян погребений V–IV вв. до н.э. Верхняя граница могильника определяется по обломку китайского зеркала. Этот тип зеркал был распространен в Китае в III–II вв. до н.э. В целом могильник Хэйгоулян может быть датирован V–III (II) вв. до н.э. Культура оставившего могильник населения относится к саяно-алтайскому кругу, но специфический погребальный обряд и керамика

указывают на ее местные корни уже с раннескифского времени.

В могильнике Дунхэйгоу такого сходства между погребениями не наблюдается, что не удивительно, поскольку раскапывались они в разных местах и в небольшом количестве. Часть погребений там относится к VII–VI вв. до н.э. Инвентарь из них близок известному в Тыве и на Алтае, но не имеет ничего общего с погребениями в Северном Китае [Шульга, 2010, с. 57–61, рис. 54–57]. По мнению китайских исследователей, по меньшей мере четыре кургана из Дунхэйгоу по погребальному обряду и инвентарю близки к более ранним могильникам из района Хами. Они отнесены «к одной непрерывно существовавшей здесь культуре коренных жителей», и, вместе с тем, определены «как памятник культуры сюнну начального периода Западной Хань» [Синьцзянский институт…, 2007, с. 59]. При этом памятники типа Дунхэйгоу и Хэйгоулян связываются с пришлыми сюнну, разгромившими юэчжи. Предполагается, что погребенные на дне могил V–II вв. до н.э. в могильниках Хэйгоулян и Дунхэйгоу являются победителями сюнну, а подхоронения останков людей в заполнении этих могил являются побежденными юэчжами. Как справедливо отметил Го У, проблема в том, что указанные захоронения в Дунхэйгоу были совершены раньше, и не могут быть связаны с завоевателями сюнну II в. до н.э. [Го У, 2012, с. 101]*. Из погребений V–III вв. до н.э. в Дунхэйгоу особый интерес представляет подкурганное захоронение М012. В заполнении глубокой ямы находилось три слоя с костями людей и животных, в том числе костяк лошади. На дне располагалось основное погребение в срубе. На деревянном полу находились остатки костей человека, уложенного вытянуто, на спине, головой на северо-восток. Обнаружено довольно много фрагментов лака и кожи с рисунками черного цвета. Среди находок имелись изделия из золотой и серебряной фольги без изображений и с изображениями грифонов четырех типов. На трех золотых и трех прямоугольных пластинах изображена сцена терзания с упавшим на колено копытным грифоном и терзающим его кошачьим хищником с мордой волка [Шульга, 2010, рис. 55, *11, 12*]. Следует отметить, что это первые найденные в Синьцзяне изображения своеобразных копытных грифонов. Территория распространения этого образа находится за пределами Синьцзяна – в полосе от Республики Алтай (Россия) до Северного Китая. Бронзовая пластинка в виде головки существа с направленным вперед рогом (как у копытных грифонов в Дунхэйгоу) обнаружена и на могильнике Хэйгоулян (см. *рисунок*, *15*). В других районах Синьцзяна изображений копытного грифона пока неизвестно, в том числе и на границе с Республикой Алтай (Россия), где существовал южный центр пазырыкской культуры.

Район Хами примыкает к области распространения образа копытного грифона от Республики Алтай до Северного Китая. Из этого можно заключить, что данный образ был заимствован из указанной области вместе с комплексом инвентаря, включающего оружие, детали конского снаряжения и звериного стиля.

Захоронения в Дунхэйгоу и в почти неизвестном могильнике Хэйгоулян имеют особое значение для понимания этнокультурной ситуации в Центральной Азии V–III вв. до н.э. Анализ этих материалов указывает на длительное существование в районе Хами-Баликунь культуры европеоидного населения VII–III (II) вв. до н.э., близкой по инвентарю и звериному стилю культурам Алтая и Тывы [Шульга, 2010, с. 60–61; Го У, 2012]. Важно подчеркнуть, что подобные своеобразные погребения раннескифского времени с жертвенниками были обнаружены на могильнике Чесноково-1 в северо-западных предгорьях Алтая (Краснощёковский район Алтайского края, Россия) [Шульга, 1998а; 1998б]. В Чесноково-1 так же, как и на указанных могильниках, в заполнении могилы над захоронением основного умершего, находились полные костяки людей или их части. В некоторых дополнительно имелись поминальники с зернотерками и изделиями из кости. Можно предполагать, что предки погребенных в Чесноково-1 мигрировали на Алтай из района Хами на востоке Синьцзяна. В пользу этого говорит и сходство инвентаря между указанными регионами, существовавшее с VII по III в. до н.э.

В V–III (II) вв. до н.э. могильники Дунхэйгоу и Хэйгоулян продолжали оставаться самыми восточными в Синьцзяне крупными могильниками европеоидного населения с инвентарем и звериным стилем саяно-алтайского облика. Интересно, что почти на той же долготе (примерно в 700 км севернее) в северо-западной части Монголии исследован Улангомский могильник V–III вв. до н.э. европеоидного населения с инвентарем и звериным стилем саяно-алтайского облика [Цэвэндорж, 1978]. По всей видимости, указанные могильники маркируют существование по линии Хами-Улангом линии разграничения европеоидного и монголоидного населения в V–III вв. до н.э., отличающегося существенным культурным своеобразием.

*Добавим, что если в поздних могилах Дунхэйгоу нет хорошо датированных изделий, то в Хэйгоуляне они имеются, и указывают на совершение подобных погребений, по меньшей мере, в IV в. до н.э.

Список литературы

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука , 1987. – 299 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Цэвэндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 108–117.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998а. – Вып. 3. – С. 58–69.

Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998б. – Т. IV. – С. 379–385.

Го У. Синьцзян шицянь ваньци шэхуэй дэ каогу сюэ яньцзю (Археологические исследование поздних доисторических обществ на территории Синьцзяна). – Шанхай: Шанхайгуцзи чубаньшэ, 2012. – 549 с. (на кит. яз.).

Синьцзянский институт культурных реликвий и археологии, Исследовательский центр культурного наследия и археологии Северо-Западного университета. 2006 нянь баликунь дунхэйгоу ичжи фацзюэ (Раскопки в 2006 году на археологическом объекте Дунхэйгоу, Баликунь) // Синьцзян вэньу. – 2007. – № 2. – С. 32–60. (на кит. яз.).

Мо Чжаньсюн. Хэйгоулян муди юй дунхэйгоу муди дэ каогулэйсин сюэ бицзяо яньцзю (Сравнительное археологическое исследование могильников Хэйгоулян и Дунхэйгоу: магистерская диссертация). – Сиань: Сибэй дасюэ, 2008. – 70 с. (на кит. яз.).

References

Guo Wu. Xinjiang shiqian wanqi shehui de kaogu xue yanjiu [Archaeological Research on Late Prehistoric Societies in Xinjiang]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2012, 549 p. (In Chin.).

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, 299 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991, 190 p. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Sailyugema. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, 220 p. (In Russ.).

Muo Zhanxiong. Heigouliang mudi yu dongheigou mudi de kaogu leixing xue bijiao yanjiu (Comparative Archaeological Study of Heigouliang and Dongheigou Burials: Master's Thesis). Xi'an: Xibei daxue, 2008, 70 p. (In Chin.).

Shul'ga P.I. Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye kompleksy. Khronologiya i periodizatsiya). Barnaul: AltGTU Publ., 2010, 238 p. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Ranneskifskoe pogrebenie na r. Charysh iz mogil'nika Chesnokovo-I. In *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: GAGU Publ., 1998a, iss. 3. P. 58–69. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Gruppa ranneskifskikh zakhoronenii na reke Charysh. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998b. Vol. IV. P. 379–385. (In Russ.).

Tsevendorzh D. Chandman'skaya kul'tura. In *Arkheologiya i etnografiya Mongolii.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1978. P. 108–117. (In Russ.).

Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Northwest University Cultural Heritage and Archaeology Research Center. 2006 nian balikun donghei gou yizhi fajue [2006 Excavation at Dongheigou Archaeological Site, Balikun]. Xinjiang wenwu, 2007. Vol. 2. P. 32–60. (In Chin.).

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0003-4684-8456

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0747-0753
УДК 902/904

П.И. Шульга✉, Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: shulgapi55@yandex.ru; gvkubarev@gmail.com

Раннесредневековое погребение у Большой Тавдинской пещеры (Северный Алтай)

Статья вводит в научный оборот материалы раннесредневекового погребения у Большой Тавдинской пещеры в нижнем течении р. Катунь на Алтае. Погребение совершено по обряду ингумации в сопровождении коня под курганной насыпью, имеющей крепиду. Погребенный подросток был ориентирован головой на восток с небольшим отклонением на север, сопровождающий его конь – в противоположную от него сторону. В состав представительного сопроводительного инвентаря, подтверждающего высокий социальный и имущественный статус погребенного, входили такие предметы как стремя, железные удила с роговыми псалиями, наборный пояс «катандинского» типа, кочедык и др. Аналогии сопроводительному инвентарю тавдинского погребения и, в особенности, стремени и железным удилам с роговыми псалиями, позволяют датировать погребальный комплекс VII в. н.э. В погребении было найдено только одно стремя, что можно рассматривать как особенность погребального обряда, связанную с использованием некомплектных или сознательно сломанных вещей. Погребения с конем на Алтае исследователи, как правило, относят к древним тюркам или к т.н. тюркской культуре. Однако критический взгляд на сведения китайских источников в переводах разных китаистов позволяет приписать погребения с конем на Алтае преимущественно карлукам. Так, например, в тексте китайской хроники недвусмысленно подчеркивается, что в середине VIII в. одна из двух групп карлуков, не подчинившихся уйгурам, кочевала на Алтае, а также то, что карлукский ябгу в подтверждение своего status quo получил от китайских властей титул «князь Алтая». Во второй половине I тыс. на Алтае сложилась пестрая этническая картина: карлуки проживали здесь совместно с азами, тюрками племени чеби и, вероятно, телесским племенем пугу. Исследованное у Большой Тавдинской пещеры раннесредневековое погребение, в числе прочих, маркирует северную границу карлукских погребений с конем.

Ключевые слова: *погребение с конем, карлуки, эпоха раннего Средневековья, Северный Алтай, погребальный инвентарь, этнополитическая ситуация.*

P.I. Shulga✉, G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: shulgapi55@yandex.ru; gvkubarev@gmail.com

Early Medieval Burial near the Bolshaya Tavdinskaya Cave (Northern Altai)

The article focuses on the publication of early medieval burial materials near the Bolshaya Tavdinskaya Cave in the downstream section of Katun River in Altai. The burial was made according to the rite of inhumation accompanied by a horse under a mound with crepida (base of large stones). The buried teenager's head was oriented to the east with a slight deviation to the north, but the accompanying horse—in the opposite direction. The representative accompanying inventory, confirming the high social and property status of the buried, included items, such as stirrup, iron snaffles with horn cheekpieces, a plaque decorated belt of the "Katanda" type, kochedyk, etc. Parallels to the accompanying grave goods from the Tavda burial and, in particular, parallels to the stirrup and iron snaffles with horn cheekpieces allow dating the burial complex to the 7th century AD. Only one stirrup found in the burial can be considered as a feature of the funeral rite associated with the use of incomplete or intentionally broken things. Usually, researchers attribute the burials with a horse in Altai to the ancient Turks or to the so-called Turkic culture. However, a critical look at the information obtained from the Chinese sources in the translations of various sinologists makes it possible to attribute the burials with a horse in Altai mainly to the Karluks. Thus, for example,

the text of the Chinese chronicle unequivocally emphasizes that, in the middle of the 8th century, one of two groups of Karluks who remained independent from Uyghurs, led a nomadic life in Altai, and that the Karluk Yabghu, received the title "Prince of Altai" from the Chinese authorities to confirm his status quo. In the second half of the 1st millennium, a heterogeneous ethnic picture was formed in Altai: the Karluks lived there together with the people from the Az tribe, the Turks of the Chebi tribe and, probably, the Pugu Tele tribe. An early medieval burial excavated near the Bolshaya Tavdinskaya Cave, among others, marks the northern border of the Karluk horse burials spread.

Keywords: *burial with a horse, Karluks, the early Middle Ages period, Northern Altai, burial inventory, ethnopolitical situation.*

Введение

История археологического изучения Российского Алтая насчитывает без малого два столетия, с момента раскопок К.Ф. Ледебура в 1826 г. На сегодняшний день эта горная страна является одним из наиболее изученных в археологическом отношении регионов Южной Сибири. Это утверждение в полной мере справедливо как для палеолитических памятников, так и для археологических объектов эпохи бронзы, скифского времени и раннего Средневековья. За почти двухсотлетний период российскими и советскими археологами на территории Российского Алтая было исследовано ок. 235 раннесредневековых погребений, преимущественно, в сопровождении коня, а также порядка 300 поминальных оградок. В этом регионе Южной Сибири зафиксировано чуть более 300 каменных изваяний и ок. 110–120 руноподобных надписей. Кроме того, на Алтае практически на каждом крупном местонахождении петроглифов представлены как выбитые, так и гравированные наскальные рисунки эпохи раннего Средневековья.

Интерес археологов к раннесредневековым древностям Алтая, не в последнюю очередь, объясняется гипотезой об алтайской прародине тюрок-тугю, переселении их сюда якобы в середине V или VI в. и даже расположении на территории Российского Алтая ставок тюркских каганов в эпоху Первого тюркского каганата. Подобные представления об алтайской прародине тюрок-тугю начали складываться также почти двести лет тому назад в работах немецких географов А. Гумбольдта и К. Риттера, китаиста Н.Я. Бичурина, историка-востоковеда Н.А. Аристова.

К сожалению, едва ли не половина из раскопанных на сегодняшний день раннесредневековых погребений Алтая остаются неопубликованными, либо публиковались частично. Конечно, это снижает их информативность, либо делает невозможным их историко-культурную и хронологическую атрибуцию. Задачу введения в научный оборот и первичной интерпретации раскопанного раннесредневекового погребения с территории Российского Алтая и преследует данная публикация.

Описание погребения

Летом 2004 г. одним из авторов статьи во время осмотра строительной площадки у Большой Тавдинской пещеры, расположенной на левом берегу р. Катунь, в ее нижнем течении (Алтайский р-н Алтайского края), зафиксирован одиночный курган, который и был впоследствии исследован. До начала археологических раскопок он представлял собой слабо различимую округлую конструкцию диаметром около 2 м, высотой до 10 см, с несколькими выступающими на поверхности известняковыми камнями. После снятия дерна и расчистки выявлена каменная насыпь кургана диаметром ок. 3,6 м, высотой до 40 см от уровня древней поверхности (рис. 1). По периметру насыпь кургана имела крепиду из крупных камней размерами в среднем 35 × × 50 см. Западина могилы в центре насыпи не фиксировалась, напротив – явно прослеживалась сферическая возвышенность. Насыпь образовывали уложенные плашмя в 2–3 слоя, а также установленные под углом рваные известняковые камни. Ее мощность у края составляла порядка 30 см, в центре – 40 см от уровня древней поверхности. Центральная часть каменной конструкции была тщательно выложена подогнанными друг к другу уплощенными камнями.

Размеры могильной ямы, ориентированной длинной осью в направлении ЗЮЗ – ВСВ, составляли 1,55 × 1,25 м. На дне могилы, на глубине 46 см от уровня древней поверхности зачищено погребение человека с конем. Никаких конструкций из дерева или камня в яме не зафиксировано, хотя первоначально деревянное перекрытие, несомненно, было. Над костяками отмечена прослойка гумуса от конструкции, не позволившей камням в заполнении могилы опуститься вниз и раздавить их.

Погребенный, вероятно, подросток был уложен на правом боку с завалом на спину, головой на ВСВ, в северной половине ямы (рис. 2). Его ноги были несколько подогнуты, кисти рук сведены в районе таза. В южной половине ямы зачищено сопроводительное погребение коня (жеребенка) в характерной для раннесредневековых захоронений Алтая позе: с подогнутыми под себя ногами, головой

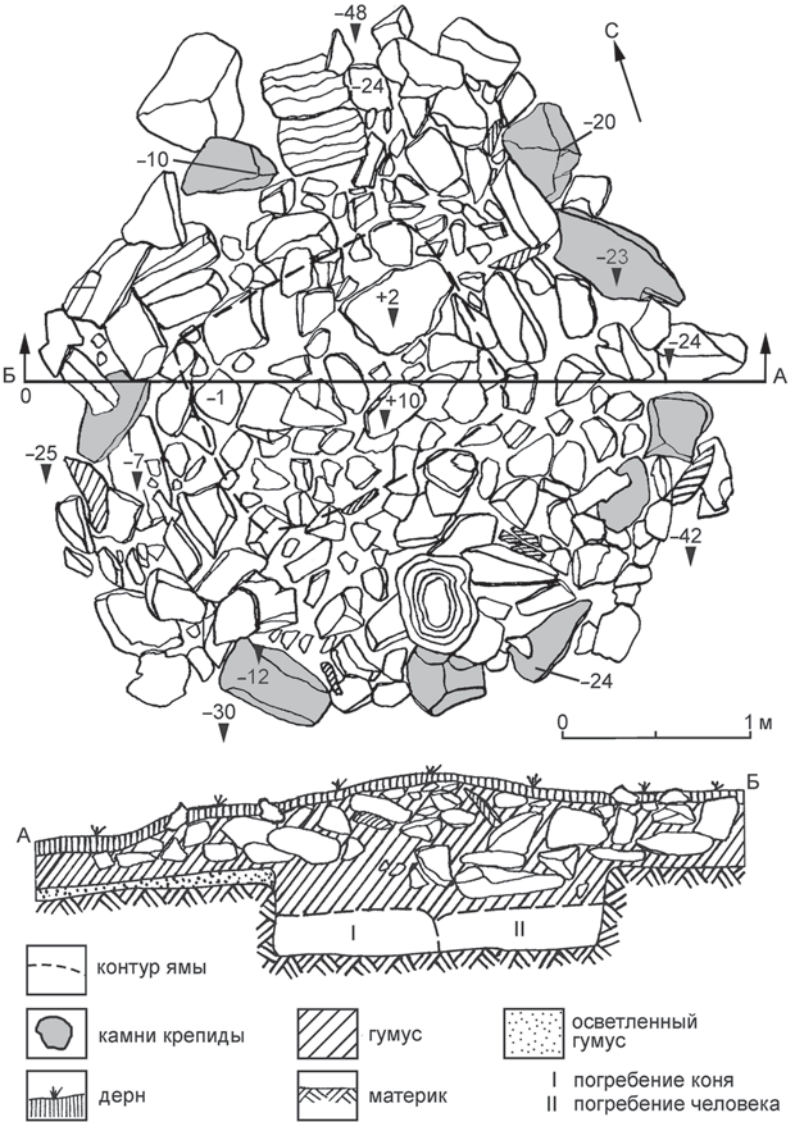

Рис. 1. План насыпи раннесредневекового кургана у Большой Тавдинской пещеры.

в противоположную от человека сторону, т.е. на ЗЮЗ. Голова коня была развернута на спину по направлению к погребенному подростку.

Сопроводительный инвентарь захоронения оказался довольно представительным (рис. 2; 3). Под черепом у правого виска человека обнаружена бронзовая позолоченная серьга (рис. 2, *1*; 3, *13*). У проксимального эпифиза правой плечевой кости зафиксированы два железных черешковых трехлопастных наконечника стрел, из которых один имел роговой свистунок и отверстия в основаниях лопастей (рис. 2, *3*; 3, *1,2*), а также роговая заготовка свистунка (рис. 2, *2;* 3, *12*). У локтевого сустава правой руки находился железный черешковый нож длиной 13,7 см (рис. 2, *4*; 3, *17*) и две роговые срединные накладки на лук длиной 11–13 см (рис. 2, *5*; 3, *10,11*). Чуть выше тазовых костей найдены железные детали наборного пояса: ажурная бляшка (рис. 2, *6*; 3, *15*), поясная пряжка с подвижным язычком, а также части трех сильно корродированных пряжек и двух бляшек с прорезями (рис. 2, *7*; 3, *3–9*). Чуть ниже пояса обнаружен роговой кочедык длиной 11,5 см, украшенный шестью продольными рядами знаков – т.н. циркульного орнамента, по 13–15 в каждом ряду (рис. 2, *8*; 3, *16*). Среди фаланг пальцев правой ноги находился серебряный (?) наконечник обувного ремешка (рис. 2, *9*; 3, *14*).

В челюстях лошади зафиксированы железные удила с роговыми псалиями (рис. 2, *10*; 3, *18–20*), имеющими украшения в виде шариков на нижних концах (рис. 3, *19,20*), очень

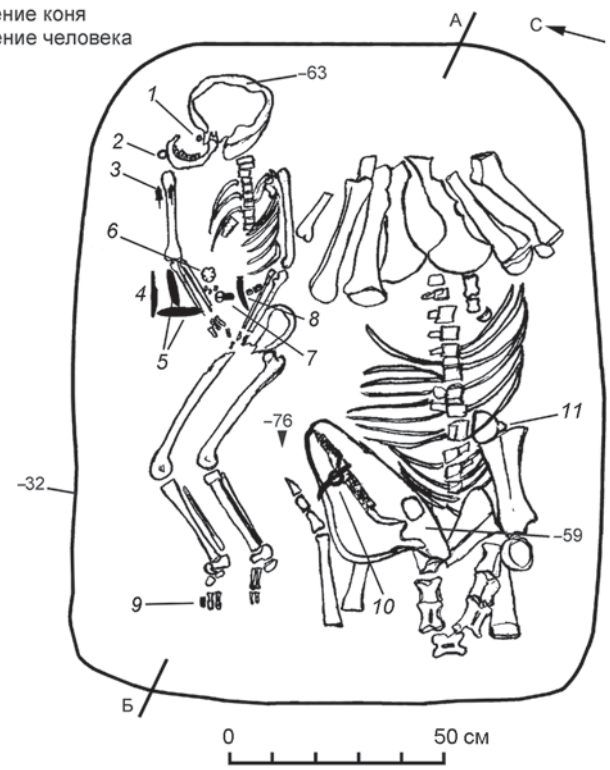

Рис. 2. План погребения раннесредневекового кургана у Большой Тавдинской пещеры.

1 – серьга; *2* – заготовка свистунка стрелы; *3* – наконечники стрел; *4* – нож; *5* – срединные накладки на лук; *6* – ажурная бляшка; *7* – детали наборного пояса; *8* – кочедык; *9* – наконечник обувного ремня; *10* – удила с псалиями; *11* – стремя.

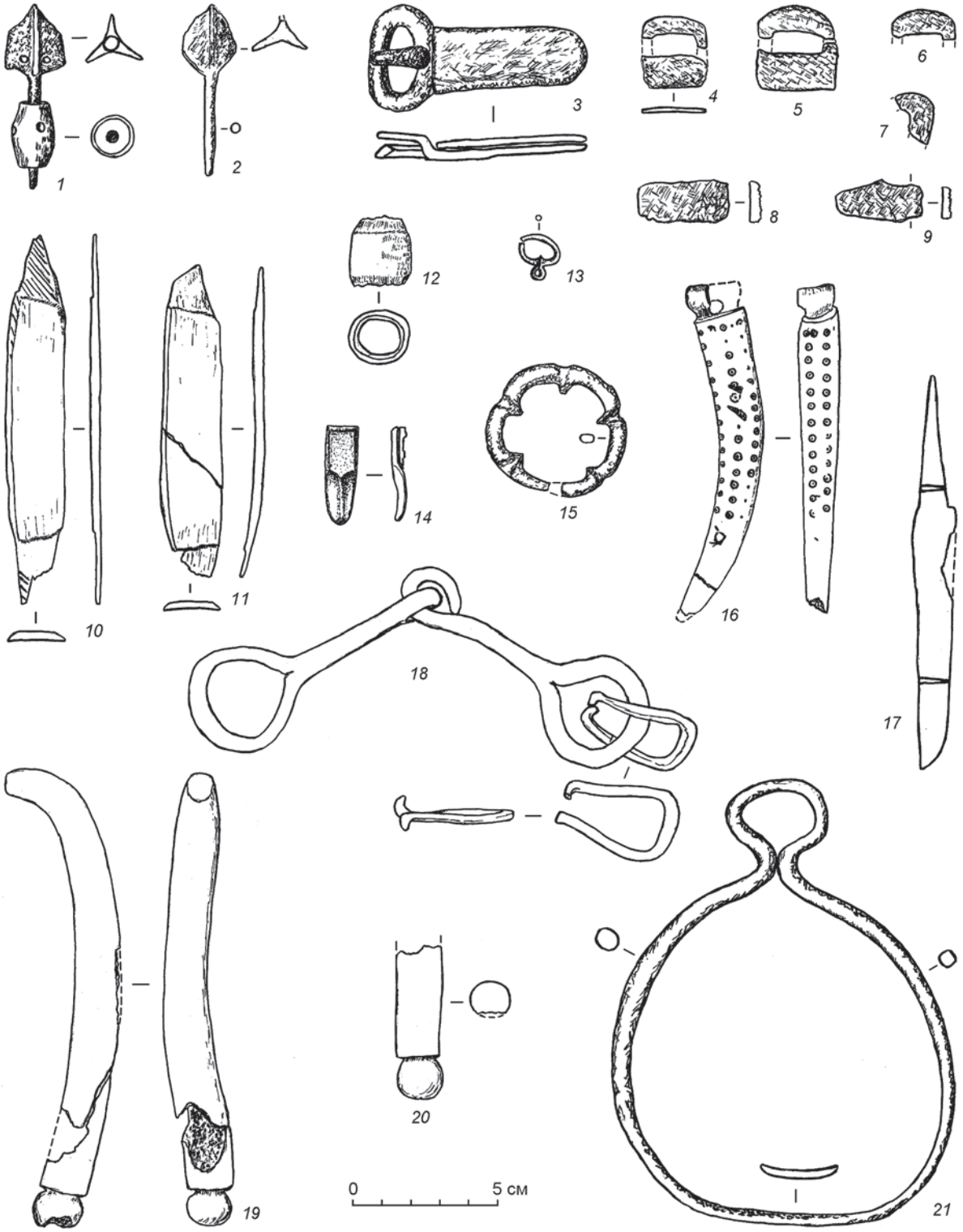

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь из раннесредневекового погребения кургана у Большой Тавдинской пещеры.

1,2 – наконечники стрел; *3* – пряжка; *4–9*– фрагменты поясных блях; *10,11* – срединные накладки на лук; *12* – заготовка свистунка стрелы; *13* – серьга; *14* – наконечник обувного ремня; *15* – ажурная бляшка; *16* – кочедык; *17* – нож; *18* – удила с петлей; *19,20* – псалии; *21* – стремя. (*1* – железо/рог; *2–9,15,17,18,21* – железо; *10–12,16,19,20* – рог; *13* – бронза с позолотой; *14* – серебро (?)).

напоминающие оформление кочедыка (рис. 3, *16*). Псалии не имели отверстий, а внешнее кольцо одного из звеньев удил было снабжено петлей (рис. 3, *18*). Один из псалиев был обнаружен вставленным в кольцо удил, второй сохранился фрагментарно, но лежал также рядом с удилами. Близ левой лопатки жеребенка обнаружено железное стремя, расположенное несколько выше его ребер (см. рис. 2, *11*; 3, *21*).

Датировка артефактов и погребения

Не останавливаясь подробно на характеристиках и датировке каждой категории предметов сопроводительного инвентаря, отметим, что часть из них имела широкий интервал бытования, другие – более показательны в отношении датировки как самих предметов, так и собственно погребения. Так, например, детали наборного пояса в виде железной пряжки и подпрямоугольных блях с прорезями «катандинского» типа (рис. 3, *3–9*), относятся к одной из наиболее часто встречаемых категорий инвентаря раннесредневековых погребений Алтая. Они датируются второй половиной VI – X в. Необходимо отметить изготовление элементов наборного пояса из железа, что нередко встречается и в других раннесредневековых погребениях в районах Средней и Нижней Катуни (Тянгыс-Тыт, кург. 4; Бике I, кург. 9; «Бирюзовая Катунь-1» и др.). Вероятно, материал изготовления поясной гарнитуры из железа можно рассматривать в качестве локальной особенности.

К другим широко распространенным предметам во второй половине I тыс. н.э. относятся железные черешковые трехлопастные наконечники стрел (рис. 3, *1, 2*), две срединные боковые накладки от т.н. «древнетюркского» лука (рис. 3, *10, 11*), железный черешковый нож (рис. 3, *17*). Серебряный (?) наконечник обувного ремешка (рис. 3, *14*) также принадлежит к категории предметов, бытовавших преимущественно в VII–X вв.

Роговой кочедык (рис. 3, *16*) является довольно редкой находкой в раннесредневековых погребениях Алтая [Кубарев, 1998, рис. 1, *1*; 2005, рис. 22, *6,10*] и также не выступает в качестве хронологического маркера. Любопытно, что кочедык из рассматриваемого погребения имеет такую же орнаментацию в виде циркульного орнамента, как и кочедыки из скального погребения на р. Кадрин на Алтае [Там же, рис. 1, *1*] и из скального погребения в пещере Шида в Прибайкалье [Там же, рис. 1, *3*]. Как правило, кочедык входил в состав погребального инвентаря богатых и знатных мужчин-воинов и наряду с плетью-стеком мог выступать в качестве показателя высокого социального статуса его владельца.

Наиболее показательными в отношении датировки тавдинского погребения выступают предметы конского снаряжения: железное стремя (рис. 3, *21*) и железные удила с петлей и роговыми псалиями (рис. 3, *18–20*). Вероятно, их можно датировать второй половиной VI – VII в. Стремя относится к ранним образцам стремян с петельчатым ушком, имеет неширокую подножку (2,7 см) без нервюры, сделано из круглого в сечении железного прута. Обращает на себя внимание то, что в погребении было найдено только одно стремя. По мнению барнаульских археологов, подобная традиция связана с использованием стремян в ранний период их бытования (т.н. кызыл-ташский этап тюркской культуры) в качестве подножки [Серегин, 2013, с. 196–197]. Однако нельзя полностью исключать некую особенность погребального обряда с использованием некомплектных или сознательно сломанных вещей.

Учитывая наличие «катандинского» пояса, датировка тавдинского погребения должна быть ограничена хронологическими рамками VII в.

Этнокультурная принадлежность погребения в контексте письменных данных

Наиболее территориально близкими к рассматриваемому раннесредневековому кургану являются два других, исследованных в 2005 г., объекта того же времени: курган и поминальная оградка с изваянием [Кирюшин и др., 2013, с. 36–42, рис. 17–20]. Они были обозначены авторами раскопок как «Бирюзовая Катунь-1». Позднее, в 2009 г., у подножия Большой Тавдинской пещеры раскопан еще один одиночный курган древнетюркской эпохи – «Бирюзовая Катунь-9» [Там же, с. 69–71, рис. 40]. По многим элементам погребального обряда (наличию крепиды у насыпи, ориентировке погребенного головой в восточный сектор, а коня в противоположную сторону и др.) и предметам сопроводительного инвентаря они чрезвычайно близки рассматриваемому погребению. Особо следует отметить такую редкую деталь погребального обряда как поза умершего на правом боку с подогнутыми ногами в представляемом погребении и в захоронении кургана «Бирюзовая Катунь-9» [Там же, с. 69]. Эта характерная деталь, наряду с очень похожим погребальным инвентарем (стременами раннего типа, удилами с роговыми псалиями и пр.), свидетельствует о близкой дате сооружения памятников и, возможно, даже о родстве погребенных в них людей. Авторы раскопок курганов «Бирюзовая Катунь-1» и «Бирюзовая Катунь-9» датировали их второй половиной VII – первой половиной VIII в. и второй половиной VII в. соответственно [Там же, с. 38,71]. При этом, отмечали наличие в них предметов «кудыргинского» облика, архаичного стремени и роговых псалиев [Там же]. Таким образом, предложенная нами датировка представляемого погребения VII в. близка датировке соседних раннесредневековых объектов.

Среди других раннесредневековых памятников северных предгорий Алтая следует упомянуть одиночное погребение (без сопроводительного захоро-

нения коня) под курганной насыпью эпохи раннего Средневековья «Бирюзовая Катунь-3» [Там же, с. 45–48, рис. 22–24] и, пожалуй, самое северное погребение с конем, исследованное в черте г. Горно-Алтайска [Киреев, 1993]. Малочисленность подобных раннесредневековых объектов на территории Северного Алтая свидетельствует о прохождении здесь северной границы распространения культуры, представители которой хоронили своих сородичей по обряду сопогребения с конем.

Погребения с конем исследователи, как правило, относят к древним тюркам или к т.н. тюркской культуре, к памятникам «алтае-телеских тюрок» или «алтае-орхонских тюрок», подразумевая под ними, прежде всего, принадлежность к тюркам-тугю. До недавнего времени так считал и один из авторов данной статьи [Кубарев, 2005]. Однако сбор, датировка, картирование тамг на территории Алтая и сопредельных регионов, анализ и сопоставление этой информации с письменными источниками заставили пересмотреть традиционную точку зрения о тюркской принадлежности раннесредневековых памятников Алтая. Это, в свою очередь, побудило еще раз, более критически обратиться к китайским источникам в переводах разных китаистов, а не только исключительно Н.Я. Бичурина. Конечно, это тема специальных публикаций, однако позволим себе привести лишь некоторые цитаты из китайских хроник, подтверждающих факт проживания карлуков на территории географического Алтая.

Как известно из письменных источников, война уйгуров с карлуками и басмылами после разгрома Восточнотюркского каганата продолжалась с 744 по 754 г. Уйгуры разбили карлуков и басмылов и присоединили к себе по одному из их племен. Вот как звучит свидетельство китайского летописца «Тан хуэйяо» в переводе А.К. Камалова: «После этого для карлуков, которые находились в окрестностях горы Отюкен, был отдельно учрежден один тутук. [Эти карлуки] подчинились уйгурам девяти фамилий. *Карлуки, которые жили в Цзиньшане (Алтае – **А.К.**), а также в районе Бэйтина (Бешбалыка– **А.К.**) отдельно поставили [своим правителем] Ябгу* (курсив наш) [ТХЯ, цз. 100, 1788]» [Камалов, 2001, с. 90].*

В 753 г. карлукский Ябгу Тон-бильге захватил в плен восставшего против танского Китая вождя одного из токуз-огузских племен Абусы (или Абуз-ябгу) и препроводил его сначала в Бэйтин, а затем ко двору. За это карлукский ябгу получил звание кай–фу–и–тун сань–сы – *«князь второй степени цзиньшань» – «князь Алтая»* (курсив наш) [Бичурин, 1998, с. 355; Камалов, 2001, с. 92].

Таким образом, в тексте китайского источника недвусмысленно подчеркивается, что одна из двух групп карлуков, не подчинившихся уйгурам, кочевала на Алтае, а также тот факт, что карлукский ябгу в подтверждение своего status quo получил от китайских властей титул «князь Алтая».

Карлуки проживали на территории географического Алтая, по меньшей мере, в VII–IX вв. и соседствовали здесь с другими тюркоязычными племенами: чиками, азами и, вероятно, телеским племенем пугу. Так, руническая надпись из Калбак-Таша II, упоминающая племя азов, по-видимому, подтверждает точку зрения большинства ученых о том, что т.н. горные или горно-таежные азы проживали не только в Западной Тыве, но и в Восточном и Южном Алтае [Кубарев, 2016]. Кроме того, известно, что события 630–650 гг. в алтайском регионе тесно связаны с судьбой кагана Чеби (в китайских источниках – Ашина Хубо), возглавлявшего тюркское племя тули (чеби). Каган Чеби из-за противостояния с племенем сеяньто был вынужден бежать в места своих прежних кочевий (Монгольский и, вероятно, южная часть Российского Алтая), где ему подчинились карлуки.

Несомненно, что часть раннесредневековых памятников Российского Алтая, особенно его южной и, вероятно, центральной части была оставлена представителями тюркского племени тули (чеби). В то время как основная масса погребений с конем и поминальных оградок с изваяниями в этом регионе должна быть приписана карлукам.

Пестроту этнокультурной ситуации на территории Алтая в той или иной степени подтверждают и археологические памятники. Примечательно, что в Центральном и Северном Алтае, наряду с погребениями в сопровождении коня, известно весьма представительное количество раннесредневековых одиночных погребений-ингумаций («Бирюзовая Катунь-3»; Кишнег-Увал; Тыткескень VI, кург. 1; Песчаная-2, кург. 1; Тянгыс-Тыт, кург. 4 (впускное погр.) и др.). Несмотря на наличие в подобных погребениях характерного для этой эпохи предметного комплекса (наборных поясов «катандинского» типа, деталей второго стрелкового пояса, конского снаряжения и пр.), по-видимому, эти памятники должны рассматриваться как инокультурные (чики, азы – ?) по отношению к карлукам. Перечисленные категории предметов не могли принадлежать исключительно т.н. тюркской археологической культуре [Кирюшин и др., 2013, с. 97]. Они имели «общетюркский» характер или выступали в каче-

*Перевод Н.Я. Бичурина также близок к переводу А.К. Камалова: «После сего Гэлолу [сцы], обитавшие у гор Удэгянь, поддались хойху, *обитавшие у Алтайских гор и Бэй-тьхин поставили себе Шеху*, и ежегодно приезжали к Двору» [Бичурин, 1998, с. 355].

стве «общетюркской моды» для различных тюркоязычных племен и народностей на всей территории Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – IX в.

Заключение

Раскопанное у Большой Тавдинской пещеры раннесредневековое погребение подростка с конем по характерному предметному комплексу должно быть датировано в пределах VII в. и отнесено к карлукам, а не тюркам-тугю, как и подавляющее большинство других погребений с конем на Алтае.

Основываясь на данных китайских письменных источников, можно прийти к выводу о проживании карлуков на территории географического Алтая, Джунгарии и Восточного Казахстана, по меньшей мере, на протяжении VII–IX вв. Карлукская конфедерация племен, в которую, вероятно, входили также чики и азы Тывы и Восточного Алтая, находилась между восточными и западными тюрками. Она лишь вынужденно, на определенных этапах истории, подчинялась тюркам и при первой же возможности вела с ними ожесточенную борьбу.

Во второй половине I тыс. н.э. на Алтае сложилась пестрая этническая картина. Представительное количество раннесредневековых одиночных погребений-ингумаций в Центральном и Северном Алтае, по-видимому, подтверждает сложную этническую ситуацию в этом регионе. Исследованное у Большой Тавдинской пещеры раннесредневековое погребение, в числе прочих, маркирует северную границу карлукских погребений с конем.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004.

Список литературы

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – т. 1. – 390 с.

Камалов А.К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. – Алматы: Наш мир, 2001. – 216 с.

Киреев С.М. Погребение тюркского воина из Горно-Алтайска // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тезисы науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. – ч. II. – С. 230–235.

Кирюшин К.Ю., Кирюшина Ю.В., Семибратов В.П., Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В. Историко-культурное наследие «Бирюзовой Катуни» (опыт интеграции в сферу туризма). – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. – 222 с.

Кубарев Г.В. Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 266–269.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Кубарев Г.В. Руническая надпись из Калбак-Таша II в Центральном Алтае (к вопросу об азах и территории их расселения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 4 (44). – С. 92–101. doi:10.17746/1563-0102.2016.44.4.092-101

Серегин Н.Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия АГУ. – 2013 – № 4–1 (80): История и археология. – С. 194–198.

References

Bichurin N.Ya. (Iakinf) Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Almaty: Zhalyn baspasy, 1998. Vol. 1, 390 p. (In Russ.).

Kamalov A.K. Drevnie uigury. VIII–IX vv. Almaty: Nash mir, 2001, 216 p. (In Russ.).

Kireev S.M. Pogrebenie tyurkskogo voina iz Gorno-Altaiska. In *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya: tezisy nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Barnaul: Altai State Univ. Press., 1993. pt. II. P. 230–235. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu., Kiryushina Yu.V., Semibratov V.P., Kiryushin Yu.F., Gorbunov V.V. Istoriko-kul'turnoe nasledie «Biryuzovoi Katuni» (opyt integratsii v sferu turizma). Barnaul: Altai State Univ. Press., 2013. 222 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. Kochedyk iz skal'nogo drevnetyurkskogo pogrebeniya na r. Kadrin In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998. Vol. 4. P. 266–269. (In Russ.).

Kubarev G.V. The culture of the ancient Turks of the Altai (on the basis of burials). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 400 p. (In Russ.).

Kubarev G.V. A Runic Inscription at Kalbak-Tash II, Central Altai, with Reference to the Location of the Az Tribe In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, no. 44 (4). P. 92–101. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.4.092-101

Seregin N.N. Emergence and Primary Spreading of Stirrups with Loop (Chronological and Ethnocultural Aspects) In *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 4–1 (80): Istoriya i arkheologiya. P. 194–198. (In Russ.).

Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0002-6217-8256
Кубарев Г.В. https://orcid.org/0000-0001-6376-4153

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0754-0760
УДК 903.32

М.В. Шуньков, М.Б. Козликин✉, А.Ю. Федорченко, В.А. Михиенко, А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Археологические комплексы эпохи голоцена из Денисовой пещеры: материалы 2021 года

В статье представлены новые материалы исследования голоценовых отложений в дальней части южной галереи Денисовой пещеры. На площади 12 м^2 была изучена толща мощностью до 1,6 м. В пределах литологических слоев 0, 2 и в верхней части слоя 3 обнаружены, в основном, фрагменты керамики раннего железного века. Сосуды были украшены рядами ямок, «жемчужин», вдавлениями уголка лопаточки, налепным гладким или рассеченным валиком. С этим же комплексом связана находка костяного черешкового наконечника стрелы с восьмигранным пером. К развитому бронзовому веку относятся фрагменты сосуда из нижней части слоя 3, орнаментированные оттисками вертикально поставленного гребенчатого штампа. Керамика из этой же части разреза и слоев 4 и 5 характерна для афанасьевской культуры эпохи ранней бронзы. Посуда была украшена гладкой качалкой, оттисками шнура, косо поставленной палочки, наклонными вдавлениями гладкого или гребенчатого штампа, горизонтальными канавками. Каменный инвентарь афанасьевского комплекса включает тщательно обработанный бифасиальный наконечник стрелы с черешком, нож полулунной формы, скребла разных типов, сколы с ретушью и крупные галечные орудия. Немногочисленный каменный инвентарь, в т.ч. фрагменты вкладышей из слоя 8.1относится, возможно, к эпохе раннего голоцена. В целом раскопки 2021 г. показали, что в эпоху бронзового и железного веков человек обитал на удаленных от входа темных и узких участках пещеры так же интенсивно, как и в относительно освещенных и просторных ее частях.

Ключевые слова: *Денисова пещера, голоцен, стратиграфия, керамика, бронзовый век, афанасьевская культура, ранний железный век.*

M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin✉, A.Yu. Fedorchenko, V.A. Mikhienko, A.M. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Holocene Archaeological Complexes of Denisova Cave: Data from the 2021 Excavations

This article provides new research data resulting from an analysis of Holocene deposits excavated at the far end of south chamber in Denisova Cave. 1.6 m thick strata were examined in an area of 12 square meters. Lithological Layers 0, 2, and the upper part of Layer 3, have mostly yielded the pottery fragments dated to the Early Iron Age. The vessels were decorated with rows of pits, "pearls", impressions produced by the corner section of a spatula, and with an affixed smooth or dissected band. A stemmed bone arrowhead with an octagonal cross-section has been associated with this complex as well. The pottery vessel fragments from the lower part of Layer 3 ornamented with impressions of the vertically positioned comb stamp were attributed to the Middle Bronze Age. Pottery found in the same part of the stratigraphic section and Layers 4 and 5 shows features typical of the Afanasievo culture dating back to the Early Bronze Age. The pottery dishware was decorated with a zigzag pattern, imprints from a cord and obliquely arranged sticks, inclined impressions of a smooth or combed stamp, and horizontal grooves. The lithic inventory associated with the Afanasievo complex includes a carefully treated bifacial stemmed arrowhead, crescent-shaped knife, scrapers of various types, retouched flakes, and large pebble tools. Scarcely represented lithic tools, including the fragments of

insets from Layer 8, may be attributed to the early Holocene. In general, the 2021 excavations showed that, during the Bronze and Iron Ages, humans inhabited the dark and narrow areas of the cave far from its entrance just as actively as the relatively bright and spacious parts of the site.

Keywords: *Denisova Cave, Holocene, stratigraphy, pottery, Bronze Age, Afanasievo culture, Early Iron Age.*

Раскопки голоценовых отложений Денисовой пещеры в 2021 г. были продолжены в дальней части южной галереи. К раскопу 2018 г. [Шуньков и др., 2018а] сделана прирезка на кв. К/3–6 (сектор VII) и А–Г/3–5 (сектор VIIA) общей площадью 12 м^2. По мере продвижения вглубь галереи на вскрытом участке мощность голоценовой толщи сократилась с 1,6 до 1,1 м с выклиниванием слоев 4 и 7. В полученном разрезе выделены литологические слои 0, 2, 3, 5 и 8. Эти подразделения в целом соответствуют своим стратотипам в разрезах 2017 и 2018 г. [Шуньков и др., 2017; 2018а], за исключением слоев 3 и 8, которые по ряду литолого-стратиграфических характеристик расчленены на горизонты 3.1, 3.2 и 8.1, 8.2 соответственно.

В слое 0 найдено 34 фрагмента керамики, отбойник, колотая галька, два мелких отщепа и фрагмент сланцевой плитки. Керамика преимущественно без орнамента, толщиной 9–12 мм, рыхлая, темно-серого и черного цвета на изломе, с включениями крупных (до 6–8 мм) зерен дресвы и растительных волокон в тесте. Снаружи – слабо заглажена, возможно, руками, изнутри – следы более грубой обработки: травой или щепой.

Орнаментированные фрагменты представлены венчиками от двух сосудов. Один из них с подпрямоугольным срезом, слегка отогнут наружу, украшен рядом вдавлений палочки, поставленной под углом 45°. На втором фрагменте, с прямым профилем и округлым срезом, сохранились элементы композиции из ряда ямчатых вдавлений и прочерченных линий (рис. 1, *13*), которые, возможно, формировали зигзаг. Во включениях отмечены крупные зерна дресвы, вокруг которых неотощенное тесто растрескалось при усыхании. Поверхность заглажена руками, о чем свидетельствуют отпечатки пальцев с внутренней стороны фрагментов.

В пределах слоя 2 обнаружено 37 керамических фрагментов, наконечник стрелы, игольник и шило из кости, нуклевидный обломок, четыре отщепа, пять обломков и три колотые гальки. Неорнаментированная керамика в целом аналогична материалам из слоя 0. Интересен фрагмент плоскодонного сосуда, у которого на внешней поверхности днища отпечаталась ткань. На сломе видны многочисленные осколки сланца плитчатой формы, которые использовались в качестве отощителя. На одном из фрагментов тулова другого сосуда прочерчен зигзаг с плавным изгибом линий (рис. 1, *14*). Двумя экземплярами представлены фрагменты венчиков. Один из них прямой, с округлым срезом и небольшим внешним карнизом, с просверленным биконическим отверстием диаметром 4 мм. Другой фрагмент – с внешним прямым срезом и рассеченным налепным валиком (рис. 2, *3*).

У костяного наконечника обломлены черешок и боек. Сохранившаяся часть черешка прямоугольной в сечении формы, плавно расширяется и утолщается в направлении восьмигранного пера. В центральной части пера проходит естественное сквозное отверстие от кровеносного сосуда (см. рис. 1, *4*). Основная часть керамического комплекса и наконечник датируются ранним железным веком. В качестве шила для прокалывания кожи использовался поперечно расколотый фрагмент трубчатой кости узкой вытянутой формы (78 × 18 × 9 мм), с прямым профилем и выпукло-вогнутым поперечным сечением. Поверхности изделия в медиальной части выровнены металлическим инструментом. При увеличении ×10–40 на поверхности шила зафиксированы следы равномерной заглаженности, которые усиливаются по направлению от средней части изделия к его острию, залощенному от использования. Медиальный фрагмент игольника из диафиза трубчатой кости подпрямоугольной формы (47 × 21 × 16 мм) имеет искривленный профиль и округлое сечение. Изделие несет следы строгания металлическим ножом и залощенности от контакта с мягким органическим материалом.

Коллекция из подразделений слоя 3 представлена в основном фрагментами керамики (376 экз.). В верхней части слоя неорнаментированные черепки разной толщины, от 4 до 12 мм, в среднем – 6–10 мм. На изломе – кирпично-красные или черные, реже – черно-красные. Поверхность сосудов хорошо заглаженная. Керамика прочная и плотная, в качестве отощителя использовался в основном крупнозернистый песок. В нескольких фрагментах отмечены сланцевые плиточки размером 10–15 мм.

Фрагменты венчиков принадлежат восьми разным сосудам, которые, судя по сохранившимся элементам орнамента, были украшены в верхней части рядом ямок, рядом «жемчужин», в т.ч. чередующихся с вдавлениями уголка лопаточки, налепным гладким или рассеченным (рис. 1, *15*) валиком. Срез венчиков, как правило, округлый, в двух случаях –

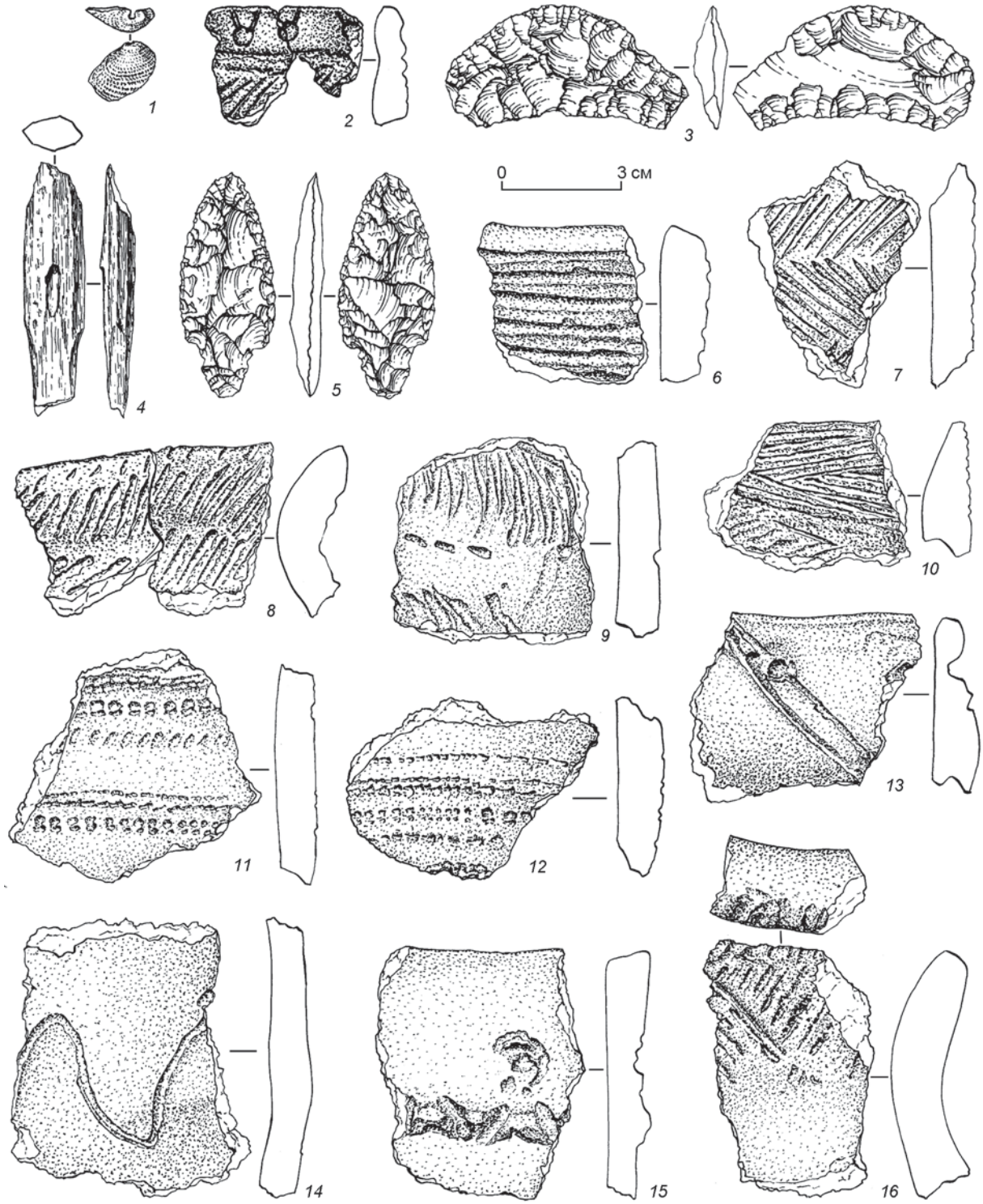

Рис. 1. Археологические материалы из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (художник Н.В. Вавилина).

1 – украшение из раковины моллюска; *2, 6–16* – фрагменты керамических сосудов; *3* – каменный нож; *4* – костяной наконечник стрелы; *5* – каменный наконечник стрелы. (*2*, *6–12*, *15* слой 3; *3, 16* – слой 5; *4*, *14* – слой 2; *5* – слой 4; *13* – слой 0).

прямоугольный. Керамика такого типа датируется ранним железным веком. К этому же периоду или, возможно, более раннему времени относятся фрагменты верхней части сосуда, орнаментированного рядом «жемчужин» и треугольниками, заполненными накольчатыми вдавлениями (см. рис. 2, *7*). Части этого сосуда были найдены ранее в южной галерее на участке работ 2017 г. в заполнении антропогенного углубления, вложенного в толщу слоя 3 [Шуньков и др., 2017, рис. 17].

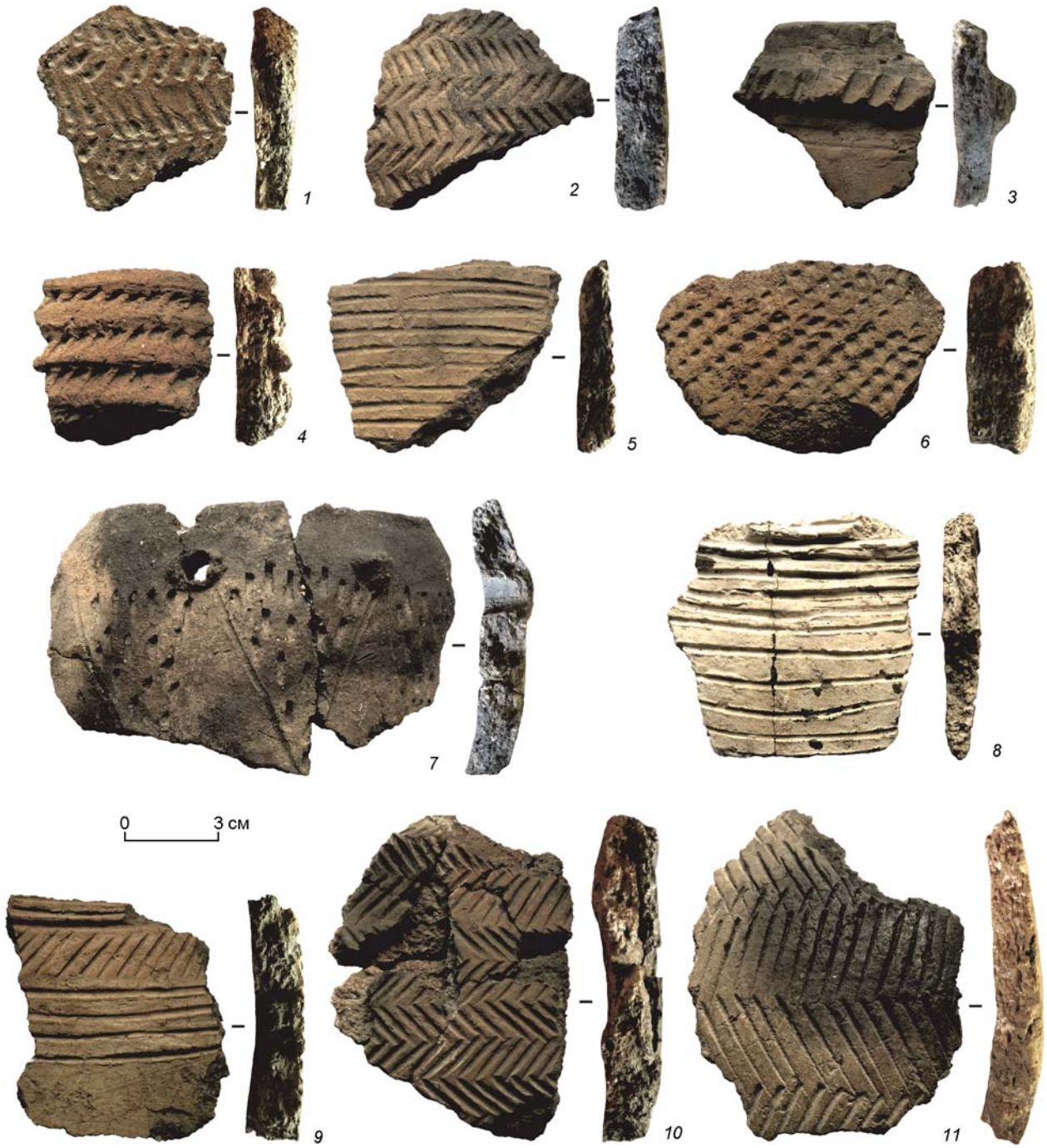

Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры.
1, *5* – слой 4; *2*, *4*, *6*, *9–11* – слой 5; *3* – слой 2; *7*, *8* – слой 3.

К поздним этапам бронзового века относятся фрагменты слегка вогнутого венчика, с округлым срезом, с рядом неглубоких ямчатых вдавлений, выше каждого из которых прочерчены два штриха, образующие треугольник (см. рис. 1, *2*). Ниже этой композиции размещен пояс косо прочерченных линий, заключенных между двойными горизонтальными чертами. Поверхность сосуда тщательно заглажена и залощена поверх нанесенного орнамента.

Неорнаментированная керамика из нижней части слоя 3 более толстостенная (10–12 мм), интенсивно заглажена щепой, особенно с внутренней стороны, где остались глубокие разнонаправленные борозды. Большинство фрагментов покрыто белесой фосфатной коркой. Семь фрагментов от одного сосуда, орнаментированного оттисками вертикально поставленного гребенчатого штампа (рис. 1, *11, 12*), имеют прямые аналогии с материалами из центрального зала пещеры, которые относятся к раз-

витому бронзовому веку [Деревянко, Молодин, 1994]. Керамика этого типа прочная, внешняя поверхность тщательно заглажена перед нанесением орнамента, внутренняя – выровнена щепой.

Остальная часть комплекса характерна для афанасьевской культуры эпохи ранней бронзы. Фрагменты венчиков принадлежат семи разным сосудам. К сожалению, небольшой размер обломков не позволяет детально охарактеризовать стилистику сосудов. На венчиках представлены оттиски прямого или наклонного гребенчатого штампа, в т.ч. образующие горизонтальную «елочку» (рис. 1, *10*), глубокие горизонтальные канавки (рис. 1, *6*). Срезы округлые, в двух случаях – прямоугольные, украшенные поперечными насечками гребенки или гладкого штампа. Один из наиболее крупных фрагментов свидетельствует о хорошо выраженной профилировке сосудов (рис. 1, *8*).

Части тулова в большинстве случаев представлены фрагментами также небольшого размера. На них зафиксированы следующие элементы орнамента: горизонтальные «елочки», нанесенные гребенчатым или гладким (рис. 1, *7*) штампом; гладкая (рис. 1, *9*) или зубчатая качалка; горизонтальные прочерченные линии (см. рис. 2, *8*); ряды отступающей палочки или наколов различной формы. Толщина стенок сосудов в среднем 7–10 мм, несколькими экземплярами представлена более тонкостенная посуда – 4–5 мм. Керамика прочная, светло-коричневого, реже – серого цвета. Внешняя поверхность хорошо заглажена, внутренняя поверхность также гладкая или со следами выравнивания щепой. Во включениях на сломе черепков отмечен крупнозернистый песок, пластинки сланца, зерна кварцевой дресвы.

Изделия из камня включают два нуклевидных обломка, 26 отщепов, 58 обломков и осколков, три колотые гальки, семь плиток. Инструментарий (5 экз.) представлен крупными целыми или фрагментированными гальками, служившими, скорее всего, отбойниками или пестами-терочниками. В числе изделий со вторичной обработкой – поперечное выпуклое вентральное скребло с естественным обушком, три скола с ретушью, два фрагментированных оселка из мелкозернистого песчаника.

В коллекции костяных изделий три лощила, три игольника, два разминателя ремней, рукоять и фрагмент изделия неопределимого типа. В качестве лощил использовались лопатка, ребро и продольно расколотый диафиз трубчатой кости крупных млекопитающих. Орудия этого типа фрагментированы, их длина составляет 36–101 мм, ширина – 6–38 мм, толщина – 6–17 мм. Рабочий край орудий, приуроченный к одной из поверхностей слома или к естественной грани кости, несет следы равномерного округления кромки и тусклой заполировки, сопровождаемой эпизодическими короткими или более регулярными и удлиненными линейными следами, перпендикулярными активному краю.

Игольники из диафизов тонкостенных трубчатых костей имеют подпрямоугольную форму, слегка искривленный профиль и округлое сечение. Изделия фрагментированы, достигают 59–105 мм в длину, 15–23 мм в ширину и 8–11 мм в толщину. В дистальной части наиболее крупного игольника в месте поперечного слома сохранился участок с фаской, расположенной под углом 45º к продольной оси предмета. На поверхности всех игольников отмечены следы выравнивания металлическим инструментом типа ножа, которые перекрыты интенсивной заполировкой, имеющей на отдельных участках зеркальный блеск. Следы залощенности отмечены также внутри изделий.

Орудия, интерпретируемые как разминатели кожаных ремней, представляют собой фрагменты ребра и диафиза трубчатой кости млекопитающих со следами интенсивной заполировки и заглаженности в медиальной части одной из широких сторон от контакта с мягким органическим материалом. Размеры этих изделий 102 × 20 × 10 и 59 × 11 × 4 мм.

Рукоять имеет цилиндрическую форму, прямой профиль, округлое поперечное сечение, размеры 36 × 13 × 12 мм. Изделие выполнено из трубчатой кости некрупного млекопитающего путем глубокого кругового разрезания с последующим сломом. На одной из широких сторон предмета нанесена серия коротких, вероятно, пробных нарезок. Судя по размерам и морфометрическим характеристикам сохранившегося глухого отверстия, изделие служило рукоятью металлического орудия типа шила, обладающего удлиненной формой и округлым сечением. На поверхности этого изделия отмечены макро- и микроследы интенсивной зеркальной заполировки от использования.

Фрагмент неопределимого изделия (25 × 13 × × 5 мм) из ребра млекопитающего имеет подпрямоугольную форму, прямой профиль и плоско-выпуклое сечение. Его широкие стороны и грани обработаны строганием и несут следы равномерной залощенности от контакта с мягким органическим материалом.

В качестве подвески или нашивки использовалась раковина пресноводного моллюска *Corbicula tibetensis* с просверленным на макушке отверстием (см. рис. 1, *1*).

Коллекция из слоя 4 включает 12 фрагментов толстостенной (до 14 мм) керамики, бифасиально обработанный каменный наконечник стрелы с выделенным черешком (рис. 1, *5*), пять отщепов и пять обломков. Сосуды были украшены оттисками глад-

кого или гребенчатого (см. рис. 2, *1*) штампа, образующими горизонтальные «елочки», и отпечатками шнура (рис. 2, *5*).

В слое 5 найден 61 фрагмент керамики. Венчики представлены частями от восьми разных сосудов. Три из них прямые, с подпрямоугольным или внутренним приостряющим срезом, в т.ч. украшенным насечками. Остальные венчики изогнуты, с округлым или подпрямоугольным срезом. Верхняя часть сосудов была украшена рядами вертикальных часто поставленных или разнонаправленных наклонных (см. рис. 1, *16*) оттисков гребенчатого штампа, гладкой качалкой, плотно наложенными оттисками косо поставленной палочки, формирующими желобчатый рельеф (см. рис. 2, *4*).

Один из сосудов был, скорее всего, полностью украшен рядами оттисков гладкого штампа, включая широкий внешний срез венчика, образующими горизонтальные «елочки» (рис. 2, *10*). Похожим образом орнаментированы как минимум еще четыре других сосуда (рис. 2, *2, 11*). «Елочный» орнамент, нанесенный гребенчатым штампом, отмечен на фрагментах тулова от шести разных сосудов. Один из сосудов украшен поясом наклонных частых оттисков гладкого штампа, заключенным между горизонтальными прочерченными линиями (рис. 2, *9*). Последний элемент орнамента отмечен еще на нескольких фрагментах тулова от других сосудов. Два фрагмента толстостенной посуды покрыты наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, *6*).

В отличие от керамических комплексов из вышележащих отложений, керамика из слоя 5 более толстостенная – в среднем 12–14 и до 16–17 мм. Цвет черепков на изломе преимущественно черный или темно-серый в середине и на внутренней стороне, при этом внешняя поверхность – светло- или красновато-коричневая. Внутренняя поверхность интенсивно обработана щепой или гребенкой, о чем свидетельствуют глубокие параллельные или разнонаправленные борозды. Внешняя поверхность хорошо заглажена, в ряде случаев залощена поверх нанесенного орнамента. Для состава теста характерны крупные зерна песка, кварцевой и сланцевой дресвы.

Каменный инвентарь из слоя 5 включает три отбойника, плитку-абразив, двуплощадочный бифронтальный параллельный плоскостной нуклеус, нуклевидный обломок, две крупные пластины, 75 отщепов, 35 обломков и осколков, 11 орудий. Отщепы преимущественно первичные или с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной огранкой дорсала. Среди изделий со вторичной обработкой пять скребел (два продольных, поперечное и два угловых); нож полулунной формы, тщательно обработанный стелящейся бифасиальной ретушью (см. рис. 1, *3*); три чоппера и два скола с ретушью.

В коллекции костяных орудий два шила, три лощила и игольник. Шило из удлиненного фрагмента трубчатой кости (102 × 13 × 5 мм) имеет прямой профиль и выпукло-вогнутое поперечное сечение. Второе орудие с обломанным острием узкой подтреугольной формы с прямым профилем, подпрямоугольным сечением и размерами 58 × 18 × 14 мм. Поверхность шильев несет следы равномерной заглаженности, которые усиливаются по направлению от медиальной части изделия к дистальной. Острие целого шила плавно закруглено и сильно залощено от использования. В качестве лощил использовались ребра некрупных млекопитающих. Целое орудие имеет размеры 83 × 5 × 4 мм; два предмета представлены крупными фрагментами – 70 × 11 × 7 и 56 × 11 × 4 мм. Рабочие края лощил, приуроченные к естественным граням ребер или к их продольному слому, равномерно скруглены и интенсивно заполированы от использования. Дистальный фрагмент игольника из трубчатой кости обладает подпрямоугольной формой, искривленным профилем, округлым сечением и размерами 34 × 29 × 18 мм. Поверхности этого артефакта несут следы интенсивной залощенности.

Находки из слоев 4 и 5 относятся к афанасьевской культуре раннего бронзового века. Материалы этого периода составляют основную часть археологических комплексов из голоценовых отложений на всех изученных участках пещеры [Деревянко, Молодин, 1994; Деревянко и др., 2007; Шуньков и др., 2018а]. Нижележащие слои 6–8 в южной галерее и их культурно-хронологические аналоги в центральном зале и восточной галерее не содержали археологических или палеонтологических материалов *in situ*. Накопление этой толщи было связано с обитанием в пещере колонии насекомоядных летучих мышей на рубеже плейстоцена и голоцена [Шуньков и др., 2018б].

В раскопе 2021 г. в дальней части галереи на ограниченной площади зафиксирован участок слоя, занимающего стратиграфическую позицию выклинившихся слоев 6 и 7, однако отличающегося от них и нижележащего стратотипического слоя 8 активным вскипанием с HCl. В пределах этого подразделения, обозначенного как слой 8.1, обнаружено несколько каменных артефактов, в т.ч. фрагмент пластинки с притупленным краем и вкладыш с вентральной покрывающей струйчатой ретушью. Возможно, эти материалы связаны с эпохой раннего голоцена, археологические комплексы которой пока в пещере не обнаружены. Работы 2021 г. показали, что в периоды бронзового и железного веков, и, ве-

роятно, на более ранних этапах голоцена, человек обитал на удаленных от входа темных и узких участках пещеры так же интенсивно, как и в относительно освещенных и просторных ее частях.

Список литературы

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – 262 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 228 – 233.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Бочарова Е.Н., Федорченко А.Ю., Чеха А.Н. Изучение голоценовой толщи Денисовой пещеры в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 380–384. doi: 10.17746/2658-6193.2018.24.380-384.

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.Н., Бочарова Е.Н. Новые результаты исследования голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 457–458.

Шуньков М.В., Кулик Н.А., Козликин М.Б., Сокол Э.В., Мирошниченко Л.В., Ульянов В.А. Фосфатная минерализация плейстоцен-голоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры // Доклады Академии наук. – 2018б. – Т. 478. – № 3. – с. 318–322. doi: 10.7868/S0869565218030155.

References

Derevianko A.P., Molodin V.I. Denisova peshhera. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, Ch. 1, 262 p. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Tsybankov A.A., Uliaanov V.A. Izuchenie golotsenovykh sloev v vostochnoi galeree Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007. Vol. XIII. P. 228–233. (In Russ.).

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Bocharova E.N., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.N. Analyses of the Holocene Deposits from Denisova Cave in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 380–384. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2018.24.380-384

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Ulianov V.A., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.N., Bocharova E.N. New Research Results on the Holocene Sediments from the South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXIII. P. 457–458. (In Russ.).

Shunkov M.V., Kulik N.A., Kozlikin M.B., Sokol E.V., Miroshnichenko L.V., Ulianov V.A. The Phosphates of Pleistocene–Holocene Sediments of the Eastern Gallery of Denisova Cave. *Doklady Earth Sciences,* 2018. Vol. 478, pt. 1. P. 46–50. doi: 10.1134/S1028334X18010270

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480

ЭТНОГРАФИЯ

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0763-0768
УДК 394

Ш.К. Ахметова[1]✉, И.В. Толпеко[2]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru; itolpeko@yandex.ru

Локализация традиции установки памятных стел у казахского населения Омской области

В статье рассматриваются результаты исследования традиции установки памятных стел казахами на территории Омской обл. Целью работы стало изучение особенностей локализации этих памятников. На сегодняшний день в регионе нами выявлен, локализован на местности и исследован 71 подобный объект. Выяснено, что эта традиция зародилась в Таврическом р-не Омской обл. в начале XXI в. В дальнейшем она вышла за его пределы и начала распространяться на территории региона в местах традиционного проживания казахского населения. Рассмотрены два уровня локализации памятников: административно-территориальный и объектно-ориентированный. С позиции административно-территориального проанализировано количество памятников по районам области. Выяснено, что на сегодняшний день в Шербакульском, Таврическом, Азовском р-нах памятники стоят практически во всех местах, где ранее располагались аулы. По 7–8 памятников выявлено в Одесском, Москаленском и Исилькульском р-нах. Хорошо фиксируется очаг появления и направление распространения традиции – с территории Таврического р-на на северо-запад. Самые южные районы Омской обл. оказались практически не охвачены этой тенденцией. В Павлоградском и Нововаршавском выявлены единичные объекты. Экспедиционные работы 2021 г. позволили зафиксировать первый памятник в Русско-Полянском р-не – стела установлена на месте исчезнувшего аула Самурза. На сегодняшний день нам не известно о наличии таких объектов в Черлакском и Полтавском р-нах, в которых казахское население проживает давно и всегда было относительно многочисленно. Проведен анализ памятников на объектно-ориентированном уровне. Выяснено, что более половины из них установлены на местах исчезнувших казахских аулов. Третья часть располагается возле кладбищ. Небольшое количество находится в действующих поселениях и почти все они посвящены увековечиванию памяти участников Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *традиция, казахи, памятник, стела, аул, кладбище, Омская область.*

Sh.K. Akhmetova[1]✉, I.V. Tolpeko[2]✉

[1]Institute Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru; itolpeko@yandex.ru

Localization of the Tradition of Installing Commemorative Steles among the Kazakh Population of the Omsk Region

The article discusses the results of the study of the tradition of installing commemorative steles by the Kazakhs in the Omsk Region. The aim of the work was to study the localization features of these monuments. To date, we have identified, localized, and investigated 71 similar objects in the region. It was found out that this tradition originated in the Tavrichesky District of the Omsk Region at the beginning of the 21st century. In the future, it went beyond its borders and began to spread to the territory of the region in the places of traditional residence of the Kazakh population. Two levels of localization of monuments are considered: administrative-territorial and object-oriented. From the point of view of the administrative-territorial, the number of monuments by districts of the region is analyzed. It was found out that today in the Sherbakulsky, Tavrichesky, Azov Districts, monuments are available in nearly all locations where villages were previously located. Seven to

eight monuments were identified in Odessa, Moskalensky and Isilkul Districts. The focus of the emergence and the direction of the spread of the tradition is well fixed — from the territory of the Tavrichesky District to the northwest. The southernmost districts of the Omsk Region were almost not covered by this trend. Isolated objects have been identified in Pavlogradsky and Novovarshavsky Districts. The expedition works conducted in 2021 allowed to identify the first monument in the Russian-Polyansky District — the stele was installed at the site of the disappeared village of Samurza. To date, we are not aware of the presence of such objects in the Cherlak and Poltava Districts, where the Kazakh population has been living for a long time and has been rather numerous. The analysis of monuments at the object-oriented level was carried out. It was found out that more than a half of them were installed in the locations of the disappeared Kazakh villages. The third part is located near cemeteries. A small number are located in active settlements and almost all of them are dedicated to perpetuating the memory of the participants of the Great Patriotic War.

Keywords: *tradition, Kazakhs, monument, stele, aul, cemetery, Omsk Region.*

В казахской традиции всегда особая роль отводилась кладбищу как месту упокоения предков – *ауаков*. В основе этого лежит культ предков. Ко всему прочему, захоронения воспринимались как нечто постоянное в подвижной кочевой жизни казахов. Кладбища, отдельные могилы служили ориентирами в степи, давали защиту путнику [Алтынсарин, 2006, с. 24; Валиханов, 1984, с. 192; Ахметова, Толпеко, 2018, с. 289]. В процессе оседания, появления стационарных аулов, некрополи стали располагать рядом с местом проживания. Особое отношение казахского населения к местам упокоения своих сородичей хорошо прослеживается на следующем примере: после ликвидации населенного пункта родовое кладбище еще продолжало функционировать. Многие казахские некрополи остаются действующими спустя десятилетия после исчезновения населенного пункта. Так, казахское кладбище на южном берегу озера Эбейты (Омская обл.) продолжает функционировать. Оно было основано рядом с располагавшимся там аулом Сага [Ахметова, Толпеко, 2013а, с. 48–49]. Самого аула нет уже несколько десятков лет, его жители разъехались, в основном по близлежащим поселениям. Однако своих умерших родственников они предпочитают хоронить на старом кладбище. В последние годы его территория была значительно увеличена. Традиционно на местности границы казахского некрополя обозначаются рвом и валом. В новую территорию оказались включены недавно установленная перед воротами памятная стела и домик при кладбище, который ранее находился за его пределами. Некрополь располагается на правом берегу известного природного объекта Амринская балка. Выходцы из аула Сага, переехавшие в с. Красногорка, которое находится достаточно далеко от прежнего места – к западу, на левом берегу балки, длительное время продолжали хоронить своих умерших на старом кладбище. И только в последние годы, через несколько лет после разрушения дамбы, по которой проходила дорога, соединяющая берега балки, они организовали новое кладбище рядом с с. Красногорка.

Аналогичная ситуация прослеживается и во многих других местах Омской области. Казахи чтят память предков. И у этой памяти есть материальные воплощения – кладбище, территория бывшего поселения. В таких местах и стали устанавливать памятные знаки, как бы говоря: «Мы знаем, мы помним, мы чтим». Появления первых таких памятников было сугубо личной инициативой небольших групп населения, связанных родовой принадлежностью и местом происхождения. Но это начинание понравилось и было быстро подхвачено казахами Омской области. Оно хорошо совпало со стремлением закрепить уходящую память о малой родине, материализовать ее для себя и для потомков. Столь быстрый переход от разовых мероприятий к устойчивой традиции вызывает закономерный научный интерес. Особенно в том плане, что в данном случае никакого значения не имел административный ресурс. Люди договаривались между собой, организовывали сбор денег, сами продумывали дизайн и выбирали материалы для воплощения проекта, определяли место и занимались сооружением объекта, организовывали праздник по поводу его открытия. Так стали появляться памятные знаки на местах старых, исчезнувших аулов и их некрополей, возле действующих кладбищ.

В последнее десятилетие администрации некоторых районов Омской обл. воспользовались этим начинанием как отработанным механизмом для установки памятников воинам Великов Отечественной войны к очередному юбилею Победы. Так появились несколько стел у старых кладбищ и на территории действующих поселений. Однако и в этом случае, даже при софинансировании подобных мероприятий Фондом «Азово» и Фондом Манякина, основную часть работы, включая сбор денег у населения, брали на себя местные жители.

Показателен пример старого аула Тумба. Небольшое на сегодняшний день поселение расположено на северном берегу оз. Эбейты в Москаленском р-не Омской обл. Исторически сложилось так, что из-за разногласий между аксакалами

рядом с ним появились и продолжают функционировать два кладбища – более старое верхнее и более молодое нижнее. На них одновременно, в 2010 г., были установлены памятные стелы. Примечательно, что в текстах на плитах указаны разные годы образования аула. На одной – 1796 г., на другой – 1881 г. На устанавливаемых памятниках очень часто присутствую даты образования и исчезновения аула. С последней, как правило, проблем не возникает, т.к. большинство поселений было ликвидировано в период компании по укрупнению деревень. Напротив, установить дату образования бывает достаточно сложно. Инициативная группа опрашивает аксакалов, обращается к архивным данным и т.д. И здесь, в зависимости от доступности источников и их достоверности, могут возникнуть разные варианты. Что и случилось в рассматриваемом населенном пункте. Позднее, в 2015 г., к очередному юбилею Победы, в ауле Тумба по инициативе местных жителей и на собранные пожертвования был сооружен памятник, посвященный памяти участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла, которые являлись уроженцами аула. Таким образом, в небольшом ауле теперь находятся три памятника: по одному на каждом из кладбищ и один в самом населенном пункте.

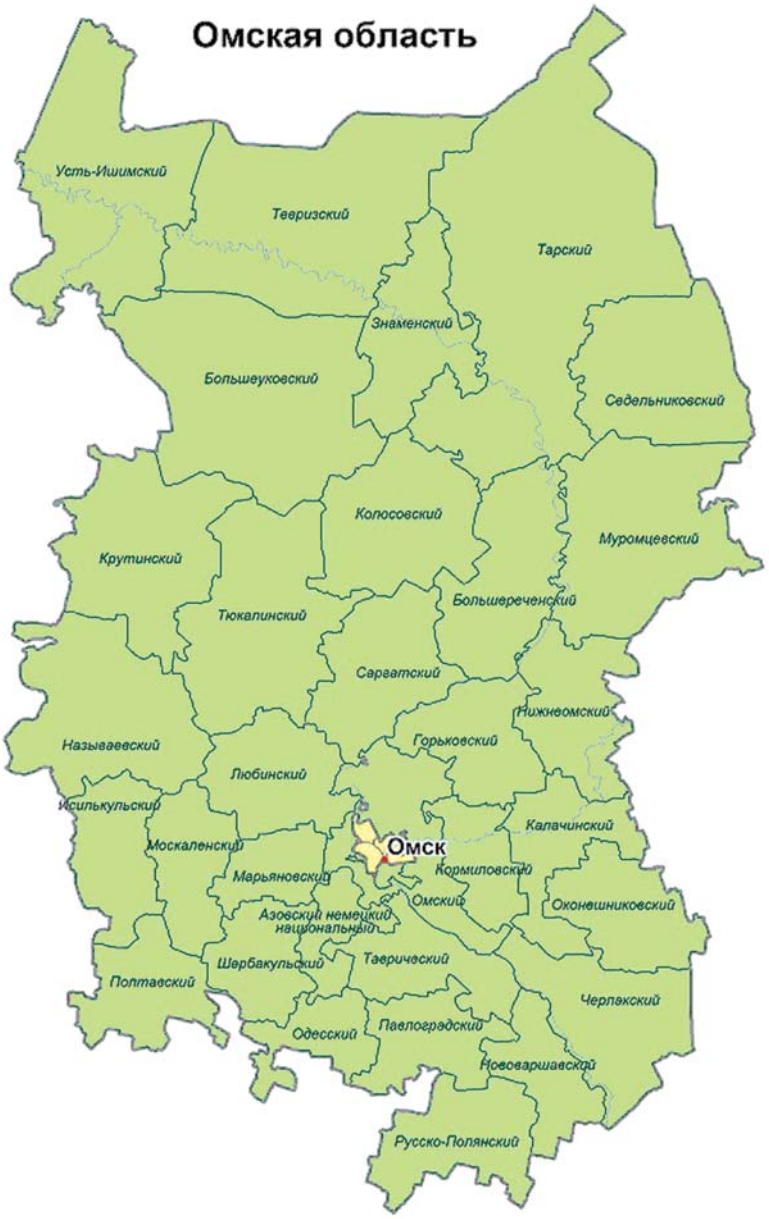

Рис. 1. Карта Омской обл. с административными границами районов. (По: https://dokipedia.ru/sites/default/files/doc_files/519/253/8/files/image17.png)

На сегодняшний день на территории Омской обл. нами выявлен 71 памятник, установленный казахским населением. В ходе осуществления исследовательской процедуры по их локализации было выделено два уровня, в рамках которых проводился анализ: 1) административно-территориальный, 2) объектно-ориентированный.

При анализе с позиции административно-территориального уровня необходимо рассматривать расположение памятника с учетом области, района, населенного пункта. При этом последний может быть как действующим, так и уже давно исчезнувшим. Исследование в этом ключе большого количества накопленных источников, принимая во внимание даты создания памятников, позволяет выявить место возникновения традиции, пути ее распространения, этапы формирования и развития, охват мест традиционного проживания казахов на территории Омской обл. Наиболее плотно казахским населением были заселены южные и юго-западные районы региона: Черлакский, Нововаршавский, Русско-Полянский, Павлоградский, Таврический, Одесский, Шербакульский, Азовский, Полтавский, Марьяновский, Москаленский и Исилькульский (рис. 1). Нами было проанализировано количество установленных памятников в разных районах Омской обл. с учетом хронологической последовательности. Следует отметить, что обычно на памятниках указывается год установки, а иногда и конкретная дата. Это очень помогает при проведении исследований.

Рис. 2. Памятник исчезнувшему аулу Самурза в Русско-Полянском р-не Омской обл. (Фото И.В. Толпеко, 2021 г.).

По нашим сведениям первый памятник был сооружен в память об ауле Кожан-Бекен в 2001 г. в Таврическом р-не [Ахметова, Толпеко, 2013б, с. 396, рис. 1]. Инициаторами стали М.Е. Аятов, М.З. Буланов и К.К. Хусаинов. Фактически этих людей можно считать родоначальниками новой традиции, зародившейся в начале XXI в. у казахского населения Омской области. На сегодняшний день в Таврическом р-не известно 13 подобных объектов. В расположенных к западу от него Азовском немецком национальном и Шербакульском р-нах количество памятников также велико, соответственно 10 и 17. Много объектов было выявлено в находящихся к югу от этих районов Одесском (7) и к северо-западу – Москаленском (8) и Исилькульском (7). Единичные памятники зафиксированы нами в Павлоградском (3), Омском (1), Марьяновском (1) и Нововаршавском (2) р-нах.

В ходе экспедиционных работ 2021 г. единственный пока объект был выявлен на территории Русско-Полянского р-на. Памятная стела установлена на месте исчезнувшего аула Самурза (рис. 2). Все перечисленные выше административно-территориальные единицы, а соответственно и памятники, располагаются на левобережье р. Иртыш.

Юг Омской области в пределах правобережья Иртыша также издавна был заселен казахами. Однако в ходе экспедиционных исследований, в т.ч. на территории Черлакского р-на в 2021 г., связанные с казахским населением памятники обнаружить не удалось. Также ни одного объекта не выявлено в Полтавском р-не. Этот факт требует отдельного изучения. Дело в том, что район расположен в крайней юго-западной точке Омской области, и являлся традиционным местом проживания казахского населения. К тому же с ним граничат насыщенные памятниками Шербакульский, Москаленский и Исилькульский р-ны. На данный момент причину такого явления нам установить не удалось.

В целом же хорошо прослеживается распространение традиции установки памятников с места ее появления – Таврического р-на, на северо-запад. Это территории обитания аргынов, кереев и кожа. Интересно, что на данный момент она практически не затронула самые южные районы Омской области – Черлакский, Нововаршавский, Русско-Полянский, Павлоградский. В них и на сегодняшний день проживает значительное количество казахского населения, есть действующие аулы. Хотя отдельные памятники появляются и там. Обращает на себя внимание то, что Черлакский, Нововаршавский, Русско-Полянский и Марьяновский р-ны являются зоной преимущественного расселения различных родовых подразделений кипчаков.

На объектно-ориентированном уровне памятники были проанализированы по локализации на местности. Место для сооружения каждого объекта выбиралось индивидуально, как дизайн и материалы изготовления. Выяснено, что самое большое количество установлено на местах исчезнувших ау-

лов – 37 (52,8 % от всех 71 выявленных нами на сегодняшний день объектов).

При кладбищах находятся 22 памятных стелы (31,4 %). В этом случае они могут располагаться как непосредственно на территории некрополя, так и рядом с ним. Например, стела в память об ауле Сага в Москаленском р-не первоначально начала сооружаться за пределами кладбища – перед воротами, на оплывшем кургане. В дальнейшем территория некрополя была расширена, и уже достроенный памятник оказался внутри.

Всего 12 памятников установлено в действующих населенных пунктах (17,1 %). Следует отметить, что почти все они связаны с памятью о Великой Отечественной войне. Располагаются такие объекты, как правило, в центре населенного пункта, иногда возле школы или прямо на ее территории. Относительно последнего факта интересно, что такой выбор места нами был зафиксирован при установке памятников на местах уже исчезнувших аулов. По сведениям информанта, директора Назаровской школы Ф.Г. Ибраевой, для сооружения памятной стелы на месте бывшего аула Есенгельды Павлоградского р-на был специально выбран участок, где располагалась школа. Вокруг памятника фиксируются остатки фундамента здания. В 2002 г. в Таврическом р-не памятный знак установили на территории спортивной площадки школьного комплекса аула Амре. Он посвящен 12 аулам Стахановского сельского совета. Выбор места для установки памятника наш информант, уроженец аула Сары Сырым А.Ш. Шалагаев, объяснил тем, что многие дети из расположенных рядом небольших аулов учились именно в этой школе. Став взрослыми, они с уважением вспоминали годы учебы и учителей. С другой стороны, в этом, вероятно, присутствовал и практический подход – в данном случае школьная площадка была ровным местом с плотным грунтом в центре исчезнувшего аула.

В целом надо отметить, что традиция установки памятников в некоторых районах (где их уже достаточно много) практически исчерпала себя. Ей остались не охвачены только совсем маленькие и давно исчезнувшие аулы. Надо учитывать и тот факт, что в целом ряде случаев нами зафиксированы памятники, установленные сразу нескольким аулам. Например, уже упомянутый выше памятный знак на месте аула Амре был поставлен сразу в память о 12 аулах – Амре, Арбабай, Жапырақты, Жүзбай, Касым, Қара Сырым, Қара Құнан, Рыспай, Сары Сырым, Саттібай, Іргебай, Үкібай. Целый мемориально-культовый комплекс сооружен в том же Таврическом р-не в память о пяти аулах – Сары-Сарым, Темiраулы-Уақ, Қара Құнан, Үкібай и Арбабай. В 2003 г. в Азовском немецком национальном районе был установлен памятник одиннадцати аулам Буденовского сельского совета. Его расположили на месте центрального поселения – аула Жолбарыс [Ахметова, Толпеко, 2013б, с. 396–397]. Есть и другие подобные объекты. Таким образом, количество обозначенных памятными стелами аулов на территории Омской обл. значительно больше, чем число установленных памятников.

Проведенное исследование показало, что традиция установки памятников у казахского населения зародилась в Таврическом р-не, где в 2001 г. была установлена первая стела в память об ауле Кожан-Бекен. На сегодняшний день она полностью локализуется на левобережье Иртыша, в юго-западных районах Омской обл. Менее всего оказались затронуты пограничные с Республикой Казахстан южные территории и Полтавский р-н на юго-западе региона. Пик установки памятников приходится на 2010–2011 гг., когда их количество сразу приросло более чем десятью объектами в разных районах Омской обл. Преимущественным местом для установки памятных стел являются места исчезнувших аулов. В юбилейные годы Победы в Великой Отечественной войне в 2020-х гг. много памятников, посвященных участникам сражений и труженикам тыла, появилось в аулах и возле кладбищ. В заключение следует отметить, что накопленная на сегодняшний день источниковая база позволяет перейти от описания традиции к статистическому анализу и обобщению материала.

Список литературы

Алтынсарин И. Этнографические очерки и образцы устного творчества. (Б-ка каз. этнографии. Т. 13). – Павлодар: ЭКО, 2006. – 166 с.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Мемориально-культовые комплексы как сакральное пространство в традиционной культуре казахов Омского Прииртышья // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2018. – № 3 (19). – С. 288–296.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Особенности расселения казахского населения в Среднем Прииртышье // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. – Астана – Омск: [б.и.], 2013а. – С. 39–54.

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Памятные знаки как новая традиция казахов Омского Прииртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013б. – Т. XIX. С. 396–399.

Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собр. соч.: в 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. советской энцикл., 1984. – Т. 1. – С. 190–197.

References

Altynsarin I. Etnograficheskie ocherki i obraztsy ustnogo tvorchestva. (Biblioteka kazakhskoi etnografii. Vol. 13). Pavlodar: EKO, 2006, 166 p. (In Kaz.).

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Memorial-cult complexes as sacral spaces in the traditional culture of the kazakhs of Omsk Irtysh region. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2018, no 3 (19). P. 288–296. (In Russ.). doi:10.25513/2312-1300.2018.3.288-296

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Osobennosti rasseleniya kazakhskogo naseleniya v Srednem Priirtysh'e. In *Kazakhstan i Rossiya: nauchnoe i kul'turnoe vzaimodeistvie i sotrudnichestvo*. Astana – Omsk: [s.n.], 2013a. P. 39–54. (In Russ.)

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Pamyatnye znaki kak novaya traditsiya kazakhov Omskogo Priirtysh'ya. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013b. Vol. XIX, P. 396–399. (In Russ.) URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2013.pdf

Valikhanov Ch.Ch. O kirgiz-kaisatskikh mogilakh (molakh) i drevnostyakh voobshche. In *Collected Works: v 5 t.* Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1984. Vol. 1. P. 190–197. (In Kaz.).

Ахметова Ш.К. https://orcid.org/0000-0002-8925-0772
Толпеко И.В. https://orcid.org/0000-0002-3085-2330

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0769-0774
УДК 392

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bau194@yandex.ru

Новые материалы по жертвенным покрывалам обских угров

Статья посвящена введению в научный оборот новых материалов, полученных в ходе полевых этнографических работ 2017–2020 гг. Они проводились на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. В статье приводится описание четырех жертвенных атрибутов, связанных с почитанием популярного у обских угров божества Мир-сусне-хума, в дар которому преподносили элементы богатырского и всаднического одеяния – выполненные из сукна накидки, пояса и покрывала. Впервые публикуется жертвенное покрывало с тремя фигурами всадников, изготовленное в середине XX в. манси, проживающими в бассейне р. Ляпин. Информация о подобных атрибутах была известна исследователям с середины 1980-х гг., но реальное изделие было найдено только в 2017 г. Жертвенное покрывало из д. Лохподгорт (Шурышкарский р-н ЯНАО) отодвигает северную границу бытования жертвенных покрывал обских угров в Нижнем Приобье еще на 100 км на север; кроме того, на покрывале присутствует нестандартная компоновка фигур всадников с дополнительным «пустым» квадратом, а на основной фигуре божества имеется дополнительная антропоморфная фигура. Жертвенное покрывало с семью фигурами всадников, приобретенное в д. Юхангорт, оформлено дополнительной полосой орнамента «березовая ветвь», что, по версии автора статьи, может указывать на принадлежность покрывала роду Новьюховых, фамилия которых с хантыйского языка переводится как «белое дерево». Жертвенная накидка, описанная у манси, проживающих в бассейне р. Пелым, необычна по форме (семиугольник). Скорее всего, она использовалась в качестве одежды семейного духа-покровителя, почитаемого в орнитоморфном облике. Итогом рассмотрения вновь найденных жертвенных покрывал является вывод о том, что одно из них подтверждает схему последовательного изготовления данного вида атрибутов, предложенную И.Н. Гемуевым, а остальные образцы демонстрируют специфические локальные особенности, причем необычность ряда деталей может быть объяснена их периферийностью.

Ключевые слова: *ханты, манси, атрибут, покрывало, богатырь, всадник, орнамент, монета.*

A.V. Baulo

Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bau194@yandex.ru

New Evidence on Sacrificial Covers of the Ob Ugrians

This article presents new material evidence obtained from field ethnographic research conducted in the Yamalo-Nenets and Khanty-Mansi Autonomous Okrugs in 2017–2020. Four sacrificial objects associated with worshipping the deity Mir-Susne-Hum popular among the Ob Ugrians, are described. Elements of warrior's and rider's clothing – capes, belts, and covers made of broadcloth – were offered as a gift to this deity. For the first time, a sacrificial cover with three figures of riders, made in the mid 20th century by the Mansi living in the basin of the Lyapin River, is published. Information about such attributes has been known to scholars since the mid 1980s, but the real object was discovered only in 2017. A sacrificial cover from the village of Lokhpodgort (Shuryshkarsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) shifts the northern border where the sacrificial covers were used by the Ob Ugrians in the Lower Ob region, by another 100 km to the north. In addition, the cover shows an unusual composition of riders' figures with additional "empty" square as well as additional anthropomorphic figure on the main figure of the deity. The sacrificial cover with seven figures of riders, purchased in the village of Yukhangort, is decorated with the additional strip of the "birch branch" ornamentation which, according to the author of the article, may indicate that the cover belonged to the Novyukhov family whose surname can be translated from the Khanty language as the "white tree". The sacrificial cape observed among the Mansi living in the basin of the Pelym River is unusual in shape

(heptagon). Most likely, it might have been used as a clothing of a family patron spirit worshipped in the ornithomorphic guise. The analysis of the newly found sacrificial covers reveals that one of them confirms the model for the sequential production of this type of material attributes of deities, proposed by I.N. Gemuev, while the rest of the samples demonstrate specific local features; the unusual number of details can be explained by their peripheral nature.

Keywords: *Khanty, Mansi, attribute, cover, mighty warrior, rider, ornamentation, coin.*

Жертвенным покрывалам обских угров посвящено немало научных публикаций, основные итоги почти столетних исследований этого феномена были недавно подведены в статье, опубликованной в журнале «Этнографическое обозрение» [Бауло, 2017]. Казалось бы, итоговая статья должна носить максимально исчерпывающий характер, но в том и заключается прелесть этнографического полевого поиска, что он нередко приносит такие находки, которые, если не меняют в корне уже оформленную концепцию, то, по крайней мере, демонстрируют ранее неизвестные особенности предмета, чем расширяют наши общие о нем знания.

Напомню наиболее важные признаки жертвенных покрывал манси и хантов. Это элемент богатырского культа *Мир-сусне-хума* (*Вэрта*, *Урт-ики* и др.); наиболее часто покрывала (*ялпынг-улама*) выполнялись в виде полотнища прямоугольной формы с четырьмя, шестью или семью фигурами всадников; все они символизировали «седло бога». Кроме «седла» богатырю шили пояс, на котором размещали четыре или пять всадников (в одном случае описано семь всадников). Завершал одеяние шлем, украшенный изображениями четырех или семи всадников.

В данной статье приводится информация о вновь обнаруженных покрывалах, которые по каким-либо признакам отличаются от ранее известных.

Жертвенное покрывало с тремя фигурами всадников

По материалам И.Н. Гемуева, у ляпинских манси каждому этапу в жизни семьи соответствовал определенный вид *ялпынг-улама*. После женитьбы (вариант: после появления ребенка) шили первое покрывало с четырьмя фигурами всадников – *мань ялпынг* – «малый» *ялпынг*. Следующий *ялпынг-улама* с шестью всадниками изготовляли «в середине жизни»; к этому времени в семье было уже несколько детей. Последним считался *яны-ялпынг сат ломт* – «великий *ялпынг* из семи частей» (с семью всадниками). Его шили, «когда до старости доживали» [Гемуев, 1990, с. 185]. При этом исследователь сделал важную оговорку: зафиксировано единичное сообщение о том, что первый *ялпынг-улама* состоял из трех квадратов с изображением всадника, четвертое же поле выполнялось из перемежающихся полосок ткани: «Мне таких покрывал видеть не доводилось» [Там же].

Информация о том, что первое покрывало шили с тремя фигурами всадников, была получена И.Н. Гемуевым от жительницы д. Хурумпауль А.С. Меровой в 1985 г.: «*Ялпын* делают сначала, когда женились, через три дня – трехпольный» [Бауло, 2016а, с. 231]; она же в 1999 г. рассказывала нам, что «первый *ялпын* – три квадрата с узорами, четвертый без узоров. *Хурум ломтуп ялпын*» (узором она называла изображение всадника).

В 1999 г. в доме В. Хозумова в д. Ясунт Березовского района ХМАО-Югры нами было описано покрывало с семью фигурами всадников, при этом восьмой квадрат был выполнен по схеме, озвученной А.С. Меровой – из перемежающихся полосок ткани [Гемуев, Бауло, 2001, кат. 43; Бауло, 2013, рис. 184]. То есть, в принципе, мы понимали, как должно выглядеть покрывало с тремя фигурами всадников, но шли годы, а такие экземпляры не встречались. Это можно было объяснить либо тем, что подобная традиция умерла, либо тем, что А.С. Мерова озвучила то, что слышала, но в действительности не видела.

В 2017 г. такое покрывало было случайно обнаружено палеонтологом Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) А.С. Резвым в ходе полевых работ в Ханты-Мансийском АО-Югре. При осмотре одного из заброшенных и почти развалившихся от времени домов в пос. Саранпауль были найдены культовые атрибуты мансийской семьи: одежда для духов-покровителей, лоскуты ткани и два жертвенных покрывала – одно традиционное, с четырьмя фигурами всадников, второе – с тремя фигурами. Они были переданы в фонды Музея Природы и Человека.

Приведу описание второго покрывала (рис. 1). Длина полотнища 65 см, ширина 56 см; оно выполнено из сукна красного и зеленого цвета. Предположительно оно было пошито в 1960-х гг. В три квадрата вшиты фигуры всадников, четвертый квадрат состоит из горизонтальных полос ткани – двух красных и двух зеленых. К углам и серединам сторон покрывала пришиты ленты из разноцветной ситцевой ткани, а также узкие полоски материала, из которого изготовлено полотнище. Оборотная сторона покрывала зашита куском ткани красного цвета с мелким геометрическим и растительным

рисунком белого цвета. Сохранились фрагменты беличьей опушки.

Всадник показан с поднятыми вверх руками, на голове – «корона». Подобная выкройка всадника встречалась у ляпинских манси в дд. Щекурья (дом И.Ф. Сайнахова) [Бауло, 2004, с. 16, рис. 4] и Ясунт [Гемуев, Бауло, 2001, кат. 43; Бауло, 2013, рис. 184], там же описана и «корона» у всадника [Бауло, 2013, рис. 188].

Жертвенное покрывало с шестью фигурами всадников

Необычное покрывало было описано в 2019 г. у хантов в д. Лохподгорт Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО (рис. 2). Его размеры 188 × 84 см. Основное полотнище, обшитое мехом лисицы, прямоугольной формы, насчитывает шесть квадратов; фигуры всадников вшиты в пять из них, шестой квадрат без изображений (на него на том месте, где должна была бы быть морда коня, нашит кружок ткани черного цвета с отверстием посредине, под ним находится медный счетный жетон конца XVIII в., окислен и потерт). Шестая фигура всадника вшита в седьмой квадрат, вынесенный за границы основного изделия.

Фигура конного всадника показана с поднятыми руками, на уровне груди всадника вшито небольшое антропоморфное изображение. В тулово коня вшита фигура в виде полумесяца. На морды трех

Рис. 1. Жертвенное покрывало с тремя фигурами всадников.

коней нашиты кружки красной ткани (под ними монеты 10 коп. 1902 г., 15 коп. 1891 г., одна монета не сохранилась), на морды двух коней сквозь пробитые отверстия пришиты монеты 15 коп. 1902 г. и 20 коп. царской чеканки (год сбит).

К углам покрывала пришиты: узкие полоски красного и черного сукна, плетеный шнур красного

Рис. 2. Жертвенное покрывало с шестью фигурами всадников.

цвета, медный поддужный колокольчик, два медных бубенца. К указанным полоскам сукна дополнительно привязаны: лоскут ткани белого цвета с завязанной монетой 20 коп. 1956 г., рыболовный колокольчик; лоскуты красной ткани с пятнами жертвенной крови, полоса серой ткани с завязанной монетой 10 коп. 1932 г., шелковая полоска зеленого цвета с монетой 50 коп. 1974 г.; современная грубая двойная цепочка, рыболовный колокольчик и маленький бубенчик; кусок ткани серого цвета, в верхнем углу которого зашита монета 3 коп. 1867 года; лоскут желтого цвета, в верхней части которого завязан ниткой медный счетный жетон конца XVIII в. (на одной стороне изображен всадник, ниже буквы RIGH, на другой стороне – человек в полный рост с копьем).

Оборотная сторона основного полотнища зашита сдвоенным головным платком красного цвета: на платке имеется надпись «Товарищество Покровской мануфактуры П.Н. Грязнова в Иваново-Вознесенске», № 275; с двух сторон надписи – изображение герба Российской империи. Платок в нескольких местах окроплен кровью животного.

Относительно датировки изделия, основываясь на материале (шерстяном сукне), платках мануфактуры П.Н. Грязнова и пришитых монетах, можно предполагать его изготовление на рубеже XIX–XX вв. Отчетливо заметно, что к покрывалу трижды привязывали дополнительные куски ткани; монеты указывают на то, что эти мероприятия проходили в 1930-х, 1950-х и 1970-х гг.

В чем необычность данного культового атрибута? Во-первых, до настоящего времени северная граница бытования жертвенных покрывал обских угров распространялась в Нижнем Приобье до д. Ханты-Мужи, таким образом новая находка отодвинула границу еще на 100 км на север. Во-вторых, на покрывале присутствует нестандартная компоновка фигур всадников с дополнительным «пустым» квадратом. Известно, что покрывала с шестью фигурами всадников относятся к наиболее редкой разновидности этих атрибутов: если покрывала с семью или четырьмя фигурами всадников встречены в нашей практике каждое более сотни раз, то изделий с шестью всадниками описано немногим более десятка. Все они имеют прямоугольную форму, всадники располагаются в два ряда по три фигуры. Форма же лохподгортского изделия соответствует обычной форме покрывала с семью фигурами всадников. В-третьих, на основной фигуре божества имеется дополнительная антропоморфная фигура.

Жертвенное покрывало с дополнительной полосой орнамента

Приобретено в 2020 г. в д. Юхангорт Березовского р-на ХМАО-Югры, владельцы – ханты Новьюховы. Изготовлено из шерстяного сукна красного (двух оттенков – ярко-красного и кирпичного) и черного цвета предположительно в начале XX в., края обшиты лисьим мехом (рис. 3). К углам покрывала пришиты снизки крупных бусин голубого цвета, на их концах – медные колокольчики, кольца и шаркунцы; к одной связке бус привязана детская игрушка – медные колокольчики на деревянной ручке. Оборотная

Рис. 3. Жертвенное покрывало с дополнительной полосой орнамента.

сторона покрывала зашита пестрым фабричным головным хлопчатобумажным платком начала XX в.

Шесть фигур всадников с поднятыми руками расположены в два ряда, седьмая фигура представлена на дополнительном выносном квадрате. Два ряда всадников разделены широкой полосой традиционного орнамента. Скорее всего, он относится к группе орнаментов, образованных так называемой «березовой ветвью» [Молданова, 1999, с. 228, рис. 16]. Можно предполагать, что орнаментированная полоса подчеркивает принадлежность покрывала роду Новьюховых, фамилия которых с хантыйского языка переводится как «белое дерево».

Интересно, что в Юхангорте ранее был описан богатырский шлем с четырьмя фигурами всадников, причем тулья шлема оформлена двумя широкими полосами сложносоставного орнамента [Баулло, 2016б, рис. 317]. В качестве еще одного аналога можно упомянуть жертвенное покрывало с четырьмя фигурами всадников, где пары фигур разделены полосой орнамента в виде треугольников и ромбов (д. Тугияны, Белоярский р-н ХМАО-Югры, ханты Гришкины) [Там же, рис. 282].

Необычная жертвенная накидка с семью фигурами всадников

Данная накидка хранилась на одном из священных мест манси в бассейне р. Пелым (Свердловская область). Описание выполнено по фотографии (рис. 4). Накидка сшита из семи квадратов ткани красного и синего цвета, на которых представлены фигуры всадников с поднятыми руками. В проекции накидка выглядит семиугольником, в центре которого в круге из синей узкой полоски в ткань красного цвета вшита фигура из ткани синего цвета, в которой можно предположить изображение птицы с поднятыми крыльями и хвостом (обычно таким образом представляли глухарку или тетерю). К семи углам накидки пришиты узкие полоски красной и синей ткани с медными колокольчиками и шаркунцами на концах. Оборотная сторона изделия зашита головным платком. Датировать накидку можно серединой или второй половиной XX в. Точные размеры указать сложно, противоположные концы изделия разделяет около 105 см.

Можно предполагать, что атрибут использовался в качестве одеяния семейного духа-покровителя, будучи надет на его «голову», при этом дух-покровитель мог почитаться в облике птицы, изображенной в центре накидки. Жертвенные накидки с изображением фигур всадников ранее встречались крайне редко [Гемуев, 1990, с. 71, 79].

Таким образом, рассмотренные в статье четыре атрибута манси и хантов, с одной стороны, закрывают известную схему последовательного изготовления жертвенных покрывал, предложенную И.Н. Гемуевым, с другой стороны, демонстрируют ло-

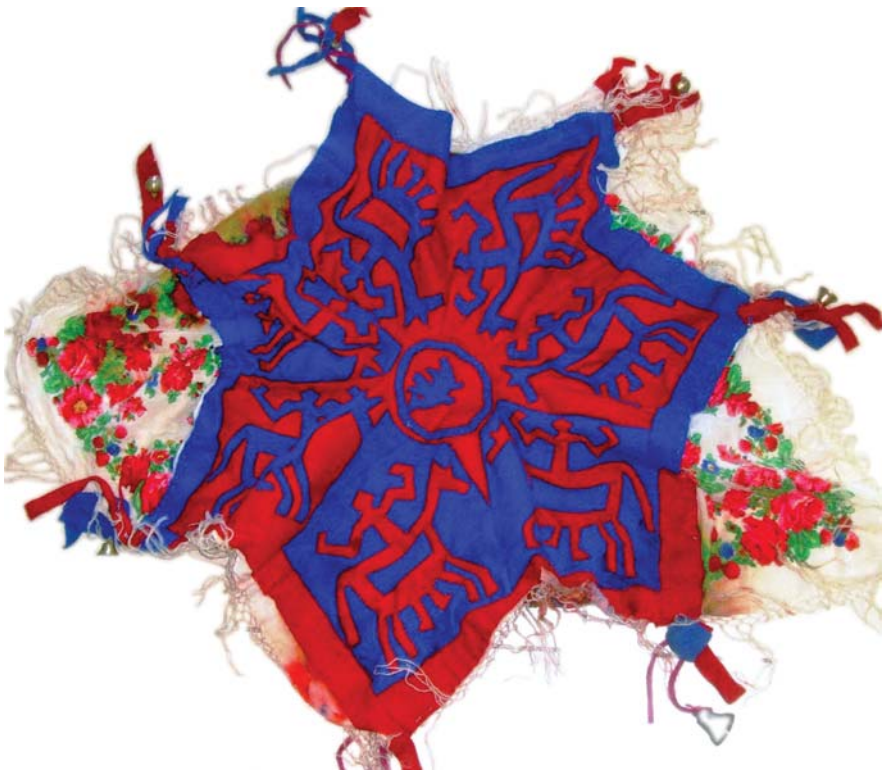

Рис. 4. Необычная жертвенная накидка с семью фигурами всадников.

кальные особенности культовых атрибутов обских угров, отходящие от принятых основных моделей. Следует заметить, что накидка из бассейна Пелыма и покрывало из Лохподгорта относятся к крайним точкам распространения жертвенных покрывал обских угров – западной и северной: возможно, необычность ряда деталей объясняется их периферийностью.

Список литературы

Бауло А.В. Новые материалы по жертвенным покрывалам ляпинских манси // Проблемы межэтнического взаимодействия в Сибири. – Новосибирск: АртИнфоДата, 2004. – Вып. 2. – С. 14–20.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Баско, 2013. – 208 с.: ил.

Бауло А.В. Экспедиции Измаила Гемуева к манси: этнокультурные исследования в Нижнем Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016а. – Т. 1: 1983–1985 гг. – 284 с.

Бауло А.В. Священные места и атрибуты северных хантов в начале XXI века: Этнографический альбом. – Ханты-Мансийск: ООО «Тендер», 2016б. – 300 с.

Бауло А.В. Жертвенные покрывала обских угров: итоги столетнего изучения // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 97–112.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – 261 с.

References

Baulo A.V. Novye materialy po zhertvennym pokryvalam lyapinskikh mansi. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeistviya v Sibiri.* Novosibirsk: ArtInfoData Publ.; 2004, iss. 2. P. 14–20. (In Russ.).

Baulo A.V. Svjashhennye mesta i atributy severnyh mansi v nachale XXI veka: Jetnograficheskij al'bom. Hanty-Mansijsk, Ekaterinburg: Basko Publ., 2013, 208 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Jekspedicii Izmaila Gemueva k mansi: jetnokul'turnye issledovanija v Nizhnem Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016a. Vol. 1: 1983–1985 gody, 284 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Svjashhennye mesta i atributy severnyh hantov v nachale XXI veka: Jetnograficheskij al'bom. Hanty-Mansijsk: «Tender», 2016, 300 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Zhertvennye pokryvala obskih ugrov: itogi stoletnego izuchenija. *Jetnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3. P. 97–112. (In Russ.)

Gemuev I.N. Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos. Novosibirsk: Nauka, 1990, 232 p. (In Russ.).

Gemuev I.N., Baulo A.V. Nebesnyj vsadnik. Zhertvennye pokryvala mansi i hantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 160 p. (In Russ.).

Moldanova T.A. Ornament hantov Kazymskogo Priob'ja: semantika, mifologija, genezis. Tomsk: State Univ. Press., 1999, 261 p. (In Russ.).

Бауло А.В. https://orcid.org/0000-0001-8379-3760

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0775-0780
УДК 397+398

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Образ коня в шаманской атрибутике хакасов (конец XIX – середина XX века)

Конь является домашним животным, имеющим важное значение в хозяйственной жизни и духовной культуре хакасов, в частности, в шаманизме. В хакасской этнографии остается малоизученным вопрос о значении коня в ритуальной практике шаманов. В связи с этим, целью данной статьи является характеристика образа коня в шаманской атрибутике хакасов. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор временных границ обусловлен состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают этнографические и фольклорные материалы. Работа основывается на методологическом принципе историзма. Используются историко-этнографические методы – реликта и семантического анализа. В ходе исследования определено, что коню и его образу отводилось одно из главных мест в атрибутике хакасских шаманов. Образ этого животного был представлен в таких ключевых культовых предметах, как бубен (тӱӱр), жезл (орба) и костюм (хамдых / хамныг кип). Выяснено, что в традиционных верованиях шаманистов образ коня наделялся особым ореолом сакральности. С ним связывалось представление о чула – душе шамана в конском обличии. Выявлено, что шаманский бубен, обтянутый кожей этого непарнокопытного, символизировал собой ездовое животное, на котором путешествовал кам во время своих мистерий. Показано, что ритуальному использованию шаманом бубна предшествовал сакральный акт его оживления и введения в обрядовую сферу. Определено, что на бубнах было принято изображать коней и всадников, олицетворявших собой тӧс'ов – духов-помощников шамана и божеств, игравших значительную роль в его обрядовой практике. Выделено, что конская символика встречалась на шаманских жезлах в виде протомы. В процессе камлания она отождествлялась с мистическим скакуном. Выявлено, что шаманский костюм также включал в себя элементы, связанные с образом коня: колокольчики, металлические погремушки и конские волосы, выполнявшие вспомогательную функцию в процессе шаманской обрядности.

Ключевые слова: *хакасы, традиционная культура, мировоззрение, образ коня, шаман, обрядность, камлание, культовая атрибутика.*

V.A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB ARS
Novosibirsk, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

The Image of a Horse in the Shamanic Attributes of the Khakas (Late 19th to Mid-20th Century)

Horse is a domestic animal of great importance in the economic life and spiritual culture of the Khakas, in particular, in shamanism. In the Khakas ethnography, the question of the meaning of the horse in the ritual practice of the shamans remains little studied. Due to this, the purpose of this article is to characterize the image of a horse in the shamanic attributes of the Khakas. The chronological framework of the work covers the late 19th to mid-20th centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the database of sources on the research topic. The main sources are ethnographic and folklore materials. The work is based on the methodological principle of historicism. Historical and ethnographic methods are used: relict and semantic analysis. In the course of the study, it was determined that the horse and its image had one of the main places in the attributes of the Khakas shamans. In particular, the image of this animal was presented in the key cult items, such as a tambourine (tyyr), a rod (orba), and a costume (hamdykh/hamnyg kip). It was found out that, in the traditional beliefs of shamanists, the image of a horse was endowed with a special aura of sacredness. It was associated with the idea

of a chula — the soul of a shaman in the guise of a horse. It was revealed that the shaman's tambourine, covered with the skin of this ungulate, symbolized the mount on which kam traveled during his mysteries. It is shown that the ritual use of the tambourine by the shaman was preceded by a sacred act of its revival and introduction into the ritual sphere. It was determined that it was customary to depict horses and horsemen on tambourines, who personified the shaman's spirit assistants and had a significant role in his ritual practice. It is highlighted that the horse symbolism was found on shamanic rods in the form of a protoma. During the shamanistic rituals, it was identified with a mystical steed. It was revealed that the shamanic costume also included elements associated with the image of a horse: bells, metal rattles and horse hair, which performed an auxiliary function in the process of shamanic rituals.

Keywords: *Khakas, traditional culture, worldview, image of a horse, shaman, ritual, shamanistic rituals, cult attributes.*

Животные и их образы с древних времен занимают важное место в хакасском шаманизме. В религиозно-мифологическом сознании они наделяются сакральными функциями, что способствовало широкому и многоплановому их применению в ритуальной практике шаманского культа. Вследствие чего присутствие образов животных, особенно коня, является яркой и неотъемлемой составляющей хакасской шаманской атрибутики.

В традиционных представлениях хакасов окружающее человека природное пространство населено не только реальными представителями мира флоры и фауны, но и сонмом невидимых духов и божеств, имеющих зооморфное и иные обличия. Некоторые из этих сверхъестественных существ возведены в ранг почитаемых, к другим относятся нейтрально, третьи же воспринимаются исключительно как вредоносные. Отдельные из них были включены в культовую практику шаманов. В число особо значимых для шаманского культа входит конь.

Изучением роли животных, в т.ч. и коня, в традиционном мировоззрении хакасов занимались исследователи различных научных направлений: этнографы, историки, лингвисты, фольклористы и пр. В результате проведенной ими работы был собран большой фактический материал по обозначенной теме. Необходимо отметить, что изучение коня и его образа в этнографическом ключе на примере хакасов все же не проводилось, поэтому целью данной работы является характеристика образа коня в шаманской атрибутике хакасов.

В архаическом мировоззрении образы коня и шамана взаимосвязаны теснейшим образом. Статус избранника духов предполагал наличие у него сокровенных знаний и сверхъестественной силы, в т.ч. в виде различных духов-помощников, и обладание невидимым ездовым животным. Примечательно, что отмечаемая грань жизни шамана обнаруживает много общего с образом эпического героя. В фольклоре богатырь – прежде всего всадник. Каждому воителю с момента рождения уже свыше предопределен личный конь – воплощение его магической силы и самый верный спутник и друг. Судьба героя всегда связана с конем теснейшим образом. В любых жизненных ситуациях – в горести и радости, они всегда остаются неразлучными. По завершении земной жизни богатыря конь неизменно сопровождает его в последний путь – загробный мир. Подобные представления бытовали в отношении шамана и его мистического скакуна.

В шаманской традиции хакасов конь был не только средством передвижения шамана, но нередко он выступал в качестве *чула* – олицетворения души шамана, которую тот бдительно и неустанно оберегал на протяжении всей своей жизни. Схожие воззрения были распространены среди алтайцев и телеутов. На языках этих народов «шаманский конь-душа» обозначается термином «*бура/пура*». Выдающийся этнограф-тюрколог Н.П. Дыренкова по этому поводу отмечала: «Термин ‘bura ~ pura’ имеет и более узкое, специальное, а именно – название коня, с которым интимно тесно связана жизнь шамана, который является как перевоплощением шамана – вместилищем души шамана, почему, в отличие от других ‘bura’, этот конь называется еще tъn-bura или tъn-puγrazy (букв.: душа-бура, душа-конь)» [2012, с. 200–201].

Представление хакасов о шаманской душе *чула* получило наиболее яркое воплощение в таком ключевом ритуальном инструменте, как бубен – *мӱӱр*. Он являлся ключевым атрибутом сильного шамана. С ним была тесно связана не только ритуальная деятельность, но и зависела вся его жизнь. Необходимо сказать, что изготовление этого сакрального предмета осуществлялось не по личному желанию служителя культа, а по требованию шаманских духов. У хакасов, как и у других тюркских народов Южной Сибири, продолжительность жизни кама исчислялась количеством бубнов, которое назначал ему дух-покровитель (Эрлик Хан / Адам Хан, Ульген, дух-хозяин родовой горы и др.). Обычно оно варьировалось от трех до девяти. При этом срок камлания каждым отдельным бубном определялся индивидуально в пределах от одного года до девяти лет. Хакасы верили в то, что если в процессе камлания указанное ритуальное изделие случайно ломалось, то это предвещало тяжелую болезнь и иные неприятности его владельцу. Весьма рас-

пространенной была ситуация, когда враждующие между собой шаманы посредством своих духов-помощников вступали в смертельные схватки. Поверженный шаман часто погибал на месте. Согласно народным повествованиям, в момент смерти из его бубна сочилась кровь. Помимо того, в народе бытовало глубокое убеждение в том, что уничтожив этот сакральный предмет, можно легко погубить и самого шамана. По окончании срока использования последнего отведенного ему бубна, шаман умирал [Потапов, 1947, с. 159–161; Дыренкова, 1949, с. 113–114]. В народе об этом иносказательно говорили, что «шаман загнал своего последнего коня».

Бубен в традиционном мировоззрении обладал широким семантическим полем. С точки зрения обывателя его принято воспринимать лишь в качестве культового музыкального инструмента, посредством которого шаман проводит ритуалы и входит в транс. Между тем в сознании верующих бубен осмысляется в качестве мобильного алтаря, в котором на период камлания концентрируются все магические силы задействованных шаманских духов. В него вбивались пропавшие или похищенные души обычных людей, а также плененные души поверженных шаманов вместе с их духами-помощниками. Наряду с этим, бубен, в зависимости от обрядовой ситуации, мог олицетворять собой: транспортное средство, оружие – щит и меч, боевой лук со стрелами и пр. [Потапов, 1991, с. 160–165].

Вместе с тем в шаманской практике он все же чаще отождествлялся с персональным ездовым животным, а именно с тем, кожей которого непосредственно обтянут этот сакральный предмет. В прошлом для этой цели хакасы использовали шкуры как диких зверей – марала, лося, козы, косули, медведя и пр., так и домашних животных, в частности, коня. К концу XIX в. по причине упадка зверового промысла на Саяно-Алтае стали чаще употреблять конскую кожу. Так, например, в одной из этнографических работ конца XIX в., посвященных хакасскому шаманизму приводится описание одного из подобных культовых изделий: «Бубен этот, в диаметре 14 вершков [ок. 62 см], был сделан из тальниковой обечайки шириною до 4 вершков [ок. 17 см], обтянут сырой конской кожей без шерсти, на которой нарисованы красной краской символы шаманской власти» [Шаманство…, 1871, с. 59].

Согласно традиционным представлениям, духи указывали шаману место, где находится искомое животное, его масть и возраст, а также называли имя его хозяина. При обнаружении коня владелец обязан был сразу и безвозмездно отдать его шаману. Для изготовления бубна для мужчины-шамана требовалась шкура жеребенка или трехлетнего жеребца гнедой, бурой или вороной масти, а для женщины – кожа кобылицы такого же возраста и надлежащего цвета. Данное цветовое предпочтение нашло отражение в шаманской поэзии. Так, например, в процессе камлания шаман обращался к бубну с такими словами: «*алтыма мӱнген ах ой адым*» – ‘оседланный мною бело-буланый конь’, «*ӱс хулахтығ ах тайлиим*» – ‘треухий мой святой стригунок’, «*чылан арғалығ хара ториим*» – ‘мой черно-гнедой конь, имеющий змеиный хребет’, «*ӱс хулахтығ тай ториим*» – ‘мой треухий гнедой жеребчик’ и др. [Бутанаев, 2006, с. 89–90]. Добавим, что восприятие бубна в качестве коня соответствующей масти нашло отражение и в такой народной загадке, как «*Хара адым хазағда, хамҷызы тирғіде* (*хамның тӱӱрі, хамҷызы – орбазы*)» – ‘Вороной мой конь на приколе, а кнут его в тороках (шаманский бубен, «кнут» – его колотушка)’. [Доможаков, 1951, с. 67].

Сам материал для бубна, т.е. кожа, обычно бралася с груди либо с задней части животного. Данная норма отразилось в следующей загадке: «*торығ пиинің сағырзы, толғай ағас салаазы* (*тӱӱр*)» – ‘шкура крупа гнедой кобылицы, ветвь кривого дерева (бубен)’. Вызывает интерес и то, что наблюдалась ситуация с обратной ассоциацией. Часто встречающийся округлый вид бубна – предмета, символизировавшего собой ездовое животное шамана, способствовал распространению в народе такого выражения, как: «*тӱӱр сағырлығ ат*» – ‘конь с округлым (букв. бубновым) крупом’, употреблявшегося в отношении упитанных лошадей [Бутанаев, 2006, с. 86–87, 90].

Когда бубен был полностью готов, требовалось провести обряд его оживления. Лишь после этого он в полной мере обретал статус сакрального предмета. Указанный ритуальный акт представлял собой шаманское камлание. Сам процесс внешне напоминал театр одного актера, в ходе которого с детальной точностью воспроизводился весь цикл работ по созданию бубна. Шаман в реалистической манере и с поразительной точностью повествовал о том, кем и когда, а также при каких обстоятельствах создавался каждый его элемент. Более того, подробно освещалось содержание разговоров и эмоции людей, задействованных в работе над бубном на тот момент. Все это скрупулезно и с артистичной точностью шаман передавал зрителям – участникам обряда. При этом он сопровождал свой рассказ соответствующими жестами и мимикой. Далее им описывалась полная картина жизни растений (тальника, березы и др.), материал которых использовался при изготовлении обечайки и рукояти. После чего шаман приступал к подробному рассказу о коне, шкура которого использовалась в обтяжке бубна [Потапов, 1947, с. 167].

Шаманом проигрывалась своеобразная пантомима. Происходило это следующим образом. В ходе мистерии он демонстрировал окружающим то, как отправляется в потусторонний мир на поиски души коня. Во время самого действа кам раскатывал бубен по земле, одновременно воспроизводил конское ржание и фырканье. Поймав животное, он его укрощал. Шаман детально изображал весь этот процесс. Наглядно показывал, как набрасывает аркан, надевает подпругу и засовывает ногу в стремена невидимого скакуна. В этот момент бубен ставился на обод, а сам шаман садился верхом на него и катал его по земле, тем самым имитируя его объездку. Периодически он сильно ударял по бубну, а затем нежно поглаживал жезлом – *орба*, который символизировал собой плеть [Бутанаев, 2006, с. 112–113]. На укрощенном животном он отправлялся к своему духу-покровителю, чтобы показать ему свой новый бубен и получить одобрение на последующую ритуальную деятельность с ним.

В мифологическом сознании хакасов шаманский бубен часто осмыслялся не просто в качестве коня, а именно крылатого. Служитель культа на нем совершал свои воображаемые путешествия по всем отдаленным областям мироздания. В.Я. Бутанаев по этому поводу сообщает: «Кам путешествует в ином мире «хамных чир» на мифическом «коне», которым служит бубен, обтянутый лошадиной шкурой. Он спускается под землю через «дымовой проход с семью отверстиями», где совершает подвиги в борьбе с нечистой силой. Он поднимается на небо к Ульген-хану, делая сорок прыжков по лестнице с сорока ступенями, или проходит через отверстие «тигір öткічі», расположенное на краю земли в месте соединения с небом» [2006, с. 122].

Усиливая и ускоряя ритм ударов по бубну во время камлания, он как бы подгонял коня, принуждая его двигаться быстрее и выше. Исследователи XIX века, будучи непосредственными очевидцами, представили следующие описания этого сакрального действа: «Наконец у самого зимника раздалось конское ржание. На этот раз шаман не выдержал: он выскочил на крыльцо, поймал айна-коня за узду, сел на него, въехал верхом в избу и стал скакать по ней из угла в угол. Настала пора, когда шаман, находясь в обществе подземных сил, перенесся в другой мир» [Костров, 1884, с. 244]; «[Шаман] становится к дверям юрты и поет протяжно призыв к духам, мерно и постепенно ускоряя такт, садится на землю лицом к дверям и сидя трясется, и подымается весь (как человек, едущий скорой рысью, трясется на лошади и подскакивает на седле), бьет скорый марш в бубен в такт бега лошади, шумит боталами и побрякушками, свистит и поет веселые шаманские песни» [Шаманство…, 1871, с. 62].

Шаман по завершении камлания всегда тщательно прятал своего мистического коня – *чула*. В одних случаях он помещал его в глухой тайге в дупле определенного дерева, в других – превращал его в ястреба или сапсана и отправлял птицу в труднодоступные места. Данное поведение кама объяснялось опасением того, что какой-либо шаман, обнаружив *чула*, может легко им завладеть или погубить. И как следствие, это неотвратимо грозит смертью его владельцу – шаману [Потапов, 1981, с. 134].

Столь значимая роль коня для шамана не могла не отразиться и на пиктографическом оформлении указанного ритуального инструмента. Изображение коня/всадника было одним из самых распространенных образов, представленных на шаманских бубнах. Причем не все из них были связаны с самим шаманом и его душой *чула* в виде коня. Подобного рода рисунки имели прямое отношение к *töc'ам* – духам-помощникам и почитаемым божествам, услугами которых пользовался служитель культа в своей обрядовой деятельности. На каждом сакральном предмете количество соответствующих фигур было различным и варьировалось от одной до тринадцати. Они встречались как в верхней части бубна, соотносимой с небесным миром, так и в нижней, олицетворявшей собой подземное пространство. Обычно рисовались белым или красным цветом, а в отдельных случаях – черным. Белая масть животного символизировала его принадлежность небесным духам и божествам, в т.ч. Ульгеню. Красные и черные кони чаще предназначались для обитателей нижнего мира, в частности, для Эрлик Хана / Ильхана и его свиты [Иванов, 1955, с. 200–201; Бутанаев, 2006, с. 88–89]. Н.Ф. Катанов, поясняя значение изображений всадников на шаманских бубнах, писал: «Человек, сидящий верхом на рыжем коне, разъезжает туда и сюда; этот человек распознает болезни <…> Семь черных человек на семи вороных конях приносят пользу человеку, лежащему в горячке <…> Человек на рыжем коне помогает (шаману молиться) покровителю рыжих коней. Человек на вороном коне разъезжает впереди семи черных человек и, зная все, сообщает шаману, кто умрет и кто останется в живых» [Катанов, 1907, с. 580].

Изображение коня встречалось не только на бубнах, но и на других шаманских атрибутах. В культовой практике кызыльцев – одной их этнических групп хакасов, проживающей в северной части Хакасии, был распространен такой ритуальный инструмент, как *ат орбазы* – ‘конная трость’. Он представлял собой палку длиной около 60 см. Ее верхний конец увенчивался изображением протомы коня – вырезанной головы животного вместе

с шеей и частью груди. К трости крепилась металлическая скоба с семью кольцами. Во время камлания она олицетворяла собой коня, на котором путешествовал шаман. Сам процесс происходил следующим образом. Кам, присев на корточки, садился верхом на трость и ударял по ней обычным деревянным жезлом *орба*, у которого также имелась скоба с кольцом. В результате чего при ударах создавался громкий звон. Тем самым шаман имитировал поездку в мир духов [Иванов, 1979, 134–135].

Самым ярким шаманским атрибутом у хакасов является костюм – *хамдых / хамных кип*. Образ коня в виде различных элементов, как правило, присутствует и в его ритуальном оформлении. Совершенно неслучайно то, что в народе шамана в полном облачении и со всеми его атрибутами именовали не иначе, как «*аттыг-тонныг хам*» – ‘кам, имеющий коня и шубу’. В противоположность этому, служитель культа не имевший костюма назывался «*ады-тоны чох хам*» – ‘кам без коня и шубы’ или «*чазаг хам*» – ‘пеший кам’ [Бутанаев, 2006, с. 75].

Важнейшими деталями шаманского костюма являются длинные наспинные матерчатые ленты *сызым*. Их шили из цветного сукна или бумажной ткани. К отдельным из них пришивались разнообразные фигуры, вырезанные из материй другого цвета. Они олицетворяли собой духов-помощников шамана. Среди них часто встречалось изображение коней и всадников. По свидетельству некоторых исследователей, в прошлом многие из этих фигур изготавливались из металла [Иванов, 1955, с. 175–176]. Ассоциация сакральных лент *сызым* с образом шамана воплотилась в следующей народной загадке: «Дуй-дуй подобно ветру, о качающийся! Тебя под землею найти нельзя! Поводья твои из шелку! Провизия твоя из комков масла! (Шаман: «поводья» – шуба и ленты; «провизия» – люди, которых он съедает (уничтожает))» [Катанов, 1907, с. 271].

Непременным элементом шаманского костюма были всевозможные колокольчики, бубенчики и даже конские ботала. Исходящий от них звон отождествлялся с топотом скачущих коней и помогал шаману во время камлания. В связи с этим один из исследователей XIX в. пояснил значение указанных ритуальных предметов шаманского облачения следующим образом: «Под пазухами рукавов висели два большие кованые конские ботала или колокола, правый из листового железа, левый из листовой меди, с железными язычками. Звуком ботал шаман производил шум и топот бегущего вдали табуна лошадей – и уверял, что под этот звук легче шаманить, особенно когда мысленно он едет верхом <…> На дворе он [шаман] ходит кругом, ворочается, отряхивается как лошадь, фыркает, свистит, ухает филином, квакает и поет громко на распев под сильные удары бубна; стуком побрякушек и ботал производит топот бегущего табуна лошадей» [Шаманство…, 1871, с. 58–59].

Наряду с этим колокольчики и иные металлические изделия выполняли защитную функцию. Своим громким звуком они отгоняли зловредных духов от кама. Не исключено, что специфическое звучание этих предметов отождествлялось с ржанием коня шамана. Об этом может свидетельствовать загадка про звуки, издаваемые колокольчиками на шаманском костюме: «*Чир алтында чистем ады кістепче*» – ‘Под землей ржет конь моего старшего зятя’ [Бутанаев, 2006, с. 78].

Одним из распространенных конских символов, представленных в шаманском костюме хакасов, был волос этого животного. Им обшивались куртка/кафтан и головной убор кама [Каратанов, 1884, с. 631; Кропоткин, 1895, с. 36]. Очевидно, что использование этого материала в ритуальном облачении служителя культа, помимо апотропейной и иной магической функции, было направлено еще и на воссоздание образа сакрального шаманского коня.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в шаманской атрибутике хакасов образ коня занимал одно из ключевых мест. Об этом свидетельствует тот факт, что он представлен на всех основных сакральных предметах, составляющих культовый арсенал шамана: на бубне, жезле – *орба* и костюме. Для шамана образ этого животного был многозначным. Главным образом в нем воплотились представления о *чула* – душе кама и его духах-помощниках – *төс'ах*. Шаманский костюм воспроизводил многие зооморфные символы, в т.ч. и конский. Непременным элементом камланий являлась инсценировка образа бегущего коня, сопровождаемая различными подражательными звуками и звоном обозначенных металлических изделий.

Список литературы

Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. – 253 с.

Доможаков В.И. Хакасские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ.– Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. – Вып. 2– С. 60–84.

Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.-Л., 1949. – Т. X. – С. 108–190.

Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 408 с.

Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайско-

го нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. – М.-Л., 1955. – Т. 16. – С. 165–264.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). – Л.: Наука, 1979. – 195 с.

Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. – СПб., 1884. – Т. 20. – Вып. 6. – С. 618–645.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV археологического съезда, 1881. – Казань, 1884. – Т. 1. – С. 208–248.

Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия.– СПб.-М.: Изд. Тов-ва М.О. Вольф, 1895.– Т. 12. – Ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. – С. 19–50.

Потапов Л.П. Обряд оживления бубна у тюркоязычных племен Алтая // Труды Ин-та этнографии АН СССР.– М.-Л., 1947.–Т. I.– С. 159–183.

Потапов Л.П. Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. – Л., 1981. – Т. XXXVI. – С. 124–137.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 320 с.

Шаманство и шаманы // Нива. – 1871. – № 4. – С. 58–62.

References

Butanaev V.Ya. Traditsionnyi shamanizm Khongoraya. Abakan: KhSU Publ., 2006, 253 p. (In Russ.).

Domozhakov V.I. Khakasskie zagadki. In *Zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatael'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*, Vol. 2. Abakan: Khakas the regional. State. Book. Publ., 1951, pp. 60–84. (In Russ.).

Dyrenkova N.P. Materialy po shamanstvu u teleutov. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1949, Vol. 10. P. 108–190. (In Russ.).

Dyrenkova N.P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy. – SPb.: MAE RAS, 2012, 408 p. (In Russ.).

Ivanov S.V. K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Saiano-Altaiskogo nagor'ya. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 1955, Vol. 16, pp. 165–264. (In Russ.).

Ivanov S.V. Skul'ptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX v.). Leningrad: Nauka Publ., 1979, 195 p. (In Russ.).

Karatanov I. Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar. In *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. St. Petersburg, 1884, Vol. 20, no 6. P. 618–645. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg: Imp. Akademiya nauk Publ., 1907. Vol. 9, 640 p. (In Russ.).

Kostrov N.A. Ocherki byta minusinskikh tatar. In *Trudy IV arkheologicheskogo s'ezda*, 1881, Kazan, 1884. Vol. 1. P. 208–248. (In Russ.).

Kropotkin A.A. Sayanskii khrebet i Minusinskii okrug. In *Zhivopisnaya Rossiya*. St. Petersburg-Moscow: M.O. Vol'f Publ., 1895. Vol. 12, no. 1: *Vostochnye okrainy Rossii. Vostochnaya Sibir'*. P. 19–50. (In Russ.).

Potapov L.P. Obryad ozhivleniya bubna u tyurkoyazychnykh plemen Altaya. In *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*. T. I. Moscow-Leningrad, 1947. P. 159–183. (In Russ.).

Potapov L.P. Shamanskii buben kachintsev kak unikal'nyi predmet etnograficheskikh kollektsii. In *Material'naya kul'tura i mifologiya*. Leningrad., 1981. Vol. 36. P. 124–137. (In Russ.).

Potapov L.P. Altaiskii shamanizm. Leningrad: Nauka Publ., 1991, 320 p. (In Russ.).

Shamanstvo i shamany. In *Niva*, 1871. Vol. 4. P. 58–62. (In Russ.).

Бурнаков В.А. https://orcid.org/0000-0001-9636-3081

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0781-0788
УДК 397+398

В.А. Бурнаков[1]✉, А.А. Бурнаков[2]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Баран в традиционной хакасской обрядности детского цикла (конец XIX – середина XX века)

Домашние животные, в т.ч. и бараны/овцы, всегда составляли и составляют основу хозяйства и традиционной обрядности хакасов. Данная реалия получила отражение в фольклоре и ритуальной практике этого народа. Наряду с этим следует отметить тот факт, что в хакасской этнографии баран/овца и их образ никогда не выступали в качестве специального предмета научного исследования. Указанное обстоятельство свидетельствует о новизне представленной работы. Целью данной статьи является определение функции барана в обрядности хакасов, связанной с детским циклом. Хронологические рамки исследования ограничены рамками конца XIX – серединой XX столетия. Исследование базируется на этнографических и фольклорных источниках. Используемые в работе фольклорные материалы – отрывки из героических сказаний (алыптыг нымахтар) в авторском переводе на русский язык, а также архивные этнографические сведения вводятся в научный оборот впервые. Проведенное исследование позволило выявить и проанализировать место и роль барана в ритуальной практике хакасов, связанной с миром детства. Определено, что рассматриваемое животное имело большую хозяйственную ценность и чрезвычайную востребованность во многих сферах жизни человека. Оно широко употреблялось в качестве пищи и материала для изготовления одежды, постели и пр. Выявлено, что сакральная функция животного выражалась в наделении его защитными свойствами. Образ барана и отдельных частей его тела выступали в качестве популярного оберега и символа плодородия. Все это способствовало наделению барана высоким семиотическим статусом. В связи с этим баран был широко задействован в обрядности, связанной с детским циклом – рождением, имянаречением и пр. Показано, что он являлся распространенным предметом дарообменных процессов как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с миром духов.

Ключевые слова: *хакасы, традиционная культура, мировоззрение, баран, овца, мир детства, обрядность*.

V.A. Burnakov[1]✉, A.A. Burnakov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

Sheep in the Traditional Khakas Ritual of the Children's Cycle (Late 19th to Mid-20th Century)

Domestic animals, including rams/sheep, always formed the basis of the economy and traditional rituals of the Khakas. This reality is reflected in the folklore and ritual practice of these people. Along with this, note that, in the Khakas ethnography, the ram/sheep and its image was never as a special subject of scientific research. This testifies to the novelty of the provided work. The purpose of this article is to determine the function of the ram in the Khakas rituals associated with the children's cycle. The chronological framework of the study is limited to the framework of the late 19th to mid-20th centuries. The research is based on ethnographic and folklore sources. The folklore materials used in the work include excerpts from heroic legends (alypty nymakhtar) in the author's translation into Russian, and archival ethnographic information is also introduced into

scientific circulation for the first time. The study made it possible to identify and analyze the place and role of the ram in the ritual practice of the Khakas people associated with childhood. It was determined that the animal in question had a great economic value and was in extreme demand in many areas of human life. It was widely used as food and material for making clothes, beds, etc. It was revealed that the sacral function of the animal was expressed in endowing it with protective properties. The image of a ram and individual parts of its body were used as a popular amulet and a symbol of fertility. All this contributed to endowing the ram with a high semiotic status. In this connection, it was widely involved in the rituals associated with the children's cycle: birth, naming, etc. It is shown that it was a widespread subject of gift exchange processes, both within the human community and in relationships with the world of spirits.

Keywords: *Khakas, traditional culture, worldview, ram, sheep, world of childhood, rituals.*

В быту и культуре каждого народа, в т.ч. и хакасов, во все времена домашние животные занимали одно из важных мест. Значимость скота в домашнем хозяйстве для человека не ограничивалась только утилитарными потребностями, такими как использование в качестве источника пищи, сырья и пр. В традиционном обществе скотоводов количество скота и факт обладания им являлись показателем социального благосостояния человека. Так, в религиозно-мифологическом сознании хакасов состоятельные люди, имевшие многочисленные стада домашних животных, воспринимались как особые люди, которым покровительствовала сверхъестественная сила. Более того, в народе была распространена убежденность в том, что многие из них и сами являлись своего рода носителями мистической силы [Бурнаков, 2010, с. 112].

В традиционных воззрениях хакасов многим домашним животным придавался высокий семиотический статус благодаря наделению их сакральными свойствами. Таких животных часто использовали в традиционной обрядности, связанной с жизненным циклом человека: рождением, вступлением в брак и смертью. В число ритуально значимых животных у хакасов, как правило, входил баран/овца (хак. *хой*).

Целью данной статьи является определение функции барана в обрядности хакасов, связанной с детским циклом.

В традиционной культуре хакасов, как и многих других народов Сибири и Центральной Азии, бытовало условное разделение домашнего скота на животных с «горячим» и «холодным» дыханием. Подобное разграничение основывалось на знании скотоводами особенностей животных, специфики вкусовых качеств и питательной ценности молока и мяса. Баран относился к категории домашних животных с «горячим дыханием» (*ізіг тынныг мал*). Это подразумевает его наибольшую близость к человеку. В мифологическом мышлении понятия «горячее», «жаркое», «огненное», «солнечное» часто объединены в единое смысловое поле. И поэтому совершенно не случайно, что в мифах многих народов образ барана устойчиво ассоциируется с огненной/солярной символикой [Топоров, 1988, с. 237–238]. В эпических произведениях хакасов огненная природа указанного животного проявляется в сюжете о противоборстве двух баранов. В результате их мощного столкновения образуется огненное пламя.

«Хубан Арығ харах салып көрзе,
Ах порчолығ ах чазы тӧзелче.
Ах чазының ортызында
Ах хучанаң хара хуча сӱзіс тур.
“Пу ікі айнаа ниме читпин,
Пу чирде сӱзісче полчаңнар,” –
Сағын салған Хубан Арығ.
Чилні чилбіреп, хузурии чайылып,
Ікі хучаның алнына кил тӱскен.
Ікі хуча, сӱзізіп,
Хара чирні хастырлар,
Хара палғазын сығартырлар.
Кӧгбеліг одын ходыра теептірлер,
Кӱбӱр палғазын сығартырлар.
Хара хучанаң ах хуча,
Удур чӱгӱрізіп урунысханда,
Хатығ хайа чіли хағдырасчалар,
Тимір урунысхан чіли сыңырасчалар.
Азыр мӱӱстерінең
Ах чалыннығ от кӧйіс тур.
Ікі мӱӱс аразынаң
Кӧк чалынныг от кӧйіс тур.
Кӧрген харахтары кӧс осхас,
Тынған тыныстары чалын осхас.
Ахсыларынаң сыххан тыныстары
Ах тубан полып чайылча,
Кӧксілерінең сыххан оорлары
Кӧк тубан полып тарапча.»

«Хубан Арыг взглядом [своим] окинув, видит,
С белыми цветами белая степь расстилается.
В центре белой степи
Белый баран с черным бараном бодаются.
“Этим двум чертям чего не хватило,
[Что они в] этой земле бодаются,” –
Подумала Хубан Арыг.
[И на своем коне, у которого] грива развевается,
хвост распущен,
Перед двумя баранами появилась.
Два барана, бодаясь,
Черную землю изрыли [ископытили],

Черную грязь [на поверхность] вытащили.
Пожухшую (?) траву пинками [своими] выбили
[с корнем],
Рыхлую грязь [из-под земли] вытащили.
[Когда] черный баран [и] белый баран,
[На] встречу друг другу, скача, сталкивались [лбами],
Твердой скале подобно трещали,
Железу столкнувшемуся [подобно] звенели [они].
[От] раздвоенных [их] рогов
Белое пламя огня возгоралось.
Между [их] двух рогов
Синей молнии пламя зажигалось.
Глядящие [их] глаза, словно горящие угли,
Выдыхаемый [ими] воздух, словно пламя.
[Изо] рта вышедший воздух,
Белым туманом став, развевается,
[Из] груди выходящий пар,
Синим туманом став, расходится.»

[Хубан Арыг, 1995, с. 182–183. Перевод наш. – Авт.].

Добавим, что в хакасском фольклоре нередко встречается отождествление указанного животного с астральными объектами [Катанов, 1907, с. 240; Доможаков, 1951, с. 69].

Другим распространенным символическим значением образа барана, преимущественно основывающимся на его зоологической специфике, является то, что он воплощает собой плодовитость и воспроизводящие силы природы [Орел, 2008, с. 75]. Подобные представления в полной мере были присущи и хакасам.

В обыденной жизни хакасов, как и других сибирских народов, чрезвычайная близость барана и человека имеет множество проявлений. Более того, их семантические связи формируются и поддерживаются на протяжении всей жизни. Люди всегда использовали и продолжают употреблять обозначенное животное в качестве важного источника пищи и незаменимого сырья – кожи и шерсти, а также универсального средства меновой торговли, оплаты услуг и т.д. Заметим, что кожа и шерсть широко применялись в изготовлении одежды и обуви, постельных принадлежностей, жилища, конского снаряжения и пр. Постоянная и повышенная востребованность этого животного в обыденной жизни людей была вызвана его большой хозяйственной ценностью. Все это способствовало наделению барана в традиционной культуре и обрядности высоким символическим значением. Каждое важное событие в жизни хакасов, будь то рождение, свадьба, похороны, календарные праздники, почитание духов-покровителей, приезд гостей и многое другое, как правило, сопровождалось закланием барана и приготовлением праздничного стола. В этой связи уместным будет привести личные наблюдения известного исследователя XIX в. М.А. Кастрена о данной традиции народа: «Проснувшись поутру, я тотчас догадался, что готовится пир: резали баранов, пекли яйца, хлеб, наливали молоко в большие сосуды. На огне стоял большой котел с заквашенным молоком» [1999, с. 214].

Баран традиционно выступал в качестве одного из наиболее распространенных и ценных предметов дарообмена как внутри социума, так и в процессе взаимодействия между миром людей и духов/божеств. В ритуальной сфере он являлся одним из тех важнейших средств, посредством которого, как полагали, человек мог эффективно взаимодействовать со сверхъестественной силой, обеспечивающей благополучие его жизни. Обычно это происходило путем поднесения ей жертвенных даров в виде барана и пр.

В религиозно-мифологическом сознании составной элемент чего-либо или кого-либо нередко отождествляется и наделяется теми же признаками и свойствами, что и сам объект. Исходя из этого, часть может выступать в качестве алломорфа целого. Подобные архаические воззрения, например, нашли яркое отражение в промысловых культах. Так, охотники, добыв дикого зверя и аккуратно освежевав его тушу, старались сохранить в целостности его кости и череп. Данная норма основывалась на вере в то, что именно благодаря сохранению указанных элементов тела животного беспрепятственно состоится его последующее возрождение, а значит – будет восполнена популяция этого биологического вида в той местности, где он был добыт. Соответствующие убеждения относились не только к диким, но и к домашним животным, в т.ч. и к баранам.

В хакасской традиции отдельные части тела указанного животного, используемые в той или иной обрядности, часто замещали его самого. Поэтому допускалось жертвенное подношение духам и божествам не всего барана, а лишь избранных частей его тела. Все остальное употреблялось людьми – непосредственными участниками священнодействия. Помимо этого, некоторые его анатомические элементы выделялись своими сакральными свойствами. Исследователи конца XIX в. А.А. Кузнецова и П.Е. Кулаков отмечали, что хакасы хранили астрагалы/альчики (*хазых*) – надкопытные кости барана в юртах иногда в особых деревянных шкатулках, т.к. считалось, что они «приносят счастье» [1898, с. 125]. Местное население часто использовало их в бытовой продуцирующей магии. С этой целью домохозяин закапывал их в своем овечьем загоне с заклинанием: «овцы мои, в загоне моем постоянно родитесь, множьтесь» (АХНКМ, л. 5). По уточняющим сведениям ученого-археолога Я.И. Сунчугашева овечьи астрагалы зарывали в землю в том случае, если их количество достигало 100 штук. Они обычно помещались под землю в углу овечьего загона. В народе были убеждены,

что в таком случае в стаде прибавится столько же голов, сколько было зарыто астрагалов. Согласно материалам исследователя, житель с. Верх-Аскиз Касамир Сунчугашев утверждал, что он вместе с отцом дважды зарывал подобным образом указанные кости [Сунчугашев, 1963, с. 146]. В архиве Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова представлен этнографический материал, согласно которому в аале Аршанов Алтайского района старик Арап Котожеков сообщал о том, что его мать еще в XIX в. зарыла овечьи астрагалы в количестве одной тысячи штук «для того, чтобы овцы были целы» (АХНКМ, КП № 7228 / 1).

Семиотические связи человека с бараном брали свое начало с самого его рождения. В традиционной хакасской семье, как уже отмечалось, рождение ребенка, как правило, сопровождалось закланием барана и других животных. Так, князь Н.А. Костров в XIX в., изучавший традиционную обрядность хакасов, по этому поводу писал: «Когда семейство кизильца прибавилось, он режет корову или двух, трех баранов, созывает на обед родственников и соседей, поит их вином» [1853, с. 32]. Данный акт сам по себе решал несколько задач как рационального, так и иррационального планов. Само появление на свет здорового ребенка – нового члена семьи и рода, всегда было радостным событием для всего общества. А для самой семьи оно превращалось в праздник, непременным атрибутом которого является пиршество – *той*. Основным блюдом на нем всегда выступало мясо в различных вариациях приготовления. У хакасов же баранина всегда являлась одной из наиболее популярных и доступных мясных продукций. Как верно подметил этнограф К.М. Патачаков: «Баранина у хакасов была одним из излюбленных блюд» [1958, с. 21]. Сведения о соответствующих пищевых предпочтениях обычных людей, а также богатырей, нашли отражение и в фольклоре [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 122].

Другим не менее важным моментом в этом мероприятии была традиция угощать роженицу, разрешившуюся от бремени, такой пищей как *мӱнҷӱк* – бараньим бульоном с мелко накрошенным мясом [Бутанаев, 1996, с. 133]. Согласно народной медицине хакасов данное блюдо способствовало скорейшему восстановлению сил и здоровья женщины, а также увеличению лактации. В связи с этим пожилая хакаска вспоминала: «Когда женщина рожает, то ее окуривают ербеном [чабрецом]. Колют овечку, чтобы сразу после родов напоить роженицу горячим мясным бульоном (Аршанова Прасковья Петровна, 1886 г.р., с. Аршаново)» (АМАЭС ТГУ, № 682-5, л. 18).

Одной из основных целей родильной обрядности было обеспечение безопасности жизни и здоровья матери и ребенка. Для этого требовалось покровительство сверхъестественных сил. Поэтому обращались за помощью к духам-покровителям, прежде всего, *От Ине* – хозяйке огня, божеству плодородия *Ымай иҷе*, духам гор, семейно-родовым духам – *тӧс'ам* и другим мистическим существам. Их обильно угощали мясомолочной пищей. Данный акт осуществлялся путем сжигания ее на огне и окропления напитками по сторонам света. При этом основным мясным продуктом чаще выступала баранина. Немаловажным в процессе сбережения жизни и здоровья ребенка было изготовление сакральных изделий – оберегов. Они имели разную форму и материал изготовления. Одним из самых распространенных ритуальных предметов подобного рода была вязка из бараньих астрагалов, олицетворявшая собой плодородие и защиту. Ее часто размещали над колыбелью, в которой находился ребенок [Бурнаков, Цыденова, 2016, с. 44]. Со слов информанта: «Бараньи альчики висели на уровне рук ребенка. На длинную вязку пришивали еще чылаңмыс (раковины каури) те, у кого были дети (Шурышева Матрена Александровна, 1909 г.р., с. Доможаково)» (АМАЭС ТГУ, № 681-1, л. 62 об. – 63). Заметим, что и при положении младенца в люльку старшие родственники обязательно произносили *алғыс* – благословление, в котором часто упоминались и бараньи астрагалы – яркие символы плодородия:

«Пизік паа пик ползын,
Пиҷе-туңма тартыл турзын!
Хазых паа пик ползын,
Харындас-туңма тартыл турзын!»

«Пусть будут крепки ремни колыбели,
Пусть к ней притянутся старшие и младшие сестры!
Пусть будут крепки ремни с астрагалами.
Пусть к ним притянутся старшие и младшие братья!»

[Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 342, 354].

Добавим, что в качестве основания для подстилки в зыбке часто использовали высушенный овечий или иной скотский помет, который обладает гигроскопическими свойствами. Следует сказать, что за изготовление самой колыбели в качестве вознаграждения мастеру обычно дарили ягненка [Бутанаев, 1996, с. 136].

В ситуации трудных родов с высокой долей угрозы жизни роженицы хакасы незамедлительно обращались за помощью к шаману или православному священнослужителю. В качестве оплаты их услуг, помимо денежных средств и пищевых продуктов, требовалось также предоставить им мясо барана. По сообщению Н.С. Тенешева: «Как шаману, так и священнику, согласно существовавшему обычаю за их "труды" нужно было заплатить или

деньгами, или продуктами (мясо, мука). Заднюю часть овцы, которую кололи к приезду шамана или священника, хозяин отдавал им. Этот вид платы по обычаю не входил в плату за труд шамана или священника. Шаману или священнику кроме этого нужно было заплатить еще мукой, зерном или деньгами» (АМАЭ РАН, ф. 5, оп. 6, д. 18, л. 4).

Новорожденного младенца, как правило, заворачивали в тканевые пеленки и помещали в меховой «конверт», сшитый из обработанной овчинной шкуры [Яковлев, 1900, с. 81].

По прошествии двух-трех месяцев после рождения ребенка устраивался пир – «*пала тойы*». На указанное мероприятие забивался скот, в первую очередь бараны. Обычно для угощения закалывали самых жирных баранов. Перед тем, как садиться за праздничный стол, проводили обряд почитания семейно-родовых духов-покровителей. Для этого подходили к очагу и со словами благопожеланий трижды поднимали блюдо со свежесваренным мясом и окропляли аракой. После чего, отрезав три кусочка от сердца, от правого верхнего ребра и от грудины, клали их в огонь. После чего приступали к трапезе [Бутанаев, 1996, с. 139]. При этом участниками этого процесса соблюдались определенные правила принятия пищи. Так, матери давали съесть грудинку, поджаренную на углях. Были убеждены, что это позволит ей сохранить здоровье и благополучно выкормить ребенка. Голова барана предлагалась самому уважаемому старику, а лопатки – сватам или родителям мужа. Дяде ребенка по матери (*тайы*) также подавали один из самых больших и жирных кусков [Кустова, 2000, с. 96]. Обязательной нормой детского праздника было одаривание младенца домашним скотом. При этом одним из самых распространенных подарков был мелкий рогатый скот. Как отмечал Н.С. Тенешев: «Некоторые родственники давали новорожденному овцу, теленка или ягненка» (АМАЭ РАН, ф. 5, оп. 6, д. 18, л. 7).

На празднике «*пала тойы*» производился обряд имянаречения. Человек, которому была поручена данная миссия, предварительно очищал свои уста коровьим молоком и усаживался в почетном месте – *төр* на белый войлок [Бутанаев, 1996, с. 139]. После этого называл имя младенца и произносил *алғыс* – благословление. Описание данной традиции часто встречается в эпическом творчестве хакасов. Приведем одно из них:

«Аны искен Ахаан оолғы
Ах сілекени ағыл-килди.
Аны соғып, паба-ічези,
Апсах-инейлерни чыып,
Ат адирга той итчелер.
Ах инектиң ах сӱдин
Ах-Аланго саап-килген –
Ахсыларын анынаң чаярға.
Ахаан апсах, ах інектиң
Ах сӱдин оортап-алып,
Ахсын чайып одырча.
Аның аразында чоохтанча:
“Тағча от оттам,
Талайча суг іскем.
Ханалығ ибни мин
Хас алтына киргем,
Тирмелиг ибни мин
Чар алтына киргем.
Киссең – миниң мойным
Кискейзиң, иркем-палам.
Аххан адалығ, Ах-Алаңго инелиг,
Кӧкеен ағалығ, Кӧк-Алаңго уучалығ,
Ах-сараттыг Алтын-Сабах чачалыг,
Ах-ой аттыг Айдолай ползын, чӧбе?”
Аны чаратчазын ма, палам?
“Чарир, чарир,” – тіп аның оолғы
Азаана тусче, ахсына охсанча.
Аххан апсах пазох чоохтапча:
“Хаҷан даа, кізи чиринде чӧорчетсең,
Кӱстігібін тіп кӱчӱркебе,
Алыппын тіп матырхаба.
Ӧкістерге ӧзел ачызын,
Чабыстарға чарнын ачызын.”»

«Это услышав, сын Аххана
Белого холощеного барана привел.
Его забив, отец [и] мать [его],
Стариков [и] старушек созвав,
Пиршество в честь имянаречения проводят.
Белой коровы белое молоко
Ах-Аланго надоив, принесла –
[Свои] рты [чтобы им] ополоснуть <…>.
Аххан старик, белой коровы
Белого молока один глоток [набрав],
Рот [свой] полощет.
[И] между тем говорит:
“[С] гору травы [я] съел,
[С] море воды [я] испил.
[С] деревянными [стенами] юрту я
[У] подножья холма вознес,
[С] решетчатыми [стенами] юрту я
[У] подножья обрыва установил,
[Если] резать [хочешь] – мою шею
[Придется] резать, [мое] милое дитя.
[С] отцом Аххаком, матерью Ах-Аланго,
Дедушкой Кёкеном, бабушкой Кёк-Аланго,
[И, имеющий] старшей сестрой Алтын-
Сабах, ездящую на светло-соловом коне,
[Ездящим на] бело-буланом коне,
Айдолаем [ты будешь], хорошо?”
Это [ты] одобряешь ли, дитя [мое]?
“Одобряю, одобряю,” – говорит его сын
К ногам опускается, в уста целует.
Аххан старик снова говорит:
“[Помни] всегда [когда] по чужой земле [будешь]
ходить,

[Я] сильный, говоря, не бахвалься,
[Я] богатырь, говоря, не хвались.
[К] сиротам [пусть] жалость [твоя] горечью [наполняется],
[К] низшим [и обездоленным людям] [пусть] лопатки твои горечью [наполняются].”»

[Аран-чула, 1946, с. 28. Перевод наш. – Авт.].

Следует отметить, что одним из распространенных имен-оберегов, которым нарекали мальчиков, был «*Хуча*» – ‘Баран’ [Костров, 1852, с. 51; Бутанаев, 1996, с. 140]. Полагали, что оно не только защищает его владельца от нечистой силы, но и приносит счастье.

Изделия из бараньей кожи, а также некоторые его органы выступали в качестве важнейших предметов, которые употреблялись в процессе кормления ребенка. Так, например, при изготовлении традиционного молочного поильника – *умҷу*, сделанного из коровьего рога, его соску часто мастерили из бараньей кожи [Кустова, 2000, с. 46].

Младенцев начинали приучать к мясной пище с раннего возраста. Для этого отваривали курдючное сало (*хой хузуруғы*). Отрезали кусок размером с палец. Поперек его нижней части вонзали деревянный стержень, выполняющий функцию ограничителя, чтобы ребенок случайно не проглотил сало. В результате получалась своеобразная соска-пустышка, называемая *соррыс*. Были убеждены, что баранье сало смягчает сердце младенца и будет способствовать формированию доброго и отзывчивого характера. Помимо этого считалось, что оно придает ребенку силу и выносливость [Бутанаев, 1988, с. 218]. Практика употребления курдючного сала детьми была запечатлена и в героических сказаниях хакасов:

«Хой хузурии чаан сор чӧрген.
Хылбых састығ оолағастар,
Хызыл інектер тӱгінең
Хызыл мерчіктер идебес,
Хырых хырны азыра, отыс ойны кизіре,
Сырығ сӱрместіг постығларның
Сырығ сӱрмезін сірбектеп чӧріп,
Орты хараалар иртіре
Ойынға сабыл чӧредірлер.»

«[С] овечьего хвоста сало обсасывавшие,
[С] торчащими волосами мальчики,
[Из] шерсти красных коров
Красные мячики сделав,
[Через] сорок хребтов, [и через] тридцать долин [играя, переходят],
Девиц [с] заплетенными косичками
[За] заплетенные косички таскают,
[Так все] полуночи минуя [они],
[В] играх [азартных] увлекшись, проводят.»

[Хан-Тонис, 2007, с. 207. Перевод наш. – Авт.].

Следует добавить, что в качестве соски помимо курдючного сала использовали еще и *хосханах* – толстую баранью кишку, вывернутую наизнанку, жиром наружу. Она употреблялась в вареном виде. И ее также насаживали на палочку [Кустова, 2000, с. 47].

Обувь и верхнюю одежду детям, как и взрослым, чаще шили из бараньих шкур. Как отмечает Ю.Г. Кустова: «Обувь детям шили из шкур ягнят, овец, из кожи, обувь девочек украшали вышивкой. Нарядную обувь шили из белой овчины, ее также вышивали» [2000, с. 63]. И в дальнейшем вся жизнедеятельность как детей, так и взрослых была тесно связана с бараньими шкурами и войлоком, которые употреблялись не только в качестве одежды, но еще и как напольные ковры-подстилки в юрте и доме и как постельная принадлежность. Хакасские старики вспоминали об этом следующее: «Дети размещались на полу на овечьих шкурах в любом месте юрты (Кидиекова Аксинья Егоровна, 68 лет, улус Картузов)» (АМАЭС ТГУ, № 680-4, л. 7); «Раньше одеял не было. Русские придут, мы [дети] под овчину спрячемся. У нас одеял не было. Были из овечьей шерсти потники, их стелили 5-6 штук на кровать. Вот кровать и налажена. Одеяла из овчины делали (Тугужекова Марфа Степановна, 1900 г.р., д. Малое Озеро)» (АМАЭС ТГУ. № 678-1, л. 46); «Летом жили в юртах деревянных (6 или 4 угл.), покрытых корьем. Посреди чувал вверху отверстие, чтобы дым выходил. Спали на войлочных потниках (Сандакова Екатерина Павловна, 1898 г.р., с. Секта)» (АМАЭС ТГУ, № 677-4, л. 37); «Одевались в овчины. Шуба овчинная, брюки из овчины. Спали на потнике (Аёшин Михаил Трофимович, 1898 г.р., с. Трошкино Ширинского р-на)» (АМАЭС ТГУ, № 677-4, л. 43–44); «Спали на овечьей шубе, ею же накрывались … Были такие бедные, что девки у них летом и зимой ходили в шубе (идегтиг тон). А под шубой ни платья, ни штанов. Летом мехом наружу вывернут и так ходят (Доможакова Мария Егоровна, 1902 г.р., с. Доможаково)» (АМАЭС ТГУ, № 681-1, л. 80).

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что баран занимал важное место в традиционной культуре хакасов, в частности, в обрядности, связанной с миром детства. Его функциональность определялась, прежде всего, хозяйственной ценностью – использование в качестве пищи и материала для изготовления одежды, постели и пр. Сакральная функция животного выражалась в наделение его защитными свойствами. Образ барана и отдельных частей его тела выступали в качестве оберега и символа плодородия. В культуре хакасов рассматриваемое животное являлось одним из ключевых и наиболее

распространенных атрибутов дарообменных процессов как внутри человеческого коллектива, так и во взаимоотношениях с миром духов.

Список литературы

Аран-чула ах ой аттыг алып Айдолайдаңар (Чаалыг нымах) (О богатыре Айдолае на бело-буланом коне (Богатырское сказание)) // Хакасский фольклор. На хак. яз. – Абакан: Хак. обл. нац. изд-во, 1946. – С. 3–72. (на хакас. яз.)

Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов об ызыхах // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. – № 2 (42). – С. 111–121.

Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Культовая атрибутика богини Умай в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – вторая половина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016. – № 3 (13). – С. 39–53.

Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 206–221.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1996. – 224 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. – 376 с.

Доможаков В.И. Хакасские загадки // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. – Вып. 2. – С. 60–84.

Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). – СПб., 1907. – Т. 9. – 640 с.

Костров Н.А. Качинские татары. – Казань: Тип-я Губерн. Правле-я. 1852. – 66 с.

Костров Н.А. Кизильские татары. – Казань, 1853. – 38 с.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. – 298 с.

Кустова Ю.Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 160 с.

Орел В.Е. Культура, символы и животный мир. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – 584 с.

Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). – Абакан: Хак. кн. из-во, 1958. – 104 с.

Сунчугашев Я.И. Материалы по народным играм хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан, 1963. – Вып. IX. – С. 145–155.

Топоров В.Н. Овца // Мифы народов мира. – М.: Сов. энц-я, 1988. – Т. II. – С. 237–238.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. – 312 с.

Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М.Р. Баинова. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. – 384 с.

Хубан Арыг. Алыптыг нымах. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1995. – 192 с. (на хак. яз.)

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. – Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. – 212 с.

References

Aran-chula akh oi attyg alyp Aidolaidanar [About hero Aidolay riding a white-bulan horse (Heroic legend)]. In *Khakasskii fol'klor*. Abakan, Khakas. Book. Publ., 1946, pp. 3–72 (In Khakas.).

Burnakov V.A. Khakass traditional representations of the yzykhs. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, vol. 2, pp. 111–121. (In Russ.).

Burnakov V.A., Tsydenova D.Ts. Cult attributes of the goddess Umai in the religious-mithological views of the khakass people (End of XIX – the second half of XX century). In *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii*, 2016, vol. 3, pp. 39–53. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Vospitanie malen'kikh detei u khakasov. In *Traditsionnoe vospitanie detei i u narodov Sibiri*, Leningrad: Nauka Publ. 1988, pp. 206–221. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov. Abakan, Khakas. Book. Publ., 1996, 224 p. (In Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir khongorskogo fol'klora. Abakan: KhSU Publ., 2008, 376 p. (In Russ.).

Domozhakov V. I. Khakasskie zagadki. In *Zapiski Khakasskogo nauchno issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. Abakan, Khakas the regional. State. Book. Publ., 1951, vol. 2, pp. 60–84. (In Khakas., and in Russ.).

Kastren M.A. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849). Tyumen': Yu. Mandriki Publ., 1999, 352 p. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym). St. Petersburg: Imp. Akademiya nauk Publ., 1907, vol. 9, 640 p. (In Russ.).

Kostrov N.A. Kachinskie tatary. Kazan, Gub. Pravl. Publ., 1852, 66 p. (In Russ.).

Kostrov N.A. Kizil'skie tatary. Kazan, 1853, 38 p. (In Russ.).

Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinskie i achinskie inorodtsy. Krasnoyarsk: Enis. gub. upr-ie Publ., 1898, 298 p. (In Russ.).

Kustova Yu.G. Rebenok i detstvo v traditsionnoi kul'ture khakasov. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2000, 160 p. (In Russ.).

Orel V.E. Kul'tura, simvoly i zhivotnyi mir. Khar'kov: Gumanitarnyi Tsentr Publ., 2008, 584 p. (In Russ.).

Patachakov K.M. Kultura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazei s russkim narodom (XVIII–XIX v.). Abakan, Khakas. Book. Publ., 1958, 104 p. (In Russ.).

Sunchugashev Ya.I. Materialy po narodnym igram khakasov. In *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury, istorii*. Abakan, 1963, pp. 145–155. (In Russ.).

Toporov V.N. Ovtsa. In *Mify narodov mira*, Moscow: Sov ents. Publ., 1988, Vol. 2, pp. 237–238. (In Russ.).

Ungvitakaya M.A., Mainagasheva V.E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Abakan, 1972, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 312 p. (In Russ.).

Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrskoe skazanie M.R. Bainova. [Khan-Tonis on a dark gray horse. The heroic legend of M.R. Bainov] Novosibirsk: Novosibirsk. book Publ., 2007, 384 p. (In Khakas).

Khuban Aryg. Alyptyg nymakh [Khuban Aryg. Heroic legend]. Abakan, Khakas. book Publ., 1995, 192 p. (In Khakas.).

Yakovlev E.K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya. Minusinsk, V.I. Kornakov Publ., 1900, vol. 4, 212 p. (In Russ.).

Бурнаков В.А. https://orcid.org/0000-0001-9636-3081
Бурнаков А.А. https://orcid.org/0000-0001-6874-0804

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0789-0794
УДК 398.3

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Актуализация образа кикиморы в народных верованиях и «маскарадах» у русских в Западной Сибири

На этнографических материалах рассмотрен образ кикиморы в народных верованиях русских Западной Сибири. В ряде областей России кикимора считалась персонажем домашнего пространства, преимущественно вредоносным, зловещим. Имея устойчивую связь с прядением, кикимора ассоциировалась с символическим воплощением судьбы (божество, прядущее и обрывающее нить жизни). В ее образе угадывались черты архетипического трикстера. Представления о кикиморе коррелируют с символами времени, особенно его «пороговых» периодов – смены суток, перехода от старого года к новому. Вероятно поэтому, маскарадный образ кикиморы вошел в календарную обрядность зимне-весеннего периода. В Западной Сибири до середины XX в. сохранялась традиция рядиться в «кикимору» на Святки и Масленицу («проводы зимы»). Женщины надевали «лохмотья», мазали лица сажей, создавая неряшливый образ. Ряженые «кикиморы» несли шерсть, лен, веретено, чесалку; войдя в дом, изображали, что прядут кудель. Широко распространенные в XX – начале XXI в. представления о кикиморе болотной или лесной, очевидно связаны с размыванием этого образа в народных верованиях и, как следствие, перенесением его в пространство, далекое от культурной среды обитания человека. Исчезающий из народных верований образ кикиморы как домашнего демона, прядущего божества, актуализировался в представлениях о ней как о лесном, болотном духе. Слово «кикимора» прочно закрепилось в русской лексике, став именем нарицательным, ругательством, при этом сохранив характерные признаки персонажа. Маскарадная традиция в XX в. актуализировала рудиментарные представления о кикиморе как о прядущем духе, хотя уже были утрачены ключевые признаки этого образа: из судьбоносного божества кикимора трансформировалась в игровой персонаж жанровых сценок святочных и масленичных гуляний.

Ключевые слова: *кикимора, мифология, календарная обрядность, Масленица, Святки, ряженые, маскарад, прядение, русские Сибири.*

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Actualization of the Image of Kikimora in Beliefs and Masquerades of the Russians in Western Siberia

The mythological character "kikimora" is considered on ethnographic materials of various ethnolocal groups of Russians in Western Siberia. Kikimora was considered a character in the home space, mostly malicious, harmful, sinister. Kikimora was spinning. Therefore, she was associated with the symbolic embodiment of destiny: a deity that spins and breaks the thread of life. Kikimora embodied the trickster archetype. The concept of kikimora correlates with the symbols of time. "Border" periods are especially significant: the change of day, the transition from the old year to the new year. Therefore, the masquerade image of the kikimora entered the calendar rituals of the winter-spring period. In Western Siberia, until the middle of the twentieth century, the tradition of dressing up in "kikimora" on Christmastide and Maslenitsa ("farewell to winter") was preserved. Women dressed up in old shabby clothes, smeared their faces with soot: they created the image of a slob. Masquerade "kikimors" carried items of women's handicraft: wool, flax, a spindle, a comb. Entering the house, they pretended to be spinning threads. The concepts of forest and swamp kikimora, widespread in the 20th and early 21st centuries, are probably associated with the erosion of this image in popular beliefs. Consciousness transferred the kikimora

to a space far from the human cultural environment. Kikimora as a domestic demon, the spinning goddess disappears from popular beliefs, but is actualized in the forest and swamp spirits. The word "kikimora" is firmly entrenched in the Russian vocabulary to become a household name, a curse, while the characteristic features of the character have been preserved. The masquerade tradition in the twentieth century actualized the rudimentary idea of kikimora as a spirit spinning the thread of fate. However, the fundamental features of this character were lost: from the deity of destiny, kikimora turned into a playable character in genre scenes of Christmastide and Maslenitsa masquerades.

Keywords: *Kikimora, mythology, calendar ritual, Maslenitsa, Christmastide, costumed people, masquerade, spinning, Russians of Siberia.*

Символы и знаки, свойственные мифологическим представлениям разных народов, продолжают жить, развиваться и влиять на мировоззрение, формируя этнокультурный фон. Они являются связующими звеньями между прошлым и настоящим, традицией и современностью. С психологической точки зрения, символ неразрывно связан с коллективным бессознательным, поэтому символ всегда больше, чем рациональное понятие. «Каждая культура в процессе своего развития создает различные системы символов, призванных выступать своеобразными кодами для ее носителей, и личность, чтобы стать «своей» в культуре, должна освоить эти коды. В реальном общении символ никогда не сводится к одному определенному значению, он – всегда комплекс возможностей и смысловых перспектив» [Майничева, 2020, с. 9–10]. Базой для исследований различных пластов мировоззрения (мифоритуального комплекса, аспектов личной и коллективной психологии, этнокультурной идентичности) могут быть результаты анализа конкретных – как архаичных, так и современных – образов и символов этнической мифологии. Детальное изучение тонкостей сюжетной, локальной и функциональной специфики мифологических персонажей выстраивает общую картину мировоззренческого комплекса, позволяя реконструировать его утраченные элементы.

На полевых материалах (представления о мифологическом персонаже кикимора) рассмотрена проблема актуализации и стратегий сохранения элементов традиционной культуры у различных этнолокальных групп восточнославянского (преимущественно русского) населения в Западной Сибири. Цель работы заключалась в выявлении локальной специфики представлений о кикиморе у русских сибиряков и определении причин актуализации ее образа в маскарадной традиции календарных праздников (Святки, Масленица), учитывая, что «праздничная культура, являясь квинтэссенцией культурного состояния российского общества, становится полем проявления старых и конструирования новых символов и смыслов» [Золотова, 2020, с. 160]. Для реализации поставленных задач рассмотрены основные аспекты представлений о мифологическом персонаже: описаны облик, характерные признаки, типичные место и время, причинно-следственные связи появления кикиморы в доме (как их трактовали сами информанты), выявлена актуализация имени и облика кикиморы в современной лексике и карнавальной культуре. Проведен сравнительный анализ текстов с аналогичными сюжетами ряда российских регионов, установлены степень и вероятные причины сохранности народных верований о кикиморе у русских в Западной Сибири на протяжении XX – начала XXI в. Основным источником исследования стали полевые материалы автора (ПМА): дневники этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН 1997–2021 гг. (личный архив), а также опубликованные этнографические и фольклорные материалы российских исследователей XIX–XX вв. [Афанасьев, 1868, с. 36–43; Власова, 1998, с. 215–224; Даль, 2008, с. 404–421; Криничная, 1995, с. 9–33; 2004, с. 175–178; Левкиевская, 2000, с. 259–265; Максимов, 1903, с. 61–68; Мифологические рассказы, 1987, с. 85–96; Черепанова, 1983, с. 122–130].

Кикимора – один из наиболее многоплановых персонажей. Неоднозначны представления о происхождении и локализации этого духа. В отличие от других широко известных мифологических персонажей (русалка, леший, домовой, водяной), кикимора не имеет общевосточнославянского распространения, это образ преимущественно русской демонологии. Поверья о кикиморе известны во многих регионах России: Архангельской, Ленинградской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Самарской, Саратовской, Кировской, Томской областях, в Карелии, Пермском крае, Восточной Сибири; в меньшей степени они встречаются у белорусов; отсутствуют у украинцев и южнорусских этнографических групп [Власова, 1998, с. 215–224; Левкиевская, 2000, с. 259–265]. Большинство фольклорных текстов о кикиморе было записано на Русском Севере [Даль, 2008, с. 404–421; Криничная, 1995, с. 9–33; Максимов, 1903, с. 61–68], в Сибири они представлены собранием бывальщин Забайкалья из архива В.П. Зиновьева [Мифологические рассказы, 1987, с. 85–96]. Наши полевые материалы допол-

нили этнографическую коллекцию сюжетов несказочной устной прозы западно-сибирскими быличками о кикиморе, записанными в Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае.

Этимология наименования «кикимора» имеет различные версии. Все словари сходятся в том, что нужно рассматривать две части слова – «кики»и «мора» – по отдельности, при этом исследователи единодушны в том, что *мора/мара/mara – олицетворение душ усопших, смерти, ночных кошмаров, «морока», а также наименование одного из демонологических персонажей в ряде регионов России [Афанасьев, 1868, с. 37; Криничная, 1995, с. 5 – 30]. «Мары или марухи – старые, маленькие существа женского пола, которые сидят на печи, прядут по ночам пряжу и все шепчут да подпрыгивают, а в людей бросают кирпичами; в Олонецкой губ. ни одна баба не покидает своей пряслицы без молитвы, потому что в противном случае явится ночью мара, изорвет и спутает кудель» [Афанасьев, 1868, с. 36]. Но относительно первой части слова «кикимора» версии разнятся. В.И. Даль считал, что наименование духа происходит от женского головного убора – кики или кички («бабий головной убор, с рогами, род повойника») [Даль, 1881, с. 108; 2008, с. 404 – 407]. С.В. Максимов имя персонажа связывал с глаголом «кикать» как звукоподрожанием птичьему крику [Максимов, 1903, с. 61 – 63]. Е.Е. Левкиевская «кик» возводит к древнему балто-славянскому корню *кук/кик/кык, который имеет значение горбатости, скрюченности. Другое название демона – «шишимора» – восходит к русским диалектным глаголам «шишить», «шишать» (копошиться, шевелиться, делать украдкой), что довольно точно соответствует «поведению» данного существа [Левкиевская, 2000, с. 259]. Происхождение кикиморы связывали с умершими некрещенными младенцами или прóклятыми детьми [Афанасьев, 1868, с. 35–49; Даль, 2008, с. 404–421; Зеленин, 1995, с. 60].

В народных верованиях кикимора обычно наделялась вредоносными качествами: она пугала, гремела, стучала, била посуду, портила хлеб, рвала и путала нитки, ощипывала кур, загоняла лошадей [Даль, 2008, с. 406; Левкиевская, 2000, с. 259–265; Максимов, 1903, с. 62–63; Черепанова, 1983, с. 122–127]. На Русском Севере и в некоторых областях России кикимора считалась персонажем домашнего пространства. «Кикимора – род домового, который по ночам прядет; он днем сидит невидимкой за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкою, воробами и вьюшкой» [Даль,1881, с. 108]. Аналогичные представления известны в Сибири [Власова, 1998, с. 217; Мифологические рассказы, 1987, с. 88–96], зафиксированы ПМА. Образ домашней кикиморы, основанный на мифопоэтических народных верованиях, вошел в художественную литературу [Сомов, 1984, с. 219–228]. В фольклорно-литературном образе кикиморы угадываются черты трикстера: она меняет облик, учиняет мелкие проказы, взаимодействует с людьми сначала в шуточной манере, а затем все более изощренно. «Мотивы “попадания во власть демонического существа” и “спасения от демонического существа” усиливают связь образа кикиморы с этим архетипом» [Мешкова, 2021, с. 1981].

Наряду с домашней кикиморой широко распространены представления о кикиморе лесной и болотной. В отличие от «классического» образа домашней кикиморы, в этнографической литературе упоминания о кикиморе болотной, лесной крайне скудны, они встречаются эпизодически. В то же время, словосочетание «кикимора болотная» устойчиво закрепилось в русской лексике. В 2015–2016 гг. мы провели этнографо-лингвистическое исследование по выявлению современных представлений о наиболее известных персонажах славянской мифологии у городских жителей различных социально-возрастных групп. Результаты опроса показали, что образ кикиморы, по сравнению с другими демонологическими персонажами, претерпел самые большие изменения: утрачена его связь с домашним пространством. В современной лексике имя кикиморы стало бранным словом – пренебрежительным наименованием вредной, неопрятной, некрасивой женщины со скверным характером [Ансимова, Голубкова, 2016, с. 130–138]. В 2021 г. автором данной статьи был продолжен опрос горожан разных регионов (через веб-ресурс), результаты которого показали, что абсолютное большинство (88 %) респондентов незнакомы с представлениями о домашней кикиморе, но слышали об этом персонаже как о лесном или болотном духе (МОА – материалы опроса автора, 2021). *Кикимора – женщина неприятная, некрасивая, злобная, точно не образец для подражания. Живет она в болоте, в чаще леса, где обычно люди не ходят* (МОА, 2021). *Кикимора – это женщина неопределенного возраста, вся в зеленом одеянии, живет около болота. Она дружит с Лешим и не очень понятно ее отношение к людям* (МОА, 2021). *Кикимора –это сущность другого мира. Это болотная ведьма, рожденная из утопленницы. Они сами по себе есть и злобные, и не очень, и весьма озорные. Кикимора может предупредить о чем-то, но событие судьбы неизбежно. Изменить его ты не сможешь, даже зная о нем* (МОА, 2021). *С детства помню, бабушка сказки читала. И мне всегда жалко было кикимору. Морь она на людей наводила, в болота затягивала. Но только плохих людишек, которые вели себя плохо, живность в лесу убивали. Кикимора хитрая, она*

и жадным людям дорогу к богатству покажет, да там из него душу вытянет (МОА, 2021). *Кикимора похожа на маленькую девочку или девушку. Сама она очень маленькая, головка у нее как сожженная спичка. Живет на болоте, гадкая и вредная. Заводит путников не туда, куда надо, и как-то издевается над ними. Голос у нее тоненький и противный* (МОА, 2021). *Кикимора – худая, несимпатичная женщина с немытыми длинными седыми волосами. Живет в лесу около болота* (МОА, 2021). *Кикимора это жена Лешего, болотная бабка. Она заманивает людей в болото. Сухая, как палка, с длинным носом, в лохмотьях. Круглые глаза, как у птицы. Когда люди теряются в лесу и аукают, то она откликается человеческим голосом, а вообще она почеловечески не разговаривает* (МОА, 2021).

Кикиморой также называли куклу, сделанную в магических целях из тряпок, соломы или щепок: чтобы в доме «чудилось», для наведения порчи. Для усиления магического эффекта при изготовлении кикиморы-куклы использовали кровь или предметы, бывшие в соприкосновении с мертвецом (лоскут одежды, мыло, которым обмывали покойника, щепки, оставшиеся при изготовлении гроба и т.п.) [Максимов, 1903, с. 62–63; Мифологические рассказы, 1987, с. 88–96]. Кикиморой могли называть предмет, воспроизводящий звуки. Такая «кикимора» была средством мести печников и плотников. Обидевшись на хозяев, они могли определенным образом замуровать в печной трубе или в стене дома бутылочное горлышко, трещотку из щепок, чтобы ветер создавал неприятный шум, треск, пугающие «завывания» [Даль, 2008, с. 404–421; Максимов, 1903, с. 62–63].

В сельской местности исследуемого региона (на юге Западной Сибири) еще сохранились традиционные представления о домашней кикиморе – инфернальном вредоносном существе, которое создает шум и причиняет беспокойство в доме. *Если в доме кикимора заведется, от нее только одно беспокойство будет, добра не жди, потому что это нечистая сила* (ПМА: с. Первомайское, Алтайский край, 2009). *У соседей завелась кикимора. Каждую ночь по чердаку у них как на телеге по всей хате катались, грохот стоял. Заглянула к ним на чердак, а там кто-то маленький, патлатый сидит на корточках, на меня смотрит. Глаза красные* (ПМА: с. Светлое, Краснозерский р-н НСО, 2004). *Худые люди гвозди под крыльцо подкапывают, чтобы в доме было все плохо. Тогда кикимора придет, она будет пакостить, стучать и греметь. От этого кто-нибудь заболеет или умрет* (ПМА: с. Мереть, Сузунский р-на НСО, 2018).

Устойчивым признаком кикиморы считали ее способность быть предвестником, а иногда причиной несчастья, смерти кого-то из домочадцев или их родственников. *Сидели вечером в избе. Вдруг открылась дверь, зашла женщина* (незнакомая – О.Г.) *и давай танцевать. Женщина плясала по избе, как вихрь промчалась. Бабка давай читать молитвы, бабка дочь попа была, умела читать. Женщина сразу убежала. На другой день сестру в НКВД забрали. Вот она кикимора, нечистая сила* (ПМА: с. Лянино, Здвинский р-н НСО, 2002). *Завелась в доме кикимора. Стучала, посудой гремела. Увидела ночью – кошка черная крадется, а у нас кошки не было. Ну, думаю, не к добру это, кикимора завелась. В тот год у меня брат умер, после этого все прекратилось* (ПМА: д. Камышинка, Нижнеомский р-н Омской обл., 2002). *В войну у нас в подполе кикимора завелась. Никто не видел, а только слышали. Ночью, как спать ляжем, слышно шаги под полом: тук, тук. Страшно было. Потом слышу, как будто свистит внизу. То ли свистит, то ли плачет. Бабушка старенькая была, я ее спрашиваю: - Ты слышишь? это чё? Она говорит: - Слышу, это кикимора у нас плачет, жди беды. На следующий день принесли похоронку, брата убили. Мужики все на фронте были. Потом еще два раза слышали. А следом похоронки приносили* (ПМА: с. Зыряновка, Заринский р-н Алтайского края, 2009).

Представления о кикиморе как о прядущем духе можно назвать исчезающими, как и сам вид этой женской работы. Упоминания о кикиморе, которая трепала, пряла, мяла шерсть, лен или коноплю, были записаны от наиболее возрастных респондентов (1910–20-х годов рождения). *В бане кикимора завелась, коноплю тюпала* (чесала, мяла – О.Г.). *Было страшно зайти. Заглянула я в баню, а там кикимора сидит, коноплю тюпает. Тюпает и тюпает, стукоток стоит* (ПМА: д. Барлакуль, Здвинский р-н НСО, 2001). *Нельзя оставлять на ночь пряжу, не перекрестивши. Придет кикимора, все испортит* (ПМА: с. Нижняя Омка, Омская обл., 2002).

Кикимора связана с календарным циклом. На Русском Севере бытовали представления о том, что кикиморы существуют только в Святки или что в этот период кикиморы рожают шуликунов, которые вылетают через трубу на улицу и живут там до Крещения [Власова, 1998, с. 217; Черепанова, 1983, с. 125–128]. Представления о святочных духах-шуликунах также были зафиксированы в Сибири [Фурсова, 1994, с. 68–80]. Попадая в орбиту календарных верований, демонические существа становятся «кирпичиками» календарной мифологии, воплощающей календарные мифологемы. С их помощью отмечаются обряды календарных «переходов», передаются символи-

ческие значения отдельных периодов и праздников. Календарная система активно «привлекает» демонов для мифопоэтического оправдания разного рода запретов [Агапкина, 2002, с. 374–377]. То есть, представления о кикиморе коррелируют с символическим воплощением времени, особенно его «пороговых» периодов – смены суток, перехода от старого года к новому. Очевидно, поэтому образ кикиморы вошел в календарную обрядность зимне-весеннего периода – как персонаж святочных и масленичных маскарадов.

На Русском Севере один из элементов святочного ряжения был представлен образом кикиморы. «Старухи на Святках являлись на беседу наряженными шишиморами – одевались в шоболки (рваную одежду) и с длинной заостренной палкой садились на полати, свесив ноги с бруса, и в такой позе пряли <…> Девушки смеялись над шишиморой, хватали ее за ноги, а она била их палкой» [Черепанова, 1983, с. 124–125]. В Сибири (в Кежемском р-не Красноярского края) старуха с прялкой, изображающая кикимору, была частью масленичного поезда: «на сани поставят лавку, на ей сидит старуха с прялкой, куделю прядет» [Громыко, 1975, с. 103].

Кикиморами рядились во время святочных и масленичных («проводов зимы») маскарадов в Новосибирской обл. до середины XX в. Женщины надевали старую одежду («лохмотья»), мазали лица сажей, растрепывали волосы, создавая неряшливый образ. Ряженые «кикиморы» вместе с другими карнавальными персонажами («цыганами», «чертями») ходили по селу, колядовали. «Кикиморы» несли шерсть или лен, веретено, чесалку; войдя в дом, изображали, что прядут кудель. *На масленицу наряжались чертями, кикиморами. Кикиморы несли в руках лен и трепали его, нитки крутили. Старые люди говорили, что так надо, от этого лен хороший уродится* (ПМА: с. Верх-Коён, Искитимский р-н НСО, 2000). *Кикиморы бегали по селу на новый год, на масленицу. Весело было, дурачились, наряжались. Кикиморы сажей лицо вымажут, лохмотья напялят и идут, поют песни* (ПМА: там же). *Под старый Новый год старухи в лохмотьях ходили, косматые, лица сажей перемазанные. Шли всей гурьбой по селу, песни похабные пели, а то и сматерятся. За это их кикиморами называли* (ПМА: пос. Мошково НСО, 2000).

Итак, исчезающий из народных верований образ кикиморы как домашнего демона, прядущего божества, в XX – начале XXI в. актуализировался в представления о ней как о лесном или болотном духе. Вероятно, данный процесс связан с размыванием образа кикиморы в народных верованиях и, как следствие, перенесением его в пространство, далекое от культурной среды обитания человека. Слово «кикимора» прочно закрепилось в русской лексике, став именем нарицательным, ругательством, сохранив при этом характерные признаки персонажа. Маскарадная традиция в XX веке актуализировала рудиментарные представления о кикиморе как о прядущем духе, хотя уже были утрачены ключевые признаки этого образа: из судьбоносного божества кикимора трансформировалась в игровой персонаж жанровых сценок святочных и масленичных гуляний.

Список литературы

Агапкина Т.А. Мифоэпические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с.

Ансимова О.А., Голубкова О.В. Мифологические персонажи домашнего пространства в народных верованиях русских (этнографический и лексикографический аспекты) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44. – № 3. – С. 130–138.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1865: – Т. I. – 800 с.; – 1868: – Т. II. – 784 с.; – 1869: – Т. III. – 840 с.

Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука СО, 1975. – 350 с.

Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.–СПб.: Гостиный двор, Кузнецкий мост. – 1881. – Т. II (И – О). – 810 с.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Золотова Т.Н. Современная праздничная культура России: Сохранение русских традиций, конструирование новых символов и смыслов // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алтай. гос. пед. ун-та, 2020. – № 10. – С. 160–171.

Криничная Н.А. Нить жизни: Реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 40 с.

Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М.: Академический проспект; Гаудеамус, 2004. – 1008 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 528 с.

Майничева А.Ю. Современные исследования роли символов и знаков в мировоззрении русских Сибири XVI – начала XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. –2020. – Т. 27. – № 2. – С. 5–12.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 530 с.

Мешкова К.Н. Шекспировская поэтика мифа в повести О.М. Сомова «Кикимора» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 1979–1983.

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск, 1987. – 400 с.

Сомов О.М. Были и небылицы. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с.

Фурсова Е.В. «Шуликаны» и нечистая сила в селах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 68–80.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: ЛГУ, 1983. – 169 с.

References

Agapkina T.A. Mifoepicheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria. Vesenne–letnii tsikl. Moscow: Indrik, 2002, 816 p. (In Russ.).

Ansimova O.A., Golubkova O.V. Mythological charachers of the domestic space in Russian folk beliefs: lexicographic end ethnographic aspekts. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, no 3. Vol. 44. P. 130–138. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.130-138

Afanas'ev A.N. Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov. Moscow, 1868. Vol. II, 784 p. (In Russ.).

Cherepanova O.A. Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa. Leningrad: Leningrad State University, 1983, 169 p. (In Russ.).

Dal' V.I. Pover'ya, sueveriya i predrassudki russkogo naroda. Moscow: Eksmo, 2008, 736 p. (In Russ.).

Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. Moscow–St. Petersburg: Gostinyj dvor, Kuzneckij most, 1881. Vol. II, 810 p. (In Russ.).

Fursova E.V. "Shulikany" i nechistaja sila v selah Zapadnoj Sibiri. *Humanitarian sciences in Siberia*, 1994, no 3. P. 68–80. (In Russ.).

Gromyko M.M. Trudovye tradicii russkih krest'jan Sibiri (XVIII – pervaja polovina XIX veka). Novosibirsk: Nauka SB, 1975, 350 p. (In Russ.).

Krinichnaya N.A. Nit' zhizni: Reministsentsii obrazov bozhestv sud'by v mifologii i fol'klore, obryadakh i verovaniyakh. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1995, 40 p. (In Russ.).

Krinichnaia N.A. Russkaia mifologiia: Mir obrazov fol'klora. Moscow: Akademicheskii prospect, "Gaudeamus", 2004, 1008 p. (In Russ.).

Levkievskaja E.E. Mify russkogo naroda. Moscow: Astrel': AST, 2000, 528 p. (In Russ.).

Mainicheva A.Ju. Modern research of the role of symbols end signs in the world view of Russians in Siberia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2020. Vol. 27, no 2. P. 5–12. (In Russ.). doi:10.15372/HSS20200201

Maksimov S.V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903, 530 p. (In Russ.).

Meshkova K.N. Shakespearean poetics of myth in O.M. Somov's novella "Kikimora". *Philology. Theory & practice*, 2021. Vol. 14, no 7. P. 1979–1983. (In Russ.). doi:10.30853/phil210344

Somov O.M. Byli i nebylicy. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1984, 368 p. (In Russ.).

Zelenin D.K. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki. Moscow: Indrik, 1995, 432 p. (In Russ.).

Zinov'ev V.P. (ed.). Mifologicheskie rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri. Novosibirsk, 1987, 400 p. (In Russ.).

Zolotova T.N. Modern holiday culture of Russia: Preservation Russian traditions, constructing new symbols end meanings. In *Etnografija Altaja i sopredel'nyh territorij*. Barnaul: Altai State Pedagogical University, 2020, no 10. P. 160–171. (In Russ.). doi:10.37386/2687-0592-2020-10-160-171

Vlasova M.N. Russkie sueveriia: Entsiklopedicheskii slovar' (Encyclopedic Dictionary). St. Petersburg: Azbuka, 1998, 672 p. (In Russ.).

Голубкова О.В. https://orcid.org/0000-0002-9936-8555

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0795-0799
УДК 39

М.А. Жигунова

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения
Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Новосибирск, Россия
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Праздник «День Сибири»: история и современность

Статья посвящена истории возникновения и современным формам празднования «Дня Сибири», который впервые отмечался в Российской империи в 1881 г., в честь 300-летия похода казачьего атамана Ермака и присоединения Сибири к Российскому государству. Существенную роль в становлении праздника сыграли областники – представители общественно-политического движения, развивавшие концепцию Сибири как особой территории, ратовавшие за самостоятельность региона в составе Российской империи. Исследование базируется на архивных и музейных источниках, научных публикациях, материалах этнографических экспедиций и этносоциологических опросов (проведенных как среди сибиряков, так и жителей других регионов России, а также – Болгарии, Германии, Казахстана, Польши, Прибалтики, Сербии, Украины, Франции), форумов в Интернете, непосредственном участии автора в описываемых событиях конца XX – начала XXI в. Приводятся различные точки зрения по поводу статуса, названия, даты и содержания празднования, перечисляются основные организаторы и проводящиеся мероприятия. Подчеркивается, что среди опрошенных иностранных экспертов чаще встречаются позитивные мнения о Сибири и сибиряках, по сравнению с представлениями о России и русских в целом. Региональные традиции возрождения этого праздника отличаются существенным многообразием, набирают все большую популярность, способствуя росту местного сибирского патриотизма и распространению знаний о Сибири и сибиряках. Несмотря на имеющиеся различия и противоречия, празднование «Дня Сибири» способствует объединению всех народов, проживающих на этой территории, сохранению их историко-культурного наследия и формированию позитивного имиджа Сибири.

Ключевые слова: *Россия и Сибирь, региональная история, областничество, местный патриотизм, историко-культурное наследие, стереотипы о Сибири и сибиряках.*

M.A. Zhigunova

Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Novosibirsk, Russian
E-mail: marizh.omsk@mail.ru

The “Day of Siberia”: History and Modernity

The article is devoted to the history of the origin and modern forms of the celebration of the “Day of Siberia”, which was first celebrated in the Russian Empire in 1881. This holiday was established in honor of the 300th anniversary of the accession of Siberia to the Russian state. The regionalists (representatives of the socio-political movement of the Siberian intelligentsia of the mid-19th to early 20th centuries) played a significant role in the formation of the holiday. They developed the concept of Siberia as a special territory, advocated the independence of the region as part of the Russian Empire. This research based on archival and museum sources, scientific publications, materials of ethnographic expeditions and ethnosociological surveys (conducted both among Siberians and among residents of other regions of Russia, as well as Bulgaria, Germany, Kazakhstan, Poland, Baltic States, Serbia, Ukraine, France), Internet forums, the author’s direct participation in the described events of the late 20th–early 21st centuries. The author gives various points of view on the status, name, date and content of the holiday “Day of Siberia”, lists the main organizers and ongoing events, notes that among foreign experts there are more often positive opinions about Siberia and Siberians, compared to Russia and Russians in general. The regional traditions of the revival of this holiday currently distinguished by significant diversity are gaining more popularity, contribute to the growth of the local Siberian patriotism and the dissemination of knowledge about Siberia and Siberians. The celebration of the “Day of Siberia” promotes the unification of all peoples living in this territory, the preservation of their historical and cultural heritage, the formation of a positive image of the Siberian region.

Keywords: *Russia and Siberia, regional history, regionalism, local patriotism, historical and cultural heritage, stereotypes about Siberia and Siberians.*

В представленной статье автор анализирует историю празднования «Дня Сибири» в царской России и современной Российской Федерации. Исследование базируется на архивных и музейных источниках, научных публикациях, материалах этнографических экспедиций и этносоциологических опросов (проведенных как среди сибиряков, так и жителей других регионов России, а также – Болгарии, Германии, Казахстана, Польши, Прибалтики, Сербии, Украины, Франции), форумов в Интернете, непосредственном участии автора в описываемых событиях конца XX – начала XXI в. Приводятся различные точки зрения по поводу статуса, названия, даты и содержания празднования, перечисляются основные организаторы и мероприятия.

Про праздник «День Сибири» мне впервые рассказал в конце 1980-х гг. известный омский историк А.В. Ремнёв. С той поры я стала ежегодно поздравлять с ним не только Анатолия Викторовича, но и всех своих родственников и знакомых. Интересно, что все очень удивлялись, поскольку ничего не знали про традиции празднования Дня Сибири, но воспринимали информацию о нем с интересом и позитивом. Сибирь – огромная и значимая для всей России территория, но о ней мало что знают. Среди господствующих стереотипов о Сибири: мороз, снег и холод (более 50 % опрошенных); обширная территория, лес, тайга, медведи (20–30 % опрошенных); место каторги и ссылки, нефть и газ (15–20 %); отсутствие цивилизации (10–15 %). Нужно отметить, что среди опрошенных иностранных экспертов чаще встречались позитивные мнения о Сибири и сибиряках, по сравнению с представлениями о России и русских в целом. Среди опрошенных сибиряков нередко фиксировались такие ассоциации: моя Родина, красивая природа, чистый воздух, натуральные продукты, Ермак, моя семья и друзья. Когда я спросила у московской коллеги-музеолога, которая впервые приехала в Омск: «Что Вас удивило больше всего?», она ответила: «Честно говоря, не знала, что вы так же, как и мы, в сапогах и куртках ходите, я думала, что все здесь носят валенки и шубы».

Впервые День Сибири отмечался в Российской империи 26 октября (8 ноября по новому стилю) 1881 г., в связи с празднованием 300-летия присоединения Сибири к России. Согласно летописным сведениям, именно в этот день легендарный казачий атаман Ермак со своей дружиной взял столицу Сибирского ханства – город Искер. В сохранившихся источниках и имеющихся публикациях нередко фиксируются противоречивые точки зрения на обстоятельства и датировку походов Ермака. Но не вызывает сомнения тот факт, что именно благодаря его деятельности начинается стремительное продвижение русских на восток, осваиваются обширные сибирские пространства, строятся новые поселения, города и дороги. В 1881 г. российский император Александр III обратился к сибирякам с «Высочайшим посланием», в котором говорилось: «Надеюсь, что со временем, с Божьею милостью и помощью, обширный и богатый Сибирский край, составляющий уже три столетия нераздельную часть России, будет в состоянии нераздельно же с нею воспользоваться одинаковыми правительственными учреждениями, благами просвещения и усилением промышленной деятельности на общую пользу во славу дорогого нашего Отечества» [Жизнь и царствование…, 1901, с. 21].

В честь празднования Дня Сибири во всех крупных городах Азиатской России (Енисейск, Иркутск, Омск, Тобольск, Тюмень) проходили торжественные парады и заседания, литургии, танцевальные вечера и банкеты сибирской интеллигенции с выступлениями известных общественных деятелей, выпускались специализированные номера местных газет и журналов, проводились презентации новых изданий, посвященных Сибири, открывались новые школы, библиотеки и т.д. [Шиловский, 2013, с. 12–15]. Наиболее значимыми юбилейными событиями являлись торжественные обеды в Москве и Петербурге, на которых присутствовали живущие в столицах сибиряки, а также те лица, чья судьба была тесно связана с Сибирью. Гости занимали свои места под звуки торжественного марша, и обед начинался символично с пельменей (которые подавались по-сибирски «в супе» – с бульоном, в котором варились), на столах красовались рябчики с салатом из северных ягод и мороженое с облепихой [Потанин, 1883, с. 822–826; 300-летие Сибири…, 1882].

Существенную роль в становлении праздника сыграли областники – представители общественно-политического движения сибирской интеллигенции середины XIX – начала XX в. Они развивали концепцию Сибири как особой территории с присущими ей географическими, этнокультурными, политическими особенностями и ратовали за самостоятельность региона, создание Сибирского автономного края в составе Российской империи [Аблажей, 2003, с. 4]. Для сибирских областников и их лидера Н.М. Ядринцева «юбилей был, главным образом, поводом для того, чтобы гласно заявить о сибирских нуждах, сплотить в борьбе за реформы сибирское общество. Ядринцев развил в эти дни удивительную активность, стремился внушить мысль, что юбилей очень важен, что он будет способствовать реформам, а празднование пробудит гражданские чувства сибирского общества и привлечет внимание к этой заброшенной стране» [Ремнёв, 2007, с. 41]. В своей статье, посвященной

300-летию присоединения Сибири, Н.М. Ядринцев писал: «Избрание срока для юбилея, само собою, вещь чисто условная, т.к. исторические дела завершаются не одним актом, но целым рядом их… В настоящую минуту, на грани 300-летия, наступает и для Сибири уже этот период сознательной жизни и понимания своей роли в будущем… Этим сознанием своего общечеловеческого существования и сознательным отношением к своей жизни начинается новый период сибирской истории» [Ядринцев, 1881, с. 835].

День Сибири пробуждал в живущих здесь народах чувство единения и общности не только друг с другом, но и с другими жителями Российской империи. Этот праздник отмечался в России ежегодно до 1919 г. Затем традиция была прервана, поскольку после 1917 г. в праздничном календаре Советского Союза появился другой значимый государственный праздник - День Великой Октябрьской Социалистической Революции. После распада СССР в 1991 г. с предложениями о возобновлении празднования Дня Сибири выступили сибирские краеведы. В начале 2000-х гг. движение за возрождение праздника охватило Алтайский и Красноярский края, Иркутск, Кузбасс, Новосибирск, Омск, Тобольск, Томск, Тюмень.

Отношение к этому процессу в современном российском обществе неоднозначно. С одной стороны, подавляющее большинство сибиряков выступают за восстановление праздника, полагая, что это привлечет внимание к Сибири и ее проблемам, поможет познакомить с уникальным историко-культурным наследием различных народов Сибири жителей других регионов страны и мира. С другой стороны, некоторые опасаются роста сибирского национализма и сепаратизма. Но если следовать такой логике, то нужно запретить отмечать и Дни городов, и Дни улиц, чтобы они «не раскалывали российское общество».

В настоящее время не существует единства и в самом названии этого праздника. Встречаются различные варианты: «День Сибири» и «Дни Сибири», «День благодарения Сибири», «День свободной Сибири», «День единения народов Сибири» (Тюмень), «День многонациональной Сибири» (Минусинск) и др. Предлагаются и уже отмечаются различные даты (8 ноября, 5 августа, 17 июля, зима, весна, лето, осень и т.д.), празднование иногда растягивается на несколько дней [Жигунова, 2017, с. 96–98].

Современные формы проведения Дня Сибири многообразны: национально-культурные межрегиональные фестивали, культурно-деловые и научные форумы, форумы социального партнерства общества, власти и бизнеса, военно-спортивные праздники и соревнования, эколого-краеведческие туры и др. Их дополняют народные гуляния, театрализованные представления, концерты фольклорных, эстрадных и рок-коллективов; крестные ходы и благодарственные молебны, публичные лектории, научно-практические конференции и семинары, дискуссионные площадки, художественные и книжные выставки, музейные экскурсии, творческие конкурсы и кинофестивали, национальные сибирские игры и забавы, фотоателье (где можно сфотографироваться в традиционных костюмах народов Сибири), ярмарки изделий народных промыслов и ремесел, мастер-классы, выставки-продажи местных продуктов и др.

В рамках празднования 138-го дня рождения Национального исследовательского Томского государственного университета 28–29 мая 2016 г. был проведен научно-культурный форум «Дни Сибири». Основными его организаторами выступили: Томский государственный университет, Центр исследований «Транссибирский научный путь» и Лаборатория социальной идентичности. Открытие «Дней Сибири» началось в 12.00 часов в Университетской роще с обрядового шествия всех участников форума. В Музее под открытым небом состоялись творческие встречи с гостями из Новосибирска: фольклорными ансамблями «Балаганъ», «Полынь», «Росстань», «Сибирочка», этноклубом «Семёнов день», В.В. Асановым на тему «Как в Сибири снова зазвучали русские песни: сибирская школа прикладной фольклористики», Т.А. Выхристюком на тему «Народная культура и современные гражданские медиа: от традиции к технологии и обратно» и «Экспедиции сегодня: экстрим, наркотик, встреча с традицией», Ю.А. Афанасьевой на тему «Из бабушкиного сундука: как собрать коллекцию народной одежды», О.Г. Баткиной на тему «Многообразие русского костюма и народная одежда для современных сибиряков». Их дополнили тематические встречи с А.В. Головиным (с. Чарышское Алтайского края) на тему «Балалайка на службе у сибирского казачества» и С.В. Липовка (Томск) на тему «Во что играли наши прабабушки: игровая кукла Томской области».

В течение двух дней работал «Университет на траве», где с большим успехом прошло несколько публичных лекций приглашенных экспертов: «Сибиряки настоящие и ненастоящие», «Что значит быть русским в Сибири 400 лет назад и сегодня?» (М.А. Жигунова, Омск); «Русские на Алтае: старообрядцы – «поляки», казаки, сибиряки и их песни», «Одежда как отражение истории народа: что может рассказать костюм старообрядцев-«поляков» Алтая» (Л.П. Махова, Санкт-Петербург); «Как сибиряки одевали детей. Возрастные особен-

ности костюма русских Сибири XIX в.» (Т.С. Рублёва, Новосибирск). После лекций проводились обсуждения, включая ответы на возникшие вопросы. Так, например, особый интерес слушателей вызвало известие о появлении новой национальности «сибиряки» в материалах Всероссийской переписи населения 2010 г. Первые варианты такой самоидентификации я зафиксировала еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Неоднократно меня обвиняли в том, что я конструирую новую национальность – сибиряк, хотя для этого нет никаких оснований. Но я не придумываю, а фиксирую те реальные изменения, которые происходят в современном сибирском социуме. Главным является самоопределение человека. И если человек считает себя сибиряком, значит, так оно и есть! Как есть и реальные основания для этого: общность истории, территории проживания, языка, общесибирские черты в культуре и менталитете, знаменитый «сибирский характер», который можно считать своеобразным автостереотипом и инструментом выявления сибирской идентичности. Самоопределение себя сибиряком свидетельствует о желании привлечь внимание центра к проблемам Сибири, это прежде всего – любовь к своей малой Родине, а не сепаратизм! [«Сибирь – территория любви…», 2016, с. 2–3].

Вечером 28 мая 2016 г. прошло «Сибирское дефиле», где были представлены образцы крестьянской моды Сибири XIX–XX вв., включая подлинные костюмы и современные реконструкции, а также – сибирские свадебные традиции. Завершился первый день форума вечеркой на берегу Мавлюкеевского озера у общежития «Парус». Здесь все желающие могли принять участие в хороводах, традиционных народных плясках и поцелуйных играх сибиряков.

На протяжении двух дней работы форума активно функционировало фотоателье «Сибирский знахарь», где можно было сфотографироваться в традиционной одежде русских старожилов Сибири. Готовые фото размещали в группе «Сибирский знахарь» (vk.com/sibznahar). На Трактирной площади была представлена «Настоящая сибирская еда и угощения». Место, где можно поесть и поразмыслить об услышанном в «Университете на траве». В Ремесленной слободе работала ярмарка мастеров сибирских промыслов, народной одежды и современных рукоделий, включая ознакомительные мастер-классы от сибиряков Томска, Новосибирска и Алтайского края. Особый интерес вызвал мастер-класс А.В. Головина «Звуки травы: музыкальные инструменты из подручных средств». В Сибирском доме в режиме реального времени демонстрировалась работа мастеров по урало-сибирской росписи и массовый мастер-класс по народной пляске.

В Концертном зале Томского государственного университета состоялось театрализованное представление «Неволя». В него вошли записки иностранных путешественников о Сибири XVIII века; воспоминания сибиряков, переживших ссылку; песни русских старожилов Сибири о тюрьме, каторге и ссылке в исполнении фольклорных коллективов Томска, Новосибирска и Алтая. Приглашенным экспертам научно-художественного форума «Дни Сибири», включая автора, были вручены дипломы «за верность принципам академической науки в деле изучения, сохранения и популяризации культуры сибиряков». Информация о форуме была размещена в Рунете на сайте крупнейшей социальной сети «ВКонтакте» (vk.com/dnisibiri).

Не утихают разногласия по поводу статуса праздника: общероссийский или региональный? Предпринимаются неоднократные попытки придать Дню Сибири статус государственного. Так, 15 марта 2016 г. депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации О.Н. Смолин и В.А. Ганзя внесли на рассмотрение в комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока законопроект № 1017737-6 «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». В Пояснительной записке к проекту Федерального закона отмечалось: «Роль Сибири в истории России, в ее социально-экономическом и культурном развитии трудно переоценить. Пророчество М.В. Ломоносова о том, что богатство России будет прирастать Сибирью, полностью оправдалось. Здесь добывается 85 % российского природного газа, 60 % нефти, 75 % угля, выплавляется 75 % алюминия, расположены высокотехнологичные производства... Особо необходимо отметить вклад сибиряков в историю России, прежде всего в Победу СССР в Великой Отечественной войне, в том числе в победу под Москвой» [Государственная Дума…]. Но из-за отсутствия заключения Правительства РФ, законопроект был снят с рассмотрения Советом Государственной Думы.

Летом 2021 г. О.Н. Смолин вновь внес в Государственную Думу (но уже в комитет по обороне) законопроект № 1239699-7 об установлении 8 ноября Дня Сибири. Профильный комитет принял Решение № 209/1: «…включить указанный проект федерального закона в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы в период осенней сессии 2021 года (ноябрь); направить указанный законопроект в комитеты и комиссии Государственной Думы, во фракции в Государственной Думе, Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации Федерального Собрания Рос-

сийской Федерации, Правительство Российской Федерации, Счетную палату Российской Федерации, Общественную палату Российской Федерации, законодательные (представительные) и высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации для подготовки отзывов, предложений и замечаний, а также в Правовое управление Аппарата Государственной Думы для подготовки заключения; установить срок представления в Комитет Государственной Думы по обороне отзывов, предложений и замечаний до 8 ноября 2021 года; установить срок подготовки законопроекта к рассмотрению Государственной Думой в первом чтении – ноябрь 2021 года» [Государственная Дума…].

В настоящее время в организации и проведении праздника «День Сибири» принимают участие не только общественные организации и фонды, национально-культурные объединения и фольклорные коллективы, но и органы государственной власти и местного управления, епархий и митрополий Русской Православной Церкви, представители сибирского казачества, государственных учреждений академической науки, образования, культуры. Региональные традиции возрождения этого праздника отличаются существенным многообразием, набирают все большую популярность, способствуя росту местного сибирского патриотизма и распространению знаний о Сибири и сибиряках. Несмотря на имеющиеся различия и противоречия, празднование «Дня Сибири» способствует объединению всех народов, проживающих на этой территории, сохранению их историко-культурного наследия и формированию позитивного имиджа Сибири.

Список литературы

300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26-го Октября 1581 года. – СПб, [б. и.], 1882. – 44 с.

Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 304 с.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1239699-7 (дата обращения: 28.09.2021).

Жигунова М.А. День Сибири – возрождающийся праздник // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 г.: археология, этнография, устная история. – Вып. 12. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. – С. 96–98.

Жизнь и царствование императора Александра III (1881–1894 гг.) / Сост. свящ. Константин Корольков. – Киев [б. и.], 1901. – 270 с.

Потанин Г.Н. Официальное празднование 300-летия Сибири // Исторический вестник. Ист.-литературный журн. – 1883. – Т. X. – № 12. – С. 822–826.

Ремнёв А.В. 300-летие присоединения к Сибири: в ожидании «нового исторического периода» // Культурологические исследования в Сибири. – 2007. – № 1 (21). – С. 34–50.

«Сибирь – территория любви», – утверждает этнограф Марина Жигунова // Наукоград: научно-популярное прил. к обл. общественно-политической газ. «Вечерний Томск. Итоги». – № 33 (24.08.2016). – С. 2–3.

Шиловский М.В. Празднование «сибирского дня» в дореволюционный период // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 2. – С. 12–15.

Ядринцев Н.М. Трехсотлетие Сибири с 26 октября 1881 г. // Вестник Европы. – 1881. – Т. 6. – Кн. 11-12, Нояб., дек. – 946 с.

References

300-letie Sibiri. Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnja 26-go Oktjabrja 1581 goda. St. Retersburg [s. n.], 1882, 44 p. (In Russ.).

Ablazhej N.N. Sibirskoe oblastnichestvo v jemigracii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 304 p. (In Russ.).

Gosudarstvennaja Duma Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii. Oficial'nyj sajt. (In Russ.). URL: https://doi.org/sozd.duma.gov.ru/bill/1239699-7 (Accessed: 28.09.2021).

Zhigunova M.A. Den' Sibiri – vozrozhdajushhijsja prazdnik. In *Polevye issledovanija v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae v 2016 g.: arheologija, jetnografija, ustnaja istorija.* Iss. 12. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2017. P. 96–98. (In Russ.).

Korol'kov K. (ed.) **Zhizn' i carstvovanie imperatora** Aleksandra III (1881–1894 gg.). Kiev [s. n.], 1901, 270 p. (In Russ.).

Potanin G.N. Oficial'noe prazdnovanie 300-letija Sibiri. In *Istoricheskij vestnik. Istoriko-literaturnyj zhurnal*, 1883, Vol. X, no 12. P. 822–826. (In Russ.).

Remnjov A.V. 300-letie prisoedinenija k Sibiri: v ozhidanii «novogo istoricheskogo perioda». *Kul'turologicheskie issledovanija v Sibiri*, 2007, no 1 (21). P. 34–50. (In Russ.).

«Sibir' – territorija ljubvi», – utverzhdaet jetnograf Marina Zhigunova. In *Naukograd: nauchno-populjarnoe prilozhenie k oblastnoj obshhestvenno-politicheskoj gazete «Vechernij Tomsk. Itogi»*, no 33 (24.08.2016). P. 2–3. (In Russ.).

Shilovskij M.V. Prazdnovanie «sibirskogo dnja» v dorevoljucionnyj period. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, no 2. P. 12–15. (In Russ.).

Jadrincev N.M. Trehsotletie Sibiri s 26 oktjabrja 1881 g. In *Vestnik Evropy*, 1881, Vol. 6, B. 11–12, Nojabr', dekabr', 946 p. (In Russ.).

Жигунова М.А. https://orcid.org/0000-0002-9719-2525

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0800-0805
УДК 39+394+81.33

А.А. Ильина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия
E-mail: like_a_sun@mail.ru

К вопросу о состоянии изучения татарского языка в Омской области в 1990-х – 2000-х годах

В статье рассматривается состояние изучения татарского (литературного) языка в Омской обл. (областном центре и сельской местности) в 1990-е – 2000-е гг. Источниками для настоящей статьи послужили материалы местной прессы Омского Прииртышья 1990-х – 2000-х гг., документы татарских национально-культурных объединений, данные интервью с лидерами татарских национально-кульутрных объединений, статистические данные. При этом состояние изучения татарского языка в указанный временной период в областном центре и в районах Омской обл. описывается отдельно. Приводятся сведения о количестве школ, в которых преподавался татарский язык, о количестве изучавших его учеников, о процессе организации обучения и подготовки учителей. Перечислены некоторые актуальные проблемы изучения татарского языка в Омском Прииртышье, к числу которых относится незначительное количество учащихся, посещавших факультативы татарского языка в Омске, отсутствие квалифицированных педагогических кадров, нехватка преподавателей, недостаточность финансирования. Выявлено, что основной формой изучения родного языка для татар-омичей являлись факультативы, в то время как в районах Омской обл. татарский язык был включен в школьную программу в качестве полноценного предмета. Установлено, что значительную роль в организации преподавания родного языка в школах Омска и Омской обл. сыграли татарские национально-культурные объединения, активисты которых внимательно отслеживали ситуацию, своевременно реагировали на появляющиеся у татар запросы на преподавание родного языка в школах, вели статистику, разработали «Программу сохранения татарского языка на период с 1999 по 2003 гг. в Омской области».

Ключевые слова: *Омская область, татары, татарский язык, родной язык, сохранение, национально-культурные объединения.*

A.A. Ilyina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Omsk, Russia
E-mail: like_a_sun@mail.ru

Learning the Tatar Language in Omsk Region in the 1990s – 2000s

The article analyzes the processes associated with learning the Tatar (literary) language in Omsk Region (in the regional capital and rural areas) in the 1990s – 2000s. The sources are the local media of the Omsk Irtysh region published in the 1990s – 2000s, documents of the Tatar ethnic and cultural associations and interviews with their leaders, as well as statistical data. The situation with studying the Tatar language in that period is described separately for the regional capital and districts of Omsk Region. The article provides the data on the number of schools where the Tatar language was taught, number of students who studied it, and process of organizing education and training of teachers.Some current problems of studying the Tatar language in the Omsk Irtysh region are described, including a small number of students who attended the Tatar language elective courses in Omsk, lack of experienced teaching staff, shortage of teachers, and insufficient funding. It had been established that the main form of studying the native language for the Omsk Tatars were elective courses, while in the districts of Omsk Region, the Tatar language was included in the school curriculum as a school subject. The Tatar ethnic and cultural associations played an important role in organization of teaching the native language in the schools of Omsk and Omsk Region. Tatar activists closely monitored the situation, quickly responded to requests from Tatars to teach the Tatar language in schools, kept statistical data, and elaborated the "Program for Tatar Language Preservation for the Period from 1999 to 2003 in Omsk Region."

Keywords: *Omsk Region, Tatars, Tatar language, native language, preservation, ethnic and cultural associations.*

Сохранение этнического многообразия России – актуальная задача современности. Одну из главных ролей в ней играет сохранение родных языков многочисленных этносов Российской Федерации, поскольку родной язык является основой этнического самосознания. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. на волне всплеска интереса к этническим корням и традициям у представителей многих этносов возник интерес к изучению родного языка. В стране повсеместно открывались кружки по изучению различных языков, вводилось факультативное обучение в школах, началась подготовка специалистов для обучения родному языку и литературе в педагогических училищах и вузах. Аналогичные процессы происходили и у татар Западной Сибири. В статье рассматривается состояние изучения татарского (литературного) языка в Омской обл. в 1990-е – 2000-е гг. Источниками для настоящей статьи послужили материалы местной прессы Омского Прииртышья 1990-х – 2000-х гг., в т.ч. материалы прессы, издаваемой татарской общественностью, документы татарских национально-культурных объединений, данные интервью с лидерами татарских национально-кульутрных объединений, статистические данные, в т.ч. предоставленные Министерством образования Омской области.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Омской обл. проживало 47796 татар – на тот момент это был пятый по численности этнос региона, составлявший 2,3 % населения [Национальный состав…, 2004, с. 108–109].

Рассмотрим состояние изучения татарского языка в указанный временной период в областном центре. Обеспокоенностью за судьбу родного языка среди татар Омской области объяснялось значительное количество желающих, чтобы татарский язык преподавался в школе. Если в 1976 г. такое желание изъявляли 30 % опрошенных мужчин и 13 % женщин, то в 1988 г. – 44,5 % опрошенных [Томилов, 1990, с. 86–87; Томилов, Коровушкин, Реммлер, 1991, с. 63–64]. По данным этносоциологических опросов, проведенных среди сибирских татар в 1990-х гг., уже 95,2 % опрошенных считало, что в школе необходимо преподавать татарский язык [Смирнова, 2003, с. 44–45].

Основной формой изучения родного языка для омичей-татар являлись факультативы, т.к. ни в одной из школ Омска татарский язык не преподавался в качестве основного предмета школьной программы. В конце 1980-х гг., когда у татар Омской области стал возрождаться интерес к своей самобытности, национальной культуре и родному языку, преподавание татарского языка не велось ни в одной школе областного центра. С 1989 г. при школах Омска стали открываться факультативы татарского языка, однако их существование было недолгим в силу различных причин. В 1992 г. усилиями энтузиастов факультативы были открыты в трех омских школах, но без финансовой, материально-технической и методической поддержки они также не смогли проработать сколь-нибудь значительный срок.

В 1993 г. к идее открытия факультативов обратились активисты общественного объединения татар и башкир Омской области «Ватан» (руководитель – Х.К. Садыков). В 1993 г. общественное объединение «Ватан» представило программу по сохранению и развитию татарского языка. Было решено просить Комитет по образованию Администрации области начать в 1993–1994 учебном году обучение желающих татарскому языку в общеобразовательных школах Омска. Однако просьба не была удовлетворена, поэтому обучение татарскому языку пришлось организовывать своими силами.

Постепенно татарские национально-культурные объединения Омской области достигли успеха в деле организации факультативов татарского языка. Во второй половине 1990-х гг. постоянные факультативы татарского языка, как правило, проводились в двух-трех городских школах, а еще в нескольких школах занятия проходили периодически. Особенно заметны успехи второй половины 1990-х гг., когда активную работу по внедрению факультативного преподавания татарского языка в школах Омска проводил общественный отдел образования «Туган тел», действующий в структуре Региональной национально-культурной автономии татар (РНКАТ) Омской области. Так, по данным РНКАТ, в 1997–1998 учебном году факультативы по татарскому языку работали в пяти школах города, в 1998–1999 г. – в восьми школах и в ДК «Комсомольский», в 1999–2000 г. – в десяти школах и в ДК «Комсомольский» [Информация…, л. 246–247]. По данным Министерства образования Омской области, в 2007–2008 учебном году факультативы татарского языка работали в школах № 13 и 14 г. Омска, а также в ДК «Красная гвардия». Воскресный факультатив в ДК «Красная гвардия» был организован и проводился силами татарской национально-культурной автономии и действовал с апреля 2006 г., а занятия посещали не только дети, но и взрослые [Курманова, 2007].

Проблема, однако, заключалась в том, что факультативы татарского языка посещало незначительное число татар. Так, к примеру, в 1997–1998 учебном году обучение, организованное факультативно в пяти школах Омска, прошли в общей сложности 94 учащихся пятнадцати омских школ, а также одного колледжа и одного профессионально-технического училища [Справка…., л. 220].

Учитывая, что большая часть татар региона проживала и проживает в областном центре, этого количества было явно недостаточно.

В качестве преподавателей татарского языка выступали педагоги-татары, хорошо знающие литературный татарский язык, но не имеющие специального образования и работающие по другим специальностям. Так, к примеру, с 1997 по 2000 гг. факультативное преподавание татарского языка в школах города проводили Н.Х. Ахмерова, учитель начальных классов, Р.А. Ниязова, учитель биологии и географии, З.Ш. Ниязова, учитель начальных классов, Н.В. Кучукова, библиотекарь, Г.Ф. Радченко, учитель географии и биологии. И только Г.Р. Ахмерова, проводившая с 1998 г. факультатив по татарскому языку в школе № 14 г. Омска по авторской программе, по специальности являлась учителем татарского языка и литературы [Информация…, л. 246–247].

Проблема отсутствия в Омске квалифицированных кадров для преподавания татарского языка и литературы была очевидна еще в начале 1990-х гг. Для ее решения общественное объединение «Ватан» предприняло ряд безуспешных усилий: так, практика направления студентов на учебу в вузы Республики Татарстан не оправдала себя, а из-за отсутствия средств не удалось организовать двухгодичные вечерние курсы по подготовке учителей татарского языка и литературы в Институте повышения квалификации работников образования (в 1994 г. были организованы только двухнедельные курсы).

Сознавая важность подготовки педагогических кадров для национальной школы, руководство общественного объединения «Ватан» обращалось с письмами к министру по делам национальностей и федеративных отношений РФ и к губернатору Омской области Л.К. Полежаеву с просьбой о выделении средств для открытия при Омском государственном педагогическом университете специальности «Татарский язык и литература». Согласно предварительной разработке, это должен был быть дневной двухгодичный специальный факультет с ускоренной интенсивной программой обучения молодых преподавателей татарского происхождения, имеющих педагогическое образование иного профиля, готовящий учителей по специальности «Татарский язык и литература». Однако Министерство РФ по делам национальностей и федеративным отношениям заявило, что решение вопроса не относится к его компетенции, а Министерство образования РФ сослалось на отсутствие средств в федеральном бюджете и предложило искать финансирование в областном бюджете. Х.К. Садыков обратился с повторным письмом к губернатору Омской области, но вопрос не был решен положительно из-за отсутствия средств на его исполнение [Мусульмане…, 2003, с. 244–252].

Благодаря активной позиции татарских национально-культурных объединений Омской области вопрос с подготовкой учителей татарского языка и литературы все же был решен. В июле 2001 г. Министерство образования РФ утвердило для училищ и колледжей специальность «Родной язык и литература». В 2002–2003 учебном году на базе Омского педагогического училища № 1 (с 2005 г. – Омский педагогический колледж № 1) впервые был произведен набор группы по подготовке учителей начальных классов с дополнительной подготовкой в области родного (казахского и татарского) языка. Первый набор в группу по специальности «Преподавание в начальных классах с дополнительной подготовкой в области родного (национального) языка» составил десять человек [Резодубов, 2002; Шипилова, 2003]. В 2000-е гг. состоялось несколько выпусков по указанной специальности. Учащиеся четвертого курса проходили учебную практику по родному языку в школе № 14 г. Омска с углубленным изучением отдельных предметов, где татарский язык изучался факультативно с 1998 г. [Ахмерова, 2006].

Далее рассмотрим состояние изучения татарского языка в указанный временной период в районах Омской области. В 1993 г. в Омской обл. действовало 24 школы, в которых полноценно преподавался татарский язык, не считая школ, в которых велись факультативные занятия, а в педагогическом училище г. Тара действовало отделение по подготовке учителей татарского языка [Меха, 1993, с. 47]. Однако постепенно количество школ с преподаванием татарского языка и литературы сокращалось, а полноценный предмет школьной программы заменялся факультативной формой обучения. К 2002 г. татарский язык изучался в 21 школе, в т.ч. и факультативно [Фаттахова, Шугуров, 2002, с. 143]. По данным Министерства образования Омской области, в 2004–2005 учебном году татарский язык в 21 школе области изучало 870 детей, в т.ч. факультативно [Сведения…, л. 177]. В 2007–2008 учебном году татарский язык в 21 школе области изучало 707 детей, в том числе факультативно [Сведения…, л. 178]. В целом же в течение 2000-х гг. произошло значительное смещение в сторону факультативного изучения.

Наиболее известная школа Омской обл. с преподаванием татарского языка и литературы – средняя школа с. Уленкуль Большереченского р-на, основанная в 1925 г. С 1939 г. она функционировала как национальная татарская школа, а в исследуемый период являлась школой с этнокультурным компонентом. Помимо татарского языка и литера-

туры в школе преподавались основы национальной культуры и истории сибирских татар. С 1-го по 4-й класс изучался курс «Основы национальной культуры», а в 11-ом классе в учебную программу был введен спецкурс «История и культура сибирских татар» [Ахмадеева, 1999, с. 133–135; Мачитова, Раева, 2006, с. 38–39].

Ситуация с изучением родного языка в школах Омска и области в 1990-е – 2000-е гг. не переставала волновать представителей татарских национально-культурных объединений. Тогдашний лидер татарского национального движения Омской области Х.К. Садыков считал, что каждый человек должен знать свой язык с колыбели. «Язык – это стержень нации, без него народ обречен на исчезновение. Без знания своего языка и культуры человек не может стать гармонично развитой личностью» [Садыков, 1998].

Активисты РНКАТ разработали «Программу сохранения татарского языка на период с 1999 по 2003 гг. в Омской области», в которой были намечены меры по сохранению языка и восстановлению национальной системы образования. В Программе говорилось о необходимости постепенного преобразования русских школ, действующих в местах компактного проживания татар в девяти районах Омской обл., в национальные, а также о целесообразности открытия еще 14 национальных школ помимо этого. В Омске, согласно Программе, планировалось «в срок до 2010 г. открыть 10 национальных татарских средних школ и садов, 145 факультативов, число которых по мере открытия школ будет сокращаться» [Садыков, 1999]. При этом разработчики Программы подсчитали, что для преподавания татарского языка и литературы в школах города и области потребуется 718 преподавателей. Для преодоления кадровой проблемы Программа предусматривала открытие в Омске Специального факультета – филиала Казанского государственного университета по переподготовке лиц, имеющих высшее педагогическое образование. Планировалось, что набор на дневное двухгодичное обучение с интенсивной ускоренной программой составит 25–50 человек в год. Что касается воплощения Программы в жизнь, Федеральное правительство с пониманием и поддержкой отнеслось к данному вопросу, что стало понятно из его ответов на обращения татарской общественности Омской обл. Однако из-за отсутствия финансовых средств (по подсчетам разработчиков, на открытие и работу Спецфакультета в 2000 г. потребовался бы 1,330 млн руб.) данный вопрос не был решен.

Повторные исследования РНКАТ, проведенные в 2002 г., показали, что в Омской области насчитывается около 8400 учеников татарской национальности, половина из которых проживает в Омске, а состояние изучения родного языка в школах города и области было отмечено как неудовлетворительное [Андреев, 2007].

В 1990-е – 2000-е гг. для Омской обл. было характерно снижение престижа татарского языка. С каждым годом все меньшее количество детей и молодых людей изъявляло желание изучать родной язык, с чем было связано, в частности, сокращение числа факультативов по изучению татарского языка в школах Омска. По мнению специалистов отдела по делам национальной политики и религии Министерства культуры Омской области, программы по развитию национальных языков в школах города проводились именно в том объеме, в каком присутствовал на тот момент спрос, однако факультативы по изучению татарского языка в Омске оказались невостребованными. Изначально факультативы по татарскому языку действовали во многих школах города, однако в тех школах, где желающих изучать родной язык не осталось, занятия прекратились [Мотовилов, 2005].

В этой ситуации стало очевидно, что приоритетным направлением деятельности татарских национально-культурных объединений Омской обл. должно было стать повышение престижа татарского языка среди детей и молодежи. Однако, как отмечал Х.К. Садыков, невозможно заниматься вопросами сохранения национальной культуры на энтузиазме общественников. Сохранение языка, обучение детей на родном языке требовало принципиально иного подхода. Речь шла не только о финансировании, но и о создании ситуации востребованности национального образования, его «прикладного» значения, возможности продолжения обучения в национальных вузах [Садыков, 2004]. Необходимо было воссоздать целостную вертикаль непрерывного национального образования от детского сада до вуза, включая профессиональное образование и подготовку преподавателей. При этом система татарского национального образования должна была включать дошкольное, школьное, внешкольное и профессиональное образование.

Таким образом, несмотря на определенные успехи, достигнутые в деле изучения татарского языка в Омской обл. в 1990-е – 2000-е гг., необходимо констатировать, что в целом языковая ситуация для татар в регионе в этот период оставалась сложной. При этом в районах области действовали школы с этнокультурным компонентом, а в областном центре обучение детей велось только факультативно. Тем не менее, не взирая на нехватку преподавателей и равнодушие чиновников, татарские активисты прилагали большие усилия, чтобы татарский язык на территории Омской обл. сохранялся и изучался.

Список литературы

Андреев В. Быть или не быть? // Татарский мир. – 2007. – Апрель. – № 4.

Ахмадеева З.С. Проблемы развития национальной культуры в сельской школе // Развитие системы воспитания в учреждениях образования: Материалы областной науч.-практ. конф. – Омск: [б.и.], 1999. – С. 133–135.

Ахмерова Г. Первые шаги // Татарский мир. – 2006. – Январь.– № 1.

Информация о состоянии обучения родному языку в школах г. Омска за 1997–98; 1998–99 и на 1999–2000 учебные годы // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – П. 196–1. – К. 55. – Л. 246–247.

Курманова Э. День татарского языка празднуем в кругу друзей // Татарский мир. – 2007. – Февраль. – № 2.

Мачитова Р.М., Раева С.Ж. Проблемы развития национальной культуры в сельской школе // Образование Омской области. – 2006. – № 1 (8). – С. 38–39.

Меха И.В. О проблемах развития национального образования в Омской области // Состояние и перспективы развития межнациональных отношений в Омской области (Информационный бюллетень № 16). – Омск, 1993. – С. 44–50.

Мотовилов А. Кого тянут за язык? // Четверг. – 2005. – 3 марта – № 9.

Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетия: Сборник документов / Сост. С.В. Новиков, И.А. Турсунов, И.В. Новикова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 271 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 946 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1).

Резодубов А. Когда за словом следует дело // Омская правда. – 2002. – 11 октября. – № 75.

Садыков Х. О жизненных силах национальной культуры // Татарский мир. – 2004. – Март. – № 1.

Садыков Х. Омский ликбез: анализ ситуации // Татарские края. – 1999. – Апрель. – №№ 14–15.

Садыков Х. Язык – это стержень нации, без него народ обречен на исчезновение // Вестник НКО. Газета общественных организаций Омской области. – 1998. – № 10.

Сведения об изучении родного языка в общеобразовательных учреждениях Омской области на начало 2004–2005 учебного года // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – П. 196–1. – К. 36. – Л. 177.

Сведения об изучении родного языка в общеобразовательных учреждениях Омской области на начало 2005–2006 учебного года // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – П. 196–1. – К. 37. – Л. 178.

Смирнова Т.Б. Современные этнические процессы в Западной Сибири: Учебное пособие. – Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та; Изд. дом «Наука», 2003. – 95 с.

Справка о работе общественного отдела по обучению родному языку в факультативах при ОО «Ватан» за I полугодие 1998 года // Архив МАЭ ОмГУ. – Ф. I. – П. 196–1. – К. 47. – Л. 220.

Томилов Н.А. Проблемы национального образования у татар Сибири // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР: Тезисы докладов: В 2 кн. – Кн. I. – Омск: [б.и.], 1990. – С. 86–87.

Томилов Н.А., Коровушкин Д.Г., Реммлер В.В. Динамика этнических процессов у народов и национальных групп Западной Сибири // Этническая история и культура народов Советской страны: Тезисы докладов Всес. научн. конф. молод. ученых. – Омск: [б.и.], 1991. – С. 63–64.

Фаттахова Р.Т., Шугуров Л.М. Система национального образования как фактор формирования самосознания и культуры сибирских татар (региональный аспект) // Сибирская деревня: история, современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. тр.: В 3-х ч. – Ч. II. – Омск: Изд-во Омск. гос. аграр. ун-та, 2002. – С. 142–144.

Шипилова Т. Простая философия национального вопроса // Омская правда. – 2003. – 4 апреля. – № 24.

References

Andreev V. Byt’ ili ne byt’? In *Tatarskii mir*, 2007, No 4, April. (In Russ.).

Ahmadeeva Z.S. Problemy razvitija nacional’noj kul’tury v sel’skoj shkole. In *Razvitie sistemy vospitanija v uchrezhdenijah obrazovanija*: Materialy oblastnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Omsk: [s.n.], 1999, pp. 133–135. (In Russ.).

Akhmerova G. Pervye shagi. In *Tatarskii mir*, 2006, No 1, January. (In Russ.).

Fattahova R.T., Shugurov L.M. Sistema nacional’nogo obrazovanija kak faktor formirovanija samosoznanija i kul’tury sibirskih tatar (regional’nyj aspekt). In *Sibirskaja derevnja: istorija, sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija*: Sbornik nauchnyh trudov: In 3 pts. Pt. II. Omsk: Omsk State Agrarian Univ. Press, 2002, pp. 142–144. (In Russ.).

Informatsiya o sostoyanii obucheniya rodnomu yazyku v shkolakh g. Omska za 1997–98; 1998–99 i na 1999–2000 uchebnye gody. In *Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University*, f. I, p. 196–1, k. 55, pp. 246–247. (In Russ.).

Kurmanova E. Den’ tatarskogo yazyka prazdnuem v krugu druzei. In *Tatarskii mir*, 2007, No 2, February. (In Russ.).

Machitova R.M., Raeva S.Zh. Problemy razvitija nacional’noj kul’tury v sel’skoj shkole. In *Obrazovanie Omskoj oblasti*. 2006, No 1 (8), pp. 38–39. (In Russ.).

Meha I.V. O problemah razvitija nacional’nogo obrazovanija v Omskoj oblasti. In *Sostojanie i perspektivy*

razvitija mezhnacional'nyh otnoshenij v Omskoj oblasti (Informacionnyj bjulleten' № 16). Omsk, 1993, No 16, pp. 44–50. (In Russ.).

Motovilov A. Kogo tyanut za yazyk? In *Chetverg*, 2005, No 9, March 3rd. (In Russ.).

Novikov S.V., Tursunov I.A., Novikova I.V. (ed). Musul'mane Omskogo Priirtysh'ja na poroge tysjacheletija: Sbornik dokumentov. Omsk: Omsk State Univ. Press, 2003, 271 p. (In Russ.).

Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo. Moscow: Informacionno-izdatel'skij centr «Statistika Rossii», 2004, 946 p. (Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 g.: In 14 vs / Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki; V. 4, P. 1). (In Russ.).

Rezodubov A. Kogda za slovom sleduet delo. In *Omskaya pravda*, 2002, No 75, October 11th. (In Russ.).

Sadykov Kh. O zhiznennykh silakh natsional'noi kul'tury. In *Tatarskii mir*, 2004, No 1, March. (In Russ.).

Sadykov Kh. Omskii likbez: analiz situatsii. In *Tatarskie kraya*, 1999, No 14–15, April (In Russ.).

Sadykov Kh. Yazyk – eto sterzhen' natsii, bez nego narod obrechen na ischeznovenie. In *Vestnik NKO. Gazeta obshchestvennykh organizatsii Omskoi oblasti,* 1998, No 10. (In Russ.).

Shipilova T. Prostaya filosofiya natsional'nogo voprosa. In *Omskaya Pravda*, 2003, No 24, April 4th. (In Russ.).

Spravka o rabote obshchestvennogo otdela po obucheniyu rodnomu yazyku v fakul'tativakh pri OO «Vatan» za I polugodie 1998 goda. In *Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University*, f. I, p. 196–1, k. 47, p. 220. (In Russ.).

Svedeniya ob izuchenii rodnogo yazyka v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Omskoi oblasti na nachalo 2004–2005 uchebnogo goda. In *Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University*, f. I, p. 196–1, k. 36, p. 177. (In Russ.).

Svedeniya ob izuchenii rodnogo yazyka v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Omskoi oblasti na nachalo 2005–2006 uchebnogo goda. In *Archive of the Museum of Archeology and Ethnography of Omsk State University*, f. I, p. 196–1, k. 37, p. 178. (In Russ.).

Smirnova T.B. Sovremennye jetnicheskie processy v Zapadnoj Sibiri: Uchebnoe posobie. Omsk: Omsk State Pedagogical Univ. Press; «Izdatel'skij dom «Nauka», 2003, 95 p. (In Russ.).

Tomilov N.A. Problemy nacional'nogo obrazovanija u tatar Sibiri. In *Jetnicheskie i social'no-kul'turnye processy u narodov SSSR*: Tezisy dokladov: In 2 pts. Pt. I. Omsk: [s.n.], 1990, Pp. 86–87. (In Russ.).

Tomilov N.A., Korovushkin D.G., Remmler V.V. Dinamika jetnicheskih processov u narodov i nacional'nyh grupp Zapadnoj Sibiri. In *Jetnicheskaja istorija i kul'tura narodov Sovetskoj strany*: Tezisy dokladov Vsesojuznoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh. Omsk: [s.n.], 1991, pp. 63-64. (In Russ.).

Ильина А.А. https://orcid.org/0000-0002-8267-3908

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0806-0811
УДК 394+911.53

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

Культовые и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти

На основе подходов, разработанных в рамках этнокультурного ландшафтоведения, а также многолетних полевых наблюдений в степных и лесостепных районах Западной Сибири в статье рассматриваются традиционные и современные модели организации жизненного пространства сельских территорий. Дается обоснование инвариантной структуры сельских культурных ландшафтов, включающей в себя систему поселений, хозяйственных и промысловых угодий, а также культовых памятников. Показано, что конструирование сакральной инфраструктуры сибирских культурных ландшафтов на ранних этапах освоения края было связано с созданием сети народно-православных культов, в основе которых лежали славянские традиции почитания святых мест и сакральных объектов природы, служивших воплощением культурной памяти и локальной идентичности местного населения. Отмечено, что формирование нового символического пространства (советской мемориальной среды), происходившее путем создания памятных мест борцам за советскую власть, трансформировало роль традиционных сакральных центров сельских поселений, функции которых отчасти перешли к новым мемориальным комплексам. Братские могилы участников Гражданской войны, а также мемориалы героям Отечественной войны органично вписались в структуру современных сельских ландшафтов. Вместе с тем, особое внимание в работе уделяется вопросам коммеморации крестьянских восстаний начала 1920-х гг., за которыми в научном и публицистическом дискурсе относительно недавно закрепилось название Сибирской Вандеи. Анализируются причины длительного замалчивания фактов вооруженной борьбы сельского населения против политики большевиков. Приводятся примеры «вернакулярных мест памяти», в т.ч. история происхождения одной из наиболее почитаемых святынь Алтайского края – святого ключа, вобравшего в себя признаки как культового, так и мемориального места.

Ключевые слова: *степные и лесостепные ландшафты, Западная Сибирь, сельские территории, символическое пространство, культовые и мемориальные места, коллективная память, Сибирская Вандея.*

G.V. Lyubimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

Cult and Memorial Sites in Rural Landscapes of Western Siberia: Correlation and Collective Memory Issues

Based on the approaches developed in the Cultural Landscape Studies, as well as field materials collected in the steppe and forest-steppe regions of Western Siberia, the article discusses traditional and modern models of rural areas living space organizing. The substantiation of the invariant structure of rural cultural landscapes is provided, which includes a system of settlements, economic and fishing grounds, as well as religious sites. It is shown that the emergence of the Siberian landscapes sacral infrastructure at the early stages of the region development meant the creation of a folk religious network based on the Slavic traditions of venerating sacred places and natural objects that served as an embodiment of cultural memory and local identity of the local population. It was noted that the formation of a new symbolic space, which took place through the creation of memorial sites for the fighters for the Soviet power, transformed the role of traditional sacral centers of rural settlements, since their functions were partially transferred to new memorial complexes. The mass graves of the Civil War participants, as well as memorials to the heroes of the Great Patriotic War organically fit into the structure of modern rural

landscapes. Special attention is paid to the problem of peasant uprisings commemorations of the early 1920s, which were recently named the Siberian Vendée in scientific and publicistic discourse. The reasons for the prolonged silence about the facts of the rural armed struggle against the Bolsheviks policy are analyzed. Examples of the "folk memory places" are given, including the history of one of the most revered shrines of the Altai Territory, that is the holy key, which has incorporated the features of both cult and memorial sites.

Keywords: *steppe and forest-steppe landscapes, Western Siberia, rural areas, symbolic space, cult and memorial sites, collective memory, Siberian Vendée.*

Согласно современным подходам, разработанным в гуманитарной географии, этнической экологии и социальной антропологии, культурный ландшафт является «неотъемлемым аспектом существования… небольших локальных этнокультурных групп» [Каганский, 2009, с. 62]. К числу важнейших принципов данных дисциплин относится, таким образом, изучение локальных сообществ в тесной взаимосвязи с особенностями природы, климата и рельефа. Первичным уровнем анализа культурных ландшафтов оказывается при этом территория, ресурсы которой совместно используются устойчиво существующим во времени хозяйственным коллективом – сельской общиной или этнотерриториальной группой [Ямсков, 2003, с. 63, 70].

Региональная вариативность сельских культурных ландшафтов связана с разнообразными факторами – спецификой хозяйственной деятельности местного населения, расположением сельскохозяйственных и промысловых угодий, особенностями расселения, преобладающим типом построек, культовых сооружений и пр. Вместе с тем, как отмечают авторы, работающие в рамках культурного ландшафтоведения (Cultural Landscape Studies), инвариантный характер традиционной структуры сельских ландшафтов определяется территориальным единством основных функциональных зон. Поскольку генезис культурных ландшафтов сопровождается обычно вырубкой лесов, созданием полей, прокладкой дорог, строительством селений и храмов, в структуру сельских культурных ландшафтов наряду с селитьбой и хозяйственными угодьями, по мнению В.Н. Калуцкова, следует включать и сакральные типы мест [Калуцков, 2011, с. 25]. В качестве структурообразующих элементов культурного ландшафта Русского Севера М.Е. Кулешова также выделяет отдельные сельские поселения (или их группу – куст), хозяйственные и промысловые угодья (поля, луга, озера, лесные массивы), а кроме того – традиционные сакральные локусы освоенного пространства [Кулешова, 2019, с. 36–37, 42].

Сходной позиции придерживаются исследователи религиозно-мифологических воззрений сельского населения, в т.ч. «крестьянской мифологии ландшафта». Так, по словам А.А. Панченко, структура культурных ландшафтов сельского типа складывается из системы поселений, земледельческих угодий и культовых памятников. Причем в настоящее время, подчеркивает автор, когда фольклорно-этнографические традиции русской деревни размываются и отмирают, религиозно-обрядовые практики, связанные с почитанием священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения, нередко сохраняются нетронутыми, а в некоторых случаях и возрождаются [Панченко, 1998, с. 12, 67].

Своеобразие сибирских культурных ландшафтов на ранних этапах освоения края было связано с повсеместным утверждением религиозных святынь и символов, означавших включение неизведанных ранее пространств в мир «истинной, христианской веры». И если на макроуровне подобные процессы выражались в строительстве православных монастырей и храмов, которые становились паломническими центрами общесибирского значения, то на микроуровне конструирование сакральной инфраструктуры проявлялось в создании сети народно-православных культов, в основе которых лежали славянские традиции почитания святых мест и сакральных объектов природы [Любимова, 2021, с. 8].

На основе многолетних полевых исследований культурных ландшафтов степных и лесостепных районов Западной Сибири (Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская обл.) было установлено, что на протяжении большей части XX в. расположенные в поле или лесу природно-сакральные комплексы (ландшафтные объекты окружающих угодий с сопутствующими им культовыми сооружениями) оставались одним из оплотов народной религиозности. Более того, в советское время, когда количество действующих сельских храмов было невелико, деревенские святыни нередко заменяли местным жителям церковь. Современное состояние народно-православной традиции почитания святых мест, повсеместное возрождение которой в настоящее время происходит при непосредственном участии Русской Православной Церкви, характеризуется регулярным проведением крестных ходов и возведением культовых сооружений (деревянных

крестов, часовен или храмов) в непосредственной близости от объекта природы, наделенного сакральным статусом. В подавляющем большинстве случаев в роли такого объекта выступает водный источник (святой родник или ключ), отмеченный, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала. Указанная символика поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о так называемых явленных (всплывающих время от времени из воды) иконах («божественных ликах»), большая часть которых относится к богородичному типу [Любимова, 2013, с. 28, 36].

Само явление божественного образа, пишет в этой связи А.А. Панченко, служит своего рода знаком, посредством которого потусторонний (сакральный) мир «отмечает» выделенность данного места из окружающего пространства, сообщая ему статус священного локуса [Панченко, 1998, с. 135, 139]. При этом основной функцией почитаемых мест, считает автор, является «упорядочивание профанного и сакрального пространства» посредством регулярного контакта мира живых с миром мертвых [Там же, с. 264]. Ареал действия подобных святынь характеризуется распространением локальных мифов и бытовых рассказов о «начале» почитаемого места, его сакральных свойствах (в основном – чудесных исцелениях), наказании святотатцев и непременном восстановлении святости. Закономерное формирование собственного, обращенного в прошлое повествовательного репертуара, происходящее в жизни каждой природной святыни, делает ее, по словам Л.В. Фадеевой, «силовым полюсом» местной традиции, «сгустком сакральной и исторической памяти» и в то же время – материальным воплощением «памяти пространства» [Фадеева, 2002, с. 124–125, 130]. По этой причине почитаемые места всегда служат выражением не только культурной памяти, но и локальной идентичности местного населения.

Начиная с 1920-х гг., воплощением коллективной памяти сельского населения об исторических событиях советской эпохи повсеместно становится совершенно новый тип мемориальных мест. Начавшееся сразу после Октябрьской революции формирование нового символического пространства (советской мемориальной среды), отмечает Е.И. Красильникова, происходило путем создания памятных мест борцам за советскую власть [Красильникова, 2016].

Известно, что в случаях, когда речь идет о событиях локальной истории, исторические факты, хранящиеся в коллективной памяти местного населения, обычно соотносятся с конкретным пространственно-географическим локусом, получая привязку к местному природному и культурному окружению. Локализация исторического события повышает его значимость.

В отличие от сражений Великой Отечественной войны, боевые действия времен Гражданской войны разворачивались непосредственно на территории сибирского региона. В коллективной памяти сельского населения Сибири сохранились сведения о значении отдельных элементов окружающего ландшафта, связанных с дислокацией или гибелью участников вооруженного противостояния (красноармейцев, партизан, колчаковцев и местных крестьянских повстанцев), и даже – легенды о кладах, зарытых при отступлении одной из воюющих сторон. Именно поэтому редкий сельский населенный пункт в обследованных районах не отмечен сегодня мемориалом в память о местных жителях, погибших в годы Гражданской войны.

Мемориализация той и другой войны в сельской местности имеет свои особенности. Первые обелиски односельчанам, погибшим во время Великой Отечественной войны, появились не сразу, а только к двадцатилетию победы, в 1965 г., поскольку в первые послевоенные годы официально считалось, что гораздо важнее «восстанавливать страну, а не увлекаться торжествами и салютами» [Гайна, 2011, с. 121]. Памятники участникам Гражданской войны, напротив, стали появляться практически сразу после окончания военных действий. Чаще всего такие мемориалы представлены братскими могилами односельчан, погибших в борьбе с колчаковцами в 1919 г. Намогильные сооружения выполнены, как правило, в форме увенчанного пятиконечной звездой обелиска с прикрепленной к нему табличкой, на которой перечислены имена партизан, павших за советскую власть. Другие виды мемориальных мест представлены памятными стелами и одиночными могилами. Все памятники данной группы расположены либо в границах жилой зоны (ближе к периферии), либо на территории сельского кладбища. Расположение памятников героям Отечественной войны, имеющих в настоящее время гораздо более важное идеологическое значение, напротив, тяготеет к административно-хозяйственным центрам поселений [Маклаков, 2021, с. 39, 60–61], (ПМА, 2019, р.п. Сузун, Сузунский р-н, Новосибирская обл.). В целом полевые материалы подтверждают выводы авторов сборника «Революция и Гражданская война…» о том, что многие памятники и мемориалы героям и жертвам того времени находятся сегодня в неудовлетворительном состоянии, фактически забыты местными властями, а население уже мало что знает об их смысле и о людях, которым они посвящены [2018, с. 218].

Одной из немногих работ, в которых рассматривается соотношение военно-мемориальных комплексов с традиционными сакральными центрами сельских поселений, является публикация Т.Н. Золотовой. По данным автора, в 1960–70-е гг. во многих селах Западной Сибири на месте разрушенных церквей были установлены памятники воинам, погибшим не только в Отечественную, но и в Гражданскую войну, в результате чего бывшее сакральное место трансформировалось в сакрально-мемориальное пространство, место коллективной памяти сельского населения, где происходят митинги, демонстрации, возложения венков и другие мемориальные акции. Одним из таких мест стал сакрально-мемориальный комплекс в с. Черное Вагайского р-на Тюменской обл., пространство которого включает в себя не только часовню Павшим за Родину в 1941–1945 гг., но и огороженную могилу погибших в ходе «кулацко-эсеровского мятежа» (как принято было называть Ишимское крестьянское восстание в советское время). Несмотря на сложившееся за годы советской власти мнение, что погибшие – «это жертвы белых», автор считает вероятным, что захороненные в братской могиле были «жертвами жестокого подавления Ишимского восстания со стороны красных» [Золотова, 2016, с. 140–142].

Следует отметить, что утвердившийся еще в советское время официальный мемориальный канон характеризовался практически полным замалчиванием фактов вооруженной борьбы местного крестьянского населения против политики большевиков в начале 1920-х гг. Многочисленные восстания сибиряков, сопровождавшиеся жестокими репрессиями и закончившиеся поражениями, пишет в этой связи В.И. Шишкин, плохо вписывались в официальную героико-романтическую концепцию Гражданской войны. Более того, в советское время сформировался идеологический стереотип, в соответствии с которым любая контрреволюционная акция рассматривалась как «черная» страница отечественной истории. Подобного рода события следовало, как считалось, не изучать, а предавать забвению [Сибирская Вандея, 1997, с. 4].

Во многих исследованиях Гражданская война до сих пор продолжает рассматриваться почти исключительно в контексте борьбы «красных» и «белых», тогда как наиболее известным «третьим цветом» в этот период, подчеркивает А.В. Посадский, стал «зеленый». Именно такое название (преимущественно в Европейской части страны) получило крестьянское вооруженное движение 1918–1922 гг., воспринимавшееся в народе «как самостоятельная, мужицкая, противоположная и белым и красным, сила» [Посадский, 2018, с. 279]. Как констатируют авторы сайта, посвященного Тамбовскому (Антоновскому) и Западно-Сибирскому (Ишимскому) крестьянским восстаниям, долгие годы «официальные мемориальные практики формировались лишь вокруг одной из сторон конфликта и представляли собой мемориалы… погибшим красноармейцам, принимавшим участие в подавлении восстаний». В то же время, наряду с официальными местами памяти, «на протяжении всего советского периода существовали и вернакулярные, зачастую никак специально не обозначенные пространства. Они формировали мемориальные практики, позволяющие передавать и воспроизводить не только официальную память победителей, но и более широкий спектр мемориальных нарративов», в т.ч., связанных с коммеморацией участников крестьянских антибольшевистских восстаний 1920–1921 гг. В качестве примера исследователи приводят ни разу не распаханный за все советское время участок поля в с. Протасово Тамбовской обл., где, как считается, были захоронены участники крупнейшего крестьянского восстания – антоновцы. Другим примером подобного рода является памятник тамбовскому мужику. Официально никак не связанный с восстаниями, на вернакулярном уровне сегодня он воспринимается как памятник жертвам Гражданской войны [После бунта, URL].

Особое, промежуточное, положение в ряду культовых и мемориальных мест западно-сибирского региона занимает расположенный в с. Сорочий Лог Первомайского р-на Алтайского края сакральный комплекс, включающий в себя источник со святой водой, поклонный крест, а также скрытую в ближней роще братскую могилу, уход за которыми осуществляют насельницы женского православного скита, построенного неподалеку в постсоветские годы. Обладая рядом признаков, типичных для почитаемого места (рассказы о явленных ликах и чудесных исцелениях, обетные приношения паломников и пр.), указанный локус приобрел в последовавший за окончанием Гражданской войны период дополнительные мемориальные свойства. Согласно донесению алтайских губернских властей, в ходе подавления в 1920 г. «Сорокинского» (с центром в с. Сорокино Заобского р-на Барнаульского у.) восстания, вызванного «недовольствием… (со стороны) кулацкого населения» политикой советской власти (прежде всего, «продразверсткой и другими налогами»), «были расстреляны граждане с. Сорочий Лог». Впоследствии «святой ключ», который, как сказано в документе, «открылся» возле могилы «расстрелянных бандитов», стал местом массового паломничества. Долгое время местные жители, утверждают авто-

ры-составители старообрядческой «Повести о святом ключе», могли видеть в воде образы «погибших страдальцев», каждого из которых, как следует из текста, они «знают на имя», поскольку «недалеко от ручья находятся их могилы, куда родственники ходят молиться и поминать убитых» [Любимова, 2013, с. 33–35].

В данном случае, как видим, мифологизация локальных исторических событий, «не вписавшихся» в официальный исторический дискурс, сопровождалась сакрализацией местного ландшафта и была соотнесена с народно-православными практиками почитания святых мест. Значимые этапы в истории почитаемого места (включая массовое паломничество к святому ключу в середине 1920-х гг., инициированную местными властями кампанию по его десакрализации и окончательную апроприацию территории официальными религиозными институтами в 1990-е гг.), изменили его символическое значение (в настоящее время оно воспринимается как «место гибели православных священников и прихожан»), что привело к ситуации взаимного отчуждения сельской святыни и местного населения (ПМА, 2019, 2021).

В заключение отметим, что начиная с 1990-х гг. по аналогии с событиями времен Великой Французской революции (после 200-летнего юбилея, когда присутствовавший на церемонии в качестве почетного гостя А.И. Солженицын впервые высказал мысль о поразительном сходстве восстаний французских и тамбовских крестьян) в отечественной историографии и публицистике стали проводиться исторические параллели между крестьянскими антибольшевистскими восстаниями периода Гражданской войны в России и восстанием крестьян департамента Вандея [Сибирская Вандея, 1997 и др.]. В исследованиях, посвященных осмыслению травматического опыта французской национальной истории, говорится, что власти страны долгое время хранили молчание и запрещали говорить правду о событиях в Вандее (что было позднее обозначено как «меморицид») [Мягкова, 2012; Таньшина, 2020 и др.]. Республиканские историки с самого начала пытались представить вандейцев жестокими фанатиками, бандитами и предателями отечества. Однако жители региона всегда боролись против «заговора молчания» и искажения фактов в учебниках истории. Сегодня на территории департамента имеются десятки памятников жертвам революционного террора и сотни мемориальных знаков, связанных с событиями крестьянской войны. Сохранением и приумножением этого наследия занимается историческое общество «Память Вандеи», основанное в 1932 г. [Тамбовская Вандея, URL]. Те же этапы в осмыслении «болевых точек» российской национальной истории, по всей видимости, предстоит пройти и российской исторической памяти.

Список литературы

Гайна Л. Праздник Дня Победы в современной русской деревне (из полевых наблюдений) // Временник Зубовского института. – 2011. – Вып. 6. – С. 119–123.

Золотова Т.Н. Мемориализация событий Гражданской войны в Вагайском районе Тюменской области // Гражданская война в России 1917–1921 гг.: историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. – М.: Ин-т наследия, 2016. – С. 139–144.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. – 2009. – № 1. – С. 62–70.

Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение. – М.: Геогр. фак-т МГУ, 2011. – 112 с.

Красильникова Е.И. Память сибиряков о Гражданской войне: коммеморации 1920-х – 1930-х гг. // Гражданская война в России 1917–1921 гг.: историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. – М.: Ин-т наследия, 2016. – С. 29–34.

Кулешова М.Е. Феномен культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. – 2019. – № 2 (2). – С. 35–48.

Любимова Г.В. Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // Studia Mythologica Slavica. – 2013. – Т. XVI. – С. 27–45.

Любимова Г.В. Структура и динамика сельских культурных ландшафтов. Обзор отечественной и англоязычной литературы // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т. 28. – № 2. – С. 5–12.

Маклаков М.И. Места памяти о событиях Гражданской войны в структуре сельских культурных ландшафтов Западной Сибири: мемориалы – практики – нарративы / квалиф. р-та бакалавра, научн. рук. Г.В. Любимова. – Новосибирск: ГИ НГУ, 2021. – 100 с.

Мягкова Е.М. Вандея в исторической памяти французов XIX столетия // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 249–267.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 320 с.

Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с.

После бунта: память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях [Электронный ресурс]. – URL: http://warandpeasant.ru (дата обращения: 20.09.2021).

Революция и Гражданская война в России: Современная историография / отв. ред. В.П. Любин; ред.-сост. М.М. Минц. – М.: РАН ИНИОН, 2018. – 223 с.

Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск: Олсиб, 1997. – 710 с.

Тамбовская Вандея. Док. фильм о подавлении восстания крестьян Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. / Реж. А.Г. Денисов. 2007 . – URL: https://youtu.be/KcguU5TiuUo (дата обращения: 25.08.2021).

Таньшина Н.П. Вандея в исторической памяти и политической культуре Франции // Наука. Общество. Оборона. – 2020. – № 8 (2). – С. 14–23.

Фадеева Л.В. «Память пространства»: устные рассказы о святых местах в полевых записях // Славянская традиционная культура и современный мир. – М: Гос. респ. центр русск. фольклора, 2002. – Вып. 4. – С. 124–135.

Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – С. 62–77.

References

Denisov A.G. (dir.). Tambovskaya Vandeya. O podavlenii vosstaniya krest'yan Tambovskoy gubernii v 1920–1921 gg. Documentary, 2007. URL: https://youtu.be/KcguU5TiuUo (Accessed: 25.08.2021). (In Russ.).

Fadeyeva L.V. «Pamyat' prostranstva»: ustnyye rasskazy o svyatykh mestakh v polevykh zapisyakh. In *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora, 2002, iss. 4, pp. 124–135. (In Russ.).

Gayna L. Prazdnik dnya pobedy v sovremennoy russkoy derevne (iz polevykh nablyudeniy). In *Vremennik Zubovskogo instituta*, 2011, iss. 6, pp. 119–123. (In Russ.).

Kaganskiy V.L. Kul'turnyy landshaft: osnovnyye kontseptsii v rossiyskoy geografii. *Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozreniye*, 2009. No. 1, pp. 62–70. (In Russ.).

Kalutskov V.N. Etnokul'turnoye landshaftovedeniye. Moscow: State Univ. Press, 2011, 112 p. (In Russ.).

Krasil'nikova Ye.I. Pamyat' sibiryakov o Grazhdanskoy voyne: kommemoratsii 1920–1930 gg. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1921 gg.: istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya*. Moscow: Institut naslediya, 2016, pp. 29–34. (In Russ.).

Kuleshova M.Ye. Fenomen kul'turnogo landshafta Kenozer'ya. *Naslediye i sovremennost'*, 2019, No. 2 (2), pp. 35–48. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Sibirskaya traditsiya pochitaniya svyatykh mest v kontekste narodnoy istoricheskoy pamyati. In *Studia Mythologica Slavica*, 2013, iss. XVI, pp. 27–45. (In Russ.).

Lyubimova G.V. Struktura i dinamika sel'skikh kul'turnykh landshaftov. Obzor otechestvennoy i angloyazychnoy literatury. In *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*, 2021, iss. 28, No. 2, pp. 5–12. (In Russ.). doi: 10.15372/HSS20210201

Lyubin V.P., Mints M.M. (eds.). *Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii: Sovremennaya istoriografiya*. Moscow: RAN INION, 2018, 223 p. (In Russ.).

Maklakov M.I. Mesta pamyati o sobytiyakh Grazhdanskoy voyny v strukture sel'skikh kul'turnykh landshaftov Zapadnoy Sibiri: memorialy – praktiki – narrativy: bachelor's degree. Novosibirsk, 2021, 100 p. (In Russ.).

Myagkova Ye.M. Vandeya v istoricheskoy pamyati frantsuzov XIX stoletiya. In *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati*. Moscow: IVI RAN, 2012, pp. 249–267. (In Russ.).

Panchenko A.A. Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskiye svyatyni Severo-Zapada Rossii. St. Petersburg: Aleteyya, 1998, 320 p. (In Russ.).

Posadskiy A.V. Zelenoye dvizheniye v Grazhdanskoy voyne v Rossii: krest'yanskiy front mezhdu krasnymi i belymi, 1918–1922 gg. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. 319 p. (In Russ.).

Posle bunta: pamyat' o Tambovskom i Zapadno-Sibirskom vosstaniyakh. URL: http://warandpeasant.ru (Accessed: 20.09.2021). (In Russ.).

Shishkin V.I. (ed.). *Sibirskaya Vandeya. Vooruzhennoye soprotivleniye kommunisticheskomu rezhimu v 1920 godu*. Novosibirsk: Olsib, 1997, 710 p. (In Russ.).

Tan'shina N.P. Vandeya v istoricheskoy pamyati i politicheskoy kul'ture Frantsii. *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, 2020, № 8 (2), pp. 14–23.

Yamskov A.N. Etnoekologicheskiye issledovaniya kul'tury i kontseptsiya kul'turnogo landshafta. In *Kul'turnyy landshaft: teoreticheskiye i regional'nyye issledovaniya*. Moscow: State Univ. Press, 2003, pp. 62–77. (In Russ.).

Zolotova T.N. Memorializatsiya sobytiy Grazhdanskoy voyny v Vagayskom rayone Tyumenskoy oblasti. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii 1917–1921 gg.: istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii «krasnogo» i «belogo» dvizheniya*. Moscow: Institut naslediya, 2016, pp. 139–144. (In Russ.).

Любимова Г.В. https://orcid.org/0000-0003-3538-2806

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0812-0815
УДК 394+316.444

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lucid1@yandex.ru

Стремление Русского государства к расширению своих границ на Востоке как знак утверждения своей мощи и самостоятельности

Включение новых земель под эгиду русской царской власти рассмотрено в широком этнополитическом контексте. Территориальные приращения были для Московского государства способом расширения своего влияния в условиях усиливающейся конкуренции национальных государств Европы. Прямое административное подчинение соседних народов подавалось как символ того, что могущество «Третьего Рима» на мировой арене возрастает во всех сферах человеческого существования, как в политической, так и в экономической. Показано, что для этих целей шло постоянное налаживание связей с соседствующими государствами и государственными объединениями. Окончательным знаковым оформлением территорий царская власть считала донесение соседним военно-потестарным и государственным объединениям о своих новых владениях. Несогласие соседей, как правило, выливалось в долгоиграющий пограничный конфликт, поскольку расширение царского титула новыми владениями не предполагало оспаривания. Московское правительство стремилось внедрить на всех подвластных ему территориях существующий в центральной части страны миропорядок. Это было частью символического включения новых территорий в состав этнополитической общности, наравне с фискальным налоговым учетом, знаменовавшим включение в состав социо-экономической общности. Доказано, что в большинстве таких действий удавалось избежать серьезных военных столкновений, так как правительственная политика всячески включала в эти процессы автохтонное население. Увеличение переселенческого российского населения стимулировало освоение новых территорий, строительство новых городов. Заключается, что к концу XVII столетия Сибирь в значительной степени утратила зависимость от Московского государства. Однако унифицирующие связи с европейской Россией только возрастали, касаясь всех сторон жизни, в том числе культурной.

Ключевые слова: *Московское государство, территория, новые земли, переселенцы, аборигены, символ, знак, служилые люди, крестьяне, обеспечение.*

A.A. Lyutsidarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lucid1@yandex.ru

Intention of the Russian State to Expand Its Borders in the East as a Sign of the Assertion of Its Power and Independence

Expansion to the new territories under the authority of the Russian Crown is considered in a wide ethno-political context. For the Muscovite state, territorial augmentation was a way of expanding its influence under the conditions of increasing competition from the national European states. Direct administrative subordination of neighboring peoples was presented as a symbol of the power of the "Third Rome" on the world stage. The author arguments that for these purposes there was a constant establishment of relations with neighboring proto-states and states. The tsarist authorities considered the report to the neighboring military-potestary and state associations about their new possessions to be the final symbolic formalization of the territories. The disagreement of neighbors resulted in a long-term border conflict. The tsarist title to new possessions did not involve any challenge. The Moscow government sought to introduce the world order existing in the central part of the country in all the territories under its control. This was a part of the symbolic inclusion of new territories in the ethnopolitical community, along with fiscal tax accounting, which marked the inclusion in the socio-economic community. It is proved that in most of these actions, serious military clashes were avoided. The reason was government policy. It incorporated the autochthonous population in these processes. The increase in the resettled Russian population stimulated the development

of new territories and the construction of new towns. It is concluded that, by the end of the 17th century, Siberia had largely lost its dependence on the Moscow state. However, the coherency with European Russia only grew, implicating all aspects of life, including cultural.

Keywords: *Muscovy, territory, new lands, colonists, aborigines, symbol, sign, service people, peasants, provision.*

Каждое государство стремится к расширению своей территории. Россия не была исключением. Территории на востоке предоставляли такую возможность. Начало освоения восточных территорий относится ко второй половине XVI в., а спорадическое проникновение на Зауральское пространство началось еще раньше в результате торговых операций предприимчивых и смелых купцов. Торговые люди быстро оценили выгоды торговли с Сибирскими регионами, баснословно ценные пушные ресурсы, справедливо названные «мягким золотом», в обмен на необходимые аборигенным народам котлы, топоры и прочие предметы быта из металлов. Это не было похоже на подобный обмен западноевропейских колонистов нужных им предметов на привлекательную для аборигенов мишуру, и свидетельствует о развитости сибирских этносов и способности их оценить реально необходимые им вещи для существования и дальнейшего развития.

Поморы давно освоили путь в устье Оби по Студеному морю. Русские и коми-зыряне разведали водно-волоковые пути за Урал. Существовала и северная дорога, которая связывала районы русского Поморья с Нижнем Приобьем [Вершинин, 2018, с. 65]. Окончательно утвердиться русские на сибирском пространстве смогли лишь после того, как Ермак нанес поражение Сибирскому ханству Кучума [Скрынников, 1982, с.180].

Возведение новых городов на Зауральской территории должно было символизировать приобщение этого пространства к России. Строительство первых сибирских населенных пунктов началось в местах свободных от жесткого сопротивления автохтонного населения с учетом местных особенностей расселения. При этом необходимо было учитывать сложные, а порой и враждебные отношения между отдельными сибирскими этносами, которые искали поддержки и защиты у русской власти в военных стычках с соседствующими народами. Московское правительство призывало основную наступательную силу русских, государевых служилых людей, под руководством назначенных воевод не вмешиваться во внутреннюю жизнь коренного населения Сибири. Автохтоны продолжали жить по собственным правилам, соблюдая издавна укоренившиеся обряды и обычаи [Гемуев, 1997, с. 106, 108].

Первые сибирские города, созданные усилиями русских служилых людей, были основаны в Западной Сибири уже во второй половине XVI в. В эти регионы усиливался поток переселенцев из самых разных мест Российского государства. К этому процессу присоединилось переселение военнопленных и ссыльных, нарушавших установленные государством нормы общежития.

Именно эта выбранная политика московских властей привела к быстрому и относительно мирному вхождению части народов Сибири в состав Русского государства. Другое дело, когда русские столкнулись с аборигенами, входящими в состав военно-потестарных объединений, какими являлись народы Алтая, этносы, зависимые от претензий енисейских кыргызов и северных селькупов. В этих регионах развертывались военные действия против русского вмешательства, которые, несмотря на ряд предпринятых договорных и военных мероприятий, продолжались длительное время.

Первые сибирские города, созданные в основном силами служилого казачьего населения, начали возникать во второй половине XVI века на местах, свободных от серьезных военных конфликтов – это Тюмень (1586 г.), затем Сургут (1594 г.) и Березов (1587–1588 г.) [Резун, Васильевский, 1989, с. 15, 37]. В дальнейшем возникали все новые населенные пункты, обрастая прилегающими сельскими поселениями. В местах, пригодных для развития земледелия, стала развиваться крестьянская колонизация, которая, несмотря на целый ряд трудностей (поиск и подготовка пахотных угодий), с каждым десятилетием набирала силу. Обилие свободных земель и отсутствие крепостного права имели свою привлекательность, несмотря на превратности пути и суровый климат.

Увеличение переселенческого российского населения стимулировало освоение новых территорий, строительство новых городов и острогов. В этом процессе не было бы смысла, если бы эту новую территорию некем было бы заселять. Дальновидная правительственная политика всячески включала в эти процессы автохтонное население, пресекая проявления коррупции и разного рода злоупотребления местной администрации в отдаленных от центральных властей землях. Существовал целый ряд запретов против ущемления прав аборигенного населения (разумеется, в рамках установленного на территории Сибири миропорядка). Каждый коренной житель Сибири был, прежде всего, плательщиком налога-ясака, поэтому жизнь его охранялась. Эта двойственная политика приносила свои плоды, по-

скольку не отмечено значимое сокращение численности аборигенного населения в период заселения русскими Зауральского пространства.

Медленно, но неотступно аборигены внедрялись и в жизнь сибирских городов, выполняя неквалифицированную работу. Не последнюю роль играли и браки между крещеными коренными жителями и русским мужским населением. Убедительным примером этому является семья томского сына боярского Андрея Былина, вроде бы забывшего свое селькупское происхождение и прочно внедрившегося в высший слой русского служилого населения. Однако он заключил брак с крещеной селькупкой и поддерживал связь с ее родственниками. Думается, это был не единичный пример такого рода, зафиксированный документально, поскольку именно Былины являлись значимыми фигурами в городской среде и заслуживали пристального внимания со стороны воеводских властей [Березиков, Люцидарская, 2010, с. 40].

В результате имевшихся противостояний пришлого казачьего населения с аборигенной средой, немалое число коренных народов попадало в зависимое положение и становилось дворовыми работниками в хозяйствах русских горожан. Особенно это касается малолетних пленников-ясырей, значительная часть которых в дальнейшем, после обязательного крещения, становилась полноправными членами сибирского сообщества [Люцидарская, 2003, с. 105].

Подобное положение оставалось справедливым и для отстроенных городов и острогов на вновь освоенных русскими восточных территориях. Имеются в виду такие города как Енисейск, Иркутск, Якутск и иные, такие как Нарым, Кетск, Мангазея. Перспективу развития имели населенные пункты в зонах, пригодных для развития земледелия. Именно там обосновывались и обустраивались крестьянские хозяйства, которые в конечном итоге и наполнили сибирское пространство материальной независимостью от поставок из европейской части страны. На протяжении почти четверти века Московское государство отправляло в Сибирь обозы с зерновыми культурами, которые из-за длительности и опасности пути претерпевали в дороге неизбежные сложности. Это вызывало недовольство со стороны первых поселенцев нового региона, прежде всего служилого люда, обеспечивающих мир и стабильность на местах своего пребывания. Поэтому только с развитием крестьянского землепользования, которое во многом обеспечивалось усилиями служилых казаков, смогло наладиться продовольственное самообеспечение переселенцев в Сибирь. Таким образом, это был обоюдозависимый процесс, принесший свои плоды. Продвигаясь далее на восток, на протяжении XVII в. и далее в XVIII в. русские переселенцы, облагая автохтонов приемлемым для существования налогом в форме ясака, продолжали осваивать зауральское пространство вплоть до таких отдаленных городов как Якутск, Нерчинск, Чита, Мангазея и др.

Возникновение новых городов было немыслимо без формирования кадров строителей. Поначалу города создавались в основном усилиями служилого казачьего населения с привлечением других категорий переселенцев. Однако это не могло продолжаться длительное время. У служилого люда существовали свои задачи и обязанности, поэтому постепенно нарастала потребность в профессиональных плотниках, каменщиках, кирпичниках. Среди строителей первых сибирских городов были и нанятые в европейской части страны плотники, численность которых достигала 80 человек [Вилков, 1990, с. 308–309]. Знакомых с ремеслом деревообработки выявляли среди всех переселенцев. Тексты фискальных документов второй половины исследуемого периода постоянно фиксируют плотников среди ремесленных специальностей в значимых сибирских городах, таких, например, как Тобольск и Томск. Затем к строителям-плотникам присоединились и кирпичники, и каменщики.

Подобные процессы происходили и в иных менее крупных городах западной, а затем и восточной части сибирского пространства. Людей, знакомых с деревообработкой, выявляли среди всех достигших Сибири первопоселенцев, начиная с гулящих людей и крестьян. Термин «горододел» прочно вошел в словарный запас населения XVII в. Помимо плотников и горододелов, заслуживали внимания и судовых дел мастера, ведь реки Сибири в теплое время года являлись едва ли не основным средствами передвижения и доставки грузов. Суда, которыми пользовались в Сибири, были различных размеров и назначений: каюки, кочи, струги, дощаники. Струг являл собой быстрое маневренное судно, пригодное для разведки и вооруженных столкновений. Были весьма распространены и каюки, представлявшие собой парусную гребную крытую лодку. Каюк мог перевозить до 300 пудов хлеба. Коч гораздо больше годился для использования на морской воде. Наиболее распространены для плавания по сибирским рекам были дощаники. В западносибирских уездах дощаники строились в больших количествах. Судостроение было связано с процессом заселения территории русскими крестьянами. На крестьянское население возлагалась заготовка судового леса, и крестьяне в основном работали плотниками на плотбищах [Вершинин, 2018, с. 163, 166, 176, 179, 182]. Дощаники постоянно курсировали по сибирским рекам, перевозя людей и грузы, необходимые для жизнеобеспечения населения. Были случаи, когда груженые дощаники садились

на мель, тогда население близлежащих городов призывалось для оказания необходимой помощи.

Освоение восточных территорий Сибири не могло обходиться без использования водных артерий – сибирских рек. Дороги, в том числе и речные, служили своеобразным каркасом, стягивающим отдельные локусы в единый хозяйственный организм. К работе по прокладыванию и обустройству дорог Сибирская администрация привлекала и коренное население края, что не вызывало негативного отношения к такого рода труду, поскольку аборигенам приходилось действовать в привычной им природной среде. Дороги были крайне необходимы для установления связей между вновь создаваемыми населенными пунктами, которые создавались усилиями служилого люда и заселялись вновь прибывшими в Сибирь различными категориями переселенцев. Качество дорог оставляло желать лучшего. Между тем многочисленные архивные данные показывают, что координация между городами и острогами Сибири успешно, хотя и с временными затратами, осуществлялась.

Основными путями сообщения сибирской транспортной сети в XVII в. являлись дороги, соединявшие Зауральскую территорию с европейской частью России. На первый план выходили экономические причины, прежде всего торговля. Из Сибири поступали баснословно дорогие меха, а Сибирь нуждалась в «русских» товарах самого разного назначения, на первых порах в различных крупах и соли, предметах первой необходимости, привычных для русского быта. Обилие природных таежных богатств и речных ресурсов дополняло потребности переселенцев.

К концу XVII столетия Сибирь в значительной степени утратила зависимость от Московского государства. Однако связи с европейской Россией только возрастали, унификация касалась всех сторон жизни, в том числе культурной. На сибирском пространстве строились церкви, возрастало количество людей, знавших грамоту. Среди предметов торговли появлялись книги, причем не только духовного, но и светского содержания. В значительных количествах продавались грамматики, азбуки, псалтыри и часословы. Спрос на «учильные книги» возрос к концу столетия. Сибирский приказ закупал учебную литературу в Москве и направлял ее сибирским воеводам «для продажи с прибылью» [Люцидарская, 1992, с. 102].

Таким образом, сибирское сообщество развивалось по всем направлениям, присущим Московскому государству в целом.

Список литературы

Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Человек и социум: жизнеописания служилых людей сибирских гарнизонов XVII – начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 4 (29). – С. 39–45.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. – Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2018. – 229 с.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1990. – 368 с.

Гемуев И.Н. Все против всех // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 104–112.

Люцидарская А.А. На пути к диалогу (языковая ситуация в Сибири в XVI–XVII вв.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. II. – С. 104–107.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 303 с.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск: Наука, 1982. – 320 с.

References

Berezikov N.A., Lyutsidarskaya A.A. Chelovek i sotsium: zhizneopisaniya sluzhilykh lyudei sibirskikh garnizonov. In *Ural'skii istoricheskii vestnik,* 2010, no 4 (29). P. 39–45. (In Russ.).

Gemuev I.N. Vse protiv vsekh. In *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. P. 104–112. (In Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Na puti k dialogu (yazykovaya situatsiya v Sibiri v XVI–XVII vv.). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories,* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003. Vol. IX. Pt. II. P. 104–107. (In Russ.).

Lyutsidarskaya A.A. Starozhily Sibiri: istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nachalo XVIII veka). Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, 197 p. (In Russ.).

Rezun D.Ya., Vasil'evskii R.S. Letopis' sibirskikh gorodov. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989, 303 p. (In Russ.).

Skrynnikov R.G. Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982, 320 p. (In Russ.).

Vershinin E.V. Russkaya kolonizatsiya Severo-Zapadnoy Sibiri. Yekaterinburg: Demidovskiy institute Publ., 2018, 229 p. (In Russ.).

Vilkov O.N. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII veka. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, 368 p. (In Russ.).

Люцидарская А.А. https://orcid.org/0000-0002-3131-5350

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0816-0821
УДК39+72

А.Ю. Майничева[1]✉, А.В. Радзюкевич[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (СИБСТРИН)
Новосибирск, Россия
Email: annmaini@gmail.com

Пропорционально-метрологическая система и образно-символический строй русских сибирских православных церквей в XIX–XXI веках: к постановке проблемы

В статье на основе сибирских материалов XIX–XXI вв. предложен путь решения проблемы понимания основ и характерных черт русской православной архитектуры как выразителя религиозных идей этноса и социума. Пропорционально-метрологическая система и образно-символический строй храмов рассматриваются как индикаторы сущности основ культовой православной архитектуры. Проведенный обзор научной литературы показал, что наибольшее число исследований сделано на материалах Древней Руси, лишь отдельные работы посвящены современным сооружениям, мало работ, сделанных на основе сибирских материалов. Выявлены публикации, касающиеся «золотого сечения» в церковной архитектуре. Проблема основ пропорционирования, символов и образов в храмовом зодчестве еще далека от своего решения, специалисты пока не пришли к единому мнению. Отсутствуют обобщающие и систематизирующие научные труды по данной тематике, хотя имеется обширная релевантная источниковая база. Предложен оригинальный комплекс подходов и методов, позволяющий решить поставленную задачу, который включает общенаучные методы и методы отдельных наук при использовании преимуществ междисциплинарного подхода. В исследовательском арсенале имеются методические приемы этнографии и других исторических наук (непосредственное наблюдение, историко-генетический, типологический, реликтов, case-study, агиографический), истории и теории архитектуры (выявление пропорционально-композиционных особенностей зданий и сооружений, их метрологический строй, методики построения обмерных чертежей, оригинальная авторская методика анализа пропорционально-метрологических особенностей зданий и сооружений), информатики (применение компьютерных программ обработки первичных данных и формирования результирующих изображений и чертежей, авторский автоматизированный метод вариантного моделирования). Сделан вывод о возможности решения поставленной проблемы.

Ключевые слова: *русские православные церкви, пропорционально-метрологическая система, образно-символический строй, методика анализа зданий и сооружений, автоматизированный метод вариантного моделирования, Сибирь.*

A.Yu. Mainicheva[1]✉, A.V. Radzyukevich[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (SIBSTRIN)
Novosibirsk, Russia
Email: annmaini@gmail.com

Proportional-Metrological System and Figurative-Symbolic Structure of Siberian Russian Orthodox Churches in the 19th–21st Centuries: Problem Statement

In the article based on the Siberian materials of the 19th–21st centuries, a way to solve the problem of understanding the foundations and characteristic features of the Russian Orthodox architecture as a way of expression of religious ideas of an

ethnos and society is proposed. The proportional-metrological system and the figurative-symbolic structure of the churches are considered as indicators of the essence of foundations of the cult Orthodox architecture. The conducted review of the scientific literature showed that the largest number of studies was done on the materials of Ancient Russia, only a few works are devoted to modern structures, and there are few works done on the Siberian materials. Publications concerning the "golden section" in the church architecture were revealed. The problem of foundations of proportioning, symbols and images in the temple architecture is still far from being solved, experts have not yet come to a consensus. There are no generalizing and systematizing scientific works on this topic, although there is an extensive relevant source base. An original set of approaches and methods is proposed that allows solving the problem, which includes general scientific methods and methods of individual sciences using the advantages of an interdisciplinary approach. The research arsenal includes methodological techniques of ethnography and other historical sciences (direct observation, historical-genetic, typological, relics, case-study, hagiographic), history and theory of architecture (identification of proportional compositional features of buildings and structures, metrological structure, construction methods dimensional drawings, the original author's method of analysis of proportional-metrological features of buildings and structures), informatics (the use of computer programs for processing primary data and the formation of resulting images and drawings, the author's automated method of variant modeling). The conclusion is made on the possibility of solving the set problem.

Keywords: *Russian Orthodox churches, proportional-metrological system, figurative-symbolic structure, methods of analysis of buildings and structures, automated method of variant modeling, Siberia.*

Понимание основ и характерных черт культовой архитектуры как выразителя религиозных идей этноса и социума является фундаментальной научной проблемой, решаемой средствами ряда наук, включая этнографию. Актуальность и значимость исследований связана с ролью религии в современном обществе, претерпевающей кризисные трансформации, среди которых можно назвать пересмотр традиционных постулатов и установок в морали, ценностях, традициях, появление воинствующих течений и прочих явлений общественной жизни. Религия в числе своих многочисленных функций имеет миссию формирования идентичности людей и особенностей коллективного сознания, представляет собой ресурс сохранения этнической и социально-исторической памяти. Православие является одной из традиционных религий российского общества, по статистическим данным доля православного населения в России составляет 63 % [Православная вера, 2019]. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл заявил, что общее число членов Московского патриархата, проживающих как в России, так и за ее пределами, составляет около 180 млн человек, около 75 % россиян считают себя православными [Патриарх Кирилл], что показывает характер и тенденции в самоидентификации россиян. Архитектура является признанным отражением и проводником мировоззренческих идей, что определяет ее значение в жизни этносов и общества в целом. В современной России Русская православная церковь насчитывает около 36 тыс. приходов с церквями и 1 тыс. монастырей, тогда как в 1988 г. было только 6 тыс. храмов и 21 монастырь [Там же], что говорит о значительном росте их количества. Все это показывает важность исследований православной архитектуры в современных условиях. Одним из аспектов решения проблемы выступают исследования пропорционально-метрологической системы и образно-символического строя, рассматриваемых как индикаторы сущности основ культового православного искусства.

Для выявления работ, посвященных православной церковной архитектуре, рассмотрены зарубежные и отечественные публикации XX–XXI вв. и предпринят сплошной просмотр работ. Глубина историографического обзора достигала первой половины 1950-х гг. с единичными углублениями в более ранний период. Было выявлено более двух тысяч работ, принадлежащих перу свыше 250 исследователей. Корпус трудов, посвященных русской православной архитектуре, основателен, в рамках одной статьи представить его полный обзор не представляется возможным, поэтому ограничим анализ современными трудами, имеющими отношение к проблеме пропорционально-метрологической системы и образно-символического строя.

Архитектура, в т.ч. и православная, работает с пространствами, что составляет основу пропорционально-метрологической системы и образно-символического строя. Изучение христианской архитектуры как средства организации сакральных пространств проводилось в работах А.М. Лидова [Лидов, 2006] и его последователей [Крейдун, Лидов, 2018; Крейдун, 2020]. Принципы размещения сибирских церквей освещались в статье А.Ю. Майничевой [Mainicheva, 2019a].

История исследования культового зодчества в Сибири освещена в исчерпывающей на момент ее написания в библиографическом отношении обзорной статье С.Н. Баландина [Баландин, 1983], вышедшей в начале 1980-х гг., что позволяет также отослать к ней, дополнив обзором современных работ по пропорционально-метрологической системе и образно-символическому строю церковной

архитектуры, включая исследования по сибирским материалам. Одним из видов исследований архитектурных объектов является выявление пропорционально-метрологических соотношений частей зданий и сооружений. Вопросам пропорционирования и метрологии в архитектуре посвящены статьи Б.А. Рыбакова [Рыбаков, 1949; 1957; 1984], Г.Д. Гримма [Гримм, 1935], А.А. Пилецкого [Пилецкий, 1976; 1980а; 1980б] И.Ш. Шевелева [Шевелев, 1973; 1986], М.В. Степанова [Степанов, 1983]. Перечисленные авторы в той или иной степени касались вопросов пропорций в храмовом зодчестве, можно выделить и специальные исследования пропорционально-метрологических особенностей христианского зодчества [см., напр.: Столетов, 1976]. Е.Ф. Желоховцова проанализировала геометрические особенности архитектурных объектов и распространила исследование на живописные произведения [Желоховцева, 1980]. Серьезное изучение методов формообразования в древнерусском зодчестве предпринял К.Н. Афанасьев [Афанасьев, 1961], выполнив схемы пропорциональных построений почти всех христианских культовых сооружений домонгольского периода и сделав вывод о модульности размеров подкупольного квадрата, что частично подтверждается, но в ряде случаев опровергается примерами церквей, не соответствующих предложенной схеме [Тиц, 1978]. П.Н. Максимов пришел к заключению, что в деревянном зодчестве широко использовались пропорции, основанные на квадрате и его производных [Максимов, 1940]. На основе анализа планов европейских храмов были выявлены некоторые принципы их построения по так называемой «схеме Троицы», которая основана на графическом представлении идеи триединой сущности Бога, основного постулата христианства. В статье А.Ю. Майничевой доказано распространение схемы построения на православное зодчество [Mainicheva, 2015]. А.В. Радзюкевич посвятил свои работы изучению пропорций храмов с применением информационных технологий [см., напр.: Радзюкевич, 2012]). В работах ряда исследователей прорабатывается гипотеза «золотого сечения» пропорций [Пилецкий, 1982; Черняев, 1998], которая получила большую поддержку не только в научной, но и в теологической литературе. Так, например, митрополит Илларион утверждает, что эта пропорция, которую в эпоху Возрождения назвали «золотым сечением», использовалась при проектировании форм Софии Константинопольской [Митрополит Илларион (Алфеев), 2016]. Этот вид пропорций рекомендован и в пособиях по проектированию [Православные храмы…, 2003].

Важным направлением исследований культового православного искусства является изучение его образно-символического строя. Для знакомства с итогами исследовательских работ опять-таки отошлем к обзорной статье, в которой есть раздел по символам и знакам в культовом искусстве [Майничева, 2020]. Одной из символических сторон православия выступают посвящения престолов, семантика форм церквей, особенности православных святынь, что на сибирских материалах освещено в работах А.Ю. Майничевой [Майничева, 2017; 2018; 2019б]. Ряд своих работ, включая монографические, Ю.А. Крейдун (протоиерей Георгий) посвятил композиционным и образно-символическим особенностям алтайских церквей [Крейдун, 2010; 2011; 2013а; 2013б].

Источниковая база для проведения исследований обширна. Она включает обмерные чертежи сибирских церквей, альбомы типовых, индивидуальных и конкурсных проектов, электронные базы данных, а также сами здания храмов. Хронологические и территориальные рамки обусловлены состоянием релевантной источниковой базы, вместе с тем они могут быть расширены для проведения сравнительного поиска. Указанные рамки предоставляют широкие возможности для проведения исследований, поскольку этот период характеризуется существенными трансформациями в общественной жизни страны. Сибирь же выступает исследовательским полигоном, характеризуемым сложностью этноконфессионального состава и особенностями исторических и социально-экономических условий, которые позволяют выявить нюансы развития православного искусства при воздействии различных факторов.

Методология исследований культовой православной архитектуры Сибири XIX–XXI вв. предусматривает ее рассмотрение с точки зрения индикаторов, маркирующих ее характерные черты, каковыми являются пропорционально-метрологическая система и образно-символический строй. Работа должна базироваться на принципах историзма, конкретности и объективности. В исследовании нужны общенаучные методы, включая синтез, анализ, индукцию и дедукцию. Современное состояние науки позволяет активно использовать преимущества междисциплинарного подхода и привлечь к решению фундаментальной проблемы выявления и понимания основ и характерных черт русской сибирской православной архитектуры методы и подходы этнографии и других исторических наук, теории и истории архитектуры, информатики. К методическим приемам этнографии относятся непосредственное наблюдение, историко-генетический, типологический, реликтов, применение которых даст возможность анализа объектов православной архитектуры с точки зрения их роли и ценности в обществе на конкретных этапах его развития в аспекте влияния различных этни-

ческих, социально-экономических, природно-климатических и пр. факторов. Будут полезны метод case-study (что обусловлено состоянием источников), а также подход, учитывающий агиографические аспекты и религиозные установки, что связано с природой культового православного искусства. Подходы и методы архитектурного анализа включают выявление пропорционально-композиционных особенностей зданий и сооружений, их метрологический строй, методики построения обмерных чертежей, а также использование оригинальной авторской методики анализа пропорционально-метрологических особенностей зданий и сооружений. К методическим приемам информатики относятся применение компьютерных программ обработки первичных данных и формирования результирующих изображений и чертежей, в т.ч. авторский автоматизированный метод вариантного моделирования в выявлении пропорционально-композиционных особенностей зданий и сооружений. В предложенном исследовании особое значение имеют методы объемного лазерного сканирования, фотограмметрии наземной и с использованием БПЛА, которые позволяют выполнить точную фиксацию объектов для дальнейшей работы с ними.

Новизна предложенной методологии исследования связана с использованием методов разных наук, в т.ч. и новаторских, позволяющих получить достоверные результаты каждый в своей области, а затем интегрировать их для получения общей картины. Необходимо отдавать себе отчет в масштабности поставленной цели даже несмотря на указанные временные и территориальные ограничения, поэтому для исследований будут выбраны как отдельные объекты храмовой архитектуры, так и ресурсы, содержащие широкий набор материалов (данные полевых работ, архивные материалы, электронные базы данных и пр.).

Поставленная проблема пропорционально-метрологической системы и образно-символического строя русских сибирских православных церквей в XIX–XXI вв. как основы выражения религиозных идей этноса и социума пока не решена. Как показал проведенный обзор, подавляющее число исследований сделано на основе материалов Древней Руси, существуют лишь отдельные работы по периодам, приближенным к нашим дням. Несмотря на наличие ряда серьезных исследований, вопрос об основах пропорционирования в храмовом зодчестве остается дискуссионным, специалисты пока не пришли к единому мнению. Исследованиями не охвачены многие сибирские регионы и практически нет результатов изучения современного состояния. Отсутствуют обобщающие и систематизирующие научные труды по данной тематике. Предполагаемый для применения оригинальный комплекс подходов и методов позволяет достичь цели исследования по выявлению характерных черт русской культовой православной архитектуры Сибири XIX–XXI вв. с точки зрения пропорционально-метрологической системы и образно-символического строя в рамках междисциплинарного исследования.

Список литературы

Афанасьев К.Н. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 271 с.

Баландин С.Н. К историографии деревянного зодчества и архитектуры Сибири конца XVII – начала XX в. // Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 167–178.

Гримм Г.Д. Пропорциональность в архитектуре. – Л.–М.: ОНТИ, 1935. – 181 с.

Желоховцева Е.Ф. Геометрические структуры в архитектуре и живописи Древней Руси // Естественнонаучные знания в Древней Руси. – М., 1980. – С. 23–63.

Крейдун Ю.А. Архитектурно-строительные особенности современных православных храмов Горно-Алтайска // Известия Алт. гос. ун-та. – 2010. – № 2/2 (66). – С. 138–144.

Крейдун Ю.А. Изобразительный ансамбль храма равноапостольного князя Владимира г. Барнаула как пример создания современного сакрального художественного пространства // Манускрипт. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 178–183.

Крейдун Ю.А. Миссионерское храмоздательство на Алтае: Воссоздание облика утраченных храмов XIX – начала XX в. – Барнаул: Алт. дом печати, 2013а. – 280 с.

Крейдун Ю.А. Опыт теоретической реконструкции архитектурного облика Михайло-Архангельского храма (Республика Алтай) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2011. – № 3 (47). – С. 34–39.

Крейдун Ю.А. Храмы, станы и монастыри Алтайской духовной миссии: чертежи, панорамы, 3D-модели. – Барнаул: Алт. дом печати, 2013б. – 288 с.

Крейдун Ю.А., Лидов А.М. Святая Земля в пространстве храма. Новая церковь Святых Вифлеемских младенцев в Барнауле. – М.-Барнаул: Алт. дом печати, 2018. – 112 с.

Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М.: Индрик, 2006. – С. 9–31.

Майничева А.Ю. Православные святыни Енисейской епархии: актуализация и стратегии сохранения. Начало XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2018. – Т. 25. № 2. – С. 71–76.

Майничева А.Ю. Размещение православных храмов Тобольской епархии как знаковых культовых сооружений поселений. Конец XIX — начало XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019б. – Т. 26. – № 2. – С. 45–48. doi: 10.15372/HSS20190208

Майничева А.Ю. Современные исследования роли символов и знаков в мировоззрении русских в Сибири конца XVI – начала XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27. – № 2. – С. 5–12.

Майничева А.Ю. Стратегии сохранения и актуализация символико-знаковых систем в архитектуре и культурном наследии народов Сибири в XVII–XXI вв.: к постановке проблемы // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. – Т. XII. – С. 88–91.

Максимов П.Н. Опыт исследования пропорций в древнерусской архитектуре // Архитектура СССР. – 1940. – № 1. – С. 16–19.

Митрополит Иларион (Алфеев). Православие. – М.: Сретенский Ставропигиальный мужской монастырь, 2016. – 1840 с.

Патриарх Кирилл: прихожанами РПЦ являются около 180 млн. человек // ТАСС [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/4684885 (дата обращения: 26.09.2021).

Пилецкий А.А. Модулер в старинных русских мерах // Архитектура СССР. – 1976. – № 8. – С. 53–57.

Пилецкий А. Системы величин, мер и пропорций в древнерусской архитектуре // Архитектура СССР. – 1980а. – № 10. – С. 53.

Пилецкий А.А. Золотое семейство // Архитектура. – 1982. – № 2. – С. 4–5.

Пилецкий А.А. Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре // Естественнонаучные знания в Древней Руси. – М.: Наука, 1980б. – С. 63–109.

Православная вера и таинство крещения // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Москва, 14 августа 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya (дата обращения: 26.09.2021).

Православные храмы. Пособие по проектированию и строительству (к СП 31-103-99), МДС 31-9.2003. – Т. 2: Православные храмы и комплексы. – М.: Арххрам, 2003. – 190 с.

Радзюкевич А.В. Технология лазерного сканирования и пропорционального анализа форм памятника архитектуры (на примере храма Александра Невского в Новосибирске (Новониколаевске) [Электронный ресурс]. – AMIT. – № 2 (19). – 2012. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2012/2kvart12/index.php (дата обращения: 26.09.2021).

Рыбаков Б.А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // Советская археология. – 1957. – № 1. – С. 83–112.

Рыбаков Б.А. Мерило новгородского зодчего XIII в. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. – М.: МГУ, 1984. – 240 с.

Рыбаков Б.А. Русские системы мер длины XI–XV вв. // Советская этнография. – 1949. – № 1. – С. 67–91.

Степанов М.В. К вопросу о методе построения архитектурной формы древнерусскими зодчими // КСИА. – 1983. – Вып. 175. – С. 26.

Столетов А.В. О реконструкции памятников владимиро-суздальского белокаменного зодчества // Памятники истории и культуры. Ярославль: [б.и.]. –1976. – Вып. 1. – С. 81–86.

Тиц А.А. Загадки древнерусского чертежа. – М.: Стройиздат, 1978. – 151 с.

Черняев А.Ф. Золото Древней Руси. Русская матрица – основа золотых пропорций. – М.: Белые альвы, 1998. – 144 с.

Шевелев И.Ш. Логика архитектурной гармонии. – Кострома: Стройиздат, 1973. – 188 с.

Шевелев И.Ш. Принцип пропорции. – М.: Стройиздат, 1986. – 200 с.

Mainicheva A.Y. “As the measure and beauty suggest’: traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2015. – Vol. 43. – Iss. 1. – P. 135-143.

Mainicheva A.Y. The topography of ritual buildings in villages of the Tobolsk governorate (late 19th to early 20th century) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Euraisia. – 2019a. – Vol. 47. – Iss.4. – P. 112–119. – doi 10.17746/1563-0102.2019.47.4.112-119

References

Afanas’ev K.N. Postroenie arkhitekturnoi formy drevnerusskimi zodchimi. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1961, 271 p. (In Russ.).

Balandin S.N. K istoriografii derevyannogo zodchestva i arkhitektury Sibiri kontsa XVII – nachala XX v. In *Istoriografiya gorodov Sibiri kontsa 16 – nachala 20 v*. Novosibirsk: Nauka, 1983. P. 167–178. (In Russ.).

Chernyaev A.F. Zoloto Drevnei Rusi. Russkaya matritsa – osnova zolotykh proportsii. Moscow: Belye al’vy, 1998, 144 p. (In Russ.).

Grimm G.D. Proportsional’nost’ v arkhitekture. Leningrad–Moscow: ONTI, 1935, 181 p. (In Russ.).

Kreidun Yu.A. Arkhitekturno-stroitel’nye osobennosti sovremennykh pravoslavnykh khramov Gorno-Altaiska. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2010, no 2/2 (66). P. 138–144. (In Russ.).

Kreidun Yu.A. Izobrazitel’nyi ansambl’ khrama ravnoapostol’nogo knyazya Vladimira g. Barnaula kak primer sozdaniya sovremennogo sakral’nogo khudozhestvennogo prostranstva. In *Manuskript*. Tambov: Gramota, 2020. Vol. 13. iss. 3. P. 178–183. (In Russ.).

Kreidun Yu.A. Khramy, stany i monastyri Altaiskoi dukhovnoi missii: chertezhi, panoramy, 3D-modeli. Barnaul: Alt. dom pechati, 2013b, 288 p. (In Russ.).

Kreidun Yu.A. Missionerskoe khramozdatel'stvo na Altae: Vossozdanie oblika utrachennykh khramov 19 – nachala 20 v. Barnaul: Alt. dom pechati, 2013a, 280 p. (In Russ.).

Kreidun Yu.A. Opyt teoreticheskoi rekonstruktsii arkhitekturnogo oblika Mikhailo-Arkhangel'skogo khrama (Respublika Altai). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2011, no 3 (47). P. 34–39. (In Russ.).

Kreidun Yu.A., Lidov A.M. Svyataya Zemlya v prostranstve khrama. Novaya tserkov' Svyatykh Vifleemskikh mladentsev v Barnaule. Moscow-Barnaul: Altaiskii dom pechati, 2018, 112 p. (In Russ.).

Lidov A.M. Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya. In *Ierotopiya. Sozdanie sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevnei Rusi*. Moscow: Indrik, 2006. P. 9–31. (In Russ.).

Mainicheva A.Y. "As the measure and beauty suggest": traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2015. Vol. 43, iss. 1. P. 135–143.

Mainicheva A.Y. The topography of ritual buildings in villages of the Tobolsk governorate (late 19th to early 20th century). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019a. Vol. 47, iss. 4. P. 112–119. doi:10.17746/1563-0102.2019.47.4.112-119

Mainicheva A.Yu. Pravoslavnye svyatyni Eniseiskoi eparkhii: aktualizatsiya i strategii sokhraneniya. Nachalo 20 v. *Humanitarian sciences in Siberia,* 2018. Vol. 25, no 2. P. 71–76. (In Russ.).

Mainicheva A.Yu. Razmeshchenie pravoslavnykh khramov Tobol'skoi eparkhii kak znakovykh kul'tovykh sooruzhenii poselenii. Konets 19 – nachalo 20 v. *Humanitarian sciences in Siberia,* 2019b, Vol. 26, no 2, P. 45–48. (In Russ.). doi: 10.15372/HSS20190208

Mainicheva A.Yu. Sovremennye issledovaniya roli simvolov i znakov v mirovozzrenii russkikh v Sibiri kontsa 16 – nachala 18 v. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2020. Vol. 27, no 2. P. 5–12. (In Russ.).

Mainicheva A.Yu. Strategii sokhraneniya i aktualizatsiya simvoliko-znakovykh sistem v arkhitekture i kul'turnom nasledii narodov Sibiri v 17 – 21 vv.: k postanovke problemy. *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2017. Vol. 12. P. 88–91. (In Russ.).

Maksimov P.N. Opyt issledovaniya proportsii v drevnerusskoi arkhitekture. *Arkhitektura SSSR,* 1940. no 1. P. 16–19. (In Russ.).

Mitropolit Ilarion (Alfeev). Pravoslavie. Moscow: Sretenskii Stavropigial'nyi muzhskoi monastyr', 2016, 1840 p. (In Russ.).

Patriarkh Kirill: prikhozhanami RPTs yavlyayutsya okolo 180 mln. chelovek // TASS. (In Russ.). URL: https://tass.ru/obschestvo/4684885 (Accessed: 26.09.2021).

Piletskii A. Sistemy velichin, mer i proportsii v drevnerusskoi arkhitekture. *Arkhitektura SSSR,* 1980b, no 10. P. 53. (In Russ.).

Piletskii A.A. Moduler v starinnykh russkikh merakh. Arkhitektura SSSR, 1976, no 8. P. 53–57. (In Russ.).

Piletskii A.A. Sistema razmerov i ikh otnoshenii v drevnerusskoi arkhitekture. In *Estestvennonauchnye znaniya v Drevnei Rusi*. Moscow: Nauka, 1980a. P. 63–109. (In Russ.).

Piletskii A.A. Zolotoe semeistvo. *Arkhitektura,* 1982, no 2. P. 4–5.

Pravoslavnaya vera i tainstvo kreshcheniya // Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTsIOM). Moskva, 14 avgusta 2019 g. (In Russ.). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya (Accessed: 26.09.2021).

Pravoslavnye khramy. Posobie po proektirovaniyu i stroitel'stvu (k SP 31-103-99), MDS 31-9.2003, Vol. 2: Pravoslavnye khramy i kompleksy. Moscow: Arkhkhram, 2003, 190 p. (In Russ.).

Radzyukevich A.V. Tekhnologiya lazernogo skanirovaniya i proportsional'nogo analiza form pamyatnika arkhitektury (na primere khrama Aleksandra Nevskogo v Novosibirske (Novonikolaevske). AMIT, no 2 (19), 2012. (In Russ.). URL: https://marhi.ru/AMIT/2012/2kvart12/index.php. (Accessed: 26.09.2021).

Rybakov B.A. Arkhitekturnaya matematika drevnerusskikh zodchikh. *Sovetskaya arkheologiya,* 1957, no 1. P. 83–112. (In Russ.).

Rybakov B.A. Merilo novgorodskogo zodchego 13 v. Iz istorii kul'tury Drevnei Rusi. Issledovaniya i zametki. Moscow: MGU, 1984, 240 p. (In Russ.).

Rybakov B.A. Russkie sistemy mer dliny 11 – 15 vv. *Sovetskaya etnografiya,* 1949, no 1. P. 67–91.

Shevelev I.Sh. Logika arkhitekturnoi garmonii. Kostroma: Stroiizdat, 1973, 188 p. (In Russ.).

Shevelev I.Sh. Printsip proportsii. Moscow: Stroiizdat, 1986, 200 p. (In Russ.).

Stepanov M.V. K voprosu o metode postroeniya arkhitekturnoi formy drevnerusskimi zodchimi. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1983, iss. 175. P. 26. (In Russ.).

Stoletov A.V. O rekonstruktsii pamyatnikov vladimiro-suzdal'skogo belokamennogo zodchestva. In *Pamyatniki istorii i kul'tury*. Yaroslavl': [s.n.], 1976, iss. 1. P. 81–86. (In Russ.).

Tits A.A. Zagadki drevnerusskogo chertezha. Moscow: Stroiizdat, 1978, 151 p. (In Russ.).

Zhelokhovtseva E.F. Geometricheskie struktury v arkhitekture i zhivopisi Drevnei Rusi. In *Estestvennonauchnye znaniya v Drevnei Rusi*. Moscow, 1980. P. 23–63. (In Russ.).

Майничева А.Ю. https://orcid.org/0000-0002-0784-4252
Радзюкевич А.В. https://orcid.org/0000-0001-8726-9886

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0822-0826
УДК 316.733

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Воспроизводство этничности кумандинцев г. Бийска (по материалам этносоциологического обследования)

В статье дана характеристика отношения кумандинцев к статусу коренных малочисленных народов и принятым мерам поддержки аутентичных культур. Кумандинцы являются лидерами общественно-политического движения на Алтае среди коренных малочисленных народов. Источниковой базой исследования стали материалы социологического опроса, проведенного в 2016 г. в г. Бийске Алтайского края. Социологический опрос проводился методом структурированного интервью. Кумандинцы ориентированы на солидарность в решении своих проблем на уровне общественных организаций. У них отсутствует ярко выраженный лидер. Они доверяют представление своих интересов Алтайской региональной общественной организации «Объединение кумандинцев Алтая». Ассимиляция и малочисленность кумандинцев обуславливает их заинтересованность в государственной поддержке и ее необходимость. Кумандинцы, участвовавшие в социологическом опросе, высказались за предоставление социальных льгот на образование, жилье, землю, медицину и т.д., а также льгот на возрождение языка и традиционного образа жизни. В реальности часть этих льгот должна предоставляться согласно законодательству. На региональном уровне имеются проблемы с практической реализацией законов. Несмотря на то, что кумандинцы г. Бийска обращают внимание на неработающее законодательство в сфере поддержки коренного населения, большинство из них положительно оценивают произошедшие изменения с момента присвоения им статуса коренного малочисленного народа. В ходе проведенного социологического опроса был выявлен широкий спектр проблем современного кумандинского сообщества: безработица и потеря работы, низкий доход, алкоголизм, дороговизна жизни, жилье, доступность образования, а также утрата языка, не работающее законодательство, разобщенность народа, исчезновение народа, утрата традиций, отсутствие национальных школ и детских садов.

Ключевые слова: *кумандинцы, Алтай, статус коренного малочисленного народа, этничность, общественные организации, символизация.*

V.V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Reproduction of the Ethnicity of the Kumandins of Biysk (Based on the Materials of the Ethno-Sociological Survey)

The article describes the attribution of the Kumandins to the status of indigenous minorities and the measures taken to support indigenous cultures. The Kumandins are the leaders of the social and political movement in Altai among the indigenous peoples. The source base of the study was the materials of an ethno-sociological survey conducted in 2016 in Biysk, Altai Territory. The ethno-sociological survey was conducted using the method of a structured interview. The Kumandins are focused on solidarity in solving their problems at the level of public organizations. They lack a pronounced leader. They entrust the representation of their interests to the Altai Regional Public Organization "Association of the Kumandins of Altai". The assimilation and small number of the Kumandins determine their interest in state support and its necessity. The Kumandins spoke in favor of providing social privileges for education, housing, land, medicine, etc., as well as privileges for the revival of the language and traditional way of life who participated in the ethno-sociological survey. In reality, some of these privileges should be provided in accordance with the legislation. At the regional level, there are problems with the practical implementation of laws. The Kumandins of Biysk pay attention to the non-working legislation in support for the

indigenous population. The majority of the Kumandins assess positively the changes that have occurred since they were granted the status of indigenous minorities. During the conducted ethno-sociological survey, a wide range of problems of the modern Kumandin community was identified: unemployment and job loss, low income, alcoholism, high cost of living, housing, access to education, as well as loss of language, non-working legislation, disunity of the people, disappearance of the people, loss of traditions, lack of national schools and kindergartens.

Keywords: *the Kumandins, Altai, the status of indigenous minorities, ethnicity, social organizations, symbolization.*

Современные этносоциальные процессы у коренных народов Сибири и Дальнего Востока напрямую связаны с процессами урбанизации, как части более масштабного явления – глобализации. К началу XXI в. значительная часть представителей этих народов переместилась в города. В конце 1980-х гг. в городах, где более интенсивно протекала ассимиляция, утрата этнической культуры и родного языка, стали появляться первые общественные организации. Основной целью их деятельности была консервация особости коренного сообщества.

В том числе благодаря их активной деятельности в последние десятилетия в Российской Федерации были приняты законы («О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» 1999 г., «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2000 г.), распоряжения Правительства Российской Федерации («Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2006 г., «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» 2009 г.), в которых определены нормативные характеристики коренных малочисленных народов. В Налоговом, Лесном, Водном и Земельном кодексах Российской Федерации зафиксированы льготы, касающиеся коренных малочисленных народов. В последние годы реализуются федеральные и региональные целевые программы, ориентированные на положения, изложенные в «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» 2009 г.

Различные аспекты современных этнокультурных и этносоциальных процессов у коренных народов Алтая и, в частности, кумандинцев рассматривались в целом ряде работ [Аткунова, 2019; Веденин, Поддубиков, 2014; Назаров, 2018; Октябрьская, Самушкина, Николаев, 2021; Чемчиева, 2012 и др.]. При этом вне рамок исследований осталось отношение самих коренных жителей к произошедшим изменениям в связи с принятыми законами в сфере защиты их прав и традиционного образа жизни.

Целью настоящего исследования является характеристика отношения кумандинцев к статусу коренных малочисленных народов и принятым мерам поддержки аутентичных культур. Источниковую базу работы составляют материалы социологического опроса, проведенного в 2016 г. в г. Бийске Алтайского края. Социологический опрос проводился методом структурированного интервью. Для оценки достоверности результатов социологического опроса были использованы итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В г. Бийске проживало 530 кумандинцев, в том числе 42,6 % мужчин и 57,4 % женщин. Опубликованные материалы переписи 2010 г. не содержат данных по половозрастной структуре бийских кумандинцев. В этой связи, для определения выборки взрослого кумандинского населения г. Бийска была использована половозрастная структура всего городского кумандинского населения по Алтайскому краю (общая численность 609 кумандинцев, в том числе 540 чел. в возрасте от 18 лет и старше). В составе взрослого кумандинского городского населения мужчины составляли 41,5 %, женщины – 58,5 %. В г. Бийске обследованием было охвачено 58 респондентов (25 мужчин и 33 женщины, соответственно доля мужчин составила 43,1 %, женщин – 56,9 %). Относительная ошибка выборки не выходит за пределы 10 %. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. В каждой семье опрашивался один человек. Средний возраст респондентов составил 44 года.

В настоящее время в г. Бийске работает Алтайская региональная общественная организация «Объединение кумандинцев Алтая» и Алтайская региональная общественная организация кумандинцев «Исток». Они выполняют важную роль в символическом воспроизводстве кумандинской этничности. В частности, ими осуществляется взаимодействие с органами власти, организуются праздники и преподавание родного языка, спортивные мероприятия и т.д. Также на протяжении многих лет действует территориально-соседская община кумандинского народа «Самзар», занимающаяся заготовкой и реализацией ягод, грибов и др.

Большинство опрошенных кумандинцев (60,3 %) не участвуют ни в каких организациях (табл. 1). В тоже время значительная часть кумандинского сообщества ориентирована на солидарность в решении насущных проблем. 39,7 % респондентов состоят в профсоюзах, спортивных и общественных организациях, из которых подавляющее большинство участвуют в кумандинских объединениях.

Подавляющему большинству респондентов (79,3 %) известно о существовании кумандинских общественных организаций (табл. 2). Только каждый пятый опрошенный не знает об их существовании или затрудняется с ответом. Несомненно, большое значение имеет проведение различных мероприятий (спортивных состязаний, праздников и т.д.) кумандинскими организациями и в первую очередь Алтайской региональной общественной организацией «Объединение кумандинцев Алтая». Это способствует популяризации кумандинского общественного движения, как внутри своего сообщества, так и вовне.

Таблица 1. **Являетесь ли Вы участником каких-либо общественных, политических, религиозных организаций?***

Варианты ответов	Кол-во	%
Являются участниками организаций, в т.ч.:	25	39,7
Кумандинские организации	25	75,8
Иные организации	8	24,2
Не являются участниками никаких организаций	33	60,3
Всего	58	100

* можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 2. **Знаете ли Вы, какие в регионе имеются организации кумандинцев и других коренных народов?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Да	46	79,3
Нет	5	8,6
Затрудняюсь ответить	7	12,1
Всего	58	100

Таблица 3. **Как Вы оцениваете деятельность кумандинских организаций?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Безусловно, положительно	8	17,4
Скорее положительно	24	52,2
Скорее отрицательно	1	2,2
Безусловно, отрицательно	2	4,3
Затрудняюсь ответить	11	23,9
Всего	46	100

Таблица 4. **Как вы считаете, коренные малочисленные народы нуждаются в помощи государства в виде льгот?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Да	46	79,3
Нет	3	5,2
Затрудняюсь ответить	9	15,5
Всего	58	100

Большинство респондентов (67,2 %) смогли назвать кумандинские организации. Наибольшую известность имеет Алтайская региональная общественная организация «Объединение кумандинцев Алтая». Также опрошенные кумандинцы информированы об институте зайсанов (3,5 %) и молодежной ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай (1,7 %). Части респондентов (10,4 %) известно о существовании подобных организаций, но их названия им неизвестны. 17,2 % информантов затруднились с ответом.

Среди оценок деятельности кумандинских общественных организаций преобладают положительные (69,6 %). Только трое респондентов выразили негативное отношение (табл. 3).

На вопрос «Кто лучше других выражает сейчас интересы людей Вашей национальности?» 34,5 % респондентов не ответило, 19,0 % – «не знают», 6,9 % – затруднилось ответить или не знало, кого указать, 5,2 % – считает, что «никто». Таким образом, 65,6 % кумандинцев, участвовавших в опросе, не видит лидера, готового представлять интересы коренного малочисленного народа. 34,4 % опрошенных отметило организацию (37,9 %) или людей (62,1 %). Относительно популярны были обезличенные ответы – «Бийская организация» и «АРООКА» (т.е. Алтайская региональная общественная организация «Объединение кумандинцев Алтая»), «Совет», «руководители организации, избранные на данный момент». Среди персоналий наиболее часто упоминался В.В. Петухов (20,9 %), возглавляющий Алтайскую региональную общественную организацию «Объединение кумандинцев Алтая», В.М. Кастаракова (10,3 %), предыдущий руководитель, А.Д. Амирова (6,9 %), М. Белекова (6,9 %).

Подавляющее большинство опрошенных кумандинцев (79,3 %) считают необходимым предоставление льгот государством (табл. 4). Только часть респондентов смогли сформулировать причины, по которым кумандинцы нуждаются в льготах: малочисленность (16 ответов), угроза вымирания и ассимиляции (12), бедность (5), утрата культуры и языка (4), статус коренного малочисленного народа (3), необходимость организации общественной деятельности (1). Один из респондентов отметил, что

в льготах нет необходимости в связи с тем, что кумандинцы «такие же люди, как и все», а второй высказал идею «самостоятельного достижения благ».

Респонденты выделили целый ряд льгот, которые необходимы кумандинцам, на: образование (23,7 %), жилье (17,2 %), землю и медицину (по 13,1 %), возрождение и ведение традиционного образа жизни и языка (5,3 %), пользование природными ресурсами, социальную помощь и пенсию (по 4,0 %), налоги, проезд в транспорте, денежная помощь, коммунальные услуги и поддержку многодетных (по 2,6 %), денежные компенсации за использование природных ресурсов (1,3 %). Один из респондентов отметил, что «прописанные в законах льготы достаточны, но не работают законы» (1,3 %). Действительно, как видно из результатов опроса, кумандинцы хотели бы получить в том числе те льготы, которые уже прописаны в законодательстве. Часть озвученных льгот имеет отдаленное отношение к современным проблемам кумандинцев и обусловлены во многом политикой государственного патернализма.

Несмотря на то, что респондентами отмечаются проблемы в реализации статей законов, касающихся коренных малочисленных народов, большинство из них положительно (55,2 %) оценивают произошедшие изменения после получения кумандинцами статуса коренного малочисленного народа (табл. 5). В тоже время 15,5 % респондентов не заметили изменений, а 27,6 % – затруднились с ответом. Один из респондентов отметил, что «в своем регионе у нас нет статуса малочисленных».

Таблица 5. **Произошли ли изменения в жизни народа после признания его коренным малочисленным?**

Варианты ответов	Кол-во	%
Да, положительные	32	55,2
Да, отрицательные	0	0
Нет	9	15,5
Затрудняюсь с ответом	16	27,6
Другое	1	1,7
Всего	58	100

На вопрос «Каковы наиболее серьезные проблемы, стоящие сегодня перед людьми Вашей национальности, проживающих в городской местности?» респонденты могли дать несколько ответов. Проблемы, волнующие современных кумандинцев, можно разделить по характеру на социальные и этнические. Среди социальных проблем респонденты выделили безработицу и потерю работы (15,4 %), низкий доход (13,0 %), алкоголизм (8,1 %), дороговизну жизни (6,5 %), жилье (4,9 %), доступность образования (4,9 %), а среди этнических – утрата языка (10,6 %), не работающее законодательство (8,9 %), разобщенность народа (6,5 %), исчезновение народа (4,9 %), утрата традиций (4,1 %), отсутствие национальных школ и детских садов (3,3 %). Часть опрошенных (2,4 %) отметило, что проблемы кумандинцев «как у всех». 6,5 % респондентов указали на иные проблемы. Как видно из результатов опроса более половины ответов респондентов (52,9 %) касались социальных, более трети (38,3 %) – актуальных этнических проблем.

Приведем несколько развернутых высказываний респондентов, отражающих современные потребности кумандинцев. «[Хотелось бы, чтобы] государство и местные власти воспринимали нас как полноценных людей и шли нам навстречу. Помощь в медицинской квоте. Высшее образование. Обеспечение кумандинцев квартирами. Трудоустройство. Иметь помещение для развития молодежи, детей, для встреч кумандинцев. Путевки в санаторий, в детские лагеря. [Чтобы] традиции, обычаи и язык изучала молодежь. Бесплатное обучение молодежи в вузах. И саморазвитие. Иметь что-то свое: хозяйство или заводишко, чтоб было, где работать. Или цех открыть, [чтобы] что-то производить самим. Много проблем. Все упирается в «Где взять деньги?».

«Отсутствие на практике адресной помощи нуждающимся кумандинцам. Ведь каждый идет на собрание с надеждой на внимание от государства, со своими проблемами, а на деле… Получается, что подарки детям на новый год купить просто не на что!!! Стыдно… Привык надеяться только на себя. Попробую поработать в кумандинском обществе, должно же что-то измениться! Эх, как жалко свой народ, какие-то мы неприспособленные, что ли, хотя народ в большинстве добрый, а мужики запиваются. Я считаю от какой-то безысходности, надо держаться вместе, помогать друг другу, чем можем».

Таким образом, заметная часть кумандинского сообщества ориентирована на солидарность в решении своих внутренних проблем и представительстве своих интересов во вне. Результаты соцопроса позволяют говорить о том, что в настоящий момент среди кумандинцев нет ярко выраженного лидера. Часть респондентов выделили Алтайскую региональную общественную организацию «Объединение кумандинцев Алтая» и ее руководителя В.В. Петухова.

Государственная поддержка, предоставляемая коренным малочисленным народам, большинством опрошенных кумандинцев одобряется. Ассимиляционные процессы и малочисленность кумандинского народа, по мнению респондентов, являются основными причинами, определяющими государ-

ственное внимание к небольшим по численности народам. Однако они выразили свою заинтересованность, в первую очередь, в социальных льготах (на образование, жилье, землю, медицину и т.д.), которые отчасти прописаны в законодательстве, но фактически игнорируются на региональном уровне. Льготы на возрождение языка и традиционного образа жизни оказались менее востребованными, что объясняется глубоко зашедшими процессами ассимиляции и аккультурации. Несмотря на то, что кумандинцы г. Бийска обращают внимание на неработающее законодательство в сфере поддержки коренного населения, большинство из них положительно оценивают произошедшие изменения с момента присвоения им статуса коренного малочисленного народа.

Тема льгот во многом пересекается с насущными проблемами кумандинского сообщества. Их также можно дифференцировать на социальные, которые превалируют, и этнические. Широкий спектр озвученных кумандинцами проблем, связан не столько с лакунами в законодательстве, сколько с трудностями правоприменения на региональном уровне.

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0007. Особую благодарность автор выражает руководству Алтайской региональной общественной организации «Объединение кумандинцев Алтая» и, в частности, М. Белековой, способствовавшим проведению этносоциологического исследования.

Список литературы

Аткунова Д.А. Этнокультурная адаптация коренных народов Северного Алтая в условиях национального возрождения (конец XIX – начало XXI в.) [Электронный ресурс]. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. – 172 с. – URL:https://vk.com/club15326062?w=wall-15326062_4968%2Fall (дата обращения: 21.06.2020).

Веденин А.М., Поддубиков В.В. О состоянии уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов (на примере челканцев и кумандинцев) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2014. – № 4–2. – С. 104–106.

Назаров И.И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 39–49.

Октябрьская И.В., Самушкина Е.В., Николаев В.В. Коренные малочисленные народы в современном этнополитическом пространстве Республики Алтай // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2. – С. 108–117.

Чемчиева А.П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 254 с.

References

Atkunova D.A. Etnokul’turnaya adaptatsiya korennykh narodov Severnogo Altaya v usloviyakh natsional’nogo vozrozhdeniya (konets XIX – nachalo XXI v.). Gorno-Altaisk: GAGU Publ., 2019, 172 p. (In Russ.). URL: https://vk.com/club15326062?w=wall-15326062_4968%2Fall (Accessed: 10.09.2021).

Chemchieva A.P. Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2012, 254 p. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18828425_68573281.pdf (Accessed: 10.09.2021).

Nazarov I.I. Main tendencies of modern ethnocultural development of the kumandins of Altai krai. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2018, no. 2. P. 39–49. (In Russ.). doi:10.21603/2078-8975-2018-2-39-49

Oktyabrskaya I.V., Samushkina E.V., Nikolaev V.V. Indigenous minorities in the contemporary ethnopolitical space of the Altai republic. *Ural historical journal*, 2021, no. 2. P. 108–117. (In Russ.). doi:10.30759/1728-9718-2021-2(71)-108-117

Vedenin A.M., Poddubikov V.V. The status of the vulnerable components of ethno-cultural environment in the places of indigenous peoples’ traditional residence and economic activities (the example of the Chelkans and the Kumandins). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 4–2. P. 104–106. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22777589_65878884.pdf (Accessed: 10.09.2021).

Николаев В.В. https://orcid.org/0000-0001-6834-2961

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0827-0832
УДК 392.51

А.А. Рублева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Общее и особенное в свадебных обычаях потомков сибирских старожилов Притомья во второй половине XX века (по материалам полевых исследований 2018–2021 годов)

В связи с процессами трансформации и активной межкультурной коммуникации во второй половине XX в. на территории Притомья, в статье поднимается проблема релевантности свадебных обычаев как этнокультурных маркеров. На основе материалов, собранных в этнографических экспедициях 2018–2021 гг. в Мариинском, Чебулинском и Тяжинском р-нах Кемеровской обл. проанализированы свадебные обычаи 1950–70-х гг. сельского населения Притомья, определяющего себя в качестве потомков сибирских старожилов. В результате исследования были выделены общие и особенные черты в свадебных традициях. Общепринятой для старожильческих свадеб в различных селах Притомья во второй половине XX в. стала структура свадебного сценария, включающая сватовство, выкуп, первый свадебный день в доме жениха и второй свадебный день в доме невесты. Также общепринятыми среди потомков старожильческого населения являлись традиции угощения блинами на первый/второй день свадебного гуляния и традиция заметания сора невестой на второй день свадьбы. Меньшее распространение имели обычаи «тушения овина» в различных его вариациях, воровство невесты, хождение ряженых и мазание лиц сажей. Редко встречающимся среди старожильческого населения стало катание родителей молодых на упряжках, в которых запрягали гостей свадьбы в с. Малопесчанка Мариинского р-на. Единичными оказались такие обычаи, как «породнения» семей, приготовление молодой женой курицы на костре, хождение молодых за водой, записанные в с. Большая Покровка Тяжинского р-на. Часть из записанного автором аналогична свадебным обычаям и обрядам российских переселенцев Притомья, что позволяет говорить о том, что причиной различий внутри старожильческих групп стали взаимные культурные контакты между переселенцами и старожилами. Полученные выводы позволяют говорить о том, что свадебные обычаи могут выступать в роли этнокультурных маркеров, но обязательно с учетом фактора межкультурного взаимовлияния, специфичного для Западной Сибири.

Ключевые слова: *русская сибирская свадьба, сибирские старожилы, ритуальный сценарий, сельское население, Притомье.*

A.A. Rubleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Anastasia.folk98@yandex.ru

Common and Special in the Wedding Customs of the Descendants of Siberian Old-Timers of Pritomye in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2021)

In connection with the processes of transformation and active intercultural communications in the second half of the 20th century in Pritomye, the article raises the problem of the relevance of wedding customs as ethno-cultural markers. Based on materials collected in ethnographic expeditions 2018–2021 in the Mariinsky, Chebulinsky, and Tyazhinsky Districts of the Kemerovo Region, wedding customs of the 1950s–1970s period of the rural population of Pritomye who define themselves as descendants of the Siberian old-timers, are analyzed. As a result of the research, general and specific features of wedding traditions are identified. The structure of the wedding scenario, including matchmaking, redemption, and the first wedding day

in the groom's house and the second wedding day in the bride's house, became generally accepted for the old-time weddings in various villages of the Tom region in the second half of the 20th century. Also generally accepted among the descendants of the old-time population customs were the traditions of giving pancakes on the first/second day of the wedding festivities and the tradition of sweeping up the litter by the bride on the second day of the wedding. The custom of "extinguishing ovin" in its various variations, stealing the bride, walking mummers and smearing faces with soot were less widespread. Rare among the old-timer customs were the parents of young people riding on sleds, when the wedding guests were harnessed in the village of Malopeschanka in the Mariinsky District. Such customs as "breeding" of families, cooking of chicken by a young wife on a campfire, walking of young people for water, recorded in the village of Bolshaya Pokrovka in the Tyazhinsky District, turned out to be isolated. Some of the customs recorded by the author are similar to the wedding customs and rituals of the Russian settlers of the Tom region, which suggests that the cause of the differences within the old-timer groups were mutual cultural contacts between the settlers and old-timers. The findings suggest that wedding customs can act as ethno-cultural markers, but necessarily taking into account the factor of intercultural interaction specific to Western Siberia.

Keywords: *Russian Siberian wedding, Siberian old-timers, ritual scenario, rural population, Pritomye.*

В связи с активными процессами трансформации традиционной праздничной культуры в советское время, свадебная обрядность Притомья во второй половине XX в., в 1950–1970-е гг., согласно полевым материалам, также подвергалась изменениям. Как отмечают информанты 1930-х годов рождения, их свадьбы были гораздо «проще» с точки зрения обрядов, чем свадьбы их родителей. Кроме того, население Притомья в XX в. отличалось значительной степенью этнокультурного многообразия. Все эти факторы поднимают проблему релевантности свадебных обычаев в качестве этнокультурного маркера для второй половины XX в.

Основой для исследования выступили полевые этнографические материалы. Летом 2021 г. была совершена этнографическая экспедиция в Тяжинский р-н Кемеровской обл., которая продолжила предпринятые ранее исследования свадебных обычаев славянского сельского населения второй половины XX в. в районе Притомья в 2018–2019 гг. Экспедиции прошлых лет показали, что на данной территории проживают потомки различных групп переселенцев – переселенцы с «Россеи» (украинцы, белорусы, российские переселенцы), мордва, депортированные немцы [Любимова, Рублева, 2019, с. 709–710]. Культурным разнообразием отличались старожильческие группы населения, часть которых называют себя сибиряками, отмечая исконность своего проживания на территории Сибири. Другая часть информантов определяет себя как чалдоны. В отечественной этнографии под этнонимом «чалдоны» понимается русское старожильческое население Сибири [Фурсова, 2006, с. 429]. Сами же информанты о чалдонах говорили следующее: «*Ну их зовут чалдоны, вроде бы из-за того, что они де приехали с Дона что ли*» (Кузнецова М.К. 1935 г.р., с. Колеул Мариинского р-на). «*Они приехали* [родители информанта] *вот Дементьевы, отец мой сын их, мать, пятеро детей. Они приехали с Дона. Их звали человек с Дона, чалдоны. Вот. Они обосновались в Тяжине*» (Приходова Н.А. 1939 г.р., д. Даниловка Тяжинского р-на). Значительная часть информантов определяла чалдонов как «чисто русских людей», которые жили на этой территории всегда: «*Нас чалдонами так и зовут дмитриевских. Чалдоны, чалдоны. Это вроде как чисто русские люди что ли*» (Балавинцева В.И. 1949 г.р., д. Дмитриевка Чебулинского р-на). «*Чалдоны тут* [с. Чумай] *жили. Чалдоны – это русские*» (Лазарева В.Ф. 1945 г., с. Чумай Чебулинского р-на). Сохраняет свою идентичность другая старожильческая группа Притомья, потомки автохтонного населения Сибири - «ясачные». Согласно полевым данным, на территории Притомья «ясачными» называли коренное население Сибири, впоследствии перенявшее образ жизни русского населения и получившее свое название от специального налога «ясак».

Целью данного исследования является анализ свадебных обычаев потомков старожильческого населения Притомья второй половины XX в. (1950–70-е гг.), на основе которого будут выявлены их общность и своеобразие. Для реализации данных задач за основу был взять описательный метод, включающий процедуру сбора и изложения данных и их характеристик, а также историко-сравнительный метод исследования. Так как в исследовании поднимается проблема идентичности, то за основу был взят подход, который определяет этнокультурную идентичность как самосознание, ощущение принадлежности к определенной этнической группе [Фурсова, 2004, с. 8], где явления традиционной культуры обладают идентификационными свойствами [Фурсова, 2015, с. 103].

В 1950–1970-х гг. свадебный сценарий сельских жителей Притомья все еще сохранял традиционные элементы. Свадебное гуляние могло длиться от двух дней до недели, но основными свадебными ритуалами были насыщены первые два свадебных дня. Свадьбы старались праздновать в большие советские праздники, выпадающие на осенне-зимний период (пример, 7 ноября), так как в это время колхоз давал три выходных дня, во время которых

и устраивали свадебное гуляние. В некоторых же случаях свадьбы приурочивали к большим христианским зимним праздникам (Новый год, Рождество). В большинстве случаев, парень и девушка заранее договаривались о сватовстве, т.к. в 1950–1970-е гг. молодежь сама принимала решение о выборе спутника жизни. Начинался свадебный период со сватовства. Сватать шли обычно родственники жениха – родители, тети и дяди, крестный, либо близкие знакомые – друзья жениха и соседи. Зайдя в дом, сваты могли вести с родителями невесты иносказательный диалог: «*У вас товар, у нас купец*», «*Мы пришли телку покупать*». В с. Колеул Мариинского р-на сохранялась традиция ритуального поведения сватов, когда они садились во время переговоров под матицу. Но чаще сваты все же не придерживались предписанного поведения, говорили о своих намерениях родителям невесты прямо. После сваты и родители невесты усаживались за общий стол, отмечали сватовство и договаривались о сроках проведения свадьбы.

В с. Чумай Чебулинского р-на, с. Малопесчанка и с. Колеул Мариинского р-на невеста сразу после сватовства могла уходить в дом жениха, возвращаясь в дом родителей только перед свадьбой. В д. Дмитриевка Чебулинского р-на, по рассказам местных жителей, до 1960-х гг. практиковались свадьбы «убегом», когда жених забирал невесту к себе домой без сватовства. После чего молодые вместе с родителями жениха шли к родителям невесты просить прощение, затем стороны договаривались о сроках проведения свадьбы. Если молодые женились «убегом», то выкупа в таком случае не было.

В отличие от других старожильческих сел, в с. Малопесчанка Мариинского р-на в 1950-е гг. сохранилась традиция запоя, как заключительного этапа сговора сторон [Зорин, 2004, с. 61]. После того, как сваты и родственники невесты выпили на сватовстве в доме невесты, все шли в дом жениха, где продолжали отмечать сватовство. Также в с. Малопесчанка сохранилась традиция приготовления невестой приданного, которое обязательно включало в себя матрас. Богатые невесты готовили в качестве приданного ватолу (шерстяное одеяло).

Во всех сравниваемых селах утром первого свадебного дня невесту наряжали ее подруги. Как отмечали информанты, в 1950–1960-е гг. сельские невесты, как правило, не располагали средствами для покупки специального свадебного платья, поэтому девушки-невесты надевали простое платье, которое носили в повседневной жизни, но предпочтение отдавали платьям светлых или белых тонов. Также невесты могли украшать голову самодельной фатой, изготовленной из накрахмаленной марли. Уже позднее, в 1970–1980-е гг. сельские невесты покупали себе свадебные платья и фату в специализированных магазинах. Само свадебное действо начиналось с выкупа, во время которого была активна молодежь. Невесту продавали ее подруги. В некоторых случаях, если у невесты была заплетена коса, могли продавать и ее. После выкупа жениха и невесту благословляли иконой, и вся свадьба отправлялась в дом жениха, где происходило первое праздничное застолье. У порога дома жениха гостей встречали его родители, держа в руках икону и хлеб, который жених с невестой должны были откусить. Благословление иконой молодых, как в доме жениха, так и в доме невесты, происходило на многих свадьбах в 1950–1970-е гг., несмотря на антирелигиозную политику советского руководства. Если в досоветский период жених и невеста отправлялись после выкупа в церковь для венчания, то в 1950–1970-е гг. в связи с антирелигиозной политикой, повлекшей за собой исключение венчания из свадебного сценария, жених и невеста отправлялись сразу в дом жениха. Согласно полевым материалам, в 1950–1960-е гг. государственная регистрация брака осуществлялась до или после самой свадьбы. И только в конце 1960-х и в 1970-х гг. регистрация в ЗАГСе была включена в традиционный свадебный сценарий.

Общим для всех описываемых свадебных сценариев было дарение подарков молодым в доме жениха на первый день свадьбы. За подарок крестные жениха и невесты, либо сами молодые, подносили гостю стопку с блином. В тех селах, где не угощали гостей блинами в первый день свадьбы, продавали блины невесты, которые та должна была печь сама, на второй день. В с. Малопесчанка Мариинского р-на невеста должна была дарить ответные подарки родственникам жениха.

В с. Колеул Мариинского р-на и в с. Чумай Чебулинского во время первого свадебного дня гости могли своровать невесту, требуя с жениха выкуп. Саму же невесту должен был сторожить друг жениха. Воровство невесты в данном случае имело шутливую форму, где главной задачей было проверить жениха на внимательное отношение к невесте.

Отличались свадебные традиции первого дня в с. Большая Покровка Тяжинского р-на, где после приезда молодых в дом жениха устраивали «породнение» двух семей. Перед началом праздничного застолье жениху и невесте перевязывали руки рушником и сажали за праздничный стол, а родственники жениха и невесты после выпитой рюмки должны были обняться. «Породнение» завершалось общей пляской двух семей. На территории Притомья аналогий данного обряда в ходе экспедиций зафиксировано не было.

В отличие от первого свадебного дня, ход второго дня свадебного гуляния в исследуемых старожильческих селах имел более значимые различия. Общим для всех сценариев было то, что второй день гости шли праздновать свадьбу в дом невесты. В 1950–1970-е гг. на свадьбах потомков старожилов уже не проверялась «честность» девушки. Немаловажную роль в этом сыграло негативное отношение к этому обряду со стороны самих девушек. Также общераспространенной для всех описываемых старожильческих традиций была традиция заметания сора молодыми. На второй или третий день свадьбы гости бросали на пол солому и монетки, в некоторых случаях разбивали тарелки и горшки. Невеста и жених должны были, подметая сор, собирать монетки. Гости же мешали молодым, совершали непристойные поступки, могли поднимать вверх ногами жениха, вытряхивая собранное у него из карманов. Таким образом гости в шутливой форме проверяли хозяйственные навыки невесты и то, насколько дружными являются молодожены. Отличающийся от других вариант традиционного сора был записан в с. Малопесчанка Мариинского р-на. Местные жители называли такой обряд «овин молотить». На второй день свадьбы гости вносили в дом два снопа, начинали бить по нему палками, бросали солому и монеты, били посуду. Жених и невеста собирали деньги, подметая сор. Похожий обряд был записан в д. Почаевка Тяжинского р-на, где проживают потомки украинских переселенцев. На второй или третий день свадьбы во дворе дома жениха бросали ботву от гороха, солому, горох, пшеницу, начинали ее на дворе молотить палками. В этот «горох» бросали деньги. Молодые должны были собирать монеты, а гости им мешали. Как можно видеть, обряд «молотить овин/горох» является одним из вариантов традиционного сора. Но в отличие от распространенного среди старожильческого населения Притомья варианта данного обряда, обряд «молотить овин/горох» театрально воспроизводит один из этапов сельскохозяйственных работ. Одноименный обряд был записан в Обско-Иртышском междуречье в с. Покровка Усть-Таркского р-на Новосибирской обл., где проживали потомки российских переселенцев (Рязанская, Тульская, Тамбовская, Полтавская и Киевская губернии) [Захарченко, Мельников, 1983, с. 4]. Но при полном совпадении названий обряда («овес/горох молотить»), обряд, записанный в с.Покровка Усть-Таркского р-на выглядел как традиционный «сор», записанный от потомков притомских старожилов. Скорее всего, являясь более характерным для российских переселенцев, вариант традиционного сора под названием «овин/горох молотить», был заимствован старожилами с. Малопесчанка Мариинского р-на.

После заметания сора в с. Малопесчанка гости выходили на улицу, где запрягали парней в упряжку и катали родителей молодых по селу. Данная свадебная традиция также не была зафиксирована среди старожильческого населения, тогда как среди переселенческого населения Притомья эта традиция была распространена. Например, в с. Белогородка Мариинского р-на, одном из близлежащих сел с. Малопесчанка, бытовала традиция катания родителей на упряжках, запряженных людьми в конце свадьбы. Бытование данной традиции в с. Малопесчанка, скорее всего, было связано с межкультурным взаимовлиянием между старожилами и переселенцами.

Выразительно проблему взаимовлияния старожильческих и переселенческих групп на территории Притомья иллюстрируют свадебные обычаи с. Большая Покровка Тяжинского р-на. Говоря о происхождении местного населения, некоторые жители села вспоминали, что жили тут чалдоны: «*Помню, дядя Сенька всегда говорил «чалдоны», про чалдонов рассказывал*» (Орлова А.Д. 1962 г.р., с. Большая Покровка Тяжинского р-на). «*Чалдоны в Большепокровке жили. Я чалдонка*» (Дмитриенко Н.М. 1958 г.р., д. Малопичугино Тяжинского р-на). Утром второго дня свекровь повязывала невестке на голову платок «по-бабьи», после чего молодая должна была накормить мужа. Для этого во дворе разжигали костер, невеста жарила яичницу и общипывала курицу, которую заранее обязательно крали у односельчан, гостей свадьбы. После приготовления завтрака для мужа на костре, молодые отправлялись с коромыслами к реке, где набирали воды и несли ее до дома. Жениха и невесту сопровождали гости, которые специально к этому моменту обряжаясь, мешали молодоженам, постоянно норовя опрокинуть ведра и облить молодых. Похожий комплекс свадебных обрядов второго дня были записаны в д. Новопокровка Тяжинского р-на, где местные жители не идентифицировали себя как чалдоны. В конце свадьбы на улице разжигали костер, через который прыгали молодые. Затем брали курицу, отрывали той голову, опаливали ее на костре и варили. После чего молодая брала украшенные полотенцем коромысла и вместе с молодым шла за водой. Также, как и в с. Большая Покровка, гости старались пролить воду на молодоженов.

Возникает вопрос о причинах такого совпадения свадебных сценариев. Согласно данным А.А. Кауфмана, во второй половине XIX в. поселок Большепокровский был населен курскими переселенцами: «поселок состоит исключительно из Курян… Главная массам населения пришла в 1888 году; позже – с 1889 по 1892 г. – прибыло еще 13 семей, из которых пять, прибывших в 1889 г., ко времени производства населения осталось непричисленными».

Как пишет Кауфман, на территории участка заселения новоселы не нашли старожильческих построек, но земли участка были засеяны старожилами, с которыми у переселенцев отношения были «вполне удовлетворительные» [Кауфман, 1895, с. 124–125]. Дер. Новопокровка Тяжинского р-на была образована, согласно «Списку населенных мест Сибирского края», в 1888 г. [1929, с. 282]. Принимая во внимания схожесть свадебных традиций и время основания поселений, можно сделать вывод, что д. Новопокровка была основана также курскими переселенцами. Но жители с. Большая Покровка идентифицировали себя как чалдоны, что могло быть вызвано активными контактами курских переселенцев с. Большой Покровка со старожилами. Это показывает возможность межкультурных коммуникаций и связей между сибирскими старожилами и переселенцами, что нашло отражение в смене идентичности последних при сохранение курских свадебных традиций. Так, в свадебных традициях с. Белица Беловского р-на Курской обл. в качестве свадебного блюда также подавали курицу, но в отличие от с. Большая Покровка и д. Новопокровка, курицу подавали в виде куриной лапши на первый день свадьбы. Так же, как и в Притомье, в с. Белица Беловского р-на Курской обл. на второй день свадьбы молодых отправляли за водой, а в с. Марица и х. Николаевка Льговского р-на Курской обл. гости старались опрокинуть воду на молодую [Свадебный обряд села Белица…; Свадебный обряд села Марица…]. Все это раскрывает сложность вопроса этнокультурной идентичности старожилов и переселенцев на территории Сибири.

Как и в с. Большая Покровка Тяжинского р-на, в некоторых старожильческих свадьбах Притомья была распространена традиция ряжения (рядились чаще в цыган) и мазания лиц сажей, которая могла сопровождать обряд, завершающий свадебное гуляние, «тушить овин». Так, в с. Чумай Чебулинского р-на гости рядились на второй день свадьбы. Ходили ряженными в том же районе в д. Дмитриевка во время обряда «тушить овин». Приведем примеры такого обычая. В последний день свадьбы, который гуляли в доме жениха, гости обряжались, мазали лица сажей, брали тележку, в которой поджигали солому. И вместе с этой тележкой ходили веселой процессией по деревне.

Как уже было сказано выше, традиционным для старожильческой свадьбы было завершать свадебное гуляние обрядом «тушить овин», связанным с символикой огня. Завершая свадьбу «овином» в д. Кураково Чебулинского р-на, гости разводили костер на улице и мазали лица сажей. «Тушили овин» в с. Колеул Мариинского р-на. На третий день свадьбы на улицу доставали лавки, делали печку с пологами, разводили костер и начинали парить молодых, затем парили уже всех гостей свадьбы. После «овина» гости усаживались за столы, и застолье продолжалось. Разводили огонь на второй день свадьбы в с. Чумай Чебулинского р-на. Во дворе жгли костер, через который прыгали сначала молодые, а затем все гости.

Заключение

Анализ свадебных традиций показал, что общим для всех свадебных сценариев второй половины XX в., записанных в разных районах Кемеровской обл., чьи жители определяли себя как потомки сибирских старожилов, стал общий ход свадебного сценария, который включал в себя сватовство, выкуп невесты, первый свадебный день в доме жениха, второй свадебный день в доме невесты. Исключение составила свадьба, записанная в д. Дмитриевка Чебулинского р-на, где не было выкупа, так как молодые женились «убегом». Общими традициями среди старожильческих свадеб являлось дарение подарков жениху и невесте от гостей и родственников молодоженов в первый день свадьбы, угощение гостей блинами на первый или второй свадебный день и заметание сора молодыми (ближе к концу свадьбы). Более частными традициями среди записанных старожильческих свадебных сценариев было воровство невесты, обряд «тушить овин» в различных его вариантах, хождение ряженых и мазание лиц сажей. Различия в свадебных традициях потомков старожилов Притомья, как показало исследование, могло быть связано с активными культурными контактами старожилов и российских переселенцев Притомья, что нашло отражение в свадебных традициях с. Малопесчанка Мариинского р-на и с. Большая Покровка Тяжинского р-на. Не смотря на некоторые различия в проанализированных свадебных сценариях, можно сделать вывод об общности свадебных традиций среди потомков старожильческого населения Притомья в 1950–1970 гг., что позволяет говорить о том, что свадебные обычаи и обряды обладают идентификационными характеристиками при учете фактора межкультурного взаимовлияния.

Список литературы

Захарченко В.Г., Мельников М.Н. Свадьба Обско-Иртышского междуречья. – М.: Сов. композитор, 1983. – 224 с.

Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М.: Наука, 2004. – 248 с.

Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии,

по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. томского губернатора, подворного исследования: Т. 1. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и Комп, 1895. – 177 с.

Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX в. (по полевым материалам 2018–2019 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 708–713, doi:10.17746/2658-6193.2019.25.708-713

Список населенных мест Сибирского края // Сибирский Краевой Исполнительный Комитет, Краевой финансовый отдел. – Т. 2. Округа Северо-Восточной Сибири. – 1929. – 952 с.

Свадебный обряд села Белица Беловского района Курской области [Электронный ресурс] // Культура. РФ. – 02.09.2015 – URL: https://www.culture.ru/objects/522/svadebnyi-obryad-sela-belica-belovskogo-raiona-kurskoi-oblasti (дата обращения 28.09.2021).

Свадебный обряд села Марица и хутора Николаевка Льговского района Курской области [Электронный ресурс] //Культура. РФ. – 17.11.2015 – URL: https://www.culture.ru/objects/2132/svadebnyi-obryad-sela-marica-i-khutora-nikolaevka-lgovskogo-raiona-kurskoi-oblasti (дата обращения 28.09.2021).

Фурсова Е.Ф. Календарная обрядность восточнославянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и трансформации первой трети XX в.: автореферат дис. доктора исторических наук. – Новосибирск, 2004. – 46 с.

Фурсова Е.Ф. Этнографические группы восточных славян в Западной Сибири: типология, идентичность, межкультурные взаимодействия // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. – М.: Наука, 2006. – С. 427–441.

Фурсова Е.Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2015. – Т.22. № 2 – С. 100–104.

References

Zakharchenko V.G., Melnikov M.N. Svad'ba Obsko-Irtyshskogo mezhdurech'ya. Moscow: Sov. Kompozitor, 1983, 224 p. (In Russ.).

Zorin N.V. Russkij svadebnyj ritual. Moscow: Nauka, 2004, 248 p. (In Russ.).

Kaufman A.A. Hozyajstvennoe polozhenie pereselencev, vodvorennyh na kazennyh zemlyah Tomskoj gubernii, po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya, Vol. 1. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i Komp, 1895, 177 p. (In Russ.).

Lyubimova G.V., Rubleva A.A. Ritual Scenario of Russian Siberian Wedding: Traditions and Innovations in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2019). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2019. Vol. XXV. P. 708–713. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.708-713

Spisok naselennyh mest Sibirskogo kraya . Sibirskij Kraevoj Ispolnitel'nyj Komitet, Kraevoj finansovyj otdel, T. 2, Okruga Severo-Vostochnoj Sibiri, 1929, 952 p. (In Russ.).

Svadebnyj obryad sela Belica Belovskogo rajona Kurskoj oblasti. (In Russ.). URL: https://www.culture.ru/objects/522/svadebnyi-obryad-sela-belica-belovskogo-raiona-kurskoi-oblasti (Accessed: 28.09.2021).

Svadebnyj obryad sela Marica i hutora Nikolaevka L'govskogo rajona Kurskoj oblasti. (In Russ.). URL: https://www.culture.ru/objects/2132/svadebnyi-obryad-sela-marica-i-khutora-nikolaevka-lgovskogo-raiona-kurskoi-oblasti (Accessed: 28.09.2021).

Fursova E.F. Kalendarnaya obryadnost' vostochnoslavyanskih narodov v Priob'e, Barabe i Kulunde: mezhkul'turnye vzaimodejstviya i transformacii pervoj treti XX v.: avtoreferat dis. doktora istoricheskih nauk. Novosibirsk, 2004, 46 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Etnograficheskie gruppy vostochnyh slavyan v Zapadnoj Sibiri: tipologiya, identichnost', mezhkul'turnye vzaimodejstviya. *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie v Evrazii.* Kn. 1. Moscow: Nauka, 2006. P. 427–441. (In Russ.).

Fursova E.F. Problemy tipologii etnograficheskih, konfessional'nyh, lokal'nyh grupp slavyanskih pereselencev Sibiri: mul'tidisciplinarnyj podhod. *Gumanitarnye nauki v Sibiri,* 2015. Vol. 22, no 2. P. 100–104. (In Russ.).

Рублева А.А. https://orcid.org/0000-0003-4967-6311

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0833-0841
УДК 391

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Культовые предметы из сборов Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН

С середины 80-х годов XX в. проводит исследовательскую работу этнографический отряд ИАЭТ СО РАН в районах компактного проживания обских угров Приполярного Урала. Цель исследования – изучение изменений в традиционной духовной культуре в связи с интенсивностью цивилизационных процессов. В текущем году маршрут экспедиции проходил в Березовском р-не ХМАО – Югры и Шурышкарском р-не ЯНАО, в местах традиционного расселения хантов и манси. В ходе экспедиции собрана обширная коллекция культовых и ритуальных предметов, нагрудные бисерные украшения, уникальные образцы мансийской вышивки на ткани, произведенной кустарным способом из местного растительного волокна, счетные жетоны. В статье представлена подробная характеристика и систематизация предметов коллекции, собранной в результате обследования заброшенных домов и культовых мест. Отмечено наличие изделий, свидетельствующих о традиции изготовления свинцовых зооморфных духов-помощников и обряд замещения духов. Использование холодного оружия в ритуальной практике, обычай создания фигур иттармы как вместилища души умершего с антропоморфной сердцевиной, деревянной у манси и свинцовой у хантов. Наличие культовой атрибутики – жертвенные покрывала и «богатырский шлем» свидетельствует о культе Небесного всадника. Шлем «богатырский» интересен включением нового сюжета – изображение птицы и солнца, наличием внутреннего кармана с вложением 7-ми монет 20-х годов XX в., что указывает на наличие солярного культа и почитание предка в облике птицы. Многие сакральные примеры доказывают устойчивость промыслового культа у автохтонного населения.

Ключевые слова: *обские угры, культовые, ритуальные предметы, духи-помощники, обряд замещения духов, иттарма, зооморфные духи, культ Небесного всадника.*

I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Cult Items from the Collections of the Circumpolar Ethnographic Detachment of IAET SB RAS in 2021

Since the mid-80s of the 20th century, the ethnographic detachment of IAET SB RAS has been conducting research in the areas of compact residence of the Ob Ugrians in the Circumpolar Urals. The purpose of the study is to research changes in the traditional spiritual culture due to the intensity of civilizational processes. This year, the expedition route took place in the Berezovsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug and the Shuryshkarsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District, in the locations of traditional settlement of Khanty and Mansi. During the expedition, an extensive collection of cult and ritual objects, beaded jewelry worn on the chest, unique samples of the Mansi embroidery on the fabric made artistically from local vegetable fiber, counting tokens were collected. The article presents a detailed description and systematization of the objects of the collection found during a survey of abandoned houses and places of worship. The author pointed out the presence of products testifying to the tradition of making lead zoomorphic helper spirits and the rite of substitution of spirits, the use of cold weapons in the ritual practice, the custom of creating ittarma figures as a receptacle for the soul of the deceased people with an anthropomorphic core, wooden for the Mansi and lead for the Khanty, cult attributes confirming the presence of the cult of Heavenly Horseman. The presence of cult attributes—sacrificial mantle and "heroic helmet"—confirm the cult of Heavenly Horseman. The heroic helmet is interesting due to the inclusion of a new plot—the image of a bird and the sun,

the presence of an inner pocket with 7 coins of the 1920s in it, which testifies to the presence of a solar cult and worship of ancestors presented as a bird. Numerous sacral examples prove stability of a fishing cult with the indigenous population.

Keywords: *Ob Ugrians, cult, ritual objects, spirits-helpers, rite of replacement for spirits, ittarma, zoomorphic spirits, the cult of Heavenly Horseman.*

Введение

В этом году маршрут Приполярного этнографического отряда СО РАН, руководителем которого является А.В. Бауло, проходил по рекам Обь, Сосьва, Ляпин – мест традиционного проживания обских угров – хантов и манси. Исследования и сборы велись в Березовском р-не ХМАО – Югры, Шурышкарском р-на Ямало-Ненецкого автономного округа.

Коллекция, собранная в текущем году, не только обширна, но и разнообразна. Ее можно разделить на несколько групп: культовые и ритуальные предметы, свидетельствующие о традиции почитания Небесного всадника; свинцовые зооморфные фигуры – духи или замещение духов; шейные украшения, вышивки на тканях.

Наше исследование посвящено предварительному анализу и систематизации предметов культового назначения как традиционных (культ Небесного коня, фигуры идолов и фигуры иттарма с антропоморфной сердцевиной из свинца или дерева), так и уникальных образов и форм зооморфных свинцовых фигурок. Актуальность ввода в научный оборот сведений об этих предметах определяется разнообразием сюжетов, их назначением в культовой практике обских угров.

Описание коллекции

Первую группу предметов составляют атрибуты, доказывающие устойчивую традицию почитания Небесного всадника. Это жертвенные покрывала (рис. 1, *1–3*). Все предметы принадлежат ляпинским манси. Несмотря на единый сюжет – всадник на коне, материал изготовления – сукно, технологию – врезная аппликация, количество квадратов – четырехпольные, все покрывала разные. Одно выполнено из чередующихся квадратов черного и красного цветов, на красном фоне изображен всадник черного цвета и наоборот. Изображение коня стилизованное, хвост пышный, приподнят. Голова всадника обозначена ромбом, руки подняты вверх. Квадраты разделены полосами красного и черного цветов. По краям проходит кайма тех же цветов. По периметру изделия проходит опушка.

У второго жертвенного покрывала иная цветовая гамма – зеленый фон и красный всадник и наоборот, квадраты пришиты полосами с одинаковыми фонами. Конь выполнен очень реалистично; к мордам коней пришиты монеты 30-х годов XX в. Всадник держит удила, рука направлена к голове лошади, в другой руке – сабля(?). Квадраты разделены полосками, по периметру также кайма двухцветная. Оборотная сторона изделия закрыта подкладкой из х/б ткани светлого цвета с розовым рисунком. На углы покрывала пришиты полоски разноцветного сукна и ткани подкладки, к ним прикреплены с одной стороны два бубенчика – шаркунца, с другой стороны – два поддужных колокольчика с надписью по периметру юбочки «Зав. Егора Спиридонова Клюйкова в Пурехе». Металлические предметы крепятся на кожаных петлях. В полоску из ткани с одной стороны привязана узлом монета 1 копейка 1931 г., с другой стороны две монеты в двух узелках 10 копеек 1931 г. и 10 копеек 1932 г. С третьей стороны в узелке помещен деревянный цилиндрик с отверстиями.

Третье жертвенное покрывало сшито из квадратов темно-синего и желтого цветов, расположенных полосами. Изображение исполнено в реалистичной манере. У всадника голова повернута назад и в обеих руках одинаковые предметы. Подкладка из цветного ситца – синий фон, мелкий цветочный орнамент. К углам и посередине одной стороны пришиты широкие полоски разноцветного сукна, на кожаных петлях прикреплены два бубенчика и плетеные шнурки из красной шерсти.

К этой группе предметов отнесен богатырский шлем (рис. 1*, 4)*. Сшит из сукна, чередуется красный фон с черными аппликациями и наоборот. Верхняя (головная) часть сшита из сукна красного цвета, тыльная сторона широкая, к ней пришит короткий квадрат, на котором аппликация «всадник», между ними расположены полоски с изображением уточек (с одной стороны черная уточка на красном фоне, с другой – наоборот). Донышко – круглая вставка, в центре которой пришиты полоски черного и красного сукна. К красным полоскам прикреплены поддужные колокольчики. Оплечье сшито из четырех квадратов с аппликацией «всадник», они отделены от головной части и между собой полоской ткани с изображением солнца и уточки, та же полоса проходит по нижнему краю шлема и оплечья. Внутри оплечья на правой стороне пришит карман из одного квадрата, в нем обнаружено гладкое кольцо и 7 монет 20-х годов XX в. Периметр шлема декорирован опушкой.

Рис. 1. Атрибуты Небесного всадника.
1–3 – покрывало; *4* – «богатырский» шлем.

Вторая группа – иттерма – вместилище души умершего человека (одиннадцать единиц). Фигуры, сердцевиной которых являются антропоморфные фигурки, вырезаны из дерева (рис. 2, *1, 2)* или отлитые из свинца (рис. 2, *3, 4*). Свинцовые фигурки имеют плоское туловище, иногда прямые или подогнутые конечности, объемные лица. Деревянные статуэтки – плоское тулово прямоугольной формы, кроме фигуры, у которой намечены короткие руки и ноги. Одна фигура отличается тем, что в середине тулова имеется отверстие на лицевой стороне, куда вставлена монета 10 копеек 1961 г., гербовой стороной наружу. Головы у фигур имеют круглую или конусообразную форму, лики разные: на нескольких одной линией подчеркнут низкий лоб и нос, вырезаны глаза, рот, выпуклый нос. У одной фигуры на лицевой стороне в месте лица врезана бляшка, она круглой формы, с грибообразным отростком вверх, с солярным орнаментом (от центральной жемчужины отходят лучи). На ней же в верхней части тулова врезана монета 10 копеек 1906 г. У другой фигуры лик затянут красной тканью. Все фигуры или завернуты в лоскуты ткани или одеты, отличается одна, к которой привязана монета 2 копейки 1821 г. Екатеринбургского монетного двора. Все фигуры одеты в многослойные одежды, верхняя – меховая или суконная, внизу рубахи и лоскуты ткани, в которые завернуты антропоморфные статуэтки. Отличаются две иттермы, одна фигура была обернута в платок (рис. 2, *5, 6*), нижняя одежда – отрезные платья, в отличие от традиционных рубах. Антропоморфная сердцевина второй зашита в лоскут домотканой ткани с вышивкой. Ткань соткана из местного растительного волокна (крапива?).

Рис. 2. Иттерма с вложениями.

Вышивка выполнена красными, желтыми (контур) и черными нитками. Рисунок вышивки – ромб, внутри которого крест с четырьмя птичками по сторонам (рис. 2, *7, 8*).

Третью группу составляют и идолы-покровители, и приклады в виде платков и лоскутов ткани, декорированные снизками бус, бубенчиками (рис. 3, *1, 2*). Заслуживает внимания один платок, выполненный из домотканого полотна. Он украшен вышивкой шерстяными нитками. Узор ромбический, чередуются коричневые и красные ромбы. Внутри ромбов тоже ромбы, образуют крест в рамке из ромбов. По краю пришита кайма из разной ткани, к ней пришита бахрома длинная из крученых ниток (рис. 3, *3*).

Представляет интерес идол, собранный из девяти платков (рис. 3, *4*). Верхняя часть сформирована из платков, подвязанных лоскутом красной ткани с цветочным орнаментом, образуя голову идола. Сердцевину составляет фрагмент тонкой, шелковой ткани с канвой из домотканого полотна, украшенного набивным рисунком, верхний платок красного цвета, рисунок ткани – «огурцы», он декорирован каймой черного цвета и длинной бахромой. Все платки, входящие в состав идола, украшены каймой и бахромой, на одном из них прикреплено гладкое кольцо и в уголке завязан ниткой бубенчик.

Два идола – антропоморфные многослойные фигуры, состоящие из халатов из различных тканей, к вороту одного пришиты два кольца.

Идол в форме пучка стрел (рис. 3, *5*). Три стрелы, обмотанные светлой тканью, на которых одет распашной халат, сверху на фигуру надета конусообразная шапка, сшитая из клиньев желтого и синего плотного материала, наверху ленты, внутри еще одна шапочка, в маленькой шапке изнутри пришита монета в 15 коп. 1948 г., обернутая в ту же ткань, как и халат. Обе шапки оторочены опушкой по краю. Наконечники стрел имеют расщепленное деревянное древко, одна стрела с вильчатым раздвоенным наконечником, в две – вставлены гвозди – имитация наконечника. К этой группе предметов относятся элементы одежды идолов – шапки, сшитые из клиньев (рис. 3, *6*), и распашные халаты с воротником-стойкой.

Следующую многочисленную группу составляют зооморфные фигурки из свинца и цветного металла. По сюжетам они делятся на следующие группы – изображение лягушек, птиц, рыб, собак. По назначению – духи-покровители и фигу-

Рис. 3. Фигуры духов и приклады.

ры, которые служили для обряда замещения духов. К духам-покровителям можно отнести фигурки со вставкой-монетой и завернутые в ткань. Среди фигурок образ лягушки на первом месте, они разнообразны по форме и размерам. Изображения могут быть реалистичными: спинка у лягушки приподнята, туловище округлой формы, лапы отходят от туловища, утолщаясь к краям, они выполнены так, что имитируют перепонки. Они могут быть схематичными: туловище лягушки имеет подовальную форму, подчеркнута маленькая головка на вытянутой шее, передние лапы разведены и подогнуты, задние разведены. Встречаются изображения, напоминающие по форме лягушку, но с удлиненным хвостом, или изображение близкое к антропоморфным. Животные изображены в различных положениях – в прыжке, плывущими, сидящими. Они могут быть объемными, на платформе, плоскими (рис. 4, *1–6*).

Орнитологические изображения представлены фигурками птиц и уточек. У птиц подчеркнуто вытянутое туловище, голова треугольной формы, обозначены крылья и лапы, хвост закруглен или раздвоен. Фигурки уток выполнены реалистично:

туловище овальной формы, закругленное к шее, и заостренное к хвосту, голова объемная, приподнятая, на вытянутой шее, хвост треугольной формы, лапы отогнуты вниз (рис. 4, *7–9*).

Фигуры рыб показаны как объемные с длинным хвостом или раздвоенным, так и в виде плоского скелета; обозначены хребет, ребра, подпрямоугольная голова (рис. 4, *11–13*).

Фигуры собак выполнены в профиль, изображение плоское. Видна голова на длинной шее, обозначены уши, вытянутое туловище, в нижней части четыре отростка, - лапы животного, длинный хвост опущен (рис. 4, *13*, *14*).

Еще одна группа предметов, представленная в сборах текущего года – предметы женского обихода – в т.ч. сумочка для рукоделия (тутчан) с пришитой игольницей из коричневого сукна (рис. 5, *5)*. В сумочке лежит моток сухожильных ниток, два наперстка, пять лоскутов разноцветной ткани, в одну из них была завязана серьга – полая круглая. Предмет выполнен из белого меха, верхняя часть гладкая, нижняя украшена аппликацией коричневым мехом, швы проложены зеленым, красным сукном и синей тканью, вшиты небольшие квадратики синего и зеленого сукна. К лицевой стороне прикреплена игольница из сукна, на которую нанизан ряд иголок, она орнаментирована геометрическим узором. К краю сумочки пришит красный шнур с цепочкой.

К этой группе относятся женские украшения трех типов: нагрудные из бисера (рис. 5, *2, 3*), серьги, кольца. Нагрудное украшение (сак-паль): скрученными нитками в одно изделие закреплено две полоски, плетенные из бисера белого и синего цвета (в одной есть несколько красных). К ним петлями из бисера прикреплены диски с петлями и пуговица. На одной полоске два диска орнаментированы изображениями всадников. На второй полоске прикреплены пуговицы – диски и пуговица более крупная, на дисках помещен орнамент в виде кругов, которые размещены в центре и по краю, на втором диске круг изображен в центре. К изделию привязана подвеска – серьга с изображением птицы в профиль с короной на одной стороне, на другой – цветок. К основной нити прикреплена подвеска в виде снизки бус, к концу которой привязано кольцо. На

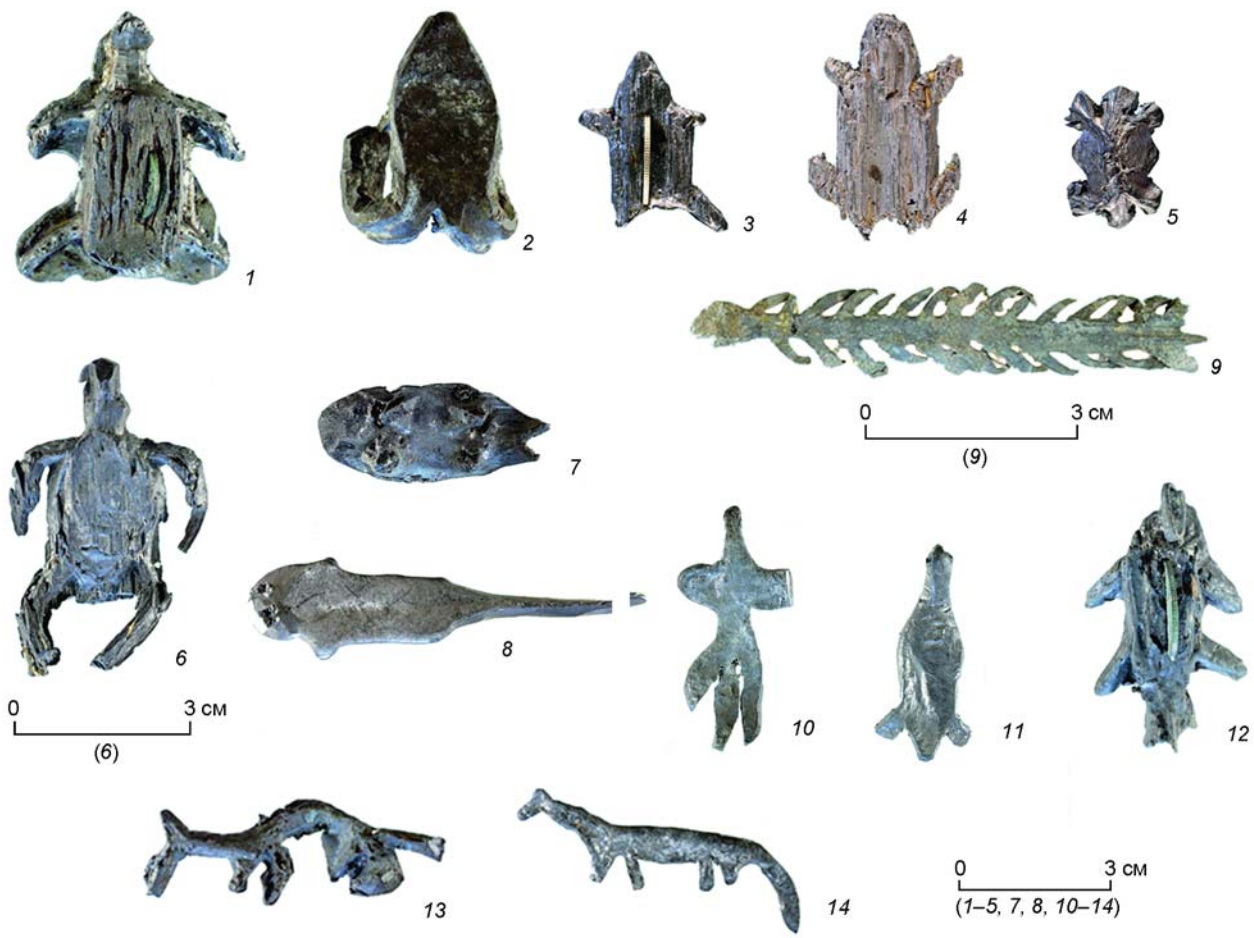

Рис. 4. Зооморфные фигуры из свинца.

1–6 – «лягушка»; *7–9* – «рыба»; *10–12* – «птица»; *13*, *14* – «собака».

Рис. 5. Предметы женского обихода.

1 – серьга; *2, 3* – шейные украшения; *4* – связка колец; *5* – сумка для рукоделия; *6* – подвеска; *7,8* – счетные жетоны.

второй подвеске, состоящей из бус белого, темного и желтого цветов, привязан бубенчик. К изделию прикреплены восемь плоских колец.

Одна из подвесок – серьга круглой формы с петлей, к ней кустарным способом прикреплена загнутая тонкая проволочка. На одной стороне серьги изображен многолепестковый цветок, по периметру края проходит надпись на латинском языке, оборот стерт, но изображение было помещено в круг из рельефных жемчужин. К изделию привязана крученая нитка коричневого цвета (рис. 5, *1*). Вторая подвеска изготовлена из готового изделия (расплющена), круглая по форме, в центре видна многолепестковая розетка, края рифленые (рис. 5, *6*).

Кольца и перстни. Большая часть – 33 ед. из 37 найдена в связке на плетеном шнурке (рис. 5, *4*). Среди колец традиционной формы и орнаментации интересны ранее не встреченные сюжеты – два кольца со щитком в виде скрещенных ладоней и кольцами, на щитках которых изображен бегущей зверь и летящая птица. Среди остальных изделий выделяется кольцо с рельефной надписью на лицевой части «Преп: отче: Серафим».

К этой же группе отнесены счетные жетоны в количестве шести единиц, они сильно патиниро-

ваны, но на одном на реверсе видна мужская фигура, изображенная в полный рост, в пол-оборота, поливающая лейкой цветок (рис. 5, *7, 8*).

Последнюю группу составляют предметы, связанные с ритуалами и атрибутикой ворожбы. К ним отнесен халат из белой ткани, пройма прямая, от нее отходит вниз клин, который переходит на спинку. Подшит и прошит черными нитками, завязки из красного шелка. По полочкам от проймы нашита полоска красной шелковой ткани, которая идет по всему периметру изделия выше края. На халате видны пятна жертвенной крови.

Второй предмет – это сабля для ворожбы, эфес которой обернут плетеным шнуром. Сабля в ножнах, русская, артиллерийская, образца 1866 г. Клинок стальной, изогнутый, однолезвийный, с одним широким долом с обеих сторон. Эфес состоит из рукояти и латунной гарды. Рукоять деревянная, обтянутая кожей. Ножны обтянуты кожей с латунным защитным окончанием.

Результаты и обсуждение

Коллекция предметов, собранных в текущем году, расширяет наши представления о духовной практике обских угров. Как бы ни были предметы традиционны по своему назначению, они различны по исполнению. Этот тезис подтверждается предметами почитания культа Небесного всадника у ляпинских манси. На двух жертвенных покрывалах, головы всадников выполнены в виде ромба, «в соответствии с традициями угорского орнамента» [Бауло, 1997, с. 99]. Семантика изображений, наличие монет на поле свидетельствуют о том, что эти изделия созданы не позднее 30-х годов XX в. Шлем «богатырский» интересен включением нового сюжета – изображение птицы и солнца, наличием внутреннего кармана с вложением 7-ми монет 20-х годов XX в. Эти факты подтверждают вывод о том, что «на священных атрибутах обских угров солярные знаки встречаются в основном на предметах, относящихся к культу Небесного всадника. Это может рассматриваться как реликт ранних космогонических представлений» [Бауло, 2018, с. 123] и свидетельствуют о наличии солярного культа и о «почитании предка в облике птицы» [Бауло, 2016].

Обряд почитания предков в виде изготовления и долгого хранения иттерма свойственен для обских угров. Полевые наблюдения и систематизация сбора текущего года показали, что антропоморфные сердцевины, изготовленные из дерева, более типичны для манси, лики вырезаются таким образом, что напоминают воинов в шлемах, или закрываются монетами. У хантов внутри иттармы чаще вложена свинцовая фигурка.

Уникальным является факт обнаружения двух изделий с мансийской вышивкой – платок, лоскут ткани, в которую зашита свинцовая антропоморфная фигурка, и фрагмент домотканой ткани на одном из платков, который был в составе идола из платков. Все ткани домотканого изготовления из местного растительного полотна. По мнению Е.Г. Федоровой, «появление платка у манси связано с каким-то общим для Урало-Поволжского и Среднеазиатского регионов, культура которых характеризовалась наличием ткачества из растительного полотна» [Федорова, 1994, с. 190]. Наличие бахромы на платках исследователь связывает с древней традицией семейных отношений, когда женщина должна была закрывать лицо от родственников мужа и при проведении определенных обрядах. Семантика вышивки на тканях, геометрический и линейный орнамент подробно описан Т.А. Молдановой. Она считает, что ромб, крест и композиции, созданные этими фигурами, имеют символический и сакральный характер [Молданова, 2013, с 113]. Эти предметы можно датировать XIX в., потому что впоследствии они были вытеснены покупными фабричными тканями, осталась только традиция украшения канвой и бахромой из крученых нитей.

Особый интерес представляет серия свинцовых фигурок, представляющих сакральные образы почитаемых животных – лягушек, собак, рыб и птиц. Они могут рассматриваться и как отдельные духи – помощники (фигурки с монетами, обернутые тканью), и как замещение духов в случае случайного вреда священному животному, в частности лягушке, утки-поганки [Бауло, 2002, с. 19; Соколова, 1975, с. 148]. Аналогичные находки характерны для культовой атрибутики березовских хантов [Бауло, 2002]. Культу лягушки посвящены исследования Соколовой З.П. [Соколова, 1975; 2009]. Культ почитания собак освещен в работе Смирновой К.А. [Смирнова, 2018, с. 46–47]. Данные факты дают основание утверждать об устойчивости промыслового культа автохтонного населения.

Особое значение имеют предметы женского обихода, как шейные украшения, поскольку это очень редкая находка, так и сумочка для рукоделия. Эти изделия имеют, по мнению Е.Г. Федоровой одновременно и интимный и сакральный характер [Соколова, 2009, с. 252], орнамент на сумке и на игольнице традиционен и символичен, использование таких элементов как крест, ромб, их сочетание благоприятствует удаче и семейному благополучию [Молданова, 1999, с. 42; Молданова 2013, с. 75, 115].

Кольца и перстни, как правило, встречаются и отдельными вкладами, и целыми связками и могут быть украшениями ритуальных предметов.

В текущем году выявлены перстни с новым декором (щиток в виде скрещенных ладоней) и надписью. Данные предметы свидетельствуют об устойчивых обменных и торговых отношениях, так же как и счетные жетоны, которые использовались для меновой торговли, но местным населением использовались как приношения [Бауло, 2002, с. 28].

Заключение

Коллекция ритуальных, культовых предметов, украшений, собранная в этом полевом сезоне, расширит и дополнит корпус материальных источников для исследования духовной культуры обских угров и обогатит этнографическую коллекцию музея. Многие уникальные предметы требуют дальнейшего углубленного исследования.

Список литературы

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 90 с.

Бауло А.В. Жертвенные покрывала обских угров из Ханты-Манскийского музея // Народы Сибири. История и культура. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 90–102.

Бауло А.В. Чохрынь-ойка – «Стрекоза-старик», «Нож-старик» – лесной врач, чиновник, спасатель. Таежные святилища мансийского божества // Наука из первых рук. – 2016. – № 1 (67). – С. 116–133.

Бауло А.В. Традиция замещения жертвы у обских угров // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018.– Т. 46, № 3. – С. 122–129.

Молданова Т.А. Казымский орнамент. – Ханты-Мансийск: Изд-во «ООО Печатный мир», 2013. – 175 с.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 260 с.

Соколова З.П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема // Советская этнография. – 1975. – № 6. – С. 143–154.

Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 755 с.

Смирнова К.А. Мотив зооморфных перевоплощений в фольклере обских угров // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов Пермского гос. гум. ун-та. – 2018. – № 1. – С. 44–55.

Федорова Е.Г. Историко-этнографический очерк материальной культуры манси. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1994. – 284 с.

References

Baulo A.V. Kul'tovaya atributika berezovskikh khantov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 90 p. (In Russ.).

Baulo A.V. Zhertvennye pokryvala obskikhugrov iz Khanty-Manskiiskogo muzeya. *In Narody Sibiri. Istoriya i kul'tura.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. P. 90–102. (In Russ.).

Baulo A.V. Chokhryn'-oika – «Strekoza-starik», «Nozh-starik» – lesnoi vrach, chinovnik, spasatel'. Taezhnye svyatilishcha mansiiskogo bozhestva. *Nauka iz pervykh ruk*. 2016, no. 1 (67). P. 116–133. (In Russ.).

Baulo A.V. Substitute Offering: An Ob Ugrian Ritual Tradition Surviving in the 20th and Early 21st Century. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2018. Vol. 46, no. 3. P. 122-129. (In Russ.).

Moldanova T.A. Kazymskii ornament. Khanty-Mansiisk: Izd-vo «OOO Pechatnyi mir», 2013, 175 p. (In Russ.).

Moldanova T.A. Ornament khantov Kazymskogo Priob'ya: semantika, mifologiya, genezis. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1999, 260 p. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Nakhodki v Shishingakh (kul't lyagushki i ugorskaya problema. *Sovetskaya etnografiya*. 1975, no. 6. P. 143–154. (In Russ.).

Smirnova K.A. Motiv zoomorfnykh perevoploshchenii v fol'klere obskikh ugrov. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov Permskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2018, no. 1, P. 44-55. (In Russ.).

Sokolova Z.P. Khanty i mansi. Vzglyad iz XXI v. Moscow: Nauka, 2009, 755 p. (In Russ.).

Fedorova E.G. Istoriko-etnograficheskii ocherk material'noi kul'tury mansi. Sankt-Peterburg: Izd-vo MAE RAN, 1994, 284 p. (In Russ.).

Сальникова И.В. https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0842-0847
УДК 316.733

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Khakassie@yahoo.com

Концепт «нематериальное культурное наследие» в Республике Алтай

В статье анализируется процесс становления концепта «нематериальное культурное наследие» в Республике Алтай. На основе рассмотрения законодательных актов, материалов прессы, документов учреждений культуры рассматривается представление о данном феномене в общественном дискурсе региона. Показано, что нематериальное культурное наследие имеет сконструированный характер. Корпус культурных практик составляется в зависимости от уровня государственной структуры. Так, списки, подготовленные специалистами федерального учреждения, отличаются от реестра, сформированного в республике. Определено, что в Республике Алтай стала популярной модель режимов наследования государств Дальнего Востока, где неосязаемое наследие, сохранение и передача знаний и умений, мастерства являются одними из центральных патримониальных мероприятий. Выявлены расхождения в международных и республиканских подходах к нематериальному наследию. На Алтае список объектов утверждается официальными структурами, критериями выбора являются принадлежность практики к этнической группе, ее древность, аутентичность. Также существует ранжирование практик, некоторые из которых обозначаются как ценнейшие. Однако вслед за идеями, представленными в международных документах, обозначается право самой этнической группе определять список нематериального культурного наследия, допускается трансформация некоторых культурных практик под влиянием социальных факторов. Сделан вывод, что объекты нематериального культурного наследия являются базой для культурной памяти и этнической идентичности современных алтайцев. Они призваны сохранить преемственность поколений, сберечь социальные и культурные ценности и смыслы для потомков. Прошедшие утверждение государственными структурами, поддержанные официальными программами культурные практики являются значимыми маркерами для сообщества.

Ключевые слова: *этническая идентичность, культурная память, нематериальное культурное наследие, символы.*

E.V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: Khakassie@yahoo.com

The Concept of “Intangible Cultural Heritage” in the Republic of Altai

The article analyzes the process of formation of the concept of “intangible cultural heritage” in the Republic of Altai. Based on the consideration of legislative acts, mass media materials, documents of cultural institutions, the idea of this phenomenon in the public discourse of the region is considered. It is shown that intangible cultural heritage has a constructed character. The corpus of cultural practices depends on the level of the state structure. Thus, the lists prepared by specialists of the federal institution differ from the register formed in the republic. It is determined that the model of inheritance regimes of the states of Far East has become popular in the Republic of Altai, where intangible heritage, preservation and transfer of knowledge and skills, mastery are among the central patrimonial events. Discrepancies in international and republican approaches to intangible heritage are revealed. In Altai, the list of objects is approved by official structures, the criteria for selection are the affiliation of the practice to an ethnic group, its antiquity, authenticity. There is also a ranking of practices, some of which are designated as the most valuable. However, following the ideas presented in international documents, the right of the ethnic group itself to determine the list of intangible cultural heritage is indicated, transformation of some cultural

practices under the influence of social factors is allowed. It is concluded that the objects of intangible cultural heritage are the basis for the cultural memory and ethnic identity of modern Altaians. They are designed to preserve the continuity of generations, to preserve social and cultural values and meanings for posterity. Cultural practices that have been approved by the governmental agencies and supported by official programs are significant markers for the community.

Keywords*: ethnic identity, cultural memory, intangible cultural heritage, symbols.*

Понятие «наследие» часто используется в современных научных и общественных дискурсах. Ученые, представляющие различные научные школы и дисциплины, крайне широко трактуют это понятие. Социальные группы, в т.ч. этнические, используют его для формирования культурной памяти, как аргумент для сохранения традиционного образа жизни. Администраторы, работающие в области культурной политики, применяют его в своих программах по сохранению памятников, элементов ландшафта, произведений фольклора и т.д. Цель статьи – проанализировать практики, связанные с наследием в Республике Алтай, изучив их в контексте международного, российского законодательства. Рассмотрение концепта наследие, прежде всего нематериального, будет опираться на современные методологические подходы, предложенные в рамках критического исследования наследия.

Центральной идеей, предложенной в рамках данных теоретических разработок, является изучение наследия как процесса, посредством которого осуществляется формирование идентичности, обращение к памяти сообществ и формируется «чувство места». Т.о. практики наследия – это активный процесс воспоминания, забвения и коммеморации. Мысль о том, что культурное наследие – это процесс, позволит оценить критически этот феномен и проанализировать механизмы, определяющие вещи или культурные практики в качестве достояния, понять последствия подобного выбора. В процессе формирования корпуса наследия происходит обсуждение исторических и культурных смыслов его элементов, их ценности. Наследие рассматривается как дискурс, легитимизирующий и управляющий историческими и культурными нарративами [Смит, 2013, с. 27–43].

В результате анализа деятельности профессионалов в области наследия, были выявлены фундаментальные ценности, на которых базируются критерии отбора артефактов, составляющих патримониальный корпус. Аутентичность, на которой базируется само представление о наследии; древность, связывающая настоящий момент со временем происхождения объекта; редкость, отсылающая к незначительному количеству предметов в данной категории; красота, сигнификативность – способность выражать некие смыслы. Наследие в итоге рассматривается как особое состояние, возникающее в результате воздействия (слова, закона, действия, финансового обмена) на какие-либо объекты. Эти вещи могут быть артефактами, природными объектами или быть не овеществленными (в случае нематериального наследия) [Эник, 2017].

Рассмотрев международное законодательство в области наследия, прежде всего конвенции и декларации ЮНЕСКО, можно проследить расширение подходов к культурному наследию. В конце 1990-х гг. с ростом глобализации, а также активизацией претензий этнических меньшинств на самоопределение, профессионалами в области наследия, включая антропологов и этнографов, в ходе многочисленных совещаний и конференций, было предложено определение «нематериальное наследие», которое признавалось важной формой самовыражения меньшинств. Так, на одном из совещаний, антрополог и одна из авторов конвенции подчеркивала, что определение наследия базируется на смыслах, сформированных из восприятий людей, связанных объектами, знаниями и практиками. Нематериальное наследие поддерживается действиями людей, следовательно, его нужно понимать как процесс созидания, включающий навыки, стимулирующие факторы, продукты, значения, воздействия и экономическую ценность. Инструменты его защиты должны быть сосредоточены на процессе созидания, передающего умения прошлого, которые необходимо поддерживать для будущего сообщества. Немалую роль в процессе сбережения нематериального наследия отводится представителям самих этнических или других социальных групп, в т.ч. и национальных, подчеркивая тем самым роль носителей традиций [Arizpe, 2020].

Согласно документам ЮНЕСКО, создатели, обладающие опытом и сознательным намерением передавать свои традиции, должны получить большее признание. Нематериальное культурное наследие рассматривается как ресурс для жизни людей. Отсюда и идея о ведущей роли социальных групп в выборе объектов наследования, об их активном участии в выработке программ. Люди в этом случае представлены как активные создатели, хранители, участники патримонизации. Авторы документов, посвященных нематериальному культурному наследию, также настаивают на множественной идентичности. Т.о., один человек может быть чле-

ном национальной, этнической группы, представляя наследие нескольких сообществ. Отдельно подчеркивается, что нация в гражданском понимании этого термина, также может быть отнесена к культурному сообществу. Тем самым исключается культурная монополия меньшинств на наследие. В определении «коренной народ» указана привязка социальной группы к территории проживания, хотя и с оговорками, что на одной территории может существовать несколько народов. Это дает право на определение наследия не только по этническому, но и по территориальному принципу, выражая идею мультикультурализма [Конвенция…].

Как было показано в исследованиях на эту тему, большое влияние на терминологию, используемую в Конвенции о нематериальном наследии, оказали представители Японии и Южной Кореи. Для режимов наследования этих стран важно сохранение умений и навыков мастеров, которые передают традицию от поколения к поколению в неосязаемом виде, существуют реестры носителей важных нематериальных культурных ценностей [Bortolotto, 2013].

Согласно Конвенции 2003 г. под нематериальным наследием понимают «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия». Оно формирует чувство самобытности, преемственности поколений, воссоздается в зависимости от истории группы, ее взаимодействия с окружающей средой и природой. Проявляется нематериальное наследие в виде устных традиций и формы выражения, включая язык; исполнительского искусства; обычаев, обрядов и празднеств; знаний и обычаев, относящихся к природе и вселенной; знаний и навыков, связанных с традиционными ремеслами [Конвенция…].

Российская Федерация Конвенцию об охране нематериального культурного наследия 2003 г. не ратифицировала, однако на национальном и местных уровнях существуют законы и программы, посвященные данной проблематике. В Законе «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» дается определение «культурное наследие народов Российской Федерации» под которым, в т.ч. понимаются духовные ценности, созданные в прошлом и значимые для сохранения и развития самобытности страны и народов, ее населяющих [Закон, 2021].

В 2016 г. была принята «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», в которой среди целей названо сохранение исторического и культурного наследия, использование его для воспитания и образования; передача от поколения к поколению ценностей, норм, традиций и обычаев. В результате реализации мероприятий предполагается сформировать чувство сопричастности к территории для укоренения и преемственности поколений, обеспечить местное население рабочими местами, развивая народные промыслы и креативные индустрии, сохранить традиции и создать условия для развития народных искусств и творчества, создав систему поддержки народных художественных промыслов и ремесел [Стратегия…].

В 2008 г. был утвержден документ, непосредственно посвященный нематериальному культурному наследию, «Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2015 гг.». Отмечается, что оно является важной частью национальной культуры, способствует формированию толерантности и укрепляет связь поколений и эпох. Под нематериальным культурным наследием в программе обозначаются обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Области проявления нематериального культурного наследия дублируют те элементы культуры, которые зафиксированы в конвенции ЮНЕСКО. В качестве цели Концепцией предложено формирование условий для сбережения, развития и популяризации, признание в качестве приоритета со стороны государства сохранение нематериального культурного наследия народов РФ. Задачи же выделены инструментальные: создание базы данных, формирование охранного законодательства, развитие инфраструктуры, связанной с изучением и сохранением нематериального наследия, мероприятия по популяризации его объектов [Концепция…].

В программе, вслед за международным законодательством, обозначается важная роль в формировании списка нематериального культурного наследия самих участников социальной группы, которому оно принадлежит. Однако в РФ выбран орган, фиксирующий сведения об объектах нематериального культурного наследия. Это Государственный Дом народного творчества имени В. Д. Поленова, на странице портала Культура.рф размещен единый электронный каталог. Согласно федеральному перечню, на территории Республики Алтай выделено 11 культурных практик, отнесенных к нематериальному наследию. Среди них 1 эле-

мент представляет культурные практики алтайских казахов, 1 – алтайцев (обе номинации скотоводческие заговоры), 4 – теленгитов (скотоводческие заговоры, топшуур и топшуурная музыка, колыбельная, традиция теленгитских эпических сказаний), 1 – тубаларов (сказочная традиция), 4 – чалканцев (комплекс шаманских мифологических представлений с. Суранаш, шаманская семейно-родовая традиция чалканцев Барбачаковых, песенная традиция Турочакского р-а).

Принятый же в 2014 г. реестр объектов нематериального наследия Республики Алтай содержит более обширный список – 24 номинации. Это формы религиозных верований (тенгрианстов, шаманизм, бурханизм), различного вида фольклорные жанры, их исполнители, музыкальные инструменты; обряды поклонения силам природы, алтайское летоисчисление [Постановление…]. Он презентует культурные практики алтайцев в целом, в отличие от реестра, составленного специалистами Дома народного творчества, куда по большей части входят практики коренных малочисленных народов.

Республика Алтай является одним из регионов, где нематериальному наследию уделяют пристальное внимание как на уровне органов государственной власти, так и на уровне низовых инициатив. Одним из первых в субъекте РФ принимается закон о нематериальном культурном наследии, который направлен на регулирование взаимоотношений в области «выявления, возрождения, сохранения и использования» его объектов [Закон, 2008]. Культурные практики, подпадающие под определение нематериального культурного наследия, копируют предложенные в документах ЮНЕСКО и РФ. Фиксируется факт передачи элементов нематериального наследия из прошлого в настоящее. В объектах нематериального наследия, согласно закону, проявляется культурное многообразие Республики Алтай, сами практики рассматриваются как способ самовыражения этнических групп, населяющих регион. Однако в тексте документа содержатся и противоречия, в т. ч. и с подходами к неосязаемому наследию, сформулированному на международном уровне. Так, с одной стороны, отмечается динамический характер культурных практик, воспроизводимых во взаимодействии с окружающей средой, в т.ч. и природной, с другой – четко обозначается привязка следованию традициям, сформированным в прошлом. Отдельно подчеркивается, что практика должна быть не индивидуальной, а коллективной. В отличие от представлений, зафиксированных в документах ЮНЕСКО, в которых подчеркивается универсальный характер всех элементов нематериального культурного наследия, недопустимости их ранжирования по степени важности для сообществ различных уровней, в законе содержится формулировка об исторической и культурной значимости практик, вошедших в реестр. При этом механизмы и критерии, которые позволили бы выделить и определить ценность объекта нематериального наследия, не представлены. Если в самом определении подчеркивается роль самих обладателей знаний и умений в отнесении элементов культурного наследия к таковым, в законе прописаны полномочия органов государственной власти в этой области. Включается та или иная практика в реестр по решению Правительства Республики Алтай, исходя из представления органа исполнительной власти, наделенного полномочиями в области охраны объектов нематериального наследия.

В 2018 г. в регионе принимается Закон «Об эпическом наследии Республики Алтай», в котором оно определяется как уникальное и ценнейшее явление в народном творчестве. Основной целью является государственная защита эпического наследия, для реализации которой предполагается формирование условий для его сбережения, защиты и популяризации; выявление носителей традиции эпического наследия; сбор источников, их фиксация, описание; кампании в средствах массовой информации для популяризации среди населения республики; формирования интереса к познанию эпического наследия у молодого поколения. В определении «Эпическое наследие» обозначается, что оно является свидетельством духовного развития народа Республики Алтай. Тем самым начало фразы, отсылает, в целом, к представителям всех этнических групп Алтая. Но далее уточняется, что речь идет об исполнении текстов героических сказаний, тем самым сужает круг культурных практик, подлежащих охране, до фольклора тюркоязычных сообществ. В ст. 6 закона описаны объекты, которые рассматриваются в качестве эпического наследия Республики Алтай. Это кай черчек (алтайское героическое сказание), кай (устная исполнительская традиция героических сказаний о богатырях алтайским горловым пением), черчек/чорчок (сказка, вымысел). Тем самым утверждается, что согласно закону, регулированию подлежат практики сохранения, передачи, популяризации фольклорных произведений и исполнительского творчества алтайцев [Закон, 2018].

Значимость мастеров, владеющих традиционными знаниями и навыками, подчеркивается на официальном уровне введением званий «Народный сказитель Республики Алтай» – «Алтай Республиканын Эл бичиичизи» (2005), Народный мастер Ре-

спублики Алтай» – «Алтай Республиканын Эл Узы» (2014), установленных согласно Закону «О государственных наградах Республики Алтай».

В 2007 г. в целях сохранение и развития нематериального культурного наследия народов Республики Алтай, поддержки инициатив в области народного художественного творчества и любительского искусства, Министерством культуры был открыт Республиканский центр народного творчества. Сотрудники учреждения участвуют в организации праздничных мероприятий, фестивалей, в рамках которых мастера, владеющие традиционными ремесленными техниками, исполнители различных фольклорных жанров демонстрируют свои работы, проводят мастер-классы. Ведется работа по составлению реестров носителей умений.

Значимым и популярным в регионе и за его пределами среди мастеров горлового пения является Международный курултай сказателей, проводимый с 2004 г., организатором которого выступают Министерство культуры Российской Федерации, Министерство культуры Республики Алтай и Правительство Республики Алтай. Как отмечается, курултай – это динамично развивающееся явление. Соревновательная программа постоянно расширяется: к номинациям по видам горлового пения и сказительского искусства в программу были добавлены выступления мастеров сказительского искусства. Участвуют в мероприятии выпускники Колледжа культуры и искусства им. Г.И. Чорос-Гуркина. В 2009 г. в ходе работы круглого стола на очередном Курултае сказителей был поставлен вопрос о подготовке заявки на внесение алтайского горлового пения в Список шедевров ЮНЕСКО.

На локальном уровне проведением мероприятий, деятельностью по популяризации и сохранению объектов нематериального наследия занимаются районные дома культуры. Именно в их работе видна низовая инициатива. Совместно с жителями поселений сотрудники учреждений формируют программу мероприятий, а их деятельность в области декоративно-прикладного искусства носит скорее координационный характер. Так, например, рассмотрев деятельность сельских учреждений культуры Онгудайского и Усть-Канского аймаков, можно увидеть, что нематериальное культурное наследие понимается широко. Значимыми в этой области являются ритуальные обрядовые праздники Чага байрам, Jылгайак, Сары Бур. Эти праздники, как отмечают работники культуры на местах, сохранились благодаря памяти народа и являются фестивалями народного творчества и традиции: «Деревня сегодня остается носителем духовности, самобытности и талантливости… Пять лет Чага байрам шествует по Онгудайской земле, его ждут, любят. В каждом селе праздник начинается с обряда, песен, игр, конкурсов, туулаков (национальных сказок). В каждом селе есть острословы, Тастаракаи, которые смешат народ. А какой же праздник без ярмарок – выставок. Здесь и резьба по дереву, изделия из шерсти, меха, просто диву даешься мастерству шорников, которые украшают своих лошадей. А выставка состоит именно из ремесла, что характерно для данного села нашего района» (ПМА).

Еще одной формой нематериального культурного наследия, популярной не только на республиканском уровне, но и в районах, является Jанар, который рассматривается в качестве культурной практики, связывающей поколения, воплощающей идею жизнеспособности традиций, представляющей челканцев, тубаларов, алтайцев в целом.

Наряду с государственными структурами, интерес к нематериальному культурному наследию проявляют общественные организации. Так, например, в уставе общественного объединения «Киргил-Берлик» среди целей обозначено создание и реализация программ, направленных на возрождение культуры, традиций и обычаев, промыслов и ремесел этнических групп и отдельных родов республики, воспитание духовности, возрождение и открытие новых предприятий традиционных промыслов и ремесел, разработка методики восстановления; содействие обучению алтайскому языку и истории алтайцев.

Многие ассоциации являются учредителями фестивалей, программа которых построена вокруг практик нематериального культурного наследия. Примерами такой деятельности могут служить: Межрайонный фестиваль исполнителей народных песен-благопожеланий «Jанар кожон jанылгазы»; проект «Сохраним наследие предков многонационального Алтая для будущих поколений»; программа «Наследие кочевников», осуществленная некоммерческим партнерством Республики Алтай «Алтайский войлок».

Т.о., через нематериальное культурное наследие в Республике Алтай происходит обращение к культурной памяти алтайцев, утверждение этнической идентичности. Представители законодательной и исполнительной власти, работники учреждений культуры, члены общественных организаций, а также население активно участвуют в процессе наследования. Однако на уровне общественных дискурсов региона, нематериальное наследие рассматривается как некая данность, существующая объективно. Сказительское искусство, песенный фольклор алтайцев, ремесло и декоративно-прикладное искусство, обряды

и праздники являются именно такими объектами нематериального культурного наследия – символами, важными для самоидентификации современного сообщества.

Список литературы

Закон «Основы законодательства Российской Федерации о культуре (с изменениями на 30 апреля 2021 года)» [Электронный ресурс]. – URL: https://sudrf.cntd.ru/document/9005213 (дата обращения: 27.08.2021).

Закон Республики Алтай от 05 декабря 2008 года №120-РЗ «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» [Электронный ресурс]. – URL: https://sudrf.cntd.ru/document/819079142 (дата обращения: 03.04.2019).

Закон Республики Алтай от 13 июня 2018 года № 23-РЗ «Об эпическом наследии Республики Алтай» (с изменениями на 11 ноября 2019) [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/543733510 (дата обращения: 03.04.2019).

Конвенция об охране нематериального культурного [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 16.07.2020).

Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов РФ на 2009–2015 гг. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902160920 (дата обращения: 27.08.2021).

Постановление Правительства Республики Алтай от 14 мая 2014 года № 140 «Об утверждении государственного реестра объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай» (с изменениями на 12 июля 2019 года) [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/422451614 (дата обращения: 16.07.2020).

Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений // Вопросы музеологии. – 2013. – № 2 (8). – С. 27– 43.

Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (дата обращения: 27.08.2021).

Эник Н. Изготовление культурного наследия // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovlenie-kulturnogo-naslediya.html (дата обращения: 12.09.2018).

Arizpe L. The genealogy of intangible cultural heritage. In *Le patrimoine culturel immaterial au seuil des sciences sociales*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2020. P. 22–40.

Bortolotto Ch. L'Unesco comme arène de traduction. La fabrique globale du patrimoine immatériel // Gradhiva. – 2013. – № 18 . – С. 50–73.

References

Arizpe L. The genealogy of intangible cultural heritage. In *Le patrimoine culturel immaterial au seuil des sciences sociales*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2020. P. 22–40.

Bortolotto Ch. L'Unesco comme arène de traduction. La fabrique globale du patrimoine immatériel. *Gradhiva,* 2013, no 18 . P. 50–73. https://doi.org/10.4000/gradhiva.2708

Heinich N. The Making of Cultural Heritage. *Neprikosnovennyi zapas,* 2017, no 4. (In Russ.). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2017/4/izgotovlenie-kulturnogo-naslediya.html (Accessed: 12.09.2018).

Konventsiya ob okhrane neamterial'nogo kul'turnogo nasledіya. (In Russ.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (Accessed: 16.07.2020).

Kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov RF na 2009–2015 gg. (In Russ.). URL: https://docs.cntd.ru/document/902160920 (Accessed: 27.08.2021).

Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Altai ot 14 maya 2014 goda No 140 «Ob utverzhdenii gosudarstvennogo reestra ob"ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Respubliki Altai» (s izmeneniyami na 12 iyulya 2019 goda). (In Russ.).URL: https://docs.cntd.ru/document/422451614 (Accessed: 16.07.2020).

Smith L. The «patrimonial mirror»: narcissistic illusion or multiple reflections?. *Voprosy muzeologii*, 2013, no.2(8). P..27–43. (In Russ.).

Strategiya gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda. (In Russ.). URL: http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf (Accessed: 27.08.2021).

Zakon «Osnovy zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o kul'ture (s izmeneniyami na 30 aprelya 2021 goda)». (In Russ.). URL: https://sudrf.cntd.ru/document/9005213 (Accessed: 27.08.2021).

Zakon Respubliki Altai ot 05 dekabrya 2008 goda №120-RZ «O regulirovanii otnoshenii v oblasti razvitiya nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Respubliki Altai». (In Russ.). URL: https://sudrf.cntd.ru/document/819079142 (Accessed: 03.04.2019).

Zakon Respubliki Altai ot 13 iyunya 2018 goda № 23-RZ «Ob epicheskom nasledii Respubliki Altai» (s izmeneniyami na 11 noyabrya 2019). (In Russ.). URL: https://docs.cntd.ru/document/543733510 (Accessed: 03.04.2019).

Самушкина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5481-3822

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0848-0855
УДК 39+332.3(=521.145)

М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск, Россия
E-mail: marinat24@mail.ru

История освоения озерных пространств Омской области западносибирскими татарами в конце XVII – начале XXI века (на примере озер Казатово и Рахтово)

Статья написана на основе материалов экспедиционной поездки летом и осенью 2021 г. в Большереченский и Тевризский р-ны Омской области. Устные сведения дополнены архивными документами. Целью работы является введение в научный оборот новых данных по освоению татарами озер и территорий вокруг них. Установление наличия или отсутствия особенностей в освоении пространства вокруг озер Казатово и Рахтово. Новые данные расширяют знания о природопользовании западносибирских татар. В первой части приводятся сведения об озерах и использовании их ресурсов по письменным источникам конца XVII – XIX в. Далее охарактеризованы планиграфия, топонимика, инфраструктура озер Казатово и Рахтово, использование их ресурсов в конце XX – начале XXI в. Также описано природопользование соседних озер. Сделаны выводы, что озера Казатово и Рахтово являются центрами микрорайона, включающими небольшие болотные водоемы, водотоки, заболоченные места, сухие участки суши из грив. На примере природопользования озер Казатово и Рахтово показаны два типа освоения озер и создание инфраструктуры. В первом случае у озера создавалась заимка для сельскохозяйственных нужд, затем – поселенческий комплекс, во втором – водоем осваивался в промысловых целях. Подтверждается наблюдение, сделанное автором на материалах Тюменской области, что при экстенсивном типе хозяйства могут осваиваться водные угодья, расположенные на большом удалении. Это показано на примере оз. Рахтово. В один из периодов использование его ресурсов оно было закреплено за татарами, проживавшими в 20-ти и более километрах.

Ключевые слова: *озера, природопользование, хозяйственная деятельность, освоение, история, западносибирские татары, Омская область.*

M.N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: marinat24@mail.ru

The History of Expansion of Lake Areas in the Omsk Region by the West Siberian Tatars in the Late 17th–early 21st Century (Based on Lakes Kazatovo and Rakhtovo)

The article is based on the research materials of the expeditions in the summer and autumn of 2021 to the Bolsherechensky and Tevrizsky Districts of the Omsk Region. Oral information is supplemented by archival documents. The purpose of the work is to introduce new data on the expansion of lake areas and territories around them by the Tatars into scientific circulation. Determination of the presence or absence of the features in the expansion of the lake areas Kazatovo and Rakhtovo. New data are expanding knowledge about the use of natural resources of the West Siberian Tatars. The first part provides information on the lakes and the use of their resources according to the written sources of the late 18th–19th centuries. Plan, toponymy, infrastructure of Lakes Kazatovo and Rakhtovo, and the use of their resources in the late 20th–early 21st centuries are further described. The use of natural resources of neighboring lake is also described. Conclusions are made that Lakes Kazatovo and Rakhtovo are centers of a microdistrict including small swamp reservoirs, watercourses, wetlands, dry areas of meander scars. On the example of ecosystem exploitation, Lakes Kazatovo and Rakhtovo show two types of expansion of the lake areas and creation of infrastructure. In the first case, the lake created an isolated arable lands, then the settlement complex, in the

second—the expansion of lake areas was made for commercial purposes. The observation made by the author on the materials of the Tyumen Region is confirmed in that, with an extensive type of farming, water bodies located at significant distances can also be used. This is shown on the example of Lake Rakhtovo. In one period, the use of its resources was assigned to the Tatars living 20 or even more kilometers away from it.

Keywords: *lakes, use of natural resources, economic activity, expansion of lake areas, history, the West Siberian Tatars, Omsk Region.*

Актуальность изучения озер, как одного из вида водных угодий, обусловлена тем, что в настоящее время в связи с сокращением экономической активности сельских жителей в земледелии и животноводстве эксплуатация природных ресурсов становится важным элементов жизнеобеспечения.

Территория расселения западносибирских татар в Омской обл. изобилует озерами. Южный ареал находится на левобережье р. Иртыш в северной лесостепи (Большереченский, Колосовский р-ы). Здесь поселения нередко основывались на гривах рядом с бессточными («глухими») озерами с заболоченными участками суши. Они были главными источниками воды. Рядом с этими водоемами формировалась инфраструктура поселения и зона хозяйственного освоения.

Северный ареал проживания татар расположен в южнотаежной зоне (Тарский, Тевризский, Усть-Ишимский р-ы). Здесь населенные пункты нередко устраивались в долине Иртыша или на террасе рядом со старичными озерами, ручьями и речками. При этом промысловые участки могли находиться в окрестностях «глухих» таежных озер, окруженных болотами (Тевризский р-н).

В данной статье вводятся в научный оборот новые данные по одному из аспектов природопользования – освоению татарами Омской обл. озер и территорий вокруг них.

В работе представлены материалы по двум водоемам – Казатово и Рахтово. Оз. Казатово расположено в Большереченском р-не. Это озеро небольшое. Его площадь равняется 116 га [Перечень…]. Водоем бессточный. На его берегу находится д. Казатово. В настоящее время она почти опустела; в ней проживают два человека.

Оз. Рахтово расположено в Тевризском р-не. Его площадь – 2176 га [Там же]. Это одно из крупных озер в районе. Водоем сточный. Из него вытекает р. Рахтовка, впадающая в р. Тевриз, – приток Иртыша. На берегах водоема нет населенных пунктов, т.к. оно окружено болотами. Ближайшие поселения, – д. Утузы и с. Петрово, находятся на расстоянии 7–9 км.

Вопрос о водных угодьях западносибирских татар поднимался в трудах омских этнографов и археологов. М.А. Корусенко и С.Ф. Татауров, А.Г. Селезнев и А.И. Селезнева охарактеризовали и картографировали озера и реки, традиционно облавливаемые тарскими татарами, в т.ч. русскими, некоторых поселений Большереченского, Муромцевского, Тарского р-нов Омской обл. [см., напр.: Корусенко, Татауров, 1997, с. 132–138; Селезнев, Селезнева, 2001, с. 49–59, 61]. К.Н. Тихомиров, анализируя размещение в XVIII в. поселений татар на территории Знаменского и Тевризского р-нов Омской обл., также рассмотрел их водные угодья (старичные озера, зимовальные ямы на Иртыше и т.п.). Он сделал вывод, что населенные пункты были привязаны к крупным меандрам р. Иртыш [Тихомиров, 2013]. Автор данной статьи описала водные угодья татар Тобольского Заболотья Тюменской обл. [Тихомирова, 2021].

Данная статья основана на материалах, собранных участниками экспедиции 2021 г. в д. Кошкуль Большереченского района и д. Утузы Тевризского района путем устного опроса, непосредственного наблюдения и видеофиксации на оз. Казатово (ПМА. Т-111, Т-112, Т-117, Т-118). Одним из важных методов сбора информации было картографирование топонимов и объектов, связанных с водоемами, с помощью приложения Alpina Quest Off-Road Explorer, поисково-информационного ресурса «Яндекс. Карты», Атласа Омской области, состоящего из топографических карт масштабом 1 км [Омская…, 2010, с. 64, 136].

Для написания работы мы также использовали фото- и видеоматериалы с озер, предоставленных нашими информаторами.

В работе также были использованы документы Исторического архива Омской области, характеризующие земельные угодья бухарцев Бухарской волости и ясачных татар Тавско-Утузской волости Тарского уезда в конце XVII–XIX вв. [ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 230, 364, 594, 644, 1530], карты конца XVIII в. [Карта…, 1784, с. 16; Карта…], записки Г.Ф. Миллера [Сибирь…, 1996].

Сведения об озерах Казатово и Рахтово из документов конца XVII – XIX в.

Оз. Казатово впервые в письменных источниках и на картах появляется позднее оз. Рахтово, т.к. на левобережье Иртыша в лесостепной зоне стацио-

нарные поселения западносибирских татар появляются только во второй половине XVIII в. [Бережнова, Корусенко, 2014, с. 93].

Это озеро обозначено на карте Тарского уезда 1798 г. [Карта...]. Краткая характеристика водоема приведена в статистическом описании дачи юрт Казатовских в 1854 г.: «*В этой даче живых урочищей не протекает, а состоит одно только озеро под увалом между болотами под названием Казатовское, в котором в зимнее время вода вымерзает так что, и скота бывает поить невозможно, кроме как в копаных колодцах...*» [ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1530. Л. 28].

Оз. Рахтово значительно лучше представлено в письменных источниках и это несмотря на то, что на его берегу никогда не было поселения. Оно упоминается в путевых описаниях Г.Ф. Миллера в 1734 г. [Сибирь…, 1996, с. 87]. Примечательно, что на картах Тарского уезда 1784 и 1798 гг. для озера и вытекающей из него реки указаны двойные названия, неизвестные сейчас. На первой карте – «р. Туру онажь Рахтовка», на второй – «Оз[еро. – **Авт.**]: Туру онежь Ирахтово» [Карта..., 1784, с. 16; Карта...]. Название *Туру*, вероятно, можно перевести как «прямой» [Тумашева, 1992, с. 219].

В настоящее время оз. Рахтово по обычному праву среди жителей соседних поселений считается угодьем татар д. Утузы. Однако официально, по законодательству разных периодов, их права были неочевидны и запутаны. На протяжении рассматриваемого в этом разделе периода татары д. Утузы пытались оспорить и закрепить за собой владение водоемом и прилегающими территориями. В 1697 г. в г. Тара стольнику и воеводе М.И. Воронцову-Вельяминову ясачный татарин Отузской волости Антлагулка (в документе написано несколько вариантов имени. – **Авт.**) подавал челобитную на ясачного татарина Куларовской деревни Миючку, в которой написано: «*...в прошлых де давних годах тому 26 лет владеет он Миючка насильством своим его Антлагулково бобровую речкою Теврисом и рыбное озером Рахтовым и лисьими норами, и орловыми гнездами...*» [ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 644. Л. 61 об. – 62].

В ходе разбирательства выяснилась запутанная история использования и владения этими угодьями. Так, у истца была купчая иноземного письма на речку Тевриз, а право владения на р. «Теуруска» (возможно, р. Малый Тевриз. – **Авт.**) он купил у нескольких татар Коурдакской волости. Миючка обосновывал свое право, а также права еще 17 чел. ясачных татар Куларской деревни, записями из писцовой книги Льва Поскочина 1681–1683 гг. на бобровую р. Тевриз и р. «Теуруску» (в писцовой книге якобы был записан его отец. – **Авт.**), р Рахтовка он владел истари по прежней памяти, какова была дана его отцу в прошлом 173 г. (1665 г. – **Авт.**), оз. Рахтово – по выписи, полученной из приказной избы [ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 644. Л. 62 об. – 65].

В этом споре была еще третья сторона – татары Коурдакской волости. Они сообщали, что лет 30 назад озеро и р. Рахтовка были их «вотчиной», и с ними рыболовством занимались ясачные татары Саргатской волости и жители Куларской деревни Тавметко и Куларко Тугельдеевы с товарищами. С недавних пор другие жители Куларской деревни – ясачные люди Тюрметко (видимо, это отец Миючки. – **Авт.**) и Кулларко с товарищами силой завладели этими угодьями.

В итоге судебное разбирательство для Миючки и его 17-ти товарищей закончилось в их пользу с формулировкой: «*владеть р. Теверскою и оз. Рахтовым по прежним дачам и по данным 149 г.* (1641 г. – **Авт.**) *и 173 г.* (1665 г. – **Авт.**) *по писцовым книгам 192 г.* (1684 г. – **Авт.**)». Также было подтверждено право ловить рыбу в оз. Рахтово Антлагулке с жителями Отузкой волости [ГАОО. Ф. 183. Оп.1. Д. 644. Л. 66 об., 68].

Далее какое-то время часть озера была замежевана в дачу Утузских юрт. Но из документов было видно, что они пользуются «не на крепостном праве, а на праве казны». Копии с писцовых книг 7122 (1613/1614 гг. – **Авт.**), 1701 г. и 1732 г. были признаны актами, не доказывающими крепостного права на это озеро, так как об их праве не было написано. Право владения озером и прилегающими территориями было оставлено инородцам юрт Больших и Малых Куларских в 1858 г. По мнению Тобольского Губернского Суда, в тексте выписки 1699 г., составленной по итогам разбирательства между Антлагулкой и Миючкой, и выданной ясачным татарам воеводой М.И. Воронцовым-Вельяминовым словосочетание «на вечное владение», согласно законам Российской империи, было тождественно правам вотчинным или крепостным [ГАОО. Ф. 183. Оп.1. Д. 644. Л. 71 об. – 72]. В последующее время (1856–1858, 1871– 1881 гг.) производилось обмежевание, определение правого статуса оз. Рахтово.

К 1881 г. водоем был поделен на три части, и его акваторией пользовались жители нескольких прилегающих дач. С северо-западной стороны – татары юрт Больших и Мало-Куларских Тавско-Утузской волости, с северо-восточной стороны – крестьяне с. Тевризского Аевской волости, а с юго-восточной и юго-западной сторон прилегала казенная пустопорожняя земля [ГАОО. Ф.183. Оп. 1. Д. 594. Л. 11–12, 17–18, 40–46 об., 59–61 и др.; Д. 664. Л. 5–7 и др.]. Известно, что все крестьяне с. Тевризского пользовались ресурсами озера. Они были поделены на группы по 5 душ (*пятики*); от них один человек неводил неделю [Материалы…, 1890, с. 105].

Озера Казатово и Рахтово: планиграфия, инфраструктура и использование ресурсов с конца XX в. по настоящее время

У оз. Казатово местные жители выделяют концы (*тюп*), расположенные в северо-западном и юго-восточном краях (рис. 1).

В южной части водоема лежит остров (*утрау*), за которым находится самая глубокая часть, где зимой рыбаки ставят фитили и котцы из-за того, что в период загара скапливается рыба. По словам местного краеведа и жителя д. Кошкуль Г.А. Хусаинова, 1955 г.р., здесь недалеко впадает ручей *Еран бил* (*еран* – «сивый»/«серовато-сизый» и *бил* – «пояс»/«перешеек»). Видимо, он создает течение.

На западном берегу водоема находятся два полуострова (*сиӈер*), называемые *Ближайший* и *Дальний*.

Между полуостровами находятся два залива (*қултык*; переводится как «подмышка»). Один из них называется *Устюгов қултык*, т.к. он расположен ближе к д. Устюгово Тарского р-на.

Сейчас на западном берегу в районе двух заливов расположены станы рыбаков. Здесь привязываются лодки, на берегу в траве сделаны тайники, где хранятся рыболовные снасти. По берегу к акватории проложены настилы из досок, чтобы было удобно добраться до мостков.

Большая часть берега заболочена. Вместо твердой почвы, здесь находится трясина, поросшая растительностью (*лавда)*.

Поселение расположено на гриве в юго-западной части водоема. Противоположная сторона (северо-западная часть водоема) называется *Оршы як*.

Когда д. Казатово еще не опустела в 1980-е гг., особенности рельефа береговой линии использовались жителями в хозяйственных целях. Ближайший полуостров перегораживали для поскотины (*пускит*) (ПМА. Т-111. Л. 24 об. – 28; Т-112. Л. 2 об. – 4 об.).

Раньше из-за зыбких берегов к озеру жители делали мостки (*қувер*) и настилы. От одной из улиц был спуск к водоему, заканчивающийся первым мостком, где бралась вода для пищи, т.к. водокачку в деревне построили довольно поздно – во второй половине 1960-х гг.

Те жители, кто пытался привязывать здесь лодки, не одобрялись обществом. Лодки баламутили воду. Недалеко от этих мостков женщины стирали белье, дети купались. Правда, купания детей с женщинам также не нравились, потому что те тоже баламутили воду.

Рис. 1. Рисунок оз. Казатово и его окрестностей.

а – первый мост (*1*), второй мост (*2*), третий мост (*3*); *б* – поскотина (*пускыт*); *в* – рыболовецкие стоянки; *г* – места рыболовства; *д* – самые глубокие места на озерах, куда устанавливали снасти.

Недалеко от этих мостков был еще один – т.н. «лошадиный мост» (*Ат кувер*), чтобы поить лошадей. Он был расположен восточнее в метрах пятидесяти от первого. Дно озера илистое. Когда в воду заходили лошади или люди, вода становилась мутной и не пригодной для питья. Из-за этого придумали специальный настил из плетня, который лежал под водой. Здесь также купались дети.

Третьи мостки находились восточнее первых двух. По словам Г.А. Хусаинова, 1955 г.р., их построил учитель школы. Перед тем, как уехать из деревни, он захотел сделать что-то полезное для жителей. Мостки были построены в таком месте, что к ним подходили по сухому болоту. Здесь брали воду на чай и стирку, еще привязывали лодки (ПМА. Т-112. Л. 2 об. – 4 об.).

Раньше от поселения на восточный берег озера зимой прокладывался зимник. Он назывался *Киргап юл* («Киргапская дорога») или *Тора юл* («Прямая дорога»).

По мнению местного краеведа Г.А. Хусаинова, 1955 г.р., первое название осталось от тех времен, когда Казатово была заимкой жителей д. Киргап Тохтиных. Они выращивали злаковые здесь, урожай вывозили по зимнику. Отметим, что эта заимка, в отличие от соседних Кошкульской и Карасукской, была основана в месте, где можно было устроить много полей. На рис. 1 видно, что поселение находится на т.н. «материке» (в разговорном языке означает «сушу посреди болот». – **Авт.**). Северный и восточный берега озера – это заболоченные участки. К северу – северо-востоку и северо-западу от оз. Казатово простираются болота. Сельскохозяйственные угодья располагались с южной и юго-западной стороны от поселения и от озера.

У зимней дороги через озеро после д. Кольтюгино было два маршрута. По первому зимнику уезжали на с. Черняево и далее – на д. Киргап. По второй дороге – на д. Советская Крестьянка, потом – на с. Черняево (ПМА. Т-111. Л. 24 об. – 30). Если ехать этими маршрутами до г. Тара, то расстояние равнялось 35–40 км. Они короче почти в два раза, чем сейчас дорога по автомобильной трассе.

Кроме оз. Казатово, еще несколько водоемов были угодьями жителей деревни. Это оз. Карагайлы площадью 62,5 га [Перечень...] Оно расположено к востоку от первого на расстоянии ок. 200 м; они соединялись протокой. Считалось, что на оз. Карагайлы рыба худая и невкусная. Здесь рыбачили тогда, когда на оз. Казатово рыба «лежала», т.е. не ловилась, после нереста до середины июля.

У этого озера есть один залив (*құлтык*). На берегу есть участок, называемый *Оллы күтәрган* («Большая трясина»; *күтәргәк* – «трясина в болоте» [Тумашева, 1992, с. 112]). Здесь *лавда* протяженностью 50 метров. На обоих озерах в жаркое время рыба плавала под лавдой, поэтому рыбаки ставили туда мордушки, фитили или рядом сети.

В акватории оз. Карагайлы есть место, называемое *Елым камыш* (*елым* – «невод»), где глубже, чем на оз. Казатово. Сюда готовили специальные жерди для установления снастей (*казаки*) высотой в 3,5 м. Обычные жерди для озер этой местности были высотой 2,6 м (ПМА. Т-111. Л. 27 об. – 30).

Планиграфия и инфраструктура оз. Рахтово (*Рахтау*) немного иная, т.к. здесь не было постоянного поселения (рис. 2). Это промысловое озеро. В советский период на оз. Рахтово был рыбучасток Тевризского рыбзавода «Омскрыбпром». В настоящее время водоем относится к Тевризскому городскому поселению. Он находится в аренде с целью промышленного рыболовства.

Из д. Утузы в сторону оз. Рахтово ведут несколько дорог – *Тора юл, Шәйхә юл* и *Ахмат юл.* От д. Полуяново идет *Таир юл*. Все дороги, за исключением *Тора юр* («Прямая дорога»), получили названия от имен реальных людей. Через три километра они упираются в т.н. «утузские болота», которые местные жители именуют по названию дорог. В болотах дороги называются не *юл*, а *тайгиз*. Они ведут к озеру или в устье р. Рахтовка к сооружениям бывшего рыбзавода.

Из-за заболоченности, на озеро лучше всего добираться на четырехколесных болотоходах на шинах низкого давления. Это дорогой транспорт, поэтому к водоему ездит мало людей.

На озере есть два острова, которые никак не эксплуатируется жителями окрестных поселений, т.к. там нет необходимых ресурсов.

На восточном берегу из озера вытекает р. Рахтовка. Почти в ее устье находится дамба и далее, ниже по течению, избушки, склады, оставшиеся от рыбзавода. Сейчас в этом месте рыбу ловит арендатор. Залив здесь называется *Барак кавыл* (*кавыл* – «залив, закуток»).

На северо-восточном побережье находится местечко *Ахмат авыз* (авыз в данном случае означает «конец или начало дороги»). С этого места растет сосна сибирская кедровая. Кедры растут на северном, западном, южном берегах озера и до местечка под названием *Медицинский*. Промысел кедровых шишек играет важную роль в экономике татар постсоветского периода и в особенности в настоящее время, когда только дикоросы (болотная ягода и шишки) приносят основной доход жителям д. Утузы и других окрестных поселений.

Недалеко от *Ахмат авыз* находится одноименной залив *Ахмат кавыл*. Здесь рыбачат местные жители д. Утузы, жизнь которых не связана с промыслом на оз. Рахтово.

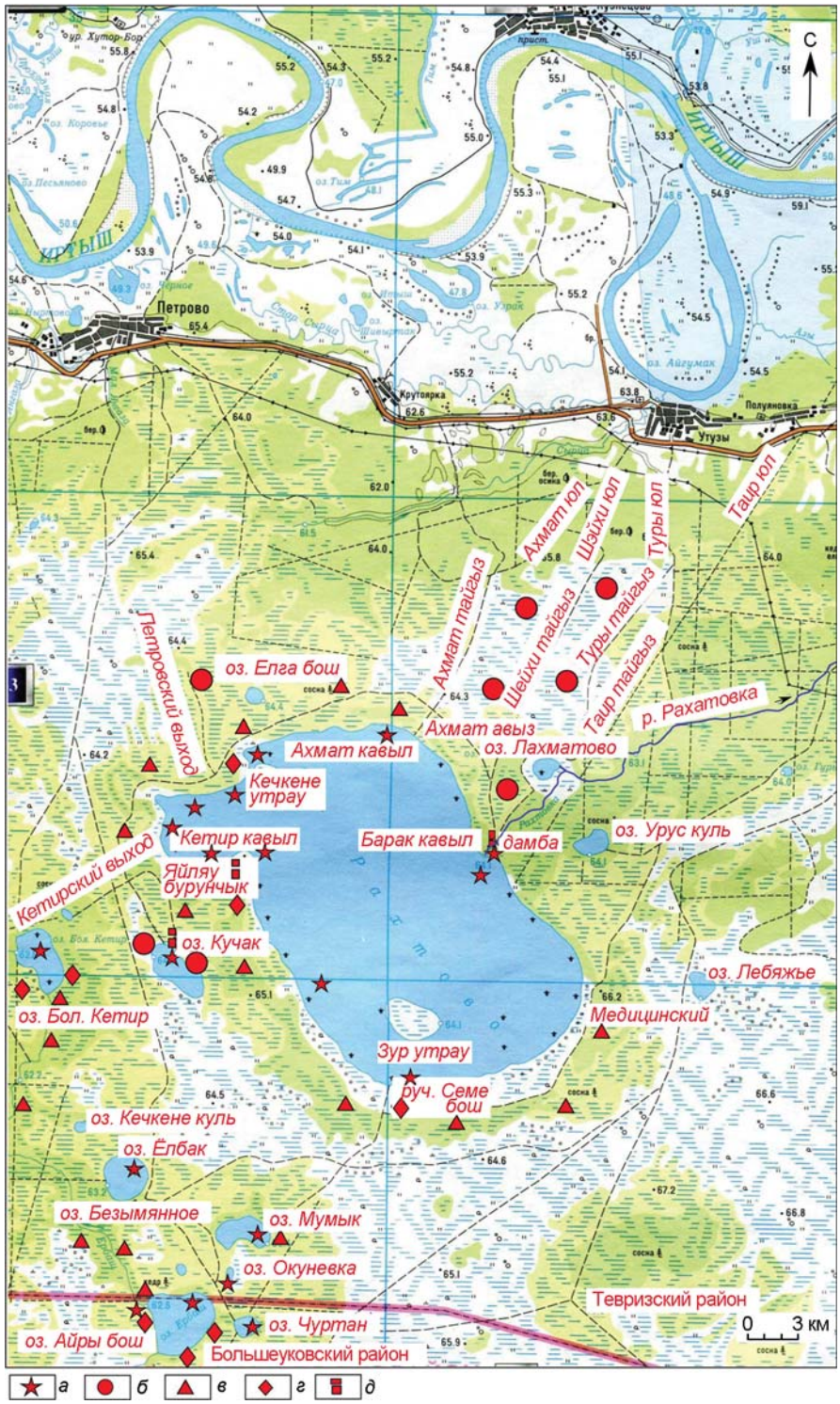

Рис. 2. Рисунок оз. Рахтово и его окрестностей.

а – места рыболовства; *б* – места сбора ягод; *в* – места произрастания сосны сибирской кедровой и сбора шишек; *г* – места охоты; *д* – промысловые избушки.

Берег озера, находящийся напротив Маленького острова (*Кечкене утрау*), примечателен тем, что здесь расположено место охоты. Сюда выходят лоси.

На болотоходе можно уехать вдоль северного берега и т.н. «Стены» («Края леса») на западный берег водоема. Раньше, когда болотоходов не было, чтобы попасть на западный берег, промысловики переправлялись на лодках.

В северной, северо-западной частях побережья находятся *Петровский выход* и *Кетирский выход*. *Выходы* – это подъезды к озеру и дорога от него.

По Петровскому выходу жители с. Петрово могут подъехать к оз. Рахтово. Также по этой дороге можно попасть на петровские болота, где растет клюква. Кетирский выход ведет на озера Большой и Малый Кетир – богатые природными ресурсами водоемы.

Далее на северо-западном берегу находится *Кетир кавыл* и мыс – *Яйляу бурунчык*, что в переводе означает «летник» и «выступ»/«нос». По рассказам, здесь была летняя стоянка охотников. Они здесь добывали лосей, рыбачили в заливе *Кетир кавыл* и в других частях водоема.

В настоящее время здесь обустроена заимка жителей д. Утузы братьев Хабибуллиных. Она им досталась в наследство по негласному праву от отца-охотника, работавшего в Тевризском Госпромхозе в советский период.

В этом месте сохранилась его избушка, выстроенная в 1978 г., и используемая теперь как склад. Сейчас здесь построен новый дом, баня, обустроена летняя кухня с открытым очагом и столовая зона под навесом.

Эта заимка имеет выгодное положение. Отсюда удобно добираться до промысловых участков на озерах, расположенных западнее и юго-западнее.

На южном побережье напротив Большого острова впадает ручей, называемый *Семе бош* (*семе* – это «небольшие участки суши среди болота или озера» [Тумашева, 1992, с. 189]). В этой части ранее тоже рыбачили.

Кроме оз. Рахтово, жители д. Утузы промышляют на озерах, расположенных к западу и юго-западу. Озера Большой и Малый Кетир, Ербаш (*Айры бош; айры* – переводится как «разветвление») – выгодные места для рыболовства, т.к. они проточные. Они соединены с р. Ербаш, а она впадает в приток Иртыша – р. Кип. Вокруг этих водоемов и по берегам р. Ербаш растет сосна сибирская кедровая. Вокруг этих озер собирают шишки.

Также рыбачат на «глухих» озерах Ёлбах, Мумык, Кучак, Чуртаны (ПМА. Т-117. Л. 20–21 об.; Т-118. Л. 6 об. – 15 об.). Берега оз. Кучак богаты клюквой. У семьи Хабибуллиных здесь выстроен дощатый домик (*балок*). В нем они живут, когда собирают клюкву.

Озера Рахтово, Кетир, Ербаш окружены *Стеной* – лесом с тропинками (*путиками*), где у охотников устроены ловушки. В районе оз. Ербаш находится займище, куда зимой с территории Большеуковского р-на лоси приходят кормиться. Поэтому это одно из важных мест для охоты. К западу от этого места в Большеуковском р-не находится еще одно займище – на оз. Улугуль (Ингуль), куда при желании охотники могут добраться.

Итак, в данной работе мы рассмотрели аспекты природопользования водных угодий татар на примере двух болотных озер и сложившихся вокруг них микрорайонов, включающих небольшие водоемы, реки и ручьи, заболоченные места, сухие участки суши из грив.

На примере природопользования озер Казатово и Рахтово показаны два типа освоения озер и создания инфраструктуры. В первом случае, у озера создавалась заимка для сельскохозяйственных нужд, затем –поселенческий комплекс, во втором – водоем осваивался в промысловых целях.

Подтверждается наблюдение, сделанное автором на материалах Тобольского Заболотья, что при экстенсивном типе хозяйства могут осваиваться водные угодья, расположенные на большом удалении [Тихомирова, 2021, с. 164]. Здесь это показано на примере оз. Рахтово. В один из периодов озеро было закреплено за ясачными татарами, проживавшими в 20-ти и более километрах.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00487 А. Выражаю искреннюю благодарность за помощь в сборе материала жителям Омской обл.: д. Кошкуль Большереченского р-на – Г.А. Хусаинову; д. Утузы и р.п. Тевриз Тевризского р-на – Т.М. Хабибуллину, А.М. Хабибуллину, В.М. Хабибуллину; Д.М. Хабибуллину и А.Г. Хабибуллиной, а также всем жителям деревень Кошкуль и Утузы.

Список литературы

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н. История формирования населения Тарского Прииртышья и изменений в его этническом и этносоциальном составе в конце XVI–XX веке // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники. – Омск: Издат. дом «Наука», 2014. – Т. 13. – С. 73–101.

ГАОО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 230, 364, 594, 644, 1530.

Карта Тарского уезда с положением мест с округой и с объяснением всех селений больших и малых деревень и живых урочищ с разделением волостей по новому образу порядка установленных на показании оброчных статей и других казенных имуществ» сочиненная по описанию 1784 года уездным землемером подпоручиком Каммером» // Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из XVI уездов [Атлас]: сочинен по описанию уездных землемеров. – Тобольск: Тобольская Чертежня, 1784. – 65 с.

Карта Тарского уезда, означающая местное положение всей округи всех селений больших и малых деревень и живых урочищ, которые разделены на волости с показанием окрестности, каковую каждая волость с под-

судным ее ведомством занимает. Карты [Электронный ресурс] // Неофициальный сайт г. Тары. – URL: http://taragorod.ru/load/poleznye_fajly/karta_tarskogo_uezda_tobolskoj_gubernii_1798_g/2-1-0-29 (дата обращения: 28.09.2021).

Корусенко М.А., Татауров С.Ф. Система земле- и природопользования у населения низовьев Тары в XIX – начале XX в. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие, 1997. – Т. 2. – С. 118–159.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб : тип. Я. И. Либермана, 1890. – Вып. 7. – 139 с.

Омская область: Общегеографический атлас. – Омск: ФГПУ «Омская картографическая фабрика», 2010. – 328 с. – (Регионы России).

Перечень озер Омской области. Водные объекты [Электронный ресурс] // Омский филиал ФБУ «ТФГИ по Сибирскому федеральному окр.». – URL: http://www.omsktfi.ru/priroda/vodnye-ob-ekty.html (дата обращения: 20.09.2021).

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Рыболовство коренного населения Тарско–Иртышского бассейна (по материалам поселений тарских татар) // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 6. – С. 48–66.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подг. А.Х. Элерт. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – (История Сибири. Первоисточники; вып. VI). – 310 с.

Тихомиров К.Н. Размещение поселений в южнотаежном Прииртышье в первой половине XVIII в. // Вестник Томского гос. ун-та. История. – 2013. – №2 (22). – С. 108–111.

Тихомирова М.Н. Угодья ясколбинских татар как отражение хозяйственного освоения территории (вторая половина XX в. – 2010-ые гг.) // Вестник Омского ун-та. Серия «Исторические науки». – 2021. – №3. – С. 153–165.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. – 255 с.

References

Berezhnova M.L., Korusenko S.N. Istoriya formirovaniya naseleniya Tarskogo Priirtysh'ya i izmenenii v ego etnicheskom i etnosotsial'nom sostave v kontse XVI–XX veke. In *Etnografo-arkheolgicheskie kompleksy narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnaya sreda, etnosy, istochniki*. Omsk: Izdat. dom «Nauka», 2014. Vol. 13. P. 73–101. (In Russ.).

Elert A.Kh. (ed.). Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996. (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki, iss. VI), 310 p. (In Russ.).

GIAOO. F. 183. Inv. 1. D. 230, 364, 594, 644, 1530. (In Russ.).

Karta Tarskogo uezda s polozheniem mest s okrugoi i s ob"yasneniem vsekh selenii bol'shikh i malykh dereven' i zhivykh urochishch s razdeleniem volostei po novomu obrazu poryadka ustanovlennykh na pokazanii obrochnykh statei i drugikh kazennykh imushchestv» sochinennaya po opisaniyu 1784 goda uezdnym zemlemerom podporuchikom Kammerom». Geograficheskii atlas Tobol'skogo namestnichestva, sostoyashchii iz XVI uezdov [Atlas]: sochinen po opisaniyu uezdnykh zemlemerov. Tobol'sk: Tobol'skaya Chertezhnya, 1784, 65 p. (In Russ.).

Karta Tarskogo uezda, oznachayushchaya mestnoe polozhenie vsei okrugi vsekh selenii bol'shikh i malykh dereven' i zhivykh urochishch, kotorye razdeleny na volosti s pokazaniem okrestnosti, kakovuyu kazhdaya volost' s podsudnym ee vedomstvom zanimaet. Karty. Neofitisal'nyi sait goroda Tary. (In Russ.). URL: http://taragorod.ru/load/poleznye_fajly/karta_tarskogo_uezda_tobolskoj_gubernii_1798_g/2-1-0-29 (Accessed: 28.09.2021).

Korusenko M.A., Tataurov S.F. Sistema zemle- i prirodopol'zovaniya u naseleniya nizov'ev Tary v XIX – nachale XX v. In *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. Vol. 2. P. 118–159. (In Russ.).

Materialy dlya izucheniya ehkonomicheskogo byta gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Zapadnoi Sibiri. Sankt-Peterburg: tip. YA. I. Libermana, 1890, iss. 7, 139 p. (In Russ.).

Omskaya oblast': Obshchegeograficheskii atlas: FGPU «Omskaya kartograficheskaya fabrika». Omsk, 2010, 328 p. (Regiony Rossii). (In Russ.).

Perechen' ozer Omskoi oblasti. Vodnye ob"ekty. Omskii filial FBU «TFGI po Sibirskomu federal'nomu okrugu». (In Russ.). URL: http://www.omsktfi.ru/priroda/vodnye-ob-ekty.html (Accessed: 20.09.2021).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Rybolovstvo korennogo naseleniya Tarsko–Irtyshskogo basseina (po materialam poselenii tarskikh tatar). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no 6. P. 48–66. (In Russ.).

Tihomirov K.N. Razmeshchenie poselenij v yuzhnotayozhnom Priirtysh'e v pervoj polovine XVIII v. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2013, no 2 (22). P. 108–111. (In Russ.).

Tikhomirova M.N. Ugod'ya yaskolbinskikh tatar kak otrazhenie khozyaistvennogo osvoeniya territorii (vtoraya polovina XX v. – 2010-ye gg.). *Vestnik omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 2021, no 3. P. 153–165. (In Russ.).

Tumasheva D.G. Slovar' dialektov sibirskikh tatar. Kazan': Kazan State Univ. Press, 1992, 255 p. (In Russ.).

Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0856-0860
УДК 39+7.04

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

Металлические застежки богослужебных книг новосибирских старообрядцев

В статье подвергнуты анализу вновь открытые памятники из области старообрядческой книжной и художественной культуры – застежки старопечатных и рукописных богослужебных книг XVIII–XIX вв. В 1990-х гг. эти застежки хранились в небольшой коробочке моленного дома старообрядцев федосеевского согласия г. Новосибирска. Служебные книги строго запрещалось держать открытыми, что соблюдается вплоть до настоящего времени (объяснение: «чтобы не осквернить чем-либо нечистым»). По этой причине книги закрывали и защелкивали на застежки. Наблюдения за образом жизни новосибирских старообрядцев-федосеевцев позволили сделать вывод, что общинники относились не только к книгам, но и к металлическим застежкам как к священным предметам. Традиция застегивать богослужебные книги продолжала жить и в годы СССР вплоть до конца 1990-х гг., когда община прекратила существование в связи со сносом моленного дома. В результате анализа выполнена классификация типов застежек в зависимости от формы, орнаментов и техники исполнения. Выявлены некоторые общие закономерности орнаментации застежек, обозначены возможные векторы культурных контактов, повлиявших на оформление (средневековая Русь и Ближний Восток), а также представлены авторские интерпретации заключенных в орнаментах этих произведений прикладного искусства религиозных смыслов. Необходимость оберегать от «лукавого» предметы культа и быта, изображенные орнаментальные фигуры позволяют предположить именно апотропейное назначение рассматриваемых застежек. Как это ни парадоксально, но обнаруженные материалы дают возможность также провести аналогию с известными древнеславянскими археологическими материалами, относимыми археологами к языческим амулетам.

Ключевые слова: *застежки, символика, богослужебные книги, орнаментация, старообрядцы, Западная Сибирь.*

E.F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

Metal Clasps of Liturgical Books of Novosibirsk Old-Believers

The article analyzes the newly discovered monuments of the Old-Believer book and artistic culture—fasteners of old printed and manuscript liturgical books of the 18th–19th centuries. In 1990s, these fasteners were kept in a small box in a prayer house of the Old-Believers of the Fedoseevsky community in Novosibirsk. It was strictly forbidden to keep service books open, which is observed up to the present time (explanation: "so as not to defile something unclean"). For this reason, books were closed and snapped into place. Observations of the way of life of the Novosibirsk Old-Believers-Fedoseevites allowed us to conclude that the community members treated not only books, but also metal fasteners as sacred objects. The tradition to snap liturgical books continued to live in the years of the USSR until the end of the 1990s, when the community ceased to exist due to the demolition of the prayer house. As a result of the analysis, the classification of the types of fasteners, depending on the shape, ornaments and execution technique, was carried out. Some general patterns of ornamentation of fasteners are identified, possible vectors of cultural contacts that influenced the design (medieval Russia and the Middle East) are indicated, and the author's interpretations of religious meanings imprisoned in the ornaments of these works of applied art are provided. The need to protect objects of worship and everyday life from "evil", the depicted ornamental figures allow us to assume precisely the apotropic (protective) purpose of the fasteners under consideration. Paradoxical as it may seem, the discovered materials also make it possible to draw a parallel with the well-known ancient Slavic archaeological materials, attributed by archaeologists to Pagan amulets.

Keywords: *fasteners, symbols, liturgical books, ornamentation, Old-Believers, Western Siberia.*

«Природу объясняем,
а духовную жизнь понимаем»
(В. Дильтей)

Это высказывание как нельзя лучше подходит к обозначению методов исследования сохранившихся образцов материальной и духовной культуры русских старообрядцев Сибири. Старинные рукописные и старопечатные книги старообрядцев являются не только ценнейшим источником по истории ранней сибирской литературы, истории сибирского крестьянства, но и в своем оформлении доносят до нас элементы художественной, культуры прошлых эпох. Если ученые-археографы занимаются научным описанием, палеографией, текстологией, изданием письменных исторических источников, то этнографы обращают внимание на весь контекст бытования этих источников и в процессе полевых практик ставят задачу расшифровать информацию о религиозном мировоззрении старообрядцев, использовавших застежки книг до нашего времени. Несмотря на солидные книжные сокровища, собранные Археографическими комиссиями сибирского и уральского академических центров (ИАЭТ СО РАН, ИИиА УрО РАН), немало литературы XVII–XIX вв. еще бытует в среде сторонников старой веры и используется в их обрядовой практике. Среди собранных археографами старинных книг в описаниях нередко встречаются указания на факт отсутствия или утери застежек. Наблюдения за образом жизни старообрядцев федосеевского согласия г. Новосибирска показали, что общинники относились не только к книгам, но и к металлическим застежкам как к священным предметам, сохраняли их. Первая пластина в застегнутой книге располагалась горизонтально, прикрепляясь к переплету мелкими гвоздиками, вторая – вертикально и держалась на кожаном ремешке, прикрепляющемся гвоздиками к другой стороне переплета. Когда от длительного использования книги кожаный ремешок истирался, его отрывали и делали новый. Если принять во внимание, что богослужебную книгу читали, по крайней мере, два раза в день, то можно предположить, что ремешки из натуральной кожи (толщиной 3–5 мм) могли служить довольно долго, несколько десятилетий (50 и более лет).

Истершиеся кожаные ремешки, к которым крепились металлические застежки, старообрядцы отрывали и вместе с застежками хранили в отдельной коробочке. В результате новосибирские беспоповцы сохранили коробочку со старыми застежками в количестве 22 штук. Сохраненные застежки состоят из двух частей – потертого кожаного ремешка и прикрепленной к нему металлической застежки (из бронзы).

Общение автора со старообрядцами федосеевской общины пришлось на 1990-е гг., на момент угасания общих собраний (уединенные моления продолжаются до сих пор)*. Старопоморское (федосеевское) согласие как одно из сообществ беспоповцев, не приемлющих брака, зародилось в Псковской и Новгородской губерниях и названо «федосеевским» по имени своего основателя Феодосия Васильева, который в конце XVII в. проповедовал среди старообрядцев, бежавших в Польшу. В сравнении с другими беспоповскими согласиями, например, поморскими старообрядцами, федосеевцы более строги и замкнуты. Их наставники никогда не регистрировались в органах власти, формально ссылаясь на малочисленность сторонников этого согласия. В большинстве своем общинники являлись выходцами из зажиточных семей центра Европейской России (Московской, Рязанской губерний), раскулаченных в годы коллективизации и сосланных впоследствии на север Томской области. Судьба многих не способствовала получению навыков в изучении церковнославянского языка, причину чего информаторы видят в раннем лишении родителей, которые традиционно были духовными учителями, а также принудительными, изнуряющими работами в колхозах во время Великой Отечественной войны и пр. Тем не менее, во время коллективных служб общинники старались строго следовать наблюдавшимся с детства обычаям.

Чтец (человек, которого назначили во время богослужений читать святое Писание) спрашивал: «Отче, благослови чести Святой апостол». Наставник отвечал: «Бог благословит». Служебные книги запрещалось держать открытыми, что соблюдается до сих пор (объяснение: «чтобы не осквернить чем-либо нечистым»). Однако можно предположить, что делали это также с целью уберечь ценную вещь от запыления, загрязнения. Поэтому книги закрывали и защелкивали на застежки. Все манипуляции производились неторопливо, уважительно к предмету культа. В процессе полевых практик нам встретилось выражение «книга на жуках» (вариант: «жучках»). Можно предположить, что это могли быть металлические заклепки внизу или на обороте переплета, чтобы в вертикальном или горизонтальном (раскрытом) положении не износилась кожа и обтянутая кожей доска.

*В 2010-х гг., в связи со строительством Бугринского моста, дом, который принадлежал общине старообрядцев-федосеевцев, был снесен.

Обратимся к характеристике форм и орнаментаций застежек.

Застежки-«рыбки». Преобладающими можно считать застежки, в которых верхняя пластина имеет форму, напоминающую замочную скважину. Визуально она представляется в виде распластанного зверя или рыбы с открытым ртом и длинным хвостом (рис. 1). Застежки изготовлены кустарным способом, так как заметно, что в ряде экземпляров

Рис. 1. Застежки 1-го типа (ПМА).

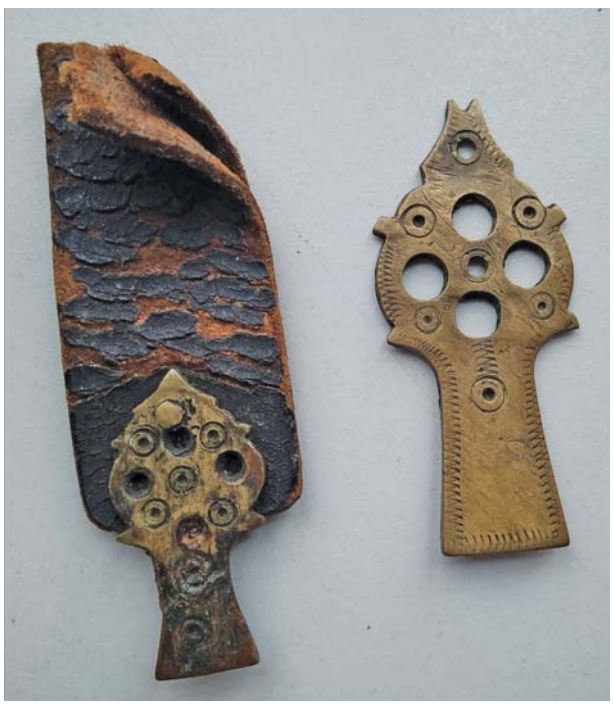

Рис. 2. Застежки 1-го варианта 1-го типа (ПМА).

по литой форме узоры процарапаны вручную. Подобные застежки единообразны и в количественном отношении составляют около трети собрания, что позволяет объединить их в одну группу (6 шт.). Предпочтительным все же можно считать образ «рыбы»; на теле «рыб» высверлены дырочки-«глаза» и четыре отверстия, расположенные крестообразно с отверстием в центре. Отверстия служили для крепления металла к коже (есть застежки, в которых отверстия не просверлены, а заменены углублениями-ямками). Как известно, ранние христиане пользовались только теми изображениями языческих памятников, которые были освящены толкованиями церковных писателей II–III вв. н.э. [Уваров, 1908, с. 103]. Возможно, при выборе символических изображений застежек принимался во внимание тот факт, что в число дозволенных символов входили «рыба», «голубь», «лира», «якорь» [Там же]. Стойкость и повторяемость композиции свидетельствует о прочной смысловой основе этого вида застежек.

Рассмотрим вариации 1-го типа застежек. Отдельный, 1-й вариант, составляют аналогичные по форме выше описанным, но в орнаментации дополненные кругами и точками в центре, которые расположены крестообразно таким образом, что вместе с кругами-отверстиями читается «двойной крест» (рис. 2). По контуру в одной из застежек нанесены мелкие зигзагообразные линии (3 шт.).

Две литые застежки отличаются от предыдущих более профессиональным исполнением. Их можно отнести к 2-му варианту 1-го типа: на теле «рыбы» выдавлен косой крест с отверстием в центре, в него вписаны круги-ямки. Отдельным отверстием обозначен глаз изображенного существа (рис. 3). Из-за сильной потертости этого варианта застежек, изображение внизу креста читается с трудом, но очевиден ветвистый растительный орнамент.

Застежки с «древом жизни». Второй тип составляют литые застежки из бронзы, которые по форме, как и 1-й тип, напоминают замочную скважину. Однако верхняя часть сделана в виде луковицы (с повторением тех же отросточков-«плавников», что и в первой группе), а нижняя выглядит «домиком»-основанием (6 шт.). Орнаментальная композиция здесь совершенно иная и состоит из двух частей. В нижней – крин, заключенный в сердцевидную фигуру – древнейший символ древа жизни, известный еще со времен неолита [Лелеков, 1975, с. 68]. От древа исходят три крина меньших размеров, направленные в разные стороны и вниз. Верхнюю часть композиции составляет крупное растение (или древо), исходящее от «домика» с вписанным в него крином. Растение имеет причудливо завитые вверх ветви

(рис. 4). В старообрядческих растительных орнаментах ветви изображены таким образом, что «в закрутке» образуют крестообразно расположенные круглые углубления-ямки. В сохранившихся в собрании застежек 2-го типа прослеживается принцип, объединявший культуры средневековой Руси и Востока в противовес Западу – условность, схематичность образа [Лелеков, 1975, с. 74]. Вариантом 2 типа можно считать две застежки с растительным орнаментом без крина внизу. В верхней части таких застежек расположены ветвистые кусты (древо ?) в виде сложного букета завитков, листьев, цветов, а в нижней – довольно реалистичные изображения листьев, ягод. 2-й тип литых застежек отличается от всех предыдущих наиболее профессиональным исполнением.

Застежки-«коньки». Отдельный, 3-й тип, составляют немногочисленные застежки (3 шт.) совершенно иные, чем рассмотренные выше. Они продольной формы, заканчиваются навершиями в виде двуглавых существ («коньков»), смотрящих в разные стороны (рис. 5). Качество изготовления с процарапыванием орнаментов, нанесением насечек и кругов с точками («кружковый орнамент») позволяет предположить, что они изготовлены кустарями.

Заключение

Застежки 1-го типа, напоминающие по форме рыбок («рыба» – греч. ICHTHYS), в иконографии соотносились с символом Иисуса Христа. Однако одновременно здесь очевидна множественная символика – охранно-продуцирующего смысла в виде кружков с точками («кружковый орнамент»), зигзагообразных линий, хорошо известных по археологическим материалам X–XII вв. [Седов, 1982, с. 267, 291]. Застежки этого типа могли быть изготовлены уже в Сибири на основе имевшихся образцов.

Литые застежки 2-го типа, отличающиеся от «рыбок» более профессиональным исполнением, скорее всего, были привезены старообрядцами с мест их исхода – центра Европейской России. Такие вещи могли попасть в сибирское собрание двумя путями: 1). прибыли вместе с богослужебными книгами и ремешки оторвались уже в Сибири; 2). были взяты в качестве образцов для будущего ремонта богослужебных книг. В отношении форм и орнаментаций 2-го типа можно говорить о единстве принципов изобразительных приемов, образов с орнаментикой Переднего и Среднего

Рис. 3. Застежки 2-го варианта 1-го типа (ПМА).

Рис. 4. Застежки 2-го типа (ПМА).

Рис. 5. Застежки 3-го типа (ПМА).

Востока X–XIV вв. (резьба по камню, ткани и пр.) [Лелеков, 1975, с. 64]. Восточное происхождение православного символизма – факт, бесспорно, исключительного значения для правильной оценки развития древнерусской художественной культуры.

Аналогии застежкам 3-го типа с навершиями в виде коньков с повернутыми в разные стороны головами также обнаруживаются в восточнославянском археологическом материале (амулеты, гребни и пр.) [Седов, 1982, с. 224, 232]. Расшифровки этих образов требуют внимательного углубленного прочтения, так как аналогов среди застежек других старообрядческих общин беспоповских согласий не наблюдается.

Современные старообрядцы не вникали в смысловое содержание сохраняемых ими застежек – это главная причина, почему в настоящее время они устраняются от подобных разговоров. Однако наблюдаемый факт отношения к застежкам как к священным, ритуально чистым вещам, очевиден. Застежки, как и книги, заслуживали у старообрядцев бережного отношения, их нельзя было выбрасывать, но следовало хранить и повторять когда-то усвоенные образцы при изготовлении новых застежек. Необходимость оберегать от «лукавого» все предметы культа и быта позволяет видеть именно апотропейное назначение рассматриваемых застежек. Как это ни парадоксально, но обнаруженные материалы дают возможность провести аналогию и с известными древнеславянскими археологическими материалами, относимыми археологами к языческим амулетам. Книги духовного содержания, отражавшие в своем оформлении языческие традиции славянства отдаленного времени, несомненно, еще одно красноречивое свидетельство того, как тесно переплелись языческая и христианская идеологии даже у таких «ортодоксов» христианства как старообрядцы, и насколько глубоки корни многих относительно поздних элементов народной культуры.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0007 .

Список литературы

Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси в его связях с Востоком (к постановке вопроса) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 55–80.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.

Уваров А.С. Христианская символика. Ч.1 – М.: Тип. Г. Лисснера, 1908.–212с.

References

Lelekov L.A. Iskusstvo Drevnej Rusi v ego svyazyah s Vostokom (k postanovke voprosa). In *Drevnerusskoe iskusstvo. Zarubezhnye svyazi.* Moscow, Nauka, 1975. P. 55–80. (In Russ.).

Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI–XIII vv. Moscow: Nauka, 1982, 327 p. (In Russ.).

Uvarov A.S. Khristianskaya simvolika. Pt.1. Moscow, Print. house G. Lissnera, 1908, 212 p**.** (In Russ.).

Фурсова Е.Ф. https://orcid.org/ 0000-0002-9459-7033

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0861-0868
УДК 391.98

Н.И. Шитова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Email: natalja.sni2011@yandex.ru

Знаково-символическое выражение образа райского сада в традиционной культуре уймонских старообрядцев

Работа осуществлена с целью выявления механизмов сохранения и актуализации некоторых образов и символов, выраженных в орнаменте вышивки. Исследование основано на материалах по культуре уймонских старообрядцев, которые проживают в Уймонской долине Горного Алтая. Проведен комплексный анализ полевых этнографических материалов автора разных лет, неопубликованных архивных фольклорных записей, музейных образцов. Установлено, что с помощью образов райских птиц и райских растений (виноград, розы и другие цветы) в духовных стихах выражены народные представлений о рае. Эти представления соотносятся с символическим значением некоторых орнаментальных рядов женских рукоделий. Композиция на стеновом полотенце, состоящая из виноградной и цветочной лоз, райских птиц интерпретируется нами как народное изображение райского сада. Автор проводит сравнительный анализ образов райского сада в культуре уймонских старообрядцев с материалами по орнаменту женских рукоделий Горного Алтая. По материалам женских рукоделий Горного Алтая, в флористическом орнаменте, существенно преобладающем среди всех прочих, чаще встречаются мотивы с виноградной и лозой из роз, а также цветочной лозой с изображениями других цветов. При объединении этих разновидностей орнамента в семантически единую орнаментальную группу «растительной лозы» очевиден факт существенного преобладания данной группы мотивов среди прочих фиксируемых орнаментальных рядов. Вероятно, представления о растениях как атрибутах райского сада, смысловая корреляция сад райский – сад земной сыграли особую роль распространенности изображений винограда, роз и других цветов и их устойчивом бытовании в орнаментике женских рукоделий. Мотив растительной лозы может являться для носителей культуры выражением духовных устремлений, которые проявляются и в эстетическом восприятии орнамента.

Ключевые слова: *русские, старообрядцы, христианская символика, женские рукоделия, духовные стихи, виноградная лоза, цветочная лоза, Горный Алтай.*

N.I. Shitova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
Email: natalja.sni2011@yandex.ru

Symbolic Expression of the Heavenly Eden Image in the Traditional Culture of the Uimon Old-Believers

The work was carried out in order to identify patterns for the preservation and updating of some images and symbols expressed in the embroidery ornament. The research is based on materials of the Uimon Old-Believers culture, which is represented in the Uimon Valley of the Altai Mountains. We carried out a comprehensive analysis of the author's field ethnographic materials of different years, unpublished archival folklore records and museum samples. It has been established that using images of Eden-related birds and plants (grapes, roses, and other flowers), folk ideas about Heavenly Eden are expressed in spiritual verses. These ideas correspond to the symbolic meaning of some ornamental patterns in women's needlework. A composition on a wall towel consisting of grape and flower vine and paradise birds was interpreted as a folk image of Heavenly Eden. The author performs a comparative analysis of images of Heavenly Eden in the culture of the Uimon Old-Believers and materials of the ornament of women's needlework in Altai Mountains. Based on the materials of women's needlework in Altai Mountains, the floristic ornament significantly prevailing among all others more often contains motifs with a vine and a rosevine, as well as a flower vine with the images of other flowers. When combining these varieties of ornament

into a semantically unified ornamental group "plant vines", the fact of a significant predominance of this group among other fixed ornamental groups of motifs is obvious. The ideas of the plants as attributes of Heavenly Eden, the semantic correlation of Heavenly Eden and the garden of the earth probably played a special role in the prevalence of images of grapes, roses, and other flowers as well as their stable presence in ornamentation in women's needlework. Culture bearers could use the motif of the plant vine as an expression of spiritual aspirations, which are also manifested in perception and aesthetic value of the ornament.

Keywords: *the Russian, Old-Believers, Christian symbols, women's needlework, spiritual verses, grapevine, flower vine, Altai Mountains*.

В предыдущих исследованиях орнаментации женских рукоделий русских Горного Алтая нами выделены и описаны основные орнаментальные ряды, определены вышедшие из бытования и сохранявшие свою актуальность мотивы [Шитова, 2020]. Полученные сведения дают возможность перейти к дальнейшему исследованию с целью возможного выявления механизмов сохранения и актуализации некоторых образов и символов, выраженных в орнаменте вышивки. Одна из ярких орнаментальных композиций привлекла наше внимание к изучению символики, связанной с выражением представлений о рае в культуре русских Горного Алтая по материалам уймонских старообрядцев. Материалы по культуре группы позволяют проследить выражение одного из базовых проявлений христианского мировоззрения – представлений о райском саде – посредством их знаково-символического выражения в фольклоре и народном искусстве.

В последнее время на христианское значение образов, воплощенных в женских рукоделиях русских Западной Сибири, обращено существенное внимание в цикле работ Е.Ф. Фурсовой [Фурсова, 2006; Фурсова, 2020; Фурсова, Васеха, 2020]. По отношению к культуре уймонских старообрядцев изучение христианской символики проведено в контексте бытования традиционной одежды [Шитова, 2008]. Вопрос о проявлении христианской символики в женских рукодельях уймонок ранее не рассматривался.

Работа основана на комплексном анализе полевых этнографических, архивных фольклорных материалов, музейных образцов. Полевые материалы автора разных лет представлены материалами интервью, зафиксированными в ходе экспедиций образцами женских рукоделий, некоторыми письменными фольклорными текстами, также впечатлениями от включенного наблюдения, в частности, исполнения духовных стихов. Основной массив используемых в работе фольклорных данных представлен неопубликованными записями И.П. Федотовой, преподавательницы и руководительницы фольклорных практик студентов Горно-Алтайского пединститута. Данные материалы представляют собой комплекс сведений о бытовавшем в среде уймонцев фольклорном репертуаре, в т.ч. духовных стихах [Федотова, 1987].

В народном понимании образ рая непосредственным образом связан с представлениями о посмертном существовании души. Последние, в свою очередь, опираются на картину Страшного Суда, тема которого является одной из центральных в старообрядческой эсхатологии. Как рассказывали нам наши собеседники, людям не дано знать, когда настанет Конец века и Страшный Суд (ПМА, 2007, с. Мульта). Но верующие сознательно готовились к посмертному предстоянию на этом суде, о чем, в частности, свидетельствуют сведения о погребальном комплексе старообрядцев (например, объяснение старообрядцами покроя погребальной шашмуры [Шитова, 2005, с. 96], обычая собирать волосы и ногти, которыми наполняется специальная подушечка [Шитова, 2006, с. 81]).

Духовный стих «Горе мне увы мне, во младой бо юности» в Западной Сибири известен в исполнении фольклористов из Республики Тыва как записанный в Верховьях Енисея [Духовный стих], но бытовал и среди уймонцев. Как поется в стихе, выбранному пути *(«Суду Божию лежат две дороги… Первая дорога – имать страх Господень… Другая дорога – во своей воле жити…»* [Духовный стих]) соответствуют два возможных варианта посмертного существования души: *«царство Небесное»* или *«превечная мука»*. Отчетливо подобное мировоззрение выражено в тексте духовного стиха «От отцов-то было все записано…», посвященного описанию Страшного Суда:

«…Како праведны души по праву руку,
А грешны души – по левую…
Уж вы ангелы, вы архангелы,
Уж вы берите-ка золоты ключи,
Отворяйте-ка рай пресветлый.
Заппушайте-ка вы души праведны,
надевайте на них на главы венцы,
На главы венцы светлы ризицы.
Вы садите-ка их по своим местам.
Уж вы ангели, вы архангели,
Вы берите-ка прутья огненны,
Вы гоните-ка души грешныи,
Души грешные в муку вечную,
В муку вечную, бесконечную...»

[Федотова, 1987, л. 5–6]

Сохранение веры для носителей старообрядческой культуры конечной своей идеальной целью имеет спасение души. Последнее понимается как достижение рая в посмертном существовании. Так, в одном из распространенных среди уймонцев стихе поется:

«Только вижу утешенье,
Когда Господу молюсь,
Чтоб простил мне согрешенье,
Упаду, в слезах зальюсь.
Подниму я кверху руки,
С умиленьем вопию,
Чтоб избавил вечной муки,
Поселил меня в раю»

[Фрагмент тетради…, 1935]

Как отмечал исследователь духовного стиха Г.П. Федотов «…райские наслаждения с трудом поддаются художественной конкретизации: это неизбежно обедняет все изображения Рая в христианском искусстве» [цит. по: Листова, 2016, с. 49]. По нашим наблюдениям, в культуре уймонцев образы, связанные с посмертным существованием светлых, праведных душ едва фиксируются. Так, в широко распространенном, одном из любимых старообрядцами духовном стихе «Пресветлый ангел», представляющем собой обращение к ангелу хранителю**,** рай описывается скорее через отрицание негативности и утверждение позитива, обозначенного одним словом «радость»*:*

«Там ни печали,
Ни воздыханья,
И слезы горькия не льют,
Там ни тесненья, ни страданья,
Одни лишь радости текут»

[Фрагмент тетради…, 1935]

Среди зафиксированных среди уймонцев фольклорных текстов образ рая более подробно представлен в стихе «О умолении матери своего чада». В данном произведении умирающая мать наставляет свою дочь отказаться от мирских соблазнов и уйти в монастырь ради спасения души и посмертного достижения райской обители:

«Рай пресветлый на востоке
Вечной радости страна…
Лучше циркнут там палаты
Вертограды и сады,
Терема, чертоги златы,
в садах дивные плоды
Поля устланы цветами,
Росы запах издают.
Рощи с чудными древами,
Тамо ангелы поют.
Плавно катятся там реки,
Чище слез водна струя…»

[Тетрадь…, Л. 3 об. – 4].

Как установлено исследователями, в духовных стихах представление о рае как о прекрасном саде является основой его фольклорного образа, в виде прекрасного благоухающего сада, рай может изображаться в лирических и лиро-эпических стихах. Рай чаще всего представляется садом и в легендах о странствиях души по загробному миру. При этом образ ветхозаветного «потерянного рая» зачастую сливается с образом рая – места потустороннего обитания праведных душ [Петров, 2012, с. 122–123]. Как пишет М.В. Рождественская, «Рай как сад и Рай как град — две стороны одного образа Рая, огражденного и насажденного» [Рождественская, 2003]. Очевидно, в приведенном выше фрагменте фольклорного текста рай представляется прежде всего, как сад, хотя и упоминаются терема и чертоги. Знаковые атрибуты таких представлений – райские растения и райские птицы.

Как отмечает А.М. Петров, образ райских птиц является одним из немногих конкретных и пластичных фольклорных образов, которые используются «для передачи абстрактного ощущения вечности» [Петров, 2012, с. 122]. Отличным примером такого образа в фольклоре уймонцев служит духовный стих о Св. Антонии (рис. 1). Усомнившийся в словах Святого писания молодой инок замечает птицу невиданной красоты, и устремляется за ней, несмотря на запреты, за стены монастыря. При возвращении оказывается, что в прогулке инок Антоний

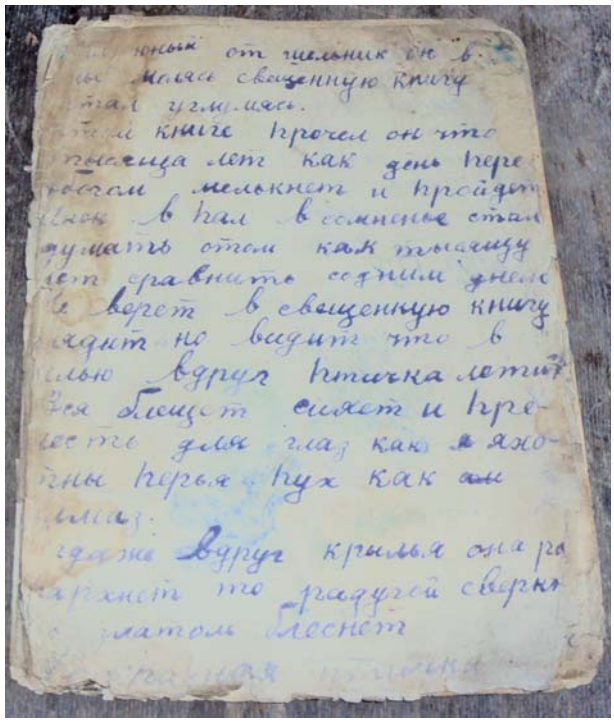

Рис. 1. Фрагмент тетради с записями духовных стихов. Рукопись. с. Мульта, Усть-Коксинский р-н Республики Алтай, 1935. (ПМА, 2007).

провел триста лет. Дивная птица охарактеризована в стихе следующим образом:

«Вся блещет сияет и прелесть для глаз.
Как яхонты перья, пух как алмаз.
Когда же вдруг крылья она распахнет,
То радугой сверкнет, златом блеснет.
Прекрасная птичка в полете легка
Быстрее и легче она ветерка…
Туда и сюда над цветами кружась,
Как звездочка в воздухе светит носясь.
С ветки на ветку все птичка вперед,
Порхает, летает и сладко поет.
На дубе вершине присела она,
И пеньем чудесным вся роща полна…»

[Фрагмент тетради…, 1935].

Как объясняли содержание стиха нам наши собеседники, в образе этой птицы явился ангел (ПМА, 2007, с. Мульта). В публикациях этого стиха, зафиксированных среди других старообрядческих групп, в частности, на Кубани, второе его название – «Райская птичка» [Стих о святом Антонии. Райская птичка]. Можно предположить, что представления об ангелах и райских птицах в некоторой степени сливаются в народном сознании.

Еще одни, обозначенные в духовных стихах уймонцев птицы – обитатели райского сада – сизые голуби. С последними отождествляются праведные души: *«Праведны души – сизы голуби / Сизы голуби, светлы копечки»* [копечки – свечечки – примечание собирателя, Н.Ш.] [Федотова, 1987, л. 6]. Праведные души будут «запущены» в рай и им будут определены свои места.

В представлениях уймонцев образ голубя проявляется по-разному, но именно голубь почитается святой птицей. Прежде всего, в виде голубя изображен святой дух на иконах и крестах [Шитова, 2006, с. 73]. Фольклор хранит память и о ветхозаветной голубице, которую выпускал Ной из Ковчега [Тетрадь..., л. 9 об.]. Бытовали представления о «непорочном» поведении этих птиц: *«Святая птица – голубь. Голуби не топщутся, а слюнами как-то. К речке – не черпат носиком, сунет нос и напьется»* [ПМА, 1999, с. Тихонькая; Шитова, 2006, с. 73]. При этом парными изображениями голубей, голубя и голубки украшались свадебные полотенца как уймонцев, так и представителей других групп русских Горного Алтая. В лирическом фольклоре уймонцев голубка – женский образ. Так, тоскующая по матери дочь обращается в голубку:

«Сделаюсь голубкой, полечу я в сад…
Чья это голубка жалобно поет?
Не моя ли дочка горьки слезы льет?
Если это птичка – громче распевай
Если это дочка – в гостях побывай.»

[Федотова, 1987, л. 53].

Таким образом, можно проследить, что представления об орнитоморфности души как бы разноуровнево присутствуют в культуре уймонцев.

Очевидно, что образы птиц и сада, как земных, так и райских, тесно связаны между собой. В.И. Еремина писала: «Зеленый сад» – образ очень большой емкости, он не вызывает строго постоянных ассоциаций, а потому и не мог стать в народных песнях символом» [Еремина, 1978, с. 123]. Как отмечает архимандрит Макарий, изучая растительные символы в православной гимнографии, прообразом райского сада на земле в православной культуре выступает монастырский сад. Монастырские сады служили «как бы образами рая» и для древнерусского человека было характерно благоговейное отношение к саду и его растениям [Архимандрит Макарий, 2011].

В лирическом фольклоре уймонцев различные жизненные ситуации сопровождаемы упоминанием или описанием сада (например, «Уж ты сад-виноград», «Уж вы сады, сады зеленые», «Отчего ж ты сад да повял» [Федотова, 1987, л. 30, л. 35, л. 137]). При этом очевидно, что сад предстает как одна из существенных жизненных ценностей:

«И остался сад прекрасный
где бывало я гулял,
лишь по нем в грусти ужасной
Как бы сад тот не завял…»

[Фрагмент тетради…, 1935].

В народном прикладном искусстве уймонцев, в частности, в женском рукоделии, по нашему мнению, можно обнаружить выражение образа райского сада. Особенно интересно в этом отношении стеновое полотенце, хранящееся в настоящее время в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, поступившее в музей из собрания его ликвидированного филиала в старообрядческом с. Верх-Уймон (рис. 2). Изделие украшено изображением крупных райских птиц. При этом в верхнем ярусе композиции присутствует орнаментальный ряд реалистично изображенной виноградной лозы. Мотив лозы представлен в изделии также в полосе неширокого кружева и вышитых размещенных на извивающейся лозе цветов. Такое сочетание мотивов представляется нам народной картиной райского сада с его основными атрибутами, наиболее выраженными в народных представлениях – виноградом и цветами, размещенными на лозе, и райскими птицами.

Смысловое значение птиц как райских на данном изделии более очевидно при сравнении с другими орнитоморфными орнаментальными рядами рукоделий уймонок. Так, например, композиция одного из стеновых полотенец (также хранящегося в фондах Национального музея Республики Алтай

и поступившего из его ликвидированного филиала в с. Верх-Уймон) представлена орнаментальными рядами птиц: лебедей и, вероятно, уток (рис. 3). В данном случае семантика композиции, очевидно, свадебная. Подобное значение орнитоморфных образов отчетливо прослеживается в фольклоре уймонцев (например, «Как по морю, как по морю…» [Федотова, 1987, л. 57]).

В вышеприведенном фрагменте стиха «О умолении матери своего чада», как следует из смыслового контекста и особенностей говора старообрядцев, с большой степенью вероятности в качестве райского растения упоминается роза (*«и росы запах издают»*). Это, в частности, может свидетельствовать об одном из символических значений этого цветка в народном сознании, как цветка райской обители. Как отмечает архимандрит Макарий, именно лилия (крин) и роза (шипок) более всего упоминаются в священных текстах в качестве райских растений [Архимандрит Макарий, 2011]. Отметим, что нам не удалось встретить изображения лилий на полотенцах уймонок, но данный мотив представлен на праздничных мужских рубахах, хранящихся в настоящее время в Национальном музее Республики Алтай. При этом изображения розы в женских рукоделиях русских Горного Алтая, пожалуй, встречаются чаще всего. Особенно распространен орнаментальный мотив, в котором розы размещены на лозе.

Особое внимания в контексте христианской символики, в том числе, и символики райского сада, необходимо уделить мотиву лозы. Значение упоминаемого в духовном стихе слова вертоград – «сад,

Рис. 2. Полотенце, конец XIX – начало XX в. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.

особенно плодовый; виноградник» [Даль]. Виноградная лоза считается общепризнанным, многозначным христианским символом [Фурсова, Васеха, 2020, с. 127]. Помимо женских рукоделий, мотив виноградной лозы с натуралистичными листьями и плодами встречается у уймонцев в орнамента-

Рис. 3 Полотенце, конец XIX – начало XX в. Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина.

ции мужской праздничной рубахи (нижняя часть рукава) (Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина) в комплексе с натуралистичным изображением других цветов. Заметим, что изображение винограда присутствовало также на мужских рубахах старообрядцев, проживавших на территории современного Шебалинского района [Гране, 2012, с. 177].

Е.Ф. Фурсова и М.В. Васеха, в результате исследования коллекции погребальных старообрядческих полотенец, приходят к выводу о трансформации образа «виноградной лозы». Исследовательницы отмечают, что сибирские вышивальщицы заменяли изображение винограда на лозе более знакомыми, привычными растениями (цветами, листьями, бутонами) [Фурсова, Васеха, 2020, с. 133]. По материалам женских рукоделий Горного Алтая, в флористическом орнаменте, существенно преобладающем среди всех прочих, преобладают мотивы с виноградной и лозой из роз (рис. 4), а также цветочной лозой с изображениями других цветов, как узнаваемых (например, василек), так и обобщенных цветочных форм (рис. 5) [Шитова, 2020]. При объединении этих разновидностей орнамента в семантически единую орнаментальную группу «растительной лозы» очевиден факт существенного преобладания данной группы мотивов среди прочих фиксируемых орнаментальных рядов.

«Растительная лоза» присутствует на изделиях как самостоятельно, так и в комплексе с другими

Рис. 4. Полотенце, конец XIX – начало XX в. Школьный музей с. Катанда, Усть-Коксинский р-н Республики Алтай.

Рис. 5. Полотенце, конец XIX – начало XX в. с. Барагаш, Шебалинский р-н Республики Алтай. (ПМА, 2015).

геометрическими, растительными, орнитоморфными и даже зооморфными мотивами. При этом мотив встречается на женских рукоделиях различного назначения, бытовавших как среди старожильческого, так и переселенческого, старообрядческого, и православного населения. Исходя из наших материалов по Горному Алтаю, мы бы сделали вывод об особой актуальности мотива растительной лозы. Вероятно, это свидетельствует об универсальном для различных групп русского населения семантическом содержании лозовидного орнамента в контексте христианских ценностей.

В результате проделанной работы можно говорить о том, что прослеживается некоторая корреляция между христианскими представлениями, отраженными в духовных стихах, и народном мировоззрении с орнаментальными рядами некоторых образцов женских рукоделий. Композиция на стеновом полотенце, состоящая из виноградной и цветочной лозы, райских птиц интерпретируется нами как народное изображение райского сада. Представления о винограде и розе как атрибутах райского сада, а также смысловая корреляция сад райский – сад земной, вероятно, сыграли особую роль распространенности изображений винограда, роз и других цветов и устойчивом бытовании в орнаментике женских рукоделий.

Изображения растительной лозы на женских рукоделиях, будь то виноградная или цветочная лоза, насыщены христианской символикой. Последняя может восприниматься носителями традиционной культуры содержательно многообразно, от соотнесения с евангельским «Аз есмь лоза, вы же рождие» (Ин. 15:5) до представлений о райском саде или зеленом саде, как его земном отражении. Мотив растительной лозы может являться для носителей культуры, их создавших, выражением духовных устремлений, которые, в т.ч. проявляются и в эстетическом значении и восприятии орнамента. Универсальные символы чистоты, красоты, прекрасного, к тому же насыщенные христианской символикой, стали полюбившимися орнаментальными образами, устойчиво бытовавшими на образцах женских рукоделий вплоть до их выхода из широкого бытования.

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0007.

Список литературы

Архимандрит Макарий (Веретенников). Райский сад и его насаждения //Альфа и Омега. – 2011. – № 61 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravmir.ru/rayskiy-sad-i-ego-nasazhdeniya (дата обращения: 26.09.2021).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me (дата обращения: 30.09.2021).

Духовный стих из репертуара анс. «Октай» респ. Тыва [Электронный ресурс]. URL: https://pstgu.ru/upload/iblock/a1e/a1ee721c1bf82c37853924bc911a9856.pdf (дата обращения: 26.09.2021).

Гране Й.Г. Алтай: Увиденное и пережитое в годы странствий. – М. : Индрик, 2012. – 608 с.

Еремина В.И. Поэтический строй русской народной лирики. – Л.: Наука, 1978. – 184 с.

Листова Т. А. Загробный мир в контексте проблемы нравственного воспитания // Традиции и современность. – 2016. – № 19. – С. 43–86.

Петров А.М. Сакральная топография традиционной народно-православной культуры (по материалам русских духовных стихов) // Религиоведение. – 2012.– №1. – С. 120–133.

Рождественская М.В. Рай «мнимый» и Рай «реальный»: древнерусская литературная традиция // Образ рая: от мифа к утопии. Серия “Symposium”. – Вып. 31. – СПб: Санкт-Петербургское философ. об-во. – 2003. – С. 31–46.

Тетрадь с записями духовных стихов. Рукопись. Усть-Коксинский район, вторая половина XX в. Сбор И.П. Федотовой. – 11 л.

Федотова И.П. [Полевой дневник фольклорной экспедиции в Усть-Коксинский район]. Рукопись. – 1987 г. – 173 л.

[**Фрагмент тетради** с записями духовных стихов]. Рукопись. – с. Мульта, 1935. Полевые материалы автора, 2007.

Фурсова Е.Ф. Вышитые полотенца с крестами и растительными орнаментами («проросшие кресты») у русских крестьянок в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 841–847.

Фурсова Е.Ф. Христианская символика в рукоделии крестьянок Западной Сибири (конец XIX – начало XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12. – № 2. – С. 171–176.

Фурсова Е.Ф., Васеха М.В. Растительные мотивы в собрании жертвенных полотенец старообрядческой моленной // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2020. – Т. 48. – № 4. – С. 125–134.

Стих о святом Антонии. Райская птичка [Электронный ресурс]. URL: https://proteacher.ru/2015/03/11/Duhovnye_stihi_1426100334_74787.pptx. (дата обращения 21.09.21).

Шитова Н.И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. – 112 с.

Шитова Н.И. Христианская символика в одежде уймонских старообрядцев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 3. – С. 87–90.

Шитова Н.И. Некоторые аспекты духовной культуры уймонских старообрядцев // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX – XX вв./под ред. Е.Ф. Фурсовой. – Новосибирск: Из-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 71–82.

Шитова Н.И. Особенности орнаментации рукоделий русских крестьянок Горного Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. – 2020. – Т. 27. – № 2. – С. 26–32.

References

Arhimandrit Makarij (Veretennikov) Rajskij sad i ego nasazhdenija. *Al'fa i Omega*, 2011, no 61. (In Russ.). URL:https://www.pravmir.ru/rayskiy-sad-i-ego-nasazhdeniya (Accessed: 10.09.2021).

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka Vladimira Dalja. (In Russ.). URL: https://gufo.me (Accessed: 20.09.2021).

Duhovnyj stih iz repertuara ans. «Oktaj» resp. Tyva. (In Russ.).

URL: https://pstgu.ru/upload/iblock/a1e (Accessed: 10.09.2021).

Grane J.G. Altaj: Uvidennoe i perezhitoe v gody stranstvij. Moscow: Indrik, 2012, 608 p. (In Russ.).

Eremina V.I. Pojeticheskij stroj russkoj narodnoj liriki. Leningrad: Nauka, 1978, 184 p. (In Russ.).

Listova T.A. Zagrobnyj mir v kontekste problemy nravstvennogo vospitanija. *Tradicii i sovremennost'*, 2016, no 19. P. 43–86. (In Russ.).

Petrov A.M. Sacred topography of the traditional folk-orthodox culture (based on Russian religious verses). *Religiovedenie*, 2012, no 1. P. 120–133 (In Russ.).

Rozhdestvenskaja M.V. Raj «mnimyj» i Raj «real'nyj»: drevnerusskaja literaturnaja tradicija. *In Obraz raja: ot mifa k utopii. Serija «Symposium",* iss. 31, Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2003. P. 31–46 (In Russ.).

Tetrad' s zapisjami duhovnyh stihov. Rukopis'. Ust'-Koksinskij rajon. Vtoraja polovina XX s. Sbor I.P. Fedotovoj. 11 fol. (In Russ.).

Fedotova I.P. [Polevoj dnevnik fol'klornoj jekspedicii v Ust'-Koksinskij rajon]. Rukopis', 1987, 173 fol. (In Russ.).

[**Fragment** tetradi s zapisjami duhovnyh stihov]. Rukopis', 1935, Mul'ta. Polevye materialy avtora, 2007. (In Russ.).

Fursova E.F. Embroidered Towels with Crosses and Floral Ornaments ("Sprouted Crosses") from the Russian Peasant Women in Western Siberia/ In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. Vol. 26. P. 841–847 (In Russ.).

doi:10.17746/2658-6193.2020.26.841-847

Fursova E.F.,Vasekha M.V. Floral Designs on Sacrificial Towels from an Old Believers' Prayer House. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2020. Vol. 48, no 4. P. 125–134. (In Russ.). doi:10.17746/1563-0102.2020.48.4.125-134

Fursova E.F. Hristianskaja simvolika v rukodelii krest'janok Zapadnoj Sibiri (konec XIX – nachalo XX veka). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2006. Vol. 12, no 2. P. 171–176. (In Russ.).

Stih o svjatom Antonii. Rajskaja ptichka. (In Russ.). URL: https://proteacher.ru/2015/03/11/Duhovnye_stihi_1426100334_74787.pptx. (Accessed: 10.09.2021).

Schitova N.I. Christian symbolic in closes of Uimon Old Believers. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008, no 3. P. 87–90. (In Russ.).

Schitova N.I. Tradicionnaja odezhda ujmonskih staroobrjadcev. Gorno-Altajsk: RIO GAGU, 2005, 112 p. (In Russ.).

Schitova N.I. Some aspects of the spiritual culture of the Old Beelievers from Uimon. In *Pravoslavnye tradicii v narodnoj kul'ture vostochnyh slavjan Sibiri i massovye formy religioznogo soznanija XIX – XX vv*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006. P. 71–82. (In Russ.).

Schitova N.I. Features of Russian needlework ornamentation peasants of the Altai Mountains. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2020. Vol. 27, no 2. P. 26–32. (In Russ.).

Шитова Н.И. https://orcid.org/0000-0003-1325-255X

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0871-0877
УДК 902(571.51)

Е.В. Акимова[1]✉, А.В. Барков[2], И.И. Разгильдеева[3], И.В. Стасюк[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]ООО «Красноярская Геоархеология»
Красноярск, Россия
[3] ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
Чита, Россия
[4]ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»
Красноярск, Россия
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Раскопки стоянки Афонтова гора IV (Овражная, пункт II) в Красноярске в 2021 году

Позднепалеолитическая стоянка Овражная, открытая в 2019 г., является самым крайним западным пунктом ОАН «Афонтова гора IV» на территории г. Красноярска. Спасательные археологические исследования памятника ведутся в течение двух лет (2020–2021 гг.) на участке, отведенном под строительство автодороги. В 2021 г. на вскрытой площади (ок. 11 тыс. м^2) выявлена группа относительно обособленных археологических комплексов, включающих в себя жилищно-производственные площадки с очагами, зонами разделки охотничьей добычи и обработки камня. Общее количество каменного инвентаря составляет ок. 5 тыс. экз., фаунистических остатков – более 15 тыс. экз. Наиболее значимым представляется открытие ямы (очага?) с каменной обкладкой и гумусированным заполнением. Многочисленные остатки зайца (не менее 25 особей) и выразительный набор каменных и костяных орудий на площади до 300 м^2 характеризуют зону разделки промысловой добычи. Коллекция каменного инвентаря памятника включает почти все известные в позднем палеолите Сибири категории изделий: нуклеусы для крупных и средних пластин, клиновидные микронуклеусы, скребла, скребки, резцы, долотовидные орудия, ножи, отбойники, чопперы. Из рога северного оленя изготовлены пазовые орудия, остроконечники, отбойники (колотушки); из трубчатой кости – иглы и игольник. Фаунистические остатки представлены, в основном, костями северного оленя и зайца, реже – благородного оленя, лошади, бизона и мамонта (фрагменты бивней). На сегодняшний день позднепалеолитическая стоянка Овражная (ОАН «Афонтова гора IV») является одним из наиболее информативных памятников финального палеолита на территории Красноярска.

Ключевые слова: *Средний Енисей, Афонтова гора, поздний палеолит, финальный плейстоцен, кокоревская культура.*

E.V. Akimova[1]✉, A.V. Barkov[2], I.I. Razgildeeva[3], I.V. Stasyuk[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]LTD "Krasnoyarsk Geoarchaeology"
Krasnoyarsk, Russia
[3]FSBEI HE "Transbaikal State University"
Chita, Russia
[4]FSBEI HE "Krasnoyarsk State Pedagogical University V.P. Astafiev"
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru

The Excavations of Afontova Gora IV (Ovrazhnaia, Point II) in Krasnoyarsk, 2021

Discovered in 2019 Late Paleolithic site Ovrazhnaia is the utmost western point of archaeological heritage site OAH "Afontova Gora IV" on the territory of Krasnoyarsk city. Rescue archaeological research of the site Ovrazhnaia has been carried out for two years (2020–2021) on the territory allocated for the construction of the highway. In 2021, relatively detached archaeological complexes with dwelling and production areas with hearths, game animals butchering areas and stone production workshops were unearthed within the excavated section of about 11 000 sq. m. Five thousand stone artefacts and more than 15 thousand faunal remains were discovered in total. The most significant discovery is a pit (hearth?) with stone walling and humous filling in it. Multiple fossilized hare bones (at least 25 animals) and a significant inventory of stone tools were found on the bordering area of about 300 sq. m. The stone inventory of Ovrazhnaia site includes almost all known types of the Late Paleolithic tools in Siberia: cores for large and middle-size blades, wedge-shaped microcores, side-scrapers, end-scrapers, burins, chisel-like tools, knives, hammer stones, choppers. Slotted tools, points, hammer stones (strikers) are made of reindeer antlers; long bones were used to manufacture needles and a needle case. Faunal remains are mainly represented by the reindeer and hare bones, rarely – red deer, horse, bison, mammoth (fragments of mammoth tusk).Nowadays, the Late Paleolithic site Ovrazhnaia (OAH "Afontova Gora IV") is the most informative site on the territory of Krasnoyarsk city.

Keywords: *Middle Yenisei, Afontova Gora, The Late Paleolithic, final Pleistocene, Kokorevo culture.*

Введение

Стоянка Овражная является самым крайним западным пунктом ОАН «Афонтова гора IV» в рамках утвержденных ранее границ объекта. Стоянка была открыта в 2019 г. Е.С. Муратовым и Е.А. Филатовым во время разведочных работ в зоне планируемого строительства автодороги от Николаевского проспекта до Студенческого городка. В 2020 г. ИАЭТ СО РАН и ООО «Красноярская Геоархеология» были проведены спасательные раскопки на площади ок. 3 тыс. м^2 [Новосельцева и др., 2020; Акимова, Новосельцева, Стасюк, 2021].

Стоянка приурочена к покровным отложениям высокой террасы (85–100 м) р. Енисей, переходящей в долгий пологий склон юго-восточной экспозиции (местное название «Афонтова гора») и разрезаемой логами, слабо выраженными в условиях современной городской застройки. В 2020 г. раскопы 1 и 2 располагались по южному (пункт I), раскоп 3 – по северному борту (пункт II) одного из наиболее крупных логов.

В 2021 г. отрядом ООО «Красноярская Геоархеология» и ИАЭТ СО РАН исследовался участок площадью более 11 тыс. м^2 (пункты II и III), расположенный северо-восточнее раскопов 2020 г. на территории, ранее занятой деревянными жилыми постройками частного сектора района Николаевки и производственной базой завода «Краслесмаш».

Результаты исследований

В 2020 г. в раскопе 3 были вскрыты два крупных участка концентрации археологических остатков площадью ок. 300 м^2, включающие очаг и примыкающую к нему с востока зону с разнообразным каменным и костяным инвентарем (археологический комплекс I), а также зону с многочисленными отходами дебитажа и фрагментами костей северного оленя (археологический комплекс II) [Новосельцева и др., 2020; Акимова, Новосельцева, Стасюк, 2021].

В 2021 г. в раскопе 4 было продолжено исследование археологических комплексов I и II на площади ок. 300 м^2. В раскопе 5, непосредственно продолжающем с северо-востока линию раскопа 3, были выявлены две новые зоны концентрации археологического и фаунистического материала: археологический комплекс III (северо-восточная оконечность раскопа 3 и южная часть раскопа 5) и археологический комплекс IV (фрагмент центральной части раскопа 5). В нижней части склона (раскоп 6), непосредственно по северо-западному борту лога, был выделен археологический комплекс V. На остальной площади археологический и фаунистический материал располагается разрозненно, не образуя скоплений (рис. 1).

Археологический комплекс I («южный»). В 2021 г. было завершено изучение западной части площадки комплекса. В отличие от восточной части, где археологические и фаунистические материалы с высокой плотностью залегания образовывали скопление, вытянутое от очага вдоль пологого склона, здесь присутствовало относительно небольшое количество продуктов дебитажа и мелких обломков костей, которые распределялись в периметре окружности вокруг очага. Примечательно нахождение в 1 м западнее очага обломка пазового орудия с двумя фрагментами микропластин-вкладышей, лежащих вдоль паза. Аналогичное целое пазовое орудие было найдено годом раньше в 1 м восточнее очага.

Археологический комплекс II («юго-западный»). Работами 2021 г. было вскрыто массовое скопление продуктов дебитажа, колотых костей северного оленя и немногочисленных орудий из камня и кости, сконцентрированных по дну и обоим

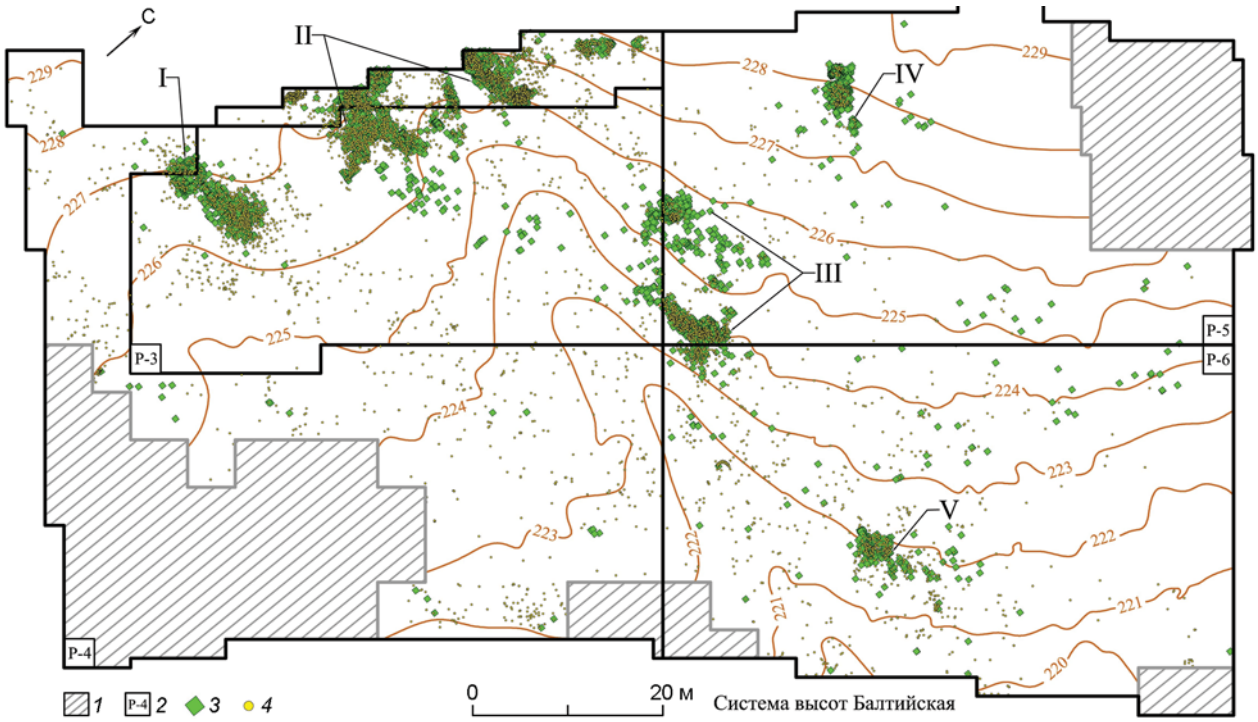

Рис. 1. Позднепалеолитическая стоянка Овражная (ОАН «Афонтова гора IV»). План распространения археологических и палеофаунистических остатков на площади раскопа 3 (2020 г.) и раскопов 4–6 (работы 2021 г.).

1 – площади, не включенные в работу на 22.10.2021 г.; *2* – номер раскопа; *3* – каменные и костяные артефакты; *4* – палеофаунистические остатки.

бортам верховья неглубокого лога на площади ок. 100 м^2. В составе коллекции инвентаря – микронуклеус, скребки, скребла, чопперы, отщепы и пластины с ретушью, обломки пазовых орудий*.

Археологический комплекс III («центральный»). Зона концентрации археологических и фаунистических остатков общей площадью ок. 250–300 м^2 простирается в юго-восточном направлении вниз по склону. Общее количество каменных артефактов превышает 1 тыс. экз., фрагментов костей – 4 тыс. экз.

В западной части площадки располагалась яма (очаг?) диаметром 0,95 × 1,0 м и максимальной глубиной до 0,2 м, с каменной выкладкой из обломков слабоокатанных валунов темноцветных алевролитов и песчаников (рис. 2, *1*). Наиболее крупные обломки залегали в центральном и южном секторах ямы. В восточном секторе, непосредственно на поверхности камней, лежали первичная пластина с ретушью, два скребка с острым краем (рис. 3, *1, 2*), отщеп овально-треугольной формы с ретушью (рис. 3, *5*). В самом заполнении ямы выявлены, преимущественно, микрочешуйки и единичные фрагменты микропластин (более 100 экз.). Единственное крупное рубящее орудие в заполнении располагалось под камнями в западном секторе ямы. Комплекс орудий включает также два фрагмента рога со следами обработки.

В заполнении залегали многочисленные кости зайца, в т.ч. сохранившие анатомический порядок. Состав скелетных элементов позволил сделать вывод об их принадлежности шести особям зайцев.

За пределами ямы вниз по склону располагался многочисленный каменный инвентарь, включающий скребла, остроконечники (рис. 3, *6*), скребки, отщепы и пластины с ретушью (рис. 3, *4*), в т.ч. с резцовыми сколами (рис. 3, *3*), отбойники. Здесь же найдены обломки узкого массивного остроконечника из рога с широким пазом. По всей поверхности площадки залегали кости зайцев, в т.ч. кости конечностей в анатомическом порядке. Общее количество особей, включая найденные в яме, составляет не менее 25 экз. Единичные экземпляры костей северного оленя и лошади обозначили более широкий круг объектов промысловой добычи*.

В позднем палеолите Среднего Енисея каменные обкладки очагов характерны для памятников кокоревской культуры [Абрамова, 1979; Акимова и др., 2005, с. 135–137]. В нашем случае камни в центре ямы и ее гумусированное заполнение со-

*В связи с тем, что к моменту сдачи статьи археологические работы на памятнике не были завершены, все информация дается по состоянию на 22.10.2021 г.

*Определение фаунистических остатков по итогам работ 2020 г. выполнено к.г.н. А.М. Клементьевым.

Рис. 2. Позднепалеолитическая стоянка Овражная (ОАН «Афонтова гора IV»). Ямы с каменными обкладками.
1 – археологический комплекс III; *2* – археологический комплекс V.

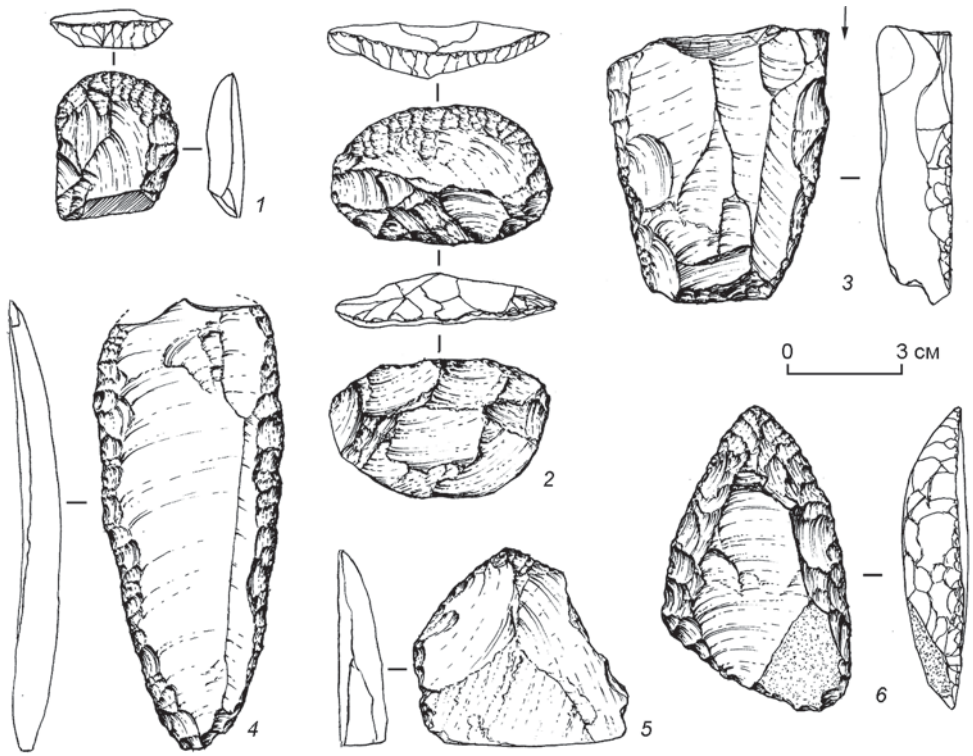

Рис. 3. Позднепалеолитическая стоянка Овражная (ОАН «Афонтова гора IV»). Каменный инвентарь археологического комплекса III («центрального»).
1, *2* – скребки; *3* – фрагмент пластины с ретушью и резцовыми сколами; *4* – пластина с ретушью; *5* – отщеп с ретушью; *6* – скребло-остроконечник.

четаются со следами горения в виде мелких осколков жженых костей и фракции угольков.

Археологический комплекс IV («северный»). Значительная часть участка разрушена: с запада и севера – фундаментами жилых домов и грунтовой дорогой с гравийной обсыпкой, с юга и юго-востока – хозяйственными ямами и основаниями деревянных столбов. Сохранившаяся площадь не превышает 50 м^2. Верхняя часть отложений уничтожена, в результате чего глубина залегания культурного слоя составляла ок. 0,2 м от современной дневной поверхности. Маркирующим наполнителем культурного слоя являются плитчатые обломки пород, по внешнему облику схожие с охрой.

Информативный каменный инвентарь относительно немногочислен (20 экз.), абсолютное большинство предметов составляет мелкий и средний дебитаж (более 1,2 тыс. экз.). Свидетельством первичного расщепления на данном участке являются одноплощадочный монофронтальный нуклеус на крупной гальке (рис. 4, *6*), клиновидный микронуклеус овально-подтреугольной формы (рис. 4, *4*), а также нуклеус на удлиненной гальке со следами переоформления и серией пластинчатых сколов, аппплицирующихся к торцовой части. В группе орудий можно выделить два крупных резца (рис. 4, *3*), скребок на отщепе (рис. 4, *2*), обломки орудий на крупных пластинах (рис. 4, *1, 5*), крупный отбойник и ретушер на небольшой гальке. Данный набор изделий в сочетании с обилием кусков охры (?) позволяет предполагать комплексный характер и очень выразительную информативность этого практически полностью уничтоженного участка.

Фаунистические остатки (более 800 экз.) в абсолютном большинстве представлены фрагментами колотых трубчатых костей и единичными обломками зубов северного оленя.

Археологический комплекс V («восточный»). В отличие от комплексов I–IV, занимающих верхние ярусы склона, данный комплекс располагается в нижней части склона, непосредственно по северо-западному борту небольшой ложбины. Место стоянки отмечали очаг округлой формы (диаметром 0,8 м и глубиной до 0,16 м), шлейф фаунистических находок и относительно немногочисленный каменный инвентарь (ок. 500 экз.). По бортам очажной ямы располагались горизонтально и наклонно уложенные небольшие плитки обломочника красноцветных песчаников (см. рис. 2, *2*). Гумусированное заполнение без остатков золы и угля содержало мелкие фрагменты жженых костей и расслоившихся песчаников. Весь археологический материал располагался за пределами очажной конструкции.

Непосредственно севернее ямы, чуть выше по склону найдены: массивный округлый скребок (рис. 5, *3*), продольное скребло на пластинчатом сколе (рис. 5, *2*), обломок крупной трехгранной пластины с пологой удлиненной ретушью вдоль края (рис. 5, *1*), концевой скребок на пластине (рис. 5, *5*), заготовка долотовидного орудия на массивном отщепе, крупный отщеп с двусторонней ретушью по противолежащим краям (рис. 5, *4*). Фаунистические остатки в большинстве своем – мелкие обломки и неопределимые фрагменты (более 700 экз.).

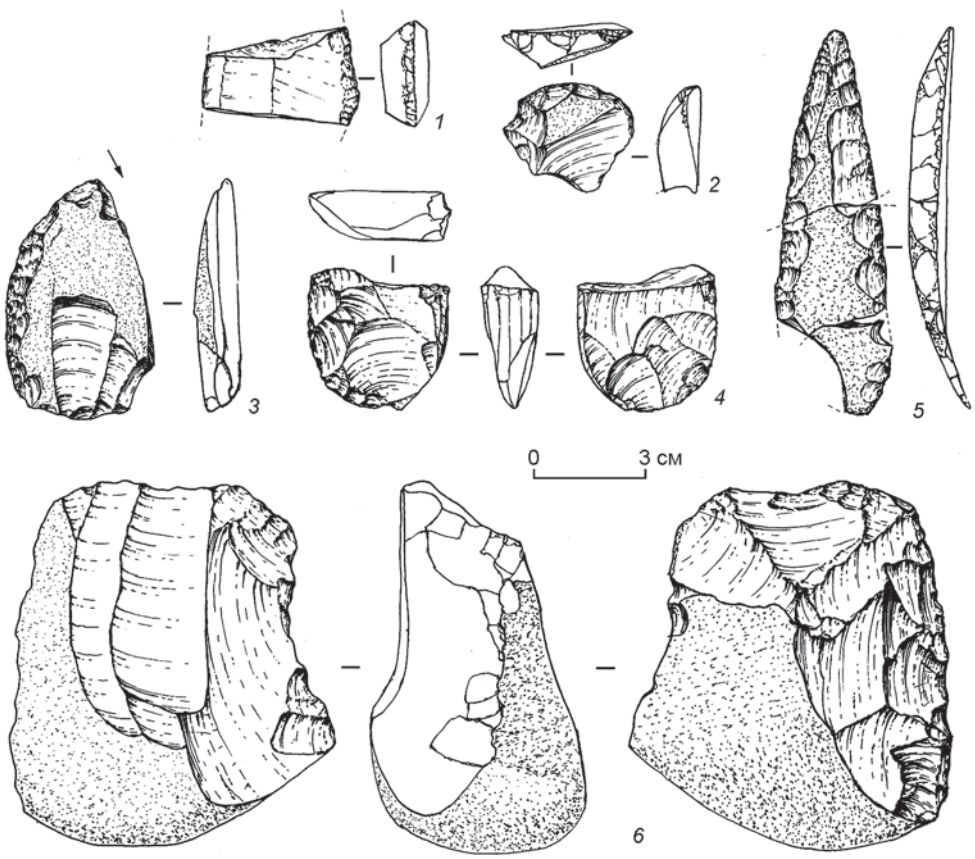

Рис. 4. Позднепалеолитическая стоянка Овражная (ОАН «Афонтова гора IV»). Каменный инвентарь археологического комплекса IV («северного»).

1 – фрагмент пластины с ретушью; *2* – скребок; *3* – резец; *4* – клиновидный микронуклеус; *5* – пластина с ретушью; *6* – нуклеус.

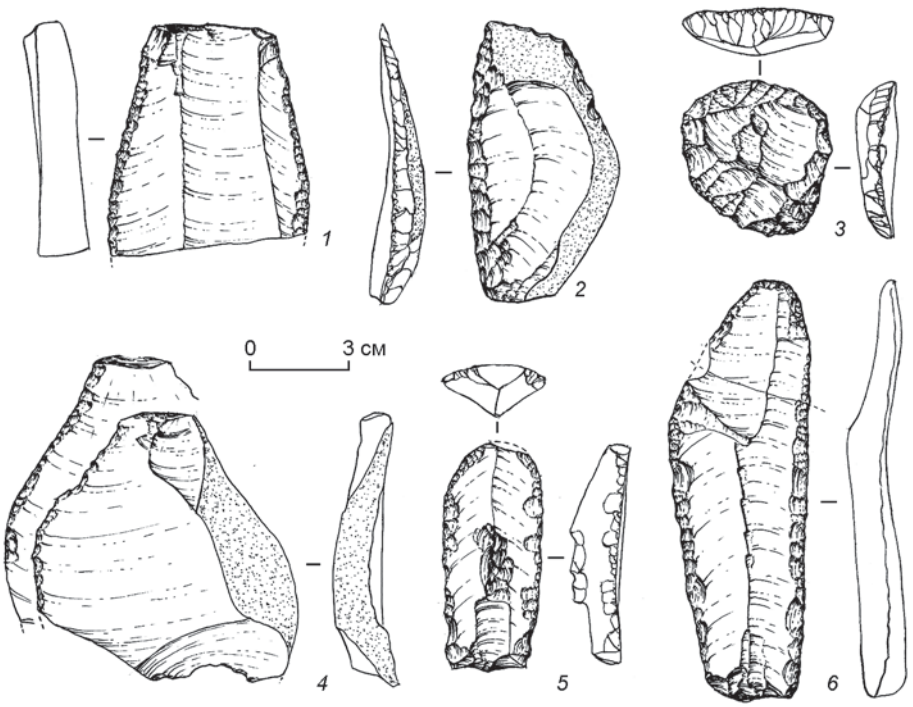

Рис. 5. Позднепалеолитическая стоянка Овражная (ОАН «Афонтова гора IV»). Каменный инвентарь археологического комплекса V («восточного»).

1, 6 – пластины с ретушью; *2* – скребловидное орудие; *3, 5* – скребки; *4* – отщеп с ретушью.

Обсуждение полученных результатов

Двухлетние раскопки стоянки показали, что стоянка Афонтова гора IV (Овражная) является одним из наиболее информативных и выразительных позднепалеолитических поселений на территории Красноярска. Только в 2021 г. было получено более 5 тыс. экз. предметов из камня и кости и более 15 тыс. фаунистических остатков*. Орудийный набор включает почти все известные в позднем палеолите Сибири категории: скребла, скребки, резцы, долотовидные орудия, ножи, отбойники, чопперы и т.д. с присущим каждой из них типологическим разнообразием. Следы интенсивной утилизации прослеживаются на пластинчатых сколах, отщепах и галечных сколах без предварительной подготовки рабочего края. Коллекция костяных изделий включает целые и фрагментированные пазовые орудия, в т.ч. с выпавшими из паза микропластинами-вкладышами, остроконечники, отбойники (?), обломки игл и игольника, а также многочисленные фрагменты рогов со следами нарезок и зарубок.

Расположение стоянки на высокой террасе в относительном удалении от русла реки, вероятно, вынуждало проводить отбор и расщепление крупных речных галек в основном за пределами поселения. Соответственно, находки нуклеусов для крупных заготовок на памятнике единичны, в отличие от многочисленных клиновидных микронуклеусов.

В пунктах I и II стоянки выявлен один литологический уровень культуросодержащих отложений, простирающийся на широкой площади, но разделенный соответственно особенностям палеорельефа на в той или иной степени обособленные участки. Все установленные аппликативные соединения присутствуют в рамках конкретных участков, локализованных в пространстве территории исследования, и не являются свидетельством непосредственных связей между отдельными археологическими комплексами, как, впрочем, и не дают основания делать вывод об их разновременности.

Между отдельными комплексами пункта II существует сложная система общих черт и различий. Так, только в южном (I) комплексе все клиновидные микронуклеусы имеют высоту фронта не более 2,8 см и узкие негативы снятий. Соответствующие им миниатюрные микропластинки шириной ок. 1–1,5 мм отмечены только в южном (I) и юго-западном (II) комплексах. За пределами этой территории найдены только единичные микронуклеусы относительно крупной формы, с высотой фронта более 3 см, и более широкие микропластины. Такие микронуклеусы распространены в пункте I, по южному борту лога (работы 2020 г.). В то же время в южном (I) и юго-западном (II) комплексах найдены тонкие пазовые ору-

*По данным на 22.10.2021 г.

дия, отсутствующие за пределами этой территории, в то время как обломки узких массивных пазовых орудий отмечены в центральном (III) и юго-западном (II) комплексах. Только в центральном (III) и северном (IV) комплексах найдены орудия на крупных пластинах с чешуйчатой ретушью по конвергентным краям и рабочей ретушью на широком плоском дистальном конце (см. рис. 3, *4*; 5, *5*).

Центральный (III) и восточный (V) комплексы, кроме каменных обкладок, объединяет наличие сегментов крупных трехгранных пластин, полученных с нуклеусов, до сих пор неизвестных в палеолите Среднего Енисея. Только в восточном (V) комплексе найдены пластины с пологой ровной краевой ретушью, отсутствующие за его пределами. Единственная подобная пластина найдена в 10 м ниже по склону (рис. 5, *6*) и, вероятно, относится к тому же комплексу. В северном комплексе (IV) найдены крупные резцы на массивных сколах, неизвестные за его пределами. В пункте I (раскоп 2) есть мелкие долотовидные орудия, найденные в единичных экземплярах и в юго-западном комплексе (II). На остальной территории пункта II визуальные следы характерных забитостей отмечены только на нестандартных крупных каменных предметах.

Выводы

Принадлежность стоянки к кокоревской археологической культуре Среднего Енисея обоснована материалами раскопок 2020 г. [Акимова, Новосельцева, Стасюк, 2021]. Новые данные этому не противоречат. В то же время, так как раскопки не завершены, могут появиться новые материалы, которые позволят внести коррективы в предложенную интерпретацию памятника. Учитывая тот факт, что каждый в той или иной степени локализованный участок имеет свои индивидуальные черты, проявляющиеся, в частности, в типологических особенностях отдельных категорий изделий, в их сочетании между собой, наличию или отсутствию определенных форм, представляется перспективным вернуться к рассмотрению вопроса о вариативности кокоревской культуры, зависимости облика конкретного комплекса от сезона, функциональной направленности, а также иных обстоятельств, порой недоступных расшифровке современными методами исследований.

Важно учесть, что в условиях ограниченной площади невозможно четко провести границы между зонами бытования отдельных человеческих коллективов, всегда реальна возможность переноса/разброса/смыва/потери и т.д. разновременных предметов и их дальнейшей фиксации на «чужой» территории.

На сегодняшний день трудно говорить и о временном соотношении отдельных комплексов. Вероятно, та часть памятника, которая была изучена в 2020–2021 гг., представляет собой совокупность сезонных поселений, существовавших в определенный, относительно короткий период времени в финале плейстоцена.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0009.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука. – 1979. – 200 с.

Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Чеха В.П., Лаухин С.А., Кольцова В.Г., Орлова Л.А., Санько А.Ф., Шпакова Е.А. Палеолит Енисея. Лиственка. – Красноярск; Новосибирск: Универс–Наука, 2005. – 180 с.

Акимова Е.В., Новосельцева В.М., Стасюк И.В. Кокоревские стоянки Афонтовой горы // Записки ИИМК. – № 24. – Санкт-Петербург: ИИМК. – 2021. – С. 104–119. doi:10.31600/2310-6557-2021-24-104-119.

Новосельцева В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Орешников И.А., Ключников Т.А. Раскопки позднепалеолитической стоянки Афонтова гора IV (Овражная) в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2020. – Т. XXVI. – С. 181–188. doi:10.17746/2658-6193.2020.26.181-188.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseya. Kokorevskaya kultura. Novosibirsk: Nauka, 1979, 200 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Drozdov N.I., Chekha V.P., Laukhin S.A., Kol'tsova V.G., Sanko A.F., Shpakova E.A. Paleolit Eniseya. Listvenka. Krasnoyarsk; Novosibirsk, 2005, 180 p. (In Russ.).

Akimova E.V., Novosel'tseva V.M., Stasyuk I.V. Kokorevo culture sites of Afontova Gora. *Transactions of the Institute for History of material culture RAS.* St. Petersburg, 2021, no 24. P. 104–119. (In Russ.).

Novosel'tseva V.M., Akimova E.V., Stasyuk I.V., Oreshnikov I.A., Klyuchnikov T.A. The Excavations of Afontova Gora IV (Ovrazhnaia) in Krasnoyarsk, 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 181–188. (In Russ.).

Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026
Барков А.В. https://orcid.org/0000-0002-3303-5635
Разгильдеева И.И. https://orcid.org/0000-0002-1409-3207
Стасюк И.В. https://orcid.org/0000-0002-3054-8515

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0878-0887
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов✉, А.А. Тимощенко, А.С. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия)

В 2021 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на комплексе могильников «Скальная» (Аскизский р-н Республики Хакасия). Согласно техническому заданию по проекту о сохранности объектов археологического наследия при строительстве второго пути на перегоне Камышта – Уйтак Красноярской железной дороги были исследованы 3 кургана. Вскрыто до материковых отложений 4296 м^2 площади, из 7 захоронений (могильных ям) получено более 100 индивидуальных находок (изделия из бронзы, железа, глины, гипса и из органических материалов). Все коллективные захоронения людей совершены внутри каменных оград под каменными и деревянными перекрытиями, в грунтовых могильных ямах с деревянными срубами. Предметы из склепов и характерные особенности погребального обряда позволяют датировать захоронения подгорновским (Скальная 7), сарагашенским (Скальная 6) и «тесинским этапом» (Скальная 5). Одиночный курган Скальная 5 является элитным комплексом. Об этом свидетельствует мощная наземная и внутримогильная конструкция, глиняно-гипсовые посмертные маски, сохранившийся погребальный инвентарь. Несмотря на сильное ограбление, могила очень ценна тем, что в склепе сохранились все детали двухъярусного погребального ложа: доски, стойки, опорные бревна и следы их крепления. Взятые на анализ образцы древесины из обгоревших погребальных конструкций исследованных в 2021 г. Курганов, в сравнении с другими полученными материалами, позволяют установить четкие хронологические границы существования памятников. Очень важным объектом изучения являются использованные в оградах тагарских курганов плиты с разнообразными выбивками (человекообразные фигуры, животные, сцены охоты и т.п.).

Ключевые слова: *Хакасия, Аскизский район, спасательные археологические раскопки, погребальный обряд, тагарская культура, тесинский этап, посмертные маски.*

E.S. Bogdanov✉, A.A. Timoshchenko, A.S. Ivanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Archaeological Excavations at the "Skalnaya" burial grounds in 2021 (The Republic of Khakassia)

In 2021, an excavation team from the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS carried out rescue archaeological works at the "Skalnaya" burial complex (Askiz district of the Republic of Khakassia) as a part of the Preservation project of the archaeological heritage objects during the construction of the second railway line at the Kamyshta – Uytag section of the Krasnoyarsk railway. According to the project requirements, 3 burial mounds were examined; 4296 sq. m. were excavated to terrestrial deposits; 7 burials (grave pits) yielded more than 100 individual finds (items made of bronze, iron, clay, gypsum and organic materials). All collective human burials in earthen grave pits with wooden log cabins were constructed inside stone fences under overhead stone and wooden coverings. Objects from the crypts and the diagnostic features of the funeral rite allow these burials to be dated to the Podgornovskiy (Skalnaya 7) Saragashenskiy (Skalnaya 6) and "Tesinskiy" stages (Skalnaya 5). Single kurgan Skalnaya 5 is an elite complex. This is evidenced by a massive aboveground and intra-grave structures, clay-plaster death masks, and preserved grave goods. Despite the serious robbery, the burial is very valuable because of all the details of two-levelled burial bed (boards, posts, support beams and traces of their attachment) preserved in the crypt. Burnt wood from the burial structures of the mound

was analyzed in 2021. Comparison with the other materials obtained enabled us to establish clear chronological frame for mentioned in this article sites. Fence slabs of the Tagar kurgans with various embossed decorations (humanoid figures, animals, hunting scenes, etc.) are very important objects of study.

Keywords: *Khakassia, Askizsky district, rescue archaeological excavations, burial rite, Tagar culture, Tesinsky stage, death masks.*

Введение

В июне – сентябре 2021 г. отрядом Аскизской экспедиции ИАЭТ СО РАН в рамках выполнения спасательных работ по проекту о сохранности объектов археологического наследия при строительстве второго пути на перегоне Камышта – Уйтак Красноярской железной дороги были исследованы 3 кургана. Участки изысканий расположены в 0,1–1 км от остановочной ж/д платформы «Скальная» (рис. 1), на слабохолмистом ландшафте левобережной долины р. Абакан. Этот археологический микрорайон на окраине лесостепной части Хакасско-Минусинской котловины известен уже несколько сотен лет, начиная с упоминаний в дневниках немецких путешественников эпохи Петра I, заканчивая точечными разведками, предпринятыми экспедициями ИАЭТ в 2019 г. [Басова и др., 2019, с. 764–765; Богданов и др., 2020, с. 863]. Высокая концентрация погребально-поминальных комплексов от афанасьевской эпохи до Средневековья, включая крупные курганные группы тагарской культуры, обусловлена не только благоприятными природными факторами (наличие воды и хороших пастбищ), но и транзитным характером этого микрорайона. На протяжении тысячелетий именно через эту территорию проходили торгово-миграционные пути из Тувы, Алтая, Казахстана и обратно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на огромном могильном поле к северо-западу от г. Уйтаг возвышаются плиты как «рядовых» тагарских курганов, так и элитных комплексов. В этом смысле исследования в 2021 г.

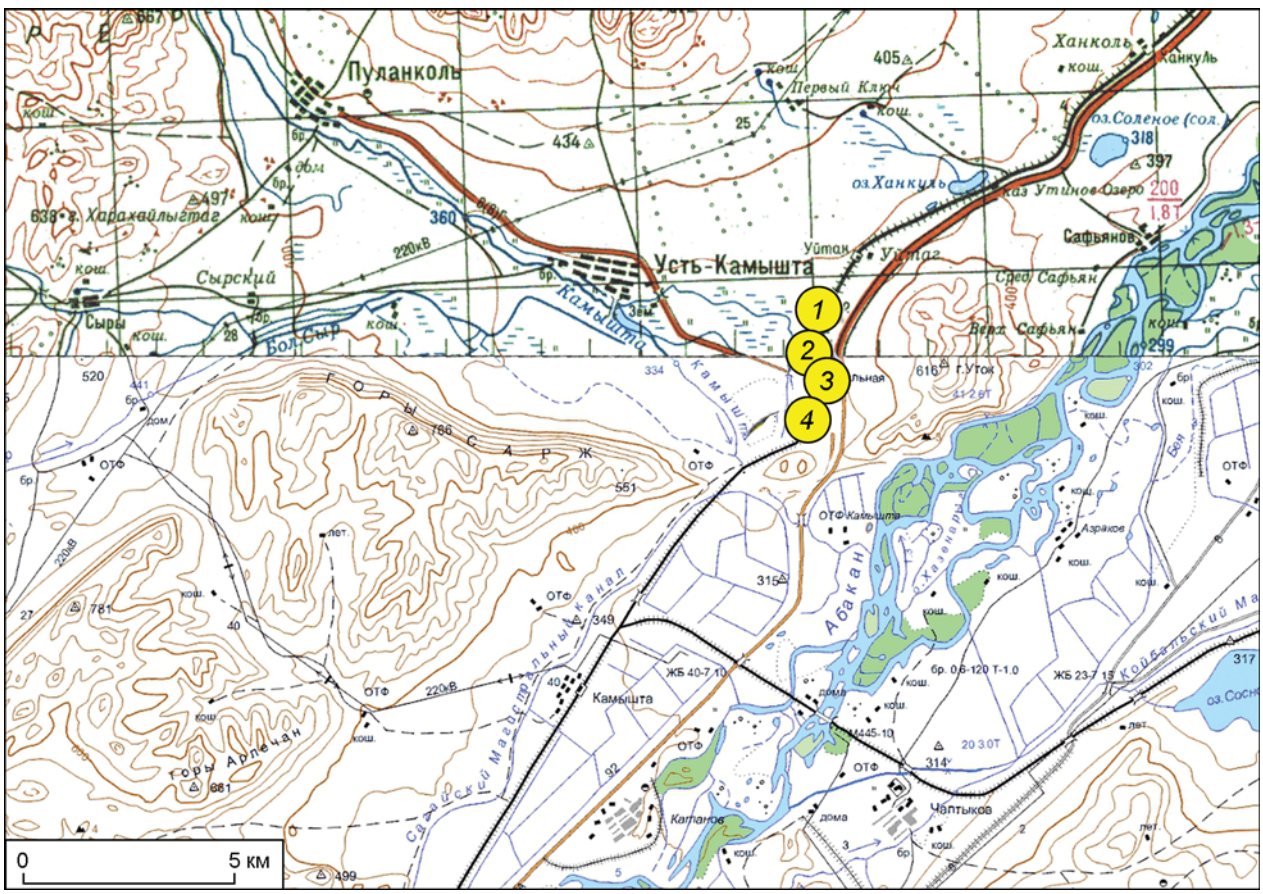

Рис. 1. Месторасположение курганных могильников, исследованных в 2021 году, около остановочной платформы «Скальная».

1 – курганный могильник Скальная 7; *2* – курганный могильник Скальная 6; *3* – одиночный курган Скальная 5; *4* – курганы № 4–6 могильника Уйтаг-3.

представляются исключительно важными, как в охранно-спасательном, так и в культурно-историческом контексте. Были изучены объекты в широком хронологическом (VII в. до н.э. – рубеж эр) и культурном (от подгорновского до «тесинского этапа») диапазоне. Причем, несмотря на известную «стандартность» тагарских курганов, исследованные памятники оказались довольно своеобразны как в плане конструктивных элементов, так и в плане погребальных особенностей. Почти все захоронения были потревожены или ограблены в древности, что наложило отпечаток не только на сохранность наземных и внутримогильных сооружений, но и на состав погребального инвентаря. Поэтому в статье изложены не только факты, полученные в ходе раскопок, но и высказаны некоторые предположения, касающиеся вопросов хронологии и культурной атрибуции памятников.

Результаты исследований

Все изученные в 2021 г. объекты около остановочной платформы «Скальная» представляют собой земляные курганы, в основе которых находятся ограды из плит девонского песчаника. Приемы строительства, организация внутреннего и внешнего пространства в погребальных комплексах соответствуют разработанной в литературе типологии этапного развития тагарской культуры [Грязнов, 1968, с. 187–195; Вадецкая, 1986, с. 77–78], даже с учетом признания «нелинейного» (неэволюционного) характера ее существования.

Так, у кургана № 1 могильника Скальная 7 размеры ограды составляли 7,5 × 8 м, по центру была размещена одна могильная яма для двух погребенных. Высота стенок ограды (плит) над древней поверхностью составляла от 0,5 до 1 м. Они были врыты внахлест в «материковую» поверхность всего на глубину до 0,3 м. Угловые камни (2 шт.) сохранились только в восточной стенке ограды, промежуточные (простеночные) камни отсутствовали. Проход шириной 2,1 м внутрь ограды был оставлен в восточной стенке сооружения. Могильная яма была перекрыта каменной конструкцией из мелкого плитняка, по центру которой отчетливо читались следы грабительского проникновения. В могильном выбросе, у стен ограды был найден бронзовый нож, по форме характерный для раннего этапа существования тагарской культуры. Следы внутримогильной деревянной конструкции (сруба и перекрытия) сохранились в виде древесного тлена. *In situ* на дне могилы лежали только кости руки взрослого человека и погребальный инвентарь из двух керамических сосудов. Часть остальных костей погребенных найдена в заполнении грабительского шурфа. По косвенным признакам можно утверждать, что два погребенных человека были ориентированы головой на запад (с небольшим отклонением). В ногах лежали остатки заупокойной пищи: кости коровы и овцы.

Курган № 1 могильника Скальная 6 представлял собой классический образец сарагашенского погребального комплекса. Земляное возвышение кургана (высотой до 2,8 м) было сформировано из «вальков» дерна и красного суглинка внутри каменной ограды, вплоть до верхней кромки плит. Каменная ограда (размеры 38,3 × 33,3 м) элитного комплекса была сделана очень тщательно: все плиты подобраны по размеру и вкопаны внахлест в узкие траншеи так, чтобы верхняя кромка шла одной ровной линией. Высота стенок ограды (плит) над древней поверхностью составляла ок. 1 м. По углам и по центру сторон сооружения (через равные промежутки) были установлены крупные плиты со скошенным верхом – простеночные камни, высотой 1,6–2 м, образуя так называемый «десятикаменный курган». С внешней стороны все плиты ограды подперты крупными контрфорсами (вкопанными ребром плитами) (рис. 2). Их основательный характер установки и размеры свидетельствуют о том, что древние строители учитывали давление большой массы земли из центра кургана. В южной части ограда кургана двойная, образует своеобразный отсек шириной 2,2 м (перестройка ограды была сделана при возведении южного склепа). Проход шириной 2,7 м внутрь ограды был оставлен в восточной стенке сооружения между двумя простеночными камнями.

В 14 случаях на камнях ограды, с ее внешней стороны, зафиксированы выбивки – петроглифы тагарской эпохи, а в одном случае (простеночный камень) – это изваяние окуневской эпохи с сильно выветренным изображением личины на широкой внешней стороне. Характер выбивки на плитах ограды и их конфигурация подразумевает, что изначально некоторые из них стояли вертикально в составе других, более древних объектов. В основном петроглифы представлены сценами охоты и «человечками» тагарской эпохи. Последние выполнены в основном небрежно, поверхностной точечной выбивкой. Это схематичные фигуры, изображенные без одежды, с обозначенным признаком мужского пола, с П-образными руками и ногами. Вопросы о точном возрасте и их атрибуции, вследствие отсутствия каких-либо датирующих признаков, остаются открытыми. Сцены и скопления выбивок зафиксированы в основном на камнях стен ЮЗ угла ограды.

Внутри ограды было обнаружено три надмогильных сооружения. Никаких следов помина

Рис. 2. Могильник Скальная 6, курган 1. Вид на ЮЗ угол ограды в процессе раскопок.

и впускных захоронений не выявлено. Погребение № 1 (центральное) и погребение № 2 (южное) представлены деревянными конструкциями, погребение № 3 (восточный сектор) сделано в каменном ящике. Плиты каменного ящика торчали на 20 см от уровня древней дневной поверхности. В восточной части ящик, ориентированный стенками по линии З – В, был перекрыт каменной плитой. На глубине 0,3 м у восточной стенки ящика было обнаружено погребение «А» – мужчины 40–50 лет (скопление костей в сложенном виде) (здесь и далее определения сотр. ИИМК РАН Лазаретовой Н.И.). Характер залегания свидетельствует о том, что они были помещены в каком-то мешке (емкости?), некоторые кости были в сочленении. Под скоплением расчищено погребение «Б» – юноши около 18 лет, кости скелета также в сложенном состоянии. Часть мелких костей ног и рук отсутствует. На дне каменного ящика, на глубине 0,75 м, обнаружено детское захоронение («В»). Ребенок был уложен вытянуто на спину, головой на запад. Часть костей ног и рук отсутствует, возможно, в связи с деятельностью грызунов. В районе тазовой кости лежала бронзовая полушарная бляшка с пуансонным орнаментом по краю и отверстием по центру. В углах ящика, по обе стороны от черепа, стояли два керамических сосуда. Правый представлен нижней частью горшка, левый – целый сосуд горшковидной формы, без орнамента. У правой ноги уложены кости овцы (заупокойная пища).

Основные внутримогильные конструкции в кургане однотипны, и погребальный обряд, по всей видимости, проходил по одному сценарию. Единственное отличие – это присутствие у центрального погребения (№ 1) с запада наземного входа в сруб, оформленного в виде двух стен из уложенных друг на друга плит. По краям прохода (вдоль стен) стояли по два опорных столба диаметром 0,2 м. По сути, это был коридор сквозь насыпь кургана в погребальный склеп, а вниз вели две ступени из уложенных параллельно друг другу деревянных плах. Изначально потолок коридора смыкался с верхними накатами бревен над могильной ямой. Вся надмогильная конструкция была выведена по уровню (концы бревен либо подкопаны, либо, наоборот, под них подложены плиты). Могильные ямы, размерами 5 × 6 м, перекрывались лиственничными бревнами в два наката (З – В и С – Ю). В погребении № 1 концы опорных балок были уложены в специальные ниши по краям ямы. От деревянных перекрытий сохранились лишь концы бревен на краях могильных ям. Остальная часть в результате погребального ритуала и вторичных проникновений в склеп (грабительских и/или риту-

альных) частично сгорела и обрушилась. Высокой температуре горения способствовали уложенные на перекрытия слои бересты, которые на определенном этапе проведения погребального ритуала были подожжены. Конструкция еще горела, когда сверху на перекрытие укладывались куски дерна для возведения насыпи. То есть сама процедура не предусматривала сжигания всего дотла, а имела лишь символическое значение.

В каждую могильную яму было совершено по меньшей мере по три поздних проникновения. Самые ранние были произведены через входы, в результате которых все кости погребенных были смещены, часть из них изъята, возможно, еще какие-то части умерших людей была подхоронены. После этого деревянные конструкции были подожжены снизу, и впоследствии перекрытия обрушились. Через достаточно продолжительное время в обе могильных ямы были совершены грабительские проникновения, и разрушению была подвергнута практически вся внутренняя часть склепов. Поэтому в ходе наших раскопок удалось зафиксировать лишь отдельные кости людей *in situ* и некоторые детали внутримогильных конструкций. Погребальные камеры с деревянным полом, по внутреннему периметру вдоль стен ямы обставлены вертикально стоящими бревнами, так называемым тыном или частоколом, служившим дополнительной опорой для перекрытия. Интересной деталью погребения № 1 являлись обнаруженные на полу два постамента (ряда) из каменных плит, вдоль северной и южной стенки. Каменные плитки были уложены в два яруса и имели два функциональных значения: они были опорой для деревянных плах пола, образовывая просвет между ним и дном могилы, и также они не давали частоколу бревен вдоль стен ямы завалиться внутрь. По косвенным признакам можно утверждать, что в каждой могиле (в двухвенцовых срубах) было захоронено 6–10 человек, скорее всего, головой на запад. В погребении № 1 обнаружены фрагменты как минимум от двух крупных керамических сосудов баночной формы, бронзовый вотивный нож с кольцевидным навершием, бронзовые пронизки и мелкие подвески-колокольчики, украшавшие одежду. О статусности погребенных свидетельствует лишь найденная в грабительском выкиде золотая обкладка диадемы. Несмотря на «тщательность» ограбления, по счастливой случайности не были замечены в ЮВ углу погребения два прекрасных бронзовых навершия с полыми фигурками лосей «на цыпочках» (рис. 3). Они лежали по обе стороны от фрагментированной затылочной части черепа человека, вдавленной в плахи пола. Рядом с украшениями, лицевой стороной вверх, располагались параллельно друг другу по две полушарных бляшки. Под левым навершием лежала в сильно фрагментированном виде бронзовая диадема – дугообразной формы полоска металла с закругленными концами. В районе местоположения ребер этого же погребенного, у южной стенки сруба, были найдены бронзовые пронизки и мелкие бронзовые подвески-колокольчики. В ногах было зачищено непотревоженное скопление костей овцы и коровы: кости ног, лопатки в сочленении. Около костей человека и животных (в районе грабительского шурфа) найдены фрагменты двух мелких сосудов с поддонами (курильниц?). Также в разных частях сруба среди разрозненных костей человеческих индивидов были найдены мелкие белые пастовые бусины, бронзовые трубочки-пронизки, подвески-колокольчики и фрагменты как минимум от двух керамических крупных баночных сосудов.

Рис. 3. Бронзовое навершие. Курганный могильник Скальная 6, курган 1, погребение 2.

Большинство исследователей подобные элитные комплексы относят к заключительной фазе сарагашенского этапа (лепешкинскому), опираясь на архитектурные особенности: массивность камней ограды, монументальность насыпи, тын внутри сруба, появление входа-лаза и т.д. [Вадецкая, 1986, с. 81; Кузьмин, 2011, с. 31–33]. А.Г. Аку-

лов и Е.Д. Паульс относят такие «десятикаменные курганы» к финальному этапу «ступени С, фазы С1 (тигейская)» [Акулов, Паульс, 2008, с. 7]. Отсутствие узко датирующих предметов не позволяет нам установить точные хронологические рамки существования исследованного комплекса, опираясь только на сравнительно-типологический анализ погребального инвентаря. По мнению Э.Б. Вадецкой «аристократическими могилами для Минусинских степей можно считать и те, где найдены бронзовые навершия» [Вадецкая, 1975, с. 175]. Но сами эти предметы также не являются хронологическими маркерами, поскольку использовались достаточно длительное время. У исследователей нет единого мнения о назначении этих наверший. Они могли быть наконечниками боевых значков, булав, шестов, поддерживающих палатку вождя, быть надетыми на верхние концы четырех стоек погребальных лож-кроватей или просто стоять в усыпальнице на деревянной крышке, покрывающей глиняный горшок [Вадецкая, 1975, с. 172–174]. Их внешний вид, технология изготовления и стилистические отличия изображений животных могут свидетельствовать лишь об определенной художественной школе, но не позволяют строить какую-либо четкую типологию, привязанную к узким датам. В целом, предварительно, на основании всех имеющихся фактов можно датировать курган № 1 могильника Скальная 6 в пределах V в. до н.э.

Одиночный курган Скальная 5 выделялся еще до раскопок своей монументальностью: высокая (3 м) насыпь и частокол из 2-3 метровых вертикально поставленных по периметру ограды плит. В ходе исследования выяснилось, что изначально в сарагашенское время была сооружена мощная ограда (размеры: 19,5 × 20,5 м) из плит. Их высота составляла ок. 1,3 м от древней поверхности. С востока был оставлен проход в ограду, оформленный коридором из вертикально поставленных плит с конечными угловыми стелами. После окончания погребального ритуала проход был закрыт стеной из уложенного горизонтально в несколько ярусов плитняка.

По центру стен ограды были установлены по два простеночных камня со скошенным верхом, образуя т.н. «двенадцатикаменный курган». Изначальные угловые камни сохранились только в обломанном виде. «Тело» кургана было сформировано из вальков дерна и суглинка вплоть до верхней кромки камней. Все плиты подобраны так, чтобы верхний край шел одной ровной линией. Контрфорсы у стен ограды были установлены выборочно, т.к. бóльшая часть плит устанавливалась в узкие траншеи более чем на 1 м в глубину и угрозы заваливания не возникало. В связи с этим можно проследить всю технологию строительства. Сначала вкапывались угловые камни. От них в обе стороны навстречу друг другу устанавливались плиты ограды. Оставшийся просвет закрывался дополнительной плитой. Особенно тщательно сделаны восточная и южная стены ограды.

Практически на всех камнях зафиксированы выбивки эпохи бронзы и раннего железного века. Данный факт свидетельствует о том, что многие плиты были переиспользованы и взяты с оград более ранних комплексов.

В тесинское время в центральную часть кургана был впущен погребальный склеп, уничтоживший полностью первоначальное захоронение. Дополнительно были вкопаны (только в насыпь, не глубже) вертикально еще 20 плит вдоль стен ограды и вставлены высокие угловые камни. Еще две огромные плиты были установлены (одна найдена в поваленном состоянии) параллельно западной стене ограды, в 1 м к западу от нее. Возможно, именно с этим этапом строительства связана находка у ЮВ углового камня стоящего керамического сосуда с обломанным венчиком, «закрытого» сверху каменной плиткой. Фрагменты еще одного подобного сосуда найдены у СВ углового камня, при снятии грунта.

Чтобы «поднять» выше насыпь кургана, древние строители соорудили по периметру поверх торцов плит изначальной ограды стену из горизонтально уложенного плитняка (рис. 4) в 6–8 ярусов, засыпав образованное внутреннее пространство землей*.

Около стоящей крупной стелы у западной стенки ограды зафиксирована плотная забутовка камнями. Под ней обнаружены два впускных захоронения (погребения № 2 и № 3). В первом случае, это безинвентарное потревоженное захоронение подростка на правом боку головой на север, с чуть согнутыми ногами. Во втором – сразу под камнями забутовки был обнаружен каменный ящик, на дне которого лежали ребро, берцовая и локтевая кости подростка. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Сооруженный по центру ограды погребальный склеп был поистине грандиозных размеров. 11-венцовый сруб с соединением «в обло» был сначала оснащен по линии З – В мощными опорными балками, на которые в два наката были уложены более мелкие бревна. С западной стороны

*Уже в советское время при строительстве ж/д бульдозером был изменен внешний вид кургана: была снесена верхняя часть стен из уложенных плит в западном секторе кургана, убрана земля с околокурганного пространства, сломаны угловые камни, а при сооружении обводного канала земля из него насыпана сверху на курган.

Рис. 4. Могильник Скальная 5. Фрагмент стены ограды. Вид с северо-востока.

Рис. 5. Могильник Скальная 5. Остатки полатей в ЮЗ углу сруба. Вид с северо-востока.

(под потолок) был сделан вход-лаз со ступенями из параллельно уложенных плах, ведущими вниз. На дно склепа были поставлены два опорных столба для поддержки перекрытия над входом. Некоторые бревна сруба имели следы переиспользования (возможно, в жилых постройках): проушины для переноски, пазы, различные выемки и тесы, а также следы внешнего легкого обгорания. С внутренней стороны в бревнах были сделаны специальные пазы для закрепления полатей, расположенных вдоль северной и южной стен, и для конструкции вдоль восточной стены. Полати были представлены широкими досками, соединенными между собой шиповыми соединениями (рис. 5). На них и под ними укладывались останки умерших людей. Конструкция вдоль восточной стенки была представлена своеобразной «полкой» из 4 бревен, вставленных в пазы параллельно друг другу, с подпорками-столбами по центру. Это сооружение находилось на 20 см выше полатей. Возможно, на

них была сложена (или подвешена?) погребальная утварь, и вся конструкция представляла собой «хозяйственный отсек». Пол в склепе был сделан из плотно уложенных рядом друг с другом по линии З – В нетесаных бревнышек.

Очевидно, что усыпальницу использовали достаточно продолжительное время: через вход затаскивали новых умерших или их отдельные части, убирая в сторону ранее похороненных. Точную реконструкцию внутреннего убранства сруба и некоторые аспекты погребального обряда установить невозможно. В определенный момент (в ритуальных целях? ограбление?) люди проникли через вход, стащили всех умерших с полатей в центр камеры и после этого подожгли склеп изнутри (фиксируется несколько очагов возгорания). Возможно, из-за заваленного входа и нехватки кислорода огонь долгое время находился в тлеющем состоянии и полного выгорания сруба не произошло. Через несколько столетий, уже ближе к нашему времени, в склеп было совершено два грабительских проникновения, после которых перекрытие сруба обрушилось, поломав внутреннее убранство склепа. Грабители сильно повредили всю центральную часть погребальной камеры, бóльшая часть человеческих костей оказалась во фрагментированном состоянии, на разной глубине заполнения могилы. *In situ* зафиксирована ситуация только по углам сруба. Именно по находкам в этих местах можно частично реконструировать погребальный обряд, возможно видоизменявшийся в ходе функционирования усыпальницы. Так, зафиксированы кости целых скелетов (потревоженных и сдвинутых к стенам), парциальные останки (в основном, это фрагменты позвоночного столба с черепом или части грудной клетки, иногда кости ног в сочленении). Одно крупное скопление пережженных костей людей и животных с кусками прокаленного грунта (сожжение на стороне) обнаружено на полу, у восточной стены сруба, прямо напротив входа, ближе к центру. Практически все (не затронутые грабителями) человеческие индивиды были с масками. В одних случаях, это глина, нанесенная на лицо умершего человека, покрытая сверху тонким слоем раскрашенного гипса. Это, по сути, посмертная маска, повторяющая облик умершего. В других – глина накладывалась на трепанированный в височной части череп, гипсовое покрытие имело также красную раскраску. Но это уже был восстановленный облик человека, исходя из навыков и представлений мастера. И третий – когда из глины моделировалась голова человека, а деревянные палочки имитировали кости рук и ног. Это, по сути, куклы. Большая часть этих прекрасных глиняно-гипсовых изделий была разрушена в ходе функционирования склепа и его последующих ограблений, ведущих к обрушению деревянных конструкций*. Однако уже сейчас можно сказать, что представлены «лица» и монголоидного облика, и европеоидного. Погребальный инвентарь представлен стандартными изделиями вотивных форм (бронзовые зеркала-диски, ножи), обломками железных ножей, деталями поясной гарнитуры (кольца, пряжки), ложечковидными подвесками, украшениями одежды в виде пастовых бусин и бронзовых пронизок. Отдельно стоит отметить сломанный при ограблении медный котел на поддоне без ручек, сохранившуюся мелкую деревянную посуду и обилие обрывков золотой фольги, которая изначально украшала гипсовые маски (возможно, драпировка стен) и плакировала деревянные палочки. Глиняная посуда представлена в основном фрагментами баночных сосудов простых форм без орнамента.

Датировка погребального комплекса тесинским временем не вызывает сомнения. По конструктивным особенностям надмогильного сооружения одиночный курган Скальная 5 ближе всего к исследованному российско-германской экспедицией кургану Барсучий лог [Parzinger et al., 2010]. Полати, которые автор раскопок П.Г. Павлов называет «настилом», «отделяющим верхних покойников от нижних» обнаружены в кургане «Лисий» у д. Сабинка [Павлов, 1987, с. 110]. Гораздо чаще встречаются упрощенные варианты полатей из уложенных рядом друг с другом бревен (например, Тепсей III, склеп 2 [Вадецкая, 1999, табл. 100, 101]). Особенности конструкции погребального сооружения и погребального обряда, наличие погребальных масок трех типов и одного сожжения на стороне в одном склепе, сочетание бронзовых предметов и железных, берестяные туески с характерным орнаментом и определенные одноцветные бусины – все это позволяет нам предварительно датировать центральное захоронение в кургане Скальная 5 в пределах II–I вв. до н.э.

Заключение

Несмотря на свою «однотипность» и «стандартность» в контексте ранее изученных комплексов этой части Хакасско-Минусинской котловины, уже сейчас можно обозначить несколько важных аспектов, позволяющих внести важный вклад в тагарскую археологию.

*Однако благодаря кропотливой зачистке в склепе, снятию монолитом, и после реставрационных мероприятий можно надеяться, что несколько масок станут доступны в музейном формате.

1. Конструктивные особенности склепов и детали погребального обряда. Несмотря на 300-летнюю историю изучения тагарских курганов, исследованные элитные комплексы можно буквально пересчитать по пальцам. Из самых значительных – это Салбыкский курган [Марсадолов, 2010], Большой Полтаковский курган [Курочкин, 1993] и Барсучий лог [Parzinger et al., 2010]. Однако информации о погребальном обряде сравнительно немного, учитывая ничтожно малое количество находок, а также тот факт, что комплексы были тотально ограблены. В случае с курганами «Скальной» объем полученной информации позволяет существенно расширить наши представления.

2. Культурно-хронологический аспект. До сих пор в поле дискуссий находится интерпретация поздних памятников. Тесинский этап тагарской культуры? Тагаро-таштыкский переходный период? Тесинская культура? Отчасти неясность механизма формирования и смены культур проистекает от того, что слабо разработанными остаются темы, связанные с причинами продолжительного существования тагарских культурных традиций, несмотря на мощные миграционные процессы. Поэтому довольно часто возникают попытки пересмотреть «классические» периодизации, разработанные С.А. Теплоуховым и М.П. Грязновым, С.В. Кисилевым. Например, Э.Б. Вадецкая выдвинула идею о том, что тесинские курганы-склепы, «инокультурные» грунтовые могильники, таштыкские грунтовые могилы могли сооружаться одновременно в первые века нашей эры [Вадецкая, 1999, с. 66–68, 147–148, 164–166]. Н.Ю. Кузьмин доказывает существование целостной тесинской культуры [Кузьмин, 2008, с. 86–87; 2011]. Возможно, ответы будут получены при анализе антропологической коллекции 2021 г. Особенно если учитывать наличие различных типов глиняно-гипсовых масок из кургана Скальная 5. Тема зарождения данной традиции в погребальном ритуале в этой части хакасско-минусинских степей очень важна опять же в контексте тагаро-таштыкской проблематики.

3. Петроглифы на стенах оград элитных курганов. Зафиксированы два «пласта». Один – это переиспользованные плиты из более ранних построек. Второй – это собственно тагарские выбивки: «человечки», животные, сцены охоты. Практически всегда мы их фиксируем с внешней стороны стен ограды. Имеет ли нанесение петроглифов на курганные камни семантическое значение, связанное с погребальным обрядом на конкретном объекте? Можно ли считать показ перевернутого или «лежащего» человека «мертвым» и рассматривать его как основного субъекта ритуала? Данная тема требует особого внимания и рассмотрения в дальнейших публикациях.

Таким образом, исследования 2021 г. курганов около остановочной платформы «Скальная» представляются исключительно важными для решения многих проблем тагарской археологии. Дальнейшее изучение материалов при помощи дендрохронологов, генетиков, антропологов позволит нам точнее обрисовать историческую ситуацию в этом районе Хакасско-Минусинской котловины на протяжении более 500 лет.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0004 (исполнитель – Е.С. Богданов) и № 0264-2021-0008 (исполнитель – А.А. Тимощенко).

Список литературы

Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. – Т. II. – Суздаль: ИА РАН, 2008. – С. 5–8.

Басова Н.В., Ломов П.К., Селецкий М.В., Половников И.С., Митько О.А. Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 761–765.

Богданов Е.С., Солод Ю.А., Захарова И.П., Выборнов А.В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 862–868.

Вадецкая Э.Б. Тагарские погребальные ложа // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 167–175.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Т. I. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – С. 187–196.

Кузьмин Н.Ю. Возможности корреляции радиоуглеродных и археологических дат для памятников скифского и гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 77–87.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на Юге Сибири (Большой Новосёловский и Большой Полтаковский курганы) // Археологические изыскания. – Вып. 7. – СПб., 1993. – 94 с.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. – Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2010. – 128 с.

Павлов П.Г. Преемственность тагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1987. – С. 109–112.

Parzinger H., Nagler A., Gotlib A. Der tagarzeitliche GroßeKurgan von Barsučij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004–2006 // Eurasia Antiqua. – 2010. – Bd. 16. – S. 169–282.

References

Akulov A.G., Paul's Ye.D. K izucheniyu tagarskoy kurgannoy arkhitektury In *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda*. T. II. Suzdal': IA RAS Publ., 2008. P. 5–8. (In Russ.).

Basova N.V., Lomov P.K., Seletskiy M.V., Polovnikov I.S., Mit'ko O.A. Results of Field Survey in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. 25. P. 761–765. (In Russ.).

Bogdanov Ye.S., Solod Yu.A., Zakharova I.P., Vybornov A.V. Study of kurgan burial station Kazanovskaya-1 in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 862–868. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura. In: Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremon do nashikh dney. Lenigrad, 1968. Vol. I: Drevnyaya Sibur'. P. 187–196. (In Russ.).

Kurochkin G.N. Bogatyye kurgany skifskoy znati na Yuge Sibiri (Bol'shoy Novosolovskiy i Bol'shoy Poltakovskiy kurgany). In *Arkheologicheskiye izyskaniya*. St. Peterburg, 1993. Vol. 7, 94 p. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Prospects for Correlating Radiocarbon and Archaeological Chronologies of the Scythian and Hunno- Sarmatian Age Burials in the Sayan-Altai Region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, 3 (35). P. 77–87. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nyye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Yeniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Peterburg, 2011, 456 p (In Russ.).

Marsadolov L.S. Bol'shoy Salbykskiy kurgan v Khakasii. Abakan: Khakasskoye knizhnoye Publ., 2010, 128 p. (In Russ.).

Pavlov P.G. Preyemstvennost' tagarskikh i tesinskikh pamyatnikov na yuge Khakasii. In *Istoricheskiye chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova*. Omsk. Omsk State Univ. Press., 1987. P. 109-112. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tagarskiye pogrebal'nyye lozha. In *Arkheologiya Severnoy i Tsentral'noy Azii*. Novosibirsk: Nauka, 1975. P. 167–175. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 180 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri. St. Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999, 440 p. (In Russ.).

Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0888-0894
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов✉, А.С. Иванова, А.А. Тимощенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Раскопки тагарских курганов в 2021 году на могильнике Уйтаг-3 (Республика Хакасия)

В 2021 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на могильнике Уйтаг-3 (Аскизский р-н Республики Хакасия). Согласно техническому заданию по проекту о сохранности объектов археологического наследия при строительстве второго пути на перегоне Камышта – Уйтак Красноярской железной дороги были исследованы 3 кургана. В центре ограды кургана № 4 располагались в ряд 5 погребальных склепов и к востоку от них – 3 детских захоронения в каменных ящиках. Наземные конструкции основных погребений представлены каменными и деревянными перекрытиями. Внутри могильных ям в деревянных срубах обнаружены коллективные погребения взрослых и детей. Все исследованные склепы выявили наличие нарушений целостности деревянных перекрытий. Имеющиеся факты дают нам возможность считать это частью погребального ритуала, то есть склепы могли функционировать достаточно продолжительное время. Положение костей и сохранность погребального инвентаря не позволяют говорить о действиях грабителей. Полученная коллекция предметов точно отражает исходный состав вещевого комплекса: керамическая посуда, бронзовые предметы вооружения, украшения. Конструктивные элементы и предметы позволяют предварительно датировать курган № 4 в пределах VI–IV вв. до н.э. В кургане № 6 было изучено ограбленное захоронение подгорновского времени и 8 сооружений (ярусных могил) тесинского времени. Форма ограды и найденные артефакты позволяют датировать центральное погребение в пределах VII–VI вв. до н.э. Ярусные захоронения с вещевыми комплексами датируются тесинским временем и оставлены населением, пришедшим на территорию Минусинской котловины из Тувы и Алтая.

Ключевые слова: *Хакасия, Аскизский район, спасательные археологические раскопки, погребальный обряд, тагарская культура, сарагашенское время, тесинское время.*

E.S. Bogdanov✉, A.S. Ivanova, A.A. Timoshchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

2021 Excavations of the Tagar Mounds at the Uytag -3 Burial Ground (The Republic of Khakassia)

In 2021, an excavation team from the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS carried out rescue excavations at the Uytag-3 burial ground (Askiz district of the Republic of Khakassia). Three burial mounds were examined according to technical requirements of the Preservation project of the archaeological heritage objects during the construction of the second railway line at the Kamyshta – Uytag section of the Krasnoyarsk railway. Five burial vaults in a row were located at the center of kurgan No. 4 fence and three children's graves in stone boxes were found to the east. The aboveground structures of the main burials are represented by stone and wood overhead covers. Collective burials of adults and children were found in wooden log constructions inside the grave pits. The overhead wooden covers of all examined vaults bear signs of the integrity violations. Known facts allow us to suggest that this was a part of a certain burial ritual, that is the vaults could be in use for a fairly long period of time. The bones position and the preservation of the grave goods do not allow us to suppose that mounds were robbed. The unearthed collection of artefacts reflects the original composition of the grave goods complex precisely: ceramic dishes, bronze weapons, jewelry. Based on the construction elements and finds a preliminarily date for mound No. 4 could fit within chronological diapason of the 6th–4th centuries BC. One robbed burial of the Podgornovo time and 8 structures (tiered graves) of the Tesinsky time were studied in mound No. 6. The fence

form and the assemblage allow the central burial to be dated to the 7th – 6th centuries BC. The tiered burials with burial goods complexes go back to the Tesinsky time and were left by the population arrived to the territory of the Minusinsk depression from Tuva and Altai.

Keywords: *Khakassia, Askizsky district, rescue archaeological excavations, burial rite, Tagar culture, Saragashensky period, Tesinsky stage.*

Введение

В июне – сентябре 2021 г. отрядом Аскизской экспедиции ИАЭТ СО РАН в рамках выполнения спасательных работ были проведены раскопки трех курганов «Курганного могильника Уйтаг-3». Этот памятник, как и курганы «Скальной» (см. статью Богданов Е.С., Тимощенко А.А., Иванова А.С. «Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия)» в этом сборнике), по сути, является частью одного огромного могильного поля, но при постановке на учет в органах охраны они фиксировались по отдельности. Следует отметить, что в данной зоне левобережной долины р. Абакан, где проектируется строительство второго ж/д пути, располагается значительное количество археологических памятников в широком хронологическом диапазоне. Курганный могильник Уйтаг-3 расположен по обе стороны от железнодорожного полотна, на степном участке, в 0,8 км к югу от остановочной ж/д платформы «Скальная» (рис. 1). Далее к юго-востоку расположены вершины г. Уйтаг, к югу – хребет Сарж, к западу – пойменные участки до границы хребта Сахсар. Могильник представляет собой группу из 6 однотипных объектов, вытянутую с юго-запада на северо-восток. Его площадь составляет – 37 908 м^2. Все ограды, у которых сохранились угловые и/или простеночные вертикальные стелы, прямоугольной формы. Формы курганов частично изменены вследствие распашки и естественных процессов выветривания. В данной статье рассмотрены результаты раскопок курганов № 4 и № 6. Материалы исследования кургана № 5 ввиду его исключительного характера вынесены в отдельную публикацию этим же авторским коллективом в данном сборнике.

Рис. 1. Могильник Уйтаг-3, курган № 4, сооружение № 2. Вид на погребальную камеру после зачистки верхнего уровня.

Результаты исследований

Курган № 4 располагался практически у откоса ж/д пути. Его основу составляет каменная ограда, сооруженная из вертикально вкопанных плит девонского песчаника. Она имеет в плане подпрямоугольную форму с ориентацией длинной стороной по линии СЗ – ЮВ. Размеры ограды 27 × 12 м. Высота стенок (плит) над древней поверхностью составляет от 0,2 до 0,7 м. В северной части ограды они были врыты встык в землю на глубину от 0,3 до 1 м, в южной – просто заклинены плитами и валунами практически на поверхности. Ограда кургана по большей части была сделана очень небрежно: зачастую плиты не подобраны по размеру: их верхний край идет неровной линией. Более основательный характер установки камней ограды в северном секторе и остатки 2 перегородок из вертикально установленных плит обусловлен этапностью перестройки ограды. Проход шириной 3,4 м внутрь ограды был оставлен между двумя простеночными камнями в восточной стенке сооружения. Стратиграфические наблюдения не позволяют нам с уверенностью говорить о строительстве земляной насыпи.

В ограде было сооружено 5 погребальных склепов в ряд (сооружения № 1–5) и 3 детских захоронения (№ 6–8) в каменных ящиках. Комплекс имел внутреннюю хронологию. Сначала была сделана ограда с двумя центральными могилами. Через некоторое время она была увеличена по площади с обустройством дополнительных погребений с юга и на заключительном этапе с севера. В остальном ситуация была достаточно «стандартной» для тагарской архитектуры. По углам ограды – более крупные плиты, высотой до 1,3 м. Стелы чуть меньших размеров («простеночные» камни) были установлены перпендикулярно основным линиям стен ограды, образуя т.н. «двенадцатикаменный курган». Могильные ямы ориентированы углами по сторонам света с небольшими отклонениями. Три центральных захоронения имели наземные сооружения из плитняка (наиболее мощное над основным). Под каменным панцирем располагались деревянные перекрытия – 2 наката из лиственничных бревен (следы бересты не зафиксированы). Показательно, что над основным погребением бревна укладывались в соответствии с ориентацией ограды, а в остальных случаях – перпендикулярно ей. Бревна, уложенные плотно друг к другу (не крест-накрест), опирались на края могильных ям. Могилы (размеры в пределах 3 × 3 м) неглубокие, 0,9–1,3 м, прямоугольных очертаний с вертикальными стенками. Внутримогильные конструкции представлены двухвенцовыми срубами. Особняком стоит погребальная конструкция над могилой № 5 (северной). Во-первых, она была выстроена из более мощных бревен. Во-вторых, имела вход-лаз в северной части, оформленный на уровне древней дневной поверхности двумя стенами (коридором) из уложенных друг на друга плит. Вход был «закрыт» уложенной поперек на уровне деревянного перекрытия крупной плитой. В-третьих, в отличие от других захоронений, внутримогильная конструкция была представлена основательным четырехвенцовым срубом с деревянным полом из плах (полубревен?). Данные факты, с учетом и коллекции погребального инвентаря, позволяют считать данное захоронение самым поздним в кургане.

Объединяет все исследованные склепы наличие одного или двух проникновений с нарушением целостности деревянного перекрытия (прорубы и последующее обрушение). Имеющиеся факты позволяют нам считать это частью погребального ритуала, результат которого мы фиксируем: рядом с нарушенными (и/или неполными) костяками лежат разрозненные кости других индивидов (рис. 1), иногда в сочленении, при полном сохранении комплектов погребального инвентаря (об истории вопроса и примеры см. [Кузьмин, 2011, с. 167–168]). То есть склепы могли функционировать достаточно продолжительное время. В итоге, в могильных ямах кургана № 4 обнаружены останки от 9 (сооружение № 3) до 52 (сооружение № 1) захороненных взрослых и детей. Ориентация первоначально уложенных погребенных была всегда головой на ЗСЗ, вытянуто на спине. Полученная коллекция предметов точно отражает исходный состав сопроводительного инвентаря. Глиняные сосуды баночных форм помещались в головах, по одному на погребенного человека. В редких случаях в ногах дополнительно размещался мелкий сосудик или курильница. Находки в мужских захоронениях – это ПНН или «линь», бронзовые чекан и нож (рис. 2) с зеркалом, украшения костюма в виде полусферических бронзовых бляшек и колоколовидных пронизок. Часто в районе голеностопа располагались так называемые «ножные браслеты», характерные для конца подгорновского и на сарагашенском этапах, которыми скреплялись голенища мужской обуви [Вадецкая, 1986, с. 91, табл. VII, *17*]. Женские «комплекты» – это нож, шило и зеркало, украшения в виде полушарных бляшек и пронизей. Реже – подвески из клыков диких животных или когтей птиц, аргиллитовые и сердоликовые бусины. Показательно наличие в одном склепе и полноразмерных предметов, и их вотивных форм или, например, чеканов и ножей архаичного облика в сочетании с более поздними формами. Из предметов искусства мож-

Рис. 2. Могильник Уйтаг-3, курган № 4. Погребальный инвентарь.
1, 2 – бронзовые чеканы; *3, 4* – ножи.

но отметить только бронзовое зеркало, у которого петля-кнопка оформлена миниатюрной фигуркой барана. Пастовые бусины и пронизи найдены только в могиле № 5. Хронологическим маркером также является полное отсутствие в склепах кургана золотой фольги и использование в качестве заупокойной пищи частей туш овцы и коровы, но по сравнению с более ранним временем (подгорновским) ее количество неизмеримо меньше. Интересной особенностью данного комплекса является наличие всего 2 плит с выбивками среди камней ограды. Возможно, тут сыграло роль отсутствие крупных плит и «невыразительность» самого наземного сооружения.

Таким образом, все полученные материалы позволяют нам предварительно датировать погребальные сооружения кургана № 4 в пределах VI–IV вв. до н.э.

История кургана № 6 могильника Уйтаг-3 по своему сценарию сходна с сооружением Скальной 5 (см. статью Богданов Е.С., Тимощенко А.А., Иванова А.С. «Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия)» в этом сборнике). В более раннюю ограду (размеры 18 × 14,5 м) дополнительно вставили высокие стелы (по углам) и простеночный камень в южную стенку. Только в данном случае это был «четырехкаменный» курган подгорновского времени (ЮЗ угловая плита отсутствует, ЮВ обломана у самого основания), расположенный в 0,5 км к ЮЗ от кургана № 4 этого же могильника. В 10 м от западной стенки ограды кургана сохранился выносной камень – остроконечная стела размерами: 2 × 1,4 × × 0,38 м. Проход шириной 3,3 м внутрь ограды был оставлен в восточной стенке сооружения, со смещением к северу (к СВ углу). Он обозначен только одной плитой, обломанной у основания (и упавшей в древности). Ограда элитного кургана была сделана очень небрежно. Большая часть камней (размеры 0,5/4 × 0,5/0,7, толщиной до 0,25 м) прямоугольных очертаний установлена встык и не подобрана по размеру: их верхний край идет неровной линией. Контрфорсы с внешней стороны ограды (вертикально вкопанные ребром плиты) отсутствуют, их замещают единичные крупные валуны, просто уложенные на древнюю поверхность.

Стратиграфическая ситуация и наблюдения за принципами сооружения каменных конструкций позволяют сделать вывод о внутренней истории кургана. На первом этапе выстроена ограда и по ее центру – насыпь (диаметр 7 м, высота 0,5 м) из мелкого плитняка над погребальной камерой. Через некоторое непродолжительное время было совершено проникновение в центральное погребение и обустройство нового захоронения в этой же могиле. Спустя несколько столетий была разобрана часть ограды и построено 8 погребальных сооружений в виде каменных ящиков в СЗ секторе кургана. На каком-то этапе существования комплекса, когда деревянное перекрытие центрального склепа еще было целым, произошло ограбление, в результате которого внутримогильная конструкция рухнула.

Рис. 3. Могильник Уйтаг-3, курган № 6. Сооружение № 1. ПНН.

Рис. 4. Могильник Уйтаг-3, курган № 6. Сооружение № 8. Керамическая плошка (светильня).

Рис. 5. Могильник Уйтаг-3, курган № 6. Сооружение № 4. Керамический сосуд.

Центральное сооружение (№ 1). Каменное сооружение над могилой имело вытянутую по линии запад – восток форму. В центре и в восточной части конструкции было зафиксировано две грабительских воронки – провалы, практически лишенные камней. В них обнаружены обломки человеческих костей и фрагменты керамики. Контуры могильной ямы (размеры 3,8 × 3,5 м) и остатки деревянного перекрытия (концы от обрушившихся 7 лиственничных бревен) зафиксированы на западном краю могильной ямы. Они были уложены с запада на восток, диаметр не превышал 0,5 м. Интересной деталью внутримогильной конструкции была облицовка по периметру могильной ямы каменными плитами, внутри которой была установлена деревянная рама из тесаных плах. В центре могилы (в месте проникновения в погребальную камеру) вертикально торчала плита, ориентированная по линии запад – восток. На уровне провалившихся остатков деревянного перекрытия (глубина 1,5 м), в ЮВ углу могилы зафиксировано скопление костей взрослого человека и подростка. По всей видимости, это изначально погребенные в кургане люди. Их кости, полностью еще не потерявшие связок, были в древности смещены в угол и частично выкинуты на поверхность вместе с предметным комплексом. Вместо них уложили вытянуто на спину головой на СЗ мужчину старше 55 лет с погребальным инвентарем. Ноги были вытянуты и соединены ступнями. Из-за ограбления на дне погребальной камеры (подстилке органического происхождения) *in situ* сохранились только кости рук и ног и часть грудного отдела. Череп и остальные кости оказались смещенными. В районе местоположения черепа *in situ* лежали в сочленении кости левой руки подростка (от изначально лежащего костяка). У кисти правой руки мужчины найден бронзовый ПНН (рис. 3) с остатками органики (фрагментами кожаного изделия), у левой руки – сердоликовая бусина и бронзовая полушарная бляшка, обтянутая золотым листком. В центре нее – отверстие. Еще две таких бляшки, только бóльшего размера, найдены на пяточных костях. У левой берцовой кости обнаружена бронзовая обойма с остатками деревянной рукояти чекана. Справа от скелета лежали в скоплении кости овцы и коровы (ребра, кости ног, лопатки, хвостовые отделы) – остатки заупокойной пищи. В СВ углу могилы обнаружен раздавленный керамический сосуд баночной формы с прочерченной пальцем полосой по венчику. Его форма и орнамент, вкупе с погребальным инвентарем (особенно если учитывать массивность ПНН), позволяет датировать центральное захоронение в пределах VII–VI вв. до н.э.

Сооружения № 2–9 компактно располагались у СЗ углового камня (с внутренней стороны ограды). Восемь могильных ям с ярусными захоронениями в каменных ящиках (размеры в пределах 0,9 × 0,6 м) были впущены в «тело» кургана. Для

этого были изъяты плиты от стен ограды (ЮВ сектор), а засыпка частично с каменного перекрытия. Внутреннее и внешнее пространство между каменными конструкциями плотно забутовано мелким плитняком и рваным камнем. Сооружение № 2 – это погребение младенца в грунтовой яме, головой на север с двумя керамическими сосудами, в которых лежали бусины. Сооружение № 3 – трехъярусное погребение: двух взрослых человек и младенца в каменном ящике. В каждом случае захоронение сопровождалось костями овцы и керамическим сосудом. Сооружение № 4 – погребение младенца в каменном ящике с тремя керамическими сосудами разных размеров и форм (рис. 5). Сооружение № 5 – четырехъярусное погребение: ребенка (с бронзовой пряжкой прямоугольной формы с неподвижным язычком), двух взрослых людей с керамической посудой, заупокойной пищей (кости овцы), с железным ножом с кольцевидным навершием, железным кольцом-подвеской. На самом дне могилы лежали ребра КРС и керамический сосуд горшкообразной формы на боку. Сооружение № 6: в каменном ящике лежала только тазовая кость взрослого человека. Сооружение № 7 – двухъярусное погребение: двух взрослых человек в каменном ящике. В каждом случае захоронение сопровождалось остатками заупокойной пищи и керамическим сосудом. Интересной деталью верхнего захоронения является наличие целого скелета овцы с бронзовой пуговицей на черепе.

Сооружение № 8 было представлено каменным ящиком, у которого одна стена общая с сооружением № 7 (северная), западная – это стена ограды, южная – соединена с камнями насыпи сооружения № 1. На глубине 0,2–0,3 м под камнями выявлено сильно потревоженное погребение (№ 1) взрослого человека. Среди костей обнаружены фрагменты керамического сосуда и оселок с отверстием для подвешивания. При зачистке дна погребения, на 10 см ниже (через прослойку грунта), по центру могильной ямы выявлено еще одно погребение – № 2. Судя по расположению костей, оно было вторичным. В могильную яму были сложены кости ребенка в сочленении, но отдельными частями. У западной стенки рядом с костями черепа, ребра и кости рук лежал горшок. Ниже уровнем, под горшком были уложены еще два сосуда и ребра овцы. Около позвонков поясничного отдела обнаружен железный нож и железное кольцо в сильно коррозированном виде. Слева от черепа ребенка лежал череп овцы, перекрывая еще один керамический сосуд. У восточной стенки могилы лежало бронзовое кольцо. Под керамическим горшком обнаружены кости скелета ребенка (погребение № 3). Все они лежали в анатомическом порядке, но были плохой сохранности. На дне могилы, у западной стены каменного ящика лежал еще один сосуд с двумя ложечковидными бронзовыми подвесками и бронзовой пуговицей. У костей овцы, ближе к восточной стенке, лежала керамическая плошка прямоугольной формы (курильница?) (рис. 4). Рядом с ней зачищены сильно коррозированные остатки железного ножа с кольцевидным навершием и железное кольцо. Сооружение № 9 в виде каменного ящика было сделано прямо в насыпи сооружения № 1. Внутри него не обнаружено никаких предметов и останков погребенного. Контрольный перекоп дна могилы не дал результатов.

В целом стоит отметить, что инвентарь впускных захоронений довольно однотипен и, по сути, представляет собой эпохальные изделия гунно-сарматского времени без этнокультурной привязки. Отдельно стоит отметить керамический сосуд из сооружения № 4 (рис. 5). Он красноглиняный, изящной вазообразной формы с раздутым туловом и выделенной шейкой. По тулову идет налепной спиралевидный орнамент.

Заключение

Э.Б. Вадецкая полагала, что впускные ярусные и одиночные захоронения в тагарских курганах оставило «инокультурное население» [Вадецкая, 1999, с. 161–163]. Н.Ю. Кузьмин считает их «малыми могильниками тесинской культуры» [Кузьмин, 2011, с. 113–116], но, по сути, не спорит с определением «инокультурности». «В хуннское время пришлые центральноазиатские племена смешанного антропологического типа вступили в контакт с местным европеоидным населением, что привело к возникновению новой – тесинской – культуры» [Там же, с. 238]. Однако нам представляется, что дело не в терминологии. Это только видимая часть «айсберга» различных суждений. На настоящий момент, несмотря на 300-летнюю историю изучения, так и не решена проблема соотношения тесинских грунтовых захоронений (простых и ярусных) и тесинских коллективных погребений в деревянных срубах. Почему сосуществуют на одной территории такие разные погребальные традиции? Чем это обусловлено? Этническими различиями? Сословными? Своеобразную точку в данном споре может поставить только комплексное генетическое исследование всех известных материалов. Причем, с большой долей вероятности мы получим абсолютно разную картину в различных территориальных локусах хакасско-минусинских степей.

Если говорить в целом, то изученные в 2021 г. в ходе спасательных раскопок тагарские комплексы Уйтага-3 дали новый фактический материал, име-

ющий особое значение в контексте хронологии. «Если комплексы позднесарагашенского (лепешкинского) типа описаны достаточно полно», как считает Н.Ю. Кузьмин, то «характеристика памятников начала и середины сарагашенского периода, включая их абсолютную датировку, является актуальной задачей в изучении тагарской культуры» [Кузьмин, 2020, с. 148]. Действительно, хроностратиграфия сарагашенских памятников, длительное сосуществование двух традиций – подгорновской и сарагашенской на одной территории, которое трудно объяснить, вызывает огромное число вопросов у многих исследователей. В этом смысле, абсолютно прав К.В. Чугунов, который считает, что «миниатюрные вотивы, помещенные в погребения, вовсе не несут хронологической нагрузки, и являются одной из особенностей этого типа памятников – характерной чертой сарагашенского обряда» [Чугунов, 2013, с. 99–102]. В этой связи чрезвычайно важным является получение хорошей коллекции образцов древесины для дендрохронологии, что может позволить более предметно говорить о внутренней хронологии изученных погребальных комплексов курганного могильника Уйтаг-3.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 (исполнитель – А.А. Тимощенко) и № 0264-2021-0004 (исполнитель – Е.С. Богданов).

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Кузьмин Н.Ю. О новой датировке Большого Салбыкского кургана и хронологии тагарских памятников // Археологические Вести. – 2020. – № 26. – С. 144–151.

Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 97–102.

References

Chugunov K.V. Aktual’nye problemy khronologii pamyatnikov epokhi rannikh kochevnikov Tsentral’noy Azii i Sibiri. *Tomsk State University Journal of History*. 2013, no. 3 (23). P. 97–102. (In Russ.).

Kuz’min N.Yu. Pogrebal’nyye pamyatniki khunnosyan’biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Yeniseya: Tesinskaya kul’tura. St. Petersburg: Aising, 2011, 456 p. (In Russ.).

Kuz’min N.Yu. O novoy datirovke Bol’shogo Salbykskogo kurgana i khronologii tagarskikh pamyatnikov. *Arkheologicheskiye Vesti*. 2020, no. 26. P. 144–151. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya. Leningrad.: Nauka, 1986, 180 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri. St. Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999, 440 p. (In Russ.).

Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0895-0901
УДК 902.2, 902.6

Е.С. Богданов✉, А.А. Тимощенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Культурный палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 (Республика Хакасия)

В ходе спасательных археологических работ в Аскизском р-не Республики Хакасия в 2021 г. был изучен уникальный погребальный комплекс. Курган № 5 на могильнике Уйтаг-3 представлял собой культурно-хронологический палимпсест. В основе сооружения располагался курган афанасьевской культуры с двумя могилами. Его территория была использована тагарцами для постройки своего кургана. Была воздвигнута мощная ограда с угловыми и простеночными камнями, земляная платформа из блоков суглинка с дерном, 4 погребальных склепа, закрытых накатами лиственничных бревен, оформлены проходы. В тесинское время в центральной части насыпи был устроен еще один погребальный склеп с дромосом. Все усыпальницы функционировали длительное время для похорон новых умерших. Несмотря на потревоженность (и частичную ограбленность) комплексов в древности, сохранились многие детали погребальной обрядности, характерные для нескольких хронологических этапов существования тагарской культуры. От сарагашенского (IV–III вв. до н.э.) до «тесинского этапа» (II–I вв. до н.э.). В результате полевых исследований получена представительная коллекция погребального инвентаря – бронзовые кинжалы, чеканы, шилья, зеркала; бронзовые и железные ножи и поясные бляхи с подвесками; украшения костюма в виде полусферических бронзовых бляшек, бусин, пронизок и оленных блях. В каждой могиле обнаружена разнообразная керамическая посуда: от крупных баночных форм до небольших сосудиков-курильниц. Интересный керамический комплекс был получен и при раскопках афанасьевских погребений. В ходе работ в тесинском склепе удалось зачистить и сохранить уникальные погребальные глиняно-гипсовые маски, повторяющие облик умерших. Практически во всех случаях это европеоидные лица. Взяты на анализ образцы древесины из погребальных конструкций, пополнена антропологическая коллекция. Отдельно стоит отметить использованную в ограде тагарского кургана окуневскую стелу с высеченной на боковой грани личиной.

Ключевые слова: *Хакасия, Аскизский район, спасательные археологические раскопки, погребальный обряд, тагарская культура, тесинский этап, окуневское изваяние, петроглифы.*

E.S. Bogdanov✉, A.A. Timoshchenko

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bogdanov@archaeology.nsc.ru

Cultural Palimpsest in the Kurgan No. 5 of the Uytag-3 Burial Ground (Republic of Khakassia)

In 2021, as a part of rescue archaeological work in the Askiz district of the Republic of Khakassia a unique burial complex was studied. Kurgan No. 5 at the Uytag-3 burial ground was a cultural-chronological palimpsest. A mound of the Afanasyevo culture with two graves was located at the base of the site. Its territory was used by the Tagar people for the construction of their mound. A powerful fence with corner and paving stones, an earthen platform made of blocks of loam with sod, 4 burial vaults covered with larch logs, and passages were erected. During the Tesinsky stage, another burial vault with a dromos was built at the central part of the embankment. All the tombs functioned for a long time for the burial of new deceased. Despite the disturbance (and partial robbery) of the complexes in antiquity, many details of the funeral rituals characteristic of several chronological stages of the Tagar culture, from the Saragashenskiy (IV–III centuries BC) to the Tesinsky stage (II–I centuries BC), remained intact. Field research yielded abundant assemblage of burial goods including bronze daggers, battle hammer-axes, awls, mirrors; bronze and iron knives and belt plates with pendants; costume decorations in the form of hemispherical

bronze plaques, beads, perforated clothing decorations and deer plaques. A variety of ceramics was found in each grave: from large jars to small vessels-incense burners. An interesting ceramic complex was also excavated from the Afanasyevo burials. The unique clay-plaster funerary masks portraying the deceased were cleaned up and secured at the Tesinsky vault. Almost all of the masks displayed Caucasian features. Samples of wood from burial structures were taken for analysis, and the anthropological collection was replenished. It is worth noting the Okunevo stele with a face carved on its side edge used in the fence of the Tagar mound.

Keywords: *Khakassia, Askiz district, rescue archaeological excavations, burial rite, Tagar culture, Tesinsky stage, Okunevo statue, petroglyph.*

Введение

Большая часть масштабных и комплексных археологических раскопок тагарских курганов в Хакасии была произведена в ходе хозяйственного освоения той или иной территории. Так, в 70-е гг. XX в. были исследованы памятники у г. Тепсей [Грязнов и др., 1979], в 80-е – на территории Означенской оросительной системы [Седых, 2003, с. 131; Кузьмин, 2011, с. 24], в XXI в. – в долине Черного Июса [Александров, Боковенко, Смирнов, 2014] и в зоне планирующегося строительства второго пути Красноярской железной дороги в Аскизском р-не (с 2019 г.). Массовость полученного материала позволяет на совсем ином уровне делать различного рода обобщения и выводы: от построения типологических схем до выделения отдельных археологических микрорайонов с присущими только им характеристиками. Однако если посмотреть внимательней, то выяснится, что больших курганов тагарской культуры исследовано чрезвычайно мало, хотя именно данный вид археологического источника позволяет выявлять четкие культурно-хронологические маркеры. При возведении таких погребальных сооружений использовались только традиционные технологии, отбирались лучшие материалы и участвовали лучшие мастера, четко соблюдались все этапы погребальных церемоний, а в могилу укладывались отборные образцы оружия, предметы быта и украшения. Естественно, что такие грандиозные усыпальницы привлекали внимание людей в древности и очень часто использовались для устройства дополнительных захоронений. Носило ли это случайный характер или же целью было установить «право владения» на конкретные территории? Считались ли они «могилами предков» или же мы фиксируем ритуал своеобразного «осквернения»? Данная проблема представляется чрезвычайно важной в контексте выделения хронологических этапов и культурных дефиниций в тагарской археологии. Поэтому любой курган, представляющий собой своеобразный культурный палимпсест, должен быть объектом пристального внимания. В данной статье приводятся предварительные результаты исследования такого комплекса, расположенного в Аскизском р-не Республики Хакасия.

Результаты исследований

Курганный могильник Уйтаг-3 расположен на степном участке левобережной долины р. Абакан, на правом берегу среднего течения р. Аскиз, в 0,8 км к югу от остановочной ж/д платформы «Скальная». Данная территория имеет историческое название Аскизская степь. К юго-востоку от памятника расположены вершины г. Уйтаг, к югу – хребет Сарж, к западу – пойменные участки до границы хребта Сахсар. Железная дорога разделяет памятник на две части. Курганы № 1–4 расположены в северо-восточной части могильника, протянуты с востока на запад, курганы № 5, 6 вытянуты с северо-востока на юго-запад. Курган № 5 до раскопок представлял собой холм высотой 2 м с пологими бортами, с двумя видимыми на поверхности вертикальными стелами. Как показали раскопки, земляное возвышение кургана было сформировано внутри каменной ограды, вплоть до верхней кромки камней. По прошествии времени произошло оплывание земляной конструкции с перекрыванием пустого пространства за оградой. Курган имел сложную внутреннюю историю и хронологию.

Изначально в эпоху бронзы был сооружен курган, в основании которого было каменное кольцо (диаметром 12,5 м, высотой 0,5 м), из плит, уложенных друг на друга в 5–6 ярусов (рис. 1, 2). Прямо на него сарагашенцы установили ограду (размеры 25,7 × 19 м) с центральным захоронением, частично разрушив более раннюю наземную конструкцию и верхние грунтовые слои, перекрывающие центральную могилу. Скорее всего, оба афанасьевских захоронения на этот момент уже были ограблены. Далее, в пределах ограды была воздвигнута земляная «платформа» из блоков-вальков дерна и суглинка. Затем через некоторое время в «тело кургана» был впущен еще один погребальный склеп с юга (при этом ограда была перестроена и увеличена к югу) и еще один – с севера. Заключительным этапом в позднее сарагашенское время была построй-

Рис. 1. Могильник Уйтаг-3, курган № 5. Тесинский склеп (сооружение № 1) в процессе расчистки каменных конструкций. Фото сверху и с запада. Масштабная рейка длиной 4 м.

ка еще одного склепа в ЮВ углу ограды. При этом его надмогильная конструкция в виде каменного панциря из плит над деревянным перекрытием, со входом с южной стороны, «вышла» за пределы ограды, которая вероятно на тот момент уже была полностью скрыта почвенным слоем. Спустя некоторое время, носители тесинской культуры решили использовать курган для своих целей, вырыв по центру яму для погребальной камеры с длинным входом-дромосом. Чтобы сделать могилу центральной, тесинцы увеличили насыпь кургана к востоку, установив там две угловых стелы, и еще двумя (по центральной линии) они обозначили новый проход. Показательно, что одна из стен, сложенных из плит (обкладка сруба с внешней стороны), была поставлена прямо на деревянное перекрытие сарагашенского сруба, уже просевшего в могилу. То есть тесинцы видели изначальные склепы кургана и не разрушили их. Именно самой поздней погребальной конструкции (сооружению № 1) больше всех «не повезло»: она 4 раза подверглась ограблению-разрушению. Также грабители проникли и в ЮВ склеп (сооружение № 5). Конструкции трех центральных склепов (сооружения № 2–4) были не повреждены.

Как уже было отмечено выше, основу кургана № 5 составляла каменная ограда, сооруженная из установленных на ребро плит девонского песчаника. Она имеет в плане прямоугольную форму с ориентацией длинной стороной по линии ССЗ – ЮЮВ. Высота стен ограды (плит) над древней поверхностью составляет от 0,5 до 1 м. По углам и по центру сторон ограды (через равные промежутки) были установлены крупные плиты со скошенным верхом – простеночные камни, высотой 1,2–1,4 м. Проход шириной 4 м внутрь ограды был оставлен в восточной стенке сооружения. Он обозначен вертикально вкопанными стелами по углам и стена-

Рис. 2. Могильник Уйтаг-3. Вид на курган № 5 после окончания работ в срубах. Фото сверху и с запада. Масштабные рейки длиной 3 м.

ми из плит, установленных на ребро. Проход был «закрыт» мелким плитняком, по всей видимости, после окончания одного из этапов погребального ритуала. Часть камней конструкции не была врыта в древнюю поверхность, а укреплена встык с помощью заклинивания плитками с двух сторон и утрамбовки землей, практически без контрфорсов. Некоторые детали ограды взяты из более ранних построек: простеночные камни тагарских курганов и стенки от каменных ящиков окуневского времени со шлифованными гранями. В СЗ углу в качестве камня ограды использован обломок окуневского изваяния с антропоморфной личиной*. В двух случаях на простеночных камнях восточной стены ограды зафиксированы петроглифы. Выбивки представлены сценой охоты и «человечками» тагарской эпохи. Это схематичные фигуры, изображенные без одежды, с обозначенным признаком мужского пола.

*Его прекрасная сохранность и антропоморфный вид подразумевают отдельную публикацию.

Сооружение № 1 было впущено в уже расплывшуюся насыпь кургана, практически по центру со смещением к востоку (см. рис. 1). Практически сразу при расчистке верхних слоев кургана вместе с плитами различных размеров стали попадаться фрагменты человеческих костей и обломки керамической посуды. С учетом анализа стратиграфической ситуации стало ясно, что это следы поздних грабительских проникновений. Погребальный склеп представлял собой прямоугольное в плане сооружение из камней, вытянутое длинной стороной по линии ВСВ – ЗЮЗ, в основе которого был трехвенцовый сруб (размеры 5 × 6 м). С западной стороны в склеп вел длинный дромос – пологий вход со стенами из горизонтально выложенных друг на друга плит, построенный по традициям хуннских (китайских) элитных усыпальниц (см., напр.: [Полосьмак и др, 2011, с. 68–71, рис. 2.6]). Вся конструкция (вместе с входом) была перекрыта бревнами, диаметром не более 0,2 м, уложенными плотно друг к другу по линии ССЗ – ЮЮВ. Еще два мощных бревна (матицы) были уложены с опорой на

край дромоса. Вход в дромос с внешней стороны был «закрыт» двумя крупными плитами, установленными вертикально. Сам спуск в погребальную камеру был тщательно оформлен: вниз вели три ступени из плах, уложенных на каменные плитки-опоры. На верхней ступени лежал берестяной туесок с «пряслицем» и двумя деревянными палочками. Поскольку концы плах и балок опирались на края каменной конструкции, то после грабительских проникновений разрушенное перекрытие рухнуло внутрь погребального склепа. Сохранились лишь отдельные концы плах по краям склепа. Никаких следов огня и настилов бересты не обнаружено.

Склеп функционировал продолжительное время: через вход заносили новых умерших или их отдельные части, убирая в сторону ранее похороненных. Всего в усыпальнице обнаружены останки более полусотни индивидов. Кости (часть из них в сочленении) еще двух были расчищены в дромосе. Вследствие ритуальных проникновений в склеп и четырех эпизодов грабительских разрушительных действий, большая часть костей оказалась сдвинутой со своих мест, поэтому при зачистке достаточно трудно было определить изначальное положение погребенных. Останки людей были очень плохой сохранности: в обломанном виде и сильно истлевшие. *In situ* сохранились несколько костяков у восточной стенки сруба. По всей видимости, эти 11 индивидов были уложены первоначально, вытянуто на спину головой на восток. Другая часть погребенных в ЮЗ углу склепа была ориентирована головой на запад. Только у этих захороненных людей были зафиксированы остатки посмертных масок. На лицо и часть шеи накладывался слой серой глины, обмазанный тонким слоем гипсовой массы (рис. 3). После этого наносилась красная раскраска. Маски были не обожжены, поэтому сильно крошились. Наличие на них аппликаций из золотой фольги свидетельствует о достаточно высоком статусе этих умерших. Бóльшая часть масок была найдена на черепах в раздавленном и поврежденном виде. Сверху на этих погребенных укладывались индивиды без масок. Судя по косвенным признакам, их просто бросали поверх друг друга, без соблюдения определенных поз. Также захоронены и отдельные части тел (парциальные захоронения). Их оставляли практически у входа. Погребальный инвентарь, по всей видимости, был только у изначально захороненной «элитной» группы людей. Это керамическая посуда баночной формы и кубки на поддонах, вотивные бронзовые зеркала-диски, роговые пробойники, берестяные туески, железные ножи с кольцевидными навершиями.

Три склепа (сооружения № 2–4), расположенные по длинной оси ограды, по своим конструктивным особенностям типичны для построек сарагашенского времени. Мощные трехслойные накаты из лиственничных бревен, уложенных крест-накрест. Могильные ямы: 7 × 7,5 м, 5,7 × 6,3 м, 4,5 × 6,4 м. Четырехвенцовые срубы с бревенчатым полом. Отвечает «стандартам» расположение и состав погребального инвентаря в склепах. По образному выражению Э.Б. Вадецкой, умерших укладывали «в похоронных одеждах, украшенных бутафорией»

Рис. 3. Могильник Уйтаг-3, курган № 5. Маска из сооружения № 1.

[Вадецкая, 1999, с. 132], т.е. с вотивными предметами. У костей ног и таза – чеканы, бронзовые зеркала, ножи и шилья (реже кинжалы и бронзовые «лини» с наборами стрел). На ногах бронзовые «браслеты», которыми скреплялись голенища обуви. Из украшений (одежды?) сохранились бронзовые пронизки и полушарные бляшки. В головах (для каждого из погребенных) устанавливались керамические сосуды крупных форм. Эпизодически представлены остатки заупокойной пищи в виде отдельных костей коровы или овцы в различных частях срубов. Стоит отметить лишь несколько нюансов. 1. Различное расположение входов в склепы (у северного и центрального – с запада, у южного и юго-восточного с юга). 2. У центрального склепа отсутствует каменное перекрытие, но есть опорные столбы у входа. 3. Центральный и южный склепы были переиспользованы: ранее захороненные тела были полностью убраны и на их место уложены менее «статусные» сородичи. О высоком статусе изначально погребенных в центральном склепе свидетельствуют обрывки золотой фольги в щелях пола, «потерянные» крупная оленная бляха и глазчатая бусина.

Несколько иначе переиспользована погребальная камера юго-восточного склепа (сооружение № 5). Изначально погребенных индивидов (с оленными бляхами (рис. 4) и гривнами, обложенными золотой фольгой, богато украшенной одеждой различными золотыми и бронзовыми пронизками, миниатюрными полушарными бляшками) убрали (сдвинули) со своих мест и в склеп «побросали» еще несколько десятков умерших (тела и отдельные части). Конструкция этого склепа отличалась от остальных сарагашенских сооружений наличием каменного панциря круглой в плане формы (только в ней использован камень зеленого оттенка) и присутствием деревянного тына (частокола) по внутреннему периметру могильной ямы, что свидетельствует о более поздней дате его формирования. Из необычных находок стоит отметить найденный во фрагментах глиняный котел с «шипастыми» ручками на венчике, имитирующий бронзовый прототип (см. [Членова, 1992, таб. 89, *18*]).

Рис. 4. Могильник Уйтаг-3, курган № 5. Оленная бляха из сооружения № 5.

Сооружения № 6 и № 7 в виде каменных ящиков находились в 2,3 и 5,5 м от восточной стенки ограды, внутри нее. Это детские безинвентарные захоронения, впущенные в насыпь кургана, что подразумевает их более позднюю датировку по сравнению с основными сарагашенскими склепами.

От сооружения № 8 сохранились только элементы конструкции в восточной и западной части (рис. 2). От насыпи остались камни, перекрывающие погребение № 2 в северной части кургана. Остальная часть центральной конструкции осталась без камней. Внутри кургана было устроено два погребения. Контуры могильного пятна погребения № 1 (центрального) были выявлены при зачистке дна ямы сооружения № 3. Яма (размеры 2,8 × × 3,1 м) с вертикальными стенами была ориентирована длинной стороной ССВ – ЮЮЗ. На ее дне было расчищено потревоженное в древности парное захоронение мужчины и женщины. По всей видимости, оно было потревожено в тот момент, когда связки еще не разложились, поэтому некоторые из костей остались в сочленении. Скорее всего, ориентация покойных была головой на ЮЮЗ. Из погребального инвентаря сохранились у северной стенки два керамических остродонных раздавленных сосуда с характерным для эпохи бронзы орнаментом и чаша-курильница с ручкой.

Погребение № 2 располагалось в 0,5 м к северу от погребения № 1 и не было потревожено при устройстве тагарских могил. Надземное сооружение представлено каменным перекрытием из плит. Размеры 2 × 2,3 м. Восточная часть этого перекрытия была разрушена при «грабительском» проникновении в могилу, и часть конструкции просела в могилу. Среди камней были найдены кости двух индивидов в сломанном и фрагментированном состоянии. После разбора камней в восточной части перекрытия была зачищена грабительская воронка, заполненная мешаным грунтом, обломками плит и костями человеческих индивидов. На дне могилы было расчищено потревоженное в древности парное захоронение мужчины и женщины. Некоторые из костей остались в сочленении, но смещенными

со своих мест. Скорее всего, ориентация покойных была головой на ЮЮЗ. Из погребального инвентаря в центральной части могилы на дне была найдена курильница.

Предварительно сооружение № 8 по характерным особенностям похоронного обряда и сопроводительному инвентарю относится к афанасьевской эпохе.

Заключение

Зафиксированный культурно-хронологический палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 очень важен для решения многих дискуссионных вопросов тагарской археологии. Ведь носители тесинских традиций не только использовали сарагашенский погребальный комплекс для своих нужд, но и старались его не разрушить. Это могло происходить при двух условиях: либо они «почитали» данный курган как могилу «предков», либо рядом с ними сосуществовали носители сарагашенских традиций. Безусловно, многие вопросы будут сняты после полного типологического анализа всех категорий погребального инвентаря с этого комплекса, в котором сохранились захоронения *in situ*. Очень важна полученная в 2021 г. коллекция лиственничных образцов для дендрохронологии из могильников Уйтага-3 и Скальной. Она позволит связать между собой в определенной последовательности не только отдельные погребения, но и курганы с одного территориального локуса от расцвета тагарской культуры до ее заката.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 (исполнитель – А.А. Тимощенко) и № 0264-2021-0004 (исполнитель – Е.С. Богданов).

Список литературы

Александров С.В., Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. – СПб., 2014. –152 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167с.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.

Седых В.Н. О вариантах устройства оград тагарских курганов на юге Хакасии (по материалам раскопок среднеенисейской экспедиции // Степи Евразии в древности и в Средневековье. – СПБ.: ГЭ, 2003. – С 131–134.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – М.: Наука, 1992. – 493 с.

References

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura. In *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR s drevneyshikh vremen do srednevekov'ya*. Moskow: Nauka, 1992, 493 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye. Novosibirsk: Nauka, 1979, 167 p. (In Russ.).

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nyye pamyatniki khunnosyan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Yeniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Peterburg: Aysing publ, 2011, 456 p. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Bogdanov Ye.S., Tseveendorzh D. Dvadtsatyy noin-ulinskiy kurgan. Novosibirsk: INFOLIO, 2011, 184 p. (In Russ.).

Sedykh V.N. O variantakh ustroystva ograd tagarskikh kurganov na yuge Khakasii (po materialam raskopok sredneyeniseyskoy ekspeditsii In *Stepi Yevraazii v drevnosti i v Srednevekov'ye*. St. Peterburg, 2003. P. 131–134. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri. St. Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1999, 440 p. (In Russ.).

Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0902-0907
УДК 902.01+903.42+903.21+903.23

Д.А. Бычков[1]✉, В.М. Лурье[2], А.А. Тимощенко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Южносибирский филиал ИИМК РАН
Абакан, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Материалы эпохи бронзы со стоянки Югачи-2 (долина р. Аскиз, Республика Хакасия) по результатам археологических раскопок в 2021 году

Минусинская котловина привлекает внимание исследователей древностей на протяжении нескольких веков. За последнее столетие были открыты и изучены сотни археологических памятников различных эпох и культур. В исторической летописи этой территории одним из самых насыщенных событиями и материалами периодов является эпоха бронзы. Как и в отношении источников по другим историческим периодам, среди памятников эпохи бронзы превалируют погребальные комплексы. В связи с этим в настоящее время особую актуальность имеют исследования, посвященные анализу материала со стоянок и поселений с данной территории. Целью этой работы является введение в научный оборот предметного набора эпохи бронзы, который был обнаружен на стоянке Югачи-2 в ходе проведения археологических раскопок. Для этого в работе приводится описание и сравнительный круг аналогий данной категории предметов. Основной массив культурных остатков на стоянке Югачи-2 относится к тагарскому, тесинскому и таштыкскому культурно-хронологическим этапам истории данной территории. Отдельным по своему пространственному контексту и облику является набор предметов, который относится к эпохе бронзы. Данный предметный комплекс включает остродонный орнаментированный сосуд, пест и два грузила. По ряду аналогий сосуд относится к афанасьевской культуре, памятники которой также известны на изучаемой территории. Пест и грузила являются характерным компонентом поселенческих комплексов эпохи поздней бронзы. На основании полученных сведений объекты, обнаруженные в аналогичном данным предметам пространственном контексте, были отнесены к эпохе бронзы и отождествляются с носителями афанасьевской культуры, за исключением песта и грузил. Результаты проведенного исследования позволяют дополнить существующие представления о хозяйстве обитателей долины р. Аскиз в эпоху бронзы.

Ключевые слова: *стоянка, эпоха бронзы, афанасьевская культура, Югачи, Аскиз, Хакасия.*

D.A. Bychkov[1]✉, V.M. Lurie[2], A.A. Timoshchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture RAS
Abakan, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Bronze Age Assemblage from Yugachi-2 Site (Askiz River Valley, Republic of Khakassia) Results of Archaeological Excavations in 2021

The Minusinsk Basin has been attracting attention of the researchers of antiquities for several centuries. Over the past century, hundreds of archaeological sites of various eras and cultures have been discovered and studied. In the historical annals of this territory, one of the most eventful and material abundant periods is the Bronze Age. As with sources from other historical periods, burial complexes prevail among the sites of the Bronze Age. In this regard, at present, studies analyzing finds from sites and settlement complexes on this territory are of particular relevance. The purpose of this work is to introduce into the scientific circulation a set of the Bronze Age objects, which was unearthed at the Yugachi-2 site during archaeological

excavations. In order to get that done, we provide a description and a comparative range of analogies for this category of finds. The main body of cultural remains at the Yugachi-2 site belongs to the Tagar, Tesinsky and Tashtyk cultural and chronological stages in the history of this territory. In terms of its spatial context and appearance, set of objects from the Bronze Age is in a league of its own. The analyzed set of objects includes a pointed bottom ornamented vessel, a pestle, and two sinkers. By a number of analogies, the vessel belongs to the Afanasyevo culture, the sites of which are also known in the area of study. Pestle and sinkers represent a characteristic component of the settlement complexes of the Late Bronze Age. Based on the information received, with the exception of pestle and sinkers other objects found in a spatial context similar to the analyzed ones were attributed to the Bronze Age and are related to the carriers of the Afanasyev culture. The results of the present study allow us to extend current ideas about the economic practices of the inhabitants of the Askiz River valley in the Bronze Age.

Keywords: *site, Bronze Age, Afanasyevo culture, Yugachi, Askiz, Khakassia.*

Археологическое изучение Минусинской котловины началось еще в первой половине XVIII в. с работ экспедиции Д.Г. Мессершмидта, которая провела первые научные раскопки курганов [Вадецкая, 1973, с. 96]. С тех пор на этой территории было исследовано несколько тысяч памятников, разработана их относительная и абсолютная хронология, выделено несколько культур. Однако археологическое изучение Минусинской котловины остается, в первую очередь, изучением погребальных комплексов. Так, для всей эпохи бронзы (XXX–IX вв. до н.э.) известно всего около 60 поселений, что в десятки раз меньше количества исследованных погребений [Поляков, 2020, с. 7]. Несмотря на относительную «бедность» поселенческих комплексов, представленных, в основном, фрагментами керамических сосудов, изделиями и заготовками из камня, кости и редкими находками металлических предметов, они содержат важную информацию о способах ведения хозяйства и адаптации к внешним условиям древних коллективов. Поэтому исследование и введение в научный оборот результатов изучения этой категории памятников является актуальным.

С началом применения на данной территории практики проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, количество выявляемых поселений, относящихся к различным хронологическим этапам, заметно возросло. Так, в 2020 г. в ходе археологической разведки, проводимой сотрудниками ИАЭТ СО РАН и НПО АИКЭ в рамках государственной историко-культурной экспертизы земель, отводимых по объекту «Второй путь на перегоне Биркчул – Югачи Красноярской железной дороги» была выявлена стоянка Югачи-2 (рис. 1). В шурфах, заложенных на первой

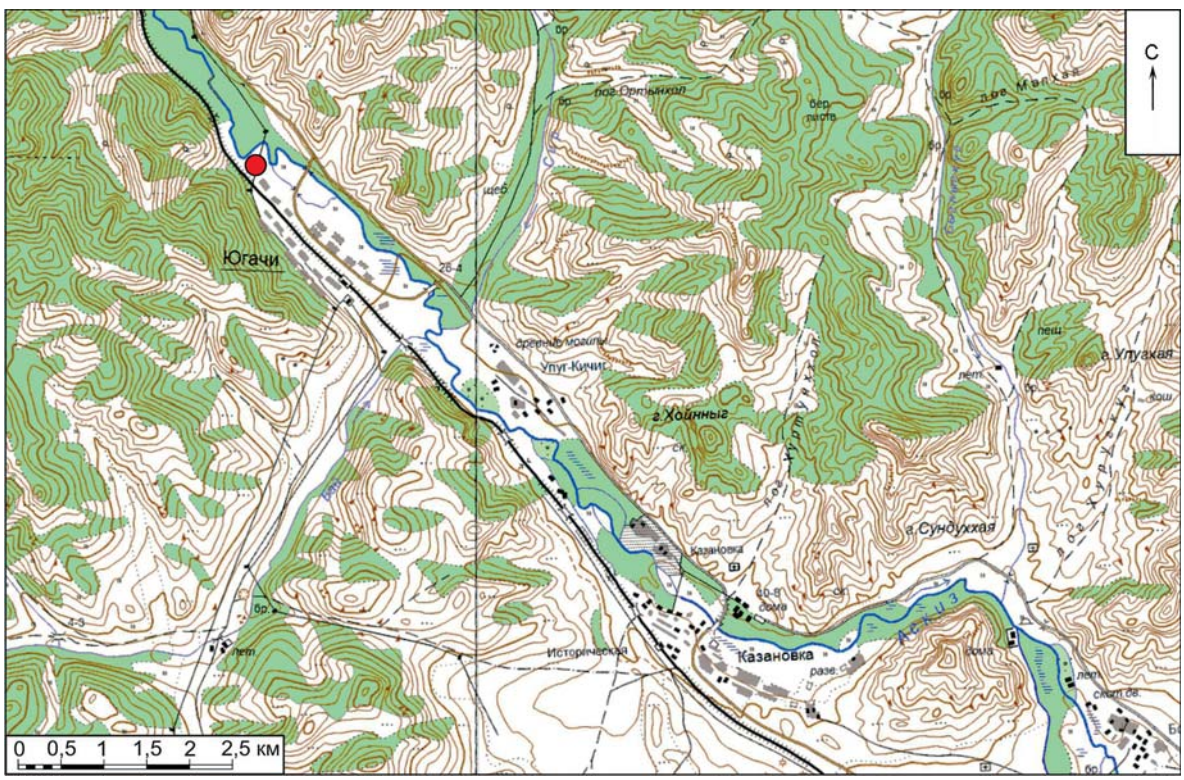

Рис. 1. Местоположение стоянки Югачи-2 на фрагменте топографической карты масштаба 1:50000.

правобережной террасе р. Аскиз в 800 м к северо-западу от п. Югачи были обнаружены фрагменты керамической посуды, кости животных со следами обработки. Выявленные культурные остатки распространялись по всей бровке, площадке и тыловому уступу террасы. На основании полученных результатов разведочных работ стоянка была предварительно датирована в широком хронологическом диапазоне – от I тыс. до н.э. до I тыс. н.э. и отнесена к тагарской и таштыкской культурам [Акт № ДОСОКН-0110-2020].

В 2021 г. на стоянке Югачи-2 проводились археологические раскопки, в ходе которых было исследовано 11 832 м^2. Большинство материалов, обнаруженных на памятнике, относятся к раннему железному веку (III–V вв. н.э.) и эпохе Средневековья (X–XV вв.) (см. статью Тимощенко А.А. и др. «Предварительные результаты археологических раскопок стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз в Республике Хакасия в 2021 году» в этом сборнике).

В центральной части стоянки *in situ* были зафиксированы объекты и предметы, по ряду аналогий отнесенные к эпохе бронзы. Их стратиграфическая позиция определяется кровлей светло-коричневой супеси, залегающей под дерново-почвенным слоем. Вмещающий субстрат характеризуется пылеватой в кровле и пористой по всей толще структурой и неоднородной текстурой, нарушенной биотурбациями и вертикальными клиньями с заполнением из вышележащего слоя. В плане наблюдаемые клинья выглядят как полигональные морозобойные трещины. Впервые данные явления были описаны на примере ландшафтов севера Западной Сибири в первой половине XX в. [Попов, 1958]. Для Минусинской котловины существует серия палеогеографических реконструкций, в которых на основе палинологических данных и результатах радиоуглеродного анализа ископаемых образцов время формирования данных явлений определяется оптимумом голоцена [Ямских, 1995].

Соотношение пространственного распределения материалов эпохи бронзы относительно более ранних комплексов, обнаруженных на стоянке, следующее. Как показано на прилагаемой схеме их распределения по изученной площади стоянки (рис. 2), объекты и предметы материальной культуры эпохи бронзы сосредоточены в юго-восточной части раскопа 1. Материалы же более поздних комплек-

Рис. 2. Схема раскопов на стоянке Югачи-2 с указанием расположения объектов и предметов эпохи бронзы.

1 – объекты (кладки, кострища, очаги, ямы); *2* – остродонный орнаментированный сосуд; *3* – пест; *4* – грузила.

сов приурочены к северо-западной части раскопа 1 и раскопу 3 (см. статью Тимощенко А.А. и др. «Предварительные результаты археологических раскопок стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз в Республике Хакасия в 2021 году» в этом сборнике). Стратиграфические позиции всех культурно-хронологических комплексов стоянки Югачи-2 не могут быть определены однозначно ввиду значительного антропогенного вмешательства во вмещающие их отложения. На основе полученных сведений можно утверждать лишь то, что уровень древней поверхности, освоенной носителями культур эпохи бронзы, приурочен к вышеописанным отложениям, а более поздние комплексы залегают в вышележащих литологических напластованиях.

Объекты, обнаруженные в юго-восточной части раскопа 1, были отнесены к эпохе бронзы на основании сравнительного анализа выявленных в их заполнении артефактов и описанных выше текстурных особенностей вмещающих их отложений. К данным артефактам относятся остродонный орнаментированный керамический сосуд и, предположительно, пест-терочник и два каменных грузила (рис. 3).

Объект, при разборе которого был обнаружен керамический сосуд, представлял собой округлую выкладку размерами 1,6 × 1,5 м из мелких колотых плиток песчаника, по краям которой некоторые плитки были установлены вертикально с небольшим отклонением наружу (рис. 4). В центре выкладки под основным слоем камней был обнаружен развал остродонного сосуда с невысоким венчиком и максимальным утолщением тулова в верхней части, орнаментированный рядом косых насечек по венчику, рядами вдавления овального штампа по основной части тулова и полосой посередине (рис. 3, *1*). На основании формы и орна-

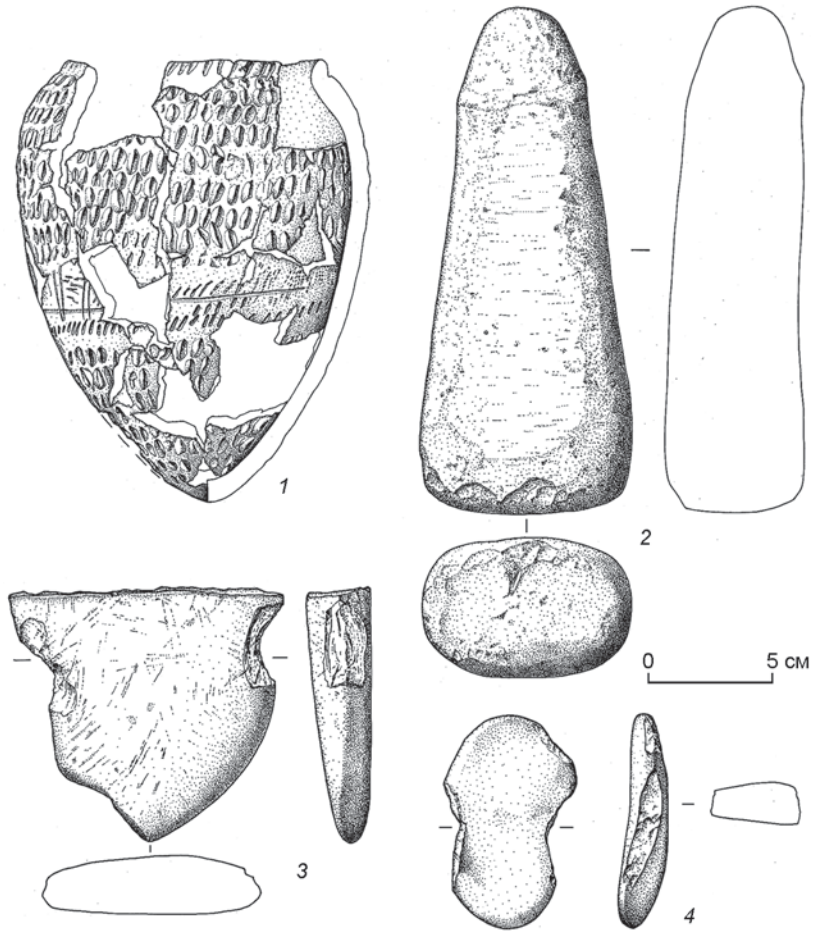

Рис. 3. Предметный комплекс эпохи бронзы.
1 – остродонный орнаментированный сосуд; *2* – пест; *3*, *4* – грузила.

Рис. 4. Фотография разреза объекта 1 из участка 34 раскопа 1 стоянки Югачи-2.

мента сосуд может быть отнесен к афанасьевской культуре (XXX–XXV вв. до н.э.). Под каменной выкладкой располагался слой прокала мощностью 0,05–0,07 м.

Форма выкладки, наличие вертикальных камней по краям и слоя прокала позволяют предположить, что рассматриваемый объект – округлый очаг с каменной обкладкой, характерный для афанасьевской культуры [Лурье, 2021]. Возможно, очажная яма была заложена камнями после того, как очаг перестал использоваться. Один из подобных очагов, исследованный на поселении Узнезя I (Горный Алтай), также был перекрыт камнями, под которыми был обнаружен развал сосуда [Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 30].

Пест был найден в заполнении небольшой ямы, других находок в которой обнаружено не было (рис. 2, *3*; 3, *2*). Вероятно, пест был сделан из гальки и обладает вытянутой формой, расширяющейся к рабочему концу со следами использования, противоположный конец подработан и отделен выступающим ободком, что придает ему «фаллическую» форму. Подобные песты с выделенным подработанным краем, противоположным рабочему, зафиксированы в Минусинской котловине на поселениях периода поздней бронзы Торгажак и Тепсей XII и в погребении этого же времени у оз. Шира [Савинов, 1996, с. 27]. Песты часто встречаются как на более ранних, так и на более поздних памятниках на широкой территории, но, возможно, такая форма (с выделенной нерабочей частью) характерна именно для периода поздней бронзы. Тогда рассматриваемый пест тоже можно отнести к этому времени (XIV–IX вв. до н.э.).

Два каменных грузила, представляющих собой плоские гальки с двумя выемками по длинным сторонам, были обнаружены на расстоянии нескольких метров друг от друга и не связаны планиграфически с рассмотренными выше объектами (рис. 2, *4*; 3, *3, 4*). Такая форма грузил достаточно распространена и обнаруживает аналогии в памятниках различного времени на широкой территории. Однако в Минусинской котловине такие изделия встречаются, в основном, на поселениях периода поздней бронзы, например, Чиланных-таг, Кызылхая, Торгажак [Савинов, 1996, с. 27, табл. 16; Готлиб, Подольский, 2008, с. 173–178], что позволяет предварительно отнести к этому периоду и обнаруженные предметы.

Таким образом, объекты и находки со стоянки Югачи-2, которые можно отнести к эпохе бронзы, вписываются в общую картину поселенческих материалов Минусинской котловины этого времени и, несмотря на свою немногочисленность, дополняют ее.

Благодарности

Описание археологического материала и аналогий ему выполнено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до Средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (исполнитель – В.М. Лурье). Описание контекста залегания археологического материала выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 (исполнители – Д.А. Бычков и А.А. Тимощенко).

Список литературы

Акт № ДОСОКН-0110-2020 Государственной историко-культурной экспертизы документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности объектов культурного наследия «Проект обеспечения сохранности объектов археологического наследия «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов археологического наследия в составе проектной документации по объекту «Второй путь на перегоне Биркчул – Югачи Красноярской железной дороги» в Аскизском районе Республики Хакасия (корректировка)». Абакан, 23.10.2020. URL**:** https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/7218/107813.html (дата обращения 04.11.2021).

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. – 1973. – Вып. 6. – С. 91–159.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: Азбука, 2014. – 380 с.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб.: Элексис Принт, 2008. – 222 с.

Лурье В.М. Очажные конструкции на поселениях афанасьевской культуры // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986) (19–21 апреля, 2021 г., Санкт-Петербург) — СПб.: ИИМК РАН, 2021. – С. 44–47.

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: автореф. дис. … д. и. н. – СПб., 2020. – 53 с.

Попов А.И. Блочный рельеф на севере Западной Сибири и в Большеземельской тундре // Вопросы физической географии полярных стран. – 1958. – Вып. 1. – С. 146–154.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 112 с.

Ямских Г.Ю. Растительность и климат голоцена Минусинской котловины: монография. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1995. – 180 с.

References

Akt № DOSOKN-0110-2020 Gosudarstvennoi istoriko-kul'turnoi ekspertizy dokumentatsii, obosnovyvayushchei mery po obespecheniyu sokhrannosti ob»ektov kul'turnogo naslediya «Proekt obespecheniya sokhrannosti ob»ektov arkheologicheskogo naslediya «Meropriyatiya po obespecheniyu sokhrannosti ob»ektov arkheologicheskogo naslediya v sostave proektnoi dokumentatsii po ob»ektu «Vtoroi put' na peregone Birkchul – Yugachi Krasnoyarskoi zheleznoi dorogi» v Askizskom raione Respubliki Khakasiya (korrektirovka)». Abakan, 23.10.2020. (In Russ.). URL**:** https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/7218/107813.html (дата обращения 04.11.2021).

Gotlib A.I., Podol'skii M.L. Sve – gornye sooruzheniya Minusinskoi kotloviny. St. Petersburg: Eleksis Print, 2008, 222 p. (In Russ.).

Lurie V.M. Ochazhnye konstruktsii na poseleniyakh afanas'evskoi kul'tury. In *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: ot poyavleniya pervykh skotovodov do epokhi slozheniya gosudarstvennykh obrazovanii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu doktora istoricheskikh nauk El'gi Borisovny Vadetskoi (1936–2018) i 90-letiyu doktora istoricheskikh nauk Gleba Alekseevicha Maksimenkova (1930–1986) (19–21 aprelya, 2021 g., Sankt-Peterburg)* — St. Petersburg.: IIMK RAS, 2021. P. 44–47. (In Russ.). doi:10.31600/978-5-907298-16-3.44-47.

Polyakov A.V. Problemy khronologii i kul'turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin: cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2020, 53 p. (In Russ.).

Popov A.I. Blochnyi rel'ef na severe Zapadnoi Sibiri i v Bol'shezemel'skoi tundra. *Voprosy fizicheskoi geografii polyarnykh stran*, 1958. Vol. 1. P. 146–154. (In Russ.).

Savinov D.G. Drevnie poseleniya Khakasii: Torgazhak. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996, 112 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. K istorii arkheologicheskogo izucheniya Minusinskkh kotlovin. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovanii*, 1973. Vol. 6. P. 91–159. (In Russ.).

Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas'evskoi kul'tury. Barnaul: Azbuka, 2014, 380 p. (In Russ.).

Yamskikh G.Yu. Rastitel'nost' i klimat golotsena Minusinskoi kotloviny: monografiya. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Univ. Press., 1995, 180 p. (In Russ.).

Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Лурье В.М. https://orcid.org/ 0000-0003-0400-1396
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0908-0912
УДК 903.42+903.59+902.21

Ю.А. Васильева, А.А. Дудко✉
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Применение фотограмметрии при проведении археологических исследований на территории Сибири (по результатам работ в 2018–2021 годах)

Одним из средств сохранения и изучения объектов культурного наследия является аэрофотосъемка с использованием беспилотных воздушных судов в совокупности с комплексом фотограмметрических работ. В статье приводятся сведения о трехмерном моделировании территорий различных объектов археологического наследия, расположенных в Уральском и Сибирском федеральных округах Российской Федерации. Основные цели фотограмметрии – визуализация состояния территорий, занимаемых объектами археологического наследия, и анализ элементов рельефа современной поверхности, документирование археологических раскопок. В статье лаконично описаны оперативно-производственные цепочки действий при проведении археологических полевых работ – разведок и раскопок, кратко охарактеризованы научные результаты фотограмметрических работ на обследованных памятниках археологии. Кроме того, представлены основные недостатки методики фотограмметрии с использованием снимков, полученных при помощи беспилотных воздушных судов, вызванные несовершенством программного обеспечения и результатами аэрофотосъемки. В результате трехмерного моделирования создается визуальный объемный образ территории объекта археологии. Данные фотограмметрии использовались на практике как в ходе полевых работ (мониторинг технического состояния памятников археологии, определение пространственных характеристик элементов рельефа на территории объекта), так и в процессе подготовки научной отчетной документации (корректировка элементов топографического плана, планирование мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия; документирование раскопа, его элементов, стратиграфических и планиграфических разрезов, конструкций, сооружений и т.д.). Развитие технологий трехмерного моделирования способствует получению более качественной информации об исследуемых объектах, на сегодняшний день это один из надежных и простых способов визуализации объектов культурного наследия.

Ключевые слова: *объект археологического наследия, фотограмметрия, полигональная модель, ортофотоплан, беспилотное воздушное судно.*

Yu.A. Vasileva, A.A. Dudko✉
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Application of Photogrammetry in Archaeological Research in Siberia (Based on the Results of Work in 2018–2021)

One of the means to preserve and study cultural heritage objects is aerial photography by unmanned aircrafts combined with a complex of photogrammetric techniques. The article provides data on 3D-modeling of the territories of various archaeological heritage objects located in the Ural and Siberian federal districts of the Russian Federation. The main goals of photogrammetry are visualization of the state of areas with such objects, analysis of relief elements of the modern surface, and documentation of archaeological excavations. The article concisely describes the chaîne opératoire – operational and production chains of actions during archaeological field work – inspection and excavation and briefly describes the scientific results of photogrammetric work at the surveyed archaeological sites. In addition, the main disadvantages of the photogrammetry technique when using images taken by unmanned aircraft caused by the imperfections of the software and at times the unsatisfactory results of aerial photography are presented. With the help of three-dimensional modeling, we can create a visual 3D image of the territory of an archaeological site. Photogrammetry data were used in practice, both during

field work (monitoring the technical condition of archaeological objects, determining the spatial characteristics of relief elements on the site), and in the process of writing various scientific reports (correcting elements of the topographic plan, planning measures to ensure the preservation of archaeological heritage objects; keeping records of a dig site and its sections, stratigraphic and planigraphic profiles, constructions, structures, etc.). The development of 3D-modeling technologies contributes to obtaining more precise information about the objects under study; currently it is one of the most reliable and simple ways to visualize cultural heritage objects.

Keywords: *archaeological heritage object, photogrammetry, polygonal model, orthophotoplane, unmanned aircraft.*

Объекты археологического наследия являются материальным капиталом национальной культуры, и задача его сохранения стоит перед всем российским обществом, а не только перед археологами, историками, антропологами и т.д. В современном мире существует множество факторов, угрожающих разрушением или уничтожением памятникам археологии, как выявленным, так и не известным еще науке на сегодняшний день. Одним из средств сохранения и изучения памятников археологии, прочно укрепившимся в инструментарии специалистов-археологов, является аэрофотосъемка с использованием беспилотных воздушных судов в совокупности с комплексом фотограмметрических работ.

В полевые сезоны 2018–2021 гг. авторы статьи, в рамках выполняемых разведок и раскопок, производили аэрофотосъемку территорий различных объектов археологии, расположенных в Уральском и Сибирском федеральных округах Российской Федерации с созданием для каждого из них пакета электронных файлов-документов, основными визуальными компонентами которого являются полигональная модель, цифровая модель местности и ортофотоплан.

Основные цели таких работ – визуализация состояния территорий, занимаемых объектами археологического наследия и анализ элементов рельефа современной поверхности, документирование археологических раскопок.

За 4 полевых сезона было обследовано 23 объекта.

1. Новосибирская область:

– Стоянка Сарапулка – полученный в ходе археологических раскопок комплекс фотограмметрических данных, вкупе с результатами раскопок, свидетельствует о кратковременных эпизодах посещения стоянки;

– Курганный могильник Заречно-Убинское-1 (раскоп 2019 г.) – основываясь на цифровой модели рельефа, стало возможным детально зафиксировать слабовыраженные характеристики курганной насыпи до начала исследования;

– Стоянка Волчья Грива – комплекс фотограмметрических данных позволяет существенно дополнить и детализировать топографический план земельного участка, занятого стоянкой, и визуализировать современное состояние объекта при составлении проектных решений предполагаемой музеефикации.

2. Кемеровская область – Кузбасс. Стоянка Тайлеп 4–8, Стоянка Зеленый Луг 2, 3, Стоянка Сарбала 3а, Сарбалинская стоянка (она же Стоянка Сарбала 1) – все эти объекты были выявлены в 2021 г. и попадают в зону хозяйственного освоения угледобывающими компаниями региона. Полученные в ходе реализации программы трехмерного моделирования территорий стояночных комплексов данные служат верифицируемым источником для разработки проектов мероприятий по сохранению объектов культурного наследия и позволят наглядно демонстрировать проектные решения перед заказчиками работ.

3. Красноярский край. Стоянка «Станция Лозичная», стоянка «Лагерь «Чайка» – объекты располагаются в зоне расширения железной дороги, данные трехмерного моделирования были использованы при подготовке топографических планов и разработке проектов мероприятий по обеспечению сохранности этих памятников.

4. Республика Хакасия:

– «Абакан-15. Одиночный курган» – по результатам трехмерного моделирования детально охарактеризовано современное состояние погребальной надмогильной конструкции и прилегающей территории, данные использовались при разработке проекта мероприятий по обеспечению сохранности кургана;

– «Могильник Казановка-10» – фотограмметрические работы проводились на ряде участков памятника, с целью детальной фиксации археологизированных объектов (ям, сооружений, скоплений камней и т.д.) и последующим использованием этих данных в подготовке научной отчетной документации.

5. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (на всех исследованных объектах фотограмметрические работы проводились как на этапе фиксации современной поверхности, так и в ходе раскопок):

– селище Кулунигый 5 (раскоп 4, 2019 г.) – по материалам фотограмметрии производилась фиксация, составление чертежей и описание археологизированных сооружений;

– группа впадин Кулунигый 64 – совокупность полученных данных трехмерного моделирования позволила наглядно демонстрировать погребальный характер объекта и локализовать распространение могильного поля;

– группа впадин Кулунигый 66 – данные трехмерного моделирования позволили детально охарактеризовать и визуализировать состояние внешнего вида археологизированных сооружений (ям-ловушек) на момент раскопок, серия планиграфических разрезов, выполненных по мере разбора отложений в раскопе, демонстрирует изменчивость пространственных и метрических характеристик этих сооружений;

– поселение Кулунигый 71 – комплекс цифровой документации позволяет охарактеризовать динамику освоения мысовидного участка террасы, выявлять последовательность естественных нарушений и смещения рыхлых отложений в пространстве;

– группа впадин Кулунигый 72 – данные фотограмметрии использовались при разработке проекта мероприятий по обеспечению сохранности объекта археологического наследия, ортофотопланы использовались для составления научной отчетной документации;

– могильник Кулунигый 73 – данные трехмерного моделирования позволили визуализировать состояние внешнего вида объекта, по материалам фотограмметрии производилась фиксация, составление чертежей и описание археологизированных сооружений.

6. Ямало-Ненецкий автономный округ. «Стоянка Сабрявпензя» – объект находится в зоне строительства нитки магистрального газопровода. Данные трехмерного моделирования были использованы при подготовке топографического плана, подготовке научной отчетной документации и разработке проектов мероприятий по обеспечению сохранности стоянки.

На выполнение разовых полетов воздушных судов массой 0,25–30 кг берется соответствующее разрешение в Федеральном агентстве воздушного транспорта (можно оформить через портал *Госуслуги*). Кроме того, на рынке представлены воздушные суда массой менее 0,25 кг, не требующие специальных разрешений, но и проигрывающие по качеству съемки.

Производственно-оперативная цепочка при съемке состоит из нескольких этапов.

На первом этапе выполняется облет обследуемой территории с использованием беспилотного воздушного судна (в нашем случае использовались квадрокоптеры DJI Phantom 4 Proffesional и Mavic 2 Zoom Pro со стандартными объективами, предварительно откалиброванными). Фотографическая съемка велась в 2–4 проекциях в плановом режиме (камера направлена строго вниз), дополнительно производилась съемка под произвольным углом. Разрешение съемки от 1,28 мм/пикс до 2,47 см/пикс. Частота снимков с шагом перекрытия 40–60 %. Средняя высота полета – 50–70 м над современной дневной поверхностью, в некоторых случаях до 100 м. Позиционирование воздушного судна определяется в системе координат WGS-84, привязка к региональной системе координат производилась в зависимости от целесообразности. Суммарная дисторсия на первичном разведочном этапе археологических работ не имеет существенного значения, при проведении раскопочных работ увязка производилась по контрольным опорным точкам (маркерам), снятым в местной системе координат при помощи электронного тахеометра или двухчастотного GPS-приемника. Использовались как самостоятельно изготовленные маркеры (полотно белого цвета с центровкой в виде перекрестья, размерами 0,5 × 0,5 м или 1 × 1 м), так и стандартные, предлагаемые программой Agisoft PhotoScan (металлическая пластина с графическим и цифровым кодом, размерами 0,045 × 0,045 м или 0,2 × 0,2 м). Размерность маркеров зависит от масштаба производимой съемки.

На следующем этапе выполнялась пакетная обработка массива данных в программе Agisoft Metashape Professional (ранее PhotoScan). Предваряют процедуру выравнивание и оптимизация камер (фотографий). На основе полученной съемки строится плотное облако точек, затем выстраиваются карта высот, полигональная модель, цифровая модель местности и ортофотоплан [Усманов, Гайнуллин, Хомяков, 2018; Цзя Сяобин, 2017; Чжоу Чжэньюй, 2017]. В результате трехмерного моделирования создается визуальный объемный образ территории объекта археологии. Экспорт полученных данных возможен в различные форматы – от JPG до KMZ.

Список задач, которые можно выполнять на основе данных аэрофотосъемки в совокупности с комплексом фотограмметрических работ, значителен, приведем некоторые из них:

– корректировка плановых элементов топографического плана;

– определение пространственных характеристик элементов рельефа объекта археологии и археологизированных сооружений;

– использование полученных изображений для качественного описания территории объекта археологического наследия и его элементов;

– ландшафтно-топографическая характеристика территории объекта археологического наследия;

– мониторинг технического состояния памятников археологии во временной динамике;

– планирование мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия;

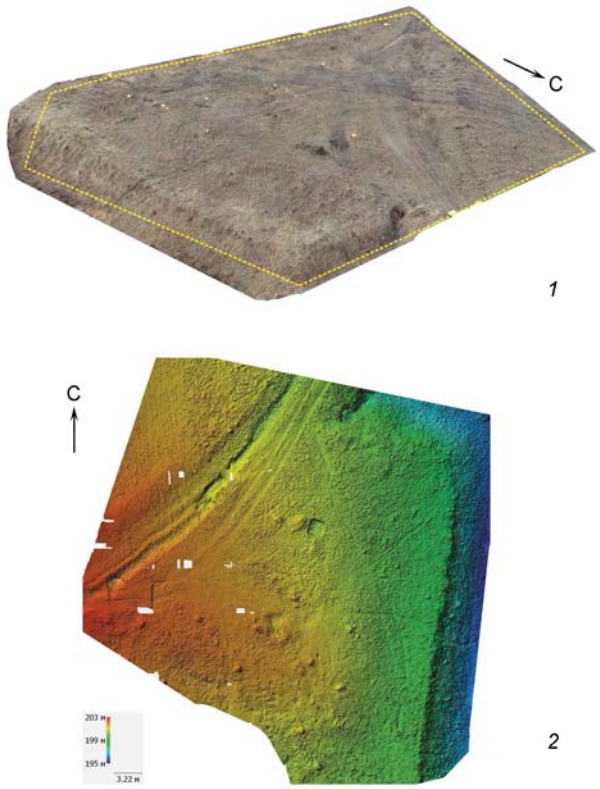

Рис. 1. Выявленный объект археологического наследия «Стоянка Сарапулка».
1 – ортофотоплан; *2* – цифровая модель рельефа.

– документирование раскопа, его элементов, стратиграфических и планиграфических разрезов, конструкций, сооружений и т.д.

Тем не менее, данная технология, хоть и имеет уже повсеместное распространение в археологии, имеет ряд недостатков, проигрывая лазерному сканированию. Перечислим основные:

– искажение высот, габаритов и формы зданий на открытой местности [Хрущ, 2018];

– отсутствие точек рельефа и текстур под растительностью;

– проявления «эффекта колодца» (в стесненных участках без возможности качественного стереомоделирования коррелятор не создает облако точек) [Рыльский, Калинкин, 2017];

– отсутствие данных или некорректное отображение высоких элементов с малой площадью в основании (столбы, вышки и т.д.);

– искажение формы и шум облака точек;

– принцип корреляции в программных продуктах для аэрофотосъемки не позволяет отображать резкие перегибы рельефа [Михеева, Ялтыхов, Парадня, 2021].

Таким образом, данные аэрофотосъемки с комплексом фотограмметрических работ не могут заменить полноценную топографическую съемку территории, но могут использоваться в качестве подосновы для ее подготовки.

Документирование раскопа и его частей является отдельной областью применения трехмерного моделирования и ортотрансформирования снимков. В оперативно-производственную цепочку добавляются следующие этапы:

– перед фотографической съемкой планиграфического или стратиграфического разреза на его поверхности размещаются контрольные точки (мар-

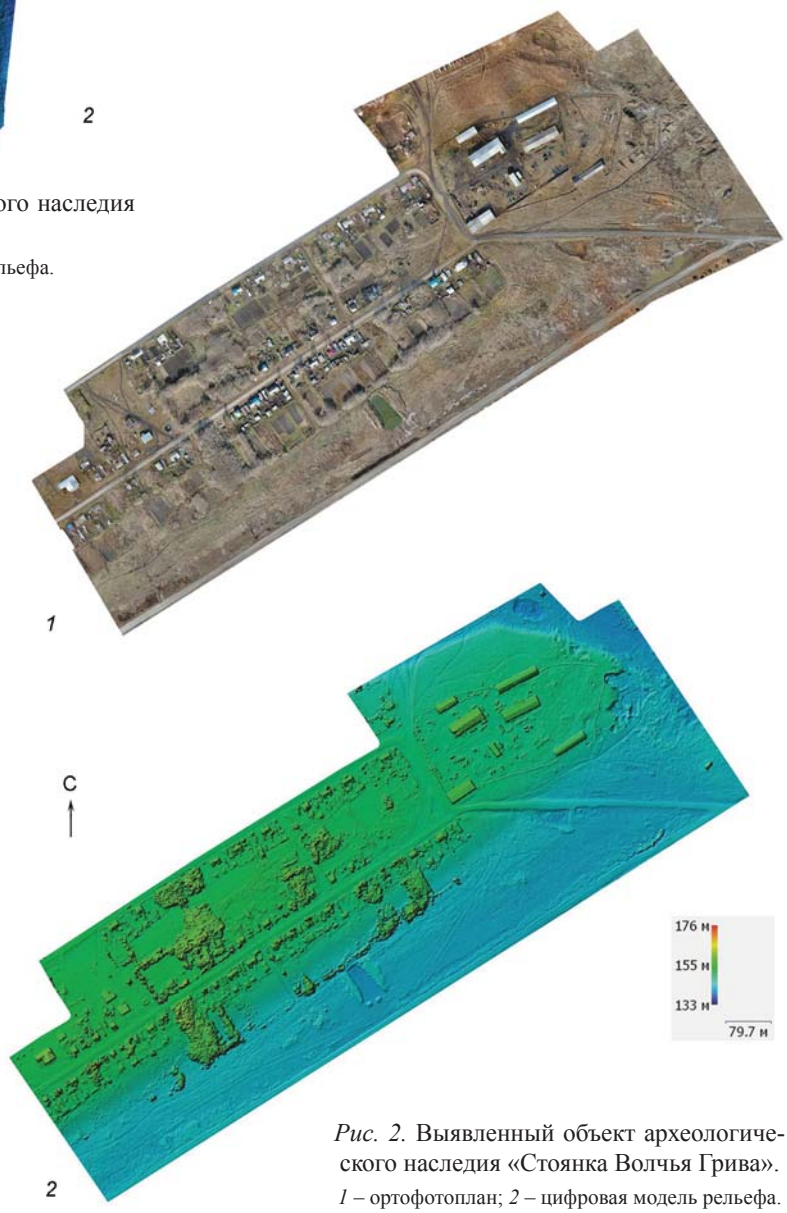

Рис. 2. Выявленный объект археологического наследия «Стоянка Волчья Грива».
1 – ортофотоплан; *2* – цифровая модель рельефа.

керы), при помощи геодезического оборудования определяются их координаты в используемой системе координат;

– после загрузки в Agisoft Metashape Professional фотографий (камер) производится поиск маркеров и подтверждение неопознанных программой маркеров;

– после выравнивания и оптимизации камер, построения плотного облака точек производится импорт координат с отбраковкой по мере необходимости маркеров, дающих недопустимую погрешность;

– после построения ортофотоплана из него вырезается и экспортируется требуемый полигон в заданной системе координат в программы для создания растровых чертежей, например AutoCAD, IndorCAD и т.д.

Одними из главных преимуществ фотограмметрии является возможность повторного обращения к полученному визуальному объемному образу объекта и верификация результатов работы на любом ее этапе.

Развитие технологий цифровой фотосъемки с использованием беспилотных воздушных судов, программ автоматической генерации 3D-точек и цифрового ортотрансформирования снимков способствует получению более качественной информации об исследуемых объектах, представлению результатов работ общественности и, как следствие, сохранению и изучению историко-культурного наследия.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Михеева А.А., Ялтыхов В.В., Парадня П.Ф. Создание ортофотоплана в программе Agisoft PhotoScan // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Строительство. Прикладные науки. – Полоцк: Изд-во Полоцк. гос. ун-та, 2021. – № 8. – С. 13–20.

Рыльский И.А., Калинкин И.В. Сравнение пригодности данных воздушного лазерного сканирования и аэрофотосъемки с БПЛА для обеспечения проектных работ // ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий в условиях глобальных изменений климата. Материалы Международной конференции Южно-Сахалинск (Россия), Сеул (Республика Корея), Вашингтон (США) 26 июня – 7 июля 2017 г. – М.: Изд-во Москов. гос. ун-та, 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 31–46.

Усманов Б.М., Гайнуллин И.И., Хомяков П.В. Комплексная оценка современного состояния территории Болгарского городища (Татарстан, Россия) // Поволжская археология. – Казань: Фән, 2018. – № 2 (24). – С. 326–341.

Хрущ Р.М. Фотопланы (ортофотопланы): сущность, содержание и развитие методов, способов и средств трансформирования снимков // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. – М.: ИД Медиа Паблишер, 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 94–102.

Цзя Сяобин Применение информационных технологий в региональных археологических исследованиях // Universum Humanitarium. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2017. – № 1. – С. 144–164.

Чжоу Чжэньюй Применение технологий трехмерной реконструкции в палеолитической археологии // Universum Humanitarium. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2017. – № 1. – С. 120–143.

References

Chzgou Chzgeniyi Primenenie tekhnologiy trekhmernoy rekonstruktsii v paleoliticheskoy arkheologii. In *Universum Humanitarium*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2017, no 1. P. 120–143. (In Russ.).

Khrush R.M. Airplans (orthophotomaps) essence, content and the development of methods, ways and means of photo transformation. In *High technologies in Earth Space research*. Moscow: ID Media Publ., 2018. Vol. X, no 3. P. 94–102. (In Russ.).

Mikheeva A.A., Yaltykhov V.V., Paradnya P.F. Creation of orthophotoplan in Agisoft PhotoScan software. In *Vestnik Polozkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya F. Stroitelstvo. Prikladnye nauki.* Polozk: Polozk State Univ. Press, 2021. Vol. 8. P. 13–20. (In Russ.).

Rylskiy I.A., Kalinkin I.V. Sravnenie prigodnosti dannyh vozduchnogo lazernogo scanirovaniya i aerofotosiemki s BPLA dlya obespecheniya proektnyh rabot. In *Conferencia InterCarto/InterSIG. Proceedings of the International Conference GI support of sustainable development of territories in conditions of global climate change*. Moscow: Moscow State Univ. Press, 2017. Vol. XXIII, no 3. P. 31–46. (In Russ.).

Tszhya Syaobin Primenenie informatsionnykh tekhnologiy v regionalnykh issledovaniyakh. In *Universum Humanitarium*. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2017, no 1. P. 144–164. (In Russ.).

Usmanov B.M., Gaynullin I.I., Khomyakov P.V. Kompleksnaya otsenka sovremennogo sostoyaniya territorii Bolgarskogo gorodisha (Tatarstan, Russia). In *Povolzgskaya arkheologiya*. Kazan: Fen Publ., 2018, no 2 (24).P. 326–341. (In Russ.).

Васильева Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-4955-2749
Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0913-0920
УДК 902/904

А.В. Выборнов✉, С.А. Когай, А.С. Кравцова, А.А. Тимощенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Археологические материалы таштыкской эпохи на стоянке Казановка-14 в Аскизском районе Республики Хакасия

Представляются обобщенные сведения о спасательных археологических раскопках Стоянки Казановка-14 в 2021 г. Стоянка расположена на правом берегу р. Аскиз, на небольшом надпойменном возвышении подошвы окраин Абаканского хребта. В непосредственной близости от стоянки в 2020 г. были изучены курганы периода поздней бронзы и тагарской культуры могильника Казановка-12. Стоянка представляет собой культурный слой, залегающий на делювиальном шлейфе на относительно небольшой глубине от современной дневной поверхности. Культурный слой включает как разрозненные артефакты и костное сырье, так и остатки сгоревшей постройки с серией керамических сосудов. Археологический материал залегает неравномерно, выделяются отдельные участки концентрации костей животных, в т.ч. обработанных. В составе предметного комплекса – керамическая посуда (сосуды разных размеров, главным образом открытой формы, с прямым и округлым венчиком, орнаментацией верхней части в виде «свисающих» треугольников, полукруглых и треугольных вдавлений), предметы вооружения (костяные, как правило, удлиненно-ромбические и металлический ярусный наконечники стрел; фрагмент панцирной пластины), детали одежды (ременные накладки). Среди находок выделяются плитки песчаника с вырезанными изображениями. На основании предметного комплекса объект датируется поздними этапами таштыкской эпохи (середина I тыс. н.э.). Раскопом изучена сохранившаяся окраина поселения, сберегшая свидетельства активного косторезного и, возможно, металлургического производства. С учетом небольшого числа исследованных поселенческих объектов Хакасско-Минусинской котловины, Стоянка Казановка-14 предоставляет уникальные возможности для характеристики хозяйственной жизни таштыкского населения и соотнесения бытового и погребального предметного комплексов, известных по склепам.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, таштыкская эпоха, стоянка, культурный слой, керамические сосуды, мобильные петроглифы.*

A.V. Vybornov, S.A. Kogai, A.S. Kravtsova, A.A. Timoshchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Archeological Materials of the Tashtyk Culture at the Kazanovka-14 Site in the Askizsk District of the Khakassia Republic

General information on archaeological excavations at the Kazanovka-14 site in 2021 is presented. The site is located on the right bank of the Askiz river on a small elevation above the floodplain at the foothills of the Abakansky mountain range. In 2020, mounds of the Late Bronze Age and Tagar culture of the Kazanovka-12 burial ground in the immediate vicinity of the camp were investigated. The site consists of a cultural layer deposited on a dealluvial plume at a relatively shallow depth from the present day surface. The cultural layer includes both scattered artifacts and bone material as well as the remains of a burnt construction with a series of pottery vessels. The archaeological material is unevenly deposited, with isolated concentration spots of animal bones, including processed bones. The archeological assemblage includes various ceramics

(vessels of the different sizes, (mainly of the opened form, with a recessed and rounded rim, ornamentation of the top part in the form of dangling triangles, semicircular and triangular indentations), weaponry (arrowheads made of bone, as a rule, elongated-rhombic, and metal, tiered; fragment of an armor plate), fragments of clothing (belt cover plates). Among the finds, sandstone tiles with carved images stand out. On the basis of the finds complex, the site dates to the later stages of the Tashtyk epoch (middle of the 1st millenium A.D.). The surviving outskirts of the settlement, with preserved evidence of active bone carving and possibly ceramic production were excavated and examined. Given the small number of investigated settlement sites in the Khakass-Minusinsk Basin, Kazanovka-14 represents unique opportunities to characterize the economic life of the Tashtyk population and correlate the household and funerary object complexes known from the crypts.

Keywords: *Khakass-Minusinsk basin, Tashtyk epoch, site, cultural layer, ceramic vessels, mobile petroglyphs.*

Рубежи географических зон, как и т.н. переходные периоды между историческими эпохами, обеспечены пристальным вниманием исследователей – сближение исторических реалий, появившихся в разных условиях, показывает суть их своеобразия. У современной дер. Казановка, в районе выхода р. Аскиз из горно-таежной местности Абаканского кряжа в степные просторы Хакасско-Минусинской котловины исследованы десятки археологических объектов от афанасьевской культуры до этнографической современности [Боковенко, Кулимеева, 2012, с. 82]. В подобных местах появляется уникальная возможность проследить культурно-хронологическое взаимодействие между населением разных географических зон; адаптацию культур на пограничных территориях, где возникает необходимость освоения значительно дифференцированных ресурсов; определить детерминанты трансформации материальной культуры и духовных представлений.

В зоне строительства второго пути железной дороги Междуреченск – Тайшет предгорной части долины р. Аскиз в 2019–2021 гг. обнаружены и исследованы археологические объекты, отражающие практически непрерывную историю от ранней бронзы до позднего Средневековья [Выборнов, Чертыков, 2019]. Большая часть выявленных объектов – погребальные комплексы афанасьевской, окуневской, карасукской, тагарской культур. Более поздние эпохи представлены стояночными комплексами. Среди них – стоянка Казановка-14, на которой в 2021 г. спасательными археологическими раскопками исследован участок однослойного размещения остатков жизнедеятельности, связываемой с населением таштыкской эпохи.

Стоянка расположена в Аскизском р-не Республики Хакасия, за северо-западной окраиной с. Казановка (рис. 1). Стоянка располагается на надпойменной возвышенности правого берега р. Аскиз. Подъемный материал в обнажениях откосов железной дороги и закладка шурфов в ходе полевых работ НПО «АИКЭ» 2020 г. по открытому листу О.В. Ковалевой показал наличие разрозненных артефактов и скоплений костей животных и дал основание для выделения границ выявленного объекта археологического наследия «Стоянка Казановка-14».

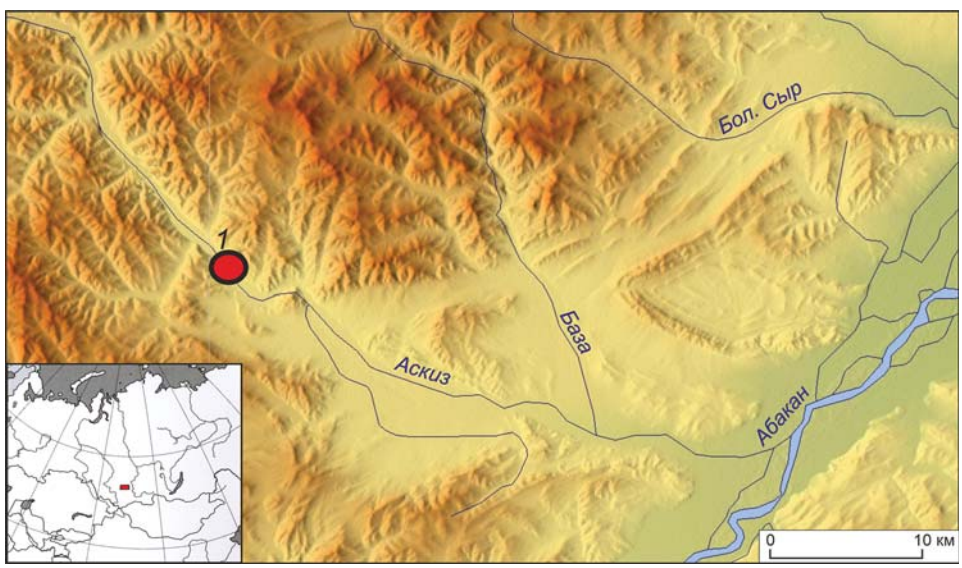

Рис. 1. Юго-запад Хакасско-Минусинской котловины.
1 – положение Стоянки Казановка-14 в долине р. Аскиз.

Культурный слой распространяется на северо-восточной стороне уплощенной надпойменной возвышенности. Также присутствуют остатки построек населения долины р. Аскиз XIX–XX вв. Площадь возвышенности может являться древней поверхностью обитания, часть которой была исследована экспедицией НПО «АИКЭ» в 2020 г. сплошным раскопом на площади курганного могильника Казановка-12. Между курганным могильником и стоянкой располагается выемка для железной дороги глубиной 3–9 м и шириной ок. 22–25 м (рис. 2).

В ходе разведки 2020 г. выделены выраженные в рельефе структуры, представленные округлыми каменными выкладками, зафиксированными в обнажениях грунтовых дорог на северном и северо-западном склонах возвышенности. Это слабовыраженные в рельефе скопления камней с высоким центром и плавными склонами. Сложены из камней различных пород, преимущественно из песчаника и брекчии среднего размера (15–20 см). Диаметр выкладок – ок. 3 м. Раскопки 2021 г. показали отсутствие каких-либо антропогенных проявлений в этих концентрациях мелких камней. Возвышенность покрыта низкой степной растительностью. Многочисленные нарушения – грунтовые дороги, рвы глубиной до 0,5 м, остатки сооружений деревни XX в., небольшие западины от ограждения железной дороги, столбов линий электропередач. Раскоп площадью 6 343 м^2 заложен на полосе вдоль края выемки железной дороги на протяжении ок. 240 м средней шириной ок. 30 м, ориентированной длинными сторонами по направлению юго-восток – северо-запад. Раскоп разбит на 45 условных частей, конфигурация которых обусловлена технологией производства работ в зоне отвода железной дороги.

Обобщенная стратиграфическая колонка представляет собой следующее чередование отложений.

Слой 1. Супесь пылеватая, темно-серая до черной, гумусированная. Мощность 0,03–0,2 м.

Слой 2. Суглинок мелкокомковатый, темно-бурый. Включения – многочисленный мелкий щебень. В глубину светлеет, повышается количество мелкого камня. Видимая мощность – до 0,25 м.

Слой 3. Суглинок светло-бурый, мелкокомковатый, каменистый. Фиксируются обломки камней различной породы до 0,3 м. Видимая мощность – от 0,1 м.

Слой 4. Слой из мелких и средних обломков камней различной породы. Мощность – от 0,05–0,1 м до 0,3–0,5 м.

Археологические предметы залегают на контакте слоев 1 и 2, на глубине 0,03–0,2 м от современной поверхности. Слои 3–4 являются продуктом склоновых процессов, сформировавших полосы седиментации различных форм породы (валуны, крупнообломочный материал и т.д.), располагающихся конусообразно с вершиной у южной подошвы возвышенности. На отдельных участках фиксируются следы склоновых отложений, техногенных набросов, перекрывающих отдельные слои.

Рис. 2. Общий вид места расположения Стоянки Казановка-14.

Культурный слой представлен артефактами и остатками костей животных, разрозненными и в скоплениях, серией разрушенных сооружений, залегающих на делювиальных отложениях мелкощебнистого суглинка и покрытого гумусированной супесью современного почвенно-растительного горизонта. Средняя глубина залегания культурного слоя 0,05–0,2 м от современной дневной поверхности. В раскопе выделяются несколько участков концентрации следов антропогенной деятельности. Наиболее крупный и насыщенный находками – южный участок (части 2–9), здесь сосредоточены находки развалов керамических сосудов и сгоревших конструкций. Средний участок раскопа (части 14–25) содержит многочисленные скопления костей животных и отдельные артефакты. В северной половине раскопа находки немногочисленны (части 26–45), но среди них весьма представительные, например, металлический зашлакованный сплеск, свидетельствующий о металлургическом производстве на территории стоянки.

Важнейшая структура на стоянке была выявлена на южном участке – это следы сгоревшей деревянной конструкции, сосредоточенной в частях 2–4. Слой с остатками сооружения и сопутствующими находками сосредоточен на контакте слоя 1 и 2 и частично отражен в виде тонкой (до 0,1 м толщиной) линии темно-серой до черной супеси, углистой, со следами прокала. Структура пылеватая, текстура относительно однородная, выделяются линзы прокала, концентрации углей. Является результатом разрушения деревянных конструкций. Подошва соответствует древней дневной поверхности, толща содержит остатки жизнедеятельности: кости животных – кальцинированные, слабообожженные, со следами огня и без таковых, обломанные и целые; обожженная глина; целые и фрагментированные детали снаряжения, посуда и другие предметы.

В плане на частях 2–5 выделяется шлейф крупнообломочного материала, протянувшийся согласно уступу склона с северо-запада на юго-восток. На его западном краю, выше по склону, фиксируются остатки сгнивших и сгоревших деревянных плах и столбов, не менее двух столбовых ямок, серия переотложенных в древности камней (покрывают фрагменты сгоревших конструкций и артефакты), прокаленные участки грунта. Это край сооружения, центр которого расположен на относительно ровной площадке склона и представлен остатками сборных деревянных элементов, сгоревшими до угля плахами и жердями, часть сохранилась в виде древесного тлена. Между находками сгоревших жердей – не менее 7 небольших углублений (столбовых ямок). Расстояние между крайними ямками – около 13 м по линии склона (юго-запад – северо-восток), поперек – ок. 7 м. На этом пространстве зафиксирована единственная, расположенная убедительно *in situ* часть сооружения – это подпрямоугольный контур из плах в один ряд, прилегающих окончаниями вплотную друг к другу, между ними – скопление относительно чистой, отвердевшей и прокаленной глины, покрывающей плахи. Размеры контура – 2 × 2 м, ориентирован сторонами по линии юго-запад – северо-восток (согласно ориентации склона и общих руин конструкции). Плахи были расположены на древней дневной поверхности. По-видимому, это центральная часть постройки – остатки очага. К востоку от него большое скопление кальцинированных костей и переотложенного прокаленного грунта. Выделяются три участка концентрации развалов керамических сосудов, стоящих на дне, внутри сгоревшей конструкции.

Судя по расположению и направлению жердей и столбовых ямок, на площади частей 2–4 зафиксированы остатки одного или двух наземных сооружений. Сохранность объекта не позволила в рамках первичных наблюдений определить тип конструкции. Следует отметить, что в ней точно использовались упирающиеся в землю (столбовые) элементы и жерди-перекрытия. Судя по остаткам посуды и наличию сгоревших элементов, на этой части стоянки Казановка-14 они были уничтожены одномоментно и более на данной территории ничего не возводилось. Функция сооружения пока не определена однозначно – либо жилище, либо производственное сооружение (с учетом скопления подготовленной глины, возможно, для керамического производства).

Вопрос о сооружениях и составе находок на частях 2–4 стоянки Казановка-14 требует дополнительных исследований, включающих анализ образцов дерева и глины, моделирование планиграфии и структуры распространения находок. С одной стороны, жилища, как и поселения таштыкской эпохи в частности и в Хакасско-Минусинской котловине вообще, относительно редко изучаются широкими раскопами [Вадецкая, 1986, с. 139]. С другой стороны, благодаря некоторой лапидарности источника, эта тема имеет весьма яркие достижения, которые позволяют соотнести с ними результаты раскопок Казановки-14 и сделать пару предварительных выводов. Во-первых, характер исследованного объекта невозможно определять по части его раскопок. В отличие от изученных отдельных жилых сооружений таштыкского или тесинского времени [Лазаретов, Поляков, 2016; Гришин, Чертыков, Выборнов, 2020], основные сооружения стоянки Казановка-14, по-видимому, расположены ниже по склону, ближе к реке. Материалы изученной части показывают, что на стоян-

ке Казановка-14 как минимум присутствуют места временного (летнего) проживания и производственные площадки (косторезные и, возможно, металлургические, гончарные) [Абсалямов, Мартынов, 1979, с. 82]. Во-вторых, разработанная типология жилищ тагаро-таштыкского времени с привлечением этнографических материалов не позволяет однозначно судить о типе исследованной постройки. Преимущественная однонаправленность жердей делает маловероятной коническую форму кровли и скорее характерна для многоугольного жилища. При этом в раскопе на краю сооружения зафиксировано угловое соединение относительно крупных плах или бревен. Это может свидетельствовать о постройке шатрово-купольной формы каркасно-столбовой конструкции [Кызласов, 2005, с. 34]. Однако относительно небольшое количество элементов постройки и их размеры, с учетом нашего предположения о ее разрушении, а не запланированном оставлении, позволяют сравнивать обнаруженные структуры с типами «легких» наземных жилищ типа *алачик*, т.е. переносной шалаш [Кызласов, 2005, с. 30–33].

На остальной части раскопа стоянки обнаружены около десятка крупных скоплений костей животных и камней. Стратиграфическим расположением в культурном слое и присутствием следов воздействия инструмента на костях и рогах объясняется искусственное происхождение скоплений. Кости животных, неравномерно встречающиеся по всей площади раскопа, преимущественно мелкие, колотые, образуют небольшие участки концентрации. Судя по составу скоплений и их расположению, это кухонные отходы и продукты обработки кости и рога (рис. 3).

В культурном слое обнаружены многочисленные предметы, расположенные как в ассоциации со сгоревшими сооружениями и скоплениями костей, так и разрозненно по всей площади раскопа. Самая распространенная категория находок – фрагменты и развалы керамических сосудов (рис. 4). Сосуды преимущественно баночной формы, плоскодонные, венчик скругленный, орнаментирована зона под венчиком – «свисающими» треугольниками, заполненными треугольными вдавлениями, рядами (1–3 ряда) треугольных, прямоугольных и полукруглых вдавлений. Обнаружено несколько сосудов с керамическими «ушками» и следами ремонта железными скобами (могли выполнять функцию ручек?).

Обнаружена серия костяных наконечников стрел (рис. 5, *2*, *3*) разных размеров, но одного типа – четырехгранные, удлиненно-ромбические [Худяков, 1986, с. 95]. Найден один железный наконечник (рис. 5, *1*), относящийся к типу ярусных трехлопастных [Худяков, 1986, с. 92]. Обнаружен небольшой фрагмент железной пластины с отверстием, определяемый как часть панциря ламеллярного типа (рис. 5, *4*). Несколько сильно корроди-

Рис. 3. Скопление костей в слое на части 12 раскопа Стоянки Казановка-14.

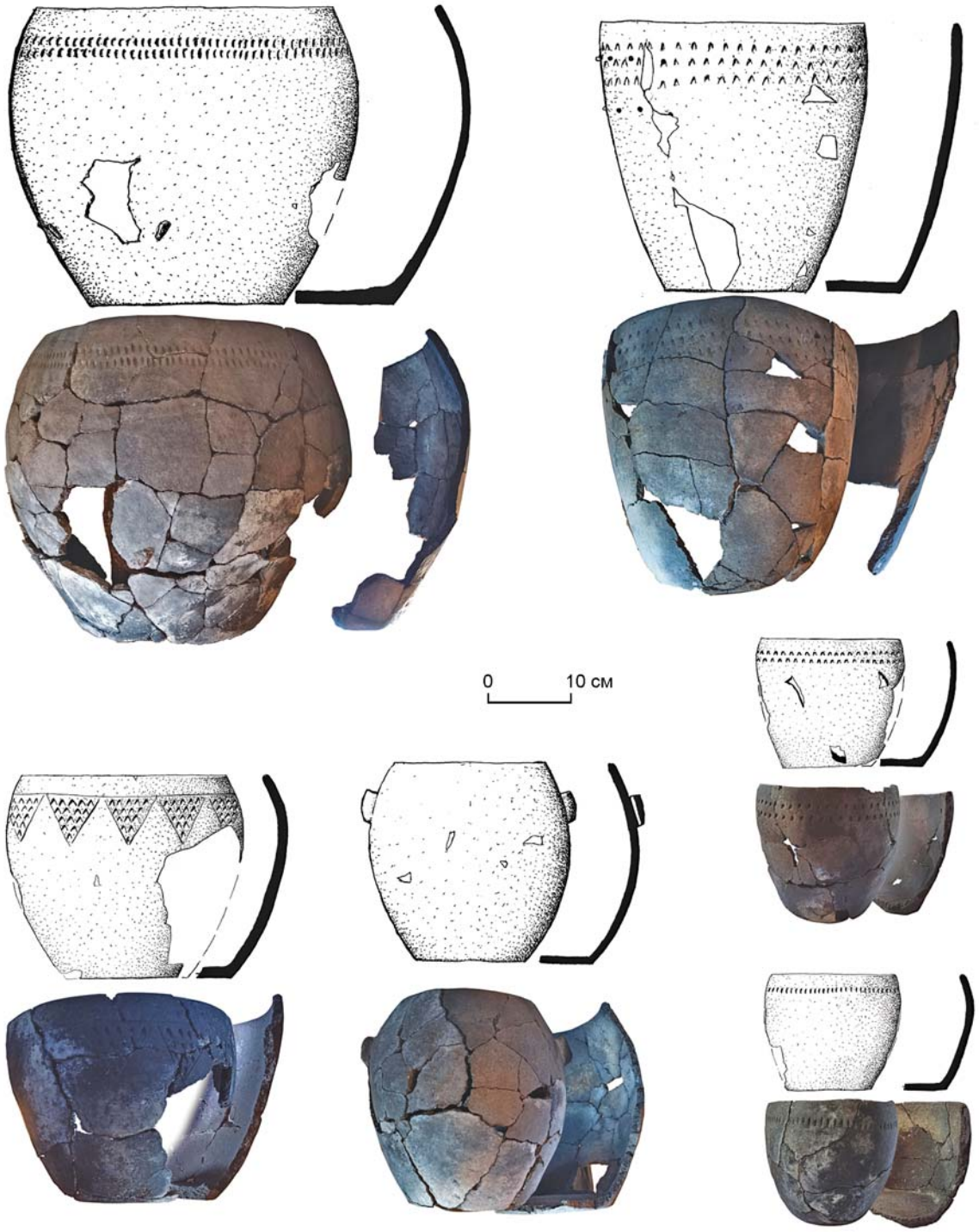

Рис. 4. Примеры керамических сосудов из раскопа Стоянки Казановка-14.

рованных железных изделий относятся к деталям поясной фурнитуры (рис. 5, *6*). Среди частей разрушенной постройки обнаружен фрагмент витого железного стержня (рис. 5, *7*). К деталям убранства человека относятся фрагменты костяных изделий – заколки с шаровидным навершием, пронизки-подвески (рис. 5, *8*, *9*). К предметам быта относятся пряслица из песчаника и керамики (рис. 5, *5*), каменные песты, оселки.

Вне ассоциации с какими-либо скоплениями были обнаружены предметы неутилитарной деятельности – астрагалы со знаками и плитки с изображениями. Найдено не менее трех астрагалов с простыми знаками – крест (рис. 5, *11*), косые насечки. Обнаружены две плитки красного девонского песчаника с вырезанными изображениями. На одной – сетка из пересекающихся линий, на другой (рис. 5, *10*) – изображение некоего трехчастно-

Рис. 5. Примеры артефактов из раскопа Стоянки Казановка-14.

1 – железный наконечник стрелы; *2, 3* – костяные наконечники стрел; *4* – фрагмент железной панцирной пластины; *5* – песчаниковое пряслице; *6* – фрагмент железной ременной накладки; *7* – фрагмент витого железного стержня; *8* – фрагмент костяной булавки; *9* – фрагмент костяного украшения; *10* – плитка песчаника с изображениями; *11* – астрагал с вырезанным крестообразным знаком.

го пространства (нижняя – стилизованные деревья; средняя – вертикальные полосы; верхняя – горизонтальные полосы).

Состав находок свидетельствует о принадлежности изученного культурного слоя таштыкской эпохи середины I тыс. н.э. Большая часть находок имеет аналогии в склепах и некоторых поселениях – это касается и керамических сосудов [Вадецкая, 1999, с. 104–107], и пряслиц [Комплекс…, 1979, рис. 56], и витых стержней [Вадецкая, 1999, с. 124] и других изделий. Некоторые изделия имеют достаточно широкую датировку и встречаются в грунтовых таштыкских могилах – сосуды [Там же, с. 44], костяные заколки-булавки [Там же, с. 35].

Таким образом, спасательными археологическими раскопками получены сведения о характере культурного слоя на периферии стояночного комплекса. Обнаружены отдельные артефакты и скопления костей, следы железоделательного производства, остатки деревянных сооружений, предметы искусства. Изученный комплекс представляет особый интерес для соотнесения материалов таштыкских погребальных и поселенческих объектов. Материалы стоянки Казановка-14 ярко дополняют историю степного населения на границе с горной тайгой и его адаптацию к своеобразной ресурсной базе в заключительный период южносибирской древности.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008. Авторы благодарят за активное участие в раскопках М.В. Селецкого и Р.В. Филатову, за иллюстрации артефактов Р.Б. Кадачигова, за консультации и обсуждение материалов раскопок Н.А. Боковенко и Л.В. Еремина.

Список литературы

Абсалямов М.Б., Мартынов А.И. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. – 1979. – Вып. 10. – С. 60-86.

Боковенко Н.А., Кулимеева В.К. Мониторинг археологических памятников в Республике Хакасия // Археологический памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). – СПб.: Инфо Ол, 2012. – С. 81–101.

Вадецкая В.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Вадецкая В.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.

Гришин А.Е., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Памятник Югачи-1 (Хакасско-Минусинская котловина) – новый источник по изучению позднетагарских древностей: могильник, поселение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 874–882. doi:10.17746/2658-6193.2020.26.874-882.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Минаев, М.Н. Пшеницына, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. – Москва; Самара: ИА РАН; Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2005. – 96 с.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хижина пастуха тыштыкской эпохи // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2016. – № 1 (13). – С. 64–66.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.

References

Absalyamov M.B., Martynov A.I. Poseleniya tagarskogo i perekhodnogo tagaro-tashtykskogo vremeni v Khakassko-Minusinskoi kotlovine i Achinsko-Mariinskoi lesostepi. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri,* 1979, iss. 10. P. 60–86. (In Russ.).

Bokovenko N.A., Kulimeeva V.K. Monitoring arkheologicheskikh pamyatnikov v Respublike Khakasiya. In *Arkheologicheskii pamyatniki Rossii: okhrana i monitoring. Gruppa arkheologicheskogo monitoringa IIMK RAN (2001–2010).* St. Petersburg: Info Ol, 2012. P. 81–101. (In Russ.).

Grishin A.E., Chertykov V.A., Vybornov A.V. Yugachi-1 (Minusinsk Depression) Site, New Object for Studying Late Tagar Antiquities: Burial and Settlement In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 874–882. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.874-882/

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1986, 268 p. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minaev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei na Enisee. Novosibirsk: Nauka, 1979, 167 p. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altaiskikh drevnostei. Moskva-Samara: IA RAS; Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei im. P.V. Alabina, 2005, 96 p. (In Russ.).

Lazaretov I.P., Polyakov A.V. A shepherd's hut of the tashtyk epoch. *Sayan-Altai scientific review,* 2016, No 1 (13). P. 64-66. (In Russ.).

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 201. Vol. XXV. P. 766–773. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773/

Vadetskaya V.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 179 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. The Tashtyc epoch in the ancient history of Siberia. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 440 p. (In Russ.).

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Кравцова А.С. http://orcid.org/0000-0001-8709-5935
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0921-0927
УДК 902/904

А.В. Выборнов✉, А.С. Кравцова, А.А. Тимощенко
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Погребения тагарской и тесинской культур в кургане 1 курганного могильника Скальная-4

Публикуются первые сведения об исследованном спасательными работами кургане 1 курганного могильника Скальная-4 в Хакасско-Минусинской котловине (Аскизский р-н, Республика Хакасия). Курган располагается на западном склоне горы Уйтаг и является частью большого курганного поля тагарской культуры. Археологическим раскопом описан выраженный в рельефе курган и прилегающая территория. Получены сведения о конструкции погребального сооружения, количестве и составе могил. Курган относится к подгорновскому этапу тагарской культуры. Внутри «четырехкаменной» ограды были сооружены две могилы – первая центральная и более поздняя северная. Могилы имели каменное покрытие, в каждой из них находились нарушенные скелеты. В могилах были расположены керамические сосуды, погребальная пища. В период тесинской культуры на площади кургана было произведено впускное погребение двух человек. Оно сооружено у юго-восточной угловой стелы в каменном ящике с перекрытием из плит песчаника. В составе погребального инвентаря – керамические сосуды, железный нож, бусины из камня и пасты, точильный камень в футляре с бронзовым навершием. Четвертая могила, предположительно связанная с периодом строительства кургана, представляет собой узкую яму глубиной ок. 1 м, впущенную у восточной стенки ограды. В яму были помещены разрозненные кости неполного скелета человека, в отдельной нише был установлен череп. Помимо погребальных сооружений, на прилегающей территории зафиксированы несколько углублений и камней, относящихся к периоду сооружения кургана. Полученные материалы заметно дополняют насыщенную источниками проблематику истории населения Южно-Минусинской котловины VII в. до н.э. – III в. н.э.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, тагарская культура, подгорновский этап, тесинская культура, курган, могила.*

A.V. Vybornov✉, A.S. Kravtsova, A.A. Timoshchenko
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Burials of the Tagar and Tesin Cultures in Kurgan 1 of the Skalnaya-4 Kurgan Burial Ground

The preliminary results of rescue excavations of the kurgan 1 at the Skalnaya-4 kurgan burial ground in the Khakass-Minusinsk basin (Askizskiy district, Republic of Khakassia) is published. The kurgan is located on the western slope of the Uytag Mountain and is a part of a larger kurgan field of the Tagar culture. The kurgan and the surrounding area as expressed in relief are described in our archaeological excavation report. Data on the design of the burial construction as well as on the number and composition of the graves are presented. The kurgan belongs to the Podgornovo stage of the Tagar culture. Inside the "four-stone" fence, two graves were built, one in the center and more recent one to the north. Each grave with one disturbed skeleton inside had a stone cover. The graves also contained ceramic vessels and funeral food. During the Tesinskaya stage two intrusive burials were made in the kurgan area. One of them, with two graves, both in stone vaults with a sandstone slab ceilings, were constructed near the south-eastern corner stele. The burial goods include ceramic vessels, an iron knife, stone and paste beads and a sharpening stone in a case with a bronze pommel. The second grave (about 1 m deep narrow pit) was dug near the eastern wall of the fence. Scattered bones of an incomplete human skeleton were interred in it and a skull without a lower jaw was placed in a separate niche. In addition to the burial structures, several pits and stones dating back to the period of the kurgan construction were discovered in the surrounding territory. The obtained materials noticeably compliment already abundant sources to study the agenda of the South Minusinsk Basin history in the 7th Century BC – 3rd Century AD.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Basin, Tagar culture, Podgornovo stage, Tesin culture, kurgan, mound.*

Тагарская культура раннего железного века является одним из наиболее исследованных и насыщенных источниками археологических явлений скифо-сибирского мира. При этом продолжающиеся полевые и кабинетные исследования материалов тагарской культуры существенно уточняют ее хронологию, периодизацию и территориальную специфику, расширяют представления о конструкции и организации погребального пространства, характере материальной культуры, о социальной структуре и антропологическом составе населения. Заметной частью источниковой базы стали результаты раскопок кургана 1 могильника Скальная-4. Курган расположен на северо-западном склоне горы Уйтаг, у подошвы, ближе к большому понижению в долине р. Камышта. С площади кургана открываются широкие виды на дер. Усть-Камышта, хребет Сахсар и долину р. Камышта западнее горы Уйтаг (рис. 1). С кургана видно могильное поле у крупных курганов тагарской культуры, протянувшихся от западной подошвы горы Уйтаг на ее западный склон.

Выявленный объект археологического наследия «Курганный могильник Скальная-4» был открыт в ходе разведки 2019 г., проведенной отрядом ИАЭТ СО РАН [Басова и др., 2019, с. 764]. Исследователями были описаны десятки археологических объектов в зоне проектирования второго пути на перегонах Чартыковский – Камышта и Камышта – Уйтак на территории Аскизского р-на Республики Хакасия (рис. 1). Части обширного курганного поля у северо-западной подошвы и склона горы Уйтаг были, вслед за предшественниками, разделены на отдельные объекты археологического наследия – курганные могильники (Уйтаг-3 и др.) и одиночные курганы (Скальная-5 и др.). В составе курганного могильника Скальная-4 определены два кургана, датированные тагарской культурой. В 2021 г. на территории кургана 1 были проведены спасательные археологические раскопки на площади 1 233 м^2. В рамки раскопа была включена территория на расстоянии 5 м от видимых границ каменной конструкции, что позволило, с одной стороны, выделить структуры за пределами ограды, с другой, подтвердить отсутствие иных археологических сооружений в межкурганном пространстве могильника. Курган расположен в месте активной современной хозяйственной деятельности. К северу от кургана обнаружены многочисленные западины и остатки фундаментов построек XX в. Ниже уровня дневной поверхности, в культурном слое обнаружены многочисленные скопления щебня, гальки, кирпича, проволоки. На поверхности кургана много битого стекла, фрагменты шифера. У южной стенки – куча щебня, много мелкого битого кирпича.

Курган 1 располагается на расстоянии 30 м от откоса железной дороги у о.п. Скальная и выделяется высокой наклонной юго-восточной стелой и слабозаметным возвышением над окружающей поверхностью. Курган покрывает степная растительность. На современной дневной поверхности курган представлен примерно тремя десятками камней – видимыми частями ограды, построек и могильных перекрытий. Ярче проявляются западная и восточная стенки: ряды из камней, часть которых сохранили изначальные размеры. Размеры ограды составляют: с юга на север ок. 10,5 м, с востока на запад – 7,7 м. Камни ограды достаточно крупные, самые крупные находятся у западной стенки (видимая часть) – 1,6 × 0,18 × 0,2 м; у восточной – 1,85 × 0,25 м; юго-

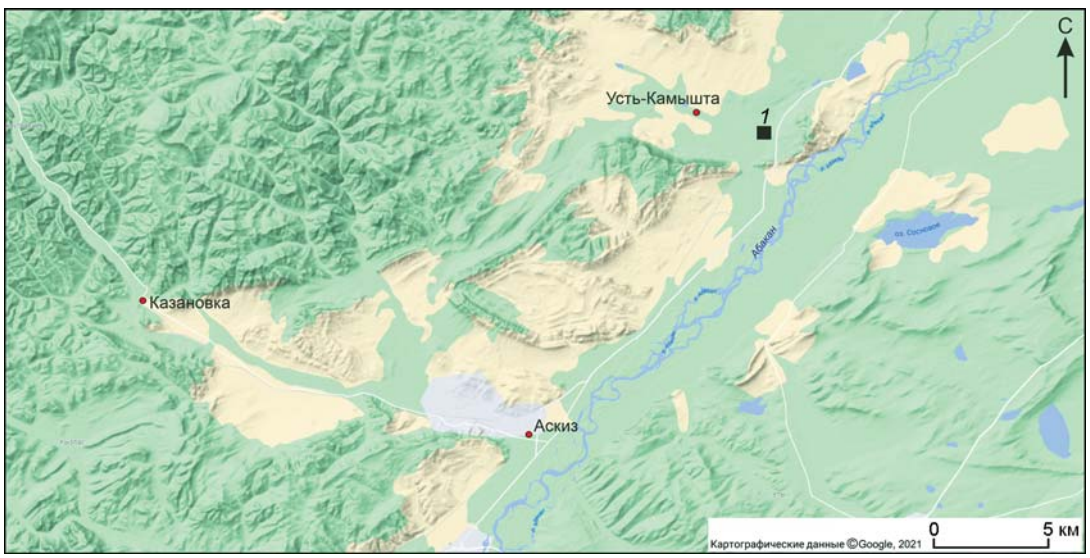

Рис. 1. Юго-запад Хакасско-Минусинской котловины.
1 – положение Курганного могильника Скальная-4 у горы Уйтаг.

восточная стела имеет размеры 1,7 м у основания, толщина достигает 0,35 м, высота в наклонном состоянии – ок. 1,7 м. Все камни обветрены, покрыты лишайником. Некоторые камни достаточно аккуратно обработаны и имеют правильные геометрические формы. За пределами основной ограды (условная площадь между угловыми стелами и видимыми камнями западной, восточной и северной стенок) располагаются несколько камней. С северной стороны камней нет. С западной расположен один камень у юго-западного угла, крупный, отличающийся породой. У юго-восточного угла обнажен верхний край плиты на расстоянии ок. 1,7 м от условной линии южной стенки – часть оградки, наклонившейся наружу вследствие смещения угловой стелы. Внутри ограды выделяются три места концентрации видимых частей плит: 1) небольшая прямоугольная ограда размерами 1,5 × 1,3 м у юго-восточной стены; 2) плоские плиты у центра восточной стенки; 3) кровля нескольких плит и камней в южной трети у юго-западного угла. Раскопки показали, что в первом случае – это могильное перекрытие впускной могилы тесинской культуры. Во втором и третьем случаях – переотложенные части могильных покрытий. На территории раскопа кургана 1 по центру, между южными угловым стелами, был заложен один стратиграфический разрез (временная бровка шириной 0,5 м), ориентированная перпендикулярно южной и северной стенкам оградки, по линии север – юг со смещением около 18° от магнитного севера на запад. На расстоянии ок. 2 м от стенок ограды в стратиграфическом разрезе выделяется слой серовато-бурой супеси, расположенный между дерном и красноватым суглинком. Его генезис связан с субаэральным формированием отложений в период строительства кургана и позднее. На этой прилегающей площади (за пределами ограды) зафиксированы антропогенные структуры, связанные со строительством кургана и позднейшей поминальной деятельностью: углубление севернее ограды кургана (на расстоянии ок. 1 м), скопление камней и отдельно стоящий камень южнее кургана (на расстоянии 1–2 м от южной стенки ограды), скопление камней у западной стенки (на расстоянии до 1 м).

На площади кургана выделяются слои, связанные с формированием кургана и его последующим нарушением.

Слой серовато-бурой супеси, пылеватой. Мощность – до 0,3 м. Генезис – выкид из могильной ямы. На этом слое, преимущественно, располагаются камни могильных покрытий. Слой отличается большим количеством мелкой дресвы. Границы слоя относительно четкие, ясные, проведены по изменению цвета осадков.

Слой темно-серой до черной супеси, пылеватой. Мощность – 0,1–0,15 м. Генезис – погребенная почва. Границы слоя относительно четкие, ясные, проведены по изменению цвета осадков.

Слой темно-серой гумусированной супеси. Отличается включением мелкой дресвы. Линзы мощностью – до 0,22 м толщиной. Включает множество камней, в т.ч. могильного покрытия. Вероятный генезис – тело насыпи кургана, сформированное при заполнении ограды.

После снятия грунта и зачистки площади раскопа были выявлены сохранившиеся каменные конструкции курганного комплекса. Расположение камней в ограде и вблизи ее показывает несколько горизонтов, по-разному проявляемых в стратиграфии.

Современная дневная поверхность с отдельными камнями, из которых в положении *in situ* сохранились только верхушки нескольких плит ограды.

Дневная поверхность XX в. – периода формирования антропогенного слоя со строительным мусором. На этом горизонте много камней, которые могли относиться к насыпи кургана и могильному покрытию и проявлялись в середине XX в., до активного нарушения кургана.

Поверхность «выкида». На нем лежат отдельные камни могильного покрытия, а также грабительских выкидов.

«Погребенная» поверхность, на ней также расположены камни перекрытия и грабительского выкида.

Ограда выполнена из плит, вкопанных относительно неглубоко. Хорошо сохранились крупные вертикальные плиты восточной и западной стенок в южной и центральной частях ограды. Все плиты южной и северной стенок наклонены наружу. Сохранилась одна юго-восточная стела, накренившаяся внутрь кургана, к северу. Сильно накренилась внутрь одна очень крупная плита северо-восточной части оградки. Плиты западной стенки установлены встык, восточной стенки – внахлест, в шахматном порядке. От некоторых отсутствующих плит найдены места вкапывания, части забутовки, упиравшиеся в ограду переотложенные или сохранившиеся камни могильного покрытия или грабительского выкида. Обнаружена яма из-под отсутствующей северо-восточной угловой стелы, благодаря сохранению массивных камней забутовки. Глубина ямы – ок. 0,8 м.

Внутри каменной ограды расположены сильно нарушенные каменные покрытия двух могил – в центре и северной половине (рис. 2). Третья могила – впускная у юго-восточного угла. К восточной стенке прилегает вертикальное захоронение ребенка.

Рис. 2. Каменная конструкция кургана 1 Курганного могильника Скальная-4. Север справа фотографии.
1–4 – номера могил.

Могила 1 расположена в центральной части кургана со смещением к западной стенке. Выявленная могильная яма имела подпрямоугольную в плане форму, ориентированную продольной осью по линии восток – запад с небольшим смещением относительно магнитного направления, но согласно ориентировке кургана. Примерные размеры могилы: 2,5 × 1,8 м. Глубина могильной ямы от уровня предполагаемого перекрытия – 0,6 м. Часть стенок облицована вертикально установленными плитками песчаника. Могила была разграблена в древности. Анатомический порядок костей скелета нарушен. Первичная оценка антропологического материала показывала наличие частей от трех индивидов, представленных различным количеством и составом костей. Наиболее полный посткраниальный скелет имеет частично сохранившийся порядок на дне могилы – кости ног, правой руки. Погребенный был уложен на спину, со сведенными вплотную друг к другу ступнями, отведенными, слегка согнутыми в локтях руками. Большая часть остальных костей найдена в заполнении в центральной части, от черепа сохранились несколько зубов. К двум другим индивидам относятся обнаруженные в заполнении ключица и малая часть посткраниального скелета ребенка. Кроме костей человека, на дне могилы найдены фрагменты керамических сосудов, фрагмент бронзового изделия, фрагмент украшения – проволоки из желтого металла с нанизанной цилиндрической бусиной. Небольшое количество фрагментов костей животных. На верхнем краю могильной ямы отмечаются следы деревянного перекрытия, детали которого залегали вдоль длинных стенок. Отдельные детали покрытия дна зафиксированы в юго-западном углу могильной ямы. Отмечены три венца узких плах (бревен?) в нижней части вдоль южной стенки.

Могила 2 находилась севернее центральной могилы на расстоянии 0,4 м. Ориентация отличается на несколько градусов от ограды кургана и могилы 1. В отличие от могилы 1, могила 2 располагается практически по центру ограды по линии восток – запад. Глубина могилы – 0,5 м от кровли материка. В западной части могилы, на дне, располагаются два раздавленных керамических сосуда закрытой формы с отогнутым наружу венчиком без орнаментации. Один по центру – больших размеров с максимальным расширением тулова в верхней половине;

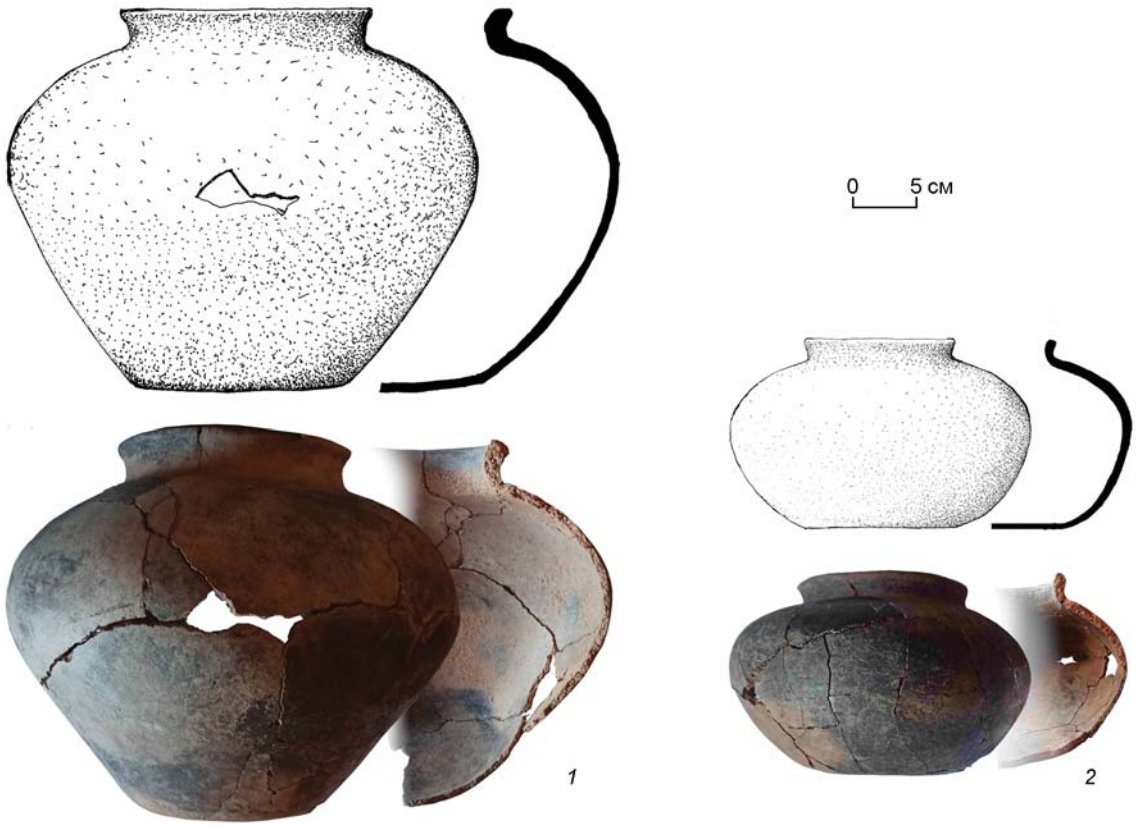

Рис. 3. Керамические сосуды из могилы 2 кургана 1 Курганного могильника Скальная-4.

второй – южнее, поменьше, с расширенным туловом по центру (рис. 3). Сосуды близки к т.н. типу реповидной формы [Савинов, 2012, с. 18]. В заполнении могильной ямы – кости человека, животных, фрагменты керамических сосудов, галька, фрагменты деревянного перекрытия. На дне могилы располагается частично сохранившийся скелет человека. В анатомическом сочленении отдельные кости ног. Верхняя часть туловища, располагавшаяся в западной части, отсутствует. В ногах погребенного сохранились кости коровы – ребра, лопатка.

Могила 3 прилегает к юго-восточному углу ограды. Могила была сделана в небольшом углублении, огорожена вертикальными плитами, расположенными в следующем порядке: восточная стенка – плита ограды, южная – юго-восточная стела, западная – две плиты встык, северная – одна плита. Могила была перекрыта 2–3 крупными плитами. На одной из них выбито изображение в двух кругах. На плитах северной стенки ящика также зафиксированы следы обломанного изображения «тагарских человечков». Расположение плит после сооружения

Рис. 4. Могила 3 кургана 1 Курганного могильника Скальная-4, вид с юга.

1–5 – расположение соответствующих предметов (см. рис. 5).

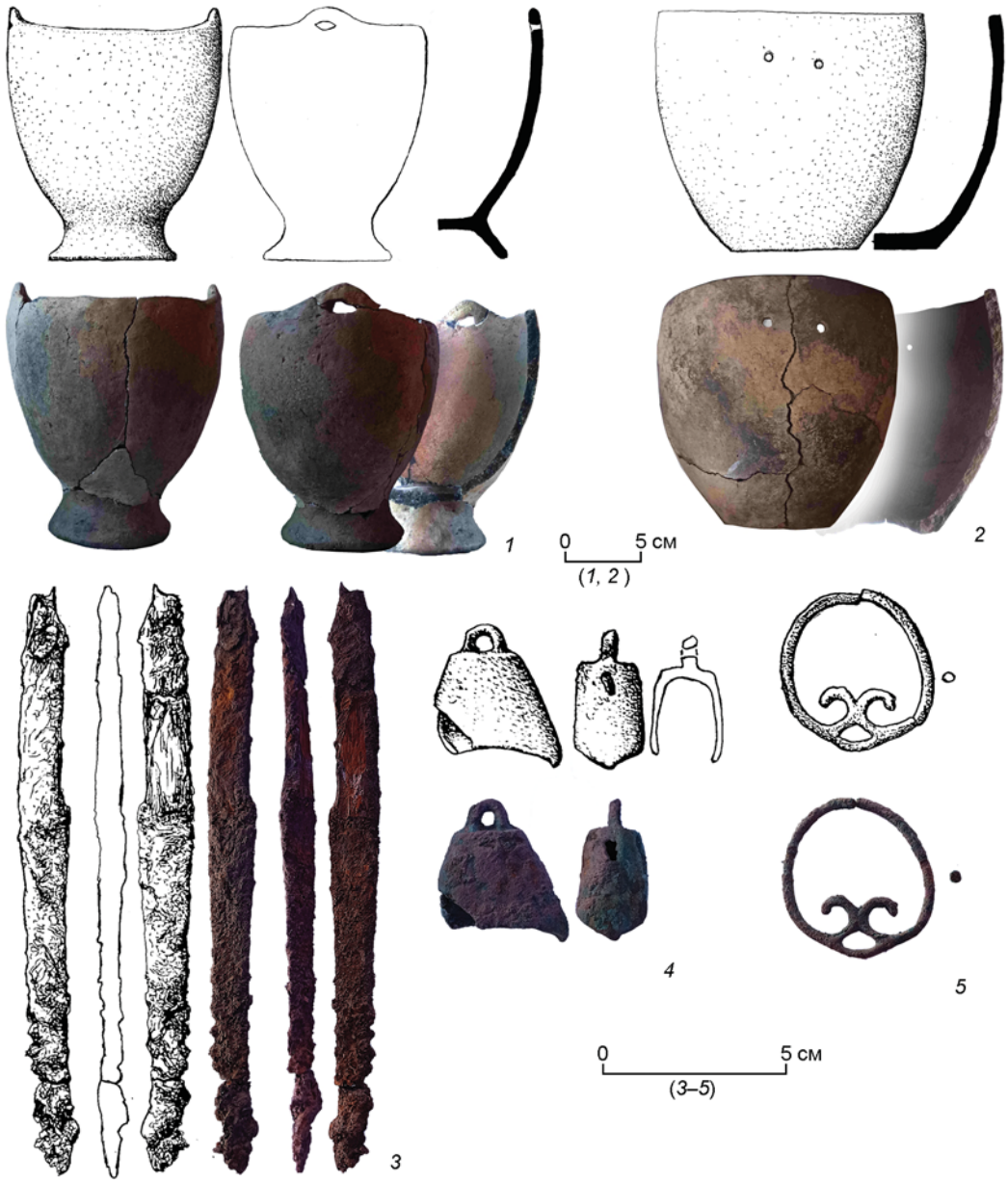

Рис. 5. Отдельные предметы из могилы 3 кургана 1 Курганного могильника Скальная-4.
1, 2 – керамические сосуды; *3* – железный нож; *4* – бронзовое навершие-подвеска на оселок; 5 – бронзовая нашивка.

погребения изменилось в связи со смещением угловой стелы. На дне могильной ямы находились плотно лежащие кости двух человек (согласно предварительной антропологической оценке в могиле располагаются кости трех взрослых индивидов). Сохранность костей крайне плохая в связи с долговременным доступом воздуха в могилу, заполнение очень рыхлое, многочисленные норы мелких грызунов (рис. 4). У южной стенки небольшой сосуд открытой формы с миниатюрным сосудом внутри, в северо-восточном углу – котловидный сосуд (по классификации Н.Ю. Кузьмина [2011, с. 198]). В ногах обнаружены несколько бусин, костяных, стеклянных, каменных – круглых, биконических, уплощенных. Найдены также фрагмент железного изделия, железное кольцо, железный нож, бронзовое проволочное украшение, а также каменный оселок с колоколовидной бронзовой подвеской (рис. 5, *4*). Могила сооружена позднее остальных.

Могила 4 зафиксирована как скопление камней севернее могилы 3. Скопление состоит из пары десятков уложенных друг на друга плит и рваных камней девонского песчаника (средний размер 0,3–0,4 м). Скопление продолжается на глубину ок. 1,2 м в границах ямки неясной формы и размеров (узкая – до 0,7 м, округлая с нишами-подбоями). На глубине ок. 0,5–0,6 м зафиксировано ребро человека. На глубине ок. 0,8–0,9 м от кровли

скопления зафиксирована ниша с черепом ребенка с сохранившейся нижней челюстью. В нижней части – углубление с ребрами человека на нескольких камнях. Судя по стратиграфии отложений, «могила» сделана после сооружения ограды, на дно были уложены камни и части скелета, заложены камнями, выше, в небольшой подбой, уложен череп, а оставшаяся часть ямы заложена камнями.

Таким образом, согласно полевым наблюдениям, курган 1 могильника Скальная-4 относится к типу «четырехкаменных» курганов тагарской культуры с впускным погребением тесинской культуры. Хронология объектов определяется конструктивными особенностями сооружений и сопроводительным инвентарем, достаточно типичным, аналогии которому представлены в опубликованных источниках тагарской и тесинской культур. Сам курган и могилы 1 и 2 (а также, предварительно, могила 4) датируются подгорновским этапом тагарской культуры VII–VI вв. до н.э. Могила 3 относится к тесинской культуре III в. до н.э. – III в. н.э. При раскопках кургана отмечены несколько специфических черт конструкции. Во-первых, наличие деталей, имеющих отношение к строительству кургана – скопления камней и углубления на древней дневной поверхности. Во-вторых, отсутствие третьей, южной могилы. Как правило, порядок сооружения могил в ограде тагарских подгорновских курганов устанавливается достаточно уверенно – первая центральная, вторая южная, третья северная. В представленном кургане первой была сооружена центральная могила, затем северная, а южная отсутствует, хотя пространство для ее размещения подготовлено и его достаточно. В-третьих, наличие специфического вертикального захоронения (могила 4), от которого сохранились лишь череп и несколько ребер. По-видимому, это было парциальное захоронение ребенка, связанное со строительством кургана. В-четвертых, нарушения центральных могил не привели к появлению в них инокультурных погребений. Вопрос о количестве погребенных в могилах и об отношении разрозненных костей к тому или иному скелету остается открытым и требует дополнительного изучения. Впускное погребение (могила 3) сооружалось внутри ограды, но на ее окраине, у восточной стенки. Могила 3 представлена своеобразным каменным ящиком, который, по-видимому, был сооружен из обломков плит каменной ограды этого или других ближайших курганов подгорновского этапа.

Предложенная культурно-хронологическая атрибуция объектов кургана 1 могильника Скальная-4 является предварительной и требует развития путем привлечения методов радиоуглеродного и палеогенетического анализа.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008. Авторы благодарят за иллюстрации артефактов Р.Б. Кадачигова; за первичную оценку антропологического материала Е.А. Еремееву.

Список литературы

Басова Н.В., Ломов П.К., Селецкий М.В., Половников И.С., Митько О.А. Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 761–765. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.761-765.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

References

Basova N.V., Lomov P.K., Seletsky M.V., Polovnikov I.S., Mitko O.A. Results of Field Survey in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 761–765. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.761-765.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunnosyan'biiskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Petersburg: Aising Publ., 2011, 456 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoi kul'tury Mogil'noi stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovanii 1986–1989 gg.). St. Petersburg: ElekSis, 2012. 180 p. (In Russ.).

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Кравцова А.С. http://orcid.org/0000-0001-8709-5935
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0928-0935
УДК 902/904

А.В. Выборнов✉, М.С. Нестерова, А.А. Тимощенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mal: vybornov@archaeology.nsc.ru

Курганы афанасьевской культуры на могильнике Казановка-13 в Аскизском районе Республики Хакасия

Публикуются первые сведения об исследованном спасательными работами Могильнике Казановка-13, расположенном в юго-западной части Хакасско-Минусинской котловины (Аскизский р-н, Республика Хакасия). Могильник располагается в предгорной части долины р. Аскиз, на рубеже степей и горно-таежной местности Абаканского хребта. Изученные курганы являются частью могильника афанасьевской культуры. Изучена площадь, на которой обнаружены 5 курганов с сохранившимися элементами каменной конструкции и 2 погребения, чьи наземные сооружения полностью уничтожены. Раскопками исследованы 4 кургана, содержавшие семь погребений, и две отдельно расположенные могилы. Сохранившиеся каменные конструкции отражают однотипность курганов, представленных каменным кольцом, окружающим центральную насыпь, покрывающую могилу. Курганы отличаются размерами, спецификой оформления каменных сооружений, количеством и расположением погребений. В двух курганах к кольцу примыкают пристройки, содержащие захоронения либо следы поминальных действий. В могилах обнаружены целые и нарушенные скелеты людей, в т.ч. детей. Преобладающая поза погребенных – головой на юго-запад, на правом боку. В двух случаях в могилах сохранились целые крупные керамические сосуды, несколько небольших сосудов обнаружены внутри кольца и детских пристройках-погребениях. В одной могиле обнаружен каменный наконечник стрелы. Обращается внимание на своеобразие оформления центральной кладки-насыпи с использованием крепиды и без таковой; на детали внешнего кольца, свидетельствующие об особом внимании к сооружению комплекса в единой плоскости; на особенности ориентации погребенных, отражающие культурные и локальные детерминанты стран света и др. Изученные курганы относятся к III тыс. до н.э. и представляют важную часть истории первого скотоводческого населения юга Минусинских котловин и являются наиболее ранними курганами «могильной» степи на ее рубежах.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, эпоха ранней бронзы, афанасьевская культура, курган, могила.*

A.V. Vybornov✉, M.S. Nesterova, A.A. Timoshchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
vybornov@archaeology.nsc.ru

Kurgans of Afanasyevo Culture at the Kazanovka-13 Burial Ground in the Askizskiy District of the Republic of Khakassia

The preliminary results of rescue excavations at the Kazanovka-13 burial mound located in the southwest part of the Khakass-Minusinsk basin (the Askizskiy district, the Republic of Khakassia) are published. The burial mound stands at the foothill part of the Askiz river valley, on the border of the steppes and the mountain taiga area of the Abakan range. The examined burial mounds are part of the Afanasievo culture burial ground. Five kurgans with the preserved elements of stone constructions and 2 burial mounds with completely destroyed above-ground structures were discovered on the inspected area. 4 kurgans with seven burials and two separate graves were excavated. The preserved stone structures display uniformity of design, represented by a stone ring enclosing an embankment over the central burial. The kurgans differ in size and in specific construction of the stone structures, as well as in number and position of the graves. Two kurgans have adjacent to the ring extensions with burials or signs of the commemoration activities. Whole human skeletons, including those of children, have been found in the graves, both intact and damaged. The deceased were buried mostly with their heads facing southwest, on

their right side. In two cases, whole large ceramic vessels were preserved in the graves; several small vessels were unearthed inside the ring and in the children's burial annexes. A stone arrowhead was found in one of the graves. The studied mounds date back to the 3rd millennium BC and represent an important part of the history of the first pastoral population in the southern part of the Minusinsk Basin and the earliest kurgans of the burial steppe on its borders.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Basin, Early Bronze Age, Afanasievskaya culture, kurgan, grave.*

Согласно современным представлениям культурно-хронологические истоки эпохи палеометалла Южной Сибири, определяемые началами скотоводства, металлургии, курганных погребений, связаны с афанасьевской культурой [Вадецкая и др., 2014, с. 3]. В Хакасско-Минусинской котловине археологическими раскопками изучено более трех десятков могильников афанасьевской культуры, известны материалы поселенческих памятников [Степанова, Поляков, 2010, с. 10–11]. Новые археологические раскопки обеспечивают не только расширение статистики известных источников, но и существенно дополняют наши представления о локальных вариациях афанасьевской культуры, структуре могильников и конструкции погребальных сооружений, составе населения.

Выявление курганов афанасьевской культуры затруднено значительными разрушениями этих объектов, спецификой осадконакопления, современной растительностью. В связи с этим, как особую удачу следует рассматривать открытие и изучение части могильника афанасьевской культуры на северной окраине д. Казановка Аскизского р-на Республики Хакасия в зоне строительства второго пути железной дороги Междуреченск – Тайшет на перегоне Югачи – Казановская (рис. 1). История его исследования связана с выделением в 2019 г. могильника Казановка-9 [Выборнов, Чертыков, 2019], раскопанного в 2020 г. экспедицией НПО «Археология и историко-культурная экспертиза», а также открытием О.В. Ковалевой в ходе разведки 2020 г. могильника Казановка-13 и его раскопками ИАЭТ СО РАН в 2021 г.

Выявленный объект археологического наследия «Могильник Казановка-13» расположен на северо-западной окраине д. Казановка, у подошвы пологого склона высоты 580,6 над поймой правого берега р. Аскиз. Казановка-13 является частью могильника эпохи ранней бронзы, расположенного на краю надпойменного возвышения правобережья р. Аскиз (рис. 2). Отдельные возвышенности, скопления камней, которые могут ассоциироваться с афанасьевскими курганами, начинаются на площадке ближе к реке и ныне заняты огородами, жилыми и хозяйственными постройками северной окраины д. Казановка. Выкладки продолжаются далее на северо-запад, выше по пологому склону. Части этого могильного поля афанасьевской культуры были выделены в отдельные объекты археологического наследия – Могильник Казановка-9 (два кургана, исследованы И.П. Лазаретовым, А.В. Поляковым, П.Б. Амзараковым в составе экспедиции НПО «АИКЭ» в 2020 г.) и Могильник Казановка-13 (открыт экспедицией НПО «АИКЭ» в 2020 г.;

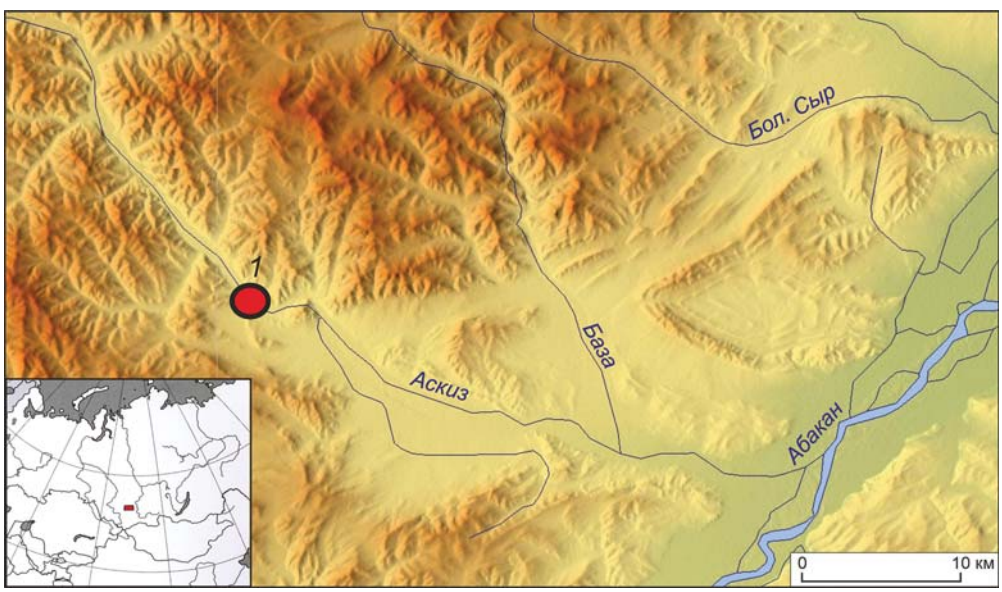

Рис. 1. Юго-запад Хакасско-Минусинской котловины.
1 – положение могильника Казановка-13 в долине р. Аскиз.

Рис. 2. Общий вид афанасьевского могильника с юга.

Рис. 3. Каменная конструкция кургана 3 могильника Казановка-13, север справа фотографии.

исследован в 2021 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН). Севернее расположены стояночные комплексы Казановки-10 и Казановки-11 (от эпохи ранней бронзы до Средневековья), южнее – курганы окуневской культуры (Казановка-8).

Территория могильника Казановка-13 значительно разрушена в ходе строительства железной дороги и сильно нарушена в ходе хозяйственной деятельности XIX–XXI вв. По площади могильника Казановка-13 проложены кабели связи, происходит постоянный проезд техники, в т.ч. тяжелой. Здесь находится единственный проход скота с северных пастбищ д. Казановка и с правой стороны железной дороги на левую, деревенскую часть. Постоянное перемещение кровли почвенных отложений, отдельных камней курганной конструкции, сказались на выраженности объекта на современной дневной поверхности, отразились на сохранности структуры объекта.

Спасательные археологические полевые работы на могильнике Казановка-13, согласно проекту мероприятий по обеспечению сохранности объектов археологического наследия, были разделены на два раскопа – «выкладки 1, 2» (площадью 422 м^2), «выкладки 3–5» (659 м^2) и площадь археологического наблюдения (3 850 м^2). В раскопах проявились остатки каменных сооружений, определенные как курганы афанасьевской культуры, получившие обозначение от 1 до 5. При этом курган 4 после выявления его северо-западной границы был законсервирован в связи с его расположением за пределами землеотвода и вне зоны воздействия строительных решений.

Согласно результатам археологических полевых работ, могильник Казановка-13 представляет собой часть афанасьевского могильника условно средних размеров [Поляков, 2020. С. 31]. В рамках раскопа 2021 г. обособленно, на южной половине, расположен курган 1. С северо-восточной стороны вблизи от него располагался разрушенный ныне курган, от которого сохранились следы могильной ямы (объект 3 на участке 7В). До северной группы курганов от кургана 1 ок. 75 м. На северном краю раскопа – курган 3, в 8 м к юго-востоку от него расположен курган 2, к ограде которого непосредственно примыкают несколько сохранившихся камней ограды кургана 5. Курган 4 расположен на расстоянии 9–15 м восточнее курганов 2 и 3. Примерно в 10–13 м западнее кургана 3 располагался разрушенный курган, от которого сохранилась могильная яма (объект 2 на участке 5). В ходе раскопок и наблюдений изучены 4 кургана, а также две могилы без сохранившихся надмогильных сооружений; всего обнаружены останки 16 человек (предварительная антропологическая оценка проведена Е.А. Еремеевой).

Курган 1. Представляет собой каменную конструкцию из центральной кладки-насыпи и окружающего кольца. На современной дневной поверхности был выражен в виде двух скоплений (кладок) камней с западинами. Центральная кладка-насыпь сформирована из камней различной породы, по большей части округлых, изредка – рваный камень, плитки песчаника. Размеры камней – от 0,1 до 0,9 м. Форма насыпи – подпрямоугольная, вытянута по линии восток – запад. Размеры 6,7 × 5,3 м. По сторонам выложены наиболее крупные камни – крепида насыпи. Внутри – заполнение из грунта-выкида и уложены более мелкие камни в два – три ряда.

Пространство вокруг центральной кладки-насыпи было выровнено выкидом из могильной ямы, и на расстоянии 2,5, 3,3, 4,5 м от края центральной кладки было сформировано кольцо со слабовыраженными углами (не менее 9 углов) максимальным диаметром 14 м. Кольцо шириной 0,5–0,6 м выложено из плотно прилегающих друг к другу камней, частично на древнюю дневную поверхность, частично на грунт-выкид. Приемы укладки камней кольца различаются. На сохранившихся участках северного края видна кладка из крупных прямоугольных камней («лучами» от центральной кладки), «облицованных» снаружи горизонтально уложенными фрагментами плит девонского песчаника. Большая часть остального кольца выложена горизонтально расположенными мелкими плитками девонского песчаника, «облицованными» снаружи горизонтально (или наклонившимися ранее вертикально вкопанными плитками) уложенными более крупными плитами.

Среди камней кольца, между кольцом и центральной кладкой зафиксированы отдельные кости животных, преимущественно, фрагментированные.

Центральная кладка-насыпь покрывала, по-видимому, древесное с берестой перекрытие могильной ямы, прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,8 на 2,5 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Глубина могильной ямы ок. 0,6 м. Стенки ровные, прямые. В кровле перекрытия обнаружена лопатка барана.

В южной части могилы располагается скелет, ориентированный черепом на северо-запад, лицевой частью на юго-восток. Ноги согнуты в коленях (ориентацией на юг). Правая рука расположена вдоль туловища, левая рука кистью уложена на живот. Погребенный – пожилой мужчина с множеством деформаций скелета (сросшиеся фаланги, позвонки). Погребального инвентаря не обнаружено.

Курган 2. Представляет собой каменную конструкцию из центральной кладки-насыпи и окружающего кольца. На современной дневной поверх-

ности был выражен в виде большого скопления (кладки) камней с западиной. Центральная кладка-насыпь сформирована из камней различной породы, по большей части – из плиток песчаника. Размеры камней – от 0,1 до 0,9 м. Форма насыпи – подпрямоугольная, вытянута по линии восток – запад. Размеры 6 × 4 м. Насыпь сложена без ярко выраженной крепиды. Относительно крупные камни включены во все части кладки-насыпи. В центральной части плиты песчаника размерами ок. 0,5 м. В центре мощность кладки больше (0,2–0,5 м). Стратиграфически заметно, что часть камней насыпи (в центре, ближе к могильной яме) лежат на выкиде, по краям – на древней дневной поверхности.

При зачистке и разборе насыпи были обнаружены фрагменты керамической курильницы (рис. 5, *2*), целый маленький круглодонный сосуд, фрагменты костей животных и человека.

Рис. 4. Погребение в могиле 2 кургана 2 могильника Казановка-13. Вид с севера.

Рис. 5. Примеры сопроводительного инвентаря в курганах могильника Казановка-13.

1 – керамический сосуд из могилы 2 кургана 2; *2* – фрагменты керамической курильницы в насыпи кургана 2; *3* – каменный наконечник стрелы из могилы 1 кургана 3.

Пространство вокруг центральной кладки-насыпи, вероятно, было выровнено выкидом из могильной ямы, и на расстоянии 1–2 м от края центральной кладки было сформировано кольцо максимальным диаметром 8 м. Кольцо шириной 0,5–0,6 м выложено из плотно прилегающих друг другу камней, частично на древнюю дневную поверхность, частично на грунт-выкид.

На примере северо-западного края кольца читаются основные приемы укладки кольца. Плиты укладывались на небольшую подсыпку, что отражало стремление задать единый гипсометрический уровень верхнего края кольца. Ближайшие камни обычно равной толщины, плитки верхних уровней, как правило, укладывались на стык нижележащих. На примере южного края кольца проявляется использование и длинных обломков песчаника для выравнивания кольца – две верхние плиты одинаковой длины, нижняя короче, для компенсации к ней уложен обломок плиты, положенный поперек кольца, с внутренней стороны кольца уложен короткий обломок песчаника для сохранения внутреннего диаметра.

Центральная кладка-насыпь покрывала, по-видимому, древесное с берестой перекрытие могильной ямы, прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,8 × 2 м, глубиной ок. 0,7 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Стенки наклонные, расширенные в верхней части. Большая часть костей разрушенного скелета единственного погребенного обнаружена в заполнении могильной ямы, кости без уловимого сочленения друг с другом. В восточной части сохранилась часть скелета в анатомическом порядке: берцовые кости и кости ступни левой ноги и часть ступни правой ноги. В районе колен у южной стенки располагался череп, вертикально, лицевой частью на юго-запад, западнее него – перевернутая нижняя челюсть. В нижней части заполнения зафиксированы отдельные угольки.

В юго-восточной части кургана к внутренней стороне кольца прилегает могила 2 – прямоугольное пятно, ориентированное по линии кольца, примерно север-северо-восток – юг-юго-запад. Могила перекрывается 6–7 крупными плитами девонского песчаника, заваленными в яму. Размеры перекрытия 1,5 × 1 м. Могильная яма размерами 1,5 × 1 м, глубиной ок. 0,6 м. Границы могильной ямы не очень отчетливые (перекрытие находилось на кровле погребенной почвы).

В могиле – непотревоженное погребение двух человек (рис. 4). Взрослый погребенный лежал лицом на юг, головой вплотную к стене, колено упирается в среднюю часть южной стенки. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть под поднятым бедром правой ноги, левая кисть на тазовом крыле. В юго-западном углу располагался большой сосуд закрытой формы (рис. 5, *1*), восточнее него у стенки – сосуд меньших размеров, открытый, остродонный (установлен на маленькую плитку песчаника).

На ступнях взрослого вдоль восточной стенки могильной ямы обнаружен скелет ребенка с согнутыми ногами, коленями ориентированный в сторону востока. Череп расположен практически вертикально, лицевой частью на север.

Курган 3. На современной дневной поверхности был выражен в виде большого скопления (кладки) камней. Курган состоит из центральной кладки-насыпи и плотно окружающего ее кольца с полукруглыми пристройками с южной стороны (см. рис. 3). Длина кургана по линии северо-запад – юго-восток – 8 м, по линии юго-запад – северо-восток – 6 м.

Центральная кладка-насыпь сформирована из камней различной породы, количественное большинство – рваный мелкий камень, но основной объем задается относительно немногочисленными крупными камнями. Размеры камней – от 0,07 до 0,9 м. Форма насыпи – подпрямоугольная, возможно, овальная, вытянута по линии восток – запад. Размеры 7 × 5 м. По краям насыпи уложены наиболее крупные камни. Насыпь формируется из нескольких уровней относительно крупных камней, несколькими ступенями. Наиболее заметная и сохранившаяся – ступень между кольцом и насыпью. Выкид в виде серовато-красного грунта выделяется в восточной стороне насыпи. Внешняя часть насыпи – кольцо – сформирована на древней дневной поверхности. Камни кольца (преимущественно плитки девонского песчаника) лежат в 1–2 уровня. У южного края кольца (между могильной ямой и кольцом) в небольшом углублении обнаружен небольшой керамический сосуд.

Центральная кладка-насыпь перекрывает могилу 1. Контур могильной ямы нечеткий. Общая форма – подпрямоугольная, вытянута по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Размеры 2,7 × 2,3 м. Южная стенка частично нарушена, в результате чего образовался плавный уклон, на котором располагались фрагменты костей. Значительная часть костей одного погребенного обнаружена в заполнении. Кроме того, обнаружена проксимальная часть бедренной кости от другого костяка. В центре могильной ямы зафиксированы длинные кости ног и рук, фрагменты тазовых костей, ближе к югу – кости ступней, позвонки, ребра. Среди костей встречены фрагменты керамического сосуда. От черепа сохранилось несколько зубов и нижняя челюсть. В заполнении на дне могильной ямы обнаружен каменный наконечник стрелы (рис. 5, *3*).

С южной стороны кольца сделаны четыре пристройки, средний размер которых 1 × 1,5 м. Первой была построена крайняя юго-восточная. В пристройках 2 и 3 зафиксированы остатки детского погребения, в т.ч. небольшой круглодонный сосуд. В пристройке 4 – небольшая ямка глубиной ок. 20 см, диаметром 10 см.

В 2 м к юго-западу от края кольца зафиксировано скопление камней и пятно гумусированной супеси. Объект определен как могила 2, сопутствующая кургану 3. Могильная яма овальной формы ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размеры 2 × 1,1 м, глубина ок. 0,4 м. В заполнении обнаружены отдельные небольшие обломки плит песчаника, в заполнении встречены разрозненные кости неполного скелета подростка.

Курган 5. При зачистке каменной конструкции кургана 2 были зафиксированы аномально лежащие плиты кольца у западного края. При дальнейшем разборе было установлено, что это часть кольца практически разрушенного кургана, вплотную прилегающего к кургану 2.

Курган состоял из разрушенной центральной кладки-насыпи и окружающего ее кольца. Расстояние между могильной ямой и кольцом ок. 2–2,5 м. От центральной кладки-насыпи сохранились плиты песчаника, перекрывающие могильную яму. Кольцо было сложено по аналогии кургана 2 – из горизонтально лежащих в 4–5 уровней плит песчаника. Кольцо располагалось на расстоянии 20–30 см от кольца кургана 2. Пространство между кольцами было заложено плитами песчаника. Судя по завалу камней кольца кургана 2, курган 5 был сооружен позднее.

Могильное пятно овальной формы вытянуто по линии северо-восток – юго-запад. Размеры 2,2 × 1,5 м. Глубина могилы ок. 0,6 м от уровня древней дневной поверхности. В могиле обнаружены разрозненные кости неполного скелета подростка. От черепа сохранилась лишь лицевая часть, нижняя челюсть.

В ходе археологического наблюдения получены сведения о двух разрушенных курганах. Западнее кургана 3 – объект 2. Представляет собой могильную яму. После зачистки поверхности в толще серовато-красного суглинка отчетливо выделились границы подпрямоугольной ямы с закругленными углами, вытянутой по линии юго-восток – северо-запад. Размеры – 1,1 × 2 м. В кровле пятна отмечено несколько плиток девонского песчаника. Стенки могильной ямы ровные, пологие, дно ровное. В заполнении могильной ямы обнаружены разрозненные кости человека, камни перекрытия. В юго-западной части могилы, на дне, *in situ* сохранились части стоп и берцовые кости правой ноги. Судя по их расположению, погребенный лежал либо на правом боку лицом на запад, либо с поворотом туловища на запад. В центре могилы на дне располагались ребро и позвонок. У юго-восточной стенки могилы на дне стояли два крупных сосуда закрытой формы. Сосуд в восточном углу имеет богатый сплошной орнамент.

Северо-восточнее кургана 1 были обнаружены разрозненные кости человека, связанные, по-видимому, с разрушенным курганом, от которого сохранился лишь объект 3. Объект выделен в зоне расположения магистрального кабеля связи, где читалось аморфное пятно темно-серого суглинка. Это относительно крупная (2,2 × 1,9 м) яма, вытянутая по линии северо-восток – юго-запад. Стенки ровные, углы закругленные. В заполнении могильной ямы обнаружены разрозненные кости человека в сопровождении современных предметов – гвозди, осколки стекла и изоляторов. Антропологический анализ позволил установить, что в могильной яме располагались кости трех индивидов. От двух из них сохранились неполные посткраниальные скелеты, от третьего сохранились также нижнечелюстная кость и фрагменты черепа.

Конструкция и форма курганов, планиграфия могильника, погребальный инвентарь позволяют относить объект к афанасьевской культуре эпохи ранней бронзы и датировать III тыс. до н.э. Сопоставление исследованных курганов друг с другом и известными объектами Хакасско-Минусинской котловины позволяет отметить несколько наблюдений относительно их конструкции и планиграфии. Во-первых, в рамках одного могильника отмечается различное отношение к форме кольца и организации центральной кладки-насыпи. В кургане 1 подпрямоугольная кладка из преимущественно средних и крупных камней, с ярко выраженной крепидой на расстоянии 2,5–4,5 м от «угловатого» кольца; в кургане 2 – округлая насыпь, преимущественно из плит песчаника, без явной крепиды на расстоянии 1–2 м от кольца; в кургане 3 – обширная насыпь из средних и мелких камней с явной крепидой из крупных камней, плотно окруженная невысоким кольцом. Во-вторых, отмечается общее стремление создателей курганов к организации ровной поверхности – кольцо из плиток сооружалось из камней различных размеров и соблюдалось различное направление укладки для обеспечения его устойчивости и близкого к единому гипсометрического уровня верхнего края. Об этом свидетельствует и расположение выкида с разных сторон могилы. В-третьих, судя по мелким остаткам углей, в погребальном обряде либо при сооружении погребальных сооружений использовался для неизвестных целей огонь [Вадецкая и др., 2014,

с. 294–295]. В-четвертых, примечательно расположение ребенка в могиле 2 кургана 2, повторяющего позу взрослого и лежащего на его ступнях. В-пятых, ориентация могильных ям углами примерно по сторонам света имеет одинаковое отклонение от современного магнитного севера ок. 30°. По-видимому, носители афанасьевской культуры использовали собственное восприятие сторон света – погребенных они укладывали головой на запад, лицом на юго-восток. Отклонение в 30° и отражает это отличие и состоит, с одной стороны, из естественного изменения магнитного склонения, с другой – показывает место восхода солнца в этой части предгорной долины Аскиза, которое не изменилось со времени афанасьевской культуры.

Ближайшие объекты афанасьевской культуры, изученные раскопками, – курганы в долине р. База (левого притока р. Аскиз), исследуемые Н.А. Боковенко, могильник Верхний Аскиз [Вадецкая и др., 2014, с. 243–245], а также поселенческие материалы в приустьевой долине р. Кюг (на территории музея-заповедника). Определение конструктивного своеобразия курганов, планиграфии и структуры погребений на могильнике Казановка-13 важно проводить с учетом результатов раскопок Могильника Казановка-9, составляющих единое могильное пространство эпохи ранней бронзы. Дальнейшие исследования керамического комплекса, антропологических и палеогенетических характеристик погребенных, анализ фаунистических материалов и определение радиоуглеродного возраста обнаруженных материалов позволят скорректировать датировку и антропологический состав исследованной части могильника Казановка-13.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008. Авторы благодарят за активное участие в раскопках и работу с находками А.С. Кравцову, Е.А. Еремееву, М.В. Селецкого, Е.В. Чернобахтову, Р.В. Филатову; за иллюстрации артефактов Р.Б. Кадачигова; за консультации и обсуждение раскопок Н.А. Боковенко и А.В. Полякова.

Список литературы

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 380 с.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.

Поляков А.В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: дис. … д-р ист. наук. – СПб., 2020. – Т. 1 – 414 с.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. – Барнаул: АЗБУКА, 2010. – С. 4–15.

References

Polyakov A.V. Problemy khronologii i kul’turogeneza pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin: doc. sc. (history) dissertation. St. Petersburg, 2020. Vol. 1, 414 p. (In Russ.).

Stepanova N.F., Polyakov A.V. Afanas’evskaya kul’tura: istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie. In *Afanas’evskii sbornik*. Barnaul: AZBUKA, 2010. P. 4–15. (In Russ.).

Vadetskaya E.B., Polyakov A.V., Stepanova N.F. Svod pamyatnikov afanas’evskoi kul’tury. Barnaul: AZBUKA, 2014, 380 p. (In Russ.).

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 766–773. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0936-0944
УДК 902 / 904

П.В. Герман[1]✉, С.Н. Леонтьев[1], С.Н. Иващенко[2], А.В. Калинская[1], С.Е. Егорченко[1], И.А. Вальков[1], П.В. Ковзунова[1], Н.Е. Горлышкин[1], А.А. Тимощенко[3]

[1] Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
[2] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
[3] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lithos@mail.ru

Культурно-хронологические комплексы курганного могильника Сагайская протока-4 (Аскизский район Республики Хакасия)

В 2021 г. отрядом ФИЦ УУХ СО РАН проводились охранно-спасательные археологические работы на курганном могильнике Сагайская протока-4 (Аскизский р-н, Республика Хакасия). В статье представлены краткие результаты культурно-хронологической атрибуции исследованных погребальных комплексов данного могильника. Ранний этап создания некрополя связан с черновским этапом окуневской культуры (XXII–XX вв. до н.э.). К этому времени относится ограда с диагональными выкладками (курган 1), в пределах которой исследовано шесть погребений в каменных ящиках. Инвентарь окуневских захоронений представлен предметами из кости, керамическими сосудами и миниатюрным каменным шариком. Второй этап бытования могильника датируется эпохой поздней бронзы (курган 2). Лугавский комплекс (X–IX вв. до н.э.), связанный с начальным этапом сооружения кургана, представлен находками из центрального разрушенного погребения (бронзовые нож, перстень) и непотревоженной детской могилы (керамический сосуд, набор мелких бронзовых украшений). Баиновский комплекс захоронений (конец IX – начало VIII в. до н.э.), зафиксированный в боковой ограде-пристройке, маркируется плоскодонным керамическим сосудом с характерной орнаментацией. Третий период функционирования могильника связан с биджинской группой населения раннего этапа тагарской культуры (конец VIII – VI в. до н.э.). В это время ограды курганов эпохи бронзы перестраиваются для сооружения новых могил, поблизости от них возводится отдельный биджинский комплекс (курган 3). Все погребения этого периода маркируются однотипным инвентарем: баночные сосуды с узкими каннелюрами, «стаканы», костяные наконечники стрел, ножные браслеты, предмет неизвестного назначения. Особенностью исследованной части могильника Сагайская протока-4 является нахождение вблизи всех оград многочисленных ям, в некоторых случаях содержавших археологический материал (кости животных, мелкие фрагменты керамики, изделия из камня, плитки песчаника). Для курганов тагарского времени подобные объекты выявлены впервые.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, охранно-спасательные археологические раскопки, курган, погребение, окуневская культура, эпоха поздней бронзы, тагарская культура.*

P.V. German[1]✉, S.N. Leontiev[1], S.N. Ivaschenko[2], A.V. Kalinskaya[1], S.E. Egorchenko[1], I.A. Valkov[1], P.V. Kovzunova[1], N.E. Gorlishkin[1], A.A. Timoshchenko[3]

[1]Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
[2] Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia
[3] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: lithos@mail.ru

Cultural and Chronological Assemblages of the Sagayskaya protoka-4 kurgan burial ground (The Askiz District, the Khakassia Republic)

In 2021, the team of Federal Research Center of the Institute of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences undertook rescue excavations on Sagaiskaya protoka-4 kurgan burial ground (the Askiz district, the Republic of Khakassia). The article presents the summarized results of cultural and chronological attribution of the researched burial assemblages of this burial ground. The early period of this necropolis is connected to the Chernovaya stage of the Okunev culture (22nd–20th centuries BC). The fence with diagonal lines of stones (kurgan 1) with six studied tombs in stone boxes is attributed to that period. The grave goods of Okunev burial grounds are objects made of bone, ceramic pots and miniature stone ball. The second stage of the burial ground is connected to the Late Bronze Age (kurgan 2). Lugavskiy assemblage (10th –9th centuries BC) related to the earliest stage of the kurgan construction is presented by the findings from the central ruined burial (bronze knife, ring) and untouched child's tomb (ceramic pot, a set of small pieces of bronze jewelry). The Bainov assemblage of the burial complex (late 9th – early 8th centuries BC), found in the lateral annex fence contained a flat bottomed ceramic pot with a typical ornaments. The third period in the history of the burial ground is connected to the Bidzha population group of the early Tagar culture (late 8th – 6th centuries BC). At that time, the Bronze Age kurgans' fences were rebuilt in order to make new tombs, and a separate Bidzha complex (kurgan 3) is erected nearby. All the burials of that period have grave inventory of the same type: jar-like vessels with narrow flutings, "glasses", bone arrowheads, anklets, unknown purpose objects. The unusual feature of the studied part of Sagayskaya protoka-4 burial complex are numerous pits near all fences, in some cases containing archaeological material (animal bones, small fragments of ceramics, stone objects, sandstone slabs). These are the first objects of such a type found in the Tagar kurgans.

Keywords: *Republic of Khakassia, Askiz district, resque excavation, kurgan, burial ground, Okunev culture, Late Bronze Age, Tagar culture.*

Введение

Курганный могильник Сагайская протока-4 расположен в Аскизском р-не Республики Хакасия, в 4,8 км к востоку от с. Аскиз и в 1,55 км к северо-востоку от станции Чартыковский. По предварительным данным, некрополь состоит из 16 курганов, часть которых попадает в землеотвод проектируемого объекта строительства «Второй путь на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги» и подлежит аварийно-спасательным раскопкам согласно проекту обеспечения сохранности. Полевые работы на данном участке памятника проводились в 2021 г. Аскизским археологическим отрядом ФИЦ УУХ СО РАН. Всего было исследовано четыре кургана – 1, 1А, 2 и 3, общая вскрытая площадь составила 2 770 м^2.

В процессе раскопок было установлено, что все курганы частично разрушены в результате многократных воздействий антропогенного характера: в древности большинство погребальных комплексов подверглись посещению и разграблению, а в XX в. данный участок некрополя послужил рабочей площадкой при строительстве арыка Староаскизского оросительного канала и полотна железной дороги Абакан – Новокузнецк с инфраструктурой. Несмотря на аварийный характер объектов, проведенные работы позволили получить небезынтересный археологический материал, а также сделать ряд наблюдений, дающих новые знания о погребальной практике древнего населения в юго-западной части Хакасско-Минусинского региона. Материалы некрополя Сагайская протока-4 представлены тремя культурно-хронологическими периодами: ранняя бронза (черновский этап окуневской культуры), эпоха поздней бронзы (хронологические горизонты III-В и IV-Б), ранний железный век (биджинские комплексы тагарской культуры).

Описание материалов

Захоронения *окуневской культуры* исследованы на кургане 1. От первоначальной конструкции ограды сохранились лишь незначительные фрагменты стенок из плит песчаника и остатки диагональных выкладок из рваного камня. Реконструируемая ограда была подквадратной формы размером 7 × 7 м, ориентированная по линии ССЗ – ЮЮВ. С периодом функционирования ограды связаны шесть погребений в каменных ящиках с плитняковым дном и перекрытием на уровне древней дневной поверхности. Часть захоронений (мог. 4, 7) была почти полностью разрушена в последующее время, другая (мог. 2, 3, 5, 6) сохранилась непотревоженной. Могилы располагались по периметру ограды с преимущественной ориентировкой по линии ВСВ – ЗЮЗ и являлись сопутствующими полностью уничтоженному центральному погребению кургана. Захороненные были уложены на спину головой на ЗЮЗ (мог. 2–5) или ССЗ (мог. 6). Ноги

погребенных согнуты коленями вверх, руки вытянуты вдоль тела. Из раскопанных могил одна являлась коллективной, содержавшей останки четырех человек разного пола и возраста (мог. 3), остальные (мог. 2, 5, 6) были одиночными с явными признаками вторичных подзахоронений («лишние» черепа или кости посткраниального скелета).

Из сопроводительного инвентаря было найдено три керамических сосуда (мог. 5, 7) (рис. 1, *8, 13, 14*), трубчатый костяной игольник (мог. 6) (рис. 1, *9*), двусоставной костяной наконечник остроги (мог. 3) (рис. 1, *15*), четыре костяные подвески, имитирующие клыки марала (мог. 2) (рис. 1, *1–4*), два костяных наконечника стрел (мог. 2, 6) (рис. 1, *6, 7*) и миниатюрный каменный шарик без отверстия (мог. 2) (рис. 1, *5*). Помимо указанных предметов, в конструкции ограды была обнаружена плита с плохо читаемыми остатками красочных изображений, выполненных охрой. Также пятна охры присутствовали на внутренней стороне стенки ящика детской могилы 5. По совокупности особенностей погребальной практики и сопроводительного инвентаря окуневские погребения кургана 1 относятся к черновскому хронологическому горизонту (XXII–XX вв. до н.э.) [Лазаретов, 2019; Поляков, 2017, с. 65]. В тагарское время окуневский комплекс был переиспользован для устройства новых погребений. Ограда была перестроена в соответствии с канонами погребальной архитектуры тагарцев, полностью уничтожено центральное окуневское захоронение, а еще два (мог. 4 и 7) разрушены частично.

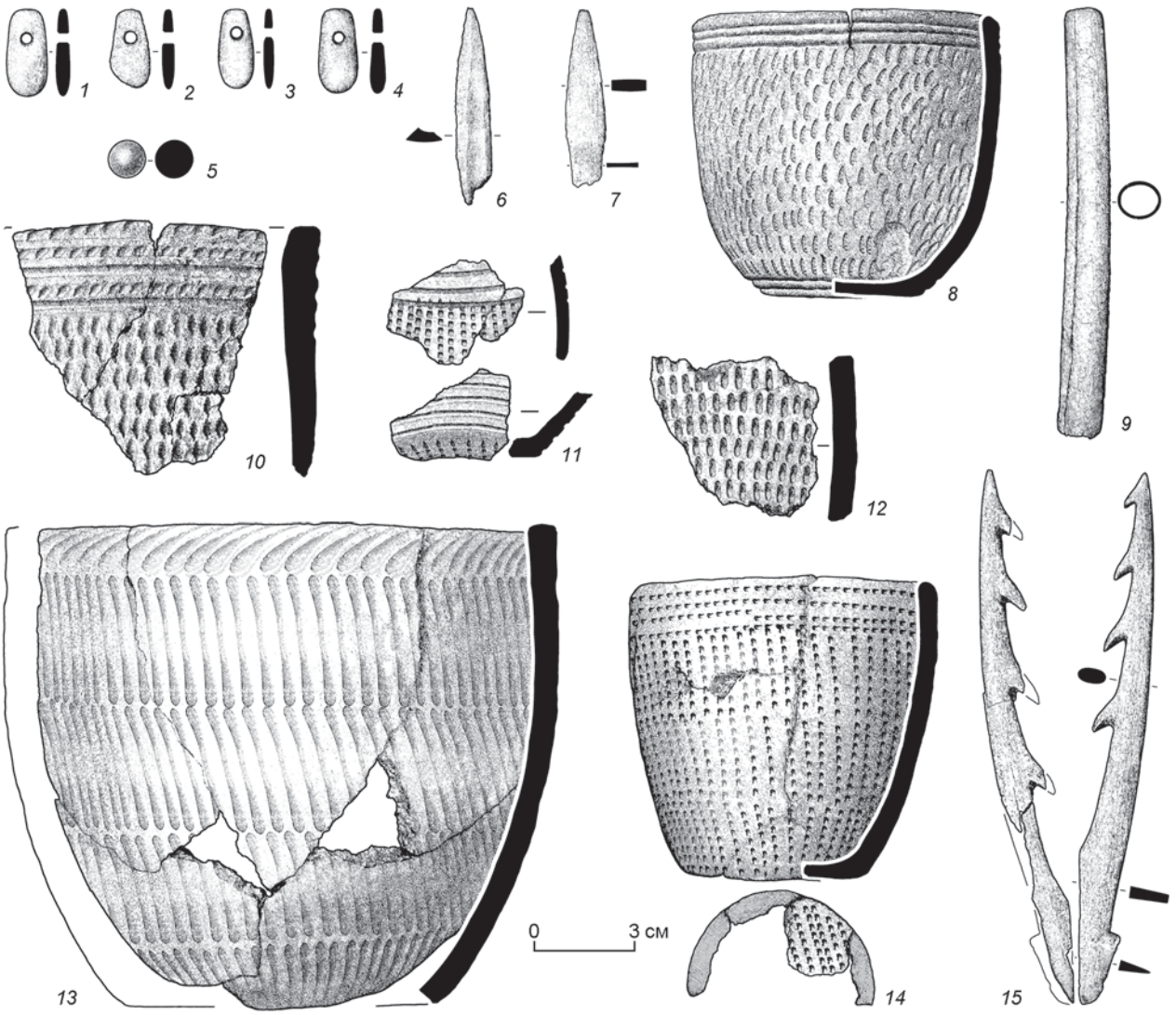

Рис. 1. Курганный могильник Сагайская протока-4. Комплекс предметов из захоронений черновского этапа окуневской культуры.

1–6 – кург. 1, мог. 2; *7* – кург. 1, мог. 6; *8* – кург. 1, мог. 5; *9, 11* – кург. 1, мог. 4; *10* – кург. 1, насыпь; *12* – кург. 1, яма 3; *13, 14* – кург. 1, мог. 7; *15* – кург. 1, мог. 3.

1–4, 6, 7, 9, 15 – кость, *5* – камень, *8, 10–14* – керамика.

Комплекс материалов *эпохи поздней бронзы* (далее – ЭПБ) получен в результате исследования кургана 2. Первоначальная ограда данного кургана (6 × 6 м, ориентированная по линии СЗ – ЮВ) была сооружена из плит коричневато-серого песчаника, установленных в два ряда. Внешний ряд образован небольшими толстыми плитками высотой 0,09–0,45 м над уровнем расчистки, вкопанными на ребро в материк на глубину 0,1–0,15 м. Внутренний ряд был образован крупными и относительно тонкими плитами, вкопанными на ребро в материк на глубину 0,25 м. Их высота над уровнем расчистки достигала 0,93 м. К северо-восточной стенке ограды примыкали остатки еще одной каменной ограды, в плане имевшей вид трапеции размерами 3,4 × 3,4 м. Ее северо-восточная стенка частично разрушена, остальные стенки сделаны из плит коричневато-серого песчаника, уложенных плашмя в 1–2 слоя на земляную подсыпку. Высота кладки над уровнем расчистки 0,45–0,55 м.

Основная ограда, вероятно, обрамляла одиночное захоронение, полностью разрушенное в тагарское время. От него сохранились обнаруженные в насыпи отдельные фрагментированные кости взрослого человека, мелкие обломки керамики, а также два бронзовых предмета – перстень (рис. 2, *1*) и «хвостатый» нож (рис. 2, *3*).

В этот же период с севера к основной ограде была пристроена детская могила (мог. 2) – каменный ящик размерами 0,67 × 0,62 м, ориентированный по линии ЮЗ – СВ. Он содержал останки младенца, погребенного в скорченной позе на левом боку головой на юго-запад в сопровождении керамического сосуда (рис. 2, *10*), набора мелких бронзовых украшений (бляшка-пуговица, три бляшки с лепестковым орнаментом и два проволочных височных кольца) (рис. 2, *2, 4–7*) и костей ног овцы. Совокупность аналогий находкам в насыпи и детской могиле маркирует период возведения первой ограды – этап III-В (лугавский) ЭПБ (X–IX вв. до н.э.) [Лазаретов, 2006, с. 228; 2008, с. 189].

Позднее была сооружена боковая ограда, в пределах которой были размещены две детские могилы. Одна из них (мог. 5) представляла собой ориентированный по линии ЮЗ – СВ и установленный в неглубокую яму деревянный сруб размерами 1,8 × 1,0 м, сложенный в два венца и перекрытый бревенчатым накатом с каменной кладкой над ним. В ней были найдены разбросанные в беспорядке крупные фрагменты керамического сосуда с орнаментом в виде рядов оттисков отступающей лопаточки и жемчужин (рис. 2, *9*), мелкие кости овцы, бронзовые проволочное височное кольцо и бляшка-пуговица (рис. 2, *8*). В западном углу сруба поверх

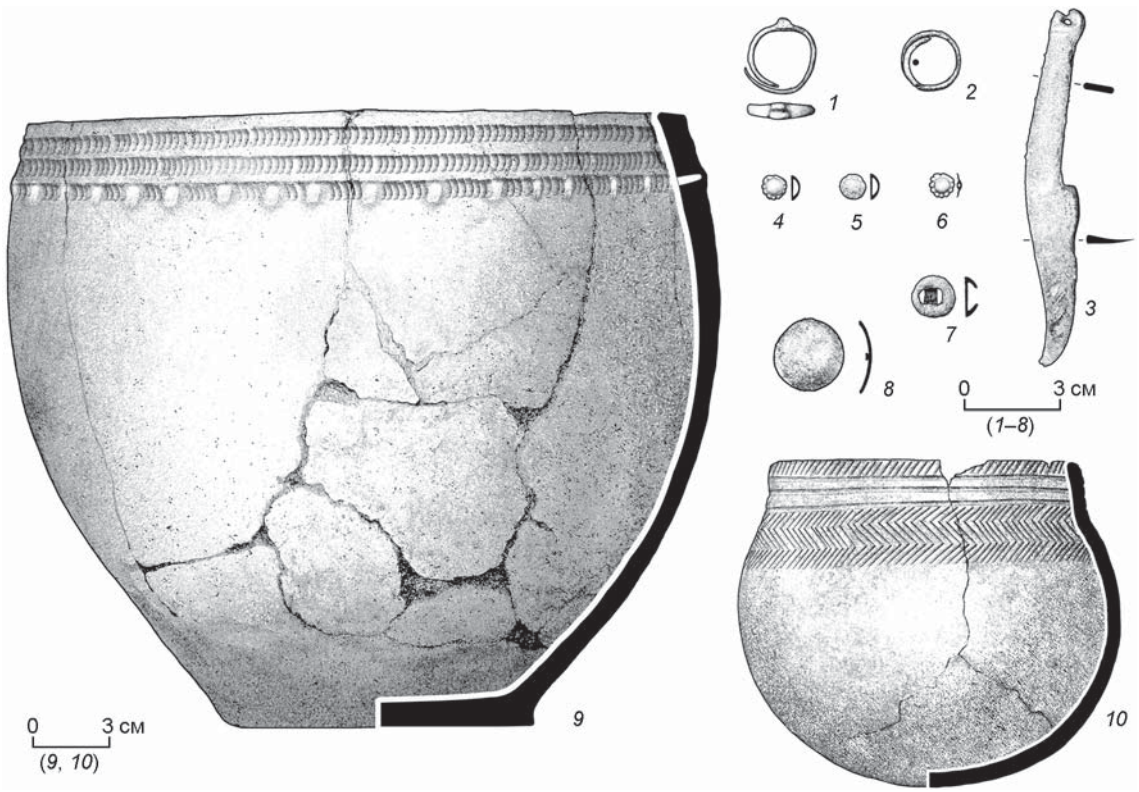

Рис. 2. Курганный могильник Сагайская протока-4. Комплекс предметов из захоронений эпохи поздней бронзы.

1, 3 – кург. 2, насыпь; *2, 4–7, 10* – кург. 2, мог. 2; *8, 9* – кург. 2, мог. 5.
1–8 – бронза; *9, 10* – керамика.

верхнего венца его северо-западной стенки были уложены пять метаподий лошади. Вторая (мог. 6) представляла собой ориентированный по линии СЗ – ЮВ и установленный в неглубокую яму деревянный сруб размерами 1,38 × 0,98 м, сложенный в два венца и перекрытый бревенчатым накатом с каменной кладкой. На выложенном поперечными плахами дне могилы покоились останки ребенка младшего возраста, уложенного вытянуто на спине со слегка разведенными в стороны руками, головой на юго-восток. При нем справа от черепа найдены кости конечностей, лопатка и ребра овцы.

Судя по обнаруженному в могилах ограды-пристройки инвентарю, данный комплекс возник на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века – этап IV-Б (баиновский) ЭПБ (конец IX – начало VIII в. до н.э.) [Лазаретов, 2006, с. 230; 2008, с. 189]. В тагарское время комплекс кургана 2 подвергся перестройке. Было полностью уничтожено погребение в основной ограде, частично разобраны плиты стенок и перекрытий объектов в боковой ограде, и за ее пределами воздвигнута новая ограда.

Также к баиновскому этапу относится курган 1А. Ограда кургана и надмогильная конструкция были сильно повреждены при строительстве железной дороги. Ограда из плит красновато-серого песчаника, установленных на ребро, имела форму неправильного прямоугольника размером 9,5 × 7,8 м, ориентированного продольной осью по направлению ССЗ – ЮЮВ. Внутреннее пространство ограды было заполнено рваным камнем и песчаниковыми плитками, на пяти из которых обнаружены фрагменты петроглифов предскифского времени. В центре ограды выявлено погребение, имевшее вид грунтовой ямы неправильной прямоугольной формы размером 2,6 × 1,56 м, ориентированной по линии СВ – ЮЗ. Возможно, первоначально могила была перекрыта массивными плитами, уложенными на продольные балки. В заполнении и на дне могилы были встречены разрозненные кости скелета мужчины в возрасте около 25 лет. В восточном углу могилы находился крупный плоскодонный керамический сосуд без орнамента.

Погребения *тагарской культуры* присутствуют на курганах 1, 2 и 3. В кургане 1 тагарцами была переиспользована окуневская ограда, большая часть которой была разобрана, и вместо нее сооружена ограда подквадратной формы размерами 9,09 × × 9,85 м, ориентированная длинной стороной по линии ССЗ – ЮЮВ. Стенки ограды были составлены из установленных на ребро плит красновато-серого песчаника. По углам в ямах с каменной забутовкой вкопаны вертикальные стелы. Реконструируемое первоначальное количество угловых и простеночных камней в ограде – восемь. В центре перестроенной ограды была выкопана одна большая могильная яма (мог. 1) размером 3,27 × 3,14 м, перекрытая накатом из бревен, уложенным на массивные плиты песчаника. Поверх наката размещалась выкладка из рваного камня. В могиле было захоронено не менее шести человек разного пола и возраста. Все умершие были уложены вытянуто на спине головой на юго-запад. В заполнении и на дне могилы обнаружены фрагменты керамических сосудов, костяные наконечники стрел (рис. 3, *2–4, 7*), обломки бронзовых украшений, кости животных. Позднее могила 1 подверглась полному разграблению. При этом была нарушена анатомическая целостность находившихся в ней костяков, изъята большая часть инвентаря, разрушено бревенчатое перекрытие и часть каменной выкладки. Тогда же или позднее посетители могилы поместили под ноги ранее погребенных здесь людей тело ребенка 8 лет. Его останки покоились на животе, лицом вниз, головой на юго-восток. При этом правая рука ребенка была сильно заведена за спину, а ноги подогнуты в коленях так, что обе стопы оказались под тазом. Подобный тип захоронений хорошо известен в практике тесинского населения Минусинских котловин.

В кургане 2 тагарская ограда, в плане имевшая форму неправильного квадрата размерами 15 × 15,6 м, была сориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Сохранившиеся угловые и простеночные стелы позволяют отнести ее к типу «десятикаменных». Основная могила была сооружена внутри лугавской ограды и вместе с надмогильной конструкцией заняла почти все ее пространство. Здесь была выкопана яма прямоугольной формы размерами 3,5 × 3,3 м, ориентированная по линии ЮЗ – СВ (мог. 1), на дне сложен бревенчатый сруб. Перекрытие представляло собой выкладку из рваного камня и песчаниковых плит, сложенную на бревенчатом накате. Погребение неоднократно подвергалось вторичному использованию и разграблению. В заполнении и на дне были обнаружены разрозненные и фрагментированные кости скелетов более десятка людей разного пола и возраста. Здесь же были найдены остатки сопутствующего инвентаря: обломки не менее трех керамических сосудов (рис. 3, *12, 14, 15*), изделия из бронзы (фрагменты полусферических бляшек (рис. 3, *5*), биконические и круглые бусины, трубочки-пронизки, фрагмент предмета неизвестного назначения, обойма, ножи), кости (наконечники стрел, гребень, подвески и бусины) и других материалов (пастовые и аргиллитовые бусины), а также кости животных.

Вероятно, к этому же времени или несколько позднее относятся три детских погребения (мог. 3, 4 и 7), впущенные в насыпь. Они представляли собою небольшие небрежно сложенные каменные

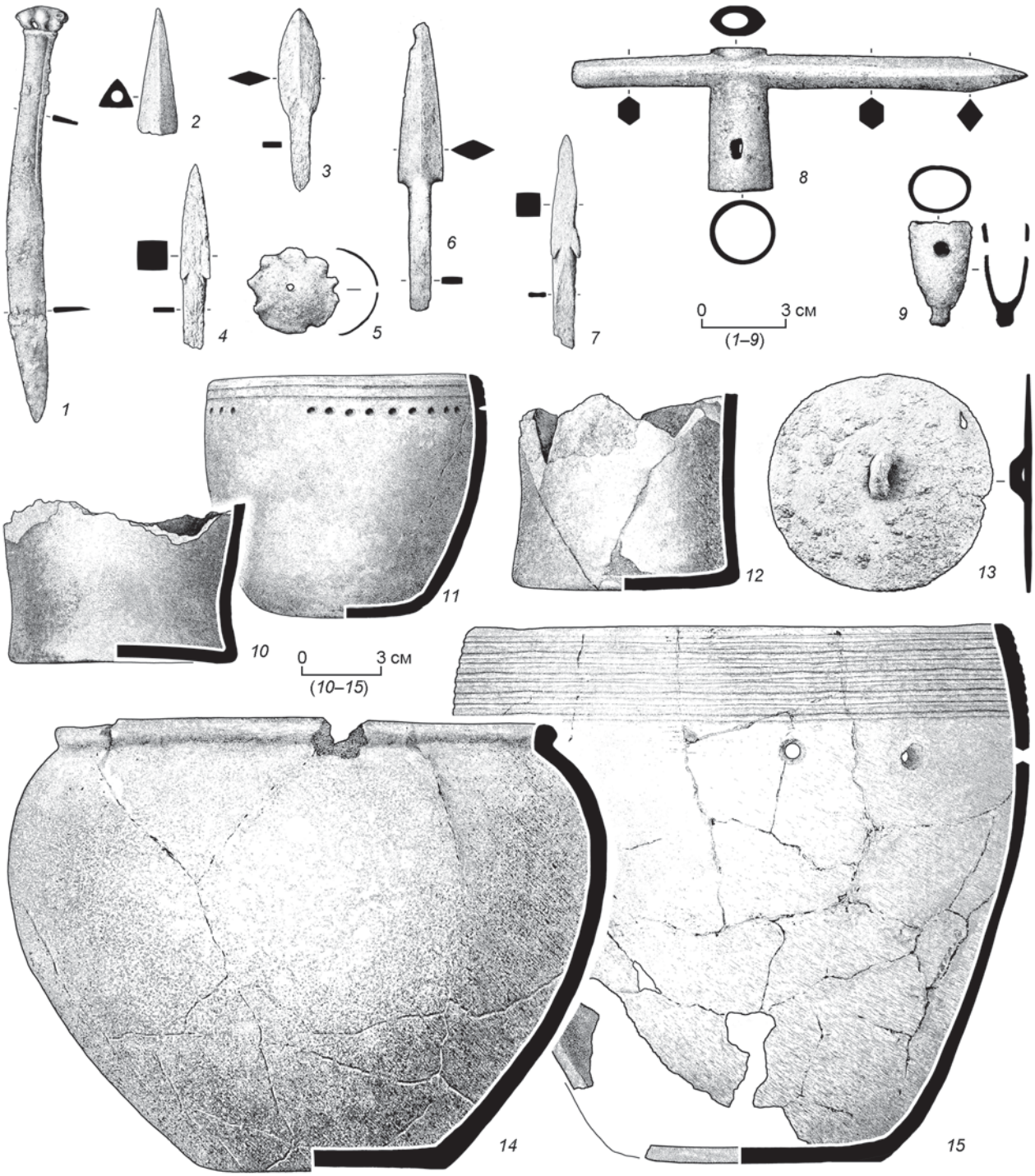

Рис. 3. Курганный могильник Сагайская протока-4. Комплекс предметов из биджинских захоронений раннего этапа тагарской культуры.

1 – кург. 3, мог. 3; *2–4, 7* – кург. 1, мог. 1; *5, 12, 14, 15* – кург. 2, мог. 1; *6, 8–10* – кург. 3, мог. 2; *11* – кург. 3, мог. 6; *13* – кург. 3, мог. 1. *1, 8, 9, 13* – керамика; *2, 3, 6, 7* – кость; *10–12, 14, 15* – керамика.

ящики, перекрытые песчаниковыми плитами. Лишь в двух из них были найдены разрозненные кости младенцев.

Курган 3 представлял собой «чистый» тагарский комплекс. Под насыпью расчищена ограда из установленных на ребро плит красновато-серого песчаника, размером 16,2 × 15,5 м, ориентированная продольной осью по линии СЗ – ЮВ. Северная стенка ограды уничтожена в процессе строительства арыка. Сохранившиеся простеночные и угловые стелы позволяют отнести ограду к типу «десятикаменных». В пределах ограды было выявлено шесть

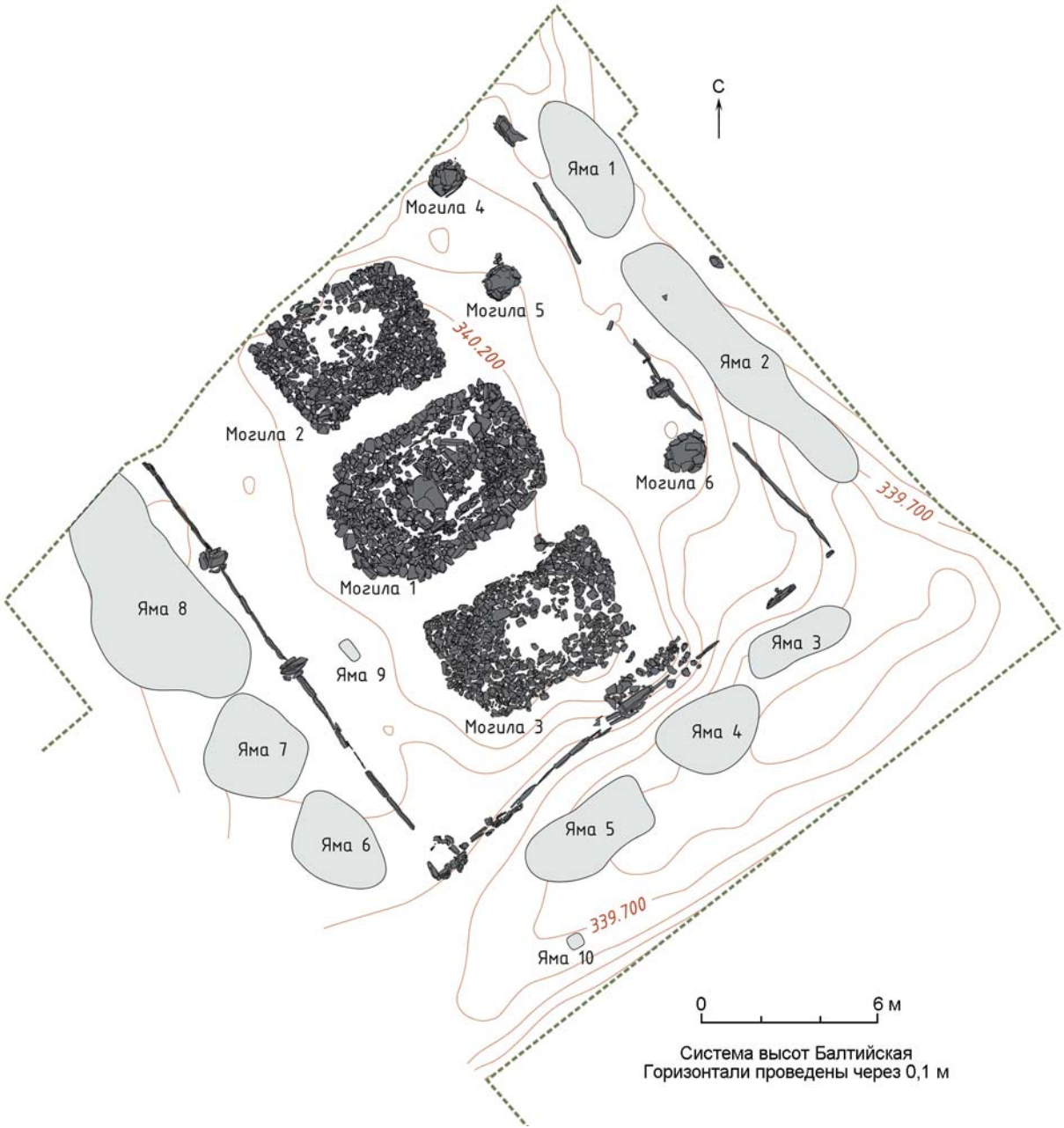

Рис. 4. Курганный могильник Сагайская протока-4. Курган 3. План расположения объектов.

погребений, три из которых являются основными (рис. 4). Они представляли собой последовательно размещенные друг за другом по продольной оси кургана грунтовые ямы глубиной 1,0–1,3 м, в плане имевшие вид прямоугольников размером от 3,35 × 3 до 3,9 × 3,8 м, ориентированных по линии СЗ – ЮВ. Все могилы были перекрыты продольным бревенчатым накатом, уложенным на поперечные балки, поверх которого были сооружены надмогильные выкладки из валунов и песчаниковых плит. У центрального погребения (мог. 1) над основным каменным панцирем была сделана надстройка из валунов, уложенных на подсыпку из супеси высотой до 0,8 м. На дне всех могил прослежены деревянные конструкции в виде бревенчатых срубов, сохранностью в три – пять венцов. В могилах 1 и 3 были выявлены следы берестяного «пола».

Все могилы разграблены в древности. Погребенные были уложены вытянуто на спине, головой на юго-запад. В центральном погребении (мог. 1) было захоронено два человека – взрослые мужчина и женщина. В северо-западной могиле (мог. 2) встречены останки ребенка, трех взрослых мужчин и одной женщины; в юго-восточной (мог. 3) – двух взрослых людей, подростка и ребенка. В заполнении и на дне погребений обнаружены остатки со-

путствующего инвентаря: целые и фрагментированные керамические сосуды (см. рис. 3, *10*), два бронзовых ножа с фигурным навершием (рис. 3, *1*), два дисковидных бронзовых зеркала (рис. 3, *13*), чекан со втоком (рис. 3, *8, 9*), два бронзовых шила, комплект костяных наконечников стрел (рис. 3, *6*), бронзовые обоймы и трубочки-пронизки, полусферические бляшки, разнообразные бронзовые, каменные, пастовые и аргиллитовые бусины, фрагменты изделий из кости и рога, а также остатки сопутствующей пищи (кости животных).

Еще три погребения кургана 3 – могилы 4–6 – представляли собой небольшие каменные ящики, перекрытые песчаниковыми плитами. Два из них были устроены на уровне древнего горизонта, а еще один впущен в насыпь кургана. Все они располагались в северо-восточной части ограды, параллельно основным погребениям. В двух из них (мог. 4, 5) выявлены безынвентарные одиночные захоронения младенцев, в третьей (мог. 6) расчищено носившее вторичный характер коллективное погребение не менее шести детей младенческого и раннего детского возраста в сопровождении керамического сосуда (рис. 3, *11*).

Специфика погребальных сооружений, обряда трупоположения и сопроводительного инвентаря позволяют отнести все тагарские комплексы курганного могильника Сагайская протока-4 к биджинской группе погребений раннетагарского времени (конец VIII – VI в. до н.э.) [Герман, 2017; Кузьмин, 2020, с. 105–107].

Отдельно следует сказать о наличии в непосредственной близости от всех исследованных оград углубленных в материк объектов – ям. Разной глубины и размеров, большинство из них в плане имели форму неправильных овалов, вытянутых параллельно стенкам оград. При выборке заполнения ям были встречены единичные находки (фрагменты керамики, единичные кости животных, плитки песчаника) или же, в большинстве случаев, они оказывались без археологического материала. По аналогиям к окуневскому времени следует отнести ямы 2 и 3 кургана 1, расположенные за южной и северной стенками ограды соответственно. В частности, в яме 3 при выборке зафиксированы фрагменты от керамического сосуда окуневского облика, крупные гальки со следами обработки, а также скелет собаки на левом боку с поджатыми лапами. Наиболее вероятно, что яма 3, как и другие углубленные в материк объекты кургана 1, представляли собой котлованы для выборки грунта при возведении курганных насыпей, известные в окуневское время [Поляков, 2014]. Ямы оставались открытыми, в результате чего со временем случайно или преднамеренно в них попадали разные предметы. В частности, наполнение ямы 3 кургана 1 началось в окуневское время, вероятно, продолжилось в период функционирования биджинской могилы (мог. 1) и завершилось в момент посещения комплекса тесинцами (скелет собаки). Остальные ямы сопутствовали тагарским оградам. Особенно наглядно их взаимосвязь с комплексом представлена на кургане 3, где ограда по всему сохранившемуся периметру была оконтурена цепочкой ям (рис. 4). При выборке их заполнения были найдены единичные кости животных, мелкие фрагменты керамики и песчаниковые плитки. Наиболее вероятно, назначение этих ям было аналогично окуневским.

Заключение

Исследования курганного могильника Сагайская протока-4 позволили получить новые данные о погребально-поминальной практике древнего населения юго-западной части Минусинских котловин. В результате работ были зафиксированы комплексы окуневской и тагарской культур, лугавского и баиновского хронологических горизонтов ЭПБ.

Основной период функционирования исследованной части некрополя связан с биджинской группой населения раннетагарского времени (конец VIII – VI в. до н.э.), для погребений которых характерны квадратные ямы со срубом, перекрытые накатом и каменным панцирем, парное или коллективное трупоположение, многоактность в заполнении могил. Среди сопутствующего инвентаря всех погребений присутствуют характерные именно для биджинской группы баночные сосуды с узкими каннелюрами (см. рис. 3, *15*) и сосуды с цилиндрическим основанием и расширяющимся туловом – т.н. «стаканы» (рис. 3, *10, 12*) [Герман, 2017; Кузьмин, 2020, с. 106].

Учитывая, что две тагарские ограды (курганы 1 и 2) были устроены на месте некрополей эпохи бронзы, отдельный интерес представляет отношение биджинского населения к могилам предшественников. Здесь следует отметить, что при перестройке комплексов не были уничтожены и разграблены все древние могилы, а только та их часть, которая «препятствовала» внесению необходимых конструктивных изменений. Вероятно, это было связано с переустройством кладбища на определенном «выделенном» участке для расширения функционирующего тагарского некрополя.

Раскопки широкими площадями со снятием грунта до материкового слоя позволили выявить на курганах систему углубленных в материк объектов. Для тагарских комплексов это один из первых случаев, наиболее ярко представленный на биджинском кургане 3 (рис. 4). Это еще раз напоми-

нает о необходимости расчистки поверхности внутри и за пределами оград тагарских курганов ниже уровня древнего горизонта для выявления сопутствующих объектов.

Дальнейшее изучение материалов курганного могильника Сагайская протока-4, а также введение в научный оборот результатов исследования других объектов, раскопанных в ходе охранно-спасательных работ на юго-западе Минусинских котловин, позволят значительно дополнить и скорректировать представления о погребально-поминальной практике и этнокультурных процессах на этой территории.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов курганного могильника «Сагайская протока-4» выполнены в рамках исполнения Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» и НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Герман П.В. К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. II. – С. 19–25.

Кузьмин Н.Ю. О достоверности радиоуглеродного датирования погребальных памятников тагарской культуры // Camera praehistorica. – 2020. – № 2 (5). – С. 100–121.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 267 с.

Лазаретов И.П. Радиоуглеродные даты эпохи поздней бронзы Среднего Енисея и проблема метода // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 186–189.

Лазаретов И.П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 15–50.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 478–471.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. – 2017. – № 16. – С. 52–74.

References

German P.V. K probleme periodizatsii tagarskoi kul'tury: etap i tip. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule–Belokurikhe*. Barnaul: Altai State Univ. Press., 2017. Vol. II. P. 19–25. (In Russ.).

Kuzmin N.Yu. On the reliability of radiocarbon dating of burial sites of the Tagar culture. *Camera praehistorica*, 2020, no. 2 (5). P. 100–121. (In Russ.). https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-2-100-121

Lazaretov I.P. Zaklyuchitel'nyi etap epokhi bronzy na Srednem Enisee: cand. sc. (history) dissertation. St. Petersburg, 2006, 267 p. (In Russ.).

Lazaretov I.P. Radiouglerodnye daty epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseya i problema metoda. In *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul: Azbuka, 2008. P. 186–189. (In Russ.).

Lazaretov I.P. Chronology and periodization of the okunevo culture: current state and prospects. *Theory and practice of archaeological research*, 2019. Vol. 28, no. 4. P. 15–50. (In Russ.). https://doi.org/10.14258/tpai(2019)4(28).-02

Polyakov A.V. Ob'ekty za predelami ograd kurganov okunevskoi kul'tury. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Vol. I. Kazan': Otechestvo, 2014. P. 478–471. (In Russ.).

Polyakov A.V. Radiocarbon dates of the okunev culture. *Transactions of the IHMC RAS*, 2017. no. 16. P. 52–74. (In Russ.). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30716066_93990151.pdf

Герман П.В. https://orcid.org/0000-0002-8123-6992
Леонтьев С.Н. https://orcid.org/0000-0002-6231-4043
Иващенко С.Н. https://orcid.org/0000-0002-5563-2502
Калинская А.В. https://orcid.org/0000-0002-3644-5111
Егорченко С.Е. https://orcid.org/0000-0003-2242-857X
Вальков И.А. https://orcid.org/0000-0003-2104-5542
Ковзунова П.В. https://orcid.org/0000-0002-7312-7817
Горлышкин Н.Е. https://orcid.org/0000-0002-1710-2877
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0945-0950
УДК 903.42+903.59+902.21

А.А. Дудко✉, Ю.А. Васильева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Опыт проведения археологических наблюдений на участке культурного слоя города Томска в 2020 году

В статье представлены основные результаты проведенных в октябре 2020 г. спасательных археологических работ (наблюдений) на выявленном объекте археологического наследия «Участок культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.», в зоне строительства многоквартирного жилого дома. Памятник располагается в центральной части г. Томска (исторический район), на левом берегу реки Ушайка (правый приток р. Томь). В ходе археологических наблюдений получена принципиально новая информация о стратиграфическом и планиграфическом контексте объекта археологического наследия. В процессе археологических наблюдений в разрушенном культурном слое собрана богатая коллекция археологических предметов (831 артефакт), которая состоит из фрагментов керамической, фарфоровой, фаянсовой, металлической и стеклянной посуды; кожаной и берестяной обуви; металлических орудий труда; украшений и предметов быта; монет; керамической плитки и изразцов, чугунной надмогильной плиты. Артефакты залегали разрозненно по всей обследованной территории, не формируя каких-либо концентраций. Предметный комплекс датируется периодом с 1830 по 1910-е гг. и дополняет наши представления о разнообразии хозяйственно-бытовых условий жизни в г. Томске в это время. При проведении археологических наблюдений участки непотревоженного культурного слоя на территории объекта археологического наследия не обнаружены. Археологические наблюдения как вид археологических полевых работ позволяет успешно манипулировать всем набором методического инструментария, имеющегося в арсенале археологов; концентрироваться на перспективных с точки зрения археологии участках и ускорять работы на неперспективных или разрушенных площадях.

Ключевые слова: *археологические наблюдения, разрушенный культурный слой, Новое время, предметы быта.*

A.A. Dudko✉, Yu.A. Vasileva

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Archaeological Observations in a Section of the Cultural Layer of the City of Tomsk in 2020

This article describes the results of rescue archaeological works at the site of archaeological heritage "Section of the cultural layer of the city of Tomsk on Altaiskaya St., 6, second half of the 19th – early 20th centuries," in the area of constructing apartment building. The site is located in the central part of Tomsk (historical region) on the left bank of the Ushaika River (right tributary of the Tom River). In the course of archaeological observations, fundamentally new information on stratigraphic and planigraphic context of the site was obtained. A collection of archaeological objects (831 artifacts), including fragments of pottery, porcelain dishware, earthenware, meta dishware and glassware, leather and birch bark shoes, metal tools, jewelry and household items, coins, glazed and unglazed clay tiles, and cast-iron gravestone was collected in the destroyed cultural layer. The complex of things dates back to the period from 1830 to 1910, and enriches our understanding of various aspects of everyday life in Tomsk at that time. During archaeological observations, areas of undisturbed cultural layer at that site of archaeological heritage have not been found. As a special type of archaeological field works, archaeological observations make it possible to successfully employ the entire set of methodological tools available to archaeologists, focus on archaeologically promising sites, and accelerate works on unpromising or ruined areas.

Keywords: *archaeological observations, destroyed cultural layer, Modern Age, household items.*

В октябре 2020 г. сотрудниками Отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН, под руководством А.А. Дудко, проводились археологические наблюдения на выявленном объекте археологического наследия «Участок культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.» в зоне строительства многоквартирного жилого дома. Целью работ являлось обеспечение сохранности памятника археологии с разрушенным культурным слоем при проведении строительных работ по объекту «Многоквартирный жилой дом по адресу: г. Томск, ул. Алтайская, 6».

Археологические наблюдения – относительно новый вид спасательных работ, и большинство исследователей по-разному понимают его специфику. Поэтому нам кажется актуальным и важным представить общественному вниманию свой полевой опыт, поделиться мнением относительно методики производства работ.

Выявленный объект археологического наследия расположен в центральной части г. Томска (исторический район). С северной его стороны протекает р. Ушайка, с юго-западной стороны памятник граничит с ул. Алтайской. В геоморфологическом отношении площадка, занятая объектом, располагается на поверхности первой надпойменной террасы реки Ушайка, в 1,15 км к востоку от ее устья.

Памятник был открыт Н.В. Торощиной (ООО «ИКН Сибири») в 2019 г. в рамках проведения государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, попадающего в зону строительства многоквартирного жилого дома. В заложенном археологическом шурфе, размерами 2 × 2 м, выявлен слой гумусированного суглинка, насыщенного навозом с щепой, сеном, различным мусором, который содержал изделия обиходного характера 2-й половины XIX – начала XX в. – разрушенный культурный слой (слой 3). Реконструкция формирования культурного слоя, проведенная Торощиной, предполагала одноэтапное его формирование, путем отсыпки берега р. Ушайка в период с 1880 по 1898 г. По результатам археологической разведки 2019 г. были установлены границы объекта, определены техническое состояние и предмет охраны, проведена культурно-хронологическая атрибуция артефактов, сформирована учетная документация по объекту. Приказом Комитета по охране объектов культурного наследия Томской области выявленный объект археологического наследия был включен в Перечень выявленных объектов культурного наследия Томской области.

В 2019 г. на территории объекта строительства сотрудниками ООО «Сибгеопроект» было проведено разведочное бурение на глубину 13 м, по результатам которого было установлено, что с поверхности площадка сложена насыпными грунтами – бытовым и строительным мусором с суглинистым заполнителем и включениями строительного мусора, мощностью от 1,9 до 3,5 м. Ниже, под насыпными грунтами, залегают суглинки с примесью органических веществ, мощность слоя 2,3–4,9 м. Суглинки, на глубине 5,1–6,8 м, подстилаются супесями с редкими включениями гравия (на глубине 6,8–7,4 м), мощность слоя супесей 1,9–2,5 м. В основании разреза на глубине 7,4–8,8 м залегают гравийные водонасыщенные грунты с супесчаным заполнителем текучей консистенции (мощность 0,5–1,6 м), на глубине 9,0–9,3 – 9,8–10,4 м, залегают глинистые сланцы. Водоносный горизонт пластово-поровых вод вскрыт на глубине 7,4–8,8 м, водовмещающими грунтами являются гравийные грунты и супеси, тип режима грунтовых вод – террасовый, р. Ушайка расположена примерно в 50 м от изучаемой площадки.

При сопоставлении стратиграфических колонок, полученных в ходе работ ООО «ИКН Сибири» и ООО «Сибгеопроект», были отмечены их значительные различия. В ходе археологический наблюдений 2020 г. установлено, что археологическим шурфом (ООО «ИКН Сибири») зафиксирована локальная стратиграфическая ситуация на памятнике, а инженерно-геологическими скважинами ООО «Сибгеопроект» показана ситуация на большей его части.

Согласно действующим научно-методическим требованиям в основе производственной схемы археологических наблюдений лежит применение механизированной техники (экскаваторов, скреперов и т.д.) с выполнением контрольных зачисток планиграфических и стратиграфических разрезов. При этом археологические наблюдения ведутся до проектных отметок или до материка. Сопутствующими технологическими операциями при этом могут быть: ручная переборка грунта, проверка участков работ и рыхлого грунта металлодетектором, просев или промывка грунта.

Перед началом вскрышных работ поверхность обследуемой площади и прилегающая территория ВОАН «Участок культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.» была очищена от деревьев и кустарников. Вся территория археологических наблюдений разбита на 9 участков, общей площадью 971,3 м^2.

После нивелировки современной дневной поверхности (высотные отметки укладываются диапазон 79,41–81,09 м по Балтийской системе высот), с использованием сетки квадратов 5 × 5 м, со всей

площади снимался насыпной грунт (слой 1: желтый или черный суглинок с включением строительного мусора) вместе с черным гумусированным суглинком техногенного генезиса (слой 2). В слое 2 фиксировались остатки бытового и строительного мусора (в т.ч. в полипропиленовых мешках), остатки недействующих водопроводов, канализации, остатки фундаментов и элементов зданий застройки 2-й половины XX в. Переход между насыпным грунтом и остатками строительного горизонта 2-й половины XX в. визуально четко не фиксировался в процессе разбора отложений. Однако граница между двумя техногенными слоями четко читается во внешних стратиграфических разрезах сформированного котлована (рис. 1).

При разборе отложений грунт визуально просматривался, металлодетектором постоянно обследовались как вскрываемая поверхность, так и грунт перед погрузкой в самосвал. Частично грунт поступал на вибросито (с ячеей 5 × 5 см) и просеивался.

При снятии техногенных грунтов большая часть обследуемой площади была разобрана до уровня 78,2–78,5 м по Балтийской системе высот, северо-восточная часть площади (участок 9) разобрана до проектной отметки 77,1 м по Балтийской системе высот. При этом в северо-восточной части площади (участок 9), ниже уровня 77,1 м, также залегает техногенный грунт (черный гумусированный суглинок), насыщенный строительным мусором и включающий участки галечно-гравийной отсыпки. Переход между слоем 2 и слоями 3 и 4 на участках 1–8 фиксировался по значительному уменьшению бытового и строительного мусора в рыхлых отложениях.

После снятия техногенных грунтов со всей площади (участки 1–9), экскаватором с планировочным ковшом была выполнена зачистка сформированной поверхности. Затем вынесена физическая сетка координат, размерами 5 × 5 м, поверхность была сфотографирована, описана и отнивелирована.

Следующим этапом работ был разбор отложений на участках 1–8 экскаватором с планировочным ковшом до проектных отметок условными горизонтами по 20–25 см. В зависимости от ситуации контрольные зачистки вручную производились после разбора одного или двух условных горизонтов.

С уровня 77,5–78,0 м по Балтийской системе высот на всех вскрываемых участках обильно проступали грунтовые воды, что делало их откачку, по сути, бессмысленной.

Собранные в ходе археологических наблюдений предметы залегали разрозненно по всей обследованной территории, наибольшая их локализация отмечена в южной половине данной площади. Отмечено, что большая часть предметов происходит из нижней части слоя 2, что соответствует времени активной застройки данного участка берега р. Ушайки в 1-й половине XX в.

В результате разбора участков 1–9 был полностью выбран весь грунт из обследуемой площади, сформирован котлован.

Описание археологических предметов дано нами по основным категориям.

Керамическая посуда. Гончарная керамическая посуда является наиболее массовой категорией коллекции – ок. 40 % предметов, в коллекции выделяются две группы: 1) ранняя – чернолощеная, мореная, сероглиняная посуда (такая керамика получает распространение в Томске в XVIII в.) [Чёрная, 2002]; 2) поздняя – поливная керамика.

Коллекция представлена фрагментами всех частей сосуда, средних и больших размеров. По форме различаются: горшки, чаши, миски, цветочные горшки («цветники»), бутылки (рис. 2, *1*) с надписями («КЕРКОВИУСиБЕКЪ РИГА», «KRUGFABRIK P. NAUHEIM & Cie WIRGES») и без. Для этой керамики характерно плотное тесто, хороший обжиг, тщательная обработка поверхности. Найдены фрагменты с лощением на внешней

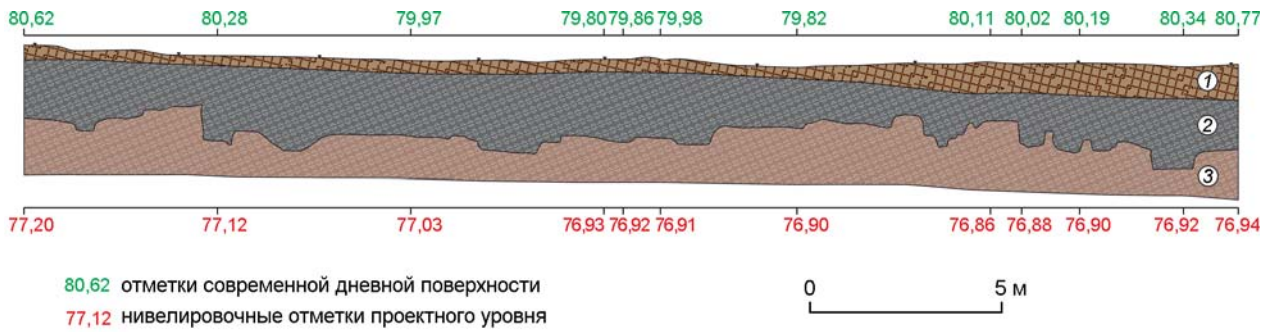

Рис. 1. Стратиграфический разрез юго-западной стенки ВОАН «Участок культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.».

1 – слой 1; 2 – слой 2 (культуросодержащий); *3* – слой 4.

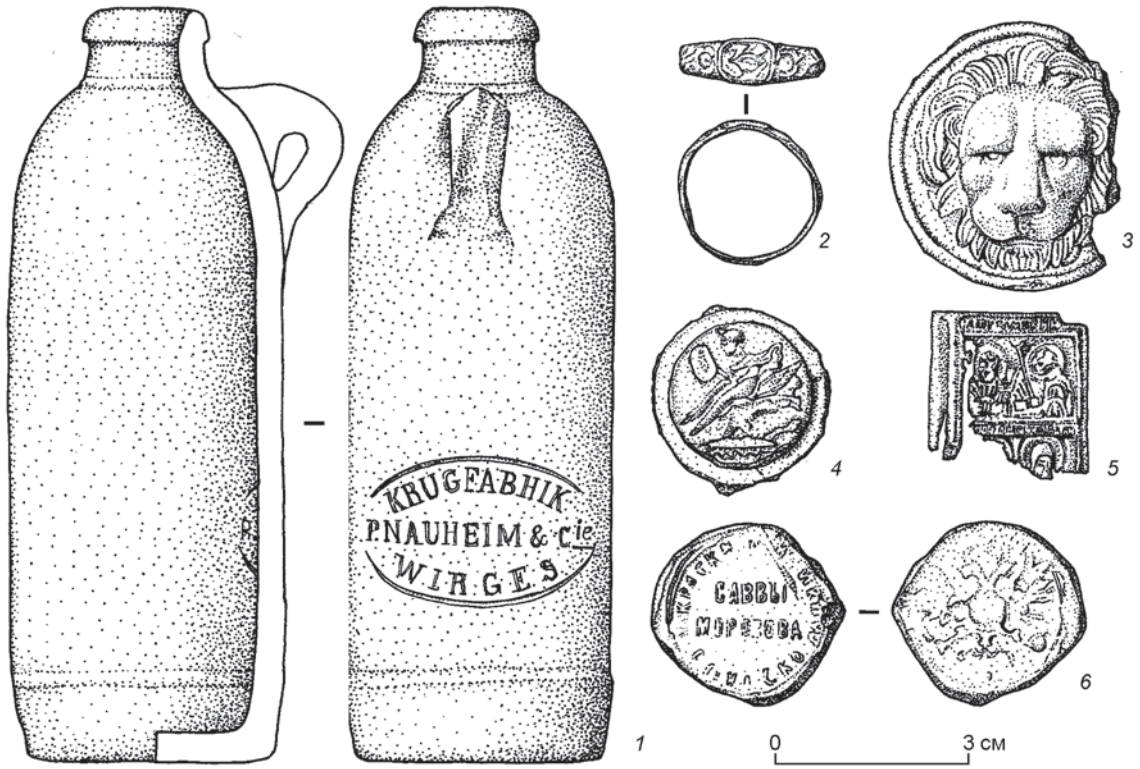

Рис. 2. Археологические предметы из разрушенного культурного слоя памятника «Участок культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.».

1 – керамическая бутылка «KRUGFABRIK P. NAUHEIM & Cie WIRGES»; 2 – перстень с растительным орнаментом; *3* – бляшка с изображением головы льва; *4* – пуговица с накладкой «Меркурий на коне»; *5* – створка складня «Знамение Пресвятой Богородицы»; *6* – товарная пломба.

поверхности. Два сосуда орнаментированы волнообразными и прямыми, а также дугообразными прочерченными линиями.

Аналоги по формам, технологии этой керамики встречены в культурном слое Томского кремля [Чёрная, 2002] и др.

Поливная керамика – представлена разнообразием форм (горшки, банки, чаши), но во фрагментарном виде.

Фарфоровая и фаянсовая посуда. Фарфоровая и фаянсовая посуда является второй по численности категорией находок в коллекции – ок. 32 % предметов. Такая посуда представлена преимущественно небольшими фрагментами столовой и чайной посуды, как правило, с растительным орнаментом. Основная часть изделий, судя по сохранившимся клеймам, была произведена на заводах М.С. Кузнецова – крупнейшего предпринимателя в области русской керамической промышленности, сумевшего завладеть в конце XIX – начале XX в. почти всеми фарфоровыми заводами – в Твери, Вербилках, Дулеве, Риге и др. [Русский фарфор…, 1989, с. 16]. Есть и другие клейма, например: «WHENN ? WIEN», «Б.Р. Чекановыхъ», «ФАБРИКИ К и Р….нскъ», «МАЛЬЦОВ.ЗАВ.,КУ.. ПЕСОЧНЯ» и др. Посуда этого типа датируется 2-й половиной XIX – началом XX в.

Посуда и изделия из стекла. Стеклянные изделия составляют ок. 10 % от общего состава коллекции, однако представляют различные типы бутылок, флаконов-бутылочек, чернильницы, штофы, рюмки, детали стеклянной посуды и проч. Цвет стеклянных изделий – зеленоватый, синий, темно-зеленый, бирюзовый. Многие такие изделия прозрачные, бесцветные. Некоторые предметы покрыты геометрическим орнаментом. На осколках некоторых бутылей сохранились надписи, например: «П.Е. ЛУКОВНИКОВЪ», «А.В. СИМАКОВЪ ВЪ УРАЛЬСКЪ», «BENEDIC...», «ED. PINAUD PARIS», «L I RIVE PARIS», «… MACIE», «Г. h.» и др.

Изделия из черного металла. Изделия из черного металла представлены ножами, гвоздями, подковами, навесным замком, орудиями труда, кухонной утварью и т.д.

Из чугуна изготовлена могильная плита, обнаруженная на участке 5, при разборе нижней части кирпичного здания (рис. 3). Эта могильная плита была изначально установлена на погребении протоиерея И.П. Сухопарова, который с 1868 по 1880 г.

Рис. 3. Надгробная плита с могилы протоиерея И.П. Сухопарова, найденная на памятнике «Участок культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.».

был настоятелем Благовещенского кафедрального собора г. Томска. С 1886 г. и до своей кончины был настоятелем Вознесенской кладбищенской церкви г. Томска, где и был похоронен. По сведениям 1909 г. на могиле имелась чугунная плита. По-видимому, при разрушении Вознесенской церкви и кладбища в период с 1940 по 1951 г. могильная плита была изъята местными жителями и перевезена на улицу Алтайскую, где была использована в качестве строительного материала (перекрытие погреба?). Текст на могильной плите следующий:

«Протоіерей Іоаннъ Пан-
кратьевичъ Сухопаровъ.
Скончался 11 Марта
1890 г. 72 летъ.».

Изделия из цветного металла. Основные типы предметов – монеты, ложки (с растительным орнаментом и без), кольцо, перстень с растительным узором (рис. 2, *2*), бляшка с изображением головы льва (рис. 2, *3*), пуговицы (рис. 2, *4*), поднос, створка складня «Знамение Пресвятой Богородицы» (рис. 2, *5*), товарные пломбы (рис. 2, *6*).

Нумизматическая коллекция небольшая – 14 единиц: номиналы – ¼, ½, 1, 2, 3, 10 копеек; года выпуска – 1837 (1 ед.), 1840 (2 ед.), 1843 (1 ед.), 1844 (2 ед.), 1875 (1 ед.), 1911 (1 ед.), 1912 (1 ед.), 1915 (1 ед.), 1916 (1 ед.). В трех случаях номинал и год выпуска определить невозможно.

Доля археологических предметов из цветных и черных металлов составляет менее 15 % от общего состава коллекции.

Фрагменты обуви. Фрагменты обуви представлены изделиями плохой сохранности. Сохранились части от семи экземпляров обуви, в т.ч. с наборными каблуками, детали кожаных изделий в виде наборной подошвы, каблуков, стелек, обрезки кожи и др. Обнаружен отрез голенища обувного изделия.

Керамические облицовочные изделия. В состав коллекции входит облицовочная плитка прямоугольной формы (Харьковский завод Э.Э. Бергенгейма), целый и три фрагмента печных изразцов.

В результате спасательных археологических полевых работ (наблюдений) на территории «Участка культурного слоя г. Томска по ул. Алтайская, 6, второй половины XIX – начала XX вв.» в 2020 г. из разрушенного культурного слоя сформирована коллекция археологических предметов (831 ед.), относящаяся к периоду с 1830-х по 1910-е гг. (Новое время); получена принципиально новая информация о стратиграфическом и планиграфическом контексте объекта археологии.

Зачастую в среде профессионалов-археологов бытует мнение, что объекты XIX – начала XX в. исследовать нецелесообразно. Однако эти материалы являются базовыми для исторической реконструкции быта и условий жизни населения в городской среде. Получаемые в ходе археологических полевых исследований предметы должны пополнять фонды краеведческих и исторических музеев, а не попадать в частные коллекции. В полевой практике мы сталкиваемся с ситуациями, когда на строительных площадках в городах с наличием археологического культурного слоя присутствуют «черные копатели». Как правило, они начинают действовать на строящихся объектах инфраструктуры в случае не проведения по каким-либо причинам мероприятий по сохранению объектов культурного наследия специалистами-археологами. При этом извлекаемые «черными копателями» археологические материалы становятся предметами торговли на различных сайтах в сети Интернет и т.н. «блошиных» рынках.

Археологические наблюдения как вид археологических полевых работ позволяет применять раз-

нообразный методический инструментарий, концентрироваться на более тщательном исследовании там, где это необходимо, или, наоборот ускорять работы на стерильных в археологическом отношении участках территории объекта археологического наследия.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Русский фарфор XVIII – начала XX века. Путеводитель. – М.: Изобразительное искусство, 1989. – 18 с.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. – 198 с.

References

Chernaya M.P. Tomskii kreml' serediny XVII–XVIII v.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoi interpretatsii. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2002, 198 p. (In Russ.).

Russkii farfor XVIII nachala XX veka. Putevoditel'. Moscow.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1989, 18 p. (In Russ.).

Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658
Васильева Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-4955-2749

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0951-0957
УДК 903.42+903.59+902.21

А.А. Дудко[1]✉, Ю.А. Васильева[1], А.В. Веретенников[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Результаты археологической разведки в зоне разработки Карачиякского каменноугольного месторождения в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2021 году

В июне 2021 г. Кузбасским отрядом Отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН совместно с сотрудниками лаборатории археологии ФИЦ УУХ СО РАН проведена археологическая разведка в рамках государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, попадающего в зону разработки Карачиякского каменноугольного месторождения (участки недр «Корчакольский» и «Корчакольский Глубокий») АО «Кузнецкинвестстрой» в Новокузнецком р-не Кемеровской области – Кузбасса. На сегодняшний день в бассейне р. Кондома известно свыше 30 объектов археологического наследия, относящихся к периоду финального верхнего палеолита – раннеголоценовому времени. Отводимый земельный участок, попадающий под разработку недр угля, располагается на левобережном участке долины р. Кондома, вокруг пос. Тайлеп, с северной стороны ограничиваясь р. Тайлеп и вплотную примыкая к Корчакольскому угольному разрезу с запада. В результате проведенных работ заложено 285 шурфов, общей площадью 546 м^2, выявлено 5 объектов археологического наследия, предварительно датированных финалом верхнего палеолита – ранним голоценом. В археологических шурфах найдено 30 артефактов, среди них: нуклеусы, резцы, пластина, сколы, отщепы, обломки, осколки. Сырьевой базой каменных индустрий стоянок Тайлеп 4–8 является галечное сырье из руслового аллювия реки Кондома. По своим технико-типологическим характеристикам комплекс каменной индустрии стоянок Тайлеп 4–8 составляет единый кластер с материалами поселений Тайлеп 1 и 2 (нижний культурный горизонт), изученными в ходе спасательных археологических раскопок в 2020 г.

Ключевые слова: *Кузбасс, Кондома, историко-культурная экспертиза, археологическая разведка, археологический шурф, стоянка, финальный верхний палеолит, культурный слой, продукты расщепления камня.*

A.A. Dudko[1]✉, Yu.A. Vasileva[1], A.V. Veretennikov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS
Kemerovo, Russia
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Results of Archaeological Exploration in the Development Zone of the Karachiyaksky Coal Deposit in Novokuznetsk District of Kemerovo Region – Kuzbass in 2021

In June 2021, the Kuzbass team of the Department of Rescue Archaeological Work of the IAE SB RAS, together with employees of the Laboratory of Archeology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the SB RAS, carried out archaeological exploration as a part of the state historical and cultural expertise of the land plot intended for inclusion into development area of the Karachiyak coal deposit (The Korchakolsky and Korchakolsky Glubokyi sections) of the Kuznetskinveststroi Company in Novokuznetsk District of Kemerovo Region – Kuzbass. Presently, over thirty sites of archaeological heritage belonging to the Final Upper Paleolithic – Early Holocene are known in the Kondoma River basin. The

land plot which was assigned for coal mining is located on the left bank of the Kondoma River Valley around the village of Taylep; on the northern side it is bounded by the Taylep River and is closely adjacent to the Korchakol coal mine on the west. As a result of the works, 285 pits were made over a total area of 546 sq. m, and five objects of archaeological heritage, preliminarily dated to the Final Upper Paleolithic – Early Holocene, were discovered. Thirty artifacts were found in archaeological pits, including cores, burins, scrapers, blade, spalls, flakes, and fragments. The raw materials of lithic industries at the Taylep 4–8 sites were pebbles, which widely appear in channel alluvium of the Kondoma River. According to its technical and typological features, the complex of lithic industry from the Taylep 4–8 sites forms a single cluster with the evidence from the Taylep 1 and 2 sites (lower cultural horizon) which were studied during the rescue archaeological excavations in 2020.

Keywords: *Kuzbass, Kondoma River, historical and cultural expertise, archaeological exploration, archaeological pit, site, final Upper Paleolithic, cultural layer, products of lithic reduction.*

Проведение государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, попадающих в зону хозяйственного освоения, сложно переоценить как меру, реально действующую и способствующую сохранению и изучению археологического, исторического, этнологического и культурного наследия России. Существенный рост производства археологических работ на территории нашей страны в последнее десятилетие во многом обеспечен соблюдением этой законодательной нормы. Положительных примеров археологических исследований как разведочного характера, так и спасательных археологических раскопок или наблюдений на сегодняшний день более чем достаточно. В то же время специалисты-археологи очень часто сталкиваются с недобросовестными заказчиками работ, которые просят, а иногда и требуют в агрессивной форме не выявлять объекты археологического наследия, прекрасно понимая, что нарушают тем самым законодательство Российской Федерации. Вопиющими и требующими максимальной общественной огласки, на наш взгляд, являются примеры уничтожения памятников археологии, как например Щербинское городище дьяковской культуры VII–V вв. до н.э. в Московской обл., полностью разрушенное в октябре 2021 г. компанией «Робметаллсталь» при подготовке площадки под строительный рынок. К сожалению, в Сибирском федеральном округе, на Кузбассе, подобная ситуация может повториться…

Начало археологического изучения палеолитической эпохи бассейна р. Кондома было положено в 1962 г., когда А.П. Окладниковым у с. Кузедеево был обнаружен «клад» каменных артефактов [1968]. Затем, в 1970-х гг. С.В. Маркиным проводятся планомерные исследования палеолитических памятников бассейна р. Томи и ее притоков. По результатам этих многолетних работ была выпущена монография [Маркин, 1986], в которой охарактеризованы материалы 12 палеолитических комплексов как со стратифицированных стоянок, так и материалы подъемных сборов. С середины 1980-х гг. и по настоящее время поиском и изучением объектов археологического наследия всех хронологических этапов в бассейне р. Кондома занимается Ю.В. Ширин. В 2010 г. им была выпущена обзорная статья по результатам археологических разведочных работ, где среди прочих охарактеризованы 13 комплексов, датируемых периодом позднего плейстоцена – раннего голоцена, в т.ч. материалы поселений Тайлеп 1 и Тайлеп 2 [Ширин, 2010]. В 2019 г. археологической экспедицией МАУК НКМ на территории Карачиякского каменноугольного месторождения было открыто двухслойное поселение Карачияк 1, в нижнем слое которого зафиксированы каменные артефакты периода позднего плейстоцена – раннего голоцена [Мартюшов, Мартыненко-Фриауф, Немых, 2019]. В 2020 г. А.Г. Марочкиным в окрестностях г. Калтан, расположенного на правом берегу р. Кондома, проводилось натурное обследование земельного участка, отводимого под новое муниципальное кладбище. В ходе осмотра обследуемой территории и в процессе выработки заложенных на ней стратиграфических разрезов было обнаружено значительное количество изделий из камня и продуктов расщепления камня. Выявленный объект археологического наследия получил название «Поселение Калтан 1» [Акт № 26/2020]. В 2020 г. Отделом спасательных археологический работ ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки поселений Тайлеп 1 и Тайлеп 2. Установлено, что поселение Тайлеп 2 многослойное: кроме позднепалеолитического культурного горизонта зафиксированы раннеголоценовый культурный горизонт и горизонт эпохи раннего железного века – этнографической современности [Тимощенко и др., 2020].

В июне 2021 г. Кузбасским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН и сотрудниками ФИЦ УУХ СО РАН, в рамках государственной историко-культурной экспертизы, были проведены археологические полевые работы (разведка) с целью определения наличия или отсутствия объектов культурного наследия, включенных в реестр, выявленных объектов культурного наследия, в т.ч. объектов археологического наследия, либо объектов, обладающих

признаками объектов культурного наследия на территории земельного участка, подлежащего воздействию земляных, строительных, хозяйственных работ на объекте «Технический проект разработки Карачиякского каменноугольного месторождения. Отработка каменного угля в границах участков недр «Корчакольский» и «Корчакольский Глубокий» АО «Кузнецкинвестстрой» в Новокузнецком р-не Кемеровской области – Кузбасса (рис. 1).

Земельный участок, попадающий под разработку недр угля, располагается на левобережном участке долины р. Кондома, вокруг пос. Тайлеп, он вплотную примыкает к Корчакольскому угольному разрезу. Река Тайлеп, протекающая в северной и северо-западной части земельного отвода, формирует на данном отрезке широкую затопленную пойму, покрытую густой хвойной и широколиственной растительностью. Южнее, в центральной части отводимого участка располагается пос. Тайлеп, жилые и хозяйственные строения на территории поселка, равно как и его улицы размещены вдоль двух рек: безымянного правого притока реки Тайлеп (с запрудой) и Малой Речки. На Малой Речке сформированы 2 запруды, устье реки впадает в болото Састых. На территории поселка расположены демонтированные жилые дома, подсобные строения, школа, строения, связанные с сельскохозяйственным производством (коровники, автобаза) и т.д. Северо-восточная часть земельного отвода распространяется в болото Састых. К югу от пос. Тайлеп и р. Малая Речка, на коренной террасе р. Кондома, располагается современное кладбище пос. Тайлеп, по правому борту р. Малая Речка проходят грунтовые дороги. Южная и восточная часть земельного отвода связана с горно-таежными ландшафтами, неперспективными в археологическом отноше-

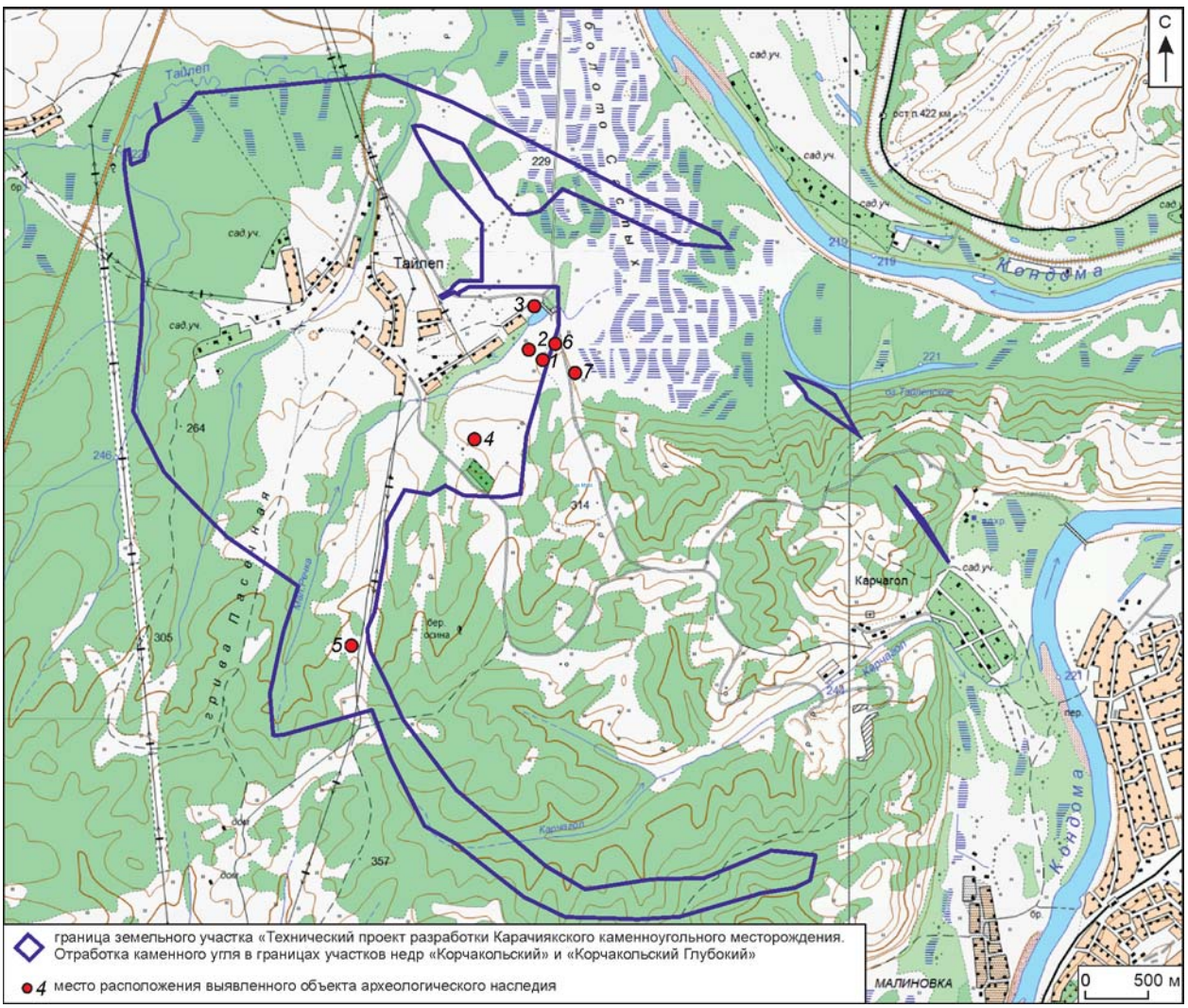

Рис. 1. Топографическая карта отводимого земельного участка в зоне разработки Карачиякского каменноугольного месторождения с указанием месторасположения выявленных объектов археологического наследия.

1 – стоянка Тайлеп 4; *2* – стоянка Тайлеп 5; *3* – стоянка Тайлеп 6; *4* – стоянка Тайлеп 7; *5* – стоянка Тайлеп 8; *6* – поселение Тайлеп 1; *7* – поселение Тайлеп 2.

нии. В южной части земельного отвода притоком р. Крутой Лог, который перекрыт отвалом горной выработки, сформирован пруд. Восточная часть земельного отвода приурочена к пойме р. Кондомы и оз. Тайлепского, коренная терраса сложена мощными аллювиальными напластованиями. Растительность на отводимом земельном участке представлена смешанным лесом (береза, осина, ель, лиственница, кедр) и кустарниками (ива, яблоня, рябина), в нижнем ярусе луговая и осоковая растительность. Часть площади отводимого земельного участка была подвержена сильному техногенному воздействию во время бытования пос. Тайлеп, разработки Корчакольского угольного разреза, эксплуатации земель под сельскохозяйственную деятельность. На участке наблюдаются многочисленные нарушения, выполненные землеройной техникой: сдвиги, выемки и отвалы, траншеи, колеи, сельскохозяйственная распашка.

Полевые исследования 2021 г. включали: сплошное визуальное обследование территории земельного участка, в т.ч. осмотр всех нарушений почвенных покровов для выявления археологических предметов; закладку шурфов с целью поиска погребенных древних объектов и культурного слоя; фотофиксацию всех проводимых работ и их результатов; а также съемку беспилотными воздушными судами общих видов обследуемой территории. Так как в ряде археологических шурфов были зафиксированы археологические предметы, в ходе разведки производились работы по установлению границ выявленных объектов археологического наследия, определению их технического состояния и предмета охраны, составлению топографических планов их территорий, фотофиксации общих видов. Проводилась съемка территории выявленных объектов археологического наследия и прилегающих территорий, на основе которых построены 3D-модели современной дневной поверхности памятников, их ортофотопланы и цифровые модели рельефа территорий объектов фотограмметрическим способом.

В ходе проведенной археологической разведки на объекте земельного отвода было заложено 285 шурфов, общая площадь археологических раскрытий составила 546 м^2. В результате проведенных работ выявлено 5 объектов археологического наследия – Стоянка Тайлеп 4, Стоянка Тайлеп 5, Стоянка Тайлеп 6, Стоянка Тайлеп 7, Стоянка Тайлеп 8, предварительно датированных финалом верхнего палеолита – ранним голоценом (рис. 1). Все выявленные стоянки приурочены к берегам р. Малая Речка (левый приток р. Кондома) и приурочены к I–III надпойменным террасам Кондомы [Акт № 1-42/07-21]. В кратчайшие сроки были направлены учетные данные по выявленным объектам в Комитет по охране объектов культурного наследия Кемеровской области – Кузбасса.

Стоянка Тайлеп 4 располагается в 0,25 км к югу от пруда на р. Малая Речка (правый берег), в 0,95 км к югу от контрольно-пропускного пункта на территорию «Корчакольского» угольного разреза, вблизи памятников «Поселение Тайлеп 1» (0,125 км на северо-восток) и «Поселение Тайлеп 2» (0,14 км на восток). Абсолютная высота поверхности террасы – 239–240 м, высота от уреза нижнего пруда р. Малая Речка – 19–20 м (по состоянию на 1 июля 2021 г.). Общая площадь ВОАН Стоянка Тайлеп 4 составляет 748 м^2. Археологическая коллекция, полученная в ходе работ, включает отщепы (6 ед.).

Стоянка Тайлеп 5 (рис. 2) располагается в 0,25 км к югу от пруда на р. Малая Речка (правый берег), в 0,15 км к юго-юго-западу от пруда на р. Малая Речка, в 0,85–0,9 км к югу от контрольно-пропускного пункта на территорию «Корчакольского» угольного разреза. Абсолютная высота поверхности террасы – 236–247 м, высота от уреза нижнего пруда р. Малая Речка – 6–7 м (по состоянию на 1 июля 2021 г.). Общая площадь ВОАН Стоянка Тайлеп 4 составляет 4 899 м^2. Коллекция археологических предметов состоит из одноплощадочного монофронтального нуклеуса (рис. 3, *1*), скребка, отщепов (3 ед.), скола, осколков (4 ед.).

Стоянка Тайлеп 6 располагается в 0,25 км к югу от пруда на р. Малая Речка (правый берег), в 0,6 км к юго-юго-западу от контрольно-пропускного пункта на территорию «Корчакольского» угольного разреза. Абсолютная высота поверхности террасы – 231–232 м, высота от уреза нижнего пруда р. Малая Речка – 1–2 м (по состоянию на 1 июля 2021 г.). Общая площадь ВОАН Стоянка Тайлеп 4 составляет 782 м^2. В коллекции присутствуют скол с двусторонней обработкой (рис. 3, 2) и пластина.

Стоянка Тайлеп 7 располагается в 0,85 км к юго-западу от пруда на р. Малая Речка, в 0,25 км к северу от современного кладбища п. Тайлеп, в 1,5 км к юго-западу от контрольно-пропускного пункта на территорию «Корчакольского» угольного разреза. Абсолютная высота поверхности террасы – 261–267 м, высота от уреза нижнего пруда р. Малая Речка – 31–37 м (по состоянию на 1 июля 2021 г.). Общая площадь ВОАН Стоянка Тайлеп 4 составляет 9 417 м^2. Археологические материалы представлены заготовкой орудия бифасиального типа (рис. 3, *3*), отщепами (3 ед.), обломками (2 ед.), осколком.

Стоянка Тайлеп 8 располагается в 0,25 км к югу от пруда на р. Малая Речка (правый берег), в 1,4 км к юго-западу от современного кладбища п. Тайлеп, в 3,15 км к юго-западу от контрольно-пропускного пункта на территорию «Корчакольского» угольного

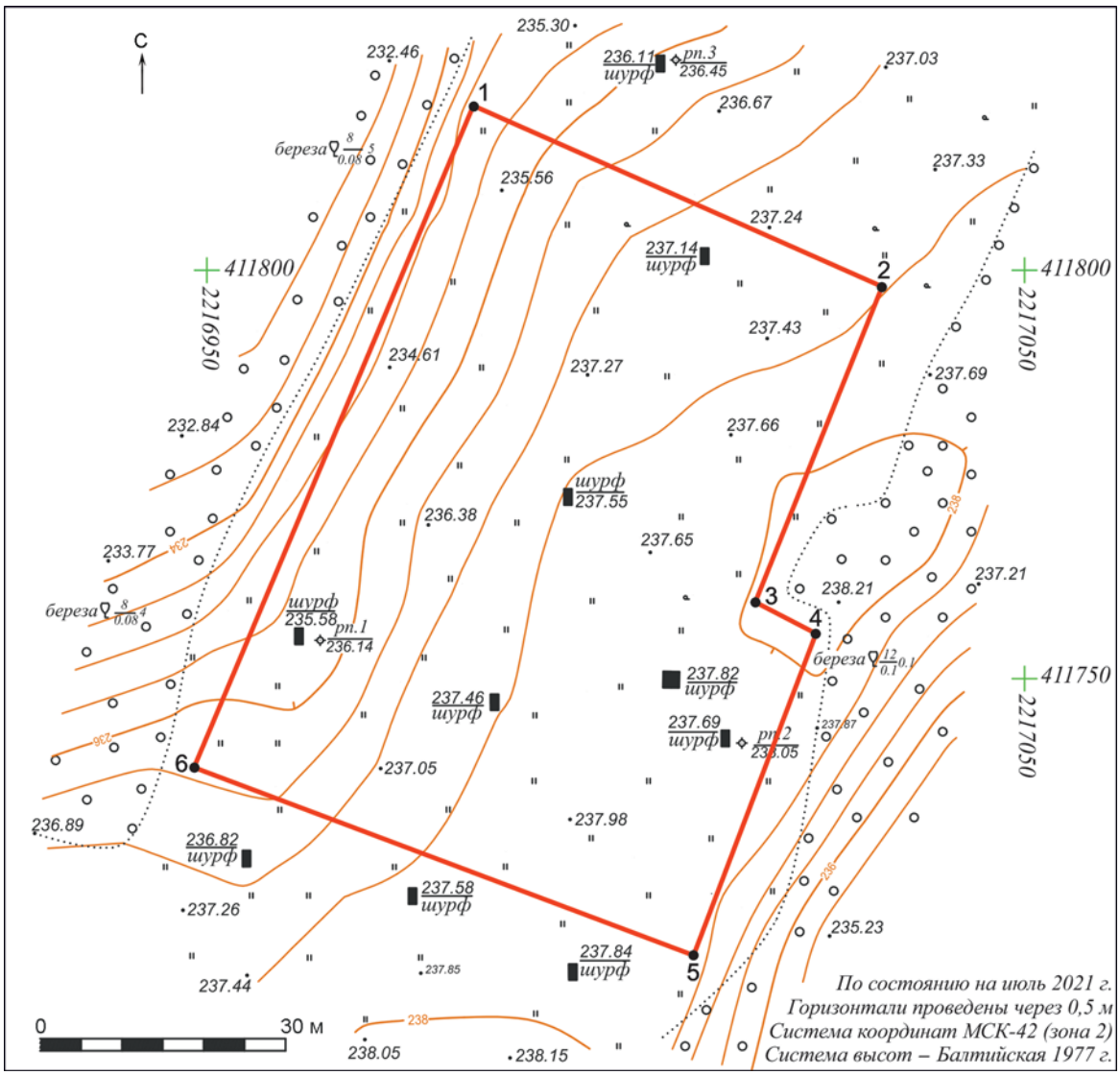

Рис. 2. Топографический план ВОАН Стоянка Тайлеп 5.

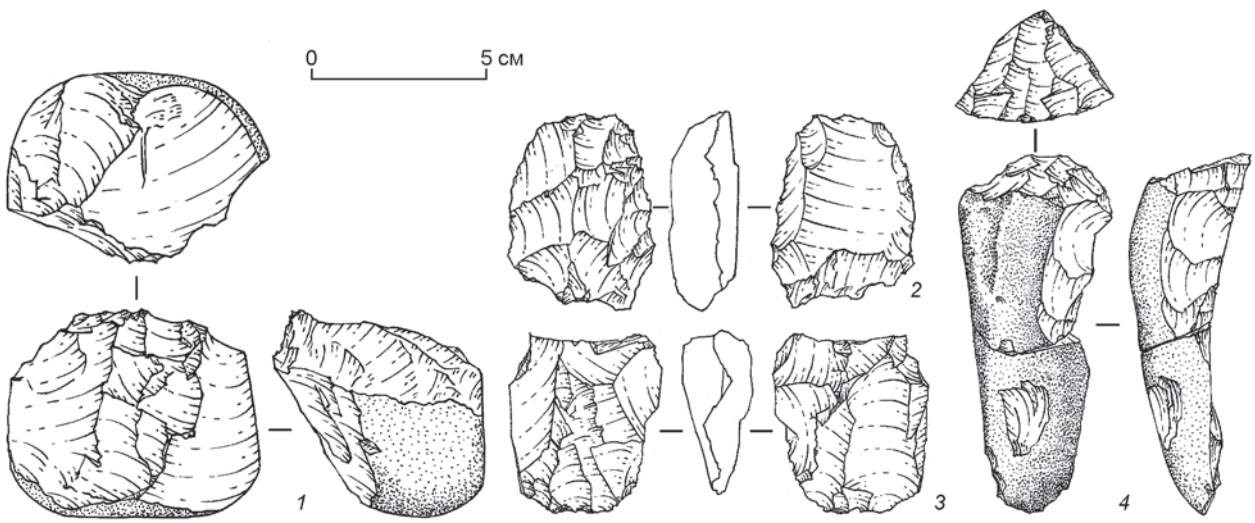

Рис. 3. Археологический материал.

1 – нуклеус (Стоянка Тайлеп 5); *2* – скол с двусторонней обработкой (Стоянка Тайлеп 6); *3* – нуклеус (Стоянка Тайлеп 7); *4* – нуклеус-скребок (Стоянка Тайлеп 8).

разреза. Абсолютная высота поверхности террасы – 313–315 м, высота от уреза нижнего пруда р. Малая Речка – 83–85 м (по состоянию на 1 июля 2021 г.). Общая площадь ВОАН Стоянка Тайлеп 4 составляет 810 м^2. Среди зафиксированных археологических предметов имеются нуклеус, нуклеус-скребок (рис. 3, 4), нуклевидный обломок, отщеп, обломок.

Сырьевой базой каменных индустрий стоянок Тайлеп 4–8 является галечник, широко представленный в русловом аллювии р. Кондома.

По своим технико-типологическим характеристикам комплекс каменной индустрии стоянок Тайлеп 4–8 составляют единый кластер с материалами поселений Тайлеп 1 и Тайлеп 2 (нижний культурный горизонт).

Основываясь на анализе пространственного расположения, нужно сказать, что археологические объекты на данном участке долины р. Кондома чаще встречаются в устьевых областях малых и крупных притоков р. Кондома, на надпойменных террасах р. Кондома и в долинах крупных притоков. Закономерно территория, наиболее интенсивно освоенная человеком, привязана к стабильным формам рельефа в пределах долины с высокой биологической продуктивностью. Археологические объекты, обнаруженные близ пос. Тайлеп, расположены на пологонаклонных поверхностях надпойменных террас р. Кондомы, осложненных руслами небольших водотоков.

По результатам археологической разведки 2021 г. выявленные стоянки Тайлеп 4–8 поставлены на государственную охрану. Считаем важным отметить, что своевременная подача учетной документации переводит факт обнаружения памятника археологии в другую административно-правовую плоскость и не позволяет собственникам земельных участков игнорировать наличие археологических объектов при проведении землеустроительных работ. К сожалению, по результатам осмотра выявленных объектов, проведенного в сентябре 2021 г., техническое состояние стоянки Тайлеп 5 следует признать аварийным. С момента выявления данного объекта археологического наследия хозяйственное освоение в целях разработки недр угля уже напрямую коснулось данного памятника археологии – на его территории зафиксированы многочисленные нарушения почвенного покрова, вследствие движения тяжелой техники при осуществлении лесосводных работ, выполняемых АО «Кузнецкинвестстрой».

Публикация научных результатов полевых археологических работ как в специализированной, так и научно-популярной литературе способствует развитию интереса к археологии как области научного знания в гражданском обществе.

Благодарности

Работа выполнена по проектам НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 и НИР ФИЦ УУХ СО РАН № 0286-2021-0011.

Список литературы

Акт № 1-42/07-21 государственной историко-культурной экспертизы земель, общей площадью 900,96 га, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ по объекту «Технический проект разработки Карачиякского каменноугольного месторождения. Отработка каменного угля в границах участков недр «Корчакольский» и «Корчакольский Глубокий» АО «Кузнецкинвестстрой» в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбассе. URL: http://okn-kuzbass.ru/upload/iblock/60d/60d23d20b99cd554b1ccc0e93755fa71.pdf

Акт № 26/2020 государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, подлежащего воздействию земельных, строительных, хозяйственных и иных работ для разработки раздела проектной документации по титулу «Выполнение работ по инженерным изысканиям и разработке проектно-сметной документации на строительства кладбища традиционного захоронения, расположенного в Кемеровской области, Калтанский городской округ, г. Калтан». URL: http://okn-kuzbass.ru/upload/iblock/e36/e366183a763fa9ed70607ebc021c9e05.pdf

Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна р. Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 176 с.

Мартюшов Р.А., Мартыненко-Фриауф А.А., Немых В.В. Результаты археологической разведки на горе Карачияк // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: ООО Лотус, 2019. – С. 27–34.

Окладников А.П. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у пос. Аил (с. Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. – Барнаул: Алт. книжн. изд-во, 1968. – С. 58–70.

Тимощенко А.А., Бычков Д.А., Ахметов В.В., Павленок Г.Д., Когай С.А., Белан О.В., Дудко А.А., Веретенников А.В. Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 937–943.

Ширин Ю.В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: ООО Полиграфист, 2010. – Вып. 1. – С. 5–43.

References

Akt № 1-42/07-21 gosudarstvennoy istoriko-kulturnoy ekspertizy zemel, obshey ploshadiyu 900,96

ga, podlezhashikh vozdeistviyu zemelnykh, stroitelnykh, meliorativnykh, khoziyastvennykh rabot po obiektu Tekhnitheskiy proekt razrabotki Karachiyakskogo kamennougolnogo mestorozhdeniya. Otrabotka kamennogo uglya v granitsakh uchastkov nedr Korchakolskiy i Korchakolskiy Glubokiy AO Kuznetskinveststroy v Novokuznetskom rayone Kemerovskoi oblasti – Kuzbasse. URL: http://okn-kuzbass.ru/upload/iblock/60d/ 60d23d20b99cd554b1ccc0e93755fa71.pdf (In Russ.).

Akt № 26/2020 gosudarstvennoy istoriko-kulturnoy ekspertizy zemelnogo uchastka, podlezhashego vozdeistviyu zemelnykh, stroitelnykh, khoziyastvennykh i inykh rabot dlya razrabotki razdela proektnoy dokumentatsii po titulu Vypolnenie rabot po inzhenernym izyskaniyam i razrabotke proektno-smetnoy dokumentatsii na stroitelstvo kladbisha traditsionnogo zakhoroneniya, raspolozhennogo v Kemerovskoi oblasti, Kaltanskiy gorodskoi okrug, g. Kaltan. URL: http://okn-kuzbass.ru/upload/iblock/e36/e366183a763fa9ed70607ebc021c9e05.pdf (In Russ.).

Markin S.V. Paleoliticheskie pamyatniki basseina r. Tomi. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 p. (In Russ.).

Martyushov R.A., Martynenko-Friauf A.A., Nemykh V.V. Rezultaty arkheologicheskoi razvedki na gore Karachiyak. In *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: OOO Lotus, 2019. P. 27–34. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Stranitsa iz zhizni paleoliticheskogo mastera: klad kamennykh izdelii u pos. Ail (s. Kuzedeevo). In *Iz istorii Sibiri I Altaya*. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatelstvo, 1968. P. 58–70. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Rezultaty arkheologicheskikh razvedok v basseine r. Kondomy. In *Iz Kuznetskoi stariny.* Novokuznetsk: Poligrafist, 2010. P. 5–43. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Bychkov D.A., Akhmetov V.V., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Belan O.V., Dudko A.A., Veretannikov A.V. Results of Rescue Archaeological Fieldwork at the Settlements Taylep-1 and Taylep-2 Sites (Novokuznetsk District, Kemerovo Region – Kuzbass) in 2020. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 937–943. (In Russ.).

Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658
Васильева Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-4955-2749

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0958-0965
УДК 902.21

А.А. Дудко[1], А.С. Сизев[2], И.А. Плац[2]✉, А.С. Федорук[1], А.В. Выборнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: ivanplac@yandex.ru

Новые археологические памятники на объектах землеотводов 2021 года в Новосибирской и Кемеровской областях

В статье рассматриваются результаты обследования земельных участков, расположенных в зоне строительства и реконструкции автомобильной дороги Р-254 «Иртыш» в Коченевском р-не Новосибирской обл. и железнодорожной станции Юрково в Новокузнецком р-не и г. Калтане Кемеровской обл. Археологические разведки проходили в рамках государственных историко-культурных экспертиз земель. Основным методом исследования стала закладка стратиграфических разрезов на территории землеотводов. В Новосибирской области исследования проводились в долине р. Чик, которая является значимой водной артерией в рамках Верхнего Приобья. Известные археологические памятники свидетельствуют о значительном распространении в долине р. Чик в позднем бронзовом веке древностей ирменской культуры. В ходе исследований 2021 г. удалось выявить еще один памятник ирменской культуры Стоянка Буньково 1. Памятник располагается на правой надпойменной террасе р. Чик недалеко от д. Буньково. Определены границы территории выявленного объекта археологического наследия, его площадь, стратиграфия. Получена коллекция предметов, достаточная для культурной атрибуции. Стоянка Буньково 1 датирована XII–IX вв. до н.э. В Кемеровской области разведка проводилась в долине р. Калтанчик, в правобережье р. Кондома, в районе известных археологических объектов Сарбалинская стоянка, Поселение Зеленый Луг 1, Сарбала 3. На коренных террасах р. Калтанчик обнаружены стоянки Зеленый Луг 2, Зеленый Луг 3, Сарбала 3а. На основании стратиграфического залегания культурного слоя и первичной морфологической оценки артефактов, объекты датируются финалом верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Новосибирская область, Кемеровская область, река Чик, река Калтанчик, разведка, стоянка, финал верхнего палеолита, эпоха поздней бронзы, ирменская культура.*

A.A. Dudko[1], A.S. Sizyov[2], I.A. Plats[2]✉, A.S. Fedoruk[1], A.V. Vybornov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS,
Kemerovo, Russia
E-mail: ivanplac@yandex.ru

New Archaeological Sites at the Land Plots Assigned for Development in Novosibirsk Region and Kemerovo Region in 2021

This article presents the results of surveying the land plots located in the construction and reconstruction zone of the P-254 "Irtysh" highway in Kochenevsky District of Novosibirsk Region, at Yurkovo railway station in Novokuznetsk District, and in the town of Kaltan in Kemerovo Region. Archaeological survey was a part of the state historical and cultural expertise of the land plots. In Novosibirsk Region, studies were carried out in the valley of the Chik River which is an important waterway in the Upper Ob region. The known archaeological sites point to a significant presence of the antiquities of the Irmen culture in

the valley of the Chik River in the Late Bronze Age. In the course of research in 2021, it was possible to identify another site of the Irmen culture – Bunkovo 1 which is located on the right terrace above the floodplain of the Chik River near the village of Bunkovo. The boundaries of the site, its area, and stratigraphy were established, and a collection of artifacts sufficient for cultural attribution was obtained. The Bunkovo 1 site was dated to the 12th–9th centuries BC. In Kemerovo Region, the survey was conducted in the area of the known archaeological sites of Sarbala, Sarbala 3, Zelenyi Lug 3 in the valley of the Kaltanchik River on the right bank area of the Kondoma River. The Zelenyi Lug 2, Zelenyi Lug 3 and Sarbala 3a sites were found on the bedrock terraces of the Kaltanchik River. Based on the stratigraphic position of the cultural layer and initial morphological assessment of the artifacts, the sites were dated to the Final Upper Palaeolithic.

Keywords: *Novosibirsk Region, Kemerovo Region, Chik River, Kaltanchik River, exploration, site, Final Upper Palaeolithic, Late Bronze Age, Irmen culture.*

В июне – августе 2021 г. исследовательской группой ИАЭТ СО РАН и ФИЦ УУХ СО РАН под руководством А.А. Дудко и А.С. Федорука проведены разведки в зоне строительства и реконструкции автомобильной дороги Р-254 «Иртыш» в Коченевском р-не Новосибирской обл. и проектирования железнодорожной станции Юрково на территории Новокузнецкого муниципального р-на и Калтанского городского округа Кемеровской обл. (рис. 1).

В Новосибирской области целью работ являлось определение наличия или отсутствия объектов культурного наследия на земельных участках общей площадью 104,4324 га, расположенных в бассейне р. Чик (правый приток р. Оёш, юго-восток Западно-Сибирской низменности) в районе пос. Прокудское. Река Чик – это крупный водоток, протекающий в северо-восточном направлении по территории Ордынского, Коченевского и Колыванского р-нов Новосибирской обл., сливаясь с р. Оёш, образует р. Чаус. В долине р. Чик ясно прослеживаются две надпойменные террасы, образовавшиеся в условиях интенсивного стока. Пойма р. Чик достаточно широкая, заболоченная, местами достигает 1–2 км, осложнена прирусловыми отмелями, островами, осередками, в более высокой и древней части – старицами и гривами. Остатки древних русел свидетельствуют о более полноводных эпохах в истории реки. В целом, данная местность была привлекательна для жизни людей, начиная с позднего палеолита.

Долина р. Чик на участке между с. Катково и с. Прокудское ранее неоднократно становилась объектом археологических исследований. В 1962 г. здесь проводил разведку В.А. Дремов, однако тогда памятников обнаружить не удалось [Сумин и др., 2013, с. 11]. Систематические разведки в долине р. Чик стали проводиться с конца 1990-х гг. в связи с расширением сети автомобильных

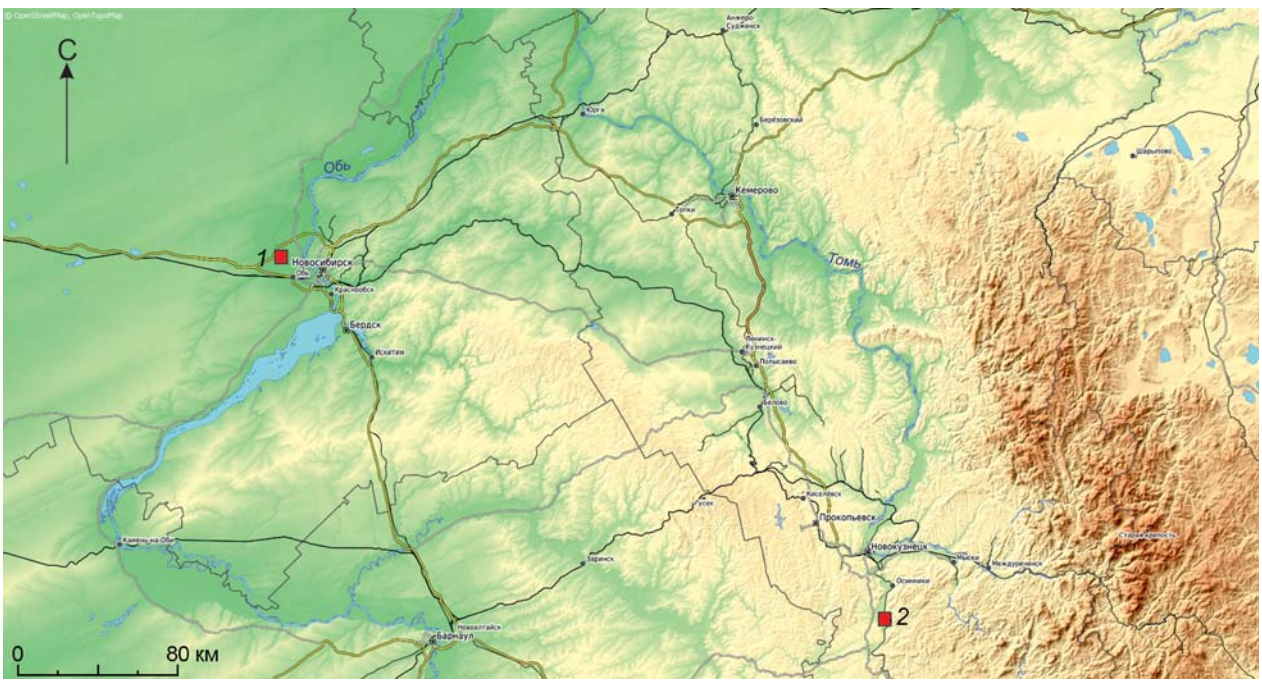

Рис. 1. Расположение участков разведки на землеотводах 2021 г.

1 – Новосибирская область, Стоянка Буньково 1; *2* – Кемеровская область, Стоянка Зеленый Луг 2, Стоянка Зеленый Луг 3, Стоянка Сарбала 3а.

дорог. Так, в 1998 г. в рамках обследования участка строительства федеральной автомобильной дороги «Байкал» И.А. Дураковым выявлен курганный могильник Катково-1. Могильник датируется юрт-акбалыкским этапом верхнеобской культуры [Демахина, 2017, с. 14–19]. Тогда же были открыты поселения ирменской культуры Катково-1А и Катково-1Б. Оба памятника были полностью исследованы, получены немногочисленные фрагменты керамических сосудов и костей животных [Сумин и др., 2013, с. 15, 19, 26]. В 1999 г. был раскопан один курган юго-восточной группы курганов могильника Катково-1, содержавший материалы ирменской культуры. Эта группа курганов также фигурирует в литературе как курганный могильник Катково-2 [Воронина, Мжельская, 2000]. В 2000 г. О.В. Софейковым на могильнике Катково-1 обнаружено 13 погребений андроновской культуры. В том же году В.В. Воробьевым открыто поселение ирменской культуры Катково-3. В 2002 г. М.В. Титовой на памятнике Катково 3 обнаружено грунтовое погребение того же времени [Сумин и др., 2013, с. 16–17, 28]. На основании приведенного обзора можно заключить, что долина р. Чик была наилучшим образом освоена человеком в бронзовом веке (особенно в эпоху поздней бронзы) и Средневековье, что свидетельствует, по всей видимости, о привлекательности данной территории для коллективов преимущественно со скотоводческим хозяйством.

В ходе исследования землеотвода в 2021 г. была выявлена Стоянка Буньково 1. Памятник расположен на слабо выступающем в пойму мысу правой надпойменной террасы р. Чик, в 1,14 км к востоку-юго-востоку от здания сельского клуба д. Буньково и в 0,65 км к северо-востоку от кладбища с. Буньково. В границах территории памятника растительность представлена только единичными кустами акации и луговым разнотравьем (рис. 2).

Граница территории стоянки определялась по наличию или отсутствию в изученных шурфах археологических предметов и структур, с учетом характера и мощности культурного слоя, выявленного в двух шурфах, а также с учетом геоморфологической ситуации. На основании полученных данных граница проведена с северной стороны по краю надпойменной террасы р. Чик, а с восточной, южной и западной сторон по отсутствию в 10 шурфах археологических предметов и структур. В результате, площадь стоянки Буньково 1 составила 389,92 м^2.

Стратиграфия памятника, зафиксированная в двух шурфах с находками, демонстрирует естественный процесс формирования отложений. После дерново-гумусного горизонта мощностью

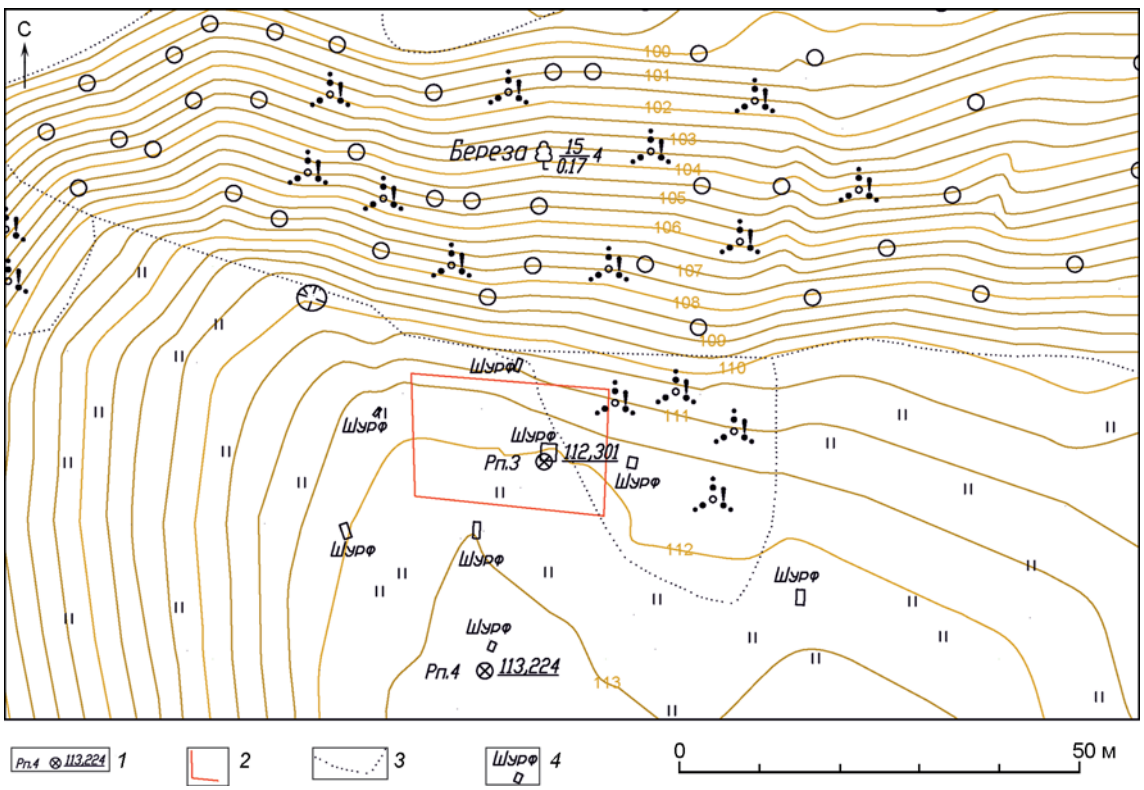

Рис. 2. Топографический план Стоянки Буньково 1. Система высот Балтийская 1977 г. Сплошные горизонтали проведены через 0,5 м.

1 – точки планово-высотного съемочного обоснования; *2* – границы памятника; *3* – граница леса, кустарника; *4* – шурфы.

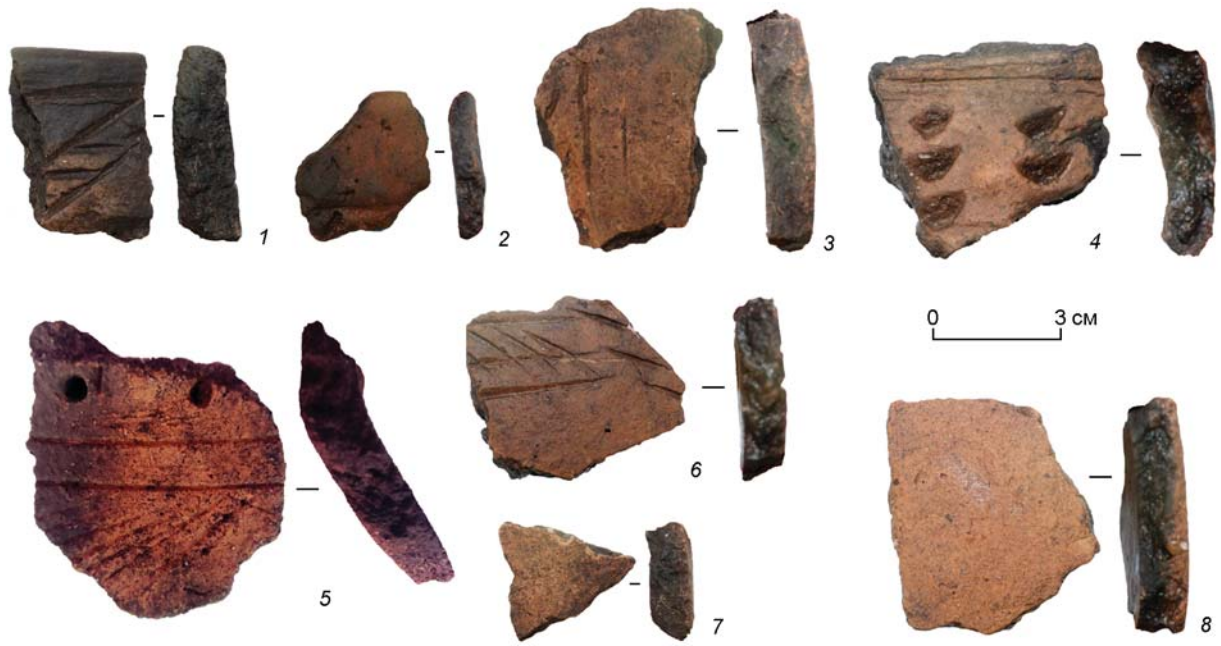

Рис. 3. Стоянка Буньково 1. Фрагменты керамических сосудов.
1, 2 – венчик; *3–8* – тулово.

0,03–0,05 м следует слой темно-серой супеси мощностью 0,35–0,45 м, которую подстилает слой желтого песка. Культуросодержащим являлся слой темно-серой супеси.

Археологический материал, зафиксированный в шурфах, представлен 8 фрагментами керамической посуды как минимум от двух сосудов (рис. 3). Край фрагмента венчика первого сосуда занимало поле без орнамента (рис. 3, *2*), затем располагалась прочерченная горизонтальная линия. Фрагмент венчика второго сосуда украшен сплошной прочерченной горизонтальной линией (рис. 3, *1*), под которой располагалась зигзагообразная лента, заштрихованная оттисками гладкого штампа. На четырех фрагментах тулова зафиксированы различные орнаменты (рис. 3*, 3–6*): оттиски гладкого штампа, ямки, свисающие треугольники, оттиски треугольного штампа, зигзагообразная лента, заштрихованная оттисками гладкого штампа. Еще два фрагмента тулова орнамента не имели (рис. 3*, 7, 8*). Толщина стенок сосудов варьировалась от 0,8 до 1 см. Цвет черепка – светло-коричневый.

Полученная на стоянке Буньково 1 коллекция керамической посуды имеет характерный орнамент, присущий ирменской культуре позднего бронзового века. Ближайшие аналогии полученному комплексу можно найти в 8–13 км на поселениях Катково-1А, Катково-1Б, Катково-3 [Сумин и др. 2013, с. 29–30].

Датировка стоянки Буньково 1 несколько затруднена в связи с появлением в последнее время довольно большого количества радиоуглеродных датировок, которые удревняют ирменскую культуру. Радиоуглеродное датирование памятников ирменской культуры различных регионов указывает на существование этой культуры в рамках XIV/XIII–X вв. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 155] или XII–IX вв. до н.э. с доживанием на периферии до VII–VI вв. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2020, с. 361]. Большая серия дат имеется по ирменским материалам с городища Чича [Шнеевайс и др., 2018, табл. 1, 2]. С одной стороны, керамика ВОАН «Стоянка Буньково 1» не имеет признаков, связывающих ее с керамикой предшествующих андроноидных культур (в частности еловской), и тем самым отсутствуют основания датировать ее XIV в. С другой стороны, памятник располагается в центре ареала ирменской культуры, поэтому не приходится говорить и о периферийном расположении, тем самым обосновано будет датировать данный памятник XIII–X вв. до н.э.

К настоящему моменту в долине р. Чик открыто значительное количество памятников ирменской культуры. Вполне естественно, что они делятся на долговременные поселения с постройками (Катково-3) и временные стоянки с единичными находками (Катково-1А, Катково-1Б). Именно ко второму типу относится стоянка Буньково 1, т.к. ее культурный слой крайне слабо насыщен и, судя по всему, представляет собой остатки кратковременного пребывания пастухов во время выпаса скота. Тем не менее, исследование таких объектов позволяет уточнить данные о расселении, разрабатывать вопросы системы жизнеобеспечения и экономики ирменской культуры.

Район исследований в Кемеровской обл. располагается на юго-западной оконечности Кузнецкой котловины, упирающейся в Салаирский кряж, отроги Горной Шории и Кузнецкого Алатау. К моменту начала разведочных работ имелась информация о расположении на территории исследуемого участка Сарбалинской стоянки (включена в перечень объектов культурного наследия федерального значения). Вблизи от землеотвода, согласно имеющимся материалам из открытого доступа, известны поселения Сарбала 3 и Зеленый Луг 1. Первый из указанных объектов был открыт в 1979 г. С.В. Маркиным [Маркин, 1986], второй – в 2020 г. в Р.А. Мартюшовым [Мартюшов, 2020].

На остальной территории землеотвода разведочными шурфами удалось выявить серию объектов, обозначенных как стоянки Зеленый Луг 2, Зеленый Луг 3, Сарбала 3а. Стоянка Зеленый Луг 2 находится в Новокузнецком муниципальном р-не, на правобережной коренной террасе р. Калтанчик (275–291 м абсолютные отметки по Балтийской системе высот), в 1,4 км к востоко-юго-востоку от населенного пункта Верхний Калтан, в 0,195 км к северо-северо-западу от автомобильного моста через р. Калтанчик в с. Зеленый Луг, в 0,153 км к северо-северо-западу от автомобильного переезда через железнодорожные пути, на левом берегу безымянного ручья, впадающего в р. Калтанчик, у опоры ЛЭП (рис. 4).

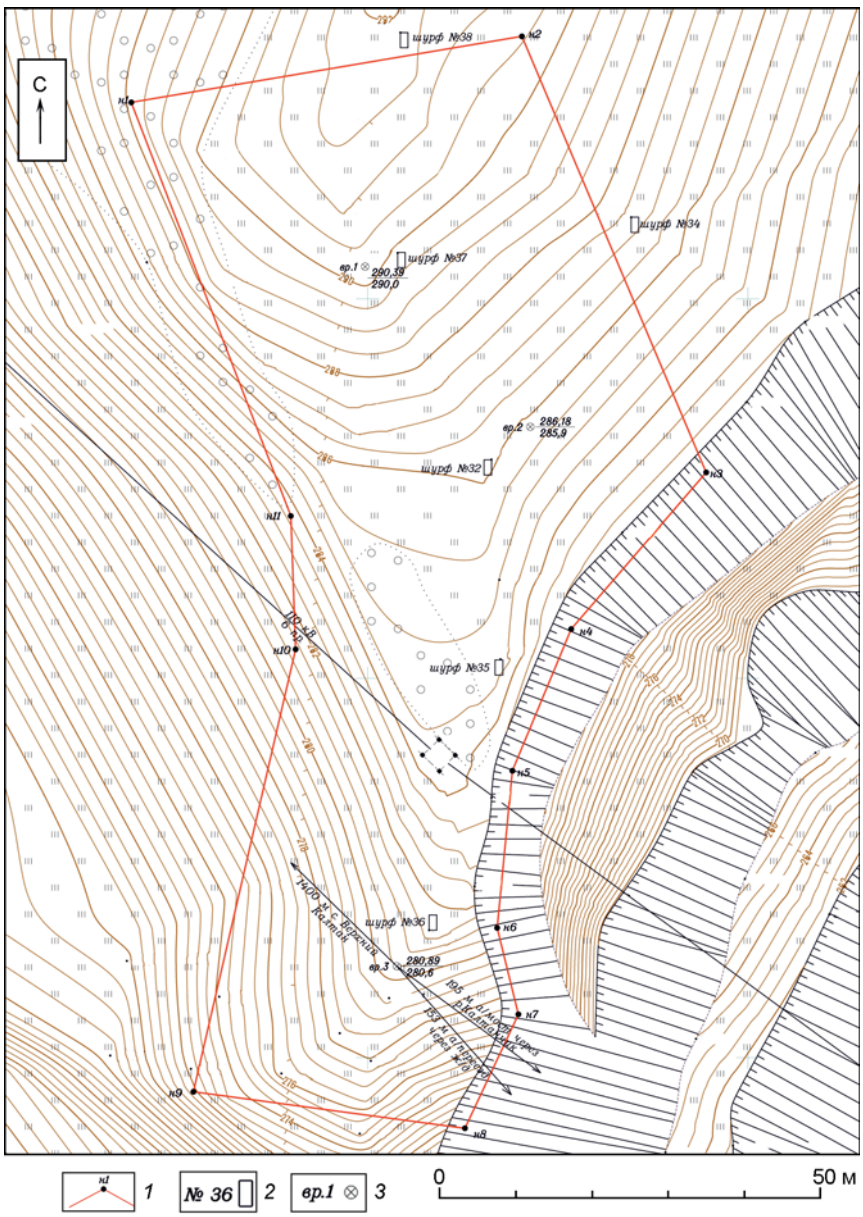

Рис. 4. Топографический план стоянки Зеленый Луг 2. Система высот Балтийская 1977 г. Сплошные горизонтали проведены через 0,5 м.

1 – поворотные точки границ памятника; *2* – шурфы; *3* – временный репер и его номер.

Граница территории определялась по выраженным в рельефе ландшафтным рубежам, а также по наличию или отсутствию в шести изученных шурфах археологических предметов, с учетом характера и мощности культурного слоя, выявленного в четырех шурфах. Археологические предметы, полученные в четырех шурфах, представлены продуктами расщепления галечного сырья: в шурфе № 32 обнаружены одна пластина, один отщеп и одно скребло; в шурфе № 35 – 23 отщепа, пять пластинчатых отщепов, одно скребло и один обломок; в шурфе № 36 – 21 отщеп, четыре пластинчатых отщепа и один нуклеус; в шурфе № 37 – два отщепа (рис. 5). Находки приурочены к слою светло-желтого и подстилающего его серо-желтого суглинка (глубина 20–80 см от современной поверхности). Обнаруженный материал позволяет предварительно датировать объект финалом верхнего палеолита.

Стоянка Зеленый Луг 3 располагается в Новокузнецком муниципальном р-не, на правобережной коренной террасе р. Калтанчик (274–281 м абсолютные отметки по Балтийской системе высот), в 1,6 км к юго-востоку от населенного пункта Верхний Калтан, в 0,5 км к юго-западу от автомобильного моста через р. Калтанчик в с. Зеленый Луг, в 0,49 км к северо-северо-западу от автомобильного переезда через ж/д пути, к северу от безымянного ручья, впадающего в р. Калтанчик.

Рис. 5. Стоянка Зеленый Луг 2. Каменные артефакты.
1 – нуклеус; *2* – пластинчатый отщеп; *3* – пластина; *4, 5* – скребла.

Граница территории памятника установлена по выраженным в рельефе ландшафтным рубежам, а также по наличию или отсутствию в шести изученных шурфах археологических предметов, с учетом характера и мощности культурного слоя, выявленного в четырех шурфах. Находки представлены продуктами расщепления галечного сырья: в шурфе № 43 обнаружены одна пластина и один пластинчатый отщеп; в шурфе № 44 – восемь отщепов; в шурфе № 45 – один отщеп, в шурфе № 77 – фрагмент пластины и отщеп с ретушью. Все предметы происходили из слоя светло-желтого суглинка (глубина 35–80 см от современной поверхности). Предварительно объект датируется финалом верхнего палеолита.

Стоянка Сарбала 3а находится на правобережной коренной террасе р. Калтанчик (250–257 м абсолютные отметки по Балтийской системе высот), в 0,3 км к западу от с. Сарбала, в 2,6 км к юго-юго-западу от автомобильного моста через р. Калтанчик в с. Зеленый Луг, в 0,66 км к северо-северо-западу от ж/д моста через р. Калтанчик в с. Сарбала, к северу от безымянного ручья, впадающего в р. Калтанчик.

Граница территории установлена по выраженным в рельефе ландшафтным рубежам, а также по наличию или отсутствию в четырех изученных шурфах археологических предметов, с учетом характера и мощности культурного слоя, выявленного в одном шурфе (№ 55). Археологические предметы представлены продуктами расщепления галечного сырья – шестью отщепами. Все предметы происходили из слоя светло-желтого и нижележащего серо-желтого суглинка (глубина 25–60 см от современной поверхности). Предварительная датировка объекта – финал верхнего палеолита.

Сопоставление местоположения стоянки Сарбала 3а с ранее опубликованными сведениями о местонахождении памятника Сарбала 3 (обнаружен в 1979 г., изучался в 1981 г. С.В. Маркиным [Маркин, 1986]) показывает вероятную территориальную близость данных памятников. На это указывает сходство привязок: нахождение на расстоянии 300 м западнее с. Сарбала, около 600 м на север от Сарбалинской стоянки (Сарбала I), на правом берегу р. Калтанчик, в устье безымянного ручья. Однако считать обнаруженный объект ранее выявленным памятником Сарбала 3 не позволяет ряд моментов. 1. Стоянка Сарбала 3а располагается в 300 м к западу от восточной окраины с. Сарбала, памятник Сарбала 3 – в 300 м от северной окраины с. Сарбала. 2. Стоянка Сарбала 3а расположена на краю высокой (высота 23–30 м над уровнем поймы р. Калтанчик) террасы, ранее известный памятник Сарбала 3 – на склоне террасы с отметкой 4,6 м (в настоящее время отсутствует, возможно, была срыта при строительстве ж/д путей). 3. Археологический материал на стоянке Сарбала 3а обнаружен на глубине 25–60 см от современной дневной поверхности, на памятнике Сарбала 3 находки были приурочены к глубине 1,38–1,6 м.

Результаты археологической разведки вдоль р. Калтанчик существенно дополняют источниковую базу по финалу верхнего палеолита бассейна р. Кондомы [Маркин, 1986] и хронологически соответствуют объектам, исследованным в районе пос. Тайлеп в 2020–2021 гг. [Тимощенко и др., 2020].

Таким образом, в полевом сезоне 2021 г. в ходе проведенных экспертиз на территории землеотводов в Новосибирской и Кемеровской областях получены актуальные сведения о наличии археологических объектов на важных притоках Оби и Томи первого и второго порядка. В Новосибирской обл. проанализирована информация об археологических памятниках долины р. Чик, которая показала концентрацию памятников ирменской культуры в районе с. Катково, проведена геоморфологическая оценка территории для определения перспективных участков, и как результат при проведении полевых работ на правой надпойменной террасе р. Чик был обнаружен новый памятник ирменской культуры стоянка Буньково 1. В Кемеровской обл. разведочными шурфами скорректированы представления о распространении археологических объектов на правом берегу р. Калтанчик и выявлены три объекта с материалами финала верхнего палеолита – стоянки Зеленый Луг 2, Зеленый Луг 3, Сарбала 3а.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № 0286-2021-0011 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» (исполнители И.А. Плац и А.С. Сизёв) и по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 (Исполнители А.А. Дудко, А.С. Федорук, А.В. Выборнов).

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. К проблеме абсолютной хронологии ирменских древностей Кузнецко-Салаирской горной области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 357–363.

Воронина Т.А., Мжельская Т.В. Новый могильник ирменской культуры Катково-2 // Наследие древ-

них и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Том I. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – С. 117–118.

Демахина М.С. Курганный могильник Катково-1 (к вопросу о верхней дате верхнеобской культуры Новосибирского Приобья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 1 (36). – С. 13–20.

Маркин С.В. Палеолитические памятники бассейна р. Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 176 с.

Мартюшов Р.А. Археологическая разведка в 2020 году на территории Новокузнецкого и Таштагольского муниципальных районов Кемеровской области – Кузбасса: отчет о НИР / Новокузнецкий краеведческий музей. Новокузнецк, 2020. – 162 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3. – С. 136–167.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. – Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. – 272 с.

Тимощенко А.А., Бычков Д.А., Ахметов В.В., Когай С.А., Павленок Г.Д., Белан О.В. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 932–936. DOI: 10.17746/2658-6193.2020.26.932-936.

Шнеевайс Й., Беккер Ф., Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология процесса заселения памятника Чича и байесовская статистика для оценки прерывистого перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку (Западная Сибирь) // Геология и геофизика. – 2018. – № 6. – С. 792–813. DOI 10.15372/GiG20180604.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. On the Problem of Absolute Chronology of Irmen Antiquities in the Kuznetsk-Salair Mountain Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 357–363. (In Russ.).

Demakhina M.S. The Katkovo-1 burial mound (on the upper date of the Verkhneobskaya culture of the Novosibirsk Ob Basin). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2017, no. 1 (36). P. 13–20. (In Russ.).

Markin S.V. Paleoliticheskie pamyatniki basseina r. Tomi. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 p. (In Russ.).

Martyushov R.A. Archaeological exploration in 2020 on the territory of the Novokuznetsk and Tashtagol municipal districts of the Kemerovo region - Kuzbass: report on research / Novokuznetsk Museum of Local Lore. Novokuznetsk, 2020, 162 p. (In Russ.).

Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V. Radiocarbon chronology of the south Urals and the south of the Western Siberia cultures (2000–2013-years investigations): principles and approaches, achievements and problems. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. 2014. Vol. 13, iss. 3. P. 136–167. (In Russ.).

Schneeweiß J., Becker F., Molodin V.I., Parzinger H., Marchenko Zh.V., Svyatko S.V. Radiocarbon chronology of occupation of the Chicha site and Bayesian statistics for the assessment of a discontinuous transition from Late Bronze to Early Iron Age (West Siberia). *Geologiya i geofizika*, no. 6. P. 792–813. (In Russ.). doi:10.15372/GiG20180604.

Sumin V.A., Evteeva E.M., Anufriev D.E., Roslyakov S.G. Arkheologicheskie pamyatniki Kochenyovskogo rayona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: Research and production center for the preservation of historical and cultural heritage of the Novosibirsk Region, 2013, 272 p. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Bychkov D.A., Akhmetov V.V., Kogai S.A., Pavlenok G.D., Belan O.V. Materials of the Final Upper Paleolithic of the Tailep-2 Site (Rescue Fieldworks in 2020). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 932-936. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.932-936.

Voronina T.A., Mzhel'skaya T.V. Novyi mogil'nik irmenskoi kul'tury Katkovo-2. In *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2000. P. 117–118. (In Russ.).

Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658
Сизев А.С https://orcid.org/0000-0002-1042-016X
Плац И.А. https://orcid.org/0000-0002-3039-9310
Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0966-0973
УДК 903.07.31

Л.В. Зоткина[1]✉, С.В. Сутугин[2], Н.В. Постников[2], Е.С. Богданов[1], А.А. Тимощенко[1]

[1] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2] Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail:lidiazotkina@gmail.com

Методика документирования наскальных изображений в курганных конструкциях: на примере памятника Скальная-5 (Аскизский район, Республика Хакасия)

Плиты с петроглифами, составляющие конструкции курганов, являются отдельным специфическим источником по наскальному искусству. Наиболее широко на территории Минусинской котловины было распространено переиспользование плит песчаника, содержащих изображения, при строительстве погребальных сооружений в тагарское и тесинское время. Однако на памятниках этих периодов довольно часто встречаются и более ранние образцы наскального искусства, например, эпохи бронзы. Для того, чтобы в дальнейшем надежно атрибутировать изображения и установить хронологическую принадлежность переиспользованных фрагментов скальной поверхности, требуется детальное документирование не только петроглифов, но и контекста их расположения в конструкции. Кроме того, особого подхода еще на полевом этапе исследования требуют объекты, на которых представлены не единичные плиты с изображениями, а большая серия элементов конструкции с образцами наскального искусства. В таких случаях необходимо разработать специальную гибкую схему индексации, которая позволит учесть не только те изображения, которые уже найдены сразу после первичной расчистки погребального сооружения от грунта, но и в последующем в процессе раскопок дополнять существующую систему нумерации новыми данными. В статье предлагается подход к документированию плит и стел с изображениями из конструкции большого кургана. В качестве примера, иллюстрирующего методику фиксации и индексирования петроглифов и контекста их локализации на памятнике, приводятся предварительные результаты изучения камней ограды одиночного кургана Скальная-5, расположенного в Аскизском р-не Республики Хакасия, исследованного в 2021 г. в рамках спасательных работ ИАЭТ СО РАН.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы в контексте погребального обряда, курган, документирование, тагарская культура, Минусинская котловина.*

L.V. Zotkina[1]✉, S.V. Sutugin[2], N.V. Postnikov[2], E.S. Bogdanov[1], A.A. Timoshchenko[1]

[1] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2] Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Documentation Techniques for Rock Art Imagery in Mound Constructions, the Case of a Single Mound Skalnaya-5 (Askiz District of Khakassia Republic)

Stone slabs with petroglyphs forming burial structures are a separate and specific source for rock art studies. The most widespread re-using of sandstone slabs containing images in the constructions of burial structures is known for Tagar and Tes periods in the Minusinsk basin. However, earlier specimens of rock art, for instance dating from the Bronze Age, are also

common at the sites of these periods. In order to reliably attribute the images and establish the chronology of the replaceable fragments of the rock plates, detailed documentation is required not only of the petroglyphs but also of the context of their location in the structures. In addition, as early as at the stage of field research, a special attention is required to the objects with few carvings and a large series of stone slabs with images. In such cases, it is necessary to develop a special flexible indexing system, which will make it possible to take into account not only those images that were found immediately after the initial clearing of the burial structure from the ground, but to supplement the existing numbering scheme with new data in the subsequent process of excavation. The article proposes an approach to documenting stone slabs and steles with images from the structure of a large mound. As an example illustrating the method of documenting and indexing petroglyphs and the context of their localization in the site, the preliminary results of the examination of the kerb from the single mound Skalnaya-5 located in the Askiz district of the Khakassia Republic, by the Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences studied in 2021 are provided.

Keywords: *rock art, petroglyphs in burial context, documenting, mound, Tagar culture, Minusinsk Basin.*

Плиты с петроглифами довольно часто присутствуют в конструкциях курганов тагарского времени. Они встречаются в сооружениях в качестве разных элементов: составляющие ограды, вертикальные угловые стелы и плиты перекрытия погребальных камер. Изображения, найденные в контексте археологических памятников и участвующие в курганных конструкциях, являются особой категорией источника по наскальному искусству [Савинов, 1994, с. 124; Советова, 2005, с. 94; Советова, Шишкина, 2014, с. 93]. Не раз отмечалось, что плиты с петроглифами активно переиспользовались при строительстве, и во многих случаях в тагарские курганы попадали фрагменты скальной поверхности с петроглифами более ранних периодов. Это связывается либо с добычей плитняка для строительства курганов на открытых памятниках наскального искусства, ставших каменоломнями [Чугунов, 2008, с. 53], либо с намеренным перемещением таких объектов, как, например, окуневские стелы [Савинов, 2012, с. 13; Ковалева, 2006, с. 110]. Соотнесение изображений, выполненных на плитах курганных конструкций, с заполнением погребальных камер является одной из основных исследовательских задач при изучении этой категории источников по наскальному искусству. Такой подход позволяет не только атрибутировать изображения, но и получить представление о способах организации кургана.

Документирование и индексация нескольких элементов курганного сооружения не вызывает больших сложностей. Плиты с изображениями фотографируются, выполняется их копирование и описание, они отмечаются на основной схеме курганной конструкции (см., напр.: [Панкова, 2013, с. 128–130; Данькин и др., 2020, с. 93–95]). Не всегда даже в масштабных могильных комплексах встречается большое количество плит с петроглифами [Марсадолов, 2014, с. 64–65]. Однако на территории Минусинской котловины известны крупные сооружения (напр., Барсучий Лог), которые требуют особого подхода к фиксации и документированию плит с изображениями с точки зрения их локализации в конструкциях, содержания образов и их расположения на скальной поверхности [Ковалева, 2006]. При изучении таких крупных объектов необходим особый алгоритм фиксации плит с петроглифами с учетом контекста их расположения. Проблемам индексации плоскостей с наскальными изображениями посвящено большое количество специальных работ, однако они в основном сосредоточены на систематизации петроглифов и росписей на открытых памятниках наскального искусства [Шер, 1980, с. 61–67; Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004; Рогожинский, 2011, с. 121–125; Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011, с. 63–67; Колпаков, Шумкин, 2012, с. 16–26; Заика, 2013, с. 258; Миклашевич, 2008, с. 190; Лобанова, 2015, с. 22–26; Аболонкова, 2019, с. 68–75]. Методической последовательности индексации элементов погребальных конструкций с наскальными изображениями в ходе раскопок до настоящего времени в отечественной историографии не было уделено достаточно внимания. В данной работе на примере одиночного кургана Скальная-5 предлагается подход к документированию наскальных изображений на плитах.

Одиночный курган Скальная-5 расположен около железнодорожного полотна, на слабо-холмистом ландшафте левобережной долины р. Абакан, в 0,1–1 км от остановочной ж/д платформы «Скальная» (рис. 1). Курган выделялся высокой трехметровой насыпью с каменной оградой в основе. Плиты устанавливались внахлест (торцы плит заходят друг на друга) в траншеи на ребро на глубину от 0,3 до 1,2 м так, чтобы их верхняя кромка шла на одной высоте. Приемы строительства ограды, организация внутреннего и внешнего пространства характерны для сарагашенского этапа развития тагарской культуры (V–IV вв. до н.э.). В результате исследования объекта установлено, что в II–I вв. до н.э. в центральную часть кургана был впущен погребальный склеп, уничтоживший полностью первоначальное захоронение. Дополнительно были вкопаны (только в на-

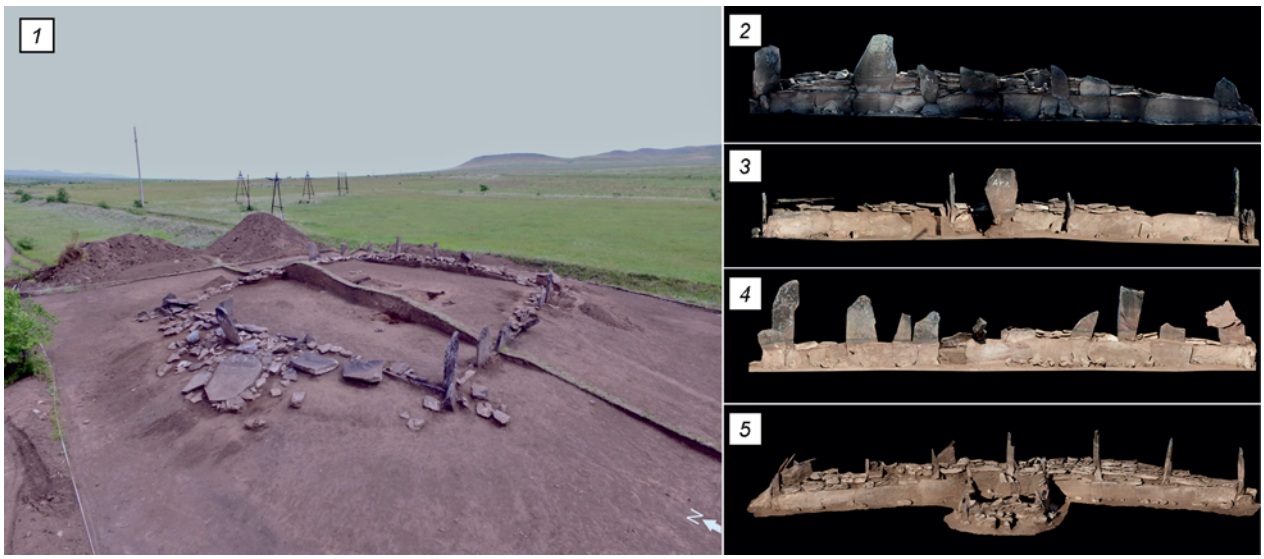

Рис. 1. Общие виды на одиночный курган Скальная-5, Аскизский р-н, Республика Хакасия.

1 – фотография общего вида с юго-запада; *2* – ортофотоплан на основе трехмерной модели кургана (без масштаба), вид на ограду с северной стороны; *3* – ортофотоплан на основе трехмерной модели кургана (без масштаба), вид на ограду с западной стороны; *4* – ортофотоплан на основе трехмерной модели кургана (без масштаба), вид на ограду с южной стороны; *5* – ортофотоплан на основе трехмерной модели кургана (без масштаба), вид на ограду с восточной стороны.

сыпь, не глубже) вертикально еще 20 плит вдоль стен ограды и вставлены высокие угловые камни. Сама земляная насыпь была также увеличена. Чтобы предотвратить ее расползание, древние строители кургана выстроили поверх торцов плит ограды стены из плит в несколько ярусов (см. статью Богданов Е.С., Тимощенко Л.А., Иванова А.С. «Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году» в этом сборнике).

Процесс документирования плит ограды* с изображениями кургана Скальная-5 включал следующие этапы.

1. Первичный осмотр всех плит ограды, составляющих конструкцию при различных условиях освещения (естественное дневное рассеянное, искусственная подсветка в ночное время) и предварительная фиксация плит с изображениями. Кроме того, части ограды, в зависимости от расположения по сторонам света, хорошо освещались в разное время дня, что также учитывалось при осмотре и предварительной фиксации плит с петроглифами.

2. Последовательная фотофиксация всех плит ограды кургана (начиная с реперной стелы) при помощи камеры с широкоугольным объективом. Это позволило получить серию фотографий, на которых представлена каждая плита, освобожденная от грунта на момент документирования объекта, в контексте ее расположения по отношению к другим элементам конструкции.

3. На основе серии фотографий, полученных при помощи квадрокоптера, в технике облачной фотограмметрии была построена трехмерная модель курганной конструкции, по которой затем была подготовлена схема всего сооружения (рис. 1).

4. Непосредственно на памятнике, с учетом результатов первичного осмотра и фотофиксации, был проведен детальный осмотр каждой плиты (даже тех, которые были определены как стерильные), выполнены описания всех плит, свободных от грунта.

5. На основе результатов, полученных при осмотре и описании плит конструкции, была подготовлена индексация, включавшая не только плиты с изображениями, но и все стерильные элементы сооружения (рис. 2).

6. Параллельно с описаниями и индексацией объекта осуществлялась фотофиксация всех плит с петроглифами с применением различных подходов: при естественном освещении, с применением боковой вспышки, ночная съемка с искусственным светом. Фотофиксация осуществлялась в масштабах плиты с контекстом и без него, композиций и отдельных изображений, в некоторых случаях и их деталей (макро). Была также выполнена трехмерная визуализация (фотограмметрия) некоторых плит с большим количеством изображений и сложными композициями.

7. В ходе фотофиксации были обнаружены некоторые ранее не фиксировавшиеся изображения или

*Наскальные изображения были обнаружены также на различных мелких плитах, которые тесинцы уложили на сарагашенскую ограду, однако в момент индексации разбор конструкции не был проведен.

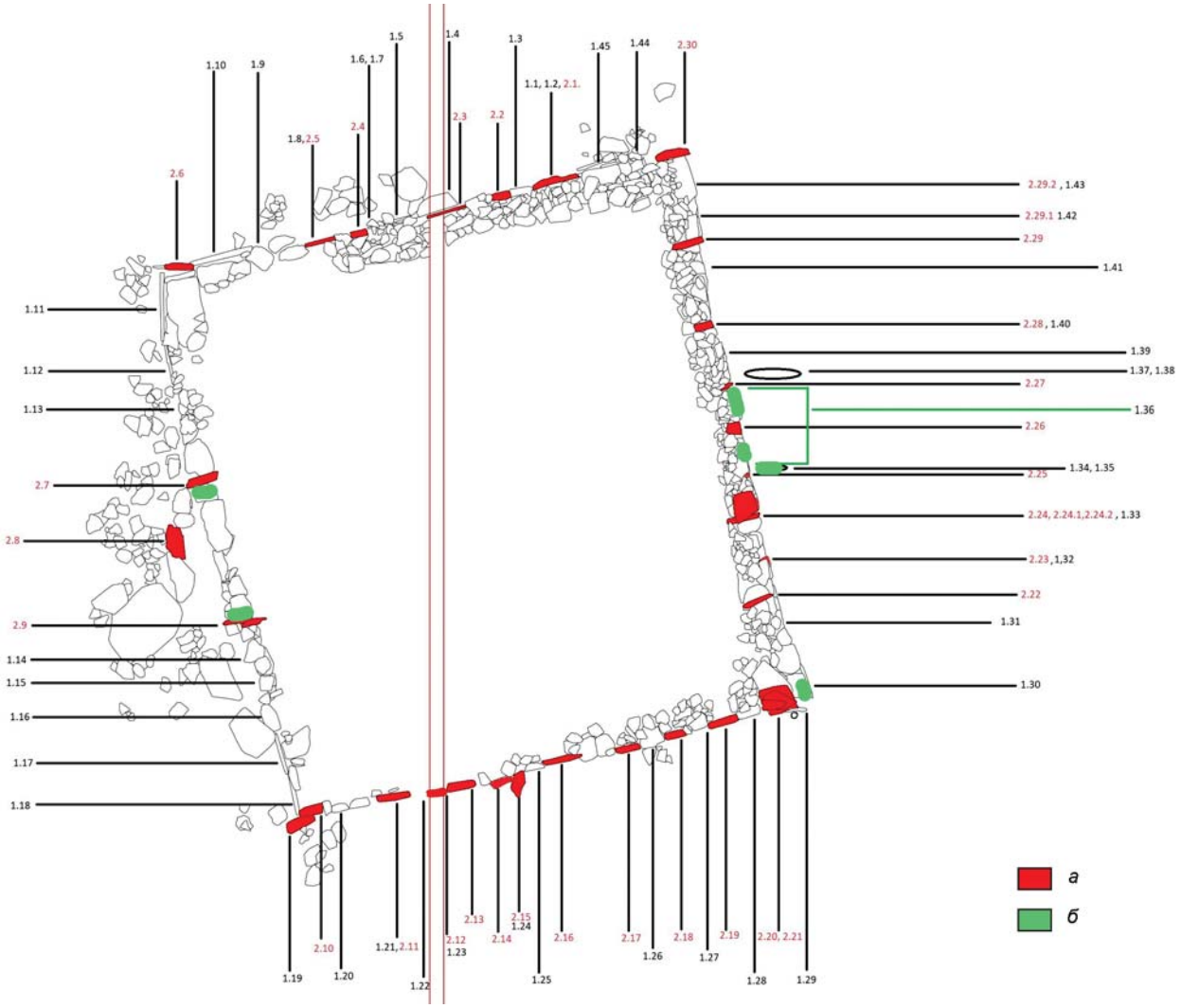

Рис. 2. Схема кургана Скальная-5 с отмеченными на ней плитами, в соответствие с выполненной индексацией (в нумерации 1 – нижний ярус, 2 – верхний).

а – вертикально стоящие стелы; *б* – плиты ограды и «простеночные камни», которые были обнаружены в ходе раскопок уже после индексации.

особенности их исполнения (напр., наличие гравированных деталей на выбитых петроглифах). Эти данные дополнили подготовленные описания и индексацию.

8. На завершающем этапе на схеме кургана были нанесены все номера плит с изображениями, в соответствии с индексацией.

Подробнее следует остановиться на подходах к составлению описаний, индексации и фотофиксации плит. При работе с плитами ограды одиночного кургана Скальная-5 было принято решение индексировать каждую плиту, т.к. изучение плит с наскальными изображениями проводилось на этапе, когда основная часть конструкции была расчищена от грунта. В ходе последующих раскопок могли быть найдены новые изображения, которые потребовалось бы по мере обнаружения добавлять к существующей системе индексации. Поэтому все плиты были пронумерованы в соответствии с ярусом их расположения в конструкции кургана (1 – нижний, 2 – верхний). В качестве точки отсчета плит (репера) была выбрана высокая стела с выбитыми изображениями советского периода, расположенная в центральной части северной стороны ограды. Впоследствии при документировании плит этот выбор оправдался. Размеры стелы, а также уникальность изображений не допускали двойной трактовки в определении точки отсчета. Таким образом, описание плит кургана могла бы начать одна группа исследователей, а продолжить другая. В результате изучения одиночного кургана Скальная-5 была подготовлена схема расположения всех плит ограды с изображениями, в соответствии с индексацией, выполненной до разбора конструкции, и с последующими дополнениями, добавленными после разбора (рис. 2).

При описании плит фиксировались размеры (по крайним точкам по вертикали и горизонтали) и морфологические особенности (форма, порода камня, наличие и характер слоистости) их видимых частей. Отдельно отмечалось состояние сохранности: интенсивность выветривания находившихся выше уровня дневной поверхности участков плит, наличие сколов, трещин, кальцитовых пленок и других минеральных отложений, отслоений корки, биообрастателей, современного антропогенного вмешательства в виде надписей и граффити. Для указанных повреждений определялись их размеры и пространственное расположение на плитах. Фиксировалась ориентация плоскостей в пространстве и их азимуты. Необходимо отметить, что описания были стандартными для всех плит, в т.ч. и для стерильных, поскольку в ходе более интенсивного изучения поверхностей последних или в процессе

Фрагмент индексации плит одиночного кургана Скальная-5

Индекс	Направление экспозиции внешней плоскости	Наличие и содержание изображений	Поверхность плиты с изображениями	Описание плиты
1.1	Север	Одиночное антропоморфное изображение в правой верхней части и скопление выбивки под ним	Внешняя поверхность относительно центра кургана	Стела подпрямоугольной формы. Длина 126 см (видимая), высота 90 см. Азимут 340°. Сколы в нижней части. Кальцитовая пленка
1.2	Север	Одиночное антропоморфное изображение в правой части	Внешняя поверхность относительно центра кургана	Подпрямоугольная форма. Длина 66 см, высота 68 см. Азимут 335°. Кальцитовая пленка
2.1 плита-репер	Север	Антропоморфные изображения, частично утраченные в левой и правой частях. Граффити	Внешняя поверхность относительно центра кургана	Стела подтреугольной формы. Длина 172 см, высота 226 см (видимая часть). Азимут 340°. Северная грань интенсивно покрыта лишайником зеленого, серого, желтого и черного цвета. Верхние 2/3 плоскости находились выше уровня дневной поверхности. В нижней левой части кальцитовая корка. По границе дневной поверхности линия ярко-зеленого лишайника. Современное граффити (выбивка): буква «Р»; «Коля, Вова, 1977»; «Резо А 1978»; женское изображение
1.3	Север	Стерильная	–	Подромбовидная форма. Длина 186 см, высота 62 см. Азимут 335°. Скол в левом нижнем углу. Вся поверхность, кроме участка скола и участка в левом верхнем углу покрыта кальцитовой пленкой
2.2	Север	Фрагмент частично утраченного изображения хищника в правой средней части	Внешняя поверхность относительно центра кургана	Подромбовидная форма, С – З, азимут 340°, длина 69 см, высота 147 см (видимая часть), в верхней части – небольшое количество лишайника зеленого и желтого цвета, черная пленка грибов, небольшое количество мха, в нижних 2/3 - сколоты слои, в местах сколов – кальцитовые натеки. Верхняя 1/3 была выше дневной поверхности
1.4 перед бровкой	Север	Антропоморфные изображения в правой нижней части, схематичные зооморфные изображения, ориентированные вправо в правой верхней части	Внешняя поверхность относительно центра кургана	Подпрямоугольная форма, видимая длина 156 см, видимая высота 77 см. Нижние 3/4 покрыты кальцитовой пленкой. Азимут 345°

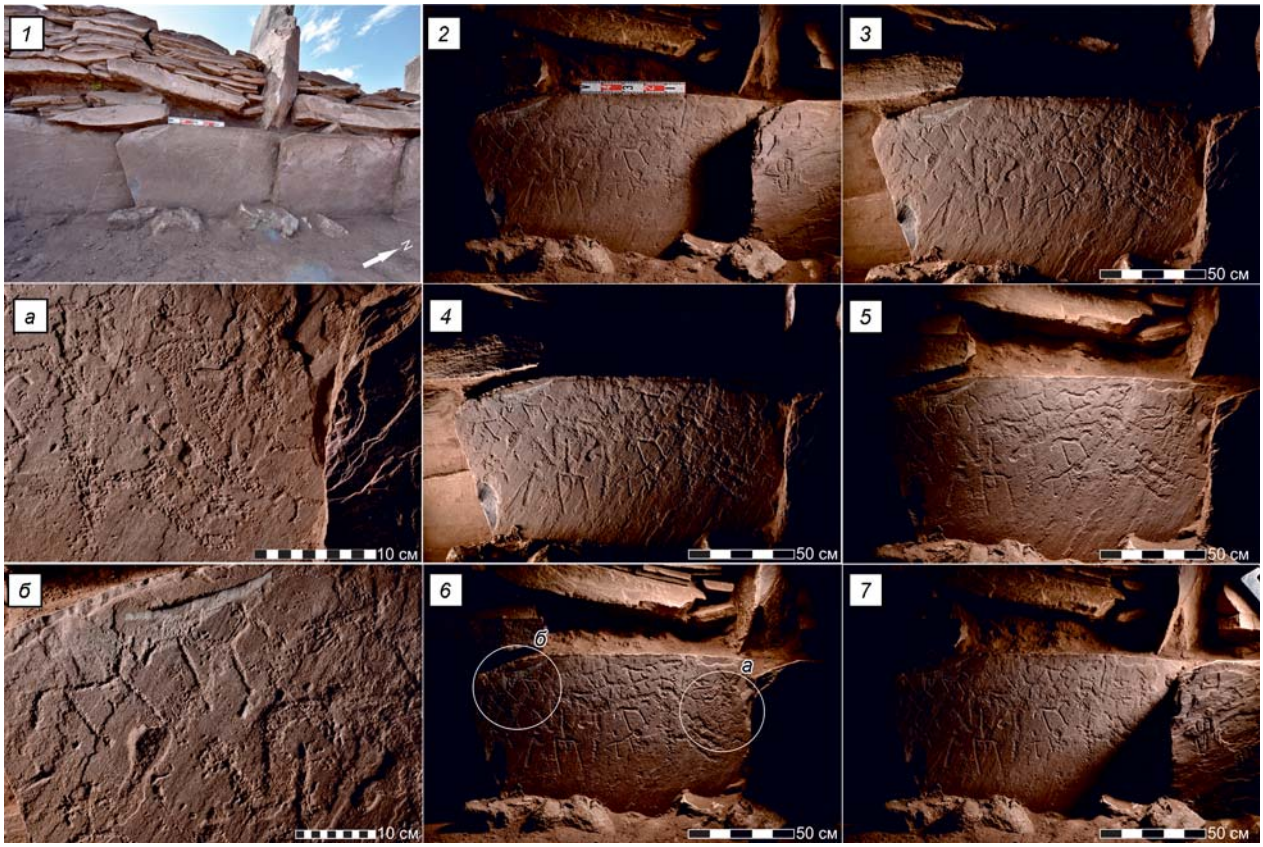

Рис. 3. Пример фотофиксации одной плиты кургана Скальная-5 с применением различных подходов (№ 1.41).

1 – общий вид на плиту в контексте ее расположения (восточная сторона конструкции) при помощи широкоугольного объектива; *2* – общий вид на плиту с боковым расположением источника света (ночная съемка); *3–7* – общие виды плиты с различным расположением источника освещения; *а, б* – участки плиты, макросъемка деталей композиции (внешняя поверхность плиты относительно центра кургана).

дальнейших раскопок часто обнаруживались новые изображения (см. *таблицу*). Для найденных петроглифов указывалось их содержание (при возможности его определения) и техника выполнения, а также расположение на плоскости.

Качественное и максимально полное описание каждой плиты из курганного комплекса позволит идентифицировать ее на последующих этапах археологических работ даже если по каким-либо причинам изменение контекста локализации плиты не нашло отражение в полевой документации.

Подход к фотофиксации элементов курганной конструкции, как и при изучении других объектов наскального искусства, заключается в том, чтобы наиболее полно отразить контекст расположения плит и изображений на них, продемонстрировать особенности рельефа поверхности и характеристики техник исполнения петроглифов, а также состояние сохранности плит и изображений. Для реализации этих задач были использованы приемы фотофиксации при различном освещении и в разных масштабах (с различными объективами). Ночная съемка позволила получить серии фотографий каждой плиты с изображениями с боковым искусственным освещением с разных ракурсов (рис. 3). Таким образом, подсвечивались все участки скальной поверхности, за счет чего удалось выявить множество важных деталей, которые при естественном освещении зафиксировать не удавалось. Кроме того, макросъемка отдельных частей плиты позволила получить дополнительную информацию о содержании образов и особенностях технического исполнения петроглифов.

Изучение плит с изображениями одиночного кургана Скальная-5 показало, что предложенный подход к документированию этой особой категории источника по наскальному искусству, является оптимальным для полевых исследований масштабных погребальных конструкций. Данная методика может быть применена в ходе изучения других крупных объектов такого типа.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Аболонкова И.В. Наскальные изображения Тепсейского археологического микрорайона в аспекте развития методики исследования: дисс. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2019. – 243 с.

Данькин Е.Н., Есин Ю.Н., Поселянин А.И., Тараканов В.В. Петроглифы тагарской культуры в погребальном контексте могильника Абакан-24 // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2020. – № 1 (25). – С. 85–96.

Заика А.Л. Петроглифы Северной Азии: методика и результаты зимних исследований. // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: мат-лы Всеросс. науч. археологической конференции (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. – С. 256–261.

Ковалева О.В. Петроглифы кургана Барсучий Лог. // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 1 (25). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 110–116.

Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. – СПб.: Филолог.фак-т СпбГУ, 2012. – 424 с.

Лобанова Н.В. Петроглифы Онежского озера. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 441 с.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Сибири (археоастрономические аспекты его изучения). // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. – 2014. – Т. 2 (2). – С. 59–65.

Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. Том 1. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. – Иркутск: Ин-т земной коры СО РАН, 2011. – 426 с.

Миклашевич Е.А. Документирование памятников наскального искусства в Хакасии и на юге Красноярского края в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV – С. 190–195.

Панкова С.В. Изображения на курганных плитах у д. Подкамень на Севере Хакасии. // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1 (5). – С.125–158.

Рогожинский А.Е., Хорош Е.Х., Чарлина Л.Ф. О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии. // Памятники наскального искусства Центральной Азии: общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы: UNESCO, НИПИ ПМК, 2004. – С. 156–161.

Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы: Signet Print, 2011 – 342 с.

Савинов Д.Г. Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры. // Проблемы археологии. Вып. 3. Сборник статей в память профессора В.И. Равдоникаса. – СПб.: СПбГУ, 1994. С. 123–136.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 140 с.

Советова О.С., Шишкина О.О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс). // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 3 История. – Вып. 3 (59). – С. 93–98.

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля). // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 53–69.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

References

Abolonkova I.V. Naskal'nye izobrazheniya Tepseyskogo arheologicheskogo mikrorajona v aspekte razvitiya metodiki issledovaniya: diss. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 2019, 243 p. (In Russ.).

Chugunov K.V. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k hronologii arzhano-majemirskogo stilya). In *Tropoyu tysyacheletij: K yubileyu M.A.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. P. 53–69. (In Russ.).

Dankin E.N., Esin Yu.N., Poselyanin A. I., Tarakanov V.V. Petroglyphs of the Tagar culture in the funeral context of the burial Abakan-24. In *Sayan-Altai Scientific review*, 2020 Vol. 1 (25). P. 85 –96. (In Russ.).

Kovaleva O.V. Petroglify kurgana Barsuchii Log. // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, no 1 (25). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ, 2006. P. 110–116. (In Russ.).

Kolpakov E.M., Shumkin V.Ya. Rock Carvings of Kanozero. Saint Petersburg: Philological faculty SpbGU, 2012, 424 p. (In Russ.).

Lobanova N.V. Petroglify Onezhskogo ozera. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015, 441 p. (In Russ.).

Marsadolov L.C. Bol'shoj Salbykskij kurgan v Sibiri (arheoastronomicheskie aspekty ego izucheniya). In *Archaeoastronomy and Ancient Technologies,* 2014**.** Vol. 2(2). P. 59–65. (In Russ.).

Melnikova L.V., Nikolaev V.S., Demyanovich N.I. Shishkinskaya petroglyphs. Vol. 1. The history and methods of research, problems of museefication and description of petroglyphs. Irkutsk: Institute of the Earth's Crust SB RAS, 2011, 426 p. (In Russ.).

Miklashevich E.A. Dokumentirovanie pamyatnikov naskal'nogo iskusstva v Hakasii i na yuge Krasnoyarskogo kraya v 2008 g. In *Problemy arheologii, etnografii,*

antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2008. Vol. XIV. P. 190–195. (In Russ.).

Pankova S.V. Petroglyphs on kurgan flagstones of burial mound Podkamen in Nothern Khakassia. In *Sayan-Altai Scientific review*, 2013. Vol. 1 (5). P. 125 –158. (In Russ.).

Rogozhinskiy A.E. Petroglyphs within the Archaeological Landscape of Tamgaly, Almaty: Signet Print, 2011, 342 p. (In Russ., In Engl.).

Rogozhinskiy A.E., Khorosh E.Kh., Charlina L. F. About the standard of documentation of sites of rock art in Central Asia. In *Sites of rock art in Central Asia. Public participation, management, conservation, documentation*, Almaty, Iskander, 2004, P. 156–162.

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoj kul'tury Mogil'noj stepi (po rezul'tatam arheologicheskih issledovanij 1986–1989 gg.). Saint-Petersburg: ElekSis, 2012, 180 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Razvitie stilya izobrazhenij na plitah kurganov tagarskoj kul'tury. In *Problemy arheologii. Vyp. 3. Sbornik statej v pamyat' professora V.I. Ravdonikasa*. – Saint Petersburg: SPbSU, 1994. P. 123–136. (In Russ.).

Sher Ya. A. Petroglyphs of Middle and Central Asia. Moscow: Nauka, 1980, 328 p. (In Russ.).

Sovetova O.S. Petroglify tagarskoj epohi na Enisee (syuzhety i obrazy). Novosibirsk: IAET SB RAS, 2005, 140 p. (In Russ.).

Sovetova O.S., Shishkina O.O. Images of the plates of the Tagar kurgans fences (Tepsey archaeological complex). In *Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, Series Humanities and Social Sciences. Vol. 3, iss. 3 (59).. P. 93–98. (In Russ.).

Zaika A.L. Petroglify Severnoy Azii: metodika i rezul'taty zimnih issledovaniy. In *Arheologiya Severa Rossii: ot epohi zheleza do Rossijskoj imperii: mat-ly Vseross. nauch. Arheologicheskoj konferencii*, Ekaterinburg-Surgut: Magellan, 2013. P. 256–261. (In Russ.).

Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882
Сутугин С.В. https://orcid.org/0000-0001-8488-9860
Постников Н.В. https://orcid.org/0000-0001-9344-955X
Богданов Е.С. https://orcid.org/0000-0001-7073-8914
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0974-0980
УДК 903.59

А.В. Кениг[1,2], А.А. Кимпицкая[1,2]✉, Е.А. Зайцева[1], И.А. Зайцев[1]

[1] ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр»
Ханты-Мансийск, Россия
[2] Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.kimpitskaia@archeocenter.ru

Результаты обследования археологических памятников в Нижнем Приобье в 2021 году

В 2021 г. под руководством А.В. Кенига проводилось археологическое обследование памятников (мониторинг) в Нижнем Приобье. На камеральном этапе был проведен поиск, обзор и анализ архивных и других письменных источников о ранее проведенных исследованиях, анализ космоснимков и картографических материалов в районе проведения археологических работ 2021 г. Мониторинг был проведен в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на территории 18 ранее выявленных объектов культурного (археологического) наследия регионального значения – могильник Старые Юрты 12, местонахождение Лысая гора, поселения Муратка 1, 2, Юрты, Юрты 2–4, Новые Юрты 1, Шеркалы 10, 11, 13, 15а, 16, селище Шеркалы 15, стоянки Старые Юрты 9, Судум-Сойм 1, Шагом-Юган 1. В ходе работ была проведена фотофиксация и инструментальная топографическая съемка территории памятников; были определены точные координаты археологизированных сооружений; на поверхности и в шурфах собраны предметы материальной культуры (фрагменты керамических сосудов, предметы из железа, стекла, отходы от металлопроизводства, кости животных – всего более 80 ед. на территории 10 памятников). В результате анализа проведенных полевых работ, ландшафтно-топографических особенностей местности, а также результатов предшествующих исследований были уточнены данные о периоде возможного функционирования памятников, установлены границы распространения культурного слоя на территории памятников, проведена текущая оценка технического состояния памятников и определены факторы, влияющие на их состояние (в основном природные, также зафиксированы следы деятельности «черных копателей»).

Ключевые слова: *Нижнее Приобье, памятники археологии, мониторинг технического состояния, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, Новое время.*

A.V. Kenig[1,2], A.A. Kimpitskaya[1,2]✉, E.A. Zaitseva[1], I.A. Zaitsev[1]

[1] NIPI EtnoArcheo Center Ltd.
Khanty-Mansiysk, Russia
[2] Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.kimpitskaia@archeocenter.ru

Survey of Archaeological Sites in the Lower Ob Region in 2021

In 2021, archaeological survey of archaeological sites (monitoring) in the Lower Ob region was conducted under the guidance of Aleksandr Kenig. At the preliminary stage of research, the search, review and analysis of archival and other written sources about the previous studies, analysis of satellite images and cartographic materials in the area of archaeological works in 2021 were carried out. The monitoring was conducted in the Oktyabrsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra, in the territory of 18 previously identified cultural (archaeological) heritage sites of regional importance - Starye Yurty 12 burial ground, Lysaya Gora settlement, temporal settlements Muratka 1, 2, Yurty, Yurty 2–4, Novye Yurty 1, Sherkaly 10, 11, 13, 15a, 16, hamlet Sherkaly 15, sites Old Yurty 9, Sudum-Soym 1, and Shagom-Yugan 1. In the course of the works photorecording and instrumental topographic survey of the site were conducted; exact coordinates of archaeological

structures were determined; there the objects of material culture (fragments of ceramic vessels, iron and glass objects, waste products of metal production, animal bones were collected from the surface and in pits; totally more than 80 objects at 10 sites). As a result of the analyses of the fieldwork, landscape and topographic features of the area, as well as the results of previous studies, the data on the period of possible existence of the sites were clarified, the boundaries of the distribution of the cultural layer at the sites were established; the current assessment of the state of preservation of the sites was conducted and the factors affecting their integrity (mainly natural, also traces of "black diggers" activities were noted) were determined.

Keywords: *Lower Ob region, archaeological site, monitoring, monitoring of preservation state, the Bronze Age, early Iron Age, Middle Ages, New time.*

Одним из основных факторов обеспечения сохранности памятников археологии является их постоянный мониторинг. Так, в полевом сезоне 2021 г. коллективом ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр» под руководством А.В. Кенига были проведены археологические работы по мониторингу технического состояния и установлению границ археологических памятников в Октябрьском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Правобережье нижнего течения р. Оби в исследуемом районе представляет собой хорошо дренированную, сплошь изрезанную короткими, но глубокими долинами рек-притоков погребенную моренную возвышенность с абсолютными отметками 135–170 м (Белогорский материк). К западной оконечности возвышенности, омываемой с этой стороны на всем протяжении Обью, приурочены наибольшие высоты (231 м). Расчлененный западный край Белогорского материка, сопровождаемый почти на всем протяжении огромными оползнями со стороны долины Оби, кажется грядой невысоких гор со слабоизрезанной поверхностью гребня. Белогорский материк резко отличается холмисто-увалистым рельефом, значительными уклонами поверхности, сильным линейным расчленением, преобладанием субстратов легкого механического состава и относительно низкой степенью заболоченности [Атлас…, 2004]. Геологическое строение исследуемой территории определяется Шеркальским валом, ориентированным с запада на восток. Данная тектоническая форма плиты, покрытой мощным слоем мезозойских и кайнозойских отложений, в современном рельефе проявляется слабо. В большей степени особенности современного рельефа обусловлены максимальным оледенением четвертичного периода [Там же].

Исторически, исследуемая территория, расположенная в южной части Нижнего Приобья, в эпоху Средневековья входила в состав Кодского княжества – одного из раннегосударственных образований таежных угров (остяков). По сведениям различных источников, в Кодском княжестве насчитывалось от 8 до 14 населенных пунктов – городков. Городки-крепости строились преимущественно на высоком правом берегу р. Обь, имевшей важное транспортное и торговое значение. Их гарнизоны контролировали русло Оби. Один из самых известных нижнеобских городков – городище Шеркалы I, под названием «город Соркорда» был упомянут в 1557 г. в грамоте русского царя Ивана IV Васильевича [Кокшаров].

Первые упоминания об объектах археологии на правом берегу Нижней Оби в окрестностях Шоркарского погоста (в настоящее время с. Шеркалы Октябрьского р-на) встречаются уже в 1740 г. в путевых дневниках академика Г.Ф. Миллера – это Шоркарское старое городище (прежние зимние жилища остяков Шоркарской волости, в настоящее время объект археологического наследия Шеркалы 1) и старая остяцкая крепость, которая «на людской памяти не была уже заселена» [Сибирь …, 1996].

Полноценные научные археологические исследования объектов на данной территории начались с 70-х гг. XX в. Так, в 1979 г. разведочной группой Уральского государственного университета под руководством Е.А. Курлаева в окрестностях п. Шеркалы обнаружены разновременные памятники, получившие названия Шеркалы II–XIII [Курлаев, 1979].

В 1980 г. отрядом экспедиции Томского государственного университета под руководством Е.А. Васильева в Октябрьском р-не проводились рекогносцировочные работы на трех памятниках эпохи бронзы у с. Шеркалы [Васильев, 1980]. В 1981 г. проведены раскопки поселений Шеркалы X и XIII. Оба памятника оказались многослойными, содержащими находки эпохи энеолита, комплексы эпохи поздней бронзы и средневековые древности [Васильев, 1981].

Позже, в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. работы на данной территории были продолжены сотрудниками Уральского государственного университета.

Так, в 1985 г. разведочной группой под руководством И.Л. Бахтиной обследовались верховья р. Шеркальской. В окрестностях заброшенной д. Старые Юрты были обнаружены 3 поселения и местонахождение (Юрты 1–4). Керамика, собранная на памятниках, датирована, в основном, эпохой Средневековья [Бахтина, 1985].

В 1992 г. под руководством В.М. Морозова выявлено 14 новых памятников на р. Шеркальской в окрестностях деревень Старые и Новые Юрты

и 6 – на правому берегу Оби от устья р. Шеркальской до р. Шагом-Юган (поселения Старые Юрты, Старые Юрты 5–8, 11, 13, 14, Новые Юрты 1, стоянки Старые Юрты 9, 10, Шагом-Юган 1, Судумсойм 1, Муратка 1, 2, могильник Старые Юрты 12, местонахождения Старые Юрты 15, Новые Юрты 2, селища Шеркалы XV, XVI) [Морозов, 1993].

Работы по поиску и изучению памятников археологии в окрестностях с. Шеркалы были продолжены только спустя более 20 лет. В 2018 г. под руководством А.В. Кенига проводились работы по установлению границ и определению технического состояния объектов археологического наследия Шеркальского археологического микрорайона – городища Шеркалы 1, 2, 4, 6, 7, 12, поселения Шеркалы 2, 3, 5, 8, 9, могильника Шеркальский.

В 2021 г. работы были продолжены на 18 памятников археологии: 17 объектов в окрестностях с. Шеркалы – могильник Старые Юрты 12, поселения Муратка 1, 2, Юрты, Юрты 2–4, Новые Юрты 1, Шеркалы 10, 11, 13, 15а, 16, селище Шеркалы 15, стоянки Старые Юрты 9, Судум-Сойм 1, Шагом-Юган 1; один объект между с. Андра и пгт Октябрьское – местонахождение Лысая гора (рис. 1).

В настоящей статье представлены результаты мониторинга, а также обозначены основные проблемы, с которыми авторам пришлось столкнуться в ходе работ.

В ходе мониторинга была решена одна из самых сложных задач, связанная с идентификацией на местности памятников, которые уже поставлены на государственный учет. Так, в отчете об археологической разведке за 1992 г. В.М. Морозовым были приведены разрозненные сведения о местоположении поселений Муратка 1, 2, Судум-Сойм 1, Шагом-Юган 1 [Морозов, 1993]. К примеру, автор приводит описание месторасположения поселения Муратка 1: «Находится в 5,0 км к западу от п. Шеркалы и 200–300 м к востоку от устья реки Муратка, на правом берегу безымянного ручья, вытекающего из большого

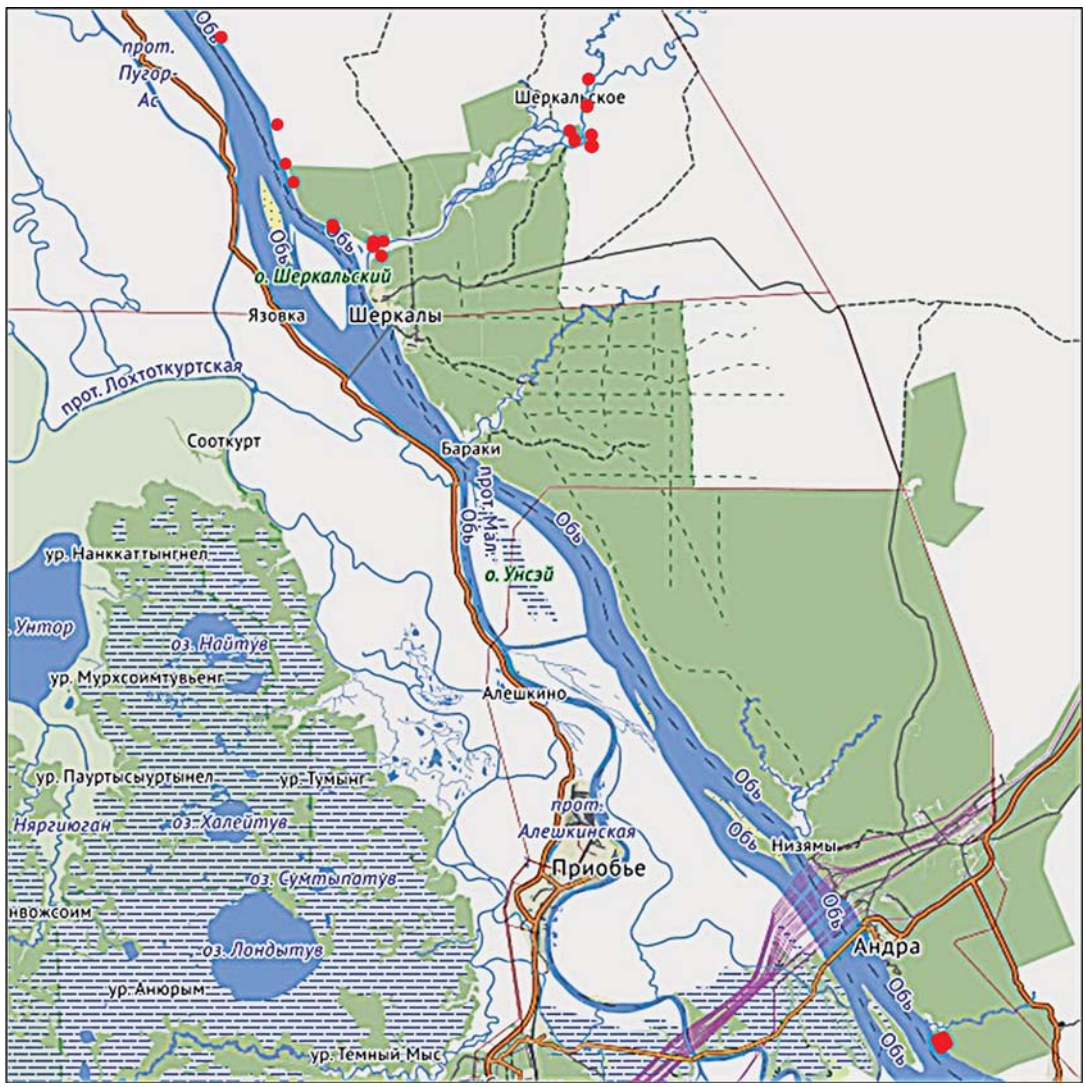

Рис. 1. Район проведения археологических работ. Масштаб 1: 250 000.

лога и образующего заболоченную пойму» [Морозов, 1993]. В итоге, текстовое описание расположения поселений оказалось ошибочным, а глазомерные планы, наоборот, позволили идентифицировать объект, который в реальности расположен на правом берегу р. Обь, в 40 м к северу от устья р. Муратка.

Кроме того, ряд памятников, такие как Муратка 1, 2, Судум-Сойм 1, Шагом-Юган 1 и селище Шеркалы 15 расположены в нетипичных для севера Западной Сибири местах – на низких участках, подверженных затоплению в сезоны половодья, у подошвы коренной террасы Оби. Топография данных памятников не выражена в рельефе в виде каких-либо археологизированных сооружений. Несмотря на внешнюю неоднозначность данных объектов, результаты шурфовки показали наличие на данных памятниках культурного слоя, частично размытого водами Оби. Так, например, на поселении Муратка 1 была собрана коллекция керамики в количестве 21 фрагмента, которые могут быть датированы эпохой Средневековья (IV–XVI вв.). В тоже время на территории селища Шеркалы 15, расположенного на отмели реки Шеркалинской, в 0,7 км к В от территории городища Шеркалы 1, как и в ходе работ 1992 г., не обнаружены признаки поселения, результаты шурфовки тоже не показали наличия культурного слоя. Однако на поверхности террасы в месте расположения селища обнаружен фрагмент керамического сосуда, который можно отнести к атлымской культуре позднего бронзового века, датируемой XII–VIII вв. до н.э. (рис. 2, *4*).

Тем не менее, большая часть памятников имеет хорошо выраженные в современном рельефе археологизированные сооружения в виде впадин и наземных площадок различных очертаний. В ряде случаев прослеживаются элементы конструкций (могильник Старые Юрты 12, поселения Юрты, Юрты 2, 4, Новые Юрты 1, Шеркалы 10, 11, 15а, 16, местонахождение Лысая гора, рис. 2, *2*).

Несмотря на отсутствие проблем с идентификацией данных памятников на местности, по результатам работ топографические планы могильника Старые Юрты 12, поселения Новые Юрты 1, Юрты 2, 4 были дополнены ранее не обнаруженными археоло-

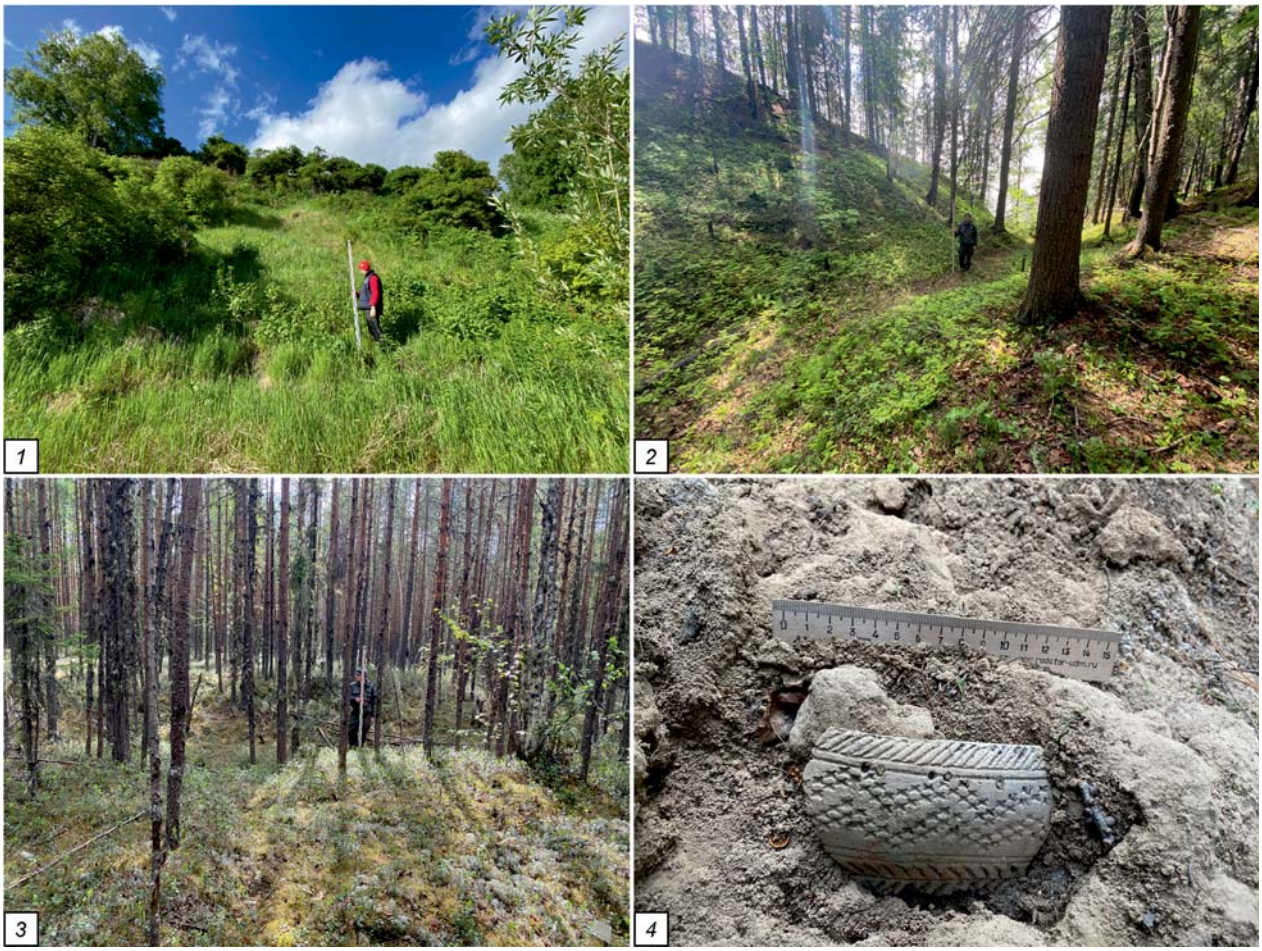

Рис. 2. Памятники археологии, обследованные в 2021 г.

1 – городище Лысая гора, вид на площадку городища снизу, с ЗЮЗ; *2* – вид поселения Шеркалы 15а и Шеркалы 16 (вид на овраг между памятниками); *3* – поселение Юрты 2, вид на сооружение № 13 с СВ; *4* – селище Шеркалы 15, подъемный материал – керамика.

Информация о памятниках археологии, обследованных в 2021 году

Наименование, № в Списке ВОКН ХМАО – Югры	Краткое описание	Автор, год выявления
1	2	3
Местонахождение Лысая гора 1645	*Расположение:* 3–4 км к ЗСЗ от пгт Октябрьское, правый берег р. Обь. *Сооружения:* 4 площадки, разделенные 2 рвами, по периметру ограничены естественными логами (общий размер более 250 × 80 м) – объект является городищем. *Находки:* в шурфах и на поверхности собрана коллекция предметов из железа, керамики, стекла, а также бусина из пасты (1 шт.), керамическая крошка, отходы от металлопроизводства и кости животных (всего более 40 ед.). *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1983
Поселение Муратка 1 1685	*Расположение:* 5–6 км к СЗ от СЗ окраины с. Шеркалы, правый берег р. Обь. *Сооружения:* не выявлены. *Находки:* в шурфах и на поверхности обнаружены фрагменты керамических сосудов – более 20 ед. *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1993
Поселение Муратка 2 1668	*Расположение:* 4,5 км к СЗ от СЗ окраины с. Шеркалы, правый берег р. Обь. *Сооружения:* не выявлены. *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1993
Поселение Новые Юрты 1 1687	*Расположение:* 12 км к СВ от с. Шеркалы, правый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* 3 впадины (размеры до 7 × 7 м, глубина до –0,3 м), с обваловками (ширина до 1,5 м, высота до +0,7 м). *Находки:* на поверхности обнаружено 2 фрагмента керамики. *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1993
Стоянка Старые Юрты 9 1692	*Расположение:* 10 км к СВ от с. Шеркалы, северный берег оз. Шеркалинский Сор. *Сооружения:* не выявлены. *Находки:* на поверхности обнаружены каменные заготовки орудий (2 шт). *Датировка:* Бронзовый век – РЖВ	Морозов В.М., 1993
Могильник Старые Юрты 2/2 (Старые Юрты 12) 1694/2	*Расположение:* 10 км к СВ от с. Шеркалы, правый берег р. Шеркалинская. *Сооружения:* 13 впадин (размеры от 0,5 × 0,6 м до 1,1 × 2,2 м). У впадин № 1, 6, 7 есть вал шириной до 0,4–0,8 м, +0,2 м. *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Бронзовый век – Средневековье	Морозов В.М., 1993
Стоянка Судум-Сойм 1 1696	*Расположение:* 8–10 км к СЗ от с. Шеркалы, правый берег р. Обь. *Сооружения:* не выявлены. *Находки:* в шурфах и на поверхности обнаружены фрагменты керамических сосудов (5 ед.). *Датировка:* Средневековье.	Морозов В.М., 1993
Стоянка Шагом-Юган 1 1697	*Расположение:* 12 км к СЗ от с. Шеркалы, правый берег безымянного ручья. *Сооружения:* 2 впадины (d – до 3 м). *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1993
Поселение Шеркалы 10 1709	*Расположение:* 2 км к СЗ от с. Шеркалы, правый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* 25 впадин (размеры до 6 × 6 м, глубина до –0,5 м) с обваловками и без; 1 раскоп (6 × 20 м) 1981 г. *Находки:* в зачистке стенки раскопа 1981 г. обнаружен 1 фрагмент керамики. *Датировка:* Поздняя бронза – РЖВ – раннее Средневековье	Курлаев Е.А., 1980
Поселение Шеркалы 11 1710	*Расположение:* 2,3 км к СВ от с. Шеркалы, правый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* 4 впадины (размеры до 4,5 × 4,5 м, глубина до –0,7 м). *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* РЖВ – раннее Средневековье	Курлаев Е.А., 1980
Поселение Шеркалы 13 1711	*Расположение:* 1,7 км к С от с. Шеркалы, левый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* не выявлены; 1 раскоп (12 × 18 м) 1981 г. *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Бронза	Курлаев Е.А., 1980
Селище Шеркалы 15 1712	*Расположение:* 5 км к СЗ от с. Шеркалы, правый берег р. Обь. *Сооружения:* не выявлены. *Находки:* на поверхности обнаружен 1 фрагмент керамики. *Датировка:* Бронза	Морозов В.М., 1993

Окончание таблицы

1	2	3
Поселение Шеркалы 15а 1713	*Расположение:* 3,8 км к СЗ от с. Шеркалы, правый берег р. Обь. *Сооружения:* 1 впадина (d 9 м, глубина –0,7 м), с обваловкой шириной ок. 4 м, высотой +0,3 м. *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1993
Поселение Шеркалы 16 1714	*Расположение:* 3,5 км к СЗ от с. Шеркалы, правый берег р. Обь. *Сооружения:* 1 впадина (10 × 9 м, –0,2 м), с обваловкой шириной 2–3 м, высотой +0,1 м. *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Средневековье	Морозов В.М., 1993
Поселение Юрты 1718	*Расположение:* 10 км к ЮЗ от с. Шеркалы, северный берег оз. Шеркалинский Сор. *Сооружения:* 6 впадин (размерам до 4 × 4 м, глубина до –0,4 м). *Находки:* на поверхности обнаружено 4 фрагмента керамики. *Датировка:* Энеолит – Бронза	Морозов В.М., 1993
Поселение Юрты 2 1719	*Расположение:* 10 км к СВ от с. Шеркалы, левый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* 15 впадин (размерам до 10 × 5 м, глубина до –1 м; с обваловками и без), ров (длина ок. 8 м). *Находки:* на поверхности обнаружено 7 фрагментов керамики. *Датировка:* Раннее Средневековье	Бахтина И.Л., 1985
Поселение Юрты 3 1720	*Расположение:* 10 км к СВ от с. Шеркалы, левый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* не обнаружены. *Находки:* на поверхности обнаружены фрагменты шифера. *Датировка:* Новое время	Бахтина И.Л., 1985
Поселение Юрты 4 1721	*Расположение:* 12 км к СВ от с. Шеркалы, левый берег р. Шеркальская. *Сооружения:* 26 впадин (размер до 24 × 17 м, глубина до –0,9 м) с обваловками и без. *Находки:* не обнаружены. *Датировка:* Раннее Средневековье	Бахтина И.Л., 1985

гизированными сооружениями. Так, на территории могильника Старые Юрты 12 выявлены 10 погребений, 4 из которых – «новые», ранее не отображенные на плане В.М. Морозова и продлевающие рядное расположение могильных сооружений по направлению к ЗСЗ. На территории поселения Новые Юрты 1 предыдущим исследователем было обнаружено 2 жилищные впадины, *«лежащие в 10 м друг от друга»*; в ходе работ установлено, что расстояние между двумя впадинами занимает жилищная впадина № 3. Работы на поселениях Юрты 2 и Юрты 4 показали, что на планах, выполненных И.Л. Бахтиной, отображена лишь часть остатков древних сооружений, в реальности поселения имеют гораздо более сложную конфигурацию (рис. 2, *3*).

Также в ходе исследований было установлено, что поставленный ранее на учет объект археологического наследия «местонахождение» Лысая гора является городищем, имеющим хорошо выраженную фортификацию. Памятник расположен на трех холмах, вытянутых цепочкой в направлении с запада на восток, юго-восток. На территории городища фиксируются 3 площадки, а общая фортификационная система памятника представлена следующим образом: площадка – ров – площадка – ров – площадка. По периметру городище имеет естественные рубежи в виде крутых склонов террасы высотой до 30 м (с севера, запада, юга и юго-востока, рис. 2, *1*) и крутого возвышения террасы, высотой также до 30 м, с северо-востока. Общие линейные размеры городища составляют ок. 290 м в длину по оси З – В – ЮВ и порядка 50 м в ширину по оси С – Ю. Кроме этого, в ходе работ 2021 г. на памятнике было заложено 6 шурфов и зачисток, собрана коллекция более 40 предметов (в т.ч. железные наконечник и топор, фрагменты керамики и стекла, бусина из голубой пасты, шлаки и фрагменты льячек). По характеру культурного слоя и находок данный памятник можно датировать периодом Средневековья – Нового времени (XIV–XVIII вв.), а также соотнести его в культурном плане с городищем Шеркалы 1, которое расположено в 41 км к СЗ от него. Исследования городища Шеркалы 1, начатые еще в XX столетии и продолженные в 2018–2021 гг. под руководством А.В. Кенига подтверждают исторические связи населения Нижнего Приобья XII–XVI вв. с территориями Верхнего Прикамья, Северного Приуралья и Северо-Запада Руси, в частности, с Новгородской республикой [Кениг и др., 2020].

Для большинства памятников археологии были определены границы территорий в соответствии с естественными ландшафтно-топографическими

особенностями местности – по склонам береговой террасы р. Обь и склонам логов, по подошвам террас у водоемов. Участки границ объектов археологического наследия, не имеющие ландшафтных рубежей, определялись по результатам шурфовки.

Кардинальных изменений в состоянии обследованных памятников по сравнению с состоянием на момент их выявления не зафиксировано. Состояние объектов археологического наследия оценивается как удовлетворительное; на территории объектов археологического наследия Юрты, Юрты 2–4, Новые Юрты 1, Старые Юрты 9, 12, Шагом-Юган 1 не зафиксированы разрушения; на территории объектов археологического наследия Муратка 1, 2, Судум-Сойм 1 эпизодически оказывают негативное воздействие природные факторы – возможно размытие культурного слоя в периоды паводков; на территории памятников Лысая гора, Шеркалы 10, 11, 13, 15, 15а, 16 обнаружены грабительские покопы, также данным памятникам угрожают осыпи склонов террасы Оби.

Таким образом, в результате мониторинга 2021 г. в Октябрьском р-не ХМАО – Югры обследованы 18 памятников археологии. На каждом объекте была проведена инструментальная съемка и фотофиксация, установлены границы территории памятников, получены новые данные о техническом состоянии обследуемых памятников. По результатам работ подготовлена учетная документация. Сходные внешние признаки памятников, определенные по рельефным особенностям на этапе разведочных работ, позволили в ряде случаев сделать заключение о функциональном назначении и датировке памятников, которые вписываются в круг известных культурно-хронологических типов региона и находят аналогии в материалах Нижнего и Среднего Приобья (см. *таблицу*).

Список литературы

Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Т. 2: Природа, экология. – Ханты-Мансийск; М.: Талка-ТДВ, 2004. – 152 с.

Бахтина И.Л. Отчет об археологической разведке в верховьях р. Шеркальской Октябрьского района Тюменской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. – Р–1. – № 14669.

Васильев Е.А. Исследования в таежном Приобье // Археологические открытия 1980 года. – М., 1981. – С. 168–169.

Васильев Е.А. Отчет о полевых работах Северотаежного археологического отряда летом 1980 г. // Архив ИА РАН. – Р–1. – № 7796.

Кениг А.В., Зайцева Е.А., Родионова А.В., Пархимович С.Г., Липс С.А. Городище Шеркалы 1: страницы истории и новые открытия. // Вестник угроведения. – 2020. – Т.10. – № 1. – С. 188–197.

Кокшаров С.Ф. Кодское княжество [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2078306 (дата обращения: 19.09.2021).

Курлаев Е.А. Отчет о разведке по правому берегу р. Обь в районе поселка Шеркалы (Октябрьский р-н Тюменской области). 1979 г. (91 л.). // Архив ИА РАН. – Р–1. – № 7424.

Морозов В.М. Отчет о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 года. Екатеринбург, 1993. // Архив АУ ЦОКН. – Инв. № 4858. – Д.3.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Миллера / подгот. А. Х. Элерт. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с.

References

Bahtina I.L. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v verkhov'yakh r. Sherkal'skoi Oktyabrsky District Tyumen region in 1985. Arhiv Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. R–1, D. № 14669. (In Russ.).

Elert A.H. (ed.). Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh Millera. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, 310 p. (In Russ.).

Filipenko A.V. (ed.). Atlas Khanty-Mansi Autonomous Okrug - Ugra. Vol. 2: Priroda, ekologiya. Khanty-Mansiisk; Moscow: Talka-TDV, 2004, 152 p. (In Russ.).

Kenig A.V., Zaitseva E.A., Rodionova A.V., Parkhimovich S.G., Lips S. A. Gorodishche Sherkaly 1: stranitsy istorii i novye otkrytiya. In *Vestnik Ugrovedeniya*. 2020. Vol. 10, no 1. P. 188–197. (In Russ.).

Koksharov S.F. Kodskoe knyazhestvo. In *Great Russian Encyclopedia*. (In Russ.). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2078306 (Accessed: 19.09.2021).

Kurlaev E.A. Otchet o razvedke po pravomu beregu r. Ob' v raione poselka Sherkaly (Oktyabrsky District Tyumen region). 1979. (91 p.). Arhiv Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. R–1, D. № 7424. (In Russ.).

Morozov V.M. Otchet o razvedochnykh issledovaniyakh v Oktyabrsky Khanty-Mansi District Tyumen region letom 1992. Ekaterinburg, 1993. Arhiv Avtonomnoro uchrezhdenie Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya. Inv. № 4858, D.3. (In Russ.).

Vasil'ev E.A. Issledovanija v taezhnom Priob'e. In *Arkheologicheskie otkrytiya 1980,* M., 1981. P. 168-169. (In Russ.).

Vasil'ev E.A. Otchet o polevykh rabotakh Severotaezhnogo arkheologicheskogo otryada letom 1980. Arhiv Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F. R-1, D. 7796. (In Russ.).

Кениг А.В. https://orcid.org/0000-0002-4083-1920
Кимпицкая А.А. https://orcid.org/0000-0003-1030-4254
Зайцева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-5137-8754
Зайцев И.А. https://orcid.org/0000-0001-6048-173X

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0981-0987
УДК 902/904; 902.3

Д.А. Ненахов✉, В.А. Чертыков, А.А. Тимощенко
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Организация сакрального пространства курганного могильника Казановка-6

На правом берегу р. Аскиз у подножья гор Аар-таг и Толдогей в 2020 г. при проведении спасательных археологических работ на «курганном могильнике Казановка-6» был обнаружен могильник эпохи поздней бронзы. По результатам раскопок 2021 г. выявленную часть позднебронзового могильника на «курганном могильнике Казановка-6» возможно отнести к классическому этапу карасукской культуры. Проведение работ на памятнике методом вскрытия сплошной площадью позволило выявить ряд объектов ранее не фиксируемых на памятниках поздней бронзы. Прежде всего, речь пойдет о ямах хозяйственного назначения, в заполнении которых обнаружены скопления плит и необработанных камней из красного девонского песчаника. Также скопления плит фиксировались и на уровне материка. Новые данные позволяют расширить наши представления об организации межкурганного пространства на могильниках карасукской культуры. На территории могильника удалось зафиксировать четыре типа погребальных конструкций: одиночные погребения в каменном ящике с оградкой; погребения с пристройкой – оградка типа «хвостик»; каменные ящики, установленные в одну линию по направлению запад – восток; комплексы с пристройкой к центральному захоронению с западной и восточной сторон. Могильные ряды на памятнике сформированы по линии запад – восток с небольшим отклонением на север. Расширялся могильник, вероятно, с юга на север. Площадки под погребальные конструкции предварительно подготавливались – снимался дерновый слой. С северной и южной сторон, вероятно, для подсыпки насыпи, выкапывалось несколько ям длиной до 4 м. Судя по заполнению ям, сооружение погребальных конструкций и полный цикл погребально-поминальных действий, по-видимому, происходил на протяжении длительного отрезка времени.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, Казановка-6, эпоха бронзы, карасукская культура, погребально-поминальная практика, межкурганное пространство.*

D.A. Nenakhov✉, V.A. Chertykov, A.A. Timoshchenko
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Organization of the Sacred Space of the Kazanovka-6 Burial Mound

In 2020 during the rescue archaeological work at the "Kazanovka-6 burial mound" on the right bank of the Askiz River, at the foot of the Aar-tag and Toldogey Mountains, the Late Bronze Age burial ground was discovered. According to the excavation results in 2021, the identified part of the Late Bronze burial ground at the Kazanovka-6 can be attributed to the classical stage of Karasuk culture. The study was carried out using the method of continuous excavation of the area. This made it possible to identify a number of objects previously not recorded at the Late Bronze Age sites. First of all, it is domestic purposes pits, in the filling of which accumulations of slabs and rough stones from the red Devonian sandstone were found. Also, concentration of plates was recorded at the bedrock level. New data provide an insight into the organization of the inter-kurgan space at the burial grounds of the Karasuk culture. Four types of burial structures were record at the burial ground: single burials in stone box with a kerb; burials with an extension and a "tail-shaped" kerb; stone boxes are installed in one line in the west-east direction, complexes with an extension(s) to the central burial on the western and eastern sides. The rows of burials on the site were built along the west-east line with a slight deviation to the north. The burial ground probably was expanded from south to north. The space for the burial structures was preliminarily prepared by removing the sod layer. Several pits up to 4 m long were dug from the northern and southern parts, probably to get soil for mound construction. Judging by the pits filling, the construction of burial structures and the full cycle of funeral and memorial activities apparently took place over a long period of time.

Keywords: *Republic of Khakassia, Askizsky district, Kazanovka-6, Bronze Age, Karasuk culture, funeral practice, inter-kurgan space.*

Летом – осенью 2021 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН продолжены раскопки на «Курганном могильнике Казановка-6». Памятник раскопан в рамках выполнения охранно-спасательных работ по проекту о сохранности объектов археологического наследия «Второй путь на перегоне Югачи – Казановская Красноярской железной дороги».

Курганный могильник расположен в 300 м к югу от с. Казановка (в 1,3 км к юго-востоку от школы) в Аскизском р-не Республики Хакасия, на правобережье р. Аскиз. Могильник расположен между подошвами гор Аар-таг (с северо-востока), Чоллыгпил и Толдогей (с юга), с обеих сторон железной дороги и автомобильной дороги Аскиз – Вершина Теи. Большая часть памятника распахана – пожарные полосы, посадки кустарника и дикой яблони, составлявших «живую» изгородь. Помимо этого площадь могильника является действующим пастбищем.

Исследования на памятнике ведутся третий полевой сезон. В 2019 г. проведена разведка и установлены границы [Выборнов, Чертыков, 2019, с. 766]. В 2020 г. проведены раскопки ряда курганных насыпей. В результате полевых работ был обнаружен могильник карасукского времени, уточнены его границы [Митько, Зубков и др., 2020, с. 888–894.]. Работы 2021 г. сконцентрированы на объектах карасукской культуры памятника «Курганный могильник Казановка-6».

Исследования древних культур Хакасии без малого насчитывает уже 300 лет, начиная с первых работ Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, Н.Г. Гмелина. Первые раскопки карасукских могил произвел И.П. Кузнецов-Красноярский в 1884 г. [Вадецкая, 1986, с 51]. Карасукская культура выделена из плеяды памятников С.А. Теплоуховым [Теплоухов, 1929, с. 53].

Уже к 60-м гг. XX в. многие типы памятников, включая карасукские погребальные комплексы, были исследованы настолько хорошо по представлению исследователей, что порой принималось методическое решение вскрывать только могилу (каменный ящик) и остатки ее перекрытия. Оградка и межкурганное пространство не раскапывались [Грязнов и др., 2010, с. 11]. Это не могло не оставить «белых пятен» в исследовании особенностей сакрального пространства карасукских некрополей.

В настоящее время раскопки методом вскрытия сплошной площадью позволили расширить представления о межкурганном пространстве могильников эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Именно об этих наблюдениях в данной работе и пойдет речь.

Часть могильника Казановка-6, относящаяся к эпохе поздней бронзы, представлена погребальными конструкциями. Внутренние погребальные сооружения сложены из вертикально вкопанных плит песчаника и представляют собой т.н. каменный ящик. Ящик окружен каменной оградкой. Также на могильнике зафиксирована система ям, окружающая погребальные конструкции, и скопление плит песчаника. Предварительный анализ погребальных конструкций позволяет выделить четыре типа: одиночная оградка с центральным погребением; погребения с оградой-пристройкой типа «хвостик»; погребения вытянутые в линию; ряды погребальных конструкций с выделением центрального захоронения.

Первый тип, самый распространенный (19 погребений), состоит из одиночной оградки и каменного ящика (рис. 1, *1*). Оградка, как правило, сильно разрушена распашкой, состоит из небольших фрагментов вертикально вкопанных плит песчаника. Бóльшая часть оградки фиксируется преимущественно как след темного суглинка на материке. В центре оградки расположена могила. Каменный ящик сложен из вертикально вкопанных плит красного девонского песчаника (от 4 до 6) – каменного ящика, углубленного в материк в среднем на 0,8 м. Ящик перекрыт плитой. Заполнение погребальной камеры однородное – темно-серый, плотный суглинок. Плиты углублены так, что их верхняя часть возвышается над уровнем материка. В заполнении, в разных местах и в переотложенном состоянии, встречаются изделия из бронзы, кости человека и животных. Все погребения имеют следы нарушений. Несмотря на это, часть скелета фиксируется *in situ* и в анатомическом порядке – преимущественно длинные кости ног. Судя по нетронутой части, умершего укладывали на бок, слегка прислонив спиной к стенке ящика. Головой погребенный ориентирован на запад или восток, ноги слегка подогнуты в коленях.

Второй тип – два погребения внутри одной оградки. Данный тип представлен одной погребальной конструкцией (№ 4). Каменные ящики установлены в одну линию по направлению запад – восток (рис. 1, *3*).

Третий тип – это погребальные комплексы, пристроенные друг к другу, с оградкой типа «хвостик» (погребальная конструкция № 2) (рис. 1, *2*). Оградка последующей могилы пристраивается с небольшим смещением к соседней. Одна из стенок оградки несколько выступает за край пристраиваемой, образуя так называемый «хвостик». При этом то погребение, у оградки которого читается выступ, считается более поздним. Нередко фиксируется смещение погребальной камеры в сторону пристраиваемого объекта.

Четвертый тип представлен погребальными комплексами, особенностью которых являются пристройки к центральному захоронению с западной и восточной сторон. На могильнике обнаружено два таких комплекса. Погребальная конструкция № 16

Рис. 1. Погребальные комплексы могильник Казановка-6.

1 – погребальный комплекс № 10; *2* – погребальный комплекс № 2; *3* – погребальный комплекс № 4; *4* – погребальный комплекс № 16.

(рис. 1, *4*), состоящая из трех погребений, и погребальная конструкция № 20 – из четырех захоронений.

В обоих случаях вокруг центрального погребения установлена оградка из вертикально вкопанных плит песчаника. Вокруг остальных также имеется оградка, где три индивидуальных стены, а четвертая общая. Обе конструкции ориентированы по линии запад – восток и северо-запад – юго-восток.

В центре обеих конструкций, вокруг каменного ящика, сложена своеобразная дополнительная кольцевая оградка-насыпь из плит песчаника. Ширина кольца не более метра. Насыпь по углам имеет

небольшое расширение, образуя своеобразные площадки. Под кольцом-насыпью у погребения № 18 из погребальной конструкции № 16 читается материковый выкид из могильной ямы. Это наблюдение прекрасно демонстрирует стадиальность постройки погребального комплекса. В первую очередь, видимо, сооружалась могила с выкидом грунта на северную сторону. Далее грунт разравнивали и сооружали кольцевую насыпь.

На одной из плит кольцевой насыпи погребения № 18, погребальной конструкции № 16 обнаружены петроглифы, исполненные в свойственном для эпохи поздней бронзы «линейном» стиле. На фрагменте камня представлены два животных, выполненных в одинаковой технике и манере. Выгнутое туловище, четыре ноги, хвост – нанесены одной линией в технике пикетажа (мелкая ретушь-выбивка). На ногах точки-бусинки, представляющие копытца, на голове ушки-черточки. Вероятнее всего, плита была принесена со стороны и использована как строительный материал. Зачастую аналогичные композиции состоят из трех и более фигур, составляя т.н. «шествие животных» [Ковалева, 2011, с. 33]. Аналогичный фрагмент плиты присутствовал в похожей кольцевой ограде погребальной конструкции № 11.

Сопроводительный инвентарь абсолютно классического карасукского облика. Прежде всего, это круглодонные неорнаментированные керамические сосуды горшковидной формы с уступом под венчиком (рис. 2, *1*). Иногда дно сосуда уплощено. Зафиксирована небольшая серия посуды с плавным профилем. Сопровождаются такие экземпляры ямочным орнаментом и рядами накольчатых насечек на шейке и венчике (рис. 2, *2*), украшены каннелюрами (рис. 2, *4*). Следует отметить сосуд, плечики которого украшены тремя линиями каннелюр, выполненными зубчатым штампом. Тулово сосуда также украшено оттисками зубчатого штампа в виде небольших квадратиков, расположенных в шахматном порядке (рис 2, *3*).

Самым массовым инвентарем являются бронзовые украшения – пронизки (рис. 3, *1, 3–6*), «бусы-пластиночки» (порой на кожаном ремешке), височные кольца (рис. 3, *8*), трояко- и двояковыпуклые бляшки (рис. 3, *7*), бронзовые «гвоздики» (рис. 3, *2*), лапчатые подвески (рис. 3, *9–11*) и пр.

Редким инвентарем на карасукских могильниках являются предметы вооружения и орудия труда. Не исключением стал и могильник Казановка-6. В детской могиле (№ 26) обнаружен небольшой бронзовый нож без навершия на рукоятке (рис. 3, *12*).

Совершенно уникальным экземпляром является бронзовое изделие (навершие?) с фигурой животного (бык?). Голова животного увенчана кольцом со шпилькой. К кольцу прикреплен скрученный кожаный ремешок, на который надеты бронзовые

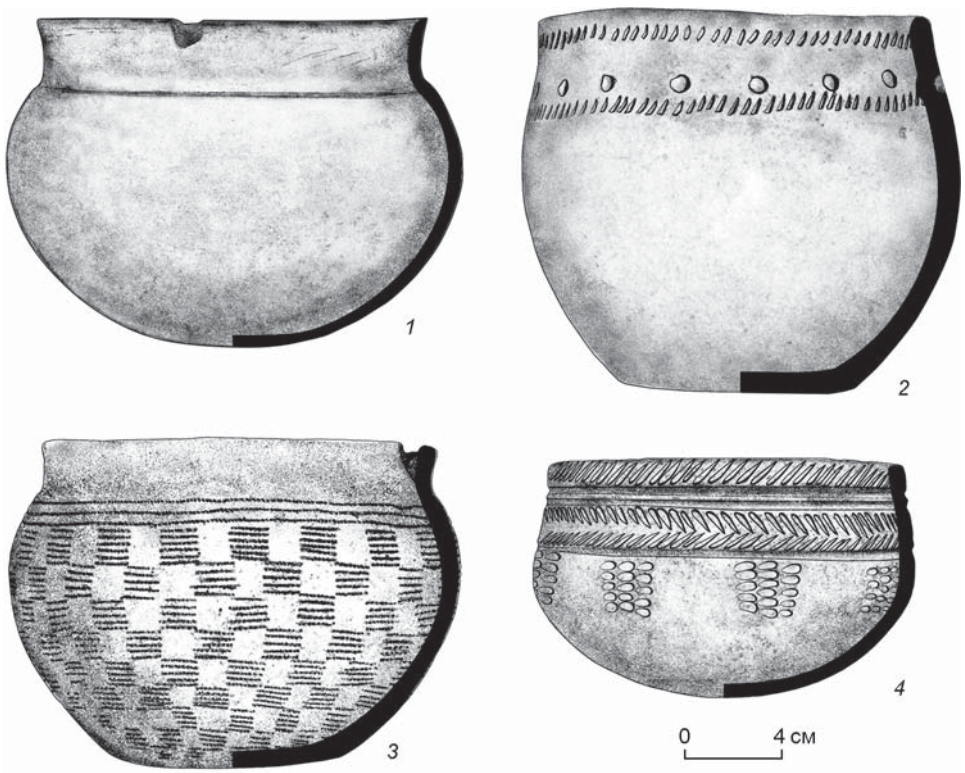

Рис. 2. Керамические сосуды, могильник Казановка-6.

1 – сосуд из могилы № 2; *2* – сосуд из могилы № 13; *3* – сосуд из могилы № 29; *4* – сосуд из могилы № 28.

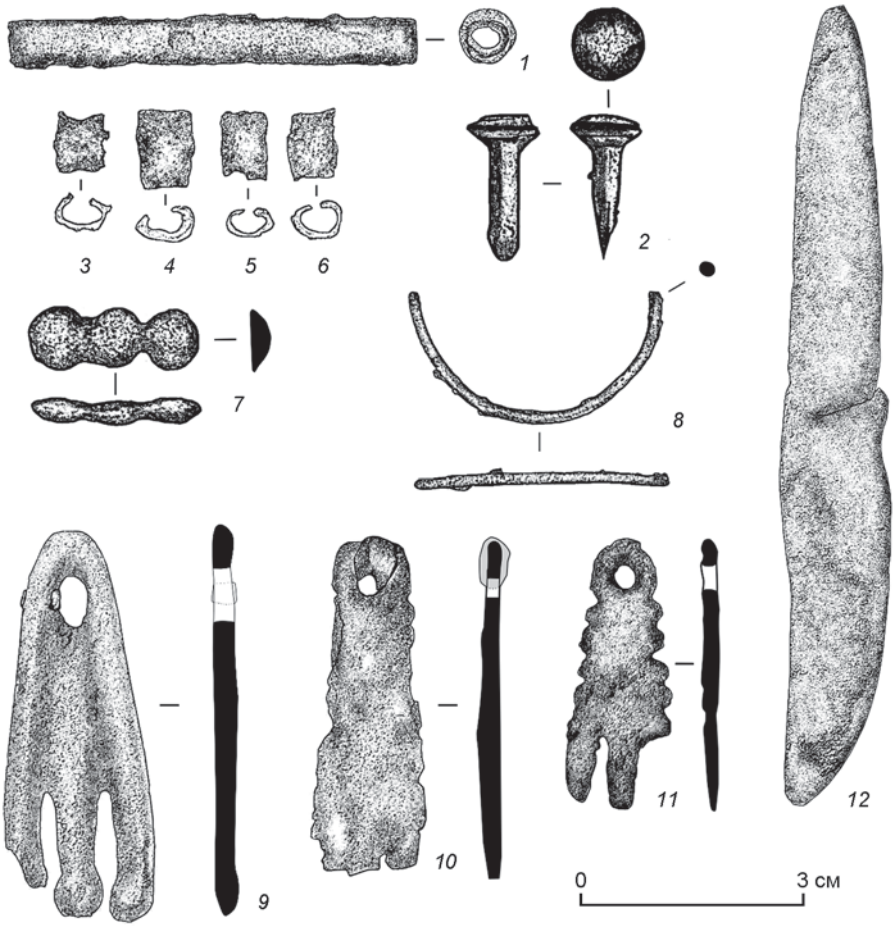

Рис. 3. Бронзовый инвентарь, могильник Казановка-6.

1 – могила № 2. Цилиндрическая подвеска (пронизка); *2* – могила № 2. Бронзовый гвоздик; *3–6* – могила № 16. Пронизки; *7* – могила № 7. Тройная выпуклая бляшка; *8* – могила № 12. Фрагмент височного кольца; *9, 10* – могила № 1 (наблюдение). Лапчатая подвеска; *11* – могила № 23. Лапчатая подвеска; *12* – могила № 26. Нож.

пронизки. Предмет лежал на дне каменного ящика могилы № 2 в переотложенном состоянии. Это абсолютно уникальное явление, не имеющее прямых аналогий, требует отдельного анализа.

Следующим элементом сакрального пространства могильника является система ям. На курганном могильнике Казановка-6 выделено три типа ям: пустые ямы, ямы с плитами и ямы с камнями.

К первому типу относится серия из 17 ям, в заполнении которых ничего не обнаружено. Это ямы круглой или овальной вытянутой формы. Размеры их колеблются в пределах 2–2,5 × 0,50–1,15 м. Мощность заполнения в среднем не более 0,12 м.

Ко второму типу можно отнести ямы с плитами. Форма таких ям также делится на округлые и овальные, сильно вытянутые. Размеры колеблются в пределах 2–4 × 2–2,5 м. Мощность заполнения в среднем 0,10–0,20 м, в редких случаях до 0,30 м. Во всех ямах фиксируются скопления расположенных плашмя плит. В 26 ямах плиты фиксируются на поверхности, на уровне материка. Плиты преимущественно из красного девонского песчаника. Скопления порой компактные, но иногда растянуты по всему периметру ямы. В пяти случаях плиты фиксируются в заполнении в 0,8–0,10 см от дна ямы. На дне ям плит не обнаружено.

К третьему типу относится яма № 16, в которой обнаружены обломки плит (грубый плитняк). Собственно, это те же плиты из девонского песчаника, но они не подработаны, не имеют выраженной формы, отсутствует классическая карасукская «изящность». Размеры ямы 4,10 × 2,80 м – по верхнему абрису, 3,80 × 1,30 м – по нижнему. Стенки покатые, дно чашевидное. Мощность заполнения до 0,25 м.

Все ямы находятся на расстоянии от погребальных комплексов в межмогильном пространстве. Возможно соотнести ямы и погребальные комплексы, насыпи которых сложены из грубого камня. Так, в погребальной конструкции № 12, в центре оградки расположена могила № 14, ее перекрывают плиты камней в один слой, уложенных на земляную насыпь. Севернее, в четырех метрах, расположена яма № 16, над пятном которой на уровне материка зафиксировано скопление аналогичных по форме и раз-

меру плит. Размер скопления 2 × 1,60 м. В центре отмечен валун крупных размеров – 1,25 × 0,45 м, толщина 0,20 м. Средний размер остальных плит 0,20 × 0,14 м. При подчистке, в западной части обнаружено скопление жженых костей. Западнее погребального комплекса в 1,5 м зафиксирована круглая яма № 22 с плитами на уровне материка. Южнее, в метре от оградки, обнаружена вытянутая, овальная яма № 33 со скоплением плит на уровне материка.

С большой уверенностью можно предположить, что яма с грубым плитняком (№ 16) соотносится с погребальной конструкцией № 12. Возможно, изначально забирали грунт из ямы для подсыпки насыпи над могилой. После чего на насыпь в один слой укладывали необработанные плиты песчаника. Погребальных конструкций, в которых зафиксированы похожие каменные кладки, на могильнике еще две – № 11 и 27. Однако все они примыкают с южной стороны к краю отсыпки железнодорожного полотна, и на сегодняшний день нет возможности исследовать северную часть этого участка.

Другие ямы, которые окружают конструкцию № 12, также содержат на уровне материка небольшое скопление плит песчаника. Эти плиты тонкие, «изящные», из подобных собрана оградка погребальной конструкции № 12. Такая картина прослеживается у большинства погребальных конструкций, зафиксированных на могильнике. С северной и южной сторон в 1,5–4 м от оградки фиксируются ямы. У большинства ям в заполнении или на уровне материка фиксируются фрагменты плит песчаника.

Всего четыре ямы на могильнике содержат кости животных. В трех случаях это жженые кости. В двух ямах они сложены компактно, в третьей слегка растащены. Фрагменты маленькие и определить вид животного на данном этапе исследования не представляется возможным. В четвертом случае это фрагмент челюсти животного, обнаруженный в яме № 36. Кость, как и плиты, залегала в темно-сером слое на уровне материка. Не следует исключать, что челюсть животного является современной и не относится к карасукскому времени. Несмотря на наличие жженых костей в некоторых ямах, вероятнее всего, их не следует считать поминальными.

Особой чертой могильника Казановка-6 является скопления плит на материке. Зафиксировано пять случаев. Обычно скопления небольшие – от 1,5–2 м до 4 м (в одном случае плиты сильно растянуты в линию). Состоят они из двух или трех расколотых плит размерами в среднем 0,30 × 0,25 м. Все скопления расположены поблизости от оградок погребальных конструкций с восточной и южной сторон.

Несколько иная ситуация у скопления № 1. Первая пачка плит была обнаружена в слое на границе с материком (темно-серого плотного суглинка). Скопление размерами 2,20 × 2,50 м. В центральной части его фиксировалось небольшое понижение. После выборки углубления обнажилось еще несколько скоплений песчаника, вытянутых в линию север – юг. При этом некоторые из них явно раньше были одной плитой, но лопнули под тяжестью грунта и были растащены плугом. Все плиты лежали на уровне материка. После снятия плит и подчистки обнаружили пятно округлой формы (яма № 2).

Ямы вне курганного пространства не раз фиксировались на памятниках эпохи бронзы. Любопытны выводы А.В. Полякова, выделившего на могильниках окуневской культуры ямы технологического характера, сходные по планиграфии с описываемыми объектами [Поляков, 2014, с. 478].

Безусловно, все описанные нами ямы и скопления плит относятся к погребальным конструкциям, рядом с которыми находятся. Основная их ценность, на наш взгляд, заключается в том, что они демонстрируют один из этапов сооружения погребального комплекса.

Таким образом, полученные при раскопках могильника Казановка-6 материалы позволяют дополнить наши представления о стадиях сооружения карасукских погребальных конструкций и сакрализации пространства на некрополе.

Прежде всего стадии сооружения конструкций наблюдаются в пристройках. Чаще всего каменные ящики примыкают к соседней оградке по линии запад – восток. Возможно, подобная планиграфия связана с родственными отношениями погребенных. На могильнике зафиксировано два исключения. Первое – это пристройка с оградкой типа «хвостик» (погребальная конструкция № 2, могила № 3). Она пристроена с юга к погребению, в котором обнаружено навершие с фигуркой животного (погребальная конструкция № 2, могила № 2). Второе исключение – это детское погребение с ножом (погребальная конструкция № 20, могила № 26). Оно также пристроено (вписано) с юга. При этом у детского погребения не читается собственная оградка.

Становится очевидным, что сакральное пространство составляет лишь очерченная оградкой область – вертикально вкопанные плиты песчаника. Все объекты, находящиеся за границей конструкции, можно охарактеризовать как элементы хозяйственного назначения, оставленные при строительстве погребального комплекса.

Таким образом, при сооружении погребального комплекса на могильнике Казаеновка-6 подготавливалась площадка шириной 2–3 м шире предполагаемой конструкции. На края площадки стаскивали плиты, из которых сооружали оградку, каменный ящик, насыпь и пр. Весь комплекс ориентировали преимущественно по линии запад – восток, с неболь-

шим смещением по или против часовой стрелки. Подобным образом ориентированы и каменные ящики. Далее выкапывалась могильная яма с выкидом грунта на северную сторону. Формировался каменный ящик. По необходимости подрабатывалась кромка плит. Поверх каменного ящика, включая выкид, укладывалась плита перекрытия, и по необходимости возводилась каменная насыпь. Сверху комплекс присыпался земляной насыпью небольших размеров. С севера и юга для подсыпки погребальной конструкции выкапывались ямы до 3–4 м длину. Это неглубокие ямы до 20 см. Вероятно, устроителей интересовал, прежде всего, дерн. Сооружение погребальной конструкции и полный цикл погребально-поминальных действий, вероятно, длился продолжительное время. Судя по заполнению ям вокруг комплекса, они долгое время стояли открытыми и заполнялись естественным образом – замывами и оползанием грунта. После чего их закидывали оставшимися от строительства фрагментами плит.

В работе освещались предварительные данные по анализу сакрального пространства курганного могильника Казановка-6. Собранный материал требует дальнейшей обработки для ввода в научный оборот.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея / Под общей ред. М. Н. Пшеницыной. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 200 с. (Archaeologica Petropolitana; Труды ИИМК РАН. Т. XXXI).

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773.

Митько О.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Морозов А.А., Половников И.С., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок тагарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 888–894.

Ковалева О.В. Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 160 с.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 478–481

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41– 62.

References

Gryaznov M.P., Komarova M.N., Lazaretov I.P., Polyakov A.V., Pshenitsyna M.N. Mogil'nik Kyurgenner epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseya. St-Petersburg. Peterburgskoe Vostokovedenie, 2010, 200 p. (Archaeologisa Petropolitana; Trudy IIMK RAS. T. XXXI). (In Russ.).

Kovaleva O.V. Naskal'nye risunki epokhi pozdnei bronzy Minusinskoi kotloviny. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 160 p. (In Russ.).

Mit'ko O.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Morozov A.A., Polovnikov I.S., Chertykov V.A., Vybornov A.V. Preliminary Results of Excavations of the Tagar Kurgans at Kazanovka-6 Burial Ground in the Askizsky District of the Republic of Khakassia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 888–894. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.888-894

Polyakov A.V. Ob"ekty za predelami ograd kurganov okunevskoi kul'tury. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan': Otechestvo, 2014. Vol. I. P. 478–481. (In Russ.). http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/pdf/Poliakov2014.pdf/view

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskikh kul'tur Minusinskogo kraya. In *Materialy po etnografii*. Leningrad, 1929. Vol. IV, iss. 2. P. 41–62 (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 179 p. (In Russ.)

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 766–773. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773

Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Чертыков В.А. https://orcid.org/0000-0002-3240-0311
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0988-0994
УДК 903.42+903.2

И.С. Половников[1,2], Д.А. Бычков[1]✉

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Находки косторезного производства на стоянке Югачи-2 в Аскизском районе Республики Хакасия

В статье представлен анализ косторезного сырья стоянки Югачи-2. В ходе полевых археологических работ обнаруженный материал позволил интерпретировать изучаемый объект как стояночный комплекс. В настоящей работе дано описание предметов косторезного производства, обнаруженных на изученной площади стоянки. Общее количество изделий из рога и кости составляет 79 экз., которые зафиксированы на 14 из 74 участков раскопа, дана их краткая характеристика. Проведен планиграфический анализ участка № 9 раскопа № 3, в котором наблюдалась концентрация косторезной продукции. Большинство готовых изделий и заготовок для косторезного дела происходят из этого участка. Среди наиболее ярких находок следует указать артефакты таких категорий предметного комплекса, как вооружение, орудия труда и украшения. Из вооружения выделяется роговая фронтальная срединная накладка сложносоставного лука. Луки с аналогичными фронтальными срединными накладками хорошо известны в погребальных комплексах Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. Вследствие чего эту находку можно датировать в пределах III–V вв. н.э. Также обнаружен костяной черешковый наконечник стрелы. Из украшений найдена подвеска из зуба марала. Орудия труда представлены орудиями для развязывания узлов (кочедыги), проколкой и, вероятно, фрагментом рукояти. Полученные материалы позволяют более доказательно сформулировать представления о косторезном производстве для поселений переходного тагаро-таштыкского периода и его месте в культуре древнего населения, обитавшего в предгорьях Западных Саян, на периферии таежной и лесостепной зон, в бассейне р. Аскиз.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, стоянка Югачи-2, тагаро-таштыкский переходный период, косторезное производство, рог косули, обработка металлическим инструментом, железный нож.*

I.S. Polovnikov[1,2], D.A. Bychkov[1]✉

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Analysis of Bone Carving Products from the site Yugachi-2 (Askizsky District, Republic Khakassia)

The article presents an analysis of the raw materials of carved bones from the Yugachi-2 site. In the course of field archaeological works, the recovered materials made it possible to interpret the studied object as a settlement complex. The items with bone carving are described. The total number of artifacts made of horn and bone is 79 specimens, which were recovered from 14 out of 74 excavation pits, their brief description is provided. Spatial analysis bone carving products distribution was carried out at excavation pit No. 9 of excavation trench No. 3. Most of the finished products and blanks for bone carving come from this site. Weapons, tools and ornaments are the most interesting finds among the found objects. The horny frontal middle plate of the compound bow deserves special notice in the armament category. Bows with similar frontal rigid plates have parallels in the burial complexes of the Altai Mountains dating from the first half of the 1st millennium AD. Hence, this object can be dated to the 3rd–5th centuries AD. A bony stemmed arrowhead was also found. The ornament

category contains a pendant from a maral tooth. The labor tools are represented by tools for untie knots (kochedygi), a borer, and, probably, a handle fragment. The derived information provide the insight into bone carving technology at the settlement sites of the transitional Tagar-Tashtyk period and its place in the culture of the ancient population living at the foothills of the Western Sayan Mountains, in the periphery of the taiga and forest-steppe zones, in the Askiz River basin.

Keywords: *Republic of Khakassia, Askizsky district, medieval site Yugachi-2, bone carving, roe deer horn, metal tool processing, iron knife.*

Введение

К настоящему времени количество и степень изученности материалов из поселений на территории Хакасско-Минусинской котловины заметно уступает аналогичным показателям сопроводительного инвентаря из погребальных комплексов. Как отметил Д.Г. Савинов, «за пределами внимания исследователей при таком соотношении источников в значительной мере остается то, что принято называть бытовой или традиционной культурой во всем многообразии и сложностях ее проявления» [Савинов, 1996, с. 7]. Эта диспропорция характерна не только для степной и лесостепной части Среднего Енисея, но и для всей территории Южной Сибири [Кызласов, 1960, с. 141; Вадецкая, 1999, с. 32; Тетерин, 2010]. В последние годы этот разрыв сокращается благодаря тому, что появляются работы, в которых, наряду с описанием находок, представлен анализ косторезного производства, проведен сравнительный анализ материала по территории Саяно-Алтая [Тараканов, 2007; Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020; Половников, Дудко, Васильева, 2020].

Исследования сырьевой базы и технологических схем косторезного дела из поселенческих памятников служат информативным источником о способах ведения хозяйства, адаптации к внешним условиям древних коллективов в изучаемом периоде времени на территории Минусинской котловины. Целью данной работы является введение в научный оборот и анализ новых археологических свидетельств косторезного производства на ее западной пограничной полосе таежной и лесостепной зоны.

В полевом сезоне 2021 г. Югачинским отрядом Аскизской экспедиции ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на стоянке Югачи-2 в рамках выполнения проекта «Второй путь на перегоне Биркчул – Югачи Красноярской железной дороги» в Аскизском р-не Республики Хакасия. Стоянка расположена на пологой склоновой площадке, от тылового шва до края резкого перехода к высокой пойме р. Аскиз (рис. 1). Общая площадь исследований в 2021 г. составила 11 832 м^2. Исследуемая площадь была поделена на 3 раскопа, состоящих из 74 участков (см. статью Тимощенко А.А. и др. «Предварительные результаты археологических раскопок стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз в Республике Хакасия в 2021 году» в этом сборнике). Косторезные из-

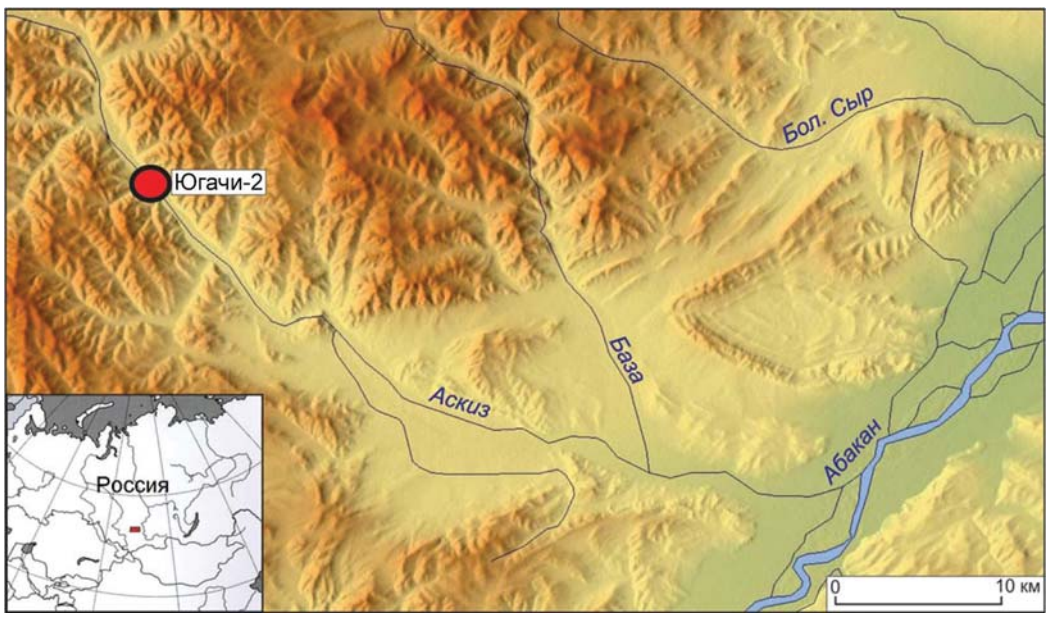

Рис. 1. Участок Западного Саяна и юго-запад Хакасско-Минусинской котловины. Местонахождение стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз.

делия были зафиксированы на памятнике в двух культурных слоях, оба содержали археологический материал тагаро-таштыкского переходного периода, относящийся к стояночному комплексу (конец I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.).

Материалы

В общем предметном комплексе стоянки костерезные изделия представлены многочисленной группой костного сырья, среди которого выделяются изделия из кости и рога. Для анализа были отобраны 79 экз. как готовых изделий, так и заготовок со следами обработки. Они были зафиксированы на 14 из 74 участков общего раскопа.

Следует подчеркнуть, что наибольшая концентрация находок в раскопе отмечается в его юго-восточной части, на *участке № 9 раскопа № 3*, расположенном в южной части стоянки (рис. 2). На нем были обнаружены артефакты таких категорий предметного комплекса, как вооружение, орудия труда и украшения.

Вооружение. Костяной черешковый наконечник стрелы, конец пера обломан, на поверхности прослеживаются следы шабрения металлическим лезвием (рис. 3, *1*). Применение шабрения на наконечниках характерно для периодов раннего железа и Средневековья [Бородовский, 1997, с. 62, 190, табл. 29]. Стоит отметить, что обломанный конец легко можно было заострить заново, однако этого сделано не было.

К предметам вооружения также относится роговая фронтальная срединная накладка сложносоставного лука, узкая в середине, с немного расширенными окончаниями, по внутренней и внешней стороне и концам накладки нанесена косая и ромбическая насечка (рис. 3, *2*). По форме и размерам накладка соотносится с аналогами гунно-сарматского времени, обнаруженными на территории Саяно-Алтая [Тетерин, 2004, с. 73–75, рис. 1–3; Горбунов, Тишкин, 2006, с. 80, рис. 1, 2]. Точной аналогии по территории Хакасско-Минусинской котловины нам неизвестно, стоит лишь отметить, что о таштыкском луке можно судить лишь по уменьшенным копиям и графическим изображениям. По мнению Ю.С. Худякова, отсутствие усиливающих накладок и оригинальная конструкция крепления тетивы отличают модели этих луков от позднейших кыргызских [Худяков, 1980, с. 73]. Не исключено, что к настоящему времени находка на стоянке Югачи-2 является единственным свидетельством существования у таштыкского населения полноразмерного боевого/охотничьего лука с усиленной фронтальной роговой накладкой.

Рис. 2. Общий план раскопа стоянки Югачи-2. Концентрация археологического материала на участках раскопа.

Рис. 3. Изделия из кости и рога со стоянки Югачи-2.

1 – черешковый наконечник; *2* – срединные накладки на лук; *3* – подвеска из зуба марала; *4–6, 13–15* – заготовки из рога; *7* – накладка; *8* – проколка; *9* – заготовка рукояти; *10–12* – заготовки из кости; *16* – орудие для развязывания узлов (кочедыг).

Украшения. К наиболее выразительным относится подвеска из зуба марала (рис. 3, *3*). В корневой части просверлено отверстие диаметром 0,5 см. Подобные украшения встречаются в археологических культурах эпохи бронзы и раннего железа, но наиболее характерны для тесинского периода [Вадецкая, 1986, с. 92, табл. VIII, *8*]. Определяющим основанием для отнесения этого предмета к тесинскому этапу является однообразие культурно-диагностирующих артефактов на участке его фиксации.

Орудия труда. Представлены предметами, изготовленными из окончания рога (3 экз.), которые могли использоваться для развязывания узлов (рис. 3, *4–6*). Подобное изделие было обнаружено на поселенческом комплексе (Могильник «Казановка-10»), расположенном в 10 км ниже по течению р. Аскиз [Половников, Дудко, Васильева, 2020, с. 899, рис. 3, *6*]. На этом же участке зафиксирован фрагмент предмета, установить принадлежность которого довольно сложно (рукоять?). Он выполнен из рога, имеет подпрямоугольную форму, со сквозным отверстием диаметром 0,4 см на одном из концов (рис. 3, *7*). К орудиям труда также относится проколка, на заостренном конце которой зафиксирована игловидная заточка и следы заполированности на окончании (рис. 3, *8*).

Заготовки из кости и рога. Серия роговых заготовок представлена разветвлением рога (рис. 3, *13*), отсеченным способом круговой подсечки, и тремя пластинами рога, обработанными металлическим лезвием. Две из них круглые в сечении, одна прямоугольная в сечении (рис. 3, *9–11*). Также обнаружена костяная длинная пластина (рис. 3, *12*).

Как отмечалось в литературе, основными заготовками из рога эпохи палеометалла служили двойные, полуторные или одинарные роговые пластины [Бородовский, 1997, с. 80–104]. Согласно наблюдениям, сделанным по материалам алтайского косторезного производства, находки на стоянке Югачи-2 были изготовлены по безотходной технологической схеме, включающей полное и частичное использование естественной формы в производстве и сырьевых осколков. Для предметного комплекса древнего косторезного производства это позволяет выявить

объективные связи среди разрозненных находок (частей разделки исходного сырья, заготовок, полуфабрикатов и готовых изделий) [Бородовский, 2007; Бородовский, 2012, с. 30]. В свою очередь, наличие этих связей позволяет дать более детальное и объективное представление о косторезном производстве для поселений переходного тагаро-таштыкского периода.

Рассматривая косторезное сырье, обнаруженное на других участках стоянки, стоит отметить, что оно сконцентрировано преимущественно в юго-восточной части памятника и приурочено к наиболее богатому на находки готовых изделий участку № 9 раскопа № 3.

На *участке № 2 раскопа № 3* зафиксированы обработанные ветвь и отросток рога (рис. 3, *14–15*).

На *участке № 6 раскопа № 3* обнаружено изделие изогнутой формы (близкой к предметам для развязывания узлов). В узкой его части вырезан треугольный паз, в широкой – сквозное отверстие диаметром 0,6 см (рис. 3, *16*). На месте паза прослеживается потертость от контакта с органическим материалом.

На *участке № 20 раскопа № 1* выделяется фрагмент трубчатой кости со следами поперечного пиления (рис. 4, *1*).

На *участке № 32, объект 7 раскопа № 1* была обнаружена черепная коробка косули с отпиленными рогами и цельный рог косули со следами обработки (рис. 4, *2, 3*).

На *участке № 36 раскопа № 1* зафиксирован фрагмент подвздошной кости с трапециевидным пазом, вырезанном в узкой части (рис. 4, *4*).

На расположенном в северо-восточной части памятника *участке № 40 раскопа № 1* было обнаружено два костяных стержня от полых рогов со следами обработки (рис. 4, *5, 6*). Их находка свидетельствует не только о практике работы с полым рогом, но и навыках раскроя полых роговых чехлов.

Заключение

В эпоху палеометалла в Южной Сибири существовало несколько центров художественного косторезного производства (Алтайский, Тувинский, Минусинский). Для производственной традиции населения Горного Алтая характерно богатое художественное оформление конского снаряжения. На предметах из Минусинской котловины декор значительно беднее [Бородовский, 2007, с. 145]. В то же время, по нашим наблюдениям, в гунно-сарматское время на Среднем Енисее появляются украшения, отличающиеся характерным и хорошо узнаваемым художественным стилем. Судя по предметам мелкой бронзовой пластики и предметам из кости и рога (булавкам, подвескам, косметическим щеткам и др.) ко второй половине существования таштыкской культуры этот своеобразный художественный стиль окончательно сформировался в рамках декоративно-прикладного искусства. Авторы ра-

Рис. 4. Сырьевая база кости и рога со стоянки Югачи-2.

1 – трубчатая кость; *2* – череп марала; *3* – роговая пара; *4* – эпифиз кости со следами обработки; *5, 6* – заготовки из рога.

боты по декоративному искусству енисейских кыргызов, основываясь на материалах керамики, отмечают, что таштыкский орнамент в основном геометрический с преобладающими прямолинейными мотивами [Кызласов, Король, 1990, с. 16]. Однако для изделий из кости характерны криволинейные и спиралевидные мотивы.

Следует добавить, что на древних стоянках Горного Алтая выделены площадки по первичной обработке рога марала, которые отличались обилием отходов разделки рога (крупные фрагменты, щепа) [Бородовский, 1995, с. 6]. Подобная площадка зафиксирована на стояночном комплексе Могильник «Казановка-10» [Половников, Дудко, Васильева, 2020, с. 900], однако работа по их целенаправленному поиску еще только начинается.

Давая обобщенную характеристику находкам из кости и рога на стоянке Югачи-2, следует отметить значение косторезного комплекса в культуре жизнеобеспечения небольшой группы населения, проживавшего в пограничной полосе таежной и лесостепной зоны бассейна р. Аскиз. Все обнаруженные в ходе раскопок находки связаны с охотничье-промысловой и хозяйственной деятельностью.

Особенно важное значение имеет роговая фронтальная срединная накладка сложносоставного лука. Луки с аналогичными фронтальными срединными накладками хорошо известны в погребальных комплексах Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. (Усть-Эдиган, Сары-Бел, Дялян, Яломан-II) [Худяков, 1997, с. 28; Соенов, 1999, рис. 6, 8, 14; Тетерин, 2004, с. 73-75, рис. 1–3; Горбунов, Тишкин, 2006, с. 80, рис. 1, 2]. Находка югачинской срединной накладки позволяет уточнить датировку нижнего слоя юго-восточной части стоянки, которую можно обозначить в пределах III–V вв. н.э. Этой датировке не противоречит весь комплекс предметов, обнаруженный на площади других раскопов памятника.

Благодарности

Описание контекста залегания материала и подготовка иллюстративного материала проведено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008 (исполнитель Бычков Д.А.). Исследование материалов косторезного производства, их сравнительный анализ и описание историко-культурного контекста их бытования проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0010 (исполнитель И.С. Половников).

Авторы благодарят канд. ист. наук О.А. Митько за консультации при подготовке работы, а также канд. ист. наук А.А. Тимощенко за возможность ознакомиться и частично опубликовать материалы с археологических раскопок 2021 г.

Список литературы

Бородовский А.П. Методика исследования древних производственных площадок первичной обработки рога марала в горном Алтае // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Докл. Всероссийской науч. конф. – Омск, 1995. – Ч. 2. – С. 6–9.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 176 с.

Бородовский А.П. Косторезные заготовки Усть-Полуя (по материалам исследований 2006–2011 гг.). // Археология Арктики. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. – С. 30–35.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб., 1999. – 440 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннуской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2006. – № 4. – С. 79–85.

Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рощинское-2 // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. – 2020. – № 1 (29). – С. 50–70. doi:10.14258/tpai(2018)2(22).-02

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. – 198 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1990. – 216 с.

Половников И.С., Дудко А.А., Васильева Ю.А. Находки косторезного производства на памятнике «Могильник Казановка-10» в Аскизском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 895–900. doi:10.17746/2658-6193.2020.26.895-900

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 112 с.

Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 134–152.

Тараканов В.В. Базинское поселение как индикатор хронологии эпохи Средневековья Хакасско-Минусин-

ского края // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научной-практической конференции. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2007. – Вып. 3. – Часть II. – С. 238−247.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2004. – Вып. 1. – С. 37−82.

Тетерин Ю.В. Булавки хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2010. – Т. 9, Вып. 7. Археология и этнография. – С. 95−113.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 28–36.

References

Borodovsky A.P. Metodika issledovaniya drevnikh proizvodstvennykh ploshchadok pervichnoi obrabotki roga marala v gornom Altae. In *Tret'i istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova: Dokl. Vserossiiskoi nauch. konf.* Omsk, 1995. Vol. 2. P. 6–9. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina II tys. do n. e. – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, 224 p. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Drevnii reznoi rog Yuzhnoi Sibiri (epokha paleometalla). Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2007, 176 p. (In Russ.).

Borodovsky A.P. Kostoreznye zagotovki Ust'-Poluya (po materialam issledovanii 2006-2011 gg.). In *Arkheologiya Arktiki.* Yekaterinburg: Delovaya pressa Publ., 2012. P. 30–35. (In Russ.).

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Weapons of the Gorny Altai nomads in the Hunnu Age. In *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2006, no. 4. P. 79–85. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya khunnskogo vremeni (po materialam raskopok mogil'nika Ust'-Edigan). In *Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press., 1997, no. 2. P, 28–36. (In Russ.).

Kovaleva O.V., Polyakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian settlement Roshchinskoe-2. In *Theory and practice of archaeological research*, 2020, no. 1 (29). P. 50–70. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2018)2(22).-02

Kyzlasov L.R. Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny. Moscow, Moscow State Univ. Press., 1960, 198 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R., Korol' G.G. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990, 216 p. (In Russ.).

Polovnikov I.S., Dudko A.A., Vasileva Y.A. Analysis of Bone Carving Production from the Kazanovka-10 Site. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 895–900 (In Russ.). doI:10.17746/2658-6193.2020.26.895-900

Savinov D.G. Drevnie poseleniya Khakasii. Torgazhak. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996, 112 p. (In Russ.).

Soenov V.I. Raskopki na mogil'nike Sary-Bel. In *Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Publ., 1999, no. 4. P. 134–152. (In Russ.).

Tarakanov V.V. Bazinskoe poselenie kak indikator khronologii epokhi Srednevekov'ya Khakassko-Minusinskogo kraya. In *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konf.* Abakan, 2007, iss. 3, pt. II. P. 238–247. (In Russ.).

Teterin Yu.V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoi epokhi. In *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii.* Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press, 2004, iss. 1. P. 37−82. (In Russ.).

Teterin Yu.V. Pins of hunno-sarmatian epoch in Minousinsk hollow. In *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Press., 2010. Vol. 9, iss. 7. P. 95−113. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. St. Petersburg: Nauka, 1986, 180 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St. Petersburg, 1999, 440 p. (In Russ.).

Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283
Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.0995-1001
УДК 902.01+903.23+903.4

А.А. Тимощенко, Д.А. Бычков✉, Г.И. Марковский, В.В. Ахметов, М.С. Кишкурно

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Предварительные результаты археологических раскопок стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз в Республике Хакасия в 2021 году

Древности Минусинской котловины привлекают внимание исследователей на протяжении нескольких веков. За это время был накоплен значительный объем информации о погребальных практиках обитавшего здесь населения. Но, ввиду малого числа выявленных поселенческих и стояночных объектов на данной территории, хозяйственные аспекты жизнедеятельности древних обществ остаются гораздо менее изученными. Рост числа выявляемых стоянок и поселений связан с развитием практики проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. В результате данных мероприятий был выявлен объект настоящего исследования – стоянка Югачи-2. Проведение широкомасштабных археологических раскопок позволило проследить изменчивость стратиграфической ситуации на стоянке, выявить определяющие ее факторы и тем самым объяснить вариабельность стратиграфической позиции обнаруженного на стоянке археологического материала. Разнообразие предметных комплексов состоит из общего для всей изученной площади стоянки культурного пласта Средневековья и отдельных объектов и участков концентрации находок, относящихся к раннему железному веку и эпохе бронзы. Данные наблюдения объясняются тем, что среди обитателей стоянки в разные исторические периоды преобладали разные способы ведения хозяйства. Что в свою очередь объясняется изменчивой культурной ситуацией в регионе – миграционные процессы, вызванные масштабными военными конфликтами и климатическими изменениями, торговые связи между обитателями тайги и степей. В результате проведенных археологических раскопок стоянки Югачи-2 были получены сведения о гончарном ремесле, косторезном производстве и других хозяйственных сферах жизнедеятельности ее обитателей. Широкий круг аналогий обнаруженной керамической посуде охватывает не только сопредельную с районом работ Горную Шорию, но и распространяется на север, вплоть до низовий р. Ангары. Все эти данные позволяют сформулировать представления о быте и хозяйстве населения изучаемой стоянки, а также косвенно доказать некоторые исторические сценарии историко-культурного развития данной территории, описываемые предшествующими исследователями.

Ключевые слова*: Аскиз, Югачи, Средневековье, ранний железный век, поселение, стоянка.*

A.A. Timoshchenko, D.A. Bychkov✉, G.I. Markovsky, V.V. Akhmetov, M.S. Kishkurno

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Preliminary Results of Archaeological Excavations at the Yugachi-2 Site in the Askiz River Valley in the Republic of Khakassia in 2021

The antiquities of the Minusinsk Basin have been attracting the attention of researchers for several centuries. During this time, a significant amount of information has been accumulated about the funeral practices of the population. But due to the small number of identified settlement and short-term camp sites in this territory, the economic aspects of the life of ancient communities remain much less studied. The increase in the number of established settlements is associated with the

development of the practice of conducting state historical and cultural expertise within the rescue archaeology program. As a result of these activities, the Yugachi-2 site was discovered. Large-scale archaeological excavations made it possible to trace the variability of the stratigraphic situation at the site, identify the relevant reasons and thereby explain the variability of the stratigraphic position of the archaeological found materials. The cultural layer in the studied area of the site represented a variety of object complexes: a large medieval complex and solitary objects and areas of concentration of finds related to the early Iron Age and the Bronze Age. It is explainable by various economic systems practiced by the site populations during various historical periods. This is due to the changeable cultural situation in the region: migration processes caused by large-scale military conflicts, climatic fluctuations, and trade relationships between the inhabitants of the taiga and steppe zones. The archaeological excavations at Yugachi-2 provided comprehensive information about the ceramic production, bone carving and other economic activities of its inhabitants. A wide range of parallels to the discovered pottery includes not only the contiguous Gornaya, but extends to the north till the lower Angara River. The derived data provide information on the lifestyle and economy of the population and prove indirectly some historical scenarios of the historical and cultural development of this area described by previous researchers.

Keywords: *Askiz, Yugachi, Middle Age, Early Iron Age, settlement, site.*

Минусинская котловина привлекала внимание исследователей исторических древностей еще с XVIII в. Вследствие такого продолжительного изучения было накоплено значительное количество информации о древних обществах, обитавших на данной территории. С развитием информационных технологий в начале третьего тысячелетия характер и местоположение археологических памятников стали общепринятым объектом изучения. В результате развития археологической мысли в данном направлении стали появляться различные банки данных, аккумулирующие сведения об объектах археологического наследия, в т.ч. и для Республики Хакасия [Балахчин и др., 2000]. На сегодняшний день на данной территории известно 2 337 объектов археологического наследия, из которых только 161 объект относится к памятникам поселенческого типа [Список…]. На эту статистическую диспропорцию обращают внимание исследователи поселенческих комплексов, известных на территории Республики Хакасия, которые объясняют природу этого явления сформировавшейся научной традицией и отсутствием стратегии по выявлению объектов подобного типа [Есин и др., 2020, с. 72].

Анализ опубликованных результатов разведочных работ [Боковенко, Кулимеева, 2012] позволяет предположить, что порядка 150 поселенческих объектов было выявлено в последнее десятилетие в результате введения на данной территории практики проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Так, в 2020 г. в ходе археологической разведки, проводимой сотрудниками ИАЭТ СО РАН и НПО «АИКЭ» в рамках государственной историко-культурной экспертизы земель, отводимых по объекту «Второй путь на перегоне Биркчул – Югачи Красноярской железной дороги» на пикетах ПК 2517+20 – ПК 2524+00, была выявлена стоянка Югачи-2 (рис. 1). На момент выявления стоянка была предварительно датирована в широком хронологическом диапазоне I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., а в культурном отношении отнесена к тагарской и таштыкской культурам. Культурные остатки, отнесенные к этому периоду по результатам разведочных работ, залегали в кровле серовато-бурой супеси субаэрального генезиса на глубине 0,3–0,5 м от современной поверхности [Акт ГИКЭ № ДОСОКН-0110-2020].

В 2021 г. на стоянке Югачи-2 были проведены археологические раскопки площадью 11 832 м^2, в ходе которых было установлено, что на исследованной площади сохранились объекты *in situ* и предметы, относящиеся к нескольким историческим периодам. Обнаруженные предметные комплексы описаны в работах, также опубликованных в этом сборнике. Целью настоящей работы является описание стратиграфической ситуации на изученной площади стоянки Югачи-2 в совокупности с планиграфическими особенностями расположения выявленных на ней культурно-хронологических комплексов для формулирования пространственных критериев расположения аналогичных объектов на изучаемых в будущем археологических памятниках.

Стоянка Югачи-2 занимает площадку и тыловую часть второй надпойменной террасы правого берега р. Аскиз на отрезке ее течения между п. Югачи и п. Бирикчуль. Территория стоянки подвержена значительным техногенным и антропогенным вмешательствам: через всю стоянку проходит грунтовая дорога, сильно разбитая техникой, железнодорожные пути на отсыпке из щебня, две металлические опоры ВЛ (воздушная линия электропередачи) на отсыпке из щебня и грунта, остатки огородов деревни занимают юго-восточную часть стоянки, а в северной наблюдаются следы распашки (рис. 1).

Хронология этих событий такова, что наиболее ранние преобразования связаны с обитателями этой территории на рубеже XIX–XX вв., оставившими в северо-восточной части изученного простран-

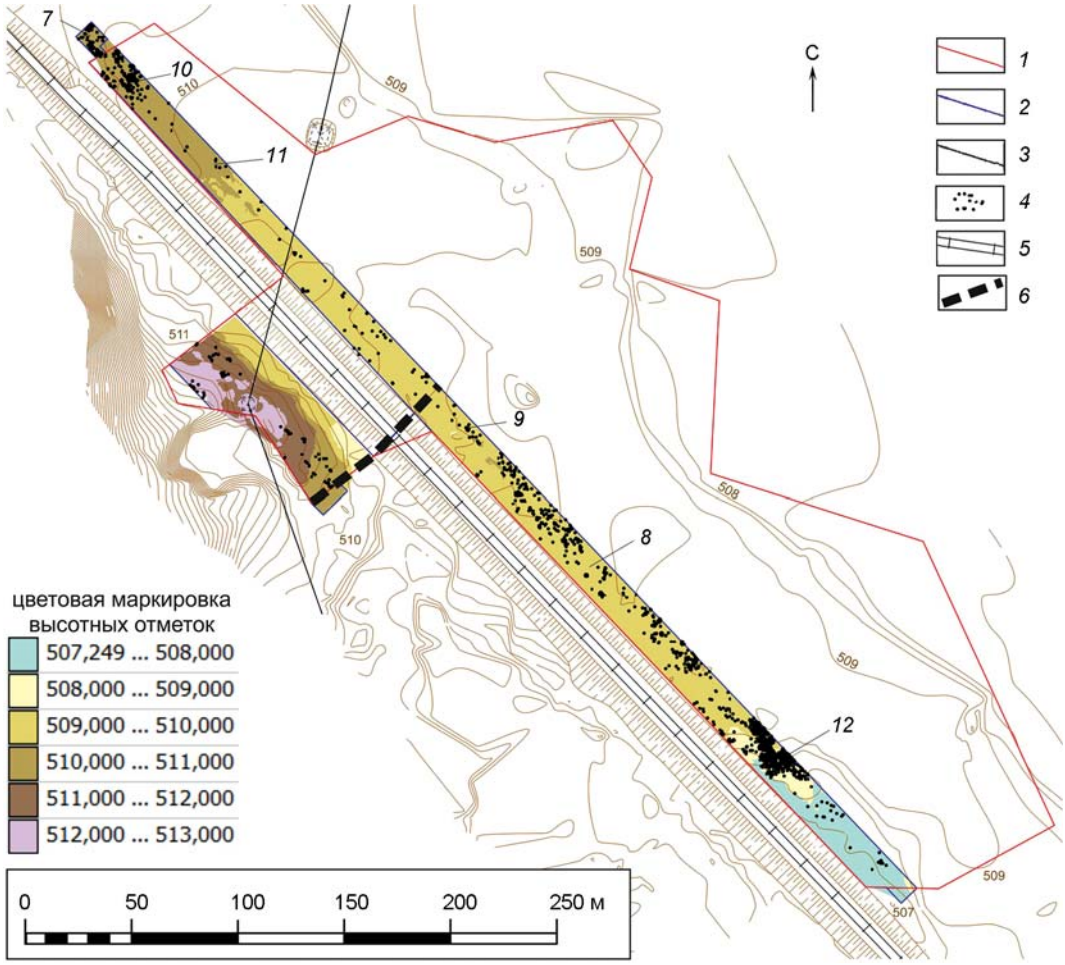

Рис. 1. Схема распространения археологического материала на изученной площади стоянки Югачи-2. Горизонтали проведены через 0,5 м. Высотные отметки приведены по Балтийской системе высот.

1 – граница территории стоянки Югачи-2; *2* – граница изученной площади; *3* – воздушная линия электропередач; *4* – местоположение артефактов на изученной площади; *5* – ж/д пути; *6* – линия генерального разреза; *7* – концентрация артефактов позднего Средневековья; *8* – участок расположения объектов эпохи бронзы; *9* – расположение единичных фрагментов посуды раннего железного века; *10–12* – расположение продуктов косторезного производства.

ства стоянки свидетельства косторезного производства, скотоводства и ряд поселенческих объектов (рис. 1, *10*). После того как до этих краев дошла коллективизация, отмечается расширение п. Югачи, распашка и размещение на территории стоянки окружающих его огородов. В 1950-е гг. огороды в северо-западной части п. Югачи ликвидируются по причине масштабного строительства – прокладки железнодорожного пути ветки Абакан – Новокузнецк (Сталинск на то время) [Бесчастных, 2019]. После этого строительства по территории стоянки была проложена ВЛ и со временем образовалась грунтовая дорога, ведущая из п. Югачи в сторону п. Бирикчуль.

В результате этих процессов сохранность культуровмещающих отложений на всей площади стоянки неравномерная. Северная часть территории более остальных сохраняет следы распашки во время существования на ней огородов деревни; в южной отмечается техногенное преобразование ландшафта; в западной части культурные напластования перекрыты техногенным набросом в результате сооружения опоры ВЛ (рис. 1, *3*).

В ходе археологических раскопок на стоянке Югачи-2 была зафиксирована значительная вариабельность стратиграфической ситуации в зависимости от вмещающих геоморфологических структур. Так, северная и центральная части изученной площади расположены в глубине площадки террасы, которая подвергалась распашке, вследствие чего на ней отмечаются продолжительные процессы образования гумуса. Южная и юго-восточная части приурочены к бровке, уступу и подножию борта террасы, сложенного русловым аллювием, который погребен под супесчаными отложениями субаэрального и склонового генезиса. Западная же часть изучаемой площади расположена на конусе выноса, сложенного из суглинков и супесей суба-

эрального генезиса, которые поочередно перекрыты делювиальными шлейфами из неокатанного обломочника.

После обобщения данных стратиграфических наблюдений была составлена общая схема изученных рыхлых отложений (рис. 2). Получившаяся схема подразумевает вариативность в некоторых морфологических характеристиках нескольких слоев, которая обусловлена геоморфологическими особенностями условий их залегания. Последовательность напластований следующая.

Дерново-почвенный слой. Текстура однородная. Включает корни растений, бытовой и строительный мусор. Мощность достигает порядка 0,3 м. На отдельных участках изученной площади замещен техногенными напластованиями, которые представлены переотложенными грунтами, набросами, грунтовыми или щебенистыми отсыпками. Отличительной чертой естественного и антропогенного генезиса данного пласта является характер границы с нижележащим слоем – рваный и размытый край характерен для первого варианта, а ровный и четкий переход свойственен второму варианту.

Слой 1. Черный, реже темно-серый, средний суглинок. Структура плотная, комковатая. Текстура близка к однородной, редко встречаются пятна более светлого суглинка. Включения представлены немногочисленным мелким и средним гравием, а также редкой галькой той же размерности. В западной части изученной площади встречаются наклонные линзы мелкообломочного материала и песка (участок 8, северо-западная стенка). В слое зафиксированы многочисленные современные техногенные нарушения: грунтовая дорога, траншеи подземных коммуникаций, столбы ВЛ. Граница с нижележащим литологическим подразделением неровная языковатая, клиновидно внедряющаяся в подстилающий горизонт. Мощность слоя 0,15–0,3 м. Содержит археологический материал.

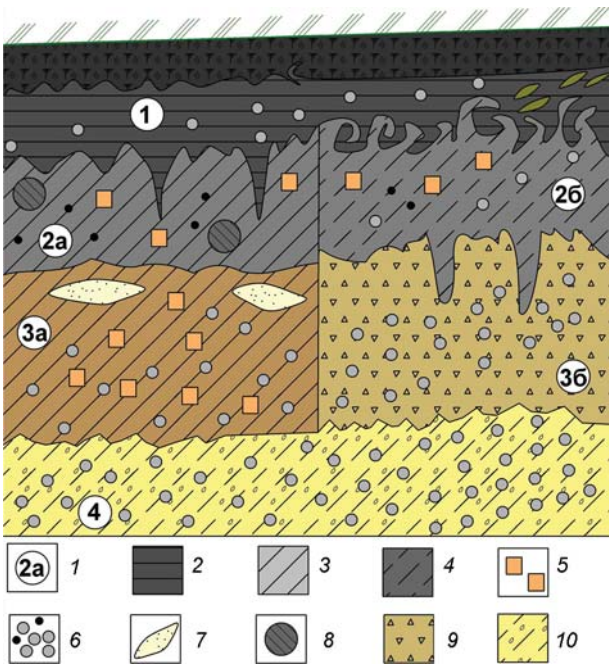

Рис. 2. Схема стратиграфической ситуации на изученной площади стоянки Югачи-2.

1 – обозначение слоя; *2* – тяжелый суглинок; *3* – средний суглинок; *4* – супесь; *5* – обломки породы; *6* – отдельные гальки; *7* – линзы песка; *8* – поноры землероев; *9* – обломочник; *10* – песок промытый, сортированный с прослоями галечника.

Слой 2а. Светло-серый до черного тяжелый суглинок. Структура плотная, близка к однородной. Текстура неоднородная с пятнами, клиньями и меандрирующими линиями более темных, реже более светлых оттенков. Встречаются редкие светло-коричневые пятна более легкого суглинка. Включения представлены редкими мелкими гальками (0,05–0,1 м по длинной оси), а также обломочный материал 1–2 степени окатанности. Нарушения представлены ходами землероев в кровле слоя и траншеями подземных коммуникаций. Граница с подстилающим литологическим подразделением четкая, слабоволнистая. Мощность слоя 0,7–0,9 м. Слой стерилен от археологического материала.

Слой 2б. Светло-серая, с сильным желтым или коричневатым оттенком, супесь. Структура пористая, в верхней части слоя – пылеватая. Текстура неоднородная с пятнами и вертикальными клиньями более темных оттенков. Во включениях часто встречается разноразмерный обломочный материал 1–2 степени окатанности (0,02–0,14 м по длинной оси), а также редкая мелкая галька. Кровля слоя сильно нарушена биотурбациями, редкими техногенными нарушениями. В западной части изученной площади нередко наблюдается концентрация гальки, обломочника и песка. Перечисленные составляющие размещаются в геологическом подразделении в виде наклонных линз и прослоев. Видимая мощность слоя 0,15–0,35 м. Слой стерилен от археологического материала. Наиболее распространен к югу от линии разреза (см. рис. 1).

Слой 3а. Светло-коричневый суглинок от среднего до тяжелого. Структура мелкокомковатая. Текстура однородная. Во включениях часто встречается разноразмерная галька (0,03–0,06 м, реже 0,1 м по длинной оси), а также немногочисленный неокатанный обломочный материал от крупного гравия до крупного щебня, единичны мелкие глыбы. Также слой местами насыщен дресвой и мелким гравием разной степени окатанности, единичной крупной галькой (0,09–0,15 м по длинной оси), которая присутствует в кровле и на контакте с вышележащим подразделением,

где также зафиксированы небольшие линзы крупного несортированного песка. Видимая мощность слоя 0,15–0,35 м. Слой стерилен от археологического материала.

Слой 3б. Отложения слоя являются результатом разложения горных пород, их склонового смещения и аккумуляции у подножия гор. Состоит из дресвы, разноразмерного гравия и редких мелких глыб. Мощность слоя 0,3–0,4 м. Наблюдается в западной части изученной площади и слагает собой делювиальные шлейфы, расчленяющие субаэральные напластования. Слой стерилен от археологического материала.

Слой 4. Несортированный крупный серо-коричневый песок с большим количеством разноразмерной гальки (0,01–0,12 м по длинной оси) и тонкими линзами мелкого сортированного коричневатого песка. Предположительный генезис слоя – аллювиальный. Видимая мощность слоя до 0,35 м.

К толще черного суглинка, залегающего под дерново-почвенным слоем, приурочена большая часть культурных остатков, обнаруженных на изученной площади. Основной категорией обнаруженного археологического материала являлись отходы косторезного производства и фрагменты керамической посуды. Отдельные культурно-хронологические комплексы залегали в иных условиях. Их описание, как и свидетельства косторезного производства, будет приведено в отдельных работах в составе настоящего сборника. В данной же работе приводится описание фрагментов керамических сосудов периода Средневековья, являвшихся определенным фоном, на котором проявлялись отдельные культурно-хронологические комплексы раннего железного века и эпохи бронзы.

Фрагменты средневековой посуды распространены на всей исследованной площади стоянки Югачи-2 (рис. 3). Такое их пространственное положение объясняется значительным антропогенным вмешательством во вмещающие их отложения (строительство и эксплуатация железнодорожных путей, распашка территории на периферии п. Югачи, разъезд грунтовой дороги).

Обнаруженные фрагменты средневековой посуды имеют ряд отличительных черт. Край венчика отогнут наружу, а по его краю проходит гребенчатый орнамент, оформленный «елочкой», а иногда ногтевидными вдавлениями. На венчике также встречается орнамент из косых и округлых вдавлений, отверстий, косых и субгоризонтальных линий. По составу формовочной массы данная посуда однородная.

Аналогии данной средневековой посуде обнаруживаются как на сопредельных территориях, так и далеко за пределами Минусинской котловины. Ближайшие археологические памятники с аналогичной посудой расположены в Горной Шории, в долинах рек Пызас и Мрассу, открытые и частично исследованные сотрудниками Новокузнецкого краеведческого музея под руководством Ю.В. Ширина. Так сосуды с гребенкой по краю венчика (рис. 3, *4*) датируются первой половиной II тыс. на основании сходства с фрагментами посуды, обнаруженной на поселениях Земелье, Шодрова, Плас в долине р. Мрассу [Ширин, 2014а, с. 16]. Фрагменты сосудов, в орнаменте которых обнаруживаются такие же округлые вдавления и отверстия (рис 3, *2, 3*), могут относиться к периоду позднего Средневековья, по аналогии с посудой, обнаруженной на поселении Усть-Пызас 2 [Ширин, 2014б, с. 40].

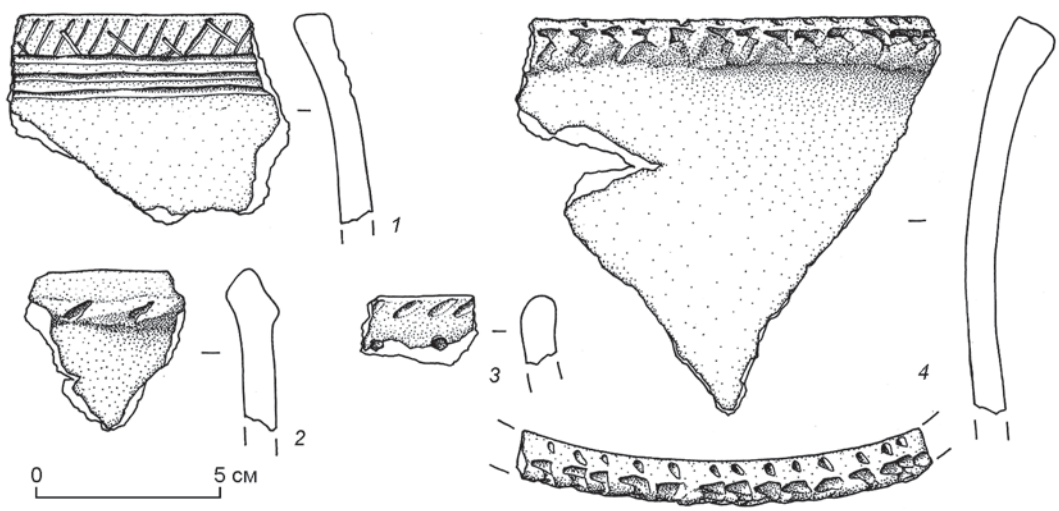

Рис. 3. Фрагменты средневековой посуды.

1 – фрагмент сосуда таштыкской культуры; *2, 3*– фрагмент сосуда с округлыми вдавлениями; *4* – фрагмент сосуда с гребенкой по краю венчика.

В данном «фоновом» комплексе посуды обнаруживаются и фрагменты сосудов, предположительно относящихся к раннему железному веку (рис. 3, *1*). Нанесенные на них орнаменты значительно вариабельны для какого-то однозначного определения их культурно-хронологической принадлежности. Вместе с тем общий для всех подобных фрагментов стилистический мотив и состав формовочной массы, отличный от средневековой посуды, позволяет отнести их к более раннему периоду по аналогии с посудой, обнаруженной на стоянке Югачи-1, которая исследовалась в 2020 г. экспедицией ИАЭТ СО РАН [Гришин, Чертыков, Выборнов, 2020].

Наиболее отдаленные аналогии данной посуде обнаруживаются на городище Усть-Шилка 2 в материалах шилкинской культуры раннего железного века, носители которой обитали в устье и нижнем течении р. Ангары [Мандрыка, 2008, с. 74]. Встречаемость аналогий на столь значительном удалении от объекта исследования может быть объяснена при рассмотрении их в историческом контексте того времени. Как отмечается в ряде письменных источников и в научной литературе, сфера влияния кочевников Минусинских котловин распространялась далеко за пределы этой территории благодаря их торговым связям и активным военным операциям. Как указано в сочинениях Рашид-ад-дина, в месте впадения р. Ангары в р. Енисей в I тыс. н.э. располагался город Кикас, впоследствии принадлежавший киргизам [Кызласов, 1984, с. 86]. Орнаментальные традиции распространяются по территории гораздо быстрее, чем другие элементы культуры. Не исключено, что определенные мотивы в орнаментации посуды были переняты населением низовий Ангары задолго до формирования этнической группы киргизов.

В результате проведенных археологических раскопок стоянки Югачи-2 были получены исчерпывающие сведения о стратиграфической ситуации на стоянке и пространственном распространении археологического материала. Разнообразие культурно-хронологической вариабельности последнего позволяет судить о данном археологическом памятнике как многокомпонентном поселенческом комплексе, содержащем в себе материалы по истории нескольких исторических периодов долины р. Аскиз.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008. Авторы выражают благодарность художнику Д.А. Бахаревой за подготовку иллюстративного материала.

Список литературы

Акт № ДОСОКН-0110-2020 Государственной историко-культурной экспертизы документации, обосновывающей меры по обеспечению сохранности объектов культурного наследия «Проект обеспечения сохранности объектов археологического наследия «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов археологического наследия в составе проектной документации по объекту «Второй путь на перегоне Биркчул – Югачи Красноярской железной дороги» в Аскизском районе Республики Хакасия (корректировка)». Абакан, 23.10.2020. URL**:** https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/7218/107813.html (дата обращения 04.11.2021).

Балахчин В.П., Боковенко Н.А., Грачев И.А., Рюмкин А.И., Шандровский В.В. Геоинформационная система по археологическим памятникам Хакасии // Геоинформатика-2000: труды Международной научно-практической конференции. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. – С. 352–355.

Бесчастных Е.В. К вопросу о строительстве железнодородной ветки Сталинск (Новокузнецк) – Абакан // Исследования молодых ученых: материалы II Международной научной конференции. – Казань: Молодой ученый, 2019. – С. 37–40.

Боковенко Н.А., Кулимеева В.К. Мониторинг археологических памятников в Республике Хакасия // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. – СПб.: Инфо Ол, 2012. – С. 81–101.

Гришин А.Е., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Памятник Югачи-1 (Хакасско-Минусинская котловина) – новый источник по изучению позднетагарских древностей: могильник, поселение // Проблемы археологии, антропологии и этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, – 2020. – Т. 26. – С. 874–882.

Есин Ю.Н., Хоммель П., Амзараков П.Б., Ковалева О.В., Витлам Д., Петрова Н.Ю., Иптышев А.В. Современные проблемы изучения жилищ тагарской культуры Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2020. – № 1 (25). – С. 72–84.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 167 с.

Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. –№ 3 (35). – С. 68–76.

Список объектов культурного наследия [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия. – URL: https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/5094/ (дата обращения: 12.10.2021).

Ширин Ю.В. Материалы археологических разведок на р. Мрассу от Хомутовских порогов до устья // Из

кузнецкой старины. – Новокузнецк: ООО Полиграфист, 2014а. – С. 4–18.

Ширин Ю.В. Древние поселения верхнего течения р. Мрассу и щорцы-бирюксинцы // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: ООО Полиграфист, 2014б. – С. 19–43.

References

Akt № DOSOKN-0110-2020 Gosudarstvennoi istoriko-kul'turnoi ekspertizy dokumentatsii, obosnovyvayushchei mery po obespecheniyu sokhrannosti ob»ektov kul'turnogo naslediya «Proekt obespecheniya sokhrannosti ob»ektov arkheologicheskogo naslediya «Meropriyatiya po obespecheniyu sokhrannosti ob»ektov arkheologicheskogo naslediya v sostave proektnoi dokumentatsii po ob»ektu «Vtoroi put' na peregone Birkchul – Yugachi Krasnoyarskoi zheleznoi dorogi» v Askizskom raione Respubliki Khakasiya (korrektirovka)». Abakan, 23.10.2020 (In Russ.). URL**:** https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/7218/107813.html (дата обращения 04.11.2021).

Balakhchin V.P., Bokovenko N.A., Grachev I.A., Ryumkin A.I., Shandrovskii V.V. Geoinformatsionnaya sistema po arkheologicheskim pamyatnikam Khakasii. In *Geoinformatika-2000: trudy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2000. P. 352–355. (In Russ.).

Beschastnykh E.V. K voprosu o stroitel'stve zheleznodorodnoi vetki Stalinsk (Novokuznetsk) – Abakan. In *Issledovaniya molodykh uchenykh: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kazan': Molodoi uchenyi Publ., 2019. P. 37–40. (In Russ.).

Bokovenko N.A., Kulimeeva V.K. Monitoring arkheologicheskikh pamyatnikov v Respublike Khakasiya. In *Arkheologicheskie pamyatniki Rossii: okhrana i monitoring*. St. Petersburg: Info Ol, 2012. P. 81–101. (In Russ.).

Esin Yu.N., Hommel P., Amzarakov P.B., Kovaleva O.V., Vitlam D., Petrova N.Yu., Iptyshev A.V. Sovremennye problemy izucheniya zhilishch tagarskoi kul'tury Minusinskoi kotloviny. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, 2020, no. 1 (25). P. 72–84. (In Russ.).

Grishin A.E., Chertykov V.A., Vybornov A.V. Yugachi-1 (Minusinsk depression) site, a new object for studying late Tagar antiquities: burial and settlement. *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. 26. P. 874–882. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.874-882

Kyzlasov L.R. Istoriya Yuzhnoi Sibiri v srednie veka. Moscow: Vysshaya shkola, 1984, 167 p. (In Russ.).

Mandryka P.V. New Early Iron Age culture in the Southern taiga zone of Central Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, no. 3 (35). P. 68–76. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Mrassu ot Khomutovskikh porogov do ust'ya. In *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: OOO Poligrafist, 2014a. P. 4–18. (In Russ.).

Shirin Yu.V. Drevnie poseleniya verkhnego techeniya r. Mrassu i shchortsy-biryuksintsy. In *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: OOO Poligrafist, 2014b. P. 19–43. (In Russ.).

Spisok ob"ektov kul'turnogo naslediya. In *Internet-resurs Gosudarstvennoi inspektsii po okhrane ob"ektov kul'turnogo naslediya Respubliki Khakasiya*. (In Russ.). URL: https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/5094/ (Accessed: 12.10.2021).

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Ахметов В.В. https://orcid.org/0000-0002-7133-4417
Кишкурно М.С. https://orcid.org/0000-0002-0309-7413

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.1002-1010
УДК 902.01

А.А. Тимощенко[1]✉, О.А. Митько[1, 2], А.А. Морозов[1], В.С. Зубков[3], А.И. Поселянин[3], Я.В. Фролов[4], Ю.В. Тетерин[2], Р.В. Давыдов[1, 2], И.С. Половников[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Хакасский государственный университет
Абакан, Россия
[4]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru

Предварительные результаты аварийно-спасательных раскопок погребальных памятников эпохи поздней бронзы на площади могильников Сагайская протока 7 и Аскиз 17 в Аскизском районе Республики Хакасия

В публикации приведены материалы исследования трех курганов эпохи поздней бронзы. Они расположены в непосредственной близости от железной дороги и автотрассы, что повлияло на форму насыпей и каменных конструкций. На площади раскопа кургана № 2 могильника Сагайская протока 7 было обнаружено четыре могильные ямы. Наиболее информативным оказалось погребение в могиле 1, где были обнаружены керамические сосуды и изделия из бронзы: височные кольца, два перстня, мелкие пуговицы, украшавшие погребальный костюм, а также шило и каменный оселок. Рядом с могильной ямой находилось погребение собаки. В могилах 2 и 3 останков человека не найдено, но при этом присутствовали предметы, аналогичные находкам в могиле 1. На памятнике Аскиз 17 было исследовано два кургана. В центре каменной ограды кургана № 2 находилась могила 1, в которой погребение было нарушено. Судя по сохранившимся останкам, в ней был похоронен взрослый человек, которого сопроводили мясной пищей и сосудом. Одежду и головной убор украшали бронзовая бляха и пуговицы. За пределами ограды кургана находился каменный ящик, в котором был похоронен ребенок (могила 2). Вместе с ним в могилу был помещен сосуд, астрагалы овцы, бронзовый нож и украшение в виде небольшой застежки. Насыпь кургана 3 перекрывала две каменные ограды. В центре ограды 1 находилась могила 1, которая оказалась ограбленной. У северной стенки ограды 2 могила оказалась непотревоженной. Вместе с умершим человеком в могилу поместили сосуд и мясную пищу. Погребальный инвентарь представлен украшениями из бронзы: крупная бляха, 6 колец, 4 перстня, браслет, пуговицы. Оба могильника предварительно датированы X–IX вв. до н.э., что в рамках периодизации археологических культур Минусинской котловины соответствует III (лугавскому) этапу эпохи бронзы.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, Сагайская поляна, эпоха бронзы, карасукская культура, браслет, перстень, пуговицы.*

A.A. Timoshchenko[1]✉, O.A. Mitko[1, 2], A.A. Morozov[1], V.S. Zubkov[3], A.I. Poselyanin[3], Ya.V. Frolov[4], Yu.V. Teterin[2], R.V. Davydov[1, 2], I.S. Polovnikov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[3]Khakass State University
Abakan, Russia

[4]*Altai State University*
Barnaul, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru

Preliminary Results of Rescue Excavations of Late Bronze Age Burial Sites at the Burial Grounds of Sagayskaya Protoka 7 and Askiz 17 in the Askiz District of the Republic of Khakassia

The publication contains materials from the three Late Bronze mounds. They are located in close proximity to the railway and highway, which affected the shape of the mounds and stone structures. Four graves were discovered in the excavation area of mound 2 at the Sagayskaya protoka 7 burial ground. Grave 1 with ceramic vessels and bronze items provided the greatest amount of finds: temple rings, two finger rings, small buttons that adorned the funeral costume as well as an awl and a whetstone. Next to the grave pit, a dog was buried. No human remains were found in graves 2 and 3, but there were grave goods similar to those found in grave 1. Two burial mounds were excavated at Askiz 17. In the center of the kerb of kurgan 2, a disturbed grave 1 was found. Judging by the available remains, it was a burial of an adult with offered meat food and a vessel. Clothes and headwear were decorated with a bronze plaque and buttons. Outside the kerb, there was a stone box in which an infant was buried (grave 2). The grave kit included a vessel, an astragalus of a sheep, a bronze knife and an ornament in the form of a small clasp. The barrow of mound 3 covered two kerbs. Grave 1 was located in the center of kerb 1, it was looted. At the northern wall of kerb 2, the grave was not disturbed. The deceased was accompanied by a vessel and meat food. The grave good kit contained bronze ornaments: a large plaque, 6 rings, 4 signet rings, a bracelet, and buttons. Both burial grounds are tentatively dated to the 10th –9th centuries BC, which corresponds to the III (Lugavskoe) stage of the Bronze Age in the periodization of archaeological cultures in the Minusinsk Basin.

Keywords: *Republic of Khakassia, Askizsky district, Sagayskaya polyana, Bronze Age, Karasuk culture, bracelet, ring, buttons.*

В полевом сезоне 2021 г. Сагайский отряд Отдела аварийно-спасательных работ ИАЭТ СО РАН проводил полевые исследования в рамках реализации проекта «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов археологического наследия по объекту “Второй путь на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги”» в Аскизском р-не Республики Хакасия.

В зону работ входило 8 отдельных погребальных комплексов (курганные могильники Сагайская протока 1, 2, 5, 7, 8, 12, Аскиз 17, Чартыковский), расположенных с обеих сторон железной дороги и протянувшихся на расстояние более 4 км. Из них два («Аскиз 17, курганный могильник», кург. № 2, 3 и «Курганный могильник Сагайская протока 7» курган № 2) относились ко времени поздней бронзы, остальные к памятникам раннего (подгорновского) и позднего (тесинского) этапов тагарской культуры.

Необходимо отметить, что территория, на которой велись изыскания (от ст. Чартыковский разъезд до Сагайского водоканала), имеет давнюю историю изучения курганов эпохи бронзы и раннего железного века. Еще в 1914 г. О. Ольсеном было раскопано 7 курганов в 3 км северу от с. Аскиз [Членова, 1972, с. 90–91]. В сводке Э.Б. Вадецкой они обозначены как Аскиз VI [Вадецкая, 1986, с. 105]. В конце 80-х гг. прошлого века эта же курганная группа получила наименование «Сельхозхимия» [Ковалев, Хаврин, 1995].

До начала раскопок границы насыпи кург. № 2 могильника Сагайская протока 7, расположенного в непосредственной близости от проволочного заграждения железной дороги, визуально прослеживались очень слабо. Невысокую плоскую земляную насыпь частично перекрывала полоса снегозащитного лесонасаждения, сопровождавшаяся противопожарной опашкой, и пересекала проходившая вдоль железнодорожного полотна траншея кабеля связи. О наличии погребального объекта свидетельствовали лишь пять отдельно расположенных каменных плит и валунов песчаника, возвышающихся над современной поверхностью на высоту от 0,10 до 0,20 м. После снятия на площади раскопа задернованного и гумусного слоя на глубину 0,3–0,4 м были выявлены две каменные конструкции, под которыми зафиксированы могильные ямы.

Каменная кладка над мог. 1 сооружена из грубо обломанных плит песчаника, перекрывавших овальную в плане могильную яму (размеры 2,73 × 2,6 м, глубина 0,7 м). На дне зафиксирован скелет взрослого человека, расположенный на спине в вытянутом положении, черепом в направлении восток – северо-восток. У левой ноги расположены остатки мясной пищи: ребра, лопатка, кость ноги овцы (рис. 1).

Рис. 1. Могильник Сагайская протока 7, курган 2, могила 1, погребение (вид сверху).

Рис. 2. Могильник Сагайская протока 7, курган 2, погребение собаки (вид с северо-востока).

Справа и слева от черепа погребенного были поставлены два сосуда. Один – с округлым дном, орнаментирован наклонно идущими короткими линиями (см. рис. 5, *1*). Второй – на небольшом поддоне, тулово шаровидной формы украшено жемчужинами и орнаментом в виде вытянутых треугольников. Рядом с сосудом находилась бронзовая пуговица полусферической формы с петелькой для крепления (диаметр 1,3 см) (рис. 5, *17*). С правой стороны черепа были найдены три бронзовых височных кольца в один оборот и три пуговицы. На своде черепа зафиксирована еще одна пуговица (диаметр 2,5 см). У левой височной кости обнаружено кольцо из бронзовой проволоки, согнутое в 1,5 оборота (диаметр 4,3 см). Кроме этого, две небольшие бронзовые пуговицы находились внутри черепной коробки, куда они, вероятно, попали через отверстие, образовавшееся по отслоившемуся шву между теменной и височной костями. Аналогичные по форме и размерам бронзовые пуговицы были расчищены на ребрах левой половины груди (2 экз.), на позвоночнике (1 экз.), между костями левой руки и тазовой костью (5 экз.). В районе правой и левой кистей рук находились литые бронзовые перстни с заходящими концами и двухлепестковым щитком (рис. 5, *22, 23*).

Под скоплением костей животных, расположенных вдоль левой ноги погребенного также были обнаружены предметы сопроводительного инвентаря: четырехгранное бронзовое шило (9,9 × 0,04 см) (рис. 5, *15*) и небольшой каменный оселок прямоугольной формы (4,8 × 1,8 × 0,8 см) с отверстием (рис. 5, *16*).

В непосредственной близости от юго-западного края мог. 1 была зафиксирована неглубокая грунтовая яма, в которой было совершено захоронение собаки. Животное расположено в свернувшейся позе, головой в сторону могильной ямы (на северо-восток) (см. рис. 2).

Могила 2 была расположена в 4,5 м к северу от мог. 1. Каменная кладка подпрямоугольной в плане формы полностью перекрывала могильную яму (размеры 1,7 × 1,4 м, глубина 0,5 м) и практически достигала дна. В заполнении на глубине ок. 0,20 м от уровня древней дневной поверхности был найден археологически целый орнаментированный керамический сосуд с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком и туловом шаровидной формы. Орнамент сочетает нанесенные на верхней части тулова узкие желобки и наклонные кроткие линии, образующие елочный орнамент. Костных останков человека и каких-либо артефактов, за исключением сосуда, в данной могиле не обнаружено.

Могила 3 находилась в 0,8 м к востоку от мог. 1. В верхней части заполнения могильной ямы (ее размеры составили 1,8 × 1,5 м, глубина 1,0 м) обнаружены фрагменты керамики от сосуда на низком поддоне. Тулово орнаментировано жемчужинами и наклонно идущими кроткими линиями. Также в заполнении зафиксирован фрагмент кольца из

Рис. 3. Могильник Аскиз 17, курган 3, конструкция оград 1 и 2 (вид сверху).

Рис. 4. Могильник Аскиз 17, курган 3, могила 2, погребение (вид с северо-востока).

бронзовой проволоки (диаметр 3,6 см) и перстень аналогичный перстням, обнаруженным в мог. 1. Кроме этого, в северо-западном углу дна могильной ямы найдены кольцо из бронзовой проволоки, согнутое в два оборота (диаметр 4 см), и бронзовая пуговица. Как и в предыдущем погребении, костных останков человека в мог. 2 не обнаружено.

Могила 4 выявлена в 2,5 м к северо-западу от мог. 1. Она оказалась полностью разрушенной, поэтому ее границы установить не удалось. Погребение представляло собой разрозненный скелет взрослого человека, на фалангах пальцев прослеживаются следы окиси меди. Вместе с костями человека встречены отдельные кости животного (овцы) – лопатка, большие берцовые кости, и фрагменты орнаментированной вдоль венчика керамики. Из предметов сопроводительного инвентаря найдена бронзовая пуговица (диаметр 0,7 см).

Второй исследованный памятник «Аскиз 17, курганный могильник» расположен на небольшом участке между автотрассой Абакан – Ак-Довурак и заградительной лесополосой железной дороги Абакан – Новокузнецк. Он состоял из трех курганов, два из которых были раскопаны. Поскольку расстояние между границами насыпей курганов составляло ок. 15 м, они были включены в один раскоп, площадь которого составила 1 196 м^2.

Курган 2 до начала земляных работ представлял собой оплывшую земляную насыпь овальной в плане формы с уплощенной вершиной. Она слабо выделялась в рельефе, а ее границы прослеживались лишь по отдельным вертикально вкопанным задернованным плитам. После снятия дерна, гумусного грунта и зачистки на уровне древней дневной поверхности были выявлены каменная ограда из вертикально установленных плоских плит песчаника и расположенный в юго-западном углу раскопа каменный ящик. Ограда представляла собой неправильный прямоугольник со сторонами 11 × 10,5 × × 11 × 9,5 м, ориентированный углами по сторонам света. Вся юго-восточная и центральная часть площади ограды была заполнена скальными обломками. В центре прослеживались очертания каменного надмогильного перекрытия прямоугольной формы (размеры 5,7 × 3,2 м) и грабительская яма диаметром ок. 1,0 м.

Рис. 5. Погребальный инвентарь.

1 – керамический сосуд; *2* – бляха; *3* – браслет; *4, 5* – пластины; *6–8, 11,12* – кольца; *9, 10, 13,14* – пронизки; *15* – шило; *16* – оселок; *17* – пуговица; *18–23* – перстни.

1, 15–17, 22, 23 – могильник Сагайская протока 7, курган 2, могила 1; *2–14, 18–21* – могильник Аскиз 17, курган 3, могила 2.

2–14, 15–23 – бронза; *16* – камень.

В ходе зачистки каменной конструкции рядом с грабительской воронкой найдена круглая литая выпуклая бронзовая бляха (диаметр 4 см), Внешний край бляхи выделен тонким желобком и украшен треугольными насечками, на обратной стороне – петелька для крепления на одежде. В южном углу ограды зафиксировано скопление фрагментов сосуда (объект 1), орнаментированного двумя рядами наклонных вдавлений.

Могила 1 прямоугольной формы (размеры 3 × 1 м, глубина 0,6 м), ориентированная длинной стороной по линии юго-запад – северо-восток.

В заполнении встречались фрагменты дерева от перекрытия могилы. Торцевые стенки могильной ямы были оформлены вертикально поставленными крупными плоскими плитами, образующими подобие двух стенок каменного ящика. В ходе разборки заполнения могильной ямы найдено семь бронзовых пуговиц. На дне обнаружено захоронение взрослого человека, кости скелета находились в разрозненном состоянии. Среди них обнаружено еще шесть бронзовых пуговиц, две из которых соединены кожаным ремешком.

В западном углу могильной ямы в непотревоженном состоянии сохранился сосуд с высоким венчиком. Он был украшен зигзагообразным орнаментом, узкими неглубокими желобками, вдавлениями треугольно-овального штампа и фигурами в виде заштрихованных ромбов. В центральной части могилы также *in situ* располагались остатки мясной заупокойной пищи.

Могила 2 находилась в 1,5 м от западного угла раскопа и представляла собой частично разрушенный каменный ящик (размеры 1,4 × 0,7 × 0,3 м). В южном углу находился сосуд, орнаментированный под венчиком рядом коротких черточек. Скелет ребенка располагался на спине, череп на юго-запад. На правой бедренной кости была уложена кость ноги барана. Погребальный инвентарь составили бронзовый нож и трехчастная бляшка (размеры 3,5 × 1,2 см). Рядом с левым бедром зафиксировано скопление из трех бараньих астрагалов, еще один астрагал обнаружен под правой лопаткой скелета ребенка. Бронзовый нож (длина 10,6 см) с едва выделенной трапециевидной рукоятью, с навершием в виде узкого валика, напоминающим недолитые навершия ножей и кинжалов эпохи поздней бронзы, с аркой. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с бракованным изделием, помещенным в могилу вместе с ребенком.

Курган 3 так же, как и кург. 2, представлял собой задернованную насыпь неправильно округлой формы, высотой до 0,6 м. В ее центре находилась земляная подсыпка, на которую был установлен на бетонные опоры металлический геодезический знак и окружавший его ровик. После снятия дерна, гумусного грунта в границах раскопа была выявлена каменная конструкция, состоящая из двух оград, ориентированных углами по сторонам света.

Ограда 1 неправильно-прямоугольной в плане формы (размеры 9,8 × 9,5 × 9,1 × 9,0 м), сооружена из тонких, вертикально врытых плит песчаника. Угловые каменные стелы в конструкции ограды отсутствовали. В центре ограды располагалось разрушенное каменное надмогильное сооружение, перекрывавшее мог. 1 (рис. 3).

Могила 1 (размеры 2,5 × 3,0 м, глубина 0,7 м) ориентирована длинной стороной по линии юго-запад – северо-восток. В заполнении зафиксированы остатки деревянного перекрытия, кости скелета человека и необработанный альчик овцы. На дне могилы расчищены остатки нарушенного скелета погребенного. В северо-западном углу на первоначальном месте сохранился сосуд с шаровидным туловом и округлым дном, орнаментированный ромбическими фигурами. Рядом с ним обнаружена бронзовая пуговица.

Ограда 2 (размеры 6 × 6 м) пристроена вплотную к северной половине стенки ограды 1. Она сооружена по иному принципу: из массивных горизонтально уложенных плит и скальных обломков. Могила 2 (размеры 2,5 × 1,0 м, глубина до 0,75 м) была выявлена у северной стенки ограды. На дне расчищен скелет взрослого человека, лежавший на спине, вытянуто, черепом на юго-запад и компактно сложенные остатки заупокойной мясной пищи (рис. 4). В могиле обнаружены следующие предметы из состава погребального инвентаря:

– слева от черепа сосуд с узкими резными желобками и фигурами в форме ромба;

– у правого локтя бронзовая литая выпуклая бляха (диаметр 9 см) с двумя скобами для крепления на обратной стороне (рис. 5, *2*);

– на правом запястье бронзовый незамкнутый литой браслет (размеры 6,1 × 6,6 × 0,2 см), украшенный шахматным орнаментом и крупными выпуклыми жемчужинами (рис. 5, *3*);

– в районе черепа две бронзовые пластины треугольной формы, украшенные мелкими выпуклостями пуансонного орнамента (рис. 5, *4, 5*);

– с обеих сторон черепа по три височных бронзовых кольца с пронизками (рис. 5, *6–14*);

– на фалангах левой руки четыре перстня с двухлепестковым щитком (рис. 5, *18–21*);

– рядом с заупокойной пищей лезвие бронзового ножа;

– мелкие бронзовые пуговицы (8 экз.). Четыре обнаружены у сосуда, две на правой стороне грудной клетки, одна у левой лопатки и еще одна с правой стороны черепа.

Исследованные курганы обоих могильников по составу и характерному стилистическому облику изделий из бронзы, керамическим сосудам и особенностям погребального устройства могут быть датированы поздним бронзовым веком. Совокупность характерных признаков позволяет конкретизировать хронологические рамки периодом X–IX вв. до н.э., который входит в III лугавский (или каменноложский по хронологии М.П. Грязнова) этап. В литературе подчеркивалось, что процесс

сложения каждого из этапов эпохи поздней бронзы необходимо изучать отдельно, так как они отличаются по своим основным характеристикам [Поляков, 2021, с. 107]. Прежде всего, это относится к лугавскому этапу, в течение которого, по мнению И.П. Лазаретова, шло наиболее динамичное развитие и территориальное распространение карасукского населения, образовавшего локальные группы, в т.ч. и юго-западную группу, занимавшую левый берег Абакана до устья Камышты [Лазаретов, 2013, с. 381–382].

Характеризуя исследованные памятники, следует отметить «нестандартность» курганного комплекса Сагайская протока 7, выраженную в отсутствии каменной ограды, которая является обязательным элементом некрополей бронзового века, а также наличие инвентаря в мог. 2 и 3. Изменение керамической традиции по сравнению с предыдущим временем прослеживается и в керамическом наборе из исследованных памятников. Крупные сосуды шаровидной формы, украшенные узкими желобками, находят свое продолжение в керамике предскифского и скифского времени.

Интерес представляет сопутствующее могиле 1 погребение собаки. Захоронения этого домашнего животного на территории Минусинской котловины были широко распространены. Они встречаются на могильниках и на поселениях, причем наиболее ранние и достоверно датированные относятся к карасукскому времени. Очевидно, собака уже выполняла хозяйственные функции охранника стада и участвовала в охотничьем промысле, что не могло не найти проявления в обрядовой практике [Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020, с. 63]. Традиция погребения собаки вместе с человеком доживает до тагарской эпохи и, усложняясь на сарагашенском этапе, достигает своего апогея в тесинской культуре, став «живым инвентарем» погребенного [Кузнецов, Худяков, 1998].

Обращает на себя внимание то, что в исследованных погребениях большая часть металлических находок относится к украшениям. Они представляют практически все категории женского набора карасукских изделий [Минор, 2010, с. 142]. Не останавливаясь на анализе предметов, отметим, что, по мнению П.Г. Павлова, эти тяжелые и малопригодные в повседневной жизни аксессуары одежды и украшения специально изготавливались для погребального костюма [Павлов, 1995]. В то же время, по этнографическим данным известно, что височные кольца и браслеты могли быть атрибутами как погребального, так и бытового костюма [Минор, 2007, с. 107; 2009].

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Ковалев А.А., Хаврин С.В. Раскопки кургана раннескифского времени на северной окраине села Аскиз // Сибирь в древности. Археологические изыскания. – Вып. 24. – 1995. – С. 91–96.

Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рощинское-2 // Теория и практика археологических исследований. – № 1 (29). – 2020. – С. 50–70.

Кузнецов Н.А., Худяков Ю.С. Ритуальные захоронения собак в татарских курганах // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: АГУ, 1998. – С. 49–50.

Лазаретов И.П. Памятники эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины: хронология, периодизация, термины // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курмалкулова. – Алматы: ТОО НИЦИА Бегазы-Тасмола, 2013. – С. 271–400.

Минор О.В. Височные кольца карасукского времени: вопросы атрибуции // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: История, филология. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. – 2007. – С. 104–108.

Минор О.В. Бронзовые браслеты как одно из распространенных украшений карасукского времени // Альманах современной науки и образования. – № 7. – Ч. I. – Тамбов, 2009. – С. 93–95.

Минор О.В. Женский набор украшений карасукской культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. – Сер.: История, филология. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. – 2010. – С. 136–145.

Павлов П.Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. – СПб., 1995. – Вып. 24. – С. 47–56.

Поляков А.В. Роль миграционных процессов в сложении культур периода палеометалла Минусинских котловин // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. – Материалы XI Международной научной конференции. – Абакан: ИИМК РАН, 2021. – С. 104–108.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

References

Chlenova N.L. Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi. Moscow: Nauka, 1972, 248 p. (In Russ.).

Kovalev A.A., Khavrin S.V. Raskopki kurgana ranneskifskogo vremeni na severnoy okraine sela Askiz. In *Sibir' v drevnosti. Arkheologicheskiye izyskaniya.* 1995, iss. 24. P. 91–96. (In Russ.).

Kovaleva O.V., Polyakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian settlement Roshchinskoe-2. In *Theory and practice of archaeological research*, 2020, no. 1 (29). P. 50–70. (In Russ.). doi:10.14258/tpai(2020)1(29).-03

Kuznetsov N.A., Khudyakov Yu.S. Ritual'nyye zakhoroneniya sobak v tatarskikh kurganakh. In *Arkheologicheskiye issledovaniya v Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press., 1989. P. 49–50. (In Russ.).

Lazaretov I.P. Pamyatniki epokhi pozdney bronzy Khakassko-Minusinskoy kotloviny: khronologiya, periodizatsiya, terminy. In *Begazy-dandybayevskaya kul'tura stepnoy Yevrazii. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennyy 65-letiyu ZH. Kurmalkulova*. Almaty: TOO NITSIA Begazy-Tasmola, 2013. P. 271–400. (In Russ.).

Minor O.V. Visochnyye kol'tsa karasukskogo vremeni: voprosy atributsii. In *Vestnik NSU. Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology.* 2007. Vol. 6, iss. 3: Archaeology and ethnography. P. 104–108. (In Russ.).

Minor O.V. Bronzovyye braslety kak odno iz rasprostranennykh ukrasheniy karasukskogo vremeni. In. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. No. 7, part I, Tambov, 2009. P. 93–95. (In Russ.).

Minor O.V. Zhenskiy nabor ukrasheniy karasukskoy kul'tury. In *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History and Philology.* 2010. Vol. 9, iss. 5: Archaeology and ethnography. P. 136–145. (In Russ.).

Pavlov P.G. K rekonstruktsii karasukskogo pogrebal'nogo kostyuma. In *Yuzhnaya Sibir' v drevnosti. Arkheologicheskiye izyskaniya.* St. Pteresburg, 1995. Vol. 24. P. 47–56. (In Russ.).

Polyakov A.V. Rol' migratsionnykh protsessov v slozhenii kul'tur perioda paleometalla Minusinskikh kotlovin. In *Drevniye kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya. Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Abakan: IHMC RAS, 2021. P. 104–108. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 179 p. (In Russ.).

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356
Зубков В.С. https://orcid.org/0000-0002-7505-6231
Поселянин А.И. https://orcid.org/0000-0001-9746-9291
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Тетерин Ю.В. https://orcid.org/0000-0001-8248-6689
Фролов Я.В. https://orcid.org/0000-0001-7259-2840
Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.1011-1019
УДК 902.2

А.А. Тимощенко[1]✉, О.А. Митько[1, 2], А.А. Морозов[1], В.С. Зубков[3], А.И. Поселянин[3], Я.В. Фролов[4], Ю.В. Тетерин[2], Р.В. Давыдов[1, 2], И.С. Половников[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Хакасский государственный университет
Абакан, Россия
[4]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru

Раскопки тагарских курганов на площади могильников Сагайская протока 1, 2, 5 и 12

В публикации представлены материалы раскопок 6 курганов, входящих в состав четырех отдельных могильников раннего железного века. Исследования проводились в Аскизском р-не Республики Хакасии в рамках спасательных работ в зоне планируемого строительства второго железнодорожного пути на участке «Чартыковский – Камышта». Бóльшая часть погребений в курганах была ограблена в древности. В насыпи одиночного кургана Сагайская протока 5 были совершены впускные погребения, относящиеся к тесинской археологической культуре. При строительстве железной дороги в середине прошлого века разрушению подверглись земляные насыпи и находящиеся под ними каменные конструкции (могильник Сагайская протока 1). Несмотря на это, некоторые захоронения сохранились in situ. Это позволило установить детали погребальной обрядности и соотнести археологические памятники с подгорновским и сарагашенским этапом тагарской культуры. Для подгорновских захоронений (VII–VI вв. до н.э.) характерно устройство индивидуальных могил. Умерших людей помещали в каменные ящики, установленные в грунтовых ямах, снабжали мясной пищей и погребальным инвентарем. В сохранившихся могилах обнаружены бронзовые ножи, вток от рукояти чекана, зеркала, шилья, бусы, подвески из зубов животных и когтя хищной птицы. Сосуды имеют стандартную форму и орнамент. К числу редких находок относятся миниатюрные гребни (длина менее 2 см), украшенные солярными символами. К сарагашенскому этапу отнесена могила 4 в кургане Сагайская протока 5, содержащая погребения девяти взрослых людей. Предварительная датировка этого захоронения V–IV вв. до н.э.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, Сагайская протока, ранний железный век, тагарская культура, подгорновский этап, бусы, бронзовое зеркало, гребень.*

A.A. Timoshchenko[1]✉, O.A. Mitko[1, 2], A.A. Morozov[1], V.S. Zubkov[3], A.I. Poselyanin[3], Ya.V. Frolov[4], Yu.V. Teterin[2], R.V. Davydov[1, 2], I.S. Polovnikov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[3]Khakass State University
Abakan, Russia
[4]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru

Excavation of the Tagar Barrows at Sagayskaya Protoka 1, 2, 5 and 12

The publication presents materials from the excavations of 6 burial mounds belonging to four separate Early Iron Age burial grounds. The investigations were carried out in the Askizsky District of the Republic of Khakassia as part of rescue works in the construction site of the second railway track at the "Chartykovsky – Kamyshta" section. Most of the burials were looted in antiquity. Inlet burials related to Tesinskaya archaeological culture were made in the barrow of an isolated mound of Sagayskaya protoka 5. In the course of the railway construction in the mid-20th century, the earthen barrows and underground stone structures were destroyed (burial site Sagayskaya protoka 1). Nevertheless, some burials have survived intact. This made it possible to establish the details of the funeral rituals and to correlate the archaeological sites with the Podgorny and Saragash stages of the Tagar culture. The Podgorny burials (VII–VI centuries BC) are characterized by arrangement of individual graves. The dead people were placed in stone boxes set in ground pits, accompanied by meat food and grave goods. In the surviving graves, bronze knives, a handle metal stap, mirrors, awls, beads, pendants made of animal teeth and the claw of a bird of prey were found. The vessels are standard in shape and ornament. Rare finds include miniature combs (less than 2 cm long) decorated with solar symbols. The Saragash stage is represented by grave 4 in the Sagayskaya protoka 5 barrow containing the burials of 9 adults. The burial is tentatively dated to the V–IV centuries BC.

Keywords: *Republic of Khakassia, Askizsky District, Sagayskaya protoka, Early Iron Age, Tagar culture, Podgornovsky stage, beads, bronze mirror, comb.*

Введение

Согласно проекту строительства второго пути железнодорожной магистрали Новокузнецк – Абакан в текущем полевом сезоне Сагайским отрядом Отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН проводились археологические исследования входящих в зону землеотвода погребальных комплексов раннего железного века Сагайская протока 1, 2, 5 и 12, расположенных на левобережье Абакана. Материалы раскопок последних десятилетий позволяют поставить вопрос о выделении в долине реки и на ее притоках отдельных археологических микрорайонов. Среди них наиболее обоснованно выделение аскизского локального варианта раннего этапа тагарской культуры [Герман, 2008, с. 18–19]. К характерным особенностям аскизского варианта относятся разнообразные комплексы погребальных объектов, сочетающих хорошо известный по раскопкам в других районах Минусинской котловины набор традиционных для тагарской культуры характеристик с оригинальными вариантами конструкций курганной архитектуры и погребальных обрядов [Членова, 1972, с. 90–91; Савинов, 2012]. Формирование аскизского варианта, охватывающего территорию степной и лесостепной зоны, связано с исторической ситуацией, когда в пределах нынешнего Аскизского р-на непродолжительное время сосуществовали разнокультурные группы населения. В археологическом отношении они соотносятся с «типично баиновским» и «ранним подгорновским» этапами татарской культуры [Ковалев, Хаврин, 1995, с. 96]. С учетом новой периодизации, речь идет о конце IV этапа эпохи поздней бронзы, когда на рубеже IX–VIII вв. до н.э. происходит очередная смена населения [Лазаретов, Поляков, 2008].

Результаты исследования

Расположенные с обеих сторон железной дороги насыпи курганов в течение длительного времени подвергались интенсивному антропогенному воздействию. По ним проходили заграждения железнодорожной магистрали, траншеи кабелей связи, подъездные пути, снегозащитные лесонасаждения, проводилась регулярная противопожарная опашка и т.п. Наиболее пострадавшим оказался могильник Сагайская протока 1, «зажатый» между железнодорожным полотном и автотрассой Абакан – Ак-Довуак. Большая часть кургана № 2 (восточная) оказалась под полотном шоссейной дороги, западную часть перекрывала искусственно сооруженная земляная насыпь, по которой в 70-е гг. прошлого века через железнодорожный путь проходила грунтовая дорога на Сагайскую поляну. После строительства под насыпью железнодорожного полотна путепровода временный переезд был снесен вместе с остатками западной полы кургана.

Курган № 1 также находился между двумя транспортными линиями. Западная и восточная пола насыпи были подрезаны кюветами шоссе и железнодорожного полотна, что изменило форму и размеры кургана. После снятия дерна и насыпи выявилась каменная ограда в форме неправильного прямоугольника (размеры 12,8 × 10,5 × × 12,7 × 9,6 м), сооруженная из вертикально вкопанных плит и ориентированная стенками по сторонам света (с отклонением на 18º). Угловые стелы повалены, либо обломлены, в середине восточной стенки ограды двумя поперечными плитами был оформлен вход шириной 1,6 м. Центральную часть ограды занимало каменное надмогильное перекрытие овальной формы, в котором прослеживалась грабительская воронка. Среди камней заполнения

в придонной части могильной ямы встречались беспорядочно лежащие фрагменты деревянного перекрытия и многочисленные кости человеческих скелетов. На дне расчищены остатки трех погребенных – взрослого и двух подростков. Разрозненные кости взрослого человека находились у северной стенки. Рядом с ними были расположены кость ноги и лопатка коровы, на которой лежал бронзовый вток конусовидной формы с овальной в сечении втулкой. В северо-восточном углу могилы сохранился археологически целый сосуд баночной формы, орнаментированный под венчиком фигурами в виде прочерченных углов.

В южной половине могилы зафиксированы останки двух подростков. Большая часть костей их скелетов отсутствовали. На правой тазовой кости скелета, расположенного непосредственно у южной стенки могильной ямы, был помещен небольшой глиняный горшок с прямыми стенками и обломанным верхним краем.

На памятнике «Сагайская протока 5. Одиночный курган» надмогильное сооружение представляло собой невысокую земляную насыпь овальной в плане формы с пологими склонами, внешние границы которой плохо просматривались. После снятия задернованного и гумусного слоя была расчищена каменная конструкция в виде сплошной прямоугольной в плане платформы (размеры 5 × 5,9 м). При этом ограда и вертикальные угловые стелы отсутствовали. В процессе разборки конструкции выяснилось, что в перекрытие тагарской могилы были совершены тесинские захоронения (мог. 1 и 3), а ограда кургана была разобрана. При этом тагарские погребения в мог. 4 оказались непотревоженными.

Могила 4 находилась ниже тесинских впускных погребений. Над подпрямоугольной в плане грунтовой ямой (размеры 2,6 × 2,6 м, глубина 0,80 м) зафиксировано плохо сохранившееся деревянное перекрытие. На дне ямы выявлено коллективное захоронение не менее 9 взрослых человек, анатомический порядок сохранился лишь у пяти скелетов. Тела умерших были уложены в вытянутом положении на спине, головой на запад – юго-запад. Расположение скелетов дало возможность установить последовательность их помещения в могилу (рис. 1).

Сопроводительный инвентарь представлен керамическими сосудами, изделиями из бронзы (шило, нож, две полусферические бляшки), комплектом украшений, состоящим из четырех бу-

Рис. 1. Могильник Сагайская протока 5, курган № 1, могила 4, коллективное погребение (вид с востока).

син и зуба марала и подвеской из когтя хищной птицы со сквозным отверстием в корневой части (см. рис. 5, *3, 7*).

На площади могильника Сагайская протока 2 было исследовано три кургана, из них курган № 7, включенный в общий раскоп с курганом № 6, относился к эпохе раннего железного века.

Наземная конструкция кургана № 7 полностью находилась за проволочным ограждением железной дороги и вплотную примыкала к насыпи железнодорожного полотна. До начала земляных работ она представляла собой оплывшую земляную насыпь с уплощенной вершиной диаметром 8–10 м и высотой 0,8–0,9 м. Восточный край насыпи уходил под полотно железной дороги, северный край был уничтожен широкой водоотводной канавой (ширина 10 м). Помимо этого, насыпь кургана пересекала траншея техногенного происхождения (размеры 5 × 2,5 м, глубина 0,7 м), разрезавшая ее на две части. Западины и вертикально установленные стелы не прослеживались, лишь в юго-восточной части насыпи зафиксирована массивная плита (размеры 1,4 × 0,4 м).

После снятия дернового и верхней части гумусированого слоя по центру насыпи на глубине 0,2–0,4 м от дневной поверхности была выявлена часть прямоугольной ограды, плита перекрытия мог. 1 и небольшой каменный ящик (мог. 2). Ограда повреждена (размеры 6,9 × 8,3 × 6,1 м), относительно целой сохранилась только ее северная стенка, южная стенка располагалась под насыпью железной дороги и была полностью разрушена. По всей вероятности, изначально ограда кургана имела подпрямоугольную форму и была вытянута в направлении север – юг.

Могила 1 (размеры 2,0 × 1,5 м) примыкала вплотную к южной стенке раскопа. Погребение оказалось полностью разграбленным. Под каменным перекрытием на дне могильной ямы были обнаружены разрозненные обломки деревянной конструкции, отдельные мелкие кости скелета взрослого человека и небольшие фрагменты от неорнаментированного тонкостенного сосуда.

Могила 2 представляла собой каменный ящик (размеры 0,95 × 1,3 м, глубина 0,65–0,7 м), установленный на уровне древней дневной поверхности. В центральной и восточной частях ящика зафиксированы смещенные со своих мест кости скелета ребенка (возраст до 1 года). Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Могильник Сагайская протока 12 расположен в 130 м южнее Сагайского магистрального канала. Согласно проекту, в полосу землеотвода входил курган № 1, представлявший собой земляную, невысокую с пологими склонами насыпь овальной в плане формы (размеры 20 × 12 м, высота 0,6 м). Северные границы насыпи плохо просматривались в микрорельефе местности, южная половина отсутствовала. Она была снесена и на ее месте выкопан котлован, протянувшийся вдоль ограждения железнодорожного полотна. Глубина котлована достигала 1,5–1,6 м, общая площадь в пределах раскопа составляла до 340–350 м^2, дно заболочено. Западины на поверхности насыпи кургана не прослеживались, вертикально установленные каменные стелы по углам конструкции отсутствовали. В процессе снятия дерна и зачистки южной половины раскопа был обнаружен череп барана (с нижней челюстью) (объект 1). Помимо этого, на разных участках раскопа обнаружены фрагменты керамики (дно плоскодонного сосуда и четыре фрагмента от венчиков трех сосудов, украшенных узкими параллельными желобками). Под земляной насыпью была выявлена каменная ограда прямоугольной в плане формы (размеры 6,7 × 4,2 м), длинной стороной ориентированная по линии север – юг с небольшим отклонением к северо-западу. Высота каменных плит ограды над уровнем древней поверхности составляла от 0,1 до 0,5 м, часть плит была обломана и повреждена, угловые стелы не сохранились. В пределах ограды находились две могилы, еще две за ее пределами (рис. 2).

Могила 1 (размеры 2,25 × 1,55 м, глубина 0,80–0,85 м) располагалась в центре ограды и была перекрыта каменной кладкой. Ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. На дне могилы был установлен каменный ящик, сооруженный из тонких плит песчаника (размеры 2,05 × 1,25 м, высота плит 0,2–0,3 м). Погребение было разграблено, большая часть костей скелета человека и фрагменты керамики от сосудов найдены в заполнении северо-западной части могилы. Также в заполнении была обнаружена крупная сердоликовая бусина (длина 1,7 см, диаметр 0,7 см) (см. рис. 5, *10*). На дне могильной ямы зафиксировано разрушенное грабительским раскопом захоронение взрослого человека и кости овцы.

Из предметов сопроводительного инвентаря были обнаружены следующие.

В северо-западном углу могилы стоял в ситуации *in situ* керамический плоскодонный сосуд баночной формы. Под венчиком по верхней части тулова сосуда нанесен орнамент в виде четырех широких желобков, идущих параллельно кромке венчика. Ниже них, группами по три элемента расположен горизонтальный орнамент в виде «елочки».

В юго-западной части могилы скопление фрагментов керамики, принадлежащее еще двум сосудам.

Рис. 2. Могильник Сагайская протока 12, курганы № 1 и № 3 конструкция оград (вид сверху).

Могила 2 находилась в 0,7 м к северо-западу от мог. 1. Могильная яма (размеры 2,2 × 1,5 м, глубина до 0,8 м) подпрямоугольной в плане формы, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Погребение было разграблено в древности. Разрозненные кости человека, ребра коровы, фрагменты керамики от двух сосудов и обломок костяного гребешка (рис. 5, *4*) обнаружены в заполнении у северо-западного угла могильной ямы. На уровне дна были обнаружены костные останки, принадлежавшие четырем погребенным, анатомический порядок скелета сохранился только в одном случае.

Погребение 1 – умерший был уложен в вытянутом положении на спине головой на юг – юго-запад, руки вдоль туловища. Сопроводительный инвентарь представлен следующими предметами:

– на правой половине тазовой кости подвеска из клыка кабарги (длина 7,5 см) со сквозным отверстием в широкой корневой части (рис. 5, *1*);

– у правой плечевой кости бронзовый пластинчатый дугообразный нож (длина 15,5 см) со сквозным отверстием каплевидной формы в верхней части рукоятки (рис. 5, *8*);

– рядом с ножом бронзовая пронизка цилиндрической формы (длина 2,7 см, диаметр 4 мм);

– пастовые бусины (2 экз.) цилиндрической формы (диаметр до 0,05 см, длина 0,09 и 0,05 см).

Погребение 2 находилось к востоку от погр. 1. Кости скелета в переотложенном состоянии. Среди них были найдены лопатка и кость ноги, принадлежащие овце. Из предметов сопроводительного инвентаря обнаружен бронзовый пластинчатый дугообразный нож (длина 17,6 см) со сквозным отверстием в верхней части рукоятки (рис. 5, *9*). Ближе к юго-западному углу могильной ямы стоял плоскодонный сосуд баночной формы, орнаментированный так же, как и сосуд, обнаруженный в мог. 1.

Погребение 3, принадлежавшее ребенку, было зафиксировано между скелетами погребений 1

и 2. Судя по сохранившимся фрагментам черепа, умерший был уложен головой на северо-восток. Сопроводительных вещей при нем не обнаружено.

Погребение 4 обнаружено в северо-восточном углу могильной ямы. Кости скелета находились в перемешанном состоянии.

Могила 3 находилась за пределами ограды в 1,8 м к югу от ее южной стенки. В грунтовую яму прямоугольной в плане формы был помещен каменный ящик (размеры 1,7 × 1,1 м, глубина 0,70 м). Надмогильное перекрытие не сохранилось, однако захоронение не было разграбленным. В могиле погребен взрослый человек, тело было уложено на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад (рис. 3). В районе правой ноги была помещена мясная пища: три ребра, лопатка и кости ноги овцы.

Сопроводительный инвентарь представлен следующими предметами:

– слева от черепа плоскодонный неорнаментированный сосуд баночной формы;

– в районе левой плечевой кости фрагмент бронзового изделия;

– на черепе, у левой височной кости, в районе шейного отдела позвоночника и на правой половине тазовой зафиксированы бронзовые бляшки полусферической формы со сквозным небольшим отверстием в центре (4 экз.);

– подвеска из клыка кабарги со сквозным отверстием в корневой части (длина ок. 4,5 см) (см. рис. 5, *2*);

– на позвонке поясничного отдела миниатюрный костяной гребешок (длина ок. 2 см) (рис. 4, 5, *4*);

– на груди в районе позвоночника бронзовое круглое зеркало дисковидной формы (диаметр 8 см). Внешняя сторона зеркала гладкая, на оборотной стороне скоба и по краю невысокий сглаженный бортик (рис. 4, 5, *6*);

– чуть ниже гребешка семь бусин (сердоликовые и пастовые) (рис. 4, 5, *11–17*);

– у северо-западной стенки каменного ящика бронзовый пластинчатый дугообразный нож (длина 14 см);

– в районе костей правой стопы найден фрагмент костяного изделия со следами обработки.

Рис. 3. Могильник Сагайская протока 12, курган № 1, могила 3, погребение (вид с северо-востока).

Рис. 4. Могильник Сагайская протока 12, курган № 1, могила 3, погребальный инвентарь.

Рис. 5. Погребальный инвентарь из кургана № 1 Сагайской протоки 5 (*3*, *7*) и курган № 1 Сагайской протоки 12 (*1*, *2*, *4–6*, *8–17*).

1 – клык кабарги (мог. 2); *2* – клык кабарги (мог. 3); *3* – коготь хищной птицы (мог. 4); *4* – роговой гребень (мог. 3); *5* – роговой гребень (мог. 2); *6* – бронзовое зеркало (мог. 3); *7* – бронзовый нож (мог. 4); *8* – бронзовый нож (мог. 1); *9* – бронзовый нож (мог. 2); *10* – сердоликовая бусина (мог. 1); *11–17* – сердоликовые и пастовые бусины (мог. 3).

Могила 4 овальной в плане формы (размеры 0,95 × 0,50 м, глубина до 0,30 м), ориентированная в направлении северо-восток – юго-запад, также находилась за пределами каменной ограды. Ее перекрывали две плоские плиты, под которыми располагалось захоронение ребенка (предположительный возраст от 1 до 1,5 лет). От скелета сохранились лишь фрагменты черепа, судя по которым он был направлен головой на юго-запад. Предметов сопроводительного инвентаря в могиле не обнаружено.

Курган № 3. До начала земляных работ на современной дневной поверхности не прослеживался. Зачистка площади раскопа показала, что погребения кургана и практически вся каменная конструкция были снесены при сооружении котлована. От кургана сохранилась лишь северная стенка каменной ограды длинной 6 м и высотой от 0,30 до 0,50–0,55 м, расположенная в 3,3 м к югу – юго-востоку от стенки ограды кургана № 1. Она сооружена из вкопанных на глубину до 0,30 м массивных плит песчаника (размеры до 1,8 м). С северной стороны ограда укреплена семью контрфорсами из плит и каменных блоков.

Заключение

В культурно-хронологическом отношении исследованные курганы могильников Сагайская протока 1, 2 и 12 по архитектуре надмогильных конструкций и внутримогильных устройств, положению умерших в могилах и сопроводительному инвентарю (керамические сосуды, зеркало, ножи, полусферические бляхи, вток и пронизки), можно отнести к подгорновскому этапу тагарской культуры (VII–VI вв. до н.э.). Типологически близкие предметные наборы широко представлены в памятниках, расположенных в различных районах Минусинской котловины. В т.ч. и в исследованных в полевом сезоне 2020 г. курганах могильника Казановка 6 в долине р. Аскиз [Митько и др., 2020].

Что касается могилы 4 из разрушенного впускными тесинскими захоронениями «Одиночного кургана Сагайская протока 5», то она отличается наличием коллективного захоронения, традиция совершения которых появляется позднее. Наличие в составе погребального инвентаря неорнаментированных сосудов и фрагмента сосуда на коническом поддоне позволяет предположить, что данный курган относится к сарагашенскому этапу тагарской культуры. Подтверждением этому может служить бронзовый нож с тонким кольцевым окончанием рукояти (рис. 5, *7*) [Вадецкая, 1986, с. 88, табл. VII, *11*]. Предварительно курган можно датировать в пределах V–IV вв. до н.э.

Из предметного ряда всей коллекции находок выделяются миниатюрные гребни, размеры которых составляют менее 2 см, с короткими и очень тонкими зубцами, пропилы между ними сделаны аккуратно. Как и тагарские гребни бóльших размеров, они орнаментированы солярными знаками (рис. 5, *4, 5*). В верхнем углу одного из экземпляров просверлено отверстие, позволяющее предположить, что гребешок подвешивался на шнурке. Его местонахождение в районе поясного отдела вместе с зеркалом и бусинами указывает на то, что гребешок могли носить в мешочке, подвешенном к поясу. В литературе отмечалось, что гребни в погребениях каменноложского этапа карасукской культуры были обнаружены в районе груди погребенных женщин и отличались либо уникальным резным орнаментом, либо являлись частью богатого и разнообразного инвентаря [Поляков, 2005, с. 107–108]. Небольшие размеры и тонкие пропилы между зубьями могут свидетельствовать о том, что маленькие гребешки могли служить для ухода не за волосами головы, а за ресницами, что позволяет включить их в косметический набор тагарских женщин. Не исключено, что значение миниатюрных гребней могло выходить за рамки бытовой культуры и совмещать в себе символ женственности и функции оберега, с которым у многих народов связан сказочно-мифологический мотив «магического бегства» [Пропп, 1986, с. 342–343].

В целом же следует отметить, что раскопки небольшой группы памятников на Сагайской поляне позволили пополнить новыми материалами фонд археологических источников тагарской культуры и выполнить работу, необходимую для проведения строительства по объекту «Второй путь на перегоне Чартыковски – Камышта Красноярской железной дороги».

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Герман П.В. Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II. – С. 17–19.

Ковалев А.А., Хаврин С.В. Раскопки кургана раннескифского времени на северной окраине

села Аскиз // Сибирь в древности. Археологические изыскания. – Вып. 24. – 1995. – С. 91–96.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 33–55.

Митько О.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Морозов А.А., Половников И.С., Чертыков В.А., Выборнов А.В. Предварительные результаты раскопок тагарских курганов могильника Казановка-6 в Аскизском районе Республики Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – Т. 26. – С. 888–894.

Поляков А.В. Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2005. – С. 102–111.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. – 348 с.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской культуры. М.: Наука, 1972. 248 с.

References

Chlenova N.L. Khronologiya pamyatnikov karasukskoy kul'tury. Moscow: Nauka, 1972, 248 p. (In Russ.).

German P.V. Lokal'nyye razlichiya i problema genezisa tagarskoy kul'tury. In *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo Arkheologicheskogo S'yezda v Suzdale.* Moscow, 2008, pt. II. P. 17–19. (In Russ.).

Lazaretov I.P., Polyakov A.V. Khronologiya i periodizatsiya kompleksov epokhi pozdney bronzy Yuzhnoy Sibiri. In *Etnokul'turnyye protsessy v Verkhnem Priob'ye i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy.* Barnaul: Concept, 2005. P. 33–55. (In Russ.).

Kovalev A., Khavrin S. Excavation of the barrow of the early scythian period at the northern end of the village of Askiz. In *Siberia in antiquity. Archaeological research.* 1995. Vol. 24. P. 91–96. (In Russ.).

Mitko O.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Y.V., Teterin Y.V., Morozov A.A., Polovnikov I.S. Chertykov V.A., Vybornov A.V. Preliminary Results of Excavations of the Tagar Kurgans at Kazanovka-6 Burial Ground in the Askizsky District of the Republic of Khakassia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2020. Vol. XXVI. P. 888–894. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2020.26.888-894.

Polyakov A.V. Grebni iz kompleksov karasukskoi kul'tury. In *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2005. P. 102–111. (In Russ.).

Propp V.YA. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1986, 348 p. (In Russ.).

Savinov D.G. Pamyatniki tagarskoy kul'tury Mogil'noy stepi (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1986–1989 gg.). St. Petersburg: ElekSis, 2012, 180 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 179 p. (In Russ.).

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356
Зубков В.С. https://orcid.org/0000-0002-7505-6231
Поселянин А.И. https://orcid.org/0000-0001-9746-9291
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Тетерин Ю.В. https://orcid.org/0000-0001-8248-6689
Фролов Я.В. https://orcid.org/0000-0001-7259-2840
Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.1020-1027
УДК 902.2

А.А. Тимощенко[1]✉, О.А. Митько[1, 2], А.А. Морозов[1], В.С. Зубков[3], Я.В. Фролов[4], А.И. Поселянин[3], Ю.В. Тетерин[2], И.С. Половников[1, 2], Р.В. Давыдов[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Хакасский государственный университет
Абакан, Россия
[4]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru

Раскопки тесинских и таштыкских памятников на могильниках Сагайская протока 2, 5 и 8

В 2021 г. Сагайским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проводились раскопки четырех погребально-поминальных комплексов, входящих в зону строительства «Второго пути на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги». На площади кургана № 2 могильника Сагайская протока 2 зафиксировано 11 могил. Их погребальный обряд оказался разнообразным: трупоположения и парциальные захоронения взрослых и детей в каменных ящиках и грунтовых ямах без каменных конструкций. Инвентарь погребений беден – сосуды и два предмета из железа (нож и пряжка). На плитах ящиков обнаружены петроглифические изображения. Среди них выделяется композиция столкновения двух воинов, один из которых стоит на лыжах. На площади «Одиночного кургана Сагайская протока 5» тесинские могилы 1 и 3 были устроены в каменном перекрытии могилы сарагашенского времени. В могиле 1 были похоронены два взрослых человека. Парциальное захоронение (могила 2) выявлено в стороне от них. Исследованные захоронения предварительно датируются в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. Помимо погребений на площади раскопа был расчищен участок культурного слоя, содержащий грубо изготовленные каменные орудия из речной гальки, фрагменты костей животных и керамических сосудов с орнаментом, характерным для таштыкской посуды. На площади курганов № 6 (могильник Сагайская протока 2) и курганов № 1 и № 2 (могильник Сагайская протока 8) было зафиксировано 39 объектов, имевших культовый характер. По конструктивному устройству их можно разделить на несколько групп: грунтовые ямы с костями животных и сосудами, перекрытые каменной кладкой; грунтовые ямы с остатками деревянных столбов; грунтовые ямы, в которых обнаружена только каменная забутовка; вкопанные на ребро или поваленные плиты. Особенности керамического материала позволяют отнести их к таштыкской культуре.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, Сагайская протока, тесинская культура, таштыкская культура, поминальные сооружения, железный нож, сосуды.*

A.A. Timoshchenko[1]✉, O.A. Mitko[1, 2], A.A. Morozov[1], V.S. Zubkov[3], A.I. Poselyanin[3], Ya.V. Frolov[4], Yu.V. Teterin[2], R.V. Davydov[1, 2], I.S. Polovnikov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
[3]Khakass State University
Abakan, Russia
[4]Altai State University
Barnaul, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru; omitis@gf.nsu.ru;

Excavations of the Tesin and Tashtyk Graves at the Sagayskaya Protoka 2, 5 and 8 Burial Yards

In 2021, the Sagai archaeological team of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS excavated four funerary and memorial complexes in the construction zone of the «Second track on the Chartykovsky – Kamyshta stretch of the Krasnoyarsk railway». Mound 2 of the Sagayskaya protoka 2 burial ground contained 11 graves. Traces of diverse funeral rites were noted: intact corpses and partial burials of adults and infants in stone boxes and ground pits without stone structures. The grave inventory is poor - vessels and two iron objects (a knife and a buckle). Petroglyphic images were noted on the slabs of the boxes. Among them, there is a composition of the battle of two warriors, one of whom is on skis. At the site of the "Single kurgan Sagayskaya protoka 5", Tesinsky graves 1 and 3 were made in the stone ceiling of the Saragash grave. In grave 1, two adults were buried. A partial burial (grave 2) was found at some distance. The burials are tentatively dated to the range of the 1st century BC – 1st century AD. In addition to the burials, an excavation trench was established revealing cultural layer containing roughly made stone tools from river pebbles, fragments of animal bones and ceramic vessels with ornaments typical for the Tashtyk pottery. In the areas associated with burial mound 6 (burial site Sagayskaya protoka 2) and burial mounds 1 and No. 2 (burial ground Sagayskaya protoka 8), 39 cult sites were recorded. By their construction, the sites can be classified into several groups: ground pits with animal bones and vessels under the stone work ceiling; ground pits with the remains of wooden posts; ground pits filled with rubble stones; slabs with the edge dug in the ground or tumbled down. The features of the ceramics make it possible to attribute the graves to the Tashtyk culture.

Keywords: *Republic of Khakassia, Askizsky district, Sagayskaya protoka, Tesinsky culture, Tashtyk culture, memorial structures, iron knife, vessels.*

В ходе работ Сагайского отряда ИАЭТ СО РАН по выполнению государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, отводимого под объект «Второй путь на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги», было выявлено четыре погребально-поминальных комплекса гунно-сарматского времени.

Выделение памятников этого культурно-исторического периода связано с изучением двух археологических культур – тагарской и таштыкской. С.П. Теплоухов на основе материалов трех курганов-склепов выделил IV этап курганной (тагарской) культуры [Теплоухов, 1929, с. 49–50]. Позднее С.В. Киселев включил эти курганы и ряд грунтовых могил в III стадию, переходную от тагарской к таштыкской культуре [Киселев, 1949, с. 161–166]. Л.Р. Кызласов уже на гораздо бóльшем количестве материалов обосновал существование тагаро-таштыкского этапа в качестве отдельного периода в истории Минусинской котловины [Кызласов, 1960, с. 24–25, 115]. Однако в науке закрепилась периодизация тагарской культуры, разработанная М.П. Грязновым, заключительным этапом которой является тесинский этап, датируемый II–I вв. до н.э. [Грязнов, 1968, с. 191–194].

В 70-х гг. прошлого века М.Н. Пшеницына, обобщив материалы раскопок Красноярской экспедиции, выделила третий тип погребальных тесинских памятников – впускные грунтовые захоронения в курганах предшествующих эпох [Пшеницына, 1975; 1992, с. 229–230]. Материалы грунтовых могильников были также проанализированы Э.Б. Вадецкой. Она отметила, что эти могилы не имеют с тагарской культурой ничего общего и предложила называть их инокультурными [Вадецкая, 1999, с. 161–162].

Дальнейшая работа по систематизации и изучению всех ранее исследованных и вновь раскопанных тесинских грунтовых могильников проделана Н.Ю. Кузьминым. Он отметил, что преобладающее большинство впускных могил сооружено в каменноложских и подгорновских оградах, в насыпях сарагашенских и раннетесинских курганов, но принципиальной разницы в погребальном обряде и инвентаре этих впускных и других, сооруженных отдельно, могил нет. В составе всех известных грунтовых могильников Н.Ю. Кузьмин выделил группу (тип I) малых могильников, включающую от 1–3 до 4–8 могил, впущенных в насыпи более древних курганов или сооруженных отдельно в примыкающих друг к другу оградах. По его данным, грунтовых могил исследовано более 880 [Кузьмин, 2011, с. 27, 113]. По результатам работ Сагайского отряда в эту группу можно включить курган № 2 на могильнике Сагайская протока 2 и мог. 1–3 на площади одиночного кургана Сагайская протока 5. Отдельно стоит вопрос об объектах, обнаруженных в ходе раскопок кургана № 6 на могильнике Сагайская протока 2, и курганов № 1 и № 2 могильника Сагайская протока 8.

Результаты исследования

Могильник Сагайская протока 2 состоит из 9 отдельных курганов, расположенных по обеим сторонам железной дороги и автотрассы Абакан – Ак-Довуак. Курган № 2 находился в 24 м западнее железнодорожного полотна. Восточную часть

памятника перекрывала высокая растительность, средний ярус которой представлен кустарниками (акация) и яблоневыми деревьями искусственной посадки; западная часть насыпи была подрезана плугом, что привело к изменению ее формы. Западины на поверхности насыпи не прослеживались, в непотревоженном состоянии зафиксировано несколько мелких вертикально вкопанных плит, из которых лишь одна возвышалась над уровнем современной поверхности на высоту 1,15 м.

В ходе снятия задернованного и гумусного слоев на площади раскопа были обнаружены кости животных, фрагменты гладкостенной керамики и небольшая каменная выкладка, под которой отмечена золисто-углистая линза (объект 1). Центральную часть раскопа занимал обширный развал из пристроенных друг к другу погребальных сооружений (размеры 12 × 8 м) (рис. 1). Всего зафиксировано 11 могил. Их устройство оказалось чрезвычайно вариативным, но при этом соответствующим выделенным для данного культурно-хронологического периода типам: каменные оградки, каменные ящики и грунтовые могильные ямы без каменных конструкций [Кузьмин, 2011, с. 144].

Могила 1 представляла собой каменный ящик (размеры 1,8 × 1,35 м) прямоугольной в плане формы из вертикально установленных плит, ориентированный длинной стороной по направлению северо-восток – юго-запад. В заполнении и на дне обнаружены кости животных и фрагмент бедренной кости человека подросткового возраста.

Могила 2 была расположена в центральной части каменной конструкции и представляла собой прямоугольную в плане ограду (размеры 4 × 1,7 м), сооруженную из пяти массивных плит и ориентированную по линии юго-запад – северо-восток. В южной части могилы было открыто впускное захоронение (*мог. 9*). Каменный ящик (размеры 2,1 × 0,7–0,8 м) с основным погребением располагался ниже впускного захоронения, на глубине 0,9 м. Он был сооружен из вертикально установленных каменных плит и ориентирован по лини юго-запад – северо-восток, дно перекрыто двумя горизонтально уложенными плитками. На них был зафиксирован скелет человека в вытянутом положении на спине, ориентированный черепом в юго-западном направлении. В ногах находился неорнаментированный сосуд баночной формы, два черепа животных и зубы коровы (рис. 2). На двух плитах юго-восточной стороны каменного ящика были выбиты изображения.

Могила 3 примыкала к мог. 2 с восточной стороны и представляла собой каменный ящик прямоугольной в плане формы из вертикально установленных плит песчаника (размеры 2,4 × 1,5 м), ориентированный длинной стороной по направлению северо-восток – юго-запад. В процессе расчистки каменного заполнения было зафиксировано впускное погребение (*мог. 10*). Ниже него, на глубине 0,7 м были обнаружены костные останки взрослого человека. Сохранность скелета плохая. Предположительно, умерший был уложен на спи-

Рис. 1. Могильник Сагайская протока 2, курган № 2, каменные конструкции могил (вид сверху).

ну головой на юго-запад. В северо-восточной части могилы находился череп животного и неорнаментированный сосуд баночной формы.

Могила 4 располагалась за восточной стенкой каменного сооружения мог. 3. В заполнении было обнаружено впускное погребение (*мог. 11*). Ниже него еще один каменный ящик (размеры 1,7 × × 1,1 м), ориентированный так же, как и предыдущие погребальные сооружения. На его дне обнаружены парциальные захоронения двух человек, представленные двумя скоплениями костных останков – в центральной части могилы и в 0,45 м к западу. Вместе с ними был помещен неорнаментированный керамический сосуд.

Могила 5 находилась к северу – северо-востоку от основного ряда каменных погребальных сооружений. Грунтовую яму (размеры 0,80 × 0,60 м, глубина 0,55 м) овальной в плане формы перекрывала крупная плита, под которой остатков захоронения не зафиксировано. Предположительно, в могиле мог быть погребен младенец.

Могила 6 представляла собой грунтовую яму (размеры 1,4 × 0,70 м, глубина около 1,15 м), ориентированную по линии северо-запад – юго-восток, с помещенным в нее каменным ящиком подпрямоугольной формы. На дне могилы зафиксированы кости разрозненного скелета взрослого человека, предположительно уложенного на бок в скорченном положении, и плохо сохранившиеся кости скелета ребенка. Рядом с черепом взрослого найдены фрагменты керамического сосуда баночной формы и два корродированных предмета из железа (возможно, нож и фрагмент пряжки).

Могила 7, перекрытая плитами песчаника, примыкала к мог. 1. Грунтовая яма подквадратной формы (размеры 1,0 × 1,0 м, глубина ок. 0,7 м). На дне обнаружен скелет ребенка в скорченном положении, ориентированный черепом на юг, и развал сосуда баночной формы.

Могила 8 (размеры 1,5 × 1,0 м) выявлена рядом с мог. 4 и частично перекрывала ее. В заполнении обнаружены зубы и фрагменты черепа животного. На дне находились останки трех человек. Кости двух скелетов представляли собой скопления (парциальные захоронения). Один скелет не потревожен. Первоначально погребенный был расположен в скорченном положении на боку, головой на юг. Под черепом и под тазовыми костями скелета зафиксированы два неорнаментированных керамических сосуда и кости животного (коровы).

Могила 9 была устроена в могильной яме мог. 2, куда был впущен каменный ящик (размеры 1,2 × 0,8 м). В заполнении ящика найдено два детских зуба, небольшой фрагмент кости животного и небольшой керамический сосуд баночной формы.

Рис. 2. Могильник Сагайская протока 2, курган № 2, могила 2, погребение (вид сверху).

Могила 10 была сооружена в мог. 3. В заполнении каменного ящика (размеры 0,9 × 0,75 м) отмечены разрозненные кости скелета взрослого человека, на дне – плоскодонный сосуд. Небольшие размеры могильного сооружения позволяют предположить, что в нем был похоронен ребенок, скелет которого не сохранился.

Могила 11 также представляла собой впускное захоронение в каменном ящике (размеры 0,85 × × 0,55 м), помещенном в мог. 4. За его южной стенкой были найдены фрагменты ребер человека, за северной стенкой – фрагменты нижней челюсти.

При весьма скудном наборе погребального инвентаря выделяется серия из девяти (антропоморфных, зооморфных, геометрических) изображений, выполненных в различной технике на плитах каменных ящиков. Среди них интерес вызывают спиралевидные фигуры и рисунки, напоминающие «тесинские лабиринты» [Савинов, 2006]. Особо стоит отметить композицию столкновения двух «разновеликих» воинов, один из которых стоит на коротких лыжах (рис. 3). По мнению Д.Г. Савинова, подобные изображения интерпретируются как мифологизированное отображение реальных событий, связанных с борьбой карасукского и при-

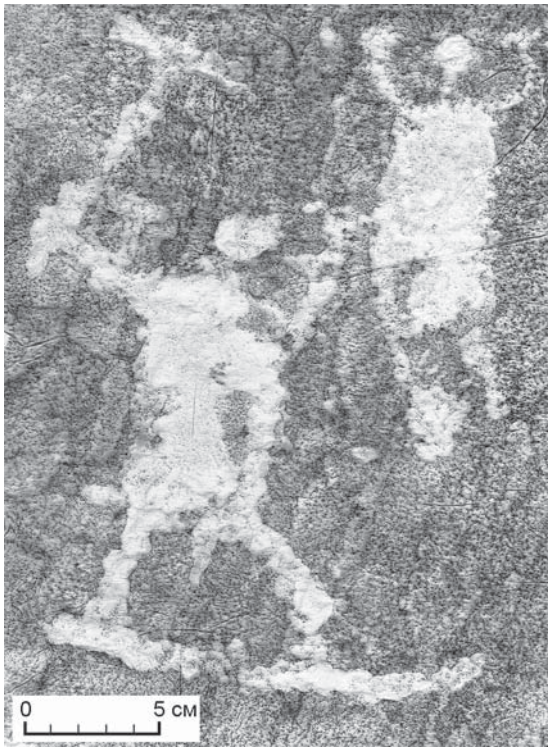

Рис. 3. Могильник Сагайская протока 2, курган № 2, могила 2, плита из стенки каменного ящика с петроглифическим изображением.

шлого тагарского населения [Савинов, 1996]. Образ «лыжника» широко представлен в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии, и обнаруженный в могиле 2 петроглиф дополняет серию известных изображений [Дэвлет, Чжан Со Хо, 2003].

На «Одиночном кургане Сагайская протока 5» были исследованы погребения, впущенные в перекрытие могилы сарагашенского времени (мог. 4).

Могила 1 обнаружена в центральной части каменной кладки, из крупных плит которой был сооружена конструкция подпрямоугольной в плане формы (размеры 1,7 × 1,1 м). Ящик был заложен плитняком, среди которого встречались разрозненные костные останки скелета человека и животных. На глубине 0,6 м были обнаружены захоронения двух взрослых людей (рис. 4). Погребенный в могиле 1 был ориентирован головой на юго-запад. Дно могилы было не выровнено и, судя по положению скелета, можно считать, что человека поместили в могилу в полусидячем положении с подогнутыми ногами. Погребение 2 располагалось у основания каменной плиты, разделявшей мог. 1 и 3. Скелет находился в вытянутом положении на спине, черепом на запад. У левой берцовой кости зафиксирован сосуд баночной формы, под костями скелета – кости животных.

Рис. 4. Одиночный курган Сагайская протока 5, впускные погребения 1–3 (вид сверху, с северо-востока).

Могила 2 зафиксирована за пределами каменной конструкции. Погребение располагалось на уровне древней дневной поверхности и занимало площадь размером 0,55 × 0,5 м. Мелкие кости посткраниального скелета отсутствовали, крупные кости и череп лежали компактно, что позволяет отнести его к парциальным захоронениям. В контрольной бровке также была обнаружена каменная кладка, сооруженная из небольших плит (размеры 0,8 × 0,9 м). Под ней были найдены кости человека (позвонок и фаланга пальца руки).

Могила 3 была отделена от мог. 1 массивной каменной плитой. Каменный ящик (размеры 2,2 × × 1,1 м) ориентирован по направлению восток – запад и заложен крупными плитами. На глубине 0,75 м выявлен скелет плохой сохранности. Судя по положению костяка, умерший был помещен в могилу, дно которой не выровняли, в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на юго-запад. Выше черепа стоял сосуд баночной формы.

Помимо погребений на площади раскопа был расчищен участок культурного слоя общей площадью 16–18 м^2 и мощностью 0,1–0,15 м. Находки составляют фрагменты костей животных, керамических сосудов и каменные артефакты. Судя по форме венчиков и орнаментации, керамический комплекс состоял из пяти сосудов. Орнамент (незаполненные декором треугольники, насечки, подковообразные фигуры, выполненные зубчатым штампом) находит аналогии в орнаментации таштыкских сосудов [Вадецкая, 1999, табл. 23]. Грубо изготовленные каменные орудия из речной гальки (пест, скребло, крупный скол с режущим краем, камень кубовидной формы со следами обивки) использовались в хозяйственно-бытовой деятельности. Несмотря на свою архаичность, каменный инвентарь использовался в быту тесинских и таштыкских племен [Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020].

На площади курганов № 6 (могильник Сагайская протока 2) и курганов № 1 и № 2 (могильник Сагайская протока 8) были зафиксированы объекты, которые можно отнести к культовым. До начала земляных работ курган № 6 представлял собой оплывшую земляную насыпь овальной в плане формы с несколькими горизонтально расположенными на ее поверхности плитами. Он вплотную примыкал к насыпи тагарского кургана № 7 и по результатам разведочных работ был отнесен к памятникам раннего железного века. Однако древней каменной конструкции на месте кургана 6 не зафиксировано. После снятия задернованного и гумусного слоя было выявлено 8 отдельных камней и плит,

Рис. 5. Могильник Сагайская протока 8, курган № 1, объект 16 (вид с северо-востока).

размеры самой крупной из которых составляли 1,2 × 1,3 м. Все они оказались смещенными со своих первоначальных мест, однако взаимное расположение свидетельствует, что плиты составляли протянувшуюся с северо-востока на юго-запад цепочку. Лишь в одном случае рядом с лежащей в горизонтальном положении плитой (объект 2) на дне неглубокой ямки обнаружена расслоившаяся кость животного. Подобные объекты были обнаружена и на могильнике Сагайская протока 8, площадь которого составляла 1 459 м^2. На современной поверхности какие-либо законченные конструкции не просматривались. Выделялись лишь несколько задернованных камней и две крупные плиты.

Раскопки показали, что в южной части раскопа находилось 19 отдельных объектов, еще 6 в северной части и столько же было открыто на приrезке к северу от общего раскопа. По конструктивному устройству все объекты можно разделить на несколько групп:

– грунтовые ямы подпрямоугольной в плане формы, перекрытые каменной кладкой (6 объектов); дне этих ям помещалась мясная пища и 1–2 керамических сосуда (рис. 5);

– грунтовые ямы с остатками деревянных столбов (5 объектов);

– грунтовые ямы, в которых обнаружена только каменная забутовка (6 объектов);

– вкопанные на ребро и поваленные плиты (14 объектов).

По особенностям керамического материала (форме и орнаментации сосудов), объекты на площади памятника Сагайская протока 2 и 8 могут быть отнесены к таштыкской археологической культуре. В научной литературе подобные памятники принято наименовать обобщающим термином помины («ямы с приношениями») [Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 11].

Заключение

Особенности погребального обряда и сопроводительный инвентарь позволяют отнести могилы на памятниках Сагайская протока 2, 5 к тесинскому периоду тагарской археологической культуры (по М.П. Грязнову) или к тесинской культуре (по Н.Ю. Кузьмину). Они полностью соответствуют выделенным Н.Ю. Кузьминым критериям. В исследованных курганах под сравнительно небольшими по размерам выкладками из плитняка выявлены каменные ящики, внутри и рядом с которыми находились захоронения взрослых и детей. Способы погребений разнообразны. В кургане 5 фиксируются подзахоронения, в одном случае умерший был помещен в наклонном положении у стенки могильной ямы, встречаются также первоначально нарушенные и частичные (парциальные) захоронения. Погребальный инвентарь беден и представлен в основном глиняными сосудами баночной формы, в то же время показательным культурно-хронологическим маркером являются изделия из железа. В свете современных представлений о хронологии тесинских памятников, исследованные захоронения в каменных ящиках можно датировать в пределах I в. до н.э. – I в. н.э.

Следует отметить, что до начала работ экспедиции ИАЭТ большинство грунтовых тесинских могильников было раскопано в центральных и южных районах Минусинской котловины, примыкающих к долине Енисея. В Аскизском р-не раскопки тесинских памятников проводились в 80-х гг. прошлого века на территории Комсомольско-Есинской оросительной системы, где в пунктах Есино I–IV, XIV, XVIII, Арбан IV, Хара-Хая исследовано более 20 подобных погребений [Савинов, 2009, с. 38-39]. В долине реки Аскиз тесинские памятники были практически неизвестны. Исследованная группа тесинских захоронений на Сагайской поляне расширяет выделенный Н.Ю. Кузьминым район их концентрации между реками Таштып – Тея – Аскиз [Кузьмин, 2011, с. 26].

Что касается поминально-ритуальных объектов на площади памятников Сагайская протока 2 (курган 6) и 8, то полученные материалы не столько решают, сколько еще более усложняют проблему хронологического и культурного соотношения тесинских и таштыкских памятников. Однако это является дополнительным аргументом для их дальнейшего изучения.

Благодарности

Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. − СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. − 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. − Абакан: Хакасское книж. изд-во, 2015. − 210 с.

Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. − Древняя Сибирь: в 5 т. − Л.: Наука, 1968. − Т. I. − С. 187–196.

Дэвлет М.А., Чжан Со Хо. Изображения лыжников в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии //

Археология Южной Сибири. − Вып. 22. − Кемерово, 2003. − С. 59–63.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. − М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. − 364 с.

Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рощинское-2 // Теория и практика археологических исследований. − 2020. − № 1 (29). − С. 50–70.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. − СПб.: Айсинг, 2011. − 456 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. (I в. до н.э. − V в. н.э.). − М.: Москов. гос. ун-т, 1960. − 198 с.

Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в гунно-сарматское время. Серия: археология СССР. − М.: Наука, 1992. − С. 224–235.

Пшеницына М.Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. − С. 150–162.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. − СПб.: ЭлекСис, 2009. − 226 с.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. − СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. − 112. с.

Савинов Д.Г. К истории открытия и изучения тесинских «лабиринтов» // Теория и практика археологических исследований. − Вып. 2. − 2006. − С. 254–260.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур. Минусинского края. − МЭ. − Т. IV, вып. 2. – Л., 1929. − С. 41–62.

References

Devlet E.A., Chzhan So Kho. Izobrazheniya lyzhnikov v naskal'nom iskusstve Sibiri i Tsentral'noy Azii. In *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. Kemerovo, 2003. Vol. 22. P. 59–63. (In Russ.).

Gryaznov M.P. Tagarskaya kul'tura. In *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Drevnyaya Sibir'*. Leningrad: Nauka, 1968. Vol. I, chap. 2. P. 187–196. (In Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 1949, 364 p.

Kovaleva O.V., Polyakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian settlement Roshchinskoe-2. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2020, no. 1 (29). P. 50–70. (In Russ.). doi10.14258/tpai(2020)1(29).-03.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-sarmatskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya. Tesinskaya kul'tura. St.-Petersburg: St.-Petersburg State Univ., Aising Publ., 2011, 456 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoy kotloviny. (I v. do n.e. − V v. n.e.). Moscow: Moscow State Univ. Press., 1960, 198 p. (In Russ.).

Pshenitsyna M.N. Tretii tip pamyatnikov tesinskogo etapa. In *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri*. Leningrad: Nauka, 1975. P. 150–162. (In Russ.).

Pshenitsyna M.N. Tesinskii etap (Tesinsky stage). In *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v Skifo-Sarmatskoe vremya* (*Asian steppe zone of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: Nauka, 1992. P. 224–235. (In Russ.).

Savinov D.G. Ancient settlements of Chakasia: Torgajak. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1996, 112. p. (In Russ.).

Savinov D.G. K istorii otkrytiya i izucheniya tesinskikh «labirintov». In *Theory and Practice of Archaeological Research,* 2006. Vol. 2. P. 254–260. (In Russ.).

Savinov D.G. Minusinskaya provintsiya khunnu. St.-Petersburg: Elexis Publ., 2009, 226 p. (In Russ.).

Teploukhov S.A. Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskikh kul'tur Minusinskogo kraya (V kratkom izlozhenii). In *Materialy po etnografii*, 1929. Vol. IV, iss. 2. P. 44–45. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 1999, 440 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. Tashtykskiy pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Belyy Yar 3. Abakan: Khakasskoye knizhnoye Publ, 2015, 210 p. (In Russ.).

Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356
Зубков В.С. https://orcid.org/0000-0002-7505-6231
Поселянин А.И. https://orcid.org/0000-0001-9746-9291
Давыдов Р.В. https://orcid.org/0000-0001-6580-2811
Тетерин Ю.В. https://orcid.org/0000-0001-8248-6689
Фролов Я.В. https://orcid.org/0000-0001-7259-2840
Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283

doi: 10.17746/2658-6193.2021.27.1028-1034
УДК 902/904; 902.3

В.А. Чертыков✉, А.А. Тимощенко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: sala_hazah@mail.ru

Исследования курганного могильника Станция Камышта-1 в 2021 году

В статье публикуются предварительные сведения об изученном в ходе спасательных археологических работ курганном могильнике Станция Камышта-1 на юго-западе Хакасско-Минусинского края. Памятник расположен в Аскизском р-не Республики Хакасия на второй надпойменной террасе древнего участка долины р. Абакан. В ходе работ установлено, что курган 2 является «выносной» стелой кургана 1 и находится в 15 м к юго-западу от него. Под земляной насыпью кургана 1 зачищена ограда прямоугольной формы, изготовленная из массивных плит красноцветного девонского песчаника, с наружной стороны ограды плиты опирались на контрфорсы. В центре каждой из сторон (кроме северо-восточной) и по углам ограды вкопаны вертикальные стелы. Все стелы узкими краями ориентированы на восход солнца. С северо-восточной стороны ограды пристроен «вход». Внутри ограды располагалось 6 могил. Мог. 1, 2 и 3 основные, мог. 4 дополнительная, мог. 5 и 6 впускные. Все захоронения совершены под каменными перекрытиями из галечника средней окатанности в грунтовых могилах либо в каменных ящиках. Часть захоронений сохранилось in situ. Мог. 1–5 характерны для подгорновского этапа тагарской культуры, мог. 6 – для тесинского. Артефакты в могилах также типичны – это плоскодонные сосуды баночной формы, бронзовые кинжал, чеканы, ножи, шилья, круглые зеркала с петлей на обороте, полусферические бляшки, цилиндрические пронизки, конические бусины, костяной гребень с циркульным орнаментом.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Аскизский р-н, курганный могильник Станция Камышта-1, эпоха раннего железного века, тагарская культура, подгорновский этап, тесинский этап.*

V.A. Chertykov✉, A.A. Timoshchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: sala_hazah@mail.ru

Studies of Mound Kamyshta Station-1 in 2021

The article presents preliminary data of the rescue archaeological works at Mound Kamyshta Station-1 located in the southwestern part of Khakassia-Minusinsk region. The site is situated in the Askyz District of the Republic of Khakassia on the second floodplain terrace of the ancient sector of the Abakan River valley. The excavations have shown that mound 2 is a distant stele of Mound 1 and is located 15 meters southwest of it. A rectangular kerb made of massive red Devonian grit slabs based upon piers on the outside was uncovered. Upright steles were erected in the middle of each kerb walls except the northeast one and at the corners; the steles are oriented toward sunrise with their narrow edges. The gate is attached to the northeastern side of the kerb. The kerb enclosed six tombs. Tombs 1, 2, and 3 are considered the main ones, the tomb 4 is subsidiary, tombs 5 and 6 were dug in from the overlying layer (inlets). All the burials were made either in earthen graves or in stone boxes covered with the ceilings of medium- rounded pebblestone. Some of the tombs remained intact (in situ). Tombs 1, 2, 3, 4, and 5 are typical for the Podgorny stage of the Tagarsky culture, whereas tomb 6 refers to the Tes (Tesinsky) stage. The grave good sets are culturally typical including flat-bottomed jar-shaped vessels, bronze daggers, chekan battle axes, knives, awls, circular mirrors with a loop on the backside, half-spherical discs, cylindrical beads, conic beads, and a bone comb with a circular ornamentation.

Keywords: *Khakassia Republic, Askyz District, Mound Kamyshta Station-1, Early Iron Age, Tagarsky culture, Podgorny stage, Tesinsky stage.*

В полевом сезоне 2021 г. Камыштинским отрядом ИАЭТ СО РАН проведены спасательные полевые работы (раскопки) курганного могильника Станция Камышта-1 в зоне планируемого строительства объекта «Второй путь на перегоне Чартыковский – Камышта Красноярской железной дороги» в Аскизском р-не Республики Хакасия.

Курганный могильник Станция Камышта-1 состоит из двух курганов, открыт разведочным отрядом ИАЭТ СО РАН в 2019 г. Памятник описан, сфотографирован, установлены его границы, снят топографический план [Басова и др., 2019]. Могильник находится в Аскизском р-не Республики Хакасия. Расположен в 2,5 км к юго-западу от железнодорожной станции Камышта, в 1,09 км к северо-востоку от железнодорожного моста через Сагайский магистральный канал (на 310 км). Памятник приурочен ко второй надпойменной террасе древнего участка левобережья долины р. Абакан, входящего в ассоциацию южных сухих степей. Спасательные археологические полевые работы в виде раскопок проводились на участке раскопа общей площадью 1 486,19 м^2. Целью данной статьи является предварительная публикация материалов полевых работ. Площадь, на которой расположен могильник, повреждена интенсивной распашкой, грунтовой дорогой, ветрозащитной лесополосой, а также противопожарной опашкой.

Курган 1 до раскопок представлял собой небольшое всхолмление, вытянутое по линии СВ – ЮЗ, высотой до 0,6 м от современной поверхности. С западной стороны пролегала проселочная дорога, частично разрушившая полу кургана, с восточной стороны насыпь кургана повреждена противопожарной опашкой ветрозащитной лесополосы. Впадины на поверхности насыпи отсутствовали. В теле кургана едва выступали плиты нескольких стел и ограды кургана. В восточной части насыпи выделялась вертикальная угловая стела размерами 1,5 × 0,5 × 0,3 м.

При визуальном осмотре *кургана 2* установлено, что предполагаемый курган является «выносной» стелой кургана 1. Стела расположена в 15 м к юго-западу от кургана, узкими гранями ориентирована по линии СВ – ЮЗ, размеры стелы 0,5 × 1 × × 0,3 м. Насыпь кургана представляла собой бурую супесь, лежащую на свето-серой гумусированной супеси – погребенной почве. По границам этих двух слоев незначительно прослеживались следы выкидов из могильных ям (темно-бурая супесь). Заполнение могильных ям – мешанная серо-бурая супесь. В центральной части насыпи кургана и на разных глубинах находились: древесные угольки, антропологический и палеонтологический материал, фрагменты керамики тагарского облика и бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы, вероятно происходящие из нарушенных грабителями могил.

После снятия насыпи полностью выявились каменные конструкции кургана (рис. 1). Ограда имела прямоугольную форму (15 × 12 м), длинными сторонами ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Сложена ограда из вертикально врытых плит (красный девонский песчаник) «чешуйчатообразно», с наружной стороны ограды плиты опирались на контрфорсы. Плиты ограды установлены таким образом, чтобы они выступали на высоту до 0,60 м от уровня погребенной почвы. В центре каждой из сторон (кроме северо-восточной) и по углам ограды вкопаны массивные плиты (стелы). Все стелы узкими краями ориентированы на восход солнца. Северная, западная и южная угловые стелы обломаны в древности. С северо-восточной стороны в ограде находилась каменная пристройка трапециевидной формы, т.н. «вход», углы которого также маркировали стелы. В центре ограды по линии СЗ – ЮВ были расположены три могилы: мог. 1 (центральная), мог. 2 (юго-восточная), мог. 3 (северо-западная). В юго-восточном углу ограды находилась мог. 4 (детская), впускная мог. 5 (также детская) и впускная двухъярусная мог. 6 (рис. 2).

Мог. 1 центральная. Могильная яма прямоугольной формы со слегка скругленными углами, относительно вертикальными стенками и ровным дном. Длинной осью ориентирована по оси СВ – ЮЗ. Размеры 3,5 × 2,8 м. Глубина от уровня погребенной почвы – 1,3 м. Выкид (мощностью до 0,20 м) уложен с северо-восточной стороны. Могила сильно потревожена грабителями и сожжена. В центре каменного перекрытия фиксировался грабительский прокоп, от деревянного перекрытия частично зафиксирован пепельный след, вследствие этого точное количество бревен определить затруднительно. Каменное покрытие могилы двухуровневое. Верхнее – из галечника средней окатанности, нижнее – из плит девонского песчаника. Размеры каменного перекрытия 8,05 × 4,4 м, мощность до 0,85 м. В юго-западной части надмогильного сооружения устроен вход в могилу (ширина 1,25 м, длина 2,5 м). Вход оформлен на древней поверхности в виде уложенных горизонтально плит песчаника, утопленных в грунт. В заполнении могильной ямы обнаружены фрагменты каменного и деревянного перекрытий, человеческие кости (от одного индивидуума) и кости животных, фрагменты керамики и бронзовая цилиндрическая пронизка. В западном углу могилы сохранились элементы каменного ящика из вкопанных вертикально плит красного девонского песчаника. Под стенкой ящика зачищена лопатка коровы. На дне могилы в положении близком к первоначальному зафиксировано два

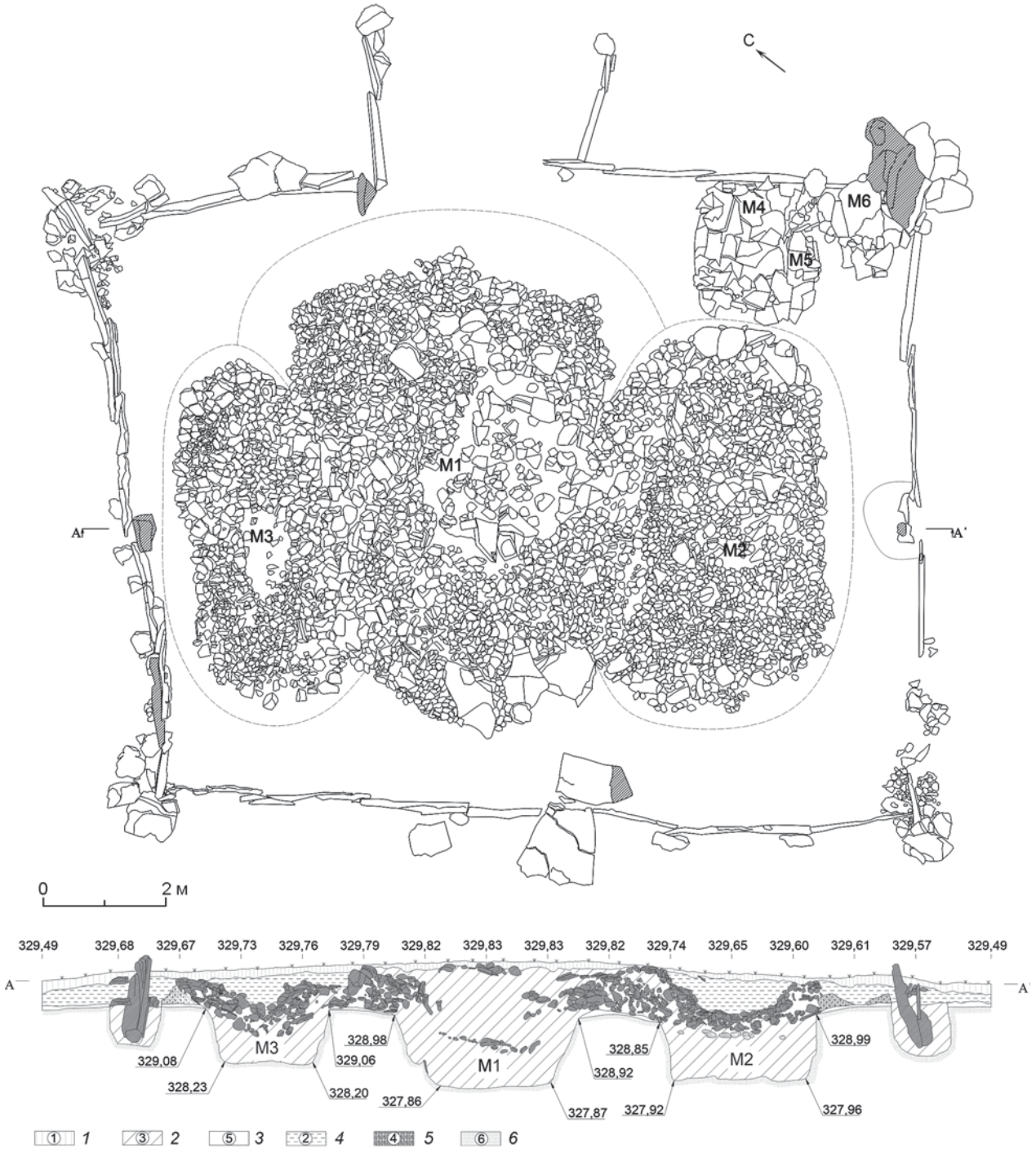

Рис. 1. План каменных конструкций и разрез А – А′.

1 – темно-серая гумусированная супесь (дерн); *2* – бурая супесь (насыпь кургана); *3* – серо-бурая мешаная супесь (заполнение ям); *4* – темно-бурая супесь (выкид); *5* – светло-серая гумусированная супесь (погребенная почва); *6* – светло-бурая супесь (материк).

развала сосудов А и Б. Развал сосуда А (рис. 3, *11*) обнаружен в восточном углу могильной ямы. Сосуд плоскодонный, баночной формы, венчик округлый, слегка отогнут наружу. Орнамент под венчиком в виде семи рядов желобков. Цвет и излом серо-черные. У сосуда располагалась бронзовая полусферическая бляшка с отверстием по центру, покрытая металлом желтого цвета (рис. 4, *1*). Развал сосуда Б (см. рис. 3, *12*) находился в западном углу могильной ямы. Сосуд также плоскодонный, баночной формы, венчик округлый, слегка отогнут наружу. Орнамент под венчиком в виде широкого желобка. Цвет черный. Излом серо-черный.

Мог. 2 примыкала к могиле 1 с юго-востока вплотную. Могильная яма прямоугольной формы со слегка скругленными углами, относительно

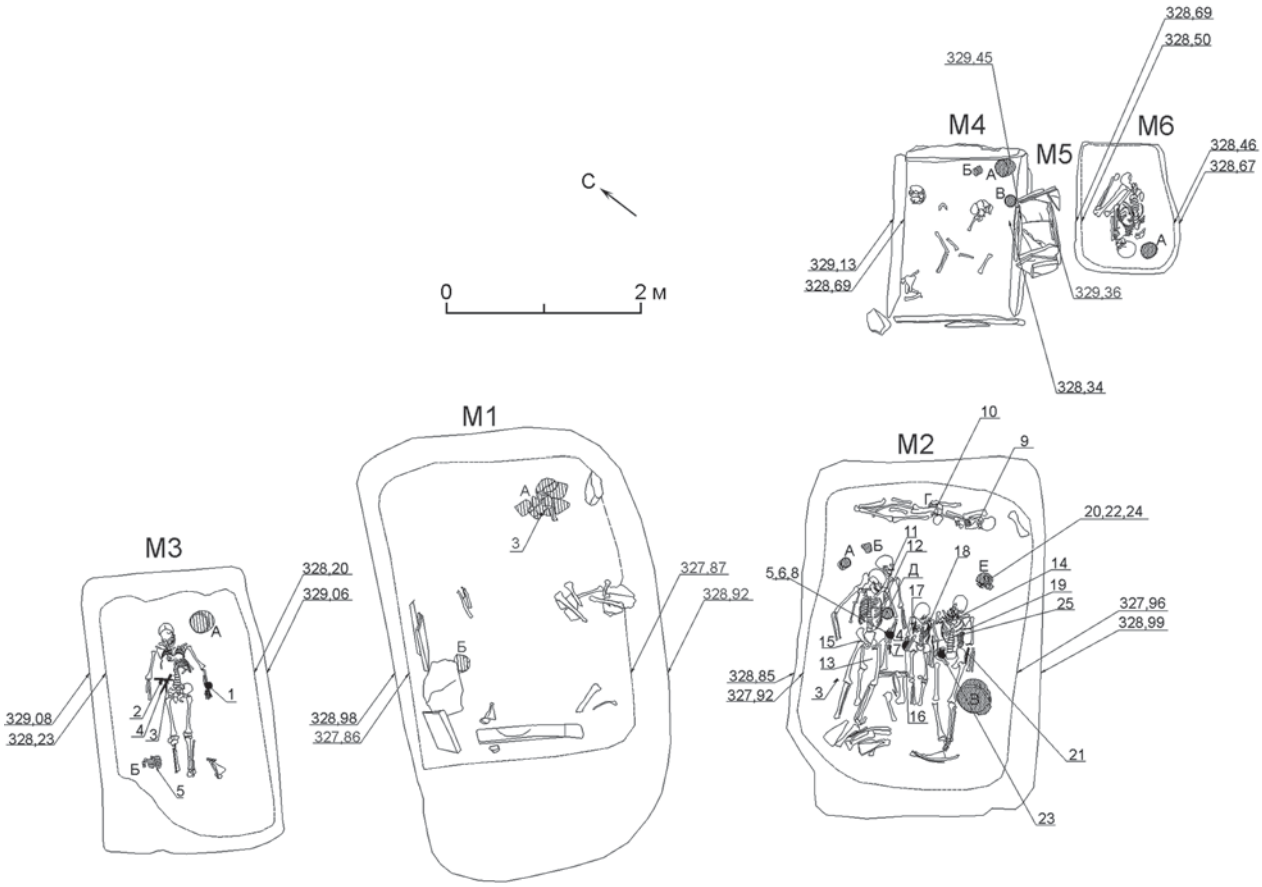

Рис. 2. План могил.

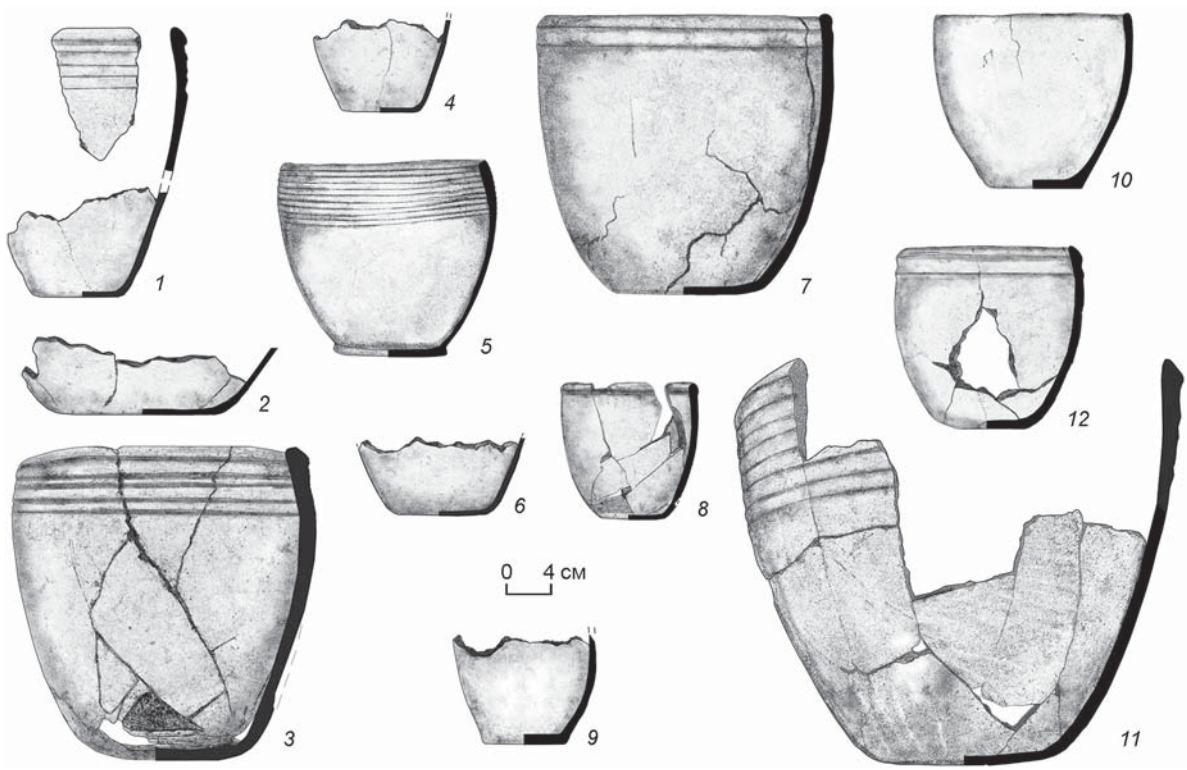

Рис. 3. Керамическая посуда из погребений.

1–4 – мог. 2; *5, 6* – мог. 4; *7, 8* – мог. 3; *9*, *10* – мог. 6; *11, 12* – мог. 1.

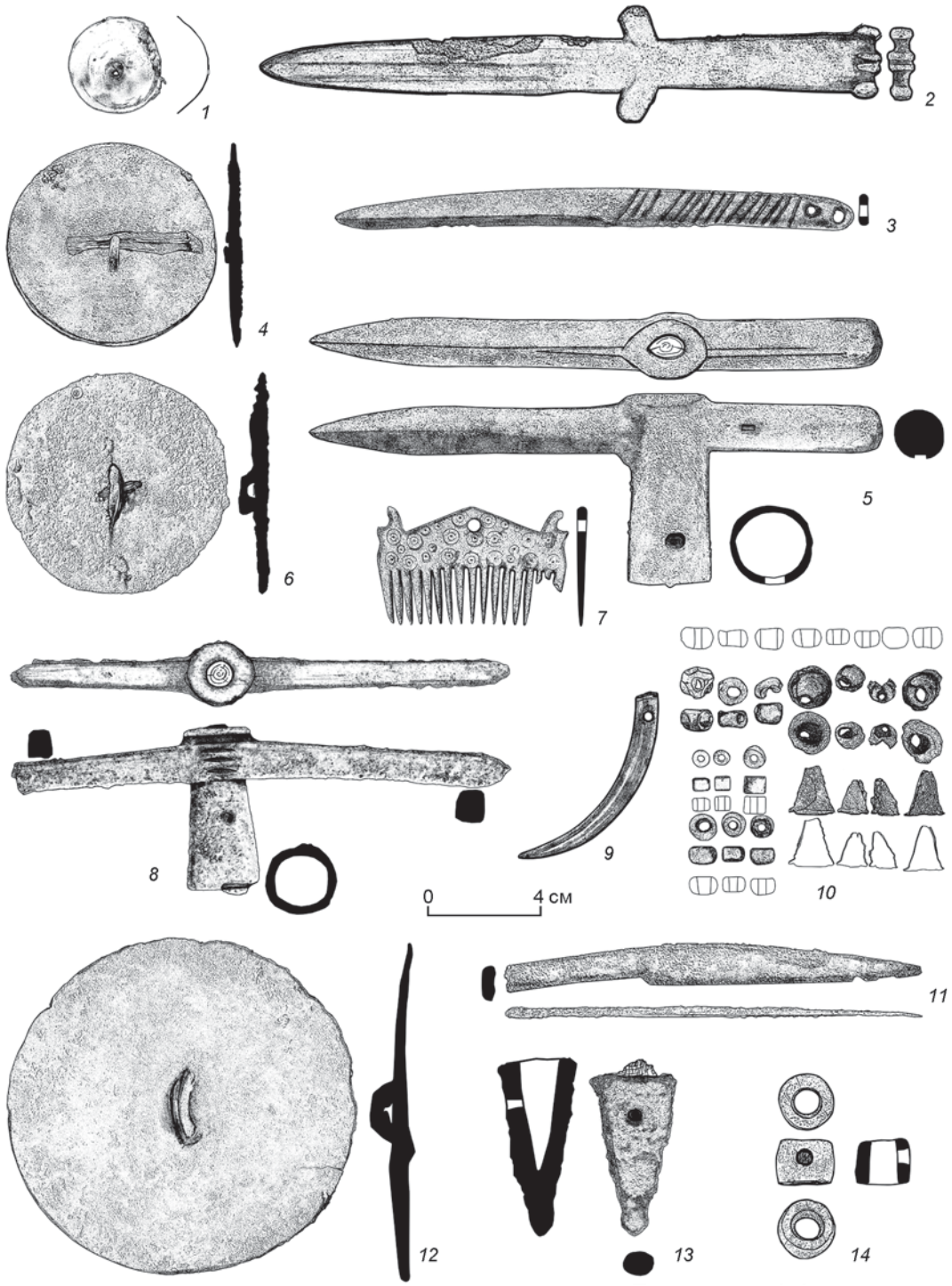

Рис. 4. Погребальный инвентарь из захоронений.

1 – мог. 1; *2–5* – мог. 3; *6–13* – мог. 2; *14* – мог. 6. *(1* – бронза и металл желтого цвета, *7, 9, 14* – кость, остальное – бронза).

вертикальными стенками и ровным дном. Длинной осью ориентирована по оси СВ – ЮЗ. Размеры 3,7 × 2,5 м. Глубина от уровня погребенной почвы – 1,05 м. Выкид (мощностью до 0,20 м) уложен с трех сторон, кроме северо-западной. Сверху могильная яма была вдоль перекрыта деревянным настилом из семи бревен или плах диаметром до 0,12 м. Каменное покрытие могилы состояло из галечника средней окатанности. Размеры каменного перекрытия 6,15 × 2,95 м, мощность до 0,8 м. Северо-западная его часть уложена на каменное перекрытие мог. 1, остальная на выкид. В заполнении обнаружены фрагменты каменного и деревянного перекрытий, мелкие человеческие кости и кости животных, фрагменты керамики, бронзовый чекан (см. рис. 4, *8*), костяной черешковый наконечник стрелы (ви-

димо, вынесен на поверхность грызунами). Могила не разграблена. На дне могилы *in situ* сохранились останки шести человек. Три индивидуума располагались в центре могильной ямы по линии СЗ – ЮВ. Погребенные уложены на спине вдоль длинной оси могильной ямы головой на северо-восток. Руки вытянуты вдоль тела, ноги выпрямлены. Четвертый погребенный уложен аналогично поверх северно-западного костяка. Пятый индивид расположен в северо-восточной части могильной ямы, под восточной стенкой, на левом боку, вытянуто, вдоль короткой оси могильной ямы головой на юг. Шестой – поверх пятого, на правом боку вытянуто, головой на север. На дне у юго-западной стенки находилось скопление костей коровы – заупокойная пища (лопатки, кости конечностей, ребра).

Глиняные сосуды, обнаруженные на дне могильной ямы, следующие.

Сосуд А – нижняя часть горшка на поддоне, верхняя часть обломана в древности, цвет черный, в т.ч. на изломе.

Сосуд Б (см. рис. 3, *1*) плоскодонный, баночной формы. Венчик округлый, слегка отогнут наружу. Орнамент под венчиком в виде трех рядов желобков. Цвет и излом серо-коричневый.

Сосуд В (рис. 3, *3*) плоскодонный, баночной формы. Венчик округлый, слегка отогнут наружу. Орнамент под венчиком в виде четырех рядов желобков. Цвет и излом серо-коричневый.

Сосуды Г, Д (рис. 3, *4*) и Е (рис. 3, *2*) плоскодонные, обломаны в древности. Цвет и излом сосуда Д и Е черные, у сосуда Г серо-коричневый.

На дне могильной ямы обнаружены следующие предметы: бронзовый вток с остатками деревянной рукояти (рис. 4, *13*), бронзовые зеркала (рис. 4, *6, 12*) с петлей на обороте (3 шт.), обломок бронзового ножа, бронзовые полусферические бляшки с отверстием по центру (3 шт.), костяные черешковые наконечники стрел (2 шт.), шейное украшение (бронзовые конические бусины, бронзовые цилиндрические пронизки, цилиндрические аргиллитовые бусины, сердоликовые бусины (рис. 4, *10*)), бронзовые ножи (рис. 4, *11*) (3 шт.), бронзовое шило (2 шт.), костяной гребень с циркульным орнаментом (рис. 4, *7*), просверленный клык кабарги (рис. 4, *9*) и пр.

Мог. 3 примыкала к могиле 1 с северо-запада вплотную. Могильная яма прямоугольной формы со слегка скругленными углами, относительно вертикальными стенками и ровным дном. Длинной осью ориентирована по оси СВ – ЮЗ. Размеры 2,5 × 1,5 м. Глубина от уровня погребенной почвы – 0,9 м. Выкид (мощностью до 0,30 м) уложен с трех сторон, кроме юго-восточной. Сверху могильная яма была вдоль перекрыта деревянным настилом из жердей диаметром до 0,07 м очень плохой сохранности (уцелели лишь торцы четырех жердей). Каменное покрытие могилы состояло из галечника средней окатанности. Размеры каменного перекрытия 5,7 × × 2,3 м, мощность до 0,45 м. Юго-восточная его часть уложена на каменное перекрытие мог. 1, остальная на выкид. В заполнении обнаружены фрагменты каменного и деревянного перекрытий, мелкие человеческие кости и кости животных (видимо, перенесенные грызунами). Погребение одиночное, не потревожено грабителями. Погребенный мужчина располагался в центре могильной ямы, уложен на спине вдоль длинной оси могилы, головой на северо-восток. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, слегка согнуты в суставах и немного разведены в стороны, ноги были вытянуты. У левой ноги покойного находилось скопление костей барана (лопатка, кости передних конечностей и пара ребер). Справа от головы погребенного (в 0,20 м) помещен сосуд А (см. рис. 3, *7*). Сосуд плоскодонный, баночной формы с округлым венчиком, слегка отогнутым наружу. Орнамент на венчике в виде широкого желобка. Цвет серо-коричневый, излом черный. Стенки покрыты сажей. Развал сосуда Б (рис. 3, *8*) находился в северо-западном углу могилы у левой ноги покойного. Сосуд плоскодонный, баночной формы, венчик округлый, слегка отогнут наружу. Цвет серо-коричневый, излом серо-черный. Стенки покрыты сажей. Справа на поясе погребенного компактно уложены бронзовый чекан (рис. 3, *5*) с круглым обухом, четырехгранным острием с остатками деревянной рукояти во втулке, бронзовый нож (рис. 3, *3*) и бронзовый кинжал (рис. 3, *2*). На запястье левой руки лежало круглое бронзовое зеркало (рис. 3, *4*) с петлей на обороте и с остатками кожаного ремешка. Бронзовая полусферическая бляшка с отверстием в центре обнаружена у сосуда Б.

Мог. 4 (детская) находилась в восточной части ограды к северо-востоку от мог. 2. Каменное покрытие могилы состояло из песчаниковых плит, уложенных в два ряда, лежавших под некоторым уклоном с СВ – ЮЗ. Северо-восточная часть плиты перекрытия опиралась на северо-восточную стену ограды. Размеры каменного перекрытия 2,3 × 1,85 м. Под плитами находилась могильная яма прямоугольной формы, вытянутая по линии СВ – ЮЗ. Стены могильной ямы оформлены из вкопанных вертикально плит красного девонского песчаника. Размеры каменного ящика 1,8 × 1,4 × 0,7 м. Погребение парное, практически полностью разрушено грабителями. На дне могильной ямы сохранились два детских черепа и несколько длинных костей. Черепа находились по центру ямы, ближе к северо-восточной стенке, кости конечностей ориентированы вдоль длинной оси могилы – это указывает на то, что погребенные первоначально рас-

полагались в вытянутом положении, головой на северо-восток. В западном углу каменного ящика находилось скопление костей барана (две лопатки и кости передних конечностей).

Сосуд А (рис. 3, *5*) располагался в восточном углу могилы. Сосуд плоскодонный (дно выделено), баночной формы, венчик округлый, слегка отогнут наружу. Орнамент под венчиком в виде девяти рядов желобков. Цвет серо-коричневый, излом серо-черный. В 0,10 м к востоку от сосуда А находился сосуд Б (рис. 3, *6*). Сосуд плоскодонный, обломан в древности. Цвет и излом сосуда коричневые. Сосуд В зачищен у юго-восточной стенки могилы. Цвет и излом сосуда черные.

Мог. 5 (детская) впускная. Могила представляла собой небольшой каменный ящичек четырехугольной формы, составленный из песчаниковых плит (размер 1,05 × 0,50 × 0,40 м), с небольшим наклоном внутрь. Сверху каменный ящик был перекрыт горизонтально положенной плитой также из песчаника. Могила впущена в юго-восточную часть каменного перекрытия мог. 4. Могила ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. В заполнении каменного ящика сохранилось несколько перемещенных грызунами костей младенца.

Мог. 6. Впускная, двухъярусная. Могила находилась к юго-востоку от мог. 4. Каменное покрытие могилы состояло из массивной плиты красноцветного песчаника, лежавшей под некоторым уклоном с СВ – ЮЗ и обложенной мелкими плитками песчаника. Северо-восточная часть плиты перекрытия опиралась на северо-восточную стену ограды. Размеры перекрытия 1,7 × 1,1 м. Под каменным перекрытием находилась могильная яма овальной формы, вытянутая по линии СВ – ЮЗ, размерами 1,3 × 1 м. Погребенный ребенок (погр. 1) располагался в центре могильной ямы на глубине 0,16 м от перекрытия. Уложен на спине вдоль длинной оси могильной ямы, голова повернута направо, ориентирована на юго-запад. Руки погребенного вытянуты вдоль тела, ноги выпрямлены. Справа от черепа погребенного располагался лепной керамический сосуд (рис. 3, *9*). Сосуд плоскодонный, обломан в древности. Цвет и излом сосуда черные. У темени ребенка обнаружена цилиндрическая костяная бусина (см. рис. 4, *14*) с просверленным отверстием сбоку. Погр. 2 выявлено после контрольного прокопа. Погребенный мужчина располагался в центре могильной ямы на глубине 0,65 м от перекрытия. Уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад. У черепа погребенного у затылочной части обнаружен лепной керамический сосуд (см. рис. 3, *10*). Сосуд плоскодонный, баночной формы. Цвет и излом сосуда черные.

Вся совокупность погребальных конструкций, обряда и сопроводительного инвентаря позволяет отнести курган к подгорновскому этапу тагарской культуры эпохи раннего железного века по классификации М.П. Грязнова (VIII–VI вв. до н.э.). Впускная мог. 6 отнесена нами к позднему этапу тагарской культуры (тесинская культура) [Комплекс…, 1979; Вадецкая, 1986; Александров, Боковенко, Смирнов, 2014].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2021-0008.

Список литературы

Александров С.В., Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники Черного Июса на севере Хакасии. – СПб.: ЭлексСис, 2014. – 154 с.

Басова Н.В., Ломов П.К., Селецкий М.В., Половников И.С., Митько О.А. Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия // Проблемы, археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 761–765.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 179 с.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М.П. Грязнов, М.П. Завитухина, М.Н. Комарова, С.С. Миняев, М.Н. Пшеницина, Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.

References

Aleksandrov S.V., Bokovenko N.A., Smirnov Yu.A. Arkheologicheskiye pamyatniki doliny Chernogo Iyusa na severe Khakasii. St. Petersburg: ElekSis, 2014, 152 p. (In Russ.).

Basova N.V., Lomov P.K., Seletskii M.V., Polovnikov I.S., Mitko O.A. The results of reconnaissance work in the Khakassia Republic in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 761–765. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov Yu.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye. Novosibirsk: Nauka, 1979, 167 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 179 p. (In Russ.).

Чертыков В.А. https://orcid.org/0000-0002-3240-0311
Тимощенко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2865-0841

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АлтГПУ	– Алтайский государственный педагогический университет
АлтГУ	– Алтайский государственный университет
АМАЭ РАН	– Архив Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера)
АМАЭС ТГУ	– Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
АмГУ	– Амурский государственный университет
АН МНР	– Академия наук Монгольской Народной Республики
АН РС (Я)	– Академия наук Республики Саха (Якутия)
АН СССР	– Академия наук СССР
АХНКМ	– Архив Хакасского национального краеведческого музея имени Л.Р. Кызласова
БАМ	– Байкало-Амурская магистраль
БАЭ ИАЭТ СО РАН	– Богучанская археологическая экспедиция ИАЭТ СО РАН
БГПУ	– Башкирский государственный педагогический университет
БИЦ	– Библиотечно-издательский центр
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БПЛА	– беспилотный летательный аппарат
ВААЭ	– Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВОАН	– выявленный объект археологического наследия
ВСОРГО	– Восточно-Сибирское отделение русского географического общества
ВЦИОМ	– Всероссийский центр изучения общественного мнения
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ГАУ НСО НПЦ	– Государственное автономное учреждение Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
ГИАОО	– Государственный исторический архив Омской области
ГИКЭ	– Государственная историко-культурная экспертиза
ГИС	– геоинформационная система
ГУГК	– Государственное управление геодезии и картографии
ДВГУ	– Дальневосточный государственный университет
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН

ЗИН РАН – Зоологический институт РАН

ИА РАН – Институт археологии РАН

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИГ РАН – Институт географии РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

ИКМ – историко-культурное наследие

ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам РАН

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН

ИЯФ СО РАН – Институт ядерной физики Сибирского отделения РАН

КемГУ – Кемеровский государственный университет

КрГУ – Красноярский государственный университет

КРИПКиПРО – Кузбасский региональный Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАУК НКМ – Муниципальное автономное учреждение культуры «Новокузнецкий краеведческий музей»

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МИЦАИ – Международный институт Центральноазиатских исследований

НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет

НГУ – Новосибирский государственный университет

НИР – научно-исследовательская работа

НИСИ – Новосибирский инженерно-строительный институт

НМРА – Национальный музей Республики Алтай

НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН

НПО АИКЭ – Научно-производственное объединение «Археология и историко-культурная экспертиза»

ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей

ОмГУ – Омский государственный университет

ОНТИ – отдел научно-технической информации

ПАЭ – Приленская археологическая экспедиция

ПГУ – Приднестровский государственный университет

ПМА – полевые материалы автора

ПНН	– предмет неизвестного назначения
РИО КГПУ	– Редакционно-издательский отдел Красноярского Государственного педагогического университета
САИ	– Свод археологических источников
САИПИ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СВК НИИ ДВО РАН	– Северо-восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН
СВНЦ ДВО РАН	– Северо-восточный научный центр Дальневосточного отделения РАН
СГСПУ (СГПУ)	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СОПС АН СССР	– Совет по изучению производительных сил АН СССР
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СФУ	– Сибирский федеральный университет
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей
ТГУ	– Томский государственный университет
ТНЦ СО РАН	– Томский научный центр Сибирского отделения РАН
УралНИИпроект РААСН	– Уральский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт РА архитектуры и строительных наук
УОЛЕ	– Уральское общество любителей естествознания
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
ФИЦ УУХ СО РАН	– Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН
ХГУ	– Хакасский государственный университет
ЦААПЧ АН РС (Я)	– Центр арктической археологии и палеоэкологии человека Академии наук Республики Саха (Якутия)
ЦОКН	– Центр охраны культурного наследия
ЮУрГУ	– Южно-Уральский государственный университет
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ
ЯНЦ СО РАН	– Якутский научный центр Сибирского отделения РАН
AMIT	– Architecture and Modern Information Technologies
GPS	– Global Positioning System
WGS	– World Geodetic System

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Агаджанян А.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Таксономический состав мелких позвоночных из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры 7

Алексейцева В.В., Рудая Н.А. Пещерные археологические памятники как объект палинологических реконструкций. 12

Анойкин А.А., Зейналов А.А., Кулаков С.А., Очередной А.К., Идрисов И.А., Курбанов Р.Н. Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2021 году 20

Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Худжагелдиев Т.У., Сосин П.М., Курбанов Р.Н. Лахути IV – новая стоянка раннего палеолита в долине реки Оби-Мазар (Южный Таджикистан). 29

Анойкин А.А., Харевич В.М., Клементьев А.М., Таймагамбетов Ж.К. Исследовательские работы на верхнепалеолитической стоянке Актас (Северный Казахстан) в 2021 году 38

Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В. Динамика природной среды в позднем плейстоцене – голоцене на Западе Тугнуйско-Сухаринской долины (на примере археологического местонахождения Три Скалы в Западном Забайкалье). 44

Белоусова Н.Е., Михиенко В.А., Козликин М.Б., Вишневский А.В., Шуньков М.В. Верхнепалеолитические бифасиальные наконечники из Денисовой пещеры 51

Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Жданов Р.К. Применение трехмерного сканирования для исследования составных пазовых орудий раннего голоцена Восточной Сибири (на примере орудий из комплексов стоянки Казачка-1) 57

Васильев С.К. Крупные млекопитающие раннего, среднего и позднего плейстоцена Новосибирского Приобья 66

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Новые находки остатков плейстоценовых крупных млекопитающих на вторичных аллювиальных местонахождениях Верхнего Приобья в 2021 году . . 74

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Костные остатки из плейстоценовых отложений южной галереи Денисовой пещеры: новые данные 83

Гирченко Е.А. Технологические особенности ранней керамики Северо-Восточного Китая 91

Гладышев С.А. Поздний палеолит Приморского региона после последнего оледенения 99

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.М. Исследование комплексов среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры в 2021 году 105

Зольников И.Д., Анойкин А.А., Филатов Е.А., Васильев А.В., Перфильев С.С., Макаров С.С., Уткин М.В., Чеха А.М. Разведочные работы на правобережье Большой Оби в 2021 году 114

Кандыба А.В., Павлов И.С., Бочкарев В.В., Гладышева М.Ю., Протопопов А.В. Полевые исследования на территории Булунского района (Республика Саха (Якутия)) в 2021 году 122

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Каменные индустрии ранних этапов среднего палеолита стоянки Дарвагчай-Залив-4 (исследования 2021 года) 128

Клементьев А.М., Долгушин И.Д., Рыбин Е.П., Базаргур Д., Цэрэндагва Я., Болорбат Ц., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У., Хаценович А.М. Морфологический анализ скорлупы яиц страуса из плейстоценовых и голоценовых местонахождений Монголии 134

Колобова К.А., Харевич А.В., Колясникова А.С., Березина Н.Я., Харевич В.М. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2021 года 142

Колобова К.А., Харевич В.М., Васильев С.К., Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Пархомчук Е.В., Харевич А.В., Кривошапкин А.И. Исследования пещеры Верхняя Сибирячиха в полевом сезоне 2021 года 148

Колясникова А.С., Чистяков П.В., Колясникова А.С. Исследование следов на костяных ретушерах из Чагырской пещеры с использованием профилометра 154

Курбанов Р.Н., Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-4) 161

Лебединцев А.И., Прут А.А., Федорченко А.Ю., Харитонов Р.М., Пташинский А.В., Макаров И.В., Гребенюк П.С. Результаты полевых исследований в Северном Приохотье и на Камчатке в 2021 году . . . 167

Макаров С.С., Зольников И.Д., Анойкин А.А., Резвый А.С., Васильев А.В., Выборнов А.В., Перфильев С.С. Результаты полевых археологических исследований на стоянке финального палеолита Комудваны в 2021 году 176

Маркин С.В. Естественно-научные и археологические материалы из плейстоценовых образований Каминной пещеры 182

Медведев В.Е., Филатова И.В., Гирченко Е.А. О южной границе ареала осиповской культуры . . . 188

Молодин В.И., Ненахова Ю.Н., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А. Яма-хранилище для квашения рыбы Барабинской неолитической культуры на памятнике Тартас-1 195

Очередной А.К., Янина Т.А., Романис Т.В., Курбанов Р.Н., Таратунина Н.В., Ельцов М.В., Казаков Е.В., Иванов Я.Д., Куприянова М.Д., Клименко П.Г., Ремизов С.О. Геоархеологические исследования на среднепалеолитическом памятнике Сухая Мечётка в 2021 году. 201

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Лелох М., Якубчак М., Мухтаров Г., Холматов А., Кот М. Новые стратифицированные палеолитические местонахождения в долине р. Ахангаран (Узбекистан) 209

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Мухтаров Г., Хужиназаров М. Сырьевые стратегии в среднепалеолитических индустриях стоянки Кульбулак 216

Рыбалко А.Г. Ранний этап среднего палеолита Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-Залив-1). 222

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования раннепалеолитических комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2021 году. 228

Рыбалко А.Г., Кулик Н.А. Сырьевая база каменных индустрий раннего палеолита на территории Юго-Восточного Дагестана 233

Рыбин Е.П., Марченко Д.В., Болорбат Ц., Хаценович А.М., Базаргур Д., Клементьев А.М., Кравцова П.С., Маргад-Эрдэнэ Г., Долгушин И.Д., Гунчинсурэн Б. Изучение палеолитических стоянок в долине р. Их-Тулбурийн-гол (Толбор) в Северной Монголии в 2021 году 238

Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Древнейший комплекс стоянки Шуйдунгоу-1 (Северный Китай) и его позиция в схеме вариабельности начального верхнего палеолита Южной Сибири и восточной части Центральной Азии 246

Табарев А.В. Клады каменных изделий в палеолите – неолите Дальнего Востока: терминологические и функциональные аспекты дискуссии 254

Ташак В.И., Ковычев Е.В. Уненкер – палеолитическое местонахождение культуры хэнгэрэктэ-сухотино в Забайкалье 259

Толпеко И.В., Тихомиров К.Н. Ранние комплексы поселения Айлинка VIII. 266

Федорченко А.Ю., Белоусова Н.Е. К вопросу о костяных трубочках верхнего палеолита 274

Федорченко А.Ю., Филатов Е.А., Селецкий М.В., Филатова М.О. Пластина с гравировкой из комплекса начала верхнего палеолита мастерской им. А.П. Окладникова. 282

Филатова М.О., Филатов Е.А. Первое антракологическое исследование древесных углей в Восточной Сибири: по материалам мастерской им. А.П. Окладникова 289

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Колобова К.А. Местонахождение Урочище Балчикова V – новый объект раннего верхнего палеолита Алтая 294

Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Чистяков П.В., Гашенко А.В., Колясникова А.С., Пархомчук Е.В., Сердюк Н.В., Алексейцева В.В., Харевич А.В., Колобова К.А. Исследования нового среднепалеолитического памятника на Алтае – пещеры Козья в 2021 году 300

Хаценович А.М., Базаргур Д., Цэрэндагва Я., Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Маргад-Эрдэнэ Г., Кравцова П.С., Долгушин И.Д., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У., Деревянко А.П. Материалы пещеры Цагаан-Агуй из отложений голоценового возраста (по результатам раскопок 2021 года). 308

Хаценович А.М., Марченко Д.В., Рыбин Е.П. Леваллуазская технология в Китае 314

Хаценович А.М., Цэрэндагва Я., Базаргур Д., Марченко Д.В., Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Маргад-Эрдэнэ Г., Кравцова П.С., Долгушин И.Д., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У., Деревянко А.П. Результаты нового цикла раскопок пещеры Цагаан-Агуй в Гобийском Алтае в 2021 году. 321

Чеха А.М., Кулик Н.А. Петрография и геология палеолитических местонахождений Северного Приаралья и Мугоджар (Казахстан) 330

Чеха А.Н. К вопросу о критериях выделения неолитических индустрий на памятниках Усть-Кутарейского участка в Северном Приангарье. 335

Шнайдер С.В., Федорченко А.Ю., Алишер кызы С. Геометрические микролиты стоянки Туткаул (горизонт 3; Таджикистан): последовательность изготовления и функции 341

Шуньков М.В., Анойкин А.А., Козликин М.Б., Булатович Л., Деревянко А.П. Многослойная палеолитическая стоянка Малишина Стена в Черногории: результаты исследований 2021 года. 349

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю. Орудия из кости в комплексах среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры: материалы 2021 года 355

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Верхнепалеолитические украшения из южной галереи Денисовой пещеры: коллекция 2021 года 362

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Бородовский А.П. Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога. 371

Волков Д.П., Крючко Е.И., Мохарь В.А., Нестеров С.П. Первые результаты раскопок городища даурского типа в Западном Приамурье 377

Гаркуша Ю.Н. Каркасно-столбовые постройки Усть-Войкарского городища в контексте дендроархеологии 385

Гнездилова И.С. Погребальный комплекс Имасиродзука как усыпальница императора Кэйтай 393

Гришин А.Е., Сумин В.А., Марченко Ж.В. Остатки производственных сооружений на севере Верхнего Приобья (Ташара-3): к проблеме древнего смолокурения. 400

Дураков И.А., Молодин В.И. Литейная форма для производства проушного бронзового топора позднекротовской (черноозерской) культуры. 408

Дьяконов В.М., Ягловский А.С. Результаты рекогносцировочных работ на территории архипелага Медвежьи острова в Восточно-Сибирской Арктике в 2021 году 414

Епимахов А.В., Батанина Н.С., Носкевич В.В., Федорова Н.В., Петров Ф.Н., Макуров Ю.С., Петров Н.Ф., Таиров А.Д. Укрепленное поселение Андреевское. История функционирования по результатам мультидисциплинарных исследований. 419

Ефремова Н.С. Культовые комплексы Урала и Западной Сибири – историографический аспект. . . . 427

Жилич С.В., Рудая Н.А. Реконструкция палеопожаров Кулундинской степи для последних 3500 лет по данным из донных отложений озера Малое Яровое 433

Зенин В.Н., Нестеров С.П. Артефакты эпохи палеометалла с памятника Усть-Ульма III в Амурской области 441

Зоткина Л.В., Заика А.Л., Забияко А.П., Матвеев В.Е., Левачева Е.М., Волков Д.П. Новые данные о наскальных рисунках Нюкжинской писаницы (Амурская область). 448

Зоткина Л.В., Сутугин С.В., Постников Н.В., Русакова И.Д., Давыдов Р.В. Наскальное искусство раннего пласта на территории Минусинской котловины: опыт систематизации данных и экспериментально-трасологического исследования 453

Кишкурно М.С. Одонтоскопическая характеристика серии тагарской культуры из курганного могильника Станция Казановская-1 459

Комиссаров С.А., Гирченко Е.А., Соловьев А.И. Новейшие данные по культуре Саньсиндуй 468

Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Новые данные по вооружению терракотовой армии (технологический аспект). 475

Корусенко М.А., Герасимов Ю.В. Могильник Могильно-Старожильское V в Омском Прииртышье как источник по этнокультурной истории региона. 481

Кубарев Г.В. Исследование петроглифов нижнего течения р. Чуи на Алтае 488

Кудинова М.А. Собака в погребальном обряде мужунов-сяньби 497

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Каменные фигурки двуглавых рыб с острова Сергушкин (Северное Приангарье). 503

Марочкин А.Г., Сизев А.С., Юракова А.Ю., Гаврилов Д.А., Хайрулина К.Д. Стратиграфия поселения Писаная-4 в окрестностях Томской Писаницы. 511

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Результаты археолого-геофизических исследований на памятнике Новая Курья-1 в 2021 году (Северная Кулунда). 520

Молодин В.И., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахова Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Борзых К.А. Исследования многослойного поселения Старый Тартас-1 (Венгеровский район Новосибирской области) 528

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Райнхольд С., Нестерова М.С., Селин Д.В., Хансен С., Эгер Я., Бобин Д.Н. Поселенческий комплекс андроновской (фёдоровской) культуры в урочище Таи (Барабинская лесостепь) 535

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Кудинова М.А., Харитонов Р.М., Некраш А.А., Галямина Г.И., Назарова Л.В., Борзых К.А., Нестерова М.С. Завершение исследований могильника Усть-Тартас-2 (Барабинская лесостепь) 542

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А. Необычный сюжет в петроглифах Хара Джамат Гола – охота на медведя (Монгольский Алтай) 551

Мыльников В.П. «Шестиноги» носителей Пазырыкской культуры 557

Мыльников В.П., Родченко К.П. Варианты условной (виртуальной) реконструкции деревянных жилищ эпохи поздней бронзы на территории Западной Сибири 563

Ненахова Ю.Н. Неолитический пласт наскальных изображений Северной и Центральной Азии в трудах академика А.П. Окладникова. 575

Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Погребальный обряд захоронений в каменных ящиках периода раннего металла Кореи и Японии 581

Папин Д.В., Савко И.А., Анойкин А.А., Демин М.А. Исследование кургана раннескифского времени на могильнике Усть-Иша-5 в предгорьях Алтая. 588

Поздняков Д.В., Чикишева Т.А. Население булан-кобинской культуры по антропологическим данным 594

Полосьмак Н.В., Дядьков П.Г. Археологические исследования Катандинской долины 600

Рогожинский А.Е., Черемисин Д.В. Средневековые тамги-петроглифы из урочища Уле в низовьях р. Чаган-Узун 608

Рудая Н.А., Соенов В.И. Копрофильные грибы как индикатор пастбищной нагрузки и плотности населения Убсунурской котловины (Монголия) за последние три тысячелетия 615

Савко И.А. Особенности отпечатков зубчатых орнаментиров на керамике могильника андроновской (фёдоровской) культуры Предгорий Алтая Чекановский Лог-2 624

Селин Д.В. Морфологические характеристики керамики восточного варианта пахомовской культуры (по материалам памятников Обь-Иртышского междуречья) 633

Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф. Раннесредневековое одиночное погребение с конским снаряжением из Северного Алтая 642

Соловьев А.И. О южном импульсе формирования сожженных подкурганных объектов кыштовской культуры 650

Степанова Н.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Оригинальные находки с поселения Бурла-3 эпохи поздней бронзы 656

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Предварительные результаты изучения керамики Карбинского городища I раннего железного века Прикетья 662

Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. Жилой комплекс XVII века в городе Таре в исследованиях 2021 года . . . 669

Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Исследования в историческом центре города Тары в 2021 году 674

Татаурова Л.В., Сопова К.О. Русская деревня Ананьино: археологические хронологии 678

Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Освоения территорий Среднего Прииртышья татарами в XVIII – начале XX века (по материалам археологических исследований) 685

Трапезов Р.О., Черданцев С.В., Томилин М.А., Пристяжнюк М.С., Пилипенко И.В., Нестерова М.С., Поздняков Д.В., Молодин В.И., Пилипенко А.С. Новый этап палеогенетического исследования носителей одиновской культуры (Барабинская лесостепь): первые результаты 690

Уткин М.В., Филатова М.О. Неинвазивные методы в дендрохронологии: проблемы и перспективы . . . 696

Федорченко А.Ю., Селецкий М.В., Лебединцев А.И. Исследование орнаментированных изделий из кости стоянки Ольская с применением трехмерного моделирования 702

Филатова М.О., Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Тайник А.В., Баринов В.В., Филатов Е.А., Уткин М.В. Дендрохронологическое датирование памятников деревянного зодчества Новосибирской области 710

Худяков Ю.С. Находка каменной стелы с редким оформлением на могильнике Ршаан-Удзюр-Хад в Монголии 716

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Изображения лучников на петроглифах Чолпон-Ата в Кыргызстане 719

Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Пристяжнюк М.С., Томилин М.А., Журавлев А.А., Пилипенко А.С. Генетический состав носителей тагарской культуры: современное состояние и перспективы исследований 723

Шульга Д.П., Гирченко Е.А. О просоводческой обрядности аборигенов острова Тайвань 730

Шульга Д.П., Филатова М.О. Суйские погребения с фарфором и золотыми ромейскими монетами (могильник Цзюлуншань в округе Гуюань) 737

Шульга П.И. Могильники Дунхэйгоу и Хэйгоулян на северо-востоке Синьцзяна (Китай) 742

Шульга П.И., Кубарев Г.В. Раннесредневековое погребение у Большой Тавдинской пещеры (Северный Алтай) 747

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М. Археологические комплексы эпохи голоцена из Денисовой пещеры: материалы 2021 года 754

ЭТНОГРАФИЯ

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Локализация традиции установки памятных стел у казахского населения Омской области . . . 763

Бауло А.В. Новые материалы по жертвенным покрывалам обских угров . . . 769

Бурнаков В.А. Образ коня в шаманской атрибутике хакасов (конец XIX – середина XX века) . . . 775

Бурнаков В.А., Бурнаков А.А. Баран в традиционной хакасской обрядности детского цикла (конец XIX – середина XX века) . . . 781

Голубкова О.В. Актуализация образа кикиморы в народных верованиях и «маскарадах» у русских в Западной Сибири . . . 789

Жигунова М.А. Праздник «День Сибири»: история и современность . . . 795

Ильина А.А. К вопросу о состоянии изучения татарского языка в Омской области в 1990-х – 2000-х годах . . . 800

Любимова Г.В. Культовые и мемориальные места в сельских ландшафтах Западной Сибири: вопросы соотношения и коллективной памяти . . . 806

Люцидарская А.А. Стремление Русского государства к расширению своих границ на Востоке как знак утверждения своей мощи и самостоятельности . . . 812

Майничева А.Ю., Радзюкевич А.В. Пропорционально-метрологическая система и образно-символический строй русских сибирских православных церквей в XIX–XXI веках: к постановке проблемы 816

Николаев В.В. Воспроизводство этничности кумандинцев г. Бийска (по материалам этносоциологического обследования) . . . 822

Рублева А.А. Общее и особенное в свадебных обычаях потомков сибирских старожилов Притомья во второй половине XX века (по материалам полевых исследований 2018–2021 годов) . . . 827

Сальникова И.В. Культовые предметы из сборов Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН . . . 833

Самушкина Е.В. Концепт «нематериальное культурное наследие» в Республике Алтай . . . 842

Тихомирова М.Н. История освоения озерных пространств Омской области западносибирскими татарами в конце XVII – начале XXI века (на примере озер Казатово и Рахтово) . . . 848

Фурсова Е.Ф. Металлические застежки богослужебных книг новосибирских старообрядцев . . . 856

Шитова Н.И. Знаково-символическое выражение образа райского сада в традиционной культуре уймонских старообрядцев . . . 861

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Акимова Е.В., Барков А.В., Разгильдеева И.И., Стасюк И.В. Раскопки стоянки Афонтова гора IV (Овражная, пункт II) в Красноярске в 2021 году . . . 871

Богданов Е.С., Тимощенко А.А., Иванова А.С. Археологические раскопки на могильниках «Скальная» в 2021 году (Республика Хакасия) . . . 878

Богданов Е.С., Иванова А.С., Тимощенко А.А. Раскопки тагарских курганов в 2021 году на могильнике Уйтаг-3 (Республика Хакасия) . . . 888

Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Культурный палимпсест в кургане № 5 могильника Уйтаг-3 (Республика Хакасия) . . . 895

Бычков Д.А., Лурье В.М., Тимощенко А.А. Материалы эпохи бронзы со стоянки Югачи-2 (долина р. Аскиз, Республика Хакасия) по результатам археологических раскопок в 2021 году . . . 902

Васильева Ю.А., Дудко А.А. Применение фотограмметрии при проведении археологических исследований на территории Сибири (по результатам работ в 2018–2021 годах) . . . 908

Выборнов А.В., Когай С.А., Кравцова А.С., Тимощенко А.А. Археологические материалы таштыкской эпохи на стоянке Казановка-14 в Аскизском районе Республики Хакасия 913

Выборнов А.В., Кравцова А.С., Тимощенко А.А. Погребения тагарской и тесинской культур в кургане 1 курганного могильника Скальная-4 921

Выборнов А.В., Нестерова М.С., Тимощенко А.А. Курганы афанасьевской культуры на могильнике Казановка-13 в Аскизском районе Республики Хакасия 928

Герман П.В., Леонтьев С.Н., Иващенко С.Н., Калинская А.В., Егорченко С.Е., Вальков И.А., Ковзунова П.В., Горлышкин Н.Е., Тимощенко А.А. Культурно-хронологические комплексы курганного могильника Сагайская протока-4 (Аскизский район Республики Хакасия) 936

Дудко А.А., Васильева Ю.А. Опыт проведения археологических наблюдений на участке культурного слоя города Томска в 2020 году 945

Дудко А.А., Васильева Ю.А., Веретенников А.В. Результаты археологической разведки в зоне разработки Карачиякского каменноугольного месторождения в Новокузнецком районе Кемеровской области – Кузбасса в 2021 году 951

Дудко А.А., Сизев А.С., Плац И.А., Федорук А.С., Выборнов А.В. Новые археологические памятники на объектах землеотводов 2021 года в Новосибирской и Кемеровской областях 958

Зоткина Л.В., Сутугин С.В., Постников Н.В., Богданов Е.С., Тимощенко А.А. Методика документирования наскальных изображений в курганных конструкциях: на примере памятника Скальная-5 (Аскизский район, Республика Хакасия) 966

Кениг А.В., Кимпицкая А.А., Зайцева Е.А., Зайцев И.А. Результаты обследования археологических памятников в Нижнем Приобье в 2021 году 974

Ненахов Д.А., Чертыков В.А., Тимощенко А.А. Организация сакрального пространства курганного могильника Казановка-6 981

Половников И.С., Бычков Д.А. Находки косторезного производства на стоянке Югачи-2 в Аскизском районе Республики Хакасия 988

Тимощенко А.А., Бычков Д.А., Марковский Г.И., Ахметов В.В., Кишкурно М.С. Предварительные результаты археологических раскопок стоянки Югачи-2 в долине р. Аскиз в Республике Хакасия в 2021 году 995

Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Давыдов Р.В., Половников И.С. Предварительные результаты аварийно-спасательных раскопок погребальных памятников эпохи поздней бронзы на площади могильников Сагайская протока 7 и Аскиз 17 в Аскизском районе Республики Хакасия 1002

Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Поселянин А.И., Фролов Я.В., Тетерин Ю.В., Давыдов Р.В., Половников И.С. Раскопки тагарских курганов на площади могильников Сагайская протока 1, 2, 5 и 12 1011

Тимощенко А.А., Митько О.А., Морозов А.А., Зубков В.С., Фролов Я.В., Поселянин А.И., Тетерин Ю.В., Половников И.С., Давыдов Р.В. Раскопки тесинских и таштыкских памятников на могильниках Сагайская протока 2, 5 и 8 1020

Чертыков В.А., Тимощенко А.А. Исследования курганного могильника Станция Камыштa-1 в 2021 году 1028

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 1035

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE
PALEOECOLOGY

Agadjanian A.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Taxonomic Composition of Small Vertebrates from the Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave 7

Alekseitseva V.V., Rudaya N.A. Cave Archaeological Sites as an Object of Palynological Reconstructions 12

Anoikin A.A., Zeynalov A.A., Kulakov S.A., Otcherednoy A.K., Idrisov I.A., Kurbanov R.N. Geoarchaeological Investigation in Azerbaijan in 2021 20

Anoikin A.A., Rybalko A.G., Khudjageldiev T.U., Sosin P.M., Kurbanov R.N. Lakhuti IV – a New Early Paleolithic Site in the Obi-Mazar Valley (Southern Tajikistan) 29

Anoikin A.A., Kharevich V.M., Klementev A.M., Taimagambetov Zh.K. Studies at the Aktas Upper Paleolithic site in North Kazakhstan in 2021 38

Antonova Yu.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V. Environmental Fluctuations in the West of the Tugnui-Suhara Valley (on the Example of the Tri Skaly Site in the Western Trans-Baikal) in the Late Pleistocene – Holocene 44

Belousova N.E., Mikhienko V.A., Kozlikin M.B., Vishnevskiy A.V., Shunkov M.V. Upper Palaeolithic Bifacial Points from Denisova Cave 51

Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Zhdanov R.K. Using 3D Scanning to Study Composite Slotted Tools from the Early Holocene of Eastern Siberia (the Case of Kazachka-1 Site) 57

Vasiliev S.K. Large Mammals of the Early, Middle and Late Pleistocene in the Novosibirsk Ob Region . . 66

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. New Finds of Pleistocene Large Mammal Remains from Secondary Alluvial Locations in the Upper Ob Region in 2021 74

Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Bone Remains from the Pleistocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave: New Evidence 83

Girchenko E.A. Technological Features of Early Ceramics of the Northeastern China 91

Gladyshev S.A. Late Paleolithic of the Maritime Region after LGM 99

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Mikhienko V.A., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M. Studies of the Middle and Upper Paleolithic Technocomplexes of Denisova Cave in 2021 105

Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Phylatov E.A., Vasiliev A.V., Perfilev S.S., Makarov S.S., Utkin M.V., Chekha A.M. Exploration Works on the Right Bank of the Ob River in 2021 114

Kandyba A.V., Pavlov I.S., Bochkarev V.V., Gladysheva M.Yu., Protopopov A.V. Field Research in the Bulunsky District (the Republic of Sakha (Yakutia)) in 2021 122

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Stone Industries of Early Stages of the Middle Paleolithic at the Darvagchay-Zaliv-4 Site (Research of 2021) 128

Klementiev A.M., Dolgushin I.D., Rybin E.P., Bazargur D., Ya. Tserendagva, Bolorbat T., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Khatsenovich A.M. Ostrich Eggshell Morphology Based on Pleistocene and Holocene Samples from Mongolia 134

Kolobova K.A., Kharevich A.V., Kolyasnikova A.S., Berezina N.Ya., Kharevich V.M. Chagyrskaya Cave Middle Paleolithic Complexes Studies in the 2021 Field Season 142

Kolobova K.A., Kharevich V.M., Vasilyev S.K., Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Parkhomchuk E.V., Kharevich A.V., Krivoshapkin A.I. Studies of Verkhnyaya Sibiryachikha Cave in the 2021 Field Season 148

Koliasnikova A.S., Chistiakov P.V., Kolyasnikova A.S. Morphometric Study of Traces on Bone Retouchers from the Chagyrskaya Cave Using a Profilometer 154

Kurbanov R.N., Rybalko A.G., Yanina T.A. Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Evidence from the Darvagchai-Zaliv-4 Site) 161

Lebedintsev A.I., Prut A.A., Fedorchenko A.Yu., Kharitonov R.M., Ptashinskiy A.V., Makarov I.V., Grebenyuk P.S. Results of Field Works at the Northern Okhotsk Sea Shore and in Kamchatka in 2021 . . . 167

Makarov S.S., Zolnikov I.D., Anoikin A.A., Rezvyi A.S., Vasiliev A.V., Vybornov A.V., Perfilef S.S. Results of Field Archaeological Studies at the Komudvany Terminal Paleolithic Site in 2021 176

Markin S.V. Natural Scientific and Archaeological Evidence from the Pleistocene Layers of Kaminnaya Cave 182

Medvedev V.E., Filatova I.V., Girchenko E.A. Southern Boundaries of Osipovka Cultural Area 188

Molodin V.I., Nenakhova Yu.N., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A. Storage Pit for Fish Fermentation at the Tartas-1 Site, the Baraba Neolithic Culture 195

Otcherednoy A.K., Yanina T.A., Romanis T.V., Kurbanov R.N., Taratunina N.M., Eltsov M.V., Kazakov E.V., Ivanov Ya.D., Kupriyanova M.D., Klimenko P.G., Remizov S.O. Geoarchaeological Studies at the Sukhaya Mechetka Middle Paleolithic Site in 2021 201

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Leloch M., Jakubczak M., Mukhtarov G., Kholmatov A., Kot M. New Stratified Paleolithic Sites in Akhangaran Valley (Uzbekistan) 209

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Kogai S.A., Mukhtarov G., Khuzhinazarov M. Raw Material Selection Strategies in the Kulbulak Middle Paleolithic Complexes 216

Rybalko A.G. Early Middle Paleolithic of the Northeastern Caucasus (Evidence from the Darvagchay-Zaliv-1 Site) 222

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Research of the Darvagchai-Zaliv-4 Multi-Layer Site in 2021 228

Rybalko A.G., Kulik N.A. Raw Material Base for Stone Industries of the Early Paleolithic in Southeastern Dagestan 233

Rybin E.P., Marchenko D.V., Bolorbat T., Khatsenovich A.M., Bazargur D., Klementiev A.M., Kravtsova P.S., Margad-Erdene G., Dolgushin I.D., Gunchinsuren B. Studies of Paleolithic Sites in Ikh-Tulberiin-gol River Valley (Northern Mongolia) in 2021 238

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Earliest Assemblage of the Shuidonggou 1 Site (North China) and Its Position in Variability of the Initial Upper Paleolithic of South Siberia and Eastern Central Asia 246

Tabarev A.V. Lithic Caches in the Paleolithic – Neolithic in the Far East: Terminological and Functional Aspects of Discussion 254

Tashak V.I., Kovychev E.V. Unenker – a Paleolithic Site of the Khengerekte-Sukhotino Culture in the Transbaikal Region 259

Tolpeko I.V., Tikhomirov K.N. Early Complexes of the Aylinka VIII Settlement 266

Fedorchenko A.Yu., Belousova N.E. On the issue of the Upper Palaeolithic Bone Tubes 274

Fedorchenko A.Yu., Phylatov E.A., Seletsky M.V., Phylatova M.O. Blade with Engraving from the Initial Upper Palaeolithic Complex of A.P. Okladnikov Palaeolithic Workshop 282

Phylatova M.O., Phylatov E.A. First Anthracological Study of Charcoal in Eastern Siberia Using the Evidence of the "A.P. Okladnikov Workshop" Site 289

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Kolobova K.A. Urochiche Balchikova V – New Early Upper Paleolithic Site in Altai 294

Kharevich V.M., Bocharova E.N., Chistyakov P.V., Gashenko A.V., Koliasnikova A.S., Parkhomchuk E.V., Serduk N.V., Alekseytseva V.V., Kharevich A.V., Kolobova K.A. Studies of the Kozya New Altai Middle Palaeolithic Cave Site in Field Season 2021 300

Khatsenovich A.M., Bazargur D., Ya. Tserendagva, Marchenko D.V., Rybin E.P., Margad-Erdene G., Klementiev A.M., Dolgushin I.D., Kravtsova P.S., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Derevianko A.P. Holocene Archaeological Material from Tsagaan Agui Cave Recovered During the 2021 Excavation Campaign 308

Khatsenovich A.M., Marchenko D.V., Rybin E.P. Levallois Technology in China 314

Khatsenovich A.M., Tserendagva Ya., Bazargur D., Marchenko D.V., Rybin E.P., Klementiev A.M., Margad-Erdene G., Kravtsova P.S., Dolgushin I.D., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Derevianko A.P. Preliminary Results of the 2021 Excavation Campaign at Tsagaan Agui Cave in the Gobi Altai Region, Mongolia 321

Chekha A.M., Kulik N.A. Petrography and Geology of Paleolithic Locations in the Northern Aral Sea Region and Mugodjary (Kazakhstan) 330

Chekha A.N. Revisiting Criteria of Neolithic Industries on Ust-Kutarey Sites in the North Angara Region 335

Shnaider S.V., Fedorchenko A.Yu., Alisher kyzy S. Geometric Microliths from Tutkaul Site (Layer 3; Tajikistan): Production Sequence and Function 341

Shunkov M.V., Anoikin A.A., Kozlikin M.B., Bulatovich L., Derevianko A.P. The Mališina Stijena Multilayer Paleolithic Site in Montenegro: Research Results of 2021 349

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu. Bone Tools in the Middle and Upper Paleolithic Complexes of Denisova Cave: 2021 Materials 355

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Upper Paleolithic Ornaments from the South Chamber of Denisova Cave: 2021 Collection 362

ARCHAEOLOGY FROM THE BRONZE AGE TO THE MODERN AGE

Borodovskiy A.P. Impact of Fire on Wooden Structures of the Umrevinskiy Ostrog. 371

Volkov D.P., Kryuchko E.I., Mokhar V.A., Nesterov S.P. First Results of Excavations at a Fortified Settlement of the Daurian Type in the Western Amur Region. 377

Garkusha Yu.N. Frame-and-Post Buildings of Ust-Voikar Fortified Settlement in the Context of Dendroarcheology 385

Gnezdilova I.S. Imashirozuka Burial Complex as the Tomb of Emperor Keitai 393

Grishin A.E., Sumin V.A., Marchenko Zh.V. Remains of Production Structures in the North of the Upper Ob River Region (Tashara-3): Towards the Problem of Ancient Tar Production. 400

Durakov I.A., Molodin V.I. Casting Mold for Producing Socketed Bronze Axe of the Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture 408

Dyakonov V.M., Yaglovsky A.S. Results of Survey on the Medvezhyi Islands Archipelago in the Eastern Siberian Arctic in 2021 414

Epimakhov A.V., Batanina N.S., Noskevich V.V., Fedorova N.V., Petrov F.N., Makurov Yu.S., Petrov N.F., Tairov A.D. Fortified Settlement Andreevskoye. History of Functioning Based on the Results of Multidisciplinary Research. 419

Efremova N.S. Cultic Complexes of the Urals and Western Siberia: Historiographic Aspect 427

Zhilich S.V., Rudaya N.A. Reconstruction of Fire Activity in Kulunda Steppe for the Last 3500 Years Based on the Data from the Bottom Sediments of Lake Maloe Yarovoe 433

Zenin V.N., Nesterov S.P. Artifacts of the Paleometal Age from the Ust-Ulma III Site in Amur Region . . 441

Zotkina L.V., Zaika A.L., Zabiyako A.P., Matveev V.Y., Levacheva E.M., Volkov D.P. New Data on Paintings of the Nukzha Rock Art Site (Amur Region) 448

Zotkina L.V., Sutugin S.V., Postnikov N.V., Rusakova I.D., Davydov R.V. Earliest Rock Art in the Minusinsk Depression: Some Cases of Data Systematization, and Experimental and Trace Studies 453

Kishkurno M.S. Odontoscopy of the Tagar Population Series Based on Materials from Stantsiya Kazanovskaya-1 Burial Mound 459

Komissarov S.A., Girchenko E.A., Solovyev A.I. The Latest Data on the Sanxingdui Culture 468

Komissarov S.A., Solovyev A.I. New Data on the Weaponry of the Terracotta Army (Technological Aspect) 475

Korusenko M.A., Gerasimov Yu.V. Burial Ground of Mogilno-Starozhilskoe V in the Omsk Irtysh Region as a Source on Ethnic and Cultural History of the Region 481

Kubarev G.V. Study of Petroglyphs in the Lower Reaches of the Chuya River in the Altai 488

Kudinova M.A. Dogs in Funerary Practices of the Murong Xianbei 497

Leontiev S.N., German P.V. Stone Figurines of Two-Headed Fish from Sergushkin Island (Northern Angara Region) 503

Marochkin A.G., Sizyov A.S., Yurakova A.Yu., Gavrilov D.A., Khairulina K.D. Stratigraphy of the Pisanaya-4 Settlement near the Tomskaya Pisanitsa Petroglyphic Site 511

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G., Evmenov N.D., Gnezdilova I.S., Ponedelchenko L.O. Results of Archaeological and Geophysical Works at the Novaya Kurya-1 Site in 2021 (Northern Kulunda Steppe) 520

Molodin V.I., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Nenakhova Yu.N., Mylnikova L.N., Borzykh K.A. Studies of the Staryi Tartas-1 Multilayer Settlement (Vengerovsky District of Novosibirsk Region) 528

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Reinhold S., Nesterova M.S., Selin D.V., Hansen S., Eger J., Bobin D.N. Settlement Complex of the Andronovo (Fedorovo) Culture in the Tai Locality in Baraba Forest-Steppe . . . 535

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Kudinova M.A., Kharitonov R.M., Nekrash A.A., Galyamina G.I., Nazarova L.V., Borzykh K.A., Nesterova M.S. Completion of Studies at the Ust-Tartas-2 Burial Ground in the Baraba Forest-Steppe 542

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A. Unusual Plot of Bear Hunt in the Petroglyphs of Khara Jamat Gol (Mongolian Altai) 551

Mylnikov V.P. "Hexapods" of the Pazyryk Culture 557

Mylnikov V.P., Rodchenko K.P. Variants of Conventional (Virtual) Reconstruction of Wooden Dwellings of the Late Bronze Age in Western Siberia 563

Nenakhova Yu.N. Neolithic Layer of Rock Art of North and Central Asia in the Writings of Academician A.P. Okladnikov 575

Nesterkina A.L., Solovyeva E.A. Burial Rite of Stone Cists of the Early Metal Period in Korea and Japan 581

Papin D.V., Savko I.A., Anoikin A.A., Demin M.A. Exploration of an Early Scythian Burial Mound at the Ust-Isha-5 Necropolis in the Foothills of the Altai 588

Pozdnyakov D.V., Chikisheva T.A. Population of the Bulan-Koba Culture According to Anthropological Data 594

Polosmak N.V., Dyadkov P.G. Archaeological Research of the Katandinsky Valley 600

Rogozhinskiy A.E., Cheremisin D.V. Medieval Tamga-Petroglyphs from the Ule Site in the Lower Chagan-Uzun River 608

Rudaya N.A., Soenov V.I. Coprophilous Fungi as an Indicator of Grazing Pressure and Population Density in the Uvs Nuur Basin (Mongolia) over the Past Three Millennia 615

Savko I.A. Features of Impressions of Serrated Ornaments on Ceramics of the Andronovo (Fedorovo) Culture Burial Ground in the Altai Foothills Chekanovsky Log-2 624

Selin D.V. Morphological Characteristics of Ceramics of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture (Based on Materials from the Ob-Irtysh Interfluves) 633

Seregin N.N., Stepanova N.F. Early Medieval Single Burial with Horse Equipment from Northern Altai 642

Solovyev A.I. On the Southern Impact on the Burnt Structures under the Burial Mounds of the Kyshtovka Culture 650

Stepanova N.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. Original Findings from the Burla-3 Settlement of the Late Bronze Age 656

Stepanova N.F., Rybakov D.Yu. Preliminary Results of Studying Ceramics from the Karbinskoye I Settlement of Early Iron Age in Priketye 662

Tataurov S.Ph., Tataurov Ph.S. Residential Complex of the 17th Century in Tara in the 2021 Research . 669

Tataurov S.Ph., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Research in the Historical Center of Tara in 2021 674

Tataurova L.V., Sopova K.O. The Russian Village of Ananyino: Archaeological Chronology. 678

Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. The Colonisation of the Territories of the Middle Irtysh Region by the Tatars in the 18th – early 20th Centuries (Based on Archaeological Research). 685

Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Tomilin M.A., Pristyazhnyuk M.S., Pilipenko I.V., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Pilipenko A.S. A New Stage in Paleogenetic Study of the Odino Culture Population (Baraba Forest-Steppe): First Results 690

Utkin M.V., Phylatova M.O. Non-Invasive Methods in Dendrochronology: Problems and Perspectives . . 696

Fedorchenko A.Yu., Seletskiy M.V., Lebedintsev A.I. Investigation of Ornamented Bone Items from the Olskaya Site Using Three-Dimensional Modelling. 702

Phylatova M.O., Myglan V.S., Zharnikov Z.Yu., Taynik A.V., Barinov V.V., Phylatov E.A., Utkin M.V. Dendrochronological Dating of Wooden Buildings in the Novosibirsk Region 710

Hudiakov Yu.S. Finding of a Stone Stele with Rare Decoration at the Rschaan-Udsuer-Had Burial Ground in Mongolia 716

Hudiakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Images Depicting Archers on Cholpon-Ata Petroglyphs in Kyrgyzstan 719

Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Pristyazhnyuk M.S., Tomilin M.A., Zhuravlev A.A., Pilipenko A.S. Genetic Composition of the Tagar Culture Population: Current State and Research Prospects. 723

Shulga D.P., Girchenko E.A. Millet-Growing Rituals of Indigenous Peoples of Taiwan Island 730

Shulga D.P., Phylatova M.O. Sui Burials with Porcelain Vessels and Golden Roman Coins (Jiulongshan Burial Ground in Guyuan District) 737

Shulga P.I. Dongheigou and Heigouliang Burial Grounds in Northeastern Xinjiang (China) 742

Shulga P.I., Kubarev G.V. Early Medieval Burial near the Bolshaya Tavdinskaya Cave (Northern Altai) 747

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Mikhienko V.A., Chekha A.M. Holocene Archaeological Complexes of Denisova Cave: Data from the 2021 Excavations 754

ETHNOGRAPHY

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Localization of the Tradition of Installing Commemorative Steles among the Kazakh Population of the Omsk Region 763

Baulo A.V. New Evidence on Sacrificial Covers of the Ob Ugrians. 769

Burnakov V.A. The Image of a Horse in the Shamanic Attributes of the Khakas (Late 19th to Mid-20th Century) 775

Burnakov V.A., Burnakov A.A. Sheep in the Traditional Khakas Ritual of the Children's Cycle (Late 19th to Mid-20th Century) 781

Golubkova O.V. Actualization of the Image of Kikimora in Beliefs and Masquerades of the Russians in Western Siberia. 789

Zhigunova M.A. The "Day of Siberia": History and Modernity 795

Ilyina A.A. Learning the Tatar Language in Omsk Region in the 1990s – 2000s. 800

Lyubimova G.V. Cult and Memorial Sites in Rural Landscapes of Western Siberia: Correlation and Collective Memory Issues 806

Lyutsidarskaya A.A. Intention of the Russian State to Expand Its Borders in the East as a Sign of the Assertion of Its Power and Independence 812

Mainicheva A.Yu., Radzyukevich A.V. Proportional-Metrological System and Figurative-Symbolic Structure of Siberian Russian Orthodox Churches in the 19th–21st Centuries: Problem Statement. 816

Nikolaev V.V. Reproduction of the Ethnicity of the Kumandins of Biysk (Based on the Materials of the Ethno-Sociological Survey) 822

Rubleva A.A. Common and Special in the Wedding Customs of the Descendants of Siberian Old-Timers of Pritomye in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2021) 827

Salnikova I.V. Cult Items from the Collections of the Circumpolar Ethnographic Detachment of IAET SB RAS in 2021 833

Samushkina E.V. The Concept of "Intangible Cultural Heritage" in the Republic of Altai 842

Tikhomirova M.N. The History of Expansion of Lake Areas in the Omsk Region by the West Siberian Tatars in the Late 17th – early 21st Century (Based on Lakes Kazatovo and Rakhtovo). 848

Fursova E.F. Metal Clasps of Liturgical Books of Novosibirsk Old-Believers 856

Shitova N.I. Symbolic Expression of the Heavenly Eden Image in the Traditional Culture of the Uimon Old-Believers 861

RESCUE ARCHAEOLOGY

Akimova E.V., Barkov A.V., Razgildeeva I.I., Stasyuk I.V. The Excavations of Afontova Gora IV (Ovrazhnaia, Point II) in Krasnoyarsk, 2021 871

Bogdanov E.S., Timoshchenko A.A., Ivanova A.S. Archaeological Excavations at the *"*Skalnaya*"* burial grounds in 2021 (The Republic of Khakassia) 878

Bogdanov E.S., Ivanova A.S., Timoshchenko A.A. 2021 Excavations of the Tagar Mounds at the Uytag -3 Burial Ground (The Republic of Khakassia). 888

Bogdanov E.S., Timoshchenko A.A. Cultural Palimpsest in the Kurgan No. 5 of the Uytag-3 Burial Ground (Republic of Khakassia) 895

Bychkov D.A., Lurie V.M., Timoshchenko A.A. Bronze Age Assemblage from Yugachi-2 Site (Askiz River Valley, Republic of Khakassia) Results of Archaeological Excavations in 2021 902

Vasileva Yu.A., Dudko A.A. Application of Photogrammetry in Archaeological Research in Siberia (Based on the Results of Work in 2018–2021) 908

Vybornov A.V., Kogai S.A., Kravtsova A.S., Timoshchenko A.A. Archeological Materials of the Tashtyk Culture at the Kazanovka-14 Site in the Askizsk District of the Khakassia Republic. 913

Vybornov A.V., Kravtsova A.S., Timoshchenko A.A. Burials of the Tagar and Tesin Cultures in Kurgan 1 of the Skalnaya-4 Kurgan Burial Ground 921

Vybornov A.V., Nesterova M.S., Timoshchenko A.A. Kurgans of Afanasyevo Culture at the Kazanovka-13 Burial Ground in the Askizskiy District of the Republic of Khakassia 928

German P.V., Leontiev S.N., Ivaschenko S.N., Kalinskaya A.V., Egorchenko S.E., Valkov I.A., Kovzunova P.V., Gorlishkin N.E., Timoshchenko A.A. Cultural and Chronological Assemblages of the Sagayskaya protoka-4 kurgan burial ground (The Askiz District, the Khakassia Republic) 936

Dudko A.A., Vasileva Yu.A. Archaeological Observations in a Section of the Cultural Layer of the City of Tomsk in 2020 945

Dudko A.A., Vasileva Yu.A., Veretennikov A.V. Results of Archaeological Exploration in the Development Zone of the Karachiyaksky Coal Deposit in Novokuznetsk District of Kemerovo Region – Kuzbass in 2021 951

Dudko A.A., Sizyov A.S., Plats I.A., Fedoruk A.S., Vybornov A.V. New Archaeological Sites at the Land Plots Assigned for Development in Novosibirsk Region and Kemerovo Region in 2021 958

Zotkina L.V., Sutugin S.V., Postnikov N.V., Bogdanov E.S., Timoshchenko A.A. Documentation Techniques for Rock Art Imagery in Mound Constructions, the Case of a Single Mound Skalnaya-5 (Askiz District of Khakassia Republic) 966

Kenig A.V., Kimpitskaya A.A., Zaitseva E.A., Zaitsev I.A. Survey of Archaeological Sites in the Lower Ob Region in 2021 974

Nenakhov D.A., Chertykov V.A., Timoshchenko A.A. Organization of the Sacred Space of the Kazanovka-6 Burial Mound 981

Polovnikov I.S., Bychkov D.A. Analysis of Bone Carving Products from the site Yugachi-2 (Askizsky District, Republic Khakassia) 988

Timoshchenko A.A., Bychkov D.A., Markovsky G.I., Akhmetov V.V., Kishkurno M.S. Preliminary Results of Archaeological Excavations at the Yugachi-2 Site in the Askiz River Valley in the Republic of Khakassia in 2021 995

Timoshchenko A.A., Mitko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Davydov R.V., Polovnikov I.S. Preliminary Results of Rescue Excavations of Late Bronze Age Burial Sites at the Burial Grounds of Sagayskaya Protoka 7 and Askiz 17 in the Askiz District of the Republic of Khakassia 1002

Timoshchenko A.A., Mitko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Davydov R.V., Polovnikov I.S. Excavation of the Tagar Barrows at Sagayskaya Protoka 1, 2, 5 and 12 1011

Timoshchenko A.A., Mitko O.A., Morozov A.A., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Frolov Ya.V., Teterin Yu.V., Davydov R.V., Polovnikov I.S. Excavations of the Tesin and Tashtyk Graves at the Sagayskaya Protoka 2, 5 and 8 Burial Yards 1020

Chertykov V.A., Timoshchenko A.A. Studies of Mound Kamyshta Station-1 in 2021 1028

Научное издание

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXVII
2021

Корректоры *А.В. Благовидова*, *М.Н. Петрова*
Технический секретарь *А.С. Кравцова*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 21.12.2021 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 122,3. Уч.-изд. л. 115,3. Тираж 50 экз. Заказ № 546.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru